

Acerca de este libro

Esta es una copia digital de un libro que, durante generaciones, se ha conservado en las estanterías de una biblioteca, hasta que Google ha decidido escanearlo como parte de un proyecto que pretende que sea posible descubrir en línea libros de todo el mundo.

Ha sobrevivido tantos años como para que los derechos de autor hayan expirado y el libro pase a ser de dominio público. El que un libro sea de dominio público significa que nunca ha estado protegido por derechos de autor, o bien que el período legal de estos derechos ya ha expirado. Es posible que una misma obra sea de dominio público en unos países y, sin embargo, no lo sea en otros. Los libros de dominio público son nuestras puertas hacia el pasado, suponen un patrimonio histórico, cultural y de conocimientos que, a menudo, resulta difícil de descubrir.

Todas las anotaciones, marcas y otras señales en los márgenes que estén presentes en el volumen original aparecerán también en este archivo como testimonio del largo viaje que el libro ha recorrido desde el editor hasta la biblioteca y, finalmente, hasta usted.

Normas de uso

Google se enorgullece de poder colaborar con distintas bibliotecas para digitalizar los materiales de dominio público a fin de hacerlos accesibles a todo el mundo. Los libros de dominio público son patrimonio de todos, nosotros somos sus humildes guardianes. No obstante, se trata de un trabajo caro. Por este motivo, y para poder ofrecer este recurso, hemos tomado medidas para evitar que se produzca un abuso por parte de terceros con fines comerciales, y hemos incluido restricciones técnicas sobre las solicitudes automatizadas.

Asimismo, le pedimos que:

- + *Haga un uso exclusivamente no comercial de estos archivos* Hemos diseñado la Búsqueda de libros de Google para el uso de particulares; como tal, le pedimos que utilice estos archivos con fines personales, y no comerciales.
- + *No envíe solicitudes automatizadas* Por favor, no envíe solicitudes automatizadas de ningún tipo al sistema de Google. Si está llevando a cabo una investigación sobre traducción automática, reconocimiento óptico de caracteres u otros campos para los que resulte útil disfrutar de acceso a una gran cantidad de texto, por favor, envíenos un mensaje. Fomentamos el uso de materiales de dominio público con estos propósitos y seguro que podremos ayudarle.
- + *Conserve la atribución* La filigrana de Google que verá en todos los archivos es fundamental para informar a los usuarios sobre este proyecto y ayudarles a encontrar materiales adicionales en la Búsqueda de libros de Google. Por favor, no la elimine.
- + *Manténgase siempre dentro de la legalidad* Sea cual sea el uso que haga de estos materiales, recuerde que es responsable de asegurarse de que todo lo que hace es legal. No dé por sentado que, por el hecho de que una obra se considere de dominio público para los usuarios de los Estados Unidos, lo será también para los usuarios de otros países. La legislación sobre derechos de autor varía de un país a otro, y no podemos facilitar información sobre si está permitido un uso específico de algún libro. Por favor, no suponga que la aparición de un libro en nuestro programa significa que se puede utilizar de igual manera en todo el mundo. La responsabilidad ante la infracción de los derechos de autor puede ser muy grave.

Acerca de la Búsqueda de libros de Google

El objetivo de Google consiste en organizar información procedente de todo el mundo y hacerla accesible y útil de forma universal. El programa de Búsqueda de libros de Google ayuda a los lectores a descubrir los libros de todo el mundo a la vez que ayuda a autores y editores a llegar a nuevas audiencias. Podrá realizar búsquedas en el texto completo de este libro en la web, en la página <http://books.google.com>

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

СТ 190
V 423

STANFORD
LIBRARIES

UNIVERSITY
LIBRARY

MAR 05 2004

Digitized by Google

Типографія Кюгельгенъ, Гличъ и Ко., С.-Петербургъ, Англійскій просп. 28.

Крупное производство въ современной жизни.

Машина составляет незыблемый фундамент крупного производства, вызывающего глубокія измѣненія въ современной жизни. А между тѣмъ машина, какъ орудіе крупнаго производства, — сравнительно новый факторъ въ жизни человѣчества, и факторъ, которому съ трудомъ приходилось пробивать себѣ путь. Не дальше, какъ въ теченіе XVII ст. во всей Европѣ происходили возмущенія противъ такъ называемой ленточной мельницы, простѣйшей машины для тканья тесьмы и галуна; изобрѣтенной въ Германіи. „Антонъ Мюллеръ изъ Данцига,“ — рассказываетъ итальянскій аббатъ Ланцелотти въ сочиненіи, написанномъ въ 1579 г., — „около 50 лѣтъ тому назадъ видѣлъ чрезвычайно искусную машину, приготовляющую одновременно отъ 4 до 6 тканей; но городской совѣтъ, — имѣя въ виду, что это открытіе можетъ обратить массу рабочихъ въ нищихъ, — запретилъ вводить ее въ употребленіе, а самого изобрѣтателя велѣлъ тайно удушить или утопить“... Вотъ какого рода факты открываютъ исторію современнаго крупнаго производства... И число такихъ фактовъ можно увеличить въ значительныхъ размѣрахъ. „Въ 1629 году“, — читаемъ мы у Маркса („Капиталъ“, т. I), — „такая же машина была въ первый разъ употреблена въ Лейденѣ. Возставшіе ткачи требовали сперва у магистрата запрещенія ея: различными постановленіями генеральныхъ штатовъ 1623, 1639 и др. годовъ, пользованіе ею было ограничено, но потомъ постановленіемъ 15 декабря 1661 г. было допущено съ извѣстными ограниченіями“. „Около 20 лѣтъ тому назадъ“, говоритъ Vohhorn („Inst. Pol. 1663“) „въ этомъ городѣ былъ изобрѣтенъ ткацкій станокъ, помощью котораго одинъ работникъ могъ приготовлять ткани и въ большемъ количествѣ, и съ большею легкостью, чѣмъ въ одинаковое время нѣсколько другихъ, не употреблявшихъ станка. Однако, здѣсь, вслѣдствіе возникшихъ жалобъ и неудовольствій, наконецъ, и самое употребленіе станка было запрещено магистратомъ“. Эта же самая машина была въ 1676 г. запрещена въ Кельнѣ, между тѣмъ, какъ введеніе ея въ Англіи произвело волненіе между рабочими. Императорскимъ эдиктомъ 19 февраля 1685 г. употребленіе ея было запрещено во всей Германіи. Въ Гамбургѣ она была публично сожжена по приказанію магистрата. 9-го февраля 1719 года Карлъ VI подтвердилъ эдиктъ 1685 г. Въ курфюршествѣ саксонскомъ въ первый разъ она была допущена къ употребленію только въ 1765 г. Машина эта, — которая произвела столько шума, — въ дѣйствительности, была предшественницей прядильныхъ и ткацкихъ машинъ, т. е. промышленной революціи XVIII столѣтія. При

ней занимались совершенно неопытные въ ткацкомъ искусствѣ юноши, которые, двигая туда и сюда стержнемъ, приводили въ движеніе весь станокъ, со всѣми его челноками, и приготовляли одновременно до 40 и 50 кусковъ ткани. — Вѣтряная лѣсопильная мельница, построенная однимъ голландцемъ близъ Лондона, въ концѣ первой трети XVII-го столѣтія, была разрушена народомъ. Даже въ началѣ XVIII-го столѣтія лѣсопильныя машины, приводимыя въ движеніе водой, только съ трудомъ преодолѣли въ Англіи народное противодѣйствіе, поддерживаемое парламентомъ. Когда Everet построилъ, въ 1758 г., первую стригальную машину, приводимую въ движеніе водой, то 100.000 человекъ, которые лишились заработка вслѣдствіе введенія этой машины, подожгли ее. Противъ чesальной машины Аркрайта протестовали передъ парламентомъ 50.000 рабочихъ, которые до сихъ поръ жили расчесываніемъ шерсти. Громадное разрушеніе машинъ въ англійскихъ мануфактурныхъ округахъ, въ теченіе первыхъ 15-ти лѣтъ XIX столѣтія, извѣстное подъ названіемъ Luddit'скаго движенія, — именно, вслѣдствіе введенія въ употребленіе механическаго ткацкаго станка, — дало предлогъ для крайне реакціонныхъ мѣръ антиякобинскаго министерства... И исторія промышленности показываетъ, что эта злорабочихъ противъ новаго фактора, къ которому жизнь не могла приспособиться сразу, была законной злобой, такъ какъ онъ обрекалъ рабочія массы на неслыханныя страданія. Для характеристики того положенія, которое создавалось часто вторженіемъ машины въ ту или другую область производства, достаточно процитировать слѣдующія слова изъ донесенія Остѣ-Индскаго генераль-губернатора въ 1835 г. по поводу остраго кризиса, вызваннаго введеніемъ въ Остѣ-Индію хлопчатобумажныхъ машинъ. „Такія бѣдствія“, — писалъ онъ, — „едва ли бывали когда-нибудь въ исторіи торговли. Равнины Индіи бѣлѣютъ костями ткачей хлопчатой бумаги“...

Но все это факты уже окончательнаго изжитаго періода. Машина, а вмѣстѣ съ нею и крупное производство, сдѣлались неизбѣжными факторами современной дѣйствительности. Вопросъ идетъ уже не о борьбѣ противъ машины, а противъ той эксплуатаціи, которую капиталисты практикуютъ по отношенію къ рабочему классу при помощи машины. Было время, когда прогрессъ крупнаго производства рисовался въ мрачныхъ и безнадежныхъ краскахъ. Стоить вспомнить хотя бы о „желѣзномъ законѣ заработной платы“, который утверждалъ, что рабочій никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ получать больше такой заработной платы, при которой онъ обреченъ на полуголодное существованіе. Однако, борьба профессиональных рабочихъ организацій упорно ведетъ къ повышенію уровня жизни рабочихъ и тѣмъ нарушаетъ требованія „желѣзнаго закона заработной платы“, внушавшаго работодателямъ увѣренность въ справедливости своей эксплуатаціи, а рабочимъ — отчаяніе въ безвыходности положенія. Точно такъ же и другія стороны крупнаго производства позволяютъ думать, что тѣ злоупотребленія, которыя практикуются работодателями, диктуются въ той или другой степени алчностью предпринимателей, а не являються непремѣннымъ условіемъ машиннаго производства. Такимъ образомъ, натискъ общественныхъ силъ, — будетъ ли онъ дѣйствовать черезъ профессиональные союзы или черезъ законодательный аппаратъ, — можетъ отвоевать въ пользу эксплуатируемыхъ массъ уже теперь значительныя уступки, которыя позволяютъ рабочему классу окрѣпнуть и почерпнуть новыя силы для дальнѣйшей борьбы. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ моментовъ, особенно важныхъ въ исторіи отношеній рабочаго къ машинѣ.

Машина сокращает число занятых рукъ и такимъ образомъ увеличиваетъ кадры безработныхъ, — таково основное обвиненіе противъ машиннаго производства. Но таково дѣйствіе машины — лишь временное, и когда общественный организмъ лучше приспособится къ поступательному движенію культуры, онъ сумѣетъ устранить всѣ тѣ временныя заминки, которыя создаются проникновеніемъ машины въ новыя области производства. Но если не считать этихъ временныхъ заминокъ, то въ общемъ машина, наоборотъ, открываетъ доступъ къ производству все большимъ и большимъ кадрамъ рабочихъ. Возьмемъ хотя бы область транспорта. Желѣзная дорога во многихъ мѣстахъ совершенно убila старые извозные промыслы, но вмѣсто нихъ она предложила населенію огромное количество новыхъ промысловъ и занятій по устройству и охранѣ желѣзнодорожнаго пути, по изготовленію локомотивовъ и вагоновъ, по доставкѣ товаровъ и перевозкѣ пассажировъ и т. д. То же самое мы находимъ и въ другихъ областяхъ промышленной дѣятельности. Особенно ярко можно прослѣдить эту тенденцію, если разсмотрѣть общія цифры, характерныя для рабочаго класса, по отдѣльнымъ странамъ. Въ Бельгіи, напр., число рабочихъ въ индустріи за 50 л. (1846—1896 г.) увеличилось на 156%, тогда какъ населеніе возросло лишь на 53%. Въ Германіи за 13 лѣтъ (1882—1895 г.) число рабочихъ увеличилось на 39%, тогда какъ населеніе — лишь на 14%. Подобное же утвержденіе, какъ показываютъ статистическія вычисленія знаменитаго французскаго статистика Левассера („Salariat et Salaires“), справедливо относительно и Франціи и Великобританіи, при чемъ во всѣхъ этихъ странахъ мы видимъ быстрый ростъ машиннаго производства. Такимъ образомъ, первое обвиненіе противъ организациі крупнаго производства въ безусловной формѣ не можетъ быть принято, и тѣ страданія, которыя выпадаютъ на долю рабочихъ при введеніи машиннаго производства, обусловливаются въ большей степени недостатками общественной организациі, чѣмъ свойствами крупнаго производства.

Въ одномъ только случаѣ высказанное обвиненіе относительно сокращенія числа рабочихъ рукъ, благодаря машинамъ, — справедливо. Это — область земледѣлія. Здѣсь, дѣйствительно, машина сокращаетъ спросъ на рабочія руки, — и статистика показываетъ уменьшеніе числа батраковъ параллельно увеличенію числа машинъ. Но и здѣсь, какъ доказываетъ Кропоткинъ („Земледѣліе, промышленность и ремесла“), вина ложится не столько на самую машину, сколько на современные способы владѣнія и пользованія землей. Какъ доказываетъ только что упомянутый авторъ, земля при рациональномъ примѣненіи машинъ способна ещё до удивительныхъ размѣровъ увеличить свою емкость и дать неизмѣримо болѣе щедрое пропитаніе гораздо большому населенію, чѣмъ теперь, открывая тѣмъ огромную область примѣненія труда.

Слѣдующее обвиненіе, которое выдвигается противъ машины — это то, что она усиленно вытягиваетъ въ кругъ фабричнаго и заводскаго производства огромное количество дѣтей и женщинъ, трудомъ которыхъ она замѣняетъ трудъ мужчинъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ обвиненіе это справедливо, но въ общемъ оно едва ли теперь можетъ выдерживать критику. Прежде всего, примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда въ промышленности въ широкихъ размѣрахъ практиковалось и въ производствахъ стараго типа. По замѣчанію Левассера, все ткацкое и прядильное дѣло было когда-то на рукахъ женщинъ и дѣвушекъ, трудъ которыхъ оплачивался очень низко и былъ не менѣе утомительнымъ,

тѣмъ теперь, хотя производство и носило чисто домашній характеръ. Вторыхъ, статистическія данныя прямо опровергають справедливость этого утвержденія, сдѣланнаго прежними экономистами въ то время, когда цифровыя данныя, касающіяся промышленности, не были еще въ достаточной степени разработанными. Но вотъ, что говорятъ намъ цифры, взятая изъ американской жизни, отличающейся широкимъ размахомъ крупнаго производства. Въ Соединенныхъ Штатахъ по переписи 1850 г. на 1 женщину въ промышленности приходилось 3,2 мужч., въ 1860 г. — 3,8, въ 1870 — 5, въ 1880 г. — 3,8; 90 — 4,1, въ 1900 — 4. При этомъ нужно замѣтить, что замужнія женщины рѣдко работаютъ на американскихъ фабрикахъ и заводахъ, такъ какъ заработка мужа тамъ достаточно, чтобы безбѣдно содержать всю семью. Въ Бельгіи женщины въ индустріи (домашнее производство не принято въ расчетъ) составляли въ 1880 г. — 27,9%, въ 1890 г. — 24,4%, въ 1900 г. — 23,6%; въ Швейцаріи въ 1888 г. — 45,8%, въ 1895 г. — 40,5%, въ 1900 г. — 31,8%. Правда, рабочая статистика Франціи и Германіи представляетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе, такъ какъ обнаруживаетъ болѣе быстрое наростаніе женскаго труда по сравненію съ приростомъ мужского труда. Но болѣе тщательный анализъ цифръ показываетъ, что это явленіе должно быть объяснено исключительно только тѣмъ, что за это время въ указанныхъ странахъ съ необычайной силой развились чисто женскіе промыслы (напр., вышиванье, шитье бѣлья и т. п.), въ которыхъ женщина имѣла преобладающее значеніе. Точно такъ же и дѣтскій трудъ, это одно изъ величайшихъ золъ фабричнаго производства, не можетъ быть признанъ неизбѣжнымъ условіемъ крупнаго машиннаго производства. Въ Соединенныхъ Штатахъ, напр., число дѣтей, занятыхъ въ промышленности, въ 1880 г. составляло 6,7% всѣхъ рабочихъ, а въ 1900 г. — 3,8%. Въ Бельгіи число дѣтей, занятыхъ въ промышленности, въ 1846 г. равнялось 66.000, а въ 1880 — 63.000, хотя за это время крупная промышленность въ Бельгіи сдѣлала огромные успѣхи.

Весьма сложнымъ и запутаннымъ является вопросъ о томъ, насколько измѣнилась заработная плата въ пользу рабочаго. Мы не можемъ приводить здѣсь всѣхъ тѣхъ соображеній, которыя были высказаны Левассеромъ (въ указанномъ выше произведеніи) по этому поводу. Достаточно будетъ сказать, что, по мнѣнію этого опытнаго статистика, заработная плата въ индустріи замѣтно увеличилась въ большинствѣ отраслей ея. Не менѣе рѣшительно протестуетъ Левассеръ противъ того, что работа при машинѣ убиваетъ въ работникѣ его умственные способности. Онъ указываетъ на то, что работа при машинѣ прежде всего требуетъ усиленнаго вниманія, т. е. развиваетъ одну изъ самыхъ цѣнныхъ сторонъ нашей духовной жизни. Съ другой стороны, для хорошей и успѣшной работы необходимо обстоятельное знакомство съ устройствомъ сложныхъ механизмовъ, а это, конечно, должно отражаться самымъ развивающимъ образомъ на умѣ рабочаго. Вотъ почему американскіе рабочіе во многихъ производствахъ выдѣляются своей интеллигентностью.

На этомъ мы и окончимъ свою замѣтку о вліяніи машины на рабочаго. Намъ остается объяснить, почему именно мы нашли полезнымъ предпослать ее біографіямъ нѣсколькихъ великихъ изобрѣтателей и организаторовъ крупной промышленности. Значеніе крупной промышленности для потребленія широкихъ народныхъ массъ и для устраненія огромныхъ техническихъ трудностей очевидно для cadaго. Но темной стороной крупной промышленности является та безграничная эксплоа-

тація, которая при помощи машинъ устанавливается предпринимателями по отношенію къ рабочимъ массамъ. Это зло такъ велико, что у многихъ является невольно вопросъ: искупаются ли всѣ тѣ преимущества, которыя крупная промышленность несетъ обществу, тѣмъ зломъ, какое она ему причиняетъ (вспомнимъ, хотя бы интересныя размышленія по этому вопросу Л. Н. Толстого). Намъ хотѣлось здѣсь только напомнить, что все то зло, которое крупное производство вноситъ въ рабочія массы, не представляется неизбѣжнымъ, даже въ нынѣшнихъ несовершенныхъ условіяхъ общественной жизни; эти недостатки, главнымъ образомъ, подъ напоромъ организованныхъ рабочихъ массъ, — смягчаются, а отчасти устраняются. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи къ намъ все ближе и ближе надвигается время, когда крупная промышленность, воспользовавшись всѣмъ опытомъ предшествующихъ вѣковъ, сумѣетъ при новыхъ общественныхъ основаніяхъ устранить все, что ломаетъ и убиваетъ душу и тѣло рабочаго, и усовершенствовать все то, что поднимаетъ общество на новую ступень культуры. Тогда-то съ особенной благодарностью вспомнить человѣчество всѣхъ, кто въ достаточной степени поработалъ надъ проложеніемъ новыхъ путей въ области крупнаго производства и отпустить имъ часто большія ихъ — вольныя и невольныя прегрѣшенія.

Изъ людей, оставившихъ въ исторіи крупной промышленности замѣтный слѣдъ, мы взяли здѣсь три типа, наиболѣе рельефно характеризующихъ данную среду: 1) типъ скромнаго работника, великимъ изобрѣтеніемъ котораго пользуется весь міръ и которому самому не пришлось вкусить отъ плодовъ своего труда (Гутенбергъ); 2) типъ безжалостнаго хищника съ яснымъ умомъ и твердой волей, создавшаго на костяхъ тысячъ организованныхъ имъ въ подневольномъ трудѣ людей колоссальныя богатства и заставившаго своей планомѣрной и настойчивой работой проснуться цѣлый край (Никита и Акинѣй Демидовы); 3) типъ просвѣтленнаго ученаго и идеалиста, ищущаго для человѣчества въ крупной промышленности новыхъ культурныхъ путей и понимающаго, какую огромную отвѣтственность налагаютъ на него передъ обществомъ нажитыя имъ богатства (Альфредъ Нобель).

Іоганъ Гутенбергъ.

Іоганъ Гутенбергъ.

(1396—1468).

Біографическія свѣдѣнія объ одномъ изъ величайшихъ благодѣтелей рода человѣческаго, Іоганъ Генсфлейшъ Гутенбергъ, изобрѣтатель книгопечатанія, необычайно скудны. О дѣтскихъ и юношескихъ годахъ его почти ничего не извѣстно. Извѣстно, что онъ родился въ нѣмецкомъ городѣ Майнцѣ и по своему рожденію принадлежалъ къ зажиточной и знатной семьѣ. Судя по его происхожденію, онъ долженъ былъ въ дѣт-получить обычное школьное образованіе.

Бетховенъ въ 1817 (1818) году.—Портретъ работы А. фонъ Клебэра.

Майнцъ имѣлъ самоуправленіе, но власть принадлежала, главнымъ образомъ, патриціямъ, т. е. стариннымъ и знатымъ дворянскимъ родамъ. Какъ и вездѣ, народъ былъ недоволенъ этимъ дворянскимъ управленіемъ, которое было полно всякаго рода злоупотребленій. Горожане, т. е. купцы и ремесленники, не разъ возставали противъ дворянскаго господства; наконецъ, въ началѣ XV вѣка дворянскія злоупотребленія вызвали въ Майнцѣ настоящую революцію, при которой многіе дома патриціевъ были разрушены и разграблены. При этомъ погромѣ Гутенбергъ потерялъ все свое состояніе и долженъ былъ бѣжать изъ родного города. Югану Гутенбергу минуло 20 лѣтъ, когда съ его семьей случилось это несчастье; семья его тогда уѣхала въ Страсбургъ, гдѣ и провела рядъ лѣтъ.

Объединившему Гутенбергу пришлось измѣнить старому патриціанскому обыкновенію относиться съ пренебреженіемъ ко всякому ручному труду, и онъ сталъ искать себѣ заработка въ какомъ-нибудь ремеслѣ. На первое время онъ занялся ювелирнымъ дѣломъ и вошелъ въ компанію со страсбургскими ювелирами, занимавшимися шлифовкой зеркалъ, что было тогда сложнымъ и труднымъ искусствомъ.

Домъ „Чернаго быка“, въ которомъ жилъ Гутенбергъ въ Майнцѣ.

Юганъ Гутенбергъ.

Но пытливый умъ Гутенберга не могъ удовлетвориться однимъ трудомъ по добыванію средствъ. Онъ, повидимому, довольно рано сталъ задумываться надъ различными способами, какъ усовершенствовать свое дѣло. Насколько удачны были эти первые шаги въ области самостоятельныхъ изобрѣтеній у Гутенберга, сказать трудно. Извѣстно только, что въ 1435 году Юганъ Гутенбергъ заключилъ съ нѣкимъ Дрицекомъ контрактъ относительно „тайнаго искусства“, открытаго Гутенбергомъ.

Страсбургская компанія по шлифовкѣ зеркалъ занималась также и изготовленіемъ рамъ для зеркалъ. Эти рамы часто были украшены рисунками, которые выдавливались на нихъ при помощи тисненія. Такимъ

образомъ, Гутенбергу довольно много приходилось вращаться въ области, близкой къ типографскому дѣлу. Одно время, когда случилась заминка

Гутенбергъ и его первый печатный станокъ.

въ сбытъ зеркаль, компанія занялась даже усиленно вопросом о простѣйшемъ способѣ печатанія книгъ, такъ какъ рукописи цѣнились очень высоко и печатаніе книгъ могло дать большіе барыши. Компаньоны много думали, какъ бы упростить „голландскія доски“, на которыхъ выпуклыми буквами вырѣзался текстъ книгъ. При голландскихъ доскахъ, такимъ образомъ, каждой страницѣ соответствовала отдѣльная доска. Вышло крайне дорого и неудобно, такъ какъ сдѣланную рѣзчикомъ ошибку было трудно исправить. Но сколько компаньоны ни думали о предстоящихъ измѣненіяхъ въ тисненіи текста, никто изъ нихъ, кромѣ Гутенберга, ничего выдумать

Гутенбергъ покидаетъ Страсбургъ съ остатками своей типографіи.

не жогъ. А Гутенбергу пришла, действительно, гениальная, но въ высшей степени простая мысль. Онь сообразилъ, что имѣло бы смыслъ вырѣзать весь текстъ на сплошной доскѣ, можно вырѣзать на столбикахъ отдѣльныя буквы для того, чтобы составлять изъ нихъ этотъ текстъ. „Въ Страсбургѣ“, — рисуетъ намъ картину этого новаго изобрѣтенія А. А. Бахтиаровъ („Гутенбергъ, его жизнь въ связи съ исторіей книгопечатанія“), — „Гутенбергъ жилъ въ одномъ затворенномъ монастырѣ, на рѣкѣ Мзъ. Здѣсь была его рабочая комната. Прогонъ тишина. Никто не мѣшалъ Гутенбергу предаваться своей аинственной идее... Гутенбергъ — одинъ въ своей комнатѣ. У него уже нафараны изъ дерева маленькія деревянныя плитки или столбики, отъяло, сколько

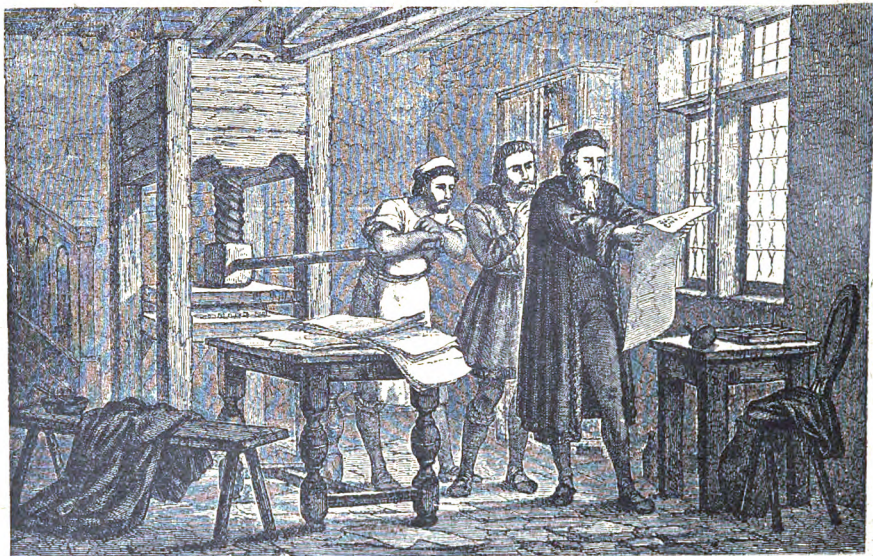

Факсимиле изъ Библии Гутенберга.

было букв въ алфавитѣ: въ плитки — одинаковой величины. На каждой плиткѣ онъ вырѣзалъ въ обратномъ видѣ выемку, разнѣнную букву, начиная съ буквы А, потомъ въ столбикъ ставить рядкомъ, одинъ востѣ другого — такъ, чтобы буквы прихлѣпались, навѣрху и низу бы въ одну линію, а сбоку къ каждому столбикѣ прихлѣпались, навѣрху и низу. Въ эти выемки вставлялись онъ нитку и ниткой платки прижалъ одну плитку къ другой нитка не должна была замѣдлѣть

[illegible]

Но деревянный набор вскорѣ обнаружилъ всю свою несостоятельность: деревянные литеры быстро коробились, трескались, ломались. Вполнѣ выяснилось, что для сколько-нибудь значительной печатной работы деревянные литеры совершенно не годятся. Надо было отлить литеры изъ какого-нибудь сплава. Но изъ какого? Это могъ показать одинъ только опытъ. А на опыты нужны деньги. Началась обычная исторія, когда геній закабляется въ цѣпкія руки предпринимателя-капиталиста. Въ Страсбургѣ Гутенбергу достать денегъ не удалось, и онъ перебрался въ 1445 г. снова въ Майнцъ, гдѣ надѣялся раздобыть необходимыя суммы при помощи родственниковъ. Но прошло еще пять лѣтъ, прежде чѣмъ Гутенбергъ встрѣтилъ богатаго человѣка, согласившагося ссудить ему необходимую сумму денегъ. Впрочемъ, и сумма то эта всего на всего

Гутенбергъ разсматриваетъ первый отпечатанный листъ Вибліи.

равнялась 800 гульденамъ. Конечно, „благодѣтель“ деньги далъ на „хорошее“ дѣло не даромъ, а подъ солидные проценты (6%). Кромѣ того, Иванъ Фустъ, такъ звали этого капиталиста, обѣщалъ давать на разныя нужды типографіи по 300 гульденовъ ежегодно. Конечно, Фустъ выговорилъ себѣ право потребовать отъ Гутенберга всѣ одолженныя Гутенбергу деньги, въ случаѣ какихъ-либо разногласій между „товарищами“ этого предпріятія.

Дѣло на первое время пошло у Гутенберга очень медленно. Въ декабрѣ 1452 г. Гутенбергу снова пришлось занять у Фуста (или Фауста, какъ его еще называли) 800 гульденовъ, при чемъ этотъ послѣдній потребовалъ, чтобы залогомъ за эту сумму послужилъ станокъ и всѣ матеріалы для печатанія. Доходы же отнынѣ должны были дѣлиться пополамъ.

Первой книгой, увидѣвшей свѣтъ на печатномъ станкѣ, была латинская грамматика Элія Доната. Слѣдующимъ значительнымъ заказомъ въ типографіи Гутенберга были „квитанціи на будущее блаженство“,

т. е. индульгенціи, которыми съ успѣхомъ въ то время торговалъ папа Николай V. Эти индульгенціи, которыми за извѣстную плату дѣлались отпущенія грѣховъ, имѣли всѣ одинъ и тотъ же текстъ, и въ нихъ были оставлены только пустыя мѣста для заполнения имени жертвователя и отпускаемыхъ грѣховъ.

Грамматика Доната и папскія индульгенціи показали Гутенбергу, что онъ со своими изобрѣтеніями вышелъ на прочный путь, и онъ рѣшилъ тогда перейти къ выполнению своей завѣтной мечты — напечатанію Библіи. Этотъ колоссальный для того времени трудъ былъ законченъ въ пять лѣтъ. „24 августа 1455 года, рассказываетъ г. Бахтіаровъ, — „знаменитая книга была окончена печатаніемъ. Это — двухтомный фоліантъ, въ первомъ томѣ имѣющій 324 листа, во второмъ 317 листовъ, всего 641 листъ въ два столбца. Каждая страница содержитъ въ себѣ 42 строки, отчего она и называется „сорока-двухъ строчною“, или Гутенберговою Библиею. Печатныя заглавныя буквы отсутствуютъ; для нихъ оставлены пробѣлы, чтобы искусный каллиграфъ нарисовалъ ихъ отъ руки. Нумерація страницъ также отсутствуетъ. Эта любопытная книга сохранилась только въ 16 экземплярахъ: 7 — на пергаментѣ и 9 — на бумагѣ. По странной игрѣ случая, въ Майнцѣ не осталось ни одного экземпляра. Почти всѣ они находятся въ Англіи и во Франціи. Въ настоящее время цѣна ихъ возросла до баснословныхъ размѣровъ. Напримѣръ, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1884 года въ Лондонѣ происходила продажа знаменитой библіотеки Систа, гдѣ въ числѣ другихъ рѣдкостей находилась первая Библия. Эта Библия была продана съ аукціона за 3900 фунтовъ стерлинговъ, что на наши деньги составляетъ около 39.000 руб.!”

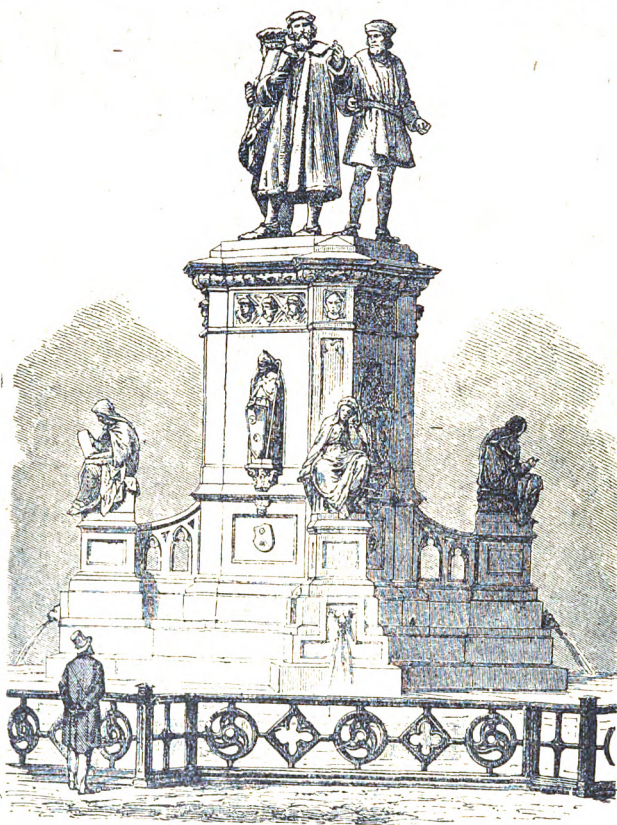
Къ концу печатанія Библіи къ товариществу присоединился нѣкто Шефферъ. Это былъ, повидимому, очень способный человѣкъ. Сначала онъ занимался юриспруденціей, а затѣмъ перешелъ въ Парижъ, гдѣ быстро приобрѣлъ извѣстность, какъ хороший раскрашиватель и рисовальщикъ заглавныхъ буквъ. Благодаря указаніямъ Шеффера, Гутенбергу удалось ввести существенныя улучшенія въ типографскій шрифтъ. Вскорѣ Шефферъ женился на дочери Фуста, и милые родственники рѣшили отдѣлаться въ „своемъ“ дѣлѣ отъ посторонняго человѣка, гениальнымъ изобрѣтеніемъ котораго они захотѣли воспользоваться для своего обогащенія. Фустъ подалъ въ судъ и потребовалъ съ Гутенберга уплаты болѣе 2000 гульденовъ. Судъ призналъ несостоятельность Гутенберга и

Памятникъ Гутенберга въ Страсбургѣ.

обязалъ возвратить весь матеріалъ и инструменты Фусту. Это было полное разореніе для Гутенберга...

Вскорѣ, однако, Гутенбергу удалось найти новаго денежнаго компаньона, и онъ снова приступилъ къ издательству сначала брошюръ, а потомъ и книгъ. Но, опасаясь преслѣдованія кредиторовъ, Гутенбергъ теперь уже не выставлялъ своего имени на книгахъ своего изданія.

Памятникъ Гутенбергу, Шефферу и Фусту въ Франк-
фуртѣ на Майнѣ.

Благодаря этому, самое имя великаго изобрѣтателя утерялось бы для потомства, если бы Шефферъ не сдѣлалъ на одной изъ книгъ своего изданія слѣдующей надписи: „въ 1450 г. въ Майнцѣ изобрѣтено талантливѣмъ Гутенбергомъ удивительное типографское искусство, которое въ послѣдствіи было улучшено и распространено въ потомствѣ трудами Фуста и Шеффера“...

Послѣдніе годы жизни Гутенбергъ провелъ въ достаткѣ и довольствѣ. Съ 1465 г. онъ былъ принятъ на „вѣчную“ службу къ курфюрсту Адольфу Нассаускому, завладѣвшему Майнцемъ путемъ кроваваго штурма, во время котораго погибъ быв-

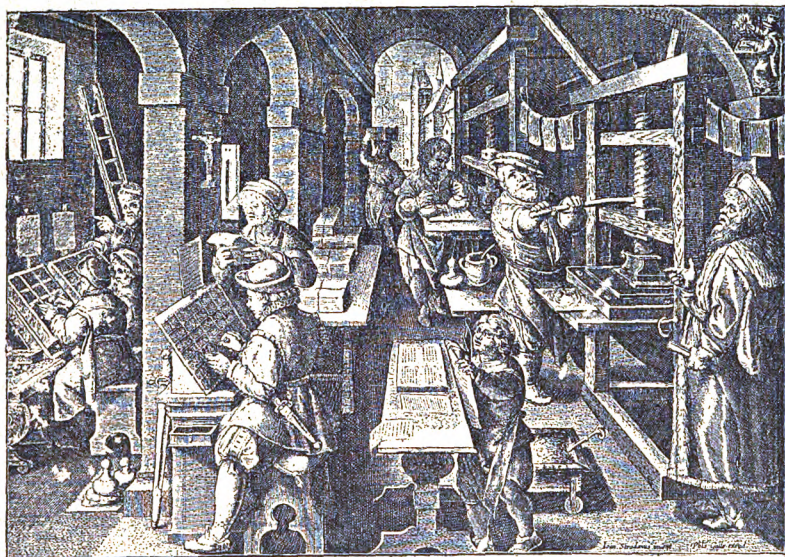
шій компаньонъ Гутенберга Шефферъ. Гутенбергъ уже до конца своей жизни оставался въ должности камергера курфюрства. Въ этой должности онъ получалъ ежегодно 20 четвериковъ муки, 2 бочки вина и придворную одежду.

Умеръ Гутенбергъ въ 1468 г. и былъ похороненъ въ Майнцѣ, на кладбищѣ доминиканскаго монастыря, но могила его все таки утеряна для потомства.

Въ Майнцѣ, Страсбургѣ и Франкфуртѣ на Майнѣ Гутенбергу воздвигнуты памятники. Послѣдній изъ этихъ памятниковъ отличается особеннымъ богатствомъ и оригинальностью. „Гутенбергъ со своими сотрудниками Фустомъ и Шефферомъ изображенъ во весь ростъ, въ лѣвой рукѣ у него — отлитая для печатанія литера. Въ медальонахъ, — въ подножіи памятника, — портреты знаменитыхъ лучшихъ типографовъ до

нашего вѣка включительно и гербы четырехъ городовъ, гдѣ прежде всего процвѣтало книгопечатаніе: Страсбурга, Майнца, Франкфурта и Венеціи. Четыре аллегорическія фигуры женщины изображаютъ: богословіе, естествознаніе, искусство и промышленность. По угламъ монумента бьетъ вода — изъ ртовъ четырехъ животныхъ, между которыми быкъ знаменуетъ Европу, слонъ — Азію, левъ — Африку и лама — Америку“...

Дальнѣйшее распространеніе книгопечатанія послѣ смерти Гутенберга шло слѣдующимъ образомъ.

Типографія 16-го столѣтія.

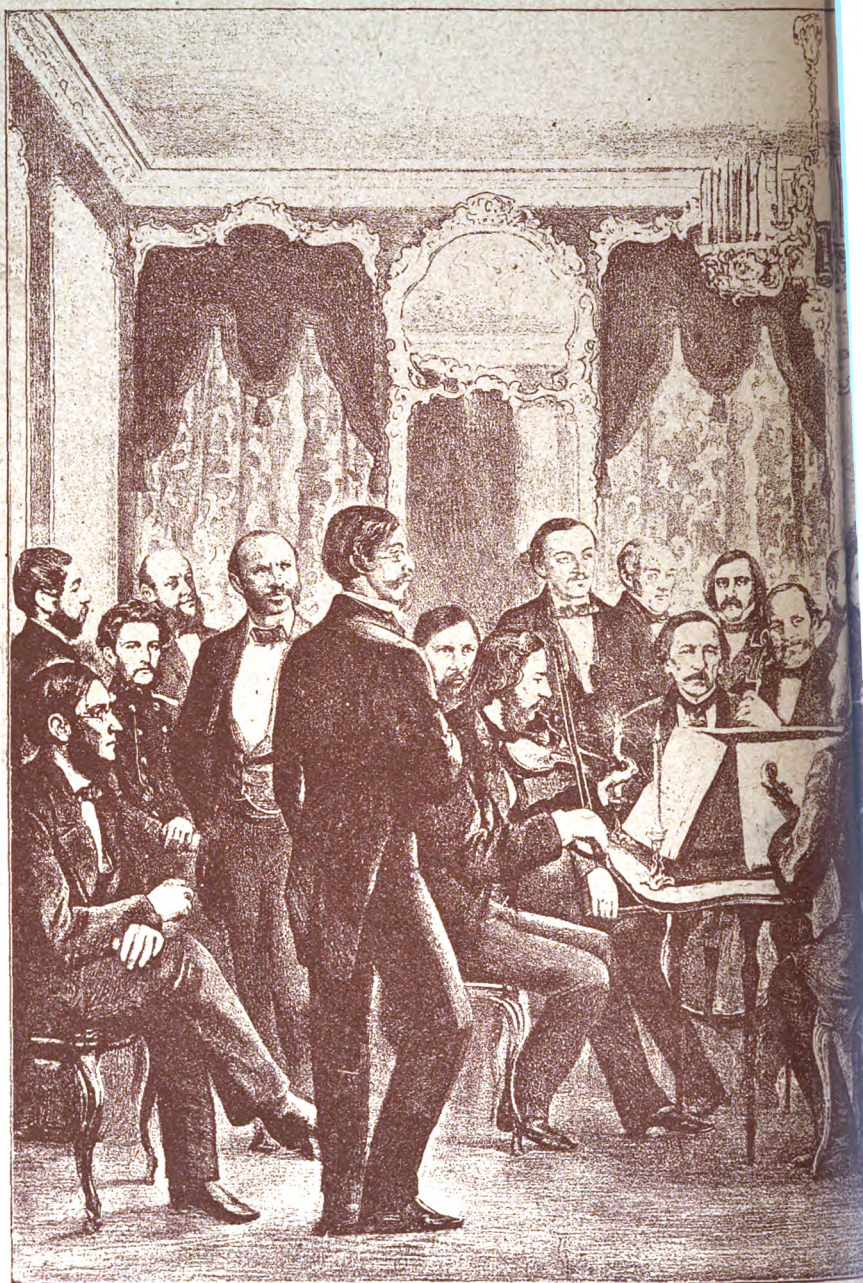
„Въ 1462 г.“, — рассказываетъ г. Кизеветтеръ, — „городъ Майнцъ сдѣлался жертвой междоусобной войны. Масса гражданъ была осуждена на изгнаніе и въ томъ числѣ многіе рабочіе майнцскихъ типографій. Они разошлись по разнымъ сторонамъ и повсюду разнесли образцы своего искусства. Въ 70-годахъ XV вѣка типографіи появились уже во многихъ городахъ Германіи, Франціи, Голландіи, Италіи. Московская Русь долго оставалась въ сторонѣ отъ этого движенія. Книгопечатаніе пришло сюда не прямо съ Запада, а далекимъ окружнымъ путемъ, черезъ Италію. Венеція — вотъ городъ, который явился передаточнымъ пунктомъ между западной и восточной Европой въ дѣлѣ распространенія книгопечатанія. Первая типографія основалась въ Венеціи въ 1469 г., а черезъ 10 лѣтъ здѣсь работало уже 150 типографій, которыя вмѣстѣ выпустили за это десятилѣтіе болѣе 3000 сочиненій, составившихъ около 2 милліоновъ томовъ. На ряду съ Библійю здѣсь выходили изящныя изданія латинскихъ классиковъ, а съ 90-хъ годовъ знаменитый венеціанскій издатель Альдъ Мунцій наводняетъ книжный рынокъ Европы цѣлыми массами греческихъ книгъ, начиная съ собранія сочиненій Аристотеля. Живымъ ключемъ било въ Венеціи книгоиздательское дѣло, принимавшее поистинѣ грандіозные размѣры. Отсюда, изъ Венеціи, печатный станокъ началъ мало-по-малу проникать въ славянскія земли. Въ 90-хъ годахъ

XV вѣка іеромонахъ Макарій привезъ эту новинку изъ Венеціи въ столицу Черногоріи Цетинье. Лѣтъ черезъ десять встрѣчаемъ того же Макарія въ Валахїи все въ той же роли распространителя книгопечатанія.

„Вліяніе Венеціи достигло затѣмъ Сербїи и Чехїи, но здѣсь зародыши книгопечатнаго дѣла скоро были убиты неблагоприятнымъ теченіемъ мрачныхъ историческихъ событій... Въ 20 хъ годахъ XVI вѣка распространеніе книгопечатанія захватило и юго-западную Русь“...

Съ какими затрудненіями встрѣчалось распространеніе книгопечатанія въ Западной Европѣ того времени, видно хотя бы изъ слѣдующаго факта. Фустъ, человекъ, повидимому, очень жадный, сильно наживался на продажѣ Библіи въ Парижѣ. Чтобы обезпечить за собой монополію книгопечатанія, онъ окружалъ свое дѣло возможно полной таинственностью. Онъ заставлялъ своихъ рабочихъ клясться на Евангеліи въ томъ, что они никому не проболтаются о тайнѣ его производства. Мастерскія его помѣщались въ темныхъ подвалахъ, куда рабочихъ запирали въ то время, когда происходило печатаніе книгъ. Все это окружало первый печатный станокъ необычайной таинственностью, хотя въ то же время приносило Фусту большіе барыши. Эти темные слухи о таинственномъ станкѣ и тупость католическихъ монаховъ того времени привели къ тому, что Фустъ былъ арестованъ въ Парижѣ. Ему было предъявлено обвиненіе въ волхвованіи, такъ какъ монахи не могли допустить, чтобы безъ помощи нечистой силы изъ одной рукописи можно было получить такое количество экземпляровъ. Фусту грозило сожженіе на кострѣ, но онъ не дождался этой ужасной казни и умеръ въ тюрьмѣ въ 1465 году.

и въ
о же
печата
всь за
тъ сн
КVI в
...
ногоше
ующе
живае
нопом
инстве
ъ том
терех
въ т
тервы
вре
нном
тому
обви
безъ
такое
ь не

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14
 1. Пьянство Мартыновъ. 2. Дмитрий Васильевичъ Кампанъ (управляющій И. Р. М. О.). 3. Докторъ Иосифъ Антоновичъ Рубинштейнъ. 4. Александръ
 5. Пьянство Сантаисъ. 13. Дробинъ. 14. Ф. Бенингъ. 15. Николъ. Смаргадъ. Шустовъ (офицеръ). 16. Н. Гр. Рубинштейнъ. 17. Вейкманъ. 18. Пьянство
 И. Р. М. О.) 23. А. Гр. Рубинштейнъ (основатель И. Р. М. О.). 24. И. Д. Петерсенъ. 25. Роб. Либрехтъ. 26. Г. Г. Броссъ. 27. Пьянство Ш.
 33. Ген. Скордунъ. 34. Лавинусъ.

А. Г. Рубинштейнъ среди музыкантовъ и музыкальных дѣятелей въ
 рованнаго А.

16 18 19 21 22 24 25 26 27 28 29 31 32 33 34
 17 20 23 30
 1. Давидъ Смаргадовичъ Шустовъ, 2. Шпанскъ Фостъ, 3. Кюндлингеръ, 4. Гомизуекъ, 5. Пикколъ, 6. И. И. Зейфуртъ, 7. Ф. Бриксъ, 8. К. Шубертъ,
 9. Л. Розалико, 10. Э. Мейеръ (директоръ „Liedertafel“), 11. Органистъ Шталь, 12. П. И. Диглау (студентъ), 13. В. А. Козогриновъ (учредитель
 обществъ), 14. В. Стасовъ (упр. в Р. М. О.), 15. фонъ-Недзмицъ, 16. Шпанскъ Оттонъ Герке, 17. Ал. Ив. фонъ-Фигуа, 18. А. Н. Шенковъ,
 19. Давидъ
 Петербургъ въ 1860 году.—Съ рѣдкаго рисунка А. И. Лебедева, литографи-
 го А. Мюнстеромъ.

Акинфій Демидовъ.

Демидовы.

(Конецъ XVII и начало XVIII вѣка).

На зарѣ русской фабрично-заводской дѣятельности рѣзко вырисовывается оригинальная фигура тульского кузнеца Никиты и его сына Акинѣя.

О молодости Никиты мы почти ничего не знаемъ. Извѣстно только, что отецъ его Демидъ Григорьевичъ Антуфьевъ былъ крестьянинъ деревни Павшиной, лежавшей неподалеку отъ города Тулы, куда онъ и переселился въ интересахъ своей кузнечной работы. Никита рано потерялъ отца, и это сиротство, должно быть, прибавило не мало горькихъ минутъ къ горькой долѣ рабочаго человѣка, да еще того времени. Мать, несомнѣнно, всѣми силами старалась скрасить тяжелую жизнь своего сына. По крайней мѣрѣ, у Никиты на всю жизнь сохранилась самая горячая любовь къ своей старухѣ-матери. Первые пять алтынъ, заработанныхъ въ Тулѣ, Никита отпразднелъ своей матери въ благодарность за то, что она „поила и кормила его“.

Никита открылъ свою кузницу и сдѣлался рядовымъ кузнецомъ. Его талантамъ не было, гдѣ развернуться, и всё его способности такъ и заглохли бы, если бы случай не помогъ ему выдвинуться. Какими-то судьбами (точныхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ) Никита сдѣлался извѣстенъ Петру Великому. Послѣ перваго же знакомства Никита доставилъ царю въ Москву шесть отлично сдѣланныхъ ружей, цѣною по 1 р. 80 к. за штуку (тогда деньги были очень дороги) въ то время, какъ царь за ружья, получаемыя изъ-за границы, платилъ по 12 и даже по 15 руб. за штуку. Такія ружья были для царя, который въ то время велъ дорогую войну со Швеціей, цѣннымъ кладомъ. Петръ, только и мечтавшій

Видъ Уральскаго хребта съ истоковъ Сивы.

о томъ, чтобы вызвать свой народъ къ производительному труду, пробудить его инициативу, создать собственную промышленность, конечно, поторопился всячески ободрить смышленнаго и ловкаго кузнеца. Онъ подарилъ Никитѣ Демидову 100 руб., а на прощанье поцѣловалъ его и сказалъ ему: „постарайся, Демидычъ, распространить свою фабрику, я не оставлю тебя“. И, дѣйствительно, по приказанію Петра Никитѣ Демидову въ окрестностяхъ Тулы было отведено нѣсколько десятинъ земли для добыванія желѣзной руды и жженія угля. Никита успѣшилъ оправдать довѣріе царя и быстро построилъ на устьѣ рѣки Тулицы большой желѣзный заводъ съ вододѣйствующими машинами. На этомъ заводѣ стали заготовляться для казны въ большомъ количествѣ ружья и другіе военные снаряды.

Петръ Великій былъ большой сторонникъ протекціонистской системы и надѣялся поощреніями и льготами энергичнымъ заводчикамъ укрѣпить и развить русскую промышленность. При такихъ условіяхъ смѣлливый и дѣятельный Никита могъ разсчитывать и на дальнѣйшія поощренія и, дѣйствительно, въ 1701 г. царь разрѣшилъ Демидову увеличить свой заводъ и подарилъ ему лежавшія около Тулы стрѣлениці

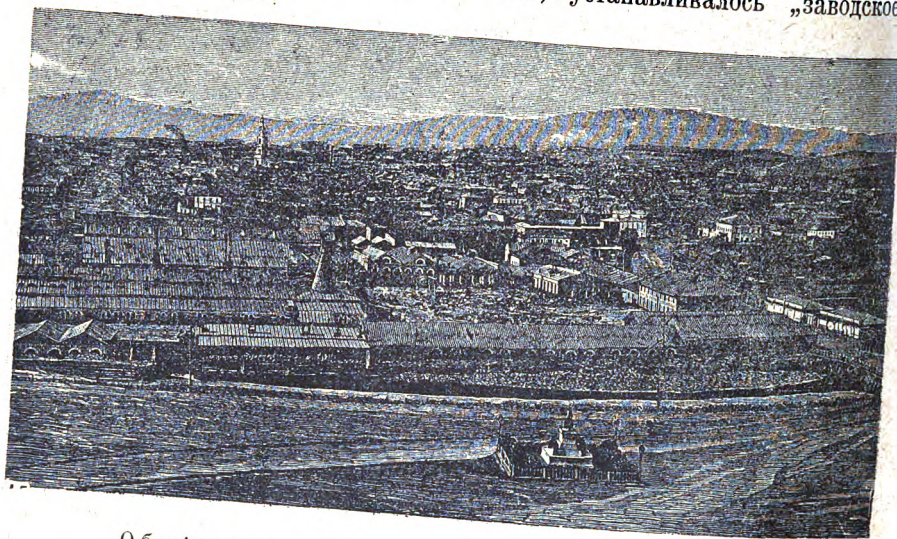
земли, а для выжига угля отвелъ широкую полосу лѣса въ 5 верстъ длиною. При обезпеченномъ казенномъ сбытѣ заводъ Демидова на почвѣ этихъ царскихъ милостей быстро разростался и увеличивалъ свои обороты. Но Петръ Великій на первый планъ всегда выдвигалъ государственные интересы. Когда ему понадобилось огромное количество клена, дуба и ясеня для постройки флота, онъ просто-на-просто запретилъ Демидову рубить деревья этихъ породъ въ отведенной ему дачѣ. Это распоряженіе сразу создало для Демидовскаго завода рядъ неудобствъ. Демидовъ сталъ подумывать, какъ бы передвинуться подальше отъ царскаго ока, на такія свободныя мѣста, на которыхъ онъ не встрѣчалъ бы своимъ планамъ никакихъ препятствій. Въ это время по русской землѣ

Г. Невьянскъ.

уже шли слухи объ огромныхъ богатствахъ Уральскаго хребта. Уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ на Уралѣ были выстроены казенные заводы для добыванія и обработки желѣзной руды. Правда, заводы эти работали очень плохо, выпуская мало руды по дорогой цѣнѣ, но это не уменьшало славы о богатствахъ Урала. Демидову вскорѣ самому удалось на собственномъ своемъ опытѣ убѣдиться, что слава о богатствахъ Урала не лишена серьезныхъ основаній. Въ 1696 году Петръ Великій получилъ отъ верхотурскаго воеводы Протасьева образцы магнитной руды съ рѣки Тагила и желѣзной — съ рѣки Нейвы. Часть этихъ образцовъ была передана Никитѣ Демидову для испытанія. На этихъ образцахъ Никита убѣдился, что уральская руда должна считаться высокаго качества и содержать большое количество желѣза. Новыя пробы уральской руды, произведенныя по порученію Петра Никитой, подтвердили, что онъ нисколько не ошибся въ оцѣнкѣ уральской руды. Тогда у Никиты окончательно созрѣлъ планъ уѣхать на далекій Уралъ и использовать почти нетронутыя, огромныя его богатства. Къ этому времени

Петръ Великій уже велѣлъ выстроить заводъ на Нейвѣ. Но на этомъ заводѣ царь лишній разъ убѣдился, что чиновничій аппаратъ былъ плохо приспособленъ для такого живого и обширнаго дѣла, какъ заводское добываніе руды. Онъ охотно поэтому согласился на очень льготныхъ условіяхъ уступить Демидову, въ смѣтку и работоспособность котораго онъ горячо вѣрилъ, заводы на Нейвѣ и Тагилѣ. Заводы эти, по грамотѣ 4 марта 1702 года, отходили, съ громадными пространствами лѣсовъ и земель, среди которыхъ было такое неоцѣнимое сокровище, какъ Магнитная гора, Демидову. За все это Никита Демидовъ обязывался выплатить желѣзомъ казнѣ стоимость только однихъ заводовъ, исчисленной по очень скромному масштабу. вмѣстѣ съ тѣмъ, устанавливалось „заводское“

Общій видъ Нижне-Тагильскаго завода.
Нижне-Тагильскій заводъ.

Памятникъ
Демидову.

Уральская
гора.

рабство, такъ какъ Демидову и другимъ заводчикамъ было разрѣшено покупать для заводовъ людей и отводить имъ земли.

Получивъ въ 1702 г. вышеупомянутую грамоту, положившую основаніе колоссальнымъ богатствамъ Демидовыхъ, Никита не могъ тотчасъ же отправиться на Уралъ, такъ какъ былъ занятъ исполненіемъ важнаго государственнаго заказа: его заводъ долженъ былъ приготовить 20.000 ружей, нужда въ которыхъ была очень велика въ виду разгорѣвшейся войны со шведами. Никита поэтому приказалъ въ маѣ принять Невьянскіе заводы своему довѣренному, а затѣмъ отправилъ туда 12 лучшихъ тульскихъ мастеровъ, во главѣ которыхъ поѣхалъ и его сынъ Акинѣй, отличившійся не меньшими талантами и настойчивостью, чѣмъ его отецъ, и обладавшій къ тому же начатками грамотности. Петръ, однако, не позабылъ своего щедрого подарка бывшему тульскому кузнецу и въ концѣ того же года отправилъ въ Невьянскіе заводы думнаго дьяка Виніуса, большаго знатока горнаго дѣла, посмотреть и донести ему, какъ Демидовы воспользовались уральскимъ привольемъ. Виніусъ, по всей видимости, сдѣлалъ Петру очень благоприятный докладъ о дѣятельности Демидовыхъ, потому что на ходатайство ихъ о припискѣ къ ихъ заво-

дамъ окрестныхъ селъ и деревень Петръ 9-го января 1703 г. приказываетъ приписать къ нимъ на работу Аятскую и Краснопольскую волости, т. е. однимъ росчеркомъ пера устанавливаетъ одну изъ самыхъ тяжелыхъ формъ рабства для многихъ сотенъ крестьянскихъ семействъ.

Во главѣ уральскихъ демидовскихъ заводовъ сталъ и остался Акиной. Несмотря на свои 24 года, онъ ловко повелъ дѣла заводовъ. А дѣло было нелегкое, оно требовало большого умѣнья и ловкости. Множество прогорѣвшихъ на Уралѣ заводчиковъ, пользовавшихся и даровыми угодами, и работой приписныхъ крестьянъ, и обеспеченнымъ сбытомъ на казенный рынокъ, показывало, что не всякому было подъ силу справиться съ задачами горнаго дѣла, хотя и упрощеннаго, въ силу разнообразныхъ льготъ для заводчиковъ.

Съ появленіемъ Демидовыхъ на Уралѣ, начинается оживленіе горнаго дѣла здѣсь и быстрый ростъ демидовскихъ богатствъ. Какими же путями шло демидовское дѣло среди населенія, отданнаго въ полное распоряженіе бывшихъ тульскихъ кузнецовъ, до души которыхъ почти не коснулась даже и бѣдная культура того времени? Портретъ Никиты Демидова, сохранившійся въ домѣ, построенномъ для него въ Невьянскомъ заводѣ, показываетъ, что отъ этого человѣка нельзя было ждать не только гуманности, но и простой жалости. „Рѣдко попадаются такіе характерныя лица“, — замѣчаетъ г. Огарковъ, „кузнецъ жилистою и мозолистою рукою придерживаетъ кожанъ, другою опирается на костыль; суровое лицо, съ сумрачными глазами, глубоко сидящими въ орбитахъ, напоминаетъ худобою и желтизною лица аскетовъ“. Не менѣе характернымъ представляется и то гнѣздо, которое свилъ себѣ здѣсь грозный Никита и которое сохранилось до нашего времени. „Отъ его стѣнъ и всей обстановки вѣетъ глубокою стариною“, — замѣчаетъ тотъ же авторъ. — „Все сдѣлано изъ дуба, камня и желѣза. Въ домѣ ничто не измѣнилось за истекшія два столѣтія: толстыя стѣны и узкія окна придаютъ ему видъ крѣпости. Комната, гдѣ жилъ Никита во время пріѣздовъ въ Невьянскъ, была устроена въ акустическомъ отношеніи такъ, что владѣльцу все, говорившееся въ домѣ, было слышно. Старый кузнецъ, бывшій въ молодости шутникомъ и весельчакомъ, ужъ, видимо, почувалъ ревность къ власти и приобрѣталъ привычки деспота. Акустическая комната выдавала ему виновныхъ, и ихъ постигали суровыя наказанія“...

Невьянскій заводъ.

Самъ Акинеій, настоящій творецъ уральской горной промышленности, мало чѣмъ отличался отъ отца по упрямству и рѣшительности, которыя такъ явно запечатлѣлись на его портретѣ. О томъ, что онъ является вѣрнымъ исполнителемъ жестокихъ традицій своего отца, свидѣтельствуетъ высокая каменная башня, выстроенная имъ въ томъ же Невьянскѣ. Это башня показываетъ, что жестокіе приемы Демидовыхъ по отношенію къ рабочимъ массамъ пошли за одно поколѣніе не только вширь, но и вглубь. „Подъ башнею“, — рассказываетъ вышеупомянутый авторъ, — „есть кладовая и подземелья со многими ходами. Въ тѣхъ далекихъ времена жестокихъ нравовъ и господства грубой силы подъ меля башни исполняли далеко не мирную миссію. Они были заставкомъ, гдѣ пытали подозрѣваемыхъ и виноватыхъ, и тюрьмою для осужденныхъ. А для многихъ онѣ были и могилою. Эта знаменитая башня (28 сажень высотой) пользовалась печальною славой въ народѣ. По преданіямъ и рассказамъ старожиловъ, въ ней замуровывали людей и держали въ колодкахъ и цѣпахъ властныхъ супротивниковъ. Много могла бы передать страшныхъ легендъ эта башня... Во время наѣзда ревизоровъ для открытія на заводахъ бѣглыхъ, туда, въ подземелья башни, запирали ссыльныхъ и каторжныхъ, — которыхъ уже никакъ нельзя было показать за купленныхъ крестьянъ, такъ какъ у нихъ были клейма и вырѣзаны ноздри, — и спускали, если нужно, изъ шлюзовъ Невьянскаго пруда воду, чтобы схоронить концы и не отвѣчать передъ властями“.

Работа подъ руководствомъ энергичнаго Акинеія кипѣла. За короткое время выпускъ желѣза увеличился въ 20—30 разъ, а по своему качеству продукты Невьянскихъ заводовъ быстро заняли одно изъ первыхъ мѣстъ на рынкѣ. Издѣлія, приготовляемые на демидовскихъ заводахъ, отличались не только прочностью, но и изяществомъ.

Помимо хорошаго знанія дѣла и недюжиннаго таланта Акинеія, двѣ силы содѣйствовали необычайно быстрому росту демидовскаго дѣла. Это была, во 1-хъ, та „живая сила“, на работѣ которой почти исключительно покоилось заводское дѣло того времени, — закабаленный рабочий, и, во 2-хъ, опытные мастера, которыхъ Акинеію удалось привлечь въ свои заводы.

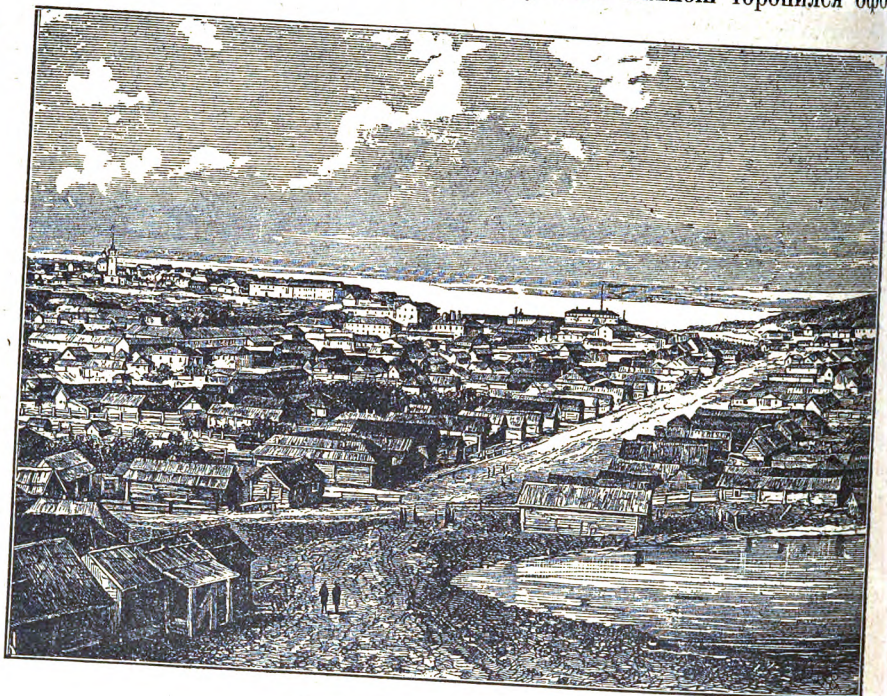
Тѣхъ приписанныхъ къ заводу крестьянъ, которые были отданы въ распоряженіе Демидовыхъ указами Петра Великаго, имъ было мало. Рѣшительные и упрямые Демидовы не хотѣли останавливаться ни передъ чѣмъ, для того, чтобы доставить на свои фабрики живую силу въ необходимомъ количествѣ. Для этого было въ то время — вѣрное средство: принимать къ себѣ всякаго рода „бѣглыхъ“. А контингентъ бѣглыхъ былъ очень обширенъ. Онъ пополнялся, главнымъ образомъ, крестьянами, которые бѣжали и отъ изувѣрства помѣщиковъ, и отъ непосильнаго обложенія, и отъ притѣсненій чиновничества, и отъ гоненій за вѣру, и отъ страшной рекрутчины, введенной Петромъ Великимъ. Демидовы принимали всѣхъ: имъ было безразлично, кто и отъ чего спасается. Былъ бы только работникъ, изъ котораго можно было выжать хорошую прибавочную стоимость. Терпимость ихъ на этомъ основаніи доходила до того, что въ ихъ заводахъ, затерявшихся среди уральскихъ лѣсовъ и безлюдья, находили пріютъ, какъ было уже сказано, даже клейменные каторжные и ссыльные. Конечно, устройство всѣхъ этихъ бѣглыхъ было дѣломъ, уже не такимъ легкимъ и безопаснымъ. Государство жестоко преслѣдовало за такое пристанодержательство. Но Демидовы рассчитывали на свое бо-

горной промышленности и связи и позволяли себѣ много такого, на что рѣшился бы и у насъ, далеко не всякій даже изъ имущихъ.

О томъ, когда надвигалась бѣда съ какой-нибудь ревизіей или разслѣдованіемъ, Демидовы прибѣгали къ различнымъ средствамъ, смотря по обстоятельствамъ. До послѣдней возможности Акиней стремился отдѣлаться отъ чиновниковъ путемъ прямого насилія. Покуда было можно, Акиней прямо гналъ со своихъ заводовъ всякаго чиновника, присланнаго къ нему мѣстными властями. Въ такомъ случаѣ онъ, обыкновенно, говорилъ представителю воеводы: „у твоего воеводы одинъ указъ, а у меня въ рукахъ другой указъ — государевъ“. И слова эти приобрѣтали въ устахъ Демидовыхъ особенную значительность, благодаря тому, что Демидовы, дѣйствительно, какъ это было извѣстно всѣмъ, нахсидились въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ государемъ. Иногда, если на Акинея наступалъ человѣкъ болѣе сильный и властный, то Акиней отговаривался болѣе мягко, что ему де некогда составлять необходимые свѣдѣнія о проживающихъ въ его заводахъ людяхъ, „за недосугомъ по великому государеву дѣлу“.

Эта борьба съ „кропивнымъ сѣменемъ“ особенно обострилась, когда на уральскіе казенные заводы начальникомъ былъ назначенъ первый русскій историкъ и знатокъ горнаго дѣла Василий Никитичъ Татищевъ. Это былъ человѣкъ съ большимъ образованіемъ, съ большою предпримчивостью и съ большимъ характеромъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ, далеко не безкорыстный. Татищевъ, котораго, вѣроятно, раздражалъ этотъ разбогатѣвшій кузнецъ, а теперь заносчивый заводчикъ, очень быстро пришелъ въ столкновение съ Акинеемъ и сдѣлался его закоребнымъ врагомъ. Вотъ почему Татищевъ въ своихъ отношеніяхъ къ Акинею стоялъ всегда на почвѣ государственныхъ интересовъ и не покидалъ этой столь уязвимой для Демидовыхъ почвы. Кромѣ желанія укрыть тѣ беззаконія, которыя совершались на демидовскихъ заводахъ, у Акинея была и другая причина не любить Татищева. Акиней былъ монополистомъ горнаго дѣла на Уралѣ, и, естественно, боялся, что умный, знающій и предпримчивый Татищевъ сумѣетъ поставить горное дѣло на казенныхъ заводахъ, которые, такимъ образомъ, явятся опасными конкурентами. Этого было достаточно, чтобы съ первыхъ же шаговъ своихъ сношеній съ Татищевымъ Акиней проявилъ всю свою грубость и все свое высокомеріе. Когда, напр., Акиней велѣлъ захватить мѣдный рудникъ при Чусовой, который разрабатывался казенными рабочими (что Акиней практиковалъ особенно свободно съ частными заводами), Татищевъ послалъ для разъясненія своихъ чиновниковъ. Чиновники эти были приняты приказчикомъ Демидова, который на ихъ запросъ отвѣтилъ: „Мы капитану (Татищеву) не послушны, указовъ его не принимаемъ, и ему въ насъ дѣла нѣтъ. Если нужно что, — пусть самъ ѣдетъ... А посланныхъ съ указами будемъ въ кандалахъ держать въ тюрьмѣ, до приѣзда хозяина“. Въ другой разъ, когда Татищевъ отправилъ своего человѣка въ Невьянскій заводъ, для того, чтобы купить тамъ вѣсы, то посланный Татищева былъ выгнанъ съ бранью демидовскими приказчиками. Прибѣгалъ Акиней Демидовъ и къ еще болѣе рискованнымъ дѣйствіямъ. Однажды, напр., очевидно, съ его вѣдома, его людьми былъ выкраденъ и разбросанъ по лѣсу казенный камень, благодаря чему печи казенныхъ заводовъ долгое время не могли быть пущены въ дѣло. Съ болѣе мелкими людьми Акиней обращался еще болѣе рѣзко. Рудоискателямъ, которые хотѣли сообщить о новыхъ мѣстонахожденіяхъ руды, онъ прямо объявлялъ: „я васъ кнутомъ буду сѣчь и въ домны помечу“.

Но жалобы въ Петербургъ, тѣмъ не менѣе, на Акинею шли и даже иногда доходили до назначенія. Хотя это послѣднее происходило сравнительно рѣдко, такъ какъ люди Акинею перехватывали губернаторскихъ курьеровъ, отнимали у нихъ казенныя бумаги, а самихъ иной разъ подвергали сильнѣйшимъ истязаніямъ. Но тѣ бумаги, которыя доходили до центрального правительства, обнаруживали такія злоупотребленія Акинею, которыхъ нельзя было покрыть даже при помощи демидовскихъ связей. Тогда назначалась ревизія. Въ такихъ случаяхъ Акиней торопился офор-

Нижне-Тагильскій заводъ.

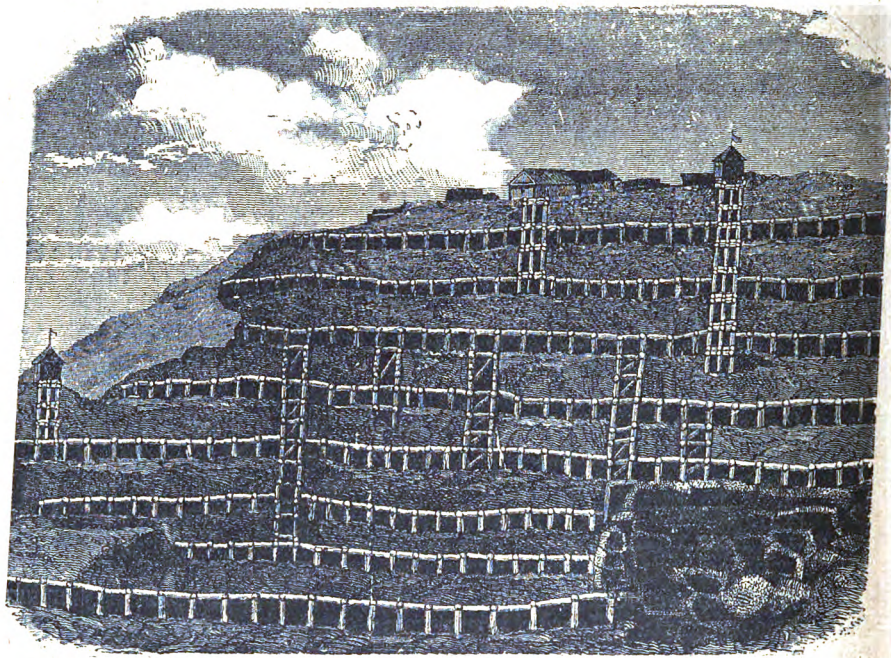
мить положеніе своихъ рабочихъ. Часть ихъ онъ покупалъ у ихъ прежнихъ владѣльцевъ, хотя бы при этомъ приходилось и переплачивать сверхъ обычной цѣны. Другую онъ загонялъ въ подвалы невянской башни, гдѣ, въ случаѣ настойчивости слишкомъ любопытныхъ ревизоровъ, открывались шлюзы, и вода навсегда покрывала тайны демидовскихъ заводовъ. Наконецъ, всѣ остальные прорѣхи покрывались при помощи могучаго, исконнаго русскаго средства — взятки. Такъ, напр., при ревизіи 1717 г. было обнаружено на демидовскихъ заводахъ большое количество бѣглыхъ. Демидовы сумѣли оттянуть свой отвѣтъ на значительное время, и, въ концѣ концовъ, та же самая ревизія признала всѣхъ его крестьянъ законно принятыми и купленными. Настолько дѣйствительными оказывались разнообразныя средства, къ которымъ для своего обѣленія умѣли прибѣгать Демидовы.

Оставаясь, такимъ образомъ, полновластными хозяевами на своихъ заводахъ, Демидовы держали своихъ рабочихъ въ ужасномъ положеніи и чрезвычайной работой, которую накладывали на нихъ, не только накопили быстро огромныя богатства, но и развернули огромное дѣло, которому суждено

было сыграть видную роль въ исторіи русской промышленности. За время дѣятельности первыхъ Демидовыхъ, — Акинеія и Никиты, — на Уралѣ ими было открыто 10 желѣзодѣлательныхъ и чугуноплавильныхъ заводовъ. Да какихъ заводовъ! Нижне-Тагильскій заводъ, напр., приобрѣлъ за свои издѣлія не только всероссийскую, но и европейскую извѣстность, а демидовское сортовое желѣзо до сихъ поръ имѣетъ еще мало соперниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣятельность Демидовыхъ съ чрезвычайной быстротой увеличивала выходъ желѣза и чугуна, въ которыхъ Россія всегда имѣла и имѣетъ такую колоссальную нужду. Такъ, Верхотурскіе, заводы когда они находились въ рукахъ правительства, выпускали ежегодно около 10—20 тысячъ пудовъ желѣза. При Акинеіи эти же заводы стали вырабатывать до 350—400 тыс. пудовъ желѣза, — для того времени количество поразительное. Въ наше же время только Нижесалдинскій и Нижнетагильскій демидовскіе заводы выпускаютъ около 1 миллиона пудовъ превосходнаго чугуна. Та высота, на которую такъ быстро было поднято при Демидовыхъ заводское дѣло на Уралѣ, была достигнута главнымъ образомъ работой многочисленныхъ, безвѣстныхъ, но часто высоко талантливыхъ тружениковъ. Мы видѣли, что, приступая къ устройству первыхъ заводовъ на Уралѣ, Никита отправилъ туда двѣнадцать лучшихъ тульскихъ кузнецовъ. Позднѣе, когда правительство убѣдилось, что Демидовы не даромъ засѣли на Уралѣ, оно разрѣшило имъ взять туда еще 20 лучшихъ тульскихъ посадскихъ кузнецовъ. Много полезныхъ указаній для дѣла дали Демидовымъ ссыльные поляки и шведы, которые работали на уральскихъ заводахъ, и изъ которыхъ позднѣе при Невьянскомъ заводѣ образовалась цѣлая слобода. Вотъ эти кадры дѣльныхъ и искусныхъ рабочихъ и способствовали главнымъ образомъ быстрому усовершенствованію заводскихъ издѣлій. Конечно, ни Никитѣ, ни Акинеію нельзя также отказать въ хорошемъ знаніи дѣла, и въ талантахъ организаторовъ, обладающихъ большимъ практическимъ размахомъ и широкимъ коммерческимъ горизонтомъ. А тутъ было, къ чему приложить такіе таланты. Помимо обезпеченія заводовъ рабочей силой, привлеченія искусныхъ мастеровъ, безостановочнаго оборота капиталовъ, правильной и своевременной оцѣнки различныхъ техническихъ усовершенствованій, Демидовымъ массу усилій пришлось затратить на то, чтобы поставить, какъ слѣдуетъ, дѣло доставки въ центральную Россію всѣхъ тѣхъ продуктовъ, которые вырабатывались на этой далекой окраинѣ. И, дѣйствительно, заслуги Демидовыхъ въ этомъ отношеніи — велики. Они проложили множество прекрасныхъ дорогъ, которыя содержались въ такомъ образцовомъ порядкѣ, что, по словамъ академика Гмелина и извѣстнаго ученаго Палласа, путешествовавшихъ по Уралу, нигдѣ въ Россіи нельзя было найти подобныхъ дорогъ, хотя эти послѣднія были проложены часто по совершенно непроходимымъ дебрямъ. Всѣ такіе демидовскія дороги были обсажены деревьями, окопаны канавами и снабжены прочными мостами. Не меньшее вниманіе Демидовы обратили на водный путь, открытый еще Ермакомъ Тимофеевичемъ за 120 лѣтъ до появленія предпримчивыхъ заводчиковъ на Уралѣ. Здѣсь, на Чусовой, впадающей въ Каму, ими былъ возстановленъ рядъ пристаней, на которыхъ строились и спускались суда, нужныя для каравановъ, уносившихъ въ главную артерію русской равнины, — Волгу, — ежегодно сотни тысячъ пудовъ прекрасно выработаннаго металла, помогавшаго нашей бѣдной странѣ выбираться на широкую дорогу прогресса.

Чрезвычайно важно было для горной промышленности Урала то,

что пионеры ея, Демидовы, обладали безпокойной, вѣчно ищущей душой. Колоссальная выработка желѣза и чугуна могла бы, казалось, успокоить и дать удовлетвореніе самой жадной къ творчеству натурѣ. Но не таковы были Никита и Акинѣй. Они вѣчно искали, постоянно пробовали. Вотъ за рѣчкой Выей, близъ Тагильскаго завода, они нашли мѣдную руду. Несмотря на то, что первые шаги въ разработкѣ здѣсь мѣди не обѣщали большихъ барышей и вызывали насмѣшки со стороны людей, опытныхъ въ горномъ дѣлѣ, Демидовы съ увлеченіемъ продолжаютъ раз-

Модель шахты (въ разрѣзѣ).

работку этихъ мѣдныхъ рудниковъ, какъ только мѣсто это было закрѣплено за ними согласіемъ безъ коллегіи, и, въ концѣ концовъ, выйскій заводъ далъ огромное количество мѣди высокаго достоинства. Или вотъ, возлѣ Невьянскаго завода, было открыто богатое мѣсторожденіе горнаго льна или асбеста. Мысль Никиты Демидова тотчасъ же заработала въ новомъ направленіи. Повидимому, совершенно самостоятельно онъ приходитъ къ мысли, что этотъ горный ленъ можно использовать для выдѣлки прочныхъ и огнеупорныхъ тканей (таковыя въ древности, дѣйствительно, были извѣстны), и въ 1722 г. представляетъ Петру Великому образчики полотна изъ этого вещества. Съ увлеченіемъ отдаются отецъ и сынъ Демидовы этой новой отрасли промышленности. Они учатъ населеніе сучить изъ горнаго льна нитки, ткать полотно, вязать перчатки. Правда, промышленность не пустила глубокихъ корней и вскорѣ совсѣмъ захирѣла, но, тѣмъ не менѣе, въ Сибири еще долгое время сохранились многочисленные предметы, изготовленные изъ тканей, полученныхъ изъ горнаго льна. Эта неудача съ горнымъ льномъ для Демидовыхъ, пожалуй, столь же характерна, какъ и успѣхи съ выйскими мѣдными руд-

никами. Она показываетъ, какъ быстро возбуждалась дѣятельность въ любомъ направленіи, гдѣ даже не были обезпечены барыши, а была возможность въ новыхъ формахъ удовлетворить своей жадности. Безпокойной душѣ Демидовыхъ было мало даже Урала съ его необъятными богатствами, и мы видимъ, какъ уже черезъ короткій промежутокъ времени Демидовы перекидываются на почти невѣдомый Алтай, гдѣ ими начата добыча великолѣпныхъ порфировъ и яшмъ. Алтай же далъ Демидовымъ еще новый огромный источникъ богатствъ, преступный съ точки зрѣнія закона того времени. Дѣло заключалось въ томъ, что плавка серебра представляла въ то время государственную регалію, и частнымъ лицамъ было запрещено заниматься этимъ промысломъ. Между тѣмъ, Акинею посчастливилось найти въ Алтайскихъ горахъ богатѣйшіе серебряные рудники. Зная рѣшительность Демидовыхъ и ихъ равнодушіе къ требованіямъ закона, можно вполне повѣрить преданію, которое рассказываетъ, что Акиней не только плавилъ незаконно добытое серебро, но и чеканилъ серебряную монету для того, чтобы облегчить себѣ сбытъ этого металла. Да Акинею было и нетрудно организовать и дѣло незаконной чеканки монеты. Въ подвалахъ его башни совершались еще и не такія беззаконія, а люди были такъ вымуштрованы, такъ дрожали передъ всесильными заводчиками, что хозяйскія тайны были ихъ собственными тайнами, а если и находился какой-нибудь неосторожный болтунъ, то насильственная смерть вскорѣ закрывала ему уста навѣки. Въ Петербургѣ, повидимому, крѣпко догадывались даже объ этихъ преступныхъ продѣлкахъ Акинея, прямо бившихъ по карману правительству. Но связи у Акинея были слишкомъ велики, и приемы его слишкомъ тонки и обдуманы, для того, чтобы можно было его поймать съ поличнымъ, а потому въ Петербургѣ относились къ деньгамъ Акинея съ нѣкоторой ироніей даже при дворѣ. Рассказываютъ, что Акинею пришлось однажды играть въ карты съ императрицей Анной Ивановной. Когда Акиней сталъ расплачиваться по проигрышу новенькими монетами, императрица спросила его по поводу этихъ монетъ: „Моей или твоей работы, Никитичъ?“ — „Мы всѣ твои, матушка-государыня, — остроумно отвѣчалъ Акиней, — и я твой, и все мое — твое!“ Это было почти открытое признание нарушенія закона. Но Акиней зналъ, что дѣлать, и былъ смѣлъ, покуда въ рукахъ у правительства не было никакихъ прямыхъ уликъ. Вотъ почему, когда одинъ изъ мастеровъ, участвовавшихъ въ добычѣ этого „воровского“ серебра, сбѣжалъ отъ Акинея Никитича, то этотъ послѣдній поспѣшилъ сообщить въ Петербургъ объ открытыхъ имъ серебряныхъ рудникахъ на Алтаѣ. Эти рудныя богатства тогда немедленно были причислены къ имуществамъ Императорскаго Дома, а наслѣдникамъ Акинея въ послѣдствіи была уплачена значительная сумма денегъ.

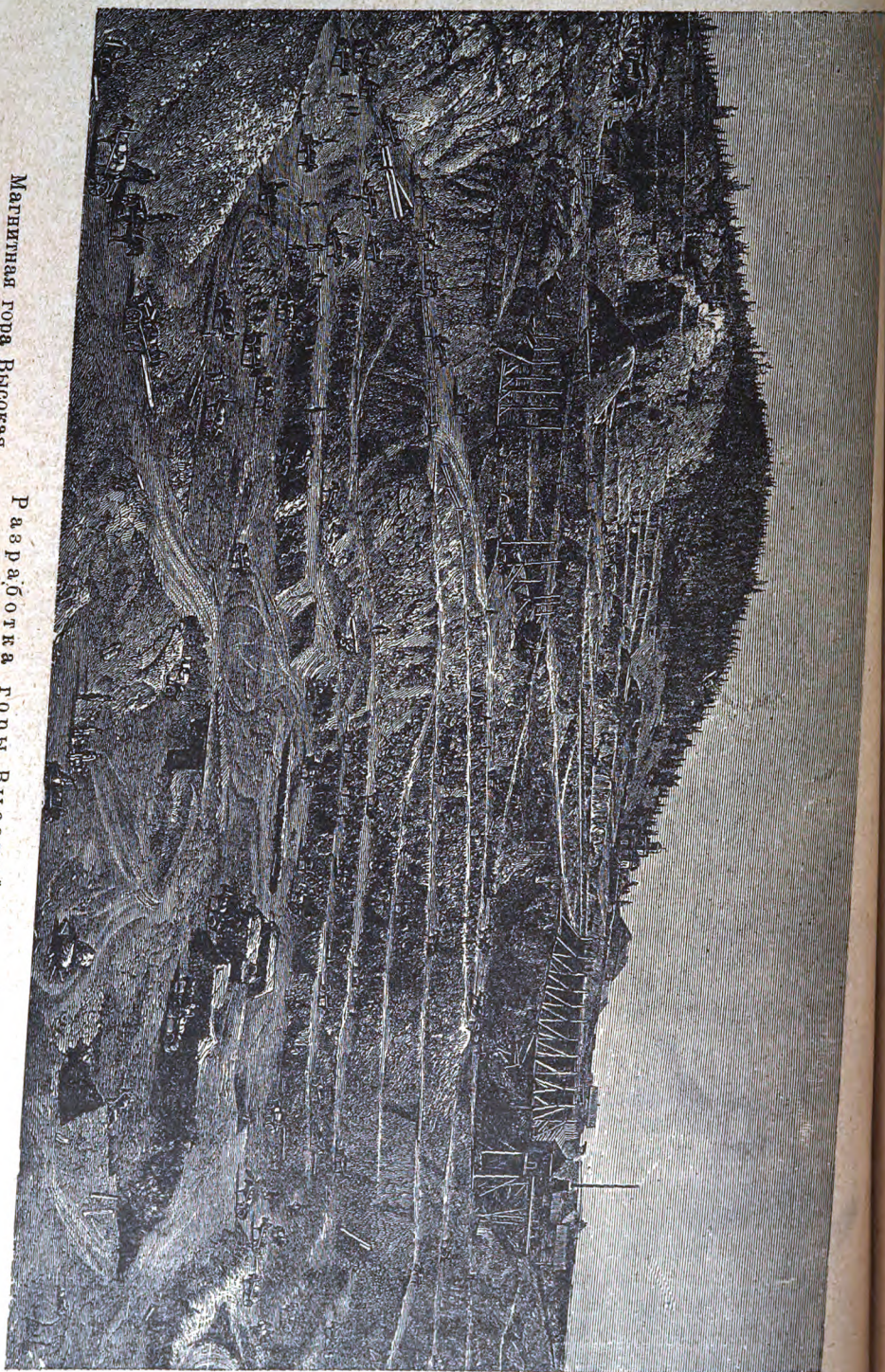
И Никита, и Акиней Демидовы для поддержанія своихъ связей и вліянія не жалѣли денегъ. Объ расходахъ этого рода можно судить, хотя бы по тому подарку, который Демидовы принесли „на зубокъ“ родившемуся въ 1715 г. царевичу Петру Петровичу. Подарокъ этотъ состоялъ изъ множества драгоценныхъ вещей и дорогихъ сибирскихъ мѣховъ и 100.000 руб., что при тогдашней дороговизнѣ денегъ представляло громадную сумму. Екатерину I Акиней Никитичъ также старался задобрить всяческими щедрыми подарками. Такъ, между прочимъ, онъ ей подарилъ 20 тысячъ пудовъ „фонтальныхъ трубъ“ для Петергофа, которымъ, впрочемъ, не суждено было дойти до мѣста назначенія, такъ какъ баржи затонули въ Ладожскомъ озерѣ. Конечно, и различные при-

Марниная гора Высокая.

Разработка горы Высокой.

Нижне-Талинский участок.

Большая яма.

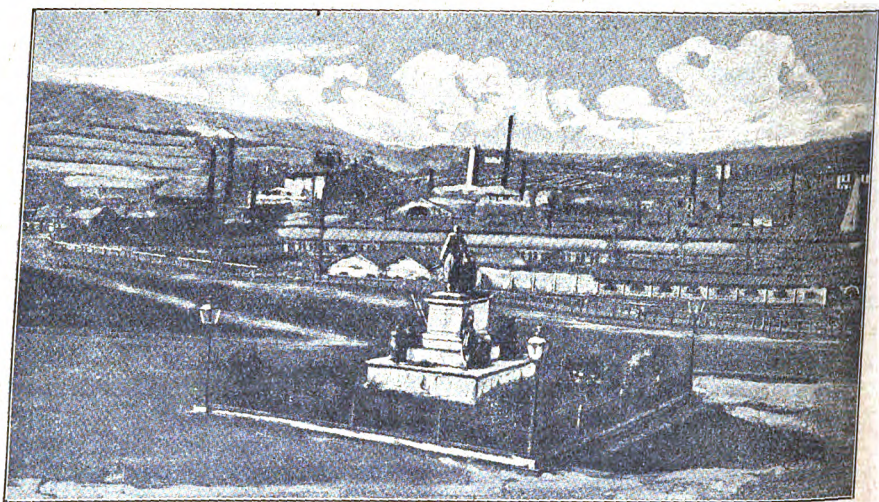
дворные, при случаѣ, глубоко запускали свои руки въ необъятную мощну заводчика, у котораго всегда можно было найти значительныя прегрѣшенія противъ закона. „Свѣтлѣйшій“ князь Меншиковъ, адмиралъ Апраксинъ, всемогущій курляндскій герцогъ Биронъ и многіе другіе „сильные люди“ нерѣдко прибѣгали къ заимствованіямъ изъ демидовскихъ капиталовъ. Въ свою очередь, они, конечно, всячески содѣйствовали тому, чтобы не только демидовскія преступленія оставались нераскрытыми, но и тому, чтобы эти проступки не помѣшали щедрымъ наградамъ изливаться на ловкихъ и способныхъ тульскихъ кузнецовъ. А милостей этихъ немало выпало на долю Никиты и Акинея Демидовыхъ. Въ 1709 году Никитѣ было пожаловано личное дворянство; въ 1720 г. онъ былъ возведенъ въ потомственное дворянство; въ 1726 г. (уже при Екатеринѣ I) это дворянство было распространено и на его дѣтей, при чемъ, по сравненію съ другими дворянами, они получили большую привилегію, такъ какъ грамота приказывала ни дѣтей, ни потомковъ Никиты „ни въ какія службы не выбирать и не употреблять“. Въ 1738 г. по указу императрицы Анны Іоанновны, за Демидовыми были записаны всѣ „пришлые“, т. е. бѣглые самыхъ разнообразныхъ категорій, и всѣ они навсегда были освобождены отъ рекрутчины.

Личная жизнь Никиты не представляетъ большого интереса. Вѣчно въ работѣ, вѣчно съ новыми планами и замыслами, вѣчно на сторожѣ въ борьбѣ съ „крапивнымъ сѣменемъ“, вѣчно съ зоркими глазами, устремленными на работу своихъ многочисленныхъ безправныхъ и запуганныхъ рабовъ-рабочихъ: таково было все содержаніе жизни Никиты Демидова. Необычайная карьера и изумительныя богатства, которыя выпали на долю тульского кузнеца, не измѣнили его личныхъ качествъ, и онъ до конца жизни остался такимъ же работающимъ, такимъ же сдержаннымъ, непреклоннымъ и даже жестокимъ, какимъ сдѣлала его суровая жизнь въ началѣ его самостоятельнаго выхода на жизненную сцену. Въ семейной жизни онъ былъ такимъ же суровымъ человѣкомъ, какъ и въ своихъ практическихъ выступленіяхъ. Только къ Акинею онъ относился съ большою нѣжностью и оставилъ ему по смерти большую часть своего состоянія. Умеръ Никита Демидовъ въ 1725 г., т. е. въ одинъ годъ со своимъ благодѣтелемъ Петромъ Великимъ.

Акиней, по культурѣ и по внѣшнему виду, нѣсколько отошелъ отъ типа своего старика-отца, который запечатлѣлъ свой портретъ въ кузнецкомъ кожанѣ и который съ величайшимъ неудовольствіемъ и даже досадой согласился принять дворянское званіе. Акиней все же былъ нѣсколько искушенъ въ грамотѣ. Онъ прошелъ незатѣйливую школу того времени, и умѣлъ читать и писать по церковному; церковно-славянскими же литерами велъ онъ и счетъ долгое время огромнымъ оборотамъ своихъ уральскихъ заводовъ. И во внѣшнемъ видѣ Акинея мы находимъ значительную разницу по сравненію съ тѣмъ, что представлялъ его отецъ. „Въ горномъ институтѣ въ Петербургѣ“, — пишетъ г. Огарковъ, — „имѣется портретъ невьянскаго властелина“. Неуклюжая фигура бывшаго кузнеца, въ послѣдствіи „дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера“, облечена во французскій кафтанъ моднаго покроя; голову его покрываетъ пышный парикъ. Грозно нахупленные брови и сжатый ротъ изобличаютъ суровый характеръ и недюжинную волю. Выраженіе лица говоритъ о привычкѣ повелѣвать, отъ всей мощной особы Акинея вѣтъ силу, и когда знаешь о томъ, что происходило въ далекую пору на его уральскихъ заводахъ, то съ трудомъ отдѣлываешься отъ впечатлѣнія какой-то особой жестокости и безсердечія въ его взглядѣ“...

Всю свою жизнь Акинѣй провелъ, главнымъ образомъ, на своихъ уральскихъ заводахъ. За границу онъ выѣзжалъ только одинъ разъ, и то пробылъ тамъ очень недолго. За эту поѣздку онъ приобрѣлъ въ Саксоніи въ Фрейбергѣ кабинетъ минеральныхъ рѣдкостей, который положилъ начало замѣчательнымъ демидовскимъ коллекціямъ горныхъ породъ.

Бывали въ жизни Акинѣя и мрачныя полосы, когда, казалось, огромное и прочно налаженное дѣло готово было сорваться въ пропасть. Въ такую полосу была заведена работа Акинѣя все тѣмъ же Татищевымъ, который послѣ 12-лѣтняго промежутка снова появляется на Уралѣ въ 1734 г. въ званіи главнаго начальника уральскихъ заводовъ, обладавшаго большими полномочіями. Теперь Татищевъ еще съ большимъ рвеніемъ взялся за своихъ старыхъ враговъ — Демидовыхъ. Впрочемъ, почва для Татищева въ этомъ отношеніи была уже въ значительной сте-

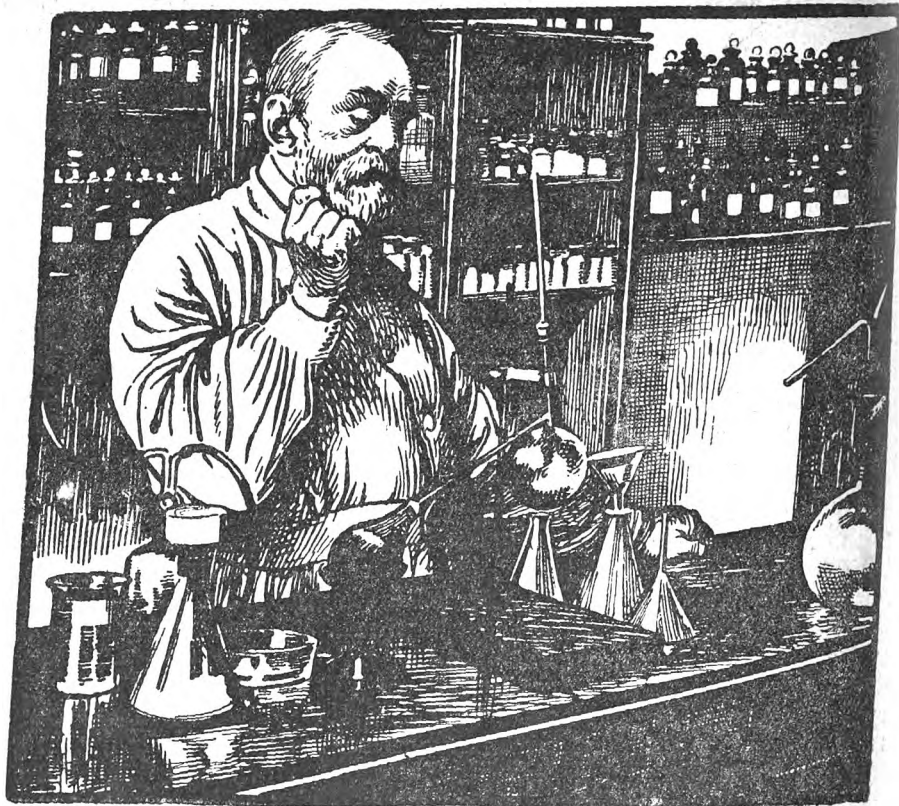

Памятникъ Николаю Никитичу Демидову и видъ на Нижне-Тагильскій заводъ.
(По фотографіи).

пени подготовлена. Еще до второго приѣзда Татищева на Уралѣ на Акинѣя Демидова былъ отправленъ доносъ, въ которомъ указывалось, что на заводахъ Акинѣя изготовлялось оружіе для башкиръ, поднимавшихъ въ то время возстаніе противъ русской власти, и утаиваются металлы для того, чтобы не вносить государству соответствующихъ платежей. Доносъ, повидимому, былъ обставленъ такими серьезными данными, что правительство вынуждено было въ 1733 г. отправить чиновниковъ, — „фискаловъ“, для провѣрки сообщенныхъ свѣдѣній. Фискалы на этотъ разъ попались суровые и придирчивые. За малѣйшіе проступки они грозили служащимъ на демидовскихъ заводахъ „учиненіемъ смертной казни“. Такимъ путемъ они терроризовали мѣстное населеніе, и уста, повидимому, начинали развязываться. Къ тому же, и самого-то Акинѣя на время ревизіи задержали въ Москвѣ. Отчеты ревизоровъ все больше и больше сгущали краски въ картинѣ хищническихъ дѣяній Акинѣя. Передъ нимъ вставалъ невольно вопросъ не только о потерѣ всего колоссальнаго имущества, но и возможности закончить дни своей неугомонной жизни

въ цѣляхъ на каторжныхъ работахъ. Но деньги и на этотъ разъ остались побѣдителями. Баронъ Шафировъ, которому императрица Анна поручила сдѣлать окончательный докладъ о результатахъ, добытыхъ ревизорами, заявилъ императрицѣ, вопреки всякой очевидности, о полной невинности Акинея. Можно только догадываться, что такой поворотъ дѣла обошелся Акинею въ огромную сумму денегъ. Въ 1735 году дѣло объ Акинеи, по указу государыни, было прекращено, и Акиней былъ отпущенъ къ себѣ, на Уралъ. Немедленный прїѣздъ его былъ крайне необходимъ, такъ какъ все огромное дѣло клонилось къ полному разрушенію. Такому печальному положенію дѣла способствовало не только отсутствіе опытнаго хозяйскаго глаза, но и тотъ произволъ, который Татищевъ практиковалъ по отношенію къ предпріятіямъ своего злѣйшаго врага. Лучшіе мѣдные заводы, построенные Демидовымъ, Татищевъ велѣлъ отобрать въ казну, наиболѣе искусныхъ демидовскихъ мастеровъ онъ перевелъ на казенные заводы; онъ заставлялъ, наконецъ, сдавать демидовскіе заводы мѣдь по 4 руб. за пудъ, тогда какъ она самому заводчику обходилась по 6 р. 50 к. за пудъ. Только энергія, знаніе и способности Акинея спасли демидовскіе заводы отъ окончательнаго разоренія и позволили развернуть дѣло снова съ еще болѣею силой, чѣмъ прежде.

Жизнь для Акинея Никитича покатила въ старому налаженному руслу. Смерть застала его уже на 68 году. Онъ умеръ въ Мензелинскомъ уѣздѣ, близъ села Ицкое-Устье 5 авг. 1745 г. по дорогѣ въ Тулу, куда онъ направлялся, соскучившись на старости лѣтъ по своей родинѣ, гдѣ онъ когда-то работалъ простымъ кузнецомъ.

Альфредъ Нобель въ своей лабораторіи.

Альфредъ Нобель.

(1833—1896).

А. Нобель родился 21 октября 1833 г. въ Стокгольмѣ. У Эманиула Нобеля, отца Альфреда, въ это время было уже двое сыновей. Черезъ 10 лѣтъ послѣ появленія на свѣтъ Божій Альфреда, у Нобелей родился четвертый сынъ.

О дѣтствѣ и ранней молодости знаменитаго изобрѣтателя мы почти ничего не знаемъ. Причиной этого пробѣла являются особенности характера и дѣятельности Альфреда Нобеля. Съ одной стороны, это былъ человѣкъ необычайной скромности, которая не позволяла ему ни самому останавливаться на себѣ, ни другихъ занимать собой. Съ другой стороны, это былъ человѣкъ необычайно напряженного труда, который оставлялъ ему такъ мало свободного времени, что онъ за постоянной работой такъ не удосужился даже и жениться. Наконецъ, важнымъ моментомъ для біографіи Альфреда Нобеля является то обстоятельство, что всѣ его братья умерли раньше его. Такимъ образомъ, о первыхъ годахъ жизни Альфреда Нобеля мы можемъ сообщить только нѣсколько выдающихся вѣш-

нихъ фактовъ, а весь сложный міръ души талантливаго ребенка остается для насъ скрытымъ.

Когда Альфреду было всего только четыре года (1837 г.), отецъ его покинулъ Стокгольмъ и отправился искать счастья въ сосѣдней Россіи. Онъ былъ инженеромъ и изобрѣтателемъ. Въ это время ему какъ разъ посчастливилось построить чрезвычайно удачную для того времени торпеду, секретъ которой русское правительство рѣшило оставить за собой, уплативъ Нобелю 25,000 руб. Но Нобель первоначально не предполагалъ, повидимому, надолго оставаться въ Петербургѣ, такъ какъ иначе онъ перевезъ бы туда и свою семью. Однако, расчеты Нобеля не оправдались, и онъ остался въ Россіи на продолжительное время. Въ концѣ концовъ, на полученныя за свою торпеду деньги Нобель основалъ механическую и литейную мастерскую и перевезъ въ Петербургъ свою семью. Такимъ образомъ, Альфредъ попалъ девятилѣтнимъ ребенкомъ

Альфредъ Нобель на 50-мъ году своей жизни.

Рис. В. Планка.

Эммануэль Нобель, отецъ А. Нобеля (1801—1872).

Рис. В. Планка.

въ столицу русскаго государства и провель здѣсь свои дѣтскіе и юношескіе годы подъ родительскимъ кровомъ, повидимому, въ чрезвычайно благоприятныхъ условіяхъ. Въ своей мастерской Эммануилъ Нобель всецѣло отдался дѣлу усовершенствованія торпедъ и другихъ легко взрывающихся аппаратовъ. Русское правительство бы-

ло очень заинтересовано въ предпріятіи Эммануила Нобеля и всячески поддерживало его своими заказами. Такимъ образомъ, фабрика Нобеля быстро увеличивала свои обороты. Изобрѣтеніе Шонбейномъ въ 1845 г. пироксилина и коллодіума направило вниманіе Нобеля на новый путь въ его практической дѣятельности и заставило еще глубже уйти въ изученіе взрывчатыхъ веществъ.

Альфредъ Нобель продолжалъ, конечно, и въ Петербургѣ свое школьное образованіе. О школьномъ періодѣ его жизни мы знаемъ только, что еще мальчикомъ онъ обнаружилъ выдающіяся способности къ краснорѣчію. Впрочемъ, школьные годы у Альфреда Нобеля продолжались недолго. Съ шестнадцатилѣтняго возраста Альфредъ оставляетъ школу и становится помощникомъ отца. Эти занятія по техникумъ взрывчатыхъ веществъ опредѣляли и дальнѣйшій жизненный путь Альфреда. Но Альфредъ остался недолго и въ Петербургѣ. Отецъ его имѣлъ своеобразный взглядъ на воспитаніе и считалъ важнымъ, чтобы молодой человѣкъ, какъ можно раньше, становился на свои собственные ноги, какъ это было

съ нимъ самимъ въ его ранней молодости. Вотъ почему онъ отправляетъ теперь Альфреда, которому не исполнилось еще и 17 лѣтъ, въ Сѣверно-Американскіе Соединенные Штаты. Въ теченіе почти четырехъ лѣтъ оставался Альфредъ на чужбинѣ, вдали отъ своей родной семьи. Все это время онъ прожилъ въ Нью-Йоркѣ, гдѣ работалъ у знаменитаго инженера-кораблестроителя Эриксона.

Двадцатилѣтнимъ юношей, богатымъ опытомъ и разнообразнымъ познаніями, возвратился онъ подъ отчий кровъ въ Петербургъ. Возвращеніе его къ домашнимъ пенатамъ было для его семейныхъ какъ нельзя кстати. То было время Крымской войны, и русское правительство, желавшее прочно заградить доступъ непріятельскимъ судамъ (англійскимъ) къ Петербургу, давало большіе заказы заводу Нобеля, который блестяще оправдалъ ожиданія, на него возлагавшіяся. Дѣйствительно, минныя загражденія, поставленныя отцомъ Альфреда и считавшіяся въ то время въ значительной степени новинками, были признаны непроницаемыми и доставили прочную охрану русской столицѣ. Вотъ въ этой то кипучей и отвѣтственной работѣ и принялъ горячее участіе молодой Альфредъ, по возвращеніи въ Россію.

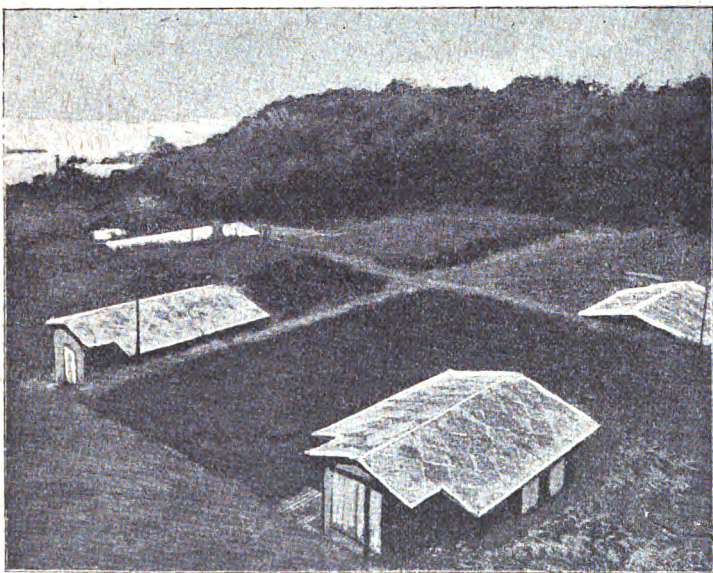
Послѣ Крымской войны, однако, обстоятельства для Нобелей сильно измѣнились. Неизвѣстно, по какой причинѣ русская бюрократія отплатила Эмануэлю Нобелю за всѣ его услуги черной неблагодарностью. Дѣло заключается въ томъ, что соотвѣтствующіе заказы русскіе чиновники изъ мастерской Нобеля перенесли за границу. Такъ какъ вся работа фабрики Нобеля была приспособлена къ спеціальнымъ военнымъ заказамъ, то подобный оборотъ дѣла нанесъ всему предпріятію непоправимый ударъ. Предпріятіе пришлось сократить настолько, что Э. Нобель оставилъ его на рукахъ своего второго сына, а самъ снова попыталъ свои силы въ своей старой профессіи — кораблестроеніи. Именно въ это время онъ выработалъ типъ парохода, который и до настоящаго времени еще въ большомъ употребленіи на Волгѣ. Тогда Эмануэль Нобель рѣшился покинуть неблагодарную Россію, и послѣ 22-хъ лѣтънаго пребыванія въ ней, — въ 1859 г. возвратился къ себѣ на родину.

Тяжело было положеніе всей семьи Нобелей; но особенно грустно было такое положеніе для стариковъ, къ которымъ судьба такъ неожиданно повернулась спиной. Однако, если денежный капиталъ стариковъ Нобелей изсякъ, то въ лицѣ своихъ даровитыхъ сыновей, особенно Альфреда, они имѣли прочную опору. Альфредъ въ то время, несмотря на свою молодость, зарекомендовалъ уже себя въ качествѣ изобрѣтателя. Онъ именно произвелъ существенныя усовершенствованія въ газометрѣ и получилъ на свои изобрѣтенія патентъ въ Петербургѣ. Теперь въ Швеціи онъ рѣшился всецѣло посвятить свои силы дѣлу своего отца и съ головой ушелъ въ изученіе техники взрывчатыхъ веществъ, такъ какъ отцу его посчастливилось раздобыть займы значительную сумму денегъ и снова организовать нитроглицериновую фабрику въ одномъ изъ стокгольмскихъ предмѣстій (1861 г.).

Нитроглицеринъ, какъ извѣстно, представляетъ собой органическую жидкость, открытую химикомъ Соберо въ 1847 г.; но этому послѣднему химику не удалось использовать названную жидкость въ практическомъ отношеніи. Вотъ за изученіе этой крайне ядовитой жидкости, о взрывчатыхъ свойствахъ которой, впрочемъ, было извѣстно уже въ то время, и взялись отецъ и оба сына Нобели. Можно себѣ представить, какимъ непрерывнымъ опасностямъ ежесекундно подвергались всѣ три

Нобеля, оперируя съ ядовитымъ и легко взрывающимся нитроглицериномъ. Но спокойный пылливый духъ, который жилъ въ мозгу у всѣхъ Нобелей, и ясное пониманіе того, что открытія въ этой области могутъ дать начало огромной новой отрасли производства, заставляли Нобелей упорно работать надъ нитроглицериномъ и игнорировать всяческія опасности.

Долгое время изслѣдованія Нобелей не приводили ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Наконецъ, Альфреду удалось добиться перваго небольшого усовершенствованія. Оно состояло именно въ смѣшеніи нитроглицерина съ обыкновеннымъ чернымъ порохомъ, благодаря чему взрывчатая сила нитроглицерина значительно повышалась. 4 октября 1863 г. Альфредъ взялъ на это изобрѣтеніе патентъ. Но постановка самихъ взрывовъ отличалась еще крайнимъ несовершенствомъ,

Видъ нитроглицериновой фабрики Крюммеля (раньше А. Нобеля) въ Гамбургѣ.

такъ какъ для этого требовалось употребленіе шнура, представлявшаго большія и разнообразныя неудобства. Альфредъ продолжалъ теперь работать надъ способами произведенія взрывовъ. Онъ стремился къ тому, чтобы вызвать какимъ-либо образомъ быстрое освобожденіе энергіи, химически связанной въ данной жидкости. Ему пришлось продѣлать болѣе 50 опытовъ прежде, чѣмъ удалось прійти къ правильной мысли, помѣщенія въ нитроглицериновую жидкость мѣдной гильзы, наполненной гремучей ртутью. Эта послѣдняя легко взрывалась отъ сотрясенія и, въ свою очередь, вызвала взрывъ всей массы нитроглицерина. Такая мѣдная гильза была названа Нобелемъ капсулей, а самый методъ ея приложенія далъ ему возможность разработать дальше и глубже этотъ принципъ, оказавшійся чрезвычайно богатымъ по своимъ послѣдствіямъ въ области техники взрывчатыхъ веществъ. Какъ велико было значеніе этого открытія, можно видѣть изъ того, что ученые специалисты приравниваютъ

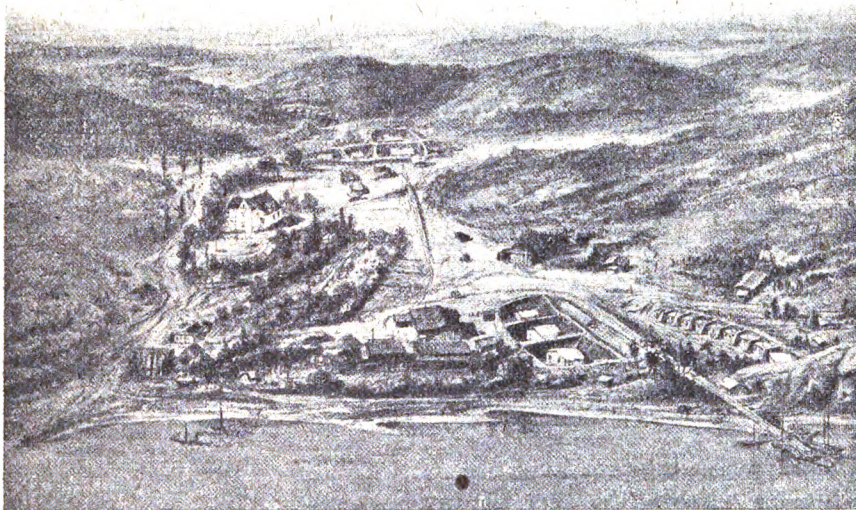
изобрѣтеніе нобелевской капсулы къ изобрѣтенію пороха. Само собою разумѣется, что всѣ эти усовершенствованія благотворнымъ образомъ отразились на фабрикахъ самихъ Нобелей. Но здѣсь снова разыгралось событіе, которое опять нанесло тяжелый ударъ наладившемуся и развивавшемуся дѣлу Нобелей. 3 сентября 1864 г. фабрика ихъ взлетѣла на воздухъ вслѣдствіе страшнаго взрыва большого количества нитроглицерина. Множество людей погибло во время этого взрыва. Среди жертвъ былъ и младшій братъ Альфреда, и талантливый химикъ завода Карлъ Герцманнъ. Событіе это тяжело потрясло старика Нобеля, и, спустя мѣсяцъ послѣ этого, онъ тяжело заболѣлъ.

Альфредъ, однако, не упалъ духомъ и съ прежней энергіей принялся за устройство новой фабрики. Катастрофа, однако, произвела на общество тяжелое впечатлѣніе, и никто не хотѣлъ имѣть такого опаснаго сосѣда. Альфреду пришлось на первое время ограничиться небольшою предварительной фабрикой въ уединенной озерной мѣстности, но и здѣсь, впрочемъ, недоброжелательные сосѣди не разъ заставляли его мѣнять мѣсто со всѣми его приспособленіями.

Несмотря на всѣ эти затрудненія, Альфредъ Нобель продолжалъ производство своихъ разрушительныхъ продуктовъ. Спустя какихъ-нибудь полтора мѣсяца послѣ вышеописанной катастрофы, т. е. въ томъ же 1864 году, шведское правительство официально признало пользу нобелевскихъ взрывчатыхъ снарядовъ при проложеніи желѣзнодорожныхъ туннелей въ окрестностяхъ шведской столицы. Этотъ опытъ шведскаго правительства побудилъ инженеровъ различныхъ странъ использовать нобелевскія взрывчатые вещества съ тою же цѣлью. Но опыта въ обращеніи съ этими страшными веществами тогда еще не было. Произошли многочисленныя взрывы, которые нерѣдко сопровождались человѣческими жертвами. Въ результатѣ общественное мнѣніе оказалось настолько вооруженнымъ противъ взрывчатыхъ нобелевскихъ веществъ, что правительства нѣкоторыхъ странъ запретили пользоваться нитроглицериномъ и не допускали не только его ввоза, но и провоза черезъ свои территоріи. Такимъ образомъ, дѣло Альфреда Нобеля снова наткнулось на неожиданныя подводныя скалы, готовые погубить все, что имъ было достигнуто съ такимъ трудомъ и такими жертвами. Но Альфредъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые отступаютъ передъ ударами судьбы. И, дѣйствительно, передъ его настойчивостью и удивительными коммерческими талантами, пали и эти послѣднія преграды.

Еще въ ноябрѣ 1864 года Альфреду Нобелю удалось составить „Нитроглицериновое общество“, которое въ 1865 году оборудовало въ Винтервикенѣ около Стокгольма новую нитроглицериновую фабрику. вмѣстѣ съ тѣмъ Альфредъ Нобель ставитъ себѣ задачей устроить цѣлый рядъ филиальныхъ нитроглицериновыхъ фабрикъ, разбросанныхъ въ самыхъ разнообразныхъ частяхъ Европы. Такъ, вскорѣ послѣ только что упомянутой фабрики была открыта нитроглицериновая фабрика въ окрестностяхъ Христианіи и еще новая фабрика въ окрестностяхъ Гамбурга, которая опиралась въ коммерческомъ отношеніи на богатое акціонерное общество. Далѣе, была построена нитроглицериновая фабрика въ Крюммелѣ на Эльбѣ. Эта фабрика, вслѣдствіе взрыва въ 1870 г. взлетѣла на воздухъ, но прекрасное ея положеніе почти въ центрѣ Европы и близости отъ величайшей европейской континентальной гавани было правильно оцѣнено проницательнымъ взглядомъ Альфреда Нобеля. На мѣстѣ погибшей фабрики была возведена новая, и теперь это—одна изъ

величайшихъ фабрикъ взрывчатыхъ веществъ на всемъ земномъ шарѣ. И тѣмъ не менѣе, вопросъ о взрывчатыхъ нобелевскихъ веществахъ все еще оставался нерѣшеннымъ, по крайней мѣрѣ, для многихъ государствъ: настолько опаснымъ представлялось пользованіе ими. Да Альфредъ Нобель и самъ понималъ, что его взрывчатая смѣсь все еще находится въ слишкомъ слабой зависимости отъ человѣка, все еще слишкомъ неожиданно проявляетъ свои опасныя свойства, для того чтобы сдѣлаться послушнымъ орудіемъ человѣка. Задача, такимъ образомъ, состояла въ томъ, чтобы, не ослабивъ взрывчатыхъ свойствъ вещества, внести въ него такія химическія и структурныя измѣненія, при которыхъ возможность

Фабрика Крюммеля (принадлежавшая раньше А. Нобелю) въ Гамбургѣ для производства динамита, при началѣ работъ.

неожиданныхъ взрывовъ была бы доведена до минимума. Прежде всего, взрывчатое вещество должно быть переведено изъ жидкаго состоянія въ твердое, — рѣшилъ Альфредъ Нобель и началъ усиленные поиски въ этомъ направленіи. Долгое время опыты не удавались. Наконецъ, помогъ случай. Однажды въ 1866 г. на крюммельской фабрикѣ нитроглицеринъ вытекъ на землю черезъ трещины сосуда, при чемъ взрывчатая жидкость попала на пористую почву, проникла внутрь ея и затвердѣла тамъ. Альфредъ Нобель, много думавшій и долго работавшій надъ вопросомъ о томъ, какимъ образомъ можно перейти отъ жидкихъ взрывчатыхъ веществъ къ твердымъ взрывчатымъ веществамъ, сразу оцѣнилъ, какое огромное значеніе данный случай долженъ имѣть для дальнѣйшаго производства взрывчатыхъ веществъ. Произведя немедленно опыты съ землей, пропитанной нитроглицериномъ, А. Нобель убѣдился, что эта твердая масса сохраняетъ въ чрезвычайно сильной степени взрывчатыя свойства. Трудная и важная задача, такимъ образомъ, была рѣшена. Надо было только выработать наиболѣе цѣлесообразныя приемы

для массоваго фабричнаго производства и отыскать болѣе подходящее пористое вещество. Такого рода вещество было отыскано: это оказались

Современный видъ динамитной фабрики Крюммеля (прежде А. Нобеля) въ Гамбургѣ.

особыя кремнистыя массы, которыя въ нѣкоторыхъ геологическихъ формаціяхъ встрѣчаются въ очень большомъ количествѣ. Такимъ образомъ, было получено новое взрывчатое вещество, взрывчатая свойства котораго были очень велики, но которое въ то же время находилось въ твердомъ состояніи и не давало столь частыхъ случайныхъ взрывовъ, какъ жидкій нитроглицеринъ. Это вещество получило названіе динамита.

Кромѣ тѣхъ печальныхъ услугъ, которыя динамитъ оказываетъ человѣчеству въ дѣлѣ истребленія себѣ подобныхъ, за динамитомъ имѣются огромныя культурныя заслуги. Не надо забывать, что динамитные патроны играютъ колоссальную роль во всемъ дорожномъ дѣлѣ. При помощи динамита легко сбрасываются и раскалываются громадныя глыбы, для удаленія которыхъ, въ противномъ случаѣ, было бы затрачено масса человеческихъ силъ и большія суммы денегъ. Динамитъ помогаетъ покрывать земной шаръ густою сѣтью дорогъ и тѣмъ облегчаетъ сношенія между отдѣльными замкнутыми группами человѣчества, а,

слѣдовательно, косвеннымъ образомъ помогаетъ понимать людямъ взаимные ихъ интересы и отыскивать и преслѣдовать общія задачи. Культурное зна-

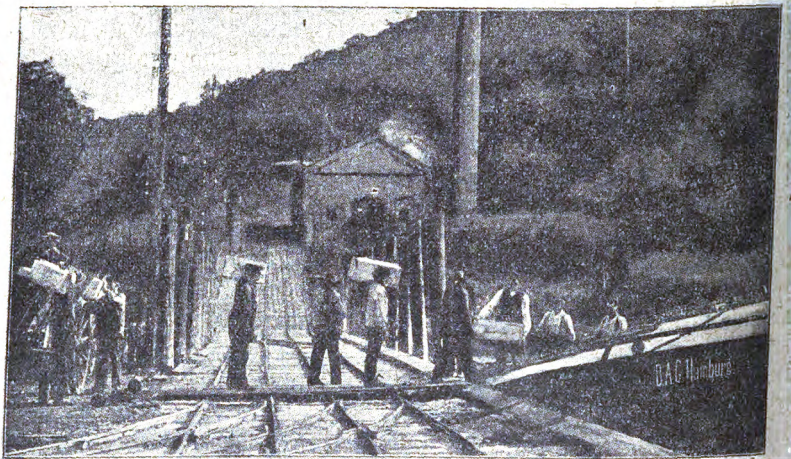
ченіе динамита для современнаго человѣчества — чрезвычайно велико. И, дѣйствительно, нельзя винить изобрѣтателя динамита Альфреда Нобеля за всѣ тѣ злоупотребленія которыя совершены людьми при помощи динамита, обращеннаго въ орудіе истребленія. Оцѣнивать значеніе динамита той кровью, которая была пролита при помощи его, — это было бы такой же ошибкой, говоря словами д-ра Геннига, нѣмецкаго біографа Альфреда Нобеля, какъ оцѣнивать значеніе желѣзныхъ дорогъ тѣми жертвами, которыя ежегодно уносятся при крушеніяхъ, или оцѣнивать значеніе альпійскихъ путешествій по числу ежегодно погибающихъ туристовъ.

Мы не можемъ останавливаться здѣсь надъ дальѣйшими техническими усовершенствованіями, которыя были внесены Альфредомъ Нобелемъ въ дѣлѣ использованія динамита. Въ исторіи динамита мы вынуждены здѣсь ограничиться лишь самыми необходимыми фактами. Изобрѣтеніе динамита, какъ было уже сказано, относится къ 1866 г. Въ сентябрѣ 1867 года Альфредъ Нобель получилъ свой первый патентъ на динамитъ въ Швеціи. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ патентовъ во всѣхъ важнѣйшихъ культурныхъ странахъ. Несмотря на сдержанный пріемъ, который былъ оказанъ динамиту при первомъ его выступленіи на рынокъ, Альфредъ Нобель предвидѣлъ великую будущность для своего дѣтища и приступилъ не только къ приспособленію для новаго производства своихъ прежнихъ нитроглицериновыхъ фабрикъ, но и для организаціи новыхъ динамитныхъ фабрикъ. Ожиданія Нобеля оправдались очень быстро. Всемирной славѣ динамита способствовала одна ужасная катастрофа. Это именно былъ взрывъ, произошедшій на кораблѣ съ грузомъ динамита, предназначеннымъ для города Лимы въ Перу. Взрывъ, произошедшій неподалеку отъ гавани названнаго города, былъ такъ силенъ, что отъ экипажа не осталось ни малѣйшаго слѣда. О силѣ динамита заговорили во всѣхъ углахъ земного шара. Динамитъ съ этого момента покорилъ весь міръ, какъ говорилъ самъ Альфредъ Нобель.

Заказы на динамитъ стали возрастать съ необычайной быстротой. А Нобелю пришлось торопиться съ устройствомъ новыхъ фабрикъ, для которыхъ планъ у него былъ уже готовъ въ головѣ. Въ этой кипучей дѣятельности повсюду требовалось присутствіе самого великаго изобрѣтателя. Въ 1868 г. онъ отправляется въ Америку и основываетъ здѣсь въ Санъ-Франциско динамитное общество подъ именемъ „California Powder Works“, начавшее выработку динамита фабричнымъ путемъ. Въ томъ же самомъ году по своему возвращеніи въ Европу, А. Нобель, основываетъ богемскую нитроглицериновую фабрику около Праги. Въ 1870 г. была имъ основана динамитная фабрика въ Финляндіи, въ 1871 г. — во Франціи. Въ томъ же году онъ образуетъ въ Глазговѣ „Британскую Динамитную Компанію“, которая нѣкоторое время спустя преобразовалась въ „Nobels Explosives Company“, создавшую самую большую динамитную фабрику во всемъ свѣтѣ. Въ 1872 г. была основана испанская динамитная фабрика около Бильбао и вторая нѣмецкая фабрика около Кельна. Затѣмъ въ ближайшіе годы послѣдовали итальянская, швейцарская, венгерская и португальская динамитныя фабрики и рядъ другихъ менѣе значительныхъ предпріятій, разбросанныхъ буквально по всему свѣту и посвященныхъ производству все того же динамита.

Эта разбросанная работа по всѣмъ народамъ и по всѣмъ странамъ земли имѣла огромное значеніе для внутренняго міра великаго изобрѣтателя. Подъ вліяніемъ этихъ постоянныхъ поѣздокъ изъ одного края въ другой, подъ вліяніемъ тѣснаго и близкаго соприкосновенія съ предста-

вителими самыхъ разнообразныхъ національностей изъ Альфреда Нобеля вырабатывался космополитъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Этому много способствовало и то, что, кромѣ своего родного шведскаго языка, Альфредъ Нобель съ одинаковымъ совершенствомъ владѣлъ нѣмецкимъ, англійскимъ, французскимъ и русскимъ языками, что ему открывало доступъ въ глубины жизни многихъ національностей и съ корнемъ вырывало всякіе побѣги шовинизма, если они только когда-нибудь пробивались въ его душѣ. Практическіе интересы самымъ реальнымъ образомъ связывали его съ разнообразными народами, а личныя привязанности не скрѣпляли его всецѣло ни съ одной страной. Родители его ушли въ Стокгольмъ, братья — въ Россію, для него самого родиной былъ весь міръ. Жены и дѣтей онъ не имѣлъ. Обзавестись семьей ему мѣшала работа, которая поглощала все время; кромѣ того, нитроглицеринъ и динамитъ, которыхъ

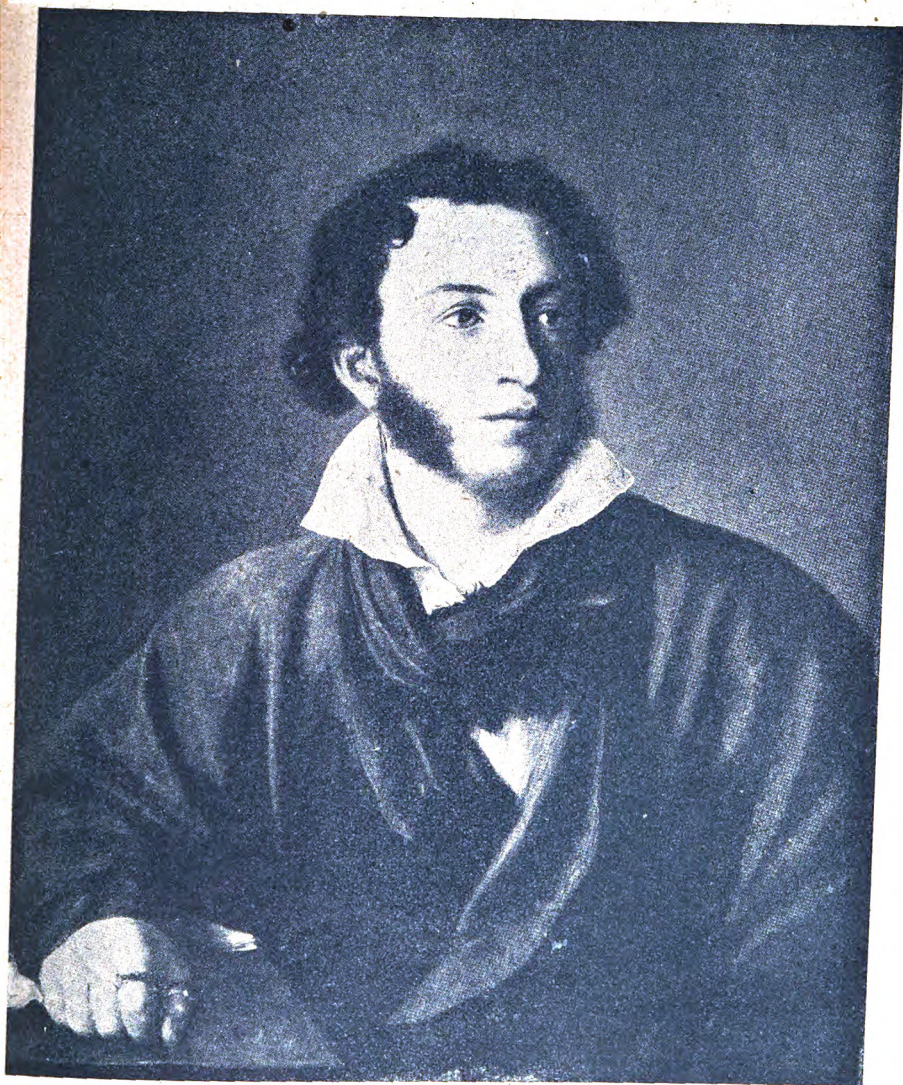
Перегрузка взрывчатыхъ веществъ на фабрику Крюммеля (раньше А. Нобеля) въ Гамбургѣ.

онъ по мѣсяцамъ не выпускалъ изъ рукъ, стремясь подчинить прихоти взрывчатыхъ веществъ волѣ человѣка, были непослушными и мстительными рабами. Сколько жертвъ этимъ буйнымъ силамъ прошло передъ глазами Альфреда Нобеля, и могъ ли онъ при этомъ обманывать себя, что жизнь его не виситъ на тонкой ниточкѣ, которая каждый моментъ можетъ оборваться? Такія условія не могли благопріятствовать мыслямъ о бракѣ, а постоянныя скитанія лишали возможности установить крѣпкія личныя привязанности. Вотъ почему къ своимъ сорока годамъ Альфредъ Нобель сдѣлался гражданиномъ всего культурнаго человѣчества и мѣстомъ своего жительства избралъ самый космополитическій изъ городовъ — Парижъ.

Парижская жизнь богача и всемірно извѣстнаго изобрѣтателя Альфреда Нобеля потекла теперь мирно, но въ глубокомъ уединеніи. Онъ всецѣло ушелъ въ свою химическую лабораторію, въ свои философскія мысли, въ свои литературныя и научныя работы. Изрѣдка онъ собиралъ въ своемъ особнякѣ-дворцѣ своихъ друзей изъ міра науки, философіи, литературы и искусства и задавалъ имъ роскошныя пиры съ дорогими винами. Но и на этихъ пирахъ онъ не измѣнялъ себѣ и оставался вѣрнымъ единственному своему напитку — водѣ.

чания“.

съ Альфред
того слов
шведск
адѣль въ
го ему от
съ корен
ибудь при
образомъ
занности
и въ Сл
есть мѣр
работа, и
мнить, въ

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.—Портретъ работы В. Тропинина.

Когда А. Нобель переселялся въ Парижъ, онъ, повидимому, еще таилъ въ глубинѣ своей души надежду на личную жизнь. Но здѣсь, въ Парижѣ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что время для этого уже пропущено, и покорился судьбѣ. Увѣренный, что ему не удастся передать свое хозяйство въ руки любящей жены, онъ помѣстилъ во многихъ французскихъ и иностранныхъ газетахъ слѣдующее объявленіе: „Очень богатый и образованный пожилой господинъ, проживающій въ Парижѣ, ищетъ владѣющую языками даму уже не первой молодости для исполненія секретарскихъ обязанностей и для надзора за домашнимъ хозяйствомъ.“ Этому объявленію суждено было сыграть въ жизни Альфреда Нобеля важную роль.

Среди потока безчисленныхъ писемъ, которые А. Нобель получилъ въ отвѣтъ на свое объявленіе, было письмо австрійской графини Берты Кински, — впоследствии баронесса Берта фонъ Суттнеръ, — сдѣлалась одной изъ самыхъ видныхъ и талантливыхъ проповѣдницъ всеобщаго мира и разоруженія. Неустроившаяся тогда личная жизнь заставила Берту фонъ Суттнеръ искать всякой возможности уѣхать съ родины и въ новыхъ условіяхъ позабыть о тѣхъ неудачахъ, которыя ее тогда преслѣдовали. Графинѣ Бертѣ Кински предложеніе А. Нобеля показалось подходящимъ, и она послала ему условно свое согласіе съ просьбой отвѣтить на нѣкоторые вопросы. Это послѣднее письмо показалось и А. Нобелю интереснымъ, и онъ вступилъ съ ней въ переписку. Родные графини, которой въ то время было 32 года, выяснили при помощи своихъ парижскихъ знакомыхъ, что такое представляетъ собою А. Нобель. Всѣ свѣдѣнія, полученныя ими, были въ высшей степени благопріятными для А. Нобеля, и, въ концѣ концовъ, молодая графиня рѣшила принять предложеніе А. Нобеля. Вотъ какъ она описываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ свою первую встрѣчу съ А. Нобелемъ, которому въ то время было 42 года.

„Рано утромъ пріѣхала я въ Парижъ. Г. Нобель самъ выѣхалъ встрѣтить меня на вокзалѣ и проводилъ меня въ „Grand Hotel“, гдѣ имъ были заказаны для меня комнаты. Въ своемъ небольшомъ, но роскошномъ особнячкѣ на Rue Malakoff онъ не могъ еще принять меня, такъ какъ мое помѣщеніе тамъ оклеивалось обоими и приводилось въ порядокъ. Пока же я, слѣдовательно, должна была оставаться въ отелѣ. Альфредъ Нобель производилъ очень симпатичное впечатлѣніе. „Старый господинъ“, какъ это значилось въ его приглашеніи, благодаря чему мы всѣ привыкли представлять его себѣ сѣдымъ и согбеннымъ, — это опредѣленіе совершенно не соответствовало истинѣ. Ростъ ниже средняго, большая темная густая борода, лицо, которое нельзя было назвать ни безобразнымъ, ни красивымъ, нѣсколько угрюмое выраженіе лица, смягчаемое нѣжными голубыми глазами, голосъ то съ меланхолическими, то съ насмѣшливыми интонаціями... Печаль и насмѣшка были въ его характерѣ. Не поэтому ли любимымъ его писателемъ былъ Байронъ?.. Благодаря предыдущей перепискѣ, мы встрѣтились не совсѣмъ, какъ чужіе, и между нами сразу завязался живой и интересный разговоръ. Послѣ завтрака, который былъ намъ поданъ въ общей столовой, мы сѣли въ его экипажъ и сдѣлали прогулку по Елисейскимъ полямъ... Онъ умѣлъ такъ плѣнительно шутить, рассказывать, философствовать, что разговоры захватывали васъ цѣликомъ. Говорить съ нимъ о мірѣ и людяхъ, объ искусствѣ и жизни, о задачахъ нашего времени и о вѣчности было истиннымъ наслажденіемъ. Отъ общественной жизни онъ

держался вдали — нѣкоторые элементы пошлости и лживости возбуждали въ немъ чувство гнѣвнаго отвращенія. Онъ весь былъ охваченъ вѣрою въ абстрактный идеалъ грядущаго высшаго человѣчества, — когда люди будутъ появляться на свѣтъ Божій съ болѣе развитыми мозгами, — но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ испытывалъ чувство величайшаго неудовольствія по отношенію къ большинству современныхъ людей: такъ много приходилось ему сталкиваться съ низкими, себялюбивыми, коварными характерами. Это неудовольство онъ переносилъ и на самого себя и былъ стыдливымъ до застѣнчивости. Онъ считалъ себя отталкивающимъ и думалъ, что не въ состояніи ни въ комъ возбудить къ себѣ симпатію; онъ постоянно боялся, что интересъ къ нему проявляютъ исключительно только въ виду его колоссальнаго богатства. Поэтому онъ и не имѣлъ желанія жениться. Его научныя изысканія, его опыты и его книги заполняли всю его жизнь. Онъ былъ писатель и поэтъ, но онъ не опубликовалъ ни одного изъ своихъ поэтическихъ произведеній. Онъ какъ-то далъ мнѣ въ рукописи большую, — на ста страницахъ — поэму философскаго содержанія, написанную на англійскомъ языкѣ. Я нашла ее безусловно прекрасной... Альфредъ Нобель могъ посвящать мнѣ только отъ одного до двухъ часовъ въ день, такъ какъ все остальное время поглощала у него работа. Умъ его снова былъ занятъ новымъ изобрѣтеніемъ. „Я хотѣлъ бы“, — сказалъ онъ мнѣ однажды, — „изобрѣсти машину или вещество такой страшной истребительной силы, чтобы война стала совершенно невозможной“...

Общеніе съ будущей Бертой фонъ Суттнеръ оказалось для Нобеля благоприятнымъ въ томъ отношеніи, что еще сильнѣе направило мысли знаменитаго изобрѣтателя на вопросы о борьбѣ съ величайшимъ человѣческимъ зломъ — войной. Это увлеченіе вопросами о томъ, какъ вѣрнѣе всего можно устранить изъ жизни человѣчества кроваваго бога войны, привело позднѣе къ тому, что Альфредъ Нобель пятую часть своего огромнаго состоянія отдалъ на дальнѣйшую разработку этой величайшей задачи. Такимъ образомъ, мы видимъ, что встрѣча Альфреда Нобеля съ Бертой фонъ Суттнеръ оставила глубокій слѣдъ не только въ жизни самого изобрѣтателя, но и въ культурной жизни человѣчества. А между тѣмъ, встрѣча эта была крайне кратковременной. Вскорѣ послѣ того, какъ графиня переѣхала, въ качествѣ домоправительницы и секретарши, въ роскошный особнякъ Нобеля, этому послѣднему пришлось покинуть Парижъ: онъ былъ вызванъ шведскимъ королемъ для личныхъ обсужденій вопроса о постановкѣ динамитнаго производства въ Швеціи. Оставшись одна въ богатомъ особнякѣ, затерявшемся въ огромномъ и чужомъ городѣ, графиня Берта сильно загрустила. Причина, которая заставила ее покинуть свою родину, была неналажившаяся тогда любовь къ молодому барону фонъ Суттнеръ. Отъѣздъ Берты былъ рѣшительнымъ шагомъ и въ этомъ отношеніи. Молодые люди только теперь, когда между ними легли тысячи верстъ, ясно поняли, какъ необходимы они другъ другу, и Берта, въ отвѣтъ на горячія письма своего будущаго мужа, бросила все и помчалась назадъ домой, къ себѣ на родину. Уѣзжая внезапно изъ Парижа, бросая, можно сказать, такъ вѣроломно огромное хозяйство, ввѣренное ей, Берта написала Альфреду Нобелю откровенное письмо, въ которомъ все объяснила и искренне просила прощенія за причиненныя безпокойства. А Нобель понялъ этотъ женскій порывъ своего друга. Онъ не только не обратился къ ней съ упреками, но не допустилъ у себя въ душѣ даже чувства раздраженія и остался на всю

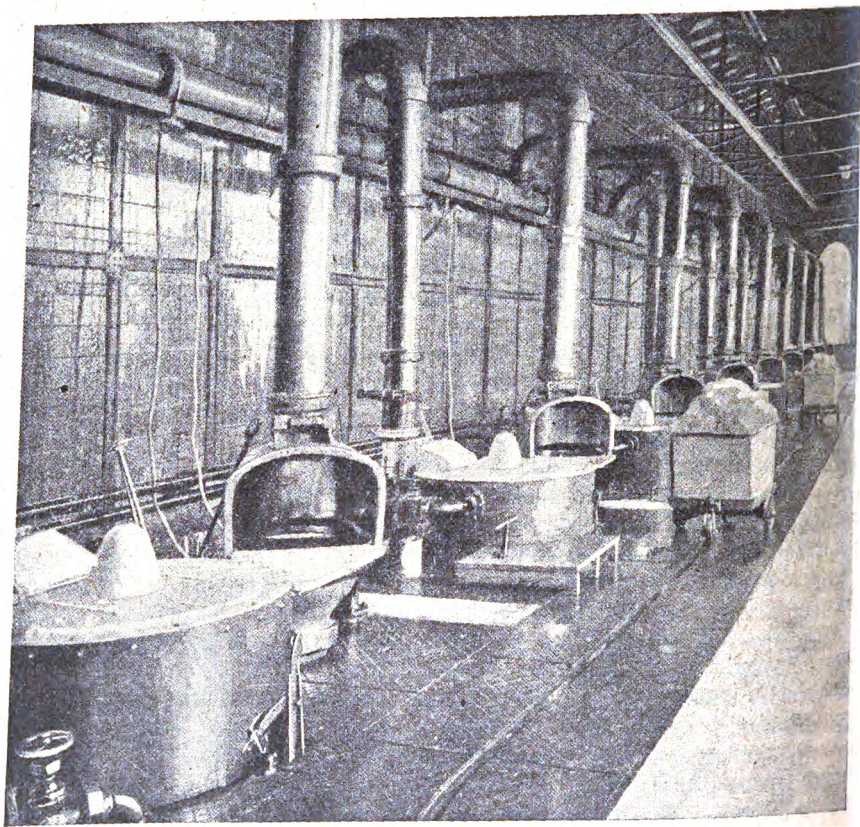
свою жизнь преданнымъ другомъ знаменитой впоследствии писательницы Берты фонъ Суттнеръ.

Возвратившись изъ Швеціи въ Парижъ, Альфредъ Нобель снова занялся опытами съ взрывчатыми веществами. Ему казалось, что то кремнистое вещество, которое онъ употреблялъ при производствѣ динамита, можетъ быть замѣнено какимъ-нибудь болѣе подходящимъ веществомъ, которое бы притомъ увеличивало взрывчатую силу нитроглицерина. Случай опять вывелъ его на новую дорогу. Какъ то онъ поранилъ себѣ палецъ и залилъ ранку коллодіумомъ. Ночью больной палецъ разболѣлся настолько, что Нобель проснулся отъ боли и не могъ заснуть снова. Чтобы отвлечь вниманіе отъ больного пальца, Нобель одѣлся и отправился поработать въ лабораторію, и здѣсь-то въ 2 часа ночи ему пришла мысль, нельзя ли насытить коллодій, которымъ была покрыта его ранка, нитроглицериномъ и не получится ли, благодаря этому, тѣ усовершенствованія, которыхъ онъ такъ упорно добивался. Опытъ удался какъ нельзя лучше; взрывчатый желатинъ или желатинированный нитроглицеринъ, какъ онъ назвалъ новое взрывчатое вещество, оказался обладающимъ еще болѣею силой, чѣмъ динамитъ, и представлялъ, кромѣ того, много другихъ преимуществъ по сравненію съ этимъ послѣднимъ. Это новое взрывчатое вещество блестяще оправдывало всѣ ожиданія изобрѣтателя въ ближайшіе же годы, когда оно было примѣнено при прорытіи С.-Готтардскаго туннеля, пробитаго чрезъ необычайно твердыя горныя породы. Это изобрѣтеніе, принесшее Нобелю новые милліоны, относится къ концу 1875 года.

Но въ то же самое время Альфредъ Нобель работалъ надъ множествомъ другихъ вопросовъ техники. Такъ, онъ внесъ важныя усовершенствованія въ процессы производства сѣрной кислоты, изобрѣлъ систему невзрывающихся паровыхъ котловъ, устроилъ автоматическій тормазъ и т. д. Но, несмотря на такое разнообразіе вопросовъ, занимавшихъ умъ знаменитаго изобрѣтателя, взрывчатые вещества продолжали быть любимымъ предметомъ его изслѣдованій. Теперь съ настоячивостью онъ занялся вопросомъ о бездымномъ порохѣ, надъ чѣмъ въ то время уже трудилось нѣсколько ученыхъ, которымъ, однако, не удалось достигнуть никакихъ ощутительныхъ результатовъ. Но тѣ тайны, которыхъ природа не хотѣла выдать другимъ, она легко отдавала Альфреду Нобелю. Въ 1888 году бездымный или нобелевскій порохъ былъ изобрѣтенъ и произвелъ колоссальный переворотъ во всемъ военномъ дѣлѣ.

Но этотъ же бездымный порохъ, который окончательно укрѣпилъ мировую славу изобрѣтателя, принесъ Нобелю много тяжелыхъ моментовъ и побудилъ его покинуть Парижъ, который онъ такъ любилъ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Нобель смотрѣлъ на свои изобрѣтенія не съ точки зрѣнія наживы и славы: въ нихъ онъ находилъ удовлетвореніе не только своему безпокойному духу, но, какъ ему казалось, отвѣчалъ и на запросы совѣсти. Подъ влияніемъ баронессы Берты фонъ Суттнеръ онъ сдѣлался горячимъ поборникомъ мира. И вотъ, во имя то этой великой идеи побѣды мира онъ и работалъ надъ изобрѣтеніемъ страшнѣйшихъ орудій истребленія. Ему казалось, что путемъ изобрѣтенія такого страшнаго истребительнаго средства или орудія, которое сдѣлало бы безсмысленнымъ всякое веденіе войны, человечество освободится отъ ига войны. Съ этой точки зрѣнія онъ считалъ справедливымъ, чтобы каждое его изобрѣтеніе, касающееся военныхъ дѣйствій, становилось достояніемъ всѣхъ странъ, всѣхъ государствъ. Вотъ почему онъ продалъ секретъ своего пороха,

какъ французамъ, такъ и ихъ сосѣдямъ, итальянцамъ, съ которыми они въ то время были въ натянутыхъ отношеніяхъ и со стороны которыхъ могли ожидать военныхъ дѣйствій. Шовинисты Франціи, которыми она богата, подняли газетную травлю противъ Нобеля. Въ этой травлѣ не щадилаась и его личная жизнь, которую извращали за недостаткомъ дѣйствительныхъ позорящихъ фактовъ. Этими шовинистическими выступлениями увлеклись даже правящія сферы, и префектъ Сены и Уазы, безъ

Фабрика нитроцеллюлозы (А. Нобеля) въ Гамбургѣ.

достаточныхъ поводовъ со стороны А. Нобеля, пригрозилъ ему двухмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, если онъ не будетъ строго исполнять предписаній относительно храненія взрывчатыхъ веществъ. Въ отвѣтъ на эту угрозу Нобель покинулъ Парижъ, гдѣ онъ провелъ 18 лѣтъ своей жизни, и переселился въ Италію, въ Санъ-Ремо, гдѣ въ живописной мѣстности устроилъ прелестную виллу, которой далъ и поэтическое имя „Mio Nido“ („Мое гнѣздо“). Этотъ переездъ, — какъ ни любилъ Альфредъ Нобель Парижъ за его космополитизмъ, — не былъ особенно тяжелымъ ударомъ для великаго изобрѣтателя. Въ теченіе всего своего 18-лѣтняго пребыванія въ Парижѣ онъ велъ въ общемъ такую уединенную жизнь, что друзей, съ которыми бы ему важно было поддерживать постоянныя личныя отношенія, у него въ Парижѣ почти не было, а своихъ неизмѣнныхъ друзей — свою библіотеку и свою лабораторію — онъ взялъ съ собой въ Санъ-Ремо.

Когда въ 1891 г. Альфредъ Нобель перебирался въ Санъ-Ремо, онъ имѣлъ уже 58 лѣтъ отъ роду. Но возрастъ, повидимому, не дѣйствовалъ на его работоспособность. Здѣсь, въ Италіи, онъ продолжалъ такую же воздержанную, такую же рабочую, такую же полную умственного напряженія жизнь, какъ и въ болѣе ранніе годы въ Стокгольмѣ или въ Парижѣ. Эти послѣдніе годы выделяются развѣ только все возрастающимъ его интересомъ къ идеямъ пацифистовъ, къ задачамъ устраненія войны и утвержденія всеобщаго мира. Сильнѣйшій толчекъ въ этомъ направленіи дала та же Берта фонъ Суттнеръ своимъ великолѣпнымъ романомъ „Долой оружіе!“ Теперь въ его мозгу встаетъ настойчивый вопросъ о томъ, что можно сдѣлать реальнаго для проведенія этой благородной идеи въ жизнь, — сдѣлать теперь же, не отодвигая проектовъ въ туманную даль. Вотъ почему онъ съ глубокимъ вниманіемъ отнесся къ четвертому всемирному конгрессу сторонниковъ мира, собравшемуся въ 1892 году въ Бернѣ. Онъ пріѣхалъ на конгрессъ, но, не желая обращать на себя вниманіе, остался инкогнито и видѣлся только съ Бертой фонъ Суттнеръ и ея мужемъ. Онъ тщательно разспрашивалъ своихъ старинныхъ друзей обо всемъ, что происходило на конгрессѣ, и внимательно обсуждалъ всѣ проекты, всѣ предположенія, стараясь самой тщательной критикой разсѣять свои послѣднія сомнѣнія относительно значенія пацифистскаго движенія. Въ Бернѣ онъ пробылъ недолго и, уѣзжая, упросилъ супруговъ фонъ Суттнеръ пріѣхать въ Цюрихъ, гдѣ онъ въ то время проживалъ.

И тѣмъ не менѣе, его мысль и въ Санъ-Ремо настойчиво работаетъ надъ изобрѣтеніемъ орудій и средствъ истребленія. Мы уже знаемъ, какими идеями были связаны въ умѣ Альфреда Нобеля эти два противоположныхъ порыва — къ войнѣ и къ миру. Мы можемъ понять, какимъ образомъ у него вырвалась какъ то фраза, сказанная Бертой фонъ Суттнеръ: „мои фабрики положить конецъ войнамъ, быть можетъ, раньше, чѣмъ ваши конгрессы“. Онъ горячо вѣрилъ въ правильность своего пути къ миру черезъ ужасы истребительныхъ средствъ, и онъ не хотѣлъ сойти съ этого пути до конца своей жизни. Даже больше того. Онъ захотѣлъ теперь развернуть свою дѣятельность еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Отъ работъ надъ динамитомъ и бездымнымъ порохомъ онъ захотѣлъ перейти къ работамъ надъ пушками и другими метательными орудіями. Съ этой цѣлью онъ рѣшился переѣхать въ Швецію и взять въ свои руки оборону страны. При его богатствахъ, знаніяхъ, работоспособности и уваженіи, которымъ онъ пользовался почти повсюду, — осуществить этотъ планъ было уже не такъ трудно. Для исполненія своего плана Нобель рѣшился перебраться въ Бьёрнеборгъ, шведскій городъ. Здѣсь онъ устроилъ огромную лабораторію, раза въ четыре превосходившую тѣ лабораторіи, которыя онъ имѣлъ въ Парижѣ и Санъ-Ремо. Онъ пригласилъ себѣ шесть помощниковъ для тѣхъ задуманныхъ работъ, какія онъ, повидимому, хотѣлъ сосредоточить въ области электротехники.

Въ теченіе 1894—1896 г. онъ дѣлилъ свое время между Швеціей и Италіей. Но судьба, наконецъ, измѣнила своему любимцу. Эти хлопоты со шведской лабораторіей обострили сердечную болѣзнь, которой онъ страдалъ уже нѣсколько лѣтъ. И болѣзнь эта оказалась для него роковой: вмѣшательство медицины не принесло ему пользы. 10 декабря 1896 г. онъ былъ найденъ мертвымъ въ своей лабораторіи въ Санъ-Ремо. Смерть застала его при работѣ. Болѣе славной смерти едва ли можно и желать. Послѣднее его письмо къ Бертой фонъ Суттнеръ, написанное имъ 21 ноября 1896 г., кромѣ легкихъ и даже ироническихъ жалобъ на

свою болѣзнь, заключаютъ его восторженную вѣру въ то, что пацифистское движеніе скорѣ встанетъ на твердую почву, благодаря цивилизаціи, проникающей въ массы, и особенно благодаря борцамъ противъ мрака и предразсудковъ.

Эта идея о „войнѣ противъ войны“ крѣпко владѣла умомъ великаго изобрѣтателя. Доказательствомъ служить его знаменитое завѣщаніе, представляющее удивительный человѣческій документъ. Но прежде, чѣмъ перейти къ завѣщанію Альфреда Нобеля, напомнимъ нѣкоторыя черты его характера.

Мы знаемъ, что ни богатство, ни извѣстность, ни колоссальныя знанія, ни успѣхъ въ его работѣ не могли вытравить изъ этой богатой души, которая съ одинаковымъ интересомъ погружалась въ сухія химическія формулы и отдавалась поэтическому творчеству, — чувства какой то безграничной печали и ѣдкой насмѣшки. Недаромъ, какъ было уже сказано, любимымъ поэтомъ его былъ Байронъ, котораго онъ такъ часто перечитывалъ, что могъ страницами цитировать наизусть. Эта печаль его души и эта насмѣшка надъ своей и чужой жизнью теряли свою остроту только, благодаря общественнымъ идеаламъ, которымъ онъ оставался вѣренъ до послѣдней минуты своего существованія. Онъ горячо вѣрилъ въ будущее облагороженное человѣчество, которое по своему душевному строю будетъ отъ насъ такъ же далеко, какъ далеки мы отъ нашихъ обезьяноподобныхъ предковъ. Путь къ этому великому будущему — безостановочно растущая цивилизація. Вѣрный этимъ принципамъ, давшимъ ему силу довести свой жизненный путь до его естественнаго конца, онъ, завѣщая предать свой трупъ огню, отдавалъ весь свой огромный капиталъ почти въ 20 милліоновъ руб. на дѣло развитія культуры. Своимъ родственникамъ онъ завѣщалъ только около $\frac{1}{2}$ милл. руб. Въ этомъ дала себя почувствовать преданность общественнымъ идеямъ, которыя онъ высоко цѣнилъ при своей жизни. Онъ хорошо понималъ, что при современныхъ условіяхъ нажить капиталъ можно путемъ лишь грубой эксплуатаціи и захвата тѣхъ знаній, которыя вѣками приобро́тались человѣчествомъ. Онъ считалъ поэтому справедливымъ возвращать эти богатства человѣчеству въ цѣломъ. Съ этимъ такъ гармонировалъ его космополитизмъ, выработанный имъ въ процессѣ долгой работы на всемъ просторѣ земного шара и заставлявшій его говорить: „Мое отечество — тамъ, гдѣ я работаю, а работаю я — повсюду“...

Его завѣщаніе было составлено на шведскомъ языкѣ и оформлено въ Парижѣ 27 ноября 1895 г. Въ этомъ документѣ онъ требуетъ, чтобы весь его капиталъ былъ обращенъ въ надежныя процентныя бумаги и проценты ежегодно распределялись въ награду тѣмъ, чей трудъ будетъ признанъ наиболѣе полезнымъ для человѣчества за истекшій годъ. „Проценты съ этихъ капиталовъ“, — продолжаетъ завѣщаніе, — „должны быть раздѣляемы на пять частей, распределение которыхъ будетъ таково: одна часть тому, кто сдѣлалъ важнѣйшее открытіе или изобрѣтеніе въ области физическихъ наукъ; другая — тому, кто сдѣлалъ важнѣйшее открытіе или усовершенствованіе въ области химическихъ явленій; третья — тому, кто сдѣлалъ важнѣйшее открытіе въ области физиологии или медицины; четвертая — тому, кто въ области литературы далъ наиболѣе замѣчательное произведеніе съ идеалистической точки зрѣнія; пятая — тому, кто больше всего или наиболѣе удачнымъ образомъ поработалъ въ пользу укрѣпленія братскихъ чувствъ среди народовъ, разоруженія или уменьшенія современныхъ армій, созыва или распространенія конгрес-

совъ мира. Преміи по физикѣ и химіи назначаются Шведскѣй Академіей Наукъ, за фізіологическія и медицинскія работы Каролинскимъ Институтомъ въ Стокгольмѣ, по литературѣ Стокгольмской Академіей, за труды по укрѣпленію мира — комиссіей изъ 5 лицъ, выбранныхъ норвежскимъ стортингомъ. Я настойчиво прошу, чтобы при назначеніи премій никакого вниманія не обращалось на національность лица и премія выдавалась бы наиболѣе достойному, будетъ ли онъ принадлежать къ скандинавцамъ или нѣтъ“.

Таково въ общихъ чертахъ единственное въ своемъ родѣ завѣщаніе, отдававшее огромное состояніе, нажитое выдающимся фабрикантомъ, замѣчательнымъ ученымъ и великимъ изобрѣтателемъ, на дѣло міровой культуры.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о самомъ исполненіи этого замѣчательнаго завѣщанія. Альфредъ Нобель умеръ 10-го декабря (вотъ почему къ этому дню приурочено ежегодное распределение его премій) 1896 г., а, между тѣмъ, въ первый разъ преміи его были назначены лишь въ 1901 г. (распредѣляемая сумма колеблется между 135.000 — 160.000 франковъ). Причиной этой задержки былъ процессъ, при помощи котораго нѣкоторые родственники, не поддерживавшіе даже личныхъ сношеній съ Альфредомъ Нобелемъ при его жизни, пытались оторвать отъ огромнаго наслѣдства лакомые кусочки. Къ чести ближайшихъ родственниковъ Альфреда Нобеля надо сказать, что они не только не дѣлали покушеній на наследство, отданные братомъ на дѣло служенія міровой культурѣ, но отказались и отъ той части, которая была назначена имъ завѣщателемъ. Впрочемъ, это были все очень богатые люди. Одинъ изъ братьевъ, оставшійся въ Россіи, былъ основателемъ нефтепромышленной фирмы Нобель, эксплуатирующей нефтяныя богатства Каспійскаго побережья. На защиту завѣщанія отъ поползновенія родственниковъ Альфреда Нобеля ушло нѣсколько лѣтъ. Нѣсколько же лѣтъ ушло на реализацію его имущества, которое было разбросано по всей Европѣ и существованіе котораго регулировалось самыми разнообразными законодательствами.

Съ 1901 г. по 1912 годъ нобелевскія преміи были выданы 70 лицамъ (неоднократно премія въ той или другой области бывала раздѣ-

Памятникъ Альфреду Нобелю на фабрикѣ Крюммеля (раньше А. Нобеля) въ Гамбургѣ. (Статуя изображаетъ побѣду техники надъ силами природы).

лена между двумя лицами). Всего больше нобелевскихъ премій прѣдоставлялись за это время на долю нѣмцевъ, за которыми слѣдуютъ французы, русскіе премірованы были только двое (оба за работы въ области физиологіи и медицины: Иванъ Петровичъ Павловъ и И. И. Мечниковъ). Нѣкоторые изъ назначеній этихъ премій вызывали въ ученостѣ или турномъ мірѣ большое неудовольствіе своей непослѣдовательности или своей неосновательности. Таково, напр., назначеніе преміи по секціи всеобщаго міра президенту Сѣверо-Американскости, онъ содѣйствовалъ за то, что, исполняя свои officialныя обязанности, во время послѣдней войны между этими двумя державами. Но нельзя не признать, что значительное большинство премій все-таки было назначено до послѣдняго справедливостію и осмотрительностію. Впрочемъ, одна сторона завѣщанія Альфреда Нобеля все-таки остается невыполненной въ указанное время. Мы видѣли, что Альфредъ Нобель желалъ, чтобы премірованы были лишь наиболѣе замѣчательныя работы, исполненныя въ указаннымъ имъ областяхъ за послѣдній годъ. Это требованіе Нобель отдавалъ свои преміи, до самаго послѣдняго времени, а между тѣмъ, самъ Нобель придавалъ этому требованію очень большое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, своими преміями онъ стремился не только вознаградить извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, писателей и ученыхъ, но какъ бы ускорить процессъ творчества въ извѣстныхъ областяхъ культуры. Съ этой точки зрѣнія для него представляли огромную цѣнность всякіе смѣлые и оригинальные порывы къ рѣшенію проблемъ, хотя бы они не достигали поставленной цѣли. Вотъ почему онъ, напр., не задумался дать 80.000 фр. на безумную попытку Андре, рѣшившагося достигъ сѣвернаго полюса на воздушномъ шарѣ. Надо надѣяться, что на эту чрезвычайно важную сторону завѣщанія великаго изобрѣтателя будетъ обращено самое серьезное вниманіе въ ближайшее время.

ВЕЛИКІЕ МУЗЫКАНТЫ. I.

Очеркъ развитія основныхъ элементовъ современной музуки *).

Вопросъ о происхожденіи музыки относится не къ исторіи искусства, а скорѣе къ философіи и антропологіи,—замѣчаетъ Лявуа. И, дѣйствительно, человѣкъ не только въ полосу цивилизаціи, но и въ полосу своего человѣческаго существованія выступаетъ уже музыкальнымъ существомъ. Да и приходится этому удивляться! Міръ животныхъ полонъ самыхъ разнообразныхъ музыкальных звуковъ. Естественный подборъ выработалъ въ этомъ отношеніи множество удивительныхъ приспособленій, показывая тѣмъ самымъ, какую огромную роль музыкальные звуки играютъ въ развитіи животнаго царства. Стоитъ вспомнить хотя бы музыкальные инструменты сверчковъ, воздушные мѣшки лягушекъ, усиливающіе звукъ, погремушки многихъ змѣй и замѣчательное устройство горла у пѣвчихъ птицъ. Многие изъ ближайшихъ родичей человѣка не отстали въ этомъ отношеніи отъ другихъ представителей животнаго царства. Такъ, напр., извѣстно, что одна порода изъ семейства гиббоновъ издаетъ какъ разъ октаву музыкальных звуковъ, восходя и нисходя черезъ всю скалу полутонами.

Но, вынося первыя свои музыкальныя побужденія и, быть можетъ, навыки изъ животнаго царства, человѣкъ очень рано пересталъ удовле-

*) Для настоящаго очерка мы пользовались Fétis, „Histoire générale de la musique“ 2 т. Laroix, „Histoire de la musique“. Paul Landormy, „Histoire de la musique“. Albert Soubies, „Histoire de la musique en Russie“. Н. Покровский, „Музыкальная драма“. П. Н. Милюковъ, „Очерки по исторіи русской культуры и др.

творяться тѣми средствами, которыя предоставила ему природа. Онъ очень рано началъ изобрѣтать музыкальные инструменты. Археологическія находки начинаютъ показывать, что въ дольменахъ у Пуатье д-ромъ были найдены два инструмента, найденныхъ въ обстоятельствѣхъ. Это — дѣла руки ученыхъ отнести ихъ къ концу каменныхъ вѣка. Вторая изъ ступеней — увѣренностью. Одна изъ нихъ была найдена въ дольменахъ, чѣмъ флейта, — была найдена въ Парижѣ; другая, — скорѣе свистокъ, чѣмъ флейта, — была найдена въ слѣдѣ, въ которомъ находились останки рога оленя, вторая изъ ступеней Первой изъ нихъ была выдолблена изъ рога оленя музыкальные мастера. Въ самомъ эти отдаленныя отъ насъ времена музыкальные инструменты, извлекающіе огромный шагъ впередъ въ техникахъ своихъ, пробитыхъ на равномъ разстояніи другъ отъ друга, и давала возможность, слѣдовательно, физики, сразу четыре послѣдовательныхъ музыкальных тона. Всякій, кто знакомъ съ теоріей звука, хотя бы по элементарнымъ учебникамъ нужно было сдѣлать представить себѣ, какъ много тонкихъ наблюденій необходимо, первые человѣку для того, чтобы подобнымъ образомъ овладѣть столбомъ воздуха, заключеннаго въ полости этого инструмента. Такимъ образомъ, дѣйствительныя опыты человѣка съ устройствомъ музыкальных инструментовъ, дѣйствительно, уходятъ въ непроглядную тьму вѣковъ, оставленныхъ человѣкомъ позади себя на пройденномъ пути развитія. Мудрено ли послѣ этого, что музыкѣ, — по сказаніямъ почти всѣхъ народовъ, — приписывается божественное происхожденіе. Стоить хотя бы вспомнить лучезарнаго Аполлона съ его знаменитой лирой.

Съ другой стороны, изученіе жизни дикарей показываетъ, что разнообразныя и подчасъ очень сложныя инструменты мы встрѣчаемъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ человѣческаго развитія. Для иллюстраціи будетъ достаточно хотя бы слѣдующаго описанія, даннаго Кукомъ, знаменитымъ путешественникомъ XVIII столѣтія, относительно островитянъ Великаго Океана, не соприкасавшихся раньше ни съ какими цивилизованными расами.

„Тоотаахъ (одинъ изъ вождей на островѣ Отаити)“, — рассказываетъ Кукъ, — „далъ намъ возможность ознакомиться съ музыкой его страны. Четверо музыкантовъ играли на флейтахъ, изъ которыхъ каждая была снабжена двумя отверстіями (не считая амбушюра), и на которыхъ, слѣдовательно, можно было извлекать только четыре звука. Они играли на этихъ инструментахъ совершенно такъ же, какъ играютъ на обыкновенной флейтаверзѣ, съ тою только разницею, что воздухъ они вдвухли не ртомъ, а ноздрей — въ одно изъ отверстій, причемъ второе изъ этихъ отверстій закрывали пальцемъ. Четыре пѣвца присоединяли свои голоса къ звукамъ инструментовъ, очень хорошо соблюдая темпъ, но въ теченіе всего концерта исполнялась всего только одна мелодія“. Дальше Кукъ прибавляетъ: „Флейты и барабаны являются единственными музыкальными инструментами, съ которыми знакомы отаитяне. Флейты были сдѣланы изъ полыхъ стеблей бамбука длиною приблизительно въ одинъ футъ... Барабанъ состоитъ изъ полого цилиндрическаго обрубка дерева, который, съ одной стороны, остается сплошнымъ, а съ другой стороны — имѣетъ отверстіе, на которое натянута кожа акулы. Ударяютъ отаитяне въ барабанъ руками, но они не умѣютъ согласовать звуки двухъ бара-

рановъ, отличающихся различными тонами, хотя и умѣютъ приводить къ одному тону двѣ флейты, играющія одновременно; для этого они берутъ листокъ, скатываютъ его трубкой и вставляютъ въ конецъ самой короткой флейты; такимъ образомъ, они то удлинняютъ, то укорачиваютъ эту флейту, совершенно такъ же, какъ это дѣлается съ трубками телескопа, до тѣхъ поръ пока не найдутъ требуемаго тона“.

Какой же колоссальный путь пройденъ нашими музыкальными инструментами отъ этихъ первобытныхъ флейтъ изъ полога рога оленя или изъ полога стебля бамбука и отъ этого барабана, устроеннаго изъ выдолбленнаго обрубка дерева! Стоить только вспомнить все это безконечное разнообразіе духовыхъ и струнныхъ инструментовъ, — часто съ удивительно остроумнымъ устройствомъ: всѣ эти кларнеты, корнети à пистоны, волторны, тромбоны, лиры, мандолины, гитары, скрипки, віолончели, арфы, контрабасы, безконечное разнообразіе барабановъ и т. д. и

Кристофъ Виллибальдъ Глюкъ.
(1714—1787).

Луиджи Керубини.
(1760—1842).

т. д. и, наконецъ, органы и піанино, представляющіе собою цѣлые оркестры въ миниатюрѣ! И все это входитъ со своими требованіями, съ своими особыми красотою и со своими спеціальными недостатками въ исторію музыки и накладываетъ свой отпечатокъ и на музыкальное исполненіе, и на музыкальное творчество.

Отаитяне, услаждавшіе своимъ концертомъ слухъ Кука, располагали только четырьмя звуками и въ теченіе всего концерта исполняли всего только одну мелодію. И эту наивную, хотя, быть можетъ, подчасъ и очень красивую, музыку отдѣляетъ цѣлая пропасть отъ нашей современной музыки. Для того, чтобы дать читателю понятіе о тѣхъ сложныхъ задачахъ, которыя преслѣдуются здѣсь современной музыкой, мы приводимъ слѣдующую выписку изъ интересной работы г. Н. Покровскаго („Музыкальная драма“).

„Для выраженія нашихъ мыслей, впечатлѣній и чувствъ въ музыкѣ служатъ: мелодія, ритмъ, тембръ, тактъ и гармонія. Гармонія — та часть музыки, которая подходитъ къ понятію о наукѣ, которую можно изучать; это — техника музыкальнаго искусства, доведенная музыкантами и физиками до совершенства; каждый можетъ изучать правила гармоніи (контрапунктъ и генераль-басъ), а при способности къ этому роду занятій и эрудиціи — можетъ сдѣлаться композиторомъ. Гармонія

есть употребленіе звуковъ аккордами и созвучьями, когда кому имѣетъ дѣло не съ однимъ голосомъ (инструментомъ), а со многими чона даетъ средства для развитія и украшенія музыкальной рѣчи, да приданія ей силы и оттѣнковъ... Мелодія и ритмъ — такіе элементы музыки, которые не поддаются теоріи; чтобы овладѣть ими, мало одного изученія, нуженъ талантъ. Прежде объясненія, что такое мелодія, рассмотримъ, что называется въ музыкѣ мотивомъ? Мотивъ есть все то, что въ области звуковъ даетъ композитору поводъ идти далѣе, развивая мотивъ.

Людвигъ ванъ-Бетховенъ
(1770—1827).

Обыкновенно же мотивъ состоитъ изъ нѣсколькихъ нотъ, составляя первоначальную мелодію... Мотивъ, повторенный съ различными видоизмѣненіями, или нѣсколькими мотивовъ, соединенныхъ вмѣстѣ, образуютъ мелодію. Существенное условіе мелодіи составляютъ закругленія музыкальной рѣчи или каденцы; непрерывное теченіе звуковъ, безъ закругленій или передышки, такъ сказать, безъ знаковъ препинанія, не даетъ мелодіи или дѣлаетъ ее слишкомъ бѣдной и безсодержательной. Профессоръ Соловьевъ говоритъ: мелодія составляетъ главный элементъ въ музыкѣ, безъ него не обходилось и не обходится ни одно музыкальное сочиненіе, носящее на себѣ печать дарованія, будь оно безыскусственнымъ

продуктомъ народа или плодомъ сознательнаго творчества. Чтобы написать хорошую мелодію, нуженъ довольно большой талантъ. Мелодія это — музыкальная рѣчь, музыка по преимуществу... Мелодія легче для пѣнія, чѣмъ всякая музыкальная декламация; пѣвецъ понимаетъ мелодію, она легко укладывается въ памяти, потому что она есть осмысленная музыкальная рѣчь. Какъ существенно значеніе мелодіи, можно видѣть изъ слѣдующихъ соображеній. Кому изъ людей, наслушавшихся хорошей музыки, не случалось иногда въ извѣстномъ настроеніи духа, припомнить какую-нибудь мелодію, отвѣчающую этому настроенію и напѣвать ее? А композиторъ къ такія минуты беретъ на фортепіано не чужія извѣстныя мелодіи, а новыя, свои собственныя... Ритмъ, послѣ мелодіи, — важнѣйшій элементъ въ музыкѣ. Въ стихахъ ритмомъ называется размѣръ, въ музыкѣ

Для размѣра есть терминъ — тактъ, а ритмъ имѣеть болѣе обширное значеніе. Трудно опредѣлить, что такое музыкальный ритмъ... Ритмъ получается отъ протяженія извѣстныхъ нотъ, отчего пьеса получаетъ особый характеръ; каучу, мазурку и вальсъ играютъ въ одномъ темпѣ, но темпъ этихъ пьесъ различенъ отъ различной разстановки нотъ разнаго достоинства, протяжныхъ и короткихъ. Въ словесности тоже нѣкоторые размѣры стиховъ специально годятся для извѣстнаго рода стихотвореній... Понятно послѣ этого, какъ сильно должна измѣниться мелодія, вся музыкальная пьеса, отъ измѣненія въ протяженіи извѣстныхъ нотъ, т. е. отъ измѣненія ритма. Тембръ состоитъ въ различіи одного и того же звука, взятаго на разныхъ инструментахъ и разными голосами; онъ много помогаетъ выраженію въ музыкѣ: напримѣръ, гобой свойствененъ пасторальному характеру мелодій, волторна — охотничьему, лѣсному; арфа служитъ для воздушной сферы мысли и т. д. Фортепіано имѣеть самый слабый тембръ и потому почти не употребляется въ оркестрѣ.

Никколо Паганини, знаменитый итальянскій скрипачъ-виртузъ.
(1784—1840).

Карль-Марія Веберъ.
(1786—1826).

Разнообразіе и осложненіе инструментовъ, развитіе всѣхъ способовъ выраженія музыкальной мысли, начиная отъ изобрѣтенія нотныхъ знаковъ и кончая мудреннѣйшими правилами контрапункта и генераль-баса, — все это нарастало, пріобрѣталось, завоевывалось колоссальнымъ трудомъ массы людей всѣхъ вѣковъ, страстно отдававшихъ свои силы, а часто и огромные таланты музыкальному творчеству. Такъ исподволь, камень за камнемъ, строилась исторія музыки, представляющей, по словамъ Сѣрова, въ исторіи человѣческой культуры не меньшее значеніе, чѣмъ открытія технического характера. Отсюда мы видимъ, какую сложную работу должны были исполнить историки музыки. Но эта сложность работы усугубляется еще, благодаря одному свойству, присущему изъ всѣхъ искусствъ одной только музыкѣ. „Искусство это“ — пишетъ Фетисъ („Histoire générale de la musique“), — „не можетъ служить для выраженія какихъ-нибудь опредѣленныхъ идей или для изображенія предметовъ внѣшняго міра, какъ поэзія, живопись и скульптура; музыка особенно приспособлена къ тому, чтобы вызывать въ душѣ человѣка тѣ или другія эмо-

ціи и выражать чувства, неисчерпаемые оттѣнки которыхъ совершенно ускользаютъ отъ анализа. Поэзія древнихъ римлянъ, среднихъ вѣковъ и нашего времени ведетъ начало отъ поэмъ Гомера, Пиндара, Анакреона: въ каждомъ гениальномъ и глубоко самостоятельномъ произведеніи можно найти слѣды вліянія этихъ трехъ великихъ поэтовъ. Гомеръ и Вергилій оживаютъ въ поэтическомъ апокалипсисѣ Данте, оригинальное творчество котораго вдохновляло его послѣдователей. Произведенія Эсхила, Эврипида и Софокла даютъ себя чувствовать хотя бы отчасти въ произведеніяхъ современнаго театра. Статуи и барельефы нашихъ скульпторовъ по цѣли не отличаются отъ произведеній рѣзца Фидія и Праксителя, хотя никогда не могутъ достигнуть совершенства этихъ послѣднихъ. Къ искусству греческихъ живописцевъ современная живопись прибавила только перспективу и болѣе тонкое пониманіе красокъ. Что же касается предметовъ, изображаемыхъ въ живописи и заимствуемыхъ исключительно у природы,

Дж. Россини.
(1792—1868).

что касается также формы, то здѣсь ничего не измѣнилось. Напротивъ, многообразныя проявленія музыки, неопредѣленной по своей сущности и взвѣшенной по своему дѣйствію, если и имѣютъ что-либо идентичное, такъ это — звукъ и темпъ. У народовъ Индіи, въ Китаѣ, у арабовъ, у грековъ, въ церковныхъ напѣвахъ средневѣковья, въ гармоническихъ комбинаціяхъ четырнадцатаго, пятнадцатаго и шестнадцатаго вѣковъ, въ народныхъ мелодіяхъ различныхъ націй, наконецъ, въ драматическихъ или инструментальныхъ произведеніяхъ композиторовъ нашихъ дней, мы находимъ такъ мало сходнаго, что готовы приписать этимъ различнымъ проявленіямъ музыкальнаго творчества различное происхожденіе. По-

дражаніе природѣ, — по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, — является неизбѣжнымъ условіемъ рисунка, свободное и самопроизвольное творчество — таковымъ же условіемъ музыки“.

Все это дѣлаетъ исторію музыки трудной до необычайности. Неудивительно, что исторія музыки возникла только въ послѣднія десятилѣтія. Нѣкоторые ученые музыканты думаютъ, что она еще вовсе не написана. Задачей настоящаго очерка будетъ намѣтить лишь самыя выдающіяся вершины въ томъ недостаточно еще изслѣдованномъ и уходящемъ отъ насъ въ непредѣльную даль хребтѣ, который представляетъ собой музыкальное развитіе человѣчества.

Если первые зародыши музыкальнаго искусства, въ видѣ флейтъ каменнаго періода, показываютъ, что человѣкъ былъ болѣе или менѣе музыкальнымъ существомъ еще далеко до начала исторіи, то на зарѣ исторіи мы находимъ, что человѣчество сдѣлало значительные успѣхи на пути своего музыкальнаго развитія. Объ этомъ свидѣлствуютъ прежде всего египетскіе памятники. Картины и барельефы, созданные рукою человѣка за тысячелѣтія до Р. Хр., показываютъ, что уже въ этой глубокой древности египтяне обладали довольно разнообразными инструмен-

тами и охотно прибѣгали къ музыкальному и вокальному исполненію при всякомъ подходящемъ случаѣ. Торжественныя вступленія царей-побѣдителей, которыхъ сопровождали толпы плѣнниковъ и горы награбленной добычи, совершеніе религіозныхъ обрядовъ въ громадныхъ и мрачныхъ египетскихъ храмахъ, веселыя пирушки, на которыхъ развертываются гирлянды танцовщицъ, и во множествѣ другихъ печальныхъ и радостныхъ случаевъ общественной и частной жизни египтянъ мы встрѣчаемъ самое широкое и разнообразное примѣненіе музыки. Вотъ нѣсколько примѣровъ музыкальных инструментовъ на египетскихъ памятникахъ: 1) двѣ арфы — одна шести, другая семи-струнная и флейта; 2) восемнадцатиструнная лира, большая четырнадцатиструнная арфа, двойная флейта и музыкантша, ударяющая въ тактъ руками; 3) маленькая семиструнная арфа, пять музыкантовъ, выбивающихъ тактъ руками, два пѣвца (Пирамида Гизехъ); 4) маленький отрядъ воиновъ съ барабаномъ, трубой и погремушками; 5) частный концертъ, исполняемый двойной флейтой и четырьмя музыкантами, бьющими въ ладоши, и т. д. У ассирянъ, какъ видно по ихъ памятникамъ, музыка играла также очень важную роль, но, соотвѣтственно ихъ болѣе упрощенной психологии, они обладали меньшимъ количествомъ инструментовъ. Но кто изъ народовъ древности поднималъ музыку на необычайную высоту, такъ это были древніе евреи. Библия буквально переполнена упоминаніями и описаніями самыхъ разнообразныхъ музыкальных выступленій. Съ того момента, когда двѣнадцать колѣнъ утвердились въ Палестинѣ, евреи постоянно обращаются къ музыкѣ и при совершеніи культа, и при исполненіи многихъ актовъ управленія. При судьяхъ музыка дѣлаетъ значительные успѣхи. Самуилъ, самый почитаемый изъ нихъ, устроилъ школу пророковъ и музыкантовъ. Тамъ когда-то Давидъ нашелъ себѣ убѣжище отъ преслѣдованій Саула. „Когда Давидъ вступилъ на престолъ“, — говоритъ Лявуа, — „то сильнѣйшее лирическое настроеніе, какъ извѣстно, охватило его, и именно съ этого дня музыкѣ было отведено видное мѣсто во всѣхъ крупныхъ политическихъ и религіозныхъ выступленіяхъ. Онъ проектировалъ возвести великолѣпный храмъ, достойный содержать священный ковчегъ; въ то же самое время онъ организовалъ значительный оркестръ и хоръ, въ которые по очереди вступало до четырехъ тысячъ пѣвцовъ и музыкантовъ. Двѣсти восемьдесятъ восемь изъ нихъ были выбраны для того, чтобы они обучали другихъ и преподавали имъ практику пѣнія... Въ богослуженіи, при обыкно-

Джіакомо Мейерберъ.
(1791—1864).

венныхъ обстоятельствахъ, принимали участіе 12 пѣвцовъ и 12 музыкантовъ, изъ которыхъ девять играли на арфѣ, три на китарѣ и одинъ на цимбалѣ. Чѣмъ значительнѣе было празднество, тѣмъ большее количество музыкантовъ и пѣвцовъ принимало участіе въ богослуженіи. По одному тексту Талмуда, голоса женщинъ не должны были раздаваться въ святилищѣ; въ храмѣ голоса женщинъ замѣщались голосами молодыхъ левитовъ. Однако, при царскомъ дворѣ имѣлись пѣвицы, которыя выступали при народныхъ празднествахъ и при погребальныхъ церемоніяхъ. По смерти Соломона блестящій періодъ музыкальнаго творчества у еврейскаго народа обрывается, и, тѣмъ не менѣе, вавилонское плѣненіе исторгаетъ изъ души еврейскаго народа возвышенныя пѣсни.

Но всѣ наши свѣдѣнія о музыкѣ египтянъ, ассиріянъ и евреевъ ограничиваются, такъ сказать, только внѣшней стороной: количествомъ и разнообразіемъ инструментовъ, способомъ ихъ примѣненія, организаціей оркестра и хоровъ. Но какова была сама музыка, какія мелодіи исполнялись на этихъ инструментахъ и въ этихъ хорахъ, какова была гармонія этихъ музыкальных исполненій, — все это остается покрытой пеленой загадкой, которая, повидимому, никогда не будетъ снята рукою ученаго.

Роб. Шубертъ.
(1797—1828).

Гораздо больше мы знаемъ уже о древне-греческой музыкѣ, такъ какъ народъ этотъ ближе къ намъ и по культурѣ, и по времени своей исторіи, и по мѣсту своей жизни. Многочисленные и разнообразные памятники греческаго искусства и литературы даютъ

Гекторъ Берлиозъ.
(1803—1869).

возможность съ значительной полнотой возстановить, по крайней мѣрѣ, внѣшнюю сторону музыкальнаго развитія древнихъ грековъ.

Самымъ древнимъ національнымъ инструментомъ грековъ является, повидимому, дорическая лира. Одно время она, повидимому, безраздѣльно царила во всей музыкальной области древнихъ грековъ. Но вотъ изъ той же Малой Азіи, изъ которой вышли самые древніе, — насколько объ этомъ можетъ судить исторія, — жители южной части Балканскаго полуострова, явились индійская и фригійская флейты. Многіе рассказы ваютъ намъ живописно о той борьбѣ, которая, повидимому, упорно велась между представителями этихъ двухъ музыкальных теченій. Въ результатѣ флейта завоевала право гражданства въ музыкальномъ мірѣ древнихъ грековъ, но не вытѣснила и лиры. Съ тѣхъ поръ музыкальное развитіе грековъ пошло въ этихъ двухъ направленіяхъ. Если Аполлонъ, защитникъ лиры, нашелъ себѣ противника въ лицѣ Вакха, проповѣдника флейты, если такимъ образомъ струнные инструменты въ самые отдаленные періоды греческой музыки столкнулись съ духовыми инструментами, то вслѣдъ затѣмъ и въ самой области струнныхъ инструментовъ

Памятникъ Гутенбергу въ Майнцѣ работы Торвальдсена.

начинается борьба и дифференціація. Когда доряне спустились со своими лирами съ еракійскихъ горъ и достигли южной оконечности Балканскаго полуострова, они нашли здѣсь людей, прибывшихъ снова изъ Египта и Финикіи и привезшихъ съ собой новый струнный инструментъ — многострунную киеару, которую эти подвижные и торговые люди посвятили не Аполлону, а покровителю торговли — Меркурію. Аполлону пришлось со своей упрощенной лирой вынести новую борьбу съ Меркуріемъ и, въ концѣ концовъ, подѣлить область музыкальнаго искусства и съ этимъ послѣднимъ. Такимъ образомъ, — говоря словами Лявуа, — лира, флейта и киеара, — Аполлонъ, Вакхъ и Меркурій, — являются великими символами музыкальнаго развитія въ древней Греціи“.

Эти три типа музыкальных инструментовъ изъ столѣтія въ столѣтіе совершенствовались и усложнялись и породили очень большое количество струнныхъ и духовыхъ инструментовъ, какъ это можно видѣть на греческихъ вазахъ, произведеніяхъ живописи, скульптурныхъ изваяніяхъ, описаніяхъ современниковъ этого далекаго и блестящаго времени. Еще большее впечатлѣніе разнообразія получается, когда мы просмотримъ списки инструментовъ, оставленные нѣкоторыми писателями того времени. Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ необходима извѣстная осторожность, такъ какъ, вслѣдствіе развитія мѣстной жизни, мы часто встрѣчаемъ различныя названія для одного и того же инструмента; кромѣ того, каждая страна, почти каждый городъ стремилась внести въ устройство музыкальных инструментовъ тѣ или другія измѣненія и усовершенствованія, которыя, тѣмъ не менѣе, въ существенныхъ чертахъ сохраняли свой прежній типъ.

Ф. Мендельсонъ-Бартольди.
(1809—1847).

Чтобы показать это быстрое развитіе греческихъ инструментовъ, скажемъ нѣсколько словъ объ измѣненіяхъ, которымъ подверглись лира и флейта. Та скромная лира, — форминксъ, на древне-греческомъ, — на которой Оемій и Демодокъ въ безсмертныхъ поэмахъ Гомера подыгрывали своимъ пѣснямъ о троянскомъ походѣ, имѣла обыкновенно всего только четыре струны. Но, по мѣрѣ того, какъ вкусъ грековъ къ музыкѣ развивался, этого числа струнъ оказалось уже недостаточно. На форминксѣ появилась пятая, шестая, седьмая струна и такъ дошло до 12 или даже 15 струнъ. Лира, слѣдовательно, по количеству струнъ, все ближе и ближе стала подходить къ киеарѣ. Но киеара, тѣмъ не менѣе, въ самые блестящіе періоды развитія лиры, оставалась все-таки инструментомъ и болѣе сложнымъ, и болѣе музыкальнымъ, и болѣе звонкимъ, и лучше устроеннымъ, чѣмъ лира. Но не только особенности въ своемъ устройствѣ сохранила киеара подъ напоромъ лиры, но и свой тембръ, какъ это показываетъ борьба противъ нея Платона и его сторонниковъ, стремившихся изгнать киеару изъ Аѳинъ, какъ инструментъ съ слишкомъ извѣженными звуками. Что же касается флейты, то о быстромъ и энергичномъ развитіи этого инструмента достаточное представленіе можетъ

дать уже одинъ тотъ фактъ, что греки насчитывали до 37 различныхъ видовъ флейты, которыя давали полный рядъ переходныхъ формъ отъ самой простой свирѣли до сложнаго гобоя и флейтаверса. Онѣ отличались по величинѣ, по формѣ и по тембру. Обычай приурочилъ употребленіе различныхъ видовъ флейтъ къ различнымъ случаямъ жизни. Однѣ флейты употреблялись въ процессіяхъ молодыхъ дѣвушекъ, другія — толпою дѣтей, отправлявшихся въ школу, третьи — въ аккомпаниментъ мужского хора и т. д., и т. д.

Кромѣ флейты, кивары и лиры, греки очень рано начали употреблять трубы, которыя большого развитія достигли, однако, лишь у римлянъ. Впрочемъ, звуки трубные не такъ часто оглашали военное поле, какъ раздавались передъ жертвенниками боговъ. Затѣмъ идутъ инструменты, непосредственно заимствованные у азиатскихъ народовъ. Сюда относятся, конечно, арфы и всякаго рода ударные инструменты, — барабаны, кимвалы, погремушки и треугольники, — которые употреблялись особенно часто въ культъ Вакха.

Если мы обратимся теперь къ вопросу о томъ, какую роль въ жизни грека играла музыка, то мы поймемъ, почему музыкальное развитіе грековъ должно было подвигаться такимъ быстрымъ темпомъ. Почетное мѣсто было отведено музыкѣ при исполненіи всякихъ богослужебныхъ дѣйствій. Гимны звучали при каждомъ богослуженіи, при каждомъ жертвенникѣ. Но мало этого, почти каждому изъ крупныхъ божествъ былъ посвященъ особый гимнъ: дионирамбъ — Вакху, пеанъ, сдѣлавшійся національнымъ греческимъ гимномъ — Аполлону, уле — Церерѣ и т. д. И гимны эти должны были выражать различныя чувства, различныя настроенія: то радостныя, то грустныя; и каждому богу служилъ, по преимуществу, свой инструментъ: Аполлону, напр., лира и кивара, Вакху — флейта и т. д. Такимъ образомъ, уже въ этотъ ранній періодъ музыкальнаго развитія человечества было подмѣчено, что тембры различныхъ инструментовъ наилучшимъ образомъ соотвѣтствуютъ различнымъ музыкальнымъ заданіямъ. Но не только богослуженія требовали употребленія музыкальных инструментовъ: процессіи, игры (какъ, напр., олимпійскія), самый театръ широко употребляли вокальныя и музыкальныя средства того времени, тѣмъ болѣе, что всякія народныя празднества такъ охотно сопровождаются здѣсь всевозможными танцами. Частная жизнь грека также была наполнена музыкой. Не было ни одного ремесла, которое не имѣло бы своей профессиональной пѣсенки; не устраивалось ни одного пиршества, которое не сопровождалось бы веселыми пѣснями.

Немудрено, что при такихъ условіяхъ музыка охотно становилась предметомъ тщательнаго изученія въ древней Греціи. Многіе греческіе города обладали спеціальными музыкальными школами — консерваторіями. Изъ этихъ консерваторій нѣкоторыя пользовались большою извѣстностью. Такова, напр., была Фиванская консерваторія, воспитанникомъ которой считается Промость, бывший, какъ полагаютъ, однимъ изъ изобрѣтателей нотописанія, и Пиндаръ, домъ котораго, изъ уваженія къ музыкальному искусству хозяина, былъ пощаженъ Александромъ Македонскимъ при разрушеніи Фивъ, этого смѣлаго города, рѣшившагося защищать свою свободу противъ новаго завоевателя. Изъ не менѣе знаменитыхъ консерваторій Лесбоса и Самоса вышли Сафо и Анакреонъ. Вообще, древняя Греція гордится многими знаменитыми пѣвцами и музыкантами, связавшими свои имена съ поэтическимъ творчествомъ. Таковы Эсхиль, Софокль, Эврипидъ, Аристофанъ.

Разъ музыка привлекала въ древней Греціи столько умственныхъ силъ и такіе выдающіеся умы, то естественно, что она развивалась не только въ практическомъ отношеніи, но и въ теоретическомъ. Несомнѣнно, что греки сдѣлали величайшій шагъ въ исторіи музыки: они научились изображать звуки и ритмъ ихъ при помощи письменныхъ знаковъ. Было ли это одно изъ величайшихъ искусствъ заимствовано и только развито и укрѣплено ими, или же вся честь изобрѣтенія его должна быть отнесена имъ, — сказать теперь трудно. Во всякомъ случаѣ, ни отъ египтянъ, ни отъ вавилонянъ, ни даже отъ евреевъ до насъ не дошло ни малѣйшихъ слѣдовъ нотописанія. Мелодіи этихъ народовъ умерли вмѣстѣ съ послѣдними ихъ исполнителями. Не то было съ греками. Отъ нихъ въ нотномъ изображеніи дошла до насъ одна изъ пиическихъ одъ Пиндара и нѣсколько гимновъ. Правда, эти ноты нисколько не походили на наши ноты. Звуки здѣсь изображались при помощи буквъ, поставленныхъ въ прямомъ, косомъ, перевернутомъ положеніи, значеніе ихъ, т.-е. протяженіе обозначалось горизонтальными черточками съ крючками и безъ крючковъ. Были изобрѣтены также знаки и для паузъ. Всего (какъ при инструментальномъ, такъ и при вокальномъ исполненіи) имѣлось 138 знаковъ; если къ этимъ знакамъ прибавить всѣ тѣ, при помощи которыхъ обозначались продолжительность нотъ и паузы, то получится почти 150 знаковъ. Съ точки зрѣнія выраженія музыкальныхъ мыслей, нотописаніе это можно считать достаточно полнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и слишкомъ сложнымъ.

Фридерикъ Шопенъ.
(1809—1849).

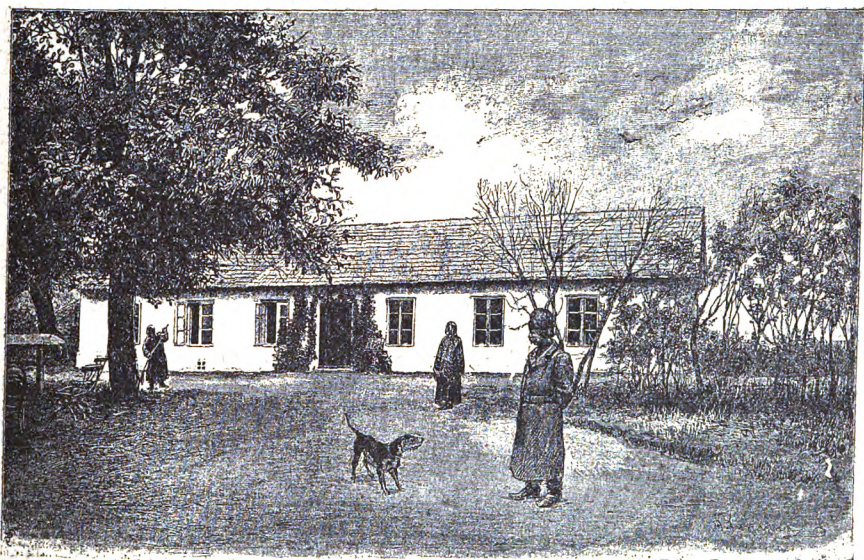
Несмотря на большой прогрессъ музыкальнаго искусства въ древней Греціи, музыка, по сравненію съ современнымъ ея состояніемъ, оказывается на очень низкой ступени развитія. „Древніе“, — говоритъ г. Покровскій, — „вовсе не знали того, что мы теперь называемъ музыкой; въ области искусства они знали архитектуру, скульптуру и словесность; музыка ихъ была лишь дополненіемъ къ словесности и танцамъ; музыка есть искусство новыхъ временъ. Музыка древнихъ грековъ не можетъ доставить намъ эстетическаго удовольствія; въ древней Греціи было то, что слѣдуетъ назвать рѣчью на распѣвъ, словопѣніемъ. Аристотель пѣніе, какъ средство для знанія законовъ, которые лучше запомнились при изученіи ихъ съ пѣніемъ. Что могло дать грекамъ идею сопровождать свои рѣчи въ трагедіи музыкальными звуками? Трагедіи давались на открытомъ воздухѣ, среди большого собранія народа; чтобы быть слышнымъ, актеръ, игравшій роль начальника хора, долженъ былъ возвышать голосъ; въ хорѣ нѣсколько человѣкъ, чтобы быть слышными, должны были говорить громко въ унисонъ; это и породило пѣніе у древ-

нихъ грековъ въ трагедіяхъ. Но въ этомъ поводѣ къ пѣнію нѣтъ ничего музыкальнаго съ нашей точки зрѣнія. По нашему, музыка должна передавать въ звукахъ не слова, а идею композитора; вотъ почему у насъ есть музыка безъ словъ и тѣлодвиженій, чего у грековъ не было; Сократъ дивился, какъ можно играть на лирѣ или на флейтѣ, не зная словъ исполняемой музыки. Народная пѣсня у грековъ имѣетъ уже характеръ нынѣшней музыки, но въ древней Греціи она не признавалась достойною раздаваться со сцены и прежде всего потому, что, будучи сама произведеніемъ музыкальной поэзіи, она мѣшала бы словесной поэзіи. Только въ позднѣйшія времена народная пѣсня нашла себѣ и у грековъ примѣненіе въ трагедіяхъ; у Еврипида можно уже встрѣтить арію съ страстной мелодіей. Пѣніе у грековъ не подчинило себѣ текста, оно стояло на второмъ планѣ; несмотря ни на какія идеи греческаго композитора, онъ не могъ употреблять ни такого forte, ни такого темпа, чтобы это могло заглушить отчетливое произношеніе словъ. Теперь же, въ наши времена, ни одинъ композиторъ не поступится музыкальными требованіями въ пользу текста... Другой поводъ появленія музыки у грековъ былъ тоже не музыкальный — музыка сопровождала танцы. При танцахъ нужно выбивать темпъ, а для этого лучше всего издавать звуки въ темпѣ танца и, разумѣется, — пріятные, музыкальные. Танцы, сами по себѣ, не требуютъ настоящей музыки: у южныхъ народовъ танцуютъ часто подъ хлопанье въ ладоши; слишкомъ выразительная музыка, напримѣръ, музыка Шопена даже не годится для танцевъ... Все это и удержало музыку въ древней Греціи на низкомъ уровнѣ развитія, по сравненію съ тѣмъ, что она представляетъ собой въ настоящее время.

Пріобрѣтенія грековъ въ области музыкальнаго искусства почти цѣликомъ перешли къ римлянамъ. Но, какъ ни мало этотъ народъ воиновъ былъ предрасположенъ къ музыкальному творчеству, римляне, тѣмъ не менѣе, оставили значительный слѣдъ послѣ себя въ исторіи музыкальнаго развитія человѣчества. Мы уже говорили, что развитіе и усовершенствованіе трубъ, какъ музыкальных инструментовъ, было дѣломъ древнихъ римлянъ. Труды у римлянъ нашли огромное примѣненіе въ военномъ дѣлѣ. По своимъ формамъ, размѣрамъ и тембру онѣ представляли огромное разнообразіе. Онѣ воистину являются національнымъ музыкальнымъ инструментомъ этого воинственнаго народа. Но человѣчество обязано римлянамъ не только многочисленными формами трубъ, изъ которыхъ многія и въ настоящее время являются необходимою принадлежностью самыхъ изысканныхъ оркестровъ, но и изобрѣтеніемъ другого музыкальнаго инструмента, сыгравшаго такую огромную роль въ развитіи духовной религіозной музыки, по крайней мѣрѣ, въ Западной Европѣ. Мы говоримъ объ органѣ. Имена ученаго Ктезибія и его сына, знаменитаго физика Герона, неразрывно связаны съ изобрѣтеніемъ и усовершенствованіемъ этого замѣчательнаго инструмента. Главнѣйшія работы по устройству органовъ впервые были предприняты за 150 лѣтъ до Р. Хр. Въ теоретическомъ отношеніи римляне также обогатили исторію музыки нѣсколькими чрезвычайно цѣнными произведеніями. Особенно важными въ этомъ отношеніи являются работы Витрувія (въ I-мъ вѣкѣ послѣ Р. Хр.), Цензорина (въ III-мъ вѣкѣ послѣ Р. Хр.) и Макроба (въ V вѣкѣ послѣ Р. Хр.). Успѣхамъ музыки у римлянъ много содѣйствовало то обстоятельство, что она долгое время была въ большомъ почетѣ у римской аристократіи. Объ увлеченіяхъ Нерона музыкой извѣстно всякому. Менѣе извѣстно то, что Неронъ, дѣйствительно, былъ довольно талантливымъ

исполнителемъ и композиторомъ. Изъ другихъ музыкантовъ, принадлежавшихъ къ римской знати, можно упомянуть о Норбанѣ Флаккѣ, очень хорошо игравшемъ на трубѣ, о Кальпурніи Пизонѣ, прекрасно владѣвшемъ киеарой, о императорѣ Титѣ, который былъ хорошимъ пѣвцомъ и владѣлъ нѣсколькими инструментами, объ Адрианѣ, гордившемся своимъ искусствомъ пѣть и играть на киеарѣ, Калигулѣ, пѣвцѣ и танцорѣ, Геліогабалѣ, игравшемъ на трубѣ и органѣ, Александрѣ Северѣ, умѣвшемъ играть на лирѣ, флейтѣ, органѣ и трубѣ. Эти высокіе покровители музыки поддерживали къ ней усиленный интересъ и привлекали ко двору выдающихся музыкантовъ.

Въ развалинахъ, которыми покрыли Римскую имперію нахлынувшіе на нее варвары, музыкальныя приобрѣтенія древности, однако, не погибли. Какъ и многія другія культурныя приобрѣтенія древняго міра,

Домъ въ деревнѣ Желізова Воля, гдѣ родился Шопенъ.

музыка древнихъ грековъ и римлянъ была спасена въ своихъ существенныхъ чертахъ молодой христіанской церковью, передавшей многочисленныя ея сокровища въ своихъ благоговѣйныхъ напѣвахъ и нашему времени. Въ то самое время, когда незаурядный музыкантъ Неронъ импровизировалъ свои стихи, любуясь колоссальнымъ пожарищемъ, бушевавшимъ на улицахъ Рима, въ то самое время, когда, отложивъ лиру, на которой онъ подбиралъ нѣжныя мелодіи, онъ шелъ любоваться, какъ горѣли „Свѣточы Христіанства“, въ глубокихъ катакомбахъ собирались неслышныя на поверхности земли хоры послѣдователей христіанской вѣры. Почти съ первыхъ же шаговъ христіанской церкви, наряду съ массой бѣдныхъ и угнетенныхъ, необразованныхъ, но чистыхъ сердцемъ и свѣтлыхъ надеждой простолюдиновъ, то тутъ, то тамъ появляются въ видѣ послѣдователей люди богатые, знатные, образованные, которые вкусили отъ старой изысканной культуры все, что могли, и которые, въ концѣ концовъ, глубоко разочаровались въ этой культурѣ и ушли отъ нея. Та-

кимъ образомъ, новая христіанская культура, ни въ чемъ не измѣняя своимъ принципамъ, начинаетъ усваивать тѣ культурныя средства, которыя были выработаны языческимъ міромъ. То же самое случилось, какъ сказано, и въ области музыки. Церковное пѣніе первыхъ христіанскихъ общинъ является прочнымъ звеномъ въ исторіи музыкальнаго развитія человѣчества между современной музыкой и музыкой античнаго міра.

Но христіанская церковь не только сохранила въ своихъ нѣдрахъ многія культурныя приобрѣтенія античнаго міра, но очень рано начала ихъ углублять, видоизмѣнять и совершенствовать. Въ области музыки изъ мрака этого переходнаго періода навсегда засіяла для человѣчества одна изъ вершинъ музыкальнаго міра — папа св. Григорій, занимавшій папскій престолъ отъ 590 до 604 г. Онъ представлялъ собой въ высокой степени творческую силу. Одинъ изъ выдающихся людей современной Франціи, знаменитый знатокъ музыки Роменъ Ролланъ, говоритъ о

Ф. Флотовъ.
(1812—1883).

музыкальной школѣ папы Григорія Святого: „вотъ искусство, которое вышло изъ нѣдръ варварства и не заключаетъ въ себѣ ничего варварскаго“. Для того, чтобы понять, какую высокую оцѣнку музыкальной дѣятельности папы Григорія Святого представляетъ собою только что приведенный отзывъ Романа Роллана, надо хоть въ самыхъ общихъ чертахъ вспомнить общественную обстановку того времени. Раздавленная копытами варварскихъ полчищъ античная культура заглохла; народныя массы дичали съ каждымъ столѣтіемъ все больше и больше; умственные интересы и человѣческія чувства изгонялись новыми обычаями и навыками. Мерзость запустѣнія все больше и больше обволаки-

вала своею липкой и противной паутиной человѣческую жизнь. Человѣческое общество представлялось настолько разрушеннымъ и безповоротно уничтоженнымъ, что въ глазахъ лучшихъ людей картина, развертывавшаяся передъ ними, была картиной гибели міра, кануномъ пришествія антихриста и страшнаго суда. Какую же большую и сильную душу надо было имѣть для того, чтобы въ такихъ условіяхъ интересоваться музыкой и стать вдохновеннымъ творцомъ новаго музыкальнаго теченія. Папа Григорій Св. собралъ многочисленныя напѣвы христіанскихъ общинъ того времени, внимательно изслѣдовалъ и отбросилъ отъ нихъ все излишнее, все суетное, всѣ излишнія украшенія, всѣ временныя и дешевыя наслоенія и создалъ изъ нихъ тѣ торжественныя, грозныя и нѣжныя мелодіи, на которыхъ покоится почти вся современная церковная музыка, и отголоски которой такъ часто слышатся и въ современной музыкальной драмѣ. Это — музыка совершенно особаго рода. „Есть и въ наше время“, — говоритъ г. Н. Покровский, — „одинъ родъ музыки, который ведетъ свое начало отъ древнихъ грековъ; время такъ его измѣнило, что эта музыка стала походить теперь на новую музыку и потеряла

сходство съ музыкой грековъ; однако, по существу своему этотъ родъ музыки равнозначущъ съ древней музыкой. Главная особенность этого рода музыки, какъ и греческой, заключается въ томъ, что въ обоихъ родахъ нѣтъ музыкальной рѣчи; музыка въ нихъ только сопровождаетъ слова. Мы говоримъ о духовной музыкѣ и специально о музыкѣ православной церкви. Вся эта музыка — вокальная; произошла она отъ примѣненія звуковъ къ тексту, а не самостоятельно; первобытные греческіе напѣвы не утратились и, переживъ вѣка, нашли себѣ примѣненіе въ пѣсняхъ христіанской церкви („Искусство“ Карьера, стр. 105). Содержаніе духовныхъ стиховъ такъ возвышено, что и слово не можетъ вполне выразить его; значеніе ихъ понимается не эстетически, а философически. Музыкальный языкъ поспорить со словомъ въ выраженіи чувства, но личное чувство не нужно въ духовномъ стихѣ, гдѣ идея такъ высока, что вызываетъ въ вѣрующемъ благоговѣніе, а невѣрующаго не обратить къ вѣрѣ музыкой“...

Но дѣятельность папы Григорія Святого не ограничивалась только собираніемъ напѣвовъ и ихъ очищеніемъ и даже переработкой. Онъ внесъ нѣкоторыя измѣненія въ построеніи гаммъ, надъ которыми немало работали и древніе музыканты. Онъ внесъ также полезныя измѣненія въ способы письменнаго изображенія нотъ, хотя методы изображенія ихъ при помощи буквъ остались имъ нетронутыми. Онъ съ чрезвычайной энергіей пропагандировалъ тѣ церковныя пѣнопѣнія, которыя были имъ разработаны, при помощи музыкальной школы, устроенной имъ въ Римѣ. И недаромъ пѣлая система въ вокальной музыкѣ получила названіе грегорианской.

Но музыка грегорианская, какъ и музыка древнегреческая, не знала искусства гармоніи. Оркестръ и хоръ пѣлъ всегда въ унисонъ, т. е. всѣ участники въ одно и то же время брали однѣ и тѣ же ноты. Разница могла допускаться только на октаву, когда въ хорѣ смѣшивались голоса людей различныхъ возрастовъ и обоего пола. Первымъ шагомъ въ области гармоніи было сближеніе двухъ различныхъ голосовъ, постановка ихъ не на октаву другъ отъ друга, а на нѣсколько меньшій интервалъ. Первымъ сколько-нибудь сноснымъ созвучіемъ въ этомъ отношеніи будетъ аккордъ изъ двухъ нотъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга на квинту. Такимъ образомъ, къ этимъ новымъ аккордамъ музыканты начала средневѣковья были приведены самой логикой вещей. По существу эти новые аккорды несомнѣнно являются шагомъ и большимъ шагомъ впередъ, такъ какъ это былъ первый камень, на которомъ было воздвигнуто въ послѣдствіи великолѣпное нынѣ зданіе гармоніи. Но съ нашей точки зрѣнія эти новые аккорды не могли служить украшеніемъ музыки.

Робертъ Шуманъ.
(1819—1856).

Если бы теперь какой-нибудь оркестръ или какой-нибудь композиторъ на фортепьяно или органѣ вздумалъ исполнить какую-либо мелодію аккордами, составные звуки которыхъ отдѣлены другъ отъ друга на квинту, то для нашего уха получилась бы совершенно невыносимая какофонія. Но тогда эта новая музыка знатокамъ дѣла казалась, очевидно, оригинальной и интересной и, вѣроятно, пріятной. Впрочемъ, эти новые аккорды при вокальномъ исполненіи не представляются и намъ столь ужасными, какъ при исполненіи инструментальномъ. Это новое открытіе въ средневѣковой музыкѣ было въ высшей степени благоприятнымъ и въ томъ отношеніи, что подняло теоретическую работу музыкантовъ и дало поводъ для разсужденій по вопросамъ о созвучіи. Такъ, напр., начала ученія о гармоніи въ ясно высказанныхъ выраженіяхъ

Шарль Гуно.
(1818—1893).

мы находимъ у Исихора, епископа севильскаго, жившаго въ VII вѣкѣ послѣ Р. Хр.

Не забудемъ, однако, что появленіе этихъ новыхъ аккордовъ не могло отразиться существеннымъ образомъ на музыкальномъ творествѣ, такъ какъ звуки, хотя и организованные въ новые аккорды, шли всегда параллельно другъ другу, т. е. между каждой парой одновременно взятыхъ звуковъ разниа оставалась равной квинтѣ. Но вскорѣ затѣмъ, — именно въ началѣ XII столѣтія, — было сдѣлано новое и на этотъ разъ, дѣйствительно, гениальное открытіе. Это было пѣніе дискантомъ. Этого термина нельзя оставить теперь безъ поясненія уже по одному тому, что онъ совершенно потерялъ

первоначальное значеніе. Въ настоящее время этимъ терминомъ, — по крайней мѣрѣ, въ общепитіи, — обозначается извѣстная полоса звуковъ, обладающихъ опредѣленной высотой. Иначе дѣло обстояло раньше. Тогда терминъ „дискантъ“ относился не столько къ высотѣ голоса, сколько къ способу пѣнія. Мы видѣли, что въ аккордахъ начала средневѣковья звуки всегда шли параллельно, т. е. на разстояніи квинты или октавы другъ отъ друга. Музыканты того времени мало-по-малу установили, что можетъ получиться много красивыхъ комбинацій изъ двухъ голосовъ, если одинъ будетъ пѣть, „вести“ основную мелодію, а другой будетъ двигаться въ противоположномъ ему направленіи, т. е. спускаться, когда основной голосъ поднимается и обратно. Голосъ, который велъ основной мотивъ, былъ названъ теноромъ, а голосъ, который шелъ въ противоположномъ къ нему направленіи, былъ названъ, какъ сказано, дискантомъ. Дискантъ всегда бывалъ выше тенора, откуда впоследствии для высокихъ голосовъ и установилось названіе дисканта. Разъ музыкальная мысль вырвалась изъ оковъ параллельнаго построенія аккордовъ, гармонія стала дѣлать

быстрые успѣхи. Вскорѣ перестали довольствоваться только двумя голосами, а прибавили еще третій — контратеноръ. Этотъ контратеноръ сопровождалъ теноръ, то поднимаясь надъ нимъ, то опускаясь ниже его. Отсюда уже нетрудно понять, какимъ образомъ произошли двѣ новыя партіи — альтъ и баса. Вотъ каково происхожденіе раздѣленій музыкальнаго исполненія на дискантовую, альтовую, теноровую и басовую партіи, и вотъ каковъ тотъ трудный путь пріобрѣтенія этихъ музыкальных понятій, представляющихся для насъ столь элементарными въ настоящее время.

Это новое открытіе повлекло за собой снова глубочайшія реформы во всемъ музыкальномъ дѣлѣ. Въ грегорианскомъ пѣніи голоса, которыми исполнялась та или другая мелодія, шли параллельно, а слѣдовательно ноты баса, тенора, альтъ и дисканта были всегда одинаковой протяжности. Напр., дискантъ не могъ слѣть двухъ нотъ въ то время когда теноръ поетъ только одну. Но мало этого, — въ грегорианскомъ пѣніи всѣ ноты любой мелодіи были одинаковой продолжительности на всемъ протяженіи мелодіи. Теперь, когда верхній голосъ — дискантъ пріобрѣлъ извѣстную самостоятельность въ движеніи вверхъ и внизъ по гаммѣ, онъ началъ пріобрѣтать извѣстную самостоятельность и въ продолжительности каждой изъ своихъ нотъ. Такъ, на одну теноровую ноту стало приходиться двѣ, три или четыре ноты дискантовыхъ. Всѣ эти осложненія въ пѣніи стали самымъ серьезнымъ образомъ отражаться и на нотописаніи. Теперь для изображенія музыкальной пьесы оказывалось недостаточно комбинацій изъ большихъ, малыхъ и двойныхъ буквъ. Первые реформы въ области нотописанія заключались въ томъ, что надъ богослужебнымъ текстомъ ставились нѣкоторые условные знаки, намѣчавшіе въ очень общихъ чертахъ контуръ мелодіи, при чемъ къ этимъ знакамъ прибавлялись ряды точекъ, поставленныхъ на глаза и обозначающихъ, насколько высоко или низко надо взять ту или другую ноту. О нотныхъ линіяхъ не было еще и рѣчи. По мѣрѣ того, какъ вышедшее въ свободное русло развитія церковное пѣніе усложнялось, пѣвцы все чаще и чаще стали ощущать недостатокъ такого произвольнаго толкованія. Чтобы хоть сколько-нибудь упорядочить постановку точекъ, опредѣляющихъ высоту нотъ, додумались установить нѣкоторый основной уровень, по которому легче было бы судить о высотѣ тона. Такъ появилась первая нотная линія, на которой ставились всѣ fa. Къ этой первой линіи мало по малу прибавляли новыя линіи, и такимъ образомъ сложилась та система нотныхъ линій, которыми мы пользуемся въ настоящее время.

Дж. Верди.
(1813—1901).

Когда гражданская жизнь нѣсколько оправилась отъ безпорядковъ, внесенныхъ варварскими нашествіями, на ряду со скорбной духовной пѣсней, уносящей человѣка въ небо, зазвучала опять свѣтская музыка, которая стремилась опять украсить всѣ стороны человѣческой земной жизни и воспѣвала отвагу военныхъ подвиговъ, страсть любовниковъ, нѣжныя материнскія ласки и т. д. Область музыкальнаго творчества раздвигала свои рамки.

Свѣтская музыка съ особенной силой развернулась въ XIII вѣкѣ. Много причинъ способствовало этому новому музыкальному подъему человечества. Несомнѣнно, большую роль въ этомъ оживленіи сыграли крестовые походы, которые къ европейской культурѣ примѣшали элементы высокой азіатской культуры. Впрочемъ, оживленіе въ области музыки, и въ

Іоганъ Штраусъ.
(1825—1899).

особенности музыки свѣтской шло параллельно вообще духовному подъему, характерному для XIII вѣка. Скульптура, архитектура, философія, исторія, поэзія — всѣ эти области насчитывали тогда крупныя имена, оставившія послѣ себя замѣтный слѣдъ.

Свѣтская музыка переходитъ теперь въ руки музыкантовъ, поэтовъ трубадуровъ и труверовъ, которые изо дня въ день бродили по народнымъ торжествамъ, по рыцарскимъ праздникамъ, по ярмаркамъ и просто частнымъ домамъ и искали людей, которые любили бы музыку и не пожалѣли бы щедрой рукой заплатить за новую удачную мелодію, за хорошо подобранный стихокъ. И такихъ щедрыхъ людей было тогда не мало, потому что народныя массы, и богатые и бѣдные, рвались изъ оковъ тѣхъ цѣпей, въ которыхъ держала человѣческую мысль церковь, уже ска-

завшая свое послѣднее слово. Напрасно церковь пыталась поднять плотины противъ новаго музыкальнаго тока и направить его въ русло стараго церковнаго пѣнія. Ни папскія буллы, ни угрозы епископовъ, ни увѣщеванія священниковъ, — ничто не помогало. Трубадуры и труверы пѣли свои пѣсни на свой, новый ладъ и неудержимо шли къ созданію новой эпохи въ музыкальномъ развитіи человечества, — къ созданію національной музыки, и ихъ мотивы подхватывались во всѣхъ углахъ рыцарской западной Европы, куда только заносила ихъ судьба. А куда не заносила ихъ только судьба! И по мѣрѣ того, какъ музыка выходила на новые пути, вносились и новыя техническія усовершенствованія. Такъ, труверы и трубадуры внесли важныя дополненія въ построеніе гаммы, въ употребленіе полутоновъ, въ установленіе темпа. Мы не будемъ входить въ техническія подробности всѣхъ этихъ ихъ заслугъ, скажемъ только, что всѣми ими широко пользуется современная музыка.

Начавшееся обособленіе свѣтской музыки отъ музыки духовной продолжало выражаться все съ болѣею и болѣею рѣзкостью. Духовная музыка имѣла свои школы, въ которыхъ воспитывала кадры своихъ пѣвцовъ и музыкантовъ. Свѣтская музыка также обзавелась своими

особыми школами. Это были менестрандіи или *Scholae mimorum*, куда богатые люди посылали своих крѣпостныхъ музыкантовъ и пѣвцовъ для того, чтобы тѣ подновили свой репертуаръ и научились новымъ мелодіямъ.

Церковь заимствовала у древнихъ сценическія ихъ представленія и передѣлала ихъ въ мистеріи, въ которыхъ она драматизировала различные библейскіе рассказы. Свѣтская музыка создала свой театр, — „игры“, въ которыхъ разрабатывались свѣтскіе сюжеты и которыя легли въ основу нашихъ комическихъ оперъ.

Развитіе музыкальныхъ инструментовъ сдѣлало также значительный шагъ впередъ. Изъ духовыхъ инструментовъ въ этомъ отношеніи выделяется органъ, который, какъ мы видѣли, въ зародышевомъ состояніи былъ уже у древнихъ римлянъ. Уже въ концѣ X вѣка встрѣчаются

органы-монстры. Таковъ, на-
прим., органъ, сооруженный
по планамъ одного винчестер-
скаго епископа. Органъ этотъ
имѣлъ 400 трубъ и 40 клави-
шей; на немъ должны были
всегда играть два органиста,
а воздухъ накачивался изъ
26 мѣховъ, которые приводи-
лись въ движеніе 70 человекъ.
Въ XII и XIII вѣкахъ
органы сдѣлались однимъ изъ
любимѣйшихъ музыкальныхъ
инструментовъ. Величайшіе
музыканты средневѣковья были

Пабло де-Сарасате,
извѣстн. испанскій
скрипачъ виртуозъ.

Полина Виардо-Гарсія,
знаменитая пѣвица.

прекрасными органистами. Что же касается струнныхъ инструментовъ, то число ихъ обогатилось лютней, привезенной изъ Азіи, и гитарой, заимствованной у мавровъ. Въ XII и XIII вѣкахъ было положено основаніе еще двумъ инструментамъ, изъ которыхъ одинъ позднѣе развился въ скрипку, а другой — въ клавесины, этотъ прототипъ современного рояля. Почти совершенно въ законченномъ видѣ скрипка, эта царица оркестра, является во Франціи и въ Италіи въ первой четверти XVI столѣтія. Съ тѣхъ поръ въ теченіе нѣсколькихъ ближайшихъ столѣтій выдвигались, — особенно въ Италіи, Тиролѣ, — цѣлыя династіи замѣчательныхъ музыкальныхъ мастеровъ, вырабатывавшихъ прекрасныя скрипки. Имя Страдиваріуса занимаетъ въ этомъ отношеніи одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Въ это же время разнообразныя разновидности клавикордовъ и клавесинъ сдѣлались любимымъ инструментомъ женщинъ состоятельныхъ классовъ.

Не надо забывать, что XIV и XV вѣки жили подъ знакомъ ренессанса, этой эпохи усиленной умственной дѣятельности. Не удивительно поэтому, что и теорія музыки сдѣлала огромные шаги впередъ. Она разрѣшила именно двѣ огромныя задачи, которыя оставались недоступными для музыкальныхъ дѣятелей предыдущихъ вѣковъ — задачи гармоніи и оркестровки. Мы видѣли, какъ первые робкіе шаги въ области гармоніи были сдѣланы въ видѣ дискантнаго пѣнія. Въ XIV—XVI огромный шагъ впередъ былъ совершенъ въ области гармоніи, благодаря новой музыкальной формѣ, получившей широкое примѣненіе во всѣхъ формахъ музыкальнаго творчества, — и именно канону. Канонъ это такое

музыкальное исполненіе, при которомъ двѣ части одной и той же мелодіи поются или играютъ одновременно. Если мы припомнимъ, что мы говорили въ началѣ настоящей статьи о гармоніи, то мы должны будемъ признать, что канонъ ставилъ передъ музыкантами задачи гармоніи во всю ширь, а при томъ умственномъ напряженіи, которое такъ характерно для эпохи ренессанса, многія изъ трудныхъ и запутанныхъ задачъ гармоніи могли быть разрѣшены довольно правильно. Такимъ образомъ, былъ заложенъ основательный фундаментъ для современной музыки, такъ широко развившей ученіе о гармоніи и такъ полно его использовавшей. Но разъ вниманіе музыкантовъ съ такою силой было привлечено къ вопросамъ гармоніи, то само собою выдвинулось и ученіе объ оркестровкѣ, т. е. о наиболѣе удачномъ въ каждомъ данномъ случаѣ подборѣ инструментовъ оркестра по тембру.

Въ этотъ же славный періодъ завершило свое развитіе и нотное письмо, выработавъ всѣ тѣ главнѣйшіе элементы, которыми въ настоящее время пользуются современные композиторы. Мы видѣли, какъ дискантное пѣніе вызвало переходъ отъ буквъ къ условнымъ знакамъ; и эти знаки съ каждымъ столѣтіемъ пріобрѣтали форму, все больше и больше приближающуюся къ тѣмъ формамъ нотописанія, которыми располагаетъ современная музыка. Когда грегорианское пѣніе осложнилось дискантнымъ, то явилась необходимость, какъ сказано, изображать въ нотномъ письмѣ ноты различнаго протяженія. Эта необходимость стала еще болѣе ощутительной, когда развернулась во всю ширь свѣтская музыка со своимъ безконечнымъ разнообразіемъ мотивовъ, стремившихся обслуживать жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Такимъ образомъ, задачи композиціи нарастали съ необычайной скоростью, и техника нотописанія загромождалась массой новыхъ пріемовъ и новыхъ условностей, которые очень часто были приспособлены другъ къ другу. Искусство чтенія и письма нотъ становилось все болѣе труднымъ и сложнымъ изъ года въ годъ. Наступила пора, когда выдающіеся музыкальные умы взялись за приведеніе въ порядокъ и упрощеніе нотныхъ знаковъ. Огромный толчокъ въ этомъ направленіи дало примѣненіе типографскаго станка къ нотопечатанію.

Наконецъ, это былъ періодъ, когда свѣтская музыка ворвалась подъ готическіе своды храмовъ и произвела величайшія измѣненія въ церковныхъ напѣвахъ. Реформація съ Лютеромъ, обладавшимъ не только характеромъ проповѣдника и умомъ философа, но и талантомъ композитора, стояла во главѣ всего этого движенія. И это новое сліянiе церковной и свѣтской музыки на долгое время благотѣльно отразилось на музыкальномъ творествѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что къ началу XVII вѣка всѣ основныя элементы музыки — мелодія, тембръ, темпъ, гармонія, — были доведены до высокой степени совершенства, и композиторамъ оставалось только дополнять и расширять эти средства, добытыя тысячелѣтіями музыкальнаго творчества нашихъ предковъ. Эти могучія орудія музыкальнаго творчества дали возможность развернуть во всю ширь свои огромныя таланты послѣдовавшимъ затѣмъ гигантамъ музыкальнаго міра. Черезъ Глюка, Баха, Генделя, Гайдна и Моцарта, значеніе которыхъ въ музыкальной жизни человѣчества мы постараемся обрисовать въ ихъ біографіяхъ, исторія пришла къ величайшей картинѣ музыкальнаго творчества — Бетховену. Музыка послѣ Бетховена углубила національное русло, еще больше усовершенствовала нѣкоторыя техническія пріемы, но едва ли

сумѣла дать что-нибудь равное безсмертнымъ твореніямъ этого композитора.

Къ счастью человѣчества, ко времени этихъ новыхъ музыкальных геніевъ, установилась и новая форма для музыкальных произведеній, чрезвычайно благодарная для музыкальнаго творчества. Это была опера, появившаяся около 1600 г. и совершившая одну изъ величайшихъ революцій музыкальнаго міра. Опера необычайно быстро завоевала Западную Европу. Ея очарованіе и ея новизна, главнымъ образомъ, заключались въ томъ, что въ оперѣ впервые человѣчество получило музыкальную драму. Предыдущіе вѣка несомнѣнно подготавливали появленіе оперы. Корни ея, повидимому, кроются въ тѣхъ народныхъ дѣсахъ и играхъ, которыя обыкновенно сопровождаются иногда довольно сложными драматическими дѣйствіями и которыя уже въ XII и XIII вѣкѣ вошли существеннымъ элементомъ въ репертуаръ тогдашняго культурнаго общества Западной Европы. Но техническія условія, которыми регулировалась музыка, въ то время не позволяли еще эти драматически-музыкальнымъ дѣйствіямъ превратиться въ музыкальную драму, т. е. въ оперу. Опера, требующая единства инструментальной и вокальной музыки съ драматическимъ дѣйствіемъ, съ проявленіемъ страстей, могла народиться только тогда, когда ученіе о гармоніи было выяснено въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ. Мы видѣли, какъ медленно подвигалось это ученіе впередъ. Дискантное пѣніе и канонъ наталкивали на вопросы о гармоніи, заставляли ими интересоваться и думать о нихъ, но и дискантное пѣніе и канонъ представлялись вполне возможными и безъ примѣненія гармоніи. Аккордъ, составляющій сущность гармоніи, имѣетъ для насъ, — говоря словами Ландорми, — „существованіе, независимое отъ теченія мелодіи: онъ имѣетъ цѣнность въ самомъ себѣ; онъ можетъ быть поставленъ совершенно изолированно, какъ все само-дѣльное; отнюдь не является неизбѣжнымъ, чтобы онъ былъ связанъ съ другими аккордами. Для музыкантовъ XV или начала XVI вѣка совпаденія звуковъ, которыя получались при многоголосомъ пѣніи, становились понятными только съ точки зрѣнія хода исполняемыхъ частей мелодіи; музыкантамъ этого періода не приходило въ голову изолировать эти группы звуковъ и разсматривать ихъ, какъ независимыя единицы“. Только во второй половинѣ XVI вѣка окончательно созрѣло ученіе о гармоніи и сдѣлало возможнымъ созданіе музыкальной драмы. Другимъ неперемѣннымъ условіемъ для оперы является искусство оркестровки или инструментовки. Разнообразіе инструментовъ и ихъ совершенство къ концу XVI вѣка было такъ велико, что при помощи ихъ оказывалось возможнымъ передавать самые тонкіе оттѣнки чувствъ и воспроизводить характерныя черты различныхъ внѣшнихъ событій. Къ тому же къ, концу XVI вѣка выяснилось, насколько важно для

І. Брамсъ.
(1833—1897).

музыкальнаго выраженія вести исполненіе не сразу при помощи и голоса, и инструментовъ, а поочередно или, подчиняя голосу инструменты, т. е. вводя аккомпаниментъ, или, наконецъ, выдвигая то одну, то другую группу инструментовъ, если мы имѣемъ дѣло съ оркестромъ. Большой толчокъ въ этомъ направленіи былъ данъ трубадурами и труверами, но серьезнаго изученія этотъ вопросъ дождался лишь въ XVI вѣкѣ. Наконецъ, опера со своими сложными партитурами, регулируемыми одновременное и разнородное выступленіе различныхъ и многочисленныхъ инструментовъ была немислима до тѣхъ поръ, пока написаніе не достигло значительнаго совершенства. А мы видѣли, какіе успѣхи въ этомъ отношеніи оно сдѣлало къ началу XVII столѣтія. Вотъ тѣ условія, которыя позволили довести къ этому времени музыкальное исполненіе до той формы, выше которой человѣчество до настоящаго момента ничего еще не изобрѣло, — до оперы.

Мы не имѣемъ возможности останавливаться здѣсь на исторіи развитія музыкальной драмы, или оперы. Все, что намъ здѣсь доступно, такъ

это — сказать нѣсколько словъ о тѣхъ ея первыхъ шагахъ, которыми она такъ твердо и побѣдоносно вышла на арену музыкальнаго міра, и о тѣхъ послѣднихъ словахъ, которыми она въ настоящее время волнуетъ культурное человѣчество.

Камилль Сентъ-Сансъ.
(Род. 1835 г.).

Настоящимъ отцомъ оперы, какъ формы окончательно сложившейся, справедливо считается Клавдій Монтеверде, родившійся въ 1568 г. въ Кремонѣ и умершій въ 1643 г. въ Венеціи. Это былъ огромный музыкальный талантъ. Ему незачѣмъ было корпеть надъ мелочами согласованія между текстомъ драмы и ея музыкой. Музыкальная драма выливалась у него стройной и согласованной изъ самой души. Тѣ

страданія и радости, которыя онъ изображаетъ въ своихъ музыкальныхъ драмахъ, онъ прежде перестрадалъ самъ въ своей личной жизни. „Въ 1607 г.“, говоритъ Ландорми, „онъ создалъ своего „Орфея“ у постели своей умирающей жены, и въ раздирающихъ душу жалобахъ Орфея слышится его собственная скорбь, которую онъ выплакалъ передъ тѣмъ. Смерть похитила его дорогую Клавдію, и съ душой, угнетенной „этой утратой, онъ долженъ былъ оканчивать свою „Аriadну“ къ мантуанскимъ празднествамъ (1608), приуроченнымъ къ свадьбѣ наслѣдника принца. Отъ этой оперы до насъ дошло только нѣсколько страницъ; повидимому, это были тѣ самыя мѣста, которыя вызвали у шести тысячъ зрителей неужержимыя рыданія“. „Монтеверде“, — продолжаетъ тотъ же историкъ музыки, — не смотритъ на музыку, какъ на искусство искусныхъ звуковыхъ комбинацій или какъ на забаву для чувствъ, но онъ считаетъ музыку самымъ могущественнымъ средствомъ для изображенія человѣка, — всего

человѣка, со всѣми его желаніями, страхами, надеждами, благополучіемъ, ошибками и возмущеніемъ. Онъ замѣчаетъ, что до него умѣли переводить на языкъ музыки только очень небольшую область нашихъ чувствованій, главнымъ образомъ чувства печали и покоя; но музыка должна выражать также гнѣвъ и ненависть, самыя сильныя и душевныя движенія. До него ритмъ былъ всегда спокойнымъ и умѣреннымъ; онъ сдѣлалъ его „взволнованнымъ“ (*concitato*). Для того, чтобы изобразить душу человѣка, недостаточно дать понятіе о томъ измѣнчивомъ состояніи его подвижной и разнообразной души, которое представляется въ данный моментъ, — а надо связать его настоящее съ его прошедшимъ и съ его будущимъ, и именно музыка удивительно приспособлена къ тому, чтобы дать намъ почувствовать эту связь послѣдовательныхъ проявленій каждой индивидуальности.

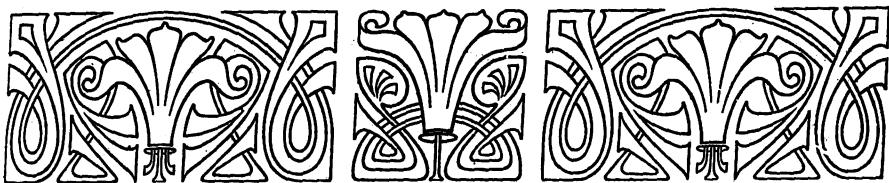
Мы видимъ, такимъ образомъ, что опера сразу вышла изъ нѣдръ музыкальнаго развитія человѣчества почти въ полномъ своемъ вооруженіи, какъ Афина изъ головы Зевса. По крайней мѣрѣ, тѣ самыя идеи, которыя завоевали столь почетное мѣсто оперѣ въ началѣ XVII столѣтія, были снова подняты и разработаны съ большою пользою для музыкальнаго творчества приближительно въ половинѣ XIX столѣтія Рихардомъ Вагнеромъ. Этому великому композитору, подъ сильнѣйшимъ влияніемъ котораго находится почти вся современная музыка, мы и посвятимъ нѣсколько заключительныхъ строчекъ настоящаго очерка. — „Изъ старыхъ композиторовъ“, — читаемъ мы въ статьѣ Гейгеля и Гаузенштейна („Эпоха національнаго объединенія“), — только одинъ Гекторъ Берлиозъ могъ бы до нѣкоторой степени стоять рядомъ съ Вагнеромъ, отъ котораго онъ, конечно, нѣсколько отличается. И, вѣроятно, онъ выдержалъ бы такое сопоставленіе именно потому, что онъ расчищалъ путь Вагнеру и, подобно ему самъ писалъ свои тексты. Композиторъ и поэтъ!.. Универсальное представленіе о музыкальномъ творествѣ, которое вмѣстѣ съ Вагнеромъ раздѣлялъ и Берлиозъ, было однимъ изъ важнѣйшихъ приобрѣтеній того времени. Оба эти великіе композиторы признавали, что уже въ самой поэзіи дается цѣнный конструктивный элементъ, которымъ композиторъ долженъ воспользоваться, не выдѣляя его изъ музыкальнаго цѣлаго. Музыкантъ долженъ стоять въ тѣсномъ духовномъ общеніи съ поэтическимъ произведеніемъ, которое должно выливаться изъ его собственнаго генія. Такимъ образомъ исчезла идея абсолютной музыки, музыкальное слилось съ лирическимъ и драматическимъ въ новую болѣе обширную и, тѣмъ не менѣе, болѣе опредѣленную величину. Вся индивидуальность музыканта поглощается въ его искусствѣ. Подъ музыкальной оболочкой все яснѣе выступаетъ поэтическое, философское сознаніе. Организационныя средства новой музыки давались вмѣстѣ съ ея развитіемъ. Задача состояла въ томъ, чтобы дать соотвѣтствующее музыкальное выраженіе опредѣленному движенію души. Въ 1844 г. Берлиозъ написалъ свой трактатъ объ инструментовкѣ. Новая задача исключала возможность созданія независимыхъ, безотносительныхъ музыкальных фигуръ. Ком-

Эдвардъ Григъ.
(1843—1908).

псизія все болѣе и болѣе ставила передъ собой изобразительныя задачи... Отрицая часто звуковое удовольствіе, новая музыка требовала отъ себя лирическаго настроенія, индивидуализирующей символической силы. Такимъ образомъ, возникъ въ композиціи новый принципъ лейтмотива. Характерный музыкальный символъ, объясняющій основную преграду какой-либо личности, событія или явленія, постоянно варьируясь, — какъ говорилъ Вагнеръ при помощи варіацій „безконечной мелодіи“, — вмѣстѣ съ другими такими же символами присоединяется ко всей музыкальной постройкѣ!.. Для того, чтобы дать понятіе о лейтмотивѣ, этомъ новомъ способѣ музыкальнаго выраженія, къ которому охотно прибѣгаютъ многіе изъ новѣйшихъ композиторовъ остановимся нѣсколько на Лоэнгринѣ, „одной изъ лучшихъ оперъ Рихарда Вагнера. „Вмѣсто увертюры“, — говоритъ г. Н. Покровский, не причисляющій себя къ большимъ поклонникамъ Вагнера, — „Лоэнгринъ начинается чуднымъ Vorspiel'емъ (введеніемъ), который настраиваетъ вниманіе слушателя; мелодія форшпиля начинается на высокихъ нотахъ скрипокъ *pianissimo* (т. е., насколько возможно, тихими звуками); она говоритъ музыкально, безъ словъ ясно, о свѣтлой области, гдѣ царитъ блаженство отъ созерцанія св. Грааля. Форшпиль построенъ на одномъ мотивѣ св. Грааля, который разработанъ художественно и вышелъ особенно удачно потому, что представляетъ тотъ исключительный видъ мелодіи, безконечную мелодію, которая свойственна одному Вагнеру. Послѣ скрипокъ мотивъ передается самымъ нѣжнымъ духовымъ инструментамъ, далѣе виолончелямъ, трубамъ и, наконецъ, въ четвертый разъ тромбонамъ, какъ бы въ знакъ торжества св. Грааля. Дойдя до *forte* (сильныхъ звуковъ), форшпиль постепенно переходитъ въ *pianissimo*, звуки замираютъ, оканчиваясь опять на скрипкахъ, какъ бы въ ознаменованіе конца свѣтлаго видѣнія“... Уже изъ этого видно, что чудная мелодія св. Грааля во всей оперѣ будетъ характеризовать одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. И, дѣйствительно, мотивъ св. Грааля является индивидуализирующимъ Лоэнгринна, котораго онъ сопровождаетъ во всѣ важные моменты драмы. Такъ, эта мелодія слышится, когда героиня драмы Эльза говоритъ о Лоэнгринѣ; такъ среди мелодіи хора, выступающаго передъ прибытіемъ Лоэнгринна, снова появляется мотивъ св. Грааля... Сказаннаго, какъ намъ кажется, достаточно для того, чтобы иллюстрировать лейтмотивъ Вагнера, какъ новое средство музыкальнаго выраженія.

Но внеся въ современное искусство новыя приемы, Вагнеръ много размышлялъ о сущности музыки будущаго, и намъ кажется, что основныя идеи его въ этомъ отношеніи даютъ въ высшей степени цѣнныя указанія. Искусство всегда является социальнымъ продуктомъ. „Не вы, интеллигенты, — изобрѣтатели, — говоритъ онъ, — „а народъ, ибо нужда ведетъ къ изобрѣтенію; всѣ великія изобрѣтенія принадлежатъ народу, тогда какъ изобрѣтенія интеллигенціи сводятся лишь къ эксплуатаціи, отклоненіямъ, даже къ дробленіямъ и искаженіямъ великихъ народныхъ изобрѣтеній. Не вы изобрѣли рѣчь, а народъ, — не вы изобрѣли государство, а народъ; не вы заставляете народъ мыслить, а онъ васъ“... Будущее музыки, какъ и ея прошлое, зависитъ отъ народа. Если мы ждемъ новой музыки, мы должны ждать новой народной культуры. Эта новая болѣе высокая народная культура будетъ создаваться по мѣрѣ того, какъ сама народная масса будетъ улучшаться. А для этого нужно одно условіе — полное освобожденіе народныхъ массъ отъ экономическаго и политическаго гнета...

Основные факты въ исторіи развитія русской музыки.

Мысли Вагнера о важной роли, которую предстоит сыграть въ будущей исторіи музыки свободной демократіи, ярко иллюстрируются исторіей русской музыки. Музыкальный міръ Западной Европы только въ концѣ XIX столѣтія ознакомился съ русской музыкальной школой и былъ пораженъ той красотой, которую онъ нашелъ въ произведеніяхъ ея представителей. Русская школа, по словамъ Альберта Субли, быстро стала на одинъ уровень съ самыми блестящими школами Западной Европы, а ей предстоитъ, повидимому, еще болѣе блестящее будущее. Чѣмъ же обусловленъ былъ этотъ необычайный и быстрый успѣхъ нашихъ композиторовъ въ Западной Европѣ, выдавшей на своемъ вѣку всякіе музыкальные виды? Главнымъ образомъ тѣмъ, что величайшіе представители русской музыкальной школы, какъ Глинка, Даргомыжскій, Сѣровъ, взяли брилліанты русской народной пѣсни и вставили ихъ въ роскошную оправу гармоніи и инструментовки, добытыхъ, какъ мы видѣли, упорнымъ трудомъ старой музыкальной Европы. Но эта тонкая и художественная оправка ничуть не затмила, а еще больше подчеркнула блескъ и игру русской народной пѣсни. Въ этой-то пѣснѣ старая музыкальная Европа почувствовала сразу что-то новое, необычайное, неожиданное. „Русская пѣсня“, — говоритъ ученый нѣмецъ Вестфаль, — „является сокровищемъ поэзіи и красоты“. А въ другомъ мѣстѣ, обращаясь къ русскому народу онъ, съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: „Гдѣ вы взяли эти пѣсни? Зародились ли онѣ у васъ въ лѣсахъ или спустились съ неба?“

Исторія русской музыки показываетъ, что эти сокровища музыкальной поэзіи не зародились сами собою въ лѣсахъ и не спустились вдругъ съ неба, а создались долгой, упорной, постоянной творческой работой русской демократіи, находившейся въ свободномъ общеніи съ природой. Русская пѣсня стара, какъ русскій народъ. Первые проблески государственной русской жизни, проявлялись ли онѣ на топкихъ берегахъ нашихъ сѣверныхъ озеръ или на берегахъ широкаго главнаго могучаго Днѣпра, — повсюду встрѣчали уже сложившуюся народную пѣсню, прекрасную по своимъ мелодіямъ и разнообразную по своему содержанію. Это была прежде всего религіозная пѣсня — молитва. Но это не были сухія молитвы — формулы, для которыхъ и слова и мелодіи были придуманы жреческими кастами и всякое отступленіе отъ которыхъ счи-

талось грѣхомъ или даже преступленіемъ противъ божества. Наши предки не знали жрецовъ, не знали храмовъ, не знали даже алтарей. Ихъ вѣрѣ были чужды элементы всякой формальности. Каждый человѣкъ прямо и непосредственно могъ обращаться къ своимъ божествамъ, которыя въ видѣ то добродушныхъ домовыхъ, то страшныхъ лѣшихъ, то загадочныхъ русалокъ сложнымъ и пестрымъ узоромъ влетались въ повседневную жизнь людей того времени. Вотъ почему въ религиозныхъ пѣсняхъ - молитвахъ нашихъ предковъ такъ много свободного творчества, такъ много истинной поэзіи, такъ много разнообразія. Кажется, не было ни одной смѣны въ жизни природы, которую русскій народъ не подхватилъ бы и не обработалъ бы въ своей пѣснѣ и не заставлялъ бы играть всеми цвѣтами своей фантазіи.

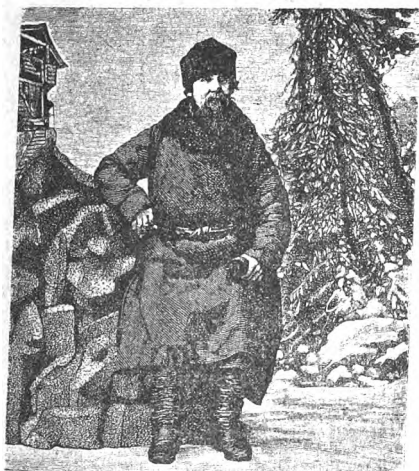
Едва прошла „широкая масляница“ со своимъ разгуломъ, со своими залихватскими пѣснями, со своими горами и блинами, со своими въздами въ разукрашенныхъ саяхъ „честной масляницы“, какъ народъ уже торопится „закликать“ весну, и торжественные звуки поднимаются къ голубому небу, къ теплому солнцу.

„Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью,
Съ радостью, радостью,
Съ великой милостью,
Со льномъ высокимъ,
Съ корнемъ глубокимъ,
Съ хлѣбами обильными!“

А тамъ приспѣла пора выгонять стада, и снова гремитъ молитва богу Волосу... За ней семикъ близко: парни и дѣвушки идутъ въ лѣсъ, украшаютъ молодую березку, и молодые голоса сливаются въ мечтательныхъ пѣсняхъ на просторѣ лѣса. „Русальная“ недѣля, Троицынъ (по христіанской терминологіи) день съ гаданіемъ при помощи вѣнковъ, купальскій праздникъ со своими ночными кострами, золотая осень, веселая своими скирдами и стогами и печальная низкими тучами и частымъ дождичкомъ, суровая зима со своимъ праздникомъ коляды, открывающимъ надежды на будущее лѣто, — все это непрерывно будило и тревожило народную фантазію, все это вызывало упорную и настойчивую работу музыкальнаго народнаго творчества. А затѣмъ идетъ пѣсня ко всякому торжественному случаю, — обрядовая пѣсня: свадебная и похоронная, колыбельная и шутивая, разбойничья и солдатская. Все это требовало и особой мелодіи и особой обработки.

Можно думать, что уже въ самомъ началѣ исторіи русскаго народа въ эти пѣсни влагалось много талантности, много оригинальности. Отъ жизни нашихъ предковъ, разбросанныхъ среди дремучихъ лѣсовъ, раздѣленныхъ болотами и топями, сохранилось мало. Но есть одно въ высшей степени важное косвенное показаніе. Посмотрите, съ какою легкостью наши предки славяне восприняли христіанскую вѣру, эту высокую религиозную философію, до которой когда-либо поднималась человѣческая мысль и чувство. Что это значить? Конечно, то, что многіе изъ высокыхъ христіанскихъ идеаловъ были выработаны и усвоены самимъ „дикаремъ“ - славяниномъ еще до того, какъ Ольга приняла крещеніе, а посланные Владиміра были ошеломлены торжественнымъ богослуженіемъ въ Царегородскомъ храмѣ. Эту глубину и красоту мысли русскій народъ вѣками вкладывалъ въ свое музыкальное творчество, разбужненное суровой, но вѣчно прекрасной природой русской равнины.

И въ политическихъ условіяхъ русской исторіи существуетъ одна важная положительная сторона. Не надо забывать, что территорія русскаго государства представляла собою въ теченіе многихъ вѣковъ маленькіе заселенные островки, затерянные среди непроходимыхъ лѣсовъ, въ которыхъ разбойничали соловьи-разбойники. А къ этимъ лѣсамъ вплотную подходили безбрежныя степи съ плавными рѣками, съ глубокимъ черноземомъ, съ безчисленной дичью всякаго рода, съ непрерывными опасностями со стороны кочевниковъ. Когда крестьянскому люду становилось невтерпѣжъ отъ насильниковъ всякаго рода, онъ собиралъ свои скудные пожитки и бѣжалъ въ дремучіе сѣверные лѣса или привольныя южныя степи. И долго такъ было: многіе вѣка все талантливое, сильное спасалось на новыхъ мѣстахъ, куда добраться насильникамъ было не такъ легко, и куда онъ уносилъ свою прекрасную мелодическую пѣсню для того, чтобы разрабатывать ее дальше и глубже въ новыхъ условіяхъ.

И. Т. Рябининъ, извѣстный сказатель былинъ.

Д. С. Бортнянскій.
(1751—1825).

Въ раннюю пору выставила народная масса своихъ профессионаловъ-пѣвцовъ, которые въ одно и то же время были и композиторами и поэтами. Кому изъ русскихъ не извѣстенъ типъ „вѣщаго“ Баяна изъ „Слова о полку Игоревѣ“? Помните, какъ своею могучей фантазіей этотъ „соловей стараго времени“, импровизируя на старыя и новыя темы, „растекался мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подь облаками“, въ то время, какъ его персты, подобные десяти соколамъ, спущеннымъ на стадо лебедей, свободно носились по струнамъ, которыя „сами князьямъ славу рокотали“. Кто не слыхалъ о кобзарѣ, старомъ любимцѣ Украины, о которомъ Шевченко въ своихъ „думахъ“ сумѣлъ бросить нѣсколько теплыхъ стиховъ:

„И кобзарь про волю людямъ
Пѣсню распѣваетъ.
Все поетъ о томъ, что было.
Пѣть, слѣпецъ, умѣть.
Все расскажетъ“...

Эти наивные специалисты много способствовали и совершенству мелодій, и развитію музыкальных инструментовъ. Русскіе музыкальные инструменты,—или, вѣрнѣе сказать, музыкальные инструменты русской равнины, такъ какъ въ созданіи ихъ участвовали различныя народности, не отличаются такимъ совершенствомъ, какимъ отличаются музыкальные инструменты Западной Европы, но тѣмъ не менѣе имъ нельзя отказать ни въ оригинальности, ни въ разнообразіи. Балалайка, домра или момра, заимствованная у татаръ и сохранившаяся у нѣкоторыхъ западныхъ славянъ и понынѣ, бандура, представляющая родъ лютии съ непостояннымъ (отъ 12 до 30) числомъ струнъ, гусли, украинская лира съ своими тремя струнами, получившая такое распространеніе въ Украинѣ и Польшѣ, — все это были струнные инструменты, пользовавшіеся широкимъ распространеніемъ въ народныхъ массахъ. Изъ духовыхъ инструментовъ можно упомянуть о волынкѣ, встрѣчающейся и теперь у финновъ и въ Прибалтійскомъ краѣ; зурна, заимствованная у татаръ и

А. Ф. Львовъ.
(1799—1870).

Проф. А. Л. Гензель.
извѣстн. піанистъ и му-
зыкальн. педагогъ.
(1814—1889).

усвоенная нашими, древними военными оркестрами; рожокъ, который и до сихъ поръ въ большомъ почетѣ у нашихъ пастуховъ; флейта изъ тростника или дудка, свирѣль. Изъ инструментовъ, изъ которыхъ извлекаются звуки посредствомъ ударовъ, на первомъ мѣстѣ, конечно, стоятъ бубны, которые видную роль играютъ въ нашихъ военныхъ и народныхъ оркестрахъ и въ богослуженіяхъ шамановъ далекихъ сибирскихъ народовъ; „ложки“ съ короткими ручками, увѣшанными бубенчиками; огромный турецкій барабанъ, „набатъ“, густые звуки котораго когда-то оповѣщали жителей о пожарѣ.

Наконецъ, развитію народной музыки, — особенно, вокальной, — много способствовали зачатки народной драмы, которая нашла свое выраженіе въ хороводахъ и игорныхъ пѣсняхъ.

Вотъ элементы, содѣйствовавшіе развитію русской народной музыки, передъ которой послѣ того, какъ она получила обработку у нашихъ великихъ композиторовъ, преклонилась вся старая музыкальная Европа. Въ эту работу народа правящіе классы не внесли ничего. Даже

наоборотъ, все ученое, все властное на Руси упорно въ теченіе вѣковъ гнало русскую народную пѣсню и музыку и всячески старалось ее уничтожить, какъ нѣчто грѣховное, противное заветамъ христіанской церкви, вступившей на русскую почву въ видѣ угрюмаго православія, съ такой силой требовавшаго поста и молитвы и отрицанія отъ всякихъ радостей жизни. Церковные напѣвы, взятые изъ греческой церкви, вотъ что поощрялось. Но мы знаемъ, какъ мало было развито музыкальное искусство въ X вѣкѣ. Дальше дѣло пошло хуже, и получилось огромное расхожденіе по сравненію съ Западной Европой. Передъ нами прошла картина необычайно энергичнаго музыкальнаго развитія въ періодъ отъ X до XVII в., въ которомъ, какъ мы видѣли, католическая церковь принимала такое энергичное участіе (стоитъ вспомнить хотя бы благородную фигуру папы Григорія Святого). У насъ дѣло съ официальной, ученой музыкой пошло скорѣе назадъ, а не впередъ, по сравненію съ тѣмъ, что дала намъ греческая церковная музыка. Трудное, безпокойное, кровавое время княжескихъ междоусобицъ уступило мѣсто тяжелому, безпросвѣтному татарскому игу. Борьба противъ иновѣрныхъ угнетателей, которая сдѣлалась національной насущной задачей въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ,

Н. Г. Рубинштейнъ,
Первый директоръ Мос-
ковской Консерваторіи.
(1835—1881).

В. И. Глазъ.
(1849).

особенно высоко под-
няла престижъ церкви,
утвердила ея притяза-
нія на всѣ стороны
русской жизни, въ томъ
числѣ и на музыкаль-
ное творчество народа.
Это постоянное проти-
воположеніе себя, какъ
вѣрныхъ сыновъ хри-
стовой церкви, басур-
манамъ-нехристамъ вы-
работало крайнюю не-
терпимость, крайнее са-
момнѣніе и надолго закрыло возможность какихъ
бы то ни было заимствованій изъ быстро прогрес-

сировавшей тогда западно-европейской музыки. Въ исторіи русской музыки
ни въ какомъ случаѣ нельзя упускать этой психологической особенности на-
шихъ правящихъ классовъ, доходившей до такихъ размѣровъ, которые стано-
вятся для насъ совершенно непонятными. „Россіяне, — говоритъ ино-
странецъ Бэръ, посѣтившій Москву въ началѣ XVII столѣтія (въ эпоху
зарожденія оперы на Западѣ!), — согласятся скорѣе уморить, нежели
отправить своихъ дѣтей въ чужія земли, — развѣ царь ихъ принудить.
Они думаютъ, что Россія есть государство христіанское, что въ другихъ
странахъ обитаютъ люди поганые, некрещенные, невѣрующіе въ истин-
наго Бога, что ихъ дѣти навсегда погубятъ свою душу, если умрутъ на
чужбинѣ между невѣрными, и только тотъ идетъ прямо въ рай, кто
скончается жизнь свою на родинѣ“... Психологически, такимъ образомъ,
заимствованіе становится почти невозможнымъ; но всякому такому заим-
ствованію очень сильно мѣшали и политическія условія. Наши „добрые“
сосѣди Литва и Польша не выпускали русскихъ въ Западную Европу,
боясь культурнаго роста своего сѣверо-восточнаго сосѣда. Греческое го-
сударство пало, да и движеніе къ нему было задержано всякаго рода
кочевниками, бродившими въ степяхъ. Немудрено, что при такихъ усло-

віяхъ даже та небогатая культура, которую православіе принесло изъ Византіи, захирѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ захирѣло и церковное пѣніе.

А между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ падало само церковное музыкальное искусство, церковь, по крайней мѣрѣ, не уменьшала своего нетерпимаго отношенія къ свѣтскому музыкальному искусству. Подобнаго рода борьбу между духовнымъ и свѣтскимъ искусствомъ мы находимъ и на Западѣ, но тамъ эта нетерпимость не продолжалась такъ долго и не достигала такого напряженія. Для русской православной церкви, единственной носительницы искусства и образованія у правящихъ классовъ того времени, все это: пѣніе, игрища, музыка казалось богопротив-

нымъ и недопустимымъ. Даже лучшіе представители церковной мысли не скрываютъ своего отвращенія къ свѣтской музыкѣ. Несторова лѣтопись, напр., желая наложить лишній чернѣйшій штрихъ на портретъ ненавистнаго ей Святополка Окаяннаго, упоминаетъ въ числѣ его прочихъ недостатковъ и то, что онъ былъ музыкантомъ. Г. Афанасьевъ разскалъ древній рисунокъ, который изображаетъ всѣ казни, приготованныя людямъ, занимающимся музыкой: черти, подъ руководствомъ самого сатаны, дуютъ осужденному музыканту въ уши изъ огненныхъ трубъ. Въ XIII вѣкѣ (можно сказать, золотомъ вѣкѣ музыки въ Западной Европѣ) архіепископъ Кирилль II, архиман-

А. Г. Рубинштейнъ.
(1829—1894).

дритъ Серапіонъ и множество различныхъ проповѣдниковъ старались внушить народу, что нашествіе татаръ является казнью небесной за то, что русскій народъ предается недозволеннымъ церковью удовольствіямъ, среди которыхъ особенно выдѣлялась музыка. Въ XVI вѣкѣ Стоглавъ въ своей 92-ой статьѣ произноситъ осужденіе музыкѣ. Это недовѣріе къ свѣтской музыкѣ находитъ отзвуки даже въ XVII столѣтіи.

Это преслѣдованіе народной пѣсни проводилось послѣдовательно и неукоснительно по возможности во всѣхъ областяхъ жизни. Въ то время, какъ западная церковь, въ концѣ концовъ, открыла двери храмовъ для народныхъ обрядовъ, русское православіе употребляло всѣ силы для того, чтобы отдѣлнить церковные обряды отъ бытовыхъ обрядовъ. „Плакаль-

щидо“, напр., со своими заунывными и задушевными мотивами была совершенно выдѣлена изъ погребальной процессіи и должна была идти далеко сзади гроба. Свадебныя пѣсни въ родѣ „А мы просо сѣяли“, описывающей выкупъ, или „пойду, подступлю я подъ вашъ и городъ“, рисующей насильственный захватъ невѣсты, и т. д., были совершенно выброшены изъ обряда вѣнчанія и отодвинуты на какой нибудь „дѣвичникъ“. Этимъ, конечно, въ значительной степени наносился ударъ и народной драмѣ, такъ сильно питавшей народную музыку.

То, что духовенство сдѣлало для развитія музыкальных вкусовъ путемъ установленія пѣвческихъ школъ и новыхъ напѣвовъ, было крайне скудно и никакимъ образомъ не могло выполнить пробѣловъ, которые образовались, благодаря отчужденію отъ народной пѣсни и ея преслѣдованію. Занесенное изъ Константинополя церковное пѣніе при Владимірѣ Святѣмъ было быстро испорчено. Ярославъ І ѿ сдѣлалъ попытку поправить дѣло церковнаго пѣнія и обратился къ первоисточнику. При немъ было выписано три греческихъ пѣвца съ ихъ семействами. Эти пѣвцы должны были служить дѣлу развитія церковнаго пѣнія. Конечно, влияние ихъ въ этомъ отношеніи было ничтожнымъ. До XVII вѣка можно назвать лишь незначительное число именъ изъ исторіи русской церкви, которыя работали надъ вопросами церковной музыки и стремились упорядочить церковное пѣніе. Но результаты, полученные такимъ образомъ, были незначительны, и мы перейдемъ къ новому періоду, открывшемуся въ XVII вѣкѣ и состоявшему въ широкихъ заимствованіяхъ у западной музыки.

Подведя общій итогъ сказанному, мы позволимъ себѣ воспользоваться для этого слѣдующей страничкой изъ „Очерковъ по исторіи русской культуры“ (ч. II я „Церковь и творчество“) П. Н. Милюкова. „Западная музыка“, — говоритъ онъ, — „была продуктомъ могущественнаго культурнаго вліянія церковнаго элемента на народныя задатки. Церковный грегорианскій хораль, прежде всего, рѣшительно вытѣснилъ древнюю пятитонную гамму народной пѣсни, замѣнивъ ее античной семиступенной. Затѣмъ, въ предѣлахъ той же церковной музыки началась разработка современной гармоніи. Народная пѣсня была напѣвъ; церковный средне-

А. Г. Рубинштейнъ за роялемъ
(рис. Елиз. Бѣмъ).

вѣсковый стиль научилъ сопровождать этотъ напѣвъ другими созвучными голосами. Такимъ образомъ, явилось въ музыкѣ новаго времени сочетаніе мелодіи съ гармоніей, одноголоснаго стиля съ многоголоснымъ. Въ Россіи и въ этомъ случаѣ церковь сторонилась отъ народной старины: вотъ почему церковное пѣніе и народная пѣсня долго существовали у насъ рядомъ, не оказывая другъ на друга никакого вліянія. Точно такое же отношеніе мы видѣли раньше между народнымъ языческимъ преданіемъ и христіанской поэзіей. И результаты получились здѣсь тѣ же. Русская пѣсня донесла вплоть до нашего времени свой своеобразный ритмъ и даже свою первобытную пятиступенную гамму. Съ другой стороны и церковное пѣніе („знаменное“) долго оставалось такимъ же неразвитымъ, одноголоснымъ, какимъ пришло къ намъ изъ Византіи или отъ южныхъ

Н. А. Римскій-Корсаковъ.
(1844—1911).

М. П. Мусоргскій.
(1839—1881).

славянъ. Такимъ образомъ, древняя Русь не принимала никакого участія въ той грандіозной выработкѣ многоголоснаго стиля, которая на Западѣ уже заканчивалась въ XV столѣтіи. Нечего и говорить, что русская музыка тѣмъ болѣе не могла принять непосредственнаго участія въ дальнѣйшемъ развитіи европейской музыки. Чтобы получить возможность самостоятельнаго развитія, русской музыкѣ пришлось, такимъ образомъ, начать — хотя и поздно — съ простаго заимствованія готовыхъ элементовъ европейской техники“.

Путь для этого подражанія началъ пробиваться довольно рано. Несмотря на преданность православной церкви, дворъ русскихъ князей и царей часто не могъ отказать себѣ въ удовольствіи наслаждаться музыкой. Уже при Иванѣ III, около 1490 г., при русскомъ дворѣ встрѣчаются иностранные артисты. При царѣ Теодорѣ Ивановичѣ иностранцами были завезены въ Россію клавикорды, которые вызвали при дворѣ большой восторгъ; органъ, повидимому, былъ извѣстенъ здѣсь уже раньше. Молодой царь Дмитрій въ 1603 г. имѣлъ при себѣ оркестръ, игравшій на духовыхъ инструментахъ. При Михайлѣ Теодоровичѣ музыка является

обычнымъ развлеченіемъ при дворѣ и въ высшемъ обществѣ. Въ это время выдвигается нѣсколько виртуозовъ игры на колокольчикахъ и ко-
локолахъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ, благодаря двумъ любителямъ —
боярамъ Артамону Сергѣевичу Матвѣеву и Никитѣ Ивановичу Романову
придворная музыка дѣлаетъ еще нѣсколько шаговъ впередъ по пути
своего развитія. Петръ Великій и Екатерина I были большими любите-
лями музыки. Всякій праздникъ, всякое пиршество и даже обычные двор-
цовые обѣды сопровождаются игрою оркестровъ. Въ обиходъ входятъ
похоронные марши. Военные оркестры умножаются и совершенствуются.
Съ народной пѣсни снимается запретъ, и она свободно звучитъ подѣ

П. А. Кюл.

сводами дворцовъ. У бояръ и богатыхъ помѣщиковъ появляются собствен-
ные хоры и оркестры. Среди высшаго общества выдвигаются хорошіе
знатоки и любители музыки (князь Меншиковъ, канцлеръ Головкинъ,
графъ Мусинъ-Пушкинъ, Ягужинскій и другіе). При Аннѣ въ 1737 году
въ Петербургъ была дана первая опера итальянца Араджіи „Альбіозаръ“.
При этой же императрицѣ маршалъ Минихъ организуетъ первую военную
школу, въ программу которой была введена и музыка. При императрицѣ
Елизаветѣ дворъ обращаетъ усиленное вниманіе на пѣніе и хорошіе
голоса Украинны; тогда же является стремленіе хоть сколько-нибудь на-
ционализировать оперу, и императрица предлагаетъ Араджіи написать
оперу изъ русской жизни. Петръ III самъ хорошо игралъ на скрипкѣ и

были хорошии декламаторы. Въ Оренбурѣ онѣ основали музыкальную школу, изъ которой вышло нѣсколько замѣательныхъ артистовъ: Кандр. Василій и Дмитрій Каратыгины).

При Екатеринѣ II старавшейся окружить свое имя возможно большими блестящ. итальянская опера пускаетъ еще глубже свои корни. Въ это царствование въ Екатеринославѣ, одною изъ тогдашнихъ центровъ пѣвчей Украины была образована по итальянскому образцу консерваторія. Она была передана въ заведѣваніе итальянцу Сартти, изъ учениковъ котораго большою извѣстностью талантивый Данииль Капинъ, крѣпостной Бибикова. Капинъ впоследствии занялъ мѣсто преподавателемъ музыки при Московскомъ Университетѣ и написалъ музыку для хоровъ, нѣсколько пѣсень для пѣванію и оперу. Вообще за время царствованія Екатерины II выдвинулся рядъ композиторовъ, написавшихъ нѣсколько оперъ на темы изъ русской жизни. Такихъ оперъ за названное царствование появилось около 70. Изъ композиторовъ этого рода можно упомянуть Фокина, Пашкевича, Титова, князя Горчакова. Несмотря на то, что эти композиторы нерѣдко пользовались русскими мелодіями, музыка ихъ находилась подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ итальянской школы съ ея мелодичными, но нерѣдко пошловатыми аріями.

Въ 1766 году совершилось весьма важное событіе въ исторіи русскаго театра и музыки: былъ данъ первый публичный спектакль. Вмѣстѣ съ этимъ было обращено серьезное вниманіе на болѣе правильную организацію театра. Въ это же время въ значительной степени подъ покровительствомъ двора большіе успѣхи сдѣлало въ Россіи производство музыкальных инструментовъ. При Екатеринѣ II въ Москвѣ имѣлся выдающійся фортепьянныхъ дѣлъ мастеръ Гюбнеръ. Хорошіе инструменты въ свою очередь породили рядъ хорошихъ виртуозовъ и просто исполнителей въ различныхъ областяхъ музыки. Такъ, князь Рѣпинъ былъ хорошій флейтистъ; княгиня Кантемиръ — прекрасной піанисткой; изъ пѣвицъ того времени одно изъ первыхъ мѣстъ должно быть отведено Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой, одной изъ выдающихся личностей своего времени. Все это приводить къ тому, что музыка мало по малу становится нераздѣльной частью всякаго хорошаго воспитанія.

Вѣкъ Екатерины II былъ не только эпохой окончательнаго закрѣпленія итальянской оперы на русской почвѣ, но это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ вѣкъ блестящаго развитія романса, надъ словесной оболочкой котораго работали такіе писатели, какъ Ломоносовъ и Державинъ, среди многихъ десятковъ другихъ болѣе мелкихъ поэтовъ. Это было время удивительнаго подъема у насъ церковной музыки: русскій народъ никогда не забудетъ имени Бортинскаго который стоялъ во главѣ цѣлой плеяды другихъ композиторовъ духовной музыки. Наконецъ, въ это время начинаютъ появляться серьезные труды по теоріи музыки.

Такимъ образомъ, къ концу царствованія Екатерины II русское образованное общество уже въ значительной степени овладѣло важнѣйшими элементами западно-европейской музыкальной культуры. Этотъ процессъ всасыванія чужой культуры, процессъ въ достаточной степени рабскаго подражанія, продолжался и въ теченіе ряда слѣдующихъ десятилѣтій вплоть до появленія Глинки, повернувшего наше музыкальное развитіе въ новое русло. Подводя общіе итоги исторіи музыки до Глинки, г. Миллюковъ говоритъ: „Итальянизмъ сдѣлался у насъ такой же условностью въ музыкѣ, какою былъ классицизмъ въ живописи и литературѣ. Нужно однако, отмѣтить и важную разницу въ положеніи того и другого. Оба

направленія можно назвать условными въ томъ смыслѣ, что оба одинаково вытекали изъ отчужденія искусства отъ живыхъ родниковъ національнаго творчества. Но классицизмъ принимался русскимъ обществомъ, какъ обязательная декорація европейскаго просвѣщенія, необходимая для соблюденія приличія, хотя никого въ сущности не интересовавшая. Итальянщина же въ самомъ дѣлѣ льстила элементарнымъ вкусамъ совершенно неподготовленной публики. Вотъ почему поворотъ къ національности и сближеніе съ жизнью было гораздо легче для литературы и живописи, чѣмъ для музыки. Для того, чтобы сочувствовать крушенію ложнаго классицизма, нуженъ былъ только простой здравый смыслъ и свѣжее чувство; для того же, чтобы восторжествовать надъ итальянской музыкальной манерой, нуженъ былъ образованный вкусъ, котораго боль-

А. П. Бородинъ.
(1834—1887).

П. И. Чайковскій.
(1840—1893).

шинству не доставало. И притомъ, побѣда надъ классицизмомъ приводила непосредственно къ національному реализму; тогда какъ побѣда надъ итальянщиной не разрѣшала сама по себѣ дальнѣйшаго вопроса, кто воспользуется плодами этой побѣды: уступить ли итальянизмъ свое мѣсто серьезной европейской космополитической музыкѣ, или же и здѣсь возметъ верхъ русская національная школа“.

Глинка оставилъ побѣду за русской національной музыкой. Годъ появленія его оперъ „Жизнь за Царя“ (1836 г.) и „Руслана и Людмилы“ (1842 г.) являются очень важными моментами не только въ исторіи русской, но и въ исторіи міровой музыки. Основы русской музыкальной школы были расширены и укрѣплены затѣмъ Сѣровымъ и Даргомыжскимъ. Трудамъ этихъ трехъ композиторовъ и обязана главнымъ образомъ своимъ существованіемъ русская музыкальная школа, основныя черты которой г. Базуновъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ. „Въ основѣ ея легла русская народная пѣсня со всѣми ея особенностями мелодическими, гармоническими и ритмическими. Эти оригинальныя свойства

народнаго творчества естественно вызывали при „образованной“ ея обработкѣ, много особенностей контрапунктических, много оригинальнаго въ сферѣ инструментовки и проч...“ О дальнѣйшемъ ходѣ развитія русской музыкальной школы и ея особенностей П. Н. Милюковъ говоритъ: „Во второй половинѣ 50-хъ годовъ, подъ покровительствомъ Даргомыжскаго, составляется кружокъ начинающихъ музыкантовъ, не прошедшихъ никакой систематической школы и потому надолго закрѣпившихъ за собою репутацію „дилетантовъ“. Тутъ было два новоиспеченныхъ офицера, Кюи и Мусоргскій, и только что окончившій университетъ Балакиревъ; нѣсколько позже (въ началѣ 60-хъ годовъ) къ кружку присоединились воспитанникъ морского училища, потомъ морской офицеръ Римскій-Корсаковъ и молодой профессоръ химіи Бородинъ. Балакиревъ былъ между ними самый знающій и скоро сталъ признаннымъ главою

А. А. Архангельскій,
извѣстн. дирижеръ и духовн. композиторъ.
(Род. 1846).

Д. Ф. Направникъ,
композиторъ и Главн. дирижеръ Маріинскаго
Театра.

кружка, членовъ котораго онъ поочередно ввелъ въ тайнства музыкальной техники. Въ талантахъ и рвеніи недостатка въ кружкѣ не было. Но обстоятельства сложились такъ, что молодымъ пионерамъ русской музыки пришлось очутиться въ оппозиціи: господствующее положеніе занялъ во мнѣніи публики и журнальной критики музыкальный космополитизмъ, приобрѣвшій себѣ прочную опору въ только что открытой петербургской консерваторіи (1862 г.). „Балакиревскій кружокъ“ не думалъ однако складывать оружія. Въ томъ же году молодые музыканты создали въ pendant консерваторіи свою „бесплатную музыкальную школу“, концерты этой школы, подъ управленіемъ Балакирева, сдѣлались настоящей выставкой произведеній новой русской музыки. Реализмъ оставался главнымъ девизомъ этой музыки. Мусоргскій — яркая, характерная личность — повелъ его еще дальше Даргомыжскаго, „безстрашно сквозь бури, мели и подводные камни, къ новымъ берегамъ“, куда громко звала современная литература и живопись... И вѣрный этому призванію Мусоргскій съ небывалой смѣлостью заставляетъ музыку говорить и рисовать, негодовать, страдать и смѣяться; его перо не останавливается ни передъ изображеніемъ мужиковъ и бабъ въ деревнѣ, ни передъ ухаживаніемъ

юродиваго, ни передъ скорбью больной нищей сироты; онъ живописуетъ звуками одинаково ярко и ребячью психологію въ дѣтской, и картины пріятеля на выставкѣ; онъ даже рисуетъ музыкальныя карикатуры — на дѣвушку, испуганную козломъ, но не испугавшуюся стараго мужа, на семинариста, зубрящаго „исключенія на ц“ среди воспоминаній о поповской дочкѣ; то шутливая, то насмѣшливая, его музыкальная сатира возвышается до злого, бичующаго сарказма въ его музыкальных памфлетахъ противъ современныхъ ему представителей музыкальной казенщины. До такой рискованной близости къ „правдѣ“ никто даже изъ его собственной „кучки“ доходить не рѣшался...“

Конечно, даже въ этомъ бѣгломъ очеркѣ мы не можемъ не упомянуть о Чайковскомъ (ум. 1893 г.) и Рубинштейнѣ (ум. 1894 г.) талантливыхъ композиторахъ, музыка которыхъ носить характеръ скорѣе нѣмецкій, чѣмъ русскій.

Мы не можемъ также пройти молчаніемъ то вліяніе, которое русская національная школа оказала на французскихъ композиторовъ, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ имя Дебюсси, родившагося въ 1862 году.

Заканчивая свой очеркъ, мы должны отмѣтить, что не только русская композиція поднялась за эти годы на такую удивительную высоту въ области мірового музыкальнаго творчества, но то же самое наблюдается и въ области исполненія. Но и здѣсь мы повсюду находимъ имена, окруженныя европейскимъ почетомъ. Изъ оперныхъ пѣвцовъ почти нашего времени мы можемъ назвать Тартакова, Прянишниковъ, Стравинскаго, Карякина, Орлова, Васильева, Морского, Шаляпина. Изъ оперныхъ пѣвицъ достаточно назвать хотя бы имена Павловской, Славиной, Каменской, Мравиной, Фигнеръ, Долиной, Горчаковой. Изъ руководителей хоровъ извѣстны всѣмъ имена Славянскаго и Архангельскаго. Изъ безчисленнаго количества піанистовъ и піанистокъ никогда не забудется имя г-жи Есиповой, изъ безчисленнаго множества талантливыхъ скрипачей, хотя Ауэръ, изъ віолончелистовъ Давидовъ... Мы упомянули лишь маленькую часть современныхъ знаменитостей русскаго музыкальнаго міра. Но эти одиноко поставленныя вершины показываютъ, какъ необычайно велика стала область современной русской музыки, составляющей одно изъ цѣнныхъ украшеній не только русской, но и міровой культуры.

І. С. БАХЪ.

Іоганнъ Себастіанъ Бахъ.

(1685—1750).

Всѣ біографы гениальнаго музыканта І. С. Баха начинаютъ описаніе его жизни съ того замѣчательнаго факта, что музыкальныя способности въ этомъ семействѣ повторялись съ необычайнымъ постоянствомъ, какъ въ рядѣ восходящихъ предковъ, такъ и въ рядѣ нисходящихъ и боковыхъ линій. Отецъ І. С. Баха былъ музыкантъ по профессіи. Среди дѣдовъ, насколько удалось прослѣдить родъ Баховъ, насчитывается нѣсколько не только хорошихъ музыкантовъ, но и довольно извѣстныхъ композиторовъ. Даже родоначальникъ этого рода жившій въ XVI в. — мельникъ и булочникъ Фейтъ, выдѣлялся своими музыкальными склонностями и подѣ стукъ

своего мельничнаго колеса любилъ часами наигрывать на старинномъ инструментѣ, напоминавшемъ нынѣшнюю гитару.

Другою особенностью рода Баховъ, отразившейся на творчествѣ великаго музыканта, была ихъ горячая приверженность къ протестантизму. Бахи были чистокровные нѣмцы и восприняли протестантизмъ почти со временъ Лютера. Тѣ гоненія, которыя протестантамъ пришлось перенести въ первое столѣтіе существованія ихъ религіи, только укрѣпили ихъ увѣренность въ справедливости ихъ религіозныхъ воззрѣній. Такія испытанія, какъ тридцатилѣтняя война съ ея разгромомъ всей протестантской Германіи, только закалили и безъ того упорный характеръ Баховъ. Немудрено поэтому, что еще во время I. С. Баха вся семейная ихъ жизнь была проникнута глубокой и искренней религіозностью и что дѣятельность великаго композитора была направлена, главнымъ образомъ, на область церковной музыки, гдѣ такъ легко находила свое выраженіе баховская наивность и мистицизмъ.

Іоганнъ Себастьянъ Бахъ родился въ Эйзенахѣ 21-го марта 1685 г. Мѣсто городского органиста, которымъ располагалъ его отецъ, Амвросій Бахъ, не отличалось большою доходностью, и многочисленная семья его (изъ которой выжило, впрочемъ, лишь небольшое число дѣтей) не располагала большимъ достаткомъ, но не чувствовала и большой бѣдности. Въ маленькой и скромной квартиркѣ отца живой и дѣятельный умъ Себастьяна находилъ, повидимому, обильную пищу для своихъ фантазій въ такихъ предметахъ и такой обстановкѣ, которая ничего не скажетъ ординарному ребенку. (Домъ, въ которомъ родился и провелъ первые годы своей жизни Себастьянъ Бахъ, сохранился до настоящаго времени со всею своей обстановкой). — „Замокъ входной двери, — говоритъ Андре Пирро, — украшенъ затѣйливо отдѣланной пластинкой, фантастическіе контуры которой заставляли, конечно, рисовать ребенка въ своемъ воображеніи лица чудовищъ. Обширная прихожая, выложенная кирпичными плитками, могла внушить ему мысль о мрачной пустынѣ, а винтовая лѣстница могла ему казаться дорогой для какого-нибудь опаснаго путешествія. Въ маленькомъ садикѣ, находящемся при домѣ, онъ, вѣроятно, пережилъ первыя впечатлѣнія природы. Онъ накоплялъ ихъ тамъ, гдѣ явленія природы являлись передъ нимъ въ уменьшенномъ масштабѣ, т. е. въ такомъ видѣ, который восхищаетъ ребенка, пугающагося большого простора. Здѣсь, среди скромной зелени, онъ привыкъ цѣнить зеленѣющіе пейзажи. Въ этомъ узкомъ уголкѣ, упирающемся въ стѣну дома, одѣтую побѣгами винограда, и закрытомъ живою изгородью, онъ чувствовалъ себя въ достаточной безопасности для того, чтобы рѣшиться созерцать измѣнчивыя явленія неба, достаточно еще обширнаго, несмотря на высокія стѣны сосѣднихъ домовъ“. А сама окружающая страна была полна легендъ, которыя неотразимо дѣйствовали на воображеніе ребенка. Знаменитый Вартбургскій замокъ, гдѣ Лютеръ, подготавливая свою новую вѣру, препирался съ дьяволомъ, былъ здѣсь у всѣхъ на виду. Улицы и площади Эйзенаха также были полны священныя для протестанта воспоминаній о томъ, какъ великій реформаторъ, по обычаю всѣхъ бѣдныхъ студентовъ, обходилъ со своими товарищами весь городъ, распѣвая священныя пѣсни. Вартбургскій замокъ былъ также полонъ музыкальныхъ традицій, такъ какъ въ былое время въ стѣнахъ его устраивались знаменитые музыкальные турниры, на которые собирались самые знаменитые пѣвцы.

Себастьянъ рано сталъ проявлять музыкальныя способности. Это

не ускользнуло отъ вниманія его отца, который самъ былъ незауряднымъ музыкантомъ. Онъ началъ учить мальчика игръ на скрипкѣ и клавесинѣ. Занятія шли успѣшно. Но судьба готовила даровитому мальчику рядъ тяжелыхъ испытаній. Въ 1694 г. умерла его мать, а черезъ годъ скончался отецъ. Семья распалась и разбелась. Себастьянъ взялъ на воспитаніе старшій братъ, состоявшій органистомъ въ городѣ Ордруфѣ. Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, который уже успѣлъ обзавестись своей собственной семьей, несмотря на скромное содержаніе, которое онъ получалъ въ качествѣ органиста.

Въ Ордруфѣ Себастьянъ, которому въ то время минуло уже десять лѣтъ, поступилъ въ городскую школу, а съ братомъ продолжалъ свои музыкальныя занятія, т. е. игру на скрипкѣ, клавесинѣ и органѣ. Такъ какъ Себастьянъ обладалъ хорошимъ голосомъ, то онъ принималъ участіе и въ церковномъ хорѣ. Предметы, которые Бахъ проходилъ въ этой школѣ, были: чтеніе и комментированіе нѣкоторыхъ латинскихъ писателей, небольшой курсъ греческаго языка, курсъ всеобщей исторіи и географіи, незамысловатыя сочиненія на родномъ языкѣ. Себастьянъ былъ все время самымъ молодымъ и самымъ лучшимъ ученикомъ въ своемъ классѣ. Но и музыкой онъ продолжалъ заниматься съ прежнимъ увлеченіемъ. Слѣдующій маленькій разсказъ, сохранившійся отъ того времени, ярко обрисовываетъ увлеченія мальчика въ этомъ отношеніи. Себастьянъ узналъ, что въ шкафу брата хранится тетрадка произведеній новѣйшихъ композиторовъ, которую его братъ по какимъ-то педагогическимъ соображеніямъ не хотѣлъ дать маленькому Себастьяну. Между тѣмъ этотъ послѣдній успѣлъ ознакомиться съ новѣйшими музыкальными произведеніями и полюбилъ новую музыку. Мальчикъ рѣшилъ добыть запретную тетрадку. Шкафъ былъ запертъ, но спереди его закрывала только металлическая сѣтка. Худенькая рука мальчика, оказалось, свободно проходила сквозь отверстія рѣшетки, и ему такимъ образомъ удалось вытащить заветную тетрадку. Боясь потерять драгоцѣнное приобрѣтеніе, Себастьянъ началъ переписывать ноты по ночамъ, при лунномъ свѣтѣ. Шесть мѣсяцевъ ушло на эту работу. Но плодами ея ребенку все-таки не удалось воспользоваться, такъ какъ при первыхъ же попыткахъ разучить добытыя съ такимъ трудомъ произведенія, онъ былъ уличенъ своимъ братомъ, который и отнялъ у него переписанныя ноты.

Чѣмъ дальше шли годы, тѣмъ яснѣе понималъ Себастьянъ, какое непосильное бремя нести для него братъ. Пятнадцатилѣтнимъ юношей онъ рѣшилъ покинуть Ордруфъ и поступить въ школу монастыря св. Михаила въ городѣ Люнебургѣ. Обученіе здѣсь ему было предложено бесплатное, но зато онъ становился постояннымъ участникомъ монастырскаго хора.

Занятія въ люнебургской школѣ были сосредоточены главнымъ образомъ на изученіи Виргилія и Горація и на риторикѣ. Съ точки зрѣнія общаго образованія школа, слѣдовательно, не могла много дать Себастьяну Баху, но музыкальное его образованіе подвинулось очень значительно. Хоръ былъ поставленъ прекрасно и исполнялъ разнообразныя и сложныя вещи. Здѣсь же въ Люнебургѣ Себастьянъ Бахъ завязалъ нѣсколько интересныхъ и важныхъ для него музыкальныхъ знакомствъ. На первомъ мѣстѣ изъ этихъ знакомствъ и вліяній надо поставить одного изъ органистовъ и композиторовъ этого города Бема. Не менѣе важнымъ для молодого музыканта было допущеніе его на музыкальные вечера въ Целле, гдѣ при дворѣ герцога Георга Вильгельма исполнялась хорошая

музыка, производившая большое впечатлѣніе на Себастьяна. Тамъ же онъ ознакомился и съ итальянской музыкой. Наконецъ, въ одну изъ поѣздокъ въ Гамбургъ ему удалось присутствовать при исполненіи нѣсколькихъ оперъ. Такимъ образомъ, музыкальное образованіе С. Баха за время его пребыванія оказалось очень разнообразнымъ и глубокимъ съ этимъ солиднымъ багажемъ, такъ соотвѣтствовавшимъ его природному таланту, Себастьянъ Бахъ и вступилъ, восемнадцатилѣтнимъ юношей, въ практическую жизнь.

Въ 1703 г. Баху удалось получить мѣсто придворнаго музыканта въ Веймарѣ. За этимъ громкимъ титуломъ крылось довольно жалкое положеніе. Германія въ то время была раздроблена на множество мелкихъ княжествъ съ крошечными бюджетами. Но каждый такой микроскопическій князекъ хотѣлъ имѣть дворъ и всѣ соотвѣтствующія придворныя установленія. При такомъ положеніи вещей, лица, служація при дворѣ мелкихъ нѣмецкихъ князьковъ, должны были пользоваться въ большинствѣ случаевъ ничтожнымъ содержаніемъ. Несомнѣнно, что въ Веймарѣ С. Баху пришлось получать грошевое жалованье, тѣмъ болѣе, что мѣсто первой скрипки, занятое здѣсь Бахомъ, числилось не при дворѣ самого владѣтельнаго герцога Веймарскаго, а при дворѣ его брата. Во всякомъ случаѣ Бахъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы найти себѣ что-нибудь болѣе выгодное. Пребываніе въ Веймарѣ оказалось для С. Баха полезнымъ въ томъ отношеніи, что онъ имѣлъ здѣсь случай выступать въ качествѣ органиста, и завоевать себѣ въ этомъ отношеніи почетную извѣстность. Въ 1704 г. въ небольшомъ нѣмецкомъ городкѣ Арнштадтѣ былъ поставленъ новый органъ. Испробовать этотъ инструментъ былъ приглашенъ С. Бахъ. Его игра на органѣ понравилась преподавателямъ города, и онъ былъ приглашенъ на вакантное мѣсто органиста г. Арнштада. Положеніе С. Баха здѣсь было лучше, чѣмъ при веймарскомъ дворѣ, но тѣмъ не менѣе, онъ долго здѣсь не ужился. Прежде всего онъ возбудилъ противъ себя мѣстныхъ пажей и постоянныхъ посѣтителей церкви. Дѣло въ томъ, что Бахъ нерѣдко, увлекшись игрою на органѣ, отступалъ отъ принятыхъ мелодій, создавалъ новыя или, по крайней, вводилъ новыя и неожиданныя украшенія... Выходило лучше, чѣмъ прежде, но не такъ, какъ прежде, и этого было достаточно для того, чтобы къ молодому органисту возникло недоброжелательное чувство у части самыхъ почетныхъ горожанъ. Другое преступленіе состояло въ томъ, что, заботясь объ улучшеніи хора, онъ ввелъ въ него женское сопрано. Многие сочли такой поступокъ органиста прямымъ преступленіемъ противъ каноническихъ правилъ. Третьимъ обвиненіемъ было неумѣлое обученіе и обращеніе съ учениками церковнаго хора. С. Бахъ въ качествѣ органиста долженъ былъ обучать ихъ не только музыкѣ и пѣнію, но и общимъ наукамъ. Бахъ настолько не умѣлъ держать въ рукахъ своей школы, что бывали случаи, когда онъ вступалъ со своими учениками въ рукопашную схватку. Но послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія у представителей городского самоуправленія, была его слишкомъ продолжительная поѣздка въ Любекъ. И, дѣйствительно, получивъ отпускъ на четыре недѣли, онъ пробылъ въ Любекѣ четыре мѣсяца. Причиной этой неисправности были музыкальныя увлеченія. Въ Любекѣ въ то время мѣсто органиста занималъ извѣстный и талантливый музыкантъ Букстегудъ. Бахъ познакомился съ нимъ и былъ принятъ имъ очень ласково. Молодой органистъ много разъ слушалъ музыку знаменитаго музыканта, который называлъ его своимъ „дорогимъ собратомъ“. Къ тому же Букстегудомъ въ это время былъ организованъ въ

Любекѣ рядъ духовныхъ концертовъ, и Бахъ не имѣлъ силъ оторваться отъ тѣхъ духовныхъ наслажденій, которыя онъ нашелъ въ этомъ городѣ.

Всѣ эти промахи и проступки сдѣлали невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе Баха въ Ариштадѣ. На Пасхѣ 1707 г. былъ открытъ конкурсъ на полученіе должности органиста въ Мюльгаузенѣ. На этомъ конкурсѣ С. Бахъ прошелъ первымъ и осенью того же года перебрался въ Мюльгаузенъ на новую должность. Но Ариштадтъ тѣмъ не менѣе остался замѣчательнымъ пунктомъ въ біографіи С. Баха и въ исторіи міровой музыки. Здѣсь знаменитымъ композиторомъ было написано его первое музыкальное произведеніе. Это было „Carpiccio“ на отвѣздъ любимаго брата; за этимъ Carpiccio въ Ариштадѣ же послѣдовало еще нѣсколько музыкальных сочиненій, изъ которыхъ наибольшей извѣстностью пользуется пасхальная кантата. Всѣ эти произведенія отличаются подражательнымъ характеромъ; особенно сильно чувствуется въ нихъ вліяніе Букстегуда.

Мюльгаузенъ больше соотвѣтствовалъ музыкальнымъ потребностямъ С. Баха. Хоръ и оркестръ были значительныхъ размѣровъ и довольно сложными по своему составу; городъ ежегодно давалъ торжественный концертъ, на которыхъ исполнялись музыкальныя новинки; вкусы публики отличались большей изысканностью, чѣмъ во многихъ другихъ провинціальныхъ нѣмецкихъ городкахъ; ближайшими предшественниками С. Баха были выдающіеся музыканты. И тѣмъ не менѣе, Бахъ не ужился и въ Мюльгаузенѣ. Онъ чувствовалъ, что его реформы церковной музыки, которыми въ порывѣ глубокаго религіознаго чувства онъ хотѣлъ принести Богу самые драгоцѣнные перлы своего искусства, остаются не поняты и не оцѣнены его слушателями. Вотъ почему онъ поторопился воспользоваться предложеніемъ герцога Вильгельма Саксенъ-Веймарскаго, который въ 1708 г. пригласилъ его на должность придворнаго музыканта.

Въ Веймарѣ С. Бахъ уѣзжалъ уже не одинъ, а съ молодой женой. Это была его двоюродная сестра Марія-Варвара Бахъ, съ которой онъ обвѣнчался въ Мюльгаузенѣ и которая въ теченіе 13 лѣтъ была его вѣрной спутницей и опорой.

Въ Веймарѣ Бахъ цѣликомъ отдался музыкѣ. Всѣ его обязанности состояли въ томъ, что онъ долженъ былъ время отъ времени выступать передъ королемъ въ оркестрѣ или со своею игрою на органѣ. Этотъ инструментъ онъ теперь зналъ въ совершенствѣ, какъ это было обнаружено его руководствомъ при исправленіи огромнаго, но устарѣвшаго органа въ Мюльгаузенѣ.

Прочно и довольно сносно съ матеріальной точки зрѣнія устроившись въ Веймарѣ, С. Бахъ со страстью уходилъ въ музыкальное творчество, котораго онъ не оставлялъ со времени появленія своего перваго Carpiccio. За время своего пребыванія въ Веймарѣ талантъ С. Баха окрѣпъ окончательно, и нашъ композиторъ переходитъ къ оригинальному творчеству. Церковная музыка—та область, въ которой Бахъ достигъ высшихъ проявленій своего дарованія. Хораль и кантата—тѣ формы, которыя были подняты Бахомъ на высоту, почти недосягаемую для другихъ композиторовъ. „По своему типу“,—говоритъ г. Базуновъ,—„очень старинный родъ музыки, духовная кантата такъ же, какъ и хораль, представлялась Баху очень удобнымъ способомъ выраженія наполнявшихъ его возвышенно-религіозныхъ настроеній. Но отъ старинныхъ произведеній—этого рода композиторъ заимствовалъ только форму, заключая въ нее свѣжесть и прелесть содержанія вполне оригинальнаго. Религіозная окраска баховскихъ духовныхъ кантатъ, начиная съ этого ранняго періода, вездѣ

и всегда является вполне индивидуальной, отражающей все основные черты характера автора, его сердечную теплоту, тонкое чувство прекрасного и глубокую религиозную вдумчивость, ему свойственные. Что касается технических достоинств сочинений Баха этого рода, то достаточно сказать, что по тонкости разработки и ее „осмысленности“, этот стиль Баха не без всяких оснований сравнивают со стилем самого Бетховена „... Это совершенство, до которого Бахъ довелъ свои кантаты и хоралы и которое заставляло другихъ выдающихся композиторовъ отказываться отъ творчества въ данной области за невозможностью послѣ Баха сказать что-нибудь новое, явилось результатомъ не только огромнаго таланта Баха, но и въ высшей степени тщательнаго и исчерпывающаго изученія данной области музыкальнаго творчества. Но хоралы и кантаты не могли исчерпать всего огромнаго таланта Баха. Прелюдіи, сюиты и особенно фуги были также тѣми музыкальными формами, которыя хорошо удавались Баху и увеличивали его славу, какъ композитора. Что же касается его исполненія и виртуозности, то объ этихъ сторонахъ его музыкальнаго таланта можетъ дать понять слѣдующій случай. Когда въ Дрезденѣ пріѣхалъ замѣчательный французскій виртуозъ Маршанъ, то у любителей музыки при дрезденскомъ дворѣ явилось желаніе устроить оригинальный турниръ между Маршаномъ и Бахомъ. Въ назначенный день Маршанъ въ присутствіи отборнаго общества импровизировалъ французскую арію въ нѣсколькихъ блестящихъ варіаціяхъ. Когда дѣло дошло до Баха, онъ прежде всего съ поразительною точностью повторилъ на память всю впервые разъ въ жизни слышанную имъ музыкальную пьесу, а затѣмъ тотчасъ далъ 12 собственныхъ своихъ варіацій на ту же тему, затмившихъ своей красотой варіаціи Маршана. Это произвело такое огромное впечатлѣніе на самого Маршана, что онъ тайно покинулъ Дрезденъ, отказавшись отъ продолженія музыкальнаго турнира и оставляя поле битвы за Бахомъ.

Вскорѣ послѣ этой поѣздки въ Дрезденъ, С. Бахъ вынужденъ былъ покинуть Веймаръ. Признанный, какъ первый музыкантъ Германіи, онъ не могъ добиться перваго мѣста въ музыкальномъ мірѣ веймарскаго двора, который, какъ и все дворы въ мірѣ, жилъ интригами и сплетнями. Одна изъ такихъ интригъ довела Баха до крайняго раздраженія, и онъ, надѣлавъ рядъ нетактичныхъ и грубыхъ выходокъ, навсегда покинулъ Веймаръ для того, чтобы перейти на службу къ герцогу Леопольду Ангальт-Кетенскому, который воспользовался тяжелымъ положеніемъ композитора и предложилъ ему до крайности мизерное содержаніе. Въ Кетенѣ Бахъ пробылъ недолго. Здѣсь онъ потерялъ свою первую горячо любимую жену и здѣсь же вступилъ во второй бракъ съ дочерью одного изъ придворныхъ музыкантовъ: Анной-Магдалиной Вилькенъ. Поспѣшный этотъ бракъ объясняется отчасти невозможностью обойтись безъ хозяйки при такой обширной семьѣ, каковой была семья Баха въ то время; отчасти, говоря словами одного изъ самыхъ обстоятельныхъ біографовъ его, по „общей всему здоровому поколѣнію Баховъ сильной склонности къ брачному сожительству, которое побуждало ихъ быстро обращаться отъ умершихъ къ живымъ“. Второй бракъ былъ также счастливымъ для Баха. Въ своей женѣ онъ нашелъ друга, который, благодаря своей музыкальной одаренности и своимъ музыкальнымъ познаніямъ, понималъ великаго композитора.

Но по мѣрѣ того, какъ развертывалась творческая дѣятельность С. Баха, онъ все яснѣе и яснѣе чувствовалъ несовершенство тѣхъ средствъ исполненія, которыя предлагала ему музыка того времени. Прежде всего

клавиатурные клавесины представляли собой крайне несовершенные инструменты. Они обладали лишь приблизительно правильным строемъ, т. е. въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ походили на наши сильно разстроенные рояли. Благодаря этому, большую часть аккордовъ нельзя было употреблять въ дѣло, и это требованіе крайне невыгодно отразилось на композиціи музыкальных произведеній, которыя приходилось упрощать до послѣдней возможности. С. Бахъ изобрѣлъ для этихъ инструментовъ уравниный или темперированный строй, который принятъ для клавиатурныхъ инструментовъ и въ наше время и сдѣлалъ ихъ послушными орудіями музыкальнаго творчества человѣка. Вторымъ важнымъ техническимъ усовершенствованіемъ, внесеннымъ С. Бахомъ, были тѣ измѣненія, которыя онъ внесъ въ аппликатуру, т. е. систему наиболѣе правильнаго и цѣлесообразнаго употребленія пальцевъ при игрѣ на клавиатурныхъ инструментахъ. Достаточно сказать, что С. Бахъ первый научилъ пользоваться при игрѣ на этихъ инструментахъ всѣми пятью пальцами. Эти усовершенствованія, внесенныя С. Бахомъ въ способы пользованія клавиатурными инструментами, побудили его издать въ 1722 г. трудъ „Фортепіано правильнаго строя“, музыкально педагогическій сборникъ, преслѣдовавшій чисто-художественныя цѣли и сохранившій свое значеніе до настоящаго времени. Значеніе этой работы С. Баха знаменитый русскій исполнитель и выдающійся педагогъ А. Г. Рубинштейнъ характеризуетъ въ слѣдующихъ восторженныхъ словахъ („Музыка и ея представители“): „если бы по несчастію всѣ баховскіе мотеты, кантаты, мессы и даже музыка къ „Страстямъ Господнимъ“ потерялись и уцѣлѣло бы одно это, то нечего было бы отчаиваться, — музыка не погибла“.

Изумительное трудолюбіе С. Баха и его огромный талантъ дали возможность Баху написать одновременно съ вышеуказанными произведеніями колоссальное количество замѣчательныхъ произведеній, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ мы должны поставить шесть замѣчательныхъ его концертовъ для оркестра.

Въ Кѣтенѣ С. Бахъ пробылъ шесть лѣтъ. Въ 1723 г., когда ему было 38 лѣтъ отъ роду, онъ принялъ предложеніе занять мѣсто кантора въ церкви св. Тѣомы въ Лейпцигѣ. Мѣсто это хорошо оплачивалось, но, къ сожалѣнію, возлагало такое количество обязанностей, чисто чиновничьяго характера, что доставляло великому композитору много тяжелыхъ минутъ и непріятныхъ столкновеній. Однако Бахъ все-таки остался на этомъ мѣстѣ до конца своей жизни. Мы не можемъ останавливаться подробно на грандіозной работѣ, произведенной Бахомъ въ этотъ лейпцигскій періодъ его жизни. Желая усовершенствовать церковное пѣніе, Бахъ составилъ сборникъ, въ который вошло 295 кантатъ съ такимъ расчетомъ, чтобы на каждое воскресенье и на каждый большой праздникъ приходилось по особой кантатѣ и всѣ онѣ могли быть исполнены лишь на протяженіи 5 лѣтъ. Нечего и говорить, что всѣ эти кантаты являются перлами духовной музыки, а нѣкоторыя изъ нихъ не имѣютъ ничего равнаго и до сихъ поръ. Но наилучшимъ твореніемъ С. Баха за этотъ періодъ является его „Музыка Страстей Господнихъ“. Подъ этимъ именемъ онъ далъ музыкальное изображеніе Страстей Господнихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ излагаются текстомъ четырехъ евангелистовъ.

„Только человѣкъ съ такой чистой душой, — говоритъ С. А. Базуновъ, — и могъ взяться за высокую задачу — въ мірѣ звуковъ изобразить исторію страстей и смерти Божественнаго Страдальца. Зато и произведеніе это, вылившееся изъ такого чистаго источника, оказалось со-

зданіемъ, вполне отвѣчающимъ всѣмъ требованіямъ гениальности. Основными особенностями его является необыкновенная простота, ясность и поражающая художественная искренность, т. е. качества, неизмѣнно отличающія всѣ величайшіе продукты человѣческаго гениа, въ какой бы сферѣ искусства онъ себя ни проявилъ... Великимъ основнымъ качествомъ произведенія Баха, какъ нельзя больше, отвѣчаютъ и особенности его технической разработки. Вполнѣ художественные, мастерски сжаты хоры, гдѣ нужно, быстро подвигаютъ дѣйствіе драмы, составляя одно изъ важнѣйшихъ достоинствъ этого музыкальнаго произведенія, какъ драмы. Великолѣпные речитативы обрисовываютъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ типичныя черты съ самой совершенной, поразительной реальностью; и реальность эта тѣмъ болѣе цѣнна, что она не является у автора искусственнымъ результатомъ теоретически выработанныхъ правилъ и приѣмовъ: она естественна и за нею не видно погоня. Все въ этомъ шедеврѣ отвѣчаетъ одно другому: и тонкая прелесть мелодій, и оригинальность гармонической ихъ обработки и замѣчательныя особенности инструментовки. Контрапунктическое мастерство, какъ признанная спеціальность Баха, здѣсь является мѣстами совершенно неподражаемымъ. Музыкальными средствами, какими композиторъ пользовался въ этомъ капитальнѣйшемъ изъ своихъ твореній, является необыкновенно искусное и удачное употребленіе двухъ хоровъ, а изъ инструментовъ — органъ и оркестръ, весьма оригинально составленный. Именно инструментовка здѣсь отличается совершеннымъ отсутствіемъ, во-первыхъ, мѣдныхъ инструментовъ, а, во-вторыхъ, инструментовъ ударныхъ, что придаетъ музыкѣ необычайно изысканный колоритъ, поражающій одновременно своею мягкостью и большой оригинальностью... Превознося недосыгаемо-великія красоты этого сочиненія, нѣкоторые нѣмецкіе писатели, съ Ф. Шпиттою во главѣ, находятъ твореніе Баха „народнымъ въ истинномъ смыслѣ слова“, признавая, что въ немъ съ особенной яркостью отразились всѣ индивидуальныя особенности, свойственныя германской расѣ вообще и германскому религіозному чувству въ частности. Но принимая во вниманіе, что религіозное чувство и всѣ главныя особенности его выраженія — общи всѣмъ племенамъ и народамъ, а спеціально музыка есть по преимуществу область, гдѣ „нѣтъ эллина, ни іудей“, слѣдуетъ признать, что великое твореніе Баха, оставаясь національнымъ, есть въ то же время произведеніе вполне общечеловѣческое, и такимъ его значеніемъ опредѣляется и величайшее его художественное значеніе“...

Но это великое произведеніе одного изъ гениальнѣйшихъ музыкальныхъ композиторовъ, современниками было встрѣчено довольно сдержанно. Вообще С. Бахъ получилъ свою настоящую оцѣнку лишь въ наше время.

За этотъ же лейпцигскій періодъ дѣятельности С. Бахомъ были написаны рядъ превосходныхъ ораторій и „мотетовъ“, представляющихъ разнообразность церковно-музыкальныхъ произведеній, близкую къ кантатамъ, а также имъ дано много выдающихся произведеній и въ области свѣтской музыки.

Въ послѣдніе годы своей жизни С. Бахъ становился все болѣе и болѣе домосѣдомъ. Крѣпкое здоровье С. Баха съ годами нѣсколько пошатнулось. Онъ сталъ сильно страдать глазами, поврежденными, какъ думаютъ, тѣми ночными занятіями съ запрещенной тетрадкой, о которой мы говорили выше. Къ тому же у Баха не прекращались и непріятности по службѣ, несмотря на то, что онъ отдавался своей музыкѣ со

страстью и пользовался большой извѣстностью во всей Германіи. Самъ Фридрихъ Великій, хорошій музыкантъ, потрясенный одной изъ импровизаций С. Баха, воскликнулъ: „Nur ein Bach!“... („Бахъ единственный!“). Этимъ служебнымъ столкновеніямъ и непріятностямъ много содѣйствовали особенности характера Баха. Несмотря на свою удивительную гуманность и общее благодушіе, Бахъ отличался рѣдкой вспыльчивостью и въ такія минуты забывалъ все. Такъ, напр., когда одинъ прекрасный и уважаемый музыкантъ во время репетиціи въ церкви св. Оомы сдѣлалъ какую то ошибку на органѣ, Бахъ въ бѣшенствѣ сорвалъ съ себя парикъ и запустилъ имъ въ лицо сконфузившемуся органисту съ гнѣвнымъ крикомъ: „вамъ лучше бы сапоги тачать!“ Другой особенностью характера Баха, являвшейся нерѣдко причиной непріятныхъ положеній для него самого, была безпредѣльная его наивность. И, въ самомъ дѣлѣ, какой чисто дѣтской наивностью звучитъ письмо этого удивительно добраго человека, въ которомъ онъ жалуется, что изъ-за хорошаго лейпцигскаго воздуха онъ долженъ терпѣть убытки, такъ какъ число покойниковъ, благодаря этому, незначительно, а потому незначительно и число похоронныхъ мессъ, изъ оплаты которыхъ онъ получалъ извѣстный процентъ. Или какъ ярко выступаетъ вся наивность его жизни, когда, онъ, человѣкъ, которому совершенно чуждо всякое тщеславіе, начинаетъ выпрашивать себѣ какой-то придворный чинъ съ единственной цѣлью насолить подобнымъ образомъ своимъ врагамъ. Не мало вредила Баху присущая ему сварливость. Впрочемъ раздражительность Баха находилась въ болышой зависимости отъ неудачъ съ изданіемъ его замѣчательныхъ произведеній. Ему не удавалось находить для себя издателей. То что онъ издавалъ, онъ издавалъ съ большими убытками для себя. И это несмотря на колоссальную популярность даже среди широкихъ народныхъ массъ. Такъ, при жизни Баха въ захолустныхъ деревенькахъ рассказывали, какъ въ ту или другую бѣдную церковь являлся плохо одѣтый, старый господинъ и просилъ у органиста позволенія сыграть нѣсколько нумеровъ во время богослуженія. Когда же органистъ уступалъ свое мѣсто за органомъ незнакомцу, то раздавалась такая изумительная музыка, что органисту ничего не оставалось, какъ признать, что то былъ либо самъ Бахъ, либо самъ дьяволъ. Въ этихъ легендахъ была только та истина, что при своей жизни Бахъ не зналъ себѣ равныхъ по исполненію на органѣ.

На 65-мъ году Бахъ сильно заболѣлъ глазами. Операция не удалась, и великій композиторъ ослѣпъ. Но и тутъ его богатый духъ не смирился. С. Бахъ продолжалъ свое творчество и слѣпымъ старикомъ. Его композиціи записывались подъ диктовку. Последнее его произведеніе носило названіе „Искусство души“. Въ этомъ великолѣпномъ сочиненіи онъ какъ бы хотѣлъ показать, что можно дать, пользуясь только одной музыкальной формой — фугой, къ которой онъ такъ часто любилъ возвращаться.

Въ серединѣ іюля 1750 года къ Баху вдругъ вернулось зрѣніе. Близкіе со страхомъ истолковывали это явленіе, какъ предвѣстникъ близкаго конца. И, дѣйствительно, 28 іюля, черезъ десять дней, послѣ того какъ Бахъ прозрѣлъ, его поразили сильнѣйшій апоплексическій ударъ, и одного изъ величайшихъ композиторовъ, какого только видалъ міръ, не стало.

Похороны Баха были очень торжественны, но могила Баха не сохранилась до нашего времени. Одна изъ новыхъ улицъ Лейпцига прошла черезъ кладбище и поглотила великую могилу. Въ 1843 г. въ Лейпцигѣ былъ поставленъ Баху прекрасный памятникъ.

У Баха было отъ перваго брака 7 дѣтей и отъ второго—13. Изъ нихъ нѣкоторые, какъ и внуки пріобрѣли на музыкальномъ поприщѣ значительную извѣстность. Вдова Баха осталась безъ всякихъ средствъ; городъ Лейпцигъ назначилъ ей, послѣ долгихъ проволочекъ, нищенское пособіе.

С. Бахъ, какъ мы говорили, былъ оцѣненъ въ полной мѣрѣ лишь потомствомъ. Въ настоящее время въ Германіи дѣйствуетъ „Баховское Общество“, которое отыскиваетъ, печатаетъ, изучаетъ и распространяетъ произведенія великаго композитора. Имъ издано до настоящаго времени 45 томовъ произведеній Баха.

Вестник Знания

Продолжается подписка на издающийся одиннадцатый годъ распространѣннѣйшій литературно-научный иллюстрированный журналъ дающий цѣлую библиотеку капитальныхъ сочиненій, популярно-научный ежемѣсячный журналъ и ежемѣсячную газету-журналъ.

Недѣля

отдѣлу подл. на Нед. 3 р. въ г., 75 к. въ 1/4 г.).

Главные сотрудники: С. А. Ан-ский, д-ръ Бекетовъ, Л. Вельмонтъ, акад. В. М. Бекетевъ, В. В. Виттнеръ, проф. И. А. Бодуэнъ-Ю. С. Гамбаровъ, проф. А. Г. Генслеръ, Н. Глимеръ (Сухомовъ), В. Г. Головановъ, Г. А. Гринскій, И. А. Гринскій, проф. С. О. Гринебергъ, проф. Довнар-Запольскій, проф. Жковъ П. Звѣдичъ, проф. Ф. Ф. Злинскій, проф. А. А. Исаевъ, С. К. Исаковъ, П. Ф. Каптеревъ, проф. М. Ковалевскій, проф. В. Козловскій, Евр. Маевскій, проф. И. Менниковъ, прив.-доц. Модестовъ, Н. А. Морозовъ, Вас. И. Немодовъ, Данченко, А. Николаевъ, проф. И. Х. Озеровъ, К. Пажитновъ, А. С. Панкратовъ, проф. Д. П. Перажидинъ, бывш. св. гр. С. Петровъ, проф. Е. В. де-Роберти, Н. А. Рубининъ, Л. Рускинъ, худ. И. Е. Рынчъ, проф. Ир. Смирновъ, Н. В. Свѣрловъ, прив.-доц. А. Г. Тимофеевъ, прив.-доц. Тотомищъ, проф. Туланъ-Барановскій, д-ръ зоол. С. Чахоткинъ, Н. Череванинъ и др.

Въ приложеніяхъ въ культурной работѣ. Альбомъ, портретовъ и картинъ, выд. и проч., съ описаніемъ, въ 2 частяхъ. 2) Иллюстрированная исторія украинъ, въ 4-хъ выпускахъ. 3) Лекція по естествознанію и филозофии, проф. Геккеа. 4) Общественно-экономическіе идеалы нашего времени, проф. М. И. Туланъ-Барановскаго. 5) Пиглена духа, физиологія мозга. Литенъ ребенка, мужнина, жиннина. Породы вощихи и пр., проф. Кастона съ колонию, проф. Фореа, въ 2-хъ выпускахъ. 6) Экспериментъ физика, проф. Бернштейна. 7) Психология и учитель, негосл. Монтессори. 8) Соиня. Лопе-де-Бейга: „Дорога“, „Плово“ и мѣсть. 9) Кавказскій литерат. альманахъ. 10) Латвисскій литерат. альманахъ.

Свертъ тою подписчики, въ зависимости отъ набраннаго ими абонементу (цѣна подл. указывать № абонементу), получать слѣд. капитальныя сочиненія:

1-й абонементъ: 12 вып. иллюстр. биогр. проф. биологика **2-й абонементъ:** въ 16 выпуск.

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ, МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. Литер. кинишъ, японцевъ, египтянъ, индусовъ, персовъ, евреевъ, арабовъ, грековъ, римлянъ, кельтовъ, германцевъ, возродителей Италіи, Англіи, Франціи, Испаніи и др. Литература славы. Редакция проф. Злинскаго, Н. П. Евстифеева, проф. Вруля и др. Роскоши. изд. со мног. рис. и ок. 60 отд. карт. и хромот.

3-й абонементъ: въ 16 выпускахъ **КНИГА ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.** Соиня. трудъ въ 9 частъ: ч. I и II. Пространство и время, бар. Швейгеръ-Лерхенфельда; ч. III. Мелничія жизни, проф. Остагаладъ; ч. IV. Колѣбель жини, проф. Шенксена; ч. V. Оби-таемые мѣры, проф. Мейера; ч. VI—IX. Психология, антропология, челоушества, проф. Вундта. Роскоши. изд., около 600 рис. и 60 отд. карт. (Въ книжк. мал. в. ст. 15 руб.).

4-й абонементъ: 12 выпусковъ **СВОДЪ ЗАКОНОВЪ. ИСТОРИЯ РЕЛИГІЙ.** 4 вып. практической энциклопедіи (руководство по ремесламъ, хозяйству, домоводству, полезныя рецепты и пр.). Въ 1913 г. въ этомъ изд. будутъ дана книга **ПРАВА РУССКАГО ГРАЖДАНІНА.** какъ ихъ опредѣлять, какъ ихъ осуществлять, какъ ихъ отстаивать. Съ образц. прошенъ и пр. Сост. прис. пов. П. А. Бронекелъ.

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., 40, Контора „Вѣстника Знания“. Подробный иллюстрированный проспектъ высылается безплатно.

Подписная цѣна на „Вѣст. Знания“ съ газ. „Недѣля“ и ежѣм. прилож. въ годъ 8 руб., съ перес. 9 руб., за границу черезъ зарп. почтампотъ 12 руб. доукается разсрочка: при подпискѣ 5 р. 10 июня и 10 сент. по 2 р. премія: Вносилъ въ деньги нѣвотъ право на премію книгамъ на 2 р. (по особ. катал.), уплачивая лишь за перес.

Типографія Кюгельгенъ, Ганчъ и Ко., Спб., Англійскій пр., № 28.

Вниманію подписчиковъ 1-го абонемена.

Лица, подписавшіяся въ 1913 г. на 1-й абонементъ, могутъ получить изъ конторы „Вѣстн. Зн.“ первые 3 тома (12 выпусковъ)

Иллюстрированной біографической
библіотеки

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ.

данныхъ въ качествѣ приложения къ журн. „Вѣстн. Зн.“ въ 1912 г. и составляющихъ самостоятельное цѣлое. Изданіе иллюстрировано

многими рисунками въ текстѣ, картами, чертежами и 48 отд. портретами и картинами, печатанными цвѣтными красками.

Краткое содержаніе 3 томовъ:

ВЕЛИКІЕ ЭКОНОМИСТЫ. I. Утописты (со вступительнымъ очеркомъ проф. М. И. Туганъ-Барановскаго „Утопическій социализмъ“): Р. Оуэнъ, Сенъ-Симонъ, Ш. Фурье. II. Классики (съ очеркомъ проф. М. И. Туганъ-Барановскаго „Классическая школа“): А. Смитъ, Т. Мальтусъ, Д. Рикардо. III. Соціалисты (съ очеркомъ проф. М. И. Туганъ-Барановскаго „Критическій социализмъ“): Прудонъ, Родбертусъ, Ф. Лассаль, К. Марксъ, Ф. Энгельсъ, П. Лафаргъ. IV. Кооператоры: Шульце-Деличъ, Голюкъ, Райффейзеъ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ: Русскіе публицисты (съ очеркомъ „Русская публицистика“): Радищевъ В. Г. Бѣлинскій, А. И. Герценъ, Н. Г. Чернышевскій, Н. А. Добролюбовъ. II. Русскіе педагоги (съ очеркомъ „Изъ исторіи просвѣщенія“): В. Н. Каразинъ, Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій, Н. А. Корфъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ (съ очерками „Объединеніе Италіи“ и „Объединеніе Германіи“): Гарибальди, Маццини, Кавуръ, Бисмаркъ, Мольтке, Гладстонъ и др.

ГУМАНИСТЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ (со вступительнымъ очеркомъ): Ульрихъ, Ф.-Гуттенъ, Рейхлинъ, Эразмъ Роттердамскій, Джордано Бруно.

РЕЛИГИОЗНЫЕ РЕФОРМАТОРЫ (со вступительнымъ очеркомъ): Янъ Гусъ, М. Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ.

ВЕЛИКІЕ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛИ. I. Эволюціонисты (съ очеркомъ „Какъ строилась и развивалась теорія эволюціи“): Ч. Дарвинъ, А. Уоллесъ, Э. Геккель, А. О. Ковалевскій, Г. Спенсеръ. II. Физики и химики (съ очеркомъ „Физика и химія въ XIX столѣтіи“): Галилей, Гюйгенсъ, Ньютонъ, М. В. Ломоносовъ, Фарадей, Либихъ, Р. Майеръ, Гельмгольцъ, Д. И. Менделѣевъ.

ВЕЛИКІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И ГЕОГРАФЫ (съ очеркомъ „Какъ развивались наши познанія о землѣ“): Д. Ливингстонъ, Н. М. Пржевальскій, Г. Стэнли, П. А. Кропоткинъ.

ВЕЛИКІЕ ИЗОБРѢТАТЕЛИ (съ очеркомъ „Исторія путей и средствъ сообщенія въ XIX столѣтіи“): Уаттъ, Стеффенсонъ, Фултонъ, Морзе, Эдисонъ, Цеппелинъ.

ВЕЛИКІЕ ХУДОЖНИКИ (съ краткимъ очеркомъ „Исторія искусства до эпохи Возрожденія“): Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело, Рембрандтъ, Рубенсъ, Ванъ-Дейкъ.

Цѣна за 3 тома 6 р. Для подписчиковъ „В. Зн.“ и „Недѣли“ цѣна понижена до 3 р. 75 к. Въ изящныхъ, тисненыхъ золотомъ и краскою переплетахъ на 1 р. 30 к. дороже: 7 р. 30 к., для подписчиковъ 5 р. За пересылку прибавляется 50 к. (въ Сибирь и др. отдаленныя мѣстности соотвѣтственно дороже). Крышки для переплетовъ высылаются и отдѣльно. Цѣна за 3 крышки 80 к.; пересылка ихъ 25 к.

ମହାଭାରତ

[illegible][illegible][illegible]

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Интер, китайцевъ, японцевъ, египтянъ, индусовъ, персовъ, евреевъ, арабовъ, грековъ, римлянъ, кельтовъ, германцевъ, возрожденцевъ, италянъ, англинъ, францинъ, испанинъ и др. Литература славянъ. Редакция проф. Зыбинскаго. Издательство проф. Брауна и др. Роскошныя иллюстр. Е. Евстрѣева, проф. Брауна и др. 60 отд. карт. и хромо-ид. со мног. рис. и ок. 60 отд. карт. и хромо

12 ВЫПУСКОВЪ

СВОДЪ ЗАКОНОВЪ.

4. ВЫП. ПРАКТИЧЕСКОГО ЭНЦИКЛОПЕДИЯ (руководство по ремеслам, хозяйству, домоводству; полезные рецепты и пр.). Вып. 1913 г., в 6 томах изд. бумажн. дан книга
ПРАВДА РУССКАГО ГРАЖДАНИНА,
какъ съ опредѣлять, какъ ихъ осуществлять, какъ ихъ отстаивать.
Составл. проф. И. А. Броневича.

Адрес: г. Петербург, Невский пр., 40, Контора „Вестника знания“
Подробный иллюстрированный проспект высылается бесплатно.

2-й абонемент: в 16 выпуск

КНИГА ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

ство и время бар. Шейнгр-Аленфельд; ч. IV, ч. III. Мелында жина, проф. Шенихен; ч. V. Оби-таемые мира, проф. Метерат; ч. VI—IX. Пско-дотч, эволюция чеш-евета, проф. Вунта-Роскошн, изд. около 600 рис. и 60 от. картин и хромотипи. (Вь книжн. мат. 6. ст. 15 руб.)

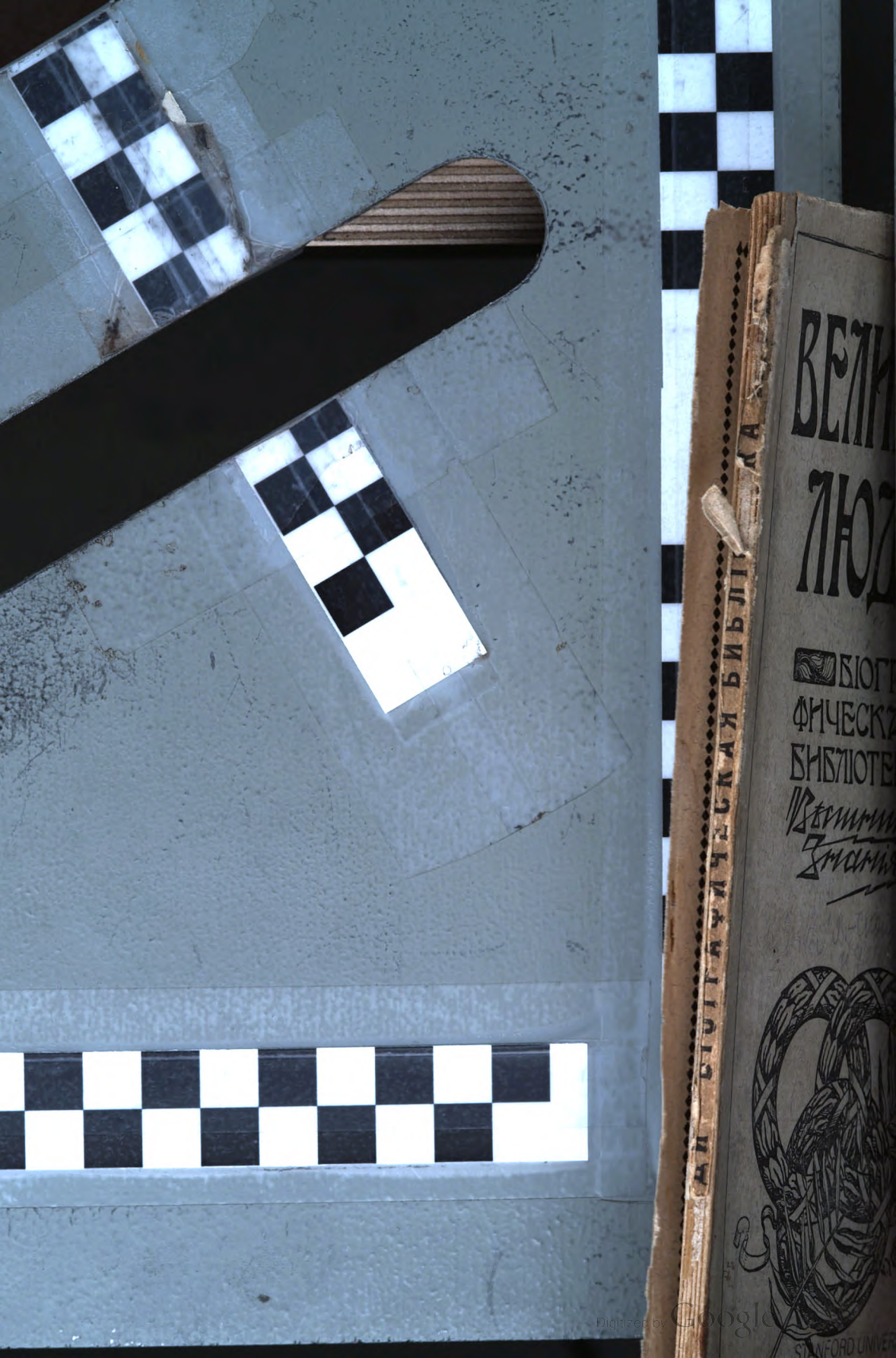
5-й абонемент: в 16 выпусках

ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ

св. древнейших врем. до наших дней, проф.
Штенгель-де-ля-Сосей. Роскошное издание
около 600 рис. и 60 отбывных картин
хромотипий. (2) Большая тома,

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
на "Вести, Знания" — 57 коп.
"Нельзя и сейчас продать
за год 8 руб., съ перес.
9 руб., за границу 12 руб.
зарпа, почтой) 12 руб.
доплатается расценка:
при подписке 5 руб. 10 коп.
и 10 коп. по 2 руб. Премия:
Внести: всё деньги нажить
на премии книгами на
2 руб. (по особ. катал.) упла-
чивая лишь за перес.

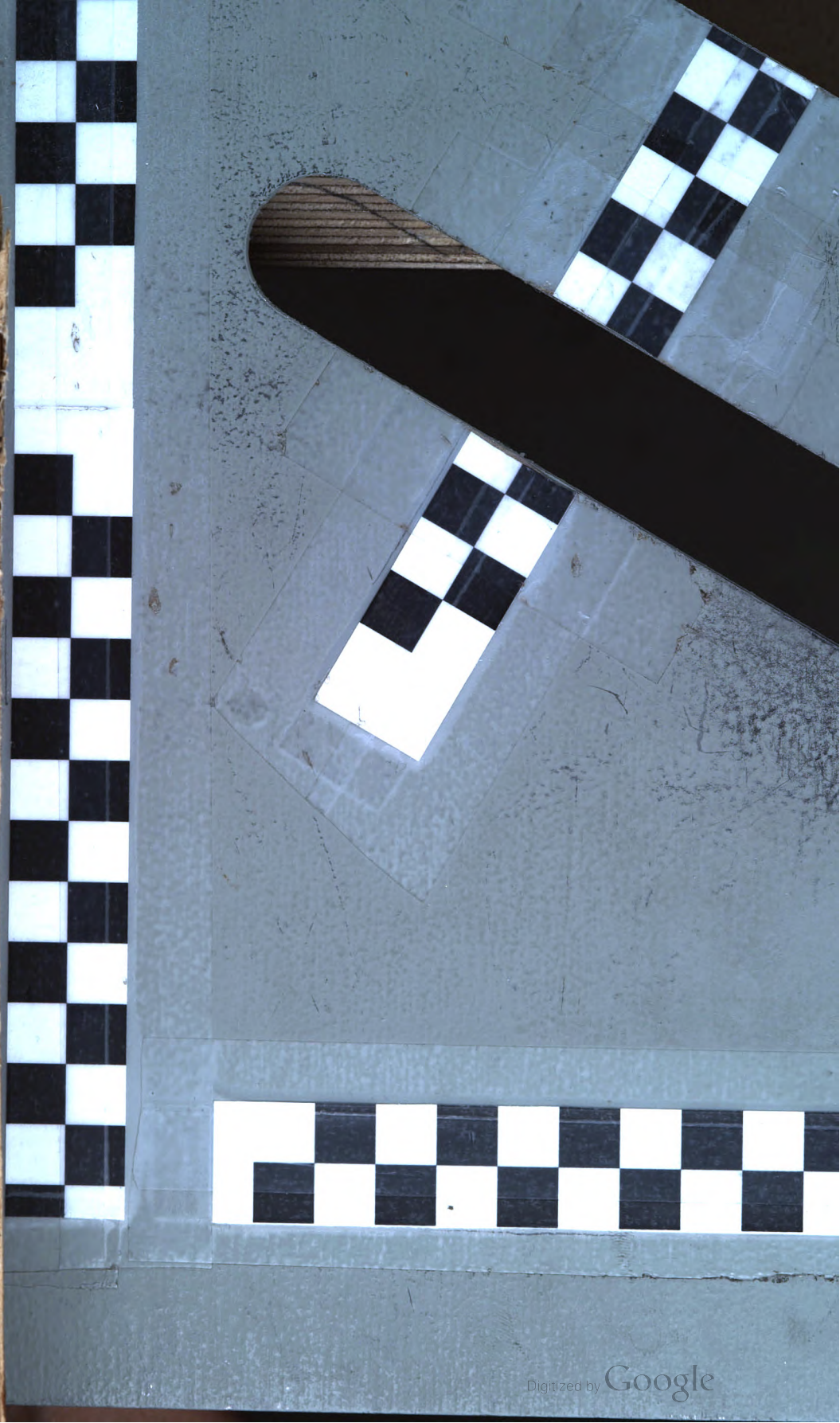

ВЕЛІКАЯ
ЛЮДСКАЯ

БИБЛІОТЕКА
Библиотечка

2

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ

БІОГРА-
ФИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
*Вестника
Знания*

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARY

MAR 05 2004

Безплатне приложение къ „Вестника Знания“.

Проф. Гефдингъ и Буссе.

Мировоззрѣнія великихъ философовъ.

Содержаніе: Ч. I. Новая философія послѣ Канта. Идеализмъ и правл. Фихте, Шелл и Гегель. Шопенгауэръ. Гартманъ. Реалистич. направленіе: Герbartъ, Лотце. Пессимизмъ Фр. Альб. Ланге. Позитивизмъ Контъ. Милль. Спенсеръ. Ч. II. Очерки новѣйш. филос. Обьективно-системат. направленіе: Кундтъ, Фулье и соврем. франц. философія. Теоретико-познавательное биолог. напр. Философствующіе естествоиспыт. Естество-ист. проблемы. Перспектива цѣнностей въ философіи Ж. М. Гюйо. Фридрихъ Ницше.

Цѣна 80 коп., пер. 19 коп.

Книга знакомитъ не только съ основами формальн. логики, т. е. съ законами мышленія, но и съ методолог. наукъ.

Проф. Ларъ.

Курсъ

Логики,

съ 9 черт.

Ц. 70 к., п. 20 к.

Вундтъ. — Заключительныя замѣчанія.

Цѣна 75 коп., перес. 23 коп.

первый взглядъ очень общинныхъ явленій и дѣйствій и указываетъ на ихъ связь съ общою экономіею природы.

Цѣна 30 коп., перес. 13 коп.

Чарльзъ Дарвинъ.

Мое мировоззрѣніе.

Имя Дарвина, великаго основателя современн. естествознанія, настолько всѣмъ извѣстно, что переводъ на русскій языкъ этого произведенія, знакомящаго съ мировоззрѣніемъ гениальнаго натуралиста, съ его взглядами на жизнь и природу, являющимся вкладомъ въ русскую популярно-научную литературу.

Цѣна 80 коп.,
перес. 23 коп.

Содерж.: Великій индивидуализмъ. — Черты изъ жизни Ницше. — Ницше-философъ и пророкъ. — Сверхчеловѣкъ. — Переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Эта книжка, написанная въ періодъ сам. строг. цензуры, первоначально была ею запрещ. Три главы въ ней принадлеж. Гро-нефферу, а двѣ — В. Битнеру.

В. Битнеръ.

НИЦШЕ

И ЕГО

ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Цѣна 40 коп.,
пер. 13 коп.

Проф. В. Вундтъ.

ПСИХОЛОГІЯ и ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ,

съ ПОРТР. АВТОРА.

Содержаніе: Отд. I. Естество-научн. опредѣленіе психологіи. 1) Логическія основанія естествознанія. 2) Механика и энергетика. 3) Механизмъ и витализмъ. 4) Причинность и теле-логія психофизическихъ процессовъ. Отд. II. Принципы психологіи. 1) Понятіе души. 2) Принципы психической причинности.

Цѣна 60 к., пер. 15 коп.

Книжка знаменитаго натуралиста даетъ живое описаніе побѣдоносной борьбы идеі развитія со старыми, ожившими свой вѣкъ взглядами на природу и человѣка.

Въ этой книжкѣ читатель найдетъ сдѣланную самимъ основателемъ позитивизма сводку его философской системы. Книга снабжена предисловіемъ проф. Максима Ковалевскаго.

Проф. Э. Гебель.

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ МЫСЛИ,

съ портр. авт.
и 3 рис.

Ц. 35 к., пер. 14 к.

Огюсть Контъ.

Духъ ПОЗИТИВНОЙ ФИЛОСОФІИ.

Съ портретомъ.
Ц. 50 к., п. 15 к.

Эти философскія бесѣды написаны съ оль живо, что читаются какъ романъ. Къ удивленію своему читатель узнаетъ, что многое, считавшееся имъ чуть не аксиомой, въ сущности далеко отъ истины.

Цѣна 40 к.,
пер. 15 к.

Пр. Ле-Дантекъ.

ЧТО ТАКЕ НАУКА и ЕЯ МЕТОДЫ?

съ 79 рис. и
портр.

Философская хрестоматія.

Сборникъ статей по основнымъ проблемамъ мировоззрѣнія.

Выдержки изъ сочиненій А. Рия, Де-ля-Метри, Геккеля, Дюбуа-Реймона, Деккарта, Дж. Локка, Д. Юма, Канта, Буссе, Фр. Пуанкаре, Сталло, В. Оствальда, М. Ферворна, Ч. Дарвина, Либмана, Вундта, Хр. Зиггарта и Виндельбанда.

Цѣна 50 к., перес. 17 к.

музыкальныя способности сына, взялся самъ учить его игръ на фортепіано, надѣясь, повидимому, вскорѣ превратить его въ доходную для себя статью. Рѣдкій день не проходилъ безъ того, чтобы бѣдный мальчикъ не бывалъ жестоко избитъ своимъ отцомъ во время уроковъ музыки. Ни слезы ребенка, ни просьбы матери не помогали дѣлу, и жестокій отецъ продолжалъ тиранить своего маленькаго сына. Черезъ три года Людвигъ уже превзошелъ въ игръ на фортепіано своего отца, который тогда передалъ обученіе сына своему товарищу по капеллѣ гобоисту Пфейферу. Обученіе

продолжалось въ томъ же стилѣ. Нерѣдко случалось, что оба товарища-музыканта, возвратившись въ пьяномъ видѣ домой, поднимали мальчика и заставляли его садиться за музыкальныя упражненія. Единственнымъ утѣшеніемъ

ребенка служили его прогулки по окрестностямъ города, среди живописныхъ береговъ Рейна. Во время этихъ то прогулокъ и развилась у Бетховена любовь къ природѣ.

Съ десяти лѣтъ Бетховенъ началъ учиться игръ на органѣ у стараго придворнаго органиста. ванъ-денъ-Эдена, а у музыканта Ровантина игръ на скрипкѣ и на альтѣ. Когда Бетховену было 12 лѣтъ, онъ перешелъ въ руки Неефе, талантливаго и литературно образованнаго піаниста. Неефе сумѣлъ правильно оцѣнить мальчика Бетховена. „Этотъ юный гений“, — писалъ онъ, — „навѣрное, сдѣлается вторымъ Моцартомъ, если будетъ продолжать такъ,

какъ началъ“. Подъ руководствомъ Неефе Бетховенъ достигъ полнаго совершенства въ игръ на фортепіано и на органѣ. Неефе ознакомилъ его съ твореніями такихъ великихъ музыкантовъ, какъ Бахъ, Гендель, Гайднъ и Моцартъ. Въ 1783 г. Бетховенъ положилъ на ноты свои первыя музыкальныя композиціи. Неефе отнесся съ чрезвычайно строгой критикой къ этимъ первымъ опытамъ музыкальнаго творчества своего гениальнаго ученика. Непокорный Бетховенъ возмущался этой критикой, но впоследствии понялъ добросовѣстность своего учителя и писалъ ему: „Благодарю васъ за совѣты, которые вы мнѣ давали для моего усовершенствованія въ божественномъ искусствѣ. Если я буду когда-нибудь великимъ человѣкомъ, то въ этомъ и ваша заслуга“.

Въ 1782 г. Бетховенъ уже игралъ въ церкви на органѣ, когда его учителю почему-либо нельзя было исполнять своихъ обязанностей; въ 1783 г. были напечатаны его три сонаты; а въ 1784 г. онъ былъ на-

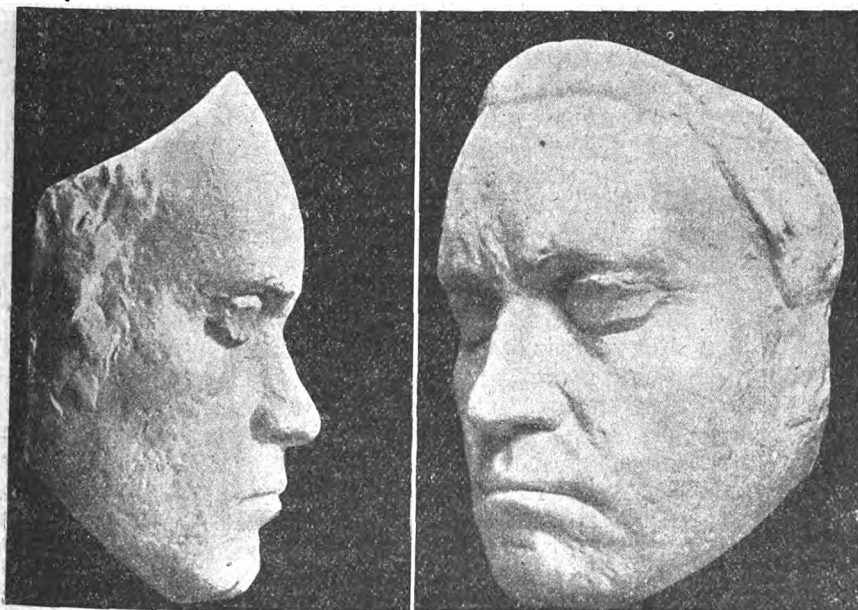
Л. Бетховенъ. — Каррикатуры
И. П. Лизера, относящіяся къ
20-мъ лѣт. XIX столѣтія.

значень вторымъ придворнымъ органистомъ сначала безъ жалованія, а затѣмъ вскорѣ съ жалованьемъ въ 150 гульденовъ въ годъ.

Общее образованіе Бетховена было скуднымъ: оно ограничилось тѣмъ, что онъ получилъ въ начальной народной школѣ того времени: но и этой школы ему за недостаткомъ средствъ окончить не удалось, а съ пятнадцати лѣтъ онъ долженъ былъ зарабатывать хлѣбъ для себя и для своей семьи. „При такомъ ничтожномъ запасѣ знаній“, — говоритъ г. А. Г.—кенъ, давшій одну изъ лучшихъ біографій Бетховена на русскомъ языкѣ („Бетховенъ. Жизнь, личность, творчество“), — „полученныхъ въ школьномъ возрастѣ, понятно, что Бетховенъ въ теченіе всей жизни остался не твердъ въ орѳографіи. Счетъ въ музыкѣ онъ постигалъ превосходно, но совершенно безсознательно, не давая себѣ въ этомъ яснаго отчета; въ ариѳметикѣ же онъ, кажется, не пошелъ далѣе сложенія и вычитанія цѣлыхъ чиселъ; умноженіе ихъ лежало уже за предѣлами математическихъ знаній, и чтобы узнать, напримѣръ, что получится, если 22 повторить столько то разъ, онъ писалъ длинный столбецъ этихъ цифръ и затѣмъ складывалъ ихъ. Въ латинскомъ языкѣ онъ былъ очень не силенъ, французскій же и итальянскій усвоилъ самоучкой настолько, что могъ свободно читать и довольно сносно говорить и писать на этихъ языкахъ. Его первоначальныя свѣдѣнія по исторіи и географіи были тоже очень скудны. Всѣ эти недочеты его первоначальнаго образованія не помѣшали ему, однако, благодаря его геніальности, сдѣлаться величайшимъ художникомъ въ области музыкальнаго искусства, ибо, какъ говорить Лессингъ, „генію простиительно иногда не знать того, что знаютъ всѣ“. Впослѣдствіи, путемъ усиленнаго самообразованія, чтеніемъ и размышленіемъ, онъ развилъ и обогатилъ свой умъ преимущественно въ области гуманитарныхъ знаній. Особенно страстно полюбилъ онъ древнихъ классическихъ писателей, которыми зачитывался въ превосходныхъ переводахъ современныхъ ему нѣмецкихъ литераторовъ. Это постоянное чтеніе великихъ писателей, а также любимыхъ имъ историческихъ сочиненій, дало ему такой запасъ мыслей и свѣдѣній, снабдило его широкій умъ такимъ широкимъ кругозоромъ, что совершенно изгладило слѣды его скупнаго первоначальнаго образованія. Нравственный же идеалъ, который онъ себѣ выработалъ и которому старался слѣдовать всю жизнь, насколько это позволяли его человѣческія слабости и житейскія невзгоды, былъ такъ высокъ, что оставался даже не вполне понятнымъ большинству окружающихъ его людей. Въ этотъ вѣкъ, богатый геніями и великими нравственными характерами, личностъ Бетховена могла помѣряться высотой со всѣми съ ними, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже превзойти ихъ. Во всякомъ случаѣ, онъ стоялъ неизмѣримо выше того уровня умственнаго развитія, на которомъ стояли современные ему музыкальные геніи; въ то время, какъ Гайднъ и Моцартъ оставались всю жизнь свою только великими музыкантами, внѣ сферы умственнаго и соціальнаго движенія своего вѣка, Бетховенъ былъ вполне сыномъ этого вѣка, усвоившимъ себѣ всѣ умственныя, нравственныя и политическія его теченія...

Кромѣ Неефе, познакоившимъ Бетховена съ такими первоклассными нѣмецкими геніями, какъ Гете и Шиллеръ, на умственное развитіе молодого музыканта имѣлъ вліяніе Францъ Вегелеръ, который въ то время былъ студентомъ-медикомъ. Вегелеръ ввелъ, между прочимъ, Бетховена въ талантливую и образованную семью фонъ Брейнингъ, гдѣ Бетховенъ познакомился со многими выдающимися людьми того времени и расширилъ кругъ своихъ познаній. Именно подъ вліяніемъ Элео-

норы Брейнингъ Бетховенъ занялся изученіемъ современныхъ ему нѣмецкихъ писателей Клопптока и Лессинга, изучилъ Геллерта, гимны котораго затѣмъ переложилъ на музыку. Въ это же время онъ усердно читалъ Шекспира и Гомера. Дружба Бетховена съ его сверстникомъ Стефаномъ Брейнингомъ сохранилась на всю его жизнь. У Брейниговъ Бетховенъ впиталъ въ себя идеи французскихъ писателей-энциклопедистовъ; въ этой благородной семьѣ ему часто приходилось говорить и думать о разыгравшейся тогда сѣверо-американской войнѣ за освобождение и о послѣдовавшихъ затѣмъ событіяхъ великой французской революціи. Немудрено, что изъ Бетховена въ это время выработался убѣжденный республиканецъ, каковымъ онъ и остался на всю свою жизнь. Здѣсь же, въ семействѣ Брейниговъ, онъ познакомился съ дѣвушкой, любовь къ которой, однако, была неудачной.

Маска Бетховена, сдѣланная при его жизни (1812 г.) скульпторомъ Фр. Клейномъ.

Изъ высокихъ покровителей большую роль въ жизни Бетховена сыгралъ курфюрстъ Кельнскій, Максимилианъ-Францъ, человекъ высоко образованный и большой знатокъ музыки. Онъ не разъ выручалъ Бетховена изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Съ помощью же этого курфюрста Бетховену удалось сѣздить на короткое время въ Вѣну, славившуюся тогда своими музыкальными гениями. Здѣсь Бетховена принялъ „царь музыки“ Моцартъ и, выслушавши его импровизацію на заданную тему, сказалъ своимъ гостямъ: „Обратите вниманіе на этого молодца — о немъ скоро заговорить весь свѣтъ“.

Возвращеніе Бетховена на родину изъ Вѣны было печальнымъ: онъ не засталъ въ живыхъ своей горячо любимой матери. Послѣ смерти ея отца Бетховена охватилъ сплошной запой такъ, что молодому му-

зыканту пришлось ходатайствовать передъ курфюрстомъ, чтобы жалование не выдавалось отцу на руки. Семья, несмотря на это, бѣдствовала, и Бетховену пришлось надѣть на себя ярмо преподавателя фортепیانной игры. Къ этому времени относится вторая неудачная любовь Бетховена къ племянницѣ графа фонъ-Вестфаль.

Изъ событій этого времени особенно большое значеніе для Бетховена имѣла встрѣча съ знаменитымъ музыкантомъ Гайдномъ, который проездомъ изъ Англіи остановился въ Боннѣ и ознакомился съ нѣкоторыми произведениями молодого Бетховена. Гайднъ сумѣлъ оцѣнить молодого гения и, несмотря на свои 60 лѣтъ, согласился давать ему уроки, когда Бетховенъ при денежной поддержкѣ курфюрста пріѣхалъ въ Вѣну, гдѣ уже и остался окончательно.

Въ Вѣнѣ Бетховенъ познакомился со всѣми выдающимися людьми въ области музыкальнаго искусства. Изъ нихъ для Бетховена большое значеніе имѣлъ русскій посолъ Разумовскій, жалкій рабъ высшаго свѣта, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тонкій цѣнитель музыки; черезъ него Бетховенъ ознакомился съ чудными мелодіями и пѣнями Малороссіи, которыя онъ использовалъ въ своихъ квартетахъ (ор. 59. 1806 г.). Далѣе, для Бетховена было чрезвычайно важнымъ знакомство съ княземъ Карломъ Лихновскимъ, также большимъ знатокомъ музыки, котораго Бетховенъ впослѣдствіи называлъ „самымъ искреннимъ и испытаннымъ своимъ другомъ“. Помощь Лихновскаго и Разумовскаго не разъ спасала Бетховена отъ тяжелой нужды, такъ какъ его главный покровитель — курфюрстъ Кельнскій самъ былъ поставленъ революціоннымъ движеніемъ въ крайне затруднительныя матеріальныя условія. Изъ музыкантовъ огромныя услуги музыкальному развитію Бетховена оказалъ ученый музыкантъ и композиторъ Іоганнъ Шенкъ, который занялся съ великимъ музыкантомъ систематическимъ курсомъ музыкальнаго искусства. Надо замѣтить, что съ Бетховеномъ умѣли ладить лишь немногіе изъ великихъ музыкантовъ того времени: онъ былъ такимъ своенравнымъ и непокорнымъ ученикомъ, легко свергавшимъ старыхъ музыкальныхъ кумировъ, когда они не укладывались въ рамки его великаго гения. Впрочемъ, такимъ же своеобразнымъ и непокорнымъ Бетховенъ оставался и въ томъ аристократическомъ обществѣ, въ средѣ котораго, главнымъ образомъ, проходила его вѣнская жизнь.

Съ 1795 года, когда онъ издалъ свои три тріо для фортепіано, скрипки и баса (ор. 1), начинается наиболѣе важный періодъ его музыкальнаго творчества, тогда какъ всѣмъ предшествовавшимъ своимъ твореніямъ Бетховенъ не придавалъ (и справедливо) сколько-нибудь серьезнаго значенія. Въ этомъ же году онъ издаетъ три своихъ сонаты, посвященныя Гайдну (ор. № 2). И, наконецъ, въ этомъ же году Бетховенъ впервые выступилъ публично, какъ піанистъ-виртуозъ. Можно сказать, что этотъ годъ, когда онъ достигъ своихъ 24 лѣтъ, былъ разрывкою гранью въ его жизни и по внутреннему его чувству. „Надо мужаться!“ — писалъ онъ тогда въ своемъ дневникѣ. — „Несмотря на немощи тѣла, мой геній восторжествуетъ. Двадцать пять лѣтъ!.. Вотъ они, я ихъ достигъ! Нужно, чтобы съ этого года вполне проявился весь человѣкъ!..“

Въ дальнѣйшемъ своемъ музыкальномъ развитіи Бетховенъ все выше и выше поднимался, какъ композиторъ, и все ниже и ниже спускался, какъ исполнитель. Этому послѣднему обстоятельству больше всего способствовали два недуга, поразившіе его уже въ молодые годы: глухота и ногтѣда. Дѣло дошло до того, что Бетховенъ не подходилъ къ инстру-

менту, если подозрѣвалъ, что его можетъ кто-нибудь услышать, и самымъ близкимъ друзьямъ его приходилось пускаться на тонкія хитрости, чтобы услышать знаменитыя импровизаціи великаго музыканта. „Для этого“, — рассказываетъ его близкій другъ Вегелеръ, — „я старался его успокоить и разсѣять разговоромъ; когда мнѣ это удавалось, то я умолкалъ и садился на стулъ передъ письменнымъ столомъ, а Бетховенъ долженъ былъ, если хотѣлъ продолжать разговоръ, сѣсть на стулъ у фортепіано. Вскорѣ, сидя въ полъ-оборота, онъ бралъ рукой два — три аккорда, и постепенно изъ нихъ развивались чудныя мелодіи. О, какъ жалѣлъ я тогда, что не могъ ихъ увѣковѣчить! Иногда я ставилъ передъ нимъ, какъ бы ненарочно, нотную бумагу, чтобы имѣть его рукопись; онъ списывалъ ее, но затѣмъ складывалъ и пряталъ.“

Съ 1795 г. по 1800 г. Бетховенъ, уже полуглухой, написалъ слѣдующія знаменитыя произведенія: романсъ „Аделаида“ (ор. 46); три сонаты для фортепіано (ор. 10), знаменитую C-moll'ную патетическую сонату (ор. 13), двѣ сонаты (ор. 14), C-dur'ный фортепіанный концертъ (ор. 15), септетъ для струнныхъ и духовыхъ инструментовъ (ор. 20), первую симфонію C-dur (ор. 21), шесть струнныхъ квартетовъ (ор. 18).

Всѣ эти произведенія пользуются большою и заслуженною извѣстностью и, тѣмъ не менѣе, гений Бетховена къ тому времени не развернулся во весь свой ростъ. „Въ произведеніяхъ, написанныхъ до 1800 г.,“ — пишетъ Людвигъ Ноль, — „видна только одна черта, свойственная Бетховену, — гордость, величіе. Для того, чтобы онъ могъ весь высказаться, недостаточно было одного умѣнья владѣть музыкальными средствами, надлежало еще пережить тѣ глубокія душевныя потрясенія, въ которыхъ познается человѣкъ. Эти душевныя потрясенія наступаютъ при столкновеніи съ жизнью, съ ея радостями и особенно печалями. То и другое не замедлило, конечно, явиться и въ жизни Бетховена. И если вѣрно то, что въ самомъ человѣкѣ кроются задатки его счастья и несчастья, то несомнѣнно также и то, что великая сила титанической натуры всегда вызываетъ отпоръ и месть со стороны окружающихъ людей и изъ ея ошибокъ и столкновений со средой сплетается тотъ неизбѣжный рокъ, который почти всегда обрекаетъ на страданія поистинѣ великаго человѣка, окружая его жизнь ореоломъ трагизма.“

Первыя пять лѣтъ вѣнской жизни Бетховена были для него сравнительно наиболѣе спокойнымъ и счастливымъ временемъ. Заработокъ у него былъ хорошій, работа спорилась. Здѣсь же, въ Вѣнѣ, при помощи Бетховена, устроились и оба его брата (одинъ кассиромъ въ банкѣ, другой аптекаремъ), которые, однако, доставляли ему много тяжелыхъ минутъ.

Изъ новыхъ друзей Бетховена большую пользу ему приносилъ баронъ Николай Цмескаль фонъ-Домановецъ, чиновникъ придворнаго вѣдомства. Будучи великолѣпнымъ музыкантомъ, онъ сумѣлъ оцѣнить музыкальный гений Бетховена и сдѣлался преданнымъ его другомъ. Знакомство Цмескала съ практической жизнью не разъ выручало Бетховена, остававшагося всю жизнь „большимъ ребенкомъ“, изъ тяжелаго матеріальнаго положенія. Къ этому же времени относится знакомство и начало дружбы Бетховена съ нѣсколькими выдающимися музыкантами.

Но много было и тяжелаго въ тѣ же первые годы вѣнской жизни Бетховена. Одной изъ причинъ такихъ тяжелыхъ ударовъ было влюбчивое сердце Бетховена. Въ большинствѣ случаевъ, какъ и раньше, онъ не находилъ отвѣта на свою страсть. Одно изъ такихъ увлеченій довело его настоящимъ образомъ до полнаго безумія. Въ припадкѣ отчая-

нія онъ убѣждалъ въ имѣнье одного изъ своихъ друзей и тамъ рѣшилъ покончить съ собой голодной смертью. Черезъ три дня послѣ его исчезновенія его нашли совершенно обезсилѣвшимъ въ отдаленной части парка.

Здоровье его также оставляло желать лучшаго. Къ глухотѣ вскорѣ присоединилась болѣзнь пищеварительныхъ органовъ, отъ которой онъ не могъ оправиться уже въ теченіе всей своей послѣдующей жизни. Много приносило страданій великому музыканту также полное непониманіе его музыки со стороны публики и критики, при чемъ эта послѣдняя часто обрушивалась на него въ совершенно недопустимой формѣ.

Всѣ эти причины оставляли глубокій слѣдъ въ чуткой и впечатлительной душѣ великаго композитора. Вотъ почему съ начала XIX вѣка въ его твореніяхъ начинаютъ все чаще и чаще звучать печальныя мелодіи.

Въ періодъ 1800—1805 г. Бетховеномъ было написано много произведеній огромной цѣнности, но среди нихъ первое мѣсто отвести надо, конечно, его знаменитой третьей симфоніи Es-dur, или героической симфоніи (op. 55).

„Героическая симфонія“, — пишетъ г. А. Г—кенъ, — „какъ и сонаты Quasi una fantasia (op. 27) и D-moll № 2 (op. 31) были истинными дѣтищами Бетховенскаго гения; въ нихъ съ особенной яркостью отразилась та героическая борьба и побѣда надъ злой судьбой, которая пережилъ Бетховенъ въ глубинѣ своей души въ періодъ развитія его глухоты, и переходъ отъ глубочайшаго упадка до величайшаго подъема его духа. Только пройдя черезъ горнило великихъ нравственныхъ страданій, очистившись ихъ огнемъ отъ всего низменнаго и мелкаго, онъ сталъ творить свои величайшія, несравненныя произведенія. Третья симфонія была начата въ 1802 году, писалась въ теченіе 1803 года и къ началу 1804 года была уже готова. На ней отразились, какъ внутреннія событія души Бетховена, такъ и внѣшнія событія той исторической эпохи. Бетховенъ, какъ уже упоминалось,

Л. Бетховенъ.

Рисунокъ Ст. Деккера, относящійся къ послѣдн. годамъ жизни композитора.

былъ большой поклонникъ древности; чтеніе Гомера, Овидія, Плинія и въ особенности Плутарха было его любимымъ занятіемъ, и это чтеніе, какъ онъ самъ признавался, не разъ укрѣпляло и ободряло его на жизненномъ пути. Вкусъ ко всему античному, съ которымъ соединялось представленіе о великомъ, возвышенномъ, героическомъ, былъ вообще распространенъ въ это время въ образованномъ обществѣ Вѣны и Бетховенъ увлекался античнымъ духомъ вмѣстѣ со всѣми. Въ его квартирѣ были копіи античныхъ статуй и бюстовъ великихъ мужей древности; его домашняя утварь и одежда тоже носили слѣды его симпатій къ классической древности; одно время онъ даже носить

модную тогда прическу а *la Titus*. Великіе люди древности вызывали въ немъ восторгъ, а крупнѣйшая фигура современныхъ историческихъ событій, первый консулъ французской республики, Наполеонъ Бонапартъ, рисовался его воображенію съ чертами античнаго гражданина-героя. Онъ слѣдилъ съ горячимъ интересомъ за ослѣпительно быстрымъ возвышеніемъ Бонапарта, который представлялся ему великимъ защитникомъ правъ человѣка, великодушнымъ борцомъ за свободу, безкорыстнымъ, идеальнымъ республиканцемъ, вторымъ Вашингтономъ. Немудрено, что при такомъ настроеніи мыслей онъ охотно принялъ предложеніе тогдашняго посланника французской республики въ Вѣнѣ, генерала Бернадотта (впослѣдствіи короля Швеціи Карла XIV), съ которымъ его познакомилъ скрипачъ Р. Кретцеръ — почтить Бонапарта посвященіемъ ему большого музыкальнаго произведенія. Борьба сильнаго духа съ враждебными препятствіями и побѣда надъ ними, — то, что происходило въ немъ самомъ, — борьба великой личности со зломъ міра, — вотъ фонъ тѣхъ мыслей и чувствъ, изъ которыхъ создалось одно изъ величайшихъ произведеній музыки XIX вѣка — „героическая симфонія“ Бетховена. Она была первымъ истинно-великимъ его произведеніемъ, совершившимъ цѣлый переворотъ въ области инструментальной музыки, раздвинувшимъ ея предѣлы не только по формѣ, но и по содержанію, словомъ, составившимъ эпоху въ исторіи музыкальнаго искусства“...

Но едва въ началѣ 1804 года Бетховенъ закончилъ свое великое произведеніе и надписалъ на его заглавномъ листѣ посвященіе Бонапарту, какъ ему пришлось горько разочароваться въ своемъ героѣ. Узнавъ, что 18-го мая 1804 года Наполеонъ провозгласилъ себя императоромъ, онъ разорвалъ заглавный листъ своей рукописи, на которомъ было написано посвященіе Наполеону, говоря: „А! Такъ этотъ Бонапартъ такая же мелкая душонка, какъ и всѣ другіе! Теперь и онъ будетъ попираетъ ногами права человѣка, слушаться только голоса своего честолюбія, ставить себя выше другихъ, станетъ тираномъ!“ И онъ сдѣлалъ на своемъ произведеніи иную надпись, въ которой заявлялъ, что эта его симфонія служить „чествованію памяти великаго человѣка“, — какъ идеальной личности. Но и героическая симфонія была не понята и не оценена современниками: такъ далеко въ своемъ творчествѣ стоялъ Бетховенъ впереди своего вѣка.

Слѣдующее пятилѣтіе — 1805—1810 г. — было періодомъ наибольшаго расцвѣта творческихъ силъ Бетховена. Въ это время имъ была создана большая часть его великихъ произведеній. Перечислить ихъ всѣхъ — здѣсь нѣтъ возможности; укажемъ хотя бы нѣкоторые. Именно въ это время онъ работалъ надъ своей оперой „Фиделіо“, въ которой изображалъ героизмъ супружеской любви. Несмотря на то, что въ эту замѣчательную музыку онъ вложилъ весь свой огромный талантъ, несмотря на то, что она подвергалась многочисленнымъ передѣлкамъ и переработкамъ, несмотря на то, что на это произведеніе онъ убилъ массу силъ и времени, — опера эта, тѣмъ не менѣе, была не понята публикой и критикой и встрѣчена холодно. За весь огромный трудъ, котораго потребовала эта опера, Бетховенъ получилъ всего лишь 200 гульденовъ. „Фиделіо“, — пишетъ уже цитированный нами біографъ Бетховена, — „по своему стилю еще очень близка къ операмъ Моцарта, хотя въ ней дано большое участіе оркестру въ изображеніи драматическаго дѣйствія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и по своему тексту и по музыкѣ она подготовила появленіе романтизма въ музыкѣ. Извѣстно, что авторъ величайшей романтической оперы „Фрейшютцъ“ К. М. Веберъ былъ совершенно очарованъ оперой Бетховена“.

Эти неудачи его великихъ произведеній, конечно, дурно отражались не только на его душевномъ состояніи, но и на матеріальномъ положеніи. Лѣтомъ 1806 года онъ отдыхалъ нѣкоторое время и въ имѣніи у князя Лихновскаго, съ которымъ, однако, поссорился изъ-за нежеланія играть передъ несимпатичнымъ ему обществомъ и изъ дома котораго уѣхалъ на почтовыхъ лошадяхъ ночью во время сильнѣйшей грозы. Однако, лѣтній отдыхъ снова отразился благотворно на творческихъ силахъ великаго композитора. За это лѣто имъ написанъ рядъ замѣчательныхъ произведеній, изъ которыхъ упомянемъ здѣсь три квартета для графа Разумовскаго. Въ этихъ квартетахъ съ изумительнымъ искусствомъ были использованы нѣкоторые малороссійскіе мотивы. Но и эти квартеты не были поняты даже лучшими музыкантами того времени. „Когда“, — рассказываетъ А. Г-кенъ, — „музыканты, входившіе въ составъ такъ называемаго „квартета Разумовскаго“, хорошо знакомые съ творчествомъ Бетховена, стали въ первый разъ разбирать квартетъ F-dur, они смѣялись, увѣренные, что сдѣлались жертвой мистификаціи. То же повторилось въ 1812 году при исполненіи этихъ квартетовъ въ Петербургѣ, въ домѣ Львова, и затѣмъ въ Москвѣ, въ домѣ князя Салтыкова, когда знаменитый виолончелистъ, Бернгардтъ Ромбергъ, бросилъ свою партію нотъ на полъ, выказавъ тѣмъ свое полное непониманіе и презрѣніе къ Бетховенской музыкѣ“.

Къ этому же времени относится его любовь къ графинѣ Терезѣ Брунsvикъ. И эта любовь, несмотря на взаимность, принесла Бетховену больше страданія, чѣмъ счастья: Тереза Брунsvикъ принадлежала къ тому высшему обществу, въ которомъ особенно сильны предрасудки всякаго рода, и она не рѣшилась выйти замужъ за великаго, но бѣднаго и полуглухого композитора. Чувства, пережитыя Бетховеномъ, подъ влияніемъ этой любви, нашли себѣ выраженіе въ большой сонатѣ „Appassionata“ (F-moll, op. 57), посвященной брату Терезы графу Францу Брунsvику. Эта соната полна изображеніемъ душевныхъ бурь, стонновъ, боязни и унынія.

Но приближимъ отъ всѣхъ этихъ неудачъ для Бетховена, попрежнему было музыкальное творчество. Теперь изъ подъ-его пера выливается четвертая симфонія, написанная въ минуты подъема духа и отличающаяся удивительною законченностью и гармоничностью частей („гречески-стройная“, по выраженію Шумана). Въ томъ же 1806 г. имъ былъ написанъ знаменитый концертъ для скрипки съ оркестромъ въ D-dur (op. 61) и четвертый концертъ для фортепіано съ оркестромъ. Оба эти произведенія также являются перлами въ области музыкальнаго творчества.

Несмотря на такую плодовитость въ композиціи, Бетховенъ теперь сильно нуждался въ средствахъ, такъ какъ музыка его не находила себѣ подобающей оцѣнки. Долговъ у него скопилось такъ много, что когда въ 1807 г. онъ получилъ отъ знаменитаго композитора и главы одной изъ музыкальных англійскихъ фирмъ, Клементи, почти 2500 руб. за нѣкоторыя изъ своихъ произведеній, то вся эта сумма почти цѣликомъ ушла на уплату старыхъ долговъ. И это, несмотря на крайне скромный образъ жизни Бетховена! Матеріальное положеніе Бетховена запуталось настолько, что онъ рѣшилъ покинуть Вѣну и поступить на службу къ королю Вестфальскому, предлагавшему ему опредѣленное жалованье за исполненіе обязанностей придворнаго капельмейстера. Но тутъ пришли на помощь великому композитору трое вѣнскихъ аристократовъ, дѣйствительныхъ цѣни-

Рихардъ Вагнеръ.—Гравир. на деревѣ по фотографіи Ад. Нейманъ.

телей музыки, которые не хотѣли допустить, чтобы Вѣна потеряла такое великое имя въ музыкальномъ мірѣ. Они составили и подписали договоръ, по которому обязывались уплачивать Бетховену ежегодно по 4000 флориновъ. Правда, эта пенсія выплачивалась не всегда аккуратно; въ послѣдствіи она была уменьшена и, наконецъ, Бетховену пришлось путемъ судебного процесса добиваться одно время выполненія этого договора, но, тѣмъ не менѣе, эта пенсія дала Бетховену возможность цѣликомъ отдаться музыкальному творчеству, а потому имена этихъ покровителей Бетховена не должны быть забыты любителями музыки. Это были эрцгерцогъ Рудольфъ, князь Іосифъ Лобковицъ, князь Фердинандъ Кинскій.

Въ 1808 году Бетховеномъ снова были даны два замѣчательныхъ произведенія: пятая симфонія C-moll (ор. 67) и шестая пасторальная симфонія F-dur (ор. 68). „Въ противоположность четвертой“, — читаемъ мы у А. Г—кена, — „пятая симфонія писалась очень медленно и была результатомъ долго обдуманной и тщательной работы творчества. Отдѣльные эскизы этой симфоніи находятся еще въ записныхъ книжкахъ Бетховена за 1800 и 1801 годы. Онъ работалъ надъ ней и въ слѣдующіе годы, за исключеніемъ 1806 г., когда увлекся сочиненіемъ четвертой симфоніи, занялся ею опять въ 1807 г. въ теченіе весны и лѣта, во время пребыванія въ Баденѣ и Хейлигенштадтѣ и окончилъ въ 1808 году. Пятая симфонія (C-moll) энергичная, суровая, говорящая о борьбѣ

Людвигъ Бетховенъ.
(Скульптура Макса Клингера).

съ враждебной судьбой, первая, въ которой съ особенной яркостью отразилась трагическая сторона Бетховенскаго генія. „Такъ судьба стучится въ дверь“, — говоритъ самъ Бетховенъ про начало первой части этой музыкальной трагедіи. Съ ней имѣетъ очень мало общаго созданная вслѣдъ затѣмъ шестая пасторальная симфонія, преисполненная мира и спокойствія, передающая свѣтлыя и радостныя ощущенія, отзываемыя въ человѣческой душѣ природой“... „Бетховенъ“, — продолжаетъ тотъ же биографъ, — „началъ писать пасторальную симфонію ранней весной 1808 года, переселившись въ свое любимѣйшее изъ окрестностей Вѣны мѣсто, Хейлигенштадтъ. Здѣсь среди очаровательной природы создалось это дивное произведеніе, въ которомъ впервые Бетховенъ употребилъ приемы музыкальной живописи“.

Жизнь, между тѣмъ, продолжала приносить Бетховену одно личное

огорченіе за другомъ. Въ 1809 г. ему пришлось пережить обстрѣлъ Вѣны французами, день котораго Бетховенъ, по примѣру многихъ жителей осажденнаго города, провелъ въ погребѣ, защищая свои больныя уши отъ грохота пушечныхъ выстрѣловъ подушками. Осада и взятіе Вѣны повели къ отбѣзду изъ нея многихъ изъ друзей Бетховена, въ томъ числѣ лицъ, которыя уплачивали ему пенсію; а это, въ свою очередь, затрудняло и полученіе самой пенсіи. Во время занятія французами Вѣны, между прочимъ, умеръ и одинъ изъ великихъ предшественниковъ и учителей Бетховена — Бахъ. Но были и радостные моменты. Много удовольствія доставило Бетховену избраніе его членомъ-корреспондентомъ Амстердамскаго Королевскаго Института Наукъ, Литературы и Искусствъ. Много радости принесла ему и любовь къ красивой и музыкально одаренной молодой Терезѣ Мальфатти. Но и на этотъ разъ Бетховену не удалось устроить своей личной жизни: романъ его почему-то разстроился. За увлеченіемъ Терезой Мальфатти послѣдовало увлеченіе Беттиной Брентано, эксцентричной и талантливой дѣвушкой. Романъ этотъ былъ такъ же неудаченъ для Бетховена, какъ и всѣ остальные. Эти неудачи неблагоприятно отразились на творчествѣ Бетховена. За это время онъ закончилъ лишь музыку къ драмѣ Гёте „Эгмонтъ“. Музыка эта представляетъ много цѣннаго. Нѣсколько позднѣе Бетховену пришлось и лично познакомиться съ Гете, съ которымъ, однако, сколько-нибудь прочныхъ, дружескихъ отношеній у него не наладилось.

Въ 1812 году Бетховенъ заканчиваетъ свою седьмую симфонію A-dur (ор. 92), знаменитую своею второй частью Allegretto. Въ этомъ же году былъ исполненъ впервые публично его пятый концертъ (Es—dur, ор. 73), который, по выраженію выдающагося музыканта Шиндлера, представляетъ „opus summum (величайшее произведеніе) фортепیانной музыки“. О менѣе важныхъ его произведеніяхъ мы здѣсь, какъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи, не упоминаемъ.

Лѣто 1812 г. Бетховенъ проводилъ въ Теплицѣ, гдѣ душа его загорѣлась снова любовью. Предметомъ его страсти была на этотъ разъ Амалия Зебальдъ, женщина уже не первой молодости, но замѣчательной красоты, выдающагося ума и богато одаренная въ музыкальномъ отношеніи. Амалия Зебальдъ, какъ видно изъ сохранившихся писемъ, и сама была увлечена Бетховеномъ, и между ними установились самыя близкія отношенія. Въ одномъ письмѣ, напр., Бетховенъ пишетъ по поводу шуточно брошеннаго въ его сторону слова: „тиранъ“... „Какъ! я тиранъ? я вашъ тиранъ? Только ложное пониманіе меня могло васъ заставить это сказать, такъ какъ такое мнѣніе обо мнѣ находится въ полномъ противорѣчій съ моимъ характеромъ... То, что люди говорятъ — мало значить: они, по большей части, видятъ въ другихъ самихъ себя“... Въ другомъ письмѣ, ревнуя Амалию къ какой-то русской семьѣ, онъ пишетъ: „Оповѣщаю васъ, что вашъ „тиранъ“ прикованъ къ постели, какъ рабъ, и будетъ счастливъ, если отдѣлается однимъ днемъ страданій. Прогулка, которую я совершилъ вчера утромъ въ лѣсъ, оказалась вредной для меня, и туманъ, которымъ я тамъ надышался, усилилъ мою болѣзнь. Можете пользоваться пока обществомъ вашихъ русскихъ, вашихъ ланландцевъ, вашихъ самоѣдовъ“... Болѣзнь затянулась, и Бетховенъ обращается къ Амалии съ новымъ письмомъ: „Мнѣ немного лучше. Если бы вы рѣшились рискнуть зайти ко мнѣ — я былъ бы очень радъ этому: но если вы думаете, что такимъ посѣщеніемъ вы нарушили бы приличіе, то не дѣлайте этого. Вы знаете, что ваша свобода для меня священна,

и въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, я ни за что на свѣтѣ не соглашусь, чтобы вы нарушили ваши принципы“... И снова остается невыясненнымъ, почему и этотъ романъ не окончился бракомъ. Въ концѣ сентября Амалия Зебальдъ уѣхала изъ Теплица. Больше они не встрѣчались. Этой же осенью Бетховенъ окончилъ свою восьмую симфонію.

Весь слѣдующій годъ (1813) Бетховенъ плохо чувствовалъ себя въ физическомъ отношеніи, но, тѣмъ не менѣе, усердно продолжалъ свою работу. Любопытно отмѣтить, что на ряду съ нѣсколькими весьма цѣнными музыкальными произведеніями, оставшимися мало понятными для большой публики, онъ написалъ, по собственному его выраженію, „глупость“ — симфонію на военно-политическую программу „Побѣда Велингтона или битва при Витторіо“. Въ этой симфоніи, лишенной сколько-нибудь значительныхъ музыкальных достоинствъ, помѣщена масса дешевыхъ эффе́ктовъ (въ родѣ изображенія при помощи оркестра перестрѣлки на полѣ сраженія), и эти-то дешевые эффе́кты и подкупили широкую публику, которая встрѣтила симфонію съ восторгомъ. „Глупость“ пригодилась Бетховену и въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ два довольно большихъ сбора поступило въ его личное распоряженіе.

Успѣхъ „Битвы при Витторіо“ побудилъ дирекцію опернаго театра въ Вѣнѣ возобновить оперу Бетховеннаго „Фиделіо“. Бетховенъ согласился, но подъ условіемъ, чтобы ему было дано время пересмотрѣть партитуру оперы и приспособить ее къ новому либретто, написанному поэтомъ Трейчке. „Самъ Бетховенъ“, читаемъ мы у А. Г—кена, — „относился безъ всякаго увлеченія къ дѣлу передѣлки „Фиделіо“. Онъ говорилъ Трейчке, что для него гораздо легче написать новую оперу, чѣмъ переделывать уже написанную музыку, и что за эту послѣднюю работу онъ достоинъ мученическаго вѣнца. Только арія Флорестана, текстъ которой былъ совершенно передѣланъ Трейчке, воспламенила вдохновеніе Бетховена. Прочтя стихи Трейчке, въ которыхъ Флорестанъ говоритъ о возстающемъ передъ его умственнымъ взоромъ образъ горячо любимой Леоноры, Бетховенъ, по разсказу Трейчке, можетъ быть, глубоко взволнованный воспоминаніемъ о „далекой возлюбленной“, сталъ лихорадочно шагать по комнатамъ, напѣвая и бормоча какіе-то звуки; затѣмъ, внезапно бросился къ фортепіано и сталъ извлекать изъ нихъ сокровища своей музыкальной фантазіи, казалось, что онъ хотѣлъ силой своего генія вызвать къ жизни преслѣдуемый имъ мотивъ, заставить его подняться и зазвучать изъ океана мелодій. Часы проходили, но Бетховенъ продолжалъ играть, забывъ о времени. Жена Трейчке подала ужинъ, который Бетховенъ долженъ былъ раздѣлить съ ними, но ни что не могло его развлечь. Былъ уже поздній часъ вечера, когда онъ вышелъ изъ своего экстаза, всталъ, быстро простился съ Трейчке и уѣхалъ домой. На другой день новая арія Флорестана была готова. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ работа передѣлки оперы была закончена и на 23-го мая 1814 года было назначено первое представленіе передѣланнаго „Фиделіо“. За три дня до этого новая увертюра еще не была написана, но 20-го числа, послѣ сытнаго обѣда въ ресторанѣ „Римскій Императоръ“, въ компаніи со своимъ другомъ докторомъ Бартоломи, Бетховенъ взялъ обѣденную карту и, начертивъ на обратной сторонѣ ея нотныя линейки, сталъ молча набрасывать на нихъ нотные знаки. На предложеніе Бартоломи уйти изъ ресторана, Бетховенъ отвѣтилъ: „Подождите одну минуту, я сочиняю свою увертюру“, и, быстро окончивъ свой набросокъ, онъ положилъ карту въ карманъ и вышелъ спокойный

и довольный. 23-го утромъ собирался оркестръ, чтобы разучить новую увертюру; но Бетховенъ не явился съ партитурой. Отправившійся за нимъ Трейчке нашелъ его спящимъ; на его постели и на полу валялись разрозненные листы партитуры, на столѣ стоялъ недопитый стаканъ вина, съ остатками бисквита, а догорѣвшая свѣча свидѣтельствовала, что маэстро работалъ надъ партитурой до разсвѣта и въ совершенномъ утомленіи заснулъ. Партитура была окончена, но переписать ее къ первому представленію уже не было времени“... Передѣланная опера имѣла большой успѣхъ у публики...

Осенью 1814 г. въ Вѣнѣ собрался знаменитый Вѣнскій Конгрессъ. Блестящія празднества слѣдовали непрерывной чередой. Бетховена, какъ вѣнскую знаменитость, приглашали на всѣ торжества. Властелины Европы расточали передъ нимъ выраженіе своихъ восторговъ. Но Бетховену вскорѣ на дѣлѣ пришлось убѣдиться, какую сѣрую, ничтожную въ духовномъ отношеніи, толпу представляло собой это блестящее сборище.

Всего нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Вѣнскаго Конгресса, на которомъ онъ лично былъ представленъ королямъ, царямъ и императорамъ почти всей Европы, Бетховенъ окончилъ одно изъ величайшихъ своихъ произведеній „Торжественную мессу“ („Missa solennis“, 1819—1823 г. ор. 123) для четырехъ голосовъ, соло, хора и оркестра. Обстоятельства созиданія этого одного изъ величайшихъ мировыхъ произведеній въ области музыки настолько интересны и характерны для Бетховена, что мы приводимъ здѣсь слѣдующую обширную выписку изъ труда А. Г-ена.

„Какъ видно изъ тетрадей Бетховена, въ которыхъ онъ записывалъ свои музыкальныя мысли, онъ началъ работать надъ мессой еще въ концѣ осени 1818 года. Теперь же (въ 1820 г.) онъ такъ горячо ею занялся, что, противъ своего обыкновенія, не окончивъ всей мелодической части своего сочиненія, сталъ уже писать партитуру. Къ несчастью, множество мелкихъ и крупныхъ жизненныхъ непріятностей отрывали его отъ этого труда и отсрочили окончаніе его надолго... Къ марту 1820 года не болѣе трети партитуры было написано. Необходимо, однако, принять въ разсчетъ, что и самые размѣры этой работы значительно расширились въ теченіе времени, пока композиторъ надъ ней трудился. По мѣрѣ углубленія въ этотъ трудъ, Бетховенъ все болѣе проникался серьезностью и святостью своей задачи, о чемъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ его рукописи. На одной изъ нихъ онъ записалъ слѣдующее музыкальное требованіе: „Чтобы сочинить настоящую религіозную музыку — справиться съ древними хоралами, исполняемыми въ монастыряхъ“. А затѣмъ онъ прибавилъ еще слѣдующее нравственное требованіе: „Ну, пожертвуй еще разъ всѣми мелкими житейскими потребностями во славу твоего искусства. Богъ прежде всего!“ Мало подготовленный всею своей предшествовавшей композиторской дѣятельностью къ созданію чисто религіозной музыки, Бетховенъ долженъ былъ напрягать всю силу своего творческаго генія, чтобы создать нѣчто великое въ этой новой для него области. Такъ, извѣстно, что созданіе одного „Credo“ потребовало у него больше труда и усилій, чѣмъ сколько онъ обыкновенно тратилъ на созданіе цѣлой симфоніи. Онъ писалъ эту часть мессы лѣтомъ 1819 г., живя въ мѣстечкѣ Модлингѣ, близъ Вѣны, и, какъ сообщаетъ Шиндлеръ (его новый молодой другъ и секретарь), проводилъ цѣлые дни и ночи, въ потѣ лица отбивая тактъ руками и ногами, прежде чѣмъ взяться за перо и перенести на нотную бумагу музыкальную фразу. Этотъ постоянный шумъ и стукъ, днемъ и ночью, вызывали жалобы другихъ жильцовъ дома и вывели, на-

конецъ, изъ терпѣнія домовладѣльца, который объявилъ Бетховену, что если шумъ не прекратится, то онъ откажетъ ему квартиру.

„Шиндлеръ, который часто посѣщалъ его въ это время, сообщаетъ слѣдующее: „Съ самаго начала работы надъ мессой, все его существо, казалось, приняло другой видъ, что было особенно замѣчено его старѣйшими друзьями, и, признаюсь, что ни до, ни послѣ этого времени я никогда не видалъ Бетховена въ такомъ состояніи абсолютной отрѣшенности отъ всего земного, какъ это произошло съ нимъ въ 1819 году“. Однажды онъ пришелъ къ Бетховену вмѣстѣ съ композиторомъ Хорзалка, который добивался чести быть ему представленнымъ. Они пришли къ нему около четырехъ часовъ дня и остановились у двери его дома, пораженные необыкновеннымъ шумомъ, который исходилъ изъ жилища композитора — Бетховенъ пѣлъ, или, вѣрнѣе, кричалъ со всею силою своихъ легкихъ мотивъ фуги и отбивалъ тактъ съ такой энергіей, что весь домъ, казалось, дрожалъ отъ его ударовъ. Они долго слушали „эту едва выносимую музыку“, когда, наконецъ, самъ Бетховенъ отворилъ имъ дверь, и они увидѣли его въ состояніи полного изнеможенія. Черты лица его были искажены, потъ лился съ него градомъ... По праву онъ могъ сказать тогда въ своемъ сердцѣ: „Трудна твоя работа, Господи!“ Въ то же время его домашняя обстановка представляла самый жалкій видъ. „Полюбуйтесь на мое хозяйство, — сказалъ онъ посѣтителемъ, — всѣ разбѣжались, а я съ вчерашняго дня еще ничего не ѣлъ“. Оказалось, что, занятый работой, онъ не дотронулся до обѣда, а прислуга его ушла изъ дому. И все время, пока Бетховенъ создавалъ свою „Мессу“, онъ находился въ состояніи полного экстаза, вполне отрѣшенный отъ всего земного. Иногда подолгу онъ лежалъ подъ деревомъ, устремивъ неподвижный взоръ въ небо. Въ это именно время, однажды, послѣ долгаго отсутствія, Бетховенъ вернулся домой въ глубокую ночь, въ ужасную погоду, съ непокрытой головой — съ наполовину посѣдѣвшихъ волосъ его капала вода, весь онъ дрожалъ отъ холода. Во время прогулки онъ не обратилъ вниманія на дождь и вѣтеръ, шляпу потерялъ и даже не замѣтилъ этого. „Все существо его, — говоритъ Шиндлеръ, — точно преобразилось; онъ казался совсѣмъ одержимымъ, когда писалъ „Credo“ и „Benedictus“. Это было, поистинѣ, религиозно-творческій экстазъ, восхищеніе и высшія сферы неба“.

Четыре года упорнаго труда ушло на это великое произведеніе. Когда оно было закончено, Бетховенъ захотѣлъ распространить его путемъ подписки, чтобы хоть нѣсколько поправить свои матеріальныя средства. Онъ обратился ко дворянъ тѣхъ государей, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ лично передъ нимъ разсыпались въ безграничныхъ похвалахъ и которые на Вѣнскомъ Конгрессѣ продали буквально милліоны рублей. Подписка эта дала всего только 1500 руб.! Такова согласованность въ этой средѣ между словомъ и дѣломъ.

Въ то же самое время и личная жизнь Бетховена опять запуталась самымъ неожиданнымъ образомъ. Умеръ одинъ изъ братьевъ, оставившій послѣ себя жену и маленькаго сына. Умирая, онъ умолялъ Бетховена принять на себя всѣ попеченія о сынѣ, такъ какъ совершенно не довѣрялъ своей женѣ — женщинѣ взбалмошной и глубоко непорядочной. Бетховенъ съ охотою принялъ на себя эту обязанность и со всѣмъ пыломъ своей великой души, не израсходовавшей всего запаса личной привязанности, взялся за дѣло. Но мать ребенка употребила всѣ средства на то, чтобы свести къ нулю всѣ труды своего деверя. То она подкупала прислугу, которая внушала мальчику самыя дурныя мысли о его воспи-

татель-дядѣ, то она выкрадывала его изъ школы, гдѣ онъ былъ помѣщенъ, и прятала его отъ Бетховена, приходившаго отъ всего этого въ отчаяніе. Однимъ словомъ, воспитаніе ребенка сдѣлалось для него источникомъ безконечныхъ страданій.

Немудрено, что подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ огромныхъ трудовъ и непрерывныхъ невзгодъ, здоровье великаго композитора пошатнулось еще больше, и тяжелая тоска временами пѣликомъ овладѣвала его душой. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для него служили успѣхи его нѣсколькихъ произведеній, — дѣйствительно, прекрасныхъ, — среди широкой публики. Особенно ободрилъ и порадовалъ его успѣхъ его оперы „Фиделіо“, возобновленной по предложенію знаменитой пѣвицы Вильгельмины Шредеръ. „Ее было всего восемнадцать лѣтъ“, — рассказываетъ тотъ же самый біографъ Бетховена, — „когда она увлеклась ролью „Фиделіо“ и пожелала поставить для своего бенефиса оперу Бетховена. Исключительный талантъ, одновременно музыкальный и драматическій, проявившійся притомъ сразу съ необыкновенной яркостью, внушилъ ей смѣлое рѣшеніе взяться за одну изъ самыхъ трудныхъ оперныхъ ролей. О силѣ ея музыкальнаго и драматическаго генія свидѣлствуютъ не только восторги толпы слушателей, но и такіе знатоки дѣла, какъ Карлъ-Марія Веберъ и Рихардъ Вагнеръ. Первый, послѣ исполненія ею роли „Агаты“, не находилъ словъ для выраженія своего энтузіазма... Бетховенъ, до котораго доходили восторженные отзывы о юной пѣвицѣ, конечно, былъ очень доволенъ, что такая крупная артистка беретъ за исполненіе его произведенія; но сначала онъ, кажется, сомнѣвался, чтобы „такой ребенокъ“, по его выраженію, могъ исполнить столь трудную роль, какъ роль героини его оперы; но вскорѣ всѣ сомнѣнія его должны были разсѣяться.

„При новой постановкѣ „Фиделіо“ на сцену, прежде всего возникъ вопросъ: не слѣдуетъ ли пригласить самого Бетховена руководить исполненіемъ его оперы? Желаніе видѣть его еще разъ во главѣ оркестра заставило забыть о его глухотѣ, въ это время почти полной, и предложеніе въ этомъ смыслѣ ему было сдѣлано. Злополучный маэстро, не имѣвшій, повидимому, вполнѣ точнаго представленія о степени своей глухоты, принялъ предложеніе безъ всякаго колебанія. Рѣшено было, однако, дать ему въ помощники капельмейстера Умлауфа, который долженъ былъ стоять за стуломъ Бетховена и восстанавливать порядокъ въ оркестрѣ въ случаѣ, если бы, вслѣдствіе глухоты главнаго дирижера, произошла какая-нибудь неурядица. Къ несчастью, эта предосторожность оказалась совершенно недостаточной. Въ назначенный для первой репетиціи день, Бетховенъ, въ сопровожденіи Шиндлера, отправился въ театръ и занялъ мѣсто за капельмейстерскимъ пюпитромъ. Увертюра прошла безпрепятственно, но какъ только началось пѣніе, замѣшательство распространилось между артистами. Глухой маэстро не могъ слышать ни одной ноты вокальныхъ партій и не въ состояніи былъ точно указывать время вступленія голосовъ. Посреди всеобщей растерянности, Умлауфъ остановилъ всѣхъ, переговорилъ съ пѣвцами и далъ знакъ начать снова. Но и на этотъ разъ повторилось то же самое; музыканты оркестра внимательно слѣдили за дирижерскою палочкой, но пѣвцы терялись, путались и не могли согласоваться съ музыкой. Такъ дѣло не могло продолжаться и необходимо было, во что бы то ни стало, предупредить Бетховена; но никто не рѣшался принять на себя эту тяжелую обязанность. А пока происходили объ этомъ переговоры и споры; Бетховенъ, ничего не слыша и не понимая, въ чемъ дѣло, спокойно двигался на своемъ стулѣ, по-

вертывалъ голову то вправо, то влѣво, стараясь по выраженію лицъ окружающихъ получить объясненіе того, что происходило вокругъ него; но повсюду встрѣчалъ онъ только смущенныя или безучастныя фізіономіи. „Вдругъ, — рассказываетъ Шиндлеръ, — онъ позвалъ меня къ себѣ повелительнымъ тономъ и, сунувъ мнѣ свою записную книжку и карандашъ, приказалъ объяснить ему, въ чемъ дѣло. Весь дрожа отъ волненія, я написалъ ему слѣдующія слова: „Умоляю васъ пока подождать; я дамъ вамъ самыя подробныя объясненія дома“. Прочтя эти строки, Бетховенъ однимъ прыжкомъ вскочилъ со стула, перешагнувъ черезъ перегородку партера и, крикнувъ мнѣ: „уйдемъ скорѣе!“, — бросился бѣжать изъ театра, не останавливаясь до самой своей квартиры. Тутъ силы его оставили, онъ безпомощно упалъ на диванъ, закрылъ лицо руками и оставался неподвиженъ до обѣденнаго часа. За столомъ онъ не произнесъ ни одного слова“... „Этотъ роковой ноябрьскій день“, — прибавляетъ Шиндлеръ, — „былъ самымъ горестнымъ днемъ бѣднаго маэстро, днемъ самыхъ тягостныхъ испытаній. Какія огорченія ни приходилось ему испытывать въ жизни, ни одно не было столь жестоко. Очень часто я имѣлъ случай видѣть его въ горѣ, много разъ я видѣлъ его подавленнымъ тяжестью несчастія; но каждый разъ послѣ минутнаго упадка духа, онъ снова подымалъ голову и торжествовалъ надъ своимъ злополучіемъ. Но на этотъ разъ онъ былъ пораженъ въ самую глубину своихъ жизненныхъ силъ и до самаго дня своей смерти оставался подъ впечатлѣніемъ той ужасной сцены, которую пришлось ему пережить на первой репетиціи „Фиделіо“...

Наконецъ, наступилъ день перваго представленія его оперы (9-е ноября 1822 года). Бетховенъ незамѣтно пробрался въ театръ и скромно усѣлся позади дирижера, закрывши лицо до ушей воротникомъ такъ, чтобы никто въ театрѣ не могъ узнать великаго творца знаменитой оперы, которая разыгрывалась на сценѣ. „Въ этой закутанной фигурѣ“, — рассказывала сама Вильгельмина Шрёдеръ, — „только блестѣли глаза, которые, казалось, бросали пламя. Эти глаза вначалѣ пугали меня и, встрѣчаясь съ ними, я чувствовала себя охваченной ужасомъ, который отнималъ у меня всю мою смѣлость. Но какъ только я спѣла нѣсколько тактовъ, я чувствовала себя поднятой чудесной силой. Всѣ зрители и самъ Бетховенъ исчезли изъ моихъ взоровъ; все, о чемъ я размышляла, что изучала, готовясь къ своей роли, вышло изъ моей памяти; я была „Леонорой“ (героиней „Фиделіо“) и никѣмъ другимъ, я жила ея жизнью, страдала ея страданіемъ. Эта иллюзія поддерживала меня до сцены въ подземельѣ. Но здѣсь, не знаю, почему я чувствовала, что силы мои ослабѣваютъ и моя увѣренность покидаетъ меня. Громадность моей задачи, всю необъятность которой я только тогда впервые сознала, предстала предо мной, и я поняла слишкомъ поздно всю недостаточность моихъ средствъ, чтобы справиться съ необдуманно взятой на себя задачей. Охватившее меня отчаяніе выразилось въ чертахъ моего лица, въ моихъ движеніяхъ, во всей моей фигурѣ и, по удивительному совпадению, именно эти жесты и эта игра моей фізіономіи были какъ разъ тѣ, какіе соответствовали драматическому положенію“... Сцена до глубины души потрясла всю публику... Но артистка все выше и выше поднимала свое исполненіе. Съ пистолетомъ въ рукѣ она бросается навстрѣчу злодѣю, задумавшему убійство. Какъ статуя, застыла она въ своей угрожающей позѣ, готовая въ каждую минуту послать смертельную пулю, какъ вдругъ раздается звукъ трубы, возвѣщающей появленіе ея избавителя. „Тогда“, — продолжаетъ она свой рассказъ, — „нервы мои не вы-

держали, пистолетъ выпалъ изъ рукъ, я почувствовала, что колѣни подкашиваются, конвульсивно схватилась за голову, и изъ груди моей вырвался такой неподдѣльный крикъ смертельной муки, что ему тѣсно старались подражать всѣ послѣдующія исполнительницы роли „Фиделіо“... Этотъ страшный крикъ былъ Бетховеномъ слышанъ. Захваченный игрой, онъ поднялся со стула и обратился лицомъ къ публикѣ... Громовые аплодисменты были отвѣтомъ на этотъ порывъ великаго композитора.

Больной и удрученный годами (шестой десятокъ лѣтъ) и невзгодами, Бетховенъ продолжалъ развивать свою творческую работу. Онъ носится теперь съ мечтой написать оперу на сюжетъ „Фауста“, величайшаго, по его мнѣнію, произведенія въ европейской литературѣ... Но, къ сожалѣнію, заботы о хлѣбѣ насущномъ отвлекали его отъ выполненія этой благородной задачи. Да и другія темы тѣснились въ душѣ великаго композитора. „Я“, — писалъ онъ въ это время, — „ношу въ головѣ три большія вещи, которыя хочу произвести на свѣтъ, прежде чѣмъ предпринять что-нибудь другое: ораторію и двѣ новыя симфоніи, не похожія другъ на друга и совершенно отличныя отъ тѣхъ, которыя я сочинялъ до сихъ поръ“... Вообще, характеръ музыки Бетховена измѣнился теперь кореннымъ образомъ. Онъ опять возвратился къ старому типу серьезной музыки и даже съ неудовольствіемъ отзывался о большинствѣ своихъ прежнихъ произведеній. Онъ, глухой, больной и усталый, все еще чувствовалъ въ себѣ столько творческихъ силъ, что настоящій міръ звуковъ, какъ думалъ онъ, только теперь начинаетъ раскрываться передъ нимъ. „Мнѣ кажется“, — воскликнулъ онъ какъ-то, — „что я едва написалъ нѣсколько нотъ!“...

На первый планъ въ творчествѣ Бетховена выступаетъ теперь девятая симфонія, одно изъ величайшихъ музыкальных произведеній, до которыхъ когда-либо поднимался человѣческій гений.

„Въ іюнѣ 1823 года“, — рассказываетъ А. Г—кенъ, — „Бетховенъ оставивъ всѣ другіе планы, рѣшительно и всецѣло принялся за окончаніе девятой симфоніи. Незадолго передъ тѣмъ здоровье его нѣсколько поправилось, хорошее настроеніе духа и бодрость вернулись къ нему, и онъ почувствовалъ приливъ вдохновенія и силъ, чтобы справиться съ трудной задачей. Впрочемъ, тѣлесныя невзгоды не оставляли его совсѣмъ: въ письмѣ къ эрцгерцогу Рудольфу, отъ 1-го іюля, онъ жалуется на болѣзнь глазъ, и въ письмѣ къ племяннику отъ 16-го августа 1823 г., — на катарръ горла и носа, слабость желудка и даже высказываетъ опасеніе, какъ бы общее катарральное состояніе его организма не оборвало скоро нить его жизни или, что было бы еще хуже, не подтачивало бы ея мало по малу. Переѣхавъ за городъ и начавъ работать, онъ замкнулся въ свое привычное уединеніе и сталъ недоступенъ даже для ближайшихъ своихъ друзей. Даже Шиндлеръ, безъ котораго онъ обыкновенно не могъ обойтись, былъ сурово отстраненъ слѣдующимъ лаконическимъ посланіемъ: „Не отваживайся беспокоить меня, пока я самъ не позову тебя. Мой безстроходный фрегатъ, высокая и благородная госпожа Шнапсъ, будетъ черезъ два или три дня навѣщать тебя. Будь здоровъ и въ особенности не рискуй приводить ко мнѣ кого бы то ни было“. „Тогда“, — рассказываетъ Шиндлеръ, — „Бетховенъ началъ, по своему обыкновенію, подобно пчелѣ, возсѣсть по окрестнымъ полямъ, съ записной книжкой въ рукѣ, отмѣчая въ ней тѣ идеи, которыя приходили къ нему въ голову. Онъ цѣлые дни проводилъ на воздухѣ, забывая объ ѣдѣ и возвращаясь домой, — какъ это давно уже съ нимъ не случалось, — съ непокрытой головой, забывая свою шляпу гдѣ-нибудь подъ деревомъ или на берегу ручья“. Чтобы воплотѣ

удиниться со своими мыслями, онъ поселился въ деревушкѣ Хейтцендорфъ, имѣніи барона Мюллера-Пронау. Здѣсь прежде всего онъ написалъ 33 варіаціи на тему, предложенную Діабелли; варіаціи эти отражаютъ бодрое и радостное настроеніе, которое всегда посѣщало его на лояхъ природы. Вскорѣ, однако, чрезмѣрная вѣжливость владѣльца имѣнія стала ему невыносимой. Каждый разъ, какъ баронъ встрѣчался съ нимъ, онъ приводилъ Бетховена въ отчаяніе потокомъ своихъ комплиментовъ и любезностей. Эта притворная вѣжливость заставила, наконецъ, Бетховена прійти къ рѣшенію — потихоньку бѣжать изъ владѣній барона. И вотъ въ одинъ прекрасный день служанка Бетховена, по прозванію „быстроходный фрегатъ“, приплыла на всѣхъ парусахъ въ квартиру Шиндлера и объявила ему, что маэстро нуждается въ его услугахъ и будетъ ждать его завтра въ пять часовъ утра. Явившись въ назначенный часъ, Шиндлеръ получилъ порученіе отыскать Бетховену комнату въ мѣстечкѣ Баденѣ, гдѣ уже не разъ онъ находилъ лѣтній отдыхъ и уединеніе. Взявшись подъ руки, оба друга стали обходить всѣ свободныя помѣщенія въ Баденѣ, но въ каждомъ изъ нихъ или Бетховенъ находилъ какой-нибудь существенный недостатокъ, или сами хозяева не соглашались принять жильцомъ уже извѣстнаго имъ чудака, разгонявшаго своимъ присутствіемъ другихъ жильцовъ. Бетховенъ хотѣлъ непременно поселиться въ домѣ жестяника, у котораго жилъ въ прошедшемъ году, но, къ несчастію, жестяникъ тоже не высказывалъ особеннаго желанія пріютить въ своемъ домѣ великаго музыканта, котораго считалъ не совсѣмъ удобнымъ для себя жильцомъ. Чѣмъ болѣе, однако, онъ упирался, тѣмъ болѣе настаивалъ Бетховенъ на желаніи поселиться непременно въ своемъ прежнемъ жилищѣ. Наконецъ, дипломатическому искусству Шиндлера удалось заключить необходимый договоръ. Жестяникъ согласился впустить въ свой домъ великаго музыканта, подъ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы этотъ послѣдній сдѣлалъ на свой счетъ ставни къ окнамъ своей комнаты. Бетховенъ поспѣшилъ согласиться на это условіе, которое, хотя показалось ему страннымъ, но не вызвало въ немъ желанія добиться его разъясненія. Болѣе любопытный Шиндлеръ, послѣ долгихъ разспросовъ, наконецъ, узналъ, въ чемъ тутъ секретъ. Бетховенъ имѣлъ привычку писать карандашемъ на всѣхъ предметахъ, которые ему попадались подъ руку. Въ 1822 году, живя въ Баденѣ, въ домѣ жестяника, онъ покрылъ своими іероглифами всѣ ставни своей комнаты. Послѣ его отъѣзда, одинъ оригиналъ — англичанинъ, жившій противъ него и подмѣтившій привычку композитора, явился къ жестянику и предложилъ ему продать за хорошія деньги этотъ своеобразный автографъ великаго музыканта. Жестяникъ получилъ деньги, а часть оконъ его дома осталась безъ ставней. Припомнивъ этотъ фактъ, расчетливый ремесленникъ сообразилъ, что онъ можетъ заставить самого же Бетховена возратить ему ставни, которыхъ онъ лишился, не безъ пользы, однако, для своего кармана, а, пожалуй, и вторично продать ихъ съ такою же выгодой.

„Водворившись, наконецъ, въ домѣ баденскаго жестяника, Бетховенъ прожилъ въ немъ до конца октября мѣсяца и здѣсь нашелъ то тихое пристанище, въ которомъ окончательно созрѣло и явилось на свѣтъ одно изъ величайшихъ произведеній музыки. Зачатки музыкальных мыслей девятой симфоніи, какъ сказано выше, можно прослѣдить за много лѣтъ назадъ, между прочимъ, въ записныхъ книжкахъ 1815—17 гг.; слѣдовательно, надъ этимъ произведеніемъ, которое можно считать апогеемъ творчества Бетховена, хотя самъ онъ считалъ таковымъ свою „Missa

solemnis“, онъ очень много работалъ. Онъ хотѣлъ сказать этимъ произведеніемъ нѣчто больше того, что можетъ выразить одна инструментальная музыка, а для этого прибѣгъ къ помощи человѣческаго голоса и слова. По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ, главная тема скерцо симфоніи пришла ему въ голову, когда однажды, въ городскомъ саду, цѣлая стая слетавшихся воробьевъ затѣяла около него свою оживленную и шумливую болтовню; по свидѣтельству другихъ — когда онъ вечеромъ, съ высоты, окружающихъ Вѣну, наблюдалъ, какъ постепенно освѣщались вечерними огнями улицы и дома города. Но большая часть содержанія девятой симфоніи, конечно, издавна хранилась и зрѣла въ душѣ Бетховена и приняла опредѣленную форму, когда онъ въ Баденскомъ уединеніи погрузился въ работу творчества. Къ концу октября мѣсяца 1823 года три первыя части симфоніи были уже закончены въ головѣ Бетховена, оставалось только закрѣпить ихъ на бумагѣ. Въ это время онъ перебрался на свою зимнюю квартиру въ Вѣнѣ, расположенную въ кварталѣ Ландштрассе, сталъ немедленно писать партитуру симфоніи и дошелъ до финала ея; но тутъ онъ остановился, обдумывая способъ ввести голоса въ инструментальную музыку. Однажды, увидя входящаго къ нему въ комнату Шиндлера, онъ воскликнулъ радостно: „я добился!“ — и показалъ ему затѣмъ эскизъ финала симфоніи“...

Въ этой своей великой симфоніи Бетховенъ воспѣлъ тѣ идеалы, которыми поклонялся со дней своей ранней юности, — гуманность и свободу, положивъ въ основу своей музыкальной темы знаменитую пѣснь Шиллера: „Къ радости“... Время, когда появилось это новое великое произведение Бетховена, было временемъ безпощадной политической реакціи, и Бетховенъ былъ вправѣ воскликнуть: „Если слова стали подозрительны, къ счастью, ноты — полномочные министры словъ — остаются еще свободны“.

Между тѣмъ, вѣнская публика снова успѣла совершенно охладѣть къ Бетховену. Это охлажденіе публики было несчастіемъ для композитора, который, благодаря этому, не могъ поставить ни одного изъ своихъ большихъ послѣднихъ произведеній, требовавшихъ большихъ оркестровъ и хоровъ, и, слѣдовательно, и большихъ денежныхъ затратъ. Дѣло дошло до того, что Бетховенъ цѣликомъ началъ уходить въ планы покинуть Вѣну и переѣхать въ Лондонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сильно задумывался о томъ, чтобы поставить въ Берлинѣ свою торжественную Мессу, которую ему не удавалось поставить еще ни разу, хотя она и была закончена уже два года тому назадъ. Тамъ же онъ хотѣлъ поставить и свою девятую симфонію. Но планы эти не были приведены въ исполненіе. Въ февралѣ 1824 года онъ получилъ отъ наиболѣе выдающихся своихъ вѣнскихъ почитателей слѣдующій адресъ: „Не лишайте насъ далѣе счастья услышать новыя великія произведенія вашего генія и дайте, наконецъ, удовлетвореніе нашему стремленію къ высшимъ сферамъ искусства. Намъ извѣстно, что вы написали новое произведение религиозной музыки и выразили въ немъ чувства, внушенныя вамъ глубокой вѣрой. Сверхъестественный свѣтъ, который проникаетъ вашу великую душу, освѣщаетъ и это произведение. Намъ извѣстно также, что вѣнокъ вашихъ великихъ симфоній пополнился новымъ безсмертнымъ цвѣткомъ. Уже нѣсколько лѣтъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ умолкли громы битвы при Витторіо, мы ожидаемъ и надѣемся. Откройте сокровища вашего вдохновенія и подѣлитесь ими съ нами, какъ бывало прежде. Возвѣсьте цѣнность вашихъ несравненныхъ произведеній, познакомивъ насъ съ

ними въ вашемъ собственномъ исполненіи. Вы не захотите оторвать плоды вашего генія отъ родины, чтобы представить ихъ раньше иностранцамъ, которые не поймутъ вашихъ великихъ рѣчей и не сумѣютъ оцѣнить ихъ по достоинству. Появитесь среди насъ, предстаньте во всей вашей славы и обрадуйте друзей, вашихъ горячихъ и почтительныхъ поклонниковъ“... Бетховенъ былъ глубоко тронутъ этимъ адресомъ. Съ помощью друзей ему, дѣйствительно, удалось поставить въ Вѣнѣ и торжественную Мессу, и девятую симфонію въ одинъ и тотъ же день. Концертъ вышелъ необычайно удачнымъ, хотя въ общемъ онъ принесъ Бетховену мало матеріальныхъ выгодъ: такъ много было расходовъ по его постановкѣ.

Новыя прекрасныя работы Бетховена слѣдовали снова одна за другой. Объ этомъ періодѣ творчества Бетховена остались воспоминанія австрійскаго писателя Браунъ фонъ-Браунталя и новаго друга Бетховена, скрипача Гольца. „Не разъ“, — пишетъ первый изъ нихъ, — „въ зимніе вечера встрѣчалъ я Бетховена, въ послѣдніе годы его жизни, въ одномъ маленькомъ вѣнскомъ ресторани. Когда онъ входилъ, всѣ постоянные поѣзители выражали ему глубокое уваженіе. Онъ былъ средняго роста, очень плотнаго сложенія; цѣлая грива сѣдыхъ волосъ усиливала еще болѣе сходство его головы со львомъ. Онъ входилъ неуверенной поступью, какъ бы во снѣ, обводя проникательнымъ взглядомъ своихъ умныхъ глазъ всѣхъ окружающихъ, затѣмъ онъ садился за столъ, спрашивалъ кружку пива, курилъ длинную трубку и закрывалъ глаза. Если кто-нибудь изъ знакомыхъ заговаривалъ съ нимъ или, вѣрнѣе, кричалъ ему въ ухо, онъ открывалъ глаза, какъ испуганный орелъ, грустно улыбался и подавалъ тетрадь съ карандашомъ, чтобы ему написали слова, которыхъ онъ не слышалъ. Иногда онъ вынималъ толстую тетрадь изъ своего бокового кармана и писалъ что-то съ полужакрытыми глазами. „Что такое онъ пишетъ?“ — спросилъ я однажды своего сосѣда — творца несравненныхъ пѣсенъ, Франца Шуберта. — „Онъ сочиняетъ“, — отвѣтилъ онъ. А духовная работа, дѣйствительно, продолжала энергично развиваться въ мозгу великаго композитора. Во время прогулокъ со своимъ новымъ другомъ Гольцомъ онъ нерѣдко говорилъ ему: „Подождите, мой дорогой, мнѣ пришло въ голову еще нѣсколько новыхъ идей, которыми я хочу воспользоваться“, — и онъ останавливался, вынималъ свою тетрадь и дѣлалъ въ ней рядъ замѣтокъ. За это время имъ было написано нѣсколько замѣчательныхъ квартетовъ. Посылая одинъ изъ нихъ издателю, съ которымъ у него была размолвка, онъ съ полнымъ сознаниемъ справедливости своихъ словъ писалъ: „Квартетъ, который я посылаю (A-moll op. 132), вамъ докажетъ, что я не хочу мстить вамъ за ваши поступки и что, напротивъ, я даю вамъ самое лучшее изъ того, что я могъ бы предложить моему лучшему другу. Могу васъ увѣрить честью художника, что это одно изъ произведеній, наиболѣе достойныхъ моего имени. Если то, что я сказалъ, не строжайшая истина, считайте меня за послѣдняго изъ людей“... Это была справедливая оцѣнка, но справедливость ея плохо усваивалась широкимъ музыкальнымъ міромъ, и прошло много лѣтъ прежде, чѣмъ и широкая публика, наконецъ, поняла все необычайное величіе этихъ послѣднихъ произведеній Бетховена... „Эту непоколебимую его увѣренность, эту глубочайшую вѣру въ превосходство своихъ произведеній“, — пишетъ Викторъ Вильдеръ, — „потомство, въ концѣ концовъ, раздѣлило съ нимъ. Правда, въ теченіе долгаго времени и профессиональные музыканты, и простые

любители музыки отказывались воздать должное благоговѣніе послѣднимъ квартетамъ Бетховена. Идеи ихъ были слишкомъ глубоки и формы слишкомъ смѣлы, чтобы не столкнуться съ косностью, которая часто, помимо сознанія, владѣетъ людьми, даже совершенно искренне ищущими истины. Но туманъ, который заволакивалъ первоначально мысль великаго музыканта и исчезалъ только передъ взорами немногихъ посвященныхъ, постепенно разсѣялся подѣ дѣйствіемъ яркихъ лучей генія. Теперь стали понимать то, что онъ хотѣлъ сказать, и читать безъ затрудненія эти великія произведенія, которыя слѣдуетъ признать его художественнымъ завѣщаніемъ“...

Много горя доставилъ Бетховену въ послѣдніе годы его жизни его пріемный сынъ Карлъ, оказавшійся нравственнымъ и умственнымъ ничтожествомъ. Бетховенъ, хотя и не могъ не замѣчать всѣхъ недостатковъ Карла, но все еще мечталъ о томъ, что воспитаніе исправить его любимца и ему удастся сдѣлать изъ него знаменитаго ученаго, который прославить и въ области наукъ имя Бетховеновъ. Карлъ былъ отданъ въ университетъ, гдѣ вскорѣ обнаружилась полная его неспособность къ занятію науками.

Письма Бетховена къ своему Карлу ярко обнаруживаютъ любящую душу великаго композитора и всю ту силу духовнаго ослѣпленія, которое имѣло мѣсто относительно его любимца. Для безпутнаго юноши, который проводилъ все свое время въ кабакахъ и билльярдныхъ, добывая необходимыя для мотовства и игры средства путемъ займовъ и обмановъ, всѣ эти заботы со стороны безумно любившаго его дяди, казались, ненужными и тягостными. Между ними происходили тяжелыя столкновенія, которыя оканчивались иногда тѣмъ, что племянникъ скрывался отъ своего дяди. Подобные разрывы приводили Бетховена въ отчаяніе. „Мой дорогой сынъ“, — писалъ онъ, напр., послѣ одного изъ такихъ разрывовъ, — „все конечно, прійди въ мои объятія, ты не услышишь ни одного жестокаго слова, ты будешь принятъ, какъ всегда, съ любовью. Обо всемъ, что нужно обдумать, что нужно сдѣлать для твоего будущаго, мы сердечно поговоримъ другъ съ другомъ. Даю тебѣ честное слово, ты болѣе не услышишь отъ меня упрековъ — теперь они были бы и бесплодны — но только нѣжныя слова заботы и помощи; прійди, только прійди къ вѣрному сердцу твоего отца!“

Карлъ вскорѣ покинулъ университетъ и поступилъ въ высшую торговую школу, но характеръ его отъ этого, конечно, не измѣнился. Между тѣмъ, вѣшняя обстановка жизни Бетховена измѣнилась для него въ благопріятную сторону, и онъ могъ бы чувствовать себя эти послѣдніе годы своей жизни относительно хорошо, если бы не этотъ неисправимый юноша, съ которымъ великій музыкантъ такъ тѣсно сплелъ свою личную жизнь. Прежде всего Бетховенъ нашелъ по своему вкусу квартиру, въ которой ему жило хорошо и работалось легко. „Онъ“, — рассказываетъ г. А. Г—кенъ, — „поселился теперь во второмъ этажѣ просторнаго и стоящаго на открытомъ мѣстѣ дома, расположеннаго въ предмѣстьѣ Верингъ, передъ самыми крѣпостными валами Вѣны. Это было зданіе стариннаго монастыря, извѣстное подѣ названіемъ „Дома черныхъ испанцевъ“, данное по національности и темной одеждѣ монаховъ, которые его построили. На этотъ разъ мѣстность была выбрана удачно и какъ разъ по вкусу Бетховена; какъ видно, вкусы монаховъ и затворника-музыканта въ этомъ отношеніи совпадали. Съ фасада дома, обращеннаго на югъ, открывался широкій видъ на городъ съ его улицами, домами, храмами и памятниками.

Слѣва видѣлось Леопольдовское предмѣстье и высокія деревья Пратера... Квартира Бетховена въ этомъ домѣ была довольно просторная, но меблировка ея ограничивалась только самымъ необходимымъ (большая часть обстановки послѣдняго жилища Бетховена находится теперь въ его музеѣ въ Боннѣ). Квартира состояла изъ трехъ комнатъ. Въ первой, въ одно окно, кромѣ нѣсколькихъ стульевъ, стоялъ самый простой обѣденный столъ и конторка; на стѣнѣ висѣлъ портретъ масляными красками дяди Людвигъ, который представленъ былъ въ зеленомъ, обшитомъ мѣхомъ кафтанѣ, бархатной палочкѣ съ золотой клѣточкой, держащимъ въ правой рукѣ свертокъ нотъ; на другой стѣнѣ висѣлъ портретъ самого Бетховена; весь полъ былъ заваленъ беспорядочно лежащими нотами, писанными и печатными, что очень затрудняло свободный проходъ черезъ эту комнату. Двѣ слѣдующія комнаты составляли собственное жилище Бетховена; въ одной онъ спалъ, въ другой — писалъ свои послѣднія произведенія. Въ первой, въ два окна, стояли два піанино, изъ которыхъ одинъ, съ клавиатурой ко входу — подарокъ англійскаго филармоническаго общества, другой, съ клавиатурой, обращенной къ слѣдующей комнатѣ, былъ предоставленъ въ пользованіе композитора вѣнскимъ фабрикантомъ Графомъ; въ промежуткѣ между окнами помѣщались четыре полки съ книгами, подъ ними стоялъ шкафикъ, на которомъ лежало нѣсколько слуховыхъ трубокъ и двѣ скрипки; кровать, ночной столикъ, столъ и вѣшалка для платья около печки — составляли остальное убранство этой комнаты. Посрединѣ рабочей комнаты стоялъ только письменный столъ, за которымъ Бетховенъ работалъ, лицомъ обращенный къ входной двери, и еще шкафъ, назначенный для храненія книгъ и одежды. Въ этомъ состояло все движимое имущество великаго музыканта, все очень простое, очень запыленное и въ печальномъ беспорядкѣ; оно обличало владѣльца, мало заботящагося о своемъ внѣшнемъ благоустройствѣ“...

Къ этому же времени относится и возобновленіе дружескихъ отношеній съ Стефаномъ Брейнингомъ и его семьей. Оказалось, что этотъ старый другъ жилъ гдѣ-то поблизости отъ новой квартиры великаго музыканта. Случайно встрѣчаясь съ Брейнингами, Бетховенъ такъ обрадовался своимъ старымъ друзьямъ, что совершенно забылъ о размолвкѣ и старая дружба была возобновлена и принесла много минутъ душевнаго покоя бѣдному Бетховену, которому мелкій и злобный юноша Карлъ продолжалъ отравлять послѣдніе годы жизни. Кабацкія дѣла этого послѣдняго запутались теперь настолько, что онъ рѣшилъ покончить свою жалкую жизнь самоубійствомъ. Въ концѣ 1826 г. онъ сдѣлалъ попытку на самоубійство, но выстрѣлъ оказался неудачнымъ, и юноша только ранилъ себя. Извѣстіе объ этомъ происшествіи глубоко потрясло Бетховена. Еще больше потрясло его циничное и грубое поведеніе его пріемнаго сына по отношенію къ нему. Раненый юноша встрѣтилъ человѣка, который, дѣйствительно, замѣнялъ ему самаго добраго, самаго любящаго отца, холоднымъ вопросомъ: „Будешь ли ты теперь мучить меня упреками и жалобами?“ .. „Невыразимое страданіе“, — рассказываетъ Шиндлеръ, — „отразилось на всей согбенной фигурѣ Бетховена. Навсегда исчезли бодрость и крѣпость: передъ нами стоялъ дряхлый старикъ безъ воли, послушный каждому дуновенію“...

Карлъ выздоравлилъ. По австрійскимъ законамъ, онъ долженъ былъ за покушеніе на самоубійство отбыть тюремное заключеніе. Съ большимъ трудомъ Бетховену удалось добиться помилованія племянника; но тотъ, тѣмъ не менѣе, былъ высланъ изъ Вѣны. Бетховенъ не рѣшился

отпустить своего безпутнаго сына одного. Онъ уѣхалъ съ нимъ и вынужденъ былъ воспользоваться гостепріимствомъ своего ничтожнаго брата, котораго лично онъ не выносилъ, а семью котораго искренне презиралъ. „Онъ пріѣхалъ туда“, — рассказываетъ г. А. Г—кенъ, — „физически и нравственно совершенно разбитый, опустившійся. Больной, неряшливый по внѣшности, раздражительный и вспыльчивый, онъ производилъ тяжелое впечатлѣніе на окружающихъ. Женская прислуга и мѣстные крестьяне принимали его за сумасшедшаго и смѣялись надъ нимъ. Только представленный къ нему слуга, Михаилъ Кренъ, почтительно прислуживалъ ему. Но въ этомъ полуразрушенномъ физически организмѣ творческій геній все еще пылалъ яркимъ огнемъ. Бетховенъ оставался въ имѣніи своего брата съ начала октября до конца ноября 1826 г. Какъ онъ и предвидѣлъ, сношенія съ братомъ и его семьей не доставили ему ничего, кромѣ непріятностей. Его помѣстили въ холодной комнатѣ, кормили плохо, раздражали разговорами и замѣчаніями, которые часто выводили его изъ себя. Онъ жилъ въ домѣ брата, не какъ желанный гость, а какъ посторонній человѣкъ, платя за квартиру и столъ по 40 гульденовъ въ мѣсяцъ. Сношенія съ хозяевами онъ довелъ до минимума: видѣлся съ ними только во время обѣда и ужина, а остальное время держался особнякомъ; въ его комнату могли входить только его племянникъ и слуга Кренъ. Когда однажды жена брата вздумала собственной властью прогнать этого слугу, произошла бурная сцена, послѣ которой Бетховенъ рѣшился не ходить болѣе къ обѣденному столу и сталъ вести совершенно замкнутую жизнь. По разсказу Крена, онъ вставалъ въ 5^{1/2} часовъ утра и немедленно принимался за работу. Онъ писалъ ноты, отбивая тактъ руками и ногами, напѣвая и бормоча. Только черезъ два часа онъ садился за завтракъ, а затѣмъ бродилъ до полудня по окрестнымъ полямъ; послѣобѣденное время до заката солнца онъ тоже проводилъ на воздухѣ. Послѣ ужина онъ оставался въ своей комнатѣ и писалъ; часто садился играть на фортепіано и ровно въ 10 часовъ ложился въ постель.

Наконецъ, Бетховенъ настолько разсорился со своими хозяевами, что рѣшился немедленно покинуть ихъ. Въ сырое и холодное время года ему дали для отъѣзда въ Вѣну неудобный, открытый экипажъ. Эта поѣздка оказалась для Бетховена роковой. Дождь, холодный ноябрьскій вѣтеръ и легкая одежда—сдѣлали свое дѣло. Пріѣхалъ онъ въ Вѣну съ высокой температурой, разбитый и ослабѣвшій. Случайно онъ нѣсколькихъ дней остался безъ помощи врачей и безъ помощи друзей. Карлъ, отправившійся за врачомъ, попалъ въ трактиръ, гдѣ за билльярной игрой позабылъ все на свѣтѣ. Случайно, врачъ, который, наконецъ, былъ къ нему приглашенъ, оказался невѣжественнымъ и несвѣдущимъ и не понималъ его болѣзни. Болѣзнь быстро двигалась впередъ. Развилось воспаление брюшины, за которымъ послѣдовало быстрое развитіе водянки. Но Бетховенъ мужественно переносилъ свои страданія. Онъ шутилъ даже по поводу операціи, которую ему пришлось перенести. Своимъ друзьямъ онъ говорилъ: „Я предпочитаю, чтобы вода текла изъ моего живота, а не съ моего пера“. Врачу-оператору онъ, смѣясь, замѣтилъ: „Докторъ, вы точно Моисей, источающій воду изъ земной утробы“... Онъ сохранилъ интересъ и къ музыкѣ и къ окружающей жизни. Одна мысль его мучила, — мысль о томъ, что онъ обреченъ на бездѣйствіе, что болѣзнь поглощаетъ весь заработокъ его послѣднихъ мѣсяцевъ и впереди ему грозитъ нужда. Правда, у него были маленькія сбереженія. Но онъ считалъ эти сбереженія какъ бы священными, предназначилъ ихъ для

своего безпутнаго Карла, который въ это время поступилъ въ полкъ, и ни за что не согласился бы притронуться къ нимъ.

Въ началѣ января 1827 года Бетховенъ составилъ окончательное завѣщаніе въ пользу своего Карла, который, между прочимъ, не захотѣлъ даже прійхать проститься со своимъ умирающимъ благодѣтелемъ. Въ письмѣ къ адвокату Баху Бетховенъ писалъ: „Я объявляю до своей смерти Карла ванъ Бетховена, моего дорогого племянника, единственнымъ полнымъ наслѣдникомъ моего имущества, которое состоитъ, главнымъ образомъ, въ семи банковыхъ билетахъ, и всего, что окажется въ деньгахъ. Если законъ потребуетъ какихъ-нибудь измѣненій въ моей волѣ, я прошу васъ сдѣлать ихъ въ наиболѣе благопріятномъ для него смыслѣ. Васъ же я назначаю его попечителемъ и прошу Васъ, совмѣстно съ совѣтникомъ Брейнингомъ, замѣнить для него отца. Да хранить васъ Богъ! Тысяча благодарностей за любовь и дружбу, которую Вы мнѣ оказывали“.

Утѣшеніемъ страдающаго Бетховена было перечитываніе его „греческихъ друзей“ — Плутарха, Гомера и Платона въ нѣмецкомъ переводѣ. Стефанъ Брейнингъ предложилъ ему развлечься чтеніемъ романа Вальтеръ Скотта: „Замокъ Кенильвортъ“, но послѣ нѣсколькихъ страницъ Бетховенъ бросилъ книгу со словами: „Этотъ забавникъ, очевидно, пишетъ только для того, чтобы собирать деньги“. Другимъ утѣшеніемъ его было разсматриваніе партитуръ пѣсенъ Франца Шуберта. Бетховенъ изумлялся ихъ музыкальной красотѣ и какъ то сказалъ: „Въ этомъ Шубертъ есть искра Божія!“ Огромное наслажденіе умирающему Бетховену доставилъ также тщательный просмотръ, — изъ страницы въ страницу, — полнаго сорока-томнаго собранія сочиненій Генделя, которое ему подарилъ одинъ лондонскій фабрикантъ. Много удовольствія доставила ему также предъ-рость лондонскихъ почитателей его гения, которые, узнавъ о тяжеломъ положеніи великаго композитора, прислали ему около 1000 руб. Наконецъ, временное облегченіе болѣзни дало возможность Бетховену нѣкоторое время поработать надъ его десятой симфоніей, которая, впрочемъ, такъ и осталась неоконченною.

Послѣдніе часы жизни великаго музыканта были полны ужасныхъ страданій, а самая обстановка смерти не лишена была нѣкоторой поэтической окраски.

„Въ понедѣльникъ 26-го марта“, — рассказываетъ г. А. Г-кенъ, — „солнце свѣтило ярко, по-весеннему; но на валахъ городскихъ укрѣпленій, передъ домомъ, гдѣ умиралъ Бетховенъ, еще лежалъ снѣгъ, яркій отблескъ котораго наполнялъ комнату ослѣпительнымъ свѣтомъ. Ровно въ полдень стѣнные часы внезапно прекратили свои мѣрные удары. Игла барометра, который находился подъ часами, указывала на приближеніе грозы. Дѣйствительно, совершенно необычайно для того времени года, воздухъ отяжелѣлъ, большія, черныя тучи скопились на горизонтѣ и въ шестомъ часу вечера разразилась надъ Вѣной настоящая снѣговая буря, съ громомъ и молніей... Въ эти послѣднія минуты жизни Бетховена, среди глухихъ раскатовъ грома, вдругъ сверкнула ослѣпительная молнія и освѣтила лицо умирающаго, и въ то же время раздался страшный ударъ грома, потрясшій домъ до основанія. Рѣзкимъ судорожнымъ движеніемъ умирающій поднялся на своемъ ложѣ, протянулъ сжатую въ кулакъ руку къ небу, какъ бы выходя на бой съ грозой, и затѣмъ тяжело упалъ назадъ, съ полуоткрытыми вѣками и угасшимъ взоромъ“...

Похороны Бетховена были торжественны. Великолѣпный хоръ и оркестръ исполняли заупокойные мотивы. Весь артистическій міръ Вѣны

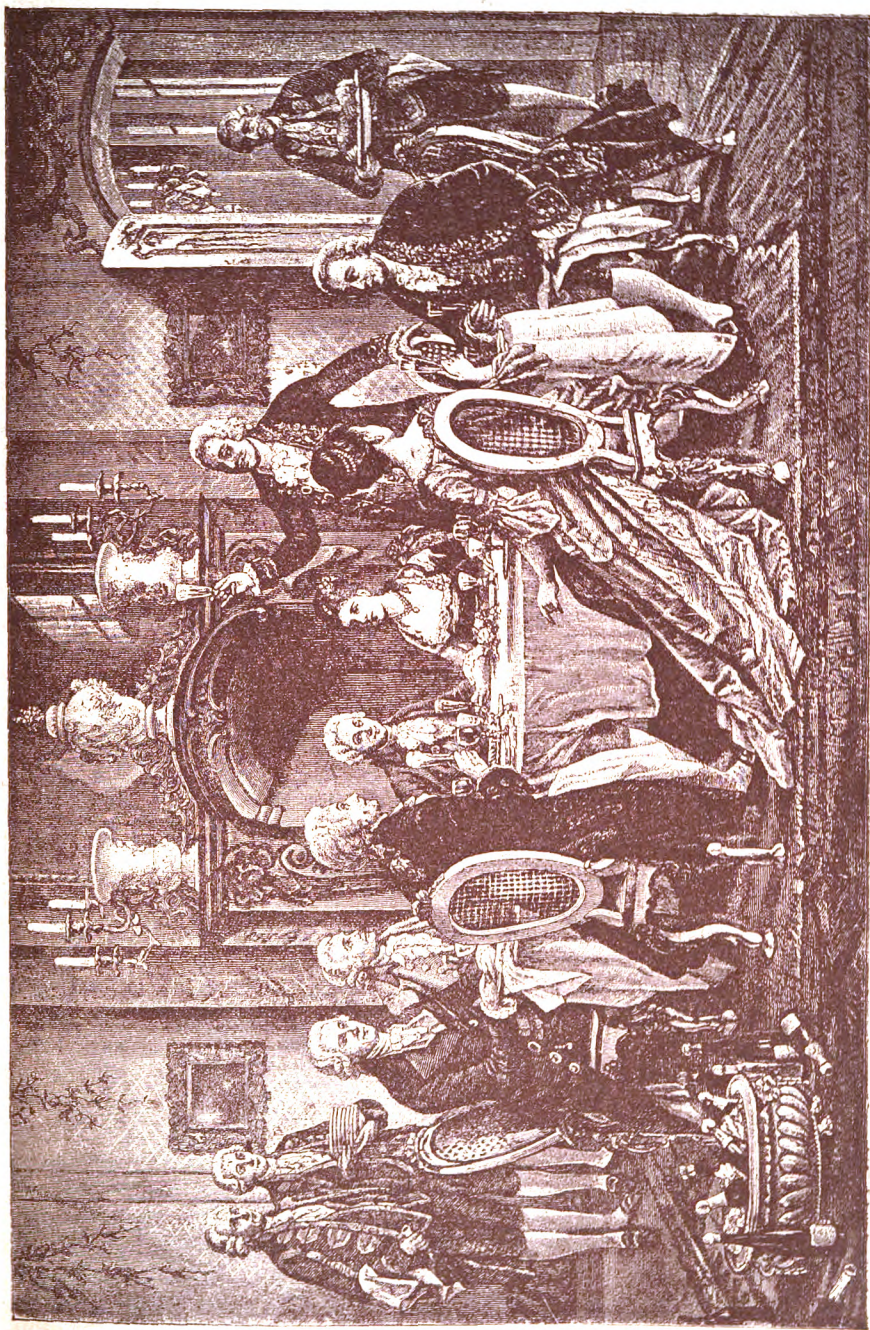
былъ въ наличности. Толпа народа въ 20.000 душъ сопровождала печальный кортежъ. Надгробную рѣчь, написанную въ честь Бетховена поэтомъ Грильпарцеромъ, произнесъ актеръ Аншютцъ.

„Онъ былъ художникъ!“ — говорилось въ этомъ надгробномъ словѣ. — „Онъ сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, благодаря искусству. Жизненные шипы глубоко уязвляли его, но онъ, подобно утопающему, цѣпляющемуся за берегъ, бѣжалъ въ твои объятія, о, Искусство, подобно Истинѣ и Добру, ниспосланное съ неба для утѣшенія въ скорбяхъ! Крѣпко держался онъ за тебя, и даже тогда, когда закрылась дверь, черезъ которую ты входило къ нему и говорило съ нимъ, когда онъ, оглохшій, не могъ уже слышать твоихъ рѣчей, все же онъ сохранялъ твой образъ въ своемъ сердцѣ и, умирая, все же держалъ тебя на своей груди!“

„Онъ былъ художникъ! и кто можетъ сравняться съ нимъ?“ Его преемнику нельзя будетъ продолжать, придется начинать сначала, такъ какъ власть его кончалась тамъ, гдѣ положены предѣлы самому искусству.

„Онъ былъ художникъ! — и въ то же время и человекъ! Человекъ — въ лучшемъ, въ высшемъ смыслѣ этого слова! За то, что онъ удалялся отъ свѣта, его называли мизантропомъ, а за то, что онъ не поддавался чувству, — его называли безчувственнымъ. Онъ избѣгалъ людей потому, что въ глубинѣ своего любящаго сердца не находилъ силы противостоять имъ... Онъ былъ одинокъ потому, что не находилъ себѣ равнаго!“...

Бетховенъ былъ похороненъ на Верингерскомъ кладбищѣ. На его могилѣ поставленъ красивый и оригинальный памятникъ, окруженный изящной оградой. Въ цѣломъ рядѣ городовъ въ настоящее время Бетховену воздвигнуты памятники. Въ октябрѣ 1863 года кости Бетховена были переложены въ цинковый гробъ. При этомъ были сдѣланы слѣпокъ и фотографическій снимокъ его черепа. Голова его оказалась, дѣйствительно, колоссальной. По высотѣ лба его черепъ слѣдуетъ тотчасъ за Наполеоновскимъ, а по ширинѣ значительно превосходитъ его. Кости черепа отличались удивительной толщиной.

Парадный обѣдъ въ честь Моцарта у Шиканедера.—Картина А. Боркмана. (За столомъ слѣва направо: Гайднъ, Альбрехтсбергеръ, Моцартъ, Саліери, синьора Кавальери, Шиканедеръ, г-жа Ланге, Глюкъ).

М. И. Глинка.

М. И. Глинка.

(1804—1857).

Великій основатель русской національной оперы родился 20-го мая 1804 года въ селѣ Новоспасскомъ, Смоленской губ., въ имѣніи своихъ родителей, принадлежавшихъ къ старинному дворянскому роду.

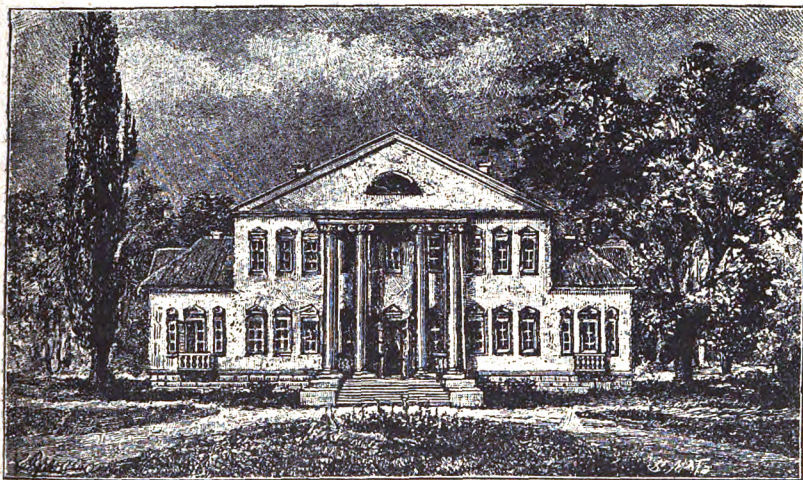
Семья Глинокъ была обширная: шесть сыновей и девять дочерей. Михаилъ былъ однимъ изъ старшихъ дѣтей: онъ былъ вторымъ сыномъ. „Мы жили“, — рассказываетъ сестра М. Ивановича, Людмила Ивановна Шестакова, — „въ глуши, т. е. въ 20 верстахъ отъ ничтожнаго городишки Ельни и въ 100 верстахъ отъ губернскаго города Смоленска... У насъ было все свое: ткали ковры, плели кружева, дѣлали разныя вышивки; также были: портные, башмачники, маляры, слесари, столяры и проч., — всѣхъ около ста человѣкъ, можетъ быть и больше. Всѣ помѣщались съ семьями въ флигеляхъ, которыхъ было отъ десяти до двѣнадцати, кромѣ дома и двухъ большихъ флигелей. Это было маленькое мѣстечко или городокъ“... Жизнь семьи М. И., какъ видимъ, проходила въ типичныхъ условіяхъ дворянской зажиточной крѣпостнической семьи.

Михаилъ родился золотушнымъ, болѣзненнымъ ребенкомъ. Вотъ почему съ раннихъ лѣтъ онъ былъ окруженъ особенно тщательнымъ уходомъ со стороны нянюшекъ, доморожденныхъ учителей и гувернантокъ. Воспитаніе шло по обычному дворянскому шаблону. Въ программу этого домашняго воспитанія входила и музыка, тѣмъ болѣе, что Миша началъ съ раннихъ лѣтъ проявлять чрезвычайную чуткость къ красивымъ мелодичнымъ звукамъ. Онъ съ восторгомъ прислушивался къ перезвону колоколовъ и не могъ переносить никакихъ рѣзкихъ звуковъ. Какъ во всякомъ большомъ помѣщичьемъ домѣ того времени, въ домѣ Глинки былъ свой оркестръ, составленный изъ крѣпостныхъ. Этотъ недурной оркестръ, разыгрывавшій не мало хорошихъ музыкальныхъ вещей, былъ источникомъ постоянныхъ и сильныхъ наслажденій для маленькаго Миши. Какъ сильны были впечатлѣнія, получаемыя имъ отъ музыки уже въ то время, показываетъ слѣдующее воспоминаніе самого Глинки. „Однажды, когда я былъ на 10 или 11 году, играли квартетъ Крузеля съ кларнетомъ; эта музыка произвела на меня непостижимое, новое и восхитительное впечатлѣніе; я оставался цѣлый день потомъ въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, былъ погруженъ въ неизяснимое томительно-сладкое состояніе и на другой день во время урока рисованія былъ разсѣянъ; въ слѣдующій урокъ разсѣянность еще увеличилась... Учителю, наконецъ, догадавшись, въ чемъ было дѣло, сказалъ мнѣ, что онъ замѣчаетъ, что я все только думаю о музыкѣ. „Чтожъ дѣлать? — отвѣчалъ я: — музыка — душа моя“. Конечно, никто изъ окружающихъ и не могъ догадываться о томъ, какая тонкая характеристика самого себя вырвалась въ этихъ словахъ изъ устъ ребенка. Домашніе поддерживали любовь Миши къ музыкѣ и рано начали учить игрѣ на фортепіано и на скрипкѣ, такъ какъ имъ улыбалась мысль сдѣлать изъ Миши салоннаго виртуоза, — дальше этого желанія ихъ не шли.

Эти ранніе годы, проведенные въ деревенской русской глуши, конечно, оставили въ душѣ чуткаго ребенка неизгладимыя впечатлѣнія. сыгравшія рѣшительную роль въ развитіи его музыкальнаго творчества. „Эта деревенская жизнь“, говоритъ г. Веймарнъ, „заставила его сродниться съ элементами народной жизни. Постепенное и прочное знакомство Глинки съ этой жизнью, въ лучшій періодъ его молодыхъ силъ, дало ему возможность узнать ее со всѣхъ сторонъ, приглядѣться ко всѣмъ картинамъ, нравамъ и обычаямъ деревенскихъ обывателей, къ ихъ народнымъ пѣснямъ и пляскамъ, словомъ — усвоить тотъ вѣрный духъ народности, который онъ впоследствии художественно вложилъ въ основу своихъ крупнѣйшихъ твореній. Очевидно, эти глубокія впечатлѣнія, запавшія съ дѣтства въ его душу и вошедшія у него въ плоть и кровь, ярко стояли передъ нимъ въ тотъ періодъ времени, когда наступалъ для него моментъ сознанія въ свои собственныя силы, когда онъ твердо рѣшилъ вступить на новый, самостоятельный путь, отказавшись отъ вліяній чужихъ авторитетовъ и отъ собственнаго приниженія передъ ними. Такимъ образомъ, очевидно, эти то лучшія дѣтскія и юношескія впечатлѣнія и послужили ему тѣмъ источникомъ отраженій, всплывшихъ впоследствии наружу, о которыхъ онъ говорилъ въ запискахъ“...

Въ началѣ 1818 года М. Глинка поступаетъ въ Благородный Пансіонъ, устроенный въ Петербургѣ при Главномъ Педагогическомъ Институтѣ. Цѣль этого учебнаго заведенія было подготовить для государства образованныхъ чиновниковъ. Программу поэтому постарались сдѣлать энциклопедически: естественныя науки, статистика, древніе и новые языки,

юридическія и военныя науки, — все это мелькало передъ ошеломленнымъ взоромъ ученика и не оставляло въ душѣ по скольку-нибудь замѣтныхъ слѣдовъ, тѣмъ болѣе, что курсъ обученія былъ сдѣланъ краткимъ до послѣдней возможности (онъ былъ пятилѣтнимъ). Къ тому же, и учительскій персоналъ не отличался ни особенной даровитостью, ни значительными познаніями, хотя, конечно, въ качествѣ исключеній, встрѣчались среди него и хорошіе педагоги и симпатичные люди. Художественное образованіе было отодвинуто на задній планъ. Рисованіе было поставлено настолько плохо, что Глинка, занимавшійся сначала этимъ предметомъ съ большою любовью, затѣмъ забросилъ его. Музыка преподавалась также плохо, хотя при училищѣ былъ недурной оркестръ изъ дядекъ. Впрочемъ, родители предоставили М. И. полную возможность развивать свои музыкальныя способности. Среди учителей, у которыхъ онъ бралъ

Домъ, въ которомъ жилъ М. И. Глинка.

уроки, было нѣсколько выдающихся именъ. Инструментъ для его упражненій былъ купленъ на лучшей фабрикѣ. Посѣщеніе оперы и балета, обладавшихъ въ то время разнообразнымъ репертуаромъ, оказало также благотворное вліяніе на молодого музыканта. Наконецъ, общество, въ которомъ онъ вращался въ дни своихъ отпусковъ, состояло, преимущественно, изъ хорошихъ знатоковъ и любителей музыки. Лѣтнія вакансіи также не пропадали для музыки. Онъ неизмѣнно уѣзжалъ на эти мѣсяцы въ деревню, продолжалъ свое знакомство съ ней и принималъ участіе въ оркестрѣ своего дяди, исполняя скрипичную партію. Тѣмъ не менѣе, музыкальный вкусъ М. И. въ это время не можетъ быть еще признанъ достаточно выработаннымъ. Серьезной музыки онъ почти не зналъ и не понималъ. Понятно поэтому, что первыя композиторскія выступленія молодого Глинки (варіаціи для фортепіано изъ оперы Вейгля „Швейцарское семейство“, варіаціи для арфы и фортепіано на тему Моцарта и вальсъ для фортепіано), написанныя безъ знаній теоретическихъ правилъ и опыта, не имѣли никакого значенія. Музыка такъ много отнимала у Глинки времени, что передъ выпускными экзаменами пришлось сильно подгонять, и то, за исключеніемъ любимыхъ имъ геогра-

фіи и естественныхъ наукъ, онъ вынужденъ всячески вывертываться изъ экзаменаціонныхъ затрудненій. Кончилъ онъ, тѣмъ не менѣе, однимъ изъ первыхъ учениковъ, но серьезныхъ познаній изъ училища не вынесъ.

Симпатичный обликъ молодого музыканта того времени оставилъ намъ его школьный товарищъ Мельгуновъ. „Въ это время“, — говоритъ онъ, — „когда два знаменитыхъ артиста (Мейеръ — фортепiano и Бемъ — скрипка) посвящали его (Глинку) во всѣ тайства исполненія, онъ еще мало занимался теоріей музыки, но и тогда въ длинные зимнія ночи, въ лѣтнія петербургскія сумерки, такъ памятные каждому, кто хотя разъ наслаждался ихъ вдохновительной полярной поэзіей, и тогда, послѣ сѣхихъ репетицій, послѣ Кайданова и Бѣлявина, онъ предавался полету свободной импровизаціи, отдыхая за нею отъ головолomныхъ занятій, отъ заботъ ученическихъ. Въ этихъ звукахъ, дрожащихъ восторгомъ, высказывалъ онъ и свои дѣтскія мечты, и свою томную грусть, и свои живыя радости. Если бы кто видѣлъ его, сидящаго въ лѣтнюю лунную ночь у окна, съ географіей Арсеньева или съ любимымъ Кювье въ рукахъ, если бы видѣлъ, какъ онъ сводитъ глаза съ книги на мѣсяцъ, съ мѣсяца на книгу, тотъ вѣрно бы сказалъ: „Это прилежный, рачительный ученикъ, но науки — не его назначеніе: онъ рожденъ быть художникомъ“. М. И. Глинка учился примѣрно, не столько по любви или обязанности, сколько потому, что учиться ему не стоило усилій; но, всматриваясь въ это мечтательное лицо, въ эту безпечную наружность, легко было замѣтить, что его мысли только скользятъ по книгѣ и просятся далѣе, выше: что его награда за прилежаніе не въ похвалѣ учителя, а въ свободной отъ ученія минутѣ, когда бы онъ могъ предаться вполне ненасытнымъ призывамъ своей фантазіи“...

Но вотъ М. И. и за стѣнами училища еще совсѣмъ молодымъ юношей. Отецъ мечтаетъ о дипломатической карьерѣ для своего сына. Самъ сынъ не можетъ безъ отвращенія подумать объ Иностранной Коллегіи, чиновникомъ которой ему представляло сдѣлаться. Но судьбѣ угодно было распорядиться иначе. Болѣзнь, которой страдалъ М. И. съ дѣтства, не только не прекратилась, но съ годами еще усиливалась. Прежде, чѣмъ пускать въ Иностранную Коллегію, родители рѣшили серьезно полѣчить будущаго дипломата. Доктора нашли полезнымъ отправить М. И. для лѣченія на Кавказъ. Такимъ образомъ, вмѣсто скучной работы въ канцеляріи, Глинка получаетъ полный просторъ для своихъ музыкальныхъ занятій. Да и самое путешествіе на Кавказъ, которое не принесло ни малѣйшаго облегченія его страданіямъ, обогатило его душу массой новыхъ впечатлѣній. „Видъ теперешняго Пятигорска“, — вспоминалъ онъ впоследствии объ этой своей поѣздкѣ, — „былъ въ то время совершенно дикій, но величественный, домовъ было мало, церквей, садовъ вовсе не было; но также, какъ и теперь, тянулся хребетъ Кавказскихъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, также по равнинѣ извивался ленточкой Подкумокъ и орлы во множествѣ шныряли по ясному небу“... Изъ Пятигорска переѣхали въ Желѣзноводскъ... „Мѣстоположеніе этихъ водъ, — писалъ онъ, — дикое, но чрезвычайно живописное; былъ тогда только одинъ деревянный домъ для помѣщенія пользующихся; кто не находилъ тамъ пристанища, тотъ разбивалъ палатку изъ войлока, и ночью, когда блистали огоньки, площадка эта походила на кочевье дикихъ воиновъ... Остатокъ горы до самой вершины покрытъ былъ густымъ лѣсомъ; дикій виноградъ оплеталъ цѣлыя купы кустарниковъ и мелкихъ деревьевъ“... Но и Желѣзноводскъ пришлось покинуть для Кисловодска, съ его зна-

менитымъ Нарзаномъ... И тутъ все было еще дико... „Въ мое время тамъ было еще мало домовъ, а деревьевъ вовсе не было. На плоскихъ вершинахъ пригорковъ, расположенныхъ грядами, густая и ароматическая трава въ іюлѣ и августѣ, когда на равнинахъ все уже выгорѣло отъ зноя, возвышалась такъ, что покрывала коня со всадникомъ до шапки“...

Но если природа Кавказа произвела огромное впечатлѣніе на душу Глинки, то лѣченіе нисколько не принесло ему облегченія. Онъ поторопился поэтому вернуться на родину, обосновался въ Новоспасскомъ и съ рвеніемъ принялся за музыку. Теперь онъ взялся за управленіе оркестромъ своего дяди. Онъ самымъ тщательнымъ образомъ разучилъ съ этимъ оркестромъ рядъ выдающихся произведеній въ томъ числѣ Бетховена, Гайдна, Моцарта. Каждый отдѣльный инструментъ онъ прослушивалъ первоначально отдѣльно, а затѣмъ уже соединялъ всѣ инструменты въ одно цѣлое. Благодаря этому, получалось подробное ознакомленіе съ каждымъ отдѣльнымъ инструментомъ и практическое усвоеніе многихъ правилъ инструментовки и гармоніи, къ которымъ теоретически онъ совсѣмъ не былъ подготовленъ. Чисто практическій навыкъ его въ этомъ отношеніи оказался уже настолько значительнымъ, что когда въ одной пьесѣ была потеряна альтовая партія, Глинка, по соображенію съ другими партіями, сумѣлъ ее вполне возстановить. Тѣмъ не менѣе, его самостоятельныя вещи не удавались, главнымъ образомъ, потому, что онъ оставался круглымъ невѣждой въ теоретическомъ отношеніи.

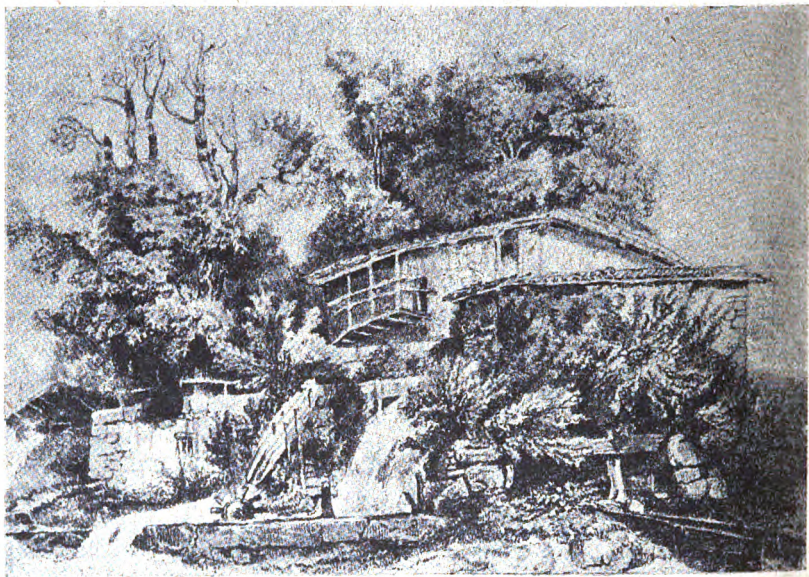
По возвращеніи въ Петербургъ М. И. продолжалъ брать уроки музыки у Мейера, который главнымъ образомъ старался развить и углубить музыкальный вкусъ своего ученика. Впрочемъ, Мейеръ вскорѣ напелъ, что М. И. слишкомъ хорошо владѣетъ инструментомъ для того, чтобы ему можно дать въ этомъ отношеніи что-нибудь новое, и отказался отъ уроковъ съ Глинкой. Между учителемъ и ученикомъ сохранились самыя добрыя отношенія, и М. И-чу не разъ приходилось еще и впоследствии пользоваться цѣнными совѣтами и указаніями Мейера.

Затруднительныя денежныя обстоятельства, въ которыхъ оказался въ то время отецъ М. И-ча, побудили этого послѣдняго искать службы. Въ маѣ 1824 г. онъ поступилъ помощникомъ секретаря въ канцелярію Совѣта Путей Сообщенія. Служба казалась очень удобной, такъ какъ занимала всего только одинъ часъ въ сутки и дала поводъ къ новымъ интереснымъ музыкальнымъ знакомствамъ. Въ это же время М. И. сталъ брать уроки пѣнія у итальянца Белолли. Объ этихъ урокахъ въ воспоминаніяхъ Глинки сказано: „Голосъ мой былъ сильный, нѣсколько въ носъ и неопредѣленный, т. е. ни теноръ, ни баритонъ. Скажу, что хотя слухъ былъ у меня отличный, въ первые мѣсяцы, отъ непривычки слышать себя, я пѣлъ невѣрно; Белолли училъ хорошо и владѣлъ еще голосомъ достаточно, такъ что могъ пѣть все, чему училъ меня“.

Декабрьское возстаніе 1825 года лишь слегка коснулось Глинки. Ему пришлось имѣть объясненіе съ герцогомъ Вюртембергскимъ, но объясненіе это окончилось совершенно благополучно для М. И-ча. Къ этому же времени относятся первые удачныя, — съ точки зрѣнія строгой критики самого автора, — его произведенія: романсъ „Не искушай меня безъ нужды“ и нѣсколько позднѣе торжественная кантата съ аккомпанементомъ для фортепіано.

Первые мѣсяцы 1826 г. М. И. провелъ въ деревнѣ у родныхъ, гдѣ возился съ пѣвчими птицами, которыхъ держалъ въ большомъ количествѣ и до которыхъ былъ большимъ охотникомъ. Много времени онъ

отдавалъ также фортепіано и чтенію поэзіи Жуковского. По поводу всѣхъ этихъ своихъ занятій М. И. впоследствии шутливо замѣчаетъ: „Вообще говоря, въ молодости я былъ парень романическаго устройства, любилъ поплакать сладкими слезами умиленія“... Затѣмъ опять время дѣлилось между Петербургомъ и деревней. И тутъ, и тамъ Глинка не оставлялъ писать новыя музыкальныя произведенія. Служебные успѣхи при такомъ увлеченіи музыкой не могли быть слишкомъ значительными. Но пока личныя отношенія съ начальствомъ были хороши, дѣло шло гладко. Когда же отношенія эти испортились, то М. И-чу пришлось покинуть службу изъ-за какой-то мелкой придирки, „изъ-за запятой“, какъ шутилъ онъ самъ. Впрочемъ, въ этотъ моментъ служба не представляла для М. И-ча большого значенія, такъ какъ дѣла отца поправились, а съ

Собственноручный рисунокъ М. И. Глинки (1841 г.).

отцомъ у него были очень хорошія отношенія. „Со мной“, — говоритъ М. И., — „отецъ обращался, какъ товарищъ, не скрывая радостей и огорченій“...

Получивъ полную свободу отъ служебныхъ обязательствъ, Глинка съ головою уходитъ въ музыку: онъ пишетъ множество новыхъ произведеній, занимается съ любительскимъ оркестромъ, много работаетъ надъ техникой голоса и инструментовъ. Кругъ его знакомствъ сильно расширяется; онъ знакомится съ извѣстными петербургскими литераторами, завязываетъ дружескія отношенія съ Жуковскимъ, Пушкинымъ, Дельвигомъ, Грибоѣдовымъ. Уже въ это время онъ старается многимъ изъ своихъ произведеній придать русскій характеръ и сблизить ихъ съ народной пѣсней. Въ 1829 году П. И. Павлицевымъ былъ изданъ „Лирическій альбомъ“, въ который вошли всѣ мелкія пьесы и романсы М. И.

Между тѣмъ, болѣзнь М. И. ухудшалась. Временами онъ сильно страдалъ отъ своего нездоровья. Поѣздка на Иматру, во время которой

онъ записалъ пѣсню чухонскаго извозчика, послужившую въ послѣдствіи ему темой для баллады Финна въ „Русланѣ“, припала въ короткий періодъ облегченія, а затѣмъ страданія возобновились съ прежней силой. Остается только удивляться той бодрости духа, которую проявлялъ молодой композиторъ. Работа надъ музыкальнымъ развитіемъ и музыкальное творчество продолжались безъ перерыва. Именно въ это время имъ былъ написанъ романсъ на слова Дельвига: „Не осенній частый дождичекъ“, который позднѣе вошелъ въ знаменитую арію Антонида („Жизнь за Царя“): „Не о томъ скорблю подруженьки“, и записана персидская пѣсня, спѣтая секретаремъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и положенная въ основу знаменитаго хора въ „Русланѣ“: „Ложится въ полѣ мракъ ночной“...

Врачи совѣтовали М. И. полѣчиться въ тепломъ климатѣ, и родные рѣшили доставить ему возможность прожить нѣкоторое время въ Италіи. Въ 1830 г. рѣшеніе это было приведено въ исполненіе. Съ поѣздкой М. И. въ Италію начинается новый періодъ въ музыкальной его дѣятельности.

Итакъ, отправляясь на продолжительное время въ Италію, М. И. Глинка обладалъ выдающейся фортепіанной техникой, большимъ опытомъ въ управленіи оркестромъ, основательнымъ знакомствомъ съ приемами вокальнаго исполненія и небольшой сноровкой въ игрѣ на скрипкѣ. Въ теоретическомъ отношеніи онъ оставался, по собственному своему признанію, круглымъ невѣждой. Но это, тѣмъ не менѣе, не помѣшало ему написать множество сравнительно мелкихъ произведеній (въ томъ числѣ четыре духовыхъ концерта для хора, 12 романсовъ и пѣсенъ и т. д.), изъ которыхъ инныя пользовались заслуженной извѣстностью. Вотъ тотъ фундаментъ, на которомъ предстояло Глинкѣ возводить свои замѣчательныя произведенія, оставившія глубокий слѣдъ не только въ русской, но и во всей міровой музыкѣ.

Въ апрѣлѣ 1830 г. слабый и совсѣмъ больной М. И. Глинка выѣхалъ изъ своего Новоспасскаго, направляясь въ Италію въ сопровожденіи одного изъ своихъ близкихъ знакомыхъ, тенора Иванова, который позднѣе завоевалъ въ Европѣ своимъ голосомъ крупную извѣстность. Въ Италіи М. И. проводилъ время, главнымъ образомъ, въ Миланѣ, гдѣ ему пришлось основательно познакомиться съ итальянской оперой. Здѣсь въ Миланѣ Глинка приобрѣлъ очень быстро популярность, какъ композиторъ, легко умѣвшій угождать итальянской публикѣ.

Миланъ не поправилъ здоровья М. И.-ча, и въ сентябрѣ того же года онъ проѣхалъ черезъ Геную и Римъ, гдѣ пробылъ двѣ недѣли, въ Неаполь. „Мы прибыли въ Неаполь“, — говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — „перваго ноября. Утромъ я былъ въ восторгѣ и долго не могъ налюбоваться необыкновенно величественною красою мѣстоположенія. Прозрачность воздуха, ясный, праздничный свѣтъ, — все это было для меня ново и восхитительно прекрасно“... Но и Неаполю не суждено было облегчить физическія страданія молодого композитора. Въ мартѣ Глинка вернулся въ Миланъ. Здѣсь онъ написалъ двѣ прекрасныя вещи, — серенаду на тему изъ „Сонамбулы“, исполненную лучшими миланскими артистами, и серенаду для фортепіано, альты, арфы, віолончеля, фагота и волторны, въ исполненія которой принимали также выдающіяся силы Милана. Кромѣ того, изъ-подъ его пера вышло много другихъ произведеній.

Чѣмъ дольше оставался М. И. за границей, тѣмъ больше страдалъ

онъ отъ своихъ недуговъ. Ужасныя физическія страданія, которымъ подвергался здѣсь М. И. Глинка, ясно выразились въ Тріо, написанномъ имъ здѣсь для фортепіано, кларнета и фэгота. Несомнѣнно было, что врачи ошиблись, и Італія не поможетъ М. И-чу. Отсюда — рѣшеніе покинуть Італію. Подводя итогъ своимъ итальянскимъ мѣсяцамъ, М. И. говоритъ: „Частое обращеніе съ пѣвцами и пѣвицами практически познакомило меня съ капризнымъ и труднымъ искусствомъ управлять голосомъ и доводъ писать для него... Мои занятія въ композиціи считаю менѣе утѣшительными. Немалого труда стоило мнѣ поддѣлываться подъ итальянское *Sentimento brillante*, какъ они называютъ ощущение благосостоянія, которое есть слѣдствіе организма, счастливо устроеннаго подъ влияніемъ благодѣтельнаго южнаго солнца. Мы, жители сѣвера, чувствуемъ иначе: впечатлѣнія или насъ вовсе не трогаютъ, или глубоко западаютъ въ душу. У насъ или неистовая веселость, или глубокія слезы. Любовь у насъ всегда соединена съ грустью. Всѣ написанныя мною въ угожденіе жителямъ Милана пьесы убѣдили меня только въ томъ, что я шель не своимъ путемъ и что я искренне не могъ быть итальянцемъ. Тоска по отчизнѣ навела меня постепенно на мысль писать по-русски“...

Вотъ эта послѣдняя идея и была величайшимъ приобрѣтеніемъ для всей послѣдующей дѣятельности Глинки. „Писать по-русски“! Что это значитъ? На этотъ вопросъ прекрасный отвѣтъ далъ знаменитый намъ музыкальный критикъ Стасовъ. „Тогда думали“, — говоритъ онъ, — „что для сообщенія національнаго характера своему произведенію, — художникъ долженъ вставить въ него, какъ въ новую оправу, то, что уже существуетъ въ народѣ, созданное его непосредственнымъ творческимъ инстинктомъ. Желали и требовали невозможнаго, амальгамы старыхъ матеріаловъ съ искусствомъ новымъ, забывали, что матеріалы старые соотвѣтствовали своему опредѣленному времени и что искусство новое, успѣвъ уже выработать свои формы, нуждается и въ новыхъ матеріалахъ. Отъ оперы, равно какъ и отъ картины, романа, драмы, требовали мозаичности, такого эклектизма, чтобы осколки прежнихъ вѣковъ въ подлинникъ или въ поддѣлкѣ были представлены публикѣ со всѣмъ окруженіемъ и блестящимъ освѣщеніемъ современнаго искусства... Выразить во всѣхъ родахъ музыки, особенно въ оперѣ, лирическую сторону народнаго характера русскихъ — вотъ задача, которую принялъ на себя Глинка. Онъ понималъ иначе значенія словъ: русская музыка, русская опера, чѣмъ его предшественники. Онъ не ограничился болѣе или менѣе близкимъ подраженіемъ народному напѣву; нѣтъ, онъ изучилъ глубоко составъ русскихъ пѣсенъ, самое исполненіе ихъ народомъ, — эти вскрики, эти рѣзкіе переходы отъ важнаго къ живому, отъ громкаго къ тихому, эти свѣтотѣни, неожиданности всякаго рода; наконецъ, особенную, ни на какихъ правилахъ не основанную гармонію и развитіе музыкальнаго періода: однимъ словомъ, онъ открылъ цѣлую систему русской мелодіи и гармоніи, почерпнутую въ самой народной музыкѣ и несходную ни съ одною изъ предыдущихъ школъ“... И эта задача, которую такъ глубоко и широко понималъ Глинка, была колоссальной по своему содержанію, потому что русскій народъ необычайно богатъ пѣснями. „Наша Украина звенитъ пѣснями“, — говоритъ Гоголь. — „По Волгѣ отъ верховьевъ до моря, на всей вереницѣ влекущихся барокъ заливаются бурлацкія пѣсни. Подъ пѣсни рубятся изъ сосновыхъ бревенъ избы по всей Руси. Подъ пѣсни мечутся изъ рукъ въ руки кирпичи, и, какъ грибы, вырастаютъ города. Подъ пѣсни бабъ целенается, женится и хоронится русскій человѣкъ.“

Все дорожное, дворянство и недворянство, летитъ подъ пѣсни ямщиковъ. У Чернаго моря безбородый, смуглый казакъ, заряжая пищаль свою, поетъ старинную пѣсню; а тамъ, на другомъ концѣ, верхомъ на плывущей льдинѣ, русскій промышленникъ бьетъ острогой кита, затыгивая пѣсни“...

Къ задачѣ этой Глинка былъ приведенъ не только своимъ воспитаніемъ, которое въ большей своей части проходило въ глубинѣ русской деревни, не только тѣмъ рѣзкимъ контрастомъ, который солнечная, яркая Италія представляла съ тихой, задумчивой русской равниной, но и тѣмъ идейнымъ потокомъ, который въ то время все сильнѣе и сильнѣе началъ захватывать русскую интеллигенцію того времени. Не даромъ М. И. Глинка былъ современникомъ и добрымъ знакомымъ А. С. Пушкина.

Поездка за границу сыграла важную роль не только въ томъ отношеніи, что сильнѣе заставила М. И. почувствовать себя русскимъ, выдвинула рельефнѣе чисто русскія свойства его души, но она много дала ему для завершенія его музыкальнаго образованія. Еще проѣздомъ въ Италію онъ слушаетъ въ аахенскомъ театрѣ „Фиделіо“ Бетховена и „Фрейшюца“ Вебера, а во фрэнкфуртскомъ театрѣ „Медею“ Керубини. Объ итальянской музыкѣ мы уже говорили.

Уѣхавъ изъ Италіи, онъ на нѣсколько мѣсяцевъ останавливается въ Берлинѣ, гдѣ близко сходитя съ завѣдующимъ музыкальнымъ отдѣломъ въ Берлинской Королевской Библіотекѣ, извѣстнымъ теоретикомъ Зигфридомъ Деномъ. О своихъ занятіяхъ съ нимъ М. И. пишетъ: „Я учился у него около пяти мѣсяцевъ и въ самое короткое время онъ узналъ степень моихъ способностей; онъ привелъ въ порядокъ мои теоретическія свѣдѣнія и собственноручно написалъ мнѣ науку гармоніи, или генераль баса, науку мелодіи или контрапунктъ, или инструментовку, все это въ четырехъ маленькихъ тетрадкахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Дену я обязанъ болѣе всѣхъ другихъ моихъ маэстро. Онъ, будучи рецензентомъ музыкальной Лейпцигской газеты, не только привелъ въ порядокъ мои познанія, но и идеи объ искусствѣ вообще и съ его декцій я началъ работать не оцупью, а съ сознаніемъ, притомъ онъ не мучилъ меня школьнымъ и систематическимъ образомъ, напротивъ, всякій почти урокъ открывалъ мнѣ что-нибудь новое, интересное...“ Наконецъ, личное общеніе со многими выдающимися композиторами, среди которыхъ можно назвать такія имена, какъ Беллини, Доницети, Берліозъ, должно было оказать огромное вліяніе на завершеніе музыкальнаго развитія М. И. Глинки.

Итакъ, М. И. возвращался въ Россію съ новыми техническими богатствами и съ новыми музыкальными идеями. И эти музыкальныя идеи начинаютъ пріобрѣтать у него все большую и большую отчетливость, принимать все болѣе и болѣе реальный видъ. Онъ знаетъ теперь не только то, что въ музыкальномъ творествѣ отнынѣ онъ пойдетъ по новому пути, но и что въ ближайшее время онъ будетъ дѣлать на этомъ пути. Мысль о русской оперѣ окончательно созрѣла въ его душѣ. „У меня есть проектъ въ головѣ, идея“, пишетъ онъ изъ Берлина, одному изъ своихъ пріятелей... „Признаться ли тебѣ? Мнѣ кажется, что я могъ бы дать на театрѣ нашему сочиненіе большихъ размѣровъ. Это не будетъ chef d'oeuvre, я первый готовъ въ томъ согласиться, но все-таки это будетъ ужъ не такъ плохо. Главное состоитъ въ выборѣ сюжета. Во всякомъ случаѣ, онъ будетъ совершенно національный. И не только сюжетъ, но и музыка; я хочу, чтобы мои дорогіе соотечественники: были тутъ, какъ у себя дома, и чтобы за границей меня не принимали за выскочку, за

гордеца, рядящагося, какъ ворона, въ павлиньи перья... Кто знаетъ, найду ли я въ себѣ силы и талантъ, необходимые для выполненія общаго, которое я далъ себѣ...“ Итакъ, рѣшеніе приступить къ созданію русской національной оперы окончательно созрѣло; оставались колебанія относительно тѣхъ средствъ, которыми М. И. могъ для этого располагать. Но эти сомнѣнія все больше и больше разсѣивались, по мѣрѣ того, какъ М. И. подвигался въ исполненіи своего замысла. Главное, какъ говорилъ самъ М. И., напасть на правильный сюжетъ... Сначала это не удавалось. М. И. хотѣлъ обработать для оперы одну изъ сентиментальнѣйшихъ повѣстей Жуковского „Маріину рошу“. Зная сентиментальныя чувства М. И., мы не удивимся этому его выбору. Но сюжетъ не соответствовалъ музыкальнымъ требованіямъ, которыя ставилъ себѣ молодой композиторъ. Въ такомъ неопредѣленномъ состояніи М. И. оставался, пока не вернулся въ Россію. Здѣсь на одномъ изъ вечеровъ Жуковского, гдѣ можно было встрѣтить Пушкина, Гоголя, Плетнева, Одоевскаго, и была рѣшена участь будущей оперы. Глинка, конечно, посвятилъ друзей въ свои музыкальныя планы. „Жуковский“, — говоритъ онъ, — „искренно одобрилъ мое намѣреніе и предложилъ мнѣ сюжетъ Ивана Сусанина. Сцена въ лѣсу глубоко врѣзалась въ моемъ воображеніи; я находилъ въ ней много оригинальнаго, характерно-русскаго. Жуковский хотѣлъ самъ писать слова и для пробы сочинилъ извѣстные стихи: „Ахъ, не мнѣ бѣдному, вѣтру буйному, довелось принять вздохъ послѣдній его“. Занятія не позволили ему исполнить своего намѣренія, и онъ сдалъ меня въ этомъ дѣлѣ на руки барона Розена. Мое воображеніе предупредило, однако же, прилежнаго нѣмца; какъ бы по волшебному дѣйствію вдругъ создался и планъ цѣлой оперы, и мысль противопоставить русской музыкѣ — польскую. Наконецъ, многія темы и даже подробности разработки, — все это разомъ вспыхнуло въ моей головѣ...“ Этой темой Глинка былъ выведенъ на твердую дорогу русской исторіи и русскаго быта.

Между тѣмъ, и въ личной жизни Глинки произошли важныя событія. Въ Берлинѣ онъ встрѣтилъ дѣвушку, къ которой глубоко привязался и которая отвѣчала ему взаимностью. Надо замѣтить, что Глинка вообще отличался очень влюбчивымъ сердцемъ. Но на этотъ разъ увлеченіе его казалось болѣе прочнымъ, чѣмъ обыкновенно. Смерть отца вызвала М. И. въ 1834 г. въ Россію. Но онъ стремился всѣми силами души обратно въ Берлинъ. Выхлопотавъ себѣ заграничный паспортъ, онъ изъ Смоленска, однако, не могъ отправиться прямо въ Германію. Дѣло въ томъ, что онъ пообѣщалъ одной изъ своихъ сестеръ захватить съ собою въ Берлинъ ея горничную Луизу. Благодаря такой то путаницѣ съ паспортомъ Луизы, Глинкѣ пришлось заѣхать въ Петербургъ. Здѣсь ему судьба готовила новую неожиданность. Въ домѣ своего родственника Стунѣва, гдѣ онъ остановился, онъ встрѣтилъ очень молодую и очень красивую дѣвушку, сестру жены Стунѣва. Это и былъ злой геній его судьбы... Берлинъ былъ позабытъ. Первое время М. И. и не думалъ, повидимому, чтобы его увлеченіе зашло слишкомъ далеко. Его старый другъ И. А. Степановъ, по крайней мѣрѣ, рассказываетъ слѣдующее: „Въ 1834 году получаю отъ Глинки записку, въ которой онъ извѣщаетъ, что возвратился въ Петербургъ, нездоровъ и проситъ посѣтить его. Я поѣхалъ къ Стунѣву, гдѣ онъ остановился; старыми друзьями мы обнялись и начались рассказы о томъ, что съ нами было втеченіе разлуки многихъ лѣтъ. Мелькнула маленькая, хорошенькая дѣвушка. „Кто это?“

— „Сестра Стунѣвой, правда, хороша?“ — „Да она еще дѣвочка!“ — „Нѣтъ, ей уже 17 лѣтъ“. — „Смотри, не женись!“ — „Вздоръ какой!“ Однако, новый романсъ, только что написанный М. И-чемъ, былъ уже посвященъ Марьѣ Петровнѣ. Насколько эта хорошенькая дѣвушка была чужда интересамъ М. И-ча, показываетъ слѣдующій фактъ. Какъ-то на частномъ концертѣ Глинкѣ пришлось выслушать въ прекрасномъ исполненіи седьмую симфонію Бетховена, которая произвела на нашего композитора сдѣланный впечатлѣніе. Когда онъ возвратился домой, удивленная его видамъ, Марья Петровна спросила его: „Что съ тобой, Michel?“ — „Бетховенъ!“ — отвѣчалъ онъ. — „Что же онъ тебѣ сдѣлалъ?“ послѣдовалъ простодушный вопросъ. Тогда М. И. нашелъ эту „святую простоту“ очень милой, но впослѣдствіи онъ съ сарказмомъ замѣтилъ по этому поводу, что Марья Петровна была плохой музыкантшей... Забѣгая впередъ, скажемъ, что эти разные люди не могли идти слишкомъ близко по одному жизненному пути. И, дѣйствительно, женившись на Марьѣ Петровнѣ, М. И. скоро созналъ, что сдѣлалъ большую ошибку: семейная жизнь очень быстро сдѣлалась для него источникомъ неистощимыхъ страданій.

Но перейдемъ къ исторіи первой русской оперы. „Я началъ работать“, разсказываетъ Глинка, „совершенно на изворотъ, а именно, началъ тѣмъ, чѣмъ другіе кончаютъ, т. е. увертюрой, которую написалъ на 4 руки для фортепіано, съ означеніемъ инструментовки. Въ изданіи „Жизнь за Царя“ увертюра въ 4 руки сохранена такъ, какъ я тогда написалъ ее, кромѣ *adagio*, которое измѣнено мною впослѣдствіи. Темы для разныхъ мѣстъ оперы и часто, съ контрапунктической разработкой записывалъ я въ особенной тетрадкѣ, по мѣрѣ ихъ изображенія...“ Втеченіе весны Розеномъ были написаны слова для 1-го и 2-го акта. Большая часть стиховъ была подогнана подъ музыку. „Жуковский“, — замѣчаетъ по этому поводу Глинка, — „и другіе въ насмѣшку говорили, что у Розена по карманамъ были разложены впередъ заготовленные стихи, и мнѣ стоило сказать, какого сорта, т. е. размѣра, мнѣ нужно, и сколько стиховъ, онъ вынималъ каждого сорта, сколько слѣдовало, и каждый сортъ изъ особеннаго кармана...“ Это подчиненіе либретиста оперѣ нисколько, однако, не повредило достоинствамъ оперы.

Въ началѣ мая Глинка съ женой и тещой направился въ Новоспасское. По дорогѣ, въ каретѣ, онъ вдругъ написалъ прекрасную музыку на слова хора: „Разливалась, разгулялась“. Все лѣто, — первое лѣто супружества, — было проведено Глинкою счастливо и въ усиленной работѣ. Зимой переѣхали въ Петербургъ. Семейныя отношенія начали портиться, но работа продолжалась съ прежнимъ упорствомъ и настойчивостью. Начались репетиціи. Объ одной изъ этихъ репетицій сохранились интересныя воспоминанія артистки Петровой-Воробьевой. „Бѣду къ Степановой (примадонной русской оперы) и жду чего-то необыкновеннаго, думаю встрѣтить что-то гордое, величественное; воображеніе-то у меня очень разыгралось. Вхожу и вижу господина очень маленькаго, худенькаго, черненькаго; лицо блѣдное, волосы темныя, прямые; сѣрые маленькіе глазки, только въ нихъ мелькаютъ искорки. Я такъ и опѣшила: такая противоположность съ тѣмъ, чего я ожидала, совсѣмъ меня озадачила, и я едва овладѣла собой, чтобы скрыть свое изумленіе...“ Но та же артистка показываетъ, какимъ глубокимъ пониманіемъ музыки обладалъ этотъ невзрачный композиторъ. Говоря объ ея партіи, онъ, напр., далъ слѣдующее указаніе относительно пѣсенки Вани, которую,

какъ онъ говорилъ, надо спѣть безъ всякаго чувства. „Ваня“, — объяснялъ онъ, — „сиротка, живущій у Сусанина, сидитъ въ избѣ одинъ за какою-нибудь легкою работою и напѣваетъ про себя пѣсенку, не придавая никакого значенія словамъ, а обращая болѣе вниманіе на свою работу...“ Какое глубокое проникновеніе въ психологію своихъ персонажей!..

Но вотъ, наконецъ, опера закончена. Начинаются хлопоты о проведеніи ея на русскую сцену. У насъ какъ-то всегда случалось, что театральное чиновничество оказывало наиболѣе упорное сопротивленіе именно наиболѣе талантливымъ произведеніямъ. То же самое произошло и съ оперой М. И. Глинки. Только благодаря усиленнымъ хлопотамъ друзей и знакомыхъ, неоднократно слышавшихъ исполненіе отдѣльных нумеровъ ея и даже репетицій на частныхъ концертахъ, директоръ опернаго театра Геденова сталъ заняться вопросомъ о судьбѣ этой оперы, и, тѣмъ не менѣе, первые шаги его въ этомъ отношеніи были, повидимому, направлены къ тому, чтобы поскорѣе и повѣрнѣе провалить оперу. Въ самомъ дѣлѣ, опера М. И-ча была передана на разсмотрѣніе капельмейстеру Кавосу, у котораго на русской сценѣ же шла собственная опера на ту же тему и даже подъ тѣмъ же самымъ названіемъ: „Иванъ Сусанинъ“. Очевидно, что въ такомъ направленіи дѣла скрывалась тайная надежда, что опера получить такую аттестацію, при которой ей не найдется мѣста на русской сценѣ. Однако, расчеты театральнаго чиновничества не оправдались. Кавосъ оказался человѣкомъ въ высшей степени благороднымъ. Несмотря на указанныя условія, онъ сумѣлъ отнестись къ оперѣ совершенно объективно и далъ о ней благоприятный отзывъ, къ которому присовокупилъ требованіе снять со сцены свою собственную оперу, какъ отличающуюся меньшими достоинствами, по сравненію съ „Жизнью за Царя“.

Наконецъ, 27 ноября 1836 года въ только-что заново отдѣланномъ Большомъ театрѣ состоялось первое представленіе „Жизни за Царя“. Присмотримся же поближе къ этому великому произведенію, повернутому музыкальное русское творчество въ новое — національное русло. Мы познакомимъ читателя съ основными чертами этого великаго произведенія въ изложеніи Н. Покровскаго („Музыкальная Драма“, стр. 148).

„Начальный мужской хоръ: „Въ бурю, во грозу“ — предѣльное произведеніе русской пѣсни хоромъ съ запѣвалой; весь хоръ имѣетъ тоскливый, минорный характеръ, но запѣвало поетъ смѣло, ритмъ его удалой. „Жизнь за Царя“ разыгрывается въ эпоху междоусобицы, эпоху смутную, тяжелую; хотя деревня наша живетъ своею жизнью и не мучится политикой, но и до нея доходятъ вѣсти о событіяхъ, и она ихъ переживаетъ. Въ смутное время, среди всеобщей тоски, народъ сохраняетъ свой бодрый духъ, готовый воспрянуть, когда страданіе перейдетъ мѣру; это состояніе и выражено въ первомъ хорѣ: Въ бурю, во грозу.

„Грустная, тоскливая музыка хора говоритъ о тяжеломъ положеніи Руси, а голосъ запѣвалы дѣлаетъ широкіе размахи, въ нихъ чувствуется народная удаль. Мелодія запѣвалы встрѣчается въ увертюрѣ, а въ 3 дѣйствіи влагается въ уста Сусанина, когда онъ, безоружный, на угрозы поляковъ, громить ихъ словами: „Страху не страшусь, смерти не боюсь“. У запѣвалы этотъ мотивъ не грозенъ, а удалъ его видна въ удареніи на послѣднихъ нотахъ; у Сусанина — сила звука больше, а удареніе падаетъ на первыя ноты; въ этихъ, повидимому, ничтожныхъ измѣненіяхъ видно значеніе музыки, какъ языка. Послѣ хора мужчинъ выходъ

дать веселый женскій хоръ, говорящій о приближеніи весны; онъ соединяется съ мужскимъ хоромъ, образуя общій хоръ энергическаго характера.

„Арія Антонида въ первомъ дѣйствіи носитъ тотъ же характеръ: сначала она грустная, послѣ веселая. Въ первой половинѣ она похожа на тѣ русскія пѣсни, гдѣ разсказывается обыкновенная длинная повѣсть о томъ, какъ я младшенька гуляла, цвѣты собирала и т. д.; такіа народныя пѣсни отличаются обыкновенно однообразною, растянутою мелодіею, похожею больше на завываніе, чѣмъ на пѣніе; вотъ такое-то завываніе, какъ видовой признакъ русской женской пѣсни, взявъ Глинка для первой половины аріи Антонида; но выразилъ пѣсню художественно, выдвинувъ на первый планъ мечтательность этого сорта пѣсенъ; отъ этого странное завываніе обратилось въ изящное, мечтательное пѣніе, арія не вышла монотонною, какъ народное пѣніе этого пошиба, а мелодическою и разнообразною. Въ этомъ сходствѣ аріи съ пѣсней заключается національный оттънокъ музыки Глинки, но при всемъ томъ Глинка даетъ и здѣсь пѣвицѣ много матеріала, чтобы блеснуть голосомъ, безъ всякаго вреда для характера аріи...

„Пріѣздъ жениха въ лодкѣ и встрѣча его на берегу — сцена до того живая, что кажется, самъ стоишь на этомъ берегу, видишь приближеніе и причаль лодки... Хоръ прибывающихъ въ лодкѣ такъ глубоко по содержанію, по идеѣ, что, несмотря на свою краткость, онъ долженъ считаться однимъ изъ лучшихъ номеровъ оперы; онъ можетъ стать въ уровень съ знаменитой пѣсней: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. Слѣдующее за этой сценой тріо главныхъ персонажей и финалъ, все это — чудная, драматическая, живописная музыка.

„Второй актъ изображаетъ польскій балъ; онъ имѣетъ значеніе вводнаго эпизода, однако, самъ по себѣ этотъ актъ — превосходенъ; балъ представленъ живо, въ чисто польскомъ стилѣ; не только хороши танцы, польскій краковякъ и мазурка, но и финалъ, въ видѣ бурнаго вальса, рисуетъ вихрь удовольствій, которыми услаждались поляки въ военное время, забывая дѣйствительность.

18

36.

НА БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.

Для открытія послѣ перестройки.

Сего дня въ Пятницу, 27 Ноября,

РОССІЙСКИМЪ ПРИДВОРНЫМЪ АНТРАПЕИ ПРЕДСТАВЛЕНО БУДЕТЪ

въ первый разъ:

ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ,

Оригинальная большая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, съ эпизодами, хорами и танцами; слова сочинилъ баронъ Е. Ф. Розена; музыка М. И. Глинки; декорация 1-го дѣйствія, представляющая село Доминино на рѣкѣ, Шачѣ Г. Андрея Роллера; зала Г. Петрова; во 2. дѣйствіи: изба Г. Гонзаго; въ 3. дѣйствіи: дикій лѣсъ занесенный снѣгомъ Г. Комаровскаго; видъ предмѣстья Москвы Г. Гонзаго; въ эпизодахъ, красная площадь съ видомъ Кремля, Андрей Роллеръ; планцы Балетмейстера Г. Титюса; костюмы Г. Балъте; передняя завѣса Андрей Роллера.

Танцовать будутъ: Г-ли Пиненова, Самойлова сред. Андриянова 2. и Свиринова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Сусанинъ, крестьянинъ села Доминина . . . Г-ль Петровъ.
Антонидъ, дочь его . . . Г-жа Степанова.
Богданъ Сабининъ, женихъ ея . . . Г-ль Лесковъ.
Ваня, сирота, воспитанникъ Сусанина Г-жа Воробьева.
Начальникъ Польскаго отряда . . . Г-ль Башковъ.
Начальникъ Русскаго отряда . . . Г-ль Ефремовъ.
Гонецъ Польскій . . . Г-ль Макаровъ.
Русскій народъ, Польскіе воины.

НАЧАЛО ВЪ 7 ЧАСОВЪ.

ЦѢНА МѢСТАМЪ.

Домъ Бенуаръ . .	25 р.	Кресла 1 ряда . .	10 р. к.
— 1-го яруса . .	25 —	— 2 и 3. ряда . .	7 — 50
— Бель-Этажа . .	30 —	— прочія рѣд. . .	5 —
— 2-го яруса . .	20 —	Мѣста за арками . .	3 — 30
— 3-го яруса . .	15 —	Балконы	5 —
— 4-го яруса . .	10 —	1. Галлерея	3 — 50
— Антерная 3. яру. 35	—	2. Галлерея	2 — 50
— Антерная 4. яру 25	—	Боковая галлерея . .	2 —
— Антерная 3. яру. 20	—	Антрактъ	1 —
		Боковое мѣсто 3. яру.	40

Факсимиле программы 1-го представленія оперы „Жизнь за Царя“ (1836 г.).

„Въ третьемъ дѣйствіи изображена семейная жизнь. Сусанина всѣ уважають, онъ патриотъ, смутное время кончилось, и онъ выдаетъ дочку замужъ. До прибытія поляковъ музыка рисуетъ пасторальное, патриархальное счастье крестьянина. Какъ дивно краснорѣчивы эти звуки! Это все такая музыкальная драма, что всѣ номера нельзя даже назвать аріями, дуэтами, квартетами, это все — музыкальная мелодическая рѣчь, ясная, какъ слова... Напр., какъ хорошъ въ квартетѣ: „Время къ дѣвшинку намъ приготовиться“ — переходъ отъ первой половины ко второй. Переходъ этотъ дѣлаетъ Сусанинъ; первая половина спѣта, молодые довольны и, можетъ быть, взяли бы за что-нибудь другое, но старикъ расходился отъ счастья, ему еще хочется пѣть, и вдругъ онъ одинъ, приложивъ руку къ щекамъ, какъ дѣлають мужички, увлеченные пѣніемъ, заливается: „то-то радость, то-то счастье!“ Другіе подхватываютъ, и опять идетъ та же удивительная музыка.

„Сцена появленія поляковъ, отправленіе Сусанина съ ними и скорбь его семьи и сосѣдей, — все это сцены высоко драматическія. Арія Антонины: „Не о томъ скорблю подруженьки“ — музыкальная жемчужина, это народная пѣсня и оперная арія въ одно и то же время...

„Въ четвертомъ актѣ — двѣ картины: въ первой Ваня стучится въ двери монастыря; во второй — Сусанинъ нѣ лѣсу съ поляками; обѣ сцены высоко драматическія. Бетховенъ въ пасторальной симфоніи далъ чудную бурю; равная ей есть только въ „Жизни за Царя“; но Глинка рисуетъ зимнюю бурю на сѣверѣ, въ лѣсу, на болотѣ; слушая эту бурю, хочется плотнѣе завернуться въ шубу... И въ этой бурѣ поляки у Глинки сохраняють въ музыкѣ печать національности. Когда поляки пробуждаются, узнають о своей гибели и бросаются на Сусанина, музыкальная картина борьбы ихъ съ Сусаниномъ — верхъ совершенства...

„Послѣдній актъ называется эпилогомъ; въ немъ два выдающихся номера: арія Вани: „Ахъ, не мнѣ, бѣдному сиротинушкѣ“ и гимнъ — маршъ: „Славься, славься, русскій царь“. Гимнъ-маршъ это — апофеозъ слиянія инструментальной музыки съ вокальной; это — симфоническая поэма съ пѣніемъ, заставляющая жалѣть только объ одномъ, что по условіямъ сцены она коротка. Хотѣлось бы слушать и слушать ее, слушать такой рассказъ и о другихъ событіяхъ русской исторіи, какъ рассказывается здѣсь о вѣнчаніи Михаила на царство. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, пока исполняется этотъ гимнъ-маршъ, не успеваешь обнять всѣ его красоты“.

Мы остановились съ такой подробностью на изложеніи „Жизни за Царя“ для того, чтобы на содержаніи этой замѣчательной вещи показать, какимъ образомъ реализуется великая задача сдѣлать музыку національной, ввести въ нее тѣ элементы, о которыхъ выше говорилъ Стасовъ. Конечно, въ исполненіи своей задачи Глинка — все же былъ сыномъ своего времени и въ народность, изображаемую имъ, вносилъ элементы неправильные, которые, однако, въ то время признавались истинно народными даже со стороны наиболѣе выдающихся дѣятелей русской интеллигенціи. Чтобы понять, какъ истолковывалъ самъ Глинка понятіе „народность“ и какимъ образомъ онъ стремился это понятіе реализовать въ своемъ великомъ произведеніи, лучше всего присмотрѣться къ плану трехъ дѣйствій оперы „Жизнь за Царя“, какъ онъ былъ данъ въ подлинной его рукописи. Въ части первой, говоря о хорѣ, онъ замѣчаетъ: „Сей хоръ, идущій фугой, долженъ, выражая силу и беззаботную неустрашимость русскаго народа, быть написанъ русскимъ размѣромъ, и сравненія

должны быть заимствованы изъ сельскихъ предметовъ. Мужчины уходятъ прежде, вскорѣ за ними слѣдуютъ и женщины, и когда голоса, а потомъ оркестръ, мало-по-малу затихнутъ, выѣзжаетъ по рѣкѣ лодка съ гребцами, кои поютъ протяжную пѣсню *uniso* (одни теноры). Сей хоръ долженъ выражать тѣ же чувства, какъ и хоръ *en fugue*, но сравненія должны быть взяты изъ предметовъ, относящихся къ рѣкѣ, судну и пр.“. О выходѣ Сусанина имѣются слѣдующія характерныя строчки: „По окончаніи аріи, Сусанинъ является съ пасмурнымъ челоу и, обращаясь къ Антонида и ея подругамъ, говорить, что онѣ веселятся, когда отечество стонетъ отъ иноплеменныхъ, что теперь не до свободы и т. п., и этими словами нарушаетъ веселость дѣвушекъ. Антониды грустятъ и плачутъ, что обманулась въ надеждѣ быть соединена немедленно съ любимымъ ею юношею. Отецъ упрекаетъ ее въ слабости. Между тѣмъ, сходятся поселене и, видя грусть на лицѣ Антониды и ея отца, спрашиваютъ о случившемся, на что въ отвѣтъ Сусанинъ излагаетъ главнѣйшія событія тогдашняго времени: вторженіе поляковъ, ужасы войны и пр... онъ поетъ въ родѣ запѣвалы, и слова его вкратцѣ повторяются, сперва мужчинами, а потомъ женщинами еще сокращеннѣе, отъ чего произойдетъ хоръ *en imitation* и унылый... Теноръ, являясь на сцену съ извѣстіемъ о удачныхъ дѣйствіяхъ Пожарскаго и Минина, разсѣиваетъ уныніе присутствующихъ, потомъ сообщаетъ, что избранъ Михайлъ Федоровичъ на царство (сей разсказъ долженъ быть чрезвычайно кратокъ) — вслѣдъ за симъ краткое „Боже, Царя храни“ (но русское и незатѣйливое), потомъ или финалъ или, по моему, лучше арію тенору, это, впрочемъ, отдаю на произволъ автора словъ, — въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ о томъ, что снова назначается немедленно быть свободѣ, женихъ ухаживаетъ за невѣстой и изливается въ любовныхъ и нѣжныхъ звукахъ, въ *Allegro* же аріи или своей выходкѣ въ финалѣ совершенно обнаруживаетъ свой удалой характеръ“. Въ части третьей мы читаемъ: „Романсъ или пѣсня сироты, кою выражаетъ тихую и беззаботную жизнь и благодарность благодѣтелю, характеръ ея *piu*“... „Квартетъ. Сей номеръ, выражающій тихія и сладкія чувства семейственнаго счастья, долженъ непременно быть написанъ русскимъ размѣромъ“... „Отецъ, дочь и сирота готовятъ комнату для свадьбы, бесѣдуя отрывисто подъ весело-беззаботную музыку... Появленіе отряда поляковъ, — и хоръ, коимъ спрашиваютъ, не можетъ ли провести ихъ кто-нибудь къ Михайлу Федоровичу... Сусанинъ, узнавъ о намѣреніи ихъ, съ негодованіемъ отказывается... Поляки грозятъ убить его, — онъ остается неустрашимымъ и беззаботно или продолжаетъ занятія, или — что найдете сдѣлать лучше“...

Читая этотъ замѣчательный документъ, вводящій насъ въ самыя тайники творчества великаго композитора, мы видимъ, подъ какимъ сильнѣйшимъ давленіемъ предвзятыхъ, сентиментальныхъ понятій о народной жизни, столь распространенныхъ въ то время среди нашей интеллигенціи, находился М. И-чъ въ теченіи всего процесса созиданія великой оперы... „На замыслѣ „Жизни за Царя“, — пишетъ г. Грузинскій, — „лежитъ печать условнаго и ложнаго взгляда на русскій народъ, на его бытъ и характеръ. Но не забудемъ, что къ 30 мъ годамъ образованное общество еще плохо знало народную жизнь; интересъ къ ней уже пробудился, но настоящее изученіе ея едва началось; народъ разсматривали чаще всего сквозь идиллическую, сентиментальную призму; самое національное чувство, сильно возбужденное событіями Отечественной войны, а въ 30-хъ годахъ подогрѣтое усиленіемъ русскаго значенія въ Европѣ при Николаѣ I,

принимало тогда нерѣдко грубоватыя формы квасного патріотизма, съ точки зрѣнія котораго русскій человѣкъ былъ во всемъ такой великолѣпный молодець, лучше котораго ничего быть не можетъ. Это увлеченіе сильно заслоняло отъ патріотовъ ихъ плохое знакомство съ этимъ великолѣпнымъ молодцомъ и позволяло раскрашивать его яркими и фальшивыми красками. Не забудемъ, что изъ того самаго кружка, гдѣ зародился сюжетъ „Жизни за Царя“, Гоголь вынесъ то превеличественно восторженное отношеніе къ русской натурѣ и русскому человѣку, которое ярко обозначается въ лирическихъ мѣстахъ „Мертвыхъ Душъ“ и въ „Перепискѣ съ друзьями“. Иногда говорятъ: „Какъ жаль, что Жуковский не написалъ всего либретто для Глинки“. — Конечно, жаль: мы имѣли бы, навѣрно, лучше обдуманнѣй и расположеннѣй планъ, прекрасный планъ, прекрасный языкъ и звучные стихи, но тоже, навѣрно, и въ его драмѣ остался бы нерушимо тотъ недостатокъ исторической и бытовой правды, какой мы замѣчаемъ въ оперѣ сейчасъ. Я не хочу сказать, что настоящему Сусанину или Антонидѣ, или Ванѣ были недоступны тѣ возвышенныя и трогательныя чувства, какія они выражаютъ на сценѣ, но тѣ же или подобныя настроенія русскій человѣкъ переживаетъ иначе и выражаетъ въ иныхъ формахъ“.

Но мы знаемъ изъ прекраснаго разбора оперы, сдѣланнаго г. Покровскимъ, какъ близко, несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, подошла къ жизни эта замѣчательная опера. Какимъ же огромнымъ талантомъ и какой живой душой долженъ былъ обладать Глинка для того, чтобы, оставаясь въ подобной зависимости отъ столь распространеннаго въ то время сентиментализма, въ своемъ творчествѣ такъ часто порывать его оковы и давать правдивые образы, выявлять настоящую жизнь народа!

Посмотримъ теперь, какъ была принята „Жизнь за Царя“ публикой того времени. Мы видѣли отношеніе театральнаго чиновничества. Когда, повидимому, сверхъ ожиданія дирекціи, опера Глинки получила одобреніе Кавоса, ее пришлось поставить на сценѣ, но предусмотрительный директоръ театровъ взялъ съ Глинки предварительную росписку, въ которой говорилось что авторъ отказывается отъ какого бы то ни было вознагражденія за свое произведеніе.

Первое представленіе прошло съ неожиданнымъ для многихъ успѣхомъ. Оперѣ много рукоплескали, автора вызывали съ большимъ энтузіазмомъ; онъ примащенъ былъ въ царскую ложу и получилъ отъ Государя за поднесеніе оперы перстень, въ 4000 руб. ассигнаціями, изъ топаза съ крупными брилліантами. М. И-чъ былъ правъ, помѣщая въ письмѣ къ матушкѣ слѣдующія строчки: „Вчерашній вечеръ совершились, наконецъ, давнишнія желанія мои, и долгій трудъ мой былъ увѣнчанъ самымъ блистательнымъ успѣхомъ“. И, тѣмъ не менѣе, опера оказалась не понятой, не оцѣненной, какъ слѣдуетъ, даже петербургскимъ музыкальнымъ міромъ. Она слишкомъ опередила музыкальное развитіе русскаго общества, и осталась вскорѣ и на долгое время одинокой, брошенной, забытой, заставляя тѣмъ самымъ глубоко страдать ея автора.

Но все это выяснилось позднѣе. Пока же Глинка въ упоеніи своего временнаго успѣха съ жаромъ набрасывается на новую оперу — „Русланъ“. Мы уже видѣли, что нѣкоторые номера для этой оперы были заготовлены еще раньше, чѣмъ была закончена „Жизнь за Царя“. Теперь начинается систематическая работа въ этомъ направленіи.

Вольфгангъ Амедей Моцартъ.

„Русланъ“ потребоваль, однако, шесть лѣтъ работы. Все это время Глинка прожилъ въ Петербургѣ и только разъ лѣтомъ 1838 года уѣзжалъ въ Малороссію, чтобы подыскать выдающіеся голоса для царской пѣвческой капеллы. Но почему же съ такимъ трудомъ подвигался „Русланъ“? Главнѣйшей причиной этого замедленія было отсутствіе прочно выработаннаго плана и хорошо составленнаго либретто. Глинка не могъ цѣликомъ воспользоваться Пушкинской поэмой, которая вся проникнута небрежной шутливостью, совершенно не соотвѣтствовавшей замысламъ оперы. Въ рукахъ талантливаго поэта великолѣпная поэма Пушкина была бы быстро приспособлена къ заданіямъ М. И-ча, но, къ несчастью для Глинки, въ этотъ періодъ онъ вращался главнымъ образомъ въ кружкѣ

Отрывокъ изъ квартета „Какое чудное мгновеніе изъ оперы „Русланъ и Людмила“. (Рукопись Глинки).

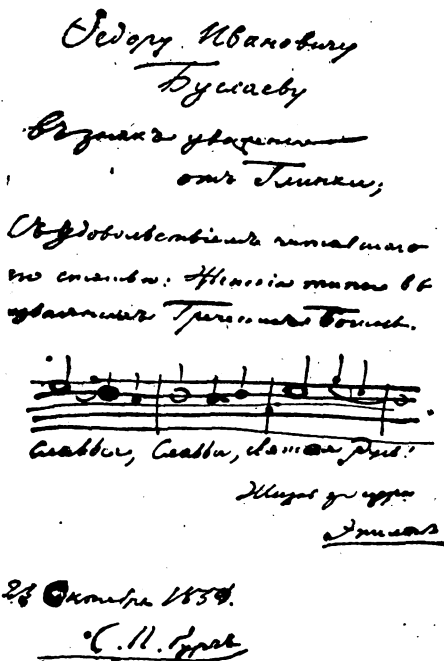
Кукольника, не блиставшемъ сколько-нибудь значительными талантами. Либретто для „Руслана“ писалось поэтомъ разными второстепенными писателями въ теченіе 5 лѣтъ; планъ оказался составленнымъ поспѣшно, безъ серьезной вдумчивости. Въ силу этого, работа затянулась, быстро потеряла свою систематичность и стройность. Совершенно разстроившаяся семейная жизнь, равнодушіе, которое публика быстро стала проявлять къ „Жизни за Царя“, трудность подыскать достаточно даровитаго либреттиста, — все это удручающимъ образомъ дѣйствовало на Глинку. Съ горечью онъ писалъ матери въ 1841 году: „Искусство—это небожь данная мнѣ отрада, гибнетъ здѣсь отъ убійственнаго ко всему прекрасному равнодушія. Если бы я не провелъ нѣскольکو лѣтъ за границей, я не написалъ бы „Жизнь за Царя“; теперь я вполне убѣжденъ, что „Русланъ“ можетъ быть оконченъ только въ Германіи или Франціи“.

Тѣмъ не менѣе, „Русланъ“ былъ оконченъ въ Россіи и попалъ на сцену... не на радость автору. Мы видѣли, какъ изъ лоскутовъ,

предложенныхъ часто далеко не талантливыми писателями, шилось въ теченіи 5 лѣтъ либретто этой оперы. Эта разрозненность частей увеличилась еще больше, когда оперу пришлось на репетиціяхъ приспособлять къ требованіямъ сцены. Нѣкоторые мѣста были признаны трудными для пѣвцовъ или для оркестра, другія слишкомъ затягивали ходъ дѣйствія и т. д. Такихъ мѣстъ набралось около десяти, — ихъ всѣхъ пришлось выбросить и, такимъ образомъ, еще больше разстроить единство оперы, которымъ она далеко не въ достаточной степени отличалась съ самаго начала. Это-то отсутствіе стройности въ ходѣ оперы и погубило въ глазахъ современниковъ „Руслана“, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній русской музыки. Опера была поставлена въ первый разъ

27-го ноября 1842 г. Автора вызывали недружно, и эти вызовы сопровождались замѣтнымъ шиканьемъ. Слѣдующія представленія оперы прошли съ нѣскольکو большимъ успѣхомъ, благодаря лучшему подбору артистовъ, и, тѣмъ не менѣе, для Глинки ясно было, что она не продержится на сценѣ, и, дѣйствительно, она вскорѣ была снята и довольно основательно забыта русскимъ обществомъ въ теченіе продолжительнаго времени, пока музыкальное воспитаніе русскаго общества не поднялось на болѣе высокую ступень. Эта неудача такъ глубоко подѣйствовала на Глинку, что онъ готовъ былъ признать и самъ полный провалъ своего дѣтища. По крайней мѣрѣ, разъ въ минуту раздраженія онъ сказалъ Сѣрову: „Да что тутъ долго разсуждать: какъ театральная пѣса, какъ опера, наконецъ, эта вещь не удалась вовсе“...

А между тѣмъ, „Русланъ и Людмила“ необычайно богата оригинальными мѣстами музыкальной красоты. Вотъ что, напр., писалъ Сѣровъ, которому приходилось слышать отрывки изъ „Руслана“ въ то время, когда эта опера еще не была окончена. „На одномъ вечерѣ“, — рассказываетъ онъ, — „Глинка, спѣвъ нѣсколько романсовъ, сказалъ: „Теперь я вамъ спою тоску“. — Какую тоску? Чью тоску? — Изъ моего „Руслана“, романсъ Гориславы, плѣнницы Ратмира“. И онъ пѣлъ, а мы таяли отъ наслажденія. Не зная, гдѣ и какъ будетъ помѣщенъ въ оперѣ этотъ лирическій монологъ плѣнницы Ратмира, мы любовались ея душой — любящей, женственной, нѣжно страстной, любовались характеромъ славянской, русской женственности... При всей горячей страстности этого романса общій тонъ его въ исполненіи Глинкою былъ чрезвычайно нѣженъ и томно граціозенъ. Деликатность полусвѣта и полутьмы — одна изъ господствующихъ сторонъ въ красотахъ музыки Глинки вообще, и тоска Гориславы въ своихъ мягко женственныхъ изги-

Факсимиле М. И. Глинки.

бахъ вышла однимъ изъ самыхъ сердечныхъ его вдохновеній“... Г. Покровский, подходящій къ „Руслану и Людмилѣ“ съ другой мѣркой и считающій романсъ Гориславы слабымъ мѣстомъ въ оперѣ, отмѣчаетъ, тѣмъ не менѣе, цѣлый рядъ другихъ великолѣпныхъ мѣстъ. „Вторая арія Людмилы“, — говоритъ онъ, напр., — „подобно первой аріи Рауля въ Гугенотахъ, представляетъ дуэтъ голоса со скрипкой, еще болѣе полный и роскошный, чѣмъ у Мейербера; обоимъ голосамъ, женщинѣ и скрипкѣ, Глинка далъ здѣсь почти самостоятельную роль; это двѣ Людмилы, живущія одною жизнью или, лучше сказать: скрипка это — эхо Людмилы въ оркестрѣ“... „Сцена всеобщаго оцѣпенѣнія при похищеніи Людмилы Черноморомъ, выражаемая одной длящейся нотой, единственная сцена въ своемъ родѣ. Безъ нея можно было бы сомнѣваться, возможно ли выразить въ музыкѣ оцѣпенѣніе? Музыка отлично выражаетъ движеніе, но длящееся состояніе, это для нея — трудная задача. Это — единственный примѣръ въ музыкѣ“... „Ратмиръ очерченъ музыкой вполне согласно съ пушкинскимъ типомъ, но такимъ краснорѣчивымъ, музыкальнымъ языкомъ, что здѣсь положительно Пушкинъ ступевывается передъ Глинкой“... „Далѣе слѣдуютъ танцы... это лучшая балетная музыка, какую мы знаемъ; съ нею можетъ помѣриться развѣ только балетная музыка изъ Африканки Мейербера, имѣющая тотъ же восточный характеръ. Ратмиръ входитъ измученный странствіемъ и страстью; онъ жаждетъ той улады, о которой пѣлъ персидскій хоръ; арія „И жаръ и зной“ чудно рисуетъ состояніе его духа. Ратмиръ изнемогаетъ отъ своего неопредѣленнаго положенія. Вдругъ онъ прозрѣваетъ, ему грезятся чудныя дѣвы, и онъ поетъ окончаніе своей аріи на слова „Чудный сонъ живой любви“, полное жгучей страсти“... Про балладу Финна г. Покровскій замѣчаетъ: „Построенная на одномъ мотивѣ и написанная по строфамъ, эта арія такъ разнообразна, какъ весь рассказъ этотъ о молодости, возмужалости и старости Финна; возгласъ: „По бородѣ моей слѣдой слеза горячая струилась“ — какъ будто даетъ чувствовать жаръ этой слезы“...

Таковы красоты, разбросанныя щедро по всей оперѣ „Русланъ и Людмила“. Но и въ цѣломъ эта не понятая современниками опера представляетъ огромную цѣнность. Вотъ что, напр., говоритъ Ларошъ, одинъ изъ выдающихся нашихъ музыкальных критиковъ: „Съ одной стороны, „Жизнь за Царя“ — первое народное произведеніе нашей музыки, а потому появленіе этой оперы на нашемъ музыкальномъ горизонтѣ, дѣйствительно, есть событіе, съ важностью котораго не можетъ сравниться появленіе „Руслана и Людмилы“, составляющее уже звено въ цѣпи, начатой „Жизнью за Царя“; съ другой стороны — „Жизнь за Царя“ — произведеніе не настолько народное, какъ „Русланъ и Людмила“, хотя этой послѣдней оперѣ не такъ посчастливилось и ее далеко не такъ любятъ, какъ любятъ „Жизнь за Царя“...

Это послѣднее утвержденіе о народности „Руслана и Людмилы“ прекрасно выясняетъ г. Грузинскій. „Можно задать вопросъ“, — говоритъ онъ, — „да что же національнаго въ „Русланѣ? Тамъ почти нельзя даже указать прямыхъ народныхъ напѣвовъ, какіе встрѣчаются въ „Жизни за Царя“, а затѣмъ довольно много восточнаго элемента: и татарскія, и персидскія мелодіи, даже чухонская пѣсня есть (въ балладѣ Финна). Все это такъ. И, тѣмъ не менѣе, мы чувствуемъ, что музыка „Руслана“ глубоко національна вся насквозь, національна даже тамъ, гдѣ изображается востокъ. Нелегко было бы дать этому, такъ сказать,

до осязательности ясное истолкованіе, потому что самый вопросъ, что такое національный духъ, легче рѣшается чувствомъ, чѣмъ логическимъ пониманіемъ. Но насъ могутъ подвести ближе къ дѣлу нѣкоторыя сравненія и параллели“.

„Извѣстно, что въ литературѣ мы считаемъ народными не только такія произведенія, которыя взяты изъ народной жизни или написаны въ подражаніе народной поэзіи; и обратно — можно представить себѣ вещь съ народнымъ сюжетомъ, не разработанную въ народномъ духѣ. Сказку объ Иванѣ-царевичѣ и сѣромъ волкѣ создалъ народъ, но волкъ Жуковского, который пріѣзжаетъ на свадьбу своего царевича въ каретѣ съ гербами, разодѣтый въ пухъ, такъ что даже на хвостѣ у него серебряная сѣтка съ кисточкой, и который потомъ нанятитъ дѣтей Ивана и учить ихъ ариметикѣ, — конечно, не народенъ. Съ другой стороны, извѣстное стихотвореніе „Внимая ужасамъ войны“, цѣликомъ принадлежащее Некрасову, народно съ первой строки до послѣдней, и мы можемъ

М. И. Глинка на вечерѣ у писателя Кукольника.
(Изъ альбома Глинки).

прямо показать, что въ немъ народнаго. Его главная мысль, что материнское горе неизмѣримо сильнѣе всякаго другого, прямо приводитъ къ народной пѣснѣ, гдѣ надъ убитымъ плачутъ мать, жена и сестра; у народа же взять образъ плачущей ивы, какъ символъ тоскующей женщины. Вы можете не знать этого и все-таки почувствуете внутреннюю близость этихъ образовъ къ вамъ; тутъ народное возвышается до общенациональнаго. Мы считаемъ глубоко національными типами Пушкинскихъ Машу Миронову и Татьяну Ларину, какъ и Тургеневскую Лизу. Бѣлинскій говорилъ, что Пушкинъ націоналенъ даже въ своемъ „Донъ-Жуанѣ“, и въ этомъ есть глубокая правда. Такъ и музыка „Руслана“ национальна даже безъ всякихъ прямыхъ связей съ народною пѣсней и въ тоскѣ восточной женщины Гориславы. Сѣровъ не даромъ чувствовалъ русскую женскую душу. Такъ, мало-народный сюжетъ Пушкинской поэмы и весь восточный колоритъ не мѣшаютъ „Руслану“ быть произведеніемъ, гдѣ русская національность впервые нашла себѣ широкое выраженіе въ звукахъ. Всѣ наши послѣдующіе композиторы отъ Даргомыжскаго и Сѣрова, кончая нашими современниками, ведутъ свое творчество прямо отъ Глинки и ясно сознаютъ это“...

Таковы заслуги Глинки, какъ творца „Руслана“. Но въ то же самое время, какъ онъ создавалъ эту замѣчательную оперу, онъ написалъ много прекрасныхъ мѣстъ для задуманной имъ другой оперы: „Князь

Холмскій“, сюжетомъ для которой послужила одна изъ драмъ Кукольника. Тогда же онъ написалъ прекрасное тріо: „Ахъ! не мнѣ бѣдному!“ и замѣчательную фантазію: „Ночной Смотръ“ на слова извѣстной баллады Жуковского.

Незаслуженное пренебреженіе глубоко оскорбляло Глинку. Онъ замкнулся въ себѣ, отказался отъ свѣта и, наконецъ, рѣшилъ уѣхать за границу; 1844 и 1845 годы онъ пробылъ въ Парижѣ. Онъ хотѣлъ было войти тамъ во французскую музыкальную жизнь, но это ему не удалось. „Интригъ здѣсь“, — писалъ онъ въ 1845 г. изъ Парижа, — „болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, а сверхъ того, живя за границей, я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что я душою русскій и мнѣ трудно поддѣлываться подъ чужой ладъ иностранныхъ оперъ“. Въ это время онъ близко сошелся съ знаменитымъ музыкантомъ Берліозомъ, который высоко цѣнилъ Глинку, какъ композитора. Не мало удовольствія доставилъ ему случай услышать нѣкоторыя изъ своихъ произведеній въ двухъ парижскихъ концертахъ.

Изъ Парижа М. И. — чѣ перебрался въ Испанію, гдѣ оставался по 1847-ой годъ и дѣятельно собиралъ и изучалъ народныя мелодіи. Въ результатѣ этихъ работъ появились двѣ великолѣпныя вещи, которыя ставятся знатоками музыки въ число крупнѣйшихъ произведеній европейской музыки. Это были двѣ симфоническія увертюры: „Арагонская Хота“ и „Ночь въ Мадридѣ“. Въ нихъ Глинка стремился создать новую форму музыкальныхъ произведеній... „Доселѣ“, — говоритъ онъ по поводу этихъ своихъ симфоническихъ увертюръ, — „инструментальная музыка дѣлилась на два противоположныхъ отдѣла: квартеты и симфоніи, цѣнимыя немногими, устрашають массу слушателей своими глубокими и сложными соображеніями, а собственно такъ называемые концерты, варіаціи и т. п. утомляютъ ухо несвязностью и трудностями. Мнѣ кажется, что можно соединить требованія искусства съ требованіями вѣка и писать пьесы, равно докладныя, и знатокамъ и простой публикѣ“.

Отдохнувъ немного за границей, онъ возвратился въ Россію, но въ Петербургѣ жить не захотѣлъ. Пробывъ около года въ своемъ смоленскомъ помѣстьѣ, онъ уѣхалъ на три года въ Варшаву (съ 1848—1851). Какъ основательно забыло русское общество въ эти годы Глинку, характеризуетъ слѣдующее сообщеніе. „Въ 1850 году“, — пишетъ В. П. Ангелъ-гартъ, — „или около того, я долго и тщетно разыскивалъ въ театрѣ партитуру „Тарантеллы“ М. И. Глинки. Въ то время въ театральной нотной конторѣ былъ большой безпорядокъ... Въ конторѣ хозяйничали наемные писцы, Пендорфъ и старикъ Петрума. Мнѣ удалось за приличное вознагражденіе побудить Пендорфа тщательно пересмотрѣть всѣ старыя рукописи, и онъ вскорѣ нашелъ „Холмскаго“, о существованіи котораго я тогда не имѣлъ никакого понятія. Затѣмъ Пендорфъ нашелъ „Тарантеллу“. Это были тѣ самыя автографныя партитуры, которыя я впоследствии подарилъ Имп. Публ. Библіотекѣ: онѣ валялись въ конторѣ между разнымъ хламомъ. Я уговорилъ Пендорфа за приличное вознагражденіе списать для конторы копіи съ партитуръ, а оригиналы отдать мнѣ. „Valse Fantaisie“ я долго искалъ, но безуспѣшно. Въ Павловскѣ, у преемника Германа, которому Глинка отдалъ партитуру, ничего не оказалось. Наконецъ, Вестфаль нашелъ отдѣльные оркестровые голоса въ библіотекѣ какого-то маленькаго частнаго балнаго оркестра: этотъ Вестфаль былъ впоследствии гобоистомъ русской оперы, а въ то время прокармливался тѣмъ, что игралъ на балахъ и переписывалъ для меня

ноты. Изъ оркестровыхъ голосовъ „Вальса“ Вестфаль составилъ и переписалъ для меня партитуру, которая долго была единственнымъ экземпляромъ... Я часто съ удовольствіемъ вспоминаю о находкѣ „Холмскаго“, „Тарантеллы“ и „Вальса“: безъ этой своевременной находки эти прекрасныя сочиненія могли бы совсѣмъ затеряться“...

А. Н. Сѣровъ, большой поклонникъ Глинки, изъ найденныхъ такимъ образомъ отдѣльныхъ партій сдѣлалъ, послѣ большой и трудной работы, переложеніе, которое и поднесъ Глинкѣ, къ великой радости этого послѣдняго. Вскорѣ послѣ этого самъ М. И.—чѣ возстановилъ партитуру этого, хотя и не оконченнаго, но высоко художественнаго во многихъ своихъ частяхъ, произведенія.

Въ Варшавѣ Глинка написалъ „Скерцо“, которое по своимъ музыкальнымъ достоинствамъ можетъ быть поставлено рядомъ только со „Скерцо“ Бетховена. Здѣсь имъ была написана „Камаринская“, въ которой Сѣровъ находилъ одно изъ самыхъ смѣлыхъ и великолѣпныхъ выраженій комическаго въ музыкѣ.

Съ 1852 года онъ на два года уѣзжаетъ въ Парижъ, гдѣ сильно хандрить и не можетъ довести до конца ни одного музыкальнаго произведенія. Упадокъ творчества объясняется не только болѣзненнымъ состояніемъ композитора и неудачами его великихъ оперъ, но и лич-

Музей имени М. И. Глинки
въ Петербургѣ.

ной безпріютностью. Вотъ почему въ личной его жизни было большимъ событіемъ рѣшеніе его любимой сестры Л. И. Шестаковой поселиться съ нимъ и наладить его домашнюю жизнь. Съ 1854 года Глинка поселяется съ Л. И. и ея маленькой дочкой въ Петербургъ.

Однако, пріѣздъ въ Петербургъ опять сопровождался горькими впечатлѣніями для великаго композитора. Узнавъ, что въ театрѣ идетъ „его старуха“, какъ онъ называлъ оперу „Жизнь за Царя“, М. И.—чѣ отпра-вился посмотрѣть на свое любимое дѣтище, котораго не видалъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Вотъ, какъ описываетъ Л. И. это событіе. „При под-нятіи занавѣса братъ былъ непріятно пораженъ, увидя, какъ небрежно давалась эта опера... Въ девятнадцать лѣтъ не было подновлено ничего: тѣ же самые костюмы, тѣ же декорации, и польскій балъ освѣщался четырьмя сальными свѣчами. Братъ на это замѣтилъ мнѣ, что скоро будутъ освѣщать его двумя сальными огарками. Ну что выдѣлывалъ оркестръ, какіе брались темпы — ужасъ! Я помню, какая была большая жертва со стороны брата для меня, что онъ немедленно не оставилъ театра. Но онъ восхищался Петровымъ, и тутъ-же въ роли Вани замѣ-тилъ Леонову“. Это посѣщеніе злосчастной оперы принесло М. И.—чу тяжелое нервное расстройство.

Но, во всякомъ случаѣ, это событіе было лишь непріятнымъ эпизо-домъ въ послѣднихъ годахъ его жизни, наладившейся, благодаря заботамъ Л. И. Шестаковой. Кромѣ того, онъ былъ окруженъ молодыми талантли-выми музыкантами — Сѣровымъ, Стасовымъ, Даргомыжскимъ, которые воспринимали его музыкальные завѣты, и великій композиторъ видѣлъ, что на проложенной имъ музыкальной дорогѣ находятся новые и силь-ныя дѣятели и что дѣло, начатое имъ, не загложнеть.

Все это давало силы М. И.-чу и дальше работать на томъ же из-любленномъ музыкальномъ поприщѣ. Онъ уходитъ теперь цѣликомъ въ область классической музыки. Глюкъ, Бетховенъ, Бахъ, Гендель — стано-вятся его излюбленными композиторами. „Теперь“, — говорилъ М. И., — „я, кромѣ классической музыки, никакой другой безъ скуки слушать не могу. По-этому послѣднему обстоятельству, ежели я строгъ къ другимъ, то еще строже къ себѣ самому... Я не чувствую теперь призванія и влеченія писать. Что же мнѣ дѣлать, если, сравнивая себя съ гениаль-ными маэстро, я увлекаюсь ими до такой степени, что мнѣ по убѣжде-нію не можется и не хочется писать...“

М. И.—чѣ все больше и больше начинаетъ теперь увлекаться ста-ринной церковной музыкой Запада. Онъ стремится возможно глубже изу-чить ее, чтобы поработать затѣмъ для русскаго церковнаго пѣнія. Съ этой цѣлью онъ отправляется въ Берлинъ, чтобы снова пополнить необ-ходимыя познанія у Дена. Но вернуться на родину ему уже было не суждено. Въ роскошномъ королевскомъ дворцѣ, подъ управленіемъ Мейер-бера, былъ данъ концертъ изъ вещей Глинки. На этомъ концертѣ, имѣв-шемъ колоссальный успѣхъ, Глинка сильно простудился, а 3-го февраля 1857 г. скончался отъ этой болѣзни. Его тѣло было перевезено въ Пе-тербургъ и погребено на кладбищѣ Александро-Невской лавры. Въ 1885 г. въ Смоленскѣ ему былъ воздвигнутъ памятникъ.

По смерти брата Л. И. Шестакова продолжала свое благородное дѣло — сохраненія, собиранія и изданія всего, что было написано Ми-хаиломъ Ивановичемъ. Дѣло было нелегкое. Вотъ, что писалъ о ея ра-ботахъ г. Веймарнъ.

„Уже съ 1854 года, когда, по словамъ г-жи Шестаковой, она стала вникать въ музыку брата, ей пришло на мысль привести въ порядокъ всѣ романсы Глинки, разбросанные по разнымъ издателямъ на столько, что самъ авторъ, по свойственной русской натурѣ небрежности, рѣшительно не помнилъ, кому и когда онъ отдавалъ свои романсы. Собрать ихъ была задача нелегкая. Но Л. И. принялась за дѣло ревностно и настойчиво, и труды ея увѣнчались успѣхомъ. Въ короткое время всѣ романсы были собраны въ хронологическомъ порядкѣ и поднесены ея брату. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Л. И. знала, что изъ партитуръ обѣихъ оперъ Глинки имѣлось въ то время лишь по одному писанному экземпляру въ Петербургѣ, такъ какъ при пожарѣ въ 1853 г. въ Москвѣ вмѣстѣ съ театромъ сгорѣли и партитуры. Видя, какъ Глинка тревожился за участь своихъ партитуръ, изъ которыхъ отъ „Руслана“ въ оригиналѣ имѣлись только наброски, г-жа Шестакова приказала списать по два экземпляра той и другой оперы. Благодаря такой заботливости и предусмотрительности, оперы были спасены, такъ какъ въ 1859 году сгорѣлъ въ Петербургѣ Театръ-Циркъ, а съ нимъ партитура „Руслана“. „Записки“ Глинки, писанныя имъ въ 1854 году, обаяны своимъ появленіемъ, также благодаря настоянію г-жи Шестаковой...“

„Послѣ кончины Глинки Л. И. просила г. Энгельгардта, ѣхавшаго за границу, издать четыре увертюры обѣихъ оперъ и двѣ испанскія увертюры, съ просьбой посвятить ихъ Берліозу, Мейерберу, Листу и Дену, какъ лицамъ сочувственно относившимся къ музыкѣ Глинки, при его жизни.“

„Въ 1864 году, черезъ годъ по смерти дочери, г-жа Шестакова приняла трудное дѣло — изданіе оперъ брата. Дѣло это было обставлено неимоверными затрудненіями, какъ съ матеріальной стороны, такъ и вслѣдствіе препятствій, дѣлаемыхъ Стелловскимъ, издателемъ музыки Глинки. Между тѣмъ, пока различныя помѣхи тормозили изданіе, предпріимчивость г-жи Шестаковой увѣнчала успѣхомъ другое дѣло — постановку „Руслана“ на сценѣ Пражскаго театра, при великолѣпной обстановкѣ оперы... Процессъ, веденный по изданію со Стелловскимъ, длился чрезвычайно долго... Наконецъ, въ 1878 году, 10-го ноября полученъ былъ первый экземпляръ „Руслана“ изъ Лейпцига. „Что почувствовала я“, — говоритъ г-жа Шестакова, — „взявъ этотъ экземпляръ въ руки — нѣтъ словъ выразить! Я забыла всѣ непріятности, всѣ тяжелые часы, и была совершенно счастлива“. Остальные экземпляры были разсланы Л. И-ной во всѣ главнѣйшія европейскія консерваторіи, театры и публичныя библіотеки. „Этимъ кончается моя дѣятельность относительно музыки брата“, — заканчиваетъ свои воспоминанія г-жа Шестакова.

А. С. Даргомыжскій.

А. С. Даргомыжскій.

(1813—1869).

2 февраля 1813 г. у довольно богатого смоленскаго помѣщика Сергѣя Николаевича Даргомыжскаго, женатаго на княжнѣ Козловской, родился странный ребенокъ, который получилъ при крещеніи имя Александра. Несмотря на то, что въ физическомъ отношеніи онъ не представлялъ никакихъ замѣтныхъ изъясновъ, онъ обладалъ какою-то психической особенностью, отличавшей его отъ нормальныхъ дѣтей, а именно: до пятилѣтняго возраста онъ не произнесъ ни одного слова, и родные уже считали его нѣмымъ.

Первые годы своей жизни Александръ провелъ въ деревнѣ. Съ конца 1817 г. ему пришлось значительную часть года проводить въ Петербургѣ, куда семья его переехала на жительство. Даргомыжскіе, когда Александръ подросъ, рѣшили дать ему домашнее воспитаніе при

помощи приходящихъ учителей и учительницъ, какъ это было принято въ то время во всѣхъ дворянскихъ достаточныхъ семействахъ.

Съ очень ранняго возраста А. С. Даргомыжскій сталъ проявлять выдающіяся музыкальныя способности. Это побудило родителей его очень рано начать его музыкальное образованіе. Въ 1819 г., когда Сашѣ было всего семь лѣтъ, онъ началъ учиться играть на фортепіано подъ руководствомъ дѣвицы Луизы Вольгеборнъ, которую въ 1821 году смѣнилъ учитель Данилевскій. Любовь ребенка къ музыкѣ съ самаго начала отличалась какою-то особенной энергіей и самодѣятельностью. Элементы творчества въ этой области уже тогда давали себя чувствовать. «Страсть и прилежаніе мое къ музыкѣ»,—писалъ онъ впослѣдствіи,—«были такъ сильны, что я, несмотря на многочисленныя уроки, которые долженъ былъ готовить для приходящихъ русскихъ и иностранныхъ учителей, на 11-мъ и 12-мъ году моего возраста уже сочинялъ самоучкой разныя фортепіанныя пьески и даже романсы». Другою особенностью маленькаго Даргомыжскаго было его увлеченіе театромъ. «Съ самаго дѣтства»,—говоритъ одно лицо; близко знавшее великаго композитора,—«онъ обнаруживалъ рѣшительную наклонность къ искусствамъ и въ особенности къ театру. Онъ самъ устраивалъ маленькіе кукольные театры и сочинялъ для нихъ въ родѣ водевилей».

Но эта самодѣятельность въ области искусства далеко не всегда встрѣчала поддержку и одобреніе. Въ то время, какъ никто не мѣшалъ маленькому Даргомыжскому совершенствоваться въ своихъ кукольныхъ водевиляхъ, его первые шаги въ области музыкальнаго композиторства встрѣтили суровый отпоръ со стороны учителя Данилевскаго. Это было, по словамъ самого Даргомыжскаго, «весьма хорошій музыкантъ» и, повидимому, очень хорошій и опытный педагогъ. Но въ одномъ отношеніи онъ оставался неумолимымъ педантомъ: онъ требовалъ самаго тщательнаго изученія техники прежде, чѣмъ считалъ позволительнымъ заниматься музыкальнымъ творчествомъ. Поэтому онъ просто-на-просто считалъ всѣ опыты молодого музыканта проявленіемъ «графоманіи» и безжалостно уничтожалъ ихъ, отнимая, такимъ образомъ, у исторіи русскаго искусства цѣннѣйшіе матеріалы, которые позволили бы многое освѣтить въ процессѣ развитія одного изъ величайшихъ русскихъ музыкальных талантовъ. Впрочемъ, въ области техники Данилевскій добился своего, и А. С. Даргомыжскій, котораго онъ среди многочисленныхъ своихъ учениковъ считалъ первымъ, уже семнадцати лѣтъ былъ выдающимся исполнителемъ. «Въ 1830-хъ годахъ»,—пишетъ самъ Даргомыжскій,—«я былъ уже извѣстенъ въ петербургскомъ обществѣ, какъ сильный піанистъ... Ноты читалъ я, какъ книгу, и участвовалъ во многихъ любительскихъ концертахъ... Лучшіе артисты, какъ-то Бемъ, Мейнгардтъ, Ромбергъ, оставались мною довольны». Воспоминанія Глинки и А. Н. Сѣрова показываютъ, что въ этихъ словахъ нѣтъ и тѣни какого-нибудь хвастовства.

Фортепіано, однако, не было единственнымъ инструментомъ, на которомъ А. С. Даргомыжскій совершенствовалъ свой музыкальный талантъ. На десятомъ году его начали учить на скрипкѣ, на которой онъ также быстро достигъ значительнаго совершенства. Въ тридцатыхъ годахъ онъ нерѣдко участвовалъ въ квартетахъ, съ успѣхомъ исполняя вторую скрипку и альтъ. Наконецъ, и съ вокальной музыкой онъ ознакомился на урокахъ у нѣкоего Цейбиха. Въ эту же раннюю моло-

дось онъ усвоилъ, повидимому, и нѣкоторыя элементарныя правила теоріи музыки, какъ можно думать по тѣмъ произведеніямъ, которыя онъ написалъ тогда для фортепіано и скрипки и которыя, къ великому сожалѣнію, не были разысканы его біографами.

Къ 18 годамъ образованіе Даргомыжскаго было признано законченнымъ, и онъ съ жадностью набросился на творческую музыкальную дѣятельность. Въ это время имъ было написано множество произведеній для фортепіано и скрипки, два квартета, нѣсколько кантатъ и множество романсовъ. Но почти всѣ эти музыкальныя произведенія не имѣли серьезнаго художественнаго значенія. Однако, нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны и хорошо встрѣчены публикой (таковы: «Дѣва и роза», «Камень тяжелый», «Владыко дней моихъ» и др.). Портретъ тогдашняго Даргомыжскаго легкими штрихами набросанъ Глинкою, съ которымъ Даргомыжскій познакомился въ 1833 году. Глинка представляетъ нашего композитора въ видѣ «маленькаго чловѣка въ голубомъ курткѣ и красномъ жилетѣ, который говорилъ пискливымъ сопрано». Самъ Даргомыжскій вспоминаетъ объ этой встрѣчѣ съ большой благодарностью. «Одинаковое образованіе, одинаковая любовь къ искусству»,—вспоминаетъ онъ,—«тотчасъ сблизили насъ, несмотря на то, что Глинка былъ 10-ю годами старше меня! Мы въ теченіе 22-хъ лѣтъ сряду были съ нимъ постоянно въ самыхъ короткихъ, самыхъ дружескихъ отношеніяхъ». Вліяніе Глинки и окружавшихъ его любителей музыки (въ томъ числѣ Н. В. Кукольника) было въ высшей степени благотѣльнымъ для Даргомыжскаго, который убѣдился, что рано считать свое музыкальное образованіе законченнымъ, и принялся за серьезное изученіе теоріи музыки. Особенно въ этомъ отношеніи полезнымъ оказалось для Даргомыжскаго участіе въ репетиціяхъ оперы Глинки «Жизнь за Царя». На этихъ репетиціяхъ Даргомыжскій ясно увидѣлъ, что онъ ровно ничего не понимаетъ въ искусствѣ оркестровки, безъ которой немислимо созданіе ни одной оперы. А между тѣмъ, Даргомыжскій подъ вліяніемъ того же Глинки рѣшилъ оставить сочинительство разныхъ легкихъ вещейъ и посвятить свои силы всецѣло оперѣ. Даргомыжскій съ жадностью набросился на теорію музыки. Самъ онъ объ этомъ періодѣ своей жизни вспоминаетъ слѣдующимъ образомъ: «Примѣръ Глинки, который тогда, съ помощью моей и капельмейстера Юганниса, дѣлалъ съ оркестромъ князя Юсупова первыя репетиціи оперы своей «Жизнь за Царя», и дѣльные совѣты Н. В. Кукольника, заставили меня серьезно заняться изученіемъ теоріи музыки. Глинка передалъ мнѣ привезенныя имъ изъ Берлина теоретическія рукописи проф. Дена. Я списалъ ихъ собственною рукою, скоро усвоилъ себѣ мнимыя премудрости генераль-баса и контрапункта, потому что съ дѣтства былъ къ тому практически подготовленъ, и занялся изученіемъ оркестровки». Практическія эти познанія, особенно въ области оркестровки, онъ быстро сталъ примѣнять на различныхъ благотворительныхъ концертахъ, при чемъ опыты эти обыкновенно оказывались удачными.

Можно замѣтить еще, что въ это время Даргомыжскій «служилъ» въ министерствѣ Двора, по контрольной части. Эта служба была просто данью дворянскимъ предрассудкамъ, по которымъ каждый молодой дворянинъ долженъ былъ получить хотя бы небольшой чинъ. Служба эта была скорѣе номинальной, чѣмъ дѣйствительной, но «необходимый» чинъ,—титularнаго совѣтника,—былъ полученъ, и въ 1835

году Даргомыжскій вышелъ въ отставку для того, чтобы совершенно свободно отдаться музыкальному творчеству.

Мысль объ оперѣ наполняла теперь душу нашего талантливаго композитора. Первый выборъ сюжета для оперы у Даргомыжскаго оказался неудачнымъ. Для своей первой оперы Даргомыжскій выбралъ драму «Лукреція Борджіа», но, написавъ уже нѣсколько нумеровъ, Даргомыжскій оставилъ эту тему, какъ по совѣту людей, хорошо понимавшихъ музыку, такъ и по собственному своему сознанию, которое подсказывало ему, что сюжетъ былъ выбранъ неудачно. Послѣ нѣкоторыхъ размышленій молодой композиторъ остановился на новомъ сюжетѣ, взятомъ изъ Виктора Гюго («Соборъ Парижской Богоматери»). Это была «Эсмеральда», которую онъ написалъ съ необычайной быстротой, и въ 1839 году представилъ въ дирекцію театровъ. Несмотря на нѣкоторые недостатки, столь естественные въ первомъ оперномъ произведеніи молодого композитора, опера носила печать выдающейся талантливости, но дальнѣйшая исторія показываетъ, какой безграничный вредъ всегда и всюду приноситъ заносчивая и тупая бюрократія, находящаяся въ полной независимости отъ воздѣйствія общественныхъ силъ. «Эсмеральдѣ» не дали движенія по причинамъ, никому не извѣстнымъ. «Несмотря на одобреніе ея капельмейстерами театровъ»,—пишетъ Даргомыжскій въ своей автобіографіи,—«несмотря на всѣ постоянныя мои хлопоты, старанія и просьбы поставить ее на сцену,—«Эсмеральда» пролежала у меня въ портфель цѣлыхъ восемь лѣтъ. Вотъ эти-то восемь лѣтъ напраснаго ожиданія, и въ самые кипучіе года жизни, легли тяжелымъ бременемъ на всю мою артистическую дѣятельность». Вотъ то поощреніе, которое одинъ изъ величайшихъ русскихъ композиторовъ встрѣтилъ у официальныхъ представителей русской музыки!

Нетрудно понять, что при такихъ условіяхъ у Даргомыжскаго пропадаетъ охота,—по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время,—къ большимъ музыкальнымъ предпріятіямъ. Онъ снова начинаетъ размѣнивать свой огромный талантъ на разныя мелкія произведенія, представлявшія часто большой интересъ, но не стоившія его таланта. Особенно часто онъ обращается теперь къ романсамъ, которые встрѣчаются публикой съ восторгомъ. «Здѣсь»,—шутить въ одномъ письмѣ нашъ композиторъ,—«въ Петербургѣ, романсы мои въ такой степени поются, что и мнѣ надобно». Въ 1843—1844 г.г. его романсы были выпущены полнымъ собраніемъ.

Но неудачи не сломили молодого композитора: спасъ талантъ, который требовалъ во что бы то ни стало широкаго проявленія и который самъ по себѣ, независимо отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ проявленій, доставлялъ много наслажденія его обладателю. Вотъ что, напр., онъ писалъ одному изъ своихъ близкихъ друзей (Кастріото-Скандербеку) въ 1843 г.: «Что касается терпѣнія и твердости характера, в которомъ ты говоришь, вѣрно то, что всѣ испытываемыя художникомъ неудачи, прежде, чѣмъ толпа успѣетъ понять его, были бы въ состояніи истощить въ конецъ его терпѣніе, если бы природа не одарила талантливаго человѣка утѣшительною способностью: исполнѣ уединяется въ продолженіе многихъ часовъ и забывать про толки людскіе и даже про существованіе прочихъ людей для того, чтобы предаваться неизъяснимой склонности, влекущей его производить на свѣтъ различныя одолеваяющія его ощущенія. Я думаю,

что главный двигатель у художника къ труду—это его любовь къ искусству, а потомъ уже идетъ наслажденіе передавать другимъ нить собственныхъ своихъ идей... Вотъ это-то почти инстинктивное стремленіе къ тому труду, который больше всего соотвѣтствуетъ требованіямъ таланта, и заставляетъ нашего композитора опять возвратиться, послѣ нѣкотораго перерыва, къ большимъ опернымъ произведеніямъ. Такими были теперь «Торжество Вакха» и «Русалка». Но исторія съ «Эсмеральдой» сильно мѣшала продуктивности работы. «Кончатъ ее»,—говоритъ онъ про оперу «Торжество Вакха» въ своей автобіографіи,—«мнѣ не хотѣлось, не слыхавъ еще на сценѣ и въ оркестрѣ первой моей оперы»... «У меня въ головѣ новая опера»,—писалъ онъ тогда же «Русалкѣ» одному изъ своихъ друзей,—«но плохо осуществляется».

Большое утѣшеніе и умиротвореніе внесла въ душу Даргомыжскаго его поѣздка за границу, куда онъ отправился въ сентябрѣ 1844 года. Оберъ, Галевъ, Мейерберъ, Фетисъ и многія другія знаменитости европейскаго музыкальнаго міра были тамъ въ кругу его знакомыхъ. Это личное общеніе съ выдающимися музыкантами Европы навело Даргомыжскаго на много новыхъ плодотворныхъ мыслей. Съ другой стороны, имя его оказалось окруженнымъ большимъ почетомъ въ артистическомъ мірѣ Западной Европы. Его знали и цѣнили тамъ гораздо больше, чѣмъ у насъ на родинѣ. По крайней мѣрѣ, по поводу его пребыванія за границей во многихъ иностранныхъ органахъ появились о немъ и о его трудахъ обстоятельныя статьи, которыя были замѣчены и въ Россіи. Все это успокоило композитора и дало ему силы для новой работы. Въ Парижѣ, куда онъ пріѣхалъ изъ Бельгіи и гдѣ въ то время жилъ Глинка, съ которымъ онъ поддерживалъ тѣсныя личныя отношенія, онъ много времени проводилъ за работой. «Сижу часто дома за своими бумагами и мараю бумагу»,—шутливо говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ парижскихъ писемъ.

Заграничныя письма Даргомыжскаго, который окончательно духовно сложился къ этому времени и которому уже перевалило за тридцать, представляютъ цѣнный біографическій матеріалъ. С. А. Базиновъ, пользуясь этими письмами и автобіографіей, старается обрисовать духовный складъ Даргомыжскаго того времени. Какіе же элементы онъ считаетъ типичными для нашего композитора? «Мы прежде всего поражаемся»,—говоритъ г. Базуновъ,—«необыкновенной ясностью и точностью, также, какъ и мѣткостью изложенія, ему обычнаго, и эти особенности однѣ, безъ помощи какихъ-либо указаній, могли бы достаточно засвидѣтельствовать главныя свойства его ума, ума яснаго и точнаго, прежде всего. Какъ извѣстно, для того, чтобы точно и ясно изложить какую-нибудь идею, нужно исполнѣ и до точности овладѣть ею, и только тогда получаются желаемыя мѣткость и краткость, будешь ли то краткость опредѣленія, сравненія, характеристики и т. п.—Посмотрите же писанія Даргомыжскаго, и вы будете удивлены именно его мѣткостью и особенно краткостью: будучи всегда содержательнымъ и понятнымъ, онъ умѣлъ оставаться краткимъ. Другими особенностями его писаній являются выразительность, всегдашняя живость и какая-то особая упругость слога. Нужно сказать, что это уже не столько свойства собственнаго ума человѣка, сколько его темперамента, натуры, и натуры несомнѣнно талантливой. Эти свойства свидѣтельствуютъ о наличности извѣстнаго запаса нервной энергіи и общей даровитости природы. Они ярче всего проявляются въ способности человѣка всегда

быть интереснымъ, овладѣвать вниманіемъ читателя или слушателя и увлекать его за собой. О чемъ бы такой человекъ ни говорилъ, какой бы специальный вопросъ ни разбиралъ, вы захотите дослушать его до конца, и вамъ не будетъ скучно. Примѣняя сказанное къ нашему композитору, мы только и можемъ опять-таки отослать читателя къ его литературнымъ произведеніямъ. Обратитесь къ автобіографіи и письмамъ Даргомыжскаго, и вы найдете тамъ всѣ указанные особенности изложенія, вы почувствуете талантливую натуру автора... Итакъ, общая даровитость натуры, большой запасъ живости и нервной энергіи, ясный и точный умъ,—вотъ основныя черты, которыя должны составить характеристику личности нашего композитора»...

Мы уже говорили, какой радушный приемъ оказалъ Даргомыжскому музыкальный міръ Западной Европы. Статьи и замѣтки, помѣщенные въ европейской прессѣ по поводу пріѣзда нашего композитора, пробили даже толстую кожу русской музыкальной бюрократіи и много содѣйствовали тому, что «Эсмеральда» появилась, наконецъ, на русской сценѣ. Но, Боже мой! какую жалкую сценическую оболочку сумѣли придать этому талантливому произведенію! Это обстоятельство, несомнѣнно, отозвалось на томъ, что широкая публика не сумѣла сразу понять «Эсмеральды». Но многіе знатоки музыки все-же оцѣнили ея значеніе. Послѣ постановки этой оперы въ Петербургѣ въ 1851 г. (въ Москвѣ она шла въ первый разъ въ 1847 г.) Даргомыжскій писалъ одному изъ своихъ друзей: «Многіе пришли послушать мою оперу во второй и третій разъ, и всѣ любезно отдали справедливость моей музыкѣ. Особенно Мауреръ, этотъ безспорно лучший знатокъ въ Петербургѣ, три раза прослушавшій мою оперу, тронулъ меня слѣдующими словами: «Я старъ и откровененъ, г. Даргомыжскій, потому что мнѣ больше нѣтъ надобности кому бы то ни было льстить: такъ я вамъ скажу напрямки, что для нынѣшняго времени ваше произведеніе слишкомъ хорошо». Къ числу лицъ, отнесшихся къ оперѣ съ большимъ сочувствіемъ, принадлежали такіе артисты и знатоки музыки, какъ Гензельтъ, Лисковскій, Тамбурины...

Этотъ успѣхъ «Эсмеральды»,—по крайней мѣрѣ, въ кругу лучшихъ музыкантовъ,—снова открылъ талантъ Даргомыжскаго. Онъ съ жаждою набрасывается на «Торжество Вахха» и заканчиваетъ его въ 1848 г. Но судьба точно боялась избаловать нашего композитора слишкомъ быстрыми успѣхами и приготовила ему новый ударъ: новая опера совсѣмъ не была принята дирекціей... Было тутъ, отчего опуститься рукамъ! «Драматическое творчество мое охладѣло»,—съ горечью замѣчаетъ Даргомыжскій въ одномъ изъ своихъ писемъ того времени. Здоровье его подъ этими ударами судьбы пошатнулось. «Я радъ»,—писалъ онъ въ 1850 г. Скандербеку,—«что ты продолжаешь заниматься музыкой. Работай усерднѣе, покуда здоровъ: я на опытѣ начинаю узнавать, что болѣзни и недуги вдругъ нагрянуть на человека и, хотя не могутъ уничтожить въ немъ силы творческой, но непрерывно останавливаютъ его въ трудѣ исполнительномъ. Со мною, напримѣръ, не бываетъ двухъ недѣль сряду, чтобы физическая боль не отвлекала меня отъ работы. Задумаешь въ мгновеніе, создашь въ утро, а обработка и изложеніе должны ждать здоровыхъ часовъ, которые стали рѣдки».

При такихъ условіяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи о крупныхъ музыкальных произведеніяхъ, и вотъ огромный музыкальный талантъ А. С-ча снова начинаетъ размѣниваться на романсы, пѣсни,

арии, дуэты, трио и прочую инструментальную и вокальную мелочь. Выходъ съ тѣмъ, Даргомыжскій много силъ начинаетъ отдавать и музыкально-педагогической дѣятельности, достигая на этомъ поприщѣ большого успѣха. «Могу смѣло сказать»,—говоритъ онъ въ автобіографіи,—«что не было въ петербургскомъ обществѣ почти ни одной извѣстной и замѣчательной любительницы пѣнія, которая бы не пользовалась моими уроками или, по крайней мѣрѣ, моими совѣтами».

И тѣмъ не менѣе, талантливая натура векорѣ опять взяла верхъ. Въ 1852 году мы опять его видимъ уже въ работѣ за «Русалкой». «Отказы дирекціи»,—замѣчаетъ онъ по этому поводу въ своей автобіографіи,—«поставить на сцену «Торжество Вакха» и дать «Эсмеральду» въ приличномъ видѣ на итальянской сценѣ не могли еще совершенно заглушить во мнѣ стремленіе къ творчеству музыки драматической, и я приступилъ къ составленію плана и собиранію матеріаловъ для оперы «Русалка». Впрочемъ, я началъ писать ее безъ всякой опредѣленной цѣли, для собственнаго удовольствія, для удовлетворенія неутомившейся еще моей фантазіи». Но работа при такихъ условіяхъ не могла отличаться большой энергіей. Случайное событіе, однако, снова расшевелило нашего композитора. Это былъ благотворительный концертъ, состоявшійся 9 апрѣля 1853 г. Принимавшій участіе въ этомъ концертѣ Даргомыжскій былъ такъ горячо встрѣченъ публикой и заслужилъ такіа неожиданныя оваціи! А. С.-чъ понялъ, что пренебреженіе официального музыкальнаго міра къ его трудамъ еще не означаетъ такого же равнодушія общества. Онъ понялъ, что поработалъ не напрасно, и у него зародилось желаніе вновь всѣ свои силы употребить на новую большую оперную вещь. Конечно, это было завершеніе и окончательная обработка «Русалки».

Но вотъ «Русалка» закончена. Въ маѣ 1856 г. она впервые была поставлена на сценѣ Маріинскаго театра. Многіе знатоки музыки считаютъ «Русалку» лучшимъ произведеніемъ Даргомыжскаго. Вотъ, что пишетъ, напр., профессоръ Соловьевъ («Энциклопедическій Словарь» Брокгауза и Ефрона): «Наиболѣе крупнымъ произведеніемъ Даргомыжскаго слѣдуетъ считать его «Русалку»; въ ней онъ выразилъ наибольшую самостоятельность и силу творчества; въ ней есть драматическіе моменты, полные правды и выраженія... Даргомыжскій является здѣсь замѣчательнымъ психологомъ и музыкантомъ; въ массѣ нумеровъ этой оперы видѣнъ чисто-русскій композиторъ, глубоко проникнутый складомъ русской музыки». И, дѣйствительно, «Русалка» съ первыхъ же шаговъ была опѣнена правильно такимъ замѣчательнымъ музыкальнымъ критикомъ, какъ Сѣровъ, посвятившій этой оперѣ десять критическихъ статей въ «Музыкально-театральномъ Вѣстникѣ». «При нынѣшнемъ безпадіи»,—пишетъ Сѣровъ во вступленіи,—«на все замѣчательное въ области поэтической вообще и музыкально-поэтической въ особенности—не у насъ только, а въ цѣломъ образованномъ мірѣ—появленіе новой, оригинальной и отлично обработанной оперы, во всякомъ случаѣ—событіе». Событіе это, получаетъ еще большее значеніе для насъ, русскихъ, благодаря тому, что это произведеніе чисто-русское, въ крайнемъ случаѣ, чисто-славянское. На этомъ особенно настаиваетъ А. Н. Сѣровъ. «Русалка»,—писалъ онъ,—«принадлежитъ прямо славянской музыкѣ... Этого одного уже достаточно, чтобы получить нѣкоторое понятіе о музыкѣ этой оперы—а priori. Большая опера въ «славянскомъ» стилѣ на сюжетъ русскій (сюжетъ, какъ извѣстно, за-

имствованъ изъ поэмы Пушкина). Слѣдовательно: много заунывнаго, много контрапункту, много правды, много занимательнаго въ обработкѣ, много оригинальнаго въ мелодическихъ и гармоническихъ приемахъ; ни малѣйшихъ слѣдовъ «виртуозныхъ» пассажей въ аріяхъ, речитативы не имѣютъ ничего рутиннаго, не отдѣлены отъ пѣвучихъ мѣстъ, а интетраально слиты съ ними; мѣстами неизбежное сходство съ оперою «Жизнь за Царя»... Другой характерной и важной чертой «Русалки» является, по мнѣнію Сѣрова, строгое соотвѣтствіе этой оперы всѣмъ требованіямъ «музыкальной драмы». «Надо знать»,—замѣчаетъ по поводу этой оцѣнки Сѣрова г. Базуновъ,—«что означаетъ въ устахъ именно Сѣрова такая похвала; надо знать тѣ обширныя и серьезныя требованія, какія связывалъ онъ со своимъ представленіемъ о «музыкальной драмѣ», чтобы оцѣнить его похвальный отзывъ по достоинству. Но при этомъ, однако, слѣдуетъ добавить, что Даргомыжскій вовсе не раздѣлялъ всѣхъ его теоретическихъ взглядовъ, и «Русалка» явилась вовсе не результатомъ какихъ-либо теоретическихъ, выработанныхъ представлений о «музыкальной драмѣ». Нѣтъ, великолѣпное произведеніе Даргомыжскаго, явилось результатомъ непосредственнаго художественнаго чутья автора и отчасти традицій, оставленныхъ Глинкою. Любопытно также замѣтить, что композиторы—представители послѣдующей реальной школы въ Россіи, вообще не ладившіе съ Вагнеро-Сѣровскими теоріями музыкальной драмы, главою своей школы признаютъ, послѣ Глинки, именно Даргомыжскаго и его считаютъ основателемъ всего русскаго реальнаго направленія, отвергая реализмъ Сѣровской музыкальной драмы»...

Переходя къ частностямъ въ оцѣнкѣ «Русалки», Сѣровъ отмѣчаетъ «наклонность къ мелкой, дробной, контрапунктной» отдѣлкѣ музыкальной драмы; онъ восхищается тонкой и сложной тканью мелодій и художественностью речитативовъ и ихъ музыкальностью. Отдѣльныя мѣста, какъ дуэтъ князя съ Наташею, дуэтъ князя съ мельникомъ, по словамъ Сѣрова, «по Глюковской правдѣ драматизма и по необыкновеннымъ красотамъ музыкальнымъ мало имѣютъ соперницъ въ самыхъ образцовыхъ произведеніяхъ». Необычайную художественную цѣнность представляетъ, по мнѣнію Сѣрова, и сцена безумія мельника. «Во многихъ прежнихъ операхъ»,—говоритъ онъ,—«и особенно у итальянцевъ... есть сцены безумія, помѣшательства,—эти Лучіи, Эльвиры въ бѣлыхъ пеньюарахъ и съ распущенными косами, достаточно надоели и даже досадно опошлили музыкально-драматическій эффектъ «сумашествія». Авторъ «Русалки», вдохновленный концепціей своего «безумнаго мельника»,—снова освѣтилъ этотъ «мотивъ», одинъ изъ самыхъ богатыхъ для оперы, и въ этой отличной сценѣ создалъ произведеніе образцово-художественное».

«Приговоры о художественныхъ созданіяхъ»,—замѣчаетъ Сѣровъ въ заключеніи своего изслѣдованія,—«никогда не любятъ дѣлать по сравненію... Въ стремленіи къ драматической «правдѣ» авторъ идетъ прямою линіею по стопамъ Глинки и, какъ я старался показать, въ двухъ главнѣйшихъ сценахъ оперы достигаетъ своей цѣли побѣдоносно. Въ этихъ сценахъ сравненіе и съ Глинкою, и съ Моцартомъ будетъ для автора «Русалки» не опасно нисколько. Оставивъ уже въ сторонѣ перво-степенныхъ гениевъ, спустившись до уровня просто хорошихъ и со своихъ сторонъ справедливо знаменитыхъ оперъ... мы увидимъ, что «Русалка» на вѣсахъ безпристрастной критики перетянетъ многія изъ

Смерть Моцарта.—Картина Г. О'Нейля.

весьма прославленных оперных произведений. Въ ней окажется несравненно больше толка, вкуса, поэзіи (собственно въ музыкѣ, не говоря уже о счастливѣйшихъ данностяхъ удачно-избраннаго сюжета). Если мы сравнимъ разбираемую оперу съ близко-родственными ей операми М. И. Глинки, то отведемъ ей и возлѣ нихъ весьма почетное мѣсто, какъ достойное продолженіе того же стиля, той же школы. Если, наконецъ, безъ отношенія къ школѣ, мы захотимъ сравнить «Русалку» съ тѣми большими операми, которыя въ послѣднее время впервые появились на петербургской оперной сценѣ, то сравненіе будетъ уже черезчуръ невыгодно для тѣхъ оперъ...

О творческой связи между Глинкой и Даргомыжскимъ говорится слишкомъ часто и много для того, чтобы не постараться выдвинуть тѣ черты, которыми Даргомыжскій отличается отъ Глинки и которыми особенно рельефно выдвигается самобытность Даргомыжскаго. Удачное сравненіе этого рода мы находимъ у г. Базунова. «Въ основу своей музыкальной обработки»,—говоритъ онъ,—«Даргомыжскій положилъ, подобно Глинкѣ, народное творчество. Но, исходя изъ тѣхъ же основныхъ положеній, что и Глинка, онъ подвинулъ дѣло, начатое Глинкой, далѣе, разработавъ матеріалъ народнаго музыкальнаго творчества со стороны драматическихъ его элементовъ, тогда какъ Глинка ограничился преимущественно элементами лирическими и отчасти этическими. Въ этомъ смыслѣ, т. е. со стороны драматизма, нашъ композиторъ пошелъ гораздо далѣе Глинки, музыка котораго съ этой точки зрѣнія значительно уступаетъ музыкѣ Даргомыжскаго вообще и образцамъ ея въ «Русалкѣ» въ частности. Подобно тому, какъ Даргомыжскій уступалъ Глинкѣ, напр., въ сферѣ фантастической (это сейчасъ же видно при сравненіи «Русалки» съ «Русланомъ» Глинки), такъ нашъ композиторъ оказывается особенно сильнымъ вездѣ, гдѣ только имѣетъ дѣло съ матеріаломъ драматическимъ, и многія мѣста «Русалки» даютъ самыя блестящія доказательства этой специальной особенности его таланта... Но, говоря о драматическихъ способностяхъ Даргомыжскаго, отнюдь не слѣдуетъ ограничивать понятіе «драматическаго» болѣе тѣснымъ понятіемъ собственно трагическаго элемента. Напротивъ, элементъ комическій свойственъ таланту нашего композитора болѣе, чѣмъ всякому другому изъ русскихъ композиторовъ. Эта дѣйная особенность дарованія, столь рѣдкая именно въ соединеніи съ собственно-драматическими (трагическими) свойствами таланта, проявилась въ «Русалкѣ» весьма рельефно и производитъ самое выгодное общее впечатлѣніе. Къ сказанному надо прибавить, что мотивы комическаго характера облечены у Даргомыжскаго всегда и вездѣ въ строго-національныя, прямо-русскія формы. Ему нельзя, какъ Глинкѣ, сдѣлать упрекъ въ томъ, что у него «комическая сторона теряетъ національность». Напротивъ, въ темахъ комическихъ Даргомыжскій остается русскимъ болѣе, чѣмъ когда-либо, и національный характеръ его комическихъ темъ ясенъ часто до очевидности»...

Таково художественно-общественное значеніе «Русалки». Но опера эта имѣла, какъ замѣчаетъ г. Базуновъ, для Даргомыжскаго огромное личное значеніе. Только въ «Русалкѣ» Даргомыжскій развернулъ свой талантъ во всю величину. Только въ «Русалкѣ» «отразилась во весь ростъ вся художественная личность его». «Русалка» съ начала до конца—произведеніе самостоятельное. Въ ней мы можемъ видѣть продолженіе, расширеніе и углубленіе музыкальных завѣтовъ, оставлен-

ныхъ Глинкой, но тутъ нѣтъ продолженія въ собственномъ смыслѣ этого слова. Между тѣмъ, этого далеко нельзя сказать про двѣ его первыя оперы, особенно про «Эсмеральду», на которой, несмотря на всѣ ея, часто очень крупныя, музыкальныя достоинства, лежитъ явный отпечатокъ тогдашней французской школы. Вотъ почему извѣстная доля правды заключается въ томъ, чрезмѣрно строгомъ, приговорѣ, который Даргомыжскій сдѣлалъ въ письмѣ къ одному близкому лицу своей «Эсмеральдѣ» послѣ появленія на свѣтъ Божій «Русалки». «Вы знаете»,—говоритъ онъ въ этомъ письмѣ,—«что я писалъ эту оперу на 22—24 годахъ моей жизни. Музыка не важная, часто унылая, какъ то бываетъ у Галеви или Мейербергера; но въ драматическихъ сценахъ уже проглядываетъ тотъ языкъ правды и силы, который впоследствии старался я развить въ русской своей музыкѣ»... Только освободившись отъ всякой подражательности, Даргомыжскій сумѣлъ перейти къ совершенно самостоятельному стилю и сдѣлаться однимъ изъ крупнѣйшихъ представителей національной русской музыки.

Итакъ, одинъ изъ перловъ мірового музыкальнаго творчества, одна изъ крупнѣйшихъ жемчужинъ русскаго національнаго искусства,—«Русалка»,—была поставлена на сцену и явилась на судъ нашего интеллигентнаго общества. Какой же приѣмъ былъ оказанъ ей? Къ сожалѣнію, приходится признать, что она не была понята, за исключеніемъ нѣсколькихъ дѣйствительныхъ знатоковъ. «Русалка моя»,—пишетъ Даргомыжскій любимой своей ученицѣ Л. П. Кармалиной вскорѣ послѣ постановки этой оперы,—«большинству мужчинъ не нравится. Они умничаютъ, и если который изъ нихъ и хвалитъ оперу, то хвалитъ условно нѣкоторые нумера. Нѣкоторые рецензенты ставятъ ее ниже другихъ русскихъ оперъ».... «Я не заблуждаюсь»,—заявляетъ онъ въ другомъ письмѣ.—«Артистическое положеніе мое въ Петербургѣ незавидно. Большинство нашихъ любителей музыки и газетныхъ писакъ не признаютъ во мнѣ вдохновенія. Рутинный взглядъ ихъ ищетъ льстивыхъ для слуха мелодій, за которыми я не гонюсь. Я не намѣренъ снизводить для нихъ музыку до забавы. Хочу, чтобы звукъ прямо выражалъ слово. Хочу правды. Они этого понять не умѣютъ. Отношенія мои къ здѣшнимъ знаатокамъ и бездарнымъ композиторамъ еще болѣе грустны, потому что двусмысленны. Уловка этихъ господъ извѣстна: безусловно превозносить произведенія умершихъ, чтобы не отдавать справедливости современнымъ. Это ведется съ давнихъ временъ»...

Каковы же были причины этой неудачи? Почему «Русалка», которая десять лѣтъ спустя сдѣлалась украшеніемъ нашей оперной сцены, при первомъ своемъ появленіи вызывала къ себѣ подобное отношеніе? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ придется указать, повидимому, на двѣ причины.

Прежде всего «Русалка» попала, къ своему несчастью, въ полосу крайняго упадка музыкальнаго вкуса въ Россіи. И Даргомыжскій это зналъ еще до появленія «Русалки», а потому, вѣроятно, и предвидѣлъ возможность непопулярности своей оперы. «Сожалѣю»,—писалъ онъ, напр., еще въ 1852 году,—«что музыкальное искусство такъ упало у насъ. Ты себѣ представить не можешь, что за сочиненія имѣютъ здѣсь (въ Петербургѣ) успѣхъ: цыганскія аріи, да только самаго пошлаго свойства. На итальянской оперѣ ставятъ Верди и Алари: все общія мѣста, приправленные страшнѣйшимъ шумомъ». При такой обстановкѣ «Русалка», конечно, должна была, — по крайней мѣрѣ, зрѣленно, — прійтись не ко двору.

Другая причина, подорвавшая успѣхъ «Русалки», заключалась въ той безсовѣстной и неряшливой постановкѣ, въ которой дирекція театра нашла возможнымъ выпустить «Русалку». «Не можете себѣ представить, какъ гнусная постановка оперы вредитъ эффекту музыки!» — писалъ съ отчаяніемъ Даргомыжскій. — «Затасканныя декорации и костюмы наводятъ уныніе. На свадьбѣ князя горятъ двѣ пары тройниковыхъ канделябровъ. Боярскіе костюмы и застольныя украшенія, выдержавшіе около сотни представленій въ пьесѣ «Русская свадьба», носятъ на себѣ прорѣхи и слѣды закулисной неопрятности. А въ концѣ оперы, вмѣсто трагическаго плаванія живыхъ русалокъ, влекущихъ тѣло утопшаго князя, спускаются перпендикулярно двѣ деревянныя морскія тучелы: головы человѣческія, съ бакенбардами по щекамъ, а туловища огромныхъ окуней, съ кольцеобразными окунами. Въ утѣшеніе — одна изъ этихъ головъ похожа, какъ двѣ капли воды, на Гедеонова (тогдашняго директора театра). Судите сами, хорошъ ли эффектъ?..» Кромѣ того, какъ видно изъ другого сообщенія, «опера исполняется второстепенными артистами, дается рѣдко, кое-какъ, въ лѣтніе мѣсяцы, а зимой вовсе не дается»... А, между тѣмъ, правильная постановка именно этой оперы была въ высшей степени важной. «Народность», — замѣчаетъ Стрѣвъ по поводу «Русалки», — «придаетъ поэтическимъ подробностямъ ея новыя красоты опредѣленностью мѣстнаго колорита и, слѣдовательно, вызываетъ оригинальность и въ музыкѣ, и въ постановкѣ...» «Со стороны «сценической» — сюжетъ одинъ изъ богатѣйшихъ для оперы. Тутъ есть пышный княжескій теремъ и въ немъ свадебный пиръ на весь міръ, тутъ есть лунная ночь надъ Днѣпромъ, въ Днѣпрѣ таинственныя существа — русалки, съ ихъ играми и смѣхомъ, наконецъ, вся роскошь ихъ подводнаго царства. Какіе богатые контрасты, какое раздолье для костюмеровъ и декораторовъ!» Безъ внимательной и добросовѣстной постановки нѣкоторыя сцены, по мнѣнію Стрѣва, не стоило вовсе ставить. Такова, напр., картина подводнаго царства въ 4-мъ актѣ. При неудачной постановкѣ, говоря словами того же Стрѣва, картина слишкомъ близко напоминаетъ обыкновенное, избитое окончаніе балетовъ и даже арлекинадъ.

А именно къ этому-то дирекція и подводила знаменитую оперу, именно такими-то безсовѣстными кляксами она и пятнала роскошную картину, нарисованную талантливой рукой Даргомыжскаго. Можно ли удивляться послѣ этого, что «Русалка» оставила публику холодной! Дѣло дошло до того, что Даргомыжскій никакъ не могъ найти издателя для своей «Русалки». «Издаю «Русалку» свою самъ, на заемныя деньги, и буду очень доволенъ, ежели приплачу только-только половину издержекъ, т. е. рублей 700», — пишетъ онъ одному изъ своихъ друзей въ 1856 г. Но издать не удалось, а тутъ чуть-чуть, благодаря несчастной случайности, «Русалка» совсѣмъ не погибла и для современниковъ. «Вы слышали, конечно», — писалъ онъ Л. П. Кармалиной, къ которой онъ питалъ чувство, близкое къ любви, — «что театр-циркъ (такъ назывался тогда Маринскій театр) въ Петербургѣ сгорѣлъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ сгорѣли партитуры и партіи 17-ти русскихъ оперъ. Можетъ быть, вы читали въ газетахъ возгласы фельетонистовъ и музыкальных рецензентовъ... о знаменательномъ для Россіи несчастіи, что оперы Глинки «Русланъ» и «Жизнь за Царя» сгорѣли, — но такъ какъ я умѣю угодить (и то не всегда) такимъ снисходительнымъ и милымъ людямъ, какъ вы, и вамъ подобнымъ, а не записнымъ знающимъ и фельетонистамъ, то вы и не могли нигдѣ прочесть, что

въ числѣ этихъ 17-ти оперъ сторѣла и моя скромная «Русалка». Разница только въ томъ, что партитуры Глинки находятся въ Петербургѣ, Москвѣ и за границей въ числѣ пяти или шести копій, а «Русалка»,—если бы московская наша пѣвица Семенова не похлопотала списать ее для своего бенефиса ровно за двѣ недѣли до пожара—погибла бы безвозвратно. Въ день пожара театра списанныя партіи «Русалки» находились въ дорогѣ въ Москву»...

Неудивительно, что въ этой обстановкѣ несправедливости и пошлости неосѣненный и почти забытый Даргомыжскій чувствовал себя плохо. Къ счастью, огромный, хотя и непонятый, талантъ не далъ ему опуститься, не позволилъ ему сойти съ намѣченного пути. Что въ это тяжелое время онъ находилъ поддержку только въ самомъ себѣ, объ этомъ свидѣлствуетъ слѣдующее его письмо къ той же г-жѣ Кармалиной (въ 1860 г.). «Художникъ—существо исключительное»,—пишетъ онъ тамъ:—«Приходило ли вамъ когда-нибудь въ голову, что самъ Богъ сдѣлалъ для него изыатіе изъ своего коренного и неизбѣжнаго для всѣхъ прочихъ людей закона? Кому, напримѣръ, трудъ и работа не въ тягость? Для художника они составляютъ наслажденіе въ жизни. Кого не привлекаютъ роскошь, моды, обѣды, свѣтскія развлечения и прочія удовольствія? Художникъ ими тяготится. Уединеніе и постоянная забота объ усовершенствованіи своихъ произведеній—вотъ истинная жизнь художника, вотъ его счастье. Тотъ, кто пишетъ съ цѣлью пріобрѣтенія богатства или громкой славы, уже не есть художникъ, а просто талантливый человѣкъ, торгующій способностями своими, примѣненными къ дѣлу искусства или поэзіи... Теперь... я спрошу васъ: правъ ли онъ будетъ, если захочетъ при всемъ томъ гоняться и за богатствомъ, и за почестями земными, и за ласковой улыбкой знатныхъ людей, и за красной подкладкой на пальто, и за разными безпорочными знаками на груди, и, наконецъ, пожелаетъ начальствовать надъ другими? Что же онъ тогда оставитъ графамъ Х. и У.? разнымъ труженикамъ—бюрократамъ, откупщикамъ, взяточникамъ и пройдохамъ—журналистамъ?» Вспоминая ту тяжелую полосу жизни, когда для новаго творчества его спасло то же непреодолимое, почти инстинктивное стремленіе проявить въ настойчивомъ трудѣ свой талантъ, мы можемъ признать, что въ вышеприведенной цитатѣ нѣтъ ни одной буквы фальши. И, тѣмъ не менѣе, мы знаемъ изъ жизни того же Даргомыжскаго, какую силу, какую радость приносить художнику сочувственное отношеніе толпы. Отсюда нетрудно понять, почему непонятаго и почти забытаго Даргомыжскаго снова потянуло съ родины, которую онъ такъ любилъ и которую такъ глубоко понималъ своею огромной музыкальной душой.

И, дѣйствительно, въ концѣ 1864 г. мы находимъ Даргомыжскаго за границей. И на этотъ разъ иностранцы показали намъ лишній разъ, какъ мы не умѣемъ цѣнить своихъ талантливыхъ людей. Вотъ небольшой отрывокъ изъ его письма къ сестрѣ: «Въ Лейпцигѣ знали меня, но немного. Въ брюссельскомъ же музыкальномъ мірѣ я, къ удивленію моему, пользуюсь совершенной извѣстностью. Мнѣ оказываютъ почтенія побольше, чѣмъ въ Петербургѣ». Такъ, главный капельмейстеръ брюссельскаго музыкальнаго общества, насчитывавшаго въ своемъ составѣ десятки выдающихся музыкантовъ, немедленно же сдѣлалъ Даргомыжскому такое предложеніе: «если у васъ есть сочиненіе, съ которымъ вы желаете познакомить здѣшнюю публику, то мы будемъ счастливы исполнять его въ нашемъ первомъ концертѣ». Даже торговецъ, у котораго

Даргомыжскій взявъ фортепiano на прокатъ, отказался принять плату, когда узналъ, кто его клиентъ. Все это представляло полный контрастъ съ тѣмъ равнодушіемъ и даже пренебреженіемъ, съ которыми Даргомыжскій встрѣчался у себя на родинѣ.

Все это ободрило Даргомыжскаго, и онъ далъ согласіе на постановку въ концертѣ брюссельскаго музыкальнаго общества увертюры «Русалки» и «Казачка». Какъ волновался нашъ композиторъ, выступая со своими любимыми произведеніями передъ такими знатоками музыки, какими являются члены этого музыкальнаго общества! «Одинъ въ большой столицѣ»,—пишетъ онъ по этому поводу,—«въ одномъ изъ самыхъ музыкальныхъ городовъ, не имѣя никакой европейской извѣстности, выходить на судъ 86 человѣкъ артистовъ серьезныхъ, переигравшихъ и переслушавшихъ всевозможныя музыкальныя произведенія,—артистовъ, съ которыми ни родства, ни свойства, ни дружбы не имѣю, которыхъ созвали только для того, чтобы исполнить мои сочиненія, наконецъ, которые привыкли громко и безъ всякихъ церемоній выражать свое мнѣніе. Было, о чемъ подумать»... Но вотъ наступилъ день репетиціи... и та самая «Русалка», которая встрѣтила сдержанное одобреніе и то лишь въ музыкальныхъ кругахъ Россіи, привела въ восторгъ изысканныхъ знатоковъ европейской музыки въ Брюсселѣ. Исполненіе увертюры «Русалки» сопровождалось, говоря словами нашего композитора, «одобрительнымъ гвалтомъ». Гансенсъ, главный капельмейстеръ общества, кричалъ: «Это дьявольски хорошо!» «Сыграли увертюру три раза»,—продолжаетъ Даргомыжскій.—«Всякій разъ гвалтъ значительно усиливался. Было видно, что музыканты все болѣе и болѣе вникаютъ въ характеръ мотивовъ и гармоніи, которые были для нихъ новы». «Казачекъ», котораго сыграли два раза, не только привелъ всѣхъ въ восторгъ, но и развеселилъ весь оркестръ. «Я бывалъ свидѣтелемъ»,—добавляетъ Даргомыжскій,—«какъ петербургскій оркестръ аплодируетъ своимъ знаменитостямъ: Рубинштейну, Вагнеру, Лядову, Строву, но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, какъ мнѣ здѣсь отхлопали». Затѣмъ наступилъ день концерта, который принесъ нашему знаменитому соотечественнику настоящій триумфъ. «Огромная зала»,—описываетъ онъ этотъ концертъ,—«была набита биткомъ. Я сидѣлъ въ галлерей съ боку... По окончаніи концерта стали меня вызывать. Я не зналъ, куда дѣться. Шумъ страшный, потому что здѣсь и оркестръ аплодируетъ и вызываетъ наравнѣ съ публикой. Я сталъ пробираться въ тѣснотѣ черезъ всю залу. Ужъ сколько переломалъ криволимовъ—и счету нѣтъ. Конфузно ужасно. Только и слышишь: «Вотъ какъ, авторъ здѣсь! А, вотъ онъ!.. А, онъ въ Брюсселѣ! Вотъ какъ, онъ русскій!» То-есть, ни одного медвѣдя такъ собаками не травили!—Далѣе, обступили меня—приглашаютъ къ себѣ. Возвращаюсь назадъ—та же потѣха!» Иностранная пресса послѣ этого концерта съ большой похвалой заговорила о Даргомыжскомъ. Съ отдохнувшей душой и въ приподнятомъ настроеніи духа возвратился теперь Даргомыжскій къ себѣ на родину. Въ маѣ 1865 года мы находимъ его уже въ Россіи. Этотъ заграничный успѣхъ снова укрѣпилъ положеніе Даргомыжскаго въ русскомъ музыкальномъ мірѣ и заставилъ нашего композитора съ увлеченіемъ взяться снова за большое музыкальное произведеніе. Это былъ «Каменный Гость», которому, впрочемъ, предшествовало нѣсколько замѣчательныхъ романсовъ комическаго характера («Титулярный совѣтникъ», «Какъ пришелъ мужъ изъ-подъ горокъ» и др.).

«Каменный Гость»—произведение, по характеру своей музыки настолько новое и оригинальное, что вызвало въ литературѣ многочисленныя споры. Задачей «Каменнаго Гостя», какъ извѣстно, было дать для оперной сцены драму Пушкина, по возможности, въ совершенно неизмѣненномъ видѣ. Какъ же справился со своей задачей Даргомыжскій? Послушаемъ сначала его противниковъ.

«По поводу юбилея Пушкина»,—пишетъ г. Н. Покровскій («Музыкальная драма»),—«г. Кюи вспомнилъ о техническомъ музыкальномъ опытѣ, сдѣланномъ Даргомыжскимъ, задумавшимъ, подъ влияніемъ новой въ его время проповѣди Вагнера, написать оперу, гдѣ текстъ поставленъ былъ бы на первое мѣсто и въ музыкѣ не было бы арій, дуэтовъ и т. д., и, за исключеніемъ специальныхъ сценъ, не было бы ничего, кромѣ речитативовъ; это произведение—«Каменный Гость» на текстъ Пушкина». Г. Кюи считаетъ эту оперу лучшимъ произведеніемъ Даргомыжскаго, но г. Покровскій оспариваетъ этотъ взглядъ. По его словамъ, Даргомыжскій, искусственно ограничивъ себя въ исполненіи почти исключительно одной музыкальной формой—речитативами, лишилъ себя возможности использовать въ музыкальномъ отношеніи это великое произведение Пушкина такъ, какъ его можно было бы использовать. «Кюи»,—продолжаетъ г. Покровскій,—«находилъ, что это произведение Пушкина даетъ для музыканта мало лирическихъ моментовъ, въ немъ нѣтъ случая вывести хоръ на сцену и въ немъ масса прозаическаго и обыденнаго разговора; кромѣ двухъ романсовъ Лауры, музыка эта не имѣетъ мѣстнаго колорита, это—общая музыка, сплошной діалогъ, и только діалогъ»... «Г. Кюи»,—пишетъ нѣсколькими страницами дальше г. Покровскій,—«находить, что «Каменный Гость» Пушкина даетъ мало матеріала для музыканта, онъ не видитъ въ немъ лирическихъ моментовъ. Можно ли такъ говорить? Довольно прочесть эти сцены, чтобы увидѣть, что тамъ—одна лирика и одинъ драматизмъ, тамъ даже Лепорелло страдаетъ! «Каменный Гость» и безъ хоровъ можетъ дать музыканту массу матеріала для музыкальнаго выраженія чувствъ и мыслей; надо только вдохновиться Пушкинымъ и воплотить его въ музыкѣ. Мы не сомнѣваемся, что если бы Даргомыжскій не задался одною речитативною музыкой, онъ написалъ бы «Каменнаго Гостя» неизмѣримо лучше»...

Что же касается самой музыкальной формы—речитатива, выбранной Даргомыжскимъ для «Каменнаго Гостя», то г. Покровскій дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія. Новѣйшій речитативъ, безъ всякой мелодіи, въ настоящемъ смыслѣ слова, это—чисто-внѣшняя музыка, въ которой ничего не выражается, кромѣ: громко, тихо, скоро, медленно, басъ, теноръ, сопрано; надо совсѣмъ не уважать музыку, чтобы такъ организовывать ея значеніе. Полнѣйшее выраженіе музыкальной рѣчи въ оперѣ есть арія, конечно, безъ увлеченія упражненіями для голоса; за нею слѣдуетъ аріозо, которое, въ большинствѣ случаевъ, и есть по существу мелодическій речитативъ въ обширномъ развитіи; за этимъ слѣдуетъ уже простой мелодическій речитативъ. Меньше этого теперь уже и нельзя допускать въ оперѣ, и только мода ввела речитативъ безъ мелодіи, состоящій изъ однихъ повышеній и пониженій звуковъ; появленіе его объясняется только тѣмъ, что стихи произносить въ оперѣ и потому ихъ надо пѣть. Это—такой же бессмысленный речитативъ, какимъ былъ совсѣмъ оставленный теперь итальянскій сухой речитативъ (*secco*), за-

хнявшій въ оперѣ разговоръ и примѣнявшійся только къ второстепеннымъ сценамъ»...

Таковы возраженія противниковъ «Каменнаго Гостя». И, однако, даже ярко выраженные противники такой музыкальной формы, какъ, напр., известный Г. А. Ларошъ, считают это произведеніе вообще «даровитымъ, остроумнымъ и вдохновеннымъ», не говоря уже объ отдѣльных мѣстахъ: напр., сцена ужаса, охватившаго Лепорелло и Донъ-Жуана, считается имъ великолѣпной и безукоризненной.

Неудивительно послѣ этого, что многіе защитники «Каменнаго Гостя» ставятъ его необычайно высоко. По мнѣнію г. Кюи, «Русланъ» и «Каменный Гость»—краеугольные камни, на которыхъ возвышается великолѣпное зданіе современной русской оперы. По словамъ В. В. Стасова, это — «одно изъ гениальнѣйшихъ созданій міра», «гениальный краеугольный камень грядущаго новаго періода музыкальной драмы». «Опера эта»,—говоритъ тотъ же замѣчательный критикъ,—«есть то созданіе, которое даетъ Даргомыжскому безсмертіе и навсегда дѣлаетъ его равнымъ творцу «Руслана». Какъ же защищаютъ свои позиціи эти замѣчательные защитники «Каменнаго Гостя»? Въ слѣдующей цитатѣ С. А. Базунова, какъ намъ кажется, собраны главнѣйшіе доводы въ пользу «Каменнаго Гостя». Говорить объ оперѣ Даргомыжскаго «Каменный Гость»,—пишетъ этотъ біографъ нашего композитора,—«значитъ говорить только о речитативахъ оперы. Въ ней рѣшительно отброшены въ сторону всѣ условные и формальные элементы опернаго типа и даже всѣ самостоятельныя задачи музыки, разъ только онѣ не связаны съ задачами текста и ими не вызываются... Повторяя наше собственное выраженіе, мы опять должны сказать, что музыкальная декламация «Каменнаго Гостя» выработана буквально до степени совершенства, дальше котораго, повидимому, и идти некуда. Въ этой оперѣ музыкальная рѣчь Даргомыжскаго такъ гибка и такъ богата средствами выраженія, что въ совершенствѣ справляется рѣшительно со всякимъ содержаніемъ слова. Нѣжность, любовь, страсть, страхъ, самый тонкій психологическій анализъ, мотивы комизма, все удастся ему, все передано средствами музыки въ такой точной близости къ тексту, что можно сказать безъ всякой натяжки: «Каменный Гость» Даргомыжскаго есть самый близкій переводъ произведенія Пушкина съ одного поэтическаго языка на другой. И по своимъ художественнымъ достоинствамъ этотъ переводъ Даргомыжскаго ни въ чемъ не уступаетъ оригиналу Пушкина. А этимъ, кажется, все сказано!»

Таковы взгляды противниковъ и защитниковъ «Каменнаго Гостя». Кто изъ нихъ правъ, покажетъ будущее. Достаточно сказать, что оба лагерь насчитываютъ выдающихся музыкальных дѣятелей, и что оба лагерь, расходясь въ оцѣнкѣ общаго значенія этой оперы, признаютъ ее явленіемъ замѣчательнымъ. Какъ же былъ встрѣченъ «Каменный Гость» публикой? Тотъ споръ, который возникъ вокругъ «Каменнаго Гостя» въ музыкальныхъ сферахъ, уже предрѣшаетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Мы видѣли, какъ трудно было выяснитъ истинное значеніе этого музыкальнаго произведенія даже хорошимъ знатокамъ музыки. Приходится ли удивляться, что публика не поняла «Каменнаго Гостя» и осталась къ нему равнодушной?.. Это предвидѣлъ самъ Даргомыжскій. Въ одномъ письмѣ къ г-жѣ Кармалиной въ 1866 г. онъ говоритъ: «Я не совѣмъ еще разстался съ музой... Пробую дѣло небывалое: пишу музыку на сценѣ «Каменнаго Гостя» такъ, какъ онъ есть, не измѣняя ни одного

слова. Конечно, никто не станет этого слушать. Но чѣмъ же я-то хуже другихъ? Для меня не дурно... «Вы поймете»,—замѣчаетъ онъ въ другомъ письмѣ черезъ два года къ той же г-жѣ Кармалиной,—«что это за трудъ, когда узнаете, что я пишу музыку на текстъ Пушкина, не измѣняя и не прибавляя ни одного слова. Конечно, это произведение будетъ не для многихъ»... Впрочемъ, въ этомъ равнодушіи публики къ своему новому дѣтищу Даргомыжскому лично уже убѣдиться не пришлось. «Каменный Гость» былъ въ первый и послѣдній разъ данъ на сценѣ Мариинскаго театра 16 февраля 1872 г., т. е. черезъ три слишкомъ года послѣ смерти нашего великаго композитора. Даргомыжскій умеръ 5 января 1869 года, на 56 году отъ рожденія. Умеръ онъ, не успѣвъ немного закончить своего оригинальнаго „Каменнаго Гостя“. Недодѣланное, по просьбѣ Даргомыжскаго, было закончено Ц. А. Кюи, а инстру-

ментовка, согласно тому же желанію, была исполнена Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ.

Смерть оборвала эту замѣчательную жизнь внезапно. Его болѣзнь была аневризмъ, которая давала себя знать, говоря словами самого Даргомыжскаго, „разстройствомъ чего-то около сердца и чрезмѣрно

Памятникъ на могилѣ А. С. Даргомыжскаго на кладбищѣ Александро-Невской лавры въ С.-Петербургѣ.

сильнымъ и неправильнымъ обращеніемъ крови». Положеніе больного композитора было тяжелымъ. «Всякое дыханіе рѣзало ножемъ»... Но удивительно то, что это ужасное физическое состояніе не только не убивало творчества Даргомыжскаго, но поднимало его на страшную высоту. «При первическомъ моемъ состояніи»,—замѣчаетъ онъ въ одномъ письмѣ,—«у меня расходилась творческая жилка такъ, какъ бывало только въ молодости. Это, въ самомъ дѣлѣ, странное явленіе! Сидя за фортепіанами, больной и сторбленный, я въ пять дней подвинулъ своего «Каменнаго Гостя» такъ, какъ бы здоровый и въ два мѣсяца его не подвинулъ. Долго ли это продолжится—не знаю!» Мы знаемъ, что продолжилось это недолго, и великій композиторъ не успѣлъ даже закончить своего великаго произведенія. 9 января 1869 г. онъ былъ погребенъ на Але-

Сандро-Невскомъ кладбищѣ неподалеку отъ Глинка, съ которымъ имя его связано неразрывно навѣки.

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ въ высшей степени характерномъ для русской жизни фактѣ, непосредственно касающемся Даргомыжскаго. Когда «Каменный Гость» былъ законченъ Кюи и Римскимъ-Корсаковымъ, они захотѣли получить въ пользу наслѣдниковъ Даргомыжскаго скромную сумму въ 3.000 руб. Но это желаніе наткнулось на сопротивленіе дирекціи. Оказалось, что въ силу какихъ-то безсмысленныхъ канцелярскихъ правилъ, русскій композиторъ не можетъ получить за свое произведеніе больше 1.143 руб., тогда какъ иностраннымъ композиторамъ разрѣшалось уплачивать гораздо большія суммы (такъ, напр., Верди за постановку одной оперы было заплачено 15.000 руб.). Это обстоятельство крайне возмутило Кюи и Римскаго-Корсакова, и они рѣшились во что бы то ни стало добиваться тѣмъ или другимъ путемъ своей цѣли. Въ своемъ открытомъ письмѣ, помѣщенномъ въ 1870 г. въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», Кюи, извѣщая о вышеупомянутомъ конфликтѣ, добавляетъ: «Вотъ почему «Каменный Гость» лежитъ до сихъ поръ у меня и пролежитъ еще, быть можетъ, неопредѣленно-долгое время, пока не окажется возможнымъ дать русскому болѣе 1.143 руб., или же признать Даргомыжскаго иностранцемъ»... Однако, «Каменному Гостю» не пришлось ждать своего появленія на сценѣ неопредѣленно-долгое время. Въ дѣло вмѣшался съ своей страстной пропагандой В. В. Стасовъ. Въ своемъ «Посланіи къ с.-петербургскому собранію художниковъ», помѣщенномъ въ тѣхъ же «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», онъ, между прочимъ писалъ: «Лишь однѣ бездарныя или, по крайней мѣрѣ, очень плохія изъ числа русскихъ оперъ пользуются всяческимъ успѣхомъ, точно будто онѣ сочинены иностранцами; но зато, наоборотъ, всѣ самыя талантливыя, иногда гениальныя, наши оперы должны пройти на своемъ вѣку сквозь тысячу мытарствъ. Примѣры на лицо. Вспомните «Жизнь за Царя»: ее поставили на сцену лишь тогда только, когда Глинка далъ подписку не требовать никакого вознагражденія за свою оперу. «Руслана» сначала давали нѣсколько времени, но потомъ бросили и забывали про него цѣлыхъ 14 лѣтъ, такъ что нужны были, Богъ знаетъ, какія усилія, чтобы, наконецъ, эту оперу услышала русская публика. Съ «Русалкой» была исторія въ томъ же родѣ. Кто знаетъ все это, конечно, никогда не удивится неуспѣху хорошей русской оперы; вѣрно, она ужъ очень талантлива, если ей крѣпко не везетъ у насъ», скажетъ про себя всякій. Но неуспѣхъ оп. «Каменный Гость» превосходить, кажется, все, что прежде бывало въ этомъ родѣ: никто даже не развернулъ ее нынче, никто даже не справился о томъ, хороша она или дурна, гениальна или посредственна. До сихъ поръ рѣчь шла всего только объ одномъ: о трехъ тысячахъ и о томъ, что такихъ (!) денегъ за *русскую* оперу платить нельзя. Ну, можетъ быть, все это дѣйствительно прекрасно, превосходно и даже очень остроумно; можетъ быть все это точно такъ и должно быть, но все-таки, мнѣ кажется, такіе удивительные порядки должны глубоко печалить и оскорблять васъ, художниковъ»... И порядки эти нашей музыкальной бюрократіи, дѣйствительно, оскорбили не только художниковъ, но и общество. Требуемая сумма была собрана по подпискѣ, и «Каменный Гость» попалъ на сцену.

А. Н. Сѣровъ.

А. Н. Сѣровъ.

(1820—1871).

Одною изъ самыхъ темныхъ историческихъ загадокъ является вопросъ, почему великіе люди, оказавшіе на человѣческую жизнь колоссальное вліяніе, появляются на длинныхъ вѣтвяхъ историческаго дерева часто цѣлыми букетами. Почему, напр., Леонардо-да-Винчи, Микель-Анджело и Рафаэль, поднявшіе живопись почти до возможныхъ для человѣчества вершинъ, были современниками? Почему Герценъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ и Чернышевскій, обработавшіе лезвіе и красоту публицистическаго творчества до степени, которая послѣ нихъ никѣмъ не была превзойдена,

были также современниками? Почему титаны музыкальнаго міра, пріобщившіе своими знаменитыми работами русскую народную музыку къ общечеловѣческому руслу,—Съровъ, Даргомыжскій и Глинка,— опять-таки были не только современниками, но и близкими знакомыми, почти друзьями? Или вотъ еще вопросъ такого же рода: почему наши великіе музыканты, какъ только что названые, вышли изъ достаточныхъ и отчасти даже родовитыхъ семей, тогда какъ большинство нашихъ знаменитыхъ художниковъ происходитъ отъ бѣдныхъ родителей и являются истинными дѣтьми народа? И много можно было бы поставить такихъ «почему» по поводу исторіи великихъ людей. Но тайны историческаго процесса, ихъ связь съ біологіей и соціологіей еще настолько не выяснены, что намъ приходится съ недоумѣніемъ останавливаться передъ такими вопросами и регистрировать только факты біографическаго характера.

Отецъ Александра Николаевича Сърова, родившагося 11-го января 1820 г., былъ крупнымъ чиновникомъ министерства финансовъ. По общему признанію онъ отличался тонкимъ, недюжиннымъ умомъ и крутымъ характеромъ, отъ котораго немало пришлось пострадать въ дѣтствѣ и молодости будущему великому композитору земли русской. Мать А. Н-ча считали также очень умной женщиной, обладавшей добрымъ и благороднымъ характеромъ. Съровы, несомнѣнно, отличались небольшою примѣсью еврейской крови. Однимъ изъ дѣдовъ А. Н-ча былъ еврей Карлъ Ивановичъ Гоблицъ, достигшій при Екатеринѣ II почетнаго секретарскаго кресла и долгое время бывшій однимъ изъ главныхъ помощниковъ Потемкина въ дѣлѣ благоустройства только что присоединеннаго тогда Крыма.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ Александръ Николаевичъ Съровъ поражалъ богатствомъ и разносторонностью своихъ способностей. Русской грамотой онъ овладѣлъ уже на четвертомъ году своей жизни и съ тѣхъ поръ горячо полюбилъ книгу, какъ еще нѣсколько раньше полюбилъ театръ, куда родители стали возить его съ трехлѣтняго возраста. Въ раннемъ же возрастѣ началось у него обученіе иностраннымъ языкамъ и на 9-мъ году онъ уже бойко читалъ французскія и нѣмецкія книги. Все свободное время мальчуганъ Съровъ посвящалъ рисованію и очень быстро обнаружилъ и въ этой области выдающіяся способности. Къ рисованію тянула А. Н-ча горячая любовь къ природѣ, съ которой онъ бывалъ такъ долго разлученъ въ теченіи каждаго года въ тѣ мѣсяцы, которые приходилось проводить на городской квартирѣ. Эта же любовь къ природѣ заставила мальчика съ увлеченіемъ заниматься чтеніемъ естественно-историческихъ книгъ, въ области которыхъ любимымъ авторомъ очень быстро сдѣлался Бюффонъ, и маленький Съровъ очень долгое время носилъ мысль написать что-нибудь «вродѣ Бюффона»...

Всѣ эти увлеченія ранняго дѣтства А. Н-ча обнаруживали глубокую и разностороннюю натуру мальчика, способнаго уже въ такомъ раннемъ возрастѣ увлекаться идеальными сторонами жизни, но не одно изъ этихъ увлеченій не давало даже намека на ту дорогу, на которой А. Н-чъ впоследствии создалъ себѣ безсмертное имя. Напротивъ, многое складывалось неблагопріятно для музыкальнаго развитія маленькаго Сърова. Во всей семьѣ Съровыхъ не было ни любви, ни склонности къ музыкѣ. Этой общей семейной тенденціи былъ вѣренъ и маленький Александръ, который въ своемъ дѣтствѣ не обнаруживалъ ни малѣйшаго расположенія къ музыкальнымъ занятіямъ. Однако, Александръ все-таки сталъ на музыкальную дорогу, и этимъ онъ былъ обязанъ исключительно свѣтскимъ

традиціямъ, за которыми слѣпо слѣдоваль отецъ А. Н-ча, желавшій идти въ ногу со свѣтскимъ петербургскимъ обществомъ. Въ то время въ петербургскомъ бомондѣ считалось признакомъ хорошаго тона, чтобы мальчикъ умѣлъ играть хорошо на какомъ-нибудь инструментѣ. Вотъ эти-то соображенія и заставили отца А. Н-ча засадить своего сына съ 8 лѣтъ за рояль, который принесъ сначала такъ много огорченій талантливому ребенку... «Когда его посадили за рояль»,—разсказываетъ С. А. Базуновъ, одинъ изъ лучшихъ біографовъ А. Н-ча,—«онъ почувствовалъ себя совершенно несчастнымъ. Казалось, эта наука была не по немъ, а то, что его заставляли продѣлывать на роялѣ, было такъ скучно, такъ утомительно скучно и, повидимому, такъ бесполезно... Нѣтъ, это занятіе не могло идти ни въ какое сравненіе ни съ рисованьемъ, ни тѣмъ болѣе съ очаровательнымъ Бюффономъ, гдѣ былъ и смыслъ, и интересъ, гдѣ не могло быть и рѣчи о принужденіи и скукѣ, которыя царили въ музыкѣ и, казалось, составляли самую сущность ея. Однако, съ крутымъ характеромъ отца нельзя было ничего подѣлать, а онъ непремѣнно желалъ, чтобы его Александръ учился музыкѣ и потому волей-неволей приходилось подчиняться. Но это было очень трудно; подчиненіе не легко дается вообще, а маленькому Сѣрову оно было вдвойнѣ тяжело: все, что отъ него до сихъ поръ требовалось по части наукъ и искусства, онъ выполнялъ съ охотою и добровольно, потому что находилъ интересъ въ изучаемомъ; въ музыкѣ же ему едва ли не впервые приходилось ломать и насиловать себя, потому что всѣ эти утомительныя экзерсисы и гаммы,—все это не удовлетворяло никакому требованію чувства изящнаго; а мальчикъ въ это время уже привыкъ дѣйствовать сознательно и въ своихъ занятіяхъ руководился въ значительной мѣрѣ принципомъ цѣлесообразности. Словомъ сказать, съ музыкой дѣло пошло плохо, и два или три года подъ рядъ будущій музыкантъ учился довольно вяло, не проявляя никакихъ особенныхъ способностей». Къ счастью, учительница музыки попала къ маленькому Сѣрову очень удачная. Это была Олимпіада Григорьевна Жебелева, молодая дѣвушка, прекрасно изучившая музыку, которую она горячо любила. Семь лѣтъ (т. е. до 15 лѣтъ) будущій композиторъ оставался подъ ея руководствомъ и успѣлъ за это время основательно изучить технику фортепیانной игры и познакомиться съ многими великими произведениями нѣмецкой музыки. Къ концу указанного періода Сѣровъ уже горячо увлекался музыкой и глубоко задумывался надъ многими произведениями этого міра звуковъ.

Въ то самое время, когда начался этотъ тернистый путь къ вершинамъ музыкальнаго міра, маленькій Сѣровъ продолжалъ и свое общее образованіе. На восьмомъ году онъ поступилъ въ одинъ частный петербургскій пансіонъ, гдѣ пробылъ около трехъ лѣтъ. Затѣмъ онъ сдалъ экзаменъ и поступилъ въ 1-ую Петербургскую гимназію, гдѣ пробылъ до конца 1835 г. Въ этомъ году онъ принятъ въ только что открытое тогда училище правовѣдѣнія. Прежде, чѣмъ перейти къ этому послѣднему,—очень важному,—періоду въ жизни Сѣрова, скажемъ нѣсколько словъ о его характерѣ. Ученіе всюду и всегда давалось А. Н. Сѣрову необычайно легко, и онъ неизмѣнно былъ въ числѣ первыхъ учениковъ. Но этотъ блестящій ученикъ поражалъ своей вялостью и нелюдимостью. Движенія онъ не любилъ, дѣтскихъ и юношескихъ игръ не зналъ. Онъ всѣмъ своимъ существомъ уходилъ въ міръ отвлеченныхъ грезъ. «Отъ постоянныхъ думъ и мечтаній»,—говорилъ онъ впоследствии самъ о себѣ,—«я казался до ненатуральности серьезнымъ, молчаливымъ, а даже сонливымъ мальчикомъ...

Я, какъ себя запомню, всегда плавать въ эстетическихъ мечтаніяхъ: реальность для меня никогда не существовала, я всегда гонялся за чѣмъ-то неяснымъ, неопредѣленнымъ впередъ... Но выдающіяся способности и эта непрерывная неидейская работа уха дали равно почтывать маленькому Сѣрову все свое превосходство надъ сверстниками. Отсюда въ его характерѣ значительная доля самоувѣренности, которая такъ часто и такъ сильно вооружала его товарищей противъ него. «Папа, Бюффонтъ и я», фраза, съ которой любилъ оперировать А. Н. Сѣровъ еще въ 8 лѣтнемъ возрастѣ, является достаточнымъ показателемъ того, насколько высоко себя ставилъ этотъ неповоротливый, мечтательный и нелюдимый, чуть не первый ученикъ всѣхъ классовъ и всѣхъ учебныхъ заведеній. Бѣда только его ни отлавали. Эта самоувѣренность нѣрѣдко становилась особенно неудобной еще благодаря тому, что Сѣровъ часто увлекался чѣмъ-нибудь до послѣдней возможности, и тогда для него не существовало никакого чувства мѣры. Впрочемъ, увлеченія его всегда и неизмѣнно казались лишь явленіемъ идеальнаго міра.

Всѣ эти особенности характера юноши Сѣрова дѣлали то, что онъ чувствовалъ себя среди товарищей глубоко одинокимъ. И, дѣйствительно, за все свое время дѣтства и юности Сѣровъ приобрѣлъ, кажется, единственнаго друга, съ которымъ его связывало единство вкусовъ. Это былъ В. В. Стасовъ, извѣстный дѣятель въ области русскаго искусства и литературы, къ которому самое теплое отношеніе остался у Сѣрова на всю его жизнь. Именно В. В. Стасову мы обязаны наиболѣе цѣнными свидѣніями о жизни знаменитаго русскаго композитора.

Вотъ что рассказываетъ В. В. Стасовъ о первой своей встрѣчѣ съ Сѣровымъ въ училищѣ правовѣдѣнія.

«Я встрѣтился съ Сѣровымъ на второй же день моего поступленія въ училище... По тогдашнимъ училищнымъ правиламъ, насъ не сейчасъ-же послѣ ужина вели спать, а давали полчаса, а иногда и больше, гулять, ходить разговаривать на совершенной свободѣ, по заламъ. Вотъ въ этотъ день и стали говорить за ужиномъ.—«А ужъ, послѣ ужина, пойдемте, господа, музыку слушать. Сѣровъ будетъ опять сегодня играть... Онъ большой музыкантъ, онъ отлично играетъ на фортепіано». Кончился ужинъ... Я отправилась съ тѣми, которые шли слушать Сѣрова. Въ маленькой комнатѣ, съ зелеными *vert-de-gris* стѣнами и н яркимъ бѣлымъ потолкомъ, мы нашли уже порядочную толпу народа. Было тутъ человѣкъ 30—40. Кто стоялъ, кто сидѣлъ... Самъ Сѣровъ, низенькій, коренастый, широкоплечій, съ маленькими руками и ногами, и съ огромной головой и высокой грудью.—самъ Сѣровъ, еще не носившій тогда густой гривы... сидѣлъ на табуретѣ передъ фортепіаномъ и развѣтывалъ небольшую нотную переплетенную тетрадку. «Ну, что мнѣ сегодня играть, господа?»—спрашивалъ онъ въ эту минуту, когда я входилъ съ нашими въ комнату.—«Тріо, тріо!»—закричали ему... и онъ тотчасъ началъ. Это было тріо изъ «Волшебнаго стрѣлка» (изъ этой оперы онъ и впослѣдствіи всего чаще игралъ на нашихъ маленькихъ музыкальныхъ вечерахъ). Онъ игралъ прекрасно, бѣгло и свободно, съ большой привычкой, хотя безъ особенной силы тамъ, гдѣ она требовалась, за то часто съ истиннымъ выраженіемъ. Тонъ у него былъ прекрасный, хотя тоже почти вовсе лишенной силы... Онъ сыгралъ «Тріо», всѣмъ очень нравившееся, потомъ съ раскраснѣвшими щеками принялся за «Финаль» оперы, который онъ и впослѣдствіи всегда особенно любилъ. Всѣ слушали съ величайшимъ удовольствіемъ, а по окончаніи громко хвалили и хлопали въ ладоши. Я

восхищался про себя и новой музыкой, мнѣ очень нравившейся, и его мастерствомъ, его твердостью исполненія. Я не могъ довольно надивиться, какъ это Сѣровъ можетъ такими маленькими руками, съ кривыми, толстыми пальцами, едва-едва хватавшими октаву, продѣлывать такъ ловко и отлично всю эту трудную, сложную музыку, конечно, играя главнымъ образомъ партію оркестра, какъ она положена въ двѣ строки для фортепіано, но тутъ же прихватывая тамъ и сямъ кое-что изъ партій солистовъ, напечатанныхъ выше отдѣльными строками. Этого я еще не умѣлъ, да и никто при мнѣ еще этого не дѣлалъ»....

Этотъ отрывокъ изъ воспоминаній вдумчиваго и правдиваго писателя показываетъ намъ, какъ далеко уже ушелъ Сѣровъ въ дѣлѣ изученія музыки. Въ области техники фортепіанной игры и правильного пониманія музыки у него къ этому времени былъ заложенъ серьезный фундаментъ. Училище правовѣдѣнія, несмотря на то, что, слѣдуя хорошему тону, всѣчески стремилось привить своимъ питомцамъ любовь къ музыкѣ, дало Сѣрову очень мало положительнаго и очень много отрицательнаго. «Такъ»,—говоритъ С. А. Базуновъ,—«вскорѣ послѣ поступленія въ училище, Сѣровъ промѣнялъ фортепіано на віолончель и только гораздо позднѣе понялъ ошибочность своего новаго выбора. Ошибка здѣсь заключалась въ томъ, что, по свойственной Сѣрову манерѣ—отдаваться избранному занятію всецѣло,—онъ принялся за свою віолончель съ такою излишней энергіей, что забывалъ даже фортепіано, гораздо болѣе ему нужное, и, что всего важнѣе,—забывалъ объ общемъ музыкальномъ развитіи. Все вниманіе молодого человѣка было поглощено техникою новаго инструмента. Онъ упустилъ такимъ образомъ изъ вида много важныхъ соображеній, говорившихъ противъ его новаго увлеченія. Напримѣръ, что всякая техника пригодна для высшихъ музыкальных цѣлей лишь какъ средство, а не сама по себѣ, и что такимъ *средствомъ* онъ уже располагалъ въ очень значительной степени, хорошо владѣя техникою фортепіанной игры. Онъ не подумалъ также, что въ ряду другихъ инструментовъ рояль ничѣмъ замѣненъ быть не можетъ, такъ какъ всякій другой инструментъ есть не болѣе, какъ только *одна* составная часть оркестра, какъ одинъ голосъ въ составѣ хора, тогда какъ рояль есть *цѣлый* оркестръ въ миниатюрѣ и проч.; что, кромѣ рояля, всякій инструментъ, отдѣльно взятый, строго говоря, не имѣетъ смысла, т. е. того смысла, какой даетъ лишь совокупность оркестровыхъ инструментовъ и проч., и проч. Словомъ, много общеизвѣстныхъ и простыхъ соображеній упустилъ изъ вида молодой человѣкъ—и именно потому, что, несмотря на свою свѣтлую голову и раннее художественное развитіе, онъ все-таки былъ и оставался молодымъ человѣкомъ, которому не доставало опыта. Вотъ какъ отозвался, значитъ, недостатокъ руководства. Другимъ промахомъ незрѣлой мысли молодого музыканта нужно признать то обстоятельство, что, посвящая много времени и труда изученію віолончели, онъ за все время пребыванія въ училищѣ ничего или почти ничего не сдѣлалъ по части изученія теории музыки. И увы! Въ этомъ случаѣ также не нашлось никого, кто обратилъ бы его вниманіе на такой важный пробѣлъ въ его музыкальномъ образованіи! Съ какой горькой досадой вспоминалъ онъ о потерянномъ въ молодости времени впослѣдствіи, когда въ возрастѣ уже почти зрѣломъ, ему приходилось убѣждаться въ недостаточности своей теоретической подготовки; когда творческая мысль его на каждомъ шагѣ сталкивалась съ отсутствіемъ или пробѣлами теоретическихъ знаній и пріемовъ; когда, созрѣвши для вдохновенной творческой работы, онъ при-

нужденъ бывалъ, какъ школьникъ съ указкою въ рукѣ, садиться за изученіе музыкальной теоріи и приниматься усваивать стереотипныя истины генераль-баса!».

Несмотря на эти огромныя пробѣлы, столь важныя для компози-торскихъ работъ Сѣрова, онъ уже на скамьѣ училища правовѣдѣнія, можно сказать, закончилъ свое музыкальное образованіе въ качествѣ исполнителя. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ правовѣдскихъ учителей музыки, чело-вѣкъ хорошо знавшій технику своего дѣла, далъ такой отзывъ о моло-домъ своемъ ученикѣ: «въ отношеніи музыкальнаго смысла, вырази-тельности, фразировки Сѣровъ въ учителяхъ не нуждается»... Другой учитель музыки, забавный и довольно таки безтолковый Карель далъ А. Н-чу самое элементарное представленіе о теоріи музыки. «Карель»,—вспоми-наетъ В. В. Стасовъ объ этой комической фигурѣ,—«занимался всѣмъ вообще музыкальнымъ дѣломъ у насъ... Напу музыкальную комнату онъ на свой собственный счетъ украсилъ, какъ только умѣлъ: развѣсилъ по стѣнамъ, въ какихъ-то грошевыхъ рамкахъ, портреты разныхъ музыкаль-ныхъ знаменитостей: Баха, Моцарта, Шпора, Бетховена, Россини, также рисунки нѣкоторыхъ музыкальныхъ инструментовъ; на стѣнахъ висѣли тоже пара волторновъ, а въ одномъ углу комнаты стоялъ большой шкапъ, гдѣ Карель разставилъ маленькую музыкальную бібліотеку, имъ самимъ накопленную на собственные гроши: біографическіе и техническіе лекси-коны, исторіи музыки и трактаты, критики, обозрѣнія. Многіе изъ насъ, всего болѣе Сѣровъ и я, много обязаны были маленькой бібліотечкѣ нашего маленькаго финна, охотно дававшего на прочтеніе свои музы-кальныя книги каждому интересовавшемуся. Здѣсь мы впервые позна-комились съ музыкальной исторіей и критикой. Всего чаще мы оба съ Сѣровымъ брали музыкальный лексиконъ Шиллинга, въ то время положительно лучшее и самое полное изданіе по этой части».

Жизнь Сѣрова въ училищѣ правовѣдѣнія шла довольно печально. Мы уже упоминали объ особенностяхъ его личнаго характера, которыя обрекали его на одиночество. Съ годами это одиночество, которое лишь слегка сглаживалось его дружбой съ Стасовымъ, еще больше усилилось, благодаря тому, что по своему умственному развитію, по глубинѣ своей мысли, по широтѣ своихъ интересовъ онъ все дальше и дальше и все быстрѣе и быстрѣе отходилъ отъ средняго уровня своихъ товарищей. «Навѣрное»,—говоритъ съ восторгомъ В. В. Стасовъ въ своихъ воспо-минаніяхъ объ училищѣ правовѣдѣнія,—«никто въ цѣломъ училищѣ такъ не дивился на Сѣрова и такъ не восхищался имъ, какъ я. Еще въ первый разъ въ жизни я видѣлъ такую многостороннюю, такую развитую и сильно-образованную, такую даровитую натуру, какая у него была. Несмотря на разныя прекрасныя исключенія, несмотря на то, что въ училищѣ было не мало и умныхъ, и хорошихъ, и честныхъ, и благородныхъ, и образованныхъ мальчиковъ и юношей, всѣ они были для меня дрянъ и мелочъ въ сравненіи съ Сѣровымъ. Пока дѣло шло о классахъ и классныхъ дѣлахъ, о нашихъ «политическихъ» и «до-машнихъ» убѣжденіяхъ, тѣ всѣ лучшіе, были для меня высоки, и до-роги, и любезны, и я съ большимъ увлеченіемъ проводилъ съ ними время. Но все это ступевывалось и блѣднѣло, когда мы встрѣчались съ Сѣровымъ и просиживали съ нимъ по много часовъ вмѣстѣ... Онъ подкупалъ и увлекалъ художественностью своей натуры, своей безконеч-ною гибкостью и способностью схватывать и понимать, входить въ самую угодно роль, чувство и положеніе... Лучшаго собесѣдника не-

возможно было сыскать въ цѣломъ свѣтѣ... Съ Сѣровымъ можно было прожить сто лѣтъ вмѣстѣ и никогда не соскучиться... Я былъ въ великомъ восторгѣ отъ всей вообще даровитости и гибкой многосторонности его. Быть съ нимъ—это было для меня постоянно истинное наслажденіе... Но А. Н. Сѣровъ былъ понятенъ лишь такимъ исключительнымъ натурамъ, какъ В. В. Стасовъ. Рядовымъ правовѣдѣмъ онъ былъ непонятенъ, онъ былъ имъ чуждъ; больше того, въ своей отчужденности онъ былъ имъ ненавистенъ. И дурные юноши всякими злобными и часто непростительными выходками вымещали свое неудовольствіе на даровитомъ и чуткомъ юношѣ, доводя его нерѣдко не только до отчаянія, но и до слезъ. Не любило Сѣрова и начальство. Отличные успѣхи по всѣмъ предметамъ, безукоризненное поведение съ точки зрѣнія дисциплины, умѣнье использовать продуктивно всякую минуту свободнаго времени (кромѣ музыки, онъ страстно и съ большими успѣхомъ увлекался по-прежнему рисованьемъ)—ничто не могло тронуть тупое начальство. Директоръ училища, лишенный возможности сдѣлать Сѣрову хотя бы малѣйшее замѣчаніе, старался всячески выразить ему свое пренебреженіе, всячески игнорировать его. Особенно эта антипатія начальства къ Сѣрову сказалась при окончаніи училища правовѣдѣнія. Вотъ что пишетъ по этому поводу В. В. Стасовъ. ...«Учился онъ (Сѣровъ) у насъ въ правовѣдѣніи отлично (какъ и прежде, въ 1-й гимназій), и если бы судить по дарованію и знанію, а не по какимъ-то изумительнымъ соображеніямъ профессоровъ, инспекторовъ, директоровъ и еще болѣе близорукихъ училищныхъ совѣтовъ, долженъ былъ-бы быть выпущенъ—первымъ. Но этого не случилось, и вмѣсто него поставили тремя первыми какихъ-то изумительныхъ тупицъ, о которыхъ потомъ никто никогда не слыхалъ ничего. Эта смѣшная несправедливость сдѣлала вредъ только самому училищу: кто знаетъ личность Сѣрова, можетъ только съ изумленіемъ разсматривать мраморную доску съ золотыми буквами въ залѣ училища. «Кто этотъ неизвѣстный, написанный тутъ на первомъ мѣстѣ, за первый выпускъ?»—спросить онъ. И какъ было не поставить тутъ, для славы училища, талантливаго, способнаго, высоко-образованнаго, умнаго Сѣрова? Или, можетъ быть, эти «неизвѣстные» именно и были слава и гордость училища, великіе и глубокіе правовѣды, принесшіе необычайную пользу отечеству высокою дѣятельностью ума, сердца, знанія?—никто не отвѣчаетъ—да и отвѣчать-то нечего!»

Но вотъ 1840 годъ приноситъ Сѣрову окончаніе курса училища правовѣдѣнія. Сѣровъ выходитъ на житейскую широкую дорогу. Надо было окончательно выбрать себѣ дорогу, рѣшить, чѣмъ онъ будетъ на аренѣ предстоящей жизни. Именно въ этомъ году Сѣровъ писалъ Стасову: «Иногда какой-то внутренній голосъ убѣдительно мнѣ нашептываетъ, что во мнѣ довольно силъ—быть всѣмъ, чѣмъ я пожелаю». Зная изумительную талантливость натуры Сѣрова, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что въ этомъ заявленіи не было ни звука хвастовства, что это было просто констатированіе факта. Но Сѣровъ не только чувствовалъ въ себѣ силу стать всѣмъ, чѣмъ захочетъ, но онъ ясно уже сознавалъ, чѣмъ именно онъ хочетъ быть. Тотъ же внутренній голосъ ему ясно говорилъ, что путь музыканта-композитора есть путь его призванія. «Какое высокое назначеніе»,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ Стасову,—«быть жрецомъ такой музы, бросить значительную

горсть фиміаму на ея жертвенникъ и этимъ заставить человѣчество подвинуться на нѣсколько шаговъ впередъ!»

Таковы были мечты молодого человѣка, но дѣйствительность обращалась къ нему съ предложеніями иного рода. Его отецъ, важный чиновникъ, несмотря на свой недюжинный умъ, такъ сросся съ бюрократической обстановкой жизни, что даже не представлялъ себѣ, какимъ образомъ молодой человѣкъ, получившій образованіе въ такомъ привилегированномъ заведеніи, какъ училище правовѣдѣнія, рѣшится отойти прочь отъ бюрократическаго русла и не попытается сдѣлать себѣ карьеры. Мечты о музыкальномъ творествѣ, которыя волновали душу его сына, оставались ему непонятными. Да и все это были журавли въ небѣ, а ему, человѣку положительному, нужна была синица въ руки. Онъ заявилъ поэтому своему сыну о своемъ непреклонномъ желаніи, чтобы тотъ поступилъ на службу и постарался создать себѣ положеніе въ чиновничьемъ мірѣ. Не вступая въ дальнѣйшіе разговоры со своимъ сыномъ, онъ немедленно принялся за хлопоты, которыя, конечно, очень быстро увѣнчались успѣхомъ. Лѣтомъ того же 1840 г. А. Н. Сѣровъ былъ зачисленъ въ канцелярію Сената съ чиномъ титулярнаго совѣтника. У А. Н. не было ни полущки своихъ средствъ, и ему волевымъ решениемъ пришлось задѣлать свои артистическіе порывы, надѣтъ форменный сюртукъ и отправиться на постылую службу, на которую онъ рѣшился смотрѣть, какъ на средство къ жизни. Сенатскія дѣла такъ и остались для него «соромъ», какъ онъ выражается въ одномъ письмѣ, а всю свою богатую душу онъ отдаетъ музыкѣ. Онъ много играетъ и съ особеннымъ энтузіазмомъ отдается изученію Бетховена. Онъ не пропускаетъ ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго музыкальнаго исполненія. Но онъ не просто слушаетъ; онъ анализируетъ и исполненіе, и самую музыку; по поводу каждого концерта, можно сказать, каждой пьесы, онъ стремится составить отчетливый критическій отзывъ, который очень часто торопится тутъ же занести на бумагу. Эти наброски, въ большомъ количествѣ сохранившіеся въ письмахъ къ В. В. Стасову, свидѣтельствуютъ о наличности большого музыкальнаго таланта у А. Н. Сѣрова уже въ то время. Онъ, наконецъ, съ упорствомъ продолжаетъ свои пробы на почвѣ музыкальнаго творчества. Это свои первые опыты въ данной области онъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ въ письмѣ къ Стасову: «Я иногда сажусь къ клавишамъ, ничего не обдумавъ предварительно, и перебираю звуки до тѣхъ поръ, пока появится какая-нибудь мысль; тогда уже пойдетъ совсѣмъ другая игра.. фантазируется, какъ нельзя лучше, и иногда вынесу изъ этого хаоса нѣсколько удачно вылившихся фразъ и сейчасъ замѣчу ихъ на нотной бумагѣ. Иногда-же, вовсе не подходя къ органу, я вдругъ сочиню цѣлый мотивъ, который мнѣ какъ-будто кто напѣваетъ. Впрочемъ, чаще одну только первую половину мотива»... Эти минуты творчества иногда являлись для него источникомъ величайшаго наслажденія. «Ты, можетъ быть, думаешь»,—пишетъ онъ какъ-то радостно своему другу,—«что я попрежнему ожидаю вдохновенія или уже и вовсе пересталъ ждать его; напротивъ, я теперь блаженствую, потому, что «уста мои разверзлись»... Но зато въ другія минуты наступали моменты разочарованія и отчаянія... «Я все жду вдохновенія»,—писалъ онъ въ одну изъ такихъ минутъ,—«но оно не посѣщаетъ меня, сенатскаго чиновника! Вѣрно, всѣ твои мечты обо мнѣ не сбудутся. Я все еще въ смертельномъ сомнѣніи!»... Особенно много горя приносило Сѣрову его бѣдное теоретическое

музыкальное образованіе, которое не позволяло ему, какъ слѣдуетъ, излагать на нотной бумагѣ свои музыкальныя мысли. Это для молодого композитора было истиннымъ несчастьемъ. Еще въ 1847—48 годахъ онъ писалъ: «Что касается до композиторства, то все мое вниманіе, всѣ мои усилія сосредоточены на контрапунктѣ, который хочу завоевать во что бы то ни стало. Безъ этого и шагу сдѣлать нельзя... Жажда моя заниматься серьезно контрапунктомъ не имѣетъ границъ... Зачѣмъ я раньше не чувствовалъ такъ сильно этой жажды? Зачѣмъ я позволялъ себѣ тратить время на пустенькихъ и безплодныхъ попыткахъ, когда надо было просто сидѣть съ учителемъ надъ самой сухой гимнастикой контрапунктической? Теперь бы ужъ я былъ поразвязнѣе и могъ бы съ пользою употребить бездну свободного времени»... «Вотъ что значить»,—воскликаетъ онъ въ другой разъ,—«приниматься за все диллетантомъ-самоучкой! Даже при самыхъ хорошихъ способностяхъ, при самомъ истинно-вѣрномъ вкусѣ, все-таки пойдешь не той дорогой, какъ нужно. То, надъ чѣмъ я теперь долженъ корпѣть денно и нощно, должно было быть моею собственностью уже лѣтъ десять назадъ, и было бы, еслибъ, напримѣръ, въ училищѣ, вмѣсто глупѣйшей игры на виолончели, я занимался контрапунктомъ хоть съ такимъ нѣмцемъ, какъ Гунке!»

Но съ удивительной настойчивостью Стровъ продолжаетъ работать надъ пополненіемъ пробѣловъ въ своемъ музыкальномъ развитіи. «Слава Богу»,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ 1841 г.,—«теперь я на каждый день смотрю, какъ на бѣлый листъ, на которомъ я непременно долженъ что-нибудь написать... и могу сказать, что каждый часъ употребляю на должное». И когда обстоятельства складываются благоприятно для его творчества, онъ чувствуетъ, какъ все больше и больше продуктивности становится въ его духовной работѣ. Вотъ что онъ пишетъ, напр., по поводу своего лѣтняго пребыванія въ Ревелѣ въ 1841 г.: «Не знаю, какъ на тебя, а на меня природа во всемъ величіи своей простоты оказываетъ самое благоприятное вліяніе. Я тогда какъ-будто дома, въ своемъ элементѣ. И для этого чувства мнѣ вовсе не нужны какія-нибудь особенно величественныя явленія, нѣтъ—море, лунный свѣтъ, горы и зелень вдаль, кое-гдѣ признаки бытія человѣческаго, и я вполне доволенъ. Замѣть, впрочемъ, пристрастіе моей натуры къ безмятежному спокойствію ночи; я дѣйствительно, не люблю шумнаго дня, несмотря на прелесть его разнообразія. Именно это разнообразіе мѣшаетъ впечатлѣніямъ; тогда какъ въ спокойную ночь всякое впечатлѣніе получаетъ особенно широкую силу, деспотическую власть и ругаетъ насъ заставляя душу нашу также распространяться по цѣлому объему вѣшняго міра, обнимать и вмѣщать въ себѣ самыя сокровенныя тайны бытія, хотя вовсе безотчетно, и съ младенческимъ умиленіемъ прислушиваться къ дыханію вселенной! Само собою разумѣется, что такое настроеніе, гармоническое по самому существу, должно быть самымъ благоприятнымъ для музыки. И—теперь слѣдуетъ фактъ—я вполне испыталъ всю производительную силу этихъ ночныхъ и лунныхъ впечатлѣній, хотя доказательства этой силы, видимо, еще не вполне осуществились. Сказать попросту, я, въ самомъ дѣлѣ, въ прекрасныя іюльскія ночи... набрался, впиталъ въ себя много самыхъ чистыхъ мыслей, изъ которыхъ только весьма немного успѣлъ кое-какъ набросать на бумагу, прочее все въ головѣ»... Только по этому отрывку, имѣющему огромное біографическое значеніе, мы можемъ понять, какой ущербъ,

какое зло для творчества Сѣрова должны были представлять эти петербургскія канцеляріи, въ которыхъ, по упрямству отца, молодой композиторъ долженъ былъ терять лучшую часть времени, вмѣсто того, чтобы искать вдохновенія въ общеніи съ природой. И, тѣмъ не менѣе, это время, по мнѣнію г. Базунова, все-таки было наилучшимъ во всей жизни нашего композитора. «Это»,—прибавляетъ г. Базуновъ,—«былъ періодъ полного и ничѣмъ не омраченнаго счастья, и мы спѣшимъ отмѣтить это обстоятельство, потому что въ будущемъ такіе періоды предстояли ему не часто»...

За это время Сѣровъ закончилъ свое первое музыкальное произведение: балладу «*Ritterfängerin*», за которой послѣдовалъ небольшая «Майская пѣсня». Оба эти произведенія молодого композитора были благосклонно приняты въ нѣкоторыхъ музыкальных кругахъ Петербурга, что сильно подняло духъ Сѣрова и его охоту дальше держаться того же пути.

Среди этой упорной и настойчивой работы на избранномъ пути произошло важное событіе въ жизни А. Н. Сѣрова, а именно, въ началѣ 1842 года состоялось его знакомство съ Глинкой, музыкой котораго онъ въ это время началъ все больше и больше увлекаться. По поводу этого знакомства въ «Запискахъ» Глинки находится слѣдующая замѣтка: «Великимъ постомъ 1842 г. я познакомился съ семействомъ Табаровскихъ и Сѣровыхъ. Александръ Николаевичъ Сѣровъ въ то время былъ очень молодой чиновникъ, образованный, и очень хорошій музыкантъ; онъ игралъ на фортепіано, нѣсколько на віолончели, въ особенности же бойко читалъ съ листа». Вліяніе Глинки было въ высшей степени благотвѣтельно для Сѣрова и продолжалось въ теченіе многихъ лѣтъ. С. А. Базуновъ даетъ слѣдующій итогъ этому знакомству. «Если сгруппировать всѣ тѣ идейныя пріобрѣтенія, которыя вынесъ Сѣровъ изъ знакомства съ личностью и произведеніями Глинки, то—помимо многихъ теоретическихъ вопросовъ, на которые Сѣровъ натолкнулся подъ этимъ вліяніемъ и разрѣшенію которыхъ оно содѣйствовало,—представляются весьма важными, во-первыхъ, тѣ многочисленныя художественно-критическіе анализы и та масса сложной умственной работы, которые были произведены Сѣровымъ по поводу и подъ вліяніемъ произведеній и личности Глинки. Существенно важными нужно признать упражненія молодой критической мысли надъ такою солидною задачей, какъ Глинка и его идейное содержаніе. Вторымъ и наиболѣе цѣннымъ пріобрѣтеніемъ Сѣрова была созданная Глинкою великая идея о національномъ русскомъ искусствѣ, которую молодой музыкантъ усвоилъ непосредственно и, такъ сказать, изъ устъ самого автора. Едва-ли меньшее значеніе имѣетъ и тотъ положительный матеріалъ, въ который облекъ Глинка свою великую идею, т. е. оперы, и вся совокупность сочиненій,—матеріалъ, который Сѣрову удалось изучить съ такою глубокой основательностью. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть и о томъ обстоятельствѣ, что подъ вліяніемъ Глинки и его художественнаго примѣра, у нашего композитора впервые созрѣло рѣшеніе—самому написать оперу. Въ предполагаемомъ произведеніи должна была сосредоточиться вся сумма послѣднихъ пріобрѣтеній молодого композитора, сводъ его тогдашнихъ музыкальныхъ идей»...

И, дѣйствительно, съ этихъ поръ работа надъ оперой начинается заполнять все сильнѣе и сильнѣе его умъ. Опера мало-по-малу становится цѣлью его жизни. Правда, онъ все еще время отъ времени от-

влекается на исполненіе болѣе мелкихъ работъ, изъ которыхъ многія, тѣмъ не менѣе, представляли несомнѣнную дѣйность. Такова была его «Херувимская»; таковъ былъ рядъ прекрасныхъ арранжировокъ для фортепіано многихъ классическихъ произведеній. Но всѣмъ этимъ работамъ Сѣровъ не придавалъ сколько-нибудь большого значенія и склоненъ былъ трактовать ихъ, какъ средство развлеченія, отдыха. «Я жажду серьезнаго, творческаго занятія»,—писалъ онъ г. Стасову, подразумѣвая подъ серьезнымъ, творческимъ занятіемъ именно оперу.

Но здѣсь снова судьба сыграла надъ Сѣровымъ злую шутку и отдалила на неопредѣленный срокъ исполненіе завѣтной мечты. Мы уже видѣли, съ какою ненавистью Сѣровъ относился къ «сору» человѣческой дѣятельности, къ этимъ сенатскимъ дѣламъ, которыми его заставляли заниматься. Конечно, при такихъ условіяхъ служебныя дѣла его не могли отличаться большимъ успѣхомъ. И, дѣйствительно, съ ближайшимъ начальствомъ у него было далеко не все благополучно. Такъ, въ одномъ письмѣ онъ, напр., пишетъ: «Мнѣ начинаютъ поговаривать: если вы артистъ въ душѣ, то зачѣмъ же вы не слѣдовали своему призванію? зачѣмъ вы служите?» При такихъ условіяхъ, казалось-бы, Сѣрову нечего было рассчитывать на движеніе впередъ по службѣ. Но у Сѣрова была слишкомъ хорошая протекція для того, чтобы неисправности его по службѣ могли помѣшать его повышеніямъ и отличіямъ. Такое именно повышеніе совершенно неожиданно свалилось на голову А. Н. Сѣрова въ 1845 г.: онъ вдругъ былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя симферопольскаго уголовного суда. Это назначеніе обязывало его немедленно покинуть Петербургъ, оторваться отъ всѣхъ связей артистическаго міра и направить свой путь въ далекіе и глухой Симферополь.

Какъ скверно было положеніе даровитаго композитора и неисправнаго чиновника въ Симферополѣ, видно уже изъ того, что Сѣровъ въ первое время не имѣлъ даже своего инструмента, и своей музыкальной страсти могъ удовлетворять только у нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ. Но положеніе ухудшалось еще тѣмъ, что и подбора сколько-нибудь хорошихъ нотъ нельзя было найти. «Я,—писалъ Сѣровъ,—нашелъ кое-какія оперы и уцѣпилъ за нихъ, а то бы пришлось рѣшительно отказаться отъ игры»... Степень музыкальнаго развитія въ симферопольскомъ обществѣ была совершенно ничтожной. Интересныхъ людей почти не было. Сѣровъ отводилъ свою душу только съ М. А. Анастасьевой, женщиной, хорошо образованной и серьезно изучившей музыку, да съ однимъ изъ знакомыхъ, который нѣкоторое время оказывалъ на Сѣрова большое вліяніе и увлекъ его даже въ изученіе Гегеля. Но это продолжалось недолго.

Все свое время и въ Симферополѣ Сѣровъ убиваетъ на музыку. Объ оперѣ онъ больше мечтаетъ, чѣмъ дѣлаетъ что-нибудь для ея реализаціи. Чѣмъ больше онъ задумывается надъ оперой, тѣмъ больше онъ понимаетъ, какую огромную и сложную задачу представляетъ собой созданіе оперы. Въ 1846 г. онъ писалъ Стасову: «Я сталъ несравненно строже къ себѣ, и, слѣдовательно, работы идутъ еще медленнѣе, чѣмъ прежде: я ничѣмъ не доволенъ, завтра все брошу въ печь, что написалъ сегодня, и въ цѣлую недѣлю иногда выработаю нѣсколько строкъ. Иначе невозможно теперь, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется. Блаженное время, когда композиторы пѣли, какъ птички Божіи, такъ же пріятно и такъ же безсознательно, я думаю, никогда не вернется»...

Сърова въ это время занималъ сюжетъ для оперы «Мельничиха въ Марли». Но онъ опять вскорѣ убѣдился, что онъ является недостаточно подготовленнымъ для исполненія большихъ музыкальных задачъ. Это показала ему первая же его работа, написанная для оркестра. Это была «Фантазія для оркестра на вторую идиллію Теокрита». Произведеніе оказалось неудачнымъ вслѣдствіе недостаточнаго умѣнья автора владѣть контрапунктомъ, и Съровъ въ послѣдствіи съ неудовольствіемъ вспоминалъ объ этомъ «противномъ выкидышѣ». Онъ вскорѣ позналъ свою ошибку, и уже въ слѣдующемъ 1848 году писалъ съ обычной своей прямою: «Безъ контрапункта объ сочиненіи и думать нельзя... А то претензія такъ, разомъ, не спросившись броду, сунуться въ воду,—выдумать, писать фантазію для оркестра, да еще въ высшей степени драматическую, да еще на античный сюжетъ!! Это уже слишкомъ по-дѣтски, даже и сердиться не за что, а можно только улыбнуться. Точно также и съ оперой. Гдѣ тутъ думать объ оперѣ съ нашими отъ нея требованіями!» Но вскорѣ же онъ восклицаетъ: «Богъ дастъ, не все еще потеряно! Буду догонять всѣми силами то, что чуть-чуть отъ меня не ускользнуло»... И онъ, дѣйствительно, всѣми силами пополняетъ свое теоретическое музыкальное образованіе.

Но если въ области самостоятельнаго творчества Сърова ожидали такіа огорченія, то арранжировки для фортепіано множества классическихъ произведеній удавались ему необычайно хорошо. По поводу одной изъ такихъ арранжировокъ знаменитый Листъ писалъ Сърову: «Ваша фортепіанная партитура дѣлаетъ величайшую честь вашей художественной совѣсти и свидѣтельствуетъ о рѣдкой и терпѣливой способности, необходимой для того, чтобы хорошо выполнять подобныя задачи».

Итакъ, музыка, несмотря на многочисленныя огорченія, которыя она приносила молодому композитору, цѣликомъ владѣла его душой. Конечно, при такихъ условіяхъ его отношенія къ службѣ не могли измѣниться къ лучшему. Сначала въ его отзывахъ слышатся нѣсколько добродушныя нотки. «Разумѣется»,—писалъ онъ въ 1845 г.,—«если бы я хотѣлъ, я рѣшительно могъ бы все перевернуть въ палатѣ на свой ладъ... Но изъ чего хлопотать?! Чиновниковъ отличныхъ и безъ меня такъ много!»... Но, по мѣрѣ того, какъ музыкальное самостоятельное творчество не налаживалось, а время шло да шло, горькое чувство поднималось все сильнѣе противъ той безсмысленной службы, которая механически отнимала все же у него много времени. «На прошлой недѣлѣ»,—пишетъ онъ, напр., Стасову отъ 1 апр. 1846 г.,—«я написалъ русскій романсъ на слова Тургенева: «Отрава горькая слезы послѣдней» и проч. Мнѣ, не знаю, право, понравились эти слова, и при всемъ томъ музыка вышла преплохонькая. Сознаваясь въ глубинѣ души въ таковомъ ея достоинствѣ, я все-таки хотѣлъ узнать мнѣніе объ этомъ романсѣ другихъ и пѣлъ его встрѣчному и поперечному. Всѣмъ понравилось, даже очень, такъ что я-было началъ колебаться: уже, въ самомъ дѣлѣ, не порядочная-ли это вещьца (ты знаешь, какъ меня, на счетъ меня самого, легко сбить съ толку). Натурально, что я чрезвычайно интересовался узнать, какъ покажется этотъ романсъ Марѣ Павловнѣ (Анастасьевой, о которой рѣчь у насъ была выше), и, зная, что, послѣ сонаты, я самъ ни за что на свѣтѣ не соглашусь играть такую дряненькую вещь, я тотчасъ, съ начала вечера, спѣлъ его ей, и вотъ что она сказала: «Это мило, но слиш-

комъ легко, особенно для васъ, который не долженъ писать такой музыки, или я буду сердиться». Я готовъ былъ благодарить ее на колѣняхъ за такой вѣрный отзывъ и эту строгость, столько для меня благодѣтельную. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такой отзывъ заставилъ меня оглянуться на самого себя, и мнѣ стало стыдно и горько, и скучно: что же я такое, когда въ 26 лѣтъ, при всѣхъ возможныхъ средствахъ, дѣлаю такой вздоръ, а дѣльнаго нѣтъ ничего, и какъ я могу употреблять хоть нѣсколько минутъ на такіе пустяки. Это показываетъ или какую-то глупость моей натуры, или отсутствіе настоящаго таланта,—тогда къ чему мнѣ самое лучшее на землѣ счастье?! Пришедши домой, я долго не могъ заснуть (это со мной очень рѣдко случается) и поутру всталъ рано, съ твердымъ намѣреніемъ въ это утро хоть начать что-нибудь дѣльное, если почувствую хоть какія-нибудь въ себѣ силы. Воля значить много: я работалъ хорошо и утѣшился совершенно»...

И такъ, чтобы успокоить свою артистическую совѣсть, Сѣровъ долженъ былъ работать «хорошо»... Но поперекъ этой хорошей работы стояла неизмѣнно его канцелярская служба. И вотъ въ думѣ нашего композитора все больше и больше начинаетъ нарастать протестъ противъ потери драгоценнаго времени въ присутственныхъ мѣстахъ. И этотъ протестъ превратился въ неукротимую ненависть противъ чиновничества, противъ бюрократіи вообще. Вотъ отрывки изъ его собственныхъ писемъ, достаточно характерныя для тогдашняго его душевнаго настроенія. «Кончится ли эта пытка хожденія каждый день на службу, чтобы терять невозвратно лучшіе часы въ днѣ?»,—писалъ онъ въ 1846 г.—«Никогда съ такимъ отвращеніемъ я не сижу въ должности, какъ теперь, когда остальное время въ днѣ проходитъ для меня такъ безпоходно, и этотъ контрастъ—послѣ славныхъ часовъ за фортепіано отправиться въ нелѣпую палату, гдѣ видѣть какихъ-то полускотовъ, погрязшихъ, въ страшную тину глупо прозаической жизни, и самому вступить съ ними въ соприкосновеніе—это жестоко!». И почти черезъ два года онъ снова съ такою же страстностью возвращается къ той же цѣли...». «Но тутъ-то», пишетъ онъ,—«и сильнѣе контрастъ, что надо было 30 дней кряду не дышать никакимъ другимъ воздухомъ, кромѣ отвратительной атмосферы разныхъ служебныхъ крючковъ и плутней, копаться въ счетахъ и разчетахъ, отъ которыхъ голова кругомъ идетъ и, наконецъ, исписать нѣсколько дестей бумаги слогомъ свода законовъ! Какъ хочешь, а тяжко!». И онъ все чаще и чаще заговариваетъ о необходимости перейти на другой хлѣбъ. Въ качествѣ компромисса онъ на первый разъ готовъ помириться на томъ, чтобы перейти въ другое министерство, гдѣ бы чиновничья служба не занимала столько времени. О томъ, чтобы совсѣмъ бросить службу, Сѣровъ пока и не помышлялъ. Онъ хорошо понималъ, что по тогдашнимъ русскимъ условіямъ государственная служба, говоря же его словами, была «единственнымъ вѣрнымъ и спокойнымъ хлѣбомъ». А «вѣрный хлѣбъ» ему нуженъ былъ потому, что своими средствами онъ не располагалъ; «спокойнаго же хлѣба» требовали его усиленные занятія музыкой, которымъ онъ хотѣлъ отдать свои силы.

Въ маѣ 1848 г. А. Н. Сѣровъ, наконецъ, покидаетъ Симферополь и возвращается въ Петербургъ. Но изъ чиновничьяго хомута онъ все-таки не рѣшился выйти, и мы находимъ его теперь въ Псковѣ, гдѣ онъ получилъ мѣсто товарища предсѣдателя той же палаты. Это было нѣсколько лучше, чѣмъ служба въ Симферополѣ, уже по одной близости къ Петербургу, гдѣ какъ-никакъ все же шла музыкальная-артистическая дѣятельность. Но

это было не то, что нужно было нашему композитору: снова лучшіе часы дня пропадали на работу, которую онъ считалъ для себя бесплодною... А тогда, между тѣмъ, уходили и уходили. И опять душа художника раздражалась борьбой и сомнѣніями. Наконецъ, побѣда всецѣло остается за музыкой. Черезъ два года службы во Псковѣ Сѣровъ окончательно бросаетъ свою чиновничью карьеру. Послѣдовало жестокое столкновеніе съ отцомъ, который своей бюрократической душой никакъ не могъ понять художественныхъ порывовъ артистической души своего сына. «Живя такимъ образомъ,» — сказалъ онъ ему, — «ты умрешь на рогожѣ, гдѣ-нибудь возлѣ кабачка»... Но важный бюрократъ на этотъ разъ глубоко ошибся... Освободившись отъ ига канцелярскихъ обязанностей А. Н. Сѣровъ во всю ширь развернулъ свой могучій музыкальный талантъ и умеръ знаменитымъ композиторомъ, оставившимъ въ русской жизни глубокую борозду. Нечего и говорить, что никакіе успѣхи, никакія пенсіи и знаки отличія не сдѣлали бы Сѣрова тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ теперь на свободѣ...

Разрывъ съ отцомъ, который наотрѣзъ отказался помогать своему непокорному сыну, ставило А. Н. въ тяжелыя матеріальныя условія. Передъ нимъ стоялъ грозный призракъ нищеты. Чтобы спастись отъ угрозъ «царя-голода», А. Н. Сѣровъ набросился на литературную дѣятельность. Его первыя же выступленія на поприщѣ музыкальной критики обнаружили въ немъ выдающейся публицистическій талантъ. «Первыя же его критическія статьи»,—говоритъ г. А. Веселовскій, близко знавшій А. Н.-ча,—«произвели переполохъ въ нашемъ музыкальномъ мірѣ, гдѣ еще царилъ теоретическая рутина, и критика была отдана на откупъ либо газетчикамъ, вродѣ Булгарина, сдѣлавшимъ изъ нея почти рекламу, или пламентамъ-всезнайкамъ, вродѣ Улыбышева, возвеличеннаго кружкомъ кормившихся около него музыкантовъ и не свѣдущей публикой до значенія критическихъ дѣлъ мастера»... А. Н. Сѣровъ своимъ глубокимъ анализомъ явленій музыкальнаго міра, своимъ знаніемъ дѣла, своимъ образнымъ языкомъ и смѣлостью и независимостью своихъ сужденій быстро завоевалъ симпатіи широкой публики. Его статьи, помѣщавшіяся съ 1861 года въ «Современникѣ», Библіотекѣ для чтенія и «Пантеонѣ», читались нарасхватъ, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ г. Базуновъ.

Свою литературную работу Сѣровъ сосредоточивалъ главнымъ образомъ въ «Музыкально-театральномъ Вѣстникѣ», гдѣ онъ въ качествѣ постоянного сотрудника велъ отдѣлъ музыки. Этому своего литературнаго поста Сѣровъ не покидалъ въ теченіи всего времени существованія названнаго органа. Вліяніе его на развитіе музыкальных вкусовъ русскаго общества было очень велико. Не говоря о многочисленныхъ теоретическихъ вопросахъ, поднятыхъ имъ и разобранныхъ въ русской музыкальной литературѣ, достаточно будетъ указать на то, что онъ первый въ Россіи сталъ пропагандировать Вагнера, онъ одинъ изъ первыхъ правильно понялъ «Русалку» Даргомыжскаго и защищалъ его отъ нападковъ мало смыслящей публики и равнодушія официальныхъ представителей русскаго музыкальнаго міра. Онъ въ новомъ освѣщеніи представилъ русской читающей публикѣ Моцарта; онъ выяснилъ передъ ней глубокое значеніе знаменитой девятой симфоніи Бетховена и т. д., и т. д.

Смѣлый и увлекающійся Сѣровъ своими горячими статьями вызвалъ не только горячія симпатіи публики къ себѣ, но и большую вражду со стороны литературнаго міра. Нападки, направленные противъ него во многихъ органахъ, носили часто грубый, личный характеръ и вызвали много горькаго чувства у нашего композитора.

Сѣровъ не довольствовался только русской прессой и перенесъ борьбу за свои музыкальные идеалы въ иностранные органы. Такъ, его статьи появились въ брюссельскомъ и въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ газетахъ. Эти статьи и обратили на себя вниманіе выдающихся музыкальных дѣятелей; при чемъ въ возникшемъ спорѣ Листъ принялъ сторону Сѣрова.

Аранжировки классическихъ вещей для фортепіано и критическія статьи въ заграничныхъ органахъ такимъ образомъ доставили Сѣрову прочные опорные пункты въ музыкальномъ мірѣ Западной Европы. Въ этомъ А. Н. Сѣровъ убѣдился въ первую же свою поѣздку за границу, которая состоялась въ 1858 г. и была повторена въ 1859 году. Эта поѣздка, доставившая Сѣрову возможность личнаго знакомства и общенія съ знаменитостями музыкальнаго міра, какъ Листъ, Мейерберъ, Берлиозъ и, наконецъ, Рихардъ Вагнеръ, обогатила А. Н. Сѣрова новыми и сильными впечатлѣніями и показала ему, что онъ со своими задуманными реформами музыки стоитъ на правильномъ пути. Особенно важнымъ для Сѣрова представлялось его личное знакомство съ Р. Вагнеромъ. «Это знакомство»,—замѣчаетъ г. Базуновъ,—«оказалось важнѣе всего прочаго, что вынесъ онъ изъ своихъ заграничныхъ поѣздокъ; оно рѣшило дальнѣйшее направленіе Сѣрова, какъ въ сферѣ теоретическихъ воззрѣній его, такъ вслѣдъ затѣмъ и въ области творческой его дѣятельности; оно рѣшило, если можно такъ выразиться, артистическую судьбу Сѣрова... То, чего онъ самостоятельно добивался доселѣ, говоритъ авторъ «Воспоминанія» о Сѣровѣ, тѣ строгія требованія, которыя онъ проявлялъ въ отношеніи оперъ, онъ нашелъ подкрѣпленными въ теоретическихъ сочиненіяхъ Вагнера и осуществленными въ его операхъ». Въ этой сжатой и краткой фразѣ очерчивается вполне какъ отношеніе нашего композитора къ Рихарду Вагнеру, такъ и значеніе Сѣрова въ исторіи русской музыки, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣляется и то мѣсто, которое принадлежитъ Сѣрову въ ряду всенныхъ музыкальных дѣятелей. Въ самомъ дѣлѣ, то огромное впечатлѣніе, которое произвелъ на Сѣрова Р. Вагнеръ со своимъ цикломъ своихъ новыхъ идей, вовсе не было впечатлѣніемъ переворота. Напротивъ, познакомившись съ Вагнеромъ и его идеями, Сѣровъ, вѣроятно, не безъ чувства глубокаго изумленія увидалъ, что, въ существѣ, эти идеи были не болѣе, какъ «то, чего онъ самостоятельно добивался доселѣ», а тѣ радикальныя реформы, т. е. опять-таки сущность и главные элементы ихъ,—реформы, которыя онъ требовалъ для оперы и по поводу радикальности которыхъ претерпѣлъ столько ожесточенныхъ нападеній и насмѣшекъ. оказалось вовсе не химеричными и были весьма успѣшно проведены и осуществлены на Западѣ, въ произведеніяхъ Р. Вагнера. Мало того, Сѣровъ увидалъ, что новыя реформы ко времени его путешествія становились на Западѣ положеніями, почти общепризнанными».

Эта заграничная поѣздка сильно подняла духъ Сѣрова и снова толкнула его къ его заветной идеѣ создать оперу на тѣхъ новыхъ началахъ, которыя онъ давно выносилъ въ своей душѣ. Посвященіе силъ композиторскому творчеству было облегчено для Сѣрова отчасти и тѣмъ, что около этого времени (1860 г.) прекратилъ свое существованіе «Музыкальный Вѣстникъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ приостановилась и лихорадочная литературная дѣятельность А. Н. Сѣрова.

Мы не будемъ останавливаться на второстепенныхъ музыкальных работахъ, исполненныхъ А. Н. Сѣровымъ въ это время, а прямо перейдемъ къ оперѣ «Юдифь». Мы знаемъ уже, какъ много Сѣровъ думалъ и

работалъ надъ вопросами о новой оперѣ. Понятно поэтому, что онъ располагалъ большимъ количествомъ темъ и набросковъ этого рода. Но эти первые опыты не удовлетворяли теперь Сѣрова. Онъ мечталъ о широкой музыкальной драмѣ. И въ этомъ отношеніи особенно благодарной ему показалаcя малозначительная трагедія Джакометти, носившая то же названіе, которое онъ далъ впоследствии своей оперѣ. На этой канвѣ А. Н. Сѣровъ развернулъ дѣйствительно могучую пятиактную оперу, для которой онъ самъ написалъ прекрасный текстъ, немало способствовавшій успѣху всего предпріятія. Эта опера, музыка которой дѣйствительно говорила языкомъ страстей, дѣйствительно въ звукахъ развертывала борьбу страстей, произвела своей новизной и силой большое впечатлѣніе при первой же постановкѣ и обезпечила за Сѣровымъ имя выдающагося композитора.

Успѣхъ окрылилъ Сѣрова. Съ невѣроятной быстротой онъ написалъ другую великолѣпную оперу. Это была «Рогнѣда», темой для которой онъ выбралъ древне-русское сказаніе. Насколько быстро была исполнена эта работа видно изъ того, что первое представленіе „Юдиои“ отмѣчается датой 16 мая 1863 г., а первое представленіе «Рогнѣды»,—датой 27 октября 1865 г. А между тѣмъ эта опера давала массу музыкальных перловъ. Она необычайно вѣрно передавала весь этический характеръ той глубокой древности, изъ которой она заимствовала свою тему. Она даетъ массу «блестящихъ этнографическихъ подробностей, обрамляющихъ главное дѣйствіе», говоря словами одного критика («пляска скѣмороховъ», «пляска женщинъ» и т. д.). Наконецъ, само либретто «Рогнѣды» представляетъ собой прекрасное драматическое сочиненіе, написанное самимъ Сѣровымъ и получившее стихотворную форму подъ перомъ поэта Д. В. Аверкіева.

Наконецъ, тотчасъ же за «Рогнѣдой» А. Н. Сѣровъ берется за новую оперу «Вражью Силу», которую онъ задумалъ сдѣлать возможно яркимъ образкомъ «національнаго стиля». Основы либретто для этой оперы были заимствованы изъ пьесы Островскаго «Не такъ живи какъ хочется». Но заимствованы были только основы, самое же исполненіе текста, въ которомъ развертывается національная картина широкаго масляничнаго разгула, была обработана опять-таки съ удивительнымъ литературнымъ искусствомъ самимъ Сѣровымъ. Замѣчательное выраженіе русской народной души музыка «Вражьей Силы» даетъ въ безчисленномъ количествѣ мѣстъ. „Въ гореваньи Даши“,—говоритъ напр., Базуновъ,—„мы слышимъ прямо русское горе,—со стонами, причитаньями и проч.; въ речитативахъ слушатель находитъ опять-таки оригинальную чисто русскую форму, какой никогда не найдемъ въ операхъ иностраннаго репертуара“. „Другою особенностью оперы“,—замѣчаетъ тотъ же авторъ,—«являются тѣ ея элементы, гдѣ авторъ проявилъ неожиданную силу комическаго таланта. Эта комическая струнка звучитъ очень осязательно, напр., въ масляничныхъ сценахъ, въ хорѣ, пляскахъ и т. д. Наконецъ, оркестровка оперы вообще доведена до послѣдней степени совершенства»... Такимъ образомъ А. Н-чъ вышелъ полнымъ побѣдителемъ изъ своей борьбы съ контрапунктомъ и другими мудростями техники музыкальнаго творчества. Но въ противоположность «Рогнѣдѣ» работа со «Вражьей Силой» шла медленно и доводила А. Н-ча иногда до отчаянія. «Застряла моя «Вражья Сила»,—писалъ онъ, напр., въ одномъ письмѣ,—«злой рокъ тяготѣетъ, надъ нею, бѣдной! Съ прошлой весны текстъ оперы, какъ вамъ извѣстно не подвинулся ни на волосъ,—значить, пѣлый годъ

потерянъ для творчества, а это въ наши годы не бездѣлица!». Но Сѣрову такъ и не удалось закончить своей „Вражьей Силы“. Смерть оборвала этой богатой жизни такъ преждевременно! По порученію жены Сѣрова, — недоконченное дѣло было выполнено талантливымъ опернымъ композиторомъ Н. Ф. Соловьевымъ, профессоромъ С.-Петербургской консерваторіи (на его долю, впрочемъ, досталась сравнительно, небольшая работа). Впервые «Вражья Сила» пошла на сценѣ Маріинскаго театра 19 апр. 1871 года.

Останавливаясь на послѣднихъ годахъ жизни А. Н-ча, мы должны упомянуть о п. даніи его собственной газеты „Музыка и Театръ“, которая доставила немало непріятностей въ виду обострившейся полемики между представителями различныхъ русскихъ музыкальных теченій. Въ 1868 г. Сѣровъ, по порученію Р. Вагнера, завѣдовал постановкой на Маріинской сценѣ оперы этого послѣдняго «Лоэнгринъ». Въ томъ же году онъ прочелъ въ Москвѣ свои три замѣчательныя лекціи о великорусской пѣснѣ, реформѣ Р. Вагнера и девятой симфоніи Бетховена. Изученію русской пѣсни А. Н. Сѣровъ отдавалъ въ это время особенно много силъ. За «Вражьей Силой» у Сѣрова намѣчалась комическая опера, за которой вырисовывался грандіозный планъ оперы изъ эпохи гуситскаго движенія. Вообще духовная работа Сѣрова общала еще много дать человѣчеству. Но физическія силы стали все чаще и чаще измѣнять великому композитору. Нерѣдко на него находятъ теперь часы унынія и грусти. «Странно какъ-то живется въ это время», — говоритъ онъ въ одномъ письмѣ. — «Точно пришибленный кѣмъ-то! И здоровье мое начинаетъ сильно разстраиваться!» Мысли о смерти начинаютъ посѣщать эту настойчивую и добрую натуру... Не подняла настроенія А. Н-ча и его поѣздка въ Вѣну на празднество по поводу столѣтняго юбилея памяти Бетховена... Болѣзнь и упадокъ силъ прогрессировали. 20 января 1871 г. А Н-ча не стало. Можно сказать, умеръ онъ на своемъ музыкальномъ посту, — онъ скоропостижно скончался во время разговора съ г. Славинскимъ, оставившимъ описаніе послѣднихъ минутъ этого замѣчательнаго челоѣка. «Сѣровъ, возобновилъ веденный передъ обѣдомъ разговоръ и, взявши въ руки книгу Наумана, подошелъ къ собесѣднику, сталъ говорить о помѣщенныхъ въ ней примѣрахъ и пропѣлъ одинъ изъ нихъ. Потомъ открывъ книгу на стр. 471 «перевернулъ три листа, указавъ на примѣръ на стр. 476... Но тутъ лицо его внезапно вытянулось съ какою-то необыкновенной улыбкой, за этимъ быстро показалось и также быстро приняло свое обыкновенное выраженіе; глаза были закрыты; ноги подкосились; онъ медленно, дугою, опустился на землю»...

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о женѣ А. Н. Сѣрова. Она была также незаурядной музыкантшей. Свое музыкальное образованіе она окончила въ С.-Петербургской консерваторіи. Ея дѣятельность на музыкальномъ поприщѣ выразилась въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ журналѣ „Музыка и Театръ“. Ея опера „Урьель Акоста“, поставленная въ первый разъ въ Москвѣ 15 апрѣля 1885 г., имѣла значительный успѣхъ. Изъ двухъ другихъ оперъ наибольшее вниманіе обратила на себя «Марія Дорваль», для которой тема была взята изъ исторіи французскаго искусства. Наконецъ, ею же было написано нѣсколько произведеній для оркестра и пѣянино.

ВЕЛИКІЕ ФИЛОСОФЫ. I.

Греческая философія до Сократа.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сдѣлался мыслящимъ существомъ, онъ началъ философствовать, т. е. доискиваться основныхъ причинъ всего сущаго, выяснять себѣ процессы образованія окружающаго міра и отгадывать его цѣли. Первой философіей была религія. Пестрый міръ боговъ съ его художественными мифами былъ вызванъ фантазіей грековъ съ цѣлью найти отвѣтъ на всѣ тѣ вопросы, которые ставитъ передъ человѣчествомъ философія. Гезіодъ въ своей „Теогоніи“ привелъ въ порядокъ и связь беспорядочныхъ сказаній, накопивавшіяся въ теченіи многихъ вѣковъ.

Но по мѣрѣ того, какъ накопились знанія и расширился кругозоръ грековъ, мифологическіе отвѣты на философскіе запросы переставали удовлетворять наиболѣе выдающихся представителей греческаго общества. Непроизвольно первые зачатки новой стадіи въ исторіи философіи мы находимъ на берегахъ Малой Азіи,—тамъ, гдѣ колоніи іонійцевъ обрабатывали многочисленные и богатые города, отличавшіеся художественнымъ пониманіемъ искусства и утонченностью жизни. Здѣсь греческій міръ въ своемъ постоянномъ общеніи съ Востокомъ жадно всасывалъ его культурныя приобрѣтенія и, благодаря своей высокой талантливости, быстро усваивалъ и перерабатывалъ ихъ. Изъ Вавилона и Египта греками были получены первоначальныя свѣдѣнія по математикѣ и астрономіи. Эти свѣдѣнія были быстро расширены и углублены греками. Первый грекъ, занимавшійся математикой и астрономіей, былъ Талесъ изъ Милета, современникъ Солона. О томъ, какъ глубоко были усвоены эти познанія этимъ первымъ греческимъ ученикомъ Востока, показываетъ уже то обстоятельство, что Талесъ въ области астрономіи прославился самостоятельными изысканіями. Предсказаніе солнечнаго затменія, сдѣланное имъ въ 585 г., сильнѣйшимъ образомъ поразило современниковъ. Онъ же былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ мыслителей, поставившихъ греческую философію на новый путь развитія. Онъ училъ, что матеріаль, изъ котораго созданы всѣ вещи и всѣ существа, находится въ процессѣ постоянного измѣненія и что эти измѣненія производятся могущественными существами, связанными съ каждой частью матеріи. Эти могущественныя существа—боги. Богами, по Талесу, наполненъ весь міръ. Въ этомъ отношеніи Талесъ, слѣдовательно, недалеко ушелъ отъ общепринятыхъ въ то время мифологическихъ воззрѣній. Однако, въ одномъ отношеніи онъ ушелъ дальше мифологіи. Онъ поставилъ своей задачею найти основное начало міроизданія. Этимъ основнымъ началомъ, по его воззрѣніямъ, была вода:

подъ вліяніемъ боговъ вода превращается въ землю, воздухъ и огонь. Изъ этихъ же четырехъ стихій—воды, земли, воздуха и огня составляется все, что наполняетъ нашъ міръ. По его воззрѣніямъ, основнымъ началомъ міра является хаотическое состояніе, при которомъ вещество не имѣетъ ни формы, ни вида. Все сущее происходитъ изъ хаоса и возвращается въ хаосъ. Живыя существа нашей земли—училъ онъ въ частности, произошли всѣ путемъ постепенныхъ измѣненій отъ рыбъ. Нельзя не замѣтить въ этой мысли слабого намека на ученіе современныхъ эволюціонистовъ. Демокритъ изъ Ефеса разсматриваетъ все сущее въ состояніи текучести; всѣ вещи находятся въ процессѣ вѣчнаго образованія. Но за ними существуетъ вѣчный владыка, который не подвергается никакимъ измѣненіямъ. Походить на этого великаго владыку,—оставаться спокойными и неподвижными, насколько возможно,—такова должна быть задача человѣка.

Ученіе Анаксимандра о хаосѣ, какъ о первичномъ состояніи всего сущаго, раздѣлялъ и Анаксагоръ изъ Клазоменъ (въ Малой

Анаксагоръ.

Клазоменская монета, на которой философъ изображенъ полуобнаженнымъ съ шаромъ въ рукѣ (Британскій музей)

Пифагоръ.

(Римская медаль).

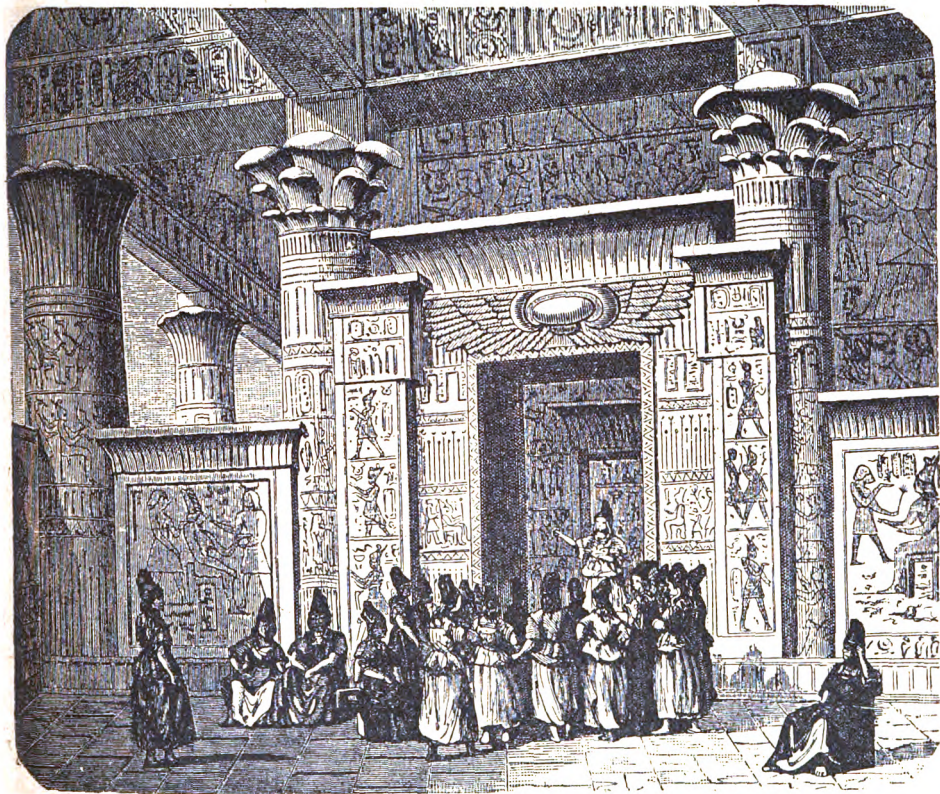
Азій). Но созидющей и движущей силой вселенной онъ считалъ разумъ, который представлялся ему самымъ тонкимъ и чистымъ началомъ. Философъ этотъ имѣлъ огромное вліяніе на всю философію классическаго міра. Эмпедоклъ изъ Агригента, бывший чѣмъ-то въ родѣ мага и первосвященника, обладалъ энциклопедическими познаніями. Въ качествѣ первичной матеріи онъ не считалъ возможнымъ выдвинуть одну изъ стихій, какъ это дѣла-

ли его предшественники. Напротивъ, по его мнѣнію, основными надо признать всѣ четыре стихіи: воду, воздухъ, огонь и землю. Эти четыре стихіи приводятся въ движеніе не одной, а двумя силами—любовью и враждой—стремленіемъ къ соединенію и стремленіемъ къ разложенію. Изъ игры этихъ силъ появились сначала растенія, затѣмъ низшія животныя, далѣе, животныя высшія и, наконецъ, человѣкъ.

Пифагоръ, занимавшій положеніе не то мага, не то божества, въ честь котораго учениками былъ установленъ настоящій культъ, искалъ сущность вещей въ числахъ, къ чему онъ пришелъ путемъ тщательнаго изученія математики. Высшей и основной реальностью является, по его мнѣнію, единица-божество: всѣ мы—болѣе или менѣе совершенныя числа, и всякая вещь—болѣе или менѣе совершенное число. Міръ управляется комбинаціями чиселъ. Онъ существовалъ и всегда будетъ существовать. Этотъ же философъ утверждалъ, что по смерти мы оживаемъ въ видѣ еще болѣе развитаго человѣческаго существа или въ видѣ какого-нибудь болѣе или менѣе низшаго животнаго, смотря по тому, какую жизнь мы вели при жизни. Ксенофонтъ изъ Колофона проповѣдуетъ уже единого, вѣчнаго, неизмѣннаго и неподвижнаго Бога, который управляетъ всѣмъ міромъ при помощи своей единой мысли. Этотъ философъ стремился рѣшить вопросъ, насколько достоверно знаніе вещей,

которое намъ дается нашими органами чувствъ. На этомъ поприщѣ немало поработалъ и Зенонъ съ острова Элеи.

Эти замѣчательныя для своего времени выступленія философской мысли сильно подготовили почву для такой огромной величины въ области философіи, какъ Демокритъ, гражданинъ іонійской колоніи Абдера. Сынъ выдающихся богачей, Демокритъ получилъ, безъ сомнѣнія, превосходное образованіе, а большое наслѣдство дало возможность Демокриту отправиться въ продолжительное путешествіе, на которое онъ затратилъ всѣ свои средства. Домой онъ вернулся совершеннымъ бѣднякомъ и жилъ на помощь, которую оказывалъ ему его братъ. Удачныя предсказанія

Пифагоръ среди египетскихъ жрецовъ.

относительно нѣкоторыхъ явленій природы доставили ему славу мудраго, вдохновеннаго богами человѣка. За свое большое произведеніе „Діакосмосъ“ онъ заслужилъ отъ родного города большой почетъ и большія награды. И его произведеніе, дѣйствительно, выдѣляется глубиною мысли, „полнотою разумнѣя“, что онъ ставилъ самъ себѣ въ особенную заслугу. „Изъ всѣхъ моихъ современниковъ“, — говоритъ онъ съ заслуженной гордостью, — „я проѣздилъ наибольшее пространство земли, изслѣдуя самое отдаленное, и видѣлъ большинство небесныхъ поясовъ и земель, слышалъ большинство мыслящихъ людей, и никто не превзошелъ меня въ геометрическомъ

построеніи и доказательствѣ, — даже геометры Египта, у которыхъ я пробылъ въ качествѣ гостя въ общемъ пять лѣтъ“. Для того, чтобы дать понятіе объ этомъ замѣчательномъ мыслителѣ, мы приведемъ слѣдующія его утвержденія: 1) „Изъ ничего не возникаетъ ничего; ничто изъ того, что существуетъ, не можетъ быть уничтожено. Всякая переменна — не что иное, какъ соединеніе и раздѣленіе частей“, 2) „Ничто не совершается случайно, но все совершается по какому-нибудь основанію и съ необходимостью“. 3) „Не существуетъ ничего, кромѣ атомовъ и пустого пространства; все другое — только воззрѣніе“... Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ основами современного естествознанія, усмотритъ въ этихъ положеніяхъ Демокрита тѣ основы, на которыхъ возводится все зданіе современной науки. Правда, къ этимъ основамъ наука пришла помимо Демокрита, путемъ сложныхъ и трудныхъ изысканій въ продолженіе почти 2½ тысячъ лѣтъ, но этимъ нисколько не уменьшается глубокая проникающая и широкій кругозоръ великаго философа древней Греціи, основателя атомистическаго воззрѣнія на міръ.

Мы видимъ, какъ глубоко проникла философская мысль древнихъ въ вопросы о сущности окружающаго міра. Но, по мѣрѣ того, какъ накоплялись познанія о внѣшнемъ мірѣ, все съ большей и большей силой начало выдвигаться вопросъ о томъ, насколько наши познанія соответствуютъ тому, что существуетъ въ дѣйствительности. Уже среди выше-названныхъ философовъ раздавались голоса о томъ, что человѣку ничего не дано знать, кромѣ видимости міра, что своимъ умомъ и органами чувствъ онъ не можетъ познать міръ таковымъ, какимъ онъ существуетъ на самомъ дѣлѣ. Для того, чтобы оцѣнить наши познанія, ихъ достовѣрность, ихъ цѣнность, мы должны прежде всего оцѣнить нашъ воспринимавшій аппаратъ, выяснить процессы познанія. Вотъ на этотъ-то путь и свернула греческая философія, сосредоточивая умственные взоры мудрецовъ на новой, еще незатронутой въ то время области изслѣдованія — области внутренней, психической жизни человѣка.

Этотъ поворотъ греческой философіи, чрезвычайно благотворный для человѣческой мысли, не представлялъ собой разрыва со старой философіей, а былъ ея продолженіемъ только въ новомъ направленіи. Новая философія строила окружающій насъ міръ также изъ одного основнаго матеріала — ощущенія, подобно тому, какъ старые философы строили его изъ какой-либо первичной матеріи, представляющей нѣчто внѣ насъ. Эта связь между двумя школами закрѣплена легендой о встрѣчѣ двухъ философовъ — Демокрита, главы старой философіи, и Протагора, великаго основателя новой школы. Преданія рассказываютъ, что великій Демокритъ, прогуливаясь однажды по своему родному городу Абдеръ, невольно обратилъ вниманіе на то, съ какой необычайной ловкостью укладывалъ одинъ носильщикъ куски дерева, которые ему надо было переносить. Заинтересовавшись этой работой, философъ вступилъ въ разговоръ съ носильщикомъ и былъ пораженъ тѣми остроумными отвѣтами, которые получалъ на свои вопросы. Тогда философъ рѣшился принять этого талантливаго человѣка въ число своихъ учениковъ. Это и былъ Протагоръ.

Мы знаемъ, что Протагоръ пошелъ по новому пути изслѣдованія, положивъ въ основу его самого человѣка съ его психическимъ аппаратомъ. Такъ какъ мы знаемъ вещи такими, какъ ихъ рисуютъ намъ наши чувства, то „вещь въ себѣ“, вещь таковая, какъ она есть въ дѣйствительности, остается для насъ недоступной. вмѣстѣ съ тѣмъ, органы чувствъ

различныхъ людей не отличаются полной тождественностью, а потому и внѣшній міръ различнымъ людямъ представляется далеко не одинаковымъ. Вотъ почему по ученію Протагора,—„человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей“. Насколько глубокой является эта мысль въ исторіи философіи, можно судить по тому, что, спустя много вѣковъ, она снова ожила въ ученіи такихъ видныхъ философовъ, оставившихъ глубокой слѣдъ въ общественномъ сознаніи, какими были Бюхнеръ и Молешотъ. Для Протагора вещь существуетъ лишь постольку, поскольку точно опредѣлено, по отношенію къ чему существуетъ это нѣчто; иначе мы и не можемъ говорить о существованіи чего-либо, ибо намъ не дано знать „вещь въ себѣ“. „Точно также“, замѣчаетъ Ф. А. Ланге („Исторія матеріализма“ т. I, стр. 19), „говоритъ и Бюхнеръ: „всѣ вещи существуютъ только однѣ для другихъ и внѣ взаимоотношенія онѣ не означаютъ ничего“; еще опредѣленнѣе выражается Молешотъ: „внѣ ощущенія въ глазу, въ который дерево посылаетъ свои лучи, оно вообще не существуетъ“... Это устраненіе во внѣшнемъ мірѣ чего-либо прочно и твердо установленнаго и безусловно обязательнаго для нашихъ органовъ воспріятія привело нашего философа къ цѣлому ряду парадоксальныхъ положеній. Къ наиболѣе извѣстнымъ изъ нихъ принадлежитъ утвержденіе Протагора, что о каждомъ предметѣ съ одинаковымъ правомъ можно высказать два опровергающихъ одно другое мнѣнія. Этотъ поворотъ философской мысли къ вопросамъ внутренняго міра человѣка невольно привелъ мыслителей къ широкому изученію явленій психическихъ, моральныхъ, этическихъ. „Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей“—это основное положеніе своей философіи Протагоръ примѣнялъ не только къ физическому міру, но и къ міру человеческихъ отношеній. Законы, которыми управляется человеческое общество, не даны ему откуда-то извнѣ, они не обуславливаются природой вещей, а установлены самимъ человеческимъ обществомъ. А если это такъ, то люди могутъ измѣнять, совершенствовать и отмѣнять свои законы, критикуя ихъ съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности. Но такъ какъ основой всякаго общества служить уваженіе къ правамъ другихъ, то задачей законодательства является осуществленіе справедливости въ человеческихъ отношеніяхъ; вотъ почему главной обязанностью каждого философа будетъ обученіе своихъ гражданъ добродѣтели. На чемъ же должна покоиться общественная и личная добродѣтель, на чемъ должны быть возведены мораль и этика? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, Протагоръ снова обращается къ человеческой природѣ, этому единственному прочному критерию въ его философскихъ исканіяхъ. Это обращеніе къ человеческой природѣ показало ему, что всѣ люди должны считаться равными, что рабство противорѣчитъ человеческой природѣ. Мы снова встрѣчаемся здѣсь съ величайшими идеями, которымъ пришлось сыграть важную роль въ исторіи человечества,—естественное право, равенство людей. Этими воззрѣніями опредѣлялась и полемическая программа великаго мыслителя. Онъ былъ сторонникомъ самаго широкаго демократическаго управления, исключаящаго всѣ требованія имущественнаго ценза.

Къ Протагору близко примыкаютъ два ученика его—Горгій, знаменитый ораторъ и учитель реторики, и Продикъ, главнымъ образомъ моралистъ и поэтъ. Протагоръ, Горгій и Продикъ были основателями той философской школы, которая получила имя софистовъ.

„Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей“, гордо провозгласили вожди софистовъ. Это значить, что всѣ человеческія идеи и учрежденія должны быть подвергнуты критикѣ мыслящей личности. Личный разумъ человѣка

долженъ былъ занять верховное мѣсто во всѣхъ проявленіяхъ общественной и частной жизни человѣка. Законы, преданія, обычаи,—какими бы они ни казались священными,—не заслуживаютъ уваженія до тѣхъ поръ, пока не получаютъ санкціи разума. Вотъ въ этомъ требованіи и заключалось великое значеніе софистовъ, какъ общественныхъ дѣятелей. „То было время всеобщаго разрушенія“,—говоритъ г. Орловъ („Сократъ“),—„когда старые устои аѳинскаго общества впервые стали качаться отъ размаха освобожденной персидскими войнами мысли. Коренное измѣненіе въ общественно-политическихъ отношеніяхъ страны,—измѣненіе, выразившееся въ крушеніи стараго аристократическаго порядка и замѣнѣ его демократической конституціей,—было лишь сигналомъ къ массовому возстанію противъ всей совокупности понятій и идей, существовавшихъ доселѣ, какъ незыблемыя истины. Жизнь Аѳинъ, какъ и всѣхъ гражданскихъ общинъ древности, покоилась въ гораздо большей степени, нежели жизнь современныхъ обществъ, на цѣлой системѣ религіозно-нравственныхъ и политическихъ понятій, выработанныхъ трудами многочисленныхъ поколѣній и преемственно передаваемыхъ изъ вѣка въ вѣкъ. Эти освященные традиціями понятія казались чѣмъ-то стоящимъ выше человѣческаго разума: они считались божественнаго происхожденія, и, какъ таковыя, вѣчными, непреложными, неприкосновенными. Но развитіе на почвѣ реальныхъ условій жизни демократическаго духа съ его требованіями личныхъ и равныхъ правъ для cadaго отдѣльнаго члена общества нанесло смертельный ударъ всѣмъ устарѣвшимъ основамъ соціальной жизни: гражданская личность, достигши своего самосознанія, не остановилась передъ древними понятіями и вѣрованіями, которыя стояли на ея пути къ занятію полноправнаго положенія въ обществѣ. Она пробила въ ихъ стѣнѣ брешь и тѣмъ самымъ разрушила навсегда тѣ чары, которыми, казалось, они были окружены. Личность сознала себя державною не только въ сферѣ общественно-политическихъ, но и нравственно-религіозныхъ отношеній, и унаслѣдованныя традиціи потеряли въ ея глазахъ свое прежнее обаяніе. Дерзкою рукою было сдернуто съ нихъ покрывало,—и, вмѣсто страшнаго крушенія всего соціальнаго зданія, какъ это предсказывали консервативныя Кассандры, передъ пылающими энергіей взорами смѣльчаковъ предстали во всей ихъ уродливой наготѣ, старыя, сгнившія подпорки, еле-еле держающія тяжесть строенія. Сердце забилося усиленнымъ темпомъ, кровь заволновалась и заходила съ лихорадочной быстротой, и мысль, вздрогнувъ, зашевелилась живѣй и сильнѣй. Одна за другою прадѣдовскія идеи стали призываться на судъ критическаго разума, и одна за другою онѣ признаны были негодными. Разрушеніе было полное, обломки усыпали весь полъ общественнаго зданія, и надъ нимъ въ какомъ-то восторженномъ опьяненіи высились могучія фигуры бойцовъ. Читатель узнаетъ знакомую картину: она не разъ появлялась на подмосткахъ европейской, да и нашей собственной исторіи. Это—эпоха подведенія великихъ итоговъ своему національному прошлому и сметанія въ кучу всего того негоднаго сора, который образовался отъ гнѣнія общественныхъ устоевъ. Дѣятелями этой эпохи были софисты“...

Такимъ образомъ, софисты исполняли въ свое время важную общественную работу. Ихъ работа составила особую ступень въ развитіи философскаго мышленія грековъ. Но это движеніе начало очень быстро вырождаться. Софисты скоро потеряли интересъ къ внутренней сторонѣ своей дѣятельности, къ развитію, углубленію и усовершенствованію своихъ идей. Они всѣ силы свои употребили на вѣшнюю сторону своихъ выступленій,—

на развитіе двухъ новыхъ искусствъ, реторики и діалектики, т. е. умѣнья красиво говорить и ловко спорить. Эти искусства въ демократическихъ Аѳинахъ съ ихъ шумливыми и капризными народными собраніями цѣнились высоко. Софисты поэтому всегда были окружены учениками, которые охотно и часто по дорогой цѣнѣ оплачивали трудъ своихъ наставниковъ. Правда, даже въ годы наибольшаго своего паденія софисты не переставали учить не только искусству внѣшняго краснорѣчія, но старались и умственно развивать своихъ учениковъ, такъ какъ истинное краснорѣчіе всегда требуетъ высоко развитоу ума и серьезныхъ знаній, тѣмъ не менѣе, своей безпринципностью, ставившей цѣлью обѣлять всякое мнѣніе, не вникая, насколько оно правильно и справедливо, софисты вносили въ общественную жизнь сильнѣйшее разложенье. Именно въ этотъ періодъ ихъ дѣятельности имя софиста заслужило тотъ отгѣнокъ презрѣнія, съ которымъ оно перешло въ исторію.

Всѣ эти философскія системы, несмотря на все свое разнообразіе, были въ одну сторону: они разрушали старую мифологическую философію, которой жили народныя массы. Когда какой-нибудь философъ возвѣщалъ законъ причинности, или въ туманныхъ намекахъ очерчивалъ эволюціонный процессъ, или говорилъ о вѣчности и неуничтожаемости вещества, или когда, наконецъ, доходилъ до единой, основной первопричины всего міроздаія и приближался почти къ единобожію, — онъ этимъ вторгался въ міръ Олимпійскихъ боговъ, строившихъ міръ и человѣческое общество на иныхъ началахъ. Но многіе философы не ограничивались постановкой отвлеченныхъ проблемъ. Они нерѣдко переходили ко всеокушающей

критикѣ политеизма. Одинъ философъ говорилъ, напр., что „если боги дѣлаютъ что-нибудь постыдное, то они не боги“, а, между тѣмъ, постыдными дѣяніями боговъ переполнена вся мифологія. Другой философъ, возмущаясь антропоморфизмомъ греческой религіи, т. е. стремленіемъ ея придать богамъ человѣческой видъ и человѣческія душевныя свойства, говорилъ: „если бы быки и лошади могли изображать боговъ, то они, конечно, изобразили бы ихъ въ видѣ быковъ и лошадей“... Подобныя выступленія со стороны новой философіи были неизбѣжны. Но они вызывали негодованіе въ народныхъ массахъ. Негодованіе это возрастало, благодаря тому, что философы не довольствовались критикой религіи, но перешли къ критикѣ нравовъ и обычаевъ, освященныхъ стариной. Вотъ

Сократъ.

Со старинной геммы, изъ Флоренціи.

откуда обвиненія въ развратѣ юношества, въ нечестивой жизни и т. д. Эта борьба за новыя отношенія къ міру и человѣчеству не обошлась безъ многихъ жертвъ. Сочиненіе Протагора было сожжено рукой палача, а самъ онъ спасся бѣгствомъ. Анаксагоръ былъ заключенъ въ тюрьму, изъ которой освободился побѣгомъ. Теоdorfъ, „атеистъ“, и Діогенъ изъ Апполоніи были преслѣдуемы за богоотступничество. Преслѣдованію подвергались Стилпонтъ и Теофрастъ; за голову поэта Діагора изъ Мелоса была предложена извѣстная сумма денегъ; Эсхиль за предполагаемое оскверненіе мистерій едва не поплатился жизнью; обвиненіе въ безбожій угрожало и Эврипиду.

Вотъ тѣ завоеванія, которыя сдѣлала философская мысль, и тѣ условія, въ которыя была поставлена пропаганда философіи къ тому времени, когда появились три гиганта человѣческой мысли, передъ которыми склоняется еще и современное человѣчество—

Платонъ.

Сократъ, Платонъ и Аристотель. И неудивительно, что въ лицѣ этихъ мыслителей греческая философія достигла высшаго своего развитія. Греческая,—и особенно аѳинская, жизнь въ то время получила во всѣхъ отношеніяхъ, во всѣхъ направленіяхъ наибольшій свой размахъ. „Здѣсь“,—говоритъ Ланге объ Аѳинахъ той эпохи,—„со времени персидскихъ войнъ подъ вліяніемъ новаго направленія мышленія совершался переворотъ, который распространился на всѣ слои общества. Подъ могучимъ руководствомъ Перикла государство достигло сознанія своего предназначенія. Торговля и господство на морѣ благопріятствовали возвышенію матеріальныхъ интересовъ. Духъ предприимчивости аѳинянъ достигалъ грандіозныхъ размѣровъ. Эпоха, когда училъ Протагоръ, была, приблизительно, та же самая, въ которую воздвигались огромныя строенія Акрополя. Чопорное и патриархальное исчезло, и искусство на пути къ красотѣ достигло той воз-

триархальное исчезло, и искусство на пути къ красотѣ достигло той воз-

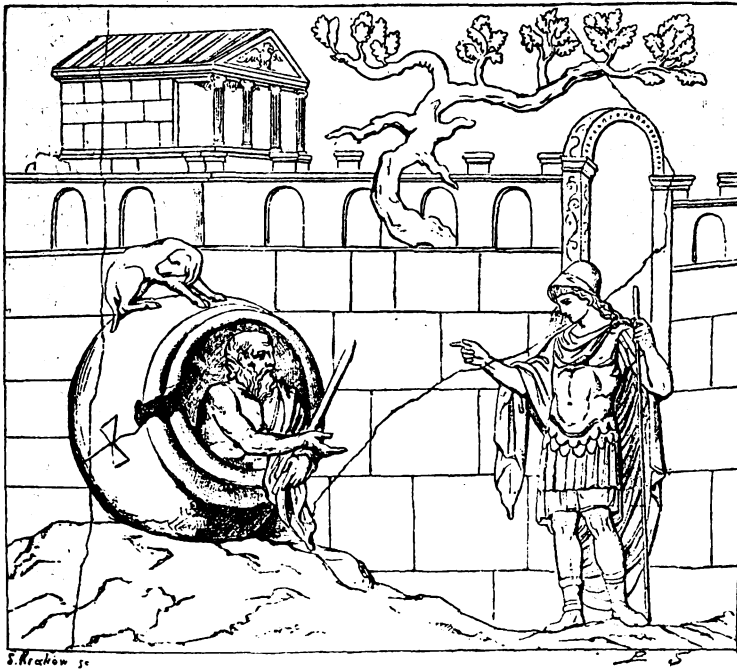

Житейскія правила философовъ и мудрецовъ.

Вѣдписи, вырѣзанныя на трехъ безголовыхъ бюстахъ, открытыхъ въ виллѣ Кассія, близъ Тиволи. 1. Клеобуль Линскій. Мѣτρον ἀριστον: всему знать мѣру—высшее качество. 2. Солонъ, сынъ Экзекестиды, аѳинянинъ. Μηδὲν ἀγαν: ничего черезъ мѣру. 3. Питтакъ, сынъ Гирраса, митиленецъ. Καίρον γυώβη: замѣчай удобный моментъ. Извѣстно, что Гиппархъ, сынъ Пизистрата, приказывалъ вырѣзывать такого рода нравоучительныя изреченія на гермахъ по дорогамъ.

вышенности стили, какая выразилась въ произведеніяхъ Фидія. Изъ золота и слоновой кости воздвигнуты были дивныя статуи Паллады Парее-

новской и Зевса Олимпійскаго; и въ то время, какъ вѣра во всѣхъ слояхъ начинала колебаться, торжественныя шествія боговъ достигли высшей степени пышности и великолѣпія“... Греція дала къ этому времени Перикла, Эсхила, Софокла, Эврипида, Аристофана, Геродота и Фукидида,—удивительно ли, что она оказалась въ силахъ дать и Сократа, Платона и Аристотеля?

Діогенъ и Александръ Македонскій.

Мраморный горельефъ въ виллѣ Альбани, изображающій сцену у воротъ Коринѳа.

Сократъ.

Мраморная герма, хранящаяся въ Неаполитанскомъ музеѣ.

Сократъ.

(469—399 до Р. Хр.)

Главнѣйшіе литературные источники, которые позволяютъ намъ ознакомиться съ жизнью Сократа, чловѣка рѣдкой твердости и величія, это—„Воспоминанія о Сократѣ“ Ксенофонта и нѣкоторыя произведенія Платона (въ томъ числѣ его „Апология“, или защитительная рѣчь).

Самъ Сократъ не оставилъ послѣ себя сочиненій и, слѣдовательно, даже изложение его ученія мы имѣемъ только изъ вторыхъ рукъ.

Свѣдѣнія о жизни Сократа, которыми мы располагаемъ въ настоящее время, оказываются настолько не полными, что нѣтъ возможности точно установить годъ его рожденія. Наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія говорятъ за то, что онъ родился въ 469 г. до Р. Хр. Родиной его былъ городъ Аѣины. Семья Сократа не отличалась достаткомъ: отецъ его Сорронискъ былъ бѣднымъ ремесленникомъ—ваятелемъ, а мать Фэнарета—повивальной бабкой.

Первые годы жизни Сократа прошли, вѣроятно, такъ же, какъ и у другихъ дѣтей аѣинскихъ гражданъ того времени. Такъ какъ начальное образованіе для всѣхъ дѣтей аѣинскихъ гражданъ было обязательнымъ, то, конечно, съ семилѣтняго возраста Сократъ началъ посѣщать начальную школу. Здѣсь онъ научился читать и писать, усвоилъ основныя правила ариметики и много обучался гимнастикѣ и музыкѣ. Въ область этой послѣдней входило обученіе пляскѣ и чтенію и заучиваніе стиховъ, особенно Гомера и Гезіода, которые являлись главными авторитетами у грековъ по вопросамъ морали и религіи. Въ юные годы онъ, несомнѣнно, посѣщалъ собесѣдованія выдающихся философовъ и софистовъ, въ котрыхъ не было недостатка на улицахъ и площадяхъ Аѣинъ. Такимъ образомъ, онъ основательно ознакомился съ геометрией и астрономіей и довольно хорошо разобрался въ наиболѣе распространенныхъ философскихъ системахъ того времени. Онъ рано, повидимому, началъ заниматься профессіей своего отца. Въ Аѣинахъ, по крайней мѣрѣ, долгое время показывали поставленную на дорогѣ въ Акрополь группу Харитъ, которую приписывали рѣзцу Сократа.

Еще въ ранней молодости Сократъ почувствовалъ влеченіе къ философіи. Этому влеченію въ Аѣинахъ удовлетворить было не трудно. Однако философъ въ Сократѣ созрѣвалъ медленно и постепенно. Только въ сорокъ лѣтъ онъ созналъ свою силу и свое превосходство надъ другими учителями мудрости и съ тѣхъ поръ цѣликомъ отдался своему призванію, забросилъ свое мастерство, запустилъ свое хозяйство, несмотря на то, что былъ уже давно женатъ и имѣлъ дѣтей. „Моя работа“,—говорилъ онъ на судѣ,—„такъ поглощаетъ меня, что у меня нѣтъ времени ни заниматься вопросами политики, ни заботиться о своемъ матеріальномъ благосостояніи. Я—нищій, благодаря моей покорности велѣніямъ Божества“.

Сократъ отличался крайне некрасивой наружностью: на толстой и короткой шеѣ сидѣла лысая голова съ выпученными глазами, толстыми губами и вздернутыми ноздрями, и это при низкомъ ростѣ и вздутомъ животѣ! И тѣмъ не менѣе, безобразнымъ Сократа нельзя было назвать: печать такого глубокаго ума лежала на этомъ некрасивомъ и несуразномъ лицѣ. Этотъ же умъ дѣлалъ Сократа величайшимъ ораторомъ того времени, хотя онъ никогда не прибѣгалъ къ ораторскимъ эффектамъ и говорилъ краткой и грубоватой народной рѣчью. Чтобы показать, какъ внутренними качествами своей рѣчи и мысли Сократъ умѣлъ дѣйствовать на своихъ слушателей, достаточно будетъ привести слѣдующій отзывъ безпутнѣйшаго и талантливѣйшаго изъ аѣинянъ Алкивіада, котораго Платонъ въ своемъ „Пирѣ“ заставляетъ говорить такъ: „Я слыхалъ не мало ораторовъ, но ни одинъ изъ нихъ, ни даже самый лучшій, не производилъ на меня особаго впечатлѣнія. Не то совсѣмъ, когда ты говоришь, Сократъ: будь то мужчина, иль женщина, иль ребенокъ—все

равно: ими всѣми, когда они тебя слышатъ, или имъ передаютъ хотя бы изъ третьихъ устъ твои слова, овладѣваетъ какое-то неизъяснимое волненіе и удивленіе. И я самъ, если бы не боялся показаться вамъ, господа, слишкомъ пьянымъ, готовъ былъ бы подъ клятвой показать, какъ дѣйствуютъ на меня Сократовы слова: всякій разъ, какъ я его слышу, мое сердце бьется во мнѣ, какъ изступленное; и слезы льются ручьемъ изъ моихъ глазъ. Я слышалъ Перикла и другихъ краснорѣчивыхъ ораторовъ; я сознавалъ, что они говорятъ хорошо, но никогда я не испытывалъ ничего подобнаго: они не волновали моей души, они не заставляли меня презирать себя за свою рыбую натуру. Но вотъ этотъ сатиръ, этотъ Марсій приводилъ меня въ такое состояніе, что я—ты это самъ знаешь, Сократъ,—прямо чувствовалъ невозможность продолжать такъ жить, какъ я жилъ доселѣ, и я увѣренъ, что не затыкай я ушей своихъ отъ его рѣчей, и не убѣгай я отъ его голоса, какъ отъ пѣнія Сирены, меня постигла бы та же участь, что и многихъ другихъ: я состарился бы, сидя у его ногъ... О, сколько разъ желалъ я, чтобы онъ поскорѣе умеръ! Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я сознавалъ, что, умри онъ на самомъ дѣлѣ, моему горю не было бы предѣловъ,—оно было бы глубже, чѣмъ моя радость, и я самъ не зналъ, чего желать“!

Сократъ вель крайне воздержанный образъ жизни. Антифонъ упрекалъ, какъ говоритъ Ксенофонтъ, Сократа: „Ты живешь такъ, какъ не захотѣлъ бы жить ни одинъ рабъ у своего господина; ты довольствуешься самой грубой пищей, и самые плохіе напитки удовлетворяютъ тебя. Недостаточно же имѣть только одинъ плохенькій хитонъ, который служить тебѣ и зимой, и лѣтомъ; у тебя даже нѣтъ ни туники, ни обуви“... И это воздержаніе происходило не потому, чтобы Сократъ былъ аскетомъ и хотѣлъ истязать свою плоть. Нѣтъ, наоборотъ, Сократъ былъ жизнерадостнымъ человѣкомъ и любилъ жизнь со всѣми ея благами. Онъ дѣлалъ въ этомъ отношеніи все, что могъ. Когда онъ отправлялся на пирушку къ своимъ друзьямъ, онъ принималъ ванну и подправлялъ, насколько возможно, свой туалетъ. И въ кругу своихъ друзей онъ не держался монахомъ. Извѣстна его похвала, сказанная въ честь вина. Его крайняя умѣренность обуславливалась двумя причинами. Внутренній міръ человѣка для него былъ важнѣе физическаго и внѣшняго. „Не нуждаться ни въ чемъ“,—говорилъ онъ,—„значить быть божествомъ, а нуждаться лишь въ маломъ значитъ наиболѣе близко походить на него. А такъ какъ божественная природа—совершенство, то приблизиться къ ней—значитъ приблизиться къ совершенству“. И онъ умѣлъ закалить свое могучее тѣло, повидимому, въ послѣднихъ предѣлахъ, доступныхъ человѣку. Во время похода во Фракію, отличающуюся своимъ суровымъ климатомъ, подъ Потидеей, гдѣ солдаты сильно страдали отъ холодовъ, Сократъ по льду ходилъ босикомъ и завертывался въ свой обычный потрепанный хитонъ.

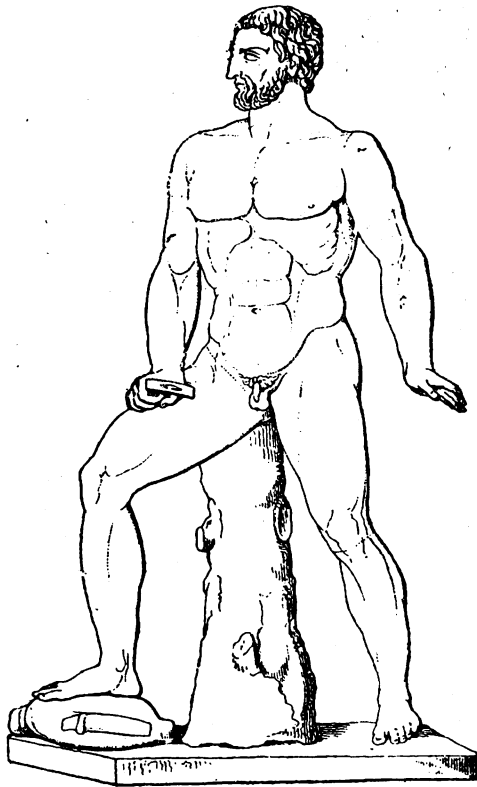
Другая причина, обрекавшая его на бѣдность, была уже его принципиальная точка зрѣнія относительно оплаты труда, который онъ затрачивалъ на обученіе другихъ. Софисты, какъ мы знаемъ, брали вознагражденіе со своихъ учениковъ и наживали такимъ путемъ даже большія богатства. Сократъ считалъ невозможнымъ продавать свою мудрость. „Мы всѣ знаемъ, Антифонъ“, говорилъ онъ, „что мудростью, какъ и красотою, можно располагать двояко. Если женщина беретъ себѣ въ друзья человѣка, котораго она считаетъ честнымъ и хорошимъ, мы считаемъ ее также честной и хорошей; но если она продаетъ свою красоту

всякому, кто готовъ уплатить опредѣленную цѣну, то мы называемъ ее проституткой. Точно также и съ мудростью: того, кто дружитъ съ честнымъ человѣкомъ и научить его всему тому хорошему, которое онъ знаетъ самъ, мы также называемъ честнымъ человѣкомъ; но если кто продаетъ свою мудрость за деньги всякому, кто только готовъ ее купить, то онъ не что иное, какъ софистъ—проститутъ философіи“. И, вѣрный этому принципу, онъ отказывался отъ всякаго вознагражденія, отклонялъ даже всякіе подарки со стороны своихъ друзей. Хармидъ прислалъ какъ-то ему рабовъ для того, чтобы они помогали ему въ его ремеслѣ, Сократъ отослалъ ихъ обратно. Онъ отвергъ предложеніе Архелая Македонскаго, Скопа изъ Кренонія, Еурилоха изъ Лариссы, приглашавшихъ

Сократъ бесѣдуетъ съ Эрато—музой героизма и любви.
Съ саркофага, въ Луврѣ.

его воспользоваться самымъ широкимъ образомъ ихъ гостепріимствомъ. Его безкорыстіе отражалось, конечно, не только на его личномъ положеніи, но и на положеніи всей его семьи. Тяжелыя сцены приходилось выносить ему отъ его жены Ксантиппы, для которой семейныя бѣдствія, конечно, не окупались той великой общественной работой ея мужа, которую она не могла и оцѣнить надлежащимъ образомъ.

Легенда рассказываетъ, что однажды Ксантиппа, выведенная изъ терпѣнія „безпутствомъ“ мужа, облила его послѣ сердитой брани помоями. Сократъ на это спокойно обтерся и добродушно сострилъ: „Ну вотъ послѣ грома всегда бываетъ дождь“. Это удивительное самообладаніе Сократа типично для него и во всѣхъ другихъ случаяхъ жизни. Своей холодной ироніей и убійственной логикой онъ доводилъ своихъ соперниковъ до бѣшенства, и ему неоднократно приходилось подвергаться со стороны ихъ всяче-

Алквивіадъ.

Со статуи въ музеѣ Піо Клеметино. (Алквивіадъ — племянникъ Перикла и другъ Сократа).

скимъ оскорбленіямъ. Когда одинъ изъ такихъ противниковъ ударилъ его ногой, Сократъ спокойно продолжалъ свое дѣло, а удивленнымъ своимъ друзьямъ отвѣчалъ: „Если бы меня ударилъ ногой оселъ, неужели я началъ бы противъ него судебный процессъ“... Однажды во время большихъ діонисеевскихъ празднествъ со сцены на его счетъ было отпущено нѣсколько ѣдкихъ шутокъ; когда прїѣзжая публика начала поворачиваться во всѣ стороны, чтобы увидать своими глазами жертву этихъ насмѣшекъ, Сократъ поднялся во весь ростъ съ своего мѣста и оставался въ такомъ положеніи до конца пьесы, чтобы дать возможность безъ труда замѣтить себя всякому желающему.

Самообладаніе не покидало великаго мыслителя ни при какихъ обстоятельствахъ жизни. Самообладаніемъ этимъ, какъ и вѣрностью своимъ принципамъ, опредѣлялось и необычайное мужество, которое Сократъ проявлялъ неоднократно въ теченіи своей жизни. Въ одной изъ схватокъ при Потидеѣ, куда Сократъ явился простымъ солдатомъ, его любимый ученикъ Алкивиадъ былъ раненъ и неизбежная смерть, казалось, угрожала ему. Только неустрашимостью Сократа онъ былъ вырученъ изъ этого безвыходнаго положенія. Когда же аѣинскіе генералы предложили Сократу награду, онъ равнодушно отвергъ ее. Въ битвѣ при Деліи аѣинскія войска вынуждены были къ отступленію. Во время этого замѣшательства Ксенофонтъ, его ученикъ былъ сброшенъ съ лошади и раненъ. Сократъ мужественно бросился на помощь Ксенофонту, и передъ его крѣпкой фигурой и упорнымъ бычачьимъ взглядомъ отпрянула кучка враговъ, торопившихся раздѣлаться съ раненымъ всадникомъ. Сократъ взялъ Ксенофонта на плечи и вынесъ его изъ битвы.

Такимъ же непреклоннымъ и мужественнымъ мы находимъ его и въ различныхъ событіяхъ гражданской жизни.

Въ 406 году аѣиняне одержали блестящую морскую побѣду надъ спартанцами при Аргинузахъ. Навархи—адмиралы были щедро награждены народнымъ собраніемъ. Но вскорѣ послѣ этого пришли извѣстія, что, благодаря небрежности адмираловъ, многіе изъ павшихъ аѣинянъ не были погребены послѣ битвы, а многіе изъ раненыхъ не были своевременно спасены. Въ народныхъ массахъ началась сильнѣйшая агитація противъ только что награжденныхъ адмираловъ. Почва для агитаціи была благодарная, такъ какъ народныя религіозныя воззрѣнія приписывали обряду погребенія очень большое значеніе. Городъ облекся въ трауръ; рѣчи на народномъ собраніи дышали гнѣвомъ и яростью. Народъ готовъ былъ, кажется, раздавить каждаго, кто посмѣетъ выступить въ защиту ненавистныхъ адмираловъ, которымъ совершенно противозаконно хотѣли отказать въ правѣ защиты. Народное собраніе настаивало на немедленномъ и коллективномъ наказаніи ихъ. Противъ этого незаконнаго желанія народнаго собранія рѣшился высказаться только одинъ гражданинъ. Это былъ Сократъ. Двумя годами позже, олигархи, захватившіе власть, пытались зажать ротъ Сократу, который открыто и смѣло осуждалъ ихъ политику насилія. Олигархи были сильно разсержены подобнымъ поведеніемъ философа. Противъ мыслителя были предложены крайне суровыя мѣры, которыя, однако, не были приведены въ исполненіе въ виду горячаго заступничества со стороны олигарха Критія, бывшаго слушателя Сократа. Но олигархи не оставили своего плана раздѣлаться съ непокорнымъ философомъ. Вскорѣ ему было предложено отправиться съ четырьмя другими популярными гражданами на островъ Саламинъ, чтобы привезти оттуда богача-демократа Леона, бѣжавшаго отъ преслѣдованія олигарховъ. Это была обычная

Вниманію подписчиковъ

1-го абонемена.

Лица, подписавшіяся въ 1913 г. на 1-й абонементъ, могутъ получить изъ конторы „Вѣстн. Зн.“ первые 3 тома (12 выпусковъ)

Иллюстрированной біографической
библіотеки

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ,

данныхъ въ качествѣ приложенія къ журн. „Вѣстн. Зн.“ въ 1912 г. и составляющихъ самостоятельное цѣлое. Изданіе иллюстрировано

многими рисунками въ текстѣ, картами, чертежами и 48 отд. портретами и картинами, печатанными цвѣтными красками.

Краткое содержаніе 3 томовъ:

ВЕЛИКІЕ ЭКОНОМИСТЫ. I. Утописты (со вступительнымъ очеркомъ проф. М. И. Туганъ-Барановскаго „Утопическій социализмъ“): Р. Оуэнъ, Сень-Симонъ, Ш. Фурье. II. Классики (съ очеркомъ проф. М. И. Туганъ-Барановскаго „Классическая школа“): А. Смитъ, Т. Мальтусъ, Д. Рикардо. III. Соціалисты (съ очеркомъ проф. М. И. Туганъ-Барановскаго „Критическій социализмъ“): Прудонъ, Родбертусъ, Ф. Лассаль, К. Марксъ, Ф. Энгельсъ, П. Лафаргъ. IV. Кооператоры: Шульце-Деличъ, Голіокъ, Райффейзенъ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ: Русскіе публицисты (съ очеркомъ „Русская публицистика“): Радищевъ В. Г. Бѣлинскій, А. И. Герценъ, Н. Г. Чернышевскій, Н. А. Добролюбовъ. II. Русскіе педагоги (съ очеркомъ „Изъ исторіи просвѣщенія“): В. Н. Каразинъ, Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій, Н. А. Корфъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ и ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ (съ очерками „Объединеніе Италіи“ и „Объединеніе Германіи“): Гарибальди, Маццини, Кавуръ, Бисмаркъ Мольтке, Гладстонъ и др.

ГУМАНИСТЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ (со вступительнымъ очеркомъ): Ульрихъ, Ф.-Гуттенъ, Рейхлинъ, Эразмъ Роттердамскій, Джордано Бруно.

РЕЛИГИОЗНЫЕ РЕФОРМАТОРЫ (со вступительнымъ очеркомъ): Янъ Гусъ, М. Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ.

ВЕЛИКІЕ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛИ. I. Эволюціонисты (съ очеркомъ „Какъ строилась и развивалась теорія эволюціи“): Ч. Дарвинъ, А. Уоллесъ, Э. Геккель, А. О. Ковалевскій, Г. Спенсеръ. II. Физики и химики (съ очеркомъ „Физика и химія въ XIX столѣтіи“): Галилей, Гюйгенсъ, Ньютонъ, М. В. Ломоносовъ, Фарадей, Либихъ, Р. Майеръ, Гельмгольцъ, Д. И. Менделѣевъ.

ВЕЛИКІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ и ГЕОГРАФЫ (съ очерк. „Какъ развивались наши познанія о землѣ“): Д. Ливингстонъ, Н. М. Пржевальскій, Г. Стэнли, П. А. Кропоткинъ.

ВЕЛИКІЕ ИЗОБРАТѢЛИ (съ очеркомъ „Исторія путей и средствъ сообщенія въ XIX столѣтіи“): Уаттъ, Стефенсонъ, Фултонъ, Морзе, Эдисонъ, Цеппелинъ.

ВЕЛИКІЕ ХУДОЖНИКИ (съ краткимъ очеркомъ „Исторія искусства до эпохи Возрожденія“): Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело, Рембрандтъ, Рубенсъ, Ванъ-Дейкъ.

Цѣна за 3 тома 6 р. Для подписчиковъ „В. Зн.“ и „Нодѣли“ цѣна понижена до 3 р. 75 к. Въ изящныхъ, тисненыхъ золотомъ и краскою переплѣтахъ на 1 р. 30 к. дорожее 7 р. 30 к., для подписчиковъ 5 р. За пересылку прибавляется 50 к. (въ Сибирь и др. отдаленныя мѣстности соотвѣственно дорожее). Крышки для переплѣтовъ высылаются и отдѣльно. Цѣна за 3 крышки 80 к.; пересылка ихъ 25 к.

ମହୋଦଧି

[illegible]

КНИГА ПРИРОДЫ

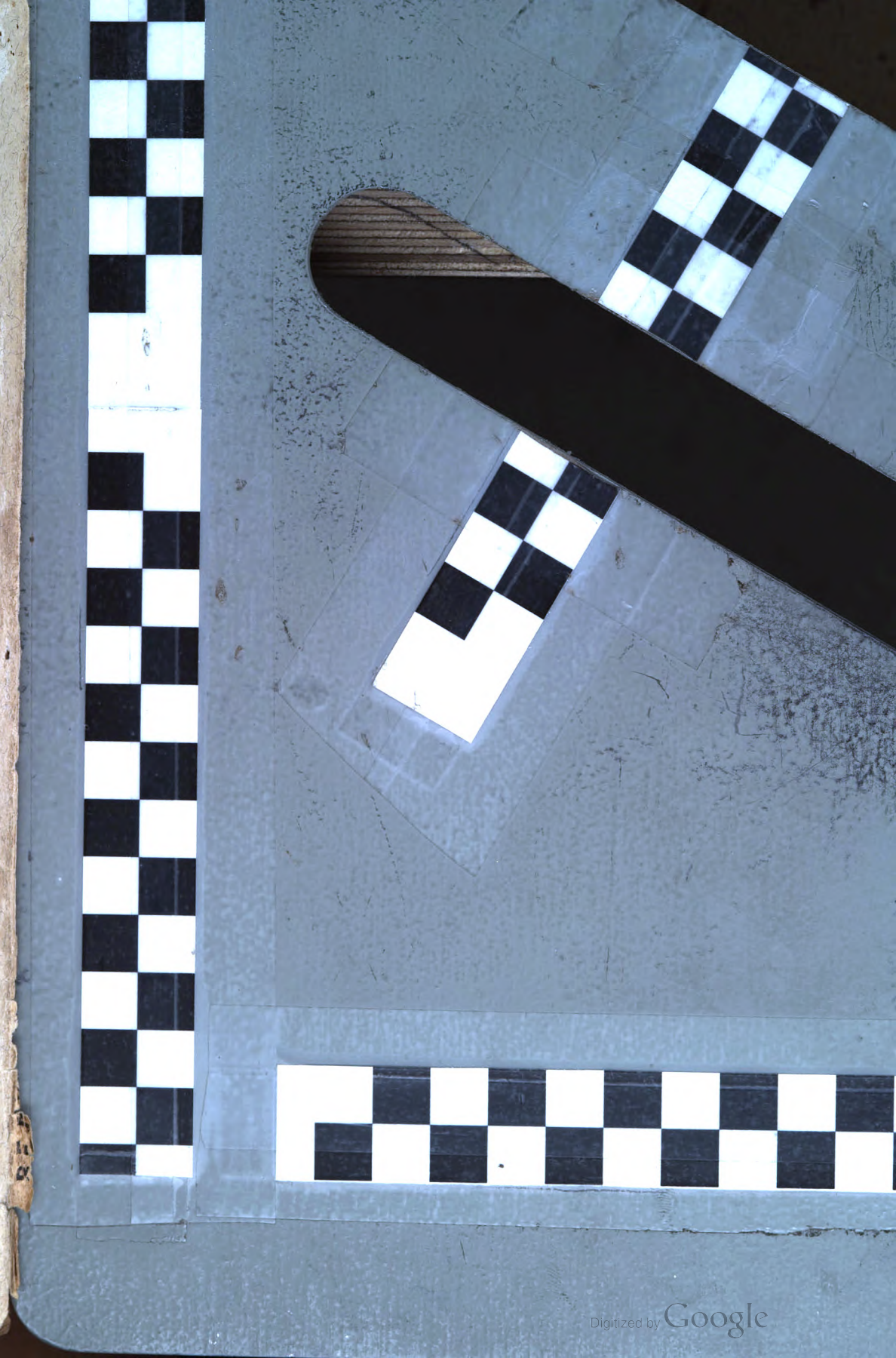
стено и время, бар. Швейгерт-Леренсфельд,
ч. III. Мельница жизни, проф. Остафьев;
ч. IV. Мельница жизни, проф. Шеихена;
ч. V. Об
таемые міръ, проф. Метера; ч. VI—IX. Песни
доги, являющія челоучества, проф.
Роскоин, изд. около 1900 рис. и 60 отд. картин
и хромоилли. (Въ нижн. маг. б. ст. 15 руб.

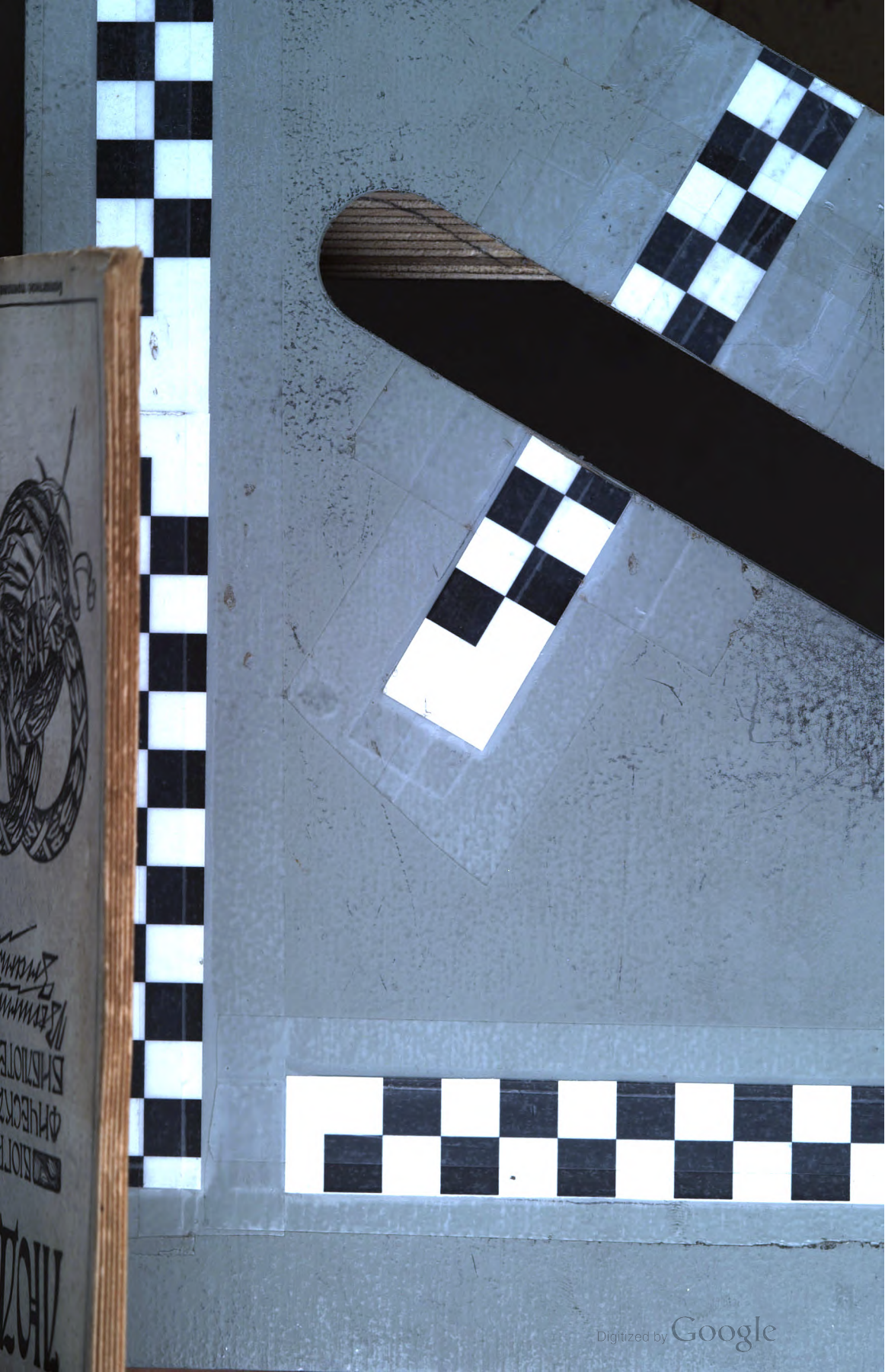
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ

...арендѣвшихъ врем. до нашихъ дней, проф.
Шантени-де-ля-Сосей. Роскошное издание
около 600 рис. и 60 ольдѣныхъ картинъ
хромолитн. (2 большіхъ томъ,

Полный иллюстрированный проспект высылается бесплатно.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
на "Взгляд, Зинити" — 5 коп.
"Неделя" и всякий прилож.
в год **8 руб.**, сь перес.
9 руб., за границу (через
загран. почтамп.) **12 руб.**
допускается **расрочка:**
при подписке **5 руб.** 10 июня
и 10 сент. по **2 р.** Премия:
Вносите сь деньги иль ют
право на премьй книжки на
2 р. (по особ. катал.) ула-

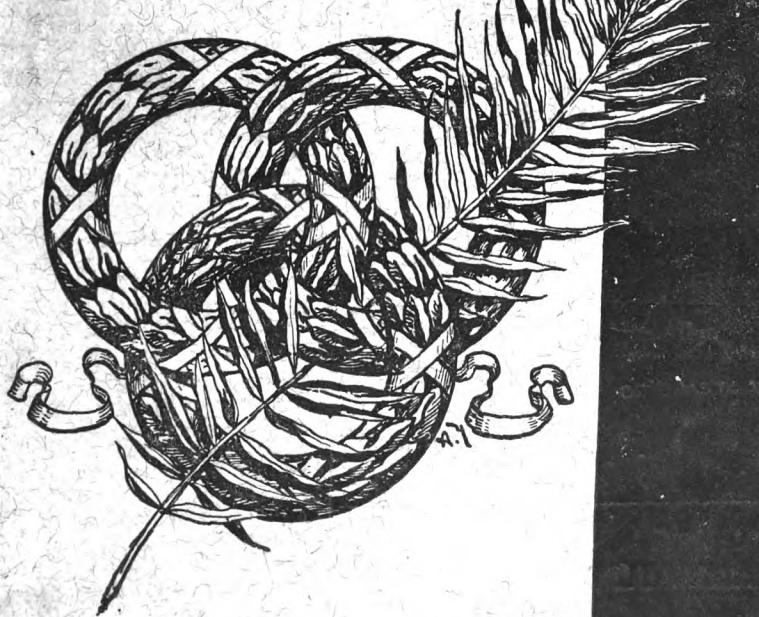

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ

БЮГРА-
ФИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
*Вестника
Знания*

ивать че-
"С. П.
"В. Зн."
"В. Зн."

уловка со стороны насильников. Истина, добро и красота — таесть особенно важные и тяжелые его философии. Больше того: нравственные и единственные ценности и других философов. Смешными: неужели, и космологией, — неужели и вѣческими дѣлами. Возможным занятием каким образом? Когда нѣтъ ни одного и на которое смотрят что не существуют что все движется, а что въ мирѣ все рождается и ничто не погибает. Даже она и будет эти ученые смуты года? Или все это — мнимое и фиктивное? Наука — та, которая отбрасывает от своего оружія ни торитетомъ. Такимъ путемъ примыхъ враговъ.

Каковы же были философы? Его мысль была направлена на то, чтобы играть роль акулы, которая наталкивает на то, чтобы въ этомъ заключалась глубокий переворотъ въ томъ принимать какія бы путемъ собственной мысли примѣненія своего

Истина, добро и красота — таесть особенно важные и тяжелые его философии. Больше того: нравственные и единственные ценности и других философов. Смешными: неужели, и космологией, — неужели и вѣческими дѣлами. Возможным занятием каким образом? Когда нѣтъ ни одного и на которое смотрят что не существуют что все движется, а что въ мирѣ все рождается и ничто не погибает. Даже она и будет эти ученые смуты года? Или все это — мнимое и фиктивное? Наука — та, которая отбрасывает от своего оружія ни торитетомъ. Такимъ путемъ примыхъ враговъ.

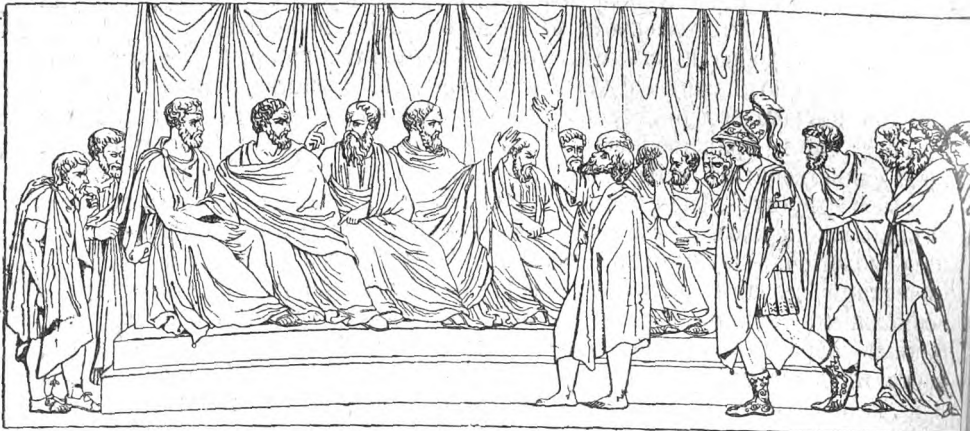

ными и близкими.

водился старой, очень сомнительно бы было двѣ жены: Мирто удаляясь въ траурныхъ одеждахъ Менексентъ, еще маленькіе, а той человѣкъ, уходивъ, напутскаго „Федона“, Мирто, во всякія. Справа изображены друзья

отбрасывался от своего оружія ни торитетомъ. Такимъ путемъ примыхъ враговъ. Приятной личности, находила ихъ философскихъ положений методомъ и который опаснымъ оружіемъ противъ на Разумнаго Творца и учили мнѣ, и враги его снискалъ всѣ требованія офицерскія къ критикой ни переданіемъ, и ему бр

приносила съ собой традиція, преданіе, общественная привычка, не удовлетворяли его. Сократъ соглашался признавать нравственными только тѣ дѣйствія, которыя совершались сознательно. Дѣйствіе темныхъ инстинктовъ и игру слѣпыхъ обстоятельствъ необходимо исключить; готовымъ этическимъ формуламъ не слѣдуетъ подчиняться. Тотъ, кто сознательно выяснилъ себѣ нравственныя основы своего поведенія, неизбѣжно, какъ думаетъ Сократъ, будетъ и слѣдовать подобнымъ образомъ добытымъ правилами поведенія. „Скажи мнѣ, Эвтидемъ,—говорилъ онъ, напримѣръ, въ одной бесѣдѣ,—какъ смотришь ты на благочестіе?“—Какъ на одну изъ благороднѣйшихъ добродѣтелей.—„Можешь ли ты опредѣлить, кто, по твоему, благочестивъ?“—Тотъ, кто почитаетъ боговъ.—„Но позволительно ли

Сократъ передъ своими судьями.

(По композиціи Кановы).

Сзади Сократа стоятъ Алкивиадъ, за нимъ полный гнѣва Ксенофонтъ (какъ извѣстно, оба они въ дѣйствительности не присутствовали во время процесса), далѣе спокойная фигура Платона, справа отъ него Эврипидъ и Критонъ; сзади всѣхъ Критобулъ или Федонъ. Слева у самаго края—обвинители Мелитъ и Анитъ. Судьи сидятъ.

почитать боговъ, какъ это каждый вздумаетъ?“—Конечно, нѣтъ; на то существуютъ извѣстные законы, согласно съ которыми мы и обязаны ихъ почитать.—„Такъ. Слѣдовательно, тотъ, кто знаетъ эти законы, знаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и какъ надлежитъ почитать боговъ, не правда ли?“—Да, конечно.—„Но какъ, по твоему: тотъ, кто знаетъ, какъ надлежитъ почитать боговъ, станетъ ли думать, что ему слѣдуетъ почитать ихъ иначе, чѣмъ, онъ знаетъ, надлежитъ?“—Конечно, нѣтъ.—„А не подумавъ этого, онъ будетъ почитать боговъ, какъ, онъ знаетъ, ему должно?“—Безъ сомнѣнія.—„Стало быть, тотъ, кто знаетъ, каковы законы относительно почитанія боговъ, будетъ и почитать ихъ согласно съ этими законами?“—Да, конечно...

Вотъ это безграничное довѣріе, которое Сократъ оказывалъ пылкому человѣческому духу, эта увѣренность въ томъ, что знаніе и поступокъ у мыслящаго человѣка не могутъ расходиться, составляли первую основу философіи Сократа. Въ этой увѣренности, далеко не всегда оправдываемой жизнью, поддерживало Сократа то соображеніе, что благо и

не истинна всегда совпадают для каждого человека, и потому, если человек знает, что такое истина, то онъ въ собственныхъ своихъ интересахъ и будетъ слѣдовать этой истинѣ. Всѣ эти наивныя съ нашей точки зрѣнія мысли представляли въ то время большой интересъ новизны и приковывали къ себѣ всеобщее вниманіе.

Истиной обладаетъ каждый человекъ, какъ думалъ Сократъ. Надо только помочь ему путемъ правильныхъ разсужденій выяснить себѣ эту истину. Философъ въ дѣлѣ достиженія истины долженъ играть роль акушера. Своими вопросами и возраженіями онъ долженъ наталкивать на правильныя рѣшенія разсматриваемыхъ вопросовъ. Въ этомъ заключалась сущность сократовскаго метода. Онъ производилъ глубокой переворотъ въ приемахъ греческаго мышленія. Онъ научалъ людей принимать какія бы то ни было утвержденія на вѣру, уча до всего доходить путемъ собственной провѣрки, кропотливаго анализа. Сократъ въ дѣлѣ примѣненія своего

Прощаніе Сократа со своими родными и близкими.

(По композиціи Кановы).

При составленіи этого изображенія Канова руководился старой, очень сомнительной сагой, согласно которой у Сократа будто бы было двѣ жены: Мирто и Ксантиппа, которыя представлены плачущими, удаляясь въ траурныхъ одеждахъ. Двое сыновей отъ Ксантиппы, Софронискъ и Менексенъ, еще маленькіе, а третій Лампроклъ отъ Мирто) — взрослый молодой человекъ, уходитъ, напутствуемый отцомъ. Какъ извѣстно изъ платоновскаго „Федона“, Мирто, во всякомъ случаѣ, не присутствовала во время прощанія. Справа изображены друзья Сократа.

метода былъ безжалостенъ: онъ не отказывался отъ своего оружія ни передъ какимъ лицомъ, ни передъ какимъ авторитетомъ. Такимъ путемъ онъ нажилъ себѣ многочисленныхъ и непримиримыхъ враговъ.

Эта вражда къ Сократу, какъ къ непріятной личности, находила благодарную для всякой клеветы почву въ тѣхъ философскихъ положеніяхъ, которыя онъ добывалъ своимъ беспощаднымъ методомъ и которыя въ ловкихъ рукахъ обвинителей являлись опаснымъ оружіемъ противъ него самого. Его воззрѣнія на божество, какъ на Разумнаго Творца и Правителя, не мирились со всѣмъ тѣмъ, чему учили міфы, и враги его обвинили въ безбожій, хотя онъ строго исполнялъ всѣ требованія официальной религіи. Онъ училъ не останавливаться къ критикой ни передъ какимъ авторитетомъ, ни передъ какимъ преданіемъ, и ему бросали

упреки, что онъ развращаетъ юношество. Его негодующія рѣчи противъ политическихъ выступленій развращенной аѣинской городской черни вызывали обвиненія его въ призывѣ гражданъ къ неповиновенію властямъ. Весною 399 г. до Р. Хр. эти обвиненія, которыя уже давно были подхвачены молвой, были сформулированы тремя аѣинскими гражданами и представлены на судъ геліастовъ. Обвинители говорили о Сократѣ: „Онъ нарушаетъ законы государства, не признавая національныхъ боговъ и вводя новые, а также развращаетъ молодое поколѣніе“.

Сократъ, который тогда былъ семидесятилѣтнимъ старикомъ, спокойно явился на судъ. Въѣсто того, чтобы стремиться разжалобить своихъ судей, онъ произнесъ простую рѣчь, полную чувства собственнаго достоинства. „Я—человѣкъ, какъ и всякій другой,—говорилъ онъ,—и, подобно всѣмъ смертнымъ, состою не изъ камня и дерева, какъ выражался Гомеръ, а изъ плоти и крови, весьма чувствительныхъ къ страданіямъ. У меня имѣются также и семья, къ которой я привязанъ всѣмъ сердцемъ: три сына, изъ которыхъ одинъ—взрослый, а двое другихъ—еще малыя дѣти. Все же я ихъ не приведу сюда, чтобы мольбами разжалобить ваши сердца и тѣмъ добиться оправданія... Вы спросите: почему? Повѣрьте, что не изъ гордости и не изъ недостатка къ вамъ уваженія, и даже не оттого, что не чувствую страха передъ смертью, а просто въ виду общественнаго мнѣнія, которое найдетъ подобное поведеніе съ моей стороны недостойнымъ ни меня, ни васъ, ни всего аѣинскаго общества. Не только для человѣка въ моемъ возрастѣ и съ моей репутаціей мудреца было бы непристойно унижаться... но и, вообще, просить у судьи снисхожденія и тѣмъ добиться своей свободы—въ высшей степени безнравственно. Ибо обязанность судьи—не дарить справедливость, а произносить приговоръ: онъ поклялся судить согласно съ законами, а не со своими личными пристрастіями. Ни мы поэтому не должны поощрять въ васъ подобнаго рода слабости, ни вы сами не должны ихъ позволять: въ противномъ случаѣ получится не справедливость, а богохульство“... „Я знаю,—говорилъ онъ далѣе,—я даже убѣжденъ, что ничья заслуга передъ обществомъ не такъ велика, какъ мое повиновеніе вѣлѣніямъ божества. Я только и дѣлаю, что хожу и убѣждаю васъ всѣхъ, и стараго, и малаго, оставить всякую заботу о матеріальныхъ благахъ и сосредоточиться преимущественно на совершенствованіи своей души. Добродѣтель, я говорю вамъ, за деньги не покупается, но за нею слѣдуютъ и деньги, и прочія земныя блага, общественныя и личныя... Каковъ бы ни былъ постъ, занимаемый человѣкомъ,—избралъ ли послѣдній его самъ, или онъ былъ назначенъ на него начальствомъ,—этотъ человѣкъ долженъ оставаться тамъ въ минуту опасности и не думать ни о смерти, ни о чемъ другомъ, кромѣ какъ о безчестіи... Какъ странно было бы, поэтому, аѣиняне, если бы я, который подъ Потидеей, Амфиполисомъ и Деліемъ стоялъ на своемъ посту, по приказу выбранныхъ вами полководцевъ, не страшась наравнѣ съ другими встрѣтить смерть лицомъ къ лицу,—теперь вдругъ изъ страха передъ смертью и другимъ подобнымъ покинулъ свой постъ, свою философскую миссію, ниспосланную мнѣ божествомъ на благо свое и другихъ! Да, граждане, это было бы странно, и вы, дѣйствительно, имѣли бы тогда право привлечь меня къ отвѣтственности за отрицаніе боговъ,—за то, что изъ столь мелочныхъ расчетовъ я отказался повиноваться божеству“... „И если вы меня убьете,—сказалъ онъ въ заключеніе,—вы не скоро найдете другого, подобнаго мнѣ“...

Этотъ гордый вызовъ окончательно вывелъ изъ себя судей Сократа: большинствомъ 280 голосовъ противъ 220 онъ былъ признанъ виновнымъ... Оставалось назначить наказаніе. Обвиненному было снова предоставлено слово. По закону судьи выбирали въ этомъ случаѣ одно изъ двухъ предложеній—обвинителя и обвиненнаго. Обвинители Сократа требовали для него смертной казни. Въ интересахъ самого Сократа было предложить наказаніе достаточно суровое для того, чтобы облегчить судьямъ выходъ

Сократъ принимаетъ ядъ.
Съ картины Л. Давида.

въ сторону болѣе милостиваго рѣшенія. Друзья Сократа настаивали на томъ, чтобы онъ предложилъ себѣ наказаніемъ изгнаніе. Но Сократъ остался непреклоннымъ. „Что же, о аѳиняне, могу я предложить? Не то ли, что мнѣ слѣдуетъ по заслугамъ? Я проработалъ всю свою жизнь, не зная усталости и не заботясь ни о чемъ, что такъ занимаетъ умы прочихъ людей: ни о богатствѣ, ни о семьѣ, ни о военныхъ почестяхъ, ни

Платонъ.
Снимокъ со статуй въ Римѣ.

Платонъ.

(427—347).

Точныхъ свѣдѣній о дѣтствѣ Платона, какъ и громаднаго большинства другихъ великихъ людей древности, въ настоящее время не имѣется. Даже самый годъ рожденія не удалось установить съ полной достовѣрностью; наиболѣе вѣрной датой этого событія надо признать 427 г. до Р. Хр. Точно такъ же нельзя считать безспорно установленнымъ и мѣсто его рожденія. Большинство многочисленныхъ біографовъ Платона считаетъ его родиной Аѣины.

Платонъ принадлежалъ къ знатной семьѣ. Отецъ его Аристонъ велъ свое происхожденіе отъ послѣдней аѣинской царской династіи, а мать его, имя которой называется различно различными біографами, состояла въ родствѣ съ Солономъ. Многіе изъ ближайшихъ родственниковъ Платона принадлежали къ аѣинской аристократіи, а нѣкоторые изъ нихъ находи-

Шопень во дворцѣ князя Радзивилла. — Съ картины Г. Семирадскаго.

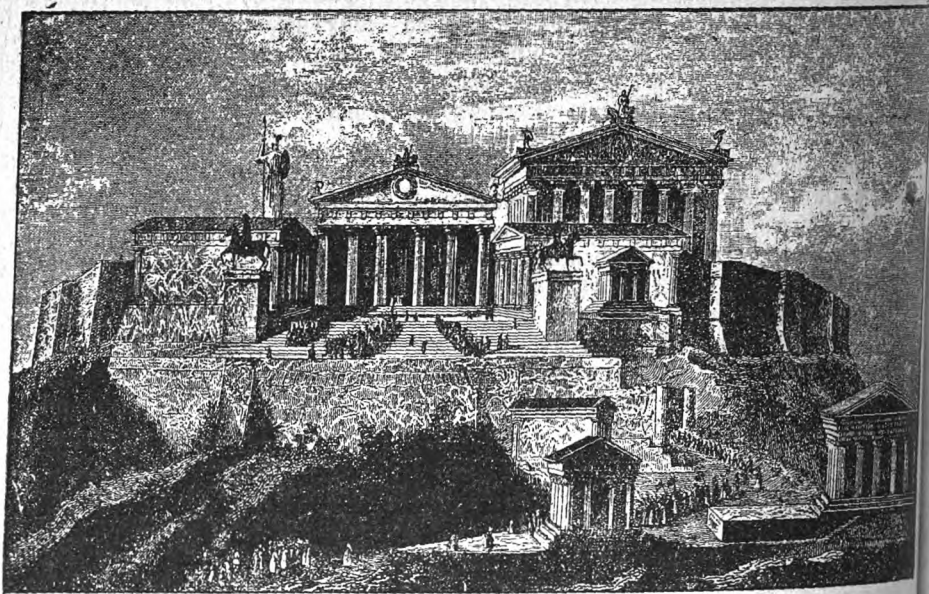
лись даже въ числѣ тирановъ, временно захватившихъ власть въ Аѣинахъ.

Можно повѣрить біографамъ Платона, что онъ получилъ въ юности прекрасное воспитаніе, какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. Особенно выдающимися были его успѣхи въ музыкѣ и поэзій. Онъ долго мечталъ о карьерѣ поэта. Но на маломъ онъ остановиться не хотѣлъ. Онъ пробовалъ свой талантъ во всѣхъ родахъ поэзій, но особенно увлекался эпосомъ и драмой. Но, написавъ большую эпическую поэму, онъ послѣ сравненія ея съ безсмертными произведеніями Гомера нашелъ ее настолько неудовлетворительной, что кинулъ ее въ огонь. Такая же участь постигла и его драматическую тетралогію, почти уже окончательно приготовленную для постановки на сценѣ.

Приблизительно на 20-мъ году Платонъ началъ свои занятія философіей. Недоразумѣнія, возникшія у него по этому поводу, заставили его обратиться къ Сократу, который произвелъ на него сильное впечатлѣніе, но не захватилъ и не покори́лъ цѣликомъ, какъ это часто бывало съ другими слушателями Сократа. Платонъ продолжалъ свое знакомство съ другими философскими системами, когда наступило время отбыванія воинской повинности. Это было время Пелопонесской войны, и Платону, конечно, пришлось основательно ознакомиться съ военнымъ бытомъ.

Покончивъ съ военной службой, Платонъ возвратился въ Аѣины, гдѣ съ жаромъ отдался философскимъ занятіямъ, поддерживая самыя близкія и добрыя отношенія съ Сократомъ. Во время суда надъ Сократомъ Платонъ попытался выступить съ защитительной рѣчью въ пользу своего великаго учителя. Но грозный и бѣшеный ревъ толпы заставилъ его покинуть трибуну. Платонъ былъ въ числѣ тѣхъ учениковъ, которые предлагали Сократу внести за него штрафъ въ 30 минъ. Въ послѣдній день жизни Сократа Платонъ чувствовалъ себя настолько измученнымъ и больнымъ, что не пошелъ въ тюрьму. Послѣ смерти Сократа Платонъ на долгое время покинулъ Аѣины. Къ этому его побуждали несомнѣнно и соображенія о личной безопасности, такъ какъ аѣинскіе демагоги были не прочь вырвать съ корнемъ всѣ побѣги сократовской школы. Къ Платону же аѣинскіе демократы должны были чувствовать особенно сильное нерасположеніе въ виду его аристократическаго происхожденія и несочувствія той демагогіи, которая установилась въ то время въ его отечествѣ. Для Платона наступили годы странствій. Сначала онъ пробылъ нѣкоторое время на о. Мегарѣ, гдѣ слушалъ знаменитаго Эвклида, ученика Сократа, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ знаменитымъ Эвклидомъ—математикомъ. Съ о. Мегары, гдѣ Платонъ, повидимому, пробылъ недолго, онъ пробирается въ Кирены для того, чтобы обучаться математикѣ у извѣстнаго геометра Теодора. Говорятъ, что именно здѣсь Платонъ разрѣшилъ задачу объ удвоеніи куба, изобрѣлъ какіе-то необыкновенные часы и выдвинулся со своей теоріей коническихъ сѣченій. Кирены Платонъ промѣнялъ на Египетъ, славившійся своими теоретическими и прикладными науками, которыя процвѣтали въ рукахъ жреческой касты. Въ Египтѣ Платонъ пробылъ, повидимому, не болѣе трехъ лѣтъ. Надо, однако, признать,—если судить по сочиненіямъ Платона,—Египетъ не произвелъ на него особенно сильнаго впечатлѣнія. Послѣ Египта тянется въ біографіи Платона совершенно невыясненный періодъ времени. Можно только сказать, что лишь около 388 года Платонъ окончательно осѣлъ въ Великой Греціи (южной Италиі), куда къ тому времени стекались многіе изъ выдающихся послѣдователей пифагорейской школы, съ которой Платонъ имѣлъ такъ много общаго. Пифагорейская школа помогла Платону окон-

чательно оформить всё его воззрѣнія и свести ихъ въ болѣе или менѣе стройную систему. Изъ Великой Греціи онъ поѣхалъ въ Сицилію, гдѣ пытался оказать воздѣйствіе на тирана Діонисія Старшаго, являвшагося, несмотря на свою жестокость, выдающимся общественнымъ дѣятелемъ. Изъ этой попытки Платона, затянувшейся на нѣсколько лѣтъ, какъ и слѣдовало ожидать, ничего путнаго не вышло. Изъ Сиракузъ Платонъ, уже достигшій въ то время преклоннаго возраста, возвратился около 386 г. въ Аѣны, гдѣ и провелъ послѣдніе годы своей жизни, посвящая ихъ исключительно разработкѣ своей философіи и бесѣдамъ со своими учениками. Всю свою дѣятельность Платонъ сосредоточилъ въ Академіи, какъ называлась роща, посвященная древнему герою Гекадему. Эта роща

Видъ Аѣнскаго Акрополя.

была расположена по дорогѣ въ Элевзинъ, неподалеку отъ Аѣнъ. Земля была куплена учениками Платона, и на ней были возведены соотвѣтствующія постройки. Слава Академіи быстро возросла и укрѣпилась. Сюда съѣзжались философы и ученые со всѣхъ концовъ свѣта, чтобы послушать „божественнаго“ философа, какъ былъ названъ Платонъ еще современниками. Но Платонъ завоевалъ себѣ уваженіе не только среди мудрецовъ и философовъ: онъ быстро сдѣлался гордостью всего народа. Когда въ 360 году онъ явился на Олимпійскія празднества, народъ разступался передъ нимъ, какъ передъ національнымъ героемъ.

Платонъ скончался на 80-мъ году жизни. Вокругъ него, по смерти, сложились многочисленные легенды, окружившія его имя божественнымъ почетомъ. Платонъ такъ и остался неженатымъ, и послѣ него не было прямыхъ наслѣдниковъ. Академія сдѣлалась собственностью его философской школы. Отвѣтственнымъ лицомъ этого корпоративнаго учрежденія становился наиболѣе видный философъ этой школы. Въ память Платона, великаго основателя Академіи, ежегодно совершались тамъ жертвоприно-

пенія и возліанія, послѣ чего ученики, украсившись цвѣтами, отправлялись на поклоненіе къ гробницѣ своего учителя.

Обращаясь теперь къ произведеніямъ Платона, мы остановимся сначала нѣсколько на внѣшней ихъ формѣ. Для изложенія своихъ мыслей Платонъ усвоилъ сократовскій діалектический методъ. Этотъ же методъ онъ примѣнялъ и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. Такимъ образомъ получился рядъ „Діалоговъ“, т. е. произведеній, излагающихъ свои мысли въ видѣ разговоровъ между нѣсколькими лицами. Характеризуя эту литературную форму, такъ глубоко разработанную Платономъ, г. Орловъ („Платонъ“, стр. 29) говоритъ: „Пытливая мысль перестала уже удовлетворяться авторитетнымъ провозглашеніемъ истины, исходящимъ отъ божества и его оракуловъ; она скептически начала относиться къ безошибочности поэтического творчества и къ безгрѣшности прадѣдовской мудрости: она стала назойливо требовать аргументовъ, взывающихъ не къ сердцу или привычкамъ, а къ критическому разуму. Взять положеніе, точно опредѣлить всѣ входящія въ него члены, освѣтить его со всѣхъ сторонъ и испытать его основательность въ горнилѣ разумнаго пониманія,— пожалуй, даже цѣль тщательно подобранныхъ фактовъ,—вотъ какія требованія предъявлялись теперь философу, который бы вздумалъ выступить со взглядами и доктринами, не вошедшими еще въ наличную сумму идей и понятій. Догматическое изложеніе стало теперь невозможнымъ: явилась потребность въ системѣ аргументовъ и возраженій, которая бы удовлетворяла всѣмъ указаннымъ требованіямъ. Такая система была найдена: то была діалектика Сократа и діалогъ Платона“. Эта форма получила въ рукахъ Платона изумительно красивую отдѣлку, благодаря необычайно художественному его языку. Тѣмъ не менѣе діалогъ даже у Платона обладаетъ цѣлымъ рядомъ отрицательныхъ свойствъ. „Напѣ утъ,—замѣчаетъ только что цитированный нами авторъ,—нерѣдко изнемогаетъ подъ черепашинымъ ходомъ аргумента, останавливающегося на такихъ положеніяхъ, которыя и безъ дальнѣйшихъ объясненій представляются намъ ясными, какъ день; мы приходимъ часто въ нетерпѣніе отъ этой массы соображеній и вопросовъ, которые намъ кажутся вовсе ненужными; мы иногда даже обвиняемъ автора въ педантизмъ за его столь мелкое распластываніе понятій и предложеній и, наконецъ, прямо негодуемъ, когда на самомъ интересномъ для насъ мѣстѣ, когда читатель надругаетъ всю силу своей мысли и вниманія, его, подъ предлогомъ дальнѣйшаго разъясненія, вдругъ прерываютъ возраженіемъ или вопросомъ, который намъ кажется тривиальнымъ и плоскимъ“... Но, несмотря на всѣ эти недостатки, произведенія Платона являются до настоящаго времени замѣчательнымъ памятникомъ литературнаго искусства. Число діалоговъ, приписываемыхъ Платону, равняется 35. Однако, далеко не всѣ эти діалоги правильно носятъ это великое имя. Нѣкоторые изъ этихъ оспариваемыхъ діалоговъ явно подложнаго характера, какъ съ несомнѣнностью показала это литературная и историческая критика. Подложность другихъ изъ этой группы сильно подозрѣвается, но не можетъ быть доказана. Еще хуже дѣло обстоитъ съ 13 письмами, которыя приписывались перу великаго философа: всѣ они оказались подложными.

Ксенократъ—послѣдователь Платона. Съ флорентійской геммы.

Тѣ двадцать діалоговъ, которые несомнѣнно принадлежать Платону, чрезвычайно разнообразны по содержанію, при чемъ нѣтъ почти ни одного, который бы былъ всецѣло посвященъ одному какому-нибудь вопросу или группѣ родственныхъ вопросовъ: почти всюду политическіе вопросы перемѣшаны съ религіозными, этическими, космологическими. Вотъ почему оказалась невозможной классификація діалоговъ по содержанію. Кромѣ того, различные діалоги нерѣдко противорѣчатъ другъ другу, проводя иногда прямо противоположныя взгляды. Это объясняется тѣмъ, что Платонъ до глубокой старости продолжалъ строить и перестраивать свою философскую систему, при чемъ онъ съ скептицизмомъ относился не только къ чужимъ взглядамъ и мыслямъ, но и къ своимъ собственнымъ.

Каковы же основныя моменты въ философіи Платона? Мы видѣли, что Платонъ усвоилъ сократовскій, діалектический методъ изслѣдованія, и это не было случайностью. Этотъ методъ въ полной мѣрѣ соотвѣтствовалъ самой философіи Платона. Въ самомъ дѣлѣ, чего добивался Сократъ при помощи своего метода? Опредѣленій, въ которыхъ все случайное

Феофрастъ Лесбосскій.
Греческій философъ и
естествоиспытатель, со-
временникъ и другъ Пла-
тона.

для изслѣдуемаго предмета устранялось и сохранялось только существенное. Такимъ образомъ онъ выяснялъ, что такое благочестіе, справедливость, государственная дѣятельность и т. д. Съ тѣхъ поръ человѣческая мысль охотно пользуется этимъ методомъ, и опредѣленіе во всѣхъ нашихъ изслѣдованіяхъ составляетъ важнѣйшій актъ нашей умственной дѣятельности. Однако, мы знаемъ, что опредѣленіе, — напр., опредѣленіе, что такое дерево, животное, добро, красота, — является лишь результатомъ нашихъ умственныхъ операцій, что опредѣленіе — не что иное, какъ слово, которому въ мѣрѣ реальностей нѣтъ соответствующаго предмета. Иначе смотрѣлъ на дѣло Платонъ. Для него всякое опредѣленіе, обобщеніе не было простымъ словеснымъ выраженіемъ нашихъ умственныхъ операцій, для него всякое такое обобщеніе, — „идея“, какъ онъ называлъ, — представляло собою нѣчто дѣйствительно существующее. И даже больше того. Пора-

женный еще въ ранней молодости мыслью Гераклита о томъ, что въ окружающемъ насъ мѣрѣ все мѣняется, все течетъ, Платонъ долгое время съ отчаяніемъ спрашивалъ себя, гдѣ же найти прочный, постоянный фундаментъ для нашего знанія, которое вывело бы насъ изъ этого міра случайностей и измѣчивостей? Естественно, только въ мѣрѣ „идей“ — былъ его отвѣтъ. И въ самомъ дѣлѣ, вотъ предо мной дерево: оно было маленькимъ и стало большимъ, оно было безъ листьевъ, а теперь представляетъ собою зеленый шатеръ, оно было усыпано благоухающими цвѣтами, а теперь его вѣтви гнутся подъ тяжестью плодовъ. Слѣдовательно, вотъ это самое дерево, — дерево, какъ опредѣленная, данная вещь, какъ феноменъ, — представляетъ собою нѣчто измѣчивое и непостоянное, но зато „идея“ дерева, — отвлеченное понятіе о деревѣ, какъ сказали бы мы теперь, — „нуменъ“ дерева, какъ говорилъ Платонъ, — есть нѣчто постоянное и неизмѣнное, всегда равное самому себѣ. Что же имѣетъ дѣйствительное, несомнѣнное существованіе, реальное бытіе: вѣчно ли измѣчивый феноменъ или постоянный нуменъ, идея вещей? Конечно,

идея,—отвѣчаетъ Платонъ,—а вещи являются только слабымъ и несовершеннымъ отраженіемъ идей. Эту свою мысль онъ выразилъ популярно въ слѣдующемъ поэтическомъ сравненіи, которое мы передаемъ здѣсь въ изложеніи г. Орлова:

„Представимъ себѣ подземную пещеру съ широкимъ, но высокимъ отверстіемъ къ свѣту, а въ пещерѣ—людей, находящихся тамъ со дня рожденія и скованныхъ по рукамъ и ногамъ, спиною къ передней стѣнѣ. Сзади нихъ пылаетъ яркій огонь, и между ними и этимъ огнемъ, по тропинкѣ, идущей вдоль отверстія, безпрестанно проходятъ люди, бросая тѣнь въ пещеру на противоположную ей стѣну. Не будучи въ состояніи повернуть головы и не зная, слѣдовательно, что происходитъ за ихъ спиною, люди въ пещерѣ видятъ однѣ лишь тѣни и естественно принимаютъ ихъ за дѣйствительныя фигуры, за реальныя существа. Но вотъ, представимъ себѣ, что одинъ изъ этихъ людей освобождается отъ цѣпей и выбирается черезъ отверстіе пещеры на открытый воздухъ, въ незнакомый ему міръ. Въ первые моменты, конечно, онъ ничего кромѣ боли въ глазахъ не испытываетъ, но затѣмъ, мало-по-малу привыкая къ свѣту, онъ начинаетъ присматриваться и видѣть цѣлый рядъ новыхъ, неизвѣстныхъ ему вещей: небо, землю, воду, людей, деревья и пр. Сначала, если кто-нибудь начнетъ его увѣрять, что все, что онъ видитъ,—реальности, а то, что онъ раньше видѣлъ въ пещерѣ,—однѣ лишь тѣни ихъ, онъ, вѣроятно, не повѣритъ,—подумаетъ, что надъ нимъ смѣются, и, быть можетъ, еще такъ обидится, что махнетъ рукой и полѣзетъ обратно въ свою родную пещеру. Но предположимъ, что онъ—человѣкъ недужный, и что у него хватитъ мужества выслушать всѣ эти непріятныя ему вещи: онъ начнетъ тогда PROVÉRЯТЬ, сравнивать, оцупывать и размышлять и, наконецъ, согласится, что прежде онъ жилъ фантомами, что онъ зналъ однѣ лишь тѣни вещей, и что только теперь ему удалось постигнуть дѣйствительный міръ. Быть можетъ, движимый любовью къ своимъ жалкимъ собратьямъ, онъ возвратится въ подземную мглу и начнетъ рассказывать про свои впечатлѣнія; но они поднимутъ его на смѣхъ, назовутъ свихнувшимся фантазеромъ, и если, при переходѣ отъ свѣта къ мраку, онъ еще на время ослѣпнетъ и не сможетъ различить даже и тѣни, проходящей по стѣнѣ, надъ нимъ начнутъ еще острить и спрашивать, не оставилъ ли онъ тамъ, наверху, свой умъ и свои глаза и т. д. Смыслъ этой басни ясенъ; пещера—это нашъ видимый міръ, тѣни, проходящія по стѣнѣ, суть вещи этого міра, а люди, сидящіе тамъ и принимающіе эти тѣни за дѣйствительность, это—мы сами, самоувѣренные и упрямые слѣпцы, считающіе вещи чувственнаго міра за реальность“...

Эти построенія философской мысли Платона представляли множество неразрѣшимыхъ трудностей, когда ихъ хотѣли ввести въ жизнь окружающаго міра. Хорошо,—соглашались слушатели,—пусть существуетъ, какъ реальность, міръ идей и, какъ наша фантазія, міръ вещей, окружающихъ насъ. Но какимъ образомъ устанавливается это сходство между измѣнчивыми вещами и постоянными идеями? Да и какимъ образомъ,—выдвигалось другое важное возраженіе,—мы люди, имѣющіе постоянное дѣло съ тѣнями-вещами, можемъ познать идеи-реальности? Всѣ эти вопросы не получили надлежащаго отвѣта въ устѣ Платона. Для того, чтобы дать хоть какой-нибудь отвѣтъ на эти мучительные для философа вопросы, онъ далъ просторъ своей фантазіи. Онъ помѣлилъ свои „идеи“ въ надзвѣздныхъ сферахъ, гдѣ онѣ составляютъ

особый міръ. Тамъ же обитали и души людей прежде, чѣмъ эти послѣдніе получили свою брѣнную оболочку. Здѣсь эти души въ сопряженіи съ вѣчными идеями пропитались свѣтомъ ихъ истины. Эти воспоминанія душа человѣческая уноситъ съ собою на землю. Взвѣсивъ на пестрый, подвижной міръ феноменовъ, она иногда неявно и неполно начинаетъ вспоминать о мірѣ нуменовъ. Это—единственный источникъ, по Платону, нашихъ познаній объ „идеяхъ“. Еще труднѣе въ немногихъ словахъ передать объясненіе Платона о связи между нуменами и феноменами. Для этого объясненія онъ долженъ былъ расположить свои „идеи“ въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ, т. е. въ порядкѣ все большаго и большаго обобщенія,—напр., человекъ, живое существо, организмъ, тѣло, бытіе,—такъ, чтобы каждая идея была включена въ другую, болѣе широкую. На вершинѣ этой іерархической лѣстницы помѣщается „идея“ блага. Она, такимъ образомъ, является причиной всего существующаго; она есть Богъ. Хитрымъ философскимъ фокусомъ, даже сущность котораго здѣсь было бы крайне трудно изложить, Платонъ приходитъ къ необходимости признать безграничную, неосязаемую и неопредѣленную форму протяженія, существующую независимо отъ тѣлъ, наполняющихъ это протяженіе. Настоящимъ бытіемъ обладаютъ только идеи,—разсуждалъ Платонъ, пространство не есть идея, оно слѣдовательно ничто, изъ этого-то „ничто“ Деміургъ-Творецъ и создалъ чувственные предметы-феномены... Такъ явился чувственный міръ. Но это было огромное тѣло безъ жизни до тѣхъ поръ, пока Богъ-Творецъ не вложилъ въ эту громаду „мировую душу“, изготовленную имъ путемъ сложнаго сочетанія разнообразныхъ элементовъ.

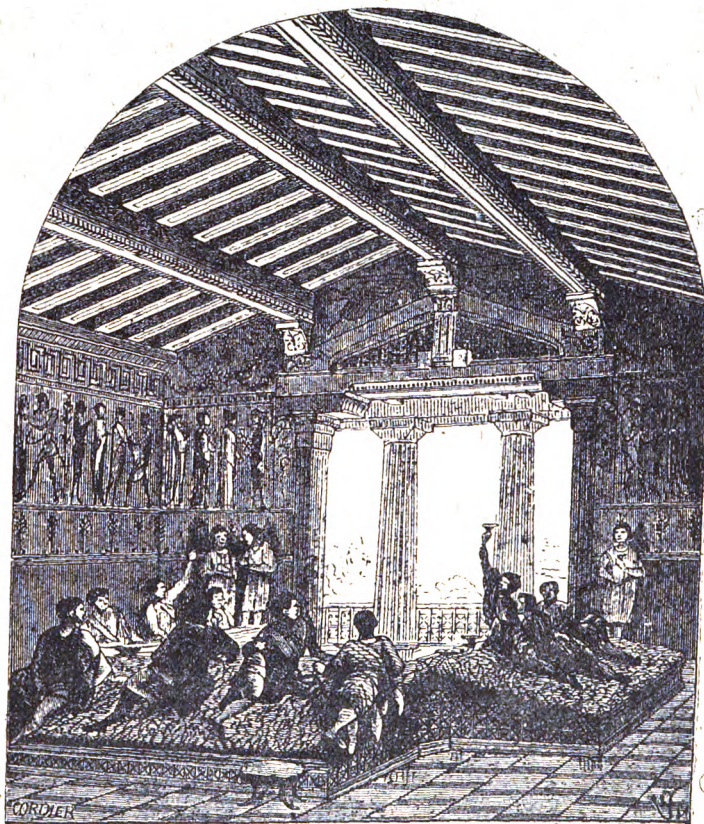

Платонъ (или его племянникъ и послѣдователь Спезиппъ).

Эти платоновскія мысли намъ представляются совершенно непріемлемыми по своей фантастичности и произвольности. Но въ свое время онѣ были колоссальнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ развитія философскихъ воззрѣній человѣчества, и изумительная сила этого удивительно мощнаго ума чувствуется нами и теперь, спустя 20 слишкомъ вѣковъ по смерти великаго мыслителя. „Платоновская философія,—говоритъ Ланге (I. с., стр. 42),—навсегда останется первымъ и наиболѣе высокимъ образцомъ поэтическаго паренія духа надъ неудовлетворяющимъ его несовершеннымъ произведеніемъ познанія, и на этотъ подъѣмъ на крыльяхъ вдохновеннаго умозрѣнія мы имѣемъ такое же право, какъ на выполненіе всякой другой функціи нашихъ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ. Мы даже припишемъ этому подъѣму самую высокую цѣнность, когда увидимъ, что полетъ духа, связанный съ исканіемъ единаго и вѣчнаго въ потокѣ земныхъ вещей, дѣйствуетъ оживляющимъ и освѣжающимъ образомъ на цѣлыя поколѣнія и косвеннымъ образомъ даетъ часто новый импульсъ даже и научному изслѣдованію. Но міръ долженъ разъ и навсегда привести себя въ ясность то, что здѣсь дѣло идетъ именно не о знаніи, а о поэзіи, хотя возможно, конечно, что эта поэзія даетъ символическое представленіе о дѣйствительной и истинной сторонѣ сущности всѣхъ вещей—сущности, въ непосредственномъ постиженіи которой нашему разуму отказано... Религіозн о нравственный принципъ, изъ котораго исхо-

эти послы
соприкос
Эти вои
Взпрая
и непом
точник
и непом
и и фен
вои „де
больши
органи
гую, бо

дили Платонъ и Сократъ, направилъ великое созданіе мысли къ опредѣленной цѣли и сдѣлалъ его способнымъ наполнить этическихъ стремленія тысячелѣтій глубокимъ содержаніемъ и придать имъ благородный характеръ совершенства. Даже и въ настоящее время ученіе объ идеяхъ, которое необходимо должно быть изгнано изъ области науки, по своему этическому и эстетическому содержанію можетъ стать источникомъ великихъ преуспѣяній. „Образъ“—прекрасное и мощное слово, которымъ Шиллеръ передаетъ нѣсколько изношенное выраженіе „идея“—все еще божественный блуждаетъ между богами въ сферѣ свѣта, и теперь еще,

Внутренній видъ богатаго греческаго дома.

какъ и въ старой Элладѣ, онъ обладаетъ силой поднимать насъ на своихъ крыльяхъ высоко надъ землею юдолюю и переносить насъ въ царство идеала“.

Но Платонъ не могъ остаться только въ области отвлеченнаго мышленія. Онъ слишкомъ любилъ жизнь, его слишкомъ манила эта пестрая и измѣнчивая жизнь феноменовъ. Вотъ почему онъ много занимался вопросами этики и политики. И тѣ, и другіе были связаны у Платона самыми тѣсными внутренними узами. Задачей этики Платонъ считалъ достиженіе высшаго блага, которое внѣ общества для человѣка немислимо. Этимъ опредѣлялось значеніе вопросовъ, касающихся государственнаго устройства, въ этической системѣ Платона.

Въ государствѣ Платона строго проводится принципъ раздѣленія труда. Три главныхъ дѣятельности выдѣляетъ въ общественной жизни

Платонъ: управленія, защиты и производства. Соотвѣтственно этому Платонъ намѣчаетъ и три общественныхъ класса: философовъ, воиновъ и рабочихъ. Для того, чтобы члены каждаго этого класса могли бы наилучшимъ образомъ исполнять свои обязанности, они должны быть подготовлены воспитаніемъ, тѣмъ болѣе, что каждый попадаетъ въ тотъ или другой общественный классъ не по рожденію, а по своимъ способностямъ и познаніямъ.

Воспитаніе всѣхъ гражданъ находится въ рукахъ государства. Оно начинается съ того момента, какъ только у ребенка проявляется сознание,—а именно, приблизительно съ трехлѣтняго возраста. Предметы занятій до 16 лѣтъ: изученіе мѣровъ, гимнастическія упражненія, чтеніе, письмо и музыка съ поэзіей. Но какъ физическое, такъ и душевное воспитаніе должны быть направлены къ одному—къ укрѣпленію личности. Въ гимнастикѣ, поэтому, допускаются только упражненія, которыя даютъ военную выправку, стойкость и выносливость; всякая тренировка въ интересахъ публичныхъ игръ устраняется. Точно такъ же изъ мѣровъ выбрасывается все, что дѣйствуетъ на чувственность. Музыка и поэзія, равнымъ образомъ, допускается лишь возвышенная, простая и величественная. Всѣ жрецы искусства и поэты, не подходящіе подъ эти требованія, изгоняются изъ государства. Достигнувъ 16-лѣтняго возраста, юноша приступаетъ къ изученію геометріи и астрономіи. Этими науками заканчивается теоретическое образованіе гражданъ. Съ 18 лѣтъ юноша вступаетъ въ практическую жизнь и въ теченіи двухъ лѣтъ занимается, главнымъ образомъ, военнымъ искусствомъ. На 20-мъ году происходятъ экзамены. Тѣ, кто выдерживаетъ эти экзамены, приступаетъ къ изученію всѣхъ существующихъ наукъ и готовится къ каедрѣ администратора и законодателя. Эта подготовка продолжается до 30 лѣтъ. По достиженіи этого возраста снова подвергаются экзаменамъ, и менѣе успѣшныя отбираются на низшія административныя должности. Остальные приступаютъ къ изученію діалектики, этой высшей изъ наукъ, посвящающей въ тайны ученія объ идеяхъ. Затѣмъ для этихъ избранныхъ наступаютъ годы практической дѣятельности, и только послѣ этого для нихъ открывается путь къ управленію государствомъ. Каждый изъ этихъ классовъ преслѣдуетъ въ своемъ развитіи свои особыя добродѣтели: первый классъ—мудрость, второй—мужество, третій—самообладаніе и повиновеніе.

Частной собственности и семьи въ государствѣ Платона не существуетъ, такъ какъ, по мнѣнію Платона, и то и другое содѣйствуетъ не сближенію, а разединенію людей. Всѣ работаютъ на государство и отъ него получаютъ свое содержаніе, которое должно быть для всѣхъ одинаково скромнымъ. Женщина во всѣхъ правахъ уравнивается съ мужчиной. Браки по склонности не разрѣшаются. Брачныя игры составляются лишь на время и по указаніямъ правителей такъ, чтобы получались здоровыя дѣти. Въ брачное сожительство мужчины могутъ вступить въ возрастѣ между 25 и 45 годами, женщины—между 20 и 40 годами. Послѣ этого возраста заключеніе брачныхъ союзовъ предоставляется на усмотрѣніе каждаго лица, но такіе браки должны оставаться безплодными. Дѣти отъ такихъ браковъ, ровно какъ дѣти, родившіяся уродливыми или больными, умерщвляются. Дитя не должно знать ни отца, ни матери. Новорожденнаго уносятъ въ воспитательный домъ, куда матери приходятъ кормить всѣхъ дѣтей.

Такой строй общества представляется намъ совершенно невозможнымъ и въ большей своей части противорѣчащимъ основнымъ требованіямъ природы человѣка, но Платонъ глубоко вѣрилъ въ правильность своей утопіи.

Аристотель.

Голова мраморной статуи, находящейся въ Римѣ, во дворцѣ Спада.

Аристотель.

(384—322).

Аристотель принадлежалъ къ семьѣ, славившейся врачевнымъ искусствомъ. Его отецъ былъ выдающимся врачомъ и хорошо образованнымъ человѣкомъ. Одно изъ его медицинскихъ открытій упоминается знаменитымъ Галеномъ. Этотъ-то выдающійся человѣкъ и былъ первымъ учителемъ своего сына, который пріобрѣлъ отъ него значительныя познанія по естествознанію и медицинѣ.

Отецъ Аристотеля занималъ важное общественное положеніе: онъ былъ придворнымъ врачомъ македонскаго царя Аминиса. Однако, родителей своихъ онъ лишился довольно рано: пятнадцатилѣтнимъ юношей онъ былъ уже круглый сирота и находился на попеченіи опекуна Проксена. Проксенъ былъ высоко образованный человѣкъ, который понялъ талантлиую натуру своего питомца и приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы развить его способности. Онъ съ большой охотой покупалъ и доставалъ для Аристотеля самыя цѣнныя книги, которыя въ то время, благодаря своей крайне высокой цѣнѣ, были доступны только очень богатымъ людямъ. Правда, Аристотель могъ удовлетворять своей страсти къ книгамъ только благодаря тому, что отецъ ему оставилъ большое состояніе. Но не всякій опекунъ сумѣлъ бы оцѣнить правильно запросы своего питомца. Аристотель на всю жизнь сохранилъ къ Проксену самую горячую привязанность.

Первые годы своей юности Аристотель провелъ при македонскомъ дворѣ вмѣстѣ со своимъ отцомъ. Здѣсь онъ крѣпко сдружился съ Филиппомъ Македонскимъ, прославившимся впоследствии завоеваніями. По смерти отца Аристотель переѣхалъ къ опекуну въ свой родной городъ—Стагиръ, раскинувшійся въ прелестномъ и укромномъ мѣстечкѣ на берегу Стримонскаго залива. Здѣсь въ тихой обстановкѣ маленькаго городка среди роскошной природы, подъ кроткимъ небомъ, Аристотель, поощряемый Проксеномъ, принялся за собраніе рѣдкихъ растений и сравнительное изученіе животнаго царства.

По мѣрѣ того, какъ образованіе Аристотеля подвигалось впередъ, онъ все чаще и чаще мечталъ объ Аѣнахъ, этомъ центрѣ тогдашней греческой культуры, — городѣ, о которомъ заставляли говорить имена Сократа и Платона. Отъ поспѣшной поѣздки въ Афины Аристотеля впрочемъ удерживала своеобразная гордость: ему хотѣлось явиться туда во всеоружіи знанія и занять среди учениковъ великихъ философовъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Поставленной себѣ задачи онъ добился самымъ блестящимъ образомъ, когда въ 367 году онъ, наконецъ, явился въ Афины. Платонъ, который нѣсколько позднѣе вернулся изъ путешествія и началъ обучать философіи въ своей безсмертной Академіи, быстро замѣтилъ и оцѣнилъ Аристотеля... „Изъ числа новыхъ учениковъ Аристотель выдѣлялся рѣшительно всѣмъ не исключая своей внѣшности“... Внѣшность для грека имѣла громадное значеніе, потому что греки были великіе художники. Грекъ свое отличіе по сословію и происхожденію выражалъ не въ богатствѣ внѣшняго украшенія, какъ это бываетъ на востокѣ, но большей тщательностью ношенія одежды и прежде всего извѣстнымъ поведеніемъ и умѣньемъ держать себя съ достоинствомъ. Высокообразованный аѣнинянинъ отличался отъ варвара тѣмъ искусствомъ, съ какимъ онъ носилъ гематионъ, т. е. переброшенный черезъ плечи плащъ. И въ этомъ ношеніи плаща выражались не только отличія сословія, но также и другія чисто индивидуальныя особенности. Сравнимъ въ этомъ отношеніи два изображенія — Демосфена и Аристотеля. И тотъ, и другой представленъ въ сидячемъ положеніи, въ задумчивой позѣ, закутанный плащемъ. И все же, какая разница! Демосфенъ сидитъ, низко опустивъ голову, лобъ его сморщенъ, какъ подъ вліяніемъ гнетущей печали. Плащъ его совсѣмъ не по немъ, — широкъ и великъ, — онъ какъ будто не надѣтъ имъ самимъ, а наброшенъ кѣмъ-то другимъ ему на плечи; онъ видимо спустился на полъ, а Демосфенъ наскоро захватилъ его рукой, сжатой въ кулакъ; оттого образовались на немъ самыя безпорядочныя складки. Со-

вершенно иной видъ представляетъ плащъ Аристотеля; онъ, какъ видно по складкамъ, изъ хорошей, тонкой матеріи, а складки его такія ровныя, свободныя. Плащъ облегае тѣло, какъ будто нѣчто неотъемлемо ему

Аристотель.

Мраморная статуя въ римскомъ музеѣ Спада.

принадлежащее. У Аристотеля видна и свободная манера держать себя, голова его не наклонена, а нѣсколько подалась впередъ. Думы очевидно его не тяготятъ, а дѣйствительно увлекаютъ впередъ—переносятъ въ далекое будущее человѣчество“ (Литвинова „Аристотель“)… Большая индивидуальность Аристотеля сказывалась не только въ одеждѣ, но и во всемъ

образѣ жизни и во всемъ стрѣ мышленія. Оригинальность и живость его не укладывалась въ тѣ рамки, которыя отводились по традиціи философу, и многіе послѣдователи Платона считали этого великаго его ученика не достойнымъ имени философа и распускали о немъ нелестныя слухи, далеко не соотвѣтствовавшіе дѣйствительности.

Около Платона, къ которому Аристотель относился съ величайшимъ благоговѣніемъ, онъ пробылъ семнадцать лѣтъ, все время пользуясь искреннимъ расположеніемъ своего учителя. До смерти Платона Аристотель не излагалъ своей собственной философской системы и, если выступалъ въ качествѣ учителя, то занимался только изложеніемъ реторики. Впрочемъ большую часть времени Аристотель посвящалъ кабинетнымъ трудамъ, оставаясь въ сторонѣ отъ всѣхъ тѣхъ политическихъ событій, которыя наполняли жизнь Аѣины.

Аристотель по своему происхожденію и образованію былъ грекъ, но по своему подданству онъ былъ македонянинъ да еще другъ Филиппа Македонскаго. Этого было достаточно, чтобы пребываніе Аристотеля въ Аѣинахъ, кипѣвшихъ неукротимой ненавистью къ честолюбивому македонскому царю, было сопряжено со значительными непріятностями и неудобствами. Но Аристотель мирился со всѣмъ этимъ до тѣхъ поръ, пока живъ былъ его горячо-любимый учитель Платонъ. Но въ 348 г., въ годъ смерти Платона, Аристотель, наконецъ, покинулъ Аѣины и отправился въ продолжительное путешествіе съ цѣлью пополнить свое образованіе.

Но если Аристотель уходилъ цѣликомъ въ свои кабинетныя занятія до тѣхъ поръ, пока онъ жилъ въ Аѣинахъ, то это не значитъ, чтобы онъ не имѣлъ своей политической программы, чтобы онъ старался обойти запросы живой общественной дѣйствительности. Это показываетъ только, что Аристотель самъ не умѣлъ рѣшить вопроса, кто правъ въ этой затянувшейся борьбѣ между Македоніей и Греціей. Тамъ же, гдѣ для него было ясно, на чьей сторонѣ право, онъ смѣло бросался въ борьбу за свои общественныя идеалы, хотя бы его рѣшительныя выступленія были сопряжены съ нешуточной опасностью для его жизни. Доказательствомъ служить его путешествіе въ Малую Азію, куда онъ направился, покинувъ Аѣины. Несомнѣнно, что эту свою поѣздку Аристотель старался использовать въ интересахъ объединенія греческихъ колоній. Его неизмѣнной мечтой было возстаніе малоазійскихъ грековъ съ цѣлью освобожденія отъ персидскаго ига. Его дѣятельность въ этомъ отношеніи была настолько интенсивной, что возбудила усиленныя преслѣдованія со стороны персидскаго царя. Насколько такія преслѣдованія могли быть опасными, свидѣтельствуетъ судьба друга Аристотеля просвѣщеннаго и талантливаго Гермія, бывшаго въ началѣ своей жизни рабомъ, а въ концѣ жизни сдѣлавшагося тираномъ греческой колоніи Аторнеи. Заклятый врагъ персидскаго государства—Гермій, на младшей сестрѣ котораго Аристотель женился, былъ казненъ по приказу персидскаго царя Артаксеркса. Эта же участь ждала и Аристотеля, если бы ему не удалось своевременно бѣжать вмѣстѣ со своей женой, на островъ Лесбосъ. Въ честь своего погибшаго друга Гермія Аристотель написалъ прекрасный гимнъ добродѣтели, положенный Гораціемъ въ основу одной изъ его лучшихъ одъ.

На островѣ Лесбосѣ Аристотель получилъ отъ македонскаго царя Филиппа предложеніе заняться воспитаніемъ его сына, Александра. Преданіе говоритъ, что еще въ годъ рожденія своего сына Филиппъ писалъ Аристотелю: „царь Македонскій привѣтствуетъ Аристотеля. Извѣщаю тебя, что у меня родился сынъ; но я благодарю боговъ не столько за то, что

они даровали мнѣ сына, сколько за рожденіе его во времена Аристотеля, потому что я надѣюсь, что твои наставленія сдѣлають его достойнымъ наследовать мнѣ и повелѣвать македонянами“. Занятія Аристотеля съ Александромъ продолжались въ теченіи трехъ лѣтъ, которыя они проводили то въ Пеллѣ, то въ Стагирѣ, гдѣ для нихъ былъ построенъ прекрасный дворецъ, окруженный тѣнистымъ садомъ. Мораль, политика, краснорѣчіе, поэзія, музыка, естественная исторія, физика и даже медицина—вотъ тѣ предметы, которыми Аристотель занимался со своимъ ученикомъ. Занятія шли чрезвычайно успѣшно, и Филиппъ, по окончаніи этого курса обратился къ Аристотелю съ вопросомъ, какое вознагражденіе онъ желалъ бы получить за свои труды. Аристотель выразилъ желаніе увидать свой родной городъ возстановленнымъ въ томъ видѣ, какой тотъ имѣлъ до разрушенія его. Филиппъ охотно исполнилъ это желаніе великаго философа, и благодарные жители Стагиры посвятили одинъ день въ году въ честь Аристотеля.

Самыя дружескія отношенія сохранились между Александромъ и Аристотелемъ въ теченіи долгихъ лѣтъ послѣ того, какъ занятія ихъ прекратились. По смерти своего отца молодой Александръ не разъ обращался за совѣтами къ своему старому учителю. Сдѣлавшись полновластнымъ царемъ, Александръ подарилъ Аристотелю огромную сумму денегъ (почти 1.000.000 рублей); кромѣ того, онъ распорядился, чтобы всѣ подданные македонской державы, къ которымъ Аристотель будетъ обращаться съ какими-нибудь научными порученіями, немедленно исполняли ихъ, и такимъ образомъ до тысячи человѣкъ было занято доставкой Аристотелю рѣдкихъ животныхъ и растений. Эти годы, проведенные въ Македоніи, Аристотель посвятилъ главнымъ образомъ естествознанію. Придворная жизнь, отъ которой онъ въ это время не хотѣлъ еще отказаться, мѣшала ему отдать свои силы философіи и другимъ умозрительнымъ наукамъ. Когда, наконецъ, Александръ отправился въ далекіе завоевательные походы, Аристотель разстался со своимъ знаменитымъ ученикомъ, порекомендовавъ ему пользоваться совѣтами философа Калисфена, приходившагося Аристотелю роднымъ племянникомъ и бывшаго однимъ изъ самыхъ выдающихся его послѣдователей. Самъ же Аристотель въ 335 году до Р. Хр. возвратился въ Аѣны, куда онъ переѣхалъ теперь со всей своей семьей, т. е. съ женой Пивіадой, дочерью, носившей такое же имя, и воспитанникомъ Никоноромъ. Здѣсь, въ Аѣнахъ, на участкѣ земли, покрытомъ тѣнистыми аллеями, Аристотель открылъ свою школу. Такъ какъ этотъ участокъ земли лежалъ по сосѣдству съ храмомъ, посвященнымъ Аполлону Ликейскому, то и его школа получила названіе Лицея. Ученикамъ Аристотеля была дана кличка „перипатетиковъ“, т. е. гуляющихъ философовъ. Это странное, на первый взглядъ, названіе получилось отъ того, что Аристотель, по живости характера, не могъ излагать своего ученія, стоя неподвижно на одномъ мѣстѣ. Ученикамъ его, такимъ образомъ, невольно приходилось слѣдовать за своимъ учителемъ. Ежедневно Аристотель читалъ два курса: утромъ, болѣе трудный, для лицъ, уже знакомыхъ съ основами философіи, и вечеромъ,—популярный,—для всѣхъ желающихъ.

Въ это время Аристотелю перешло уже за 50 лѣтъ. Онъ считалъ, что, начиная съ этого возраста, умственные силы человѣка начинаютъ слабѣть, что въ этомъ періодѣ жизни приходится заботиться не о пріобрѣтеніи новыхъ познаній, а объ использованіи пріобрѣтенныхъ раньше. Вотъ почему онъ наряду съ педагогическою дѣятельностью усиленно

ум!

развиваетъ дѣятельность литературную. Большая часть его произведеній была написана за послѣдніе 13 лѣтъ его жизни, проведенныхъ почти цѣликомъ въ Аѳинахъ.

Посмотримъ теперь, каковы же заслуги Аристотеля въ качествѣ философа и ученаго.

Нечего и говорить, что Аристотель долженъ былъ бы быть выдающимся математикомъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, какое огромное значеніе придавалъ Платонъ математикѣ для философскаго образованія, а между тѣмъ тотъ же самый Платонъ любилъ называть Аристотеля душой своей школы. Конечно, путь къ такой высокой оцѣнкѣ въ устахъ знаменитаго философа могло проложить только хорошее знакомство съ математикой. И, дѣйствительно, Аристотелемъ написано большое количество математическихъ сочиненій. Правда, огромное большинство изъ нихъ потеряно, но и то, что дошло до насъ, показываетъ, какимъ большимъ математическимъ талантомъ обладалъ Аристотель. Его мысли о безконечности представляютъ огромную цѣнность. Математика настолько увлекала Аристо-

Олицетвореніе Демоса-
народа на бронзовой
фригійской монетѣ изъ
Лаодикии.

теля, что чисто математическія представленія помѣшали правильно разобраться въ явленіяхъ механическаго характера, и его трактаты въ этой области отличаются значительной слабостью. Болѣе удачными были его изслѣдованія по астрономіи. Онъ имѣлъ ясное представленіе о шарообразности земли, о чемъ онъ судилъ по чертаніямъ земной тѣни, отбрасываемой на луну во время луннаго затменія. Впрочемъ среди его астрономическихъ воззрѣній мы находимъ нѣсколько грубыхъ заблужденій того времени. Среди этихъ заблужденій за важнѣйшее надо признать представленіе о землѣ, какъ о центральномъ неподвижномъ тѣлѣ. Это воззрѣніе, съ такою горячностью защищаемое средневѣковымъ католицизмомъ, дорого обошлось многимъ свѣтлымъ умамъ, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ мы должны поставить Галилея. Болѣе почетнымъ оказывается положеніе Аристотеля въ метеорологіи. Въ его произведеніяхъ этого рода мы находимъ часто весьма правильныя разсужденія о происхожденіи вѣтровъ, бурь, о метеорахъ, землетрясеніяхъ, приливахъ и отливахъ. Его соображенія въ этой области являются часто настолько глубокими и проницательными, что онъ, по справедливости, можетъ быть названъ однимъ изъ основателей метеорологіи. Еще болѣе значительными являются заслуги Аристотеля въ области изученія органическаго міра. Онъ оставилъ до 50 томовъ, посвященныхъ описанію жизни животныхъ. Такіе ученые, какъ Бюффонъ и Кювье относятся съ большимъ уваженіемъ къ трудамъ Аристотеля въ этой области. Правда, и тутъ противъ него выдвигаются чрезвычайно серьезныя упрёки. Вполнѣ справедливо утверждаютъ, что описанія многихъ животныхъ списаны Аристотелемъ у другихъ писателей, безъ указанія источника. Совершенно справедливо указываютъ далѣе, что Аристотелемъ и въ этой области совершены были грубѣйшія ошибки, въ родѣ утвержденія, что мужскія особи обладаютъ большимъ количествомъ зубовъ, чѣмъ женскія; что черепъ женщины, въ отличіе отъ мужчинъ, имѣетъ окружной шовъ, что у человѣка въ задней части головы имѣется пустое пространство и т. д. И тѣмъ не менѣе эти ошибки происходили изъ того же благодатнаго источника, изъ котораго происходили

и важныя научныя обобщенія. Аристотель, говоритъ Эйкенъ, „въ различныхъ областяхъ естествознанія какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ, съ большою самонадѣянностью выводилъ иногда заключенія объ общемъ на основаніи немногихъ явленій и поэтому часто приходилъ къ такимъ утвержденіямъ, которые далеко превышали размѣры его дѣйствительнаго наблюденія“. Но этотъ упрекъ въ самнадѣянности по отношенію къ Аристотелю едва ли справедливъ. Эта потребность въ обобщеніи была свойствомъ его ума, отъ котораго онъ не могъ отказаться даже въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ обобщенія слѣдовало бы за недостаткомъ подходящаго матеріала воздержаться. Но за то въ тѣхъ случаяхъ, когда количество матеріала оправдывало его обобщенія, онъ исполнялъ работу огромной цѣнности. „Но что во всякомъ случаѣ остается за Аристотелемъ“,—говоритъ Ланге („Исторія материализма“ т. I стр. 43), „это та похвала, которую воздалъ ему Гегель, именно—что онъ подчинилъ понятію богатствъ и разнообразію реальной вселенной. Какъ бы много или мало самостоятельнаго ни сдѣлалъ онъ въ отдѣльныхъ наукахъ, главнымъ предметомъ всей его совокупной дѣятельности остается во всякомъ случаѣ подведеніе всего матеріала существовавшихъ тогда наукъ подъ умозрительныя точки зрѣнія, т. е. дѣятельность, которая въ принципѣ совпадаетъ съ дѣятельностью новыхъ систематиковъ и прежде всего Гегеля!!“. И именно эту область научной дѣятельности высоко оцѣниваетъ у древнихъ Уэвель, знаменитый историкъ развитія научной мысли. „Мы,“—говоритъ онъ, „не должны слишкомъ легко судить объ этихъ древнихъ мыслителяхъ. Это были люди съ необыкновенной проницательностью, съ изобрѣтательнымъ и строгимъ умомъ, а главное, они имѣли ту заслугу, что первые развили умозрительную способность нашего духа, первые открыли эту смѣлую и энергичную погоню за знаніемъ, изъ которой вышла вся послѣдующая культура и усовершенствованіе интеллектуальныхъ сокровищъ человѣка. Мудрецы древней Греціи представляютъ героическій періодъ науки. Подобно первымъ мореплавателямъ своей міеологіи, они отважно пустили свое неиспытанное судно въ далекое и трудное странствованіе, полные надеждъ на сверхъестественный успѣхъ; и хотя они не нашли воображаемаго золотого приза, котораго искали, но зато открыли путь въ невѣдомой области для предпримчивыхъ людей, которые въ послѣднія времена странствовали по нимъ къ безконечному увеличенію умственныхъ богатствъ человѣчества“.

Но математика, астрономія, метеорологія и зоологія не были единственными науками, въ области которыхъ трудился Аристотель. Величайшія его заслуги передъ человѣчествомъ лежатъ какъ разъ внѣ этихъ дисциплинъ, а именно въ области логики, творцомъ которой онъ является въ полномъ смыслѣ этого слова. Безъ малѣйшаго преувеличенія Аристотель имѣлъ право сказать о своихъ работахъ въ этой области то, что онъ сказалъ: „Пытаясь создать науку о сужденіяхъ, мы не могли воспользоваться трудами предшественниковъ; все сдѣлано нашими собственными усиліями. Поэтому, если только вы не поставите это сочиненіе далеко ниже сочиненій по другимъ наукамъ, созданныхъ трудами цѣлаго ряда поколѣній, то вы снисходительно отнесетесь къ недостаткамъ нашего труда и почувствуете признательность за обнародованныя открытія“. Логикѣ Аристотелемъ было посвящено шесть трактатовъ, объединенныхъ подъ названіемъ Органона. Эти трактаты были посвящены шести слѣдующимъ темамъ: 1) о категоріяхъ, 2) объ истолкованіи, 3) двѣ книги аналитики или трактатъ о силлогизмѣ, 4) двѣ книги второй аналитики

или трактатъ о доказательствѣ, 5) трактатъ о діалектикѣ и 6) опроверженіе софистовъ. Достаточно было одного этого великаго произведенія для того, чтобы получить право на безсмертное имя.

Логика естественно побуждала Аристотеля углубляться въ вопросы психологіи,—душевной дѣятельности человѣка. И опять таки наряду съ многочисленными заблужденіями, столь естественными въ ту эпоху, когда еще ни одна наука не встала на прочную базу развитія, наряду съ многочисленными заимствованіями у своихъ предшественниковъ, Аристотель и въ психологіи даетъ много цѣннаго и самостоятельнаго. Онъ первый выдвинулъ опытное изученіе души въ связи съ тѣломъ, рассматривая ее при этомъ, какъ микрокосмъ, отражающій весь міръ.

Изучая душевные процессы человѣка, Аристотель не могъ не заинтересоваться однимъ изъ величайшихъ проявленій человѣческаго творчества—поэзіей. Какъ велики заслуги великаго грека и въ этой области, объ этомъ свидѣлствуетъ одинъ изъ великихъ мастеровъ слова—Гёте Лессингъ, говоря: „если я не ошибаюсь въ сущности драматическаго искусства, то потому, что понимаю его такъ, какъ объяснилъ его Аристотель, наблюдая множество образцовъ греческой сцены... Я нисколько не колеблюсь, признавая,—пусть смѣются надо мною въ наши просвѣщенные времена, что я считаю произведеніе Аристотеля о поэзіи такимъ-же непогрѣшимымъ произведеніемъ, какъ Элементы Эвклида. Основанія Аристотелевской поэтики такъ-же истинны и вѣрны, только не такъ понятны, а потому болѣе подвержены ложному толкованію. Особенно во всемъ, касающемся трагедіи, я берусь доказать, что она не можетъ на шагъ отступить отъ Аристотельскаго идеала, не удаляясь отъ своего совершенства“. Въ этомъ замѣчательномъ произведеніи Аристотель говоритъ, и о сущности искусства, и о болѣе совершенныхъ его формахъ, и объ исторіи постепеннаго развитія поэзіи, и о назначеніи поэзіи. Здѣсь же, въ поэтикѣ, не отдѣляя особаго мѣста для языкознанія, Аристотель излагаетъ цѣлый рядъ основныхъ положеній по грамматикѣ, разбираетъ части рѣчи и выясняетъ падежи.

Еще болѣе Аристотель выступаетъ передъ нами, не только какъ педагогъ-практикъ, занимавшійся съ выдающимся успѣхомъ воспитаніемъ царевича, но и какъ педагогъ-теоретикъ, оставившій послѣ себя любопытнѣйшій трактатъ о воспитаніи молодежи. Цѣль воспитанія Аристотель видитъ въ восполненіи недостатковъ природы. Воспитаніе юношества должно быть общественнымъ. Молодежь должна изучать не только то, что полезно и необходимо въ практической жизни, но и то, что развиваетъ эстетическіе и умственные интересы. Предметами учебными Аристотель выдвигаетъ: грамоту, музыку, графику и гимнастику. Особенное значеніе въ дѣлѣ воспитанія онъ приписываетъ привычкѣ. Онъ совѣтуетъ родителямъ давать своимъ дѣтямъ возможно больше свободы и не стѣснять ихъ природныхъ склонностей; но школа по мнѣнію Аристотеля, должна стоять въ сторонѣ отъ всякой политики. Онъ съ увѣренностью говорилъ объ этомъ уже по одному тому, что самъ много занимался вопросами политики и теоретически и практически. Его перу принадлежитъ трактатъ „Политика“.

Подобно Платону, Аристотель ставитъ государственную жизнь выше индивидуальной, такъ какъ человѣкъ только въ обществѣ можетъ достигъ высшаго блага. Вотъ почему Аристотель допускаетъ вмѣшательство государственной власти еще въ очень большихъ размѣрахъ. Такъ, напр., по его мнѣнію государство должно слѣдить, чтобы браки происходили въ

и 6) опи
привязан

въ воду
ки напад
эпоху, к
и, напад
въ, Аме
льнаго.

бломъ, р
мръ.

е могъ

повѣсти

той обла

а—въ

атическ

его Ари

скольк

въщери

въ-жъ

ия Ари

пован

во все

въ от

тенств

рущия

орш п

шнни

цѣн

руфи

о ка

анек

болы

торел

гесты

и, ч

зает

ура

ред

пр

въ

кел

де

ме

е

Бетховень въ 1812 году.—(Бюстъ Х. Клейра).

извѣстномъ возрастѣ, наиболѣе благопріятномъ для рожденія дѣтей. Онъ такъ же, какъ и Платонъ, является сторонникомъ аристократическаго правленія, хотя въ этомъ отношеніи онъ высказывается менѣе категорично, чѣмъ его великій учитель. Свою политику Аристотель строилъ на тщательномъ изученіи различныхъ формъ государственнаго управленія, которыя можно было въ то время встрѣтить въ греческихъ государствахъ. Въ этомъ же произведеніи онъ затрагиваетъ множество вопросовъ, тѣсно соприкасающихся съ этикой, которой онъ также посвящаетъ весьма обстоятельный трудъ. Основнымъ требованіемъ въ области нравственности онъ выдвигаетъ воспитаніе у каждаго человѣка чувства мѣры. Такимъ образомъ, добродѣтель заключается не въ аскетизмъ, а въ умѣнныя сдерживать страсти и управлять ими при помощи разума. При такомъ взглядѣ, онъ рекомендуетъ не подавлять въ себѣ страсти, а регулировать ихъ такъ, чтобы одна не мѣшала развиваться другой, а всѣ вмѣстѣ, содѣйствовали укрѣпленію душевнаго и тѣлеснаго здоровья человѣка. Исходя изъ этихъ основныхъ положеній, онъ даетъ классификацію основныхъ

у мнѣ

Олицетвореніе народа.
на бронзовой фригій-
ской монетѣ изъ Лаоди-
ки.

добродѣтелей, даетъ глубокой анализъ понятія блаженства, выясняетъ огромное значеніе навыка и упражненія для усовершенствованія и укрѣпленія человѣка въ нравственной жизни, опредѣляетъ роль естественныхъ нашихъ склонностей и указываетъ на зависимость индивидуальной нравственности отъ общежитія. Несмотря на то, что въ этическихъ воззрѣніяхъ Аристотеля, мы находимъ много такого, съ чѣмъ мы не можемъ согласиться, тѣмъ не менѣе это замѣчательное произведеніе не потеряло своего значенія и въ настоящее время. Вотъ что, напр., пишетъ о немъ одинъ изъ видныхъ англійскихъ писателей: я глубоко обязанъ оксфордскому университету за то, что онъ далъ мнѣ въ руки Аристо-

телеву этику и побудилъ меня прочесть ее и продумать. Большаго благодѣянія не возможно было и сдѣлать. Я хочу объяснить вамъ, чѣмъ я обязанъ этой книгѣ. Во-первыхъ, она убѣдила меня, что принципы нравственности не могутъ принадлежать тому или другому времени, а присущи всѣмъ временамъ. Этою книгою языческій грекъ древняго міра пробудилъ во мнѣ сознаніе того, что происходитъ внутри меня, разоблачилъ передо мною мою лѣньность и мою неискренность, и показалъ мнѣ, какъ далеко мои поступки не были тѣмъ, чѣмъ, я думалъ, они должны быть, заставилъ меня сознаться, что, несмотря на всѣ преимущества, какими я пользовался передъ нимъ, онъ былъ лучше меня. Это было великое дѣло. Далѣе я не могъ не научиться отъ этого грека, — и онъ сдѣлалъ все, чтобы этому научиться — что не чтеніемъ книги или изученіемъ правилъ приобрѣтается познаніе нравственности, но что это есть дѣло жизни и что нравственность слѣдуетъ изучать съ помощью ежедневнаго житейскаго опыта.

Наконецъ, Аристотель оставилъ замѣтный слѣдъ и въ философіи. Въ соответствующихъ трактатахъ онъ подвергаетъ тщательному критическому разбору различныя системы предшествовавшихъ ему философовъ. Эта критика произведена была съ такимъ знаніемъ дѣла и съ такой добросовѣстностью, что философскіе трактаты Аристотеля до сихъ поръ являются лучшимъ источникомъ свѣдѣній о греческихъ философахъ. Въ

его собственной философской системѣ чувствуется огромное вліяніе Платона. Онъ также ищетъ въ явленіяхъ окружающаго насъ міра выраженіе идей. Но въ то время, какъ по мнѣнію Платона, всякая идея лишь затемняется міромъ вещей, въ которыхъ она проявляется,—по Аристотелю, наоборотъ „каждое явленіе проникнуто идеей и служить живымъ ея выраженіемъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Аристотель дальше пошелъ и въ изслѣдованіи методовъ познанія. Онъ первый показалъ, насколько важно бываетъ часто для объясненія частныхъ явленій исходить изъ общихъ началъ. Вообще его изслѣдованія по теоріи познанія уже по одному тому должны представлять большую цѣнность, что они опирались на прочный фундаментъ логики, науки до него совершенно неизвѣстной. Ставя задачей философіи—высвѣпить изъ возможныхъ обобщеній, открытіе первыхъ началъ и причинъ вещей, онъ выдвигаетъ четыре причины всякаго факта: матерію, идею или форму, силу и конечную цѣль. Къ этому онъ добавляетъ два новыхъ понятія: возможность (потенціальность) и дѣйственность (актуальность). Останавливаться подробнѣе на всемъ этомъ мы не имѣемъ здѣсь возможности.

Аллегорическое изображеніе Свободы, вычеканенное на монетѣ въ Александріи. Свобода держитъ въ одной рукѣ скипетръ, въ другой вѣнокъ.

Такимъ образомъ, Аристотель является передъ нами всеобъемлющимъ умомъ, вобравшимъ въ себя все современное ему знаніе и давшимъ наиболѣе совершенный образецъ, говоря словами Ланге, „цѣльнаго и замкнутаго міровоззрѣнія, какой вообще исторія до настоящаго времени дала“.

Но возвратимся къ послѣднимъ годамъ жизни великаго философа и ученаго. Мы знаемъ, что почти всю свою колоссальную литературную работу Аристотель выполнилъ въ десять съ небольшимъ лѣтъ за время своего пребыванія въ Афинахъ. Это показы-

ваетъ, какой изумительной работоспособностью отличался знаменитый ученый. Спалъ онъ необычайно мало. Иногда, не будучи въ состояніи бороться со сномъ, онъ засыпалъ, держа надъ тазомъ мѣдный шарикъ. Когда сонъ крѣпко смежалъ его очи, рука раскрывалась, шарикъ падалъ на дно сосуда и шумомъ будилъ заснуваго философа. Этого короткаго отдыха было достаточно для того, чтобы Аристотель съ новыми силами брался за прерванную работу. Интересно отмѣтить, что великій ученый и неутомимый труженикъ совершилъ свою колоссальную работу, несмотря на крайне болѣзненное состояніе. Онъ страдалъ наследственной въ ихъ семьѣ болѣзнью желудка, отъ которой, повидимому, и умеръ. Бодрость своего тѣла онъ поддерживалъ купаніями въ тепломъ оливковомъ маслѣ.

Но не только физическія страданія могли мѣшать его работѣ. Два грустныхъ событія угнетали, по крайней мѣрѣ временно, его душу. Первое—смерть его любимой жены Пиеіады (послѣ которой онъ, однако, утѣшился, женившись на красавицѣ рабынѣ) и разрывъ со своимъ великимъ ученикомъ Александромъ. Мы знаемъ, что Александръ и Аристотель разстались съ того момента, какъ первый отправился въ свои знаменитые походы, при помощи которыхъ была создана мировая монархія. Уѣзжая, Александръ принялъ въ свою свиту философа Калисфена, родственника Аристотеля, по рекомендаціи этого послѣдняго. Калисфенъ былъ человѣкъ прямой и рѣзкій, а молодой Александръ, избалованный своими необычайными успѣхами и лестью окружающихъ, быстро сдѣлался неспособнымъ выносить какія бы то ни было противорѣчія. Какъ-то, по разсказамъ Плутарха, на пиру Александра гости просили Калисфена сказать

хвалебную рѣчь въ честь македонянъ. Калисфенъ блестяще исполнилъ сдѣланное ему предложеніе. Но Александръ, уже тогда въ значительной степени недовольный самостоятельностью и непокорностью Калисфена, замѣтилъ: „на богатую тему не трудно хорошо говорить, не такъ легко тебѣ было бы сказать что нибудь противъ насъ. А можетъ быть это было бы полезнѣй, послужило бы къ нашему исправленію“... Калисфенъ принялъ и этотъ вызовъ. Онъ сказалъ блестящую рѣчь и о порокахъ македонянъ, закончивъ ее словами Эврипида: „въ мятежное и смутное время возвыситься могутъ и злѣйшіе люди“. Александръ принялъ эти слова на свой счетъ; съ гнѣвомъ воскликнулъ онъ: „всѣмъ этимъ ты убѣдилъ насъ больше въ своей къ намъ ненависти, чѣмъ въ ораторскомъ талантѣ“... Часъ философа пробилъ... Недостатка въ клеветникахъ и лстецахъ вокругъ престола никогда не было. Услужливыми придворными Калисфенъ былъ обвиненъ въ заговоръ на жизнь монарха. Александръ приказалъ посадить Калисфена въ узкую желѣзную клѣтку и возить его за собой. Несчастный философъ былъ уже полумертвымъ отъ голода и паразитовъ, когда Александръ приказалъ бросить его на растерзаніе лвамъ. Это дикое варварство знаменитаго монарха вызвало бурю негодованія у всѣхъ мыслящихъ грековъ, въ томъ числѣ и у Аристотеля. Александръ, который привыкъ прислушиваться къ общественному мнѣнію Греціи, обвинялъ Аристотеля, — хотя это и не соответствовало дѣйствительности, — во всѣхъ рѣзкихъ выступленіяхъ греческой литературы противъ него. Онъ возненавидѣлъ Аристотеля, которому считалъ себя такъ много обязаннымъ въ дни молодости. Аристотель же не могъ простить Александру ужасной смерти благороднаго Калисфена. Разрывъ былъ полный. Онъ принесъ великому философу много тяжелыхъ минутъ.

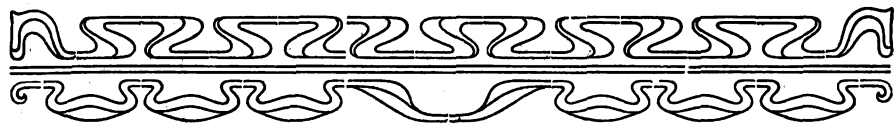
Аллегорическое изображеніе Господства, вычеканенное на монетѣ въ Александріи египетской во времена Гальбы. Увѣнчанная лаврами фигура Господства въ лѣвой рукѣ держитъ трофей, а въ правой маленькую статую Побѣды, которая подноситъ вѣнецъ.

Но афиняне не дали спокойно умереть у себя и Аристотелю. Надъ нимъ, какъ и надъ многими великими людьми той эпохи повисло обвиненіе въ безбожій. Поводомъ для такого обвиненія послужили торжественныя, — почти божескія, — жертвоприношенія, которыя ежегодно совершалъ Аристотель у гробницы своей первой жены. Вторымъ наиболѣе важнымъ обвиненіемъ было указаніе на то, что Аристотель въ честь своего друга Гермія составилъ такой гимнъ, каковой было бы прилично обратить лишь къ какому-либо божеству. „О добродѣтель“, — говорилось въ этомъ гимнѣ, „заставляющая людей покорять свою природу, ты первая изъ сокровищъ, которое человѣкъ долженъ стараться себѣ завоевать. Ради тебя Греція, счастливая своимъ страданіемъ, неизмѣнно переноситъ безконечное горе. За твою святую красоту, благородная и чистая дѣва, она видитъ смерть своихъ сыновъ. Такъ прекрасенъ вѣчный плодъ, которымъ ты плѣняешь души грековъ. Греки этотъ плодъ предпочитаютъ знатности происхожденія, золоту и сладкому покою“...

Какъ ни вздорны были эти обвиненія, но Аристотель зналъ, что ихъ достаточно для того, чтобы судьба философа была рѣшена. Онъ добровольно поэтому бѣжалъ въ Халкиду. Непомѣрные труды, огорченія послѣднихъ лѣтъ и наслѣдственная болѣзнь окончательно расшатали здоровье великаго человѣка. Въ 322 г. до Р. Хр. Аристотель и скончался въ Халкидѣ. Тѣло его было перевезено въ Стагиръ, гдѣ ему былъ возведенъ прекрасный мавзолей, сохранявшійся въ теченіе долгаго времени. До насъ

раба

дошли отрывки изъ его завѣщанія. Наиболѣе характерные изъ нихъ мы и приводимъ здѣсь въ заключеніе настоящаго очерка. „Въ случаѣ моей смерти“,—говоритъ тамъ Аристотель,—„пусть Антипатръ (одинъ изъ полководцевъ Александра Великаго) возьметъ на себя исполненіе моей послѣдней воли. До тѣхъ поръ, пока Никаноръ (воспитанникъ Аристотеля) въ состояніи будетъ принять управленіе моимъ имуществомъ, пусть о немъ пекутся: Аристоменъ, Тимархъ, Гиппархъ и Теофрастъ; то же самое отойдетъ къ моимъ дѣтямъ и къ Герпилисъ. Когда моя дочь вырастетъ, пусть ее отдадутъ Никанору; если она умретъ до замужества или не оставитъ дѣтей, Никаноръ наследуетъ всѣ мои богатства и дѣлается властелиномъ всѣхъ моихъ работъ.) Никаноръ обязанъ заботиться о моей дочери и о моемъ сынѣ Никомахѣ, чтобы они ни въ чемъ не терпѣли недостатка: онъ долженъ замѣнить имъ отца и брата. Если Никаноръ умретъ до женитьбы или не оставитъ дѣтей, распоряженія его надлежитъ исполнить. Въ такомъ случаѣ, если Теофрастъ захочетъ взять къ себѣ мою дочь, то ему будутъ принадлежать и всѣ права, предоставленныя мною Никанору: если же Теофрастъ не пожелаетъ жениться на моей дочери, тогда судьбою дѣтей моихъ пусть распорядятся опекуны съ Антипатромъ. Я прошу опекуновъ и Никанора помнить меня и не забывать, какую привязанность питала ко мнѣ Герпилисъ (вторая жена Аристотеля). Если она послѣ смерти моей захочетъ выйти замужъ, опекуны должны позаботиться о томъ, чтобы она не выбрала человѣка, стоящаго ниже меня по рожденію. Въ случаѣ замужества дать ей сверхъ всего, что она отъ меня получила, талантъ серебра и три служанки, если она пожелаетъ взять послѣднихъ. Захочетъ она жить въ Халкидѣ, то дать ей помѣщеніе, смежное съ садомъ; если же предпочтетъ Стагирь, пусть занимаетъ домъ моихъ предковъ... Я даю свободу Амбрацисъ и назначаю ей въ приданое пятьсотъ драхмъ и одну рабу, а Талѣ сверхъ того участка земли, который я ей купилъ,—одну молодую рабу и тысячу драхмъ... Тахо получить свободу послѣ замужества моей дочери. Тогда же освободить Филона и Олимпію съ ея сыномъ. Дѣтей моихъ слугъ не продавать, но отдать ихъ въ услуженіе моимъ наследникамъ до ихъ совершеннолѣтія, а затѣмъ, если окажутся достойными, освободить. Я прошу также окончить и поставить на мѣсто заказанныя мной статуи. Въ мою могилу положить кости Пиеіады, какъ она сама того желала. Завѣщаю также выполнить обѣтъ, данный мной за сохраненіе жизни Никанора—поставить въ Стагирѣ статую животныхъ изъ камня въ честь Юпитера и Минервы спасителей“...

Нѣсколько словъ о типахъ государства и о типахъ государственныхъ дѣятелей.

Государство, какъ одна изъ формъ соціальной жизни, образовалось, росло и видоизмѣнялось вмѣстѣ съ человѣчествомъ. Далеко за предѣлами исторіи, главнымъ образомъ, въ остаткахъ каменнаго вѣка передъ нами намѣчаются неясными тѣнями формы общенія людей, лишенныхъ всякой государственной организаціи. Съ другой стороны, крупнѣйшіе мыслители современнаго человѣчества едва уловимыми чертами намѣчаютъ передъ нами (какъ это дѣлаютъ, напр., Л. Толстой, П. Кропоткинъ) контуры новыхъ человѣческихъ общеній, также лишенныхъ государственныхъ организацій. Въ огромной исторической полосѣ, раскинувшейся между двумя этими чуть ощущаемыми гранями, передъ нами развертывается необычайно пестрая и подвижная картина человѣческой дѣятельности, постоянно и почти повсюду протекавшая въ руслѣ государственныхъ установленій.

Но какъ разнообразны и эти берега и самый потокъ! Отъ восточныхъ деспотій, въ которыхъ жизнь и имущество каждаго гражданина находились въ полномъ распоряженіи главы государства, и до непосредственныхъ демократій, какъ нѣкоторые кантоны Швейцаріи, въ которыхъ всѣ должностныя лица выбираются всѣми гражданами, всѣ законодательныя постановленія утверждаются всенародными собраніями,—пестрота необычайная. Остановимся нѣсколько хотя бы на классификаціи государственныхъ формъ, предложенныхъ извѣстнымъ профессоромъ гейдельбергскаго университета Георгомъ Еллинекомъ. („Право современнаго государства“).

Прежде всего всѣ формы государства распадаются на двѣ главныя группы: монархіи и республики. „Монархія есть государство, руководимое физической волей“,—говоритъ Еллинекъ.—„Эта воля юридически должна быть высшей, не производной отъ какой-либо другой воли. Новѣйшая теорія государственнаго права обыкновенно признаетъ, сверхъ того, существеннымъ, чтобы монарху принадлежало собственное и притомъ первоначальное, не исходящее отъ какого-либо другого лица право на господство“... Республика, говоритъ тотъ же ученый, „можетъ быть определена какъ не-монархія, какъ отрицаніе руководства государствомъ однимъ физическимъ лицомъ. Огромное значеніе этого противоположенія станетъ яснымъ, если мы примемъ во вниманіе, что въ монархіи высшая воля, какъ принадлежащая индивидуально опредѣленному лицу, въ то же время и физически представлена этимъ лицомъ, между тѣмъ какъ во всѣхъ не монархическихъ государствахъ, какой бы характеръ они не имѣли, органъ власти никогда не совпадаетъ съ образующими его физическими индиви-

дуальными волями и поэтому никогда не может быть чувственно-восприимлемымъ. Это имѣетъ огромное значеніе, какъ политическое, такъ и юридическое. Высшая государственная власть никогда не создается въ республикѣ путемъ психологическаго только процесса; она всегда есть воля болѣе или менѣе обширной коллегіи. Но эта коллегія имѣетъ чисто юридическое бытіе и должна быть строго отличаема отъ образующихъ ее отдѣльныхъ лицъ. Воля этой коллегіи выводится путемъ юридическаго процесса, соотвѣтственно установленному конституціей порядку, изъ волевыхъ актовъ различныхъ индивидовъ. Поэтому, элементарному мышленію республика во всѣхъ ея формахъ гораздо менѣе доступна, чѣмъ монархія, въ которой вся дѣятельность государства представляется въ то же время чувственно-восприимлемой“.

И монархія, и республика представляютъ множество разнообразныхъ формъ, которыя можно распредѣлять по слѣдующимъ группамъ.

Въ монархіяхъ мы выдѣляемъ прежде всего наслѣдственную и избирательную монархію. Всѣ монархіи нынѣ являются наслѣдственными. Древнее время знало и избирательныя монархіи, когда глава государства получалъ свою власть пожизненно отъ опредѣленной группы гражданъ (таковы были почти всѣ цари Гомера). Въ средніе вѣка наметилась переходная форма между монархіей избирательной и наслѣдственной, когда избраніе должно было быть ограничено тѣмъ или другимъ княжескимъ родомъ. Подобная форма монархіи была и въ нашемъ вѣчевомъ Новгородѣ, который избиралъ своихъ князей обязательно изъ дома Рюриковичей.

Среди монархій мы далѣе различаемъ неограниченныя и ограниченныя монархіи. Попытки прочно ограничить власть монарха и возможно полнѣе устранить всякіе случаи злоупотребленія съ его стороны властью начались только въ средніе вѣка и нашли наиболѣе правильное выраженіе лишь въ наше время. Первой формой такой ограниченной монархіи была сословная монархія. Въ сильно измѣненной формѣ сословная монархія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Швеціи, въ Венгріи и нѣкоторыхъ германскихъ территорияхъ) сохранилась до половины XIX столѣтія. Второй формой ограниченной монархіи является конституціонная монархія, въ которой рядомъ или ниже монарха стоятъ палаты въ качествѣ непосредственныхъ государственныхъ органовъ. Такимъ образомъ, главнѣйшими признаками конституціонной монархіи являются вотирующій законы и контролирующій парламентъ, требованіе контрасигнированія актовъ монарха министрами, независимый судъ. Но эти элементы проходятъ въ государственное право отдѣльныхъ государствъ лишь постепенно и не въ равной мѣрѣ, чѣмъ создается и во времени, и въ пространствахъ, опять таки чрезвычайная пестрота государственныхъ формъ.

Что касается республикъ, то здѣсь прежде всего выдѣляются республики съ однимъ единственнымъ непосредственнымъ и первичнымъ органомъ. Таковы были эллинскія демократіи. Но большинство республикъ обладаютъ нѣсколькими непосредственными органами. Таковы, напр., былъ уже древній республиканскій Римъ со своимъ магистратомъ, сенатомъ и комиціями. По характеру непосредственныхъ органовъ, республики распадаются на нѣсколько группъ: 1) Республики съ коллективнымъ властителемъ, какъ тетонскій орденъ въ Пруссіи или въ былое время остиндская компанія въ Индіи. 2) Олигархическія республики, въ которыхъ господствующая воля создается незначительнымъ числомъ лицъ, опредѣленнымъ въ конституціи, каково, напр., совмѣстное господство союзныхъ

[illegible][illegible]

въ Нерчинскѣ на каторгѣ. Общественное раздраженіе или спокойствіе можетъ зависѣть только отъ того, какъ большинство это будетъ относиться къ власти, къ земельной собственности, къ проповѣдуемой вѣрѣ,—отъ того, въ чемъ большинство это будетъ полагать добро и въ чемъ зло. Сила событій никакъ не въ матеріальныхъ условіяхъ жизни, а въ духовномъ настроеніи народа“... Эту же мысль развиваетъ и другой знаменитый нашъ соотечественникъ проф. Оксфордскаго университета Виноградовъ. „Когда сознаніе права проникаетъ въ общество“,—говоритъ онъ,—„оно становится самою могучею силою, передъ которой рано или поздно падаютъ оплоты пережившей себя старины“... Вотъ почему творческая дѣятельность въ области государственнаго строительства далеко не всегда совмѣстима съ официальной государственностью даннаго момента.

Этому необычайному разнообразію формъ государственной жизни соответствуетъ столь же колоссальное разнообразіе типовъ политическихъ дѣяелей. Одно дѣло—работа могучаго министра или императора, располагающаго всѣми средствами и силами даннаго общества, и другое дѣло—работа революціонера, часто гонимаго и не, знающаго прибѣжища, но исполняющаго иной разъ не менѣе важную общественную функцію. Каждая форма государственной жизни создаетъ свои типы, Недаромъ же на вершкѣ французской буржуазной республики мы находимъ выдающихся адвокатовъ Франціи—Пуанкаре, Бриана, Мильерана, а на вершинѣ русской самобытной конституціи—старыхъ приказныхъ: Дурново и Коковцева.

Этими бѣглыми замѣтками мы и думаемъ ограничить свое введеніе къ серіи біографій политическихъ дѣятелей.

Іоаннъ Грозный.
(Гравированный портретъ, находящійся въ
Вѣнской публичной библіотекѣ).

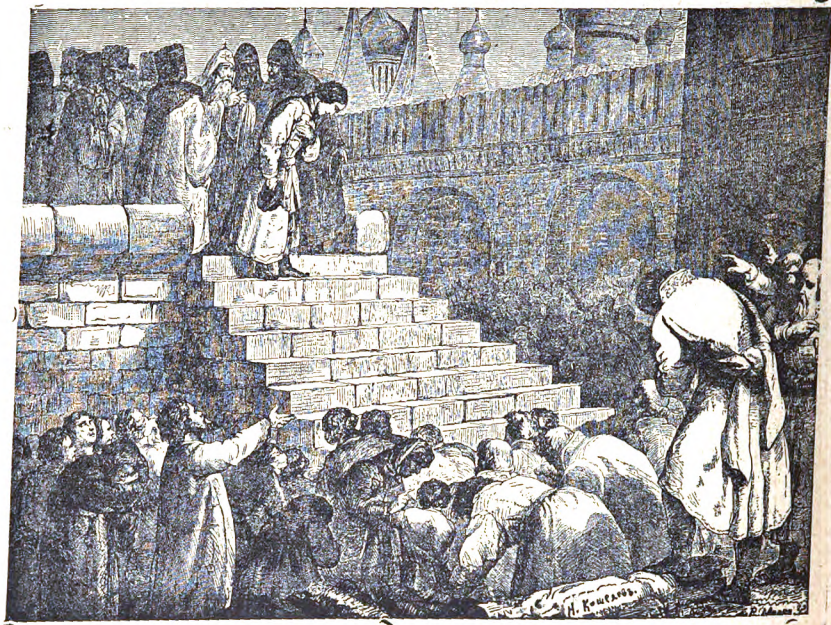
Іоаннъ Грозный.

1530—1584.

„Царь Иванъ былъ замѣчательный писатель“,—говоритъ въ характеристикѣ Ивана Грознаго проф. Ключевскій („Курсъ русской исторіи, ч. II, стр. 249). Одного этого достаточно, чтобы Грозный Царь нашелъ себѣ мѣсто въ нашей серіи.

Царевичъ Иванъ IV родился 25 августа (4 сент.) 1530 года. Рожденіе его, какъ говоритъ преданіе подъ впечатлѣніемъ всѣхъ грозныхъ высуплений этого царя, сопровождалось страшнѣйшей бурей, пронесшейся

съ неслыханными раскатами грома и невиданной еще силой блеска молніи по всей странѣ. Когда царевичу Ивану исполнилось всего только три года, онъ потерялъ своего отца. Василій Ш, умирая, оставлялъ обширное московское государство, охватившее почти все великорусское племя. Онъ почти завершилъ то собираніе русской земли, которое было начато нѣсколько столѣтій тому назадъ хитрымъ и осторожнымъ Иваномъ Калитою. Удѣльное время было закончено для русской исторіи. Но удѣльные нравы еще не были вырваны изъ русской дѣйствительности, и бояре, толпившіеся вокругъ московскаго престола, хорошо помнили, что многіе изъ нихъ своимъ родомъ не хуже самого московскаго князя и что отцы

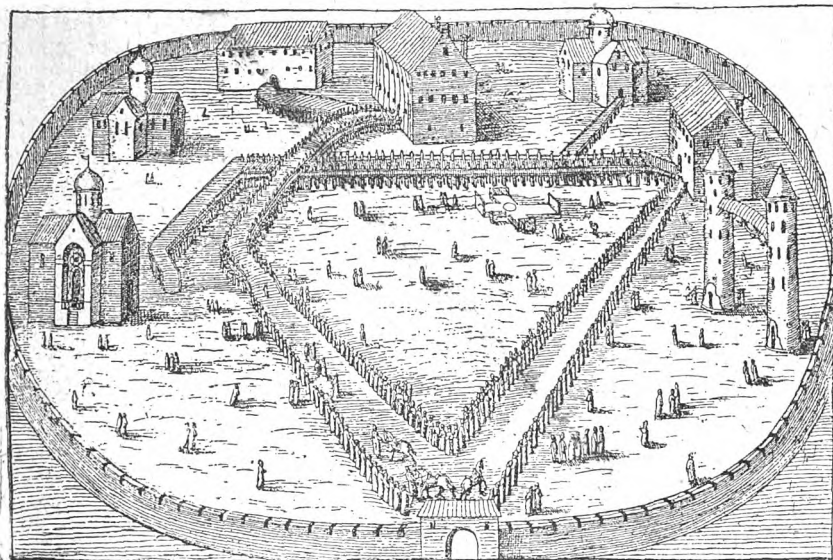
Покаяніе Іоанна Грознаго передъ народомъ. (Съ рис. акад. Н. Кошелева).

ихъ сидѣли на такихъ же самостоятельныхъ княжескихъ столахъ, каковымъ былъ долгое время и престолъ московскаго великаго князя.

Мать царевича Ивана, красавица Елена, урожденная Глинская, много видала на своемъ вѣку прежде, чѣмъ попала въ кремлевскіе покои. Она рано осталась сиротою и перешла на попеченіе къ своему дядѣ, странствующему рыцарю, избороздившему всю западную Европу въ поискахъ за приключеніями. Смѣлая и ловкая красавица Елена умѣла держать въ рукахъ своего мужа. Въ угоду ей, какъ сообщаетъ Берберштейнъ, царь Василій къ ужасу окружающихъ сбрилъ себѣ даже бороду. Неудивительно, что Елена сумѣла составить себѣ сильную придворную партію, и по смерти своего мужа, вопреки обычаю, захватила власть и выступила въ качествѣ опекуни своего малолѣтняго сына и правительницы московскаго государства.

Но Елена, не смотря на свой умъ, не обладала способностями къ государственному управленію. Да и женская слабость дала себя чувствовать. Очень быстро оказалось, что во главѣ огромнаго, но мало устроен-

наго государства сталъ любовникъ Елены, безпутный и вздорный чело-
вѣкъ-князь Телепневъ-Оболенскій. Все это лишь обострило недовольство,
постоянно чувствовавшееся среди первостепеннаго боярства и обойден-
ныхъ членовъ царскаго дома. Елена отвѣчала на эти неудовольствія
жестокими репрессіями. Она заточила въ тюрьму своего родного дядю и
Юрія, брата своего покойнаго мужа. Другой деверь ея, Андрей, также
попалъ въ искусно разставленную ловушку и кончилъ дни своей жизни
въ московской тюрьмѣ; тридцать его сторонниковъ погибли на вѣселищахъ,
разставленныхъ по дорогамъ отъ Москвы до Новгорода, сочувствовавшего,

Общій видъ Александровской слободы. (Изъ книги Якова Улефельда:
„Hodoeporicon Ruthenicum“).

повидимому, несчастному князю Андрею. Внѣшніе враги, — Польша и татары, — старались использовать эти внутреннія нестроения московскаго государства. Положеніе становилось труднымъ. Смерть, — возможно, насильственная, — вывела Елену изъ этихъ затрудненій. Умирая, Елена оставляла круглымъ сиротою восьмилѣтняго царевича Ивана, который переходилъ на попеченіе бояръ, захватившихъ правленіе въ свои руки.

Оболенскій исчезъ въ подземной тюрьмѣ. Во главѣ правительства стали Шуйскіе, потомки Александра Невскаго и члены болѣе старшей вѣтви дома Рюриковичей, чѣмъ сами московскіе князья. Поднявшись къ самому московскому престолу, они во всю ширь развернули свое честолюбіе и какъ бы торопились наверстать время за всѣ тѣ униженія, которыя для нихъ были неизбѣжны въ процессѣ паденія удѣльнаго права. Плохо приходилось царевичу Ивану въ этой придворной обстановкѣ. Съ горечью вспоминалъ въпослѣдствіи Иванъ Грозный въ письмѣ къ Курбскому объ этихъ годахъ: „Отъ юности единое воспоминаю: намъ бо въ юности дѣтство играюще, а кн. Ив. Вас. Шуйскій сѣдитъ на лавкѣ, локтемъ опершися отца нашего о постелю, ногу положивъ къ намъ... И

таковой гордыни кто можетъ понести?... А казну дѣда и отца нашей безчисленную себѣ поймава, и въ той нашей казнѣ исковава сосуды златы и сребрены, и имена на нихъ родителей своихъ подпасава, а всѣмъ людемъ вѣдомо, при матери нашей у князя Ив. Шуйска шуба была мухояръ зеленъ на кунцахъ, да и тѣ вѣтки: коли бо тогда было старина, ино лучше бы шубу перемѣнити“... „Какой нужды потерпѣлись мы въ одеждѣ и пищѣ!“ восклицаетъ съ упрекомъ онъ дальше.

Бояре, конечно, внимательно слѣдили, чтобы никто не завоевалъ привязанностей молодого князя и не могъ направить его на путь борьбы съ боярскимъ своеволіемъ. Вотъ почему безцеремонно и насильственно они устраняли изъ дворца всякаго, къ кому князь началъ проявлять хотя бы малѣйшую привязанность. Такъ была удалена изъ дворца любимая кормилица князя Ивана. Такъ подвергся побоямъ на глазахъ самого князя его любимецъ Воронцевъ и затѣмъ отправленъ въ ссылку. Въ дворцовыхъ покояхъ оскорбляли даже митрополита. Дикія сцены разыгрывались нерѣдко и между боярами, которые неохотно уступали первое мѣсто Шуйскимъ. И, дѣйствительно, одно время Шуйскіе были свергнуты Бѣльскими, которымъ опять-таки пришлось отступить передъ напоромъ Шуйскихъ же. На вершинахъ управленія воцарилась анархія. Не лучше было и въ мѣстномъ управленіи. Ставленники Шуйскихъ безчинствовали и безобразничали, „какъ лютые звѣри“. Жители во многихъ городахъ разбѣгались.

О царѣ—мальчикѣ при такихъ условіяхъ, конечно, никто не заботился. Онъ росъ, впитывая въ свою чуткую и впечатлительную дѣтскую душу, жестокіе дворцовые нравы, которые, впрочемъ, находили себѣ поддержку въ чрезвычайной общей грубости. Вотъ страничка изъ нравовъ того времени („Иванъ Грозный“ Валишевскаго стр. 133 и слѣд.). „Кромѣ бань, общественная жизнь сосредоточивалась на пирахъ... Обыкновенно ѣли вдвоемъ съ одного блюда, брали куски пальцами, а кости складывали на тарелки, которыя только для этого и служили и не смѣнялись въ теченіи всей трапезы. Хозяинъ раздавалъ хлѣбъ и соль и посылалъ нѣкоторымъ знатымъ гостямъ лучшіе куски. Количество перемѣнъ было невообразимо, и продолжительность пира, въ соединеніи съ необыкновеннымъ приготовленіемъ многихъ блюдъ, приправленныхъ лукомъ и чеснокомъ, съ запахомъ гнилой рыбы, наполнявшимъ воздухъ, со множествомъ обязательныхъ возліяній и, наконецъ, съ непристойными выходками большинства гостей, становилась для иностранцевъ совершенно невыносимой. Случалось, что даже женщинъ, пировавшихъ отдѣльно, развозили по домамъ безъ сознанія. У людей набожныхъ молитвенные обряды страннымъ образомъ примѣшивались къ попойкамъ: духовенство, приглашенное и посаженное на почетное мѣсто, платило за угощеніе молитвами и разными обрядами, благословленіемъ блюдъ и питья, кажденіемъ ладана по всѣмъ комнатамъ дома... Во время пира пѣли молитвы. Въ прихожей кормили нищихъ: нѣкоторыхъ даже сажали за столъ. Въ иныхъ домахъ, напротивъ, пиръ переходилъ въ оргію. Раскрывались двери терема, появлялись женщины. Музыканты и скоморохи забавляли гостей. Раздавались непристойныя пѣсни.

„Медвѣдь игралъ большую роль въ московской жизни того времени. По-своему артистъ, онъ не только былъ наученъ всевозможнымъ проделкамъ, но фигурировалъ, какъ главное лицо, въ разныхъ роляхъ комическаго репертуара, очень любимого толпою... Но ему случалось выступать

Тогда и отдалъ я въ трагической роли. Тогда любили физическія упражненія и борьбу изъ всѣхъ родовъ... Но больше всего любили травлю медвѣдя собаками, лей свѣтилъ борьбу его съ другими звѣрями и, особенно, съ человѣкомъ. Вооруженный Ив. Шенный рогатиной, человѣкъ старался вонзить се въ грудь своему ужасному противнику въ ту минуту, когда звѣрь поднимался на заднія лапы. Стоило „Какой въ промахнуться, и ему грозила опасность быть разорваннымъ на куски, съ упрекомъ что и случалось нерѣдко...

Дела чести также рѣшались съ помощью кулачной и палочной расправы; прибѣгать въ этомъ случаѣ къ мечу не было въ обычаѣ. Этого достаточно, чтобы понять, насколько грубъ и дикъ былъ этотъ формирующійся социальный строй“.

Царь Иоаннъ IV Грозный просить игумена Кирилла (Кирилло-Вязозерскаго монастыря) благословить его въ монахи. Съ карт. К. В. Лебедева.

Немудрено, что при такой обстановкѣ дурныя наклонности молодого царя стали усиливаться и расширяться. Онъ очень рано началъ на потѣху себѣ выбрасывать изъ оконъ высокихъ теремовъ животныхъ, забавляясь ихъ страданіями. Бояре не только не останавливали юношу, но еще поощряли. Они хвалили и подбадривали его, когда онъ затѣмъ съ толпою своихъ сверстниковъ сталъ набрасываться на коня на толпы беззащитныхъ людей и тѣшиться испугомъ разбѣжавшихся и стономъ ушибленныхъ и раздавленныхъ.

Но если во внутренней жизни дворца бояре и проявляли полное неуваженіе къ ребенку, великому князю, то во всѣхъ парадныхъ случаяхъ, когда онъ выступалъ передъ народомъ или иностранными послами, какъ великій князь, они высказывали передъ нимъ все свое раболѣпіе. Кромѣ того, Иванъ Васильевичъ зналъ, что все въ государствѣ творится его именемъ. Всѣ эти противорѣчія и всѣ эти обиды заставляли пытливаго и умнаго ребенка глубоко задумываться надъ своимъ положеніемъ. Въ этомъ же направленіи дѣйствовали и книги, къ которымъ онъ обратился уже въ

ранней молодости. „Ивана,—разсказываетъ проф. Ключевскій,—училъ грамотѣ, вѣроятно, такъ же, какъ учили его предковъ, какъ вообще учили грамотѣ въ древней Руси, заставляя твердить Часословъ и Псалтирь съ безконечнымъ повтореніемъ за до в ѣ, прежде пройденнаго. Изреченія изъ этихъ книгъ затверживались механически и на всю жизнь вѣшались въ память. Кажется, дѣтская мысль Ивана рано начала проникать въ это механическое зубреніе Часослова и Псалтиря. Здѣсь онъ встрѣчалъ строки о царѣ и царствѣ, о помазанникѣ Божіемъ, о нечестивыхъ совѣтникахъ, о блаженномъ мужѣ, который не ходитъ на ихъ совѣтъ и т. п. Съ тѣхъ поръ, какъ сталъ Иванъ понимать свое сиротское положеніе и думать объ отношеніяхъ своихъ къ окружающимъ, эти строки должны были живо затрогивать его вниманіе. Онъ понималъ эти библейскіе афоризмы посвоему, прилагая ихъ къ себѣ, къ своему положенію. Они давали ему прямые и желанные отвѣты на вопросы, какіе возбуждались въ его головѣ житейскими столкновеніями, подсказывали нравственное оправданіе тому чувству злости, какое вызывали въ немъ эти столкновенія. Легко понять, какіе быстрые успѣхи въ изученіи св. Писанія долженъ былъ сдѣлать Иванъ, примѣняя къ своей экзегетикѣ такой нервный, субъективный методъ, изучая и толкуя слово Божіе подъ диктовку раздраженнаго, капризнаго чувства. Съ тѣхъ поръ книги должны были стать любимымъ предметомъ его занятій. Отъ Псалтиря онъ перешелъ къ другимъ частямъ Писанія. Перечиталъ много, что могъ достать изъ тогдашняго книжнаго запаса, вращавшагося въ русскомъ читающемъ обществѣ. Это былъ начатнѣйшій москвичъ XVI вѣка. Не даромъ современники называли его „словесной мудрости риторомъ“... Вездѣ находилъ онъ и отмѣчалъ одни и тѣ же мысли и образы, которые отвѣчали его настроенію, вторили его собственнымъ думамъ. Онъ читалъ и перечитывалъ любимыя мѣста, и они неизгладимо вѣшались въ его память... Такъ рано зародилось въ головѣ Ивана политическое размышленіе, занятіе, котораго не знали его московскіе предки, ни среди дѣтскихъ игръ, ни въ дѣловыхъ заботахъ зрѣлаго возраста. Кажется, это занятіе шло втихомолку, тайкомъ отъ окружающихъ, которые долго не догадывались, въ какую сторону направлена встревоженная мысль молодого государя, и, вѣроятно, не одобрили бы его усидчиваго вниманія къ книгамъ, если бы догадались“...

А между тѣмъ жизнь начала довольно рано давать боярамъ предостереженія. Всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вышерассказаннаго случая съ Воронцовымъ, тринадцатилѣтній Иванъ велѣлъ своимъ псарямъ схватить Шуйскаго, перваго боярина того времени. Псари, исполняя приказаніе великаго князя, настолько переусердствовали, что задушили порученнаго имъ боярина. Иванъ одобрилъ поведеніе своихъ псарей. Это событіе заставило бояръ относиться къ Ивану Васильевичу съ большей осторожностью, и они съ угодливостью стали исполнять все его прихоти и затѣи. Да и самъ Иванъ Васильевичъ съ этихъ поръ сталъ постоянно поддерживать страхъ среди бояръ: время отъ времени онъ налагалъ тяжелыя наказанія на тѣхъ или другихъ изъ своихъ приближенныхъ или снова возвращалъ свои милости инымъ изъ наказанныхъ. Государственными дѣлами онъ и теперь не занимался, отдаваясь пирушкамъ и другимъ развлеченіямъ, иногда грубымъ и жестокимъ. Онъ даже не любилъ, чтобы къ нему обращались съ какими-либо жалобами. Такъ, въ маѣ 1546 г., когда царь охотился въ окрестностяхъ Коломны, его дорогу преградилъ вооруженный отрядъ пищальниковъ новгородскихъ, которые явились къ нему съ какою-то жалобой. Иванъ, мало разбиравшійся въ

практическихъ вопросахъ управленія, просто на просто приказать своей свитѣ разогнать новгородцевъ. Тѣ стали сопротивляться: началось побоище и даже перестрѣлка. Иванъ по природѣ не отличался храбростію, да къ тому же еще ребенкомъ онъ былъ крайне перепуганъ во время одной изъ дворцовыхъ свалокъ и съ тѣхъ поръ отличался крайней нервной впечатлительностію, благодаря чему при всякой тревогѣ совершенно терялъ голову. Когда началось побоище съ новгородскими пищальниками, Иванъ ускакалъ, сломя голову, при чемъ воображеніе нарисовало ему цѣлый заговоръ. Угодливые бояре, которымъ было поручено разслѣдованіе этого дѣла, поспѣшили ложно подтвердить эти предположенія великаго князя и втянуть въ мнимый заговоръ цѣлый рядъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, изъ которыхъ многимъ пришлось сложить свои головы на плахѣ.

Между тѣмъ великій князь задумалъ жениться. Есть основанія думать, что первоначально Иванъ Васильевичъ хотѣлъ породниться съ какимъ-нибудь царскимъ домомъ въ Западной Европѣ. По крайней мѣрѣ, еще въ 1543 г. въ Польшу было отправлено посольство, которое должно было наемкнуть при польскомъ дворѣ, что русскому великому князю пришло время подумать о женитьбѣ. Сватовство это, однако, не имѣло успѣха, какъ не имѣло и при другихъ дворахъ, къ которымъ, повидимому, осторожно обращался Иванъ Васильевичъ съ тою же цѣлю. Надо помнить, что „Иванъ IV“, говоря словами проф. Ключевского, „былъ первый изъ московскихъ государей, который узрѣлъ и живо почувствовалъ въ себѣ царя въ настоящемъ библейскомъ смыслѣ помазанника Божія“. Какъ тяжелы должны были быть для него подобнаго рода отказы! Тогда Иванъ Васильевичъ рѣшилъ жениться на русской дѣвушкѣ. Онъ даже и доводы для этого подыскалъ. „Если я возьму себѣ жену изъ чужой земли“,— говорилъ онъ митрополиту,— „и въ нравахъ мы не сойдемся, то между нами дурное житіе будетъ, потому хочу жениться въ своемъ государствѣ, у кого Богъ дастъ, по твоему благословенію!“ Но объявляя боярамъ эту свою волю, Иванъ Васильевичъ вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ имъ, что онъ желаетъ „исполнить чинъ“, т. е. сѣсть не на великое княженіе, какъ его предки, а на царство и, такимъ образомъ, принять титулъ, котораго его предшественники формально не носили.

Вѣнчаніе на царство съ величайшей торжественностію было совершено 16 января 1547 года. Въ то же время было приступлено къ поискамъ за царской невѣстой. Къ князьямъ и боярамъ во всѣ области была разслана грамота такого содержанія: „Когда къ вамъ эта наша грамота придетъ, и у которыхъ изъ васъ будутъ дочери-невѣсты, то вы бы съ ними сейчасъ же ѣхали въ городъ къ нашимъ намѣстникамъ на смотръ; а дочерей-дѣвицъ у себя ни подѣ какимъ видомъ не таили бы. Кто же изъ васъ дочь-дѣвицу утаитъ и къ намѣстникамъ нашимъ не повезетъ, тому быть отъ меня великой опалѣ и казни. Грамоту пересылайте между собой сами, не задерживая ни часу“... Этотъ приемъ не былъ новинкой въ московскомъ государствѣ. Предшественники Ивана Васильевича охотно прибѣгали къ такому „смотру невѣстъ“, съ которымъ была хорошо знакома еще Византія. Такимъ путемъ была выбрана первая жена Ивана Васильевича—Анастасія, происходившая изъ стариннаго русскаго боярскаго рода. Бракъ былъ совершенъ 3 февраля 1547 года. Однако, женитьба не измѣнила права Ивана Васильевича: онъ продолжалъ свою прежнюю разгульную жизнь.

12 апрѣля 1547 г., т. е. приблизительно черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы Ивана Грознаго, въ Москвѣ начались пожары страшной силы

Особенно памятнымъ былъ день 24-го іюня, когда огонь охватилъ Кремль, Китай-городъ, Большой посадь, и вся столица представляла собой огромный пылающій костеръ, временами скрывавшійся подъ тучами густого дыма. Отъ жара каменныя зданія разваливались, желѣзо накалялось до красна, какъ въ печи; начались взрывы пороха, хранившагося въ Кремлѣ, грохотъ которыхъ примѣшивался къ реву обезумѣвшей толпы и свисту бури. Въ Успенскомъ соборѣ едва не задохся молившійся тамъ митрополитъ. Царь уѣхалъ съ вельможами на Воробьевы горы. Пожаръ принесъ полное разореніе тысячамъ семействъ, но объ нихъ никто не думалъ. Въ народѣ начался ропотъ. Появились темныя слухи, что въ поджогахъ виноваты Глинскіе—царская родня: Анна Глинская „вынимала де сердца изъ мертвыхъ, клала въ воду и кропила всѣ улицы Москвы“. Для суе-

Бояринъ Морозовъ и Грозный.
(Изъ князя Серебрянаго).

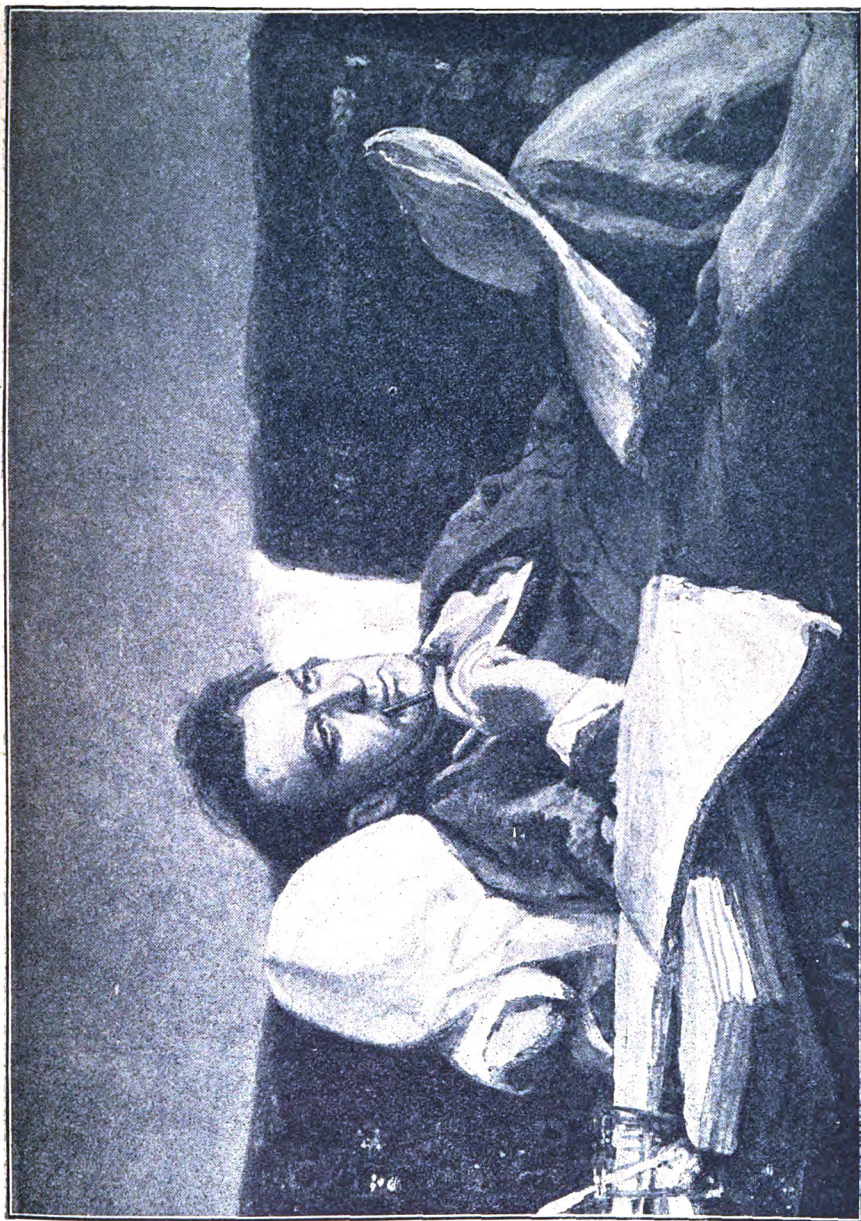
вѣрнаго того времени подобныхъ слуховъ было вполне достаточно для того, чтобы поднять толпу. Глинскій, дядя царя, былъ убитъ въ церкви. Бушующая толпа проникла къ дворцу на Воробьевыхъ горахъ. Говорятъ, что въ этотъ критическій моментъ явился протопопъ Сильвестръ, который сумѣлъ сильной рѣчью произвести глубокое впечатлѣніе на царя. Другіе историки считаютъ подобное объясненіе неправдоподобнымъ. Какъ бы то ни было, но этотъ пожаръ и это волненіе народныхъ массъ выбили Іоанна изъ его прежней колеи и заставили серьезно заняться государственными дѣлами. Дѣйствительно, два три года спустя послѣ этихъ проис-

шествій (время точно не установлено) мы видимъ Ивана на Красной Площади въ Москвѣ передъ собраннымъ имъ Земскимъ Соборомъ, къ которому онъ обращается съ искусной рѣчью, окончившейся слѣдующимъ обращеніемъ къ митрополиту: „Молю тебя, святой владыко, будь мнѣ помощникъ и любви поборникъ, знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желаешь. Вѣдаешь самъ, что я послѣ отца своего остался 4-хъ лѣтъ, послѣ матери—8; родственники о мнѣ не брегли, а сильныя бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли, и самовластны были, сами себѣ саны и почести похитили моимъ именемъ, и во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ упражнялись, азъ же, яко глухъ, и не слышахъ и не имый въ устахъ своихъ облегченій. О, неправедные лихоимцы и хищники, и судьи неправедные! Какой теперь дадите намъ отвѣтъ, что многія слезы воздвигли на себя? Я же чистъ отъ крови сей; ожидайте воздаянія сего“...

Для того, чтобы понять, какъ слѣдуетъ, что такое представляла собой эта неслыханная до того на Руси мѣра—созывъ Земскаго Собора, намъ необходимо остановиться на тѣхъ важнѣйшихъ реформахъ, которыя въ

ия“.

хватилъ Кня
ла собой
тучама
наказали
гося въ Кня
лы и се
тамъ митр
жаръ при
е думалъ
ь поджи
ла де сур
т“. Для
мени по
ло впе
того, что
Глинк
убить
ая по
ду на
Говор
теск
поль
суд
овзв
на д
чита
недр
бы
тожа
дн
ль
заст
гост
Дь
гол
он
ной
из
т
ст
во
а
и
и

Глинка въ періодъ сочиненія Руслана.—Картина И. Е. Рѣпина.—Третьяковская галлерей.

Всѣ слова и сѣмѣя мои
въ нѣмъ и въ родѣхъ твоихъ

ближайшіе послѣ того годы были произведены Іоанномъ, опиравшимся въ своихъ дѣйствіяхъ на „избранную раду“, совѣтъ новыхъ приближенныхъ, насчитывавшихъ въ своихъ рядахъ на первыхъ мѣстахъ Сильвестра и Адашева.

Главнѣйшей реформой этого періода была, конечно, земская реформа. Къ ней московское государство, впрочемъ, начало подготавливаться еще задолго до Іоанна Грознаго, которому въ этомъ отношеніи безспорно принадлежитъ, впрочемъ, послѣднее слово. Изъ всѣхъ способовъ, которые московское государство практиковало въ дѣлѣ вознагражденія за военную и придворную службу, уже давно особенно значительныя неудобства начало приносить такъ называемое кормленіе, которое состояло въ томъ, что тотъ или другой придворный или военный чинъ получалъ опредѣленную территорию, уплачивавшую ему за его административныя хлопоты извѣстныя суммы денегъ или доставлявшую опредѣленное количество продуктовъ. Неудобства, простиравшіяся изъ такого порядка вещей, были многочисленны. Прежде всего сильно страдала военная служба, которая въ жизни московскаго государства всегда выдвигалась на первый планъ. Во-вторыхъ, дѣлу управленія значительно мѣшали тотъ крайній произволъ, который кормленщики допускали по отношенію къ предоставленной ему области, что вызывало безконечныя жалобы и множество судебныхъ дѣлъ. Эти обстоятельства заставили правительство сначала ограничить произволъ кормленщиковъ установкой таксы „кормовъ“ и переводомъ ихъ съ натуральной формы на денежную, а затѣмъ организаціей контроля надъ кормленщиками, какъ со стороны населенія, такъ и со стороны высшихъ государственныхъ учреждений. Паліативы эти помогали, однако, мало, и ко времени Івана Грознаго окончательно созрѣла мысль передать, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія судебныя и фискальныя функціи кормленщиковъ самому населенію, т. е. поручить эти функціи выборнымъ отъ населенія. Несмотря на то, что правительство само смотрѣло на такую замѣну кормленщиковъ выборными отъ мѣстнаго населенія, какъ на милость, и предоставляло эту льготу лишь тѣмъ общинамъ, которыя соглашались оплачивать ее особымъ добавочнымъ налогомъ, несмотря на то, что эта мѣра, дѣйствительно, представляла извѣстныя выгоды для мѣстнаго населенія, она тѣмъ не менѣе служила не столько мѣстнымъ нуждамъ, сколько общегосударственнымъ, а потому по прежнему способствовала развитію централистическихъ стремленій, проходящихъ красной нитью во всей дѣятельности московскаго государства. Эти выборные, слѣдовательно, являлись особаго рода государственнымъ чиновничествомъ.

Открытіе перваго земскаго собора.

Но если государственная централизація отъ этой земской реформы не пострадала въ смыслѣ непосредственной зависимости этихъ чиновниковъ отъ центральной власти, то связь этихъ отдѣльных мѣстныхъ земскихъ мировъ съ ихъ излюбленными старостами и вѣрными головами ослабла въ очень значительной степени. Царь Иванъ хорошо понималъ невыгоды подобнаго расчлененія страны въ административномъ и судебномъ отношеніи и выдвинулъ новый политическій органъ, получившій названіе Земскаго Собора, въ которомъ центральное правительство могло приходиться въ непосредственное соприкосновеніе съ наиболѣе опытными и дѣтельными элементами служилаго класса, заполнявшими обыкновенно кадры столичнаго чиновничества. „Такія совѣщанія“,—говоритъ проф. Ключевскій,—„устроились для выработки общаго постановленія по особо важнымъ вопросамъ государственной жизни и для принятія членами Собора отвѣстнаго круговаго ручательства въ исполненіи соборнаго приговора“. Такимъ образомъ, ничего аналогичнаго съ народнымъ представительствомъ на Западѣ эти Земскіе Соборы не имѣютъ, но тѣмъ не менѣе, какъ самая земская реформа, такъ и земскіе соборы представляли значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ государственнаго строительства и обнаруживаютъ у Ивана Грознаго зоркій политическій умъ.

Изъ мѣръ, разработанныхъ Иваномъ совместно съ земскимъ соборомъ и послѣдовавшимъ за нимъ духовнымъ соборомъ, слѣдуетъ упомянуть слѣдующія: запрещеніе мѣстническихъ счетовъ во время походовъ, упорядоченіе въ многихъ отношеніяхъ судопроизводства, рядъ постановленій, предназначенныхъ для урегулированія церковныхъ дѣлъ, находившихся въ крайне плачевномъ состояніи. Все это было въ высшей степени своевременно и все это должно быть зачислено въ несомнѣнный активъ царю Ивану Грозному, какъ политическому дѣятелю.

Одновременно съ этой реформаторской кипучей дѣятельностью, Иванъ Грозный продолжалъ завоевательную политику, завѣщанную ему его предшественниками. И въ этомъ отношеніи первыя выступленія царя Ивана были блестящими. Первый его военный походъ былъ направленъ на казанскихъ татаръ,—часть Золотой Орды, сложившуюся въ самостоятельное государство и неоднократно досаждавшую московскому государству набѣгами и грабежами. Къ движенію на сильную Казань московское государство подготовлялось въ теченіи многихъ лѣтъ еще до Ивана Грознаго. Самъ царь Иванъ водилъ свои войска въ 1548 и 1549 г. на Казань, хотя за эти походы ему и не удалось достичь сколько-нибудь значительныхъ результатовъ, если не считать города Свияжска, поставленнаго во время втораго изъ этихъ походовъ на мѣстѣ слиянія рѣкъ Свияги и Волги. Внутренніе раздоры ослабляли Казань изъ года въ годъ; въ самой столицѣ казанскаго царства была сильная московская партія; казалось, что царю Ивану предстоитъ одержать великую безкровную побѣду надъ казанскимъ царствомъ. Однако, смерть хана Сафа-Гирея кореннымъ образомъ измѣнила положеніе московскаго государства на восточной границѣ, и Иванъ Васильевичъ съ ближайшими своими совѣтниками рѣшилъ нанести казанскому царству рѣшительный ударъ, что было дѣломъ нелегкимъ и потребовало колоссальнаго напряженія силъ страны. Главнымъ кадромъ вооруженныхъ силъ и при Иванѣ Васильевичѣ составляли служилые люди. Но рядомъ съ ними стояла рать, настоящій зачатокъ регулярнаго войска. Рать набиралась уже не изъ рядовъ служилаго класса, не изъ воинскаго сословія, а получалась путемъ набора, т. е. изъ тѣхъ пѣшихъ и конныхъ людей, которыхъ должны были выставить въ опредѣленномъ количествѣ

каждый городъ, область или уѣздъ. Правда, это въ большинствѣ случаевъ были элементы не дисциплинированные и совершенно неопытные въ военномъ дѣлѣ, которыхъ обыкновенно употребляли для земляныхъ работъ или для приготовления воинскихъ припасовъ, но тѣмъ не менѣе все же это былъ первый узелъ, изъ котораго позднѣе выросла въ русское общество громадная и сложная ткань регулярнаго войска. Но реформаторская жилка царя Ивана дала себя почувствовать и въ дѣлѣ подготовки къ казанскому походу. Въ этомъ походѣ впервые (1552 г.), мы встречаемся со стрѣльцами. Въ стрѣлецкомъ войскѣ Иванъ Васильевичъ дѣлаетъ уже исполнѣ опредѣленный и явный шагъ къ реализаціи, — хотя бы частичной, — плана созданія постоянныхъ войскъ. Стрѣльцы представляли собой стрѣлковъ изъ пищалей; они набирались изъ людей свободныхъ сословій; служба ихъ была пожизненной, а впоследствии стала даже и наследственной; обмундировка ихъ была уже европейскаго покроя. Они получали отъ казны жалованье и натурой платье, порохъ и нѣкоторое количество муки съ крупую, а позднѣе и надѣлъ землею. Въ мирное время имъ разрѣшалось заниматься промыслами. Организуя стрѣльцовъ Иванъ Васильевичъ не забылъ артиллерійскаго дѣла, начало котораго относится ко времени Ивана III, когда иноземные литейщики начали выливать пушки и въ Москвѣ. При Иванѣ IV артиллерійское дѣло было поставлено очень хорошо и сумѣло усвоить всѣ новинки европейской техники. Какъ же велико было войско, съ которымъ Иванъ IV двинулся подъ стѣны страшной Казани? Принимая во вниманіе, что большую часть войска пришлось оставить для охраны границъ, которыя съ юга какъ разъ подверглись набѣгу крымскихъ татаръ, можно допустить, что въ войскѣ Ивана Васильевича было не больше 30.000 человекъ (и едва-ли 150 пушекъ). Въ такомъ случаѣ войско русскаго царя не было многочисленнѣе войска казанскаго хана, засѣвшего за деревянными стѣнами и земляными укрѣпленіями и рѣшившагося на отчаянное сопротивленіе.

Первые приступы русскихъ войскъ отбиты. Дѣло грозило затянуться до зимы, что было бы равносильно для русскихъ безусловному проигрышу кампаніи. Въ сентябрѣ осаждающему войску пришлось вытерпѣть страшнѣйшую бурю, которая разбросала множество шатровъ и потопила не мало судовъ, съ русскимъ провіантомъ. Мы позволимъ себѣ привести живое описаніе этой осады, данное г. Валишевскимъ.

„Осажденные ликовали. Съ высоты укрѣпленій, которыхъ никакъ не могла пробить артиллерія Ивана, они уже издѣвались надъ „бѣлымъ царемъ“. Съ безстыдными тѣлодвиженіями, обернувшись задомъ къ нему и подымая платье, они кричали ему дерзко, по словамъ лѣтописи: „Гляди, царь! Такъ-то ты возьмешь Казань!“ Они дико кривлялись и испускали страшные вопли, какъ бы заклиная; суевѣрныя души русскихъ были смущены этимъ страннымъ зрѣлищемъ.

„Но Иванъ не упалъ духомъ. Чародѣйство татаръ вызывало страшные ливни; онъ велѣлъ привезти изъ Москвы чудотворный крестъ, съ которымъ пришла и ясная погода. Татары искусно поддерживали свои укрѣпленія; царь прибѣгъ къ иноземнымъ размышламъ, которые при помощи огромныхъ сооружений усилили дѣйствіе стрѣльбы и ускорили развязку. Народное воображеніе разукрасило эту осаду: она превратилась въ нѣчто подобное взятію Трои. Оно заставило Ивана провести очень и очень не мало времени, подъ стѣнами татарской столицы. На самомъ дѣлѣ, уже въ концѣ сентября, пушечный огонь достаточно подготовилъ почву; поэтому рѣшено было начать настоящій приступъ. Онъ открылся 2-го

октября 1552 г. Побѣда, обезпеченная заранѣе, была уже въ рукахъ наступающихъ; но Иванъ, дотолѣ проявлявшій твердость и рѣшимость, на этотъ разъ оказался не на высотѣ. Войска привыкли уже повиноваться его собственнымъ приказаніямъ. Его боялись, и потому слушались его безпрекословно. Теперь полки шли одни: напрасно искали Ивана въ члѣ его рати. Вождь исчезъ; остался лишь Рюриковичъ. Онъ бѣжалъ опасности, сторонился отъ кровавой сѣчи и медлилъ, припадая къ алтарю съ горячими молитвами. На зарѣ князь Михаилъ Воротынской готовился взорвать послѣднія укрѣпленія Казани. Въ это время, въ церкви, устроенной среди русскаго стана, шло торжественное богослуженіе. Преданіе говоритъ, что успѣхъ русскихъ подкоповъ подъ стѣны Казани обнаруживался въ соотвѣтствіи съ самыми торжественными моментами православной обѣдни.

Праздничный обѣдъ въ Александровской слободѣ. Съ правой стороны царя сидитъ старшій его сынъ Іоаннъ.

Изъ книги Іакова Улефельда: „Nodoeporicon Ruthenicum“.

Когда діаконъ провозгласилъ: „покорити подъ нозі его всякаго врага и супостата“, раздался первый взрывъ; за возгласомъ: „и будетъ едино стадо и единъ пастырь“—послѣдовалъ новый взрывъ, сильнѣе прежняго. Но діакона и размыслы сдѣлали свое дѣло; теперь нужно было ворваться въ брешь. Въ воздухѣ свистѣли стрѣлы и пули. Призывы христіанскаго Бога и Магомета смѣшивались среди сѣчи. Къ царю прискакалъ, задыхаясь, бояринъ: „Государь! Время тебѣ ѣхать; полки ждутъ тебя“... Но Иванъ важно отвѣтствовалъ ему словами изъ священнаго писанія. Люди его времени и развитія хранили въ памяти неистощимый запасъ подобныхъ цитатъ. Весьма кстати приведенный имъ текстъ говорилъ о пользѣ долгихъ молитвъ. Иванъ не тронулся съ мѣста. Прибѣжалъ новый гонецъ съ болѣе тревожными вѣстями. Наступающія войска ослабѣваютъ; татары опять берутъ верхъ; царю необходимо во что бы то ни стало появиться

во главѣ русскихъ силъ... Иванъ испустилъ глубокий вздохъ; обильныя слезы полились изъ глазъ его; громкимъ голосомъ онъ возвалъ къ небу о помощи...

„Въ образѣ дѣйствій молодого царя ясно сказывался характеръ русской природы. Конечно, многое зависѣло здѣсь и отъ той исключительной нервности, которой, какъ мы знаемъ, отличался самъ Иванъ. Была ли то трусость? Отнюдь нѣтъ. Скоро этотъ же человѣкъ, не взирая на страшную ненависть окружающихъ, будетъ тиранически, огнемъ и мечемъ, подчинять ихъ своей несокрушимой волѣ; двадцать лѣтъ подрядъ будетъ онъ неуклонно преслѣдовать свою задачу, пренебрегая слабостью, злобой или предательствомъ самыхъ близкихъ къ себѣ людей. Нѣтъ, глава опричнины не былъ и не могъ быть трусомъ по природѣ. Иванъ, просто, былъ достойнымъ преемникомъ князей Московскихъ, собравшихъ великую землю русскую—но не на полѣ битвы, не доблестными подвигами храбрости. Они добились этого темными средствами всяческихъ козней, торгашества и скопидомства; они творили чудеса—но только терпѣнія, хитрости, геройской выносливости подъ гнетомъ всяческихъ униженій. Съ другой стороны, Иванъ много перенялъ отъ прежнихъ властителей русской земли, пришедшихъ съ Востока. Они научили его этой азіатской нѣгѣ, презрѣнію къ тѣлеснымъ усилямъ, высокоумному безстрастію. Сражаться, наносить удары, самому подвергаться ихъ опасности? о нѣтъ, это не было дѣломъ царя, какъ они его понимали. Для этого у властелина есть рабы. Самому ему остается повелѣвать, посылать людей на гибель и молиться.

„Однако, бояре, окружавшіе Ивана, иначе понимали его обязанности. Вполнѣ возможно, что кто-нибудь изъ нихъ пытался и силою вовлечь государя въ битву... Но прежде Ивану нужно было приложиться къ чудотворной иконѣ Сергія; прежде онъ долженъ былъ выпить священной воды, съѣсть кусокъ просфоры, принять благословеніе духовника, держать рѣчь къ духовенству, просить его о прощеніи и благословеніи... Вѣдь онъ шелъ „пострадать за вѣру православную“. Послѣ этого, наконецъ, царь сѣлъ на коня.

„Битва приходила къ концу, и нечего было бояться возврата къ нападенію со стороны осажденныхъ. Но даже теперь, по свидѣтельству очевидца Курбскаго, противъ достовѣрности котораго Грозный не рѣшался возражать, лишь съ извѣстнымъ трудомъ удалось заставить царя двинуться впередъ: для этого бояре должны были взять его лошадь подъ уздцы...

„Уже московскіе стяги развѣвались надъ стѣнами и первыя колонны наступающихъ проникли въ городъ. Началась рѣзня. Шесть тысячъ татаръ напрасно пытались спастись вбродъ черезъ Казанку въ окрестности города. Иванъ не думалъ прекращать убійства. Въ то время даже на Западѣ городъ, захваченный приступомъ, обрекался на смерть. Только женщины и дѣти были пощажены и взяты въ плѣнъ. Послѣ этого, подъ пѣніе молитвы: „Тебя Господи хвалимъ“, царь водрузилъ своими руками большой крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ теченіе битвы развѣвался стягъ послѣдняго хана Казани“...

Такъ совершилось одно изъ величайшихъ приобрѣтеній, сдѣланныхъ московскимъ государствомъ. Прежде, всего съ покореніемъ казанскаго царства оно освободилось отъ опаснаго сосѣда, который постоянно держалъ въ напряженіи восточныя его границы. Съ завоеваніемъ казанскаго царства, далѣе, открывался свободный путь на востокъ, къ Уралу и въ Сибирь, а также на юго-востокъ. И, дѣйствительно, вслѣдъ за Казанью были покорены и башкиры, среди которыхъ былъ построенъ городъ Уфа.

Въ 1557 г. безъ особаго напряженія силъ московское государство захватываетъ Астрахань и съ этого момента Волга, на всемъ своемъ огромномъ протяженіи отъ истоковъ до устья, становится русской рѣкой. На устьѣ Волги московское государство теперь приходитъ въ живыя сношенія съ множествомъ мелкихъ кавказскихъ князьковъ, сильно страдавшихъ отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Эти новые сосѣди сильно разсчитывали на то, что могучее государство только что такъ блестяще справившееся съ сильнымъ казанскимъ царствомъ, не откажется отъ наступательной политики и по отношенію къ крымскому хану. Все было сдѣлано для того, чтобы втянуть Ивана Васильевича въ походъ на Крымъ. Среди бояръ было много сторонниковъ этой войны, но Иванъ IV своимъ зоркимъ политическимъ взглядомъ правильно оцѣнилъ положеніе вещей: Крымъ отдѣлялся отъ московскихъ границъ огромными незаселенными степями, и у Москвы не хватило бы ни средствъ, ни людей, чтобы удержать это новое завоеваніе. Въ это время Иванъ ставитъ передъ собой другую болѣе важную и неотложную для русской земли задачу, которая оказалась посильной только Петру Великому послѣ доброй сотни лѣтъ жизни и роста страны: пробиться къ берегамъ Балтійскаго моря и стать на нихъ твердой ногой. Это привело Ивана Васильевича къ затяжной и трудной Ливонской войнѣ.

Но прежде, чѣмъ говорить объ этой войнѣ, мы должны остановиться на развитіи событій во внутренней жизни московскаго государства. Едва Казань была взята, какъ Иванъ Васильевичъ заторопился въ Москву, гдѣ онъ оставилъ свою любимую жену, которая должна была въ скоромъ времени разрѣшиться отъ бремени. Но бояре протестовали противъ такого скорого отъѣзда государя изъ только что завоеванной страны. Послѣдовавшіе за тѣмъ мятежи, едва не стоившіе намъ потери всего казанскаго царства, показали, что бояре въ этомъ отношеніи стояли на совершенно правильной точкѣ зрѣнія. Но Иванъ Васильевичъ ничего и слышать не хотѣлъ. Несмотря на крайнее бездорожье, онъ двинулся въ Москву, сохраняя, вѣроятно, въ душѣ сильное раздраженіе противъ бояръ, которые уже не первый разъ такъ опредѣленно шли противъ его желаній и настроеній. По дорогѣ въ Москву Иванъ Васильевичъ, къ величайшей своей радости, узнаетъ о рожденіи сына Дмитрія.

Эти неудовольствія противъ бояръ, однако, не повели еще къ разрыву съ „избранной радой“. Это чувство неудовольствія „избранной радой“, однако, усилилось въ скоромъ времени, и вотъ по какому поводу. Въ 1553 г. Иванъ Васильевичъ сильно заболѣлъ. Опасаясь смерти, онъ объявилъ своимъ наслѣдникамъ своего единственнаго сына Дмитрія. Передача престола отъ отца къ старшему сыну еще не сдѣлалась достаточно прочнымъ обычаемъ въ московскомъ государствѣ. Иванъ Васильевичъ хотѣлъ по этому закрѣпить свою волю тѣмъ или другимъ общественнымъ актомъ. Онъ нашелъ для этого наиболѣе удобнымъ заставить бояръ присягнуть при себѣ назначенному имъ наслѣднику престола. И, дѣйствительно, опасенія царя Ивана не были напрасными. Едва былъ поставленъ вопросъ о престолонаслѣдіи, какъ въ силу удѣльнаго права, не истребленнаго еще окончательно жизнью, заявилъ свои права на престолъ двоюродный братъ царя Владиміръ Андреевичъ. Большинство бояръ, на глазахъ больного царя, перешло на сторону новаго претендента, при чемъ бояре дѣйствовали такъ, очевидно, подъ вліяніемъ своихъ мѣстническихъ счетовъ, которые не позволяли многимъ изъ нихъ служить Захарьинымъ, роднѣ царевича Дмитрія, ихъ будущаго повелителя. Іоаннъ, привыкшій

в своихъ мысляхъ такъ высоко ставить свою царскую волю, былъ глубоко оскорбленъ подобнымъ поведеніемъ бояръ. Онъ пробовалъ грозить: „кого же думаете избрать въ цари, отказываясь цѣловать крестъ на имя

Царь Іоаннъ Грозный и его мамка. Съ карт. проф. К. В. Венига.

моего сына?.. Не имѣю силъ говорить много,--но Димитрій и въ колыбели есть для васъ самодержецъ законный... Если не имѣете совѣсти, будете отвѣчать Богу“... Бояре не только упорствовали, но у самой постели

больного царя вступали въ грубую перебранку другъ съ другомъ, отравлять можетъ, послѣднія минуты тяжело больного человѣка. Иванъ Васильвичъ снова пытается убѣдить бояръ. Черезъ силу онъ говоритъ имъ: „Въ послѣдній разъ требую отъ васъ присяги. Цѣдуйте крестъ передъ моими ближними боярами, князьями Мстиславскимъ и Воротынскимъ: я не въ силахъ быть того свидѣтелемъ. А вы, уже давшіе клятву умереть за меня и за сына моего, вспомните оную, когда меня не будетъ; не допустите вѣроломныхъ извести царевича; спасите его, бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ укажетъ вамъ путь!.. А вы, Захарьины, чего ужасаетесь? Поздно падить вамъ мятежныхъ бояръ: они не пощадаютъ васъ: вы будете первыми мертвецами. И такъ, явите мужество; умрите великодушно за моего сына и за мать его; не дайте жены моей на поруганіе измѣнникамъ!“ Вотъ какими мрачными мыслями была преисполнена душа царя на смертномъ одрѣ. Такія минуты не легко изглаживаются послѣдующей жизнью. Царь выздоровѣлъ, но онъ не позабылъ того, что боярство такъ легко могло выйти изъ его воли, что такой присягѣ, которую оно въ концѣ концовъ принесло, нельзя было вѣрить, — да и вообще можно ли вѣрить боярству, когда даже Сильвестръ и Адашевъ, люди, къ которымъ онъ относился съ большимъ довѣріемъ, политично держались во всемъ этомъ спорѣ нейтралитета.

Затѣмъ событія продолжали неизмѣнно нарастать все въ томъ же самомъ направленіи. Свое выздоровленіе Иванъ Васильвичъ приписывалъ тому обѣту, который онъ далъ во время болѣзни, посѣтить монастырь Св. Кирилла Бѣлозерскаго вмѣстѣ съ царицею и сыномъ. „Сіе отдаленное путешествіе“, — рассказывалъ Карамзинъ, точно слѣдуя указаніямъ документовъ, — „казалось нѣкоторымъ изъ его ближнихъ совѣтниковъ неблагоразумнымъ: представляли ему, что онъ еще не совсѣмъ укрѣпился въ силахъ; что дорога можетъ быть вредна и для младенца Димитрія; что важныя дѣла, въ особенности бунты Казанскіе требуютъ его присутствія въ столицѣ. Государь не слушалъ сихъ представленій и поѣхалъ сперва въ обитель Св. Сергія. Тамъ, въ старости, тишинѣ и молитвѣ, жилъ славный Максимъ Грекъ. Царь посѣтилъ келію сего добродѣтельнаго мужа, который, бесѣдуя съ нимъ, началъ говорить о его путешествіи. „Государь! — сказалъ Максимъ, вѣроятно, по внушенію Іоанновыхъ совѣтниковъ: „пристойно ли тебѣ скитаться по дальнимъ монастырямъ съ юною супругой и съ младенцемъ? Обѣты неблагоразумные угодны ли Богу? Вездѣсущаго не должно искать только въ пустыняхъ: весь міръ исполненъ Его. Если желаешь изъяснить ревностную признательность къ Небесной благодати, то благотвори на престолѣ. Завоеваніе Казанскаго Царства, счастливое для Россіи, было гибелью для многихъ христіанъ; вдовы, сироты, матери избѣженныхъ льютъ слезы: утѣши ихъ своею милостію. Вотъ дѣло царское!“ Іоаннъ не хотѣлъ отмѣнить своего намѣренія. Тогда Максимъ, какъ увѣряютъ, велѣлъ сказать ему черезъ Алексѣя Адашева и князя Курбскаго, что царевичъ Димитрій будетъ жертвою его упрямства. Іоаннъ не испугался пророчества; поѣхалъ въ Дмитровъ въ Пѣсношскій Николаевскій монастырь, оттуда на судахъ Яхромо, Дубноу, Шексноу въ обитель Св. Кирилла и возвратился черезъ Ярославъ и Ростовъ въ Москву безъ сына; предсказаніе Максимово сбылось: Димитрій скончался въ дорогѣ. — Но важнѣйшимъ обстоятельствомъ сего, такъ называемаго Кириловскаго ѣзда было Іоанново свиданіе въ монастырѣ Пѣсношскомъ, на берегу Яхромы, съ бывшимъ Коломенскимъ Епископомъ Вассіаномъ, который пользовался нѣкогда

особенной милостью великаго князя Василя, но въ боярское время лишился епархіи за свое лукавство и жестокосердіе. Мاستитая старость не смягчила въ немъ души; склоняясь къ могилѣ, онъ питалъ еще мірскія страсти въ груди, злобу, ненависть къ боярамъ. Іоаннъ желалъ лично узнать челоѣка, заслужившаго довѣріе его родителя: говорилъ съ нимъ о временахъ Василя и требовалъ у него совѣта, какъ лучше править государствомъ. Бассіанъ отвѣтствовалъ ему на ухо: „если хочешь быть истиннымъ самодержцемъ, то не имѣй совѣтниковъ мудрѣ себя; держись правила, что ты долженъ учить, а не учиться; повелѣвать, а не слушаться. Тогда будешь твердъ на царствѣ и грозою вельможъ. Совѣтникъ, мудрѣйшій государя, неминуемо овладѣетъ имъ“. Сія ядовитыя слова проникли въ глубину Іоаннова сердца. Схвативъ и поцѣловавъ Бассіанову руку, онъ съ живостью сказалъ: самъ отецъ мой не далъ бы мнѣ лучшаго совѣта!...

Таково преданіе... И если описанной сцены въ дѣйствительности не было, то тѣ мысли, которыя преданіе приписываетъ здѣсь собесѣдникамъ, несомнѣнно могли или, вѣрнѣе сказать, должны были пронестись въ мозгу Іоанна послѣ того, какъ онъ настроился на подозрительный ладъ.

Чтобы повѣрить этому, достаточно вспомнить, какъ много онъ читалъ и какъ много думалъ о сущности и значеніи самодержавія. А между тѣмъ событія продолжали все больше и больше расширять пропасть, намѣтившуюся между царемъ и его боярами. Продолжительная поѣздка, во время которой онъ былъ предоставленъ самому себѣ, отучила его отъ докучливыхъ попеченій, которыми, окружала его „избранная рада“. А между тѣмъ эти попеченія подчасъ становились не только докучливыми, но и безтактными, особенно со стороны Сильвестра, челоѣка, какъ обрисовываетъ

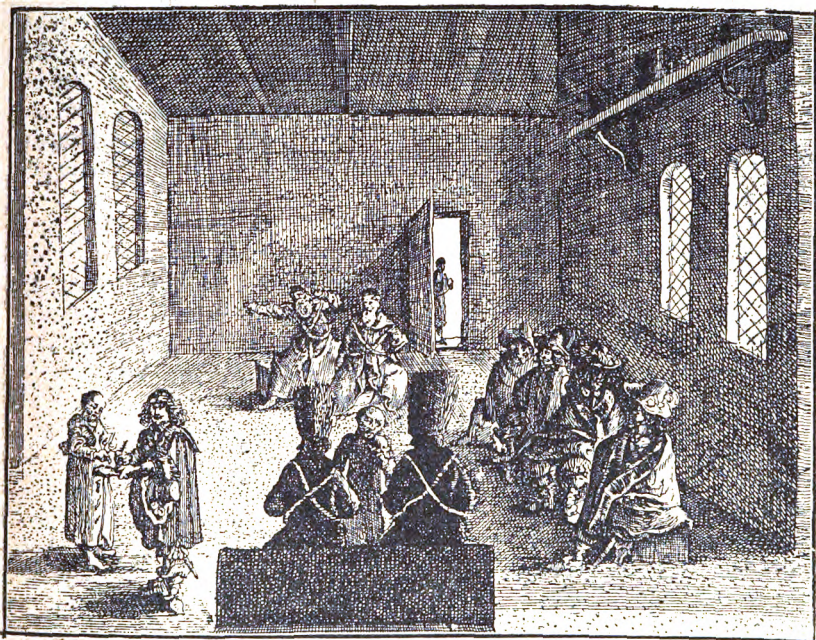
Выѣздъ московскаго царя.

его „Домострой“, тяжелаго и малосообразительнаго. Недаромъ Курбскій поминалъ въ послѣдствіи Іоанну о Сильвестрѣ: „повелѣвающе тебѣ въ мѣру ясти и пити и со царицею жити“... Эта мелочность начинаетъ мало-по-малу приводить царя въ ярость, и онъ своимъ злобнымъ и острымъ умомъ быстро вскрываетъ, а отчасти и преувеличиваетъ недостатки своихъ приближенныхъ. „Ради спасенія души моей, — писалъ онъ съ яростью Курбскому, — приблизилъ я къ себѣ Сильвестра, надѣясь, что онъ по своему сану и разуму будетъ мнѣ споспѣшникомъ во благѣ; но сей лукавый лицемѣръ, обольстивъ меня сладкорѣчіемъ, думалъ единственно о мірской власти и сдружился съ Адашевымъ, чтобы управлять царствомъ безъ Царя, ими презираемаго. Они снова вселили духъ своевольства въ

бояръ; роздали единомышленникамъ города и волости; сажали, кого хотѣли, въ Думу; заняли всѣ мѣста своими угодниками. Я былъ невольникомъ на тронѣ. Могу ли описать претерпѣнное мною въ сіи дни униженія и стыда? Какъ плѣнника влекутъ царя сквозь опасную землю непріятельскую и не падать ни здравія, ни жизни его; вымышляютъ дѣтскія страшила, чтобы привести въ ужасъ мою душу; велятъ мнѣ быть выше естества человѣческаго, запрещаютъ ѣздить по святымъ обителямъ, не дозволяютъ карать нѣмцевъ... Къ симъ беззаконіямъ присоединяется измѣна: когда я страдалъ въ тяжелой болѣзни, они, забывъ вѣрность и клятву, въ упоеніи самовласти хотѣли, мимо сына моего, взять инаго Царя, и не тронутые, не исправленные нашимъ великодушіемъ, въ жестокости сердець своихъ чѣмъ платили намъ за оное? Новыми оскорбленіями: ненавидѣли, злословили царицу Анастасію и во всемъ доброхотствовали князю Владиміру Андреевичу“...

Несомнѣнно, что уклончивое поведеніе Сильвестра и Адашева во время вышеописанной болѣзни царя вооружило противъ нихъ не только Іоанна, но и царицу Анастасію, имѣвшую все же нѣкоторое вліяніе на царя и теперь невольно способствовавшую нарастанію недовольства у царя противъ бояръ. Неожиданная смерть Анастасіи (1559 г.) еще сильнѣе обострила отрицательныя стороны характера царя Ивана... А измѣны боярскія все чаще и чаще становятся горькимъ политическимъ фактомъ, а не плодомъ раздраженнаго воображенія неуравновѣшеннаго психически царя. Во второй половинѣ пятидесятихъ годовъ XVI вѣка бѣгство московскаго боярства принимаетъ необычайные размѣры. Въ этомъ эмиграціонномъ движеніи начали принимать участіе наиболѣе выдающіеся представители придворнаго боярства. Лѣтомъ 1554 года на дорогѣ въ Литву былъ схваченъ Никита Дмитріевичъ Ростовскій. Слѣдствіе обнаружило, что вся его семья съ обширной родней находилась въ сношеніяхъ съ Польшей. Бывали факты и похуже. Извѣстно, напр., что нѣкоторые бояре, подобно Мстиславскому, показывали татарамъ путь на Москву, что другіе, подобно Бѣльскому, предлагали свою помощь иноземнымъ врагамъ московскаго царства въ надеждѣ такимъ путемъ возстановить свое политическое вліяніе. Однако, отбрасывая въ сторону явно преступныя выступленія Бѣльскихъ и Мстиславскихъ, мы должны признать, что большинство бояръ, отъѣзжая въ Литву, осуществляло лишь свое традиціонное право отъѣзда, которое дошло до XVI вѣка изъ глубины удѣльнаго времени и противъ котораго жестокую борьбу начали уже предшественники Ивана Грознаго. Точно такъ же и претензіи бояръ на участіе въ управленіи страной имѣли глубокіе корни въ прошломъ. Не надо забывать того, что по мѣрѣ того, какъ московское государство превращалось мало-по-малу въ великорусское національное государство и захватывало одно удѣльное княжество за другимъ, бывшіе удѣльные князья, такіе же полномочные правители, какъ сами московскіе князья, а по своему происхожденію принадлежавшіе нерѣдко къ болѣе старымъ вѣтвямъ рюриковичей, чѣмъ московская линія, вынуждены были становиться въ ряды обыкновеннаго боярства. Конечно, они не могли такъ быстро утратить самовластныхъ замашекъ. Да къ тому же обычай, который побуждалъ царя совѣтоваться во всѣхъ важныхъ дѣлахъ со своими боярами, поддерживалъ фактическое участіе боярства въ управленіи страной. Уже предшественники Ивана Васильевича начали дѣлать попытки привести боярство въ болѣе покорное состояніе и съ этою цѣлью нерѣдко прибѣгали къ террористическимъ актамъ. Царь Иванъ довелъ тотъ-же эту борьбу до предѣловъ какой-то кровавой оргіи.

Этимъ онъ совершилъ огромную ошибку не только противъ челоѣчности вообще, но и противъ политическихъ задачъ своего времени. Онъ,—говоритъ проф. Ключевскій,—„неосторожно возбудилъ старый вопросъ объ отношеніи государя къ боярству,—вопросъ, котораго онъ не въ состояніи былъ разрѣшить и котораго потому не слѣдовало и возбуждать. Дѣло заключалось въ исторически-сложившемся противорѣчьи, въ несогласіи правительственнаго положенія и политическаго настроенія боярства съ характеромъ власти и политическимъ самосознаніемъ московскаго государя. Этотъ вопросъ былъ неразрѣшимъ для московскихъ людей XVI вѣка. Потому надобно было до поры до времени заминать его, сглаживая вызвавшее его противорѣчіе средствами благоразумной политики, а Иванъ хотѣлъ разомъ разрубить вопросъ, обостривъ самое противорѣчіе, своей односторонней политической теоріей поставивъ его ребромъ, какъ ставятъ

Пріемъ иностраннаго посольства въ Москвѣ въ XVI вѣкѣ.
(Съ рис. Олеарія).

тезисы на ученыхъ диспутахъ, принципиально, но непрактично. Усвоивъ себѣ чрезвычайно исключительную и нетерпѣливую, чисто-отвлеченную идею верховной власти, онъ рѣшилъ, что не можетъ править государствомъ, какъ правила его отецъ и дѣдъ, при содѣйствіи бояръ; но какъ иначе онъ долженъ править, этого онъ и самъ не могъ уяснить себѣ“...

Терроръ, какъ средство борьбы съ боярствомъ, впрочемъ, далеко не сразу былъ развернутъ царемъ. Одними изъ первыхъ жертвъ его террористическихъ выступленій были его прежніе любимцы: Сильвестръ и Адашевъ. Явное охлажденіе царя заставило ихъ удалиться отъ дворца. Послѣ смерти Анастасіи они были обвинены въ волхвованіяхъ, результатомъ которыхъ была смерть царицы. Адашевъ вскорѣ умеръ въ тюрьмѣ, Сильвестръ былъ заточенъ въ монастырь. вмѣстѣ съ тѣмъ казни были

преданы нѣкоторые друзья и родственники Адашева: нѣкая вдова полскаго происхожденія Марія Магдалина съ пятью сыновьями, братъ Адашева Данилъ съ двадцатилѣтнимъ сыномъ и тестемъ Туровымъ, три братьевъ Сатиныхъ и др. Это былъ первый фонтанъ живой крови. Въ то же время дворцовые нравы начинаютъ круто измѣняться въ сторону разгула и разврата. „Начали забавлять царя,—описываетъ Карамзинъ, близко слѣдовавшій источникамъ,—сперва бесѣдою пріятной, шутками а скоро и свѣтлыми пирами; напоминали другъ другу, что вино радуется сердцу, смѣялись, надъ старымъ обычаемъ умѣренности; называли постничество лицемѣремъ. Дворецъ уже казался тѣснымъ для сихъ шумныхъ сборищъ: юныхъ царевичей, брата Іоаннова Юрія и казанскаго царя Александра, перевели въ особенные дома. Ежедневно вымышлялись новыя потѣхи, игрища, на коихъ трезвость, самая важность, самая простотность считались непристойностью. Еще многіе бояре, сановники не могли вдругъ перемѣниться въ обычаяхъ; сидѣли за свѣтлою трапезою съ лицомъ туманнымъ, уклонялись отъ чаши, не пили и вздыхали; ихъ осмѣивали, унижали: лили имъ вино на голову“... Жертвой такого протеста палъ, между прочимъ, князь Михаилъ Рѣпининъ, убитый за то, что отказался на пиру надѣть маску, говоря: „Государю ли быть скоморохомъ? По крайней мѣрѣ я, бояринъ и совѣтникъ думы, безумствовать не могу“... Та же судьба постигла Юрія Кашина.

Но чѣмъ больше обогащался царскій дворъ кровью, тѣмъ быстрѣе увеличивалась боярская эмиграція, усиливавшая въ свою очередь раздраженіе царя. Послѣдней каплей въ этомъ отношеніи было, повидимому, бѣгство князя Курбскаго, одного изъ талантливейшихъ полководцевъ московскаго государства. Проигравъ случайно битву съ ливонцами и хорошо знакомый съ обычаями, установившимися при московскомъ дворѣ, онъ бѣжалъ къ польскому королю, принявшему весьма радушно знатнаго бѣглеца. Горечь этой измѣны выдающагося человѣка, который поднялъ даже оружіе противъ своей родины, усиливалась еще тѣмъ, что Курбскій своими письмами, написанными часто съ большимъ литературнымъ искусствомъ и подъемомъ, не давалъ Іоанну забыть этой одной изъ многихъ потерь своего двора и заставлялъ его отвѣчать крамольному боярину замѣчательными для того времени трактатами о сущности царской власти и о поведеніи окружающихъ его бояръ. вмѣстѣ съ тѣмъ Курбскій показываетъ намъ, съ какими значительными силами приходилось имѣть дѣло Іоанну, задумавшему смести боярство безъ слѣда, какъ политическую силу.

Казни стали обычнымъ явленіемъ при дворѣ Іоанна, проводившаго большую часть своего времени или въ пьянствѣ съ боярами или въ развратѣ въ своемъ гаремѣ, насчитывавшемъ до пятидесяти дѣвушекъ... Но Іоанну сдѣланный имъ размахъ борьбы представлялся совершенно недостаточнымъ. Пьяныя и разгульныя ночи, однако, еще не вытравили въ Іоаннѣ зоркаго политика. Онъ хорошо понималъ, что его кровавыя выступленія надъ боярствомъ возможны постольку, поскольку на его сторонѣ будутъ народныя массы. Надо, слѣдовательно, испытать эти народныя массы... Онъ хорошо также понималъ, что политически рыхлое, разрозненное и въ общемъ довольно вялое боярство можетъ, наконецъ, устроить дворцовую революцію. Нужно, слѣдовательно, и съ этой стороны въ достаточной мѣрѣ обезопасить себя; нужно организовать дворцовую жизнь на иныхъ началахъ... Все это обдумалъ царь Иванъ, все взвѣсилъ и все разыгралъ съ необычайной ловкостью.

„Въ московскомъ Кремлѣ, — рассказываетъ проф. Ключевскій, — случилось странное, небывалое событіе. Разъ въ концѣ 1564 г. тамъ появилось множество саней. Царь, ничего никому не говоря, собрался со всей своей семьей и съ нѣкоторыми придворными куда-то въ дальній путь, захватилъ съ собою утварь, иконы и кресты, платье и всю свою казну и выѣхалъ изъ столицы. Видно было, что это ни обычная богомольная, ни увесилительная поѣздка царя, а цѣлое переселеніе. Москва оставалась въ недоумѣніи, не догадываясь, что задумалъ хозяинъ. По-бывавъ у Троицы, царь со всѣмъ багажемъ остановился въ Александровской слободѣ: нынѣ это — Александровъ, уѣздный городъ Владимірской губ. Отсюда черезъ мѣсяцъ по отъѣздѣ царь прислалъ въ Москву двѣ грамоты. Въ одной, описавъ беззаконія боярскаго правленія въ свое малолѣтство, онъ клалъ свой государевъ гнѣвъ на все духовенство и бояръ, на всѣхъ служилыхъ и приказныхъ людей, поголовно обвиняя ихъ въ томъ, что они о государѣ, государствѣ и обо всемъ православномъ народѣ не радѣли, отъ враговъ ихъ не обороняли, напротивъ — сами притѣсняли христіанъ, расхищали казну и земли государевы, а духовенство покрывало виновныхъ, защищало ихъ, ходатайствуя за нихъ передъ государемъ. И вотъ царь, гласила грамота, „отъ великой жалости сердца“, не стерпѣвъ всѣхъ этихъ измѣнъ, покинулъ свое царство и пошелъ поселиться гдѣ-нибудь, гдѣ ему Богъ укажетъ. Это — какъ будто отреченіе отъ престола съ цѣлью испытать силу своей власти въ народѣ. Московскому простонародію, купцамъ и всѣмъ тяглымъ людямъ столицы царь прислалъ другую грамоту, которую имъ всенародно прочитали на площади. Здѣсь царь писалъ, чтобы они сомнѣнія не держали, что царской печали и гнѣва на нихъ нѣтъ. Все замерло, столица мгновенно прервала свои обычныя занятія: лавки закрылись, приказы опустѣли, пѣсни замолкли. Въ смятеніи и ужасѣ городъ завопилъ, прося митрополита, епископовъ и бояръ ѣхать въ слободу, бить челомъ государю, чтобы онъ не покидалъ государства. При этомъ простые люди кричали, чтобы государь вернулся на царство оборонять ихъ отъ волковъ и хищныхъ людей, а за государскихъ измѣнниковъ и лиходѣевъ они не стоятъ и сами ихъ истребятъ“...

Оборвемъ на минутку нить этого одного изъ великолѣпнѣйшихъ историческихъ описаній для того, чтобы дать отвѣтъ на вопросъ, почему же народныя массы оказались съ такой готовностью на сторонѣ царской власти. Правда, Иванъ IV своей не доведенной до конца земской реформой нѣсколько облегчилъ политическую пригнетенность нѣкоторыхъ классовъ народной массы. Но, съ другой стороны, онъ и увеличилъ эту же самую пригнетенность. При немъ процессъ закрѣпощенія крестьянства сдѣлалъ значительный шагъ впередъ. Обложеніе, вызванное непрерывными и тяжелыми войнами, въ конецъ разоряло крестьянство. Но народныя массы не могли возложить ответственность за эти тяготы на царскую власть, на центральное правительство; у нихъ былъ болѣе реальный врагъ, съ которымъ они приходили въ соприкосновеніе изо дня въ день, изъ часа въ часъ, — боярство, которому принадлежали огромныя пространства земли. По этому поводу г. Валишевскій указываетъ на слѣдующій фактъ: „Въ 1582 году крестьяне одной изъ областей польскихъ, предоставленныхъ Курбскому, открыто заявили жалобу на своего новаго господина. Конечно, они знали и другихъ господъ, у которыхъ имъ пожилось не сладко; но съ Курбскимъ они никакъ не могли примириться. Жалоба крестьянъ была признана справедливой. Но это было въ Польшѣ. Легко себѣ пред-

ставить, какъ пользовался своей властью тотъ же Курбскій, когда живъ еще на родинѣ и распоряжался судьбою бѣдныхъ мужиковъ въ своихъ родныхъ вотчинахъ! А, вѣдь, такихъ Курбскихъ были цѣлыя тысячи! И вѣдь, князь Андрей Михайловичъ былъ еще либераломъ и передовымъ человѣкомъ! Вотъ на этой ненависти народа къ притѣснителямъ-боярамъ и строилась популярность Ивана среди угнетенныхъ массъ“.

Но возвращаемся къ разсказу проф. Ключевского:

„Въ слободу отправилась депутація изъ высшаго духовенства, бояръ и приказныхъ людей съ архіепископомъ новгородскимъ Пименомъ во главѣ, сопровождаемая многими купцами и другими людьми, которые шли бить челомъ государю и плакаться, чтобы государь правилъ, какъ ему угодно, на всей своей государственной волѣ. Царь принялъ земское

Казнь въ Московской Руси.

челобитье, согласился воротиться на царство, „паки взять свои государства“, но на условіяхъ, которыя обѣщаль объявить послѣ. Черезъ нѣсколько времени, въ февралѣ 1565 г., царь торжественно воротился въ столицу и созвалъ государственный совѣтъ изъ бояръ и высшаго духовенства. Его здѣсь не узнали: небольшіе сѣрые проныцательные глаза погасли, всегда оживленное и привѣтливое лицо осунулось и высматривало нелюдимо, на головѣ и въ бородѣ отъ прежнихъ волосъ уцѣлѣли только остатки. Очевидно, два мѣсяца отсутствія царь провелъ въ страшномъ душевномъ состояніи, не зная, чѣмъ кончится его затѣя. Въ со-

вѣтъ онъ предложилъ условія, на которыхъ принималъ брошенную имъ власть. Условія эти состояли въ томъ, чтобы ему на измѣнниковъ своихъ и ослушниковъ опалы класть, имущество ихъ брать на себя въ казну, чтобы духовенство, бояре и приказные люди все это положили на его государственной волѣ, ему въ томъ не мѣшали. Царь какъ будто выпросилъ себя у государственнаго совѣта полицейскую диктатуру: своеобразная форма договора государя съ народомъ!“...

Иванъ Грозный приступаетъ теперь къ исполненію своего необычайнаго плана. Все московское государство онъ раздѣляетъ на двѣ части: опричину и земщину. Терминъ опричина былъ въ ходу еще задолго до Ивана Грознаго. Въ удѣльное время этимъ терминомъ обозначали особыя выдѣленные владѣнія, главнымъ образомъ—тѣ, которыя назначались въ полную собственность княгинямъ-вдовамъ и которыя такимъ образомъ рѣзко отличались отъ другихъ частей, назначаемыхъ лишь въ пожизненное пользованіе. Съ опричиной, слѣдовательно, царь какимъ-то особеннымъ образомъ хотѣлъ связать свою судьбу. Область опричины въ территоріальномъ отношеніи представляла сѣбѣ довольно прихотливо раз-

бросанныхъ городовъ (числомъ до 20) съ уѣздами и нѣсколькихъ отдѣльныхъ волостей. Эти земли были отведены на содержаніе опричниковъ и царскаго двора. Опричники, первоначально въ количествѣ 1000 человекъ, были отобраны изъ служилыхъ людей (число ихъ въ послѣдствіи возросло до 6000); всѣ они получили земли въ тѣхъ областяхъ, которыя царь выдѣлилъ себѣ отъ земщины. А такъ какъ многія изъ этихъ областей принадлежали къ стариннымъ русскимъ землямъ, издавна разобраннѣмъ боярами и другими служилыми людьми, то земли эти пришлось отобрать отъ старыхъ владѣльцевъ. Конечно, это обстоятельство не могло остановить рѣшенія Ивана Васильевича, и въ ту же зиму до 12000 этихъ наотчинниковъ и помѣщиковъ должны были отправляться изъ своихъ насижженныхъ мѣстъ на дальнія пустыя помѣстья, отведенныя имъ чуть не на границѣ государства. Опричники должны были находиться при государѣ и безпрекословно исполнять его волю. Въ Москвѣ на посадѣ, за стѣнами Бѣлаго города, за линіей нынѣшнихъ бульваровъ, имъ была отведена для жительства часть города. И тутъ жители должны были очистить мѣсто для новыхъ государевыхъ слугъ. Иванъ и самъ не остался въ кремлевскомъ дворцѣ. Онъ устроилъ себѣ новое жилище среди опричныхъ кварталовъ. Но въ Москву онъ теперь являлся рѣдко и „не на великое время“. Свое время онъ проводилъ главнымъ образомъ въ Александровской слободѣ, гдѣ быстро возведены были церкви, дворцы, дома для опричниковъ и правительственныхъ мѣстъ для управленія опричиной.

По мысли Ивана Васильевича опричники должны представлять что-то въ родѣ особаго ордена, члены котораго должны были отказываться отъ всякихъ мірскихъ привязанностей для того, чтобы цѣликомъ отдаться служенію государю. Опричники отличались отъ земщины не только территоріально, но и своимъ наружнымъ видомъ. Они носили черную одежду, ѣздили на черныхъ коняхъ, украшенныхъ черной сбруей, и при сѣдлѣ имѣли двѣ страшныхъ эмблемы своего достоинства: собачью голову и метлу, показывавшія ихъ назначеніе выслѣживать, вынюхивать и выметать измѣну государевыхъ враговъ. Особенно тѣсной въ этой организаціи должна была быть, по мысли Ивана Васильевича, та отборная часть опричины, которая сосредоточивалась въ Александровской слободѣ, куда никто не могъ проникнуть безъ спеціального разрѣшенія царя. Въ этомъ глухомъ убѣжищѣ, окруженномъ валами и рвами, затѣрянномъ среди непроходимыхъ лѣсовъ и со всѣхъ сторонъ загороженномъ безчисленными заставами, Иванъ Васильевичъ попытался организовать что-то въ родѣ кроваваго братства. Самъ царь и всѣ опричники носили монашескую одежду, усердно посѣщали всѣ службы, во время которыхъ нерѣдко совершались самыя жестокія дѣла, какія только могла выдумать фантазія безумца. Они жили по особому уставу, сочиненному самимъ царемъ. Во время трапезы своей братіи царь смиренно стоялъ и читалъ за аналоемъ поученія отцовъ церкви въ то время, когда вина лилась рѣкой, а яства смѣнялись одно другое.

Именно къ этому времени кровавый разгулъ царя и его половая разнузданность достигли послѣднихъ человѣческихъ предѣловъ. Мы не будемъ перечислять всѣхъ мрачныхъ подвиговъ этого человѣка, несомнѣнно страдавшаго тогда уже тяжелой формой психическаго расстройства. Для образчика мы остановимся только на одномъ характерномъ для Ивана IV эпизодѣ, — его карательной экспедиціи на Новгородъ, какъ она изложена въ интересномъ трудѣ г. Валишевскаго.

„Нѣкій Петръ, по прозванію Волынецъ, бродяга, имѣвшій непріятности съ новгородскими властями, донесъ на жителей: они-де готовы передаться Сигизмунду-Августу (польскому королю), и написанный договор хранится за иконой Пресвятой Богородицы въ храмѣ св. Софіи. До самаго XVIII вѣка на Руси охотно прибѣгали къ подобнаго рода тайникамъ. Петръ Волынецъ не заслуживалъ особаго довѣрія, но раньше повторявшіеся подобные случаи придавали его доносу нѣкоторое вѣроятіе. Волныи Новгородъ уже проявлялъ свое тяготѣніе къ Литвѣ и Польшѣ и, когда дѣло коснулось его независимости, формально сталъ подъ покровительство короля Казимира и выразилъ ему свою покорность. Дѣйствительно, вышеупомянутый документъ былъ найденъ въ указанномъ донощикомъ мѣстѣ, и на немъ стояли подинныя подписи архіепископа Пимена

Іоаннъ Грозный у гроба сына.

и многихъ именитыхъ гражданъ. Было начато слѣдствіе. Оно обнаружило сообщниковъ: между ними были нѣкоторые новые любимцы царя, какъ Басмановъ, казначей Фуниковъ и дьякъ Висковатый. Было задумано не болѣе, не менѣе, какъ предать Литвѣ Псковъ и Новгородъ, а затѣмъ съ помощью Польши посадить вмѣсто Ивана на московскій престолъ Владиміра...

„Царь нерѣдко постигалъ Новгородъ, и до этой поры его отношенія съ архіепископомъ и, вообще, духовенствомъ не оставляли желать ничего лучшаго. Пимень только что прогостилъ пятнадцать недѣль въ Мо-

сквѣ и увезъ съ собою довольно значительную сумму денегъ—даръ царя на обновленіе одного храма. Такимъ образомъ ничто не предвѣщало грозы, разразившейся надъ городомъ въ январѣ 1570 г. Въ студеное зимнее время Иванъ собрался какъ бы въ походъ, взявъ съ собою опричниковъ и цѣлое войско. Дѣйствительно, дѣло шло о военной экзекуціи, передъ которой должны были поблѣднѣть ужасныя воспоминанія о первомъ ливонскомъ походѣ. Она уже началась сейчасъ же на границѣ Тверской земли и повела за собою систематическій разгромъ всей области. На протяжении всего пути отъ Клина до Новгорода царь оставлялъ за собою пустыню. 2 января его передовые отряды показались подъ стѣнами города и со всѣхъ сторонъ его окружили. Пригородные монастыри были преданы разграбленію, и до 500 человѣкъ монаховъ уведены. На другой день опричники проникли въ городъ и собрали священниковъ и дьяконовъ всѣхъ церквей: послѣ этого всѣхъ ихъ, вмѣстѣ съ монахами, поставили на правѣжъ. Ихъ били ежедневно съ утра и до вечера, требуя по 20 р. (по 1,000 руб. на наши деньги) выкупа съ головы. Судя по документамъ, есть основаніе предполагать, что между ними нашлись кое-какіе счастливыя, избавившіеся отъ пытки этой цѣной. Другихъ ждала страшная

часть. Царскіе пристава въ то же время рыскали по домамъ и стогнали жителей за ограду, охраняемую войскомъ. 6 января, въ пятницу, былъ самъ Иванъ, съ нимъ его сынъ и пятьсотъ стрѣльцовъ, и первымъ его дѣломъ былъ приказъ бить палками до смерти всѣхъ монаховъ, стоявшихъ на правехъ. Трупы ихъ были развезены по монастырямъ и тамъ погребены.

„Наступалъ чередъ бѣлаго духовенства. Въ воскресенье, передъ обѣдой, архіепископъ вышелъ съ крестнымъ ходомъ навстрѣчу царю на мостъ черезъ Волховъ и собирався благословить его. Иванъ не принялъ благословенія и назвалъ его „волкомъ хищнымъ“. Тѣмъ не менѣе, онъ приказалъ ему служить обѣдню у св. Софіи. Какъ всегда, царь принялъ отъ епископа приглашеніе къ столу. Онъ казался веселымъ и кушалъ съ охотою, какъ вдругъ, среди трапезы, онъ громко вскрикнулъ. По этому знаку опричники быстро принялись исполнять то, что имъ было заранее приказано. Въ одно мгновеніе весь домъ архіепископа подвергся разгрому; съ него самого сорвали одежду и бросили его со всей челядью въ темницу: Въ слѣдующіе дни терроръ достигъ ужасающихъ размѣровъ. На главной городской площади было воздвигнуто подобіе трибунала, окруженное, какъ всегда, разнообразными орудіями пытокъ, и царь приступилъ къ быстрому суду. Горожанъ приводили сотнями, пытали, жгли на маломъ огнѣ, съ особо утонченными, повидимому, новыми приемами (поджоръ); затѣмъ почти всѣхъ приговаривали къ смерти и везли топить. Окровавленныхъ и трепещущихъ, ихъ привязывали къ санямъ и слѣскали по крутому откосу къ рѣчной быстринѣ, гдѣ никогда не замерзала Волховъ, и они погружались въ пучину. Топили младенцевъ, привязывая ихъ къ матерямъ, а опричники, съ пиками стоя на лодкахъ, смотрѣли, чтобы никто не спасся..

„Отвратительная рѣзня достигла самыхъ ужасающихъ размѣровъ, и когда Ивану некого было больше убивать, онъ обратилъ свою ярость на неодушевленные предметы. Онъ съ особымъ звѣрствомъ обрушился сначала на монастыри, гдѣ предполагалъ измѣну. Вѣроятно, по той же причинѣ онъ сталъ безпощадно уничтожать торговлю и промышленность большого города. Всѣ лавки въ самомъ городѣ и въ пригородахъ, въ которыхъ сосредоточилась вся торговая и промышленная жизнь, а за ними самые дома были разграблены и разрушены до основанія. Самъ царь присутствовалъ при этомъ, а опричники рыскали по окрестностямъ на 200—250 верстъ кругомъ, если вѣрить лѣтописцамъ, и вездѣ дѣлали то же самое.

„Наконецъ, когда уже нечего было разрушать, 13 января 1570 г., Иванъ приказалъ привести къ нему именитѣйшихъ новгородцевъ изъ оставшихся въ живыхъ, по столько-то съ каждой улицы. Ни живы, ни мертвы предстали они передъ государемъ, ожидая для себя неслыханныхъ казней. Но, противъ всякаго ожиданія, онъ взглянулъ на нихъ привѣтливымъ окомъ и, очевидно, успокоенный, обратился къ нимъ съ милостивой рѣчью: онъ предлагалъ имъ отбросить отнынѣ всякій страхъ и жить мирно, моля Бога о томъ, чтобы Онъ хранилъ царя отъ измѣнниковъ, подобныхъ Пимену.

„Такъ простился Грозный съ Новгородомъ. Онъ отбылъ въ тотъ же день и увезъ съ собою архіепископа и вмѣстѣ съ нимъ всѣхъ, священниковъ и дьяконовъ..

„Изъ Новгорода Иванъ двинулся къ Пскову. Онъ сталъ лагеремъ въ пригородѣ, и всю ночь напролетъ звонили колокола! Какое зловѣщее бодрствованіе! Однако же, на этотъ разъ наказаніе ограничилось общимъ

грабежомъ, и народное чувство приписало неожиданную милость царю заступничеству одного изъ блаженныхъ, которыми кишѣла тогда вся московская земля... Вѣришь, однако, что пресыщеннаго казнями Ивана обезоружила покорность жителей, хорошо обученныхъ воеводою. Но изъ Пскова, такъ же, какъ изъ Новгорода, многія семьи были переселены внутрь страны.

„Возвращаясь въ Москву, царь пожелалъ устроить себѣ торжественный вѣздъ въ столицу, какъ послѣ счастливаго похода. Къ чему онъ присоединилъ ради забавы шутовской маскарадъ, подобный тѣмъ, которые такъ любилъ впослѣдствіи Петръ Великій. Предшествуемый шутомъ, верхомъ на быкѣ, царь ѣхалъ во главѣ опричниковъ, украшенныхъ ихъ страшными знаками отличія—метлой и песьей головой. Затѣмъ онъ занялся разборомъ дѣла многочисленныхъ соучастниковъ новгородской и псковской измѣны. На это ушло немало времени, и только 25 іюля 1570 года

Іоаннъ Грозный и его сынъ. Картина И. Е. Рѣпина.

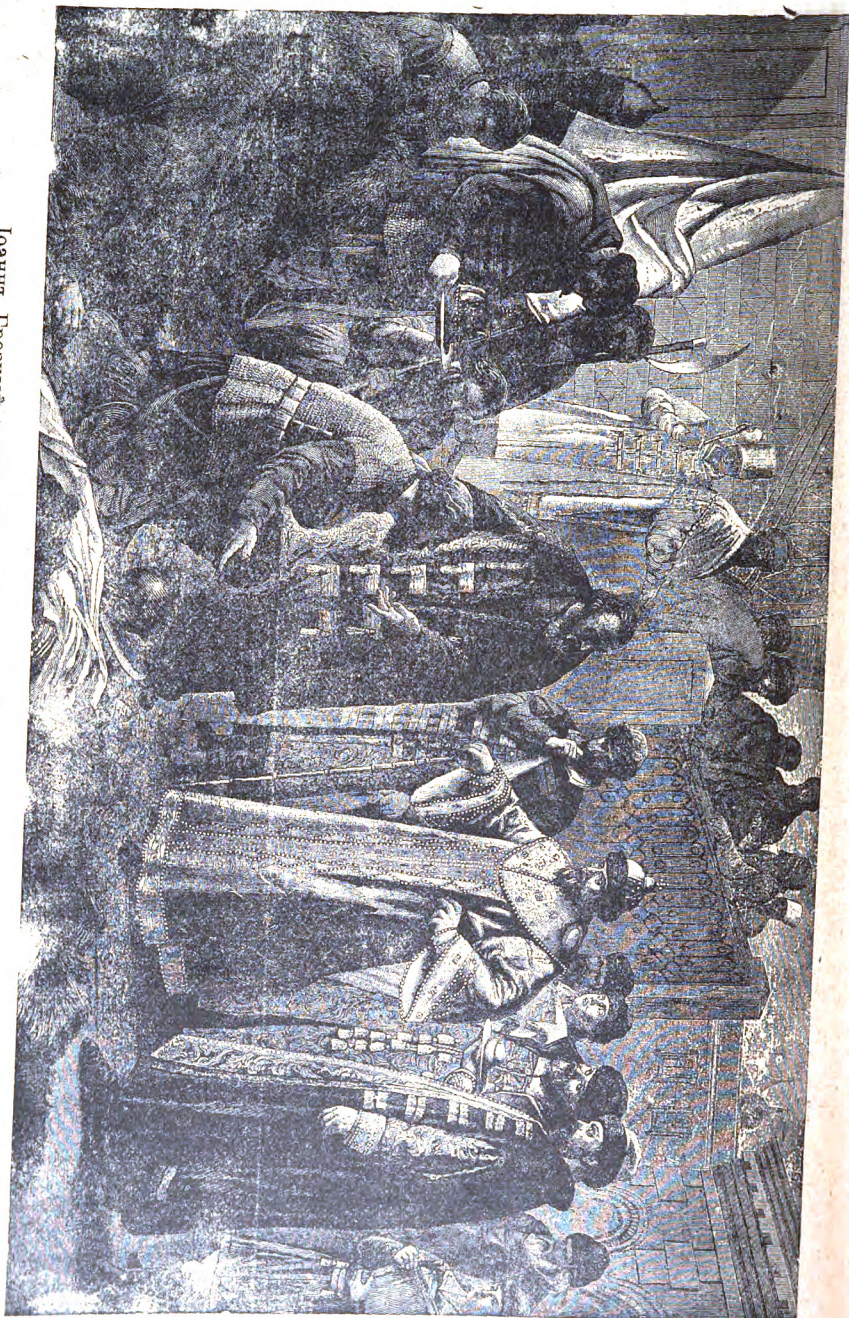
царь со своими подданными долженъ былъ присутствовать на Красной площади при пыткѣ виновныхъ. Ихъ насчитывалось до трехсотъ. Всѣ они еле живы вышли изъ застѣнка, замученные и истерзанные. Но, къ удивленію Ивана, площадь была пуста. Противъ обыкновенія, на этотъ разъ ничто не могло привлечь зрителей: ни жаровни, ни раскаленные до красна клещи, ни желѣзные когти и иглы, ни веревки, которыми перетирали пополамъ тѣла пытаемыхъ, ни котлы съ кипящей водой. Вплоть до самаго XVIII вѣка ни одно зрѣлище не привлекало въ Москвѣ и въ Петербургѣ такого стеченія любопытныхъ, какъ пытка; но въ послѣднее время оно повторялось слишкомъ часто, и слишкомъ многихъ доставала неумолимая рука палача. Всѣ стали прятаться. Царь былъ принужденъ разослать по городу глашатаевъ съ успокоительными рѣчами: „Сступайте! не бойтесь! никому ничего не будетъ“...

Во всемъ этомъ кошмарномъ событіи Иванъ встаетъ передъ нами со всѣми своими особенностями. Эта неутомимая подвижность, которая лишала его такъ часто сна и послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха гнала

на колокольню звонить къ заутренѣ, служить для врачей явнымъ показателемъ сильнаго разстройства нервной системы. О глубокихъ душевныхъ извращеніяхъ говорить также эта погоня во что бы то ни стало за сильными ощущеніями,—будетъ ли то пьянство, развратъ или мучительство людей. Такія возбужденія его какъ бы освѣжали. Послѣ самыхъ безобразныхъ пытокъ, которыми онъ любовался въ застѣнкахъ, онъ приходилъ веселымъ и радостнымъ. О связи половыхъ извращеній съ чрезвычайнымъ развитіемъ жестокости многое можетъ поразсказать современная психопатологія. Та же наука устанавливаетъ, что душевнобольные этого рода съ особенной охотой совершаютъ свои безстыдныя и безнравственныя дѣйствія на виду у другихъ. Ивану также нуженъ былъ въ этомъ отношеніи просторъ и зрители. Его разгулъ принималъ такія отвратительныя формы, что стѣны самого Кремля, много выдавашаго въ этомъ отношеніи, служили какъ бы укоромъ расходившемуся царю, и онъ покинулъ старые дворцы московскихъ князей. Мы видѣли, что казнь была ему не въ казнь, если не было достаточно зрителей. Да, Иванъ стоялъ на грани безумія, но все же онъ не былъ сумасшедшимъ. Посмотрите хотя бы на исторію съ новгородскимъ архіепископомъ Пименомъ: какъ тонко разрабатывала его мысль каждую форму мучительства. Для него было мало отрубить голову, повѣсить, отнять жизнь... Вѣдь это было бы простымъ повтореніемъ дѣйствительно сумасшедшаго Калигулы, мечтавшаго о томъ, чтобы все чело-вѣчество имѣло одну голову, и чтобы съ нимъ можно было покончить такимъ образомъ однимъ взмахомъ. Иванъ умѣлъ разработать каждый случай, интересовавшій его. Онъ умѣлъ усыпить, успокоить бдительность своей жертвы, и тутъ-то неожиданномъ поворотомъ поставить ее на самый край бездны, чтобы насладиться вдосталь ужасомъ, отчаяніемъ, недоумѣніемъ. Этотъ больной мозгъ, очевидно, все же работалъ исправно, все же умѣлъ сложными приемами достигать желанныхъ эффектовъ. Но можно ли въ этомъ отношеніи возложить всю отвѣтственность на Ивана? Конечно, нѣтъ! Не надо забывать духа времени. Даже духовная литература того времени была переполнена картинами и идеями этого рода, яркой иллюстраціей чего могутъ служить житія святыхъ того времени, достаточно нѣтъ изученныя. Человѣкъ еще мало научился видѣть въ другомъ себѣ подобнаго, понимать чужія радости и чужія страданія. Недаромъ же только излишества Ивана отучили московскую толпу отъ кровавыхъ зрѣлищъ на Лобномъ мѣстѣ. Даже въ тѣхъ жестокостяхъ, которыя Иванъ допускалъ въ своихъ войнахъ и карательныхъ экспедиціяхъ, онъ не стоялъ одиночкой. „Аналогичные факты,—говоритъ г. Валишевскій,—имѣли мѣсто приблизительно въ ту же эпоху на Западѣ. Возьмемъ, для примѣра, изъ десяти подобныхъ драмъ повѣствованіе о разгромѣ Льежа Карломъ Смѣлымъ въ 1468 г., при любезномъ содѣйствіи французскаго кузена. Можно подумать, что Иванъ былъ только подражателемъ. Мы читаемъ у Мишле: „Самое ужасное въ этомъ уничтоженіи этого племени было то, что это было не рѣзней послѣ приступа, яростью побѣдителя, а длительной экзекуціей. Находимыхъ въ домахъ людей сторожили, до времени охраняли, а затѣмъ по порядку и методически бросали въ Мезу. Прошло три мѣсяца, а людей все еще топили... И городъ былъ преданъ сожженію въ большомъ порядкѣ“. А вотъ что говоритъ Аври Мартенъ: „Женщинъ, монахинъ насилывали, а потомъ убивали, священниковъ убивали передъ алтаремъ... Всѣ плѣнники, которыхъ находили солдаты, были повѣшены или утоплены въ Мезѣ“... Копія, какъ двѣ

капли воды, походить на оригиналь; даже число жертвъ указано одно и то же—больше пятидесяти тысячъ. Даже сходна внѣшняя обстановка: рѣзня происходила тоже зимою, въ ноябрѣ и декабрѣ“...

Іоаннъ Грозный принимаетъ посольство Ермака. Съ карт. С. Расстриговаго.

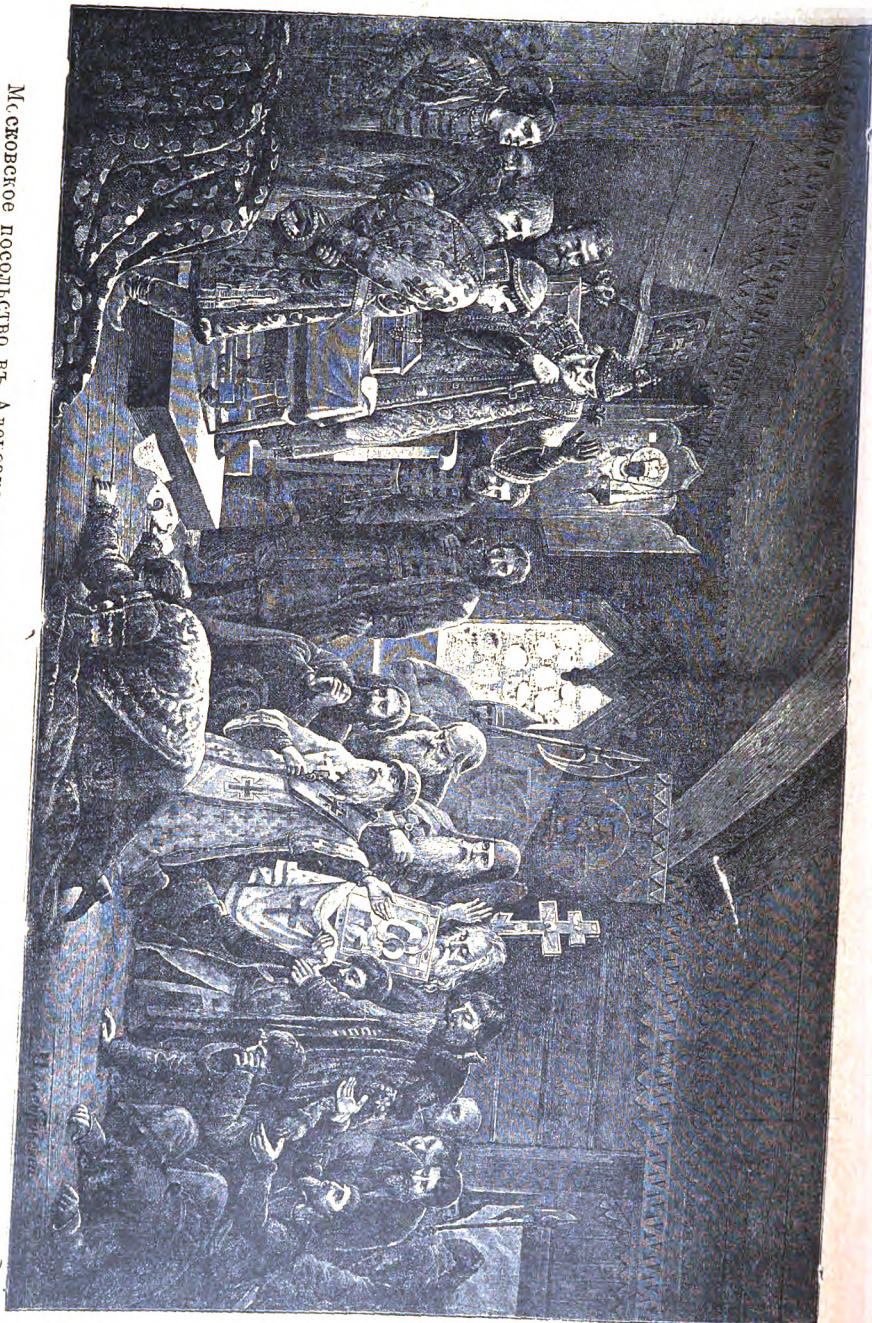
Обратимся теперь къ цѣли организаціи опричины. Отбросимъ излишества, отбросимъ отвратительныя средства, которыми достигались эти

цѣли и за которыя въ значительной степени долженъ нести отвѣтственность, какъ мы видѣли, и духъ времени; сосредоточимъ, повторяю, все наше вниманіе только на цѣляхъ, преслѣдуемыхъ опричиной. Чувствуется ли въ этихъ цѣляхъ только больной умъ царя Ивана? Не думаемъ. Опричина была направлена противъ боярства. Но развѣ боярство не было дѣйствительнымъ политическимъ зломъ, хотя, быть можетъ, и не разрѣшимымъ, какъ думаетъ проф. Ключевскій, въ тотъ историческій моментъ и, конечно, тѣми средствами борьбы съ личностями, а не съ классомъ, къ которымъ прибѣгалъ царь Иванъ? Конечно, было. При огромныхъ политическихъ притязаніяхъ боярство въ цѣломъ не обладало ни умомъ, ни выдержкой, ни образованіемъ. Исторія дала боярству полную возможность проявить свои политическіе таланты. Это было время дѣтства царя Ивана, регентства Елены Глинской. Что же дало боярство? Только анархію, только разгулъ личныхъ интересовъ и необузданной жадности. Съ того момента всѣ живыя силы страны отпрянули отъ боярства. Удаленіе боярства съ исторической сцены становилось задачей всякой разумной политики. Иванъ IV правильно нащупалъ эту задачу; онъ слишкомъ форсировалъ ее, онъ избралъ слишкомъ отвратительныя средства для достиженія намѣченной цѣли; это—другое дѣло, но задача, повторяемъ, была понята правильно. Не забудемъ, что боярство представляло собой не только политическую язву, но и язву социальную; вотъ почему своей грубой кровавой борьбой Иванъ IV заслужилъ въ памяти народной не имя Окаяннаго, какъ это случилось съ Святополкомъ, преслѣдовавшимъ также безъ малѣйшаго стѣсненія въ средствахъ лишь свои личные интересы. Пусть тотъ же Иванъ способствовалъ вольно или невольно появленію новой социальной язвы, но когда онъ направлялъ свои удары на вотчины бояръ, нельзя было сказать, что онъ этимъ шелъ противъ интересовъ народнаго развитія.

Правда, опричина до настоящаго время изучена все еще не въ достаточной степени, такъ какъ подлинныя историческіе документы, относящіеся къ ея организаціи, или не найдены, или не изучены исчерпывающимъ образомъ, а иностранцы,—современники Ивана IV,—не могли сообщить ничего интереснаго въ силу уже одного того, что отъ нихъ самымъ тщательнымъ образомъ скрывали самый фактъ опричины, а когда этого нельзя было сдѣлать, то просто-на-просто самымъ безцеремоннымъ образомъ отрицали наличность ея. Но насколько удалось выяснитъ самую сущность опричины, можно думать, что она была поставлена въ связь съ широко задуманной реформой финансоваго характера. Къ такому мнѣнію, по крайней мѣрѣ, склоняются такіе выдающіеся русскіе историки, какъ Милюковъ. У послѣдняго, напр., мы находимъ слѣдующія интересныя соображенія („Очерки по исторіи русской культуры“, ч. I, стр. 188): „Во времени Ивана IV вся создавшаяся система русскихъ учреждений (дѣло идетъ о стихійномъ нарастаніи приказовъ) должна была представлять очень пестрое зрѣлище. Она походила на жилое помѣщеніе, которое давно уже стало тѣснымъ для хозяина, на которое хозяинъ не хотѣлъ ломать, ограничиваясь всевозможными пристройками къ старому корпусу... Правительство Ивана IV рѣшило, наконецъ, снести этотъ старый корпусъ со всѣми пристройками и на мѣстѣ ихъ построило новое зданіе, болѣе помѣстительное и болѣе систематически расположенное. Прежде всего Иванъ IV впервые отдѣлилъ управленіе государственное отъ дворцоваго. Вѣдать дворцовыя земли продолжалъ по-старому „Большой дворецъ“. Всѣ же другія мѣстности государства поступили въ завѣдываніе вновь

созданнаго учрежденія, такъ называемаго „Большаго Прихода. Такъ какъ вѣдомство Большаго Прихода распространялось, за исключеніемъ дворцовыхъ земель, на всю старую территорію государства, то одному

Московское посольство въ Александрьеву слободу 1665 г. Съ рис. Целстронскаго (пом. въ „Нивѣ“).

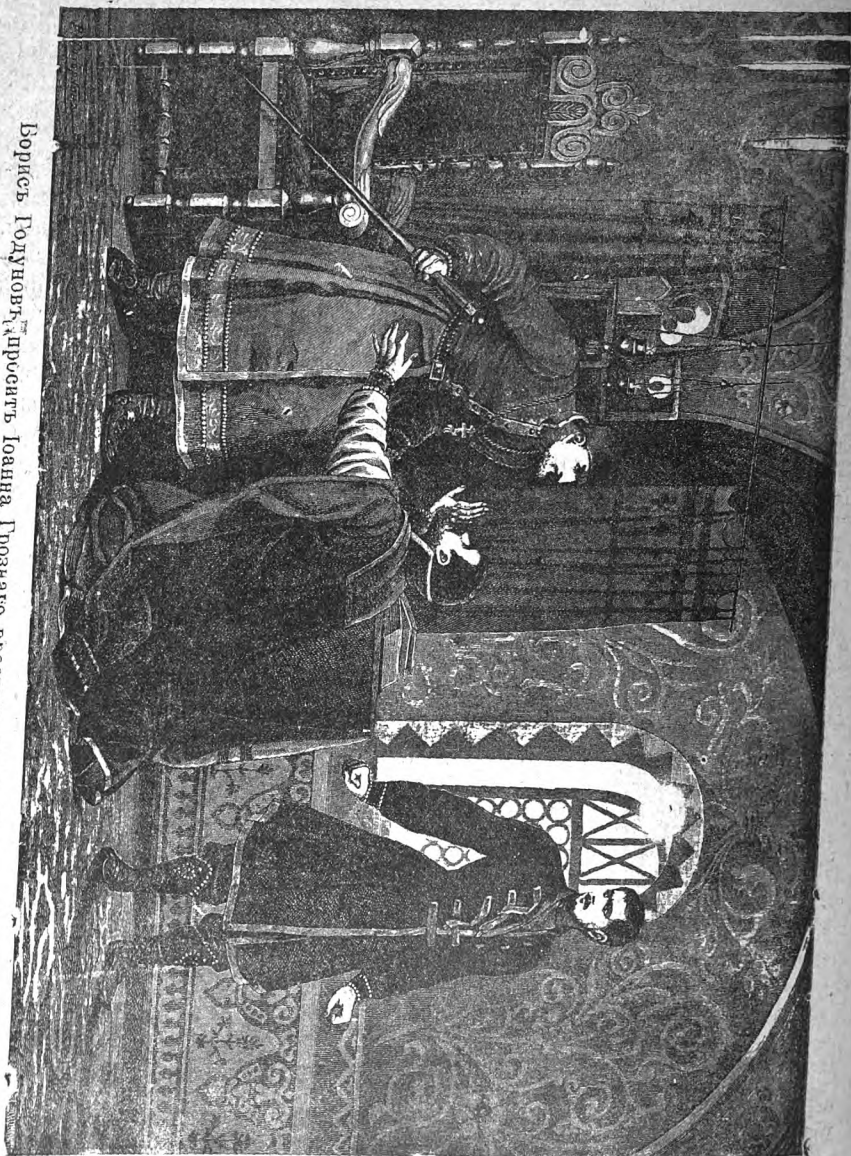
учрежденію справляться съ такимъ огромнымъ вѣдомствомъ было трудно. Для большей правильности управленія вѣдомство это было раздѣлено на

Природа
и
послѣдств
ства, то
четыре „четверти“, и каждая отдана въ завѣдываніе одному изъ самыхъ главныхъ „дьяковъ“, по-нашему—статскъ-секретарей государства. Къ каждой четверти были приписаны извѣстные города, такъ что территорія раздѣлилась на тѣ же четверти, получившія названія отъ главныхъ городовъ: Владиміра, Устюга, Галича, Новгорода—Владимірская, Устюжская, Галицкая и Новгородская четверть. Въ какой степени вся эта реорганизация была вызвана именно потребностями финансоваго управленія,—это видно изъ того, что новыя учрежденія предназначались, главнымъ образомъ, для взиманія податей, и все устройство „четвертей“ получило по преимуществу финансовый характеръ... Здѣсь мы подходимъ къ организациі опричины съ совершенно иной стороны—со стороны отдѣленія назрѣвшихъ государственныхъ нуждъ. Если въ этой организациі были ошибки, были злоупотребленія, то во всякомъ случаѣ въ основѣ лежала здоровая политическая мысль (чего стоитъ одно только отдѣленіе дворцовыхъ имуществъ отъ государственныхъ,—мысль, съ которой наши политическіе дѣятели не могли, какъ слѣдуетъ, справиться и долгое время послѣ Ивана Грознаго). Правда, реализація этой финансовой реформы получила довольно странныя формы по сравненію съ тѣмъ, что мы находимъ въ этомъ отношеніи на Западѣ. Но на это опять-таки были серьезныя политическія причины. „Не надо представлять себѣ,—говоритъ по этому поводу г. Милуковъ,—что четверти были какими-нибудь областями, въ родѣ губерній или генералъ-губернаторствъ. Города, входившіе въ составъ извѣстной четверти, были набраны изъ всѣхъ концовъ Россіи и самымъ пестрымъ образомъ перемѣшивались съ городами, попавшими въ вѣдомство другихъ четвертей. Каждый городъ сносился прямо съ Москвой, такъ что на мѣстѣ, въ области, никакого общаго управленія городами данной „четверти“ не существовало. Мы видимъ, значить, что это первое областное дѣленіе Россіи было совершенно искусственнымъ; правительство перетасовало города Россіи, какъ пришлось,—почти безъ всякаго соображенія съ ихъ взаимной географической близостью или съ ихъ прежней исторической связью. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ развитія нашихъ учреждений мы наталкиваемся на огромную разницу съ Западомъ. Тамъ каждая область была плотнымъ замкнутымъ цѣлымъ, связаннымъ особыми правами, которыми эти области долго не хотѣли поступиться государству. Наша исторія не выработала никакихъ прочныхъ мѣстныхъ связей, никакой мѣстной организациі; немедленно по присоединеніи къ Москвѣ, присоединенныя области распались на атомы, изъ которыхъ правительство могло лѣпить какія угодно тѣла. Но на первый разъ оно ограничилось тѣмъ, что каждый такой атомъ разъединило отъ сосѣднихъ и привязало административными нитями прямо къ центру“. Нельзя не сознаться, что съ этой точки зрѣнія, имѣющей серьезныя историческія основанія, опричина представляется въ свѣтѣ серьезной общественной реформы, а не только высшей полиціи по дѣламъ государственной измѣны.

Но все, что мы говорили до сихъ поръ, является косвенными доказательствами въ пользу того, что Иванъ Грозный въ періодъ безобразнѣйшихъ своихъ изступленій обладалъ яснымъ и свѣтлымъ умомъ, опирающимся только на извращенную психику. Но исторія обладаетъ въ этомъ отношеніи и прямыми доказательствами. Однимъ изъ такихъ доказательствъ является его завѣщаніе, написанное въ 1572 г., т. е. почти непосредственно послѣ его звѣрствъ въ Новгородѣ. Почему въ этомъ году Иванъ Грозный задумался о смерти, никому не извѣстно (послѣ этого

онъ прожилъ еще 12 лѣтъ), но вотъ что онъ писалъ въ этомъ любопытномъ документѣ. Послѣ лирическаго и съ литературной точки зрѣнія красиво написаннаго вступленія Иванъ Грозный переходитъ къ совѣтамъ своимъ дѣтямъ и въ этихъ совѣтахъ ясно показываетъ насколько онъ

Ворисъ Годуновъ проситъ Іоанна Грознаго простить сына. Смъ рис. В. Толерова.

правильно понималъ, что значить быть хорошимъ государемъ: „Заповѣдую вамъ, да любите другъ друга и Богъ мира да будетъ съ вами. Аще бо сія сохраните, и вся благая достигнете“... „А какъ людей держати и жаловати.—продолжаетъ онъ,—и отъ нихъ беречися, и во всемъ ихъ умѣти къ себѣ присвоивати, и вы бы тому навыкли же; а людей бы есте, которые вамъ прямо служатъ, жаловали и любили, и ото всѣхъ берегти,

чтобы имъ изгони ни отъ кого не было, и они прямѣе служатъ; а которые лихи, и вы бы на тѣхъ опалы клали не вскорѣ, но по разсужденію, не яростью". Въ заключеніе онъ призываетъ будущихъ правителей старательно учиться всему и внимательно присматриваться, „какъ которые чины ведутся здѣсь и въ иныхъ государствахъ... какъ кто живетъ и какъ кому пригоже быть".. Вообще Иванъ Грозный былъ всегда горячимъ сторонникомъ просвѣщенія. Еще въ началѣ своего царствованія онъ пытался втянуть духовенство, — но безрезультатно, — въ дѣло народнаго просвѣщенія. Выдающійся литераторъ и хорошій знатокъ современной ему книжной мудрости, онъ умѣлъ любить и цѣнить книгу. Недаромъ въ его царствованіе было положено начало книгопечатанію на Руси. Но его заслуги передъ русскимъ просвѣщеніемъ еще болѣе значительны, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. „Пусть“, — говоритъ г. Валишевскій, — „школы, которыя предполагалось устроить послѣ Собора 1551 г. такъ и остались въ проектѣ; пусть книгопечатаніе ограничивалось самыми примитивными опытами. Во всякомъ случаѣ, авторъ посланій къ Курбскому долженъ быть признанъ представителемъ новаго умственнаго движенія, которое покидало монастырскія кельи и изъ душиной атмосферы религиозныхъ преній выходило на широкій просторъ мірскихъ интересовъ. Это начало духовной секуляризаціи явилось одной изъ самыхъ крупныхъ побѣдъ царствованія Грознаго“. Мы знаемъ также, что острымъ политическимъ взглядомъ Иванъ Грозный, покровитель торговцевъ-англичанъ намѣтилъ мѣсто для „окна въ Европу“, и энергично устремился къ Балтійскому морю, чтобы обезпечить своему государству правильныя сношенія съ культурными странами.

Таковъ былъ сложный и пестрый Иванъ Грозный. Намъ остается дополнить его біографію лишь общеизвѣстными фактами, имѣющими для біографіи его второстепенное значеніе.

Сначала нѣсколько словъ о Ливонской войнѣ, которую Иванъ, убивавшій тысячами своихъ подданныхъ и не остановившій своей руки передъ митрополитомъ Филиппомъ, пытавшимся прекратить безумныя выходки царя, велъ съ чрезвычайной жестокостью. Ливонская война, затянувшаяся на нѣсколько десятилѣтій, началась съ того, что русскія войска ворвались во владѣнія ливонскихъ рыцарей и произвели страшное опустошеніе страны. Многіе города были уже взяты русскими, когда часть ливонскихъ рыцарей отдалась Польшѣ, а другая — Швеціи. Такимъ образомъ Россія изъ-за береговъ Балтійскаго моря была втянута въ борьбу сразу съ тремя государствами. Особенно опасной для нея сдѣлалась Польша, когда на ея престолѣ вступилъ воинственный король Стефанъ Баторій, который самъ былъ искуснымъ полководцемъ и имѣлъ прекрасно обученное и хорошо вооруженное войско. Онъ нанесъ русскимъ тяжелыя пораженія, а тутъ еще начали военныя дѣйствія и шведы. Пришлось не только уйти изъ Ливоніи, но еще запереться въ Псковѣ, который долго отбивалъ яростныя нападенія Стефана Баторія. Борьба эта продолжалась въ теченіе 25 лѣтъ и кончилась полнымъ пораженіемъ для русскихъ. Они не только ничего не получили новаго на Балтійскомъ побережьи, но потеряли и прежнія свои немногочисленныя владѣнія здѣсь. Въ результатѣ Россія оказалась совершенно отрѣзанной отъ Балтійскаго моря. Много мѣшали успѣхамъ Россіи также набѣги крымскихъ татаръ, которые дошли разъ даже до самой Москвы. Впрочемъ, за свои потери и неудачи на западѣ русское государство было вознаграждено необычайнымъ ростомъ территоріи на востокѣ: походъ Ермака въ Сибирь относится къ послѣднимъ годамъ царствованія Ивана Грознаго.

Къ печальнымъ событіямъ царствованія Ивана Грознаго относится убійство, совершенное имъ собственноручно, своего старшаго сына Ивана. Изъ-за чего возгорѣлся споръ между отцомъ и сыномъ неизвѣстно, но въ пылу раздраженія царь ударилъ своего сына въ високъ острымъ концомъ своей палки. Роковой ударъ унесъ молодую жизнь. Отъ многочисленныхъ своихъ браковъ Иванъ имѣлъ еще одного сына — Федора. Но это былъ запуганный, полупомѣшанный человѣкъ, который, по словамъ самого царя, своими церковными привычками и навыками больше напоминалъ понамарскаго, чѣмъ царскаго сына. Иванъ горько оплакивалъ свой необузданный поступокъ, который нанесъ непоправимый ударъ династическимъ интересамъ царствовавшаго дома. При похоронахъ онъ „бился о гробъ и землю съ пронзительными воплями“. Онъ снялъ съ себя всѣ знаки царскаго достоинства, не принималъ пищи, не хотѣлъ никого видѣть, объявилъ о желаніи отказаться отъ престола. А потомъ... потомъ все вошло въ свою колею: пиры, разгуль, развратъ, кровавыя расправы въ перемежку съ молитвами, церковными службами и постами. Только бессонница стала сильнѣе, да ночныя видѣнія принимали иной разъ болѣе страшный характеръ.

Въ невольное изумленіе приводитъ колоссальное здоровье Ивана Грознаго. Не смотря на всѣ излишества, которыя онъ себѣ позволялъ, онъ до 1584 г. чувствовалъ себя почти здоровымъ, если бы только не одолевала его бессонница. Зимой только что указаннаго года появилась комета съ крестообразнымъ небеснымъ знаменіемъ. Однажды вечеромъ царь долго смотрѣлъ на нее съ Краснаго Крыльца и, наконецъ, промолвилъ окружающимъ: „вотъ знаменіе смерти моей“... Слова эти оказались пророческими. Вскорѣ послѣ этого онъ заболѣлъ какой-то тяжелой болѣзнью. 17-го марта ему стало нѣсколько лучше. Царь воспрялъ духомъ: это было какъ разъ наканунѣ того дня, который былъ назначенъ астрологами днемъ его смерти. Обрадованный улучшеніемъ здоровья, онъ приказалъ Бѣльскому: „объяви казнь лжецамъ астрологамъ: нынѣ по ихъ баснямъ я долженъ умереть, но я чувствую себя гораздо бодрѣ“. Онъ принялъ продолжительную ванну и приготовился играть въ шашки съ Бѣльскимъ, но вдругъ упалъ и больше уже не поднимался...

С. А. Муромцевъ.

С. А. Муромцевъ.

(1850—1910).

Отецъ Сергѣя Александровича Муромцева былъ офицеромъ. Вотъ почему С. А.-чу пришлось увидѣть впервые божій свѣтъ въ казармахъ лейбъ-гвардіи московскаго полка на Фонтанкѣ въ Петербургѣ. Событіе это произошло 23 сентября 1850 года. Уже офицерская служба Муромцева въ привилегированномъ полку показываетъ, что Муромцевы принадлежали къ старинному дворянскому роду.

Съ 1855 г. отецъ С. А. вмѣстѣ съ значительнымъ повышеніемъ по службѣ получаетъ такого рода должность, которая требуетъ частыхъ передвиженій изъ одного мѣста въ другое. Онъ переезжаетъ повсюду со своей семьей, и въ память маленькаго Сережи Муромцева сильно западаетъ допотопный фамильный рыдванъ, въ которомъ его семья дѣлала большіе и трудные переѣзды на берегъ оз. Ильменя, въ Угличъ на Волгу и въ Опочку, уѣздный городокъ Псковской губерніи. Съ 1858 г.

отецъ С. А. выходитъ въ отставку и поселяется въ купленномъ имъ имѣніи „Лизавкѣ“, въ Новосильскомъ уѣздѣ Тульской губ., гдѣ усиленно начинаетъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ. До этого года Муромцевы лѣто проводили обыкновенно въ имѣніѣ бабушки, гдѣ имъ приходилось сталкиваться съ самыми отвратительными формами крѣпостного права. Сами же Муромцевы въ жестокомъ отношеніи къ крѣпостнымъ никогда повинны не были.

Не смотря на сравнительную культурность, семья Муромцевыхъ была всецѣло поглощена интересами военной службы и сельского хозяйства. Особенно сильны были въ семействѣ Муромцевыхъ воспоминанія объ Отечественной войнѣ. „Можно—говорилъ впослѣдствіи самъ С. А.—родиться въ половинѣ столѣтія, а чувствовать себя какъ бы живущимъ съ самаго его начала. Благодаря живымъ рассказамъ дѣда по матери Ник. Анд. Костомарова (умеръ въ 1863 г.), участвовавшего молодымъ офицеромъ въ компаніи 1814 г., эпоха отечественной войны запечатлѣлась въ моей памяти, какъ будто переживалась лично. Рассказы бабушки, бывшей на 16 лѣтъ моложе своего мужа и пережившей 1812 годъ въ десятилѣтнемъ возрастѣ, пополняли картины того времени подробностями тревоженій, пережитыхъ въ условіяхъ домашней обстановки. Художественные образы „Войны и Мира“ впились потомъ въ уже готовую канву семейныхъ преданій. Воспоминанія отца и дядей относились къ николаевскому времени. „Самого Николая я видѣлъ однажды изъ окна казармы лейбъ-гвардіи Московскаго полка во время ученья, происходившаго во дворѣ казармъ“.

На этомъ фонѣ военныхъ воспоминаній особенно ярко выступила фигура Гарибальди, когда въ „Лазавкѣ“ ежедневно стали прочитываться вслухъ „Московскія Вѣдомости“. „Въ массѣ русскихъ семействъ“,—говорилъ потомъ С. А.,—„съ замираніемъ сердца ожидали и съ восторгомъ принимали извѣстія объ успѣхахъ освободительнаго движенія въ Италіи. Мы, подрастающее поколѣніе, слушая старшихъ, принимали участіе въ общемъ восхищеніи, и образы Гарибальди и его соратниковъ навсегда запечатлѣлись въ нашей памяти, какъ свѣтлые образы героевъ національнаго освобожденія“...

Но если въ самой семьѣ Муромцевыхъ общественнымъ вопросамъ было отведено слишкомъ мало вниманія, то у своего дяди Семена Алексѣевича Муромцева, жившаго въ Предтечевѣ по сосѣдству съ „Лазавкой“, молодой Сережа могъ вдоволь наслушаться разговоровъ о вводившихся тогда великихъ реформахъ, а особенно о судебной и земской. Эти разговоры проходили не даромъ мимо даровитаго и впечатлительнаго ребенка. Объ этомъ свидѣлствуетъ, по крайней мѣрѣ, одна изъ игръ, которыя практиковались въ семействѣ Муромцевыхъ и во главѣ которыхъ всегда естественно находился старшій Сергѣй. „Въ качествѣ организатора дѣтскихъ игръ“,—пишетъ по этому поводу П. Н. Милюковъ,—„С. А. проявлялъ большую изобрѣтательность: и направленіе, въ которомъ работала его дѣтская фантазія, уже обнаруживаетъ въ девяти—десятилѣтнемъ ребенкѣ зародышъ тѣхъ самыхъ склонностей, которыя широко разовьются впослѣдствіи. С. А. играетъ съ братьями и сестрами въ „государство“. Объ устройствѣ государства онъ пока знаетъ только изъ „Справочной книжки для русскихъ офицеровъ“ и, вѣроятно, изъ разсужденій предтечевскаго дяди. Тѣмъ не менѣе, его игрушечное государство „Лазавка“ уже конституціонное. Въ немъ имѣются двѣ палаты: „Государственный совѣтъ“ и „Палата депутатовъ“, помѣщавшіяся въ двухъ бесѣдкахъ

деревенскаго сада. Государство это разбито на губерніи и уѣзды, которые года черезъ два были тщательно нанесены на карту „государства Лазавки“. При этомъ 2½ сажени семидесятиннаго сада приняты за версту, и съемка произведена самодѣльной мензулой изъ деревянной табуретки. Прилежающія къ усадьбѣ (т. е. „государству“) мѣстности постепенно завоевывались: такъ, завоеваны царства „Гумно“, „Спарта“ (скотный дворъ), „Дементьево“, „Малая Лазавка“ и т. д. С. А. выдавалъ сестеръ замужъ за воображаемыхъ владѣтелей завоеванныхъ державъ, вводилъ въ нихъ реформы, строилъ города и т. д. Позднѣе онъ написалъ исторію своего государства, помѣстивъ его въ Малой Азіи, на берегу моря, съ точной хронологіей и описаніемъ событій... Интересно отмѣтить и другую игру С. А. въ ежедневную газету, которую (въ возрастѣ 9—10 лѣтъ) онъ издавалъ въ теченіе двухъ лѣтъ, не пропустивъ ни одного дня. Каждое утро на чайномъ столѣ, возлѣ отцовскаго мѣста, уже лежалъ до выхода отца свѣжій номеръ, составленный вечеромъ на основаніи самыхъ точныхъ свѣдѣній, собранныхъ въ кухнѣ, въ дѣтской, въ саду сотрудниками „редактора“, — его братьями и сестрами. Газета составлялась такъ добросовѣстно, что по ней всегда можно было навести справку, когда дѣти заболѣли корью, когда отелася такая-то корова и т. п. Мы уже узнаемъ въ этихъ играхъ, въ формѣ и пріемахъ ихъ, будущую систематичность, точность и дѣловитость С. А., его умѣнье и любовь собирать и классифицировать обширный матеріалъ. По содержанію же своему, игры въ „государство“ и въ „газету“ какъ нельзя лучше иллюстрируютъ кругъ будущихъ интересовъ С. А.“

С. А. Муромцевъ въ дѣтствѣ.

Муромцевы не отличались большой зажиточностью, и мальчики росли на волѣ безъ дядекъ, гувернантокъ и гувернеровъ. Первоначальное воспитаніе ихъ было въ рукахъ матери, прекрасной семьянинки, но чело-вѣка мало самостоятельнаго и нерѣшительнаго, находившейся подъ сильнымъ вліяніемъ крѣпостницы — бабушки. Съ матерью у С. А. съ самаго ранняго дѣтства и на всю жизнь установились самыя теплыя и искреннія отношенія. Съ отцомъ, который отличался вспыльчивымъ и несдержаннымъ характеромъ, дѣти были далеки.

Въ 1860 году семья Муромцевыхъ перемѣняла Лазавку на Москву. Здѣсь они поселились въ домѣ бабушки, что ставило ихъ въ значительную зависимость отъ этой послѣдней. Эта зависимость чувствовалась тѣмъ болѣе сильно, что отецъ домашней жизнью интересовался мало, проводя большую часть своего времени въ Англійскомъ клубѣ и отдавая семьѣ только воскресные вечера, которые неизмѣнно проводились у бабушки.

Въ Москвѣ С. А. былъ отданъ въ гимназію. Занятія шли легко, и онъ безъ труда занималъ всегда одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ 1867 г. онъ кончилъ курсъ гимназіи съ золотою медалью. Гимназія дала ему, по его собственному признанію, мало. Условія же домашней жизни скла-

дывались также неблагопріятно. С. А. очень рано почувствовалъ влеченіе къ книгамъ и покупалъ довольно много книгъ на деньги, зарабатываемыя отъ уроковъ. Но читать эти книги ему было положительно некогда: все свободное отъ гимназическихъ занятій время, котораго было такъ достаточно, онъ употреблялъ или на уроки съ сестрами или на традиціонные пустяки: на „дежурства“ при бабушкѣ, на выѣздъ въ качествѣ старшаго брата съ сестрами и на развлеченіе кавалеровъ этихъ послѣднихъ. Но живой умъ юноши и въ этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ умѣлъ взять для себя полезные элементы. У бабушки онъ перечитываетъ старыя газеты, а во время свѣтскихъ разговоровъ старается уловить все существенное о земскомъ дѣлѣ и судебной реформѣ. Интересъ къ общественному дѣлу окончательно сложился у С. А. ко времени окончанія имъ гимназіи. Онъ еще на гимназической скамьѣ старается воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы побывать въ окружномъ судѣ и послушать любопытные пропессы. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ усиленно толкаетъ отца, чтобы тотъ баллотировался въ предсѣдатели сѣзда мировыхъ судей и съ большой горечью сѣтуетъ о томъ, что способные люди такъ часто стараются „отклонить отъ себя заботу быть избираемымъ въ какую-либо общественную должность“...

Въ 1867 году С. А-чъ поступаетъ въ университетъ на юридическій факультетъ. Осенью того же года сестры его были отданы въ пансіонъ, и такимъ образомъ его уроки съ ними, отнимавшіе у него такъ много времени, сами собою прекратились. Молодой студентъ съ жадностью набросился на чтеніе тѣмъ болѣе, что университетскихъ занятій на первый годъ сравнительно было немного. За первые же три мѣсяца студенчества были прочитаны извѣстныя сочиненія Бокля, Дрепера, рядъ статей Герье и нѣкоторые другіе авторовъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на С. А-ча Бокль. „Безъ сомнѣнія, — писалъ онъ тогда по этому поводу, — я могу еще при болѣе строгомъ обсужденіи перемѣнить свое мнѣніе, основанное на довольно нетвердой почвѣ, но пока держусь высказаннаго: я согласенъ съ нимъ во многомъ, хотя не въ состояніи опредѣлить его значенія“. Годъ спустя, онъ увлекается уже Писаревымъ, хотя и сохраняетъ по отношенію къ нему довольно самостоятельное положеніе.

Что касается университетскихъ занятій, то онъ слушаетъ по юридическому факультету пока только два предмета — энциклопедію права и статистику. Но особенно онъ увлекается лекціями историка Соловьева.

Къ этому же времени относится увлеченіе Муромцева театромъ. Съ театромъ С. А. познакомился еще въ десятилѣтнемъ возрастѣ, когда его въ первый разъ взяли въ Большой театръ, гдѣ шла пьеса „Старый капралъ“. Нѣсколько позднѣе ему пришлось видѣть „Горе отъ ума“ и „Ревизора“, которыя съ тѣхъ поръ сдѣлались любимѣйшими произведеніями С. А-ча. „Горе отъ ума“ онъ даже въ старости могъ цитировать на память цѣлыми сценами. Еще мальчикомъ онъ устраивалъ у себя игрушечный театръ: книги служили декораціями, а коробочки и шашки — актерами. Въ отроческомъ возрастѣ онъ сочинялъ пьесы, либретто оперъ и другія театральныя произведенія. Въ годы студенчества около Муромцевыхъ собрался кружокъ любителей изъ молодежи, которые устраивали домашніе спектакли съ настоящими декораціями, гримомъ и костюмами. Бабушка Муромцева, — рассказываетъ г. В. Н., — „предоставляла свой залъ, раздѣленный на-двое по архитектурѣ старыхъ домовъ. Репетировали, устраивали декораціи задолго. С. А. былъ душою дѣла. Но вначалѣ устройство этихъ спектаклей стоило большой борьбы. Выбранныя пьесы подвергались строгой цензурѣ. Водевиль, въ которомъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ

говорить: „я поцѣловаль ее въ губы“, быть разрѣшенъ лишь при условіи, если эта фраза будетъ выпущена“.

Въ это же время молодому Муромцеву пришлось пережить глубокий духовный кризисъ—свою первую любовь, которая заставила его глубоко взглянуть самому себѣ въ душу. „Все время“,—писалъ онъ въ 1869 году одному изъ своихъ ближайшихъ друзей,—„я находился въ какомъ-то ненормальномъ состояніи, которое мѣшало мнѣ заниматься путно какимъ бы то ни было дѣломъ... Я увлекался одною дѣвушкой (а можетъ быть, дѣвочкой) и увлекался довольно сильно. Теперь, когда это увлеченіе прошло и осмѣяно, теперь я могу смотрѣть на него хладнокровно и объяснить себѣ его причины... Мѣсяцевъ шесть назадъ я былъ страшно неразвѣтъ или, по крайней мѣрѣ, развитъ односторонне. Я только что вступалъ въ свѣтъ, и свѣтъ этотъ мнѣ казался страшно дикъ и чуждъ, что легко объясняется моею застѣнчивостію. Съ другой стороны, въ дѣтствѣ я начитался романовъ съ волшебными небывалыми героинями и такую же любовь, и фантазія моя, несдержанная умомъ... разыгралась, распалилась на свободѣ и породила увлеченіе. Довольно было одного ласковаго взгляда, небольшого вниманія, чтобы увлечь меня и заставить влюбиться. А между тѣмъ, ласковый взглядъ былъ не одинъ, вниманіе велико, явилась взаимность... и я увлекся такъ, какъ не увлекался ни одинъ изъ моихъ товарищей. Явились планы о женитьбѣ. Вся жизнь даже начала слататься по этому плану. Я сталъ усиленно работать, чтобы имѣть средства для исполненія плана... сталъ изыскивать средства, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ покончить поскорѣе съ университетомъ и зажить семейною жизнью. Такъ прошло четыре мѣсяца, и 4 января 1869 г., почти неожиданно для меня, совершилась перемѣна. Я догадался, что она увлеклась уже другимъ, а потому рѣшилъ прежнія отношенія съ нею прервать“... Но пережитыя душевныя волненія вызвали у С. А-ча напряженную умственную работу. „Я,—продолжаетъ онъ,—здѣсь сталъ разомъ въ такое положеніе, которое меня заставило сильно и сильно размышлять. Слово „женитьба“... заставляло бороться, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и приписывать силы къ борьбѣ. Сверхъ того, пришлось бороться съ самимъ собою. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше я убѣждался, что дѣлаю глупости. Я убѣждался, что я и неразвѣтъ, какъ слѣдуетъ, что я долженъ еще учиться и заботиться о развитіи, а не создавать себѣ уже рамку жизни. Далѣе, я убѣждался, что и дѣвушка, въ которую я влюбленъ, и пуста, и не развита какъ слѣдуетъ, и во всякомъ случаѣ, будетъ мнѣ въ тягость. Но рядомъ съ этимъ, несмотря на все это, я упорствовалъ на своемъ, на старомъ, и стремился во что бы то ни стало достигнуть своей цѣли. Борьба съ окружающими, борьба съ самимъ собою,—ты понимаешь, какъ она должна была подѣйствовать. Ни минуты покоя, постоянно оглядываться, постоянно размышлять и приходить логическимъ путемъ къ результатамъ, которые отвергались на практикѣ, значило что-нибудь для развитія“...

Параллельно съ этой тяжелой и сложной духовной борьбой идетъ и другая умственная работа, начавшаяся еще раньше только-что рассказанной любовной исторіи и стремившаяся выяснитъ тѣ духовныя интересы, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ его дарованіямъ. Мы уже говорили, что уже на школьной скамѣ С. А-чъ обнаружилъ выдающіяся способности. Родъ Муромцевыхъ по отцу вообще отличался большими склонностями къ математическимъ наукамъ. Отличныя отмѣтки по математикѣ были традиціонною особенностью Муромцевыхъ, передававшейся изъ поколѣнія въ поколѣніе. Эту склонность къ отвлеченнымъ вопросамъ С. А-чъ почув-

ствовалъ очень рано. Еще на первомъ курсѣ университета С. А-чъ писалъ: „съ нѣкотораго времени меня сталъ занимать вопросъ о моей будущности, и я какъ-то чувствую, что я не совсѣмъ-то способенъ къ государственной службѣ, что у меня гораздо больше склонности къ кабинетнымъ ученымъ занятіямъ“... „Мысль объ ученой карьерѣ“,—говоритъ онъ въ другомъ письмѣ того же самаго года,—„начинаетъ меня снова занимать, и я не вижу для себя большого прока въ государственной службѣ“. Постепенно мысль эта окончательно упрочилась въ душѣ С. А-ча.

Но, чтобы не быть въ наукѣ ремесленникомъ, а творцомъ, нужны обширныя, а главнымъ образомъ, солидныя знанія. Онъ съ жадностью набрасывается на науку, оставляетъ частные уроки и проводитъ за книгами по 8, иногда по 10 часовъ въ сутки. Онъ старается возвести прочный фундаментъ для своихъ познаній, — онъ принимается за математику, затѣмъ мечтаетъ проштудировать естествознаніе, и только послѣ этого перейти къ политической экономіи, статистикѣ, исторіи и государственному праву. „Если,—восклицаетъ онъ,—приду къ серьезному убѣжденію, что этотъ планъ необходимъ и полезенъ, то безъ малѣйшаго колебанія переверну свою жизнь въ ущербъ всякимъ карьерамъ, трудомъ заработаю рублей триста въ годъ и всецѣло посвящу себя наукѣ“...

Однако намѣченный планъ очень быстро оказался невыполнимымъ. Чтобы ознакомиться какъ слѣдуетъ хотя бы съ математикой, надо перейти на математическій факультетъ,—рѣшилъ онъ, „а оставшись на юридическомъ, надо и быть юристомъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ все больше и больше примиряется съ юридическими науками. Въ догмѣ римскаго права онъ быстро находитъ ту юридическую дисциплину, которая должна дать полное удовлетвореніе его математическому уму. „Компетентные люди говорятъ“,—пишетъ онъ въ періодъ наибольшаго своего увлеченія общеобразовательными планами,—„что догма римскаго права въ изложеніи профессора Крылова и, главное, въ трудахъ корифеевъ исторической и юридической литературы: Нибура, Савиньи, Гуго и др. представляетъ не менѣе превосходное средство для развитія (чѣмъ математика)“. Замѣчательныя лекціи проф. Крылова по этому предмету окончательно утвердили С. А-ча въ этомъ мнѣніи, и онъ становится однимъ изъ самыхъ ревностныхъ учениковъ этого профессора.

Однако высоко гуманная натура будущаго ученаго не позволяетъ ему загородиться отъ всего міра книгами. Нѣтъ, напротивъ онъ потому и рѣшилъ окончательно уйти въ изученіе юридическихъ наукъ, что онъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ давали пищу его математическому уму, а другими своими сторонами крѣпко связывали его съ окружающей дѣйствительностью. Съ этой послѣдней молодыхъ юристовъ связывалъ небольшой кружокъ товарищей, задавшійся цѣлью изучать практически, по подлиннымъ дѣламъ (уже рѣшеннымъ), которые они доставали черезъ профессоровъ изъ окружнаго суда, дѣятельность новыхъ судебныхъ учреждений. Въ кружкѣ этомъ, устраивавшемъ по тому или другому случаю примѣрное судебное разбирательство, С. А-чъ игралъ обыкновенно роль председателя. „Тогда же“,—пишетъ г. Давыдовъ, университетскій товарищ Муромцева,—„рельефно сказались особенности талантливой личности С. А. Муромцева, какъ будущаго судебного и общественнаго дѣятеля: совершенная объективность, спокойствіе и поразительное умѣнье быстро собрать распылившіяся, неясно высказанныя мысли, конкретизировать ихъ, очистить отъ всего лишняго и выразить въ точной, сжатой, строго опредѣленной формѣ. Въ немъ сказывался уже тогда незамѣнимый председатель и

орисконсультъ. Эти качества Сергѣя Андреевича проявлялись не только на занятіяхъ кружка, но на всѣхъ нашихъ студенческихъ частныхъ собраніяхъ, всегда сопровождавшихся долгими и горячими спорами по вопросамъ, волновавшимъ въ ту пору молодежь и вращавшимся наиболѣе въ сферѣ вводившихся тогда и ожидавшихся реформъ государственного общественаго строя Россіи. Всѣ мы, я помню, восхищались умѣньемъ Сергѣя Андреевича схватывать нашу же мысль и, выведя ее изъ почти хаотическаго состоянія, выразить ясно, рельефно, дать ей именно ту форму, которая ей необходима, и тѣмъ уяснить ее намъ же. Авторитетъ Сергѣя Андреевича поэтому, а также въ виду его общей талантливости, благородства мыслей, солидности и отсутствія всего мелочнаго, пошлаго, между товарищами былъ очень великъ, тѣмъ болѣе, что мы знали, какъ серьезно онъ работалъ въ научномъ направленіи, въ особенности по римскому праву, которое привлекало его именно опредѣленностью и строгостью своихъ положеній и формулъ“...

Прекрасный обликъ начинающаго ученаго оставилъ намъ г. Александръ Цуриковъ. „Мы познакомились“,—говоритъ онъ о Сергѣѣ Андреевичѣ,—„осенью 1869 года въ университетѣ. Первая встрѣча запечатлѣлась во мнѣ неизгладимо и навсегда. Я помню, какъ-то мы, первокурсники, поднимались за своимъ профессоромъ въ большую словесную аудиторію (перестроенную теперь). На встрѣчу намъ шелъ, привлекаая всеобщее вниманіе, знаменитый въ то время профессоръ римскаго права Николай Ивановичъ Крыловъ. Его окружали студенты старшихъ курсовъ. Крыловъ, всегда остроумный, подчасъ насмѣшливый, возбуждавшій обычно нѣкоторый страхъ, внимательно слушалъ бесѣдовавшаго съ нимъ студента, какъ бы подчеркивая этимъ свое отношеніе къ нему. Помимо уваженія нашего къ старшимъ товарищамъ, меня привлекло къ себѣ вдумчивое лицо студента поразительной красоты. Студентъ этотъ былъ Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. Его фамилія была извѣстна и не однимъ только юристамъ. Спокойный и съ виду холодный, строго одѣтый молодой человекъ (формы тогда не существовало) imponировалъ своимъ видомъ, походкой, спокойствіемъ всей поведки; когда же мы съ нимъ случайно встрѣтились глазами, меня приковалъ къ себѣ его нѣсколько усталый, немного скорбный взоръ женственной мягкости и доброты“... „Съ первыхъ дней нашего знакомства“,—продолжаетъ нѣсколько дальше г. Цуриковъ,—„я замѣтилъ въ немъ рѣзкую разницу по сравненію со множествомъ другихъ товарищей. Онъ не былъ тѣмъ, что называется „добрымъ малымъ“, въ немъ не было ни фамильярности, ни панибратства. Онъ былъ всегда трезвъ и цѣломудренно застѣнчивъ. Не кутилъ, не любилъ карты, никогда никто не слыхалъ отъ него ничего цѣничнаго, ни одного грубаго выраженія, ни одного хотя бы сомнительнаго разсказа или грязнаго анекдота, такъ часто, почти неизбѣжно окрашивающихъ разговоры молодыхъ людей,—такъ называемые „мужскіе разговоры“. Въ какомъ бы обществѣ онъ ни находился, при немъ чувствовался какъ бы притокъ чистаго воздуха. Онъ освѣжалъ ступенную атмосферу однимъ своимъ присутствіемъ. Зато нѣсколько суровая застѣнчивость и настороженная сдержанность много мѣшали Сергѣю Андреевичу въ жизненныхъ успѣхахъ. Онъ никогда не былъ и не могъ стать „душою общества“, столь популярнымъ и пріятнымъ элементомъ въ жизненномъ обиходѣ. При немъ другіе не чувствовали себя удобно, привычно, окружающихъ онъ невольно смущалъ. Онъ былъ неотразимо привлекателенъ, а между тѣмъ, никто не дерзалъ переступить заколдованнаго круга, какъ бы замкнутаго во-

кругъ него. Онъ былъ вѣжливъ, изященъ, привѣтливъ, а приблизиться и понять его не рѣшались. Толпа его не поглощала; зато она и не прощала ему его превосходства“... И тѣмъ не менѣе, онъ умѣлъ быть и хорошимъ, задушевнымъ товарищемъ, когда встрѣчалъ человѣка, близкаго къ себѣ по духу и интересамъ. Такова была его дружба съ кн. Голицынымъ, съ которымъ онъ работалъ у проф. Крылова. Въ связи съ этой дружбой въ жизни С. А-ча произошелъ случай таинственного и какъ бы сверхъестественнаго характера. Молодые юристы видались очень часто, и С. А. оставался нерѣдко ночевать у своего товарища. Квартира Голицына состояла изъ двухъ комнатъ—кабинета и спальни. Однажды такая ночевка пришлась какъ разъ въ тотъ день, когда Голицынъ только что вернулся съ юга и долженъ былъ немедленно доставить по адресу письмо, порученное ему одною изъ его тетокъ и очень важное для этой послѣдней. Молодой человѣкъ, однако, захлопотавшись со своими дѣлами, позабылъ его у себя на столѣ вмѣстѣ съ ворохомъ другихъ дѣловыхъ бумагъ. „Вернувшись довольно поздно домой съ Муромцевымъ“,—рассказываетъ г. Давыдовъ,—„они оба легли спать въ комнатѣ, смежной съ кабинетомъ, служившей имъ спальнею. Дверь въ ихъ номеръ, состоявшій изъ этихъ двухъ комнатъ, была заперта. Какъ только они погасили свѣчи, въ сосѣдней комнатѣ (кабинетѣ) послышались шаги и шуршанье бумагъ на столѣ. Голицынъ окликнулъ шумѣвшаго, не давшаго никакого отвѣта, а затѣмъ, зажегши свѣчу, прошелъ въ кабинетъ, гдѣ однако никого не оказалось. Вернувшись въ спальню, онъ вновь задулъ свѣчу, но тотчасъ же въ кабинетѣ раздались тѣ же шаги и шуршанье. Тогда уже оба они отправились въ кабинетъ, убѣдились, что наружная дверь заперта, осмотрѣли шкафы и углы и, наконецъ, не сомнѣваясь, что въ комнатѣ никого нѣтъ, вернулись въ спальню и легли. Какъ только они потушили огонь, тѣ же явленія возобновились въ кабинетѣ, но они уже не пошли туда и, рѣшивъ не обращать вниманія на происходящее тамъ, завернулись въ одѣяло и вскорѣ заснули. На утро оказалось, что всѣ бумаги и книги, бывшія съ вечера на кабинетномъ столѣ, валяются въ беспорядкѣ на полу, а по срединѣ стола лежитъ только одно письмо тетки Голицына. Вскорѣ онъ получилъ изъ имѣнья тетки телеграмму, извѣщавшую его, что она скоростижно скончалась въ эту ночь, какъ разъ въ тотъ часъ, когда онъ и Муромцевъ слышали въ кабинетѣ чьи-то таинственные шаги и шелестъ бумагъ“...

Въ 1871 г. С. А-чъ блестяще окончилъ юридическій факультетъ и былъ оставленъ при университетѣ. Студенческую скамью онъ покидалъ съ страстнымъ желаніемъ сдѣлать что-нибудь для науки, принять посильное участіе въ общественной жизни и послужить всѣми силами русскому либерализму, понимая это слово въ лучшемъ его смыслѣ. Своимъ крѣпкимъ и проницательнымъ умомъ онъ нарисовалъ планъ своей жизни, который и выполнилъ почти съ непонятной точностью. „Minimum черезъ шесть лѣтъ“,—писалъ онъ въ 1869 г.,—„я буду защищать диссертацию на степень магистра. А лѣтъ черезъ 7 или 8, примѣрно сказать, въ 1877 г., начну читать лекціи... А до тѣхъ поръ буду жить безъ страстей и бурь, занимаясь и учась. Благодаря своей фантазіи, я уже представилъ себѣ картину первой моей лекціи. Впрочемъ, фантазія была послѣдовательна. Вслѣдъ затѣмъ она писала мнѣ... повелѣніе объ отставкѣ за распространеніе либерализма“.

При университетѣ Муромцевъ былъ оставленъ „на два года для усовершенствованія въ наукахъ и приготовленія къ профессорскому званію“,

но „на свой счет“. Семья Муромцевых не отличалась слишком большими недостатками, и С. А-чу пришлось удовлетворяться только тѣми 200 рублями, которые выплачивалъ ему его отецъ. Съ осени 1871 года вмѣстѣ со своимъ другомъ Голицынымъ онъ поселяется въ имѣніи этого послѣдняго во Владимірской губерніи. Здѣсь, однако, молодой ученый занимается не только своими книгами, но и окружающей жизнью. „Разъ 1871 г.,—но зато вмѣсто нихъ явилось интересное для наблюденія уѣздное общество помѣщиковъ и еще болѣе интересное общество промысловыхъ крестьянъ, полусельчанъ—полуфабричныхъ“... Здѣсь, во владѣдаясь отъ всей души природой. „На берегу Оки“,—описываетъ онъ веселѣе свое пребываніе здѣсь, —„на возвышенномъ курганѣ, сохранившемъ большіе остатки каменнаго вѣка, построена маленькая дача, служащая прибѣжищемъ будущимъ ученымъ. Вокругъ—вода Оки и окружающихъ ее озеръ и запруженныхъ маленькихъ рѣчекъ. На три стороны видъ, простирающійся верстъ на сто: длинная перспектива лѣсовъ и горъ, кое-гдѣ возвышающіяся колокольни церквей, чуть-чуть виднѣющаяся постройка людей, дичь, снующая подъ ногами,—вотъ впечатлѣнія, представляющія наблюдателю. Съ четвертой стороны спускъ къ рѣкѣ, затѣмъ Ока и, наконецъ, противоположный высокій берегъ, съ горами, спускающимися круто въ воду. Жизнь соответствуетъ обстановкѣ. Купанье, катанье на водѣ, охота и проч., и проч., и проч.“.

Въ 1872 г. Сергѣю Андреевичу удалось раздобыть денегъ на поѣздку за границу. Пробывши нѣкоторое время еще въ провинціи, гдѣ его интересовали земскія собранія, и проводя около мѣсяца въ Варшавѣ, гдѣ его заинтересовалъ „польскій духъ“, онъ въ мартѣ 1873 г., вмѣстѣ съ Голицынымъ поселяется, наконецъ, въ Лейпцигѣ, гдѣ слушаетъ лекціи по римскому праву одного изъ выдающихся профессоровъ—Кунтце. Лѣтомъ онъ предпринимаетъ большое путешествіе... „Сдѣлалъ“,—какъ замѣчаетъ онъ самъ,—„по крайней мѣрѣ, 10.000 верстъ, былъ въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Константинополѣ, Аѣинахъ, проѣхалъ всю Италію (но не былъ въ Римѣ)... былъ въ Тироли и въ Баваріи“. На зиму 1873—1874 г. С. А-чъ выбираетъ себѣ Геттингенъ, гдѣ слушаетъ лекціи знаменитаго правовѣда Рудольфа Іеринга, который оказалъ на него огромное вліяніе.

Къ веснѣ 1874 г. Муромцевъ возвращается въ Москву и послѣ небольшого отдыха горячо принимается за подготовку къ магистерскому экзамену, который и выдерживаетъ блистательно въ два приѣма—17 октября и 5 декабря. Послѣ этого онъ быстро заканчиваетъ прекрасную магистерскую диссертацию на тему „О консерватизмѣ въ русской юриспруденціи“. Несмотря на то, что работа во многихъ отношеніяхъ являлась съ точки зрѣнія старыхъ профессоровъ ересью, она сразу доставила молодому ученому почетное положеніе среди специалистовъ по юриспруденціи. Второго сентября 1875 г. С. А-чъ прочелъ первую свою вступительную лекцію по исторіи римскаго права и началъ свою профессорскую карьеру. Его вступленіе въ профессорскую коллегію горячо привѣтствовалъ Іерингъ, который писалъ ему слѣдующее: „Вы завоевали себѣ катедру римскаго права, и этотъ результатъ меня радуетъ одинаково за науку и за васъ, такъ какъ въ вашемъ лицѣ впервые въ Россіи всходитъ „оппозиція“—ученіе, которое я поднималъ въ Германіи противъ романтики исторической школы; а вы представляете столь крупную силу, что я не сомнѣваюсь въ

успѣхѣ. Вамъ придется еще, правда, бороться. Но борьба есть искусство, школа, насущный хлѣбъ силы“.

Насколько же оправдалъ Сергѣй Андреевичъ ожиданія знаменитаго Іеринга? Когда Муромцевъ выступилъ съ первыми своими работами въ области юриспруденціи, въ русской юридической наукѣ и профессурѣ преобладали два теченія: историческое и практическое. Первое всѣ свои силы направляло къ тому, чтобы освѣтить ростъ и развитіе юридическихъ нашихъ воззрѣній въ прошломъ, второе—въ интересахъ только что введенныхъ судебныхъ уставовъ Императора Александра II—стремилось возможно быстрѣ двинуть впередъ разработку дѣйствующаго права. С. А. Муромцевъ не пошелъ ни по тому, ни по другому пути: онъ выбралъ себѣ свою собственную дорогу. Изъ исторической школы онъ принялъ идею закономѣрнаго развитія нашихъ юридическихъ понятій, но вмѣстѣ съ Іерингомъ онъ отвергаетъ, что процессъ этотъ совершается безсознательно въ широкихъ народныхъ массахъ. Развитіе права не происходитъ самопроизвольно, а благодаря человѣческой дѣятельности. „Процессъ образованія права“,—учитъ онъ,—„есть процессъ борьбы: люди борются изъ-за отношеній, которые нуждаются въ правовой защитѣ или же имѣютъ такую; они борются также изъ-за нормъ, которые защищаютъ отношенія или только предназначаются для того“. Этими своими воззрѣніями Сергѣй Андреевичъ близко подходилъ къ своему знаменитому учителю—Іерингу. Но онъ не остался слѣпымъ его подражателемъ. Онъ стремился построить ученіе о правѣ на соціологическомъ основаніи и въ русской юридической наукѣ сдѣлался главой соціологической школы, къ которой примыкало не мало выдающихся ученыхъ.

Теоретическій умъ Сергѣя Андреевича привелъ его къ изученію римскаго права еще на студенческой скамьѣ. Но и по отношенію къ этой наукѣ Муромцевъ сохранилъ полную научную самостоятельность. „Его прельщала“, говоритъ проф. Шершеневичъ,—„красота теоретическихъ построеній, воздвигнутыхъ на фундаментѣ римскаго права, стройность системы, тонкость конструкций... Но, восхищаясь многовѣковой работой надъ шлифованіемъ римскаго права, Муромцевъ жалѣлъ, что этотъ громадный трудъ былъ затраченъ на римскій матеріалъ. Онъ призывалъ къ созданію общей теоріи гражданскаго права, которая была бы основана не на римскомъ правѣ, а на правѣ современныхъ цивилизованныхъ народовъ. Эта мысль была имъ высказана въ 1879 году, и это была мысль, которою онъ былъ занятъ наканунѣ своей смерти... Муромцевъ нашелъ въ римскомъ правѣ и другую цѣнность, но при этомъ его вниманіе было обращено уже не на право временъ Юстиніана, а на древнее право Рима. Для Муромцева оно было богатѣйшимъ матеріаломъ, который, можетъ быть, лучше всякаго другого, способенъ служить раскрытію законовъ развитія гражданскаго права“...

Въ области юридическихъ наукъ Муромцевымъ было разработано множество важнѣйшихъ вопросовъ. Особенную научную плодovitость онъ развилъ въ первые годы своей профессорской дѣятельности. Вотъ списокъ его произведеній за это время: „Консерватизмъ въ римской юриспруденціи“, 1875, „Очерки общей теоріи гражданскаго права“, 1877, „Опредѣленіе и основное раздѣленіе права“, 1879, „Гражданское право древняго міра“, 1883, „Рецепція римскаго права на Западѣ“, 1885, „Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи“, 1886. Къ этому надо прибавить рядъ чрезвычайно цѣнныхъ журнальныхъ статей.

Такая литературная продуктивность тѣмъ болѣе удивительна, что

Сергій Андреевичъ съ величайшей добросовѣстностью относился къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ и очень быстро сдѣлался однимъ изъ самыхъ блестящихъ лекторовъ въ университетѣ. Аудитория у него всегда была переполнена слушателями. Какую массу труда онъ вкладывалъ въ свое дѣло, можно судить хотя бы по слѣдующимъ отрывкамъ изъ его писемъ того времени: „и вся недѣля уходитъ на лекціи; съ мѣсяцъ уже чувствую себя нехорошо, какъ-то ослабъ и энергія упала. Спокойный сонъ совсѣмъ меня оставилъ“... „Меня дѣла осадили по горло кругомъ“...

С. А. Муромцевъ.

„Много навалило работы... Почти все послѣднее время провожу въ кабинетѣ у стола“ и т. д.

Въ 1877 году Муромцевъ окончательно упрочилъ свое ученое положеніе, защитивъ докторскую диссертацию „Очеркъ общей теоріи гражданскаго права“. Изъ событій личной жизни Муромцева за этотъ періодъ можно упомянуть о смерти его отца, скончавшагося скоропостижно, о его женитьбѣ на извѣстной пѣвицѣ Маріи Николаевнѣ Климентовой въ 1882 году, и о смерти его любимой сестры Анны въ слѣдующемъ году. Но какъ ни важны были сами по себѣ эти событія въ личной жизни Сергѣя Андреевича, они ни малѣйшимъ штрихомъ не отразились на его ученой и учебной дѣятельности.

Мы уже видѣли, что ученая дѣятельность съ самаго начала не могла цѣликомъ захватить широкой и разнообразной натуры Сергѣя Андреевича, и его уже на университетской скамьѣ начинаетъ тянуть къ общественной дѣятельности. Съ годами эта тяга къ общественному дѣлу уси-

лилась еще въ болѣе значительной степени, и онъ вырабатываетъ себѣ слѣдующую программу для своихъ общественныхъ выступленій. „Истинная задача того, кто выходитъ на поле общественной дѣятельности“, — говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ набросковъ, — „вести людей силою ихъ лучшихъ чувствъ и высокихъ стремленій. Каждая, даже очень малая профессія изъ числа достойныхъ есть, хотя бы въ микроскопической формѣ, осуществленіе высшихъ цѣлей человѣчности и общественности: въ свое частное дѣло каждый гражданинъ призванъ вводить какую бы то ни было идею общественного служенія... Мы близимся къ вѣку свободы и демократизма. Въ этомъ состояніи общественности каждый самъ призванъ стоять на стражѣ и свободы и равенства, ибо нѣтъ той силы, которая могла бы создать ихъ для человѣка, когда сознаніе ихъ ему самому чуждо. Возможно большая вдумчивость въ дѣлѣ изученія природы человѣка и общества; осмотрительность въ рѣшеніяхъ, памятованіе о томъ, что лишь въ союзѣ — въ сотрудничествѣ съ другими на почвѣ общенія лучшихъ чувствъ и стремленій — обрѣтается вѣрный путь жизни; сознаніе, что личное спасеніе надо искать прежде всего въ собственной личной силѣ, въ собственномъ самообладаніи и энергіи, и, наконецъ, искреннее упорство въ трудѣ — вотъ что да ищетъ и лелѣетъ въ себѣ тотъ, кто, стоя въ предверіи своей личной жизни, желаетъ быть въ ней ея хозяиномъ“...

И Сергій Андреевичъ прежде всего стремился достигъ этого „осуществленія высшихъ цѣлей человѣчества и общественности“ въ своихъ университетскихъ отношеніяхъ. Здѣсь онъ выступаетъ горячимъ защитникомъ автономіи университетской жизни, и еще въ самомъ началѣ своей профессорской дѣятельности демонстративно отказывается подать руку проф. Любимову, считавшемуся однимъ изъ застрѣльщиковъ противъ автономнаго университета. При такихъ воззрѣніяхъ онъ находилъ для себя невозможнымъ уклониться отъ исполненія самыхъ неблагодарныхъ университетскихъ обязанностей, если только у него теплилась хоть слабая надежда принести какую-либо пользу автономному университету. Такъ, въ 1881 г., въ разгаръ студенческихъ волненій, онъ былъ избранъ на должность проректора, которая принесла ему лишь рядъ крайне тяжелыхъ минутъ.

Того же „осуществленія высшихъ цѣлей человѣчности и общественности“ онъ искалъ и въ своей чисто ученой дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія университетская катедра и научный трактатъ представлялись для него хотя и чрезвычайно важными, но все же недостаточными средствами. Ему нужна была широкая общественная аудиторія, непосредственное участіе въ текущей общественной работѣ. Такую подходящую для себя трибуну онъ видѣлъ въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ, предсѣдателемъ котораго онъ оставался въ теченіе 19 лѣтъ съ 1880 по 1899 г., т. е. до момента насильственного закрытія этого общества. Какія великія общественныя задачи хотѣлъ преслѣдовать С. А. черезъ Юридическое Общество, свидѣтельствуетъ хотя бы слѣдующій отрывокъ изъ рѣчи Сергія Андреевича: „мы извѣрились въ силу бюрократическаго творчества, мы не ожидаемъ отъ него ничего благотворнаго для внутренней политической жизни Россіи... Юридическое общество признало, что задача его состоятъ въ проведеніи въ пубliku политическихъ идей, усвоеніе которыхъ требуется современнымъ общественнымъ состояніемъ Россіи“.

Для того, чтобы представить себѣ, какую большую работу долженъ

былъ нести Сергѣй Андреевичъ въ качествѣ предсѣдателя Моск. Юридическаго Общества и редактора органа этого Общества „Юридическаго Вѣстника“ (на каковомъ посту Сергѣй Андреевичъ оставался вплоть до того момента, когда правительство рѣшило взять этотъ органъ подъ цензуру, а Общество въ видѣ протеста противъ этой мѣры отказалось отъ продолженія изданія)—мы приведемъ слѣдующія характерныя слова самого С. А.-ча. „Всѣ“,—говорить онъ,—„обыкновенно интересуются очень многимъ, но отнюдь не стремятся узнать досконально, какъ именно изъ совокупности этого многого то или другое достигается. По виду всѣ какъ бы предпочитаютъ быть барами, гнушаясь отчетливымъ исполненіемъ своей работы въ мельчайшихъ подробностяхъ. Сколько еще пережитка въ этомъ пренебрежительномъ отношеніи къ основнымъ элементамъ дѣйствительнаго труда!“... Вотъ почему онъ входитъ во всѣ мелочи жизни Общества, не жалѣя труда и времени. „Невозможно представить себѣ“,—говоритъ одинъ изъ его ближайшихъ сотрудниковъ по Юридическому Обществу,—„болѣе стройный ходъ дѣла въ засѣданіяхъ, гдѣ онъ (Муромцевъ) предсѣдательствовалъ. Казалось, онъ все предвидѣлъ и предусмотрѣлъ напередъ. Все шло стройно, послѣдовательно, безъ всякой помѣхи. И происходило это отъ того, что все, что можно было предусмотрѣть, было предусмотрѣно, что надо было приготовить—приготовлено, а затѣмъ все обдуманно зананѣе. Всякая же неожиданность не заставляла предсѣдателя врасплохъ, ибо онъ всегда былъ готовъ къ тому, что можетъ произойти что-нибудь такое, чего нельзя было предвидѣть зананѣе. Онъ всегда былъ проникнутъ серьезностью значенія того, что дѣлается въ Обществѣ; эта серьезность проникала всѣ его дѣйствія, все его поведение,—она же, въ связи съ его умомъ и твердой волей, давала ему и средство и умѣнье выдерживать тотъ строгій стиль, который носили засѣданія Юридическаго Общества. Много значило и выработанное имъ самообладаніе... Много помогала стройности и, такъ сказать, содержательности предсѣдательства С. А. и многосторонность его знаній. Онъ всегда былъ въ курсѣ того, что составляло предметъ засѣданія“. Что же касается специальной редакторской работы по изданію „Юридическаго Вѣстника“, то тотъ же авторъ продолжаетъ: „Передъ составленіемъ каждой книжки собиралось обыкновенно у С. А. бюро редакціи; бывало и такъ, что намъ вдвоемъ приходилось останавливаться на обсужденіи содержанія будущей книжки журнала. При этомъ постоянно приходилось убѣждаться, что С. А. уже намѣтилъ составъ книжки, что передъ нимъ находится записанное имъ лично названіе имѣющихся въ портфель редакціи статей, затѣмъ списокъ того, что предполагается для будущей книжки. И вотъ тутъ-то обнаруживалось, что С. А. знакомъ съ содержаніемъ всѣхъ присланныхъ статей, что онъ имъ просматрѣны, и онъ вполне правильно опредѣляетъ пригодность или непригодность и значеніе той или другой статьи, какова бы ни была специальная тема ея изъ числа предметовъ и вопросовъ, входящихъ въ программу журнала“.

Помимо Московскаго Юридическаго Общества, С. А. Муромцевъ принимаетъ живое участіе въ дѣятельности Московской Городской Думы, куда онъ былъ избранъ въ 1881 году. Первые годы дѣятельности въ качествѣ гласнаго Городской Думы были посвящены главнымъ образомъ чрезвычайно важнымъ вопросамъ, касающимся техники веденія дѣла въ Думѣ. „Онъ не упускаетъ случая“,—пишетъ его ближайшій товарищъ по городской дѣятельности г. Н. Астровъ,—„со свойственной ему точностью и

отчетливостью установить строение общаго собранія, его составные элементы, взаимное отношеніе этихъ элементовъ. Лишь только возникала коллизія правъ Думы съ властью предсѣдателя, лишь только права собранія или отдѣльныхъ его членовъ угрожала опасность, С. А. поднимался на защиту этихъ правъ, разъясняя слагавшіяся положенія, устанавливая принципъ и точно опредѣляя форму, какъ вышнюю гарантію неприкосновенности принципа. Его убѣжденный голосъ раздавался всегда, какъ только онъ замѣчалъ, что общественной идеѣ грозитъ опасность со стороны лицъ, входящихъ въ составъ собранія и плохо понимающихъ, какъ свои права, такъ и права собранія, или извнѣ. Эти выступления имѣли тѣмъ большій вѣсъ и значеніе, что представляли объективную оцѣнку создававшегося положенія и происходили въ то время, когда Дума еще не имѣла писанныхъ правилъ для производства дѣлъ въ ея засѣданіяхъ... Мы не будемъ останавливаться на тѣхъ отдѣльныхъ темахъ, которыя Сергій Андреевичъ разработывалъ въ своихъ думскихъ выступленияхъ за этотъ періодъ. Вышеприведенная цитата въ достаточной мѣрѣ освѣщаетъ сущность этой дѣятельности С. А-ча. Конечно, и эта дѣятельность носила отпечатокъ глубокой и искренней демократичности. Такъ, по поводу постройки Александровскихъ казармъ Муромцевъ въ 1882 г. заявилъ: „если просьба г.г. офицеровъ о расширеніи офицерскаго собранія заслуживаетъ уваженія, то удовлетвореніе солдатскихъ нуждъ должно предшествовать удовлетворенію нуждъ г.г. офицеровъ“. Въ другомъ засѣданіи того же года онъ ребромъ ставитъ вопросъ о томъ, „какъ освободить, наконецъ, городъ отъ того тяжелаго полицейскаго режима, который накладывается на его обывателей и, несомнѣнно, не однимъ произволомъ административной власти, а самимъ закономъ“. Въ сентябрьскомъ засѣданіи 1883 года Муромцевъ по поводу смерти И. С. Тургенева, считавшагося тогда въ опалѣ, предлагаетъ Думѣ: „составить нынѣ же постановленіе, что Дума съ крайнимъ прискорбіемъ принимаетъ извѣстіе о смерти великаго писателя И. С. Тургенева, и по составленіи приговора прочесть его и выслушать всѣмъ гласнымъ въ полномъ составѣ стоя. Просить предсѣдателя назначить, по его усмотрѣнію, въ ближайшемъ будущемъ день, когда отслужить въ залѣ Городской Думы панихиду по покойномъ. Назначить депутацію, которая отъ имени города Москвы присутствовала бы на похоронахъ И. С. Тургенева“...

Далѣе, въ это же самое время С. А. Муромцевъ принимаетъ участіе въ земской жизни въ качествѣ гласнаго Новосильскаго Уѣзднаго и Тульскаго Уѣзднаго Собраній и въ Московскомъ Губернскомъ Земствѣ по избранію отъ Московской Городской Думы. Здѣсь онъ выступаетъ горячимъ защитникомъ мелкой земской единицы, расширившей самостоятельность крестьянства, онъ является, далѣе, однимъ изъ главныхъ виновниковъ постановленія земства объ отѣнѣ для крестьянства тѣлеснаго наказанія; онъ даже на мелкихъ фактахъ побуждаетъ Земство бороться за свои права противъ произвола администраціи (такое, напр., было его предложеніе, принятое единогласно Собраніемъ, объ избраніи представителей на съѣздъ земствъ для составленія плана борьбы съ чумой рогатаго скота, не дожидаясь разрѣшенія этого съѣзда).

Эти демократическія выступления молодого и энергичнаго ученаго не могли укрыться отъ вниманія правительства тѣмъ болѣе, что время въ общественномъ отношеніи было въ высшей степени тусклое, и Сергій Андреевичъ невольно слишкомъ выдѣлялся на этомъ мутномъ фонѣ. „Жизнь русскаго, а въ частности, и московскаго общества“, — пишетъ о

восьмидесятихъ годахъ г. А. Кизеветтеръ,—„катилась однообразно, мало-содержательно. Кое-гдѣ лишь теплились скромные очаги серьезныхъ общественныхъ интересовъ. Публичная лекція профессора, даже на чисто отвлеченно-научную тему, являлась уже рѣдкимъ общественнымъ событіемъ... На что-либо напоминающее политическія собранія не было и намека. Единственной формой публичнаго обсужденія общественныхъ вопросовъ служили застольныя рѣчи на юбилейныхъ обѣдахъ и на традиціонномъ обѣдѣ въ день 19 февраля. Но и на эти обѣды сходилась сравнительно лишь очень небольшая кучка передовой интеллигенціи. А затѣмъ оставались тѣсныя кружки единомышленниковъ и пріятелей, кафедръ, юридическое общество, двѣ—три дружественныхъ редакціи, да работа въ земствѣ и городской думѣ“... На этомъ сѣромъ фонѣ общественной жизни характерная, цѣльная и настойчивая фигура Муромцева должна была рѣзать глаза администраціи. Такъ подготовлялось событіе, которое Сергѣй Андреевичъ предсказалъ еще на университетской скамьѣ—изгнаніе изъ университета за либеральный образъ мыслей. Въ 1884 г. тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Деляновъ предложилъ Муромцеву подать въ отставку. И на Муромцева и на всѣхъ друзей науки это требованіе произвело крайне тяжелое впечатлѣніе. Всѣ понимали, какую огромную утрату понесла русская наука въ лицѣ С. А. Муромцева. Понимала это, повидимому, и сама бюрократія. По крайней мѣрѣ, П. М. Нечаевъ передаетъ слова, которыя ему пришлось слышать отъ Делянова тотчасъ же послѣ отставки С. А. Муромцева: „да, большой ученый, умный, серьезный, дѣльный. Я вотъ все гляжу: трудъ за трудомъ появляется. Много ли такихъ у насъ? Жаль вотъ только, что политическія-то идеи у него неподходящія. На лекціяхъ-то, правда, онъ о нихъ никогда не говорить, да мы-то ужъ знаемъ“...

Покинувъ противъ своего желанія университетъ, С. А. Муромцевъ вступаетъ въ московскую адвокатуру, гдѣ быстро занимаетъ чрезвычайно почетное мѣсто. Его глубокій взглядъ на адвокатскую дѣятельность далъ ему возможность и въ этомъ мірѣ чисто практическихъ отношеній остаться по преимуществу теоретикомъ-ученымъ. Въ одномъ изъ своихъ ученыхъ трудовъ онъ высказалъ такой взглядъ на процессъ образованія юридическихъ нормъ, составляющихъ содержаніе каждаго права: „Процессъ этотъ есть результатъ взаимодействія двухъ дѣятелей: жизни народа, творящей потребности въ нормахъ, и мыслительной способности всего народа вообще и сословія юристовъ въ особенности... каждая юридическая норма и есть явленіе, непосредственно вызванное потребностью, но явленіе, вызванное потребностью при содѣйствіи мышленія человѣка“. На свою адвокатскую дѣятельность онъ смотрѣлъ, слѣдовательно, какъ на служеніе народу въ великомъ дѣлѣ разработки и усовершенствованія права. И въ этомъ отношеніи онъ былъ щепетиленъ до послѣдней возможности, быть можетъ, до крайности, которая такъ ярко освѣщаетъ всю благородную фигуру замѣчательнаго мыслителя. Это уваженіе его къ своимъ адвокатскимъ функциямъ заставляло его во всѣхъ своихъ адвокатскихъ выступленіяхъ особенно выдвигать нравственную сторону дѣла. Вотъ какой, напр., интересный въ данномъ отношеніи фактъ сообщаетъ г. Кистяковский. „Приблизительно за годъ до созыва Государственной Думы къ С. А. обратились съ очень крупнымъ дѣломъ. Предполагалось вознагражденіе, во много разъ превышавшее всѣ тѣ скромныя средства, которыя остались послѣ его смерти. Уже самый фактъ, что дѣло крупное, заставило С. А. особо насторожиться и со всею тщательностью отнестись къ разсмотрѣнію дѣла

При ближайшемъ анализѣ приходилось придти къ заключенію, что дѣло правое и безусловно должно быть выиграно. Это прямо начало смущать С. А., и онъ началъ настойчиво доискиваться скрытыхъ дефектовъ. Наконецъ, С. А. указать, что его смущаетъ одинъ важный документъ въ дѣлѣ, что когда лица, обратившіяся къ нему, говорятъ объ этомъ документѣ, то ему чувствуется нѣкоторое ихъ смущеніе, а потому у него является предположеніе, не подложный ли это документъ. Никакихъ объективных данныхъ въ пользу такого предположенія не было. Я лично бралъ на себя смѣлость указывать, что дѣло надлежитъ принять къ производству, и отъ дѣла возможно будетъ отказаться, если позднѣе оправдается догадка Сергѣя Андреевича и споръ о подлогѣ дѣйствительно будетъ заявленъ. С. А. нѣсколько дней думалъ и, наконецъ, отъ дѣла отказался. Это дѣло поступило впослѣдствіи въ производство другого адвоката, было имъ выиграно, и никакого спора о подлогѣ документа предъявлено не было“.

Съ такою строгостью онъ относился къ выбору дѣлъ, которыя онъ соглашался вести въ судебныхъ учрежденіяхъ. Съ такою же строгостью онъ относился и къ выбору доводовъ въ пользу своего дѣла. Онъ тонко разучивалъ каждое дѣло; онъ умѣлъ поднять его на высоту принципиальнаго вопроса, но онъ никогда не позволилъ себѣ воспользоваться ни однимъ сомнительнымъ доводомъ, который могъ бы дать ему лишнее оружіе для побѣды и вмѣстѣ съ мѣтой затемнить вопросъ въ глазахъ судей. Онъ никогда не позволялъ себѣ ни малѣйшихъ лирическихъ отступленій, которыя, дѣйствуя на сердце судьи, затемняютъ его разсудокъ. Онъ никогда не позволилъ себѣ ни малѣйшаго рѣзкаго выступленія по отношенію къ своему противнику, какъ бы тотъ ни пользовался возможностью задѣвать его личность. Въ самомъ процессѣ онъ принималъ на себя, по преимуществу, или задачи формулировать общіе вопросы, возбуждаемые дѣломъ, что исполнялъ онъ съ величайшимъ мастерствомъ, или отмежевывалъ себѣ въпросы процессуальные, т. е. вопросы о направленіи дѣла въ тѣ или другія учрежденія и правильномъ ихъ ходѣ въ этихъ учрежденіяхъ. Какое огромное значеніе онъ придавалъ формамъ, въ которыя отливается наша дѣятельность въ политической, государственной и частно правовой областяхъ, видно хотя бы по слѣдующему отрывку изъ одной изъ его рѣчей: „соблюденіе извѣстныхъ формъ есть гарантія нашей свободы и нашихъ правъ; если мы не будемъ уважать форму... мы во многихъ случаяхъ будемъ рисковать посягательствомъ и на нашу свободу“...

Прекрасный портретъ С. А. Муромцева, какъ адвоката далъ намъ его товарищъ г. Винаверъ: „Стройная, съ прямою спиною фигура поднимается съ мѣста и ровнымъ, неторопливымъ шагомъ приближается къ каедрѣ. Онъ не прилипаетъ къ каедрѣ, не виснетъ у нея и не странствуетъ беспорядочно впереди ея, а стоитъ свободно, рядомъ съ каедрой,—линіи стройной фигуры вырисовываются въ воздухѣ, античная голова съ матовымъ лицомъ, обрамленная черными, какъ смола—въ концѣ жизни побѣлѣвшими—волосами, водруженная на цоколѣ, случайно, казалось, одѣтомъ, въ черный фракъ со звѣздочкой, а не въ бѣлую мантию. Рѣчь начинается плавно, размѣренно, входя сразу in medias res, безъ приступовъ, безъ искусственныхъ или естественныхъ заминокъ. Она захватываетъ слушателя не сразу и захватываетъ его не въ какой-либо моментъ, не феерической молніей или громомъ. Слушатель подпадаетъ лишь подъ очарованіе рѣчи въ цѣломъ, ея внутренней гармоніи, связанности частей, изъ которыхъ постепенно вылупливается основная, главная идея, склады-

вается нѣчто цѣльное, подкупающее этою своею цѣльностью, своею простотой, нѣсколько холодной, но все же такою чистою, плѣнительною, мраморною красотой. Глаза оратора по временамъ вспыхиваютъ какимъ-то особымъ теплымъ, интимнымъ блескомъ, движенія нѣсколько оживаютъ, голова гордо поднимается,—то онъ поднимается до самой святаго святыхъ своего творчества, созерцаетъ уже созданное, отдѣлившееся отъ него твореніе. Ни рѣзкаго выкрика, ни страстнаго движенія. А вы все же у него въ плѣну; васъ держатъ чары той гармоніи, которая такъ всецѣло владела имъ, отблески которой живы въ душѣ каждого человѣка; васъ держитъ вѣра въ силу идеи, гармонически воплощающейся въ живую, законченную форму. И такой же плѣнительный, такой же мраморный, какъ человѣкъ, какъ его голосъ, какъ его рѣчь, былъ самый языкъ его. Въ этомъ языкѣ не было блескоу, не было игривости, легкости, цвѣтистости, но въ немъ была крѣпость и особенная изысканная простота. Муромцевъ любилъ обращаться къ старому, суровому, но ядренуму языку древнихъ памятниковъ, къ языку Сперанскаго, и въ немъ находить украшенія и узоры для своей, вполне гармонирующей съ ними по тону рѣчи... Онъ былъ изысканъ въ выраженіяхъ, какъ изысканъ былъ въ мысляхъ. Уродство слова, какъ и уродство мысли, причиняло ему боль...

Все это дѣлало Муромцева не только замѣчательнымъ адвокатомъ, но и учителемъ, какъ своего сословія, такъ нерѣдко и самого суда.

Адвокатура, какъ и профессура, не поглотили всѣхъ силъ Сергѣя Андреевича. Онъ продолжалъ, хотя и съ далеко неодинаковымъ напряженіемъ, и свою общественную работу.

Онъ продолжалъ оставаться дѣятельнымъ предсѣдателемъ Московскаго Юридическаго Общества и редакторомъ „Юридическаго Вѣстника“, на который онъ затрачивалъ не только свой личный трудъ, но и свои личные денежныя средства. Такъ продолжалось дѣло до 1893 г., когда правительство рѣшило подчинить этотъ органъ предварительной цензурѣ, а общество предпочло вмѣсто этого совѣтъ прекратить его изданіе. Предсѣдательствованіе въ Юрид. Обществѣ закончилось лишь въ 1899 г., когда и само Общество было закрыто по распоряженію правительства. Главнѣйшая изъ причинъ этого закрытія въ рапортѣ министра внутреннихъ дѣлъ излагается слѣдующимъ образомъ: „съ общимъ направленіемъ Московскаго Юридическаго Общества совершенно гармонировалъ частный эпизодъ, непосредственно повлекшій закрытіе этого общества и состоявшій въ прочтеніи г. Муромцевымъ въ первый день пушкинскихъ торжествъ... неумѣстнаго адреса... Адресъ отъ имени Московскаго Юридическаго Общества..., истолковывавшій торжество великаго русскаго поэта въ томъ смыслѣ, что онъ освобождаетъ личность отъ властной опеки, вызвалъ... оглушительные аплодисменты, показавшіе, какъ публика, среди которой были и учащіеся, поняла этотъ намекъ. Чтеніе подобнаго адреса тѣмъ болѣе непростительно, что въ засѣданіи присутствовалъ Его Императорское Высочество Августѣйшій генералъ-губернаторъ и представители властей“... Изъ этихъ словъ рапорта мы видимъ, какой смѣлой и честной линіи поведенія продолжалъ держаться Муромцевъ въ политическихъ вопросахъ.

Не оставляетъ онъ и работы въ Московской Городской Думѣ, гласнымъ которой онъ былъ съ 1889 по 1893 и съ 1897—1908 годы. Работа здѣсь сохраняетъ тотъ же характеръ, какъ и въ первое время выступленія въ Городской Думѣ, когда онъ былъ профессоромъ;—только въ послѣднее десятилѣтіе она принимаетъ еще болѣе интенсивный характеръ. Такъ, въ это время онъ принимаетъ на себя большую и сложную работу по пред-

сѣдательствованію въ двухъ постоянныхъ подготовительныхъ комиссіяхъ (по составленію проектовъ обязательныхъ для мѣстныхъ жителей постановленій и организаціонной), а также дѣятельно работаетъ въ комиссіяхъ: финансовой, желѣзнодорожной, канализаціонной, по вопросу объ устройствѣ окружной желѣзной дороги, по газовому освѣщенію, по урѣгулированіи отношеній между городомъ и земствомъ и другихъ. Помимо того, имъ написанъ рядъ чрезвычайно цѣнныхъ докладовъ и произнесено нѣсколько выдающихся рѣчей на наиболѣе жгучія темы городской жизни. Какую большую общекультурную цѣнность представляютъ эти труды Муромцева, можно судить по четвертому выпуску его „статей и рѣчей“, въ которомъ собраны важнѣйшія изъ его работъ, касающихся городской жизни. Объ этой книжкѣ извѣстный городской дѣятель г. Астровъ говоритъ: „Тѣ, кому не безразличны интересы и успѣхъ общественныхъ самоуправленій, должны будутъ изучить эту книжку, содержащую въ себѣ драгоцѣнные выводы и заключенія, мысли и изслѣдованія, изложенныя иногда въ лаконической формѣ, почти въ видѣ афоризмовъ вдумчиваго наблюдателя, просвѣщеннаго и талантливаго знатока права, въ которомъ счастливо сочетались точный умъ математика и тонкій вкусъ художника“...

Наконецъ, съ 1898 года Сергѣю Андреевичу было поручено читать лекціи по гражданскому праву и гражданскому судопроизводству въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ. Онъ съ жадностью взялся за исполненіе этихъ профессорскихъ обязанностей, хотя аудиторія Лицея, мало удовлетворяла его.

Заканчивая этотъ періодъ жизни С. А. Муромцева и переходя къ его смѣлымъ и яркимъ выступленіямъ въ политической жизни, сдѣлавшимъ его исторической личностью, мы приведемъ нѣсколько чертъ, характеризующихъ его, какъ частнаго человѣка. „Сергѣй Андреевичъ“,—говоритъ г. В. Н., человѣкъ, повидимому, близко знавшій Муромцева, „—былъ исключительно привязанъ къ своимъ дѣтямъ и остался въ ихъ воспоминаніи, окруженный самой горячей любовью и признательностью. Дѣти помнятъ его постоянно занятымъ, постоянно за работой, крайне сдержаннымъ и ровнымъ со всѣми, но очень нѣжнымъ и ласковымъ въ кругу самыхъ близкихъ людей. О его тревогахъ и заботахъ даже домашніе узнавали часто со стороны. Съ тѣми, кого онъ любилъ, онъ дѣлился только хорошимъ, беря на себя одного все тяжелое. С. А. былъ необыкновенно щедръ, никогда никому не отказывалъ въ поддержкѣ. Онъ почти никогда не говорилъ о себѣ. Въ работѣ онъ былъ исключительно точенъ, аккуратенъ, успѣшнѣе всего работалъ или рано утромъ, или поздно вечеромъ. Когда былъ чѣмъ-нибудь озабоченъ, или когда за работою приходила новая мысль, во что нужно было углубиться, вставалъ изъ-за письменнаго стола и ходилъ по комнатѣ, положила руки за спину. Любилъ опредѣленный, точный распорядокъ дня. Во всѣхъ своихъ привычкахъ былъ крайне консервативенъ, всегда писалъ тѣми же перьями, употреблялъ ту же бумагу, тотъ же покрой платья, всегда его кабинетъ и письменный столъ были обиты темно-красной матеріей (бордо). Любилъ простую обстановку, простой столъ, никогда не игралъ въ карты, не пилъ вина, не курилъ. Когда работалъ, любилъ, чтобы въ его кабинетѣ былъ кто-нибудь изъ дѣтей. Дѣтей своихъ училъ самъ, составлялъ для нихъ учебники, лекціи. Когда они болѣли,—самъ ходилъ за ними, былъ сидѣлкой и просиживалъ съ ними цѣлыя ночи. Свѣтской жизни не любилъ; вѣрнѣе, въ его взрослой жизни ей не было мѣста. Несмотря на крайне интенсивную постоянную

работу, взрослымъ никогда не болѣлъ, кромѣ того, что одинъ періодъ страдалъ очень сильными головными болями вслѣдствіе мозгового переутомленія. Сохранялъ свои силы исключительно благодаря правильной жизни, лишенной всякихъ излишествъ. Въ первый разъ лѣчился въ лѣто 1910 г., передъ своей смертью“...

Слѣдующія строки г. Астрова позволяютъ дополнить фигуру Муромцева, какъ неутомимаго труженика, на общественной нивѣ, весьма существенными чертами. „Нельзя не отмѣтить“,—говорить только что названный нами авторъ,—„того особеннаго отношенія, которое С. А. проявлялъ

С. А. Муромцевъ въ своемъ кабинетѣ.

къ внѣшней сторонѣ самаго исполненія работы. И здѣсь все то же стремленіе—сочетать содержаніе съ формой—заставляло его предъявлять строгія требованія даже къ такимъ, казалось бы мелочамъ, какъ переписка его текстовъ четкимъ и круглымъ почеркомъ. Съ особенной строгостью относился онъ къ печатанью докладовъ (рѣчь идетъ о М., какъ гласномъ Г. Д.). Самъ тщательно корректируя текстъ, Сергѣй Андреевичъ глубоко огорчался, когда въ докладѣ находилъ опечатку или типографскую погрѣшность. вмѣстѣ съ тѣмъ, ему доставляло видимое удовольствіе изящно исполненная на пишущей машинѣ работа или быстро и безъ ошибокъ отпечатанный въ типографіи текстъ. Неоднократно приходилось слышать отъ него восхваленіе достоинствъ типографскаго труда за границей и точнаго исполненія въ этихъ типографіяхъ указаній автора. Много разъ покойный Сергѣй Андреевичъ ссылался вообще на умѣнье работать и распредѣлять время за границей, обращалъ вниманіе на то, что мы, русскіе, не умѣемъ работать по плану, не умѣемъ беречь своего и чужого времени, лишены искусства соразмѣрять силы съ работой, что влечетъ за собой усталость, пониженіе качества труда и преждевременную смерть“...

Конечно, С. А. планъ своей работы индивидуализировалъ сообразно съ природой самой работы. Если свои статьи и доклады онъ четко переписывалъ своимъ крупнымъ почеркомъ, то для своихъ рѣчей онъ искусно разрабатывалъ только планъ. „Отмежеванный ему отдѣлъ“,—говоритъ г. Винаверъ,—„онъ тотчасъ же разбивалъ на рубрики и выписывалъ ихъ заголовки и подзаголовки на бѣломъ листѣ бумаги крупнымъ почеркомъ, кое-что подчеркивая цвѣтнымъ карандашомъ, а главное, стараясь придать и этимъ замѣткамъ возможно точную редакцію. Больше ужъ онъ къ рѣчи не готовился. Рѣчей впередъ не писалъ. Достаточно ему было закрѣпить на бумагѣ планъ,—развитіе, содержаніе, фразы были уже бѣломъ момента, когда рѣчь произносилась“.

Переходной стадіей къ его необычайно яркому политическому выступленію въ качествѣ председателя Государственной Думы послужила его работа въ сѣздахъ земскихъ дѣятелей. Организация, создавшая и поддерживавшая эти Сѣзды вопреки противодѣйствию правительства и получившая въ англійской прессѣ знаменательное названіе „Матери русскихъ парламентовъ“, сыграла въ переходное время видную роль. Эти сѣзды объединили всю земскую оппозицію и показали бюрократіи, что въ нѣдрахъ самаго безобиднаго и лояльнаго либерализма назрѣла смѣлость требовать конституціи и бороться за нее, хотя бы съ рискомъ за свое личное благополучіе для каждаго изъ участниковъ этой организаціи. С. А. примкнулъ къ этой организаціи почти съ самаго ея возникновенія и отдался ея дѣлу со всѣмъ пыломъ своей благородной души. Эти сѣзды, поставившіе своей главнѣйшей задачей подготовить русское общество къ новымъ формамъ государственной жизни, которыхъ властно требовала историческая необходимость, и намѣтить тѣ конституціонные пути, по которымъ должна будетъ идти русская жизнь, производили сильнѣйшее впечатлѣніе на самого Сергѣя Андреевича. „Не могу передать съ достаточной силой,—писалъ онъ впослѣдствіи,—того торжественнаго и свѣтлаго настроенія, которое царило въ средѣ собравшихся. Импонирующий обликъ собранія, состоявшаго въ значительной своей части изъ людей уже пожилого возраста, съ вѣсомъ и положеніемъ въ обществѣ, выдающійся внѣшній порядокъ и стройность рѣчей, хотя и горячихъ, но всегда сохранявшихъ полное достоинство и чуждыхъ всего рѣзкаго, вообще въ высшей степени серьезное отношеніе къ предмету обсужденія, сознаніе огромной государственной важности возбужденнаго вопроса, признаніе того, что желательная реформа при всемъ своемъ коренномъ значеніи должна быть произведена не иначе, какъ при непремѣнномъ и живомъ участіи самой власти,—все это изобличало въ участникахъ общеземскаго сѣзда общественныхъ работниковъ, прошедшихъ практическую школу земской дѣятельности и умѣющихъ сочетать интересы индивидуальной и общественной свободы съ государственнымъ значеніемъ предпринятаго ими дѣла“... Однимъ словомъ, въ этихъ земскихъ сѣздахъ Муромцевъ увидѣлъ большое политическое дѣло, которое могло быстро принести отечеству цѣнные плоды. Эта новая политическая волна влила въ душу С. А.-ча новыя силы. „Мы видимъ“,—говоритъ объ этомъ моментѣ г. Ледницкій,—„Сергѣя Андреевича точно помолодѣвшимъ, живымъ и бодрымъ, съ неописуемымъ подъемомъ, точно вступающимъ въ новую жизнь“...

Главной задачей земскихъ сѣздовъ была выработка такой редакціи основнаго конституціоннаго закона, который могъ бы найти поддержку со стороны вліятельныхъ общественныхъ круговъ. (Замѣтимъ, что на земскіе сѣзды получили приглашеніе всѣ выборные председатели губернскихъ

земскихъ управъ и по четыре делегата отъ губернскихъ земскихъ собраній). Такой законопроектъ былъ редактированъ для земскихъ сѣздовъ С. А.-чемъ и поддержанъ ими. Впослѣдствіи законъ этотъ составилъ базу программы „кадетской“ (конституціонно-демократической) партіи и оказалъ даже нѣкоторое облагораживающее вліяніе на формулировку нынѣ дѣйствующихъ основныхъ законовъ, вышедшихъ изъ бюрократическихъ нѣдръ. Въ этомъ своемъ проектѣ С. А. Муромцевъ выступилъ горячимъ сторонникомъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, какъ это видно изъ проекта избирательнаго закона, приложеннаго С. А. Муромцевымъ къ проекту текста конституціи. Когда 6 августа 1905 года появился законъ о совѣщательной Думѣ, земскій сѣздъ постановилъ продолжать борьбу за расширеніе народныхъ правъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшилъ обратиться къ народу съ призывомъ принять участіе и въ этой Думѣ, постаравшись послать въ нее возможно большее количество оппозиціонныхъ депутатовъ. С. А.-чъ въ это время былъ не только членомъ сѣзда, но и однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ Бюро. Мы видѣли уже раньше, какое огромное значеніе придавалъ С. А.-чъ тому, чтобы освободительное движеніе не оказалось застигнутымъ врасплохъ и чтобы русское общество имѣло всѣ свои главнѣйшія требованія точно и ясно сформулированными и сведенными въ рядъ законопроектовъ, которые можно было бы немедленно въ случаѣ нужды пустить въ оборотъ. Онъ упорно поэтому продолжаетъ работать, проводя нерѣдко за книгами и рукописями ночи, надъ рядомъ дальнѣйшихъ законопроектовъ, среди которыхъ мы можемъ назвать: 1) проекты необходимыхъ мѣръ къ обезпеченію дѣйствительной неприкосновенности личности, 2) законъ о собраніяхъ, 3) законъ о союзахъ, 4) временныя правила о печати. Всѣ эти работы отличаются большими достоинствами и до настоящаго времени всѣ истинно-демократическіе законопроекты въ этомъ направленіи всегда опираются на упомянутыя его работы.

Для дальнѣйшей политической карьеры Муромцева особенное значеніе имѣлъ послѣдній земскій сѣздъ, засѣдавшій въ первой половинѣ ноября 1905 года. „Рѣдкія предсѣдательскія качества Сергѣя Андреевича“,— говорить г. Кокошкинъ,— „и ранѣе были извѣстны москвичамъ. На послѣднемъ земскомъ сѣздѣ они проявились уже передъ собравшимися со всѣхъ концовъ Россіи общественными представителями и въ обстановкѣ, ближе напоминающей обстановку парламента, чѣмъ собраній, въ которыхъ онъ выступалъ въ роли предсѣдателя ранѣе. Съ первыхъ же словъ его, раздавшихся съ предсѣдательскаго мѣста, всѣ почувствовали, что передъ ними находится идеальный, незамѣнимый предсѣдатель. Онъ руководилъ преніями съ импонирующей твердостью, но въ то же время безъ малѣйшаго оттѣнка рѣзкости или нетерпѣнія, и, щепетильно воздерживаясь отъ какого-либо давленія на ходъ обсужденія вопросовъ, незамѣтно и искусно вводилъ его въ рамки правильной парламентской процедуры“...

Но этимъ не исчерпывались конституціонныя выступленія Сергѣя Андреевича. Главнымъ образомъ, подъ его же вліяніемъ выступили съ рѣзкими конституціонными заявленіями такіе видныя учрежденія, какъ Московская Городская Дума и Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ. О болѣе второстепенныхъ выступленіяхъ С. А.-ча мы уже не будемъ говорить. Подводя итогъ дѣятельности С. А.-ча за этотъ періодъ его дѣятельности, мы должны будемъ признать, что онъ сумѣлъ во время внести въ общественное движеніе свои знанія вѣру и стойкость. Въ лицѣ Сергѣя Андреевича наука выдвигаетъ передъ нами одинъ изъ благороднѣйшихъ типовъ своихъ служителей: типъ человѣка, который съ увлеченіемъ умѣлъ уxo-

дѣть въ самыя отвлеченныя научныя теоріи и вмѣстѣ съ тѣмъ не забывать своихъ гражданскихъ обязанностей по отношенію къ окружавшей его жизни... И не только не забывать своихъ обязанностей но и рисковать собой во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовала его совѣсть. Въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ забывать, что хотя старый абсолютическій порядокъ и прогнилъ, можно сказать, насквозь, тѣмъ не менѣе, онъ былъ еще настолько силенъ, чтобы раздавить, по крайней мѣрѣ, главарей конституціоннаго движенія, среди которыхъ Сергѣю Андреевичу, конечно, принадлежить одно изъ первыхъ мѣстъ. Къ счастью, этого не случилось, и въ слѣдующемъ же году мы находимъ его первымъ председателемъ первой Государственной Думы.

„Сѣдой, въ скюртукѣ, въ очкахъ, невысокаго роста, даже и голосъ негромкій, незвучный“,—говоритъ о первой своей встрѣчѣ съ С. А. на частномъ собраніи видный депутатъ-трудовикъ Бондаревъ.—„Онъ говорилъ о порядкѣ перваго дня, о первыхъ рабочихъ шагахъ организовавшейся Думы, рассказывалъ о техникѣ работы западно-европейскихъ парламентовъ, рассказывалъ такъ много, полно, обстоятельно... Онъ вскорѣ ушелъ, а когда расходились мы,—мы невольно удивлялись этому точному, обстоятельному знакомству съ парламентской работой.

„Промелькнули дни нервной работы, и насталъ первый думскій день, 27-е апрѣля, день выбора председателя Думы. На председательскомъ мѣстѣ маленький, сгорбленный, въ золотомъ шитьѣ тайный совѣтникъ Фришъ; депутаты пишутъ записки, пристава собираютъ записки, въ залѣ за колоннами подсчитываютъ записки, докладываютъ, и старческій голосъ тайнаго совѣтника спрашиваетъ:

— Согласенъ ли баллотироваться депутатъ Муромцевъ?

Въ переднемъ ряду поднимается...

— Да, согласенъ.

И голосъ звучитъ отчетливо, громко.

„Возбужденно шумитъ Дума, суета вокругъ каеэдры, суетливо повертывается въ стороны тайный совѣтникъ въ золотомъ шитьѣ, передъ кѣмъ-то сгибается, торопливо протягиваетъ руку... Мы смотримъ впередъ, ждемъ человѣка съ сѣдой головой, въ скюртукѣ, съ негромкимъ голосомъ: на каеэдру входитъ величавая фигура... Звонокъ; немного склонился впередъ, и навстрѣчу восторгамъ отчетливо громко звучитъ:

— Кланяюсь Государственной Думѣ...

„Во фракѣ, немного склонившись впередъ, тихо торжественно, полный величавой силы—председатель Думы... И въ первой Государственной Думѣ звучитъ рѣчь: короткая и отчетливая; мало словъ, но вѣситъ каждое слово, и каждое слово подчеркивается... Восторженно шумитъ Дума: выпрямляется онъ; звонокъ:

— Объявляю засѣданіе Государственной Думы открытымъ...

„Быстрымъ взглядомъ окидываетъ онъ залъ, кладетъ на звонокъ руку,—и съ председательской трибуны властно звучитъ:

— Прошу постороннихъ удалиться...

„Смотримъ кругомъ. У дверей, въ проходахъ, растерянно остановились какія-то фигуры во фракахъ и мундирахъ; поднялись въ ложахъ министровъ, растерянно смотрятъ на председателя Думы. А съ председательскаго мѣста еще болѣе властно звучитъ:

— Господа пристава, прошу удалить постороннихъ!..

„И когда мы подняли головы и оглянулись кругомъ, постороннихъ въ Думѣ не было...

„Кто не знаетъ Муромцева, какъ предсѣдателя Думы?

„Это было необычайное зрѣлище. Онъ былъ не просто знаткомъ своего дѣла, усвоившимъ тонкости парламентской техники,—нѣтъ, казалось, онъ органически былъ созданъ для этой роли, какъ бы вылитъ и выкованъ для этого; что-то чарующее было въ этомъ историческомъ противорѣчii—свободномъ, сильномъ умѣнii вести парламентское дѣло чело-вѣкомъ страны, никогда не знавшей парламента... И когда онъ подни-мался на предсѣдательское мѣсто, клалъ на звонокъ правую руку, коротко ударялъ въ звонокъ, немного наклонялся впередъ, мы спокойно откиды-вались на своихъ мѣстахъ, мы знали: работа введена въ свое русло...

„Было 72 дня нервной, страстной работы; дни, когда остро и рѣзко сталкивались въ своемъ различii и противорѣчii политическіе интересы думскихъ политическихъ группъ, но на предсѣдательскомъ мѣстѣ былъ Муромцевъ, и своимъ звонкомъ онъ одинаково призывалъ къ порядку всѣ стороны Думы. Въ историческій моментъ перваго народнаго предста-вительства, вышедшій изъ среды руководящаго большинства Думы, онъ сумѣлъ подняться до положенія—быть только предсѣдателемъ Думы; и когда онъ обращался къ Думѣ, то говорилъ только ея предсѣдатель, и рукоплесканія наши выражали ему наше довѣріе и одобреніе.

„Стоило ли ему это труда или нѣтъ,—мы не знали и не интересо-вались знать, но онъ сумѣлъ быть такимъ, и это было такъ правильно, такъ необходимо, такъ цѣнно.

„Но еще и не это цѣнное и необходимое вѣнчало его благороднымъ достоинствомъ. Когда въ чело-вѣкѣ съ сѣдой головой работаетъ живая мысль и въ великомъ юномъ порывѣ служенія родинѣ бьется его сердце, вотъ это импонируетъ; и вполне понятно, что, возвращаясь послѣ бесѣды съ нимъ, крестьяне передавали:

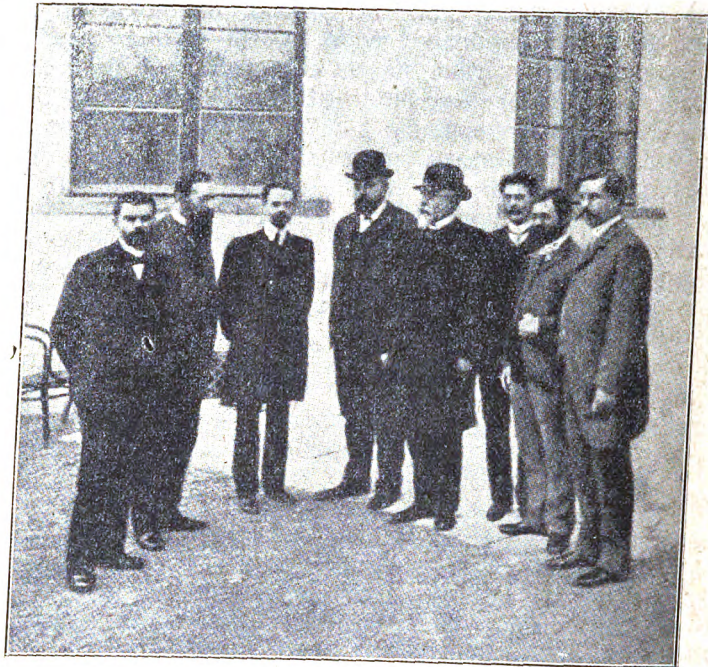
— Вотъ, кажется, всегда бы и говорилъ съ нимъ...

„Онъ говорилъ мало, кратко, но каждое слово его было взвѣшено. Онъ стоялъ въ центрѣ думской политической жизни, направляя ея офи-ціальную сторону; но для насъ было ясно, что для него это былъ не вопросъ внѣшней стороны, но одухотворенное занятіе высокаго поста, не вопросъ личнаго интереса, не вопросы политика.

„Официальный представитель Думы, онъ сносился съ исполнительной властью, имѣлъ аудіенціи. Что было тамъ,—въ этихъ сношеніяхъ аудіен-ціяхъ,—онъ намъ не сообщалъ, и мы не добивались этого знать. Мы смотрѣли на него и чувствовали: въ нужную, отвѣтственную минуту, всегда, вездѣ и передъ всѣми онъ сохранить благородное мужество, со-хранить величіе и достоинство своего поста, величіе и достоинство на-роднаго представительства. Ибо, стоя на высокомъ мѣстѣ, онъ и выкованъ былъ для славнаго поста“...

А положеніе Муромцева въ качествѣ перваго предсѣдателя Первой Государственной Думы было необычайно трудно. Западно-европейская парламентская жизнь въ теченіе многихъ десятилѣтій выковывала цѣлый рядъ парламентскихъ обычаевъ и нравовъ, которые въ высшей степени облегчаютъ ходъ парламентской машины и положеніе предсѣдателя парла-мента. Въ русской жизни въ тотъ моментъ ничего подобнаго не было, и все приходилось начинать съ самаго начала. Тѣ парламентскіе приемы, которые можно было бы перенести къ намъ съ Запада, не всегда под-ходили къ Государственной Думѣ по бытовымъ ея особенностямъ. Да, наконецъ, мало было указать на какой-нибудь обычай или предложить его; такое указаніе могло имѣть мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно было

бы усвоено, какъ слѣдуетъ, данной общественной организаціей. А этого нельзя было требовать отъ перваго русскаго парламента, громадное большинство членовъ котораго не прошло никакой политической школы и многіе изъ которыхъ не составили себѣ даже правильнаго представленія о функціяхъ парламентскаго организма. Къ тому же вести работу приходилось въ крайне напряженной общественной атмосферѣ. Наконецъ, основные законы очертили положеніе нашего парламента и его функціи такими неясными чертами, что являлась необходимость немедленно же на фактъ существованія и дѣятельности самого парламента закрѣпить его

С. А. Муромцевъ среди Членовъ Первой Государственной Думы
(Долгорукова, Гредескула, Кокошкина и др.).

въ жизни въ видѣ точныхъ и пѣлесообразныхъ актовъ, — чувствовалась потребность въ быстромъ, вѣрномъ и правильномъ творествѣ новыхъ нормъ государственнаго права. Нечего и говорить, что едва ли можно было найти въ Россіи того времени болѣе пригоднаго человѣка, чѣмъ С. А. Муромцева. Присмотримся же поближе къ его дѣятельности въ качествѣ предсѣдателя Государственной Думы.

С. А. — чѣмъ имѣлъ точныя и ясныя воззрѣнія на свои предсѣдательскія функціи. „Есть особенности“, — говорилъ онъ, — „въ положеніи предсѣдателя парламента по сравненію съ предсѣдателями другихъ общественныхъ собраній“... Обычною практикою общественныхъ собраній предсѣдателю присваивается еще и роль руководителя по самому существу происходящаго обсужденія. Отъ предсѣдателя обыкновенно ожидаютъ, что, сообщивъ собранію о томъ или другомъ поступившемъ дѣлѣ, онъ тутъ же подскажетъ дальнѣйшее его направленіе, заявитъ о его крайней срочности,

предложить его немедленное разсмотрѣніе или, наоборотъ, передачу въ комиссію. Во время преній и по окончаніи ихъ отъ предсѣдателя собраніе всегда готово выслушать его личное мнѣніе по дѣлу, принять отъ него проектъ постановленія по дѣлу и т. д. Особенность парламентской процедуры состоятъ въ томъ, что отъ дѣятельности этого рода она совсѣмъ или почти совсѣмъ устраняетъ предсѣдателя собранія. Въ такомъ многочисленномъ собраніи, какъ Государственная Дума, раздѣленная при томъ на многія фракціи и группы, съ совершенно различными часто взаимно-противоположными политическими воззрѣніями, приходится особенно заботиться о томъ, чтобы предсѣдательствующій въ собраніи могъ сохранить полное спокойствіе и безпристрастіе. Онъ не долженъ вступать въ борьбу, которую между собой ведутъ парламентскія фракціи и группы, сосредоточивая все свое вниманіе на внѣшнемъ регулированіи этой борьбы. Инициатива, которую въ обыкновенныхъ общественныхъ собраніяхъ столь охотно присваиваютъ предсѣдатель, должна въ стѣнахъ парламента перейти въ среду самаго собранія...

И тѣмъ не менѣе, эта нейтральная позиція не освобождала предсѣдателя отъ огромной и напряженной умственной работы. Мы уже говорили, что С. А-чу пришлось выдвинуть цѣлый рядъ новыхъ положеній, которые регулировали бы дѣятельность Государственной Думы и, какъ таковыя, заполнили бы пробѣлы, чувствовалъсь такъ остро въ нашемъ государственномъ правѣ. Такъ, имъ предложенъ былъ порядокъ обсужденія и принятія законодательныхъ предложеній: сперва по основнымъ началамъ, потомъ по частейно и, наконецъ, окончательно. Имъ опредѣленъ порядокъ разсмотрѣнія поправокъ, указана обязательность письменной формы при внесеніи ихъ, опредѣленъ моментъ для внесенія этихъ поправокъ (вторичное по частейное обсужденіе), порядокъ голосованія поправокъ (начиная со стилистическихъ и переходя все къ болѣе и болѣе существеннымъ). Муромцевымъ же установленъ ходъ преній и порядокъ баллотировки. Далѣе идутъ вопросы о признаніи предложенія стѣпнымъ, о порядкѣ прекращенія записи ораторовъ, о прекращеніи преній, о раздѣленіи вопроса передъ его баллотировкой, о повтореніи баллотировки, о способѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ, о правѣ запросовъ. Одни только указанія и разъясненія этого рода, закладывавшія основы будущаго парламентскаго права, составили въ стенографическихъ отчетахъ первой Государственной Думы обширный печатный трудъ. И трудъ этотъ не пропалъ даромъ. Третья Дума, отказавшаяся, къ своему великому позору, почтить память С. А-ча, когда смерть прекратила его благородную дѣятельность, продолжала (какъ и четвертая) широко пользоваться этими трудами перваго предсѣдателя первой Государственной Думы. „Духъ Муромцева“, — замѣчаетъ г. В. Набоковъ, — „вѣетъ все же въ залѣ Таврическаго Дворца, облагораживая и нерѣдко очищая его затхлую, недоброкачественную атмосферу. Третья Дума, какъ никакъ, живетъ и работаетъ „по Муромцеву“. Пройдутъ годы, уляжется ненависть, наступитъ время для открытаго воздаянія почестей тому, чья роль въ организаціи перваго народнаго представительства была такъ велика и такъ плодотворна. Наступитъ день — мы въ этомъ увѣрены, — когда предложеніе поставить памятникъ Муромцеву въ стѣнахъ Таврическаго Дворца будетъ принято, какъ справедливое признаніе его исторической заслуги. Сейчасъ, конечно, этотъ день кажется намъ безконечно отдаленнымъ, такимъ же отдаленнымъ, какъ дѣятельность самой первой Думы. Мы словно заблудились въ дремучемъ лѣсу, спотыкаемся и падаемъ ежеминутно, попадаемъ въ ямы и

рытвины, и не видно конца-края, нѣтъ предчувствія той счастливой минуты, когда изъ этихъ дебрей и колючихъ терней мы выйдемъ на благословенный просторъ, на свѣтъ и воздухъ, на плодотворныя, озаренныя солнцемъ равнины. Но все же въ нашихъ рукахъ есть одно могучее средство. Идея народнаго представительства, нынѣ искаженная, и даже въ самомъ уродливомъ своемъ проявленіи заключаетъ въ себѣ великую силу дальнѣйшаго совершенствованія. Пожелаемъ борцамъ, защитникамъ свободы и правъ народа, чтобы они черпали вдохновеніе и бодрость въ воспоминаніи о томъ, кто своею дѣятельностью явилъ примѣръ такого полного и совершеннаго воплощенія этой великой идеи“.

Но въ парламентской дѣятельности Муромцева была и другая сторона. Онъ не только стремился наладить парламентскую работу Государственной Думы и создать ясныя и точныя нормы новаго у насъ парламентскаго права, но онъ всѣми силами стремился еще облагородить парламентскіе нравы. „Не согласимся ли мы“,—говорилъ онъ по поводу рѣзкихъ выраженій, раздававшихся временами въ стѣнахъ парламента,—„разъ навсегда, что личныя пререканія и оскорбительныя выраженія ниже достоинства Государственной Думы? Я продолжу свою мысль: старый строй, власть котораго во всемъ исходила сверху, приучилъ къ тому, что люди, стоящіе у власти, часто считали себя въ правѣ наносить подчиненнымъ оскорбленія вмѣсто того, чтобы ограничиться спокойнымъ и авторитетнымъ указаніемъ на неправильность его поступковъ. Неужели же мы, представители русскаго народа, занявъ положеніе въ качествѣ органа государственной власти, будемъ подражать старымъ носителямъ власти“?... „Приличный образъ выраженій“,—говорилъ онъ въ другой разъ,—„есть необходимое условіе достоинства законодательнаго собранія“... Самыя рѣзкія мысли не нуждаются,—по убѣжденію С. А.,—непремѣнно въ рѣзкой формѣ... И онъ безпощадно останавливалъ всякое отклоненіе въ этомъ отношеніи, съ какой бы стороны оно ни исходило и въ какую бы сторону оно ни было направлено. Вообще С. А. всѣ силы свои употреблялъ на то, чтобы молодой парламентъ по самому духу своему, какъ можно дальше отошелъ отъ старыхъ бюрократическихъ учреждений. „Мы не бюрократическое учрежденіе“,—заявлялъ онъ, побуждая комиссіи самостоятельно изслѣдовать тотъ матеріалъ, на которомъ онъ строитъ свои доклады парламенту,—„мы учрежденіе законодательное, которое работаетъ своими силами, поэтому свои силы должны это сдѣлать“. Къ сожалѣнію, если труды Муромцева въ области налаживанія парламентской работы пустили глубокіе корни въ наше парламентское право, то попытки очистить наши парламентскіе нравы имѣли мало успѣха. Третья Дума въ лицѣ Пуришкотни и купческаго октябризма внесла въ третью Государственную Думу такую нездоровую атмосферу непорядочности и неуваженія къ чужой личности и чужому мнѣнію, что благородныя слова С. А. о необходимости бережъ достоинство Думы могутъ быть только смѣшными для этихъ депутатовъ изуродованнаго народнаго представительства.

Такова была дѣятельность Сергѣя Андреевича Муромцева въ качествѣ предсѣдателя первой Государственной Думы,—дѣятельность, которая протеченіи всей своей сознательной жизни. Послѣдніе заключительные аккорды этого славнаго, хотя и краткаго періода въ дѣятельности Муромцева закончились такими же сильными, смѣлыми и благородными актами, какими она началась и какими она вся была наполнена. Какъ извѣстно, первая

Государственная Дума была распущена и огромное большинство ея депутатов рѣшило обратиться къ населенію съ призывомъ къ борьбѣ за дальнѣйшее существованіе и развитіе народнаго представительства, съ воззваніемъ, составленнымъ и принятымъ въ финляндскомъ городѣ Выборгѣ и получившимъ въ силу того названіе „выборжскаго“... Въ объясненіе этого акта проф. и видный депутатъ первой Думы Гредескулъ говоритъ: „Первое русское народное представительство не было обыкновеннымъ народнымъ представительствомъ; роспускъ Первой Думы не былъ обыкновеннымъ роспускомъ. Идея народнаго представительства—при своей первой реализаціи въ Россіи—натолкнулась на стѣну и разбилась объ эту стѣну. Надо было сдѣлать это крушеніе, крушеніемъ временнымъ, крушеніемъ факта, а не самой идеи. Надо было идею народнаго представительства, встрѣченную отрицаніемъ со стороны русской бюрократіи, оставить крѣпкой въ самомъ народѣ. Надо было достигнуть того, чтобы народъ—послѣ перваго, не увѣнчавшагося удачей опыта—не впалъ въ отчаяніе и въ апатію, такъ же, какъ не бросился бы въ междоусобицу, способную все перевернуть вверхъ дномъ въ Россіи, заливъ нашу родину потоками крови. Во всякомъ случаѣ, надо было нервому народному представительству не трусливо „сморчать“ передъ лицомъ создавшагося тяжелаго положенія, а мужественно „откликнуться“ къ родинѣ-матери, сдѣлавшей съ нимъ свой первый, полный такой чистой, почти дѣтской вѣры „опытъ“...

Въ этомъ откликѣ, мужественно обращенномъ къ родинѣ-матери, въѣмъ сердцемъ своимъ принявъ участіе С. А. Муромцевъ, ставя сознательно на карту послѣдніе годы своей жизни, катившейся къ закату. Въ значительной степени, благодаря его участію, выборжское выступленіе депутатовъ первой Государственной Думы получило свое историческое значеніе. Перейдемъ къ описанію этого съѣзда со словъ очевидца (г. Винавера).

„Сборнымъ пунктомъ въ Выборгѣ назначена была гостинница Бельведеръ, расположенная у самой морской бухты. Внутренній видъ гостинницы и зала, въ которомъ мы должны были засѣдать, вся сутолочная атмосфера, царившая на лѣстницѣ и въ прилежавшихъ къ „залу“ комнатахъ, характеръ публики, запрудившей всѣ проходы, — все это производило тяжелое впечатлѣніе. Провинціальная гостинница второго разряда, узкая деревянная лѣстница, тѣсный коридорчикъ и всюду—на лѣстницѣ, въ коридорѣ,—толпится нахавшая изъ Петербурга какая-то странная публика: смѣсь университетской молодежи, корреспондентовъ газетъ и неизвѣстныхъ подозрительныхъ личностей въ гороховыхъ пальто... Все это наступало на ноги, шумѣло, не давало проходу, осаждало вопросами.

„Не лучше было и въ двухъ сосѣднихъ небольшихъ комнатахъ, гдѣ собрались депутаты и гдѣ неуспѣвшие раньше пообщать подкрѣпляли свои силы. За этими двумя комнатами расположенъ былъ залъ, большая комната въ 5 или 6 оконъ, составленная изъ двухъ меньшихъ, соединенныхъ аркою. Въ меньшей стоялъ все время весьма дисгармонизировавшій съ нашимъ настроеніемъ рояль, уготованный видимо для болѣе радостныхъ событій. Остальная часть зала была вся, параллельно окнамъ, уставлена рядомъ вѣнскихъ стульевъ, а у противоположной окнамъ стѣны, почти у самой арки, стоялъ простой столикъ—трибуна нашего предсѣдателя.

„Пока еще шли приготовленія къ открытію засѣданія, депутаты, не участвовавшіе въ утреннемъ совѣщаніи въ Петербургѣ, пожелали ознакомиться съ текстомъ проекта...

„Шелъ уже десятый часъ—депутаты все еще собирались. Собралось

всего въ этотъ вечеръ человѣкъ около 180, а съ тѣми, кто являлся на слѣдующій день, оказалось свыше 200...

„Засѣданіе открылось около 10 часовъ вечера; поздній часъ не смущалъ насъ—всѣ готовы были сидѣть безъ сна, сколько потребуется. Съ момента открытія засѣданія все преобразилось. Исчезла и убогая, холодная обстановка, и мелкая суетливость, насъ обступавшая, и жуткое ощущение подневольной отторженности отъ родного угла—все исчезло. Въ собравшихся людяхъ разомъ проявилось нѣчто, что задвинуло куда-то въ вдаль всѣ вѣшнія впечатлѣнія. Весь залъ былъ объятъ единымъ настроеніемъ, необычайно серьезнымъ, приподнятымъ, но нарочито сдерживаемымъ,—настроеніемъ, при которомъ нѣтъ мѣста ни аффектированной фразѣ, ни излишнему жесту, ни заносчивой угрозѣ. Надъ заломъ носилась боль сердечная и скорбная рѣшимость.

„Вошелъ Муромцевъ, наружно спокойный и величественный, какъ всегда,—въ черномъ сюртукѣ, какъ бывалъ въ Думѣ, но въ рукахъ шляпа и палка, руки въ черныхъ перчаткахъ, точно онъ среди насъ уже только гость на мгновеніе. Петрункевичъ предложилъ просить Муромцева предсѣдательствовать. Весь залъ поднялся и непрекращающею бурей аплодисментовъ, стоя, привѣтствовалъ появившагося у скромнаго столика предсѣдателя первой Думы; точно объединяясь въ этомъ чувствѣ преклоненія, люди хотѣли еще крѣпче связать себя другъ съ другомъ и съ своимъ прошлымъ, убѣдить себя, что они еще не едины. Муромцевъ понялъ и это чувство, и настроеніе момента, и взволнованный, какимъ никто его ранѣе не видалъ, сказалъ дрожащимъ голосомъ: „Господа, этотъ пріемъ доказываетъ, какъ крѣпко мы связались за то время, что мы вмѣстѣ прожили“... Тутъ онъ какъ будто еще хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукою и закончилъ: „Впрочемъ, довольно: слова излишни,—къ дѣлу!“ И затѣмъ, подавивъ волненіе, повелъ засѣданіе со свойственной ему предсѣдательскою точностью и элегантною“...

Выборское воззваніе было составлено и подписано всѣми присутствующими депутатами, въ томъ числѣ и Муромцевымъ. Затѣмъ началось слѣдствіе, привлеченіе къ дѣлу, и, наконецъ, самый процессъ „выборщевъ“, который разбирался въ С.-Петербургѣ Особымъ Присутствіемъ С.-Петербургской Судебной Палаты съ 12 по 18 декабря 1907 г. Въ обвинительномъ актѣ было сказано между прочимъ слѣдующее: подсудимые „обвиненію и противодѣйствию закону посредствомъ распространенія особаго воззванія, обращеннаго къ народу, по предварительному между собой уговору и дѣйствуя сообща, 10 іюля 1906 года въ г. Выборгѣ составили для распространенія среди населенія Россіи и подписали, озаглавленное „Народу отъ народныхъ представителей“ и обращенное „къ гражданамъ всей Россіи“ воззваніе, по своему содержанію, завѣдомо для нихъ, возбуждающее населеніе Россіи къ отказу отъ взносовъ въ казну платежей по государственнымъ и общественнымъ налогамъ и сборамъ и отъ исполненія закономъ всеобщей воинской повинности, каковое воззваніе было затѣмъ ими самими, или черезъ посредство другихъ лицъ, съ вѣдома и согласія участвовавшихъ въ упомянутомъ выше предварительномъ уговорѣ, дѣйствительно распространено во множествѣ экземпляровъ въ предѣлахъ Россіи“...

Отвѣты С. А-ча на обычные вопросы предсѣдателя суда были слѣдующіе: „мнѣ 57 лѣтъ, я статскій совѣтникъ, ординарный профессоръ Московскаго университета по кафедрѣ гражданскаго права“. Во всемъ

этомъ процессѣ его интересовала только политическая сторона дѣла, и всѣ юридическіе вопросы были переданы съ общаго согласія всѣхъ подсудимыхъ исключительно въ вѣдѣніе зашитниковъ. Вотъ почему въ послѣднемъ словѣ подсудимыхъ, представленномъ по общему согласію этихъ послѣднихъ только С. А. Муромцеву, онъ говорилъ только о политическомъ значеніи процесса. Дѣло было поставлено на очень шаткихъ юридическихъ основаніяхъ, и тѣмъ не менѣ обвинительный приговоръ былъ вынесенъ: Муромцевъ, какъ почти всѣ остальные его сотоварищи по процессу, приговаривались къ трехмѣсячному тюремному заключенію и лишенію политическихъ правъ, т. е. съ того момента ни С. А. Муромцевъ, ни иной изъ обвиненныхъ не могъ быть выбранъ ни въ Государственную Думу, ни въ земское или Городское Самоуправленіе.

Кассационная жалоба, поданная большинствомъ обвиненныхъ выборщиковъ, конечно, не могла измѣнить дѣла, и 13 мая 1908 г. передъ предсѣдателемъ Первой Государственной Думы раскрыли двери Московской губернской тюрьмы, въ Каменщикахъ, что въ Таганкѣ, гдѣ ему предстояло отбыть свои 90 дней.

Громкіе крики „ура“ около 6 часовъ вечера указанного числа отмѣтили моментъ вступленія С. А. Муромцева за тяжелыя ворота губернской тюрьмы. То провожали С. А-ча его друзья и избиратели. На долю С. А-ча досталась камера № 83. С. А-чъ остался доволенъ этимъ числомъ. Къ числу его странностей относилось его пристрастіе къ цифрѣ 3. Онъ говорилъ, что важнѣйшія событія въ его жизни совершились въ числа, оканчивающіяся на эту цифру: такъ, 13 октября онъ вышелъ въ присяжные повѣренные, 13 мая былъ данъ отвѣтъ Государственной Думой на декларацію министерства, 13-го же мая онъ вошелъ въ тюрьму для отбыванія своего наказанія.

О пребываніи С. А-ча въ тюрьмѣ подробную записку оставилъ г. А. Ледницкій, одинъ изъ выборщиковъ, отбывавшій наказаніе въ той же тюрьмѣ и одновременно, какъ и С. А-чъ. „Камера № 83“,—разсказываетъ г. Ледницкій,—„ничѣмъ не отличалась отъ другихъ; до С. А. ее занималъ какой-то уголовный арестантъ, наканунѣ нашего прибытія переведенный въ другое мѣсто. Она помѣщалась во второмъ этажѣ и выходила окномъ на узкій проѣздъ, окруженный стѣной, за которой помѣщался небольшой садъ начальника тюрьмы. Величиной 3×6 аршинъ, съ большимъ, но высокопомѣщеннымъ окномъ съ желѣзной рѣшеткой, камера была достаточно свѣтла, но нѣсколько сыра, а въ холодные дни, которыхъ въ теченіе первой половины лѣта 1908 года было довольно много, плохо защищалась старымъ, не затворяющимся плотно окномъ, отъ котораго сильно дуло. На небольшомъ столикѣ съ трудомъ могли помѣститься самые необходимые предметы; на немъ очень трудно было писать, ибо рука не умѣщалась и свѣшивалась. Кромѣ него, деревянный табуретъ, привинченная къ стѣнѣ желѣзная кровать, запиравшаяся на день, полочка на стѣнѣ для кувшина и миски и знаменитая „параша“—вотъ все убранство камеры предсѣдателя Государственной Думы.

„С. А., какъ и всѣмъ остальнымъ бывшимъ депутатамъ, не разрѣшили пользоваться своей постелью, и на желѣзной кровати былъ положенъ сѣнникъ, скудно набитый не то соломой, не то морской травой, такая же подушка, кусокъ дерюги вмѣсто простыни и кусокъ солдатскаго сукна вмѣсто одеяла. Постель была очень жесткая и малопривлекательная; въ особенности неприятны были желѣзные прутья, которые рѣзали тѣла сквозь скудный тюфякъ и подушку. Въ шесть часовъ утра происходило

утренняя повѣрка, будить насъ стукъ открывающихся окошечекъ, продѣланныхъ въ дверяхъ камеръ, сквозь которыя подають пищу арестанту, выслушиваютъ его заявленія и т. п. Надъ такимъ окошкомъ, въ родѣ имѣющихся въ кассахъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, помѣщался такъ называемый „глазокъ“, черезъ который дежурный надзиратель видѣлъ все происходящее въ камерѣ, но черезъ который ничего нельзя было видѣть изъ камеры, ибо онъ былъ чѣмъ-то заложень.

„Послѣ повѣрки отпиралась дверь, входилъ „парашечникъ“—арестантъ, выносилъ парашу, надзиратель поднималъ кровать и запиралъ ее на ключъ, арестантъ умывался и убиралъ камеру—и день начинался“.

„Вскорѣ слышался голосъ, сквозь пріоткрытое окно въ двери того же парашечника: „кипяточку вашей милости“, подавали бѣлый хлѣбъ, заваривали чай—и завтракъ готовъ“.

„Когда намъ объявили, что мы имѣемъ право пріобрѣтать черезъ тюремную контору нѣкоторыя необходимыя вещи, стаканъ, блюдечко, ложку, то С. А. первымъ дѣломъ выписалъ себѣ за 10 коп. половую швабру, которою съ особенной тщательностью каждое утро и даже днемъ нѣсколько разъ убиралъ свою комнату. Въ другой разъ онъ пожелалъ имѣть резиновый ручной приборъ для гимнастики, но въ этомъ ему отказали“...

„Въ 12 час. подавали обѣдъ. Обѣды въ тюрьмѣ двоякаго сорта. Одинъ—общій арестанскій, а другой—такъ называемый „дворянскій“, стоящій 25 коп. Перваго мы совсѣмъ не пробоваши, за исключеніемъ каши, которую намъ иногда приносили арестанты, а отъ второго мы скорѣ отказались. С. А. въ теченіе всего пребыванія въ тюрьмѣ питался молокомъ, яйцами, лактобациллиномъ, который намъ ежедневно съ разрѣшенія тюремной администраціи доставляли, и рисомъ, который онъ самъ заваривалъ въ кипяткѣ. Изрѣдка онъ спрашивалъ себѣ кусокъ сыра или колбасы, которую можно было выписывать разъ въ недѣлю по четвергамъ.“

„Послѣ обѣда на два часа спускалась кровать. Въ 4 часа обыкновенно насъ вызывали на прогулку. Выходили мы всѣ вмѣстѣ (выборжцевъ сидѣло здѣсь нѣсколько человекъ) подъ конвоемъ тюремнаго надзирателя и гуляли на небольшомъ дворикѣ, посрединѣ котораго растеть большой кустъ сирени, еще не зацвѣтавшій, когда мы попали въ тюрьму, и пожелтѣвшій, когда мы выходили на волю. Время прогулки было самое пріятное и оставило самое сладкое воспоминаніе, значительно скрасившее тяготу одиночнаго заключенія.“

„Мы разбивались обыкновенно парно и все время прогулки ходили, а кто помоложе, даже бѣгаль,—чтобы наверстать отсутствіе движенія. С. А. на этихъ прогулкахъ составлялъ особый центръ, открывъ, какъ мы шутили, чтеніе опытнаго курса по социологіи, положивъ въ его основаніе Библию... И было нѣчто трогательное и въ то же время забавное видѣть С. А. во французской шапочкѣ на головѣ, а въ холодные дни въ пальто съ поднятымъ воротникомъ, своей мѣрной походкой гуляющаго и поучающаго о происхожденіи Библии и о богатомъ ея содержаніи. Онъ неохотно говорилъ о тюремномъ режимѣ, никогда ни на что не жаловался и если что-либо вызывало его вниманіе, то говорилъ объ этомъ полусуто, полусерьезно. На вопросы наши, не нужно ли ему чего-либо, не сдѣлать ли какое-либо заявленіе тюремной администраціи, онъ всегда съ улыбкой отвѣчалъ отказомъ, но желтый цвѣтъ лица, но большая сѣдая голова со

БЕЛЫЙ
ЛЮД

БЕЛЫЙ
ФУЧЕЧ
БЕЛЫЙ
ВЕРМ
ЗНА

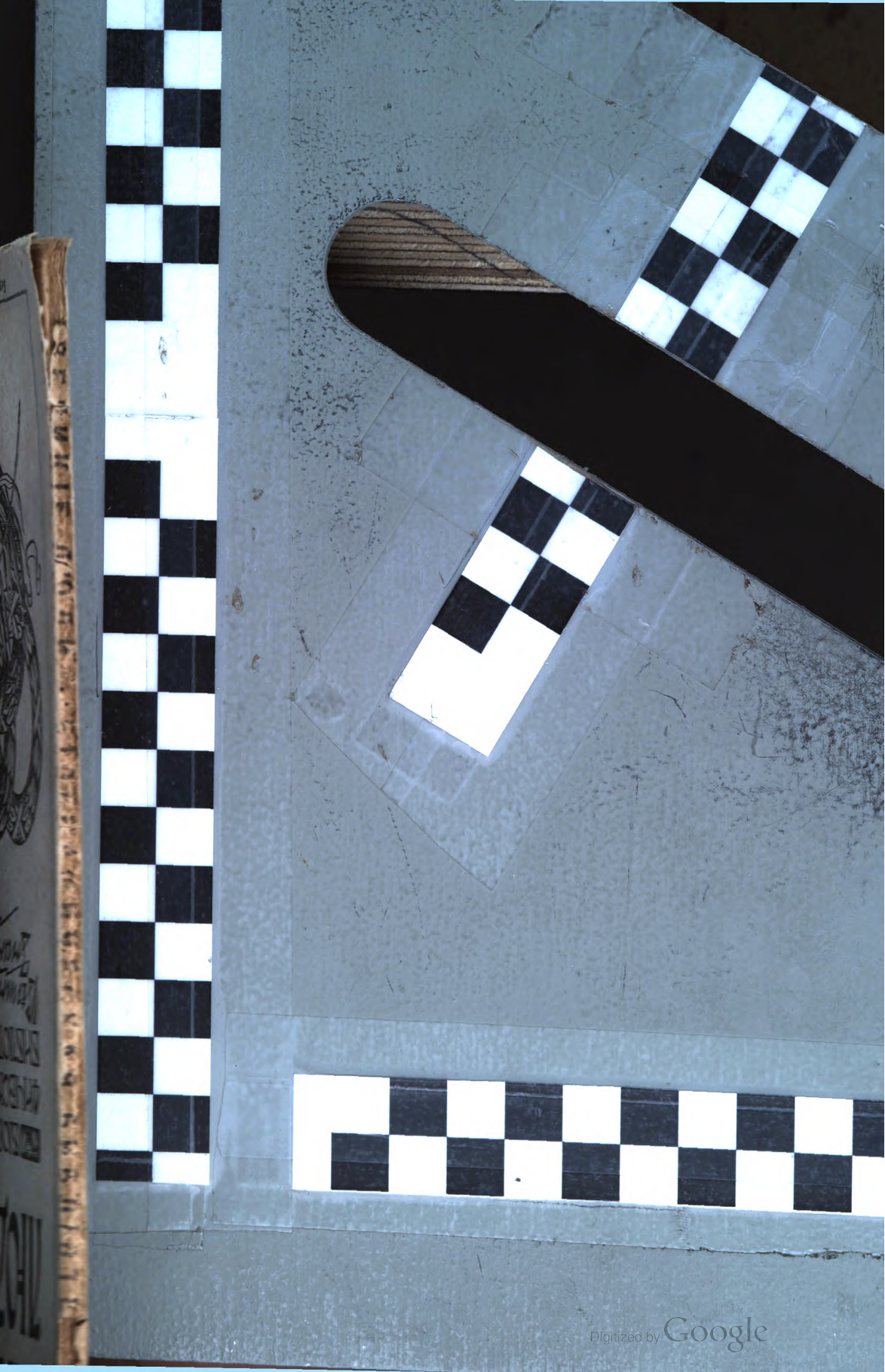

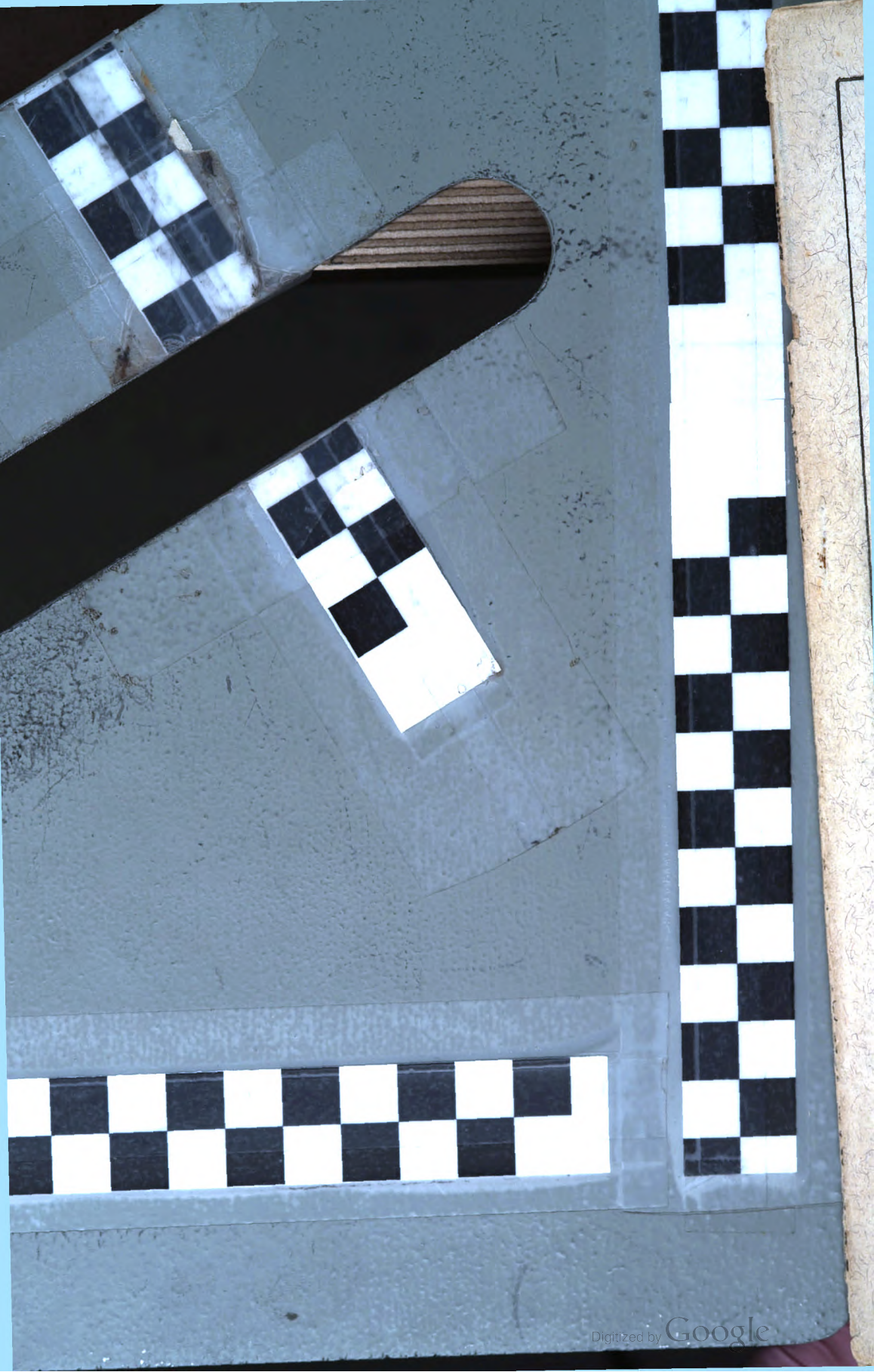

Всесоюзная библиотека

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДГОТОВКА КН. НАХОДЯЩИХСЯ ОДИННАДЦАТЫМ ТОМ
ПРОСТРАНСТВЕННЫМ ИНТЕРВАЛАМ НАХОДЯЩИХСЯ ОДИННАДЦАТЫМ ТОМ

1954

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ

БЮГРА-
ФИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
*Вестника
Знания*

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARY

MAR 05 2004

Проф. Л. Блохъ.

СОСЛОВНАЯ
— и —
СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
Римской Республики,
съ 20 рисунками и карт.

Цѣнная книга, о которой печать ото-
звалась, какъ о цѣнномъ вкладѣ въ
историческую науку. Авторъ стоитъ
на точкѣ зрѣнія материалистическаго
пониманія исторіи.

== Цѣна 70 коп., перес. 15 коп. ==

АНТОШКА
ИСТОРИЯ ЧЕХІИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Р. В. Вениковъ
С. П. Яковлевъ

Цѣна 45 к.,
перес. 15 к.

Проф. Р. Арнольдъ.

== **КУЛЬТУРА** ==
ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Цѣна 50 коп., перес. 15 коп.

Гуманизмъ — это та эпоха, съ
которой началась борьба за сво-
боду мысли и совѣсти, борьба,
до сихъ поръ не прекращающаяся.
Знакомство съ первыми мучени-
ками за правду и свободу является
для всякаго обязательнымъ.

Проф. Андерсонъ.

ИСТОРИЯ ПОГИБШИХЪ
ЦИВИЛИЗАЦІЙ ВОСТОКА,

съ 59 рисунк., порт. и картин.

СОДЕРЖАНИЕ:

Введеніе. — Происхожденіе чело-
вѣческихъ расъ. — Халдея и Ва-
вилонія. — Древній Египеть. —
Хитты, финикіяне и евреи. —
Иранъ, или древняя Персія.

== Цѣна 80 коп., перес. 17 коп. ==

ИСТОРИЯ
РУССКАГО НАРОДА.

4 популярныхъ лекціи
съ 63 рис. и 24 раскр.
карт. для волш. фонаря.

Эти очерки отличаются отъ обыч-
ныхъ популярныхъ чтеній по рус-
ской исторіи тѣмъ, что въ нихъ
роль народа ставится на первый
планъ, и событія нашей исторіи
оцѣниваются съ точки зрѣнія ихъ
значенія для народа.

Цѣна 1 руб. 50 коп., перес. 19 коп

Проф. Лаунгардъ.

ЧУДЕСА ДРЕВНЯГО
И НОВАГО МІРА.

Четыре популярныхъ лекціи
по исторіи культуры,
съ 42 рис. и 12 раскрашен. картинками
для волшебнаго фонаря.
== Цѣна 1 руб., перес. 17 коп. ==

все возрастающимъ подергиваньемъ доказывали, что тюрьма не даромъ ему дается и иной день заключенія сокращаетъ по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ, если не болѣе его жизнь.

„Прогулка кончена, надо возвращаться. Особенно неприятное чувство охватывало, когда камера съ трескомъ и шумомъ запиралась. Остаешься опять одинъ, совершенно одинъ. Только мысли тѣснятся, точно толпа при выходѣ изъ церкви, напирая другъ на друга, опережая одна другую и опять возвращаясь“.

„Разъ въ недѣлю намъ давалось свиданіе. Оно происходило въ особомъ помѣщеніи, специально для этого предназначенномъ. Небольшая низкая комната раздѣляется будками или перегородками, напоминающими не то конфессіоналы—исповѣдальницы въ католическихъ костелахъ, не то клѣтки для птицъ, подобно устранивающимся на выставкахъ птицеводства. Входящій въ клѣтку съ одной стороны долженъ говорить въ частую двойную рѣшетку—сѣтку, за которой стоитъ пришедшій на свиданіе. Такъ какъ въ помѣщеніи этомъ очень темно, сѣтка густа, то говорящіе другъ друга почти не видятъ“.

Вотъ тѣ условія, среди которыхъ прошли девяносто дней тюремнаго заключенія для С. А-ча. Русская жизнь приучила насъ настолько къ тюремному заключенію и тому подобнымъ превратностямъ судьбы, что этотъ срокъ на иной взглядъ можетъ показаться до смѣшного малымъ... Но мы не должны забывать, что С. А-чъ въ то время былъ почти старикомъ, что въ теченіи всей своей трудовой жизни онъ привыкъ къ комфорту и уваженію и что, наконецъ, это тюремное заключеніе сопровождалось грубой травлей его со стороны различныхъ темныхъ элементовъ общества (напомнимъ хотя бы, что этотъ приговоръ далъ основаніе тульскому дворянству исключить С. А-ча изъ своего общества). Вотъ эти то побочныя обстоятельства и сдѣлали то, что 90 дневное заключеніе быстро сократило послѣдніе годы пѣнной жизни С. А-ча.

Но если тюрьма сильно пошатнула здоровье Муромцева, то она нисколько не поколебала его душевныхъ силъ. Это видно изъ тѣхъ занятій, которымъ С. А-чъ отдавался въ своей камерѣ. „С. А. свой досугъ посвящалъ главнымъ образомъ чтенію Библіи“,—продолжаетъ разсказъ г. Ледницкій.—„Ее читалъ каждый день, главу за главой, и затѣмъ на прогулкѣ передавалъ ея содержаніе и ея объясненія. Изучалъ онъ Библію не съ тѣчки зрѣнія религіозной, а исключительно съ точки зрѣнія историко-соціологической. Въ ней онъ находилъ объясненіе многихъ юридическихъ нормъ и этой стороной весьма интересовался. Читая Библію, онъ все время думалъ о предстоящихъ осенью лекціяхъ, о составленіи ихъ, о необходимости включить въ таковыя новыя данныя, почерпнутыя изъ Библіи. Особенно часто онъ останавливался въ бесѣдѣ на изученіи Библіи въ Германіи и на многочисленныхъ трудахъ нѣмецкихъ ученыхъ, этому посвященныхъ.“

„С. А-чу были выданы двѣ особыя тетради для письменной работы... Разбирая теперь эти тетради, исписанныя дорогой рукой, четкимъ, точно печатнымъ почеркомъ, перелистывая страницу за страницей, вспоминаешь долгіе дни и вечера заключенія уже больного старика, всю жизнь проработавшаго не покладая рукъ, не оставившаго работы и въ тюрьмѣ“.

Въ тетрадяхъ этихъ мы находимъ множество систематически расположенныхъ выписокъ изъ Библіи, ссылокъ на тексты библейскихъ книгъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ: о возникновеніи права у евреевъ, о происхожденіи библейскаго текста, о различныхъ правовыхъ институтахъ еврейскаго народа, о его философскихъ и нравственныхъ воззрѣніяхъ. Въ другихъ мѣстахъ тетрадей находимъ изложеніе того же матеріала въ болѣе обработанномъ видѣ съ тщательными сопоставленіями съ научной литературой предмета, иногда даже выступаетъ монографическая обработка матеріала въ родѣ сопоставленія русскихъ пословицъ съ изреченіями библейскихъ наставленій и т. д. Въ это же время С. А-чемъ написана брошюра „Какъ собираться за границу (нѣсколько бѣглыхъ совѣтовъ)“ съ цѣлью вызвать въ путешественникъ болѣе осмысленное отношеніе къ посѣщаемымъ имъ странамъ. Нѣсколько страницъ тетради оказывается посвященными итальянскому искусству. Еще далѣе имѣется рядъ мыслей объ адвокатурѣ и т. д., и т. д. „Чрезвычайно трудно“, — замѣчаетъ въ заключеніи г. Ледницкій, — „въ бѣглой статьѣ о дняхъ проведенныхъ въ тюрьмѣ Муромцевымъ, изложить содержаніе его письменныхъ работъ; многія изъ нихъ представляютъ сырой, необработанный матеріалъ, разъяснить смыслъ котораго нельзя безъ продолжительнаго и тщательнаго его изученія. Но все же и изъ бѣглаго обзора можно вывести ясное представленіе, что въ тюрьмѣ умственная энергія и способность систематически работать не покидали С. А., что всѣ его мысли, главнымъ образомъ, сосредоточивались на его лекціяхъ въ университетѣ, на желаніи возможно лучше ихъ обработать, дать имъ наибольшую научную цѣнность и новизну изслѣдованія“... Между тѣмъ въ самой тюрьмѣ того времени было много такого тяжелаго, что угнетающе дѣйствовало на чуткую душу С. А-ча. Хуже всего была неизбежность постояннаго соприкосновенія со „смертниками“, — лицами обреченными на смертную казнь, и полнѣйшее безсиліе сдѣлать что-нибудь для нихъ. „Полночь“, — вспоминаетъ г. Ледницкій, — „слышно, какъ подѣхалъ экипажъ къ тюрьмѣ...—Прощайте, товарищи! прощайте товарищи!—гулко вдругъ раздается по всѣмъ корридорамъ тюрьмы сдавленный голосъ молодого приговореннаго.—„Прощай, товарищ!“—сотни, тысячи голосовъ отвѣчаютъ, кричитъ вся тюрьма, стукъ, грохотъ, бьютъ окна, вышибаютъ табуретами двери камеръ. Звонки надзирателей, окрики наружной стражи, — все опять замолкло. Долго, долго въ наступившемъ молчаніи слышенъ стукъ отвѣзжающей тюремной кареты, въ которой увозятъ молодую жизнь на казнь“... Послѣ такой ночи С. А-чъ выходилъ изъ своей камеры на прогулку сильно осунувшимся и сгорбленнымъ, точно послѣ тяжелой болѣзни.

Но все проходить... Прошли и девяносто дней тюремнаго заключенія въ этой тяжелой атмосферѣ Таганской тюрьмы... Впрочемъ на фонѣ этого мрачнаго періода для С. А-ча были и свѣтлые яркіе моменты. Онъ получалъ множество самыхъ разнообразныхъ привѣтствій изъ различныхъ концовъ Россіи, а 5-го іюля въ день предполагаемыхъ его именинъ онъ получилъ отъ выборщиковъ-товарищей по заключенію въ Таганку добытый съ большими затрудненіями персикъ и адресъ слѣдующаго содержанія: „Дорогой товарищъ и предсѣдатель! Хотя вы и не именинникъ нынче, о чемъ вы торжественно заявили, но тѣмъ не менѣе мы пользуемся случаемъ, чтобы высказать вамъ наши чувства, наше сердечное къ вамъ отношеніе, наше безграничное къ вамъ уваженіе. Вы для насъ, а въ эту минуту только о васъ и другихъ товарищахъ по тюрьмѣ и говоримъ, всегда будете нашъ предсѣдатель, символъ нашихъ надеждъ и упованій. Вы не убоились взять на свою сѣдую голову всѣхъ тѣхъ послѣдствій,

которыя на насъ послѣ Выборга обрушились, не убоялись и всѣхъ тѣхъ, которыхъ мы ждали, ждали тогда 10 іюля 1906 года. Вы этимъ доказали, что народный представитель, кто бы онъ ни былъ, обязанъ поставить въ опредѣленныя минуты борьбы все свое на карту, чтобы защитить по мѣрѣ силъ народное. *Gloria tibi!* Пусть этотъ маленький подарокъ, съ трудомъ нами полученный, не только скажетъ вамъ о нашихъ чувствахъ, но и о томъ, что нѣжный персикъ таетъ, но косточка остается! Первая Государственная Дума жива!“

По выходѣ изъ тюрьмы С. А-чъ первоначально съ жаромъ берется за литературную работу. 1907 годъ, по свидѣтельству князя Д. Шаховского, былъ въ литературной дѣятельности С. А-ча необычайно богатъ статьями. Въ это время его съ особенной силой занимаютъ попрежнему вопросы парламентской техники. Въмѣстѣ съ тѣмъ съ увлеченіемъ, какъ это мы видѣли на его тюремныхъ дняхъ, отдается онъ своей профессорской дѣятельности, такъ какъ еще съ 24 іюня 1906 г. онъ былъ опредѣленъ сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ Московскаго университета по кафедрѣ гражданского права. Впрочемъ съ первыхъ же шаговъ возобновленія его профессорской дѣятельности была сдѣлана попытка сорвать ее со стороны министерства народнаго просвѣщенія, потребовавшего отъ С. А. подписку о непринадлежности къ противуправительственнымъ и противугосударственнымъ партіямъ и организациямъ. Отвѣтъ старика Муромцева на это насиліе надъ его совѣстью дышетъ рѣдкимъ благородствомъ. Онъ говоритъ въ немъ: „На предложеніе дать подписку въ непринадлежности къ какимъ либо противогосударственнымъ и противоправительственнымъ партіямъ и организациямъ и о ненарушеніи присяги и вѣрности служебному долгу полагаю соотвѣтственнымъ заявить, что, дѣйствуя всегда открыто, постоянно почиталъ государство за основную форму народнаго существованія и это свое воззрѣніе съ полною опредѣленностью проводилъ въ своихъ научныхъ и публицистическихъ работахъ и въ общественной дѣятельности, чѣмъ само собою устраняется всякая мысль о возможной принадлежности къ какой либо направленной противъ государства партіи или организации. Въ своей ученой, общественной и государственной дѣятельности неизмѣнно памятовалъ и памятую, что государство Россійское управляется „на твердыхъ основаніяхъ законовъ“, почему залогъ крѣпости правительственной власти полагать въ точномъ слѣдованіи представителей власти законамъ, въ твердомъ убѣжденіи, что цѣлямъ правительства не можетъ противорѣчить посильное распространеніе того установленнаго самимъ законодателемъ взгляда, что законы должны быть исполняемы безпристрастно, не смотря на лица и не внимая ничьимъ требованіямъ и предложеніямъ. Наконецъ, въ самой академической дѣятельности полагалъ и полагаю обязанностью профессора передавать преподаваемый предметъ съ полною научной объективностью, не оскорбляя достоинства кафедры внесеніемъ какихъ-либо тенденцій, въ чемъ и заключается подобающее профессору исполненіе принятой присяги и соблюденіе вѣрности служебному долгу“... Время не сломило Муромцева!

Сначала С. А. читалъ только „основы гражданского права“, а затѣмъ прибавилъ „систему римскаго права“. Всего у него доходило до 10 лекцій въ недѣлю, что представляетъ уже весьма значительный трудъ, тѣмъ болѣе что С. А-чъ держалъ изложеніе своего предмета на высотѣ научныхъ современныхъ изслѣдованій и давалъ своимъ слушателямъ въ высшей степени доброкачественный матеріалъ. Кромѣ того, въ началѣ 1908 г. онъ началъ чтеніе лекцій по гражданскому праву въ Коммерческомъ

Институтъ и съ 1908 г. сначала энциклопедію права, а потомъ гражданское право въ Народномъ Университетѣ Шанявскаго. Съ 1909 года онъ выступаетъ съ лекціями по тому же предмету и въ Высшихъ Женскихъ Юридическихъ Курсахъ. Далѣе онъ съ охотой содѣйствуетъ студенческой молодежи въ устройствѣ научныхъ кружковъ и обществъ (въ студенческомъ обществѣ цивилистовъ, въ Студенческомъ Научномъ Обществѣ имени кн. С. Н. Трубецкаго). Наконецъ, онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ выработкѣ ряда уставовъ просвѣтительныхъ обществъ, какъ напр., въ составленіи школьнаго закона Лиги Образованія. Онъ находитъ время принимать участіе въ совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ, въ третейскихъ сазбирательствахъ по сословнымъ дѣламъ, въ Обществѣ Мира, въ Обществѣ Народныхъ Университетовъ, въ Обществѣ дѣателей періодической печати и литературы и т. д.

Въ послѣдній годъ своей жизни онъ, кромѣ того, приступаетъ къ пересмотру всего своего литературнаго вклада и къ переизданію того, что въ немъ онъ призналъ заслуживающимъ вниманія.

Смерть застала этого замѣчательнаго человѣка въ октябрѣ 1910 года въ разгарѣ его работъ. Похороны этого арестанта изъ камеры № 83 отличались такой торжественностью, такимъ многолудствомъ, такою искренностью, какихъ едва ли часто можно найти въ похоронныхъ процессіяхъ высокопоставленныхъ особъ.

Августъ Бебель.

Августъ Бебель.

(1840).

„Каждый человѣкъ“, говоритъ въ началѣ своихъ воспоминаній знаменитый вождь германской социаль-демократіи Августъ Бебель, — „долженъ гдѣ-нибудь и когда-нибудь родиться“. Мнѣ это счастье выпало на

долю 22 февраля 1840 года. Въ этотъ день я впервые узрѣлъ свѣтъ въ казармѣ въ Дейцъ-Кельнѣ.

„Отцомъ моимъ былъ Іоганнъ Готлибъ Бебель, унтеръ-офицеръ 3 роты 25 пѣхотнаго полка, матерью моею была Вильгельмина Іоганна, урожденная Симонъ“...

„Свѣтъ Божій, на который я смотрѣлъ послѣ своего рожденія, былъ тусклый свѣтъ оловянной масляной лампы, скудно освѣщавшей сѣрыя стѣны большой казарменной комнаты, которая въ одно и то же время служила спальней и столовой, гостинной, кухней и кладовой. По словамъ моей матери, я явился на свѣтъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда пробилъ девятый вечерній часъ. Въ извѣстной степени это—„историческій моментъ“—такъ какъ въ это время во дворѣ передъ казармой горнистъ трубить вечернюю зорю, которая, какъ извѣстно, съ незапамятныхъ временъ служила для солдатъ сигналомъ, что они могутъ идти на покой“...

Родители Бебеля жили бѣдно, такъ какъ жалованье унтеръ-офицера прусской арміи въ то время было совершенно мизерное. Мелочная лавочка, которую начальство разрѣшило открыть матери Августа для продажи вещей и съѣстныхъ продуктовъ солдатамъ, являлась большимъ подспорьемъ для семейства Бебелей. Лавочка помѣщалась въ той же комнатѣ, гдѣ жила сама семья.

„Намъ дѣтямъ“,—продолжаетъ Бебель, у котораго было еще два младшихъ брата,—„жизнь въ казармѣ доставляла много радостей. Мы бѣгали свободно по всѣмъ комнатамъ, насъ ласкали и баловали унтеръ-офицеры. Когда же солдаты уходили на упражненія, я забирался въ одну изъ этихъ комнатъ, бралъ гитару унтеръ-офицера Винтермана, который былъ нашимъ крестнымъ отцомъ, и до тѣхъ поръ занимался музыкальными упражненіями, пока не оставалось ни одной цѣлой струны. Чтобы дать моимъ необузданнымъ музыкальнымъ наклонностямъ соответствующее направленіе и избавить себя отъ ихъ дурныхъ послѣдствій, мой крестный смастерилъ мнѣ изъ доски гитарообразный инструментъ и придѣлалъ къ нему кишечныя струны. И съ этимъ инструментомъ я, въ обществѣ своего брата, просиживалъ часами у воротъ одного дома на главной улицѣ города и терзалъ немилосердно струны. Мои музыкальныя упражненія такъ „восхищали“ дочерей жившаго напротивъ драгунскаго ротмистра, что онѣ угощали насъ широкимъ и конфетами. Конечно, музыкальныя упражненія нисколько не отвлекали насъ отъ военныхъ экзерцицій. Вѣдь вся окружающая обстановка побуждала насъ къ этому; атмосфера была буквально пропитана военнымъ духомъ. Вотъ почему, сейчасъ же послѣ того, какъ я получилъ свои первые брюки и сюртучекъ,—они, конечно, были шиты изъ старой военной шинели отца,—я, снабженный соответствующей аммуниціей, становился рядомъ или позади солдатъ, которые на площади передъ казармой проводили свои упражненія, и подражалъ ихъ движеніямъ. Позднѣе мать часто съ большимъ юморомъ рассказывала, что я въ совершенствѣ умѣлъ производить равненіе направо и налѣво, упражненіе, которое многимъ солдатамъ стоитъ большихъ усилій, и что командовавшій офицеръ или унтеръ-офицеръ ставилъ меня при этомъ въ примѣръ солдатамъ“... Но это увлеченіе мальчиковъ солдатской службы не раздѣлялъ ихъ отецъ, который зналъ, какой адъ представляла собой солдатская жизнь. Да онъ и самъ рвался всѣми силами изъ казармы. Въ 1843 г. судьба, было, ему улыбнулась, и онъ былъ зачисленъ кандидатомъ на должность пограничнаго надсмотрщика, чего онъ давно и безуспѣшно

добивался. Семья Бебелей пришлось перебраться въ маленькое мѣстечко на бельгійской границѣ. Но отецъ—Бебель не выдержалъ даже и трехмѣсячнаго испытанія, какъ заболѣлъ тяжелой простудной болѣзью, былъ возвращенъ въ военный госпиталь въ Кельнѣ, гдѣ и умеръ послѣ 15 мѣсячныхъ страданій, не оставивъ своей женѣ даже права на получение какой-либо пенсіи.

„Вскорѣ“,—разсказываетъ А. Бебель,—„послѣ смерти отца мы должны были оставить казарму, и мать вынуждена была бы теперь переѣхать на свою родину въ Вецларъ, если бы братъ моего отца, Августъ Бебель, не принялъ участія въ нашей судьбѣ. Чтобы лучше выполнить эту обязанность, онъ, осенью 1844 года, женился на моей матери“... Бебели перебрались теперь въ Браувейлеръ, гдѣ отчимъ имѣлъ должность въ окружномъ исправительномъ домѣ и состоялъ въ то же время смотрителемъ тюрьмы. Жизнь Бебелей теперь потянулась въ мрачной обстановкѣ тогдашнихъ жестокихъ и грязныхъ тюремъ. Эта жизнь не могла дать свѣтлыхъ воспоминаній ихъ дѣтству. Къ тому же отчимъ, не смотря на всю свою доброту, былъ человѣкъ крайне болѣзненный и раздражительный и нерѣдко нещадно колотилъ мальчиковъ. Но отчимъ протянулъ недолго: въ 1846 г. онъ умеръ, а мать Августа снова осталась вдовой, безъ копейки сбереженій, такъ какъ и отчимъ получалъ совершенно нищенское жалованье. Теперь ей, дѣйствительно, ничего не оставалось, какъ отправиться въ свой Вецларъ, гдѣ жили ея мать и замужнія сестры и гдѣ на ея долю приходилось нѣсколько небольшихъ клочковъ земли. „Въ началѣ ноября“,—вспоминаетъ А. Бебель объ этой поѣздкѣ,—„снова всѣ наши пожитки были уложены на возу—мебельныхъ вагоновъ тогда, конечно, еще не было—и мы направились въ Кельнъ. Погода была отвратительная. Лилъ дождь, и мы ежались отъ холода. Въ Кельнѣ наши пожитки были сняты съ воза и сложены на берегу Рейна подъ открытымъ небомъ. Отсюда мы по рѣкѣ переѣхали въ Кобленцъ, а послѣ снова на возу по Ланской долинкѣ до самаго Вецлара. Когда мы около десяти часовъ спустились въ каюту то она была биткомъ набита народомъ и наполнена табачнымъ дымомъ. Такъ какъ никто не хотѣлъ уступить намъ мѣсто, то я съ братомъ улеглись на полу у двери каюты и заснули, какъ только могутъ спать сильно уставшія дѣти. На пятый или шестой день мы пріѣхали, наконецъ, въ Вецларъ“...

Вецларъ былъ маленькій хорошенькій городъ. Здѣсь тотчасъ же началось и ученіе А. Бебеля, сначала въ школѣ для бѣдныхъ, а потомъ въ очень благоустроенной городской школѣ. „Въ школѣ и съ учителями, за исключеніемъ органиста и учителя пѣнія, который не взлюбилъ меня, я чувствовалъ себя хорошо. Я принадлежалъ къ числу лучшихъ учениковъ. Наши успѣхи побудили учителя геометріи, маленькаго и очень хорошаго человѣка, заниматься отдѣльно со мной и еще съ двумя товарищами математикой и посвятить насъ во всѣ ея тайны. Онъ научилъ пользоваться при вычисленіяхъ логарифмами. На ряду съ арифметикой и геометріей моими любимыми предметами были географія и исторія. Законъ Божій меня мало интересовалъ—мать моя, сознательная и свободомыслящая женщина, дома насъ религіозными вопросами не донимала,—и я занимался имъ только по обязанности. Правда, я и по этому предмету считался однимъ изъ первыхъ, но это не мѣшало мнѣ,—особенно во время уроковъ катехизиса,—давать нашему пастору такіе отвѣты, которые не совсѣмъ соотвѣтствовали схемѣ и получать отъ него за это строгіе выговоры... Но если я былъ однимъ изъ первыхъ по части при-

лежанія или знаній, то я также былъ первымъ и по части шалостей, обычно устраиваемыхъ мальчиками. Это, конечно, создало мнѣ плохую репутацію въ „нравственномъ“ отношеніи—въ особенности же на северномъ счету былъ я у нашего учителя пѣнія, который завѣдывалъ школьнымъ департаментомъ внѣшнихъ дѣлъ. Иначе говоря, онъ долженъ былъ производить слѣдствіе по всѣмъ нашимъ подвигамъ, о которыхъ доносили въ школу, и наказывать виновныхъ“. Наказаніе состояло, конечно, главнымъ образомъ въ битѣ, и, нерѣдко,—жестокомъ битѣ.

„Любимымъ занятіемъ нашимъ, лѣтомъ и осенью“,—продолжаетъ А. Бебель,—было также срываніе плодовъ съ деревьевъ: окрестности Вецлара очень богаты фруктовыми деревьями. Ланъ, довольно большая рѣка, давала намъ лѣтомъ возможность купаться, а зимой—кататься на конькахъ. Во время нашихъ конькобѣжныхъ упражненій братъ мой однажды около меня попалъ въ слегка только замерзшую прорубь и навѣрное утонулъ бы, если бы онъ не раскинулъ инстинктивно руки, которыя удержали его на поверхности. Мы съ товарищемъ вытащили его изъ воды и перенесли на скалу у шоссе. Здѣсь онъ долженъ былъ раздѣться, а мы, отдавъ ему часть своей одежды, развѣсили его платье, которое быстро высохло на тепломъ февральскомъ солнцѣ. Мать наша узнала объ этомъ случаѣ съ ея вторымъ сыномъ только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ платье мы должны были чистить сами, и очень часто—плохо ли, хорошо ли,—должны были чинить его, чтобы мать не замѣтила новыхъ прорѣхъ. Годъ спустя, я при аналогичныхъ условіяхъ помогъ спасти жизнь одному изъ моихъ кузеновъ, который былъ старше меня на нѣсколько лѣтъ. Прекрасный конькобѣжецъ, онъ во весь карьеръ неся внизъ по Лану къ запрудѣ и не замѣтивъ, что около послѣдней была полоса свободной ото льда воды. Оторопѣвъ отъ ужаса, я крикнулъ ему, чтобы онъ повернулъ. Онъ меня послушался, но было уже поздно. Едва онъ успѣлъ описать кругъ, какъ ледъ подъ нимъ треснулъ, и онъ упалъ въ воду. Судорожно старался онъ ухватиться за ледъ, но едва только пробывалъ поставить на него ногу, какъ ледъ трещалъ дальше. Тогда я быстро снялъ съ шеи длинный вязанный шарфъ, какіе тогда обыкновенно носили, взялъ у близъ стоявшаго товарища другой, связалъ ихъ вмѣстѣ и бросилъ одинъ конецъ своему кузену. Ему удалось схватить мой шарфъ, и мы медленно вытащили его на крѣпкій ледъ. Онъ былъ спасенъ“...

Къ концу школы, однако, Августъ сумѣлъ взять себя въ руки и кончилъ школу съ хорошимъ балломъ по поведенію.

Въ Вецларѣ вдова Бебель со своими дѣтьми вела почти нищенское существованіе. Тѣ крошечные клочки земли, которые достались Бебелямъ отъ ихъ бабушки, мать всѣми силами старалась сохранить для дѣтей для того, чтобы не выпустить ихъ въ жизнь безъ всякихъ средствъ „Какъ велики жертвы, на которыя способна бываетъ мать для своихъ дѣтей“,—продолжаетъ А. Бебель,—„я видѣлъ на примѣрѣ своей матери. Нѣсколько лѣтъ подрядъ мать моя шла для своего зятя—перчаточныхъ дѣлъ мастера—бѣлыя военныя перчатки по 6 крейцеровъ за пару—около 20 пфенниговъ (меньше гривенника на наши деньги). Болѣе одной пары въ день она не успѣвала сдѣлать. Заработка этого было мало, чтобы жить, и много, чтобы умереть. По истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, ей пришлось бросить и эту работу, потому что у нея развилась чахотка, и въ послѣдніе годы своей жизни она должна была отказаться отъ всякой работы. На мнѣ, какъ на старшемъ въ семьѣ, лежала обязанность завѣдывать нашимъ маленькимъ хозяйствомъ: я варилъ кофе, убиралъ квартиру, комнату и

Бетховенъ (Sonata quasi una fantasia). — Картина Р. Омлера.

сѣни, по субботамъ мылъ полы, чистилъ оловянную и жестяную посуду, убиралъ постели и т. д. Эта наука мнѣ послѣ, когда я былъ подмастерьемъ и когда сидѣлъ въ тюрьмѣ, очень пригодилась. Когда же мать уже не въ силахъ была варить, мы съ братомъ ходили обѣдать къ теткамъ, которыя охотно согласились на это. Пищу, необходимую для матери, мы брали поочередно въ различныхъ зажиточныхъ семьяхъ. Чтобы немного улучшить наше положеніе, я выискалъ себѣ слѣдующую работу. По окончаніи занятій въ школѣ, я отправлялся въ одинъ изъ загородныхъ ресторановъ, чтобы прислуживать при игрѣ въ кегли. Возвращался я домой только къ десяти часамъ, а по воскресеньямъ и того позже. Безпрерывное нагибаніе причиняло мнѣ сильную боль, и я едва доползалъ до дому. Волей неволей пришлось оставить это занятіе. Осенью мы съ братомъ имѣли еще другую работу: сборъ картофеля въ огородѣ одной изъ нашихъ тетокъ. И это занятіе не было изъ особенно пріятныхъ, часто не смотря на холодъ, сырость и туманъ, мы должны были съ ранняго утра до наступленія сумерекъ работать въ огородѣ. Но насъ воодушевляла надежда получить въ награду мѣшокъ картофеля на зиму. Кромѣ того, намъ каждое утро, когда мы уходили на поле, давали по куску пирога со сливами, который мы съ братомъ очень любили“.

Революціонные 48—49 годы застали Августа въ школѣ. Жители Вецлара были настроены очень республикански, что, конечно, отражалось и на взглядахъ дѣтей: они почти поголовно тоже выражали сочувствіе республиканцамъ. Чуть ли ни одинъ Августъ явился въ своемъ классѣ въ этомъ отношеніи исключеніемъ и долженъ былъ расплачиваться за монархическій образъ мыслей своими собственными боками. Тѣмъ не менѣе эти годы произвели на Августа глубокое впечатлѣніе. Особенно врѣзались въ душу мальчика различные эпизоды изъ крестьянскихъ волненій... „Тысячными толпами собирались они предъ дворцомъ князя Сольмсъ-Браунфельса. Впереди процессіи обыкновенно носили большое черно-бѣлое знамя... Большинство вооружено было косами, грѣблями, вилами, топорами и т. д.; только у небольшой части имѣлось кое-какое оружіе. За процессіей, которая устраивалась нѣсколько разъ и проходила совершенно мирно, обыкновенно слѣдовалъ—на защиту князя—вездарскій полкъ, если онъ уже раньше не былъ расположенъ около замка“...

Въ 1853 г. мальчики Бебели потеряли и мать. Они были разобраны тетками. „Тетка, къ которой я попалъ“,—продолжаетъ свой рассказъ А. Бебель,—„держала въ арендѣ водяную мельницу въ Вецларѣ, другая же тетка, у которой жилъ братъ, была замужемъ за булочникомъ. Я началъ работать на мельницѣ. Большое удовольствіе доставляла мнѣ поѣздка на нашихъ ослухъ въ деревню къ крестьянамъ, когда нужно было отвозить имъ муку и забирать у нихъ обратно на мельницу зерно. Особенно любилъ я, когда на обратномъ пути бывало мало зерна, ѣздить веромъ на одномъ изъ ословъ... Кромѣ этихъ двухъ ословъ, тетка имѣла еще лошадь, нѣсколько коровъ, свиней и нѣсколько дюжинъ куръ. Такъ какъ тетка занималась еще сельскимъ хозяйствомъ, то недостатка въ работѣ не было, хотя, кромѣ сына ея, на мельницѣ имѣлся еще батракъ,—какъ тогда назывался сельскій работникъ—и работница. Когда батракъ былъ занятъ, я долженъ былъ чистить лошадь и ословъ, а иногда водить лошадь на купанье. За курятникомъ слѣдилъ я. Мнѣ приходилось кормить куръ, собирать яйца по разнымъ мѣстамъ, гдѣ куры ихъ клали, чистить конюшню. За этой работой застала меня Пасха 1854 года. Къ этому времени я окончилъ школу,—событіе, которое меня далеко не радовало. Я очень охотно учился бы еще дальше“...

Августъ вышелъ въ жизнь болѣзненнымъ и слабымъ физически мальчикомъ, чему способствовало постоянное недоѣданіе. „Въ теченіи долгихъ лѣтъ“,—вспоминаетъ онъ,—ужинъ нашъ состоялъ изъ ломтя хлѣба, намазаннаго тонкимъ слоемъ масла или повидлы. Когда же мы пробовали жаловаться,—а мы это дѣлали ежедневно,—что мы еще голодны, то получали отъ матери всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: приходится иногда закрывать мѣшокъ, хотя онъ еще не совсѣмъ полонъ. Вполнѣ понятно, что мы иногда пытались, украдкой отъ матери, отрѣзывать кусокъ хлѣба. Но мать сейчасъ же открывала нашу продѣлку, и за преступленіемъ слѣдовало наказаніе... Удивительно ли послѣ этого, что я долго мечталъ о томъ, какъ хорошо было бы наѣсться до сыта хлѣба съ масломъ“!

Августъ мечталъ теперь заняться изученіемъ горнаго дѣла. Но пришлось поступить въ ученіе къ токарю. „Мастеръ и жена его были очень порядочные, честные люди. Я жилъ у нихъ на полномъ содержаніи: столъ былъ хорошій, хотя не очень обильный. Ученіе было строгое, и рабочій день длинный. Работа продолжалась почти безъ всякаго перерыва съ 5 часовъ утра до семи часовъ вечера. Отъ станка мы отправлялись къ обѣду, отъ обѣда къ станку. Утромъ, едва я только вставалъ, я долженъ былъ принести изъ колодца, находившагося въ пяти минутахъ отъ дома, нѣсколько ведеръ воды. За эту работу я получалъ отъ хозяйки четыре крейцера, т. е. 14 пфенинговъ (около гривенника) еженедѣльно. Другихъ карманныхъ денегъ въ годы моего ученія я не имѣлъ. Выходить въ будни я могъ рѣдко, вечеромъ почти никогда, и только съ позволенія хозяина. Не лучше бывало и въ воскресенье, которое считалось у насъ главнымъ торговымъ днемъ. Въ воскресные дни крестьяне пріѣзжали въ городъ и покупали у насъ трубки и т. д., или давали кое-что въ починку. Только въ воскресенье вечеромъ мнѣ позволялось уходить часа на два-три. Въ этомъ отношеніи у насъ были самыя строгія условія во всемъ Вендларфѣ, и не разъ я плакалъ съ досады, когда видѣлъ, какъ по воскресеньямъ, въ хорошую погоду, товарищи мои отправлялись на прогулку, а я долженъ былъ ждать покупателей и чистить крестьянамъ ихъ грязныя трубки. Когда я пересталъ посѣщать воскресную школу, я получилъ разрѣшеніе ходить по воскресеньямъ въ церковь. Но меня туда не тянуло, и я предпочиталъ въ это время отправляться на прогулку. Чтобы не быть застѣнутымъ врасплохъ, я всегда заранее освѣдомлялся въ церкви, какой псаломъ будутъ пѣть и какой пасторъ будетъ держать проповѣдь. Но въ одно прекрасное воскресенье я былъ пойманъ съ поличнымъ. За ужиномъ мастеръ спросилъ меня—былъ ли я въ церкви? Я смѣло отвѣтилъ, что былъ. Но, когда на вопросъ его, какой псаломъ былъ спѣтъ, я назвалъ псаломъ, то къ своему ужасу замѣтилъ, что сидѣвшія за столомъ дочери хозяина еле удерживаются отъ смѣха. Когда же я и на третій его вопросъ: кто читалъ проповѣдь?—тоже далъ невѣрный отвѣтъ, онъ не выдержали и расхохотались. Случай со мной сыгралъ плохую штуку. Оказалось, что я пришелъ въ церковь слишкомъ рано, и пасторъ не успѣлъ еще перемѣнить извѣщеніе о номерѣ псалма. Имя же пастора мнѣ тоже сообщили невѣрно. Мастеръ сухо замѣтилъ, что, какъ видно, я не желаю ходить въ церковь и потому могу оставаться дома. Такъ я потерялъ и эти свободные часы. Я набросился на книги, преимущественно романы, которые читалъ безъ всякаго разбора. Еще въ школѣ, помогая товарищамъ въ приготовленіи уроковъ, я просилъ ихъ давать мнѣ имѣвшіяся у нихъ книги для чтенія. Такъ я получилъ у нихъ Робинзона Крузо и Хижиу дяди Тома. Теперь я на свои нѣсколько грошей абонировался въ бібліотекѣ. Однимъ изъ моихъ любимыхъ писателей былъ Гаклендеръ. Его

описанія солдатской жизни въ мирное время нѣсколько охладили мою страсть къ военщину. Затѣмъ я читалъ еще Вальтеръ Скотта, историческіе романы Штолле, Луизы Мюльбахъ и др. Отъ отца намъ тоже осталось нѣсколько историческихъ книгъ: среди нихъ какая-то книга, въ которой былъ прекрасный очеркъ Греціи, автора я не помню. Были еще книги по исторіи Пруссіи, носившія, понятно, оффиціозный характеръ. Я выучилъ ихъ почти наизусть. Такъ, я безъ запинки могъ перечислить всю хронологію прусско-бранденбургскихъ князей, знаменитыхъ генераловъ, дни извѣстныхъ сраженій и т. д. "...

Но вотъ годы ученія кончены. Хозяинъ заведенія къ тому времени умеръ, и Августъ Бебель, распростившись со своимъ единственнымъ братомъ, который черезъ годъ послѣ этого умеръ, отправился искать своей судьбы. За короткое время безпокойный Августъ перемѣнилъ рядъ городовъ. Въ Фрейбургѣ, не смотря на свое протестанство, онъ былъ принятъ въ католическій союзъ подмастерьевъ. Это была единственная въ то время организація, которая позволяла удовлетворить молодому человѣку потребность въ общеніи со своими сверстниками. Въ читальняхъ общества Бебель находилъ газеты (католическія), которыя все же позволяли ему ознакомиться съ тѣмъ, что дѣлается на свѣтѣ Божьемъ, а подмастерье Августъ Бебель интересовался политикой еще на школьной скамьѣ. Подработывая мѣстами, Августъ Бебель пересѣкъ всю сѣверную Швейцарію и добрался до Мюнхена. Дорогу, конечно, приходилось совершать большею частью пѣшкомъ, а иногда обращаться и къ милостынѣ для поддержанія своего брэннаго существованія. Вотъ нѣсколько характерныхъ эпизодовъ изъ этого путешествія 1858 г. „Такъ странствовалъ я на швейцарской сторонѣ до Констанца, переправился на пароходѣ черезъ Боденское озеро въ Фридрихсгафенъ. Вслѣдствіе сильной качки я заболѣлъ морской болѣзью. Изъ Фридрихсгафена я пѣшкомъ черезъ Равенсбургъ, Биберахъ, Ульмъ, Аугсбургъ отправился въ Мюнхенъ. Въ Вюртембергѣ, въ городахъ выдавали каждому странствующему подмастерью, чтобы онъ не обращался за милостыней, пособие отъ города въ размѣрѣ 6 крейцеровъ (около 15 к.). Я всюду добросовѣстно получалъ это пособие. Въ Ульмѣ ко мнѣ присоединился попутчикъ тиролецъ. Я принялъ было его за мясника, но онъ оказался портнымъ. Одѣтъ онъ былъ очень оригинально: вмѣсто мѣшка онъ носилъ на спинѣ военный ранецъ и одѣтъ былъ въ холщевую блузу. Такъ какъ денегъ у насъ было мало, и среди ремесленныхъ подмастерьевъ никогда не считалось позорнымъ обращаться за подаваніемъ, то мы часто заглядывали въ крестьянскія избы. Проходя одну деревню, мы выработали стратегическій планъ: „Ты иди по правой сторонѣ, а я по лѣвой!“ Когда я постучался въ одинъ домъ, мнѣ дали подаваніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ предупредили, что вблизи находится жандармъ. Я принялъ это къ свѣдѣнію и больше не обращался. На околицѣ деревни я вдругъ увидѣлъ прекрасный большой домъ, обитатели котораго, по моему мнѣнію, легко могли помочь двумъ подмастерьямъ. Хотя домъ находился по другой сторонѣ, но я не удержался и направился туда. Къ счастью, раньше, чѣмъ подняться на шесть или семь ступенекъ, я внимательно осмотрѣлъ домъ, и къ своему удивленію замѣтилъ прибитую къ двери вывѣску. „Баварское жандармское управленіе“. Я съ почтеніемъ прошелъ мимо. Погода стояла прекрасная, и я прилежъ на луку, чтобы подождать своего попутчика. Наконецъ онъ показался. Онъ направлялся прямо въ этотъ домъ, который находился на отведенной ему сторонѣ. Не замѣтивъ вывѣски, онъ поднялся на ступени и вошелъ. Долженъ признаться, что хохоталъ я въ этотъ моментъ до упаду. Черезъ нѣсколько секундъ тиролецъ мой вылетѣлъ изъ

двери, какъ бомба, и, шагнувъ черезъ всѣ ступеньки, со всѣхъ ногъ пустился бѣжать. Когда же я, едва удерживаясь отъ смѣха, спросилъ его, что случилось, онъ разсказалъ, что прямо направился въ кухню, откуда доносился прекрасный запахъ, но тутъ онъ увидѣлъ жандарма, который спросилъ, что ему нужно. Сообразивъ, въ чемъ дѣло, онъ пустился оттуда стрѣлой. На слѣдующій день мы пришли въ Дахау. Здѣсь товарищъ мой предложилъ обойти съ нимъ всѣ портняжныя мастерскія, чтобы справиться на счетъ работы. Планъ мнѣ показался подходящимъ, ибо меня всѣ принимали за портного. Слѣдуетъ замѣтить, что, при обходѣ мастерскихъ своего ремесла, подмастерья получали обыкновенно больше, чѣмъ когда обращались за подаемъ къ обывателямъ. Задумано—сдѣлано. Предосторожности ради, я пустил впередъ тирольца. Мы сейчасъ же убѣдились, что я поступилъ очень благоразумно. Поднявшись по лѣстницѣ, мы въ одномъ домѣ позвонили въ квартиру мастера. На обращеніе тирольца: двое пріѣзжихъ портныхъ просятъ пособія, мы получили отвѣтъ мастера: „очень радъ, вы оба можете найти у меня работу, дайте свои дорожныя книжки“. Какъ только книжка попадала въ руки мастера, дѣло было кончено и приходилось взятыя за работу. Пока тиролецъ доставалъ свою книжку, я повернулся и, сбѣжавъ по лѣстницѣ въ нѣсколько прыжковъ, быстро оставилъ городокъ „... Путешествіе продолжалось въ такомъ же духѣ и дальше. Въ одномъ мѣстѣ Августу позволили подѣхать на телѣгѣ, и онъ попалъ сапогами въ кадки съ масломъ; въ другомъ его взяли бесплатно, какъ гребца на лодку, и за горячій политическій споръ пообѣщали швырнуть въ рѣку Изаръ (въ октябрѣ-то!).

Зимой 1858—59 года Августъ съ товарищемъ направились въ Австрію. „Не мало хлопотъ“,—замѣчаетъ онъ,—причинилъ намъ переходъ Австрійской границы. Каждый странствующій подмастерье долженъ былъ имѣть при себѣ не менѣе пяти гульденовъ дорожныхъ денегъ. У насъ такихъ денегъ не было. Мы рѣшили поэтому, съ послѣдней Баварской станціи поѣхать въ Куфштейнъ по желѣзной дорогѣ. Чтобы придать себѣ исполнѣ приличный видъ, мы хорошо почистили свои сапоги и платье и одѣли чистые накрахмаленные воротнички. Хитрость наша исполнѣ удалась. Наша опрятная наружность и то обстоятельство, что мы пріѣхали по желѣзной дорогѣ, ввели въ заблужденіе пограничныхъ чиновниковъ, и они насъ свободно пропустили. Дальше мы пустились по Тиролю гѣшкомъ. Стояли сильные морозы и кругомъ лежалъ глубокій снѣгъ. Въ сумерки мы слышали призывные крики серны, которыхъ согнала съ горъ олодь и снѣгъ... Впослѣдствіи я часто удивлялся, какъ это случилось, что я не схватилъ какой нибудь болѣзни во время моихъ странствованій, когда мнѣ приходилось немилосердно мерзнуть или мокнуть подъ дождемъ. Платье мое было далеко не приспособлено къ такимъ путешествіямъ, шерстяное бѣлье считалось тогда роскошью, а зонтикъ въ рукахъ странствующаго подмастерья вызывалъ бы только насмѣшки. А какъ часто одѣвалъ я утромъ едва просохшее послѣ вчерашняго дождя платье! Юность все первовозмогаетъ“...

Въ Зальцбургѣ началась работа, и Августъ Бебель пробылъ здѣсь до февраля 1860 года. Въ это время Австрія воевала съ Франціей и Италіей, и Бебель рѣшился изъ-за страсти къ приключеніямъ записаться волонтеромъ, но это ему не удалось. Однако политика продолжала усиленно владѣть душою молодого подмастерья: онъ усердно прочитывалъ всѣ газеты, которыя ему подвѣтывались, а за свои политическія выступленія не разъ рисковалъ быть побитымъ. Съ большими лишеніями для себя Бебель завелъ въ Зальцбургѣ свое первое зимнее пальто. Нѣ-

которое облегченіе въ эту тяжелую жизнь Бебеля вносили католическій союзъ помастерьевъ, въ который онъ снова записался. Въ февралѣ 1860 г. Бебель возвратился на родину. Конечно, это путешествіе было совершенно преимущественно по образу пѣшаго хожденія.

На родинѣ Августъ Бебель былъ освобожденъ по слабости здоровья отъ воинской повинности и, проработавъ нѣкоторое время въ одномъ маленькомъ городкѣ, отправился пѣшкомъ въ Лейпцигъ. Это путешествіе имѣло рѣшающее значеніе на всю его послѣдующую жизнь.

„Лейпцигъ мнѣ страшно понравился“, говоритъ Бебель. „Къ счастью, я сейчасъ же нашелъ работу, и какъ разъ въ той мастерской, гдѣ я научился выдѣлывать тотъ товаръ, на которомъ я специализировался позже, когда сталъ самостоятельнымъ мастеромъ. Если бы я пріѣхалъ на 24 часа позже, работа была бы отдана другому. Такъ снова „капризъ счастья“ опредѣлилъ мою дальнѣйшую судьбу. Во второй разъ я теперь работалъ въ болѣе или менѣе крупной мастерской. Кромѣ меня, тамъ работало еще пять человекъ подмастерьевъ и одинъ ученикъ. Мастеръ и товарищи мнѣ понравились; работа тоже,—ибо я могъ кое-чему научиться. Не нравилось мнѣ только то, что мы по утрамъ получали скверный кофе и затѣмъ плохой, какъ по количеству, такъ и по качеству, обѣдъ. Завтракъ, полдникъ у насъ былъ свой. Квартира была хозяйская; спали мы всѣ семь человекъ въ одной комнатѣ. Я скоро началъ протестовать противъ, харчей. Черезъ нѣсколько недѣль мои товарищи согласились со мной предъявить сообща мастеру наши требованія и, въ случаѣ неуспѣха, бросить работу. Мы такимъ образомъ, угрожали стачкой раньше, чѣмъ кто нибудь изъ насъ слышалъ это слово“... Борьба увѣнчалась значительной побѣдой.

19-го февраля 1861 г. Бебель впервые попалъ на общественное собраніе, устроенное либералами, желавшими при помощи организациі многочисленныхъ рабочихъ союзовъ, перетянуть рабочія массы на свою сторону. А. Бебель всею душой проникся доводами либераловъ, но на него сильнѣйшее впечатлѣніе произвели рабочіе—ораторы, выступавшіе на этомъ многочисленномъ собраніи, и молодой подмастерье живетъ съ тѣхъ поръ одной мечтой—научиться говорить публично какъ тѣ рабочіе, которыхъ онъ слышалъ. А. Бебель вступилъ въ новый союзъ, быстро обратилъ на себя вниманіе, былъ избранъ въ комитетъ и предсѣдатели нѣсколькихъ комиссій. Союзъ далъ ему не только знакомство съ бухгалтеріей и стенографіей, которыя онъ выбралъ предметомъ своего изученія, но и первую школу политической дѣятельности и первыя политическія связи. Интенсивная политическая жизнь, которой въ то время жилъ Бебель, много способствовала быстрому расширенію его, политическаго кругозора, но тѣмъ не менѣе онъ все еще оставался вѣрнымъ другомъ либераловъ. Какъ увлекался общественной дѣятельностью молодой Бебель, видно хотя бы изъ его слѣдующаго замѣчанія: „Въ началѣ 1862 г. я выступилъ изъ центрального комитета. Мое положеніе въ рабочемъ союзѣ самообразованія цѣликомъ поглощало мое время, мои силы и интересы. Такъ какъ я проводилъ всѣ вечера подрядъ въ союзѣ, если только меня не отрывало отъ этого какое нибудь рабочее собраніе или засѣданіе комитета, то я изучилъ желанія и потребности своихъ сочленовъ лучше, чѣмъ предсѣдатели союза. Вслѣдствіе этого мое вліяніе возрасло. Но въ то время я былъ еще рабочимъ, а это значить, что съ 6 часовъ утра до 7 вечера, я долженъ былъ стоять за токарнымъ станкомъ съ перерывомъ въ общемъ въ 2 часа на завтраки, и обѣдъ. Такимъ образомъ моя слишкомъ усиленная дѣятельность въ различныхъ направленіяхъ ставила

передо мной вопросъ о средствахъ къ существованію“... Однако, при реорганизациі лейпцигскаго рабочаго общества самообразованія Бебель былъ избранъ предсѣдателемъ. Это избраніе чрезвычайно характерно для настроенія нѣмецкихъ рабочихъ того времени, такъ какъ Бебель былъ тогда яркимъ антисоціалистомъ. Занимая подобный видный постъ въ развертывавшемся рабочемъ движеніи, Бебель вынужденъ былъ рѣзко повести атаку противъ Лассалья и крѣпко связать себя съ либералами. Въ такомъ духѣ именно и послѣдоваль рядъ его выступленій на рабочихъ сѣздахъ и собраніяхъ.

Но вынужденный вести борьбу съ лассальянцами А. Бебель былъ вынужденъ прежде всего изучить тщательно произведенія самого Лассалья. Какъ многіе другіе, черезъ Лассалья онъ пришелъ къ Марксу, который желѣзной своей логикой разбилъ прежніе предрасудки Бебеля и обратилъ его въ соціалиста. Этому обращенію много способствовалъ также широко образованный Либкнехтъ, съ которымъ судьба также близко столкнула Бебеля.

Въ это время въ личной жизни А. Бебеля произошла важная перемѣна: онъ женился. „Для общественнаго дѣятеля“ — замѣчаетъ по этому поводу Бебель, — „которому приходится вести борьбу съ многочисленными врагами, далеко не безразлично, что представляетъ собою женщина, съ которой онъ связалъ свою судьбу. Она можетъ быть опорой, поддержкой во всѣхъ его стремленіяхъ, но можетъ оказаться и свинцовой гирей, приковывающей къ мѣсту, стѣсняющей каждое движеніе. Я счастливъ, имѣя возможность сказать, что моя жена принадлежитъ къ женщинамъ первой категоріи. Моя жена — дочь рабочаго, мостовщика съ Лейпциго-Дрезденской желѣзной дороги, котораго уже не было въ живыхъ, когда я съ нею познакомился. Она была модисткой и работала въ одномъ изъ лейпцигскихъ магазиновъ. Обручились мы осенью 1864 года, незадолго до смерти ея славной матери, а вѣнчались весной 1866 года. Я никогда не имѣлъ повода жалѣть о своемъ бракѣ. Болѣе любящей, преданной, всегда готовой на жертвы женщины я не могъ бы найти. Если я въ своей жизни сдѣлалъ то, что я сдѣлалъ, то этимъ обязанъ, прежде всего, ея неутомимой заботливости и неизмѣнной готовности помогать мнѣ, чѣмъ только возможно было. А ей пришлось извѣдать не мало тяжелыхъ дней, мѣсяцевъ, годовъ — пока, наконецъ, и надъ ея горизонтомъ не взошло солнце болѣе спокойной жизни“...

Оставшись окончательно въ Лейпцигѣ, незадолго до своей женитьбы, Бебель рѣшилъ основать свою собственную мастерскую токарныхъ дѣлъ для того, чтобы чувствовать себя болѣе свободнымъ. Используя всѣ возможности кредита и продавши тѣ клочки земли, которые ему достались отъ матери, Бебель, дѣйствительно, открылъ небольшую мастерскую. Сначала онъ имѣлъ только одного ученика, а затѣмъ, когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дѣла наладились, принялъ себѣ и подмастерье. Однако, извращиваться все же приходилось лишь съ большимъ трудомъ. Вскорѣ Бебель былъ избранъ уже какъ соціалистъ въ учредительный Сѣверо-Германскій рейхстагъ. Это былъ для него крупный шагъ въ политической карьерѣ, но для личнаго благосостоянія это былъ довольно чувствительный ударъ. Во время его отсутствія подмастерье его проникъ во всѣ коммерческія тайны дѣла, ушелъ отъ него, открылъ собственную мастерскую и сдѣлался опаснымъ конкурентомъ. За свои политическія воззрѣнія Бебель подвергся бойкоту со стороны многихъ своихъ Лейпцигскихъ заказчиковъ (спеціальностью его въ это время были ручки изъ буйволоваго рога къ двернымъ и оконнымъ рамамъ). Особенно скверно повернулись дѣла съ началомъ

франко-прусской войны, съ которымъ совпало и начало политическихъ гоненій противъ Бебеля. Но предоставимъ слово опять самому Бебелю:

„Когда я зимой 1870—1871 г., вмѣстѣ съ Либкнехтомъ и Гепнеромъ, сидѣлъ въ теченіи ста двухъ дней въ предварительномъ заключеніи, жена однажды извѣстила меня, что не поступаетъ требованія ни на одну штуку товара, но что подмастерью и ученику надо исправно платить каждую недѣлю. Положеніе было отчаянное. Впрочемъ оно скоро измѣнилось къ лучшему. Послѣ заключенія мира, наступилъ періодъ расцвѣта промышленности, который продолжался до 1874 года, и заказы явились сами собой, безъ всякихъ усилій съ моей стороны; заказчики были рады, когда имъ не отказывали. Когда я, весной 1872 года, долженъ былъ вмѣстѣ съ Либкнехтомъ, начать отбывать наше двадцатидвухмѣсячное заключеніе въ крѣпости Губертусбургъ (для меня за этимъ заключеніемъ въ крѣпости послѣдовало еще девятимѣсячное тюремное заключеніе), то я уже могъ оставить при дѣлѣ мастера, завѣдывающаго работами, шестерыхъ подмастерьевъ и двухъ учениковъ. Золота, правда, лопатами не загребали, хотя жена моя стойко стояла на своемъ посту. Всю дѣловую корреспонденцію я велъ самъ изъ крѣпости, а потомъ изъ тюрьмы. Вновь ухудшилось наше положеніе, когда, одновременно съ наступившимъ общимъ кризисомъ, на рынкѣ появились такія же издѣлья, какъ наши, но производившіяся фабричнымъ способомъ и продававшіяся по такимъ низкимъ цѣнамъ, что мы, при ручномъ производствѣ, не могли бы выдержать конкуренціи. Я уже подумывалъ было закрыть мастерскую и занять какую нибудь платную службу въ партіи. Но случаю угодно было, въ лицѣ партійнаго товарища, купца Фердинанда Ислейба изъ города Берка въ Веймарѣ послать мнѣ компаньона, который вмѣстѣ съ матеріальными средствами, обладалъ также и коммерческими способностями, а вскорѣ прекрасно освоился и съ технической стороной дѣла. Осенью 1876 года мы сняли небольшую фабричку съ паровымъ двигателемъ и начали производить тотъ же товаръ, между прочимъ и изъ бронзы. Наша фирма вскорѣ пріобрѣла хорошую репутацію, хотя въ началѣ намъ все же приходилось туго, благодаря продолжавшему еще свирѣпствовать кризису.

„Мои главныя функціи заключались въ отыскиваніи заказчиковъ и разъѣздахъ по дѣламъ фирмы. Эти разъѣзды дали мнѣ впослѣдствіи, въ эпоху господства исключительнаго закона о социалистахъ, возможность оказывать партіи очень крупныя услуги. Въ 1881 году я, на основаніи такъ называемаго малаго осаднаго положенія, былъ высланъ изъ Лейпцига, и постановленіе о высылкѣ потомъ возобновлялось каждый годъ; отъ времени до времени приводилось также сводить знакомство и съ различными тюрьмами. При такихъ условіяхъ я счелъ за лучшее отказаться отъ непосредственнаго участія въ дѣлѣ и осенью 1884 года сдѣлался простымъ комми-вояжеромъ той же фирмы. Я не считалъ себя вправѣ отнимать часть небольшой прибыли у моего безкорыстнаго компаньона, такъ какъ весь трудъ и вѣѣ заботы по веденію дѣла лежали на немъ одномъ. Да и продолжительное отсутствіе изъ Лейпцига все болѣе и болѣе отчуждало меня отъ внутреннихъ интересовъ дѣла. Въ 1889 году я отказался и отъ комми-вояжерской должности, и съ этого времени посвятилъ себя исключительно литературной дѣятельности“...

Съ паденіемъ закона о социалистахъ Бебель проходитъ въ германскій рейхстагъ и съ тѣхъ поръ остается однимъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей нѣмецкаго рабочаго движенія и международного социализма.

Петръ Великій.

(1672—1725).

„Въ 1667 году“, — рассказываетъ г. Валишевскій въ своей интересной монографіи, посвященной великому преобразователю нашей родины, — „царю Алексѣю Михайловичу было 38 лѣтъ, когда умерла его первая жена изъ рода Милославскихъ, подарившая ему шесть сыновей и восемь дочерей. Трое изъ этихъ сыновей умерли, оставшіеся въ живыхъ Федоръ и Иванъ были болѣзненны; царю было необходимо жениться снова. Увидя въ домѣ Артамона Сергѣевича Матвѣева красивую брюнетку, которую онъ принялъ за дочь своего любимого совѣтника, онъ рѣшилъ окончательно. Это была воспитанница Матвѣева, Наталія Кирилловна Нарышкина, которую отецъ, бѣдный и мелкій дворянинъ, отдалъ на попеченіе влиятельнаго и богатаго боярина. Появленіе красавицы Наталіи передъ царемъ не могло бы произойти въ обыкновенномъ московскомъ домѣ, хранившемъ старинные мѣстные обычаи. Тамъ дѣвушка оставалась бы за непроницаемою дверью своего терема. Но домъ Матвѣева отличался въ этомъ отношеніи отъ другихъ. Артамонъ былъ женатъ на иностранкѣ изъ рода Гамильтонъ. Англійская революція разгромила много семей, приверженныхъ Іакову, и многія изъ нихъ нашли себѣ пріютъ въ негостеприимныхъ широтахъ отдаленнаго варварскаго государства. Алексѣй былъ очень милостивъ къ этимъ иностранцамъ, и самъ Матвѣевъ приобрѣлъ почетъ при дворѣ, благодаря дружбѣ съ однимъ изъ нихъ. Близость къ иностранцамъ развила его; онъ много читалъ, имѣлъ библіотеку, физическій кабинетъ и маленькую химическую лабораторію. Наталія садилась за столъ вмѣстѣ съ своими пріемными родителями и даже съ гостями. Алексѣй объявилъ, что онъ беретъ на себя найти ей жениха, который не посмотритъ на то, что она безприданница, а затѣмъ объявилъ о своемъ намѣреніи жениться на ней“...

Такова была будущая матушка Петра Великаго. Инымъ былъ въ то время его отецъ царь Алексѣй: тяжелая болѣзнь окончательно подорвала его силы, и онъ казался слабымъ и немощнымъ старикомъ. Царская свадьба была сыграна 22 января 1671 г., а 30 мая 1672 года

родился царевичъ Петръ. Родился ли онъ въ Кремлѣ или въ другомъ мѣстѣ около Москвы точно не извѣстно. По мнѣнію г. Валишевскаго, не извѣстно въ точности, кто былъ и его отецъ. „Физически и духовно“,— говорить этотъ историкъ,—„Петръ совсѣмъ не походилъ на своихъ старшихъ братьевъ и сестеръ, слабыхъ и хилыхъ, какъ Иванъ и Федоръ, какъ и сама царевна Софья. Да могъ ли Алексѣй, подтачиваемый смертельной болѣзью, передать сыну такое изобиліе силъ, богатырскій ростъ и желѣзную мускулатуру? Кто же тогда? Нѣмецъ-хирургъ, замѣнившій своимъ сыномъ дѣвочку, родившуюся у Натальи? Придворный—Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, человѣкъ скромнаго происхожденія, недавно

Царь Алексѣй Михайловичъ любитъ сыномъ Петромъ.

возвысившійся, благодаря женитьбѣ Михаила Романова на красавицѣ Евдокіи? Какъ-то Петръ, опьяненный винными парами, захотѣлъ доискаться истины. „Этотъ, по крайней мѣрѣ“,—воскликнулъ онъ на Ивана Мусина-Пушкина,—„знаетъ, что онъ сынъ моего отца. Чей сынъ я? Не твой ли, Тихонъ Стрѣшневъ? Не бойся, говори, говори, а то удушю тебя“...—Батюшка, смѣлуйся. Я не знаю, что отвѣчать... Я былъ не одинъ... Чего только не рассказывали!“...

Первые годы жизни царевича Петра должны были протекать по тому шаблону, по которому волей-неволей строилась жизнь каждого царевича. „Когда родится царевичъ“,—повѣствуетъ одинъ современникъ той эпохи,—„на воспитаніе его избираютъ жену добрую, чистую, млекомо сладостную и здоровую, и живетъ она въ верху у царицы съ годъ, а по прошествіи года отпускается съ награжденіемъ. Для пристрастія мамку, боярыню честную, вдову старую да няньку съ прислуж-

ницами“. Впрочемъ, въ одномъ отношеніи дѣтство Петра отличалось рѣзко отъ дѣтства другихъ царевичей. Мы видѣли, въ какомъ близкомъ общеніи съ иностранными обычаями проводила свои дѣвическіе годы Наталья Кирилловна Нарышкина въ домѣ просвѣщеннаго боярина Матвѣева. Неудивительно поэтому, что съ самыхъ раннихъ лѣтъ Петръ былъ окруженъ самыми разнообразными иноземными вещами: „цимбалы“, музыкальные ящички, „клавикордъ“ съ мѣдными и зелеными струнами, деревянные пищали, пушки съ лошадами и много другихъ игрушекъ этого рода.

Стрѣлецъ Масловъ читаетъ взбунтовавшимся товарищамъ письмо царевны Софій.

И другое важное событіе внесло глубокія измѣненія въ тѣ традиціи, въ которыхъ долженъ былъ воспитываться маленькій царевичъ. На четвертомъ году онъ потерялъ своего отца. Смерть царя Алексѣя послужила поводомъ къ жестокой борьбѣ между Нарышкиными и Милославскими. На престолъ вступилъ Оѣдоръ; восторжествовали, слѣдовательно, Милославскіе. Многіе Нарышкины пострадали, самой царицѣ—молодой вдовѣ пришлось покинуть Кремль. Это было великое счастье для Петра, который кремлевскими стѣнами былъ совершенно отрѣзанъ отъ Божьяго міра. Кромѣ лицъ свиты, онъ не могъ тамъ никого видѣть. Даже въ баню онъ шелъ, окруженный карликами, закрывавшими его со всѣхъ сторонъ занавѣсами изъ красной матеріи. Надо знать, что представлялъ собой Кремль того времени, чтобы оцѣнить ту угрозу для развитія молодого царевича, которую заключало въ себѣ продолжительное пребываніе царевича въ стѣнахъ Кремля. „Теперешній Кремль“,—говорилъ г. Валишевскій,—„съ его скученными постройками безъ опредѣленнаго стиля и

характера мало напоминает жилище Алексѣя Михайловича конца семнадцатаго вѣка. Послѣ пожаровъ 1701 и 1737 года и перестройки 1752 остались лишь слѣды своеобразнаго итальянскаго возрожденія, введеннаго въ концѣ пятнадцатаго вѣка дочерью одного Палеолога, воспитанной въ Римѣ... Нѣкоторыя церкви, части дворца и наружная стѣна, съ кирпичными башнями, напоминающими часовыхъ, походятъ скорѣе на укрѣпленный лагерь, чѣмъ на царское жилище. Только церковь Василия Блаженнаго, находящаяся за стѣной Кремля, на Красной площади, живо напоминает картину исчезнувшаго прошлаго. Внутри было такое же смѣшеніе нѣмецкой, готической, индѣйской, византійской и итальянской архитектуръ, такая же запутанность въ постройкахъ, какъ бы втиснутыхъ одна въ другую на подобіе китайской головоломки. То же изобиліе украшеній, та же пестрота формъ и красокъ, странныхъ, безумныхъ, какъ плоды фантастическаго бреда, какъ слѣдствіе плохо усвоеннаго пластическаго идеала. Узкія комнаты съ низкими сводами, темные корридоры, мерцаніе лампадъ въ темнотѣ, расписанныя охрой и киноварью стѣны, желѣзныя рѣшетки на всѣхъ окнахъ, вооруженные люди у всѣхъ дверей; вездѣ толпы солдатъ и монаховъ... Дворецъ прилегаетъ къ церкви и монастырю и мало отъ нихъ отличается. Царь на своемъ тронѣ походитъ на мощи, лежавшія неподалеку въ рактѣ. Съ одного конца до другого этого страннаго скопленія духовныхъ и свѣтскихъ зданій, изъ-за толстыхъ стѣнъ домовъ, соборовъ и монастырей доносятся глухіе звуки, сливающиеся въ одну общую гармонію: монотонное чтеніе священниковъ въ церквяхъ, пѣсни запертыхъ въ теремѣ женщинъ, отзвукъ оргіи, тайно совершающейся въ какомъ-нибудь углу дворца; или громкій крикъ пытаемаго въ тюрьмѣ заключеннаго. Но тишина царитъ надъ всѣмъ; всѣ говорятъ шопотомъ, всѣ ѣдятъ осторожно; всѣ наблюдаютъ другъ за другомъ. Это внутренность гробницъ, гарема и тюрьмы“.

Вотъ изъ какой затхлой и нездоровой атмосферы пришлось вырваться маленькому царевичу, когда его мать перѣѣхала за городъ, на чистый воздухъ Преображенскаго. Преображенское для развитія молодого царевича представляло еще одно удобство: оно находилось въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нѣмецкой слободой. По старому русскому обычаю, всѣ многочисленныя иностранцы, которыхъ московское правительство еще задолго до Петра Великаго охотно привлекало на свою службу или охотно удерживало въ плѣну, селились въ Москвѣ отдѣльно отъ кореннаго русскаго населенія. Для всѣхъ „нѣмцевъ“, т. е. для всѣхъ, не говорившихъ на туземномъ языкѣ и, слѣдовательно, нѣмыхъ съ точки зрѣнія тогдашняго русскаго населенія, было отведено мѣсто за сѣверо-восточными воротами столицы (между Басманной и Покровкой). Въ этой нѣмецкой слободѣ, кромѣ дѣйствительныхъ нѣмцевъ, можно было встрѣтить поляковъ, литовцевъ, англичанъ, шотландцевъ. Здѣсь сходились какъ авантюристы, искавшіе наживы въ далекомъ и невѣдомомъ краю, такъ и политическіе обломки старыхъ режимовъ. По профессіи это были купцы, учителя, врачи, аптекари, ремесленники, знанія и ловкость которыхъ пользовались у москвичей большимъ уваженіемъ. Не было недостатка въ аристократическихъ и даже знатныхъ семействахъ. Многіе изъ жителей слободы получали газеты и книги со своей родины. Нѣмецкая слобода находилась въ дѣятельной перепискѣ чуть не со всѣми главнѣйшими центрами Западной Европы. Иноземные посланники охотно посѣщали многія семейства нѣмецкой слободы. Во второй половинѣ XVII вѣка этотъ поселекъ иноземцевъ со своими удобными кирпичными домами,

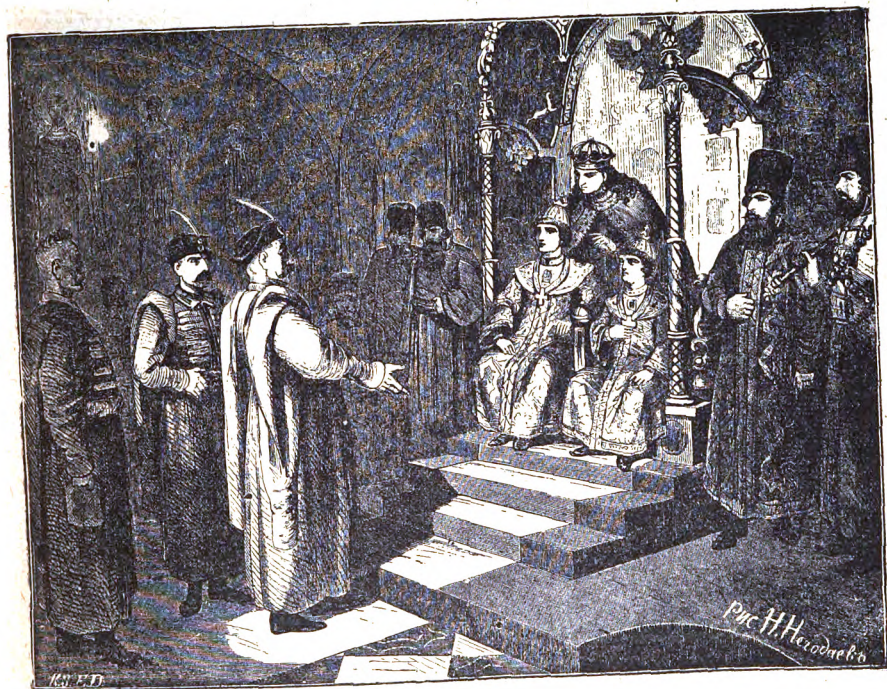
цвѣтниками, аллеями, фонтанами представлялъ рѣзкій контрастъ не только съ другими городами, грязными, деревянными и неуютными, но и съ самой Москвой. Да и самый образъ жизни обитателей нѣмецкой слободы, ихъ мысли и интересы, какъ было уже сказано, значительно отличались отъ всего того, что составляло сущность старой Москвы.

Здѣсь на чистомъ воздухѣ царевичъ быстро началъ развиваться физически, но здѣсь уже былъ заложенъ и первый фундаментъ его умственнаго развитія. Когда Петру миновало пять лѣтъ, его старшій братъ и крестный отецъ, царь Ѳеодоръ, неоднократно сталъ напоминать, какъ того требовалъ обычай, своей мачехѣ: „пора, государыня, учить крестника“. Рѣшено было найти учителя крѣпкаго, смиреннаго, въ божественное писаніе вѣдующаго. Въ качествѣ такого учителя былъ рекомендованъ бояриномъ Соковнинымъ Никита Моисеевъ сынъ Зотовъ, подъячій изъ приказа Большаго Прихода. Одинъ изъ современниковъ Петра Великаго, нѣкто Крекшинъ, оставилъ подробное описаніе этого важнаго событія въ жизни царевича. Передаемъ его въ изложеніи проф. Ключевскаго („Рус. Ист.“, ч. IV, стр. 3 и слѣд.).

„Соковнинъ привезъ Зотова къ царю и, оставивъ въ передней, отправился съ докладомъ. Вскорѣ изъ комнатъ царя вышелъ дворянинъ и спросилъ: кто здѣсь Никита Зотовъ? Будущій придворный учитель такъ оробѣлъ, что въ безпамятствѣ не могъ тронуться съ мѣста, и дворянинъ долженъ былъ взять его за руку. Зотовъ просилъ повременить немного, чтобы дать ему прійти въ себя. Отстоявшисъ, онъ перекрестился и пошелъ къ царю, который пожаловалъ его къ рукѣ и проэкзаменовалъ въ присутствіи Алексѣя Полоцкаго. Ученый воспитатель царя одобрилъ чтеніе и письмо Зотова; тогда Соковнинъ повезъ аттестованнаго учителя къ царицѣ-вдовѣ. Та приняла его, держа Петра за руку, и сказала: „знаю, что ты доброй жизни и въ божественномъ писаніи искусенъ; вручаю тебѣ моего единственнаго сына“. Зотовъ залился слезами и, дрожа отъ страха, повалился къ ногамъ царицы со словами: „недостойнъ я, матушка государыня, принявъ такое сокровище“. Царица пожаловала его къ рукѣ и велѣла на слѣдующее утро начать ученіе. На открытіе курса пришли царь и патріархъ, отслужили молебень съ водосвятіемъ, окропили святой водой новаго студея и благословивъ посадили за азбуку. Зотовъ поклонился своему ученику въ землю и началъ курсъ своего ученія, при чемъ тутъ же получилъ и гонораръ: патріархъ ему далъ сто рублей (слишкомъ 1000 руб. на наши деньги), государь пожаловалъ ему дворъ, произвелъ его во дворяне, а царица—мать прислала двѣ пары богатаго верхняго и исподняго платья и „весь уборъ“, въ который по уходѣ государя и патріарха Зотовъ тутъ же и перерядился. Крекшинъ отмѣтилъ и день, когда началось обученіе Петра—12 марта 1677 г., когда, слѣдовательно, Петру не исполнилось и пяти лѣтъ...

„Зотовъ началъ, разумѣется, со „словеснаго ученія“, т. е. прошелъ съ Петромъ азбуку, Часословъ, Псалтырь, даже Евангеліе и Апостолъ; все пройденное по древнерусскому педагогическому правилу взято было на зубокъ. Въ послѣдствіи Петръ свободно держался на клиросѣ, читалъ и пѣлъ своимъ негустымъ баритономъ не хуже любого дьячка; говорили даже, что онъ могъ наизусть прочесть Евангеліе и Апостолъ. Такъ учился царь Алексѣй; такъ начинали ученіе и его старшіе сыновья. Но простымъ обученіемъ грамотному мастерству не ограничилось преподаваніе Зотова. Очевидно, новыя вѣянія коснулись и этого импровизированнаго педагога изъ приказа Большаго Прихода. Подобно воспитателю царя

Алексѣя Морозову Зотовъ примѣнялъ пріемъ нагляднаго обученія. Царевичъ учился охотно и бойко. На досугѣ онъ любилъ слушать разные рассказы и разсматривать книжки съ „кунштами“, картинками. Зотовъ сказалъ объ этомъ царицѣ, и та велѣла ему выдать „историческія книги“, рукописи съ рисунками изъ дворцовой библіотеки, и заказала живописнаго дѣла мастерамъ въ Оружейной палатѣ нѣсколько новыхъ иллюстрацій. Такъ составила у Петра коллекція „потѣшныхъ тетрадей“, въ которыхъ изображены были золотомъ и красками города, зданія, корабли, солдаты, оружіе, сраженія и „исторіи лицевыя съ прописями“, иллюстрированныя повѣсти и сказки съ текстами. Всѣ эти тетради, писанныя

Пріемъ польскихъ пословъ
царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами въ присутствіи
царевны Софіи.

самымъ лучшимъ мастерствомъ, Зотовъ разложилъ въ комнатахъ царевича. Замѣтивъ, когда Петръ начиналъ утомляться книжнымъ чтеніемъ, Зотовъ бралъ у него изъ рукъ книгу и показывалъ ему эти картинки, сопровождая обзоръ ихъ поясненіями. При этомъ онъ, какъ пишетъ Крекшинъ, касался и русской старины, рассказывалъ царевичу про дѣла его отца, про царя Ивана Грознаго, восходилъ и къ болѣе отдаленнымъ временамъ Димитрія Донскаго, Александра Невскаго и даже до самого Владиміра. Впослѣдствіи Петръ очень мало имѣлъ досуга заниматься русской исторіей, но не терялъ интереса къ ней, придавалъ ей важное значеніе для народнаго образованія и много хлопоталъ о составленіи учебника по этому предмету. Кто знаетъ? быть можетъ, во всемъ этомъ сказывалась память объ урокахъ Зотова. И на томъ подъячемъ спасибо!

На десятомъ году жизни Петра произошли важныя для него событія.

Умеръ царствовавшій тогда Ѳеодоръ. Печальный звонъ большого колокола возвѣстилъ о кончинѣ царя. Толпы народа бросились въ Кремль. Многихъ волновала мысль о тѣхъ смутахъ, которыя снова могутъ постигнуть Россію. Всѣ знали, что у Ѳеодора не было своихъ дѣтей и что Милославскіе и Нарышкины безъ борьбы не уступятъ власти другъ другу. Милославскіе со своими сторонниками стояли за старшаго, но болѣзненнаго царевича Іоанна, Нарышкины за младшаго, но крѣпкаго и живого Петра.

Въ то время, какъ московскіе жители толкались на кремлевскомъ дворѣ и въ кремлевскихъ палатахъ, чтобы проститься съ покойнымъ

Возвращеніе Петра въ Москву изъ Лавры.

Рисунокъ Негодаева.

царемъ, патриархъ съ духовенствомъ и знатнѣйшіе свѣтскіе сановники удалились въ особую палату обсуждать, кому быть на царствѣ. На этомъ совѣщаніи рѣшено было избрать царемъ Петра, но сторонники Іоанна настояли, чтобы этотъ же вопросъ былъ предложенъ народу, собравшемуся въ Кремль. Правда, это не были избранники отъ всего народа; это была просто случайная толпа московскихъ жителей, но патриарху пришлось подчиниться этому требованію. Въ сопровожденіи знатнѣйшихъ чиновъ духовнаго и свѣтскаго сана, онъ вышелъ на красное крыльцо. Толпа затихла, головы обнажились. „Извѣстно вамъ, благочестивые христіане“,—заговорилъ патриархъ,—„что благословенное Господомъ царство Русское было подъ державою блаженной памяти великаго государя—царя Михаила Ѳеодоровича, а по немъ державу наслѣдовалъ блаженный же памяти царь Алексій Михайловичъ. По его преставленіи былъ восприемникомъ престола благочестивый государь, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, самодержецъ всея Россіи. Нынѣ же, изволеніемъ Всевышняго переселился

онъ въ безконечный покой, оставя братьевъ, царевичей Петра и Іоанна Алексѣевичей. Изъ нихъ кому быть царемъ всея Россіи? Да объявятъ свое единодушное рѣшеніе“. Толпа, подготовленная приверженцами Нарышкина, отвѣчала дружнымъ крикомъ: „Да будетъ царемъ Петръ!“ Патриархъ благословилъ народъ и произнесъ: „ему единому или вмѣстѣ съ братомъ царствовать? И снова дружный крикъ возвѣстилъ: „Да будетъ царь Петръ единымъ самодержцемъ всея Россіи!“

Но съ этимъ избраніемъ Петра не могли примириться Милославскіе. У царевича Іоанна было нѣсколько сестеръ. Изъ нихъ Софья была выдающейся женщиной. Она отличалась умомъ, большой настойчивостью, смѣлостью и властолюбіемъ. Она совершенно не походила на царевенъ того времени. По тогдашнимъ обычаямъ и понятіямъ, царевны были обречены на скучную, затворническую жизнь. Сочетаться бракомъ съ иностранными принцами онѣ не могли въ силу релігіозныхъ различій; выходить же замужъ за простыхъ гражданъ онѣ также не могли, потому что это считалось ниже ихъ достоинства. Жизнь ихъ поэтому протекала въ тихомъ уединеніи; цѣлые дни уходили на вышиваніе шелкомъ и золотомъ и на пересуды съ боярынями и сѣнными дѣвушками. Никто посторонній не могъ ихъ видѣть. Въ церковь онѣ ходили по особой галлерей, а на прогулку выѣзжали въ плотно закрытыхъ экипажахъ и окруженные придворными дамами и дѣвками. Даже самымъ близкимъ ко двору сановникамъ лишь изрѣдка и то мелькомъ удавалось увидать дочь или супругу царя. Но Софья не захотѣла подчиниться этому грустному обиходу жизни царевенъ. Она сама хотѣла власти и свободной жизни для себя. Она мечтала о томъ, что власть перейдетъ къ старшему, слабому царевичу Іоанну, и она сдѣлается правительницей русскаго царства. Она не хотѣла примириться съ совершившимся избраніемъ Петра. Когда она услышала возгласы толпы, произносящей имя Петра, она воскликнула: „Избраніе это не право! Петръ еще юнъ и не разуменъ; Іоаннъ же совершеннолѣтенъ: онъ долженъ быть царемъ!“ „Пусть, по крайней мѣрѣ, оба царствуютъ“, — заявила она позднѣе патриарху.

Властолюбивая Софья и вся партія Милославскихъ рѣшила воспользоваться стрѣльцами для того, чтобы достигнуть своихъ плановъ. Клевреты Софии немедленно же начали настойчивую пропаганду среди этого буйнаго войска. Не прошло и мѣсяца послѣ избранія Петра царемъ, какъ въ Кремль ворвались толпы стрѣльцовъ. Они проникли во дворецъ и на глазахъ царя и его матери совершили кровавую расправу надъ нѣкоторыми изъ Нарышкиныхъ и другими близкими царю лицами. Ребенокъ Петръ, говорятъ, мужественно вынесъ всѣ эти ужасныя событія. Но они провели глубокій слѣдъ въ душѣ царя. Послѣ этого на всю жизнь у него остались подергиванія въ лицѣ и непримиримая ненависть къ стрѣльцамъ. Подъ влияніемъ этого мятежа, на царство были посажены оба царевича—Іоаннъ и Петръ, а правительницей до ихъ совершеннолѣтія была назначена царевна Софья. Такимъ образомъ снова восторжествовали Милославскіе. Мать Петра Алексѣевича снова возвратилась съ нимъ въ Преображенское.

Какъ же сложилась теперь здѣсь жизнь царевича? „Этому селу“, — говоритъ проф. Ключевскій, — „суждено было стать временной царской резиденціей, станціоннымъ дворомъ на пути къ Петербургу. Здѣсь парца съ сыномъ, удаленная отъ всякаго участія въ управленіи, по выраженію современника князя Б. И. Куракина, „жила тѣмъ, что давано было отъ рукъ царевны Софіи“, нуждалась и принуждена была принимать тай-

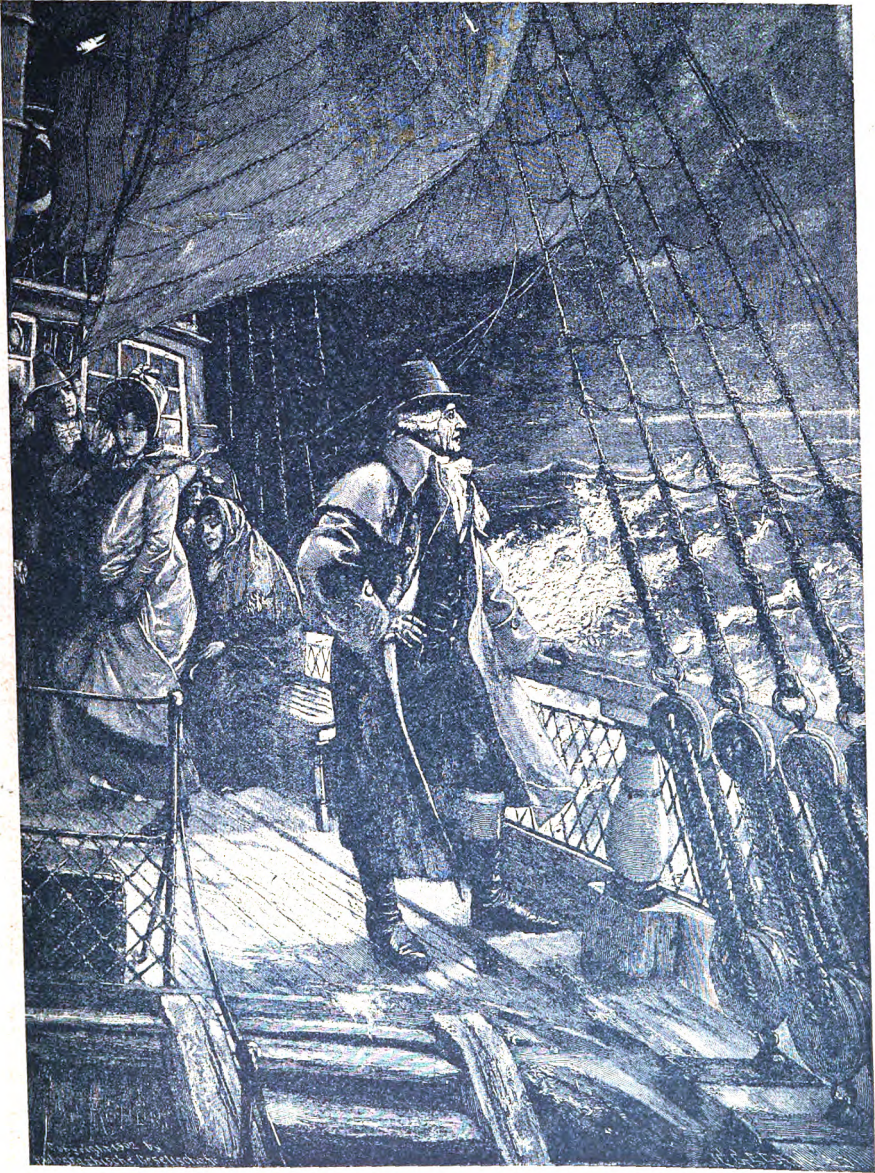
комъ денежную помощь отъ патріарха, Троицкаго монастыря и ростовскаго митрополита. Петръ, опальный царь, выгнанный сестринымъ заго-

Царевна Софія во время казни стрѣльцовъ.

Съ картины И. Е. Рѣпина.

воромъ изъ родного дворца, росъ въ Преображенскомъ на просторѣ. Силой обстоятельствъ онъ слишкомъ рано предоставленъ былъ самому себѣ, съ десяти лѣтъ перешелъ изъ учебной комнаты на задворки. Легко можно представить себѣ, какъ мало занимательнаго было для мальчика въ комнатахъ матери: онъ видѣлъ вокругъ себя печальныя лица отстав-

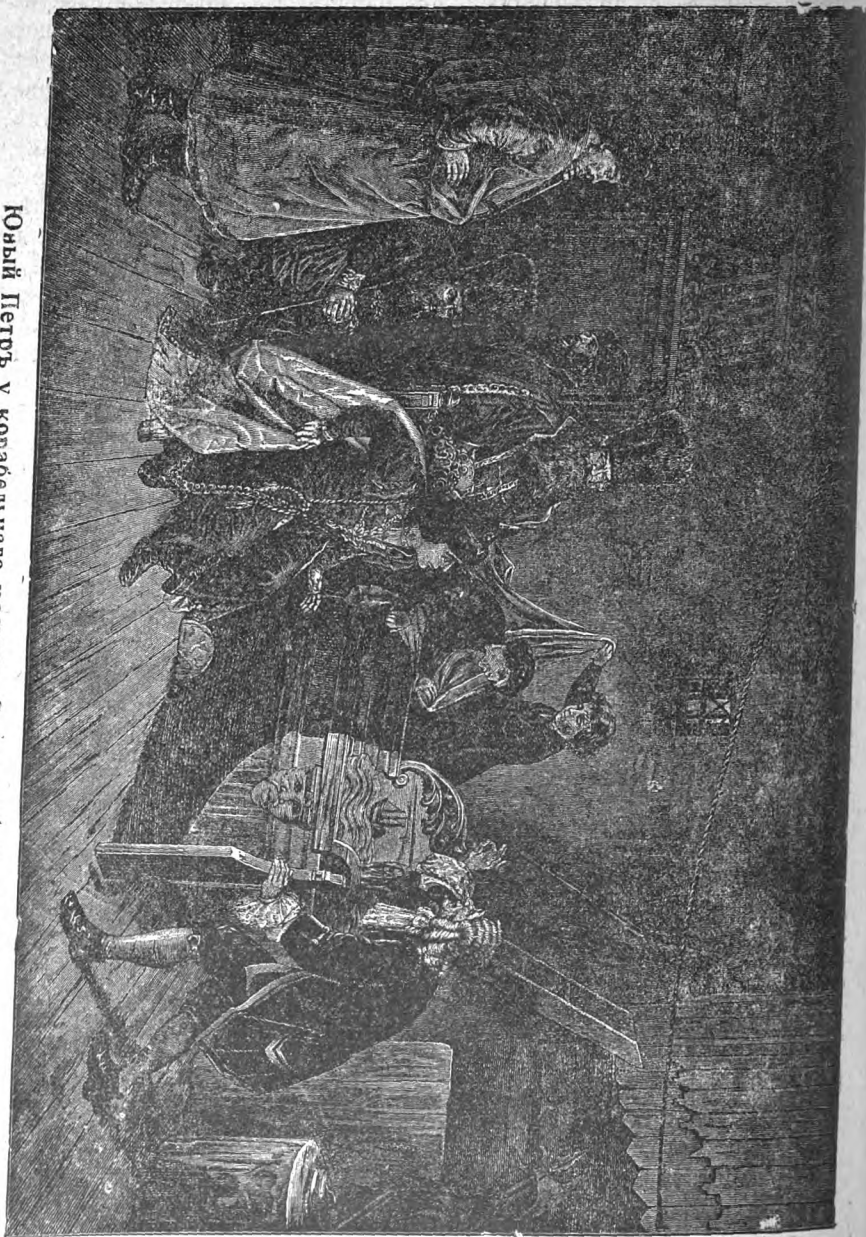

Юсифъ Гайднъ на пути въ Англію.—Картина К. Рединга.

ныхъ придворныхъ, слышали все однѣ и тѣ же горькія рѣчи о неправдѣ и злобѣ людей, про падчерицу и ея злыхъ совѣтчиковъ. Скука, которую долженъ былъ испытывать здѣсь живой мальчикъ, надо думать, и выжила его изъ комнатъ матери на дворы и въ рощи села Преображенскаго. Съ 1683 г., никѣмъ не руководимый, онъ началъ здѣсь продолжительную игру, какую самъ себѣ устроилъ и которая стала для него школой самообразованія, а игралъ онъ въ то, во что играютъ всѣ наблюдательныя дѣти, въ то, о чемъ думаютъ и говорятъ взрослые. Современники приписываютъ природной склонности пробудившееся еще въ младенествѣ увлеченіе Петра военнымъ дѣломъ. Темпераментъ подогрѣвалъ эту охоту и превратилъ ее въ страсть, толки окружающихъ о войскахъ иноземнаго строя, можетъ быть, и рассказы Зотова объ отцовыхъ войнахъ дали съ лѣтами юношескому спорту опредѣленную цѣль, а острія впечатлѣнія мятежнаго 1682 года вмѣшали въ дѣло чувство личнаго самосохраненія и мести за обиды. Стрѣльцы дали незаконную власть царевнѣ Софьѣ: надо завести своего солдата, чтобы оборониться отъ своевольной сестры“. Вотъ тѣ силы, которыя толкали Петра въ сторону увлеченія военнымъ дѣломъ. Первоначально эта новая потребность царевича находила себѣ удовлетвореніе въ томъ оружьи, которое изъ кремлевской оружейной палаты, по требованію Петра, постепенно перетаскивается въ Преображенское: свинецъ, порохъ, полковыя знамена, бердыши, пистолы, пищали, барабаны. Не трудно представить себѣ, какую неопѣнимую прелесть должно было представлять все это въ глазахъ дѣтей и подростковъ, толкавшихся на дворцовыхъ дворахъ. А въ такой праздной молодежи недостатка здѣсь не было. Отъ прежнихъ царей осталось широкое и людное хозяйство. Сотни сокольниковъ и кречетниковъ, конюховъ, стремянныхъ, задворныхъ, стражничихъ, и разныхъ другихъ чиновныхъ людей состояли на придворной службѣ и большею частью не знали, куда дѣвать свое праздное время. „Этому праздному придворному и дворовому люду“, — продолжаетъ свой рассказъ проф. Ключевскій, — „Петръ и задалъ болѣе серьезную работу. Онъ началъ верстать въ свою службу молодежь изъ своихъ спальниковъ и дворовыхъ конюховъ, а потомъ, сокольниковъ и кречетниковъ, образовавъ изъ нихъ двѣ роты, которыя приборомъ охотничьимъ изъ дворянъ и другихъ чиновъ, даже изъ боярскихъ халоповъ, развелись въ два батальона, по 300 человекъ въ каждомъ. Они и получили названіе потѣшныхъ. Не думайте, что это были игрушечные шуточные солдаты. Игралъ въ солдаты царь, а товарищи его игръ, служили и за свою потѣшную службу получали жалованье, какъ настоящіе служилые люди. Званіе потѣшнаго стало особеннымъ чиномъ; „пожалованъ я, читаемъ въ одной челобитной, въ вашъ великихъ государей чинъ, въ потѣшные конюхи“. Наборъ потѣшныхъ производился официальнымъ, канцелярскимъ порядкомъ... Съ этими-то потѣшными Петръ и поднялъ въ Преображенскомъ неутомимую возню, построилъ потѣшный дворъ, потѣшную съѣзжую избу для управленія командой, потѣшную конюшню, забралъ изъ Конюшеннаго приказа упряжь подъ свою артиллерію. Словомъ, игра обратилась въ цѣлое учрежденіе съ особымъ штатомъ, бюджетомъ, съ „потѣшной казной“. Играя въ солдаты, Петръ хотѣлъ самъ быть настоящимъ солдатомъ и такими же сдѣлать участниковъ этихъ игръ, одѣлъ ихъ въ темнозеленый мундиръ, далъ полное солдатское вооруженіе, назначилъ штабъ-офицеровъ, оберъ-офицеровъ и унтеръ-офицеровъ изъ своихъ комнатныхъ людей, все „изящныхъ фамилій“, и въ рощахъ Преображенскаго чуть не ежедневно подвергалъ команду строгой солдатской выучкѣ,

при чемъ самъ проходить всѣ солдатскіе чины, начиная съ барабанщика. Чтобы приучить солдатъ къ осадѣ и штурму крѣпостей, на рѣкѣ Дузѣ построена была „регулярнымъ порядкомъ потѣшная фортеція“, городокъ

Юный Петръ у корабельнаго мастера. Съ картины Н. Мисовдова.

Плесбурхъ, который осаждали съ мортирами и со всѣми приѣмами осаднаго искусства“...

Несомнѣнно, что при подобной постановкѣ игры въ „потѣшные“,

Петръ уже не могъ обойтись безъ руководства со стороны лицъ, серьезно знакомыхъ съ техникой военнаго дѣла. Но и въ такихъ руководителяхъ не могло быть недостатка. Не забудемъ, что Преображенское лежало бокъ о бокъ съ привлекательной для Петра Нѣмецкой слободой, насчитывавшей въ числѣ своихъ обитателей многочисленныхъ офицеровъ и даже генераловъ иностранныхъ армій. Вотъ эти-то специалисты военнаго дѣла и стали въ видѣ различныхъ чиновъ дополнять новые потѣшныя батальоны, особенно когда они развернулись въ два полка—Преображенскій и Семеновскій. Эти иноземные офицеры явились еще новымъ звеномъ, которое укрѣпляло симпатіи молодого царя къ Нѣмецкой слободѣ. Эта же Нѣмецкая слобода толкнула интересы царя и въ сторону мореплаванія. Вотъ это какъ случилось.

Какъ-то одинъ вельможа уѣзжалъ во Францію и, разговорившись съ четырнадцатилѣтнимъ царемъ, рассказалъ ему, что у него былъ инструментъ, при помощи котораго можно опредѣлять разстоянія между предметами, не подходя къ нимъ. Любознательный царь заинтересовался этимъ рассказомъ и велѣлъ привезти себѣ такой инструментъ изъ Франціи. Желаніе его было скорѣ исполнено. Инструментъ этотъ былъ астролябіей, но никто изъ окружающихъ Петра пользоваться имъ не умѣлъ. Обратился тогда царь за помощью къ доктору—нѣмцу. Тотъ прислалъ къ Петру Алексѣвичу голландца Тиммермана. Оказалось однако, что астролябіей можетъ пользоваться только тотъ, кто знакомъ съ геометрией. Подъ руководствомъ Тиммермана жадно засѣлъ царь за геометрію. До насъ дошли учебныя тетради, въ которыхъ царь Петръ рѣшалъ задачи и собственной рукой писалъ къ нимъ объясненія. По поводу этихъ въ высшей степени любопытныхъ историческихъ документовъ проф. Ключевскій замѣчаетъ: „изъ этихъ тетрадей прежде всего видимъ, какъ плохо обученъ былъ Петръ грамотѣ: онъ пишетъ невозможно, не соблюдая правилъ тогдашняго правописанія, съ трудомъ выводитъ буквы, не умѣетъ раздѣлять словъ, пишетъ слова по выговору, между двумя согласными то и дѣло подозреваетъ твердый знакъ: всегда, сътьрелять, възяфъ. Онъ плохо вслушивается въ непонятныя ему математическіе термины: сложеніе (additio) онъ пишетъ то адидое, то водыця. И самъ учитель былъ не бойкій математикъ; въ тетрадяхъ встречаемъ задачи, имъ самимъ рѣшенныя, и въ задачахъ на умноженіе онъ не разъ дѣлаетъ ошибки. Но тѣ же тетради даютъ видѣть степень охоты, съ какою Петръ принялся за математику и военныя науки. Онъ быстро прошелъ ариметику, геометрію, артиллерію и фортификацію, овладѣлъ астролябіей, изучилъ строеніе крѣпостей, умѣлъ вычислять полетъ пушечнаго ядра“...

Царь очень привязался къ своему новому учителю. Но математика и военныя науки не измѣнили характера молодого царя. Петръ продолжалъ оставаться все тѣмъ же подвижнымъ юношей съ неисчерпаемой любознательностью. Теперь онъ сталъ таскать съ собою повсюду и Тиммермана и задавать ему по всякому поводу вопросы: а это что? зачѣмъ? Добросовѣстный голландецъ разъяснялъ, что могъ. Правда, предметовъ новыхъ было мало, но живой юноша всюду пробирается, всюду заглядываетъ, нѣтъ ли гдѣ чего. Все ему отопри да покажи. Какъ-то въ Измайловѣ забрался онъ въ амбары, гдѣ лежали старыя, негодныя вещи одного двоюроднаго дяди царскаго. И вдругъ Петръ видитъ тамъ какое-то иностранное судно особаго рода: „Что это за судно?“ спрашиваетъ царь у своего учителя.—„Ботъ англійскій“, отвѣчаетъ тотъ.—Гдѣ его употребляютъ?—При корабляхъ для ѣзды и возки.—

Чѣмъ лучше нашихъ?—Ходить на парусахъ не только по вѣтру, но и противъ вѣтра.—Противъ вѣтра? Быть не можетъ! Надо посмотрѣть: есть ли такой человѣкъ, который починилъ бы ботъ и ходъ его мнѣ показалъ?—Есть... Сейчасъ отыскали голландца Бранта, который еще при Алексѣѣ Михайловичѣ былъ вызванъ для неудавшейся постройки кораблей. Брантъ починилъ ботъ, придѣлалъ паруса, и началъ лавировать по рѣкѣ Яузѣ. „Это мнѣ паче удивительно и дѣло любо стало“, рассказываетъ самъ Петръ. „Потомъ, когда я часто то употреблялъ съ нимъ, и ботъ не всегда хорошо ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ его (Бранта): для чего такъ? Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его на Просяной прудъ (въ Измайловѣ), но и тамъ немного авантажу (выгоды) сыскалъ, а охота стала отъ часу быть болѣе.“

Сталъ тогда царь узнавать, гдѣ есть болѣе просторныя воды? Ему отвѣчали, что самое близкое большое озеро, Переяславское, находится въ 120 верстахъ отъ Москвы. Какъ бы туда попасть? сталъ думать молодой царь. Мать ни за что не согласится отпустить, если сказать прямо, что хочетъ ѣхать плавать по большому озеру и строить тамъ суда. Пустился Петръ на хитрости. Сказалъ матери, что ѣдетъ на богомолье въ Троице-Сергіевскую лавру, а самъ отправился на озеро. Огромное озеро, гдѣ было много простору разгуляться на парусахъ, произвело неотразимое впечатлѣніе на Петра Алексѣевича. Онъ сумѣлъ убѣдить мать, и она не мѣшала болѣе его постройкамъ и поѣздкамъ на Переяславское озеро. Однако, была сдѣлана еще попытка привязать царя къ дому: его женили, когда ему еще не было и 19 лѣтъ. Но и молодая красавица жена не помогла. Какъ только въ слѣдующемъ году вскрылось Переяславское озеро, молодой царь былъ уже тамъ и писалъ своей матери: „а озеро все вскрылось, и суда всѣ, кромѣ большого корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами задержка; и о томъ прошу милости, чтобы тѣ канаты, не мѣшкая, присланы были. А то изъ-за нихъ придется прожить много лишняго времени“...

Еще до женитьбы Петра въ его судьбѣ совершился важный переворотъ. Съ момента провозглашенія царями Петра и Іоанна, власть цѣлкомъ переходить въ руки правительницы Софіи и ея возлюбленнаго князя Василя Голицына, человѣка просвѣщеннаго и горячаго сторонника прогресса. Однако правительство Софіи, чувствуя свое положеніе крайне непрочнымъ, не имѣло достаточно энергіи, чтобы выполнить необходимыя реформы. Кромѣ того, общимъ направленіемъ своей дѣятельности оно возбудило противъ себя многихъ сторонниковъ старины, которые начали собираться вокругъ Петра. Такимъ образомъ, первые политическіе шаги великаго преобразователя были сдѣланы въ значительной степени съ помощью ретроградовъ того времени, и шаги эти были слѣдующаго рода. Нарышкины хорошо понимали, что честолюбивая Софья не остановится на временномъ званіи правительницы и что желаніе самой сѣсть на престолъ, устранивъ обоихъ царевичей, будетъ возрастать у нея. По мѣрѣ того, какъ будетъ приближаться совершеннолѣтіе Петра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конецъ ея правленія. Софія хорошо понимала, что Нарышкины должны догадываться о ея планахъ, а рядъ дворцовыхъ переворотовъ въ которыхъ она участвовала нерѣдко сама, давалъ ей остро чувствовать, въ какомъ опасномъ положеніи она находится. Напряженно выжидательное настроеніе поэтому усиливалось съ обѣихъ сторонъ съ каждымъ годомъ. Преображенское все больше и больше вооружалось, благодаря своимъ потѣшнымъ полкамъ, горяче преданнымъ молодому государю. Съ своей стороны и Кремль высказывалъ явное недовѣріе по отношенію къ

Преображенскому. Когда за мѣсяцъ до излагаемаго ниже событія Софія пріѣхала въ лагерь къ Петру на праздникъ водосвященія на Яузѣ, то почетный конвой ея состоялъ изъ трехсотъ стрѣлковъ. Когда же приблизительно около того же времени Петръ по случаю одного праздника появился на короткое время въ Кремль, то Шакловитый, глава охраны, разставилъ въ кремлевскомъ дворцѣ пятьдесятъ вѣрныхъ солдатъ для наблюденій. При такихъ условіяхъ достаточно было малѣйшей искры для того, чтобы произошелъ открытый разрывъ въ отношеніяхъ между Петромъ и Софіей. Такой искрой и были событія ночи съ 7-го на 8-ое августа 1689 года.

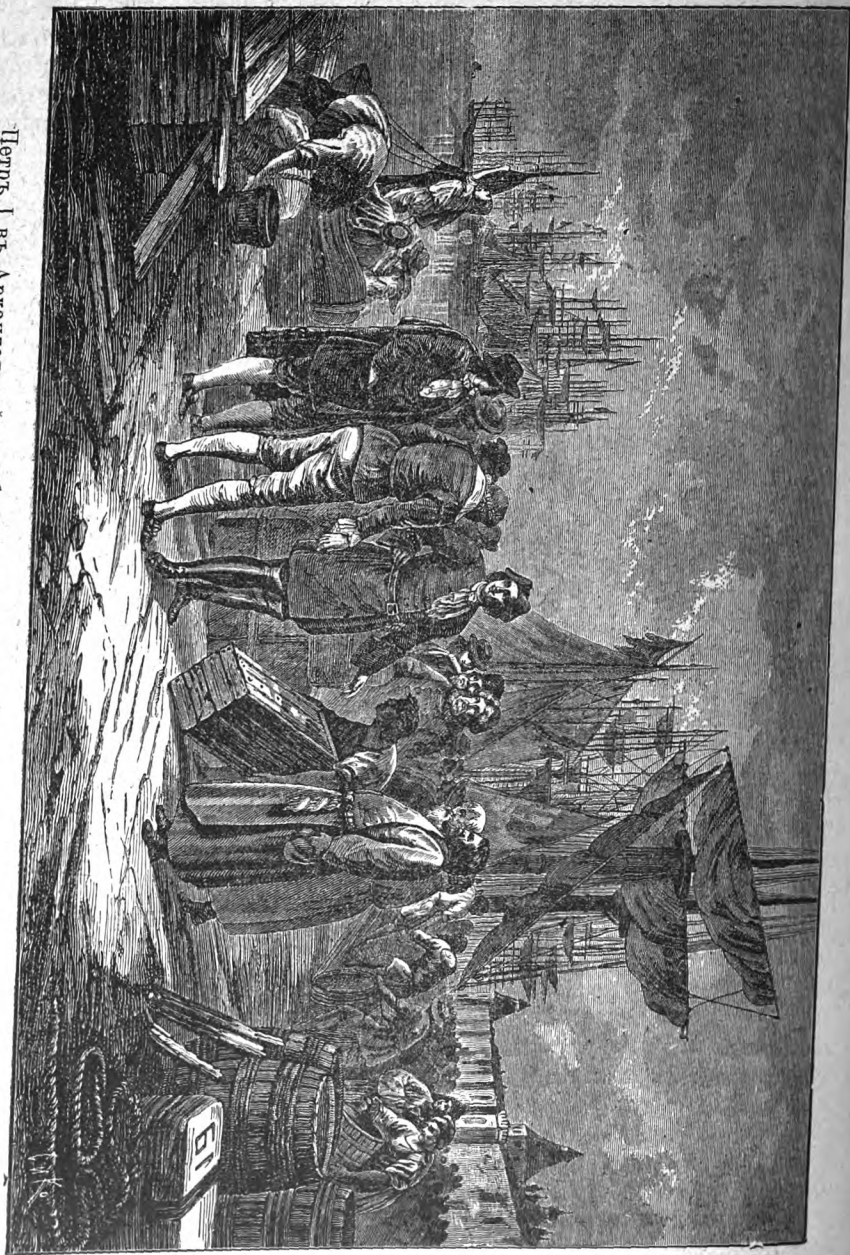

Петръ въ Нѣмецкой слободѣ.

„Петръ“,—разсказываетъ г. Валишевскій,—„былъ внезапно разбуженъ перебѣжчиками изъ Кремля, которые предупредили его, что царевна собрала вооруженное войско, чтобы напасть и убить его въ Преображенскомъ... Петръ бѣжитъ. Не думая провѣрять опасность, которая ему угрожаетъ, онъ соскакиваетъ съ постели, бѣжитъ прямо въ конюшню, неодѣтый, вскакиваетъ на лошадь и прячется въ сосѣднемъ лѣсу. Нѣсколько конюховъ догоняютъ его, приносятъ ему одежду, за ними слѣдуютъ нѣсколько начальниковъ и солдатъ. Какъ только онъ увидѣлъ себя окруженнымъ достаточнымъ эскортомъ, не давъ знать матери, женѣ и другимъ своимъ друзьямъ, онъ поскакалъ по направленію къ Троицѣ. Онъ пріѣхалъ туда въ шесть часовъ утра съ разбитымъ тѣломъ и истомленной душой. Ему предлагали лечь, но онъ не способенъ былъ отдыхать. Онъ залился слезами и, не переставая, спрашивалъ архимандрита Викентія, можетъ ли онъ рассчитывать на его покрови-

тельство. Этотъ монахъ съ давнихъ поръ былъ его преданнымъ приверженцемъ. Его ласковыя и твердыя слова успокоили молодого царя. Борисъ Голицынъ, двоюродный братъ регента, Бутурлинъ и другіе на-

Петръ I въ Архангелъскѣ, на баржѣ, между голландскими и англійскими negotiantami.

чальники Преображенскаго лагеря, присоединились къ бѣглецамъ въ Троицъ, объявили, что ими были заранѣе приняты мѣры къ борьбѣ, которая теперь началась; но Петръ былъ неспособенъ взять на себя

инициативу управленія; онъ положился въ этомъ на своихъ друзей и думалъ главнымъ образомъ о своемъ Переяславскомъ озерѣ и о лодкахъ, которыя онъ спустилъ туда, спрашивая себя, когда будетъ въ состояніи строить ихъ вволю. Онъ оставлялъ своихъ враговъ еще господами положенія, созданнаго ими же. Царицы Наталія и Евдокія, потѣшныя и стрѣльцы Сухареваго полка, склонившіеся давно на сторону младшаго царевича, прибывали одинъ за другимъ въ Троицкій монастырь. Очевидно, всѣ они заранѣе были подготовлены къ этому. Какъ будто все исполнялось и комбинировалось по заранѣе обдуманному плану и даже внезапное бѣгство царя кажется какъ бы предвидѣннымъ, обстоятельствомъ (а слѣдовательно, можетъ быть и подготовленнымъ), сигналомъ, который долженъ показать открытіе враждебныхъ дѣйствій между обоими лагерями. О предметѣ борьбы никто не говорилъ; всякій зналъ, за что сражается“.

Въ результатъ всѣхъ этихъ событій Софья оказывается запертой въ монастырь, Петръ выходитъ побѣдителемъ, но остается все тѣмъ же, какъ выражается проф. Ключевскій, „выходнымъ, церемоніальнымъ царемъ“, ведетъ прежнюю жизнь „какого-то бездомнаго, бродячаго студента“. Его военныя и морскія затѣи и кутежи получаютъ только небывалый прежде размахъ. Его часто можно теперь встрѣтить въ Нѣмецкой слободѣ, въ домѣ его новаго любимца Лефорта, у котораго онъ обѣдаетъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, а нерѣдко и ночуетъ. Онъ выстраиваетъ своему фавориту кирпичный дворецъ съ танцевальнымъ заломъ на 500 персонъ, съ столовой, обтянутой кордовскою кожей, съ картинной галлереей и т. д. Въ этотъ домъ Петръ перенесъ всѣ свои придворныя празднества, которыми онъ не хотѣлъ стѣснять себя въ своемъ скромномъ Преображенскомъ. Фейерверки становятся съ этихъ поръ также любимымъ спортомъ Петра. При необузданности характера царя спортъ этотъ очень быстро становится источникомъ всякаго рода неожиданностей и опасностей. Несчастные случаи, причиняемые необдуманнымъ пользованіемъ фейерверкомъ, бывали нерѣдко на празднествахъ Петра. Фейерверки чередовались съ маневрами, въ которыхъ мы сталкиваемся съ такой же необдуманностью, съ такимъ же преступнымъ пренебреженіемъ и къ своей и къ чужой жизни. Въ одно изъ такихъ примѣрныхъ сраженій Петру, напр., обожгло гранатой лицо, а нѣкоторые изъ офицеровъ, оказавшихся по соседству съ нимъ, пострадали и еще серьезнѣе. Однажды, во время рукопашной схватки, которой руководилъ самъ Петръ съ обнаженной шашкой въ рукѣ, былъ убитъ князь Иванъ Долгорукій.

„Особенная и характерная черта“,— указываетъ г. Валишевскій,— „проявляется въ потѣшныхъ войнахъ Петра: комизмъ и юморъ постоянно примѣшиваются къ нимъ. Крѣпость, выстроенная на берегу Яузы сдѣлалась потомъ маленькимъ укрѣпленнымъ городомъ. Тамъ находился постоянный гарнизонъ, судебная палата, приказы и митрополитъ, бывший наставникъ молодого царя, произведенный потомъ въ папы или патріархи путевъ. Тамъ былъ даже король. Роль эту игралъ Ромодановскій, принявшій титулъ короля Пресбурга (имя, данное теперь городу) и въ качествѣ его ведущій войну съ польскимъ королемъ, котораго изображалъ Бутурлинъ. Въ 1694 году польскій король долженъ былъ защищать площадь, приведенную въ оборонительное положеніе, отъ осаждающей арміи, предводительствуемой Гордономъ (однимъ изъ новыхъ любимцевъ царя). При первой атакѣ, не ожидая результата, но предрѣшивъ его заранѣе, гарнизонъ и его начальники сдаютъ оружіе и бѣгутъ. Разсерженный

Петръ приказываетъ бѣглецамъ вернуться въ крѣпость и защищаться тамъ до послѣдней крайности. Производится масса выстрѣловъ, ранящихъ и даже убивающихъ людей. Въ концѣ-концовъ „польскій король“ взятъ въ плѣнъ и отведенъ со связанными за спиной руками въ лагерь побѣдители

Петръ I въ келіи царевны Софіи.—Съ рис. А. Васильева.

„Не надо забывать, что въ это [время Россія была въ мирѣ съ Польшей и даже въ союзѣ... Въ маневрахъ 1692 года принималъ участіе эскадронъ карликовъ. Въ 1694 году церковные пѣвчіе подъ командой дворцоваго шута Тургенева сражались съ военными писарями“...

„Петръ забавлялся. Вѣчный праздникъ, какая-то оргія движенія и шума, сопровождаемая нѣкоторыми образовательными упражненіями, переходящими въ ребячество и распущенность—вотъ все, что мы видимъ изъ жизни будущаго героя въ этотъ переходный періодъ, продолжавшійся около шести лѣтъ. Онъ то учился бросать бомбы, взбираться на верхушки мачтъ, то пѣлъ въ церкви глубокимъ низкимъ голосомъ, потомъ, послѣ богослуженія, пировалъ въ веселой компаніи до слѣдующаго дня. Шведскій посолъ фонъ-Кохенъ рассказываетъ о яхтѣ, построенной до послѣдняго винта самимъ ученикомъ Бранта, а другой иностранецъ говоритъ о запискѣ, въ которой царь напрашивается къ нему въ гости, предупреждая,

Персидскій походъ Петра Великаго. Императоръ высаживается первымъ въ Астраханскомъ заливѣ.

Съ рис. Н. Дмитриева-Оренбургскаго.

что онъ будетъ пить всю ночь. Въ списокъ вещей, которыя царь требовалъ изъ Москвы въ Преображенское, находятся мортиры, инженерные инструменты, артиллерійскіе снаряды и клѣтки для попугаевъ. Въ крѣпости Пресбурга геніальные офицеры, пиротехники и знающіе всѣ ремесла мастера находились рядомъ съ дураками, придворными шутами, которые въ видѣ развлечения убивали солдатъ и оставались безнаказанными“...

Естественно, что такой неудержной, безпкойной натурѣ, какъ Петръ, очень быстро надоѣло и Переяславское озеро, и онъ направляется въ Архангельскъ на берега Бѣлаго моря, единственнаго моря, которымъ въ то время располагала Россія. Онъ даетъ обѣщаніе матери смотрѣть за корабли только съ берега и, тѣмъ не менѣе, отправляется навстрѣчу купленному у голландцевъ кораблю на плохой яхтѣ, рискуя каждую минуту своею жизнью. Въ Архангельскѣ, конечно, продолжается та же безпкойная жизнь, полная работы и ребячливости, хотя Петру въ это время было уже за 20 лѣтъ. Даже смерть матери, которую онъ горячо оплакивалъ, не внесла въ этомъ отношеніи никакихъ измѣненій. О государственныхъ дѣлахъ онъ, конечно, и не задумывался: государствомъ правили бояре и правили очень плохо. Для того, чтобы понять душу Петра въ этомъ возрастѣ, рекомендуемъ слѣдующія соображенія проф. Ключевского:

„До десяти лѣтъ онъ проходилъ совершенно древнерусскую выучку мастерству церковной грамоты. Но эта выучка шла среди толковъ и явленій совсѣмъ не древнерусскаго характера. Съ десяти лѣтъ кровавые событія, раздражающія впечатлѣнія вытолкнули его изъ Кремля, сбивъ его съ привычной колеи древнерусской жизни, связали для него старинный житейскій порядокъ съ самыми горькими воспоминаніями и дурными чувствами, рано оставили его одного съ военными игрушками и зотовскими кунштами. Во что онъ игралъ въ кремлевской своей дѣтской, это теперь онъ разыгрывалъ на дворахъ и въ рощахъ села Преображенскаго уже не съ заморскими куклами, а съ живыми людьми и съ настоящими пушками. И такъ продолжалось до 17-лѣтняго возраста. Онъ оторвался отъ понятій, лучше сказать отъ привычекъ и преданій кремлевскаго дворца, которые составляли политическое міросозерцаніе старорусскаго царя, его государственную науку, а новыхъ на ихъ мѣсто не являлось, взять ихъ было негдѣ и выработать было не изъ чего. Обученіе, начатое съ зотовской указкой и рано прерванное по обстоятельствамъ, потомъ возобновилось, но уже подъ другимъ руководствомъ и въ иномъ направленіи. Старшіе братья Петра переходили отъ подъячихъ, обучавшихъ ихъ церковной грамотѣ, къ воспитателю, который кое-какъ все-таки знакомилъ воспитанниковъ съ политическими и нравственными понятіями, шедшими далѣе обычнаго московскаго кругозора, говорили о гражданствѣ, о правленіи, о государѣ и его обязанностяхъ къ подданнымъ. Петру не досталось такого учителя: мѣсто Симеона Полоцкаго или Ртищева для него заступилъ голландскій мастеръ со своими математическими и военными науками, съ выучкой столь же мастеровой, технической, какъ зотовская, только съ другимъ содержаніемъ. Прежде, при Зотовѣ, была занята преимущественно память; теперь вовлечены были въ занятіе еще глаза, сноровка, сообразительность; разумъ, сердце оставались праздными попрежнему. Понятія и наклонности Петра получили крайне одностороннее направленіе. Вся политическая мысль его была поглощена борьбой съ сестрой и Милославскими; все гражданское настроеніе его сложилось изъ ненавистей и антипатій къ духовенству, боярству, стрѣльцамъ, раскольникамъ; солдаты, пушки, фортеці, корабли заняли въ его умѣ мѣсто людей, политическихъ учреждений, народныхъ нуждъ, гражданскихъ отношеній. Необходимая для каждаго мыслящаго человѣка область понятій объ обществѣ и общественныхъ обязанностяхъ, гражданская этика, долго, очень долго оставалась заброшеннымъ угломъ въ духовномъ хозяйствѣ Петра. Онъ пересталъ

думать объ обществѣ раньше, нежели успѣлъ сообразить, чѣмъ могъ быть для него“...

Можно повѣрить поэтому, что въ своихъ первыхъ шагахъ отъ потѣхи къ дѣлу Петръ руководился не какими-либо государственными соображеніями, а побужденіями чисто личнаго характера. Его близость къ иноземцамъ, населявшимъ Нѣмецкую слободу, его разговоры о диковинкахъ Европы, его постоянные хлопоты о томъ, чтобы привлечь къ себѣ на службу европейскихъ мастеровъ, естественно приучали его къ мысли о личномъ путешествіи въ Западную Европу. Но Петръ былъ величиною, совершенно неизвѣстной для европейскаго политическаго міра. Естественно, что впечатлительному Петру не улыбалась мысль явиться при чужестранныхъ дворахъ въ качествѣ совершенно ничтожнаго персонажа. Надо было совершить какое-нибудь дѣйствіе, о которомъ бы заговорила вся Европа. Петръ, какъ говорятъ, подъ влияніемъ Лефорта остановился на завоеваніи у могущественныхъ въ то время турокъ Азова, который являлся ключомъ, какъ по отношенію къ Азовскому морю, такъ и по отношенію къ могучей рѣкѣ Дону, начинавшей играть все большую и большую роль въ судьбахъ русскаго государства. Первый походъ на Азовъ оказался неудачнымъ; второй—отдалъ въ руки Петра эту важную крѣпость. Потѣшная артиллерія и потѣшный флотъ сыграли въ этомъ важномъ актѣ, повидимому, большую роль, такъ какъ дали Петру необходимый опытъ въ двухъ чрезвычайно важныхъ областяхъ военнаго дѣла.

Взятіе Азова, дѣйствительно, обратило вниманіе всей Европы на Петра. То же взятіе Азова натолкнуло Петра на рядъ государственныхъ вопросовъ. Для того, чтобы удержать Азовъ, надо было его заселить преданными московскому государству элементами. Съ той же цѣлью потребовался новый флотъ. Царь поселяетъ въ Азовъ три тысячи семействъ съ нижней Волги, устанавливаетъ въ новомъ городѣ крѣпкій гарнизонъ изъ стрѣльцовъ и приступаетъ къ постройкѣ флота, установивъ особую корабельную повинность, распределенную между „кумпанствами“, составленными изъ свѣтскихъ и духовныхъ землевладѣльцевъ. Для обученія корабельному мастерству за границу отправляются молодые люди, и эти командировки заставляютъ Петра все острѣе и острѣе чувствовать необходимость личной поѣздки за границу.

Наконецъ, поѣздка была рѣшена окончательно. Но это же стремленіе въ Европу едва не стоило жизни молодому царю. Приверженцы Софьи, конечно, не могли примириться съ Петромъ. Они усердно агитировали противъ него. Матеріала же для такой агитаціи самъ Петръ давалъ немало. Его шутовское отношеніе къ религіи возбуждало противъ него народныя массы. Отправка молодыхъ людей за границу представляла собой прямое нарушеніе крѣпко установившейся традиціи не покидать православной родины. Все это привело къ заговору противъ Петра. Заговоръ былъ раскрытъ и подавленъ съ обычной для того времени жестокостью. Въ заговорѣ этомъ оказались снова замѣшанными стрѣльцы, и въ душѣ Петра снова проснулась ненависть къ той средѣ, которая заставила его столько выстрадать въ годы ранней молодости. Съ этимъ чувствомъ царь и покинулъ родину.

Петръ отправляется за границу, повидимому, съ твердымъ рѣшеніемъ приобрести какъ можно больше свѣдѣній практическаго характера. Съ этой цѣлью онъ рѣшилъ сохранить инкогнито и выдавалъ себя за второстепеннаго члена великаго посольства, во главѣ котораго былъ поставленъ Лефортъ, и цѣлью котораго была попытка устроить коалицію европейскихъ

державъ противъ турокъ. О его искреннемъ желаніи лично изучить морское дѣло и кораблестроеніе свидѣлствуетъ печать, заказанная имъ во время поѣздки. На этой печати былъ изображенъ молодой плотникъ, одѣженный инструментами его мастерства, а по краямъ была выведена надпись: „Азъ бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую“...

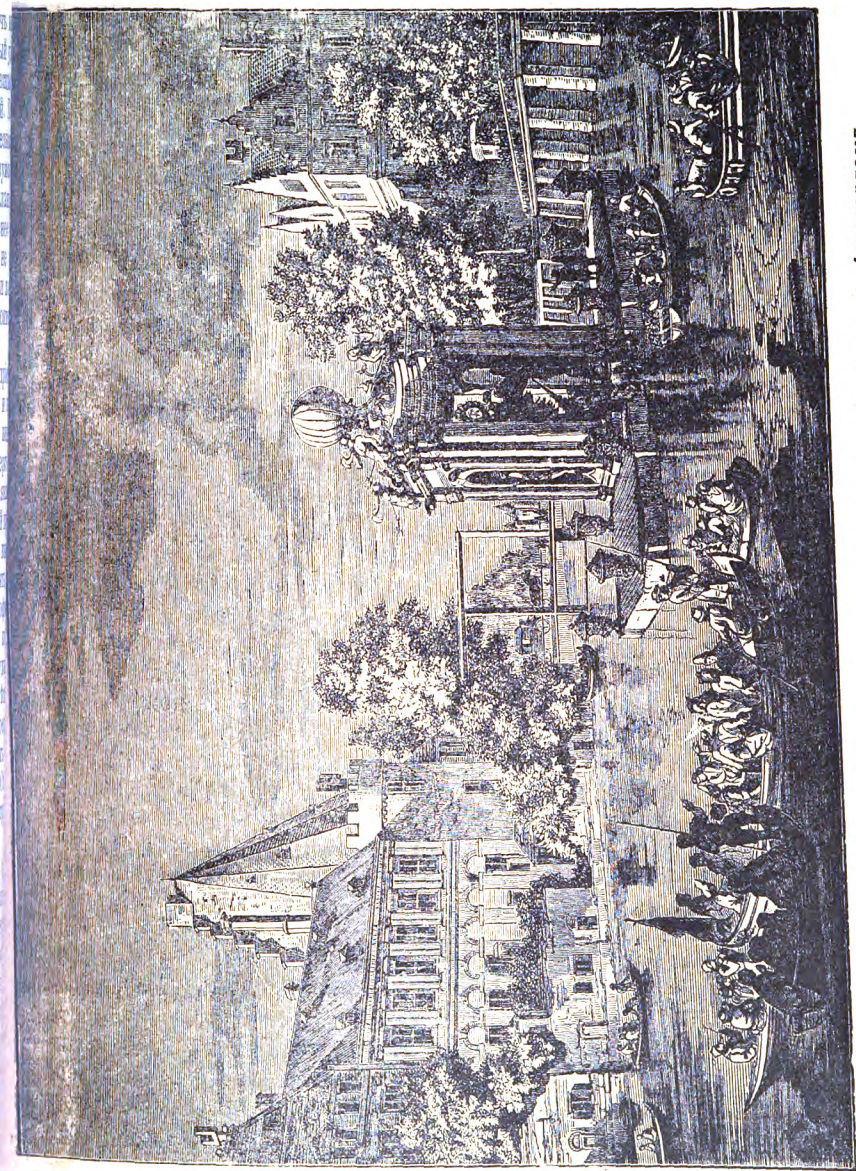
Въ 1697 году, т. е. 25 лѣтъ отъ роду, Петръ Алексѣевичъ выѣхалъ наконецъ, за границу. Первымъ иностраннымъ городомъ, который удостоился посѣщенія великаго посольства, была Рига, принадлежавшая въ то время шведамъ. Приѣмъ былъ оказанъ любезный, но холодный. Петръ съ первыхъ же шаговъ на заграничной почвѣ обнаружилъ свое незнакомство съ элементарными требованіями общественнаго приличія. Пользуясь широкимъ гостепріимствомъ, онъ собственноручно попытался снять планъ урб-плений Риги, города, подъ стѣнами котораго еще въ недавнее время стоялъ его отецъ съ русскими полками. Естественно, что ему не разрешили этого сдѣлать. Петръ счелъ себя глубоко оскорбленнымъ, и хотя онъ считался инкогнито, онъ, тѣмъ не менѣе, выдвинулъ это обстоятельство въ послѣдствіи, какъ одну изъ причинъ войны со шведами.

Затѣмъ послѣдовала Митава, оказавшая сердечный приѣмъ, и Либава, въ которой Петръ впервые увидѣлъ Балтійское море и въ которой, задержанный дурной погодой, онъ проводилъ время въ винныхъ погребкахъ, пьянствуя съ портовыми матросами. Въ Кенигсбергъ онъ прибылъ раньше своего посольства, но инкогнито Петра вездѣ являлось уже секретомъ полишинеля, и ему вездѣ оказывали внимательный приѣмъ. Петръ, однако, не хотѣлъ ни на іоту измѣнить своихъ нравовъ, выработанныхъ въ кабачкахъ Нѣмецкой слободы, и продолжать удивлять міръ своими чудачествами. Когда въ Кенигсбергѣ два царедворца курфюрста разыскали его въ кабацкѣ, онъ пригласилъ сначала ихъ присѣсть къ столу, за которымъ шла попойка, но затѣмъ передумалъ: сильно ударилъ кулакомъ по столу, закричалъ: „Курфюрстъ славный, но его совѣтники черти! Пошли вонъ!“ И собственноручно вытащилъ одного изъ царедворцевъ за шиворотъ изъ кабака. Другой разъ, встрѣтивъ на улицѣ Кенигсберга придворную даму, онъ закричалъ громовымъ голосомъ: „Стой!“ вытащилъ у испуганной женщины изъ-за корсажа часы, посмотрѣлъ, который часъ, и отправился далѣе.

Въ Кенигсбергѣ Петру пришлось задержаться довольно долго, такъ какъ въ это время произошли замѣшательства въ польскихъ дѣлахъ. И Петръ не хотѣлъ двинуться далѣе, пока не выяснятся въ достаточной степени обстоятельства. Вообще съ выѣздомъ за границу Петръ начинаетъ проявлять серьезное вниманіе къ дѣламъ своей родины. Лишь въ первыхъ числахъ іюля, когда оказались обезпеченными успѣхи Августа, кандидата на польскій престолъ, поддерживаемаго Петромъ, посольство двинулось далѣе.

При проѣздѣ черезъ Пруссію Петръ не захотѣлъ остановиться въ ея столицѣ Берлинѣ, но зато принялъ приглашеніе одной изъ выдающихся по образованію и уму женщинъ того времени—курфюрстини бранденбургской Софіи-Шарлотты и ея замѣчательной дочери. Въ письмахъ этихъ женщинъ сохранились до нашего времени обстоятельныя описанія этой встрѣчи. „Петръ,—разсказываетъ г. Валишевскій,—охотно согласился на встрѣчу, состоявшуюся въ Коппенбрюге, въ великомъ герцогствѣ Целль, резиденціи герцога брауншвейгскаго. Молодой государь сначала испугался множества встрѣтившихъ его здѣсь лицъ, такъ какъ обѣ курфюрстины забыли его предупредить, что пригласили всѣхъ членовъ своего

еимейства. Онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ избѣжать свиданія, поспѣшно покинулъ селеніе, и пришлось цѣлый часъ его уговаривать, чтобы убѣдить вернуться. Наконецъ, онъ появился въ замкѣ, но на привѣтствіе,

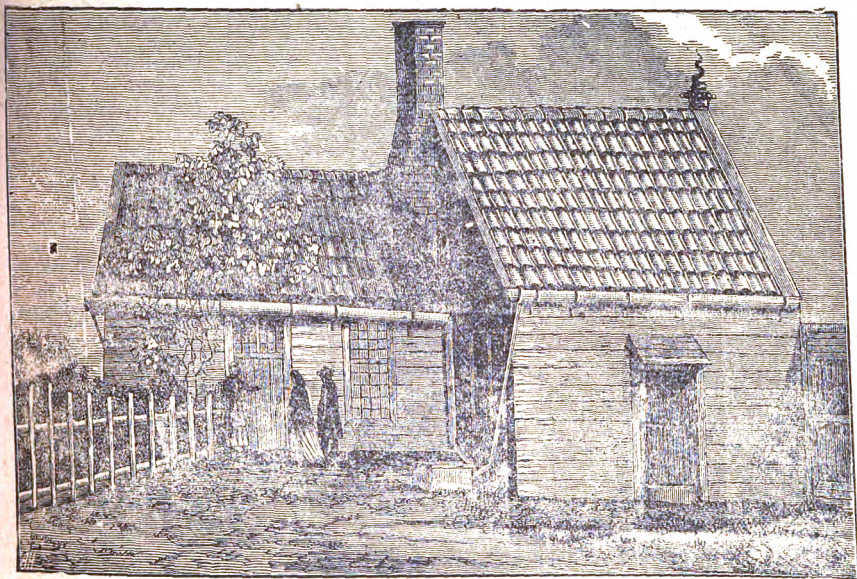
Торжественный въѣздъ великаго московскаго посольства въ Амстердамъ 16 августа 1697 г. (Сцена представляетъ слѣдованіе пословъ черезъ Маансъ-Бругъ, къ гостиницѣ Уде-Зейдъ, у которой поставленъ почетный караулъ). Съ современной гравюры.

съ какимъ обратились къ нему курфюрстины, отвѣчалъ только жестами, закрывая себѣ лицо руками и повторяя: „ich kann nicht sprechen“ (я не умѣю говорить)...“ Эта дикость объяснялась природной застѣнчивостью, но молодой государь вскорѣ встряхнулъ съ себя смущеніе и довольно быстро приручился. „За ужиномъ онъ еще проявлялъ нѣкоторую неловкость,

сдѣлалъ нѣсколько промаховъ, не зналъ, куда дѣвать салфетку, употребленіе которой ему было неизвѣстно, и ѣлъ неопратно. Онъ заставилъ все общество просидѣть четыре часа за столомъ и пить, каждый разъ вставая, безконечное количество за его здоровье; но, несмотря на это, все-таки не произвелъ дурного впечатлѣнія. Онъ казался простымъ; при ясномъ природномъ умѣ быстро отвѣчалъ на предлагаемые ему вопросы и безъ затрудненія поддерживалъ какой угодно длинный завязавшійся разговоръ. У него спрашивали, любить ли онъ охоту, и онъ отвѣчалъ, показывая свои руки рабочаго, покрытыя мозолями, что ему некогда охотиться! Послѣ ужина онъ согласился танцевать, попросивъ предварительно обѣихъ принцессъ показать ему примѣръ. Онъ хотѣлъ надѣть перчатки, но ихъ не оказалось въ его багажѣ. Его спутники принимали корсеты со вставленными костями своихъ дамъ за ихъ природное тѣло и громко дѣлали замѣчанія, что у нѣмецкихъ дамъ чертовски жесткія спины. Онъ презивалъ одного изъ шутовъ; но видя, что обществу не нравятся его нелѣпыя дурачества, вооружился огромной метлой и выгналъ его вонъ. Но опять, въ обществѣ, онъ очаровывалъ больше, чѣмъ поражалъ. Это былъ любезный дикарь. Даже болѣе того. „Это, — пишетъ курфюрстина-мать, — человѣкъ совершенно необыкновенный. Невозможно его описать и даже составить себѣ какое-нибудь представленіе о немъ, не видавъ его“. Четыре часа, проведенные за ужиномъ, не показались долгими ни матери, ни дочери; обѣ просидѣли бы еще дольше, „не испытывая ни минуты скуки“. Отдавая отчетъ Фуксу (одному изъ своихъ корреспондентовъ) въ своихъ впечатлѣніяхъ, дочь заканчиваетъ свое письмо фразой недоговоренной и весьма многозначительной: „Ну, довольно вамъ надоѣдать; но, право, не знаю, что дѣлать; мнѣ доставляетъ удовольствіе говорить про царя, и, если бы я вѣрила самой себѣ, я бы вамъ сказала еще больше, я... Остаюсь расположенной къ вамъ и готовой къ услугамъ“.

Петръ торопился теперь въ Голландію. Онъ, повидимому, не забывалъ ни на минуту главнѣйшей своей задачи: взять у Западной Европы все, что можно было взять у нея въ практическомъ отношеніи. Уже въ Кенигсбергѣ онъ, судя по отзывамъ специалистовъ, въ достаточной степени успѣлъ усвоить артиллерійское дѣло. Но больше всего интересовало его, конечно, кораблестроеніе и мореплаваніе. И, въ самомъ дѣлѣ, негласно посольству было поручено набрать для русской службы капитановъ, „которые бы сами въ матросахъ бывали и службою дошли чина, а не по инымъ причинамъ“, а также мастеровъ, „которые дѣлаютъ на корабляхъ всякое дѣло“. Что же касается волонтеровъ, посланныхъ въ чужіе края, то имъ предписывалось „знать чертежи или карты морскія, компасъ и прочіе приборы морскіе, владѣть судномъ, какъ въ бою, такъ и въ простомъ шествіи, знать всѣ снасти или инструменты, къ тому надлежащіе, искать всяческаго случая быть на морѣ во время боя, непремѣнно запастись отъ морскихъ начальниковъ свидѣтельствомъ о достаточной подготовкѣ къ дѣлу, а при возвратѣ въ Москву привезти съ собой по два искусныхъ мастера морского дѣла съ уплатою расходовъ изъ казны по исполненіи подряда; кто изъ дворянъ обучить морскому дѣлу за границей своего двороваго человѣка, получить за него изъ казны 100 р.“ (около 1000 р. на наши деньги), — такъ формулируетъ намѣченныя Петромъ задачи проф. Ключевскій. Еще болѣе широкую программу ставилъ себѣ самъ Петръ въ этомъ отношеніи. И эту программу онъ и надѣялся выполнить въ Голландіи, объ искусствѣ которой въ кораблестроеніи много слышался у себя, въ Нѣмецкой слободѣ.

Первая остановка Петра въ Голландіи припала на Саардамъ, маленький приморскій городокъ. Здѣсь онъ пробылъ всего восемь дней и долженъ былъ глубоко разочароваться, такъ какъ большимъ размахомъ устройство здѣсь не отличалось. Маленькій домикъ, сохраняемый до настоящаго времени, служить памятникомъ пребыванія русскаго царя въ этомъ маленькомъ голландскомъ городкѣ, а неисчерпаемое количество анекдотовъ, сохраненныхъ исторіей о восьми этихъ дняхъ, свидѣлствуютъ, что Петръ и здѣсь среди работы не забывалъ ни своего разгула, ни своихъ дикихъ выходокъ, которые голландцамъ приходилось терпѣливо сносить, несмотря на балаганное инкогнито, котораго Петръ постоянно держался. Въ концѣ концовъ, ему дали понять, что отъѣздъ его

Домикъ, гдѣ обиталъ Петръ I въ Заандамѣ, съ 8 по 15 августа 1697 г.
Съ рисунка XVIII вѣка.

изъ Саардама ничего никому не принесъ бы, кромѣ удовольствія. Въ Вѣдомостяхъ Лютеранской Общины Саардама было занесено: „Онъ прѣхалъ инкогнито въ сопровожденіи малочисленной свиты, прожилъ восемь дней въ Кримпенбургѣ, у кузнеца по имени Бой-Тійсена, потомъ отправился въ Амстердамъ, куда прибыло все посольство. Ростомъ онъ семи футовъ, носилъ платье саардамскаго крестьянина, работалъ на адмиралтейскихъ верфяхъ. Онъ—любитель корабельныхъ сооружений“. Одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей называетъ это посѣщеніе „знаменитымъ, многочисленнымъ, почетнымъ, необыкновеннымъ и разорительнымъ“...

Въ Амстердамѣ Петръ устроился простымъ рабочимъ на верфи Остъ-индской голландской компаніи, куда доступъ ему открылъ амстердамскій бургомистръ Витзень, съ которымъ царь познакомился еще въ Москвѣ. Для Петра нарочно былъ заложенъ фрегатъ, на которомъ самъ царь работалъ неумоимо, и который черезъ 9 недѣль былъ уже спущенъ на воду. Ненасытимое любопытство и причуды, конечно, сопровождаютъ Петра и здѣсь. „Когда его посольство отправилось въ Гаагу,—разказы-

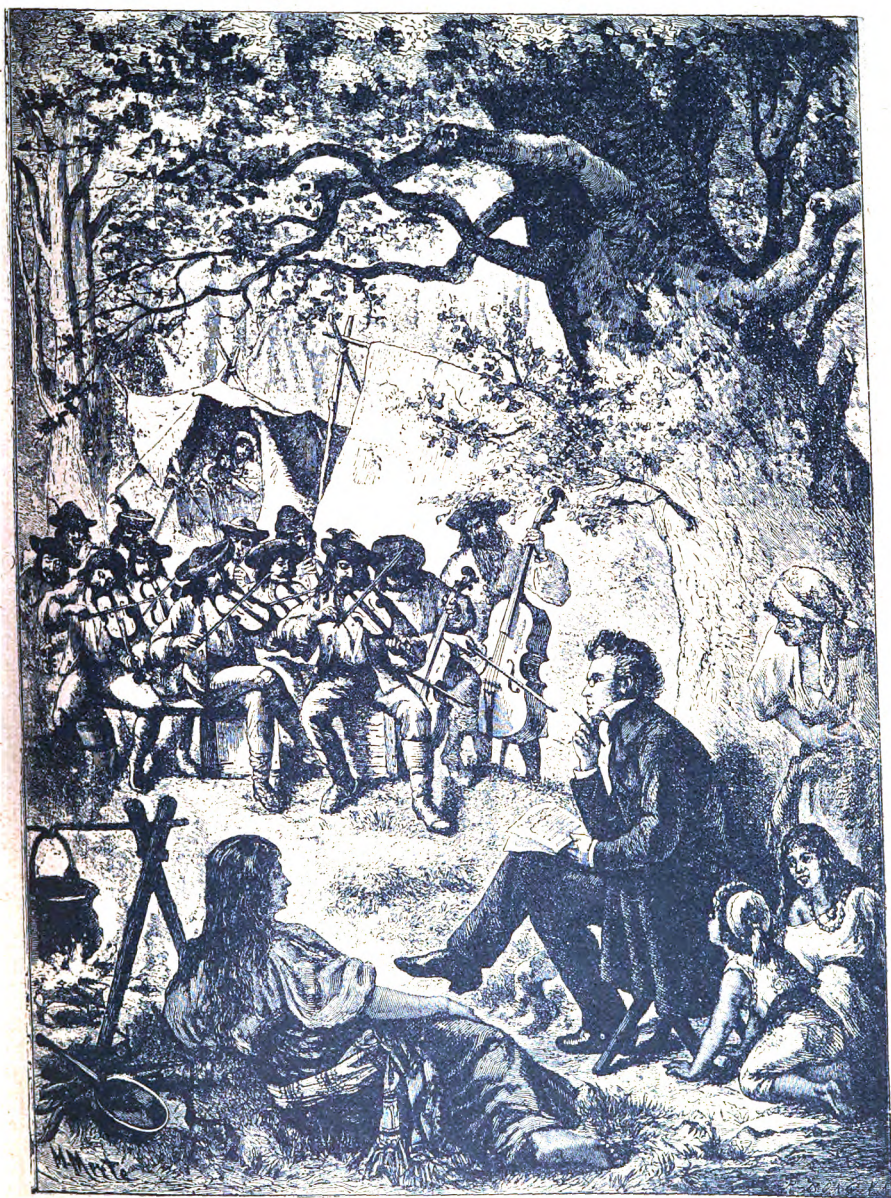
ваетъ г. Валишевскій, — гдѣ его ожидалъ торжественный приѣмъ, онъ отказался присоединиться къ нему, но изъявилъ желаніе присутствовать на аудіенціи, находясь въ смежномъ залѣ. Такъ какъ тамъ собрался народъ, онъ хотѣлъ уйти, но для этого надо было пройти черезъ приемный залъ; поэтому онъ просилъ представителей правительства отвернуться къ стѣнѣ, чтобы его не видѣть. Въ городъ онъ прибылъ въ одиннадцать часовъ вечера; въ гостинницѣ „Амстердамъ“, куда его привезли сначала, онъ отказался отъ прекрасной постели, устроенной для него въ лучшей комнатѣ, и собрался лѣзть подъ крышу, чтобы выбрать себѣ тамъ ма-

„Петръ I объявляетъ Ништадскій миръ на Троицкой площади въ Петербургѣ.
Съ картины А. І. Шарлеманя.

ленькую каморку; затѣмъ, передумавъ, рѣшилъ искать ночлега въ другомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ, гостинница „Старый Делень“ имѣла честь приютить его у себя. Тамъ уже находился одинъ изъ его слугъ, спавшій въ углу, подставивъ подъ себя медвѣжью шкуру. Петръ разбудилъ его пинкомъ ноги: „Пусти меня на свое мѣсто“.

„между амстердамомъ и Гаагой онъ двадцать разъ останавливалъ экипажъ, чтобы измѣрить ширину моста на сваяхъ, заглянуть на мельницу, перейдя черезъ залитый лугъ, гдѣ вода доходила ему до колѣнъ, зайти въ домикъ горожанина, откуда предварительно удалили всѣхъ жильцовъ... Онъ чуть не искалѣчился, пытаясь остановить лѣсопилку; вѣшался на маховое колесо ткацкой фабрики, рискуя, что его зафигитъ одно изъ вспомогательныхъ колесъ; изучалъ архитектуру съ Симономъ III иновутомъ изъ Лейдена; механику съ ванъ-дербъ-Гейденомъ; фортифи-

Франц Шубертъ, записывающій мелодіи венгерскихъ цыганъ.—Рис. Мерте..

кацію съ Горонкомъ, котораго старался переманить къ себѣ на службу; книгопечатанье съ однимъ изъ братьевъ Тессингъ; анатомію съ Рюншемъ; естественную исторію съ Левенхокомъ. Онъ повелъ своихъ спутниковъ въ знаменитый анатомическій музей Буркаави и, видя ихъ отвращеніе передъ выставленными тамъ препаратами, заставилъ ихъ укусить зубами трупъ, приготовленный для диссекціи. Онъ научился владѣть циркулемъ, пилой, рубанкомъ, а также щипцами для дерганья зубовъ, увидавъ, какъ эта операція производится подъ открытымъ небомъ, среди площади. Онъ

Петръ Великій (съ портрета Моро).

построилъ фрегатъ, смастерилъ себѣ кровать, устроилъ себѣ для собственнаго употребленія русскую баню и самъ готовилъ себѣ пищу. Онъ также бралъ уроки рисованія и гравированія по мѣди, посѣщалъ мастерскую Іоанны Кертень Блокъ, позировалъ для портрета, который она для него писала, расписался въ ея альбомѣ и самъ исполнилъ гравюру на доскѣ, изображающую торжество христіанской религіи надъ вѣрой Магомета. Но этого мало. Съ величайшей прозорливостію онъ набираетъ персоналъ, въ которомъ онъ будетъ нуждаться при реализаціи плана, все яснѣе и яснѣе вырисовывающагося у него въ головѣ. „Онъ, — продолжаетъ тотъ же историкъ, — завербовалъ искуснаго боцмана, Корнелиуса Крюи, котораго назначилъ адмираломъ, нѣсколько капитановъ кораблей, двадцать три командира, тридцать пять лейтенантовъ, семьдесятъ два лоцмана, пять-

десять докторовъ, триста сорокъ пять матросовъ, четырехъ поваровъ. Для этихъ людей нуженъ былъ соотвѣтствующій матеріалъ; онъ взялъ на себя трудъ его достать и переправить: двѣсти шестьдесятъ ящиковъ, помѣченныхъ буквами П. М. (Петръ Михайловъ), были отосланы въ Москву съ грузомъ изъ ружей, пистолетовъ, пушекъ, парусовъ, циркулей, пилъ, красного дерева, китоваго уса, пробковаго дерева, якорей. Въ одной изъ посылокъ заключалось восемь глыбъ мрамора, предназначенныхъ, очевидно, для поощренія и вдохновенія будущихъ ваятелей. То подготавливалась академія изящныхъ искусствъ. Въ одномъ изъ ящиковъ находилось чучело крокодила. Это былъ зачатокъ зоологическаго музея... Ясно, что за четыре мѣсяца пребыванія въ Голландіи Петромъ исполненъ колоссальный трудъ, который, конечно, шелъ въ перемежку съ кутежами и всякаго рода скандалами.

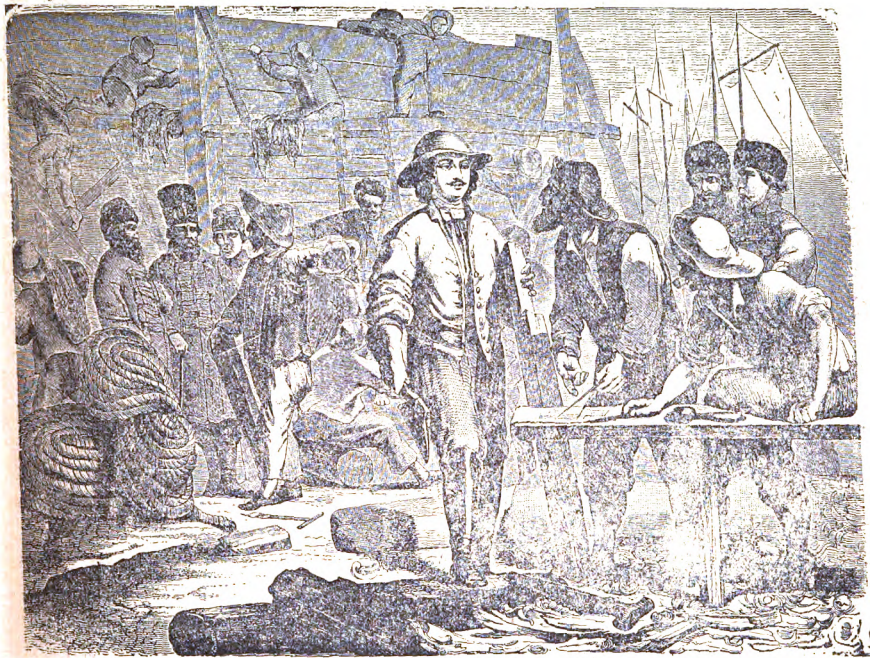
Но Голландія скоро оказалась исчерпанной. Петръ почувствовалъ, что даже лучшія верфи Антверпена не въ состояніи ему дать теоріи кораблестроенія. За этой теоріей онъ направляется теперь въ Англію, король которой встрѣчаетъ русскаго царя съ необычайнымъ радушіемъ. Чтобы изъ простаго плотника превратиться въ ученаго мастера, онъ перебирается на верфи небольшого сосѣдняго съ Лондономъ городка Дептфорда. Здѣсь онъ съ обычнымъ своимъ рвеніемъ берется за дѣло. Работа на верфяхъ сопровождается поѣздками въ Лондонъ и Вуличъ. Онъ наблюдаетъ изготовленіе артиллерійскихъ снарядовъ, дѣлаетъ опыты съ метаніемъ бомбъ, осматриваетъ съ большимъ вниманіемъ военные корабли, присутствуетъ при примѣрномъ, устроенномъ для него военномъ сраженіи, заходитъ въ „костеллы“, принимаетъ англійскихъ архіепископовъ, вызываетъ къ себѣ женщину-великана, осматриваетъ обсерваторію, монетный дворъ и политическую тюрьму въ Тауэрѣ, присутствуетъ на засѣданіи Верхней Палаты и, по обыкновенію, много пьянствуетъ. Всасывая, какъ губка, самыя разнообразныя свѣдѣнія главнымъ образомъ практическаго характера, Петръ и его спутники остаются по своимъ нравамъ прежними московскими дикарями. Объ этомъ свидѣтельствуетъ состояніе покинутой ими въ Лондонѣ квартиры. Полы и стѣны оказались заплеваны и запятнаны всякой гадостью, картины служили мишенью для стрѣльбы, занавѣски оборваны, цвѣтники вытоптаны, точно по нимъ непрерывно гоняли табунъ лошадей. Англійское правительство вынуждено было заплатить хозяину дома около 5.000 руб. на наши деньги за всѣ безсмысленные убытки, произведенные Петромъ и его свитой.

Наконецъ, покинута и Англія. Русскій царь съ огромнымъ обозомъ двинулся въ Вѣну. По свидѣтельству нѣмецкихъ официальныхъ источниковъ, въ составъ его поѣзда входили: 1 гофмейстеръ, 1 шталмейстеръ, 1 мажордомъ, 4 камергера, 4 шута, 6 пажей, 6 трубачей, 1 мундшенкъ, 1 поваръ, 1 гоффурьеръ, 12 лакеевъ, 6 кучеровъ и фореиторовъ, 24 камердинера, 32 гайдука, 22 упряжныхъ лошади, 32 экипажа на четверку, 4 фургона на шестерку для клади, 12 верховыхъ лошадей. Какую насмѣшку представлялъ этотъ весь дворцовый обиходъ наряду съ московской грязью!

Въ Вѣнѣ пребываніе Петра оказалось болѣе, чѣмъ конфузнымъ: такъ онъ растерялся при блестящемъ дворцѣ императора и такъ сумѣли его приструнить опытные царедворцы вѣнскаго двора. Петръ быстро рѣшилъ уѣхать въ Венецію для изученія постройки веселыхъ галерей. Но извѣстіе о новомъ кровавомъ возстаніи стрѣльцовъ заставило его поспѣшать въ Москву. Заграничное путешествіе было закончено. Оно про-

должалось 15 мѣсяцевъ и обошлось въ $2\frac{1}{2}$ милліона руб. на наши дѣньги. Онъ везъ съ собой массу техническихъ свѣдѣній и твердую увѣренность въ неизбежности рѣзкихъ реформъ въ русской жизни.

Бунтъ стрѣльцовъ былъ подавленъ еще до пріѣзда царя, и тѣмъ не менѣе, первымъ дѣломъ по возвращеніи царя въ Москву было возобновленіе слѣдствія, въ которомъ Петръ, какъ говорятъ, принималъ личное участіе, при чемъ полились новые потоки крови. Но едва было окончательно ликвидировано дѣло со стрѣльцами, какъ на первый планъ выдвигаются слож-

Петръ I въ Саардамѣ на корабельной верфи.
Со стараго рисунка.

ные и важные вопросы внѣшней политики. Мы видѣли, что главной задачей посольства, съ которымъ Петръ Алексѣевичъ ѣздилъ за границу, было заключеніе союза противъ Турціи. Миссія эта нашему посольству совершенно не удалась. Наоборотъ, европейская политика складывалась все больше и больше въ пользу Турціи. Такое положеніе вещей ставило Петру непреодолимые препятствія въ дѣлѣ захвата Черноморскаго побережья. Его мысль естественно съ тѣмъ большей силой обратилась къ Балтійскому морю. Здѣсь передъ нимъ стояла могущественная въ то время Швеція, противъ которой Петръ не рѣшался выступить одинъ, но которая своими неумѣренными притязаніями успѣла возбудить противъ себя рядъ европейскихъ державъ. Дѣйствительно, Петру удалось заключить союзъ съ Польшей и Даніей противъ Швеціи. Но союзники, включая въ то число и самого Петра, дѣйствовали недружно. Шведскій король, знаменитый Карлъ XII, быстрымъ натискомъ разбилъ силы Польши и Даніи. Шведскія войска такимъ образомъ были заняты далеко отъ русской границы, и Петръ рѣшилъ использовать этотъ благоприятный моментъ, тѣмъ болѣе,

что русскому послу удалось заключить миръ съ Турціей и южные предѣлы русскаго государства оказывались, такимъ образомъ, въ достаточной степени защищенными. Въ день же прибытія изъ Турціи курьера съ извѣстіемъ о подписаніи мира,—8 августа 1700 года,—Петръ приказываетъ войскамъ выступить на Нарву. Такъ началась Сѣверная война.

Первые шаги Петромъ были сдѣланы крайне опрометчиво. Правда въ арміи его насчитывалось до 35.000 солдатъ, но все это главнымъ образомъ были новобранцы, не имѣвшіе ни малѣйшаго предствленія о военномъ дѣлѣ; офицерство было низкаго качества; генералы—по преимуществу иностранцы, изъ которыхъ иные вовсе не говорили по-русски; общій планъ кампаніи, повидимому, отсутствовалъ; пушки—плохо стрѣляли, дороги съ осенней распутицей представлялись непроѣзжими. Нарва оказала неожиданное сопротивленіе и задержала русскія войска. Каждый день приближалась опасность непосредственнаго столкновенія съ войсками самого Карла, считавшагося непобѣдимымъ. Но никто, однако, не рассчитывалъ, что эта роковая встрѣча произойдетъ такъ быстро.

Но сначала нѣсколько словъ о знаменитомъ противникѣ Петра Алексѣевича—Карлѣ XII. Намъ кажется достаточной для этого слѣдующая характеристика, данная въ отзывѣ англійскаго посла Степenea. „Этo высокаго роста, хорошо сложенный государь, но довольно неряшливый. Манеры его грубые, чѣмъ ихъ можно было бы ожидать отъ молодого человека. Чтобы внѣшность его стоянокъ не отличалась отъ внутреннихъ порядковъ въ нихъ, онъ выбралъ самое грязное мѣсто въ Саксоніи и одинъ изъ самыхъ плохихъ домовъ. Самое чистое и опрятное мѣсто—это дворъ передъ домомъ, гдѣ всѣ обязаны слѣзть съ лошадей и гдѣ ноги вязнуть въ грязи по колѣно. Тутъ стоятъ его собственныя лошади въ недоузкахъ и съ торбами, безъ попонъ, безъ кормушекъ, безъ яслей. У нихъ взъерошенная шерсть, круглые животы, широкіе крупы, плохо содержимые хвосты, косматыя гривы. Конюхи, за ними ухаживающіе, повидимому, пользуются не лучшимъ пріютомъ и ѣдой, чѣмъ лошади. Для государя всегда имѣется наготовѣ осѣдланый конь. Карлъ вскакиваетъ на него и несется впередъ одинъ, не дожидаясь пока кто-нибудь успѣетъ послѣдовать за нимъ. Онъ иногда дѣлаетъ въ день до десяти, двѣнадцати нѣмецкихъ миль, что равняется сорока восьмью, пятидесяти англійскимъ, и это даже зимой, и бываетъ весь покрытъ грязью, точно почтальонъ. Одежда его голубого цвѣта съ желтыми мѣдными пуговицами, полы полукафтаны отвернуты спереди и сзади, открывая камзолъ и кожаные штаны, часто очень сальные... Онъ носитъ черный крепъ вмѣсто галстука, но воротъ его сюртука застегнутъ такъ высоко, что изъ-подъ него все равно ничего не видно. Рубашка и рукава обыкновенно очень грязны, манжеты и перчатки онъ надѣваетъ только, когда ѣдетъ верхомъ. Руки такого же цвѣта, какъ обшлага, такъ что ихъ съ трудомъ можно различить. Волосы у него свѣтло-каштановые, очень жирные и короткіе, и онъ ихъ расчесываетъ только пальцами. Онъ садится безъ всякихъ церемоній на первый попавшійся въ столовой стулъ... Бѣтъ быстро, никогда не остается за столомъ дольше четверти часа и не говоритъ за обѣдомъ ни слова... Пиво—единственный употребляемый имъ напитокъ... Онъ не признаетъ ни простынь, ни пологовъ надъ кроватью; перина, лежащая подъ нимъ, служитъ ему и одѣяломъ: онъ прикрывается ею... Рядомъ съ постелью у него лежитъ прекрасная покрытая позолотой Библия,—единственная представительная вещь изъ всей его обстановки“. Такова была

цѣльная и сильная фигура Карла XII, которому въ то время шелъ всего 19-ый годъ.

Сраженіе при Полтавѣ.
Начало сраженія 27 іюня 1706 г. Съ современной гравюры

Необычайно быстрыми и трудными переходами Карлъ неожиданно явился подъ Нарвой. Вѣсть о его близкомъ приближеніи вызвала панику въ русскомъ войскѣ, которое численно почти въ 5 разъ превосходило

шведскій отрядъ. Общее настроеніе, повидимому, заразило и Петра. Наканунѣ сраженія онъ поспѣшно оставилъ свой лагерь. На одной европейской медали того времени онъ былъ представленъ безъ шпаги, безъ шапки и со слезами на щекахъ, причѣмъ подпись, взятая изъ евангелія, гласила: „и исшедъ вонъ, плакася горько“. Потеря всего обоза, артиллеріи, большей части людей была результатомъ этого необдуманнаго выступленія Петра.

Къ счастью, Карлъ оставилъ пока Петра въ покоѣ и занялся Польшей. Это время Петръ использовалъ съ большой ловкостью. Онъ сумѣлъ придать своей арміи новую организацію. Онъ сумѣлъ напречъ всѣ экономическія силы страны, не щадя для этого ни себя, ни другихъ. Когда, напр., послѣ нарвскаго пораженія оказалась недохватка металла для пушекъ, онъ приказалъ, не смотря на протесты духовенства, снять съ церквей часть колоколовъ и перелить ихъ въ пушки. Недохватки въ деньгахъ онъ пополнялъ суммами, которыя свободно бралъ у монастырей. Результаты неутомимой работы начали довольно быстро давать себя чувствовать. Русскія войска стали одерживать одну за другой побѣды надъ шведскими отрядами, оставленными у балтійскаго побережья. Такъ, былъ взятъ старинный русскій городокъ, переименованный въ знаменательное имя Шлиссельбургъ—городъ-ключъ, т. е. ключъ къ морю. Наконецъ, было захвачено и самое устье Невы, гдѣ, между прочимъ, была одержана и первая небольшая морская побѣда надъ шведами, передавшая въ руки русскихъ два шведскихъ корабля.

Очистивъ Неву отъ враговъ, Петръ рѣшилъ основать городъ при выходѣ рѣки въ море. Онъ выбралъ островъ, который казался ему наиболѣе удобнымъ, собственными своими руками срубилъ березу, сдѣлавъ изъ нея крестъ и поставилъ его, сказавъ: „здѣсь будетъ крѣпость и церковь во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла“. Такъ въ 1703 г. былъ основанъ С.-Петербургъ.

Завладѣвъ устьемъ Невы, Петръ готовъ былъ заключить миръ со шведами. Но Карлъ XII не былъ расположенъ идти на какія-либо уступки. За это время онъ успѣлъ разгромить Польшу и заставить польскаго короля отказаться отъ союза съ Петромъ такъ же, какъ заставилъ раньше сдѣлать это датскаго короля. Союзъ, который въ дѣйствительности былъ почти бесполезенъ Петру, развалился и формально. Но это обстоятельство уже не могло быть теперь тяжелымъ моральнымъ ударомъ для Петра: и самъ Петръ, и его армія приобрѣли большую опытность въ военномъ дѣлѣ. Знаменитое же войско Карла XII было утомлено долготѣней борьбой вдали отъ родины. Тѣмъ не менѣе, Карлъ рѣшилъ вторгнуться въ Россію со стороны Польши. Къ этому его побуждали, между прочимъ, общанія казацкаго гетмана Мазепы, который увѣрялъ, что Малороссія возстанетъ противъ Петра, и казаки окажутъ помощь шведскимъ войскамъ.

Заманивая шведовъ все дальше и дальше въ глубь Россіи, Петръ приказывалъ своимъ войскамъ отступать, опустошая окрестности. Въ то же самое время русскія войска не допускали къ шведской арміи ни подкрѣпленій, ни обозовъ. Такимъ образомъ, въ теченіе всего этого похода шведы были обречены на большія лишенія. Наконецъ, Карлъ рѣшилъ напасть на Полтаву, въ которой были сдѣланы большіе запасы для русской арміи. Здѣсь, подъ стѣнами Полтавы, 27-го іюня 1709 года и разыгрался знаменитый Полтавскій бой.

Правда, у русскихъ было больше войскъ, чѣмъ у шведовъ; правда,

шведскія войска были истомлены долготѣннымъ пребываніемъ въ чужихъ земляхъ, но, тѣмъ не менѣе, знаменитая шведская армія все же была страшнымъ врагомъ. Петръ хорошо понималъ это, долго колебался и тщательно готовился къ битвѣ. Къ своимъ солдатамъ онъ обратился съ такимъ воззваніемъ: „Воины, вотъ пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу отечества. Итакъ, не думайте, что вы готовитесь сражаться за Петра: вы идете сражаться за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ смущать непобѣдимость непріятеля, которой ложь вы не разъ доказали своими побѣдами. Имѣйте въ сраженіи передъ собой правду и Бога, защитника вашего, а о Петрѣ знайте, что жизнь ему не дорога, только

Торжественный обѣдъ послѣ Полтавской побѣды.

Съ рис. Кошелева.

бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего“. Петръ своимъ поведеніемъ во время битвы показалъ, что это были не пустыя слова. Оба державныхъ вождя—и Петръ, и Карлъ,—сами оставались все время въ пылу битвы, подвергаясь постоянно опасностямъ. Шляпа Петра была прострѣлена въ нѣсколькихъ мѣстахъ; одна пуля впиалась въ сѣдло, другая,—какъ говоритъ преданіе,—ударилъ его въ грудь, но отскочила отъ креста, который онъ носилъ на себѣ. Наконецъ, шведы были опрокинуты и бѣжали. Побѣда русскихъ была полная. Она была отпразднована съ величайшимъ торжествомъ. На одномъ изъ пиршествъ Петръ поднялъ свой бокалъ за своихъ учителей въ военномъ дѣлѣ, какъ онъ назвалъ шведовъ.

Послѣ Полтавской битвы война продолжалась еще 12 лѣтъ. Наконецъ, Швеція, истощенная несчастливой для себя войной, обратилась къ

Петру съ мирными переговорами. Миръ былъ заключенъ въ городѣ Ништадѣ. При этомъ къ Россіи отошли города Выборгъ, Петербургъ, Ревель и Рига и все побережье между ними. Давнишня мечта русскихъ—пробиться къ Балтійскому морю—исполнилась. Ништадскій миръ, которымъ закончилась Сѣверная война, затянувшаяся на 21 годъ, былъ также отпразднованъ съ величайшимъ торжествомъ. Эта окончательная побѣда надъ Швеціей была тѣмъ важнѣе, что въ 1711 г. Петръ потерпѣлъ сильнѣйшее пораженіе отъ турокъ въ молдаванскомъ походѣ, который онъ принималъ съ величайшимъ легкомысліемъ, едва не погибъ самъ съ женою и вынужденъ былъ купить миръ уступкой Азова и всей части Черноморскаго побережья, захваченной раньше его же собственными войсками.

„Великая эволюція московскаго государства завершилась“,—говоритъ г. Валишевскій (I. с. 510 и слѣд.) по поводу окончанія Сѣверной войны,—„насталъ конецъ періода восточнаго и континентальнаго и начинается періодъ западнаго, когда Россія становится державою морской. Политическая Европа безспорно обогатилась новымъ факторомъ, все болѣе и болѣе приобретающимъ вліяніе на ея будущія судьбы. И Петръ завершилъ свой тяжелый трудъ, свою ужасную науку. Онъ могъ наслаждаться ликованиемъ своего народа, измученнаго, истощеннаго, запуганнаго до послѣдней степени, и все-таки не покинувшего до самого конца своего царя и теперь раздѣлявшего съ нимъ его безмѣрную радость, его несказанное облегченіе. Петръ возвратился сейчасъ въ Петербургъ. Плыя по Невѣ, онъ приказалъ безумолчно играть на трубахъ и дать три пучечныхъ залпа съ своей яхты. Народъ толпился у Троицкой пристани. Издали всѣмъ видѣнъ былъ царь, стоявшій на носу судна, махавшій платкомъ и восклицавшій: „Миръ, миръ!“ Онъ выскочилъ на землю, легкій и проворный, какъ въ дни молодости, и сейчасъ же поспѣшилъ въ церковь св. Троицы, гдѣ приказалъ отслужить благодарственный молебенъ. Тѣмъ временемъ на площади передъ храмомъ послѣшно воздвигалась деревянная эстрада; подвозились боченки водки и пива. Воздавъ дань благодарности Богу, Петръ взомель на подмостки, говорилъ прочувственными словами о великомъ событіи, затѣмъ, осушивъ стаканъ водки, подаль сигналъ къ праздничному угощенію. Флотскіе офицеры явились къ нему съ поздравленіемъ и просили его принять чинъ адмирала, какъ бы осѣщеніе новой роли и новаго положенія, приобретающаго для народа и его вожда на Балтійскомъ морѣ. Онъ охотно согласился. Сенатъ, въ свою очередь, поднесъ ему три новыхъ титула: отца отечества, Петра Великаго и императора... На празднествѣ, сопровождавшемъ провозглашеніе новаго титула, новый императоръ собственноручно пускалъ новый фейерверкъ, такъ какъ мастеръ, которому была поручена эта работа, оказался мертвецки пьянымъ. Царь самъ пилъ изрядно и веселился больше всѣхъ своихъ подданныхъ, вмѣстѣ взятыхъ. Но на слѣдующій день, вставъ рано, какъ всегда, принялся за работу“.

Чтобы покончить съ внѣшней политикой Петра, намъ остается упомянуть о походѣ Петра въ Закаспійскую область. Завоеваніе Астрахани уже давно дало въ руки русскихъ государей ключъ къ Каспійскому морю и богатымъ странамъ, лежавшимъ по его берегамъ и къ юго-востоку отъ нихъ. Потеря черноморскаго побережья послѣ неудачнаго молдаванскаго похода заставила Петра усиленно задуматься о реализаціи этой возможности расширенія границъ въ юго-восточномъ направленіи. Съ этою цѣлью Петръ первое время пользовался способомъ набѣговъ мелкими отрядами, который, однако, не принесъ сколько-нибудь значительныхъ резуль-

татовъ. Теперь, когда его силы освободились послѣ окончательной побѣды надъ Швеціей, онъ рѣшается предпринять огромный походъ со стотысячной арміей, которую опять-таки сопровождаетъ самъ вмѣстѣ съ Екатериной и главѣйшими своими вельможами. Но и этотъ походъ оказался неудачнымъ: огромная армія очень быстро начала испытывать недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ, что и заставило ее начать отступленія, послѣ занятія сравнительно незначительнаго пункта—Дербента. Однако, упорство Петра и здѣсь, въ концѣ концовъ, принесло блестящіе плоды.

Карль XII на Днѣпрѣ послѣ Полтавской битвы.
Съ рис. проф. Н. Дмитріева-Оренбургскаго.

Когда дѣйствіе военными силами не достигло положительныхъ результатовъ, Петръ началъ на этотъ разъ довольно искусные переговоры съ персидскимъ шахомъ. Въ результатѣ этихъ переговоровъ Россіи были уступлены Дербентъ, Баку съ областями Гилана, Мазандерана и Астрабада.

Менѣе удачными были дипломатическія выступленія Петра въ Западной Европѣ. Впрочемъ, положеніе Россіи и здѣсь измѣнилось послѣ Полтавской битвы радикальнымъ образомъ. Раньше европейская дипломатія относилась къ Россіи съ нескрываемымъ пренебреженіемъ и презрѣніемъ; теперь въ ней начинаютъ чувствовать силу, съ которой необ-

ходимо считаться, и если Петру въ этомъ отношеніи не удалось добиться почти никакихъ реальныхъ результатовъ, то виновата въ этомъ въ значительной степени его собственная безсистемность, беспорядочность, которая показывала, насколько русская дипломатія отстала отъ выдержанной и опытной дипломатіи Западной Европы. Изъ сложныхъ и пестрыхъ событий, относящихся къ дипломатическимъ выступленіямъ Петра въ Западной Европѣ, наибольшій интересъ съ біографической точки зрѣнія представляетъ его путешествіе, предпринятое имъ на склонѣ своей жизни въ Парижъ. На этомъ путешествіи мы нѣсколько и остановимся прежде, чѣмъ перейдемъ къ внутреннимъ реформамъ Петра.

Петръ, повидимому, придавалъ этому путешествію очень большое значеніе. Это видно уже изъ одного того, что онъ не взялъ съ собой Екатерины, съ которой онъ обыкновенно не расставался и которую, тѣмъ не менѣе, призналъ неподходящей для блестящаго французскаго двора. Но, не смотря на это, даже здѣсь, въ нѣсколько страшившей и сдерживавшей его обстановкѣ, онъ сохранилъ и много непосредственности, и оригинальности, и дикости. Уже въ Дюнкирхенѣ, гдѣ Петръ со своей свитой изъ 57 человекъ, впервые вступилъ на французскую почву, онъ доставилъ массу огорченій придворнымъ французскимъ чинамъ, которымъ была поручена встрѣча высокихъ гостей и которымъ, тѣмъ не менѣе, не было отпущено достаточныхъ для того кредитовъ. „Царь“,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—„встаетъ рано утромъ, обѣдаетъ въ десять часовъ, слегка ужинаетъ, когда хорошо пообедалъ, и ложится спать въ девять часовъ, но между обѣдомъ и ужиномъ поглощаетъ невѣроятное количество анисовой водки, пива, вина, фруктовъ и всевозможной ѣды... У него всегда подъ рукой два—три блюда, изготовленные его поваромъ; онъ встаетъ изъ-за роскошно сервированнаго стола, чтобы поѣсть у себя въ комнатѣ; приказываетъ варить пиво своему человеку, находя отвратительнымъ то, которое подается ему, жалуется на все... Это обжора, ворчунъ“...

Царь пожелалъ совершить весь путь отъ Дюнкирхена до Парижа въ четыре дня, что по тогдашнему состоянію путей сообщенія представлялось совершенно невозможнымъ. Къ тому же онъ вдругъ потребовалъ для себя одноколку, въ родѣ той, въ какой онъ ѣздилъ въ Петербургъ. Поднялись энергичныя, но бесполезныя хлопоты, а царь между тѣмъ уже забылъ о своей затѣѣ. „Воля и планы его царскаго величества“,—замѣчаетъ съ горечью тотъ же Либуа,—„мѣняются ежечасно. Никакой возможности составить заранее программу или какой-нибудь распорядокъ“...

Наконецъ, царь въ Калѣ. Здѣсь онъ такъ прочно засѣлъ по причинамъ, никому неизвѣстнымъ, что Либуа готовъ былъ считать путешествіе „оконченнымъ“. Дѣло заключалось въ томъ, что наступила пасхальная недѣля, и вся свита Петра поголовно была пьяна. Петръ былъ крѣпче другихъ, но отъ другихъ не отставалъ. Одинъ изъ присланныхъ къ нему вельможей французскаго двора разыскалъ его въ трактирѣ, гдѣ онъ пилъ со своими музыкантами. Наконецъ, рѣшено было двинуться дальше въ путь. Но здѣсь опять новыя причуды. Петръ выдумалъ себѣ необычайный способъ передвиженія: онъ велѣлъ устроить особыя носилки, на которыхъ былъ утвержденъ своеобразный паланкинъ, состоявшій изъ кузова стараго фаятона, найденнаго среди старыхъ каретъ, и укрѣпленнаго на спинѣ лошади. Напрасно Петру доказывали, что лошади не привыкли къ такому роду экипажей и вся затѣя можетъ окончиться катастрофой, Петръ все-таки выѣхалъ изъ Калы въ своемъ паланкинѣ, пересаживаясь въ карету только при проѣздѣ черезъ людныя города. Отчаянію

...было предѣловъ. „Я еще не знаю“,—пишетъ онъ,—„остановиться ли царь на ночлегъ въ Булони и Монтрейлъ, но и то уже много значить, что онъ, наконецъ, двинулся въ путь. Я желалъ бы отъ всего сердца, чтобы онъ прибылъ въ Парижъ и даже оттуда уже выѣхалъ. Когда Его Величество король его увидитъ и проведетъ съ нимъ нѣсколько дней, я убѣжденъ,—если смѣю такъ выразиться,—что королю будетъ приятно отъ него избавиться. Министры не говорятъ по-французски, за исключеніемъ князя Куракина... И нѣтъ возможности передать гримасы остальныхъ, представляющія дѣйствительно что-то необыкновенное“.

Закладка Петербурга 16 мая 1703 г.

Въ этомъ духѣ продолжалось и дальнѣйшее путешествіе. „На ночь“,—разсказываетъ г. Валишевскій,—„остановились въ Булони и на слѣдующій день пустились въ дальнѣйшій путь съ расчетомъ переночевать въ Амьенъ; но на полдорогѣ царь перемѣнилъ рѣшеніе и выразилъ желаніе ѣхать до Бовэ. Подставныхъ лошадей не было подготовлено и, когда ему о томъ доложили, онъ отвѣтилъ бранью. Наскоро предупреденный городской интендантъ Бовэ, дю Бернажъ, сдѣлалъ невозможное, чтобы собрать шестьдесятъ необходимыхъ лошадей. Съ согласія епископа былъ приготовленъ въ епископскомъ домѣ ужинъ, концертъ, иллюминація и фейерверкъ. Интендантъ украсилъ дворецъ вензелями царя, а его спальню портретами, вѣроятно, не особенно схожими, московскихъ великихъ князей, его предковъ. Вдругъ разнеслась вѣсть, что въ каретѣ заботливаго интенданта царь быстро промчался черезъ городъ, затѣмъ пересѣлъ въ свой паланкинъ и остановился на разстояніи чет-

верти мили въ убогомъ трактирѣ, гдѣ истратилъ всего только восемнадцать франковъ на обѣдъ свой и всей свиты въ количествѣ около тридцати человекъ, вытащивъ изъ собственнаго кармана салфетку и разостлавъ ее вмѣсто скатерти...

„Наконецъ, 10-го мая вечеромъ царь совершилъ свой вѣздъ въ Парижъ въ сопровожденіи трехсотъ конныхъ гренадеровъ. Ему предложили апартаменты королевны-матери въ Луврѣ. Онъ выразилъ свое согласіе, и до послѣдней минуты тамъ ожидали его... На всякій случай, по совѣту графа Толстого, озаботились устройствомъ втораго помѣщенія, мѣнѣе роскошнаго, въ отелѣ Ледигьеръ.

„Точно желая нарушить всякія предположенія, Петръ, по прибытіи, отправился въ Лувръ, вошелъ въ залу, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ, бросилъ разсѣянный взглядъ на великолѣпіе, для него предназначенное, спросилъ кусокъ хлѣба и рѣдски, отвѣдалъ шесть сортовъ вина, выпилъ два стакана пива, приказалъ потушить свѣчи, изобиліе которыхъ оскорбляло его наклонности къ бережливости, и ушелъ.—Свой выборъ онъ оставилъ на отелѣ Ледигьеръ... И тамъ онъ нашелъ предназначенный для него апартаментъ черезчуръ великолѣпнымъ, а главное обширнымъ и приказалъ разставить для себя походную кровать въ гардеробной“...

Царь началъ свое пребываніе въ Парижѣ съ того, что на цѣлые три дня устроилъ себѣ добровольное заключеніе въ отелѣ. „Такой претензіи“,—продолжаетъ г. Валишевскій,—„никто не предвидѣлъ. Всѣ привыкли его видѣть болѣе обходительнымъ или, вѣрнѣе, нетребовательнымъ, относящимся беззаботно къ вопросамъ этикета. Въ Берлинѣ, въ 1712 году, онъ прямо отправился въ замокъ и засталъ короля еще въ постели. Въ Копенгагенѣ, въ 1716 году, онъ силой ворвался къ Фридриху IV сквозъ двойной рядъ царедворцевъ, преграждавшихъ ему дорогу въ виду ранняго часа, выбраннаго имъ для такого вторженія. Но въ обѣихъ столицахъ всѣ его манеры соотвѣтствовали первому проявленію—были прсты, свободны и часто неприличны. Очевидно, онъ усвоилъ себѣ мысль о глубокой разницѣ между этими дворами, часто имъ посѣщаемыми, и тѣмъ, куда онъ явился теперь, и здѣсь держался совершенно иначе: очень осторожно, подозрительно, строго и неуклонно придерживаясь этикета, законы котораго самъ предписывалъ въ иныхъ мѣстахъ“.

Петръ своимъ рѣшеніемъ, въ концѣ концовъ, добился того, что семилѣтній французскій король первый явился къ нему съ визитомъ. Точно продѣлавъ всю официальную часть пріема, Петръ въ заключеніе этой аудіенціи запросто поднялъ крошечнаго короля на руки и поцѣловалъ. Въ своемъ письмѣ къ Екатеринѣ самъ онъ писалъ объ этой встрѣчѣ слѣдующее: „Объявляю вамъ, что въ прошлый понедѣльникъ визитовалъ меня здѣшній каралище, который пальца на два болѣе Луки нашего (придворнаго карлика), дитя зѣло изрядная образомъ и станомъ, по возрасту своему довольно разуменъ, которому семь лѣтъ“.

Послѣ этого визита царь считалъ себя свободнымъ и появился на улицахъ Парижа въ своемъ оригинальномъ костюмѣ, получившемъ названіе костюма „дикаря“. Бюва описываетъ его слѣдующимъ образомъ: „одѣтый въ сюртку изъ сѣраго довольно толстаго баракана, совершенно гладкаго, съ жилеткой изъ сѣрой шерстяной матеріи съ брилліантовыми пуговицами, безъ галстука, безъ манжетъ, безъ кружевъ у обшлаговъ рубашки. Кромѣ того—на немъ темный парикъ по испанской модѣ, который онъ приказалъ сзади подрѣзать, потому что парикъ показался ему слишкомъ длиннымъ. Онъ не велѣлъ пудрить его... Маленькій воротничъ на сюр-“

тѣхъ, какъ у путешественника, и... портупея, отдѣланная серебряннымъ прозументомъ, поверхъ сюртука, на которомъ виситъ кинжалъ по восточному обычаю"... День за днемъ потекла парижская жизнь Петра, наполненная, съ одной стороны, удовлетвереніемъ жаднаго любопытства (посѣщеніе дома инвалидовъ, монетнаго двора, Сорбонны, обсерваторіи, знаменитыхъ

Село Измайлово—мѣсто, гдѣ провѣлъ Петръ Великій свое дѣтство. Съ гравюры 18 вѣка.

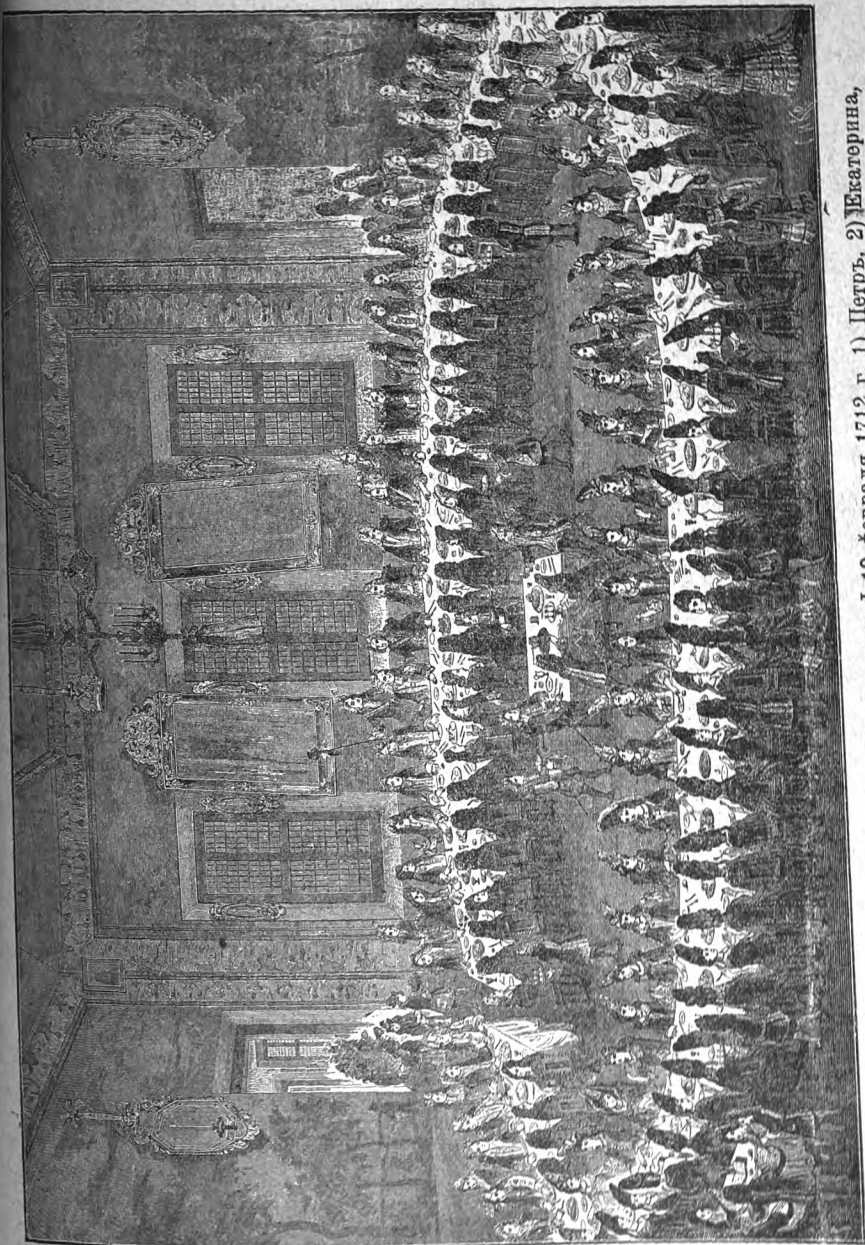
ученыхъ), а съ другой стороны—всякаго рода причудами и дурачествами. Иногда эти причуды были только смѣшны, въ родѣ его забавы съ фонтанами въ Трианонѣ, при которыхъ весь садъ оказался затопленнымъ водой, но иногда причуды эти бывали крайне грубы и предосудительны, въ родѣ

афишированія своей связи съ публичной женщиной. Впрочемъ, мало и малу Петръ поддавался влиянію парижской жизни и парижскаго общества, становился менѣе застѣнчивымъ, грубымъ и вздорнымъ. При своемъ отъѣздѣ онъ оставилъ свою обычную скупость, которую онъ проявлялъ въ частной жизни, и вознаградилъ за всѣ безпокойства, причиненныя имъ съ царской роскошью. Въ заключеніе скажемъ, что и эта побѣдка царя во Францію не имѣла сколько-нибудь значительныхъ дипломатическихъ успѣховъ. Въ частности, Петру такъ и не удалось выдать свою дочь Елизавету за одного изъ французскихъ принцевъ, для чего онъ не разъ жертвовалъ своимъ самолюбіемъ.

Петру Великому пришлось почти всю свою жизнь провести въ войнахъ. „Петръ“,—говоритъ проф. Ключевскій,—„почти не зналъ мира: весь свой вѣкъ онъ воевалъ съ кѣмъ-нибудь, то съ сестрой, то съ Турціей Швеціей, даже съ Персіей. Съ осени 1689 г., когда кончилось правленіе царевны Софіи, изъ 35 лѣтъ его царствования только одинъ 1724 годъ прошелъ вполне мирно, да изъ другихъ лѣтъ можно набрать не болѣе 13 мирныхъ мѣсяцевъ“. Государству русскому приходилось дѣлать колоссальное напряженіе не только потому, что войны были чрезвычайно продолжительны, но и потому, что враги его, какъ мы видѣли, отличались часто выдающимися военными доблестями. Петръ уже не могъ довольствоваться арміей своихъ предшественниковъ,—дворянской арміей по преимуществу, которую выдающийся публицистъ петровскаго времени, крестьянинъ Посошковъ, характеризовалъ слѣдующими мрачными красками: „Людей на службу нагоняетъ множество, а если посмотришь на нихъ внимательнымъ окомъ, то кромѣ зазору ничего не увидишь. У пѣхоты ружье было плохо и владѣть имъ не умѣли, только боронились ручнымъ боемъ, копьями и бердышами и то тупыми, и мѣняли своихъ головъ на непріятельскую голову по три и по четыре и гораздо больше. А если на конницу посмотреть, то не то что иностраннымъ, но и самимъ намъ на нихъ смотрѣть зазорно: клячи худыя, сабли тупыя, сами скудны и безодежны, ружьемъ владѣть никакимъ неумѣлые; иной дворянинъ и зарядить пищали не умѣетъ, а не то что ему стрѣлить по цѣли хорошенько. Попеченія о томъ не имѣютъ, чтобы непріятеля убить; о томъ лишь печется, какъ бы домой быть, а о томъ еще молятся Богу, чтобы и рану нажить легкую, чтобы не гораздо отъ нея поболѣть, а отъ государя пожаловану бѣ за нее быть, и на службѣ того и смотреть, чтобы гдѣ во время боя за кустомъ притулиться, а иные такіе прокураты живутъ, что и цѣлыми ротами притуляются въ лѣсу или въ долу. А то я у многихъ дворянъ слыхалъ: „дай Богъ великому государю служить, а сабли изъ ноженъ не вынимать“...

Съ такимъ боевымъ матеріаломъ Петръ, конечно, никогда не могъ бы остаться побѣдителемъ надъ великолѣпными, хотя и малочисленными войсками Карла XII. Петръ быстро понялъ, что русская армія теперь должна быть организована на новыхъ основаніяхъ, на которыхъ у предшественниковъ Петра мы находимъ лишь слабые намеки. Сначала Петръ, на войнахъ, въ походахъ и лагеряхъ котораго тратилось неимоверное количество людей не столько отъ непосредственныхъ столкновеній съ непріятелемъ, сколько отъ невозможныхъ гигиеническихъ условий, обратилъ самое серьезное вниманіе на способы комплектованія. Свои первыя арміи Петръ комплектовалъ при помощи охотниковъ, въ число которыхъ разрѣшалось поступать даже холопамъ безъ всякаго согласія со стороны ихъ господъ, или при помощи даточныхъ, т. е. рекрутовъ, собираемыхъ съ

крестьянъ по числу дворовъ. Расширеніе театра военныхъ дѣйствій неустанно требовало увеличенія числа и охотниковъ, и даточныхъ, а потому и тотъ и другой способъ пополненія арміи начинаетъ втягивать въ арміи самые разнообразныя общественныя элементы: кромѣ крестьянъ,

Свадебный пиръ Петра Великаго и Екатерины I 19 февраля 1712 г. 1) Петръ, 2) Екатерина, 6) Маршалъ, князь Меньшиковъ, 7) господа шаферы. Съ гравюры 18 вѣка.

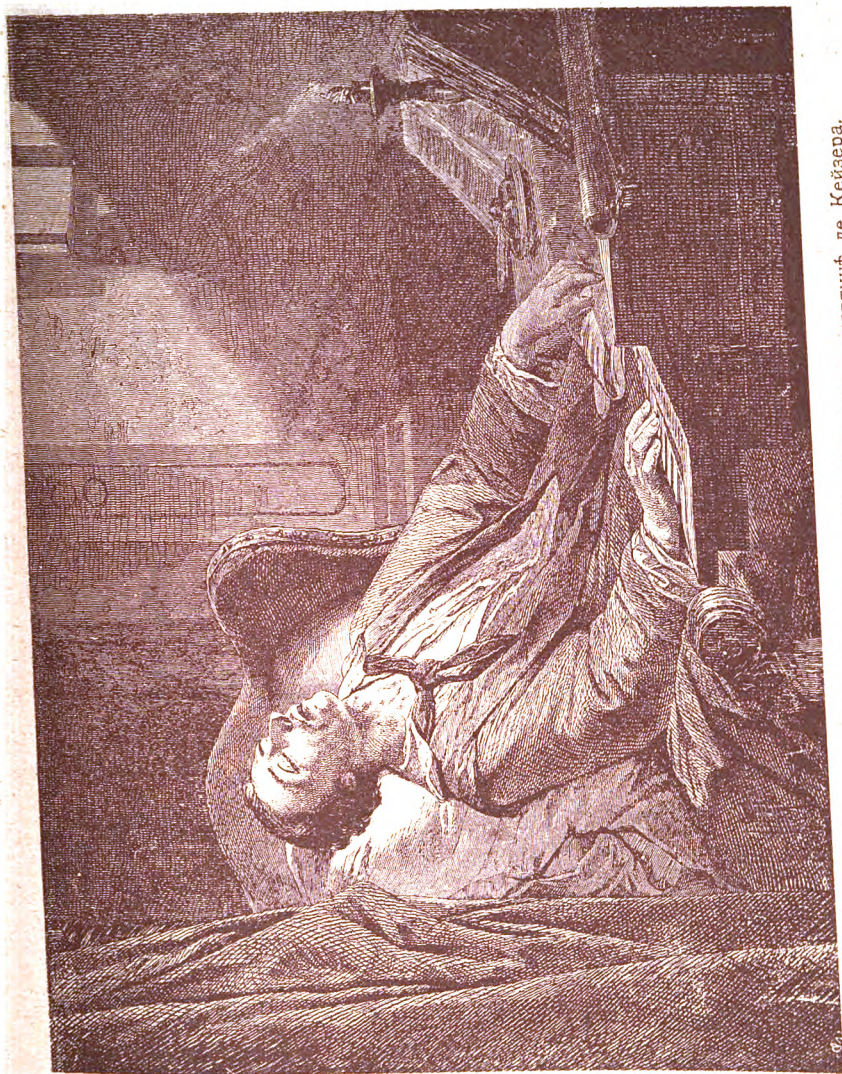
въ петровскихъ арміяхъ мы встрѣчаемъ и дѣтей боярскихъ, и дворянъ, и посадскихъ, и дворовыхъ, и стрѣleckихъ дѣтей, и дѣтей духовенства, оказавшихся безъ мѣста. Такимъ образомъ вслѣдствіе самого стихійнаго роста

армія начинаетъ приобрѣтаетъ характеръ всеословности. Но пріемъ охотниковъ и даточныхъ отличался случайнымъ и безпорядочнымъ характеромъ, и новые члены арміи безъ всякой подготовки вступали въ боевые полки. Петръ первый замѣтилъ неудобства подобной постановки укомплектованія боевыхъ силъ. Онъ сдѣлалъ рекрутскіе наборы общими и періодическими (хотя по нуждѣ практиковались иногда и старые методы укомплектованія). Эту первую систему постоянной и регулярной арміи, созданной Петромъ, проф. Ключевскій описываетъ слѣдующимъ образомъ. „Рекрутовъ холостыхъ въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ, а потомъ и женатыхъ отъ 20 до 30 лѣтъ распредѣляли по „станціямъ“, сборнымъ пунктамъ, въ ближайшихъ городахъ партіями человекъ въ 500—1000, расквартировывали по постояннымъ дворамъ, назначали изъ нихъ же капраловъ и ефрейторовъ для ежедневнаго пересмотра и надзора и отдавали ихъ отставнымъ за ранами и болѣзнями офицерамъ и солдатамъ „учить военному солдатскому строю по артикулу непрестанно“. Съ этихъ сборныхъ учебныхъ пунктовъ рекрутовъ разсылали, куда требовалось, „на упалыя мѣста“, для пополненія старыхъ полковъ и для сформирования новыхъ. По объясненію самого Петра, цѣль такихъ армейскихъ питомниковъ— „когда спросятъ въ дополнку въ армію, чтобы всегда на упалыя мѣста были готовы. Это и были „безсмертные“ рекруты, какъ ихъ тогда прозвали: указъ гласилъ, что кто изъ нихъ на учебной станціи или уже на службѣ умретъ, будетъ убитъ или сбѣжитъ, вмѣсто того брать новаго рекрута съ тѣхъ же людей, съ которыхъ взятъ выбылый, „чтобы всегда тѣ солдаты были сполна и къ государевѣ службѣ во всякой готовности“. Первый такой общій наборъ былъ произведенъ въ 1705 году... Такимъ образомъ, здѣсь на лицо въ петровской арміи всѣ элементы, которые затѣмъ, лишь упорядоченные и глубже разработанные, вошли въ организацію современной арміи.

Количество солдатъ (какъ пѣхоты, такъ и конницы) въ регулярной арміи Петра къ концу его царствованія колебалось отъ 196 до 212 тысячъ; кромѣ того, въ войскахъ числилось 110 тыс. казаковъ и драгунской нерегулярной рати, не считая инородцевъ. Это была огромная армія для того времени. Но не забудемъ, что за это же царствованіе на Руси выросла новая военная сила—Балтійскій флотъ, въ которомъ къ концу царствованія Петра насчитывалось 48 линейныхъ кораблей и 800 галеръ и другихъ мелкихъ судовъ съ 28 тысячами человекъ экипажа.

Вся эта масса военного люда получала вооруженіе, одежду, провіантъ непосредственно отъ государства. Это опять была совершенно новая задача, неизвѣстная предшественникамъ Петра. До всего надо было доходить собственнымъ опытомъ и собственнымъ умомъ. Для того, чтобы узнать, напр., какъ долженъ быть великъ паекъ солдата, сколько разнаго провіанта пойдетъ на каждаго солдата въ день, Петръ самъ прожилъ цѣлый мѣсяцъ на одномъ солдатскомъ содержаніи. Наконецъ, всю эту массу войскъ надо было цѣлесообразно размѣстить въ мирное время, при чемъ государство не обладало достаточнымъ количествомъ казармъ. Для выполненія всѣхъ этихъ сложныхъ задачъ по управленію, комплектованію, обученію, содержанію и обмундированію этой новой арміи и флота пришлось создавать сложный механизмъ центрального управленія: Военную и Адмиралтейскую коллегію, Артиллерійскую Канцелярію, Провіантскую Канцелярію и т. д.

Эта военная реформа потребовала колоссальнаго напряженія платежныхъ силъ населенія. Военный бюджетъ Петра (считая всѣ издержки

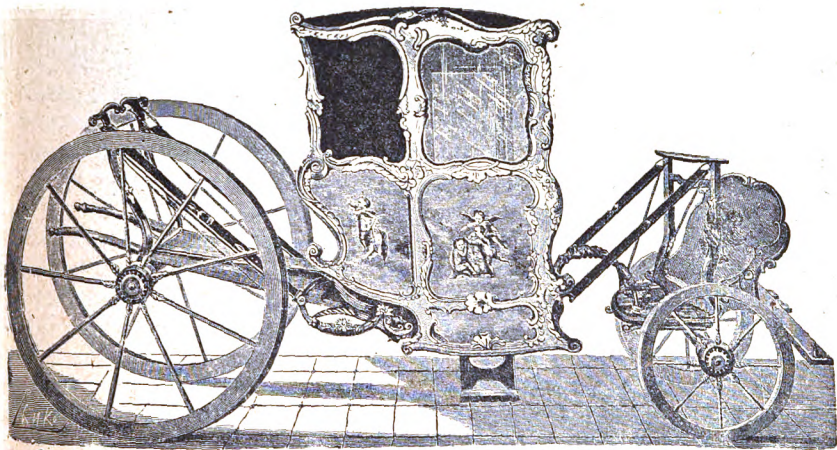

Послѣднія минуты Вебера. — Гравир. Ад. Нейманъ по картинѣ де Кейзера.

на армію и флотъ) достигъ къ концу его царствованія 53 милліоновъ нынѣшнихъ рублей, тогда какъ въ концѣ ХУІІ в. (1680 г.) онъ составлялъ всего только 13 мил. руб. Соотвѣтственно необычайно возрасла и его доля въ общемъ бюджетѣ. Въ то время, какъ военный бюджетъ 1680 г. составлялъ половину всей бюджетной суммы, къ концу царствованія Петра его доля въ общемъ бюджетѣ колебалась между $\frac{2}{3}$ и $\frac{4}{5}$.

Это напряженіе всѣхъ силъ государства въ дѣлѣ борьбы съ внѣшними врагами, вызвало потребность создать такія условія, при которыхъ ни одинъ членъ государства не могъ бы уклоняться отъ исполненія соотвѣствующихъ обязанностей. Прежде всего, Петру въ этомъ отношеніи пришлось обратить серьезное вниманіе на дворянство.

Дворянство должно было исполнять до Петра три обязанности: составлять главную вооруженную силу страны, пополнять личный составъ

Карета Петра Великаго. Съ рис. Линсбѣрга.

суда и управленія и отправлять важныя экономическія функціи, которыя, волей неволей, были связаны съ обладаніемъ огромныхъ земельныхъ владѣній и большого количества крѣпостныхъ землепашцевъ. Эти три функціи мѣшали другъ другу, а запутанныя положенія, которыя ими обуславливались, помогали дворянству, всегда отличавшемуся у насъ значительной инертностью, уклоняться отъ всякой службы, для чего пускались всевозможныя средства: взятки, обманы, побѣги, укрывательства, протекція. Петръ употребилъ всѣ усилія, чтобы извлечь изъ дворянскихъ усадебъ на службу все наличное дворянство. Были заведены тщательныя записи, смотры, разборы и распредѣленіе дворянскихъ подростковъ (недорослей) по полкамъ и школамъ. За „нѣтство“, т. е. за неявку на смотръ, будь то взрослый или молодой дворянинъ, назначались крутыя наказанія, вплоть до „шельмованія“, или „политической смерти“.

Конечно, „отлыниваніе“ отъ службы продолжалось по прежнему въ очень широкихъ размѣрахъ тѣмъ болѣе, что запросы государства къ чиновникамъ возрастали одновременно съ ростомъ и осложненіемъ государственнаго дѣла. Теперь государство уже не могло удовлетвориться недорослемъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ выходилъ изъ нѣдръ помѣщичьей усадьбы. Даже самые молодые чины, какъ на военной, такъ

и на штатской службѣ должны были первоначально пройти извѣстный подготовительный курсъ. Устанавливалась такимъ образомъ новая повинность—учебная—заключавшаяся въ обязательномъ начальномъ обученіи. Эту новую повинность дворянство считало за одну изъ самыхъ большихъ несправедливостей, и Петру опять-таки приходилось прибѣгать къ крайне крутымъ мѣрамъ, чтобы заставлять дворянскихъ недорослей подготовиться немножко въ цифири, т. е. ариметикѣ, и небольшой части геометріи. Такъ, Петръ приказалъ не вѣнчать тѣхъ дворянъ, которые не прошли полагающагося имъ искуса изъ области не хитрыхъ наукъ: „не вольно будетъ жениться, пока сего выучится“, говоритъ указъ 1714 г. Предвидя, что подъ предлогомъ учебныхъ занятій многіе дворяне будутъ уклоняться отъ службы, Петръ постановилъ, чтобы весь курсъ былъ пройденъ къ 15 годамъ, послѣ чего дворянъ въ школѣ держать нельзя было, „хотябъ они и сами желали, дабы подъ именемъ той науки отъ смотровъ и опредѣленія на службу не укрывались“, какъ говорится въ указѣ 1723 г. Тѣмъ не менѣе, дворяне всѣми силами старались уклониться отъ ненавистной имъ науки. „Разъ“,—разсказываетъ проф. Ключевскій,—„толпа дворянъ, не желавшихъ поступить въ математическую школу, записалась въ духовное Заиконоспасское училище въ Москвѣ. Петръ велѣлъ взять любителей богословія въ Петербургъ въ морскую школу и въ наказаніе заставилъ ихъ бить сваи на Мойкѣ. Генераль-адмиралъ Апраксинъ, вѣрный древне-русскимъ понятіямъ о родовой чести, обидѣлся за свою младшую братію и въ простодушной формѣ выразилъ свой протестъ. Явившись на Мойку и завидя приближающагося царя, онъ снялъ съ себя адмиральскій мундиръ съ Андреевской лентой, повѣсилъ его на шею и принялся усердно вколачивать сваи вмѣстѣ съ дворянами. Петръ, подошедши, съ удивленіемъ спросилъ: „Какъ, Ѳеодоръ Матвѣичъ, будучи генераль-адмираломъ и кавалеромъ, да самъ вколачиваешь сваи?“ Апраксинъ шутливо отвѣчалъ: „Здѣсь, государь, бьютъ сваи все мои племянники да внучата (младшая братья, по мѣстнической терминологіи), а я что за человѣкъ, какое имѣю въ родѣ преимущество?“

Стараясь использовать весь дворянскій элементъ въ интересахъ страны, Петръ установилъ цѣлый рядъ правилъ относительно прохожденія службы и обратилъ особенно серьезное вниманіе на сокращеніе совмѣстительства различныхъ должностей, что широко практиковалось до Петра. Изъ различныхъ мѣръ, предпринятыхъ Петромъ для регулированія служебныхъ отношеній, особенно большое значеніе имѣла его табель о рангахъ, вводившая новую классификацію служилого люда и поставившая принципъ бюрократической заслуги выше принципа аристократическаго рода. Значеніе табели о рангахъ, нанесшей послѣдній ударъ прежнему мѣстничеству, увеличивалось еще благодаря тому, что служебное поприще съ Петра, по крайней мѣрѣ, принципиально становится открытымъ и для другихъ классовъ общества.

Но, усиливая свои требованія по отношенію къ дворянству, Петръ сдѣлалъ все, чтобы укрѣпить его въ экономическомъ отношеніи. Прежде всего, при Петрѣ заканчивается тотъ процессъ сліянія понятій между вотчиной и помѣстьемъ, который начался еще задолго до Петра. Государство окончательно отказывается отъ своихъ правъ на помѣстья, и помѣстья, которыя первоначально разсматривали, какъ извѣстный видъ жалованья, въ юридическомъ отношеніи совершенно сравнялись съ вотчинами, всегда считавшимися полной собственностью землевладѣльца. Но государство не ограничилося уступкой только своихъ правъ въ пользу

дворянства, оно всячески содѣйствовало узурпаціи дворянствомъ личныхъ правъ крестьянства. Никогда съ такой жестокостью и настойчивостью не разыскивались бѣглые крестьяне, какъ при Петрѣ. Никогда ростъ полицейской власти надъ крестьянами не совершался съ такой быстротой, при явномъ попустительствѣ правительства, какъ это было въ царствованіе Петра. Дѣло кончилось тѣмъ, что процессъ уравниванія крестьянства съ холопствомъ, иначе говоря, процессъ созданія крѣпостного крестьянства, начавшійся опять-таки еще задолго до Петра, дошелъ до своего полного завершенія.

Этому процессу упрочненія крѣпостного права несомнѣнно содѣйствовала одна финансовая мѣра, введенная Петромъ, — подушная подать. До Петра русское правительство перепробовало двѣ системы — прямое обложеніе пашни и обложеніе двора. Обложеніе пашни при той фискальной организаціи, которой располагало правительство, было дѣломъ крайне труднымъ, и многіе хозяева умѣли укрывать свои пахотные участки, а если имъ этого сдѣлать не удавалось, то просто-напросто къ урону народнаго хозяйства сокращали свою запашку. При подворномъ взиманіи подати, опять-таки открывалась новая лазейка: населеніе собиралось большими дворами, уменьшая такимъ образомъ искусственно число податныхъ единицъ. Подушная подать взыскивалась со всякой мужской души. Это упрощало всякія фискальныя операціи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, реформа эта уничтожала всякія различія между холопами и крестьянами, жившими на владѣльческихъ земляхъ. Конечно, въ результатѣ проигрывали только крестьяне, такъ какъ къ нимъ теперь съ нѣкоторымъ видимымъ правомъ стали прилагать тотъ безправный режимъ, въ которомъ съ давнихъ поръ держали холоповъ.

Но эта новая фискальная система имѣла важное значеніе и для другихъ классовъ общества, особенно же для многочисленныхъ промежуточныхъ группъ. Съ рѣдкимъ цинизмомъ законодательство Петра заговяетъ многочисленные группы свободныхъ гражданъ въ крѣпостное состояніе. Оно приказываетъ зачислить либо въ солдаты, либо въ холопы всякаго вольнаго гулящаго челоуѣка, къ которымъ принадлежали отпущенные холопы, посадскіе и крестьяне, бросившіе свое тягло и занятіе, безпомѣстные изъ бывшихъ служилыхъ, нищіе. Почти подобнымъ же образомъ оно поступило съ церковниками, т. е. многочисленными дѣтьми духовенства, не получившими церковно-служительскаго мѣста, а также „прежде бывшихъ и нынѣ при церквахъ не служащихъ поповъ, дьяконовъ, дьячковъ и пономарей“. Правда, эти переходныя группы общества отличались въ древней Руси необычайной людностью, и не только пропадали для государства, но ложились обыкновенно тяжелымъ бременемъ на производителей. Тѣмъ не менѣе, подобное разрѣшеніе вопроса не вилетааетъ новой лавровой вѣтви въ вѣнокъ царя — преобразователя.

Однако, оказываясь минусомъ съ точки зрѣнія правовой, подушная подать является крупнымъ плюсомъ не только съ фискальной, но и народно-хозяйственной точки зрѣнія. Въ то время, какъ прежніе налоги, — посолный и подворный, — заставляли сокращать пашню, подушный налогъ, перенесенный непосредственно на рабочую силу, устранялъ всякое побужденіе сокращать пашню, такъ какъ каждый землепашецъ платилъ все тѣ же 70 к. съ души, сколько бы десятинъ земли онъ ни пахалъ. Напротивъ, подушный налогъ побуждалъ увеличивать запашку, и, дѣйствительно, при подушномъ налогѣ русская земля распахалась такъ, какъ она никогда не была распахана раньше.

Такимъ образомъ, въ царствованіе Петра широко были раздвинуты рамки примѣненія рабочей силы. Но тѣмъ же Великимъ Преобразователемъ было обращено усиленное вниманіе на повышеніе продуктивности труда,

Сдача г. Дербента. Намъ города подносятъ городскіе ключи Петру I 23 августа 1723 г.
Съ рис. Н. Н. Каравина.

Па улучшеніе его въ качественномъ отношеніи. Въ этой области заслуги Петра передъ русскимъ народомъ, по мнѣнію проф. Ключевского, особенно

значительны. „Это“,—говоритъ названный историкъ,—„была область преобразовательной дѣятельности, послѣ войска всего болѣе заботившаяся преобразователя, наиболѣе сродная его уму и характеру и не менѣе военной обильная результатами. Здѣсь онъ обнаружилъ и удивительную ясность, и широту взгляда, и находчивую распорядительность, и неутомимую энергію и явился не только истиннымъ преемникомъ московскихъ царей, хозяевъ-вотчинниковъ, умѣвшихъ пріобрѣтать и копить, но и государственнымъ дѣятелемъ, способнымъ созидать новыя средства и пускать ихъ въ народный оборотъ. Предшественники Петра оставили ему въ этой области только помыслы и робкія начинанія; Петръ нашелъ планъ и средства для широкаго развитія дѣла...

„Онъ поставилъ себѣ задачей вооружить народный трудъ лучшими техническими пріемами и орудіями производства и ввести въ народно-хозяйственный оборотъ новыя промыслы, обративъ народный трудъ на разработку нетронутыхъ еще богатствъ страны. Задавъ себѣ это дѣло, онъ затронулъ всѣ отрасли народнаго хозяйства; не осталось, кажется, ни одного производства, даже самого мелкаго, на которое Петръ не обратилъ бы зоркаго вниманія: земледѣлія во всѣхъ его отрасляхъ, скотоводства, коннозаводства, винодѣлія, рыболовства и т. д.,—всего коснулась его рука. Но болѣе всего потратилъ онъ усилій на развитіе обрабатывающей промышленности, мануфактуръ, особенно горнаго дѣла, какъ наиболѣе нужнаго для войска. Онъ не могъ пройти мимо полезной работы, какъ бы скромна она ни была, чтобы не остановиться, не войти въ подробности. Въ французской деревушкѣ онъ увидѣлъ священника, работавшаго въ садикѣ; сейчасъ съ разспросами и практическимъ выводомъ для себя: буду понуждать своихъ лѣннихъ деревенскихъ поповъ къ обработкѣ садовъ и полей, чтобы они снискивали надежнѣйшій хлѣбъ и лучшую жизнь. Познакомившись съ Западной Европой, Петръ навсегда остался подъ обаяніемъ ея промышленныхъ успѣховъ. Эта сторона западно-европейской культуры, кажется, всего болѣе приковала къ себѣ его вниманіе: фабрики и заводы главныхъ промышленныхъ центровъ Западной Европы, Амстердама, Лондона, Парижа, онъ изучилъ особенно тщательно, записывая свои наблюденія...

„Завести новое полезное производство, шелководство, виноградарство, отыскать нетронутую доходную статью и разработать ее, чтобы „Божіе благословеніе подъ землею втуне не оставалось“,—это стало главнымъ предметомъ народно-хозяйственныхъ заботъ Петра. Но въ то же время это былъ крайне бережливый хозяинъ, зоркимъ глазомъ вникавшій во всякую хозяйственную мелочь: поощряя разработку нетронутыхъ природныхъ богатствъ страны, онъ дорожилъ ими, оборонялъ ихъ отъ хищническихъ рукъ, отъ безцѣльнаго истребленія, особенно берегъ строевой лѣсы, зная безтолковое отношеніе къ нему русскаго народа, хлопоталъ объ ископаемомъ топливѣ, торфѣ и каменномъ углѣ, думалъ о полезномъ употребленіи вещей, которыя бросали за негодностью, изъ обрубковъ и сучьевъ корабельнаго дерева предписывалъ дѣлать оси и жечь поташъ. Какъ эта мелочная бережливость напоминаетъ великаго князя московскаго Ивана III, который, посылая барановъ на продовольствіе иноземныхъ пословъ въ Москвѣ, шкурки приказывалъ вернуть обратно! Для корабельнаго лѣса Петръ стѣснялъ даже непререкаемую по закону и набожному чувству волю русскихъ покойниковъ, любившихъ ложиться на вѣчный покой въ дѣльныхъ выдолбленныхъ гробахъ, дубовыхъ или сосновыхъ... Петръ слѣдилъ за всѣми, будилъ дремлющія силы и очень мало расчи-

тывалъ на добровольную частную инициативу. При русской робости передъ новымъ дѣломъ безъ правительственнаго принужденія Петръ не надѣялся

Петръ Великій на Ладожскомъ озерѣ. Съ картины К. Штейбена.

добиться успѣха въ промышленности: „хотя что добро и надобно, а новое дѣло, то наши люди безъ принужденія не сдѣлаютъ“.

Каковы же были тѣ средства, при помощи которыхъ Петръ надѣялся поднять производительность народнаго труда? Прежде всего, онъ старался привлечь въ возможно большемъ количествѣ иностранныхъ мастеровъ и

фабрикантовъ, которые по условію должны были „учить русскихъ людей безъ всякой скрытности и прилежно“. Онъ нерѣдко давалъ приглашеннымъ мастерамъ и инженерамъ огромное содержаніе (знаменитый французскій архитекторъ Леблонъ, напр., получалъ у него, кромѣ готовой квартиры, 40.000 руб. жалованья на наши деньги) и тщательно слѣдилъ, чтобы ни отъ кого они не терпѣли никакихъ притѣсненій и обидъ. Во-вторыхъ, на казенный счетъ онъ отправлялъ за границу множество молодыхъ людей, которые по мѣрѣ своихъ успѣховъ могли рассчитывать на всяческія привиллегіи въ пользу своихъ семей. Такіе русскіе стипендіаты учились въ чужихъ краяхъ всему, чему только представлялась возможность научиться: начиная отъ философскихъ наукъ и кончая уборкой комнатъ. Въ-третьихъ, онъ велъ въ обществѣ усиленную пропаганду путемъ различныхъ законодательныхъ актовъ въ пользу той мысли, что всякій промышленный трудъ заслуживаетъ самаго глубокаго уваженія къ себѣ и что иное промышленное заведеніе поважнѣе для народа многихъ государственныхъ учрежденій. Этой пропагандой въ значительной степени подрывалось то пренебрежительное отношеніе къ торговлѣ и промышленности, которымъ такъ быстро пропиталось инертное русское дворянство. Важнымъ средствомъ, далѣе, для поднятія промышленности и торговли Петръ Великій считалъ организацію среди капиталистовъ всякаго рода компаній и товариществъ. Допетровская Россія была уже знакома, хотя и въ очень слабой степени, съ пріемами этого рода. Торговый домъ съиздавна былъ той формой, которая охотно практиковалась богатымъ русскимъ купечествомъ и которая представляла собой союзъ нераздѣленныхъ родственниковъ. Ординъ-Нащокинъ, извѣстный общественный дѣятель въ царствованіе Алексѣя Михайловича, старался распространить среди небогатыхъ торговцевъ коммисіонныя „складства“ для поддержанія высокихъ цѣнъ на русскіе вывозные товары. Объ артеляхъ здѣсь упоминать не приходится, такъ какъ онѣ дѣйствовали исключительно среди трудового народа. Петръ не хотѣлъ дожидаться естественнаго роста этихъ зачатковъ капиталистическихъ обществъ. Онъ, по своему обыкновенію, просто на просто издалъ указъ (27 окт. 1699 г.), чтобы купецкіе люди торговали впредь компаніями подобно тому, какъ торгуютъ заграничные купцы. Конечно, указъ не нашелъ достаточно подготовленной почвы и мало двинулъ купецкихъ людей на новую организацію торговли, но, тѣмъ не менѣе, заставилъ русскую мысль упорно работать въ данномъ направленіи. Наконецъ, Петръ широко практиковалъ для поддержанія новыхъ промышленныхъ предпріятій льготы, ссуды и субсидіи. Мы не можемъ останавливаться здѣсь на всѣхъ опытахъ, произведенныхъ Петромъ, ради развитія промышленности. Ограничимся только результатами. Къ концу царствованія Петра насчитывалось уже 233 фабрики и завода, изготовлявшие самые разнообразные продукты. Нѣкоторые изъ этихъ продуктовъ, какъ, напр., желѣзо и парусина, были уже настолько хороши, что проложили себѣ путь даже на заграничные рынки. Особенно большіе успѣхи въ царствованіе Петра сдѣлало горное дѣло, въ которомъ особенно ярко выдвинулась талантливая фигура тульского кузнеца Никиты Демидова, пробудившаго къ жизни богатый Уралъ. Правда, всѣ эти успѣхи русской промышленности тяжелымъ камнемъ ложились на горбъ русскаго народа. Среди льготъ, дарованныхъ Петромъ русскимъ промышленникамъ, было разрѣшеніе прикупать къ фабрикамъ и заводамъ крѣпостныхъ крестьянъ. Эта льгота легла въ основу одной изъ самыхъ отвратительныхъ формъ крѣпостной зависимости заводскаго рабства. Не мало труда употребилъ

Петръ на улучшеніе путей сообщенія. Ему Россія обязана Вышневолоцкой судоходной системой и по его плану былъ исполненъ обходной Ладожскій каналъ. Были разработаны, но не реализованы и другіе планы въ этой области. Наконецъ, нельзя не упомянуть о созданіи новаго торговаго порта—Петербурга. Исторія его настолько замѣчательна и характерна для Петра, что мы считаемъ необходимымъ остановиться на ней съ нѣкоторой подробностью. „Петербургъ“,—говоритъ проф. Ключевскій,—„со своимъ оплотомъ Кронштадтомъ, возникъ, какъ боевой форпостъ противъ Швеціи. Съ окончаніемъ войны онъ утратилъ бы право на званіе сто-

Спасеніе солдатъ на Лахтѣ Петромъ I, въ 1724 г.

лицы, если бы не удержалъ значенія средоточія торговыхъ и всякихъ другихъ сношеній съ Западной Европой, а для упроченія этихъ сношеній предпринята была и самая война: не могъ же онъ оставаться только городомъ чиновниковъ да лагеремъ двухъ гвардейскихъ полковъ, водворенныхъ на Московской его сторонѣ, и четырехъ гарнизонныхъ, поселенныхъ на Петербургскомъ островѣ. Но новая столица обошлась крайне дорого. Она строилась на чрезвычайные сборы и людьми, которыхъ по наряду изъ году въ годъ сгоняли сюда изъ всѣхъ областей государства, даже изъ Сибири, и содержали кое-какъ. Послѣ 9 лѣтъ обременительной работы на 1712 г. наряжено было въ Петербургъ съ 8 тогдашнихъ губерній до 5 тысячъ новыхъ работниковъ. Едва ли найдется въ военной исторіи побоище, которое вывело бы изъ строя больше бойцовъ, чѣмъ сколько легло рабочихъ въ Петербургѣ и въ Кронштадтѣ. Петръ называлъ новую столицу своимъ „парадизомъ“; но она стала великимъ кладбищемъ для народа. А какъ она застраивалась и продовольствовалась! Въ ней

казаны были строить себѣ дома высшія должностныя лица правительственныхъ учреждений, тамъ возникавшихъ или туда переводимыхъ; туда переселялись, точнѣе, перегонялись указами дворяне, купцы, ремесленники

Петръ Великій на Лахтѣ, (съ карт. проф. Шамшина).
Художникъ изобразилъ на картинѣ моментъ, когда Петръ вытаскиваетъ изъ воды погибающихъ.

съ семьями, кой-какъ обстраивались и размѣщались; все это поселеніе походило на цыганскій таборъ; самъ Петръ жилъ въ барачномъ домикѣ съ протекавшею крышей. Пустынные окрестности Петербурга не могли продовольствовать скоплавшагося тамъ люда, и по зимнимъ путямъ туда танулись Богъ вѣсть изъ какой дали тысячи возовъ изъ дворцовыхъ селъ и помѣщичьихъ усадебъ съ хлѣбомъ и прочими припасами для двора и

дворянъ, другія тысячи изъ внутреннихъ городовъ съ купеческими товарами. И такое бивачное, случайное существованіе продолжалось до конца царствованія Петра, положивъ глубокой отпечатокъ на складъ и дальнѣйшей жизни невской столицы“...

Политическая и социальная дѣятельность Петра потребовала крайняго напряженія платежныхъ средствъ. Мы уже знаемъ, что Петръ вынужденъ былъ перейти къ подушной подати. Но это былъ лишь одинъ изъ видовъ обложенія, которымъ Петръ не могъ удовлетвориться. Онъ въ теченіи всей своей дѣятельности искалъ новыхъ предметовъ и формъ обложенія. Онъ жадно прислушивался ко всякому новому указанію и внимательно перечитывалъ самые нелѣпые „проекты“ своихъ „прибыльщиковъ“, особаго рода чиновниковъ, задачей которыхъ было „сидѣть и чинить государю прибыли“, т. е. измышлять новые источники государственнаго дохода. Въ концѣ концовъ, обыватель оказался залѣпленъ безконечнымъ количествомъ налоговъ, которые буквально не давали ему свободно вздохнуть: были установлены налоги гербовой („орленая“ бумага), поземельный, помѣрный, вѣсчій, хомутийный, шалочный, сапожный, подужный, посаженный, покосовщинный, пчельный, банный, мельничій, пролубный, ледакольный, погребной, водопойный, трубный, привальный, отвальный и множество другихъ. Огромному обложенію была подвергнута борода: первостатейная купеческая до 800 руб. на наши деньги, рядовая торговая въ 480 руб., въ такую же цѣну дворянская и приказная и т. д. Но тутъ фискальныя цѣны явнымъ образомъ перемѣшивались съ задачами борьбы противъ старины; и въ самомъ дѣлѣ, бородачамъ былъ предписанъ подъ угрозой строгаго штрафа особый костюмъ, которымъ они рѣзко отличались отъ остальнаго населенія.

Несмотря на всю изобрѣтательность прибыльщиковъ, Петръ постоянно нуждался въ деньгахъ. Вотъ почему Петръ отнялъ у монаховъ право распоряжаться ихъ вотчинными доходами; монахамъ изъ этихъ доходовъ выдавалась опредѣленная сумма на каждого безъ различія чина, а остальное поступало на богоугодныя заведенія и въ казну. Въ силу той же постоянной нужды въ деньгахъ Петръ увеличилъ число монополій: имъ были введены монополіи на соль, табакъ, мѣлъ деготь, рыбій жиръ и дубовый гробъ; была установлена также монополія на табакъ, водку, карты, кости, шахматы и другіе игральныя инструменты. Нѣкоторые изъ этихъ монополій отразились крайне бѣдственно на низшихъ слояхъ населенія. Монополія на соль, напр., подняла цѣны на этотъ важный питательный продуктъ на неслыханную высоту и вызывала въ деревняхъ массовыя тяжелыя заболѣванія. Наконецъ, одной изъ финансовыхъ мѣръ считалась порча монеты, т. е. введеніе условной цѣнности монеты или переходъ къ кредитной системѣ, къ чему русскій денежный рынокъ въ то время былъ совершенно неподготовленъ. Финансовое неустройство увеличивалось еще, благодаря тому, что дворянство и чиновничество того времени не встрѣчало ни малѣйшихъ препятствій въ своихъ хищническихъ поползновеніяхъ. Народъ стоналъ подъ этой непомѣрной тяжестью обложенія, и народное недовольство проявлялось въ царствованіе Петра нѣсколькими бунтами, которые были подавлены кровавыми мѣрами.

Финансовыя мѣропріятія Петра надо признать окончательно неудавшимися, такъ какъ они не сумѣли поставить государственное хозяйство на прочный фундаментъ и облегчить народное хозяйство отъ непомѣрной тяжести. Столь же неудачной можетъ быть названа и реформа учреждений, хотя съ виду она представляется весьма значительной. Реформа эта также въ значительной степени опредѣлялась военными нуждами времени. Для

что, чтобы сосредоточить сборы денегъ непосредственно въ рукахъ генераловъ и адмираловъ дѣйствующихъ войскъ, Петръ создаетъ цѣлый рядъ военно-финансовыхъ округовъ, управленіе которыхъ передается въ руки тѣхъ же представителей военной власти. Это и послужило основой для

Петербургъ при Петрѣ Великомъ. (Набережная рѣки Невы отъ Зимняго дворца до дома графа Апраксина). Съ современной гравюры.

правильнаго дѣленія всего государства на области или на „губерніи“, какъ ихъ называлъ Петръ.

Но распредѣленіе всей площади русской земли на губерніи съ особымъ начальникомъ во главѣ, привело къ разрушенію прежней системы

„приказовъ“. „Теперь, когда военно-финансовое управленіе перешло губернаторамъ, приказъ“, — говоритъ г. Милюковъ („Очерки по исторіи русской культуры“ ч. I, стр. 193), — „сами собою перестали существовать“. Россія была теперь съ областями, но безъ центрального управленія. Жалкіе обломки приказовъ слились съ управленіемъ Московской губерніи. Старинная дума боярская уже не собиралась съ начала столѣтія; вмѣсто нея существовали съѣзды ближайшихъ помощниковъ Петра, въ болѣе или менѣе случайномъ составѣ, собиравшіеся за его отлучками, все рѣже и рѣже. Уже для военно-финансовыхъ порученій пришлось создать въ центрѣ болѣе постоянное учрежденіе, которое Петръ украсилъ громкимъ именемъ „сената“. За полнымъ отсутствіемъ другихъ центральныхъ органовъ, сенатъ не могъ остаться простымъ исполнителемъ порученій государя и скоро сдѣлался высшимъ учрежденіемъ въ государствѣ. Но въ этомъ своемъ качествѣ, сенатъ одинъ не могъ управиться со всѣми дѣлами, не могъ замѣнить цѣлой системы центральныхъ учреждений. Поэтому, на дѣлѣ пробѣлъ въ государственномъ строѣ оставался незаполненнымъ; новые губернаторы хозяйничали въ своихъ губерніяхъ совершенно безконтрольно, и управленіе Россіей потеряло всякое единство. Пока Петръ лихорадочно занимался борьбой съ Карломъ XII и Турціей, непрерывно переѣзжалъ изъ конца въ конецъ своего обширнаго государства, появляясь въ Москвѣ лишь на нѣсколько недѣль каждый годъ (обыкновенно къ новому году), онъ не могъ, конечно, замѣчать неудобствъ новаго государственнаго устройства. Но когда самое трудное время прошло, когда Петръ окончательно рѣшилъ поселиться на одномъ (и притомъ новомъ) мѣстѣ, то очень скоро онъ долженъ былъ почувствовать необходимость новыхъ, правильно организованныхъ, центральныхъ учреждений. Откуда было ихъ взять? Во всей Европѣ одна страна славилась тогда своими правительственными учреждениями, устроенными въ духѣ неограниченной монархической власти: это — Швеція. Въ другихъ странахъ государственный строй носилъ болѣе или менѣе ясные слѣды средневѣковаго феодализма. Естественно, что Швеція и сдѣлалась образцомъ для подражанія: по шведскому образцу рѣшено было устроить въ центрѣ государства „коллегіи“, а въ области ввести „провинціи“ съ правильнымъ устройствомъ финансовой, административной и судебной власти, съ значительнымъ судебнымъ персоналомъ“... Однако реформа эта оказалась слишкомъ дорогой для такой бѣдной и отягченной налогами страны, каковой была петровская Русь: управленіе одной Лифляндіей при новыхъ порядкахъ обошлось бы дороже, чѣмъ управленіе всей имперіей. Шведская система была введена поэтому въ сильно испорченномъ видѣ и, по смерти Петра, отмѣнена. Осталось только систематическое распредѣленіе дѣлъ по центральнымъ учрежденіямъ, какъ это было принято въ шведскихъ коллегіяхъ.

Таковы были главнѣйшіе моменты реформаторской дѣятельности Петра Великаго: огромный успѣхъ въ области военнаго дѣла и завоеваніе Балтійскаго побережья, имѣвшее важное значеніе для всего хода русской исторіи; большіе шаги впередъ въ дѣлѣ организаціи народнаго труда и повышенія его производительности и, наконецъ, сложные, но малоуспѣшныя преобразованія въ области финансовъ и управленія. Для завершенія характеристики государственной дѣятельности Петра Великаго намъ остается остановиться нѣсколько на той борьбѣ, которую велъ Петръ со старинными обычаями и со всѣмъ укладомъ прежней русской жизни даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ этомъ не было прямой необходимости для его реформаторской дѣятельности. Когда онъ гналъ дворянскихъ недорослей въ школы или за границу, чтобы усвоить въ Европѣ

и ту технику, которой она подавляла русскую землю, когда онъ вводилъ новый гражданскій шрифтъ или отдавалъ приказъ о введеніи новаго календаря, когда онъ заводилъ ассамблеи и открывалъ терема, требуя предрассудковъ домоостроевское отношеніе къ женщинѣ, когда онъ заводилъ театръ и строилъ на Красной площади для широкой публики „комедіальную хоромину“—театръ, даже когда онъ при помощи солдатъ набиралъ дѣтей въ заведенныя имъ училища, изъ которыхъ значительная часть дѣтей спасалась „бѣгами“, какъ солдаты изъ полковъ, онъ, конечно, разрушалъ старину, но дѣйствовалъ строго въ интересахъ тѣхъ великихъ, хотя часто и безпорядочныхъ реформъ, надъ которыми съ величайшимъ энтузіазмомъ и безкорыстіемъ онъ трудился въ теченіи всей своей жизни. Но въ этой борьбѣ Петръ не могъ остановиться на той грани, которая отдѣляла необходимую настойчивость отъ безцѣльной жестокости. Петръ сашкомъ много пережилъ въ своемъ дѣтствѣ отъ выступленій всякихъ партій, прикрывавшихся стариной и опиравшихся на грубую же старину въ видѣ мятежнаго стрѣлцакаго войска. Онъ поэтому до глубины души ненавидѣлъ эту старину. Втоптать эту старину въ грязь, выставить ее съ невозможной, самой скандальной стороны, было для него не только педагогическимъ своеобразнымъ приѣмомъ, но и наслажденіемъ. Мы видѣли его грубое преслѣдованіе бороды, считавшейся въ древней Руси главнымъ украшеніемъ человѣческаго лика; всякому извѣстны его дикія выходки относительно старинной одежды, которую онъ безцеремонно рвалъ и рѣзалъ на своихъ боярахъ, но все это было легкой и безобидной шуткой по сравненію съ тѣмъ, что онъ позволялъ себѣ по отношенію ко многимъ стариннымъ обрядамъ и должностямъ. Мы имѣемъ, конечно, здѣсь въ виду учрежденіе его шутовскаго патріаршества. По-знакомься съ этой страничкой изъ придворныхъ русскихъ нравовъ необходимо уже по одному тому, что она выяснитъ намъ до извѣстной степени происхожденіе нѣкоторыхъ легендъ, сложившихся о Петрѣ въ народныхъ массахъ.

„Происхожденіе оскорбительныхъ комедій“,—говоритъ г. Валишевскій (I. с., стр. 231.),—„въ какихъ участвовали папа или патріархъ Зотовъ и его преемники, относится къ первымъ годамъ царствованія; но подробности развивались постепенно. Создавъ первосвященника, Петръ понемногу добавлялъ къ нему кардиналовъ, конклавъ. Это „всеглумѣйшій“ или „всепьянѣйшій соборъ“—конклавъ или собраніе „всѣхъ шутовъ“ и „всѣхъ пьяницъ“—учрежденіе постоянное и почти официальное. Петръ изъ года въ годъ совершенствовалъ его уставъ, изобрѣтая, дополняя собственноручно статуты и регламенты, работая надъ ними даже наканунѣ Полтавской битвы. Членами этого учрежденія состояли самые безпутные изъ его собутыльниковъ, къ которымъ царь присоединялъ нѣсколько человѣкъ, отличавшихся серьезностью ума и строгими нравами, можетъ быть, по жестокому капризу деспота, а, можетъ быть, чтобы, унизивъ, крѣпче держать ихъ въ рукахъ. Избранные прежде всего отправлялись въ домъ князя-папы, прозванный „Ватиканомъ“, чтобы представиться и выразить свою благодарность. Четверо заикъ, подъ претводительствомъ царскаго камердинера, служили имъ толмачами во время этой церемоніи, когда ихъ одѣвали въ красное платье, въ которомъ впредь имъ предстояло щеголять. Въ такомъ нарядѣ они отправлялись въ залъ „консисторіи“, гдѣ вся мебелировка состояла изъ креселъ, разставленныхъ по стѣнамъ. Въ глубинѣ, на грудѣ эмблематическихъ предметовъ, боченковъ, стакановъ и бутылокъ возвышался тронъ князя-папы. Кардиналы проходили передъ нимъ одинъ за другимъ, получали стаканъ водки и выслушивали

установленную формулу: „Преподобный отецъ, раскрой ротъ, проглотъ что тебѣ дають, и ты намъ скажешь спасибо“. Послѣ чего всѣ усаживались въ кресла, засѣданіе считалось открытымъ и затягивалось на долгіе часы. при чемъ возліянія чередовались съ шутовскими выходкамъ.

Петръ Великій. По гравюрѣ Якоба Хубрекена.

Конклавъ помѣщался въ сосѣднемъ домѣ, куда направлялась процессія во главѣ съ княземъ-папой, ѣхавшемъ на бочкѣ, запряженной четырьмя волами. Его окружали шутовскіе монахи, якобинцы, кордельеры. Одѣтый голландскимъ матросомъ, царь, обыкновенно самъ руководилъ шествіемъ.

Ширная галлерей, обставленная узкими диванчиками, ожидала членовъ конклава. Въ проходахъ опять-таки бочки, распиленные пополамъ и пред-

Императрица Екатерина I Алексѣевна. Съ гравюры Штенглина.

назначенныя частью для съѣстныхъ припасовъ, частью для отправленія естественныхъ нуждъ. Шутовскимъ кардиналамъ строго воспрещалось покидать свои ложа до окончанія конклава. Прислужникамъ, приставленнымъ къ каждому изъ нихъ, поручалось ихъ напавать, побуждать къ

самымъ сумасброднымъ выходкамъ, непристойнымъ дурачествамъ, а также говорить, развязывать имъ языки и вызывать на откровенность...

„Въ 1714 г., чтобы внести разнообразіе въ программу, Петръ за тѣялъ женить князя-папу Зотова, восьмидесятичетырехлѣтняго старца отца сыновей, занимавшихъ видное положеніе въ арміи. Невѣстой была выбрана Анна Палікова, изъ хорошей семьи, около шестидесяти лѣтъ отъ роду. Начались грандіозныя приготовленія къ празднованію безпримѣрной свадьбы. Надо замѣтить, что Сѣверная война все еще свирѣпствовала въ данную минуту со своей зловѣщей свитой общаго траура и жертвъ, изнурительныхъ для народа. И вотъ за четыре мѣсяца до событія, всѣмъ придворнымъ чинамъ и дамамъ былъ разосланъ приказъ приготовиться къ участію въ предстоящемъ торжествѣ.. Въ назначенный день по сигналу пушки съ Петропавловской крѣпости, всѣ мужчины и женщины, принимавшіе участіе въ маскарадѣ, собрались... Шествіе началось отъ царскаго дворца и, перейдя по льду черезъ Неву, направилось къ другому берегу къ церкви Петра и Павла, гдѣ девятистолѣтній священникъ, разысканный въ Москвѣ, ожидалъ у алтаря жениха и невѣсту. Шествіе открывалъ Ромодановскій, лже-кесарь, наряженный царемъ Давидомъ, съ лирой въ рукахъ, прикрытый медвѣжьей шкурой. Онъ ѣхалъ въ санихъ, запряженныхъ четырьмя медвѣдями, пятый стоялъ на запяткахъ вмѣсто лакея. Награждаемые ударами кнута всю дорогу, звѣри испускали оглушительный ревъ. Сзади слѣдовали на очень высокихъ санихъ новобранцы, окруженные купидонами, съ оленемъ, украшеннымъ огромными рогами, впереди, на мѣстѣ кучера, и козломъ на запяткахъ. Лже-патріархъ нарядился въ свое папское облаченіе... Вся столичная знать, представители правительства, аристократіи, дипломатическаго корпуса шли въ процессіи, играя кто на рыляхъ, кто на свирѣляхъ, кто на волынкахъ... „Всѣ“, — продолжаетъ г. Валишевскій, — „были на лицо, многіе смущенные и недовольные, но Петръ не обращалъ на это вниманія... Царевичъ въ костюмѣ охотника трубилъ въ рогъ. Екатерина въ финскомъ нарядѣ съ восьмью придворными дамами; старая царица Марѳа, вдова царя Федора, въ польскомъ костюмѣ; принцесса Остѣ-Фрисландская въ древне-германскомъ костюмѣ, всѣ играли на свирѣляхъ. Петръ, по обыкновенію, наряженный матросомъ, билъ въ барабанъ. Венеціанцы, извлекавшіе произзвительные звуки изъ своихъ свистковъ, дикари изъ Гондураса, потрясавшіе копыями, поляки, пиликавшіе на скрипкахъ, калмыки, трещащіе на бѣлгалайкахъ, норвежскіе поселяне, лютеранскіе пасторы, католическіе монахи, епископы съ оленьими рогами на головахъ, раскольники, китоловы, армяне, японцы, лапландцы, тунгузы окружали его пестрой шумной толпой. Музыка, ревъ медвѣдей, звонъ колоколовъ, раздававшійся изъ всѣхъ церквей, восклицанія тысячей зрителей смѣшивались въ адской какофоніи. И толпа кричала: „Патріархъ женится! Ура патріарху съ супругой!“..

Если прибавить къ этимъ параднымъ шутовскимъ выступленіямъ, въ которыхъ оргія на глазахъ у всѣхъ сливалась съ богослуженіемъ, другіе не менѣе безцеремонные, но болѣе болѣзненные удары по церковной жизни, въ родѣ переплавки колоколовъ на пушки или отобранія у монастырей вотчинныхъ доходовъ, если припомнить всю необычайную фигуру Петра Великаго, отбросившаго какъ ненужную ветوشь весь торжественный царскій чинъ и появившагося въ толпѣ въ простой матросской курткѣ съ топоромъ въ рукахъ, если оцѣнить въ достаточной степени все то недовольство, которое вызывали въ народныхъ массахъ всѣ эти безконечныя поборы рекрутами и деньгами, — то можно ли удивляться, что въ народѣ сложилась о Петрѣ легенда, какъ о царѣ-антихристѣ, царѣ само-

званій,—легенда, о которой многое поразсказали протоколы жестоких петровских застѣнокъ. Возвращаясь на нѣсколько словъ къ учрежденію всеишущаго патриаршества, мы можемъ сказать, что изъ этого необычайнаго предпріятія Петръ все же извлекъ извѣстную политическую выгоду. Этимъ предпріятіемъ онъ дѣйствительно уронилъ въ глазахъ народа патриаршество, которое онъ, въ концѣ концовъ, отмѣнилъ, подчинивъ церковь свѣтской власти въ лицѣ прокурора Синода, имѣ же учрежденнаго.

Итакъ, Петръ прошелъ передъ нами со всѣми своими достоинствами и недостатками, со всѣми своими успѣхами и неудачами. Намъ остается теперь посвятить нѣсколько строкъ двумъ лицамъ, съ которыми Петръ Великій былъ связанъ крѣпкими узами не только, какъ человекъ, но и какъ императоръ,—второй его женѣ, впоследствии императрицѣ Екатерины I, и его несчастному сыну отъ перваго брака, царевичу Алексѣю.

Первая жена Петра—царица Евдокія—очень быстро потеряла всякое вліяніе на своего мужа. Да и очень разные они были люди. Петръ, отличавшійся необычайнымъ распутствомъ по отношенію къ женщинамъ, уже въ первые годы своей брачной жизни обзавелся любовницами, изъ которыхъ первое мѣсто заняла доступная красавица Монсъ, изъ Нѣмецкой слободы. Когда стрѣлецкій бунтъ внезапно вызвалъ Петра изъ Вѣны въ Москву, то первой встрѣчей его на родинѣ была встрѣча съ Монсъ. Евдокію онъ даже не пожелалъ повидать и приказать ее насильно постричь въ монастырь. Онъ ее окончательно вычеркнулъ бы изъ своей жизни и воспоминаній, если бы не сынъ ея, царевичъ Алексѣй, единственный пока-что наслѣдникъ престола.

Однако, Монсъ не сумѣла удержаться около царя, и вскорѣ въ пестромъ калейдоскопѣ женскихъ лицъ, смѣнявшихся вокругъ Петра, появляется женщина, которой предстояло изъ самыхъ общественныхъ низовъ подняться на высоту русскаго трона. Въ іюлѣ 1702 года къ Шереметьеву, осаждавшему городъ Маріенбургъ, явился лютеранскій пасторъ съ женой, дѣтьми и служанкой. Пасторъ съ семьей былъ отправленъ въ Москву, а, служанка, полная блондинка, была оставлена въ лагерѣ для того, чтобы въ числѣ другихъ такихъ же женщинъ немножко развлечь солдатъ въ теченіе скучной осады маленькаго городка. Переходя изъ рукъ въ руки, Екатерина,—это была она,—попала, наконецъ, въ домъ Меньшикова, гдѣ заняла сначала мѣсто любовницы, а затѣмъ прачки. Объ этой карьерѣ будущей русскаго императрицы говорить, повидимому, слѣдующій клочекъ изъ переписки Петра и Екатерины. „Хотя и есть, чаю, у васъ новыя портамоі (прачки)“,—пишетъ она,—„однакожь и старая васъ не забываетъ“. „А что пишешь“,—галантно отвѣчаетъ онъ,—„что у насъ хотя и есть портамоі, однакожь вы послали рубашки, і то мой другъ, ты, чаю, и описалась, понеже у Шафирова то есть, а не у меня; сама знаешь, что я не таковский, да і старъ“...

Здѣсь, въ домѣ Меньшикова, Петръ и встрѣтилъ въ первый разъ Екатерину, которая произвела на его чувственную натуру очень сильное впечатлѣніе. Петръ сошелся съ Екатериной, которая пополнила въ его дворцѣ комплектъ его любовницъ и родила ему нѣсколько дѣтей, не переставая въ то же самое время оставаться любовницей Меньшикова. Такое положеніе вещей продолжалось годы. Добродушная и веселая Екатерина умѣла успокаивающе дѣйствовать на нервную натуру Петра и сумѣла сдѣлаться для него необходимой. Ближайшимъ шагомъ къ престолу со стороны Екатерины было устраненіе Меньшикова отъ этого необычайнаго сожителства. Екатерина старалась не покидать Петра даже въ минуты опасности. Извѣстно ея мужественное и благородное поведеніе въ прут-

скомъ лагерѣ, гдѣ Петръ, попавшій въ ловушку, своимъ спасеніемъ въ значительной степени былъ обязанъ Екатеринѣ, пожертвовавшей своей кровью на подкупъ турецкихъ генераловъ. Этимъ она окончательно закрѣпила свою связь съ царемъ. Въ 1712 году Петръ торжественно отпраздновалъ свое бракосочетаніе съ Екатериной, совершившееся, впрочемъ, значительно раньше. Интересно замѣтить, что первый бракъ Петра съ Евдокіей не былъ къ этому времени расторгнутъ какими-либо церковными учрежденіями, а потому бракосочетаніе Петра съ Екатериной не

Царевичъ Алексѣй Петровичъ и супруга его кронпринцесса Шарлотта Христина Софія. Съ гравюры Воргмана.

могло имѣть, по каноническимъ правамъ, ни малѣйшей силы, но Петръ былъ не таковъ, чтобы смущаться подобнаго рода препятствіями, и если этотъ бракъ оказался для кого-нибудь особенно неудобнымъ, то, конечно, для прежней царицы Евдокіи. Обыскъ въ монастырѣ, произведенный въ началѣ 1718 года открылъ любовную связь Евдокіи съ офицеромъ Глѣбовымъ. Немедленно же заработали петровскіе застѣнки, и въ мартѣ того же года былъ готовъ приговоръ. Глѣбовъ былъ посаженъ на колъ, на которомъ премучился около 4 часовъ (было морозно и чтобы продлить

страданія, несчастнаго закутали въ шубу), а Евдокія была бита кнутомъ и сослана подъ строжайшій надзоръ въ одинъ изъ удаленнѣйшихъ монастырей Ладожскаго озера. Есть основаніе думать, что эта ненужная жестокость, которая была проявлена въ данномъ случаѣ, не обошлась безъ вліянія новой императрицы.

Но съ новымъ бракомъ круто повернулась судьба не одной старой царицы Евдокіи, но и ея сына—Алексѣя.

Царевичъ родился 19-го февраля 1690 г. Это былъ довольно слабосильный ребенокъ, не отличавшійся сколько-нибудь выдающимися талантами, хотя въ то же время представлявшій собой неглупаго и любознательнаго мальчика. До девятилѣтняго возраста его воспитаніемъ занималась мать. Когда ее заточили въ монастырь, онъ перешелъ въ руки къ различнымъ наставникамъ. Петръ мало занимался и даже интересовался своимъ сыномъ. Временами онъ вспоминалъ о своихъ отцовскихъ обязанностяхъ, и тогда для царевича наступала полоса военной муштровки, которая казалась ему тѣмъ тяжелѣе, что онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго расположенія къ солдатской службѣ. Такимъ образомъ между отцомъ и сыномъ не могло сложиться искреннихъ и добрыхъ отношеній. Горькая судьба его матери вносила еще больше горечи въ отношенія къ отцу. Находясь первые годы своей жизни при матери, онъ усвоилъ симпатіи къ людямъ, которые не сочувствовали реформамъ отца. Впрочемъ, самъ онъ не былъ прямымъ противникомъ реформъ: его, какъ и многихъ его современниковъ, отпугивалъ лишь тотъ безмѣрный натискъ, которымъ сопровождались эти реформы. Самъ царевичъ Алексѣй, не смотря на число отцовскую вспыльчивость, которую онъ временами проявлялъ, отличался мягкимъ и слабымъ характеромъ. Онъ былъ большой любитель и почитатель русской церковной старины. Когда его впоследствии спросили о его невѣстѣ: „Думаете ли вы, что ваша невѣста согласится перемѣнить религію?“ то получили характерный для него отвѣтъ: „Я ее теперь не нуждаю къ нашей православной вѣрѣ; но когда мы приѣдемъ съ нею въ Москву, и она увидитъ нашу святую соборную и апостольскую церковь и церковное святымъ иконамъ украшеніе, архіерейское, архимандричье и іерейское разное облаченіе и украшеніе и всякое церковное благолѣпіе и благочиніе,—тогда, думаю, и сама безъ принужденія возжелаетъ соединиться съ православной Христовой церковью“.

Какъ же, должно быть, было тяжело царевичу переносить всѣ святотатственные поступки его отца, съ котораго во всю свою жизнь онъ не видалъ ни одного ласковаго слова, но который, при случаѣ, не скупился на угрозы и побои! Эта явная отчужденность сына-наслѣдника отъ царя-отца естественно дѣлала перваго центромъ всѣхъ помысленій и надеждъ оппозиціоннаго характера, что, въ свою очередь, еще больше углубляло пропасть, распространившуюся между отцомъ и сыномъ.

Въ 1708 г. Петръ вдругъ снова вспоминаетъ о своемъ юномъ-сынѣ и задается мыслію „заставить его служить“. Царевичъ Алексѣй неожиданно получаетъ приказъ отправиться въ Смоленскъ для исполненія порученій по продовольственной части, а затѣмъ въ Москву по поводу возведенія укрѣпленій. Царевичъ не сумѣлъ выполнить возложенныя на него порученія и навлекъ на себя гнѣвъ отца. Заступничество вліятельныхъ лицъ помогло ему избѣжать болѣе или менѣе тяжелыхъ каръ. Но въ слѣдующемъ же году—новая неудача. Поставленный командиромъ подкрѣпленій, онъ жестоко простудился и не могъ принимать участія въ Полтавской битвѣ. Военная карьера явно была не по силамъ царевичу. Тогда Петръ рѣшилъ, по крайней мѣрѣ, окунуть его въ европейскую

культуру съ тѣмъ, чтобы онъ разстался поскорѣе со своими старо-московскими привычками. Царевичъ съ радостью ухватился за эту мысль: только бы съ глазъ долой и подальше отъ отца. Впрочемъ, и здѣсь, за границей (онъ остановился на Дрезденѣ), занимаясь геометріей и фортификаціей, заботясь о спасеніи души и заводя новыя любовныя интриги, царевичъ не ускользалъ отъ зоркаго глаза Петра, окружившаго своего сына цѣлой сѣтью шпионовъ. Уступая настояніямъ совѣтниковъ своего отца, царевичъ Алексѣй очень быстро согласился здѣсь на бракъ съ нѣмецкой принцессой Шарлоттой Вольфенбюттельской. Не смотря на свою некрасивую наружность, Шарлотта была чрезвычайно привлекательной женщиной, и бракъ первое время обѣщаль быть счастливымъ. Но опять вмѣшалась роковая, тяжелая рука Петра и разбила хрупкое счастье. Съ 1711 г. по 1713 годъ Петръ загонялъ царевича порученіями и отлучилъ его отъ дома, гдѣ жена постоянно жила въ крайней нуждѣ, такъ какъ царь не задумывался объ ея содержаніи. Шарлотта горько жаловалась на свою судьбу. Эти сѣтованія доходили до царевича Алексѣя и раздражали его. Къ тому же она не соглашалась измѣнить своей религіи, а для той оппозиціи, во главѣ которой невольно становился Алексѣй, это служило дурнымъ предзнаменованіемъ. Разрывъ съ семьей приучилъ только Алексѣя къ вину и продажнымъ женщинамъ. Легко хмѣлѣя, онъ начиналъ болтать много всякихъ несуразностей. Не разъ слыхали, какъ подъ вліяніемъ вина онъ говаривалъ: „Когда случится то, что должно случиться, — друзей отца и мачеху на колѣ!.. Флотъ будетъ сожженъ, а Петербургъ исчезнетъ въ своихъ болотахъ!“ Едва ли можно сомнѣваться, что такіе разговоры доходили до Петра, умѣвшаго и любившаго ставить шпионажъ. Впрочемъ, до открытаго разрыва со своей женой царевичъ не дошелъ. Бѣдная, мечтательная Шарлотта не снесла всѣхъ ударовъ судьбы и скончалась въ 1715 году, горько оплакиваемая своимъ раскаявшимся мужемъ, отъ родовъ, которые принесли Петру внука, впоследствии имп. Петра II.

Между тѣмъ, надъ головою царевича Алексѣя спустились темныя тучи. Всего черезъ шесть дней послѣ смерти жены, онъ получилъ отъ отца письмо, въ которомъ тотъ, говоря о своихъ побѣдахъ надъ шведами, продолжаетъ: „Егда же сію Богомъ данную нашему отечеству радость разсмотря, обзоруся на линію наслѣдства, едва не равная радости горестъ меня събѣдаетъ, видя тебя, наслѣдника, весьма на правленіе дѣлъ государственныхъ непотребнаго (ибо Богъ не есть виновенъ, ибо разума тебя не лишилъ, ниже крѣпость тѣлесную весьма отнять, хотя не весьма крѣпкой природы, но и не весьма слабой). Къ тому же не имѣя охоты ни въ чемъ обучаться и такъ не знаешь дѣлъ воинскихъ. Аще же не знаешь, то како повелѣвать онымъ можешь и какъ доброму доброе воздать и нерадиваго наказать, не зная силы въ ихъ дѣлѣ? Но принужденъ будешь, какъ птица младая, въ ротъ смотрѣть... Сіе все представляя, обращусь паки на первое, о тебѣ разсуждая: ибо я есмь челоувѣкъ и смерти подлежу, то кому вышеописанное, съ помощью Вышняго наслажденіе и уже нѣкоторое и возвращенное оставляю? Тому, иже уподобился рабу евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю (сирѣчь все, что Богъ далъ, бросилъ). Еще же и сіе помяну, какова злаго нрава и упрямаго ты исполненъ! Ибо сколь много за сіе тебя бранивалъ, но и бивалъ, къ тому же столько лѣтъ почитай не говорю съ тобой, но ничто сіе успѣло, ничто пользуетъ, но все даромъ, все на сторону, и ничего дѣлать не хочешь, только бы дома жить и веселиться, хотя отъ другой половины и все противно идетъ... что все я съ горестью размышляю и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо избобрѣлъ сей послѣд-

ній testamentъ тебѣ написать и еще мало подождать, аще нелицемѣрно обратишься. Если же ни, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдства лишу... Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный*!..

Эти угрозы въ настоящій моментъ приобрѣтали весьма серьезный характеръ и безъ указанія на „чужого добраго“... Въ самомъ дѣлѣ появленіе внука у Петра чрезвычайно облегчало устраненіе царевича Алексѣя отъ престола. Но положеніе для этого послѣдняго сдѣлалось уже совершенно грознымъ, когда черезъ нѣсколько дней Екатерина родила Петру также сына. Теперь ясно было, что царевичъ Алексѣй, нелюбимый сынъ нелюбимой жены, долженъ былъ уступить дорогу къ трону новой вѣтви отъ счастливаго для Петра брака. И царевичъ Алексѣй отказался отъ трона. Но подозрительному Петру теперь уже этого было мало: онъ

Отреченіе царевича Алексѣя отъ престола по возвращеніи изъ-за границы.

самъ былъ свидѣтелемъ тѣхъ потрясеній, которыя могутъ вызвать на престолѣ упрямые кандидаты. Онъ потребовалъ отъ Алексѣя поступленія въ монастырь. Это было уже слишкомъ! Тѣмъ не менѣе, сынъ отправилъ отцу короткое извѣщеніе: „Милостивѣйшій Государь батюшка! Письмо ваше я получилъ, на которое больше писать за болѣзнью своею не могу. Желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго позволенія. Рабъ вашъ и непотребный сынъ, Алексѣй“. Въ душѣ же онъ повторялъ, очевидно, слова одного изъ своихъ друзей: „вѣдь клобукъ не прибить къ головѣ гвоздями, можно его и снять“...

Прошло полгода послѣ этой переписки. До царевича Алексѣя дошли, повидимому, извѣстія, что въ Тверской обители для него подготовлена келья—настоящая тюрьма. Въ то же время отъ Петра получено новое письмо съ требованіемъ привести въ исполненіе обѣщанное. Тогда Алексѣй рѣшается бѣжать въ Вѣну къ своему зятю, австрійскому императору.

Помѣщенный въ маленькой крѣпостицѣ царевичъ Алексѣй скрывался тамъ почти въ теченіи цѣлаго года, съ нѣсколькими русскими слугами и своей

Празднество князя Папы и маскарадъ въ Петербургѣ (по случаю Ништадтскаго мира, 10 сентября 1721 г.). Съ рис. Н. И. Соколова.

любовницей, грубымъ и чувственнымъ животнымъ. Наконецъ, сыщики Петра открыли убѣжище царевича. Начались бурные переговоры, и въ

концѣ концовъ, у царевича Алексѣя было исторгнуто согласіе возвратиться на родину. Онъ выговорилъ себѣ право спокойно прожить остатокъ своей жизни въ своихъ помѣстьяхъ, не разлучаясь съ любовницей. Но Петръ не сумѣлъ сдержать своего слова. Когда сынъ оказался въ его рукахъ, онъ предложилъ ему выдать сообщниковъ. Но сообщниковъ не было, потому что не было и заговора, а были простые разговоры... Для Петра и этого было довольно. Жалкій царевичъ рассказалъ все, что могъ вспомнить: о всякомъ ласковомъ взглядѣ, о всякомъ добромъ словѣ, оброненномъ ему въ тяжелыя минуты его жизни. Десятки жертвъ пошли въ застѣнокъ и на плаху по этому оговору. Но это мало смущало царевича Алексѣя; онъ, облитый кровью своихъ жертвъ, мечталъ только объ идиліи со своей финкой Евфросиньей. Но судьба и въ этомъ отношеніи не пощадила жалкаго человѣка. Евфросинія оговорила царевича, который самъ пошелъ въ застѣнокъ и умеръ, наконецъ, послѣ ужасныхъ страданій въ своей камерѣ насильственной смертью... А Петръ?.. Онъ продолжалъ въ это время свою безпокойную, безпутную, наполненную трудами жизнь, какъ будто бы ничего особеннаго въ его жизни не случилось.

Дѣятельность безъ отдыха, излишества безъ перерыва, наконецъ, подорвали могучее здоровье Петра. Начались частыя недомоганія, которыя принимали иногда опасную форму. „Быль“, — рассказываетъ одинъ дипломатъ того времени, — „случай въ Ригѣ, который могъ скоро всему положить конецъ и весьма несвоевременный. Богу извѣстна причина, но замѣтили, что одинъ изъ неряшливыхъ пажей этого героя имѣлъ счастье заболѣть одновременно съ этимъ государемъ. Царь находился въ агоніи семнадцать часовъ, и, едва поправившись, совершенно не думалъ беречься. Обратили лишь вниманіе на то, что онъ говѣлъ болѣе усердно, чѣмъ обыкновенно, съ колѣнопреклоненіями и частымъ цѣлованіемъ земли“. Между тѣмъ, это было только первое предостереженіе. Болѣзнь ухудшалась, а Петръ продолжалъ свой прежній образъ жизни. Личная же жизнь все не устраивалась. За дѣломъ царевича и Евдокіи, послѣдовало дѣло Монса и Меньшикова. Монсъ, братъ красавицы, когда-то прельстившей Петра, былъ обличенъ въ любовной связи съ императрицей Екатериной. Послѣдовалъ свирѣпый розыскъ; послѣ страшныхъ мученій Монсъ былъ повѣшенъ, и Екатерина должна была проѣхать такъ близко отъ висѣлицы, что задѣла платьемъ за ноги казненнаго; голова его затѣмъ была отрублена, опущена въ банку со спиртомъ и помѣщена въ комнатахъ императрицы. Меньшиковъ же, его ближайшій другъ, довель свое казнокрадство до такихъ предѣловъ, что Петръ вынужденъ былъ его отстранить отъ предсѣдательства въ военной коллегіи. Все это раздражало больного царя, который временами невыносимо страдалъ отъ внутреннихъ болей и отъ гнойныхъ опухолей на бедрахъ. Не смотря на все это, онъ отправляется на осмотръ работъ по прорытію Ладожскаго канала, ночуетъ въ палаткѣ, не смотря на холодъ ночей, залѣзаетъ въ воду, ѣздитъ верхомъ по замерзшимъ болотамъ. Затѣмъ онъ посѣщаетъ Олонецкіе желѣзнодорожные заводы, ѣдетъ на заводы въ Старую Руссу, гдѣ работаетъ въ качествѣ простаго рабочаго, и въ ноябрѣ возвращается водой въ Петербургъ. Около Лахты онъ лично принимаетъ участіе въ спасеніи экипажа съ небольшого погибающаго судна, для чего ему пришлось войти въ ледяную воду по поясъ. Послѣ всего этого онъ возвращается во дворецъ въ сильной лихорадкѣ, и 28-го января 1725 г. разстается съ своей бурной жизнью, полной труда, мужества, трусости, любви, коварства, наслажденія, крови, не оставивъ даже послѣ себя законнаго наследника и людей, способныхъ продолжать его великое дѣло.

Мы чувствуемъ, что послѣ этой пестрой и одурманивающей картины, какую представляетъ жизнь Петра, необходимо нѣсколько обобщающихъ словъ, подводящихъ итоги этой необычайной біографіи. И подобныхъ обобщенныхъ характеристикъ жизни и дѣятельности Петра въ нашей литературѣ имѣется не мало самаго разнообразнаго характера, — начиная отъ рѣзко отрицательныхъ и кончая безпредѣльно хвалебными. Мы рѣшили привести здѣсь то обобщеніе, которое дано было проф. Ключевскимъ, сумѣвшимъ, по нашему мнѣнію, сохранить научную объективность въ самыхъ сложныхъ историческихъ вопросахъ. „Противорѣчія“, — говоритъ онъ („Курсъ русской исторіи“ ч. IV, стр. 292), — „въ какія Петръ поставилъ свое дѣло, ошибки и колебанія, подчасъ смѣнявшіяся малообдуманной рѣшимостью, слабость гражданскаго чувства, безчеловѣчныя жестокости, отъ которыхъ онъ не умѣлъ воздержаться, и рядомъ съ этимъ беззавѣтная любовь къ отечеству, непоколебимая преданность своему дѣлу, широкій и свѣтлый взглядъ на свои задачи, смѣлые планы, задуманные съ творческой чуткостью и проведенные съ безпримѣрной энергіей, наконецъ, успѣхи, достигнутые неимоверными жертвами народа и великими усилиями преобразователя — столь разнородныя черты трудно укладываются въ цѣльный образъ. Преобладаніе свѣта или тѣни во впечатлѣніи изучающаго вызывало одностороннюю хвалу или одностороннее порицаніе и порицаніе направлялось тѣмъ настойчивѣе, что и благотворныя дѣянія совершались съ отталкивающимъ насиліемъ. Реформа Петра была борьбой деспотизма съ народомъ, съ его косностью. Онъ надѣялся грозою власти вызвать самодѣятельность въ поработанномъ обществѣ и черезъ рабовладѣльческое дворянство водворить въ Россію европейскую науку, народное просвѣщеніе, какъ необходимое условіе общественной самодѣятельности, хотѣлъ, чтобы рабъ, оставаясь рабомъ, дѣйствовалъ сознательно и свободно. Совмѣстное дѣйствіе деспотизма и свободы, просвѣщенія и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрѣшавшаяся у насъ со времени Петра два вѣка и доселѣ не разрѣшенная. Впрочемъ, уже люди XVIII в. пытались найти средство примиренія чувства человѣчности съ реформой. Кн. Щербатовъ, врагъ самовластия, посвятилъ цѣлый трактатъ, „бесѣду“, объясненію и даже оправданію самовластия и пороковъ Петра. Просвѣщеніе, введенное Петромъ въ Россію, онъ признаетъ за личное благодѣяніе, оказанное ему преобразователемъ, и возстаетъ на хулителей, получившихъ отъ самовластия то самое просвѣщеніе, которое помогло имъ понять вредъ самовластия. Вѣра въ чудодѣйственную силу образованія, которой проникнуть былъ Петръ, его благоговѣйный культъ науки насильственно зажечь въ рабскихъ умахъ искру просвѣщенія, постепенно разгоравшуюся въ осмысленное стремленіе къ правдѣ, т. е. къ свободѣ. Самовластіе само по себѣ противно, какъ политическій принципъ. Его никогда не признаетъ гражданская совѣсть. Но можно мириться съ лицомъ, въ которомъ эта противоестественная сила соединяется съ самопожертвованіемъ, когда самовластецъ, не жалѣя себя, идетъ на проломъ во имя общаго блага, рискуя разбиться о неодолимыя препятствія и даже о собственное дѣло. Такъ мирятся съ бурной весенней грозой, которая, ломая вѣковыя деревья, освѣжаетъ воздухъ и своимъ ливнемъ помогаетъ всходамъ новаго посѣва“.

**Вниманію підписчиков
1-го абонементу.**

Лица, подписавшіяся въ 1913 г.
на 1-й абонементъ, могутъ получить
изъ конторы „Вѣстн. Зн.“ первые
3 тома (12 выпусковъ)

Иллюстрированной библиотечской
библиотеки

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ,

данныхъ въ качествѣ приложения
къ журн. „Вѣстн. Зн.“ въ 1912 г.
и составляющихъ самостоятельное
цѣлое. Изданіе иллюстрировано

многими рисунками въ текстѣ, картами, чертежами и 48 отд. портретами и картинами, печатанными цвѣтными красками.

Краткое содержание 3 томов:

ВЕЛИКИЕ ЭКОНОМИСТЫ. I. Утописты (со вступительным очерком проф. М. И. Туганъ-Барановскаго „Утопический социализм“): Р. Оуэнъ, Сень-Симонъ, Ш. Фурье. II. Классики (съ очерком проф. М. И. Туганъ-Барановскаго „Классическая школа“): А. Смитъ, Т. Мальтусъ, Д. Рикардъ. III. Социалисты (съ очерком проф. М. И. Туганъ-Барановскаго „Критический социализм“): Прудонъ, Робертсусъ, Ф. Лассаль, К. Марксъ, Ф. Энгельсъ, П. Лафаргъ. IV. Кооператоры: Шульце-Деличъ, Голюкъ, Райффейзенъ. V. Высшие публицисты (съ очерком „Русская

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ: Русскіе публицисты (съ очеркомъ „Русская публицистика“): Радищевъ В. Г. Бѣлинскій, А. И. Герценъ, Н. Г. Чернышевскій, Н. А. Добролюбовъ. II. Русскіе педагоги (съ очеркомъ „Изъ исторіи про-
свѣщенія“): В. Н. Каразинъ, Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій, Н. А. Корфъ.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЪЯТЕЛИ (съ очерками „Объединение Италіи“ и „Объединение Германіи“): Гарибальди, Маццини, Кавуръ, Бисмаркъ, Мольтке, Гладстонъ и др.

Мольте, Гладстонъ и др.
ГУМАНИСТЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ (со вступительнымъ очеркомъ): Ульрихъ,
 Ф.-Гуттенъ, Рейхлинъ, Эразмъ Роттердамскій, Джордано Бруно.
 ... (со вступительнымъ очеркомъ): Янъ Гусъ, М.

РЕЛИГИОЗНЫЕ РЕФОРМАТОРЫ (со вступительным очерком): Янъ Гусъ, М. Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ.

ВЕЛИКИЕ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛИ. I. Эволюционисты (съ очеркомъ „Какъ строилась и развивалась теорія эволюціи“): Ч. Дарвинъ, А. Уоллессъ, Э. Геккель, А. О. Ковалевскій, Г. Спенсеръ. II. Физики и химики (съ очеркомъ „Физика и химія въ XIX столѣтіи“): Галилей, Гюйгенсъ, Ньютонъ, М. В. Ломоносовъ, Фарадей, Либихъ, Р. Майеръ, Гельмгольцъ, Д. И. Менделѣевъ. III. Биологи и геобграфы (съ очеркомъ „Какъ развивались науки

ВЕЛИКІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И ГЕОГРАФЫ (съ очерк. „Какъ развивались наши познанія о землѣ“): Д. Ливингстонъ, Н. М. Пржевальскій, Г. Стэнли, П. А. Кропоткинъ.

ВЕЛИКІЕ ИЗОБРАТЕЛИ (съ очеркомъ „Исторія путей и средствъ сообщенія въ XIX столѣтіи“): Уаттъ, Стеффенсонъ, Фультонъ, Морзе, Эдисонъ, Цеппелинъ.

ВЕЛИКІЕ ХУДОЖНИКИ (съ краткими очеркомъ „Исторія-искусства до эпохи Возрожденія“): Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело, Рембрандтъ, Рубенсъ, Ванъ-Дейкъ.

Вань-Дейкь.

Цѣна за 3 тома **6 р.** Для подписчиковъ „В. Зн.“ и „Недѣли“ цѣна понижена до **3 р. 75 к.** Въ издѣннхъ, тисненнхъ золотомъ и краскою переплѣтахъ на **1 р. 30 к.** дороже: **7 р. 30 к.,** для подписчиковъ **5 р.** За пересылку прибавляется **50 к.** (въ Сибирь и др. отдаленныя мѣстности соответственно дороже). **Крышки для переплѣтовъ** высылаются и отдѣльно. Цѣна за 3 крышки **80 к.;** пересылка ихъ **26 к.**

издающийся одиннадцатый год рас-
но-научный илилострированный журнал
дающий полную библиотечку капитальных сочинений
полупро-научный ежем-
сячный журнал и ежем-
сячную газету - журнал
отданы подп. на "Нед." 3 р. в. в. г. 75 к. в. в. $\frac{1}{4}$ г.

हवामान

[illegible]

Въ приложенияхъ
1) **ИЛЛОСТРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ УРАИНЫ**, въ 2-хъ частяхъ. 2) **ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ИДЕАЛЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ**, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. 3) **ЛЕКЦІИ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ И ФИЛОСОФІИ**, проф. Г. Е. Феккелъ. 4) **ФИЗИОЛОГІЯ МОЗГА**, Гигиена ребенка, мужчины, женщины. Подъ редакціею проф. К. С. Кустова съ помощію проф. Фордгана, въ 2-хъ частяхъ. 5) **ЭКСПЕРИМЕНТЪ**, физика, проф. Бернштейна. 6) **ПСИХОЛОГІЯ И ДУХОВНОСТЬ**, лекціи, Катанова. 7) **ПЕДАГОГІЯ**, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. 8) **СОЧИНЕНІЯ** П. П. Пустышскаго. 9) **КАВКАЗСКІЯ ИНТЕРНАТЪ**, Альманахъ. 10) **ДАТШДСКІИ ИНТЕРНАТЪ**, Альманахъ.

Сверх того подписчики, в зависимости от избранного ими абонем. (или подп. указывать № абонем.), получать слбд. капитальных содѣженій:

1-й абонемент: 12 вып. иллостр. ою-графич. библиотеки

ВЕЛИКІЄ ЛЮДИ,

Въ 4 выпускахъ, съ рисунками

4-й абонемент:

4 ВЫП. ПРАКТИЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ
(руководство по земледелию, хозяйству, домоводству, полезным
ремеслам и пр.). В 1918 г. в 6-том изд. 692 стр. 1000
ПРАВА РУССКАГО ГРАЖДАНИНА

какъ ихъ опредѣлить, какъ ихъ осуществлять, какъ ихъ отстаивать. Съобразу. прошен. и пр. Сост. прис. пов. П. А. Брюнелли

Адресь: С.-Петербургъ, Невскій пр., 40, Контора „ВѢСТНИКА ЗНАНІЯ“.

Подробный иллюстрированный проспект высылается бесплатно.

2-и аэономентах: вь 16 еыпуск.

Литер, китайцев, японцев, египтян, индусов, персов, евреев, арабов, греков, римлян, кельтов, германцев, возрожде-
ния, Индии, Франции, Испании и др. Литер-
атура славян. Редакция проф. Зыковского
п. И. Ефремова, проф. Брауна и др. Раскопаны
изд. со мног. рис. и ок. 60 отд. карт. и хроно-

5-й абонемент: в 16 выпусках

сь древнѣйшихъ врем. до нашихъ дней, проф.
Шантели-де-ля-Сосей. Роскошное издание
около 600 рис. и 60 отдельныхъ картинокъ и
хромотипій. (2 большихъ тома).

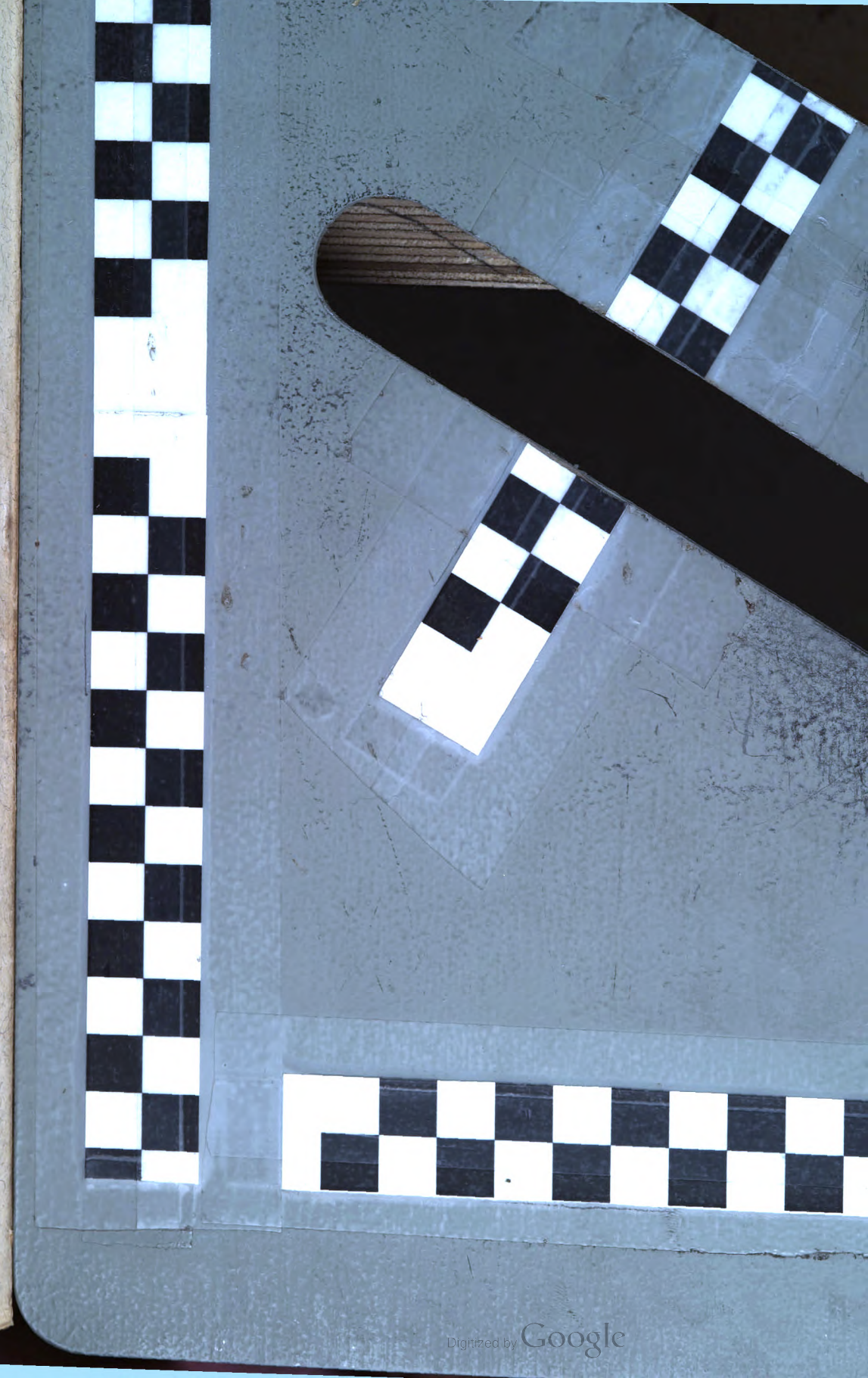
Контора „ВСТІНКА ЗНАНІЯ“:

З-и адвокатів І. Б. В. 10 Випусках

ство и время, бар. Швейгерт-Лерхенфельд-
с, III. Мельница жизни, проф. Менисенга, ч. V. Огонь
колыбель жизни, проф. Менисенга, ч. VI—IX. Психосо-
таемие мира, проф. Мейера, ч. VI—IX. Психосо-
лотия, эволюция человечества, проф. Бундта
Лотца, эволюция человечества, проф. Бундта
Лотца, изд. около 600 рис. и 60 отд. картин
и хромотипий. (Въ книжн. мат. б. ст. 15 руб.)

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

допускається розсрочка при підписку 5 р., 10 іон і 10 сент. по 2 р. Премія Вносящ. всѣ деньги имѣют право на премію книгами и 2 р. (по особ. катал.), улит

5

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ

карты 5-го тома

БЮГРА-
ФИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
*Восточная
Библиотека*

**Продолжается подготовка на педагогов-единиц
по специальности «Литературно-художественное творчество»**

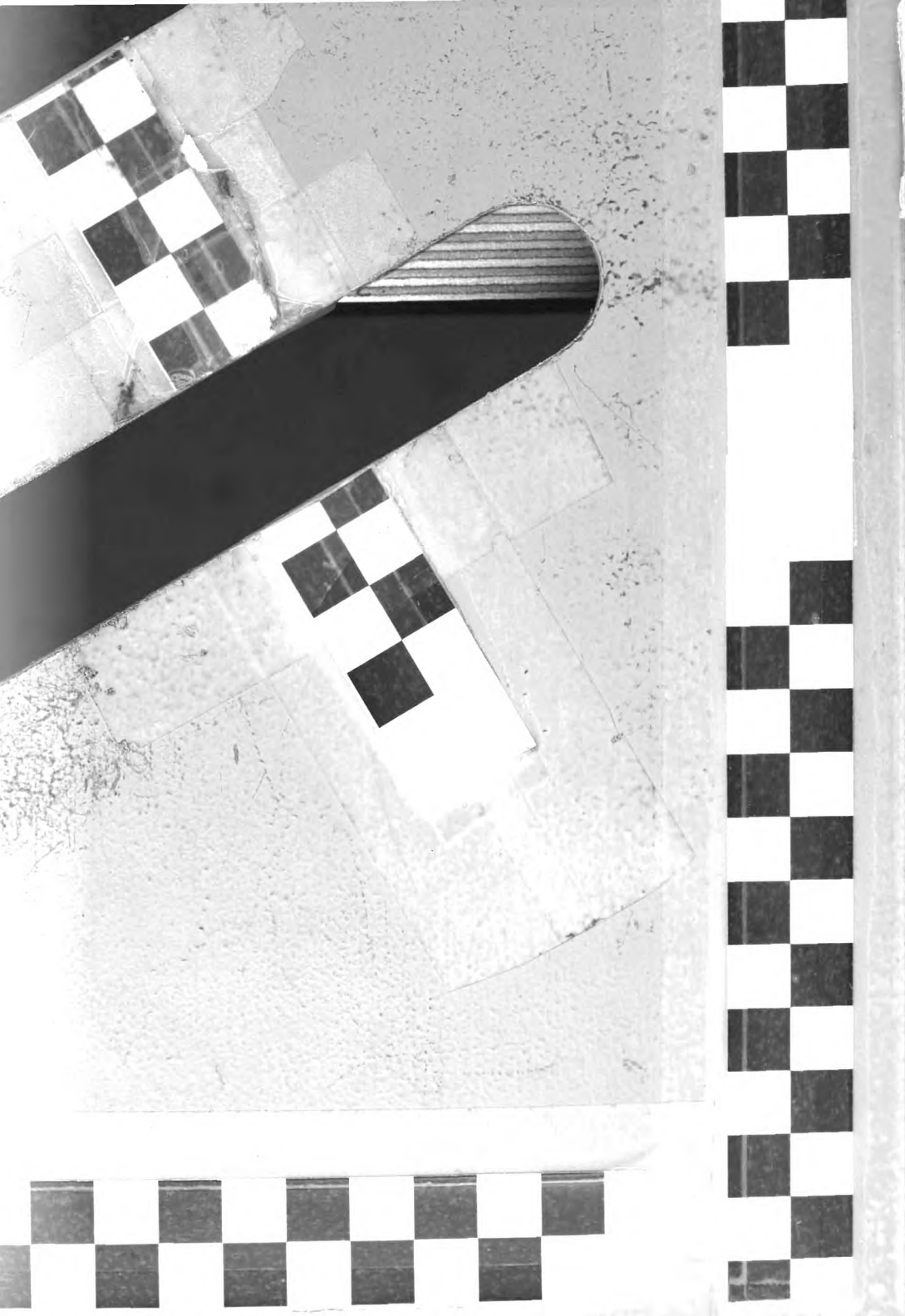
люди: БІЦІРАФИЧЕСКАЯ ОБЛІУ

катерининский пр., 87

[illegible]

3. ЛІКІ ЛЮДИ. ВІСІ РАФНЧЕЛКАМ ДНДІВІ

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ

Королю Б. М. М. М.

БЮГРА-
ФИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
*Вестника
Знания*

Проф. Л. Блохъ.

СОСЛОВНАЯ
— и —
СОЦІАЛЬНАЯ ІСТОРІЯ
Римской Республики,
съ 20 рисунками и карт.

Цѣнная книга, о которой печать ото-
звалась, какъ о цѣнномъ вкладѣ въ
историческую науку. Авторъ стоитъ
на точкѣ зрѣнія матеріалистическаго
пониманія исторіи.

== Цѣна 70 коп., перес. 16 коп. ==

АНТОШКА
ІСТОРІЯ ЧЕХІИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. В. Восток

Цѣна 45 к.,
перес. 15 к.

Проф. Р. Арнольдъ.

== **КУЛЬТУРА** ==
ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Цѣна 50 коп., перес. 15 коп.

Гуманизмъ — это та эпоха, съ
которой началась борьба за сво-
боду мысли и совѣсти, борьба,
до сихъ поръ не прекращающаяся.
Знакомство съ первыми мучени-
ками за правду и свободу является
для всякаго обязательнымъ.

Проф. Андерсонъ.

ІСТОРІЯ ПОГИБШИХЪ
ЦИВИЛИЗАЦІЙ ВОСТОКА,

съ 59 рисунок., порт. и картин.

СОДЕРЖАНИЕ:

Введение. — Происхожденіе чело-
вѣческихъ расъ. — Халдея и Ва-
вилонія. — Древній Египетъ. —
Хитты, финикіяне и евреи. —
Иранъ, или древняя Персія.

== Цѣна 80 коп., перес. 17 коп. ==

ІСТОРІЯ
РУССКАГО НАРОДА.

4 популярныхъ лекціи
съ 63 рис. и 24 раскр.
карт. для волш. фонаря.

Эти очерки отличаются отъ обыч-
ныхъ популярныхъ чтеній по рус-
ской исторіи тѣмъ, что въ нихъ
роль народа ставится на первый
планъ, и событія нашей исторіи
оцѣниваются съ точки зрѣнія ихъ
значенія для народа.

Цѣна 1 руб. 50 коп., перес. 19 коп.

Проф. Лаунгардъ.

ЧУДЕСА ДРЕВНЯГО
== **И НОВАГО МІРА.** ==

Четыре популярныя лекціи
по исторіи культу

съ 42 рис. и 15 раскра-
для волш. фонаря

== Цѣна ==

шею частью люди смѣлые, любившіе свободу. Они и сами были не прочь пограбить такъ же, какъ и татарскіе набѣзники. Но въ одиночку трудно было и отъ враговъ отбиваться и на добычу ходить. Стали они собираться большими артелями, товариществами. Мало-по-малу военное дѣло сдѣлалось ихъ главнымъ ремесломъ, и они образовали огромное казацкое войско, владѣнія котораго вытянулись по Днѣпру и впослѣдствіи были названы Украиной, или Малороссіей. Скоро казаки стали страшны не только туркамъ и татарамъ, но и Польшѣ, и Московскому государству. Съ выборными правителями ихъ, гетманами,—старались дружиться сосѣдніе правители. А особое казацкое военное братство, Запорожская Сѣчь, расположенная на днѣпровскихъ островахъ за порогами, получила громкую извѣстность.

Казакамъ, поселившимся по берегамъ Днѣпра, выпало на долю не только защищать границы Польши и Россіи отъ набѣговъ татаръ, но и отстаивать русскую народность и православную вѣру отъ поляковъ въ юго-западной Россіи.

Юго-западная часть русскихъ земель мало-по-малу перешла во владѣнія Польши послѣ того, какъ она сумѣла присоединить къ себѣ Литву. Но эти земли издревле были русскими. Достаточно сказать, что среди городовъ, доставшихся здѣсь полякамъ, былъ Кіевъ, древняя столица русскаго государства. И помѣщики, и крестьяне были здѣсь преимущественно русскими: они говорили на русскомъ языкѣ, происходили отъ русскихъ предковъ, имѣли русскіе обычаи, исповѣдовали православную вѣру. Поляки боялись, что это русское населеніе всегда будетъ тянуться къ русскимъ землямъ и легко можетъ быть присоединено къ Московскому государству. Надо было русское населеніе здѣсь сдѣлать польскимъ и по языку, и по обычаямъ, и по вѣрѣ. Поляки были католики. Папа съ давнихъ поръ дѣлалъ попытки присоединить восточную, православную, церковь къ католической. Но разница между православной и католической церковью со временемъ дѣлалась все болѣе и болѣе значительной. Католики видѣли, что дѣло съ каждымъ годомъ становилось все болѣе и болѣе безнадежнымъ: добровольно православные въ католичество переходить не собирались, а принудить ихъ къ тому силой не было возможности. Тогда-то была выдвинута унія—религія, промежуточная между православіемъ и католицизмомъ. Польское правительство съ жаромъ ухватилось за проведеніе уніи въ православныхъ областяхъ своего государства, ибо такимъ путемъ этотъ край все же отдалялся отъ Московскаго Государства и прочіе могъ быть связанъ съ коренной Польшей.

Впрочемъ, для дворянства этого края не потребовалось и уніи. Оно просто и легко переходило въ католическую вѣру, такъ какъ въ своихъ интересахъ оно было тѣсно связано съ польскимъ дворянствомъ. Русскихъ дворянъ, переходившихъ въ католическую вѣру, польскій король и польская знать всячески ласкали и отличали. Многіе изъ русскихъ дворянъ этого края пережили на полькахъ и завели у себя польскую обстановку жизни, позабыли русскій языкъ, оставили русскіе обычаи, совершенно ополячились. Такіе помѣщики отдѣлились еще больше отъ мѣстнаго крестьянства, которое оставалось русскимъ и по языку, и по обычаямъ, и по вѣрѣ. Ополячившіеся помѣщики стали относиться къ крестьянству все съ большей и большей жестокостью. Они силой заставляли крестьянство принимать унію. Они сдавали церкви въ аренду евреямъ, которые держали ключи отъ церкви у себя и взимали за каждое богослуженіе и за совершеніе каждой требы высокія пошлины. Сторонники уніи и като-

лики нерѣдко врывались въ православныя церкви, въ которыхъ совершалось богослуженіе, и устраивали тамъ различныя безчинства; они нападали нерѣдко на православныя монастыри и предавали мученіямъ иноковъ, а имущество монастырское расхищали.

Что, принявъ польскіе нравы, русскіе помѣщики Юго-западной Россіи усвоили и польскую расточительность. Богатыя пирушки, роскошныя одежды, обширныя дворцы, веселыя поѣздки—все это требовало большихъ

Украинскій гетманъ принимаетъ присланные ему польскимъ королемъ бунчукъ, булаву, печать, знамя съ королевскимъ гербомъ и грамоту, подтверждающую гетманское достоинство.

средствъ. Эти средства должны были доставлять подчиненные дворянству крестьяне. Подати и налоги, которые взились помѣщиками, стали совершенно непосильными для крестьянъ. Кромѣ того, каждый проѣздъ помѣщика и его дворни сопровождался прямымъ грабежомъ: брали все, что подвергивалось подъ руку. Жаловаться на этотъ произволъ было некуда.

Наконецъ, чаша терпѣнія народнаго переполнилась. Начался рядъ возстаній крестьянъ противъ помѣщиковъ. Совершенно естественно, что во главѣ тѣхъ возстаній, быстро становится казачество. Въ самомъ дѣлѣ, казачество въ это время пополнялось въ большомъ количествѣ крестьянами, бѣжавшими отъ ополченныхъ помѣщиковъ юго-западной Россіи. Они слишкомъ много пострадали и отъ польскихъ порядковъ, и отъ поруганія своей вѣры, чтобы не чувствовать въ своемъ сердцѣ глубокой ненависти и къ католикамъ, и къ Польшѣ. Руководителемъ этого движенія, закончившагося однимъ изъ величайшихъ актовъ русской исторіи—

присоединеніемъ Малороссеи къ Московскому Государству, на долгое время становится Богданъ Хмѣльницкій.

Богданъ Хмѣльницкій вышелъ изъ рядовъ настолько безвѣстной казацкой семьи, что исторіи не удалось установить ни года рожденія знаменитаго въ будущемъ гетмана, ни имени его матери. Отецъ Богдана все-таки былъ уже чиновнымъ человекомъ: подъ конецъ жизни онъ занималъ скромное мѣсто казацкаго сотника и за свою службу получилъ отъ чигиринскаго старосты изъ свободныхъ казацкихъ земель хуторъ Субботово, который трудами своихъ рукъ привелъ въ цвѣтущее состояніе. О дѣтствѣ будущаго героя казацкихъ возстаній почти ничего не извѣстно. Съ достовѣрностью можно только сказать, что сотникъ разумно использовалъ свой достатокъ и далъ своему единственному сыну недурное для того времени образованіе. Богданъ обучался первоначально въ кievской братской школѣ, а затѣмъ, какъ утверждаютъ польскіе историки, въ іезуитской коллегіи. Въ результатъ своего образованія, онъ владѣлъ польскимъ и латинскимъ языками, а позднѣе научился турецкому и даже, какъ можно думать, и французскому.

Первое военное выступленіе Богдана Хмѣльницкаго относится къ 1618 г., когда онъ былъ подросткомъ лѣтъ 15—16. Въ этомъ году поляки воевали съ турками и имѣли въ своихъ рядахъ и казацкіе полки. Отецъ и сынъ Хмѣльницкіе также принимали участіе въ этомъ походѣ. Въ битвѣ при Днѣстрѣ поляки были разбиты, отецъ Богдана былъ убитъ, а самъ Богданъ попалъ въ плѣнъ. Этотъ походъ не пропалъ даромъ для Богдана. Здѣсь ему впервые пришлось близко присмотрѣться къ польскому шляхетству. Здѣсь, какъ говоритъ историкъ Кулишъ, — „онъ видѣлъ впервые, какъ мало солидарны между собою паны, изъ которыхъ каждый смотрѣлъ вѣчноносцемъ“. Онъ видѣлъ впервые, къ чему способенъ казакъ, питающійся соламатою“... Въмѣстѣ съ тѣмъ ему пришлось быть свидѣтелемъ необычайно ловкаго отступленія, руководимаго знаменитымъ польскимъ полководцемъ Жолкевскимъ, по чрезвычайно трудной мѣстности, перерѣзанной болотистыми байраками, который обнаружилъ при этомъ весьма искусные приемы защиты лагеря при помощи подвижнаго табора изъ повозокъ.

Въ плѣну Богданъ пробылъ около двухъ лѣтъ. Выкупился ли онъ или бѣжалъ изъ плѣна, — неизвѣстно; но, какъ бы тамъ ни было, черезъ два года онъ вернулся на родину. Первое время онъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ общей казацкой массы. Но при осадѣ Смоленска во время новаго похода Польши противъ Москвы, Богдану удалось обратить на себя вниманіе, и польскій король наградилъ его за храбрость дорогой саблей. Послѣ этого нѣкоторое время Богданъ занималъ должность войскового писаря, а затѣмъ былъ назначенъ сотникомъ Чигиринскаго полка. Но военная служба не привлекала Богдана, и онъ съ увлеченіемъ занимался хозяйствомъ: завелъ большія стада скота и табуны лошадей. Наконецъ, онъ женился и ничего не хотѣлъ, кромѣ мирной жизни, хотя, какъ почетный членъ казацкаго войска, не разъ выступалъ въ различныхъ депутаціяхъ и протестахъ противъ притѣсненія казаковъ панами, а иной разъ брался даже и за шашку, чтобы проучить того или другого изъ потерявшихъ всякую мѣру пановъ.

Однако польскіе порядки не дали мирно жить Хмѣльницкому и разбили всѣ его мечты о спокойной старости. Хмѣльницкому перевалило уже за 45 лѣтъ, когда надъ нимъ стряслась бѣда. Прежде всего, умерла его первая жена, и Богданъ взялъ себѣ въ жены богатую польку. Но

на сердце и руку этой польки считалъ себя претендентомъ чигиринскій подстароста-шляхтичъ Чаплинскій. Чаплинскій не могъ допустить мысли, чтобы его, шляхтича, предпочли какому-то простому казаку. Онъ рѣшилъ силой отнять не только жену у Богдана, но и его хуторъ Субботово, полученный Хмѣльниками за свою вѣрную службу польскому королю и отнявшій у Хмѣльниковъ столько труда и денегъ. Воспользовавшись тѣмъ, что Хмѣльники не привели въ порядокъ своихъ документовъ по владѣнію Субботовымъ, Чаплинскій привелъ въ исполненіе свой замыселъ. Во время отсутствія Богдана, хуторъ Субботово былъ захваченъ вооруженными поляками, жена Богдана перешла въ обладаніе предприимчиваго поляка, а его младшій сынъ былъ застрѣленъ до смерти. Всѣ попытки Хмѣльницкаго возстановить свои попоранные права остались безплодными. Неукротимая злоба охватила душой Богдана, и онъ рѣшилъ заставить пановъ пожалѣть о томъ, что они выгнали изъ гнѣзда такую осу, какъ онъ, Богданъ.

Богданъ хорошо зналъ, какъ сильно украинскій народъ былъ возбужденъ противъ польскихъ пановъ, разорявшихъ его самымъ безжалостнымъ образомъ. По прежнимъ возстаніямъ онъ былъ увѣренъ, что найдетъ благодарную почву. Возвращаясь домой къ себѣ, на Украину, послѣ неудачныхъ жалобъ самому королю, онъ внимательно прислушивался и притягивался ко всему, что совершалось въ жалкихъ обездоленныхъ деревушкахъ, беспомощно раскинувшихся вокругъ гордыхъ польскихъ замковъ. Эти наблюденія убѣдили Хмѣльницкаго въ правильности его ожиданій на помощь народную въ дѣлѣ борьбы съ панскимъ произволомъ. Вездѣ, гдѣ только представлялся удобный случай, онъ забрасывалъ мысль о необходимости возстанія противъ пановъ. „Пусть будетъ вамъ извѣстно“,—говорилъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—„я рѣшился мстить панамъ-ляхамъ войною не за свою только обиду, но за попораніе вѣры русской и за поруганіе народа русскаго! Я безсиленъ; но вы, братья, мнѣ помогите. Сберитеся и пошлите мнѣ хоть по два или по три человека съ каждаго села... „Нѣтъ справедливости въ Польшѣ“,—воскличалъ онъ на тайномъ казацкомъ собраніи въ чигиринскихъ лѣсахъ,—„вмѣсто должнаго разсмотрѣнія дѣла, меня на сеймѣ осмѣяли... Просьбой нашей пренебрегли; васъ ожидаютъ горшія поруганія. Ужели далѣе будемъ терпѣть? Ужели оставимъ въ бѣдствіи братьевъ нашихъ русскихъ, православныхъ? Пробѣгая по Руси, вездѣ я видѣлъ страшныя утѣсненія, тиранства; несчастный народъ вопить о помощи; всѣ готовы взять оружіе; всѣ обѣщаютъ стать съ нами за одно“...

Пропаганда эта не укрылась отъ польскаго правительства. Богданъ былъ схваченъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ Тимошеемъ и заключенъ въ тюрьму. Ихъ ожидала, по видимому, крутая расправа, но сторожившій его казацкій офицеръ далъ ему возможность бѣжать, и вскорѣ мы находимъ его съ сыномъ въ Запорожской Сѣчи, гдѣ онъ говоритъ въ одной изъ своихъ рѣчей: „Смотрите на меня, писаря войска запорожскаго, стараго казака; я уже ожидалъ отставки и покоя, а меня гонять, преслѣдуютъ только потому, что такъ хочется тиранамъ; сына у меня варварски убили, жену посрамили, достояніе отняли, лишили даже походнаго коня и напоследокъ осудили на смерть. Нѣтъ для меня другой награды за кровь, пролитую для ихъ же пользы; ничего не остается для тѣла, покрытаго ранами, кромѣ невинной смерти подъ рукою палача. Къ вамъ уношу душу и тѣло: укройте меня, стараго товарища; защищайте самихъ себя и вамъ то же угрожаетъ“...

Эти отрывки изъ рѣчей Богдана очень типичны для его тогдашняго настроенія. Изъ нихъ мы видимъ, что главнымъ двигательнымъ стимуломъ у него является личное чувство, личная обида. Но въ интересахъ своего же дѣла онъ научился разсматривать свою бѣду, какъ частный случай общенароднаго бѣдствія. Въ борьбѣ за народъ онъ отомститъ и за себя. Безпомощный и поруганный, какъ одиночка, онъ становится могучимъ и страшнымъ, когда сковываетъ свою судьбу съ судьбою всего народа, когда въ своемъ гнѣвѣ опирается на гнѣвъ народный. Искусный

„Запорожцы“.
(Съ картины И. Е. Рѣпина).

рѣчи Богдана падали на хорошо подготовленную почву. Впрочемъ, въ распоряженіи Богдана было еще очень сильное агитаціонное средство. Самъ польскій король тяготился своевольствомъ шляхетства и былъ не прочь опереться на казацкое войско въ случаѣ борьбы съ польскимъ дворянствомъ. Король поэтому велъ двойную игру. Эта игра пріегла къ тому, что король выдалъ казацкой старшинѣ тайный документъ, которымъ возстановливалъ всѣ казацкія вольности. Документъ этотъ, однако, казацкая старшина припрятала для себя, находя, что при данномъ положеніи вещей ей легче будетъ справляться съ казацкой вольницей. Однако, молва объ этомъ документѣ упорно ходила въ казацкихъ массахъ. Вотъ этотъ документъ Богдану и удалось раздобыть хитростью.

еще до начала борьбы съ Чаплинскимъ. Эпизодъ этотъ, чрезвычайно характерный для Богдана, г. Яковенко передаетъ въ слѣдующемъ видѣ:

„Онъ устраиваетъ въ своемъ хуторѣ Субботовѣ пиръ, сзываетъ казацкую старшину, и, когда гости изрядно подвыпили, начинается съ Барабошемъ (у котораго, по его расчетамъ долженъ былъ храниться этотъ документъ) разговоръ въ такомъ духѣ:

— „Что ты, любезный кумъ, держишь листъ королевскій,—говорить онъ,—дай мнѣ прочитатъ его теперь“. — „На что тебѣ, куманекъ, читатъ его“,—отвѣчаетъ тотъ спяна откровенно:—„мы податей не платимъ, въ войскѣ польскомъ не служимъ. Лучше намъ, начальникамъ, брать деньги безъ счету, а дорогія сукна безъ мѣры, чѣмъ, потакаяя черни, таскаться по лѣсамъ да буеракамъ, да своимъ же тѣломъ комаровъ, какъ медвѣдей, кормить.

„Хмѣльницкій одобряетъ мудрыя соображенія старшого и подливаетъ ему еще вина; скоро онъ сваливается съ ногъ и засыпаетъ. Тогда Хмѣльницкій беретъ у него шапку и платокъ, зоветъ своего джуру (джура—молодой казакъ, въ родѣ паж) и говоритъ ему:

— „Скорѣй садись на лошадь и спѣши къ панѣ Барабашихѣ и скажи, что ея панъ приказалъ отдать тотъ листъ, который получилъ отъ короля“.

„Джура ночью прискакалъ въ Черкасы. Барабашиха спала и, пробужденная стукомъ, выскочила.

— „Пани,—сказалъ джура,—заспорилъ мѣй панъ съ твоимъ паномъ, передерутся; такъ онъ прислалъ, чтобы вы дали тѣ права, которые присланы отъ короля“. — „На горе себѣ онъ вздумалъ съ Хмѣльницкимъ гулять, отвѣчала напутанная Барабашиха:— вотъ тамъ въ стѣнѣ подъ воротами въ глухомъ концѣ въ ящикѣ въ землѣ“...

Такимъ образомъ, королевскіе листы оказались въ рукахъ Хмѣльницкаго, который умѣло ими дѣйствовалъ на нерѣшительныхъ представителей казачества, желавшихъ добиться тѣхъ или другихъ улучшеній безъ разрыва съ польскимъ государствомъ.

Много помогало агитаціи Хмѣльницкаго и то обстоятельство, что какъ разъ въ это время поляки начали свою наступательную политику противъ Сѣчи. Надъ порогами, неподалеку отъ Сѣчи, была возведена польская крѣпость Кодакъ, въ которой было помѣщено 500 реестровыхъ, т. е. внесенныхъ въ списки и официально признанныхъ, казаковъ и 300 поляковъ. Крѣпость эта сильно стѣсняла казацкую вольность.

Прежде всего, удалось Богдану поднять Сѣчь. Въ Сѣчи жила лишь небольшая, хотя и отборная часть казачества. Большинство казачества было разбросано по хуторамъ на огромномъ пространствѣ. Въ Сѣчь Хмѣльницкій явился не одинъ. Когда Богданъ бѣжалъ изъ тюрьмы, за нимъ была послана погоня. Богданъ скрылся въ устьѣ Днѣпра. Отрядъ, преслѣдовавшій его, состоялъ изъ реестровыхъ казаковъ и польскихъ воиновъ. Однажды ночью въ лагерь преслѣдователей пробрались два соподвижника Богдана. Они обратились съ горячей рѣчью къ реестровымъ казакамъ, стыдя ихъ за то, что они идутъ на Богдана, который хочетъ защититъ ихъ и вѣру православную отъ панскаго своеволія. Агитаторы имѣли успѣхъ. Реестровые казаки перешли на сторону Хмѣльницкаго. Часть поляковъ была перебита, другая прогнана. Такимъ образомъ открылись военныя дѣйствія между Хмѣльницкимъ и Польшей.

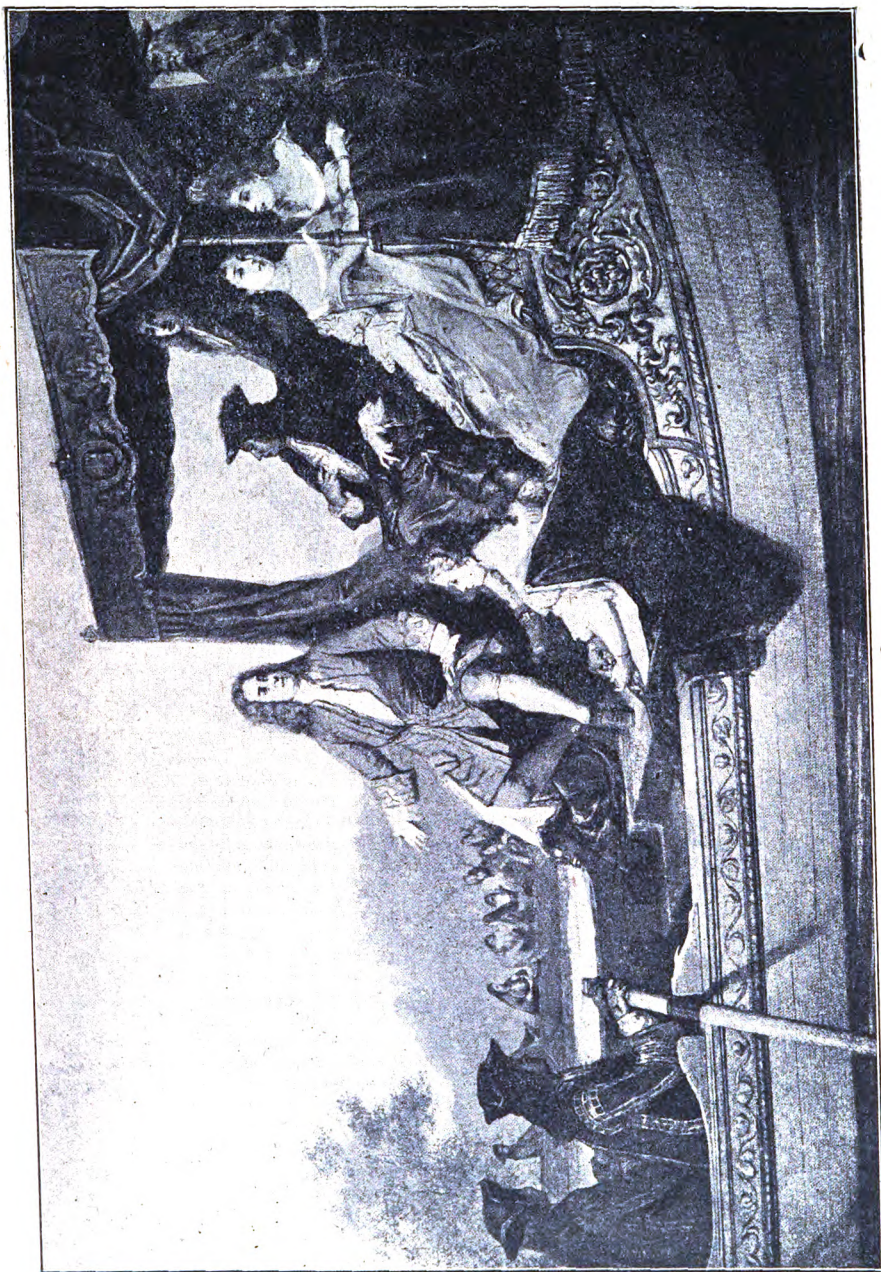
Однако Богданъ боялся отпугнуть отъ себя казацкія массы слишкомъ рѣшительными дѣйствіями. Своей тайны относительно предстоящей

войны съ поляками онъ не открывалъ широкимъ казацкимъ массамъ, которымъ пока говорилось о необходимости отправить депутацію къ королю. Съ этой цѣлью онъ пишетъ успокоительныя письма къ польскому королю, въ которыхъ говоритъ исключительно только о казацкихъ нуж-

Присоединеніе Малороссіи. Вояринъ Вугуринъ держитъ рѣчь къ народу. (Съ картины Кившенко).

дахъ. Между тѣмъ, была собрана многочисленная рада, на которой Богданъ былъ избранъ гетманомъ всего запорожскаго войска, и отъ имени этого же войска онъ отправился къ крымскому хану переговорить о совмѣстномъ дѣйствіи противъ поляковъ. Польскіе магнаты черезъ своихъ шпионовъ были хорошо освѣдомлены обо всемъ, что происходило въ казацкихъ кругахъ. Къ тому же среди народа все сильнѣе и сильнѣе рас-

Гендель и английский король Георгъ I.

пространялись слухи о предстоящемъ возстаніи. Побѣги холоповъ усилились. Крѣпостные стали все чаще и рѣзче выражать свое неудовольствіе. У многихъ крестьянъ появилось оружіе. Въ одномъ изъ донесеній важнаго королевскаго чиновника говорилось, „что не было ни одной деревни, ни одного города, въ которомъ не раздавалось бы призыва къ своеволю и гдѣ бы не умышляли на жизнь и имѣнья пановъ своихъ и державцевъ, своевольно напоминая о своихъ заслугахъ и о частыхъ жалобахъ на обиды и притѣсненія“. Поляки рѣшили дѣйствовать оружіемъ. Они надѣялись однимъ хорошимъ натискомъ „уничтожить до тла презрѣнное скопище и привести зачинщиковъ на праведную казнь“.

22-го апрѣля 1648 г. восьми-тысячный отрядъ запорожцевъ подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго выступилъ въ походъ противъ сильнаго польскаго отряда. На помощь казакамъ явилось эколо четырехъ тысячъ татаръ. Польскій отрядъ численностью немногимъ уступалъ своимъ врагамъ, но зато онъ обладалъ очень хорошей артиллеріей и обученнымъ войскомъ, тогда какъ въ рядахъ запорожцевъ было много добровольцевъ, только что оторвавшихся отъ сохи и плохо вооруженныхъ. Слабой стороною польскаго отряда было то, что онъ наполовину состоялъ изъ реестровыхъ казаковъ, симпатіи которыхъ къ Хмѣльницкому все увеличивались, а другая часть войска была въ значительной степени пополнена русскими рекрутами. По этой-то ахиллесовой пятѣ польскаго отряда и рѣшили, прежде всего, ударить Хмѣльницкій, когда оба войска стали другъ противъ друга у Желтыхъ Водъ. Дѣйствительно, довѣренному Богдана удалось перетянуть на сторону запорожскаго войска всѣхъ реестровыхъ казаковъ, перебившихъ свою старшину прежде, чѣмъ эти казаки соединились съ поляками. Вскорѣ примѣру казаковъ послѣдовали русскіе драгуны. Польскій отрядъ былъ разбитъ. Казакамъ досталось много пушекъ. Хмѣльницкій рѣшилъ теперь нанести новый ударъ главнымъ польскимъ силамъ, стоявшимъ подъ Корсунемъ... Наступило 16 мая,—рѣшительный для поляковъ день. „Роковое мѣсто для поляковъ“,—разсказываетъ Костомаровъ,—„было въ концѣ рожи. Дорога спускалась съ крутой горы въ долину и поднималась на гору. Вдоль долины на нѣсколько верстъ шелъ выкопанный глубокій ровъ. Польскіе пушки и возы, съѣзжая съ горы, летѣли въ этотъ ровъ. Напрасно передніе кричали заднимъ: „стой! стой!“.. Лошади, успѣвшія достигнуть спуска, не въ силахъ были удержаться, падали съ возами однѣ за другими въ ровъ; другіе возы въ безпорядкѣ бросались въ сторону, но по бокамъ были овраги, и они туда попадали. Прямо на поляковъ съ противоположной горы палили казацкія пушки, а сзади пріударили на нихъ со всѣхъ силъ казаки и татары“. Пораженіе поляковъ было полнымъ. Въ руки казаковъ достался богатый обозъ пановъ. Начальникъ польскаго отряда Потоцкій, видя, что все пропало, сѣлъ въ карету и велѣлъ гнать лошадей.. Такъ въ каретѣ казаки и взяли его въ плѣнъ. „Видишь, Потоцкій,—сказалъ ему Хмѣльницкій,—какъ Богъ сдѣлалъ: тѣ, которые пошли брать меня въ неволю, сами въ нее попались“. „Холопъ,—гордо отвѣтилъ Потоцкій,—чѣмъ заплатишь славному рыцарству татарскому? Оно побѣдило меня, а не ты со своей разбойничьей шайкой!“—„Тобой“,—смѣялся Хмѣльницкій,—„тобой, который называетъ меня своимъ холопомъ, и тебѣ подобными!“ И, дѣйствительно, татары получили захваченныхъ магнатовъ, съ которыхъ сумѣли въ послѣдствіи сорвать большіе выкуны.

Побѣда Хмѣльницкаго подъ Корсунью была сигналомъ ко всеобщему возстанію крестьянства противъ пановъ. Крестьяне повсюду въ Украйнѣ образовали „загоны“, отряды добровольцевъ и нападали на помѣщичьи усадьбы, свирѣпо расправляясь съ панами и ихъ семьями. Обѣ стороны, — и помѣщичья, и крестьянская, — проявляли по отношению другъ къ другу часто самую звѣрскую жестокость. Помѣщичій классъ былъ терроризованъ. „Мы, — писалъ одинъ современникъ изъ Волыни, — сидимъ съ женами и дѣтьми подъ страхомъ нападенія день и ночь каждую минуту. Взрослые обоого пола и дѣти толпятся въ костелахъ, ксендзы возсылаютъ молитвы объ отвращеніи гнѣва Божія“. — „Каждое холопъ“, — пишетъ другой дворянинъ, — „намъ непріятель, каждое русское мѣстечко и селеніе — гнѣздо враговъ; на каждой тропинкѣ готовы были встрѣтить бѣглецовъ недобрые гости съ булатными, осюдоострыми саблями и дубинами“. Цѣлые округа были совершенно разорены въ теченіе этой гражданской войны. „По всей Подоли, напр., до самой Горины (притока Припети) панскіе замки, города, мѣстечки лежали въ развалинахъ; кучи гнившихъ тѣлъ валялись безъ погребенія, пожираемыя собаками и хищными птицами; воздухъ заразился до того, что появились смертельныя болѣзни. Дворяне бѣжали толпами за Вислу и ни одной шляхетской души не осталось на Подолѣ“. „Вездѣ около Львова“, — сообщаетъ одинъ мѣстный обыватель, — „поляку и жиду опасно проходить по дорогѣ: стерегутъ, нападаютъ, убиваютъ, мучатъ. Вся Русь дышетъ злобою ко всему католическому и шляхетскому!“

Въ то время, какъ вся Украина кипѣла въ этомъ народномъ возстаніи, Богданъ Хмѣльницкій стоялъ какъ бы въ нерѣшительности подъ Бѣлою Церковью. Правда, онъ значительно увеличилъ свои войска за счетъ бѣглыхъ холоповъ; правда, его агитаторы будоражили своими рѣчами и обѣщаніями всю страну, но правда и то, что въ это самое время онъ находилъ возможнымъ вести переговоры съ польскимъ сеймомъ и королемъ, выторговывая привилегіи для казаковъ и не заботясь объ остальномъ народѣ. Можно, пожалуй, думать, что со стороны Хмѣльницкаго это была просто на просто дипломатическая уловка. Какъ бы тамъ ни было, но время Хмѣльницкимъ было упущено. Шляхта, не смотря на всѣ пораженія, все еще рассчитывала отбиться отъ казаковъ силой и залить возстаніе кровью. Польша напрягла послѣднія усилія и выставила новое войско. Уже по одному внѣшнему виду этого войска замѣтно было, что несчастья ничему не научили поляковъ... „Гусары“, — рассказываетъ одинъ современникъ, — „другъ передъ другомъ выказывали статность своихъ коней, луки на сѣдлахъ были изъ серебра, чепраки вышитые, стремена позолоченныя, сабли съ серебряною насѣчкой подъ чернью, кунтуши (кафтаны) бархатные, подбитые и опушенные дорогими мѣхами, на шеяхъ блистали золотыя цѣпи... Не дурно была убрана и пѣхота на иностранный образецъ. Но роскошь выказывалась преимущественно въ столѣ, по обычаю того времени: на столахъ, поставленныхъ въ богатыхъ шатрахъ пановъ, посуда была изъ драгоценнаго фарфора или серебряная; даже умывальницы и тазы у богачей были изъ серебра, — словомъ, по замѣчанію лѣтописца, въ этомъ лагерѣ было больше серебра, чѣмъ свинца. За каждымъ паномъ шли огромные рыдваны и возы съ безчисленными богатствами... Пыры съ музыкой отправлялись съ утра до вечера, такъ что, посмотрѣвъ на это войско, можно было подумать, что оно съѣхалось на свадьбу“... Къ этому надо добавить, что между вождями польскаго войска, даже передъ лицомъ врага,

продолжались крупныя несогласія и взаимное недовольство, главнымъ образомъ, на личной почвѣ.

Подъ Пилявою враги встрѣтились снова. Богданъ опять пустился на хитрости. Онъ распустилъ слухъ, что на помощь къ нему идетъ крымскій ханъ съ огромной ордой. Затѣмъ части своего отряда онъ приказалъ надѣть шубы вверхъ шерстью, какъ ихъ носятъ татары, и съ криками: „алла!“ вступить въ лагерь. Все это представленіе вызвало въ польскомъ лагерѣ настоящую панику. Поляки, побросавъ все свое имущество, пустились въ бѣгство. Казаки, какъ говорятъ, захватили 120 тысячъ возовъ съ лошадьми, 80 возовъ и, приблизительно, на 10 миллионѣвъ польскихъ золотыхъ всякихъ драгоценностей. Остатки польскаго войска подъ начальствомъ Вишневецкаго были заперты Хмѣльницкимъ, насчитывавшимъ въ то время въ своихъ рядахъ до 150 тыс. душъ, въ городѣ Збаражѣ. Польскій король, собравшій весь цвѣтъ польскаго дворянства, былъ снова разбитъ казаками и запертъ въ Зборовѣ. Казакамъ оставалось сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы раздавить окончательно польское государство. Но Хмѣльницкій не сдѣлалъ этого усилія. Онъ послушался уговоровъ подкупленнаго поляками крымскаго хана, снялъ осаду съ городовъ и вступилъ въ переговоры съ польскимъ королемъ. Переговоры эти кончились Зборовскимъ договоромъ (9 авг. 1649 года), по которому поляки соглашались на слѣдующія условія: 1) число реестровыхъ казаковъ увеличивалось съ 6 до 40 тысячъ семействъ; 2) польскіе военные постой не должны были находиться въ Украинѣ; 3) унія во всей Украинѣ должна быть уничтожена вмѣстѣ съ католическими церквами и монастырями; 4) права православнаго духовенства восстанавлились, и православные епископы должны были получить право голоса въ польскомъ сенатѣ наравнѣ съ католическими епископами; 5) всѣмъ даруется полная амнистія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ крестьяне и холопы, не попавшіе въ казачьи списки, обязаны возвратиться въ крѣпостное состояніе. Это послѣднее условіе дѣлало совершенно неприемлимымъ зборовскій договоръ для возставшаго народа. На нѣсколько десятковъ тысячъ счастливецъ, попавшихъ въ реестровые казаки и освобождавшихся такимъ образомъ отъ панской зависимости, приходились сотни тысячъ, которымъ предоставлялось тянуть старую ненавистную крѣпостную лямку. А между тѣмъ, не одни казаки, а весь народъ такъ или иначе принималъ участіе въ возстаніи, такъ или иначе содѣйствовалъ униженію зазнавшихся пановъ. Гдѣ же тутъ справедливость? Ропотъ негодованія поднялся противъ Хмѣльницкаго. Его обвиняли даже въ измѣнѣ народному дѣлу. Конечно, это было невѣрно. Если бы Хмѣльницкій хотѣлъ продаться ляхамъ, это онъ сумѣлъ бы сдѣлать теперь съ большою выгодною для себя при данномъ положеніи вещей. Но онъ оставался съ казаками, хотя и пытался силой заставить непослушные загоны признать требованія зборовскаго договора. Вѣрнѣе всего, онъ не видѣлъ тѣхъ созидательныхъ силъ, которыя могли бы немедленно занять мѣсто разрушеннаго польскаго государства, и страшился анархій, въ которой должны были бы погибнуть и тѣ преимущества, которыя съ такимъ трудомъ были вырваны изъ польскихъ рукъ и которыя могли бы послужить прочнымъ фундаментомъ для дальнѣйшаго развитія дѣла освобожденія русскаго народа на Украинѣ. Но Украина была настолько взбудоражена, что возстаніе продолжалось, и Хмѣльницкій рѣшилъ остаться во главѣ своего 200-тысячнаго войска. Поляки также дѣятельно готовились къ

борьбѣ, находя условія зборовскаго договора слишкомъ невыгодными и даже позорными для себя.

Снова началась война. Враги сошлись подъ Берестечкомъ на Волыни. Крымскій ханъ снова запродался полякамъ. Сраженіе долго не начиналось. Оба войска находились въ напряженномъ ожиданіи, когда вдругъ татарское войско начало неожиданное отступленіе. Хмѣльницкій бросился къ хану, чтобы уговорить его не продавать общаго дѣла, но былъ задержанъ въ татарскомъ лагерѣ. Казацкое войско осталось безъ предводителя. Оно было разбито и осаждено въ лагерѣ. До 30.000 казаковъ погибло подъ Берестечкомъ; остальнымъ пришлось бѣжать на Украйну. Почти въ это же самое время поляки одержали побѣду еще и въ Литвѣ надъ 20-тысячнымъ казацкимъ отрядомъ.

Присоединеніе Малороссіи.

Кое-какъ Хмѣльницкому удалось выкупиться изъ татарскаго плѣна. Онъ снова сталъ во главѣ повстанцевъ и старался всѣми силами поднять бодрость войскъ сторонниковъ. Но онъ видѣлъ, что дѣло обстоитъ далеко не такъ, какъ прежде. Хуже всего было то, что внутри самой возставшей массы начинались взаимныя неудовольствія: холопы и крестьяне упрекали казаковъ, что они Зборовскимъ договоромъ предали ихъ во власть общимъ ихъ врагамъ. Богданъ видѣлъ, что неизбежно опять искать мира, и 17 сент. 1651 г., дѣйствительно, былъ заключенъ съ поляками новый миръ на еще болѣе стѣснительныхъ условіяхъ, чѣмъ миръ Зборовскій. Народъ, однако, продолжалъ питать надежды на освобожденіе. Волненія

на Украйнѣ не успокаивались, расчеты на восстановленіе нормальной жизни все больше и больше отдалялись. Хмѣльницкій ясно видѣлъ, что украинскому народу собственными силами никакъ не освободиться отъ власти Польшы, которая разставила по Украйнѣ своихъ солдатъ. Съ этого времени онъ начинаетъ усиленно искать сближенія съ Московскимъ Государствомъ.

Но счастье еще не совсѣмъ покинуло казаковъ. Въ это время Богданъ поставилъ себѣ цѣлью добиться руки красавицы дочери молдавскаго господара Лупула для своего сына Тимофея. Лупула, съ одной стороны, далеко не прельщала перспектива родства съ незнатнымъ казакомъ, а съ другой—онъ и побаивался предприимчиваго и рѣшительнаго Богдана. Онъ поэтому всячески оттягивалъ это бракосочетаніе. Тогда Богданъ рѣшилъ погоропить свадьбу, отправивъ къ Лупулу Тимофея съ хорошимъ отрядомъ казаковъ. Лупулъ, услышавъ объ этомъ, взмолился о защитѣ къ Польшѣ. Польскіе паны также полагали, что Хмѣльницкій мечтаетъ взлѣтѣть слишкомъ высоко, если поставалъ себѣ цѣлью породниться съ

однимъ, — хотя и мелкимъ, — изъ царствующихъ домовъ. Кромѣ того, многіе магнаты и сами были не прочь попасть въ зятя къ Лупулу. Польское войско, оставленное на Украинѣ, попыталось задержать Тимоея, но понесло страшнѣйшее пораженіе. Новая война становилась неизбежной. Этого не скрывалъ и самъ Хмѣльницкій. Онъ открыто говорилъ польскимъ комиссарамъ: „Милосердія! прощенія... да за что?.. за что? Такъ за этимъ вы пріѣхали? Что вы въ самомъ дѣлѣ представляетесь простаками? Что вы строите со мной шулки?.. Король готовится идти на меня войной, — какъ ему угодно! Желаю, чтобы онъ былъ предводителемъ: я готовъ его встрѣ-

Богданъ Хмѣльницкій присягаетъ на общей радѣ въ Переяславлѣ, 8 января 1653 года на подданство московскому царю.

(Съ рис. Негодаева).

тить тамъ и тогда, гдѣ и когда онъ захочетъ... Мыѣ предлагаютъ почести, но тотъ, кого возвысила судьба, не нуждается въ нихъ!.. Вотъ какимъ языкомъ заговорилъ Хмѣльницкій! И тѣмъ не менѣе, онъ зналъ, что дѣла обстоятъ плохо. Двѣнадцатитысячный польскій отрядъ опустошалъ Украину, выжигая и вырѣзая все, что можно. Сынъ его, отправившійся на помощь тестю Лупулу, былъ раненъ и поставленъ въ стѣсненное положеніе. Хмѣльницкій съ частью казаковъ рѣшилъ идти ему на помощь, не смотря на то, что на Украину, подъ предводительствомъ самого короля, двигалось огромное польское войско. Но Хмѣльницкому далеко ѣхать на помощь своему сыну не пришлось. На дорогѣ онъ встрѣтилъ отрядъ, который везъ трупъ его сына. Тогда въ союзъ съ крымскими татарами Хмѣльницкій двинулся на польскій лагерь, гдѣ магнаты, не смотря на присутствіе короля, вели между собой нескончаемые раздоры. Новое пораженіе гро-

зило полякамъ. Но новый подкупъ крымскаго хана опять спасаетъ ихъ. Хмѣльницкій, покинутый союзниками, долженъ былъ отступить въ глубь Украйны. Въ то же самое время онъ начинаетъ усиленные переговоры съ Москвой. На этотъ разъ Алексѣй Михайловичъ, поддержанный созваннымъ имъ земскимъ соборомъ, рѣшилъ согласиться на предложеніе Хмѣльницкаго и принять подъ свою руку Малороссію, закрѣпивъ это свое рѣшеніе войной съ Польшей, которая, конечно, не пожелала добровольно отказаться отъ этого благодатнаго края.

Памятникъ Богдану Хмѣльницкому въ Кіевѣ.

8 января 1654 г. на общей радѣ, на которую были приглашены всѣ полковые старшины и множество знатныхъ казаковъ, въ присутствіи царскихъ уполномоченныхъ, во главѣ которыхъ стоялъ бояринъ Бутурлинъ, Богданъ сказалъ большую рѣчь, въ которой излагалъ мотивы соединенія Малороссіи съ Московскимъ Государствомъ. Рада одобрила предложеніе своего гетмана, и присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству сдѣлалось фактомъ. Оно совершилось на слѣдующихъ условіяхъ. Казаки сохраняютъ право имѣть свое собственное управленіе, собственное законодательство, собственный судъ, право самостоятельно избирать себѣ гетмана и всѣхъ своихъ чиновниковъ; число реестровыхъ казаковъ уве-

спасает
гдѣ въ
ле пере
анный
женіе въ
это сви
доброты

личивается до 60.000 человекъ. Дань, которую обязывается уплачивать Украина, собирается казацкими уполномоченными, а не царскими чиновниками. Украина должна помогать царю въ войнахъ, а тотъ, въ свою очередь, обязанъ защищать ее отъ всякихъ притѣсненій со стороны шляхты. Гетманъ имѣетъ право сноситься съ чужими государствами только съ вѣдома Московскаго государя, а съ турецкимъ султаномъ и польскимъ королемъ ему были запрещены всякія сношенія. О торжествѣ православной церкви на Украинѣ, конечно, и говорить не приходилось, такъ какъ Московское Государство и само было православнымъ государствомъ. По сравненію со Зборовскимъ договоромъ казаки получили весьма льготныя условія.

Война Россіи съ Польшей на этотъ разъ была очень удачной, и Малороссія съ тѣхъ поръ остается въ составѣ русскаго государства. Хмѣльницкій принималъ дѣятельное участіе въ этой войнѣ, хотя несогласія съ московскими воеводами не мало мѣшали успѣху дѣла. Къ великому огорченію Хмѣльницкаго, Москва не нашла возможнымъ или посильнымъ уничтожить окончательно Польшу, и послѣ ряда побѣдъ и пріобрѣтеній заключила съ ней мирный договоръ въ Вильнѣ. Этотъ Виленскій миръ былъ съ разочарованіемъ принятъ всѣмъ украинскимъ народомъ, который истолковывалъ его какъ предательство со стороны Москвы, отдающей казаковъ опять во власть пановъ. Больнымъ старикомъ, стоящимъ одною ногой въ могилѣ, послѣ 34 битвъ, данныхъ врагамъ въ теченіе 10 лѣтъ за освобожденіе народа, Хмѣльницкій смѣло высказалъ эти свои и народныя сомнѣнія, не боясь навлечь на себя немилости могущественнаго царя.

Умеръ Богданъ Хмѣльницкій 15 авг. 1656 г. Незадолго до своей смерти онъ собралъ раду, на которой сказалъ: „Десять лѣтъ я посвящалъ себя отечеству, не щадя ни здоровья, ни жизни; но теперь, по волѣ Создателя моего, старость и болѣзнь одолѣли меня; изнемогаютъ члены тѣла моего, схожу въ могилу, братія, и оставляю васъ на произволъ судьбы! Благодарю васъ, господа честные и братія возлюбленные, за ту честь, которую вы оказали мнѣ избраніемъ въ гетманы. Благодарю за довѣренность ко мнѣ, благодарю за непоколебимую вѣрность и искреннее послушаніе; а больше всего благодарю васъ за согласіе и единодушіе, съ которымъ вы подвизались въ трудахъ и переносили бѣдствія. Вотъ булава, бунчукъ, знамена, всѣ клейноты; означающіе власть мою. Изберите себѣ гетманомъ, кого угодно“... Казаки знали, что затаенной мечтой ихъ стараго гетмана было увидѣть своимъ преемникомъ своего молодого и мало способнаго сына Юрія. Покривили они душой и выбрали гетманомъ Юрія. Однако, до конца жизни Богданъ сохранилъ за собой всѣ гетманскія права.

11 июля 1888 г., въ день празднованія 900-лѣтія крещенія Руси, на софійской площади въ Кіевѣ былъ открытъ прекрасный мѣдный памятникъ, изображающій Богдана Хмѣльницкаго, лихо гарцующаго на небольшой, крѣпкой лошаdkѣ.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

тома IV «Великихъ людей».

(Цифры при фамиліяхъ обозначаютъ страницы, на которыхъ упоминается данное лицо, жирныя цифры указываютъ стр., на которыхъ помѣщены соотвѣтствующіе портреты и рисунки).

Августъ-Сигизмундъ (король польскій), 248.
 Аверкіевъ, Д. В., 177.
 Адашевъ, Алексѣй, 233, 240, 241, 242, 243, 244.
 Адольфъ Нассаускій (курфюрстъ), 14.
 Адріанъ, 61.
 Алари, 154.
 Александръ Македонскій, 58, 187 (рис.), 212, 213, 218, 219, 220.
 Александръ Невскій, 227, 309.
 Александръ II, 268.
 Александръ (царевичъ), 214.
 Алексѣй Михайловичъ (царь), 19, 81, 304, 305, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 316, 351, 382.
 Алексѣй Петровичъ, 361, 362, 363, 364, 365, 365 (рис.), 367.
 Алексѣй Полоцкій, 308.
 Алкивіадъ, 189, 191, 192, 194 (рис.).
 Альбани, 187.
 Амбрацисъ, 220.
 Аминисъ (царь Македонскій), 210.
 Анакреонъ, 54, 58.
 Анаксагоръ, 180, 185.
 Анаксимандръ, 180.
 Анастасія (жена Іоанна Грознаго), 231, 242, 243.
 Анастасьева, М. А., 172, 173.
 Андре (путешественникъ къ полюсу), 48.
 Андрей Михайловичъ (князь), 227, 246.

Анитъ, 194 (рис.).
 Анна Ивановна (императрица), 27, 29, 81.
 Антипатръ (полководецъ), 220.
 Антифонъ, 190.
 Антуфьевъ, Демидъ Григорьевичъ (отецъ Демидова), 17.
 Аншютцъ (актеръ), 120.
 Аполлодоръ, 198, 199.
 Апраксинъ (генераль-адмиралъ), 29, 346, 355 (рис.).
 Аралжія, 81.
 Аристаменъ, 220.
 Аристонъ (отецъ Платона), 200.
 Аристотель, 59, 186, 187, 209, 209—220, 211.
 Аристофанъ, 58, 187.
 Аркрайтъ (изобрѣтатель), 4.
 Арсеньевъ, 124.
 Артаксерксъ (царь персидскій), 212.
 Архангельскій, А. А. (ком-позиторъ), 84, 85.
 Архелай Македонскій, 191.
 Астровъ, Н., 271, 276, 277.
 Ауэръ, 85.
 Афанасьевъ, 78.
 Базуновъ, С. А., 83, 90, 92, 149, 152, 153, 159, 164, 166, 171, 175, 176, 177.
 Байронъ (поэтъ), 46.
 Балакиревъ, 84.
 Барабашиха (панья), 375.
 Варашъ (польскій панъ), 375,

Барталони, д-ръ (другъ Бетховена), 107.
 Бартольди-Мендельсонъ Ф., 57.
 Басмановъ, 248.
 Баторій Стефанъ (король польскій), 257.
 Бахи (родъ), 86, 87, 91.
 Бахтіаровъ, А. А., 11, 13.
 Бахъ, Амвросій (отецъ І. С. Баха), 87.
 Бахъ, Іоаннъ Себастьянъ, 68, 86, 86—95, 97, 106, 143, 167.
 Бахъ, Марія-Варвара, 90.
 Бебель, Августъ, 293, 293—304.
 Бебель, Августъ (братъ отца Бебеля), 295.
 Бебель, Іоаннъ Готлибъ, 294, 295.
 Беберъ, 129.
 Беллини, 129.
 Белоли, 125.
 Вемъ, Елиз., 79 (рис.), 124, 146.
 Верберштейнъ, 226.
 Берлюзъ, Гекторъ, 56, 71, 129, 141, 144, 176.
 Бернадоттъ, 103.
 Бернажъ, 339.
 Бетховенъ, Іоаннъ (отецъ Л. Бетховена), 96.
 Бетховенъ, Карлъ (пріемный сынъ Л. Бетховена), 116, 117, 119.
 Бетховенъ-ванъ, Людвигъ, 49, 52, 68, 91, 96, 96—120, 97, 99 (рис.), 102, 105, 125, 129, 130, 134, 142, 143, 167, 175, 178.

- Бибииковъ, 82.
 Биронъ (герцогъ), 29.
 Блокъ, Іоанна Кертенъ, 329.
 Вой-Тійсенъ (кузнецъ, у котораго жилъ Петръ), 327.
 Бокль, 262.
 Бондаревъ (депутатъ), 280.
 Бородинъ, А. П., 83, 84.
 Бортнянскій, Д. С., 75, 82.
 Voxhorn, 3.
 Брантъ (корабельныхъ дѣлъ мастеръ), 316, 321.
 Брамсъ, Л., 69.
 Брауншаль-фонъ, Браунъ, 115.
 Брейнингъ-фонъ Стефанъ 98, 99, 117, 119.
 Брейнингъ, Элеонера 98, 99.
 Бріанъ, 224.
 Брунsvикъ, Тереза (графиня), 104.
 Брунsvикъ, Францъ (графъ), 104.
 Букстегудъ (музыкантъ), 89, 90.
 Булгаринъ, 175.
 Бутурлинъ (бояринъ), 318, 319, 376 (рис.), 382.
 Бѣлинскій, 140, 162.
 Бѣльскіе, 228.
 Бѣльскій, 258.
 Бѣлявннъ, 124.
 Баръ 77.
 Бюва, 340.
 Бюффонъ, 163, 164, 165, 214.
 Бюхнеръ, 183.
 Вагнеръ Рихардъ, 49, 71, 72, 73, 110, 157, 158, 175, 176, 178.
 Валишевскій, 228, 244, 247, 251, 257, 304, 305, 306, 317, 319, 324, 328, 336, 339, 340, 357, 360.
 Василій Блаженный, 307.
 Василій (великій князь), 241.
 Василій III (царь), 226.
 Васильевъ, А. 320.
 Васильевъ, 85.
 Вассіанъ (епископъ), 240, 241.
 Вашингтонъ, 103.
 Веберъ, Карлъ-Марія, 53, 103, 110.
 Вегелеръ, Францъ, 98, 101.
 Вейгель, 123.
 Веймаръ, 122, 143.
 Венигъ, К. Б., проф., 239.
 Вердъ, Дж., 65, 154, 161.
 Веселовскій, А., 175.
 Вестфаль, 73.
 Вестфаль (гобойстъ), 141, 142.
 Вестфаль-фонъ, 100.
 Викентій (архимандритъ), 317.
 Вильгельмъ Саксен-Веймарскій (герцогъ), 90.
 Вильдеръ, Викторъ, 115.
 Вилькенъ, Анна-Магдалина, 91.
 Винаверъ, 274, 278, 285.
 Виноградовъ (проф.), 224.
 да-Винчи, Леонардо, 162.
 Виргилій, 54, 88.
 Висковатый (дьякъ), 248.
 Витзенъ (амстердамскій бургомистръ), 327.
 Витрувій, 60.
 Вишневецкій (полковонецъ), 379.
 Віардо-Гарсія, Полина, 67.
 Владиміръ, 248.
 Владиміръ Андреевичъ (двоюродный братъ Іоанна Грознаго), 238, 242.
 Владиміръ Святой (великій князь) 74, 79, 309.
 Вольгеборнъ, Луиза, 146.
 Воробьева-Петрова, 131.
 Воронцовъ, 228, 230.
 Воротынскій, Михайлъ (князь), 236, 240.
 Вортманъ, 362 (рис.).
 Гайдень, 49, 68, 97, 98, 100, 125.
 Гаклендеръ (писатель), 298.
 Галеви, 149, 154.
 Галенъ, 209.
 Галилей, 214.
 Гальба, 219.
 Гамильтонъ (родъ), 304.
 Гарибальди, 260.
 Гарсія-Віардо, Полина, 67.
 Гаузенштейнъ, 71.
 Гегель, 172, 215.
 Гедеоновъ (директоръ театровъ), 132, 155.
 Гезіодъ, 179, 189.
 Гейгель, 71.
 Гейденъ, ванъ-деръ, 328.
 Гейнеръ, 303.
 Гекадемъ, 202.
 Гелиогабалъ, 61.
 Геллертъ, 99.
 Гендель, 49, 68, 97, 119, 113.
 Гензельтъ, А. Л., проф., 76, 150.
 Геннигъ, д-ръ, 39.
 Георгъ Вильгельмъ (герцогъ), 88.
 Гераклитъ, 204.
 Германъ, 141.
 Гермій, 212.
 Геродотъ, 187.
 Геронъ (физикъ), 60.
 Герпилисъ, 220.
 Герценъ, 162.
 Герцманъ, Карлъ (химикъ), 36.
 Герье, 262.
 Гете, 98, 106.
 Гишпархъ, 186, 220.
 Гиррасъ, 186.
 Г-кенъ, А. (біографъ Бетховена), 98, 102, 104, 105, 107, 108, 112, 116, 118, 119.
 Главачъ, В. И., 77.
 Глинка, Марья Петровна (жена М. Глинки), 131.
 Глинка, Михайлъ Ивановичъ, 73, 82, 83, 121, 121—144, 123 (рис.), 126 (рис.), 133 (рис.), 137 (рис.), 138 (рис.), 140 (рис.), 142 (рис.), 146, 147, 149, 152, 153, 154, 156, 161, 163, 171.
 Глинская, Анна, 232.
 Глинскіе, 232.
 Глинскій, 232.
 Глѣбовъ, 362.
 Глюкъ, Кристофъ Виллибальдъ, 51, 68, 143.
 Гоблицъ, Карлъ Ивановичъ (одинъ изъ дѣдовъ А. Н. Сѣрова), 163.
 Гоголь, 128, 130, 136.
 Годуновъ, Борисъ, 255, 256 (рис.).
 Голицынъ, Борисъ, 318.
 Голицынъ (князь), 266, 267.
 Головкинъ (канцлеръ), 81.
 Гольцъ (скрипачъ), 115.
 Гомеръ, 54, 57, 99, 102, 119, 189, 196, 201, 222.
 Горацій, 88, 212.
 Горгій, 183.
 Гордонъ, 319.
 Горонхъ, 329.
 Горчакова, 85.
 Горчаковъ (князь), 82.
 Графъ (фабрикантъ), 117.
 Гредескулъ, 282 (рис.).
 Грекъ, Максимъ, 240.
 Грибоѣдовъ, 126.
 Григорій св. (папа), 62, 63, 77.
 Григъ, Эдвардъ, 71.
 Грильпарцеръ (поэтъ), 120.
 Грузинскій, 135, 139.

Гуго, 264.
 Гунке, 170.
 Гуно, Шарль, 64.
 Гутенбергъ, Іаганъ, 7, 8,
 8—16, 9, 10, 11, 12, 13,
 14.
 Губнеръ, 82,
 Гюго, Викторъ, 148.
 Давидовъ, 85.
 Давидъ, Л., 197 (рис.).
 Давидъ (царь іудейскій),
 55, 360.
 Давидовъ, 264, 266.
 Данилевскій (учитель
 Даргомыжскаго), 146.
 Данилъ (братъ Адаше-
 ва), 244.
 Данте, 54.
 Даргомыжскій, Алек-
 сандръ Сергѣевичъ, 73,
 83, 84, 140, 143, 145,
 145—161, 160 (рис.), 163,
 175.
 Даргомыжскій, Сергѣй
 Николаевичъ (отецъ А.
 С. Даргомыжскаго), 145.
 Дашкова, Екатерина Ро-
 мановна (пѣвица), 82.
 Дебюсси (композиторъ),
 85.
 Деккеръ, Ст., 102 (рис.).
 Дельвигъ, 126, 127.
 Деляновъ (министръ), 273.
 Демидовъ, Акиней, 7,
 17, 20, 21, 22, 23, 24,
 25, 26, 27, 29, 30, 31.
 Демидовъ, Никита, 7, 17,
 18, 19, 20, 20, 21, 25,
 26, 27, 29, 30, 351.
 Демидовы, 7, 17—31.
 Демодокъ, 57.
 Демокритъ, 180, 181, 182.
 Демосеенъ, 210.
 День, Зигфридъ, (проф.),
 129, 143, 144, 147.
 Державинъ, 82.
 Джакометти, 177.
 Димитрій Донской, 309.
 Димитрій (царевичъ), 238,
 239, 240.
 Диабелли, 113.
 Диагоръ, 185.
 Диогенъ, 185, 187 (рис.).
 Дионисій Старшій, 202.
 Дмитриевъ-Оренбургскій,
 Н., 321 (рис.), 337 (рис.).
 Димитрій (царь), 80.
 Добролюбовъ, 162.
 Долгорукій, Иванъ,
 (князь), 319.
 Долгоруковъ, 282 (рис.).
 Долина, 85.
 Домановецъ-фонъ, Нико-
 лай Цескаль (баронъ),
 101.

Донатъ, Элій, 12, 13.
 Доницети, 129.
 Дреперъ, 262.
 Дриценъ (компаньонъ
 Гутенберга), 9.
 Дурново, 224.

Евдокія (царица), 305,
 319, 361, 362, 363, 367.
 Евфросинья (любовница
 Алексѣя Петровича),
 367.
 Екатерина I, 27, 29, 81,
 337, 338, 340, 343 (рис.),
 359, 360, 361, 362, 365.
 Екатерина II, 82, 163.
 Елена (Глинская), 226,
 227, 253.
 Елизавета (дочь Петра
 Великаго), 342.
 Елизавета (императрица),
 81.
 Еллинекъ, Георгъ, 221.
 Ермакъ Тимофеевичъ (по-
 коритель Сибири), 25,
 252 (рис.), 257.
 Есипова, 85.
 Еурилохъ, 191.
 Everet, 4.

Жибелева, Олимпиада
 Григорьевна, 164.
 Жолкевскій (полково-
 децъ), 372.
 Жуковский, 126, 130, 131,
 136, 140.

Захарьины, 238, 240.
 Зебальдъ, Амалия, 106,
 107.
 Зенонъ, 181.
 Зотовъ, Никита Моисе-
 евъ (учитель Петра
 Великаго), 308, 309,
 313, 322, 360.

Ивановъ, 223.
 Ивановъ (теноръ), 127.
 Иванъ Калита, 226.
 Иванъ (сынъ Іоанна Гроз-
 наго), 250 (рис.), 258.
 Иванъ III (царь), 80, 235,
 349.
 Иванъ (царевичъ), 304,
 305, 309 (рис.), 310,
 311, 316.
 Исидоръ (епископъ се-
 вильскій), 64.
 Ислейбъ, Фердинандъ,
 303.

Іаковъ (англійскій ко-
 роль), 304.
 Іерингъ, Рудольфъ, 267,
 268.
 Іоаннъ Грозный, 225,

225—258, 226 (рис.), 229
 (рис.), 232 (рис.), 239,
 248 (рис.), 250 (рис.),
 252 (рис.), 256 (рис.),
 309.

Іоганнсъ (капельмей-
 стеръ), 147.

Кавось (капельмейстеръ),
 132.

Казимиръ (король), 248.
 Кайдановъ, 124.
 Калигула, 61, 251.
 Калисфенъ, 218, 219.
 Каменская, 85.
 Камю, д-ръ, 50.
 Канова, 194, 195.
 Кантеміръ (княгиня), 82.
 Каразинъ, Н. Н., 348 (рис.)
 Карамзинъ, 240, 244.
 Каратыгинъ, Василій (ар-
 тистъ), 82.
 Каратыгинъ, Дмитрій (ар-
 тистъ), 82.
 Карель (учитель А. Н.
 Сѣрова), 167.

Карль VI, 3.
 Карль XIV (король швед-
 скій), 103.
 Карль XII (шведскій ко-
 роль), 331, 332, 333, 334,
 335, 337 (рис.), 342, 356.
 Карль Смѣлый, 251.
 Кармалина, Л. П. (учени-
 ца Даргомыжскаго),
 154, 155, 156, 159, 160.
 Карьеръ, 63.
 Карякинъ, 85.
 Кассій, 186.
 Кастриото - Скандербекъ,
 148, 150.
 Кашинъ, Данилъ, 82.
 Кашинъ, Юрій, 244.
 Керубини, Луиджи, 51,
 129.

Кившенко, 376 (рис.).
 Кизеветтеръ, А., 15, 273.
 Кински, Берта, графиня
 (Берта фонъ-Суттнеръ),
 41, 42, 43, 45.
 Кириллъ II (архіеписк.),
 78.
 Кириллъ (игуменъ), 229
 (рис.), 240.
 Кистяковский, 273.
 Клейнъ, Фр. (скульпторъ),
 99 (рис.).
 Клементи, 104.
 Клеобуль Линскій, 186.
 Климентова, Марія Нико-
 лаевна (жена Муромце-
 ва), 269.
 Клингеръ, Максъ, 105
 (рис.).
 Клопштокъ, 99.
 Ключевскій (проф.), 223,

- 225, 230, 231, 234, 243, 245, 246, 253, 308, 311, 313, 315, 319, 322, 325, 342, 344, 346, 348, 352, 368.
- Козловская (княгиня), 145.
- Коковцевъ, 224.
- Кокошкинъ, 279, 282 (рис.).
- Корсаковъ-Римскій, И. А., 80, 84, 160, 161.
- Костомаровъ (историкъ), 377.
- Костомаровъ, Ник. Анд. (дѣдъ Муромцева), 260.
- Кохенъ-фонъ, 321.
- Кошелевъ, Н. (акад.), 226.
- Кошелевъ, 335 (рис.).
- Кретцеръ, Р. (скрипачъ), 103.
- Крекшинъ (современникъ Петра Великаго), 308, 309.
- Крень, Михаилъ (слуга Л. Бетховена), 118.
- Критій, 192.
- Критобулъ (Федонъ), 194 (рис.), 198.
- Критонъ, 194 (рис.), 198, 199.
- Кропоткинъ, Петръ, 5, 221.
- Крузель, 122.
- Крыловъ, Н. Ив. (проф.), 264, 265, 266.
- Крюн, Корнелиусъ (боцманъ), 329.
- Ксантиппа (жена Сократа), 191, 195 (рис.), 198.
- Ксенократъ, 203 (рис.).
- Ксенофонтъ, 188, 190, 192, 194 (рис.).
- Ксенофонтъ, 180.
- Ктезибій, 60.
- Кукольникъ, 140 (рис.), 141, 147.
- Кукъ (знаменитый путешественникъ), 50, 51.
- Кулишъ (историкъ), 372.
- Кунтце, проф., 267.
- Куракинъ, Б. И. (князь), 311, 339.
- Курбской (князь), 227, 237, 240, 241, 244, 245, 246, 257.
- Кювье, 124, 214.
- Кюн, Ц. А., 81, 84, 158, 159, 160, 161.
- Лампроклъ, 195 (рис.).
- Ланге, Ф. А. 183, 186, 215, 218.
- Ландорми, 69, 70.
- Landorstu Paul, 49.
- Ланцелатти (аббатъ), 3.
- Laioix, 49.
- Ларошъ, 139, 159.
- Лассаль, Фердинандъ, 302.
- Лебедевъ, К. В., 229 (рис.).
- Леблонъ (архитекторъ), 351.
- Левассеръ (статистикъ), 5, 6.
- Левенхукъ, 329.
- Ледницкій, 278, 287, 289, 290.
- Леоновъ, 143.
- Леонъ, 192.
- Леопольдъ Ангальтъ-Котенскій (герцогъ), 91.
- Лессингъ, 98, 99.
- Лефортъ, 319, 323.
- Либкнехтъ, 302, 303.
- Либуа, 338, 339.
- Лизеръ, I. П., 97, (рис.).
- Линсбергъ, 345 (рис.).
- Лисковский, 150.
- Листъ, 144, 173, 176.
- Литвиновъ, 211.
- Лихновскій, Карлъ (князь), 100, 104.
- Лобковицъ, Иосифъ (князь), 105.
- Ломоносовъ, 82.
- Лука (придворный карликъ Петра), 340.
- Лупулъ (модаванскій владыка), 380, 381.
- Львовъ, А. Ф., 76.
- Львовъ, 104.
- Любимовъ, проф., 270.
- Лютеръ, Мартинъ, 68, 87.
- Ляуа, 49, 55, 57.
- Лядовъ, 157.
- Магометь, 329.
- Мазепа (гетманъ малороссійскій), 334.
- Макарій (іеромонахъ), 16.
- Макробъ, 60.
- Максимилианъ - Францъ (курфюрстъ Кельвскій), 99.
- Мальфатти, Тереза, 106.
- Марія Магдалина, 244.
- Марксъ, Карлъ, 3, 302.
- Мартенъ, Анри, 251.
- Маршанъ (виртуозъ), 91.
- Мареа (царица), 360.
- Масловъ (стрѣлецъ), 306.
- Матвѣевъ, Артамонъ Сергѣевичъ (бояринъ), 81, 304, 306.
- Мауреръ, 150.
- Мейербергъ, Джакомо, 55, 139, 143, 144, 149, 154, 176.
- Мейеръ, 124, 125.
- Мейнгардтъ, 146.
- Мелитъ, 194 (рис.).
- Мельгуновъ (товарищъ Глинки), 124.
- Мендельсонъ-Бартольди, Ф. 57.
- Менексенъ, 195 (рис.).
- Меньшиковъ (князь), 29, 81, 343 (рис.), 361, 367.
- Мечниковъ, И. И., 48.
- Микельанджело, 162.
- Мильентъ, 224.
- Милославскій (родъ), 304, 306, 310, 311, 322.
- Мялюковъ, П. Н., 49, 79, 82, 84, 253, 255, 260, 356.
- Мининъ, 135.
- Минихъ (маршалъ), 81.
- Мирто (жена Сократа), 195 (рис.).
- Михайлъ Федоровичъ (царь), 80, 134, 135, 310.
- Мишле, 251.
- Молешоттъ, 183.
- Монсъ (братъ любовницы Петра), 367.
- Монсъ (любовница Петра), 361.
- Монтеверде, Клавдій, 70.
- Морозовъ (бояринъ), 232 (рис.).
- Морозовъ (воспитатель царя Алексѣя Михайловича), 309.
- Моро, 329 (рис.).
- Морской, 85.
- Моцартъ, 68, 97, 98, 99, 123, 125, 152, 167, 175.
- Мравина, 85.
- Мстиславскій (князь), 240, 242.
- Муницій, Альдъ, 15.
- Муромцева, Анна (сестра Муромцева), 269.
- Муромцевъ, Семенъ Алексѣевичъ, 260.
- Муромцевъ, Сергѣй Андреевичъ, 259, 259—292, 261, 269, 277 (рис.), 282 (рис.).
- Муромцевы, 259, 260, 261, 262, 263, 267.
- Мусинъ-Пушкинъ (графъ), 81.
- Мусинъ-Пушкинъ, Иванъ, 305.
- Мусоргскій, М. П., 80, 84.
- Мюллеръ, Антонъ, 3.
- Мюллеръ-Пронау (баронъ), 113.
- Мюльбахъ, Луиза, 299.
- Мясоѣдовъ, Н., 314 (рис.).
- Набоковъ, В., 283.
- Наполеонъ I (Бонапартъ), 103.
- Направникъ, Э. Ф. (композиторъ), 84.
- Нарышкина, Наталія Кирилловна, 304, 305, 306, 319.

- Нарышкины (родъ), 306, 310, 311, 316.
 Науманъ, 178.
 Нащокинъ-Ординъ, 351.
 Негодаевъ, 310 (рис.), 381 (рис.).
 Неезекъ, 96 (рис.).
 Неефе (піанистъ), 97, 93.
 Некрасовъ, 140.
 Неронъ, 60, 61.
 Несторъ (лѣтописецъ), 78.
 Нечаевъ, П. М., 273.
 Нибуръ, 264.
 Никаноръ (воспитаникъ Аристотеля), 220.
 Николай I (императоръ), 135, 260.
 Николай, V (папа), 13.
 Никомахъ, 220.
 Нобели (братья), 34, 35, 36.
 Нобель, Альфредъ, 7, 32—48, 33, 35, 37, 38, 40, 44, 47.
 Нобель Эммануилъ (отецъ знаменитаго изобрѣтателя Нобеля), 32, 33, 34.
 Ноль, Людвигъ, 101.
 Оберъ, 149.
 Оболенскій-Телепневъ, 227.
 Овидій, 102.
 Огарковъ, 21, 29.
 Одоевскій, 130.
 Олеарій, 243 (рис.).
 Олимпія, 220.
 Ольга (великая княгиня), 74.
 Ординъ-Нащокинъ, 351.
 Оренбургскій-Дмитріевъ, Н., 321 (рис.), 337 (рис.).
 Орловъ, 85, 184, 193, 198, 203, 205.
 Островскій, 177.
 Павлишевъ, Г. И., 126.
 Павловская, 85.
 Павловъ, Иваанъ Петровичъ, 48.
 Паганини, Никколо, 53.
 Палласъ (ученый 18 стол.), 25.
 Пашкевичъ, 82.
 Пашкова, Анна, 360.
 Пендорфъ, 141.
 Периклъ, 186, 187, 190, 191.
 Петрова-Воробьева, 131.
 Петровъ, 143, 223.
 Петрума, 141.
 Петръ Великій (Петръ I.), 18, 19, 20, 21, 22, 26, 27, 81, 238, 250, 304, 304—368, 305, 309 (рис.), 310, 314 (рис.), 317, 318, 320 (рис.), 321 (рис.), 325 (рис.), 327 (рис.), 328 (рис.), 329, 331, 341 (рис.), 343 (рис.), 345 (рис.), 348 (рис.), 350 (рис.), 352 (рис.), 353 (рис.), 355 (рис.), 358, 366 (рис.).
 Петръ II, 364.
 Петръ Волянецъ, 248.
 Петръ Петровичъ (царевичъ), 27.
 Петръ III, 81.
 Піаистратъ, 186.
 Пізонъ, Кальпурній, 61.
 Пімень (архіепископъ), 246, 248, 249, 251.
 Пиндаръ, 54, 55.
 Пирро, Андре, 87.
 Писаревъ, 262.
 Питтакъ, 186.
 Піагоръ, 180, 180, 181 (рис.).
 Піаіада (жена Аристотеля), 213, 218.
 Планкъ, В., 33.
 Платонъ, 57, 119, 186, 186, 187, 188, 189, 194 (рис.), 198, 200, 200—208, 206, 210, 212, 214, 216, 217, 218.
 Плетневъ, 130.
 Плиній, 102.
 Плутархъ, 102, 119.
 Пожарскій, 135.
 Покровскій, Н., 49, 51, 59, 62, 72, 132, 139, 158.
 Потемкинъ (князь), 163.
 Потоцкій (полководецъ), 377.
 Пракситель, 54.
 Продикъ, 183.
 Проксенъ, 210.
 Прономось, 58.
 Протагоръ, 182, 183, 185, 186.
 Прянишниковъ, 85.
 Пуанкаре, 224.
 Пушкинъ, А. С., 126, 129, 130, 137, 140, 152, 158, 159, 160.
 Пушкинъ-Мусинъ(графъ), 81, 305.
 Пфейферъ (гобоистъ), 97.
 Разумовскій (посоль русскій), 100, 104.
 Растворовскій, С., 252 (рис.).
 Рафаэль, 162.
 Римскій-Корсаковъ, Н. А., 80, 84, 160, 161.
 Ровантинъ (музыкантъ), 97.
 Розенъ (баронъ), 130, 131.
 Ролланъ. Роменъ, 62.
 Романовъ, Михаилъ, 306.
 Романовъ, Никита Ивановичъ (бояринъ), 81.
 Ромбергъ, Бернгардтъ, 104, 146.
 Ромодановскій, 319, 360.
 Россини, Дж., 54, 167.
 Ростовскій, Никита Дмитриевичъ, 242.
 Ртищевъ, 322.
 Рубинштейнъ, А. Г., 78, 79, 85, 92, 157.
 Рубинштейнъ, Н. Г. (директоръ Московской консерваторіи), 77.
 Рудольфъ (эрцгерцогъ), 105, 112.
 Рузвельтъ (президентъ), 48.
 Рѣпинъ, И. Е., 250, 312 (рис.), 374 (рис.).
 Рѣпинъ, Михаилъ, князь, 82, 244.
 Рюншъ, 329.
 Рюриковичи, 222, 227, 236.
 Рябининъ, И. Т., 75.
 Савиньи, 264.
 Салтыковъ (князь), 104.
 Самуилъ (судья израиль-тянъ), 55.
 де-Сарасате, Пабло, 67.
 Сарти, 82.
 Сатины (братья), 244.
 Саулъ (царь Іудейскій), 55.
 Сафо, 58.
 Сафъ-Гирей (ханъ), 234.
 Святополкъ Окаянный, 78, 253.
 Северъ, Александръ, 61.
 Семенова (пѣвица), 156.
 Сенъ-Сансъ, Камиллъ, 70.
 Сераціонъ (архимандритъ), 78.
 Сигизмундъ-Августъ (король польскій), 248.
 Симеонъ Полоцкій, 322.
 Сильвестръ, 232, 233, 240, 241, 242, 243.
 Симонъ, Вильгельмина Іоганна, 294.
 Сисъ (коллекціонеръ книгъ), 13.
 Скандербекъ - Кастріото, 148, 150.
 Скоттъ, Вальтеръ, 119, 191, 299.
 Славина, 85.
 Славинскій, 178.
 Славянскій, 85.
 Соберо (химикъ), 34.
 Соковникъ (бояринъ), 308.
 Соколовъ, Н. И., 366 (рис.).
 Сократъ, 60, 179, 185, 186, 187, 188, 188—199, 191 (рис.), 194 (рис.).

- 195 (рис.), 197 (рис.).
201, 203, 204, 207, 210.
Соловьевъ (историкъ), 262.
Соловьевъ, проф., 52, 151.
Соломонъ (царь Иудейскій), 56.
Солонъ, 179, 186, 200.
Сарронискъ (отецъ Сократа), 189.
Souhies. Albert, 49.
Софія-Шарлотта (курфюрстина бранденбургская), 324, 362, 364.
Софоклъ, 54, 58, 187.
Софранискъ, 195 (рис.).
Софья (царевна), 305, 306, (рис.), 309, 311, 312, 313, 316, 317, 319, 320 (рис.), 323, 342.
Спадъ, 209, 211 (рис.).
Спезиппъ, 206 (рис.).
Сперанскій, 275.
Стасовъ, В. В., 128, 143, 159, 161, 165, 167, 168, 169, 172, 173.
Стелловскій, 144.
Степанова (пѣвица), 131.
Степановъ, И. А. (другъ Глиники), 130.
Степней (посолъ англійскій), 332.
Стильпонъ, 185.
Стравинскій, 85.
Страдивариусъ, 67.
Стрѣшневъ, Тихонъ Никитичъ, 305.
Стунѣва, 130.
Стунѣвъ, 130.
Суби, Альбертъ, 73.
Сусанинъ, Иванъ, 130, 132, 134, 135, 136.
Суттнеръ-фонъ (баронъ), 42.
Сѣровъ, Александръ Николаевичъ, 53, 73, 83, 138, 140, 142, 143, 146, 151, 152, 155, 157, 162, 162—178.
Табаровскіе, 171.
Тала, 220.
Тамбурины, 150.
Тартаковъ, 85.
Татищевъ, Василий Никитичъ, 23, 30, 31
Тахо, 220.
Телепневъ-Оболенскій, 227.
Теодоръ (геометръ), 201.
Теофрастъ, 185, 220.
Тессингъ (братъ), 329.
Тимархъ, 220.
Тиммерманъ (наставникъ Петра Великаго), 315.
Титовъ, 82.
Титъ (императоръ), 61.
Толстой (графъ), 340.
Толстой, Л. Н., 7, 221, 223.
Топорковъ, В., 256 (рис.).
Трейчке (поэтъ), 107, 108.
Трубеткой, С. Н. (князь), 292.
Тургеневъ, И. С., 173, 272.
Тургеневъ (придворный шутъ), 320.
Туровъ, 244.
Улефельдъ, Яковъ, 227 (рис.), 236 (рис.).
Улыбышевъ, 175.
Умлауфъ (капельмейстеръ), 110.
Узвелль, 215.
Фармидъ, 191.
Федонъ (Критобулъ), 194 (рис.), 198.
Фейтъ (роданочальникъ рода Ваховъ), 86.
Фердинандъ Кинскій (князь), 105.
Фетисъ, 53, 149.
Fétis, 49.
Фигнеръ, 85.
Фидій, 54, 186.
Филиппъ Македонскій 210, 212, 213.
Филиппъ (митрополитъ), 257.
Филонъ, 220.
Флаккъ, Норбанъ, 61.
Флотовъ, Ф., 62.
Фоминъ, 82.
Фридрихъ Великій, 94.
Фридрихъ IV, 340.
Фришъ (тайный совѣтникъ), 280.
Фуксъ (корреспондентъ), 326.
Фуниковъ, 248.
Фустъ, или Фаустъ, Иванъ (компаньонъ Гутенберга), 12, 13, 14, 14, 16.
Фонарегга (мать Сократа), 189.
Хмѣльницкій, Богданъ, 369, 369—383, 381 (рис.), 382 (рис.).
Хмѣльницкій, Тимофей (сынъ Богдана Хмѣльницкаго), 373, 380.
Хмѣльницкій, Юрій (сынъ Богдана Хмѣльницкаго), 383.
Хорзалка (композиторъ), 109.
Хубрекенъ, Якобъ, 358 (рис.).
Цейбихъ, 146
Целебровскій, 254 (рис.).
Цензоринъ, 60.
Цуриковъ, Александръ, 265.
Чайковский, П. И., 83, 85.
Чаплинскій (шляхтичъ), 373, 375.
Чернышевскій, 162.
Шалаяпинъ, 85.
Шамшинъ, проф., 353 (рис.).
Шанявскій, 292.
Шарлеманъ, А. И., 328 (рис.).
Шарлотта-Софія (курфюрстина бранденбургская), 324, 362, 364.
Шафировъ (баронъ), 31 361.
Шаховскій, Д. (князь), 291.
Шевченко, 75.
Шекспиръ, 99.
Шенкъ, Іоганъ (композиторъ), 100.
Шершеневичъ, проф. 268.
Шестакова, Людмила Ивановна (сестра М. Глиники), 121, 143, 144.
Шефферъ (компаньонъ Гутенберга), 13, 14, 14.
Шиллеръ, 98, 207.
Шиллингъ, 167.
Шиндлеръ (другъ и секретарь Бетховена), 106, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 117.
Шиновуть, Симонъ, 328.
Шнапсъ, г-жа, 112.
Шонбейнъ (изобрѣтатель), 33.
Шопень, Фридерикъ, 49, 59, 60, 61.
Шпитта, Ф., 93.
Шпоръ, 167.
Шредеръ, Вилгельмина (пѣвица), 110, 111.
Штейбенъ, К., 350 (рис.).
Штенглингъ, 359 (рис.).
Штолле, 299.
Штраусъ Іоганнъ, 66.
Шубертъ, Робертъ, 56.
Шубертъ, Францъ, 115, 119.
Шуйскіе, 227, 228.
Шуйскій, Ив. Вас. (князь), 227, 228, 230.
Шуманъ, Робертъ, 63, 104.
Щербатовъ, князь, 368.
Эвклидъ, 216.
Эврипидъ, 54, 58, 60, 187, 194, 194 (рис.), 219.

Эденъ, ванъ-денъ, 97.
 Эйкенъ, 215.
 Экзекестидъ, 186.
 Эмпедоклъ, 180.
 Энгельгардтъ, В. П., 141,
 144.
 Эриксонъ (инженеръ), 34.
 Эсхиль, 54, 58, 185, 187.
 Юрій (Глинскій), 227.
 Юрій (царевичъ), 244.

Юстиніанъ, 268.

Ягужинскій, 81
 Яковенко, 375.
 Ярославъ I (великій
 князь), 79.

Θалесъ (изъ Милета), 179.
 Θедоръ (сынъ Іоанна

Грознаго), 258, 304, 305,
 306, 308, 310, 311.
 Θемій, 57.
 Θедоръ Ивановичъ
 (царь), 80, 360;
 Θеодоръ, 185.
 Θеофрастъ Лесбосскій,
 204 (рис.).
 Θукидидъ, 187.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Великіе изобрѣтатели II.

	СТР.
Крупное производство въ современной жизни	3
Іоганнъ Гутенбергъ	8
Демидовы (конецъ XVII и начало XVIII вѣка)	17
Альфредъ Нобель (1833—1896)	32

Великіе музыканты I.

Очеркъ развитія основныхъ элементовъ современной музыки	49
Основные факты въ исторіи развитія русской музыки	73
Іоганнъ Себастьянъ Бахъ (1685—1750)	86
Людвигъ Бетховенъ (1770—1827)	96
М. И. Глинка (1804—1857)	121
А. С. Даргомыжскій (1813—1869)	145
А. Н. Сѣровъ (1820—1871)	162

Великіе философы I.

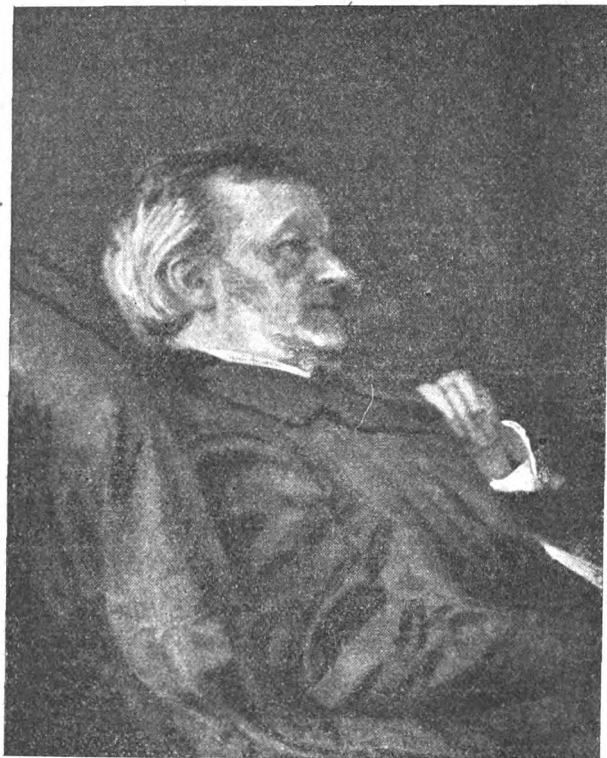
Греческая философія до Сократа	179
Сократъ (469—399 до Р. Хр.)	188
Платонъ (427—347 до Р. Хр.)	200
Аристотель (384—322 до Р. Хр.)	209
Нѣсколько словъ о типахъ государства и о типахъ государственныхъ дѣятелей	221
Іоаннъ Грозный (1530—1584)	225
С. А. Муромцевъ (1850—1910)	259
Августъ Бебель (род. въ 1840 г.)	293
Петръ Великій (1672—1725)	304
Богданъ Хмѣльницкій	369
Именной указатель	384

Типографія „ЛУЧЪ“ С.-Петербургъ, Пряжка д. № 30.

ВЕЛИКІЕ МУЗЫКАНТЫ. II.

Рихардъ Вагнеръ.]

(Послѣдній снимокъ Н. Д. Лебена).

Рихардъ Вагнеръ.

(1813—1883).

22-го мая 1813 г.—день рожденія великаго революціонера въ области музыкальнаго творчества. Рихардъ Вагнеръ былъ девятымъ ребенкомъ Карла Фрица Вильгельма Вагнера и Іоанны Розины Беецъ. Отецъ Рихарда занималъ довольно скромную, хотя все же достаточно обезпеченную должность Лейпцигскаго полицейскаго дѣлопроизводителя. Не смотря на свою прозаическую службу, полицейскій дѣлопроизводитель Карлъ Вагнеръ сохранилъ въ себѣ чуткую къ художественнымъ красотамъ душу. По

своему происхожденію Вагнеры были саксонцы; по своей профессіи—большинствѣ случаевъ, народные учителя, которымъ въ то время пришлось исполнять также и обязанности церковныхъ органистовъ. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, среди предковъ Рихарда Вагнера было не мало людей, знавшихъ и понимавшихъ музыку. Вмѣстѣ съ тѣмъ большинство Вагнеровъ обладало сильнымъ религіознымъ чувствомъ. Его отецъ выдвинулся серьезными статьями по теологическимъ вопросамъ. Его дядя Адольфъ былъ извѣстенъ, какъ образованный литераторъ, и обратилъ на себя вниманіе прекрасными переводами и интересными комедіями. Такимъ образомъ, Вагнеры были не чужды и литературнымъ талантовъ.

Отецъ Вагнера былъ горячимъ поклонникомъ театра. Однако, въ воспитаніи своего великаго сына ему не пришлось играть никакой роли: смерть унесла его, когда Рихарду было всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Положеніе семьи Вагнеровъ оказалось тяжелымъ. Но судьба имъ благопріятствовала. На вдовѣ Вагнеръ женился другъ ихъ дома, актеръ Гейеръ, обладавшій приличнымъ заработкомъ. Такимъ образомъ, нужда пощадила Рихарда въ раннемъ его дѣтствѣ.

Гейеръ занималъ мѣсто придворнаго актера въ Дрезденѣ, а потому вся семья Вагнеровъ теперь переехала туда же. Рихардъ быстро сдѣлался любимцемъ своего отчима, человѣка очень талантливаго и работавшаго не только на сценѣ, но и въ живописи, и въ литературѣ. Общеніе съ такимъ человѣкомъ было въ высшей степени благотворно для общаго развитія маленькаго Рихарда. Оно имѣло большое значеніе и для развитія музыкально-драматическихъ талантовъ будущаго реформатора оперы. Въ качествѣ любимца своего отчима, Рихардъ повсюду сопровождалъ его и постоянно бывалъ за кулисами, знакомясь со всѣми тайнами театральнаго міра. Этому послѣднему много содѣйствовало и то обстоятельство, что его три сестры, а затѣмъ и братъ также поступили на сцену. „Со времени самаго нѣжнаго дѣтства“,—говоритъ Р. Вагнеръ въ своей автобіографіи, которой мы, естественно, въ послѣдующемъ изложеніи будемъ широко пользоваться,—„театръ могущественно владѣлъ моей фантазіей. Я проникалъ туда не только, какъ дитя-зритель, имѣвшій мѣсто въ ложѣ, тайно сообщавшейся со сценой; я бывалъ тамъ не только, какъ завсегдатай закусочнаго міра, удивляющійся необычнымъ костюмамъ и характернымъ переодѣваньямъ, на которыя тамъ наталкиваешься,—я вступалъ туда также, какъ актеръ. Я уже видѣлъ „Сироту и убійцу“, „Двухъ каторжниковъ“ и другія мрачныя драмы, которыя наполняли меня ужасомъ и въ которыхъ мой отчимъ игралъ роль преступниковъ, когда мнѣ самому пришлось выступить на сценѣ. Въ пьесѣ, поставленной по случаю возвращенія короля саксонскаго изъ плѣна и положенной на музыку директоромъ капеллы К. М. Веберомъ, я представлялъ ангела, одѣтаго въ трико и съ крылышками за спиной; я выступалъ также въ живой картинѣ въ граціозной и чрезвычайно трудной позѣ. Я помню далѣе, что за это выступленіе я получилъ большой сахарный бисквитъ, который, какъ меня увѣрили, прислалъ именно для меня король. Наконецъ, я вспоминаю, что мнѣ пришлось выходить на сцену съ нѣсколькими словами въ пьесѣ Коцебу „Ненависть и раскаяніе“, а въ оправданіе непріготовленности школьныхъ уроковъ не разъ ссылаться на то, что я былъ занятъ заучиваніемъ наизусть длинной сцены“. Изъ раннихъ дѣтскихъ воспоминаній глубоко врѣзались въ душу Рихарда вечера у деревенскаго пастора

Вецеля, который рассказывалъ имъ Робинзона. Запомнилось Рихарду также чтеніе вслухъ біографіи Моцарта и журнальных статей о Греціи.

Гейеру также не удалось долго руководить талантливымъ ребенкомъ. Гейеръ умеръ, когда Рихарду было всего 8 лѣтъ. Но теперь семья Вагнеровъ уже не нуждалась въ такой степени въ помощи отчима, какъ раньше, потому что старшія дѣти были пристроены. Рихардъ былъ отправленъ въ старинный маленькій городокъ Эйсlebenъ, полный воспоминаніями о Лютерѣ, къ своему дядѣ золотыхъ дѣлъ мастеру. Здѣсь онъ посѣщалъ довольно хорошо поставленную школу. Изъ краткой эпохи своей эйсlebenской жизни Р. Вагнеръ въ послѣдствіи съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ акробата, который ходилъ по веревкѣ, натянутой на площади. „На долгое время,—писалъ онъ въ послѣдствіи,—отъ этого зрѣлища у меня сохранилась страсть къ подобнымъ смѣлымъ выступленіямъ. Я добился того, что я самъ научился ходить довольно недурно съ балансомъ въ рукахъ по веревкѣ, которую я протягивалъ на дворѣ“.

Въ Эйсlebenѣ Рихардъ оставался недолго и снова вернулся въ Дрезденъ, гдѣ поступилъ въ „крестовую“ школу. Это былъ теперь подвижной и даровитый мальчикъ, крайне воспримчивый ко всякимъ внѣшнимъ и случайнымъ вліяніямъ. Въ это время мальчикъ Вагнеръ увлекался до послѣдней возможности „Фреймюцемъ“ Вебера. Когда Рихардъ встрѣчалъ знаменитаго композитора на улицѣ, то переживалъ минуты настоящаго энтузіазма. Въ это же время Рихардъ бралъ уроки игры на фортепьяно у одного изъ своихъ репетиторовъ. Гаммы и экзерсисы внушали Вагнеру настоящее отвращеніе, но это ему не помѣшало своеобразно разучить увертюру Фреймюца, хотя учитель, приведенный въ отчаяніе его техникой, предсказывалъ ему, что изъ него никогда не выйдетъ ничего путнаго. Впрочемъ, дѣйствительно, Вагнеръ никогда не отличался хорошей техникой.

Веберъ, однако, былъ не единственнымъ кумиромъ молодого Вагнера. Съ такимъ же увлеченіемъ онъ относился къ Гомеру, Одиссею котораго онъ переводилъ въ свободное время на нѣмецкій языкъ. Пописывалъ онъ и собственные свои стихи. Однажды стихи его оказались лучше стиховъ его друга. Этого было достаточно, чтобы пылкій Рихардъ вообразилъ себя заправскимъ поэтомъ и принялся за сочиненіе трагедій на греческій ладъ. Но тутъ подвернулся Шекспиръ, которымъ юноша началъ зачитываться до самозабвенія. Рихардъ съ жаромъ принялся даже за изученіе англійскаго языка для того, чтобы перечитать творенія великаго драматурга въ подлинникѣ. Само собою разумѣется, что трагедіи юноши приняли теперь характеръ исключительно „шекспировскій“. На первый планъ выдвигается задуманная Рихардомъ трагедія „Лейбальдъ“, которая по мысли автора, какъ онъ самъ въ этомъ шутиливо сознавался, должна была представлять смѣшеніе „Гамлета“ и „Лира“ и слѣдовать плану „исключительно величественному“. И, дѣйствительно, на протяженіи пьесы юнаго драматурга погибало сорокъ два человѣка,—такъ много, что для конца уже не хватало дѣйствующихъ лицъ и сцену приходилось переполнить призраками и тѣнями. Всѣ эти чрезмѣрные увлеченія то акробатами, то „фреймюцемъ“, то англійскимъ языкомъ, то Шекспиромъ, то страшной драмой, не знающей конца, показываютъ, какой свѣжій родникъ силъ таился въ богатой душѣ этого мальчугана, не умѣвшаго свести своихъ школьныхъ занятій къ благополучному концу и возбуждавшаго такъ часто неудовольствіе своихъ воспитателей. А дѣла со школой, дѣйствительно, обстояли болѣе, чѣмъ печально. Когда семейство Вагнеръ-Гейеръ снова

переселилось въ Лейпцигъ, то здѣсь Рихарда отказались принять въ тотъ предпослѣдній классъ, въ которомъ онъ числился, и ему пришлось сдѣлаться ниже классомъ. Неудача эта сильно подѣйствовала на впечатлительнаго юношу. „Я сдѣлался лѣнливымъ и нерадивымъ и только моя трагедія занимала меня“,—признается онъ самъ. Въ это время Вагнеру пришлось услышать произведенія Бетховена въ хорошемъ исполненіи. Могучій музыкальный геній Бетховена совершенно завладѣлъ Рихардомъ. Теперь онъ ни о чемъ больше не думаетъ, какъ о томъ, чтобы написать бетховенскую музыку къ своей драмѣ. Это ему, въ его молодомъ задорѣ, вовсе не казалось сколько-нибудь труднымъ. „Чтобы сдѣлать это на лету“,—разсказываетъ онъ,—„я досталъ на восемь дней методу генераль-баса

Жилище Вагнера въ Ригѣ съ 1838 г. по 1839 г.

Логіера и старательно штудировалъ ее. Однако изученіе не принесло такихъ быстрыхъ плодовъ, какихъ мнѣ хотѣлось; трудности дразнили меня и увлекали; я рѣшилъ стать музыкантомъ“. Это была первая сознательная оцѣнка своего призванія. Конечно, на первый разъ дѣло не ушло слишкомъ далеко, такъ какъ у Вагнера по обыкновенію не хватило настойчивости преодолѣть необходимыя трудности. Тѣмъ не менѣе, писать музыку онъ началъ тогда же и еще—что важнѣе—онъ началъ писать такъ, чтобы музыка и слова составляли одно цѣлое, т. е. съ первыхъ шаговъ своего музыкальнаго творчества очертилъ себѣ тотъ кругъ, въ предѣлахъ котораго его геній достигъ впослѣдствіи наибольшихъ результатовъ. На первое время подъ вліяніемъ Гетевского „Каприза влюбленнаго“ и пасторальной симфоніи Бетховена онъ писалъ одновременно поэму

и музыку къ пастушеской драмѣ. Въ этомъ же направленіи поддерживалъ его Гофманъ, которымъ онъ теперь буквально зачитывался.

Нащупавъ окончательно свое призваніе, Рихардъ безъ труда убѣдилъ своихъ семейныхъ, чтобы ему дали музыкальное образованіе. Техника по обыкновенію у него шла и теперь плохо, но проникновеніе въ музыку, благодаря жадному пожиранію партитуръ Бѣтховена, которыя онъ разучивалъ обыкновенно по ночамъ при свѣтѣ свѣчи, быстро двигалось впередъ.

На свою музыкальную дорогу Рихардъ выходилъ такимъ же бурнымъ впечатлительнымъ и легкомысленнымъ, какимъ онъ былъ и въ дѣтствѣ. Приводимъ два слѣдующихъ факта, сообщаемыхъ однимъ изъ его біографовъ. Однажды мать попросила Рихарда сходить получить ея скромную пенсію, составлявшую основной фундаментъ ихъ бюджета. Рихардъ, получивъ эти деньги, проходилъ мимо одного учрежденія, гдѣ велась азартная игра; ему пришла мысль поставить на карту свою судьбу и принять участіе въ игрѣ. Сильнѣйшій проигрышъ поглотилъ почти всю довѣренную ему сумму. Рихардъ думалъ уже, что ему придется исполнить обѣщаніе, данное самому себѣ при входѣ въ игорный домъ: броситься въ рѣку, въ случаѣ потери денегъ матери. Но въ самый рѣшительный моментъ счастье вдругъ повернулось въ его сторону. Онъ вернулъ весь свой проигрышъ и прибавилъ къ нему еще небольшую сумму денегъ. Другой фактъ былъ такого рода. Онъ усердно ухаживалъ за красавицей дочерью одного богатаго еврея, въ домѣ котораго былъ принятъ очень радушно. Разъ онъ встрѣтился здѣсь съ молодымъ человѣкомъ, дальнимъ родственникомъ хозяина, бойко игравшимъ на фортепьяно и вызывавшимъ усердные одобренія красавицы. Рихардъ не вытерпѣлъ и указалъ довольно рѣзко, что игра молодого человѣка была лишена души. Соперникъ предложилъ Вагнеру самому сыграть что-нибудь. Къ несчастью, по своей самонадѣянности, Рихардъ забылъ о несовершенствахъ своей техники и принялъ предложеніе. Конечно, ему, въ свою очередь, пришлось услышать суровую критику и досадныя насмѣшки. Въ ярости Рихардъ, не помня себя, отвѣчалъ потокомъ грубыхъ ругательствъ. Стоить ли прибавлять, что Вагнеру послѣ этого было отказано въ домѣ, и онъ безвозвратно потерялъ свою красавицу. Злые языки увѣряютъ, что именно съ этого времени Вагнеръ сдѣлался завзятымъ антисемитомъ, каковымъ онъ оставался до конца жизни.

Нечего, и говорить, что въ эту пору своей жизни Рихардъ разстался со своей школой, не докончивъ ея: онъ записался въ Лейпцигскій университетъ студентомъ музыки. Работалъ онъ сначала мало. „Я“, — сознается онъ, — „предался всецѣло студенческому распутству и при этомъ съ такимъ легкомысліемъ и съ такой беззавѣтной преданностью, что оно мнѣ скоро опротивѣло“. Когда это случилось, Рихардъ снова съ жадностью возвратился къ музыкѣ. Въ это время ему посчастливилось встрѣтить человѣка, который оказалъ ему огромную помощь въ дѣлѣ преодоленія теоретическихъ музыкальных трудностей. Это былъ Теодоръ Вейнлигъ, канторъ школы св. Ѳомы. Вотъ благодарность, выраженная словами самого Вагнера. „Этотъ человѣкъ, которому я долженъ быть болѣе благодаренъ, чѣмъ могу быть при всѣхъ своихъ усиліяхъ, правильно понялъ, чего мнѣ тогда не доставало; онъ оставилъ пока въ сторонѣ изученіе собственно контрапункта, чтобы основательно укрѣпить мои познанія въ гармоніи и оставилъ эти занятія не прежде, чѣмъ я вполне укрѣпился въ этой области. Затѣмъ онъ началъ со мною изученіе контрапункта въ строго

опредѣленномъ направленіи и со строжайшимъ принципомъ; послѣ того, какъ, по его мнѣнію, онъ заложилъ во мнѣ надежный фундаментъ, благодаря изученію этой послѣдней и труднѣйшей части музыкальнаго обученія, онъ отпустилъ меня, говоря такъ: „Я прекращаю теперь съ вами занятія учителя съ ученикомъ, ибо этотъ послѣдній воспринять въ то, чему первый могъ научить“... Въ этотъ періодъ, подъ влияніемъ своего учителя, Рихардъ Вагнеръ сталъ понимать и полюбить Моцарта. Занятія Вагнера съ Вейнлигомъ продолжались лишь полгода. Въ это же время Вагнеръ продолжалъ писать пьесу за пьесой, изъ которыхъ уже серьезнаго вниманія заслуживала симфонія in C-dur. Вскорѣ послѣ этого Рихарду пришлось сдѣлать маленькое путешествіе въ Вѣну и Прагу. Въ этомъ послѣднемъ городѣ онъ познакомился съ Діонисіемъ Веберомъ, директоромъ пражской консерваторіи, который въ то время былъ занятъ изданіемъ произведеній Моцарта. Рихардъ Вагнеръ, не смотря на свою молодость, сумѣлъ дать рядъ полезныхъ указаній по поводу изданій любимого имъ Моцарта. Д. Веберъ въ благодарность за эти указанія исполнилъ съ прекраснымъ оркестромъ симфонію Вагнера C-dur. Это былъ для Рихарда очень счастливый случай, такъ какъ далъ ему возможность извлечь рядъ соображеній, чрезвычайно цѣнныхъ для его дальнѣйшихъ композиторскихъ опытовъ. Здѣсь же, въ Прагѣ, зародилась и его первая попытка создать оперу. Это была его „Свадьба“, навѣянная, по всей вѣроятности, произведеніями любимого его писателя—Гофмана. Вернувшись въ Лейпцигъ, Вагнеръ продолжалъ ее обрабатывать, но до конца все-таки не довелъ. Его C-dur'ная симфонія между тѣмъ встрѣтила чрезвычайно сочувственный пріемъ и въ Лейпцигѣ.

Эти успѣхи окрылили Вагнера, и онъ началъ надѣяться перейти на собственный свой заработокъ, такъ какъ постоянная поддержка родныхъ въ этомъ возрастѣ становилась для него тягостной. Онъ не хотѣлъ отказываться ни отъ какой работы, лишь бы она была такъ или иначе связана съ музыкой. О его рвеніи въ поискахъ за заработкомъ свидѣлствуетъ хотя бы слѣдующее письмо, отправленное имъ къ одному изъ издателей: „Я честию прошу, чтобы Ваше благородіе при помощи безплатныхъ пробныхъ опытовъ убѣдилось въ моей способности къ предлагаемымъ услугамъ (рѣчь идетъ о корректурахъ и предложеніяхъ для фортепьяно), и, если мнѣ выпадетъ счастье заслужить ваше довѣріе, я почту за счетъ служить Вашему благородію за меньшую обычной плату. Пунктуальность и правильность моей работы будетъ предметомъ постоянныхъ моихъ заботъ, чтобы снискать ваше дальнѣйшее довѣріе“... Къ сожалѣнію, работу найти не удавалось, и Рихарду Вагнеру приходится вступить въ полосу тяжелой нужды и испытаній, о которыхъ онъ самъ говоритъ слѣдующее: „Въ моемъ жизненномъ пути было много въ высокой степени страннаго. Кто идетъ навѣрняка, тотъ долженъ найти именно то, что ему подсказываютъ потребности и призваніе; тотъ найдетъ соединяющіяся съ наслажденіемъ спокойствіе и безмятежность, столь необходимыя для художественнаго творчества. Напротивъ, исключительный ходъ моей жизни представляется такимъ, что помѣшанный на приключеніяхъ чужакъ не смогъ бы вообразить ничего болѣе безпокойнаго и полного превращеній. Причины такого полного противорѣчій явленія внимательному чело-вѣку станутъ тотчасъ ясны изъ нижеслѣдующаго; причины имѣютъ характеръ то идеальный, то реальный. Причины перваго вида заключаются въ моихъ художественныхъ тенденціяхъ, такъ какъ мнѣ—въ качествѣ опернаго композитора—выпала на долю въ видѣ жизненнаго призванія

самая тривіальная отрасль искусства, и именно здѣсь я хочу осуществить художественное произведеніе, превосходящее всѣ другія отрасли искусства. Причины реального порядка заключаются въ двухъ главныхъ затрудненіяхъ моей жизни—въ абсолютномъ отсутствіи средствъ существованія и слишкомъ ранней женитьбѣ. Отсутствіе средствъ было, во всякомъ случаѣ, самымъ главнымъ. Унаслѣдованное имущество, будь оно велико или мало, даетъ часовъку, стремящемуся къ чему либо серьезному и чистому, необходимую независимость; въ основѣ моихъ желаній и въ сферѣ моей дѣятельности лежитъ необходимость зарабатывать деньги, мое всегдашнее проклятіе“...

Вотъ этотъ періодъ бѣдствій и начинается съ 1833 г., когда онъ получаетъ, вслѣдствіе усиленныхъ хлопотъ своего артиста-брата, мѣсто хормейстера въ Юрцбургскомъ театрѣ, приносившее ему всего лишь 10 гульденовъ въ мѣсяцъ. Но за то это скромное мѣсто давало ему возможность не отходить отъ театральнаго дѣла, которому онъ хотѣлъ посвятить всю свою жизнь. Здѣсь, въ Юрцбургѣ, во время лѣтнихъ каникулъ онъ написалъ свою первую оперу „Фей“; чтобы имѣть возможность закончить ее, онъ отказался даже перемѣнить свою скромно оплачиваемую должность на болѣе почетное мѣсто музыкальнаго директора въ Цюрихскомъ театрѣ. Тема для этой оперы-первенца заимствована изъ сказки Гоцци. Безсмертная фея влюблена въ смертнаго; ради своей любви она готова отказаться отъ своего безсмертія. Ея возлюбленный долженъ испытать рядъ тяжелыхъ испытаній, которыя и составляютъ главное содержаніе оперы. Въ концѣ концовъ, герой выходитъ побѣдителемъ, получаетъ въ награду безсмертіе и вступаетъ въ царство фей. „Фей“ вышли слабой оперой. „Лишь кое-гдѣ она носитъ печать великаго драматурга“,—замѣчаетъ по этому поводу Капль. „Единственно обращаетъ на себя вниманіе прекрасное расположеніе дѣйствующихъ массъ и жизненность сценическихъ положеній... Интереснѣе, чѣмъ самый попорченный при передѣлкѣ текстъ, то, что Вагнеръ хотѣлъ сказать этимъ текстомъ,—углубленіе сюжета Гоцци. Уже здѣсь выступаетъ проблема искупленія и выступаетъ—что всего многозначительнѣе—не какъ чисто внѣшнее искупленіе женщины путемъ расколдованія (Гоцци), а какъ мотивъ духовнаго развитія“... Въ музыкальномъ отношеніи опера эта не давала почти ничего новаго, представляя множество подражаній Маршнеру и Веберу, тѣмъ не менѣе, въ зачаткѣ оперное ухо можетъ найти здѣсь тѣ элементы, которые могуче развернулись въ послѣдующихъ произведеніяхъ Вагнера. Опера эта,—по исполнѣ понятнымъ соображеніямъ,—не могла пробить себѣ пути на сцену. Къ этому же времени относится и литературный первенецъ Вагнера, статья „Нѣмецкая опера“, въ которой онъ высказываетъ свои взгляды на задачи нѣмецкой музыки. Это литературное выступленіе сближаетъ его съ кружкомъ передовыхъ писателей того времени.

Первая неудача, однако, не обезкуражила молодого композитора. Лѣтомъ 1834 г. онъ приступаетъ къ новой оперѣ „Запретъ любви“, окончаніе которой ему пришлось отложить въ виду необходимости взять мѣсто музыкальнаго директора въ магдебургскомъ театрѣ, такъ какъ матеріальное положеніе его становилось безвыходнымъ. Въ концѣ концовъ, онъ все же закончилъ эту оперу, о музыкальной части которой онъ самъ говоритъ слѣдующее: „Я поставилъ себѣ образцомъ Бетховена: его послѣдняя симфонія казалась мнѣ завершеніемъ цѣлой эпохи искусства, выше которой никто не могъ бы подняться и внутри которой никому не удалось достигнуть самостоятельности“. Образецъ, какъ видимъ, взятъ въ

высшей степени благородный, и особенно цѣннымъ въ данномъ случаѣ представляется то, что тиганъ Бетховенъ не раздавилъ самобытности юноши-композитора. Въ музыкальномъ отношеніи самобытность Вагнера въ „Запретѣ любви“ по сравненію съ „Феями“ сдѣлала колоссальный шагъ впередъ. Здѣсь мы находимъ систематическое примѣненіе лейт-мотивовъ и другихъ чисто вагнеровскихъ приѣмовъ. Музыка во многихъ мѣстахъ блещетъ живостью и страстью. То же самое надо сказать и о драматическихъ элементахъ оперы. Въ основу для этой оперы Вагнеръ взялъ шекспировскую комедію „Мѣру за мѣру“ и съ замѣчательнымъ искусствомъ переработалъ эту тему съ точки зрѣнія музыкальной драмы. „Запретъ любви“, къ которому Вагнеръ въ послѣдствіи относился съ нѣкоторою снисходительностью, обрисовываетъ юнаго автора не только выдающимся музыкантомъ, но и замѣчательнымъ драматургомъ.

Окончаніе „Запрета любви“ задержалось не только вслѣдствіе исполненія Вагнеромъ своихъ служебныхъ обязанностей, но и благодаря ряду новыхъ работъ, начатыхъ имъ въ это время. Изъ этихъ послѣднихъ мы можемъ упомянуть здѣсь лишь объ „Увертюрѣ Колумба“, которое многими считается за самое значительное изъ юношескихъ произведеній Вагнера и въ которомъ частный историческій случай былъ поднятъ нашимъ драматургомъ и музыкантомъ до высоты обще-человѣческаго. Искусными музыкальными средствами изобразилъ Вагнеръ страстное стремленіе челоуѣка къ чему-либо новому и великому, развитіе раздумья, страха, мужества, бодрости и рѣшимости. Нѣкоторые изъ вещей, написанныхъ Вагнеромъ въ это время, были исполнены при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ передъ широкой публикой и доставили Рихарду Вагнеру порядочную извѣстность. Тѣмъ не менѣе, въ связи съ постановкой „Запрета любви“ на сцену Вагнеру опять пришлось пережить много тяжелыхъ минутъ. Постановка этой оперы была обѣщана для бенефиса Вагнера, который, по его расчетамъ, долженъ былъ значительно поправить его средства. Однако, за нѣсколько недѣль до этого бенефиса директоръ театра объявилъ себя несостоятельнымъ. Такимъ образомъ улетучивались у Вагнера снова надежды увидѣть свою оперу на сценѣ, не говоря уже о разбитыхъ матеріальныхъ расчетахъ. Однако, привязанность артистовъ къ своему капельмейстеру была такъ велика, что они согласились обожждать нѣсколько дней и пустить его оперу на сцену. Затрудненія, благодаря этому, получились непреодолимые, но Вагнеръ настаивалъ. „Болѣе по легкомыслію, чѣмъ по зрѣлому разсужденію“, — писалъ онъ въ послѣдствіи, — „я позволилъ появиться оперѣ послѣ десятидневнаго изученія, я довѣрился суфлѣру и дирижерской палочкѣ. Но я не могъ воспрепятствовать тому, что актеры едва на половину знали на память свои партіи. Представленіе прошло какъ бы ощупью; никто не смогъ бы составить себѣ понятія объ этой вещи“.

Обремененный долгами и раздраженный до послѣдней степени, Вагнеръ покинулъ Магдебургъ, чтобы снова начать поиски за какимъ-нибудь мѣстомъ, которое дало бы ему возможность хоть какъ-нибудь поддерживать свое брненное существованіе, не разрывая съ театромъ и музыкой. Онъ находилъ себѣ скромное мѣсто въ Кенигсбергскомъ театрѣ, финансовое состояніе котораго было не лучше, чѣмъ у магдебургскаго театра. Но положеніе Вагнера запуталось еще больше, когда открылось, что въ томъ же театрѣ будетъ играть красивая и талантливая артистка Минна Планеръ, въ которую онъ уже раньше успѣлъ безъ памяти влюбиться. Теперь онъ, не смотря на отчаянное денежное положеніе, на-

стоять на немедленном бракѣ. Рихардъ оказался безмѣрно ревнивымъ мужемъ, что при наличности тяжелой нужды дѣлало совместную жизнь крайне тяжелой. Молодые супруги не только постоянно ссорились, но даже рѣшились, было, разойтись. Однако, въ Римѣ, куда судьба загнала нашего композитора въ поискахъ за заработкомъ, оба супруга снова оказались вмѣстѣ. Положеніе и нравственное и матеріальное Вагнера было такъ невыносимо, что вдохновеніе совершенно покинуло композитора. „Я не могу лучше описать тебѣ мое состояніе“,—говоритъ онъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей,—„чѣмъ, сказавъ тебѣ, что въ этомъ году своей жизни я не написалъ ни одной ноты, ничего не набросалъ, ничего не задумалъ“.

Рига не поправила денежных дѣлъ супруговъ Вагнеровъ. Они такъ запугались въ долгахъ, что рѣшились тайкомъ бѣжать изъ Россіи. Безъ паспорта, съ ничтожной суммой денегъ при помощи друзей они кое-какъ выполнили этотъ планъ и выбрались изъ негостепріимной страны. Добравшись до Пиллау, Вагнеръ съ женой рѣшили отправиться въ Лондонъ на парусномъ суднѣ. Путешествіе оказалось очень тяжелымъ. О немъ сохранились слѣдующія строки самого Вагнера. „Это плаваніе по морю осталось для меня навсегда незабвеннымъ; оно продолжалось 3½ недѣли и было богато неудачами. Трижды страдали мы отъ сильнѣйшихъ бурь, и однажды капитанъ былъ вынужденъ зайти въ норвежскую гавань. Путешествіе по норвежскимъ шхерамъ произвело на меня огромное впечатлѣніе; сага о летучемъ голландцѣ, подтвержденная матросами, получила у меня опредѣленную подходящую окраску, которая могла выиграть отъ только что пережитыхъ мною ужасовъ моря“... Наконецъ, послѣ небольшого роздыха въ Лондонѣ, Вагнеры съ рекомендательными письмами знаменитаго Мейербера, но почти безъ денегъ, хотя и съ радужными надеждами,—пріѣхалъ въ Парижъ. Мы не имѣемъ здѣсь возможности слѣдить за парижскою жизнью Вагнеровъ. Достаточно сказать, что неудача преслѣдовала его за неудачей. Ему приходилось расточать свои силы на переписку нотъ, орранжировку любимыхъ оперныхъ мотивовъ для всевозможныхъ инструментовъ, на мелкую литературную работу. Вырабатывать приходилось до смѣшного мало, а потому нужда бывала большой. 20-го сентября 1840 года онъ пишетъ, напр., одному изъ своихъ друзей: „Сейчасъ мнѣ хотѣлось бы купить лѣкарство для своей бѣдной жены. Переживетъ ли она эту бѣду, и какъ я вынесу ея несчастія?—Помоги мнѣ Господь Богъ, я не умѣю больше себѣ помочь! Все, все—все послѣдніе источники голодающаго я испробовалъ; я до сихъ поръ не зналъ болѣе несчастнаго человѣка. Деньги—проклятое слово, уничтожающее все благородное,—но что такое всякая иная помощь безъ этой самой дѣйствительной. Кто знаетъ настоящую нужду, тотъ чувствуетъ, что только съ деньгами можно отъ нея избавиться. Превратить въ хлѣбъ для своей жены послѣдній пустяковый нарядъ, послѣднюю необходимую утварь и при этомъ знать, что эта жена больна и лежитъ безъ помощи, ибо закладъ обручальныхъ колецъ не далъ достаточно для покупки хлѣба и лѣкарства,—какъ назвать это положеніе, если я раньше говорилъ о нуждѣ? Словомъ, я проклялъ жизнь: что же мнѣ еще сдѣлать! Мое первое слово къ едва только вновь обрѣтенному другу: помоги мнѣ скорѣе; я заложилъ даже свою жизнь, выкупи мнѣ ее! Я прошу у тебя 300 талеровъ и будь увѣренъ, что, если ты пришлешь ихъ мнѣ, я проживу на нихъ 8 мѣсяцевъ, ибо я съ этихъ поръ не буду покупать ничего, кромѣ хлѣба. Если же ты отвернешься отъ меня,—я буду знать свою судьбу!“... Но помощь пришла не раньше,

чѣмъ Рихардъ Вагнеръ попалъ въ долговую тюрьму... А между тѣмъ этотъ несчастный музыкантъ продолжалъ пользоваться каждымъ пробнымъ судьбы, чтобы отдавать свои силы музыкальному творчеству. „Послѣ прибытія рояля“,— говоритъ онъ объ одномъ изъ свѣтлыхъ своихъ періодовъ, когда нужда слегка отпускала свою жертву,—„я въ душевно-мъ трепетѣ обходилъ его кругомъ. Я боялся, что я уже не музыкантъ. Я началъ прежде всего съ хора матросовъ и пѣсни съ прялкой; все пошло у меня быстро впередъ, и вскорѣ я съ ликующей радостью глубоко почувствовалъ, что я еще музыкантъ“... Да, Рихардъ Вагнеръ въ то время былъ не только еще музыкантъ, но уже великій музыкантъ, ибо за этотъ промежутокъ—между своимъ несчастливимъ прибытіемъ въ Ригу и окончаніемъ своихъ трехлѣтнихъ парижскихъ мытарствъ онъ написалъ такіе перлы, какъ оперы „Ріензи“ и „Летучій Голландецъ“, къ которымъ мы теперь и переходимъ.

Содержаніе оперы „Ріензи“ заимствовано изъ романа Бульвера того же имени. Романъ произвелъ на Вагнера огромное впечатлѣніе, „Этотъ Ріензи“,— писалъ онъ,—„съ великою мыслью въ головѣ и сердцѣ среди грубой и низкой толпы, заставилъ отзывно трепетать всѣ мои нервы; однако, мой планъ произведенія первоначально возникъ изъ чисто лирическихъ элементовъ атмосферы, окружающей героя. Вѣсти о мирѣ, церковные клики „Христосъ Воскресъ“ и воинственные гимны—вотъ что создало мою оперу Ріензи“... Съ необычайнымъ драматическимъ талантомъ Рихардъ Вагнеръ сумѣлъ изъ обширнаго разсказа выхватить лишь самое существенное и яркое и сжато, но сильно очертить образъ героя трибуна. Всѣ крупнѣйшія событія драмы—возмущеніе черни, руководимой Ріензи, низверженіе нобилей и возстановленіе республики; неспособность идеалиста Ріензи использовать власть въ интересахъ реальной жизни; капризы и себялюбіе избалованной римской черни; предательство церкви, оставляющей трибуна въ роковую для него минуту; гибель Ріензи и его благородной сестры отъ той же черни, которая носила его на рукахъ; возвращеніе нобилей и новое рабство,—все это отлилось у Вагнера въ прекрасныя драматическія формы. Что же касается музыки „Ріензи“, то мы предоставляемъ слово одному изъ лучшихъ біографовъ Вагнера Ю. Кампу.

„Увертюра „Ріензи“ написана въ формѣ сонатнаго Allegro; она начинается долго выдержаннымъ звукомъ трубы, вѣщающей свободу; хотя увертюра эта попуриобразна, однако она сильно дѣйствуетъ на слушателя. Наиболѣе интересными частями партитуры являются ансамбли и хоры; а среди нихъ высшей точкой—финаль четвертаго акта. Среди другихъ частью слишкомъ гулкихъ маршей и гимновъ особенно ласкаетъ слухъ красивый отрывокъ,—хоръ вѣстниковъ мира. Если три первые акта

Вилла Р. Вагнера „Ванфридъ“ близъ г. Байрейта въ Баваріи.

еще богаты банальнымъ, за то четвертый и особенно пятый съ его увлекательной молитвой Ріензи и помпезнымъ финаломъ могутъ удовлетворить уже болѣе строгимъ требованіямъ. Болѣе простое дѣйствіе и внутренний трагизмъ позволяютъ здѣсь музыканту творить глубже, чѣмъ онъ могъ творить въ болѣе вѣншемъ началѣ оперы. Это—черта, которую съ этихъ поръ мы можемъ постоянно наблюдать у Вагнера: необычайно тонкое взаимодействіе между поэтомъ и музыкантомъ. Примѣненіе лейтмотивовъ, говоря вообще, не получило такого развитія, какъ въ „Запретѣ любить“, но тамъ, гдѣ они примѣняются, можно наблюдать движеніе впередъ и въ этой области. Особенно характерно въ этомъ смыслѣ заключеніе оперы. Ріензи показывается еще разъ на балконѣ Капитолія, чтобы еще разъ подбодрить народъ. вмѣстѣ съ мотивомъ клятвы, звучатъ его полные упрека вопросы, а оркестръ съ блескомъ отвѣчаетъ на это“. Каппъ указываетъ затѣмъ, какъ въ этомъ мѣстѣ свѣтлый мотивъ уступаетъ мало по малу мрачному; а этотъ послѣдній переходитъ въ яростные крики выродившейся черни, и добавляетъ: „здѣсь мотивъ драматически преобразуется, какъ это отнынѣ всегда будетъ встрѣчаться въ болѣе позднихъ созданіяхъ Вагнера“. Каппъ считаетъ оперу „Ріензи“ кульминаціонной точкой этого жанра.

Другимъ великимъ произведеніемъ Вагнера за этотъ періодъ былъ его „Летучій Голландецъ“. Это сказаніе моряковъ, обработанное Гейне, произвело на Р. Вагнера огромное впечатлѣніе. Вотъ что онъ писалъ, едва ознакомившись съ этимъ произведеніемъ народнаго творчества. „Этотъ сюжетъ привелъ меня въ восторгъ и неизгладимо запечатлѣлся въ душѣ; но во мнѣ не было еще необходимыхъ для его воспроизведенія силъ“... Мы знаемъ, какую роль сыграло тяжелое морское путешествіе въ дѣлѣ развитія образовъ, связанныхъ съ только что названной силой. Гейне, какъ извѣстно, не удовлетворился слишкомъ упрощенной формой сказанія и опоэтизировалъ его въ своемъ изложеніи. Вагнеръ не удовлетворился изложеніемъ Гейне и глубоко драматизировалъ весь сюжетъ, прибавивъ образъ Эрика, представляющаго полный контрастъ Голландцу. На этомъ-то контрастѣ двухъ характеровъ и движется глубоко интересная драма, стремящаяся опять-таки этотъ частный случай поднять до высоты общечеловѣческой проблемы. Сущность драмы, развернутой здѣсь Вагнеромъ, заключается въ слѣдующемъ. „Летучій Голландецъ“, какъ „Вѣчный жидъ“, не знаетъ смерти и вынужденъ непрерывно носиться по простору морей. Смерть—избавительница только тогда дастъ ему смежить уставшія очи, только тогда выпуститъ его изъ опостылившей ему жизни, когда его полюбитъ женщина, готовая ради него принести себя въ жертву. Такая женщина, наконецъ, нашлась. Это—Сента, положеніе которой усложняется ея любовью къ Эрику.

„Въ увертюру“,—говоритъ о „Летучемъ Голландцѣ“ Каппъ,—„вошли лишь мотивы, позже возвращающіеся въ оперѣ. Но, не смотря на это, она не похожа на попури, а уже сама по себѣ является драматической музыкальной поэмой. Сильно и опредѣленно звучитъ „чреватый бѣдою“ мотивъ Голландца. Среди бѣшеннѣйшей бури корабль-призракъ пролетаетъ передъ слушателями и бросаетъ якорь у страны, гдѣ суждено несчастному найти спасеніе. Сколько разъ онъ уже обманывался въ своихъ надеждахъ! И на этотъ разъ его надежда будетъ, видно, тщетной. Напрасно искалъ онъ гибели среди бурнаго моря, въ волнахъ пучины или у рифовъ: его корабль всегда оставался невредимъ. Ярость и отчаяніе охватываютъ его. И вдругъ мимо него плыветъ корабль; съ радостными пѣснями люди

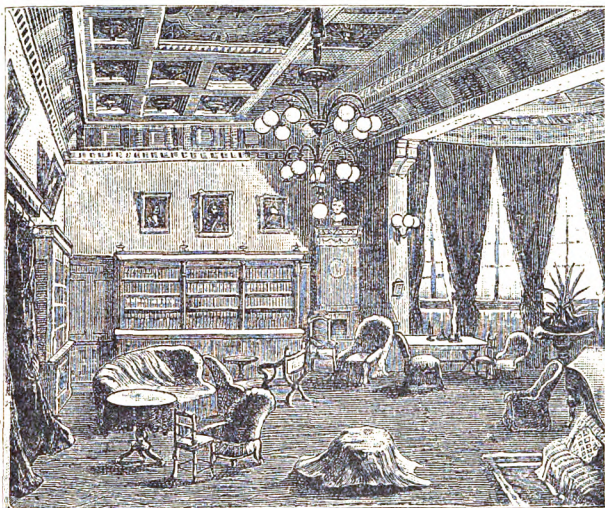
возвращаются на родину. Это звучит насмѣшкой надъ его страданіемъ. Бѣшено мчится онъ мимо весельчаковъ, и отъ страха ихъ пѣніе смолкаетъ. Тутъ, въ эту ночь отчаянія, какъ бы съ неба звучитъ голосъ, обещающій искупленіе. Но гдѣ его найти? Безъ всякаго плана колесить онъ по морю. Но благая вѣсть звучитъ все снова и снова и, въ концѣ концовъ, приводитъ его къ надежной пристани. Готовая на жертву, върава любовь женщины освобождаетъ его отъ проклятія; корабль поглощается моремъ, и освобожденный и просвѣтленный герой возносится рука объ руку со своей освободительницей. Мотивъ Голландца затихаетъ среди звуковъ искупленія аналогично финалу оперы "... Такова знаменитая увертюра въ сжатомъ видѣ развертывающая содержаніе всей драмы. Сама опера полна блестящими музыкальными картинами и драматическими положеніями. Таковы грандіозное воспроизведеніе морской бури, мастерская арія блѣднаго Голландца, выходящаго на берегъ, вортонія и жужжаніе прялокъ въ рукахъ подругъ Сенты, блестящій разговоръ Эрика о снѣ.

Такимъ образомъ въ этотъ періодъ тяжелыхъ матеріальныхъ лишеній, которыми сопровождалось все его пребываніе въ Парижѣ, Вагнеръ окончательно порвалъ со старыми приемами опернаго творчества и пошелъ по новому мало извѣданному пути. Мы знаемъ, какъ сильна рутина въ человѣческомъ обществѣ. Мы не будемъ поэтому удивляться всей той волоките, которую должны были испытать его оперы прежде, чѣмъ попасть на сцену. Наконецъ, 20 октября 1842 года на сценѣ дрезденской оперы былъ поставленъ его „Ріензи“. Сверхъ всякихъ ожиданій опера принесла Вагнеру настоящій триумфъ, и онъ былъ приглашенъ въ Дрезденъ на постъ королевскаго капельмейстера, съ окладомъ приблизительно въ 2000 руб. въ годъ. Передъ Вагнеромъ сразу открылся не только выходъ изъ гнетущей его нужды, но и доступъ, какъ ему казалось, къ воплощенію въ жизни его музыкальныхъ идеаловъ, для чего онъ думалъ воспользоваться дрезденской оперой. „Воодушевленный находящимися здѣсь средствами“,—писалъ онъ,—„я ставлю себѣ высокую задачу продолжать дѣло Вебера, т. е. помочь Дрездену музыкально эмансипироваться, уничтожить филистерство слуха, воспитать вкусъ публики къ благородному и такимъ образомъ сдѣлать ея голосъ всѣмъ.

Однако, Вагнеру скорѣ же пришлось убѣдиться, что дрезденскій успѣхъ его надо скорѣ приписать счастливому случаю, чѣмъ дѣйствительно правильной оцѣнкѣ его произведеній со стороны публики. Прежде всего его, „Летучій Голландецъ“ былъ принятъ довольно холодно публикой, музыкальная же критика выступила съ цѣлымъ рядомъ рѣзкихъ статей противъ вагнеровскаго творчества, при чемъ особенно рѣзко писалъ находившійся тогда въ силѣ Мейерберъ. Надежды Вагнера на быстрое распространеніе его оперъ потухли; одинъ театръ за другимъ закрывался передъ его произведеніями. Для быстро развертывающагося таланта Вагнера этотъ разрывъ со вкусами публики былъ чреватъ обильными послѣдствіями. „Чувствуя, что большинство посѣтителей театра не можетъ слѣдовать за нимъ“,—говорить Каппъ,—„Вагнеръ нерѣшительнѣе обращался къ кружку тѣхъ, кто понималъ его. Типично оперное все болѣе исчезало изъ его произведеній. Заколдованный кругъ состоялъ въ томъ, что Вагнеръ тѣмъ сильнѣе удалялся отъ пониманія публики, чѣмъ болѣе онъ долженъ былъ сознавать, что онъ не можетъ обойтись безъ ея сочувствія. Геній, не подчиненный законамъ всеобщаго развитія, въ минуту преодолеваетъ тѣ стадіи развитія, для прохожденія которыхъ масса

нуждается въ десяткахъ лѣтъ. Въ этомъ разладѣ лежитъ глубокая трагедія жизни Вагнера, полной борьбы“.

Первое время своего пребыванія въ Дрезденѣ, Вагнеръ встрѣчалъ предупредительное отношеніе къ себѣ со стороны своего начальства. „Мнѣ неожиданно стало ясно“,—писалъ онъ,—„что отъ меня ожидаютъ дѣйствительно художественной реорганизациі здѣшняго состоянія музыки; поэтому всѣ сдѣланныя мною предложенія немедленно принимались. Чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не предъявлялось слишкомъ много притязаній на мое время, теперь назначили еще музыкальнаго директора. Большаго я не могу желать“. И, дѣйствительно, это время Вагнеръ прекрасно использовалъ и самый театръ, и оркестръ, и хоры, и наличность нѣсколькихъ талантливыхъ пѣвцовъ, не только для того, чтобы направить дрезденскую

Рабочій кабинетъ Рихарда Вагнера въ Ванффридѣ.

музыку на новый путь развитія, но и для того, чтобы уяснить самому себѣ на практикѣ рядъ очень важныхъ вопросовъ съ точки зрѣнія его оригинальнаго творчества. Но профессиональная зависть, придворныя интриги и травля не понимавшей его критики сдѣлали свое дѣло, и расположеніе начальства быстро исчезло безъ остатка. Реформаторскимъ замысламъ Вагнера были поставлены непреодолимые препятствія. Формальное отношеніе къ дѣлу претило Вагнеру, и онъ вскорѣ всѣмъ сердцемъ возненавидѣлъ свою службу. Черезъ два-три года, послѣ того какъ онъ съ такою радостью вступалъ въ Дрезденъ, имъ были написаны слѣдующія негодующія строчки о томъ же Дрезденѣ: „Я такъ полонъ глубочайшимъ презрѣніемъ къ здѣсь царящимъ театральнымъ порядкамъ, что я, чувствуя, что не могу ничего улучшить, горячо жажду совсѣмъ освободиться и считаю за истинное проклятіе, что всѣ мои творческія силы направились на драму, ибо я долженъ былъ видѣть полное поруганіе моихъ произведеній, благодаря жалкому состоянію нашего театра“...

Тѣмъ не менѣе, творческая работа Вагнера продолжалась. Самыми важными его произведеніями за этотъ періодъ надо считать „Тангейзера“

(Дѣйство въ 3-хъ актахъ) и „Лоэнгринъ“ (Романтическая опера въ 3-хъ актахъ).

Чтобы понять „Тангейзера“ въ общихъ чертахъ, достаточно условно его увертюру, ибо, говоря словами знаменитаго музыканта Листа, увертюра представляетъ собой „поэму на тотъ же сюжетъ, какъ и опера“. Въ изложеніи Каппа увертюра эта принимаетъ слѣдующій видъ. Она начинается хоромъ прощенныхъ паломниковъ. „Они возвѣщаютъ, что путемъ раскаянія и эпитиміи получено прощеніе. Пѣніе смолкаетъ, атмосфера начинаетъ струиться, все дышетъ знойнымъ трепетомъ и пробѣгаетъ страстный, жадно манящій мотивъ. Это чары венерина грѣха развертываются передъ нами. Тутъ проходитъ образъ, привлеченный чарующими звуками. Это—Тангейзеръ, и торжествующе звучитъ его рыцарская пѣсня любви,—пѣсня, которой онъ желаетъ остановить свое видѣніе. Все плотию замыкается вокругъ него волшебный хороводъ, онъ манитъ и зоветъ, и вдругъ зачарованный взоръ рыцаря падаетъ на волшебный образъ женщины, общающей ему утolenіе его безграничныхъ желаній. Это—сама Венера. Непреоборимая сила влечетъ его къ ней и вторично звучитъ,—звучитъ пламенно и восхищенно,—его хвалебная пѣсня въ честь богини. Ему отвѣчаетъ дикая буря вакхическаго экстаза; всѣ чары любви встаютъ передъ нимъ, и въ блаженствѣ онъ падаетъ на руки богини. Буря быстро смолкаетъ, лишь таинственный трепетъ сострясаетъ еще воздухъ, и насъ чаруютъ какъ бы далекіе жалобные звуки. Тутъ снова звучитъ вдали пѣніе паломниковъ, и, чѣмъ болѣе оно нарастаетъ, тѣмъ безмятежнѣе становится вначалѣ такая сгущенная атмосфера. Когда же, въ концѣ концовъ, пѣсня паломниковъ восторженно вѣщаетъ о спасеніи всего міра, все начинаетъ ликовать, и этотъ восторгъ освобождаетъ отъ проклятій и венеринъ гротъ“. Такимъ образомъ въ основу своего великаго произведенія Вагнеръ кладетъ борьбу двухъ силъ—чувственной и моральной—въ душѣ человѣка, у котораго почти одинаковы сильны оба эти влеченія. Совершенно справедливо видятъ въ картинѣ этой борьбы, нерѣдко заполняющей жизнь самыхъ выдающихся людей, отраженіе той борьбы, которую приходилось пережить самому Вагнеру. Въ самомъ дѣлѣ, Вагнеръ любилъ наслажденіе, общество, богатство и все это онъ легко могъ бы получить, если бы пошелъ навстрѣчу существовавшему въ то время спросу. Но вдохновеніе влекло его въ другую сторону,—въ сторону созиданія новыхъ формъ искусства, которыя пока что оставались недоступными для широкой публики. Духовныя и чувственныя начала своей борьбой не разъ истощали душу Вагнера, и страданія Тангейзера были ему особенно близки и понятны. Недаромъ же онъ съ такимъ увлеченіемъ обрабатывалъ эту оперу. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ свою работу надъ „Тангейзеромъ“. „Это было всепожирающее, роскошное возбужденіе, поддерживавшее мою кровь и нервы въ лихорадочномъ волненіи въ то время, какъ я набрасывалъ и отдѣлывалъ музыку „Тангейзера“. Ко мнѣ окончательно вернулась моя истинная природа, проявляющаяся въ отвращеніи къ современности и въ стремленіи къ благородному, къ прекраснѣйшему; какъ бы въ крѣпкомъ и страстномъ объятіи она охватила все мое естество, и обѣ ея стороны излились въ единомъ потокѣ высшей потребности любви. Этимъ произведеніемъ я подписалъ себѣ смертный приговоръ: я больше не могу ждать жизни отъ современнаго художественнаго міра“...

Содержаніе для этой оперы взято изъ старинной нѣмедкой саги рыцарскихъ временъ. Мы не удивимся этому выбору, если обратимъ вниманіе

Ж.-Б. Рамо.
Портретъ работы Ресту.

на то, съ какой настойчивостью Вагнеръ требовалъ возврата къ національной нѣмецкой музыкѣ и къ національнымъ темамъ. Согласно этой сагѣ, молодой и смѣлый рыцарь Тангейзеръ странствуетъ по свѣту и ищетъ счастья. Во время этого путешествія онъ попадаетъ въ гротъ Венеры и, какъ уже рассказано въ увертюрѣ, дѣлается жертвой сладострастія богини любви. Въ этой части своей оперы Вагнеръ съ необычай-

Сцена изъ оперы „Донъ Жуанъ“ Моцарта.
Рис. Г. Каульбаха.

ной силой разворачиваетъ въ музыкѣ картину вакхическаго, чувственнаго экстаза и любовнаго изступленія. Говорятъ, что силу чувства, выпуклость формъ и блескъ музыки Вагнеръ нашелъ въ своихъ личныхъ переживанияхъ интимнаго характера. Этому можно повѣрить, если принять во вниманіе его собственные слова, что въ то время, когда онъ писалъ „Тангейзера“, онъ еще не могъ справиться съ тѣмъ, что здѣсь нужно: ему не хватало для этого зрѣлаго мастерства...

Любовныя утѣхи не въ состояніи заполнить жизнь Тангейзера. Его беспокойный духъ ищетъ новыхъ впечатлѣній, рвется изъ Венерина грота. Жажда новыхъ подвиговъ заставляетъ разбить венерино колдовство. Онъ

призываетъ имя Маріи-Дѣвы... и просыпается къ обычной земной жизни въ веселой долинѣ Вартбурга, въ сердцѣ Тюрингіи, среди типичной среднѣвѣковой обстановки. Этотъ переходъ отъ грота Венеры къ вартбургской долинѣ одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ въ музыкальномъ отношеніи. Оркестровая буря, гремящая грубыми чувственными мотивами, внезапно смѣняется глубокой тишиной, прерываемой изрѣдка трелями пастушка.

Долина Вартбурга—знакомое мѣсто для Тангейзера. Онъ здѣсь долгие годы жилъ. Онъ здѣсь много любилъ и былъ любимъ. Племянница мѣстнаго ландграфа—Елизавета была близкимъ и дорогимъ для него человекомъ. Жизнь втягиваетъ его немедленно въ свой круговоротъ. Въ долинѣ Тангейзеръ встрѣчаетъ не только толпу пилигримовъ, но и группу придворныхъ ландграфа, охотившагося въ этихъ мѣстахъ. Встрѣча съ Вольфрамомъ, его соперникомъ въ любви къ Елизаветѣ, заставляетъ вспыхнуть въ сердцѣ Тангейзера старое чувство съ новой силой... и вотъ онъ снова въ замкѣ ландграфа, передъ лицомъ своей прежней возлюбленной. Встрѣча Тангейзера съ Елизаветой также поражаетъ своей музыкальной красотой и проникновенностью. „Изъ глубины души своей хвалю я это чудо“—вырывается изъ груди Елизаветы каскадомъ прекрасныхъ и нѣжныхъ звуковъ, которые сопровождаются въ оркестрѣ пятью бурными аккордами, обрисовывающими порывъ Тангейзера...

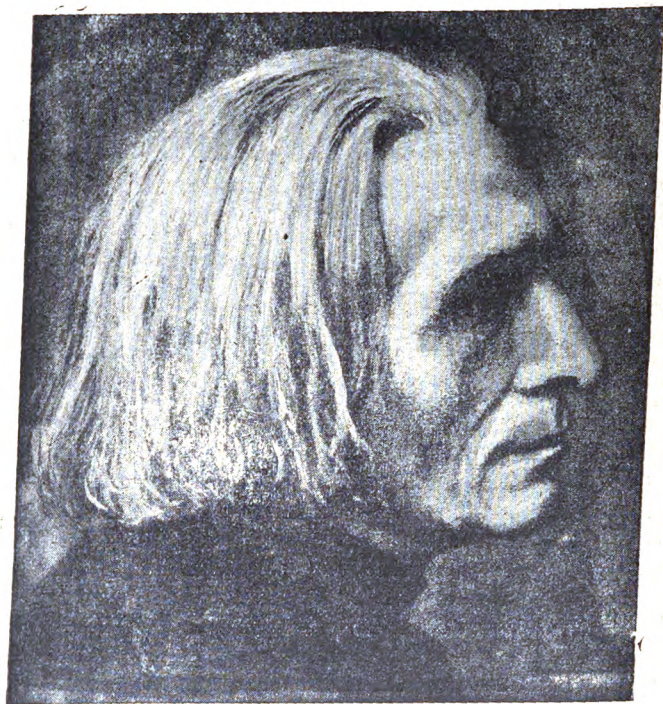
Приходу пѣвца и рыцаря Тангейзера рады въ Вартбургскомъ замкѣ. Ландграфъ затѣялъ небывалый праздникъ: состязаніе пѣвцовъ въ прославленіи любви. Тангейзеръ долженъ принять участіе въ этомъ состязаніи. Да онъ и не думаетъ отказываться. Музыка прекрасно передаетъ то различіе, которое должно было быть, по необходимости, между рыцарями мирнаго Вартбургскаго замка, и Тангейзеромъ, только что вырвавшимся изъ сладострастнаго грота Венеры: мелодичныя и пѣвучія аріи первыхъ противопоставлены страстному и бѣшенному речитативу второго. Пѣсня увлекаетъ Тангейзера, онъ весь охваченъ только что пережитыми наслажденіями грота Венеры и торжественный гимнъ въ честь Венеры оглашаетъ благочестивыя залы Вартбургскаго замка. Можно ли было допустить такое богохульство! Рыцари не могутъ ему простить этого, и только заступничество Елизаветы спасаетъ его отъ кровавой расправы. Да и онъ самъ опомнился. Онъ самъ понималъ, какой крѣпкой паутиной обтянула всю его душу языческая богиня... Съ крикомъ раскаянія: „сжался надомной“, напоминающимъ стонъ раненаго звѣря, онъ бросается къ ногамъ Елизаветы и въ это же время звуки гимна паломниковъ доносятся до его слуха. Мысль о томъ, что и онъ сумѣетъ найти себѣ пути къ спасенію, что не все и для него закрыто, вихремъ проносятся въ его мозгу. „Слезы“,—описываетъ эту сцену самъ Вагнеръ,—„слезы невыразимаго горя падаютъ у него изъ глазъ; его влечетъ съ непреодолимой силой къ Елизаветѣ, на которую онъ не осмѣливается поднять глазъ, и съ полнымъ благоговѣніемъ онъ прижимаетъ къ устамъ подолъ ея платья; потомъ онъ поспѣшно выпрямляется, изъ груди его вырывается крикъ „въ Римъ!“, и этотъ крикъ полонъ такой выразительности, какъ будто въ груди его тѣснятся всѣ когда-либо горѣвшія надежды на обновленіе жизни, и порывисто быстрыми шагами онъ убѣгаетъ со сцены“... Музыка этого мѣста считается однимъ изъ перловъ человѣческаго творчества. Вагнеръ, по словамъ Листа, поднимается здѣсь, „до послѣднихъ границъ музыкальной выразительности“... Но Римъ не могъ дать спасенія Тангейзеру, который для этого былъ слишкомъ крупной величиной. Разочарованный онъ готовъ снова броситься въ объятія Венеры, но смерть великодушной Елизаветы

разбиваетъ окончательно тѣ цѣпи, которыми сковала молодого рыцаря языческая богиня. Здѣсь снова мы встрѣчаемся съ замѣчательнымъ въ музыкальномъ отношеніи мѣстомъ. „Разсказъ Тангейзера“,—говоритъ г. Каппъ,—„знаменуетъ высоко характерную ступень въ художественномъ развитіи Вагнера: здѣсь впервые появляется его музыкально-драматическій стиль, проведенный съ непогрѣшимой послѣдовательностью. Онъ порвалъ здѣсь съ общеупотребительными оперными традиціями. Голосовая партія всюду ограничена декламаціей: эта партія поддержана оркестромъ, дополняющимъ, объясняющимъ и освѣщающимъ ее, нигдѣ ея ни затирая. Въ этомъ разсказѣ заложенъ фундаментъ новаго искусства. Онъ былъ такимъ новшествомъ, что нечего и удивляться, когда онъ встрѣчался сначала лишь съ враждебнымъ отношеніемъ и оставался непонятнымъ“...

Если въ „Тангейзерѣ“ Вагнеру еще пришлось считаться съ историческимъ элементомъ, то въ „Лоэнгринѣ“ онъ цѣликомъ имѣетъ дѣло только съ сагой, только въ полетахъ чистой фантазіи, и это обстоятельство необычайно благотворно отразилось на музыкѣ произведенія, которая поражаетъ своей цѣлостностью, своей систематичностью. По словамъ Листа, во всемъ Лоэнгринѣ нельзя найти ни одной фразы, ни одного эпизода, ни одного пассажа, который можно было бы понять, какъ слѣдуетъ, внѣ тѣсной связи съ цѣлымъ произведеніемъ. Сага о Лоэнгринѣ давно привлекала и восхищала Вагнера. „Одна“,—говоритъ онъ,—„исконная и на всѣ лады повторяемая черта проходитъ въ сагахъ народовъ, обитающихъ въ приморскихъ странахъ или на берегахъ рѣкъ, впадающихъ въ морѣ; по голубому зеркалу водъ къ нимъ приходитъ неизвѣстный рыцарь, безконечно храбрый и добродѣтельный; онъ приводитъ всѣхъ въ восторгъ и неотразимо очаровываетъ всякое сердце; онъ былъ воплощенной идеальной грезой мечтателя, которому рисовались картины блаженства въ заморскихъ странахъ, которыхъ онъ никогда не могъ узнать. Незнакомецъ исчезаетъ и уплываетъ обратно по морскимъ волнамъ, лишь только хотѣть узнать о его происхожденіи. Этотъ основной мотивъ старинной саги слился въ старофранцузскихъ поэмахъ съ сагой о рыцарѣ лебедѣ. Послѣ тщательнаго и кропотливаго изслѣдованія множества матеріаловъ, относящихся, какъ къ самой сагѣ, такъ и къ описываемой эпохѣ, Вагнеръ далъ прекрасное въ поэтическомъ и драматическомъ отношеніи произведеніе, скелетъ котораго сводится къ слѣдующему. Ортруда (образъ демонически страшной женщины, введенный въ драму самимъ Вагнеромъ) приноситъ ложный доносъ на чистую и прекрасную Эльзу, брабантскую принцессу, обвиняя ее въ томъ, что она умертвила своего брата, наследника престола. Король Гернихъ Птицеловъ велитъ въ виду запутанности дѣла рѣшить дѣло судомъ Божьимъ. Эльза жадно ждетъ избавителя, который бы вышелъ за нее на поле. Но ожиданія и мольбы ея напрасны: ни одинъ рыцарь не хочетъ за нее вступить... Она уже готовится къ вѣрной гибели, какъ вдругъ появляется лебедь. Онъ ведетъ челнокъ, въ которомъ сидитъ таинственный рыцарь. Рыцарь выходитъ на поединокъ и остается побѣдителемъ. Это былъ Лоэнгринъ (Лозранъ Гринъ или Гринъ лотарингскій), полубожественное существо. Но исключительное положеніе тяготитъ Лоэнгрина, онъ готовъ промѣнять одиночество идеальнаго существа на обыкновенную жизнь человѣка. Ему надо найти для этого женщину, которая полюбила бы его безпредѣльно и повѣрила бы въ него безъ раздумья. Она не должна пытаться узнать что-либо изъ его прошлаго. Прекрасная и чистая Эльза кажется ему именно такой женщиной. Сама она увлекается своимъ спасителемъ. Его благородная душа поднимаетъ и

ее надъ обычнымъ уровнемъ. Она готова принять и исполнить заветъ, никогда и ничего не спрашивать о прошломъ своего мужа... Но подчасъ проходить, и Эльза въ брачную ночь нарушаетъ заветъ, ставитъ запертый вопросъ. Лоэнгринъ рассказываетъ ей о томъ, что онъ сынъ рыцаря Парсифаля, короля Граля, и что его миссія—защитать невинныхъ. Её нарушение завета Эльзой уничтожаетъ для Лоэнгринна всякую возможность воспользоваться земнымъ счастьемъ. Онъ исчезаетъ.

Какъ много пришлось Вагнеру вложить своего въ эту красивую легенду для того, чтобы придать ей изящный видъ, можно судить хотя бы по слѣдующимъ его словамъ. „Старонѣмецкая редакція поэмы является самой убогой и жалкой изъ всего, что дошло до насъ по этому поводу, и я чувствую себя безконечно удовлетвореннымъ и счастливымъ, такъ

Францъ Листъ, поддерживавшій неоднократно Р. Вагнера и морально и материально. Дочь Листа въ 1866 г. стала второй супругой Вагнера.

какъ мнѣ удалось освободить дотолѣ почти совсѣмъ неизвѣстную сагу отъ мусора плохой прозаической трактовки старыхъ поэтовъ и снова поднять ее на высоту огромнаго, высокохудожественнаго значенія путемъ моей собственной изобрѣтательности и перелицовки“. Ясные слѣды глубокой и кропотливой работы видны на всей той прекрасной картинѣ культуры Х вѣка, которую онъ даетъ на протяженіи своей оперы. Божій судъ, вызовъ на поединокъ, празднество свадьбы и другія церемоніи,—все это изображено съ удивительной исторической точностью.

Въ отношеніи музыки „Лоэнгринъ“ дѣлаетъ огромный шагъ впередъ по сравненію даже съ „Тангейзеромъ“. Чрезвычайно цѣнные измѣненія въ оркестровкѣ пьесы, окончательное подчиненіе мелодіи дѣлаетъ драматической выразительности, первенство „речитатива“,—таковы основныя черты музыкальнаго творчества Вагнера въ „Лоэнгринѣ“. Въ заключеніе скажемъ,

В истинн что многіе видятъ въ „Лоэнгринъ“ воспроизведеніе Вагнеромъ драмы его
муз... собственной жизни,—драмы его „художественнаго одиночества“.

Кромѣ этихъ двухъ оперъ, за тотъ же дрезденскій періодъ Вагнеръ
ѣтъ, ста... написалъ нѣсколько очень цѣнныхъ музыкальных произведеній. Къ та-
) онъ с... ковымъ относится библейская сцена для мужского хора и большого орке-
тъ ве... стра: „Братская трапеза апостоловъ“ на тему о сошествіи Св. Духа, вернув-
сякую... шаго апостоламъ мужество и желаніе продолжать проповѣдь, не взирая ни
въ эт... на какія гоненія. Таковъ траурный маршъ для 75 инструментовъ и 20 ба-
но суд... рабановъ, написанный по случаю перенесенія останковъ знаменитаго ком-
позитора Вебера. Наконецъ, имъ сдѣланъ былъ цѣлый рядъ набросковъ
по эт... и подготовительныхъ изслѣдованій для его будущихъ знаменитыхъ работъ
истинн... и написано нѣсколько выдающихся по мыслямъ и по формѣ статей.

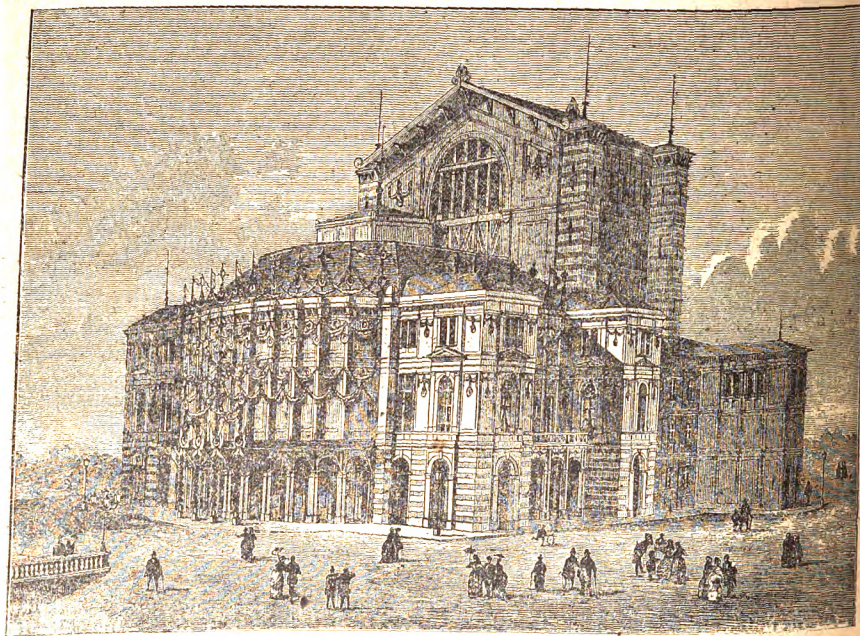
Мы видѣли то глубокое неудовлетвореніе, которое испытывалъ Ваг-
неръ отъ своей дрезденской службы. Здѣсь онъ окончательно убѣдился,
что та реформа искусства, которую онъ считалъ столь необходимой для,
человѣчества, никогда не будетъ произведена буржуазіей и бюкратіей
захватившими власть и денежные средства въ свои цѣпкія руки. Эти
мысли, надъ которыми онъ усердно работалъ, подготовили его къ вос-
пріятію революціонныхъ идей и заставили такъ или иначе принять откры-
тое участіе въ революціонныхъ выступленіяхъ 48-го года. Его статьи того
времени ярко обрисовываютъ его тогдашнія настроенія. Онъ рѣзко выска-
зывается противъ аристократизма, убѣждается въ необходимости „пере-
распредѣленія незаслуженнаго права голосованія и права быть избран-
нымъ“, доказываетъ, что организація общенародной милиціи является
однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ для освобожденія рода человѣ-
ческаго отъ господства золота. Ясно, что эти взгляды должны были повести
Рихарда Вагнера въ ряды республиканцевъ, и въ статьѣ „Какъ относятся
республиканскія стремленія къ королевской власти?“ онъ беретъ на себя обя-
занность дать совѣтъ королю стать „первымъ и лучшимъ республиканцемъ“...

Эти и подобныя имъ мысли, открыто высказываемыя „королевскимъ
капельмейстеромъ“, не могли, конечно, остаться незамѣченными. Однако,
Рихардъ Вагнеръ не ограничился только пропагандой своихъ идей. Когда
въ 1849 г. вспыхнуло въ Дрезденѣ вооруженное возстаніе, онъ отдалъ
себя въ распоряженіе инсургентовъ и временнаго правительства. Высту-
пленіе дрезденскихъ революціонеровъ, во главѣ которыхъ мы находимъ
знаменитаго русскаго эмигранта М. Бакунина, было довольно быстро
подавлено прусскими штыками. Вагнеру пришлось бѣжать изъ Германіи:
его усердно разыскивала нѣмецкая полиція. Въ эту тяжелую полосу
жизни огромную помощь оказалъ Вагнеру Листъ, который съ самаго
начала сдѣлался горячимъ поклонникомъ таланта Вагнера, не смотря на
цѣлый рядъ рѣзкихъ личныхъ нападокъ, которые этотъ послѣдній позво-
лялъ себѣ по отношенію къ Листу въ литературѣ.

Итакъ, Вагнеръ волей неволей разрываетъ съ опостылившей ему
дрезденской службой. Онъ съ восторгомъ говорить о той свободѣ, которую
ему принесли всѣ эти событія. „Я не могу ни съ чѣмъ сравнить чувство
блаженства, проникавшее меня, когда я чувствовалъ себя свободнымъ,—
свободнымъ отъ мучительнаго свѣта, отъ никогда неисполнявшихся жела-
ній,—свободнымъ отъ отношеній, гдѣ эти желанія были моей единствен-
ной сердце раздирающей пищей! Такъ какъ ничто не обязывало меня,
розыскиваемого и преслѣдуемаго, къ какой бы то ни было лжи, такъ
какъ я оставилъ въ этомъ брэнномъ свѣтѣ всякую надежду и всякое
желаніе и могъ, не надѣясь на утѣнчаніе лаврами, кричать этому свѣту
громко и открыто, что я, художникъ, презираю его чисто внѣшнюю заботу

объ искусствѣ и культурѣ,—въ виду всего этого впервые въ своей жизни я чувствовалъ себя совсѣмъ свободнымъ, спасеннымъ и веселымъ, и я и не могъ знать, гдѣ я могу найти пристанище на ближайшій день вдыхать полной грудью воздухъ“.

Но эта свобода стоила Рихарду Вагнеру очень дорого. Онъ уѣзжалъ изъ Дрездена буквально нищимъ, хотя и получалъ тамъ довольно сноснаго содержаніе. Дѣло объясняется тѣмъ, что, не найдя издателей, Вагнеръ напечаталъ партитуры всѣхъ трехъ оперъ на свой счетъ. Для этого изданія ему пришлось влѣзть въ огромные долги, а между тѣмъ изданіе не расхodziлось. О томъ матеріальномъ положеніи, въ которомъ Вагнеръ находился наканунѣ революціи, достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ

Театръ Вагнера въ Байрейтѣ, въ Баваріи.

слѣдующее его признаніе: „съ великимъ трудомъ и страданіями я, сохраняя кое-какъ достоинство, могъ устоять съ поднятой головой противъ сплетень такого города, какъ Дрезденъ, ибо я часто считалъ себя счастливымъ, если я умѣлъ, не поднимая шума, достать себѣ на пропитаніе двадцать талеровъ“...

На первое время выручилъ Вагнера своей щедрой поддержкой Листъ. Но приходилось подумать о будущемъ. Какъ жить, когда свободное творчество вело Рихарда Вагнера къ такимъ произведеніямъ, которыя должны вывести человѣчество на новые пути музыкальнаго развитія, но за которыя современники не хотятъ дать и ломаннаго гроша? „Потрафлять“ ли на рыночный спросъ? Спуститься ли книзу, какъ сдѣлалъ Лозингринъ, или удержаться вверху? Вагнеръ, во что бы то ни стало, хотѣлъ остаться вверху: друзья и жена тянули его книзу, убѣждая его создать что-нибудь современное, что-нибудь такое, что можно было бы немедленно размѣнять на золото. Какого труда, какого мужества потре-

бывало отъ Вагнера рѣшеніе не подчиняться „вкусу публики“, свидѣтельствуеъ хотя бы его письмо, написанное въ тотъ моментъ, когда между нимъ и его женою Минной готовъ былъ произойти окончательный разрывъ (котораго все таки, въ концѣ концовъ, супругамъ Вагнеровъ удалось пока избѣжать). „Твои письма въ Бордо рѣшительно отогнали отъ меня послѣдній мой обманъ относительно насъ: я вѣрилъ, что я, наконецъ, обрѣту тебя, я мечталъ видѣть тебя, уступающей дорогу силѣ истинной любви,—и съ ужасной болью почувствовалъ, что мы болѣе не принадлежали другу другу... Съ тѣхъ поръ, какъ мы узнали другъ друга, то мягче, то рѣзче, но непрестанно къ нашему горю давало себя чувствовать полное, глубокое различіе нашихъ существъ... Со времени моей дрезденской службы стало выясняться твое нерасположеніе ко мнѣ, растущее одновременно и пропорціонально тому, какъ я,—забывая свой личный успѣхъ,—не могъ болѣе подчиняться жалкимъ распоряженіямъ дирекціи того художественнаго предпріятія и боролся съ ними въ интересахъ своего искусства и своей художественной и личной независимости... Когда я, глубоко разстроенный и взволнованный какимъ-нибудь новымъ зломъ или новой обидой, или новой неудачей, приходилъ домой,—что тогда я получалъ отъ своей жены взамѣнъ утѣшенія и душу возвышающаго участія? Упреки, новые упреки, ничеъ, кромѣ упрековъ! Мечтая о домашнемъ очагѣ, я все-таки оставался дома, но, въ концѣ концовъ, не для того, чтобы высказаться, получить участіе и поддержку, но чтобы молчать и давать своему горю терзать свое сердце—чтобы быть одному! Это вѣчное принужденіе, подъ ярмомъ котораго я уже давно жилъ и которое не позволяло мнѣ, не видя жестокихъ сценъ, идти своей дорогой, тяготило меня и подрывало мое здоровье. Чего стоить всякій тѣлесный уходъ, который, впрочемъ, ты щедро мнѣ предоставляла, по сравненію съ духовнымъ, необходимымъ человѣку съ моимъ глубокимъ темпераментомъ!.. Роковой часъ пробилъ: я долженъ бѣжать. Мнѣ удалось, наконецъ, сердечно и тепло проститься съ тобой въ Іенѣ. Это было моимъ утѣшеніемъ на чужбинѣ. Я думалъ только объ одномъ—скоромъ, немедленномъ свиданіи. Пламенно и воодушевленно я просилъ тебя объ этомъ. Наконецъ, я получилъ въ Парижѣ то несчастное письмо, которое своимъ отсутствіемъ любви и безсердечностью заединило меня. Ты сообщала мнѣ, что не желаешь пріѣхать раньше, чѣмъ я снова стану тебѣ близкимъ, благодаря заслугамъ на чужбинѣ; также ясно ты говорила, что болѣе не любишь меня... Ты пишешь мнѣ вновь, извѣщая о своемъ рѣшеніи пріѣхать въ Цюрихъ; теперь я могъ снова надѣяться! Да, я надѣялся, наконецъ, вполне чувствовать тебя своею, убѣдить тебя въ справедливости своихъ идей и добиться полного твоего довѣрія. Ты пріѣхала—какъ я былъ счастливъ! Но—о, я несчастный!—ты пріѣхала не ко мнѣ, а къ Вагнеру, который, какъ ты слышала, будетъ писать оперу для Парижа!.. О, ужасная ошибка наша должна была съ каждымъ днемъ обнаруживаться все болѣе. Всѣ мои планы и мысли были для тебя ужасны—ты гнушалась моими планами, хотя я тебѣ старался показать, что они для меня нужны, чѣмъ всякое бесполезное писаніе оперъ... Ты сожалѣла лишь о прошломъ—будущее ты представляла себѣ лишь въ видѣ примиренія съ нимъ или въ видѣ парижскаго успѣха. Все мое естество казалось тебѣ враждебнымъ и противорѣчащимъ: каждую минуту,—ахъ! каждымъ движеніемъ я дѣлалъ что-либо, тебѣ казавшееся неправильнымъ. Короче—теперь при тебѣ я чувствовалъ себя безпредѣльно одинокимъ, ибо я видѣлъ, что ты не можешь быть со мной. Только чтобы отдохнуть отъ тебя, я снова серьезно отнесся

къ парижскимъ планамъ... Но я еще боролся и не вѣрилъ, что я, действительно, долженъ ѣхать въ Парижъ; слабый, шатаясь на ногахъ, пришелъ къ тебѣ и спросилъ: „Минна, развѣ не долженъ я, по крайней мѣрѣ, подождать письма отъ Беллони?“ Но тебѣ скоро наскучили длинные разсужденія; къ тому же ты, наконецъ, хотѣла вымыть комнату и вычистить квартиру; короче—ты и тутъ не поняла меня, несчастнаго!.. Это письмо, являющееся крикомъ наболѣвшей души, представляетъ собой чрезвычайно цѣнный автобіографическій документъ. Мы видимъ изъ него, что даже у домашнего очага, гдѣ бы онъ могъ отогрѣться душой, его художественныя исканія наталкивались на грубое сопротивление. Какъ же огромной силой духа долженъ былъ обладать великій композиторъ, чтобы, не взирая ни на что, все же идти своей собственной дорогой!

Съ 1849 по 1859 г. Вагнеръ провелъ въ Швейцаріи. Изъ всего швейцарскаго періода мы остановимся только на тѣхъ біографическихъ фактахъ, которые имѣютъ наибольшее значеніе для творчества Рихарда Вагнера. Мы знаемъ, какъ трудно налаживался у него вопросъ съ заработкомъ. Безъ помощи друзей Вагнеръ не могъ бы продолжать не только своего творчества, но и существованія. Къ счастью не только для Вагнера, но и для всего человѣчества такіе люди всегда подвергались на пути Вагнера въ самыя тяжелыя минуты жизни. О знаменитомъ Листѣ, которому Вагнеръ обязанъ былъ не только щедрой денежной поддержкой, но и постановкой въ Веймарѣ нѣсколькихъ его произведеній, не попадавшихъ нигдѣ на сцену, мы уже говорили. Изъ остальныхъ друзей его мы должны упомянуть о Везендонкѣ, которые помогли ему около Цюриха устроить, рядомъ со своей роскошной вилой, скромный, но удобный особнячекъ. Жена Везендонка—Матильда—была связана съ Вагнеромъ чувствомъ глубокой любви, которой однако не суждено было перейти въ близость. Для выясненія этого эпизода, чрезвычайно важнаго въ жизни великаго композитора, мы приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ писемъ самого Вагнера. „Ея величіе состояло въ томъ“,—говоритъ онъ,—„что она постоянно освѣдомляла своего мужа о своей внутренней жизни и мало по малу внушила ему полную вѣру въ себя. Какими жертвами и борьбой было достигнуто это, легко понять: добиться такого результата могла помочь ей лишь глубина и возвышенность ея далекаго отъ всякаго эгоизма характера, который далъ ей силу показать себя мужу такой достойной, что онъ, когда въ концѣ концовъ ей могла угрожать смерть, отошелъ отъ нея и долженъ былъ доказывать ей свою неугасшую любовь тѣмъ, что самъ помогалъ ей въ ея заботахъ обо мнѣ. Наконецъ, для него имѣло значеніе сохранить мать своимъ дѣтямъ, и ради этого онъ покорился своему подчиненному положенію, что связало насъ обоихъ самымъ непреодолимымъ образомъ. Такъ она умѣла его, снѣдаемаго ревностью, заинтересовать мною до такой степени, что онъ часто помогалъ мнѣ; когда же нужно было создать для меня, по моему желанію, домикъ съ садомъ, она съ неслыханной борьбой добилаь отъ него, чтобы былъ купленъ для меня прекрасный участокъ земли подлѣ его собственнаго. Удивительнѣе всего то, что я никогда не предчувствовалъ той борьбы, которую она вела за меня; ея мужъ долженъ былъ ради нея держать себя по отношенію ко мнѣ дружески непринужденно; мрачное лицо не должно было что-нибудь выяснять мнѣ, не должно было затронуть меня хоть на волосъ: ясно и безоблачно долженъ былъ разкинуться надо мной небосводъ, спокойными и мягкими должны были быть шаги мои, куда бы я ни шелъ. Такого

Вѣрѣ, неслыханнаго результата добилаcь эта чудесная любовь чистой, благород-
атая и ной женщины...

А вотъ и развязка этого глубоко печальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ
глубоко радостнаго романа въ жизни Вагнера. „Жена моя“,—разсказы-
ваетъ онъ,—„казалось понимала разумнымъ инстинктомъ женщины все
происходившее: хотя часто она держала себя ревниво, насмѣшливо и
унизительно, но она терпѣла нашу короткость, которая, какъ она угады-
вала, не оскорбляла нравственность и только давала намъ возможность
близко знать другъ друга. Такимъ образомъ, я допускалъ, что Минна
разсудительна, и считалъ, что ей лично здѣсь нечего бояться, такъ какъ
о нашемъ сближеніи почти нельзя было и думать, и что снисходитель-
ность съ ея стороны была бы самымъ разумнымъ и лучшимъ. Но мнѣ
предстояло убѣдиться, что я ошибался; бессмыслица дошла до моихъ
ушей, и, наконецъ, она до того потеряла способность мыслить, что пере-
хватила мое письмо и распечатала его. Это письмо, если бы только она
хоть приблизительно могла его понять, могло бы
даже дать ей желанное успокоеніе, ибо темой
его было наше отреченіе. Но она остановила
свое вниманіе лишь на сердечныхъ выраженіяхъ
и потеряла разсудокъ. Въ бѣшенствѣ она при-
шла ко мнѣ и вынудила меня спокойно и рѣ-
шительно разсказать ей, что она сама себѣ
причинила несчастье, распечатавъ письмо, и
что мы должны будемъ разойтись, если она не
сумѣетъ сдержаться. При этомъ мы и остались,
я—спокойно, она—страдая. На другой день мнѣ
стало ея жалко. Я пришелъ къ ней и сказалъ:
„Минна, ты очень больна!“ Мы придумали для
нея планъ лѣченія, она, казалось, успокоилась;
день отъѣзда на курротъ приближался. Но она
хотѣла раньше поговорить съ г-жею Везендонкъ.
Я рѣшительно запретилъ ей это. Все убѣждало
меня мало по малу ознакомить Минну съ ха-
рактеромъ нашихъ отношеній съ той женщиной,
чтобы убѣдить ее, что существованію нашего брака
ничто не угрожаетъ и что она должна была
только разумно, осмотрительно и благородно вести себя, отказаться отъ
глупой мести и всячески избѣгать шума. Наконецъ, она обѣщала мнѣ
это. Но ей это не давало покоя. Незамѣтно для меня, она отправилась
на виллу и, даже хорошо этого не понимая, грубѣйшимъ образомъ оскор-
била нѣжную женщину. Такъ какъ она сказала: „будь я обыкновенной
женщиной, я съ этимъ письмомъ пошла бы къ вашему мужу!“, то и
г-жѣ Везендонкъ, которая дала себѣ слово никогда не имѣть тайнъ отъ
мужа, ничего не оставалось кромѣ того, чтобы тотчасъ разсказать своему
мужу объ этой выходкѣ и ея основаніяхъ... Естественно, что послѣ
этого происшествія Везендонкъ и Вагнеры не могли оставаться добрыми
сосѣдями. Скрѣпя сердце, покинулъ нашъ композиторъ дорогой ему уго-
локъ, унося въ душѣ только что пережитую сложную и красивую драму,
которая легла въ основу величайшаго его произведенія „Тристанъ и
Изольда“ (Дѣйство въ 3 актахъ).

„Тристанъ“,—говоритъ Каппъ, — „пограничный столбъ въ исторіи
музыки; онъ сдѣлался самымъ замѣчательнымъ изъ созданій Вагнера съ

Англійская карикатура
на Р. Вагнера.
„Figaro“, Лондонъ, 1876.

точки зрѣнія будущаго“... Въ этомъ произведеніи нашли воплощеніе важнѣйшіе идеалы Вагнера, какъ художника. „Къ этому произведенію“, говоритъ онъ самъ,—„я могу разрѣшить отнестись съ самыми скромными вытекающими изъ моихъ теоретическихъ предпосылокъ требованіями: потому, чтобы я творилъ его по своей системѣ—вѣдь я забылъ всякую теорію,—но потому, что здѣсь, наконецъ, съ полной свободой совершеннымъ неуваженіемъ ко всякимъ теоретическимъ уменьшеніямъ мнѣ удалось творить такъ, что я при выполненіи заданія былъ только самимъ собою и какъ бы оставилъ далеко за собою всякую надуманную систему. Не можетъ быть большаго наслажденія, чѣмъ полная непосредственность художника во время творческаго процесса, и эту непосредственность ощущалъ при созданіи „Тристана“. Быть можетъ, это случилось возможнымъ потому, что предыдущій рефлексивный періодъ укрѣпилъ мои силы приблизительно такъ же, какъ нѣкогда удалось укрѣпить ихъ изученіемъ труднѣйшихъ контрапунктическихъ тонкостей моего учителю“...

Къ какимъ же теоретическимъ соображеніямъ пришелъ Вагнеръ къ этому времени? Каковъ, слѣдовательно, былъ тотъ фундаментъ, на которомъ онъ безсознательно въ минуты вдохновенія возводилъ зданіе новой музыки? На эти вопросы отвѣтъ даютъ его теоретическія работы, написанныя имъ въ этотъ періодъ, а особенно его статья „Опера и драма“. Цѣлю всякаго опернаго произведенія онъ считаетъ драму, музыка же должна быть только средствомъ, углубляющимъ, расширяющимъ и дополняющимъ драматическое дѣйствіе. Между тѣмъ, въ наиболѣе признанныхъ, наиболѣе распространенныхъ операхъ того времени получилось совершенно обратное положеніе: средство выраженія (музыка) становится цѣлью, а цѣль (драма)—лишь средствомъ. Въ этомъ по Вагнеру заключается упадокъ современной музыки. Однако, музыку не слѣдуетъ разсматривать, какъ дополненіе къ драмѣ. Она должна также сливаться съ драмой, какъ сливается съ ней рѣчь, человѣческое слово. Музыка въ драмѣ надолго отвести почетное и важное мѣсто, такъ какъ человѣческое слово не въ силахъ выразить всѣхъ душевныхъ движеній челоѣка, и въ этой-то области на помощь драмѣ и должна приходять музыка, благодаря которой и открывается возможность выразить невыразимое словами, углубить жизнь, мысль и освѣтить предчувствіе. Такимъ образомъ высшая и новая форма художественнаго творчества будетъ представлять собой всеобъединяющую драму, въ которой дѣйствіе, слово и музыка будутъ гармонично сливаться въ одно цѣлое: „мелодія стиха будетъ здѣсь центральнымъ пунктомъ, языкъ звуковъ—всеобъемлющей связью, оркестръ—органомъ выраженія, дающимъ цѣлостность впечатлѣнія, а мелодическіе моменты—драматическими мотивами“, такъ формулируетъ соответствующія мысли Вагнера г. Каппъ. „То, что рѣшаетъ здѣсь Вагнеръ“,—продолжаетъ тотъ же изслѣдователь,—„ни въ какомъ случаѣ не воплотитъ ново, какъ это кажется на первый взглядъ и какъ онъ самъ думаетъ; у колыбели искусства будущаго стоитъ не Вагнеръ; но ему, какъ органическому звену длинной цѣпи предшественниковъ, было суждено многое превзойти, увѣнчать дѣло и завершить и осуществить рѣдкія попытки и стремленія предшественниковъ благодаря своей разносторонней одаренности и находящимся въ его распоряженіи улучшеннымъ средствамъ выраженія“...

Мы не можемъ здѣсь входить въ тѣ сложныя и слишкомъ спеціальныя подробности музыкальныхъ приѣмовъ Вагнера, при помощи которыхъ съ каждымъ своимъ произведеніемъ Вагнеръ все ближе и ближе подвиг-

нашли видѣніе къ поставленному имъ идеалу. Достаточно сказать, что выдающіеся тому композиторы согласны, что музыка „Тристана и Изольды“ должна быть признана за одно изъ самыхъ глубокихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ яркихъ произведеній музыкальнаго міра, что Вагнеръ сумѣлъ при помощи ея выразить самые нѣжные отзвуки душевныхъ переживаній и передать самыя тонкіе оттѣнки настроеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Вагнеру въ высокой степени удалось реализовать при помощи оркестра ту „вѣчную мелодію“, изъ которой „мотивы развиваются, связываются, развязываются, вновь развиваются, растутъ, такуютъ, вступаютъ въ борьбу, свиваются даже почти переплетаются въ связи и сообразно съ требованіемъ мимолетнаго настроенія“ (Каппъ) и которую самъ Вагнеръ символизируетъ въ слѣдующемъ красивомъ сравненіи. „Когда, ошеломленный всевозможными впечатлѣніями, человѣкъ, придя въ лѣсъ, кидается во власть нахлынувшихъ, еще неизвѣданныхъ настроеній и когда, открывъ свою освобождающуюся отъ наплыва городского шума душу для новыхъ воспріятій и слушая какъ бы новыми ушами, такой человѣкъ начинаетъ воспринимать окружающее все глубже и глубже, — тогда все яснѣе до уха его доходить безконечно-разнообразные зарождающіеся въ лѣсу звуки; появляются все новые многоразличные тоны, какихъ онъ никогда не рассчитывалъ услышать; все увеличиваясь въ числѣ, они достигаютъ до рѣдкой силы; все громче и громче звучатъ они, и чѣмъ больше голосовъ и отдѣльныхъ мелодій воспринимаетъ онъ, тѣмъ яснѣе, кажется ему, беретъ верхъ единая, вмѣщающая въ себѣ всѣ тоны великая мелодія лѣса; эта мелодія съ самаго начала повергла его въ такое же благоговѣнное настроеніе, въ какое повергала его взглядъ на бездонную глубину ночного неба, и чѣмъ пристальнѣе этотъ взглядъ созерцаетъ небо, тѣмъ яснѣе, свободнѣе и отчетливѣе становится безчисленное звѣздное воинство. Эта мелодія будетъ вѣчно звучать въ немъ, но напѣть ее онъ не можетъ, — чтобы вновь услышать ее, ему придется опять идти въ лѣсъ, — идти непремѣнно лѣтнимъ вечеромъ. Какъ глупо, если бы ему захотѣлось поймать одного изъ милыхъ лѣсныхъ пѣвуновъ, приучить такого пѣвуна къ дому и заставлять его просвистѣть жалкій отрывокъ той великой лѣсной мелодіи!“...

Темой для „Тристана и Изольды“ была взята одна изъ рыцарскихъ сагъ. Мы знаемъ, съ какой тщательностью обрабатывалъ Вагнеръ выбранный имъ для своихъ произведеній сага. Въ результатъ хлопотливаго и тщательнаго изученія и въ данномъ случаѣ Вагнеръ вынулъ только самую цѣнную сердцевину народнаго творчества и обработалъ ее согласно тѣмъ задачамъ, которыя онъ передъ собою поставилъ. Въ результатъ „Тристанъ и Изольда“ не переработанная для оперы сага, а великолѣпная драма, самостоятельно созданная Вагнеромъ. Перейдемъ же къ содержанію этой драмы. Изольда — ирландская царевна. Тристанъ — безупречный рыцарь, племянникъ корнвалійскаго царя Марка. Случайная встрѣча молодыхъ людей зажигаетъ любовь въ ихъ сердцахъ. Восторженный рассказъ Тристана о благородной Изольдѣ возбуждаетъ при корнвалійскомъ дворѣ вопросъ о женитьбѣ на ней Марка. Женитьба короля — конецъ карьеры Тристана, такъ какъ съ появленіемъ потомства Марка, Тристанъ устраняется отъ престола. Женитьба Марка на Изольдѣ — двойной ударъ для Тристана, теряющаго навсегда свою возлюбленную. Но гордый Тристанъ не можетъ допустить мысли, что онъ устраиваетъ свадьбу своего друга-короля изъ за какихъ-то личныхъ расчетовъ. Онъ, Тристанъ, первый подхватываетъ и развиваетъ эту мысль о женитьбѣ Марка на Изольдѣ. Даже больше того, онъ принимаетъ на себя обязанность свата и коман-

дованіе кораблемъ, который долженъ привести Изольду. И снѣ, дѣйствительно, появляется у береговъ Ирландіи и предлагаетъ Изольдѣ, которая ждала его, руку своего дядюшки. Изольда поражена, унижена; но отъ могущественному царю немислимъ. И вотъ она на кораблѣ, который ведетъ самъ Тристанъ для того, чтобы отдать ее въ руки хотя и незнакомца, но уже ненавистнаго ей человѣка. Она должна услышать объясненія этого неслыханнаго, этого позорнаго поведенія изъ устъ самаго Тристана! Но Тристанъ „малодушно“ избѣгаетъ всякихъ объясненій, онъ никогда еще не любилъ такъ безумно своей Изольды, какъ любитъ ее сейчасъ. О! Изольда развяжетъ уста своему Тристану! Съ кубкомъ въ рукѣ, въ который она велѣла своей вѣрной Брангенѣ налить вина, она приходитъ къ Тристану и говоритъ о томъ, что только смерть можетъ прекратить тѣ страданія, на которыя она обречена измѣной Тристана. Но смерть и для Тристана — желательная искупительница. Она раздѣлитъ кубокъ съ Изольдой и свою любовь и свои страданія... Они выпиваютъ кубокъ, но жизнь не хочетъ разстаться съ ними. Брангенѣ пожалѣла свою госпожу, и ядъ подмѣнила безвреднымъ напиткомъ — „даровала жизнь тѣмъ, кто уже былъ во власти смерти“... Но развѣ спасеніе хоть на каплю можетъ измѣнить то положеніе, въ которомъ они находятся? Ихъ избавительницей все равно остается смерть! И вотъ послѣднее ихъ свиданіе. Страстный, но цѣломудренный гимнъ любви и смерти вырывается изъ ихъ груди. Но судьба сама готовитъ ту смерть, куда рвется душа ихъ. Провожая возлюбленную темной ночью, Тристанъ натывается на мечъ и смертельно ранитъ себя. Смерть теперь — неизбежна, но жажда жизни минутами ярко вспыхиваетъ въ молодомъ тѣлѣ. Наконецъ, борьба окончена, — желаніе смерти побѣдило. Тристанъ при видѣ приближающейся къ нему Изольды срываетъ повязки и истекаетъ кровью, — дверь въ царство смерти захлопывается за нимъ. На трупъ любимаго человѣка Изольда также отказывается отъ „краткаго, земного счастья“... Въ этомъ замѣчательномъ произведеніи Вагнера нетрудно прослѣдить вліяніе двухъ фактовъ — только что пережитой драмы его любви къ г-жѣ Везендонкъ и философіи Шопенгауэра, которымъ онъ увлекался въ Швейцаріи.

Годы, когда былъ законченъ „Тристанъ“, представляютъ нѣсколько важныхъ событій въ личной жизни Вагнера. Прежде всего, онъ не удержался на высотѣ незапятнаннаго политическаго благородства и подалъ прошеніе о помилованіи.хлопоты могущественныхъ поклонниковъ его таланта привели къ благополучному концу этого прошенія, и Вагнеру было разрѣшено жить въ Германіи, за исключеніемъ Саксоніи. Вагнеръ устроился въ маленькомъ мѣстечкѣ на Рейнѣ — Бибрихѣ. Къ нему рѣшила возвратиться Минна, но это была послѣдняя встрѣча супруговъ. Уже на второй день, по пріѣздѣ Минны, она устроила своему мужу нестерпимый скандалъ по поводу случайно полученнаго имъ письма отъ г-жи Везендонкъ „Вновь“, — говоритъ онъ, — „стало неопровержимо яснымъ все безуміе нашего семейнаго очага. Это едва не стоило мнѣ разсудка. Слово за слово совершенно тѣ же упреки, тотъ же самый грубый тонъ, подозрѣніе, недовѣрчивость, истолковываніе каждаго слова въ другую сторону. Наконецъ, вновь усилившіяся страданія сердца моей жены... То было десять дней ада!.. Продолженіе или возобновленіе нашей совместной жизни становилось, такимъ образомъ, самымъ глупымъ и бессмысленнымъ, какимъ только могло быть“... Супруги разошлись теперь уже навсегда, но Вагнеръ въ теченіе всей послѣдующей жизни Минны оказывалъ ей

имую щедрую поддержку, хотя самъ не разъ бывалъ за это время на ду. П. раю полного разоренія и крайней нужды.

Впрочемъ, не приходится удивляться, что большія средства, которыми теперь уже чаще и чаще стали попадать въ руки Вагнера, оказывались для него недостаточными. Его обуяло какое-то безуміе роскоши. Онъ любилъ какъ описываетъ г-жа Берта Гольдвагъ его временное жилище у Жюко Вѣны. „Вагнеръ постоянно хвалилъ мою всестороннюю одаренность. Когда онъ переселился въ Пенцингъ (подъ Вѣной), я должна была убрать въ обш. его жилище. Всѣ до одной комнаты не представляли трудностей, ибо всѣ помѣщенія были устроены элегантно, но въ общепринятомъ стилѣ. Но одно помѣщеніе было убрано съ расточительною роскошью, по точ-

нѣ потому указанію Вагнера. Стѣны въ были обиты шелкомъ, и всѣ онѣ въ были убраны гирляндами. Съ потолка свѣтился внизъ удивительный свѣтильникъ со смягченнымъ свѣтомъ. Весь полъ покрывали темные, необыкновенно мягкіе ковры, въ которыхъ нога положительно утопала. Меблировка состояла изъ маленькой софы, одного кресла и небольшого стола. И кресло и софа были покрыты дорогими покрывалами и подушками, на которыя онъ упирался локтями. Въ эту комнату никому не позволялось входить. Все время до обѣда Вагнеръ обыкновенно проводилъ тамъ. Онъ сказалъ мнѣ однажды, что онъ особенно хорошо чувствуетъ себя въ этой комнатѣ, такъ какъ роскошное сочетаніе красокъ возбуждаетъ сильно его работоспособность. Тамъ онъ носилъ атласные пантолоны и подходящую къ нимъ куртку. Мнѣ пришлось хорошенько выстегать ватой всю его одежду, такъ какъ онъ вѣчно жаловался, что ему холодно. Даже всѣ его костюмы для улицы были сдѣланы на тяжеломъ атласѣ... Само собою разумѣется, что къ цвѣтному платью онъ пожелалъ имѣть точно такую же обувь, которую также пришлось подбить, насколько возможно, ватой и мѣхомъ“. Дороговизна всѣхъ этихъ затѣй въ необычайной степени возрастала еще благодаря тому, что Вагнеръ долго не оставался на одномъ мѣстѣ: то онъ возился гдѣ-нибудь съ постановкой своихъ оперъ, то хлопоталъ объ изданіи ихъ, то просто на просто скрывался отъ своихъ кредиторовъ.

Но Вагнеръ былъ необычайнымъ человѣкомъ не только по своему таланту, но и по своей судьбѣ. Въ одну изъ такихъ минутъ, когда, затравленный кредиторами, онъ велъ полунищенскую жизнь въ какомъ-то захолустѣ, его съ трудомъ разыскалъ личный секретарь только-что вступившаго на престолъ прекраснаго и молодого баварскаго короля Людвига II, большого поклонника таланта Вагнера. Въ собственноручномъ письмѣ

Карриатура на переииску, Р. Вагнера съ вѣнской модисткой. „Puck“, 1877.

молодого короля между прочимъ было сказано: „Будьте убѣждены, что я хочу сдѣлать все, что только въ моихъ силахъ, чтобы вознаградить васъ за прошлыя страданія; я хочу навсегда отогнать отъ вашего чела вѣчныя повседневныя заботы и доставить вамъ желанный покой, чтобы вы могли безъ помѣхи расправить могучія крылья вашего генія въ чистомъ воздухѣ вашего воспитательнаго искусства! Не зная того, вы были для меня съ самаго моего нѣжнаго возраста единственнымъ источникомъ радости; другомъ, говорившимъ моему сердцу такъ, какъ никто, моимъ лучшимъ учителемъ и начальникомъ... Разъ я имѣю власть, я хочу ее использовать, чтобы уладить вашу жизнь. Никакія путы не должны васъ связывать; свободно и неограничено вы должны отдаться только вашему чудесному искусству такъ, какъ васъ учить вашъ духъ“.

Щедрый подарокъ короля, которымъ сопровождалось пригласительное письмо, дали возможность Вагнеру совершенно выпутаться изъ долговъ, задавившихъ его. 4 мая 1864 года произошла первая встрѣча Вагнера съ баварскимъ королемъ. Нечего и говорить, что Вагнеръ былъ очарованъ своимъ неожиданнымъ молодымъ королеваннымъ другомъ. „Представьте себя“, — писалъ онъ, — „полнаго ума, глубины и невѣроятной искренности молодого короля, который при своей свитѣ называетъ меня своимъ единственнымъ и истиннымъ воспитателемъ! Онъ знаетъ мои произведенія и литературныя сочиненія такъ, какъ, можетъ быть, никто другой... Что я обрѣлъ въ немъ, — описать невозможно. Съ каждымъ днемъ, благодаря его плѣнительному обхожденію, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что невѣроятное чудо забросило меня сюда“... Это „невѣроятное чудо“ вырвало Вагнера на весь остатокъ его дней изъ когтей нужды. Онъ получилъ не только хорошее содержаніе, но и сдѣлался однимъ изъ самыхъ близкихъ людей къ королю. По настоянію короля Вагнеръ долженъ былъ поселиться по близости отъ королевскаго замка и постоянно посѣщать дворецъ короля. „Десять минутъ везетъ меня къ нему карета“, — описываетъ Вагнеръ. — „Ежедневно онъ посылаетъ за мной разъ или два. Тогда я лечу къ нему, какъ къ возлюбленной. Эти восхитительныя отношенія, это стремленіе изучить, это пониманіе, этотъ трепетъ и жаръ никогда еще не выпадали такъ безудержно на мою долю. И затѣмъ эти милыя заботы обо мнѣ, эта восхитительная чистота сердца и каждаго выраженія лица, когда онъ увѣряетъ меня, что счастливъ имѣть меня при себѣ; такъ много часовъ сидѣли мы вмѣстѣ, созерцая одинъ другого. Онъ никогда не чванится передо мною; мы существуемъ другъ для друга... Все, что мы оба глубоко презираемъ, можетъ спокойно идти своею дорогой; насъ это не касается“...

Для Вагнера наступило время, казалось, быстро и вѣрнаго воплощенія въ жизнь его художественныхъ идеаловъ. Король прилагаетъ всѣ усилія, чтобы издать полное собраніе сочиненій Вагнера. Онъ мечтаетъ создать новый театръ съ особо избраннымъ составомъ исполнителей, специально приспособленный для произведеній Вагнера. Онъ составляетъ планъ новой музыкальной школы, которая проводила бы въ жизнь заветы его знаменитаго друга. Для пропаганды идей Вагнера основывается новая специальная газета... Работа кипитъ, но неожиданныя препятствія разбиваютъ большинство всѣхъ этихъ плановъ. Началось съ того, что клерикалы попытались воспользоваться вліяніемъ Вагнера на короля и заставить направить политику этого послѣдняго по пути реакціи и клерикализма. Вагнеру за эту услугу были обѣщаны большія деньги и гарантія исполненія всѣхъ его артистическихъ предпріятій. Вагнеръ съ негодо-

ваніемъ отвергъ это предложеніе. Тогда началась въ печати и въ обществѣ бѣшеная кампанія не только противъ Вагнера, но и противъ короля. Съорганизовать эту вакханалію было тѣмъ легче, что у Вагнера было множество завистниковъ. Кампанія противъ Вагнера была такъ ловко инсценирована, происки интригановъ сумѣли такъ прикрыться „народнымъ“ негодованіемъ, что молодой король въ отчаянномъ письмѣ къ Вагнеру просить его покинуть на нѣсколько мѣсяцевъ Мюнхенъ для того, чтобы дать время улежаться волненію. Королевская милость и королевская поддержка, само собою понятно, остались въ прежнихъ размѣрахъ. Уѣзжая изъ Мюнхена, Вагнеръ увозилъ съ собою ссуду въ 40 тысячъ гульденовъ и пенсію въ 8000 гульд. ежегодно. Все это давало возможность Вагнеру не заботиться о хлѣбѣ насущномъ и заняться своими великими произведеніями.

Послѣ нѣлоторыхъ колебаній Вагнеръ снова остановилъ свое рѣшеніе на Швейцаріи. Неподалеку отъ Люцерна въ деревенькѣ Трибшенѣ, расположенной въ изумительно красивой мѣстности, онъ нанялъ виллу и обставилъ ее съ расточительной роскошью. Въ его личной жизни совершились въ то же время очень важныя измѣненія. Умерла его жена Минна, и вскорѣ же послѣ этого въ его роскошной виллѣ появилась новая подруга его жизни,—безумно преданная ему Козима Бюловъ, дочь знаменитаго Листа. Эта новая и послѣдняя и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно счастливая связь стоила Вагнеру потери двухъ его друзей: отца Козимы—Листа (впослѣдствіи они примирились) и ея мужа—Бюлова. Но новая чета Вагнеровъ рѣшила ни на что не обращать вниманія и всѣмъ сердцемъ и душой ушла въ музыкальное творчество и семейную жизнь, которая подарила имъ двухъ дѣтей. Однако, не смотря на свою замкнутую жизнь, Вагнеръ сумѣлъ оказать черезъ своего друга короля важное вліяніе на ходъ политическихъ событій и своими идеями много содѣйствовалъ фактическому объединенію нѣмецкаго народа.

Французская каррикатура на Р. Вагнера.
„L'Eclipse“ 1869.

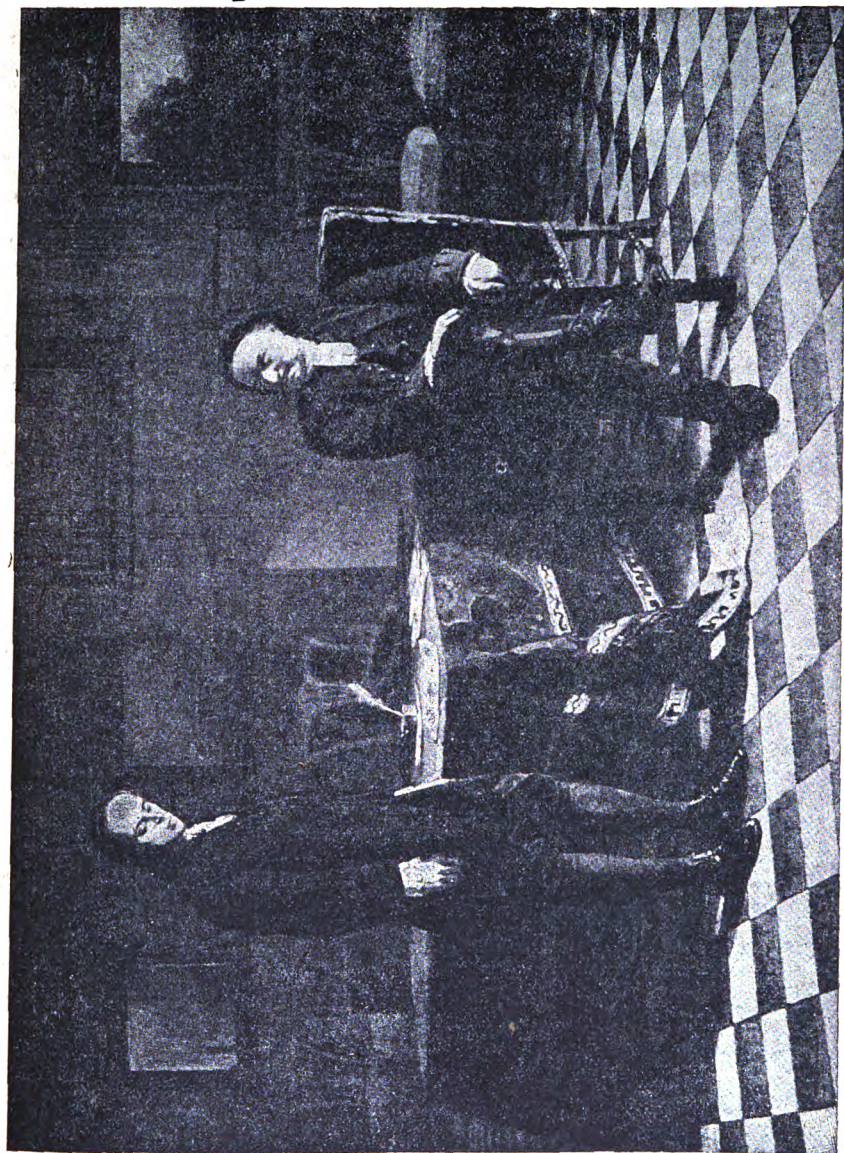
Послѣдніе годы жизни великаго композитора, выдающагося изслѣдователя народнаго творчества и талантливаго писателя, принесли ему массу хлопотъ, огорченій, разочарованій и радости съ устройствомъ театра, специально приспособленнаго для вагнеровскихъ произведеній, въ живописномъ Байрейтѣ, небольшомъ баварскомъ городкѣ. Предпріятіе, требовавшее огромныхъ денегъ, было начато, какъ говорится, безъ полумки, и тѣмъ не менѣе, благодаря изумительной энергіи уже старика Рихарда Вагнера былъ созданъ новый храмъ новаго искусства. Для получения необходимыхъ суммъ Вагнеръ образовалъ своеобразное акціонерное общество; срединебогатой публики онъ разсѣялъ множество вагнеровскихъ

кружковъ, далъ при личномъ участіи большое количество концертовъ, написалъ цѣлый рядъ статей, досаждалъ и убѣждалъ и просилъ сильныхъ міра сего. Въ самой организаціи театра онъ принималъ изумительно дѣятельное участіе. Входилъ во всѣ мелочи архитектуры зданія и устройства сцены, руководилъ репетиціями, обучалъ актеровъ и актрисъ и т. д. и т. д.

Вагнеръ продолжалъ работать до самыхъ послѣднихъ минутъ своей жизни. Въ послѣдніе годы онъ далъ человѣчеству три замѣчательныхъ произведенія: „Нюрнбергскіе мейстерзингеры“ (первое представленіе въ Мюнхенѣ 21 іюня 1868 г.), „Кольцо Нибелунговъ“ (первое представленіе въ Мюнхенѣ 1876 г. въ Байрейтѣ), „Парсифаль“ (первое представленіе въ Байрейтѣ 26 іюля 1882 г.).

„Мейстерзингеры“ (учителя пѣнія) были задуманы давно. Первый набросокъ этого произведенія былъ сдѣланъ еще въ 1845 году, когда Вагнеръ лѣчился въ Маріенбадѣ и отдыхалъ отъ своей дрезденской капельмейстерской службы. „Здѣсь (въ Маріенбадѣ),—вспоминалъ впослѣдствіи Вагнеръ,—я скоро почувствовалъ себя легко и весело настроеннымъ, какъ то бывало всякій разъ, когда я могъ уйти изъ атмосферы театральной залы и моей „службы“; присущая моему характеру веселость ранѣе всего сказалась въ художественной области. За послѣднее время я почти сознательно настроился вскорѣ написать комическую оперу; я припоминаю, что къ этому рѣшенію меня привели откровенные совѣты добрыхъ друзей, желавшихъ, чтобы я написалъ оперу „болѣе легкаго жанра“; по ихъ мнѣнію, такая опера доставила бы мнѣ доступъ на нѣмецкія сцены и имѣла бы существенный для моихъ жизненныхъ обстоятельствъ успѣхъ. Какъ у афинянъ веселое зрѣлище слѣдовало за трагедіей, такъ и передо мной во время того путешествія внезапно встала картина комедіи, которая примкнула бы къ моему „Состязанію пѣвцовъ въ Вартбургѣ“ въ качествѣ и на самомъ дѣлѣ многозначительной сатиры... Но, когда я набросилъ планъ, мнѣ уже не давали покоя желаніе составить подробный планъ „Лоэнгрина“. Особенный смыслъ имѣло то обстоятельство, что я вслѣдъ за небольшой освѣжающей экскурсіей въ область веселаго тотчасъ же вернулся къ тоскливому серьезному настроенію, которое такъ упорно вынуждало меня создать „Лоэнгринъ“. Теперь мнѣ ясно, почему не могло во мнѣ долго продержаться то свѣтлое настроеніе, которое я старался исчерпать замысломъ „Мейстерзингеровъ“. Оно тогда проявлялось лишь въ области ироніи, и эта иронія болѣе объяснялась чисто формальнымъ направленіемъ моей художественной дѣятельности, чѣмъ истинной сущностью, уже начавшей проявляться въ жизни... Моя природа тотчасъ реагировала противъ несовершенной попытки путемъ ироніи дать исходъ всей силѣ моей веселости, и я долженъ нынѣ разсматривать эту попытку какъ послѣднее изъясненіе жажды наслажденія, стремившейся примириться съ пошлостью окружающей среды,—той самой жажды, въ которой я энергично порвалъ уже при созданіи „Тангейзера“.

И такъ, тема не соотвѣтствовала настроенію художника и была оставлена. Только черезъ шестнадцать лѣтъ въ моменты тяжелой нужды и крайнихъ неудачъ снова возвратился Вагнеръ къ великой темѣ, боясь, что текстъ серьезной и грустной драмы можетъ „раздавить его“ въ такіе моменты. Но теперь иронія отброшена, и вся опера строится на широкомъ общечеловѣческомъ фундаментѣ. Историческую основу для этой картины нравовъ и обычаевъ нюрнбергскаго цеха мастеровъ пѣнія Вагнеръ заимствовалъ изъ хроникъ 1697 г. Конечно, матеріалъ этотъ, какъ всегда

Петръ и цареви́чь Алекси́й.
Съ карти́ны Н. Н. Ге.

былъ глубоко переработанъ великимъ драматургомъ. Содержаніе этой драмы сводится къ слѣдующему. „Молодой рыцарь Вальтеръ де Стольцингъ прибылъ изъ Франконіи въ Нюрнбергъ. Онъ влюбленъ въ престіжную Еву, дочь золотыхъ дѣлъ мастера. Вальтеръ хочетъ получить званіе учителя пѣнія въ Нюрнбергѣ, т. е. открыть себѣ двери нюрнбергскаго цеха. Этотъ живой, задорный и никогда не унывающий юноша, напоминающій по своему характеру самого Вагнера и представляющій собой высоко одареннаго художника, съ пренебреженіемъ относится къ цеховой рутинѣ, и учится своему высокому искусству по твореніямъ художниковъ прошлаго, ставя интересы содержанія всегда впереди интересовъ формы. Конечно, при такихъ условіяхъ Вальтеръ не пользуется сочувствіемъ у стариковъ. Его противники, безталанные приверженцы рутинѣ, находятъ свое рельефное выраженіе въ самодѣянномъ „мѣтчикѣ“ Бекмессерѣ, великолѣпно очерченномъ музыкой и олицетворявшемъ для Вагнера его музыкальныхъ противниковъ. О свадьбѣ съ Евой при такихъ обстоятельствахъ нечего и думать. Молодые люди рѣшаются бѣжать. Дѣятельную помощь они находятъ у поэта-сапожника Ганса Сакса, являющагося самымъ важнымъ персонажемъ пьесы. Это — настоящій нѣмецкій героическій образъ. Въ душѣ онъ — истинный художникъ и благородный человѣкъ. Онъ также любитъ Еву, но не ищетъ ея руки, не желая насиловать ея воли. На почвѣ всѣхъ этихъ столкновеній и интересовъ Вагнеръ развертываетъ бытовую и музыкальную картину того времени. „Пестрые интересы старонѣмецкаго маленькаго городка, народный праздникъ, самодовольство копѣечниковъ, проказы учениковъ“, — говоритъ г. Каппъ, — „все это вплоть до дробной походки ночного сторожа выхвачено изъ самой природы и жизненно правдиво. Величайшей смѣлостью, до которой когда-либо отваживались на сценѣ, является большая потасовка въ финалѣ второго акта (до 20 самостоятельныхъ голосовыхъ группъ). Всемогушій Вагнеръ здѣсь играетъ съ трудностями. Цѣненъ также и его реализмъ, особенно ярко проявившійся въ созданіи образа ночного сторожа, долго и сильно выдувающего на своемъ рогѣ звукъ „fis“...“

Австрійская каррикатура на Р. Вагнера. Лейпцигъ, 1876.

„Кольцо Нибелунговъ“ (Торжественное сценическое представленіе для трехъ дней и одного вступительнаго вечера, почтительно посвященное баварскому королю Людвигу II) разрабатывалось Вагнеромъ съ перерывами въ теченіи почти 25 лѣтъ. Это величайшее изъ произведеній Рихарда Вагнера основано на знаменитомъ мифѣ о Нибелунгахъ. Нечего и говорить, что и на этотъ разъ мифъ сначала былъ подвергнутъ самому тщательному изученію, а затѣмъ самой тщательной переработкѣ. „Хотя уже давно царственный образъ Зигфрида привлекалъ мое вниманіе“, — писалъ

Вагнеръ, — „но окончательно онъ увлекъ меня тогда, когда мнѣ удалось освободить его отъ позднѣйшихъ наслоений и увидеть его передъ собою во всей чистотѣ человѣческой сущности. Только теперь я понялъ возможность сдѣлать его героемъ драмы, ибо творецъ слова и звука могъ нынѣ выразить чисто человѣческое, освобожденное отъ всего условнаго“. Къ чему же сводится содержаніе этой замѣчательной тетралогіи, полной психологическаго анализа и поэтическаго блеска.

Прологъ ея называется „Золотомъ Рейна“. Нибелунгъ Альберихъ узнаетъ, что для полученія всемірнаго господства необходимо добыть золото Рейна и сковать изъ него магическое кольцо. Честолюбіе заставляетъ Альбериха похитить это золото, за которое онъ теряетъ любовь дорогой ему женщины. Слѣдующая картина вводитъ зрителя въ Валгаллу, мѣстопребываніе боговъ, гдѣ мы находимъ Вотана, повелителя боговъ и его супругу Фрику. Вотанъ также мечтаетъ о міровомъ господствѣ и также ради этихъ мечтаній долженъ отказаться отъ своей привязанности къ Фрей, богинѣ юности, которую отдаетъ въ залогъ гигантамъ Фазолту и Фафнеру. Отъ Логге, огня, онъ узнаетъ, что Нибелунгъ Альберихъ похитилъ золото Рейна... Вотанъ знаетъ о неизбежности своей гибели, если кольцо останется въ рукахъ Альбериха. Хитростями и насильемъ онъ отнимаетъ у Альбериха это кольцо. Но отдавая кольцо, Нибелунгъ проклялъ его, и это проклятіе тяготѣетъ съ тѣхъ поръ надъ всѣми, кому приходится имѣть дѣло съ этимъ кольцомъ. Но Вотанъ не оставляетъ у себя кольца-талисмана. Подъ вліяніемъ Эрды, міровой души и праматери всѣхъ живыхъ существъ, онъ уступаетъ это кольцо гигантамъ, которые отдаютъ ему Фрею. Проклятіе Нибелунга начинаетъ дѣйствовать. Фафнеръ ударомъ палицы убиваетъ Фазолта. Прологъ оканчивается празднествомъ боговъ, на которомъ только дочери Рейна, остаются печальными и оплакиваютъ свою рѣку, потерявшую золотой блескъ своихъ волнъ. Ихъ скорбь — упрекъ Вотану. Вмѣсто того, чтобы отдать золото Рейна дочерямъ Рейна, онъ устроилъ при помощи его сдѣлку съ великанами и пустилъ дальше въ оборотъ несправедливость и зло, уже принесшія свои плоды. Какъ искупить этотъ промахъ? Какъ возстановить права дочерей Рейна? Этого искупителя Вотанъ хочетъ найти среди людей. Отъ боговъ Вагнеръ ведетъ насъ къ героямъ, — къ тѣмъ временамъ, которые едва освѣщены слабыми лучами исторіи и находятся цѣликомъ во власти мифа. У Вотана на землѣ есть дочь и сынъ — близнецы Зигмундъ и Зиглинда. Зиглинда замужемъ за Гундингомъ изъ племени охотниковъ. Она живетъ съ мужемъ въ глухомъ лѣсу, въ хижинѣ. Однажды къ нимъ въ хижину приходитъ чужестранецъ изъ племени Волка, одѣтый въ звѣриныя кожи. Гундингъ, не смотря на вражду между обоими племенами, принимаетъ гостя. Во снѣ чужестранецъ увидѣлъ мечъ, который дастъ ему могущество. Увлеченная своимъ гостемъ Зиглинда указываетъ ему, гдѣ находится этотъ завѣтный мечъ, скованный также изъ украденнаго золота Рейна. Она становится любовницей своего гостя... А этотъ гость никто иной, какъ ея братъ Зигмундъ... Вотанъ рассчитывалъ, что его сынъ Зигмундъ, овладѣвъ завѣтнымъ мечемъ, добудетъ и волшебное кольцо, чтобы возратить его дочерямъ Рейна. Но невольный грѣхъ Зигмунда долженъ быть искупленъ его смертію. Для Вотана ясно, что его надежды рушились. Онъ зоветъ свою любимую дочь Брюнгильду, которая, какъ одна изъ валькирій, должна подбирать душу героевъ, и приказываетъ ей возвѣстить Зигмунду о неизбежной для него смерти отъ руки Гундинга. Зигмундъ и Зиглинда между тѣмъ бѣжали изъ дома Гундинга. Брюнгильда является Зигмунду

и сообщаетъ ему слова его отца, но тронутая нѣжной парой, она рѣшается, вопреки волѣ боговъ, спасти Зигмунда. Она пытается вмѣшаться въ поединокъ Зигмунда съ Гундингомъ. Но Вотанъ обязанъ исполнить волю судьбы и ударомъ своего копья разбиваетъ мечъ Зигмунда, который падаетъ пораженный на смерть. Брюнгильда спасаетъ Зиглинду, которая прячетъ въ лѣсу осколки меча. Брюнгильда за ослушаніе подвергнута наказанію: она должна погрузиться въ глубокій сонъ до тѣхъ поръ, пока ее прежде божественную валькирію не найдетъ человѣкъ, не разбудить и не сдѣлается ея супругомъ. Этимъ человѣкомъ суждено быть Зигфриду, сыну Зигмунда и Зиглинды.

Именно мистическій образъ Зигфрида побудилъ Вагнера развернуть задуманную драму въ ту колоссальную картину, которая у него получилась. „Тутъ“,—писалъ онъ,—„въ теченіе всей зимы меня мучила идея, которая въ концѣ концовъ какъ бы гипнотически поработила меня настолько, что я теперь уже не могъ не реализовать ее. Не писалъ ли я тебѣ раньше объ одномъ свѣтломъ сюжетѣ? Дѣло идетъ о парнѣ, старающемся „узнать страхъ“ и настолько наивномъ, что онъ никакъ не можетъ познать страха. Но представь себѣ мое изумленіе, когда я разъ узналъ, что этотъ парень — никто иной, какъ юный Зигфридъ, добывшій кладъ и разбудившій Брюнгильду! Теперь уже дѣло въ шляпѣ! „Юный Зигфридъ“ имѣетъ огромное преимущество, ибо тутъ можно рассказать публикѣ важный мифъ подъ видомъ игры, какъ дитяти сказку. Благодаря рѣзкимъ, чувственнымъ впечатлѣніямъ, все вырисовывается съ пластической ясностью. Все будетъ понятно—и, когда наступитъ чередъ серьезной „Смерти Зигфрида“, публика узнаетъ все, что тамъ изложено и даже то, на что тамъ только намекается“. Однако, планъ этотъ ему позднѣе пришлось расширить... „Теперь, подойдя къ окончательному музыкальному воспроизведенію замысла и окинувъ пристальнымъ взоромъ наши театры, я почувствовалъ неполноту выявленія своихъ намѣреній; я оставилъ въ сторонѣ великую связь, дающую образамъ ихъ потрясающую значительность: вѣдь эта связь указана лишь въ этическихъ повѣствованіяхъ и въ пересказѣ мыслей. Чтобы сдѣлать понятной „Смерть Зигфрида“ я задумалъ „Юнаго Зигфрида“; но, чѣмъ яснѣе становилось благодаря этому цѣлое, тѣмъ болѣе бросалось мнѣ въ глаза, когда я думалъ о сценическомъ исполненіи „Юнаго Зигфрида“, что, въ сущности, я лишь увеличилъ потребность въ болѣе отчетливомъ выясненіи всей совокупности событій. Теперь я вижу, что долженъ воспроизвести съ пластической ясностью весь мифъ, чтобы онъ сталъ понятенъ со сцены. Однако, не только такое разсужденіе привело меня къ моему новому плану, но, главнымъ образомъ, увлекательный, захватывающій сюжетъ, который теперь мнѣ удалось воспроизвести, сюжетъ, дававшій мнѣ такой богатый матеріалъ для художественнаго воспроизведенія, что было бы грѣшно его не использовать. Подумай о сущности разсказа о Брюнгильдѣ; царственное ослушаніе Валькиріи, трагическій гнѣвъ Вотана, карающаго это ослушаніе... подумай объ этомъ съ моей точки зрѣнія; подумай только о неслыханномъ богатствѣ ситуаций, заключенныхъ въ рамкахъ стройной драмы—вѣдь тутъ развернута потрясающая трагедія, съ опредѣленной чувственной яркостью“. Такъ, работая надъ образомъ Зигфрида, пришелъ Вагнеръ къ необходимости развернуть колоссальную эпопею,—въ чисто эсхилловскомъ вкусѣ,—„Кольцо Нибелунговъ“...

Но возвратимся къ изложенію драмы. „Послѣ прощанія съ Брюнгильдой“,—говоритъ Вагнеръ,—„Вотанъ въ сущности является отлученнымъ

богомъ: теперь онъ стремился лишь не мѣшать, дать дорогу совершающемуся и никогда больше не нарушать „предопредѣленнаго“... Зигфридъ воспитывается карликомъ Мимомъ, братомъ Альбериха, который надѣется, что сильный и мужественный юноша убьетъ великана, завладѣвшаго кольцомъ, которое тогда можетъ перейти въ его собственное распоряженіе. Зигфридъ, дѣйствительно, убиваетъ обладателя кольца, но оставляетъ его себѣ. Онъ исполняетъ и вторую задачу, предназначенную ему судьбой. Не смотря на всѣ опасности, онъ проникаетъ къ спящей Брюнгильдѣ и отгоняетъ отъ нея долготѣннй сонъ. Прекрасная Брюнгильда становится его женой. Но теперь оба они подпадаютъ подъ чары кольца, проклятія котораго преслѣдуютъ ихъ. Зигфридъ продолжаетъ бродить по свѣту въ поискахъ за подвигомъ. Волшебница Гутруна заставляетъ его выпить „чашу“ забвенія, и все прошлое исчезаетъ изъ памяти Зигфрида. Онъ забываетъ даже Брюнгильду; онъ не только женится на Гутрунѣ, но обманнымъ образомъ достаетъ для Гунтера, брата своей новой жены, забытую и незнаемую имъ Брюнгильду. Эти событія являются источникомъ глубокихъ страданій для Брюнгильды. Теперь она научается постигать чистую самоотверженную любовь. И эта чистая любовь поднимаетъ ее не только до уровня боговъ, но выше боговъ. Ея страданія дѣлаютъ ее искупительницей совершенной несправедливости. Когда разрушаются чары, опутавшія Зигфрида, она видитъ единственный исходъ въ смерти. Вокругъ оставленнаго имъ кольца завязывается новая борьба. Но Брюнгильда, къ которой возвращается ясновидѣніе, цѣною своей жизни возвращаетъ кольцо дочерямъ Рейна. Несправедливость, совершенная Вотаномъ, исправлена. „Этимъ, — говоритъ Каппъ, — искуплено проклятіе. Вороны Вотана съ долгожданнымъ извѣстіемъ спѣшатъ домой, и гибель боговъ наступаетъ. За полной горю борьбой слѣдуетъ покой, отказъ отъ міра, входъ въ Нирвану. Подобно тому, какъ Вотанъ искупленъ Брюнгильдой, человѣчество можетъ найти покой лишь путемъ полного уничтоженія воли къ жизни. Но этого познанія, этого блаженства достигаютъ лишь снискавшіе путемъ любви, состраданія и отказа отъ наслажденія познаніе и волю къ небытію. Въ этомъ ученіи мы узнаемъ пессимизмъ Шопенгауера“...

Какъ драматическій писатель, Вагнеръ проявилъ въ этой колоссальной эпопее, захватывающей множество разнообразныхъ характеровъ и самыхъ необычайныхъ и сложныхъ положеній, изумительное мастерство, и „Кольцо Нибелунговъ“, по справедливости, считается однимъ изъ величайшихъ произведеній мировой литературы. Не только все построеніе и содержаніе драмы блещетъ необычайной оригинальностью, но и самый языкъ, которымъ она написана. На счетъ этого имѣются любопытныя указанія самого Вагнера. „Набрасывая „Зигфрида“, я чувствовалъ полную невозможность написать эту поэму современнымъ стихомъ. Поведеніе этого человѣка должно было отражаться и въ его манерѣ говорить; здѣсь былъ недостаточнымъ надуманный современный стихъ съ его полетными безтѣлесными формами... Итакъ, мнѣ приходилось подумать о другой мелодіи словопроизношенія. Въ самомъ исконно-лирическомъ источникѣ, гдѣ я нашелъ образъ юношески-прекраснаго Зигфрида-человѣка, теперь я почерпнулъ уже само по себѣ чувственно выпуклую и законченную форму словеснаго выраженія, — форму, въ кооторой, — только въ ней одной, — могъ найти ясное выраженіе образа этого человѣка. То былъ связывающійся въ естественнѣйшую и жизненнѣйшую ритмику по принципу подлиннаго акцента рѣчи и способный каждую минуту безконечно легко

слѣдовать за самымъ разнообразнымъ содержаніемъ аллитераціонный стихъ (аллитерація—повтореніе, произвольное или непроизвольное, однихъ и тѣхъ же буквъ или слоговъ),—стихъ, которымъ творилъ народъ, когда

Домъ въ въ которомъ умеръ Рихардъ Вагнеръ 13 февраля 1883 г въ Венеціи.
по оригинальному рисунку Георга А. Гейнца.

онъ самъ былъ еще и поэтомъ и мифотворцемъ. Этотъ стихъ почерпаетъ свою форму изъ внутренней животворной силы самой рѣчи и изливаетъ свою плодотворяющую силу на женскій элементъ-музыку, въ результатъ чего рождается ритмически-совершенная мелодія звуковъ“...

Что же касается музыки „Кольца Нибелунговъ“, то мы приведемъ слѣдующій отрывокъ изъ изслѣдованія Каппа: „Этой музыкѣ, въ смыслѣ богатства охватившей цѣлый міръ, выпала огромная задача воспроизвести въ звукахъ тысячекратную смѣну настроеній и подъёмовъ и почти без-

конечную скаду страстей, вытекающихъ изъ душевныхъ движеній и поступковъ многочисленныхъ дѣйствующихъ лицъ; эта музыка должна была раскрыть загадки и тайны тѣхъ мѣстъ, гдѣ рѣчь могла лишь намекнуть на происходящее. Основной чертой мотивовъ, не царящихъ съ такой исчерпывающей полнотой ни въ одномъ изъ другихъ созданій Вагнера, является крайняя рѣзкая чеканка выраженія и подчеркнутая ясность. Нигдѣ они не поднимались до такой степени на высоту составной части цѣлаго зданія; ихъ очертанія достигаютъ превосходной, почти осязательной пластичности. Являются ли лейтмотивы подобными сигналу (напр., мотивъ меча), или они равнозначущи задушевно-поэтической мелодіи (Зиглинда, Гутруна), указываютъ ли они на мозолистые кулаки Фазольта и Фифнера или иллюстрируютъ утонченную дипломатію Логе, характеризуютъ ли они подземную копатню Нибелунговъ-карликовъ или верховную силу владыки Вотана или, наконецъ, живописуютъ бѣгающіе языки огня и щебетанія птичекъ, ворчаніе дракона и боязливость крошекъ ребятъ, лучистую силу героя Зигфрида, лукавую игру Миме, похотливую страсть и горечь самоотреченія, проклятіе и любовь, ликованіе отваги и божественный гнѣвъ—во всѣхъ этихъ случаяхъ лейтмотивы своей недостижимой характеричностью раскрываютъ естество, душу и поступки дѣйствующихъ лицъ или таинственные чары силъ природы съ такой исключительной любовью, изображенныя въ „Кольцѣ“. Мотивы, это — зерно, косточки и члены исполинскаго организма, это выясненіе внутренняго и внѣшняго процесса бытія. Въ своемъ безконечномъ разнообразіи, они выступаютъ или въ качествѣ, какъ называемыхъ косвенныхъ лейтмотивовъ, еще глубже и многозначительнѣе раскрывающихъ намъ внутреннюю цѣпь событій (напр., при прибытіи Зигфрида ко двору Гунтера звучитъ мотивъ проклятія); они претерпѣваютъ стократныя превращенія, — превращенія, раскрывающія тайны и поясняющія тѣ моменты, гдѣ слово не можетъ передать скрытый смыслъ. Такъ, напр., связь между мотивомъ кольца и Валгаллы—одинъ является преобразованиемъ другого—указываетъ на духовное сродство Альбериха и Вотана, ибо оба оны соперничаютъ изъ-за стремленія къ власти. Эта цѣпь мотивовъ впряжена въ могучую раму; она плаваетъ въ волнующихся струяхъ музыки, она сплелась и слилась съ звуковою рѣчью, при чемъ стало понятной, подобно точному слову,—и все это сдѣлано съ тѣми словами неопредѣлимымъ искусствомъ, которое остается тайной творческаго акта, который человѣческое знаніе никогда не сможетъ постигнуть до конца“...

Съ философской точки зрѣнія „Кольцо Нибелунговъ“ является торжествомъ жестокаго и ничѣмъ не смягченнаго шопенгауэровскаго пессимизма. Но великій художникъ до самой своей смерти продолжалъ прогрессировать не только въ области драмы и музыки, но и въ области философіи. Доказательствомъ этому служить „Парсифаль“, послѣднее музыкальное драматическое произведеніе Рихарда Вагнера, въ которой онъ стремится показать, что самоотреченіе и состраданіе являются основой не смерти, а новой жизни...

Въ основу этого драматическаго произведенія опять-таки положена рыцарская сага, перенесенная только на почву общечеловѣческихъ исканій. Двѣ святыни Граля—смарагдовая чаша, служившая Христу во время тайной вечери, а потомъ содержавшая капли священной крови, вылившейся изъ раны распятаго Спасителя,—и копьѣ, которымъ страдающему Спасителю была нанесена рана въ бокъ,—должны быть освобождены изъ нечистыхъ рукъ Амфортаса, короля Граля и Клингзора, волшебника, овла-

дѣвшаго душою несчастнаго Амфортаса. Амфортасъ находится во власти любовныхъ чаръ Кундри, символизирующей силу чувственности. Пользуясь безволею Амфортаса, который, по замыслу Вагнера, долженъ символизировать вившее въ заблужденіе человѣчество, Клингзоръ бросаетъ его въ пучину страданій. Сонному онъ наноситъ священнымъ копьемъ рану, которая непрерывно кровоточитъ. Объ этомъ персонажѣ своей драмы Р. Вагнеръ говоритъ въ одномъ изъ писемъ къ Матильдѣ Везендонкъ. „Раненый копьемъ, раненый еще и въ сердцѣ, несчастный въ своихъ ужас-

Памятникъ Рихарду Вагнеру въ Берлинѣ.

(Этотъ памятникъ воздвигнутъ въ Тиргартенѣ скульпторомъ Эберляйномъ).

ныхъ мученійхъ знаетъ лишь одно стремленіе—стремленіе умереть; въ надеждѣ на эту высшую уладу онъ обращаетъ взоры къ Гралю, прося хотя бы излеченіе ранъ,—но Граль лишь вновь и вновь подтверждаетъ Амфортасу, что смерть—не его удѣлъ; это еще болѣе усиливаетъ муки несчастнаго, даруя ему безсмертіе. Страдающій отъ раны, нанесенной ему копьемъ во время его страстныхъ любовныхъ приключеній, Амфортасъ можетъ лишь надѣяться на очищеніе кровію, истекшей нѣкогда изъ подобной раны, нанесенной копьемъ Спасителю, когда Онъ томился на крестѣ, страдая за міръ, искупая міръ и отрекаясь отъ себя ради міра! Кровь за кровь, рана за рану... но какая разница между этой кровью и этими ранами!.. Но, быть можетъ, въ безуміи отчаянія онъ хотѣлъ бы совсѣмъ отворотиться отъ Граля, закрыть свои глаза? Чтобы умереть, ему довольно

этого. Но вѣдь онъ, именно онъ былъ поставленъ въ хранители Граля, и вовсе не слѣпая, внѣшняя сила вынудила его къ этому—нѣтъ!—вѣдь онъ былъ того достоинъ, какъ никто другой, ибо такъ глубоко и всей душой позналъ чудеса Граля, ибо и теперь онъ всей душой стремится къ созерцанію, губящему его въ эти благоговѣйныя минуты,—и вотъ за это-то ему уготовано чудесное безсмертіе и вѣчныя мученія“... Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ свое произведеніе Вагнеръ вкладывалъ глубокое религіозное чувство, правда, освобожденное отъ какой бы то ни было церковности...

Кто же будетъ искупителемъ этихъ страданій? Эта роль выпадаетъ на долю Парсифаля, который, какъ и Зигфридъ, представляетъ собой

*alles was ich bald zu bald verstehen
das habe ich bald verstehen werden. Ich bin
zu finden im fernen Osten
das auch die Welt am 1. Oktober 1883,
denn zu verstehen.
Ich bin bald verstehen werden.
Ich bin bald verstehen werden.
Ich bin bald verstehen werden.
Ich bin bald verstehen werden.*

*Richard Wagner
27 Aug 1883*

Richard Wagner

Автографъ Вагнера. (Изъ письма Рихарда Вагнера къ Гансу фонъ-Вольцогену).

чистое, неопытное дитя природы, но который обладаетъ болѣе глубокой и развитой душой. И это развитіе подвигается лишь постепенно впередъ. При видѣ крови на раненномъ имъ лебедѣ, онъ проникается сожалѣніемъ, начинаетъ понимать чужое страданіе,—это первый шагъ въ его развитіи. Ему суждены затѣмъ длинныя блужданія по свѣту, полныя приключеній и испытаній. Эти блужданія его приводятъ въ царство Клингзора, пытающагося и эту молодую силу подчинить своей власти. Но на этотъ разъ усилія Клингзора напрасны: ни прелести фей-цвѣтовъ, ни жгучія ласки Кундри не въ силахъ подчинить Парсифаля. Онъ выходитъ изъ испытаній побѣдителемъ, онъ готовъ къ подвигу искупленія. И вотъ въ день Страстной пятницы, въ прекрасной мѣстности, подъ кроткимъ небомъ, среди успокоенной природы Парсифаль обращаетъ къ Спасителю мятушуюся, грѣховную, но богатую душу Кундри. Онъ освобождаетъ отъ мученій грѣшника Амфортаса и самъ принимаетъ высокую должность короля Граля. Такъ Парсифаль разрушаетъ міръ грѣха и вмѣстѣ закладываетъ фундаментъ для новой и чистой жизни.

„Парсифаль“ былъ лебединой пѣснью великаго композитора. Изъ его литературныхъ работъ послѣднихъ лѣтъ мы можемъ упомянуть здѣсь о его „Автобіографіи“, представляющей огромный интересъ не только съ исторической, но и психологической точки зрѣнія.

Послѣ первой постановки „Парсифаля“, Вагнеръ прожилъ лишь около полугода. Скончался онъ 13 февр. 1883 г. отъ разрыва сердца. Онъ умеръ, не смотря на свои 70 лѣтъ, полный духовныхъ силъ и новыхъ замысловъ.

George Frideric Handel

Георгъ Фридрихъ Гендель.

Гендель*).

(1685—1759)

Еще дѣдъ великаго музыканта—Генделя переселился въ Галле. Гендели были нѣмцами по происхожденію, по своимъ привычкамъ и мѣстожителству. Отецъ Генделя сначала былъ цирюльникомъ, а затѣмъ сдѣлался хирургомъ и приобрѣлъ большую извѣстность своими операціями, которыя открыли ему доступъ даже ко двору мѣстнаго герцога. Практика давала отцу Генделю хорошій заработокъ; семья жила въ хорошемъ достаткѣ. У Генделей былъ собственный домъ въ Галле.

Гендель-отецъ былъ женатъ два раза. 23 февраля 1685* г. отъ этого второго брака родился сынъ, который при крещеніи былъ названъ Георгомъ Фридрихомъ и которому суждено было оставить въ музыкальномъ развитіи человѣчества неизгладимый слѣдъ. Отъ отца Георгъ Гендель могъ получить сильную волю и умѣнье добиваться поставленной цѣли, отъ своей матери Доротеи—впечатлительную душу и доброе сердце.

Отецъ Георга началъ рано мечтать о томъ, какъ онъ сдѣлаетъ изъ своего сына ученаго доктора правъ. Но столь же рано онъ началъ ощущать и опасенія относительно исполненія своихъ надеждъ. Дѣло въ томъ, что Георгъ необычайно рано сталъ проявлять необычайно сильное влече-

*) Познакомивъ читателя съ вершинами музыкальнаго міра Бетховеномъ и Вагнеромъ, мы переходимъ къ біографіямъ великихъ музыкантовъ, подготовлявшихъ появленіе этихъ гениевъ и расчищавшихъ тотъ путь, по которому шли эти гиганты музыки.

ніе къ музыкѣ, и это влеченіе съ годами быстро возрастало. О карьерѣ музыканта для своего сына отецъ не хотѣлъ и думать. И дѣйствительно, профессія музыканта не могла тогда дать сколько нибудь значительнаго обезпеченія, и большинству музыкантовъ приходилось вести жалкую бродячую жизнь. Но просьбы матери и тетки и умоляющіе взгляды самого малыша въ концѣ концовъ сдѣлали свое дѣло, и на чердачномъ помѣщеніи ихъ дома вскорѣ появились запрещенные раньше клавикорды. За своими клавикордами, въ неприглядной чердачной комнаткѣ, маленькій Гендель теперь въ свободные часы забывалъ весь міръ.

Еще терпимѣе сталъ отецъ относиться къ музыкѣ своего сына, когда этотъ послѣдній сталъ посѣщать школу, въ которой онъ неизмѣнно оказывался однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Отецъ даже успокоился... Что же?—разсуждалъ онъ,—хорошему юристу можно быть немножко музыкантомъ, благодаря чему вѣрнѣе будутъ и успѣхи въ обществѣ.

Вскорѣ произошло одно событіе, оказавшее огромное вліяніе на всю судьбу молодого Генделя. Его отецъ былъ приглашенъ герцогомъ въ Вейссенфельсъ. Онъ охотно принялъ это предложеніе. Сыну очень хотѣлось отправиться со своимъ отцомъ въ новый городъ. Отказъ отца сильно его опечалилъ, но недаромъ же унаслѣдовалъ онъ отъ своего отца настойчивость. Мальчуганъ рѣшился испробовать свои средства. Когда желая почтовая карета, въ которой уѣзжалъ его отецъ, тронулась въ путь, маленький Гендель потихоньку отъ домашнихъ пустился въ догонку за ней. Молодые ноги мальчугана сдѣлали свое дѣло, и онъ вскорѣ торжественно былъ принятъ въ карету и продолжалъ путешествіе со своимъ отцомъ, тронутымъ настойчивостью своего маленькаго сынишки.

Вейссенфельсъ въ то время сдѣлался резиденціей мѣстнаго курфирста. Благодаря этому, городъ блисталъ не только придворными празднествами, но и театромъ. Пѣніе и музыка также были поставлены на значительную высоту, и въ городѣ насчитывалось нѣсколько выдающихся музыкантовъ и композиторовъ. На искусства и въ частности на музыку было обращено самое серьезное вниманіе и въ городской гимназій. Такимъ образомъ маленький Гендель въ новомъ своемъ мѣстожительствѣ попалъ въ самыя благопріятныя условія для развитія своего музыкальнаго таланта. Необычайныя музыкальныя способности мальчика были быстро замѣчены здѣсь. Онъ сдѣлался любимцемъ мѣстныхъ музыкантовъ, изъ которыхъ иные даже обращались къ отцу мальчика съ убѣжденіями разрѣшить сыну посвятить всѣ свои силы музыкѣ. Но отецъ Генделя и слышать ничего подобнаго не хотѣлъ. Онъ по прежнему мечталъ о юридической карьерѣ для своего Георга. Попробовали дѣйствовать даже черезъ герцога. Въ одно изъ торжественныхъ воскресныхъ богослуженій органъ въ церкви, въ которой присутствовалъ самъ Герцогъ былъ предоставленъ маленькому Генделю. Маленькій исполнитель такъ безукоризненно исполнилъ предоставленные ему номера, что обратилъ невольное вниманіе герцога, который выказалъ самый живой интересъ къ выдающемуся ребенку. Онъ призвалъ его отца и убѣждалъ оказать всевозможное содѣйствіе музыкальному развитію мальчика. Но это вниманіе герцога не измѣнило взглядовъ стараго Генделя, который недружелюбно поглядывалъ на всѣ эти музыкальныя увлеченія и сильно побаивался, что въ концѣ концовъ его мальчика „собиютъ“ съ того пути, который онъ считалъ для него самымъ подходящимъ, и помѣшаютъ ему стать образцовымъ юристомъ. Однако, со стороны старика Генделя была сдѣлана новая уступка и, по возвращеніи въ

Галле, онъ началъ прискивать для своего сына подходящаго учителя музыки. Въ концѣ концовъ выборъ палъ на Захау, который былъ не только искуснымъ педагогомъ, но и довольно талантливымъ композиторомъ. Этому учителю молодой музыкантъ былъ обязанъ очень многимъ въ своемъ музыкальномъ развитіи. Захау, между прочимъ, обращалъ самое серьезное вниманіе на развитіе композиторскихъ талантовъ въ своемъ ученикѣ. Подъ руководствомъ своего учителя мальчикъ написалъ большое количество вещей на различныя церковныя темы. Правда, эти дѣтскія вещицы отличались по преимуществу подражательнымъ характеромъ, но временами изъ подъ пера маленькаго композитора вырывались такія прекрасныя музыкальныя фразы, которыя заставляли говорить и думать о томъ, что маленькому композитору предстоитъ великое музыкальное будущее. Въ то же самое время мальчикъ тщательно изучалъ произведенія композиторовъ, пользовавшихся въ то время особенно большою извѣстностью въ музыкальныхъ кругахъ. Изъ наиболѣе любимыхъ произведеній этихъ музыкантовъ мальчикъ собственноручно составилъ сборникъ, къ которому съ величайшимъ благоговѣніемъ относился въ теченіи всей своей жизни. Одновременно съ теоретическими занятіями и упражненіями въ свободной композиціи шло и практическое изученіе игры на различныхъ инструментахъ. Гендель овладѣлъ не только органомъ и піанино, но и почти всѣми наиболѣе важными инструментами оркестра, при чемъ особенной любовью съ его стороны всегда пользовался гобой. Музыкальные успѣхи мальчика были, повидимому, необычайно велики, если судить по тому, что еще въ 1696 году, когда ему минуло всего лишь 11 лѣтъ, его музыкальныя выступленія были съ восторгомъ встрѣчены при берлинскомъ дворѣ. Снова со стороны высокихъ покровителей искусства послѣдовалъ рядъ просьбъ къ отцу музыканта, чтобы онъ не отвлекалъ, по возможности, своего сына отъ изученія музыки, которая должна въ мальчикѣ Генделѣ обогатиться выдающимся талантомъ. Но старикъ Гендель оставался неумолимъ и по прежнему мечталъ для своего сына исключительно о карьерѣ высоко ученаго юриста. Если онъ мирился съ музыкальными увлеченіями своего сына, то только потому, что школьные успѣхи мальчика въ то же самое время не оставляли желать ничего лучшаго.

Въ 1697 г. старикъ Гендель на 74 году своей жизни скончилъ свой жизненный путь, оставивъ своему сыну хорошее состояніе. Мальчикъ безпрепятственно могъ поэтому продолжать свое образованіе, которое шло съ обычнымъ успѣхомъ. На семнадцатомъ году онъ кончилъ гимназію и, свято храня заветы своего отца, поступилъ въ университетъ своего родного города на юридическій факультетъ. За все время своего пребыванія въ университетѣ Гендель не сходилъ со студенческой средой, такъ какъ представлялъ собой слишкомъ большую индивидуальность, не укладывавшуюся въ обычные рамки. Юридическими науками онъ занимался безъ увлеченія, но въ высшей степени добросовѣстно, какъ онъ дѣлалъ все, что принималъ на себя. Начало студенческаго періода сложилось для Генделя очень благопріятно. Временно онъ былъ приглашенъ исправлять обязанности органиста въ главной реформатской церкви города, славившейся всегда своей новой церковной музыкой. Здѣсь ему такимъ образомъ представилось благодарное поле для продолженія своихъ творческихъ дарованій. За сравнительно короткое время пребыванія своего въ должности органиста, Гендель-студентъ написалъ цѣлый рядъ церковныхъ произведеній, изъ которыхъ нѣкоторыя отличались значительными музы-

кальными достоинствами. Этому не слѣдуетъ удивляться, такъ какъ еще на десятомъ году Гендель написалъ шесть трехголосыхъ сонатъ для двухъ гобоевъ и баса, которыя съ точки зрѣнія музыкальной формы отличались рѣдкимъ совершенствомъ.

Только годъ пробылъ Гендель органистомъ и только годъ онъ продолжалъ изученіе своихъ юридическихъ наукъ. Усиленная и плодотворная композиторская дѣятельность показала ему, что юридическій факультетъ—не его жизненная дорога. Непреклонная воля отца теперь не тяготѣла надъ молодымъ музыкантомъ, и онъ въ 1703 г. покидаетъ университетъ, чтобы отправиться въ Гамбургъ и всецѣло отдаться музыкѣ.

Гамбургъ того времени былъ однимъ изъ самыхъ большихъ, цвѣтущихъ и просвѣщенныхъ городовъ Германіи. Тридцатилѣтняя война, разорившая значительную часть нѣмецкихъ земель, не только не отразилась сколько нибудь неблагоприятно на благосостояніи Гамбурга, но, наоборотъ, еще много содѣйствовала ему. Изъ разоренныхъ нѣмецкихъ областей за крѣпкія стѣны сильнаго полного города переселилось много богатыхъ и предприимчивыхъ людей. Приливъ капиталовъ усилилъ обороты гамбургской торговли и содѣйствовалъ росту благосостоянія гражданъ. вмѣстѣ съ тѣмъ городъ началъ отстраиваться, украшаться, заботиться о процвѣтаніи искусствъ. Онъ обзавелся хорошимъ театромъ, организовалъ прекрасную оперу, пріютилъ въ своихъ стѣнахъ рядъ выдающихся музыкантовъ. Слава Гамбурга, какъ одного изъ самыхъ музыкальныхъ городовъ въ нѣмецкихъ земляхъ, конечно, была извѣстна и молодому Генделю, а потому Гамбургъ и получилъ для него особенно привлекательность.

Въ Гамбургѣ Гендель прежде всего постарался стать возможно ближе къ оперѣ, которая въ то время, однако, находилась здѣсь въ нѣкоторомъ упадкѣ. Обстоятельства Генделю благоприятствовали, и ему въ очень непродолжительномъ времени удалось устроиться въ оперномъ оркестрѣ на амплу второй скрипки. Устроиться на такомъ замѣтномъ музыкальномъ посту для Генделя теперь было нетрудно, ибо, какъ мы видѣли, онъ, не смотря на свои молодые годы, приобрѣлъ уже немалую извѣстность въ нѣмецкихъ музыкальныхъ кругахъ. Эта же извѣстность помогла ему быстро сблизиться съ однимъ изъ выдающихся гамбургскихъ музыкантовъ и пѣвцовъ Маттесономъ, который быстро сдружился съ Генделемъ и помогъ ему получить важныя театральныя знакомства въ Гамбургѣ. Второе очень важное для Генделя знакомство здѣсь было знакомство съ мѣстнымъ поэтомъ Христіаномъ Постелемъ. Этотъ послѣдній призналъ въ Генделѣ музыканта, способнаго создать величественную музыку къ его возвышеннымъ стихамъ. Онъ предложилъ молодому музыканту написать музыку на слова его новаго стихотворенія: „Страсти Господни по евангелисту Іоанну“. Гендель принялъ это предложеніе съ большою радостью. Въ написанной имъ по этому поводу музыкѣ видно, конечно, сильное вліяніе его стараго учителя. Тѣмъ не менѣе, яркой струей проходятъ здѣсь и новыя приемы, изъ которыхъ видно, съ какой необычайной быстротой овладѣлъ Гендель принципами новаго для него драматическаго искусства и освоился съ умѣніемъ писать мелодіи, почти въ совершенно незнакомъ ему стилѣ.

Въ оркестрѣ Гендель быстро завоевалъ почетное мѣсто и отъ второй скрипки быстро перешелъ къ піанино, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ дирижерству надъ оркестромъ. Это новое положеніе капельмейстера оркестра привело Генделя къ тяжелому столкновенію съ его другомъ Маттесономъ. Въ это время на сценѣ гамбургскаго театра шла опера Маттесона „Клеопатра“.

Несмотря на многія свои положительныя качества, Маттесонъ отличался крайнимъ тщеславіемъ. Ему недостаточно было выступать авторомъ большой оперы; ему недостаточно было и того, что онъ въ этой оперѣ пѣлъ одну изъ главнѣйшихъ ролей—Антонія. Для вѣщей популярности Маттесонъ придумалъ слѣдующій „кунштюкъ“. Какъ только спускался занавѣсъ надъ умирающимъ Антоніемъ—Маттесономъ, этотъ послѣдній спѣшилъ переодѣться и явиться въ оркестръ, гдѣ пианистъ немедленно уступалъ ему мѣсто за своимъ инструментомъ, и конецъ оперы проходилъ подъ непосредственнымъ управленіемъ ожившаго Антонія. Генделя коробила лубочность этого эффекта, и онъ совѣтовалъ своему другу отказаться отъ этого приѣма. Но все было напрасно. Тогда возмущенный Гендель рѣшилъ прочесть своего упрямаго друга: онъ отказался уступить свое мѣсто „ожившему“ Антонію. Положеніе, въ которое попалъ, благодаря этому Маттесонъ, оказалось крайне комичнымъ. Онъ чувствовалъ, что здѣсь, въ оркестрѣ у пианино, его нелѣпо торчавшая фигура сдѣлалась предметомъ всякаго рода остротъ и насмѣшекъ. Доведенный до состоянія крайняго раздраженія, Маттесонъ тотчасъ, по окончаніи оперы, на улицѣ далъ Генделю пощечину. Гендель немедленно выхватилъ шпагу, и началась дуэль. Маттесонъ утверждаетъ, что только счастливый случай спасъ Генделю жизнь: ударъ конца шпаги Маттесона пришелся на металлическую пуговицу, отразившую остріе смертоноснаго оружія. Гендель же удовольствовался тѣмъ, что сломалъ шпагу своего противника. Происшествіе это, однако, не разстроило дружбы молодыхъ людей. Въ ближайшіе же дни оба дуэлянта стали снова появляться вмѣстѣ, и Маттесонъ по-прежнему руководилъ постановкой первой оперы Генделя „Альмиры“, при обработкѣ которой онъ, какъ человѣкъ болѣе опытный и болѣе зрѣлаго возраста (онъ былъ на четыре года старше Генделя), далъ множество въ высшей степени цѣнныхъ указаній.

Въ началѣ 1705 года опера-первенецъ Генделя „Альмира“ была дана въ первый разъ. Сборъ былъ полный. Успѣху оперы немало способствовало и только что описанное столкновеніе съ Маттесономъ, о которомъ говорилъ весь городъ. Но опера и сама по себѣ, несмотря на всѣ слабости, часто обусловленныя требованіями времени и вкусами публики, вышла очень удачной. Она вносила въ оперную композицію много новаго и неожиданнаго. Гендель смѣло отступилъ отъ традицій въ расположеніи матеріала; онъ ввелъ новыя группировки въ распредѣленіе инструментовъ оркестра; онъ первый сдѣлалъ робкія, но въ высшей степени удачныя попытки давать посредствомъ музыки характеристики, какъ дѣйствующимъ лицамъ, такъ и текущимъ событіямъ. Наконецъ, балетъ оперы вышелъ очень оригинальнымъ, а всякаго рода дивертисменты съ многочисленными измѣненіями декорацій (что было тогда въ большой модѣ) вышли весьма удачными. Опера вызвала бурю восторговъ. Гендель сразу сталъ знаменитостью въ музыкальномъ мірѣ. Въ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ перваго представленія „Альмиры“ Гендель написалъ новую оперу „Неронтъ“, которая также имѣла громкій успѣхъ. О музыкѣ этой оперы судить мы не можемъ, такъ какъ партитуры ея оказались затерянными. Но успѣхъ почти всегда сопровождается завистью, а зависть вѣчно была матерію интригъ. Эту истину почувствовалъ скорѣ на себѣ и Гендель. Эти подходы пигмеевъ были противны титану. Онъ не захотѣлъ тратить силъ и времени на борьбу съ ними и покинулъ гамбургскій театръ. Нѣкоторое время онъ оставался еще въ Гамбургѣ, занимаясь частными уроками, но затѣмъ рѣшилъ промѣнять Германію на Италію. Мы уже говорили, что въ

Гамбургъ онъ впервые ознакомился съ искусствѣмъ писать мелодіи и съ теоріей этого искусства, Оперы Генделя показали, что эта гамбургская выучка не прошла для него даромъ. Но тѣмъ не менѣе Гендель чувствовалъ, что нѣмецкая музыка слишкомъ груба въ данномъ отношеніи, что въ его мелодіяхъ слишкомъ много рѣзкихъ граней и острыхъ угловъ, что въ данномъ отношеніи ему нужна еще серьезная школа. Такую школу ему могла дать только Италия. Но еще передъ отъѣздомъ въ Италію онъ, по просьбѣ того же гамбургскаго театра, директоръ котораго Кейзеръ увидѣлъ себя вынужденнымъ пойти на примиреніе съ Генделемъ, написалъ новую оперу, партитура которой, къ сожалѣнію до нашего времени также не сохранилась.

Италія, только что пережившая эпоху ренессанса, подняла творчество во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности на давно небывалую высоту. Это же возрожденіе переживала здѣсь и музыка. Она выдвинула цѣлый рядъ новыхъ формъ музыкальнаго творчества. Кантата, мандрегалъ, серенада, чисто оперныя сцены—все это дѣло рукъ итальянскихъ композиторовъ. Первымъ шагомъ въ этой области была церковная кантата. Церковная музыка до того времени знала только многоголосое пѣніе, кантата, представлявшая собою одноголосое исполненіе подъ аккомпаниментъ органа, піанино, лютни или другихъ инструментовъ, заполняла пробѣлъ, который уже давно чувствовался въ церковной музыкѣ. Кантата, перенесенная въ свѣтскую музыку, дала начало опять таки нѣсколькимъ новымъ оригинальнымъ музыкальнымъ формамъ, какъ, напр., мадригалу. Эти формы одноголосаго пѣнія сыграли очень важную роль въ развитіи музыки. Человѣческій голосъ какъ бы вырвался изъ тѣхъ тисковъ, въ которыхъ его держало хоровое пѣніе. Его движенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вокальная композиція сдѣлались свободнѣе. Появился цѣлый рядъ новыхъ украшеній, съ которыми незнакомы были хоровыя партитуры. Достаточно указать для тѣхъ, кто хоть нѣсколько знакомъ съ музыкой, что въ связи съ этими реформами развилось и окрѣпло употребленіе въ пѣвнѣи и аккомпаниментѣ хроматической гаммы. Но эта реформа имѣла и другое весьма важное значеніе въ дѣлѣ развитія музыкальнаго творчества. Освобожденный отъ власти хора, человѣческій голосъ, завоевавъ новыя средства выраженія, сдѣлался болѣе способнымъ передавать личныя настроенія, легче слѣдить за всѣми душевными движеніями и измѣненіями. Однимъ словомъ, для музыки открывалась возможность перейти на путь драматическаго творчества. Драматизація музыкальнаго исполненія прежде всего выразилась въ томъ, что въ одной и той же пьесѣ принималъ участіе не одинъ голосъ—соло, а нѣсколько смѣнявшихъ другъ друга поочередно или выступавшихъ одновременно, но съ сохраненіемъ полной самостоятельности въ видѣ дуэтовъ и тріо. Такъ сложился новый типъ музыкальнаго творчества, извѣстный подъ именемъ серенады. Серенада уже близко подходит къ опернымъ сценамъ, въ которыхъ драматизація сдѣлала еще дальнѣе шагъ, еще больше индивидуализировавъ каждый изъ голосовъ и прикрѣпивши каждый изъ нихъ къ отдѣльному дѣйствующему лицу, чего еще не знаетъ серенада. Дальше оставался только одинъ шагъ для того, чтобы связать отдѣльные драматическіе моменты въ одну цѣлую картину и дать оперу. Итальянская опера, не смотря на всѣ свои недостатки, и была тѣмъ новымъ этапомъ, къ которому музыкальное творчество подводилось, можно сказать, неизбѣжными путями.

Въ январѣ 1707 года Гендель пріѣхалъ во Флоренцію. Выборъ перваго итальянскаго города былъ сдѣланъ удачно. Флоренція уже въ теченіе

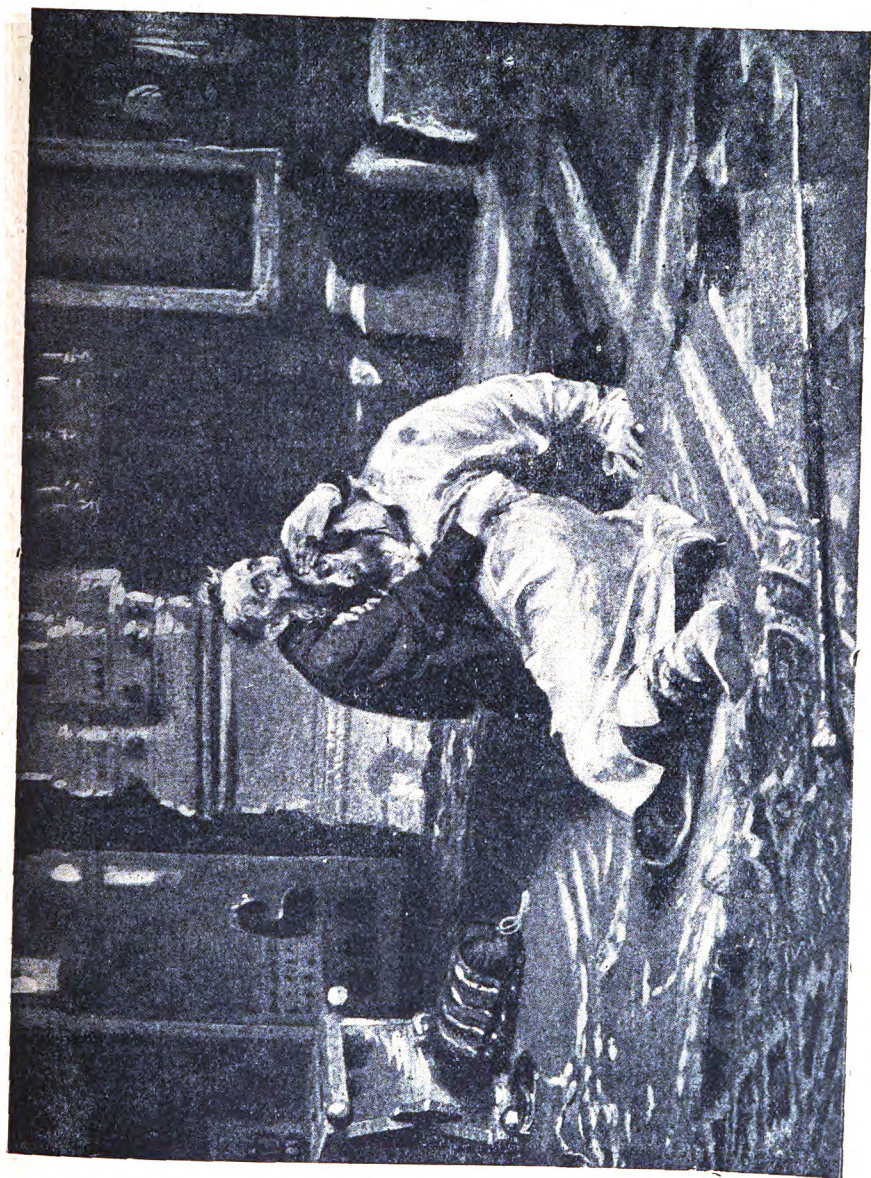
ни нѣсколькихъ лѣтъ славилась своей оперой и своими пѣвцами. Новое теченіе въ музыкѣ, о которомъ мы только что говорили, самымъ благопріятнымъ образомъ отразилось на искусствѣ пѣнія, постановка котораго здѣсь отличалась особеннымъ блескомъ. Мы знаемъ, съ какой настойчивостью вокальное исполненіе рвалось къ свободѣ, къ индивидуальности, къ выраженію личныхъ, — субъективныхъ, — настроеній. Композиторы, конечно, должны были служить этимъ же запросамъ искусства. Вотъ почему нерѣдко композиторъ намѣчалъ только общими чертами ту или другую часть своего произведенія, предоставляя подробности виртуозному исполненію самихъ пѣвцовъ. Конечно, впослѣдствіи, когда задачи музыкально-драматическаго исполненія усложнились, эта недоговоренность музыкальнаго произведенія оказалась крупнымъ недостаткомъ, но на первыхъ стадіяхъ развитія оперы, эти недостатки чувствовались мало и вмѣстѣ съ тѣмъ, вызывая пѣвцовъ къ творчеству, сильно содѣйствовали прогрессу пѣнія. Эта свобода вокальнаго исполненія все больше и больше сливала музыку съ драматическимъ дѣйствіемъ въ одно цѣлое. Такое сближеніе музыки съ драмой, т. е. съ пластическимъ искусствомъ, именно въ Италіи, должно было самымъ благотворнымъ образомъ дѣйствовать и на вокальное, и на музыкальное исполненіе. Въ области пластическихъ искусствъ Италія уже давно достигла высокой красоты. Италія повсюду была усыяна остатками великихъ произведеній древности. Но этого мало. Еще недавно она пережила эпоху величайшаго подъема въ области красокъ и формъ, — подъема на самой вершинѣ котораго мы находимъ такихъ титановъ, какъ Леонардо да Винчи, Микельанджело, Рафаэль. Чувство прекраснаго глубоко пустило корни въ душу людей того времени. Теперь изъ области красокъ и пластики, гдѣ оно достигло высокой степени совершенства, ему предстояло распространиться при посредствѣ драмы и на область звуковъ.

Въ Италію Гендель пріѣхалъ уже знаменитымъ музыкантомъ съ блестящими рекомендательными письмами, которые ему открыли доступъ не только во всѣ музыкальные круги, но и ко двору, гдѣ онъ выступалъ неоднократно въ качествѣ виртуоза на піанино. Здѣсь же, во Флоренціи, онъ началъ пробовать свои силы въ области новыхъ формъ музыкальной композиціи и написалъ нѣсколько кантатъ для одного голоса. Правда, эти произведенія еще далеки отъ совершенства, такъ какъ Гендель слишкомъ еще мало времени пробылъ въ Италіи, и навыки стараго творчества слишкомъ крѣпко сидѣли въ его душѣ. Тѣмъ не менѣе, эти „солокантаты“ (изъ которыхъ наибольшей извѣстностью пользуется „Лукреція“) въ одномъ отношеніи представляютъ высокую цѣнность, а именно, модуляторное пѣніе (съ переливами голоса) поставлено въ нихъ на такую высоту, до которой оно рѣдко поднимается у другихъ композиторовъ.

Во Флоренціи Гендель пробылъ недолго. Уже въ мартѣ 1707 г. онъ былъ въ Римѣ. Это пребываніе въ Римѣ имѣло огромное вліяніе на развитіе музыкальнаго таланта Генделя. Художественные восторги Рима въ то время были прикованы къ тому изумительному художественному произведенію, которымъ и донинѣ гордится человечество. Мы говоримъ, конечно, о соборѣ св. Петра, творцомъ котораго является великій Микельанджело. Это неподражаемое архитектурное произведеніе, въ которомъ какъ бы отлились всѣ наши представленія о величественномъ и которое сьумѣло слить красоту съ громадой, произвело потрясающее впечатлѣніе на чуткую душу молодого композитора. Тѣ величественные аккорды, тѣ мощныя мелодіи, которыми переполнены всѣ послѣдующія

произведенія Генделя и которыя ему доставили безсмертную славу, получили первый толчекъ подъ мощными и вмѣстѣ съ тѣмъ невыразимо прекрасными сводами собора св. Петра въ Римѣ. И еще въ одномъ отношеніи Римъ, этотъ въ то время роскошный пьедесталь папскаго престола, сыгралъ важную роль въ развитіи таланта Генделя. Культурный и богатый католицизмъ, сумѣвшій изъ развалинъ старой культуры, на которыхъ укрѣпился бытъ средневѣковья, вытянуть все для себя полезное, сталъ, по крайней мѣрѣ, временно во главѣ культурнаго прогресса человѣчества. Мы видѣли, что путь музыкальнаго развитія шелъ въ ту сторону, гдѣ дѣйствіе, слово и звукъ сливались въ одно неразрывное цѣлое. Мы можемъ здѣсь сказать, что этого величайшаго въ искусствѣ синтеза папство сумѣло достигнуть въ своихъ мессахъ. Нетрудно понять, какое огромное значеніе для Генделя должны были имѣть эти мессы въ обстановкѣ папскаго богослуженія подъ сводами собора св. Петра.

Въ Римѣ Генделемъ была написана прекрасная музыка къ нѣсколькимъ псалмамъ, обнаружившая не только огромный талантъ композитора, но и его глубокое религіозное чувство. Однако, и на этотъ разъ еще не видно сколько нибудь значительнаго вліянія итальянской музыки: такъ сильны еще были старые навыки. Но въ одномъ отношеніи музыка этихъ псалмовъ представляетъ для насъ большой интересъ. Дѣло заключается въ томъ, что многія части этихъ музыкальныхъ произведеній вошли затѣмъ въ новую переработку въ позднѣйшія произведенія Генделя. Вотъ что по этому поводу говоритъ одинъ изъ выдающихся біографовъ г. Фрицъ Фольбахъ. „Для творчества Генделя чрезвычайно типично то, что онъ выбираетъ изъ болѣе раннихъ своихъ произведеній отдѣльныя мысли и помѣщаетъ ихъ въ новыхъ своихъ вещахъ или въ переработанномъ, улучшенномъ и углубленномъ видѣ или переноситъ ихъ въ томъ же видѣ, въ какомъ онѣ были воплощены въ музыку раньше. Такого рода пріемъ отнюдь не свидѣтельствуетъ о бѣдности творческихъ силъ Генделя. Основанія его лежатъ гораздо глубже. Вниманіе Генделя при созданіи того или другого произведенія было всегда устремлено на цѣлое. Отдѣльныя части ни въ какомъ случаѣ не должны были служить самоцѣлю, но всегда находиться въ извѣстномъ подчиненіи къ цѣлому... А разъ дѣло обстояло такъ, то существеннымъ рѣшающимъ вопросомъ былъ вопросъ о томъ, подойдетъ ли данный отрывокъ къ данному произведенію; можетъ ли обслужить этотъ отрывокъ цѣлое произведеніе такъ, какъ онъ долженъ былъ бы его обслужить? Если—да, то онъ долженъ быть признанъ подходящимъ и введенъ въ данное произведеніе. При этомъ совершенно безразличнымъ представляется то обстоятельство, что этимъ музыкальными фразами были уже использованы въ какомъ нибудь другомъ произведеніи. Гендель въ данномъ отношеніи шелъ еще дальше. Онъ не боялся вводить въ свои произведенія на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ отрывки изъ чужихъ произведеній. Но, конечно, подъ перомъ Генделя часто даже совершенно незначительныя темы являлись въ настолько измѣненномъ видѣ, что такого рода преобразованія всегда все снова и снова вызываютъ удивленіе. Въ этомъ отношеніи Гендель походитъ на Шекспира. И этому гению, въ высшей степени богатому идеями, было глубоко безразлично, откуда заимствовать матеріалъ для своихъ безсмертныхъ произведеній; для него также было важно лишь одно: можетъ ли данный отрывокъ способствовать воплощенію основныхъ идей въ цѣломъ произведеніи“... И другая особенность генделевского творчества начинается со времени этихъ псалмовъ все яснѣе и яснѣе выступать въ произведеніяхъ великаго

Убиение Иоанномъ Грознымъ царевича Ивана.
Съ картины И. Е. Рѣпина.

Въ
то была
гнание з
на поста
дская
пятого
дали де
же бже
ова им
дустъ Г
дъбить
же, что

музыканта: ясность и дальновидность, позволявшая ему проводить через свои произведения то своеобразное ритмическое расчленение, которое несколько не мѣшало существу и сплоченности цѣлаго. Въ этомъ умѣнии ритмически распредѣлять свѣтъ и тѣни Гендель, по мнѣнію Фольбаха, можетъ быть сравнимъ только съ великими итальянскими архитекторами Браманте и Микельанджело.

Въ Римѣ Гендель пробылъ только до іюля, а затѣмъ снова переехалъ во Флоренцію. Этотъ новый переѣздъ обуславливался не столько римскими лѣтними жарами, сколько желаніемъ Генделя вернуться къ флорентійской оперѣ, которую онъ ставилъ выше римской. Здѣсь, во Флоренціи, онъ почувствовалъ себя уже готовымъ для болѣе сложныхъ и важныхъ задачъ, которыя онъ хотѣлъ трактовать съ новой музыкальной точки зрѣнія. Онъ написалъ оперу „Родриго“. Въ аріяхъ этой оперы, въ колоратурахъ (украшеніяхъ) ея мелодіи уже ясно чувствуется итальянское вліяніе. Но эта же самая опера показала, какую большую индивидуальность представлялъ уже тогда молодой Гендель. Не смотря на разработанность и силу итальянской музыки, не смотря на эту преслѣдуемую тогда Генделемъ задачу возможно больше уйти въ изученіе и усвоеніе итальянской музыки, Гендель не далъ итальянскому искусству цѣликомъ поглотить свой талантъ. Во многихъ элементахъ своего произведенія онъ все же остается ближе къ нѣмецкой, чѣмъ къ итальянской музыкѣ. Почти всѣ части оперы показываютъ, какой огромный прогрессъ сдѣлало музыкальное развитіе Генделя за его короткое пребываніе въ Италіи. Можно также указать, что мелодіи Генделя теперь пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе общечеловѣчскій характеръ и, вычитанныя изъ самого сердца народа, съ одинаковой силой дѣйствуютъ, какъ на художника, такъ и на профана, какъ на князя, такъ и на нищаго.

Опера прошла съ рѣдкимъ успѣхомъ. Но въ душѣ музыканта созрѣвали уже новые планы. Онъ спѣшилъ теперь въ Венецію, насчитывавшей тогда въ своей средѣ цѣлый рядъ выдающихся музыкантовъ, изъ которыхъ Скарлатти пришлось играть видную роль въ дальнѣйшемъ музыкальномъ развитіи знаменитаго Генделя. Первое время онъ жилъ въ Венеціи одиноко, не прибѣгая къ тѣмъ блестящимъ рекомендаціямъ, которыми онъ располагалъ. Но „когти выдали льва“. Подошло какъ разъ карнавальное время. Начался рядъ блестящихъ празднествъ. На одномъ изъ этихъ празднествъ, на которомъ выступали музыканты, за рояль сѣлъ неожиданно молодой, никому неизвѣстный человѣкъ. Съ первыми же звуками вся зала замерла отъ восторга, а присутствовавшій на вечерѣ Скарлатти воскликнулъ: „или это знаменитый саксонецъ, или это самъ дьяволъ!“

Въ Венеціи Гендель подарилъ человѣчеству еще знаменитую оперу. Это была „Агрипина“. Въ первыхъ представленіяхъ этой оперы приняла участіе знаменитая итальянская пѣвица Тези, которая нарочно пріѣхала на постановку этой оперы въ Венецію. Впрочемъ, надо сказать, что прекрасная пѣвица увлеклась не только искусствомъ, но и личностью знаменитаго композитора. Но чары замѣчательной дѣвы на этотъ разъ падали даромъ, такъ какъ красавецъ музыкантъ настолько ушелъ въ свое божественное искусство, что не искалъ даже женской любви. Опера снова имѣла бурный успѣхъ. Всеобщій восторгъ раздѣлялъ и принцъ Августъ Ганноверскій. Онъ предложилъ Генделю въ ближайшее же время посѣтить Ганноверъ и Лондонъ, но Гендель еще не взялъ отъ Италіи всего, что ему было нужно, и пока отклонилъ это лестное для себя пред-

ложеніе. „Агриппина“, тему для которой, какъ видно изъ самаго названія оперы, Гендель заимствовалъ изъ римской исторіи, знаменуетъ ту точку развитія, на которой Гендель является уже вполне законченнымъ маэстро и которой завершается „выучка“ великаго музыканта.

Еще нѣсколько мѣсяцевъ оставался Гендель въ чудной Италіи, перѣзжая изъ Венеціи въ Римъ, изъ Рима въ Неаполь, а затѣмъ снова въ Венецію. На этотъ разъ пребываніе его въ Римѣ опять принесло значительную пользу нашему музыканту. На этотъ разъ онъ близко сошелся съ музыкальными обществами Рима, обладавшими огромными матеріальными и музыкальными средствами. Здѣсь ему представилось нѣсколько случаевъ получить для исполненія своихъ вещей великолѣпные оркестры, составленные изъ прекрасныхъ исполнителей. Эти концерты позволили Генделю глубже проникнуть въ природу каждаго инструмента, и съ этихъ поръ инструментовка произведеній Генделя отличается особеннымъ блескомъ и особенной оригинальностью. Произведенія Генделя, написанныя въ этотъ періодъ, хотя и выдѣляются своей красотой, но большого значенія для характеристики его таланта не имѣютъ.

Во время послѣдняго своего пребыванія въ Венеціи, Гендель встрѣтился съ однимъ важнымъ придворнымъ чиномъ ганноверскаго курфюршества. Этотъ послѣдній уговорилъ музыканта принять приглашеніе ганноверскаго курфюрста. Существеннымъ соображеніемъ для Генделя въ данномъ случаѣ было то, что ганноверскій курфюрстъ считался наслѣдникомъ англійскаго престола, а Генделя теперь усиленно тянуло въ Лондонъ. Распростившись съ Италіей въ концѣ 1709 г., Гендель отправился въ Ганноверъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями. Герцогъ немедленно назначилъ его придворнымъ капельмейстеромъ и далъ ему отпускъ въ Лондонъ. Забывъ на короткое время въ Галле, чтобы повидаться со своей обожаемой матушкой и дорогимъ для него старикомъ Захау, Гендель, наконецъ, позднею осенью 1710 года прибылъ въ давно желанный Лондонъ.

Англія не обладала самостоятельной и оригинальной музыкой. Въ дѣлѣ оперы она шла цѣликомъ на поводу у итальянцевъ. Тѣмъ не менѣе, интересъ къ музыкѣ у англичанъ былъ очень значительный. Въ то время, когда Гендель пріѣхалъ въ Лондонъ, тамъ было два прекрасныхъ оперныхъ театра, нѣсколько крупныхъ музыкальных обществъ и рядъ интересныхъ концертовъ. Извѣстность Генделя была теперь настолько велика, что онъ немедленно получилъ заказъ написать оперу на тему изъ „Освобожденнаго Іерусалима“ Тассо. Гендель взялся за работу съ необычайной энергіей и въ 14 дней, — раньше, чѣмъ его сотрудникъ могъ изготавить въ стихахъ либретто, закончилъ оперу, которая была поставлена въ первый разъ 24 февраля 1711 г. и встрѣчена съ восторгомъ лондонской публикой.

Когда срокъ отпуска Генделя окончился, онъ возвратился въ Ганноверъ. Здѣсь, въ виду спеціального спроса, онъ занялся композиціей цѣлаго ряда прекрасныхъ небольшихъ пьесъ для камерной музыки, т. е. пьесъ, написанныхъ для одного или немногихъ голосовъ и небольшого оркестра. Любопытно отмѣтить одну характерную для творчества Генделя черту: во всѣхъ своихъ крупныхъ и наиболѣе знаменитыхъ произведеніяхъ онъ шелъ навстрѣчу лишь сдѣланному съ той или другой стороны предложенію. Точно такъ же въ значительной степени внѣшними условіями было предопредѣлено и то обстоятельство, что въ аккомпаниментѣ девяти нѣмецкихъ пѣсень, написанныхъ имъ въ это же время, видное мѣсто

было отведено любимому имъ инструменту гобою. Дѣло заключалось въ томъ, что въ прекрасномъ ганноверскомъ оркестрѣ находился чрезвычайно искусный гобоистъ.

Въ слѣдующемъ же году мы находимъ Генделя снова въ Лондонѣ. Въ этотъ прїѣздъ Гендель написалъ замѣчательную оперу „Тезей“. „Наибольшій интересъ, по моему мнѣнію“,—пишетъ г. Фольбахъ,—„въ этой оперѣ представляетъ типъ Медеи. Здѣсь въ первый разъ въ творествѣ Генделя выступаетъ одна черта, которую мы ставимъ очень высоко и которая сближаетъ его съ Шекспиромъ“. Гендель обладалъ тѣмъ рѣдкимъ чутьемъ, которое позволяло ему проникать въ глубь описываемыхъ имъ вѣщохъ. Благодаря этому чутью, его герои и героини съ необычайной правдивостью воспроизводили давно отжившіе типы глубокой древности. Это были настоящіе люди своего времени. Именно таковой является передъ нами и Медея въ „Тезей“. Можно указать еще, что для тонкой обрисовки характера дѣйствующихъ лицъ Гендель часто прибѣгалъ къ такому рискованному въ музыкѣ средству, какъ колоратурное пѣніе (мелодія со множествомъ музыкальных украшеній), которое такъ легко вырождалось у другихъ композиторовъ въ пустое щегольство дешевыми эффектами. Что же касается инструментовки Тезея, то она отличается чрезвычайно удачнымъ использованіемъ гобоя и другихъ духовыхъ инструментовъ.

Новый случай опять толкнулъ Генделя на композицію пьесъ духовнаго содержанія. Въ это время Англія какъ разъ закончила войну за испанское наслѣдство. Правительство готовилось торжественно отпраздновать великое событіе. Къ этимъ-то торжествамъ Гендель написалъ двѣ выдающіяся вещи на духовныя темы. Въ нихъ его талантъ въ выраженіи идеи величественнаго поднялся до необычайныхъ высотъ. Теперь Гендель въ совершенствѣ овладѣлъ тѣми двумя элементами музыки—выраженіемъ возвышеннаго религіознаго чувства и искусствомъ музыкальными средствами изображать любое драматическое дѣйствіе,—тѣми элементами, которые ему такъ необходимы были для удачнаго выполненія излюбленныхъ имъ впослѣдствіи формъ музыкальнаго творчества—ораторій, въ которыхъ онъ и понынь не знаетъ себѣ соперниковъ. Эту полосу своей жизни онъ цѣлкомъ провелъ въ Лондонѣ. Правда, онъ не совсѣмъ хорошо поступилъ съ Ганноверомъ, принявшимъ его съ такой лаской. Можно сказать, что онъ просто на просто сбѣжалъ изъ Ганновера. Въ Лондонѣ и на этотъ разъ онъ уѣхалъ только на время, да такъ тамъ и остался, вызвавъ такой своей измѣной большое неудовольствіе въ придворныхъ ганноверскихъ кругахъ и у самого короля. Но большой оживленный, культурный Лондонъ былъ слишкомъ привлекателенъ для Генделя, былъ очень важенъ для его творчества, и, онъ, не смотря на извѣстный рискъ, рѣшился на этотъ шагъ. А рискъ заключался въ томъ, что обиженный Генделемъ курфюрстъ ганноверскій былъ, какъ мы уже упомянули, вмѣстѣ съ тѣмъ и наслѣдникомъ англійскаго престола. Въ 1717 году курфюрстъ ганноверскій, дѣйствительно, вступилъ на англійскій престолъ подъ именемъ короля Георга I. Положеніе Генделя при англійскомъ дворѣ стало не изъ пріятныхъ. Однако, обаяніе таланта Генделя было такъ велико, а хлопоты и ловкость многочисленныхъ и преданныхъ ему друзей были такъ искусны, что щекотливое положеніе было быстро улажено. Торжественное вступленіе Георга I было отпраздновано съ большимъ блескомъ. Въ программу торжествъ входила, между прочимъ, увеселительная поѣздка по Темзѣ. Среди пьесъ, исполненныхъ великолѣпнымъ

оркестромъ, были знаменитыя „Рѣчныя мелодіи“ („Wassermusik“), написанныя Генделемъ специально для этой поѣздки. Съ первыхъ же аккордовъ этой величественной и полнозвучной музыки король узналъ работу знаменитаго композитора. Примиреніе состоялось. Положеніе Генделя при дворѣ снова укрѣпилось. Ему было поручено даже музыкальное образованіе королевскихъ дѣтей за особое вознагражденіе. Въ матеріальномъ отношеніи положеніе Генделя было теперь очень недурнымъ, такъ какъ онъ получалъ теперь въ годъ до 6000 руб.

Мы переходимъ къ періоду генделевскихъ ораторій. Какъ музыкальное произведеніе, ораторія характеризуется г. Фольбахомъ слѣдующимъ образомъ. Самымъ важнымъ для ораторіи является выборъ матеріала, такъ какъ именно по матеріалу, содержащемуся въ ней она отличается отъ оперы и отъ драмы. Опера требуетъ дѣйствія, которое бы непрерывно развертывалось передъ нашими глазами, героя, который бы своей дѣятельностью путемъ свободнаго самоопредѣленія творилъ свою собственную судьбу. При ораторіи логически обоснованное дѣйствіе также является первымъ условіемъ, но она не требуетъ, чтобы дѣйствіе подвигалось непрерывно впередъ и развертывалось шагъ за шагомъ. Въ цѣломъ она состоитъ изъ картинъ и сценъ, изъ которыхъ каждая въ гораздо большей степени идетъ въ ширь, чѣмъ это допустимо для оперы и драмы. Подобная широкая картина не только допускаетъ, но прямо требуетъ иныхъ средствъ и способовъ изображенія, а именно широкаго примѣненія большихъ хоровъ. Въ ораторіяхъ хоры берутъ въ большинствѣ случаевъ даже перевѣсъ надъ солистами. Это преобладаніе хоровъ является главной отличительной чертой для ораторій по сравненію съ операми и драмами. Благодаря этому же свойству ораторій, отдѣльныя ея части имѣютъ болѣе законченный видъ и въ меньшей степени связаны со всей картиной, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ драмѣ или оперѣ. Соотвѣтственно этому, устраняется та бурная и сложная самодѣятельность героевъ, которая является содержаніемъ оперы или драмы. Такому герою уже не найдется мѣста въ ораторіи. Въ этой картинѣ нуженъ герой совершенно иного характера. Въ немъ должна ясно и отчетливо выступать пассивность, какъ основа его дѣятельности. Недаромъ Гендель выбиралъ для своихъ ораторій героевъ главнымъ образомъ изъ ветхозавѣтной исторіи, гдѣ всегда и неизмѣнно чувствуется рука высшаго существа, а отдѣльные люди являются только орудіями его предначертаній. Эта необходимость постоянно давать чувствовать близость высшаго существа и создаетъ ту атмосферу возвышеннаго, которая такъ типична для всѣхъ ораторій Генделя. И, не смотря на всѣ эти особенности, ораторія для того, чтобы производить сильное впечатлѣніе, должна быть цѣльной, проникнутой единствомъ мысли и чувства, полна своеобразнаго дѣйствія,—однимъ словомъ, по своему, ораторія должна быть, не смотря на все свое отличіе отъ драмы, драматичной. Этимъ умѣньемъ дѣлать свои ораторіи драматичными въ высокой степени обладалъ Гендель. Въ этомъ отношеніи генделевскія ораторіи, можно сказать, въ прошломъ не имѣли себѣ подобныхъ, и ораторіи генделевского типа являются изобрѣтеніемъ самого Генделя. Объ ихъ своеобразности можно судить хотя бы по тому, что самъ Гендель не зналъ, какъ слѣдовало бы правильно назвать первыя написанныя имъ въ Лондонѣ произведенія—ораторіями или операми.

За время своего пребыванія въ Лондонѣ Гендель написалъ, какъ мы уже говорили, цѣлый рядъ ораторій, изъ которыхъ мы назовемъ здѣсь слѣдующія: „Эсфирь“ (1720), „Девора“ (1733), „Саулъ“ (1738), „Мес-

сія“ (1741), „Самсонъ“ (1741), „Іосифъ и его братья“ (1743), „Іуда Маккавей“ (1746) „Соломонъ“ (1748). Нѣкоторыя изъ генделевскихъ ораторій являлись по своему содержанію, такъ сказать, свѣтскими. Таковы „Пиръ Александра“ (1733), „Гераклъ“ (1744) и др. За это же время имъ было написано множество оперъ и замѣчательныхъ пьесъ для церковной музыки. Но мы достаточно уже знакомы съ характеромъ творчества Генделя и потому ограничимся лишь здѣсь болѣе нѣкоторыми общими замѣчаніями о его ораторіяхъ. Для этого намъ достаточно будетъ прослѣдить содержаніе одной изъ нихъ. Возьмемъ для образца „Эсеиръ“ въ томъ видѣ, какъ она впервые появилась на сценѣ и какъ она излагается г. Фольбахомъ. Увертюра ораторіи состоитъ изъ трехъ частей. Музыка ея относится къ числу лучшихъ произведеній Генделя. Особенно любопытной является вторая часть увертюры, заключающей музыкальную характеристику дѣйствующихъ лицъ. Скорбному мотиву угнетенныхъ іудеевъ (скрипки и гобой) противостоитъ другой жестокой и неумолимый мотивъ угнетателя, въ которомъ мы узнаемъ Амана (онъ исполняетъ альтами и басами). „Этотъ отрывокъ“,—говоритъ только что упомянутый біографъ Генделя,—„является какъ бы предвѣстникомъ той формы увертюры, которую мы находимъ въ „Донъ Жуанъ“ Моцарта или „Коріоланъ“ Бетховена“. Первая сцена рисуетъ намъ персидскаго полководца Амана, отдающаго приказаніе объ истребленіи всѣхъ іудеевъ, не исключая женщинъ и дѣтей. Напрасно къ нему обращаются съ просьбами. Онъ остается неумолимымъ. Съ дикой радостью воины (въ красиво скомпонированномъ хорѣ) привѣтствуютъ жестокой приказъ. Вторая сцена вводитъ насъ въ среду израильтянъ. Здѣсь царствуетъ великая радость по поводу того, что Эсеиръ сдѣлалась царицею. Третья сцена рисуетъ намъ появленіе вѣстника съ печальнымъ извѣстіемъ. Въ мрачныхъ краскахъ рисуетъ онъ грядущее бѣдствіе. Жалобный хоръ, раздающийся въ отвѣтъ на это страшное извѣстіе, является однимъ изъ прекраснѣйшихъ произведеній Генделя. Еще болѣе мрачными звуками обрисовывается мрачное настроеніе въ слѣдующей за этимъ хоромъ арии: „О, Іорданъ, священная рѣка!“ Въ четвертой сценѣ Мардохей рассказываетъ Эсеири о надвигающихся ужасныхъ событіяхъ и умоляетъ ее прибѣгнуть къ послѣднему средству спасенія—обратиться къ царю. Однако, существующій законъ грозитъ смертной казнью всякому, кто самовольно обращается къ царю. Эсеиръ колеблется. Но Мардохей продолжаетъ ее уговаривать. „Приблизься къ нему безъ страха“—говоритъ онъ:—„довѣрься любви. Страхъ надо питать только къ одному Богу. Если же ты и погибнешь ради своего народа, то эта смерть будетъ для тебя прекраснѣйшимъ жребіемъ“. Эсеиръ, наконецъ, обѣщаетъ свою помощь. „Возьми мою жизнь, но пощади только народъ“,—восклицаетъ она, обращаясь къ Богу“. Въ пятой сценѣ она—передъ лицомъ грознаго царя. Силы ей измѣняются. Она падаетъ въ обморокъ, но царь успокаиваетъ ее ласковыми словами: „кровавые законы, о вѣрная жена!“—говоритъ онъ,—„написаны не для тебя“. Она приходитъ въ себя и умоляетъ прійти къ ней, въ ея покои, короля и Амана. Воодушевленной аріей отвѣчаетъ царь на этотъ призывъ: „Могу ли я остаться вдалекѣ отъ мѣста, гдѣ живетъ моя любовь!“ Настроеніе народа мѣняется. Пробуждается вѣра въ спасеніе. Возносятся молитва къ Іеговѣ. Въ отвѣтномъ хорѣ: „Онъ грядетъ“, среди звуковъ грозы и бури чувствуется близость великаго божества. Далѣе ораторія рисуетъ намъ пиръ у Эсеири. Здѣсь царь впервые узнаетъ о злобныхъ замыслахъ Амана и клянется солнцемъ, что глаза Амана не увидятъ больше золотыхъ лучей дневного свѣтила. Аманъ умоляетъ Эсеиръ о

попадѣ, но все напрасно. Торжественные веселые звуки всеобщей радости заканчиваютъ эту прекрасную ораторію.

Въ музыкѣ своихъ ораторій и оперъ—Гендель реализовалъ цѣлый рядъ новыхъ музыкальных приѣмовъ. Укажемъ нѣкоторые изъ нихъ. Онъ чрезвычайно удачно воспользовался для нѣкоторыхъ особенно эффектныхъ моментовъ паузами въ аккомпаниментѣ оркестра. Приемъ этотъ, напр., использованъ въ оперѣ „Роделинда“. Лангобардскій король Бертаридо, котораго всѣ считали давно погибшимъ, при возвращеніи на родину попадаетъ на кладбище своихъ предковъ. Обходя надгробныя плиты, онъ

Памятникъ Георгу Фридриху Генделю въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

прочитываетъ на одной изъ нихъ свое собственное имя. Въ моментъ произнесенія этихъ словъ оркестръ внезапно умолкаетъ, и человѣческій голосъ покинутый аккомпаниментомъ инструментовъ, вызываетъ жуткое чувство, которое долженъ былъ испытать ночью на этомъ печальномъ кладбищѣ человѣкъ, забытый всѣми. Этотъ эффектный приемъ былъ использованъ великимъ музыкантомъ и въ другихъ подходящихъ случаяхъ. При такомъ же выразительномъ молчаніи оркестра прочитываются, напр., огненные слова въ „Валтасаръ“. Подобная же пауза въ оркестрѣ рѣзко подчеркиваетъ драматичность положенія въ ораторіи „Іосифъ и его братья“ послѣ сцены опознанія израильтянами проданнаго когда-то ими брата.

Какъ истый художникъ, Гендель стремился воспроизвести въ своей музыкѣ всю жизнь во всемъ ея разнообразіи. Вотъ почему вы найдете

въ его произведеніяхъ часто необычайно пеструю картину всевозможныхъ душевныхъ переживаній. Возьмите хотя бы его знаменитый „Пиръ Александра“. Ликующее, душевное пѣніе въ честь Вакха смѣняется здѣсь сосредоточенной, замкнутой жалобной пѣсней; нѣжная любовная пѣсня — призывомъ мести и т. д. Необычайно удачно умѣлъ также Гендель пользоваться музыкальными средствами для писанія всякаго рода внѣшнихъ явленій. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ его произведеній мы находимъ красивое музыкальное описаніе ночного мрака. Или въ іорданской аріи „Эсеири“ онъ правдиво передаетъ при помощи скрипокъ жужжаніе летающихъ мухъ и комаровъ и прыжки лягушекъ. Конечно, эта тонкая и часто удивительно глубоко задуманная работа удавалась только благодаря тому, что Гендель тщательнo изучилъ индивидуальность каждаго инструмента и для выраженія каждаго настроенія, каждаго чувства умѣлъ выдвинуть на первое мѣсто соотвѣтствующій инструментъ. Такъ, битву, побѣду, боевой пылъ, гнѣвъ онъ описывалъ всегда при помощи трубъ; тоску и безнадежную любовь при помощи флейтъ; горячую любовь, страданія, сомнѣнія при помощи скрипокъ и т. д.

Заслуги Генделя въ области музыкальнаго развитія человѣчества очень велики. Онѣ заслуживаютъ тѣмъ больше благодарности съ нашей стороны, что періодъ самой живой, самой плодотворной музыкальной его дѣятельности проходилъ далеко не въ благопріятныхъ условіяхъ въ матеріальномъ отношеніи. Гендель не только отдалъ всѣ свои силы композиторской дѣятельности, но онъ самымъ тѣснымъ образомъ связалъ свою судьбу съ театромъ. Въ Лондонѣ онъ очень быстро сталъ во главѣ одного частнаго театральнаго предпріятія, которое въ теченіе ряда лѣтъ ставило его на краю полнаго банкротства. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ уваженія щедрый даръ Генделя въ пользу благотворительныхъ учрежденій его „Мессіи“. Это великое произведеніе собрало въ нѣсколько лѣтъ свыше 60.000 рублей, которые были отданы на благотворительныя цѣли.

Послѣдніе годы своей жизни Гендель прожилъ, впрочемъ, въ полномъ довольствѣ и умеръ даже богатымъ человѣкомъ. Зато судьба его преслѣдовала въ иномъ направленіи: онъ ослѣпъ. Но, даже потерявъ зрѣніе, онъ продолжалъ свою музыкальную работу и подвергъ блестящей переработкѣ нѣкоторыя изъ своихъ прежнихъ произведеній.

Онъ умеръ въ 1759 г.

Статуя Рамо въ Дижонѣ.

Рамо.

(1683—1764).

Рамо, отецъ современнаго оркестра и предвозвѣстникъ симфоніи, какъ законченной и развитой формы музыкальнаго творчества, представляеть въ настоящій моментъ далеко не одинъ только историческій интересъ. Сравнительно совсѣмъ недавно (въ 1895 г.) было опубликовано полное собраніе сочиненій Рамо, а на сценѣ были поставлены его лирическія музыкальныя вещицы, не исполнявшіяся даже во Франціи, отечествѣ великаго композитора и изслѣдователя музыки, въ теченіи почти цѣлаго столѣтія. Наконецъ, возобновленіе его знаменитой оперы „Гипполитъ“ вызвало восторгъ и у специалистовъ-музыкантовъ и у широкой публики. Еще раньше его хоръ дикарей вошелъ въ программу одного извѣстнаго французскаго музыкальнаго общества (въ 1837 г.), а его фортепьянныя композиціи нашли себѣ мѣсто въ изданіи „Сокровища пѣани-

ство" (1861 г.), получившемъ большое распространіе. Однимъ словомъ, музыкальные произведенія Рамо, переживши столѣтіе слишкомъ, оказались полны свѣжести и интереса для нашей современности. Какимъ же могучимъ талантомъ долженъ былъ обладать авторъ этихъ произведеній для того, чтобы такъ умѣло защитить ихъ отъ разрушительнаго вліянія времени.

Жанъ-Филиппъ Рамо родился въ Дижонѣ и былъ крещенъ 25 сентября 1683 года. Семейство его по своему социальному положенію принадлежало къ мелкой буржуазіи. Отецъ его былъ однимъ изъ извѣстныхъ органистовъ своего времени. Онъ игралъ въ нѣсколькихъ извѣстныхъ церквахъ, но заработка едва хватало на существованіе его огромной семьи, состоявшей изъ трехъ сыновей и пяти дочерей. Жанъ-Филиппъ былъ старшимъ изъ сыновей.

Дижонъ того времени, старинный городъ герцоговъ бургонскихъ, былъ однимъ изъ центровъ французскаго искусства и интеллектуальной жизни. Онъ выдѣлялъ выдающихся дѣятелей въ области науки, литературы и музыки: Онъ насчитывалъ въ своей средѣ рядъ извѣстныхъ композиторовъ, къ числу которыхъ принадлежалъ, между прочимъ, и крест-обстановку для развитія музыкальнаго таланта даровитаго мальчика тѣмъ болѣе, что отецъ его, самъ прекрасный музыкантъ, съ усердіемъ занялся музыкальнымъ развитіемъ своихъ дѣтей. „Онъ“,—говоритъ Маре,—„началъ учить ихъ музыкѣ раньше, чѣмъ они выучились читать“, при этомъ разсказываютъ, что маленький Жанъ-Филиппъ съ величайшимъ трудомъ передвигалъ сначала свои пальчики по клавиатурѣ клавирина.

Первые годы Жанъ, какъ и большинство дижонской буржуазіи, получалъ образованіе исключительно домашнее, затѣмъ онъ былъ отданъ въ іезуитскую коллегію, гдѣ поддерживалась строгая дисциплина. Однако, порядки іезуитскаго колледжа не оказали замѣтнаго вліянія на характеръ Жана-Филиппа: онъ остался такимъ же своенравнымъ и непослушнымъ ребенкомъ, какимъ онъ былъ и дома. Шалости его пользовались общей извѣстностью въ колледжѣ. Онъ уже въ это время хорошо писалъ музыку. Эти музыкальные таланты не спасли его, однако, отъ необходимости покинуть колледжъ, гдѣ онъ такъ и не закончилъ своего средняго образованія. Изъ колледжа онъ вынесъ плохое знаніе французскаго языка и еще болѣе плачевное знакомство съ языкомъ латинскимъ. Но зато съ этихъ поръ ничто уже не отвлекало Жана-Филиппа отъ его любимаго занятія—изученія музыки. Онъ много упражнялся на органѣ и скрипкѣ и усердно работалъ надъ музыкальными композиціями, въ которыхъ, однако, трудно прослѣдить вліяніе какой-либо школы или какого-либо отдѣльнаго маэстро, такъ что нѣкоторые изъ его біографовъ считаютъ его въ этой области самоучкой.

Вотъ этими скудными свѣдѣніями почти и исчерпывается все, что мы знаемъ о дѣтствѣ и отрочествѣ Рамо, который ни самъ не оставилъ авто-біографическихъ записокъ, ни съ другими не любилъ дѣлиться своими личными воспоминаніями. Трудно представить себѣ, какъ изъ этого подвижнаго, веселаго и безпечнаго мальчика выработался сухой, сосредоточенный и упорный буржуа-скопидомъ, какимъ представляютъ Рамо большинство его біографовъ въ его зрѣлые годы. И, дѣйствительно, Рамо не имѣлъ друзей, а вѣспышками своего гнѣва держалъ въ страхѣ и отдаленіи своихъ близкихъ. Онъ не искалъ знакомствъ и чувствовалъ себя прекрасно на своихъ одинокихъ прогулкахъ по садамъ Тюйлери и

Пале-Рояля, когда онъ, повидимому, цѣликомъ уходилъ въ свое музыкальное творчество. Возможно, что тяжелая въ матеріальномъ отношеніи жизненная обстановка въ первые годы жизни и это сосредоточенное углубленіе въ свое любимое искусство въ теченіи всей жизни и наложило на великаго музыканта отпечатокъ такой отчужденности отъ окружающаго міра. Хорошая игра трогала его до слезъ. За своими клавишами онъ забывалъ весь міръ. Когда онъ писалъ свои музыкальныя композиціи, то видно было, что онъ весь горѣлъ какимъ-то внутреннимъ огнемъ. Музыкальныя произведенія другихъ онъ всегда въ высшей степени безпристрастно оцѣнивалъ по ихъ достоинству, не обращая вниманія на то, принадлежитъ ли оно перу соперника и врага или почитателя. Въ преслѣдованіи своихъ цѣлей онъ отличался рѣдкимъ упорствомъ, а въ полемикѣ былъ настойчивъ и безошаденъ. Ясно, что человѣкъ съ такимъ характеромъ могъ добиться въ концѣ концовъ признанія своего таланта, значительнаго положенія въ обществѣ, недурнаго капиталца въ запасъ, но не могъ оставить послѣ себя значительныхъ матеріаловъ бюграфическаго характера.

Этотъ пробѣлъ мы и чувствуемъ уже на первыхъ порахъ біографіи великаго музыканта. Мы видѣли, какъ онъ покинулъ свой колледжъ, какъ онъ съ увлеченіемъ отдался музыкѣ, но больше этого мы почти ничего не знаемъ ни изъ его внѣшней, ни изъ его внутренней жизни. Мы не знаемъ даже, чѣмъ была вызвана его поѣздка въ Италію въ 1701 году. Нѣкоторые біографы подозреваютъ здѣсь какую-то романтическую исторію—не удавшуюся любовь,—но въ пользу этой догадки можетъ служить только тотъ фактъ, что Рамо никогда красотой не отличался, а потому любовныя неудачи были для него вполне естественными. Это былъ человѣкъ очень худошавый и очень длинный и съ рѣзкими изломами силуэта, невольно напрашивавшагося на шаржъ и даже на карикатуру; и, дѣйствительно, туловище его, какъ бы лишенное живота, охотно сравниваютъ съ длинной трубой органа, а ноги съ флейтами. По увѣренію Шабанона, онъ походилъ больше на привидѣніе, чѣмъ на человѣка. Однако, при внимательномъ разсматриваніи его грубаго лица вы замѣчаете сильныя энергичныя черты, сближающія его съ лицомъ Вольтера, серьезно обдумывающаго какую-нибудь мысль. Взоръ же его въ моментъ творчества былъ положительно величественнымъ,—„глаза орла“, какъ выразился Декруа. Все это, конечно, скрашивало нелѣпую фигуру великаго музыканта, только при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ, а при первыхъ встрѣчахъ, вѣроятно, молодыя красавицы не могли удержаться отъ улыбки при взглядѣ на этого тощаго и длиннаго человѣка-привидѣнія, что едва ли способствовало ихъ благосклонности.

Итакъ, въ силу какихъ-то обстоятельствъ молодой Рамо оказался въ Италіи. Его путешествіе было, впрочемъ, непродолжительнымъ, и дальше Милана, гдѣ ему удалось слышать нѣсколько извѣстныхъ органистовъ и присутствовать на нѣсколькихъ театралныхъ представленіяхъ, онъ не попалъ. Въ общемъ же путешествіе это дало Рамо очень мало, и онъ въ послѣдствіи высказывалъ сожалѣнія и о деньгахъ, и времени, потерянныхъ на эту поѣздку.

По возвращеніи во Францію двадцатилѣтній юноша Рамо долженъ былъ подумать о томъ, какъ бы зарабатывать себѣ самому свой хлѣбъ. Съ этого момента для бѣднаго музыканта открывается продолжительная полоса безпокойной жизни. Въ качествѣ скрипача онъ вступаетъ въ бродячую труппу. Затѣмъ мы его видимъ учителемъ музыки въ Клермонѣ и,

наконецъ, весною 1705 года онъ прїѣзжаетъ въ Парижъ. Здѣсь въ ближайшее же время онъ выпускаетъ первую свою работу: „Первая книга пьесъ для клавесинъ“. Эта работа еще мало типична для Рамо. Въ ней онъ выступаетъ робкимъ подражателемъ стариннаго стиля французской музыки.

Нѣкоторыя знакомства въ парижскомъ музыкальномъ мірѣ оказались чрезвычайно полезными для пополненія музыкальнаго образованія Рамо. Въ 1706 году мы находимъ его уже органистомъ въ двухъ парижскихъ церквяхъ іезуитскаго ордена. Какимъ образомъ ему удалось започнуть эту работу, неизвѣстно. Его служба оплачивалась очень скромно, но Рамо всетаки довольно благополучно сводилъ концы съ концами. Впрочемъ, въ томъ же 1706 году Рамо возвращается къ своей бродячей жизни, и въ 1709 году мы застаемъ его снова въ Дижонѣ, гдѣ онъ, въ качествѣ органиста, замѣняетъ своего отца. Извѣстно далѣе, что въ 1715 году ему пришлось присутствовать на свадьбѣ своего брата, женившася на женщинѣ, которую любилъ нашъ неудачливый въ любви композиторъ. Это обстоятельство снова заставляетъ его покинуть родной городъ и пуститься въ дорогу. Снова смѣна нѣсколькихъ городовъ, и, наконецъ, якорь брошенъ на болѣе продолжительное время въ томъ самомъ Клермонѣ, гдѣ онъ уже былъ органистомъ съ 1702 по 1705 годъ. Этотъ старинный, мрачный и суровый городъ, еще недавно только что выкормившій гениальнаго Паскаля, располагалъ Рамо къ размышленіямъ и изслѣдованіямъ. Здѣсь была написана его замѣчательная работа по теоріи музыки, — „Трактатъ о гармоніи, сведенной къ ея естественнымъ принципамъ“, (1722 г.), о которомъ спустя столѣтіе слишкомъ съ уваженіемъ отзывался знаменитый Гельмгольцъ. Въ этой работѣ были высказаны всѣ важнѣйшія воззрѣнія Рамо на музыку, получившія дальнѣйшую обработку въ послѣдующихъ его 15 книгахъ, брошюрахъ и статьяхъ. Его теоретическія воззрѣнія, залегшія въ настоящее время фундаментомъ современной музыки, были тогда неслыханной новостью и многимъ казались непозволительной ересью. До Рамо музыка казалась свободнымъ искусствомъ. Ея творчество считали независимымъ отъ какихъ бы то ни было правилъ и законовъ. Рамо, который, по словамъ Маре, былъ не только великимъ музыкантомъ, но и великимъ философомъ, первый провозгласилъ, что, музыка есть наука, которая должна обладать своими опредѣленными законами и правилами“. Анархическій эмпиризмъ, который царствовалъ въ музыкальныхъ воззрѣніяхъ того времени, казался непріемлемымъ для Рамо. Безъ глубокихъ обобщеній, безъ тщательнаго анализа,

Рамо. Рис. Гармонтелля.

музыка представлялась Рамо дешевымъ мастерствомъ. Какъ обобщенія, такъ и анализъ, по убѣжденію Рамо, должны найти благодарное поле въ области музыкальных явленій, которыя должны составлять, по его заявленію, лишь одну изъ главъ физико-математическихъ наукъ. Въ этомъ направленіи онъ, по его собственному заявленію, началъ изслѣдовать музыку со времени „еще своей самой нѣжной молодости“, руководясь въ своихъ размышленіяхъ своеобразнымъ „математическимъ инстинктомъ“. Конечно, въ этомъ стремленіи подвести подъ музыку научное основаніе, въ этомъ довѣріи къ наукѣ, въ этомъ возвеличеніи ея въ достаточной мѣрѣ сказывается духъ того столѣтія, къ которому принадлежалъ Рамо и который можетъ гордиться блестящей плеядой энциклопедистовъ. Какъ истый гений, Рамо сумѣлъ отыскать въ пестромъ и сложномъ мірѣ звуковъ существенные и основные элементы и первый изъ всѣхъ ученыхъ и музыкантовъ обратился къ изслѣдованію резонанса и къ разсмотрѣнію элементовъ, изъ которыхъ, слагаются музыкальныя многоголосыя сочетанія. Такимъ образомъ было заложено важное для музыки ученіе о гармоніи. Изученіе колеблющейся струны приводитъ его къ опредѣленію основныхъ звуковъ въ музыкѣ, а эти послѣдніе позволяютъ ему установить основной, — „совершенный“ аккордъ, который, въ свою очередь, выясняетъ цѣлый рядъ важныхъ для пониманія гармоніи правилъ. Онъ сдѣлалъ также многое для выясненія диссонанса, какъ музыкальной формы. Въ виду спеціальнаго характера вопроса мы не можемъ входить въ подробности этого прекраснаго изслѣдованія, часто опирающагося на чисто-математическія выкладки. Рамо, далѣе, хорошо понималъ, что красота музыки зависитъ не только отъ тѣхъ числовыхъ отношеній, которыя слагаются между одновременно или послѣдовательно появляющимися звуками, но и еще отъ ея выразительности. Онъ показалъ, что аккорды обладаютъ способностью выражать наши различныя душевныя настроенія; можно сказать, что каждый аккордъ соотвѣтствуетъ нѣкоторой ассоціаціи идей. „Аккорды бывають печальныя, грустные, нѣжныя, пріятныя, веселыя, неожиданныя. Оживленные мотивы требуютъ созвучныхъ аккордовъ, нѣжность и печаль опираются на диссонансы; страданіе выражается также диссонирующими аккордами, но иного рода. Онъ указываетъ далѣе, что въ силу нашихъ эстетическихъ требованій, опредѣляемыхъ нашей природою, каждый тонъ, въ которомъ пишется та или другая пѣсня, неизмѣнно придаетъ опредѣленную окраску всему произведенію. Всякія живыя мелодіи пишутся, напр., всегда въ мажорномъ тонѣ. Для выраженія „стремительности и бѣшенства“ особенно подходятъ тоны fa и si; для „величія и великолѣпія“ предпочитаютъ тоны re, la, mi. Съ минорными тонами мы вступаемъ въ область нѣжныхъ и жалобныхъ чувствъ; тоны fa и do mineur особенно подходятъ для „погребальнаго пѣнія“. Онъ дѣлаетъ, далѣе, тонкія наблюденія относительно эстетической природы терцій... Терціи въ мажорномъ тонѣ естественно возбуждаютъ насъ къ радости; слишкомъ сильно выраженные, онѣ выдвигаютъ идею бѣшенства; терціи въ минорномъ тонѣ вызываютъ въ насъ чувства нѣжныя и мягкія; если ихъ брать очень слабыми, то онѣ вызываютъ въ насъ чувство печали“. Такими тонкими наблюденіями, ускользавшими отъ вниманія прежнихъ музыкантовъ и представляющихъ огромную цѣнность при изученіи законовъ музыкальнаго творчества, полна названная работа Рамо. Само собою разумѣется, что всѣми этими правилами и законами Рамо не открывалъ еще возможности „механически“, какъ старались часто развить его противники, „составлять музыку“. Композиторъ прежде всего долженъ быть талантомъ,

прежде всего слѣдовать своему вдохновенію, но, реализуя эти вдохновенія въ игрѣ инструментовъ или въ пѣніи голоса, онъ обязанъ быть знакомымъ со всѣми этими правилами, представляющими сущность музыки, такъ какъ подобное знакомство въ высокой степени облегчить его творчество. Эти законы гармоніи и инструментовки для музыканта представляютъ такое же значеніе, какое для писателя представляютъ законы синтаксиса и грамматики. Эти новыя воззрѣнія на природу и средства музыкальнаго творчества вызвали къ себѣ чрезвычайно различное отношеніе. Здѣсь достаточно будетъ указать, что Гендель всегда отзывался о работахъ Рамо съ большимъ уваженіемъ, тогда какъ Севастьянъ Бахъ былъ завзятымъ его противникомъ.

Въ 1723 году Рамо снова переселяется въ Парижъ. Ему было уже сорокъ лѣтъ, но для своей музыкальной карьеры онъ сдѣлалъ еще очень и очень мало. Правда, имъ была написана замѣчательная книга, но только время могло показать, какія сокровища заключала эта работа, пока же вокругъ нея загорался лишь споръ. Какъ композиторъ же онъ занималъ крайне скромное положеніе: нѣсколько пьесъ для клавесинъ, да нѣсколько кантатъ, — этимъ и ограничивалась его производительность въ данной области. Снова безъ средствъ и почти безъ имени вступилъ Рамо въ Парижъ. Какъ и большинство композиторовъ того времени, Рамо въ своемъ творествѣ чувствовалъ непреодолимую тягу къ оперѣ, которая въ то время завладѣла всѣми симпатіями театральной публики. Въ это время одинъ изъ предпринимателей обратился къ нему съ просьбой написать музыку къ нѣсколькимъ пьесамъ, которыя давались въ ярмарочныхъ балаганахъ. Рамо охотно согласился потому, что это все таки былъ „театръ“, приближеніе къ сценѣ, о которой онъ такъ мечталъ. Въ первый разъ музыка, написанная имъ для водевилей, была разыграна на ярмаркѣ въ Санъ-Жерменѣ. Въ слѣдующемъ году онъ выпускаетъ свой второй сборникъ для клавесинъ. Здѣсь онъ проявляетъ уже неизмѣримо больше оригинальности и талантливости, чѣмъ въ первомъ своемъ сборникѣ. Нѣкоторые изъ мотивовъ, вошедшихъ въ этотъ сборникъ, были впоследствии разработаны въ его операхъ. Этой книжечкѣ Рамо придавалъ значеніе главнымъ образомъ педагогическое, какъ это видно изъ присоединенной къ ней статьи „Методъ для механики пальцевъ“, въ которой онъ даетъ массу новыхъ и цѣнныхъ указаній относительно игры на клавесинахъ.

Въ февралѣ 1726 г. Рамо женится на очень молодой дѣвушкѣ, — почти ребенкѣ. Матеріальное его положеніе такимъ образомъ до крайности осложняется. Приходится опять искать работы, которая давала бы болѣе вѣрный заработокъ, чѣмъ случайныя композиціи и педагогическіе сборники, которымъ еще было необходимо пробить себѣ путь къ широкой публикѣ. Приходится обратиться къ старой испытанной профессіи органиста. И, дѣйствительно, въ 1737 г. онъ участвуетъ, — правда, неудачно, — въ конкурсѣ на мѣсто органиста при церкви св. Павла, а въ 1732 г. выступаетъ органистомъ въ церкви Св. Креста, привлекая своей игрой многочисленныхъ слушателей. Въ это же время музыкальные круги начинаютъ оцѣнивать его, какъ педагога и какъ новатора въ технику по игрѣ на клавесинѣ и по постановкѣ аккомпанимента. Благодаря этому онъ приобретаетъ многочисленныхъ учениковъ, что, конечно, благотворительно отражается на его бюджетѣ. Но любопытно, что эти успѣхи его въ качествѣ музыканта-философа и музыканта-педагога мѣшали ему пролагать себѣ путь въ качествѣ музыканта-композитора. Въ музыкальномъ мірѣ того времени былъ распространенъ предрасудокъ, что искусство, — а осо-

бенно такое искусство, какъ музыка,—несовмѣстимо съ способностью анализа и вообще научнаго изслѣдованія, поэтому къ композиторскимъ выступленіямъ Рамо относились не только сдержанно, но и недоброжелательно, и путь на сцену снова оставался закрытымъ для его произведеній. Но тѣ же уроки музыки доставили ему могущественнаго покровителя, при помощи котораго онъ, наконецъ, пробилъ себѣ дорогу къ сценѣ. Среди ученицъ Рамо была знаменитая Мими Данкуръ, мужъ которой, выдающийся финансистъ и богачъ, сталъ оказывать всяческое покровительство и охотно принималъ его у себя, на роскошной виллѣ въ Пасси. Здѣсь Рамо могъ встрѣчаться и сблизиться со многими выдающимися музыкальными дѣятелями Парижа. Одна изъ такихъ встрѣчъ, наконецъ, открыла Рамо доступъ къ оперной сценѣ. Среди посѣтителей богатой виллы въ Пасси былъ аббатъ Пеллегринъ, близко стоявшій къ опернымъ кругамъ и зарекомендовавшій себя уже выдающимся либреттистомъ. Рамо

Рамо и Вольтеръ. Рис. Ж. де-Терсана.

рѣшился обратиться къ Пеллегрину съ просьбой написать для него либретто и такимъ образомъ выступить вмѣстѣ въ оперномъ произведеніи. Аббатъ, имѣвшій возможность хорошо узнать Рамо, какъ композитора, принялъ это предложеніе не безъ большихъ колебаній. Очевидно, и онъ былъ нечуждъ общему предразсудку относительно музыканта-философа. Давая, наконецъ, свое согласіе, онъ потребовалъ отъ музыканта подписать условіе, по которому ихъ соглашеніе расторгается немедленно, если онъ

найдетъ первые же наброски Рамо неподходящими. Однако, этотъ документъ былъ разорванъ самимъ Пеллегриномъ послѣ перваго же знакомства съ работой Рамо. Такимъ образомъ появилась первая опера Рамо „Ипполитъ“, которая, благодаря вліянію богача-мецената и опытнаго въ закулисныхъ дѣлахъ Пеллигринъ, пробилъ, наконецъ, себѣ путь на сцену и была поставлена въ первый разъ 1-го октября 1733 г., т. е. когда Рамо было 50 лѣтъ. Нельзя сказать, чтобы первая опера была встрѣчена съ несомнѣннымъ одобреніемъ: впечатлѣніе оказалось неяснымъ, это скорѣе были только полумислѣхъ. Тѣмъ не менѣе, опера показала, что въ лицѣ Рамо выступаетъ, несомнѣнно, новый музыкальный талантъ. Уже на этой оперѣ можно видѣть слабые и сильные стороны творчества Рамо. Наиболѣе слабой стороной представлялъ самый замыселъ оперы, дѣйствія и лица которыхъ обыкновенно слѣдовали миеологическимъ трафаретомъ, выработаннымъ предшественниками Рамо: любовь героя и героини, дающая многозначительные поводы для сентиментальныхъ отступленій и остающаяся въ концѣ концовъ побѣдительницей, всякія неожиданности, пасторальные эпизоды или воинственные выступленія, и все это—въ какомъ-нибудь сказочно царствѣ, въ какихъ-нибудь волшебныхъ дворцахъ, передъ лицомъ какихъ-нибудь ужасныхъ чудовищъ и т. д. Наиболѣе слабой стороной его оперъ являются также вокальные номера, средѣ ко-

торыхъ наибольшей оригинальностью и силой отличаются лишь речитативы. Но зато въ симфонической части оперы, тамъ, гдѣ выступаетъ главнымъ образомъ оркестръ, Рамо высоко поднимается надъ своими современниками и предшественниками. Его симфоніи необычайно выразительны и красивы. Высокой художественности музыка достигаетъ также въ описательныхъ симфоніяхъ,—особенно тамъ, гдѣ, какъ въ буряхъ или землетрясеніяхъ, различные элементы сшибаются и ведутъ борьбу. Наконецъ, Рамо не имѣлъ себѣ соперниковъ и во всѣхъ оперныхъ дивертисментахъ,—въ безчисленныхъ и прелестныхъ танцахъ, которыми переполнена опера Рамо повсюду: „у него танцуютъ даже вокругъ могилы“,—какъ говорилъ Вольтеръ. Много новинокъ вводилъ Рамо также въ инструментовку оркестра.

Нерѣшимый пріемъ, который былъ оказанъ публикой первой оперѣ Рамо, появившейся на сценѣ, не остановилъ его творчества. Въ послѣдующіе годы онъ написалъ еще четыре оперы, нѣсколько балетовъ и пасторалей, а также нѣсколько концертовъ для клавесинъ, віолончели и скрипки и третій педагогическій сборникъ пѣсь для клавесинъ. Всѣ эти работы мало-по-малу доставили Рамо крупную извѣстность, и онъ получилъ обезпеченное мѣсто придворнаго музыканта. Это положеніе обязывало къ композиціямъ по поводу тѣхъ или другихъ официальныхъ торжествъ. Кромѣ того, онъ неоднократно выступалъ въ литературѣ съ защитой своихъ музыкальныхъ воззрѣній. Въ послѣдніе годы его жизни вообще на его долю пришлось довольно обильныя милости и знаки почта. Въ 1752 году онъ былъ избранъ членомъ Дижонскаго литературнаго общества, въ 1761 г.—членомъ Дижонской Академіи, а въ 1764 году возведенъ королемъ въ дворянское достоинство. Въ томъ же году смерть сломила этого упрямаго и удивительно работоспособнаго человѣка. Несмотря на тяжелую болѣзнь, онъ передъ лицомъ самой смерти продолжалъ готовиться къ репетиціямъ своей послѣдней оперы *Abaris ou le Vo-géades*. Похороны его отличались большою торжественностью и блескомъ. У ближайшихъ потомковъ онъ получилъ почетное и въ достаточной степени оправданное прозвище: „Ньютона звуковъ“.

Портретъ Глюка.

Глюкъ.

(1714—1787)

Глюкъ, какъ и другіе великіе композиторы, создавшіе современную музыку—Рамо, Моцартъ, Бетховенъ, Вагнеръ,—принадлежитъ по своему происхожденію къ демократическимъ слоямъ общества. Онъ родился 2 іюля 1714 г., въ Вейденвагнѣ неподалеку отъ Неймаркта, гдѣ его отецъ-нѣмецъ служилъ лѣснымъ сторожемъ. Маленькому Христофу едва минуло три года, когда отецъ его перешелъ на ту же должность въ новое имѣніе, расположенное на сѣверѣ Богеміи, въ Нейшлосѣ, и принадлежавшее принцу Кауницъ. О достаткѣ въ семьѣ сторожа, конечно, не могло быть и рѣчи. Родителямъ при такихъ условіяхъ было не до нѣжныхъ чувствъ къ своимъ дѣтямъ, и будущему музыканту приходилось изодня въ день—и въ дождь, и въ снѣгъ, и при ясномъ солнышкѣ—пересѣкать въ различныхъ направленіяхъ могучій лѣсъ. Эта вольная жизнь въ лѣсу имѣла, однако, для Христофора огромное значеніе въ двухъ отно-

шеніяхъ: она укрѣпила его здоровье и обогатила его душу тѣми поэтическими впечатлѣніями, которыя можно получить при близкомъ соприкосновеніи съ могучей природой. Здѣсь, въ лѣсахъ Богеміи, — говоритъ Жанъ д'Удинъ, — онъ подслушивалъ тысячи звуковъ, журчанье ручья, пророжаніе травъ, продолжительные жалобные стоны вѣтра, запутавшагося въ сосновыхъ иглахъ, концерты птицъ, скрывавшихся въ вѣтвяхъ деревьевъ, всю ту музыку, которую человѣкъ въ видѣ краткаго синтеза даетъ въ своихъ музыкальныхъ произведеніяхъ, приспособленныхъ къ его голосовымъ и инструментальнымъ средствамъ“...

Когда Христофору было 12 лѣтъ, отецъ снова перемѣнилъ мѣсто службы: онъ въ качествѣ лѣсного сторожа перешелъ къ принцу Лобковичу въ Эйзенбергъ. Христофоръ началъ посѣщать теперь школу. Къ этому времени онъ уже недурно игралъ на скрипкѣ и віолончели. Музыкѣ онъ обучался въ школѣ іезуитовъ, гдѣ ему давали уроки на органѣ и клавиринахъ. Изъ Коммотау Христофоръ Глюкъ перешелъ въ Прагу. Здѣсь, какъ рассказываетъ Густавъ Денуартеръ, „онъ началъ давать уроки пѣнія и игры на віолончели; онъ также пѣлъ и игралъ въ церквахъ... Каждое лѣто онъ велъ нищенскую, но полную всяческихъ приключеній жизнь. Онъ переходилъ отъ деревни къ деревнѣ, отъ жилья къ жилью и забавлялъ жителей своимъ пѣніемъ; за свое искусство нашъ бродячій артистъ получалъ вознагражденіе натурой, — обыкновенно яицами, которыя онъ затѣмъ уже обмѣнивалъ на другіе необходимые ему предметы“...

Его талантъ скоро былъ замѣченъ важными господами, у которыхъ служилъ его отецъ. Его благосклонно стали принимать въ домъ Лобковичей. Благодаря хлопотамъ ихъ, молодому музыканту удалось въ 1736 году устроиться въ Вѣнѣ. Тамъ онъ вращался въ обществѣ выдающихся музыкантовъ; тамъ же онъ встрѣтилъ и графа Мельци, который далъ ему возможность поѣхать въ Италію и посѣтить Миланъ, Римъ, Неаполь. Эта поѣздка окончательно опредѣлила его путь по направленію къ музыкальному творчеству. Въ Миланѣ Глюкъ съ жаромъ принялся за изученіе теоріи музыки у знаменитаго ученаго музыканта Джіована Баттисты Салмартини. На изученіи теоріи музыки у Глюка ушло четыре года (1737—1741), послѣ чего онъ приступилъ къ самостоятельному творчеству.

Его пребываніе въ Италіи оказалось чрезвычайно полезнымъ для развитія его музыкальнаго таланта не только потому, что итальянскій маэстро ввелъ его въ кругъ теоріи музыки, но и потому, что, благодаря близкому соприкосновенію съ итальянской музыкой, онъ дополнилъ существенные пробѣлы въ своемъ музыкальномъ развитіи, проходившемъ подъ своеобразными впечатлѣніями его молодости и подъ вліяніемъ особенностей его германскаго духа. Итальянская музыка воспитала въ немъ чувство организованной мелодіи, какъ говоритъ д'Удинъ. „Германскій геній, сосредоточенный на симфоніи и воспріятіи внѣшняго міра, обыкновенно разбиваетъ это нѣжное чувство, въ то время, какъ Италія, пріученная, какъ культурой ренессанса, такъ и своими древними исканіями, исключительно почти къ созерцанію человѣка и человѣческихъ чувствъ, научилась, къ счастью, облекать свои звуковыя вѣдѣнія въ ритмическія и пѣвучія формулы, прекрасно приспособленные къ нашимъ голосовымъ средствамъ и нашимъ инстинктамъ симметріи. Когда французское или нѣмецкое чувство усваиваетъ подобныя формулы, оно можетъ это новое свое знаніе соединять съ глубиною и серьезностью. Но въ Италіи XVIII вѣка, въ этомъ поверхностномъ, непостоянномъ, щебечущемъ мірѣ..., во всемъ этомъ жи-

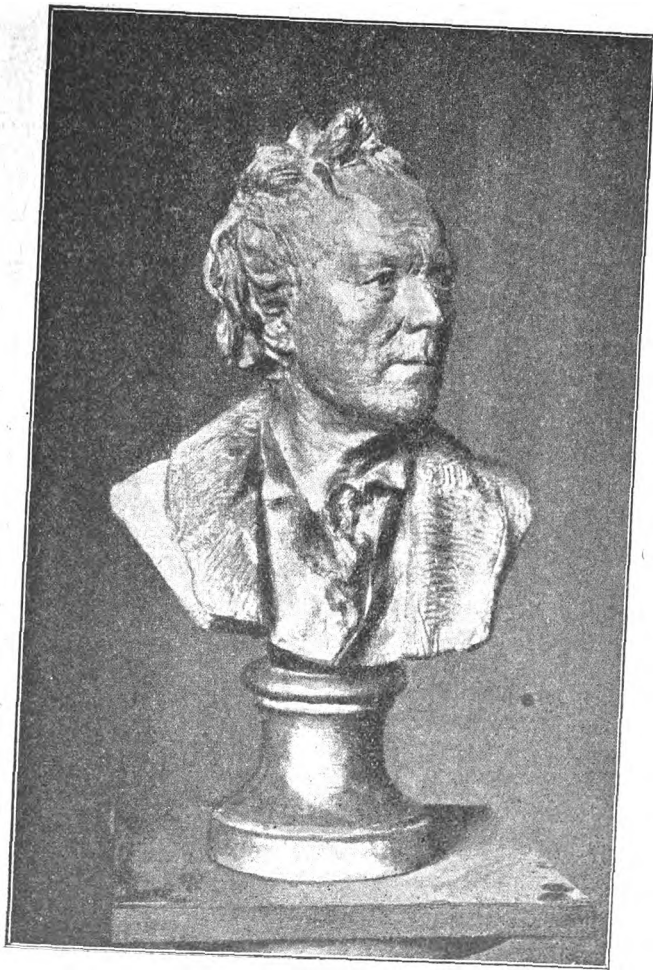
вомъ, фальсифицированомъ существованіи, музыка имѣла назначеніемъ только ласкать слухъ, не обращаясь къ разуму, щекотать нервы и обострять удовольствіе... Чего же ожидать отъ искусства, пришедшаго въ упадокъ, раньше, чѣмъ ему удалось достичь зрѣлости. Чего ожидать отъ эпохи, когда церкви были обращены въ музыкальные салоны, а монастыри—въ консерваторіи? когда сами кардиналы устраивали въ соборахъ свѣтскія представленія и когда контрабасы, смѣло выдвинутые въ концертныхъ залахъ на первое мѣсто, должны были производить впечатлѣніе своимъ декоративнымъ величіемъ. Общество, которое не знаетъ ни одного жеста, кромѣ танцевъ, не можетъ имѣть и иной музыки, какъ музыки танцевальной, а тамъ, гдѣ безраздѣльно царить менуэтъ, музыка обречена на вырожденіе“.

Таковы были сильныя и слабыя стороны музыкальной среды, въ которой Глюкъ принужденъ былъ провести нѣсколько лѣтъ. Къ счастью, слащавая и пошлая сторона итальянской музыки мало коснулась его, зато онъ великолѣпно овладѣлъ здѣсь той формой музыкальнаго выраженія, которая называется аріей и которая ему такъ пригодилась, кгда онъ перешелъ къ созданію своихъ великихъ произведеній.

Однако до „Орфея“, перваго шедевра Глюка, отъ первыхъ его композиторскихъ выступленій прошелъ длинный рядъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ имъ было написано до тридцати оперъ въ итальянскомъ вкусѣ. Эти оперы, почти забытыя въ настоящее время, не представляютъ сколько нибудь значительной цѣнности съ точки зрѣнія исторіи музыки; но онъ хорошо были приняты современниками и принесли Глюку извѣстность и обезпеченныя средства. Особенно Италия оказалась щедрой по отношенію къ новому пророку ея музыки. Миланъ, Болонья, Кремона, Венеція, Неаполь и Римъ поочереды заказывали ему оперы, которыя онъ и ставилъ въ каждомъ изъ этихъ городовъ. Въ 1754 году его трудами заинтересовался самъ папа и далъ ему высокія знаки отличія, возводившіе его въ дворянское достоинство. Очень значительными были его успѣхи и въ Вѣнѣ, гдѣ, благодаря его элегантнымъ манерамъ и уму, передъ нимъ открылись двери всѣхъ салоновъ. Въ томъ же 1754 г. онъ былъ назначенъ директоромъ музыкальнаго придворнаго театра: честь не малая, если принять во вниманіе, что дирижеромъ оркестра въ этомъ театрѣ былъ видный аристократъ графъ Дураццо.

Эти годы созиданія итальянскихъ оперъ были безпокойными годами постоянныхъ передвиженій, которыя, быть можетъ, не тяготили Глюка только потому, что къ такой бродячей жизни онъ привыкъ еще въ дѣтствѣ и отрочествѣ. Какъ значительны были эти передвиженія, можно судить по тому, что его поѣздки не ограничивались только Италіей и Австро-Венгріей. Такъ, въ 1749 году онъ былъ въ Даніи, гдѣ шла одна изъ его оперъ, а нѣсколько раньше онъ посѣтилъ Англію. Эта послѣдняя поѣздка является особенно важной для развитія его таланта. Прежде всего Гендель обратилъ его вниманіе на то, что англичане любятъ произведенія, въ которыхъ больше шума, смятеніе и безпорядка, чѣмъ это было въ итальянскихъ операхъ Глюка. Что указаніе это было использовано Глюкомъ, видно изъ того, что съ этихъ поръ Глюкъ вводитъ въ свои оркестровыя произведенія тромбоны,—трубы, дающія громкіе и сильные звуки. Десять лѣтъ спустя онъ первый ввелъ цимбалы—огромные полусферическіе барабаны. Ясно, что въ этомъ усложненіи оркестра снова замѣтно влияніе того же совѣта Генделя. Другой выдающійся англійскій музыкантъ того времени Арне указалъ Глюку въ своихъ бесѣдахъ на необхо-

димось ближе держаться къ простотѣ и естественности тоновъ, если онъ хочетъ завоевать симпатіи англійской публики. И знатоки музыки Глюка находятъ, что съ этихъ поръ его голосовые номера отличаются меньшей искусственностью и большей близостью къ природѣ. Но особенно поучительнымъ для него былъ концертъ, въ которомъ онъ выступилъ со всѣми своими аріями, которыя срывали на континентѣ наибольшее количество апплодисментовъ. Англійская публика, напротивъ, встрѣтила ихъ чрезвы-

Бюстъ Глюка.

чайно сдержанно. Такая неудача сначала совершенно сбила Глюка съ толку. Но,—говоритъ Денуартерръ,—„поразмысливши хорошенько, онъ пришелъ къ убѣжденію, что всякая удачная музыка должна въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ быть приспособлена къ выраженію одного какого-нибудь положенія, какимъ бы блескомъ ни отличалась мелодія, каково бы ни было богатство и оригинальность аккордовъ; въ этомъ заключается главное ея достоинство; и если въ этомъ отношеніи музыка представляетъ

какіе либо недостатки, то она является ничего не значущими комбинаціями звуковъ, которыя могутъ пріятно ласкать ухо, но не будутъ въ состояніи вызвать сколько нибудь глубокія душевныя волненія“. Такимъ образомъ, это путешествіе въ Англію обогатило Глюка чрезвычайно цѣнными мыслями. Тѣмъ не менѣе, прошелъ еще рядъ лѣтъ, прежде чѣмъ Глюку удалось реализовать въ музыкѣ эти цѣнныя указанія и, благодаря этому, создать на закатѣ своей жизни произведенія, которыя принесли его имени безсмертіе.

Какъ глубоко были разработаны Глюкомъ эти идеи, которыя принесли въ позднѣйшей музыкѣ такіе прекрасные результаты, мы можемъ видѣть изъ предисловія къ первому изданію его первой безсмертной оперы Альцесты (1769 г.). „Когда я приступилъ къ музыкѣ оперы Альцесты, я поставилъ себѣ цѣлью избѣгать всѣхъ тѣхъ злоупотребленій, которыя вошли въ итальянскую оперу подъ вліяніемъ плохо понятаго тщеславія пѣвцовъ и чрезмѣрной уступчивости композиторовъ и которыя обратили ее изъ самаго прекраснаго и торжественнаго зрѣлища въ самое скучное и самое смѣшное; я старался возвратитъ музыку къ ея истинному назначенію, а главное—помогать поэзіи, укрѣплять выраженіе чувствъ и интересъ положеній. не прерывая самаго дѣйствія и не охлаждая его излишними украшеніями... Я всѣми силами старался избѣгать того, чтобы актеръ во время пылкаго діалога долженъ былъ дѣлать остановку ради какого нибудь скучнаго ритурнеля (музыкальной фразы, предшествующей пѣнію), или задерживать его во время его рѣчи на какой нибудь благопріятной для него гласной или для того, чтобы предоставить ему возможность блеснуть во время длиннаго пассажа гибкостью своего голоса или для того, чтобы оркестръ далъ ему возможность перевести дыханіе. Я не считалъ своей обязанностью ни переходить быстро ко второй части аріи, когда эта вторая часть была наиболѣе страстной и наиболѣе важной для того, чтобы правильно повторить четыре раза слова аріи, ни оканчивать аріи на такомъ мѣстѣ, гдѣ смыслъ ея еще не законченъ для того, чтобы облегчить пѣвцу возможность показать, что онъ можетъ по произволу измѣнять на нѣсколько манеръ какой нибудь пассажъ.

Наконецъ, я рѣшилъ узнать всѣ эти злоупотребленія, противъ которыхъ уже давно возставалъ напрасно и здравый смыслъ, и хорошій вкусъ. Я пришелъ къ убѣжденію, что увертюра должна дать зрителямъ предварительныя понятія о характерѣ дѣйствія, которому предстоитъ развернуться передъ его глазами, и указать ему на тему оперы, что инструменты должны вступать въ оркестръ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это требуется интересами и страстями дѣйствующихъ лицъ, и особенно слѣдуетъ избѣгать въ діалогѣ слишкомъ рѣзкаго несоотвѣтствія между аріей и речитативомъ для того, чтобы не ограничивать періода противно всякому смыслу и не прерывать некстати движенія въ пылкой сценѣ. Я вѣрилъ также въ то, что я особенно тщательно долженъ разыскивать простую красоту звуковъ и избѣгалъ парадировать трудностями за счетъ ясности: я не придавалъ никакого значенія новшествами, поскольку они не даются естественно положеніемъ и не связаны съ задачами выразительности; наконецъ, нѣтъ ни одного правила, которымъ, по моему, не слѣдовало бы пожертвовать не задумываясь, въ интересахъ впечатлѣнія“... Эти воззрѣнія Глюка, такимъ образомъ, побуждали его все полнѣе и полнѣе сливать музыку и драму въ одно цѣлое, т. е. опредѣленно намѣтить тотъ путь, по которому съ такимъ триумфомъ пошелъ почти столѣтіе спустя Рихардъ Вагнеръ. Этимъ объясняется та масса труда, которую Глюкъ

вкладывалъ въ приспособленіи либретто къ музыкѣ. Этимъ объясняется также и та тщательность, съ которой велись репетиціи его оперъ. Впрочемъ, необычайное количество репетицій зависѣло немало и отъ того, что Глюкъ съ необычайной, такъ сказать, распущенностью относился къ процессу записыванія своихъ музыкальныхъ произведеній. Дѣйствительно, партитуры Глюка часто представляли собой нѣчто невѣроятное. „То, — разсказываетъ Берліозъ, — ноты, предназначенныя для первыхъ скрипокъ, оказывались написанными на строчкѣ для вторыхъ скрипокъ, то альты, которымъ надо было идти въ униссонъ басамъ, вслѣдствіе небрежно поставленнаго *sol basso*, оказывались на двѣ октавы выше послѣднихъ, благодаря чему бассовыя ноты оказываются иной разъ выше нотъ мелодій; въ одномъ мѣстѣ авторъ забываетъ указать тонъ для духовыхъ инструментовъ; въ другомъ онъ не указалъ, какой изъ духовыхъ инструментовъ, — флейта, гобой или кларнетъ, — долженъ быть выдвинутъ на первый планъ. Иногда на линіи контрабасса онъ записываетъ второстепенныя ноты для бассоноу, а затѣмъ уже болѣе не интересовался ими, и нельзя было догадаться, что же съ ними станетъ потомъ“... Конечно, вся эта путаница крайне усложняла дѣло разучиванья глюковскихъ партитуръ.

Эти сложныя задачи, которыя Глюкъ поставилъ передъ собой, онъ оказался способнымъ исполнить только потому, что въ предшествующую свою композиторскую дѣятельность, онъ до полного совершенства овладѣлъ всѣми видами аріи включительно до *regiamus*. Естественно, что теперь, когда характеръ музыки долженъ былъ постоянно слѣдить за всѣми изгибами чувства, проникновеніе въ тайны организованной мелодіи, пріобрѣтенное имъ при помощи итальянской музыки, въ высокой степени облегчало ему эту задачу. Въ этомъ стремленіи Глюкъ близко подошелъ къ той „вѣчной мелодіи“, неподражаемые образцы которой далъ намъ впоследствии Рихардъ Вагнеръ.

Безсмертный вѣнокъ таланту Глюка сплели его слѣдующихъ пять оперъ: „Орфей и Евридика“ (первый разъ шла 5 окт. 1762 г.), „Альцеста“ (16 дек. 1766 г.), „Ифигенія въ Авлидѣ“ (19 фев. 1774 г.), „Ифигенія въ Тавридѣ“ (18 мая 1779 г.), и балетъ „Армида“ (23 сент. 1777 г.). Мы не можемъ подробно излагать и разбирать содержаніе каждаго изъ этихъ шедевровъ Глюка, хотя они не потеряли своего значенія и до настоящаго времени. Но мы считаемъ необходимымъ показать на нѣсколькихъ примѣрахъ, взятыхъ изъ этихъ оперъ, ту огромную работу духа, то гениальное проникновеніе въ міръ звуковъ, которое далъ намъ великій музыкантъ въ этихъ безсмертныхъ своихъ произведеніяхъ.

Встѣ, напр., въ Альцестѣ прекрасный хоръ подземныхъ духовъ, производящій сильное впечатлѣніе, но весь построенный на одной нотѣ. Почему? „Нельзя подражать языку фантастическихъ существъ“, — отвѣчаетъ Глюкъ, „такъ какъ мы никогда не слышали ихъ; но въ этой музыкѣ необходимо возможно ближе подойти къ тѣмъ идеямъ, которыя мы составляемъ о нихъ по приписываемымъ имъ функціямъ. Характеръ дьявола, напр., въ этомъ отношеніи достаточно выясненъ: въ немъ съ излишкомъ должны преобладать гнѣвъ и бѣшенство; но подземныхъ боговъ нельзя разсматривать, какъ дьяволовъ; мы должны считать ихъ слугами судьбы; объ ихъ страсти не можетъ быть и рѣчи, потому что они безстрастны. Альцеста, Адметъ для нихъ безразличны: надо только, чтобы по отношенію къ нимъ были исполнены вѣднія судьбы. Чтобы обнаружить ихъ безстрастность, которая является особенно характерной для нихъ чертою, по моему мнѣнію, лучше всего было лишить ихъ пѣнія

всякой выразительности, представляя оркестру заботу о томъ, чтобы обрисовать весь ужасъ, внушаемый ихъ сообщеніямъ“. Нельзя не согласиться, что для этой единственной ноты, на которой построенъ данный хоръ, имѣются глубокія психологическія основанія.

Вотъ хоръ греческихъ солдатъ въ „Ифигеніи“, повторяющій безпрестанно одинъ и тотъ же мотивъ. Почему? „Сильныя страсти имѣютъ несложное выраженіе: здѣсь солдаты требуютъ жертвы; всѣ обстоятельства ничтожны въ ихъ глазахъ; они видятъ только Трои и возвращеніе на родину; они должны поэгому всегда произносить одни и тѣ же слова съ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ. Конечно, я могъ бы подобрать какую нибудь очень красивую мелодію, а для того, чтобы доставить удовольствіе вашему слуху, создать рядъ варіацій этого мотива; но я былъ бы тогда только музыкантомъ и отошелъ бы отъ природы, которую я бы ни въ какомъ случаѣ не долженъ покидать. Однако, не думайте, что красивая музыка вамъ, по крайней мѣрѣ, доставила въ данномъ случаѣ удовольствіе: напротивъ, будьте увѣрены, что этого удовольствія вы тамъ не нашли бы, ибо красивый музыкальный отрывокъ, вставленный не на свое мѣсто, не только неизбежно теряетъ значительную часть своего эффекта, но приноситъ вредъ, вводя въ заблужденіе зрителя, который теряетъ настроеніе, необходимое для того, чтобы съ интересомъ слѣдить за ходомъ драмы“. Опять въ высшей степени глубокое замѣчаніе.

Эти необходимые для своего творчества элементы онъ бралъ или изъ глубины сокровищницы своихъ музыкальных воспоминаній, или создавалъ путемъ воображенія и опыта. „Священный лѣсъ Орфея“,—говоритъ Жанъ д'Юдинъ,—„со своими легкими, какъ тѣнь, аккордами зародился, безъ сомнѣнія, изъ впечатлѣній, полученныхъ отъ какой-нибудь столѣтней дубравы въ окрестностяхъ Нейшлосса. Когда художнику надо было обрисовать ущелья блѣднаго Гадеса, въ памяти его встало дикое мѣсто, по которому онъ когда-то пробѣгалъ со страхомъ, и это воспоминаніе породило тотъ страшный униссонъ, съ которымъ выступаютъ подземные духи. При крикахъ ужаса умирающей Альцесты: „Эти иссушенные деревья, эти угрожающія скалы, этотъ похоронный лѣсъ и глухой рокотъ ручья“, въ звукахъ оркестра вы ясно слышите журчанье ручья и крики лѣсной хищной птицы. И если бы композиторъ былъ живъ сейчасъ, то онъ могъ бы вамъ сказать, когда онъ слышалъ этотъ крикъ и изъ какого дупла блестѣли глаза ночной хищницы“.

Весь этотъ обильный матеріалъ впечатлѣній, воспоминаній и наблюденій, хранившійся въ глубинѣ его богатой музыкальной души, онъ подвергалъ самому тщательному изслѣдованію, самому тщательному отбору всякій разъ, когда ему приходилось создавать какую-нибудь сцену, вызывая къ жизни какой-нибудь характеръ. Онъ не писалъ своей музыки до тѣхъ поръ, пока не выяснялъ себѣ до малѣйшихъ подробностей всѣхъ движеній, всѣхъ позъ своихъ дѣйствующихъ лицъ. Меюль засталъ знаменитаго маэстро въ одну изъ минутъ, когда тотъ импровизировалъ нѣкоторыя сцены для „Ифигеніи“. Онъ стоялъ среди группъ стульевъ, которые онъ то располагалъ процессіями, то выдвигалъ другъ противъ друга, то располагалъ танцующими парами. Стулья эти замѣняли ему пока дѣйствующихъ актеровъ, и примѣнительно къ ихъ группировкѣ и передвиженіямъ онъ обрабатывалъ таившіеся въ его душѣ мотивы.

Къ правдѣ жизни онъ относился съ удивительной чуткостью. Онъ съ жадностью подхватывалъ всякое замѣчаніе, откуда бы оно ни шло, если только въ немъ чувствовалось дѣйствительное пониманіе данного по-

ложенія. Однажды онъ обратился къ переписчику ноть съ вопросомъ, какъ ему нравится музыка „Армиды“. Тотъ отвѣчалъ, что онъ предпочиталъ бы видѣть конецъ третьяго акта инымъ; ему неприятно, что заставъ опускается подъ аккомпаниментъ жестокихъ угрозъ ненависти, и было бы лучше если бы Армида въ этотъ моментъ обратилась съ горячей мольбой къ какому-нибудь изъ благосклонныхъ къ ней боговъ.

Могила Глюка на Вѣнскомъ кладбищѣ.

Глюкъ моментально понялъ, какое цѣнное наблюденіе онъ имѣетъ въ этомъ указаніи, немедленно же взялся за перо и передѣлалъ конецъ третьяго акта въ указанномъ смыслѣ, подаривъ при этомъ человѣчеству одинъ изъ прекраснѣйшихъ музыкальных отрывковъ.

Музыкальный гений наложилъ вполне опредѣленные черты на весь обликъ Глюка. Его лицо, какъ свидѣтельствуетъ его мраморный бюстъ работы Гудона, съ высокимъ лбомъ, съ умнымъ взглядомъ, тонкими чертами слегка насмѣшливаго рта, производили впечатлѣніе умнаго, наблю-

дательнаго и интереснаго человѣка. Даже нѣсколько толстыя и слегка изрытыя оспой щеки не портили общаго впечатлѣнія. Но какъ человѣкъ, Глюкъ обладалъ многими непривлекательными чертами характера. Прежде всего онъ отличался большою жадностью къ деньгамъ, за которыми онъ гнался въ теченіе всей своей жизни. Д'Юдинъ думаетъ даже, что эта погоня за наживой сыграла видную роль въ творчествѣ Глюка и оказала такимъ образомъ важныя услуги человѣчеству. Достигнувъ вершины славы, на скловѣ лѣтъ Глюкъ легко могъ бы успокоиться, какъ успокоился Россини послѣ созданія „Вильгельма Телля“, еслибы его не манили новыя обогащенія. Правда, въ личныхъ отношеніяхъ онъ какъ будто не проявлялъ подобной жадности, и его друзья говорятъ о случаяхъ щедрой помощи со стороны знаменитаго музыканта, но въ своемъ завѣщаніи Глюкъ оставилъ на дѣла благотворенія такія ничтожныя суммы, о которыхъ неловко было бы говорить богатому человѣку, женатому къ тому же на богатой женщинѣ. Несмотря на свою готовность прислушаться къ каждому дѣльному замѣчанію относительно своихъ произведеній и возможно полнѣе использовать его, Глюкъ былъ необычайно высокаго мнѣнія о своей музыкѣ и о самомъ себѣ, что давалъ чувствовать не только своимъ товарищамъ по искусству, актерамъ и публикѣ, но и коронованнымъ особамъ. Возможно, что извѣстную долю раздраженнаго себялюбія вызвала въ Глюкѣ необычайная судьба его произведеній. До тѣхъ поръ, пока онъ плылъ по теченію и во множествѣ создавалъ оперы итальянскаго пошиба, совершенно отброшенные и забытыя потомствомъ, онъ былъ кумиромъ своего времени. Но съ того момента, когда онъ порвалъ съ рутинной, когда онъ перешелъ къ формамъ новаго творчества, когда онъ сталъ давать произведенія, которыя, какъ самъ чувствовалъ и какъ оправдали послѣдующія событія, составили эпоху въ исторіи музыкальнаго развитія человѣчества и которыя и сейчасъ еще разсматриваются, какъ перлы музыкальнаго творчества, онъ наткнулся на жестокую критику, на холодность и непониманіе публики, а иногда и на прямой неуспѣхъ. Конечно, такое положеніе вещей должно было дѣйствовать самымъ раздражающимъ образомъ на избалованнаго уже Глюка, сознававшего къ тому же свою правоту.

Среда, въ которой вращался Глюкъ во вторую половину своей жизни, придворной аристократіи и избалованныхъ артистовъ,—не осталась безъ вліянія на его характеръ и образъ жизни. Бѣдный бродячій музыкантъ очень скоро позабылъ о лѣсной сторожкѣ своего отца и обратился въ любителя хорошей обстановки, вкусной пищи и дорогихъ винъ. Это послѣднее пристрастіе, повидимому, нѣсколько ускорило и его смерть.

Вниманію подписчиковъ

1-го абонементъ.

Лица, подписавшіяся въ 1913 г. на 1-й абонементъ, могутъ получить изъ конторы „Вѣстн. Зн.“ первые 3 тома (12 выпусковъ)

Иллюстрированной біографической библіотеки

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ,

данныхъ въ качествѣ приложеній къ журн. „Вѣстн. Зн.“ въ 1912 г. и составляющихъ самостоятельное цѣлое. Изданіе иллюстрировано

многими рисунками въ текстѣ, картами, чертежами и 48 отд. портретами и картинами, печатанными цвѣтными красками.

Краткое содержаніе 3 томовъ:

ВЕЛИКІЕ ЭКОНОМИСТЫ. I. Утописты (со вступительнымъ очеркомъ проф. М. И. Туганъ-Барановскаго „Утопическій социализмъ“): Р. Оуэнъ, Сень-Симонъ, Ш. Фурье. II. Классики (съ очеркомъ проф. М. И. Туганъ-Барановскаго „Классическая школа“): А. Смитъ, Т. Мальтусъ, Д. Рикардо. III. Социалисты (съ очеркомъ проф. М. И. Туганъ-Барановскаго „Критическій социализмъ“): Прудонъ, Родбертусъ, Ф. Лассаль, К. Марксъ, Ф. Энгельсъ, П. Лафаргъ. IV. Кооператоры: Шульце-Деличъ, Голюкъ, Райффейзенъ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ: Русскіе публицисты (съ очеркомъ „Русская публицистика“): Радищевъ В. Г. Бѣлинскій, А. И. Герценъ, Н. Г. Чернышевскій, Н. А. Добролюбовъ. II. Русскіе педагоги (съ очеркомъ „Изъ исторіи просвѣщенія“): В. Н. Каразинъ, Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій, Н. А. Корфъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ (съ очерками „Объединеніе Италіи“ и „Объединеніе Германіи“): Гарибальди, Мацини, Кавуръ, Бисмаркъ, Мольте, Гладстонъ и др.

ГУМАНИСТЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ (со вступительнымъ очеркомъ): Ульрихъ, Ф.-Гуттенъ, Рейхлинъ, Эразмъ Роттердамскій, Джордано Бруно.

РЕЛИГИОЗНЫЕ РЕФОРМАТОРЫ (со вступительнымъ очеркомъ): Янъ Гусъ, М. Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ.

ВЕЛИКІЕ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛИ. I. Эволюціонисты (съ очеркомъ „Какъ строилась и развивалась теорія эволюціи“): Ч. Дарвинъ, А. Уоллесъ, Э. Геккель, А. О. Ковалевскій, Г. Спенсеръ. II. Физики и химики (съ очеркомъ „Физика и химія въ XIX столѣтіи“): Галилей, Гюйгенсъ, Ньютонъ, М. В. Ломоносовъ, Фарадей, Либихъ, Р. Майеръ, Гельмгольцъ, Д. И. Менделѣевъ.

ВЕЛИКІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И ГЕОГРАФЫ (съ очерк. „Какъ развивались наши познанія о землѣ“): Д. Ливингстонъ, Н. М. Пржевальскій, Г. Стэнли, П. А. Кропоткинъ.

ВЕЛИКІЕ ИЗОБРѢТЕАТЕЛИ (съ очеркомъ „Исторія путей и средствъ сообщенія въ XIX столѣтіи“): Уаттъ, Стеффенсонъ, Фултонъ, Морзъ, Эдисонъ, Цеппелинъ.

ВЕЛИКІЕ ХУДОЖНИКИ (съ краткимъ очеркомъ „Исторія искусства до эпохи Возрожденія“): Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело, Рембрандтъ, Рубенсъ, Ванъ-Дейкъ.

Цѣна за 3 тома 6 р. Для подписчиковъ „В. Зн.“ и „Недѣли“ цѣна понижена до 3 р. 75 к. Въ изящныхъ, тисненыхъ золотомъ и краскою переплестахъ на 1 р. 30 к. дорожже: 7 р. 30 к., для подписчиковъ 5 р. За пересылку прибавляется 50 к. (въ Сибирь и др. отдаленныя мѣстности соответственно дорожже). Крышки для переплестовъ высылаются и отдѣльно. Цѣна за 3 крышки 80 к.; пересылка ихъ 25 к.

Продолжается подписка на издающийся...
пространенный литературно-научный и...

издающийся
но-научный и
получил бы
сачный журнал
дальнюю газет
отдѣлн. подп.

[illegible]

Въ приложеніяхъ

Великіє люди,
жизноисясняи знател, людей всьх времен
и народов, со славьми по экономяк, поли
тих и пр. проф. М. Конягеласко, проф
Туан-Бермандоко и др. Много рисунков
и отдельных цвѣтных картин.

Сочиненія ч. Дарвина
Кругосветное путешествіе на корабль «Винд-
Вэ-4» выисать, съ рисунками.

**Свѣтъ того подлинскаго, въ зависимости отъ нѣ-
и-и абонементъ: 12** рат. илюстр. 6то-
и-и абонементъ: 12 рат. илюстр. 6то-

ВЕЛИКИЕ ПОДЪЕМЫ

Сочинения ч. ДАРВИНА

жизнеописанием знаний, людей, события времени и природы, со статьями по экономике, политике и пр., проф. М. Конгаскаса, профессор Туляра-Дарвиновский и др. Много рисунков и фотографий пейзажей и картин.

Кругозорное путешествие на корабле Выдающ. В. 4 выпущены, с рисунками.

Сочиненія Ч. ДАРВИНА:

Кругосветное путешествие на корабль былъ.
Въ 4 выпускахъ, съ рисунками.

СВОДЪ ЗАКОНОВЪ.

4. **ВЫП. ПРАКТИЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ** (руководство по ремеслам, хозяйству, домоводству, полезным растениям и др., 1913 г. в 6-том изд., будущее дана книги не имеет).

ПРАВА РУССКАГО ГРАЖДАННА (на казнь их определять, казнь их осуществлять, казнь их отстоять. См. обряд, промен. и пр. Сост. прис. пов. П. А. Броневиталина).

MCLOPRA P.E.

сь древнѣйшихъ вѣм. до нашихъ Шантени-де-ля-Сосей. Роща около 600 рис. и 60 отдѣльных хроматитовъ. (2 большіе

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

Питер, мляйцель, японцель, египтаць, индусова, персавь, евреавь, арабовь, грековь, римлянь, кельтовь, германцель, возрождевия Италияц, Англия, Франция, Испания и др. Литература ставянь. Редакция проф. Зыбиского, Н. Н. Евстифьева, проф. Бруна и др. Ростокиш. Изд. со мног. рис. и ок. 60 отд. карт. и хромот.

ИСТОРИЯ ИЛИОСІРІУВ

ИСТОРИЯ РЕ.
сь древнейших врем. до наших
Шантени-де-ля-Сосей. Росн
около 600 рпс. и 60 отдаленны
хромитий. (2 больших

Адрес: С.-Петербург, Невский пр., 40, Контора „Вестника

ΠΡΟΤΥΠΟ ΚΑΤΑΣΤΑΣΗΣ

ВЕЛИКАЯ
ЛЮДЬ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ФИЗИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Великая
Людья

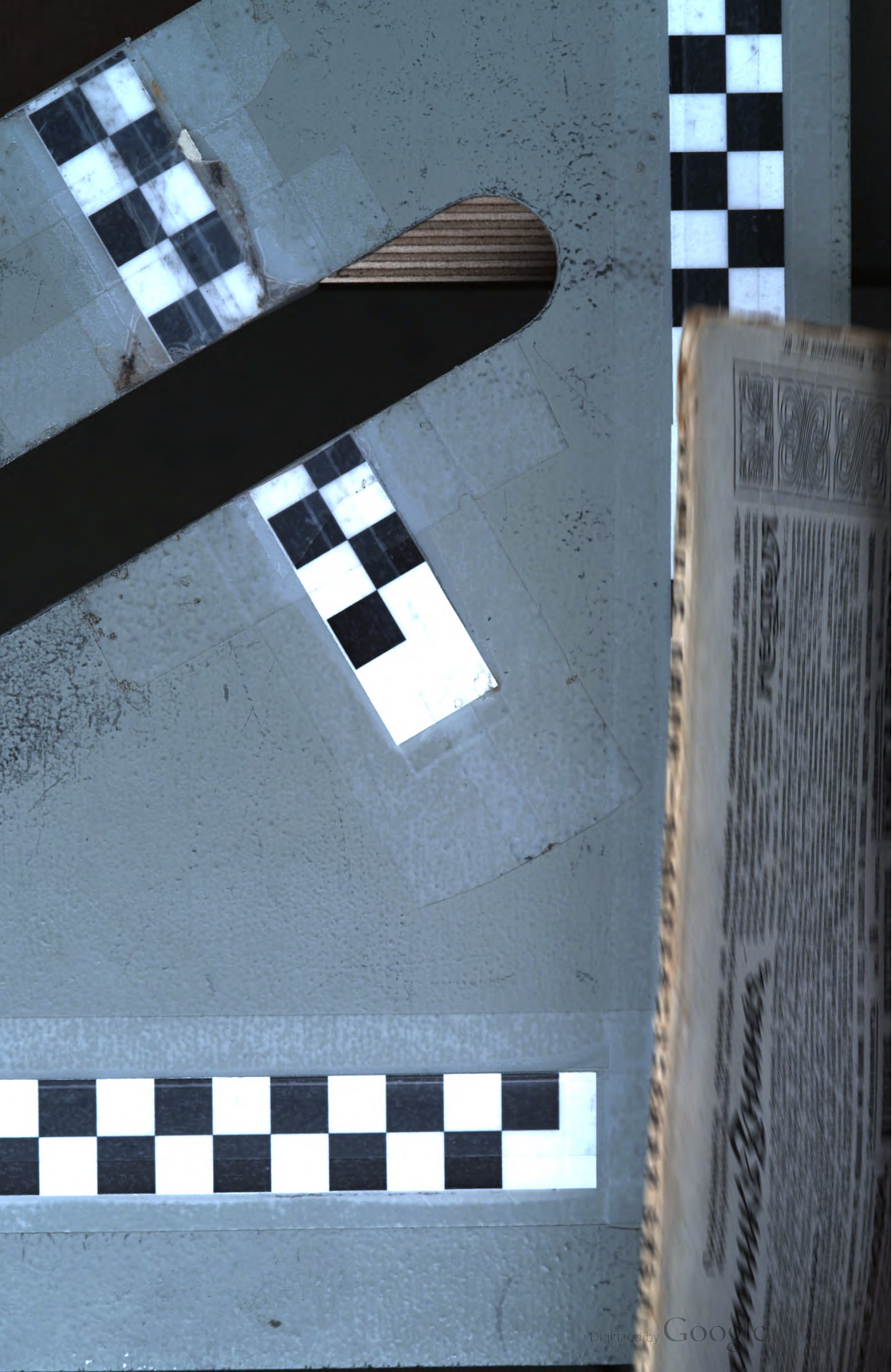

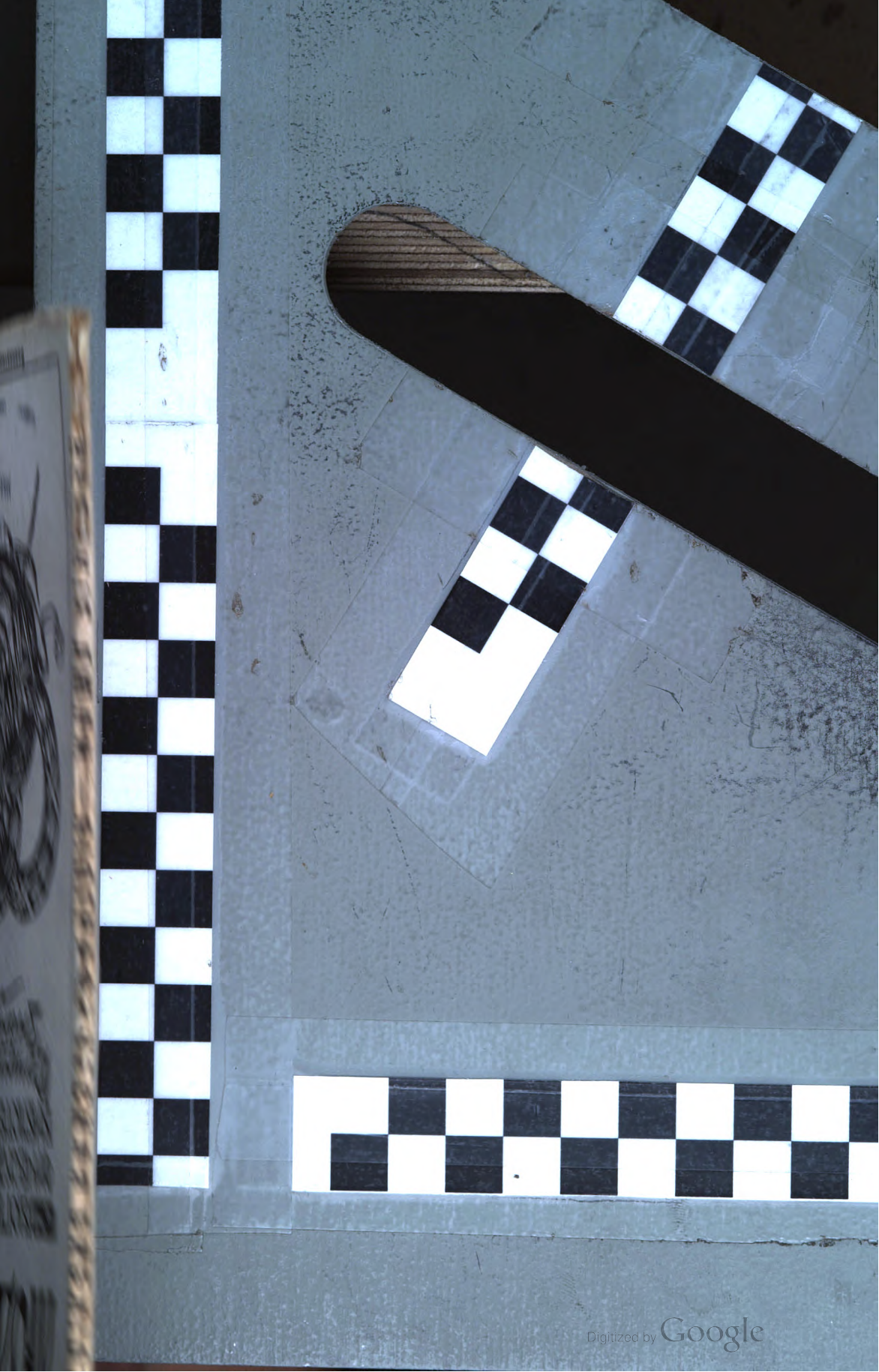
Библиотека
Л. П. Савиной

Л. П. Савиной

ЛЮДИ — БОГРОАФУЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА — ВЕРЕСИ

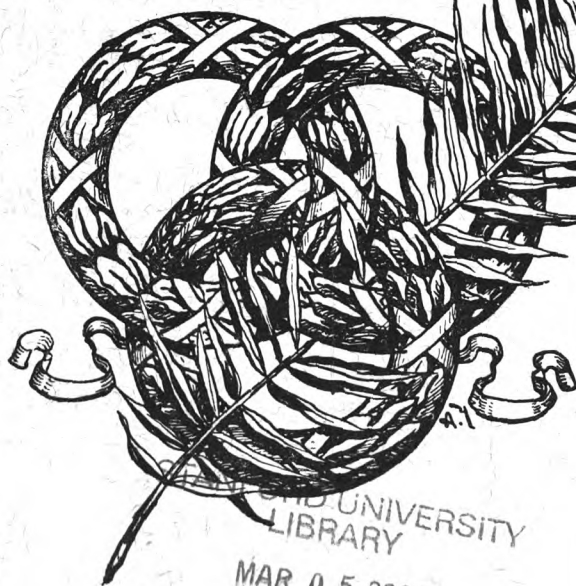

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ

БЮГРА-
ФИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
*«Вестника
Знания»*

Проф. ЭМЕРСОНЪ.

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ.

Цѣна 70 к., пер. 17 к.

Содержаніе:

Значеніе великихъ людей. Платонъ. Сведенборгъ. Монтэнъ. Шекспиръ. Наполеонъ. Гете.

Проф. А. Бернштейнъ.

КАКЪ МЫ НАУЧИЛИСЬ ЧИТАТЬ ДОИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМЕНА.

Популярная лекція съ 11 рис.
въ текстѣ.

Цѣна 10 коп.

Проф. І. Шерръ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАГАДКИ.

Цѣна 45 коп., пер. 13 коп.

Содержаніе:

Лжедмитрій, царь Московскій. — Вопросъ о Лжедмитріи въ русской литературѣ. — Загадка Тампли. — Желѣзная маска. — Графъ Калиостро.

Проф. Л. Блохъ.

СОСЛОВНАЯ И СОЦІАЛЬНАЯ ИСТОРІЯ РИМСКОЙ РЕПУБЛИКИ, съ 20 рисунк. и карт.

Цѣнная книга, о которой печать отозвалась, какъ о цѣнномъ вкладѣ въ историческую науку. Авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи.

Цѣна 70 коп., перес. 15 коп.

СОЦІАЛЬНЫЯ УТОПІИ.

Содержаніе: Ликургъ Плутарха. Платонъ. Утопія Томаса Мора. Новая Атлантида Бэкона. Городъ Солнца Кампанеллы. Сенъ-Симонъ. Фурье. Кабз. Оуизъ. „Все это уже было“. Голли. Цѣна 35 коп., пер. 10 коп.

Проф. Э. Генкель.

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ МЫСЛИ,

съ портр. автора и 3 рис.

Книжка знаменитаго натуралиста даетъ живое описаніе побѣдоносной борьбы идеи развитія со старыми, отжившими свой вѣкъ взглядами на природу и человѣка.

Цѣна 35 коп., перес. 14 коп.

МУЛЬТАТУЛИ.

Почти всѣ произведенія этого знаменитаго голландскаго писателя переведены на европейскіе языки. Настоящій трудъ, бывший долгое время подъ цензурнымъ запретомъ, написанъ крайне живо и увлекательно.

Цѣна 50 коп., пер. 15 коп.

М. БУНЗЕНЪ.

РЕСКИНЪ, ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ, съ портретомъ.

Знакомство съ знаменитымъ англійскимъ философомъ и критикомъ искусства для всякаго желающаго себя составить понятіе въ этой важной области знанія, является необходимымъ.

Содержаніе: Юность. — Пробужденіе. — Первая впечатлѣнія въ Испаніи. — Ученіе Рескина объ искусствѣ и морали. — Понятія и законы иск. — Флорентійскія и проч. мастерства. — Греческое искусство. — Венеція и Тинторетто. — Романтизмъ. — Рескинъ, какъ писатель природы. — Мораль и житейская мудрость Рескина.

Цѣна 40 коп., перес. 13 коп.

М. Нордау.

ГЕНІЙ И ТАЛАНТЪ.

Книга Нордау „Психофизиологія“ генія и таланта представляетъ блестящій анализъ установившихся понятій и безпощадную критику кумировъ, по недоразумѣнію поставленныхъ на высокіе пьедесталы.

Цѣна 45 коп., перес. 15 коп.

Б. Бразоленко.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА ВЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРѣ, съ 13 рисунками.

І. Женщина въ до-Петровской Руси. II. Русская женщина въ XIX вѣкѣ. III. Возраженія лектору П. Горюхину и П. Алексѣева. IV. Народническая литература.

Цѣна 50 коп., перес. 15 коп.

Лбсень.

Метерлинкъ.

Лаунтманъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ.

Въ этой книгѣ такими выдающимися критиками, какъ Брандесъ, Маршалъ, Гартманъ, даются великодушныя характеристики трехъ столповъ современнаго символизма, гениально сочетающагося съ требованіемъ реальной правды.

Цѣна 45 коп., перес. 13 коп.

М. ПУЭНСО.

Основатели Соціальной школы въ литературѣ.

Книга написана умно и очень живо, какъ вообще умѣютъ писать французы. Она знакомитъ читателя съ творчествомъ В. Гюго, Э. Золя, П. Бурже и бр. Рони.

Цѣна 35 коп., перес. 15 коп.

Проф. ЛАУНГАРДЪ.

ЧУДЕСА ДРЕВНЯГО И НОВАГО МІРА.

Четыре популярныя лекціи по исторіи культуры, съ 42 рис. и 12 раскраш. карт. для волшебнаго фонаря.

Цѣна 1 руб., пер. 17 коп.

В. В. БИТНЕРЪ.

НИЦШЕ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Содерж.: Великій индивидуализмъ. — Черты изъ жизни Ницше. — Ницше-философъ и пророкъ. — Сверхчеловѣкъ. — Переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Эта книжка, написанная въ періодъ самой строгой цензуры, первоначально была ею запрещена. Три главы въ ней принадлежатъ Гронеферу, а двѣ — В. В. Битнеру.

Цѣна 40 к., пер. 13 к.

Иосифъ Гайднъ.

Иосифъ Гайднъ.

(1732—1809).

Отецъ Гайдна, — экипажный мастеръ, — въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVIII вѣка устроился на постоянное жительство въ Рорау, въ маленькой австрійской деревушкѣ на лѣвомъ берегу Лейты, неподалеку отъ венгерской границы. Здѣсь онъ выстроилъ себѣ небольшой домикъ и женился на Маріи Коллеръ, дочери небогатаго мѣстнаго обывателя. Въ концѣ марта 1732 г. (день точно не извѣстенъ) отъ этого брака родился мальчикъ, — старшій изъ шести дѣтей, оставшихся въ живыхъ, — получившій имя Франца Иосифа. Этому то ребенку и суждено было

черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ занять видное положеніе среди знаменитѣйшихъ музыкантовъ міра.

Отъ своей скромной, но духовно и физически здоровой, семьи Іосифъ едва ли много могъ получить путемъ наслѣдственной передачи. Впрочемъ, и отецъ и мать обладали хорошей музыкальной памятью, и отецъ, напѣвая въ свободные часы какую-нибудь пѣсенку, часто сопровождалъ себя на арфѣ, не зная ни одной ноты. Нельзя также не отмѣтить и того, что отецъ Іосифа обладалъ чрезвычайно развитой фантазіей, чему много способствовалъ тотъ бродячій образъ жизни, который онъ велъ въ молодые годы.

Музыкальныя способности мальчика стали проявляться очень рано. Когда онъ былъ еще совсѣмъ крошкой, одной изъ любимыхъ его игръ было подражаніе мѣстному школьному учителю въ игрѣ на скрипкѣ, роль которой исполнялъ обломокъ палки. На этой своей импровизованной скрипкѣ мальчуганъ такъ искусно выдерживалъ при этомъ тактъ, что невольно обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Точно такъ же съ самаго ранняго дѣтства, какъ свидѣтельствуется онъ самъ въ своемъ небольшомъ автобіографическомъ наброскѣ, онъ съ необычайной легкостью повторялъ небольшія музыкальныя фразы изъ пѣсенокъ, которыя распѣвались его родными.

Бѣдному ремесленнику, отягощенному огромной семьей, было не до воспитанія своихъ дѣтей: въ пору было набить ихъ здоровые желудки незатѣйливой пищей. Іосифъ Гайднъ былъ, такимъ образомъ, въ раннемъ дѣтствѣ предоставленъ самому себѣ. Плоская равнина, среди которой затерялась родная деревушка Іосифа Гайдна, также была лишена какихъ-либо выдающихся природныхъ красотъ и не могла воспитать въ душѣ мальчика чувства изящнаго. Единственнымъ красочнымъ пятномъ въ этой сонной деревушкѣ являлись періодически повторявшіяся въ ней ярмарки, во время которыхъ черезъ нее протекала пестрая и разноязычная людская волна. На этихъ ярмаркахъ маленькому Іосифу приходилось часто сталкиваться съ мадьярами, и эти то встрѣчи, вѣроятно, и положили начало пристрастію къ венгерскимъ мелодіямъ, которое онъ неоднократно проявлялъ въ теченіе своей многолѣтней композиторской дѣятельности.

Іосифу Гайдну, однако, не суждено было долго расти на привольѣ въ своей заброшенной деревушкѣ. Его необычныя музыкальныя способности обратили вниманіе всѣхъ окружающихъ и ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что, когда въ деревушку попалъ регентъ хора и главный учитель городской школы въ Гайнбургѣ, то ему много наговорили про маленькаго деревенскаго пѣвца. Франку, — такъ звали заѣзжаго учителя, — показало, что изъ этого мальчика, дѣйствительно, долженъ выйти толкъ, и онъ уговорилъ родителей пятилѣтняго малютки отпустить его къ нему въ школу. Родители рѣшились на этотъ шагъ только въ виду того, что обученіе музыкѣ должно было, по ихъ расчетамъ, послужить первой подготовительной ступенію для достиженія духовнаго сана, каковой имъ представлялся недостижимымъ идеаломъ.

Въ Гайнбургѣ маленькому Іосифу пришлось довольно таки плохо, такъ какъ Франкъ оказался хотя и дѣльнымъ учителемъ, но плохимъ человѣкомъ; онъ обращалъ мало вниманія на судьбу отданнаго на его попеченіе мальчугана, которому пришлось въ это время перетерпѣть не мало голоду и холоду. Впрочемъ, Гайднъ съ большою благодарностью вспоминалъ впослѣдствіи о Франкѣ, который былъ страстнымъ музыкантомъ и далъ ему много хорошихъ практическихъ навыковъ. Іосифъ изучалъ подъ руководствомъ Франка не только искусство пѣнія, но и игру на

скрипкѣ на фортепіано и другихъ инструментахъ, наиболѣе употребляемыхъ въ оркестрахъ того времени.

Такимъ образомъ, два года, проведенныхъ Іосифомъ у Франка въ Гайнбургѣ, прошли съ большою пользою. Въ концѣ указанного времени въ Гайнбургъ пріѣхалъ придворный композиторъ Георгъ Реуттеръ, тогда только что назначенный капельмейстеромъ собора Св. Стефана. Цѣлью его поѣздки было набрать свѣжіе голоса для соборнаго хора. Естественно, что однимъ изъ первыхъ въ Гайнбургѣ Реуттеру былъ рекомендованъ маленькій Гайднъ. Реуттеръ, дѣйствительно, пришелъ въ восторгъ отъ необычайно пріятнаго, хотя и слабого голоса Іосифа и его умѣнья пѣть. Въ концѣ пробы голоса онъ показалъ мальчику приемы трелей, которыя тотъ немедленно воспроизвелъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Пріѣзжій музыкантъ пришелъ въ восторгъ и немедленно началъ хлопотать, чтобы мальчика отпустили съ нимъ въ Вѣну. Его хлопоты увѣнчались успѣхомъ, и маленький Іосифъ, которому въ то время не было еще и 8 лѣтъ, направился съ своимъ новымъ руководителемъ въ Вѣну.

Условія жизни и въ школѣ при соборной капеллѣ были въ высшей степени неблагопріятны. Мальчики-пѣвчіе всегда оставались полуголодными. На общее образованіе ихъ не обращалось почти никакого вниманія. Обученіе музыкѣ и пѣнію также отличалось узкимъ практическимъ характеромъ. Но, тѣмъ не менѣе, Гайднъ получилъ очень много полезныхъ свѣдѣній за время своего десятилѣтняго пребыванія въ Вѣнѣ. Его быстрымъ успѣхамъ много содѣйствовало его необычайное прилежаніе. Даже большую часть свободнаго времени онъ проводилъ за изученіемъ нотъ, стараясь проникнуть въ тайны нотописанія и своимъ умомъ дойти до искусства композиціи. Каждый подвернувшійся ему клочекъ бумажки онъ исписывалъ нотами. Къ сожалѣнію, его учителя, видѣвши увлеченіе мальчика композиціей, ничего не сдѣлали для того, чтобы помочь ему разобраться въ трудныхъ вопросахъ по теоріи музыки. Путемъ самостоятельнаго анализа юноша старался всякій разъ отдавать себѣ отчетъ, какіе элементы въ томъ и другомъ музыкальномъ произведеніи, которое ему пришлось слышать, обусловили сильное впечатлѣніе, только что пережитое имъ при исполненіи этого произведенія. А слышать Іосифу Гайдну въ дни юности пришлось много прекрасной музыки. Онъ не только ежедневно долженъ былъ присутствовать въ соборѣ, славившемся своими хорами и органомъ, но нерѣдко его брали ко двору, гдѣ онъ выступалъ въ качествѣ хориста и гдѣ ему приходилось слышать самыхъ замѣчательныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ того времени. Такимъ образомъ, музыкальное образованіе Іосифа Гайдна въ практическомъ отношеніи не оставляло желать ничего лучшаго.

Но выдающіеся музыкальные таланты не спасли Гайдна отъ той общей горькой участи, которая была въ то время почти неизбежна для всѣхъ пѣвчихъ. До тѣхъ поръ, пока онъ оставался въ голосѣ, его держали при капеллѣ. Съ того момента, какъ голосъ его сталъ „ломаться“, онъ сдѣлался бременемъ для капеллы, и отъ него постарались возможно скорѣе избавиться, не обращая вниманія на всѣ тѣ десять лѣтъ жизни, которыя были взяты у юноши соборнымъ хоромъ. Въ поводахъ для удаленія Гайдна изъ капеллы недостатка не было. Несмотря на свое выдающееся прилежаніе, Гайднъ находилъ по живости своего характера время для шалостей. Одной изъ такихъ шалостей, быть можетъ, легкомысленныхъ, хотя и незлостныхъ, воспользовались для того, чтобы буквально выбросить юношу на мостовую огромнаго города.

И вотъ, сырымъ и холоднымъ ноябрьскимъ вечеромъ (1749 г.) Іосифъ Гайднъ бродилъ безцѣльно по улицамъ Вѣны. Кромѣ легкой одежды, которая была на немъ, у него не было никакого имущества. О ночевкѣ въ гостиницѣ не могло быть и рѣчи; друзей, къ которымъ онъ могъ бы обратиться за помощью, онъ не имѣлъ въ Вѣнѣ. Голодный и окоченѣвшій отъ холода, онъ провелъ ночь на скамейкѣ на одной изъ столичныхъ улицъ. Здѣсь рано утромъ встрѣтилъ его одинъ его случайный знакомый, — пѣвчій Спаглеръ. Добрый человѣкъ съжалился надъ несчастнымъ юношей и пригласилъ его въ незатѣйливое жилище, гдѣ онъ обиталъ со своей женой и ребенкомъ. Іосифъ былъ спасенъ отъ голодной смерти. Но ему надо было какъ можно скорѣе выбрать себѣ профессію. Онъ считалъ невозможнымъ оставаться у бѣднаго человѣка, который поддерживалъ свое существованіе и существованіе своей семьи участіемъ въ хорѣ да случайными уроками музыки. О помощи изъ дому не могло быть и рѣчи. И отецъ, и мать только о томъ и думали, чтобы сынъ ихъ закрѣпилъ свои церковныя связи и началъ хотя бы самымъ скромнымъ образомъ свою духовную карьеру. Подъ вліяніемъ ихъ писемъ и жалкихъ матеріальныхъ условій, Гайднъ одно время серьезно подумывалъ о томъ, чтобы сдѣлать рѣшительные шаги въ этомъ направленіи. Однако, вскорѣ онъ оставилъ эту мысль и зиму кое-какъ перебилъ случайными заработками при вѣнскихъ хорахъ и оркестрахъ.

Весною онъ отправился въ „отхожія промыслы“. Онъ пришелъ въ Штейермаркъ, но потерпѣлъ съ первыхъ же шаговъ полнѣйшее фіаско. Въ окрестностяхъ Вѣны бродило столько всякаго народу и такъ упорно предлагало свои услуги, что регентъ церковнаго хора не хотѣлъ вступать ни въ какіе разговоры съ такими случайными посѣтителями. Тогда Гайднъ рѣшился на героическое средство. Онъ затесался передъ началомъ богослуженія въ толпу пѣвчихъ и сталъ упрашивать солиста уступить ему свою партію. Такъ какъ солистъ, естественно, не соглашался исполнить такую неожиданную просьбу неизвѣстнаго ему молодого человѣка, то Гайднъ вырвалъ у него листокъ съ нотами въ тотъ самый моментъ, когда солистъ долженъ былъ начать свою партію, и запѣлъ такъ красиво и выразительно, что невольно обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Благодаря этой смѣлой и удачной выходкѣ, Гайднъ въ теченіе нѣсколькихъ дней былъ по горло сытъ и возвратился въ Вѣну съ порядочными подарками.

На этотъ разъ въ Вѣнѣ онъ рѣшилъ зажить собственнымъ своимъ хозяйствомъ и не отягощать болѣе своего благороднаго друга. Нашелся еще одинъ добрый человѣкъ, который одолжилъ молодому музыканту около 200 руб. Это и былъ основной фондъ, съ помощью котораго Гайднъ рѣшился стать на ноги. Конечно, молодому человѣку, располагавшему указанной скромной суммой и не имѣвшему ничего опредѣленнаго впереди, пришлось начинать свое хозяйство въ холодной и неудобной чердачной комнаткѣ. Іосифъ долженъ былъ напрячь всѣ свои для того, чтобы обезпечить себя хотя бы самымъ скромнымъ заработкомъ. Онъ брался за все, что только подвертывалось подъ руку: участвовалъ въ церковныхъ оркестрахъ при воскресной службѣ, игралъ на скрипкѣ въ серенадахъ и на танцевальныхъ вечерахъ и частныхъ концертахъ, давалъ уроки пѣнія. Все это приносило гроши, на которые онъ все-таки сводилъ кое-какъ концы съ концами своего полугодовалнаго бюджета. Но эти тяжелыя матеріальныя условія нисколько не отражались на живомъ и веселомъ характерѣ молодого человѣка. Цѣлый рядъ уличныхъ шалостей,

въ которыхъ сквозилъ нерѣдко настоящій народный юморъ, дававшій вполнѣдствіи чувствовать себя и въ музыкальных произведеніяхъ Гайдна, связанъ въ біографіи этого великаго музыканта именно съ этими годами полуголодной, но свободной жизни.

Съ рѣдкой настойчивостью продолжалъ свое музыкальное образованіе Гайднъ. Его рабочий день равнялся 16 и даже 18 часамъ. Онъ не упускалъ ни малѣйшаго случая, гдѣ бы онъ могъ приложить свои творческія силы. Съ этою цѣлью онъ, напр., широко использовалъ тѣ грошевыя уроки музыки, которые служили для него нерѣдко такимъ серьезнымъ подспорьемъ. Учебная музыкальная литература того времени была крайне скудной, и вотъ, Гайднъ начинаетъ самъ составлять для своихъ учениковъ различныя пьесы для піанино, въ томъ числѣ многочисленныя менуеты. Уже въ этихъ работахъ, написанныхъ самоучкой, была разсыпана масса блескохъ неподдѣльнаго таланта. Эти композиціи очень быстро приобрѣли обширную извѣстность среди вѣнской публики. Одна изъ гайдновскихъ сонатъ попала какъ-то въ руки извѣстной покровительницы музыки графини Тунъ и обратила на себя серьезное вниманіе.

Въ поискахъ за новой музыкой, Гайднъ случайно наткнулся на сонаты Эмануила Баха, самаго извѣстнаго изъ сыновей знаменитаго Себастіана Баха. Эти сонаты были написаны въ совершенно новомъ стилѣ и выдѣлялись своей особенной цѣвучестью, свѣжимъ чувствомъ, а подчасъ и неподдѣльнымъ юморомъ. Сонаты эти произвели на Гайдна огромное впечатлѣніе. По его воспоминаніямъ, онъ не могъ оторваться отъ клавиководъ, пока не переигралъ всей тетрадки отъ первой до послѣдней страницы. Эти произведенія Э. Баха сдѣлались любимыми пьесами Гайдна на всю жизнь, и онъ охотно садился за нихъ, особенно въ тяжелыя минуты жизни, и забывалъ за ними всѣ свои огорченія. Сразу видно было, что въ творествѣ Э. Баха онъ нашелъ родственный себѣ талантъ и формы, соответствующія запросамъ его музыкальной души. И, дѣйствительно, Гайднъ съ чрезвычайной быстротой усвоилъ и усовершенствовалъ приемы Э. Баха. Гайднъ изучалъ не только композиціи Э. Баха, но и его теоретическія произведенія. Въ общемъ можно сказать, что по степени вліянія на Гайдна рядомъ съ Э. Бахомъ можно поставить только Моцарта, съ произведеніями котораго нашъ композиторъ ознакомился, впрочемъ, гораздо позднѣе.

Условія вѣнской жизни того времени усиленно толкали Гайдна къ творчеству въ двухъ областяхъ: сочиненію танцевъ и ночныхъ серенадъ. Танцами тогда увлекались всѣ, и выдающіеся музыканты не считали ниже своего достоинства сочиненіе танцевъ, особенно менуетовъ, высоко цѣнимыхъ въ великосвѣтскомъ обществѣ того времени. Но особенно важнымъ для развитія таланта Гайдна было его постоянное участіе въ серенадахъ. Вѣнскія серенады тогда носили совершенно особенный характеръ. Это не были любовныя пѣсенки подъ аккомпанементъ гитары или бандуры, какъ въ Италіи. Это были оркестровыя пьесы, исполняемыя бродячими музыкантами на улицахъ города въ лѣтніе мѣсяцы по заходѣ солнца и часто далеко за полночь. Такія серенады являлись любимымъ развлеченіемъ вѣнцевъ. Здѣсь было, слѣдовательно, для Гайдна широкое поле для примѣненія его музыкальныхъ силъ, и ему, дѣйствительно, удалось обратить всеобщее вниманіе на нѣкоторые изъ пьесъ, написанныхъ имъ для подобныхъ серенадъ.

Молодой музыкантъ все больше и больше началъ обращать на себя вниманіе музыкальныхъ вѣнскихъ круговъ, въ артистическомъ мірѣ у него

завязывались прочныя связи. Одно изъ такихъ знакомствъ сыграло весьма важную роль въ дальнѣйшихъ успѣхахъ Іосифа Гайдна, — а именно, знакомство съ знаменитымъ комикомъ Курцъ. Курцъ, большой любитель вѣнской публики, обыкновенно самъ составлялъ свои номера, наполненные декламацией, мимикой и музыкой. Какъ-то у него не клеилось дѣло съ однимъ комическимъ выступленіемъ. Присутствовавшій при этомъ Гайднъ, всегда чуткій ко всему юмористическому, быстро подобралъ въ высшей степени оригинальныя музыкальныя фразы, немедленно разрѣшившія задачу, надъ которой напрасно бился Курцъ. Курцъ былъ въ восторгѣ отъ своего неожиданнаго сотрудника. Съ этого момента интересы ихъ слились особенно тѣсно и подъ вліяніемъ своего друга-комика Гайднъ вскорѣ написалъ свое первое большое произведеніе, — комическую оперу, которая была съ успѣхомъ дана въ зиму 1751—52 г. въ Вѣнѣ и вывела Гайдна на широкую музыкальную дорогу. Кругъ его музыкальныхъ знакомствъ быстро расширился, и въ числѣ своихъ знакомыхъ онъ теперь насчитывалъ такихъ знаменитостей, какъ Глюкъ. Естественно, что вмѣстѣ съ тѣмъ начало быстро поправляться и матеріальное положеніе Гайдна. Онъ имѣлъ теперь возможность обзавестись лучшей одеждой и занять лучшую квартиру. Правда, на первыхъ шагахъ ему не посчастливилось въ этой новой обстановкѣ: его обокрали, какъ говорится, до послѣдней нитки. Но теперь талантливый юноша не былъ уже одинокимъ: друзья собрали въ пользу его сумму денегъ, которая позволила ему обзавестись снова всѣмъ необходимымъ.

Июдооно тому, какъ случай натолкнулъ Гайдна на его первую комическую оперу, въ которой онъ развернулъ свой природный юморъ, такъ случай втянулъ его и въ композиціи серенадъ, давшихъ ему возможность подготовиться къ симфоніямъ, — той музыкальной формѣ, въ которой онъ впослѣдствіи достигъ замѣчательнаго совершенства, — такъ случай же натолкнулъ его еще на одну форму музыкальнаго творчества, которую онъ поднималъ на неслыханную высоту. Это были квартеты. Одинъ изъ друзей Гайдна познакомилъ его съ большимъ любителемъ музыки, состоятельнымъ человѣкомъ Эдлеромъ фонъ-Фюрнбергомъ, который устраивалъ у себя довольно часто музыкальные вечера, привлекая на нихъ молодыхъ музыкантовъ. Гайднъ, попавшій въ этотъ музыкальный кружокъ, поспѣшилъ написать для него свой первый квартетъ. Произведеніе это своею оригинальностью, свѣжестью и красотой вызвало восторгъ у знатоковъ музыки. Вслѣдъ за этимъ первымъ, столь удачнымъ, опытомъ въ новой области музыкальнаго творчества Гайднъ написалъ 17 новыхъ квартетовъ. Съ этихъ поръ Фюрнбергъ сдѣлался горячимъ поклонникомъ таланта Гайдна и приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы обезпечить молодому человѣку правильныя заработки и тѣмъ поставить развитіе его таланта внѣ всякой зависимости отъ случайностей. Хлопоты Фюрнберга увѣнчались успѣхомъ. Гайдну было предложено на весьма приличныхъ условіяхъ мѣсто директора капеллы и композитора при дворѣ одного изъ выдающихся вѣнскихъ аристократовъ графа Морцина. Капелла графа была невелика, но насчитывала цѣлый рядъ замѣчательныхъ исполнителей на различныхъ инструментахъ. Для развитія музыкальнаго таланта положеніе директора такой капеллы было въ высшей степени благотѣльнымъ, такъ какъ позволяло глубоко проникнуть въ природу каждаго оркестроваго инструмента и подчинить его волѣ композитора. Именно теперь, въ 1759 году, Гайднъ написалъ первую изъ своихъ знаменитыхъ симфоній.

Зиму 1760 года Гайднъ со своей капеллой жилъ въ Вѣнѣ. Этотъ годъ оказался роковымъ въ жизни нашего музыканта. Свободные отъ службы часы Гайднъ, между прочимъ, посвящалъ, какъ и раньше, урокамъ музыки и пѣнія. Среди его ученицъ были двѣ дочери парикмахера Келлера. Онъ обучалъ ихъ даромъ изъ благодарности за ту помощь, которую ихъ отецъ оказалъ ему въ минуты жестокой нужды. Молодой человекъ влюбился въ младшую изъ дѣвушекъ и сдѣлалъ ей предложеніе. Но отецъ, конечно, глубоко обрадованный такой карьерой для своей дочери, по какимъ-то соображеніямъ принялся уговаривать молодого человека, чтобы онъ взялъ въ жены не младшую изъ его дочерей, а старшую, къ которой тотъ былъ равнодушенъ. Гайднъ позволилъ уговорить себя совершить эту нелѣпость и потомъ раскаивался всю жизнь, такъ какъ жена его, урожденная Марія Анна Келлеръ, оказалась глупой, грубой и нелѣпой женщиной, оравлявшей ему существованіе. До шестидесяти лѣтъ терпѣлъ Гайднъ эту семейную каторгу, и, въ концѣ концовъ, все-таки разошелся съ этой несносной женщиной.

Эта женитьба угрожала Гайдну и другими осложнениями. Графъ Морцинъ не терпѣлъ семейныхъ въ своей капеллѣ, и Гайдну, женившемуся тайно отъ графа, пришлось бы изъ-за этой женитьбы покинуть свою службу. Но судьба все равно повернула жизненный его путь въ другую сторону. Въ томъ же самомъ году выяснилось крайне плачевное положеніе графскихъ финансовъ. Капелла была распущена въ силу этихъ обстоятельствъ, и Гайдну пришлось искать новаго мѣста. Но теперь онъ выходилъ на музыкальный рынокъ съ большимъ именемъ. Ему быстро было предложено мѣсто помощника капельмейстера, фактически же онъ все время былъ главнымъ капельмейстеромъ хора и оркестра извѣстныхъ австрійскихъ богачей и знатоковъ музыки, князей Эстергази. Эта служба обеспечивала ему безбѣдное существованіе и отдавала въ его распоряженіе оркестръ, полный прекрасныхъ исполнителей. Отношеніе хозяевъ Гайдна къ нему отличались большой сердечностью, хотя ему все-таки пришлось носить установленную форму и подчиняться правиламъ, обязательнымъ для всѣхъ служащихъ (напр., ежедневному ожиданію въ передней распоряженій князя). Но все это были мелочи по сравненію съ безграничной возможностью непрерывнаго музыкальнаго творчества и немедленной же реализаціи своихъ произведеній при помощи великолѣпнаго оркестра. Со своей капеллой Гайднъ долженъ былъ выступать въ самыхъ разнообразныхъ родахъ музыки, начиная отъ бальныхъ танцевъ и кончая операми, при чемъ неизмѣнной задачей Гайдна было поставить каждое исполненіе, по возможности, на недосягаемую высоту, такъ какъ традиціей рода Эстергази было удивлять избалованную вѣнскую аристократію своей музыкой. Гайднъ не только поддерживалъ эту славу порученной ему капеллы, но, пользуясь музыкальными средствами ея, создалъ новыя музыкальныя цѣнности для всего человѣчества. Именно здѣсь, въ Эйзенштадѣ, небольшомъ городкѣ нижней Венгріи, расположенномъ въ шести миляхъ отъ Вѣны и служившемъ резиденціей князей Эстергази, Гайднъ выработалъ тотъ типъ симфоніи, который легъ въ основу развитія дальнѣйшей музыки, и создалъ особый и новый типъ оркестровки, позволявшій съ большимъ искусствомъ извлекать музыкальныя богатства, присущія отдѣльнымъ инструментамъ. За время своего пребыванія въ Эйзенштадѣ Гайднъ написалъ изумительное количество музыкальных произведеній. Такая производительность объясняется исключительно необычайной трудоспособностью Гайдна. Не надо забы-

вать, что весь день, а часто и вечеръ, онъ былъ занятъ или разучиваньемъ новыхъ вещей, къ чему онъ относился съ рѣдкой тщательностью и настойчивостью, или дирижированьемъ въ концертахъ, операхъ, мессахъ и т. д., что опять-таки, въ виду тонкаго исполненія, которое онъ придавалъ пьесамъ, требовало отъ него огромнаго напряженія силъ и вниманія. Такимъ образомъ, для выполненія композиторскихъ его плановъ у него оставалось только сравнительно раннее утро и поздній вечеръ. Гайднъ имѣлъ обыкновеніе вставать очень рано. Какъ человѣкъ глубоко религіозный, онъ начиналъ свой день съ горячей молитвы; затѣмъ съ крайней тщательностью совершалъ свой туалетъ, садился за клавирины и начиналъ подбирать звуки къ намѣченнымъ имъ идеямъ. Нерѣдко часами онъ бился надъ какою-нибудь музыкальной подробностью, но до тѣхъ поръ не переходилъ къ новой задачѣ, пока чувство не подсказывало ему, что прежняя задача рѣшена имъ совершенно удовлетворительно. Полученные результаты онъ заносилъ на бумагу только вечеромъ, послѣ всей утомительной суточки рабочаго дня. Такъ какъ всякая музыкальная фраза, всякій музыкальный пассажъ разрабатывались имъ почти до послѣдней возможности, открывавшейся ему его талантомъ и его знаніями, то его рукописи почти не носили поправокъ. Такое напряженіе въ трудѣ было возможно только потому, что прекрасное здоровье, полученное имъ по наслѣдству отъ предковъ, Гайднъ сохранилъ, благодаря правильной жизни, свободной отъ всякихъ излишествъ, почти до конца своего жизненнаго пути. Это же прекрасное здоровье обезпечивало Гайдну ровное и свѣтлое настроеніе духа, несмотря на крайне неудачно сложившуюся семейную жизнь. Къ своимъ товарищамъ по капеллѣ онъ относился съ необычайной добротой и благожелательностью. Онъ неизмѣнно являлся самымъ горячимъ заступникомъ за каждого изъ нихъ. Онъ былъ неизмѣннымъ любимцемъ всѣхъ дѣтей, съ которыми сталкивала судьба и для которыхъ у него всегда было заготовлено какое-нибудь лакомство и ласковое слово. Его друзья относились къ нему съ рѣдкой теплотой. Конечно, это не были люди изъ того высшаго вѣнскаго общества, которые пріѣзжали послушать его концерты. Это были или участники его капеллы, насчитывавшей замѣчательныхъ исполнителей, или знаменитые музыканты изъ вѣнскихъ музыкальныхъ круговъ. Его письма свидѣтельствуютъ, какія отрадные минуты отдыха онъ проводилъ въ кругу своихъ друзей. Среди этихъ друзей была красивая молодая женщина, съ которой Гайднъ долгое время былъ связанъ узами самой нѣжной любви и отъ которой имѣлъ, повидимому, дѣтей (она была также замужемъ). Эта связь до известной степени смягчала то горе, которое ему причиняла его жена. Впрочемъ, и эта подруга жизни минутами должна была доставлять огорченія. Несомнѣнно, что она была искренне привязана къ Гайдну, но несомнѣнно и то, что она стремилась извлечь изъ своего положенія тѣ или другія матеріальныя выгоды, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одно изъ писемъ Гайдна, представлявшее обязательство выплачивать ей ежегодную небольшую ренту. Много наслажденій приносила Гайдну и та роскошная мѣстность, которая окружала замокъ Эстергази. Большой любитель природы, Гайднъ со страстью отдавался прогулкамъ и рыбной ловлѣ въ немногіе дни своего лѣтнаго отдыха.

Къ этому періоду жизни относится его знакомство и дружба съ молодымъ Моцартомъ, влияние котораго на Гайдна было такъ велико, что знатоки музыки этого послѣдняго говорятъ о домоцартовскомъ и о послѣ-моцартовскомъ Гайднѣ. Впрочемъ, и Гайднъ, въ свою очередь, оказалъ

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

(Портретъ, относящійся ко времени передъ удаленіемъ поэта на Кавказъ).

огромное вліяніе на Моцарта. Безъ тѣхъ великихъ усовершенствованій, которыми музыкальный міръ обязанъ Гайдну, Моцартъ не сумѣлъ бы съ такою легкостью воплотить въ звуки свои великія идеи.

Составъ капеллы князя Эстергази мѣнялся довольно быстро. Прекрасные исполнители, входившіе въ составъ этой замѣчательной капеллы, нарасхватъ брались обыкновенно другими предпринимателями музыкальнаго міра. Такимъ образомъ, ученики Гайдна вскорѣ оказались во всей западной Европѣ. Всѣ они увѣзжали изъ маленькаго австрійскаго городка не только съ горячею привязанностью къ руководителю капеллы, но и съ чувствомъ восторженнаго поклоненія его рѣдкому таланту. Всѣ они увозили съ собою тѣ или другія изъ его произведеній и знакомили съ ними широкіе круги тогдашней музыкальной Европы. Это было очень важно, такъ какъ музыкальная печать и музыкальная торговля въ то время были поставлены крайне неудовлетворительно.

Музыка Гайдна была быстро усвоена всей западною Европою и его творенія приобрѣли общекультурную цѣнность. Это — очень интересный фактъ, такъ какъ Гайднъ широко пользовался въ своихъ произведеніяхъ національнымъ народнымъ творчествомъ (онъ использовалъ, между прочимъ, венгерскія и русскія мелодіи). Но онъ умѣлъ этимъ музыкальнымъ цѣностямъ придать общечеловѣческой характеръ, а потому его произведенія, благодаря національнымъ мотивамъ, выигрывали въ оригинальности и нисколько не теряли въ силѣ и интересѣ съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Какую огромную общекультурную цѣнность представлялъ Гайднъ въ глазахъ его современниковъ, показываютъ его двѣ поѣздки въ Лондонъ.

Въ Лондонъ его приглашали уже давно. Но скромность, малое знакомство съ чужими языками, непривычка къ путешествіямъ и, наконецъ, непрерывная тяжелая и отвѣтственная работа не позволяли, привести въ исполненіе этой поѣздки. Между тѣмъ умеръ его знаменитый хозяинъ Антонъ Эстергази, оставившій Гайдну довольно значительную пожизненную ренту. Наслѣдники князя Антона не увлекались въ такой степени, какъ онъ, музыкой. Гайднъ нашелъ, что теперь онъ, даже не покидая своего капельмейстерскаго поста, можетъ съѣздить въ Лондонъ; туда его звали для участія въ концертахъ, составленныхъ изъ его произведеній.

Поѣздка (1790 г.), при которой онъ повсюду встрѣчалъ почетъ и уваженіе, доставила уже пожилому Гайдну огромное наслажденіе. Въ эту поѣздку онъ въ первый разъ попалъ на море и съ восторгомъ наблюдалъ съ палубы разбушевавшуюся могучую стихію... Недаромъ же его душа всегда такъ чутко отзывалась на всѣ явленія природы...

Въ Лондонѣ пребываніе Гайдна было чуть ли не сплошнымъ триумфомъ. Не говоря уже о томъ, что концерты его усердно посѣщались публикой, онъ получилъ доступъ во всѣ музыкальные круги Лондона и былъ принятъ съ величайшимъ почетомъ при дворѣ. За свое пребываніе въ Англіи Гайднъ написалъ нѣсколько новыхъ музыкальных произведеній высокаго качества. Эта поѣздка въ Англію сильно увеличила его денежныя средства. Вторая поѣздка въ Лондонъ, повторенная имъ вскорѣ послѣ первой, была такой же торжественной и такой же доходной для Гайдна, какъ и первая. Интересно замѣтить, что въ эту поѣздку его жизнь снова освѣтилась горячею женскою любовью. Увлеченіе Гайдна было настолько значительнымъ, что онъ самъ подумывалъ о новомъ супружескомъ союзѣ (съ первой женою онъ къ этому времени разошелся), и если что и удержало его отъ этого шага, такъ это — его преклонный возрастъ.

Его возвращеніе въ Вѣну ознаменовалась его сближеніемъ съ молодымъ Бетховеномъ, могучій талантъ котораго онъ привѣтствовалъ съ восторгомъ. Хорошо обеспеченный, Гайднъ устроился теперь въ небольшомъ собственномъ домикѣ, выстроенномъ въ тихомъ предмѣстьѣ Гумпендорфъ. Онъ былъ теперь не только очень самостоятельнымъ человѣкомъ, но и однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ людей своего времени. Но старикъ Гайднъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые успокаиваются на достигнутыхъ результатахъ. Безпокойный творческій духъ его былъ полонъ новыхъ художественныхъ замысловъ. Гайднъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ избранниковъ, надѣ талантомъ котораго невластно даже всемогущее время. Чѣмъ дальше онъ уходилъ по пути своей жизни, тѣмъ все болѣе и болѣе блестяще начиналъ проявлять его талантъ. На самомъ закатѣ своей жизни онъ далъ два величайшихъ своихъ произведенія. За время своего композиторства Гайднъ испробовалъ почти всѣ формы музыкальнаго творчества, правда, далеко не съ одинаковымъ успѣхомъ. Мы видѣли, что въ своихъ квартетахъ онъ достигъ почти недосигаемаго совершенства, и что его симфоніи проложили новый путь въ музыкальномъ развитіи человѣчества. Мы можемъ добавить здѣсь, что его церковная музыка отличалась глубиной чувства, что его военные марши поражали своей торжественностью и силой, что шутки, написанныя для театра марionетокъ, проникнуты глубокимъ народнымъ юморомъ, что вся его камерная музыка выдѣлялась своей пѣвучестью и свѣжестью, что его произведенія для фортепіано служили для развитія новой, болѣе совершенной техники. Однако, были области, въ которыхъ талантъ Гайдна оказывался въ достаточной степени безсильнымъ: это были оперы, для которыхъ онъ не сумѣлъ дать ничего новаго и оригинальнаго, такъ какъ являлся слѣпымъ подражателемъ итальянцевъ, на которыхъ воспитался въ ранней молодости; и область пѣсни-романса, для которой онъ обладалъ слишкомъ недостаточнымъ литературнымъ образованіемъ. Таковъ былъ тотъ музыкальный пьедесталъ, на которомъ стоялъ Гайднъ къ тому времени, когда онъ приступилъ къ завершенію своего творчества, — къ двумъ величайшимъ произведеніямъ музыкальнаго искусства — ораторіямъ „Сотвореніе Мира“ и „Времена года“.

Въ основу ораторіи „Сотвореніе Мира“ положено знаменитое произведеніе Мильтона, переработанное специально въ интересахъ музыки. Исторія сотворенія земли вложена въ уста трехъ ангеловъ: Габріеля (сопрано), Урбеля (тенора) и Рафаэля (баса). Окончаніе разсказа о творческихъ актахъ cadaго дня заканчивается гимномъ небесныхъ силъ, воспѣвающихъ только что совершенный великій актъ. Оркестру и хору отводится широкое участіе во всѣхъ случаяхъ, гдѣ картина требуетъ того или другаго музыкальнаго описанія. Въ концѣ второй части выступаетъ человѣкъ, какъ внѣцъ творенья, а третья часть описываетъ счастье первой человѣческой пары въ раю. Отдѣльныя части этой ораторіи представляютъ необычайныя музыкальныя красоты. Таково изумительное изображеніе хаоса. Такова величественная по своей простотѣ музыкальная фраза: „и сталъ свѣтъ“..., за которой изъ оркестра точно потоки свѣта вырываются волны легкихъ и блестящихъ звуковъ. Такова прекрасная арія Уріеля: „erstarrt, entflieht der Hölle geister Schar“, которая сопровождается оркестромъ, живописующимъ разнообразныя явленія природы: шумящую бурю, полетъ облаковъ, грохотъ грозы. И всѣ эти красоты разбросаны всего только на протяженіи перваго отдѣла, оканчивающагося сотвореніемъ звѣздъ. Могучее crescendo оркестра обрисовываетъ

восхожденіе первого солнца. Блескъ солнца смѣняется со свѣтомъ первой луны, и вся эта игра лучей въ колоссальномъ масштабѣ разворачивается въ нѣсколькихъ неподражаемыхъ тактахъ. Затѣмъ въ могущественныхъ, тонкихъ съ художественной точки зрѣнія и разнообразныхъ звукахъ разворачиваются акты сотворенія животнаго міра: паренье орла, пѣсня жаворонка, воркованье голубковъ, ревъ тигровъ и львовъ, шумъ пасущихся стадъ, и, наконецъ, въ прѣкрасной аріи рассказываетъ Уріель о сотвореніи человѣка, начинающейся великолѣпной хвалебной пѣснью Создателю.

Въ основу второй знаменитой ораторіи Гайдна „Времена года“ положено прекрасное произведеніе англійскаго поэта Томсона, носящее то же названіе. Вся ораторія наполнена блестящими изображеніями жизни природы и мелкихъ хлопотъ, радостей и горестей человѣческихъ будней. Музыка цѣлаго ряда идиллическихъ сценъ глубоко проникнута живымъ народнымъ юморомъ. Для болѣе подробной характеристики этого произведенія остановимся нѣсколько на той части ораторіи, которая посвящена лѣту. Лѣтній день проходитъ въ звукахъ весь отъ торжественнаго солнечнаго восхода до тихихъ вечернихъ часовъ съ чистымъ небомъ, усыяннымъ безчисленными звѣздами: звукъ рога пастуха, журчанье ручья, пѣніе птицъ, жужжанье насѣкомыхъ, кваканье лягушекъ, смятеніе, внесенное неожиданно налетѣвшей тучей, — все нашло себѣ выраженіе въ оригинальныхъ построеніяхъ музыки Гайдна.

Всѣ остальные произведенія (въ томъ числѣ австрійскій національный гимнъ) этого періода имѣютъ лишь второстепенное значеніе для творчества Гайдна, и мы не будемъ на нихъ останавливаться. Впрочемъ, послѣ второй ораторіи силы начали быстро оставлять великаго музыканта. Особенно изнуряюще дѣйствовала на него схваченная имъ лихорадка. Угнетающе на него дѣйствовали также политическія событія: неудачныя войны австрійцевъ съ французами, которые два раза взяли Вѣну штурмомъ. Все это быстро подвигало ослабленный организмъ замѣчательнаго старца къ роковой развязкѣ: 31-го мая 1809 г. Гайдна не стало.

В. А. Моцартъ.

В. Моцартъ.

(1756—1791).

День рожденія одного изъ величайшихъ музыкантовъ, какихъ только когда-либо знало человѣчество, пришелся на 27 января 1756 г. Вольфгангъ Амадей Моцартъ родился въ чрезвычайно благопріятныхъ условіяхъ для развитія своего музыкальнаго таланта. Отецъ его былъ не только отличнымъ скрипачемъ и органистомъ, но и однимъ изъ выдающихся педагоговъ-музыкантовъ своего времени. Написанная имъ „Школа скрипки“ была лучшимъ его произведеніемъ и содержитъ много цѣнныхъ педагогическихъ и техническихъ пріемовъ. Какъ человѣкъ умный и прекрасный семьянинъ, онъ рано успѣлъ оцѣнить изумительный талантъ своего сына и приложилъ всѣ усилія и всѣ свои знанія для правильнаго и возможно полнаго развитія этого таланта. Среда, въ которой проте-

кали годы ранняго дѣтства Моцарта, также была чрезвычайно благоприятна для маленькаго музыканта. Достаточно сказать, что небольшой австрійскій городокъ Зальцбургъ, въ которомъ отецъ Моцарта занималъ скудно оплачиваемую должность придворнаго органиста и капельмейстера, былъ необычайно музыкальнымъ городомъ. По словамъ одного французскаго историка, „тамъ пѣли день и ночь“. Инструментальные и вокальные концерты шли, казалось, безъ перерыва. Примѣръ показывалъ дворъ: опера, камерная музыка, балы. За нимъ тянулось духовенство, стремившееся поставить музыкальное исполненіе въ 25 церквахъ города на возможно большую высоту. Отъ духовенства не отставалъ университетъ со своими торжественными празднествами. Двору въ музыкальныхъ увлеченіяхъ подражала аристократія; а за нею тянулася мелкая буржуазія и ремесленный людъ. Это увлеченіе музыкой сказывалось у городскихъ жителей даже на мелочахъ. Почти каждая дверь даже небогатаго жилища была снабжена наборомъ колокольчиковъ, которые при всякомъ движеніи ея издавали нѣжныя и пріятныя созвучія.

Леопольдъ Моцартъ и его красавица жена, добродушная Анна-Марія Перль представляли рѣдкую по дружбѣ и взаимному пониманію супружескую пару. Но съ дѣтьми имъ не посчастливилось: изъ семейныхъ ихъ дѣтей лишь двое осталось въ живыхъ: нашъ Вольфгангъ и сестра его Наннерль, бывшая на нѣсколько лѣтъ старше своего знаменитаго брата. Но оба оставшихся въ живыхъ ребенка Леопольда отличались отъ рожденія необычайными музыкальными дарованіями. Откуда пошла эта удивительная наслѣдственность, трудно сказать. Правда, самъ Леопольдъ, какъ было сказано, былъ хорошимъ музыкантомъ, хотя и посредственнымъ композиторомъ, но самъ то онъ происходилъ изъ семьи простыхъ бѣдныхъ ремесленниковъ-переплетчиковъ, рѣшительно ничѣмъ не выдѣлявшихся изъ числа рядовыхъ обывателей.

Какъ бы тамъ ни было, но уже въ самомъ раннемъ дѣтствѣ Вольфгангъ проявилъ необычайныя музыкальныя наклонности. На четвертомъ уже году онъ нерѣдко простаивалъ цѣлыми часами передъ клавесиномъ, подбирая красивыя созвучія. Четырехъ лѣтъ онъ написалъ невѣрной дѣтской рученкой на клочкѣ бумажки, въ изобиліи покрытомъ кляксами, свой первый концертъ для клавесина. Шести лѣтъ маленький Моцартъ принялъ участіе въ домашнемъ концертѣ и, не учившись раньше на скрипкѣ, сыгралъ съ листа съ безупречною точностью большое новое произведеніе, только что принесенное въ домъ его отца. Такимъ образомъ, четырехъ лѣтъ онъ былъ уже заправскимъ композиторомъ, а шести лѣтъ — законченнымъ артистомъ. На седьмомъ году онъ написалъ четыре или пять менуэтовъ и небольшое allegro. Тогда же въ качествѣ хориста онъ принялъ участіе въ одной трагедіи, поставленной на университетскомъ празднествѣ. Тонкость его слуха поражала самыхъ опытныхъ музыкантовъ. Одинъ изъ друзей Моцартовъ, Тахтнеръ, засталъ какъ-то крошечнаго Вольфганга, возившагося съ подаренной ему скрипкой. Шахтнеръ былъ хорошій скрипачъ и нерѣдко игралъ на скрипкѣ въ домѣ Моцартовъ. Какъ только малютка замѣтилъ своего пріятеля-скрипача, онъ обратился къ нему съ вопросомъ: „Какъ поживаетъ ваша скрипка?“ и тутъ же прибавилъ: „а знаете, ваша скрипка на полъ-четверть тона ниже настроена, чѣмъ моя, если вы ее не перестроили съ тѣхъ поръ...“ Немедленно же послали за скрипкой и, къ всеобщему удивленію, ребенокъ оказался правъ. Къ числу слуховыхъ особенностей Вольфганга слѣдуетъ отнести его паническій страхъ передъ звукомъ трубы, что оставалось у него почти до десятилѣтняго возраста.

Музыкальные занятія отца съ сыномъ шли очень успѣшно. Этими успѣхамъ много содѣйствовало крайне добросовѣстное отношеніе мальчика ко всякому дѣлу, за которое онъ брался. Когда онъ садился за фортепіано, онъ сразу становился серьезнымъ и не выносилъ, чтобы кто-нибудь мѣшалъ его занятіямъ шутками или разговорами. Но Вольфгангъ увлекался не одной только музыкой. Другимъ любимымъ

его занятіемъ была математика, и его столь же часто можно было видѣть за исполненіемъ музыкальных упражненій, какъ и за рѣшеніемъ сложныхъ математическихъ задачъ. Исписанные мѣломъ стѣны, скамьи, полъ, — свидѣтельствовали объ особомъ усердіи маленькаго музыканта на математическомъ поприщѣ и обнаруживали его рѣшимость браться съ успѣхомъ за весьма сложные для его возраста математическіе вопросы.

Едва Моцарту минуло шесть лѣтъ, какъ отецъ его рѣшилъ устроить для обоихъ своихъ дѣтей (его дочь также выдѣлялась музыкальными способностями) артистическое турне. Маленькій Моцартъ, дѣйствительно, привелъ въ восторгъ

Леопольдъ Моцартъ и его дѣти, въ 1764 г.

всѣ музыкальные круги, съ которыми ему пришлось придти въ соприкосновеніе во время этого путешествія. Первый блестящій пріемъ оказалъ маленькому музыканту Мюнхень. За нимъ послѣдовала Вѣна, гдѣ Моцарты были приняты при дворѣ. Императоръ Іосифъ, большой любитель и знатокъ музыки, послѣ ряда сложныхъ и разнообразныхъ испытаній, прозвалъ Вольфганга „маленькимъ колдуномъ“. Скарлатина, которой захворалъ Вольфгангъ и его сестра, заставили Моцартовъ прервать это артистическое путешествіе. Но въ 1763 г., когда дѣти уже въ достаточной степени оправились отъ

своей болѣзни, путешествіе возобновилось. На этотъ разъ Моцарты ѣхали съ удобствами и даже нѣкоторымъ блескомъ: въ каретѣ, запряженной четверкой и съ форейторомъ впереди. Поѣздка и на этотъ разъ была достаточно успѣшной и значительно пополнила скудную кассу Моцартовъ. Вольфгангъ повсюду выступалъ, какъ выдающійся скрипачъ, піанистъ и органистъ. На этотъ разъ они посѣтили Парижъ и Лондонъ. Англійскій король Георгъ III неоднократно приглашалъ Моцартовъ во дворецъ и лично убѣдился въ необычайныхъ музыкальных способностяхъ Вольфганга, которому далъ прозвище „непобѣдимого“. Тяжелая болѣзнь отца снова прервала путешествіе на значительное время. Въ теченіе этого невольнаго отдыха Вольфгангъ написалъ свои первыя симфоніи для оркестра. Когда отецъ оправился, онъ увезъ дѣтей въ Голландію. Но тутъ случилось новое несчастье: какая-то тяжелая болѣзнь свалила обоихъ талантливыхъ дѣтей на долгое время въ постель. Нельзя умолчать объ одной трогательной подробности этой болѣзни. Измученный болѣзнью мальчикъ продолжалъ писать своими слабыми и исхудалыми рученками свои симфоніи на доскѣ, которую клали ему на колѣни. Противъ ожиданій врачей, дѣти оправились. Давши нѣсколько концертовъ въ Голландіи, Моцарты черезъ Францію и Швейцарію возвратились снова къ себѣ, въ Зальцбургъ. Путешествіе это оказалось чрезвычайно важнымъ и для самого Вольфганга. Ему пришлось познакомиться съ цѣлымъ рядомъ выдающихся музыкантовъ, изъ которыхъ иные имѣли огромное вліяніе на его развитіе. Такъ, въ Людвигсбургѣ знаменитый скрипачъ Нардини далъ почувствовать маленькому музыканту все величіе итальянскаго стиля. Въ Лондонѣ онъ въ первый разъ слышалъ ораторіи Генделя въ прекрасномъ исполненіи. Здѣсь же, въ Лондонѣ, онъ познакомился съ извѣстнымъ пѣвцомъ итальянской оперы Манцуоли, который научилъ его пѣть, и маленькій Вольфгангъ исполнялъ подъ его руководствомъ съ рѣдкимъ искусствомъ труднѣйшія аріи. Немало могъ позаимствовать также Вольфгангъ и отъ прекраснаго музыканта Христіана Баха, сына знаменитаго Себастьяна Баха.

По возвращеніи на родину, маленькій Моцартъ написалъ двѣ каптаты. По приказу архіепископа Зальцбургскаго и почти подъ его личнымъ наблюденіемъ, Вольфгангъ долженъ былъ написать въ недѣлю небольшую ораторію. Мальчикъ выполнилъ эту задачу съ большимъ успѣхомъ и получилъ мѣсто скрипача въ Зальцбургской капеллѣ, хотя и съ ничтожнымъ годовымъ окладомъ. Впрочемъ, знаменитый музыкантъ во многихъ отношеніяхъ и теперь оставался настоящимъ ребенкомъ.

Въ 1767 г. Моцарты по случаю предполагавшагося бракосочетанія принцессы Іозефы съ неаполитанскимъ королемъ пріѣхали въ Вѣну. Однако, праздникъ не удался. Въ столицѣ вспыхнула эпидемія оспы, которая унесла въ могилу и невѣсту. Трауръ оборвалъ всѣ празднества, всѣ концерты. Къ несчастью, тяжелую форму оспы пришлось перенести и самому Вольфгангу: на цѣлыхъ девять дней онъ совершенно потерялъ свое зрѣніе. Поѣздка Моцартовъ въ Вѣну повторилась черезъ годъ. Но на этотъ разъ ихъ ждали огорченія и разочарованія другого рода. По предложенію императора, Вольфгангъ написалъ небольшую оперу „Притворная простужка“. Но, несмотря на то, что опера обладала несомнѣнными достоинствами, несмотря, даѣе, на то, что самъ императоръ настаивалъ на ея постановкѣ, она не попала на сцену, смѣтая цѣлымъ потокомъ всякихъ интригъ и клеветническихъ выходокъ. Впрочемъ, успѣхи въ другихъ музыкальных выступленіяхъ нѣсколько утѣ-

пили Моцартовъ въ ихъ неудачѣ съ „Притворной простушкой“: такъ въ частномъ домѣ была поставлена его небольшая оперетка, а при дворѣ ему было предложено дирижировать при исполненіи его первой мессы.

Неудача съ „Притворной простушкой“ заставила отца Вольфганга подумать о возможно скоромъ посѣщеніи Италіи, которая въ то время стояла во главѣ музыкальнаго прогресса. Хорошій пріемъ въ Италіи, — какъ надѣялись Моцарты, — заставить умолкнуть завистниковъ. Кромѣ того, и для завершенія музыкальнаго развитія поѣздка въ Италію была бы для Вольфганга очень полезной. Началась подготовка къ этому новому путешествію и спѣшное изученіе итальянскаго языка. Въ 1769 г. Моцарты въ первый разъ появились въ Италіи, которая встрѣтила пятнадцатилѣтняго композитора и музыканта съ восторгомъ. Въ періодъ съ 1769 по 1773 г. поѣздки эти повторились еще два раза. Вольфгангъ далъ массу концертовъ, дирижировалъ въ церквяхъ, лично ознакомился со всѣми музыкальными кругами полуострова, былъ представленъ самому папѣ. За это время онъ написалъ три оперы, которыя были поставлены въ Миланѣ; за это же время онъ выступилъ со своимъ первымъ квартетомъ и цѣлымъ рядомъ блестящихъ вещей, написанныхъ для голоса и исполненныхъ одной изъ знаменитѣйшихъ пѣвицъ Италіи. Онъ изумилъ весь свѣтъ, воспроизведя на память огромную мессу, прослушанную имъ всего только разъ и не выдавъ ни разу ея партитуръ, которыя составляли тайну папскаго престола. За этотъ музыкальный подвигъ папа, — вмѣсто отлученія, которымъ грозили всякому своевольному переписчику этихъ нотъ, — наградилъ молодого Моцарта орденомъ „золотой шпоры“, принесшимъ ему дворянское достоинство. Эту огромную работу Вольфгангъ исполнялъ часто при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Вотъ что, напр., онъ писалъ по поводу одной изъ своихъ работъ: „надъ нами — виолончелистъ, подъ нами — другой, съ боку — учитель пѣнія, постоянно занятый уроками, а сзади, vis-à-vis съ нашей комнатой, — гобоистъ. Вотъ что вдохновляетъ меня“...

Но ни чрезмѣрная работа, ни знаки рѣдкаго почета не вскружили головы юнаго музыканта. Онъ оставался все тѣмъ же веселымъ, добрымъ и открытымъ мальчикомъ, легко привязывающимся къ людямъ, какимъ онъ былъ раньше. Долгое время въ часы отдыха онъ зачитывался сказками „Тысячи и одной ночи“ или носился со сверстниками на гигантскихъ шагахъ. Такимъ онъ оставался почти за всѣ свои три „итальянскихъ“ года, которые оказали огромное вліяніе на развитіе его музыкальнаго гения: именно въ это время произошло то чудесное сліяніе нѣмецкаго духа съ итальянскимъ, которое такъ типично для всѣхъ самостоятельныхъ произведеній Моцарта.

Какъ ни велики были лавры молодого музыканта въ Италіи, но эти итальянскія поѣздки все же дали немного денегъ Моцартамъ. Въ концѣ концовъ, имъ такъ и не удалось разстаться съ Зальцбургомъ. Началась скучная жизнь въ маленькомъ городишкѣ, музыкальныя потребности котораго остались далеко позади музыкальныхъ запросовъ Вольфганга. Чуткую и благородную душу его глубоко оскорбляли также тѣ грубые нравы, которые преобладали въ богатыхъ и аристократическихъ слояхъ города. „Вѣдь ни одинъ порядочный человѣкъ“, — восклицаетъ онъ съ ожесточеніемъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, — „не можетъ съ ними жить, ихъ надо стыдиться“. Къ тому же новый зальцбургскій архіепископъ, непосредственный начальникъ Моцартовъ, оказался человѣ-

комъ грубымъ и ничтожнымъ. Онъ былъ истиннымъ палачемъ Вольфганга. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для молодого музыканта была прекрасная мѣстность, окружавшая Зальцбургъ. Моцартъ особенно охотно работалъ подъ открытымъ небомъ. А работалъ онъ очень много: сонаты, концерты, мессы, серенады, дивертисменты, свадебные марши, юбилейныя кантаты и т. д.

Отецъ видѣлъ, что дальнѣйшее пребываніе въ Зальцбургѣ можетъ гибельно отразиться на развитіи таланта его сына, и рѣшилъ принести высшую жертву, которой могла потребовать отъ него судьба, — разстаться съ любимымъ сыномъ и женой и отпустить ихъ искать счастья въ широкомъ мірѣ. И, въ самомъ дѣлѣ, другого рѣшенія онъ и не могъ принять, такъ какъ для совмѣстной поѣздки средствъ не было. Да и поѣздка Вольфганга едва не разстроилась изъ-за упорства архіепископа. Молодой Моцартъ считался на службѣ въ зальцбургской капеллѣ, гдѣ получалъ нищенское содержаніе. Но содержаніе отца, состоявшаго музыкантомъ въ той же капеллѣ, было основнымъ фондомъ бюджета семьи Моцартовъ. Вольфгангъ могъ ѣхать только при томъ условіи, если отецъ будетъ продолжать службу въ зальцбургской капеллѣ. Но когда тотъ явился къ архіепископу за отпускомъ для своего сына, то этотъ послѣдній такъ разсвирѣпѣлъ, что пообѣщался выгнать изъ капеллы и самого отца. Къ счастью, Леопольдъ Моцартъ настоялъ на своемъ, а архіепископъ не рѣшился привести въ исполненіе своей угрозы.

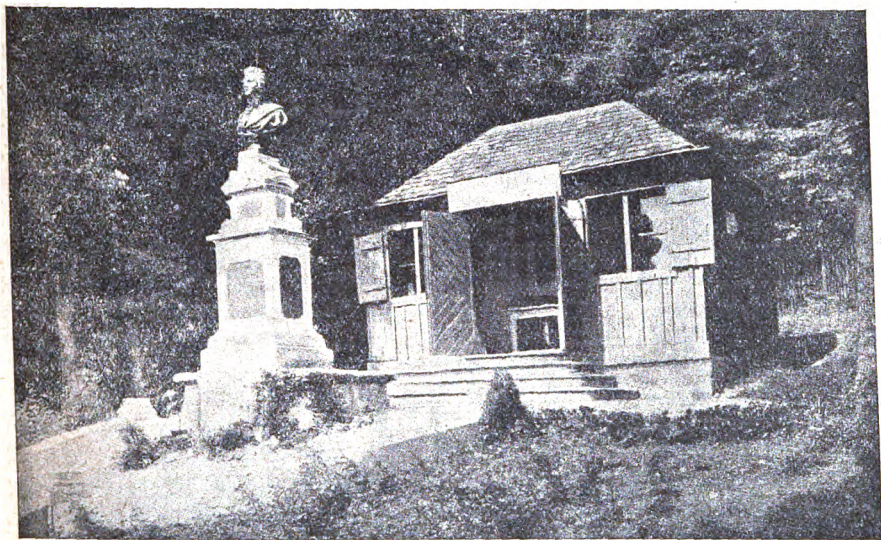
Портретъ Моцарта-мальчика, 1762 года.

Первую остановку на своемъ пути мать и сынъ сдѣлали въ Мюнхенѣ. Здѣсь съ первыхъ же шаговъ Моцарту пришлось убѣдиться, какъ мало знаетъ Германия своего музыканта, которому съ такимъ восторгомъ рукоплескала Италия. Концерты, которыми молодой Моцартъ долженъ былъ дополнять свои скромныя средства, не возбуждали интереса въ нѣмецкой публикѣ и давали ничтожный доходъ. Поиски какого-нибудь постоянного мѣста не увѣнчивались успѣхомъ и приносили много тяжелыхъ ударовъ самолюбію молодого музыканта. Правда, небольшой кружокъ извѣстныхъ мюнхенскихъ музыкантовъ предлагалъ организовать группу изъ состоятельныхъ гражданъ Мюнхена, которая обязалась бы выплачивать ежегодно небольшую сумму денегъ за нѣсколько музыкальных произведеній. Но отецъ Моцарта отвергъ это скромное предложеніе. Онъ все еще мечталъ о блестящемъ матеріальномъ успѣхѣ, котораго вполнѣ былъ достоинъ его даровитый сынъ. По совѣту отца,

Вольфгангъ двинулся дальше по нѣмецкимъ городамъ искать своего счастья. Наиболѣе замѣчательной за время этихъ переѣздовъ оказалась его остановка въ Мангеймѣ, городѣ, славившемся въ то время на всю Германію своей музыкальностью. Однако, Мангеймъ является замѣчательнымъ пунктомъ въ біографіи Моцарта не потому, чтобы ему удалось здѣсь хорошо заработать или устроиться на какомъ-нибудь постоянномъ мѣстѣ, а лишь по первой его сильной сердечной привязанности. Дѣвушка, которая покорила безраздѣльно сердце великаго музыканта, была дочерью переписчика нотъ Вебера—Алоизіей, которая блистала не только своей красотой, но и своимъ удивительнымъ голосомъ. Веберы приняли Вольфганга самымъ радушнымъ образомъ. Прелестная Алоизія отвѣчала любовью на увлеченіе молодого музыканта. Вольфгангъ былъ счастливъ такъ; какъ только можно быть счастливымъ человѣку на землѣ. Однако, счастье было разбито такъ же быстро, какъ и созрѣло. Конечно, доврчивый Вольфгангъ, горячо любившій своего отца, не могъ въ своихъ письмахъ къ нему не говорить почти непрерывно о дѣвушкѣ, такъ захватившей его душу. Отца невольно взволновало это увлеченіе его сына, тѣмъ болѣе, что отъ своей жены онъ зналъ, что Веберы—бѣдные люди, обремененные большой семьей. Трезвый—даже слишкомъ трезвый—умъ подсказывалъ ему крушеніе всѣхъ надеждъ на блестящую карьеру своего Вольфганга въ случаѣ такой ранней и, по мнѣнію старика, такой неудачной женитьбы. Онъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы выжить, какъ можно скорѣе, своего сына изъ опаснаго Мангейма. „Отъ твоего благоразумія и отъ твоей жизни“,—писалъ онъ почти съ отчаяніемъ,—„зависитъ остаться ли посредственнымъ музыкантомъ, котораго забудетъ міръ, или же сдѣлаться знаменитымъ капельмейстеромъ, имя котораго сохранится въ исторіи. Уѣзжай въ Парижъ—и немедленно!“ Вольфгангъ слишкомъ привыкъ повиноваться своему отцу для того, чтобы не исполнить его требованія, хотя бы цѣною своего личнаго счастья. Веберы со слезами проводили Вольфганга, а отчаянію самого молодого музыканта не было предѣла. Какое потрясашее дѣйствіе произвело на молодого Моцарта это нравственное насиліе со стороны его отца, можно судить по той апатіи, которая охватила молодого музыканта въ Парижѣ. „Я чувствую себя довольно сносно“,—писалъ онъ своему отцу,—„но мнѣ ни тепло, ни холодно, ничто меня не радуетъ; что меня больше всего поддерживаетъ, ободряетъ, такъ это мысль, что вы, дорогой папа и дорогая сестра, здоровы, что я—честный нѣмецъ, и что если я не могу всего высказывать, то, по крайней мѣрѣ, могу думать то, что хочу; но вотъ и все“... Какъ видимъ, не слишкомъ-то много утѣшеній принесъ Парижъ Моцарту...

Парижъ, какъ и нѣмецкіе города, обманулъ ожиданія Моцартовъ. Напрасно мечталъ отецъ Вольфганга въ одномъ изъ своихъ писемъ къ нему: „Изъ Парижа слава и имя талантливаго человѣка разнесется по всему свѣту; тамъ аристократы обращаются съ геніальными людьми съ величайшимъ уваженіемъ и любезностью; у нихъ прекрасныя манеры, которыя совершенно отличаются отъ грубости нашихъ нѣмецкихъ кавалеровъ и дамъ, и тамъ ты усовершенствуешься во французскомъ языкѣ“... Но Парижъ, который такъ носился съ Моцартомъ-ребенкомъ, почти не замѣтилъ Моцарта-юношу теперь, когда талантъ его окрѣпъ, углубился, расширился. Моцартъ пересталъ быть игрушкой, а къ серьезной музыкѣ Парижъ былъ тугъ. Стоитъ вспомнить только, съ какимъ трудомъ удерживались великія произведенія Глюка, котораго такъ возвеличивали

раньше за его итальянскія оперы, не обладавшія ни зерномъ оригинальности. А это было время какъ разъ выступленія Глюка съ новыми музыкальными формами, которыя такъ нравились молодому Моцарту. Къ несчастью, Глюка какъ разъ не было въ этотъ моментъ въ Парижѣ, и Моцартъ чувствовалъ себя крайне одинокимъ въ духовномъ отношеніи. Заработокъ также не налаживался. Сборы съ концертовъ почти не удавались. Къ педагогической музыкальной дѣятельности Моцартъ былъ совершенно не приспособленъ. Питаться приходилось плохо; квартиру пришлось взять темную и такую крошечную, что въ ней нельзя было установить піанино. Въ это время Моцартъ съ особеннымъ раздраженіемъ отзывается о французахъ. „Что меня больше всего сердитъ“, — писалъ онъ, — „это то, что французы настолько лишь развили свой вкусъ, что могутъ теперь слушать и хорошее; но чтобы они сознали, что ихъ

Домикъ, въ которомъ была написана „Волшебная Флейта“.

музыка дурна, — Боже сохрани! А ихъ пѣніе — „оймѣ!“ и если бы они еще не пѣли итальянскихъ оперъ, я бы простилъ имъ ихъ французское завыванье, но портить хорошую музыку — это невыносимо!“... Одно время была нѣкоторая надежда на полученіе заказовъ композиторскаго характера. Такіе заказы, дѣйствительно, были даны Моцарту, но заказчикъ, — нѣкто Легро, — самымъ безсовѣстнымъ образомъ обманулъ молодого музыканта. Надежды и въ этомъ отношеніи рушились. „Если бы“, — писалъ по этому поводу въ крайнемъ раздраженіи обыкновенно чрезвычайно благодушный Моцартъ, — „здѣсь у людей были уши, чтобы слышать, сердце, чтобы чувствовать, и хоть какое-нибудь понятіе о музыкѣ, — я бы надъ всѣмъ случившимся посмѣялся, но я окруженъ скотами и тварями (если цѣнить ихъ съ музыкальной точки зрѣнія)“... Въ довершеніе всѣхъ несчастій тяжело заболѣла его матушка и послѣ двухнедѣльных страданій скончалась. Горю Вольфганга не было предѣла. Но онъ думалъ и въ эти тяжелыя минуты не о себѣ, а объ отцѣ, котораго со страхомъ готовилъ къ ихъ новому семейному несчастью. Послѣ

смерти матери Парижъ сдѣлался для Вольфганга окончательно ненавистнымъ. Отецъ его также убѣдился, что на Парижъ больше рассчитывать нечего, да и не хотѣлъ оставлять одинокимъ молодого человѣка въ далекой столицѣ. Какъ разъ въ это время въ Зальцбургѣ освободилось мѣсто придворнаго органиста. Леопольдъ Моцартъ началъ энергично хлопотать о назначеніи на это мѣсто своего сына. Хлопоты на этотъ разъ увѣнчались успѣхомъ. И вотъ, Вольфгангъ снова въ ненавистномъ ему Зальцбургѣ. На обратномъ пути онъ навѣстилъ Алоизу для того только, чтобы прибавить себѣ новую душевную рану: вѣтрена красавица уже успѣла забыть своего гениальнаго обожателя.

Судьба, кажется, сдѣлала все, чтобы задавить великаго Моцарта: она отняла у него обожаемую мать, лишила любимой невѣсты, погасила надежду на музыкальную славу и, наконецъ, снова забросила его въ ненавистный ему Зальцбургъ, гдѣ онъ соглашался играть скорѣе передъ стульями и столами, чѣмъ передъ жителями города. И, однако, гений его былъ такъ великъ, силы его были такъ неисчерпаемы, что онъ продолжалъ творить, несмотря на всѣ эти неблагоприятныя обстоятельства. Его композиціи пока вращались въ двухъ областяхъ: большія мессы для церкви и маленькія пьесы для бродячихъ актеровъ. Но вотъ, счастье снова повернулось къ нему лицомъ. Курфюрстъ Карлъ Теодоръ поручилъ молодому Моцарту написать оперу „Идоменео, царь Критскій“. Этого толчка было достаточно, чтобы душу Моцарта охватилъ могучій пламень творчества. Моцартъ съ увлеченіемъ занялся работой, и въ короткое время была приготовлена опера, поразившая весь музыкальный міръ красотой своихъ звуковъ. О Моцартѣ снова заговорили повсюду. Вѣна снова заинтересовалась Моцартомъ. Архіепископъ Зальцбургскій, разсматривавшій великаго музыканта, какъ свою собственность, поторопился вызвать Вольфганга Моцарта для того, чтобы придать большій интересъ своему пребыванію въ столицѣ. Моцартъ съ новыми надеждами поспѣшилъ въ Вѣну.

Въ какое положеніе попалъ великій музыкантъ при дворѣ архіепископа въ Вѣнѣ, показываютъ слѣдующіе отрывки изъ его писемъ къ отцу:

„Я прибылъ сюда 16-го, слава Богу, совершенно одинъ, въ почтовой каретѣ, въ 9 часовъ утра. Первымъ дѣломъ я отправился къ архіепископу. У меня прекрасная комната въ одномъ домѣ съ нимъ. Въ 12 часовъ, къ сожалѣнію, для меня нѣсколько рано; мы идемъ обѣдать. За столъ садятся два камеръ-лакея, контролеръ, кондитеръ, два повара, Чекарелли, Брунетти, и моя милость. Оба камеръ-лакея садятся на главные мѣста, мнѣ, по крайней мѣрѣ, предоставлена честь сидѣть до поваровъ. Тутъ мнѣ кажется, что я въ Зальцбургѣ. За столомъ развлекаются грубыми шутками; ко мнѣ никто не обращается, потому что я все время молчу, а если говорю, то всегда съ величайшей серьезностью, и тотчасъ послѣ обѣда ухожу къ себѣ“...

„Въ день, когда мы должны были пойти къ князю Голицыну, Брунетти съ обычной своей вѣжливостью обратился ко мнѣ: „Будь здѣсь въ 7 часовъ, чтобы идти вмѣстѣ съ нами къ князю Голицыну; насъ проводитъ Ангербауеръ (лейбъ-камердинеръ)“. Я отвѣчалъ: „Хорошо; но въ случаѣ, если мнѣ нельзя будетъ придти ровно въ 7, ступайте безъ меня, не надо меня ждать; я знаю, гдѣ ты будешь, и найду тебя“... Я ушелъ нарочно одинъ, такъ какъ стыжусь показываться гдѣ-либо вмѣстѣ съ ними; когда я вошелъ, то Ангербауеръ уже былъ тамъ и говорилъ лакею, куда меня проводить. Но я, не обращая вниманія ни на него,

ни на лакея, прошелъ черезъ всѣ комнаты къ залу, такъ какъ всѣ двери были открыты, прямо подошелъ къ князю, поздоровался съ нимъ и сталъ разговаривать. Я совершенно позабылъ о Брунетти и Чекарелли; ихъ не было видно, они спрятались за оркестръ возлѣ самой стѣны и не смѣли сдѣлать ни шага“...

Такая заносчивость музыканта, котораго архіепископъ хотѣлъ держать на положеніи лакея, раздражала и архіепископскую челядь, и самого архіепископа. Дѣло кончилось тяжелымъ столкновеніемъ по поводу требованія, предъявленнаго Моцарту, о немедленномъ выѣздѣ изъ Вѣны. Его просьба отсрочить ему этотъ выѣздъ привела архіепископа въ ярость. „Полный ненависти, онъ началъ кричать, что я самый нелѣпый изъ дураковъ, какихъ онъ только встрѣчалъ, что никто такъ скверно не служилъ ему, какъ я... Невозможно было вставить ни одного слова, его ругань носилась, какъ ураганъ... Онъ не стѣснялся въ выраженіяхъ; онъ называлъ меня нищимъ, паразитомъ, кретиномъ... Когда, наконецъ, кровь вскипѣла отъ негодованія въ моихъ жилахъ, я сказалъ ему: „Итакъ, Ваше Величество недовольны мною. — Какъ! отвѣчалъ онъ, ты осмѣливаешься еще мнѣ угрожать? Кретинъ! О! кретинъ! Вотъ дверь! Вонъ! Я не хочу имѣть дѣла съ такой жалкой тварью!“... „Я весь горѣлъ, дрожалъ всѣмъ тѣломъ и шатался на улицѣ, какъ пьяный“, — добавляетъ несчастный Моцартъ. Но нѣсколько дней спустя, когда онъ хотѣлъ подать собственноручно прошеніе объ отставкѣ, его ожидало еще большее униженіе. Гнусный прислужникъ архіепископа, графъ Арко, завѣдующій кухней, пинками ноги, какъ собаку, выгналъ великаго музыканта изъ дома архіепископа. Чаша была переполнена. Вольфгангъ Моцартъ не возвратился болѣе въ Зальцбургъ. „Для васъ, мой дорогой отецъ“, — писалъ онъ, — „я готовъ пожертвовать своимъ счастьемъ, своимъ здоровьемъ, своей жизнью, но не честью; для меня и для васъ она должна быть выше всего. Милый, дорогой отецъ, требуйте отъ меня, чего хотите, только не этого — при одномъ воспоминаніи я весь дрожу отъ ярости“.

Съ Вѣной для Вольфганга Моцарта начинался новый, послѣдній, самый блестящій, въ отношеніи творчества, и столь же скудный, какъ прежде, съ точки зрѣнія заработка, періодъ жизни. Присмотримся нѣсколько къ наружности Моцарта. „Онъ былъ небольшого роста, но пропорціональнаго сложенія, съ маленькими руками и ногами, въ началѣ худой и только впослѣдствіи нѣсколько толще“, — такъ описываетъ его одинъ изъ лучшихъ его біографовъ Янъ. — „Голова по отношенію къ туловищу казалась слишкомъ большой. Почти всегда блѣдное лицо его было пріятно, но не изобличало ничего необыкновеннаго“... Неудивительно, что при такой наружности влюбчивому Моцарту приходилось нерѣдко страдать отъ нераздѣленной любви. Но Вѣна на этотъ разъ и въ данномъ отношеніи сыграла рѣшительную роль въ жизни Моцарта: онъ женился. Случилось такъ, что семья Веберовъ, лишившаяся своего главнаго кормильца-отца, переселилась около этого времени въ Вѣну, гдѣ вѣтреная Алоиза, уже вышедшая замужъ за актера, подвизалась съ большимъ успѣхомъ на оперной сценѣ. Моцартъ съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ встрѣтился съ Веберами, что сердечная его рана успѣла за это время совершенно зажить. Вдова Веберъ поддерживала свой скромный бюджетъ сдачей меблированныхъ комнатъ, куда она принимала жильцовъ на полное содержаніе. Въ пансіонъ Веберовъ, своихъ старыхъ друзей, Моцартъ поспѣшилъ перебраться, какъ только позволили обстоятельства. Вдова Веберъ имѣла при себѣ трехъ взрослыхъ дочерей, изъ которыхъ

средняя, Констанція, сумѣла окружить одинокаго Моцарта женскимъ уходомъ и лаской. Дѣло кончилось тѣмъ, что молодые люди горячо полюбили другъ друга. Они рѣшили жениться, но неожиданно явились препятствія, какъ со стороны отца Моцарта, такъ и со стороны матери Веберъ. Чѣмъ руководилась въ своемъ упорствѣ вздорная и, дѣйствительно, несимпатичная старуха Веберъ, трудно сказать, но старикъ Моцартъ былъ предубѣжденъ противъ всей семьи Веберовъ еще съ перваго увлеченія своего сына. Однако, Вольфгангъ теперь совершенно освободился

Констанція Моцартъ, урожденная Веберъ.

отъ всякаго вліянія со стороны своего отца. Послѣдній ударъ авторитету отца нанесъ разрывъ Вольфганга съ архіепископомъ Зальцбургскимъ, на сторонѣ котораго упорно остался старикъ Моцартъ. Вольфгангъ не захотѣлъ во второй разъ принести свою любовь въ жертву отцовскимъ разсчетамъ и женился на Констанціи.

Вольфгангъ, повидимому, горячо любилъ свою жену и жилъ съ нею очень дружно. Во время ея болѣзней или родовъ онъ ни на минуту не отходилъ отъ нея и работалъ около ея постели. Онъ очень цѣнилъ ее, какъ жену. „Она не дурна“, — писалъ онъ, — „но и далеко не красива. Вся ея красота заключается въ игрѣ маленькихъ черныхъ глазокъ и въ прекрасномъ ростѣ. У нея нѣтъ блестящаго ума, но достаточно здраваго смысла, чтобы быть хорошей женой и доброй ма-

терью. Она не привыкла къ роскоши, — это правда, напротивъ того, она привыкла быть дурно одѣтой, такъ какъ то небольшое, что мать въ состояніи сдѣлать своимъ дѣтямъ, она дѣлаетъ двумъ остальнымъ сестрамъ, ей же — никогда. Правда, она любитъ одѣваться чисто и мило, но неизысканно, и все, что требуется для женскаго туалета, она можетъ себѣ спить сама; она умѣетъ вести хозяйство, у нея золотое сердце, я ее люблю, и она меня любить всей душой, — скажите мнѣ, могу ли я желать лучшей жены?“ Въ этой характеристикѣ, сдѣланной, несомнѣнно, пристрастной рукой, одно — несомнѣнная неправда. Констанція была плохой хозяйкой, и это особенно тяжело ложилось на скудный бюджетъ Моцарта. Бюджетъ этотъ сложился главнымъ образомъ изъ тѣхъ 800 флориновъ, которые Моцартъ получалъ въ качествѣ придворнаго композитора. Правда, это, говоря словами самого Моцарта, было слишкомъ много для того, что онъ дѣлалъ для двора, такъ какъ къ нему, въ силу придворныхъ интригъ, ни съ какими заказами почти не обращались, но слишкомъ мало для того, что

онъ могъ сдѣлать, и слишкомъ мало потому, что онъ не умѣлъ использовать другихъ источниковъ заработка. Къ скудному бюджету, къ безхозяйственности Констанціи надо прибавить еще крайнюю довѣрчивость и непрактичность великаго музыканта. „Разъ“, — рассказываетъ одинъ изъ его биографовъ, — „Моцартъ только что получилъ 50 дукатовъ отъ императора. Про это провѣдалъ его знакомый, Антонъ Стадлеръ, и увѣрилъ его въ своей крайней нуждѣ, говоря, что онъ пропадетъ, если не получитъ этой суммы. Моцартъ самъ нуждался въ деньгахъ, и потому далъ ему пару золотыхъ часовъ для заклада, попросивъ только принести ему квитанцію и во время заплатить проценты. Стадлеръ и не подумалъ этого сдѣлать. Моцартъ, боясь потерять часы, далъ ему 50 дукатовъ и $\frac{1}{10}$, которые Стадлеръ преспокойно оставилъ у себя вмѣстѣ съ часами. Или вотъ другой случай. Въ Вѣнѣ жилъ антрепренеръ Шиканедеръ, человѣкъ въ высокой степени недобросовѣстный, но сумѣвшій втереться въ дружбу простодушнаго Моцарта. Дѣла Шиканедера шли очень плохо: онъ былъ на краю банкротства. Тогда ему приходитъ счастливая мысль поставить шумную оперу съ многочисленными чудесными превращеніями для того, чтобы привлечь публику въ свой театръ. Онъ тотчасъ же обращается съ подобной просьбой къ Моцарту, представивъ ему уже готовое либретто. Добрый Моцартъ, къ тому же увлеченный интересной темой, немедленно взялся за дѣло, и въ короткое время изъ-подъ пера его является одинъ изъ перловъ музыкальнаго міра: „Волшебная Флейта“. Всю работу Моцартъ исполнилъ бесплатно подъ однимъ условіемъ, чтобы ему была возвращена партитура, которая могла сдѣлаться для него источникомъ хорошаго дохода. Но безсовѣстный антрепренеръ не исполнилъ и этого условія, перепродавъ безъ вѣдома автора и въ свою пользу эту партитуру третьему лицу. Моцартъ былъ до послѣдней степени разсерженъ этимъ мошенничествомъ и назвалъ Шиканедера подлецомъ, но на другой же день позвалъ его къ себѣ обѣдать.

Немудрено, что при такихъ условіяхъ Моцартъ всю жизнь свою былъ кругомъ въ долгахъ и не выходилъ изъ пѣпкихъ рукъ ростовщиковъ. Немудрено, что всѣ послѣднія письма Моцарта были полны воплями о деньгахъ, о предоставленіи ему какого-нибудь заработка. Семья постепенно росла, силы шли на убыль. И эта нелѣпая нужда была тѣмъ удивительнѣе, что уже современники Моцарта въ достаточной мѣрѣ признали колоссальныя заслуги его въ дѣлѣ развитія музыкальнаго творчества; Гайднъ, напр., называлъ его величайшимъ изъ музыкантовъ, какихъ только ему приходилось встрѣчать. Этотъ убѣленный сѣдинами старикъ гордился дружбой Моцарта и былъ съ нимъ на „ты“. Его „Волшебная Флейта“ въ теченіе только октября 1791 г. (перваго года своего существованія) была дана 24 раза; за первый годъ она шла сто разъ, а въ 1795 г. была поставлена уже въ двухсотый разъ. Его поѣздка въ Прагу была настоящимъ триумфомъ и т. д. Однимъ словомъ, уже у современниковъ онъ пользовался славой великаго музыканта, и, тѣмъ не менѣе, не могъ хоть сколько-нибудь сносно устроить свое существованіе. За такое замѣчательное произведеніе, какъ опера „Донъ Жуанъ“, онъ получилъ всего 100 дукатовъ. Для большинства своихъ вещей онъ не находилъ издателей, а многія издавалъ на свой счетъ, рискуя своими послѣдними кровными грошами.

Плохое питаніе, на которое такъ часто былъ обреченъ Моцартъ, благодаря недостатку средствъ, и эти непрерывныя мытарства въ погонѣ за крайне необходимой копеечкой — тѣмъ сильнѣе подрывали здоровье

Моцарта, что эта музыкальная душа обладала необычайной производительностью, и его нервы находились всегда въ самой напряженной работѣ. Область, къ которой онъ прилагалъ свои силы, была необычайно широка: онъ давалъ неподражаемые танцы, а, съ другой стороны, писалъ почти недостижимыя по своей красотѣ симфоніи и оперы. И какъ писалъ! Его три лучшихъ симфоніи были написаны меньше, чѣмъ въ три мѣсяца. „Написанныя въ такой короткій промежутокъ времени“, — говорить г-жа Давыдова, — „эти симфоніи совершенно несходны между собой, но, напротивъ того, каждая изъ нихъ имѣетъ свой опредѣленный, ярко-очерченный характеръ“. Въ первой изъ нихъ (Es-dur) преобладаетъ свѣтлое настроеніе, и она представляетъ собой, по выраженію Ноля, „цѣлое море благозвучія“. Вторая (G-moll), названная Лебединой пѣсней, носить отпечатокъ мечтательности и страстности. Третья, C-dur, Юпитеръ, полна величественной красоты и кипучей жизни. Послѣдняя часть ея, изумительна по тому необычному мастерству, съ которымъ Моцартъ, какъ бы шутя, сосредоточилъ самыя сложныя звуковыя сочетанія. Можно смѣло сказать, что одного года было бы достаточно, чтобы имя Моцарта стало бессмертнымъ, такъ какъ въ одинъ годъ онъ успѣвалъ дать искусству больше, чѣмъ другой во всю свою жизнь“... Его знаменитая увертюра къ „Донъ Жуану“ была написана за одну ночь и на другой день съ огромнымъ успѣхомъ сыграна оркестромъ прямо съ листа. Онъ писалъ свои произведенія прямо начисто, — „какъ письма“, по выраженію его жены. Вся подготовительная работа совершалась у него въ головѣ. Записывая одну вещь, онъ въ то же самое сочинялъ иногда уже другую. Духовная работа его при этомъ была такъ интенсивна, что внѣшнія впечатлѣнія нисколько не мѣшали его творчеству. Извѣстно, что много прекрасныхъ мѣстъ своего „Донъ Жуана“ онъ написалъ въ виноградномъ саду своего друга за каменнымъ столомъ, среди своихъ пріятелей, съ которыми болталъ и даже игралъ въ кегли. Великолѣпныя музыкальныя идеи не разъ приходили ему въ голову во время игры на бильярдѣ. Иногда какой-нибудь новый мотивъ вдругъ такъ захватывалъ его во время обѣда, что онъ забывалъ о ѣдѣ. Не разъ онъ вырывался изъ рукъ парикмахера, приводившаго въ порядокъ его голову, для того, чтобы подбѣжать къ фортепіано и реализовать звуки, пронесшіеся въ его душѣ. Онъ не разставался со своей записной книжечкой: такъ много музыкальныхъ идей приходило ему въ голову. Но относительно музыки память его была колоссальной. Ему достаточно было отмѣтить нѣсколько нотъ для того, чтобы черезъ значительный промежутокъ времени возстановить какой-нибудь очень сложный пассажъ. Свою композиторскую работу Моцартъ лучше всего велъ подъ открытымъ небомъ, среди зелени. Онъ охотно также работалъ по ночамъ, подкрѣпляя свои силы виномъ или сказками своей жены.

Но помимо композиторской дѣятельности много силъ Моцарта уходило на импровизаціи, которыми онъ все же временами порядочно зарабатывалъ на концертахъ у богатыхъ людей, и которымъ онъ со страстью отдавался въ теченіе часовъ нерѣдко и у себя дома. „Однажды его попросили поимпровизировать“, — рассказываетъ извѣстная пѣвица Софія Никасъ. — „Онъ согласился охотно, какъ всегда, и сѣлъ за фортепіано. Двое изъ присутствующихъ музыкантовъ предложили ему двѣ темы. Пѣвица подошла къ его стулу, чтобы слѣдить за игрой. Моцартъ, любившій съ ней пошутить, взглянулъ на нее и спросилъ на своемъ добродушномъ австрійскомъ нарѣчій: „Ну, что? У васъ тоже есть темка на

Милостивой Божьей

Михаилъ Николаевичъ

Препроводивъ къ Вамъ моего Бывшлаго
Служащего себя подвизающаго что означено
есть Ваше покровительство въ Постановкахъ
на Московскую сцену въ раздѣленіи многихъ
обязанностей служебныхъ, уполномочиваю Ваше
каторану и передаю свои замѣчанія на счетъ раз-
дѣленія ролей постановокъ и прочаго. — Снабдивъ
къ моей издѣлительной работѣ въ много обязана
предоставляю къ Вамъ съ совершенными по-
мощіями и таквою же преданностью.

Вашъ Милостивой Божьей

1856. Спб.
Май 10.

Покорнѣйшій сынъ

Михаилъ Гоголь

Автографъ Гоголя. Письмо къ М. Н. Загоскину, директору Московскаго
театра. — Изъ собранія автографовъ Императ. Публичн. Библіотеки.

душѣ?“ Она ему пропѣла. Тогда онъ началъ свою чудную импровизацію то на одну, то на другую тему, и въ заключеніе соединилъ всѣ три вмѣстѣ, къ великому удовольствію и изумленію слушателей“... Такъ горѣлъ онъ изо дня въ день, изъ часа въ часъ на великой службѣ музыкальнаго совершенствованія человѣчества... Немудрено, что такая жизнь очень быстро привела къ преждевременному истощенію организма и главному нервному разстройству. Это послѣднее, доведя великаго музыканта почти до галлюцинацій, и свело его въ могилу.

Въ то самое время, когда Моцартъ былъ занятъ своей „Волшебной Флейтой“, умеръ императоръ Іосифъ и пражцы поручили Моцарту написать ко дню коронаціи новаго императора оперу „Милосердіе Тита“. Моцартъ, перенагруженный и безъ того работой, не отклонилъ этого предложенія, и въ 2 съ половиной недѣли новая опера оказалась не только написанной, но и разученной. Можно себѣ представить, какого огромнаго напряженія силъ потребовала такая работа и какъ она должна была отразиться уже на расшатанномъ здоровьѣ Моцарта. И, дѣйствительно, во время работы съ нимъ теперь стали нерѣдко дѣлаться обмороки. Очевидно, достаточно было какого-нибудь внѣшняго толчка, чтобы душевная болѣзнь начала развиваться быстрымъ темпомъ. За случаемъ дѣло не стало.

Какъ-то его оторвалъ отъ работы высокій, худой, мрачный господинъ въ сѣромъ плащѣ. Онъ передалъ Моцарту анонимное письмо, заключавшее предложеніе написать „Реквиемъ“, — музыку къ заупокойной молитвѣ. Моцартъ согласился на это предложеніе и назначилъ цѣну за свою работу въ 50 дукатовъ. Черезъ нѣкоторое время мрачный посланецъ явился снова и сообщилъ Моцарту, что его предложеніе принято, что, по окончаніи работы, ему будетъ выплачено больше того, что онъ желаетъ, но ему запрещается дѣлать какія бы то ни было попытки для выясненія личности заказчика, что, впрочемъ, во всякомъ случаѣ будетъ совершенно безплодно. Случай становился загадочнымъ и произвелъ подавляющее впечатлѣніе на Моцарта. Ръ измученной и утомленной душѣ Моцарта мало-по-малу сложилось убѣжденіе, что эта таинственность должна заключать въ себѣ нѣчто сверхъестественное, и, наконецъ, онъ уперся въ мысль, что этотъ реквиемъ заказанъ на его собственныя похороны, и что неизбежная смерть стоитъ у изголовья его ложа. Эта мысль совершенно овладѣла душой Моцарта. Напрасно жена старалась всѣми возможными средствами развлечь его. Онъ твердилъ ей одно и то же: „Я знаю, что я пишу реквиемъ для себя. Я чувствую себя слишкомъ плохо, и долго не протяну. Навѣрно, мнѣ дали яду...“ Впослѣдствіи вся эта загадочная исторія вполнѣ выяснилась. Одинъ графъ, жившій около Вѣны, страстно желалъ прослыть музыкантомъ-композиторомъ, не имѣя ни малѣйшихъ дарованій для этого. Онъ устраивалъ у себя нерѣдко концерты, на которыхъ исполнялись вещи, которыя онъ выдавалъ за свои. Въ дѣйствительности, произведенія эти принадлежали различнымъ композиторамъ, которыя ему писалъ ихъ по заказу за извѣстное вознагражденіе. Какъ разъ около этого времени у графа умерла жена и, какъ „заправскій музыкантъ“, онъ захотѣлъ почтить ея память реквиемомъ своего собственнаго сочиненія. Такимъ путемъ таинственный заказъ попалъ въ руки Моцарта и далъ толчекъ къ быстрому развитію душевной болѣзни, которая уже давно готовилась.

Отдыхъ, на которомъ настояла Констанція, вызвалъ лишь временное улучшеніе въ ходѣ болѣзни Моцарта. Столь же кратковременное улуч-

шеніе принесъ ему и блестящій успѣхъ его кантаты, написанной имъ для масонской ложи, членомъ которой онъ состоялъ уже съ давнихъ поръ. Вскорѣ онъ окончательно слегъ въ постель. Онъ сильно страдалъ, хотя оставался привѣтливымъ и ласковымъ къ окружающимъ. Судьба точно издѣвалась надъ нимъ. Теперь, когда онъ лежалъ на краю могилы, къ нему поступило два заманчивыхъ предложенія. Венгерское дворянство предлагало ему 1000 флориновъ въ годъ. Еще большую сумму обѣщало выплачивать ему ежегодно Амстердамъ за предоставленіе въ его распоряженіе нѣсколькихъ произведеній. Наконецъ, онъ былъ назначенъ на очень доходную должность капелмейстера въ церковь св. Стефана. Но Моцартъ не радовался всѣмъ этимъ предложеніямъ: онъ понималъ, что всѣ они не для него и крайне безпокоился за жену и за двухъ своихъ дѣтей, которыхъ оставлялъ безъ всякихъ средствъ.

Въ часъ ночи 5 декабря 1791 года Моцартъ скончался. Въ домѣ оказалось всего нѣсколько рублей. Констанція сама была больна и лежала въ постели. Похороны были устроены самыя жалкія. На погребеніи не было ни одной близкой души, ни одного поклонника великаго музыканта. Гробъ Моцарта опустили въ общую могилу, и уже на другой день послѣ похоронъ сторожъ не могъ указать мѣста его упокоенія. Сама Констанція и ея дѣти остались въ жалкомъ матеріальномъ положеніи, изъ котораго никто не торопился извлечь ее. Лишь послѣ восьми лѣтъ тяжелой нужды она вышла замужъ за Ниссена, преданнаго друга ихъ дома. Ниссенъ въ достаточной степени обезпечилъ существованіе вдовы и сиротъ Моцарта и, тщательно изучивши семейную переписку Моцартовъ, написалъ первую біографію знаменитаго музыканта.

Къ концу XIX столѣтія въ Лейпцигѣ было выпущено полное собраніе сочиненій Моцарта. Оно заключаетъ 580 произведеній. Въ томъ числѣ въ отдѣлѣ „музыка для пѣнія“ мы находимъ 15 мессъ, 3 кантаты, 2 ораторіи, 21 оперу, 47 арій, дуэтовъ, терпетовъ и квартетовъ съ оркестромъ, 40 различныхъ романсовъ съ фортепіано; въ отдѣлѣ „пѣсы для оркестра“: 41 симфонію, 52 различныхъ пѣсы для оркестра, 24 сборника танцевъ, 20 концертовъ для различныхъ инструментовъ съ оркестромъ; въ отдѣлѣ „музыка камерная“: 30 квартетовъ и др.; „для фортепіано“: 28 концертовъ, 45 сонатъ для фортепіано и скрипки, 8 сонатъ въ 4 руки, 21 соната и фантазія для фортепіано и т. д.

Самыми замѣчательными изъ оперъ Моцарта считаются „Волшебная Флейта“, „Донъ Жуанъ“ и „Свадьба Фигаро“ (тема для этой послѣдней заимствована изъ комедіи Бомарше того же названія).

Перейдемъ теперь къ общей оцѣнкѣ музыкальнаго творчества Моцарта.

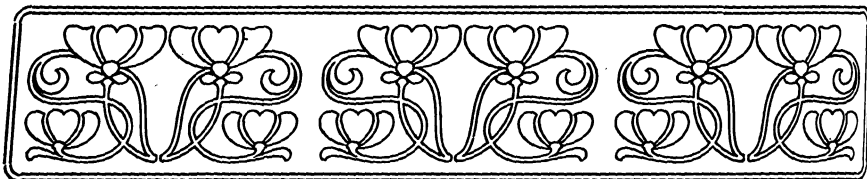
Мы уже говорили, что въ творествѣ Моцарта нашли яркое и гармоничное выраженіе два теченія: итальянское и нѣмецкое. Объ особенностяхъ итальянской музыки намъ приходилось неоднократно говорить въ біографіяхъ предшественниковъ и старшихъ современниковъ Моцарта (Рамо, Глюка, Генделя, Гайдна), и потому мы не будемъ здѣсь тратить время на характеристику этой музыки. Мы отмѣтимъ только, что итальянская музыка не могла не оказать огромнаго вліянія на Моцарта уже по одному тому, что она, дѣйствительно, обладала многими музыкальными цѣнностями и, дѣйствительно, стояла во главѣ музыкальнаго развитія того времени. Итальянизмъ пропитывалъ тогда даже не только музыку, но и всю культуру нѣмецкаго народа того времени: живопись и архитектура нѣмецкихъ церквей и капеллъ были итальянскими по преимуще-

ству. Наконецъ, „итальянскіе годы“ Моцарта, когда онъ вошелъ съ итальянской культурой въ такое тѣсное и радостное соприкосновеніе, дали возможность великому музыканту глубоко переработать въ своей душѣ итальянскую музыку. Моцартъ, по общему признанію, былъ глубокимъ знатокомъ итальянской музыки, но онъ сумѣлъ взять отъ нея всѣ красоты и отвергнуть всѣ ея недостатки; мало того, онъ двинулъ развитіе итальянской музыки дальше по тому пути, по которому она шла раньше, и поднялъ ее на такую высоту, на какой раньше она никогда не была.

Но Моцартъ вмѣстѣ съ тѣмъ не пересталъ быть горячимъ патріотомъ, настоящимъ нѣмцемъ, и особенности нѣмецкаго духа нашли яркое выраженіе въ его произведеніяхъ, заложившихъ одинъ изъ важнѣйшихъ основныхъ камней въ храмъ нѣмецкой музыки. Что же было нѣмецкаго въ произведеніяхъ Моцарта? Комбинаціи быстрого темпа съ минорнымъ тономъ, смѣсь мечтательной нѣжности, даже меланхоліи, съ улыбающимся и наивнымъ добродушіемъ,—таковы внѣшнія, чисто нѣмецкія особенности многихъ произведеній Моцарта. Болѣе глубокій анализъ, проникновеніе въ болѣе общіе элементы позволяетъ отмѣтить еще слѣдующее: больше глубины и меньше блеска, больше близости къ народной музыкѣ и меньше искусственности, чѣмъ въ итальянской музыкѣ; мелодія его становится менѣе легкой, но зато болѣе богатой, болѣе плодотворной; она полнѣе сливается съ оркестромъ, который не только поддерживаетъ ее, но и усиливаетъ. Наконецъ, дѣйствіе у Моцарта свободнѣе, ближе къ жизни, правдивѣе, разбиваетъ классическую правильность итальянскихъ оперъ, эволюцію и свободу предпочитаетъ симметрію и періодическому повторенію формъ. Все это—такіе моменты, которые затѣмъ все болѣе и болѣе укрѣплялись, расширялись и углублялись на пути развитія нѣмецкой музыки, для которой такимъ образомъ Моцартъ смѣлой рукой указалъ путь въ грядущемъ. Съ этой точки зрѣнія Моцартъ является неоспоримымъ основателемъ нѣмецкой оперы.

Другой великой музыкальной заслугой Моцарта было необычайное благородство, красота и утонченность музыки. Онъ былъ мелодистъ прежде всего. Съ необычайнымъ искусствомъ онъ облачалъ въ мелодію самыя трудныя положенія. Онъ не боялся описывать мелодически всѣ человѣческія страсти, но онъ умѣлъ при этомъ устранить все грубое, все угловатое, все рѣзкое. Онъ умѣлъ облагораживать всѣ чувства человѣка. И въ этомъ отношеніи онъ поднялъ музыку почти на недостижимую высоту.

Эта психологическая особенность Моцарта дѣлаетъ его особенно любопытнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, какъ безпощадно раздѣлялась судьба съ Моцартомъ, какимъ тяжелымъ и непрерывнымъ испытаніемъ она подвергала его. Въ короткой жизни Моцарта сдѣлано было все, кажется, для того, чтобы вооружить человѣка, раздражить, ожесточить его, чтобы побудить его къ грознымъ крикамъ, щемящимъ стонамъ, къ негодованію, проклятію... И тѣмъ не менѣе, благородная, нѣжная и утонченная музыка Моцарта оказалась свободной отъ всѣхъ этихъ острыхъ угловъ, сохранилась чистой, свѣтлой, невозмутимой, божественной. Такова была самостоятельность и духовная сила этого необычайнаго человѣка.

Одинъ изъ величайшихъ методовъ научнаго изслѣдованія.

(Ученіе о бесконечно-малыхъ въ математикѣ).

Едва ли можно найти болѣе тонкую и изящную характеристику современнаго математическаго анализа, чѣмъ та, которую ему далъ знаменитый Фурье. „Пристальное глубокое изученіе природы, — говоритъ онъ, — есть источникъ самыхъ плодотворныхъ открытій математики. Это изученіе, ставя ей опредѣленную цѣль, не только устраняетъ неясные вопросы и безцѣльные вычисления, но и служитъ вѣрнымъ средствомъ для развитія самаго анализа; оно вскрываетъ въ немъ тѣ элементы, знаніе которыхъ для насъ наиболѣе важно, которые составляютъ вѣчное пріобрѣтеніе науки, — это тѣ основные элементы, которые воспроизводятся во всѣхъ явленіяхъ природы.

„Мы видимъ, напримѣръ, какъ та самая формула, отвлеченныя свойства которой изучаютъ математики, составляющая достояніе чистаго анализа, изображаетъ также распространеніе свѣта, опредѣляетъ законы передачи теплоты внутри твердаго тѣла и входитъ во всѣ главные вопросы теоріи вѣроятностей. Уравненія аналитической геометріи, неизвѣстныя древнимъ, выражаютъ свойства не однихъ геометрическихъ фигуръ и законовъ механики: они распространяются на всѣ явленія общаго характера. И не можетъ быть языка болѣе универсальнаго, болѣе простаго, болѣе свободнаго отъ ошибокъ и неясностей, т. е. болѣе достойнаго выражать вѣчные законы природы.

„Съ этой точки зрѣнія область математическаго анализа такъ же широка, какъ сама вселенная; она захватываетъ всѣ соотношенія времени, пространства, силъ, температуръ; завоеваніе ея совершалось медленно, но всѣ однажды установленные принципы анализа сохраняются навсегда; эта наука растетъ и крѣпнетъ среди столькихъ ошибокъ и переворотовъ въ области человѣческаго духа.

„Ея характерная черта — это ясность; у нея нѣтъ символовъ для обозначенія смутныхъ понятій. Она сближаетъ явленія наиболѣе различныя и открываетъ тайны соединяющей ихъ аналогіи. Если вещество ускользаетъ отъ насъ по своей крайней тонкости, если тѣла удалены на необъятныя протяженія, если мы хотимъ знать, какое зрѣлище представляли небеса въ эпохи, раздѣленные многими вѣками, если дѣйствіе тяжести и теплоты развиваются на глубинахъ, для насъ недостижимыхъ, то одинъ математическій анализъ можетъ вскрыть законы этихъ явленій.

Онъ ставитъ ихъ передъ нами, дѣлаетъ доступными измѣренію и является способностью разума, какъ бы предназначенной вознаградить человѣка за краткость его жизни и несовершенство чувствъ; и, что всего замѣчательнѣе, — анализъ слѣдуетъ однимъ и тѣмъ же путемъ при изученіи всѣхъ явленій; онъ истолковываетъ ихъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, какъ бы свидѣтельствуя этимъ о единствѣ и простотѣ плана вселенной, торжественно заявляя о непреложномъ порядкѣ, царствующемъ среди силъ природы“.

И это — не пустые слова... Стоить только вспомнить, что, съ одной стороны, при помощи математическаго анализа разрѣшены труднѣйшія задачи астрономіи, а съ другой, — тотъ же самый математическій анализъ освѣтилъ множество химическихъ и физическихъ процессовъ, въ которыхъ мы имѣемъ дѣло не съ мировыми громадными тѣлами, а съ недоступными нашимъ органамъ чувствъ молекулами и атомами.

Такимъ могущественнымъ средствомъ научнаго мышленія математика стала лишь съ того времени, когда она порвала съ математикой древнихъ и вступила на совершенно новый путь развитія. Конечно, математика древняго міра и среднихъ вѣковъ послужила солиднымъ фундаментомъ для дальнѣйшихъ математическихъ работъ.

Всѣ эти колоссальныя культурныя богатства, которыми въ настоящее время не удивились даже ученика III класса, вырабатывались вѣками, накопились работой сотенъ талантливыхъ людей и десятковъ гениевъ, передъ которыми и понынѣ съ благоговѣніемъ склоняется человѣчество, и, тѣмъ не менѣе, всей мощи, которую представляетъ математическій анализъ, человѣчество не могло использовать до тѣхъ поръ, пока не разбилось одного математическаго предразсудка, сформулированнаго еще великимъ Аристотелемъ. Къ выясненію этого основнаго предразсудка мы теперь и перейдемъ.

По мнѣнію Аристотеля, всѣ величины, съ которыми имѣетъ дѣло математика, могутъ быть раздѣлены на двѣ основныя группы: раздѣльныхъ и сплошныхъ. „Величина“, — объясняетъ Лоренцъ эту мысль Аристотеля, такъ долго нераздѣльно царствовавшего въ математикѣ и философій, — „называется сплошною, если, переходя отъ одного значенія къ другому, она пробѣгаетъ весь рядъ промежуточныхъ значеній; она обладаетъ, иначе говоря, свойствомъ измѣняться непрерывно. Такъ, если на прямой неопредѣленной длины намѣтимъ отрѣзокъ, лежащій между двумя точками, то, отодвигая одну изъ этихъ точекъ отъ другого неподвижнаго конца отрѣзка, мы будемъ его увеличивать непрерывно до какой хотимъ опредѣленной длины, въ концѣ которой остановимъ движеніе точки; передвигаясь изъ первоначальнаго положенія до новаго, конечная точка проходить черезъ всѣ промежуточныя точки; длина отрѣзка измѣняется непрерывно — это величина сплошная.

„Когда мы измѣняемъ число, то простое самонаблюденіе легко обнаруживаетъ рѣзкую особенность происходящаго при этомъ психическаго процесса. Чтобы число 5 увеличилось до 9, мы можемъ придать къ 5 сразу 4, или придавать 4 раза по 1, или 8 разъ по $\frac{1}{2}$; мы можемъ увеличивать 5, придавая постепенно произвольно малые придатки — очень малыя доли единицы, но мы не получимъ измѣненія непрерывнаго. Число можетъ измѣняться только скачками, большими или меньшими, — число есть величина раздѣльная“...

Таковы были воззрѣнія, съ которыми математика перешла въ новѣйшее время. Нетрудно замѣтить, что математическія идеи этого рода

крайне тяжело отзывались на процессы научныхъ изслѣдованій: они отрывали математическое мышленіе отъ процессовъ природы, не позволяли математическими формулами, построенными на идеѣ раздѣльности числа, охватить процессы природы, которые всегда характеризуются сплошностью, т. е. постепенностью измѣненій. Такъ, съ выотою постепенно и непрерывно уменьшается плотность воздуха; съ нагрѣваніемъ—постепенно и непрерывно (по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ предѣлахъ) измѣняется температура тѣла; при паденіи тѣла постепенно и непрерывно увеличивается движеніе падающаго тѣла и т. д. до безконечности. Разбить аристотелевское представленіе о числахъ, какъ величинахъ раздѣльныхъ, и показать, что числа также могутъ быть разсматриваемы, какъ величины сплошныя,—такова была задача, которую съ энергіей начала преслѣдовать новѣйшая математика съ эпохи возрожденія. Гигантская работа, наконецъ, была завершена. Усилія выдающихся умовъ увѣнчались успѣхомъ: была найдена та точка зрѣнія, съ которой число можетъ быть разсматриваемо, какъ величина сплошная. „Число“ — продолжаетъ Лоренцъ,—„всегда измѣняется скачками, но этотъ процессъ измѣненія тѣмъ ближе подойдетъ къ измѣненію величины сплошной, представитъ тѣмъ

Архимедъ, рисунокъ на камнѣ.

болѣе вѣрную его картину, чѣмъ меньше будутъ придаваемые нарастанія; скачки приращенія сглаживаются окончательно, если сдѣлать ихъ, наконецъ, безконечно-малыми. Тогда число теряетъ свою какъ бы кристаллическую структуру, становится пластичнымъ, и мы получаемъ возможность въ процессѣ его измѣненія имѣть слѣпокъ, точную картину измѣненія любой сплошной величины. Именно поэтому *счисленіе безконечно-малыхъ* есть та часть математики, которой она обязана своимъ значеніемъ, своимъ краеугольнымъ положеніемъ въ зданіи современной науки, которое дѣлаетъ ее основой научнаго и техническаго прогресса, однимъ изъ главныхъ факторовъ современной культуры“... Таково было рѣшеніе великой задачи. Прослѣдимъ же хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ за развитіемъ математики въ этомъ направленіи.

Мы уже сказали, что желаніе приложить математическій анализъ къ объясненіямъ явленій природы послужило главнымъ стимуломъ для развитія счисленія безконечно-малыхъ. Въ свою очередь, это желаніе обуславливалось необычайно быстрымъ ростомъ вообще научной мысли и успѣхами естествознанія. „Во второй половинѣ XV вѣка“,—говоритъ Лоренцъ,—„три знаменательныхъ факта открываютъ эпоху Возрожденія наукъ и искусствъ въ Европѣ; несмотря на ихъ разнородность, всѣ три въ большей или меньшей степени способствовали пробужденію научной мысли и въ области математики.“

Въ 1453 г. Константинополь былъ взятъ турками и въ томъ же году вышла въ свѣтъ первая печатная книга; въ 1492 г. открыта Америка... Переселеніе многихъ обитателей павшей Восточной имперіи на западъ доставило ему возможность познакомиться съ греческими писателями изъ первыхъ рукъ. Переводы прямо съ греческаго оригинала Эвклида, Архимеда, Аполлонія, Діофанта, Паппа и др. выходятъ въ XVI в. и изданія эти уже печатныя. Нѣтъ, конечно, надобности распространяться о томъ громадномъ усиленіи научнаго общенія, обмѣна мыслей, которое произведено было избобрѣженіемъ книгопечатанія. Открытіе новаго міра ниспровергало многія изъ самыхъ ходячихъ и прочныхъ

представленій о старомъ; первое кругосвѣтное плаваніе заставило взглянуть на землю, какъ на цѣлое, какъ на небесное тѣло; отсюда поиски его отношеній къ другимъ небеснымъ тѣламъ, усиленіе научной дѣятельности, какъ въ теоретической, такъ и практической астрономіи. Съ этого времени начинается устанавливаться уже болѣе не разрывавшаяся связь между успѣхами наблюденій природы и ихъ теоретическимъ объясненіемъ: между астрономіей, физикой, механикой, геометрией и чистой математикой“.

Воспринявшая научная мысль повела настойчивую борьбу противъ многихъ традицій Аристотеля. Ни ножъ наемныхъ убійцъ, отъ которыхъ въ Вареолюмеевскую ночь погибъ Петръ Рамусъ, ни зарево костра, пожравшаго Джордано Бруно, не остановили этой борьбы, принесшей, какъ мы теперь знаемъ, и побѣду новыхъ математическихъ принциповъ. Прежде всего, въ трудахъ Регіомонтана тригонометрія выдѣляется изъ астрономіи, получаетъ характеръ самостоятельной науки и обогащается цѣлымъ рядомъ новыхъ положеній. Алгебра также оживляется и подъ влияніемъ трудовъ Михаила Штифеля начинается переходить къ современной символической формѣ. Тотъ же ученый впервые обращаетъ вниманіе на тѣ услуги, которыя могутъ быть оказаны при вычисленіяхъ логарифмами.

Вскорѣ послѣ этого были сдѣланы крайне важныя алгебраическія открытія въ такой характерной бытовой обстановкѣ и такими оригинальными личностями, что мы находимъ полезнымъ ознакомить съ ними нашего читателя.

„Въ 1512 г. городъ Бреши (въ Италіи) былъ взятъ приступомъ французскими войсками; многіе жители искали убѣжища въ соборѣ, но и тамъ были изрублены разъяренными солдатами. Шестилѣтній мальчикъ Никколо былъ полуживымъ найденъ подлѣ трупъ своего отца; у него были разрублены челюсть и языкъ; попеченія матери вернули его къ жизни, но онъ некогда уже не могъ говорить свободно и получилъ прозвище tartaglia — заика. Мать Никколо была такъ бѣдна, что, не имѣя, чѣмъ заплатить учителю, принуждена была взять сына изъ школы, когда онъ выучилъ азбуку только до буквы к. Но не только остальными буквами азбуки, а и латинскимъ и греческимъ языками, а также математикой, Никколо Тарталья овладѣлъ, какъ самоучка, съ несокрушимой энергіей и талантомъ. Не имѣя бумажки, свои вычисленія онъ писалъ на могильныхъ плитахъ уединеннаго кладбища. Съ 23-лѣтняго возраста онъ зарабатывалъ хлѣбъ, какъ учитель математики. По приглашенію муниципалитетовъ Вероны, Пьяченцы, родной Бреши и, наконецъ, Венеціи, за скудное вознагражденіе Тарталья читаетъ публичныя лекціи по геометріи, механикѣ, алгебрѣ. По обычаю времени, церкви служили аудиторіями. Около 1535 г. Тарталья получилъ каѳедру математики въ Веронѣ и въ этомъ же году прославился на всю Италію блестящей побѣдой на публичномъ состязаніи съ нѣкіемъ Фіори.

„Поводомъ къ нему послужилъ вопросъ, стоявшій на очереди въ алгебрѣ того времени, — вопросъ объ общемъ рѣшеніи уравненій третьей степени, еще неизвѣстномъ ни древней, ни арабской наукѣ... Тарталья вызвалъ Фіори на публичный математическій поединокъ, назначенный на 22 февраля 1535 года. Въ этотъ день оба противника должны были обмѣняться тридцатью задачами въ присутствіи городского нотаріуса, которому вручались запечатанныя копіи этихъ задачъ; на рѣшеніе давалось 50 дней; кто къ концу этого срока рѣшилъ

бы наибольшее число задачъ изъ 30, предложенныхъ противнику. Тому должна была достаться честь побѣды и, сверхъ того, по 5 солдъ за каждую задачу.

„Между тѣмъ, Тарталья узналъ, что Фіори обладаетъ способомъ рѣшать кубическія уравненія одного простѣйшаго вида, и, по всей вѣроятности, предложить задачи именно на такія уравненія, слѣдовательно, останется побѣдителемъ. Тогда, — какъ говорить Тарталья, „онъ приложилъ все свое рвеніе, прилежаніе и искусство, чтобы найти правило этихъ уравненій, и это ему удалось за 10 дней до срока, т. е. 12 февраля, благодаря счастливой судьбѣ“...

„Въ назначенный день 30 задачъ Фіори Тарталья рѣшилъ въ два часа; противникъ же его не справился и въ 50 дней ни съ одною изъ задачъ, которыя Тарталья взялъ изъ разныхъ отдѣловъ геометріи и алгебры... Вѣсти о блестящей побѣдѣ Тартальи возбудили во всей Италіи интересъ къ его открытію. Многіе ученые осаждали его просьбами сообщить употребляемый имъ методъ рѣшенія. Тарталья упорно хранялъ тайну открытія, обѣщая обнародовать ее въ большомъ трактатѣ по алгебрѣ, уже почти приготовленномъ къ печати; только желаніе закончить давно начатыя переводы Эвклида и Архимеда заставило его медлить съ выпускомъ въ свѣтъ своей алгебры. Послѣ долгихъ годовъ лишеній почтенная извѣстность, пріобрѣтенная Тартальей, давала ему возможность предаваться любимой работѣ окончанія начатыхъ трудовъ. Но тутъ въ мирную жизнь скромнаго ученаго клиномъ врѣзалась бурная карьера другой, не менѣе талантливой, но болѣе экстравагантной, чтобы не сказать дикой, натуры.

„Жизнь Джеронимо Кардано (1501—1576) представляетъ сѣпленіе неожиданныхъ и непослѣдовательныхъ поступковъ, граничащее съ сумасшествіемъ, какъ бы сказалъ Ломброзо. Отчаянный игрокъ, чуть ли не убійца, Кардано былъ въ то же время страстнымъ поклонникомъ науки, талантливымъ ученымъ, легко рѣшавшимъ вопросы, передъ которыми отступали другіе; годы плодотворной научной работы смѣнялись у него полосами такого необузданнаго разврата, передъ которымъ блѣднѣли самыя яркія страницы скандальной хроники XVI вѣка; одно время философія была единственной наукой, признаваемой Карданомъ; въ другое — онъ забывалъ все для астрологіи. Послѣдняя доставила ему покровительство папы Григорія XIII, не разъ спасавшее Кардана отъ послѣдствій его слишкомъ рискованныхъ приключеній. Такъ, въ 1560 г., въ годъ смертной казни его старшаго сына, осужденнаго за отравленіе жены, Кардано въ порывѣ бѣшеннаго гнѣва отрубилъ уши своему младшему сыну, и только протекція папы спасла его отъ наказанія. Уже занимая 8 лѣтъ катедру математики въ Болоньѣ, онъ былъ обвиненъ въ ереси за опубликованіе гороскопа Христа. По освобожденіи изъ тюрьмы, рядъ новыхъ и память о прежнихъ безумныхъ выходкахъ Кардано навлекли на него такое негодованіе его согражданъ, что онъ былъ вынужденъ отказаться отъ катедры. Онъ нашелъ убѣжище въ Римѣ и даже получилъ пенсію, какъ астрологъ при дворѣ папы“...

Когда Кардано задумалъ выпустить свой главный трудъ по алгебрѣ, онъ рѣшилъ во чтобы то ни стало помѣстить въ немъ способы рѣшенія тѣхъ кубическихъ уравненій, которыя были рѣшены Тартальей. Онъ навѣщаетъ Тарталью въ Венеціи, умоляетъ его открыть ему тайну рѣшенія этихъ уравненій, грозитъ, оскорбляетъ, лстятъ, когда тотъ ему отказывается въ исполненіи этой просьбы и, наконецъ, коварствомъ все

уже выводитъ тайну подъ торжественной клятвой никогда и никому не открывать „правиль, сообщаемыхъ ему по дружбѣ“. Нечего и говорить, что Кардано не исполнилъ своей клятвы, и способы Тарталья были помѣщены въ курсъ Кардано, который, впрочемъ, не скрылъ имени ихъ автора.

„Тарталья“, — продолжаетъ Лоренцъ, — „увидѣвшій въ поступкѣ Кардано похищеніе лучшаго украшенія его собственнаго труда по алгебрѣ, имъ подготовлявшагося, отвѣтилъ вызовомъ на состязаніе, обращеннымъ къ Кардано и его ученику Феррари... Противныя стороны должны были обмѣняться 31-ой задачей и рѣшить ихъ въ пятнадцатидневный срокъ. Тарталья въ 7 дней рѣшилъ большую часть предложенныхъ вопросовъ, поспѣшно отпечаталъ ихъ и послалъ съ курьеромъ въ Миланъ. Его противники прислали свои рѣшенія только черезъ пять мѣсяцевъ, и притомъ, по мнѣнію Тарталья, невѣрныя... Печатный станокъ усиленно работалъ въ возгорѣвшейся полемикѣ, которая грозила затянуться надолго. Чтобы положить ей конецъ, Тарталья ѣдетъ въ Миланъ и тамъ на улицахъ города чрезъ герольда, украшеннаго его гербомъ, вызываетъ своихъ противниковъ на публичный диспутъ въ церковь St. Maria del Giardino на 10 августа 1548 года, въ 5 часовъ утра.

„Въ назначенное время изъ противниковъ Тарталья явился одинъ Феррари (двадцати-трехлѣтній „розовый юноша съ нѣжнымъ голосомъ, веселымъ лицомъ, громадными способностями и характеромъ дьявола“) съ цѣлой толпой друзей и родственниковъ. Тарталья былъ только вдвоемъ съ братомъ среди враждебно настроенной публики чужого города. Когда онъ, объяснивъ причину собранія, началъ опроверженіе карданова рѣшенія одной изъ задачъ состязанія, онъ былъ прерванъ шумными требованіями выбора судей. Тарталья отклонилъ ихъ, ссылаясь на то, что онъ никого изъ присутствующихъ не знаетъ и приглашаетъ ихъ всѣхъ быть равноправными судьями; послѣ долгихъ пререканій, онъ получилъ возможность закончить свое опроверженіе. Но когда онъ перешелъ къ слѣдующей задачѣ, новые крики не дали ему продолжать: толпа требовала слова для Феррари; напрасно Тарталья пробовалъ покрыть шумъ своимъ колеблющимся голосомъ, прося дать ему докончить и предоставляя потомъ противнику полную свободу отвѣчать: онъ долженъ былъ уступить очередь Феррари. Этотъ по поводу механической задачи, повидимому, неправильно рѣшенной Тартальей, пустился въ такія длинныя и оковыя разсужденія, что время затянулось до обѣденной поры, и церковь быстро опустѣла. По началу Тарталья могъ ожидать отъ продолженія диспута всего худшаго, не исключая и смерти отъ кинжала наемнаго убійцы; такой непривычный для насъ финалъ научнаго спора не былъ рѣдкостью въ то бурное время. Какъ бы то ни было, Тарталья немедленно покинулъ Миланъ и этимъ далъ своимъ противникамъ поводъ считать себя побѣдителями“...

Вотъ среди какихъ бурныхъ обстоятельствъ зарождались принципы новой математики. Общее — алгебраическое — рѣшеніе уравненій различныхъ степеней вводило математиковъ все въ новыя и новыя области, приближавшія ихъ къ исчисленію бесконечно-малыхъ. Мы не имѣемъ возможности останавливаться здѣсь на всѣхъ тѣхъ математическихъ завоеваніяхъ, которые были произведены математиками въ процессѣ изслѣдованія уравненій различныхъ степеней. Для насъ достаточно будетъ указать, что въ этомъ процессѣ были выработаны тѣ способы обозначе-

нія и тѣ алгебраическіе знаки, при помощи которыхъ находить такое простое выраженіе современная математическая мысль. Достаточно сказать, что всего лишь въ началѣ XVII столѣтія были введены въ алгебраическое употребленіе знаки равенства, знаки дѣйствій (плюсъ, минусъ и т. д.), скобки. Все это привело къ тому, что въ концѣ XVII вѣка Ньютонъ могъ уже говорить о настоящемъ алгебраическомъ языкѣ. „Особенное превосходство алгебры“, — заявляетъ онъ въ своей замѣчательной „*Arithmeticae universalis*“, — „состоитъ въ томъ, что, между тѣмъ, какъ въ ариметикѣ вопросы рѣшаются путемъ перехода отъ данныхъ величинъ къ искомымъ, — алгебра слѣдуетъ обратному порядку — отъ количествъ искомымъ, разсматриваемымъ, какъ данныя, къ количествамъ даннымъ, какъ будто они были искомыми, съ цѣлью придти такъ или иначе къ заключенію или уравненію, изъ котораго можно было бы искомыя опредѣлить... Чтобы привести вопросы къ уравненію, нужно дать

Декартъ.

обозначенія какъ извѣстнымъ, такъ и неизвѣстнымъ количествамъ, насколько того требуетъ данный случай, и выразить смыслъ вопроса аналитическимъ языкомъ, если можно такъ выразиться. Условія вопроса, выраженныя такимъ образомъ алгебраически, дадутъ столько уравненій, сколько нужно для его рѣшеній... Вы видите отсюда, что для рѣшенія вопросовъ, которые относятся къ числамъ или отвлеченнымъ отношеніямъ величинъ, требуется только *перевести* задачу съ англійскаго или другого языка, на которомъ она предложена, на языкъ *алгебраическій*, т. е. на языкъ знаковъ, способный выражать наши понятія о соотношеніяхъ величинъ... Этотъ достаточно гибкій уже алгебраическій языкъ, усовершенствованный такими выдающимися умами, какъ Виѣтъ и особенно Ферма и гениальный Декартъ, былъ приложенъ этимъ послѣднимъ къ тѣмъ математическимъ идеямъ, которыя заключаетъ въ себѣ геометрія... „Всѣ геометрическія задачи“, — заявилъ Декартъ въ одномъ изъ безсмертныхъ своихъ произведеній, — „легко приводятся къ такому выраженію, при которомъ для ихъ построенія достаточно знать длину нѣсколькихъ линій... И какъ вся ариметика состоитъ только изъ четырехъ или пяти дѣйствій: сложенія, вычитанія, умноженія, дѣленія и извлеченія корней, такъ и въ геометріи ничего не приходится дѣлать, какъ складывать линіи и вычитать, или, взявъ одну произвольной длины прямую за единицу, производить умноженіе, дѣленіе, извлеченіе корней надъ линіями, какъ надъ числами... И я нисколько не опасаясь вводить эти ариметическіе термины въ геометрію, чтобы сдѣлать изложеніе болѣе понятнымъ... Такимъ образомъ, — говоритъ онъ въ заключеніе, — чтобы рѣшить какую-нибудь задачу, нужно сначала считать ее какъ бы рѣшенной и обозначить буквами всѣ какъ данныя, такъ и искомыя линіи. Затѣмъ, не дѣлая никакого различенія между данными и искомыми линіями, замѣтить зависимость между ними такъ, чтобы получить два выраженія для одной и той же величины; это и приводитъ къ уравненію, служащему для рѣшенія задачи, ибо можно приравнять одно выраженіе другому“. Таковы были основныя идеи, положившія начало одной изъ плодотворнѣйшихъ вѣтвей математическаго знанія — аналитической геометріи, выражающей всѣ геометрическія заданія при помощи алгебраическихъ уравненій. Для насъ здѣсь особенно важно то, что этими уравне-

ніями, въ которыя облакались геометрическія воззрѣнія, перекидывался прочный мостъ отъ чиселъ раздѣльныхъ къ числамъ сплошнымъ, наносился серьезный ударъ старому аристотелевскому предразсудку. Мы видимъ, слѣдовательно, какой огромный шагъ въ аналитической геометрии былъ сдѣланъ по направленію къ зарождавшемуся дифференціальному и интегральному исчисленію...

Это движеніе къ изобрѣтенію новаго математическаго метода укрѣплялось еще благодаря цѣлому ряду новыхъ открытій относительно природы математическихъ величинъ. Рѣшеніе уравненій высшихъ степеней привело къ крайнему усложненію вычисленій. Стремленіе упростить эти вычисленія привело къ изслѣдованію безконечныхъ рядовъ, которое на-

Ньютонъ.

шло свое завершеніе въ знаменитомъ бинѣ Ньютонъ, украшающемъ гробницу великаго математика. Составленіе и усовершенствованіе логарифмическихъ таблицъ Бюрги, Неперомъ, Бриггсомъ также оказали незамѣнимыя услуги въ сложныхъ математическихъ вычисленіяхъ. Логарифмы же, какъ и безконечные ряды, въ свою очередь, содѣйствовали все болѣе глубокому усвоенію той мысли, что число не представляетъ собою чего то застывшаго, а, напротивъ, обладаетъ гибкой пластической природой; что если оно способно измѣняться скачками, то эти скачки, эти переходы могутъ дѣлаться все меньше и меньше, подобно тому, какъ въ періодической дроби продолженіе ея со всякой цифрой измѣняется все меньшими и меньшими порціями. Ученіе о безконечныхъ рядахъ, представляющихъ данную величину при помощи все уменьшающихся слагаемыхъ, способствовало въ то же время и выработкѣ идеи о безконечно-малой величинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сумма членовъ безконеч-

наго ряда можетъ приблизиться къ величинѣ, которую она выражаетъ, такъ, что разница между этой суммой и данной величиной можетъ сдѣлаться меньше любой заданной величины, т. е. эта разница можетъ быть представлена безконечно-малой величиной (прекрасной иллюстраціей сказаннаго можетъ служить періодическая дробь $0,999\dots$ въ ея стремленіи приблизиться къ единичѣ).

Такъ были установлены основныя понятія новаго математическаго метода исчисленія безконечно-малыхъ. Запросъ со стороны самыхъ разнообразныхъ научныхъ доктринъ на этотъ методъ былъ очень великъ, а потому неудивительно, что разработка его начинается производиться самымъ энергичнымъ образомъ въ различныхъ углахъ культурнаго міра того времени. „Въ Германіи, Швейцаріи, Италіи, Франціи, Нидерландахъ, Англіи частью послѣдовательно, частью одновременно ведутся изслѣдованія, идущія къ одной цѣли, руководимыя одной общей потребностью, скорѣе чувствуемой, чѣмъ сознаваемой. Общее направленіе отдѣльныхъ работъ поражаетъ неожиданными совпаденіями результатовъ изслѣдованій, начатыхъ на двухъ концахъ Европы; пути, по которымъ развивается содержаніе науки,

Іоаннъ Кеплеръ.

перекрещиваются, уклоняются подъ взаимнымъ влияніемъ, переплетаются въ сложную сѣть, въ которой трудно различить долю участія отдѣльныхъ народностей, а тѣмъ болѣе личностей, въ общей работѣ. Сознаніе великаго значенія ея вызываетъ между научными дѣятелями безконечно ожесточенные споры о приоритетѣ открытій, подрываемые національнымъ тщеславіемъ. И теперь еще историки открытій анализа безконечно-малыхъ берутъ на себя неблагодарную роль судебныхъ слѣдователей, собираютъ документы, заподозрѣваютъ въ нихъ фальсификаціи и подчистки, сводятъ на очную ставку свидѣтельство за и противъ инкриминуемаго лица, чтобы обличить его въ незаконномъ присвоеніи чужой научной собственности. Но даже бѣглый разборъ развитія ана-

лиза безконечно-малыхъ способенъ обнаружить всю нищету этой казуистической работы. Великая реформа математики въ XVII в., какъ и всякая другая, складывалась постепенно столько же незамѣтными усиліями безвѣстныхъ тружениковъ мысли, какъ и великими созданіями ея геніальнѣйшихъ представителей. Отдѣльные шаги на пути развитія часто были поразительно схожи, приемы, изобрѣтенные совершенно независимо одинъ отъ другого, почти совершенно тождественны; только внѣшнее выраженіе, символика анализа безконечно-малыхъ могла быть собственностью того или другого ученаго, главныя черты метода были плодомъ всей научной дѣятельности о XVII вѣка и завершеніемъ работы многихъ столѣтій“.

Тѣмъ не менѣе, въ этой общей работѣ является полная возможность намѣтить рядъ наиболѣе выдающихся именъ, оказавшихъ дѣлу развитія новаго математическаго метода наибольшія услуги. На первомъ мѣстѣ здѣсь приходится поставить имя знаменитаго астронома Кеплера. Онъ подошелъ, какъ это часто бываетъ на первыхъ стадіяхъ развитія каждой науки, не къ самой легкой, а къ самой трудной изъ ея задачъ. Именно, онъ занялся вопросами о томъ, какимъ образомъ, зная безконечно-малые

элементы какого-нибудь тѣла, можно найти его объемъ и форму, т. е. произвести сложение (суммирование) бесконечно-большого количества бесконечно-малыхъ его элементовъ. Такимъ образомъ, Кеплеръ смѣло вторгся въ ту область исчисления бесконечно-малыхъ, которая впоследствии получила названіе интегральнаго счисления. Повидимому, въ значительной степени подъ влияніемъ этой работы Кеплера, была вскоре написана работа Кавальери — „Методъ недѣлимыхъ“, ярко освѣтившая многія стороны новаго ученія. Кавальери, родившійся въ Миланѣ въ 1591 г. и умершій профессоромъ математики въ Болоньѣ, былъ ученикомъ Галилея, также немало потрудившагося надъ новой математической наукой. Далѣе, ярко выделяется имя знаменитаго Паскаля, рѣшившаго при помощи новаго математическаго метода труднѣйшія геометрическія задачи. Этотъ ученый выступаетъ, между прочимъ, съ горячей защитой новыхъ математическихъ воззрѣній, показывая тѣмъ самымъ, что новое математическое движеніе встрѣчало энергичное сопротивленіе со стороны многихъ математиковъ того времени. „Все, что доказано вѣрно понятымъ методомъ недѣлимыхъ“, — говоритъ Паскаль, — „можетъ быть доказано строго и способомъ древнихъ; одинъ отъ другого отличается лишь внѣшними выраженіями идеи, что не можетъ отталкивать разсудительныхъ людей, когда ихъ предупредили, какъ надо понимать эти выраженія“...

Всѣ эти работы, во главѣ которыхъ стояли упомянутые ученые, подготовили до извѣстной степени рѣшеніе, данное Декартомъ, основного вопроса счисления бесконечно-малыхъ, — вопроса о скорости измѣненія функціи. Для того, чтобы хоть сколько-нибудь оцѣнить значеніе этой задачи, намъ приходится сдѣлать небольшое отступленіе и показать мѣсто математики въ ряду научныхъ дисциплинъ, разработанныхъ человѣчествомъ. Въ интересахъ правильнаго пониманія математики, по мнѣнію Лоренца, особенный интересъ представляетъ классификація наукъ, данная знаменитымъ философомъ Кантомъ.

Галилей.

„Въ своей „іерархіи наукъ“ Кантъ дѣлитъ ихъ на двѣ группы: конкретныя и абстрактныя науки. Первые берутъ объектъ изученія такимъ, каковъ онъ въ дѣйствительности. Такъ, минералогія имѣетъ дѣло лишь съ тѣми минералами, которые дѣйствительно встрѣчаются въ природѣ; исторія изучаетъ явленія жизни народовъ въ той обстановкѣ, при тѣхъ условіяхъ, которыя дѣйствительно имѣли мѣсто. Абстрактныя науки изслѣдуютъ отношенія между свойствами изучаемаго объекта и условіями его существованія независимо отъ того, имѣются ли эти условія, да и самый объектъ, въ дѣйствительномъ мірѣ; здѣсь мы можемъ сами творить эти объекты изученія и ставить ихъ въ зависимость отъ тѣхъ или другихъ, нами же скомбинированныхъ условій, съ цѣлью опредѣлить законы этой зависимости. Такъ, химикъ, разложивъ минераль на составныя части, изучаетъ свойства полученныхъ элементовъ при такихъ условіяхъ опыта, которыя, быть можетъ, никогда не осуществляютъ въ природѣ; онъ можетъ предсказать свойства веществъ, еще не открытыхъ, и самый фактъ открытія интересуетъ химика лишь, какъ повѣрка его выводовъ... „Отвлекаясь отъ того разнообразія условій, отъ той сложности обстановки, при которой изучаемый фактъ является въ дѣйствительности, ставя

явленіе въ упрощенную нами обстановку, мы упрощаемъ и свойства самаго явленія; отсюда возможность тщательно изучить зависимость этихъ свойствъ отъ каждаго изъ выбранныхъ условий. Такимъ образомъ, конкретное явленіе, становясь объектомъ абстрактной науки, теряетъ свои частныя индивидуальныя черты, и мы изучаемъ идеализированный, схематическій типъ явленія, отвлеченный нами отъ его конкретныхъ выраженій, встречаемыхъ въ дѣйствительности.

„Чѣмъ больше число условий, отъ которыхъ мы отвлечемся, тѣмъ малочисленнѣе будутъ факторы явленія... Изъ всѣхъ абстрактныхъ наукъ въ наименьшей степени обладаетъ этими свойствами та обширная группа, которая въ системѣ Конта фигурируетъ подъ общимъ именемъ „спеціальной физики“. Изслѣдуя законы жизни человѣка, какъ члена общества, имѣя дѣло съ явленіями наиболѣе сложными, она начинается собою контовскую лѣстницу абстрактныхъ наукъ, представляя первую, наинизшую ступень отвлеченія“... Отвлекаясь отъ всего, что связано съ общественной жизнью человѣка, и изучая его, какъ извѣстнымъ образомъ организованный типъ, мы придемъ къ слѣдующей ступени абстрактныхъ наукъ — антропологии въ широкомъ смыслѣ этого слова (т. е. включая сюда фізіологію и психологію). За антропологіей слѣдуетъ біологія, за біологіей — физика и химія, изучающія болѣе общіе законы взаимодѣйствія тѣлъ и ихъ частицъ.

„Схематическій типъ, основа всякаго явленія, есть движеніе, — движеніе извѣстныхъ массъ подъ дѣйствіемъ нѣкоторыхъ силъ. Отвлекаясь отъ частныхъ признаковъ тѣхъ или другихъ силъ, разсматриваемыхъ въ физикѣ и химіи, изучая общіе законы движенія, подъ дѣйствіемъ какихъ бы то ни было силъ, мы вступаемъ въ область механики пятой ступени абстракціи. Такъ какъ движеніе есть измѣненіе протяженія съ теченіемъ времени, то элементарныя понятія, съ которыми имѣетъ дѣло механика, суть: протяженіе, время, масса и сила.

„Изъ этихъ элементарныхъ основъ всякаго явленія отвлечемся отъ всѣхъ, кромѣ первой, т. е. будемъ изучать только свойства протяженія. Законы пространственныхъ отношеній составляютъ содержаніе шестой абстрактной науки — геометріи. Остается еще одинъ шагъ на пути отвлеченія, и мы поднимемся на послѣднюю ступень схематической лѣстницы абстрактныхъ наукъ. Съ какими бы элементарными объектами изученія мы ни имѣли дѣло, — будетъ ли это сила или протяженіе, масса или время, — мы можемъ, отвлекаясь отъ различающихъ ихъ признаковъ, выдѣлить одно общее ихъ свойство; это свойство измѣняться, увеличиваясь или уменьшаясь, свойство, въ силу котораго мы называемъ ихъ величинами. Самая общая изъ абстрактныхъ наукъ и будетъ наука о величинахъ — математика“.

Итакъ, математика наука объ измѣненіи величинъ: это опредѣленіе за 150 лѣтъ еще до Конта далъ знаменитый философъ и математикъ Лейбницъ. Но какихъ измѣненій? Очевидно, не всякихъ, не произвольныхъ, такъ какъ иначе невозможно было бы ввести никакихъ законовъ, и математика не была бы наукой. Измѣненія величинъ, которыя изучаетъ математика, должны, такимъ образомъ, быть закономѣрны, и открытіе этой закономерности, этихъ законовъ, указывающихъ, какъ одна величина измѣняется въ зависимости отъ другой, и должно составлять главное содержаніе математики. Въ каждомъ математическомъ вопросѣ мы можемъ выдѣлить величину или группу величинъ, которыя мы будемъ измѣнять произвольно. Тогда задача наша сведется къ рѣшенію вопроса

о томъ, какъ будутъ измѣняться остальные величины, входящія въ нашъ вопросъ. Тѣ величины, которыя мы измѣняемъ по произволу были названы независимыми переменными или аргументами, а тѣ величины, измѣненія которыхъ мы разсматриваемъ въ зависимости отъ аргументовъ, называются переменными зависимыми или функциями. Установить зависимость между функцией и аргументомъ, значитъ рѣшить задачу. Возьмемъ примѣръ. „Извѣстно, что объемъ данной массы газа зависитъ отъ давленія, подъ которымъ газъ находится; всякое произвольное измѣненіе давленія вызоветъ соотвѣтственное измѣненіе объема; мы говоримъ, что объемъ газа есть функція давленія, подъ которымъ находится газъ; каждой определенной величинѣ, которую мы дадимъ давленію, будетъ соотвѣтствовать определенная величина объема. При этомъ закономъ функціональной зависимости объема отъ давленія будетъ извѣстный законъ Маріотта: объемъ данной массы газа обратно пропорціоналенъ вѣшнему давленію. Обозначивъ давленіе черезъ p , а соотвѣтствующій объемъ черезъ v , можемъ выразить функціональную зависимость v отъ p символически: уравне-

ніемъ $v = \frac{c}{p}$, гдѣ c есть объемъ газа при $p = 1$. Эта формула даетъ возможность для каждой, произвольно назначенной величины переменнаго (p) вычислить соотвѣтственное значеніе функціи (v); такъ, при $p = 2$, $v = \frac{1}{2}$, при $p = 3$, $v = \frac{1}{3}$, при $p = \frac{1}{4}$, $v = 4$ литрамъ и т. д., если принять, что c равно единицѣ объема — литру. По самымъ условіямъ задачи предполагается, что температура при всѣхъ измѣненіяхъ давленія поддерживается на одной высотѣ, — это величина постоянная. Если бы мы произвольно измѣняли не только давленіе, но и температуру газа, то объемъ измѣнялся бы по болѣе сложному закону, былъ бы функціей двухъ независимыхъ переменныхъ: давленія (p) и температуры (t); не опредѣляя ближе закона этой функціональной зависимости, мы могли бы выразить ее такимъ символическимъ обозначеніемъ: $v = F(p, t)$, т. е. v есть нѣкоторая функція отъ p и t . Въ этомъ смыслѣ стоимость купленного товара есть функція двухъ независимыхъ переменныхъ его количества и цѣны; площадь круга есть функція одного переменнаго — радіуса; величина дроби есть функція числителя и знаменателя, т. е., двухъ независимыхъ переменныхъ; разстояніе, пройденное падающимъ тѣломъ, есть функція времени, протекашаго отъ начала паденія; сумма есть функція ея слагаемыхъ и, наконецъ, всякое математическое выраженіе есть функція всѣхъ входящихъ въ него переменныхъ“...

Новый методъ стремился выяснитъ множество функціональных зависимостей, выражая въ уравненіяхъ тѣ зависимости, которыя должны существовать между безконечно малыми элементами аргументовъ и функцій. Масса такихъ функцій была разучена ко времени Декарта, который, какъ сказано, показалъ способъ, позволяющій узнать, какъ быстро измѣняется при различныхъ условіяхъ функція, если для нея написано уравненіе. Для освѣщенія этого въ высшей степени важнаго для математики вопроса очень много сдѣлалъ также современникъ Декарта Ферма. Въ 1638 году онъ прислалъ Декарту рукопись, въ которой изслѣдуетъ вопросъ огромной важности — о максимальныхъ и минимальныхъ величинахъ, т. е., показываетъ, какъ можно выяснитъ тѣ условія, при которыхъ данная функція будетъ имѣть наибольшее или наименьшее значеніе.

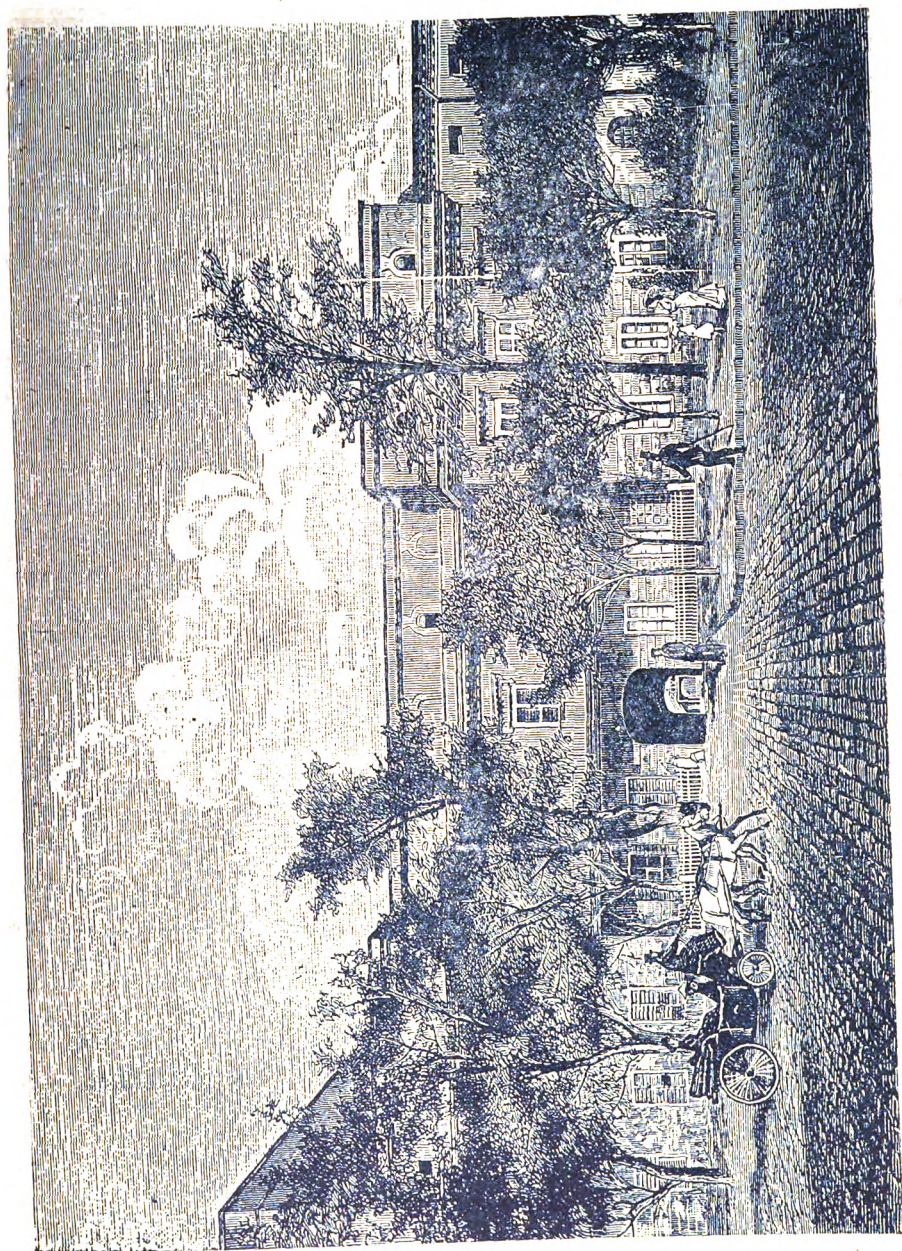
Цѣлый рядъ ученыхъ (Барроу, Роберваль, Ньютонъ, Гюйгенсъ) быстро разрабатываютъ множество вопросовъ дифференціального

и интегральнаго исчисленія, какъ теперь стали называть два главныхъ отдѣла исчисленія безконечно малыхъ. Наконецъ, въ работахъ Лейбница (1646—1716 г.) были установлены не только всѣ знаки новаго математическаго метода, но и всѣ главнѣйшіе приемы дифференцированія и интегрированія почти въ томъ видѣ, какъ они вошли въ современные курсы высшей математики. Дѣло Лейбница было подхвачено талантливымъ базельскимъ профессоромъ Яковомъ Бернулли (1654—1705 г.) и его братомъ Иваномъ Бернулли, приложившими основанія новаго

К.-ф. Гауссъ.

метода къ рѣшенію множества труднѣйшихъ задачъ. Величайшія открытія относительно свойствъ функцій были сдѣланы затѣмъ Эйлеромъ, ученикомъ Лейбница. Какъ много было сдѣлано этимъ ученымъ для высшаго анализа, показываетъ то обстоятельство, что цѣлый рядъ приемовъ по интегральному исчисленію носитъ названіе эйлеровскихъ интеграловъ. Онъ далѣе положилъ начало новой математической науки, разработанной впоследствии Лагранжемъ, — варіаціоннаго исчисленія. Чисто математическій анализъ подвинулся такъ далеко, что предоставилъ Лагранжу

Домъ, въ которомъ жилъ Пушкинъ въ Одессѣ въ 1823 году.

возможность аналитически изложить всю механику. Чтобы выяснитъ сущность „Аналитической механики“ Лагранжа (1788 г.), приведемъ слѣдующія строки изъ его предисловія къ этому замѣчательному труду. „Существуетъ“, — говоритъ онъ, — „уже много трактатовъ механики, но планъ этого — совершенно новый. Я предположилъ свести всю теорію этой науки и способы рѣшенія ея задачъ къ общимъ формуламъ, простое развитіе которыхъ даетъ всѣ уравненія, необходимыя для рѣшенія каждаго вопроса... Чертежей въ этомъ трудѣ нѣтъ. Методъ, который я излагаю, не нуждается ни въ построеніяхъ, ни въ разсужденіяхъ геометрическихъ или механическихъ, а лишь въ алгебраическихъ, операціяхъ“...

Чѣмъ дальше шло развитіе высшаго анализа, тѣмъ все настойчивѣе и настойчивѣе становилась потребность распространить сложное и плодотворное ученіе о функціяхъ и на мнимыя величины. Всякій, кто знакомъ хоть нѣсколько съ элементарной алгеброй, знаетъ, что подъ именемъ мнимаго количества подразумѣвается квадратный корень изъ отрицательнаго числа. Самое названіе „мнимое“ для количествъ этого рода опредѣляется тѣмъ, что квадратный корень не можетъ быть извлеченъ изъ отрицательныхъ чиселъ. Рѣшеніе множества математическихъ вопросовъ упиралось въ мнимыя количества, справиться съ которыми математики не могли до тѣхъ поръ, пока теорія функцій въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ не была распространена и на мнимыя количества. Эту въ высшей степени важную для дальнѣйшаго развитія науки работу и произвели въ началѣ XIX столѣтія Гауссъ (1777—1855), профессоръ геттингенскаго университета, сдѣлавшій чрезвычайно много для приложенія математическаго анализа къ магнетизму и электричеству, и Коши (1789—1857), профессоръ политехнической школы въ Парижѣ. Эти ученые обобщили понятія о дѣйствительномъ и мнимомъ числѣ въ понятія о числѣ комплексномъ. Теорія функцій комплекснаго переменнаго много обязана своими успѣхами Риману, профессору геттингенскаго университета (1826—1868) и ученику Гаусса. Ученіе о функціяхъ въ рукахъ Римана получило самую обобщенную форму, какаѣ только дана до настоящаго времени. Такое высшее обобщеніе было достигнуто Риманомъ благодаря введенію новаго понятія „многообразія“. „Это, — объясняетъ Лоренцъ, — совокупность, система какихъ бы то ни было элементовъ, каждый изъ которыхъ опредѣляется извѣстнымъ числомъ указаній; такъ, совокупность музыкальныхъ звуковъ есть многообразіе, каждый элементъ котораго опредѣляется полною тріадою указаніями (многообразіе трехъ измѣреній) высоты, силы и тембра намѣченнаго звука; совокупность точекъ плоскости есть многообразіе двухъ измѣреній; рядъ дѣйствительныхъ чиселъ — одного измѣренія. Отсюда — стремленіе различныя отрасли математическихъ наукъ понимать, какъ отдѣлы общей теоріи многообразій“... Безъ серьезной математической подготовки, правда, трудно, какъ слѣдуетъ понять эту идею, и мы привели данную цитату только для того, чтобы дать возможность почувствовать читателю то новое математическое теченіе, которое въ настоящее время только устанавливается, но обѣщаетъ открыть въ изслѣдованіи внѣшняго міра новую блестящую главу.

О тѣхъ возможностяхъ, которыя ожидаютъ человѣчество въ этомъ направленіи, нѣкоторыя представленія могутъ дать идеи Лобачевскаго, положившаго въ основу своихъ геометрическихъ представленій ученіе о многообразіи, выдвинутое Риманомъ. Одинъ изъ величайшихъ философовъ — Кантъ и одинъ изъ величайшихъ физиковъ — Гельмгольцъ произвели рядъ глубокихъ изслѣдованій о природѣ пространства. Они уста-

новили два различныхъ взгляда на наши представленія о пространствѣ; но оба эти различныхъ воззрѣнія, о которыхъ здѣсь мы не имѣемъ возможности говорить, имѣютъ между собой то общее, что связываютъ наши представленія съ природой нашего духа (Кантъ) или съ природой нашихъ органовъ чувствъ (Гельмгольцъ).

Извѣстно, что для измѣреній слишкомъ большихъ или слишкомъ малыхъ величинъ совершенно не годятся тѣ единицы, которыми мы пользуемся въ повседневной жизни. „Я сдѣлаю попытку“, — говоритъ Эйлеръ въ „Письмахъ къ нѣмецкой принцессѣ“, — „уяснить вашей свѣтлости истинное понятіе о величинѣ, разумѣя и самыя малыя и самыя большія протяженія, которыя мы находимъ въ мірѣ дѣйствительности. Прежде всего для этого необходимо выбрать какую-нибудь хорошо извѣстную намъ величину, напримѣръ, футъ. Эту разъ выбранную мѣру, мы всегда должны имѣть передъ своими глазами, она можетъ дать намъ ясное понятіе о всѣхъ величинахъ, какъ о самыхъ большихъ, такъ и о самыхъ малыхъ; относительно первыхъ возможно опредѣлить, сколько онѣ содержатъ въ себѣ футовъ, относительно вторыхъ, — какую часть фута онѣ составляютъ. Потому что, имѣя представленіе о футѣ, мы знаемъ и его половину, его четверть и двѣнадцатую часть, называемую дюймою; сотая и тысячная часть этой величины такъ малы, что ихъ трудно различить глазомъ. Однако, нужно принять во вниманіе, что существуютъ организмы

Анри Пуанкаре.

не болѣе такой величины, и между тѣмъ у послѣднихъ есть члены, въ нихъ течетъ кровь, и внутри ихъ живутъ еще организмы несравненно меньшіе, которые относятся къ нимъ, какъ они къ намъ. Такимъ образомъ, одна десяти-тысячная часть фута, недоступная нашему глазу, можетъ быть значительно больше цѣлаго организма, которому она казалась бы, если бы онъ могъ понимать, огромной величиной. Перейдемъ, однако, отъ этихъ малыхъ величинъ, въ которыхъ теряется умъ нашъ, къ очень большимъ величинамъ. Вашей свѣтлости извѣстна длина мили; отъ Берлина до Магдебурга 18 миль; милья заключаетъ въ себѣ 24.000 футовъ,

и ею пользуются для измѣренія значительныхъ разстояній на землѣ для того, чтобы избѣжать большихъ чиселъ, которыя получились бы при выраженіи ихъ помощью фута. Такимъ образомъ, когда говорятъ, что Магдебургъ отстоитъ отъ Берлина на 18 миль, то это вызываетъ болѣе ясное представленіе, чѣмъ выраженіе „на 430.000 футовъ“. Точно также получается болѣе точное представленіе о величинѣ всей земли, когда говорятъ, что окружность ея равняется 5.400 милямъ. Такъ какъ земля имѣетъ видъ шара, то діаметръ его равняется 1720 м.; это даетъ намъ вѣрное понятіе о діаметрѣ земли, которымъ пользуются для выраженія разстояній между небесными свѣтилами. Изъ тѣхъ небесныхъ ближайшее къ намъ луна; она отстоитъ отъ земли на 30 діаметровъ, что составляетъ 51.600 м. или же 1.238.400.000 ф., но 30 діаметровъ даютъ болѣе ясное представленіе о разстояніи... Еще болѣе наглядно выражается въ этой единицѣ, не находящей себѣ примѣненія въ нашей

повседневной жизни, разстояніе солнца отъ земли (9,000 діаметровъ). Но когда мы переходимъ къ неподвижнымъ звѣздамъ, то и эта единица перестаетъ говорить что-нибудь опредѣленное, и мы нуждаемся въ новой единицѣ — свѣтовомъ годѣ, т. е. разстоянія, которое пролетаетъ въ годъ лучъ свѣта (дѣлая, приблизительно, по 300,000 километровъ въ секунду).

Такимъ образомъ, для тѣхъ величинъ, которыя далеко выходятъ за предѣлы нашего повседневнаго опыта, совершенно не годятся обычные наши единицы измѣренія, но годятся ли при этихъ условіяхъ и обычные наши математическія представленія о пространствѣ, — вотъ вопросъ, который смѣло выдвинулъ нашъ замѣчательный математикъ Лобачевскій. „Исслѣдованія Лобачевского“, — говоритъ профессоръ Васильевъ, — „поставили философіи природы вопросъ о свойствахъ пространства: одинаковы ли эти свойства здѣсь и въ тѣхъ далекихъ мірахъ, откуда свѣтъ доходитъ до насъ въ сотни тысячъ, въ миллионы лѣтъ? Таковы ли эти свойства теперь, какими были, когда солнечная система формировалась изъ туманнаго пятна, и каковы они будутъ, когда міръ будетъ приближаться къ тому состоянію всюду равномерно разсѣянной энергіи, въ которомъ физики видятъ будущее міра?“ Съ другой стороны, наука все больше и больше сосредоточиваетъ свои силы надъ выясненіемъ тѣхъ процессовъ, которые происходятъ подъ вліяніемъ молекулярныхъ силъ. Какое огромное значеніе имѣетъ уже теперь математическій анализъ для изслѣдованій этого рода, покажетъ намъ слѣдующая цитата, взятая изъ предисловія извѣстнаго химика Яна къ его „Основамъ электрохиміи“. „И химики“, — говоритъ онъ, — „должны привыкнуть къ мысли, что теоретическая химія останется для нихъ книгою за семью печатами, разъ они не будутъ владѣть элементами высшаго анализа. Знаки дифференціала и интеграла не должны болѣе оставаться для химика непонятными гіероглифами... иначе онъ рискуетъ потерять всякое пониманіе развитія теоретической химіи. Было бы бесполезнымъ трудомъ стараться цѣлыми страницами обычнаго изложенія сдѣлать лишь наполовину яснымъ то, что посвященному уравненіе скажетъ въ одной строчкѣ“... Такимъ образомъ, математическій анализъ и въ этомъ направленіи далеко заходитъ за ту область, въ которой мы располагаемъ непосредственными показаніями нашихъ органовъ чувствъ. Слѣдовательно, и здѣсь передъ нами развѣтывается пространство, которое лежитъ внѣ нашего опыта. И это поле дѣйствія молекулярныхъ силъ, какъ и надзвѣздный міръ, по мнѣнію Лобачевского, въ значительной степени можетъ быть освѣщено совершенно новымъ свѣтомъ при помощи изслѣдованій, съ новой точки зрѣнія, — совершенно обособленной отъ той, съ которой со временъ Эвклида мы привыкли разсматривать окружающее пространство. Первую достаточно послѣдовательную и удачную попытку въ этомъ отношеніи и сдѣлалъ Лобачевскій, воспользовавшись, какъ сказано, работами Римана. Несомнѣнно, что и для всей геометріи, — а не только звѣздной и молекулярной, — изслѣдованія Лобачевского могутъ принести большую пользу, потому что, говоря словами профессора Цингера, они, „представляя собою обобщеніе геометрическихъ отношеній, могутъ указывать на такія зависимости и связи между предложеніями геометріи, подмѣтить которыя безъ ихъ помощи было-бы невозможно, и такимъ образомъ могутъ открывать новые пути для изслѣдованія о дѣйствительномъ пространствѣ“.

Лобачевскій въ настоящее время имѣетъ многочисленныхъ послѣдователей во всѣхъ странахъ культурнаго міра. Изъ нихъ пайбольшой

славой пользуются Бельтрами, Софусъ Ли и недавно скончавшійся Пуанкаре, двоюродный братъ нынѣшняго президента французской республики.

Итакъ, съ одной стороны, пролагается путь углубленія и усовершенствованія нашихъ геометрическихъ представленій: отъ Гаусса и Коши черезъ Римана къ Лобачевскому. Съ другой же стороны, и чисто алгебраическій анализъ сдѣлалъ колоссальные успѣхи за то же время. Здѣсь отъ тѣхъ же Гаусса и Коши мы переходимъ къ берлинскому профессору Вейерштрассу (1815—1897). Заслуга этого послѣдняго заключается главнымъ образомъ въ томъ, что крайне сложныя теоремы, разработанныя вышеупомянутыми учеными, а также Абелемъ и Якоби, онъ сумѣлъ обосновать на простыхъ и доступныхъ началахъ. Онъ указалъ на такія особенности въ непрерывности функцій, которые раньше ускользали отъ вниманія ученыхъ и позволили произвести переворотъ въ мате-

Софья Ковалевская.

матическомъ анализѣ. Въ своихъ математическихъ изслѣдованіяхъ Вейерштрассъ совершенно обошелся безъ содѣйствія геометрическаго метода и такимъ образомъ блистательно показалъ справедливость соображеній относительно полной самостоятельности анализа. Новыя приемы Вейерштрасса представляли могучія и вмѣстѣ съ тѣмъ до крайности простые средства для рѣшенія самыхъ сложныхъ вопросовъ. Однимъ изъ доказательствъ справедливости этого утвержденія является основная работа С. В. Ковалевской, которая, опираясь на методы Вейерштрасса, рѣшила блестящимъ образомъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ механики.

На томъ мы и закончимъ нашъ очеркъ развитія высшаго анализа, представляющаго въ жизни человѣчества совершенно

новую и блестящую страничку научныхъ завоеваній. Мы видѣли, что безпокойный человѣческій умъ въ самое послѣднее время открываетъ и въ этой области все новыя горизонты, манитъ въ неожиданно развѣтывающіяся новыя дали. И чѣмъ дальше идетъ человѣчество, тѣмъ грандіознѣе становятся задачи, ожидающія его въ этой области. Переходя теперь къ біографіямъ великихъ математиковъ, мы должны замѣтить, что составить компактную, исторически связанную группу въ данномъ случаѣ гораздо труднѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, какую роль въ исторіи математики сыгралъ Аристотель, но его біографію, какъ и Платона, нашла уже себѣ мѣсто въ исторіи древне-греческой философіи (т. IV). Мы видѣли также, какое колоссальное значеніе имѣли для математики Ньютонъ, Гюйгенсъ, Гельмгольцъ, но ихъ біографію читатель найдетъ среди знаме-

нитыхъ физиковъ и химиковъ (т. II), гдѣ имъ столь же по праву принадлежитъ мѣсто, какъ и среди великихъ математиковъ. Точно такъ же и въ избранной нами на этотъ разъ группѣ: Даламберъ, Лапласъ, Эйлеръ, Лобачевскій и С. В. Ковалевская въ достаточной степени связанныхъ хронологически, первому несомнѣнно можно было бы отвести мѣсто среди философовъ, а второму среди астрономовъ, съ такимъ же правомъ, какъ и среди математиковъ.

Л. Эйлеръ.

Эйлеръ.

(1707—1783).

14 апрѣля 1707 года у Павла Эйлера, пастора одного изъ крупнѣйшихъ швейцарскихъ городовъ—Базеля, родился сынъ Леонардъ, которому суждено было прославить родъ Эйлеровъ замѣчательными математическими открытіями. Родъ Эйлеровъ, особенно по матери, насчитывалъ цѣлый рядъ интеллигентныхъ людей, изъ которыхъ иные оставили болѣе или менѣе замѣтный слѣдъ въ наукѣ и литературѣ. Тихій въ то время и благочестивый Базель, какъ нельзя больше соответствовалъ сосредоточенному характеру молодого Леонарда, котораго отецъ также подгото-

взялъ къ духовному званію. Леонарду пришлось поэтому тщательно проштудировать философію и богословіе и заниматься прилежно восточными языками. Благодаря удивительной памяти, которой обладалъ юноша, всё эти занятія шли чрезвычайно легко и оставляли ему много свободного времени, которое молодой Леонардъ со страстью отдавалъ изученію математики, любимой своей наукѣ. Первымъ учителемъ его по математикѣ былъ его отецъ, который, однако, смотрѣлъ на эту науку, какъ на хорошее занятіе, способное заполнять досугъ, но не могущее дать кому бы то ни было обезпеченнаго заработка. Самъ Павелъ Эйлеръ былъ недурнымъ математикомъ, такъ какъ своимъ учителемъ онъ могъ считать знаменитаго математика Якова Бернулли, который былъ однимъ изъ друзей скромнаго пастора. Леонарду Эйлеру также посчастливилось имѣть учителемъ знаменитаго математика. Его математическіе успѣхи привлекли къ нему вниманіе Ивана Бернулли, вызвавшагося давать молодому человѣку уроки разъ въ недѣлю. Эти уроки очень сблизили Леонарда Эйлера съ семействомъ Бернулли, онъ крѣпко сдружился съ молодыми Николаемъ и Даниломъ Бернулли, также выдающимися математиками.

Научные интересы были настолько сильны у молодого Эйлера, что вопросъ о пасторской карьерѣ былъ вскорѣ оставленъ, и Эйлеръ рѣшилъ поступить въ Базельскій университетъ. Конечно, онъ хотѣлъ бы выбрать для себя математическій факультетъ. Но вотъ горе: въ Швейцаріи того времени, дѣйствительно, почти не было спроса на научный трудъ. Эйлеру невольно приходилось прислушиваться къ совѣтамъ своихъ молодыхъ друзей: Бернулли, которые въ то время уѣхали въ Россію, писали ему, что и онъ могъ бы устроиться въ Россіи, но только въ качествѣ врача. Эйлеръ выбралъ поэтому для себя медицинскій факультетъ.

Но, какъ раньше, занятія богословіемъ и философіей не помѣшали Эйлеру изучать математику, такъ и теперь медицинскія науки не могли отвлечь его отъ математическихъ изслѣдованій. Въ 1727 г.,—двадцати лѣтъ отъ роду,—онъ написалъ диссертацию о происхожденіи и распространеніи звука, въ которой ему пришлось широко воспользоваться своими математическими познаніями. Выборъ же темы обусловливался тѣмъ, что молодой Эйлеръ надѣялся получить въ Базельскомъ университетѣ каяедру по физикѣ. Въ силу этихъ же соображеній Эйлеръ усиленно начинаетъ изучать вопросы мореплаванія, тѣмъ болѣе, что въ то время какъ разъ парижская академія назначила премію за изслѣдованіе о корабельныхъ мачтахъ.

Несмотря на нѣсколько очень удачныхъ самостоятельныхъ работъ по математикѣ, молодой Эйлеръ не могъ получить мѣста въ Базелѣ ни въ профессурѣ, ни въ магистратурѣ, и въ 1727 году онъ, по совѣту братьевъ Бернулли, уѣзжаетъ въ Петербургъ, молодую столицу, въ которой въ царствованіе Екатерины I была открыта академія наукъ. Крѣпко сложенный, хотя неуклюжій и достаточно грузный, Эйлеръ довольно легко сдѣлалъ свой крайне трудный въ то время путь отъ Базеля до Петербурга.

Въ 1730 году двадцатитрехлѣтній Эйлеръ занялъ въ Петербургѣ мѣсто профессора физики, а черезъ три года послѣ этого получилъ каяедру математики. Въмѣстѣ съ тѣмъ, съ самаго момента прибытія въ Петербургъ, онъ былъ назначенъ членомъ математической секціи академіи. Такимъ образомъ, съ первыхъ же шаговъ въ Россіи Эйлеръ попалъ на

ту самую дорогу, на которую увлекалъ его природный талантъ. Эйлеръ съ неудержимой страстью набросился на математическія изслѣдованія, изумляя академиковъ и своимъ прилежаніемъ, и количествомъ цѣнныхъ математическихъ работъ, которыми онъ буквально заваливалъ академію. Насколько онъ былъ неукротимъ въ своихъ математическихъ работахъ, показываетъ слѣдующій случай. Въ 1735 г. правительству понадобилось, въ связи съ какими-то предпріятіями, произвести рядъ сложныхъ и обширныхъ вычисленій. Академики заявили, что для исполненія этого требованія, предъявленнаго имъ, понадобится нѣсколько мѣсяцевъ, но Эйлеръ занончилъ ихъ... въ три дня! Правда, это колоссальное напряженіе умственныхъ силъ не обошлось Эйлеру даромъ: онъ заболѣлъ воспаленіемъ мозга и подъ вліяніемъ этой болѣзни лишился одного глаза. Но едва оправился онъ отъ болѣзни, какъ съ прежней энергіей, не обращая вниманія на предупрежденія врачей о необходимости беречь оставшіяся глаза, набросился на работу.

Занятый своими математическими изслѣдованіями, Эйлеръ всегда и упорно стоялъ въ сторонѣ отъ политической жизни. Эта удаленность великаго математика отнюдь не обуславливалась узостью его духовныхъ интересовъ или его необщительностью. Правда, онъ рѣдко бывалъ въ гостяхъ и большею частью проводилъ время за письменнымъ столомъ, но это объяснялось исключительно огромнымъ количествомъ работъ, взваленныхъ имъ на себя, такъ какъ въ дѣйствительности онъ былъ веселаго и общительнаго нрава. Главнымъ его развлеченіемъ было посѣщеніе театра маріонетокъ, и чѣмъ нелѣпѣе была сцена, тѣмъ веселѣе раздавался хохотъ Эйлера. Но мозгъ Эйлера, очевидно, несмотря на свою колоссальную работоспособность, чувствовалъ временами потребность въ возможно полномъ отдыхѣ, который ему и давало шутство маріонетокъ. Въ дѣйствительности же, въ свободныя минуты Эйлеръ съ увлеченіемъ отдавался музыкѣ, которую хорошо зналъ и понималъ. Насколько широки были его умственные интересы, можно судить по тому, что уже въ ранней молодости онъ былъ хорошимъ знатокомъ философіи. По крайней мѣрѣ, еще въ 1723 году онъ произнесъ рѣчь о сравненіи философіи Ньютона съ воззрѣніями Декарта, и за эту рѣчь получилъ свою первую ученую степень. Его замкнутости способствовали тѣ политическія условія, которыя воцарились вскорѣ послѣ пріѣзда Эйлера въ Россію. Не надо забывать, что то была эпоха временщиковъ, и, въ частности, бироновщины. Порядки, введенные въ это мрачное время, разогнали большую часть иностранцевъ, пріѣхавшихъ въ молодую петербургскую академію и внушили какой-то ужасъ кореннымъ жителямъ столицы. Эйлеръ не могъ не переживать тѣхъ же чувствъ. Когда математикъ въ послѣдствіи былъ представленъ королевѣ прусской, та шутливо замѣтила ему: „Однако, отчего это вы совсѣмъ не желаете со мною говорить?“ — „Государыня, — отвѣчалъ серьезно Эйлеръ, — простите, я отвѣкъ; я пріѣхалъ изъ страны, въ которой вѣшаютъ людей за одно слово“. Какъ ни любилъ Эйлеръ свою работу, онъ почувствовалъ, что въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя были поставлены тогда академики, онъ не въ состояніи продолжать ее, и началъ хлопотать о переводѣ на морскую службу, куда адмиралъ Сиверсъ готовъ былъ его принять съ распростертыми объятіями. Но Эйлеру все-таки не пришлось сдѣлаться морякомъ, такъ какъ въ 1740 г. правительствующій сенатъ поручилъ ему надзоръ за географическимъ департаментомъ, а въ 1741 году, по предложенію Фридриха Великаго, онъ переселился въ Берлинъ, хотя такое переселеніе для Эйлера

было крайне разорительнымъ. Эйлеръ женился въ 1733 году. Отъ этого брака у Эйлера было тринадцать дѣтей, изъ которыхъ, впрочемъ, въ живыхъ осталось только пятеро. Такимъ образомъ, Эйлеру, никогда не зарабатывавшему сколько-нибудь значительныхъ суммъ, приходилось дѣлать дальній и по тому времени крайне дорогой путь до Берлина. Къ тому же Эйлеръ прѣѣхалъ въ Пруссію какъ разъ въ тотъ моментъ, когда та вела дорогою стоявшую ей войну. Истощеніе государственнаго бюджета на войну, какъ всегда, крайне невыгодно отразилось на всѣхъ предпріятіяхъ культурнаго характера, въ томъ числѣ и на Берлинской академіи наукъ, куда Эйлеръ былъ приглашенъ. Кромѣ того, Фридрихъ, отличавшійся слишкомъ практическимъ направленіемъ ума, отводилъ лишь второстепенную роль „чистому математику“ Эйлеру и только по усиленнымъ просьбамъ близкихъ лицъ скупо увеличивалъ его скудный окладъ. Въ Берлинѣ Эйлеръ былъ назначенъ директоромъ математическаго отдѣленія академіи и свое вступленіе въ новую должность ознаменовалъ цѣлымъ рядомъ блестящихъ работъ. За время своего пребыванія въ Берлинѣ, Эйлеръ оказалъ очень значительную услугу королю Фридриху, подобравъ для него удачно очки, что въ то время было дѣломъ нелегкимъ.

Проживая въ Берлинѣ, Эйлеръ вмѣстѣ съ тѣмъ не прерывалъ своихъ сношеній и съ петербургской академіей наукъ, печатные „труды“ которой были наполнены попрежнему его мемуарами. Естественно поэтому, что когда Екатерина II рѣшила поднять Петербургскую академию на возможную высоту, она прежде всего вспомнила объ Эйлерѣ и согласилась на всѣ условія, которыя поставилъ этотъ послѣдній: Фридрихъ Великій, несмотря на свое не слишкомъ доброжелательное отношеніе къ великому математику, съ большою охотой далъ Эйлеру разрѣшеніе ѣхать въ Петербургъ, не отпустивъ однако его младшаго сына, талантливаго офицера-артиллериста. По пути въ Россію Эйлеръ, по приглашенію короля польскаго, пробылъ десять дней въ Варшавѣ, гдѣ ему были оказаны многочисленныя знаки уваженія.

Въ Петербургъ Эйлеры прибыли въ концѣ іюля 1766 года. На второй же день по своему прибытіи знаменитый академикъ вмѣстѣ со своими двумя старшими сыновьями представлялся императрицѣ, которая подарила ему 8.000 р. с. на покупку дома. Дѣло для Эйлера стало какъ будто налаживаться самымъ лучшимъ образомъ. Но судьба вскорѣ опять отъ него отвернулась: сбылось давнишнее предсказаніе врачей о возможности потерять второй глазъ. Увлеченный страстью къ математическимъ изслѣдованіямъ, Эйлеръ не хотѣлъ или, лучше сказать, не могъ беречь своего единственнаго глаза и очень быстро въ Петербургѣ ослѣпъ окончательно. Однако, благодаря необычайной его памяти и живости воображенія, онъ съ прежней энергіей продолжалъ выпускать свои произведенія одно за другимъ. Затѣмъ послѣдовало новое несчастье: сгорѣлъ его домъ. Правда, при этомъ пожарѣ не погибло ни одной его рукописи, но слѣпому старику пришлось перебираться въ новое помѣщеніе, съ которымъ онъ долженъ былъ теперь знакомиться ошупью. Но Эйлеръ былъ глубоко вѣрующимъ человѣкомъ и ко всѣмъ испытаніямъ судьбы относился съ необычайнымъ спокойствіемъ. „Богъ далъ, Богъ и взялъ“, говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ и погружался снова въ свои вычисленія. Наконецъ, еще одинъ ударъ судьбы долженъ былъ перенести слѣпой математикъ: въ 1766 году умерла его жена, съ которой онъ жилъ очень дружно. Слепой старикъ не могъ остаться безъ хозяйки, но, считая, что

хозяйкой дома должна быть непременно законная жена, онъ снова женился на сестрѣ своей жены, достаточно уже пожилой дѣвицѣ. На нѣкоторое время счастье было улыбаюсь великому ученому. По настоянію Екатерины II онъ подвергся операціи, при помощи которой была удалена катаракта. Эйлеръ снова увидѣлъ свѣтъ. Но онъ не могъ сопричисляться своему влеченію къ постоянной и усиленной работѣ. Благодаря этой работѣ, онъ снова и окончательно потерялъ свое зрѣніе. Эта болѣзнь и принесла ему много страданій передъ кончиной, которая послѣдовала 7 сентября 1783 года.

О заслугахъ Эйлера въ чистой математикѣ и объ эйлеровскихъ интегралахъ мы уже упомянули въ общемъ очеркѣ. Эти услуги развитію высшаго математическаго анализа колоссальны. Но мы знаемъ, что Эйлеръ, несмотря на пожирающую его страсть къ математикѣ, былъ разносторонне образованнымъ человѣкомъ. Онъ хорошо зналъ богословіе, философію, медицину, ботанику, химію, исторію, особенно исторію математики и многія произведенія изящной литературы (какъ говорятъ, онъ могъ безъ запинки прочитать наизусть всю Энеиду). Неудивительно поэтому, что онъ умѣлъ давать чрезвычайно интересныя изслѣдованія по множеству вопросовъ, къ которымъ можно было примѣнить математическій анализъ. Такъ, онъ получилъ парижскую премію за рѣшеніе труднаго вопроса о морскихъ приливахъ и отливахъ; онъ изложилъ чрезвычайно интересную теорію движеній планетъ и кометъ; онъ получилъ еще премію отъ французской академіи наукъ за гипотезу, объясняющую явленія магнетизма. Еще въ 1736 г. онъ написалъ великолѣпный трактатъ по аналитической механикѣ, въ которомъ высказано множество глубокихъ взглядовъ изъ области данной науки. Первымъ трудомъ, который продиктовалъ слѣпой Эйлеръ, были „Начала алгебры“, переведенныя на всѣ языки и поражающія отчетливостью и красотой мысли. Слѣпымъ (—какая иронія судьбы!—) онъ издалъ три большихъ тома по „Оптикѣ“, въ которой прилагаетъ математическій анализъ къ множеству свѣтовыхъ явленій. Онъ сдѣлалъ рядъ блестящихъ изслѣдованій, касавшихся движенія луны и Венеры. Онъ написалъ трактатъ о новой теоріи музыки, подвергъ математическому анализу вопросъ о колебаніи струнъ и распространеніи звука, далъ замѣчательную по глубинѣ и ясности теорію движенія жидкостей, былъ творцомъ науки мореплаванія. Мы видѣли, что онъ не чуждался и практической дѣятельности: таковы его были работы по подбору стеколъ для Фридриха, или наблюденія за исправностью водяныхъ насосовъ въ Санъ-Суси (въ имѣніи Фридриха Великаго), провѣрка различныхъ сложныхъ отчетовъ, отзывы по поводу разнообразныхъ финансовыхъ проектовъ. Онъ не чуждался и популяризаціи науки. Таковы были его письма къ нѣмецкой принцессѣ, въ которыхъ онъ затрагиваетъ въ общедоступной формѣ множество сложныхъ и трудныхъ вопросовъ, начиная геометріей и кончая богословіемъ и философіей. Какъ ученый, онъ отличался рѣдкимъ благородствомъ. Онъ не только никогда не скрывалъ своихъ работъ, хотя бы еще не доведенныхъ до конца, изъ страха, что у него будетъ похищенъ пріоритетъ, но всегда прилагалъ всѣ усилія, чтобы каждому, интересующемуся дѣломъ, возможно полнѣе и возможно яснѣе изложить занимавшія его идеи. Чрезвычайно любопытнымъ является отношеніе Эйлера къ Робину, ученому, который, не понявъ механическихъ теорій Эйлера, написалъ на эту работу въ высшей степени злостную и несправедливую критику. Когда Фридрихъ Великій спросилъ Эйлера, какое изъ сочиненій по артиллеріи онъ считаетъ лучшимъ, математикъ тотчасъ же назвалъ сочиненіе

этого Робина. Мало того, Эйлеръ вызвался самъ перевести это произведение съ англійскаго на нѣмецкій и дополнить его множествомъ примѣчаній. Примѣчанія эти оказались такой огромной цѣнности, что англичане нашли полезнымъ снова переводъ Эйлера перевести на англійскій.

Въ заключеніе приведемъ выдержку изъ біографіи Эйлера, написанной г-жею Литвиновой, выдержку, гдѣ авторъ проводитъ параллель между Эйлеромъ и Лапласомъ. „И Эйлеръ и Лапласъ“, — говоритъ она, — „оба были страстные математики, но Эйлеръ находился всегда въ рукахъ своей страсти, а Лапласъ владѣлъ ею. Мы видѣли, что Лапласъ умѣлъ себѣ создать обстановку, удобную для занятій. Эйлеръ же работалъ при всякихъ, даже самыхъ тягостныхъ условіяхъ жизни, часто ихъ даже не замѣчая. Оба эти ученые въ молодости отличались слабостью зрѣнія, но Лапласъ берегъ свои глаза и сохранилъ ихъ до глубокой старости, Эйлеръ же никогда о нихъ не заботился и ослѣпъ, ослѣпленный, можно сказать, своей страстью къ математикѣ. И Лапласъ, и Эйлеръ оба одинаково были не способны ни къ какой другой дѣятельности; неудачная политическая дѣятельность Лапласа служить доказательствомъ этого. Что касается Эйлера, то онъ больше всего на свѣтѣ дорожилъ возможностью заниматься одной наукой и никогда ни за что другое не брался. Лапласъ, погруженный въ размышленіе о движеніи небесныхъ тѣлъ, не выпускалъ изъ своихъ рукъ ключи отъ сахара. Эйлеръ же, потерявъ жену, съ которой прожилъ какъ нельзя болѣе мирно 42 года, тотчасъ женился на другой, потому что ему невыносимо было думать о житейскихъ мелочахъ. Лапласъ отъ природы былъ завистливъ, Эйлеру это чувство было какъ нельзя болѣе чуждо“.

Даламберъ.

Даламберъ.

(1717—1783).

17 ноября 1717 года на ступенях маленькой церкви Сентъ-Жанъ-Леронъ въ Парижѣ былъ найденъ крошечный только что родившійся младенецъ мужского пола. Подкинутый ребенокъ былъ крайне слабъ, и его едва отходили. Ребенокъ, названный при крещеніи Жаномъ Батистомъ Лерономъ, однако, не былъ отданъ въ домъ найденнышей, а пристроенъ въ деревнѣ у кормилицы. Полиція, очевидно, руководилась какими-то побочными соображеніями и не шла въ данномъ случаѣ обыч-

нымъ протореннымъ путемъ. Полицейскій комиссаръ, распорядившійся поступить подобнымъ образомъ съ найденнымъ ребенкомъ, не ошибся въ своихъ расчетахъ. Онъ очевидно хорошо зналъ, что ребенокъ этотъ принадлежалъ красивой дамѣ Тансенъ, занимавшей въ парижскомъ обществѣ видное положеніе, какъ извѣстная писательница и женщина, не стѣнявшаяся образомъ жизни. Однимъ изъ многочисленныхъ ея мужей былъ французскій генераль Детушъ, который въ этотъ моментъ по дѣламъ службы какъ разъ находился за границей. Тансенъ не желала имѣть дѣтей, и появленіе сына глубоко ее огорчило, но, какъ человекъ безпринципный и безнравственный, она, какъ мы видѣли, сумѣла простѣйшимъ способомъ избавиться отъ своихъ материнскихъ обязанностей.

Отецъ, по возвращеніи въ Парижъ, былъ пораженъ горемъ, узнавъ о судьбѣ своего сына. Благодаря дальновидному полицейскому комиссару, ему быстро удалось разыскать несчастнаго ребенка. Онъ все еще былъ крайне слабъ: руки висѣли, какъ плети, пальцы были тонки, какъ спицы. „Отецъ“, — рассказываетъ г-жа Сюаръ, — „взявъ его изъ деревни, отыскивалъ ему кормилицу въ городѣ, разъѣзжая по улицамъ Парижа съ своимъ чуть живымъ, спеленатымъ крошечнымъ сыномъ и усердно кутая его въ свой плащъ. Ни одна женщина не бралась его кормить, думая, что онъ готовъ сейчасъ испустить послѣднее дыханіе. Наконецъ, добрая госпожа Руссо сжалилась надъ отцомъ и надъ брошеннымъ матерью бѣднымъ маленькимъ существомъ; она согласилась взять его на свое попеченіе и общалась. убитому горемъ Детушу употребить всѣ старанія, чтобы сохранить жизнь его сыну. И ей удалось какъ нельзя лучше исполнить это обѣщаніе“.

Г-жа Руссо, пріютившая сына Детуша, была женою бѣднаго стекольщика. Такимъ образомъ, Даламберу выпала на долю суровая жизнь честныхъ тружениковъ, которые научили его открыто и мужественно относиться къ людямъ. Отецъ часто навѣщалъ своего сына у кормилицы, и очень радовался его живому характеру и быстро развивавшейся смелости.

Когда его сыну миновало четыре года, онъ устроилъ его въ хорошемъ пансіонѣ, и съ этихъ поръ началось серьезное ученіе Даламбера. Ребенокъ быстро обратилъ на себя вниманіе своими выдающимися способностями. Детушъ, изрѣдка навѣщавшій г-жу Тансенъ, которая успѣла уже замѣнить его другой привязанностью, уговорилъ какъ-то эту вѣроломную и безсердечную женщину навѣстить у кормилицы ихъ даровитаго ребенка, которому въ это время миновало семь лѣтъ. „Во время этого визита“, — рассказываетъ г-жа Сюаръ, — „Детушъ, лаская ребенка, сказалъ его матери: „Не правда-ли, сударыня, очень жаль, что такое милое, даровитое существо было такъ безжалостно брошено?“ — Даламберъ прекрасно помнилъ этотъ первый и послѣдній визитъ своей матери, слова отца и то, что г-жа Тансенъ тотчасъ-же послѣ нихъ собралась уходить: „Мнѣ здѣсь не хорошо — душно“. Подобное отношеніе матери оставило, повидимому, въ сердцѣ Даламбера глубокую рану на всю жизнь. „Наша дружба съ Даламберомъ“, — продолжаетъ г-жа Сюаръ, — „давала мнѣ право спросить его однажды, вѣрно-ли говорятъ, что въ то время, когда онъ прославился, мать его поручила одному изъ своихъ друзей сообщить сыну о своемъ желаніи его видѣть. Онъ отвѣчалъ: нѣтъ, никогда ничего подобнаго не было. — Однако, — замѣтила я, — многіе утверждаютъ, будто бы вы на это гордо отвѣтили, что мать, не заботившуюся объ васъ до пріобрѣтенія вами извѣстности, вы не считаете и матерью. И всѣ одоб-

ряютъ такой отвѣтъ, какъ въполнѣ справедливое возмездіе“. „Нѣтъ,—сказалъ онъ,—никогда бы я не отказался обнять своей матери, если бы она когда-нибудь захотѣла меня признать; я былъ бы не въ силахъ лишать себя этого счастья“...

Горячая любовь, проявляемая отцомъ Даламбера къ нему, значительно скрашивала это горькое положеніе покинутого ребенка. Онъ ввелъ его въ кругъ своихъ родныхъ, и мальчикъ часто приходилъ къ своимъ двоюроднымъ братьямъ и сестрамъ. Къ сожалѣнію, отецъ Даламбера умеръ, когда этому послѣднему было всего десять лѣтъ. Умирая, онъ оставилъ своему сыну ежегодную пожизненную ренту въ 300 руб. Сирота, однако, не былъ оставленъ безъ попеченія. Родственники его отца продолжали принимать въ его судьбѣ самое горячее участіе. Когда учитель пансіона заявилъ, что Даламберъ усвоилъ всѣ познанія, которыя онъ могъ бы ему передать, то мальчика отдали въ коллежъ, и ему пришлось покинуть бѣдное, но гостепріимное жилище своей кормилицы, которую онъ, тѣмъ не менѣе, продолжалъ постоянно навѣщать. Въ коллежѣ Мазарини Даламберъ пробылъ съ 13 до 16 лѣтъ. Все это время онъ изумлялъ учителей своими успѣхами. Здѣсь онъ приобрѣлъ очень хорошія познанія по-латыни и по-гречески; научился прекрасно владѣть рѣчью и считался выдающимся ораторомъ; здѣсь же онъ приобрѣлъ большой интересъ къ математикѣ подъ вліяніемъ профессора Карона, къ которому на всю жизнь сохранилъ чувство глубокой благодарности.

Окончивъ школу, Даламберъ очень быстро сдалъ экзаменъ на степень бакалавра искусствъ и началъ посѣщать академію юридическихъ наукъ. Уже черезъ два года онъ былъ лиценціатомъ правъ. Передъ нимъ открывалась блестящая адвокатская карьера, какъ передъ человѣкомъ, обладавшимъ солидными научными знаніями и блестящимъ краснорѣчіемъ. Но адвокатура пришлась не по душѣ прямому Даламберу. Онъ видѣлъ, что жизнь представляетъ лишь немногое случаетъ, когда приходится защищать, дѣйствительно, невиннаго человѣка; въ большинствѣ же случаевъ защитникъ вынужденъ вступать въ тѣ или другія сдѣлки со своей совѣстью. Вотъ почему, бросивъ адвокатуру, онъ принялся за изученіе медицины. Однако, какъ во время занятій юридическими науками, такъ и теперь, во время занятій медицинскими науками, Даламберъ не перестаетъ изучать математику, которая доставляла ему большое удовольствіе. Съ годами это увлеченіе математикой быстро возрастало и стало даже внушать друзьямъ Даламбера опасеніе, что онъ можетъ забросить свою медицинскую карьеру ради математики, которая едва ли могла въ то время принести какой-нибудь хлѣбный заработокъ. Его стали все чаще и чаще уговаривать бороться со своей страстью къ математикѣ для того, чтобы, въ концѣ концовъ, не остаться человѣкомъ безъ карьеры. Даламберъ сначала поддался на всѣ эти увѣщанія и для того, чтобы избавить себя отъ лишняго соблазна, перетащилъ всю свою математическую библиотечку къ своему другу Дидро. Однако, страсть на этотъ разъ оказалась сильнѣе всякихъ соображеній, диктуемыхъ расчетомъ. Временами какая-нибудь математическая мысль такъ властно захватывала Даламбера, что онъ немедленно отправлялся къ своему другу, выбиралъ необходимую математическую книгу и уносилъ къ себѣ домой. Мало-по-малу математическая библиотечка Даламбера цѣликомъ перекочевала опять въ маленькую комнатку ея хозяина. Даламберъ призналъ себя побѣжденнымъ своею страстью и покинулъ медицину, чтобы всѣ силы свои отдать математикѣ. Небольшая рента, оставленная ему отцомъ, позволила ему

выполнить эту завѣтную мечту. Онъ снова перебрался въ маленькую квартирку своей кормилицы и отъ души радовался тому, что своими крошечными средствами могъ улучшить положеніе этой благородной и преданной ему семьи. Здѣсь, окруженный лаской и вниманіемъ, онъ все свое время посвящалъ математикѣ, позволяя себѣ отдыхъ лишь въ театрѣ, гдѣ въ антрактахъ торопился обыкновенно составить планъ новой работы на слѣдующій день. Его средства были такъ ограничены, что, несмотря на скромный образъ жизни, онъ зимой долженъ былъ ходить въ осеннемъ пальто, а лѣтомъ носить зимній сюртукъ. Онъ и теперь легко могъ бы увеличить свои средства посредствомъ уроковъ математики, которые могъ бы получить въ изобиліи, но онъ не хотѣлъ отнимать отъ своей любимой науки ни минуты времени.

И труды Даламбера не пропали даромъ. Страсть вывела его на торный путь его таланта. Въ іюлѣ 1739 года онъ представилъ первое сообщеніе академіи наукъ, которое заслужило сочувственный отзывъ математика Клеро. Въ слѣдующемъ же году онъ представилъ въ академію новый трудъ по гидравликѣ. Трудъ также былъ отмѣченъ, какъ выдающееся явленіе въ области аналитической механики. Дальше послѣдовали еще три новыхъ работы, благодаря которымъ онъ въ 1742 г., т. е. 24 лѣтъ отъ роду, былъ причисленъ къ Академіи Наукъ въ качествѣ *adjoint*, каковое званіе не давало еще права на казенное содержаніе. Едва вступивъ въ Академію, хотя и въ качествѣ еще неравноправнаго ея члена, Даламберъ обращаетъ на себя всеобщее вниманіе трудомъ, который дѣлаетъ его имя не только знаменитымъ, но и бессмертнымъ. Этотъ трудъ двадцати-шестилѣтняго Даламбера былъ посвященъ теоріи движенія. Въ этомъ трактатѣ Даламберъ выводитъ новый законъ механики, — законъ Даламбера, — который дѣлаетъ этого ученаго прямымъ продолжателемъ Ньютона и широко раздвигаетъ границы научнаго изслѣдованія. Законъ Даламбера открываетъ возможность для каждаго момента движенія тѣла написать уравненіе между измѣненіями движенія тѣла и силами, которыя произвели эти измѣненія.

При установленіи этого закона Даламберъ исходилъ изъ той простой мысли, — которая впрочемъ никому раньше не приходила въ голову, — что силы, дѣйствующія въ состояніи равновѣсія и въ состояніи движенія, должны быть однѣми и тѣми же, только въ первомъ случаѣ дѣйствіе ихъ взаимно совершенно уничтожается, а во второмъ уничтожается лишь отчасти. Эта работа дала поводъ назначить Даламберу пенсію въ 125 руб., хотя еще въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ Даламберъ не могъ добиться избранія въ полноправные члены Академіи.

Однако, эти замѣчательные труды оставались извѣстными только специалистамъ, и широкая читающая публика его не знала совсѣмъ. Широкою извѣстность Даламберъ пріобрѣтаетъ съ того момента, когда вступаетъ въ сотрудничество по изданію знаменитой энциклопедіи. Даламберу принадлежитъ здѣсь прежде всего введеніе въ энциклопедію наукъ. Въ этой статьѣ онъ излагаетъ сущность всѣхъ наукъ того времени, показывая вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ порядокъ, въ которомъ появлялись различныя вѣтви человѣческаго знанія, и описывая тѣ успѣхи, которые достигнуты науками со времени эпохи Возрожденія. Статья эта была написана великобѣстнымъ литературнымъ языкомъ. О томъ впечатлѣніи, которое произвела эта статья Даламбера, свидѣтельствуютъ хотя бы слѣдующіе отзывы двухъ знаменитыхъ его современниковъ. „Потомство“, — говоритъ одинъ, — „читая это введеніе, проникнется убѣжденіемъ, что

истинно гениальному человѣку подвластны всѣ науки; онъ можетъ быть одновременно замѣчательнымъ писателемъ, великимъ математикомъ, глубокимъ философомъ и со всѣми рѣдкими способностями соединять красоту, благородство, силу, изящество слога, которыя придають всѣмъ его разнообразнымъ трудамъ какую-то особенную привлекательность“... „Введение въ энциклопедію,—замѣчаетъ другой,—принадлежитъ къ числу такихъ цѣнныхъ, выдающихся трудовъ, что въ каждомъ вѣкѣ не найдется болѣе двухъ или трехъ человѣкъ, которые могли бы его выполнить“... Литературныя дарованія Даламбера, дѣйствительно, были очень велики. „Вы“,—писалъ ему Вольтеръ,—„единственный писатель, который никогда не говоритъ ни больше того, ни меньше того, что хочетъ сказать! Я считаю васъ самымъ лучшимъ писателемъ нашего вѣка...“

Правда, Даламберъ сравнительно недолго сотрудничалъ въ энциклопедіи. Независимый тонъ энциклопедіи возбудилъ противъ этого труда людей самыхъ разнообразныхъ лагерей. Начались рѣзкія нападки, разгорѣлась злобная полемика. Даламберъ не былъ боевой натурой. Онъ все же былъ главнымъ образомъ ученымъ. Весь шумъ и сумятица, поднявшіеся вокругъ энциклопедіи (вплоть до вмѣшательства правительственной власти), крайне тяготили Даламбера, и онъ отказался отъ дальнѣйшаго сотрудничества. Но написаннаго было достаточно для того, чтобы широкіе круги читающей публики обратили на Даламбера вниманіе и оцѣнили его въ качествѣ писателя. Послѣдовавшая затѣмъ книга „Сборникъ статей по философіи, исторіи и литературѣ“ еще больше укрѣпила эту славу.

Эти литературныя успѣхи имѣли рѣшительное вліяніе на личную судьбу Даламбера. То время было время салоновъ, когда великосвѣтскія барыни собирали вокругъ себя цвѣтъ науки и литературы и сами старались блистать не только изяществомъ, но и умомъ. Одна изъ такихъ блестящихъ дамъ,—Леспинасъ,—успѣла совершенно завладѣть сердцемъ Даламбера, начавшаго появляться въ парижскихъ салонахъ въ качествѣ выдающагося литератора и замѣчательнаго ученаго. Привязанность Даламбера къ этой женщинѣ была положительно безграничной. Вотъ что онъ писалъ о своемъ чувствѣ и о своей возлюбленной въ 1771 г. „Время и привычка, искажающія все на свѣтѣ, разрушающія наши убѣжденія и иллюзіи, уничтожающія и ослабляющія самую любовь, не коснулись того чувства, которое вотъ уже семнадцать лѣтъ вы заронили въ мою душу; это чувство все укрѣпляется и усиливается знакомствомъ съ вашими привлекательными качествами и достоинствами“. Затѣмъ Даламберъ въ восторженныхъ выраженіяхъ описываетъ душевные достоинства своей возлюбленной. Безъ сомнѣнія, въ этомъ описаніи много пристрастности, а, слѣдовательно, и много преувеличеній, но тѣмъ не менѣе, госпожу Леспинасъ слѣдуетъ признать, по крайней мѣрѣ, по ея умственнымъ способностямъ, за выдающуюся женщину. По своимъ духовнымъ запросамъ она во многомъ не уступала самому Даламберу. Поэтому она сумѣла его сильно отвлечь отъ математики и заставила его перенести свою работу въ менѣе сродную ему область литературы и философіи. Здѣсь работа ихъ обоихъ до такой степени переплеталась, что часто нѣтъ никакой возможности провести границу между авторствомъ того и другого: въ рукописяхъ этого періода почеркъ Даламбера постоянно перемѣшивается съ почеркомъ г-жи Леспинасъ. Но счастье недолго улыбалось Даламберу. Леспинасъ обладала слишкомъ страстнымъ характеромъ для того, чтобы оставаться вѣрной хотя бы такому прекрасному и выдающе-

Титульный листъ второй книги „Новоселья“, изображающій книжный магазинъ Смирдина. На первомъ планѣ, направо, Пушкинъ и кн. Вяземскій.

муса человѣку, какъ Даламберъ. Она нѣсколько разъ на протяженіи своего знакомства съ великимъ ученымъ увлекалась другими мужчинами, невольно втягивала Даламбера въ свои любовныя интриги и тѣмъ причиняла ему невыразимыя страданія. Какое горе испытывалъ при этомъ Даламберъ, можно судить хотя бы по слѣдующему отрывку изъ его письма. „Я обращаюсь къ вамъ“, — писалъ онъ, — „къ той, которая не услышитъ меня больше, къ той, кого я такъ нѣжно и неизмѣнно любилъ, и которой, думалъ, хоть одно мгновеніе и я самъ былъ любимъ; я ставилъ васъ выше всѣхъ и всего на свѣтѣ; вы могли бы для меня быть рѣшительно всѣмъ, если бы пожелали... Я не могу понять, какъ могло то нѣжное чувство ко мнѣ, которымъ я такъ дорожилъ, вдругъ измѣниться до такой степени и перейти въ отчужденіе, ненависть... Если вы страдали, отчего не раздѣлили со мной своихъ страданій?.. Если вы были виноваты передо мной, моя дорогая, отчего было не сказать мнѣ; съ какою бы я нѣжностью простилъ вамъ все, если бы все зналъ!..“

Но Леспинасъ обладала какой то неукротимой жестокостью по отношенію къ своему другу. Она не только, какъ было сказано, увлекала его въ свои любовныя интриги, но, умирая, сдѣлала его своимъ душеприказчикомъ, и ему пришлось изъ писемъ узнавать такія ея тайны, о которыхъ онъ не имѣлъ раньше ни малѣйшаго представленія. Въ качествѣ душеприказчика, свято исполняющаго волю покойной, онъ долженъ былъ передать послѣднему изъ ея „предметовъ“, человѣку совершенно ничтожному и очень мало интересовавшемуся г-жею Леспинасъ, рукописи, надъ которыми они совмѣстно провели столько счастливыхъ часовъ. И все-таки горе Даламбера было безпредѣльнымъ. Въ эти часы единственное утѣшеніе онъ находилъ только въ математикѣ, которой онъ теперь снова сталъ отдавать все свое время.

Популярность Даламбера была настолько велика, что его имя представляло значительный вѣсъ при нѣкоторыхъ европейскихъ дворахъ. Особенно большое расположеніе высказывалъ къ нему Фридрихъ Великій, король прусскій. Поводомъ для переписки между выдающимся монархомъ и знаменитымъ ученымъ послужило слѣдующее обстоятельство. Мемуаръ, присланный Даламберомъ въ 1745 г. въ берлинскую академію наукъ и содержавшій любопытныя соображенія о причинѣ вѣтровъ, носилъ эпиграфъ, заключавшій умѣренную, но умѣло составленную похвалу этому покровителю наукъ. Несомнѣнно, эта надпись обратила особенное вниманіе Фридриха Великаго на Даламбера. Онъ быстро оцѣнилъ значеніе этого ученаго и въ 1772 году предложилъ ему постъ президента берлинской Академіи наукъ. Даламберъ въ письмѣ, адресованномъ маркизу Даржану, посреднику въ этихъ переговорахъ, приводитъ слѣдующіе характерные мотивы отказа. „Состояніе мое“, — говоритъ онъ здѣсь, — самое ничтожное: 425 руб. составляютъ весь мой годовой доходъ. Я совершенно свободенъ и, не имѣя семьи, могу какъ угодно располагать собой. Я забытъ правительствомъ, на мою долю не выпадаютъ награды, которыя такъ и сыплются на другихъ ученыхъ и писателей. Въ будущемъ я могу только рассчитывать на ничтожную пенсію, но и этотъ расчетъ можетъ оказаться невѣрнымъ, потому что французскій дворъ расположенъ ко мнѣ далеко не такъ хорошо, какъ прусскій. Несмотря на все это, душевное спокойствіе мое такъ велико, такъ невозмутимо и такъ сладостно, что я не въ состояніи подвергнуть себя ни малѣйшему риску. Лишенія съ дѣтства пріучили меня довольствоваться малымъ; и то небольшое, чѣмъ я располагаю, я готовъ раздѣлить съ добрыми, честными людьми,

которые бѣднѣ меня. Въ молодости своей я одно время желалъ виднаго положенія и богатства, но когда увидѣлъ, чѣмъ надо пожертвовать, чтобы достигнуть того и другого, то навсегда отказался отъ всякихъ къ нимъ стремленій, и это рѣшеніе приносить мнѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе спокойствія. Уединенная, бѣдная жизнь совершенно отвѣчаетъ моему характеру, моей страстной любви къ независимости, моему желанію стоять въ сторонѣ отъ людей и большого свѣта. Замкнутый, правильный, скромный образъ жизни, предписываемый мнѣ самымъ моимъ положеніемъ, благотворно дѣйствуетъ на мое здоровье; я пользуюсь имъ неизмѣнно, и оно не оставляетъ ничего лучшаго желать; это — истинное благо для философа. Наконецъ, я имѣю счастье соединять около себя друзей, дающихъ мнѣ утѣшеніе и радость въ жизни. Посудите сами, милостивые государи, въ состояніи ли я пожертвовать всѣмъ этимъ и промѣнять свое малое, но истинное счастье на положеніе шаткое, какъ бы оно ни было заманчиво и блестяще. Я вполнѣ вѣрю въ добрыя намѣренія государя и въ его желаніе сдѣлать все возможное для того, чтобы мое новое положеніе меня удовлетворяло; но, къ моему горю, условія моего счастья не находятся въ рукахъ короля. Къ тому-же, климатъ Берлина и Потсдама можетъ оказаться мнѣ вреднымъ; если же здоровье мое, отъ природы некрѣпкое, мнѣ измѣнить, то я не въ состояніи буду даже исполнять свои обязанности.

Ко всѣмъ высказаннымъ причинамъ я могу присоединить еще одну. Я ничѣмъ не обязанъ правительству Франціи; могу отъ него ждать для себя въ будущемъ много дурного и ничего хорошаго; но у меня существуютъ обязанности относительно моего отечества, моей родины; послѣдняя всегда была ко мнѣ благосклонна, признавала мои достоинства, награждала мои старанія. Съ моей стороны было бы въ высшей степени неблагородно оставить такую родину. Государю самому знакомы всѣ эти чувства, у него также есть дорогіе ему друзья; онъ меня пойметъ и проститъ мое упорство“...

На этомъ письмѣ, однако, не оборвались сношенія между Даламберомъ и Фридрихомъ Великимъ. Желая выразить свое уваженіе къ замѣчательному ученому, онъ назначилъ ему пенсію въ 300 руб. въ годъ, о чемъ сообщилъ Людовику XV въ письмѣ, въ которомъ было сказано между прочимъ: „Въ Парижѣ живетъ одинъ изъ достойнѣйшихъ въ мірѣ людей, средства котораго значительно ниже его заслугъ и талантовъ. Я желалъ бы служить зрячими глазами слѣпой богинѣ и хотѣ отчасти исправить ея ошибки. Я ласкаю себя надеждой, что онъ приметъ отъ меня эту пенсію, доставитъ мнѣ удовольствіе быть полезнымъ человѣку, соединяющему возвышенную прелесть характера съ самыми превосходными талантами“. Позднѣ Даламберъ посѣтилъ Берлинъ и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ запросто бывалъ у короля и очень сдружился съ нимъ, но и на этотъ разъ отказался исполнить его просьбу и перейти на службу въ Берлинскую Академію Наукъ. Свое вліяніе на короля Даламберъ постарался использовать только въ интересахъ великаго и несчастнаго Эйлера, которому онъ убѣдительно просилъ увеличить пенсію. Впрочемъ, Даламберу и самому впоследствии пришлось однажды обратиться за помощью къ Фридриху Великому. „Здоровье мое“, — писалъ онъ тогда, — „съ каждымъ днемъ все увядаетъ: врачи гонятъ меня въ Италію, а неимѣніе средствъ удерживаетъ меня во Франціи; мнѣ необходима сумма въ двѣ тысячи ливровъ (500 р.); я беру себѣ смѣлость просить ее у вашего величества“. Положеніе Даламбера въ этотъ мо-

ментъ, дѣйствительно, было очень печальнымъ. Вотъ что писала по этому поводу г-жа Леспинасъ къ Кондорсе: „Обращаюсь къ вашей помощи, милостивый государь! Нашъ общій другъ Даламберъ находится въ самомъ отчаянномъ положеніи; силы ему измѣняются, его съ трудомъ можно заставить принимать пищу. Но самое неутѣшительное то, что имъ совершенно овладѣла меланхолія, и очень глубокая душа его переполнена горестью и печалью; онъ ко всему на свѣтѣ сталъ относиться безразлично, апатично. Онъ погибнетъ, если мы силою не вырвемъ его изъ того положенія, въ которомъ онъ находится. Ему необходимо уѣхать за границу“. Нечего и говорить, что Фридрихъ поторопился исполнить желаніе Даламбера.

Болѣе официальными были у Даламбера отношенія съ другимъ его коронованнымъ корреспондентомъ, — нашей Екатериной II, которая, конечно, была и менѣе глубокой и менѣе искренней. Екатерина II рѣшила пригласить Даламбера воспитателемъ къ своему сыну цесаревичу Павлу Петровичу. Но Даламберъ отказался отъ этого предложенія не только по тѣмъ причинамъ, по которымъ онъ отказался отъ переѣзда въ болѣе пріятный для него Берлинъ, но и потому, что считалъ себя совершенно неподготовленнымъ для педагогической дѣятельности. Нельзя не согласиться съ Даламберомъ, что въ этомъ отношеніи онъ былъ глубоко правъ, такъ какъ, дѣйствительно, въ теченіе всей своей жизни онъ не далъ ни одного урока, не прочелъ ни одной лекціи. Чистосердечный и благородный отказъ Даламбера сильно подкупилъ Екатерину II, она вступила съ нимъ въ переписку и назначила ему пенсію, значительно превышавшую ту, которую онъ получалъ отъ Фридриха. Но это же простодушіе неисправимаго философа, въ концѣ концовъ, испортило ихъ отношенія. То Даламберъ ѣдко, хотя и почтительно, замѣчаетъ въ отвѣтъ на похвалы Екатерины, что Фридрихъ II оказался болѣе благосклоннымъ къ нему, такъ какъ взялъ на себя трудъ указать недостатки его произведеній, а не ограничился однѣми похвалами; то онъ начинаетъ настойчиво просить выслать ему тотъ философскій трактатъ, который Екатерина, по ея словамъ, будто бы только что написала. Эти безтактности сильно раздражали избалованную императрицу, бывшую очень высококачественнаго мнѣнія о своей особѣ, и переписка между ними понемногу заглохла.

Официальная Франція, какъ мы видѣли, долгое время не хотѣла отнестись къ Даламберу. Достаточно сказать, что онъ три раза былъ забалотированъ, какъ во Французской Академіи, такъ и въ Академіи Наукъ. Великій ученый соглашался вступить въ число полноправныхъ академиковъ подъ однимъ условіемъ, чтобы ему при этомъ не было необходимости ни въ комъ заискивать. Такъ, очень вліятельная г-жа Дю-Деффанъ, пристроившая въ Академію уже нѣсколькихъ человекъ и принимавшая горячее участіе въ судьбѣ Даламбера, ручалась за успѣхъ избранія Даламбера, если этотъ послѣдній напишетъ въ Энциклопедіи хвалебную статью въ честь президента академіи Эно, зарекомендовавшаго себя только ничтожнымъ трудомъ по хронологической исторіи Франціи. Даламберъ на это гордо отвѣтилъ, что въ Энциклопедіи можетъ быть отведено мѣсто только великимъ людямъ и замѣчательнымъ произведеніямъ, а трудъ Эно къ таковымъ отнесенъ быть не можетъ; хвалить же ничтожное произведеніе никто не заставитъ его, даже самъ Богъ. Въ другой разъ, когда дѣло его избранія во Французскую Академію казалось совершенно налаженнымъ, Даламберъ вдругъ разразился статьей объ отно-

шеніяхъ ученыхъ къ сильнымъ міра сего, — статьей, которая глубоко за-
дѣла академиковъ. Конечно, Даламберъ послѣ этого былъ снова про-
валенъ на выборахъ. Избраніе это состоялось въ 1754 г., при чемъ
Даламберъ получилъ весьма значительное количество черняковъ. По-
слѣднее обстоятельство объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что какъ
разъ въ это время усилились правительственныя гоненія противъ энци-
клопедіи, два тома которой были преданы сожженію. Даламберъ такимъ
образомъ былъ зачисленъ въ оппозицію правительству, и ставленники
правительства въ Академіи приложили всѣ силы для того, чтобы прова-
лить Даламбера и на этотъ разъ. Въ Академіи Даламберъ очень бы-
стро занялъ постъ секретаря, который давалъ ему возможность разви-
вать въ своихъ многочисленныхъ похвальныхъ рѣчахъ, которые онъ дол-
женъ былъ произносить *ex officio*, свои взгляды на науку и жизнь.
При академическихъ выборахъ Даламберъ, всегда старался соблюсти
возможно большую справедливость. Сильные міра сего не имѣли на
него ни малѣйшаго вліянія, но зато нельзя сказать, чтобы онъ дѣйстви-
тельнѣе совершенно независимо отъ Вольтера, г-жи Леспинасъ и нѣкоторыхъ
другихъ своихъ друзей.

Вышеприведенные факты въ достаточной степени обрисовываютъ
благородную фигуру Даламбера. Намъ остается теперь только допол-
нить картину его ученой дѣятельности. Мы уже говорили о его рабо-
тахъ по теоретической механикѣ. Математическое выраженіе цѣлаго
ряда отношеній въ области механики натолкнуло его на необходимость
рѣшить нѣсколько очень важныхъ уравненій, которые сильно подвинули
впередъ дѣло чистой математики. Предложенные имъ новые методы ка-
саются какъ дифференціального и интегрального исчисленія, такъ и тео-
ріи функцій, внося повсюду новыя, интересныя и важныя идеи. Астро-
номія также обязана Даламберу важными изслѣдованіями, а именно,
работой „О предвареніи равноденствій“. Изслѣдованіе это освѣтило
одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ этой науки. Еще греческій астро-
номъ Гиппархъ нашелъ, что полюсы неба, каковыми для насъ явля-
ются точки пересѣченія видимаго небеснаго свода съ продолженіемъ зем-
ныхъ полюсовъ, не остаются неподвижными на сводѣ неба, а медленно
передвигаются, описывая окружность. Движеніе это совершается очень
медленно: такъ какъ ежегодно полюсъ передвигается на дугу въ 50 се-
кундъ, то онъ совершаетъ полный оборотъ по окружности въ 25.000 лѣтъ.
Вмѣстѣ съ полюсомъ на такой же уголъ ежегодно поворачивается и
плоскость экватора, которую мы мысленно проводимъ перпендикулярно
къ линіи, соединяющей полюсы. Какъ извѣстно, окружность, по кото-
рой совершается видимое годовое движеніе солнца, т. е. эклиптика, не
совпадаетъ съ экваторомъ. Плоскость экватора и плоскость эклиптики
наклонены другъ къ другу подъ нѣкоторымъ угломъ, и окружность эква-
тора пересѣкается съ окружностью эклиптики въ двухъ точкахъ. Эти
точки и есть точки равноденствія. Но разъ экваторъ постепенно измѣ-
няетъ свое положеніе, то и точки равноденствія должны измѣнять на
эклиптикѣ свое положеніе и совершать полный оборотъ по ней въ те-
ченіе 25.000 лѣтъ. Это любопытное явленіе долгое время не находило
себѣ никакого объясненія, и только Ньютонъ указалъ, что лишь меха-
ника способна будетъ раскрыть тайну этого движенія. Даламберъ бле-
стяще оправдалъ предсказаніе Ньютона при помощи математическаго ана-
лиза. Механика неба, благодаря этому объясненію, сдѣлала гигантскій
шагъ впередъ.

Заслуги Даламбера передъ наукой, какъ мы видѣли, нашли себѣ признаніе еще у современниковъ.

Это признаніе, между прочимъ, выразилось въ томъ, что онъ былъ избранъ членомъ всѣхъ существовавшихъ въ то время академій наукъ (въ томъ числѣ и Петербургской). Къ числу его личныхъ заслугъ надо отнести чрезвычайную его доброжелательность ко всѣмъ начинающимъ ученымъ. Насколько онъ былъ глухъ ко всякаго рода рекомендаціямъ, настолько чуткимъ онъ былъ ко всякому проявленію истиннаго таланта.

По смерти горячо любимой имъ г-жи Леспинасъ онъ оставался неутѣшнымъ. О своемъ горѣ онъ говоритъ: „сама природа послала человеку для облегченія страданій возможность проявлять ихъ слезами и стонами, зачѣмъ же отказываться отъ этого послѣдняго блага? не будемъ удерживать ни слезъ, ни жалобъ“... Здоровье его подъ бременемъ этого горя сильно пошатнулось, но онъ мужественно переносилъ физическія страданія. Онъ умеръ въ 1783 году, встрѣтивъ смерть, какъ давножданную избавительницу.

Лапласъ.

Лапласъ.

(1749—1827).

Біографія Лапласа необычайно бѣдна фактическимъ матеріаломъ: великій астрономъ и математикъ вышелъ изъ бѣдной среды, провелъ тяжелую молодость и не любилъ вспоминать о ней, когда поднялся на вершину славы.

Родиной Лапласа является Франція, именно, мѣстечко Гомонъ въ Нормандіи. Ранніе годы его жизни остались до сихъ поръ почти

совершенно неосвященными. Біографія его собственно начинается съ того момента, когда онъ выступаетъ передъ нами, несмотря на свои молодые годы, выдающимся математикомъ. На путь своего призванія онъ попалъ, повидимому, несразу. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что сначала онъ готовился къ духовному званію и, благодаря своей необычайной памяти и быстрой сообразительности, въ совершенствѣ изучилъ теологию, древніе языки и литературу. Въ это же время онъ зарекомендовалъ себя, какъ ловкій и сильный ораторъ. Но первое же знакомство съ математикой показало Лапласу, что богословіе — не его дѣло. Рѣшивши посвятить всѣ свои силы математикѣ, Лапласъ, быстро ориентировавшійся въ новой области, направился въ Парижъ, гдѣ во главѣ ученаго математическаго міра въ то время стоялъ Даламберъ, съ большимъ сочувствіемъ относившійся ко всѣмъ новымъ математикамъ. Однако, обратить вниманіе Даламбера можно было только трудами и познаніями, но не рекомендательными письмами. Первый визитъ Лапласа къ Даламберу оказался поэтому неудачнымъ: Даламберъ даже не сталъ разсматривать представленныхъ Лапласомъ рекомендацій и просто на просто не принялъ его. Тогда Лапласъ послалъ Даламберу свой трактатъ, въ которомъ изложилъ свои взгляды на основные законы механики. Трактатъ былъ написанъ съ такимъ знаніемъ дѣла и полонъ такихъ глубокихъ мыслей, что Даламберъ сразу поспѣшилъ познакомиться съ молодымъ человѣкомъ и употребилъ все свое вліяніе, чтобы доставить ему возможно скорѣе хорошій заработокъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней Лапласу было предложено мѣсто профессора въ Парижѣ въ Военной Школѣ.

Это былъ только первый шагъ въ карьерѣ Лапласа. На новомъ мѣстѣ Лапласъ быстро зарекомендовалъ себя не только талантливымъ педагогомъ, но и выдающимся астрономомъ-теоретикомъ. Удачное изслѣдованіе одного труднаго астрономическаго вопроса, произведенное Лапласомъ, возбудило къ нему еще большія симпатіи могущественнаго въ научномъ мірѣ Даламбера. Вскорѣ число уроковъ Лапласа значительно увеличилось, онъ былъ назначенъ экзаменаторомъ въ артиллерійскомъ корпусѣ, и, наконецъ, всего лишь 24-хъ лѣтъ, былъ выбранъ членомъ академіи. Съ 1794 г. онъ получилъ профессуру въ Нормальной Школѣ, а съ 1816 г. былъ назначенъ президентомъ Комиссіи Долготъ; при Наполеонѣ короткое время онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ состоялъ сенаторомъ. Онъ былъ пожалованъ орденомъ Почетнаго Легіона, произведенъ сначала въ графы, а затѣмъ въ пэры и маркизы.

Въ личной жизни Лапласъ, повидимому, былъ счастливъ. Къ начинающимъ ученымъ онъ относился обыкновенно съ большою сердечностью и, какъ видно изъ разсказа извѣстнаго французскаго математика Бю, былъ способенъ на великодушіе. Вотъ это въ высшей степени характерное для Лапласа сообщеніе.

„Когда“, — читаемъ мы тамъ, — „человѣкъ, любящій порядокъ, рѣшается предпринять долгое путешествіе, онъ устраиваетъ свои дѣла и стремится покончить со всѣми своими долгами. Такъ и я на старости лѣтъ хочу разсказать вамъ, какъ полвѣка тому назадъ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ нашихъ ученыхъ принялъ и ободрилъ начинающаго ученаго, который принесть ему показать свои первые труды. Этотъ молодой человѣкъ былъ не кто иной, какъ я самъ. Воспоминанія эти относятся къ первой французской республикѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ

послѣ этого событія я былъ сдѣланъ членомъ національнаго института, однако, въ то время меня никто не зналъ. Я былъ самый ничтожный преподаватель математики. Кончивъ курсъ въ политехнической школѣ, я отличался большимъ рвеніемъ, но запасъ моихъ знаній былъ весьма невеликъ... Я сгоралъ великимъ честолюбіемъ проникнуть въ ту сокровенную область математики, которая ведетъ къ открытію законовъ, управляющихъ небомъ. Но сочиненія, посвященныя великимъ вопросамъ, были сокрыты въ протоколахъ академіи и доступны только избраннымъ людямъ, потрудившимся надъ ихъ открытіемъ; идти по ихъ слѣдамъ было трудно: долго пришлось бы блуждать въ потемкахъ прежде, чѣмъ до нихъ добраться. Мнѣ было извѣстно, что Лапласъ предпринялъ трудъ собрать всѣ новѣйшія изслѣдованія въ одно цѣлое, которому онъ далъ вполне вѣрное названіе „Небесной Механики“. Первый томъ уже печатался, а другіе, къ моему огорченію, должны были слѣдовать за нимъ съ большими промежутками времени. Одна смѣлая выходка открыла мнѣ, однако, вскорѣ доступъ къ этому сокровищу. Я рѣшился обратиться прямо къ знаменитому автору, прося его посылать мнѣ корректуру его сочиненія, по мѣрѣ того, какъ оно будетъ печататься. Лапласъ отвѣтилъ мнѣ не только вѣжливо, но и почтительно, какъ настоящему ученому. Въстѣ со всѣмъ этимъ онъ не соглашался исполнить моей просьбы, чтобы не дать повода къ ложному пониманію этого труда, который могъ быть вполне понятенъ публикѣ только во всемъ своемъ цѣломъ. Это, конечно, меня очень огорчило, и я не могъ отказаться отъ своего желанія.

„Я былъ не въ силахъ безмолвно покориться своей участи и тогда же еще разъ написалъ Лапласу, причѣмъ я высказалъ ему откровенно, что честь, оказанная мнѣ, выше моихъ заслугъ и превосходить мои желанія, такъ какъ я не принадлежу къ той читающей публикѣ, которая способна судить, а представляю просто читателя, желающаго учиться. Ко всему этому я прибавилъ, что, произведя вычисленія во всѣхъ подробностяхъ, я могу открыть и поправить вкравшіяся въ нихъ опечатки. Моя настойчивость, не переступавшая вѣжливости и уваженія, обезоружила Лапласа. Онъ прислалъ мнѣ все, что было напечатано, и написалъ очень милое письмо, не заключающее въ себѣ никакихъ комплиментовъ, но полное тѣмъ живымъ сочувствіемъ, которое такъ возбуждаетъ энергію начинающаго. Мнѣ нечего говорить, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ завѣтныхъ листковъ и съ какою страстью пожиралъ эти сокровища. Съ тѣхъ поръ всякій разъ, отправляясь въ Парижъ, я бралъ съ собою исправленные корректурные листки и лично передавалъ ихъ Лапласу. Онъ съ удовольствіемъ принималъ эту работу, просматривалъ ее и говорилъ о ней, что давало мнѣ поводъ высказывать возникшія сомнѣнія и затрудненія. Онъ терпѣливо разъяснялъ все, что казалось мнѣ темнымъ, непонятнымъ. Но послѣднее требовало иногда большого вниманія и долгихъ усилій отъ него самого. Это относилось болѣею частью къ тѣмъ мѣстамъ сочиненія, гдѣ авторъ, избѣгая подробностей изложенія, прибѣгалъ къ общепотребительному: легко усмотрѣть. Все это дѣйствительно въ его глазахъ казалось такимъ въ первый моментъ. Но послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія дѣло принимало нерѣдко другой оборотъ. Тогда Лапласъ начиналъ терпѣливо искать объясненія...

„Всякому понятно, какую большую цѣну имѣло для молодого человека тѣсное общеніе съ такимъ могучимъ и всеобъемлющимъ гениемъ.

Вниманію подписчиковъ

1-го абонементъ.

Лица, подписавшіяся въ 1913 г. на 1-й абонементъ, могутъ получить изъ конторы „Вѣстн. Зн.“ первые 3 тома (12 выпусковъ)

Иллюстрированной библиотечкой

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ,

данныхъ въ качествѣ приложения къ журн. „Вѣстн. Зн.“ въ 1912 г. и составляющихъ самостоятельное цѣлое. Изданіе иллюстрировано

многими рисунками въ текстѣ, картами, чертежами и 48 отд. портретами и картинками, печатанными цвѣтными красками.

Краткое содержаніе 3 томовъ:

ВЕЛИКІЕ ЭКОНОМИСТЫ. I. Утописты (со вступительнымъ очеркомъ проф. М. И. Туганъ-Барановскаго „Утопическій социализмъ“): Р. Оуэнъ, Сень-Симонъ, Ш. Фурье. II. Классики (съ очеркомъ проф. М. И. Туганъ-Барановскаго „Классическая школа“): А. Смитъ, Т. Мальтусъ, Д. Рикардо. III. Соціалисты (съ очеркомъ проф. М. И. Туганъ-Барановскаго „Критическій социализмъ“): Прудонъ, Родбертусъ, Ф. Лассаль, К. Марксъ, Ф. Энгельсъ, П. Лафаргъ. IV. Кооператоры: Шульце-Деличъ, Голлокъ, Райффейзенъ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ: Русскіе публицисты (съ очеркомъ „Русская публицистика“): Радищевъ В. Г. Бѣлинскій, А. И. Герценъ, Н. Г. Чернышевскій, Н. А. Добролюбовъ. II. Русскіе педагоги (съ очеркомъ „Изъ исторіи просвѣщенія“): В. Н. Каразинъ, Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій, Н. А. Корфъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ (съ очерками „Объединеніе Италіи“ и „Объединеніе Германіи“): Гарибальди, Мащини, Кавуръ, Бисмаркъ, Мольте, Гладстонъ и др.

ГУМАНИСТЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ (со вступительнымъ очеркомъ): Ульрихъ, Ф.-Гуттенъ, Рейхлинъ, Эразмъ Роттердамскій, Джордано Бруно.

РЕЛИГИОЗНЫЕ РЕФОРМАТОРЫ (со вступительнымъ очеркомъ): Янъ Гусъ, М. Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ.

ВЕЛИКІЕ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛИ. I. Эволюционисты (съ очеркомъ „Какъ строилась и развивалась теорія эволюціи“): Ч. Дарвинъ, А. Уоллессъ, Э. Геккель, А. О. Ковалевскій, Г. Спенсеръ. II. Физики и химики (съ очеркомъ „Физика и химія въ XIX столѣтіи“): Галилей, Гюйгенсъ, Ньютонъ, М. В. Ломоносовъ, Фарадей, Либихъ, Р. Майеръ, Гельмгольцъ, Д. И. Менделѣевъ.

ВЕЛИКІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И ГЕОГРАФЫ (съ очерк. „Какъ развивались наши познанія о землѣ“): Д. Ливингстонъ, Н. М. Пржевальскій, Г. Стэнли, П. А. Кропоткинъ.

ВЕЛИКІЕ ИЗОБРѢТЕАТЕЛИ (съ очеркомъ „Исторія путей и средствъ сообщенія въ XIX столѣтіи“): Уаттъ, Стеффенсонъ, Фултонъ, Морзе, Эдисонъ, Цеппелинъ.

ВЕЛИКІЕ ХУДОЖНИКИ (съ краткимъ очеркомъ „Исторія искусства до эпохи Возрожденія“): Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело, Рембрандтъ, Рубенсъ, Ванъ-Дейкъ.

Цѣна за 3 тома 6 р. Для подписчиковъ „В. Зн.“ и „Недѣли“ цѣна понижена до 3 р. 75 к. Въ изящныхъ, тисненыхъ золотомъ и краскою переплеткахъ на 1 р. 30 к. дороже: 7 р. 30 к., для подписчиковъ 5 р. За пересылку прибавляется 50 к. (въ Сибирь и др. отдаленныя мѣстности соотвѣственно дороже). Крышки для переплетовъ высылаются и отдѣльно. Цѣна за 3 крышки 80 к.; пересылка ихъ 25 к.

Восточное Знание

Продолжается подписка на издающийся одиннадцатый годъ расширяющійся литературно-научный иллюстрированный журналъ дающий цѣлую библиотечку капитальныхъ сочиненій, научно-научный ежемѣсячный журналъ и еженедѣльную газету - журналъ **Недѣля**

Главные сотрудники:

де-Куртезъ, проф. А. Г. Генкель, Н. Г. Голубовъ, проф. В. А. Бетерева, В. В. Битнеръ, проф. И. А. Бодуэнъ, проф. Довнар-Запольскій, проф. Жаковъ, П. Завидный, проф. Ф. Ф. Зильберштейнъ, проф. А. Д. Гриневская, проф. С. О. Гурзенбергъ, Данченко, А. Николаевъ, проф. И. Х. Озеровъ, К. Тамтиновъ, А. С. Паниковъ, проф. Л. Г. Петражицкий, бывш. ст. гр. С. Петровъ, проф. Е. В. де-Роберти, Н. А. Рубинъ, Л. Рускинъ, худ. И. Е. Рылковъ, проф. Ир. Саворинъ, Н. Б. Саворина, прив.-доц. А. Г. Тимофеевъ, прив.-доц. Тогоиничъ, проф. Г. Г. Барановскій, д-ръ зоол. С. Чахотинъ, Н. Череванинъ и др.

Въ приложеніяхъ

1) Иллюстрированная исторія украинъ, въ 4-хъ выпускахъ. 2) Лекція по естествознанію и философіи, проф. Гейсера. 3) Лекція по антропологии, проф. Гейсера. 4) Ошественно-экономическіе идеалы нашего времени, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. 5) Истѣна духа, проф. В. В. де-Роберти. 6) Экспериментъ физика, проф. Берштинъ. 7) Психология, проф. Кюгельгенъ. 8) Сочин. Лопе-де-Вела. 9) Доротея, "Любовь и мѣсть". 10) Кавказскій литерат. альманахъ.

Сводъ тво подписки, въ зависимости отъ избраннаго ими абонемента.

(При подл указывать № абонементъ, получать слѣд. капиталыя сочиненія:)

1-й абонементъ: 12 вып. иллюстр. 610-графич. библиотекъ

2-й абонементъ: въ 16 выпуск.

3-й абонементъ: въ 16 выпускахъ

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ,

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА.

КНИГА ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

жизнеописанія знамен. людей всѣхъ вѣковъ и народовъ, со статьями по экономикѣ, политикѣ и пр. проф. М. Конгелевскаго, проф. Туганъ-Барановскаго и др. Много рисунковъ и отдѣльныхъ цѣльныхъ картинъ.

Литер. китайскія, японскія, египетскія, индуск., персовъ, евреевъ, арабовъ, грековъ, римлянъ, кельтовъ, германцевъ, возрожденія Италіи, Англіи, Франціи, Испаніи и др. Литература славянъ. Редакция проф. Зильберштейнъ, Н. П. Евстифеевъ, проф. Брауна и др. Роскошн. изд. со мног. рис. и ок. 60 отд. карт. и хромот.

Солдн. трудъ въ 9 частъ. ч. I и II. Пространство и время бар. Шейнфельдъ-Аерхенфельдъ; ч. III. Мелыниа жини, проф. Оствальда; ч. IV. Колѣбель жини, проф. Шенкена; ч. V. Обществен. міръ, проф. Мейера; ч. VI—IX. Психология, эволюція человѣчества, проф. Вигандъ. Роскошн. изд. около 600 рис. и 60 отд. картинъ и хромотиний. (Въ книжн. мар. 6. ст. 15 руб.).

Сочиненія Ч. ДАРВИНА:

Кругосвѣтное путешествіе на кораблѣ Бигль. — Въ 4 выпускахъ, съ рисунками.

4-й абонементъ:

12 выпускахъ

5-й абонементъ: въ 16 выпускахъ

иллюстрированная

СВОДЪ ЗАКОНОВЪ.

ИСТОРИЯ РЕЛИГІЙ

ПОДПИСАНІЯ ЦѢНА

4 вып. ПРАКТИЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ (руководство по ремесламъ, хозяйству, домоводству, полезнаго ремесла и пр.). Въ 1913 г. въ этомъ изд. будетъ дана книга ПРАВА РУССКАГО ГРАЖДАНИНА, какъ ихъ опредѣлять, какъ ихъ осуществлять, какъ ихъ отстаивать. Съ образц. прошен. и пр. Сост. прис. пов. П. А. Бронзельдъ.

съ древнѣйшихъ врем. до нашихъ дней, проф. Шантеи-де-ла-Сосей. Роскошное изданіе, около 600 рис. и 60 отдѣльныхъ картинъ и хромотиний. (2 большія тома).

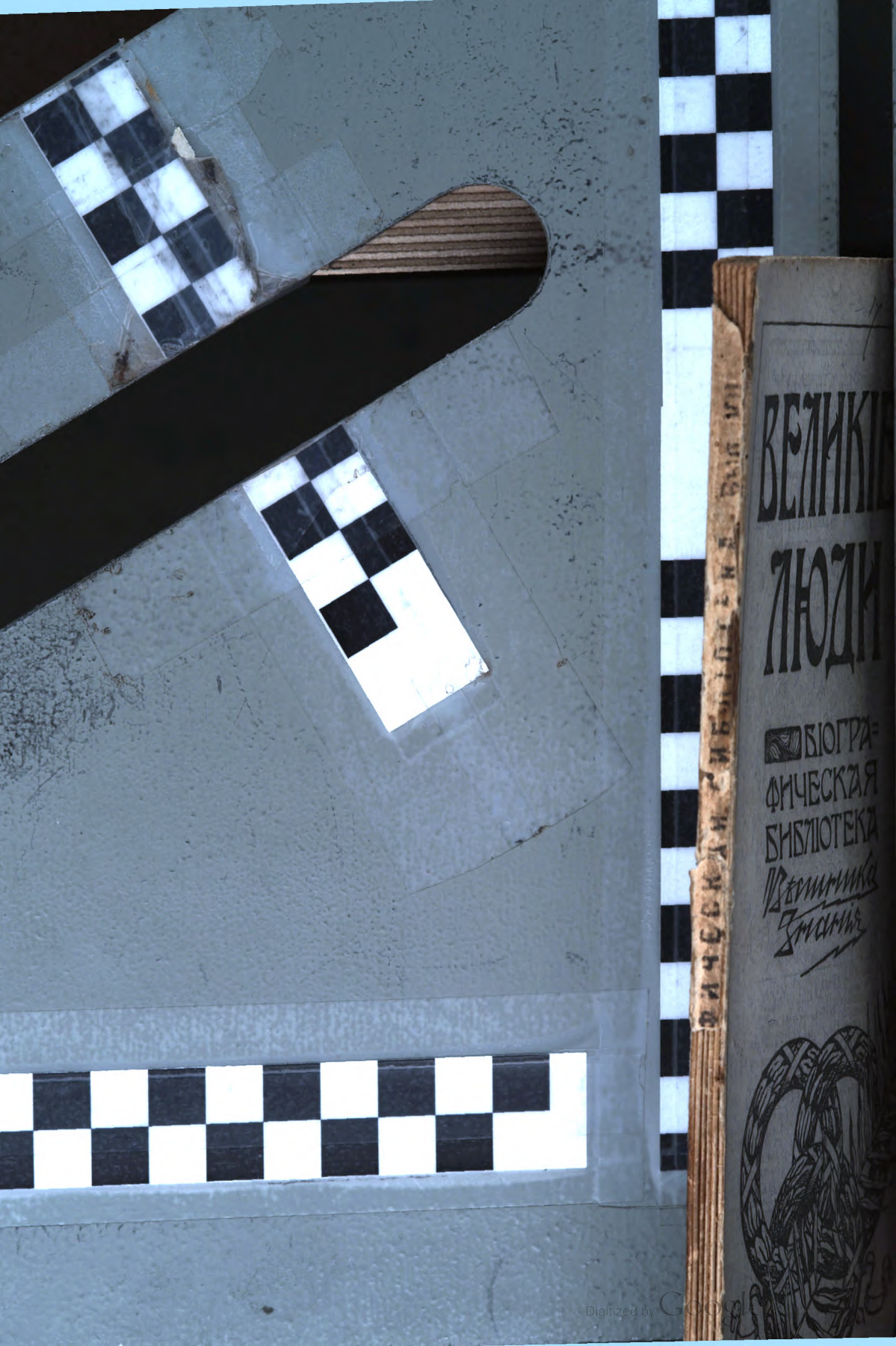
на "Вѣсти. Знанія" съ газ. "Недѣля" и всѣми прилож. въ годъ 8 руб., съ перес. 9 руб., за гравію (черезъ закрѣп. почтой) 12 руб. при подпискѣ 5 руб. 10 июня и 10 сент. по 2 р. Премія: право на премію книгамъ на 2 р. (по особ. катал.) ула-чивая лишь за перес.

Даресь: С.-Петербургъ, Невскій пр., 40, Контора „Вѣстника Знанія“.

Подробный иллюстрированный проспектъ высылается безплатно.

Продолжение в том же издании

ВЕЛИКИЕ
ЛЮДИ

БИОГРА-
ФИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
В. М. Златов

ПРОДОЛЖАЮТСЯ ПОДПИСКИ НА ИЗДАЮЩИЙСЯ ОДИНЖДЫ В МЕСЯЦ
ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ИНТЕРВЬЮ-НАУЧНЫЙ ИЛИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ВЫПУСК № 1

ВЫПУСК № 2

ВЫПУСК № 3

ВЫПУСК № 4

ВЫПУСК № 5

ВЫПУСК № 6

ВЫПУСК № 7

ВЫПУСК № 8

ВЫПУСК № 9

ВЫПУСК № 10

ВЫПУСК № 11

ВЫПУСК № 12

ВЫПУСК № 13

ВЫПУСК № 14

ВЫПУСК № 15

ВЫПУСК № 16

ВЫПУСК № 17

ВЫПУСК № 18

ВЫПУСК № 19

ВЫПУСК № 20

ВЫПУСК № 21

ВЫПУСК № 22

ВЫПУСК № 23

ВЫПУСК № 24

ВЫПУСК № 25

ВЫПУСК № 26

ВЫПУСК № 27

ВЫПУСК № 28

ВЫПУСК № 29

ВЫПУСК № 30

ВЫПУСК № 31

ВЫПУСК № 32

ВЫПУСК № 33

ВЫПУСК № 34

ВЫПУСК № 35

ВЫПУСК № 36

ВЫПУСК № 37

ВЫПУСК № 38

ВЫПУСК № 39

ВЫПУСК № 40

ВЫПУСК № 41

ВЫПУСК № 42

ВЫПУСК № 43

ВЫПУСК № 44

ВЫПУСК № 45

ВЫПУСК № 46

ВЫПУСК № 47

ВЫПУСК № 48

ВЫПУСК № 49

ВЫПУСК № 50

ВЫПУСК № 51

ВЫПУСК № 52

ВЫПУСК № 53

ВЫПУСК № 54

ВЫПУСК № 55

ВЫПУСК № 56

ВЫПУСК № 57

ВЫПУСК № 58

ВЫПУСК № 59

ВЫПУСК № 60

ВЫПУСК № 61

ВЫПУСК № 62

ВЫПУСК № 63

ВЫПУСК № 64

ВЫПУСК № 65

ВЫПУСК № 66

ВЫПУСК № 67

ВЫПУСК № 68

ВЫПУСК № 69

ВЫПУСК № 70

ВЫПУСК № 71

ВЫПУСК № 72

ВЫПУСК № 73

ВЫПУСК № 74

ВЫПУСК № 75

ВЫПУСК № 76

ВЫПУСК № 77

ВЫПУСК № 78

ВЫПУСК № 79

ВЫПУСК № 80

ВЫПУСК № 81

ВЫПУСК № 82

ВЫПУСК № 83

ВЫПУСК № 84

ВЫПУСК № 85

ВЫПУСК № 86

ВЫПУСК № 87

ВЫПУСК № 88

ВЫПУСК № 89

ВЫПУСК № 90

ВЫПУСК № 91

ВЫПУСК № 92

ВЫПУСК № 93

ВЫПУСК № 94

ВЫПУСК № 95

ВЫПУСК № 96

ВЫПУСК № 97

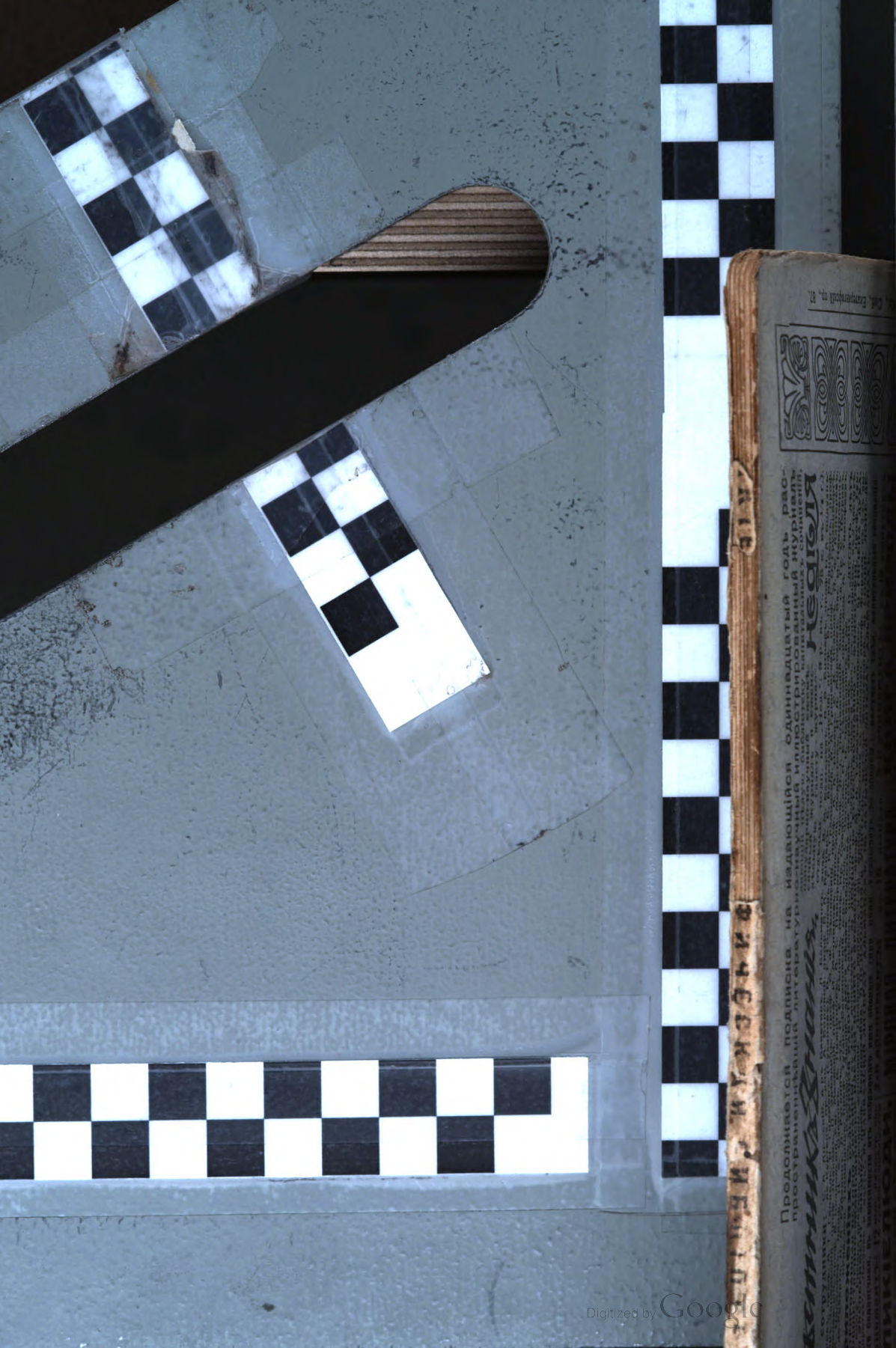
ВЫПУСК № 98

ВЫПУСК № 99

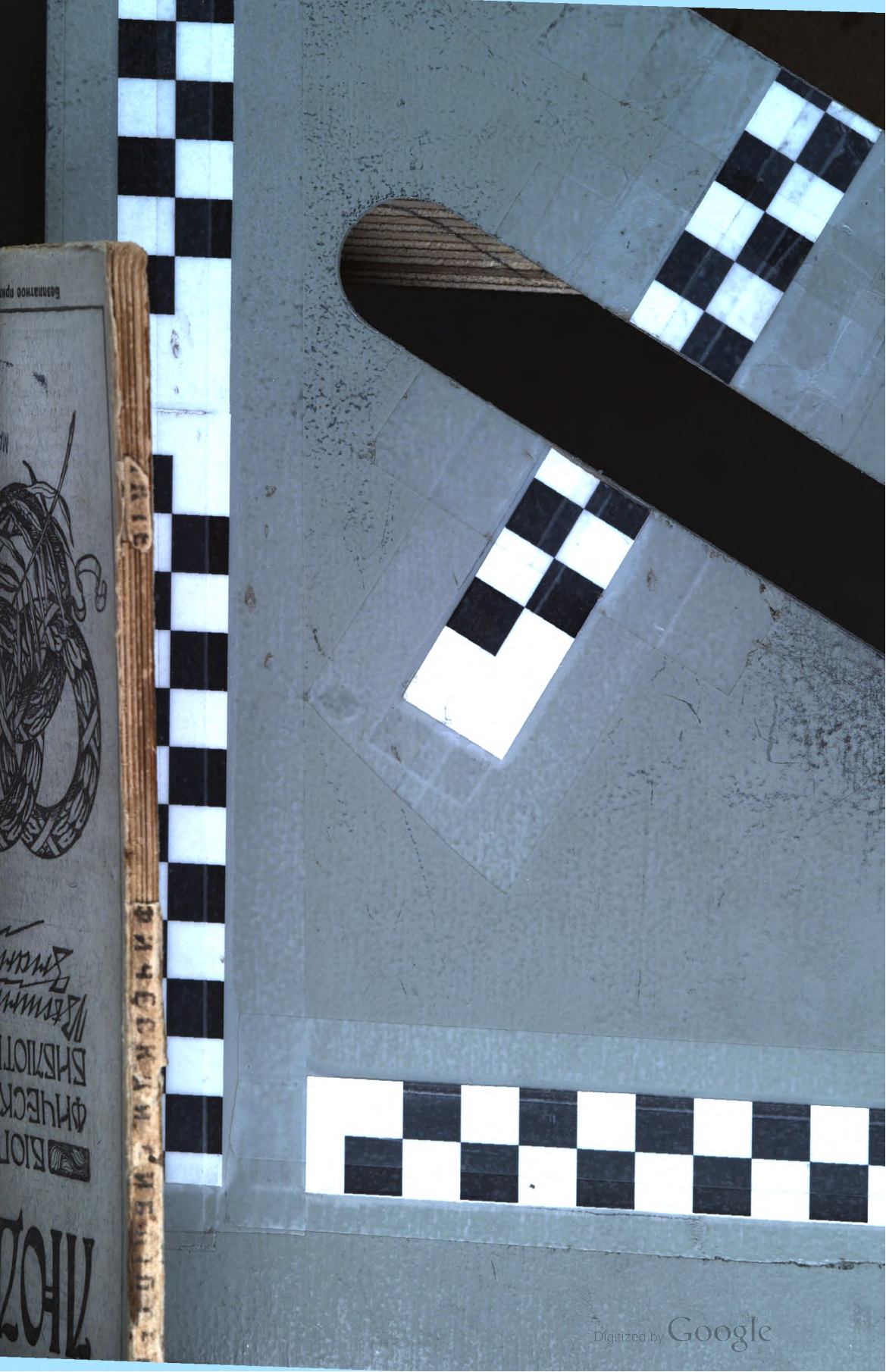
ВЫПУСК № 100

ПРОДОЛЖАЮТСЯ ПОДПИСКИ НА ИЗДАЮЩИЙСЯ ОДИНЖДЫ В МЕСЯЦ

Предохраняется подписка на издающийся одиннадцатый годъ рас-
пространяемый литературно-научный иллюстрированный журналъ
"Одесский исторический вѣстникъ" издаваемый Историческимъ обществомъ
Одессы. Подписка принимается въ редакцію по адресу: Одесса, въ
зданіи Историческаго общества, на первомъ этажѣ, въ кабинетѣ № 10.
Подписка принимается также въ книжномъ магазинѣ "Одесскій
вѣстникъ" по адресу: Одесса, въ зданіи "Одесскаго вѣстника", на
второмъ этажѣ, въ кабинетѣ № 10.

БЕЛОРУССКАЯ

БЕЛОРУССКАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИЗДАНИЕ
1912

1912

1912

БЕЛОРУССКАЯ БИБЛИОТЕКА

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ

БЮГРА-
ФИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
*Вестника
Знания*

AND UNIVERSITY
LIBRARY

MAR 05 2004

ВСѢ КНИГИ,

имѣющіяся въ продажѣ, можно выписывать черезъ книжный складъ „ВѢСТН. ЗНАНІЯ“, С.-Петербургъ, Невскій пр., 40. Подписчики „В. Зн.“ пользуются 25% уступк. на книги, изд. „В. Зн.“

Ф. АЛЬБЕРЪ и А. БЕЙЭ.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПИСАТЕЛИ XVIII ВѢКА.

Роскошное изданіе на хорошей бумагѣ съ 12 отдѣльн. картинами и хромотипіями, 102 портр. и рис. въ текстѣ.

Чтобы дать понятіе объ этомъ сочиненіи, приведемъ содержаніе основныхъ главъ: Общій характеръ политической философіи XVIII вѣка. — Политическая философія до 1750 года. Монтескье. — Политическая философія второй половины XVIII вѣка. Классификація доктринъ. Теоретики либеральнаго и просвѣщеннаго абсолютизма: Вольтеръ и энциклопедисты. — Демократы. — Мабли и Ж.-Ж. Руссо. Правовой абсолютизмъ. — Физиократы и Тюрго. — Наканунъ революціи. — Рейналь. Политическіе принципы и т. д. Далѣе идутъ характеристики (съ біографическими данными) выдающихся политическихъ писателей, причемъ читатели знакомятся непосредственно съ произведеніями этихъ писателей въ наиболѣе характерныхъ выдержкахъ изъ ихъ сочиненій, трактующихъ о правахъ чловѣка и гражданина, о государствѣ и т. д.

Цѣна въ изящномъ тисненномъ золотомъ и красками переплетѣ 3 рубля, съ пересылкой 3 руб. 50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВѢСТНИКА
ЗНАНІЯ

Перев. съ послѣдняго изданія В. А. Поссе.

Содержаніе: Предисловіе переводчика. Предисловіе автора къ 25-ому изданію. Предисловіе автора къ 34-ому изданію. Введеніе. Женщина въ прошломъ. Женщина въ настоящемъ. Женщина, какъ половое существо. Бракъ. Стѣсненія и ограниченія брака. Дальнѣйшія препятствія и затрудненія при заключеніи брака. Численное отношеніе половъ; его причины и вліянія. Проституція, какъ необходимое социальн. учрежденіе буржуазнаго общества. Заработокъ женщины. Ея умственные способности. Дарвинизмъ и состояніе общества. Правовое положеніе женщины и ея отношеніе къ политикѣ. Государство и общество. Соціализація общества. Женщина въ будущемъ. Международность. Населеніе и перенаселеніе. Заключение.

Цѣна за обѣ части 1 р. 40к. Пересылка въ Евр. Россію — 25 к., Азіатской Россіи — 35 коп.

СОЦІАЛЬНЫЯ УТОПІИ.

Содержаніе: Ликургъ Плутарха. Платонъ. Утопія Томаса Моры. Новая Атлантида Бэкона. Городъ Солнца Кампанеллы. Сень-Симонъ-Фурье. Кабз. Оуэнъ. „Все это уже было“ Голя. Цѣна 35 к., пер. 10 к.

К. БАРЗИХЪ

НАЛОГИ И НАРОДНОЕ РАЗОРЕНІЕ.

съ 12 рисунками. Популярная лекція, дающая понятіе о несоответствіи налогового бремени съ платежными силами населенія. Цѣна 10 коп., пер. 2 коп.

Проф. ЗОМБАРТЪ и КЕЛЛЕСЪ-КРАУЗЪ.

Соціологическіе этюды.

Книга даетъ читателю понятіе объ очень важныхъ вопросахъ изъ области общественныхъ наукъ.

Содержаніе: Почему интересуются вопросами народнаго хозяйства? Очеркъ исторіи соціологіи. Что такое экономическій матеріализмъ?

Ц. 35 к., пер. 10 к.

ПРОФ. А. ПРАЙСЪ.

АНГЛІЙСКІЕ:.... ЭКОНОМИСТЫ,

съ 4 портретами.

Книжку можно рекомендовать всякому, желающему познакомиться съ ученіями Адама Смита, Рикардо, Мальтуса и Милля. Кромѣ біографіи и критическаго разбора теорій великихъ политико-экономовъ, читатель найдетъ въ ней выдержки изъ ихъ трудовъ

Цѣна 60 к., пер. 17 к.

Трудно себѣ только представить, до какой степени доходила его отеческая доброта и нѣжная заботливость. Для того, чтобы дать о ней понятіе, расскажу слѣдующій случай.

„Вскорѣ послѣ моего перваго знакомства съ Лапласомъ, я имѣлъ счастье сдѣлать удачный, какъ мнѣ казалось, шагъ въ новой области математики... Отправляясь въ Парижъ, я захватилъ съ собою свою работу и показалъ ее Лапласу. Онъ выслушалъ меня съ большимъ вниманіемъ; къ послѣднему примѣшивалось, однако, нѣкоторое удивленіе. Онъ задавалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ относительно общаго метода, касался подробностей рѣшенія. Разспросивъ меня обо всемъ этомъ, онъ сказалъ: „Мнѣ кажется, все это имѣетъ значеніе; приходите ко мнѣ завтра утромъ съ вашимъ мемуаромъ; я съ удовольствіемъ съ нимъ познакомлюсь“. Разумѣется, я съ большою радостью явился въ назначенный часъ. Лапласъ съ большимъ вниманіемъ прочиталъ всю мою рукопись и затѣмъ сказалъ мнѣ: „Это очень почтенный трудъ; вы попали на истинный путь, ведущій къ прямому рѣшенію всѣхъ вопросовъ этого рода. Но заключеніе, къ которому вы приходите въ концѣ, слишкомъ далеко отъ найденныхъ вами результатовъ. Вы встрѣтите непредвидѣнныя трудности, можетъ быть, превосходящія средства анализа при томъ состояніи, въ которомъ онъ находится теперь“. Я довольно храбро защищалъ нѣкоторое время „свой конецъ“, и, нисколько не стѣняясь, возражалъ Лапласу, но, разумѣется, вскорѣ сдался, уступивъ не авторитету, а силѣ его доказательствъ, и зачеркнулъ свое заключительное слово. „Ну вотъ такъ-то лучше, — сказалъ Лапласъ, — все остальное въ порядкѣ; представьте завтра вашъ мемуаръ въ академію, а послѣ засѣданія зайдите ко мнѣ пообѣдать; теперь же пойдемте со мной позавтракать“.

„Домашняя обстановка Лапласа отличалась такой же простотой, какъ и его обращеніе; это извѣстно всѣмъ молодымъ людямъ, имѣвшимъ счастье находиться съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ. Около Лапласа было много молодыхъ людей, усвоенныхъ мыслью и чувствомъ; онъ имѣлъ обыкновеніе бесѣдовать съ ними во время отдыха послѣ утреннихъ занятій и передъ завтракомъ. Завтракъ у него былъ чисто пиеагорскій; онъ состоялъ изъ молока, кофе и фруктовъ. Его подавали всегда въ помѣщеніи госпожи Лапласъ, которая принимала насъ, какъ родная мать; въ то время она была очень хороша собой, а по лѣтамъ могла быть намъ только сестрой. Мы, нисколько не стѣняясь, проводили съ Лапласомъ цѣлые часы въ бесѣдахъ, говоря о самыхъ предметахъ нашего изученія, объ успѣшности и значеніи начатыхъ нами работъ и составляя планы относительно будущихъ трудовъ. Лапласъ весьма часто входилъ къ подробности нашего положенія и такъ заботился о нашей будущности, что мы смѣло могли отложить о ней всякое попеченіе. Взаимъ того онъ требовалъ отъ насъ только усердія, усилій и страсти къ труду. Все это можетъ повторить каждый изъ насъ относительно Лапласа. Но черта его характера, о которой я сейчасъ расскажу вамъ, лучше всего покажетъ, чѣмъ именно былъ онъ въ то время для насъ — молодыхъ ученыхъ“.

На другой день докладъ въ Академіи удался. „По окончаніи засѣданія“, продолжаетъ нашъ авторъ, „я пошелъ съ Лапласомъ къ нему обѣдать. Когда мы пришли и едва я успѣлъ раскланяться съ г-жею Лапласъ, онъ сказалъ мнѣ: „Пойдемте-ка на минуту въ мой кабинетъ; мнѣ нужно кое-что вамъ показать“. Въ кабинетѣ онъ вынулъ ключъ изъ своего кармана, отворилъ имъ маленькую конторку, стоявшую на

лѣво отъ камина, и вынулъ изъ нея пожелтѣвшую отъ времени тетрадь: я взялъ ее и увидѣлъ, что въ ней заключаются всѣ задачи, рѣшенныя мной, и притомъ тѣмъ самымъ способомъ, который я считалъ извѣстнымъ одному только мнѣ. Оказалось, что Лапласъ уже давно открылъ этотъ способъ, но встрѣтился съ затрудненіями, которыя онъ мнѣ и указалъ. Великій геометръ надѣялся побѣдить ихъ когда-нибудь со временемъ, и никому не говорилъ о своемъ открытіи, ничего не сказалъ и мнѣ, когда я принесъ ему свою работу, какъ нѣчто для него новое.

„Трудно выразить, что я пережилъ и перечувствовалъ въ тѣ минуты; это была живая радость, что я сошелся съ нимъ въ своихъ мысляхъ, и грусть, что не мнѣ первому принадлежить честь открытія; но все же сердце мое было переполнено чувствомъ живѣйшей признательности за трогательную заботливость обо мнѣ. Лапласъ всецѣло отказался отъ своего первенства въ мою пользу. Разумѣется, для него оно было не важно, сущій пустякъ сравнительно съ другими великими открытіями, которыми онъ обогатилъ математику и астрономію. Но ученые, обыкновенно, нелегко отказываются отъ своихъ изслѣдованій, какъ бы незначительны они ни были. Онъ сообщилъ мнѣ о своемъ открытіи, давъ мнѣ прежде насладиться своими успѣхами. Если бы это мнѣ было извѣстно до начала засѣданія, я не могъ бы говорить о своемъ открытіи съ энтузіазмомъ. Нравственная деликатность и тонкое благородство ученаго относились не къ наукѣ, не къ математикѣ, а къ человѣку. Въ награду за это онъ, вѣроятно, испыталъ большое удовольствіе при видѣ моего полного счастья... Отдавая должное памяти Лапласа, я поступаю противъ его желанія. Онъ строго запретилъ мнѣ говорить о томъ, чѣмъ я обязанъ былъ ему въ своей молодости. Печатаая свой трудъ, я, по его настоянію, долженъ былъ умолчать объ его открытіи. Въ отчетахъ академіи онъ не обмолвился объ этомъ ни однимъ словомъ. Но съ тѣхъ поръ прошло столько времени, что мы можемъ отрѣшиться отъ всѣхъ временныхъ личныхъ обязательствъ, и вы меня не осудите за то, что я нарушаю теперь данное мною честное слово для того, чтобы заплатить единственный долгъ, для котораго не существуетъ давности—это долгъ благодарности“.

Извѣстны и другіе случаи внимательнаго и благороднаго отношенія Лапласа къ его собратьямъ по наукѣ. Такъ, онъ проявилъ большую заботливость относительно матеріальнаго положенія великаго математика Гаусса. Его дружба къ знаменитому химику Бертоле была не только неизмѣнной, но и трогательной. Однако, Лапласъ представляется намъ далеко не всегда въ такомъ выгодномъ освѣщеніи. Араго, выдающійся ученый того же времени, рассказываетъ слѣдующія сцены, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ самъ.

„Я поступилъ въ обсерваторію по указанію моего друга Пуассона и по посредничеству Лапласа, который благоволилъ ко мнѣ. Я считалъ себя счастливымъ и гордился, когда обѣдалъ въ улицѣ Турнонь, у великаго геометра. Мой умъ и мое сердце были расположены удивляться и уважать все, что я увидалъ бы у человѣка, открывшаго вѣковое неравенство луны, даващаго средство вычислять сжатіе земли по движенію ея спутника, объясниващаго тяготѣніемъ большія неравенства Юпитера и Сатурна и пр. и пр. Но я все же разочаровался, когда госпожа Лапласъ однажды подошла къ своему мужу и сказала: „Мой другъ, довѣрьте мнѣ ключъ отъ сахара“.

„Черезъ нѣсколько дней другой случай поразилъ меня еще болѣе. Сынъ Лапласа подготовлялся къ экзамену въ Политехническую школу и иногда навѣщалъ меня въ обсерваторіи. Въ одно изъ такихъ посѣщеній я объяснилъ ему способъ непрерывныхъ дробей, посредствомъ котораго Лагранжъ опредѣляетъ корни числовыхъ уравненій. Молодому человѣку понравился этотъ способъ, и онъ съ восторгомъ разсказалъ о немъ отцу. Я никогда не забуду гнѣва отца при этихъ словахъ сына. Лапласъ осыпалъ упреками его и меня. Никогда зависть не высказывалась съ такой наготой и въ такомъ отвратительномъ видѣ! Ахъ,—сказалъ я самому себѣ,—древніе справедливо приписывали слабости тому, кто движеніемъ бровей колебалъ Олимпъ“...

Особенно много упрековъ возбуждаетъ поведеніе Лапласа, какъ политика. Достаточно сказать, что время Лапласа приходится на одинъ изъ самыхъ смутныхъ періодовъ французской исторіи, когда правительства и руководящія управленіемъ страной лица мѣнялись часто и часто же представляли другъ другу полную противоположность. Лапласъ сумѣлъ удержаться при всѣхъ этихъ правительствахъ, приспособиться ко всѣмъ хозяевамъ положенія, удовлетворить всѣмъ запросамъ и требованіямъ. Недаромъ же онъ началъ свою жизненную карьеру ярымъ республиканцемъ, а окончилъ столь же яримъ роялистомъ, который не постѣснялся подать свой голосъ даже противъ свободы печати. Въ интересахъ своей карьеры онъ не брезгалъ ничѣмъ, вплоть до мелкихъ обмановъ. Тотъ же Араго разсказываетъ слѣдующій случай. При выборахъ Фурье въ секретари Академіи, Лапласъ въ силу какихъ то соображеній хотѣлъ скрыть свои явные и заслуженныя симпатіи къ этому замѣчательному математику. „При началѣ выборовъ Лапласъ взялъ два бѣлыхъ билета; его сосѣдъ имѣлъ нескромность заглянуть въ нихъ и увидѣлъ, что знаменитый геометръ написалъ на обоихъ билетахъ одно и то же имя: Фурье. Свернувъ билетки молча, Лапласъ положилъ ихъ въ свою шляпу, потрясъ ею и сказалъ своему сосѣду: „Видите я написалъ два билета; одинъ изорву, а другой положу въ урну, и такимъ образомъ самъ не буду знать, въ чью пользу подалъ свой голосъ“...

Можно только удивляться, какъ подобная мелочность могла уживаться съ истинно благородными поступками, которыми нерѣдко Лапласъ удивлялъ своихъ современниковъ, и еще больше съ тѣмъ рѣдкимъ величіемъ ума, которое онъ проявилъ въ своихъ произведеніяхъ.

Перейдемъ теперь къ научнымъ заслугамъ Лапласа. Уже съ давнихъ поръ было сдѣлано замѣчательное наблюденіе, что движеніе нѣкоторыхъ небесныхъ тѣлъ совершаются не съ одинаковой скоростью изъ года въ годъ, изъ столѣтія въ столѣтіе. Такъ, было установлено, что Юпитеръ двигается все съ большей и большей скоростью, а Сатурнъ—напротивъ, все съ меньшей и меньшей. Уменьшеніе скорости движенія можетъ произойти только благодаря тому, что планета удаляется отъ солнца, и, обратно, ускореніе ея движенія можетъ вызываться лишь приближеніемъ ея къ солнцу. Такимъ образомъ, эти факты наводили на мысль, что Юпитеръ, въ концѣ концовъ, долженъ упасть на Солнце, а Сатурнъ совсѣмъ выйти изъ сферы солнечнаго притяженія и покинуть солнечную систему. Очевидно, что при такихъ условіяхъ внутри солнечной системы можно ожидать крупнѣйшихъ и неожиданныхъ измѣненій, которыя самымъ рѣшительнымъ образомъ могутъ отразиться на будущности нашей земли. Такого же рода „неправильности“ были замѣчены и въ движеніи луны. Оказалось, что скорость движенія ея вокругъ земли

подвергается значительнымъ измѣненіямъ: она то увеличивается, то уменьшается. Вмѣстѣ съ тѣмъ было доказано, что земная орбита также не сохраняетъ неизмѣнно однихъ и тѣхъ же размѣровъ и даже одной и той же формы: она то расширяется и приближается къ окружности, то сжимается и принимаетъ болѣе рѣзко выраженный видъ эллипса. Долгое время никакихъ объясненій этимъ запутаннымъ явленіямъ подыскать не удавалось. Но то, что было непосильно другимъ, удачно разрѣшилъ Лапласъ. Онъ показалъ, прежде всего, что ускоренія и замедленія въ движеніяхъ луны дѣйствительно зависятъ отъ измѣненій (совершающихся періодически) въ формѣ и размѣрахъ земной оси, т. е., говоря иначе, всецѣло опредѣляются силой притяженія, оказываемаго на луну землей и солнцемъ. Эти измѣненія такъ точно опредѣляются силой притяженія, что, изучая только особенности движенія этого спутника, можно съ точностью установить растояніе земли до солнца.

Разъ удалось доказать, что всѣ эти кажущіяся „неправильности“ въ движеніи луны объясняются силой всемірнаго тяготѣнія, то,—рѣшилъ Лапласъ,—и тѣ кажущіяся странности, которыя замѣчены въ движеніи двухъ сосѣднихъ, очень удаленныхъ и очень крупныхъ, планетъ, должны найти свое объясненіе въ тѣхъ условіяхъ притяженія, въ которыхъ находятся эти планеты. И, дѣйствительно, Лапласу удалось показать, что ускореніе въ движеніи Юпитера и замедленіе въ движеніи Сатурна должны совершаться періодически, при чемъ черезъ нѣкоторый (очень значительный) промежутокъ времени ускореннымъ движеніемъ будетъ обладать Сатурнъ, а замедленнымъ — Юпитеръ. Періодъ этихъ измѣненій очень великъ: онъ равняется $929\frac{1}{2}$ годамъ, а потому и не могъ быть прослѣженъ, какъ слѣдуетъ, до настоящаго времени. Періодичность этихъ измѣненій, какъ показалъ математическій анализъ, произведенный Лапласомъ, вполне объясняется тѣмъ притяженіемъ, которое двѣ эти планеты оказываютъ другъ на друга. Такимъ образомъ, была рѣшена одна изъ величайшихъ космическихъ задачъ.

Изучая движенія спутниковъ при помощи математическаго анализа, Лапласъ показалъ, какъ по характеру этого движенія можно сдѣлать весьма тонкіе и весьма точные выводы относительно формы тѣла, вокруг котораго они двигаются. Такъ, характеръ движенія нашей луны и ея орбита даютъ намъ полное основаніе утверждать, что земля представляетъ собой не правильный шаръ, а шарообразное тѣло, сплюснутое въ своихъ полюсахъ. Онъ вычислилъ даже ту мелкую дробь, которой должно выражаться сжатіе земли, или отношеніе между діаметрами экваторіальнымъ и полярнымъ. Изучая движеніе спутниковъ Юпитера, Лапласъ не только опредѣлилъ направленіе ихъ движенія и ихъ растояніе отъ планеты, но и указалъ, что движеніе это даетъ право признать Юпитеръ за сплюснутое у полюсовъ шарообразное тѣло. Путемъ исключительно математическаго анализа Лапласъ показалъ далѣе, что Сатурнъ долженъ быть сплюснутъ въ своихъ полюсахъ. Онъ доказалъ также, что полюсы земного шара, какъ это слѣдуетъ изъ характера движенія его, опредѣляемаго силами притяженія, должны представлять неизмѣнныя точки. Онъ показалъ также, что земные океаны и атмосферы по отношенію къ движенію земного шара являются какъ бы нераздѣльною его частью. Онъ опредѣлилъ, что вѣсь земли долженъ быть въ 75 разъ больше вѣса луны, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ колебанія уровня океана. Онъ далъ новую теорію приливовъ и отливовъ и устойчивости равновѣсія морей. Наконецъ, Лапласъ знаменитъ своей гипотезой о происхожденіи солнечной

системы. На основаніи астрономическихъ, физическихъ и математическихъ соображеній, онъ развернулъ грандіозную картину образованія солнечной системы изъ туманнаго пятна. Это — одинъ изъ самыхъ поразительныхъ полетовъ научной фантазіи.

Астрономія была не единственной наукой, въ которой имя Лапласа покрылось безсмертной славой. Изъ множества его прекрасныхъ работъ по математикѣ мы можемъ упомянуть здѣсь хотя бы о его глубоко философскомъ трактатѣ по теоріи вѣроятностей. По теоретической физикѣ огромный интересъ представляла его гипотеза относительно законовъ теплоты; онъ сдѣлалъ, далѣе, интересныя изслѣдованія относительно скорости звука. Онъ явился горячимъ защитникомъ воззрѣній Лавуазье, которыя были встрѣчены градомъ насмѣшекъ и брани.

Наконецъ, Лапласъ былъ замѣчательнымъ стилистомъ. „Отвлеченныя теоріи“, — говорилъ Фурье въ своемъ академическомъ словѣ о немъ, — „имѣютъ свою прелесть, и изложеніе ихъ должно отвѣчать ихъ особенностямъ. Это хорошо извѣстно людямъ, знакомымъ съ сочиненіями Декарта, Галилея, Ньютона, Лагранжа. Оригинальность взглядовъ, возвышенность мыслей, грандіозность предмета вызываетъ чувство восторга, умиленія, и не только поражаетъ, но и трогаетъ умъ. Отвлеченныя истины слѣдуетъ излагать чистымъ языкомъ, просто и благородно. Такова манера писать, которой въ высшей степени отличался Лапласъ: излагая исторію великихъ открытій въ области астрономіи, онъ является образцомъ изящества и точности. Ни одна главная черта не ускользаетъ отъ его вниманія; изложеніе его вездѣ ясно и безъ всякихъ претензій. То, что онъ называетъ великимъ, таково и есть въ самомъ дѣлѣ; все, о чемъ онъ не говоритъ, и не заслуживаетъ вниманія“...

Скончался Лапласъ 7-го марта 1827 г.

Н. И. Лобачевскій.

Н. И. Лобачевскій.

(1793—1856).

Николаю Ивановичу Лобачевскому въ раннемъ дѣтствѣ пришлось пройти школу не только нужды, но даже нищеты. Родился онъ въ 1793 г. въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ., въ семьѣ мелкаго чиновника, получавшаго скудное содержаніе. Пока отецъ былъ живъ, семья Лобачевскихъ все еще, какъ говорится, „перебивалась съ хлѣба на квасъ“. Но съ 1797 г., когда онъ умеръ, для Лобачевскихъ настало крутое время. Къ счастью, мать Лобачевскихъ (у ней было трое сыновей) оказалась женщиной энергичной и не потерялась въ тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, которыя выпали на ея долю. Несмотря на всю безвы-

ходность своего положенія, она сумѣла дать своимъ сыновьямъ хорошее образованіе. Правда, этому помогла въ значительной степени казенная стипендія. Въ то время, когда Лобачевскіе начали курсъ своего ученія, совѣтъ только что открывшагося Казанскаго университета разослалъ слѣдующее обращеніе къ родителямъ: „согласны ли они будутъ, чтобы дѣти ихъ, по окончаніи курса въ гимназіи, поступили въ открываемый вновь университетъ и, въ случаѣ, если они будутъ обучаться на казенный счетъ, обязались бы прослужить университету 6 лѣтъ въ учительской или какой другой, зависящей отъ университета, должности“. На это предложеніе мать Лобачевскихъ за собственноручной подписью (единственная въ этомъ отношеніи изъ матерей, приславшихъ отвѣтъ) писала: „Милостивый Государь, Илья Ѳедоровичъ! Два письма изъ совѣта гимназіи отъ имени Вашего имѣла честь получить. Извините меня, что я по причинѣ болѣзни долго не отвѣчала. Вы изволите писать, чтобы я увѣдомила Васъ о своемъ намѣреніи — желаю ли, чтобы дѣти мои остались казенными, дабы, окончивъ ученичeskій и студенчeskій курсы, были шесть лѣтъ учителями. Я охотно соглашаюсь на оное и желаю дѣтямъ какъ можно прилагать свои старанія за величайшую Государя милость, особливо для насъ бѣдныхъ“. Трудно сказать, какъ бы сложилась судьба Лобачевскихъ безъ этой стипендіи.

Всѣ три брата Лобачевскихъ проходили курсъ гимназическій съ большимъ успѣхомъ. Программа тогдашнихъ гимназій значительно отличалась отъ нынѣшнихъ. Гимназія тогда давала, хотя и поверхностное, но разностороннее образованіе: латинскій, французскій, нѣмецкій, татарскій (казанскій округъ!) языки, логика, практическая философія, геометрія, тригонометрія, механика, гидравлика, физика, химія, естественная исторія, землемѣріе, гражданская архитектура, науки юридическія и военныя, рисованіе, музыка, фехтованіе и танцы — такова была всеохватывающая программа гимназіи. Это разнообразіе, повидимому, очень благотворно отразилось на развитіи богатой натуры Лобачевского.

Въ гимназіи Н. И. Лобачевскій былъ живымъ и бойкимъ ребенкомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень хорошимъ ученикомъ; особенно большіе успѣхи онъ проявлялъ по латинскому языку и математикѣ. За пять лѣтъ окончилъ Н. И. свой гимназическій курсъ и въ 1807 г. поступилъ въ Казанскій университетъ, который въ то время вступалъ лишь въ третій годъ своего существованія. Все въ этомъ „храмѣ науки“ было примитивно. Профессорами были учителя старшихъ классовъ гимназій; бібліотекъ, музеевъ и кабинетамъ музея было положено лишь основаніе тѣмъ имуществомъ, которое накопилось въ гимназіи. Студентовъ было всего нѣсколько десятковъ, изъ которыхъ большинство принадлежали къ казеннымъ стипендіатамъ. Университетскія зданія имѣли довольно жалкій видъ. Многіе курсы представляли лишь дополненіе и нѣкоторое развитіе того, что юноши получали въ старшихъ классахъ гимназій. Постановка преподаванія отличалась малой обдуманностью и случайностью.

Въ университетѣ Н. И. Лобачевскій первое время усердно занялся медициной, такъ какъ математическія лекціи не прибавляли ничего новаго къ тому, что онъ получилъ въ гимназіи. Вскорѣ, однако, математическій факультетъ овладѣлъ всѣми его симпатіями. Этому способствовало то обстоятельство, что старикъ Румовскій, попечитель Казанскаго университета, самъ былъ хорошимъ математикомъ и пригласилъ цѣлый рядъ блестящихъ профессоровъ для этого факультета изъ-за границы. Въ числѣ этихъ послѣднихъ можно назвать Бартелиса по чистой математикѣ, Рен-

нера по прикладной математикѣ, Литрова по астрономіи, Броннера по физикѣ. Лобачевскій подѣ руководствомъ этихъ блестящихъ профессоровъ энергично взялся за изученіе физико-математическихъ наукъ и своими необычайными успѣхами быстро завоевалъ симпатіи заграничныхъ профессоровъ.

Усиленные университетскія занятія, однако, не измѣнили живого характера Н. И. Лобачевского, и онъ принималъ горячее участіе во множествѣ мальчишескихъ проказъ, которыми въ то время такъ отличались студенты. То онъ пустить на университетскомъ дворѣ глубокой ночью ракету и всполошить всѣхъ мирныхъ обывателей университетскихъ зданій; то отправится безъ разрѣшенія въ маскарадъ или въ гости; то проѣдется верхомъ на коровѣ; то наговорить начальству грубостей. Наказанія такъ и сыпались на Н. И.: публичный выговоръ, запись на черную доску, выставленную въ студенческихъ комнатахъ, лишенія почетныхъ званій и наградъ, заключеніе въ карцеръ—все перенесъ Н. И. Лобачевскій. Его поведеніе получило такую огласку, что попечитель Румовскій счелъ себя вынужденнымъ отправить слѣдующее заявленіе въ совѣтъ университета: „а студенту Лобачевскому, занимающему первое мѣсто по своему художому поведенію, объявить мое сожалѣніе о томъ, что отличныя свои способности помрачаетъ несоответственнымъ поведеніемъ, и для того, чтобы онъ постарался перемѣнить и исправить оное; въ противномъ случаѣ, если онъ совѣтомъ моимъ не захочетъ воспользоваться, и опять будетъ принесена жалоба на то, тогда я принужденъ буду довести о томъ до свѣдѣнія министра просвѣщенія“... Лобачевскому пришлось, наконецъ, внять этимъ увѣщаніямъ, онъ взялъ себя въ руки и въ короткое время сначала получилъ степень кандидата, а затѣмъ и магистра.

Въ качествѣ магистра Н. И. поступалъ въ завѣдываніе одного изъ профессоровъ, который долженъ былъ слѣдить за научными успѣхами молодого человѣка. Обязанностями магистровъ было, кромѣ того, замѣнять профессоровъ въ случаѣ ихъ болѣзни, репетировать со слушателями пройденное и принимать участіе въ изданіи „Казанскихъ Вѣдомостей“. Положеніе не только магистровъ, но и профессоровъ было незавиднымъ; университетская ученая корпорація кишѣла всякаго рода интригами и изнывала подѣ пятой начальства. Но всѣ эти тернія ученой карьеры Лобачевскій позабывалъ за книгами и математическими изслѣдованіями. Онъ быстро написалъ два сочиненія, обратившія на себя вниманіе. Главными его руководителями въ это время были Бартельсъ, посвятившій его во всѣ тонкости европейской науки, и Броннеръ, развернувшій передъ нимъ ту практическую философію, которой въ то время увлекались всѣ въ Германіи, и которая сумѣла укрѣпить въ Лобачевскомъ чувство глубокаго уваженія къ человѣческой личности. Наконецъ, подѣ руководствомъ Литрова онъ производилъ наблюденія надъ кометою въ 1811 г. Мы уже говорили, что Лобачевскій въ это время рѣзко измѣнилъ свое поведеніе: занимаясь усердно наукой, онъ долженъ былъ вести болѣе правильный образъ жизни. Его внѣшній обликъ сталъ отличаться большей выдержкой и даже суровостью.

Педагогическая дѣятельность Н. И. Лобачевского началась съ 1812 года, когда онъ съ огромнымъ успѣхомъ выступилъ въ качествѣ лектора публичнаго курса ариѣметики и геометріи для чиновниковъ. Въ 1814 году онъ былъ назначенъ адъюнктомъ и приступилъ къ чтенію лекцій въ Казанскомъ университетѣ. Вступленіе Лобачевского въ число профессоровъ Казанскаго университета пришлось на очень неблагоприят-

Иллюстрація къ „Мертвымъ Душамъ“, исполненная художникомъ А. Агинымъ.—Чичиковъ у Собакевича.

ное время. Ректоромъ университета въ теченіе ряда лѣтъ былъ Яковкинъ, человѣкъ вздорный и большой руки самодуръ. Его ректорство вызвало безпорядки въ студенческой средѣ. Для разслѣдованія событій былъ присланъ Магницкій, человѣкъ безъ чести и совѣсти. Онъ нашелъ университетъ распущеннымъ, объявилъ, что все неустройство объясняется отсутствіемъ страха Божія и благочестія у студентовъ и профессоровъ и предложилъ рядъ мѣръ въ указанномъ направленіи. Яковкинъ былъ смѣненъ; всѣ права по выборамъ и наблюденію за университетской жизнью были у профессорской коллегіи отняты. Все въ свои руки забралъ Магницкій, который за усердіе былъ назначенъ попечителемъ округа. Его вмѣшательство въ дѣло преподаванія доходило до того, что онъ по собственному усмотрѣнію, не справляясь съ профессорами, закупалъ въ Петербургѣ книги и учебныя пособія и высылалъ ихъ въ Казань. Всѣми суммами университета онъ распоряжался единолично. Относительно студентовъ былъ установленъ особый режимъ. Были назначены многочисленные общественныя моленія, обязательное посѣщеніе службъ; за всякую провинность студенты сажались въ карцеръ, гдѣ они были вынуждены созерцать картину страшнаго суда; провинившіеся попадать въ разрядъ „грѣшниковъ“, и всѣ остальные должны были возносить лицемерныя молитвы о возвращеніи грѣшника на стезю добродѣтели: по воскресеньямъ на университетскомъ дворѣ устанавливались столы для нищихъ, которымъ,—для развитія чувства смиренія,—должны были прислуживать студенты; награды выдавались не за успѣхи въ наукахъ, а за смиреніе и кротость. Въ университетѣ установилась невозможная нравственная атмосфера. Наиболѣе талантливые изъ профессоровъ-иностранцевъ немедленно же покинули университетъ, не находя возможнымъ успѣшно работать въ подобныхъ условіяхъ; университетскія каѳедры были заполнены безталантливыми клеветами Магницкаго: это, въ большинствѣ случаевъ, были люди мелкаго духовнаго калибра; не только въ университетѣ, но и на университетскомъ дворѣ временами становилось совершенно невыносимо: въ дразги, сплетни и ссоры, которыя затѣвали между собой профессорскія жены и кухарки, вмѣшивались часто и сами профессора. У Н. И. Лобачевского не хватило гражданскаго мужества открыто протестовать противъ этого издѣвательства надъ университетомъ. Весь этотъ позоръ общественной жизни какъ-то придавилъ его. Онъ отошелъ въ сторону отъ всякаго общенія даже со своими товарищами по университетской дѣятельности. Онъ весь ушелъ въ преподаваніе. Какъ математикъ, онъ не могъ имѣть никакого касательства къ различнымъ большимъ вопросамъ жизни, и его поэтому почти не трогали. Онъ и этому былъ радъ. Мало-по-малу онъ взвалилъ на себя въ этомъ отношеніи колоссальную работу. Въ виду того, что при правленіи Магницкаго каѳедры въ Казанскомъ университетѣ пустовали, ему приходилось временами представлять собой чуть ли не весь математическій факультетъ. Этой колоссальной работой онъ какъ бы оправдывалъ свое безличіе и свою приниженность во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось выступать въ навязанныхъ ему административныхъ функціяхъ (напр., въ качествѣ члена училищнаго комитета, которому, по уставу, была предоставлена большая власть по управленію гимназіями и училищами округа или, съ 1820 г., въ качествѣ декана математическаго факультета).

Конечно, нелегко давалось Лобаческому это обезличиваніе самого себя своими собственными силами. „Въ особенности тяжела“,—говоритъ

Янышевскій, — „была въ нравственномъ отношеніи обязанность Лобачевскаго, какъ члена совѣта. Лобачевскій самъ никогда не заискивалъ у начальства, не старался выставиться на глаза, не любилъ этого и въ другихъ. Въ то время, когда большинство членовъ совѣта, въ угоду попечителю, готово было на все, Лобачевскій безмолвно присутствовалъ въ засѣданіяхъ, безмолвно и подписывалъ протоколы этихъ засѣданій“. Единственнымъ прибѣжищемъ отъ этого униженія, которое онъ испытывалъ, и отъ всей той грязи, которую Магницкій развелъ въ университетѣ, была работа по геометріи, разсматриваемой имъ съ совершенно новой точки зрѣнія, какъ это было выяснено нами въ общемъ очеркѣ. Впрочемъ, Лобачевскій все время управленія округомъ Магницкимъ не начиналъ печатаньемъ своего знаменитаго изслѣдованія. Почему онъ даже въ этомъ отношеніи оставался безмолвнымъ ученымъ, трудно сказать. Вѣрнѣе всего, здѣсь подѣйствовали его неудачи съ двумя учебниками, написанными на новыхъ основаніяхъ: по геометріи и по алгебрѣ. Первый вызвалъ грубую и глупую критику какого-то министерскаго „профессора“, закрывшую дальнѣйшій ходъ этой интересной попыткѣ внести свѣжую струю въ преподаваніе математики, а второй — просто — на просто завалился у попечителя округа.

Наконецъ, Магницкій зарвался до того, что была назначена ревизія Казанскаго университета. Ревизоръ, генералъ Желтухинъ, раскрылъ всю ту „мерзость заустѣнія“, которую развелъ Магницкій въ Казанскомъ университетѣ. Магницкому пришлось подать въ отставку. Новый попечитель Мусинъ-Пушкинъ взялъ новую линію поведенія. Въ учебныхъ и ученыхъ кругахъ Казани всѣ вздохнули свободно.

Вздохнулъ свободно и Лобачевскій. Черезъ три же дня послѣ начала ревизіи Казанскаго университета, онъ представилъ физико-математическому факультету свое прекрасное изслѣдованіе по геометріи. Это была заря новой жизни для Лобачевского. Мусинъ-Пушкинъ возстановилъ права профессорской коллегіи и остановился на Лобачевскомъ, какъ на ближайшемъ своемъ сотрудникѣ. Въ 1827 г., несмотря на свою молодость (ему было только 33 года), Лобачевскій былъ избранъ ректоромъ университета. Въ слѣдующемъ же году на торжественномъ собраніи университета Лобачевскій выступилъ съ яркой рѣчью, въ которой высказалъ свои благородные взгляды на воспитаніе. Эта рѣчь, показавшая, что нашъ математикъ нашелъ время глубоко изучить многихъ выдающихся философовъ, произвела сильное впечатлѣніе на слушателей и значительно увеличила популярность Лобачевского. Эта рѣчь, въ которой Лобачевскій высказалъ свое уваженіе къ человѣческой природѣ, человѣческому разуму и человѣческому достоинству, была хорошимъ началомъ для его общественной дѣятельности.

Положеніе Лобачевского въ качествѣ ректора было въ высшей степени щекотливымъ и труднымъ. Профессора за время правленія Магницкаго совершенно отвыкли отъ самоуправленія. Университетскія дѣла слишкомъ часто опѣивались съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ. Въ засѣданіяхъ совѣта царилъ беспорядокъ. Лобачевскій, — строго охраняя интересы университета, — повелъ дѣло такъ, что всѣ скоро признали его авторитетъ. Не допуская даже и мысли о какомъ-либо своеволіи или насиліи со своей стороны, онъ употреблялъ всѣ силы для того, чтобы дорогое время не терялось на пустые споры. Когда онъ видѣлъ, что споръ затягивался, онъ обыкновенно снималъ этотъ вопросъ съ очереди, а послѣ засѣданія приглашалъ спорщиковъ въ кабинетъ и общими уси-

ліями устанавливалъ всё или нѣкоторые пункты соглашенія, послѣ чего, на слѣдующемъ засѣданіи, вопросъ проходилъ, въ большинствѣ случаевъ, уже довольно гладко. Къ студентамъ и своимъ подчиненнымъ Лобачевскій былъ очень требователенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени корректенъ, справедливъ и гуманенъ. Одинъ изъ бывшихъ учениковъ Лобачевского такъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

„Я помню студента Прозорова изъ Вятки, который отличался особенными способностями къ математикѣ. Въ то же время онъ имѣлъ несчастную страсть къ пьянству. Это былъ въ то время порокъ, весьма распространенный между студентами, который погубилъ много молодыхъ силъ... Лобачевскій старался поддерживать Прозорова; далъ ему мѣсто по окончаніи курса, наблюдалъ за нимъ, старался ослабить эту страсть, но безуспѣшно. Прозоровъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ.

„Въ годъ окончанія мною курса, т. е. въ 1844 г., одновременно со мною держалъ экзаменъ изъ математики Больцани — впоследствии извѣстный казанскій профессоръ физики. Этотъ Больцани прежде былъ приказчикомъ у Дацаро, извѣстнаго петербургскаго продавца картинъ и эстамповъ на Невскомъ проспектѣ. Онъ чувствовалъ призваніе къ математикѣ и, можетъ быть, или читалъ сочиненія Лобачевского, или слышалъ о немъ, какъ объ отличномъ математикѣ. Какъ бы то ни было, но Больцани оставилъ мѣсто приказчика и переехалъ въ Казань. Всякій разъ, когда Больцани подходилъ къ Лобачевскому, который самъ экзаменовалъ изъ всѣхъ предметовъ, входящихъ въ кругъ его специальности, — экзаменаторъ, живо помню это, глядѣлъ на его съ чувствомъ нескрываемаго умиленія“.

Это горячее сочувствіе дѣлу просвѣщенія сказывалось у Лобачевского также и въ томъ, что свои короткіе досуги онъ посвящалъ съ величайшей охотой дѣлу популяризаціи науки. Его популярныя лекціи по физикѣ пользовались большою извѣстностью, посѣщались большимъ количествомъ слушателей. Для ремесленниковъ онъ читалъ отдѣльный общедоступный курсъ по физикѣ, — „народную физику“. Онъ тщательно слѣдилъ за преподаваніемъ физики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, критиковалъ и составлялъ для нихъ программы, проявляя всегда большее знаніе дѣла. Онъ велъ педагогическія бесѣды въ учительскомъ институтѣ при Казанскомъ Университетѣ. Долгое время онъ сохранялъ за собой постъ председателя испытательнаго комитета на вступительныхъ экзаменахъ студентовъ. Онъ добился введенія гимнастики и преподаванія искусствъ въ гимназіяхъ и въ университетѣ. Онъ написалъ оригинальный учебникъ алгебры для гимназій.

Помимо всей этой ученой и педагогической работы, Н. И. Лобачевскій проявилъ себя выдающимся администраторомъ. Энергичными, цѣлесообразными и послѣдовательно проведенными мѣрами онъ въ 1830 г. почти не допустилъ на университетскую территорію холеру, свирѣпствовавшую въ городѣ. Успѣшность его мѣропріятій и неусыпныхъ заботъ можно видѣть изъ того, что изъ 560 лицъ, оставшихся въ продолженіе полутора мѣсяцевъ изолированными въ университетѣ, холерой заболѣло только 40 человекъ, изъ которыхъ умерло—13. Ему далѣе Университетъ обязанъ приведеніемъ въ порядокъ и дальнѣйшимъ ростомъ своей библіотеки. Лобачевскій въ теченіе многихъ лѣтъ оставался безсмѣннымъ библіотекаремъ и не покинулъ этой должности даже тогда, когда былъ избранъ ректоромъ. Онъ былъ основателемъ, руководителемъ и сотрудникомъ журнала „Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета“. Благодаря

его хлопотамъ для астрономической обсерваторіи, были приобретены цѣнные инструменты, а кабинеты прилично обставлены коллекціями. При немъ же были возведены лучшія зданія университета. Насколько добросовѣстно отнесся къ обязанностямъ строителя общественныхъ зданій Лобачевскій, видно изъ того, что, прежде чѣмъ были приняты какіе-либо проекты, Лобачевскій тщательно изучилъ архитектуру. Результаты такихъ трудовъ и неуспѣшныхъ заботъ со стороны Лобачевского превзошли всякія ожиданія: зданія вышли прочными, красивыми и необычайно дешевыми. Лобачевскому удалось сдѣлать экономію въ 49 тыс. руб., по сравненію съ суммами, поставленными въ смѣтѣ. Наконецъ, благодаря его распоряжительности, пожаръ 1841 года ограничился одной астрономической обсерваторіей, причемъ удалось спасти всѣ цѣнные инструменты. Наконецъ, какъ свидѣтельствуеъ архивъ Казанскаго Университета, всѣ постановленія собраній, происходившихъ подъ его предсѣдательствомъ, всегда записывались имъ собственноручно.

И тѣмъ не менѣе, эта разнообразная практическая дѣятельность не мѣшала его теоретическимъ трудамъ, которые хотя и оставались не замѣченными въ Россіи, но нашли горячій пріемъ у первоклассныхъ математиковъ Запада. Чистая математика, въ частности геометрія, не поглощали, впрочемъ, всѣхъ силъ, которыя онъ отдавалъ наукѣ. Онъ съ увлеченіемъ занимался опытнымъ науками. Такъ, ему принадлежитъ масса наблюдений надъ температурой земной почвы (болѣе 3500 наблюдений только въ 1833—34 гг.). Съ такимъ же увлеченіемъ занимался онъ и астрономіей. Такъ, въ 1842 г. онъ производилъ наблюденія солнечнаго затмѣнія и высказалъ рядъ интересныхъ предположеній о солнечной коронѣ. Оцѣнки Лобачевского, какъ математика, сдѣлана нами въ общемъ очеркѣ.

Въ этотъ періодъ жизни Лобачевскій отличался ровнымъ, спокойнымъ характеромъ, который нашелъ свое выраженіе даже въ тихой, спокойной и всегда вдумчивой рѣчи. Наружность была очень привлекательной: густые темнорусые, слегка курчавые волосы красиво обрамляли его подвижное, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, задумчивое лицо, украшенное глубокими, всегда нѣсколько угрюмыми темно-сѣрыми глазами.

Женился Лобачевскій поздно: сорока пяти лѣтъ. Жена его была богатая помѣщица, представлявшая во многомъ полную противоположность своему мужу. Несмотря на то, что Лобачевскіе были примѣрными супругами, они часто спорили. Эти споры обыкновенно не переходили въ ссоры, только благодаря удивительному спокойствію Н. И., который старался путемъ убѣжденія довести свою вспыльчивую и нетерпѣливую супругу до желательнаго соглашенія. Впрочемъ, во многомъ Лобачевскому пришлось уступить своей женѣ. Она считала себя аристократкой и желала сдѣлать ихъ домъ также аристократическимъ. Въ квартирѣ Лобачевского, такимъ образомъ, появилась шикарная обстановка и чуждое ему по духу общество, которое до глубокой полночи засиживалось за картами. Самъ Лобачевскій большею частью оставался въ кабинетѣ, обставленномъ съ прежней простотой и незатѣйливостью. Такой поворотъ семейной жизни приносилъ Лобачевскому много огорченій, тѣмъ болѣе, что и дѣти вышли неудачниками. Единственнымъ утѣшеніемъ для него было занятіе сельскимъ хозяйствомъ въ имѣніи его жены, и во второмъ небольшомъ имѣніи, Слободскѣ, купленномъ Лобачевскимъ на собственные средства.

Въ своемъ имѣніи Лобачевскій старался все поставить на новыхъ началахъ и велъ настойчивую борьбу съ сельско-хозяйственной рутинной. Онъ широко употреблялъ для удобренія гуано, устроилъ водяную мель-

нищу, изобрѣлъ новый способъ наковывать мельничные жернова, развелъ мериносовъ. О сельско-хозяйственной дѣятельности Лобачевского разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ профессоръ Вагнеръ: „Я былъ въ этой деревнѣ вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, профессоромъ геологіи въ Казанскомъ университетѣ. Вмѣстѣ съ нимъ въ 1854 г. мы плавали по Волгѣ, изучая геологическое строеніе ея береговъ. По приглашенію Лобачевского, мы заѣхали не надолго въ Слободку, которая стоитъ на довольно крутомъ берегу Волги. Здѣсь я собственными глазами убѣдился въ справедливости отзывовъ о Лобачевскомъ, какъ объ образцовомъ хозяинѣ. Послѣ обѣда онъ повелъ насъ по деревнѣ и показалъ намъ хорошо устроенный скотный дворъ и рациональный пчельникъ. Сельскимъ хозяйствомъ Лобачевскій занимался болѣе теоретически, чѣмъ практически. Онъ не могъ (по обязанности службы) долго жить въ деревнѣ и хозяйство велъ наемный управляющій по разъ заведенному опредѣленному порядку. Но многое въ этомъ порядкѣ было и ново и необычно. Многое не удавалось и все служило предметомъ пересудовъ и строгаго осужденія помѣщиковъ сосѣдей Л.“...

И въ старости Лобачевскій сохранилъ весь свой юморъ и любимымъ чтеніемъ вслухъ были для него „Вечера на хуторѣ“ и „Миргородъ“ Гоголя. Но закатъ жизни Лобачевского былъ невеселымъ. Старшій сынъ, подававшій нѣкоторыя надежды на научные успѣхи, умеръ еще юношей отъ чахотки. Остальные дѣти наукой не интересовались. Отецъ это видѣлъ и не обманывалъ себя. Когда сынъ его послѣ лѣтнихъ каникулъ, проведенныхъ въ бездѣльи, сталъ проситься въ Казань держать экзаменъ, Н. И. отрѣзалъ ему: „Тамъ собакъ не гоняютъ, рыбы не удятъ, а ты все это лѣто только этимъ и занимался. Какой же ты хочешь держать экзаменъ?“ Въ этихъ словахъ звучала горечь не сбывшихся надеждъ относительно своихъ дѣтей. Въ дѣйствительности же, самое горячее чувство къ молодежи не покидало ни на минуту его благородной души. Вотъ два разсказа его сына, подтверждающихъ это... „Отца всегда радовало, когда къ нему обращались съ желаніемъ учиться. Онъ съ такою отеческою заботою слѣдилъ за учениками, и заботы эти были дѣйствительно достойны удивленія. Разъ, я помню, еще въ очень молодыхъ годахъ, изъ нашей деревни Полянскъ явился къ отцу мужикъ лѣтъ тридцати, съ большой черной бородой, нечесаный—косматый. Отецъ, думая сначала, что пришелъ пьяница съ какой-нибудь жалобой,—сердито спросилъ, откуда онъ и что ему надо. Оказалось, что это крестьянинъ Романъ, бѣжалъ изъ деревни отъ жены и дѣтей, и явился въ городъ учиться грамотѣ. Отецъ крайне удивился. „Ты, Романъ“,—сказалъ онъ,—„лучше бы сына прислалъ, а то какъ же ты домъ бросилъ“.—„Нѣтъ, батюшка, теперь работы кончены, хлѣбъ убрали, осень да зиму поучусь, ну а къ веснѣ пойду на работу“.—„Ну ладно,—сказалъ отецъ,—оставайся“. Къ веснѣ научившійся бойко читать, писать и считать, Романъ поѣхалъ въ Полянки (имѣнье Лоб.) управляющимъ. „Отецъ,—гласитъ второй разсказъ,—любилъ быстрые отвѣты и не терпѣлъ мямлей. Товарищъ мой Криницынъ учился прекрасно, но былъ страшный мямля и „толстозыченъ“. Отецъ его прозвалъ „зуконный языкъ“. Онъ хорошо кончилъ курсъ, и когда диссертация его на степень кандидата была одобрена, молодежь съ радости подкутила и ночью пробиралась домой. Криницынъ бросилъ безъ всякой мысли камень и совершенно нечаянно разбилъ въ церкви Воскресенія окно. Это было какъ разъ противъ полиціи. Выбѣжавшіе будочники захватили нѣкоторыхъ студентовъ, а въ томъ числѣ и Криницына. Утромъ разсказали эту

исторію инспектору студентовъ. Тотъ передалъ ее попечителю и, въ концѣ концовъ, поступокъ Криницына превратился въ кошунство. Криницына хотѣли исключить изъ университета и лишить трудомъ добытой ученой степени. Профессора отнеслись къ этому довольно безразлично, но Лобачевскій, въ то время больной, явился въ совѣтъ и спасъ молодого чело-вѣка“...

Итакъ, Н. И. Лобачевскій оставался все тѣмъ же честнымъ труженикомъ, готовымъ прийти на помощь ко всякому, кто въ ней нуждался. Но жизнь продолжала сыпать ударъ за ударомъ на его сѣдую голову. Вскорѣ запутались денежные дѣла Лобачевского. Отчасти тутъ, конечно, былъ виноватъ и самъ Н. И-чъ, который упрямо доводилъ до конца свои сельско-хозяйственные затѣи, хотя онѣ часто и не соответствовали непосредственнымъ запросамъ рынка. Возможно, что большинство предпріятій Лобачевского и увѣнчались бы успѣхомъ, если бы за дѣломъ онъ могъ слѣдить самъ, но хозяйство приходилось оставлять на чужомъ попеченіи. Но главнымъ ударомъ для состоянія Лобачевскихъ былъ крупный карточный проигрышъ брата жены, за котораго Лобачевскіе считали себя обязанными внести большую сумму денегъ. Для этого они вынуждены были заложить и свои имѣнья, и свой домъ въ Казани. Жена продолжала прежній образъ жизни, а проценты съѣдали весь доходъ съ имѣнья. Жена стала вымещать неудачи на своемъ мужѣ. Жизнь Лобачевского становилась все болѣе и болѣе печальной. Вскорѣ онъ лишился и единственного своего утѣшенія—профессуры. Онъ выслужилъ свои сроки, хотя ему было всего 52 года. Для продолженія профессорской дѣятельности онъ долженъ былъ получить утвержденіе министерства. Вслѣдствіе какой-то темной интриги, этого утвержденія, столь обычнаго въ жизни профессоровъ, не послѣдовало, и знаменитому ученому пришлось распротиститься съ университетомъ, который онъ такъ любилъ и для котораго сдѣлалъ такъ много.

При другой семьѣ, пенсіи, которую получилъ Лобачевскій, было бы вполне достаточно, но Лобачевскимъ этого (около 2000 р.) было мало. Н. И-чу пришлось взять мало симпатичную должность помощника попечителя учебнаго округа. Его доброе и благожелательное отношеніе къ молодымъ педагогамъ оставалось памятнымъ и долгое время послѣ того, какъ онъ оставилъ свой постъ. Ко всѣмъ неудачамъ присоединилась болѣзнь глазъ, вслѣдствіе которой онъ началъ слѣпнуть. Бюрократическая челядь почувствовала, что звѣзда Лобачевского померкла навсегда; этими соображеніями опредѣлялась, конечно, и линія ея поведенія. „Прежде, когда Лобачевскій входилъ въ университетскую актовую залу“,—разсказываетъ профессоръ Вагнеръ,—всѣ почтительно шли ему навстрѣчу, всѣ торопились выказать ему всеобщее уваженіе; теперь онъ входилъ тихо, осторожно, опираясь на палку. Его вели подъ руки, и всѣ какъ бы избѣгали его; онъ какъ-то безпомощно улыбался, стыдился своего положенія, какъ-бы извиняясь за него“...

Смерть прекратила эту печальную старость великаго ученаго и прекраснаго чело-вѣка 12 февраля 1856 г.

С. В. Ковалевская.

С. В. Ковалевская.

(1850—1891).

Софья Васильевна Ковалевская, по рождению, принадлежала къ старинной дворянской и достаточно зажиточной семьѣ Корвинъ-Круковскихъ. Среди ея предковъ было нѣсколько человѣкъ, выдвинувшихся изъ рядовъ обывателей своими научными интересами и научными изслѣдованіями. Ея отецъ, хотя и надутый своимъ генеральствомъ и важничавшій своимъ столбовымъ дворянствомъ, все же былъ человѣкъ не глупый, и, несмотря на свои крѣпостническія наклонности, незлой. По образованію онъ былъ

офицеръ-артиллеристъ, а потому долженъ былъ знать недурно математику, къ которой питалъ даже нѣкоторое пристрастіе. Мать Ковалевской была нѣмкой и протестанткой, что ей не мѣшало сдѣлаться русской по привычкамъ. Впрочемъ, все же она оставалась важной барыней и, несмотря на свою доброту и привязанность къ дѣтямъ, мало занималась ихъ воспитаніемъ.

Первые годы воспитаніе Софьи Васильевны шло по тому же шаблонному пути, какъ и у дѣтей другихъ состоятельныхъ помѣщиковъ того времени: сначала простая старушка няня, затѣмъ довольно вѣтреная французенка гувернантка, далѣе, педантичная и суровая англичанка и пожилыхъ лѣтъ господинъ—русскій учитель.

Самыя раннія воспоминанія Софьи Васильевны относятся къ Москвѣ и связаны съ няней: „Гулъ колоколовъ. Запахъ кадила. Толпа народа выходитъ изъ церкви. Няня сводить ее за руки съ паперти, бережно охраняя ее отъ толчковъ. „Не ушибите ребеночка!“—умоляетъ она поминутно тѣснящихся вокругъ людей“...

Но Москву вскорѣ пришлось промѣнять на Калугу. Эта перемѣна, впрочемъ, не оказала большого вліянія на жизнь дѣтей: дни за днями, какъ всегда, проходили съ нянькой въ дѣтской, наверху двухъэтажнаго дома... „Дѣтская наша такъ и рисуется передъ моими глазами. Большая, но низкая комната. Стоить нянѣ стать на стулъ, и она свободно достанетъ рукой до потолка. Мы всѣ трое спимъ въ дѣтской“. Маленькая Софья росла вмѣстѣ со своей сестрой Анной, которая была старше ея на нѣсколько лѣтъ. Нянька была долгое время главной воспитательницей обѣихъ дѣвочекъ. Все дѣло немудренаго воспитанія было налажено сообразно старымъ русскіймъ воззрѣніямъ. Даже когда въ домъ появилась французенка, старуха не позволяла „басурманкѣ“ отворять въ дѣтской форточку, чтобы не „студить господскихъ дѣтей“. Комната никогда не бывала прибрана, какъ слѣдуетъ; мылись и причесывались дѣти также безъ достаточной тщательности; платье дѣвочекъ не отличалось большой аккуратностью. Привычки этого рода пустили глубокіе корни въ душу Софьи Васильевны, и ей во всю жизнь не удалось отдѣлаться отъ нихъ окончательно. Стѣны дѣтской настолько ревниво охраняли дѣвочку отъ внѣшняго міра, что изъ пятидесятихъ годовъ, наполненныхъ разсказами о кровавой севастопольской войнѣ, въ воспоминаніяхъ Софьи Васильевны остались сказки нянюшки о черной смерти, о волкѣ-оборотнѣ, и двѣнадцатиголовыхъ змѣяхъ и тому подобныхъ ужасахъ, которые еще долго снились дѣвушкѣ даже послѣ того, какъ она вышла изъ дѣтскихъ лѣтъ.

Такая обстановка ранняго воспитанія крайне неблагоприятно отразилась на развитіи маленькой Софьи: дѣвочка сдѣлалась нервной. „Когда мнѣ случалось уронить куклу“,—разсказывала сама Софья Васильевна,—„няня должна была поднимать ее и докладывать мнѣ, цѣла ли у нея голова; въ противномъ случаѣ она должна была ее уносить, не показывая мнѣ. Я помню и теперь, какъ однажды Анюта, поймавъ меня одну безъ няни, и, желая подразнить, стала насильно совать мнѣ въ глаза восковую куклу, у которой изъ головы болтался вышитый чернѣйшій глазъ, и довела меня до конвульсій“. Такой же безотчетный страхъ охватывалъ Софью въ темной комнатѣ, передъ видомъ большого недостроеннаго дома или какого-нибудь физическаго уродства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ головѣ ребенка стали появляться странныя и ничѣмъ не оправдываемыя идеи. „Во мнѣ“,—пишетъ С. В.—„рано развилось убѣжденіе, что я нелюбимая,

и это отразилось на всем моем характерѣ. У меня все болѣе и болѣе стала развиваться дикость и сосредоточенность“. Эти черты характера были особенно чувствительны для окружающих, благодаря настойчивости и даже упрямству, которыя Софья Васильевна по наслѣдству получила от своего отца. На развитіе Софьи большое вліяніе имѣла ея сестра Анюта, которая была старше ея на семь лѣтъ. Анюта была впечатлительнымъ ребенкомъ, знавшимъ, пожалуй, больше, чѣмъ это соотвѣтствовало ея возрасту. Она вдалбливала въ голову Софьи много такихъ понятій, которыя совершенно не укладывались въ головѣ маленькаго ребенка. Софья привыкла съ благоговѣніемъ относиться къ своей старшей сестрѣ и, видя ее постоянно за книгой, самоучкой выучилась читать.

Въ 1858 году отецъ Софьи вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи Палибинѣ. На досугъ генераль сталъ все чаще и чаще задумываться о воспитаніи своихъ дѣтей. „Какъ нерѣдко случается въ русскихъ семьяхъ“, — замѣчаетъ С. В., — „отецъ вдругъ сдѣлалъ неожиданное открытіе, что дѣти его далеко не такія примѣрныя, прекрасно воспитанныя, какъ онъ полагалъ. До сихъ поръ всѣ твердили, что сестра моя чуть ли не феноменальный ребенокъ, умный и развитой не по лѣтамъ. Теперь же вдругъ оказалось, что она не только изъ рукъ вонъ избалована, но для двѣнадцатилѣтней дѣвочки до крайности невѣжественна, даже правильно писать не умѣетъ по-русски“. Въ результатѣ разинюнянюшку смѣняетъ строгая и требовательная англичанка Марья Францовна Смитъ, а вѣтреную француженку — солидный, пожилой, но добрый сердцемъ учитель-гувернеръ Малевичъ, который оставилъ воспоминанія о своей замѣчательной ученицѣ.

„При первой встрѣчѣ (1858 г.) съ моей даровитой ученицей“, — пишетъ онъ, — „я увидѣлъ въ ней восьмилѣтнюю дѣвочку, довольно крѣпкаго сложенія, милой и привлекательной наружности, въ глазахъ которой свѣтился воспріимчивый умъ и душевная доброта. Въ первыя же учебныя занятія она обнаружила рѣдкое вниманіе, быстрое усвоеніе преподаннаго, совершенную, такъ сказать, покладливость, точное исполненіе требуемаго и постоянно хорошее знаніе уроковъ.

„Развивая ея способности по своему методу, я не могъ, однако жъ, замѣтить при первыхъ урокахъ ариѣметики особыхъ способностей къ этому предмету: все шло такъ, какъ съ прежними моими ученицами. Однажды за обѣдомъ генераль спросилъ свою любимую дочь: „Ну что, Софа, полюбила ли ты ариѣметику?“ — „Нѣтъ, папочка“, былъ ея отвѣтъ. „Такъ полюбите же ее, и полюбите больше, чѣмъ другіе научные предметы!“ сказалъ я съ нѣкоторымъ волненіемъ. Не прошло четырехъ мѣсяцевъ, какъ ученица моя почти на такой же вопросъ отца сказала: — „Да, папочка, я люблю заниматься ариѣметикой: она доставляетъ мнѣ удовольствіе“. Отецъ улыбнулся, и, очевидно, былъ радъ отвѣту своей дочери“...

„Прошли три-четыре года“, — продолжаетъ свой рассказъ г. Малевичъ, — „безусловно успѣшныхъ занятій безо всякихъ выдающихся эпизодовъ; но, когда мы дошли въ геометріи до отношенія окружности круга къ діаметру, которое я преподавалъ со всѣми доказательствами и выводами, ученица моя, излагая данное на слѣдующемъ урокъ, къ удивленію моему, пришла совсѣмъ другимъ путемъ и особенными комбинаціями къ тому же самому выводу. Я потребовалъ повторить и, думая, что она не совсѣмъ поняла мое изложеніе, что, хотя выводъ вѣрный, но не слѣдуетъ прибѣгать къ рѣшенію черезчуръ окольнымъ путемъ, и потребовалъ,

чтобы она изложила такъ, какъ я преподалъ. Не знаю, была ли она сконфужена моимъ неожиданнымъ требованіемъ, или, быть можетъ, я задѣлъ ея самолюбіе, только она сильно покраснѣла, потупила глаза и заплакала. Я постарался успокоить ее ласковыми словами, ободрить, урезонить и, повторивши данное, отложилъ все до слѣдующаго урока. Это были первыя и послѣднія слезы ученицы за все время моего девятилѣтняго ей преподаванія. Въ тотъ же день я передалъ этотъ случай генералу, и когда пояснилъ все дѣло, то онъ, какъ старый математикъ, похвалилъ изобрѣтательность своей дочери и сказалъ: „Молодецъ, Софья! Это не то, что было въ мое время. Бывало, радъ-радъ, когда знаешь хоть кое-какъ урокъ, а тутъ сама, да еще дѣвочка, нашла себѣ другую дорогу“, — и, очень, обрадованный, крѣпко пожалъ мою руку“.

Сама Софья Васильевна такъ вспоминаетъ объ этихъ урокахъ по элементарной математикѣ и о своихъ первыхъ шагахъ въ той области, въ которой она покрыла свое имя свѣтлой славой.

„Первоначальнымъ систематическимъ обученіемъ математикѣ я обязана І. П. Малевичу. Въ особенности хорошо и своеобразно Малевичъ преподавалъ ариметику. Однако, я должна сознаться, что въ первое время, когда я начала учиться, арифметика не особенно меня интересовала. Только ознакомившись нѣсколько съ алгеброй, я почувствовала настолько сильное влеченіе къ математикѣ, что стала пренебрегать другими предметами. Любовь къ математикѣ проявилась у меня подъ вліяніемъ дяди Петра Васильевича Корвинъ-Круковского. Многіе и долгіе часы проводили мы съ нимъ въ угловой комнатѣ нашего большого деревенскаго дома, въ такъ называемой башнѣ, она же и библіотека. Отъ него, между прочимъ, мнѣ пришлось впервые услышать о нѣкоторыхъ математическихъ понятіяхъ, которыя произвели на меня особенно сильное впечатлѣніе. Дядя говорилъ о квадратурахъ круга, объ асимптомахъ-прямыхъ линіяхъ, къ которымъ кривая постепенно приближается, никогда ихъ не достигая, и о многихъ другихъ совершенно непонятныхъ для меня вещахъ, которыя, тѣмъ не менѣе, представлялись мнѣ чѣмъ-то таинственнымъ и въ то же время особенно привлекательнымъ“...

Какъ рано пробудилась въ Софѣ Васильевнѣ способность къ самостоятельному математическому мышленію, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. „Тыртовъ“ (профессоръ, сосѣдъ Круковскихъ)—разсказываетъ она сама, — „привезъ намъ какъ-то свой элементарный учебникъ физики. Я попробовала читать эту книгу, но, къ своему горю, встрѣтила въ отдѣлѣ оптики тригонометрическія формулы. Не зная тригонометріи, соображаясь съ формулами, бывшими въ книгѣ, я попыталась объяснить ихъ себѣ сама. При этомъ, по странному совпаденію, я пошла тѣмъ же путемъ, который употреблялся исторически, т. е. вмѣсто синуса брала хорду. Для малыхъ угловъ эти величины почти совпадаютъ другъ съ другомъ. Когда я разсказала Тыртову, какимъ путемъ я дошла до объясненія тригонометрическихъ формулъ, онъ сталъ горячо убѣждать отца въ необходимости учить меня серьезно“...

Однако, математикой далеко не исчерпывались тѣ умственные интересы, которыми жила молодая дѣвушка. Тотъ же самый П. В. Корвинъ-Круковский постоянно дѣлился со всѣми окружающими научными новинками. То онъ разскажетъ, какъ Поль Беръ сростилъ нервы двухъ кроликовъ и получилъ что-то въ родѣ сіамскихъ близнецовъ: „вы одного бьете, а другому больно“. То заведетъ рѣчь объ опытахъ Клодъ-Бернара надъ вырѣзываньемъ частей мозга у голубя. То приведетъ новыя статьи

объ единствѣ физическихъ силъ и т. д. „Вѣроятно“, — замѣчаетъ по этому поводу С. В., — „и Гельмгольцъ, и Клодъ-Бернаръ очень удивились бы, если бы узнали, какое яблоко раздора закинули они въ мирную русскую семью, проживающую гдѣ-то въ захолустѣ Витебской губерніи“...

Но интересы дѣвушки были шире и этихъ положительныхъ наукъ. Она съ ранняго дѣтства полюбила поэзію. „Самая форма, самый размѣръ стиховъ“, — говоритъ она, — „доставляли мнѣ необычайное наслажденіе; я съ жадностью поглощала всѣ отрывки русскихъ поэтовъ, и чѣмъ выше сокопарнѣе была поэзія, тѣмъ болѣе она мнѣ приходилась по вкусу. Баллады Жуковского долго были единственными извѣстными мнѣ образцами русской поэзіи; хотя у насъ была обширная бібліотека, но она состояла преимущественно изъ иностранныхъ книгъ; ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Некрасова въ ней не было“... „Мцыри“ и „Кавказскій пленникъ“ въ хрестоматіи Филонова явились для Софіи Васильевны настоящимъ откровеніемъ... Съ ранняго дѣтства явилось у ней стремленіе и самой писать стихи. Но педантка-гувернантка всячески искореняла эту „дурную привычку“. „Если ей попадался на глаза клочекъ бумажки, исписанный стихами ученицы, она прикалывала его булавкой къ плечу дѣвочки и потомъ при всѣхъ декламировала стихи, коверкая ихъ и искажая. Впечатлительная Софа перестала на время писать стихи, но сочиняла ихъ въ умѣ и громко произносила ихъ, играя въ мячъ“ (Литвинова).

Въ 1866 году Софія Васильевна съ матерью, сестрой и братомъ провела зиму въ Монтре, въ Швейцаріи. По возвращеніи въ Россію, Корвинъ-Круковскіе въ интересахъ дальнѣйшаго образованія своихъ дѣтей рѣшили переѣхать въ Петербургъ. Передъ молодой дѣвушкой заманчиво открывалась новая жизнь. Въ Петербургъ Софія Васильевна пріѣхала съ хорошимъ знаніемъ элементарной математики, съ порядочными свѣдѣніями по зоологіи, ботаникѣ и минералогіи, съ хорошимъ знакомствомъ съ англійскимъ и французскимъ языками, менѣе основательнымъ знакомствомъ съ нѣмецкимъ языкомъ и русской литературой. Какъ видимъ, фундаментъ для дальнѣйшихъ научныхъ занятій былъ заложенъ весьма значительный. Не менѣе важно было и то, что настоящая англичанка упорнымъ примѣненіемъ гигиеническихъ правилъ сумѣла укрѣпить нервную систему и вообще здоровье Софіи Васильевны.

Пріѣздъ сестеръ Корвинъ-Круковскихъ въ Петербургъ пришелся на 1867—1868 годы, т. е. на періодъ широкихъ реформъ, прорвавшихся въ застоявшуюся русскую жизнь. Конечно, Полибино было въ курсѣ совершавшихся въ Россіи измѣненій и встрѣчало ихъ далеко не съ энтузіазмомъ. Старикъ-отецъ отпускалъ своихъ дочерей съ большой неохотой: онъ покорялся только необходимости. Его успокаивало нѣсколько лишь то обстоятельство, что дѣти его и жена должны были поселиться въ домѣ тетушекъ, женщинъ чопорныхъ и безцвѣтныхъ, окружившихъ себя соотвѣствующимъ обществомъ. Съ какой опаской относились старики Корвинъ-Круковскіе, показываетъ слѣдующій фактъ. Старшая изъ барышень Корвинъ-Круковскихъ, Аня, отличалась живымъ, впечатлительнымъ характеромъ и обладала небольшимъ литературнымъ талантомъ. Дѣвѣ ея по вѣсти, — конечно, тайно отъ родителей, — были помѣщены въ журналѣ „Эпоха“, редактированномъ Достоевскимъ. Мало-по-малу литературная тайна Аня была открыта родителями, не сразу примирившимися съ тѣмъ, что ихъ дочь (Корвинъ-Круковская!) унизила до помѣщенія своихъ произведеній въ журналѣ какого-то разночинца. Но цѣлая буря под-

нялась, когда Анюта рѣшилась заикнуться о разрѣшеніи ей познакомиться съ Достоевскимъ, отнесшимся чрезвычайно тепло къ ея таланту. Конечно, въ концѣ концовъ, Анюта сумѣла поставить на своемъ, но вотъ какія соображенія выдавливались изъ себя почтенный генералъ по поводу этого вопроса. „Помни, Лиза“, — говорилъ онъ своей женѣ, — „что на тебѣ будетъ лежать большая отвѣтственность. Достоевскій — человѣкъ не нашего общества. Что мы о немъ знаемъ? Только то, что онъ журналистъ и бывшій каторжникъ. Хороша рекомендація! Нечего сказать! Надо бытъ съ нимъ очень и очень осторожнымъ“ ...

Но вся эта осторожность, въ концѣ концовъ, не привела ни къ чему. Круковскіе познакомились не только съ Достоевскимъ, который безъ памяти влюбился въ Анюту и съ чрезвычайной добротой относился къ Софѣ, но очень быстро вошли въ самую гущу радикальной молодежи. Вотъ какъ Софья Васильевна въ послѣдствіи характеризовала ту среду, въ которой она вращалась съ сестрой въ Петербургѣ. „Мы такъ сильно увлеклись новыми идеями, открывавшими передъ нами, мы такъ глубоко были убѣждены, что существующее состояніе общества не можетъ долго продлиться, мы уже видѣли наступленіе новаго времени, времени свободы и всеобщаго просвѣщенія, мы мечтали объ этомъ времени, мы были глубоко убѣждены, что оно скоро наступитъ! И намъ была невѣроятно пріятна мысль, что мы живемъ одною общою жизнью съ этимъ временемъ... Когда тремъ или четверемъ изъ насъ, молодежи, случилось гдѣ-нибудь въ гостиной встрѣтиться впервые среди цѣлаго общества старшихъ, при которыхъ мы не смѣли выражать своихъ мыслей, намъ достаточно было намека, взгляда, жеста, чтобы понять другъ друга и узнать, что мы находимся среди своихъ, а не среди чужихъ. И когда мы убѣждались въ этомъ, какое большое, тайное, непонятное для другихъ счастье доставляло намъ сознаніе, что вблизи насъ находится этотъ молодой человѣкъ или эта молодая дѣвушка, съ которыми мы, быть можетъ, раньше и не встрѣчались, съ которыми мы едва обмѣнивались нѣсколькими незначущими словами, но которые, какъ мы знали, одушевлены тѣми же идеями, тѣми же надеждами, тою же готовностью жертвовать собой для достиженія извѣстной цѣли, какъ и мы сами“ ...

Однимъ изъ самыхъ настойчивыхъ стремленій передовой женщины того времени было стремленіе къ высшему образованію, и Софья Васильевна вскорѣ оказалась цѣликомъ во власти этого благороднаго порыва тѣмъ болѣе, что къ высшему образованію она была въ достаточной степени подготовлена. Но двери высшей школы оставались еще закрытыми для женщины. Софья Васильевна горячо сочувствовала поднявшемуся движенію въ пользу высшаго образованія для женщины, но она считала невозможнымъ ограничиваться одними только ожиданіями. Хорошія средства, которыми располагали ея родители, позволили ей частнымъ образомъ до извѣстной степени реализовать свои порывы къ высшему образованію. Конечно, она стремилась при этомъ использовать свою тягу къ математикѣ. Такъ, она начала брать уроки аналитической геометріи и дифференціальнаго исчисленія у А. Н. Страннолюбскаго, открывшаго ей возможность заглянуть въ глубину великой науки и наполнившаго ея душу великимъ восторгомъ. Занятія эти шли съ рѣдкимъ успѣхомъ и тѣмъ окончательно утвердили ее въ желаніи добиться высшаго образованія.

Остановимся нѣсколько на внѣшнемъ обликѣ Софьи Васильевны того времени. „Она“, — пишетъ одна изъ ея близкихъ пріятельницъ, — „производила совершенно своеобразное впечатлѣніе своею на-

ружностью, доставившей ей ласковое прозвище „воробышка“. Ей минуло уже восемнадцать лѣтъ, но на видъ она казалась гораздо моложе. Маленькаго роста, худенькая, но довольно полная въ лицѣ, съ коротко-обстриженными вьющимися волосами каштановаго цвѣта, съ необыкновенно выразительнымъ и подвижнымъ лицомъ, съ глазами, постоянно мѣнявшими выраженіе, то блестящими и искрящимися, то глубоко мечтательными, она представляла собою оригинальную смѣсь дѣтской наивности съ глубокою силою мысли. Она привлекала къ себѣ сердца всѣхъ своею безыскусственною прелестью, отличавшею ее въ этотъ періодъ жизни; и старые, и молодые, и мужчины, и женщины — всѣ были увлечены ею. Глубоко естественная въ своемъ обращеніи, безъ тѣни кокетства, она какъ бы не замѣчала возбуждаемаго ею поклоненія. Она (въ то время) не обращала ни малѣйшаго вниманія на свою наружность и свой туалетъ, который отличался необыкновенной простотою, съ примѣсю нѣкоторой безпорядочности, не покидавшей ея всю жизнь“...

Эти строчки въ достаточной степени объясняютъ намъ одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ въ ея жизни. Итакъ, Софья Васильевна рѣшилась добиться возможности высшаго образованія. Единственный путь для этого въ то время была поѣздка за границу. Но какъ это устроить? Старики ни за что не согласятся отпустить ее одну на продолжительное время въ чужія страны. Правда, слѣдовало бы хорошенько сначала попытать своихъ родителей въ этомъ отношеніи: возможно, что старики, видя серьезное и страстное желаніе учиться, и уступили бы просьбамъ своей любимой дочери... Но это представлялось слишкомъ обходнымъ и слишкомъ долгимъ путемъ. Молодость не терпѣлива, а практика того времени вырабатала и подходящее средство, при помощи котораго молодая дѣвушка могла быстро сбросить дѣйствительное или мнимое иго своей семьи, — фиктивный бракъ съ порядочнымъ молодымъ человѣкомъ, который сумѣлъ бы не предъявлять никакихъ претензій къ своей фиктивной женѣ и, пользуясь только юридическими правами мужа, предоставилъ бы ей возможность свободно устроить свою жизнь. Поиски сестеръ Круковскихъ увѣнчались быстро успѣхомъ: нашелся безусловно порядочный и солидный молодой человѣкъ, который соглашался вступить въ фиктивный бракъ съ Софьей Васильвной. Это былъ Владиміръ Онуфріевичъ Ковалевскій, братъ знаменитаго русскаго естествоиспытателя А. О. Ковалева, которому въ первомъ томѣ „Великихъ Людей“ у насъ посвящена одна изъ біографій. Вотъ какъ его описываетъ г-жа Литвинова. „Въ то время онъ былъ еще очень молодъ, но уже обращалъ вниманіе своими талантами и славился необыкновеннымъ знаніемъ языковъ; окончивъ курсъ правовѣдѣнія, онъ не пошелъ тою торною дорогою, которая ему открывалась, но, чувствуя склонность къ естественнымъ наукамъ, думалъ отправиться за границу учиться; онъ не былъ богатъ, и, вѣроятно, для пріобрѣтенія средствъ, занялся переводомъ и изданіемъ естественно-научныхъ сочиненій. Переводы свои онъ диктовалъ такъ быстро, что утомлялъ писавшихъ. По наружности своей Ковалевскій всею мѣнѣе подходилъ къ изящнымъ дѣвицамъ Корвинъ-Круковскимъ. Довольно тщедушный, рыжеватый, съ большимъ мясистымъ носомъ, онъ, вѣроятно, не обратилъ бы на себѣ ихъ вниманія, если бы дѣло шло о любви, и онѣ, можетъ быть, не замѣтили бы тогда его добрыхъ, умныхъ, живыхъ голубыхъ глазъ, большого блага лба, поистинѣ братскаго отношенія къ женщинамъ, которому онъ оставался вѣренъ всю свою жизнь. Такой человѣкъ какъ нельзя болѣе годился для роли освободителя“... Несомнѣнно, что глубоко сим-

патичный обликъ Софьи Васильевны много способствовалъ тому, что молодой человѣкъ согласился до извѣстной степени принести себя въ жертву свободѣ молодой дѣвушки, такъ какъ бракъ, хотя бы и фиктивный, представлялъ собой значительную юридическую обузу.

Бракъ Софьи Васильевны съ Владиміромъ Онуфріевичемъ былъ совершенъ, впрочемъ, съ согласія родителей первой. Вѣнчаніе въ скромной приходской церкви, роскошный парадный обѣдъ, карета для свадебнаго путешествія, — все, какъ требовалъ дворянскій этикетъ. Но дальше все пошло уже необычнымъ путемъ. Молодые поселились въ Петербургѣ, и каждый занялся своимъ дѣломъ. Затѣмъ оба уѣхали въ Гейдельбергскій университетъ и продолжали каждый заниматься своей наукой: она — математикой, онъ — геологіей. Лѣтомъ слѣдующаго года Ковалевскіе, какъ хорошіе друзья, вмѣстѣ отправились въ Лондонъ, гдѣ познакомились съ цѣлымъ рядомъ выдающихся людей, въ томъ числѣ съ Джоржемъ Эллиотъ, Дарвиномъ, Спенсеромъ (біографіи этихъ послѣднихъ см. въ первомъ томѣ „Великихъ Людей“). Затѣмъ снова поѣздка въ Гейдельбергъ, гдѣ Софья Васильевна своими необычайными успѣхами въ математикѣ успѣла обратить на себя всеобщее вниманіе. Наконецъ, осенью 1870 г. С. В. вмѣстѣ со своей подругой отправляется въ Берлинъ.

„Въ Берлинъ“, — пишетъ г-жа Литвинова, — „тянула Ковалевскую мѣла о первомъ математикѣ въ Западной Европѣ — Вейерштрассѣ, многочисленныя ученики котораго разносили славу его по всему свѣту. Несмотря на всѣ старанія, ей не удалось проникнуть въ университетъ, хотя за допущеніе ея стояли такіа свѣтила, какъ Вейерштрассъ, Дюбуа-Реймонъ, Вирховъ и Гельмгольцъ (біографію послѣдняго см. физики въ II томѣ „Великихъ Людей“). Пришлось просить Вейерштрасса заниматься съ нею частнымъ образомъ, но она хорошо знала, что безкорыстный и сильно занятый Вейерштрассъ ни за какія деньги не согласится ей давать частныя уроки. Ковалевская имѣла понятіе о Вейерштрассѣ по разсказамъ его учениковъ; его можно было взять только талантомъ и любовью къ наукѣ. Она сознавала, что нѣтъ у нея недостатка ни въ томъ, ни въ другомъ, но все же ее волновала мысль предстать передъ этимъ великимъ математикомъ. Вейерштрассъ не только по своему математическому гению, но и по возвышенному характеру занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между замѣчательными людьми нашего вѣка. Онъ прошелъ тяжелую школу нужды и долгое время былъ учителемъ въ гимназій. Въ молодости своей онъ, вопреки нѣмецкому обычаю, влюбился въ дѣвушку, стоящую несравненно выше его по своему общественному положенію, и потому остался на всю жизнь не женатымъ. Въ молодости же Вейерштрассъ писалъ стихи. Вообще, умъ его отличался большой разносторонностью. Онъ столько же глубокій философъ, сколько математикъ; голова его заключаетъ въ себѣ безчисленное множество идей, которыя разрабатываются цѣлой арміей его учениковъ. Онъ всего менѣе заботился о деньгахъ и славѣ, но вторая явилась сама собой. Матеріальныя же его средства долгое время были ограниченны, чѣмъ у многихъ другихъ заурядныхъ профессоровъ, между тѣмъ, онъ и ими всегда дѣлился со своими сестрами, живущими вмѣстѣ съ нимъ.“

„Ковалевская въ первый разъ явилась къ Вейерштрассу въ сумерки; онъ принялъ посѣтительницу, не взглянувъ на нее хорошенько, и, желая подвергнуть ее необходимому испытанію, предложилъ взять съ собой нѣсколько трудныхъ задачъ. Когда черезъ недѣлю она принесла ему рѣшенія данныхъ задачъ, онъ поднялъ на нее свои удивленные

глаза и увидѣлъ ея милое, умное лицо, имѣвшее нѣкоторое сходство съ предметомъ его любви. Онъ съ радостью заявилъ готовность заниматься съ нею. Вейерштрассъ не читалъ ей лекцій, а прямо руководилъ ея работами по математикѣ; она завоевала его сердце, и онъ сдѣлался навсегда ея другомъ. Разъ въ недѣлю онъ приходилъ къ ней, а по воскресеньямъ она бывала у него "...

Въ Берлинѣ, какъ и въ Гейдельбергѣ, С. В. вела жизнь въ высшей степени трудовую, отнимая часто у сна самые необходимые часы. Отличаясь, какъ и ея подруга, съ которой она поселилась, крайней непрактичностью, Ковалевская не умѣла устроиться сколько-нибудь сносно на тѣ средства, которыя она получала изъ дому. Это еще больше подрывало ея здоровье. Несомнѣнно также, что ложное положеніе, въ которое ее ставилъ фиктивный бракъ, также былъ источникомъ немалыхъ волнений и тревогъ для С. В.—ны. Наконецъ, были огорченія и чисто академическаго характера. Такъ, въ то время, когда она готовила къ печати одну математическую работу, въ печати явилось рѣшеніе этого вопроса, предложенное извѣстнымъ профессоромъ Шварцемъ, и вся работа С. В. пошла, такъ сказать, насмарку, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія достиженія ученой степени, къ которой она стремилась. Наконецъ, и семейныя дѣла доставляли ей какъ разъ въ этотъ періодъ много хлопотъ и огорченій. Ея бурная сестра Анна, которая была отпущена вмѣстѣ съ С. В. за границу, быстро охладѣла къ наукѣ и со всѣмъ пыломъ своей души отдалась политикѣ. Тайно отъ родителей она уѣхала въ Парижъ, влюбилась въ француза, сдѣлавшагося однимъ изъ видныхъ членовъ коммуны, и вынуждена была пережить весь ужасъ расправы буржуазнаго правительства съ коммунарами, когда ея мужъ былъ приговоренъ къ смертной казни. С. В. не могла, конечно, оставить своей любимой сестры. Осада Парижа застала Ковалевскихъ, мужа и жену, въ несчастномъ городѣ. Затѣмъ начались дни усиленныхъ хлопотъ за мужа сестры. Выяснилась неизбежность открыть всѣ событія родителямъ и выпросить ихъ вмѣшательство и защиту. Все это С. В. взяла на свои плечи и все выполнила съ блестящими результатами. Несмотря на всѣ эти сложные обстоятельства, С. В. продолжала упорно работать и въ слѣдующемъ же году представила въ Геттингенскій университетъ три блестящихъ работы („О кольцѣ Сатурна, объ Абелевскихъ функціяхъ и о дифференціальныхъ уравненіяхъ съ частными производными“) и получила степень доктора математики.

Теперь С. В.—на съ спокойной совѣстью возвращалась въ Россію: она добилась поставленной себѣ задачи. Ближайшее лѣто она рѣшила провести вмѣстѣ съ родителями въ Полибинѣ. Туда же пріѣхала и Анюта со своимъ мужемъ. Всѣ жили, повидимому, очень дружно, тѣмъ не менѣе С. В.—на чувствовала, что въ семейныхъ отношеніяхъ далеко не все осталось въ прежнемъ видѣ. Отецъ и мать явно съ большимъ пристрастіемъ относились къ сыну, чѣмъ къ дочерямъ, которыя для нихъ являлись все же отрѣзанными ломтями. Вышнимъ образомъ эти настрoenія родителей выразились въ завѣщаніи, по которому большая часть имущества должна была перейти къ ихъ сыну; дочерямъ было назначено лишь по 50.000 руб. Такъ какъ мужъ С. В., конечно, съ ея согласія раньше взялъ на свои изданія 20.000 руб., то теперь на долю С. В.—ны приходилось всего лишь 30.000 руб., т. е. она оказалась „самой бѣдной“ въ семьѣ. Въ кругу, гдѣ рубль — цѣлковый традиціонно игралъ почтенную роль, всѣ эти расчеты должны были тяжело ло-

житься на душу участников дѣлежа. Такимъ образомъ, несмотря на видимую тѣсную дружбу между членами семьи, С. В. чувствовала волей-неволей нѣкоторую отчужденность. Къ этому надо прибавить и то обстоятельство, что Анюта оказалась натурой слабой. Теперь, когда у ней завелся „обожаемый“ мужъ и родился „несравненный“ сыночекъ, въ ней потухли всѣ интересы къ общественной жизни, и печенки закрыли отъ нея Божій свѣтъ. Теперь у нея было одно на умѣ: какъ бы побольше прихватить для своего угла. Это еще больше отдаляло другъ отъ друга обѣихъ сестеръ.

Чувство одиночества, которое все сильнѣе и сильнѣе стала испытывать С. В.—на на своемъ старомъ пепелищѣ, привело къ тому, что она все больше и больше стала задумываться о своемъ „фигитивномъ“ мужѣ. Его большія познанія, крупныя таланты и его преданность самой Софѣ Васильевнѣ высоко ставили его въ ея воображеніи надъ окружающею средой. Время шло, молодость, какъ у него, такъ и у нея, уплывала: являлась крайняя необходимость не только по отношенію къ себѣ, но и по отношенію къ Вл. Он. такъ или иначе окончательно разрѣшить то драматическое положеніе, въ которомъ они находились. Въ результатѣ долгихъ обдумываній, колебаній и бесѣдъ съ глазу на глазъ Ковалевскіе рѣшили превратить свой фиктивный бракъ въ фактический и въ ближайшую зиму поселились въ Петербургъ вмѣстѣ.

Нравственная выдержка, полученная Ковалевскими въ дворянской средѣ, была не особенно высокой пробы. Когда Ковалевскіе появились въ Петербургъ, они попали въ кругъ богатыхъ людей, которые ихъ считали также за богатыхъ людей. Ни у того, ни у другого не хватало нравственного мужества отрѣзать себя отъ этого тлетворнаго общества и уйти въ науку или общественную дѣятельность. Они стали тянуться за той средой, въ которую они попали, хотя средства имъ этого не позволяли. Къ несчастью, въ душѣ С. В. проснулась чисто дворянская тяга ко всякимъ погромамъ свѣта: балы, рауты, костюмы и проч. Вопрошь о средствахъ грозно всталъ передъ обоими Ковалевскими. Вл. Он. попытался было устроиться въ профессурѣ. Его блестящія работы по геологіи давали ему на это полное право. Но съ первыхъ же шаговъ оказалось, что на этомъ пути, кромѣ серьезныхъ научныхъ знаній, надо имѣть гибкую спину и умѣнье вывертываться изъ сложныхъ интригъ. Вл. Он.—чу все это показалось слишкомъ противнымъ, и онъ поставилъ крестъ на профессорской карьерѣ. Софѣ Васильевнѣ также не приходилось думать о заработкѣ при помощи своихъ математическихъ познаний уже по одному тому, что большинство русскихъ профессоровъ-математиковъ относилось къ ней крайне недружелюбно и съ большимъ недоверіемъ. Тогда Вл. Он. съ необычайнымъ азартомъ набросился на спекуляціи по постройкѣ домовъ въ то самое время, когда умеръ старикъ Круковский и къ Софѣ Васильевнѣ перешли ея злосчастные 30.000 рублей. Благодаря своему практическому уму Вл. Он. сначала повелъ свои дѣла съ большою удачей. Но, нуждаясь въ обратномъ капиталѣ, онъ долженъ былъ бы всякій грошъ съ большою осторожностью пускать въ дѣло. Къ сожалѣнію, слишкомъ большая вѣра въ свою звѣзду и желаніе доставить своей любимой женѣ возможную роскошь, немедленно исполнять имъ съ большимъ трудомъ, шли на пустяки. Ковалевскіе жили, какъ очень богатые люди. Въ Софѣ Васильевнѣ проснулись также самыя дурныя, эгоистическія наклонности. Еще хуже пошли дѣла въ этомъ

БЕРНАДСКИЙ,

Иллюстрация А. Агина—Чичиковъ у Манилова.

отношеніи, когда въ 1878 г. у Ковалевскихъ родилась дочь. Это были годы настоящаго нравственнаго паденія для обоихъ. Наука была заброшена. Напрасно Вейерштрассъ посылалъ ей новинки математики и старался своими письмами снова привлечь ее къ научной работѣ. Правда, въ душѣ Ковалевскихъ не все еще было раздавлено золотымъ тельцомъ, которому они поклонялись въ эти годы съ такимъ увлеченіемъ. Они охотно помогали тѣмъ, кто случайно попадалъ въ поле ихъ зрѣнія. Софья Васильевна попрежнему оставалась горячей сторонницей женскаго образованія и съ увлеченіемъ работала въ комитетѣ высшихъ женскихъ курсовъ, открывшихся въ Петербургѣ въ 1878 г.

Этимъ-то свѣтлымъ искоркамъ суждено было снова разгорѣться въ благородное пламя послѣ почти шестилѣтняго промежутка. Случилось это вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Вл. Он. приходилось съ такимъ напряженіемъ вести свою нервную работу, что вскорѣ стали проявляться явные признаки переутомленія. У него вдругъ опустились руки, и все дѣло пошло прахомъ. Они вдругъ оказались банкротами. Но эта катастрофа, подавившая окончательно мужа, заставила жену воспринять духомъ. Ея душа сразу проснулась къ борьбѣ и труду. Она даже безъ сожалѣнія говорила о разразившейся катастрофѣ и промчавшихся годахъ богатства и роскоши. „Моя дочь—это единственное хорошее, что принесли мнѣ эти годы“, — съ такой мыслью она начала новый періодъ въ своей жизни.

Однако, новая жизнь началась не сразу. Ковалевскіе на время поселились у своихъ богатыхъ друзей въ Москвѣ. Конечно, это было тяжело. Положеніе нѣсколько облегчилось тѣмъ, что и гости и хозяйка, потерявшая въ дѣлѣ Ковалевскихъ нѣсколько тысячъ руб., были охвачены погоней за изобрѣтеніями въ области электрическаго освѣщенія, которыя должны были, по ихъ расчету, принести имъ новое богатство. Между тѣмъ, судьба снова улыбнулась Вл. Он.—чу. Одинъ изъ дѣльцовъ нефтепромышленности, при случайномъ знакомствѣ съ Вл. Он.—чемъ, былъ пораженъ его практическимъ умомъ и предложилъ ему хорошо оплачиваемую должность. Снова появилась барская квартира и богатая обстановка, но на этотъ разъ лишь на короткое время. Несомнѣнно, что переутомленіе, которое испытывалъ Ковалевскій, было однимъ изъ проявленій тяжелаго, хотя и мало замѣтнаго, нервнаго заболѣванія. Эти болѣзненные процессы выразились, между прочимъ, въ рѣзкомъ измѣненіи его характера. Прежде добродушный, Вл. Он.—чъ сдѣлался раздражительнымъ и неуживчивымъ, благодаря чему вскорѣ увидѣлъ себя вынужденнымъ оставить свое хорошо оплачиваемое мѣсто. Это, впрочемъ, нѣсколько не огорчало Софью Васильевну. Ее огорчала та перемѣна, которую она почувствовала въ отношеніяхъ своего мужа къ себѣ. Она не догадывалась о нервной болѣзни его и приписывала эту перемѣну различнымъ житейскимъ причинамъ. Его скрытность, которая теперь такъ бросалась въ глаза, она объясняла его недовѣріемъ и охлажденіемъ къ ней. Привязанная къ мужу скорѣе умомъ, чѣмъ сердцемъ, она не выдержала этого испытанія, и отношенія между ними окончательно испортились. Они рѣшили разстаться. Софья Васильевна уѣхала за границу, гдѣ стала готовиться къ профессурѣ, къ чему ее увлекалъ новый ея другъ, поборникъ женскаго образованія шведскій профессоръ Миттагъ-Леффлеръ, который усиленно хлопоталъ о предоставленіи Софьѣ Васильевнѣ доцентуры во вновь открывавшемся Стокгольмскомъ университетѣ. Одно изъ писемъ Софьи Васильевны къ этому ученому чрезвы-

чайно характерно для ея тогдашнихъ настроеній. „Приношу вамъ живѣйшую благодарность за всѣ ваши хлопоты о моемъ назначеніи въ Стокгольмскій университетъ“,—писала она.—„Что касается меня, я всегда съ радостью приму мѣсто доцента университета. Я никогда и не разсчитывала ни на какое другое положеніе и, признаюсь вамъ въ этомъ откровенно, буду чувствовать себя менѣе смущенной, занимая скромное мѣсто; я стремлюсь примѣнить свои познанія и преподавать въ высшемъ учебномъ заведеніи, чтобы навсегда открыть женщинамъ доступъ въ университетъ; теперь, какъ бы то ни было, этотъ доступъ есть исключеніе или особая милость, которой всегда можно лишиться, что и произошло въ большинствѣ германскихъ университетовъ. Хотя я и не богата, но располагаю средствами для того, чтобы жить вполне независимо; поэтому вопросъ о жалованьи не можетъ оказать никакого вліянія на мое рѣшеніе. Я желаю главнымъ образомъ одного—служить всѣми силами дорогому мнѣ дѣлу и въ то же время доставить себѣ возможность работать въ средѣ лицъ, занимающихся тѣмъ же дѣломъ; это счастье никогда не выпадало мнѣ на долю въ Россіи; я пользовалась имъ только въ Берлинѣ. Все это мои личныя желанія и чувства. Но я считаю себя обязанной сообщить вамъ также слѣдующее. Профессоръ Вейерштрассъ, основываясь на существующемъ въ Швеціи положеніи дѣлъ, считаетъ невозможнымъ, чтобы Стокгольмскій университетъ согласился принять женщину въ число своихъ профессоровъ, и, что еще важнѣе, онъ боится, чтобы вы не повредили сильно сами себѣ, настаивая на этомъ нововведеніи. Было бы слишкомъ эгоистично съ моей стороны не сообщить вамъ этихъ опасеній нашего уважаемаго учителя, и вы, конечно, поймете, что я пришла бы въ отчаяніе, если бы узнала, что вы за меня поплатились какой-нибудь непріятностью. Я полагаю поэтому, что теперь, быть можетъ, было бы неблагоразумно и несвоевременно начинать хлопоты о моемъ назначеніи: лучше подождать до окончанія начатыхъ мною работъ. Если мнѣ удастся выполнить ихъ такъ хорошо, какъ я разсчитываю, то онѣ послужатъ къ достиженію намѣченной цѣли“...

Соф. Вас.—на, дѣйствительно, мало-по-малу съ головой ушла въ дѣло математическихъ изслѣдованій. Первоначально она еще поддерживала, несмотря на серьезныя размолвки, сношенія съ мужемъ, и они совмѣстно сдѣлали нѣсколько поѣздокъ по Европѣ, въ которыхъ брали и свою маленькую дочку. Но самъ Ковалевскій неудержимо катился подъ гору. Его спекуляціи заходили такъ далеко, что его стали считать простымъ аферистомъ, а иные совѣтовали ему даже подумать о своей репутации. Это окончательно оттолкнуло Соф. Вас. отъ мужа; разрывъ между ними сталъ дѣломъ непоправимымъ. Она отослала свою дѣвочку къ знаменитому дядѣ въ Одессу, заняла въ Парижѣ скромную студентскую комнатку, вращалась главнымъ образомъ въ средѣ ученыхъ и работала, работала безъ передышки, а онъ все больше и больше запутывался въ своихъ предпріятіяхъ и окончилъ свою жизнь въ 1883 году самоубійствомъ. Эта смерть принесла Соф. Вас.—нѣ много горькихъ минутъ, такъ какъ она считала себя до извѣстной степени отвѣтственной за это несчастье... Но и эта катастрофа не остановила научныхъ изслѣдованій Софьи Васильевны... Наконецъ, ея работа окончена, одобрена Вейерштрассомъ и принята Стокгольмскимъ университетомъ, который назначаетъ ее приватъ-доцентомъ. Съ трепетомъ и смущеніемъ приняла это назначеніе Софья Васильевна: она все боялась, что научныя силы ея недостаточны для исполненія тѣхъ обязанностей,

которыя она приняла на себя. Однако, законченный ею въ апрѣлѣ 1884 г. въ Стокгольмскомъ университетѣ курсъ оказался настолько прекраснымъ, что обезпечилъ за ней блестящую репутацію. Этимъ положеніемъ дѣлъ воспользовался ея другъ Миттагъ-Леффлеръ и добился признанія Ковалевской профессоромъ Стокгольмскаго университета, о чемъ и телеграфировалъ ей 1 іюля 1884 г. Теперь она возвращалась въ Стокгольмъ на жалованье (хотя добытое изъ частныхъ средствъ) въ четыре тысячи кронъ (2.222 руб.). Это было болѣе какъ нельзя кстати, такъ какъ личныя матеріальныя средства С. В.—ны въ это время были въ очень плохомъ состояніи.

По возвращеніи въ Швецію Ковалевская прежде всего удалилась въ уединенную мѣстность въ окрестностяхъ Стокгольма съ тѣмъ, чтобы закончить свою интересную работу „О преломленіи свѣта въ кристаллахъ“, что и исполнила съ большимъ успѣхомъ. Затѣмъ она возвратилась къ общественной жизни и приступила къ чтенію своихъ лекцій въ университетѣ, которыя она читала теперь уже по-шведски: такъ быстро овладѣла она новымъ языкомъ. Работы у нея было очень много. Вотъ отрывокъ изъ ея письма того времени:

„1. Прежде всего я должна была позаботиться о своихъ трехъ лекціяхъ въ недѣлю на шведскомъ языкѣ. Я читала алгебраическое введеніе въ теорію Абелевскихъ функцій; повсюду въ Германіи лекціи эти считаются самыми трудными. У меня чрезвычайно много слушателей, и всѣ они остаются мнѣ вѣрными за исключеніемъ двухъ-трехъ.

2. Я въ этотъ промежутокъ времени написала небольшой математическій трактатъ, который намѣреваюсь на-дняхъ отправить къ Вейерштрассу съ просьбою напечатать въ журналѣ Боргарда.

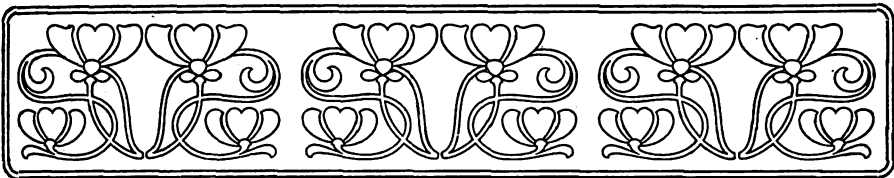
3. Я пишу съ Миттагъ-Леффлеромъ большую математическую статью и въ то же самое время занимаюсь журнальной работой. До сихъ поръ напечатана только одна изъ нихъ: „Изъ моихъ личныхъ воспоминаній“...

Въ то же самое время Ковалевская старалась широко пользоваться и общественной жизнью. Она очень сошлась съ сестрою Миттагъ-Леффлера, извѣстной шведской писательницей. Бывала на различныхъ вечерахъ, вездѣ собирая вокругъ себя кружки слушателей и поклонниковъ. Она начала учиться верховой ѣздѣ и катанью на конькахъ, хотя ни то, ни другое искусство ей не давались, такъ какъ съ дѣтства она отличалась значительной физической неловкостью. Все это чрезвычайно благотвѣтельно дѣйствовало и на ея душевныя настроенія и на ея здоровье: она замѣтно помолодѣла и похорошѣла.

Слѣдующее лѣто Софья Васильевна провела въ Россіи. Здѣсь ей пришлось нѣкоторое время пребыть у постели почти умирающей ея когда-то бурной сестры Анюты, личная жизнь которой оказалась также разбитой. Это были тяжелые дни; однако, они сторичей были вознаграждены встрѣчей съ любимой дочкой, которую С. В. рѣшила теперь взять въ Стокгольмъ. Лѣто это, которое С. В.—на проводила въ имѣніи своей подруги, находившемся въ центральной Россіи, принесло ей новую радость: по порученію Стокгольмскаго университета она должна была замѣнить въ предстоящій зимній семестръ заболѣвшаго профессора механики. Видно было, какъ высоко начинали цѣнить шведскіе ученые заслуги Софьи Васильевны. Объ этомъ же свидѣтельствовали многочисленные статьи, появившіяся въ иностранныхъ журналахъ.

Быстро пролетѣло это лѣто отдыха. Наступила пора возвратиться въ Стокгольмъ. Ковалевская ѣхала съ сознаниемъ крайней необходимо-

сти не только оправдать довѣріе Стокгольмскаго университета, поручившаго ей читать отвѣтственный курсъ по механикѣ, но и написать такую выдающуюся работу, которая сдѣлала бы безспорнымъ ее право на получение вознагражденія отъ университета. Все это ее сильно волновало, и она провела зиму болѣе уединенно, чѣмъ раньше. Лѣтомъ, во время своей поѣздки въ Парижъ, она, наконецъ, нашла тему для предстоящаго сочиненія. Это возвратило ей бодрость и жизнерадостность, и она, выписавъ свою дочурку и обзаведясь впервые въ Стокгольмѣ своей квартирой, съ увлеченіемъ отдалась новой работѣ. Это былъ главный трудъ всей ея жизни, и она довела его до конца, несмотря на цѣлый рядъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ: на смерть сестры, на новый страстный и все же неудачный для нея романъ съ однимъ русскимъ, на драму почти изъ личной жизни, которую она какъ разъ въ это время писала вмѣстѣ съ г-жею Леффлеръ. Тема на этотъ разъ ею была взята изъ аналитической механики. Это былъ крайне сложный и запутанный вопросъ, который примыкалъ къ труднѣйшимъ задачамъ, разработаннымъ Эйлеромъ, Пуансо и Лягранжемъ. Работа эта имѣетъ слишкомъ спеціальныя черты для того, чтобы съ нею можно было ознакомить читателя въ популярномъ очеркѣ. Для насъ достаточно будетъ привести здѣсь мнѣніе хотя бы такого знатока, какъ русскій профессоръ Некрасовъ. „Талантливое открытіе Ковалевской“, — говоритъ этотъ послѣдній, — „относящееся къ примѣчательному случаю движенія твердаго тѣла, не есть только случайная, счастливая находка; напротивъ того, открытіе это есть результатъ ея настойчивыхъ, упорныхъ трудовъ и глубокихъ знаній въ области чистой математики и особенно современнаго анализа. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ счастливомъ открытіи ея ей помогли тѣ знанія, которыя она проявила въ своихъ первыхъ трудахъ“... Тема, надъ которой работала Ковалевская, была между прочимъ выдвинута французской академіей наукъ на одну изъ выдаваемыхъ ею премій. Ковалевская успѣла окончить и отослать свою работу во время. Работа, исполненная Ковалевской, оказалась настолько блестящей, настолько глубоко продуманной, что французская академія не только присудила ей одну изъ наибольшихъ своихъ премій, но еще постановила увеличить размѣры этой преміи. „Она“, — говоритъ извѣстный математикъ Дюбуа-Реймонъ, — „получила премію за рѣшеніе вопроса о вращеніи твердаго тѣла подъ вліяніемъ дѣйствующихъ на него силъ; изъ трехъ представляющихся здѣсь задачъ двѣ были рѣшены Лягранжемъ; Ковалевской принадлежитъ рѣшеніе третьей задачи, наиболѣе сложной; въ то же время она доказала, что послѣднимъ случаемъ исчерпываются средства современнаго анализа“... Эта новая ея побѣда въ области научныхъ завоеваній (1889 г.) принесла ей вмѣстѣ съ тѣмъ прочное положеніе въ ученомъ мірѣ: она получила званіе ординарнаго профессора Стокгольмскаго университета и была, слѣдовательно, теперь совершенно обезпечена въ матеріальномъ отношеніи. Но Софья Васильевна тѣмъ не менѣе чувствовала себя глубоко несчастной: ея любовь оставалась нераздѣленной и причиняла ей тяжелыя душевныя страданія. Погруженная въ свою трагедію и свои научныя работы, она не обращала почти никакого вниманія на себя. Эта небрежность привела къ тяжелой простудѣ, которая и свела еще полную силъ и возможностей Софью Васильевну въ могилу 29 января 1891 г.

ВЕЛИКІЕ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛИ.

III — ЗНАМЕНИТЫЕ АНТИДАРВИНИСТЫ.

Въ первомъ томѣ „Великихъ Людей“ мы посвятили немало мѣста исторіи одной изъ величайшихъ идей, какою только когда-либо обладало человѣчество, — исторіи эволюціонной теоріи („Какъ строилась и развивалась теорія эволюціи“ съ біографіями Ч. Дарвина, А. Уоллеса, Э. Геккеля, А. О. Ковалевскаго, Спенсера). Мы думаемъ, что полезнымъ добавленіемъ къ этой главѣ, — добавленіемъ, которое, конечно, имѣетъ совершенно самостоятельное значеніе, — можетъ служить настоящій очеркъ о знаменитыхъ антидарвинистахъ и антиэволюціонистахъ: Линней, Кювье, Карлъ Бэръ и Лесгафтъ, такъ какъ онъ не только нагляднѣе выдвинетъ очень важный періодъ въ исторіи развитія естественныхъ наукъ, но и ярче покажетъ всѣ тѣ огромныя препятствія, которыя пришлось проложить эволюціонной теоріи прежде, чѣмъ она вошла въ обиходъ современнаго человѣчества. Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію научныхъ воззрѣній тѣхъ эпохъ, къ которымъ относятся выше-названные знаменитые ученые, мы находимъ необходимымъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Прежде всего необходимо замѣтить, что самый терминъ „антидарвинисты“ мы употребляемъ въ нѣсколько условномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если Лесгафтъ и Карлъ Бэръ въ извѣстныхъ отношеніяхъ являются сознательными антидарвинистами, такъ какъ имѣли возможность тщательно разобраться въ этомъ ученіи, то Кювье, а особенно—Линней, могутъ быть названы антидарвинистами лишь въ томъ смыслѣ, что нѣкоторыми изъ основныхъ своихъ воззрѣній они шли наперекъ теченію, приведшему насъ, въ концѣ концовъ, къ идеямъ Ч. Дарвина, съ произведеніями котораго они, конечно, не могли быть знакомы. Тѣмъ не менѣе, указанныя общія черты какъ намъ кажется, достаточно характеризуютъ положеніе взятыхъ нами на этотъ разъ ученыхъ. Не можемъ не указать и того, что первые изъ трехъ ученыхъ объединяются своими работами по классификаціи, сыгравшей огромную роль въ дѣлѣ изученія животнаго и растительнаго міра.

Для того, чтобы понять значеніе выбранныхъ нами здѣсь естествоиспытателей, мы должны указать, что двухъ важнѣйшихъ отраслей естествознанія: сравнительной анатоміи, основателемъ которой считается Кювье, и эмбриологіи (ученіе о развитіи каждаго индивидуальнаго организма вплоть до того момента, когда онъ отдѣляется отъ родительской формы), отцомъ которой всемі признанъ Карлъ Бэръ, — во времена Линнея еще не существовало.

Однако, кое-какія подготовительныя идеи въ этомъ направленіи уже носились съ давнихъ поръ въ головахъ наиболѣе выдающихся мыслителей, принимая иногда глубоко уродливыя формы и затемняя въ такихъ случаяхъ тѣ здоровые элементы, которые заключались въ этихъ воззрѣніяхъ. Вотъ, напр., страничка изъ исторіи развитія эмбриологіи. „Отрывочныя эмбриологическія наблюденія“, — говоритъ проф. Холодковскій, — „производились уже Аристотелемъ; анатомы и физиологи XVII вѣка также посильно содѣйствовали развитію этой отрасли знанія. Но до какой степени противорѣчивы съ дѣйствительностью были взгляды первыхъ эмбриологовъ, доказываетъ такъ называемая теорія преобразованія, которая господствовала въ XVII и XVIII вѣкахъ и была энергически поддерживаема такими свѣтилами науки, какъ знаменитый физиологъ Галлеръ. По этой теоріи будущій организмъ предсуществуетъ въ яйцѣ готовый, со всѣми своими частями; если этихъ частей въ раннихъ стадіяхъ не видно, то это не потому, чтобы ихъ не было, а потому что они очень малы и прозрачны. Прямымъ слѣдствіемъ этой теоріи было допущеніе, что въ микроскопическомъ зародышѣ предсуществуютъ уже и тѣ зародыши, которые онъ впоследствии произведетъ на свѣтъ, въ этихъ зародышахъ также вложены зародыши и т. д., — цѣлыя поколѣнія будущихъ организмовъ преобразованы, слѣдовательно, въ каждомъ яйцѣ. Такъ какъ въ то время натуралисты, какія бы имъ теоріи въ голову ни приходили, старались согласовать ихъ со Священнымъ Писаніемъ, то нѣкоторыя досужія головы стали вычислять, сколько зародышей было вложено въ яичникахъ праматери рода человѣческаго Евы, и опредѣлили число ихъ приблизительно въ 200.000 милліоновъ“... Вотъ въ какомъ положеніи находились эмбриологическія познанія ко времени Линнея. Очевидно, что эмбриологія, какъ наука, не существовала, а были только темныя намеки на то, что подобная наука должна быть.

Но если въ самой эмбриологіи не было сдѣлано ничего достойнаго вниманія, то въ смежныхъ областяхъ знанія были пріобрѣтены цѣнныя вклады, послужившіе фундаментомъ и для самой эмбриологіи. Такъ, знаменитый итальянскій врачъ Мальпиги, скончавшійся въ Римѣ въ 1694 г., помимо своихъ интересныхъ работъ по анатоміи шелковичнаго червя (органы дыханія, спинной сосудъ, нервная система, прядильныя железы), знаменитъ своей попыткой (неудавшейся отчасти вслѣдствіе примитивности микроскоповъ того времени) изслѣдовать развитіе цыпленка въ яйцѣ. Голландскій любитель естествознанія (не имѣвшій никакой ученой степени) Левенгукъ, скончавшійся въ 1723 г., открылъ кровяные шарикъ и первый наблюдалъ подъ микроскопомъ движеніе крови въ сосудахъ хвоста головастика. Онъ открылъ далѣе поперечно-полосатыя мышечныя волокна, безполое размноженіе тлей, образованіе почекъ на прѣсноводной гидрѣ, и — что особенно важно, — инфузорій. Сваммердамъ, также голландецъ (скончался въ 1680 г.), далъ цѣлый рядъ очень цѣнныхъ систематическихъ изслѣдованій по анатоміи наѣсковыхъ и другихъ безпозвоночныхъ; ему же принадлежатъ интересныя указанія по исторіи развитія лягушки. Впрочемъ, всѣ эти замѣчательныя работы стояли совершенно особнякомъ и оставались для большинства ученыхъ неопѣяными и непонятными.

То же самое приходится сказать и о другой великой наукѣ, такъ сильно способствовавшей правильнымъ воззрѣніямъ на животное царство, — о сравнительной анатоміи. Первые правильные взгляды о необходимости такой науки и о ея задачахъ были высказаны еще въ Греціи, но затѣмъ

съ паденіемъ классической науки эти правильныя воззрѣнія были оставлены, и вообще всякая оригинальная работа мысли въ области естествознанія заглухла на много столѣтій. Наука оказалась заполненной вздорными разсужденіями, въ которыхъ люди не желали считаться съ опытомъ и съ указаніями природы. Только въ XIII столѣтіи появляются небольшіе проблески въ области анатоміи, когда, по приказанію императора Фридриха II, было анатомировано нѣсколько труповъ. Въ XV столѣтіи для изученія организма многое было сдѣлано итальянскими учеными, Везалиемъ, Фаллопиемъ, Фабриціемъ, Аквепенденте и др. Эти ученые даютъ уже довольно обстоятельное анатомическое описаніе человѣка. Успѣхи въ этой области наталкиваютъ другихъ ученыхъ на неизбѣжныя сравненія данныхъ по анатоміи человѣка съ данными по анатоміи другихъ животныхъ, которая, какъ мы видѣли, за это время значительно двинулась впередъ. Сравненія этого рода тогда же привели къ нѣкоторымъ интереснымъ сопоставленіямъ, которыя, однако, оставались учеными, запуганными преслѣдованіями со стороны церкви, подъ спудомъ. Только въ XVI вѣкѣ Белонъ рѣшается помѣстить на заглавномъ листѣ своей орнитологической работы скелетъ человѣка рядомъ со скелетомъ птицы и отмѣтить одинаковыми знаками одинаковыя части того и другого. Но это были только слабыя намеки на возрожденіе сравнительной анатоміи, первые шаги въ которой были сдѣланы еще греками. Слѣдующее XVII столѣтіе также не совершило сколько-нибудь значительныхъ шаговъ, хотя трудами Перро и Дюверне увеличилось число фактовъ и любопытныхъ сравненій, относящихся къ этой области. Но особенно сильное расширеніе этой области знанія произошло въ XVIII в., благодаря трудамъ Добантона во Франціи, Кампера — въ Голландіи, Гѣнтера — въ Англіи. Но все это былъ сырой матеріалъ, который безпорядочными кучами загромождалъ путь науки. Все сильнѣе и сильнѣе чувствовалась необходимость въ систематической обработкѣ и правильномъ распредѣленіи накопленныхъ фактовъ. Добантонъ первый уже не упускалъ изъ виду этой назрѣвшей потребности въ своихъ трудахъ, которые поэтому представляютъ особенно высокую цѣнность. Еще шире эта задача была поставлена Викъ д'Азиремъ, которому смерть, однако, помѣшала довести дѣло до конца. Только Кювье выполнилъ эту задачу—какъ слѣдуетъ и потому справедливо считается основателемъ сравнительной анатоміи.

Итакъ, два могучихъ орудія въ изслѣдованіи живой природы — сравнительная анатомія и эмбриологія — отсутствовали. Не было и третьей могущественной отрасли знанія — палеонтологіи, ученія о вымершихъ формахъ. И опять-таки первыя идеи, касающіяся правильной оцѣнки значенія ископаемыхъ животныхъ относятся ко времени греческихъ философовъ и естествоиспытателей, и опять-таки всѣ эти правильныя указанія оказались затерянными и уступили мѣсто самымъ вздорнымъ и фантастическимъ толкованіямъ. Уже Ксенофанъ Колофонскій, глава Элеатской школы (см. т. IV, общій очеркъ развитія греческой философіи), разсматриваетъ остатки ископаемыхъ животныхъ какъ остатки дѣйствительно жившихъ когда-то существъ. Подобныя же ясныя взгляды высказывались также Геродотомъ и Пиеагоромъ. И какъ далеко стоятъ эти трезвыя воззрѣнія отъ фантастическаго вздора средневѣковыхъ ученыхъ, которые считали эти остатки то за „игру природы“, то за результаты дѣятельности какой-то „образующей силы“ или „каменотворнаго духа“, то относили ихъ къ числу неудачныхъ опытовъ природы, оставшейся недовольной этими моделями и отбросившей ихъ съ пренебреженіемъ.

ніемъ въ сторону, то трактовали ихъ какъ остатки огромныхъ великановъ когда-то населявшихъ землю. Отдѣльныя правильныя мысли, которыя начали позднѣе повторяться все чаще и чаще (Леонардо-да-Винчи въ XV вѣкѣ, гончарь Бернаръ Палисси въ XVII в.), сначала не производили никакого впечатлѣнія на ученый міръ того времени. Тѣмъ не менѣе къ концу XVII в. правильный взглядъ на ископаемыхъ животныхъ установился окончательно. Появились палеонтологическіе музеи, было составлено нѣсколько хорошихъ каталоговъ окаменѣлостей, было выпущено нѣсколько изданій, посвященныхъ описанію ископаемыхъ раковинъ. Прогрессу палеонтологіи много способствовали успѣхи геологіи. Наконецъ, находка Палласа, которому посчастливилось отыскать въ Сибири, между прочимъ, цѣлаго носорога съ мясомъ и кожей, вмерзшаго въ почву сибирской тундры, устранили послѣднія сомнѣнія въ правильности палеонтологическихъ догадокъ. Снова передъ учеными открывается настоящая трудная и сложная задача систематизаціи огромнаго научнаго матеріала. И въ этой области рѣшительное слово было сказано опять-таки Кювье.

Итакъ, удивительно ли, что безъ сравнительной анатоміи, эмбриологіи и палеонтологіи теорія эволюціи не могла стать на сколько-нибудь прочную почву, и мысли, высказываемыя въ этомъ отношеніи, отличались какимъ-то безшабашнымъ разгуломъ фантазіи, который былъ способенъ отпугнуть всякаго человѣка съ правильно поставленнымъ мышленіемъ. Вотъ, напр., измышленія натурфилософской школы, которая въ лицѣ Шеллинга и Окена перенесла въ біологію метафизическія стремленія тогдашней философіи. Для характеристики этой школы достаточно будетъ привести хотя бы слѣдующія слова Окена: „Логическій методъ я всегда отвергалъ. Я создалъ для себя другой, натурфилософскій методъ, чтобы выяснить прообразъ божественнаго въ отдѣльныхъ проявленіяхъ. Такъ, напр., организмъ есть прообразъ планеты, а потому онъ долженъ быть круглымъ... Этотъ методъ не есть собственно методъ выводовъ, а до известной степени диктаторскій методъ, при которомъ получаешь слѣдствія, самъ не зная какъ“... Проф. Холодковскій приводитъ слѣдующіе примѣры этого диктаторскаго метода. „Такъ онъ (Окенъ) проводитъ аналогію между царствомъ животныхъ въ совокупности его и человѣческимъ тѣломъ и соотвѣтственно этому раздѣляетъ животныхъ на животныя - внутренности (которыя пожизненно соотвѣтствуютъ внутренностямъ человѣка), животныя - кожа (у которыхъ внутренности окружаются кожей) и животныя - мясо или животныя - лицо. Внутри этихъ крупныхъ отдѣловъ существуютъ опять уже особыя подраздѣленія; такъ, животныя-внутренности раздѣляются на ячеистыя, шариковыя, волокнистыя и точечныя. Впослѣдствіи Окенъ измѣнилъ свою систему такъ, что сталъ дѣлить животное царство на животныя-кишки, животныя-сосуды, животныя дыхательныя и животныя мясныя, а послѣднихъ раздѣлитъ на животныя-языки, носы, уши и глаза. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ улавливалъ вѣрную или, по крайней мѣрѣ, плодотворную анатомическую идею, это являлось случайно, какъ показываетъ, напр., сличеніе его позвоночной теоріи черепа съ его же теоріей таза. Тазъ, по мнѣнію Окена, есть вторая голова, такъ какъ животное состоитъ изъ двухъ животныхъ, животами вдвинутыхъ одно въ другое; лонная кость таза соотвѣтствуетъ нижней челюсти, сѣдалищная — верхней челюсти, а заднепроходное отверстіе есть „половой ротъ“. Въ томъ же родѣ были и взгляды большинства остальныхъ натурфилософовъ. Напр., проф. Вагнеръ, у котораго Бэръ слушалъ лекціи въ Вюрцбургѣ, проповѣдывалъ слѣдующее ученіе: такъ какъ всякое су-

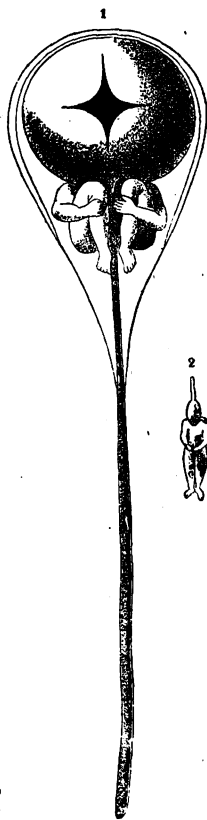
щество дифференцируется въ свою противоположность, а изъ уравненія разностей происходитъ нѣчто новое, то всѣ отношенія живыхъ существъ могутъ быть выражены четверною формулой. Въ семьѣ, напр., отецъ и мать составляютъ двѣ естественныя разности, а дѣти представляютъ результатъ взаимодѣйствія разностей; не достаетъ четвертаго элемента формулы и таковымъ является прислуга! Болѣе абсурдныхъ посылокъ и болѣе нелѣпыхъ выводовъ, кажется, и вообразить невозможно. А вотъ примѣръ того, какъ натурфилософы представляли себѣ генетическія отношенія разныхъ классовъ животныхъ между собой. Въ книгѣ нѣкоего Каупа „Очеркъ исторіи развитія и естественная система европейской фауны“ (1829) устанавливается 63 ряда развитія животныхъ изъ амфибій и рептилій черезъ птицъ въ млекопитающихъ. Крокодилъ, наприм., по мнѣнію автора, далъ начало соболю, при чемъ постепенно превращался: сперва въ одну изъ по-

Жоржъ Кювье (1769—1832). Знаменитый французскій естествоиспытатель.

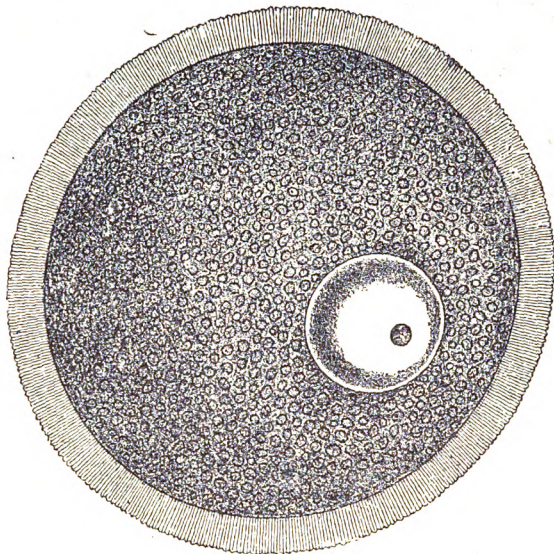
родъ утокъ, потомъ въ морскую ласточку, альпійскую ворону, бородатую синицу, жаворонка, теврипу, трясогузку, черноголовую славку, сорокопуга, сокола, сову и наконецъ въ соболя. Почему именно эти виды, а не другіе составляли злѣйсѣ стадіи развитія,—остается секретомъ автора“. Все это больше походило на бредъ, чѣмъ на ученыя изслѣдованія, а потому не приходится удивляться, что Кювье и Бэръ должны были отнестись съ полнымъ пренебреженіемъ къ такому ученію объ эволюціи животнаго растительнаго царства.

Но не только недостаточное развитіе только что названныхъ наукъ, но и неправильное освѣщеніе очень важнаго для эволюціонной теоріи ученія о видахъ и типахъ служило существеннымъ тормазомъ для правильнаго уясненія явленій природы съ эволюціонной точки зрѣнія. „Понятіе о видѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно теперь существуетъ въ наукѣ“,—говоритъ профессоръ Фаусекъ,—„было выработано впервые во второй половинѣ XVII вѣка англичаниномъ Реемъ. Конечно, съ тѣхъ поръ, какъ только началась умственная жизнь человѣка, онъ умѣлъ точно различать породы животныхъ и растений, которыя играли роль въ его жизни, и названія, даваемые имъ, не могли подать никакого повода къ

Сѣмьдесятъ тѣлъ-ца человѣка, по стариннымъ воззрѣніямъ 1) изображеніе согласно теоріи Хартзекера; 2) вылупившійся сперматозоидъ, какимъ его будто бы видѣлъ Далампадиусъ (de la Planitade).

недоразумѣніямъ. Такія понятія, какъ лошадь, коза, верблюдъ, собака, дубъ, пшеница, виноградъ, фіалка, не нуждались въ особыхъ опредѣленіяхъ и не могли быть смѣшиваемы. Но, кромѣ полезныхъ и вредныхъ формъ, съ которыхъ началось ознакомленіе человѣка съ міромъ животныхъ и растений, оставалось большое количество безразличныхъ, неинтересныхъ для него формъ, для которыхъ не существовало особыхъ названій; когда началось изученіе и этого огромнаго лабиринта формъ, на каждомъ шагѣ стали возникать трудности въ различеніи особей, часто

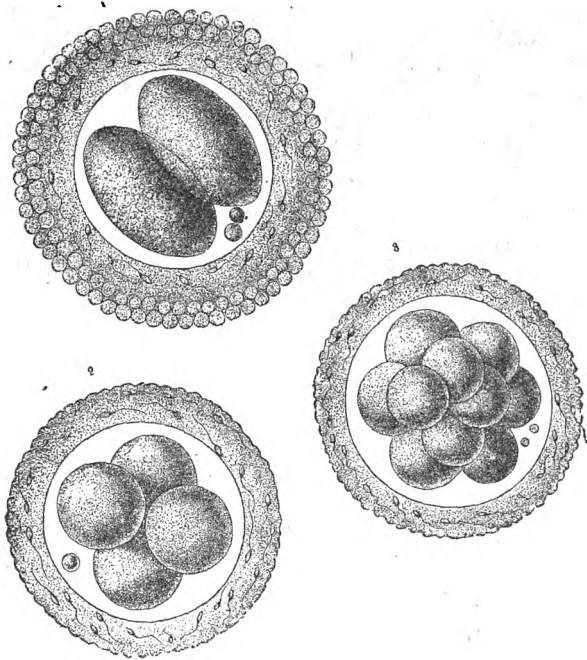
Яйцо человека изъ яичника женщины; увеличение въ 400 разъ. Яйцо представляетъ единичную клетку съ прозрачною корковою оболочкою: внутри находится желтокъ, въ которомъ помѣщается зародышевый пузырекъ, съ зародышевымъ пятномъ. Прозрачная оболочка яйца имѣетъ мельчайшіе каналцы, черезъ которые при оплодотвореніи проходятъ сѣменные живчики.

мы ихъ выдѣляемъ и относимъ къ особому виду — если конечно эта разница не зависитъ отъ пола или возраста животного. Эти отличительные признаки представляютъ изъ себя видовые признаки и строго передаются по наслѣдству. Это правило примѣняется одинаково къ животнымъ и растениямъ. „Формы, представляющія между собой видовыя отличія, сохраняютъ ихъ неизмѣнно, и никогда одинъ видъ (растений) не происходитъ отъ сѣмянъ другого, и наоборотъ“, говоритъ Рей. Это опредѣленіе заключало въ себѣ въ зародышѣ ученіе о неизмѣняемости видовъ...”

Линней своими замѣчательными работами только укрѣпилъ увѣренность въ неизмѣняемости видовъ и такимъ образомъ отнялъ у эволюціонной теоріи ея главнѣйшую точку опоры. Въ чемъ же заключались идеи этого ученаго труда? При отсутствіи эмбриологіи, сравнительной анатоміи и палеонтологіи, зоологическія и ботаническія изысканія естественно сосредотачивались на описаніи и выдѣленіи все новыхъ и новыхъ видовъ. Несомнѣнно, что это была почтенная и важная для того времени работа. Но для того, чтобы она была плодотворной, необходимо было прежде

чрезвычайно между собой сходныхъ, и вопросъ о различныхъ породахъ животныхъ становился труднѣе. Видя передъ собой нѣсколько экземпляровъ болѣе или менѣе сходныхъ, должно ли было считать ихъ за одно животное, одну породу, или за разныхъ? Критеріемъ для рѣшенія подобныхъ вопросовъ явилось въ наукѣ понятіе о видѣ, выработанное впервые, какъ мы сказали, предшественникомъ Линнея, Реемъ. Когда мы имѣемъ передъ собой извѣстное количество экземпляровъ какого-либо животного, во всемъ почти между собою сходныхъ, но нѣкоторые изъ нихъ по какому-либо постоянному признаку отличаются отъ остальныхъ,

всего правильный методъ для этой описательной зоологіи и ботаники. Но до Линнея именно сколько-нибудь правильный и общепризнанный методъ и отсутствовалъ. „Описанія“,—говорить проф. Фусекъ,—„которые авторы давали новымъ животнымъ или растеніямъ, были обыкновенно такъ сбивчивы и неточны, что впоследствии часто не было возможности доискаться, о какомъ именно видѣ идетъ рѣчь, и трудно было узнать описанную форму въ природѣ. Отсутствие собственныхъ названій для огромнаго большинства вновь изучаемыхъ организмовъ, влекло за собою многосложныя, неуклюжія опредѣленія, которыми одинъ видъ отличался въ литературѣ отъ другихъ. Одно и то же растеніе, напр., описывалось много разъ различными авторами въ неодинаковыхъ выраженіяхъ, и всякій разъ, имѣя въ рукахъ экземпляръ неизвѣстнаго ему растенія, благодаря отсутствію собственныхъ именъ и различіямъ въ терминологіи, ботаникъ тщетно бился надъ вопросомъ: къ которому изъ многочисленныхъ описаній видовъ подходитъ его растеніе?... Вторымъ основнымъ недугомъ тогдашней науки было отсутствіе мало-мальски сносной и точной классификаціи. Въ настоящее время систематическое распредѣленіе животныхъ на группы преслѣдуетъ главнымъ образомъ цѣль установленія ихъ сродства между собой: въ основу классификаціи должно быть положено болѣе или менѣе доказанное общее происхожденіе данной группы животныхъ, и система животныхъ постоянно подвергается извѣстнымъ измѣненіямъ и колебаніямъ въ зависимости отъ измѣненія взглядовъ на это сродство. Но въ ранніе періоды зоологіи этотъ внутренній, глубокий смыслъ классификаціи не существовалъ еще для науки, и классификація представляла собой просто логическую потребность—создать порядокъ въ изучаемомъ матеріалѣ. При описаніи большого количества животныхъ или растительныхъ формъ, являлось настоятельною необходимостью распо-

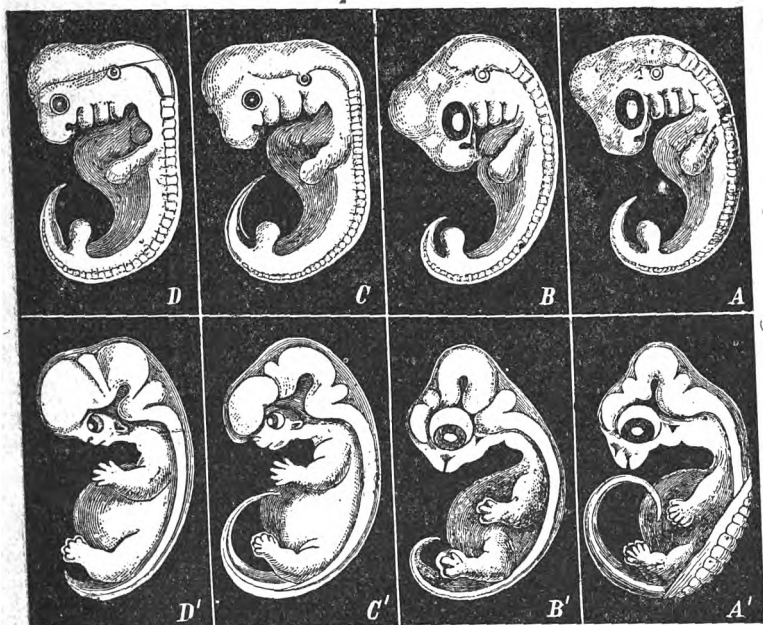

Дробленіе оплодотвореннаго яйца собаки (сильн. увелич.) 1-первое поколѣніе (дѣленіе на два); 2-второе поколѣніе (дѣленіе на четыре); 3-четвертое поколѣніе (16 клѣтокъ); въ 1-и 3, видны два, во 2-мъ—только одно направляющее тѣльце; прозрачная оболочка яйца на всѣхъ трехъ фигурахъ устѣяна многочисленными сѣменными тѣльцами; ея поверхностный слой въ фиг. 1 покрытъ еще клѣтками изъ фолликулярнаго пузыря яичника; въ 2-и 3, благодаря этимъ клѣткамъ, поверхность прозрачной оболочки, является неровной.

лагать ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы данное растеніе, напр., всегда можно было отыскать въ книгѣ, зная, гдѣ его нужно искать; чтобы имѣя передъ собой неизвѣстный видъ, можно было легко сравнить его съ описаніемъ всѣхъ сходныхъ видовъ и установить, новый это видъ, или уже описанный. Понятно, поэтому, что уже древнѣйшіе писатели по естественнымъ наукамъ, распредѣляя свой матеріалъ на опредѣленные категоріи, устанавливали извѣстныя группы формъ, сходныхъ между собой. Но незнакомство со строемъ организмовъ и съ значеніемъ отдѣльныхъ органовъ, отсутствіе точныхъ наблюденій, неумѣнье отличить важные и постоянные признаки отъ неважныхъ и измѣнчивыхъ, дѣлало всякую классификацію случайной, произвольной и совершенно неточной. Растенія или животныя, весьма между собой сходныя, часто относились къ разнымъ группамъ, или одинъ и тотъ же организмъ по разнымъ признакамъ долженъ былъ быть отнесенъ въ разные систематическіе порядки... Ботаника и зоологія, такимъ образомъ, уперлись въ тупикъ, изъ котораго не было видно выхода. Изъ этого тупика вывелъ науку гений Линнея. Онъ не открывалъ новыхъ областей знанія; онъ не обнаружилъ новыхъ законовъ, оставшихся до толѣ неизвѣстными человѣчеству, — онъ только далъ ясный, логическій, а потому и въ высшей степени практическій методъ, при помощи котораго оказалось возможнымъ разобраться въ той безпорядочной грудѣ неправильно описанныхъ фактовъ, которые загромождали путь науки. „Линней“, — продолжаетъ проф. Фаусекъ, — „воспользовался ученіемъ о видѣ въ той формѣ, какъ оно было высказано Реемъ, и ввелъ, для обозначенія отдѣльныхъ видовъ и отличія ихъ другъ отъ друга, бинарную (двойную) номенклатуру, сохранившуюся въ наукѣ и до сихъ поръ. Вотъ въ чемъ состоитъ его идея. Сходные между собой виды Линней соединилъ въ роды; этотъ терминъ (*genus*) существовалъ и раньше, но Линней первый придалъ ему точный смыслъ. Такая система классификаціи въ сущности давно безсознательно выработана человѣкомъ и, логически вытекающая изъ необходимости ориентироваться между различными сходными предметами, одинаково примѣняется въ разговорной рѣчи къ животнымъ, растеніямъ и различнымъ предметамъ домашняго обихода. Въ выраженіяхъ: кухонный столъ, обѣденный, письменный столъ, слово столъ будетъ понятіе родовое, а прилагательныя, прибавляемыя къ этому слову, обозначаютъ различные виды одного и того же рода. Когда мы говоримъ: красная смородина и черная смородина, мы двумъ очень сходнымъ между собою растеніямъ даемъ общее родовое названіе (смородина), а отдѣльными названіями, къ нему прибавляемыми, обозначаемъ различные виды сходныхъ между собой растеній. Этотъ способъ обозначенія Линней и ввелъ въ научную номенклатуру. Нѣсколько видовъ, сходныхъ между собой по главнымъ признакамъ и отличающихся лишь второстепенными чертами, причисляются къ одному роду и получаютъ одно общее названіе. Такъ, напр., родовое названіе смородины *Ribes*. Отдѣльные же виды этого рода обозначаются путемъ прибавленія видовыхъ названій къ родовому: красная смородина *R. rubrum*, черная *Ribes nigrum*. Крыжовникъ настолько близокъ къ этимъ кустарникамъ, что причисляется къ тому же роду и называется *Ribes grossularia*... При двойной номенклатурѣ, встрѣчая названія неизвѣстнаго животнаго или растенія, по его родовому названію мы сразу можемъ видѣть, съ какимъ видомъ оно имѣетъ наиболѣе сродства. Затѣмъ, линнеевская система представляетъ большія практическія удобства; такъ какъ родовъ на землѣ, конечно, несравненно меньше, чѣмъ видовъ, то необходимость создавать новыя названія этимъ

значительно облегчается; въ различныхъ родахъ можно употреблять одинаковыя видовыя названія безъ опасности вызвать путаницу; одни и тѣ прилагательныя—*vulgaris*, *officinalis*, *ruber*, *niger*—встрѣчаются въ систематикѣ на каждомъ шагѣ, никого не затрудняя“...

Таковъ былъ замѣчательный методъ Линнея. Конечно, какъ и всякое великое открытіе, онъ оказывается простъ, какъ Колумбово яйцо

Схематическіе наброски (опущены лишь различныя несущественныя части у всѣхъ фигуръ и нѣкоторыя уменьшены) 2-хъ стадій эмбриона (зародышъ въ яйцѣ или тѣлѣ матери) четырехъ различныхъ позвоночныхъ, а именно: (справа налево) черепахи (А и А'), курицы (В и В'), собаки (С и С') и человѣка (D и D'). Въ верхнемъ ряду изображены болѣе раннія, въ нижнемъ—позднѣйшія эмбриональныя стадіи того же животнаго (значитъ, А болѣе ранняя стадія, чѣмъ А', и т. д.). Надо обратить особое вниманіе на сходство 4-хъ одинаковыхъ ступеней, А, В, С, D у столь различныхъ животныхъ, какъ пресмыкающееся (черепаха), птица (курица) и два млекопитающихъ (собака и человѣкъ). Въ этой эмбриональной стадіи всѣ четыре животныхъ имѣютъ на шеѣ жаберныя щели, подобно рыбѣ, и плавникообразныя конечности. На стадіяхъ, изображенныхъ внизу, А', В', С', D', сходство между пресмыкающимъ (А') а птицей (В') еще больше, чѣмъ между этими двумя и млекопитающими (С' и D'). Человѣкъ же (D) и собака (С') еще очень сходны. На этой стадіи обратить вниманіе на четыре плавника и длинный хвостъ пресмыкающагося у птицы (В') и ясно замѣтный (на D и D') наружный хвостикъ у человѣка.

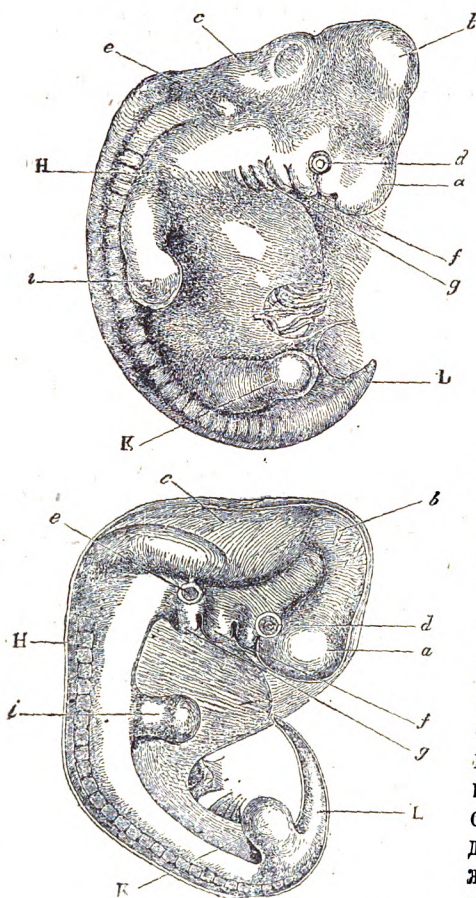
Этимъ, конечно, нисколько не преуменьшается его огромное значеніе для науки. Но для того, чтобы приложить, какъ слѣдуетъ, этотъ методъ и наглядно показать для всѣхъ его огромное значеніе, Линней вынужденъ былъ совершить огромную работу по описанію видовъ растительнаго и животнаго царства. Эту работу онъ выполнилъ съ замѣчательной талантливостью и блескомъ, хотя работы этого рода принадлежатъ вообще къ труднѣйшимъ въ наукѣ. „Каждый опредѣленный признакъ“, — говоритъ проф. Фаусекъ, — „долженъ обозначаться специальнымъ, опредѣленнымъ

терминомъ, неприменимымъ ни къ какому другому признаку; только такимъ путемъ можно избѣжать ошибокъ и неясностей въ опредѣленіи видовъ. Спеціальная терминологія, которая всегда такъ запутываетъ новичковъ при первомъ знакомствѣ съ ботаникой или зоологіей, представляетъ собою единственный способъ разобраться въ массѣ орга-

ническихъ формъ и служить драгоценнымъ ключемъ къ ихъ изученію. Линней былъ творцомъ строго научнаго языка въ зоологіи и ботаникѣ“.

Особенно важными представляются результаты, достигнутые классификаціей Линнея въ ботаникѣ, тѣмъ болѣе, что здѣсь имъ былъ нащупанъ еще одинъ въ высшей степени плодотворный принципъ. „Раздѣленіе растений на систематическія категоріи“, говоритъ дальше проф. Фаусекъ, — „долгое время находилось въ совершенно хаотическомъ состояніи; здѣсь труднѣе было придти къ хорошимъ результатамъ, такъ сказать, безсознательно, на глазъ, какъ это было въ царствѣ животныхъ, гдѣ крупныя систематическія группы — птицъ, звѣрей, рыбъ — обозначены такъ рѣзко, что обыденное наименованіе совпадаетъ почти съ естественными границами класса. У растений крупныя внѣшнія признаки, наиболѣе бросающіеся въ глаза, не могутъ служить основаніемъ для систематики. Дѣленіе растений на деревья, кустарники и травы, державшееся въ наукѣ почти до времени Линнея, не имѣетъ никакого научнаго значенія, растенія, чрезвычайно схожія по всѣмъ чертамъ своего строенія, листьевъ, цвѣтовъ, плодовъ, сѣмянъ, могутъ быть однако, — одно, напр., деревомъ, а другое кустарникомъ... Линней первый создалъ удобную, точную и строгую систему растений, онъ

принялъ за основу дѣленія число — и этимъ создалъ простой, остроумный и точный ключъ къ изученію ботанической систематики“... Необходимое ему въ этомъ случаѣ число дали органы размноженія у растений. Эта мысль пришла Линнею очень рано, еще во времена его студенчества, три изученія сочиненія Вальяна, ученика знаменитаго ботаника Турнефора. Именно тогда же онъ рѣшилъ, что въ основу дѣленія, для характеристики отдѣльныхъ классовъ растений доста-

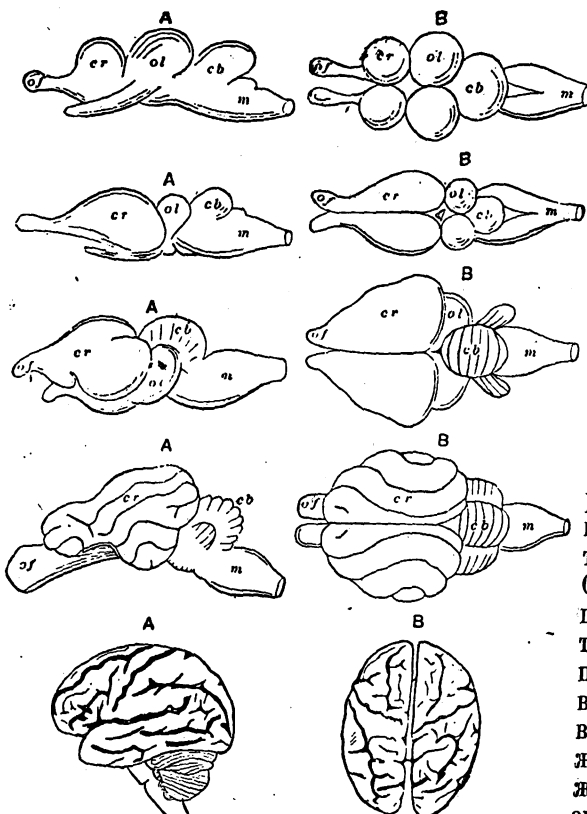
Вверху человѣческій зародышъ, по Эккеру. Внизу зародышъ собаки, по Бишору. а. Передній; b. Средній; c. Задній мозгъ, мозжечекъ, продолг. мозгъ; d. Глазъ; e. Ухо; f, g. Висцеральные дуги; h. Позвоночникъ и мускулы; i. Переднія; k. Заднія конечности; l. Хвостъ.

точно будетъ взять число и расположеніе тычинокъ. Этотъ принципъ, не смотря на нѣкоторую свою искусственность, а слѣдовательно, и значительные недостатки, принесъ въ систематическомъ распредѣленіи растеній блестящіе результаты. Зоологическая система Линнея не отличалась такими достоинствами, какъ его ботаническая система, а потому и существовала сравнительно недолго. Тѣмъ не менѣе, и въ этой области Линнеемъ сдѣлано нѣсколько очень цѣнныхъ указаній. Такъ, онъ первый удалилъ китообразныхъ изъ класса рыбъ и поставилъ въ ряды млекопитающихъ. Такъ онъ первый указалъ мѣсто человѣка въ природѣ. На основаніи важнѣйшихъ анатомическихъ признаковъ онъ выдѣлилъ особый отрядъ „животныхъ — господъ“ — приматовъ. Въ этомъ отрядѣ онъ различалъ четыре семейства: человѣка, обезьянъ, полуобезьянъ и летучихъ мышей. Такимъ образомъ была зарыта пропасть между человекомъ и остальнымъ животнымъ міромъ, хотя бы на первый разъ только въ классификаціонномъ отношеніи. Это былъ огромный и смѣлый шагъ, положившій одинъ изъ главнѣйшихъ камней въ фундаментъ теоріи эволюціи, хотя и противъ воли и сознанія самого Линнея. Любопытна та двойственная роль, которую Линнею пришлось сыграть по отношенію къ этому великому ученію. Съ одной стороны, своими работами онъ способствовалъ детальнѣйшему изученію видовъ, приведшему въ концѣ концовъ къ убѣжденію, что виды существуютъ только, какъ научная идея, а въ дѣйствительной жизни животныя и растительныя формы связаны безчисленнымъ количествомъ переходныхъ ступеней (по крайней мѣрѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ). Такимъ образомъ, какъ и въ случаѣ съ человекомъ онъ невольно подготавливалъ то блестящее выступленіе эволюціонной теоріи, свидѣтелемъ котораго была вторая половина XIX столѣтія. Съ другой же стороны, Линней при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ выступалъ самымъ горячимъ сторонникомъ неизмѣняемости видовъ и, благодаря своему огромному авторитету, задерживалъ, такимъ образомъ, работу науки въ этомъ направленіи.

Работу Линнея въ области классификаціи на новое основаніе поставили и расширили Кювье и Карлъ Баръ. Но прежде, чѣмъ говорить о Кювье, какъ о творцѣ естественной системы животнаго царства, которую онъ изложилъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „*Règne animale distribué d'après son organisation*“, мы должны остановиться на его классическихъ работахъ по сравнительной анатоміи, такъ какъ въ примѣненіи къ животному царству онъ сознательно провелъ принципъ анатомическаго изслѣдованія.

Мы видѣли то хаотическое состояніе, въ которомъ Кювье нашелъ сравнительную анатомію. За что же онъ заслужилъ почетное имя основателя этой науки? Его труды здѣсь были посвящены главнымъ образомъ анатоміи безпозвоночныхъ (моллюсковъ, наѣкомыхъ, червей) и сравнительной остеологии (сравнительному изученію костей). Въ основу своихъ трудовъ онъ положилъ не описаніе отдѣльныхъ видовъ, а описаніе отдѣльныхъ органовъ и ихъ измѣненіе въ животномъ царствѣ. Этотъ принципъ онъ провелъ въ рядѣ блестящихъ мемуаровъ. Изъ этихъ мемуаровъ особенно большое значеніе имѣютъ тѣ, которые посвящены моллюскамъ, почти что не изученнымъ предшественниками Кювье. Далѣе слѣдуютъ его замѣчательныя изслѣдованія надъ сосудистой системой наѣкомыхъ, у которыхъ онъ показалъ отсутствіе замкнутой системы кровообращенія. Онъ высказалъ при этомъ блестящую мысль, что подобная организація кровообращенія стоитъ въ тѣсной зависимости отъ органовъ дыханія, которыя у наѣкомыхъ не

сосредотачиваются въ опредѣленномъ, ограниченномъ мѣстѣ, а представляютъ систему воздухоносныхъ трубокъ, развѣтвляющуюся по всему тѣлу и сообщающуюся съ воздухомъ въ различныхъ мѣстахъ. Подобнымъ же устройствомъ кровеносной системы обуславливается и то, что насекомыя лишены плотныхъ и массивныхъ органовъ выдѣленія. Въ самомъ дѣлѣ,

Сравнительная схема строения мозга у рыбы, пресмыкающагося, птицы, млекопитающаго и человека. — Видъ сбоку (А) и сверху (В). of — обонятельная лопасть, cr — передній мозгъ, ol — средній мозгъ, cb — мозжечекъ, m — продолговатый мозгъ.

Глубокий, проникательный умъ Кювье помогъ ему отчетливо ориентироваться въ хаосѣ фактовъ и дать замѣчательную картину, въ которой всѣ органы, — какъ бы они ни были сложны и запутаны, — „всѣ эти мозги, по выраженію одного ученаго, уменьшающіеся по мѣрѣ уменьшенія умственной дѣятельности, всѣ эти сердца, строеніе которыхъ становится все проще и проще по мѣрѣ уменьшенія числа органовъ, которые нужно оживлять и приводить въ дѣйствіе“, — всѣ эти органы нашли каждое свое мѣсто. Конечно, этотъ великій творецъ сравнительной анатоміи не могъ не интересоваться вопросами систематики, и онъ, какъ мы уже говорили, на основаніи своихъ работъ по сравнительной анатоміи далъ наукѣ естественную систему животнаго царства.

„Линней“, — говорить М. А. Энгельгардтъ въ своей біографіи

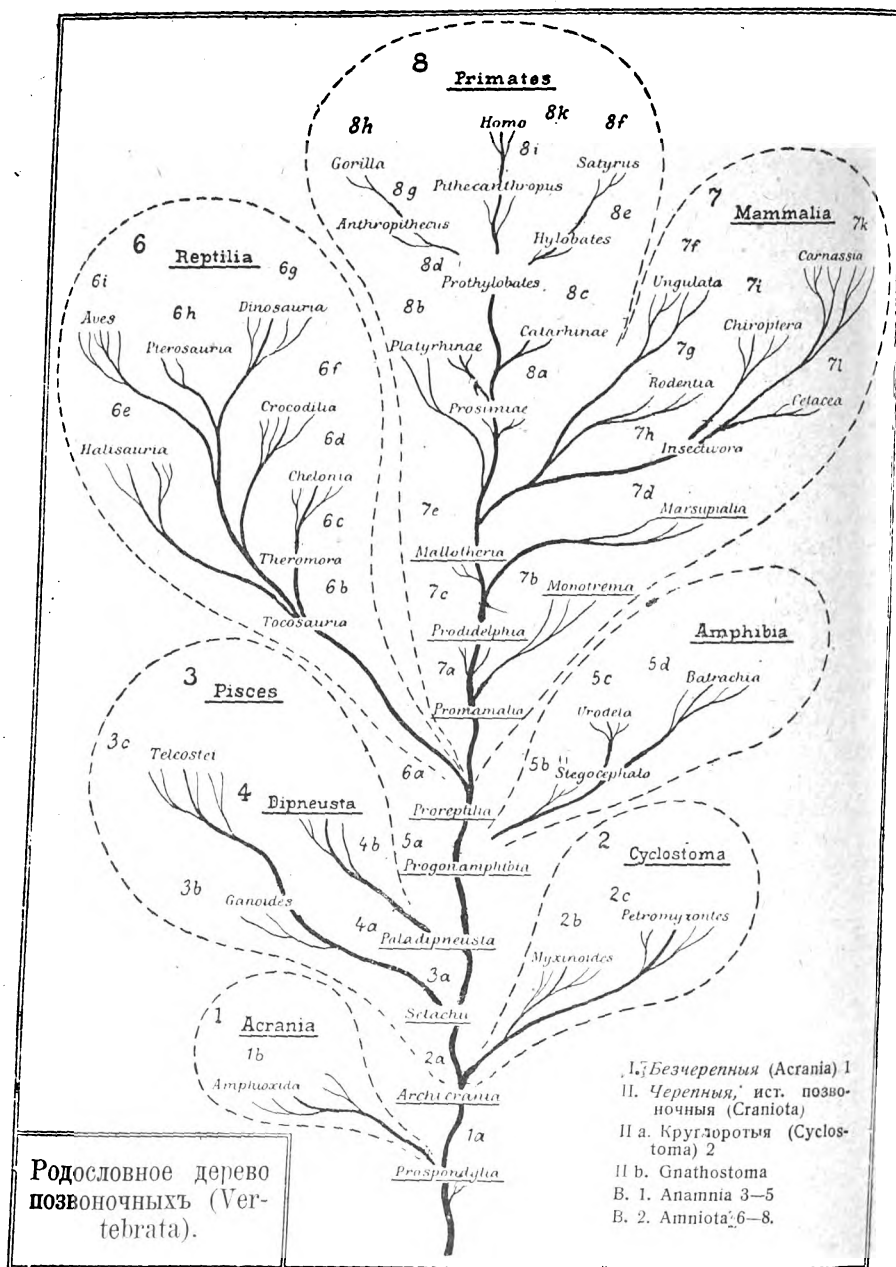

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ
въ формѣ Селенгинскаго полка. (По акварельному рисунку Горбунова).

Кювье, — „раздѣлилъ животное царство на 6 классовъ: млекопитающія, птицы, пресмыкающіяся, рыбы, насѣкомыя и черви... Если первые четыре класса были довольно естественнымъ отдѣломъ, то два послѣдніе представляли совершенный хаосъ. Въ число насѣкомыхъ входили разнообразныя черви; въ число червей — моллюски, полипы, инфузоріи и пр., — словомъ, весь огромный отдѣлъ безпозвоночныхъ былъ скомканъ въ безобразную кучу. Далѣе, система Линнея давала совершенно невѣрное представленіе о типахъ животнаго царства. Установленные имъ шесть классовъ Линней считалъ эквивалентными, что было вовсе несправедливо. Дѣло въ томъ, что отдѣлъ безпозвоночныхъ, въ свою очередь, распадается на нѣсколько отдѣловъ, изъ которыхъ каждый, — какъ, напр., моллюски, членистоногія и пр., — соответствуетъ всему въ совокупности отдѣлу позвоночныхъ. Что касается такихъ подраздѣленій, какковы, напр., млекопитающія, птицы и пр., то они, въ свою очередь, соответствуютъ мелкимъ подраздѣленіямъ (классамъ) другихъ отдѣловъ, какъ, напр., плеченогія, пластинчато-жаберныя и др. среди моллюсковъ. Словомъ, въ системѣ Линнея не было соответствія между группами, на которыя онъ раздѣлялъ животное царство. Это можно пояснить слѣдующимъ сравненіемъ. Положимъ, что кто-нибудь, желая классифицировать европейскія націи, раздѣлилъ бы ихъ слѣдующимъ образомъ: 1) славяне, 2) итальянцы, 3) французская буржуазія и т. п., — ставя на одну ступень цѣлое племя, отдѣльный народъ и даже отдѣльное сословіе. Мы имѣли бы тогда систему національностей, подобную Линнеевской системѣ животныхъ. Только анатомическое изслѣдованіе, положенное въ основу систематики, могло показать, что животное царство распадается на нѣсколько типовъ, построенныхъ каждый по извѣстному плану“.

Въ основу своей классификаціи Кювье положилъ строеніе нервной системы, считая ее самой важной изъ всего, что имѣется въ организмѣ животнаго. На основаніи изученія нервной системы, Кювье намѣтилъ четыре типа: 1) позвоночныя, 2) членистыя, 3) мягкотѣлыя, 4) лучистыя. Внутри cadaго изъ этихъ типовъ было установлено по нѣскольку классовъ, которые характеризовались различнымъ устройствомъ системъ кровообращенія и дыханія; классы, въ свою очередь, распадались на порядки, порядки — на семейства, семейства — на колѣна, колѣна — на роды, роды — на виды, при чемъ каждый разъ въ основу раздѣленія принимались все болѣе и болѣе второстепенные признаки организаціи. Эта классификація, которая въ нѣсколько измѣненномъ видѣ усвоена и современной наукой, была проведена Кювье съ удивительной послѣдовательностью, въ частномъ случаѣ на рыбахъ. Свою гигантскую работу „Естественная исторія рыбъ“, которую онъ началъ въ 1828 году въ сотрудничествѣ съ Балансеномъ, онъ не успѣлъ закончить при жизни (при немъ вышло лишь 8 томовъ).

Свой методъ онъ провѣрялъ не только на зоологіи, т. е. на изученіи нынѣ существующихъ животныхъ, но и на палеонтологіи, т. е. на наукѣ объ ископаемыхъ или вымершихъ животныхъ, отцомъ которой, какъ мы знаемъ, онъ былъ названъ по справедливости. Часть первоначальнаго матеріала для своихъ палеонтологическихъ изслѣдованій Кювье получилъ изъ подвала парижскаго музея Ботаническаго сада, гдѣ небольшое количество скелетовъ этого рода валялись по выраженію Кювье, „наваленныя какъ дрова“. Но особенно щедрыми въ этомъ отношеніи для Кювье оказались гипсовыя ломки Монмартра (тогда въ окрестностяхъ Парижа).

Общность происхождения позвоночных, — от самых древних безчерепных (Acrania) и рыб до обезьян и человека, — в основах своих установлена данными палеонтологии, сравн. анатомии и онтогенеза. Все компетентные и здравомыслящие зоологи сходятся в настоящее время в том, что все позвоночные животные произошли от одного ствола, корень которого надо искать в вымерших безчерепных (Acrania, 1), живущих до наступления силурийского периода и похожих на живущего еще ланцетника (Amphioxus). Круглоротые (Cyclostoma, 2) представляют собою переход от безчерепных к рыбам (Pisces, 3) подобно тому, как двоякодышащие (Dipneusta, 4) представляют переход к амфибиям, земноводным (Amphibia, 5). Из последних развились: а) пресмыкающиеся (Reptilia, 6) и б) млекопитающие (Mammalia, 7). Важнейшей ветвью млекопитающих являются приматы (Primates, 8); от полуобезьян идет прямая линия к человекообраз. обезьянам, а от них к человеку.

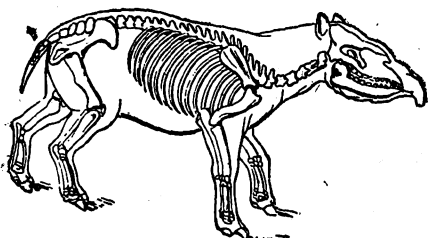
Конечно, Кювье получалъ обыкновенно кости такихъ вымершихъ животныхъ въ перемѣшанномъ, неполномъ, изуродованномъ и поломанномъ видѣ. Создать изъ такого матеріала стройную и величественную науку могъ только гениальный умъ Кювье. „Какъ антикварій новаго рода“, — говоритъ Кювье, — „я долженъ былъ возстановить эти памятники минувшихъ переворотовъ и прочесть ихъ смыслъ: долженъ былъ собрать и сблизить въ ихъ первобытномъ порядкѣ остатки, изъ которыхъ они составлены; вновь соорудить древнія существа, которымъ остатки эти принадлежали, возобновить ихъ съ принадлежащими имъ соразмѣрностью и свойствами

Мамо н т ъ. (Реста в р а ц і я по о с т а т к а м ъ, н а й д е н н ы м ъ въ С и б и р и).

и наконецъ сравнить ихъ съ существами, нынѣ населяющими поверхность земного шара, — искусство, прежде невѣдомое, предполагающее науку, до сихъ поръ еще едва извѣстную, — науку о законахъ, опредѣляющихъ существованіе формъ въ различныхъ частяхъ органическихъ тѣлъ“... „Я былъ“, — продолжаетъ онъ, — „въ положеніи человѣка, которому дали кучу исковерканныхъ и неполныхъ остатковъ нѣсколькихъ сотенъ скелетовъ; слѣдовало подобрать ихъ кость къ кости; это было просто воскрешеніе изъ мертвыхъ, а у меня не было всемогущей трубы; но мнѣ замѣнили ее неизмѣнные законы, предписанные живымъ существамъ, и по указаніямъ сравнительной анатоміи каждая кость, каждый обломокъ кости становился на свое мѣсто“... „Всякое организованное существо представляетъ нѣчто цѣлое, единую и замкнутую систему, части

которой взаимно соотвѣтствуютъ. Ни одна изъ этихъ частей не можетъ измѣниться безъ того, чтобы не измѣнились другія, и слѣдовательно каждая изъ нихъ, взятая отдѣльно, указываетъ и даетъ всѣ остальные... Чтобы челюсть могла хватать добычу, она должна имѣть извѣстную форму въ мышелкахъ, извѣстную величину височной мышцы, требующей опредѣленнаго пространства въ принимающемъ его углубленіи и опредѣленной выпуклости въ скуловомъ сводѣ, подъ которымъ она проходитъ; скуловой сводъ долженъ также имѣть извѣстную силу, чтобы дать опору жевательной мышцѣ“... Многочисленные сопоставленія этого рода, установленныя при помощи глубокаго изученія сравнительной анатоміи, даютъ искусному палеонтологу такую увѣренность въ выводахъ, что кака-нибудь мелкая подробность позволяетъ ему возстановить цѣликомъ существо, давно уже исчезнувшее съ лица земли. „Малѣйшая площадка или грань

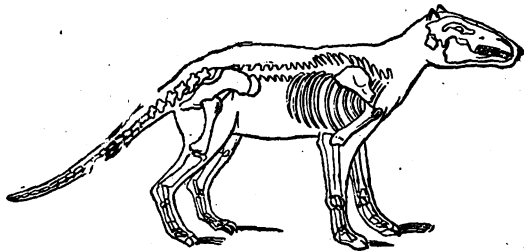

Палеотерій. Изъ гинса Монмартр-скаго холма въ Парижѣ. Реставрація Кювье.

кости“, — говоритъ Кювье, — „малѣйшая ея выпуклость или отростокъ имѣютъ опредѣленный характеръ, соотвѣтственно классу, разряду, роду и виду животныхъ, которымъ они принадлежать; и это простирается до того, что всякій разъ, когда мы имѣемъ хоть одну оконечность кости, хорошо сохранившуюся, мы можемъ по ней... опредѣлить всѣ остальные части съ такой точностью, какъ бы имѣли передъ собой цѣлое животное. Слѣдуя этому методу, я нѣсколько разъ дѣ-

лалъ испытанія надъ частями извѣстныхъ мнѣ животныхъ, прежде чѣмъ положить на него при опредѣленіи ископаемыхъ костей; и эти испытанія всегда вѣнчались столь совершеннымъ успѣхомъ, что я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія въ точности результатовъ, доставленныхъ мнѣ этимъ методомъ“. Научныя предвидѣнія Кювье съ необычайнымъ блескомъ оправдались находками, произведенными еще при жизни великаго ученаго. Такъ, одними изъ первыхъ животныхъ возстановленными Кювье по нѣсколькимъ костямъ, найденныхъ въ Монмартрѣ, были палеотерій и аноплотерій, принадлежащіе къ двумъ, вымершимъ родамъ толстокожихъ. Данные имъ рисунки и описанія вызвали гулъ недоумѣнія и недоувѣрія въ ученомъ мірѣ. Но каково же было всеобщее изумленіе, когда вскорѣ послѣ этого были найдены полные скелеты этихъ животныхъ, и они оказались вполне соотвѣтствующими тѣмъ описаніямъ и рисункамъ, которые были даны. Всего Кювье возстановилъ 150 видовъ млекопитающихъ и пресмыкающихся изъ числа вымершихъ животныхъ, въ томъ числѣ мамонта, мастодонта, многихъ палеотеріевъ, аноплотеріевъ, эласмотеріевъ; нѣсколькихъ оленей, изъ которыхъ особенной извѣстностью пользуется ирландскій олень съ колоссальными рогами; далѣе пещерный медвѣдь, ископаемая гіена, гигантскіе лѣнивцы: мегалониксъ, мегатерій; изъ пресмыкающихся особенно поразительными были его ящерицы: мегалозавръ, птеродактиль, ихтиозавръ, плезиозавръ. Однимъ словомъ, въ своей палеонтологіи Кювье далъ человечеству могучее и достаточно испробованное научное орудіе для изученія животнаго міра и для пополненія съ точки зрѣнія эволюціи тѣхъ пробѣловъ, которые были оставлены зоологіей и сравнительной анатоміей. И тѣмъ не менѣе, Кювье, сдѣлавшій для эволюціоннаго ученія такъ много, упрямо сторонился всякихъ выводовъ

этого рода. „Позвоночныя имѣютъ свой планъ строенія, моллюски — свой, членистыя, зоофиты — свой; и никакого перехода, никакого посредствующаго звена нѣтъ между этими типами; безъ перерыва, скачка — нельзя перейти отъ одного къ другому“, — такъ, говоря словами Флуранса, долженъ былъ формулировать Кювье свое отношеніе къ вопросамъ эволюціоннаго ученія. И это тѣмъ болѣе удивительно, что Кювье въ своихъ работахъ по зоологіи, сравнительной анатоміи и палеонтологіи не только накопилъ огромный матеріалъ для эволюціоннаго ученія, но и сдѣлалъ рядъ обобщеній, прямо входившихъ въ самую глубь этой теоріи. „Онъ указалъ“, — говоритъ г. М. Энгельгардтъ, — „на постепенность въ появленіи животныхъ, при чемъ низшія формы являются въ древнѣйшихъ пластахъ, высшія — въ позднѣйшихъ. Въ исторіи животнаго міра онъ различалъ четыре эпохи: первая характеризуется присутствіемъ моллюсковъ, рыбъ, пресмыкающихся и нѣкоторыхъ морскихъ млекопитающихъ; во вторую млекопитающія начинаютъ господствовать на землѣ; третья — эпоха мамонтовъ, мастодонтовъ, гипопотамовъ, гигантскихъ лѣнивцевъ; четвертая — эпоха человѣка и современной фауны“. Конечно, это упрямство Кювье объясняется единственно только тѣмъ, что все же естество-

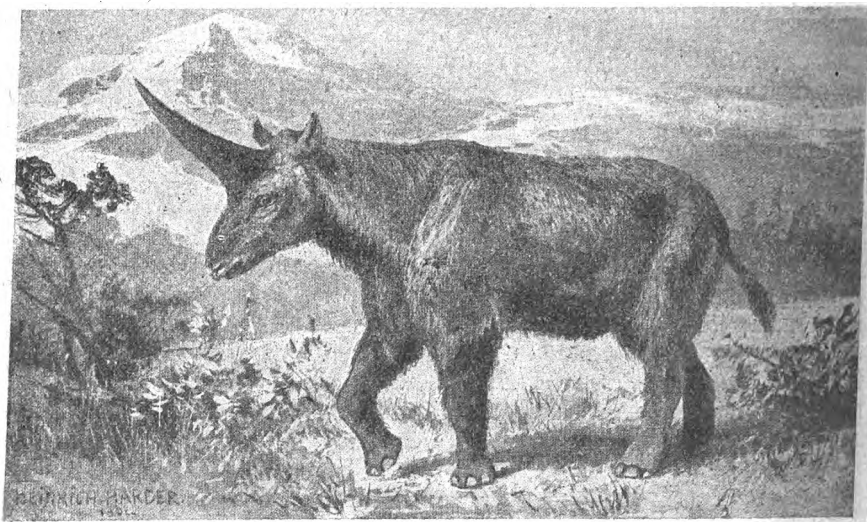
Аноплотерій. Изъ эоценоваго гипса Монмартра. Реставрировано (ошибочно съ двумя, вмѣсто трехъ пальцевъ) Кювье.

знание того времени не обладало достаточнымъ фактическимъ матеріаломъ для того, чтобы разрѣшить всѣ тѣ сложные вопросы, которые выдвигаются съ эволюціонной точки зрѣнія наукой о животныхъ и растеніяхъ.

Научная дѣятельность и воззрѣнія Кювье нашли горячій откликъ со стороны Карла Бэра, который еще въ юношескіе годы пришелъ самостоятельно къ тѣмъ идеямъ о планахъ строенія животныхъ, которыя были развиты этимъ знаменитымъ французскимъ натуралистомъ. „Впрочемъ“, — говоритъ проф. Холодковский, — „взгляды эти не совсѣмъ совпадали съ воззрѣніями Бэра. Правда, оба великіе естествоиспытателя признаютъ четыре основныхъ плана, четыре типа организаціи животныхъ, но Кювье придаетъ преимущественное значеніе устройству нервной системы, которая, по его мнѣнію, составляетъ всю сущность животнаго, при чемъ остальные органы служатъ главнымъ образомъ для ея помѣщенія и защиты, тогда какъ Бэръ обращаетъ вниманіе болѣе всего на топографію органовъ, т. е. на взаимное положеніе разныхъ системъ, своеобразное для каждаго отдѣльнаго типа. Типы эти слѣдующіе: 1) типъ лучистый или периферическій, 2) типъ удлиненный (Бэръ) или членистый (Кювье), 3) типъ моллюсковъ (Кювье) или массивный (Бэръ) и 4) типъ позвоночныхъ. Въ распредѣленіи разныхъ классовъ животныхъ по типамъ Бэръ также расходился съ Кювье: различныхъ глисть онъ относилъ не къ типу лучистыхъ, а къ удлиненному типу, что и въ дѣйствительности гораздо правильнѣе... Такимъ образомъ, въ теоріи типовъ, построенной на сравнительно-анатомическихъ данныхъ, Бэръ долженъ бы раздѣлить славу Кювье, какъ ученый, пришедшій къ тѣмъ же самымъ воззрѣніямъ самостоятельно и почти одновременно. И если слава въ этомъ отношеніи цѣликомъ осталась за Кювье, то это можетъ быть объяснено только тѣмъ,

что онъ обнародоваль свои взгляды въ 1812 г., тогда какъ Бэръ изложилъ ихъ впервые въ печати въ 1826 г. Но, тѣмъ не менѣе, Бэръ сохранилъ въ исторіи науки свое мѣсто въ данномъ отношеніи рядомъ съ Кювье. Получилось это благодаря тому, что Бэръ обосноваль теорію типовъ на новыхъ, — эмбриологическихъ данныхъ.

Ко времени Бэра въ области эмбриологіи было сдѣлано очень мало. Цѣннымъ пріобрѣтеніемъ была высказанная въ началѣ XVIII вѣка теорія берлинскаго врача Каспара Фридриха Вольфа, излагавшаго въ ней свои догадки объ образованіи органовъ зародыша изъ первоначально простой основы и показавшаго, что зародышъ состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ, идущихъ каждый на развитіе извѣстныхъ органовъ. Эта

Эламотерій (носорогообразное животное дилувіальной эпохи).

По картинѣ Г. Гардера.

теорія эпигенеза и зародышевыхъ пластовъ или листковъ долгое время оставалась непонятою. На нее обратили вниманіе только послѣ того, какъ Меккель въ 1812 г. перевелъ ее съ латинскаго на нѣмецкій. Теоріей Вольфа воспользовался Пандеръ, другъ Бэра, опубликовавшій въ 1817 году изслѣдованіе, въ которомъ многочисленными данными подтверждалась теорія Вольфа объ эпигенезѣ и о зародышевыхъ листахъ. Работа Пандера также осталась въ значительной степени непонятою, чему не мало способствовало отсутствіе рисунковъ и неясность изложенія. Самъ Бэръ усвоилъ нѣсколько работу своего друга только послѣ многочисленныхъ и частныхъ поясненій съ его стороны. Работа эта такъ заинтересовала Бэра, что онъ рѣшилъ самъ приступить къ изученію эмбриологіи цыпленка. „Бэръ“, — говоритъ проф. Холодковский, — „приступая, къ изученію эмбриологіи цыпленка, находился, благодаря своей широкой сравнительно-анатомической подготовкѣ, совершенно въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ Пандеръ. Владѣя уже представленіемъ о типѣ позвоночныхъ, онъ былъ подготовленъ къ тому, чтобы уловить черты этого типа въ эмбриональномъ развитіи. И вотъ, наблюдая ту раннюю стадію развитія, когда на зародышевой пластинкѣ образуются два параллельныхъ валика,

впослѣдствіи смыкающіеся, и образующіе мозговую трубку, — Бэръ тотчасъ же былъ осѣненъ мыслью, что „типъ руководить развитіемъ, что зародышъ развивается, слѣдуя тому основному плану, по которому устроено тѣло организмовъ даннаго класса“. Онъ обратился къ другимъ позвоночнымъ животнымъ и въ развитіи ихъ нашелъ блестящее подтвержденіе своей мысли: какъ бы различны ни были позвоночныя животныя, будь ли это млекопитающее, птица, рыба, — вездѣ развитіе идетъ по одному плану, вездѣ появляются спинныя валики и образующаяся изъ нихъ

Гигантскій ширококорогій олень.

нервная трубка, вездѣ пищеварительный каналъ образуется желобоватымъ загибомъ нижняго зародышеваго листка, вездѣ пупокъ образуется на брюшной сторонѣ, обращенной къ желтку. Обратившись къ развитію животныя иныхъ типовъ, Бэръ увидѣлъ, что и тамъ въ каждомъ типѣ есть свой рано выражающійся порядокъ и способъ развитія. Такъ, у членистыхъ животныя весьма рано замѣчается поперечное расчлененіе зародыша, образуется и обращается наружу прежде брюшная сторона, а не спинная, и если есть пупокъ, то онъ находится на спинѣ. Руководимый общей идеей типовъ, Бэръ, во-первыхъ, могъ изложить свои наблюденія съ такой простотой и ясностью, которыя были не виданы до-тотъ въ эмбриологическихъ сочиненіяхъ, а во-вторыхъ, сдѣлавшись истиннымъ творцомъ эмбриологіи, онъ придавъ ей характеръ обобщающей, сравнивающей науки, столь же цѣнной, столь же исполненной философскаго значенія, какъ и сравнительная анатомія.

Эмбриологическія работы не имѣли только подсобнаго характера для установленія теоріи типовъ. Онѣ сдѣлали чрезвычайно много и для уясненія самого процесса развитія животнаго изъ яйца. „Въ процессѣ развитія“,—продолжаетъ проф. Холодковский,—„каждое новое образованіе возникаетъ изъ болѣе простой предсуществующей основы. Такъ, напр., легкое возникаетъ, какъ выпячиваніе первоначально простой пищеварительной трубки; тазъ происходитъ, какъ выростъ мозгового пузыря; слуховой лабиринтъ образуется, какъ углубленіе кожи, отпнуровывающей отъ нея въ видѣ мѣшечка и т. д. Такимъ образомъ выясняется важный законъ развитія, что въ зародышѣ появляются сперва общія основы и изъ нихъ обособляются все болѣе и болѣе спеціальныя части. Этотъ процессъ постепеннаго движенія отъ общаго къ спеціальному извѣстенъ въ настоящее время подъ именемъ дифференцировки. Какъ важенъ этотъ принципъ въ примѣненіе не только къ индивидуальному, но и къ филетическому (племенному) развитію, показываетъ хотя бы исторія вопроса о происхожденіи новыхъ органовъ“. Эта теорія была уже разработана послѣ Бэра и явилась одной изъ важныхъ основъ теоріи измѣняемости видовъ, настойчивымъ противникомъ которой Бэръ оставался въ теченіе всей своей жизни, но для развитія и укрѣпленія которой онъ своимъ закономъ дифференцировки сдѣлалъ такъ много.

Другое знаменитое положеніе Бэра такое: „исторія развитія индивида повторяетъ исторію родового развитія во всѣхъ отношеніяхъ“. „Развивающееся существо“,—поясняетъ этотъ замѣчательный законъ проф. Холодковский,—„первоначально обнаруживаетъ лишь принадлежность къ тому или другому типу, такъ что можно, напр., сказать, видимъ ли мы передъ собой будущее позвоночное, моллюска, лучистое или червеобразное животное, но еще по виду зародыша нельзя заключить, какое это будетъ позвоночное, какой моллюскъ и т. д. Затѣмъ выступаютъ понемногу признаки класса, т. е. если, напр., мы наблюдаемъ развитіе позвоночнаго, то выясняется, имѣемъ ли мы дѣло съ будущою птицей, млекопитающимъ и т. д. Еще позднѣе выясняются признаки отряда, семейства, рода, вида и, наконецъ, послѣ всего выступаютъ уже чисто индивидуальныя признаки. При этомъ зародышъ не проходитъ черезъ непрерывный рядъ формъ, соотвѣтствующихъ готовымъ существамъ разной степени совершенства, но скорѣе отдѣляется, отграничивается все болѣе и болѣе отъ всѣхъ формъ, кромѣ той, къ которой стремится его развитіе. Такъ, напр., зародышъ достигъ такой степени сложности, что онъ стоитъ на распутьи: сдѣлаться ли ему млекопитающимъ или птицей,—и изъ этого индифферентнаго состоянія онъ дѣлается или тѣмъ, или другимъ. Если низшія животныя формы имѣютъ сходство съ зародышами высшихъ животныхъ, то лишь потому, говоритъ Бэръ, что мало удаляются отъ эмбриональнаго состоянія, а не потому, чтобы окончательныя формы однихъ животныхъ равнялись зародышамъ другихъ“. Такимъ образомъ и въ этихъ своихъ воззрѣніяхъ Бэръ находилъ подкрѣпленіе своему убѣжденію относительно неизмѣнности типовъ. Но наука, широко использовавъ этотъ замѣчательный законъ, внесла въ него существенныя поправки и выработала то генеалогическое дерево животнаго царства, которое представляетъ собой одно изъ достопримѣчательностей современнаго естествознанія (см. біографія Геккеля въ т. I). Обращаясь къ этому генеалогическому дереву, составленному на основаніи постепеннаго расхожденія признаковъ, мы видимъ, что ни одна изъ нынѣ существующихъ формъ не связана по прямой линіи съ общимъ стволомъ живот-

наго царства, а является концомъ одной изъ сильно изломанныхъ вѣтвей, отходящихъ отъ этого общаго ствола. „Напримѣръ“,—говорить проф. Холодковский,—„если взять развитіе млекопитающаго, то нѣтъ ни

Megatherium americanum. Въ естественно-историческомъ музее въ Кенсингтонѣ въ Лондонѣ.

надобности, ни вѣроятія предполагать, чтобы оно проходило послѣдовательно всѣ стадіи, соотвѣтствующія пяти классамъ позвоночныхъ, т. е. являлось бы сперва рыбой, затѣмъ амфибіею, рептиліею, птицей и, на-

конецъ; млекопитающимъ. По современнымъ воззрѣніямъ въ данномъ случаѣ рыбообразная форма переходитъ въ форму, соответствующую отчасти амфибіямъ, отчасти рептиліямъ, а отсюда прямо преобразуется въ млекопитающихъ;—птицы же представляютъ собой особую вѣтвь, исходящую изъ рептиліеобразныхъ формъ“... Но и въ этихъ измѣненныхъ воззрѣніяхъ на происхождение животныхъ формъ нельзя не замѣтить сильнаго вліянія открытій Бэра.

Еще болѣе любопытнымъ представляется то обстоятельство, что нѣкоторыми своими воззрѣніями Бэръ уже собственными руками и непосредственно надламывалъ то ученіе о неизмѣнности типовъ, которое онъ отстаивалъ съ такимъ упорствомъ. Вотъ поучительный въ данномъ отношеніи отрывокъ изъ сочиненій Бэра. „Чѣмъ болѣе раннія стадіи развитія мы изслѣдуемъ, тѣмъ болѣе сходства находимъ мы между различными животными. Поэтому возникаетъ вопросъ: не одинаковы ли, въ существенныхъ чертахъ, всѣ животныя въ самомъ началѣ своего развитія и нѣтъ ли для нихъ одной общей исходной формы?.. Зародышъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ пузырь, который въ яйцѣ птицъ обростаетъ постепенно., въ яйцѣ лягушки является еще ранѣе, чѣмъ обнаруживается типъ позвоночнаго, а у млекопитающихъ уже съ самаго начала окружаетъ незначительную массу желтка. Но такъ какъ зародышъ есть не что иное, какъ цѣлое животное, только недоразвитое, то не безъ основанія можно утверждать, что простая форма пузыря есть общая основная форма, изъ которой развились всѣ животныя, и не только въ идеальномъ смыслѣ, но и исторически“.

Изъ отдѣльныхъ эмбриологическихъ открытій Бэра мы упомянемъ здѣсь о замѣчательномъ открытіи яйца млекопитающихъ и спинной струны, этой основы внутренняго скелета позвоночныхъ; онъ много сдѣлалъ для выясненія эмбриологическаго развитія мозга, глаза, мочевого пузыря, сердца и т. д. О другихъ научныхъ заслугахъ Бэра мы скажемъ въ его біографіи.

Намъ остается теперь только дать нѣсколько общихъ штриховъ для той великой цѣпи, звенья которой составляютъ Линней, Кювье, Бэръ. Для Линнея вопросъ о происхожденіи животнаго и растительнаго міра рѣшался просто: виды непосредственно вышли изъ рукъ Создателя съ тѣми самыми формами, которыя мы наблюдаемъ у нихъ въ настоящее время. Эта теорія представлялась для Кювье слишкомъ упрощенной, а потому непріемлемой. Колоссальный ростъ науки, въ значительной степени обязанный своимъ поступательнымъ ходомъ самому Кювье, принесъ огромное количество фактовъ, которые разбивали наивную вѣру Линнея. Кювье продолжалъ работать въ направленіи, завѣщанномъ Линнеемъ. Но уже онъ не могъ удовлетвориться единымъ актомъ творенія. Ему пришлось остановиться на теоріи катастрофъ, т. е. событій, уничтожавшихъ жизнь, послѣ чего творческіе акты должны были начаться снова и дать новыя формы живыхъ существъ. Но собственными своими великодушными трудами и Линней, и Кювье подкапывались подъ собственныя свои теоріи. Это сильно чувствовалъ Карлъ Бэръ, являвшійся во многихъ отношеніяхъ продолжателемъ ихъ завѣтовъ. Но этому послѣднему великому ученому пришлось на протяженіи своей многолѣтней и трудовой жизни сдѣлать еще больше уступокъ новымъ запросамъ времени. Мы видѣли, что Карлъ Бэръ до извѣстной степени является уже трансформистомъ, т. е. въ узкихъ предѣлахъ типа онъ допускаетъ измѣненіе видовъ и высказываетъ даже предположеніе о возможности общаго ро-

доначального ствола для всего животнаго царства. Карль Бэръ становится, слѣдовательно, явнымъ эволюционистомъ, но онъ продолжаетъ оставаться антидарвинистомъ. Въ высшей степени поучительной является

Ихтиозавры и археоптериксы.

позиція Бэра въ данномъ отношеніи. „Дарвинизмъ, какъ теорія естественнаго подбора“,—говоритъ проф. Холодковскій,—„былъ рѣшительно антипатиченъ Бэру. Онъ возставалъ противъ этой теоріи, какъ противъ возведенія случайности въ постоянную причину измѣненій, происходя-

щихъ въ организованныхъ тѣлахъ природы. Бэръ горячо возражаетъ тѣмъ защитникамъ дарвиновской теоріи, которые утверждаютъ, что случая не существуетъ, такъ какъ все въ мірѣ происходитъ по необходи-

Игуанодоны, вьзнушіе въ прибрежномъ мѣстѣ.

мости, согласно съ законами природы. Вполнѣ соглашаясь со своими оппонентами, что все совершающееся въ мірѣ точнѣйшимъ образомъ опредѣляется законами природы, Бэръ, тѣмъ не менѣе, настаиваетъ, что существуетъ цѣлый рядъ явленій, которыя не могутъ быть названы

иначе, какъ случайными, и что такія именно явленія только и могутъ доставить матеріалъ естественному подбору, въ смыслѣ дарвинистовъ. Случайность онъ опредѣляетъ, какъ совпаденіе двухъ явленій, не находящихся въ причинной связи одно съ другимъ“. По мнѣнію цитируемаго нами автора, причиною протеста Бэра противъ теоріи естественнаго подбора слѣдуетъ признать историческій складъ его ума. „Проработавъ свои лучшіе годы надъ эмбриологіею, имѣя дѣло съ развитіемъ зародыша въ яйцѣ, которое происходитъ вполне закономерно, подъ вліяніемъ цѣпи таинственныхъ внутреннихъ причинъ, совокупность которыхъ мы привыкли называть наслѣдственностью, Бэръ, естественно, былъ склоненъ придавать особенное значеніе именно внутреннимъ причинамъ, управляющимъ развитіемъ и жизнью организма (курсивъ нашъ) и, напротивъ, мало, — вѣроятно, слишкомъ мало, — придавалъ значенія взаимодействию организма съ вѣшнымъ міромъ. Вотъ почему, будучи трансформистомъ, онъ отказывался быть дарвинистомъ“...

Мы перейдемъ теперь къ послѣднему звену выбранной нами на этотъ разъ группы — П. Ф. Лесгафту. Его міровоззрѣніе является прекраснымъ завершеніемъ той линіи мысли, которая идетъ отъ Линнея черезъ Кювье и Карла Бэра. Нашъ знаменитый соотечественникъ Петръ Францевичъ Лесгафтъ выступаетъ уже полнымъ и вполне убѣжденнымъ трансформистомъ, но онъ все-же — антидарвинистъ, и антидарвинистъ, главнымъ образомъ, по тѣмъ же причинамъ, по какимъ не могъ воспринять дарвинистскаго ученія и Карлъ Бэръ. Вотъ отрывокъ изъ статьи П. Ф. Лесгафта, написанной имъ почти наканунѣ смерти. „Объясненія происхожденія видовъ по Ч. Дарвину, — говоритъ онъ тамъ, — совершенно не примѣнимы въ школѣ, вслѣдствіе крайней ихъ односторонности; основныя положенія ихъ рѣзко эгоистичны: „борьба за жизнь и естественный подборъ“. Такъ какъ молодой человѣкъ всегда очень реаленъ, и ему всего болѣе знакомъ и его всего болѣе занимаетъ человѣкъ, то онъ данное объясненіе болѣе всего къ нему и примѣняетъ, что совершенно не согласуется съ идейной задачей школы и понятіемъ о неприкосновенности человѣческой личности, о мудрости и любви. Всякое ученіе имѣетъ, однако же, значеніе только тогда, когда основныя положенія его охватываютъ все, къ чему это ученіе относится. Объясненіе Ч. Дарвина привело къ мнѣнію, что животный организмъ — какія-то казармы съ арміей, защищающей и охраняющей нашъ организмъ. Наврядъ ли съ этимъ можетъ согласиться истинный біологъ. Это же ученіе о происхожденіи видовъ можетъ быть выяснено въ главныхъ своихъ чертахъ съ пользою и въ школѣ, если дать ему болѣе широкое объясненіе, а именно, что всякое измѣненіе формъ происходитъ подъ вліяніемъ окружающей среды, а всякое усовершенствованіе зависитъ отъ упражненія, т. е. отъ повторенія дѣйствій при постепенно и послѣдовательно увеличивающемся возбужденіи; все, что бездѣйствуетъ, истощается, распадается, разрушается и исчезаетъ“. Мысль, выдѣленная нами курсивомъ, сближаетъ Лесгафта съ К. Баромъ и даетъ намъ право закончить этимъ замѣчательнымъ соотечественникомъ группу антидарвинистовъ, своею критикою не только не разрушившихъ, но еще курьезившихъ великое ученіе Дарвина.

Карль Линней.

(1707—1778).

Сынъ бѣднаго сельскаго священника Карль Линней родился 13 мая 1707 года въ деревенькѣ Розгульть въ Швеціи. Вскорѣ послѣ появленія на свѣтъ Божій Карла отецъ-Линней получилъ болѣе выгодный приходъ и перебрался въ живописное мѣстечко Стенброгульть, гдѣ и протекло дѣтство Карла до десятилѣтняго возраста. Повидимому, отъ своего отца, страстнаго цвѣтовода и садовода, Карль усвоилъ горячую любовь къ растеніямъ. Родители всячески поощряли эту любовь и отвели мальчику

нѣсколько грядокъ, извѣстныхъ подъ именемъ „садика Карла“, гдѣ ребенокъ выращивалъ всевозможныя растенія, изъ которыхъ многія онъ пересаживалъ изъ окрестныхъ полей и рощъ. Жизнь ребенка протекала счастливо среди прекрасной природы.

Но вскорѣ благополучію этому пришелъ конецъ. Родители рѣшили, что ихъ Карль будетъ пасторомъ, и десятилѣтнему Карлу пришлось отправиться въ начальную школу въ городокъ Вексје. Голова маленькаго ботаника была постоянно занята чудесами растительнаго міра, и для школьной премудрости въ ней оставалось слишкомъ мало мѣста, а потому Карль сразу попалъ въ число „не успѣвающихъ“, каковымъ и оставался до окончанія школы, которымъ онъ обязанъ не столько своимъ знаніямъ, сколько симпатіямъ начальника школы, также страстнаго любителя ботаники. Къ сожалѣнію, въ гимназіи того же городка, куда Карль (17-ти лѣтъ) перешелъ, по окончаніи начальной школы, не нашлось такого любителя естествознанія, который бы понялъ талантливую душу юноши. Директоръ и учителя гимназіи видѣли только отвращеніе Карла къ латыни,—къ той самой латыни, которая одна только и могла вывести его на путь карьеры, и считали его зато непроходимымъ глупцомъ, не обращающаго вниманія на его успѣхи по математикѣ и физикѣ. Дѣло дошло до того, что директоръ посоветовалъ отцу взять Карла изъ гимназіи въ виду полной его неспособности удовлетворить предъявляемымъ къ нему требованіямъ. Отецъ уже рѣшилъ смириться передъ этимъ ударомъ судьбы и взять изъ гимназіи Карла; къ счастью, въ тотъ самый день, когда онъ жестоко разнесъ своего сына за „безразсудное“ увлеченіе ботаникой, доведшее его до исключенія изъ гимназіи, онъ встрѣтилъ добраго и умнаго чело-вѣка—врача Ротмана. Выслушавъ жалобы отца Линнея, онъ сказалъ: „Дѣйствительно, учителя, вѣроятно, правы, что изъ вашего Карла не выйдетъ толковый пасторъ; но я со своей стороны думаю, что изъ него выйдетъ знаменитый врачъ; а, въ концѣ концовъ, врачъ не хуже проповѣдника заработаетъ себѣ на пропитаніе“. Ротманъ предложилъ самому заняться съ непокорнымъ ботаникомъ и взять его къ себѣ на квартиру. Это было большимъ счастьемъ для Карла. Та самая латынь, которая вызывала въ немъ такое отвращеніе, мало по малу сдѣлалась, къ удивленію педагоговъ, однимъ изъ его любимыхъ предметовъ. Чудесное это превращеніе произошло исключительно благодаря Плинію, въ трудахъ котораго заключалась цѣлая энциклопедія естествознанія древняго міра. Нечего и говорить, что Плинію предложилъ Карлу все тотъ же проникательный Ротманъ, который въ то же самое время началъ понемногу знакомить юношу и съ медициной. Латинскимъ языкомъ Карль, въ концѣ концовъ, овладѣлъ настолько, что писалъ на немъ не только всѣ свои сочиненія, но и частныя письма. Насколько это было важно для Линнея въ его научной дѣятельности, видно изъ того, что латинскій языкъ тогда былъ международнымъ языкомъ всего ученаго міра. Такимъ образомъ, услуга Ротмана оказалась для Линнея величайшимъ благодѣяніемъ. Пребываніе Линнея у Ротмана было знаменательнымъ еще въ томъ отношеніи, что здѣсь онъ впервые ознакомился съ сочиненіями знаменитаго ботаника Турнефора и началъ изученіе растительнаго царства по его методу, который оказалъ очень благотворное вліяніе на молодого ботаника. Несмотря на проявленіе живого и оригинальнаго, дѣятельнаго ума, Карль продолжалъ оставаться на плохомъ счету въ гимназіи до самаго ея окончанія. Въ 1727 году онъ завершилъ свое гимназическое образованіе съ аттестатомъ, въ которомъ было сказано слѣдующее: „Юношество въ шко-

лахъ уподобляется молодымъ деревьямъ въ питомникѣ. Случается иногда рѣдко—что дикая порода дерева, несмотря ни на какія заботы, не поддается культурѣ. Но пересаженное въ другую почву, дерево облагораживается и приноситъ хорошіе плоды. Только въ этой надеждѣ юноша отпускается въ академію, гдѣ, можетъ быть, онъ попадетъ въ климатъ, благопріятный его развитію“...

Итакъ, Карлъ за стѣнами гимназіи, принесшей ему не только сомнительный аттестатъ при окончаніи, но и много напрасныхъ страданій во время прохожденія курса! Что дѣлать теперь? Какъ быть? эти вопросы волновали молодого человѣка. Отецъ оставался все еще бѣднымъ сельскимъ священникомъ, у котораго на рукахъ былъ еще сынъ и три дочери. Мать горевала, что Карлъ окончательно отбивается отъ духовной карьеры, которая всегда была ея идеаломъ, и уходитъ на новую, чуждую ей дорогу врача и естествоиспытателя. На какую-либо помощь со стороны семьи для продолженія ученія нечего было рассчитывать уже просто потому, что достать эту помощь было неоткуда. Нѣкоторые надежды молодой человѣкъ питалъ еще на своего родственника священника Гумеруса, профессора университета въ Лундѣ, ближайшаго къ Линнеямъ университетскаго города. Туда-то молодой Карлъ, полный самыхъ радостныхъ надеждъ, и направилъ свой путь.

Но первые же шаги Линнея въ новомъ университетскомъ городѣ были неутѣшительны: онъ пріѣхалъ туда какъ разъ къ похоронамъ Гумеруса! Однако, молодой человѣкъ не упалъ духомъ. Онъ немедленно же записался въ число слушателей у одного знакомаго профессора и съ необычайнымъ жаромъ принялся за изученіе своей любимой ботаники. Своими успѣхами онъ быстро обратилъ на себя вниманіе профессоровъ. Одинъ изъ профессоровъ медицины Киліанъ Стобеусъ, замѣтивъ въ какой нуждѣ живетъ талантливый студентъ, предложилъ Линнею поселиться у него въ домѣ. Предложеніе это было принято, конечно, съ величайшей радостью и благодарностью. Стобеусъ имѣлъ хорошую бібліотеку и прекрасныя коллекціи минераловъ, птицъ, раковинъ и сушеныхъ растений. Однажды Стобеусъ, замѣтивъ поздно ночью свѣтъ въ комнатѣ своего жильца и думая, что тотъ позабылъ погасить свѣчку, вошелъ туда и засталъ Линнея углубленнымъ въ чтеніи книги, взятой Карломъ изъ бібліотеки Стобеуса черезъ одного товарища, имѣвшаго туда доступъ. Съ этихъ поръ Стобеусъ открылъ ему самому доступъ въ его богатую бібліотеку. Профессоръ, повидимому, горячо привязался къ своему талантливому и скромному жильцу; онъ началъ втягивать его въ медицинскую практику и обѣщалъ ему понемногу передать всѣхъ своихъ паціентовъ. Передъ Линнеемъ открывалась обеспеченная и сытая карьера. Но молодого человѣка влекли болѣе возвышенные идеалы. Онъ стремился увеличить и развернуть свои научныя познанія. Лундскій университетъ пересталъ его уже удовлетворять; его манила Упсала со своимъ знаменитымъ ботаническимъ садомъ и со своими извѣстными профессорами Рогбергомъ и Рудбекомъ. Молодой человѣкъ, отдохнувши лѣто у родителей и получивъ отъ нихъ крошечную сумму денегъ, сдѣлалъ такъ, какъ мечталъ: уѣхалъ въ Упсалу, надѣясь добиться тамъ своими работами королевской стипендіи.

Но и Упсала приняла молодого натуралиста неласково. Маленькое родительское пособіе быстро исчезло въ большомъ городѣ, гдѣ у Линнея не было ни одной родной души. Настала полоса жестокой нужды, когда приходилось ходить въ истрепанной одеждѣ, самому чинить старые

Ha repeat med *Neobalpus*

A collection of six black and white line drawings of men's faces and profiles, arranged in a collage-like fashion. The drawings are executed in a sketchy, expressive style with heavy black ink. The figures include: a man in profile facing left with a mustache and a headband; a man in profile facing right with a mustache and a headband; a man in profile facing right with a mustache and a headband; a man with a full beard and a turban-like head covering; a man with a full beard and a turban-like head covering; and a man with a full beard and a turban-like head covering. The drawings are set against a plain white background.

Digitized by Google

сапоги, пожертвованные какимъ-то доброжелателемъ, цѣлыми днями оставаться безъ пищи. Выхода, повидимому, не было. Отецъ уговорилъ его покориться судьбѣ и принять духовный санъ. Наконецъ, нужда достигла такихъ нестерпимыхъ предѣловъ, что Карль рѣшилъ сложить оружіе. Печальный отправился онъ въ свой любимый ботаническій садъ, чтобы проститься съ дорогими ему растеніями. Судьба столкнула его тамъ на этотъ разъ съ соборнымъ священникомъ Олаусомъ Цельзіемъ, ученымъ богословомъ и любителемъ ботаники. Олаусъ былъ пораженъ той нѣжностью и любовью, которая сквозила во всѣхъ дѣйствіяхъ молодого человѣка по отношенію къ растеніямъ. Онъ разговорился съ студентомъ и былъ изумленъ богатствомъ его ботаническихъ знаній. Потрепанный и истощенный

Карль Линней въ юношескомъ возрастѣ.

видъ Линнея заставилъ добраго священника задать Карлу нѣсколько вопросовъ о его матеріальномъ положеніи. Карль искренне разсказалъ о всѣхъ своихъ злключеніяхъ. Въ результатъ этихъ разговоровъ оказалось то, что Линнею было предложено переѣхать на жительство къ Цельзію, у котораго онъ снова попалъ въ благопріятныя для занятій условія. Такъ судьба снова сохранила великаго ученаго для науки. Впрочемъ, Линней недаромъ пользовался гостепріимствомъ ученаго богослова. Цельзій въ это время какъ разъ подготовлялъ работу о всѣхъ растеніяхъ, которыя встрѣчаются въ священномъ писаніи. Линней дѣятельно помогалъ ему въ составленіи необходимыхъ выписокъ. Вскорѣ у него нашлись частные уроки, и Карль, наконецъ, съ торжествомъ могъ купить на собственные деньги новыя башмаки и платье.

Ботаническія занятія Линнея подвигались необычайно успѣшно. Онъ чувствовалъ себя настолько свободно въ научномъ матеріалѣ, что рѣшился написать самостоятельную статью по вопросу о половых орга-

нахъ цвѣтовъ. Эту статью онъ передалъ Цельзію, который нашелъ ее настолько цѣнной, что отнесъ ее къ профессору ботаники Рудбеку. Статья очень понравилась этому послѣднему. Онъ познакомился съ молодымъ человѣкомъ, очень полюбилъ его и принялъ въ немъ горячее участіе. Рудбекъ въ это время былъ уже старикомъ. Онъ рѣшилъ передать кому-нибудь часть своихъ лекцій. Самымъ подходящимъ для себя пріемникомъ онъ призналъ Карла Линнея, и въ этомъ смыслѣ рекомендовалъ его факультету. Линней съ честью выдержалъ испытаніе, устроенное факультетомъ, и предложеніе Рудбека было принято, несмотря на указаніе нѣкоторыхъ профессоровъ на то, что рискованно „дѣлать доцентомъ студента, не прожившаго еще трехъ лѣтъ въ университетѣ“. Линней оправдалъ довѣріе факультета: его лекціи были блестящи; ботаническія экскурсіи, которыя онъ предпринималъ со своими слушателями, представляли большой интересъ. Линней привлекъ къ себѣ многочисленныхъ слушателей; его заработокъ сдѣлался значительнымъ. Это первое выступленіе Линнея на профессорскомъ поприщѣ относится къ 1730 году.

Въ 1732 году „Королевское научное общество“ Упсалы предложило Линнею отправиться въ научное путешествіе на крайній сѣверъ Шведскаго государства въ Лапландію. Несмотря на то, что на это путешествіе была ассигнована до смѣшного малая сумма—всего 60 талеровъ,—Линней согласился на это предложеніе съ большою радостью. На эти деньги онъ пропутешествовалъ цѣлыхъ полгода, совершая большую часть пути пѣшкомъ, по этой странѣ, лишенной лѣтомъ почти всякихъ путей сообщенія и заполненной мошкаррой и комарами, причиняющими человѣку сильнѣйшія страданія. Зимой дѣло обстоитъ здѣсь нѣсколько лучше, такъ какъ по огромной снѣжной равнинѣ передвиженіе легко совершается на оленяхъ, но зато выступаетъ другая опасность—морозы, которые страшны въ этой рѣдко населенной странѣ. При тѣхъ ничтожныхъ денежныхъ средствахъ, которыми располагалъ Линней, онъ не могъ собрать сколько-нибудь значительныхъ естественно-историческихъ коллекцій; и его работа ограничивалась, по всей вѣроятности, записью наблюденій и изученіемъ флоры. По возвращеніи Линней написалъ статью о лапландской флорѣ, которая затѣмъ была напечатана. Это былъ его первый печатный трудъ. Однако, успѣхи Линнея вызвали быстро зависть въ нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ ученыхъ. Одинъ изъ нихъ Розенъ, адъюнктъ медицинскаго факультета, возбудилъ вопросъ о незаконности лекцій Линнея, который не имѣлъ ученой степени. Розенъ формально былъ правъ, и факультетъ долженъ былъ смириться передъ этимъ запросомъ и запретить молодому талантливому ученому чтеніе лекцій до полученія имъ требуемой ученой степени. Это было очень тяжелымъ ударомъ для Линнея. Глубоко взволнованный, онъ встрѣтился съ Розеномъ и нанесъ ему тяжкое оскорбленіе, и послѣ этого двери Упсальскаго университета окончательно закрылись передъ нимъ.

Покинувъ Упсалу, Линней лѣтомъ 1734 г. совершилъ небольшое путешествіе по Шведской провинціи Далекарліи въ качествѣ руководителя группы молодыхъ экскурсантовъ, оплатившихъ издержки Линнея по поѣздкѣ. На зиму Линней поселился въ главномъ городѣ этой провинціи, знаменитой своими минеральными богатствами. Здѣсь онъ съ успѣхомъ началъ читать рядъ лекцій по минералогіи и пробирному искусству. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у него начала завязываться медицинская практика. Здѣсь же Карлъ Линней влюбился въ дочь состоятельнаго и искуснаго врача Мореуса. Однако, о бракѣ влюбленныхъ молодыхъ людей не

могло быть и рѣчи, пока Линней не получилъ ученой степени. Линней, впрочемъ, нравился не только невѣстѣ, но и отцу, который рѣшился помочь своему будущему зятю небольшой суммой денегъ для поѣздки въ Голландію, эту страну ученыхъ дипломовъ того времени. Линней прибылъ въ 1735 г. Онъ остановился въ

Въ Голландію Линней прибылъ въ 1735 г. Онъ остановился въ маленькомъ университетскомъ городкѣ Гардервикѣ, гдѣ очень быстро запитиить докторскую диссертацию. Онъ могъ бы теперь возвратиться на родину, чтобы начать семейную жизнь и, конечно, успѣшную медицинскую практику. Но страсть къ ботаникѣ опять стала на пути его карьеры. Линней не могъ отказать себѣ въ поѣздкѣ въ недалекой отъ него тогдашняго мѣстожительства Лейденъ, который славился лекціями знаменитаго профессора Боэргавы. Денегъ у Линнея было мало. Онъ поселился на чердакѣ и отказывалъ себѣ въ самомъ необходимомъ. Но здѣсь, въ Лейденѣ, Линней быстро обратилъ на себя вниманіе своихъ ученыхъ собратій. Ему, между прочимъ, было предложено издать какой-нибудь трудъ. Въ отвѣтъ на это предложеніе Линней составилъ первый набросокъ своего знаменитаго въ исторіи систематики труда „Systema naturae“. Этотъ набросокъ, содержавшій краткія описанія (въ видѣ таблицъ) минераловъ, растений и животныхъ, занималъ всего 14 страницъ большого формата. Эта небольшая книжечка положила основу огромной славы Линнея. Старикъ Боэргавъ такъ дорожилъ своимъ временемъ, что даже коронованнымъ особамъ приходилось часами ждать аудіенціи великаго ученаго. Но когда Боэргавъ ознакомился съ трудомъ Линнея, онъ самъ прислалъ ему приглашеніе посѣтить его. При личномъ свиданіи Боэргавъ былъ положительно очарованъ молодымъ ученымъ. Желая закрѣпить Линнея за Голландіей, Боэргавъ далъ ему рекомендательное письмо къ амстердамскому профессору, ботанику Бурману, который въ то время былъ занятъ обработкой цейлонской флоры. Пораженный колоссальными ботаническими познаніями Линнея, Бурманъ предложилъ ему сотрудничать въ указанной работѣ и поселиться у него въ домѣ. Однако, Линнею недолго пришлось пользоваться гостепріимствомъ Бурмана. Благодаря рекомендаціи Боэргавы, ему удалось устроиться годовымъ врачомъ у богача и страстнаго любителя ботаники Георга Клиффорты, тогдашняго бургомистра города Амстердама. У Клиффорты въ Гартекампѣ, около Гардервика, былъ великолѣпнѣйшій садъ, въ которомъ было собрано и акклиматизировано множество замѣчательныхъ растений Европы, Азіи, Африки, Америки. При первой же встрѣчѣ Клиффорты съ Линнеемъ, тотъ, какъ выходящійся ботаникъ, тотчасъ же оцѣнилъ ботаническую цѣнность Линнея и съ величайшей радостью предложилъ ему завѣдывать его великолѣпнымъ садомъ. Само собою разумѣется, что Линней получилъ хорошее содержаніе и солидное жалованье. Вотъ что писалъ самъ Линней о своемъ житіи у Клиффорты: „Итакъ, Линней поселился у Клиффорты, гдѣ онъ живетъ, какъ принцъ, имѣетъ величайшій садъ подъ своимъ покровомъ, съ правомъ выписывать всѣ растенія, которыхъ не достаётъ въ саду, покупать всѣ книги, которыхъ не хватаетъ въ библіотекѣ“. Своими новыми произведеніями, въ которыхъ онъ углубилъ и расширилъ свои научныя воззрѣнія (о нихъ см. въ общемъ очеркѣ), Линней завоевывалъ себѣ въ Голландіи большую извѣстность. Ему были сдѣланы выгодныя предложенія (напр., поѣздка на казенный счетъ въ Африку съ тѣмъ, чтобы послѣ этого получить катедру ботаники въ Голландіи), но Линнея потянуло на родину. Посѣтивъ сначала Англію, а передъ самымъ отъѣздомъ Парижъ, гдѣ былъ съ почетомъ встрѣченъ учеными, Линней направился въ Швецію.

Знаменитый ученый за границей, Линней въ Швеціи былъ только врачомъ безъ заработка. Устроившись пока въ Стокгольмѣ, онъ первое время испытывалъ тяжелую нужду. Впрочемъ, такое положеніе продолжалось недолго. Удачное излѣченіе одного знакомаго обратило на него вниманіе стокгольмскаго общества. Хорошія познанія и ясный умъ быстро укрѣпили его положеніе въ незнакомомъ городѣ. Къ тому жъ онъ обладалъ симпатичной наружностью. Это былъ человѣкъ невысокаго роста, нѣсколько сутуловатый вслѣдствіе привычки къ сидячей работѣ, крѣпкаго тѣлосложенія, съ темными волосами; съ красивыми, умными и проницательными глазами. Кромѣ того, онъ отличался блестящей памятью (только не на языки), которую сохранилъ до 50-лѣтняго возраста, и рѣдкимъ трудолюбіемъ, при строгомъ порядкѣ жизни. Лѣтомъ онъ ложился въ 10 часовъ вечера, а въ три, съ восходомъ солнца, былъ уже на ногахъ, довольствуясь пятью часами сна; зимой онъ спалъ значительно больше: отъ 9 до 6. Это изумительное прилежаніе не мѣшало ему любить отдыхъ, обставленный комфортомъ, благодаря чему онъ быстро восстанавливалъ свои силы. Все это и обезпечило ему блестящій успѣхъ въ столицѣ Швеціи. Онъ быстро становится моднымъ врачомъ, приобретаетъ практику при дворѣ, начинаетъ зарабатывать крупныя суммы, получаетъ званіе „королевскаго ботаника“ и постъ адмиралтейскаго врача. Эта послѣдняя должность отдавала въ его руки обширный клиническій матеріалъ, которымъ онъ воспользовался для изученія дѣйствія лѣкарствъ, и для многочисленныхъ вскрытій, которыя въ то время только-что начинали пробивать себѣ путь въ медицинѣ, а также для многочисленныхъ патолого-анатомическихъ изслѣдованій.

О своей жизни того времени Линней писалъ: „Я основался въ Стокгольмѣ. Всѣ потѣшались надъ моею ботаникой. Сколько безсонныхъ ночей и трудовыхъ часовъ я употребилъ на нее,—объ этомъ никто не говорилъ; но какъ надо мною посмѣялся Зигесбекъ (одинъ изъ литературныхъ противниковъ)—это всѣхъ занимало. Я началъ практиковать, но съ очень медленнымъ успѣхомъ; никто не хотѣлъ лечить у меня даже своихъ лакеевъ. Но вскорѣ мои неудачи прекратились; долго спрятанное за тучами солнце выглянуло. Я пошелъ въ гору, меня стали звать къ сильнымъ міра сего; все шло хорошо; ужъ ни одинъ больной не могъ обойтись безъ меня; съ четырехъ часовъ утра до поздняго вечера я посѣщалъ больныхъ, проводилъ у нихъ ночи и зарабатывалъ деньги. Ну! сказалъ я, Эскулапъ приносить все хорошее, а флора—только Зигесбековъ. Я оставилъ ботанику, тысячу разъ принималъ рѣшеніе уничтожить всѣ мои коллекціи разъ навсегда. Вскорѣ затѣмъ я получилъ мѣсто старшаго врача во флотѣ, а государственныя сословія назначили мнѣ содержаніе по сту дукатовъ въ годъ, съ тѣмъ, чтобы я преподавалъ ботанику въ Стокгольмѣ. Тогда я снова полюбилъ растенія и женился на моей пять лѣтъ ожидавшей невѣстѣ. Мой тестъ, однако, нѣжный другъ денегъ и не очень щедръ на нихъ. Но я въ нихъ и не нуждаюсь; пусть остаются для моихъ имѣющихъ быть потомковъ“.

Своимъ успѣхомъ Линней въ значительной степени обязанъ графу Тессину, богатому и образованному шведскому вельможѣ, который слѣдилъ за успѣхами своего соотечественника еще въ то время, когда тотъ проживалъ за границей и оставался совершенно неизвѣстнымъ у себя на родинѣ. По крайней мѣрѣ, благодаря графу Тессину, Линней получилъ важное назначеніе на постъ адмиралтейскаго врача. Линней сохранилъ чувство глубокой благодарности къ графу на всю жизнь. Въ одномъ

писемъ къ нему онъ говорить: „Всѣ вѣрные шведы восхваляютъ высоко-рожденнаго графа, и я долженъ дѣлать это всѣхъ болѣе. Господинъ графъ принялъ меня, peregrinum in patria (странника на родинѣ), не имѣющаго ни рекомендаціи покровителей, ни собственныхъ заслугъ, посадилъ меня за свой столъ между знатнѣйшими въ государствѣ, далъ мнѣ жилище въ своемъ собственномъ дворцѣ, рекомендовалъ меня высоко-поставленнымъ лицамъ, доставилъ годовое содержаніе и почетное мѣсто. Несомнѣнно, я обязанъ Господу Богу и графу Тессину всѣмъ моимъ счастьемъ“... Униженный тонъ этого письма объясняется обычаями того времени, когда положеніе ученаго, въ дѣйствительности, находилось въ такой зависимости отъ наличности высокихъ покровителей. Но искренность Линнея относительно графа Тессина находится внѣ всякихъ подозрѣній. Онъ доказалъ это тѣмъ, что, когда графъ Тессинъ попалъ въ королевскую немилость, Линней снова посвятилъ ему новое изданіе своей „Systemae naturae“ еще въ болѣе почтительныхъ выраженіяхъ, чѣмъ раньше, т. е. проявилъ гражданское мужество, на которое въ то время рѣшился бы рѣдкій ученый.

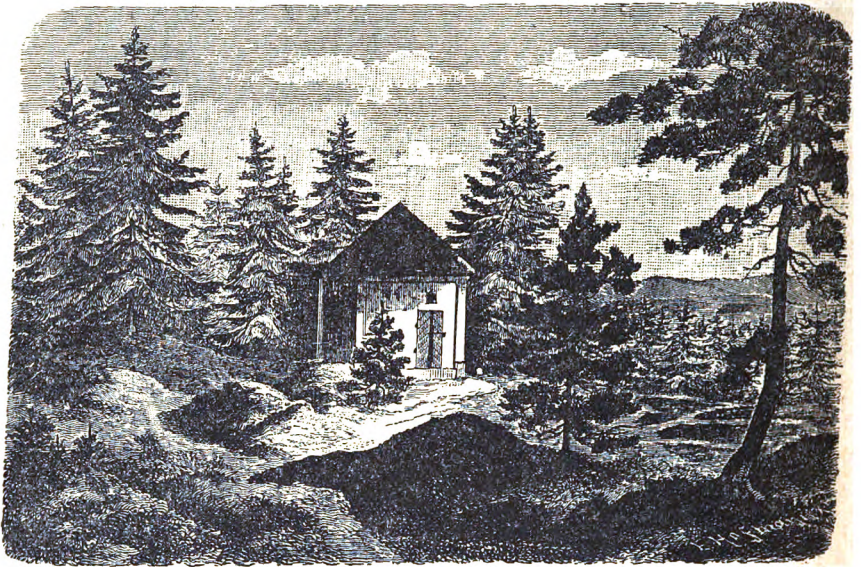
Итакъ, въ Стокгольмѣ началась его семейная жизнь. Едва ли можно назвать ее счастливой. Его жена оказалась женщиной невоспитанной, грубой и сварливой; дѣятельности его она не понимала совершенно и интересовалась только матеріальной ея стороною. У Линнея было нѣсколько дочерей и сынъ. Дочери находились подъ исключительнымъ вліяніемъ матери и выросли такими же грубыми и невѣжественными дѣвушками, какой была ихъ мать. Сына, любимца отца, мать не любила и всячески преслѣдовала, причиняя тѣмъ самымъ много огорченій самому Линнею, не рѣшавшемуся выступить съ протестами противъ своей „дражайшей половины“.

Мы видѣли, что, при первой же возможности, Линней со страстью возвратился къ своей любимой ботаникѣ. Онъ все болѣе и болѣе тяготился своимъ хлѣбнымъ ремесломъ и мечталъ цѣликомъ отдаться изслѣдовательской и профессорской дѣятельности. Случай къ этому вскорѣ представился. Въ 1740 г. умеръ въ Упсалѣ старинный его другъ и покровитель проф. Рудбекъ. Линней попытался получить его каѳедру, но неудачно: она была отдана врагу его молодости анатому Розену. Но за то въ слѣдующемъ же году освободившаяся каѳедра анатоміи и медицины, благодаря хлопотамъ графа Тессина, была предоставлена Линнею. Пути Розена и Линнея опять, такимъ образомъ, скрестились; но на этотъ разъ они вскорѣ мирными средствами устранили путаницу, устроенную имъ судьбой: по взаимному договору они помѣнялись каѳедрами, и каждый оказался на своемъ мѣстѣ.

Линнею шелъ тридцать пятый годъ, когда онъ, наконецъ, получилъ свою любимую каѳедру въ своемъ любимомъ университетѣ. Онъ весь ушелъ теперь въ науку и преподаваніе. Что онъ дѣлалъ для науки, объ этомъ у насъ была рѣчь въ общемъ очеркѣ. Но и для процвѣтанія роднаго университета имъ было сдѣлано очень много. Онъ привелъ въ порядокъ университетъ имъ было сдѣлано очень много. Онъ привелъ въ порядокъ, расширилъ и усовершенствовалъ ботаническій садъ Упсалы, пришедшій въ глубокой упадокъ. Въ короткое время, подъ руководствомъ Линнея, упсальскій ботаническій садъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ въ Европѣ. Ботаническая каѳедра при Линнеѣ приняла блестящій видъ; ботаника сдѣлалась однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ университетскаго преподаванія въ то время, какъ раньше она считалась одной изъ самыхъ заурядныхъ наукъ. Число студентовъ въ Упсальскомъ университетѣ сильно

возрасло. Имя Линнея привлекло многочисленных иностранных студентов: нѣмцевъ, швейцарцевъ, датчанъ, англичанъ и даже русскихъ. Изъ его учениковъ многіе приобрѣли впоследствии научную извѣстность крупными научными открытіями.

Эти услуги были щедро вознаграждены наградами, увеличеннымъ жалованіемъ, гонораромъ. Матеріальное положеніе Линнея было очень хорошо. Его основное сочиненіе „Systema naturae“ еще при его жизни выдержало 12 изданій и изъ книжечки (хотя и размѣровъ фоліанта) въ 14 страницъ разраслось къ 12-му изданію въ огромный томъ въ 1326 страницъ. Научныя идеи Линнея завоевали себѣ прочную позцію, и это служило, конечно, источникомъ величайшаго наслажденія для Линнея. Не было недостатка и въ почестяхъ. Лестныя предложенія ему

Музей Линнея близъ Упсалы.

были сдѣланы изъ Мадрида и Петербурга. Но шведскіе короли Адольфъ-Фридрихъ и Густавъ III, и сами, считая его славою своей страны, осыпали его знаками своихъ милостей. Въ 1757 г. онъ былъ возведенъ въ дворянское достоинство. Въ 1753 г. Линней купилъ въ окрестностяхъ Упсалы небольшое имѣніе Гаммарба, гдѣ принималъ своихъ почитателей, пріѣзжавшихъ къ нему изъ разныхъ странъ Европы, и гдѣ строилъ отдѣльный домикъ для своихъ естественно-историческихъ коллекцій.

Успѣхи сына, котораго такъ безсмысленно преслѣдовала его мать, также радовали Линнея. Когда молодому Линнею было 18 лѣтъ, онъ, по ходатайству отца, получилъ должность „demonstrator botanicus“ при ботаническомъ садѣ Упсальскаго университета; 22-хъ лѣтъ онъ былъ назначенъ адъюнктомъ ботаники; по смерти отца онъ былъ приглашенъ на его кафедру и получилъ командировку за границу. Ему, впрочемъ, не удалось оставить хоть сколько-нибудь замѣтнаго слѣда въ наукѣ, такъ какъ умеръ онъ сравнительно рано (42-хъ лѣтъ), оставивъ множество незаконченныхъ работъ.

Почести и награды все же, въ концѣ концовъ, отразились на характерѣ Линнея. Изъ простого и добродушнаго человѣка онъ превратился въ раздражительную, мелочную и честолюбивую знаменитость. Впрочемъ, до конца своей жизни онъ сохранялъ величайшую справедливость и доброжелательство къ чужимъ работамъ.

Въ 1774 году первый ударъ, случившійся съ нимъ во время чтенія лекціи, сильно сократилъ его работоспособность. Черезъ два года ударъ повторился, и знаменитый ученый сдѣлался полнымъ инвалидомъ: у него отнялся языкъ, ему измѣнила память; почти безъ движеній онъ проводилъ свои послѣдніе печальные дни въ кровати вплоть до самой смерти, освободившей его отъ страданій 10 янв. 1778 г.

Швеція не удалось сохранить богатыя естественно - историческія коллекціи своего великаго ученаго. Отвѣтственность за эту потерю Швеція падаетъ на глупость и жадность вдовы великаго ученаго. Боясь продешировать научное наслѣдство своего мужа, она продала его обширную библіотеку и коллекціи англичанину Смиту всего за тысячу гинней, т. е. за сумму, которой стоила только одна библіотека Линнея, насчитывавшая до 2500 томовъ. Смитъ быстро погрузилъ на корабль свое приобрѣтеніе и отправилъ его въ Англію. Короля Густава въ это время не было въ Швеціи. Когда онъ узналъ о состоявшейся продажѣ, онъ сильно былъ раздраженъ на жадную и глупую женщину. Онъ послалъ даже за покупкой Смита военный корабль. Но всѣ эти мѣры оказались запоздалыми. Научное имущество Смита было уже въ этотъ моментъ пропущено безпошлинно къ берегамъ Англіи. Позднѣе въ Англіи было основано „Линнеевское общество“, въ собственность котораго и перешли библіотека и коллекціи великаго шведскаго натуралиста.

Ж. Кювье.

Жоржъ Кювье.

(1769—1832).

Мало кому изъ великихъ людей досталось такое длинное имя, какъ знаменитому основателю сравнительной анатоміи и палеонтологіи: Жоржъ-Леопольдъ-Кретьенъ-Фредерикъ-Дагоберъ Кювье. Человѣкъ съ этимъ длиннымъ именемъ родился во французскомъ городкѣ Монбельярѣ 23-го августа 1769 г. Отецъ Жоржа служилъ офицеромъ въ наемномъ швейцарскомъ полку, принималъ участіе въ нѣсколькихъ походахъ и былъ извѣстенъ своей храбростію. Въ Монбельярѣ онъ проживалъ въ качествѣ отставного офицера, заведывавшаго мѣстной артиллеріей. Женился онъ поздно: 50-ти лѣтъ отъ роду на неглупой и очень доброй дѣвицѣ

Шатель. Первый сынъ ихъ умеръ. Второй, — болѣзненный и хилый, — былъ Жоржъ. Отъ этого брака былъ еще одинъ сынъ Фредерикъ, такъ же выдвинувшійся въ области естествознанія, хотя и въ гораздо меньшей степени, чѣмъ его братъ.

Мать сыграла важную роль въ духовномъ развитіи своего великаго сына. Подъ ея руководствомъ онъ выучился бѣгло читать, будучи еще четырехлѣтнимъ ребенкомъ. Она же заложила въ немъ основы его религиозныхъ воззрѣній, давала ему первые уроки рисованія и слѣдила за его уроками, когда онъ сталъ ходить въ начальную школу. Кювье на всю жизнь сохранилъ самое теплое воспоминаніе о своей благородной матери.

Въ школѣ Жоржъ сразу занялъ выдающееся положеніе. Онъ отличался прекрасной памятью, быстрой сообразительностью и ловкостью въ ручныхъ работахъ. Шести лѣтъ онъ продѣлалъ удачно рядъ операций какого-то фокусника, вызвавшего изумленіе у взрослыхъ. Онъ рано проявилъ способность къ рисованью, которое ему очень пригодилось въ будущей его научной дѣятельности. Онъ обращалъ на себя вниманіе умнѣемъ ловко выпрѣзать изъ картона модели разнообразныхъ зданій, при чемъ онъ съ необычайной точностью умѣлъ соблюдать относительные размѣры изображаемаго имъ зданія. Во всемъ этомъ сказывались дарованія тонкаго цѣнителя искусства; каковымъ Кювье оказался впоследствии.

Десяти лѣтъ Кювье поступилъ въ Монбельяскую гимназію, гдѣ обучался древнимъ языкамъ, исторіи, ариметикѣ, алгебрѣ, геометріи и съемкѣ плановъ. Уже въ этомъ раннемъ возрастѣ Кювье началъ увлекаться естествознаніемъ. Увлеченіе это началось съ „Естественной исторіи“ Бюффона, которая случайно подвернулась ему подъ руки у одного изъ его родственниковъ. Мальчику понравились рисунки. Онъ рѣшилъ раскрасить ихъ, а для этого призналъ необходимымъ ознакомиться съ текстомъ, который такъ понравился мальчику, что онъ съ тѣхъ поръ почти не разставался съ этой книгой, — читая ее часто даже во время классныхъ занятій, что, конечно, навлекало на него учительскія кары. Вообще, въ эту пору Кювье не отличался уступчивостью по отношенію къ сильнымъ міра сего, чего нельзя сказать о дальнѣйшей его дѣятельности. Такъ, за насмѣшки надъ директоромъ, первый по успѣхамъ, Кювье вышелъ только третьимъ по списку. Это обстоятельство оказало рѣшительное вліяніе на всю будущую его жизнь. Небогатые родители его видѣли, что ихъ даровитому сыну открывается возможность продолжать образованіе только въ томъ случаѣ, если онъ на казенный счетъ попадетъ въ духовное заведеніе. Но потеря перваго мѣста при выпускѣ была равнозначуща потерѣ духовной стипендіи, за что впоследствии Кювье горячо благодарилъ свою судьбу.

Въ участіи Жоржа заинтересовался герцогъ Карлъ, узнавшій черезъ своихъ знакомыхъ и родственниковъ о даровитомъ мальчикѣ. Этотъ герцогъ былъ учредителемъ Каролинской академіи въ Штутгартѣ, — полувоенномъ, полудворянскомъ учебномъ заведеніи, не сумѣвшимъ разстаться съ цѣлымъ рядомъ феодальныхъ предразсудковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сумѣвшимъ выдвинуть новые принципы воспитанія, задачей котораго ставилось создать „гражданина міра и честнаго человѣка“. Учебная программа заведенія была составлена въ высшей степени сумбурно; всего здѣсь преподавался 21 предметъ: ботаника, геологія, минералогія, химія, права: естественное, финансовое и полицейское, технологія, нумизматика, бухгалтерія, коммерческая географія, практическая геометрія и др. Въ

теченіе всѣхъ четырехъ лѣтъ своего пребыванія въ этомъ учебномъ заведеніи Кювье занимался съ необычайнымъ рвеніемъ. „Цѣлый годъ“, — рассказываетъ его товарищъ Пфаффъ, — „я былъ свидѣтелемъ его неустойчивыхъ занятій по ночамъ. Ни величина, ни число фоліантовъ не могли остановить его ежеминутнаго чтенія. Особенно хорошо помню я, какъ, сидя по обыкновенію около моей постели, онъ перечитывалъ весь громадный лексиконъ Бейля. Заснувъ надъ моимъ собственнымъ чтеніемъ, я просыпался иногда не ранѣе, какъ черезъ часъ или два, и находилъ моего друга неподвижнымъ, какъ статуя, съ Бейлемъ въ рукахъ, поглощенного чтеніемъ“. Такое изумительное трудолюбіе въ связи съ рѣдкими способностями легко доставило Кювье почетное мѣсто „Chevalier“, которое доставалось лишь послѣ ряда трудныхъ и сложныхъ испытаній. Онъ, дѣйствительно, въ нѣсколько мѣсяцевъ въ совершенствѣ овладѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, приобрѣлъ обширныя свѣдѣнія въ государственныхъ наукахъ, сдѣлался выдающимся знатокомъ исторіи, приобрѣлъ обширныя познанія по естествознанію, усвоилъ физику настолько, что его уроки представляли большую цѣнность, чѣмъ уроки ихъ академическаго учителя. И все это было сдѣлано почти самостоятельно, такъ какъ изъ всего учительскаго персонала на него имѣлъ нѣкоторое вліяніе лишь Кильмейеръ, впоследствии знаменитый анатомъ и фیزیологъ.

Несмотря на всѣ эти усиленные занятія, Кювье находилъ достаточно времени для широкой общественной дѣятельности среди своихъ товарищей. Уже въ гимназіи онъ проявилъ рѣдкіе организаторскіе таланты. Онъ устроилъ тамъ научное общество, президентомъ котораго былъ онъ самъ. Работа этого общества состояла въ томъ, что президентъ прочитывалъ какую-нибудь книгу, по поводу которой открывались затѣмъ дебаты, завершавшіеся предсѣдательскимъ резюме. Наиболѣе преуспѣвающіе члены общества награждались орденомъ, который самъ г. президентъ вырѣзывалъ изъ картона съ обычной своей ловкостью. Такой же орденъ и подобный же уставъ Кювье провелъ и среди своихъ академическихъ товарищей. Только занятія общества теперь были перенесены въ область коллектированія и опредѣленія растений, насѣкомыхъ и т. д., а въ вакаціонное время въ разнообразныхъ экскурсіяхъ, посвященныхъ главнымъ образомъ энтомологіи. Кювье умѣлъ такъ заинтересовать въ этихъ работахъ своихъ товарищей, что получившій картонный крестъ Кювье, по свидѣтельству Пфаффа, „больше гордился этимъ скромнымъ орденомъ, чѣмъ крестомъ Chevalier“.

Восемнадцати лѣтъ Кювье закончилъ Каролинскую академію. Судьба сразу поставила молодого человѣка въ крайне неблагопріятныя условія: ему немедленно же пришлось позаботиться о заработкѣ, такъ какъ семья его сама находилась въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и не могла предложить ему никакой помощи. Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ, Кювье взялъ мѣсто домашняго учителя въ довольно глухомъ уголкѣ Нормандіи у графа Гериси. Здѣсь онъ провелъ восемь лѣтъ, которыя съ энтузіазмомъ отдалъ естествознанію. Здѣсь же произошелъ крутой переворотъ въ его политическихъ воззрѣніяхъ. Изъ школы онъ вышелъ горячимъ сторонникомъ реформъ и не скрывалъ своихъ симпатій революціи, которая бурно протекала какъ разъ въ то время, когда онъ мирно проживалъ въ своемъ нормандскомъ захолустьѣ. Излишество борьбы и ненависти, которыми сопровождалась революція во Франціи, оттолкнула отъ себя мирнаго мыслителя, и онъ перешелъ въ ряды реакціонеровъ, не одобряя, впрочемъ, никакихъ излишествъ и въ этомъ лагерѣ.

Работа Кювье была поставлена здѣсь въ крайне неблагопріятныя условія. Дворянское общество отличалось невѣжествомъ и грубостью. „Теперь“, — пишетъ онъ Пфаффу, — „я живу въ деревнѣ и почти не вижу съ дворянами, и съ тѣхъ поръ, какъ я пересталъ посѣщать это общество, невѣжественное и часто презрѣнное, мой взглядъ на революцію измѣнился. Знать ихъ и видѣть каждый день — достаточно для того, чтобы порадоваться всякому бѣдствію, которое обрушится на нихъ“... „Мнѣ приходится жить среди невѣждъ, отъ которыхъ я не могу даже спрятаться. Въмѣсто того, чтобы изучать насѣкомыхъ или растенія, я долженъ забавлять бабъ разными глупостями. Говорю — глупостями, потому что въ этомъ обществѣ нельзя говорить больше ничего другого...; говорю — бабъ, потому что большая часть ихъ не заслуживаетъ другого названія“, — жалуется онъ въ другомъ письмѣ. Прибавьте къ этому неаккуратность друзей въ перепискѣ, отсутствіе ученыхъ и учебныхъ книгъ, недостатокъ въ приспособленіяхъ для изслѣдованія, и можно будетъ только подивиться той необычайной энергіи, которая сдѣлала этого юношу, заброшеннаго въ малокультурное дворянское помѣстье и предоставленнаго всецѣло собственнымъ своимъ силамъ, великимъ ученымъ.

Главными предметами занятій Кювье были здѣсь ботаника, зоологія и сравнительная анатомія; съ особеннымъ же усердіемъ онъ занялся изученіемъ безпозвоночныхъ, главнымъ образомъ моллюсковъ, которыя къ тому времени были еще очень мало изслѣдованы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи ему благопріятствовали обстоятельства, такъ какъ три года ему пришлось провести на берегу моря между Діэпомъ и Гавромъ. Уже въ 1790 г. Кювье изучилъ и срисовалъ болѣе 200 видовъ моллюсковъ. Изъ другихъ работъ, произведенныхъ Кювье въ своемъ уединеніи, можно указать нѣсколько ботаническихъ трактатовъ, посвященныхъ классификаціи нѣсколькихъ растительныхъ родовъ, но монографію объ икневмонахъ, для которой онъ приготовилъ 60 рисунковъ, обширный трактатъ о ракообразныхъ, мемуаръ о строеніи птичьяго горла, явившійся однимъ изъ результатовъ изученія анатоміи и систематики птицъ; многочисленныя работы (описанія, рисунки, коллекціи) были посвящены также рыбамъ. Всѣ свои наблюденія и соображенія Кювье аккуратно вносилъ въ дневникъ, который, въ концѣ концовъ, заключалъ огромное количество цѣнныхъ и въ высшей степени оригинальныхъ матеріаловъ, позволившихъ Кювье позднѣе сразу занять выдающееся мѣсто среди парижскихъ ученыхъ. Здѣсь же онъ началъ знакомиться съ ископаемыми. Здѣсь же изучилъ нѣсколько важныхъ научныхъ работъ, а именно ботаническую систему Жюссье, знаменитый трактатъ Лавуазье по химіи, геологическую систему Делюка, при чемъ во всѣхъ этихъ работахъ онъ умѣлъ схватить наиболѣе цѣнную сущность и сохранить за собой положеніе свободного критика. Здѣсь же сложилось у него критическое отношеніе къ той классификаціи животнаго царства, которая была въ то время принята въ зоологіи, и которая основывалась на изученіи внѣшнихъ признаковъ. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ его писемъ того времени, въ которыхъ онъ уже ясно обрисовывается, какъ творецъ будущей естественной системы животнаго царства. „Легкость этой работы (составленія искусственныхъ системъ)“, — говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, — „не требующей никакого генія, — причина, почему съ Рэя и Баусина можно насчитать до сотни дѣятелей — системы, вслѣдствіе чего настоящая наука осталась въ пренебреженіи. Я не хочу сказать, что системы совершенно бесполезны: это лексиконы естественной исторіи, но

Новое время въ исторіи земли, или кайнозойская эра.	Ледниковая эпоха.	Времена мамонтовъ, пещерныхъ медвѣдей и первобытнаго чело-вѣка.				
	Третичный періодъ.	Времена большихъ млекопитающихъ: мастодонта и динотерія.				
	Мѣловой періодъ.	Чудовищная пресмыкающаяся и первые лиственные деревья.				
	Юрский періодъ.	Первые птицы, летающие и др. ящеры.				
	Пермский и Триасовый періоды.	Крокодилоподобные пресмыкающиеся, гигантские хвощи и хвойныя.				
	Каменноугольный періодъ.	Древовидные папоротники и др. безцвѣтковые растенія.				
Древность земли, или палеозойская эра.	Девонскій періодъ.	Первые наземныя растенія, панцирные рыбы и гигантскія ракообразныя.				
	Силурийскій періодъ.	Безпозвоночныя животныя и морскія водоросли.				

Главнѣйшіе періоды органической исторіи земли.

(Рисунокъ показываетъ постепенное развитіе органическихъ формъ на землѣ и смѣну геологическихъ періодовъ. — Согласно мнѣнію Кювье, отдѣльные періоды земли отдѣлялись другъ отъ друга ужасными, опустошительными катастрофами, послѣ чего каждый разъ органическій міръ былъ созданъ снова высшей силой путемъ особаго „творческаго акта“. Въ настоящее время эта теорія уже давно отброшена).

когда же заговорятъ о языкѣ? Система — просто средство, а не цѣль... „Со времени Линея“, — пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, — естественная исторія лишилась законодателя. Каждый слѣдуетъ своему капризу и, если эта анархія будетъ продолжаться, наука скоро превратится въ лабиринтъ, изъ котораго и не выберешься“... „Вся организація животнаго“, — говоритъ онъ еще, — „находится въ необходимой гармоніи съ его образомъ жизни. Пища и способъ ея добыванія — главные обстоятельства въ животной жизни. Жевательные органы должны находиться въ извѣстномъ отношеніи съ пищей, слѣдовательно, со всѣмъ образомъ жизни, слѣдовательно, со всей организаціей“.

Колоссальный научный матеріалъ, накопившійся въ дневникахъ Кювье во время его пребыванія въ Нормандіи, оставался подъ спудомъ, если не считать нѣсколькихъ небольшихъ работъ, напечатанныхъ въ специальномъ журналѣ. Такимъ образомъ, Кювье былъ совершенно неизвѣстнымъ ученому міру. Случай вывелъ его на широкую дорогу. Какъ-то на засѣданіи одного мѣстнаго общества, секретаремъ котораго былъ молодой Кювье, выступилъ пожилой господинъ, обратившій на себя вниманіе оригинальными взглядами и огромной эрудиціей. Кювье, самъ въ то время первоклассный, хотя и неизвѣстный, ученый, сразу опредѣлилъ научную цѣнность этого лица, принявшаго участіе въ дебатахъ, а, благодаря огромной памяти Кювье, ему ничего не стоило установить, что подобные взгляды и подобнымъ образомъ можетъ развивать никто иной, какъ авторъ знаменитыхъ статей въ „Dictionnaire de l'Encyclopédie méthodique“. Убѣжденіе Кювье (несмотря на то, что данное лицо выступало подъ другой фамиліей) было такъ велико, что онъ подошелъ къ заинтересовавшему его господину послѣ засѣданія и сказалъ ему: „Вы — Тессье“. „Меня узнали, я погибъ!“ воскликнулъ тотъ въ отвѣтъ. Дѣло заключалось въ томъ, что ученый Тессье былъ аббатъ, чего въ то время террора было вполне достаточно, чтобы погибнуть на эшафотѣ. Тессье, конечно, не улыбалась подобная перспектива, и онъ скрывался въ провинціи, занимаясь врачебной практикой. Кювье увѣрилъ своего новаго знакомаго въ томъ, что тайна его находится въ вѣрныхъ рукахъ, и между старымъ и молодымъ ученымъ вскорѣ завязалась тѣсная дружба. Какое сильное впечатлѣніе произвелъ Кювье на Тессье, можно видѣть изъ отрывка письма, посланнаго этимъ послѣднимъ Пермантье: „Я нашелъ жемчужину въ навозѣ Нормандіи! При видѣ этого молодого человѣка, я почувствовалъ такое же восхищеніе, какъ тотъ философъ, который, будучи заброшенъ на пустынный берегъ, увидалъ на пескѣ слѣды геометрическихъ фигуръ. Кювье — фіалка, скрывающаяся въ травѣ; знанія его огромны... Вы не найдете лучшаго профессора анатоміи. Это — жемчужина, которую вы должны подобрать; онъ созданъ для міра и для науки“...

Этой рекомендаціи извѣстнаго ученаго было достаточно, чтобы съ Кювье вступилъ въ переписку рядъ парижскихъ ученыхъ. Съ его работами, между прочимъ, ознакомился Жоффруа С.-Илеръ, занимавшій въ то время почтенное положеніе среди французскихъ ученыхъ. Ему Кювье довѣрилъ нѣкоторыя изъ своихъ работъ, и вотъ что писалъ Жоффруа по смерти Кювье: „Кювье считалъ свои работы ученическими, а, между тѣмъ, самъ того не сознавая и безъ вѣдома для всѣхъ, уже создалъ основы зоологіи... „Рукописи, которыя вы просите меня прислать вамъ, — писалъ онъ мнѣ, — безъ сомнѣнія содержатъ только то, что уже давно и гораздо лучше установлено столичными натуралистами, такъ какъ онѣ составлены мной безъ помощи коллекцій и книгъ“. А между тѣмъ, въ этихъ драго-

цѣнныхъ рукописяхъ я на каждой страницѣ встрѣчалъ новые факты, остроумные выводы,—и тѣ научные методы, благодаря которымъ преобразовалась зоологія, были уже намѣчены здѣсь. Эти первые опыты уже превосходили всѣ ученыя работы эпохи. Я отвѣчалъ Кювье: „пріѣзжайте въ Парижъ, пріѣзжайте, чтобы занять среди насъ мѣсто новаго Линнея, новаго законодателя естественной исторіи“.

Такой поворотъ дѣла былъ настолько неожиданъ, что Кювье въ теченіе нѣкотораго времени не могъ отдѣлаться отъ сильнѣйшихъ сомнѣній въ своихъ силахъ и безъ нѣкоторой робости, наконецъ, не пустился въ Парижъ, гдѣ почти сразу же началась блестящая его карьера. Уже въ

Идеальный ландшафтъ каменноугольнаго періода.

1795 г. онъ былъ назначенъ членомъ коммиссіи искусствъ и профессоромъ въ центральной школѣ Пантеона. Особенно много помогалъ ему въ устройствѣ дѣлъ его новый другъ Жоффруа, который впоследствии превратился въ его соперника. Но тогда было иначе. „Втеченіе 1795 и 1796 гг.“,—вспоминалъ впоследствии Жоффруа, — „мы жили вмѣстѣ, обѣдали за однимъ столомъ, вмѣстѣ гуляли и посѣщали общественныя коллекціи; наши работы были подписаны двумя именами“. Мы не завтракали безъ того, чтобы не сдѣлать открытія“, говорилъ объ этомъ времени Кювье. И эта дружба является тѣмъ болѣе неожиданной

и оригинальной, что по характеру оба ученыхъ рѣзко отличались другъ отъ друга. „Кювье“,—проводить это сравненіе г. М. Энгельгардтъ,— „спокойный и разсудительный, тонкій и политичный; Жоффруа—пылкій, увлекающійся, радостно хватавшійся за всякое грандіозное предпріятіе. Кювье—строгій, точный и ясный умъ, ненавистникъ всякихъ „предчувствій“, „пророчествъ“ и „откровеній“ въ научной области. Жоффруа—мечтатель, полагавшійся на чувство и не всегда отличавшій поэтическія грезы отъ научныхъ теорій... Въ манерѣ изложенія они отличаются такъ же рѣзко. Кювье былъ чуждъ всякой аффектаціи и напыщенности; слогъ его въ высшей степени простъ—никакой искусственности, никакихъ украшеній; вопросъ сразу становится на надлежащую почву; аргументація ясна и послѣдовательна; опредѣленія точны; вы можете съ нимъ соглашаться или нѣтъ, но никогда не выносите изъ его сочиненій досаднаго впечатлѣнія чего-то смутнаго, неуловимаго, безформеннаго... Это досадное впечатлѣніе часто выносите изъ философскихъ сочиненій Жоффруа, неясныхъ, сбивчивыхъ и къ тому же не въ мѣру краснорѣчивыхъ, причемъ краснорѣчіе сплошь и рядомъ превращается въ реторику и напыщенность“.

Въ Парижѣ Кювье устроился съ отцомъ и братомъ (мать незадолго передъ этимъ умерла). Жилось сначала, несмотря на ученую извѣст-

ность и почести, не важно, такъ какъ финансы Франціи послѣ революціи все еще были въ плохомъ состояніи. „Дорогой и ученый собратъ!“ — писалъ Кювье Гартману, — „не думайте, что въ Парижѣ хорошо живется. Какъ и въ Страсбургѣ, здѣсь по году задерживаютъ жалованье членамъ Jardin des plantes и другихъ образовательныхъ учреждений, и если мы завидуемъ слонамъ, то не потому, что имъ лучше плавать, а потому что, живя, подобно намъ, въ кредитъ, они не сознаютъ этого и, стало быть, не огорчаются. Вы знаете, что французы поютъ, когда у нихъ нѣтъ денегъ. Мы, ученые, не музыканты и замѣняемъ пѣніе наукой“. Тѣмъ не менѣе, въ новыхъ условіяхъ Кювье чувствовалъ себя счастливымъ. Онъ окрѣпъ не только духовно, но и физически, и съ тѣхъ поръ почти всю остальную жизнь отличался чуть ли не желѣзнымъ здоровьемъ. Даже наружность его измѣнилась. „Это былъ красивый мужчина“, — описываетъ его Пфафъ, — „вмѣсто волнистой гривы подстриженные волосы обрамляли полное, здоровое лицо. Выраженіе его было веселѣе, пріятнѣе; всѣ движенія живѣе, хотя легкій отпечатокъ меланхоліи, который характеризовалъ его, не совсѣмъ изгладился“.

Свой лекціи Кювье началъ въ 1795 г. и сразу привлекъ къ нимъ всеобщее вниманіе. Въ то же самое время онъ энергично принялся за составленіе коллекцій въ музеѣ Ботаническаго сада. Только, благодаря его усиліямъ, Парижъ сдѣлался обладателемъ одной изъ богатѣйшихъ въ свѣтѣ коллекцій по сравнительной анатоміи. Съ этого же времени начинаютъ появляться въ печати одна его работа за другой; значеніе которыхъ выяснено нами въ общемъ очеркѣ, а потому здѣсь ограничимся лишь нѣсколькими фактами, характерными для него, какъ ученаго и общественнаго дѣятеля. Когда его занимала какая-нибудь мысль, онъ забывалъ все окружающее, а рѣшеніе всякой поставленной имъ самимъ себѣ задачи вызывало у него бурю восторга. „Однажды“, — рассказываетъ мистрисъ Ли, — „Кювье зашелъ въ комнату своего брата, чтобы попросить его выбить какую-то окаменѣлость изъ обломка, въ которомъ она заключалась, — услуга, которую братъ часто ему оказывалъ. Не заставъ его, онъ обратился со своей просьбой къ находившемуся тутъ же Лорильяру. Послѣдній немедленно принялся за дѣло и освободилъ кость, нисколько не повредивши ее. Черезъ нѣсколько минутъ Кювье зашелъ посмотреть на свое сокровище и, найдя его въ полной цѣлости, пришелъ въ такой неистовый восторгъ, что Лорильяръ, не имѣвшій понятія о значеніи этой находки, подумалъ, что онъ помѣшался. Наконецъ, держа кость въ одной рукѣ и схвативши другой Лорильяра, онъ потащилъ его къ своей женѣ и свояченицѣ и представилъ имъ, восклицая: „Я нашелъ, наконецъ, мою ногу и обязанъ этимъ Лорильяру“. Кажется, эта находка подтверждала заключеніе Кювье относительно ноги, форму которой онъ угадалъ заранѣе, но которую до сихъ поръ не могъ найти. Это до такой степени занимало его, что домашніе всякій разъ, когда видѣли его задумчивымъ болѣе, чѣмъ обыкновенно, подшучивали надъ нимъ, говоря, что „онъ ищетъ свою переднюю ногу“...

Какъ неожиданно мысль вдругъ прорѣзывала его мозгъ, свидѣтельствуемъ одно изъ крупнѣйшихъ его геологическихъ открытій (ему геологія обязана установленіемъ такъ называемой третичной системы). Какъ-то, изслѣдуя, вмѣстѣ съ Ал. Броньяромъ, строеніе парижскаго бассейна, оба ученыхъ упорно и напрасно бились надъ вопросомъ, чѣмъ объясняется различіе нѣкоторыхъ пластовъ. На одной изъ экскурсій Кювье вдругъ воскликнулъ. „Броньяръ, я понялъ, въ чемъ дѣло“. — „А именно?“

спросилъ тотъ. — „Въ томъ“, — отвѣчалъ Кювье, — „что одни осадки—морского происхожденія, а другіе—прѣсноводнаго“. Это различіе играетъ очень важную роль при всякихъ геологическихъ опредѣленіяхъ.

Идеальный ландшафтъ пермскаго періода. Представлено изверженіе вулкана на одномъ изъ вулканическихъ острововъ, подобное изверженію Кракауау.

Работоспособность Кювье была положительно чудовищной. Помимо своих лекцій, безчисленныхъ изслѣдованій, печатныхъ работъ, хлопотъ по составленію коллекцій, Кювье съ 1802 г. непрерывно исполнялъ обязанности секретаря академіи наукъ, представлялъ ежегодные отчеты о трудахъ членовъ и иностранныхъ ученыхъ, причѣмъ ему приходилось имѣть дѣло съ физикой, химіей, метеорологіей, минералогіей, геологіей, ботаникой, сравнительной анатоміей, физиологіей, медициной, агрономіей и путешествіями, — наконецъ, ему принадлежитъ цѣлый рядъ блестящихъ характеристикъ біографій, покойныхъ членовъ Академіи. Но дѣятельность Кювье не ограничивалась только научной областью: онъ принималъ большое участіе и въ государственной жизни.

Основой его бюрократической карьеры является знакомство его съ Бонапартомъ. Мы уже говорили, что Кювье былъ выбранъ секретаремъ академіи. Это случилось незадолго передъ тѣмъ, какъ академики подъ сильнымъ давленіемъ Наполеона выбрали его своимъ президентомъ. Умѣнье ясно, кратко и вмѣстѣ съ тѣмъ красиво излагать свои мысли, которымъ Кювье обладалъ въ совершенствѣ, произвело сильное впечатлѣніе на перваго консула, и онъ рѣшилъ его втянуть въ административную машину. Кювье былъ назначенъ однимъ изъ шести инспекторовъ, на обязанности которыхъ была организація и открытіе лицеевъ въ провинціальныхъ городахъ Франціи. На долю Кювье въ этомъ отношеніи пришлось такіе большіе города, какъ Марсель и Бордо.

На административномъ пути Кювье началъ сразу же дѣлать большіе успѣхи. Эти успѣхи обуславливались тремя причинами: большими способностями вообще, значительной безпринципностью. Кювье въ общественныхъ вопросахъ и глубокой вѣрой его въ то, что только при помощи науки человѣкъ выйдетъ изъ всѣхъ тѣхъ затрудненій, которыя исторія и природа ставятъ ему на пути. Остановимся нѣсколько на двухъ послѣднихъ особенностяхъ его душевнаго склада.

Что касается его безпринципности въ общественныхъ дѣлахъ, то она рѣзко бьетъ въ глаза во многихъ его выступленіяхъ. Еще въ молодости, когда онъ проживалъ незамѣтнымъ домашнимъ учителемъ въ Нормандіи, онъ высказалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ крайне опасный афоризмъ: „Для честныхъ людей свобода существуетъ подъ всѣми формами правленія“. Точно для того, чтобы наглядно показать, въ какую нравственную трясиину можетъ завести подобный принципъ, онъ два раза высказывался о своемъ покровителѣ — Наполеонѣ, и оба раза въ рѣзко противоположномъ смыслѣ. Въ 1806 г., въ періодъ пикъ наибольшей силы перваго консула, Кювье писалъ о Наполеонѣ: „Когда вереница событій, почти чудесныхъ, вывела Францію изъ пучины бѣдствій, которымъ нѣтъ равнаго примѣра въ исторіи, на неожиданную степень величія и могущества, быть можетъ, еще болѣе безпримѣрныхъ“ и т. д. Черезъ десять же лѣтъ, когда тотъ же самый Наполеонъ, о величій и могуществѣ котораго Кювье когда-то говорилъ въ такихъ восторженныхъ выраженіяхъ, только что былъ отправленъ въ заточеніе на островъ св. Елены, Кювье, очевидно, „потрафляя на вкусы новыхъ хозяевъ, писалъ: „Наши плаattelщики податей были бы и богаче, и счастливѣе, если бы на подобныя завоеванія (рѣчь идетъ о завоеваніяхъ научныхъ и промышленныхъ) употреблялась хоть одна тысяча для того, что у нихъ было вырвано, дабы опустошить полъ-Европы и поселить въ ней ненависть къ намъ“. Впрочемъ, надо отдать справедливость великому ученому, что все же онъ часто умѣлъ установить границу, дальше которой онъ не согла-

Юрскій періодъ. На заднѣмъ планѣ бронтозавры и стегозавры, въ воздухѣ птерозавры, на переднѣмъ планѣ ихтиозавры, нападающіе на плезіозавровъ.

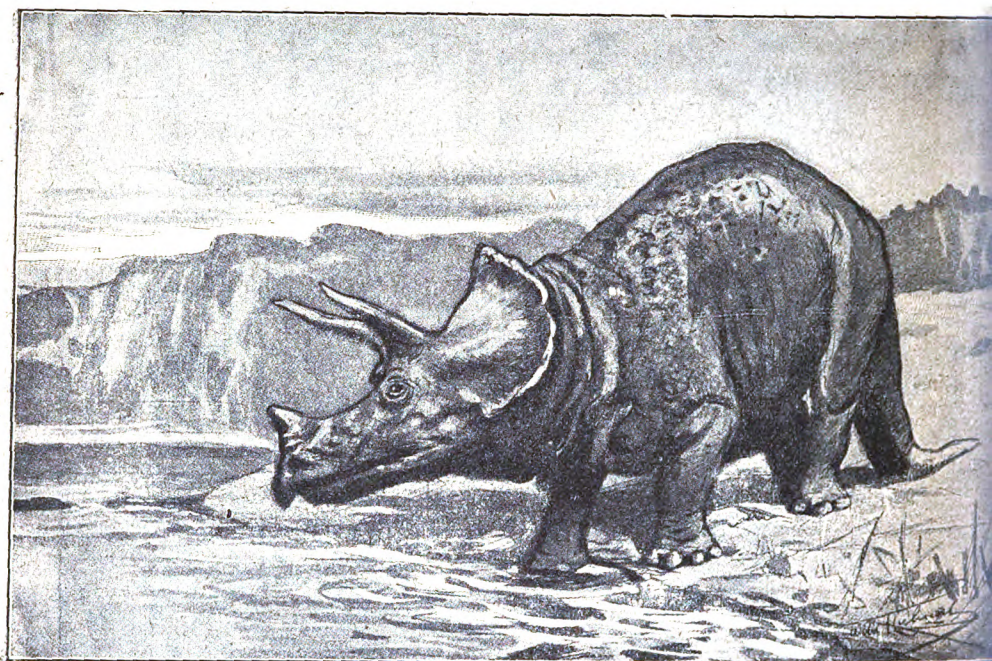
пался идти ни на какія уступки. Такъ, въ 1815 г. онъ возсталъ противъ учрежденія превотальныхъ судовъ, при помощи которыхъ реакционеры хотѣли свести окончательные счеты съ революціей, и которые представляли прямое надругательство надъ правосудіемъ. Кювье съ гордостью вспоминаетъ о своемъ выступленіи противъ этихъ кровавыхъ излишествъ реакціи. „Въ то время я имѣлъ случай оказать Франціи большія услуги“, — пишетъ онъ, — „о которыхъ не было напечатано; но мнѣ было бы неприятно, если бы онѣ остались неизвѣстными. Ройе-Колларъ поддерживалъ меня во всѣхъ смягченіяхъ, которые мы старались внести въ свирѣпыя законы, внушаемые духомъ времени; но измѣненія, которыми подвергся законъ о превотальныхъ законахъ, обязаны своимъ существованіемъ только мнѣ одному. По первоначальному проекту, имъ хотѣли предоставить право юрисдикціи не только надъ явными и вооруженными возстаніями, но и надъ тайными заговорами, и не только надъ тѣми, которые случатся послѣ обнародованія закона, но надъ всѣми, безъ различія эпохъ... Послѣ одного изъ засѣданій государственнаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ герцога Ришелье, я просилъ его устроить обсужденіе этого закона въ своемъ присутствіи въ новомъ соединенномъ засѣданіи комитетовъ. Мнѣ кажется, что я никогда не говорилъ съ такой силой, и, несмотря на горячность противниковъ, мнѣ удалось добиться устраненія пункта о тайныхъ заговорахъ. Оставалось обратное дѣйствіе. Серръ нападалъ на него въ комиссіи палаты; другіе его защищали... Меня пригласили присоединиться къ нимъ, что я долженъ бы былъ сдѣлать въ качествѣ королевскаго комиссара, но я отказался, и законъ не могъ пройти. Первоначальные суды сдѣлали достаточно зла и въ той формѣ, въ которой были учреждены; но я смѣю сказать, что ихъ дѣйствія были бы гораздо вреднѣе, еслибъ не удалось устранить два вышеупомянутые пункта“.

Въ 1819 году далѣе Кювье сказалъ горячую рѣчь противъ закона о запрещеніи всякихъ нападокъ на религію: „Вы бойтесь“, — громилъ онъ реакціонеровъ, — „отдать въ руки невѣрующихъ, нечестивыхъ гибельное орудіе противъ всякихъ религій. Но это оружіе безсильно: оно — претупилось. Бойтесь, напротивъ, снова вложить оружіе, пролившее столько крови, въ руки тѣхъ, которые еще умѣютъ владѣть имъ, бойтесь снарядить преслѣдователей новыми средствами“. Законъ въ полномъ своемъ видѣ не прошелъ... Столь же мужественно Кювье отказался нѣсколько позднѣе отъ навязываемой должности цензора, не сочувствуя такимъ приемамъ стѣсненія печати.

Одному никогда Кювье не измѣнялъ — вѣрѣ въ благотѣльное дѣйствіе образованія на развитіе и счастье человѣчества. Въ этомъ отношеніи онъ съ большою готовностью становился даже на утопическую точку зрѣнія. „Давайте школы прежде, чѣмъ давать политическія права; объясняйте гражданамъ, какія обязанности налагаютъ на нихъ общество; растолкуйте имъ, что такое политическія права, прежде чѣмъ дать ихъ. Тогда всѣ улучшенія будутъ достигаться безъ потрясеній; каждая новая идея, брошенная въ плодотворную почву, успѣетъ дать ростокъ, развиваться и созрѣть, не причиняя судорогъ общественному организму“. Къ сожалѣнію, Кювье не хотѣлъ видѣть, что растолковывать гражданамъ политическія права можно только при томъ условіи, если таковыя права уже существуютъ, такъ какъ иначе всякій Держиморда заткнетъ вамъ ротъ своимъ грязнымъ кулакомъ. Въ этомъ отношеніи Кювье уподоблялся тому остроумному градоначальнику, который запретилъ автомобилямъ по-

являться на улицахъ до тѣхъ поръ, пока лошади не привыкнуть къ этой новой выдумкѣ современной культуры. Но, очевидно, что при такихъ условіяхъ лошади бы никогда не привыкли къ автомобилямъ.

Впрочемъ, мы охотно вѣримъ, что данное заблужденіе Кювье происходило отъ его глубокой вѣры въ науку. „Брошенный слабымъ и нагимъ на поверхность земного шара“, — говорилъ онъ, — „человѣкъ, казался, былъ созданъ для неизбежной гибели; бѣды осаждали его со всѣхъ сторонъ; средства противъ нихъ были отъ него скрыты, но ему былъ дарованъ геній для того, чтобы открыть ихъ. Такимъ образомъ создалась наука, „и это драгоценное наслѣдіе, постоянно возрастающее, передавалось изъ Халдеи въ Египетъ, изъ Египта въ Грецію, скрывалось

Реконструкція громаднаго ископаемаго животнаго трицератопса, или „трехрогоу ящерицы“.

въ эпохи мрака и бѣдствій, появлялось на свѣтъ Божій въ болѣе счастливыя времена и всюду вело къ благоденствію и могуществу; націи, сохранившія его, стали владычицами міра; пренебрегшія имъ — впади въ ничтожество и тьму“.

И Кювье, дѣйствительно, массу силъ затратилъ на распространеніе и правильную организацію народнаго образованія. Мы уже говорили о томъ, какъ онъ работалъ надъ организаціей лицеевъ въ Марсели и Бордо. Въ 1808 году Наполеонъ учредилъ новое учебное заведеніе, — Императорскій Университетъ, — въ которомъ Кювье принялъ на себя крайне хлопотливыя обязанности члена верховнаго совѣта. Ему приходилось тащить на себѣ значительную повседневную работу по устройству университетскихъ дѣлъ, писать объяснительныя записки и доклады министрамъ, хлопотать въ различныхъ частныхъ случаяхъ передъ сильными міра сего.

Поздѣе ему удалось отстоять университетъ отъ натиска іезуитовъ. Его стараніямъ естественный факультетъ Парижскаго университета обязанъ своими естественно-историческими кабинетами. По его предложенію стали приглашать молодыхъ медиковъ для плаванія въ далекія страны и возлагать на нихъ обязанности собирать естественно-историческія коллекціи и производить естественно-историческія изслѣдованія. Кювье принималъ участіе въ организаціи университетовъ въ Генуѣ, Пизѣ, Пармѣ, Флоренціи, Сиенѣ и Туринѣ, завоеванныхъ въ то время Наполеономъ. Онъ ѣздилъ въ Голландію и ганзейскіе города для изученія постановки народнаго образованія, для правильной постановки котораго во Франціи было сдѣлано очень много. Такъ, по его настоянію въ курсъ начальныхъ школъ была введена исторія, новые языки и естественныя науки.

Благодаря своей славѣ, гибкости, уму и изумительной трудоспособности, онъ быстро поднимался вверхъ по бюрократической лѣстницѣ чиновъ и отличій. При Людовикѣ XVIII онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Въ 1818 году онъ былъ избранъ въ число „безсмертныхъ“ (члены французской академіи). Въ 1819 г. онъ получилъ титулъ барона и былъ назначенъ на важный постъ президента комитета внутреннихъ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Изумительное количество дѣлъ проходило здѣсь черезъ его руки: до 10000 въ годъ. И тѣмъ не менѣе, и здѣсь онъ умѣлъ вносить ясность и порядокъ въ самыя запутанныя положенія. Когда пренія попадали втупикъ, достаточно было выслушать Кювье. „Новый свѣтъ“, свидѣтельствуемъ Пакье, — разливался передъ всѣми умами: факты становились на свои мѣста, запутанныя идеи выяснялись, слѣдствія вытекали съ силою неизбежности и обсужденія кончались, какъ только онъ кончалъ говорить“. Въ 1824 году, — въ годъ коронаціи Карла X, — Кювье получилъ высшій французскій орденъ, — орденъ почетнаго Легіона. Съ 1827 г. онъ исполнялъ должность директора некаатолическихъ религій. Въ 1831 г., уже при Луи-Филиппѣ, онъ былъ пожалованъ перомъ Франціи. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ занималъ 9 постовъ, изъ которыхъ каждый требовалъ болѣе или менѣе значительной затраты умственныхъ усилій. Кромѣ того, онъ слѣдилъ за общей литературой и былъ выдающимся знатокомъ и любителемъ искусства, усердно посѣщая и изучая картинныя галлерей и музеи.

Эта чудовищная по разнообразію и интенсивности дѣятельность была возможна исключительно только въ силу духовныхъ особенностей Кювье. „Большую услугу оказали Кювье“, — пишетъ его русскій біографъ г. М. А. Энгельгардтъ, — „его громадная память, способность разомъ схватывать суть дѣла и излагать ее въ ясной и сжатой формѣ и умѣнье переходить отъ одного дѣла къ другому почти безъ перерыва. Память его была такъ велика, что онъ могъ, напр., перечислить всѣ знатнѣйшія фамиліи Франціи, назвавъ ихъ наиболѣе выдающихся членовъ и указать, кто изъ нихъ когда, гдѣ и чѣмъ отличился. Всѣ ученые по большей части должны дѣлать выписки и экстракты изъ работъ, относящихся къ ихъ предмету; Кювье этого не требовалось. Въ государственной дѣятельности, гдѣ приходилось помнить бездну законовъ, указовъ, циркуляровъ, эта способность тоже оказала ему немалую услугу. Насколько сильна была въ немъ способность быстро схватывать суть дѣла, мы уже видѣли изъ разсказа Пакье о его дѣятельности въ комитетѣ внутреннихъ дѣлъ. Благодаря этой способности, онъ могъ писать свои сочиненія прямо начисто, безъ черновыхъ. Одною изъ самыхъ замѣчательныхъ чертъ его ума было умѣнье сразу возобновлять прерванную нить размышленій. Ему никогда

не приходилось, что называется, „собираться съ мыслями“. Вернувшись изъ засѣданія совѣта, онъ садился за какой-нибудь мемуаръ объ ископаемомъ носорогѣ и продолжалъ его съ той строчки, на которой бросилъ его вчера. Такимъ образомъ, каждыя четверть часа, каждыя пять минутъ

Гигантскій арсинотерій, недавно найденное чудовище доисторическаго Египта.

свободныхъ шли въ дѣло. Въ дополненіе къ этому являлся строгій порядокъ въ жизни. Каждый часъ имѣлъ свою работу, каждая работа свой кабинетъ, въ которомъ находилось все, что имѣло отношеніе къ этой работѣ: книги, рисунки, препараты. Жизнь его—въ эпоху полной славы и блеска — проходила слѣдующимъ образомъ. Вставая въ 8 часовъ утра, онъ работалъ полчаса или часъ передъ завтракомъ, во время котораго

читалъ газеты, слушая въ то же время разговоръ окружающихъ. Затѣмъ принималъ лицъ, имѣвшихъ до него какое-нибудь дѣло, и около 11 часовъ отправлялся въ Государственный Совѣтъ или Совѣтъ Университета.

Бронтозавры и первобытные млекопитающія.

Домой возвращался часамъ къ 6-ти и, если до обѣда оставалось хоть четверть часа свободныхъ, пользовался ими для того, чтобы продолжать работу, прерванную вчера. Послѣ обѣда, если некуда было идти, продолжалъ научныя занятія до 10—11 часовъ; отъ 11 до 12 слушалъ исто-

рическое или литературное чтение. Вполнѣ свободнымъ оставалось для него только воскресенье, и этотъ день почти исключительно былъ посвященъ наукѣ. Чтобы не терять даромъ времени, онъ устроилъ приспособленіе для чтенія и письма въ своей каретѣ и занимался во время переѣздовъ. По субботамъ у Кювье происходили вечера, на которыхъ можно было видѣть цвѣты европейской интеллигенціи. „Иностранецъ“, — говорить мистрисъ Ли — „удивлялся, встрѣчая на этихъ вечерахъ славнѣйшихъ людей Европы и запросто разговаривая съ принцами, пѣрами, дипломатами, учеными и самимъ хозяиномъ, который одинаково привѣтливо принималъ принца и бѣднаго студента изъятаго этажа сосѣдняго отеля“.

Надо, впрочемъ, признать, что вся эта пестрая политическая жизнь на верхахъ бюрократической пирамиды отдалила его не только отъ науки, но и отъ пониманія текущей дѣйствительности. Французская революція 1830 года явилась для него полной неожиданностью.

Въ личныхъ отношеніяхъ онъ сохранилъ до конца своей жизни много доброты и тепла къ людямъ. Онъ никогда никому не отказывалъ, если къ нему обращались за помощью. А на упреки за расточительность въ этомъ отношеніи отвѣчалъ: „что-жъ такое! Я только куплю меньше книгъ въ нынѣшнемъ году. Въ домашней жизни онъ былъ образцовымъ семьяниномъ и со своей женой жилъ въ большой дружбѣ. Но относительно дѣтей его преслѣдовалъ какой-то безпощадный рокъ: дѣти умирали одинъ за другимъ. Особенно его поразила смерть второго сына, очень даровитаго ребенка. „Эта потеря“, — пишетъ мистрисъ Ли, — „произвела на него впечатлѣніе, которое не могли изгладить годы. Долгое время послѣ того онъ не могъ безъ глубокаго волненія видѣть дѣтей... Въ 1830 г., черезъ 17 лѣтъ послѣ этой потери, когда Кювье пріѣхалъ въ Англію, я посѣтила его однажды вмѣстѣ съ моимъ сыномъ, не подумавъ о впечатлѣніи, которое можетъ произвести на него видъ этого ребенка. Взглядъ, который онъ бросилъ на него, и грустная нѣжность, съ какою онъ ласкалъ его, никогда не изгладятся изъ моей памяти“. Судьба въ этомъ отношеніи была безпощадной къ Кювье до конца. У него оставалась единственная дочь Клементина, прелестная и физически, и духовно дѣвушка. Въ восемнадцатилѣтнемъ возрастѣ она готовилась выйти замужъ, но вдругъ схватила скоротечную чахотку, которая и свела ее въ могилу... „Этотъ послѣдній ударъ“, — говоритъ М. А. Энгельгардтъ, — „страшно подѣйствовалъ на Кювье. Онъ похудѣлъ, посѣдѣлъ, осунулся; пытался заглушить горе работой, но оно оказывалось сильнѣе. Два мѣсяца онъ не выходилъ изъ дома; наконецъ, явился въ засѣданіе Государственнаго Совѣта и по обыкновенію спокойно занялъ предсѣдательское мѣсто. Начались пренія; онъ внимательно слѣдилъ за ними; по окончаніи ихъ хотѣлъ сдѣлать заключеніе, началъ говорить, но голосъ оборвался, слезы хлынули изъ глазъ; онъ закрылъ лицо руками и зарыдалъ... Всѣ сидѣли молча, всѣ знали Клементину Кювье... Наконецъ, подавивъ свое волненіе, онъ сказалъ: „Господа, простите меня... я былъ отецъ... я все потерялъ“. Послѣ этого несчастья онъ сдѣлался раздражительнымъ, и припадки веселости, находившіе на него иногда прежде, уже не повторялись“.

Послѣдніе годы ознаменовались его знаменитымъ споромъ съ Жоффруа, который пытался отстоять эволюціонныя идеи, рвавшіеся уже тогда наружу, но сдѣлалъ это крайне неудачно. Этотъ споръ вновь пробудилъ въ душѣ Кювье его страстную любовь къ наукѣ. Но это была послѣдняя вспышка. Въ началѣ мая 1832 г. внезапный параличъ свелъ великаго ученаго въ могилу послѣ кратковременныхъ страданій.

Карль Эрнстъ Максимовичъ фонъ-Бэръ.

Карль Бэръ.

(1792—1876).

Карль Бэръ вышелъ изъ довольно зажиточной дворянской семьи. Родители Карла по національности принадлежали къ эстляндскому дворянству и жили въ своемъ имѣнн Пипъ, находившемся въ Іервенскомъ округѣ Эстляндской губ. День рожденія великаго основателя эмбриологии — 17-е февраля 1792 года.

У Карла Бэра было 9 братьевъ и сестеръ, — обстоятельство достаточно обременительное для дворянской семьи средней зажиточности. Родители поэтому охотно отпустили маленькаго Карла на проживание у

богатаго бездѣтнаго дяди, очень полюбившаго мальчика. Къ тому же Карлъ не порывалъ съ своей семьей, такъ какъ имѣнье дяди находилось въ той же Эстляндской губ. Дѣтство Карла проходило въ довольствѣ и радости. Занятіями мальчика не отягощали. Занятія начались лишь съ семилѣтнаго возраста, когда къ нему была приглашена старушка-гувернантка, которая начала съ нимъ изученіе грамоты по старому методу. Несмотря на это, мальчикъ въ какія-нибудь три недѣли выучился читать. Впрочемъ, содѣйствіе ему въ этомъ отношеніи оказали главнымъ образомъ его братья и сестры, которыхъ онъ усердно разспрашивалъ о буквахъ и картинкахъ своей азбуки. Отъ той же старушки-гувернантки Карлъ научился письму, начаткамъ ариметики и священной исторіи. Съ географіей дѣло не пошло, такъ какъ старушка и сама, повидимому, была малосвѣдущей въ этой области. Еще до начала обученія Карлъ проявлялъ быструю склонность къ наблюденіямъ надъ жизнью природы. Онъ, постоянно таскалъ домой разные камушки, раковинки, окаменѣлости, которые привлекали его вниманіе.

Старушку-гувернантку вскорѣ смѣнилъ кандидатъ богословія Штейн-грюберъ, очень добросовѣстный и хорошо образованный человекъ, обладавшій къ тому несомнѣнными педагогическими талантами. Это было большимъ счастьемъ для Карла Бэра. Подъ руководствомъ этого прекраснаго наставника уже къ одиннадцати годамъ онъ приобрѣлъ значительный запасъ свѣдѣній по географіи, латинскому и французскому языкамъ. Особенно значительныя познанія онъ получилъ по математикѣ. Онъ усвоилъ много теоремъ и приемовъ не только изъ алгебры и геометріи, но и изъ тригонометріи такъ, что собственноручно могъ снять геодезическій планъ части ихъ имѣнья. На занятія у дѣтей уходило около 5 часовъ въ день; уроковъ имъ почти никогда не задавалось; къ тому же два дня въ недѣлю были совсѣмъ освобождены отъ занятій науками. Свободное время посвящалось главнымъ образомъ физическимъ упражненіямъ и прогулкамъ на свѣжемъ воздухѣ. Они много занимались также сельскими работами: въ маленькомъ саду, предоставленномъ въ полное ихъ распоряженіе, они разводили всевозможные цвѣты, кустарники и деревья и возводили по своему вкусу фантастическія постройки. Воспитаніе дѣтей такимъ образомъ было поставлено въ высшей степени разумно, и этимъ они обязаны не только своему учителю, но и отцу, человеку очень неглупому и доброму и обладавшему недурнымъ и разностороннимъ образованіемъ. Немало содѣйствовало успѣшнымъ занятіямъ дѣтей и то обстоятельство, что дѣтямъ постоянно твердили, что въ будущемъ имъ надо разсчитывать только на свои познанія и свою работоспособность, и они прекрасно знали, что это не пустые слова.

Въ 1803 г. Штейн-грюберъ покинулъ семейство Бэровъ и его замѣнилъ новый учитель Гланштремъ, недоучившійся медикъ, не особенно пригодный для педагогической дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, Гланштремъ оказался очень полезнымъ для Карла Бэра, такъ какъ натолкнулъ его на занятія естественными науками. Гланштремъ въ имѣньѣ Бэровъ вздумалъ заняться ботаникой, съ которой онъ былъ почти незнакомъ. Карлъ увидалъ однажды, какъ его учитель возится съ книгой въ рукахъ надъ какимъ-то растеніемъ. Изъ разспросовъ онъ узналъ, что тотъ былъ занятъ опредѣленіемъ растенія. Мальчугана страшно поразила мысль, какимъ образомъ при помощи книги можно опредѣлить какое-либо растеніе. Съ этого времени онъ усердно начинаетъ соби-

рать растенія и опредѣлять ихъ, приче́мъ ему приходилось опираться главнымъ образомъ на свои собственные силы.

Въ 1807 году Карль былъ отданъ въ Ревель въ дворянскую школу при городскомъ соборѣ въ одинъ изъ старшихъ классовъ. Пребываніе въ этой школѣ, педагогическое дѣло въ которой было поставлено очень недурно, Карль Бэръ считаетъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ періодовъ своей жизни. Онъ жалѣлъ впоследствии только объ одномъ, что школа почти совсѣмъ не познакомила его съ русскимъ языкомъ, котораго онъ такъ и не изучилъ въ теченіи всей своей жизни, какъ слѣдуетъ. За все время своего пребыванія въ школѣ онъ не переставалъ энергично собирать и опредѣлять растенія, наѣкомыхъ, раковины и т. д.

Окончивъ въ первой половинѣ 1810 года курсъ Ревельской школы, Карль уговорилъ отца отпустить его въ Дерптскій университетъ, который въ то время не блисталъ сколько-нибудь крупными научными силами. Отецъ согласился на эту поѣздку подъ однимъ условіемъ, чтобы Карль выучился въ Дерптѣ, какъ слѣдуетъ, русскому языку. Но мы видѣли, что это условіе такъ и осталось не выполненнымъ. Бэръ поѣхалъ въ Дерптъ съ самыми свѣтлыми надеждами. „Когда я въѣзжалъ въ Дерптъ“, — писалъ онъ въ своей автобіографіи, — „то мнѣ показалось, что отсюда исходитъ сіяніе свѣта на всю окрестную страну, какъ отъ младенца-Христа на картинѣ Корреджіо“. Но молодой студентъ вскорѣ разочаровался, какъ въ своихъ профессорахъ, такъ и въ своихъ товарищахъ, которые мало занимались дѣломъ.

Затѣмъ наступилъ знаменитый двѣнадцатый годъ съ вторженіемъ Наполеона. Армія Макдональда двинулась на Ригу, и Карль Бэръ вмѣстѣ со многими другими дерптскими студентами поѣхалъ на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ свирѣпствовалъ тифъ и чувствовалась огромная нужда въ медицинскомъ персоналѣ. Это время онъ считаетъ очень полезнымъ для себя, такъ какъ оно было богато для него жизненнымъ опытомъ. Самъ Бэръ также перенесъ тифъ.

Въ 1814 г. Бэръ, все въ томъ же дерптскомъ университетѣ (гдѣ преподаваніе велось на нѣмецкомъ языкѣ), сталъ готовиться къ окончательнымъ экзаменамъ, которые вскорѣ сдалъ, а затѣмъ получилъ и докторскій дипломъ за сочиненіе на тему: „Объ эндемическихъ болѣзняхъ въ Эстляндіи“. Но Бэръ чувствовалъ, что всѣ эти дипломы значать еще слишкомъ мало, и не рѣшался со своими знаніями приступить къ практической врачебной дѣятельности. Онъ уговорилъ отца отпустить его за границу для усовершенствованія въ тамошнихъ клиникахъ. Онъ уѣхалъ въ Вѣну и началъ прилежно посѣщать госпитали и лекціи. Однако, практическаго обученія, къ которому онъ такъ стремился, онъ тамъ какъ разъ и не нашелъ.

„Неудивительно“, — говоритъ проф. Холодковскій, давшій на русскомъ языкѣ біографію нашего знаменитаго эмбриолога, — „что при такихъ обстоятельствахъ достаточно было незначительнаго толчка, чтобы вновь повернуть его на прежнюю дорогу, къ изученію естественныхъ наукъ, такъ какъ судьба, повидимому, не благопріятствовала его стремленію сдѣлаться практическимъ врачомъ. Такой толчокъ и былъ данъ пріѣздомъ въ Вѣну доктора Паррота, сына одного изъ дерптскихъ профессоровъ. Этотъ молодой человѣкъ, въ Дерптѣ еще подружившійся съ Бэромъ, принималъ участіе въ экспедиціи Энгельгардта для нивелировки Каспійскаго моря, всходилъ на Араратъ и былъ большой охотникъ до путеше-

ствій по горамъ. Ему не трудно было увлечь съ собою Бэра въ горныя экскурсіи въ окрестностяхъ Вѣны.

„Очутившись среди вольной природы, лицомъ къ лицу съ красотою весны и предестными алпійскими растеніями, Бэръ почувствовалъ, что онъ едва-ли рожденъ быть медикомъ: душевные госпитали стали ему нестерпимы. Онъ сдѣлалъ еще попытки посѣтить клинику Гильдебранда и, найдя тамъ все попрежнему, — бѣжалъ изъ нея на вольный воздухъ, рѣшивъ, что, по крайней мѣрѣ, на лѣто надо бросить всякую мысль о клиникахъ, что посѣщать ихъ въ такое время — „грѣхъ противъ Духа Святого“.

„Обдумавъ свое положеніе, онъ рѣшился позаняться естествознаніемъ до слѣдующей зимы, а тамъ еще разъ попытаться перейти на практическую медицину въ какомъ-нибудь другомъ изъ нѣмецкихъ университетовъ. Изъ естественныхъ наукъ его больше всего интересовала въ настоящее время сравнительная анатомія, къ которой онъ уже издавна чувствовалъ влеченіе, но не могъ найти себѣ руководителя. И вотъ, собравъ свои пожитки, Бэръ покинулъ разочаровавшую его Вѣну и отправился пѣшкомъ къ западу, не имѣя въ виду никакой опредѣленной цѣли, надѣясь лишь гдѣ-нибудь узнать, какой университетъ лучше всего избрать для изученія сравнительной анатоміи. Черезъ Линцъ онъ прошелъ въ Зальцбургъ и, продолжая путь далѣе, встрѣтилъ въ одномъ маленькомъ городкѣ (Вассербургѣ) двухъ натуралистовъ — Гоппе и Марціуса. Разговорившись съ ними, онъ не приминулъ спросить: гдѣ бы можно было поучиться сравнительной анатоміи? „Идите къ Деллингеру въ Юрибургъ — отвѣчалъ ему Марціусъ, — если зайдете ко мнѣ въ Мюнхенъ, то я вамъ дамъ пучекъ мховъ: старикъ любитъ заниматься ими въ свободное время“. Этимъ короткимъ разговоромъ рѣшилась вся дальнѣйшая судьба Бэра. Ободренный тѣмъ, что видѣлъ передъ собою опредѣленную цѣль, онъ пошелъ черезъ Мюнхенъ, Регенсбургъ и Нюрнбергъ и осенью (1815 года) былъ уже въ Юрибургѣ у Деллингера, которому и вручилъ вмѣсто рекомендательнаго письма, пакетикъ мховъ, объяснивъ свое желаніе слушать курсъ сравнительной анатоміи. „Въ этомъ семестрѣ я ея не читаю“, отвѣтилъ Деллингеръ своимъ спокойнымъ, медленнымъ тономъ. Бэръ былъ пораженъ, какъ громомъ, ибо, будучи воспитанникомъ Дерптскаго университета, гдѣ даже не было на медицинскомъ факультетѣ анатомическаго театра, онъ не могъ себѣ представить, чтобы чему-нибудь можно было выучиться иначе, какъ путемъ слушанья лекцій. Деллингеръ, между тѣмъ, разсматривалъ мхи, — потомъ онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ нѣсколько минутъ на остоленѣвшаго Бэра и сказалъ опять такъ же медленно и спокойно: „да къ чему вамъ лекціи? Принесите сюда какое-нибудь животное и анатомируйте его“. Бэръ ожилъ: только этого ему и нужно было. На слѣдующій же день онъ явился къ профессору съ пивкой изъ аптеки и подъ руководствомъ стараго ученаго принялся за препарированье. Такимъ путемъ онъ изучилъ самостоятельно строеніе различныхъ животныхъ, причемъ Деллингеръ сидѣлъ тутъ же въ комнатѣ, занимаясь своимъ дѣломъ, и по временамъ дѣлалъ указанія своему новому ученику, давалъ ему тѣ или другія книги и т. д.; изученіе специальной литературы шло параллельно съ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ“... Бэръ попалъ такимъ образомъ на настоящую дорогу своего призванія.

Средства, отпускаемые отцомъ и дядей на поѣздку за границу, начали изсякать, приходилось подумать о заработкѣ. Въ это время какъ разъ одианъ изъ дерптскихъ профессоровъ, знавшій Бэра во время студенчества,

перешелъ на кафедру фізіологіи въ Кенигсбергъ и предложилъ ему мѣсто прозектора при своемъ кабинетѣ. Бэръ охотно согласился, и, прослушавъ еще втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ лекціи въ Берлинѣ, весной 1817 года переехалъ въ Кенигсбергъ. Въ качествѣ прозектора, Бэръ имѣлъ право открыть собственный курсъ лекцій. Онъ избралъ для этого сравнительную анатомію. Своему курсу Бэръ придалъ характеръ строго практическій и въ посвященные ему часы показывалъ студентамъ множество рисунковъ и препаратовъ. Лекціи Бэра сразу пріобрѣли, благодаря умѣлой постановкѣ дѣла, извѣстность, хотя Бэръ никогда не обладалъ ораторскими талантами. „Лекціи его“, — вспоминалъ одинъ изъ его учениковъ, проф. Грубе, — „далеко не походили на то, что обыкновенно называютъ блестящими лекціями. Сначала его нѣсколько слабый и по временамъ рѣзко выкрикивающий голосъ производилъ даже непріятное впечатлѣніе; но живая душевная жизнь, выражавшаяся въ этихъ лекціяхъ, умѣнье выдвинуть впередъ важнѣйшее, искусно вставляемыя интересныя замѣчанія объ анатомическихъ особенностяхъ, образѣ жизни и распространеніи животныхъ, отсутствіе чересчуръ утомительныхъ подробностей и прежде всего стремленіе указывать всюду на законы организаціи, подчиняющіе себѣ отбѣльные факты, — все это придавало его зоологическимъ лекціямъ своеобразную прелесть“. Надо замѣтить еще, что такая чисто практическая постановка курса въ то время было дѣломъ крайне не легкимъ, такъ какъ руководства и ученые сочиненія были крайне бѣдны рисунками, а кабинеты или вовсе отсутствовали, или обладали совершенно жалкими коллекціями. Въ Кенигсбергѣ же Бэръ приложилъ массу силъ на устройство новаго анатомическаго кабинета. Профессорская и научная работа увеличивалась съ каждымъ годомъ. Вскорѣ онъ сталъ руководить практическими занятіями студентовъ въ анатомическомъ театрѣ, выступилъ съ курсомъ лекцій по анатоміи и антропологіи и разрабатывалъ нѣсколько специальныхъ темъ. Въ 1819 г. онъ получилъ предложеніе организовать при университетѣ зоологическій музей. Въ этомъ же году онъ женился на одной кенигсбергской барышнѣ и, повидимому, окончательно прикрѣпился къ новой родинѣ, тѣмъ болѣе, что въ 1820 г. умерла его мать, а черезъ 5 лѣтъ послѣдовалъ за ней отецъ, и его связи съ Россіей окончательно ослабли. Въ 1826 году онъ получилъ назначеніе ординарнымъ профессоромъ по анатоміи и директоромъ анатомическаго театра. Этотъ новый постъ давалъ ему уже недурное матеріальное положеніе и много свободного времени, которое онъ теперь посвящалъ главнымъ образомъ эмбриологіи. Въ этой области, какъ мы знаемъ, онъ и обезсмертилъ свое имя (см. общій очеркъ). Именно здѣсь въ 1826 г. онъ нашелъ впервые яйцо млекопитающихъ. Это открытіе онъ изложилъ въ видѣ посланія на имя С.-Петербургской Академіи Наукъ, которая отвѣчала на это избраніемъ его своимъ членомъ - корреспондентомъ. Здѣсь же, въ Кенигсбергѣ, онъ выпустилъ первый томъ своей „Исторіи развитія животныхъ“, составляющей эпоху въ эмбриологіи.

Въ это время Карль Бэръ былъ не только извѣстнымъ ученымъ, но и уважаемымъ гражданиномъ Пруссіи. Онъ хорошо уживался при своихъ умѣренно-либеральныхъ взглядахъ съ прусскимъ правительствомъ, поддерживавшимъ, по возможности, старые феодальные порядки, и мѣшавшимъ свободному развитію страны и народа. Онъ отлично ладилъ съ немудренымъ кенигсбергскимъ обществомъ и считался пріятнымъ собесѣдникомъ во всѣхъ слояхъ общества, съ которыми ему приходилось соприкасаться. Профессоръ Грубе описываетъ его слѣдующимъ образомъ: „Внѣшность

его не имѣла ничего величественнаго и статнаго; онъ мало заботился о своей одеждѣ и осанкѣ. Черты его удлиненнаго лица, увѣнчанныя широкимъ и выпуклымъ лбомъ, были тонки; ротъ, очерченный нѣсколько рѣзко, становился еще рѣзче, когда Бэръ старался выразить что-нибудь особенно точно или выставить что-нибудь на видъ. Его свѣтлые, большіе глаза, составлявшіе контрастъ съ темными волосами, могли метать искры, когда онъ былъ раздраженъ, — а раздражался онъ въ свои молодые годы довольно легко и былъ даже вспыльчивъ. Онъ вполне былъ мыслителемъ, мало обращающимъ вниманіе на вѣншній міръ; отсюда происходила его разсѣянность, проявлявшаяся весьма нерѣдко... Бэръ былъ натура въ высшей степени правдивая и благородная, воспримчивая и отзывчивая; онъ не настолько углублялся въ свои занятія, чтобы не помочь, по силамъ, людямъ, находящимся въ стѣсненномъ положеніи, и не забывалъ никогда объ общемъ благѣ. Это доказывается и его ободряющей публичной дѣятельностью во время холеры и его ободряющимъ участіемъ въ учрежденіяхъ, помогавшихъ бѣднымъ. Будучи сторонникомъ мягкаго образа дѣйствій, онъ, однако, не боялся борьбы, когда видѣлъ нарушеніе истины или права; и въ этой борьбѣ онъ выказывалъ столько діалектическаго искусства, ловкости и терпѣнія, что читать его политическія статьи — истинное удовольствіе... Всѣ отличія и почести не могли сдѣлать Бэра высокомернымъ; въ его присутствіи всякій чувствовалъ себя легко“.

Дѣятельность Бэра по холерѣ, о чемъ упоминаетъ Грубе, относится къ 1831—32 гг. и навлекла нѣкоторое неудовольствіе властей на Бэра, такъ какъ тотъ опредѣленно высказывался противъ ряда мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Былъ ли въ своихъ выступленіяхъ Бэръ правъ или нѣтъ, мы обсуждать этого вопроса здѣсь не будемъ, но несомнѣнно, что въ данномъ отношеніи онъ прислушивался только къ голосу своей совѣсти. Впрочемъ, отъ всѣхъ непріятностей жизни Бэръ умѣлъ находить успокоеніе въ работѣ. О томъ, какъ онъ работалъ въ это время, свидѣтельствуетъ хотя бы слѣдующій отрывокъ изъ его автобіографіи. „Я сдѣлался какимъ-то ракомъ - отшельникомъ. Такъ какъ я жилъ въ зданіи зоологическаго музея, гдѣ лѣтомъ происходили обыкновенно мои лекціи, то я лишь изрѣдка навѣдывался въ сосѣдній анатомическій институтъ, который былъ моимъ вторымъ жилищемъ... Однажды я засѣлъ у себя въ домѣ, когда на дворѣ еще лежалъ снѣгъ, и вышелъ на воздухъ, — къ валу, лежавшему въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ моего дома, — лишь тогда, когда уже рожь колосилась. Этотъ видъ колосающейся ржи такъ сильно потрясъ меня, что я бросился на землю и сталъ горько упрекать себя за свой образъ дѣйствій. Законы природы будутъ найдены и безъ тебя, сказалъ я себѣ, — ты ли, или другой ихъ откроетъ, нынче ли, или черезъ нѣсколько лѣтъ, — это почти безразлично, но не безразсудно-ли жертвовать изъ-за этого радостью своего существованія?“ Но разсужденія, конечно, не помогли, — страсть къ научнымъ изысканіямъ вскорѣ взяла свое и Бэръ снова перешелъ на прежній образъ жизни, который прерывался лишь сравнительно рѣдкими выступленіями въ физико-экономическомъ кенигсбергскомъ обществѣ, предсѣдателемъ котораго онъ былъ и которому онъ сумѣлъ придать оживленную дѣятельность.

Несмотря на успѣшную работу и на благопріятныя для этой работы условія въ Кенигсбергѣ, Карла Бэра постоянно влекло въ Россію. За время своей кенигсбергской профессуры онъ неоднократно заводилъ сношенія съ русскими учеными учрежденіями, и даже разъ пріѣзжалъ на короткое время въ качествѣ избраннаго члена Академіи, но затѣмъ опять

возвратился въ Кенигсбергъ. Эти колебанія чрезвычайно характерны для Карла Вэра. „Къ недостаткамъ его“, — читаемъ мы у проф. Холодковского, „относился и его нерѣшительность, которую онъ иногда обнаруживалъ при разрѣшеніи практическихъ вопросовъ своей жизни и карьеры: такъ онъ то старался пристроиться въ Германіи, то опять, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, рвался въ Россію, то снова стремился въ какой-нибудь изъ нѣмецкихъ городовъ; при переговорахъ относительно занятія той или другой каѳедры (напр., въ Дерптскомъ университетѣ, который неоднократно звалъ его къ себѣ) трудно было добиться отъ Вэра разъ навсегда опредѣленнаго отвѣта, — что не могло не раздражать лицъ, ведущихъ съ нимъ эти переговоры и т. д. Это недостаточно объясняется непрактичностью Вэра въ житейскихъ дѣлахъ — непрактичностью, свойственной почти всѣмъ дѣятелямъ отвлеченной мысли“...

Въ концѣ концовъ, мы все-таки находимъ Вэра въ Петербургѣ, куда онъ переселился съ 1834 года въ качествѣ академика. Съ самаго же начала онъ сталъ принимать въ жизни Академіи дѣятельное участіе; выступалъ съ публичными рѣчами, велъ курсы по антропологии и исторіи развитія для врачей и натуралистовъ; работалъ при академической библіотекѣ, для которой составилъ огромный систематическій каталогъ, а каталогъ рукописей написалъ собственноручно. Но въ научной дѣятельности этотъ переѣздъ въ Петербургъ ознаменовался крупнымъ переходомъ въ другимъ отраслямъ знанія. Продолжать эмбриологическія изслѣдованія ему не удалось уже въ Петербургѣ, и онъ съ увлеченіемъ отдался географіи. Толчкомъ для перваго путешествія Вэра послужило изученіе анатоміи моржа. Эти изслѣдованія побудили его собрать данныя для монографіи этого животнаго и онъ началъ собирать свѣдѣнія о способѣ ловли моржей у сѣверныхъ береговъ Россіи. Поиски за соотвѣтствующимъ матеріаломъ свели Вэра съ лейтенантомъ Цивольки, который неоднократно бывалъ на сѣверѣ Россіи и хорошо былъ знакомъ съ условіями жизни на сѣверномъ ея побережьи. Разказы Цивольки заставили Вэра окончательно принять рѣшеніе посѣтить острова „Новую Землю“, въ частности для того, чтобы выяснить, „что можетъ природа сдѣлать на крайнемъ сѣверѣ съ такими малыми средствами“. Академія согласилась на это предложеніе и лѣтомъ 1837 г. небольшая экспедиція подъ руководствомъ Вэра выѣхала на Новую Землю, куда и прибыла 17 іюля, и гдѣ пробыла въ теченіе шести недѣль, которыя были всецѣло посвящены наблюденіямъ и собиранію коллекцій. Вэръ былъ въ восторгѣ отъ той оригинальной природы, съ которой онъ столкнулся въ этомъ пустынномъ и удаленномъ уголкѣ земли. „Полное отсутствіе не только деревьевъ, но даже кустарниковъ придаетъ полярнымъ странамъ особый характеръ. Глазъ лишентъ возможности измѣрять разстояніе. Отсутствіе деревьевъ и построекъ, къ размѣрамъ которыхъ привыкъ глазъ, служитъ причиною, что разстоянія кажутся меньшими, горы болѣе низкими. Обманъ зрѣнія усиливается необычайною прозрачностью воздуха въ ясные дни. Отсутствіе деревьевъ и даже сочной травы вызываетъ чувство одиночества, охватывающее какъ образованнаго мыслителя, такъ и простаго матроса. Но это чувство не имѣетъ въ себѣ ничего подавляющаго; напротивъ, въ немъ есть что-то торжественное, возвышенное; его можно сравнить только съ тѣмъ глубокимъ впечатлѣніемъ, которое возбуждаетъ и оставляетъ навсегда посѣщеніе Альповъ. Немногія живущія внутри страны птицы никогда не кричатъ; насѣкомыя также не издають почти никакихъ звуковъ, песцовъ слышишь только ночью. Полное отсутствіе зву-

ковъ напоминаетъ тишину могилъ. Выскакивающія изъ земли мыши, двигающіяся по прямой линіи и опять исчезающія въ землю, напоминаютъ собою скорѣе призракъ, чѣмъ живое существо. Кажется, будто здѣсь совсѣмъ нѣтъ жизни, и это потому, что здѣсь очень мало движенія. Растенія и листья деревьевъ другихъ странъ обыкновенно колеблются отъ легкаго вѣтерка; здѣсь же растенія такъ низки, что вѣтеръ до нихъ не достигаетъ, они неподвижны и кажутся какъ бы нарисованными“. Эти строки показываютъ, какимъ тонкимъ наблюдателемъ былъ Бэръ и какъ изыщно умѣлъ онъ излагать свои мысли. Такимъ образомъ, если лекторомъ онъ былъ неважнымъ, то писателемъ былъ выдающимся.

За первымъ путешествіемъ на „Новую Землю“ послѣдовала поѣздка по Финскому заливу для изученія тамошнихъ острововъ (1839 г.), путешествіе (вмѣстѣ съ Миддендорфомъ въ 1840 г.) на Кольскій полуостровъ. Чѣмъ сильнѣе интересовался Бэръ географіей, тѣмъ больше выяснялось для него, какую огромную роль должно сыграть для Россіи географическое изученіе ея, для котораго пока было сдѣлано такъ мало. Широкіе планы зашевелились въ головѣ Бэра. „Географія въ обширномъ смыслѣ слова“, — писалъ онъ, — „сдѣлалась наукою всеобщаго интереса, съ тѣхъ поръ, какъ Гумбольдтъ и Риттеръ наглядно показали, что на лицѣ земли написаны не только законы распространенія органическихъ тѣлъ, но отчасти и судьбы народовъ“. При Академіи Наукъ онъ основываетъ специальное изданіе по географіи Россіи, хлопочетъ, — и съ успѣхомъ, — объ учрежденіи Географическаго Общества, пишетъ интересную статью „Вліянія внѣшней природы на социальныя отношенія отдѣльныхъ народовъ и исторію человѣчества“, трудится надъ выработкой инструкцій и надъ организаціей экспедицій, снаряжаемыхъ Академіей (такъ, по ходатайству Бэра была отправлена экспедиція въ сѣверную Сибирь на Таймырскій полуостровъ подъ начальствомъ Миддендорфа), становится дѣятельнымъ членомъ совѣта и предсѣдателемъ этнографическаго отдѣла Географическаго общества.

Чтобы покончить съ характеристикой Бэра, какъ путешественника, укажемъ, что съ 1851 года онъ совершаетъ рядъ путешествій въ различныя мѣста Россіи не только съ цѣлью географическихъ и этнографическихъ изслѣдованій, но и для выясненія ряда вопросовъ по прикладной зоологіи. Особенно интересуется его въ это время положеніе русскаго рыболовства. Первое путешествіе изъ этой серіи было направлено въ 1851 г. на Чудское озеро и на берега Балтійскаго моря, куда поѣздки Бэра повторялись еще пять разъ втеченіе 1851 и 1852 годовъ. Съ 1853 г. онъ совершаетъ рядъ поѣздокъ на Волгу и Каспійское море. Всѣ эти поѣздки вошли составною частью въ ту экспедицію, которую министръ Государственныхъ имуществъ Киселевъ снарядилъ для изслѣдованія условій рыболовства въ Каспійскомъ морѣ, и во главѣ которой онъ поставилъ Бэра. 12-го августа 1853 г. Бэръ со своими помощниками прибылъ въ Астрахань, откуда онъ сдѣлалъ многочисленныя поѣздки на рыбныя ватаги, и на полуостровъ Мангышлакъ. Въ 1854 и 1855 г.г. поѣздки къ различнымъ пунктамъ береговъ Каспійскаго моря и южной части Волги снова повторились. Въ результатѣ этихъ поѣздокъ появились его „Каспійскія изслѣдованія“, чрезвычайно богатыя научными результатами. Давая общую характеристику этой работы, проф. Холодковскій пишетъ: „Въ этомъ сочиненіи Бэръ набрасываетъ общую географическую картину Каспійскаго моря, дѣля его на сѣверный плоскій и южный глубокий бассейны, говоритъ о его фаунѣ моллюсковъ, доказываетъ, что море

прежде имѣло гораздо большій объемъ и что пониженіе его уровня произошло сравнительно быстро; далѣе, онъ оспариваетъ мнѣніе, будто бы содержаніе солей въ Каспійскомъ морѣ все увеличивается и, наконецъ, сдѣлаетъ жизнь рыбъ въ немъ невозможною, доказывая, напротивъ, что море это было соленымъ съ самаго начала и скорѣе дѣлается болѣе прѣснымъ, чѣмъ соленымъ. Затѣмъ онъ переходитъ къ долиנѣ Маныча и обсуждаетъ важный вопросъ о возможности соединенія Каспійскаго моря съ Азовскимъ посредствомъ канала, причемъ доказываетъ, что подъ именемъ Маныча смѣшиваются различныя вещи, что рѣка Манычъ существуетъ только въ западной части долины, гдѣ она происходитъ черезъ сліяніе двухъ маленькихъ рѣчекъ, а въ восточной части есть лишь оврагъ, большую часть года безводный и не заслуживающій названія рѣки. По мнѣнію Бэра, если стоить проводить каналъ, то лишь отъ Кумы, теряющейся въ пескахъ, до Каспія... Въ шестой части „Каспійскихъ изслѣдованій“ разсматривается восточное побережье Каспійскаго моря, исправляются данныя Карелина о такъ называемой Хивской бухтѣ, разсматривается вопросъ о температурѣ воды моря въ глубинѣ и на поверхности и нѣкоторые другіе вопросы. Седьмая часть посвящена изслѣдованію вопроса о теченіи Аракса, причемъ Бэръ становится на сторону Страбона и доказываетъ, что Араксъ прежде, дѣйствительно, имѣлъ самостоятельное устье въ Каспійское море и измѣнилъ свое теченіе лишь въ началѣ христіанской эры. Для неспеціалиста географа всего интереснѣе восьмая часть „Каспійскихъ изслѣдованій“, трактующая „о всеобщемъ законѣ образованія рѣчныхъ руселъ“... Рѣчь идетъ о замѣчательномъ явленіи, получившемъ впослѣдствіи названіе закона Бэра; подъ этимъ именемъ оно вошло въ учебники географіи. Уже Палласъ, знаменитый изслѣдователь фауны и географіи Россіи, замѣтилъ, что у русскихъ рѣкъ правый берегъ (если смотрѣть по направленію теченія рѣки) обыкновенно высокъ, а лѣвый низокъ. Этого не могъ не замѣтить и Бэръ при своихъ многочисленныхъ путешествіяхъ. Додумываясь до причины этого явленія, онъ пришелъ къ слѣдующей теоріи. Если текущая вода направляется, приблизительно, параллельно меридіану, отъ экватора къ полюсу, то вслѣдствіе вращенія земного шара отъ запада къ востоку, вода, принося съ собою большую скорость вращенія, чѣмъ сѣверныхъ широтахъ, будетъ съ особенною силою напирать на восточный, т. е. правый берегъ, который поэтому и будетъ болѣе крупнымъ и высокимъ, чѣмъ лѣвый. Точно также, при теченіи рѣки отъ полюса къ экватору, вода будетъ приносить съ собою меньшую скорость вращенія, чѣмъ въ южныхъ широтахъ, и потому будетъ напирать на западный берегъ, который въ данномъ случаѣ опять будетъ правый“. Мы видимъ, какъ глубоко проникъ Бэръ въ новую для него научную область, какъ быстро въ ней оріентировался и какъ плодотворно использовалъ свои экскурсіи. Чтобы закончить общую характеристику Бэра, какъ географа, упомянемъ еще объ его очень плодотворной поѣздкѣ къ Азовскому морю и объ его статьѣ, напечатанной въ 1872 году на нѣмецкомъ языкѣ: „О заслугахъ Петра Великаго по части распространенія географическихъ познаній“. Близко къ его географическимъ изслѣдованіямъ примыкаютъ его статьи „Историческіе вопросы, разрѣшаемые съ помощью естествознанія“, которыми онъ занимался въ послѣдніе годы своей жизни. „Здѣсь онъ разсматриваетъ, напр., греческую легенду о пѣвнѣ лебедя и доказываетъ, что это повѣрье относится къ часто встрѣчающемуся на югѣ Европы черноклювому лебедю-кликуну, который можетъ издавать довольно мелодичные звуки, въ противополож-

ность красноклювому лебедю-шипуну, могущему только шипѣть. Весьма интересна другая статья „О мѣстностяхъ, гдѣ путешествовалъ Одиссей“. Въ бытность свою въ Крыму (въ 1863 году) Бэръ былъ пораженъ сходствомъ Балаклавской бухты съ бухтой Лестригоновъ по описанію Гомера. Это навело мысль прослѣдить, насколько вообще географическая характеристика мѣстностей, упоминаемыхъ въ Одиссеѣ, соответствуетъ общераспространенному представленію о пути Улисса, — и Бэръ пришелъ къ совершенно инымъ выводамъ сравнительно съ филологами. Такъ, онъ утверждаетъ, что Одиссей значительную часть своихъ странствованій провелъ въ Черномъ морѣ, что бухта Лестригоновъ не соответствуетъ Гаэтѣ (по представленію римлянъ и новѣйшихъ грековъ), а Балаклава; Сцилу и Харибду онъ помѣщаетъ не въ Мессинскомъ проливѣ, а въ Босфорѣ и т. д. Третья статья разсматриваетъ вопросъ о мѣстонахожденіи библейской страны Офира, причемъ авторъ приходитъ къ заключенію, что Офиръ — не что иное, какъ полуостровъ Малакка“ (проф. Холодковский). Исслѣдованія эти показываютъ, какъ широко умѣлъ примѣнять свои географическія познанія Бэръ и какъ неразлучно сопровождали его тѣ научные вопросы, которыми онъ интересовался.

Географія, однако, не могла поглотить всѣхъ богатыхъ силъ Бэра. Одно время онъ пытался продолжать свою профессорскую карьеру. Такъ, въ 1841 г. онъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ сравнительной анатоміи и физиологіи въ Медико-хирургической академіи. Однако, преподавательская дѣятельность Бэра въ Россіи такъ и не наладилась. Вслѣдствіе плохого знанія русскаго языка онъ вынужденъ былъ читать свои лекціи по-латыни, что, конечно, ставило значительную преграду между нимъ и его слушателями; затѣмъ ни помѣщеніе, ни учебныя пособія не соответствовали тѣмъ планамъ и задачамъ, которыя онъ стремился реализовать въ своемъ практическомъ курсѣ. Наконецъ, увлеченный географіей, онъ часто покидалъ Петербургъ и прерывалъ свои лекціи. Въ концѣ концовъ, онъ рѣшился совсѣмъ отказаться отъ профессуры (1852 г.), оставивъ по себѣ добрую память въ Медико-хирургической академіи учрежденіемъ анатомическаго института.

За это же время своего пребыванія въ Медико-хирургической академіи онъ едва не вернулся опять къ своимъ когда-то столь горячо любимымъ изысканіямъ по эмбриологіи. Это было время его лѣтнихъ отпусковъ 1845 и 1846 гг., когда онъ проживалъ въ Генуѣ, Венеціи и Триестѣ и занимался анатоміей и эмбриологіей низшихъ морскихъ животныхъ. Онъ собралъ обширный матеріалъ, но необходимость возвратиться къ своимъ петербургскимъ обязанностямъ сдѣлала то, что этотъ прекрасный и богатый матеріалъ остался неразработаннымъ.

Но если возвращеніе къ эмбриологіи оказалось неудачнымъ, то вполне удачнымъ былъ его возвратъ къ антропологіи. Прежде всего онъ далъ рядъ очень цѣнныхъ работъ по физической антропологіи, т. е. наукѣ, занимающейся сравнительнымъ изученіемъ тѣла во всѣхъ отношеніяхъ и въ различныхъ стадіяхъ развитія. Въ этой области особенно большую цѣнность представляютъ его работы по краниологіи, т. е. ученію о строеніи человѣческаго черепа. На основаніи своихъ краниологическихъ изслѣдованій, онъ старался вывести чистый типъ славянскаго черепа (что ему, въ концѣ концовъ, все-таки не удалось). Для болѣе однообразнаго описанія череповъ онъ предложилъ систему измѣренія череповъ, которая, дѣйствительно, сыграла видную роль въ дальнѣйшемъ развитіи науки, такъ какъ въ основныхъ своихъ чертахъ была принята на съѣздѣ антро-

пологовъ, созданномъ въ 1861 г. въ Геттингенѣ, главнымъ образомъ, усиліями Бэра. По поводу этой системы извѣстный антропологъ Розенбертъ говоритъ: „За эту услугу Бэръ могъ бы быть названъ Линнеемъ краниологіи. Слова Линнея основывается на томъ, что онъ научилъ обозначать общепонятно, съ помощью двойной номенклатуры и краткихъ диагнозовъ, любой видъ животныхъ или растений; такимъ образомъ, онъ уничтожилъ путаницу въ опредѣленіи отдѣльныхъ формъ. Бэръ устранилъ подобную же путаницу, введя свою систему, которая также есть родъ номенклатуры“...

Но краниологія не исчерпывала всего его интереса къ антропологіи, напротивъ, на антропологію онъ смотрѣлъ, какъ на фундаментъ для науки высшаго порядка — этнографіи, т. е. социальной антропологіи, разсматривающей общественную жизнь народовъ, — наукъ, которой онъ придалъ огромное значеніе, въ особенности для обширной и многоплеменной Россіи. На одномъ изъ засѣданій географическаго общества онъ говорилъ: „Если бы богатый человѣкъ, желая удовлетворить свое честолюбіе, возмнѣлъ мысль оставить память по себѣ въ наукѣ и спросилъ бы меня, что ему сдѣлать для этого, — то я отвѣтилъ бы ему: организуйте многолѣтнія изслѣдованія, которыя могли бы дать возможно полную картину нынѣшняго состоянія населенія Россійской имперіи, и дайте средства на осуществленіе этой картины. Тогда вы оставите въ память о себѣ такое созданіе, которое никогда въ будущемъ не можетъ быть сдѣлано ни полнѣе, ни лучше, къ которому отдаленное потомство будетъ обращаться такъ же, какъ мы обращаемся и будемъ обращаться къ сочиненіямъ Геродота и къ первымъ письменамъ всѣхъ народовъ“. И въ другой разъ, — въ отчетѣ о геттингенскомъ антропологическомъ съѣздѣ онъ писалъ: „При многихъ случаяхъ я выражалъ мнѣніе, что величайшія сокровища, какія наука можетъ извлечь изъ сравнительной антропологіи, лежатъ въ точномъ и осмотрительномъ познаніи социального и психическаго состоянія различныхъ человѣческихъ племенъ до ихъ соприкосновенія съ нашей цивилизаціей, которая нерѣдко приноситъ имъ болѣе вреда, чѣмъ пользы... Когда цивилизація уничтожитъ или вберетъ въ себя эти естественныя племена, то, безъ сомнѣнія, все немногое, что еще удалось найти относительно ихъ социальныхъ условій и внутренней душевной жизни, — все это будетъ считаться за драгоценнѣйшія жемчужины науки. Тогда съ трудомъ будутъ понимать, какъ въ наше время люди науки и правительства потратили громадныя суммы на изслѣдованіе растений и животныхъ въ далекихъ странахъ, на измѣренія горъ и на магнитныя наблюденія и такъ мало потрудились надъ изученіемъ и сохраненіемъ для потомства данныхъ о жизни народовъ“. Этотъ упрекъ Бэръ не могъ отнести къ самому себѣ, такъ какъ употребилъ не мало усилій для правильной постановки этнографическаго изученія Россіи. Мы видѣли, что онъ былъ предсѣдателемъ этнографическаго отдѣла Географическаго общества. Онъ подаль и развилъ мысль, которая, правда, нашла свою реализацію значительно позднѣе, объ основаніи этнографическаго музея, въ которомъ были бы собраны коллекціи, характеризующія жизнь человѣчества съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Онъ написалъ рядъ статей, посвященныхъ этнографіи (въ которыхъ, кстати сказать, онъ рѣзко выступалъ въ качествѣ антидарвиниста по вопросу о происхожденіи человѣка).

Далѣе, онъ, въ качествѣ основателя и предсѣдателя Русскаго Этномологическаго Общества, не мало поработалъ надъ вопросомъ о правиль-

ной постановкѣ борьбы съ вредителями растительнаго міра. Наконецъ, ему же принадлежит нѣсколько дѣльныхъ статей по разведенію полезныхъ растений. Этимъ мы и заканчиваемъ обзоръ дѣятельности Бэра во второй — петербургскій — періодъ его жизни. Теперь намъ будутъ понятны слова профессора Грубе: „Если мы захотимъ охарактеризовать научныя работы Бэра, произведенныя въ Кенігсбергѣ, сравнительно съ петербургскими, то можно будетъ сказать, что въ первомъ изъ этихъ городовъ онъ занимался изученіемъ микрокосма, а во второмъ — макрокосма“.

Частная жизнь Бэра въ Петербургѣ не представляетъ собой ничего выдающагося. Въ 1862 г. онъ вышелъ въ отставку, но былъ избранъ Почетнымъ Членомъ Академіи и причисленъ къ Министерству Народнаго Просвѣщенія. Въ 1864 году къ 50-ти-лѣтнему своему юбилею онъ написалъ обширную автобіографію. Юбилей этотъ прошелъ очень торжественно и показалъ, насколько старикъ Бэръ сохранилъ свѣжесть ума и чувства. Въ своей отвѣтной рѣчи онъ, между прочимъ, съ неподражаемымъ юморомъ говорилъ: „Въ заключеніе позвольте мнѣ еще разъ поблагодарить всѣхъ присутствующихъ за ихъ участіе и попытаться отплатить имъ за это новою теоріей. Смерть, какъ извѣстно каждому, доказана опытомъ,—и этотъ опытъ повторялся весьма часто,—но необходимость смерти все-таки еще ничуть не доказана. Низшіе организмы живутъ часто лишь втеченіе одного опредѣленнаго времени года и за эти предѣлы жизнь ихъ не простирается, развѣ лишь они оставляютъ зародышей — новыхъ индивидовъ,—таковы, напр., однолѣтнія растенія. Но чтобы организмы, переживающіе зиму и лѣто и имѣющіе средства накоплять пищевые матеріалы, чтобы эти организмы обязательно должны были умирать,—это, повторяю, не доказано. Знаменитый Гарвей анатомировалъ однажды мужчину, который умеръ на 152 году своей жизни, и нашелъ всѣ его органы здоровыми, такъ что этотъ человекъ, вѣроятно, могъ бы жить еще долѣе, если бы его не переселили изъ деревни, ради лучшаго ухода за нимъ, въ столицу, гдѣ онъ и умеръ отъ слишкомъ хорошаго ухода. Я склоненъ поэтому считать смерть лишь за проявленіе раздражительности, за нѣчто въ родѣ моды,—и модой совершенно ненужной. Въ этомъ убѣжденіи меня укрѣпляетъ и философія Шопенгауера, которая рассматриваетъ все существующее, какъ проявленіе воли. Если камень падаетъ, то это является лишь слѣдствіемъ присущей ему воли, заставляющей его падать, точно такъ же, какъ я иду вслѣдствіе моей воли, побуждающей меня идти. И вотъ, я поставилъ себѣ задачею не желать смерти и, если мои органы не захотятъ исполнять свои обязанности, то я ихъ волѣ противопоставлю мою волю, которой они должны будутъ подчиниться. Я совѣтую и всѣмъ присутствующимъ поступить точно такъ же и приглашаю васъ всѣхъ на мой вторичный докторскій юбилей черезъ 50 лѣтъ на этомъ же мѣстѣ и прошу только оказать мнѣ честь дозволеніемъ принять васъ, какъ гостей,—въ качествѣ хозяина“.

Но „воля“, о которой говорилъ шуточно старикъ Бэръ, мало помогала. Старость надвигалась все дальше и дальше. Жена его умерла. Дочь вышла замужъ. Изъ шести сыновей въ живыхъ осталось только трое, и тѣ всѣ пошли своимъ жизненнымъ путемъ. Бэру становилось опять какъ-то неуютно и неловко въ Петербургѣ, который онъ къ тому же и не любилъ. Его снова потянуло въ какой-нибудь нѣмецкій городъ. Онъ снова переживалъ одно изъ тѣхъ безпокойныхъ чувствъ, которыя ему были такъ знакомы со дней ранней молодости. Въ объясненіе этой

какой-то оригинальной непосѣдливости проф. Холодковскій приводитъ слѣдующія объясненія, указывающія на неизбѣжную двойственность его настроеній: „Необходимо отличать Бэра, какъ нѣмца по рожденію, отъ Бэра-гражданина. Какъ членъ нѣмецкой семьи, возросшій и воспитавшійся исключительно въ средѣ нѣмецкой и получившій какъ полное научное образованіе, такъ и первую служебную должность въ Германіи, Бэръ, естественно, былъ прежде всего нѣмцемъ и остался имъ на всю жизнь, несмотря на званіе русскаго академика. Съ этой точки зрѣнія нельзя безъ натяжекъ причислять его къ русскимъ ученымъ, если ужъ необходимо раздѣлять науку по національностямъ. Лучшая пора его научной дѣятельности протекла заграничею, когда онъ былъ кенигсбергскимъ профессоромъ и, по собственному его выраженію, „прусскимъ патріотомъ“. Но, въ качествѣ русскаго подданнаго и академика, Бэръ былъ образцовымъ слугою русскаго правительства и народа, не жалѣвшимъ никакихъ трудовъ для изученія и блага той страны, которая привела его къ дѣятельности въ Петербургской Академіи Наукъ. Съ болью въ сердцѣ бросилъ онъ свои любимыя эмбриологическія занятія и отдался географическимъ изслѣдованіямъ, которыя, по его мнѣнію, представляли первостепенную важность для Россіи; неоднократно высказывалъ онъ тяготившую его мысль, что онъ для Россіи мало полезенъ, и старался увеличить свою полезность, обратившись къ прикладной зоологіи (изученію рыболовства, какъ отрасли первостепеннаго практическаго значенія). Мы видѣли, что его добросовѣстныя усилія въ этомъ направленіи не остались безплодными. Что же касается его личныхъ отношеній къ русскимъ и его взгляда на русскую національность, то нѣтъ надобности указывать, что Бэръ не могъ быть неблагодарнымъ: его умъ слишкомъ свѣтелъ и сердце слишкомъ благородно, чтобы не только выражать, но и имѣть національныя предубѣжденія противъ націи, вскормившей его и щедро отблагодарившей за всѣ его труды. Всѣ, знавшіе Бэра, единогласно утверждаютъ, что въ его отношеніяхъ къ русскимъ не было и слѣда той нетерпимости, которая, къ сожалѣнію, замѣчается иногда, и даже нерѣдко, у русскихъ нѣмцевъ“.

На этотъ разъ тяга Бэра привела его въ Дерптъ, его родной университетскій городъ, гдѣ онъ и поселился въ 1867 году. Здѣсь, на покой, онъ продолжалъ заниматься наукой,—хотя силы его слабѣли, а особенно начало измѣнять ему зрѣніе, такъ что ему пришлось пользоваться услугами чтеца, а письма свои онъ обыкновенно диктовалъ. Дни его шли теперь тихо и однообразно. Единственнымъ обществомъ, съ которымъ онъ теперь еще соприкасался, былъ кружокъ дерптскихъ профессоровъ. Иногда онъ еще выступалъ съ небольшими докладами, которые продолжались не болѣе 20 минутъ. Но нѣсколько разъ онъ читалъ даже публичныя лекціи.

Смерть (16-го ноября 1876 г.) застала полуслѣпнаго старика среди его научныхъ занятій. Онъ прохворалъ (отъ простуды) всего нѣсколько дней и скончался тихо, безъ агоніи. Въ 1886 году (16-го ноября) состоялось торжественное открытіе въ Дерптѣ памятника Бэру.

Петръ Францевичъ Лесгафтъ.

Петръ Францевичъ Лесгафтъ.

(1837—1909).

Родина Петра Францевича Лесгафта—Петербургъ, гдѣ онъ родился въ 1837 г. Отецъ его былъ ювелиромъ. Дѣтство свое П. Фр—чъ провелъ въ семьѣ, а подросткомъ былъ отданъ въ аптекарскіе ученики. Занятіе пришлось не по душѣ маленькому Лесгафту и въ одинъ пре-

красный день онъ просто-на-просто сбѣжалъ отъ своего аптекаря. Появление его домой при такихъ обстоятельствахъ вызвало негодование родителей; особенно возмущенъ былъ отецъ; онъ рѣшилъ, что изъ этого упрямаго и своевольнаго мальчика ничего путнаго не выйдетъ и махнулъ на него рукой. Но своеобразный мальчуганъ не пропалъ. Переживъ тяжелый переломъ, во время котораго предоставленный себѣ ребенокъ не зналъ, за что и какъ приняться, мальчикъ понялъ, что онъ можетъ выбиться изъ того положенія, въ которое онъ попалъ, только настойчивымъ трудомъ. Мальчикъ энергично взялся за работу и при нѣкоторой помощи своего старшаго брата, но, главнымъ образомъ, самостоятельно подготовился въ одинъ изъ старшихъ классовъ петербургской нѣмецкой гимназіи (Annenschule). Въ гимназіи онъ учился очень хорошо, но получилъ прозвище „Занозы“. Когда Петра Францевича спрашивали впоследствии, за что онъ получилъ свое почетное прозвище, онъ отшучивался, говоря: „Не понимаю, за что. Просто зря. Былъ совсѣмъ ангеломъ“.

Гимназію П. Фр. окончилъ съ серебряной медалью и поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію. Но съ первыхъ же шаговъ студенческой жизни онъ снова пришелъ въ столкновение со своими родителями. Чуть ли не въ первый разъ надѣвши свой мундиръ, онъ отправился на вечеринку, на которой онъ пробылъ до разсвѣта. Утромъ мать встрѣтила его упреками за такое позднее возвращеніе домой. Молодому студенту показалось недопустимымъ подобное внимательство родителей въ его личную жизнь, и онъ, собравши свое немудреное имущество, ухалъ на самостоятельную квартиру и зажилъ самостоятельной жизнью, добывая средства существованія уроками и по временамъ сильно бѣдствуя. Неоднократныя просьбы родителей возвратиться подъ отчий кровъ не оказали на Петра Францевича никакого вліянія.

Въ Академіи П. Фр. сначала заинтересовался химіей, которую онъ изучалъ подъ руководствомъ проф. Зинина втеченіе трехъ лѣтъ. Проф. Зининъ очень высоко цѣнилъ своего талантливаго ученика и предсказывалъ ему блестящую карьеру въ химіи. Но П. Фр. увлекся анатоміей и промѣнялъ, такимъ образомъ, химическую лабораторію на анатомическій театр. Кроме науки, Петръ Францевичъ увлекался еще и музыкой. Изъ музыкальных дѣятелей, съ которыми П. Фр. былъ лично знакомъ, онъ особенно дорожилъ Даргомыжскимъ (См. его біографію въ IV т. „Великихъ Людей“). Любовь къ музыкѣ и пѣнію П. Фр. сохранилъ на всю жизнь.

Въ 1861 г. П. Фр. окончилъ Медико-Хирургическую Академію и остался работать у проф. Грубера при анатомическомъ кабинетѣ, назначенный прозекторомъ и преподавателемъ анатоміи. Уже черезъ четыре года (1865 г.) онъ защитилъ свою докторскую диссертацию на тему: „Объ окончаніи продольныхъ мышечныхъ волоконъ прямой кишки“. А еще черезъ три года (1868 г.) былъ избранъ Казанскимъ Университетомъ на кафедру фیزیологической анатоміи въ званіи экстраординарнаго профессора.

Первая лекція П. Фр. въ Казанскомъ Университетѣ оказалась неудачной: его ошικάли. Лекція была, дѣйствительно, плохой. „Не подумалъ хорошенько“, смѣялся впоследствии П. Фр., вспоминая объ этомъ первомъ блинѣ, который прошелъ комомъ. Однако, уже на слѣдующей лекціи увлеченные студенты устроили ему овацію. О казанскомъ періодѣ дѣятельности П. Фр. сохранились яркія воспоминанія, художе-

ственно набросанныя знаменитой Вѣрой Николаевной Фигнеръ, известной революционеркой, пробывшей болѣе двадцати лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости.

„Но вотъ мы направились въ другую обитель — въ анатомическій театръ. Это было совершенно отдѣльное зданіе во дворѣ университета.

„Мы поднялись по лѣстницѣ и вошли въ залъ, уставленный столами. На однихъ лежали трупы мужчинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ; на другихъ — отдѣльные члены: руки, ноги и т. п.

Лекція по сравнительной анатоміи въ музей Біологической Лабораторіи.

„Серьезные молодые люди молча стояли у столовъ или сидѣли, склонившись, со скальпелемъ въ рукѣ. Всѣ были въ бѣлыхъ фартукахъ, дѣловитые, погруженные въ работу. Никто и не взглянулъ на насъ. Высокая дѣвушка, худая и смуглая, была, повидимому, ассистенткой, остальные — студенты, каждый занятый какимъ-нибудь препаратомъ. Острое зловоніе стояло въ воздухѣ: тогда для дезинфекціи труповъ еще не употребляли формалинъ, и въ анатомическомъ залѣ работали въ нездоровой удушающей атмосферѣ.

„Мы приготовились и къ зрѣлищу оголенныхъ мертвыхъ тѣлъ, и къ зловонію; мы ждали этого и заранѣе укрѣпились въ позиціи не поддаваться впечатлѣніямъ, которыми насъ пугали. И мы выдержали искусъ.

„Передъ нами стоялъ профессоръ: небольшого роста, рѣзко выраженный брюнетъ лѣтъ тридцати двухъ, тридцати четырехъ. Худощавое, серьезное лицо и темные глаза, смотрящіе исподлобья, пылливо обрати-

Проф. К. МОНЬЕ.

Соціологія.

Кратк. содержание: Ч. I. Введение. Подраздѣленіе соціологіи. О методѣ въ соціологіи. Ч. II. Теорія социальной эволюціи. Книга знакоми́тъ съ основами соціологіи, знаніе которой должно быть необходимо для всякаго образованнаго человѣка.

Цѣна 80 к., пер. 17 к.

Проф. А. ИСАЕВЪ.

Вопросы Соціологіи,

съ портретомъ автора. При всей строгой научности эта книга извѣстнаго ученаго написана очень живо и популярно. Краткое содержание: I. Техника и хозяйство въ основѣ культуры. II. Эгоизмъ, дружелюбіе, классовые интересы. III. Борьба общественныхъ группъ. IV. Личность и среда. V. О сходствахъ и различіяхъ въ развитіи народовъ. Цѣна 1 р. 60 к., съ пересылк. 1 р. 89 к.

В. В. Битнеръ.

Происхожденіе и значеніе денегъ,

съ 32 рис., 1 карт. и 2 таблицами.

Популярная книга.

Цѣна 50 коп., перес. 15 коп.

Эд. Бернштейнъ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦІЯ.

Книжка представляетъ популярную исторію хозяйственной культуры и намѣчаетъ основныя черты и тенденціи развитія общества. Она дополнена книжкой Кампфмейера

РАБОЧИЙ ВОПРОСЪ.

Цѣна 30 коп., перес. 12 к.

А ОРЛОВЪ ЦЕРКОВЬ ГОСУДАРСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
В. В. МОНЬЕ

Цѣна 20 коп., перес. 8 коп.

ГЕНРІ ДЖОРДЖЪ ГАЙНДМАНЪ

ЕДИННЫЙ НАЛОГЪ ИЛИ СОЦІАЛИЗМЪ ДЛЯ БЛАГА НАВѢДА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
В. В. МОНЬЕ

Цѣна 20 коп., пер. 13 коп.

УЖАСЫ ВОЙНЫ.

Съ 60 рис. въ текстѣ.

Эта богатая по содержанію книга даетъ понятіе объ условіяхъ веденія современной сухопутной и морской войны и ужасахъ, сопровождающихъ послѣднюю.

Кратк. сод.: Объявленіе войны и подготовительная дѣятельность. Полевая война. Осада и оборона крѣпостей. Война на морѣ. Смертность на войнѣ и уходъ за ранеными. Цѣна 80 коп., перес. 17 коп.

Гербертъ Спенсеръ.

Личность и Государство.

Съ портретомъ автора.

Взгляды знаменитаго философа-эволюціониста на взаимоотношенія личности и государства представляютъ глубокий интересъ.

Цѣна 50 коп., пер. 17 к.

Проф. Л. ТЕННИСЪ.

Соціальный вопросъ... Авторъ зна- комитъ чи- тателей съ исторіей революцій въ разныхъ странахъ и и эволюціей соціального вопроса.

Цѣна 40 коп., перес. 13 коп.

О О О О О О О О О О О О О О О О

Проф. А. Г. Тимофеевъ.

ГОСУДАРСТВО

и

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ.

Популярная лекція, съ 17 рис. и 12 раскрашенными картинами для волшебнаго фонаря. Цѣна 1 руб., перес. 15 коп.

О О О О О О О О О О О О О О О О

А. А. Николаевъ.

Сила грядущаго.

Три лекціи по исторіи и теоріи кооперативнаго движенія, съ 12 раскрашенными картинами для волшебнаго фонаря.

Цѣна съ картинами для волшебнаго фонаря 1 р., перес. 13 к.

ПРОФ. АМОНЪ.

СОБСТВЕННОСТЬ, чѣмъ она была, что она есть и чѣмъ она будетъ.

Съ 37 рисунками.

Авторъ-эволюціонистъ трактуетъ вопросъ очень широко, не оставляя безъ упоминанія даже собственности животныхъ.

Цѣна 35 к., перес. 13 к.

ПРОФ. А. МЕНГЕРЪ.

Право на полный продуктъ труда, Завоеваніе рабо- чимъ его правъ.

Съ 8 портретами.

Въ этомъ трудѣ знаменитаго ученаго великолѣпно изложенъ рабочий вопросъ съ исторической точки зрѣнія.

Цѣна 40 к., перес. 17 к.

Вестник Знания

Продолжается подписка на издающийся одиннадцатый год рас пространенѣйшій литературно-научный иллюстрированный журнал

полупарно-научный ежем сячный журнал и ежем сячную газету - журнал

Неделя

отдѣлы. подл. на Нед.: 3 р. въ г., 75 к. въ 1/4 г.)

Главные сотрудники:

С. А. Ан-ский, д-ръ Бекетовъ, Л. Вельмонтъ, акад. В. М. Бехтеревъ, В. В. Виттеръ, проф. И. А. Бодуэнъ-ко. С. Гамбаровъ, проф. А. Г. Генкель, Н. Гуммеръ (Сухомовъ), В. Г. Голиновъ, Г. К. Градовскій, И. А. Гриневскій, проф. В. С. О. Грудзинскій, проф. Довнар-Запольскій, проф. Ждановъ П. Завадскій, проф. Ф. Ф. Зильманскій, проф. А. А. Исаевъ, С. К. Исаковъ, П. Ф. Катеринъ, проф. К. Ковалевскій, проф. В. Козловскій, Евг. Маевскій, проф. И. Мечниковъ, прив.-доц. Моисеевъ, И. А. Морозовъ, Вас. И. Немуровъ, Данченко, А. Никольскій, проф. И. Х. Озеровъ, К. Пажитновъ, А. С. Панкратовъ, проф. Д. П. Петражицкій, бывш. св. гр. С. Петровъ, проф. Е. В. де-Роберти, Н. А. Рубининъ, Л. Рускинъ, худ. И. Е. Рынчинъ, проф. Нр. Сварцовъ, Н. В. Сварцова, прив.-доц. А. Г. Тимофеевъ, прив.-доц. Тотомищевъ, проф. Туфанъ-Барановскій, д-ръ зоол. С. Чеховичъ, Н. Череминъ и др.

Въ приложеніяхъ въ Вестникъ Знания дается цѣлая библиографія по всемъ отраслямъ знаній: 1) **ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ИСТОРИИ УКРАИНЫ**, въ 4-хъ выпускахъ. 2) **ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ИСТОРИИ УКРАИНЫ**, въ 4-хъ выпускахъ. 3) **ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ИСТОРИИ УКРАИНЫ**, въ 4-хъ выпускахъ. 4) **ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ИДЕАЛЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ**, проф. М. И. Туфанъ-Барановскаго. 5) **ГИГІЕНА ДУХА**, физиологія мозга. Гигіена ребенка, мужчины, женщины. Половое возрѣзаніе и пр. проф. Киселова съ изложеніемъ проф. Фореза, въ 2-хъ выпускахъ. 6) **ЭКСПЕРИМЕНТЪ**, физика, проф. Бернштейна. 7) **ПСИХОЛОГІЯ** и учителя, методъ Монтессори. 8) **СОЧИН. ЛОПЕ-ДЕ-ВЕГА**: "Дорога", "Любовь и мѣсть". 9) **КАВКАЗСКІЙ ЛИТЕРАТ. АЛЪМАНАХЪ**.

Всѣхъ тѣхъ подписчикъ, въ зависимости отъ избраннаго ими абонема (см. подл. указывать № абонем.), получать слѣд. капиталныя сочиненія:

1-й абонементъ: 12 вып. иллюстр. библ. графич. библотеки

Великіе люди

Мировая литература

жизнеиспаніи знамен. людей всѣхъ временъ и народовъ, со-стѣвляи по экономикѣ, политикѣ и пр. проф. М. Ковалевскаго, проф. Туфанъ-Барановскаго и др. Много рисунковъ и отдѣльных цвѣтныхъ картинъ.

Сочиненія Ч. Дарвина:

Кругосвѣтное путешествіе на корабль Вигль. Въ 4 выпускахъ, съ рисунками.

2-й абонементъ: въ 16 выпуск.

Книга природы

и Человѣкъ въ культурѣ. Социал. трудъ въ 9 част. ч. I и II. Пространство и время, дар. Швейцарск. Деревня, ч. IV. Ч. III. Мелныя жизни, проф. Остальде, ч. IV. Кольбель жизни, проф. Шенкен, ч. V. IX. Певко-таемя мира, проф. Мейеръ, ч. VI. IX. Певко-лоты, эволюція человѣчества, проф. Бувата, Роскомш. изд., около 600 рис. и 60 отд. картинъ. (Въ книжк. мат. 6. ст. 15 руб.)

4-й абонементъ:

12 выпускъ

Сводъ законовъ

Практической энциклопедіи

руководство по ремесламъ, хозяйству, домоводству, посланные рецепты и пр.). Въ 1913 г. въ этомъ изд. будетъ дана книга **ПРАВА РУССКАГО ГРАЖДАНИНА**, какъ ихъ опредѣлять, какъ ихъ осуществлять, какъ ихъ отстаивать. Съ образц. прошенъ и пр. Сост. прис. пов. П. А. Броневскій.

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., 40, Контора "Вестника Знания".

Подробный иллюстрированный проспектъ высылается безплатно.

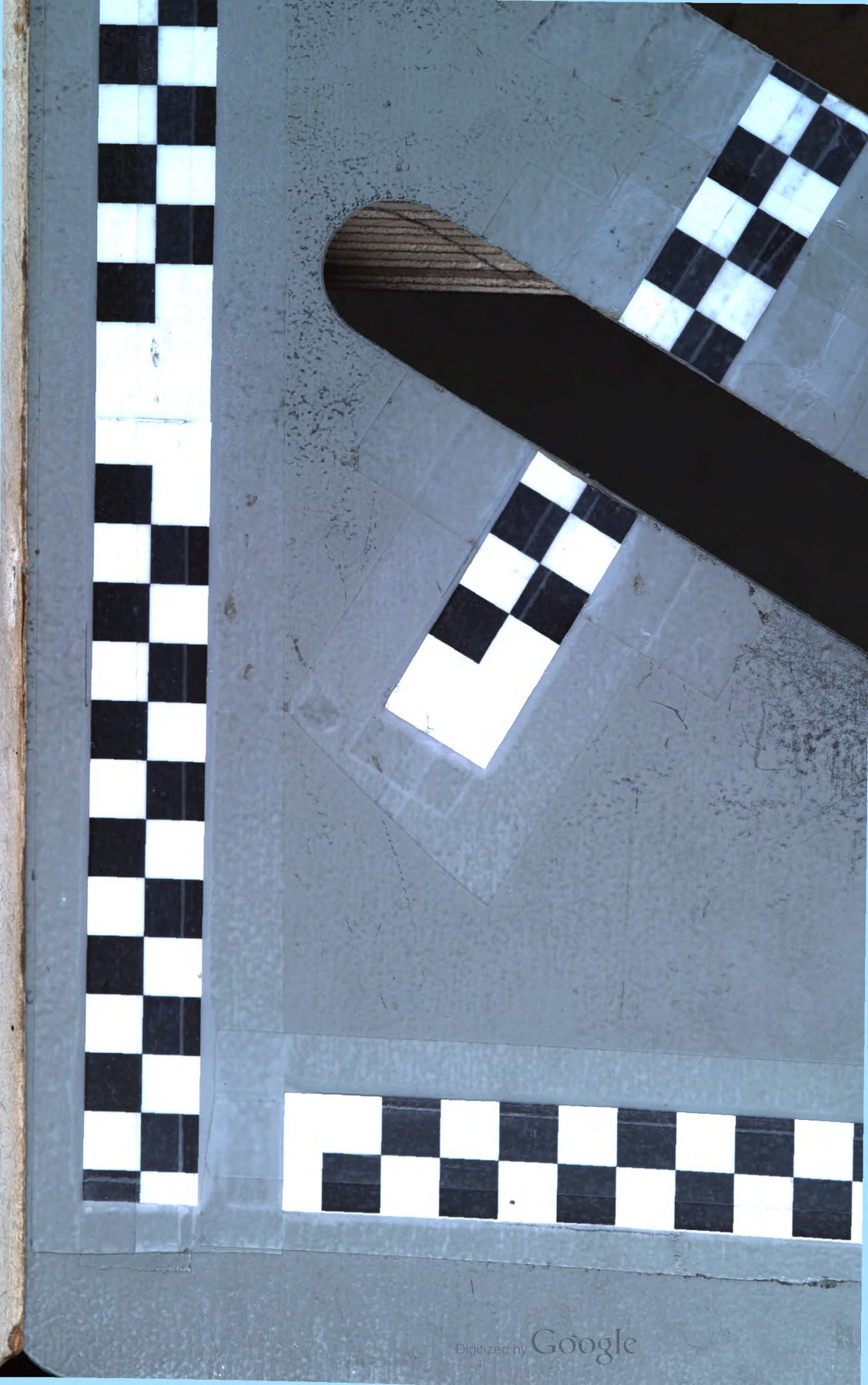
5-й абонементъ: въ 16 выпускъ

Исторія религій

съ древнѣйшихъ врем. до нашихъ дней, проф. Штангенъ-де-ла-Сосель. Гросшомное изданіе, около 600 рис. и 60 отдѣльныхъ картинъ и хронологич. (2 большахъ томъ).

Подписная цѣна

за "Вестн. Знания" съ газ. "Неделя" и въмъ прилож. въ годъ 8 руб., съ перес. 9 руб., за границу (черезъ загранич. почтамы) 12 руб. доплатается разсрочка: при подпискѣ въ 5 р. 10 июня и 10 сент. по 2 р. Премія: Вносилъ всѣ деньги имѣють право на премію книжки на 2 р. (по особ. заявл.), упла- чивая лишь за перс.

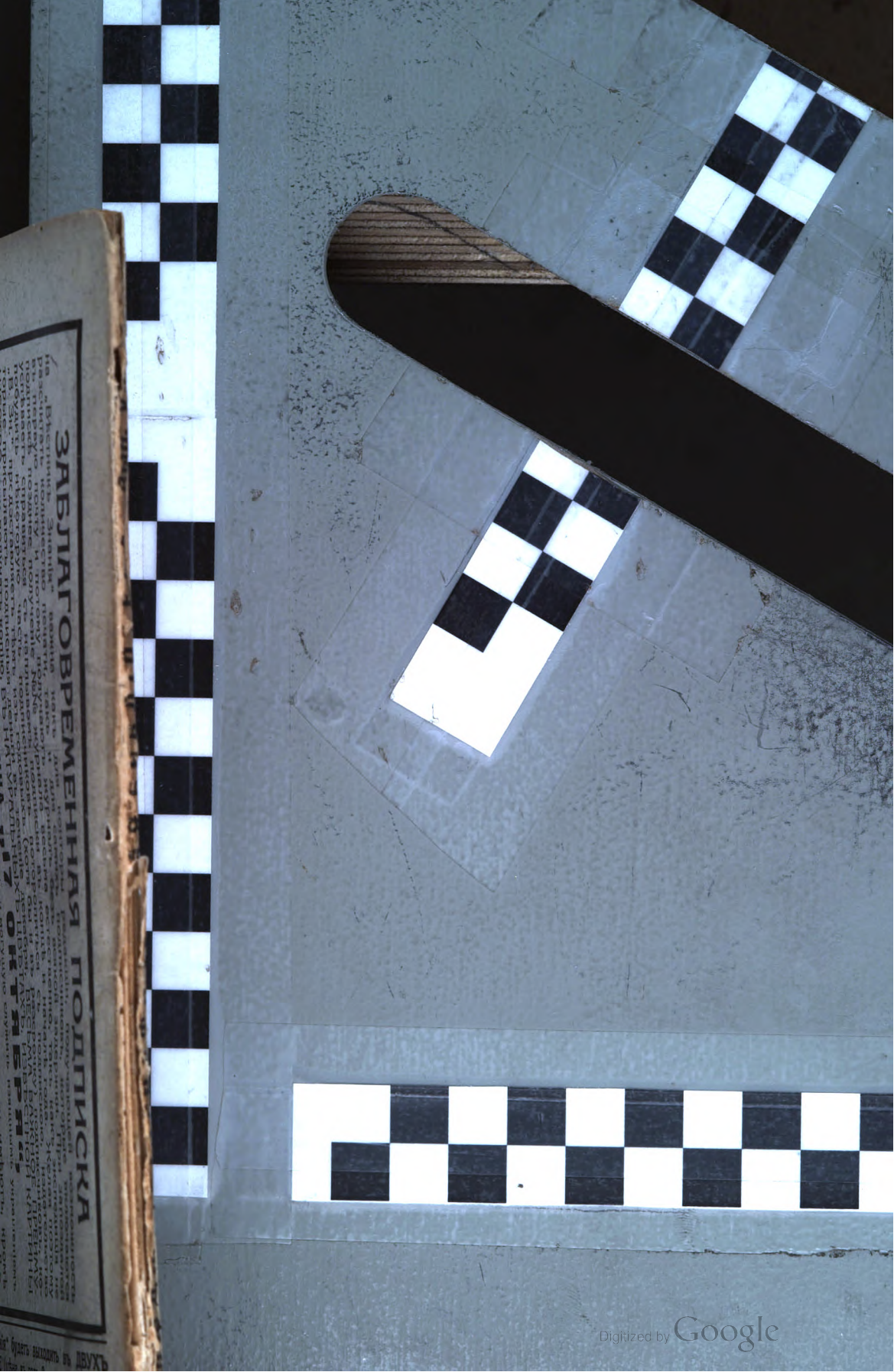

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ

БЮГРА-
ФИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
*Великие
Люди*

ЗАБЛУЖДЕННАЯ ПОЛИЦИЯ

В. БУДУТОВ. Роман. — М.: Советский писатель, 1987. — 320 с. — (Библиотека «Заблужденная полиция»). — ISBN 5-257-00111-7.

В романе В. Будута описаны события, происшедшие в Москве в 1985 году. В центре сюжета — деятельность милиции, ее взаимодействие с органами государственной безопасности, с органами внутренних дел. Роман написан в жанре детектива, но в нем нет привычных для этого жанра элементов: загадки, следствия, раскрытия преступления. В романе В. Будута описаны события, происшедшие в Москве в 1985 году. В центре сюжета — деятельность милиции, ее взаимодействие с органами государственной безопасности, с органами внутренних дел. Роман написан в жанре детектива, но в нем нет привычных для этого жанра элементов: загадки, следствия, раскрытия преступления.

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ

БЮГРА-
ФИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
*Вестника
Знания*

RD UNIVERSIT
LIBRARY

MAR 05 2004

ВСѢ КНИГИ,

имѣющіяся въ продажѣ, можно выписывать черезъ книжный складъ „ВѢСТН. ЗНАНІЯ“, С.-Петербургъ, Невскій пр., 40. Подписчики „В. Зн.“ пользуются 25% уступк. на книги, изд. „В. Зн.“

Проф. Ротъ.

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ.

Цѣна 40 к.,
перес. 15 к.

Ц. 80 к.,
пер. 19 к.

Проф. Ротъ.

ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ БАЛКАНСКАГО ПОЛУОСТРОВА.

Цѣна 40 к.
перес. 17 к.

Проф. Ш. Сеньобось и проф. Я. Метэнъ.

НОВѢЙШАЯ ИСТОРИЯ съ 1815 года,

съ 139 рисунками, картами и портретами. Классическій трудъ, не нуждающійся въ особой рекомендаціи.

Цѣна въ изящномъ коленкоревомъ переплетѣ 3 руб. 50 коп., перес. 41 коп.

Проф. Ш. Сеньобось и М. Уоллесъ.

ИСТОРИЯ РОССИИ XIX и XX столѣтій,

съ 35 рисунками и портретами.

До 1905 года объ изданіи этой книги не могло быть и рѣчи.

Цѣна 60 коп., перес. 19 коп.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ,

съ 288 рис., портр. и картами.

Цѣна 2 руб. 50 коп., перес. 45 коп.

Изложеніе очень живое.

Кратк. содерж.: Древнѣйшая культура (Египетъ, Месопотамія, Мидія и т. д.). — Древне-греческій міръ. — Римская культура. — Средніе вѣка. — Новое время.

Въ прил.: проф. А. Г. Тимофеевъ (ред.): „Очерки исторіи русской культуры“.

В. Бельше.

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ,

съ 44 рис.

Книга трактуетъ вопросъ, который, несмотря на его кажущуюся избитость, продолжаетъ оставаться вѣчно новымъ и привлекать вниманіе всѣхъ образованныхъ людей.

Цѣна 45 коп., перес. 15 коп.

лись къ намъ и остановились на насъ, какъ бы измѣряя, будетъ ли изъ насъ толкъ? И тотчасъ, коротко и дружески, какъ будто былъ знакомъ съ нами сто лѣтъ, онъ далъ согласіе, чтобы мы ходили на его лекціи, а на утро обѣщаль приготовить для насъ анатомическій препаратъ.

Петръ Францевичъ повелъ насъ въ свой кабинетъ. Это была комната, слѣдующая за препаровочной: неприглядная, голая—настоящая мастерская анатома. Столы и полки по стѣнамъ—вотъ и все. На полкахъ рядъ банокъ со спиртовыми препаратами. На одномъ столѣ микроскопъ, на другомъ—большой инкубаторъ съ горящей лампочкой. Въ инкубаторѣ, на ватѣ, лежали куриныя яйца, и Петръ Францевичъ объяснилъ намъ, что черезъ небольшіе промежутки времени онъ вынимаетъ одно яйцо за другимъ и разсматриваетъ подъ микроскопомъ, наблюдая различныя стадіи развитія куриного зародыша. Онъ указалъ при этомъ на значеніе подобныхъ наблюденій для изученія развитія человѣка и рекомендовалъ намъ осматривать банки со всевозможными зародышами, стоявшія на полкахъ. Тутъ мы впервые увидели и жаберныя дуги, и очень занявшій насъ хвостикъ человѣческаго зародыша, и множество другихъ новыхъ вещей. Эмбриологія, видимо, очень занимала Петра Францевича и, надо сказать, она была въ то время сама еще въ зародышѣ.

„Петръ Францевичъ былъ такъ простъ въ обращеніи, что мы сразу почувствовали себя легко и свободно...

„Стали мы ходить и на лекціи. Обыкновенно Петръ Францевичъ входилъ въ аудиторію изъ своего кабинета, и мы слѣдовали за нимъ. Большая аудиторія, расположенная амфитеатромъ, была сплошь занята мужской молодежью... Удивительно было обаяніе личности Петра Францевича. Онъ читалъ анатомію. Что можетъ быть суше ея? И, однако—часъ проходилъ незамѣтно, и аудиторія, переполненная и неподвижная, слушала лекцію съ неослабнымъ интересомъ, какъ самый животрепещущій докладъ. Петръ Францевичъ имѣлъ даръ—заставить слушать себя: всѣ чувствовали, что въ излагаемомъ предметѣ—все нужно, все необходимо; ничего нельзя пропустить—все надо запомнить твердо, непоколебимо, на всѣ будущія времена. Всѣ чувствовали, что профессоръ закладываетъ фундаментъ медицинскаго образованія, и отъ солидности этого фундамента въ памяти слушателя—зависитъ, быть можетъ, вся будущность его, какъ врача или человѣка науки.

„Глубокая почтительность со стороны студентовъ окружала Петра Францевича. Въ препаровочной въ минуты отдыха и дома при встрѣчахъ со студентами было множество разговоровъ о немъ. Это была центральная фигура для первокурсниковъ: гроза и вмѣстѣ съ тѣмъ любимецъ. Намъ рассказали, что Петръ Францевичъ—любимый и выдающійся ученикъ знаменитаго профессора Петербургской Медико-Хирургической Академіи, Грубера, который самъ вышелъ изъ школы Гиртля. Кто изъ студентовъ и врачей тогдашней Россіи не зналъ этихъ славныхъ именъ? Кто не зналъ Грубера, этого большого, оригинальнаго человѣка, твердаго, непреклоннаго передъ властями, грудью защищавшаго студентовъ при столкновеніяхъ съ полиціей, но вмѣстѣ съ тѣмъ—твердаго и непреклоннаго передъ лицомъ этой учащейся молодежи, отъ которой требовалъ точности въ знаніи, внушая этимъ, что серьезное отношеніе къ наукѣ, къ своей специальности есть долгъ, обязанность по отношенію къ себѣ и къ обществу.

„Того же закала былъ и Петръ Францевичъ: независимый по характеру, страстно любящій свою науку и ревнивый къ занятіямъ студен-

товъ... Сильный и добрый, кроткій и серьезный... „Человѣкъ“ чувствовался въ немъ при первомъ же соприкосновеніи, и чудное сліяніе хорошей личности съ прекраснымъ преподавателемъ создавало очарованіе, дѣлавшее его образцомъ, идеаломъ для поколѣній, имѣвшихъ счастье начинать свои студенческіе годы подъ его руководствомъ.

„Но для всякаго начинающаго учиться и жить величайшимъ счастьемъ является встрѣча съ превосходнымъ образцомъ чѣловѣческаго рода, потому что это одинъ изъ могущественныхъ факторовъ, опредѣляющихъ иногда все будущее человѣка. И вотъ, на порогѣ университета, учащаяся молодежь встрѣчала въ Петрѣ Францевичѣ такой образецъ. Я испытала это на себѣ. Но я не была, вѣдь, исключеніемъ: кругомъ вся атмосфера была пропитана тѣмъ же вліяніемъ, тѣмъ же чувствомъ, а впослѣдствіи множество того же рода признаній вырывалось и отъ другихъ его учениковъ.

„Энергичная, дѣйственная любовь Петра Францевича къ своему предмету невольно передавалась и заражала его учениковъ. Это были именно ученики, а не слушатели. Вступивъ въ анатомическій залъ, студентъ отрекался отъ внѣшняго міра, имъ овладѣвалъ учитель и настойчиво и неуклонно лѣпилъ его по своему подобию. „Да не будетъ ученикъ недостоинъ учителя своего“—безсознательно зарождалось, развивалось и крѣпло въ умѣ cadaго.

„Если учитель говорилъ о крошечныхъ канальцахъ каменистой части височной кости... если онъ указывалъ легкій желобокъ, въ которомъ проходитъ нервъ,—развѣ возможна была мысль, что это не важно, это не нужно, не пригодится будущему медику или хирургу? Нѣтъ! Если Лесгафтъ говорить, если онъ требуетъ,—то нужно запомнить—и запомнить навсегда! И каждая деталь, сообщенная имъ, казалась важной, каждая фраза о зависимости организациі отъ отправления принималась, какъ откровеніе, каждое обращеніе къ исторіи развитія бросало свѣтъ въ сознаніе“...

Мы надѣемся, что эта обширная характеристика, сдѣланная опытной рукой В. Н. Фигнеръ, рельефно выдвигаетъ фигуру П. Фр., какъ человѣка, педагога и ученаго на первыхъ же шагахъ его профессорской дѣятельности. Но, быть можетъ, у кого-нибудь промелькнетъ мысль, насколько компетентна В. Н. въ оцѣнкѣ Лесгафта, какъ ученаго и какъ руководителя именно университетской молодежи. Въ такомъ случаѣ мы могли бы сослаться на другой документъ, принадлежащій перу извѣстнаго ученаго и профессора. Это именно заявленіе проф. Виноградова, поданное имъ медицинскому факультету относительно необходимости выбрать П. Фр.-ча въ ординарные профессора. „По приѣздѣ въ Казань“, пишетъ проф. Виноградовъ, „онъ (Лесгафтъ) превзошелъ всѣ ожиданія, какія факультетъ могъ имѣть, основываясь на существовавшихъ уже свѣдѣніяхъ о преподавательскихъ г. Лесгафть способностяхъ. Съ полнотою и ясностью изложениі проф. Лесгафтъ соединяетъ ту энергію при чтеніи своихъ лекцій, которая свойственна лишь истинному знанію и глубокой преданности своему предмету. Плодотворность подобныхъ лекцій и ихъ дѣйствіе на слушателей понятны. Но вмѣстѣ съ тотчасъ указанными качествами проф. Лесгафтъ сумѣлъ соединить и замѣчательное трудолюбіе: онъ занимается со студентами 24 часа въ недѣлю и, кромѣ того, по воскресеньямъ читаетъ курсъ хирургической анатоміи. Хотя этотъ курсъ необязателенъ для студентовъ и, несмотря на то, что лекціи читаются въ праздничные дни и продолжаются по 2 и по 3 часа, аудиторія постоянно полна. Ре-

зультаты неумолимых трудовъ, безукоризненнаго знанія предмета, беззаветной преданности ему и замѣчательнаго преподавательскаго таланта проф. Лесгафта ясно сказываются въ очень рѣзко выдающемся въ послѣдніе годы повышеніи уровня анатомическихъ свѣдѣній между г. г. студентами. Гг. преподаватели и особенно клиницисты, вѣроятно, имѣли не разъ случай убѣдиться въ этой чрезвычайно благоприятной переměнѣ къ лучшему. Не могу при этомъ не указать на тѣ существенныя улучшения и пріобрѣтенія анатомическаго института, которыми факультетъ обязанъ ничему другому, какъ неусыпной дѣятельности неумоимаго профессора. На основаніи всего вышеизложеннаго честь имѣю заявить г. г. членамъ факультета, что наступило время возобновить ходатайство передъ совѣтомъ о повышеніи проф. Лесгафта въ званіе ординарнаго профессора“...

Однако, ходатайству этому не суждено было достигъ своей цѣли. Въ это время въ Казанскомъ университетѣ крѣпко засѣла группа профессоровъ, близкихъ по своему характеру и дѣйствіямъ къ тому, что нынѣ называется „черной сотней“. Такіе господа всегда имѣли вѣсь въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Опираясь на сильную руку своихъ покровителей, эти господа, — въ большинствѣ случаевъ совершенное ничтожество съ научной точки зрѣнія, — позволяли себѣ въ университетской жизни всякаго рода беззаконія. Лесгафтъ былъ не изъ такихъ людей, которые молчатъ передъ беззаконіями сильныхъ людей. Онъ выступилъ съ горячими обличеніями. Въ отвѣтъ полетѣли доносы, и въ результатѣ наладившаяся учена карьера П. Фр-ча была разбита: онъ не только былъ уволенъ изъ университета, но и совсѣмъ лишенъ права преподавательской дѣятельности. П. Ф-чу нелегко было перенести этотъ ударъ и въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ средствами онъ не обладалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ уже семейнымъ человѣкомъ (жена и ребенокъ).

П. Ф-чъ послѣ этихъ событій возвратился въ Петербургъ и частнымъ образомъ пристроился при профессорѣ Груберѣ въ Военно-Медицинской Академіи, получивши отъ него руководство слушательницами, допущенными, благодаря вліянію просвѣщеннаго военнаго министра Милютина, до работъ въ кабинетахъ и лабораторіяхъ Военно-Медицинской Академіи. П. Ф-чъ, всегда горячо сочувствовавшій высшему женскому образованію, всей душой отдался новому дѣлу.

Въ 1875 г. Милютинъ предложилъ Лесгафту ознакомиться съ практической постановкой физическаго воспитанія за границей для того, чтобы организовать въ Россіи школу руководителей и учителей гимнастики. Петръ Францевичъ взялся со всѣмъ присущимъ ему пыломъ за это дѣло. Но смѣнившій скорѣ послѣ того Милютина генераль Вановскій снова разрушилъ работу Лесгафта и напелъ нужнымъ поставить дѣло военной гимнастики на совершенно иныхъ основаніяхъ.

Несмотря на всѣ эти неудачи, семидесятые годы были для П. Ф-ча годами энергичной и плодотворной умственной работы. Именно въ эти годы сложились окончательно научныя его воззрѣнія и выработались тѣ практическія идеи, осуществленію которыхъ онъ посвятилъ всю свою жизнь. Но и о томъ, и другомъ мы скажемъ въ заключеніе настоящаго очерка.

Помимо чисто научной дѣятельности, онъ началъ теперь съ изумительной энергіей развивать свою педагогическую дѣятельность. Онъ читалъ въ С.-Пб. Университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента, на Рождественскихъ курсахъ лѣкарскихъ помощницъ и рано утромъ или вечеромъ у

себя на дому. Кромѣ того, онъ руководилъ практическими работами, принималъ приготовленные слушателями препараты и производилъ при этомъ экзамень. Два раза въ недѣлю принималъ бесплатно больныхъ, руководилъ физическими упражненіями молодыхъ людей, желавшихъ посвятить силы изученію физическаго воспитанія.

Вотъ характерный отрывокъ одного изъ его университетскихъ слушателей въ началѣ 90-хъ годовъ.

„Мнѣ вспоминается темная, низкая, грязная, небольшая аудиторія анатомическаго кабинета, но эта невзрачная аудиторія была всегда переполнена самыми восторженными, экзальтированными слушателями на лекціяхъ Петра Францевича. Громоздясь, тѣсясь и прижимая другъ друга, шумная, молодая и жизнерадостная толпа естественниковъ заполняла снизу доверху эту небольшую комнату, которая носила громкое названіе „анатомическій кабинетъ“...

„Въ эту невзрачную комнату на лекціи Лесгафта часто помимо естественниковъ собиралось много и изъ другихъ факультетовъ. Очень часто юристы, филологи и математики приходили его слушать. Такъ занимательны, такъ захватывающе интересны были лекціи Петра Францевича!

„Билъ урочный часъ и, ни минуты не пропуская, въ аудиторію входилъ любимый профессоръ. Шумливая и разноголосая толпа первокурсниковъ мгновенно замолкала, когда въ дверяхъ появлялась его небольшая живая, подвижная фигура въ черномъ сюртукѣ съ умнымъ огромнымъ лбомъ и молодыми быстрыми, пронизательными, глубоко сидящими глазами. Въ это же самое время входилъ его неизмѣнный спутникъ и помощникъ сторожъ Василій, который то несъ цѣлый ворохъ костей, банокъ и препаратовъ, то съ особой заботливостью вносилъ цѣлый чело-вѣческій скелеть.

„Какъ даровитый ученый и замѣчательный ораторъ, Лесгафтъ двумя-тремя фразами захватывалъ всю аудиторію. Въ два-три штриха онъ обрисовывалъ цѣлую сложную картину и заставлялъ слушателей съ напряженнымъ вниманіемъ, съ удивленіемъ и часто съ восхищеніемъ слѣдить за его лекціей. А онъ такъ и носился, бывало, по аудиторіи и по ея лѣстницамъ снизу вверхъ, поднося слушателямъ препаратъ и объясняя значеніе какого-нибудь буторка на кости. „Ясно? Всѣ поняли?“ „Прошу обратить особенное вниманіе — такъ и звучало въ воздухѣ, такъ и подбадривало пытливые, молодые умы слушателей.

„Такъ сухая, скучная анатомія оживала въ его лекціяхъ; засушенная, распиленная кость принимала живую душу, живой образъ и вставала передъ глазами слушателей въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ живомъ человѣкѣ, въ живомъ тѣлѣ.

„Вы привыкли за 8 лѣтъ гимназіи“, говорилъ Петръ Францевичъ, „что вамъ скажутъ сначала правило и потомъ тотчасъ же исключеніе изъ этого правила, но вотъ передъ вами только правило и изъ него нѣтъ исключенія! Nihil! non! — кричалъ съ дрожью въ голосѣ Лесгафтъ, и всѣ его слушатели видѣли и понимали, что, дѣйствительно, тутъ только правило, только законъ, который не имѣетъ и не долженъ имѣть исключеній. Какъ очарованные, сидѣли слушатели, сидѣли юные первокурсники, которыхъ впервые коснулось живое, бодрое, правдивое и умное слово послѣ ужасной зубрежки греческихъ и латинскихъ исключеній. Два часа лекціи быстро проходили и часто такъ не хотѣлось уходить, такъ хотѣлось еще и еще услышать новое слово. Шумными аплодисментами заканчивалась каждая лекція Петра Францевича.

Но и тутъ онъ не давалъ намъ „потачки“. „Отъ недостатка — тутъ“ (при этомъ жести на голову) — „дѣйствіе тутъ!“ (показывалъ на руки) и быстро скрывался. Какъ молодо, хорошо и весело было возвращаться каждый разъ съ такихъ лекцій, гдѣ оживала сухая мертвечина, гдѣ каждый разъ получалось новое знаніе, новый интересъ. Кромѣ лекціонныхъ часовъ, у Лесгафта были еще практическія занятія по опредѣленію костей, а также мускулатурѣ человѣка. Здѣсь уже всѣ толпились около дорогого учителя попросту, безъ стѣсненія. А онъ подавалъ то одну, то другую кость, требуя опредѣлить не только на глазъ, но чаще наощупь, только осязаніемъ, къ какой части и къ какой сторонѣ относится данная косточка. И какимъ удовольствіемъ, какимъ восхищеніемъ вспыхивали его умные, пронизательные глаза, если отвѣтъ студента былъ правильнымъ.

„Для практическихъ занятій приватъ-доценту Лесгафту былъ отвѣденъ администраціею университета небольшой сарайчикъ, помѣщающійся на задворкахъ, между полѣнницами дровъ и помойной ямой. Какъ бы въ пику его популярности среди студентовъ ему нашлось для занятій только небольшое зданіе, похожее на дворницкую будку, занятое печью и имѣющее одно единственное окно да столъ, за которымъ занимались студенты. И такое помѣщеніе было ему дано въ то время, какъ почти весь нижній этажъ огромнаго университетскаго зданія былъ занятъ то квартирами профессоровъ, то квартирами педелей и сторожей. Такъ справедливо оцѣнивалась дѣятельность нелюбимаго и безпокойнаго приватъ-доцента.

„Въ этомъ душномъ, зловонномъ и грязномъ сарайчикѣ студентамъ естественникамъ приходилось, особенно на второмъ курсѣ просиживать цѣлыми часами, заниматься на единственномъ столѣ по очереди и часто утарать отъ топки ретивыхъ дворниковъ. Но, несмотря на такое вопіющее неудобство, этотъ сарайчикъ, анатомическій театръ, никогда не пустовалъ.

„Съ наступленіемъ весны Петръ Францевичъ начиналъ новый курсъ занятій по эмбриологіи и развитію куринаго яйца. Обыкновенно въ мартѣ мѣсяцѣ онъ устраивалъ въ своемъ кабинетѣ инкубаторъ, наполненный куриными яйцами. Здѣсь день за днемъ студенты-естественники обыкновенно рано утромъ, еще до начала другихъ лекцій, сами подъ руководствомъ Лесгафта производили микроскопическія наблюденія надъ развитіемъ зародыша, образованіемъ внутреннихъ органовъ и т. д. Какія прекрасныя по содержанію и формѣ лекціи читалъ онъ по этимъ вопросамъ. Съ какимъ неустаннымъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за самостоятельными работами студентовъ и какъ деликатно и вмѣстѣ съ добродушною ироніею указывалъ на промахи.

„Вы его совсѣмъ сварите, бѣдняжку!—говорилъ П. Фр—чъ съ усмѣшкой, когда видѣлъ, какъ какой-нибудь ярый первокурсникъ опускалъ зародышъ яйца въ слишкомъ горячую воду.

Кромѣ лекцій по анатоміи, Лесгафтъ считалъ необходимымъ для образованія, какъ вообще человѣка, такъ и въ частности естествоиспытателей, изученіе окружающей жизни, знакомство со многими чисто техническими производствами. Для этого онъ устраивалъ поѣздки по окрестнымъ заводамъ. Эти восхитительныя поѣздки бывали большею частью по воскресеньямъ. Испросивъ, обыкновенно еще заранее, разрѣшеніе (и эту обязанность онъ успѣвалъ брать на себя), Лесгафтъ наканунѣ собиравшись намъ, куда возможно отправиться на другой день и гдѣ собраться

для отъѣзда. Рано утромъ шумная и веселая толпа естественниковъ собиралась гдѣ-нибудь въ центральномъ пунктѣ конокъ. Занявъ одну или двѣ изъ конокъ, студенты отправлялись вмѣстѣ съ Петромъ Францевичемъ куда-нибудь на окраину города въ заводскую часть его. Такимъ образомъ въ теченіе одной зимы мы посѣтили многіе выдающіеся по техническимъ условіямъ заводы, какъ Обуховскій сталилитейный, стеклянный, фарфоровый, костяной и многіе другіе. Кромѣ посѣщенія заводовъ, иногда устраивались поѣздки по больницамъ. Особенно въ моей памяти запечатлѣлась поѣздка въ домъ душевнобольныхъ. Здѣсь Лесгафтъ находилъ тотчасъ же тему для живой и увлекательной бесѣды. Очерчивая

Зданіе Біологической Лабораторіи на Английскомъ проспектѣ въ С.-Петербургѣ.

двумя, тремя фразами состояніе больного, онъ тотчасъ же давалъ объясненія, отъ нарушенія какихъ функцій произошло данное измѣненіе. Такое явленіе должно послѣдовать „непремѣнно и несомнѣнно“, разъ произошло. „Вотъ причина—говорилъ Петръ Францевичъ, а вотъ и слѣдствіе, и иначе быть не можетъ, никакихъ исключеній, къ которымъ васъ приучила латынь въ гимназіи!“

„Развивая душу, Лесгафтъ обращалъ вниманіе и на физическое развитіе своихъ слушателей. Казалось, это не входило бы въ университетскій планъ преподаванія анатоміи, особенно для естественниковъ, но нашъ незабвенный учитель обращалъ вниманіе и на эту сторону. Не имѣя своего большого помѣщенія для устройства гимнастики и игры въ

мячъ, Петръ Францевичъ какими то путями ухитрился достать разрѣшеніе пользоваться для этой цѣли манежемъ въ Адмиралтействѣ. Здѣсь въ громадномъ манежѣ по праздникамъ собирались студенты естественники для игръ въ мячъ и для гимнастическихъ упражненій. Сколько шуму, смѣху и шутокъ раздавалось въ этомъ огромномъ залѣ, который обращался въ арену самыхъ горячихъ битвъ. Изрѣдка эти игры посѣщалъ Петръ Францевичъ, становился гдѣ-нибудь въ сторонкѣ и съ доброю усмѣшкой наблюдалъ своими умными, живыми, пронизательными и какъ-будто немного суровыми глазами“... Кромѣ всѣхъ этихъ сложныхъ и трудныхъ обязанностей, онъ рано по утрамъ или вечеромъ чи-

таль еще лекціи для желающихъ у себя на дому и выступатьъ съ рядомъ блестящихъ и интересныхъ лекцій въ Солянѣмъ Городкѣ. Наконецъ, не мало труда отнимали у него рефераты, которые онъ устраивалъ у себя на дому и въ которыхъ принимали участіе его слушатели, специально отдавшіеся изученію вопросовъ, излагаемыхъ Петромъ Францевичемъ въ своихъ курсахъ.

Сравнивая петербургскаго Лесгафта съ казанскимъ, мы видимъ, что онъ остался все тѣмъ же пылкимъ, безгранично преданнымъ и глубоко знающимъ профессоромъ, только размахъ его идей сдѣлался шире, только глубже стало пониманіе педагогическихъ задачъ.

Лѣтомъ Петръ Францевичъ продолжалъ вести свою дѣятельную жизнь, наполненную самой горячей любовью къ людямъ. Лѣтомъ онъ уѣзжалъ обыкновенно на Волгу въ имѣнье Красное, Ярославской губерніи. Онъ жилъ въ это время одиноко. Личныя потребности его были ничтожны (онъ до конца жизни ѣздилъ, напр., всегда въ третьемъ классѣ и никогда не бралъ извозчиковъ), а потому устраиваться ему было недорого, тѣмъ болѣе, что все, по возможности, онъ старался дѣлать самъ. „Удивительная и своеобразная атмосфера“, — говоритъ С. Познеръ, — „создавалась вокругъ него лѣтомъ въ деревнѣ. На много верстъ кругомъ раскидывалась колонія, центромъ и душой которой былъ Петръ Францевичъ въ своемъ крохотномъ деревенскомъ домикѣ, сиротливо ютившемся на берегу Волги.

„Крестьяне стекались къ нему со всѣхъ сторонъ въ огромномъ количествѣ; приходили не только изъ ближайшихъ деревень, но пріѣзжали верстъ за 200—300. Иной день собиралось человѣкъ 100, а обыкновенно нѣсколько десятковъ больныхъ располагались на лужайкѣ передъ бывшей избушкой мельника. Въ случаѣ дождя набивались не только подъ небольшой навѣсъ около крылечка, но заполняли всѣ четыре крохотныя клѣтушки, изображавшія комнаты. Въ бывшее время домикъ принадлежалъ мельнику; онъ представлялъ одну избу, посрединѣ которой стояла огромная русская печь. Въ этомъ помѣщеніи и прожилъ Петръ Францевичъ нѣсколько лѣтъ; впоследствии онъ уничтожилъ русскую печь и деревянными переборками раздѣлилъ все помѣщеніе на 4 крохотныхъ комнатки съ коридоромъ по срединѣ. Онъ съ гордостью рассказывалъ о томъ, что собственноручно вывелъ всѣхъ клоповъ до единого, доставшихся ему въ наслѣдство отъ мельника и въ изобиліи ютившихся въ пакѣ, которой были законопачены бревенчатые стѣны.

„Въ ближайшихъ деревняхъ нерѣдко можно было видѣть избы, населенныя больными и убогими; они съѣзжались изъ отдаленныхъ деревень, чтобы воспользоваться лѣтнимъ пребываніемъ Петра Францевича въ деревнѣ и полѣчиться у него.

„Но не только больные крестьяне стекались къ нему со всѣхъ сторонъ; съѣзжалась сюда и масса молодежи, студентовъ, курсистокъ, его слушателей и слушательницъ, чтобы лѣтомъ поработать вмѣстѣ съ нимъ при лѣченіи больныхъ, а, можетъ быть, и для того, чтобы воспользоваться тѣмъ уютомъ, тепломъ и какой-то особенной бодрой радостью, которые неизбѣжно возникали около Петра Францевича.

„Были въ этой своеобразной колоніи и состоятельные петербуржцы со своими ребятишками, селившіеся въ сосѣднихъ помѣщичьихъ имѣньяхъ, чтобы подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ Петра Францевича дѣти могли съ большей пользой провести лѣто.

„Привозили ребятъ и изъ Петербурга, и изъ Ярославля, и изъ Астрахани.

„Молодежь ревностно помогала Петру Францевичу въ лѣченіи больныхъ. Вся лужайка покрывалась маленькими группами: въ одномъ мѣстѣ перевязывали раны, въ другомъ—выслушивали больныхъ; тамъ бинтовали, здѣсь давали наставленія, какъ употреблять прописанныя лѣкарства, которыми больной здѣсь же и надѣлялся; въ нѣсколькихъ мѣстахъ занимались физическими упражненіями съ паралитиками, какъ со взрослыми, такъ и съ дѣтьми.

„Работа шла при самомъ непосредственномъ участіи и наблюденіи Петра Францевича: тутъ же онъ давалъ очень интересныя и серьезныя объясненія и разборъ каждаго отдѣльнаго случая. Нерѣдко часть помощниковъ отряжалась по сосѣднимъ деревнямъ къ тяжело больнымъ; тамъ же на мѣстѣ накладывались повязки при переломахъ. И всюду, всегда и неизмѣнно присутствовалъ Петръ Францевичъ. Среди помощниковъ Петра Францевича бывало не мало фельдшерицъ, окончившихъ Рождественскіе Курсы. Онъ говорили, что одно лѣто такой совмѣстной работы съ Петромъ Францевичемъ давало имъ больше пониманія и умѣнья подойти къ больному, чѣмъ четыре года пребыванія на курсахъ.

„Лѣченіе отличалось необыкновенной простотой и оригинальностью. Результаты получались блестящіе, слава Петра Францевича росла, и больные стекались все въ большемъ и большемъ количествѣ“.

„Но вотъ оканчивался пріемъ, и молодежь весело принималась за игры тутъ же на лужайкѣ. Къ этому времени собирались и другіе члены колоніи, не принимавшіе участія въ лѣченіи больныхъ—дѣти въ сопровожденіи взрослыхъ.

„Играли съ необычайнымъ азартомъ и воодушевленіемъ по нѣсколько часовъ подъ рядъ.

„Петръ Францевичъ въ это время уходилъ обыкновенно къ себѣ, къ своей работѣ. По временамъ онъ выходилъ на лужайку, останавливался въ сторонкѣ и спокойно наблюдалъ играющихъ. Этихъ короткихъ моментовъ ему было достаточно, чтобы составить себѣ самое вѣрное и точное мнѣніе о силахъ и искусствѣ каждаго игрока, а подъ-часъ и объ его типѣ и темпераментѣ. Иногда, къ общему удовольствію, онъ и самъ присоединялся на нѣсколько минутъ къ играющимъ.

„Хлѣбосоль и добрый хозяинъ, Петръ Францевичъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы все это многолюдное, молодое общество было напоено и накормлено; и если новичекъ стѣснялся и отказывался, онъ добродушно ворчалъ: „не бойтесь, у насъ безъ отравы“.

„Хозяйничалъ онъ въ деревнѣ самъ, и ужъ ни одна деревенская баба и никто изъ дѣтвора не уносилъ обратію не проданными своихъ яицъ, масла, сметаны, ягодъ и прочей деревенской снѣди, которую въ изобиліи тащили къ Петру Францевичу.

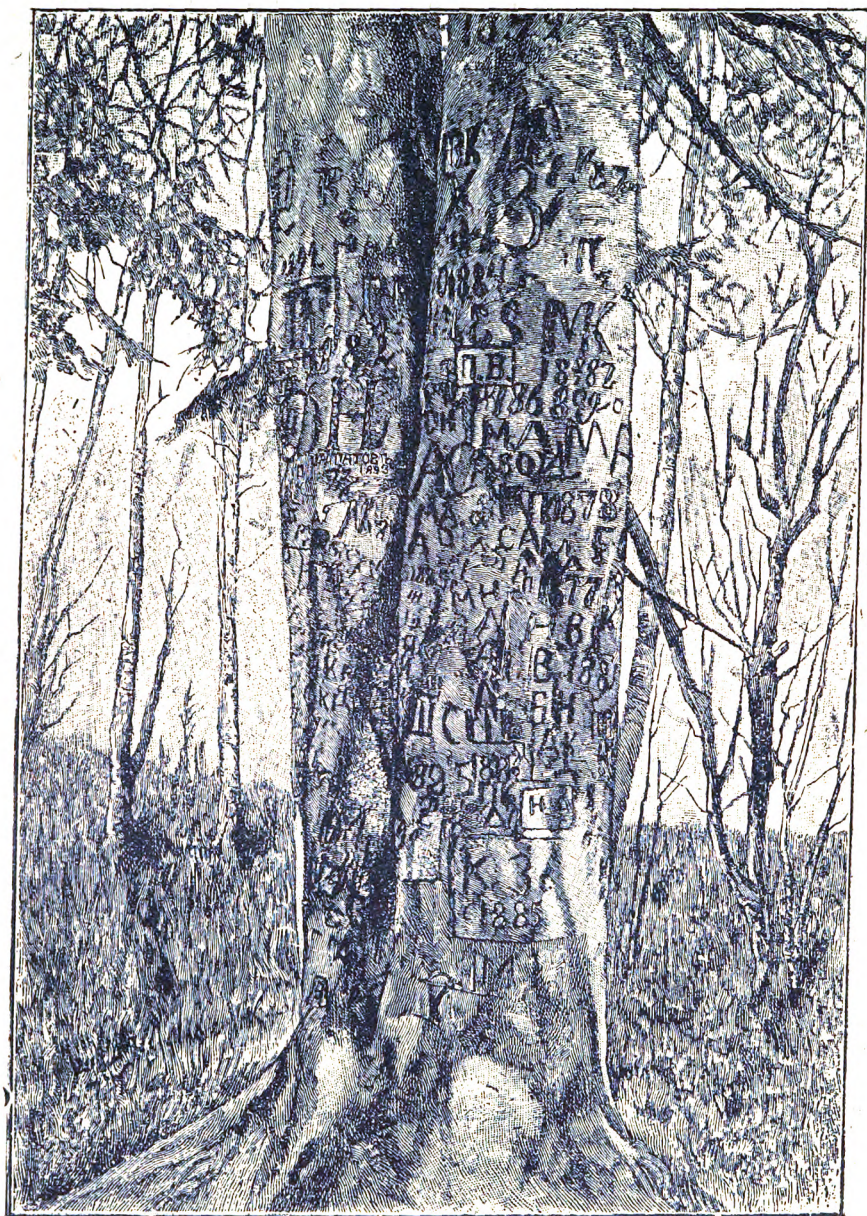
„Нерѣдко компанія предпринимала отдаленныя прогулки верстъ за 15—20, а иногда поѣздки въ городъ на лодкахъ. Тутъ уже никому не полагалось отказываться, отговариваться слабостью или неумѣньемъ. Петръ Францевичъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы соблюдалась очередь и справедливость; при этомъ самъ онъ участвовалъ въ греблѣ наравнѣ съ другими.

„Инициаторомъ этихъ прогулокъ бывалъ по большей части Петръ Францевичъ, а участникомъ ихъ онъ бывалъ всегда и неизмѣнно.

„Здѣсь въ деревнѣ, несмотря на разнообразную дѣятельность, Петръ Францевичъ имѣлъ возможность отдаться литературной работѣ и чтенію. Зимой у него едва хватало времени для бѣлаго просмотра того огром-

боль-
ь мѣ-
бни-
бкар-
стахъ
взро-

еніи
ныя
ощ-
амъ
гда
овъ
де-
ты
ю-

„Два брата“—дерево въ саду усадьбы Спасское-Лутовиново.

наго количества книгъ и журналовъ, которые онъ получалъ ежедневно; впрочемъ, ни одна книга не оставалась не просмотрѣнной, хотя для этого ему приходилось засиживаться до глубокой ночи и отрывать время отъ непродолжительнаго сна. На лѣто онъ выбиралъ обыкновенно книги, содержащія новыя изслѣдованія и выдвигающія непремѣнно какіе-нибудь широкіе общіе вопросы біологіи. Чисто описательныхъ работъ онъ не любилъ, и имъ онъ не удѣлялъ своихъ лѣтнихъ досуговъ... Удачно выбранная книга захватывала его совершенно. Но это никогда не выражалось тѣмъ, что онъ читалъ ее запоемъ, не отрываясь. Напротивъ, въ деревнѣ, пожалуй еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ городѣ, онъ оставался доступнымъ для всѣхъ и во всякое время. Но отрываясь часто отъ книги, онъ продолжать жить ею, независимо отъ того, чѣмъ онъ въ данный моментъ былъ занятъ, разговоромъ, пріемомъ больныхъ или какимъ-нибудь другимъ дѣломъ. Онъ нерѣдко и самъ говорилъ объ этомъ: „вотъ разговариваешь съ кѣмъ-нибудь, а въ это время все думаешь о своемъ, о томъ, что читалъ“. Но собесѣдникъ никогда не замѣчалъ этого. Это никогда не выражалось внѣшнимъ образомъ ни разсѣянностью, ни вообще оторванностью отъ жизни. Кабинетный ученый, лишенный наблюдательности, житейской опытности и пониманія окружающаго, подвергался фдкимъ насмѣшкамъ съ его стороны. „Идетъ ученый по улицѣ“—говорилъ Петръ Францевичъ,—натыкается на фонарный столбъ и думаетъ, что это фонарный столбъ стоитъ не на мѣстѣ?“

„Относясь даже къ мелочамъ обыденной жизни съ полнымъ участіемъ, не утрачивая и не принижая общей наблюдательности, онъ продолжалъ жить интенсивной умственной жизнью.“

„Вотъ это участіе даже въ мелочахъ обыденной жизни, это вниманіе къ жизни дѣлало его такимъ простымъ, такимъ близкимъ и понятнымъ каждому отъ мала до велика“.

И, быть можетъ, нигдѣ, какъ въ деревнѣ, не выступала его способность близко подойти къ чужому горю и къ чужой радости, всецѣло захватить душу человѣка, понять ее и сдѣлать себя ей понятнымъ. Онъ, у котораго каждая минута, казалось, шла на вѣсь золота, была отдана служенію общему дѣлу, — готовъ былъ часами выслушивать нелѣпый, неумѣлый, и потому полный ненужныхъ словъ разговоръ какой-нибудь бабы о своихъ болѣзняхъ. Никогда не позволялъ себѣ остановиться, оборвать, подшутить. Все, что касалось другого, было важно и цѣнно для Петра Францевича. Напротивъ, о себѣ онъ совершенно забывалъ. „О себѣ“,—говоритъ С. Познеръ,—„онъ способенъ былъ со-всѣмъ забывать, не считаться съ собой. Для себя у него былъ одинъ рецептъ: „справиться съ собой, не поддаваться, захватить себя за шиворотъ, не распускаться, подчинить свои хотѣнія, требованія своего организма своей волѣ“. Для другихъ у него была широкая терпимость, нѣжное участіе и готовность помочь. Одинъ изъ его слушателей спасъ какъ-то жизнь погибавшему на пожарѣ, при этомъ самъ подвергся смертельной опасности и сильно пострадалъ. Когда Петру Францевичу рассказали объ этомъ, онъ сказалъ: „Онъ способенъ забыть себя! Это хорошо!“ „Забить себя“—въ этихъ словахъ чувствовалось высшее его одобреніе человѣку“...

Его нѣжное сердце необычайно рельефно обрисовывается на одной его привязанности,—къ собачкѣ Татаркѣ, которая перешла къ нему отъ его любимаго учителя Грубера. „Съ тѣхъ поръ, какъ профессоръ Груберъ покинулъ Россію“,—читаемъ мы у С. Познера,—„Татарка остался

на попеченіи Петра Францевича. Мопсъ сильно тосковалъ и отказывался отъ пищи. Петръ Францевичъ приласкалъ покинутое животное. Мало-помалу Татарка перенесъ свою привязанность на Петра Францевича и съ яростью набрасывался на каждого, подходившаго къ нему близко. Они никогда не разставались.

„Татаркѣ разрѣшалось присутствовать даже на университетскихъ лекціяхъ. Всюду появленію Петра Францевича предшествовалъ звонъ булочки, — это бѣжалъ впереди Татарка. По пути въ университетъ, на Милліонной улицѣ, Петръ Францевичъ неизмѣнно заходилъ въ одну и ту же булочную и покупалъ булку для Татарки, послѣдній настолько зналъ этотъ порядокъ, что первый забѣгалъ въ булочную, а Петръ Францевичъ слѣдовалъ за нимъ.

Лекція по анатоміи челоѣка.

„Лѣтомъ на Волгѣ Петръ Францевичъ также не разставался съ Татаркой.

„Жалуясь какъ-то въ письмѣ на свою болѣзнь, заставлявшую его лежать, онъ прибавляетъ, что Татарка ни на минуту не покидаетъ его. Въ разговорахъ онъ также неоднократно возвращается къ этому факту; видимо, это его глубоко трогаетъ.

„Но вотъ Татарка состарился, у него ожирѣніе сердца и сильная одышка; онъ не въ состояніи больше бѣгать въ университетъ за Петромъ Францевичемъ. Петръ Францевичъ никогда не ѣздилъ на извозчикѣ; не отступалъ онъ отъ этого даже во время своей тяжелой болѣзни. Теперь, ради Татарки, онъ ѣздилъ въ университетъ на извозчикѣ, чтобы не покидать дома больное животное. Выходя изъ дому, Татарка самъ вскакивалъ на перваго стоявшаго извозчика, а Петръ Францевичъ слѣдовалъ за нимъ.

„Татаркѣ совсѣмъ плохо, онъ едва дышитъ и сильно страдаетъ. Петръ Францевичъ совсѣмъ разстроенъ. Вечеръ. Квартира Петра Францевича, по обыкновенію, переполнена слушателями; идутъ практическія занятія. Петръ Францевичъ, несмотря на тревогу, присутствуетъ и даетъ объясненія. Онъ часто съ безпокойствомъ заглядываетъ въ кабинетъ, гдѣ на обычномъ мѣстѣ подъ его столомъ лежитъ больной Татарка...

„Татарка испускаетъ послѣднее дыханіе...

„Занятія прекращаются, слушатели торопливо расходятся.

„На слѣдующій день въ обычное время слушатели собираются на лекцію; она не можетъ состояться. Петръ Францевичъ такъ подавленъ, что не въ состояніи читать; онъ совсѣмъ боленъ, у него явилась одышка, онъ сильно осунулся, говоритъ о томъ, что недолго проживетъ, что, видимо, пришелъ его чередъ умирать... Никогда больше не заводилъ онъ себѣ собаки“...

Конечно, по отношенію къ людямъ эта чуткость, съ виду суроваго ученаго и общественнаго дѣятеля, доходила нерѣдко до самозабвенія. „Вотъ“, — продолжаетъ свое повѣствованіе С. Познеръ, — „разразилась одна изъ тѣхъ грозъ, которыя такъ часты на Волгѣ. Блеснула молнія, раздался оглушительный ударъ грома, а вслѣдъ за тѣмъ въ деревнѣ на противоположномъ берегу взвился огонекъ, запылала изба. Стремительно бросился Петръ Францевичъ къ лодкѣ... Вотъ онъ на другомъ берегу. Въ деревнѣ царило полное смятеніе, изба пылала, какъ костеръ; сосѣдняя изба была въ опасности и могла вспыхнуть каждую минуту. Мигъ—и Петръ Францевичъ уже на крышѣ этой избы. Летѣли горящія головни, а онъ мужественно отстаивалъ избу вмѣстѣ съ добровольцами, послѣдовавшими за нимъ...

„Вотъ другой случай. На заводѣ, находившемся въ 2½ верстахъ отъ Петра Францевича, эпидемія холеры разгорѣлась очень сильно. Петръ Францевичъ рѣшительно и смѣло взялъ въ свои руки дѣло помощи, проводя цѣлые дни въ очагѣ заразы, и въ нѣсколько дней эпидемія прекратилась. Это происходило какъ разъ въ то время, когда по Волгѣ разыгрались страшные холерные бунты. Но здѣсь не могло быть и рѣчи объ этомъ. Довѣріе населенія къ Петру Францевичу было безгранично, и всѣ его распоряженія исполнялись безпрекословно“.

Его горячая, часто беззавѣтная любовь къ людямъ быстро завоевывала глубочайшія симпатіи къ нему. Къ Петру Францевичу приходили лѣчиться не только отъ физическихъ болѣзней, но и отъ духовныхъ недуговъ и слѣдовали его совѣтамъ даже въ такихъ случаяхъ, когда разгорѣвшіеся страсти не позволяли никому рассчитывать на это. Вотъ доказательство. „Въ сосѣдней деревнѣ жили мужъ и жена; жили они дурно, ссорамъ и распрямъ не было конца. Мужикъ былъ нетрезвый и колотилъ жену смертнымъ боемъ.

„Какъ-то разъ вся деревня была взволнована особенно выдающейся ссорой.

„Ошалѣвшій мужикъ расходился не въ мѣру. Общій голосъ въ деревнѣ былъ, что Степанъ убьетъ Марью. И Марью спрятали; она уже двое сутокъ пряталась по чужимъ избамъ и не возвращалась домой. Петръ Францевичъ узналъ объ этомъ случайно, проходя черезъ деревню. Степана въ это время не было дома. На обратномъ пути они повстрѣчались за деревней. Мужикъ былъ внѣ себя и съ яростью, не знающей границъ, сталъ изливать передъ Петромъ Францевичемъ свое негодованіе, бранилъ бабу и прозиль, что убьетъ ее, какъ только она попадетъ ему въ руки.

„Петръ Францевичъ стоялъ молча передъ озвѣрѣвшимъ человѣкомъ и слушалъ его со средоточеннымъ вниманіемъ.

„Спутники Петра Францевича съ удивленіемъ поглядывали на него и не могли понять, почему онъ не остановиться, не вразумить этого ошалѣвшаго человѣка, почему онъ не объяснить ему, что онъ не правъ, почему не постарается оправдать бабу. Это молчаніе было такъ непонятно и досадно, такъ хотѣлось вступить за несчастную женщину.

„Петръ Францевичъ продолжалъ слушать молча, и только тогда, когда мужикъ нѣсколько поутихъ, онъ произнесъ спокойно и твердо: „бабу бить нельзя“. Это замѣчаніе точно подлило масла въ огонь; съ новой яростью обрушился мужикъ цѣлымъ потокомъ брани. Петръ Францевичъ продолжалъ слушать молча и въ удобный моментъ опять вставилъ: „а бабу бить нельзя“. Въ такомъ родѣ разговоръ продолжался довольно долго: мужикъ бушевалъ, а Петръ Францевичъ время отъ времени вставлялъ все одно и то же короткое замѣчаніе: „бабу бить нельзя“, „бабу тронуть пальцемъ нельзя“...

„Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ вылился весь его глубокий внутренній протестъ противъ грубаго насилія, котораго не терпѣла его душа.

„Кончилось тѣмъ, что мужикъ сталъ понемногу утихать и уже болѣе спокойнымъ тономъ жаловался на бабу и, наконецъ, сказалъ: „да я ее бить не буду“.

„Распрошавшись, мужикъ пошелъ въ свою деревню, а Петръ Францевичъ со своими спутниками въ противоположную сторону.

„Прошли нѣсколько десятковъ шаговъ, взобрались на пригорокъ. Петръ Францевичъ приостановился, оглянулся назадъ и крикнулъ уходящему мужику: „Степанъ Никитичъ!“ — тотъ обернулся, — „бабу бить нельзя“.

— Да нѣтъ, Петръ Франтычъ, я ее не трону!

„Въ тонѣ этихъ словъ слышалась не только искренность, но какая-то умиротворенность наболѣвшей души“...

Это умѣнье такъ глубоко проникнуть въ чужую душу, такъ нѣжно прикоснуться къ чужой ранѣ, создавало дружескія отношенія у Петра Францевича въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ человѣческой гущи: плотникъ—бродяга, не помнящій родства и неоднократно высылаемый въ Сибирь, своеобразный искатель правды; просвирня, измученная тяжелымъ трудомъ и задавленная невзгодами жизни; несчастный мужиченка, не имѣющій возможности выбиться изъ безпросвѣтной нужды, несмотря на безпрерывный и безграничный трудъ; боецъ-баба, мужественно поднимающая свою семью неустаннымъ трудомъ, не знающимъ ни отдыха, ни радости, и много другихъ, скорбныхъ и чистыхъ душою тянулось изъ темныхъ нѣдръ деревни къ Петру Францевичу, какъ источнику свѣта, тепла и любви и отходили отъ него успокоенными и умиротворенными хотя бы на короткое время.

Но возвратимся къ городской жизни Петра Францевича. Она по-прежнему протекала все въ тѣхъ же скромныхъ рамкахъ личныхъ потребностей и все въ томъ же кипучемъ трудѣ на пользу общества, народа. Только размахъ этой дѣятельности становился все шире, а самая работа начинала терять свой мѣстный характеръ, а пріобрѣтать общерусское значеніе.

Въ 1893 году открылось общество содѣйствія физическому развитію. „Возникло оно“, — рассказываетъ С. Познеръ, — „не по почину Петра Францевича. Его пригласили только принять участіе въ немъ. Въ тор-

жественномъ засѣданіи при открытіи общества принимало участіе много важныхъ генераловъ, блистали ленты, звѣзды, ордена. Все казалось сулило, что и изъ этого начинанія, какъ и изъ многихъ другихъ благихъ начинаній, ровно ничего не выйдетъ. Но попалъ сюда этотъ безпокойный человѣкъ и сразу вдохнулъ въ дѣло настоящую живую душу. Очень скоро начались тренія и несогласія между Петромъ Францевичемъ и инициаторами Общества. Въ садахъ Петербурга появились площадки для дѣтскихъ игръ; задвигалась, засуетилась на нихъ веселая дѣтская толпа; зашумѣли дѣти и на каткѣ, устроенномъ Обществомъ. Не успѣлъ прозвучать этотъ живой голосъ жизни какъ въ Обществѣ содѣйствія физическому развитію заговорили другіе голоса. На сцену выдвинулся вопросъ о „кухаркиномъ сынѣ“, о необходимости отдѣлить черную кость отъ бѣлой. Блестящіе генералы, проявившіе такую нѣжную заботу о юномъ поколѣніи, никакъ не могли переварить того, какъ выражался одинъ изъ нихъ, что „какая-нибудь кухаркина дочь протягиваетъ свою лапу, чтобы ей подвязали конекъ“, наравнѣ съ ихъ собственными дѣтьми, которымъ собственно и предназначались ихъ нѣжныя заботы. Петръ Францевичъ, какъ всегда, взялъ подъ свою защиту „кухаркиныхъ дочерей и кухаркиныхъ сыновей“. Разрывъ въ Обществѣ сталъ неизбеженъ, и онъ не замедлил произойти. Исчезли блестящіе мундиры и звѣзды, а на смѣну имъ явилась скромная молодежь, активная и горячая, готовая идти рука объ руку съ Петромъ Францевичемъ. Общество начало развертываться и расти съ неимовѣрною быстротой, особенно, если принять во вниманіе то темное время, подавлявшее и угнетавшее всякія общественныя проявленія. Скоро общество создало цѣлую эпоху въ исторіи развитія въ Россіи педагогической мысли вообще и вопроса о физическомъ образованіи въ частности“. Значеніе этого общества возросло еще благодаря тому, что Петру Францевичу удалось, послѣ 15-ти лѣтнихъ хлопотъ, получить, наконецъ, разрѣшеніе на устройство курсовъ для подготовки руководителей физическаго образованія. Эти курсы распространяютъ вліяніе Петра Францевича далеко за предѣлы Петербурга. Одинъ гордѣ за другимъ начинаетъ обращаться къ Петру Францевичу съ просьбой выслать опытнаго руководителя по физическому воспитанію дѣтей. Да и, дѣйствительно, курсы были поставлены на славу хорошо и обслуживались выдающимися лекторскими силами — и давали прекрасные результаты въ дѣлѣ укрѣпленія физическихъ силъ самихъ слушателей. Любопытна бесѣда, которую Петру Францевичу пришлось вести съ извѣстнымъ реакціонеромъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ Плеве. „Вѣдь лесгафтички самый бойкій народъ“, сказалъ Плеве, „мнѣ хотѣлось бы поучиться у васъ психологіи молодежи“. — „Да вѣдь иначе и быть не можетъ“, — отвѣчалъ Петръ Францевичъ, „вѣдь онѣ каждое утро занимаются физическими упражненіями, играми, фехтованьемъ, онѣ не могутъ не быть бойкими“. Но вотъ образовалось новое общество „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ“, которое, конечно, нашло сейчасъ же горячій откликъ со стороны Петра Францевича. „Основалось общество съ благими цѣлями“, — рассказываетъ С. Познеръ, — „но на первыхъ же порахъ все въ немъ оказалось въ высшей степени неблагополучно. Кучка темныхъ людей подъ личиной носителей свѣта вздумала обдѣлывать свои личныя дѣлишки. Имя такого популярнаго человѣка, какъ Петръ Францевичъ, должно было служить удобной ширмой. Но расчетъ оказался невѣрнымъ. На такую пассивную роль Петръ Францевичъ не годился. Онъ со своей обычной горячностью отдался новому дѣлу.

Въ бурномъ засѣданіи, въ которомъ должна была рѣшиться судьба Общества, пришлось случайно подслушать такой разговоръ между двумя членами: „Я ничего не понимаю, я здѣсь въ первый разъ, расскажите, въ чемъ дѣло?“ спрашиваетъ недоумѣнно одинъ. „Да здѣсь и понимать нечего, отвѣчаетъ другой, дѣло просто: былъ хаосъ — пришелъ Лесгафть и сталъ свѣтъ“. Объясненіе было кратко, но выразительно. Это умѣнье во всякій хаосъ внести свѣтъ, ясность и мысль было необыкновенно характерно для него“...

И всю эту плодотворную, кипучую дѣятельность Лесгафть развивалъ, несмотря на тѣ многочисленныя препятствія, которыя ему ставила на каждомъ шагу администрація. Мы видѣли, въ какомъ черномъ тѣлѣ держалъ Петра Францевича Казанскій Университетъ, а затѣмъ Петербургскій. То же самое продолжалось и за стѣнами университетовъ. Отъ мелкихъ придирокъ въ родѣ запрещенія петербургскимъ гимназистамъ участія въ экскурсіяхъ, устраиваемыхъ Петромъ Францевичемъ, вплоть до закрытія учреждений и обществъ, въ которыя Петръ Францевичъ вкладывалъ кипучую дѣятельность, всякаго рода препятствія постоянно пересѣкали путь этого неутомимаго человѣка. И тѣмъ не менѣе, этому „подозрительному“ общественному дѣятелю, этому бѣдняку, который никогда не ѣздилъ на извозчикахъ и собственными руками выводилъ клоповъ изъ своего собственнаго домика, судьба готовила такое торжество, какого не знала огромная часть ласкаемой начальствомъ и преуспевающей профессуры.

„Двадцать третье августа 1893 года“, — красиво рассказываетъ объ этомъ событіи С. Познеръ. — „Въ столовой Петра Францевича у стѣны скромно сидитъ Иннокентій Михайловичъ Сибиряковъ. Несмотря на то, что Петръ Францевичъ встаетъ очень рано, необычайный визитеръ все же предупредилъ его пробужденіе.

„И. М. Сибиряковъ — вольнослушатель университета, слушатель Петра Францевича какъ по университету, такъ и по домашнимъ лекціямъ. Владѣлецъ многомилліоннаго состоянія, онъ отличался необыкновенной скромностью и даже робостью. Недовѣрчиво и боязливо относился онъ къ жизни и къ людямъ. Онъ зналъ, что каждый обращающій на него свой взоръ, смотритъ на него съ вожделѣніемъ, каждый желаетъ урвать клочъ отъ его огромнаго состоянія. Онъ получалъ ежедневно огромныя кипы писемъ и съ ужасомъ говорилъ, что знаетъ заранее, что среди этой огромной груды нѣтъ ни одного письма, въ которомъ не было бы просьбы о деньгахъ. Всѣ встрѣчи, всѣ сношенія съ людьми и даже съ наукой были для него отравлены деньгами; деньги воздѣ, всегда, во всемъ; деньги положили грань между нимъ и всѣми людьми, отъ товарищей по университету до профессоровъ включительно.

„Чувствуя себя плохо подготовленнымъ, И. М. Сибиряковъ хотѣлъ поработать серьезно и обратился къ нѣкоторымъ профессорамъ университета съ просьбой приватно помочь ему. Но гонораръ, назначенный профессорами, достигалъ такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что это сразу оттолкнуло Сибирякова; выполнить ихъ требованія ему было нетрудно, но корысть, разгорѣвшаяся въ представителяхъ науки, которая была такъ противна его наболѣвшей душѣ, оттолкнула его и отъ профессоровъ, и отъ науки. Онъ отказался отъ мысли заниматься подъ ихъ руководствомъ.

„Испуганный, измученный жадностью, алчностью, обманомъ, отъ которыхъ онъ никуда не могъ скрыться, онъ потерялъ довѣріе къ людямъ, жизнь томила его, онъ мучительно тосковалъ.

„Вотъ при какихъ условіяхъ И. М. Сибиряковъ встрѣтился съ Петромъ Францевичемъ и попалъ на его лекціи. Можетъ быть, здѣсь на этихъ лекціяхъ, онъ впервые почувствовалъ себя равнымъ съ другими, почувствовалъ, что ему, какъ и каждому другому слушателю, здѣсь хотя бы „дать“, но ничего не хотятъ отъ него „взять“, что здѣсь его оцѣнятъ потому, сколько онъ самъ сумѣетъ „взять“, а не потому, сколько онъ „дастъ“... что здѣсь къ нему отнеслись только какъ къ человѣку, а не какъ къ золотому мѣшку.

„И Сибиряковъ прильнулъ всей душой къ Петру Францевичу, повѣрилъ ему и только ему одному, о чемъ онъ самъ и говорилъ.

„Петръ Францевичъ жилъ въ то время въ маленькой квартиркѣ на Фонтанкѣ. Квартира эта была вѣчно переполнена не только слушателями, но и множествомъ препаратовъ, хранившихся между окнами и въ разныхъ углахъ. Все это до такой степени отравляло воздухъ, что обращало скромное жилище въ настоящій анатомическій кабинетъ. Въ такихъ условіяхъ жилъ Петръ Францевичъ, и это подрывало и разрушало его здоровье.

„Улучшить личное положеніе своего учителя, дать ему возможность проводить свое ученіе, не разрушая своего здоровья, стало горячимъ желаніемъ И. М. Сибирякова. Когда это желаніе облеклось въ ясную мысль, волненіе и тревога охватили его и желаніе осуществить ее было такъ сильно, что онъ боялся промедлить хоть одну лишнюю минуту.

„Вотъ почему такъ рано въ это пасмурное августовское утро очутился И. М. Сибиряковъ въ скромной столовой Петра Францевича, нетерпѣливо поджидая его пробужденія.

„Въ это сѣренькое утро Петръ Францевичъ сталъ обладателемъ огромнаго состоянія въ 350 тысячъ рублей.

Состояніе это слагалось изъ 200.000 руб. деньгами и дома на Басейной стоимостью въ 150.000 руб. Желаніемъ Сибирякова было, во 1-хъ, чтобы на эти деньги Петръ Францевичъ устроилъ себѣ спокойную и удобную жизнь, освобождавшую его отъ необходимости отвлекаться отъ своей научной и профессорской дѣятельности на заработки какого бы то ни было рода и, во 2-хъ, чтобы на остальные деньги Петръ Францевичъ устроилъ научную биологическую лабораторію, въ которой работалъ бы самъ и работали бы его ученики.

Первое желаніе Сибирякова такъ и осталось неисполненнымъ. Петръ Францевичъ впоследствии имѣлъ право съ гордостью говорить, что онъ ни одного лишняго стула не прибавилъ въ своей квартирѣ. В. Н. Фигнеръ такъ описываетъ его кабинетъ много позднѣе, когда Биологическая Лабораторія была уже на вершинѣ своей извѣстности.

„Кабинетъ простой, невзрачный. Столъ и масса полокъ съ книгами. „А вотъ NN купилъ дорогую мебель“, говоритъ Петръ Францевичъ.— „И къ чему? Развѣ на простой нельзя работать? Я, какъ увижу жену NN, такъ ее сейчасъ пилить начинаю! За мебель! Не все ли равно, работать на орѣховомъ или сосновомъ столѣ? Ничего этого не надо: я и на простомъ отлично работаю“... и онъ указываетъ на свой бѣдный, старый столъ, на которомъ лежитъ неоконченная рукопись... Все тотъ же аскетъ, серьезный, не думающій о благахъ міра, объ удобствахъ жизни, о томъ, что ѣсть, что пить, во что одѣваться“...

Такъ было потомъ, когда онъ былъ уже директоромъ извѣстнаго и богатаго научнаго учрежденія, а на первое время его жизненныя условія сдѣлались еще хуже, чѣмъ раньше. Онъ тотчасъ же съ головою ушелъ

на организацію своей научной лабораторіи. Дѣятельно приступилъ онъ къ составленію коллекцій по сравнительной анатоміи. Сотни препаратовъ были выписаны изъ извѣстныхъ заграничныхъ фирмъ. Многіе препараты (напр., изъ Неаполя) приходили въ простомъ спирту, налитомъ въ простыхъ металлическихъ ящикахъ. Эти препараты приходилось тутъ же, въ квартирѣ Петра Францевича, вынимать изъ ящиковъ, перекладывать въ банки, снова заливать спиртомъ. Вся эта работа шла съ необычайной энергіей часто далеко за полночь. Можно представить себѣ, какимъ зловоніемъ наполнялось при этомъ крошечное жилище Петра Францевича, но онъ ничего этого не замѣчалъ. Радостный отъ сознанія, что онъ закладываетъ новое, еще не виданное, но горячо желѣемое имъ въ мечтахъ научное учрежденіе, онъ весь,—всѣми своими помыслами, всѣми своими силами,—отдавался новому дѣлу. Письма его этого періода полны разговоровъ только на одну тему—о его Біологической Лабораторіи: онъ то выясняетъ условія осуществленія морского акварія, то заботится о не полученныхъ во время препаратовъ, то беспокоится о томъ, не попорчена ли шкурка погибшей обезьянки, то радуется новому живому ястребу и т. д., и т. д.

Вскорѣ квартира Петра Францевича до того переполнилась шкапами, что ходить въ ней можно было, только лавируя между ихъ стѣнками и дверцами. Къ лѣту въ томъ домѣ, гдѣ жилъ Петръ Францевичъ, освободилось нѣсколько квартиръ, которыя были немедленно заняты подъ Біологическую Лабораторію. Въ квартирѣ Петра Францевича стало спокойнѣе, просторнѣе и чище, и здоровье его значительно улучшилось. И если улучшеніе жизни Петра Францевича въ матеріальномъ отношеніи не пошло дальше, то въ духовномъ отношеніи онъ чувствовалъ себя безгранично счастливымъ. „Рѣдко, кто находится въ такихъ счастливыхъ условіяхъ, какъ я“,—говорилъ онъ.—„У меня подъ руками такой богатый музей, равнаго которому нѣтъ; у меня есть все, что я могу только пожелать для работы“. Это же впечатлѣніе полной и глубокой удовлетворенности осталось отъ Петра Францевича и у В. Н. Фигнеръ, когда та встрѣтилась съ нимъ снова, послѣ 35-лѣтняго перерыва.

„Вотъ радость: онъ даже физически почти не измѣнился, не растолстѣлъ, не обрюзгъ: все тотъ же тонкій, хрупкій, и черты лица не огрубѣли... Много морщинъ, щеки глубже впали—вотъ и все. Та же добродушно-ироническая усмѣшка и форма рѣчи; все тѣ же живые глаза, смотрящіе исподлбья... Быстрыя движенія, неутомимая энергія и работоспособность. Онъ ведетъ меня показывать свое царство, свое дѣтище. Ведетъ по кабинетамъ, ведетъ въ лабораторіи: химическую, зоологическую, показываетъ богатѣйшія коллекціи, чучела и препараты по анатоміи, эмбриологіи, зоологіи и т. д. Онъ—король въ своемъ царствѣ, гдѣ все создано; собрано имъ, и гдѣ его воля проникаетъ и поддерживаетъ все. Онъ рассказываетъ про основаніе своего института, говоритъ о Высшей Вольной Школѣ и молодежи, которая проходитъ черезъ его руки, о препятствіяхъ о затрудненіяхъ, которыя ставились и ставятся ему со стороны разныхъ министерствъ и всевозможныхъ родовъ полиціи.“

„Онъ рассказываетъ о П. Н. Дурново, объ обыскѣ и закрытіи Школы, о свиданіи съ П. А. Столыпинымъ. „У васъ все тамъ свободы“, говоритъ послѣдній. „Да“,—отвѣчаетъ Петръ Францевичъ,—„Ваша правда: у насъ свобода—свобода науки: и нѣтъ ни рѣшетокъ, ни цѣпей?“ При обыскѣ въ Вольной Школѣ, въ одномъ изъ помѣщеній, найдена нелегальная литература.

„Никто, какъ сама же полиція подложила“, — добродушно твердить Петръ Францевичъ... Я смѣюсь...

„Департаментъ полиціи потомъ дѣлаетъ запросъ, кто несетъ отвѣтственность за все, находящееся въ помѣщеніи Института“... „Я несу отвѣтственность, я — одинъ“, пишетъ въ отвѣтъ Петръ Францевичъ. — Онъ смотритъ на меня, и лукавая искра пробѣгаетъ въ его глазахъ... Хотѣли поймать — я понимаю и смѣюсь“...

Біологическая Лабораторія, которой Петръ Францевичъ и завѣщалъ весь капиталъ, полученный отъ Сибирякова, была организована, по мысли Петра Францевича, на коллегіальныхъ началахъ. По уставу, утвержденному правительствомъ во главѣ Біологической Лабораторіи былъ поставленъ совѣтъ Біологической Лабораторіи, состоявшій изъ 9 человѣкъ и выбравшій директора. Первые члены Совѣта Лабораторіи были приглашены самимъ Лесгафтомъ.

На второй же годъ существованія Біологической Лабораторіи она была переведена въ новый домъ, снятый Петромъ Францевичемъ специально для этого учрежденія. Онъ начинаетъ теперь горячо хлопотать о разрѣшеніи открыть Высшіе Научные Курсы. Въ 1896 году онъ получилъ, наконецъ, разрѣшеніе на открытіе Курсовъ Воспитательницъ и Руководительницъ физическаго образованія. Первоначально на этихъ курсахъ, хорошо обезпеченныхъ научными силами и всегда переполненныхъ учащимися, преподавались только естественныя науки, но мало-по-малу Лесгафту удалось ввести и нѣкоторыя гуманитарныя науки: исторію, исторію литературы, философію и психологію.

Въ 1897 году ему пришлось покинуть университетъ, который онъ такъ горячо любилъ. Петръ Францевичъ, какъ приватъ-доцентъ, не имѣлъ права распоряжаться университетскими помѣщеніями. Этимъ воспользовался одинъ изъ профессоровъ, безцеремонно назначившій въ аудиторіи П. Ф.—ча и въ его часы свои лекціи. Знаменитому приватъ-доценту приходилось смириться передъ такой профессорскою ничтожностью. Но П. Фр.—чъ слишкомъ уважалъ въ себѣ человѣка, чтобы перенести эту административную наглость. На послѣдней лекціи студенты поднесли П. Фр.—чу адресъ, въ которомъ говорилось слѣдующее:

„Петръ Францевичъ!

„Позвольте выразить тѣ чувства, которыя вызываетъ въ насъ Вашъ временный уходъ изъ Университета и вообще вся эта печальная исторія.

„Рядъ мелкихъ происковъ всюду преслѣдуютъ Васъ почти съ самаго начала Вашей педагогической дѣятельности. Не разъ Вы были принуждены благодаря имъ оставлять учебныя заведенія, не желая уступать насилію. Такъ и теперь поступили Вы. Но гдѣ бы Вы ни явились, Ваши сердечныя, чисто дружескія отношенія къ ученикамъ, Ваша полная готовность придти къ каждому на помощь, Ваши взгляды и оцѣнка существующаго всегда привлекали къ Вамъ самыя горячія симпатіи слушателей, глубоко уважающихъ своего учителя.

„Вашимъ рѣшеніемъ вернуться къ намъ черезъ полгода, Вы еще разъ подтвердили и доказали тѣ чувства, которыя питаете къ намъ. Но еще большимъ доказательствомъ Вашей симпатіи къ намъ и беззавѣтной преданности къ дѣлу служить то, что Вы и теперь нашли возможнымъ не прерывать своихъ лекцій, предоставивъ намъ посѣщать ихъ на дому, и для этого должны были сократить и тѣ немногіе свободные часы, которыми Вы располагаете.

Петръ Францевичъ! въ наше тяжелое время безправія насиліе совершается на каждомъ шагу, проникая въ тѣ учрежденія, гдѣ оно по своему существу должно бы было встрѣтить отпоръ, а протеста почти не слышно. Вся Ваша жизнь и дѣятельность является протестомъ противъ насилія въ какой бы то ни было формѣ. И чѣмъ рѣже такіе люди, тѣмъ они дороже. Мы видимъ въ Васъ не только нашего учителя, но и чело-вѣка, всюду проводящаго непосредственно въ жизнь свои лучшіе идеалы безкорыстнаго и благороднаго общественнаго дѣятеля“...

Вскорѣ послѣ этого Петръ Францевичъ оставилъ и Рождественскіе курсы. Теперь всѣ свои силы онъ сосредоточилъ на Біологической Лабо-раторіи и на Курсахъ. Уже изъ бесѣды его съ В. Н. Фигнеръ мы ви-дѣли, сколько хлопотъ приносили ему и здѣсь всякія административныя тернія. Но Петръ Францевичъ не поступился ни однимъ зерномъ изъ своихъ убѣжденій. Когда къ нему было прислано министерское требо-ваніе установить внутренній надзоръ за учащимися, онъ твердо отвѣчалъ, что онъ никогда не былъ и не будетъ шпиономъ.

Но самостоятельнымъ и своеобразнымъ Петръ Францевичъ былъ во всемъ. Если онъ не искалъ благоволенія начальства, то не стремился и къ популярности среди молодежи. Если онъ находилъ необходимымъ сдѣ-лать что-нибудь, то онъ исполнялъ это, не считаясь ни съ какими по-сторонними соображеніями. Само собою разумѣется, что подобная линія поведенія совершенно не совместиима съ погоней за какою бы то ни было популярностью, въ чемъ упрекали его нерѣдко его враги, каковыхъ при рѣзкости и прямоствѣ Петра Францевича у него было не мало.

„Говорили, что П. Фр-чъ искалъ популярности среди молодежи, и будто онъ многое дѣлалъ для ея достиженія“, — пишетъ г. Гандинъ. — „Это нареканіе, наиболѣе тяжелое изъ всѣхъ, представляется мнѣ совер-шенно несправедливымъ, я назвалъ бы его даже нелѣпымъ. Зачѣмъ, спрашивается, нужно было бы П. Фр-чу искать то, что онъ всегда имѣлъ, не могъ не имѣть, — любовь молодежи, такъ какъ развѣ могла молодежь не любить и не стекаться въ аудиторію того чело-вѣка, который безко-рыстно отдавалъ ей свой огромный талантъ, всѣ силы своего ума и души, который всегда былъ готовъ воспитывать ее и учить правдѣ. Исканіе популярности, т. е. любви и расположенія массъ, предполагаетъ какое-то умѣнье угождать этой массѣ, поддѣлываться подъ ея вкусы, ея понима-ніе, предполагаетъ если не льстивое, то, по крайней мѣрѣ, снисходительное отношеніе къ ней. Нужно было совершенно не знать Петра Францевича, чтобы все это въ немъ предполагать. Вѣдь не было у молодежи болѣе строгаго судьи, чѣмъ ея учитель. Вѣдь никто, какъ Петръ Францевичъ, такъ не зналъ, никто такъ не бичевалъ молодежь за ея недостатки, напр., за склонность къ удовольствіямъ и къ развлеченіямъ, за малую подгото-вленность къ серьезной научной работѣ, за недостаточную продуманность убѣжденій. Развѣ это угожденіе или даже снисходительное отношеніе къ молодежи? Такъ же поступалъ Петръ Францевичъ и по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ. Стоило только кому-нибудь изъ его постоянныхъ слушателей разъ-другой не прійти на его лекціи, забросить или хотя бы недостаточно усердно отработать взятую для препаровки часть трупа, и Петръ Францевичъ ставилъ такому студенту на видъ его несерьезное отношеніе къ дѣлу, иногда въ шутливо иронической формѣ, а иной разъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ посторон-нихъ. Развѣ здѣсь есть элементы угожденія или снисходительности? Петръ Францевичъ признавалъ только постоянныхъ слушателей и не

любилъ, когда на его лекціяхъ въ университетѣ появлялись случайные посѣтители изъ студентовъ другихъ факультетовъ; онъ прекрасно зналъ, конечно, что этихъ юристовъ, математиковъ, филологовъ, въ большинствѣ случаевъ, приводило въ его аудиторію не желаніе серьезно учиться, а интересъ къ самому лектору, къ его манерѣ чтенія, словомъ, интересъ какъ бы зрѣлища, и Петръ Францевичъ во время лекціи нерѣдко направлялъ по адресу такихъ случайныхъ посѣтелей ироническія замѣчанія, которыя должны были отбить у нихъ охоту къ повторнымъ посѣщеніямъ его лекцій. Случалось также, что по окончаніи такихъ лекцій Петръ Францевичъ даже жаловался своимъ ученикамъ на этихъ случайныхъ гостей. Развѣ такъ поступалъ бы профессоръ, ищущій популярности среди молодежи? Наконецъ, какое цѣнное для себя употребленіе могъ бы сдѣлать Петръ Францевичъ изъ своей популярности среди студенчества, чтобы ему нужно было ее искать? Развѣ Петръ Франце-

„Сдача препаратов“ слушательницами курсовъ (практическія занятія по анатоміи).

вичъ могъ не понимать, что въ началѣ и срединѣ 90-хъ годовъ любовь студенчества должна была причинить профессору одни непріятности, хлопоты и даже удары и развѣ не изъ-за этой популярности онъ былъ таки вынужденъ въ 1897 г. покинуть университетъ, т. е. потерять самую большую и едва-ли не самую цѣнную для него аудиторію“...

Особенно въ пользу Петра Францевича говорятъ въ данномъ отношеніи революціонные годы (1905 — 1906 г.). Но чтобы понять, какъ слѣдуетъ, поведение Петра Францевича въ эти моменты, необходимо сдѣлать небольшое отступленіе и сказать нѣсколько словъ о его политическихъ воззрѣніяхъ. О томъ, что Петръ Францевичъ былъ честнымъ политическимъ дѣятелемъ, не можетъ быть и спору. Мы помнимъ, какъ на предложеніе сверху учинить „внутренній“ надзоръ за своими учениками, онъ отвѣчалъ, что онъ никогда не былъ и никогда не будетъ шпиономъ. Но этого мало; въ рѣшительные политическіе моменты онъ умѣлъ

мужественно брать на себя инициативу во всякаго рода рискованныхъ выступленіяхъ. Вотъ любопытный разсказъ г. Долбни.

„Изъ моей памяти никогда не изгладятся событія, связанныя со студенческой демонстраціей 4 Марта 1901 года, направленной противъ извѣстныхъ „временныхъ правилъ“. Весь Петербургъ зналъ, что демонстрація будетъ на Казанской площади, но никто, повидимому, не зналъ, какъ отнестись къ событіямъ, столь близко задѣвавшимъ все мыслящее общество. Утромъ 4 Марта Петръ Францевичъ прибѣжалъ (я умышленно употребляю это выраженіе, ибо Петръ Францевичъ, какъ извѣстно, передвигался очень быстро и всегда пѣшкомъ) ко мнѣ въ очень угнетенномъ состояніи. Скорбь его была искренняя, безъ фразъ, глубокая. Онъ любилъ молодежь не показной, а настоящей любовью. Погоревали мы вмѣстѣ, и мнѣ пришла въ голову мысль отправиться на площадь и посмотреть, что будетъ, собственными глазами.

„Подобная мысль для меня вполне характерна; я могу реагировать только на то, что было предметомъ моихъ вполне реальныхъ ощущеній.

„Петръ Францевичъ эту мысль живо подхватилъ, и такъ какъ у него слово было нераздѣльно съ дѣйствіемъ, то онъ началъ меня торопить одѣваться. Мы въ буквальномъ смыслѣ побѣжали на Невскій и поспѣли во время. Не буду описывать того, что мы видѣли и что переживали. Это неважно для моихъ воспоминаній, а важно то, что Петръ Францевичъ немедленно куда-то отъ меня убѣжалъ, не сказавъ ни слова. Въ 5 часовъ пополудни я получилъ отъ него записку съ предложеніемъ вечеромъ быть на квартирѣ у Л. Ф. П-ва. При такихъ обстоятельствахъ возникла мысль, послѣдствіемъ которой былъ памятный адресъ-протестъ, поданный министру Сипягину и Муравьеву, по поводу избіенія студентовъ 4 Марта 1901 года на площади Казанскаго собора. Несмотря на важное общественное значеніе адреса, удалось собрать только 99 подписей по всему Петербургу. Петръ Францевичъ пострадалъ за свое участіе въ адресѣ высылкой изъ столицы на два года. Въ дѣйствительности, срокъ высылки былъ сокращенъ министромъ Плеве, и, послѣ годичнаго изгнанія, Петръ Францевичъ возвратился къ своей привычной и научной педагогической работѣ. Я полагаю, однако, что ни публика, ни департаментъ полиціи не знали, что инициаторомъ адреса былъ нашъ дорогой покойникъ П. Ф. Лесгафтъ“...

Позднѣе въ революціонные годы въ высшей степени знаменательнымъ является то, что именно въ домѣ, принадлежащемъ Біологической Лабораторіи и находящемся въ исключительномъ завѣдываніи Петра Францевича, нашелъ себѣ пріютъ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, котораго въ Петербургѣ ни одинъ домовладѣлецъ не хотѣлъ пустить къ себѣ въ домъ изъ боязни непріятныхъ конфликтовъ съ полиціей. Несомнѣнно, что подобные непріятные конфликты въ такой же мѣрѣ грозили и Петру Францевичу и были ему тѣмъ тяжелѣе, что давали поводъ разрушить дѣятельность самаго дорогого общественнаго учрежденія, надъ которымъ онъ трудился, не покладая рукъ, — Біологической Лабораторіи. Мало того. Это пребываніе Совѣта Рабочихъ Депутатовъ въ домѣ Лесгафта приносило его любимому дѣтищу, — все той же Біологической Лабораторіи, — значительный убытокъ, такъ какъ „хорошіе“ жильцы, занимавшіе по той же лѣстницѣ дорогія квартиры, начали съѣзжать, опасаясь такого безпокойнаго сосѣдства. Но Петръ Францевичъ не обращалъ на все это ни малѣйшаго вниманія и дѣлалъ такъ, какъ ему велѣла совѣсть. А совѣсть этого чуткаго человѣка говорила ему о необходимости содѣйствовать по

мѣръ силъ и возможности дѣлу освобожденія. И впоследствии тотъ же самый домъ служилъ прибѣжищемъ для самыхъ разнообразныхъ демократическихъ организацій: здѣсь нашло себѣ пріютъ и Коломенское общество образованія, и Коломенское общество обывателей, и начальная школа, и курсы для рабочихъ, и столовая для безработныхъ.

Но и это не все. По складу своего характера и ума Петръ Францевичъ не могъ принадлежать ни къ какой партіи. Партійная же вывѣска, за которую иной разъ хотѣлъ тотъ или другой цѣликомъ спрятать свою индивидуальность, вызывала сильнѣйшее раздраженіе у Петра Францевича. „Онъ мнѣ все толкуетъ, что онъ социаль-демократъ“, — говорилъ П. Фр-чъ Вѣрѣ Николаевнѣ Фигнеръ, называя фамилію: „а что мнѣ за дѣло, что онъ социаль-демократъ. Будь, чѣмъ хочешь, эс-декомъ, эс-еромъ — мнѣ все равно. Нѣтъ, ты мнѣ свою личность, свою человѣческую личность покажи!“.

И тѣмъ не менѣе, когда началась выборная кампанія, Лесгафть открыто примкнулъ къ лѣвому блоку, что особенно повредило ему въ глазахъ администраціи и дало лишній, но очень важный поводъ для закрытія его курсовъ.

Но для характеристики политическихъ воззрѣній Петра Францевича есть еще одна очень цѣнная черта. Самъ активный боецъ за права человѣческой личности, онъ не могъ не относиться съ особымъ расположеніемъ къ тѣмъ, кто отдалъ всю свою жизнь на эту борьбу. Объ этомъ свидѣлствуютъ воспоминанія шлиссельбуржцевъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе съ Петромъ Францевичемъ.

„Вернулись въ его квартиру, въ кабинетъ“, — рассказываетъ В. Н. Фигнеръ. — „Открываетъ альбомъ и показываетъ карточку: я съ сестрой за столикомъ, съ анатоміей... Какъ трогательно, что съ 71-го года онъ сохранилъ ее“...

„Мое знакомство съ Петромъ Францевичемъ“, — пишетъ М. Новорусскій, — „началось въ концѣ 1906 г., и вотъ по какому случаю. Я вывезъ изъ Шлиссельбурга до 30 ящиковъ различныхъ естественно-научныхъ коллекцій, сдѣланныхъ мною тамъ въ послѣдніе годы. При выѣздѣ оттуда я отдалъ ихъ временно въ частную квартиру и ждалъ случая, чтобы передать ихъ въ какое-нибудь общественное учрежденіе, гдѣ мои коллекціи могли бы имѣть хоть небольшое, но постоянное образовательное значеніе.

„Въ одно изъ своихъ случайныхъ свиданій съ М. М. Туганъ-Барановскимъ я узналъ отъ него о Вольной Высшей Школѣ и предложилъ переговорить съ ея директоромъ, Петромъ Францевичемъ, согласится ли онъ принять мое скромное приношеніе. Послѣдствіемъ этого было мое первое свиданіе съ Петромъ Францевичемъ въ зданіи Біологической Лабораторіи, во время котораго онъ съ необыкновенной любезностью благодарилъ меня за мое обѣщаніе доставить свои коллекціи въ музей этой Лабораторіи. Доставлены онѣ были сюда помимо меня, такъ какъ я имѣлъ постоянное жительство въ Выборгѣ, и доставлены были не всѣ сразу, вслѣдствіе чего мнѣ пришлось видѣться съ Петромъ Францевичемъ вторично. Онъ уже успѣлъ ознакомиться съ моими издѣліями и по нимъ, очевидно, составилъ сужденіе обо мнѣ самомъ, потому что сразу же пригласилъ меня „работать“ съ нимъ въ Вольной Высшей Школѣ. Для меня это казалось тогда недостижимой мечтой, — потому что я былъ лишенъ столицы и почти не имѣлъ надежды скоро поселиться въ ней.

„Но не прошло и 4-хъ мѣсяцевъ, какъ я получилъ, въ началѣ апрѣля 1907 г., надлежащее разрѣшеніе и, по предварительному условію съ Петромъ Францевичемъ, пріѣхалъ и поселился прямо у него.

„Онъ предоставилъ мнѣ комнату въ зданіи Лабораторіи и возложилъ на меня заведываніе ея хозяйствомъ.

„Всѣ коллекціи въ двухъ небольшихъ шкапикахъ моего же издѣлія были помѣщены въ укромномъ уголкѣ Музея, который всегда содержался въ образцовомъ порядкѣ и неподражаемой чистотѣ. Петръ Францевичъ очень высоко цѣнилъ эти издѣлія, хотя, на уровнѣ прекрасныхъ издѣлій ермитаж. Музея, мои казались довольно примитивными, а самые шкапики, въ которыхъ онѣ помѣщались, были въ дисгармоніи съ остальными большими дубовыми шкапами. Я никогда не спрашивалъ, цѣнилъ ли онъ въ этихъ издѣліяхъ то исключительное мѣсто, гдѣ они были сработаны, или то самобытное творчество, которое мнѣ приходилось проявить въ каждой мелочи каждаго изъ этихъ издѣлій, потому что, живя почти на необитаемомъ островѣ, рѣшительно безъ всякихъ культурныхъ приспособленій, — облегчающихъ трудъ во всякомъ другомъ мѣстѣ, мнѣ приходилось вымолотить гораздо больше, чѣмъ это обычно дѣлается. Быть можетъ, онъ цѣнилъ и то, и другое“.

Въ высшей степени типичны и показанія другого знаменитаго шилсбургца — Н. А. Морозова.

„Попавши волею судебъ“, — пишетъ онъ, — „послѣ 25-лѣтняго заключенія въ недоступной ничьему постороннему глазу политической темницѣ, о которой уже давно сложились мрачныя легенды, прямо въ кипучую петербургскую жизнь самаго бурнаго періода „новой русской исторіи“, я сразу встрѣтилъ тысячи всевозможныхъ людей. Меня наперерывъ тащили на показъ въ общественныя собранія, на званныя обѣды и ужины, гдѣ внимательно смотрѣли на меня десятки любопытныхъ глазъ, и ясныхъ — молодыхъ, и постарѣлыхъ — выцвѣтшихъ, смотрѣли, какъ на невиданную еще диковинку, какъ на человѣка, погребеннаго въ землѣ много лѣтъ назадъ и вдругъ выброшеннаго землетрясеніемъ. Но проникательнаго взгляда Петра Францевича не было тогда среди этихъ десятковъ и сотенъ глазъ...“

„Потомъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Первый вихрь моей новой жизни пронесся мимо, и въ глубинѣ души сталъ все чаще и чаще возникать печальный вопросъ о томъ, что же далъ мнѣ этотъ вихрь для осуществленія заветныхъ плановъ работать въ области науки, насколько помогъ онъ мнѣ, хотя въ скорѣйшемъ напечатаніи научныхъ изслѣдованій, сдѣланныхъ въ темницѣ? — И вотъ въ тотъ самый мигъ, когда я началъ приходить къ неутѣшительному выводу, что этотъ вихрь не сдѣлалъ для моихъ цѣлей ничего или очень мало, и явился передо мной Петръ Францевичъ.

„Онъ не пригласилъ меня къ себѣ ни на званый обѣдъ, ни на устроенное имъ специальное общественное собраніе, онъ самъ пріѣхалъ попросту на конкѣ въ меблированныя комнаты на Гончарной улицѣ, гдѣ тогда я жилъ, и сразу же предложилъ быть руководителемъ практическихъ занятій по аналитической химіи въ основанномъ имъ два года тому назадъ независимомъ университетѣ („Вольной Высшей Школѣ“) и работать надъ научными вопросами въ его лабораторіяхъ.

„Для меня такое предложеніе было совсѣмъ неожиданнымъ. Я съ радостью согласился, тутъ же получилъ приглашеніе заходить къ нему во всякое время, „лучше всего въ два часа къ обѣду, такъ какъ обѣдъ“

тучаль, въ единственно свободный часъ, когда навѣрно можно застать человека не занятымъ“. Такъ началось наше знакомство, перешедшее очень скоро и въ прочную дружбу.

„Чрезвычайно стѣснительный ко всѣмъ явленіямъ общественной жизни, Петръ Францевичъ много разспрашивалъ меня въ своемъ кабинетѣ въ первые дни знакомства о всѣхъ моихъ товарищахъ... Затѣмъ Петръ Францевичъ попросилъ у меня шкапчикъ, сдѣланный Новорусскимъ во время заключенія, и водворилъ его въ своемъ зоологическомъ музеѣ, какъ „реликвию мѣста страданія“, чтобы хранить въ немъ свои наиболѣе цѣнные предметы“...

Для насъ теперь, полагаю, вполне выяснились политическія воззрѣнія и симпатіи Петра Францевича, и мы можемъ перейти къ изложенію дальнѣйшихъ событій его жизни. Послѣдовательное изслѣдованіе его біографіи мы довели до того момента, когда онъ основалъ свои Курсы и покинулъ Университетъ. Мало-по-малу у него созрѣла мысль построить собственный домъ, какъ для Біологической Лабораторіи, которую въ годы свободъ онъ превратилъ въ Вольную Высшую Школу,—Независимый Университетъ, неоднократно уже упоминавшійся въ нашемъ изложеніи. За постройку дома, какъ и за всякое свое дѣло, Петръ Францевичъ взялся горячо и въ высокой степени добросовѣстно. „Два года“,—разсказываетъ С. Познеръ,—„провелъ онъ безвыѣздно въ Петербургѣ и зиму и лѣто, не рѣшаясь поручить кому-нибудь присмотръ за строящимся домомъ... Изучая каждое новое дѣло въ корень, до основанія, онъ и здѣсь не остался диллетантомъ и могъ поспорить съ любымъ специалистомъ, съ любымъ подрядчикомъ въ умѣнье разобратъ въ качества матеріаловъ и въ любыхъ тонкостяхъ строительной техники. Зоркій глазъ его не пропускалъ ни одной мелочи. Онъ съ гордостью говорилъ о томъ, что ни одинъ кирпичъ, ни одинъ гвоздь не миновалъ его рукъ. Это было и въ самомъ дѣлѣ такъ. Неустанно, съ неослабѣвающей энергіей слѣдилъ онъ за постройкой дома, проводя тамъ большую часть дня. Бойко взвѣсгалъ онъ на выведенныя стѣны по неудобнымъ сходамъ, рискуя каждую минуту сорваться и слетѣть внизъ. Два года неутомимаго труда. Два года онъ лишенъ лѣтняго отдыха, который былъ ему такъ необходимъ. Только лѣтомъ находилъ онъ нѣкоторое успокоеніе и отдыхъ отъ своей кипучей дѣятельности, лѣтомъ онъ отдавался спокойно своей научной работѣ, чтенію. Лѣтомъ же, какъ онъ выражался, онъ „накапливалъ энергію для зимней работы“. Вотъ этого то драгоценнаго отдыха онъ былъ лишенъ, оставаясь безвыѣздно въ Петербургѣ. Зато домъ вышелъ на славу. Построенный изъ самаго доброкачественнаго и дорогого матеріала, онъ обошелся настолько дешево, что дешевизна эта вызвала недовѣріе специалистовъ. Домъ заканчивается, все отдѣляется начисто. Петръ Францевичъ заботливо и любовно осматриваетъ каждый уголъ, каждый выступъ, требуетъ, чтобы тамъ еще подчистили, здѣсь еще подкрасили; все до послѣдней мелочи, до послѣдняго гвоздя приведено въ полный порядокъ. Домъ готовъ. Въ немъ должна осуществиться мечта педагога-философа, всю жизнь лелѣявшаго мысль о свободной школѣ, о вольномъ университетѣ“...

Мы знаемъ, что эта мечта, дѣйствительно, сбылась, хотя на короткое время. Петръ Францевичъ предоставилъ у себя возможность высказывать и развивать свои взгляды всѣмъ направленіямъ, всѣмъ теченіямъ. Лекторы, которые появлялись въ стѣнахъ Вольной Школы, должны были удовлетворять по требованію, Ласгафта, только одному требованію—„на-

учности“. „Попытка,—говорить профессоръ Максимъ Ковалевскій,— „вести въ число преподавателей людей, имѣвшихъ даже значительный успѣхъ на предвыборныхъ собраніяхъ, но не извѣстныхъ еще книгами и статьями, разбивались о его „упрямство“, какъ о подводный камень. На наши рекомендаціи онъ обыкновенно отвѣчалъ словами: „почему же нѣтъ, но позже“, „мы посмотримъ“, „пусть молодой человѣкъ покажетъ себя“, „намъ нужна строгая наука“ и т. д. въ томъ же направленіи“.

Но событія могучимъ потокомъ разливались по всему лицу русской земли. Въ Высшей Школѣ волей-неволей создался одинъ изъ сильнѣйшихъ общественныхъ водоворотовъ. Администрація, относившаяся уже и раньше съ большимъ недовѣріемъ къ Высшей Вольной Школѣ, искала только предлога, чтобы закрыть ее. Молодежь не хотѣла, не могла считаться съ опасностями этого рода. Петръ Францевичъ не хотѣлъ, не могъ считаться съ молодежью въ этомъ отношеніи. Онъ рѣшилъ не давать оружія въ руки администраціи, не допускать ни въ какомъ случаѣ сходокъ. Однажды сходка, тѣмъ не менѣе, состоялась. „Петръ Францевичъ“, — рассказываетъ г. Новорусскій, — „явился немедленно и принявъ свои мѣры къ удаленію собравшихся. Онъ убѣждалъ словомъ, кричалъ громко, чтобы прервать рѣчь оратора, когда тотъ, взобравшись на обѣденный столъ (сходка происходила въ столовой), покушался говорить. Его оттѣсняли, его не пускали, даже толкали, онъ всюду поспѣвалъ, самъ поднимался на скамьи, на столы, пробирался въ самую гущу толпы, сомкнувшейся непроницаемымъ кольцомъ вокругъ своего оратора. И всюду мѣшаясь, вездѣ поспѣвая, всѣхъ перекрикивая, онъ имѣлъ неподражаемый видъ народнаго вождя, старавшагося успокоить и ввести въ границы непокорную, разбушевавшуюся толпу. Маленькій и очень подвижный, несмотря на свои годы, съ растрепанными сѣдыми волосами, съ пылающимъ взоромъ и рѣшительной настойчивостью въ голосѣ, онъ и теперь, словно живой, стоитъ передо мной, и такъ и просится на картину. Его любовь къ молодежи была всѣмъ извѣстна. Ея истинные интересы онъ лучше всѣхъ понималъ и уважалъ. И все-таки шелъ напроломъ противъ интересовъ минуты“... Какъ же были неправы тѣ, кто обвинялъ Петра Францевича въ заискиваніи у молодежи, въ желаніи добиться у нея популярности! Нѣтъ! Петръ Францевичъ дѣлалъ только то, что считалъ своимъ долгомъ, а другія соображенія безжалостно отбрасывалъ въ сторону. Съ нимъ, какъ съ общественнымъ дѣятелемъ можно было во многомъ не соглашаться, но нельзя было къ нему не питать въ то же время глубочайшаго уваженія.

Дѣло—прежде всего, а потомъ уже личныя отношенія,—этотъ принципъ, совершенно не совмѣстимый съ какимъ бы то ни было исканіемъ популярности, онъ проводилъ и въ своихъ сношеніяхъ съ профессорами, какъ директоръ Высшей Вольной Школы. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительными представляются воспоминанія Н. А. Морозова.

„Но чѣмъ болѣе я привыкалъ глубоко любить его, какъ человѣка и истиннаго друга, готового все сдѣлать, чтобы облегчить и другимъ осуществленіе намѣченныхъ ими научныхъ работъ и дать возможность широко развить въ этомъ направленіи свою индивидуальность, тѣмъ болѣе я учился также видѣть въ немъ и глубоко цѣнныи человѣка непреклоннаго долга, чрезвычайно требовательнаго во всемъ, что касалось общаго дѣла, распорядителя, не допускавшаго въ исполненіи обязанностей никакихъ послабленій. Каждый часовой долженъ былъ стоять у него на своемъ посту въ назначенный срокъ, не отговариваясь тѣмъ, что

аня".

ь Ковалев
аже знач
ыхъ еще
одводный
ами: „поч
ловѣкъ
направле
у лицу
ъ изъ с
осившая
Школь,
не могли
не хотѣ
бывать
акомъ ст
тръ Фри
но и при
мъ, и
исъ на
ся гово
бъвалъ,
толпы,
И
неподра
ь грани
одваж
ь пыл
и тепе
ну. Е
еся
проти
Пер
нея
ть св
орон
мъ
туб

И. С. Тургеневъ „на тягѣ“.—Гравюра Пожалостина. (Изъ собранія
П. Я. Дашкова)

у него разболѣлась голова или пріѣхали родственники изъ далекихъ странъ, или онъ самъ былъ увлеченъ другимъ болѣе важнымъ дѣломъ, и сердиться на Петра Францевича за такую требовательность не было никакой возможности.

„Сердиться на него могъ только тотъ, кто самъ лишенъ былъ всякаго чувства долга, потому что Петръ Францевичъ первый показывалъ намъ примѣръ неуклоннаго исполненія своихъ обязанностей. Какъ профессоръ Вольной Высшей Школы, онъ, кажется, за все время ея существованія (да и, вообще, за все время своей жизни) не пропустилъ ни одной лекціи и ни разу не опоздалъ на нее, несмотря ни на какія неожиданныя событія. Въ назначенную минуту онъ непремѣнно показывался на своей кафедрѣ, все равно, здоровый или больной, спокойный или разстроенный, и приспособлялъ рассказъ о своемъ предметѣ такъ, чтобы окончить его въ точности въ полагавшееся для этого время. Мои слушатели въ Вольной Высшей Школѣ разъ говорили мнѣ, что, если бы во время его лекцій обвалилась стѣна аудиторіи, то и тогда онъ пригласилъ бы всѣхъ взволнованныхъ оставаться на мѣстахъ и дослушать и, только окончивъ свою лекцію, побѣждалъ бы съ ними осматривать иправлять случившееся поврежденіе.

„Понятно, что неумолимый въ научныхъ дѣлахъ къ себѣ, онъ былъ требователенъ и къ другимъ, и, какъ директоръ Вольной Высшей Школы, лично слѣдилъ за исправностью чтенія всѣхъ лекцій, а въ случаѣ чьего-либо запозданія, непремѣнно дѣлалъ при первомъ же свиданіи сначала ласковое, а потомъ и болѣе серьезное замѣчаніе. Въ первый же мѣсяцъ послѣ начала моихъ собственныхъ лекцій, когда я жилъ еще далеко, на Гончарной улицѣ, такому замѣчанію подвергся и я по причинѣ запозданія минутъ на семь, благодаря конкѣ, замѣнявшей тогда въ Петербургѣ трамвай. Едва пришелъ я на другой день послѣ этого, какъ при самой встрѣчѣ услышалъ отъ него слова:

— А вчера вы, Н. А., запоздали на лекцію, запоздали!

— Но зато я и окончилъ ее на четверть часа позже!

— Знаю, знаю. Но слушателей своихъ все же заставили поджидать себя и пріучаться къ неаккуратности. А вѣдь ихъ много и каждому пришлось потерять это время, ужъ лучше намъ самимъ придти нѣсколько раньше, чтобы одному ждать всѣхъ, чѣмъ всѣмъ одного!

„О пропускѣ полной лекціи, конечно, и говорить было нечего! Петръ Францевичъ никому этого не простилъ бы. Когда на слѣдующую же весну мнѣ пришлось уѣхать въ Парижъ для прочтенія тамъ публичной лекціи на Пасхѣ, и я могъ возвратиться домой лишь позднѣе возобновленія занятій въ Біологической Лабораторіи, пропустивъ, хотя и съ предварительнымъ увѣдомленіемъ Петра Францевича и всѣхъ слушателей, двѣ лекціи, я успокоилъ его тѣмъ, что вмѣсто полагавшихся мнѣ двухъ или трехъ лекцій въ недѣлю, назначилъ въ весь оставшійся конецъ сезона по четыре и этимъ болѣе чѣмъ вознаграждалъ за пропущенное.

„Только такими способами и можно было сохранить довѣріе къ себѣ Петра Францевича. Къ тѣмъ, которые не дѣлали такъ, онъ послѣ нѣсколькихъ дружескихъ замѣчаній начиналъ относиться; какъ къ людямъ, не оправдавшимъ его надеждъ, и встрѣчать ихъ сухо и молча“. Именно въ этомъ измѣненіи его отношеній и заключалась причина того, что у него накопилось къ концу жизни не мало враговъ изъ среды тѣхъ, которые когда-то имѣли съ нимъ общее дѣло, но относились къ своимъ прямымъ обязанностямъ спустя рукава.

„Меня лично его требовательность не только никогда не отталкивала, но, напротив, прямо привлекала къ нему. Чувствовалось, что съ Петромъ Францевичемъ вмѣстѣ всякое дѣло будетъ окончено хорошо и во время: недостатокъ моей энергіи онъ пополнитъ бы своей и не допуститъ бы увлечься въ нужное время ничѣмъ другимъ, болѣе пріятнымъ. Особенно сказывалось это на нашей совместной работѣ въ „Извѣстіяхъ Спб. Біологической Лабораторіи“, послѣдній томъ которыхъ состоялъ почти исключительно изъ нашихъ статей. Едва кончался одинъ ихъ выпускъ, какъ Петръ Францевичъ задавалъ мнѣ вопросъ:

— А когда же будетъ готова ваша слѣдующая статья? „Я назначилъ срокъ и онъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Смотрите же! Буду ждать къ сроку! и за недѣлю до него неизмѣнно напоминалъ.

— А вѣдь вашъ срокъ уже кончается! Готово ли у васъ? Смотрите, не запоздайте!

„Было просто непонятно, какимъ образомъ могъ онъ помнить обо всемъ при огромной массѣ лежавшихъ на немъ обязанностей! Работать съ такимъ человѣкомъ было истинное счастье: вы заранѣе могли быть спокойный за будущее. Сознаніе этого въ совместныхъ съ нимъ дѣлахъ давало мнѣ моральное успокоеніе, и въ этомъ спокойствіи была причина, что чѣмъ далѣе я жилъ съ Петромъ Францевичемъ, тѣмъ болѣе пріучался цѣнить его, какъ лучшаго друга, тѣмъ болѣе привязывался къ нему. Въ этомъ же заключалась и причина обаянья его на слушателей и особенно на слушательницъ, положительно обожавшихъ его“...

Но при данныхъ политическихъ условіяхъ русская жизнь не можетъ усвоить на педагогическомъ поприщѣ такихъ самостоятельныхъ и самобытныхъ людей, какъ П. Ф. Лесгафтъ. Въ 1907 году Вольный Университетъ, созданный энергіей и изумительными талантами Петра Францевича, былъ закрытъ по распоряженію администраціи, нанесшій этимъ тяжелый ударъ русскому просвѣщенію. Событіе это описано въ воспоминаніяхъ г. Новорусскаго.

„Закрытію предшествовалъ генеральный обыскъ въ зданіи Біологической Лабораторіи, состоявшійся числа 15—16 мая 1907 г. Большое количество командированныхъ на сей предметъ чиновъ, вооруженная ружьями охрана всѣхъ входовъ снаружи, 4-ый часъ утра, — все это, какъ обычно принято при такихъ оказіяхъ. Петръ Францевичъ былъ разбуженъ тотчасъ же, въ самый разгаръ перваго крѣпкаго сна, потому что ложился онъ всегда не раньше 2 ч. ночи. Во время обыска было арестовано въ помѣщеніи столовой много литературы, виновной и невиновной. Затѣмъ слѣдовала долгая процедура разборки ея и, какъ завершеніе всего, — обстоятельный протоколъ съ перечисленіемъ всего, чѣмъ грѣшила Вольная Высшая Школа за краткій, но бурный періодъ своего существованія. У заправявшихъ дѣломъ чиновъ, какъ водится, строго выдерживался тонъ и манеры прокурора, который нанизываетъ матеріаль съ единственной цѣлью улики и доказательства виновности.

„Петру Францевичу безъ обвиняковъ поставлена была на видъ свѣжая тогда въ памяти судьба кн. Гагарина, директора Политехническаго Института. И, въ концѣ концовъ, мѣстный приставъ, ему, испытанному и маститому педагогу, докторальнымъ тономъ заявилъ, что это — не порядокъ. Такова обстановка этого ранняго и необычайнаго утра.

„Протоколъ составляется утомительно медленно. Каждый пунктъ его — новая улика, новый аргументъ въ пользу преступности дорогого дѣ-

тища Петра Францевича. Мы, немногіе, представители обвиняемаго учрежденія, сидимъ въ столовой и крайне волнуемся въ предчувствіи неизбежныхъ для Школы горькихъ послѣдствій. Петръ Францевичъ сидѣлъ немного сзади и въ сторонѣ отъ меня. Я нарочно обернулся, чтобы посмотреть, насколько волнуетъ его вся эта сцена, особенно послѣ тѣхъ репримандовъ, которые обращены были лично къ нему. Взглянулъ и ахнулъ.

„Петръ Францевичъ сладко спалъ въ сидячемъ положеніи.

„Онъ очень много видывалъ на своемъ вѣку и лучше всякаго зналъ, что „нѣтъ такого распisanія движенія, которое бы не мѣнялось“. Онъ зналъ, что все то, что осуждается здѣсь съ такимъ усердіемъ, во всякой цивилизованной странѣ не только допускается, но и узаконяется, какъ нормальный режимъ всякой высшей школы, которая должна готовить сознательныхъ гражданъ на честную работу и служеніе родинѣ“.

Безустанная работа и масса волненій, которыя Петру Францевичу приходилось переживать въ связи съ его общественной и педагогической дѣятельностью, беспощадно подрывали силы его и безъ того ослабленнаго организма. Достаточно было уже незначительнаго толчка, чтобы онъ оказался на краю могилы. Такимъ толчкомъ была захваченная имъ инфлуэнца, протекавшая съ тяжелыми осложнениями. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжаетъ хлопотать объ открытіи его Вольной Высшей Школы, хотя бы съ указанной программой (безъ соціальнаго факультета), хотя бы съ инымъ официальнымъ руководителемъ всего дѣла. Въ 1909 году его хлопоты начали увѣнчиваться успѣхомъ. Онъ напрягаетъ послѣднія силы; совсѣмъ больной съ отеками ногъ онъ отмѣняетъ назначенную врачами ванну для того, чтобы лично присутствовать на засѣданіи, созванномъ для разработки плана общеобразовательнаго университета. Всѣмъ этимъ онъ ускорялъ роковую развязку. Явно приближались послѣдніе дни этой благородной жизни, полной дѣятельной любви къ человѣчеству въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

„Вижу Петра Францевича уже больнымъ, во время его послѣдней, смертельной болѣзни“, — пишетъ С. Познеръ. „Немощный, безпомощный, а все та же мощь духа, все та же душевная красота, еще болѣе отгнѣненная физической слабостью. Встаютъ въ воспоминаніи одинъ моментъ за другимъ, яркіе, потрясающіе и не знаешь, на какомъ остановиться.

„Всѣмъ окружающимъ уже ясно, что имъ овладѣлъ тяжкій недугъ, а онъ все попрежнему относится къ себѣ съ полной безпечностью и старается силой воли побѣдить недугъ; онъ не считаетъ съ нимъ, продолжаетъ работать усиленно, лихорадочно...

„Наступаетъ моментъ, когда бороться дальше уже нѣтъ силъ, приходится ему самому вдуматься въ свое состояніе, разобраться въ немъ.

„Въ то время, какъ всѣ окружающіе уже давно въ тревогѣ относительно его состоянія, онъ какъ-то разъ робко, застѣнчиво, точно стѣсняясь того, что говорить о такихъ ненужныхъ, неподходящихъ вещахъ, произноситъ: „мнѣ кажется, что у меня начинается серьезная болѣзнь“... И затѣмъ все продолжается по-старому: лекціи, корректура, хозяйственные заботы и т. д., и т. д.

„Аудиторія полна слушателей; они ждутъ лекціи Петра Францевича, онъ долженъ сейчасъ выйти къ нимъ. Въ это время рядомъ, въ своемъ кабинетѣ Петръ Францевичъ разсматриваетъ пробирку — результатъ анализа. Онъ читаетъ въ немъ свой смертный приговоръ. Его охватываетъ дрожь; онъ почти лишается языка.

„Упрашиваю его идти домой, успокоиться, не читать лекцій. Онъ приносить съ трудомъ, съ громаднѣмъ напряженіемъ, какія-то невнятные слова, языкъ не повинуется ему. Затѣмъ онъ рѣшительно подходитъ къ столу, садится, видимо, дѣлая громадное усиліе, чтобы овладѣть собою.

„Оставляю его, но, уходя, останавливаюсь въ сосѣдней съ аудиторіей препаровочной и жду, — что будетъ; опасаюсь, что онъ не въ состояніи будетъ произнести ни одного слова. Петръ Францевичъ входитъ въ аудиторію и громкимъ, яснымъ голосомъ начинаетъ читать свою лекцію...

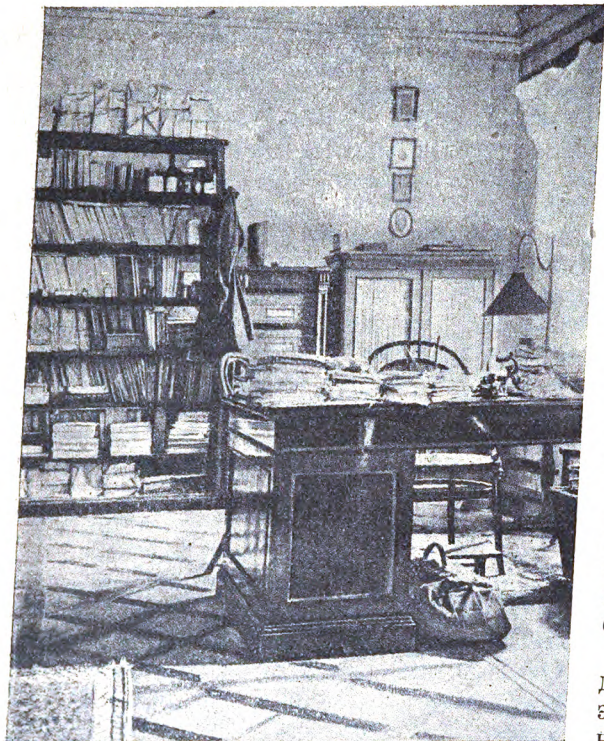
„Торопливо ухажу и посылаю за докторомъ. Ясно, что дальше такъ идти не можетъ, что это только послѣднее напряженіе огромной воли...

„Минутъ черезъ 10 его приводятъ домой рыдающего, окончательно надломленного, потрясенного...

„Приходятъ врачи, устанавливаютъ воспаленіе легкихъ и страданіе почекъ.

„Начинается лѣченіе, странное, своеобразное лѣченіе. Такъ не лѣчится, вѣрно, никогда ни одинъ больной. Это какая-то непрерывная борьба съ врачами. Покой, который они предписываютъ, невыносимъ этому вѣчно дѣятельному, вѣчно напряженно работающему человѣку, онъ все время молить объ одномъ, — чтобы его поскорѣ пустили работать.

„Врачи невольно поддаются страстному напору этой сильной воли и идутъ на всякія уступки. Въ постели Петръ Францевичъ не лежитъ; онъ одѣтъ и на ногахъ, хотя уже не

Кабинетъ П. Ф. Лесгафта.

въ состояніи много двигаться, и большую часть времени проводитъ полулежа въ креслѣ или лежа на диванѣ.

„Наступаетъ временное улучшеніе, температура понизилась.

„Немедленно заручившись согласіемъ врачей, Петръ Францевичъ отправляется въ свой рабочій кабинетъ въ Лабораторію. Но силы скоро измѣняются ему, и онъ возвращается домой совсѣмъ угнетенный, подавленный, съ сознаніемъ, что не можетъ работать; раньше ему все казалось, что это только врачи и окружающіе мѣшаютъ ему.

„Это его послѣднее посѣщеніе Лабораторіи, его дѣтища, которое до послѣдней минуты его сознательной жизни было предметомъ его самыхъ нѣжныхъ заботъ.

„Состояніе его здоровья внушает настолько серьезныя опасенія, что врачи говорят о необходимости подготовить его къ мысли о побѣдѣ въ Каиръ...

„Начинается тяжелая борьба... Оторваться отъ работы, уѣхать, бросить дѣло въ самомъ разгарѣ, — это было такъ несовмѣстимо съ его рыцарскимъ понятіемъ о долгѣ, о взятыхъ на себя обязательствахъ; съ другой стороны — сознаніе того, что нѣтъ силъ для работы, надежды на выздоровленіе и страха смерти на чужбинѣ — все смѣшалось. Все это вызывало тяжелую внутреннюю борьбу.

„Борьба была тѣмъ болѣе тяжела и мучительна, что вообще всяческія колебанія и нерѣшительность были противны его твердой, рѣшительной натурѣ.

„Въ житейскихъ дѣлахъ поражала необыкновенная быстрота и безповоротность его рѣшеній.

„Онъ не зналъ колебаній, связанныхъ съ выборомъ и рѣшеніемъ въ житейскихъ вопросахъ, которыя часто отнимаютъ у людей такъ много силъ и времени...

„Наконецъ, рѣшеніе было принято, и онъ началъ лихорадочно готовиться къ отъѣзду, т. е. торопливо заканчивалъ всѣ свои дѣла, приводилъ все въ порядокъ, отдавалъ нужныя распоряженія. На одной недѣлѣ было назначено три засѣданія.

„Въ засѣданіяхъ онъ принималъ дѣятельное участіе, былъ очень оживленъ и просиживалъ по 2—3 часа, между тѣмъ, какъ все остальное время онъ проводилъ лежа; у него были значительныя отеки ногъ, при которыхъ онъ не долженъ былъ сидѣть, но онъ ни на минуту не допускалъ возможности протянуть ноги на стулъ, чтобы облегчить свое состояніе. Послѣ засѣданій онъ точно молодѣлъ, видъ у него становился довольный, оживленный, — и онъ съ убѣжденіемъ говорилъ: „вотъ я все время говорю, что мнѣ нужно работать, и тогда я буду отлично чувствовать себя; вотъ какъ хорошо я теперь чувствую себя, совсѣмъ молодцомъ“. Но возбужденіе проходило и опять наступало угнетенное состояніе; онъ просиживалъ но много часовъ надъ корректурой, — мучительно сжимая голову руками, и дѣло все же подвигалось впередъ очень плохо; это мучило его; но отъ работы онъ не хотѣлъ отказаться.

„Теперь, когда вспоминаешь это время, полгода спустя послѣ смерти Петра Францевича, когда тяжелымъ бременемъ давить сознаніе мысль, что его нѣтъ среди насъ, невольно воскресають въ памяти только самые тяжелые мучительные моменты. Въ дѣйствительности, даже и въ это тяжелое время наступали моменты облегченія, и Петръ Францевичъ умѣлъ воспользоваться ими для веселой шутки. Процессъ въ легкихъ уменьшался съ каждымъ днемъ; докторъ былъ доволенъ ходомъ болѣзни. Докторъ съ степеннымъ видомъ говоритъ о ходѣ болѣзни, а Петръ Францевичъ за его спиной весело показываетъ окружающимъ носъ. „Напрасно, де, ваша тревога!“

„Очень любилъ Петръ Францевичъ незатѣйливую домашнюю музыку и охотно работалъ, когда играли. Нерѣдко случалось, что онъ, неожиданно прерывая свою работу, появлялся изъ кабинета и, если музыка была подходящая, начиналъ какой-нибудь плавный своеобразный танецъ, въ которомъ было много граціи и легкости. Затѣмъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, снова возвращался къ своей работѣ.

„Въ короткій моментъ улучшенія болѣзни Петра Францевича всѣ кругомъ вздохнули облегченно. Замокнувшая было музыка возобновилась

и какъ-то вечеромъ, къ удивленію присутствовавшихъ, появился, какъ въ былыя времена, изъ кабинета Петръ Францевичъ и началъ свой танецъ.

„Сколько тихой грусти было въ этомъ танцѣ; движенія уже не были такъ свободны, какъ раньше; сохранилась та же грація, но не было былой легкости, вѣдь у него былъ въ то время значительный отекъ ногъ. Не могу передать впечатлѣнія этого шутливаго послѣдняго танца. Жизнь и смерть слились въ немъ такъ тѣсно, такъ близко, и жизнь такъ упорно не хотѣла уступить смерти, которая была уже здѣсь“...

Въ концѣ концовъ, все-таки удалось уговорить Петра Францевича отправиться въ Каиръ для поправленія здоровья. И вотъ, наконецъ, этотъ извѣстный въ наукѣ старикъ, проработавшій, не покладая рукъ всю свою жизнь, лѣчившій и учившій бесплатно всѣхъ, кто только хотѣлъ къ нему обращаться, и оставлявшій, по волѣ судьбы, послѣ себя въ Петербургѣ полумилліонное состояніе, полнымъ обладателемъ котораго, съ юридической точки зрѣнія, онъ былъ самъ и которое онъ цѣликомъ отдалъ на общественное дѣло, — больной на вокзалѣ желѣзной дороги. Мы въ правѣ были бы ожидать, что хоть теперь онъ позаботится о себѣ и безконечно щедрый для общаго дѣла, наконецъ, удѣлитъ хоть сколько-нибудь своему комфорту, своему здоровью. Но Петръ Францевичъ не могъ измѣнить себѣ. Личный комфортъ ему представлялся чѣмъ-то преступнымъ, не допустимымъ. И вотъ больной и измученный своими физическими страданіями, онъ возмущается, что Совѣтъ Лабораторіи назначилъ на лѣченіе ему, творцу всего этого замѣчательнаго учрежденія, такую огромную сумму, какъ 2000 руб. Всю продолжительную дорогу поперекъ Европы онъ дѣлаетъ во второмъ классѣ, не допуская возможности взять для себя отдѣльное купе. Вмѣстѣ съ другими пассажирами, несмотря на холодную осеннюю погоду, онъ выходитъ на таможенный досмотръ. Во Флоренціи, страдая все время отъ потери аппетита, онъ, наконецъ, соглашается, чтобы ему купили винограда. „Если не дорого, то купите винограду, мнѣ еще вчера въ Венеціи очень хотѣлось винограда, да я думалъ, что онъ дорого стоитъ“. Видя, что всѣ эти стѣсненія, которыми онъ обставляетъ свое путешествіе, огорчаютъ близкихъ ему людей, онъ робко оправдывается: „Думаютъ, что я скупъ, а я совсѣмъ не скупъ; если бы у меня было очень много денегъ, я бы всѣ до послѣдней копѣйки отдалъ Лабораторіи“. Даже въ Каирѣ Петръ Францевичъ не соглашался долгое время лечь въ санаторію, говоря, что это будетъ стоить слишкомъ дорого.

Но не только въ отношенія къ общественнымъ деньгамъ и личному комфорту остался вѣренъ себѣ Петръ Францевичъ: онъ остался до конца вѣренъ и своимъ научнымъ принципамъ.

„По дорогѣ изъ Александріи въ Каиръ ему стало еще хуже“, — рассказываетъ С. Познеръ. — „Это не помѣшало ему въ Каирѣ предпринимать, по крайней мѣрѣ, полчасовые переходы пѣшкомъ. Эти передвиженія были безконечно мучительны и совершались съ величайшимъ трудомъ. Это были послѣднія усилія воли, поддерживаемыя глубокимъ убѣжденіемъ, что движеніемъ и напряженіемъ воли можно избавиться отъ недуга. Этого Петръ Францевичъ держался всю жизнь, это спасало его отъ обычныхъ старческихъ немощей и серьезныхъ недуговъ, съ этимъ же оружіемъ онъ вступилъ въ бой со своимъ послѣднимъ смертельнымъ недугомъ. Удержать его не было никакой возможности; на всѣ доводы и объясненія онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ отвѣчалъ: „да вѣдь мнѣ лучше будетъ, если я похожу“. Ему нужно было подняться въ третій

этажъ по крутой лѣстницѣ; предложили ему лифтъ; онъ порывисто отшатнулся отъ него со словами: „я не привыкъ“ — и сталъ подниматься по крутой лѣстницѣ, задыхаясь отъ усталости. Онъ боролся мужественно, не отступалъ отъ старыхъ привычекъ и не пріобрѣталъ новыхъ, которыя должны были свидѣтельствовать о слабости, о немощи. Онъ не могъ стать другимъ! Три дня въ Каирѣ — одинъ тяжелѣе и мучительнѣе другого. Силы совсѣмъ покидали его. Дѣлая попытку подняться на постели, онъ безпомощно падалъ на подушки. Но онъ боролся и боролся и побуждалъ это безсиліе, поднимался съ постели, спускался изъ 3-го этажа въ 1-й, въ общій залъ пить кофе. Получасовой переѣздъ изъ Каира въ Гелуанъ казался уже невѣроятно труднымъ. Но Петръ Францевичъ и тутъ остался вѣренъ себѣ и 10-ти минутный переходъ отъ вокзала до квартиры сдѣлалъ пѣшкомъ. Добравшись, наконецъ, до мѣста, онъ сказалъ: „а я не ожидалъ, что такимъ молодцомъ совершу этотъ переѣздъ“.

Но смерть безпощадно надвигалась все ближе и ближе. Въ субботу 28-го ноября 1909 г. Петра Францевича не стало.

„Ничѣмъ не былъ нарушенъ покой обитателей санаторіи; больные даже не знали въ этотъ день, что тутъ, рядомъ съ ними, кончилась жизнь...“

„Около часу ночи безшумно раскрылась дверь, ведущая на балконъ. Вошли четыре араба огромнаго роста, тощіе, въ синихъ халатахъ; черныя лица рѣзко выдѣлялись изъ-подъ бѣлыхъ фесокъ. Беззвучно уложили они тѣло на носилки и такъ же беззвучно вынесли его на улицу.“

„Въ черной ночи сразу потонула маленькая процессія. Кромѣ арабовъ, шелъ докторъ съ фонаремъ, еще какая-то фигура, да двѣ ученицы Петра Францевича, сопровождавшія его въ его послѣднемъ путешествіи.“

„Слабый свѣтъ звѣздъ далъ скоро возможность различить фигуры арабовъ-скороходовъ, съ невѣроятной быстротой шагавшихъ по пустынной улицѣ городка по направленію къ Нилу, къ пустынѣ. Нужно было бѣжать, чтобы не отстать отъ носилокъ. Скоро городокъ остался позади, и процессія подошла къ греческой церкви, позади которой раскинулась безграничная пустыня.“

„На огромномъ пустырьѣ, прилежащемъ къ оградѣ церкви и занесенномъ желтымъ пескомъ, ютился маленькій досчатый сарайчикъ съ песчанымъ поломъ. Посреди сарайчика деревянный столъ; это — бальзамировочная. Здѣсь было положено тѣло Петра Францевича. Сарайчикъ заперли ржавымъ ключемъ, а для прочности снаружи къ двери привалили камень. Шесть дней лежало тѣло Петра Францевича въ этомъ сарайчикѣ до окончанія бальзамировки, послѣ этого оно было перенесено въ лютеранскую церковь“...

Затѣмъ длинный переѣздъ по морю въ Одессу и поперекъ всей Европейской Россіи въ Петербургъ, гдѣ праху Петра Францевича была оказана торжественная встрѣча. Конечно, тучи полиціи провожали „подозрительнаго“ профессора и честнаго, но безпокойнаго общественнаго дѣятеля до самой могилы, у которой произнесеніе рѣчей не было разрешено.

Лучшимъ аккордомъ въ тѣхъ траурныхъ мотивахъ, которые невольно звучали въ душѣ почитателей Петра Францевича у его гроба, по нашему мнѣнію, являются слѣдующія строчки, заканчивающія воспоминанія В. Н. Фигнеръ.

„О, дорогой Петръ Францевичъ!.. Живой или мертвый — онъ со мною. Вѣдь я и такъ всю жизнь была съ нимъ въ разлукѣ — и смерть ничего не измѣнила въ этомъ отношеніи. Но частица его души перешла въ мою душу. Онъ далъ мнѣ образъ человѣка науки, и вмѣстѣ съ тѣмъ, общественнаго дѣятеля. Онъ научилъ любить свое дѣло и всецѣло отдаваться ему. И какъ удивительно было черезъ 35 лѣтъ найти того же самаго сильнаго человѣка, того же первокласснаго дѣятеля... Всю жизнь онъ былъ однимъ и тѣмъ же. Всю жизнь защищалъ свою человѣческую личность и личность ближняго отъ всякаго поруганія, гнета и насилия. Всю жизнь боролся за свободу науки, за свободу преподаванія, всю жизнь воспитывалъ молодежь въ идеалѣ труда и исполненія долга... Честь ему, любовь и слава!

„Моя жизнь была богата прекрасными образами, по временамъ душа трепетала отъ радостнаго порыва передъ лицомъ героизма и самоотверженной отваги. Но все это были люди, обвитые чернымъ крепомъ — надъ ними незримо витала надпись: „Се — обреченные“. Ихъ долей было — умереть. Умирать на эшафотѣ или въ одиночной камерѣ узника.. Увянуть, не давъ всего, что они могли дать, увянуть безъ дѣятельности, внѣ потока жизни. Въ поколѣнія людей, наиболѣе мнѣ родныхъ по духу, наиболѣе близкихъ, — кто остался внѣ тюрьмы и ссылки и жилъ, какъ свободные люди живутъ: въ вѣчной борьбѣ съ предрасудками, съ отсталыми учрежденіями, день за днемъ подкапываясь подъ нихъ, въ борьбѣ съ носителями всякой лжи, лицемерія, съ угнетателями мысли и свободной дѣятельности?

„Послѣ выхода изъ Шлиссельбурга такого общественнаго дѣятеля я встрѣтила лично лишь одного. Это былъ П. Ф. Лесгафтъ.

„Въ 19 лѣтъ онъ явился передо мной и чуть не черезъ 40 лѣтъ опять явился все тотъ же, только углубленный и болѣе для меня понятный. Онъ былъ въ моей жизни, въ этомъ смыслѣ, „единственнымъ“ и одинъ занимается опредѣленное большое мѣсто въ душѣ.

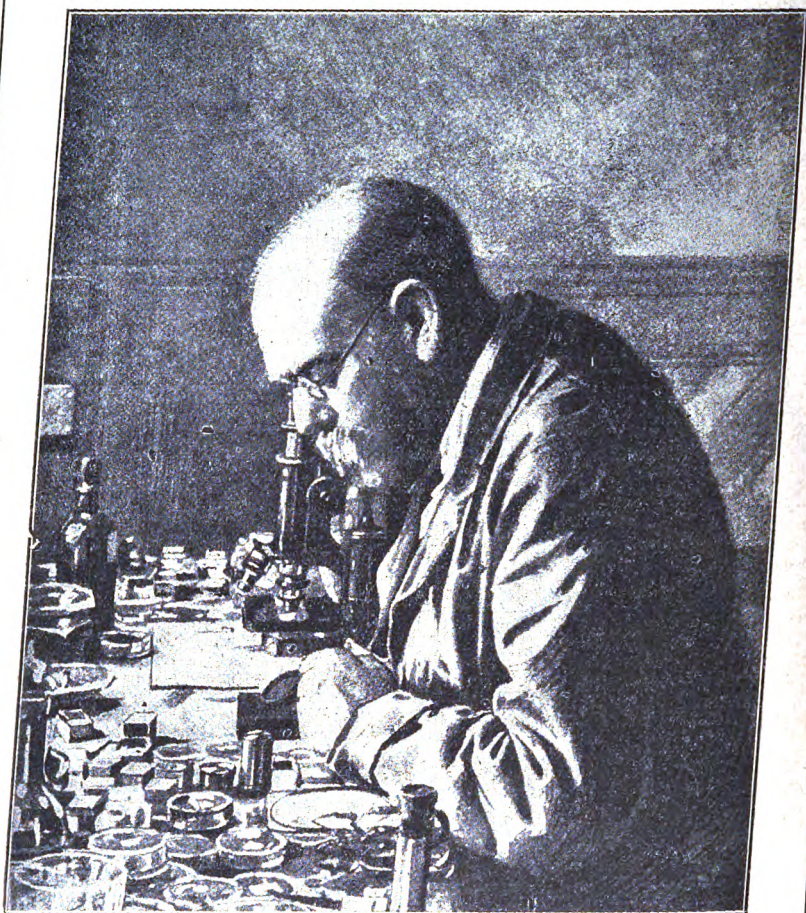
„Англичане удивляются русскимъ; удивляются ихъ умѣнью умирать, легкости, съ которой они идутъ на смерть. Но кромѣ героизма смерти, есть героизмъ жизни. И я удивляюсь великимъ людямъ Англіи, умѣющимъ жить, т. е. творить, создавать. Къ такимъ героямъ жизни и вождямъ ея я причисляю и П. Ф. Лесгафта“...

Намъ остается нѣсколькими штрихами дополнить характеристику научныхъ взглядовъ Петра Францевича. Мы уже говорили о вліяніи ученія Ламарка на взгляды Лесгафта. Зависимость формы органа отъ его функций, т. е. дѣятельности, и строгое соотношеніе всякаго органа съ работой, на которую онъ обреченъ внѣшними условіями и внутренними побужденіями cadaго существа, — вотъ тѣ принципы, которые Лесгафтъ прослѣживалъ въ огромномъ матеріалѣ анатоміи и при помощи которыхъ онъ связывалъ эту „мертвую“ науку съ живой жизнью. Съ этой точки зрѣнія П. Ф. — чу удалось освѣтить рядъ сложныхъ и запутанныхъ анатомическихъ положеній. Серьезнымъ вкладомъ въ науку является его анатомія органовъ движенія, разработанная на основаніи геометрическаго анализа. Какъ глубоко онъ проводилъ этотъ принципъ, видно изъ того, что эту часть своего курса по анатоміи онъ разрабатывалъ на основаніи аналитической и строительной механики, теоріи сопротивленія матеріаловъ и наукъ математическаго цикла. Для того, чтобы справиться съ такой задачей, онъ самъ бралъ уроки математики у проф. Имшенецкаго, строительной механики — у Бѣлелюбскаго, ана-

литической механики — у проф. Шукина. Но задача его была шире и этих предѣловъ. Онъ умѣлъ разсматривать организмъ не только какъ механикъ, но и какъ біологъ. И это еще въ большей степени повышало значеніе научной работы П. Ф-ча. „Въ единомъ синтезѣ“, — говоритъ г. Эрасси, — „сочеталъ Петръ Францевичъ въ своемъ курсѣ анатомію, физиологію, психологію, паталогію, антропологію, гистологію, эмбриологію, сравнительную анатомію и т. д. — словомъ, весь циклъ біологическихъ наукъ. Въ отдѣльности эти науки для него не существовали — всегда бралъ онъ явленіе въ его цѣломъ и давалъ ключъ къ полному обладанію имъ; эти отдѣльныя науки въ его изложеніи представлялись отдѣльными точками зрѣнія на одно и то же явленіе“. Конечно, выполненіе такой огромной задачи было посильно только человѣку огромныхъ познаній и большого таланта.

Не менѣе значительны его заслуги въ области педагогики, гдѣ онъ сумѣлъ выдѣлить рядъ различныхъ типовъ дѣтей, требующихъ различнаго педагогическаго ухода, и, въ частности, въ области физическаго воспитанія, которое онъ поставилъ на совершенно новыхъ основаніяхъ *).

*) Матеріалъ для этой біографіи взятъ изъ сборника „Памяти Петра Францевича Лесгафта“. Подъ редакціей Совѣта С.-Петербургской Біологической Лабораторіи П. Ф. Лесгафта.

Д-ръ Робертъ Кохъ за микроскопомъ. Наука обязана Коху
открытіемъ многихъ зародышей болѣзней.

Глава изъ исторіи борьбы съ недугами человѣчества.

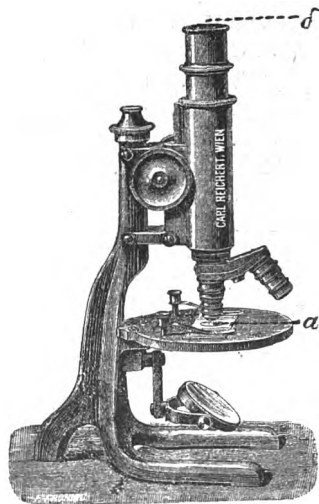
Гарвей, Вирховъ, Пастеръ—три имени, отмѣчающихъ, какъ мы это выяснимъ въ нижеслѣдующемъ изложеніи, три великихъ эпохи въ исторіи медицины, ибо каждый изъ нихъ оставилъ медицину иной, чѣмъ она была до него. Но, говоря о Пастерѣ, было бы глубочайшей несправедливостью не упомянуть о Дженнерѣ, великомъ его предшественникѣ, поставившемъ, — хотя и ощупью, — первую вѣху на томъ пути, который

привелъ къ одному изъ величайшихъ методовъ лѣченія — серотерапіи. Такимъ образомъ группа великихъ дѣлителей человѣчества, къ выясненію значенія которой мы переходимъ въ настоящій моментъ въ хронологическомъ отношеніи расположится слѣдующимъ образомъ: Гарвей, Дженнеръ, Вирховъ, Пастеръ.

До Гарвея вся медицина находилась во власти представленій, за-вѣщанныхъ человѣчеству древнимъ міромъ. Медицина въ то время не была еще наукой, т. е. системой воззрѣній, устанавливающихъ между явленіями причинную связь и позволяющихъ дѣлать предсказанія относительно исхода того или другого жизненнаго процесса. Медицина, сказали мы, не была наукой, она проходила еще, какъ и другія науки, стадію искусства. Она эмпирически (путемъ опыта) накопляла рядъ

Простой микроскопъ для наблюденія микроскопическихъ существъ.

Общій видъ болѣе усовершенствованнаго микроскопа.

данныхъ относительно тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ могутъ быть облегчены страданія человѣческія. Надъ этимъ сырымъ матеріаломъ, заключавшемъ много неправильныхъ, неточныхъ свѣдѣній, предстояло уму совершить еще колоссальную работу, приводившую къ тѣмъ или другимъ бесспорнымъ обобщеніямъ, и только эти обобщенія и начинаютъ мало-по-малу дѣлать медицину наукой о больномъ человѣкѣ. При такихъ условіяхъ даже такіе тонкіе наблюдатели и глубокіе философы, какъ Гиппократъ (за 4 вѣка до христіанской эры), могли только ощупью бродить въ своихъ предположеніяхъ о сущности болѣзненныхъ явленій въ тѣлѣ человѣка и животныхъ. Да иначе и быть не могло, такъ какъ только знаменитый Галенъ, жившій двумя вѣками позднѣе Гиппократа, далъ первыя сколько-нибудь соответствующія истинѣ представленія о кровообращеніи. До Галена полагали, что все наше тѣло проникнуто воздухомъ. Этотъ воздухъ изъ легкихъ проходитъ въ сердце, а изъ сердца въ артеріи, по которымъ и разносится по всему тѣлу. Отсюда пошло и названіе этихъ сосудовъ — артерій: аеръ по-гречески —

воздухъ, терео—несу. Въѣшнимъ образомъ предразсудокъ этотъ поддерживался тѣмъ, что разрѣзанныя артеріи у мертвыхъ животныхъ всегда представляются въ видѣ зіяющихъ, наполненныхъ воздухомъ трубокъ. Ошибочное это воззрѣніе вносило тѣмъ больше путаницы, что и въ понятіе воздуха древніе сумѣли вложить ни съ чѣмъ не сообразное представление о какихъ-то мистическихъ существахъ. Подъ именемъ воздуха они подразумѣвали „духовъ“, проникающихъ въ тѣло и управляющихъ его дѣятельностью. Вотъ эти-то воззрѣнія и были причиной того, что научныя изслѣдованія еще въ прошломъ вѣкѣ не могли отдѣлаться отъ разныхъ фантастическихъ жизненныхъ, животныхъ и другихъ духовъ, исполняющихъ ту или другую работу организма. Важнѣйшей заслугой Галена было то, что онъ отдѣлилъ кровеносную систему отъ системы дыхательныхъ органовъ и показалъ, что кровь постоянно движется, какъ въ артеріяхъ, такъ и въ венахъ. Однако, Галену и въ голову не приходило, чтобы изъ артерій кровь переходила въ вены, и такимъ образомъ и этотъ замѣчательный ученый не могъ дать правильной картины кровообращенія. По мнѣнію Галена, артеріальная и венозная система были совершенно отдѣлены другъ отъ друга. Онъ утверждалъ, что венозная система цѣликомъ беретъ начало изъ печени и лишь мимоходомъ затрагиваетъ сердце. Наоборотъ, артеріальная система всецѣло выходитъ изъ сердца. Онъ утверждалъ далѣе, что кровь въ венахъ движется отъ сердца, какъ и въ артеріяхъ, и слѣдовательно, даже самымъ отдаленнымъ образомъ не подходилъ къ идеѣ кровообращенія. Далѣе, фантазировалъ онъ: венозная кровь является по своимъ свойствамъ грубой и служитъ главнымъ образомъ для питанія; наоборотъ, артеріальная кровь одухотворена и распределяетъ по всему тѣлу тѣхъ таинственныхъ духовъ, которые и исполняютъ работу организма. Оба этихъ сорта крови могутъ сталкиваться другъ съ другомъ, но они никогда не сливаются въ одинъ цѣльный потокъ. Огромную ошибку совершилъ Галенъ и при истолкованіи того, какъ кровь изъ правой половины сердца переходитъ въ лѣвую (и обратно). Онъ утверждалъ, что въ стѣнкѣ между правымъ и лѣвымъ желудочкомъ должно быть отверстіе.

Эта изумительная путаница находить себѣ оправданіе въ томъ, что Галенъ писалъ свое знаменитое сочиненіе „О пользѣ частей“, ни разу не произведя вскрытія человѣческаго тѣла. Какой, слѣдовательно, открывался безграничный просторъ для самыхъ необузданныхъ и фантастическихъ предположеній!

Вотъ та вершина познаній о человѣческомъ тѣлѣ, которой достигъ Галенъ. Конечно, древніе не остановились бы на всѣхъ этихъ ошибкахъ, окончательно связавшихъ человѣческую мысль. Но, къ сожалѣнію, сама языческая культура вскорѣ послѣ Галена была обречена на уничтоженіе. Погибла славная Александрійская школа; погибли ея самыя разнообразныя ученныя учрежденія: библіотеки, музеи, звѣринцы, ботаническіе сады, обсерваторіи; греческіе философы были объявлены нечестивыми; религіозный фанатизмъ съ ненавистью говорилъ о „ложной наукѣ міра“, желающей что-то открыть помимо Библии и священныя книгъ. Евсевій, одинъ изъ наиболѣе яркихъ представителей этого теченія, такъ и возвѣщалъ: „не по незнанію того, чѣмъ интересуются ученые, но по презрѣнію къ такимъ бесполезнымъ вещамъ, мы пренебрегаемъ ими и обращаемъ душу къ лучшей дѣятельности“. Это презрѣніе къ наукѣ и полное отсутствіе какихъ бы то ни было средствъ просвѣщенія привело къ тому, что всякій прогрессъ научной мысли

остановился. Когда, спустя нѣсколько вѣковъ послѣ этого, Западная Европа освободилась отъ гнета этого фанатизма, то лучшіе ея представители должны были употребить массу труда и времени на то, чтобы начать опять съ „азовъ“, усвоить начала той культуры, которая, не смотря ни на что, все же въ значительной мѣрѣ сохранилась при помощи древне-греческихъ и римскихъ писателей. Это прохожденіе началъ древней культуры для Средней Европы представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ въ составъ новыхъ европейскихъ національностей влилось много „свѣжей крови“, — народовъ, не принимавшихъ раньше никакого участія въ европейской культурѣ. Новые ученики съ величайшимъ благоговѣніемъ отнеслись къ своимъ древнимъ учителямъ. Ихъ слово стало закономъ; ихъ книги — самой наукой; ихъ мировоззрѣнія — тою оградой, за предѣлы которой человѣкъ не рѣшился выпускать свою мысль. Особенно тяжело отразилось такое положеніе науки на изученіи организма больного и здороваго человѣка.

„Въ медицинскихъ школахъ“, — говоритъ г. В. В. Святловскій, — „ограничивались повтореніемъ и комментированіемъ Галена, и если изрѣдка какой-нибудь ученый, особенно послѣ случайнаго разсѣченія человѣческаго тѣла, удовольствился, что великій эмпирикъ древности ошибался, то онъ или просто молчалъ или, если осмѣливался говорить, то вмѣсто того, чтобы смѣло указывать на ошибку, робко заявлялъ, что органы человѣческаго тѣла несомнѣнно должны были измѣниться съ того времени, когда жилъ этотъ знаменитый ученый. Галенъ пользовался при своихъ анатомическихъ занятіяхъ трупами обезьянъ и собакъ“.

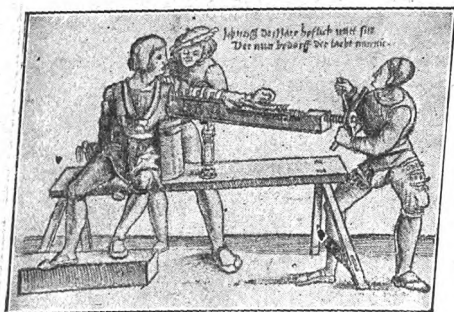
Такое положеніе вещей должно было продолжаться до тѣхъ поръ, пока человечество не побѣдило еще одного изъ своихъ предрассудковъ — о неприкосновенности человѣческаго тѣла. Только анатомія могла проложить новый путь для медицины. Но средневѣковые ученые вмѣстѣ со множествомъ другихъ неправильныхъ взглядовъ древности усвоили и тотъ ужасъ, который древніе питали ко всякой попыткѣ разсѣченія человѣческаго тѣла съ научными цѣлями. Какой силы предрассудки этого рода достигали у древнихъ грековъ, видно хотя бы изъ той драмы, которая однажды разыгралась въ Афинахъ. Однажды афинскіе полководцы, только что одержавшіе блестящую побѣду, не могли немедленно предать трупы павшихъ воиновъ погребенію, и народъ афинскій приговорилъ этихъ побѣдителей къ смертной казни. Конечно, въ этомъ случаѣ сыграли важную роль всякаго рода интриги, но такой поворотъ дѣла оказался бы совершенно немыслимымъ, если бы весь народъ не былъ пропитанъ самой живой вѣрой въ необходимость полной неприкосновенности человѣческаго тѣла. И этотъ-то предрассудокъ, убивавшій всякую возможность прогресса для анатоміи и фізіологіи цѣликомъ перешелъ и въ

Прижиганіе раны въ старину.
(Изъ старинной книги 1527 года).

средніе вѣка. Съ большой неохотой человѣчество разставалось съ этимъ предрасудкомъ. Почти до половины XIX столѣтія анатомировать разрешалось только трупы казенныхъ преступниковъ. И до какихъ чудовищныхъ формъ доходили въ этомъ отношеніи люди! „Великій герцогъ Тосканскій“, — рассказываетъ одинъ изъ выдающихся анатомовъ средневѣкова, — „приказалъ магистрату города Пизы представить въ наше распоряженіе человѣка, котораго мы могли бы убить, какъ хотѣли, съ тѣмъ, чтобы разсѣчь трупъ его... Я далъ человѣку, предоставленному такимъ образомъ въ мое распоряженіе, два грана опиума; онъ страдалъ сильной лихорадкой и наступившій пароксизмъ помѣшалъ дѣйствию яда. Несчастный, радуясь своему спасенію, просилъ меня дать ему второй приемъ и, въ случаѣ, если онъ останется живъ, выхлопотать ему помилованіе у герцога. Во второй разъ я далъ ему два грана опиума не во время пароксизма, и онъ умеръ“.

Потребность въ созданіи правильной научной анатоміи была такъ велика, что ученые не останавливались часто ни передъ какими преградами.

„Narr“ („Дуракъ“) — средневѣковый аппаратъ для растяженія при лѣченіи членовъ человѣческаго тѣла.

Въ Англіи, напр., образовался особый промыселъ — разрываніи труповъ, которые затѣмъ продавались по высокой цѣнѣ студентамъ и ученымъ, держались въ глубочайшей тайнѣ и съ величайшими предосторожностями подвергались вскрытіямъ. Какую необычайную картину должны были представлять эти практическія занятія по анатоміи, непосредственно соприкасавшіяся съ самими тяжелыми формами уголовщины того времени — оскверненіемъ могилъ! Но проснувшаяся пылкость мысли не останавливалась ни передъ чѣмъ. Везалій, смѣловступившій въ борьбу съ средне-

вѣковыми предрасудками и мужественно осмѣявшій дикое воззрѣніе тогдашнихъ ученыхъ относительно того, что отъ молодежи необходимо скрывать правду для того, чтобы не подорвать авторитетовъ, самъ признавался, что грабилъ могилы и воровалъ тѣла съ висѣлицы. Но какую тяжелую душевную драму долженъ былъ при этомъ переживать этотъ смѣлый ученый, заложившій со скальпелемъ въ рукахъ фундаментъ современной анатоміи, показываетъ тотъ фактъ, что и самъ не выдержалъ испытанія и подъ конецъ жизни сошелъ съ ума: онъ собственными руками сжегъ свои рукописи и предпринялъ очистительное путешествіе пѣшкомъ въ Іерусалимъ.

Огромная заслуга Везалія заключается въ томъ, что онъ первый понялъ и рѣшительно высказалъ мысль, что никакого отверстія между правымъ и лѣвымъ желудочкомъ сердца не существуетъ. Распаркиваясь и раскланиваясь передъ „божественнымъ мужемъ“ (Галеномъ), Везалій тѣмъ не менѣе устанавливаетъ болѣе двухъ сотъ анатомическихъ ошибокъ у него. Само собою разумѣется, что подобная, — хотя и выраженная въ весьма почтительныхъ формахъ, — смѣлость не прошла Везалію даромъ, и на него обрушился потокъ свирѣпыхъ ругательствъ со стороны ревнителей древности. Одинъ изъ нихъ, — Сильвій, извѣстный въ свое

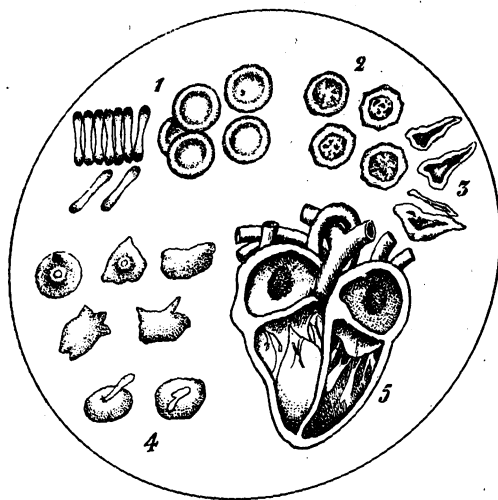
время анатомъ, — называетъ Везаліа „гордецомъ, нечестивцемъ, клеветникомъ, перебѣзчикомъ, чудовищемъ, нечистое дыханіе котораго отравляетъ Европу“.

Но методъ изслѣдованія былъ установленъ, и движеніе науки медленно и неуклонно стало подвигаться по своему пути. Вскорѣ послѣ Везаліа Серветъ, современникъ великаго анатома, самъ анатомъ и богословъ, увлекся задачей открыть мѣсто нахождения души. Цѣлымъ рядомъ сложныхъ и окольныхъ соображеній онъ пришелъ къ выводу, что душа должна находиться въ крови. Это „открытие заставило его внимательно отнестись къ движенію крови по тѣлу, и онъ сумѣлъ въ своей книгѣ „Возстановленіе христіанства“ совершенно правильно описать такъ называемое малое или легочное кровообращеніе. „Сообщеніе (между правой и лѣвой половиной сердца) происходитъ не черезъ перегородку сердца, какъ обыкновенно думаютъ, и путемъ удивительнаго приспособленія кровь переходитъ изъ праваго предсердія въ легкое, тутъ преобразуется, принимаетъ желтый цвѣтъ: переходитъ изъ легочной артеріи въ легочную вену... и наконецъ достигаетъ лѣваго желудочка“. Однако, предразсудки того времени были такъ велики, а обаяніе Галена настолько неотразимо, что это замѣчательное открытіе осталось совершенно непонятнымъ и скорѣе было совершенно забыто тѣмъ болѣе, что книга Сервета, какъ произведеніе, заключающее еретическія мысли, подверглась сожженію. Уже послѣ смерти Сервета легочное кровообращеніе было снова описано Реальдо Коломбо (1559 г.).

1603 годъ сдѣлалъ новыя завоеванія въ изученіи человѣческаго тѣла. Именно, въ этомъ году Фабрицій описалъ венныя заслоночки, но совершенно не понялъ ихъ назначенія. По его мнѣнію, онѣ способствуютъ движенію крови отъ сердца, тогда какъ въ дѣйствительности назначеніе ихъ совершенно обратное. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ новыхъ анатомическихъ открытій, уже не имѣющихъ отношенія къ кровообращенію, этому важнѣйшему явленію въ жизни нашего организма. Но власть предразсудковъ была еще такъ сильна, что ни замѣчательное открытіе Везаліа, установившаго отсутствіе какого бы то ни было непосредственнаго сообщенія между правой и лѣвой половинами сердца, ни въ высшей степени поучительныя описанія Сервета и Коломбо легочнаго кровообращенія, не заставили отказаться отъ старыхъ галеновскихъ воззрѣній, и самъ Везалій думалъ, что кровь все-таки, „пропотѣваетъ“ сквозь сердечную перегородку; подобнаго же взгляда держался и Серветъ. Такимъ образомъ замѣчательныя анатомическія открытія на первое время не только не послужили къ выясненію истиннаго положенія вещей, а еще въ большей степени запутали воззрѣнія врачей и естествоиспытателей. До какого хаоса представленій доводило это смѣшеніе старыхъ и новыхъ воззрѣній, показываетъ ученіе одного изъ выдающихся анатомовъ того времени — Цезальпина.

„Если прочесть безъ предвзятой мысли тѣ мѣста изъ его сочиненій, которые относятся къ занимающему насъ предмету“, — говоритъ г. М. А. Энгельгардтъ, — „то легко убѣдиться, что у него не было не только представленія о кровообращеніи, но и вообще никакого опредѣленнаго представленія о движеніи крови. Онъ говоритъ о „вѣчномъ движеніи крови изъ полыхъ венъ черезъ сердце и легкія въ аорту“, но это — легочное кровообращеніе, уже извѣстное Сервету и Коломбо. Онъ говоритъ о движеніи теплоты по артеріямъ въ вены и по венамъ въ сердце; но анастомозы венъ и артерій были извѣстны еще Галену и Эразистрату; Серветъ говоритъ о переходѣ жизненнаго духа изъ артерій въ

вены; все это не имѣетъ никакого отношенія къ кровообращенію, такъ какъ теплота и жизненный духъ — не кровь. Далѣе, Пезальпинъ замѣтилъ, что вены при перевязкѣ вздуваются на сторонѣ удаленной отъ сердца и совершенно справедливо заключилъ, что этотъ фактъ противорѣчитъ о движеніи крови по венамъ отъ сердца. Отсюда казалось бы прямой выводъ: кровь движется по венамъ къ сердцу; но это противорѣчитъ древнимъ воззрѣніямъ, отъ которыхъ не могъ освободиться Пезальпинъ, — и послѣ долгихъ туманныхъ разсужденій онъ приходитъ къ старому Аристотелевскому ученію о „восхожденіи крови къ верхнимъ частямъ тѣла и возвращеніи ея къ нижнимъ въ формѣ прилива и отлива“. Далѣе мы находимъ у него разсужденіе о двухъ родахъ крови: грубой, которая „разносится венами по всѣмъ членамъ тѣла“, и питающей, которая движется по артеріямъ и снабжаетъ тѣло духами, жизненной силой и теплотой. — Воззрѣнія, очевидно,

1, 2, 3 — красныя кровяныя тѣльца.
4 — бѣлыя кровяныя тѣльца. 5 — раз-
рѣзъ сердца.

столь же далекія отъ идеи кровообращенія, какъ система Птолемея отъ системы Коперника“.

И тѣмъ не менѣе, работы Галена, Везалія, Сервета, Колумбо, Фабриція подготовили почву для одного изъ величайшихъ въ физиологіи, а слѣдовательно, и въ медицинѣ открытій, — открытія кровообращенія Гарвеемъ, — открытія, которое, по мнѣнію Даранбера, раздѣлило всю медицину на двѣ эпохи — до Гарвея и послѣ Гарвея. „До Гарвея“, — читаемъ мы у г. В. В. Свѣтловскаго, — „болѣзни разсматривались только въ своихъ проявленіяхъ симптоматически, чисто внѣшнимъ образомъ; послѣ Гарвея ученые проникли, такъ сказать, внутрь тѣла, познакомились съ функ-

ціей органовъ. Кромѣ открытія кровообращенія, заслуга Гарвея состоитъ въ томъ, что онъ внесъ въ науку плодотворную идею о существованіи въ физиологіи неизбѣжныхъ и постоянныхъ законовъ“.

На основаніи изученія строенія сердца и клапановъ Гарвей пришелъ къ убѣжденію, что кровь должна непрерывнымъ потокомъ течь изъ венъ черезъ сердце и легкія въ артеріи. Но въ такомъ случаѣ куда уже дѣвается эта кровь, вступающая въ артеріи? Простой расчетъ показывалъ, что если при каждомъ сжатіи сердца выбрасывается изъ него только одна драхма крови, то тысяча сердцебиеній, для которыхъ потребуется всего только полчаса, вгонять въ артеріи 10 фунтовъ крови. Болѣе подробнѣе изученіе кровообращенія показало, что для этихъ расчетовъ взяты слишкомъ малыя среднія. Въ дѣйствительности, въ теченіи получаса въ артеріи вгоняется сердцемъ около полутора фунтовъ крови. И тѣмъ не менѣе, въ артеріяхъ при обычныхъ условіяхъ не замѣтно ни малѣйшаго переполненія. Слѣдовательно, — сдѣлалъ выводъ Гарвей, — та самая кровь, которая вгоняется сердцемъ въ артеріи переливается

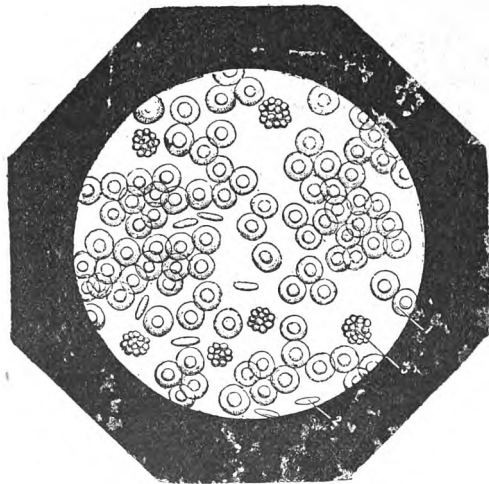
ня“.

еобращеніи,
езальниъ
удаленіи
фактъ про
ода казал
но это при
свободитъ
приходитъ
къ верши
прилива
родать про
члены
и снабже
я, очеви
тъ идеи
система
Коперни
ѣ, раб
рвета, и
одготовил
велич
и слѣд
тъ отъ
браще
ія, по
ра, ра
на дв
тъ Гар
емъ м
— „бо
только
много
тъ об
енны
утъ
нн
тъ
нн

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.
Портретъ работы И. Е. Рѣпина.

въ вены и по нимъ возвращается къ сердцу для того, чтобы начать опять все тотъ же круговоротъ. Удивительно простая мысль, которая тѣмъ не менѣе въ теченіе тысячелѣтій никому не приходила въ голову, пока она не была развита, какъ слѣдуетъ, Гарвеемъ (въ 1628 г.) въ его замѣчательномъ произведеніи „Анатомическое изслѣдованіе о движеніи сердца и крови въ животныхъ“. Эта книга знаменовала полное освобожденіе отъ рабскаго повторенія воззрѣній древнихъ. Она составила эпоху, какъ въ физиологіи, такъ и въ медицинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гарвей разработалъ новый методъ изслѣдованія физиологическихъ и патологическихъ явленій — вивисекцію животныхъ, т. е. вскрытіе внутреннихъ полостей живого животнаго для выясненія той работы, какую производятъ его органы. Какъ ни жестокъ этотъ методъ (опытнымъ изслѣдователемъ страданія животнаго при помощи различныхъ средствъ могутъ быть сведены до minimum'a), но въ дѣлѣ физиологіи и медицины онъ оказался неизбѣжнымъ и принесъ, какъ увидимъ при разборѣ работъ Пастера, неисчислимыя блага человѣчеству. Вивисекція, какъ методъ изслѣдованія, былъ предпринятъ общимъ міросозерцаніемъ Гарвея, которымъ онъ приближался къ величайшимъ философамъ своего времени. „Доказывать, принимать, отвергать“, — говоритъ онъ, — „необходимо на основаніи тщательнаго изслѣдованія, при чемъ всякое предположеніе должно подвергаться и испытываться свидѣтельствомъ чувствъ, которыя одни могутъ показать намъ, не скрывается ли въ нашихъ заключеніяхъ какой-нибудь фикція. Не предвзятое мнѣніе и свидѣтельство чувствъ, не броженіе ума, а наблюденіе должно убѣждать насъ въ истинности или ложности ученія“.

Капля крови подъ микроскопомъ (увелич. 600 разъ). 1 и 2 — красныя кровяныя тѣльца. 3 — бѣлыя кровяныя тѣльца.

Не смотря на удивительную ясность, съ которой Гарвей изложилъ свои воззрѣнія, не смотря на цѣлый рядъ блестящихъ доказательствъ, которыя онъ привелъ въ пользу своего ученія, воззрѣнія Гарвея замутили все ученое болото того времени. Впрочемъ, Гарвей и самъ предвидѣлъ подобный оборотъ дѣла. „Мои воззрѣнія такъ новы“, — писалъ онъ, — „что я боюсь возбудить вражду не только немногихъ, но и всего рода человѣческаго: до такой степени привычка и разъ укоренившіяся мнѣнія овладѣваютъ людьми. Тѣмъ не менѣе — жребій брошенъ; надѣюсь на любовь къ истинѣ и честность просвѣщенныхъ умовъ“. Надежды Гарвея оказались сильно преувеличенными и въ значительной степени преждевременными. Шумъ, который поднялся вокругъ сочиненія Гарвея, превзошелъ всякія ожиданія. Немедленно же появилась огромная литература, направленная противъ Гарвея. Приморозъ, ссылаясь, какъ на главный аргументъ, на то обстоятельство, что вотъ-де

раньше ничего не знали о кровообращеніи, а тѣмъ не менѣе умѣли вылѣчивать болѣзни; значитъ, все ученіе Гарвея представляетъ собой вздоръ. Венеціанскій врачъ Паризанусъ написалъ противъ Гарвея огромную книжищу, въ которой полемизировалъ съ Гарвеемъ такими неясными мыслями и такимъ нелѣпымъ языкомъ, что, вѣроятно, и самъ себя не понималъ, какъ слѣдуетъ. Знаменитый анатомъ Каспаръ Гофманъ также поднималъ голосъ противъ Гарвея и не хотѣлъ вникнуть въ опыты, которые этотъ послѣдній устраивалъ передъ нимъ. Выдающійся анатомъ и ботаникъ. Іоганнъ Веслингъ никакъ не могъ понять, чѣмъ объясняется различіе въ окраскѣ венозной и артеріальной крови. Франзоліусъ указывалъ на то, что открытіе Гарвея никакимъ образомъ не можетъ быть примирено съ воззрѣніями древнихъ, а потому должно быть отвергнуто безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Жанъ де ла Торре допускалъ, что въ патологическихъ случаяхъ еще можетъ образоваться кровообращеніе, но, чтобы допустить его въ нормальныхъ условіяхъ, надо быть бузумцемъ. Магнассій не могъ допустить, чтобы лѣвая половина сердца и артерій также были наполнены кровью, а не служили для фабрикаціи и распределенія по тѣлу „духовъ“. Жанъ Риоланъ, парижскій профессоръ, пріпертый ясностью доказательствъ Гарвея, согласился лишь на то, что кровообращеніе, дѣйствительно, наблюдается въ животномъ организмѣ, но только „случайно“, и на основаніи этого съ величайшимъ презрѣніемъ относился къ великому естествоиспытателю. „Много ты высказалъ глупостей“, — бросилъ онъ по его адресу, — „еще больше лжи“. Гюи-Патень говорилъ по поводу Гарвея съ какою-то непонятной ненавистью: „Мы переживаемъ эпоху нововведеній и невѣроятныхъ выдумокъ. Я даже не знаю, повѣрять ли наши потомки въ возможность подобнаго безумія“. Вся эта кампанія противъ Гарвея окончилась тѣмъ, что Парижскій медицинскій факультетъ строго запретилъ раздѣлять воззрѣнія Гарвея. Но послѣдній нисколько не смущался. Онъ глубоко вѣрилъ въ правильность своихъ воззрѣній. „Ученіе о кровообращеніи“, — говорилъ онъ, — „уже много лѣтъ тому назадъ было предложено міру, подкрѣпленное многочисленными опытами и доказательствами, доступными для чувствъ. Никто, однако, не пытался возражать противъ него, опираясь на наблюденія. Пустыя утвержденія, ни на чемъ неоснованныя отрицанія, вздорныя придирки, оскорбительные эпитеты — вотъ все, что доставалось на долю автору и ученію. Какъ волны Сицилійскаго моря, вздымаемые вѣтромъ, бросаются на скалы вокругъ Харибды, шумятъ и пѣнятся, и мечутся туда и сюда, такъ бушуютъ и тѣ, кто пытается противопоставить софистическія и лживыя разсужденія очевидному свидѣтельству чувствъ“.

И Гарвей былъ правъ. Не смотря на всю эту травлю, дѣло установленія истины все же подвигалось впередъ. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Гарвея Мальпиги сумѣлъ завершить картину кровообращенія. Дѣло заключается въ томъ, что Гарвею не удалось указать тѣхъ путей, по которымъ кровь изъ артерій переходитъ въ вены. Эти пути, — волосные сосудики, — были открыты Мальпиги, который наблюдалъ подобный переходъ крови изъ артерій въ вены по волоснымъ сосудамъ въ легкихъ и брыжжейкѣ лягушки (въ 1661 г.).

Дальнѣйшіе успѣхи физиологіи и патологіи обязаны трудамъ Галлера и особенно знаменитаго Іоганна Мюллера. Этому послѣднему, — „одному изъ величайшихъ біологовъ всѣхъ временъ,“ по опредѣленію Шенлейна, знаменитаго врача, — намъ позднѣе придется посвятить, конечно, отдѣльный біографическій очеркъ. Здѣсь же мы ограничимся

только общей характеристикой этого ученаго, поскольку это намъ необходимо для дальнѣйшаго выясненія настоящей нашей темы. Для этой характеристики достаточно будетъ сказать, что Іоганнъ Мюллеръ съ необычайнымъ блескомъ продолжалъ то дѣло, которое началъ Гарвей. Именно, ему физиологія обязана тѣмъ, что разработка выдвигаемыхъ ею вопросовъ стала отнынѣ въ зависимости только отъ строго поставленныхъ опытовъ и наблюдений. Іоганнъ Мюллеръ представляетъ для насъ переходъ къ Вирхову, ученику великаго физиолога.

Подобно тому, какъ великіе предшественники Вирхова поставили физиологію, т. е. науку о дѣятельности органовъ здороваго человѣка, или, говоря иначе, въ нормальныхъ условіяхъ, на естественно историческое основаніе, такъ Вирховъ ввелъ патологию, т. е. науку о больномъ человѣкѣ, или, говоря иначе, о дѣятельности его органовъ въ ненормальныхъ условіяхъ, въ число біологическихъ наукъ и доказалъ, что между физиологическимъ и патологическимъ явленіемъ разница заключается (не въ существѣ этихъ явленій, а лишь въ условіяхъ, въ которыхъ поставлены одни и тѣ же элементы тѣла человѣка (или вообще живого существа). Такимъ образомъ съ этой точки зрѣнія Вирховъ является прямымъ послѣдователемъ и продолжателемъ дѣла своихъ великихъ предшественниковъ. „Целлюлярная патологія въ ея основахъ на физиологическомъ и патологическомъ ученіи о тканяхъ“ является тѣмъ новымъ поворотнымъ пунктомъ въ медицинѣ, которымъ мы обязаны генію Вирхова. Уже самое заглавіе только что упомянутой книги — „целлюлярная патологія“ — показываетъ, что центръ тяжести своихъ изслѣдованій патологическихъ явленій Вирховъ переноситъ въ клѣтки, эти носительницы всякой жизни. Конечно, изслѣдованія Вирхова стали возможными только послѣ того, какъ самое ученіе о клѣткѣ было поставлено на прочное научное основаніе. Шлейденъ и Шванъ — вотъ имена тѣхъ великихъ ученыхъ, которые въ своихъ капитальныхъ трудахъ дали намъ основныя представленія о клѣткѣ и ея жизни. Именно Шлейдену мы обязаны основаніемъ ученія о растительной клѣткѣ, а Швану — о животной клѣткѣ. Но первые шаги въ этой новой научной области, естественно, оказались несвободными отъ

Маттіасъ Яковъ Шлейденъ.

пунктомъ въ медицинѣ, которымъ мы обязаны генію Вирхова. Уже самое заглавіе только что упомянутой книги — „целлюлярная патологія“ — показываетъ, что центръ тяжести своихъ изслѣдованій патологическихъ явленій Вирховъ переноситъ въ клѣтки, эти носительницы всякой жизни. Конечно, изслѣдованія Вирхова стали возможными только послѣ того, какъ самое ученіе о клѣткѣ было поставлено на прочное научное основаніе. Шлейденъ и Шванъ — вотъ имена тѣхъ великихъ ученыхъ, которые въ своихъ капитальныхъ трудахъ дали намъ основныя представленія о клѣткѣ и ея жизни. Именно Шлейдену мы обязаны основаніемъ ученія о растительной клѣткѣ, а Швану — о животной клѣткѣ. Но первые шаги въ этой новой научной области, естественно, оказались несвободными отъ

цѣлаго ряда неправильныхъ воззрѣній, которыя впослѣдствіи сильно тормазили развитіе науки.

Многія изъ тѣхъ положеній, которыя были выяснены Шлейденомъ для растительной клѣтки, были цѣликомъ перенесены Шваномъ въ ученіе о животной клѣткѣ. Такимъ образомъ и относительно животной клѣтки онъ повторилъ ошибочное воззрѣніе Шлейдена о существованіи бластемъ, подъ которыми онъ подразумѣвалъ извѣстное скопленіе веществъ, изъ которыхъ образуются клѣтки. По этому воззрѣнію, клѣтки образуются изъ бластемъ совершенно такъ же, какъ кристаллы изъ маточнаго раствора. Образованіе клѣтокъ, по этой теоріи, являлось именно органической кристаллизаціей. Такой органической кристалль, по представленіямъ

Теодоръ Шванъ.

Швана, долженъ имѣть видъ пузырька, отдѣленнаго отъ внѣшняго міра оболочкой и наполненнаго особеннымъ клѣточнымъ содержимымъ, заключающимъ внутри себя ядро клѣтки, возникающее изъ бластемы ранѣе другихъ элементовъ клѣтки. Нетрудно видѣть, какое значеніе это ученіе должно было имѣть для медицины вообще и для патологіи въ частности. Если клѣтка представляетъ собою кристалль, выдѣляющійся изъ соотвѣтственной среды, то патологическая клѣтка, т. е. клѣтка, въ которой происходятъ болѣзненные явленія, должна была появиться изъ иной среды, чѣмъ клѣтка нормальная, такъ какъ по многимъ своимъ признакамъ она значительно отличается отъ этой послѣдней. Слѣдовательно, явленія патологическаго характера, по самому своему существу, являются иными, чѣмъ явленія фи-

зіологическія. Физиологія и патологія раздѣлены пропастью, которую ничѣмъ нельзя заполнить. Но заполнить эту пропасть, показать, что патологическія и физиологическія явленія различаются не по существу, а лишь по условіямъ, въ которыхъ они протекаютъ, и взялся Вирховъ.

Прежде всего онъ показалъ, что ни въ какомъ случаѣ нельзя показать существованіе патологическихъ бластемъ. Затѣмъ онъ выяснилъ, что и вообще нельзя никогда ни при какихъ случаяхъ прослѣдить образованіе клѣтокъ изъ бластемъ и что, слѣдовательно, бластемы суть не что иное, какъ измышленіе самихъ ученыхъ, а не веществъ, дѣйствительно находящееся въ организмѣ живого существа. Эти свои блестящіе и въ высшей степени важные выводы Вирховъ сдѣлалъ на основаніи изученія костной и хрящевой тканей. Въ этихъ тканяхъ ему удалось выдѣлить костныя тѣльца, представляющія собой клѣтки костной ткани; подобнымъ

же образомъ имъ были найдены клѣтки хрящевой и соединительной ткани. Тщательно изучивъ строеніе (морфологию) этихъ клѣтокъ и ихъ отношеніе къ химическимъ реактивамъ и теплотѣ, Вирховъ пришелъ къ заключенію, что всѣ эти клѣтки родственны по способу образованія. Въ данномъ отношеніи Вирховъ, слѣдовательно, является прямымъ продолжателемъ дѣла Гарвея. Отвергнувъ ученіе о бластемахъ, Вирховъ долженъ былъ принять единственное въ такомъ случаѣ возможное положеніе. Если клѣтка не выдѣляется изъ той или другой среды, какъ кристаллъ, то очевидно, что она можетъ происходить только отъ другой клѣтки. Подобно тому, какъ Гарвей провозгласилъ принципъ „omne vivum ex ovo“ — „всякое живое существо происходитъ изъ яйца“, — такъ Вирховъ установилъ: „всякая клѣтка — отъ клѣтки“: „omnis cellula a cellula“.

Это положеніе, гласившее, что основнымъ элементомъ тканей животнаго должна быть клѣтка, Вирховъ приложилъ къ объясненію одного изъ важнѣйшихъ патологическихъ явленій — воспаленію. Онъ показалъ, что центръ тяжести воспалительнаго процесса всегда лежитъ въ самихъ клѣткахъ. Онъ, далѣе, отмѣтилъ чрезвычайно важный фактъ, что воспалительный процессъ никогда не ограничивается одной клѣткой, а простирается и на то основное вещество, въ которомъ находятся эти клѣтки. Справедливость этого положенія съ особой отчетливостью выступаетъ въ воспалительныхъ процессахъ кости, гдѣ каждая клѣтка занимаетъ достаточно изолированное положеніе. Изученіе этихъ фактовъ привело Вирхова къ новому весьма плодотворному воззрѣнію о „клѣточныхъ территорияхъ“, которыя представляютъ собою и возможные „очаги болѣзни“. Расширивъ естественнымъ образомъ это понятіе и на нормальное состояніе человѣческаго организма, Вирховъ пришелъ къ важному обобщенію: „Тѣло человѣка можетъ быть раздѣлено на безчисленныя растительныя, живущія и питающіяся единицы, изъ которыхъ каждая представляетъ извѣстную независимость, извѣстное самоопредѣленіе жизни“. Ничего, кромѣ этихъ единицъ, кромѣ этихъ „клѣточныхъ территорий“, мы въ организмѣ не имѣемъ. Ни въ нормальныхъ условіяхъ, ни въ болѣзни, ни при лѣченіи не имѣется различныхъ силъ, различныхъ элементовъ, а всегда одиѣ и тѣ же силы, одни и тѣ же элементы. Съ этой точки зрѣнія патологія является лишь частнымъ случаемъ физиологіи, а та и другая наука служатъ лишь отдѣлами біологіи. Завоеваніе, какъ видимъ, огромной важности. Но сама работа въ этомъ направленіи могла значительно двинуться впередъ только послѣ того, какъ были изучены хотя бы въ

Рудольфъ Вирховъ въ своемъ Патологическомъ музеѣ.

общихъ чертахъ условія питанія крови, химическій и физическій составъ крови, омывающей всѣ органы нашего тѣла. Въ дѣлѣ изученія жизни крови (кровь вѣдь можно разсматривать, какъ ткань, а слѣдовательно, можно говорить и о ея жизни) Вирховымъ были сдѣланы также изслѣдованія огромной важности. Онъ внесъ яркое освѣщеніе въ одинъ изъ запутаннѣйшихъ вопросовъ того времени — вопросъ о флебитѣ, т. е. воспаленіи венъ, который, по выраженію выдающагося патолога Крювелъе, „господствовалъ надъ всей патологіей“. Всѣ предшественники Вирхова, разсматривая флебитъ, обращали вниманіе только на тѣ измѣненія, которыя происходятъ въ стѣнкахъ сосудовъ. Вирховъ же отрѣшился отъ этого взгляда и доказалъ, что сущность этого болѣзненнаго процесса заключается не въ стѣнкахъ сосудовъ, а въ состояніи самой крови, при которомъ кровь легко подвергается свертыванію, даетъ кровавые сгустки, подвергающіеся далѣе размягченію и вызывающіе нагноеніе. Эта точка зрѣнія нашла блестящее оправданіе въ дальнѣйшихъ работахъ Вирхова, построенныхъ на этой теоріи: о закупоркѣ сосудовъ кровавыми пробками (особенно легочной артеріи), и о лейкоміи (бѣлокровіи), т. е. такомъ состояніи крови, когда количество бѣлыхъ кровавыхъ шариковъ становится непропорціонально большимъ.

Если своимъ замѣчательнымъ афоризмомъ „Всякая клѣтка отъ клѣтки“ Вирховъ тѣсно, какъ мы видѣли, примыкаетъ къ Гарвею, то своимъ ученіемъ о флебитѣ, показывавшемъ, какую колоссальную роль играетъ въ процессахъ фізіологическихъ и патологическихъ еще мало изученный составъ крови, онъ близко подходитъ къ Пастеру. Такимъ образомъ, Гарвей—Вирховъ—Пастеръ, дѣйствительно, представляютъ въ извѣстномъ смыслѣ непрерывную цѣпь. Однако, прежде чѣмъ перейти къ послѣднему и величайшему звену нашей цѣпи, мы находимъ полезнымъ показать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ современная наука начинаетъ все больше и больше заирать въ сторону отъ тѣхъ вѣхъ, которыя поставлены были смѣлой рукой Вирхова. Впрочемъ, это замѣчаніе относится къ Вирхову исключительно какъ къ біологу, а не какъ къ патологу, ибо въ области патологіи всѣ положенія этого ученаго приобрѣли характеръ краеугольныхъ камней, на которыхъ возводится дальнѣйшее зданіе этой „философіи медицины“.

Разбирая въ своей замѣчательной работѣ сущность патологическихъ явленій и доказывая, что они представляютъ собой лишь частный случай явленій фізіологическихъ, Вирховъ между прочимъ говоритъ: „Ничто не препятствуетъ назвать и такое направленіе витализмомъ. Не слѣдуетъ только забывать, что особой жизненной силы отыскать нельзя и что витализмъ вовсе не обозначаетъ необходимымъ образомъ спиритуалистической или даже динамической системы. Точно такъ же надо помнить, что жизнь отличается отъ процессовъ въ остальномъ мірѣ и что ее нельзя свести просто на физическіе и химическіе законы“. Эта теорія, выдѣляющая процессы жизни изъ процессовъ въ остальномъ мірѣ — теорія, въ такомъ видѣ, какъ она была формулирована Вирховымъ, получила названіе неовитализма. До извѣстной степени и Пастеръ также является неовиталистомъ. И этотъ неовитализмъ и составляетъ наиболѣе уязвимое мѣсто въ воззрѣніяхъ обоихъ великихъ ученыхъ.

Въ самомъ началѣ XX столѣтія на сѣздѣ американскихъ фізіологовъ въ Чикаго выступилъ ученый Лѣбъ, который началъ проповѣдывать совершенно иное. Онъ заявилъ, что воспроизведеніе живыхъ существъ надо признать въ извѣстномъ смыслѣ возможнымъ. Онъ именно

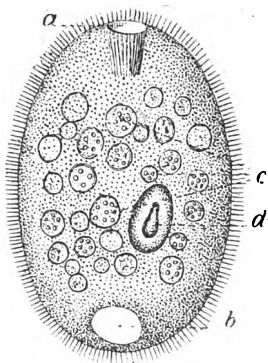
замѣтилъ, что яйца морскихъ ежей (принадлежащихъ къ числу низшихъ безпозвоночныхъ), плавающихъ во множествѣ около морскихъ береговъ, подъ влияніемъ простыхъ солей могутъ испытать рядъ такихъ же измѣненій, какія вызываются въ нихъ процессомъ оплодотворенія.

„Въ прежнихъ своихъ работахъ“, — рассказываетъ г. Снайдеръ, — „Лёбъ занимался теоріей инстинктовъ. Летить моль прямо на пламя свѣчи. Нерѣдко утромъ лежатъ вокругъ маяка птичьи трупы; эти птицы убились о толстыя стекла, къ которымъ привлекъ ихъ ослѣпительный свѣтъ маяка. Цвѣтокъ въ комнатѣ поворачиваетъ листья къ свѣту. Птицамъ мы приписываемъ интеллектуальныя свойства, движенія же цвѣтка объясняются просто притяженіемъ свѣта. Но чувствуется какое-то сходство въ этихъ явленіяхъ.

„Вотъ этотъ вопросъ и поставилъ себѣ Лёбъ. Такимъ же путемъ онъ хотѣлъ объяснить происхожденіе всѣхъ инстинктовъ. Когда гусеница ползетъ къ концу вѣтви, гдѣ она найдетъ свѣжую почку, служащую ей пищей, мы подозреваемъ въ ея дѣйствіяхъ нѣкоторую сознательность

Дж. Лёбъ.

Одноклѣточная инфузорія изъ класса рясничныхъ.

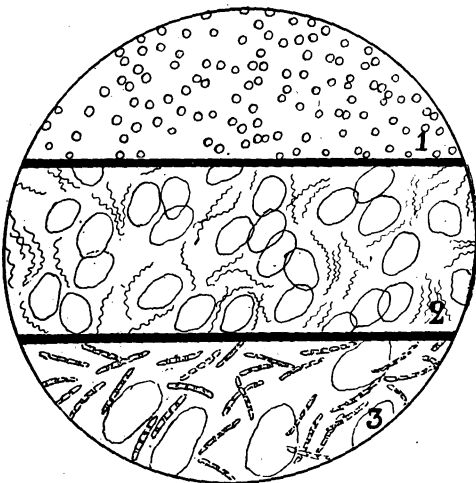
Наѣвшись, она ползетъ обратно. Муха кладетъ яйца на мясо, служащее пищей червякамъ, выходящимъ изъ яицъ; но она никогда не положитъ яицъ на сало. Это и тысячи другихъ чудесъ, управляемыхъ какой-то силой, дѣйствующей, повидимому, съ извѣстной цѣлесообразностью, были причиной метафизическаго тумана въ физиологіи.

„Лёбъ показалъ цѣлымъ рядомъ интересныхъ изслѣдованій, какъ просто можно объяснить себѣ всѣ эти случаи приспособленія животныхъ къ условіямъ среды. Такъ, гусеницы, пока онѣ голодны, ползутъ къ свѣту. Не находя пищи, онѣ начинаютъ ползать и ползаютъ до смерти. На холодѣ онѣ не ползаютъ вовсе. Когда весной ихъ пригрѣетъ солнце, гусеницы выползаютъ наверхъ. Это онѣ продѣлываютъ всюду, гдѣ бы онѣ ни были и на какомъ бы веществѣ ни жили. Найдя кормъ, гусеницы начинаютъ ѣсть его. Наѣвшись, онѣ скрываются отъ свѣта. Для объясненія всѣхъ движеній животнаго достаточно сдѣлать одно предположеніе, именно то, что пока животныя голодны, свѣтъ вызываетъ въ ихъ тѣлѣ рядъ химическихъ реакцій, подобно тому какъ онъ дѣйствуетъ на фотографическую пластинку или взрываетъ смѣсь водорода съ хло-

ромъ; эти химическія реакціи влекутъ за собою движенія животнаго. Другими словами, дѣло идетъ о положительномъ или отрицательномъ геліотропизмѣ, т. е. о движеніи къ свѣту или прочь отъ свѣта.

„Тотъ же самый принципъ объясняетъ поведеніе мухи. Извѣстныя химическія раздраженія, исходящія отъ мяса, побуждаютъ муху класть яйца. Эти раздраженія совершенно необходимы; ихъ можно воспроизвести искусственно. Выражаясь на лаконическомъ языкѣ науки, здѣсь дѣло идетъ просто объ извѣстной химической реакціи между тѣми веществами, которыя содержатся въ покровахъ или въ органахъ чувствъ мухи, и тѣми веществами, которыя находятся въ мясѣ. Это просто частный случай контактной реакціи (воздѣйствія, вызываемаго соприкосновеніемъ).

„Явленія, подобныя описаннымъ, наблюдаются у нѣкоторыхъ морскихъ животныхъ, напоминающихъ своимъ видомъ растенія (onthozoa). Актиніи, настолько схожія по виду съ цвѣтами, что ихъ съ трудомъ

Бактеріи. 1—кокки, 2—вибрионы или спиллы, 3—палочки.

можно отличить отъ этихъ послѣднихъ, обнаруживаютъ способность выбора пищи: онѣ хватаютъ щупальцами куски мяса, но отбрасываютъ комки мокрой бумаги, хотя, напр., для нашего осозанія то и другое совершенно одинаково. Кажется, будто въ явленіе замѣшано сознание, поэтому старые физиологи безъ всякаго колебанія заявляли, что актиніи „любятъ“ мясо и „имѣютъ отвращеніе“ къ бумагѣ. Но и эти животныя, подобно мухѣ, просто реагируютъ на извѣстныя химическія раздраженія.

„То же самое обнаруживается во всѣхъ другихъ случаяхъ. Иногда теплота дѣйствуетъ отталкивающимъ обра-

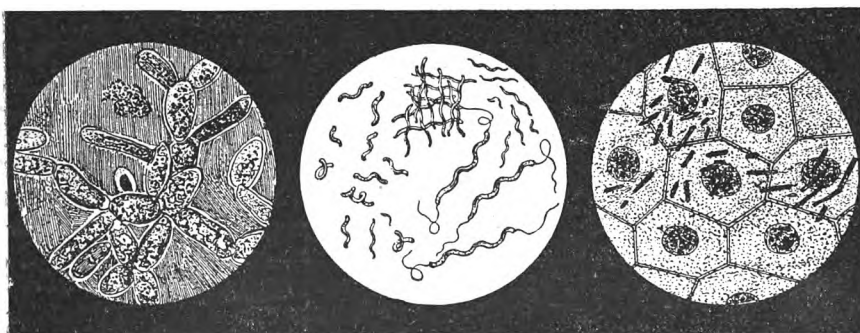
зомъ; такъ, моль, подлетѣвшая близко къ пламени свѣчи, иногда попадаетъ въ такія условія, когда отталкивающее вліяніе тепла становится равнымъ притягивающему вліянію свѣта; въ этомъ случаѣ моль летаетъ вокругъ свѣчи или описываетъ характерную линію, напоминающую путь кометы. Все это не болѣе какъ игра физическихъ силъ.

„Еще интереснѣе то раздраженіе, которое родится изъ простого соприкосновенія. Если перевернуть морскую звѣзду, то она тотчасъ же принимаетъ нормальное положеніе. Это похоже на образъ дѣйствія существа высоко развитаго въ психическомъ отношеніи. Если мы положимъ морскую звѣзду въ воду и прикрѣпимъ ея лучи къ пробкѣ, то она начнетъ непрерывно вращаться, не останавливаясь ни въ какомъ опредѣленномъ положеніи. Пока лучи звѣзды не прикасаются ни къ какому твердому предмету, ея нервы находятся въ раздраженномъ состояніи; этимъ и объясняются вращательныя движенія звѣзды. Какъ только звѣзда прикоснется къ твердому тѣлу, она тотчасъ же успокаивается“...

Но Лебъ не остановился на этихъ замѣчательныхъ опытахъ и наблюденіяхъ, обнаруживающихъ подчиненіе психическихъ явленій въ

животномъ организмѣ дѣйствию обычныхъ силъ природы. Онъ попытался показать, что тѣ же самыя силы природы, которыя управляютъ явленіями неорганической природы, опредѣляютъ форму и состояніе мертвыхъ тѣлъ, оказываютъ подобное же воздѣйствіе и на тѣла органическія, на живыя и одушевленные существа.

„Лебѣ“, — читаемъ мы далѣе у Снайдера, — „вырѣзалъ кубическій кусокъ изъ тѣла одного низшаго животнаго, такъ называемаго гидроидаго полипа. Все равно, какой бы стороною этотъ кубикъ ни былъ посаженъ на дно, на его верхнемъ свободномъ концѣ всегда развивался ротъ, окруженный щупальцами, а нижняя сторона прикрѣплялась къ дну. Если перевернуть полипа, когда онъ уже почти сформировался, на 180° такъ, чтобы щупальца приходились книзу, то на той сторонѣ, которая теперь обращена кверху и которая раньше служила для прикрѣпленія къ дну, образуются щупальца, а прежнія щупальца, обращенныя теперь къ почвѣ, рассасываются и превращаются въ органъ для прикрѣпленія.

1—дрожжевые грибки.

2—различныя формы спиралей.

3 — бациллъ сибирской язвы въ клеткахъ печени мыши.

„Если сдѣлать надрѣзъ гдѣ-нибудь на тѣлѣ полипа *Cerianthus* названнаго такъ за нѣжныя щупальца, раскидывающіяся вѣткою вокругъ его ротового отверстія, то тотчасъ же въ мѣстѣ разрѣза образуется ротовое отверстіе съ кольцомъ щупальцевъ вокругъ него. Если разрѣзъ былъ очень малъ, то ротъ не образовывался, а вырослъ лишь вѣнокъ щупальцевъ. Но эти щупальца обнаруживали нормальныя свойства, т. е. схватывали пищу, отталкивали бумажные шарики и вообще вели себя совершенно такъ, какъ если бы они, дѣйствительно, окружали нормальное ротовое отверстіе. Когда два ротовыхъ отверстія, старое и новое, располагались очень близко другъ къ другу, такъ что щупальца обоихъ могли захватывать одинъ и тотъ же кусокъ пищи, то между щупальцами начиналась битва. Если эта битва имѣла мѣсто между щупальцами нормальнаго ротового отверстія и тѣми щупальцами, посрединѣ которыхъ рта не было, нерѣдко побѣдителями оказывались эти послѣднія, и животное обрекало себя на голодную смерть“... Подобныя опыты, обнаруживающіе изумительную пластичность живого организма, прекрасно удавались не только съ беспозвоночными, отличающимися болѣе упрощенной организаціей, но и съ болѣе высоко организованными позвоночными. Изъ безчисленныхъ опытовъ этого рода упомянемъ здѣсь объ опытахъ Риб-

берта, пересадившаго на ухо самки морской свинки ея молочную железу. Железа эта привилась здѣсь, какъ нельзя лучше, и когда у самки родились дѣтеныши, то эта железа, какъ и всѣ остальные молочныя железы, начала выдѣлять молоко.

Мы не будемъ останавливаться дольше на этихъ безчисленныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ часто необычайно красивыхъ опытахъ, обнаруживающихъ колоссальнѣйшую подчиненность жизненныхъ функцій обычнымъ силамъ неорганической природы: свѣту, теплу, давленію и химическимъ воздѣйствіямъ. Мы постараемся только рельефнѣе выдвинуть въ интересахъ нашего дальнѣйшаго изложенія дѣйствія этого послѣдняго фактора — химическихъ воздѣйствій. Здѣсь снова мы встрѣчаемся съ именемъ Леба... „Лебъ“, — говоритъ Снайдеръ, — „принялся за изслѣдованіе ритмическихъ сокращеній медузы; этотъ вопросъ составлялъ любимую проблему Ромэнса и молодого Дарвина. Эти ученые выяснили, что сокращенія медузы прекращаются, когда срѣзана верхняя сторона животнаго. Когда Лебъ попробовалъ бросить оперированную, такимъ образомъ, медузу въ обыкновенный соляной растворъ, сокращенія тотчасъ возобновились. Крупинка калийной или известковой соли вновь успокаиваетъ движенія животнаго. Можно было думать, что свойства, наблюдаемыя на низшемъ животномъ, обнаружатся и на ритмически сокращающемся сердцѣ высшихъ животныхъ. И, дѣйствительно, Лебу удалось подтвердить это. Простымъ измѣненіемъ въ составѣ того соляного раствора, въ который было брошено сердце, удавалось то поддерживать его сокращенія цѣлыми часами, то вызывать остановку, вновь заставляя биться, ускорять и замедлять сердцебиеніе и проч. Подобно этому и въ скелетныхъ мышцахъ, напр., въ мышцахъ задней лапки лягушки удавалось вызвать ритмическія сокращенія. Всѣ эти опыты въ полномъ смыслѣ слова давали возможность „играть жизнью“... (Опыты Леба показали, что сердцебиенія зависятъ не отъ какого-нибудь таинственнаго вліянія или еще болѣе таинственныхъ нервовъ, а просто отъ присутствія или отсутствія извѣстныхъ солей“...

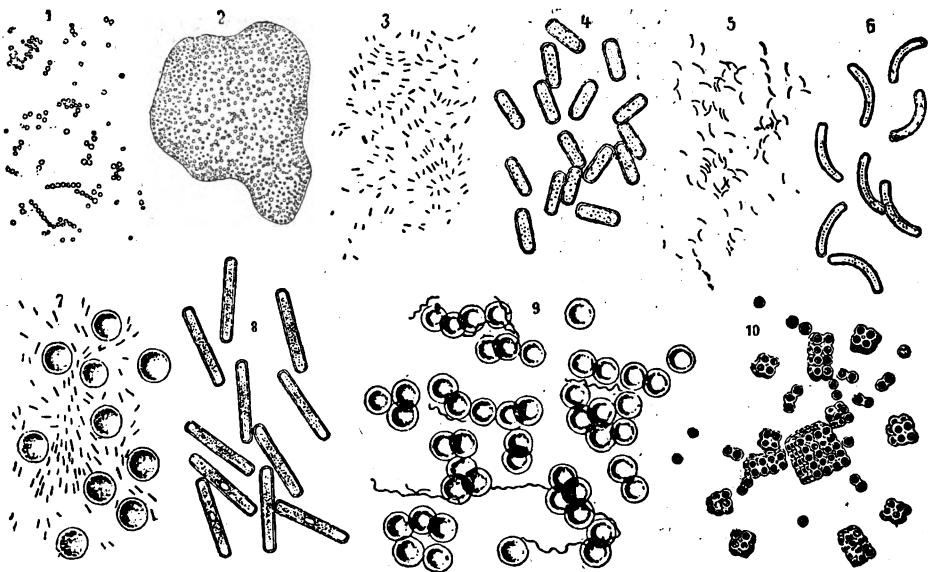
Мы остановились съ такой подробностью на опытахъ Леба не только для того, чтобы показать тотъ уклонъ, который приняла біологія послѣ Вирхова и Пастера, или, если хотите, не смотря на Вирхова и Пастера. Нѣтъ, эти работы Леба позволяютъ намъ глубже понять и работы Вирхова и Пастера. При помощи ихъ мы яснѣе себѣ можемъ представить, почему извѣстный составъ крови, какъ это установлено серотерапіей, отцомъ которой можно считать Дженнера, а творцомъ — Пастера, долженъ оказывать огромное значеніе на процессы фізіологическаго и патологическаго характера.

Къ идеѣ серотерапіи, — одного изъ величайшихъ приобрѣтеній нашего вѣка, — человѣчество начало подходить уже издавна. Но движеніе это первоначально совершалось ощупью, такъ какъ густая тьма, закутавшая всю медицину, очень долгое время не давала возможности найти руководящей нити. На поиски въ этой области уже съ давнихъ поръ толкали людей страшный бичъ — оспенныя эпидеміи. Съ разрушеніемъ и безпощадностью его не можетъ сравняться ни одна болѣзнь — даже ни чума, ни холера.

Оспенныя эпидеміи въ Европу были перенесены, повидимому, изъ Азіи, и именно изъ Китая; Китаю же человѣчество обязано и первыми, конечно, въ высшей степени несовершенными попытками борьбы съ этимъ ужаснымъ бѣдствіемъ. Именно, здѣсь были выработаны первоначальные

точную
да у с
очны
тенны
ивают
сь сил
возду
терес
актор
Леба
литич
робле
ращен
Кода
узу
Кр
я ж
стем
выс
эт
орый
тими
за
агъ
сва
ож
ви
ли
тъ

пріемы прививки оспеннаго яда. Съ этой нѣлю китайцы вкладывали здоровымъ людямъ куски ваты, смоченные оспеннымъ ядомъ, или укладывали здороваго человѣка въ кровать, на которой только что находился оспенный больной, или заставляли здороваго носить бѣлье больного. Въ Индіи также съ давнихъ поръ практиковалась прививка оспеннаго яда, для чего здоровымъ людямъ въ нарочно для этого сдѣланныя ранки втирали оспенный гной или устраивали заволоку, т. е. протягивали подъ кожей пучекъ нитокъ, смоченныхъ оспеннымъ гноемъ. Но всѣ эти пріемы отличались такой примитивностью и несовершенствомъ, что не оказывали никакого вліянія или почти никакого вліянія на вспышки оспенныхъ эпидемій. И оспа захватывала все большую и большую территорию.

Различныя бактеріи. 1) *Micrococcus prodigiosus*; 2) Зооглейная его форма; 3) и 4) *Bacterium acetі* при слабомъ и сильномъ увеличеніи; 5) и 6) *Spirillum Cholerae asiaticae*, при слабомъ и сильномъ увеличеніи; 7) и 8) *Bacterium (Bacillus) anthracis*, при слабомъ и сильномъ увеличеніи; 9) *Spirochaete Obermeieri*; 10) *Sarcina ventriculi*. На фиг. 7 и 9 изображены и кровяныя тѣльца, чтобы можно было имѣть понятіе о величинѣ живущихъ въ крови дробянокъ (бактерій). Фиг. 1, 2, 3, 5, 7, 9 — увеличеніе въ 300 разъ, фиг. 4, 6, 8 — въ 2200 разъ, фиг. 10—1800 разъ. (По Кернеру ф.-Марилауну).

„Изъ Индіи“, — рассказываетъ г. Святловскій, — „войска Александра Македонскаго распространили оспу по всѣмъ областямъ, куда они только не появлялись. За два вѣка до Р. Хр. оспенная эпидемія свирѣпствовала въ войскахъ Марка Аврелія, и отъ нея погибъ онъ самъ. За 60 лѣтъ до Р. Хр. та же болѣзнь, по описанію Діонисія Галикарнасскаго, произвела страшныя опустошенія въ Римѣ. Начиная съ IV вѣка по Р. Хр., оспа постепенно захватываетъ весь Востокъ, наше Закавказье. Съ 6-го столѣтія оспа хозяйничаетъ уже по всѣмъ прибрежнымъ странамъ Средиземнаго моря и въ Бургундіи уноситъ въ могилу супруга Бургундскаго короля, за что оба лейбъ-медика поплатились жизнью: ихъ велѣно было попросту казнить. Въ Византіи натуральная оспа появилась при Юсти-

ніанѣ вмѣстѣ съ войсками, прибывшими изъ Африки подъ начальствомъ Аэція. Въ Аравіи при Магометѣ свирѣпствовала страшная оспа, и позже мавры разнесли болѣзнь въ VII вѣкѣ въ Сирію, Палестину, Египетъ и Персію, а въ VIII — въ Сицилію, Италію, Испанію и Францію.

„Первыя описанія оспы сдѣлалъ арабскій врачъ Разезъ, затѣмъ ее описали Авицена и Константинъ Африканскій, давшій ей названіе *Variola*. Особою сильно распространилась оспа по Европѣ послѣ крестовыхъ походовъ, и крестоносцы считаются первыми устроителями болѣницъ для оспенныхъ больныхъ. Вообще въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ свирѣпствуютъ страшныя эпидеміи оспы, при чемъ смертность отъ этой болѣзни была ужасающей и доходила до 80%; къ срединѣ XV вѣка оспа уже совершенно акклиматизировалась въ Европѣ и не проникла еще только въ Россію, гдѣ первое появленіе ея относятъ къ XVII вѣку. Въ томъ же столѣтіи, т. е. въ XV, оспу перевезли европейцы въ Америку, гдѣ злокачественность ея обнаружилась еще рѣзче, такъ какъ цѣлныя племена оказались болѣе воспріимчивыми къ этой болѣзни, чѣмъ бѣлыя расы. И по нынѣ еще принято за правило при пріѣздѣ въ европейскіе города странствующихъ трупъ краснокожихъ индѣйцевъ и негровъ немедленно подвергать весь персоналъ этихъ трупъ привитію предохранительной оспы, дабы они не получили натуральной и не послужили предметомъ заразы, опаснымъ для всего населенія. Когда въ 1788 году европейцы завезли оспу въ Портъ Джаксонъ (нынѣшній Сидней) въ Австраліи, она сразу почти уничтожила одно туземное племя. Также трагичны были заносы этого бича въ дѣвственный Новый Свѣтъ. Здѣсь цѣлыя племена были стерты съ лица земли этой страшною болѣзнію, занесенной спутниками Пизаро, Кортаца и другихъ искателей золота. Вымирание нашихъ остяковъ въ Сибири, жителей Гренландіи и Исландіи представляетъ явленіе того же порядка.

„Нѣкоторые годы прошлаго столѣтія и даже начала нынѣшняго отмѣчены особенно страшными эпидеміями, не щадившими никого. Болѣзнь проникала одинаково легко во дворцы богачей, какъ и въ конуры бѣдняковъ. Такъ, 18 янв. 1730 г. отъ нея умеръ въ Москвѣ юный императоръ Петръ II, который, по рассказамъ, заразился ею отъ своего друга князя Долгорукова и, прохворавъ 12 дней, скончался на 15 году жизни. Въ Австріи двѣ эрцгерцогини и супруга императора Іосифа II умерли отъ натуральной оспы; сама красавица императрица Марія Терезія едва спаслась отъ этой страшной болѣзни, которая испортила навсегда черты ея лица. Въ семьѣ Вильгельма III отъ оспы умерли его отецъ, мать, жена, затѣмъ дядя, двоюродные братья и сестра, наконецъ, самъ онъ заразился и едва не умеръ. Іосифъ I въ Австріи умеръ также отъ оспы. Во Франціи король Людовигъ XV-ый, въ 1774 году, погибъ отъ натуральной оспы. Брошенный своими близкими и испуганными придворными, Людовигъ XV заразился оспою на 64 году своей жизни, имѣя въ первый разъ эту болѣзнь на 14 году, такъ что врачи въ первое время не хотѣли и думать, что болѣзнь короля есть оспа, до такой степени въ то время существовала увѣренность, что оспа безусловно вторично не появляется у человѣка, однажды уже перенесшаго это страданіе. Однако и прежде не всѣ безусловно умирали, будучи поражены оспой; тотъ, кто оставался живъ, сохранялъ навсегда непривлекательные слѣды ужасной заразы: лицо покрывалось безобразными ярынами, оспенныя язвы часто разѣдали ноздри, и человѣкъ, нерѣдко утрачивая зрѣніе и слухъ, приобреталъ навсегда слабость организма. Изъ отчета Дома Призрѣнія Слѣпыхъ

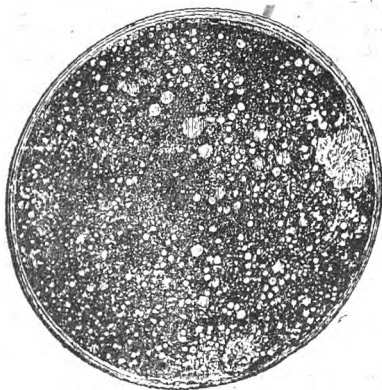
въ Лондонѣ, напечатанномъ въ началѣ 19 столѣтія, видно, что изъ всѣхъ слѣпыхъ, проживавшихъ въ этомъ домѣ, три четверти лишились зрѣнія отъ оспы“.

Естественно, что этотъ бичъ человѣчества, распространявшійся постепенно, но неуклонно на такую огромную территорію, дѣйствовавшій съ такой неумолимостью и поражавшій почти съ одинаковой силой людей всѣхъ расъ, всѣхъ классовъ, всѣхъ возрастовъ, заставлялъ унорно работать умъ человѣческій надъ вопросомъ — какимъ образомъ освободиться отъ этого ужаснаго бѣдствія или, по крайней мѣрѣ, облегчить его разрушительное дѣйствіе.

Мы видѣли, что Востокъ уже съ давнихъ поръ предлагалъ свои, хотя и крайне несовершенные, приемы прививки оспеннаго яда; что еще далеко до Дженнера было сдѣлано наблюденіе относительно той особенности оспеннаго яда, благодаря которой повторное заболѣваніе оспой бываетъ обыкновенно или очень ослабленнымъ, или совсѣмъ не бываетъ.

Прививки, практикуемыя на Востокѣ, мало-по-малу начали распространяться и въ Европѣ тѣмъ болѣе, что со временемъ приемы эти нѣсколько усовершенствовались и стали давать все болѣе и болѣе удовлетворительные результаты. Весьма значительнымъ толчкомъ къ развитію методовъ этого рода послужила на этотъ разъ человѣческая корысть. Извѣстно, какую огромную цѣнность представляли на Востокѣ красивыя дѣвушки, дорогой товаръ, находившій обильный сбытъ въ гаремахъ. Мы знаемъ теперь, какъ оспа обезображивала часто самыя красивыя лица. Естественно поэтому, что поставщики „живого товара“ были крайне заинтересованы въ томъ, чтобы сохранить всѣ прелести этого товара, и внимательно стали изучать тѣ приемы прививки, которые дошли до нихъ изъ глубокой древности. Естественно также, что это внимательное отношеніе къ данному вопросу привело къ нѣкоторому улучшенію положенія, и прививки стали давать нѣсколько болѣе благоприятные результаты, чѣмъ прежде, указывая человѣчеству направленіе къ тѣмъ мѣрамъ, которыя дали въ послѣдствіи почти полное освобожденіе отъ одной изъ страшнѣйшихъ язвъ жизни. „Старыя женщины Востока“, — говоритъ г. В. В. Святловскій, — „явились въ сущности первыми оспопрививательницами... Оспепный гной обыкновенно прививался въ нѣсколькихъ мѣстахъ тѣла посредствомъ уколовъ, именно вблизи пупка, на правой ладони и на лѣвой подошвѣ. Обыкновенно подобная прививка влекла за собой развитіе натуральной оспы, но въ нѣсколько ослабленной формѣ, при чемъ нужно сознаться, что женщины Востока умѣли умѣрять и задерживать ее на опредѣленныхъ частяхъ тѣла. Для этой цѣли онѣ завертывали ноги привитыхъ дѣвочекъ въ козлиныя теплыя шкурки, при чемъ оспенныя прыщи появлялись преимущественно на ногахъ и щадили лицо. Тотъ же способъ издавна практиковался маврами, арабами и сенегальскими неграми, а также въ Швеціи, Даніи и среди инородцевъ Урала и Сибири. Въ 1713 году аналогическій методъ былъ обнародованъ греческимъ врачомъ Тимони („греческій методъ“). Методъ этотъ состоялъ въ уколахъ въ подбородокъ, лобъ и обѣ щеки иглой, смоченной оспеннымъ ядомъ. Говорятъ, что одна ессалианка, занимавшаяся подобной инокуляціей, имѣла не болѣе 10% смертности среди привитыхъ. Шведскій король Карлъ XII-ый въ бытность свою въ Бендерахъ, въ 1714 году, также узналъ объ этомъ способѣ, заинтересовался имъ и составилъ о немъ записку, посланную въ Стокгольмъ. Впрочемъ, и здѣсь дѣло не обошлось безъ женщины, которая познакомила съ инокуляціей всѣ цивилизованныя

страны. Именно, въ 1717 году жена англійскаго посла въ Константинополь леди Вортлей-Монтэно не только подвергла прививкѣ своего шестилѣтняго сына, но сдѣлала прививку и самой себѣ. У обоихъ получилась весьма легкая форма натуральной оспы и оба они выздоровѣли. Вѣсть объ этой смѣлой прививкѣ распространилась при лондонскомъ дворѣ и произвела тамъ сильнѣйшую сенсацію, тѣмъ болѣе, что въ Лондонѣ въ то время производила ужасное опустошеніе упорная эпидемія оспы. Изъ Константинополя была выслана въ Лондонъ прививная матерія и ею рѣшено было сдѣлать прививку всему королевскому семейству, но предварительно пробные опыты производились надъ нѣсколькими преступниками, приговоренными судомъ уже къ смертной казни. У всѣхъ у нихъ прививная оспа протекла въ легкой формѣ, всѣ они выздоровѣли, и король

Колоніи бактерій на питательномъ желатинѣ. Онѣ вышли изъ зародышей, заключавшихся въ соединенной съ питательнымъ желатиномъ каплѣ грязной питьевой воды ($\frac{1}{2}$ ест. велич.). Примѣч.: каждая свѣтлая точка и пятнышко представляетъ колонию.

всѣхъ ихъ помиловалъ, освободивъ отъ казни. Затѣмъ пробы, и такія же удачныя, были произведены надъ дѣтьми разныхъ церковныхъ пріютовъ и въ заключеніе сдѣланы уже были прививки дѣтямъ Георга I въ 1721 г. и всему его семейству, при чемъ у всѣхъ у нихъ прививная оспа протекла въ весьма легкой формѣ“.

Оспопрививаніе становилось все болѣе и болѣе популярнымъ. Во Флоренціи, напр., не смотря на протесты фанатически настроеннаго духовенства, было устроено оспопрививательное заведеніе; подобныя же заведенія появились въ Швеціи и Даніи. Значительныя усовершенствованія въ методѣ прививки внесъ во второй половинѣ XVIII в. профессоръ Гатти, который показалъ, что единственными подготовительными мѣрами передъ прививкой должно быть воспрещеніе обжорства и чрезмѣрной усталости. Онъ предложилъ производить прививку при помощи нѣжныхъ поверх-

ностныхъ уколовъ, для которыхъ онъ совѣтовалъ употреблять тонкую швейную иглу. Постановка оспопрививанія считалась къ концу XVIII столѣтія настолько разработанной и безопасной, что Екатерина II у насъ ввела оспопрививаніе, какъ обязательную санитарную мѣру. Конечно, такой шагъ являлся безусловно поспѣшнымъ и вызвалъ большой ропотъ среди крестьянства. И это недовольство отнюдь нельзя считать неосновательнымъ. Оспопрививаніе, какъ санитарная и медицинская мѣра, все еще не было всецѣло въ рукахъ человѣка. Неоднократно случалось такъ, что привитый хворалъ сильнѣе и опаснѣе не привитаго. Почему и когда можно ожидать подобнаго поворота дѣла, никто не могъ сказать. Иногда такіе привитые являлись центромъ сильнѣйшей вспышки заразы, а слѣдовательно, эти невыясненные обстоятельства представляли не только личную, но и общественную опасность. Неясность приѣмовъ оспопрививанія привела къ тому, что это искусство попало во многихъ мѣстахъ въ руки всякаго рода шарлатановъ, которые исполняли свое дѣло крайне неакку-

ратно и вмѣстѣ съ оспой прививали всякаго рода случайныя и нерѣдко опасныя болѣзни. Временами, — опять таки по совершенно неизвѣстнымъ причинамъ, — дѣло съ прививкой оспы получало изъ рукъ вонъ дурной оборотъ. Такъ было, напр., съ Лондономъ, гдѣ, по тщательному изслѣдованію Гебердена, при оспопрививаніи за 40 лѣтъ погибло на 25000 оспенныхъ больныхъ больше, чѣмъ за такой же періодъ до оспопрививанія. Идея оспопрививанія становилась все менѣе и менѣе популярной. Дѣло дошло до того, что французскій парламентъ въ 1762 г. прямо запретилъ въ странѣ прививку натуральной оспы. Мало-по-малу оспопрививаніе совсѣмъ выходило изъ употребленія, и высоко благотворительной идеѣ, благодаря недостаточной ея разработкѣ, грозило полное забвеніе. Но тутъ на сцену выступилъ Дженнеръ и спасъ все дѣло, придавъ ему совершенно иной характеръ.

Мы видѣли, что за весь разобранный нами періодъ до Дженнера для прививки брался оспенный ядъ отъ больныхъ людей. Этотъ методъ прививки называется варіоляціей. Надо замѣтить, что отъ оспы страдаютъ не только люди, но и нѣкоторые животныя. Среди этихъ послѣднихъ своими оспенными заболѣваніями уже давно были извѣстны коровы. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще до Дженнера было установлено еще три очень важныхъ факта: во 1-хъ, у коровъ оспа представляетъ собой весьма легкую форму мѣстной болѣзни, которая выражается появленіемъ гнойныхъ оспенныхъ прыщей только на вымени; во 2-хъ, коровья оспа заразительна для людей, и доильщицы коровъ нерѣдко, дѣйствительно, заражались ею, при чемъ болѣзнь у та-

Чума на кораблѣ.

кихъ больныхъ людей протекала въ чрезвычайно легкихъ формахъ, и въ 3-хъ, люди, перенесшіе оспу, путемъ заразы отъ коровъ, оказывались обыкновенно защищенными отъ натуральной оспы. Повторяемъ, факты эти были извѣстны очень многимъ, но никто не попытался сдѣлать изъ нихъ надлежащихъ выводовъ до Дженнера. Съ фактами этого рода Дженнеръ ознакомился еще во времена своего студенчества. Позднѣе ходъ мыслей Дженнера, повидимому, сложился слѣдующимъ образомъ: „Коровья оспа несравненно легче натуральной, человеческой, и переносится почти безъ всякаго труда и послѣдствій: почти нѣтъ примѣровъ, чтобы отъ нея умирали. И если она, какъ увѣряютъ, предохраняетъ отъ настоящей губительной оспы, то нельзя ли возбуждать ее въ человѣческомъ организмѣ умышленно и искусственно, чтобы обезопасить его навсегда отъ оспенной заразы“. Здѣсь мы не будемъ останавливаться на томъ, какимъ образомъ Дженнеръ реализовалъ эту мысль (претворилъ ее въ рядъ практическихъ мѣръ и сдѣлалъ ее осуществимой въ широкихъ размѣрахъ): это будетъ сдѣлано въ его біо-

графіи. Здѣсь намъ достаточно лишь отмѣтить самый фактъ формулировки той мысли, которая стала поворотнымъ пунктомъ въ исторіи медицины.

Какъ ни велика была заслуга Дженнера въ дѣлѣ борьбы и почти изгнанія натуральной оспы изъ предѣловъ культурныхъ государствъ, но оно стояло изолированно отъ другихъ фактовъ, оно было только эмпирическимъ правиломъ (правиломъ, установленнымъ опытомъ). Никто не могъ сказать съ увѣренностью, приложимъ ли этотъ методъ за предѣлами освоенныхъ заболѣваній. Да, пожалуй, никто объ этомъ не задумывался. Открытіе Дженнера поэтому могло только натолкнуть на тотъ путь, на которомъ создавалась серотерапія, но оно само этого пути еще не создавало. Для того, чтобы использовать эту возможность, человѣчеству пришлось ждать послѣ смерти Дженнера еще цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ, — до появленія одного изъ самыхъ гигантскихъ умовъ, какихъ только когда-либо знало человѣчество — Пастера.

Мы переходимъ къ Пастеру. Мы снова прослѣдимъ только за тѣми ступенями, по которымъ, благодаря Пастеру, медицина начала под-

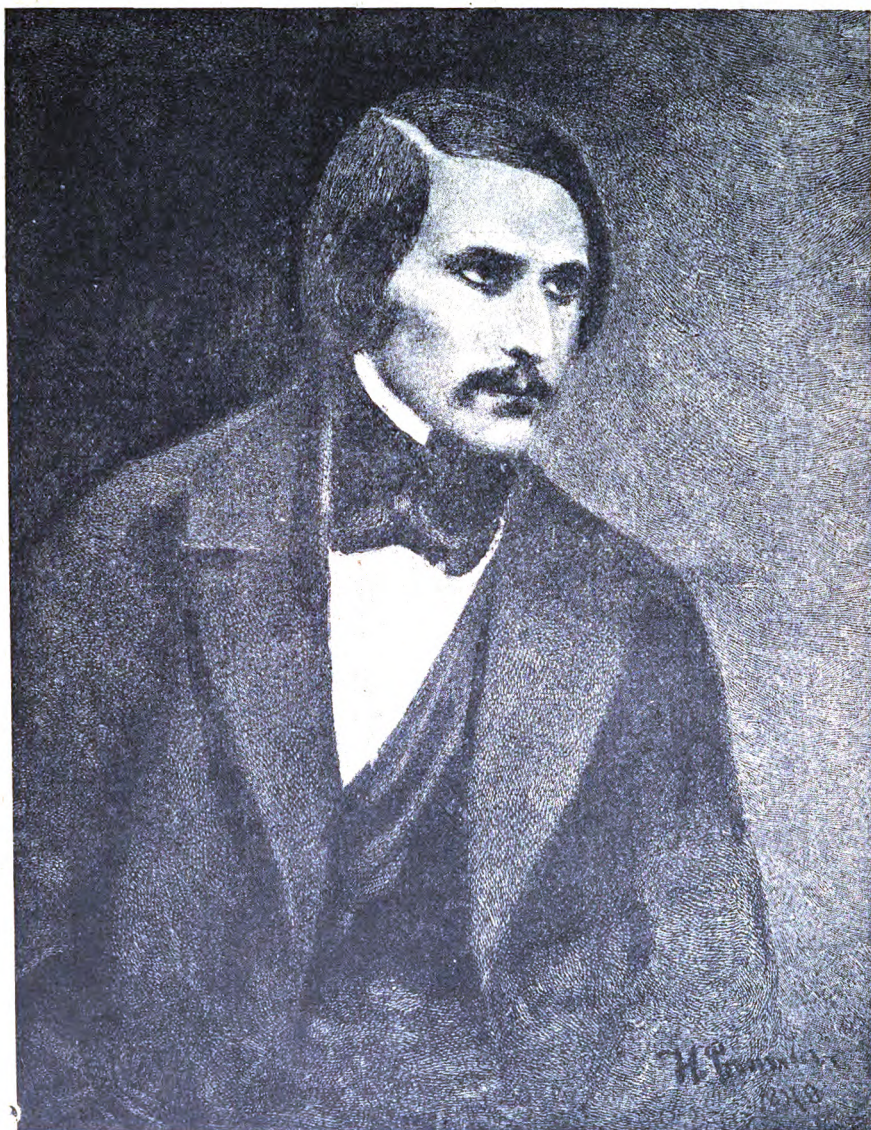
ниматься на уровень современнаго знанія. Исслѣдованія первоначально начались въ областяхъ, далекихъ отъ науки о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Въ 1856 г. Пастеръ былъ профессоромъ химіи въ Лиллѣ. Здѣсь ему пришлось заняться вопросами броженія въ сахарномъ производствѣ. Сущность броженія состоитъ въ томъ, что сложное органическое вещество распадается на болѣе простыя. Такъ, напр., сахаръ подъ вліяніемъ броженія распадается на спиртъ и углекислоту. Но если ученые того времени могли дать отвѣтъ, что такое броженіе, то внѣ этого голаго опредѣ-

Сжиганіе труповъ въ Индіи.

ленія, они больше ничего не знали. Каковы же тѣ силы, которыя вызываютъ броженіе? Наиболѣе распространенная теорія Либиха (см. біографію его т. II „Великихъ людей“) утверждала, что силы, вызывающія броженіе — силы исключительно химическаго сродства. Именно, кислородъ нарушаетъ то равновѣсіе, въ которомъ находятся молекулы сложнаго органическаго вещества. „До соприкосновенія съ кислородомъ“, — говоритъ Либихъ въ своихъ „Химическихъ письмахъ“, — „составныя части вещества остаются рядомъ, не оказывая другъ на друга никакого вліянія; кислородъ нарушаетъ состояніе покоя, равновѣсіе притяженія, связующаго элементы въ частицѣ вещества; вслѣдствіе этого нарушенія происходитъ распаденіе, новое распредѣленіе элементовъ“.

Но уже Либихъ и его школа замѣтили, что этого объясненія недостаточно. Въ самомъ дѣлѣ, броженіе въ сахарной водѣ не возникаетъ отъ одного соприкосновенія съ воздухомъ. Напротивъ, броженіе въ сахарной водѣ немедленно начнется и будетъ происходить „само собой“, если

Николай Васильевич Гоголь.
(Съ гравюры В. Матэ).

къ ней прибавить немного гнѣющаго вещества. Почему это такъ произойдетъ? Да потому, что гнѣющее вещество даетъ толчокъ сахарной водѣ, вызываетъ броженіе силой одного своего прикосновенія, „контакта“, — дѣйствуетъ, какъ говорилъ Берцеліусъ, своей „каталитической“ силой. И это свойство присуще не только гнѣющимъ веществамъ, но и нѣкоторымъ другимъ, — напр., дрожжамъ. Эта теорія, повидимому, удовлетворительно объясняла даже запутанныя явленія даннаго рода. Такъ, напр., броженіе молока объяснялось слѣдующимъ образомъ. Въ молокѣ мы имѣемъ азотистое вещество казеинъ и углеводъ — сахаръ. Казеинъ свертывается отъ одного прикосновенія съ кислородомъ и этимъ даетъ толчокъ для броженія сахара, производящаго въ конечномъ результатѣ молочную кислоту. Либихъ съ удивительной ловкостью подыскивалъ объясненіе къ самымъ сложнымъ новымъ явленіямъ этого рода. Авторитетъ Либиха былъ въ то время такъ великъ, что большинство легко принимало на вѣру всѣ толкованія этой химической теоріи. Но Пастеръ былъ не таковъ, чтобы послушно слѣдовать за какимъ бы то ни было авторитетомъ.

Занявшись сначала сахарнымъ броженіемъ, которое въ заводской практикѣ выкидывало временами совершенно неожиданныя штуки и тѣмъ наносило огромные убытки предпріятіямъ, Пастеръ очень быстро перешелъ къ скисшему молоку, броженіе котораго было извѣстно тогда подъ именемъ „молочно-кислаго броженія“.

Разсматрѣвъ тщательно скисшее молоко подъ микроскопомъ, Пастеръ замѣтилъ, что въ немъ иногда появляется поясъ или кольцо какой-то сѣроватой массы, заключающей въ себѣ крошечные шарики и палочки. Пастеръ выдѣлилъ эти палочки и шарики и помѣстилъ ихъ въ такую среду, гдѣ бы они могли свободно расти и размножаться. Такимъ образомъ онъ получилъ чистую культуру ихъ. Всякій разъ, когда онъ затѣмъ эти чистыя культуры помѣщалъ въ молоко, въ немъ начиналось молочно-кислое броженіе. Отсюда вытекаетъ ясное слѣдствіе, что броженіе молока есть не химическій процессъ, а біологическій, вызываемый жизнью тѣхъ бактерій, которыхъ изолировалъ Пастеръ, а затѣмъ помѣщалъ въ молоко.

Слѣдовательно, эти бактеріи и являются живымъ ферментомъ, вызывающимъ броженіе молока. Опять таки мысль необычайно простая. И нельзя сказать, чтобы она раньше никому не приходила въ голову. Эта мысль высказывалась и Тюрпеномъ въ 1838 г. и Мичерлихомъ и Каньярѣ Латуромъ еще въ 1828 г. Но то были голыя предположенія, которыя ни одинъ изъ предыдущихъ ученыхъ не умѣлъ защитить путемъ опыта, такъ какъ не обладалъ соотвѣтствующимъ методомъ. Отсутствие яснаго выработаннаго метода не позволило имъ бо-

Карантинъ.

роться съ тѣми возраженіями, которыя выдвигались противъ ихъ положеній и побивали своей „очевидностью“. Хорошо, — говорили ихъ противники, — пусть дрожжи, дѣйствительно, живыя существа, — „микро-организмы“, какъ они были названы въ послѣдствіи, но броженіе можетъ быть вызвано не только дрожжами, но и завѣдомо „мертвой“ матеріей.

Въ самомъ дѣлѣ, если въ сахарную воду вы бросите кусочекъ яичнаго бѣлка или комочекъ мяса, то сахарный растворъ постепенно придетъ въ состояніе броженія. Точно также броженіе спирта, можно вызвать прибавкой къ нему свекловичнаго сока. При чемъ же тутъ живые организмы? Если во всѣхъ этихъ случаяхъ появляется муť, осадки.

грибки, бактеріи, то это не причина броженія, а лишь его слѣдствіе, доказывающее, что ученіе о „самозарожденіи“ — далеко не пустая фантазія. Ни Мичерлихъ, ни Каньярь-Латуръ, ни Тюрпенъ ничего не могли отвѣтить на это возраженіе, такъ какъ они не обладали общимъ методомъ и не могли соотвѣтственнымъ образомъ измѣнить своихъ опытовъ. Но Пастеръ при помощи своего замѣчательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно простого метода сумѣлъ разобратъ въ всѣхъ этихъ сложныхъ фактахъ.

Прежде всего всѣ свои силы Пастеръ устремилъ на то, чтобы доказать, что бактеріи не могутъ появляться путемъ „самозарожденія“. Задача эта представлялась одной изъ самыхъ трудныхъ, какія только знало то время; но это не могло остановить Пастера.

Серію своихъ наблюденій Пастеръ началъ съ изученія

Юстусъ Либихъ.

воздуха, такъ какъ прежде всего надо было убѣдиться, не находятся ли въ немъ зародыши тѣхъ бактерій, которыя затѣмъ размножаются въ питательной средѣ и производятъ явленія броженія. При помощи особаго прибора, — аспиратора, — онъ заставлялъ медленно проходить токъ наружнаго воздуха по трубкамъ, заткнутымъ ватой. Прогоняемый такимъ образомъ черезъ трубки воздухъ оставлялъ на ватѣ всѣ плотныя частички, которыя висѣли въ немъ. Ихъ оказывалось обыкновенно такъ много, что вата довольно быстро становилась черной. Тщательно изучая при помощи микроскопа эти осадки, Пастеръ убѣдился, что они состоятъ въ значительной степени изъ пыли и различныхъ отбросовъ, а частью изъ разнообразныхъ зародышей, споръ плѣсень и многочисленныхъ микро-

скопическихъ грибовъ. Затѣмъ онъ бралъ какую-нибудь малостойкую органическую жидкость: мочу, отваръ изъ травъ, бульонъ и т. п., тщательно защищенную отъ соприкосновенія съ обычнымъ загрязненнымъ воздухомъ и остававшуюся, благодаря этому, совершенно прозрачной, т. е. чуждой тѣхъ элементовъ, которыми бываетъ наполнена гніющая или забродившая жидкость. Но стоило только опустить въ такую жидкость кусочекъ ваты съ осадками изъ воздуха, какъ жидкость становилась мутной и подвергалась процессу гніенія или броженія. Многочисленные опыты этого рода, произведенные при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, дали основаніе Пастеру высказать слѣдующее положеніе: „Газы, жидкости, электричество, магнетизмъ, огонь, воздухъ — ничто не вызываетъ появленія жизни, кромѣ зародышей, которые увлечены воздухомъ и въ немъ носятся“.) Это была перчатка, брошенная сторонникамъ теоріи „самозарожденія“, во главѣ которыхъ стояли такія крупныя и извѣстныя силы, какъ Пуш е, Жоли и Мюссе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, по теоріи самозарожденія слѣдовало какъ разъ обратное, такъ какъ она утверждала, что низшія животныя и растительныя организмы могутъ слагаться непосредственно изъ первоначальныхъ элементовъ неорганизованной среды. Не надо забывать, что теорія эта пустила глубокіе корни въ сознаніи ученыхъ того времени и своимъ началомъ уходила въ сѣдую глубь вѣковъ. Однимъ изъ горячихъ сторонниковъ ея являлся Аристотель, который утверждалъ, что „всякое гніющее тѣло порождаетъ живыя существа“. Это воззрѣніе такъ живо было въ душѣ изслѣдователей и ученыхъ средневѣковья, что доводило нѣкоторыхъ изъ нихъ чуть ли не до галлюцинацій, ибо они начинали часто видѣть то, чего никакимъ образомъ увидѣть не могли. Ванъ Гельмонтъ, напр., сообщаетъ о слѣдующемъ опытѣ: онъ насыпалъ въ горшокъ зерна и затыкалъ его грязной рубашкой; изъ испаренія рубашки и запаха зеренъ появлялся цѣлый выводокъ мышей! Другой опытъ училъ, какимъ образомъ траву превратить въ скорпіоновъ: для этого траву надо положить въ ямку выдолбленную въ кирпичѣ, и прикрыть ее другимъ кирпичемъ, и дѣло готово! И просто, и удивительно! Такимъ образомъ, для процессовъ самозарожденія отводилась, повидимому, безграничная область возможностей. Но съ развитіемъ науки эта область стала все больше и больше сокращаться. Такъ, Реди показалъ, что черви, копошащіеся въ гниломъ мясѣ, не зарождаются тамъ, а развиваются изъ яицекъ, отложенныхъ въ немъ раньше мухами. Св ам мер дамъ своими изслѣдованіями надъ развитіемъ насѣкомыхъ и другихъ мелкихъ животныхъ еще больше сузилъ область дѣйствія для самозарожденія. Но открытія въ XVII столѣтіи Левенгукомъ при помощи микроскопа безконечнаго множества разнообразныхъ крошечныхъ организмовъ, по своимъ размѣрамъ не доступныхъ нашему невооруженному зрѣнію, снова дало новую точку опоры для указанной теоріи. Пусть,—говорили сторонники теоріи самозарожденія,—наша теорія не приложима къ существамъ болѣе или менѣе высоко организованнымъ, но относительно безконечно малыхъ организ-

Луи Пастеръ. (По картинѣ Эдельфельта).

мовъ, относительно простѣйшихъ животныхъ и растеній она сохраняетъ всю свою силу. И напрасно въ томъ же XVIII столѣтіи Жюбло, Бакеръ, Спалланцани, а въ началѣ XIX столѣтія Шванъ и Гельмгольцъ доказывали несостоятельность ея: они не имѣли успѣха, такъ какъ не сумѣли настоящимъ образомъ поставить опытовъ. Только Пастеръ, какъ мы уже говорили, разрѣшилъ эту задачу, по крайней мѣрѣ, относительно доступныхъ нашему наблюденію микроорганизмовъ. Мы видѣли, что идея самозарожденія не погибла; она начинаетъ искать еще болѣе отдаленныхъ областей приложенія, но изъ всей области, доступной современному микроскопу, она изгнана навсегда, ибо здѣсь Пастеръ доставилъ окончательное торжество принципу Вирхова: „всякая клѣтка отъ клѣтки“.

Но если наука и теперь не можетъ отказаться отъ идеи самозарожденія (крайне необходимой въ интересахъ цѣльности міросозерцанія), то во времена Пастера она ни въ какомъ случаѣ не хотѣла безъ упорнаго боя уступить Пастеру міръ микроорганизмовъ, доступныхъ микроскопу, хотя подъ напоромъ титаническаго ума Пастера проигрывала одну позицію за другой. Напрасно, напр., Пуше предлагалъ слѣдующій опытъ. Закупорьте тщательно склянку съ кипящей водой. Вы согласитесь, что при такихъ условіяхъ въ ней не можетъ быть живыхъ микроорганизмовъ? — Конечно. Хорошо! Опрокиньте эту склянку надъ чашкой со ртутью и откупорьте ее подъ ртутью. При такихъ условіяхъ внѣшній воздухъ съ зародышами микроорганизмовъ туда не попадетъ? — Несомнѣнно! Теперь возьмите клочекъ сѣна, нагрѣтый предварительно до ста градусовъ, т. е. до температуры, убивающей всѣхъ зародышей микроорганизмовъ, и проведите этотъ клочекъ сѣна подъ ртутью въ склянку съ водой. Не правда ли, что съ сѣномъ вы не могли ввести зародышей микроорганизмовъ? — Совершенно вѣрно. Теперь, — продолжалъ Пуше, — пропускайте черезъ воду склянки чистый кислородъ, освобожденный отъ зародышей микроорганизмовъ, но необходимый для всѣхъ живыхъ существъ, и вы увидите черезъ нѣкоторое время, что вся вода въ вашей склянкѣ кипитъ микроорганизмами. Откуда же они взялись, если отрицать теорію самозарожденія? — съ торжествомъ спрашивалъ Пуше. — А про поверхность ртути-то, запирающей вашу склянку, Вы и позабыли, — спокойно отвѣчалъ Пастеръ. Вѣдь, она до опыта была доступна дѣйствию внѣшняго воздуха, слѣдовательно, была запылена и покрыта зародышами микроорганизмовъ. Во время же опыта Вы ничего не предприняли для того, чтобы устранить этихъ зародышей. Вотъ они и развелись при благопріятныхъ условіяхъ въ вашей склянкѣ въ огромную колонію бактерій.

Эти возраженія Пуше и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ изъ лагеря сторонниковъ самозарожденія показывали, какъ сильны предрасудки его противниковъ. Между тѣмъ Пастеръ предвидѣлъ, какое колоссальное значеніе должно будетъ имѣть устраненіе подобныхъ предрасудковъ и для техники, и для медицины. И онъ все съ большимъ и большимъ рвеніемъ отдается опытамъ, которые должны были устранить малѣйшія сомнѣнія въ справедливости его заявленій.

„Продолжая свои опыты“, — рассказываетъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ біографовъ Л. Пастера г-жа Орлова, — „Пастеръ замѣнилъ сперва вату, которая, какъ органическій продуктъ, могла зародить подобныя *), волокнистымъ минераломъ — азбестомъ; потомъ онъ придумалъ

*) Съ точки зрѣнія теоріи самозарожденія.

удлиненную и изогнутую шейку для стеклянныхъ баллоновъ, наполненныхъ различными жидкостями. Шейки способствовали фильтраціи воздуха, такъ какъ все твердое содержимое воздуха осѣдало на изгибахъ шейки, и воздухъ доходилъ въ баллонъ обезвреженнымъ, т. е. лишеннымъ всякихъ зародышей. Жидкость въ баллонѣ оставалась безъ измѣненія до того времени, пока, нагнувши баллончикъ, не выпускали въ него нѣсколько пыли, осѣвшей въ изгибахъ шейки; послѣ этого муть быстро появлялась. Наконецъ, Пастеръ, наполнивши свои баллончики водой, въ которой были разболтаны дрожжи, основательно кипятилъ ихъ и во время кипѣнія запаивалъ ихъ шейки. Затѣмъ Пастеръ сталъ переносить свои баллоны въ разныя мѣста и тамъ, разбивая запайку, выпускалъ наружный воздухъ. Результаты бывали различные. Пастеръ, мѣняя мѣста, дошелъ до знаменитыхъ подваловъ Парижской обсерваторіи. Изъ десяти баллоновъ, открытыхъ въ подвалахъ обсерваторіи и тамъ же снова запаиваемыхъ, лишь въ одномъ содержащаяся въ немъ жидкость скоро помутилась; во всѣхъ одиннадцати другихъ, открытыхъ и снова запаиваемыхъ на дворѣ обсерваторіи, жидкость въ скоромъ времени замутилась.

„При наступленіи лѣтнихъ каникулъ Пастеръ рѣшилъ предпринять цѣлое путешествіе для провѣрки своихъ опытовъ. Ему хотѣлось заключить въ свои баллоны воздухъ съ мѣста, не обитаемаго ни людьми, ни животными, и онъ задумалъ побывать для этого на какомъ-нибудь Альпійскомъ глетчерѣ...

„Пастеръ началъ свою поѣздку съ Арбуа (мѣста своего рожденія), взявъ съ собой большой запасъ баллоновъ, двадцать изъ нихъ онъ вскрылъ на заросшей тропинкѣ, которая шла въ гору недалеко отъ отцовской усадьбы... Изъ двадцати баллоновъ, вскрытыхъ и вновь запаиваемыхъ на этой тропинкѣ, въ скоромъ времени восемь оказались зараженными, и жидкость въ нихъ забродила. Пастеръ доѣхалъ до Салена на 850 метрахъ высоты; тутъ изъ 20 баллоновъ броженіе началось только въ пяти. Третьей пробной станціей долженъ былъ быть глетчеръ. Пріѣхавъ вечеромъ въ Шамонъ, на другой день съ утра онъ отправился въ Монтанверъ; муть несъ корзину съ 33 баллонами. Когда вскрыли нѣсколько баллоновъ и приступили затѣмъ къ запаиванью, неожиданно наткнулись на затрудненіе, которое помѣшало продолженію опыта. Въ запискахъ Пастера читаемъ: „чтобы запаивать надломленные шейки баллончиковъ, я запасся спиртовой лампочкой. Оказалось, что блескъ льда вокругъ насъ подъ солнечными лучами былъ такъ ослѣпительнъ, что мнѣ невозможно было видѣть блѣдное пламя горящаго спирта; а такъ какъ это пламя къ тому же колебалось на вѣтру, то никакъ не удавалось направлять его постоянно въ одну точку, чтобы размягчить кончикъ шейки и запаять ее герметически. Тѣ средства, къ которымъ я могъ прибѣгнуть, чтобы пламя было виднѣе, неминуемо привели бы къ неточностямъ въ опытѣ, потому что въ воздухъ могли попасть постороннія примѣси. Я былъ поэтомъ вынужденъ вернуться на ночлегъ съ незапаиваемыми баллончиками, которые потомъ всѣ помутились.

„Пока Пастеръ ночевалъ въ Монтанверѣ, проводникъ сходилъ въ Шамони къ жестяннику, который взялся исполнить указанная Пастеромъ приспособленія къ лампѣ. Черезъ два дня можно было снова отправиться на глетчеръ. Пастеръ взялъ съ собой 20 баллоновъ; онъ любилъ рассказывать о тѣхъ предосторожностяхъ, о той педантичности, съ которой онъ дѣйствовалъ. Прежде всего стальнымъ ножомъ намѣчалась линія, по которую будетъ отломана запаиваемая шейка баллона: и шейку, и но-

жикъ Пастеръ предварительно обеззараживалъ пламенемъ спиртовой лампы. Вспомнимъ, что въ то время антисептика не существовала. Затѣмъ Пастеръ, высоко поднявъ надъ головой баллончикъ, отламывалъ съ подвѣтренной стороны шейку длиннымъ пинцетомъ, — пинцетъ этотъ тоже непосредственно передъ этимъ проводили нѣсколько разъ въ пламени, чтобы сжечь на немъ всѣ слѣды пыли, которая могла бы проникнуть въ баллонъ при отламываніи шейки. Жидкость, заключенная въ этихъ 20 баллончикахъ, измѣнилась лишь въ одномъ. „Подводя итоги всѣмъ моимъ наблюденіямъ и опытамъ, можно придти, — писалъ Пастеръ въ докладѣ Академіи, — къ убѣжденію, что носящаяся въ воздухѣ пыль есть первоисточникъ и исключительная причина зарожденія организмовъ въ различныхъ отварахъ и настоякахъ“.

Вотъ тотъ неоспоримый методъ, который Пастеръ прилагалъ для рѣшенія вопроса о самозарожденіи микроорганизмовъ.

Но опыты съ воздухомъ были лишь одной изъ серій, предпринимаемыхъ Пастеромъ, въ цѣляхъ выясненія жизни и дѣятельности микроорганизмовъ. Въ то же самое время онъ производилъ наблюденія и опыты относительно кислаго броженія, которому вино такъ часто подвергается въ бочкахъ и которое временами приносило огромные убытки винодѣлю Франціи. Опять къ дѣлу приложенъ былъ тотъ же самый методъ защиты изучаемой среды отъ микроорганизмовъ, видоизмѣненный только сорѣвѣтственно условіямъ новаго вещества, подвергавшагося изученію. Очень быстро Пастеръ пришелъ къ убѣжденію, что это скисаніе, т. е. превращеніе спирта въ уксусъ опять-таки производится особымъ микроорганизмомъ — грибомъ *Mucoderma aceti*. „Я пришелъ къ убѣжденію“, — писалъ онъ въ январѣ 1864 г., — „что неблагоприятныя измѣненія въ винѣ обусловлены присутствіемъ въ виноградномъ сокѣ безконечнаго количества микроскопическихъ растительныхъ организмовъ“. Теперь уже съ полной увѣренностью Пастеръ дѣлаетъ слѣдующее замѣчательное обобщеніе. „Броженіе — процессъ, соотносительный жизни и организаціи дрожжевыхъ тѣлецъ, а не разложенію и гніенію этихъ тѣлецъ; равнымъ образомъ это не явленіе соприкосновенія, при которомъ превращеніе сахара совершается въ присутствіи фермента, ничего ему не давая, ничего отъ него не получая“.

Все это была неслыханная „ересь“ для химиковъ того времени. Конечно, противъ Пастера выступилъ цѣлый хоръ знаменитостей и на первое время сумѣлъ посѣять въ обществѣ самое серьезное недовѣріе къ изслѣдованіямъ Пастера. Авторъ научнаго фельетона одного изъ крупныхъ органовъ писалъ: „Я очень боюсь, г. Пастеръ, что научные опыты, постановки которыхъ вы требуете, обратятся противъ васъ... Положительно тотъ міръ, который вы собираетесь намъ открыть, черезчуръ фантастичен“...

Въ доказательство фантастичности этого міра микроорганизмовъ, одни ученые вовсе не приводили никакихъ соображеній, а просто-напросто отрицали все, что говорилъ Пастеръ, другіе же ставили опыты, которые должны были бы опровергнуть положенія Пастера. Къ этимъ послѣднимъ принадлежалъ Либихъ.

„Мы-то думали, — иронизировалъ онъ, — что сущность уксуснокислаго броженія выяснена досконально и заключается въ простомъ окисленіи спирта. Толчокъ этому окисленію даетъ присутствіе гніющаго бѣлковаго вещества, а грибки и вибрионы господина Пастера являются уже въ бродящей, разлагающейся жидкости. Господинъ Пастеръ перевер-

тываетъ роли, смѣшиваетъ причину со слѣдствіемъ. Въ винѣ есть бѣлковое вещество, — и вотъ вино, при доступѣ воздуха, скисается: его спиртъ превращается въ уксусную кислоту. Не будь въ немъ бѣлковаго вещества, — не было бы и скисанія. Вотъ доказательство: разведите спиртъ водой и держите его сколько угодно на воздухѣ, — броженія не будетъ. Прибавьте въ него гнущаго бѣлковаго вещества — броженіе начинается: спиртъ станетъ превращаться въ уксусъ*.

Но Пастеру только и надо было, чтобы ему дѣлались возраженія на почвѣ фактовъ; тогда удивительный его умъ немедленно начиналъ работать въ указанномъ направленіи, побѣждая часто непреодолимая затрудненія. Такъ было и въ данномъ случаѣ съ возраженіями Либиха. Прежде всего Пастеръ доказалъ, что превращеніе спирта въ уксусъ происходитъ даже при полномъ отсутствіи бѣлковыхъ веществъ. Бѣлковыя вещества играютъ роль только пищевыхъ продуктовъ для грибка. Но замѣните бѣлковыя вещества другими матеріалами, способными служить для его питанія, и вы увидите, что развитіе грибка будетъ продолжаться и превращеніе спирта въ уксусъ быстро подвигаться впередъ. Дѣйствительно, когда къ разбавленному спирту Пастеръ прибавилъ немного амміаку (азот. вѣщ.) и минеральныхъ солей, необходимыхъ для питанія грибка, то процессъ образованія уксуса началъ происходить такъ, какъ это предсказывалъ Пастеръ. Напротивъ того, если вино нагрѣть до температуры 60°, то броженіе не будетъ происходить, не смотря ни на какое присутствіе бѣлковыхъ веществъ. Почему? спрашивалъ Пастеръ... Да потому, — отвѣчалъ онъ, — что соотвѣтственный грибокъ при данной температурѣ погибаетъ, а слѣдовательно, некому будетъ производить и процессы броженія. Конечно, противники могли бы возразить, что нагрѣваніе измѣняетъ свойства бѣлковыхъ веществъ, и этимъ исключается возможность бродильныхъ процессовъ. И это вѣрно, отвѣчалъ Пастеръ. Нагрѣваніе до этой температуры вовсе не измѣняетъ бѣлковыхъ веществъ. Въ самомъ дѣлѣ, если внести въ такое „пастеризованное“ вино (какъ было названо вино, подвергшееся подобнымъ предохранительнымъ нагрѣваніямъ) культуру чистой микодермы (грибка, вызывающаго уксусное броженіе), то броженіе снова начнется. Но собственно вѣдь и этого не надо дѣлать. Достаточно открыть внѣшнему воздуху свободный доступъ къ пастеризованному вину, какъ въ немъ появится броженіе. Съ точки зрѣнія теоріи Пастера явленіе это объясняется очень просто, такъ какъ въ атмосферномъ воздухѣ всегда носится множество зародышей микодермы; съ точки же зрѣнія теоріи Либиха явленіе остается совершенно необъяснимымъ. Это обобщеніе Пастера приложимо и ко всѣмъ другимъ случаямъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему броженіе въ сахарной водѣ начинается только съ того момента, когда къ раствору прибавятъ хотя бы немного бѣлковыхъ веществъ: гнилого мяса, бѣлку, клейковины и т. д.? Во все не потому, чтобы бѣлокъ давалъ толчокъ сахарному броженію, а потому, что онъ представляетъ пищевое вещество для дрожжей. Въ присутствіи бѣлковыхъ веществъ дрожжи начинаютъ жить и развиваться, и въ результатъ передъ нами бродильный процессъ сахарной воды. И снова, какъ въ опытахъ со спиртомъ, замѣной бѣлка „мертвыми“ продуктами, годными для пищи дрожжей (напр., амміакомъ и соотвѣтственными минеральными солями), обезпечивалось броженіе сахарной воды и превращеніе сахара въ алкоголь. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пастеръ разгадалъ и глубочайшую тайну органической химіи: какимъ образомъ происходитъ бродильный процессъ? Для этого послужилъ рядъ новыхъ опытовъ, по-

требовавшихъ болѣе сложныхъ аппаратовъ и баллоновъ особой конструкціи.

При помощи этихъ средствъ Пастеръ показалъ, что культура виннаго грибка можетъ быть получена въ водѣ безъ доступа наружнаго воздуха. При этомъ вода подвергалась разложенію. Въ чемъ же заключалась сущность этого процесса. Да въ томъ, что грибокъ отнималъ у воды нужный для его жизни кислородъ. И въ другихъ случаяхъ микроорганизмъ отнималъ у сложнаго вещества необходимый для его жизни кислородъ, и, благодаря этому, разлагалъ сложное органическое вещество, на болѣе простыя составныя части. Отсюда новый выводъ: „Броженіе представляетъ собою самостоятельное явленіе: это свойство нѣкоторыхъ, не очень многихъ веществъ, которыя служатъ внѣ присутствія воздуха для питанія извѣстныхъ микроорганизмовъ.“ Ферменты — живые организмы, и каждому броженію соответствуетъ опредѣленное бродило — ферментъ. Ферменты никогда не самозарождаются“.

То, что въ подтвержденіе своихъ воззрѣній Пастеръ открылъ бактерій молочно-кислаго броженія, масляно-кислаго и винно-кислаго броженія, мало убѣждало его противниковъ, и они попрежнему настаивали на неприемлемости теорій великаго ученаго. Но особенно возраженія усилились съ того момента, когда Пастеръ свою теорію сталъ прилагать къ объясненію эпидемическихъ болѣзней. Всѣмъ было извѣстно, что многія болѣзни отличаются прилипчивостью и передаются отъ одного животнаго къ другому, отъ одного человѣка къ другому, но какимъ образомъ происходитъ эта передача, никто объяснить не могъ. Самые выдающіеся врачи того времени не брались рѣшить, въ чемъ заключается сущность этихъ болѣзней. Когда же Пастеръ заявилъ, что очень многія изъ этихъ болѣзней являются результатомъ того, что тѣ или другія бактеріи овладѣли организмомъ или опредѣленными его органами, снова начинались самые горячіе протесты. „Развѣ туберкулезъ специфическая болѣзнь?“—восклицалъ докторъ Пиду въ засѣданіи Медицинской Академіи. — „Развѣ туберкулезъ продуктъ спеціального агента? И постоянно одного и того же? Развѣ туберкулезъ не представляется лишь результатомъ множества причинъ, развѣ онъ не сумма причинъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ?“ Другой знаменитый врачъ Шасенвакъ съ негодованіемъ говорилъ по поводу открытія бактерій сибирской язвы: „Все не можетъ быть объяснено бактеріями: тифозныя горячки—бактеріи! госпитальная гангрена — бактерія!“ Такого рода предположенія представлялись ему недопустимымъ вздоромъ. Къ протестантамъ присоединилъ свой голосъ и Либихъ. „Изслѣдованія Пастера“, — писалъ этотъ знаменитый химикъ, — „приводятъ къ тому, что главное, т. е. явленіе общее всѣмъ этимъ процессамъ, упускаютъ изъ вида, просматриваютъ; изслѣдованіе дробится на возню съ чистѣйшими деталями; дошли до того, что въ каждомъ изъ этихъ безчисленныхъ процессовъ отыскиваютъ отдѣльную причину, и для большинства ихъ въ самомъ дѣлѣ нашли особые виды грибковъ или даже животныхъ, какъ и для болѣзней, для холеры и проч., а кульминаціонный пунктъ, до котораго мы благополучно добрались,—тотъ, что становится совершенно непонятнымъ, какъ еще можетъ существовать органическій міръ, окруженный такою массой враговъ. Когда мы спрашиваемъ у изслѣдователей, вооруженныхъ микроскопомъ, что же такое ферментъ молочно-кислаго, маслянаго и другихъ броженій, то получаемъ въ отвѣтъ—названіе грибка!“ И Либихъ никакъ не могъ примириться съ подобной „несообразностью“! Вотъ какую новую научную

область открылъ и разработалъ Пастеръ! Даже основныя, элементарныя его идеи не укладывались въ головы многихъ изъ выдающихся представителей науки того времени. Какую же гигантскую работу онъ поднималъ на свои плечи! Но онъ неуклонно, ни на шагъ не отступая, шелъ къ поставленнымъ имъ задачамъ. Пастеръ хорошо понималъ, какую огромную отвѣтственность онъ бралъ передъ человѣчествомъ, выходя со своими теоріями. Дѣло шло въ этихъ спорахъ ни больше, ни меньше, какъ о здоровьѣ человѣка, о величайшемъ благѣ его жизни. Каждое указаніе, каждая теорія, каждый совѣтъ, сдѣланный неосторожно, могъ принести рядъ несчастій и огорченій. Съ крайней осторожностью и осмотрительностью подвигался впередъ Пастеръ. Онъ составилъ себѣ точный планъ разработки вопроса: изучить явленіе сначала на животныхъ, а затѣмъ перейти къ человѣку и, если можно, найти и средства борьбы съ наиболее ужасными истребителями человѣческаго рода. Онъ даже рѣшилъ приступить немедленно къ изученію сибирской язвы. Однако, судьба случайно толкнула его въ другую сторону; ему было предложено выяснять крайне темный вопросъ о причинѣ опустошительной болѣзни на шелковичныхъ червяхъ, уничтожившей почти все шелководство южной Франціи и причинившей населенію колоссальные убытки.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Какъ извѣстно, шелководство заключается въ умѣломъ выводѣ здоровыхъ личинокъ изъ „гренъ“ (яичекъ), отложенной самкой шелковичной бабочки. Эти гусеницы, вылупляющіяся изъ яичекъ весной, съ жадностью набрасываются на пищу, предлагаемую имъ шелководами. На обильной пищѣ „шелковичные черви“ быстро растутъ и нѣсколько разъ мѣняютъ шкурки. Послѣ четвертой линьки они перестаютъ ѣсть и изъ паутинообразныхъ ниточекъ образуютъ вокругъ себя коконъ. Нити, составляющія этотъ коконъ, затѣмъ разматываются, и изъ нихъ прядется шелкъ. Болѣзнь, на которую рѣшено было „напустить“ Пастера, состояла въ томъ, что черви, по выходѣ изъ яичекъ, оказывались покрытыми буроватой сыпью („точно перцемъ посыпаны“), не обнаруживали аппетита и гибли въ раннемъ возрастѣ. Эта болѣзнь называлась „пембриной“ и ею были охвачены огромныя области и за предѣлами Франціи.

Первымъ шагомъ Пастера по прибытіи въ Але, въ одинъ изъ важнѣйшихъ центровъ французскаго шелководства, было обратиться съ подробными разспросами къ многочисленнымъ мѣстнымъ шелководамъ и выяснить ходъ болѣзни и мѣры борьбы, которыя практикуются въ данномъ отношеніи. Но „свѣдущіе“ люди понесли такую разногласію, что Пастеръ сразу увидалъ себя вынужденнымъ полагаться только на свои силы и на свои наблюденія. Прежде всего не удавалось точно установить, въ какой стадіи развитія болѣзнь поражаетъ шелковичнаго червя. Иногда черви оказывались явно больными съ первыхъ дней своего существованія; другой разъ бабочка, выходявшая изъ кокона совершенно здороваго червя, оказывалась больной, приносила больную grenу. Что же касается средствъ борьбы съ этой болѣзью, то тутъ былъ „кто во что гораздъ“. „Одни посыпали червей толченымъ углемъ и сѣрой — отдѣльно или вмѣстѣ, другіе хвалились результатами посыпанія горчицей, сахаромъ. Другіе посыпали червей сажей, золой, толченой хинной коркой; третьи предпочитали опрыскивать кормъ червей; брызгали на тутовые листья вино; многіе окуривали червей хлоромъ, дегтемъ, указывали на лѣченіе электричествомъ“ (г-жа Орлова). Уже самое обиліе средствъ, примѣнявшихся иногда съ отчаяніемъ, показывало, что настоящаго, дѣйствитель-

наго средства никто не зналъ и всё дѣйствовали въ потемкахъ. Кое-что однако было сдѣлано цѣннаго въ интересахъ изученія этой болѣзни шелководства. Такъ, итальянскій ученый Корналіа нашель въ тѣлѣ больныхъ червей множество мелкихъ подвижныхъ тѣлецъ, получившихъ названіе „корналіевыхъ тѣлецъ“. Виттадини шель еще дальше и предлагалъ изслѣдовать всю грону въ микроскопъ и яички, въ которыхъ окажутся „корналіевы тѣльца“, подвергать уничтоженію. Но что такое

Джозефъ Листеръ.

эти „корналіевы тѣльца“, какую роль они играютъ въ болѣзненномъ процессѣ животнаго, почему зараженные яички надо уничтожать, — никто не могъ отвѣтить на эти вопросы. Ученые, сдѣлавшіе эти открытія, оставались въ такихъ потемкахъ, какъ и всё остальные жители. Самъ Корналіа, напр., писалъ Пастеру: „Ваши усилія останутся безплодными, ваша отобранная грона дастъ здоровыхъ червей, но эти черви заболѣютъ вслѣдствіе царствующаго всюду *genius epidemicus*“... Какой-то таинственный „геній эпидеміи“, но не многочисленныя корналіевы тѣльца, является причиной изслѣдуемой болѣзни. Ясное дѣло, что сказать нѣчто подобное — значитъ ничего не сказать и признать свое полное безсиліе. Такимъ образомъ

въ рѣшеніи поставленной задачи Пастеръ оставался совершенно одинокимъ.

Упорной, кропотливой и тщательной работой, о которой рѣчь будетъ идти въ его биографіи, Пастеръ убѣдился, что „корналіевы тѣльца“ не что иное, какъ особый видъ бактерій. То, о чемъ Пастеръ раньше только догадывался, стало увѣренностью. Дѣйствительно, вотъ передъ нимъ явный случай, когда эпидемическая болѣзнь производится опредѣленнымъ видомъ бактерій. Того же самаго надо слѣдовательно искать и въ другихъ эпидемическихъ болѣзняхъ, — будутъ ли онѣ поражать животныхъ или человѣка. Но это не единственный выводъ, который Пастеръ сдѣлалъ изъ изучаемой имъ болѣзни. Итакъ, данная болѣзнь червя происходитъ отъ бактерій, которыя живутъ и размножаются въ тѣлѣ червя подобно тому, какъ растутъ дрожжи въ подходящей средѣ. Какимъ же образомъ эти чужеродныя попадаютъ въ организмъ червя? Рядъ тщательныхъ наблюдений показалъ Пастеру, что для этого имѣется нѣсколько путей. Бактеріи, — оказалось, — попадаютъ, какъ съ пищей, такъ и изъ воздуха, такъ и путемъ зараженія крови, если на тѣлѣ червя окажется какая-нибудь ранка, и, наконецъ, передаются наследственнымъ путемъ отъ зараженной самки. Этимъ разнообразіемъ путей заболѣванія объясняется и разнообразіе формъ, въ которыхъ выражается сама болѣзнь. Такимъ образомъ вся картина непонятнаго заболѣванія червей оказалась насквозь освѣщенной анализомъ великаго ученаго. Непонятныхъ фактовъ больше не осталось. Выяснили также и тѣ мѣры, которыя надо предпринять для того, чтобы освободиться отъ одного изъ разорителей мѣстнаго хозяйства. Тѣ же изслѣдованія Пастера показали, что бактеріи этого рода могутъ оставаться живыми внѣ организма червя лишь непродолжительное время. Надо поэтому, какъ можно тщательнѣе, вычистить помѣщенія, предназначенныя для развитія шелкоичнаго червя. Надо далѣе слѣдить при помощи микроскопа за греной и всю зараженную грену уничтожать. Обѣ мѣры вытекали съ непобѣдимой силой логики изъ изученныхъ фактовъ. Логика показывала, что никакія опрыскиванія, посыпанія, лѣкарства не въ состояніи ничего сдѣлать. Удаляйте больные экземпляры отъ здоровыхъ (въ данномъ случаѣ, уничтожайте ихъ) и держите въ возможной чистотѣ помѣщеніе, т. е. устраняйте бактеріи и не позволяйте имъ размножаться. Обѣ эти мѣры являлись неслыханнымъ въ медицинѣ новшествомъ. Это были первые шаги въ антисептикѣ, асептикѣ, профилактикѣ, дезинфекціи, — мѣрахъ, на которыхъ построены въ настоящее время вся борьба съ заразными болѣзнями и которыя приносятъ человѣчеству уже неисчислимыя благодѣянія. Мы остановимся здѣсь нѣсколько только на антисептикѣ.

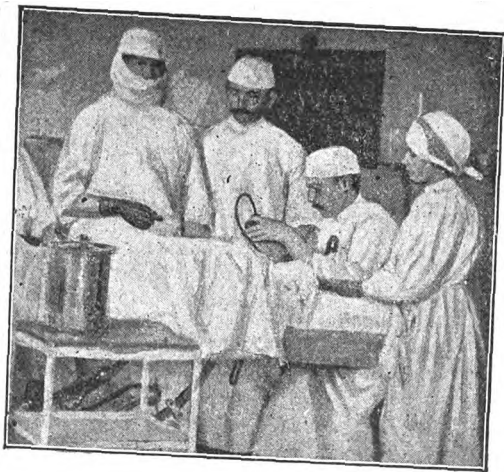
„Въ 1865 г.“, — говоритъ М. А. Энгельгардтъ, — „Листеръ предложилъ антисептическій методъ лѣченія ранъ и производства хирургическихъ операций. Встрѣченный, какъ водится, недоверіемъ и насмѣшками, методъ Листера въ теченіе десяти лѣтъ распространился повсемѣстно. Въ 1874 г., сообщая объ его результатахъ Пастеру, Листеръ писалъ: „ваши блестящіе изслѣдованія, доказавшія справедливость теории зародышевого гніенія, дали мнѣ тотъ единственный принципъ, на которомъ я основалъ антисептическій методъ“.

„Суть метода“, — продолжаетъ г. М. Энгельгардтъ, — „не допускать въ раны, въ глубину тканей человѣческаго тѣла, микробовъ, вызывающихъ гніеніе. Раны обмываются разведенной карболовой кислотой, присыпаются іодоформомъ или другими противогнилостными средствами, при-

крываются карболизированной ватой („листеровскія повязки“). Тѣ же предосторожности соблюдаются при операціяхъ: величайшая чистота, обеззараживаніе инструментовъ, обмываніе рукъ до и послѣ операціи въ растворѣ сулемы, дальнѣйшее предохраненіе раны отъ зараженія посредствомъ противогнилостныхъ жидкостей и повязокъ.

„Только благодаря антисептикѣ, хирургія приобрѣла громадное значеніе, которымъ она пользуется нынѣ, — значеніе, выражаемое иногда крайне преувеличенной формулой: „одна хирургія — вещь, а прочее все гиль въ медицинѣ“. Явилась возможность операцій, о которыхъ прежде и думать не смѣли. Операціи, соединенныя съ лапоротоміей (вскрытіе брюшной полости), теперь считаются пустяками, дѣлаются тысячами. А лѣтъ тридцать назадъ! Удачный случай лапоротоміи въ тѣ времена былъ почти чудомъ.

„Благодаря антисептикѣ, исчезла страшная смертность въ госпиталяхъ отъ зараженія ранъ, дѣлавшая изъ госпиталей истинныя гнѣзда заразы. Теперь мало-мальски благоустроенный госпиталь не знаетъ „госпитальной гангрены“, гнойнаго зараженія ранъ. Если она существуетъ, — такъ это обвинительный актъ противъ госпитального начальства, доказательство преступнаго нерадивства и небрежности. А тридцать лѣтъ назадъ она свирѣпствовала въ наилучше обставленныхъ госпиталяхъ. Нелатонъ, первый хирургъ своего времени, говорилъ, что тому, кто найдетъ способъ избавиться отъ госпитальной гангрены, надо поставить золотую статую“.

Асептическая операція.

Мы остановили вниманіе читателя на одномъ изъ частныхъ случаевъ приложенія великаго открытія Пастера — на антисептикѣ не только для того, чтобы иллюстрировать хоть часть тѣхъ благодарній, которыя принесли человечеству работы Пастера, но и для того, чтобы показать, какое огромное значеніе имѣла его борьба противъ теоріи „самозарожденія“. Въ самомъ дѣлѣ, если бы эта теорія оказалась справедливой, если бы бактеріи сами собой появлялись въ той или другой средѣ, то никакая антисептика не могла бы ничего сдѣлать противъ нихъ.

Но мы забѣжали нѣсколько впередъ. Несомнѣнно, что основную идею объ антисептикѣ дали работы Пастера о болѣзни шелковичнаго червя, но окончательно оформилась эта идея значительно позднѣе, послѣ многочисленныхъ изслѣдованій, произведенныхъ Пастеромъ относительно микробовъ, вызывающихъ тѣ или другія повальныя болѣзни. Какъ мы уже говорили, на первый планъ были поставлены изслѣдованія о сибирской язвѣ, представлявшей одинъ изъ ужаснѣйшихъ бичей сельского хозяйства. Микробъ сибирской язвы былъ найденъ еще до того, какъ Пастеръ взялся за изученіе этой болѣзни. Даванъ и Рэйе еще въ 1850 году изслѣдовали кровь животныхъ, павшихъ отъ сибирской язвы

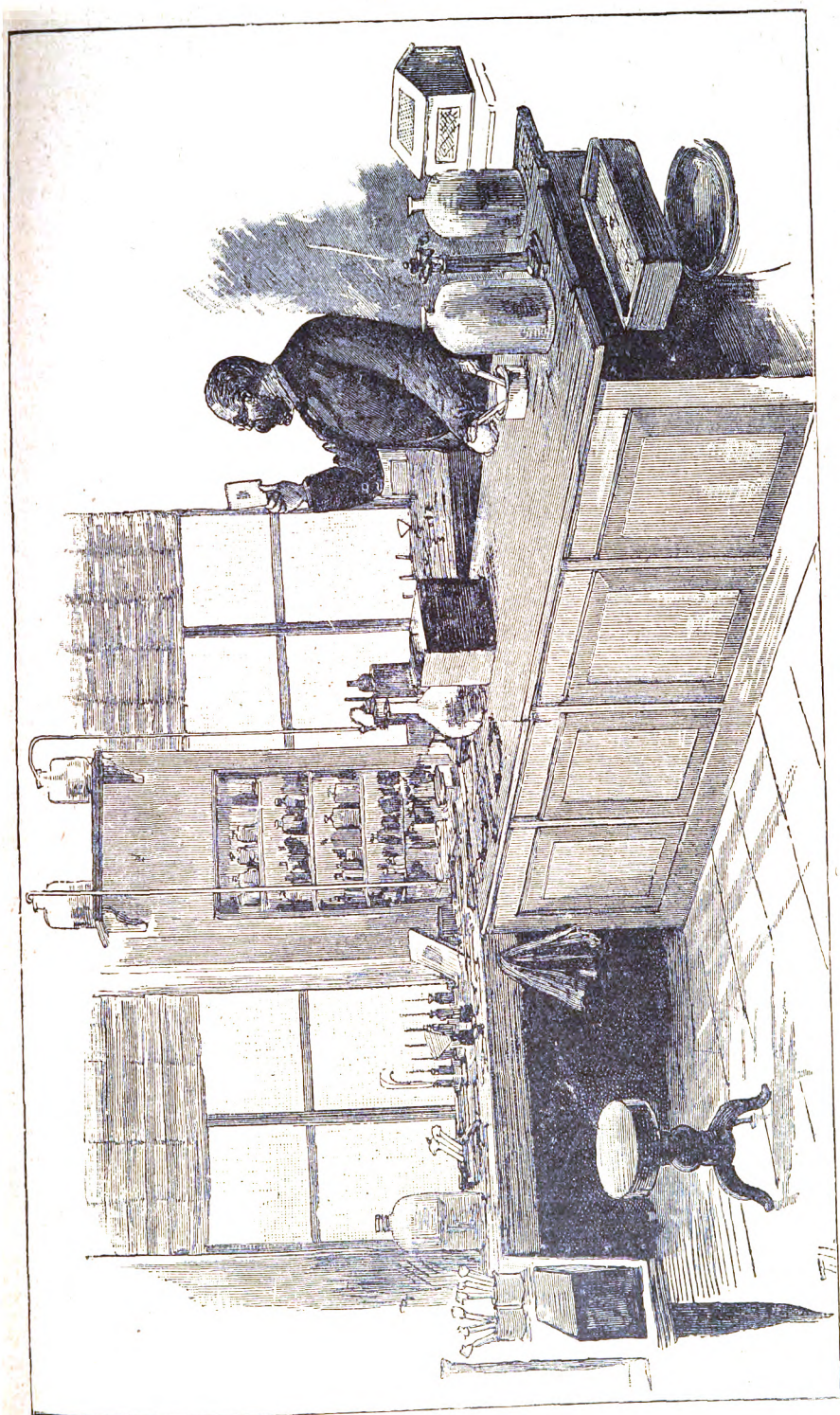
и нашли въ ней какія-то постороннія тѣльца въ видѣ палочекъ. Но открытіе ихъ, какъ и въ случаѣ съ корналиевыми тѣльцами, ограничилось только констатированіемъ самого факта. Что такое представляютъ собой эти тѣльца, какую они играютъ роль въ организмѣ заболѣващаго животнаго, — ни тотъ, ни другой изслѣдователь не спросили себя. Позднѣе, подъ вліяніемъ идей Пастера Давэнъ снова занялся этимъ вопросомъ и пришелъ къ убѣжденію, что именно эти тѣльца и есть причина сибирской язвы. Жальяръ и Лепла, а позднѣе Поль Беръ высказались противъ предположеній Давэна, а ихъ опыты, повидимому, рѣшительно устраняли всякую возможность поддерживать эту теорію и дальше. Первые изъ двухъ названныхъ изслѣдователей производили опыты надъ кровью животныхъ, умершихъ отъ сибирской язвы. Они прививали такую кровь кроликамъ. Кролики неизмѣнно послѣ этого умирали, но въ ихъ крови не было и слѣда „бактеридій“, какъ называлъ Давэнъ открытыя имъ палочки. Поль Беръ поставилъ опыты нѣсколько инымъ образомъ. Онъ бралъ каплю крови отъ животнаго, умершаго отъ сибирской язвы, констатировалъ въ этой каплѣ наличность бактерій, убивалъ ихъ сжатымъ кислородомъ и затѣмъ прививалъ эту кровь животнымъ, которыя при этомъ неизмѣнно погибали. Опять выходило, что ядовитыми свойствами обладаетъ кровь животныхъ, погибшихъ отъ сибирской язвы, а не „бактеридіи“ Давэна. Вопросъ такимъ образомъ запутался окончательно. Пастеровская идея снова колебалась.

Но, когда Пастеръ въ концѣ семидесятыхъ годовъ взялся за этотъ вопросъ, онъ быстро нашелъ доказательство въ пользу правильности своихъ идей. Его опыты были поставлены по слѣдующей схемѣ. Онъ бралъ кровь животнаго, погибшаго отъ сибирской язвы, устанавливалъ въ ней присутствіе бактерій сибирской язвы и переносилъ ихъ въ питательную жидкость. Черезъ нѣсколько часовъ прозрачный прежде бульонъ становился мутнымъ, и микроскопъ открывалъ въ этой мутн колоніи бактерій. Тогда Пастеръ бралъ капельку этого бульона и переносилъ ее въ новый баллонъ съ питательной жидкостью. Въ этой жидкости снова появлялись колоніи бактерій, и опытъ повторялся снова и такъ далѣе до 40 разъ. Тогда Пастеръ давалъ отстояться мутн въ своемъ послѣднемъ баллонѣ. Бактеріи опускались на дно, и жидкость, занимавшая верхнюю часть баллона, была свободна отъ нихъ. Если привить эту чистую жидкость животному, то она не окажетъ никакого вліянія на его здоровье. Что это показываетъ? Да то, что эта жидкость не содержитъ уже никакихъ ядовитыхъ веществъ, и если кровь животнаго, погибшаго отъ сибирской язвы, была ядовита, то теперь въ 40-мъ баллонѣ (послѣ 40-го разбавленія!) она потеряла всѣ свои ядовитыя свойства. Напротивъ, если взять капельку бульона со дна сороковаго баллона, гдѣ собрались чистыя бактеріи сибирской язвы, то прививка капельки этой жидкости животному оказывалась для него смертельной: животное погибало отъ сибирской язвы, бактеріи которой и оказывались налицо въ его крови. Опытъ былъ поставленъ съ такою ясностью, что никакія возраженія не могли поколебать его выводомъ. Но что же въ такомъ случаѣ должны обозначать опыты Жальяра и Лепла? Да то, — отвѣчалъ Пастеръ, — что кролики, которымъ прививали кровь животныхъ, погибшихъ отъ сибирской язвы, погибали не отъ этой болѣзни, а отъ другой; въ противномъ случаѣ, въ ихъ крови непремѣнно должны были находиться бактеріи сибирской язвы. Тщательный разборъ этихъ опытовъ показалъ Пастеру, что онъ долженъ быть правъ въ своихъ заключеніяхъ. Наблюденія надъ

жизнью этихъ микробовъ показали Пастеру, что микробы сибирской язвы остаются живыми въ организмѣ животнаго только до тѣхъ поръ, пока оно само живо. Какъ только животное издыхаетъ, такъ прекращается и жизнь этихъ микробовъ, такъ какъ для продолженія жизни имъ нуженъ кислородъ, а кислородъ уже больше не поступаетъ въ кровь животнаго, разъ оно перестаетъ дышать. Такъ какъ оба вышеперечисленныхъ изслѣдователя брали кровь не отъ живыхъ животныхъ, страдавшихъ сибирской язвой, а отъ мертвыхъ (имъ высылали кровь изъ провинціи), то въ этой крови не могло быть микробовъ сибирской язвы. Но животныя, которымъ была привита эта кровь, все-таки погибали. Слѣдовательно, тутъ былъ другой микробъ,—рѣшилъ Пастеръ. И, дѣйствительно, открылъ въ крови умершихъ отъ сибирской язвы животныхъ бактеріи гнилокровія („септициміи“), зародыши которыхъ всегда можно найти въ кишкахъ животныхъ, но которыя начинаютъ проявлять свою дѣятельность лишь въ мертвомъ организмѣ. Вотъ почему Жальяръ и Лепла не могли найти микробовъ сибирской язвы въ крови тѣхъ животныхъ, надъ которыми они ставили свои опыты. Опять-таки выводы, къ которымъ пришелъ Пастеръ, отличались необычайной убѣдительностью, и спорить съ ними не приходилось. Такимъ образомъ возраженія Жальяра и Лепла послужили только къ укрѣпленію теоріи Пастера.

То же самое было и съ возраженіями Поль Бера. Въ самомъ дѣлѣ, Поль Беръ убивалъ бактерій сибирской язвы, и потому сибирской язвы и не было у привитыхъ имъ животныхъ. Но тогда отъ какой же болѣзни крови погибали эти животныя? Отъ той же септициміи,—отвѣчалъ Пастеръ. Своими удивительными опытами онъ показалъ, что подъ вліяніемъ кислорода вибрионы септициміи образуютъ споры,—зародыши, если хотите, крошечные комочки вещества, въ которыхъ заключается все содержимое бактерій. Бактерія въ такихъ случаяхъ, по мѣткому замѣчанію Тиндала, обращается, какъ бы въ стручокъ, наполненный горошинами. Этотъ стручокъ затѣмъ распадается на отдѣльныя горошинки—споры. Такимъ образомъ возраженіе Поля Бера привело Пастера къ новому открытію: бактеріи размножаются не только посредствомъ дѣленія, но и спорами; въ этомъ отношеніи является извѣстная аналогія у бактерій вообще съ растительнымъ міромъ: высшія растенія также размножаются черенками и сѣменами.

Это открытіе оказалось чрезвычайно важными выводами для науки объ эпидемическихъ болѣзняхъ. Благодаря ему оказалась возможность уяснить цѣлый рядъ самыхъ запутанныхъ явленій и подыскать средства борьбы съ такими сторонами эпидемій, которыя оставались сначала недоступными воздѣйствію чловѣка. Было выяснено, что бактеріи образуютъ споры во многихъ случаяхъ, неблагоприятныхъ для ихъ жизни. Мы видѣли, что бактеріи септициміи образуютъ споры, если на нихъ дѣйствовать вреднымъ для нихъ кислородомъ. Другія бактеріи образуютъ споры при температурахъ, неблагоприятныхъ для ихъ жизни (при значительномъ холодѣ или жарѣ). Борьба со многими бактеріями оказывается довольно легкой. Многія бактеріи, напр., могутъ жить только въ живомъ организмѣ,—споры же сохраняютъ свою жизнеспособность и внѣ организма; подобнымъ же образомъ споры оказываются болѣе устойчивыми и по отношенію къ различнымъ ядамъ и температурнымъ колебаніямъ. Вотъ почему затихшая эпидемія можетъ снова вспыхнуть съ прежней силой: это значитъ, что споры этихъ бактерій попали въ благоприятныя условія и развились въ бактеріи. Теперь становилось яснымъ, почему

Роберт Кохъ въ своей лабораторіи.

пастбища, на которыхъ паслись стада животныхъ, зараженныхъ сибирской язвой, являются часто черезъ продолжительный промежутокъ времени очагами заразы: это оживають разсѣянные здѣсь споры сибирской язвы. Наконецъ, Пастеръ, показавъ, съ какими предосторожностями надо хоронить животныхъ, пораженныхъ сибирской язвой для того, чтобы ихъ могилы не стали расадникомъ новой эпидеміи. Оказалось, что споры сибирской язвы легко переносятся на поверхность даже въ тѣхъ случаяхъ, когда животное бываетъ погребено достаточно глубоко: дѣлу этого передвиженія, конечно, служатъ земляные черви. Такимъ образомъ теорія Пастера сразу освѣтила всю сложную, запутанную и темную картину сибиреязвенныхъ эпидемій, и вмѣстѣ съ тѣмъ поставила на прочную почву и изслѣдованіе каждой эпидеміи.

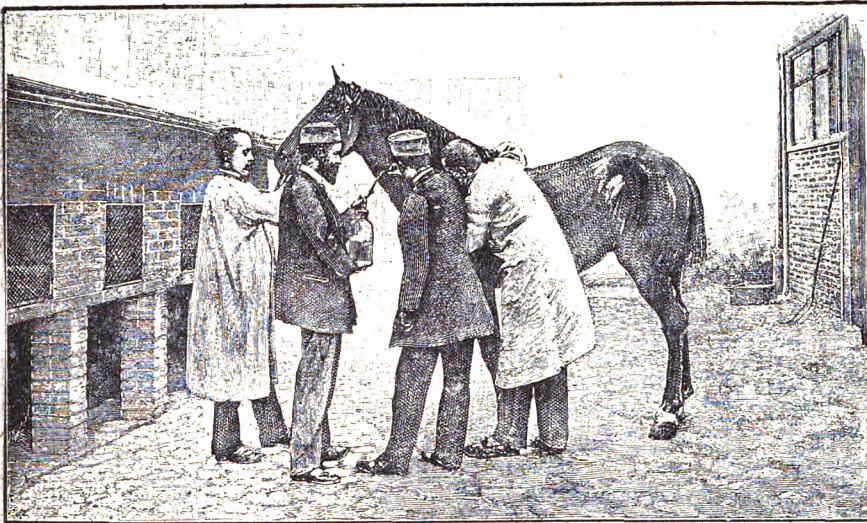
Попутно Пастеръ съ точки зрѣнія все той же своей теоріи выяснилъ цѣлый рядъ побочныхъ вопросовъ, позволяющихъ дѣлать весьма серьезныя догадки относительно условій зараженія той или другой эпидемической болѣзни. Для того, чтобы показать, какъ глубоко въ данномъ отношеніи проникала мысль Пастера въ самыя сложные явленія, приведемъ слѣдующій отрывокъ изъ біографіи, написанной г-жей Орловой.

„Однажды Пастеръ упомянулъ какъ-то вскользь, что птицы, а именно куры, не заражаются сибирской язвой. Докторъ Колэнъ, постоянный противникъ Пастера, по своей привычкѣ всегда противорѣчить ему, отвергъ это положеніе. Какъ разъ въ это время доктору Колану понадобилось для изслѣдованій нѣкоторое количество культуръ микроорганизмовъ; Пастеръ, вручая ему баллонъ, просилъ доставить ему курицу, павшую отъ сибирской язвы, что Колэнъ и обѣщалъ. Онъ долго не исполнялъ своего обѣщанія; шли недѣли и мѣсяцы, и не разъ, при встрѣчахъ, Пастеръ напоминалъ ему о курицѣ; наконецъ, Колэнъ долженъ былъ сознаться, что ему не удается заразить курицу. „Въ такомъ случаѣ, я вамъ покажу, какъ можно этого добиться,—возразилъ Пастеръ,—и я вамъ доставлю больную курицу, которая на вашихъ глазахъ падетъ отъ сибирской язвы“. Черезъ недѣлю Пастеръ принесъ на засѣданіе Академіи клѣтку съ тремя курами—черной, бѣлой и пестрой; одна изъ нихъ, бѣлая, была мертва,—она пала отъ сибирской язвы; другая, черная, была вполне здорова, хотя ей была сдѣлана одновременно съ павшей, заразительная прививка; третья курица была больна послѣ прививки сибирской язвы, но еще жива. Объясненіе этому явленію было слѣдующее: температура крови птицъ нѣсколько выше температуры крови млекопитающихъ: у куръ 42°, у морскихъ свинокъ 36°. Этой разницы температуръ достаточно, чтобы воспрепятствовать размноженію бактерій сибирской язвы и отравленію ими организма куръ. Поэтому, чтобы заразить сибирской язвой курицу, надо было искусственно понизить температуру ея тѣла, а для этого курицѣ достаточно было сдѣлать ножную холодную ванну; температура же контрольной курицы не была понижена, и курица не заразилась. Заболѣвшую пеструю курицу Пастеръ согрѣлъ и продержалъ въ теплѣ уже послѣ холодной ванны, чѣмъ и достигъ ея выздоровленія“...

Посмотрите теперь, какой огромной важности выводы могла сдѣлать медицина изъ этого опыта, произведеннаго Пастеромъ почти шутя. Когда при той или другой заразной болѣзни больного начинало лихорадить и у него поднималась температура, у врачей добраго стараго времени не было ни малѣйшихъ основаній судить о томъ, является ли это повышеніе

температуры благотѣльнымъ для организма больного процессомъ или вреднымъ. Шли въ потмахъ, судили такъ и иначе. Во всякомъ случаѣ, до Пастера былъ очень распространенъ способъ значительнаго охлажденія (напр., при помощи ваннъ) лихорадящаго организма. Теперь во многихъ заболѣваніяхъ этого не сдѣлаетъ ни одинъ врачъ, такъ какъ повышение температуры можетъ въ томъ или другомъ случаѣ являться способомъ борьбы организма съ инфекціей (заразнымъ началомъ).

Такимъ образомъ Пастеръ все болѣе и болѣе подходилъ къ вопросу о непосредственной борьбѣ съ микроорганизмами, проникающими въ человѣческій организмъ. Перейдемъ теперь къ этой важной части работъ великаго ученаго.

Впрыскиваніе дифтеритныхъ бациллоу лошади для полученія антидифтеритной сыворотки.

Уже давно было замѣчено во многихъ случаяхъ, что больной, перенесъ извѣстную болѣзнь, становится обыкновенно невоспримчивымъ къ ней. Такъ бываетъ съ оспой (въ большинствѣ случаевъ); такъ же бываетъ и со скарлатиной и нѣкоторыми другими болѣзнями. Предшественники Пастера не сдѣлали никакихъ общихъ выводовъ изъ фактовъ этого рода. Для Пастера же, напротивъ, они ясно указывали, что микробъ данной болѣзни самъ по себѣ является противоядіемъ для этой болѣзни. Исторія оспопрививанія и открытіе Дженнера, въ частности, дала Пастеру и другое руководящее обобщеніе, котораго его предшественники не сумѣли сдѣлать. Пастеръ обратилъ вниманіе на то, что прививка микроба съ челоуѣка на челоуѣка (варіоляція) часто приводитъ къ тяжелымъ заболѣваніямъ; тогда какъ прививка оспеннаго яда, взятаго отъ теленка (вакцинація), ослабляетъ дѣйствіе оспеннаго яда. Слѣдовательно,—сдѣлалъ онъ заключеніе,—въ организмѣ нѣкоторыхъ животныхъ микробы нѣкоторыхъ болѣзней значительно ослабляются. Еще большую глубину пріобрѣлъ этотъ выводъ для Пастера при его опытахъ, направленныхъ для изученія такъ называемой куриной холеры, производящей часто огромныя опусто-

шенія въ птичникахъ. Микробъ этой болѣзни былъ открытъ докторомъ Туссенемъ. Пастеръ взялся за этого микроба съ тѣмъ, чтобы изучить его жизненныя функціи: его ростъ, размноженіе. Не сразу удалось Пастеру подыскать для этого микроба подходящую питательную среду. Въ концѣ концовъ, была найдена и таковая: это оказался отваръ изъ кури-наго мяса. „Культуры въ этомъ отварѣ“, — говоритъ г-жа Орлова, — „составались такъ ядовиты, что достаточно было капнуть одну каплю на кусочекъ хлѣба и дать поклевать его курицѣ, чтобы она погибла. Одна-ко же эти ядовитыя культуры убивали лишь птицъ; мелкія млекопи-тающія — кулики, морскія свинки, послѣ прививки этими культурами, за-болѣвали совсѣмъ легко, а иногда даже не оказывалось никакого болѣзнен-наго явленія, кромѣ небольшой опухоли или маленькаго нарывчика на мѣстѣ укола. Ясно было, что кролики и морскія свинки не были подхо-дящей средой для микроба куриной холеры, но въ нарывчикѣ, образо-вавшемся на мѣстѣ прививки, микробъ выживалъ, какъ и въ баллончикѣ для культуры; Пастеръ понялъ, что микробъ съ гноемъ изъ нарывчика могъ попадать на землю, на разсыпанный кормъ, который клевали куры; этимъ объяснялось, почему куры, помѣщенные въ конуры или во дво-рики на видъ совсѣмъ здоровыхъ кроликовъ и морскихъ свинокъ, вне-запно заболѣвали и гибли... (Итакъ, смертельный для птицъ микробъ могъ быть имъ переданъ черезъ животное, для котораго этотъ микробъ былъ безвреденъ“). Этими наблюденіями идея, положенная въ основу оспопрививанія, получила еще болѣе глубокое значеніе. Ясно было, что ядовитость различныхъ микробовъ сильно измѣняется въ зависимости отъ того, въ какую среду эти микробы попадаютъ. Въ этомъ-то направленіи Пастеръ и усилилъ свои изслѣдованія. Вскорѣ онъ убѣдился, что не всѣ культуры куриной холеры дѣйствуютъ на куръ съ одинаковой силой. Чѣмъ старѣе была культура, тѣмъ слабѣе она дѣйствовала. Отъ болѣе свѣжей культуры погибало до 80% привитыхъ птицъ, тогда какъ прививка достаточно старыхъ культуръ (простоявшихъ въ пробиркѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ), хотя и вызывала у куръ болѣзненные явленія, но птицы бы-стро оправлялись отъ нихъ. Но этотъ фактъ получилъ особенную цѣн-ность послѣ того, какъ всѣмъ курамъ, выдержавшимъ прививку, хотя бы и самаго ослабленнаго яда, были привиты самыя ядовитыя культуры, отъ которыхъ куры, взятые безъ предварительной прививки, погибають немедленно. Оказалось, что ослабленныя культуры нисколько не поте-ряли своихъ свойствъ въ качествѣ противоядія. Итакъ, теперь всѣ идеи, необходимыя для созданія новой отрасли медицины — сероте-рапіи, т. е. лѣченія при помощи сыворотокъ, — были налицо.

Мы оставляемъ поэтому дальнѣйшія работы Пастера до его біогра-фіи, и попытаемся прослѣдить дальнѣйшее развитіе медицины въ томъ направленіи, которое ей было указано Пастеромъ.

Мы видѣли, что Пастеръ прививалъ куриную холеру, пользуясь для этого ослабленными культурами. Опыты показали, что предохра-нительное дѣйствіе этихъ прививокъ обыкновенно не отличается значи-тельной продуктивностью. Поэтому поиски за прививками иного ма-териала продолжались и помимо Пастера и послѣ Пастера. Близко къ указанному Пастеромъ методу подходитъ прививка убитыхъ культуръ микробовъ. Такого рода прививка, разработанная Хавкиномъ, Пфейфферомъ и Колле, примѣняется въ качествѣ предохра-нительнаго средства отъ холеры (результаты оказались достаточно на-дежными). Слѣдующимъ шагомъ въ этомъ методѣ была прививка не уби-

тыми культурами, а той жидкостью, которая получалась послѣ особаго рода фильтрованія убитыхъ культуръ. Въ этой жидкости уже не содержится ни живыхъ, ни мертвыхъ микробовъ, а только вещества, выделяемыя микробами (токсины), которые и создаютъ въ организмѣ условія, благоприятныя для борьбы съ микробами даннаго вида. Такимъ путемъ Берингу удалось иммунизировать (сдѣлать невосприимчивыми) животныхъ противъ дифтерита и столбняка.

Мы должны здѣсь сдѣлать оговорку, что уже Пастеръ началъ примѣнять прививки не только въ интересахъ иммунизации (предохраненія), но и въ интересахъ терапевтики (лѣченія). Таковы его прививки адомъ бѣшенства, о чемъ у насъ будетъ рѣчь въ его биографіи. Такого же рода терапевтическія прививки получили большое примѣненіе при лѣченіи отъ укуса ядовитыми змѣями. Въ настоящее время выработаны цѣлый рядъ такого рода антитоксиновъ. Дѣйствіе ихъ въ большинствѣ случаевъ въ высшей степени благотворно. Такъ, однажды д-ръ Кальметтъ изъ Лилля, специально посвящавшій свои силы этому вопросу, подвергся смертельному укусу одной изъ ядовитыхъ змѣй и сдѣлалъ самъ себѣ впрыскиваніе соответствующимъ антитоксиномъ. Черезъ часъ д-ръ Кальметтъ былъ уже внѣ всякой опасности и спокойно продолжалъ свою работу.

Но съ случаемъ доктора Кальметта мы переходимъ въ область серотерапіи въ собственномъ смыслѣ этого слова. Берингъ и Кита-зато показали, что если какому-нибудь животному прививать все увеличивающіяся дозы какого-нибудь токсина, то организмъ этого животнаго начинаетъ все въ большихъ и большихъ дозахъ вырабатывать соответствующіе антитоксины, т. е. вещества, которые являются противоядіемъ противъ даннаго токсина. Такимъ образомъ, говоря словами медицины, которая, надѣемся послѣ всего сказаннаго, будутъ совершенно понятны нашему читателю, „кровяная сыворотка иммунизированнаго этимъ способомъ животнаго сама обладаетъ рѣзко выраженными иммунизирующими свойствами“. Особенно богатые результаты прививки этого рода дали при дифтеритѣ, одной изъ самыхъ безпощадныхъ болѣзней дѣтскаго возраста. Микробъ дифтерита распространенъ повсюду. При извѣстныхъ обстоятельствахъ (когда, напр., организмъ оказывается въ силу какой-нибудь причины ослабленнымъ) онъ проникаетъ въ зѣвъ, на слизистой оболочкѣ котораго тогда образуется сѣровато-бѣлая пленка. Въ процессѣ своей жизни микробъ вырабатываетъ сильнѣйшій ядъ, который поступаетъ въ организмъ больного и парализуетъ его дѣятельность, что и заканчивалось очень часто смертельнымъ исходомъ. Сыворотка Беринга вводитъ въ кровь соответствующіе антитоксины, уничтожающіе дѣйствіе яда.

Конечно, пытливый умъ ученыхъ не замедлилъ поставить вопросъ о томъ, какимъ же образомъ всѣ эти прививки оказываютъ свое предохранительное дѣйствіе и какимъ образомъ они могутъ нейтрализовать вредное дѣйствіе ядовъ, выделяемыхъ бактеріями. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ знаменитый нашъ соотечественникъ Илья Мечниковъ, изслѣдуя воспалительный процессъ, показалъ, какую огромную роль въ этомъ случаѣ играютъ, такъ называемые, бѣлые кровяные шарики, или лейкоциты. Эти свободныя клѣтки массами нападаютъ на каждое постороннее тѣло, введенное въ организмъ, и по частямъ уничтожаютъ его. Такой же участи подвергаются и бактеріи, попавшія въ наше тѣло. Сыворотка, извѣстнымъ образомъ приготовленная и введенная въ нашу кровеносную систему, измѣняетъ составъ нашей крови, и измѣняетъ именно такъ, что

„фагоциты“ (пожиратели), какъ Мечниковъ еще назвалъ бѣлые кровяные шарики, приобретаютъ при данныхъ условіяхъ особенную жизнеспособность и ведутъ свою атаку на враговъ съ особой энергіей. Но, какъ ни велико значеніе открытія Мечникова, въ данномъ отношеніи приложеніе его, повидимому, не выдерживаетъ критики. Во всякомъ случаѣ, этимъ объясненіемъ далеко еще не все сказано. Такъ, замѣчено было, что дѣйствіе сывортки отнюдь не всегда заключается въ умерщвленіи бактерій. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ благотѣльнаго дѣйствія сывортки,

И. И. Мечниковъ.

бактеріи не только не умерщвляются, а продолжаютъ расти и увеличиваться: только вредоносное дѣйствіе ихъ оказывается окончательно устраненнымъ. Эти и имъ подобные факты заставляютъ искать иного объясненія. И если, въ концѣ концовъ, объясненіе не найдено, то правильный путь къ нему, повидимому, установленъ въ достаточной степени прочно. Въ этомъ отношеніи особенную цѣнность получили открытія органической химіи.

„Безконечно разнообразны процессы, разыгрывающіеся въ организмѣ животнаго и растенія, безконечно различны формы тѣла и отправленія кораллового полипа съ одной стороны и кашалота съ другой; это разнообразіе невольно внушаетъ мысль, что такъ же разнообразны и тѣ вещества, изъ которыхъ состоятъ различные органы разныхъ животныхъ. Однако, органическая химія учитъ, что это не такъ.

(Мертвая природа состоитъ изъ гораздо большаго числа элементовъ, образующихъ другъ съ другомъ сравнительно простые соединенія; наоборотъ, живая природа построена изъ небольшого числа элементовъ, которыя, однако, даютъ длинный рядъ очень сложныхъ соединеній. Немного угольной кислоты, вода, амміакъ, кислородъ, слѣды минеральныхъ солей, ничтожное количество сѣры и фосфора — вотъ и вся физическая основа жизни. Вещества, съ виду столь непохожія другъ на друга, какъ бѣлокъ яйца, сыръ или мясо, на дѣлѣ едва отличаются по составу; они отличаются лишь по своей химической структурѣ, или, такъ сказать, по своей архитектурѣ.)

„Послѣ всего сказаннаго мы едва ли удивимся, узнавши, что многіе животные и растительные виды, — т. е. яды, вырабатываемые въ живыхъ организмѣхъ, — такъ мало отличаются отъ обычнаго пищевого бѣлка, что долгое время установить это отличіе совершенно не удавалось, несмотря на всѣ усилія химиковъ. Въ томъ и другомъ случаѣ это — тѣла, состоящія изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, входящихъ въ одинаковыхъ количествахъ въ составъ вещества. Выражаясь техническимъ языкомъ, эти

тѣла представлялись, какъ говорятъ химики, изомерными. Поэтому разницу въ физиологическомъ дѣйствіи и въ нѣкоторыхъ химическихъ реакціяхъ этихъ тѣлъ приходилось объяснять только гипотетической разницей во внутренней группировкѣ атомовъ въ молекулахъ этихъ тѣлъ“...

Этими-то идеями ограниченной химіи (ея стереохиміей, — или ученіемъ о расположеніи атомовъ въ пространствѣ, — основателемъ котораго, какъ мы увидимъ ниже, можно считать того же Пастера) и воспользовался Эрлихъ, знаменитый руководитель института экспериментальной медицины во Франкфуртѣ на Майнѣ. („Основываясь“, — продолжаетъ Снайдеръ, — „на сложномъ строеніи животной клѣтки (одна клѣтка содержитъ нѣсколько милліоновъ атомовъ), Эрлихъ допускаетъ существованіе такъ называемыхъ „боковыхъ цѣпей“, т. е. не вполне насыщенныхъ атомныхъ группировокъ; ихъ нормальной функціей является захватываніе элементовъ пищи и препровожденіе ихъ внутрь клѣтки, гдѣ пища входитъ въ составъ протоплазмы. Основнымъ условіемъ для этого является способность боковыхъ цѣпей легко соединяться съ элементами пищи и легко отщеплять ихъ вновь. Эти боковыя цѣпи Эрлихъ называетъ „рецепторами“ (пріемниками).

„Эрлихъ допускаетъ, далѣе, что яды способны соединяться съ рецепторами, или — выражаясь химическимъ языкомъ — яды обладаютъ ненасыщенными сродствами. Соединяясь съ рецепторами, они запираютъ входныя ворота для пищевыхъ веществъ. Въ результатѣ жизнедѣятельность клѣтки нарушается и наступаетъ смерть.

„Однако при нѣкоторыхъ условіяхъ соединеніе рецептора съ молекулой ядовитаго вещества происходитъ вдали отъ клѣтки, образуются новые рецепторы, новыя боковыя цѣпи, а сама клѣтка можетъ тогда продолжать свой нормальный образъ жизни. Если клѣткѣ разъ удалось освободиться отъ вреднаго вліянія яда, въ ней не только возстановляются старыя рецепторы, но наблюдается избыточное образованіе новыхъ рецепторовъ; послѣдніе отрываются отъ клѣтки, переходятъ въ кровь и здѣсь существуютъ въ видѣ самостоятельныхъ молекулъ. Если теперь въ организмъ попадаетъ ядовитое вещество, свободныя рецепторы свяжутъ ядъ и не допустятъ его до клѣтокъ. „Ядъ обезвреживается“ и перестаетъ представлять какую-либо опасность.

„Иммунитетъ (невоспріимчивость) къ заразнымъ болѣзнямъ и основанъ на присутствіи въ крови свободныхъ рецепторовъ. Такъ какъ бактеріи каждой болѣзни вырабатываютъ свой специфическій ядъ, то необходимо, чтобы было столько же рецепторовъ, сколько существуетъ бактеріальныхъ ядовъ: такъ объясняется, почему прививка оспы не предохраняетъ отъ дифтерита или гриппа. Остается еще изучить условія, при которыхъ образуются и сохраняются въ дѣятельномъ состояніи всѣ эти защитительныя вещества. Извѣстно, вѣдь, что пріобрѣтенный иммунитетъ бываетъ временнымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., при холерѣ, дѣйствіе актиноксина держится всего нѣсколько недѣль; въ случаѣ оспы оно продолжается цѣлый годъ или даже цѣлую жизнь“.

Такимъ образомъ все яснѣе и яснѣе становится, что вопросъ объ иммунитѣ, имѣющій огромное значеніе для всей современной медицины, является по существу вопросомъ химическимъ. Поставить такимъ образомъ этотъ вопросъ, значить вывести его на путь прогресса. Конечно, не приходится скрывать отъ себя, что на этомъ пути предстоятъ еще огромныя трудности. На нихъ съ особеннымъ удареніемъ останавливался и самъ Эрлихъ въ своемъ докладѣ, прочитанномъ на Лондонскомъ между-

народномъ конгрессѣ врачей нынѣшняго года (августъ 1913 г.) Онъ напомнилъ о томъ, что человѣческій организмъ обладаетъ двумя особенностями, крайне неблагоприятными съ точки зрѣнія раціональной медицины и совершенно отсутствующими, повидимому, въ организмѣ животныхъ. Первой изъ этихъ особенностей является идиосинкразія, т. е. необычайно сильная реакція какого-нибудь челов. организма на вещества, для другихъ людей совершенно безвредныя. Такъ, напр., нѣкоторымъ людямъ достаточно съѣсть нѣсколько ягодокъ земляники для того, чтобы тѣло ихъ покрылось пятнами крапивной лихорадки и они испытывали нестерпимый зудъ. Другая особенность заключается въ томъ, что нѣкоторые изъ самыхъ благодѣтельныхъ лѣкарствъ оказываютъ на организмъ чрезвычайно вредное вліяніе при наличности какой-нибудь другой болѣзни. Такъ, напр., медицинскія дозы мышьяка могутъ оказаться гибельными для человѣка, страдающаго туберкулезомъ надпочечниковъ.

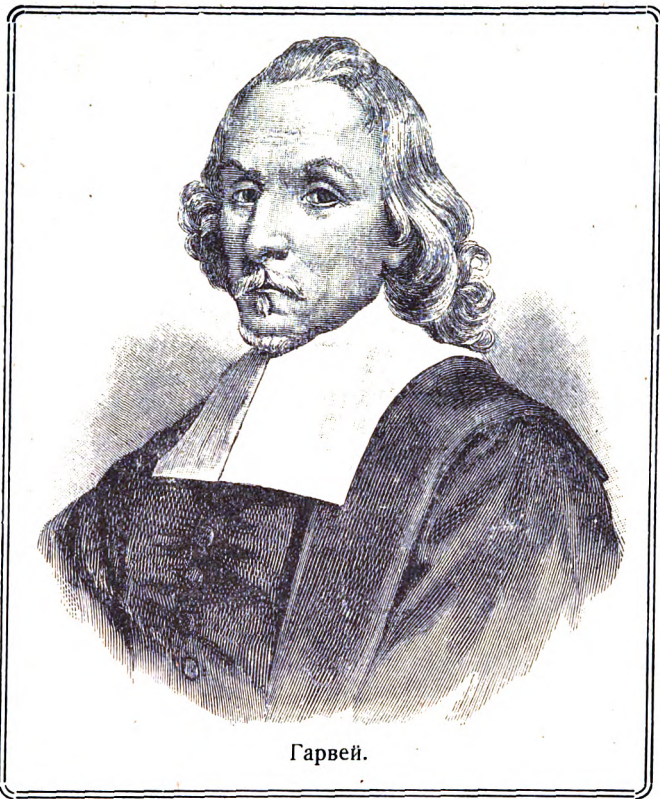

Проф. Эрлихъ.

А между тѣмъ, именно въ области серотерапіи приходится держаться принципа „frapper vite et frapper fort“, т. е. „бить быстро и скоро“. Вотъ откуда происходятъ тѣ неудачи, которыя заставляютъ часто опускать руки даже самыхъ энергичныхъ врачей. Но путь найденъ. Его необходимо упорно держаться и впередъ, направляя сюда всѣ силы ума. Вѣдь это уже научное рѣшеніе, при которомъ медицина перестаетъ быть искусствомъ, перестаетъ руководиться грубымъ эмпиризмомъ. Правда, на своемъ новомъ пути (за 10—20 послѣднихъ лѣтъ) медицина выработала въ серотерапіи только

5—6 новыхъ вѣрныхъ средствъ.. Но если принять во вниманіе, что пріобрѣтеніе этихъ новыхъ средствъ сдѣлано за какія-нибудь два десятка лѣтъ, а за многовѣковую жизнь человѣчества было пріобрѣтено только два вѣрныхъ средства, дѣйствующихъ почти всегда съ несомнѣнностью—хининъ противъ маляріи и ртуть съ іодомъ противъ сифилиса, то придется согласиться, что серотерапія, дѣйствительно, вводитъ медицину въ область новыхъ чисто научныхъ открытій. Вотъ чѣмъ объясняется глубокая вѣра Эрлиха въ огромныя перспективы, открывающіяся нынѣ передъ медициной. Ближайшими завоеваніями, которыя предстоятъ медицинѣ, Эрлихъ считаетъ побѣду надъ скарлатиной и дизентеріей. Болѣе трудной представляется ему борьба съ брюшнымъ тифомъ, дезинтеріей, туберкулезомъ.

„Но“, — закончилъ Эрлихъ свою рѣчь, — „я глубоко увѣренъ и говорю это не какъ оптимистъ, что въ теченіе ближайшихъ пяти лѣтъ мы сдѣлаемъ настолько большіе шаги впередъ и въ этомъ отношеніи, что сможемъ побѣдить этихъ могучихъ враговъ. Для этого нужна только дружная работа: вѣдь есть такое огромное количество химическихъ веществъ, которыя совершенно не изслѣдованы. И тѣмъ больше шансовъ найти вещества, пригодныя для нашихъ цѣлей“.

Гарвей.

Гарвей.

(1578—1657).

Вильямъ Гарвей, родившійся 1-го апр. 1578 г. въ небольшомъ англійскомъ городкѣ Фолькстонѣ, принадлежалъ по своему рожденію къ зажиточной семьѣ, глава которой занимался торговлей. Вильямъ былъ старшимъ изъ шести братьевъ; изъ трехъ же его сестеръ только одна была старше его. Какъ видимъ, семья была многочисленная.

О дѣтствѣ Вильяма Гарвея почти ничего не извѣстно. Но судя по тѣмъ добрымъ отношеніямъ, которые сохранились между членами этой семьи, можно думать, что жизнь ея шла хорошо и дружно. До десятилѣтняго возраста Вильямъ оставался дома и находился главнымъ образомъ подъ вліяніемъ своей матери, женщины, отличавшейся, повидимому, большою добротою и хозяйственными талантами. Съ десяти лѣтъ Вильямъ сталъ посѣщать Кентерберійскую гимназію. Здѣсь ему пришлось

усердно штудировать латинскихъ классиковъ, идеи и воззрѣнія которыхъ составляли основу міровоззрѣнія тогдашняго образованнаго общества. Пять лѣтъ гимназическаго ученія промелькнули незамѣтно. На шестнадцатомъ году Вильямъ поступилъ въ Кембриджскій университетъ, гдѣ пробылъ три или четыре года, отдаваясь изученію классиковъ, діалектики и медицины.

Вильямъ одинъ изъ семьи избралъ себѣ ученую карьеру; остальные братья продолжали карьеру своего отца и сдѣлались купцами. Но Вильяму не улыбалась возможность стать рядовымъ ученымъ схоластическаго типа, преобладавшаго въ то время. Кембриджъ именно и былъ приспособленъ для производства ученыхъ этого рода, воспитывая своихъ питомцевъ главнымъ образомъ на богословіи и схоластикѣ и давая крайне скудное медицинское образованіе. Гарвей быстро понялъ, что для самостоятельной работы на научномъ поприщѣ онъ получилъ слишкомъ мало въ Кембриджскомъ университетѣ, и отправился на континентъ, славившійся наукой. Онъ посѣтилъ Францію и Германію и остановился, наконецъ, на Падуанскомъ университетѣ, гдѣ въ то время преподавали такіе знаменитые ученые, какъ Везалій, Фаллопій, Коломбо, Фабрицій и др. Изъ этихъ ученыхъ особенное вліяніе оказалъ на Гарвея Фабрицій, знаменитый изслѣдователь венныхъ заслоночекъ (см. общ. оч.). Особенно же увлекли Гарвея эмбриологическія работы Фабриція, продолжателемъ котораго онъ и явился впоследствии.

Четыре года работалъ Гарвей въ Падуанскомъ университетѣ, и въ 1602 году получилъ здѣсь званіе доктора, открывавшее ему возможность преподавать и лѣчить во всѣхъ странахъ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Полученіе степени доктора въ Кембриджѣ послѣ этого было для Гарвея дѣломъ уже нетруднымъ. Покончивъ свои официальные отношенія къ наукѣ, Гарвей поселился въ Лондонѣ, женился на дочери доктора Ланчелота Броуна и началъ заниматься медицинской практикой. О семейной жизни Вильяма Гарвея сколько-нибудь цѣнныхъ свѣдѣній не сохранилось. Судя по завѣщанію Гарвея, въ которомъ онъ называетъ свою жену, скончавшуюся раньше его, „милой“ и „любящей“, можно думать, что семейная жизнь ихъ текла ровно и согласно. Дѣтей у Гарвеевъ не было.

Свою медицинскую практику Гарвей началъ около 1604 года и быстро завоевалъ себѣ почетное положеніе въ медицинскомъ мірѣ. Съ 1607 года онъ уже состоитъ членомъ лондонской коллегіи врачей, а въ 1609 году получаетъ мѣсто доктора при госпиталѣ св. Варооломея. Насколько медицинскіе успѣхи Гарвея подвинулись за это время, видно изъ того, что, подавая прошеніе о предоставленіи ему указаннаго мѣста, онъ представилъ рекомендаціи отъ президента коллегіи врачей и отъ самого короля.

Въ качествѣ врача при госпиталѣ св. Варооломея, онъ сумѣлъ обратить на себя вниманіе широкихъ круговъ общества и быстро завоевать огромную практику. Возможно, что, какъ непріятный конкурентъ, Гарвей вызвалъ къ себѣ нѣкоторое нерасположеніе среди своихъ коллегъ. Напр., одинъ изъ современныхъ ему врачей, Джонъ Обрей, давалъ ему слѣдующую характеристику: „хотя всѣ его коллеги соглашались, что онъ превосходный анатомъ, но я никогда не слышалъ, чтобы кто-нибудь одобрялъ его, какъ терапевта. Я зналъ многихъ врачей въ этомъ городѣ, которые бы не дали трехъ пенсовъ за его рецептъ и говорили, что изъ его предписаній нельзя понять, чего онъ добивается“. Широкая

извѣстность и огромная практика Гарвея, конечно, стоять въ полномъ противорѣчій съ этой злобной характеристикой.

Впрочемъ, рядовые врачи, вѣроятно, плохо и понимали Гарвея, съ первыхъ шаговъ своей медицинской дѣятельности мечтавшаго провести въ медицину новые принципы чисто научнаго характера. По крайней мѣрѣ, сохранилось одно изъ писемъ молодого Гарвея, гдѣ онъ своимъ проникательнымъ взглядомъ уже провидѣлъ необходимость созданія новой науки—патологической анатоміи, о которой въ то время никто еще не думалъ и которую много лѣтъ спустя на прочную почву поставилъ лишь геній Вирхова. „Въ моей медицинской анатоміи“,—говорилъ въ этомъ письмѣ Гарвей,—„я излагаю, на основаніи многочисленныхъ вскрѣпѣй труповъ лицъ, умершихъ отъ серьезныхъ и странныхъ болѣзней, какія измѣненія претерпѣваютъ внутренніе органы въ отношеніи объема, структуры, консистенціи, формы и другихъ свойствъ сравнительно съ ихъ естественными свойствами и признаками, и къ какимъ разнообразнымъ и замѣчательнымъ недугамъ ведутъ эти измѣненія. Ибо какъ разсѣченіе здоровыхъ и нормальныхъ тѣлъ содѣйствуетъ успѣхамъ философіи и здоровой физиологіи, такъ изученіе больныхъ и худосочныхъ субъектовъ содѣйствуетъ философской патологіи“.

Въ двадцатыхъ годахъ XVII в. Гарвей былъ назначенъ придворнымъ медикомъ, а при слѣдующемъ англійскомъ королѣ Карлѣ I возведенъ въ званіе почетнаго медика (1625 г.). Съ этимъ послѣднимъ королемъ Гарвея связывали узы благодарности и даже дружбы. Самъ Карлъ I, несмотря на всѣ свои недостатки въ качествѣ политика, былъ человекомъ очень умнымъ и образованнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкимъ цѣнителемъ искусства. Этой близости много содѣйствовало то, что самъ Гарвей по своимъ убѣжденіямъ былъ искреннимъ монархистомъ, хотя и не сочувствовалъ излишествамъ реакціонной политики, которая выражалась въ жестокихъ мѣрахъ, предпринимаемыхъ Верховной Комиссіей и Звѣздной Палатой. Это неодобреніе чрезвычайнымъ судамъ, висѣлицамъ, тюрьмѣ, плетямъ, обрѣзыванію ушей и другимъ жестокостямъ Гарвей и выразилъ въ слѣдующемъ замѣчаніи: „Человѣкъ является въ свѣтѣ нами и безоружнымъ, какъ будто бы природа предназначила его для мирной жизни въ обществѣ, подъ охраной справедливыхъ законовъ: какъ будто бы она хотѣла, чтобы на него дѣйствовали скорѣе убѣжденіемъ, чѣмъ насиліемъ“. Но въ политику онъ, впрочемъ, не вмѣшивался, считая ее дѣломъ для себя совершенно чуждымъ.

Съ 1616 г. Гарвей началъ читать лекціи въ Коллегіи врачей. Въ этихъ лекціяхъ онъ уже отчетливо сформулировалъ свои взгляды на кровообращеніе. Объ этомъ свидѣлствуютъ его записныя книжечки, сохранившіяся отъ тѣхъ временъ. „Очевидно изъ устройства сердца“,—говорится, напр., тамъ, — „что кровь непрерывно переносится въ аорту черезъ легкія“... „Очевидно изъ опыта съ нерезавязкой, что кровь переходитъ изъ артерій въ вены“... „Откуда очевидно непрерывное круговое движеніе крови, происходящее вслѣдствіе біеній сердца“... Эти воззрѣнія онъ излагалъ не только на лекціяхъ, но и въ бесѣдахъ со многими врачами и учеными. Изъ общаго очерка мы знаемъ, какой „неслыханной ересью“ являлись подобныя воззрѣнія въ глазахъ ученыхъ того времени и какимъ протестомъ была встрѣчена теорія кровообращенія Гарвея. Надо, однако, оговориться, что далеко не всѣ современники заняли подобное непримиримое отношеніе къ Гарвею. Напротивъ того, часть его друзей и слушателей съ большимъ интересомъ разбиралась въ новомъ

ученіи. Это сочувствіе въ значительной степени способствовало тому, что Гарвей рѣшился довѣрить свое ученіе печатному станку. Вотъ что онъ говорилъ самъ про впечатлѣніе, которое оставляли въ окружающей его средѣ его воззрѣнія на кровообращеніе.

„Однимъ они нравились, другимъ нѣтъ: одни порицали, поносили и обвиняли меня въ измѣнѣ ученію и вѣрѣ всѣхъ анатомовъ, другіе находили мои воззрѣнія новыми, интересными и утверждали, что было бы въ высшей степени полезно изложить ихъ полнѣе. Побуждаемый просьбами друзей, желавшихъ, чтобы всѣ ознакомились съ моими воззрѣніями, а отчасти и ненавистью враговъ (которые, относясь ко мнѣ пристрастно и плохо понимая мои слова, пытались уронить меня въ глазахъ общества), я рѣшился обнародовать свое ученіе, чтобы всякій могъ самъ судить обо мнѣ на дѣлѣ“. И, дѣйствительно, въ 1628 г. онъ выпустилъ свою маленькую книжечку „Анатомическое изслѣдованіе о движеніи сердца и крови въ животныхъ“. Въ предисловіи къ своему трактату, — говоритъ г. М. А. Энгельгардтъ, — „Гарвей выставляетъ на видъ путаницу и противорѣчія тогдашнихъ фізіологическихъ воззрѣній. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе его собственной теоріи: образцовое въ отношеніи ясности, точности, полноты и сжатости. Въ существенныхъ пунктахъ теорія опирается на немногіе простые и наглядные опыты, но каждая деталь иллюстрируется безчисленными вивисекціями и вскрытіями; процессъ кровообращенія прослѣженъ во всѣхъ его варіаціяхъ у различныхъ представителей животнаго царства (насколько, конечно, это было доступно безъ помощи микроскопа). Ученіе о кровообращеніи впервые является здѣсь въ современной формѣ. Правое предсердіе сжимается — кровь переходитъ въ правый желудочекъ; правый желудочекъ сжимается — кровь переходитъ въ легочную артерію; изъ нея въ легочную вену и по легочной венѣ въ лѣвое предсердіе; лѣвое предсердіе гонитъ кровь въ лѣвый желудочекъ; лѣвый желудочекъ — въ аорту, оттуда кровь разносится по тѣлу артеріями, переходитъ изъ нихъ въ вены и по нимъ возвращается въ правое предсердіе. Загадка, такъ сильно занимавшая ученыхъ со временъ глубокой древности, такъ долго не поддававшаяся рѣшенію, породившая столько смутныхъ, фантастическихъ представлений, — была, наконецъ, рѣшена. Вереница ошибокъ, накопившихся со временъ Аристотеля и Галена, хаосъ противорѣчивыхъ мнѣній, въ которыхъ тщетно пытались разобраться даже такіе могучіе умы, какъ Цезальпинъ, — разомъ исчезли, уступивъ мѣсто ясному, точному, опредѣленному представленію о вѣчномъ круговоротѣ крови. Уяснилась сущность процесса, — уяснились и детали его, побочныя явленія, находящіяся въ связи съ кровообращеніемъ: роль клапановъ и заслонокъ, допускающихъ движеніе крови только въ одномъ направленіи, активная роль сердца, значеніе его біеній, независимость ихъ отъ прилива пищи, роль предсердій и желудочковъ и т. д.

Таково въ общихъ чертахъ было содержаніе этого маленькаго, но замѣчательнаго трактата, излагавшаго новыя идеи о кровообращеніи. Гарвей понималъ, что ему, какъ новатору, всего опаснѣе были старыя отжившіе авторитеты, которымъ онъ и постарался съ первыхъ же строкъ своего трактата нанести возможно полновѣсный ударъ. „Только узкіе умы“, — говоритъ онъ, — „могутъ думать, что всѣ искусства и науки переданы намъ древними въ такомъ совершенномъ и законченномъ состояніи, что для прилежанія и искусства другихъ тутъ нечего дѣлать. Вся масса нашихъ знаній ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что остается для насъ неизвѣстнымъ; не слѣдуетъ до такой степени подчиняться традиціямъ и

ученіямъ кого бы то ни было, чтобы терять свободу и не вѣрить собственнымъ глазамъ, клясться словами наставниковъ древности и отвергать очевидную истину“. Это непочтеніе къ авторитетамъ особенно озлобило противниковъ Гарвея. Мы знаемъ, какой потокъ ругательствъ и издѣвательствъ ринулся на смѣлаго новатора. Но въ эти тяжелыя для Гарвея минуты на его защиту выступилъ король и взялъ его открыто подъ свое высокое покровительство.

Благодаря этому, придворная карьера Гарвея продолжала развиваться съ прежнимъ успѣхомъ. Въ 1630—31 гг. ему было предложено сопровождать герцога Леннокса въ его поѣздкѣ на материкъ. Въ Германію путешественники попали какъ разъ во время тридцатилѣтней войны, и въ записяхъ, оставленныхъ великимъ ученымъ по поводу полученныхъ здѣсь впечатлѣній, снова обрисовывается его высокогуманная личность. „Въ дорогѣ не встрѣтишь собаки, коршуна, ворона—никакой птицы или звѣря, годныхъ для анатомированія“, писалъ онъ. — „Среди немногочисленнаго населенія, уцѣлѣвшаго отъ войны и чумы голодъ занимался анатоміей раньше моего пріѣзда. Просто невѣроятнымъ, кажется, что такія богатая, многолюдная, цвѣтущія страны могли въ столь короткое время дойти до такой нищеты, разоренія, оскудѣнія, голода. Надѣюсь, что это заставитъ подумать о мирѣ. Пора перестать драться, когда нѣчего ѣсть и свой своего грабить и обворовываетъ при первой возможности“.

Въ 1633 году Гарвей присутствовалъ въ Шотландіи на коронаціи короля Карла I. Въ 1636 году мы его видимъ въ свитѣ графа Арондоля, назначеннаго посломъ въ Германію. Эта поѣздка дала ему возможность посѣтить цѣлый рядъ знаменитыхъ ученыхъ того времени съ цѣлью убѣдить ихъ при помощи системы опытовъ, произведенныхъ на ихъ глазахъ, въ справедливости его воззрѣній на кровообращеніе. Но въ этомъ отношеніи попытки Гарвея въ большинствѣ случаевъ оказались неудачными.

Между тѣмъ, событія внутренней жизни складывались въ Англіи для Карла I крайне неблагопріятно. Надвигалась революція, которую король рѣшился задавить силой. Въ 1641 году революція и, дѣйствительно, разразилась. Карлъ долженъ былъ покинуть Лондонъ и объявить войну парламенту. Гарвей, которому въ то время было за шестьдесятъ лѣтъ, послѣдовалъ за королемъ и покинулъ свой домъ и свое имущество на произволъ судьбы. Народное негодованіе противъ короля отразилось и на судьбѣ Гарвея, какъ одному изъ близкихъ лицъ къ преступному престолу, доведшему своимъ упрямствомъ страну до гражданской войны. Домъ Гарвея былъ разграбленъ, при чемъ погибли его рукописи, въ которыхъ заключались плоды его анатомическихъ и патолого-анатомическихъ изысканій, производившихся въ теченіе сорока лѣтъ подъ рядъ.

Привязанность Гарвея къ королю была такъ велика, что Гарвей не оставлялъ своего покровителя и друга въ самыя опасныя минуты. Во время битвы при Эджиллѣ, гдѣ королевскія войска въ первый разъ встрѣтились съ парламентскими, попеченіямъ Гарвея были поручены принцъ Валлійскій и герцогъ Йоркскій. Но философъ не измѣнялъ себѣ и въ самыхъ опасныхъ положеніяхъ. Не находя для себя непосредственнаго занятія, Гарвей вытасилъ изъ кармана книгу и углубился въ чтеніе. Пуля, взрывшая землю у его ногъ, заставила его только перемѣнить мѣсто. Такъ же и позднѣе, несмотря на всѣ сложныя перепетія гражданской войны, Гарвей сохранялъ самый живой интересъ къ научнымъ вопросамъ. „Я увидѣлъ его“, — говоритъ Обрей, — „впервые въ Оксфордѣ въ 1642 г.

Онъ часто заходилъ въ нашу коллегію къ Джорджу Батурету, бакалавру богословія, державшему въ своей комнатѣ насѣдку съ яйцами, за развитіемъ которыхъ они слѣдили изо-дня въ день“. Пребываніе Гарвея въ Оксфордѣ въ это время объясняется тѣмъ, что здѣсь тогда находилась главная квартира короля. Здѣсь же онъ вскорѣ „за вѣрность и убытки, понесенные при возстаніи“ получилъ важное мѣсто декана Мертонской коллегіи. Однако, пользоваться своимъ почетнымъ положеніемъ въ Оксфордѣ Гарвею пришлось недолго: на сцену выступилъ Кромвель, и революція взяла верхъ. Въ 1646 г. Оксфордъ былъ уже въ рукахъ парламентскихъ войскъ, и Гарвей вынужденъ былъ покинуть Оксфордскій университетъ.

Съ этого года Гарвей совершенно устраняется отъ политики. Онъ поселяется въ Лондонѣ и всецѣло отдается научнымъ изысканіямъ. Плохо бы пришлось старику Гарвею, всегда стоявшему далеко отъ чисто хозяйственныхъ вопросовъ жизни, если бы его не выручили коммерсанты-братья. Особенно одному изъ нихъ,—Эліабу,—наука должна быть обязана благодарностью за то, что онъ позаботился о безбѣдномъ существованіи своего великаго престарѣлаго брата. Эліабъ ловко умѣлъ обращаться съ деньгами. Онъ пустилъ искусно въ оборотъ не только свои деньги, но и деньги Вильяма, нажитыя практикой. Расчеты Эліаба оправдались, и онъ возвратилъ сравнительно скромный гонораръ врачу Вильяму въ видѣ значительной суммы, сдѣлавшей Гарвея не изъ послѣднихъ рентьеровъ. Доходы Гарвея съ этой суммы были настолько значительными, что онъ могъ удѣлять не мало и на дѣла благотворенія. Такъ, онъ на свои собственные средства выстроилъ коллегіи лондонскихъ врачей домъ, въ которомъ происходили засѣданія этого общества и была устроена бібліотека; той же коллегіи врачей онъ подарилъ интересную естественно-историческую коллекцію, наборъ хирургическихъ инструментовъ и много книгъ; онъ же принялъ на свой счетъ жалованье бібліотекаря и устройство ежегодныхъ собраній въ память благотворителей коллегіи, пожертвовавъ ей съ этой цѣлью капиталъ, приносящій ежегодно болѣе 500 рублей.

Большую часть своего времени Гарвей проводилъ теперь въ Ламбетѣ, бывшемъ въ то время пригородной деревушкой Лондона. Здѣсь навѣстилъ его Энтъ, оставившій воспоминанія объ этомъ посѣщеніи. „Я нашелъ его,—пишетъ онъ,—въ его убѣжищѣ веселымъ и довольнымъ съ виду, погруженнымъ, какъ Демокритъ, въ изслѣдованіе тайнъ природы, и спросилъ, хорошо-ли ему живется?—Гдѣ ужъ хорошо,—отвѣчалъ онъ,—когда государство полно смутъ и самъ я точно въ бурномъ морѣ? Если-бы я не находилъ утѣшенія въ моихъ занятіяхъ и въ воспоминаніи о прежнихъ трудахъ, то право не желалъ бы ничего, кромѣ смерти. Но эта темная жизнь, вдали отъ общественныхъ дѣлъ, которая бы огорчила многихъ, дѣйствуетъ на меня, какъ лѣкарство“. Гарвей настолько сжился со своимъ мирнымъ укладомъ и съ работами, шедшими своимъ особымъ путемъ, что на замѣчаніе Энта о томъ, что отъ Гарвея ждутъ новыхъ ученыхъ трудовъ, отвѣчалъ: „Неужели вы хотите заставить меня покинуть эту мирную жизнь и снова пуститься въ опасное море. Вы сами знаете, какую бурю вызвали мои первые труды. Лучше сидѣть дома и преуспѣвать въ мудрости, чѣмъ, публикуя результаты безконечныхъ трудовъ, подвергаться бурямъ, которыя разрушаютъ вашъ покой и отравляютъ ваши послѣдніе дни“.

Однако, настоянія Энта, въ концѣ концовъ, увѣнчались успѣхомъ. Гарвей въ это время усиленно работалъ надъ эмбриологіей. У него собрался большой запасъ очень интересныхъ наблюденій (часть которыхъ —

именно о развитіи насѣкомыхъ, погибла во время революціи). Онъ уступилъ, наконецъ, настояніямъ Энта и передалъ ему рукопись „Исслѣдованія о рожденіи животныхъ“. Энтъ поторопился сдать эту рукопись въ печать, и въ результатъ человечество получило еще одну изъ замѣчательныхъ книгъ, о которой Дарамбертъ сказалъ: „XVII в. создалъ одну только книгу, которую можно сравнить съ „Исслѣдованіями о движеніи сердца“, эта книга носитъ названіе „Исслѣдованіе о рожденіи животныхъ“ и написана Гарвеемъ“.

Несмотря на всѣ недостатки этой работы (Гарвей работалъ по эмбриологіи безъ микроскопа!), она даетъ массу пѣнныхъ наблюдений и важныхъ обобщеній. „Въ сущности“,—говоритъ г. М. А. Энгельгардтъ,—„это былъ первый систематическій и законченный трактатъ по эмбриологіи, такъ какъ прежнія изслѣдованія—Аристотеля и Фабриція—не представляютъ даже блѣднаго абриса этой науки; ихъ можно назвать лишь отрывочными эмбриологическими замѣтками. Гарвей показалъ, что живородящія животныя, такъ же какъ и яйцеродящія—развиваются изъ яйца, и выразилъ свой взглядъ на развитіе животныхъ въ извѣстной формулѣ: *omne animal ex ovo* (всякое животное изъ яйца) *). Книга украшена соотвѣтственной виньеткой: Юпитеръ держитъ яйцо, изъ котораго выходятъ человѣкъ, олень, птица, рыба, ящерица, змѣя, стрекоза, бабочка, паукъ. Надпись на яйцѣ: *ex ovo omnia* (все изъ яйца). Далѣе, онъ показалъ, что такъ называемый рубчикъ или зародышевый дискъ (маленькое бѣлое пятнышко на желткѣ) есть собственно зародышъ, и прослѣдилъ его развитіе, насколько это оказалось возможнымъ безъ помощи микроскопа. „Это маленькое пятнышко увеличивается съ начала насиживания; черезъ два дня достигаетъ величины ногтя мизинца и разбивается на концентрическіе кружки (два или три), среди которыхъ является бѣлое пятнышко, подобное тому, которое замѣчается въ центрѣ зрачка въ глазу, пораженномъ катарактой. Въ концѣ третьяго дня въ центрѣ рубчика является красная дрожащая точка: это зародышъ сердца“. Еще въ изслѣдованіи движенія сердца и крови, рассуждая о строеніи сердца у зародыша, Гарвей высказалъ замѣчательную мысль—истинное пророчество гения: „Природа, совершенная и божественная, ничего не дѣлаетъ безцѣльно; не даетъ сердца тѣмъ животнымъ, которыя въ немъ не нуждаются и не создаетъ его прежде, чѣмъ оно станетъ необходимымъ, но проходя однѣ и тѣ же ступени въ развитіи каждаго животного, проходя всѣ строенія — яйцо, червякъ, зародышъ — достигаетъ совершенства въ каждомъ **). Итакъ, въ изслѣдованіи Гарвея намѣчены,—но только намѣчены,—основныя идеи эмбриологіи: первичное тождество различныхъ типовъ, постепенность развитія органовъ, соотвѣтствіе переходныхъ признаковъ человѣка и высшихъ животныхъ съ постоянными признаками низшихъ. Далѣе, онъ уяснилъ значеніе такъ называемой *chalaza*, шнурочка, на которомъ подвѣшенъ желтокъ (Фабрицій считалъ его зародышемъ); показалъ, что скорлупа яйца пориста и пропускаетъ воздухъ къ зародышу; что яйцо живородящихъ развивается въ рогахъ матки и проч.,—словомъ обогатилъ науку многими

*) Яйцо млекопитающихъ открылъ только Карлъ Бэръ (біогр. въ V т. „Вел. Л.“).

**) Для того, чтобы оцѣнить это научное предвидѣніе Гарвея, слѣдуетъ ознакомиться съ работами А. О. Ковалевскаго и Геккеля (біографіи см. I т. „Великихъ Людей“).

крупными и мелкими фактическими открытіями. Нельзя не упомянуть также, что его изслѣдованія имѣли огромное практическое значеніе для акушерства и женскихъ болѣзней. „Главы о Родахъ, о Перепонкахъ, о Послѣдѣ, о Пуповинѣ были истиннымъ откровеніемъ, быстро принесшимъ драгоцѣнные плоды (Виллизъ). Въ итогѣ мы можемъ сказать, что Гарвей сдѣлалъ для эмбриологіи все, что могъ сдѣлать великій ученый при тогдашнихъ средствахъ изслѣдованія. Въ этомъ смыслѣ книга о Рожденіи животныхъ является не менѣе сильнымъ свидѣтельствомъ его генія, чѣмъ трактатъ о кровообращеніи“...

Наконецъ, чтобы закончить характеристику Гарвея, какъ ученаго, напомнимъ, что онъ упорно толкалъ ученыхъ на путь сравнительной анатоміи. „Напрасно думаютъ“,—говорилъ онъ,—„что можно изучить и познать устройство животнаго, изслѣдуя только человѣка, да еще мертваго (какъ дѣлаютъ всѣ анатомы). Это все равно, что создавать политическую науку, изучивши одно какое-нибудь государство, или воображать, что знаешь земледѣліе, изслѣдовавъ природу одного поля. Нельзя по одной какой-нибудь частности судить объ общемъ... Если бы анатомы взялись за разсѣченіе низшихъ животныхъ съ такимъ ждъ усердіемъ, съ какимъ они изучаютъ человѣческое тѣло,—многое, что теперь смущаетъ и затрудняетъ ихъ, объяснялось бы безъ всякаго затрудненія“.

Книга о рожденіи животныхъ была послѣдней работой Гарвея. И неудивительно: ему въ то время было 73 года. Онъ самъ чувствовалъ, какъ силы его покидаютъ. Когда въ 1654 году Лондонская Медицинская Коллегія избрала его единогласно президентомъ Коллегіи, онъ отказался отъ этого избранія, сказавъ въ своей рѣчи, между прочимъ, слѣдующее: „Благодарю васъ за честь, которую вы мнѣ оказали, но эта обязанность слишкомъ тяжела для старика. Я слишкомъ принимаю къ сердцу будущность общества, къ которому принадлежу, и не хочу, чтобы оно упало во время моего предсѣдательства“.

Въ послѣдніе годы своей жизни Гарвей имѣлъ величайшее для ученаго счастье дожидаться до всеобщаго признанія своихъ идей. Сама Англія, почти не знавшая до Гарвея анатоміи, подъ благотѣльнымъ вліяніемъ этого замѣчательнаго ученаго, выставила цѣлый рядъ выдающихся анатомовъ. Ученый міръ, заключавшій теперь много новыхъ и молодыхъ силъ, относился къ Гарвею съ глубокимъ уваженіемъ, какъ къ своему вождю. Въ литературѣ имя его было окружено почетомъ. Лондонская Медицинская Коллегія поставила въ залѣ своихъ засѣданій статую съ надписью: „Вильяму Гарвею, мужу безсмертному, благодаря оставленнымъ имъ памятникамъ. Этотъ памятникъ воздвигла Лондонская Медицинская Коллегія. Тотъ, кто открылъ движеніе крови и изслѣдовалъ рожденіе животныхъ, заслужилъ быть увѣковѣченнымъ въ статуѣ“.

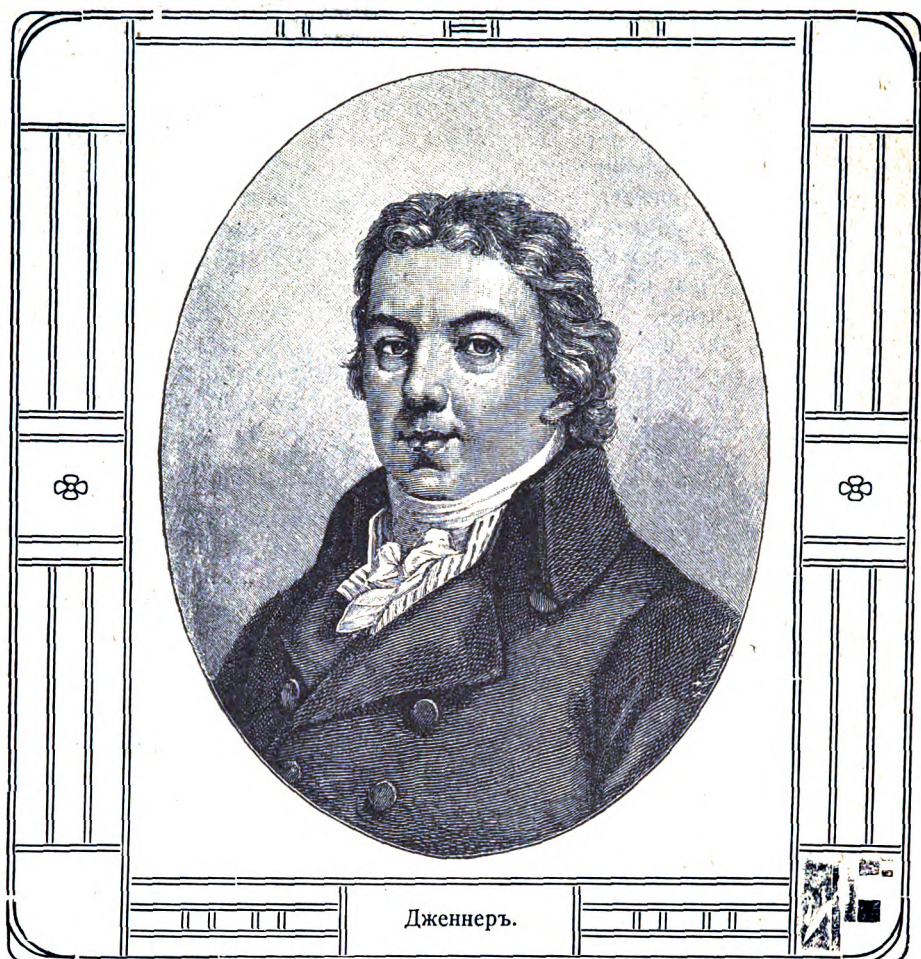
До самой глубокой старости Гарвей сохранилъ всѣ особенности своего физическаго и духовнаго облика. Это попрежнему былъ человѣкъ небольшого роста, худощавый, смуглый, съ маленькими блестящими глазами, только его черные, какъ смоль, волосы сдѣлались совершенно сѣдыми. Сохранилъ онъ и свое добродушіе и незлобивость. Даже ужасное для ученаго несчастье — гибель во время революціи его сорокалѣтнихъ трудовъ — нисколько не озлобило его, и онъ относился къ постигшей его потерѣ, какъ къ стихійному бѣдствію. Онъ оставался все тѣмъ же привязчивымъ и добрымъ человѣкомъ. Какъ ученый, онъ былъ свободенъ отъ всякаго самолюбія. Онъ ничего не дѣлалъ для того, чтобы заставить говорить о себѣ. Надъ своей маленькой книжечкой о кровообра-

щеніи онъ работалъ 12 лѣтъ и выпустилъ ее лишь подъ давленіемъ своихъ друзей. Другую свою замѣчательную работу о рожденіи животныхъ онъ и вовсе бы не выпустилъ, если бы не подвернулся Энтъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ никогда не дѣлалъ тайны изъ своихъ изслѣдованій, излагая ихъ въ своихъ лекціяхъ, рѣчахъ, разговорахъ съ такой подробностью, что легко рисковалъ потерять свой пріоритетъ. Но для Гарвея на первомъ стояла наука, а не его собственная персона. Это безкорыстіе, которымъ была проникнута вся его научная дѣятельность, онъ цѣликомъ переносилъ и въ свои общественныя отношенія. Изъ своей дружбы съ королемъ Карломъ I онъ не извлекъ ни почестей, ни титуловъ. До конца своей жизни онъ сохранилъ живость ума, дѣлавшую его увлекательнымъ собесѣдникомъ, умѣвшимъ излагать самые трудные вопросы съ удивительной ясностью и оригинальностью, а вмѣстѣ и съ извѣстной художественной тонкой красотой.

При всемъ реалистическомъ складѣ своего ума, Гарвей оставался до конца жизни глубоко религіознымъ человѣкомъ. Такъ, напр., онъ сказалъ Энту: „Изученіе тѣла животныхъ всегда доставляло мнѣ удовольствіе, такъ какъ благодаря ему я считалъ возможнымъ не только глубже проникнуть въ тайны природы, но и увидѣть въ нихъ образъ или отраженіе ея всемогущаго Творца“... „Я“,—пояснялъ онъ свою мысль въ другой разъ, — „не придаю значенія спорамъ о томъ, какъ назвать эту Первую Причину. Подъ всѣми названіями подразумѣвается то, что есть начало и конецъ всякаго бытія, что существуетъ отъ вѣка, что является Создателемъ или Творцомъ, обладаетъ Всемогушествомъ и обнаруживается какъ въ отдѣльныхъ явленіяхъ, такъ и безконечности Вселенной“.

До конца своей жизни онъ сохранилъ, какъ видно изъ его работъ о рожденіи животныхъ, чрезвычайно разностороннюю любознательность. Такимъ образомъ онъ никогда не былъ узкимъ специалистомъ. Онъ хорошо зналъ естественныя науки. Свободно читалъ по-латински и гречески и былъ большимъ поклонникомъ классическихъ авторовъ, изъ которыхъ особенной его любовью пользовался Virgilij. Онъ основательно изучилъ также Аристотеля и Галена. Его обширныя и разностороннія познанія доставили ему обширное знакомство и почетное положеніе въ кругу ученыхъ того времени. Въ числѣ его знакомыхъ насчитывались такіе выдающіеся изъ его современниковъ, какъ Бэконъ и Гоббсъ. Несмотря на обширный кругъ знакомыхъ и свою популярность, Гарвей опять-таки въ теченіе всей своей жизни предпочиталъ уединеніе обществу. „Онъ, — говоритъ Обрей, — всегда отличался склонностью къ созерцанію и часто проводилъ время на кровлѣ Кокайнъ-гауза, купленнаго его братомъ, переходя съ мѣста на мѣсто, смотря по направленію вѣтра и времени дня. Въ Комбѣ, въ Серреѣ онъ любилъ въ лѣтнее время сидѣть въ подвалѣ, предаваясь размышленіямъ. Онъ любилъ также темноту, потому что она помогала ему сосредоточиваться“.

Послѣдніе годы жизни Гарвея были въ значительной степени отравлены физическими страданіями: его часто и подолгу мучила подагра. Тѣмъ не менѣе, онъ оставался еще достаточно сильнымъ старикомъ, чтобы до самаго конца жизни заниматься наукой и посѣщать засѣданія Коллегии врачей. Смерть какъ бы внезапно овладѣла имъ. Утромъ 3 іюня 1657 года языкъ отказался служить ему, а къ вечеру его уже не стало.

Эд. Дженнеръ.

(1749—1823).

О великомъ ученомъ, давшемъ основы правильного оспопрививанія и тѣмъ внесшемъ въ медицину одну изъ плодотворнѣйшихъ идей, использованныхъ гениемъ Пастера много десятковъ лѣтъ спустя, — объ Эдуардѣ Дженнерѣ сохранились лишь немногочисленныя біографическія данныя. Отецъ Эдуарда Дженнера былъ викарный пасторъ, и, слѣдовательно, до извѣстной степени образованный человѣкъ. Родиной Эдуарда (родился 17 мая 1749 года) было англійское мѣстечко Берклей въ графствѣ Глочестеръ. Эдуардъ рано потерялъ отца, а такъ какъ мать его умерла еще раньше, то уже съ пятилѣтняго возраста мальчикъ остался круглымъ сиротой. Эдуардъ перешелъ на попеченіе старшаго брата, который и

сдѣлался въ дѣйствительности его воспитателемъ. Начальное образованіе Эдуардъ Джениеръ получилъ въ приходской школѣ, которую началъ посѣщать съ 8-лѣтняго возраста. По окончаніи школы Эдуардъ переѣхалъ въ мѣстечко Зодбюри, находящееся въ окрестностяхъ Бристоля, и здѣсь подъ руководствомъ опытнаго врача Луднова началъ изучать медицину, проявляя въ то же время живой интересъ къ естественнымъ наукамъ. Этотъ періодъ жизни Эдуарда Джениера остается въ его біографіяхъ совершенно неосвѣщеннымъ.

Съ двадцати лѣтъ Эдуардъ поселяется въ Лондонѣ, гдѣ продолжаетъ въ университетѣ изученіе медицинскихъ наукъ, а затѣмъ состоитъ ассистентомъ при извѣстномъ въ то время профессорѣ Гунтерѣ, обратившемъ вниманіе на тонкую наблюдательность молодого человѣка. Самъ Гунтеръ своимъ необычайнымъ трудолюбіемъ (онъ удѣлялъ на сонъ всего только 5 часовъ въ сутки) и обширными познаніями произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе на молодого Джениера.

Довольно быстро молодой Джениеръ и самъ приобрѣлъ своими трудами по естествознанію широкую популярность въ кругахъ англійскихъ естествоиспытателей. По крайней мѣрѣ, Кукъ, отправляясь во второе кругосвѣтное путешествіе, уговаривалъ Эдуарда присоединиться въ качествѣ натуралиста. Но предложеніе это не было принято Джениеромъ, который по складу своего характера ближе подходилъ къ кабинетнымъ ученымъ, чѣмъ къ подвижнымъ путешественникамъ. Закончивъ свое медицинское образованіе, Эдуардъ возвратился на родину и занялся сельскою практикой. Вотъ какъ описываетъ эти годы жизни Джениера его англійскій біографъ.

„Тихо и мирно текла жизнь здѣсь Джениера, не знавшаго еще тревогъ, которыя суждено было ему перенести впослѣдствіи. Бесѣда Джениера была жива и въ высшей степени назидательна, особенно когда рѣчь касалась явленій природы, которую онъ страстно любилъ и зналъ въ совершенствѣ. Въ часы, свободные отъ обязанностей врача, онъ продолжалъ ревностно заниматься естествознаніемъ. Бродилъ по окрестностямъ, изучая геологическое устройство страны; дѣлалъ наблюденія надъ животными, особенно надъ зимнимъ сномъ ихъ; изучалъ нравы птицъ, въ чемъ оказывалъ ему не малую помощь племянникъ его Генри; дѣлалъ физическіе опыты; разъ, на потѣху публики, устроилъ даже воздушный шаръ. Вообще, несмотря на многія неудобства провинціальной жизни, мелочность, окружающее невѣжество и пустоту, Джениеръ сумѣлъ хорошо устроиться въ своемъ захолустьѣ и разумно наполнять свое время. Неутомимо занимаясь наукой, онъ находилъ время отдавать дань своего уваженія и искусству; къ этому времени относятся нѣсколько его стихотвореній, — сюжеты для которыхъ почти всегда брались изъ природы. Джениеръ очень любилъ музыку и самъ игралъ на нѣсколькихъ инструментахъ; подъ его руководствомъ составлялись хоры и оркестры, которыми восторгалась и упивалась мѣстная неприветливая публика“.

Въ 1788 г. Джениеръ женился и все время былъ очень счастливъ въ своей семейной жизни. Въ слѣдующемъ году у него родился сынъ Эдуардъ. Эта мирная и дружная семейная жизнь была какъ разъ кстаті, когда Джениеръ выступилъ съ пропагандой своихъ новыхъ взглядовъ на оспопрививаніе и встрѣтилъ безпощадную и грубую травлю со стороны многочисленныхъ своихъ коллегъ. Семья давала ему возможность спокойно и даже почти равнодушно переносить всѣ несправедливости и даже оскорбленія, которыми его осыпали его оппоненты.

О томъ, какъ вѣками готовилось великое открытіе Дженнера, на какую неотложную потребность оно стремилось отвѣтить и какими путемъ формулировались собственные мысли Дженнера въ этомъ направленіи, у насъ разсказано въ общемъ очеркѣ. Тѣ свѣдѣнія, которыя даны тамъ, мы ~~потопилимъ~~ ~~дѣлѣ~~ ~~исключительно~~ личными чертами, касающимися Дженнера. Для того, чтобы выяснитъ справедливость той мысли, которая, по его убѣжденію, должна будетъ оказать колоссальную пользу человѣчеству, Дженнеръ употребилъ тридцать лѣтъ настойчивой работы. Онъ собиралъ литературный матеріалъ и произвелъ безчисленное количество прививокъ съ одной породы на другую. Ходъ своихъ работъ Дженнеръ держалъ сначала въ величайшей тайнѣ для того, чтобы его открытіе не подверглось неправильнымъ толкованіямъ и въ результатъ не принесло человѣчеству вреда вмѣсто пользы. Только разъ онъ не выдержалъ своей линіи поведенія и открылъ свою тайну ближайшему своему другу Гарднеру.

„Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ“, — разсказываетъ В. В. Святловскій. — „Въ чудесный весенній день Дженнеръ вмѣстѣ со своимъ другомъ Гарднеромъ верхомъ ѣхали по дорогѣ въ Бристоль. Весна стояла въ полномъ цвѣту. Дивныя красоты природы наполняли душу молодыхъ путниковъ какимъ-то особымъ очарованіемъ. Виды одинъ плѣнительнѣе другого открывались передъ ними, какъ будто они въ первый разъ совершали путь по этому мѣсту. Изъ лѣсу несея тонкій ароматъ молодыхъ травъ и цвѣтовъ и веселое чирikanье обитателей этого тѣнистаго царства. Дженнеръ испытывалъ какую-то необъяснимую сладость, въ результатъ которой явилась неудержимая потребность подѣлиться съ добрымъ другомъ великой идеей, тяготившей давно сердце Дженнера. Онъ подробно сообщилъ другу всѣ свои сокровенныя думы, разсказалъ ему все, что узналъ, путемъ долгаго опыта, о коровьей оспѣ, объ ея предохранительной силѣ и о возможности искусственно прививать ее людямъ, и чтобы предохранить ихъ отъ ужасной болѣзни. Дженнеръ разсказалъ другу, что открытіе его теперь близится къ концу и что скоро пробьетъ часъ, когда онъ намѣренъ передать свое дѣло въ руки всего человѣчества. Друзья много говорили на эту тему, и Гарднеръ сдержалъ свое обѣщаніе: онъ никому не открылъ тайны Дженнера и разсказалъ объ этомъ разговорѣ лишь гораздо позже, когда особая коммиссія провѣряла приоритетъ открытій Дженнера“.

Только въ 1796 году Дженнеръ рѣшился провѣрить свою теорію на практикѣ, т. е. умышленно сдѣлать прививку коровьей оспы человѣку. Но на этотъ разъ онъ еще не рѣшился взять оспенный ядъ отъ коровы, а взялъ его изъ оспенныхъ прыщей, развившихся на рукахъ молочницы, получившей, въ свою очередь, это зараженіе оспой несомнѣнно отъ коровъ. Этотъ оспенный ядъ былъ привитъ здоровому восьмилѣтнему мальшу Джону Фипсу. Оспа привилась, мальчикъ немного прихворнулъ, а затѣмъ быстро оправился. Затѣмъ Дженнеръ приступилъ къ самой отвѣтственной части своего изслѣдованія: провѣркѣ того утвержденія, что человѣкъ, которому привита коровья оспа, не можетъ заразиться натуральной оспой. Не легко было рѣшиться Дженнеру на этотъ шагъ. Правда, послѣ своей тридцатилѣтней работы онъ былъ глубоко увѣренъ въ справедливости своихъ взглядовъ. Но все-таки!.. Вѣдь дѣло шло о чужомъ здоровьѣ, быть можетъ, о чужой жизни... Тутъ было о чемъ призадуматься! Наконецъ, Дженнеръ рѣшился и нѣсколькими уколами привилъ Джону Фипсу натуральную оспу... Можно себѣ представить.

что пережилъ Дженнеръ за тѣ три дня, въ теченіе которыхъ натуральная оспа могла находиться въ скрытомъ состояніи! Его возбужденіе достигло такого состоянія, что его начало лихорадить. Если бы мальчикъ заботѣль, Дженнеръ, вѣроятно, сошелъ бы съ ума. Къ счастью, этого не случилось. Мальчикъ даже не прихворнулъ! Великое открытіе было поставлено внѣ сомнѣнія!.. Радость Дженнера не поддается никакому описанію.

Но, установивъ на незыблемыхъ началахъ основы вакцинаціи (прививки коровьей оспы) и провѣривъ свое открытіе на опытѣ, Дженнеръ исполнилъ только половину дѣла. Оставалась вторая половина, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, пожалуй, не менѣе трудная, чѣмъ само изобрѣтеніе: распространеніе найденной идеи въ широкихъ массахъ населенія и борьба съ рутинной, стоящей на пути каждаго нововведенія. Свою работу въ этомъ отношеніи Дженнеръ началъ, конечно, опубликованіемъ своего открытія. Въ 1798 году 21 іюня на книжномъ рынкѣ Англіи появилась новая книга Дженнера подъ заглавіемъ: „Исслѣдованіе причинъ и дѣйствій коровьей оспы“. Первоначально Дженнеръ попытался выпустить свою работу въ „Трудахъ“ Королевскаго общества наукъ. Но это ему не удалось. Въ отказѣ, присланномъ изъ названнаго общества, было сказано, что Общество не рѣшается напечатать это произведеніе въ своихъ „Трудахъ“ по причинѣ „невѣроятной смѣлости высказанныхъ въ немъ предположеній“. Мы не будемъ останавливаться на содержаніи книги Дженнера, такъ какъ о сущности его работъ, изложенныхъ въ ней, достаточно было сказано въ общемъ очеркѣ. Добавимъ только, что въ своей работѣ Дженнеръ, между прочимъ, даетъ описаніе 23 случаевъ коровьей оспы, сопровождая эти описанія прекрасно исполненными раскрашенными рисунками. Въ Англіи книга Дженнера произвела сенсацию. Въ короткій срокъ (1798, 1799, 1800 и 1801) она выдержала четыре изданія, при чемъ къ послѣднему изданію была приложена инструкция Дженнера, какимъ образомъ слѣдуетъ правильно вести оспопрививаніе. Инструкция эта должна была представлять (и дѣйствительно представляла) большую цѣнность уже въ силу одного того, что практика Дженнера въ этой области была прямо колоссальной. Такъ, въ одномъ 1801 г. Дженеромъ было подвергнуто вакцинаціи до 6.000 лицъ. Въ то же самое время книга Дженнера была переведена на многіе языки и открытіе его сдѣлалось достояніемъ всего образованнаго общества.

О тѣхъ шипахъ, съ которыми пришлось теперь имѣть дѣло великому изобрѣтателю, даетъ понятіе слѣдующая страничка изъ біографіи Дженнера, написанной г. В. В. Святловскимъ. „Не хотѣли вѣрить, что простой сельскій врачъ, и даже не профессоръ, предлагаетъ изобрѣтеніе, которое въ состояніи освободить человѣчество отъ исконнаго его врага — натуральной оспы. Насмѣшки градомъ посыпались на голову Дженнера, и не было ни одного юмористическаго журнала, гдѣ бы ни красовалось болѣе или менѣе злой карикатуры на великаго изобрѣтателя. Такъ, пущены были въ ходъ рисунки, на которыхъ въ лицахъ изображалось, какъ человѣкъ, которому привили коровью оспу, постепенно превращался въ быка. Лицо его покрывалось шерстью, на лбу выросли рога и ноги украшались копытами. Всѣ завистники и враги Дженнера подняли голову и старались надѣлать побольше вреда великому изобрѣтателю. Пущены были въ ходъ всѣ средства, чтобы унижить и уронить въ глазахъ общества Эдуарда Дженнера. Его печатно называли шарлатаномъ и лжецомъ. Идея Дженнера еще не обносила и потому была непонятна

толпѣ. Даже знаменитый въ то время Лондонскій врачъ Мозелей объявилъ себя противникомъ открытія Дженнера: „къ чему ведутъ эти выдумки“ — писалъ онъ. — „Къ чему эта смѣсь болѣзней скотскихъ съ человѣческими? Неужели хотятъ расплодить у насъ чудовищъ вроде минотавровъ, центавровъ и т. д.“.

Нашлись врачи, которые заявили, что „выдумки“ Дженнера не только не оправдываются практикой, но представляютъ величайшую опасность въ общественномъ отношеніи, такъ какъ-де всѣ привитые коровьей оспой заболѣли, въ дѣйствительности, натуральной оспой и въ очень тяжелой формѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, появились шарлатаны, которые захотѣли присвоить себѣ великое открытіе Дженнера. Вотъ что, напр., говорится въ одномъ изъ писемъ племянника Дженнера: „Спѣшите сюда—присутствіе Ваше необходимо, Ваши лавры хотятъ присвоить другіе. Д-ръ Пирсонъ обратился письменно ко всѣмъ врачамъ, предлагая снабжать ихъ матеріей коровьей оспы и убѣждая брать ее исключительно у него, такъ какъ только у него одного имѣется запасъ свѣжей и зрѣлой матеріи. Кромѣ того, онъ читалъ публичныя лекціи о коровьей оспѣ и, такимъ образомъ, въ глазахъ публики, заявилъ себя какъ бы изобрѣтателемъ вакцинаціи. Впечатлѣніе произведено. Друзья совѣтуютъ Вамъ скорѣе вступить за себя“.

Пришлось, дѣйствительно, поторопиться въ Лондонъ и разслѣдовать обстоятельства, которые готовы были подорвать все значеніе великаго открытія. Прежде всего Дженнеръ обратился къ Вудвиллю, который, прививая коровью оспу, получалъ тяжелыя формы натуральной оспы. Оказалось, что этотъ остроумный врачъ производилъ прививку коровьей оспы въ госпиталяхъ, гдѣ лежали больные натуральной оспой. Теперь, послѣ открытій Пастера, мы знаемъ, что воздухъ въ такихъ госпиталяхъ долженъ быть переполненъ бактеріями натуральной оспы, а потому и детритъ (прививаемая жидкость) должна была содержать этихъ опасныхъ бактерій. Теперь, повторяемъ, это ясно и для неспеціалиста. Тогда потребовалась проницательность Дженнера, чтобы выяснить источникъ ошибокъ. Но широкая публика совершенно была не подготовлена ко всѣмъ этимъ научнымъ спорамъ и начинала съ сомнѣніемъ относиться къ открытію Дженнера, который замѣтилъ и другіе источники ошибокъ, недоступныхъ вниманію рядовыхъ врачей. Вотъ что онъ писалъ, напр., лорду Эгремонтъ, сильно заинтересовавшемуся замѣчательнымъ открытіемъ. „Все зло произошло отъ того, что Вудвилль и Пирсонъ, доставъ настоящей коровьей оспы, привили ее въ своемъ госпиталѣ нѣсколькимъ лицамъ; но не давши ей вполнѣ созрѣть, они на 3-й или на 5-й день привили имъ натуральную оспу. Та и другая принялась, и поэтому матерія, которая образовалась въ оспинахъ больныхъ, уже не была чистой коровьей оспой, а смѣшанной, и — слѣдовательно, заразной. И такой-то оспой пользовался Вудвилль; онъ-же ее разсылалъ въ провинцію, даже на материкъ. То же дѣлалъ и Пирсонъ. Я старался удержать ихъ отъ этого, но напрасно. Оба они не принимали самыхъ необходимыхъ мѣръ предосторожности, которыя въ такомъ дѣлѣ нужны всего. Не только отъ испорченной матеріи, легко заразиться и отъ ланцетовъ, которыми прививаютъ оспу“. Такимъ образомъ, въ случаѣ удачи находились люди, готовые отнять у Дженнера честь его открытія, въ случаѣ же неудачи, вызванной ихъ же собственной небрежностью, они готовы были свалить всю отвѣтственность на голову Дженнера.

Но уже то, что находились люди недобросовѣстные, которые стре-

мились примазаться къ дѣлу оспопрививанія и присвоить себѣ славу этого изобрѣтенія, показывало, что оно начинало прокладывать себѣ путь въ жизни и отвоевывать все болѣе и болѣе почетное положеніе. И, дѣйствительно, на ряду съ бранью и клеветами къ Дженнеру все чаще и чаще стали обращаться тѣ или другіе знатоки дѣла со словами одобренія и похвалы. Въ Лондонѣ на счетъ государственнаго казначейства былъ основанъ „Королевскій Дженнеровскій Институтъ для уничтоженія оспы“ и Дженнеру былъ предложенъ постъ перваго предсѣдателя этого общества. Но Дженнеръ не захотѣлъ на старость измѣнять своимъ привычкамъ и взглядамъ и возвратился подъ кровъ своего тихаго деревенскаго домика, а на обѣщаніе почестей и богатства отвѣчалъ: „До сихъ поръ я не искалъ высокихъ мѣстъ на пути жизни, любилъ долину, а не горы: неужели теперь, когда приближается вечеръ моей жизни, пойду искать богатства и почестей?“

Но эта скромность только еще болѣе отгѣнила тотъ почетъ и награды, которые выпали на его долю со стороны англійскаго народа. Въ 1802 г. по постановленію парламента въ награду за великое открытіе Дженнеру было выдано около 100.000 руб. сер., а въ 1807 г. награда эта была удвоена. Въ то же время правительственная коммиссія, о назначеніи которой хлопоталъ самъ Дженнеръ, занялась провѣркой научныхъ основаній открытія Дженнера и единогласно признала, что это открытіе представляетъ для человѣчества настоящее благодѣяніе, такъ какъ является лучшей санитарной мѣрой для борьбы съ натуральной оспой. Далѣе, 33 знаменитѣйшихъ врача Лондона поднесли Дженнеру адресъ, въ которомъ выражаютъ свое полное одобреніе открытію Дженнера, а Лондонъ избралъ его своимъ почетнымъ гражданиномъ, поднесъ ему дипломъ, осыпанный брилліантами. Онъ былъ представленъ королю и королевѣ; въ честь его была выбита медаль, онъ получилъ множество почетныхъ дипломовъ отъ университетовъ различныхъ странъ и былъ избранъ почетнымъ членомъ во множествѣ научныхъ обществъ. Съ 1800 г. оспопрививаніе было объявлено въ Англіи обязательнымъ для всѣхъ служащихъ въ англійскихъ войскахъ и флотѣ. Особый корабль англійскаго флота объѣхалъ всѣ порты и острова Средиземнаго моря и распространялъ правильные приемы вакцинаціи.

Вакцинація быстро привилась не только въ англійскихъ колоніяхъ, но и въ другихъ странахъ. Вездѣ она оказала огромныя услуги, быстро признанныя населеніемъ, несмотря на протесты со стороны фанатическаго настроеннаго духовенства (особенно іезуитовъ). Въ благодарность за изобрѣтеніе въ Остѣ-Индіи было собрано и отослано Дженнеру 75.000 руб. Разбогатѣвшій Дженнеръ не забылъ своего Фипса. Онъ подарилъ ему домикъ и клочекъ земли.

Всѣ эти награды, выпавшія на долю престарѣлаго Дженнера, были имъ вполне заслужены. вмѣсто того, чтобы останавливаться на развитіи оспопрививанія, мы приведемъ здѣсь данныя о томъ, какимъ образомъ Дженнеру была назначена англійскимъ правительствомъ награда. Въ этихъ документахъ исполнѣ рельефно обрисовываются тѣ огромныя труды, которые вложилъ Дженнеръ въ свое изобрѣтеніе, и тѣ выгоды, которыя человѣчество извлекло изъ этого открытія.

Поводомъ къ назначенію правительственной награды послужило заявленіе самого Дженнера слѣдующаго характера, поданное имъ 17 мая 1802 года въ англійскій парламентъ.

„Принимая во вниманіе:

1) открытіе просителя, что болѣзнь, являющаяся у домашнихъ животныхъ въ особенномъ видѣ, извѣстная подъ именемъ коровьей оспы, можетъ быть прививаема человѣку весьма легко и безопасно, и предохраняетъ на всю жизнь тѣхъ, которымъ она привита будетъ, отъ оспенной заразы;

2) что проситель, по старательномъ изслѣдованіи предмета, не забывая о личныхъ и частныхъ своихъ выгодахъ и стараясь упрочить безопасность и благоденствіе согражданъ и всего рода человѣческаго, не пожелалъ утаить открытый имъ новый способъ прививанія, а немедленно объявилъ все, что зналъ, во всеобщее свѣдѣніе, и сообщеніями своими съ врачами всего королевства и въ чужихъ краяхъ усердно старался распространить свое открытіе и плодъ трудовъ своихъ до крайнихъ предѣловъ возможности;

3) что въ этомъ отношеніи желаніе просителя исполнилось совершенно, ибо, къ великому его удовольствію, прививаніе коровьей оспы нынѣ распространено по большей части образованнаго міра, а особенно принесло пользу нашему отечеству, бывъ введенъ по волѣ правительства въ войскъ и флотъ;

4) что означенный способъ оспопрививанія, превозмогая натуральную оспу, ведетъ къ конечному истребленію этой заразы навсегда;

5) что множество предварительныхъ опытовъ, необходимыхъ для развитія и усовершенствованія новаго способа, не только похитили много времени у просителя, но, сверхъ того, причинили ему не малые расходы и безпокойства и отвлекли отъ обыкновенныхъ его занятій, которыя могли бы обезпечить его на всю жизнь; новая же практика еще не въ состояніи вознаграждать его.

„Проситель, вслѣдствіе всего вышесказаннаго съ должнымъ уваженіемъ къ высокому собранію, покорнѣйше просить обратить вниманіе на представленныя имъ побужденія и даровать ему награду, какую собраніе по разумѣнію своему заблагоразсудитъ“.

Надо замѣтить, что прошеніе такого рода вполнѣ въ нравахъ англійскаго общества, которое уже издавна привыкло вознаграждать денежными подарками своихъ великихъ изобрѣтателей. И тѣмъ не менѣе, Дженнеръ согласился подать это прошеніе лишь послѣ большихъ колебаній и уговоровъ со стороны его друзей. Главнымъ аргументомъ, который, наконецъ, заставилъ его сдѣлать рѣшительный шагъ въ данномъ направленіи, было, конечно, сознаніе, что силы ушли, надвинулась старость, время было поглощено изслѣдованіемъ, и впереди грозитъ нищета и ему самому и его семьѣ.

Въ отвѣтъ на это заявленіе, англійскій парламентъ, какъ мы уже знаемъ, назначилъ особую комиссію, которая съ чисто англійской осмотрительностью и тщательностью разобралась во всѣхъ доводахъ просителя. Мы уже знаемъ также, что комиссія прежде всего единогласно высказала признаніе огромной полезности открытія Дженнера. Затѣмъ, она перешла къ вопросу о правѣ Дженнера на приоритетъ въ изобрѣтеніи вакцинаціи. Когда значеніе оспопрививанія было выяснено въ полномъ размѣрѣ, нашлось не мало завистниковъ, которые попытались вырвать право на приоритетъ изъ рукъ Дженнера. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторые изъ современниковъ безъ всякихъ серьезныхъ основаній начали оспаривать это право у Дженнера, выступилъ цѣлый рядъ историковъ медицины, которые доказывали, что вакцинація ничего новаго собою не представляетъ и что она практиковалась чуть ли не у древнихъ еще евреевъ,

а потому-де и изобрѣтенія никакого со стороны Дженнера сдѣлано не было: онъ просто-на-просто присвоилъ себѣ то, что ему не принадлежало. Изъ общаго очерка мы знаемъ, какой чудовищной клеветой является по отношенію къ Дженнеру подобное утвержденіе. Но все это надо было доказать. За это-то и взялась парламентская коммиссія. Что касается историческихъ, чисто литературныхъ данныхъ, то разсѣять сомнѣнія въ этой области было нетрудно; труднѣе было справиться съ различными претензіями современниковъ, но и въ этомъ отношеніи путемъ свидѣтельскихъ показаній побѣда Дженнера была обезпечена. „Нашелся“, — говорить г. В. В. Святловскій, — „нѣкій сэръ Гошъ, который еще въ 1788 г. видѣлъ рисунки, приведенные Дженнеромъ въ Лондонѣ. На этихъ рисункахъ была изображена коровья оспа, что несомнѣнно указывало, что уже тогда Дженнеръ занимался подготовительными работами по оспопрививанію. Другъ Дженнера Гарднеръ припомнилъ о прогулкѣ по Бристольской дорогѣ въ маѣ 1780 г. и разсказалъ происшедшій тогда между ними разговоръ. Нашлись, кромѣ того, свидѣтели, которые показали, какъ еще въ 1771 г., въ бытность Дженнера ассистентомъ у Гунтера, послѣдній разсказывалъ со словъ Дженнера, что коровья оспа, будучи привита человѣку, предохраняетъ отъ заболѣванія натуральной оспой. Нашлись и еще свидѣтели, и такимъ образомъ первенство Дженнера было блестяще доказано въ слѣдственной коммиссіи.

Оставалось еще выяснить, дѣйствительно ли Дженнеръ могъ понести личные убытки и жертвы ради своего великаго изобрѣтенія, облагодѣтельствовавшего все человѣчество. Но это было уже совсѣмъ нетрудно. Въ коммиссіи былъ цѣлый рядъ выдающихся специалистовъ, которые хорошо понимали, что такое научное изслѣдованіе, и которымъ достаточно было просмотрѣть описанія фактовъ, литературныя ссылки и рисунки для того, чтобы съ увѣренностью сказать, что работа этого рода совершенно несомнѣнима съ сколько-нибудь порядочной и обширной постановкой врачебной практики: такъ много времени должна она была отнимать у Дженнера, а, слѣдовательно, слова Дженнера объ убыткахъ и потеряхъ, понесенныхъ имъ ради открытія, — не красивая метафора, а дѣйствительный и несомнѣнный фактъ. Нетрудно было подтвердить также и то, что изъ своего открытія Дженнеръ не извлекъ ни малѣйшихъ выгодъ, такъ какъ сразу отдалъ его во всеобщее пользованіе, какъ только окончательно убѣдился въ его справедливости, и что, напротивъ, другіе врачи получили на Дженнеровской вакцинаціи большіе доходы, а населеніе сдѣлало большія сбереженія на повышеніе своего здоровья. Вотъ тѣ доводы, которые заставили сначала коммиссію, а затѣмъ и парламентъ признать право Дженнера на общественное вознагражденіе.

Конечно, Дженнеру это признаніе его заслугъ приносило большое удовлетвореніе. Однако, и теперь, покрытый всемірной славой и располагавшій значительными средствами, онъ ни на волосъ не измѣнилъ своего образа жизни. Онъ попрежнему оставался скромнымъ сельскимъ врачомъ и съ 1815 года почти не покидалъ своего тихаго убѣжища, проводя время почти въ полномъ одиночествѣ. Жена его скончалась, старшій сынъ умеръ, а остальные дѣти были розданы по различнымъ учебнымъ заведеніямъ. „При немъ безотлучно проживалъ его племянникъ Стефенъ“, — разсказываетъ г. В. В. Святловскій про послѣдніе дни великаго изобрѣтателя. — „Дженнеръ прекрасно устроилъ свой деревенскій хуторъ, развелъ садъ, всюду было много цвѣтовъ и рѣдкихъ растений. Кабинетъ Дженнера похожъ былъ на музей рѣдкостей; тутъ были и гро-

мадныя коллекціи минераловъ, и чучела всевозможныхъ животныхъ, кости и черепа. Особое помѣщеніе служило библіотекой, и здѣсь Дженнеръ проводилъ свои утренніе часы, разбирая книги, записки и фоліанты. Выѣзды Дженнера изъ деревни всегда сопровождались оваціями. Вплоть до самаго преклоннаго возраста Дженнеръ пользовался хорошимъ здоровьемъ. На 71 году съ нимъ сдѣлался первый ударъ: гуляя въ саду, онъ упалъ и нѣкоторое время оставался безъ сознанія. Однако, параличныя явленія скоро исчезли. Дженнеръ на этотъ разъ оправился и жизнь вошла въ старую колею. Второй ударъ — и на этотъ разъ смертельный — наступилъ 26 января 1823 года, на 74 году отъ рожденія. Наканунѣ Дженнеръ былъ особенно веселъ и сдѣлалъ большую прогулку пѣшкомъ въ одну деревню для раздачи дровъ бѣднымъ жителямъ. По возвращеніи домой, онъ зашелъ въ комнату къ племяннику, который въ это время рисовалъ, напѣвая какую-то народную пѣсню. — „Ты совсѣмъ не такъ поешь, другъ мой! сказалъ Дженнеръ, входя къ нему: — вотъ какъ надо пѣть! И пропѣлъ нѣсколько куплетовъ. На дворѣ былъ морозъ; Дженнеръ самъ, безъ помощи слуги, растопилъ каминъ. День окончился благополучно. Утромъ Дженнеръ по обыкновенію принялся за занятія и расположился въ библіотекѣ, слуга безотлучно оставался при немъ. Проголодавшись, онъ отослалъ его узнать — готовы ли завтракъ. Когда посланный вернулся съ отвѣтомъ, то нашелъ Дженнера, лежащимъ на полу; поднялась тревога, и когда домашніе собрались на шумъ, то Дженнеръ былъ уже мертвъ. — Его похоронили въ саду Чентри (его хутора), на томъ мѣстѣ, которое онъ самъ избралъ при жизни для своей могилы. Итальянскій ваятель Монтеверде изваялъ изъ мрамора чудную статую Дженнера. Докторъ сидитъ на табуреткѣ и старательно прививаетъ оспу прелестной дѣвчкѣ — ребенку, которая лежитъ у него на колѣняхъ... Неподалеку отъ могилы Дженнера до сихъ поръ путешественникамъ показываютъ старую колокольню берклейскаго кладбища. Колокольня эта до самой маковки утонула и скрылась въ густыхъ гирляндахъ темнаго плюща. Путникамъ показываютъ этотъ плющъ, посаженный будто бы самимъ Дженнеромъ. Сажая, онъ сказалъ: „Какъ знать, быть можетъ, это растеніе обовѣетъ со временемъ всю нашу колокольню. Такъ и случилось“...

О значеніи работъ Дженнера для нашего времени, — въ частности для знаменитыхъ открытій Пастера, — мы уже говорили въ общемъ очеркѣ.

Въ 1857 году англичане воздвигли Дженнеру статую на Трафальгарскомъ скверѣ, одной изъ самыхъ людныхъ улицъ своей огромной столицы.

Проф. Л. Блохъ.

СОСЛОВНАЯ
— и —
СОЦІАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
Римской Республики,
съ 20 рисунками и карт.

Цѣнная книга, о которой печатъ отозвалась, какъ о цѣнномъ вкладѣ въ историческую науку. Авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія материалистическаго пониманія исторіи.

== Цѣна 70 коп., перес. 15 коп. ==

АНТОШКА
ИСТОРИЯ ЧЕХІИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. В. Востокъ
Санктъ-Петербургъ

Цѣна 45 к.,
перес. 15 н.

Проф. Р. Арнольдъ.

== **КУЛЬТУРА** ==
ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Цѣна 50 коп., перес. 15 коп.

Гуманизмъ — это та эпоха, съ которой началась борьба за свободу мысли и совѣсти, борьба, до сихъ поръ не прекращающаяся. Знакомство съ первыми мучениками за правду и свободу является для всякаго обязательнымъ.

Проф. Андерсонъ.

ИСТОРИЯ ПОГИБШИХЪ
ЦИВИЛИЗАЦІЙ ВОСТОКА,

съ 59 рисунк., порт. и картин.

СОДЕРЖАНІЕ:

Введеніе. — Происхожденіе человѣческихъ расъ. — Халдея и Вавилонія. — Древній Египетъ. — Хитты, финикияне и евреи. — Иранъ, или древняя Персія.

== Цѣна 80 коп., перес. 17 коп. ==

ИСТОРИЯ
РУССКАГО НАРОДА.

4 популярныхъ лекціи
съ 63 рис. и 24 раскр.
карт. для волш. фонаря.

Эти очерки отличаются отъ обычныхъ популярныхъ чтеній по русской исторіи тѣмъ, что въ нихъ роль народа ставится на первый планъ, и событія нашей исторіи оцѣниваются съ точки зрѣнія ихъ значенія для народа.

Цѣна 1 руб. 50 коп., перес. 19 коп.

Проф. Лаунгардъ.

ЧУДЕСА ДРЕВНЯГО
И НОВАГО МІРА. ==

Четыре популярныхъ лекціи
по исторіи культуры,

съ 42 рис. и 12 раскрашен. картинами
для волшебнаго фонаря.

== Цѣна 1 руб., перес. 17 коп. ==

ЗАБЛАГОВРЕМЕННАЯ ПОДПИСКА

„Вѣстникъ Знанія“ важна какъ для конторы редакціи, получающей возможность на „Вѣстникъ Знанія“ рассчитать количество печати, такъ и для самихъ подписчиковъ, которые вполносятся въ первую почту и потому получаютъ журналъ безъ всякой задержки. При заподазливой подпискѣ позднее получение №№ журнала весьма естественно, такъ какъ экспедиція не успѣваетъ справиться съ наплывомъ подписки въ концѣ и началѣ года. Желая поэтому побудить нѣкоторую часть подписчиковъ поторопиться съ подпискою, издательство „В. Зн.“ предоставляетъ тѣмъ изъ годовыхъ (хотя бы и въ разсрочку) подписчиковъ, которые присылаютъ подписныя деньги въ теченіе декабря, **ВЕСЬМА ВАЖНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО**: они получаютъ копию, въ НАТУРАЛЬНЫХЪ ЦВѢТАХЪ, ИЗВѣСТНОЙ КАРТИНЫ

Ильи Ефимовича Рѣпина „17 Октября“

отпечатанную въ специальномъ художественномъ заведеніи и могущую служить изящнымъ украшеніемъ любого кабинета или гостиной

Старые подписчики, вносящіе своевременно полную подписную плату, имѣютъ, кромѣ того, право на льготу: они получаютъ журналъ со всеми приложеніями и „Недѣлей“ за 8 р. вмѣсто 9 р. Заблаговременная подписка даетъ подписчикамъ второго изданія „Вѣстника Знанія“ право на полученіе картины И. Е. Рѣпина „17 октября“ за доплату 1 р. съ пересылкой.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ

объемъ изданій „Вѣстника Знанія“ пользуются, сверхъ того, правомъ на выписку изданій „Вѣстника Знанія“ въ разсрочку ежемѣсячными взносами отъ 50 коп. и со скидкой 25% (подробности высчитаются по ед. вѣсту требованію).

Открыта открытая (безъ „Вѣстника Знанія“) подписка на ежемѣсячную общественно-политическую и литературную газету - журналъ

недѣля

Вѣстника Знанія
подъ редакцію В. В. Битнера.
Цѣна въ годъ 3 р., 1/4 г. — 75 к.

Въ 1914 г. „НЕДѢЛЯ“ будетъ издаться въ прежнемъ прогрессивно-демократическомъ направленіи, независимо отъ какихъ бы то ни было политическихъ партій. Читатели въ ней найдутъ переломы статей по текущей политикѣ, дающія объясненія ея внутренняго смысла и освѣщеніе народныхъ нуждъ, обзоры мировыхъ событий, литературныя новинки въ критическомъ освѣщеніи, литературно-общественные фельетоны, обзоръ печати, провинціальную хронику, политическую карикатуру, иллюстраціи, снимки съ картинъ и скульптуры. Объемъ нѣмалый по живучимъ вопросамъ современности, отъѣты юридическіе, образовательные и пр. дополняютъ содержаніе „НЕДѢЛИ“, выдѣляя ее изъ среды другихъ газетъ и журналовъ. Вмѣстѣ съ „Вѣстникомъ Знанія“ и многими приложеніями цѣна въ годъ 9 р., 60 коп.

Съ 1914 г. „Вѣстникъ Знанія“ будетъ выходить въ **ДВУХЪ** изданіяхъ: **ПЕРВОЕ—БОЛЬШОЕ** (цѣна въ годъ 8 р., съ перес. 9 р.); **ВТОРОЕ—ДЕШЕВОЕ, ПОПУЛЯРНОЕ** (цѣна въ годъ 3 руб. 60 коп., съ пересылкой 4 рубля).

ПОДПИСКА НА ОБА ИЗДАНІЯ ОТКРЫТА.

Объявленіе см. на послѣдней страницѣ обложки „Недѣли“, разсылающейся вмѣстѣ съ даннымъ выпускомъ. Подробные проспекты о подпискѣ на оба изданія журн. въ 1914 г. высылаются **БЕЗПЛАТНО**.

Адресъ конторы журнала: С.-Петербургъ, Невскій просп., 40.

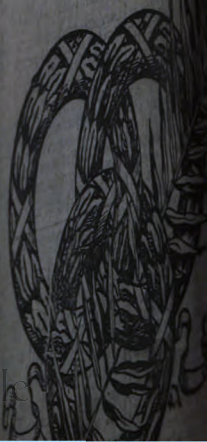
Типографія Кисельгенъ, Гличъ и Ко., Спб., Екатеринбургскій пр., 87.

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ

БЮГРА-
ФИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
В. В. Звонимир

ЮДИ. — БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА. Выд. IX.

литературно-художественная выставка в нашей физико-математической школе состоялась в начале учебного года. В экспозиции были представлены работы учащихся по литературе, искусству, музыке, математике, физике, химии, биологии, географии, истории, обществознанию, информатике, технологии, спорту, экологии, безопасности жизнедеятельности, а также работы по предметам, изучаемым в начальной школе. В экспозиции были представлены работы учащихся по предметам, изучаемым в начальной школе. В экспозиции были представлены работы учащихся по предметам, изучаемым в начальной школе.

Биографическая Библиотека

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ

 БИОГРА-
ФИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
*Вестника
Знания*

MAR 05 2004

ВСѢ КНИГИ,

имѣющіяся въ продажѣ, можно выписывать черезъ книжный складъ „ВѢСТН. ЗНАНІЯ“, С.-Петербургъ, Невскій пр., 40. Подписчики „В. Зн.“ пользуются 25% уступк. на книги, изд. „В. Зн.“

Ф. АЛЬБЕРЪ и А. БЕЙЭ.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПИСАТЕЛИ XVIII ВѢКА.

Роскошное изданіе на хорошей бумагѣ съ 12 отдѣльн. картинами и хромотипіями, 102 портр. и рис. въ текстѣ.

Чтобы дать понятіе объ этомъ сочиненіи, приведемъ содержаніе основныхъ главъ: Общій характеръ политической философіи XVIII вѣка. — Политическая философія до 1750 года. Монтескье. — Политическая философія второй половины XVIII вѣка. Классификація доктринъ. Теоретики либеральнаго и просвѣщеннаго абсолютизма: Вольтеръ и энциклопедисты. — Демократы. — Мабли и Ж.-Ж. Руссо. Правовой абсолютизмъ. — Физиократы и Тюрго. — Наканунъ революціи. — Рейналь. Политическіе принципы и т. д. Далѣе идутъ характеристики (съ біографическими данными) выдающихся политическихъ писателей, причемъ читатели знакомятся непосредственно съ произведеніями этихъ писателей въ наиболѣе характерныхъ выдержкахъ изъ ихъ сочиненій, трактующихъ о правахъ человѣка и гражданина, о государствѣ и т. д.

Цѣна въ изящномъ тисненномъ золотомъ и красками переплетѣ 3 рубля, съ пересылкой 3 руб. 50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВѢСТНИКА
ЗНАНІЯ

Перев. съ послѣдняго изданія В. А. Поссе.

Содержаніе: Предисловіе переводчика. Предисловіе автора къ 25-ому изданію. Предисловіе автора къ 34-ому изданію. Введеніе. Женщина въ прошломъ. Женщина въ настоящемъ. Женщина, какъ половое существо. Бракъ. Стѣнія и ограниченія брака. Дальнѣйшія препятствія и затрудненія при заключеніи брака. Численное отношеніе половъ; его причины и плѣнія. Проституція, какъ необходимое социаль. учрежденіе буржуазнаго общества. Заработокъ женщины. Ея умственные способности. Дарвинизмъ и состояніе общества. Правовое положеніе женщины и ея отношеніе къ политикѣ. Государство и общество. Соціализмъ общества. Женщина въ будущемъ. Международность. Населеніе и перенаселеніе. Заключеніе.

Цѣна за обѣ части 1 р. 40к. Пересылка въ Евр. Россіи — 25 к., Азіатской Россіи — 35 коп.

Проф. ЗОМБАРТЪ и КЕЛЛЕСЪ-КРАУЗЪ.

Соціологическіе этюды.

Книга даетъ читателю понятіе объ очень важныхъ вопросахъ изъ области общественныхъ наукъ.

Содержаніе: Почему интересуются вопросами народнаго хозяйства? Очеркъ исторіи соціологіи. Что такое экономическій матеріализмъ?

Ц. 35 к., пер. 10 к.

ПРОФ. А. ПРАЙСЪ.

АНГЛІЙСКІЕ : : : : ЭКОНОМИСТЫ,

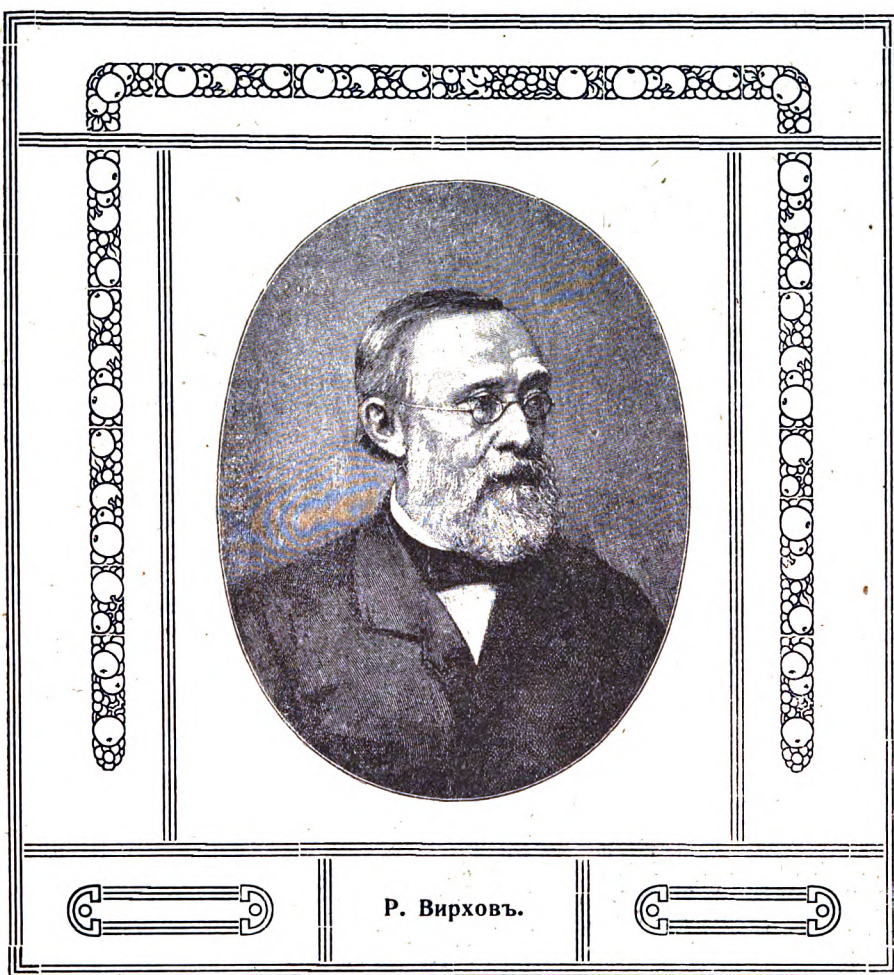
съ 4 портретами.

Книжку можно рекомендовать всякому, желающему познакомиться съ ученіями Адама Смита, Рикардо, Мальтуса и Милля. Кромѣ біографіи и критическаго разбора теорій великихъ политико-экономовъ, читатель найдетъ въ ней выдержки изъ ихъ трудовъ

Цѣна 60 к., пер. 17 к.

СОЦІАЛЬНЫЯ УТОПІИ. Содержаніе: Ликургъ Плутарха. Платонъ. Утопія Томаса Мора. Новая Атлантида Бэкона. Городъ Солнца Кампанеллы. Сенъ-Симонъ. Фурье. Кабз. Оуэнъ. „Все это уже было“ Голя. Цѣна 35 к., пер. 10 к.

К. БАРЗИХЪ НАЛОГИ И НАРОДНОЕ РАЗОРЕНІЕ, съ 12 рисунками. Популярная лекція, дающая понятіе о несоотвѣстности налоговаго бремени съ платежными силами населенія. Цѣна 10 коп., пер. 2 коп.

Вирховъ.

(1821—1902).

Рудольфъ Вирховъ, великій основатель современной патологіи, этой „философіи медицины“, родился въ Шифельбейнѣ, маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ прусской провинціи Помераніи, гдѣ отецъ его велъ сравнительно небольшую торговлю. 13 октября 1821 года — дата рожденія будущаго знаменитаго ученаго.

Дѣтство Рудольфа прошло въ родномъ городѣ Шифельбейнѣ, гдѣ онъ посѣщалъ сначала народную школу, а затѣмъ дома готовился къ гимназіи. 13 лѣтъ онъ поступилъ въ классическую гимназію въ Кеслинѣ. Благодаря своимъ блестящимъ способностямъ и хорошей домашней подготовкѣ, онъ сразу занялъ въ гимназіи одно изъ лучшихъ мѣстъ.

Единственнымъ предметомъ, съ которымъ въ гимназіи у Вирхова никакъ не могло наладиться добрыхъ отношеній, былъ греческій языкъ, и не потому, чтобы Вирховъ не зналъ греческаго языка; напротивъ того, его переводы съ греческаго на нѣмецкій и съ нѣмецкаго на греческій всегда принадлежали къ числу лучшихъ, но онъ не зналъ греческой грамматики, хотя и зналъ греческій языкъ. Дѣло заключалось въ томъ, что въ гимназію онъ подготовлялся у прекраснаго педагога, который основательно ознакомилъ его съ этимъ языкомъ, далъ ему возможность усвоить самый духъ языка и считалъ излишнимъ возиться съ грамматическими правилами и исключеніями. Отсюда создавалось, съ точки зрѣнія гимназическаго педагога-рутинера, невозможное положеніе.

Когда Вирхову предлагали нѣмецкую фразу и заставляли перевести ее на греческій языкъ, онъ дѣлалъ это безошибочно, когда же ему предлагали объяснить, почему онъ поставилъ здѣсь ту, а не другую форму, объяснить онъ не могъ. Отсюда у „грека“ кеслинской гимназіи явилось подозрѣніе, что молодой Вирховъ надуваетъ его какимъ-то непонятнымъ для него образомъ. Это обстоятельство глубоко волновало и возмущало почтеннаго педагога. А убѣжденіе въ недобросовѣстности ни въ чемъ неповиннаго юноши было такъ велико, что на послѣднемъ совѣтѣ, обсуждавшемъ участь окончившихъ гимназію учениковъ, нашъ „грекъ“ хотя и вынужденъ былъ поставить хорошую отмѣтку Вирхову по-гречески, но подалъ свой голосъ противъ выдачи ему аттестата, такъ какъ онъ-де не обладаетъ достаточной нравственной зрѣлостью, необходимой для поступленія въ университетъ. Къ счастью, этотъ бессмысленный протестъ не имѣлъ ни малѣйшихъ послѣдствій для талантливаго юноши, и Рудольфъ Вирховъ въ мартѣ 1839 г. былъ выпущенъ (на 18 году жизни) первымъ по списку кеслинской гимназіи. Покидая школьную скамью, Рудольфъ Вирховъ могъ сказать особенно большое спасибо преподавателю исторіи Бухеру, который сумѣлъ пристрастить его къ своему предмету и направить его мысли на общественные вопросы, которыми Рудольфъ Вирховъ не переставалъ интересоваться въ теченіе всей своей жизни.

По окончаніи гимназіи Рудольфъ Вирховъ поступаетъ въ число воспитанниковъ медико-хирургическаго института Фридриха-Вильгельма. Лѣтніе мѣсяцы Рудольфъ провелъ дома, съ увлеченіемъ занявшись изученіемъ итальянскаго языка (языки вообще давались ему очень легко; при окончаніи гимназіи онъ, напр., съ удовольствіемъ занимался изученіемъ древне-еврейскаго языка, по которому и сдалъ экзаменъ, хотя отъ него, какъ не идущаго на богословскій факультетъ, этого и не требовалось).

Берлинскій медико-хирургическій институтъ, въ который поступилъ Вирховъ въ 1839 году, представляетъ собой закрытое высшее военно-учебное заведеніе. Съ научной стороны дѣло обученія въ этомъ институтѣ было поставлено хорошо. Воспитанники его посѣщали университетскія лекціи, наравнѣ съ остальными студентами. Курсъ наукъ былъ четырехлѣтній. Самъ институтъ былъ прекрасно оборудованъ учебными средствами: онъ обладалъ хорошо составленнымъ анатомическимъ музеемъ по военно-полевой хирургіи, музеемъ хирургическихъ инструментовъ и аппаратовъ, кабинетами физическимъ и химическимъ, собраніемъ фармакологическихъ препаратовъ и великолѣпной медицинской библіотекой (болѣе 50.000 томовъ). Репетировали студентовъ военные врачи, состоявшіе при институтѣ. Во главѣ учрежденія во времена Вирхова находился опытный педагогъ „старикъ“ Вибель, а за учебною частью слѣ-

диль помощникъ начальника института Гриммъ, человекъ не только выдающихся педагогическихъ способностей, но вообще широкихъ взглядовъ.

Въ медико-хирургическомъ институтѣ Вирховъ быстро обратилъ на себя вниманіе своими способностями. Изъ профессоровъ на него наибольшее влияніе имѣли знаменитый физиологъ Іоганнъ Мюллеръ и не менѣ замѣчательный клиницистъ Шенлейнъ. Позднѣйшіе отзывы Вирхова объ обоихъ этихъ его учителяхъ носятъ восторженный характеръ. По поводу перваго изъ нихъ онъ говоритъ: „Не многимъ, какъ мнѣ, выпало на долю въ каждой важной стадіи своего научнаго развитія видѣть себя подлѣ нашего учителя. Его рука направляла первые шаги новичка, его устами, какъ декана, мнѣ присуждена была докторская степень, его теплый взглядъ встрѣчалъ я, когда, опять-таки въ его деканство, читалъ мою первую публичную лекцію, какъ приватъ-доцентъ. Изъ большого числа его учениковъ я единственный былъ призванъ, по его собственному предложенію, занять мѣсто рядомъ съ нимъ въ тѣсномъ кругу факультета, и мнѣ онъ добровольно предоставилъ важную область своихъ исконныхъ владѣній“. По поводу же Шенлейна онъ какъ-то замѣтилъ: „Такъ какъ я изучалъ медицину въ Берлинѣ, то я и имѣлъ счастье слушать новаго профессора еще въ его самую свѣтлую пору, и я съ благодарностью признаю, что онъ оказалъ на меня громаднѣйшее влияніе“...

Объ успѣхахъ Вирхова можно судить по тому, что уже въ послѣдній годъ своего студенчества (1843) онъ исполнялъ обязанности младшаго ординатора въ глазной клиникѣ. Очевидно, работы эти натолкнули Вирхова и на тему докторской его диссертации: „О воспаленіи преимущественно роговицы“, которую онъ и защищалъ публично 21-го октября 1843 года. „Уже въ этой ученой работѣ“, — говоритъ г. Малисъ, — „ярко обнаружилось, насколько Вирховъ проникся новымъ естественно-научнымъ направлениемъ въ медицинѣ. Въ введеніи къ своему труду молодой дебютантъ въ науку высказываетъ сожалѣніе, что къ изученію глазныхъ болѣзней не примѣнили еще тѣхъ методовъ, которыми медицина въ новѣйшее время обязана естественнымъ наукамъ. Чтобы оцѣнить по достоинству всю вѣскость и справедливость этого упрека, слѣдуетъ вспомнить, какой переворотъ произвело въ послѣдствіи изобрѣтеніе (въ 1851 году) Гельмгольцемъ (т. II „Вел. Людей“) глазного зеркала, — прибора, дававшего возможность непосредственно наблюдать внутренность глазного яблока (глазное дно). Благодаря далѣе примѣненію законовъ физической оптики къ изученію строенія и отправленія нашего органа зрѣнія, другими словами, благодаря разработкѣ физиологической оптики, офтальмологія (наука о болѣзняхъ и нормальныхъ отправленіяхъ нашего органа зрѣнія) стала одною изъ наиболѣе законченныхъ и изящныхъ страницъ медицинскихъ знаній. Проникнутый идеями своихъ учителей, Мюллера и Шенлейна, Вирховъ съ грустью замѣчаетъ, что естественно-научные способы изслѣдованія не находятъ себѣ примѣненія именно въ такомъ отдѣлѣ медицины, гдѣ они, повидимому, наиболѣе уместны“.

Такимъ образомъ, съ первыхъ шаговъ своей научной дѣятельности Рудольфъ Вирховъ всталъ на тотъ славный путь сближенія патологическихъ и физиологическихъ явленій (см. „общій очеркъ“), который обезсмертилъ его имя.

Едва Вирховъ окончилъ медико-хирургическій институтъ и защитилъ свою докторскую диссертацию, какъ ему было предложено (главнымъ образомъ по настоянію Гримма) занять мѣсто лаборанта въ огромномъ

берлинскомъ госпиталѣ „Charité“, славившемся научной постановкой медицинскаго дѣла. Вирховъ былъ такъ еще молодъ, что кандидатура его прошла не безъ большаго сопротивленія, главнымъ образомъ, со стороны Шенлейна, которому казалось, что исполненіе такихъ сложныхъ обязанностей (спеціальныя изслѣдованія, микроскопическіе и химическіе анализы) должно быть поручено болѣе опытному врачу, а не юнцу, который только что, — хотя и блестяще, — защитилъ свою докторскую диссертацию. Шенлейнъ такъ и остался при своемъ мнѣніи, и Вирховъ былъ назначенъ въ 1844 г. „научнымъ ассистентомъ“ при всѣхъ клиникахъ, за исключеніемъ клиники Шенлейна. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ на себя обязанности ассистента при патолого-анатомическомъ институтѣ той же клиники. Такимъ образомъ молодой Вирховъ сразу взвалилъ на себя колоссальную работу.

Но очень быстро Вирховъ убѣдился, что клиническіе вопросы (вопросы собственно лѣченія) представляютъ для него второстепенный интересъ, и все свободное отъ своихъ прямыхъ обязанностей время онъ сосредоточилъ на изученіи патологической анатоміи. Къ счастью, ему пришлось работать у прозектора, проф. Роберта Фрорипа, человѣка глубоко преданнаго интересамъ науки и искренно радовавшагося появленію всякой научной силы. Онъ взялъ Вирхова подъ особое свое покровительство, указывалъ ему наиболѣе важныя темы для текущихъ изслѣдованій и всячески способствовалъ напечатанію трудовъ своего молодого помощника. Въ 1846 г. Фрорипъ покинулъ должность прозектора и, какъ на наиболѣе достойнаго своего преемника, указалъ на Рудольфа Вирхова. Къ Фрорипу Вирховъ на всю жизнь сохранилъ самое теплое чувство признательности.

Но назначеніе на должность прозектора по указанной каедрѣ опять встрѣтило сопротивленіе, и опять-таки со стороны все того же Шенлейна. Однако, теперь за Вирховымъ уже числился рядъ солидныхъ работъ и упрямый ученый рѣшилъ, наконецъ, уступить. „Однажды“, — рассказываетъ Вирховъ, — „онъ пригласилъ меня къ себѣ и сказалъ, что теперь онъ далъ министру (отъ котораго зависѣло назначеніе на эту должность) совѣтъ назначить меня. Къ этому онъ добавилъ, что ждетъ отъ меня самаго лучшаго и что изъ его образа дѣйствій я могу заключить, что для него всегда важно самое дѣло, а не лица“. Въ этой перемѣнѣ отношеній Шенлейна огромную роль сыграла защита Вирхова Фрорипомъ, которому, по собственнымъ словамъ Вирхова, онъ „существеннымъ образомъ обязанъ, что ему, новичку, была поручена прозектура больницы Charité, и тѣмъ было открыто поле дѣятельности, какъ нельзя болѣе для него благоприятное“.

Получая должность прозектора въ Шарите, Вирховъ вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ на себя и обязанности профессора по патологической анатоміи, и, дѣйствительно, уже лѣтомъ 1846 года онъ началъ читать небольшому кружку молодыхъ врачей курсъ по патологической анатоміи. Въ этомъ курсѣ, — признанномъ по общимъ отзывамъ блестящимъ, — Вирховъ началъ развивать тѣ идеи о патологіи, какъ одной изъ отраслей естествознанія, съ которыми онъ уже выступалъ въ своей докторской диссертациі и реализація которыхъ впоследствии доставила ему громкую славу. Его положеніе въ профессурѣ окончательно оформилось въ 1847 году, когда онъ получилъ отъ медицинскаго факультета званіе приватъ-доцента. Свою первую лекцію (о воспаленіи мышцъ) онъ прочелъ въ засѣданіи, въ которомъ предсѣдательствовалъ его великій учи-

тель Іоганнъ Мюллеръ. Успѣхи Вирхова окончательно примирили Шенлейна съ молодымъ ученымъ и онъ впослѣдствіи съ гордостью говорилъ про Вирхова: „Онъ былъ моимъ прозекторомъ“.

Въ Шарите Вирховъ встрѣтилъ цѣлый рядъ даровитыхъ молодыхъ врачей, легко усвоившихъ новыя воззрѣнія на медицину, которыя взялся проповѣдывать Вирховъ относительно патологической анатоміи. Изъ этого кружка вышли два наиболѣе талантливыхъ сотрудника Вирхова — Рейнхардтъ и Леубушеръ. Работы посылались одна за другой. Но точка зрѣнія на патологическія явленія и методы изслѣдованія, установленныя молодыми учеными, настолько отличались отъ всего того, къ чему привыкла медицинская рутинѣ, что ихъ статьи обыкновенно не находили себѣ пріюта на страницахъ старыхъ и извѣстныхъ медицинскихъ журналовъ. Пришлось подумать о созданіи новаго журнала, который бы всецѣло былъ въ рукахъ представителей новаго теченія. Дѣло было нелегкое, если принять во вниманіе ту массу работы, которую и безъ того несъ на себѣ Вирховъ: надо было найти капиталъ, подыскать издателя, организовать сотрудниковъ. Кромѣ того, надо было учесть извѣстный рискъ, такъ какъ если Вирховъ уже пользовался заслуженной извѣстностью въ профессорскихъ кругахъ Берлина, то этого было недостаточно для широкой медицинской публики, къ которой хотѣло обращаться новое теченіе. Энергія Вирхова, а отчасти, по его признанію, и „комбинація счастливыхъ обстоятельствъ“ превозмогли всѣ эти затрудненія. И вотъ къ огромному количеству медицинскихъ повременныхъ нѣмецкихъ изданій прибавился новый журналъ „Архивъ патологической анатоміи и фізіологіи и клинической медицины“, вышедшій подъ редакціею Вирхова и Рейнхардта и поставившій своей задачей „начать борьбу за принципы и методы противъ школъ и авторитетовъ“.

Въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ условій, редактору пришлось занять въ своемъ журналѣ совершенно особое по напряженности работы положеніе. „Иной журналъ“, — говорилъ много позднѣе Вирховъ, — „возникаетъ, благодаря спекуляціи книгопродавца, благодаря отсутствію занятій и доходовъ у редактора, благодаря честолюбію видѣть себя во главѣ повременнаго изданія или небезкорыстному стремленію достичь высокаго и вліятельнаго положенія. Работаешь, тогда, конечно, и самъ, но еще охотнѣе предоставляешь другимъ за себя работать. Редакторъ заполняетъ мелкими статейками пробѣлы, ведетъ смѣсь и пишетъ фелетонныя замѣтки или просто перепечатываетъ диссертациі и другія статьи и со всѣмъ комфортомъ забираетъ деньги и славу; тяжелая же работа съ незначительнымъ вознагражденіемъ или даже безъ всякаго вознагражденія предоставляется сотрудникамъ“. Конечно, совершенно инымъ оказалось положеніе редакторовъ новаго журнала, которымъ пришлось главную работу нести на своихъ плечахъ. Достаточно сказать, что за время своего редакторства Вирховъ далъ въ этотъ „Вирховскій Архивъ“ болѣе 200 статей значительной научной цѣнности. Съ 1852 г. вся редакторская работа, за смертью Рейнхардта, упала на плечи одного Вирхова. Но работоспособность Вирхова была по истинѣ изумительной; да и молодость и идеализмъ, которыми онъ обладалъ въ полной мѣрѣ, значили немало. Самъ Вирховъ, вспоминая объ этомъ времени, говорилъ о себѣ и о своемъ товарищѣ по редакціи, что они въ то время „находились въ томъ счастливомъ времени жизни, когда обладаешь незначительными потребностями, горячей жаждой созидательной дѣятельности, а потому и большимъ самопожертвованіемъ, и когда вліяніе въ наукѣ цѣнишь выше личнаго или официальнаго вліянія“.

О томъ, что слова о „самопожертвованіи“ не были въ устахъ Вирхова пустымъ звукомъ, можно судить изъ послѣдовавшихъ затѣмъ фактовъ его біографіи.

Въ 1848 году прусскія газеты все чаще и чаще стали помѣщать статьи объ эпидеміи голоднаго тифа, появившейся въ Верхней Силезіи. Корреспонденціи эти были полны тяжелыхъ картинъ страданій мѣстнаго населенія. Онѣ, въ концѣ концовъ, расшевелили совѣсть буржуазнаго общества и заставили бюрократическое прусское правительство принять рядъ мѣръ для помощи голодающимъ. Въ ряду этихъ мѣръ была командировка чиновника Бареца, которому было поручено „ближе ознакомиться съ вспыхнувшей тамъ эпидеміей тифа и съ принятыми противъ нея мѣрами, а также оказать содѣйствіе совѣтомъ и дѣломъ распорядительнымъ и исполнительнымъ властямъ повсюду, гдѣ это ему покажется нужнымъ“. Желаніе пополнить эти свѣдѣнія изслѣдованіемъ эпидеміи въ строго научномъ отношеніи привело къ тому, что въ сотрудники Барецу былъ приглашенъ Вирховъ.

Вирховъ съ радостью согласился принять это предложеніе, хотя и подвергался, какъ ему напоминалъ объ этомъ наканунѣ отъѣзда Іоганнъ Мюллеръ, опасности заразиться тифомъ, опустошавшимъ несчастную страну. 20-го февраля Вирховъ выѣхалъ въ командировку, а къ 15 марту уже представилъ „Сообщенія о господствующей въ Верхней Силезіи эпидеміи тифа“. Насколько тщательно и подробно были разработаны эти сообщенія, видно изъ того, что они заняли около 180 печатныхъ страницъ. Къ неудовольствію командировавшихъ его властей, Вирховъ въ своихъ знаменитыхъ „Сообщеніяхъ“ подошелъ къ вопросу объ эпидеміи не какъ узкій специалистъ, а какъ мыслитель высокаго полета. Его докладъ являлся не только прекраснымъ медицинскимъ изслѣдованіемъ, но и великодушнымъ и горячо написаннымъ социально-экономическимъ очеркомъ— „обвинительнымъ актомъ противъ безгранично царившаго тогда въ Пруссіи самодовольнаго и сухого бюрократизма“, — какъ выражается г. Малисъ.

„Въ своихъ замѣчательныхъ „Сообщеніяхъ“, — читаемъ мы у того же біографа характеристику этой работы, — „Вирховъ прежде всего знакомитъ насъ со страной и жителями. Послѣдніе поразили столичнаго ученаго низкою степенью своей культуры или, вѣрнѣе говоря, полнымъ отсутствіемъ всякой культуры: никакого ухода даже за своимъ собственнымъ тѣломъ, полная физическая и умственная апатія. „Верхнесилезецъ“, — замѣчаетъ Вирховъ, „вообще совершенно не моется, а представляетъ попеченію неба по временамъ сильными ливнями освобождать его тѣло отъ скопившихся на немъ корокъ грязи“. Въ этомъ смыслѣ верхнесилезцы прекрасно иллюстрировали мнѣніе Бокля о соотношеніи между количествомъ потребляемаго мыла и степенью культуры.

„Справедливо видя въ низкой культурѣ силезцевъ основную причину господствующихъ среди нихъ эпидемій, главный причинный, этиологическій, выражаясь медицинскимъ языкомъ, моментъ, — авторъ „Сообщеній“ и старается выяснитъ тѣ условія, многовѣковая конкуренція которыхъ привела къ такому печальному положенію вещей.

„Почти 7 вѣковъ, какъ населеніе Верхней Силезіи, оторванное отъ родного ему польскаго народа, не принимало участія въ историческомъ развитіи послѣдняго. Съ другой стороны, сохранивъ польскій языкъ, верхнесилезцы ничего не восприняли отъ германской культуры, благодаря отсутствію какого-либо связующаго звена. Лишь въ послѣднее время стали предпринимать опыты германизаціи при помощи школъ, но средства,

къ которымъ обратилось правительство для этой цѣли, носили въ себѣ уже гарантію своего безплодія. „Посылали“, — пишетъ Вирховъ, — „въ польскій край нѣмецкихъ школьныхъ учителей съ самымъ ограниченнымъ, насколько это было возможно, образовательнымъ цензомъ и представляли затѣмъ наставнику и его ученикамъ познакомить другъ друга съ ихъ родными языками. Результатомъ было обыкновенно то, что учитель, въ концѣ концовъ, научался польскому языку, а не ученики — нѣмецкому. Вмѣсто того, слѣдовательно, чтобы распространить нѣмецкій языкъ, получалъ скорѣе перевѣсъ польскій“. Едва ли какая-нибудь другая книга, кромѣ молитвенника, была доступна народу. Такимъ образомъ, „стало возможнымъ, что здѣсь существуетъ свыше полумилліона людей безъ всякаго самосознанія своего развитія, какъ народности, безъ всякаго слѣда исторіи культуры, такъ какъ они, что ужасно, лишены развитія, лишены культуры“. Другимъ тормазомъ культурнаго роста являлась католическая іерархія, окончательно поработившая населеніе Верхней Силезіи: папѣ — неограниченный властелинъ этого народа, который покоренъ ему, какъ толпа крѣпостныхъ. Въ виду своего вліянія, духовенство могло-бы, если-бы только пожелало, легко поднять народъ до извѣстнаго уровня развитія. „Но въ интересѣ матери-церкви“, — говоритъ Вирховъ, — „поддерживать въ народѣ ханжество, глупость и поработеніе; Верхняя Силезія представляетъ лишь новый примѣръ въ длинномъ ряду старыхъ, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Испанія, Мексика и Ирландія“.

„Что касается бюрократіи въ лицѣ мѣстныхъ властей, то ея вина въ данномъ случаѣ не столько положительная, сколько отрицательная. Административныя власти какъ-бы не признавали все безотрадное состояніе этого несчастнаго народа. Видя ежедневно этотъ забитый народъ, власти Верхней Силезіи такъ притупили свою впечатлительность, стали такъ равнодушны къ его страданію, что, когда, наконецъ, помощь бѣдствующему населенію явилась со всѣхъ сторонъ, бюрократія подняла общую жалобу, что избалуютъ народъ. „Когда тѣмъ, которымъ нечего, абсолютно нечего было ѣсть, отпускали 1 фунтъ муки на день, явились опасенія, что они избалуется! Можно ли представить себѣ что-либо ужаснѣе того, что кто-нибудь избалуется на мукѣ, одной лишь простой мукѣ, и что у кого-нибудь могутъ явиться подобныя опасенія! Съ народа, гибнущаго отъ голода и тифа, взыскивали попрежнему уплату повинностей и податей! Пренебрегая совершенно интересами несчастныхъ верхнесилезцевъ, прусское правительство окончательно забросило этотъ край и, такимъ образомъ, сдѣлало невозможнымъ, какъ духовный, такъ и матеріальный подъемъ народа“.

„Наконецъ, не малая доля вины въ некультурности силезскаго населенія падаетъ на крупныхъ земельныхъ собственниковъ, на помѣщиковъ. Ни въ одной изъ восточныхъ провинцій Пруссіи не было такой богатой земельной аристократіи и нигдѣ эта аристократія не соприкасалась такъ мало съ сельскимъ населеніемъ. Большинство помѣщиковъ тратило свои громадныя доходы въ крупныхъ центрахъ или за границей. При такихъ условіяхъ о ростѣ благосостоянія края не могло быть и рѣчи. Масса сельскаго населенія несла всю тяжесть барщины, работая на помѣщика 5, 6 дней въ недѣлю. Что крестьяне вырабатывали со своихъ надѣловъ, едва хватало на удовлетвореніе первыхъ потребностей. Что же можно было ожидать отъ народа, который цѣлые вѣка въ глубокой нищетѣ боролся за свое существованіе, который никогда не зналъ такого времени, когда его работа шла въ его же пользу, который плодъ своего пота

видѣлъ падающимъ всегда лишь въ карманы помѣщиковъ. Вполнѣ естественно, что такой несчастный народъ вообще совершенно оставилъ всякую мысль о продолжительномъ владѣніи, что онъ научился заботиться не о завтрашнемъ днѣ, а о сегодняшнемъ. Послѣ столькихъ дней работы, которая производилась лишь для благосостоянія другихъ, что было естественно, если народъ свой собственный день употреблялъ на отдыхъ, на лѣнь, на дрему на своей любимой печкѣ? Что естественно того, что онъ производилъ небрежную работу на помѣщика — работу, которая ему ничего не давала, и что требовались особые стимулы, чтобы призвать его къ энергической дѣятельности? Существовалъ же здѣсь лишь одинъ стимулъ — водка, которой народъ былъ страстно преданъ, въ которой онъ находилъ источникъ мимолетнаго радостнаго возбужденія“.

„Но вотъ въ 1846 году барщина была отмѣнена. Народъ, забытый и приниженный въ теченіе столѣтій, нѣтъ, съ момента появленія своего въ исторіи, увидѣлъ наступленіе для себя дня личной свободы. Могъ-ли онъ привѣтствовать этотъ день подобно человѣку сильному, сознающему свою свободу? Что могъ народъ, привыкшій посвящать свое свободное время ничегонедѣланію, сдѣлать другого, какъ не посвятить свои дни, которые теперь всѣ были свободны, всѣ—ничегонедѣланію, лѣни, апатіи? Не было никого, кто бы въ качествѣ его друга, его наставника, его опекуна, поддерживалъ его на первыхъ шагахъ по новому пути, далъ указанія, руководилъ; никого, кто бы показалъ ему значеніе свободы, самостоятельности, кто бы научилъ его, что благосостояніе и образованіе — результаты труда, источники счастья“.

А между тѣмъ, по наблюденіямъ Вирхова, верхнесилезцы оказались бы способными и къ труду, и къ умственному развитію, если взять на себя задачу пробудить ихъ дремлющіе качества. Народъ, каковъ онъ теперь, слабый физически и умственно, нуждается въ руководительствѣ, въ извѣстнаго рода опецѣ. Пусть покажутъ этому народу на примѣрѣ и на собственномъ опытѣ, какъ благосостояніе вытекаетъ изъ труда; пусть научатъ познавать потребности, предоставляя ему наслажденія тѣлесными и духовными благами; пусть его допустятъ принять участіе въ культурѣ, въ великомъ движеніи народовъ, и онъ не замедлитъ выйти изъ этого состоянія неволи, порабоженія, апатіи и дать новый примѣръ силы и подъема человѣческаго духа. Приступить къ рѣшенію этой задачи — вотъ дѣло, достойное благомыслящаго и предусмотрительнаго государственнаго дѣятеля.

„Медицина“, — говоритъ Вирховъ, — „какъ социальная наука, какъ наука о человѣкѣ, несетъ обязанность ставить подобныя задачи и дѣлать попытки къ ихъ теоретическому рѣшенію; государственный дѣятель — практической антропологъ — долженъ находить средства къ ихъ рѣшенію“...

Можно себѣ представить, какъ должны были раздражать эти разсужденія какого-то приватъ-доцента олимпійцевъ прусской бюрократіи, которая, какъ всякая бюрократія, стоящая внѣ непосредственнаго контроля народа, отличалась и надменностью, и самоувѣренностью, и посредственностью. А тутъ еще удивительно смѣлая критика существующаго строя, обвиняемаго въ эксплуатаціи широкихъ народныхъ массъ въ интересахъ небольшой кучки привилегированныхъ. Но еще болѣе темные тоны наложилъ Вирховъ, когда ему пришлось перейти къ характеристикѣ жилища и питанія, которыми пользуется населеніе, и когда онъ рукою искуснаго специалиста сдѣлалъ очеркъ развитія эпидеміи. Всякую

Петръ I. — Съ портрета А. Лебедева.

свою фразу, всякое слово Вирховъ подкрѣплялъ цифрами и фактами, придавая тѣмъ самымъ своимъ заключеніямъ неопровержимость и глубокую убѣдительность. Каковы же выводы изъ всего этого изслѣдованія? Конечно, микстурами дѣлу нельзя помочь, а нужны коренныя реформы всего соціального строя, всѣхъ общественныхъ отношеній; нужно, какъ можно скорѣе и какъ можно полнѣе, перейти отъ режима чиновничьяго произвола и монаршаго абсолютизма къ режиму „полной и неограниченной демократіи“, къ широкой организаціи общественной самодѣятельности.

„Пруссія“, — писалъ Вирховъ, — „гордилась своими законами и своими чиновниками. Дѣйствительно, чего только не было предусмотрено закономъ! По закону пролетарій могъ требовать средствъ, обеспечивающихъ его отъ голодной смерти; законъ гарантировалъ ему работу, чтобы онъ могъ самъ добыть себѣ эти средства; школы, столь хваленныя прусскія школы, были налицо, чтобы предоставить ему образованіе, которое было столь необходимо для его сословнаго состоянія; санитарная полиція, наконецъ, имѣла прекрасное назначеніе наблюдать за его жилищемъ, за его образомъ жизни. И какое полчище хорошо вышколенныхъ чиновниковъ стояло на-готовѣ, чтобы примѣнить эти законы! Какъ вторгалось это полчище повсюду въ частную жизнь, какъ слѣдило оно за самыми сокровенными отношеніями „подданныхъ“, чтобы предохранить ихъ духовное и матеріальное счастье отъ слишкомъ высокаго подъема, какъ ревностно опекало оно каждое поспѣшное или рѣзкое движеніе ограниченаго разума подданныхъ! Законъ былъ на-лицо, чиновники были на-лицо, а народъ умиралъ тысячами отъ голода и эпидемій. Законъ ничему не помогъ, потому что представлялъ собою лишь нарисованную бумагу; чиновники ничему не помогли, потому что результатомъ ихъ дѣятельности была опять-таки только исписанная бумага. Все государство стало постепенно бумажнымъ, превратилось въ большой карточный домъ, и когда народъ прикоснулся къ нему, карты разсыпались пестрой кучей... „Медицина“, продолжаетъ онъ, — „незамѣтно завела насъ въ соціальную область и поставила насъ въ положеніе самихъ столкнуться съ великими вопросами нашего времени. Поймите, для насъ дѣло не идетъ уже болѣе о лѣченіи того или другого тифознаго больного помощью лѣкарствъ, регулированія питанія, жилища, одежды; нѣтъ, культура 1½ милліона нашихъ согражданъ, которые находятся на самой низкой ступени нравственнаго и физическаго упадка, — вотъ наша задача“. И Вирховъ выступаетъ съ требованіемъ цѣлаго рода радикальныхъ реформъ. Надо дать, заявляетъ онъ, населенію хорошія школы: элементарныя, земледѣльческія, ремесленныя, при чемъ народное образованіе должно быть строго свѣтскимъ, т. е. самымъ рѣшительнымъ образомъ отдѣлено отъ церкви, и въ основу его должно быть положеніе изученіе природы. Для того же, чтобы возможно быстрѣе привлечь къ культурѣ и взрослому населенію, необходимо немедленно предоставить ему широкое самоуправленіе, какъ въ общинныхъ дѣлахъ, такъ и въ государственныхъ. Чтобы улучшить матеріальное положеніе населенія, надо перестроить всю систему налоговъ, полагая въ основу ихъ отміну привилегій, уничтоженіе феодальныхъ пережитковъ, съ особенной тяжестью падающихъ на малообеспеченные классы населенія; необходимо обратить серьезное вниманіе на улучшеніе земледѣлія, скотоводства, огородничества, путей сообщеній, фабричнаго производства; необходимо, наконецъ, возможно широкое развитіе ассоціацій среди неимущихъ. Но, выступая со всѣми этими мѣрами,

государство не должно выходить изъ роли совѣтника и помощника и не мѣшать самоопредѣленію личности.

„Весь свѣтъ знаетъ“, — продолжалъ Вирховъ, — „что пролетаріатъ нашего времени обусловленъ главнымъ образомъ введеніемъ и улучшеніемъ машинъ, что въ той мѣрѣ, какъ земледѣліе, фабричное производство, судоходство и пути сообщенія, вслѣдствіе усовершенствованія ихъ орудій, достигли такого развитія, какого никогда нельзя было даже предчувствовать, — въ той же мѣрѣ человѣческая сила потеряла всякую автономію и вступила въ машинное производство въ качествѣ члена его, члена, правда, живого, но эквивалентнаго мертвой стоимости. Люди теперь уже цѣнятся только, какъ „руки“. Но развѣ это смыслъ машинъ въ исторіи культуры народовъ? Развѣ триумфы человѣческаго генія не служатъ ни къ чему иному, какъ лишь къ обездоленію рода человѣческаго? Конечно, нѣтъ! Наше столѣтіе открываетъ собой социальную эпоху и предметомъ его дѣятельности не можетъ быть ничто иное, какъ стремленіе свести къ возможно меньшему размѣру все машинообразное въ человѣческой работѣ, все, что преимущественно приковываетъ людей къ почвѣ, къ грубо-матеріальному и отвлекаетъ отъ болѣе тонкаго движенія матеріи. Человѣкъ долженъ работать лишь столько, сколько необходимо, чтобы изъ почвы, изъ грубаго вещества извлечь столько, сколько необходимо для уютнаго существованія всего даннаго поколѣнія; но онъ не долженъ расточать свои лучшія силы на созданіе капитала. Капиталь — это чекъ на наслажденіе; но къ чему же этотъ чекъ увеличивать въ такой степени, которая переходитъ всякія границы? Увеличивайте наслажденіе, а не одну лишь мертвую и холодную возможность его, которая, сверхъ того, даже по отношенію къ капиталу, не является постоянной, а безконечно колеблющеюся и ненадежной. Французская республика уже признала этотъ принципъ въ своемъ лозунгѣ братства и, повидимому, собирается, несмотря на всю старую буржуазію, осуществить его на дѣлѣ при посредствѣ ассоціацій. Дѣйствительно, ассоціація неимущаго труда съ капиталомъ государства, или денежной аристократіи, или многихъ мелкихъ собственниковъ, — вотъ единственное средство для улучшенія социального положенія. Капиталь и рабочая сила должны быть, по крайней мѣрѣ, равноправны, и живая сила не должна болѣе быть въ подчиненіи у мертваго капитала“. Мы видимъ, что въ этихъ воззрѣніяхъ Вирховъ по нѣкоторымъ пунктамъ соприкасается самымъ тѣснымъ образомъ съ социализмомъ, что должно было еще больше усугублять вину „мятежнаго“ приватъ-доцента въ глазахъ правительства. Конечъ же „Сообщенія“ положительно пахнутъ открытымъ вызовомъ. „Послѣ полного прекращенія нынѣшней эпидеміи“, — говоритъ онъ, — „нельзя ждать скорого появленія ея вновь. Поэтому пусть воспользуются предстоящимъ промежуткомъ времени, чтобы прекрасный и богатый край, который до сихъ поръ, къ стыду правительства, былъ населенъ несчастными и заброшенными людьми, предохранить путемъ свободныхъ и національныхъ установленій отъ повторенія столь ужасныхъ сценъ“.

Докладъ этотъ въ высшей степени типиченъ для Вирхова. Онъ обнаруживаетъ его глубокія познанія, широкія воззрѣнія на общество и на его обязанности и смѣлое сердце, для котораго слово „самопожертвованіе“ — не пустой звукъ. Свой „дерзкій“ докладъ Вирховъ не только предоставилъ на усмотрѣніе чиновничьихъ канцелярій, но и пустилъ его въ общее пользованіе, напечатавъ его цѣликомъ въ своемъ „Архивѣ“. Этой „вины“, конечно, ему простить не могли, и прусское правительство

ждало теперь только удобнаго случая, чтобы пзбавиться отъ безпокойнаго прозектора. Случай этотъ подвернулся, однако, не сразу.

Наступилъ 1848 революціонный годъ, и прусскому правительству было не до того, чтобы возиться съ отдѣльными непокорными личностями. Въ мартѣ революціонныя событія разыгрались уже въ Берлинѣ, — знаменитые „мартовскіе дни“. Уличный бой народа съ клевретами короля вынудили у этого послѣдняго согласіе на значительныя политическія уступки, которыхъ не могла отнять цѣликомъ вся послѣдовавшая реакція, которая уже съ октября того же года снова подняла голову. Вирховъ чуть ли не цѣликомъ ушелъ въ политическую дѣятельность, тѣмъ болѣе, что и самъ университетъ былъ быстро втянутъ въ потокъ революціонныхъ событій. Въ актовомъ залѣ одно политическое собраніе смѣнялось другимъ; берлинское студенчество сформировало студенческій отрядъ, во главѣ котораго волей, неволей сталъ не кто иной, какъ его ректоръ Іоаганнъ Мюллеръ. Въ теченіе всего этого періода имя Вирхова неоднократно всплываетъ на самые верхи радикальныхъ крутовъ. Когда Мюллеръ собралъ учащій персоналъ, чтобы выслушать мнѣніе о созывѣ соединеннаго ландтага, Вирховъ примкнулъ къ меньшинству, заявившему о правѣ страны на учредительное собраніе. Когда экстраординарные профессора и доценты требовали, чтобы и ихъ голосъ былъ выслушанъ по вопросу о реформѣ университетовъ, Вирховъ попалъ въ комитетъ, которому было поручено вести эту борьбу. Изъ его публичныхъ выступленій особый интересъ представлялъ его докладъ, прочитанный въ берлинскомъ обществѣ научной медицины, о причинахъ неудачи революціоннаго движенія 1848 г. Эти причины онъ видитъ въ недостаточно развитомъ самосознаніи общества и въ его вѣрѣ въ авторитеты. Чтобы содѣйствовать реорганизации врачебнаго дѣла на новыхъ болѣе разумныхъ общественныхъ основаніяхъ, Вирховъ выпускаетъ со своимъ другомъ Леубутеромъ еженедѣльный боевой журналъ „Медицинская Реформа“, въ каждомъ номерѣ которой Вирховъ даетъ по блестящей статьѣ на текущіе вопросы жизни, такъ или иначе связанныя съ медициной. Точка зрѣнія новаго журнала на общественныя событія выясняется, хотя бы изъ слѣдующихъ отрывковъ, принадлежавшихъ перу все того же Вирхова. „Политическіе ураганы“, — говорилъ онъ, — „такой силы и напряженія, какъ нынѣ несущіеся черезъ мыслящую часть Европы, потрясая до самаго основанія всѣ части государства, выражаютъ собою коренныя измѣненія во всеобщемъ воззрѣніи на жизнь. Медицина не можетъ остаться при этомъ одна незатронутой; и здѣсь радикальную реформу нельзя далѣе откладывать“... „Врачи“, — говорилъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — „естественные защитники бѣдныхъ и социальный вопросъ падаетъ въ значительной своей степени въ ихъ юрисдикцію“... „Уже одно слово общественное здравоохраненіе“, — заявлялъ онъ еще, — „говоритъ тому, кто умѣетъ сознательно мыслить, о полномъ и коренномъ измѣненіи въ нашемъ воззрѣніи на отношеніе государства къ медицинѣ; это одно слово показываетъ тѣмъ, которые полагали и еще полагаютъ, что медицина не имѣетъ ничего общаго съ политикой, всю величину ихъ заблужденія“... И онъ всячески реализуетъ эту мысль о необходимости использовать политику въ интересахъ медицины. Онъ утверждаетъ, что на государствѣ лежитъ обязанность обезпечить каждому гигиеническое существованіе. Поэтому филантропія ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить правильно организованной государственной помощи. Эта обязанность государства опредѣляется тѣмъ, что само оно предъявляетъ свои права на всѣ блага, которыми распола-

гаетъ гражданинъ, — не исключая и высшаго блага: жизни. Во всѣхъ вопросахъ, къ которымъ прикасается Вирховъ, онъ смотритъ въ самый корень явленія и не боится никогда договаривать всю правду до конца, какъ бы она ни была непріятна власти имущимъ. Такъ, по поводу эпидемій, онъ пишетъ: „Не наставленія слѣдуетъ писать, чтобы вызвать безпокойство среди упитанныхъ буржуа, а нужно принять мѣры, чтобы бѣдняка, у котораго нѣтъ свѣжаго хлѣба, нѣтъ хорошаго мяса, нѣтъ теплой одежды, нѣтъ постели, который при своей работѣ не можетъ существовать на рисовомъ супѣ и ромашкѣ, котораго наиболѣе поражаетъ эпидемія, уберечь отъ послѣдней путемъ улучшенія его положенія. Пусть эти господа вспомнятъ, сидя зимою у пылающихъ каминовъ и занимаясь раздачей своимъ дѣткамъ рождественскихъ яблокъ, пусть они вспомнятъ, что судовые рабочіе, которые привезли сюда каменный уголь и яблоки, поумирали отъ холеры. Ахъ, это очень печально, что всегда тысячи должны гибнуть въ нищетѣ, чтобы нѣсколькимъ сотнямъ жило хорошо, и что эти сотни, когда наступаетъ очередь новой тысячи, пишутъ лишь наставленія“. Но Вирховъ хорошо понималъ, — чѣмъ и обусловливалось его горячее сочувствіе революціи, — что реорганизація врачебнаго дѣла стоитъ въ полной зависимости отъ реорганизаціи самихъ правительственныхъ органовъ, и онъ развертываетъ проектъ такой постановки медицины, при которой обезпечивается максимумъ живой общественной дѣятельности и сокращается до послѣдней возможности „бумажное царство, громадная армія тайныхъ и не тайныхъ младшихъ старшихъ и среднихъ сѣвѣтниковъ“. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предлагалъ реорганизовать и всю постановку обученія медицины, заявляя, что обученіе это должно быть доступнымъ для всѣхъ желающихъ и бесплатнымъ, чтобы оно вмѣстѣ съ тѣмъ носило наглядный характеръ и развивало во врачѣ прежде всего естествоиспытателя. Наконецъ, замѣщеніе кафедръ должно производиться не по усмотрѣнію министерствъ, а путемъ публичныхъ конкурсовъ.

Не трудно представить, съ какимъ неудовольствіемъ министерство встрѣтило пропаганду подобнаго демократическаго проекта приватъ-доцента, и безъ того уже пользовавшагося славой крайняго. Новый фактъ, въ которомъ самъ Вирховъ непосредственно нисколько не былъ повиненъ, переполнило чашу терпѣнія чиновничьяго міра. На дополнительныхъ выборахъ въ учредительное собраніе въ октябрѣ 1848 г. Вирховъ былъ избранъ депутатомъ въ одномъ изъ Тюрингенскихъ округовъ, какъ неустанный и горячій боецъ за интересы народа. Теперь было рѣшено дальше не „церемониться“ съ Вирховымъ и выбросить его изъ государственной службы, если и не по дѣйствительному, то хотя бы по выдуманному и ложному поводу. Такой ложный поводъ и былъ изобрѣтенъ: Вирхова обвинили въ веденіи предвыборной агитаціи въ стѣнахъ Шарите, хотя, въ дѣйствительности, ничего подобнаго не было. Напротивъ того, находя для больныхъ вреднымъ возбужденіе, вызываемое политической пропагандой, Вирховъ открыто протестовалъ противъ всякой попытки въ данномъ направленіи. „Мы не желаемъ“, — говорилъ онъ, — „чтобы больницы стали политическими учрежденіями, какъ и не стоимъ за то, чтобы сдѣлать ихъ очагами религіозной пропаганды“. Все это, конечно, было хорошо извѣстно министерству, и, тѣмъ не менѣе, оно отрѣшило знаменитаго прозектора отъ его должности въ Шарите. Но имя Вирхова обладало уже огромной извѣстностью въ широкихъ кругахъ ученыхъ для того, чтобы онъ долгое время могъ оставаться безъ работы. На выручку Вирхова пришелъ вюрцбургскій университетъ. Онъ предложилъ молодому

доценту кафедре патологической анатоміи въ званіи ординарнаго профессора. Лѣтомъ 1849 года Вирховъ и переѣзжаетъ въ тихій, но благоустроенный провинціальный городокъ Вюрцбургъ. Ему въ то время было всего лишь 28 лѣтъ, т. е. возрастъ, который не позволилъ ему занять мѣсто въ учредительномъ собраніи.

Въ Вюрцбургѣ Вирховъ примкнулъ, конечно, къ либеральнымъ и радикальнымъ кругамъ. Его ближайшимъ другомъ сдѣлался здѣсь Готфридъ Эйзенманнъ, которому пришлось вытерпѣть многочисленныя преслѣдованія за свои политическія убѣжденія. Тюрьма и крѣпость были учрежденія, пріютомъ которыхъ Эйзенманнъ пользовался очень часто въ теченіе добрыхъ 15 лѣтъ. Но Эйзенманнъ сохранилъ все свое мужество и бодрость духа. Въ крѣпости „свободное время“ онъ употреблялъ на литературныя работы по медицинѣ, сотрудникамъ которыхъ вскорѣ стали и Вирховъ.

Въ Вюрцбургскомъ университетѣ Вирховъ нашелъ очень благоприятную для себя среду. Сюда набралось довольно много профессоровъ, усвоившихъ новыя воззрѣнія на медицину, въ достаточной степени родственныя тѣмъ, которыя исповѣдывалъ самъ Вирховъ. Эти элементы стали во главѣ мѣстнаго физико-медицинскаго общества, къ которому всей душой примкнулъ Вирховъ, принявъ на себя обязанности секретаря, а позднѣе не разъ занимая и предсѣдательское кресло, и, наконецъ, состоя дѣятельнымъ членомъ редакціоннаго комитета, руководившаго ежегодными изданіями протоколовъ этого общества. Насколько высоко Вирховъ цѣнилъ это общество, показываетъ то обстоятельство, что онъ прежде всего торопился подѣлиться именно съ нимъ всѣми своими работами, какъ крупными, такъ и мелкими.

Въ Вюрцбургѣ Вирховъ пріѣхалъ уже семейнымъ человѣкомъ (онъ женился на дочери извѣстнаго берлинскаго гинеколога Карла Майера). Мирная семейная жизнь и тихое существованіе провинціального города расположило Вирхова къ научнымъ работамъ, и онъ далъ массу изслѣдованій по общей патологіи, касаясь въ нихъ почти всѣхъ органовъ человѣческаго тѣла. Здѣсь же сложилась и развилась окончательно его знаменитая теорія целлюлярной патологіи, о которой рѣчь у насъ была въ общемъ очеркѣ и которая является главнымъ элементомъ въ ученой славѣ знаменитаго патолога. Конечно, Вирховъ никогда не уклонялся отъ исполненія тѣхъ гражданскихъ обязанностей, къ которымъ призывало его общество. Такъ, въ 1852 году онъ оставилъ всѣ свои научныя занятія и отправился, по предложенію баварскаго правительства, въ Спессартъ, провинцію, страдавшую отъ голода. Въ своихъ выводахъ, къ которымъ пришелъ Вирховъ и съ которыми онъ прежде всего нашелъ необходимыхъ ознакомить физико-медицинское общество, Вирховъ ни на шагъ не отступилъ отъ тѣхъ взглядовъ, которые онъ развилъ въ первой изъ своихъ командировокъ. Онъ снова твердо повторилъ обществу: „образованіе, благосостояніе и свобода — единственная гарантія длительного здоровья народа“...

Но ученые труды и интересы Вирхова за вюрцбургскій періодъ далеко не исчерпываются патологической анатоміей. Здѣсь онъ впервые берется за изученіе антропологіи, для которой впоследствии сдѣлалъ такъ много. Но, впрочемъ, на эту отрасль научнаго знанія, стоящаго нѣсколько въ сторонѣ отъ общаго русла его работъ, его натолкнуло, изученіе все тѣхъ же патологическихъ явленій. Къ антропологіи Вирховъ пришелъ въ процессѣ изученія кретинизма, очень распространеннаго въ Баваріи и

заключающагося въ ненормальномъ развитіи черепа, влекущемъ за собой тяжелыя измѣненія въ ростѣ мозга. Эти изслѣдованія, стоившія Вирхову большихъ непріятностей и грозившія даже опасностью его жизни (такъ, изъ одного небольшого городка ему пришлось бѣжать ночью въ виду крайняго раздраженія, вызваннаго въ средѣ населенія появленіемъ изслѣдователя этой болѣзни), обратили вниманіе Вирхова на условія роста черепа вообще. Въ частности относительно кретинизма, характеризующагося остановкой развитія на извѣстной ступени душевныхъ и физическихъ свойствъ человѣка, Вирховъ показалъ, что всѣ эти ненормальныя явленія вызываются нарушеніемъ правильнаго роста черепа, а именно преждевременнымъ окостенѣніемъ основанія черепа, при чемъ кости сливаются въ одну общую массу.

Не менѣе глубокой слѣдъ оставилъ Вирховъ въ эти годы, какъ преподаватель и педагогъ. „Новый профессоръ, на новой кафедрѣ“, — говоритъ г. Малисъ, — „онъ ввелъ и новые методы преподаванія“. Рядомъ съ теоретическими систематическими лекціями Вирховъ впервые устроилъ демонстративные курсы, и въ этомъ огромная его заслуга, какъ преподавателя патологической анатоміи. На этихъ курсахъ профессоръ показывалъ, демонстрировалъ своимъ слушателямъ случайный матеріалъ свѣжихъ вскрытій. Всѣ патологическія измѣненія, находимыя на одномъ и томъ же трупѣ, рассматривались одни за другими, анализировались сперва каждое въ отдѣльности, а затѣмъ изслѣдовались съ точки зрѣнія ихъ послѣдовательнаго, хронологическаго развитія при жизни организма, съ точки зрѣнія ихъ причинной и генетической связи, ихъ взаимодѣйствія. Все это имѣло одну цѣль — прійти въ каждомъ данномъ случаѣ къ заключенію какъ о причинѣ смерти, такъ и о сущности и причинѣ заболѣванія. Самые препараты циркулировали въ аудиторіи и каждый могъ основательно разсмотрѣть препаратъ, прибѣгая къ помощи не только зрѣнія, но и осязанія и обонянія, могъ, такимъ образомъ, развивать и воспитывать свою наблюдательность. Преподаватель указывалъ при этомъ на наиболѣе подходящіе въ каждомъ случаѣ и для каждаго органа методы наблюденія, путемъ ли органа зрѣнія или осязанія. Помимо изслѣдованія невооруженнымъ глазомъ, Вирховъ отвелъ подобающее мѣсто микроскопическому изслѣдованію. „Мнѣ извинять“, — писалъ онъ въ 1890 году, — „если я скажу, что не въ малой степени, благодаря моимъ стараніямъ, микроскопъ съ раннихъ поръ былъ принятъ въ число учебныхъ пособій“. Дѣйствительно, на курсахъ Вирхова была впервые сдѣлана попытка широкаго примѣненія микроскопа и систематическаго обученія пользованія имъ. По собственнымъ его словамъ, Вирховъ исполнилъ этимъ лишь то требованіе, которое онъ высказалъ при выступленіи своемъ на научно-литературное поприще. „Необходимо“, — писалъ онъ въ руководящей статьѣ перваго тома своего „Архива“, — „чтобы наши воззрѣнія настолько же двинулись впередъ, насколько расширилась наша зрительная способность съ помощью микроскопа: вся медицина должна въ 300 разъ ближе подойти къ занимающимъ ее естественнымъ процессамъ“.

„Вирховъ не подавлялъ своихъ слушателей профессорскимъ авторитетомъ. Здѣсь не было авторитетнаго голоса учителя, знаменитаго ученаго мужа, — голоса, который требовалъ безусловной вѣры, здѣсь было старательное, подслушанное у самой природы толкованіе тончайше наблюдаемыхъ фактовъ, — толкованіе, которое дѣйствовало убѣждающимъ образомъ. Это должно было быть такъ не потому, что Вирховъ сказалъ это, но потому, что онъ ясно представилъ это воочию. Онъ училъ читать въ

книгъ природы, узнавать и различать тончайшія измѣненія, ускользнувшія отъ вниманія его предшественниковъ, или же затронутыя послѣдними лишь поверхностно. Еще изумительнѣе для того времени представлялось юнымъ адептамъ медицины откровенное указаніе на повсюду выступающіе недостатки нашихъ познаній, что составляло благотворную противоположность старой, догматической медицины, которая опасалась взять на себя упрекъ въ незнаніи и думала скрыть послѣднее подъ кровомъ авторитета и философскихъ измышленій. Здѣсь, напротивъ того, все было — истина, расширенная и разъясненная остроумнымъ наблюденіемъ. Рядомъ съ сознанными недостатками познанія тѣмъ блистательнѣе выступало богатство вновь завоеванныхъ фактовъ и окрыляло надежды ученика“.

„Для учениковъ было просто очарованіемъ видѣть здѣсь, что все можно вычитать изъ мертвого организма. Слушатели видѣли, какъ передъ ихъ глазами изъ трупныхъ данныхъ строилась полная жизни картина заболѣванія. Для предстоящей имъ въ отдаленномъ будущемъ борьбы съ этими заболѣваніями, для побѣды надъ нимъ они здѣсь и запасались оружіемъ. „Учиться видѣть микроскопически“ было любимымъ, какъ и мѣткимъ выраженіемъ. Вирхова и являлось руководящимъ принципомъ его демонстративныхъ курсовъ. Здѣсь же впервые можно было понять все глубокое значеніе другого выраженія Вирхова „микроскопически мыслить“.

Неудивительно, что замѣчательные педагогическіе таланты этого выдающагося ученаго (а подобная комбинація способностей въ одномъ и томъ же лицѣ встрѣчается не часто) начали привлекать въ аудиторіи вюрцбургскаго университета сначала студентовъ изъ всей Германіи, а затѣмъ, по выраженію Клебса, одного изъ талантливыхъ слушателей Вирхова, и „слушателей изъ всѣхъ странъ“. Вирховъ, который прошелъ въ составъ профессуры вюрцбургскаго университета не безъ большой борьбы, поднимаетъ славу этого университета на такую высоту, на которой онъ никогда раньше не стоялъ. Свою педагогическую работу Вирховъ завершилъ въ качествѣ редактора одного изъ лучшихъ на всемірномъ книжномъ рынкѣ учебниковъ: „Руководство частной терапіи“ (изученія внутреннихъ болѣзней). Эта книга, для которой подъ общимъ руководствомъ Вирхова работалъ цѣлый рядъ выдающихся ученыхъ, являлась, по свидѣтельству г. Малиса, „настойной книгой не одного поколѣнія врачей“. Нѣсколько главъ въ этой книгѣ, кромѣ того, были написаны самимъ авторомъ. Другая работа, имѣвшая огромное значеніе для всего научнаго и учебнаго міра, заключалась въ участіи Вирхова въ качествѣ соредактора въ изданіи „Ежегодныхъ обзоровъ успѣховъ медицины“.

Между тѣмъ, времена измѣнились. Многіе изъ „преступныхъ“ взглядовъ Вирхова вошли въ текущую жизнь. Онъ сталъ еще болѣе знаменитымъ, но менѣе страшнымъ, хотя и не поступился ни одною подробностью изъ своихъ воззрѣній. Онъ сдѣлался европейской извѣстностью, гордостью нѣмецкой науки, и Берлину стало неловко держать этого „краснаго“ профессора въ сторонѣ отъ перваго изъ германскихъ университетовъ — берлинскаго, и въ 1856 году Вирховъ получилъ приглашеніе возвратиться въ Берлинъ и занять профессорскій постъ. Вирховъ, конечно, немедленно согласился на это предложеніе.

Съ величайшимъ сожалѣніемъ отпускалъ Вюрцбургъ Вирхова, звѣзду первой величины на своемъ небосклонѣ. Это сожалѣніе рельефно выра-

зиль предсѣдатель физико-медицинскаго общества Келликеръ, сказавшій въ годовой рѣчи, между прочимъ, слѣдующее: „И въ этомъ году насъ постигло испытаніе — потеря нашего Вирхова, который этой осенью покинулъ Вюрцбургъ. Я называю его сознательно и съ гордостью нашимъ. Въдъ Вюрцбургъ и, прежде всего, наше общество, къ которому онъ принадлежалъ почти съ момента основанія, были мѣстомъ, гдѣ онъ, собственно, сталъ тѣмъ, что онъ теперь, и мы можемъ выдать себѣ свидѣтельство, что съ самаго начала оцѣнивали его по высокому достоинству и поддерживали его стремленія, каждый по своимъ силамъ. А чтобы никто въ этомъ не сомнѣвался, позвольте мнѣ повторить его слова, сказанныя, какъ прощальный привѣтъ, именно: „онъ многому отъ насъ научился“. Если Вирховъ отъ насъ научился, то мы ему обязаны куда больше и среди васъ нѣтъ, навѣрное, никого, кто бы не былъ готовъ, во всякое время, открыто и опредѣленно признаться въ этомъ“. На память о совмѣстныхъ трудахъ Вирховъ получилъ отъ физико-медицинскаго общества видъ города Вюрцбурга, написанный масляными красками. Но и безъ этого подношенія Вирховъ, конечно, никогда не забылъ бы своего Вюрцбурга, гдѣ, по его собственному признанію, его семилѣтнее пребываніе составляло лучшую эпоху его жизни послѣ дѣтскихъ лѣтъ подъ родительскимъ кровомъ.

Возвращаясь въ Берлинскій университетъ, по приглашенію, Вирховъ могъ диктовать уже до извѣстной степени свои условія. И онъ, дѣйствительно, поставилъ условіемъ устройство особаго института для практическихъ занятій по патологической анатоміи и физиологіи. Министерство рѣшило уступить въ этомъ отношеніи Вирхову, но поступило въ данномъ случаѣ совершенно по-чиновничьи. Оно нашло совершенно лишнимъ посовѣтоваться въ данномъ отношеніи съ Вирховымъ, а просто-на-просто командировало директора Шарите ознакомиться съ устройствомъ патологическаго института въ Вюрцбургѣ и немедленно приступить къ постройкѣ таковаго же института и въ Берлинѣ при Шарите. Какъ бы тамъ ни было, но Вирховъ все же получилъ къ осени 1856 года въ свое распоряженіе то учрежденіе, котораго онъ добивался главнымъ образомъ въ интересахъ преподаванія своей науки. Первымъ же дѣломъ Вирхова, по вступленіи въ управленіе этимъ институтомъ, была организація патолого-анатомическаго кабинета, который въ сравнительно короткій промежутокъ времени былъ превращенъ въ одно изъ самыхъ образцовыхъ учреждений этого рода (къ 1886 г. въ немъ числилось около 17.000 препаратовъ). На свою берлинскую кафедру Вирховъ вступалъ съ широкими научными планами, и, дѣйствительно, его институтъ быстро превратился въ одно изъ самыхъ выдающихся научныхъ учреждений этого рода, въ которомъ, помимо изслѣдованій по патологической анатоміи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, были поставлены и патолого-микроскопическія и патолого-химическія работы, и работы по экспериментальной патологіи, а позднѣе и бактеріологическія изслѣдованія.

Въ Берлинѣ общественная жизнь со своими запросами снова властно вторгнулась въ кабинетъ ученаго и оторвала его отъ рукописей и текущихъ научныхъ работъ. Въ это время подъ влияніемъ Бисмарка Пруссія вступала въ эру военныхъ авантюръ. Уже въ военномъ столѣновеніи Пруссіи съ Австріей Вирховъ открыто высказался противъ насильственнаго присоединенія Шлезвигъ-Гольштейна и противъ войны съ Австріей. Но разъ война стала совершившимся фактомъ, онъ немедленно отложилъ всякія разсужденія и, какъ опытный врачъ, счелъ себя обя-

заннымъ отправиться на поле битвы для помощи страждущимъ. Но онъ и тутъ остался вѣренъ самому себѣ. И въ эти сложные моменты онъ не захотѣлъ дѣйствовать по бюрократической указкѣ, а попытался организовать общество на почвѣ самостоятельности. Въ тотъ самый день, когда была объявлена война Пруссіи, Вирховъ собралъ кружокъ лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ политическимъ партіямъ и образовалъ „Берлинское общество помощи германскимъ дѣйствующимъ арміямъ“. Въ лазаретахъ этого общества и протекала работа Вирхова во время австро-прусской войны.

Нѣсколько лѣтъ спустя, какъ извѣстно, Пруссія снова была втянута въ войну, — на этотъ разъ съ Франціей, — и Вирховъ опять такъ же беззаветно отдалъ свои силы дѣлу служенія помощи раненымъ.

„Въ франко-прусскую кампанію“, — пишетъ г. Малисъ, — „Вирховъ проявилъ еще болѣе интенсивную дѣятельность. Онъ обратилъ вниманіе на ужасающую обстановку поѣздовъ, въ которыхъ транспортировали раненыхъ. Послѣднихъ помѣщали въ товарныхъ вагонахъ, безъ всякихъ приспособленій, прямо на полу, гдѣ была раскинута солома; ни врачей, ни даже санитаровъ при поѣздѣ не полагалось. Единственное исключеніе представлялъ поѣздъ, прибывшій въ Берлинъ въ серединѣ сентября (1870 г.), обставленный всѣмъ необходимымъ, включая и врачебную помощь, и устроенный однимъ филантропомъ, силезскимъ помѣщикомъ Гѣника. По образцу этого поѣзда Вирховъ и рѣшилъ организовать большой военно-санитарный поѣздъ и отправить его на театръ военныхъ дѣйствій для эвакуаціи раненыхъ. Такого рода предприятие, никогда еще въ большомъ масштабѣ практически не испытанное, представлялось дѣломъ рискованнымъ. Въ виду такого убѣжденія Вирховъ самъ „послѣ того, какъ Берлинское общество помощи германскимъ дѣйствующимъ арміямъ, по его предложенію, рѣшило предпринять эту попытку, считалъ своимъ долгомъ лично руководить первымъ поѣздомъ“. И, дѣйствительно, первый вполнѣ благоустроенный прусскій военный санитарный поѣздъ Вирховъ самъ сформировалъ и сопровождалъ во Францію и обратно. Главное вниманіе Вирхова было обращено на пополненіе врачебнаго и служебнаго персонала, этого большого мѣста всѣхъ санитарныхъ поѣздовъ.

„Когда поѣздъ приблизился къ боевой линіи, то оказалось, что раненыхъ, подлежащихъ транспорту, нѣтъ, и Вирхову предложили эвакуировать тифозныхъ и дизентерійныхъ. Вообще порядки въ дѣлѣ эвакуаціи раненыхъ оставляли многого желать. Для добросовѣстнаго выполненія своей задачи Вирхову пришлось лично объѣздить расположенные въ окрестностяхъ осаждаемаго Меца лазареты въ поискахъ за ранеными.

„Случившаяся въ это время вылазка Базена (7-го октября) избавила Вирхова отъ дальнѣйшихъ хлопотъ и сразу доставила ему достаточный контингентъ раненыхъ. Сопровождая санитарный поѣздъ, Вирховъ провелъ 9 ночей на носилкахъ, подвѣшенныхъ къ потолку вагона. Работы въ нагруженномъ ранеными поѣздѣ было очень много и требовалось напряженіе всѣхъ силъ, чтобы справиться съ этой трудной задачей. Первый вечерній обходъ затянулся до 12½ часовъ ночи. Къ концу обратнаго пути персоналъ едва держался на ногахъ. Наконецъ, 13-го октября Вирховъ доставилъ своихъ раненыхъ въ Берлинъ“.

Моментъ переѣзда Вирхова въ Берлинъ совпалъ съ началомъ признанія Вирхова въ качествѣ общеевропейскаго ученаго. Въ 1856 году Лондонское королевское медицинское общество избрало его въ иногородніе

почетные члены. Насколько значительной является эта честь, видно из того, что число такихъ членовъ въ указанномъ обществѣ ограничено 20-тью. Въ 1859 г. Вирховъ былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Парижской академіи. Въ 1859 же году норвежское правительство обратилось къ Вирхову съ просьбой изслѣдовать условія распространенія проказы, свившей прочное гнѣздо въ западныхъ провинціяхъ этого государства. Наконецъ, въ 1874 г. Вирховъ былъ избранъ въ члены Берлинской академіи наукъ, — честь, которая рѣдко выпадала на долю нѣмецкихъ медиковъ. Въ своей вступительной рѣчи Вирховъ между прочимъ снова коснулся отношеній, которыя должны существовать между патологіей и естественными науками.

„То, чего патологія уже достигла и что именно мнѣ, какъ я могу допустить, доставило великую честь засѣдать сегодня среди столь избранныхъ представителей науки, — это вновь приобрѣтенная связь патологіи съ общимъ прогрессомъ естествознанія“, говорилъ онъ. — „Это уже не болѣзнь, чего мы ищемъ, а измѣненная ткань; это уже не постороннее, инородное существо, проникшее въ человѣка, а собственное существо человѣка, которое мы изслѣдуемъ. Антропологія — или еще въ болѣе широкомъ смыслѣ біологія — распадается на двѣ большія области — фізіологическую и патологическую, которыя изслѣдуются однородными методами, но въ различныхъ направленіяхъ. Границы здѣсь такъ колеблются, что едва возможно провести ихъ вообще, а тѣмъ менѣе въ цѣляхъ изслѣдованія. И какъ въ нѣкоторыхъ пограничныхъ областяхъ нельзя сказать, съ какимъ явленіемъ мы имѣемъ дѣло, съ фізіологическимъ, физическимъ или химическимъ, такъ и патологія начинаетъ все болѣе и болѣе обнаруживать естественную близость съ родственными науками. Въ настоящее время ничто такъ не далеко отъ патологіи, какъ возвратъ къ тѣмъ фізіатрическимъ и химіатрическимъ системамъ, которыя вплоть до нашего времени столь часто задерживали прогрессъ знанія. Съ благодарностью, — я могу сказать, — съ гордостью представители патологіи видятъ, что за ними признаютъ, что они не отстали въ стремленіи къ объективной истинѣ и въ способахъ изслѣдованія. Академія можетъ быть увѣрена, что такое признаніе послужитъ новымъ стимуломъ въ стремленіи къ высшей цѣли всей науки, къ полному познанію человѣка“.

Въ этихъ словахъ Вирховъ вкратцѣ, но рельефно сформулировалъ свои воззрѣнія на патологію и сущность тѣхъ задачъ, которыя онъ стремился въ ней разрѣшить, и того новаго пути, на который онъ поставилъ эту важную область человѣческаго знанія. Эти труды Вирхова нашли себѣ глубокую и вѣрную оцѣнку въ рѣчи знаменитаго фізіолога Дюбуа Реймона, произнесенной имъ при вступленіи Вирхова въ число членовъ Берлинской академіи наукъ и прекрасно отразившей взгляды ученаго міра на труды Вирхова. „Я забываю“ — говорилъ Дюбуа Реймонъ, — „что я говорю о человѣкѣ и человѣку, который въ теченіе почти цѣлой человѣческой жизни работалъ на необозримомъ полѣ съ непочерпаемой плодovitостью и неустаннымъ напряженіемъ, работалъ, воспроизводя, изыскивая, устанавливая, упорядочивая, исправляя и обобщая; его имя, связанное съ безчисленными наблюденіями, опытами, теоретическими мыслями, извѣстно во всемъ свѣтѣ, какъ имя пролагающаго новые пути и производящаго переворотъ и все упорядочивающаго и созидающаго ума. Какъ учитель, онъ не только распространялъ среди тысячъ полезныхъ свѣдѣній и здравыхъ воззрѣній, но и воскресъ въ своихъ многочисленныхъ ученикахъ и ученикахъ учениковъ, и пронизываетъ науку воспроизводящими зародышами, дѣйствуя подобно ферменту до безконечности“...

Изъ остальныхъ научныхъ трудовъ Вирхова, нельзя не упомянуть о самомъ крупномъ: „Болѣзненные опухоли“, проникнутомъ тѣми теоретическими воззрѣніями, которые подробно развиты въ его „Целлюлярной патологіи“. Очень важную работу представляетъ его „Техника вскрытій“, давшая такіа практичныя и раціональныя основанія для операцій этого рода, такъ что съ тѣхъ поръ во всей Германіи всѣ вскрытія производятся по одному и тому же шаблону, а это, въ свою очередь, значительно облегчаетъ всякую сводку этого важнаго для патологіи матеріала. Изъ болѣе мелкихъ работъ, касающихся патологіи, слѣдуетъ упомянуть его изслѣдованіе о трихинозѣ. Прослѣдивъ ходъ и развитіе этого паразита, попадающаго изъ недостаточно прожареннаго свиного мяса въ тѣло человѣка, Вирховъ предложилъ цѣлый рядъ глубоко цѣлесообразныхъ мѣръ гигиеническаго и полицейскаго характера для борьбы съ этимъ тяжелымъ заболѣваніемъ.

Изъ работъ, принадлежащихъ къ антропологіи, слѣдуетъ упомянуть объ его изслѣдованіяхъ по краніологіи (о формахъ череповъ); о большой работѣ, направленной къ выясненію вопроса о распространеніи бѣлокурого и смуглаго типа въ Германіи, Австріи, Швейцаріи и Бельгіи, ради чего была предпринята обширная перепись школьниковъ въ указанныхъ странахъ по программѣ и инициативѣ Вирхова; объ его изслѣдованіи свайныхъ построекъ; о его непосредственномъ участіи въ раскопкахъ Трои. Изъ его публичныхъ чтеній большую цѣнность имѣютъ его рѣчи „О воспитаніи женщинъ“, въ которыхъ онъ настаиваетъ на необходимости лучшей подготовки женщины въ качествѣ воспитательницы дѣтей. Наконецъ, нельзя не упомянуть о работахъ Вирхова въ качествѣ популяризатора. Онъ вмѣстѣ съ профессоромъ-юристомъ Гольцендорфомъ является основателемъ періодическаго популярнаго изданія „Сборникъ общепонятныхъ научныхъ лекцій“, выясняющихъ въ возможно доступной для широкой публики формѣ самые разнообразныя научныя вопросы.

Къ X-му международному медицинскому конгрессу, собравшемуся въ 1890 г. въ Берлинѣ, подъ редакціей Вирхова было подготовлено прекрасное описаніе всѣхъ санитарныхъ и гигиеническихъ учреждений города Берлина. Съ предсѣдательскаго кресла этого съѣзда Вирховъ въ своей пріѣзженной рѣчи развилъ на закатѣ своей жизни тѣ же воззрѣнія на задачи и положеніе медицины, съ которыми много лѣтъ тому назадъ онъ выступалъ въ качествѣ „краснаго“ приватъ-доцента Берлинскаго университета. „Народъ нашъ“, — говорилъ онъ въ этой рѣчи, — знаетъ, что медицина одна изъ самыхъ яркихъ представительницъ гуманности; онъ привыкъ къ тому, что у врачей научныя изслѣдованія и практика дѣйствуютъ за одно, что у нихъ высшіе идеалы идутъ рука объ руку съ самоотверженной заботой объ общественномъ благѣ и благѣ отдѣльныхъ лицъ, даже самыхъ ничтожныхъ и несчастныхъ. Медицина въ Германіи дѣйствительно популярная наука, и если нашъ тяжело работающій народъ лишь относительно немногихъ врачей подтверждаетъ справедливость древняго изреченія „*dat Galenus opes*“ (медицина даетъ богатство), то онъ все-таки умѣетъ воздавать любовью и признательностью за искусство и самоотверженность. Онъ гордится, если его врачи и его санитарныя учрежденія пользуются уваженіемъ на чужбинѣ, но и онъ, въ свою очередь, чтитъ имена великихъ медиковъ другихъ народовъ и хорошо знаетъ, что медицинская наука — одна и что дѣйствительно научно работающіе врачи всего свѣта стремятся къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ, руководятся одними и тѣми же принципами. Развѣ не высшая задача международ-

ныхъ медицинскихъ конгрессовъ развить во всѣхъ своихъ участникахъ и даже далеко за предѣлами этихъ участниковъ во врачахъ всего міра, сознание, что медицина должна быть гуманною наукой? Не должны ли мы, при видѣ столь великихъ усилій, всецѣло направленныхъ ко благу людей, не должны ли мы напомнить другъ другу, что служба врача—есть служба человѣчеству? Не должны ли мы, справедливо гордясь тѣми громадными личными жертвами, которыя приносятъ каждый единичный врачъ часто за самое ничтожное вознагражденіе, а то и безъ всякаго вознагражденія, не должны ли мы указать на то, что врачи съ разныхъ концовъ свѣта образуютъ такіа многочисленныя собранія не ради личныхъ выгодъ, не ради улучшенія своего положенія, не ради того, чтобы обезпечить себѣ большее вознагражденіе и меньшее время работы, но для того, чтобы обогатить себя познаніями, чтобы укрѣпить свои силы для служенія своимъ ближнимъ“...

Эта рѣчь показываетъ, что Вирховъ во всѣхъ своихъ выступленіяхъ въ качествѣ ли общественнаго дѣателя, или врача, или ученаго, до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни сохранилъ свѣтлый идеализмъ, который только одинъ и облагораживаетъ всякое дѣло.

Послѣ X международнаго конгресса научная дѣятельность старика Вирхова не прекратилась. Ему обязана наука трезвой критикой туберкулина Коха, который думалъ найти въ немъ средство, исцѣляющее отъ одного изъ величайшихъ бичей человѣческаго рода — туберкулеза. Это выступленіе Вирхова имѣло тѣмъ больше значеніе, что было выполнено имъ въ такой моментъ, когда и наука и общество, увлеченные предполагаемымъ открытіемъ и крупнымъ научнымъ именемъ самого Коха, меньше всего были предрасположены выслушать трезвое слово. И, тѣмъ не менѣе, анализъ Вирхова сыгралъ во всей этой исторіи огромную роль. Въ 1897 году мы встрѣчаемъ Вирхова еще на международномъ медицинскомъ конгрессѣ въ Москвѣ, гдѣ онъ выступаетъ съ замѣчательной рѣчью о непрерывности жизни, какъ основѣ біологическихъ воззрѣній.

Намъ остается остановиться еще нѣсколько на дѣятельности Вирхова въ качествѣ члена берлинскаго муниципалитета и члена парламента. Въ составъ берлинскаго муниципалитета онъ вступилъ въ 1861 году. Главнѣйшія усилія свои онъ направилъ на вопросы объ оздоровленіи города—одномъ изъ самыхъ труднѣйшихъ и дорогихъ предпріятій хозяйства большихъ городовъ. „Большой борьбы стоило, — вспоминалъ Вирховъ объ этихъ своихъ работахъ, — прежде, чѣмъ городское представительство приступило къ этимъ грандіознымъ предпріятіямъ. Долгіе годы изслѣдованія предшествовали этому, но, наконецъ, муниципалитетъ, въ силу свободного убѣжденія, принялъ рѣшеніе и уже твердо держался его даже тогда, когда взглядъ властей измѣнился и когда прорипатели несчастья повывросли изъ земли, какъ грибы. И вотъ Берлинъ сдѣлался чистымъ, здоровымъ, можетъ быть, въ извѣстной степени можно даже сказать — красивымъ городомъ“. Повторяемъ, въ этомъ отношеніи своимъ благополучіемъ огромный городъ главнымъ образомъ обязанъ Вирхову.

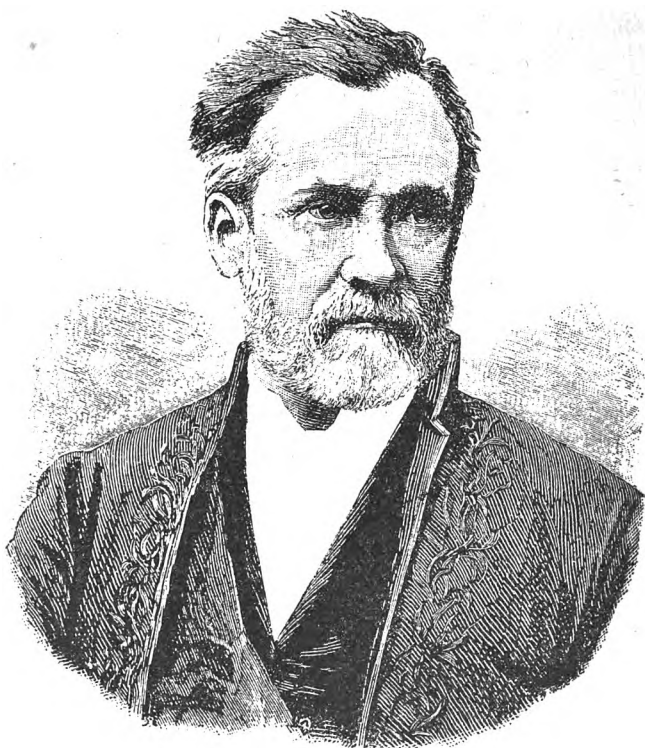
Въ 1862 году Вирховъ былъ избранъ въ прусскую палату депутатовъ. Какъ политикъ (членъ прогрессивской партіи, а затѣмъ свободомыслящей), онъ не отличался большою глубиной мысли, особенно въ вопросахъ соціального характера, но онъ всегда оставался послѣдовательнымъ и честнымъ демократомъ. Такъ, онъ всегда горячо поднималъ свой голосъ, когда представлялось необходимымъ возставать противъ произвола администраціи. Онъ горячо отстаивалъ право народнаго представителъ-

ства на дѣйствительный, а не на мнимый контроль бюджета, и принималъ на себя трудныя и отвѣтственныя обязанности докладчика бюджетной комиссіи. Онъ явился горячимъ противникомъ духовенства, пытавшагося наложить свою черную руку на многія изъ культурныхъ приобретений нашего вѣка. Какъ членъ германскаго рейхстага, куда онъ вступилъ въ 1880 г., онъ сохранилъ всѣ вышеуказанныя позиціи; 15 декабря 1881 г., напр., онъ произнесъ рѣзкую рѣчь противъ правительства, позволявшаго себѣ грубое и наглое вмѣшательство въ выборы народныхъ представителей.

Пробѣгая мысленно поле дѣятельности этого изумительнаго по своей продуктивности мыслителя и общественнаго работника, невольно изумляешься разнообразію тѣхъ задачъ, которыхъ плодотворно и съ успѣхомъ онъ касался. „Отъ секціоннаго стола и профессорской кафедрѣ“, — говоритъ г. Малисъ, — „онъ переходилъ на парламентскую трибуну. Вскрытія труповъ и изслѣдованія микроскопическихъ препаратовъ смѣнялись измѣреніями живого человѣка. Затѣмъ люди отходили на задній планъ и на сцену выступали археологическія раскопки. За научнымъ сообщеніемъ о какомъ-либо рѣдкомъ случаѣ двойного уродства, слѣдовала популярная лекція объ атомахъ и недѣлимыхъ или о свайныхъ постройкахъ, а за такою лекціею блестящая рѣчь въ парламентѣ“.

Въ 70-ую годовщину своей жизни онъ получилъ цѣнный подарокъ: большую золотую медаль, поднесенную по подпискѣ, въ которой участвовали представители всего міра.

Скончался Вирховъ въ 1902 году.

Луи Пастеръ (1822—1895).

Луи Пастеръ.

(1822 — 1895).

- Пастеръ — былъ ученый, имя котораго пользуется въ широкихъ народныхъ массахъ, по крайней мѣрѣ, Западной Европы самой широкой популярностью, какая только когда-либо выпадала на долю дѣятеля въ ученомъ мѣрѣ (таковы были результаты одной анкеты). И эта слава является безусловно заслуженной. Мы не можемъ указать другого ученаго, теоретическія работы котораго такъ быстро и такимъ кореннымъ образомъ измѣнили бы столь разнообразныя и разнородныя области человѣческой дѣятельности. „Въ настоящее время“, — говоритъ д-ръ Бакеръ, — „работникъ въ мастерской, ученый въ лабораторіи, земледѣлецъ въ полѣ,

медикъ у постели больного, ветеринаръ передъ домашнимъ животнымъ, винодѣль передъ сусломъ, пивоваръ передъ брагой — всѣ они руководятся идеями Пастера“.

Пастерь — сынъ народа: онъ вышелъ изъ слоевъ мало имущихъ гражданъ Франціи. Отецъ его служилъ въ войскахъ Наполеона, послѣ изгнанія котораго вышелъ въ отставку и занялся промысломъ своихъ предковъ — кожанымъ производствомъ. Мать — дочь огородника небольшого французскаго мѣстечка. Не смотря на скромное свое общественное положеніе и, пожалуй, на еще болѣе скромное образованіе, оба они — и мать, и отецъ, — оставили неизгладимый слѣдъ въ душѣ своего великаго сына.

Вотъ отрывки изъ писемъ Пастера, характерные для его оцѣнки его родителей. „Ты“, — обращается онъ къ матери, — „передала мнѣ свой энтузіазмъ. Я всегда соединялъ мысль о величіи науки съ величіемъ родины, которыя ты вдохнула мнѣ. А ты, мой дорогой отецъ, чья жизнь была такъ сурова, какъ сурово твое ремесло, — ты показалъ мнѣ, что можешь сдѣлать терпѣніе путемъ долгихъ усилій. Тебѣ я обязанъ упорствомъ въ ежедневной работѣ. Но ты также чтилъ великихъ людей и великія дѣла: смотрѣть въ высоту, искать новыхъ знаній, стремиться къ высшему — вотъ чему ты училъ меня. Какъ сейчасъ вижу тебя, когда вечеромъ, послѣ дневной работы, ты читалъ о какой-нибудь битвѣ, напоминавшей тебѣ славную эпоху, свидѣтелемъ которой ты былъ. Обучая меня грамотѣ, ты старался показать мнѣ величіе Франціи“... Или вотъ что онъ писалъ своей сестрѣ по случаю смерти отца.

„Я весь день перебираю въ памяти всѣ знаки привязанности ко мнѣ бѣднаго отца. Можно сказать, что за послѣднія 30 лѣтъ его жизни я былъ его постоянной и почти единственной заботой. Я всѣмъ ему обязанъ. Въ молодости онъ удалилъ меня отъ празднаго и пустого общества и заставлялъ любить трудъ всѣмъ примѣромъ своей жизни, жизни честной и трудовой. По своимъ умственнымъ и душевнымъ качествамъ онъ стоялъ гораздо выше своего положенія, какъ говорятъ. Онъ зналъ твердо, что не мѣсто красить человѣка. Ты его не знала, дорогая Мари, въ то время когда и онъ, и мать моя безъ устали работали для своихъ дорогихъ дѣтей, особенно для меня: мои книги, ученіе, содержаніе въ Безансонѣ дорогаго имъ стояло. Я помню, какъ онъ, бѣдный отецъ, въ часы досуга много читалъ, учился, иногда рисовалъ, рѣзалъ по дереву. Еще недавно онъ мнѣ показывалъ старый мой рисунокъ, гдѣ его рукой нарисованъ крестъ, — только это и хорошо во всемъ рисункѣ. У него была страсть къ знанію и ученію. Я помню, какъ онъ проходилъ грамматику и дѣлалъ выписки, чтобы въ 40, въ 50 лѣтъ выучиться тому, чего бѣдность не дала возможности выучить въ юные годы; но больше всего онъ любилъ читать о томъ, что напоминало ему эпопею I-й имперіи, которой онъ служилъ на полѣ битвы и которая произвела переворотъ во всемъ обществѣ. И что трогательно въ его любви ко мнѣ, такъ это то, что къ ней не примѣшивалось честолюбія. Ты сама помнишь, какъ онъ говорилъ, что былъ бы счастливъ, когда бы увидѣлъ меня завѣдывающимъ коллежемъ въ Арбуа. Это потому, что за моими успѣхами онъ видѣлъ тогда упорный трудъ, которымъ дается успѣхъ, а за трудомъ мое здоровье, которое могло не выдержать. И однако же, какъ бы то ни было, когда я теперь понимаю его гораздо лучше, я знаю, что нѣкоторые успѣхи моей научной карьеры и радовали его и наполняли его гордостью, — я былъ его сынъ, носилъ его имя. Я былъ тотъ ребенокъ,

котораго онъ берегъ, котораго направлялъ. О, бѣдный мой отецъ, меня утѣшаетъ только воспоминаніе о томъ, что иногда мнѣ удавалось дѣйствительно порадовать тебя!“ Таковъ былъ этотъ скромный кожевникъ! Энтузіазмъ, умѣнье упорнымъ трудомъ добиваться поставленной цѣли, любовь къ знанію и ограниченный кругозоръ въ вопросахъ соціальнаго характера — все это Пастеръ получилъ отъ своихъ родителей.

Въ значительной степени въ этомъ же направленіи дѣйствовала на Пастера и природа его родины. Луи Пастеръ родился въ небольшомъ французскомъ городкѣ Долѣ, находящемся въ департаментѣ Юры. Суровая природа страны вообще содѣйствуетъ выработкѣ здѣсь расы настойчивой, промышленной и воспримчивой. Свѣжій воздухъ лѣсовъ даетъ силу и бодрость организму. Измѣнчивая линія горизонта, поля ржи, уходящія вдаль, легкій туманъ, налагающій на весь пейзажъ, какой-то задумчивый колоритъ, — все это предрасполагаетъ человѣка къ мечтательности, отрываетъ душу отъ земного и возноситъ ее къ неяснымъ, фантастическимъ, далекимъ образамъ того, что лежитъ за предѣлами грубаго житейскаго опыта. Неудивительно поэтому, что жители Юры всегда отличались и нынѣ отличаются глубокой религіозностью, чертой, въ высшей степени характерной и для Луи Пастера.

Домъ, въ Долѣ, гдѣ родился Пастеръ.

Выйдя въ отставку, отецъ Луи Пастера выбралъ мѣстечко и открылъ традиціонное въ ихъ родѣ кожевенное заведеніе. Дѣло не сразу наладилось, и старый солдатъ два или три раза долженъ былъ перемѣнить мѣсто своего жительства, прежде чѣмъ, наконецъ, въ городкѣ Арбуа, на живописномъ берегу небольшой рѣчки Кюизансъ, онъ не основалъ своего заведенія на собственной своей усадьбѣ, купленной на труд-
вые деньги.

Въ Арбуа Луи Пастеръ и двѣ его сестры начали посѣщать начальное училище, по окончаніи котораго Луи былъ отданъ въ коллежъ того же самаго Арбуа. Маленькій Луи первое время не проявлялъ особаго рвенія къ своимъ занятіямъ. Книги онъ съ большою охотой предпочиталъ прогулкамъ въ окрестностяхъ города и ужению рыбы. Изъ другихъ занятій онъ проявлялъ значительный интересъ только къ рисованію. Уже ранніе рисунки его обнаруживали несомнѣнную одаренность его въ этомъ отношеніи. Портретъ его матери, сдѣланный имъ пастелью въ тѣ годы, попался какъ-то впослѣдствіи на глаза живописцу Жерому, который замѣтилъ: „хорошо, что этотъ химикъ не занялся живописью: мы бы нашли въ немъ опаснаго соперника“...

Родителей, однако, не удовлетворяли художественные успѣхи сына, они мечтали о какой-нибудь ученой карьерѣ. Какъ было бы хорошо, если бы вдругъ Луи добился положенія учителя или даже завѣдующаго въ Арбуазскомъ коллежѣ! — вотъ дальше чего не шли мечты скромныхъ кожевниковъ. Но лѣнивый Луи пока-что разбивалъ эти маленькія мечты.

Памятникъ И. А. Крылову въ Лѣтнемъ саду, въ С.-Петербургѣ.

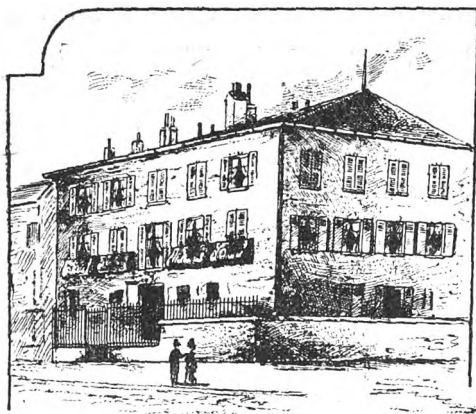
Однако, подъ вліяніемъ увѣщаній отца и собственной охоты къ книжному ученію, которая съ годами понемногу увеличивалась, Луи взялся за умъ; на 3-мъ году ученія въ коллегѣ вплотную засѣлъ за свои учебники, быстро пополнилъ всѣ пробѣлы, которые остались отъ предыдущихъ лѣтъ, и не только догналъ своихъ товарищей, но и перегналъ ихъ. Здѣсь въ коллегѣ выявились и основныя черты умственного склада будущаго великаго ученаго. „Этотъ малый“, — говорилъ про него директоръ, — „упрямъ и вдумчивъ; онъ далеко пойдетъ, — вотъ увидите!“ Тотъ же самый директоръ первый подаль мысль, что Луи слѣдовало направить въ Нормальную Школу для того, чтобы онъ могъ добиться, если не каѳедры въ высшемъ учебномъ заведеніи, то хотя бы мѣста учителя коллежа... Мечты старика Пастера начинали сбываться. Онъ рѣшилъ не постоять даже за необходимыми для образованія сына затратами, что было дѣломъ нелегкое, если принять во вниманіе скромные доходы маленькой кожевни и большую семью, строившую весь свой бюджетъ на этихъ маленькихъ доходахъ. Онъ взялъ своего Луи изъ четвертаго класса коллежа и направилъ его въ Парижъ, гдѣ тотъ и поселился въ пансіонѣ, который содержалъ нѣкто Барбе, землякъ Пастеровъ.

Но шестнадцатилѣтнему Луи Парижъ однако не улыбнулся. Привязанный, какъ почти всѣ обитатели Юры, къ своему мѣсту, юноша затосковалъ, а затѣмъ прямо заболѣлъ болѣзнью по родинѣ. Онъ потерялъ аппетитъ и сонъ, сдѣлался вялымъ и даже апатичнымъ и твердилъ только одно: „если бы только я могъ услышать запахъ родной кожевни, я увѣренъ, что выздоровѣлъ бы“. Пришлось вызвать отца, который и увезъ юношу въ Арбуа.

Дома Луи съ жадностью набросился на рисованье, и домашняя обстановка быстро возстановила его силы. Но отецъ попрежнему не хотѣлъ разстаться со своими мечтами объ учительской карьерѣ для своего Луи, который и самъ подумывалъ о продолженіи своей подготовки къ Нормальной Школѣ. Однако, Пастеры теперь боялись Парижа, и потому рѣшено было отправить Луи въ лицей въ Безансонъ, который находился всего въ 40 километрахъ отъ родного Арбуа и куда старикъ Пастеръ по нѣскольку разъ въ годъ пріѣзжалъ продавать свои кожи. Дѣла Луи пошли въ Безансонѣ какъ нельзя лучше, и онъ въ слѣдующемъ же году сдалъ экзаменъ на степень бакалавра словесности и занялъ мѣсто въ томъ же лицѣ младшаго учителя физики и химіи, на обязанности котораго было репетировать учениковъ выпускнаго класса по указаннымъ предметамъ. Луи съ охотой принялъ это предложеніе: оно давало ему 300 франковъ въ годъ и отдѣльную комнату. Къ тому же онъ рѣшилъ еще остаться нѣкоторое время къ лицѣ для того, чтобы усовершенствоваться въ математическихъ наукахъ и подготовиться окончательно къ экзамену въ Нормальную Школу. „Я отлично чувствую себя въ своей собственной комнатѣ“, — пишетъ онъ родителямъ. — „Въ ней я лучше могу использовать время, такъ какъ оно у меня не тратится на тысячу мелочей, которыхъ не избѣгнешь, когда живешь среди товарищей. Я замѣчаю большую успѣшность въ своихъ занятіяхъ, и затрудненія часто устраняются тѣмъ, что я могу больше сосредоточиться. Я надѣюсь, что въ будущемъ году смогу поступить въ высшую Нормальную Школу. Не бойтесь, что я заработаюсь до истощенія: я позволяю себѣ отдыхать, сколько необходимо для здоровья“...

Здѣсь, въ Безансонѣ, окончательно сложились его научныя симпатіи въ сторону естественныхъ наукъ. Уже на первомъ своемъ экзаменѣ на

бакалавра словесности онъ получилъ хорошія отмѣтки по греческому, латинскому, по философіи и французскому сочиненію, посредственныя — по исторіи и по географіи, и очень хорошія по естественнымъ наукамъ. Здѣсь же онъ началъ увлекаться впервые и химіей. Онъ быстро вышелъ изъ рамокъ своихъ химическихъ учебниковъ и многочисленными вопросами доставлялъ неисчислимыя огорченія своему учителю, человѣку умѣренно освѣдомленному относительно всего того, что находилось за предѣлами школьных программъ. Дѣло дошло до того, что этотъ господинъ какъ-то съ раздраженіемъ замѣтилъ своему неугомонному ученику: „Послушайте, Пастеръ, вы забываете, что это я долженъ васъ спрашивать, а не вы подвергать меня какому-то безконечному экзамену“... Этимъ, конечно, лицейскій химикъ обезпечилъ себѣ свой „ученый“ покой, но не охладилъ пылкаго Луи, который вскорѣ разыскалъ себѣ въ томъ же Безансонѣ другого любителя—химика. Это былъ мѣстный аптекаръ,

Домъ Пастера въ Арбуа.

съ которымъ и сдружился Пастеръ. Математическія занятія нисколько не уменьшили его интереса къ химіи, какъ не уменьшили и его интереса къ чтенію, выходившему за предѣлы естественныхъ наукъ. Въ это время любимыми его книгами были: „Искусство быть счастливымъ“ Жозефа Дроза, „Мои темницы“ Сильвіо Пеллико и „Размышленія“ Ламартина. Онъ съ удовольствіемъ также проливалъ слезы надъ чувствительной поэзіей. Но ни рисованіе, ни поэзія, ни любимыя книги, ни даже химія не отклонили Пастера отъ намѣченнаго пути, и онъ продолжалъ

свою подготовку въ Нормальную Школу. Впрочемъ, подготовка эта все-таки, повидимому, нѣсколько страдала отъ этихъ побочныхъ, хотя и очень важныхъ, увлеченій. Въ самомъ дѣлѣ, экзаменъ свой въ Нормальную Школу онъ сдалъ, но съ довольно посредственными отмѣтками, такъ что былъ зачисленъ всего лишь четырнадцатымъ по списку. Чувство традиціоннаго почтенія ко всякаго рода отличіямъ заставило Луи Пастера признать свое четырнадцатое мѣсто слишкомъ малозначительнымъ, и онъ рѣшилъ отложить свое поступленіе въ Нормальную Школу еще на годъ и повторить еще разъ свой экзаменъ. Годъ серьезныхъ занятій значительно увеличилъ запасъ познаній молодого Пастера, и въ октябрѣ 1843 г. онъ послѣ новаго экзамена поступаетъ въ Нормальную Школу, занявъ четвертое мѣсто по списку. Этотъ подготовительный, послѣдній передъ Нормальной Школой годъ онъ провелъ въ Парижѣ, къ которому пересталъ испытывать прежнее чувство ужаса и отвращенія. Онъ снова жилъ у Барбе. Здѣсь, рассказываетъ г-жа Орлова, онъ „жилъ въ одной комнатѣ съ двумя другими пансіонерами и добрую часть платы покрывалъ репетиціями съ учениками; время для этого было назначено отъ 6 до 8 часовъ утра. Эти условія не стѣсняли Луи, не ослабляли въ немъ охоты и способности усиленно работать. Онъ слушалъ преподавателей лицей

Луи-ле-Гранъ, посѣщаль аудиторіи Сорбонны, свободные дни, — воскресенье и четвергъ, — проводилъ въ библіотекѣ, гдѣ встрѣчался со своимъ другомъ Шапои. Въ это время онъ писалъ родителямъ: „Не беспокойтесь о моемъ здоровьи, я встаю въ исходѣ шестого, видите, что не слишкомъ рано“... Упомянувъ о профессорѣ химіи Дюма, онъ добавляетъ: вы не можете себѣ представить, какой у него наплывъ слушателей: огромный залъ всегда полонъ. Надобно приходиться за полчаса до начала, чтобы занять хорошее мѣсто — совершенно, какъ въ театрѣ, и аплодируютъ какъ въ театрѣ: не бываетъ меньше 600—700 человѣкъ слушателей“. Не смотря на то, что свой пансіонъ у г. Барбе онъ почти цѣликомъ отрабатывалъ на репетиціяхъ съ учениками, тѣмъ не менѣе средства Пастеровъ были настолько ограничены, что Луи почти не располагалъ, такъ называемыми, карманными деньгами, и это, не смотря на горячее желаніе его семьи дать ему возможность развлечься и отдохнуть отъ постоянного напряженія мозга. Когда, по настоянію своего отца, онъ рѣшался отправиться пообѣдать въ какой-нибудь ресторанъ, то сумма, которую онъ при этомъ позволялъ себѣ затратить на себя, никогда не превышала 2 франковъ (меньше 80 к.). Попасть же въ театръ было для Пастера цѣлымъ событіемъ, но онъ не могъ позволить себѣ этого удовольствія болѣе четырехъ разъ въ годъ. Такимъ образомъ та поддержка, которую Пастерь получилъ у Барбе, была очень важной для молодого человѣка, — быть можетъ, даже рѣшающимъ моментомъ въ ученой карьерѣ молодого Луи. И Пастеры это сознавали. Когда Луи, уже будучи слушателемъ Нормальной Школы, снова получилъ уроки у г. Барбе, то отецъ писалъ сыну: „Я радъ, что ты даешь уроки у г. Барбе... онъ такъ хорошо къ тебѣ относился, что мнѣ всегда отъ души хотѣлось доказать ему нашу признательность. Старайся всегда оказывать ему услуги. Ты обязанъ дѣлать это не ради себя только, но помня и о другихъ. Это побудить его относиться къ другимъ такъ, какъ онъ относился къ тебѣ; часто бываетъ, что молодой человѣкъ не имѣетъ возможности выкарабкаться, не смотря на все свое трудолюбіе, безъ такой поддержки, какую онъ тебѣ оказалъ“... Добрый старикъ и тутъ, радуясь за своего сына, не могъ не вспомнить о другихъ, кто бывалъ въ такомъ же положеніи, какъ его сынъ, но не располагалъ такой случайной поддержкой. Эта же мысль объ обязанностяхъ каждаго человѣка по отношенію къ ближнимъ красной нитью проходитъ, какъ мы увидимъ, и черезъ всю жизнь великаго Луи Пастера.

„Въ Нормальной Школѣ“, — рассказываетъ г. М. А. Энгельгардтъ, — „онъ могъ всецѣло отдаться своей любимой наукѣ, что и не замедлило сдѣлать. Онъ слушалъ лекціи двухъ знаменитыхъ химиковъ: Дюма въ Сорбоннѣ, Балара въ Нормальной Школѣ. Дюма, одинъ изъ творцовъ органической химіи, былъ мыслитель, философъ, увлекавшійся оригинальностью и новизной взглядовъ; Баларъ, прославившійся въ особенности открытіемъ брома, отличался больше по части фактическихъ изслѣдованій. Читали они разное: Дюма, важный, почти торжественный, говорилъ красиво и складно, излагалъ лекцію обработаннымъ стилемъ; Баларъ импровизировалъ, увлекался, торопился, подсоблялъ себѣ жестами, иногда путался въ такомъ примѣрно родѣ: „Кали, который... ну извѣстно, кали... однимъ словомъ, кали, который я вамъ показываю“... Праздники и воскресные дни Пастерь проводилъ въ лабораторіи, въ обществѣ Баррюэля, лаборанта Дюма, помогая ему въ работѣ. Въ лабораторіи долго сохранялся — а, можетъ быть, и теперь сохраняется — флаконъ съ фосфо-

ромъ, который былъ полученъ Пастеромъ изъ костей. Онъ самъ пережегъ ихъ, продѣлалъ всѣ необходимыя манипуляціи и послѣ нагрѣванія, длившагося съ 4 ч. утра до 9 вечера, получилъ 60 граммовъ фосфора. Кромѣ Дюма и Бадара, Пастеръ съ особеннымъ интересомъ слушалъ Делафосса, профессора минералогіи, ученика знаменитаго Гаюи, разсѣянаго чудака, равнодушнаго ко всему, кромѣ науки. Минералогія сама по себѣ не особенно интересовала Пастера, но его занималъ вопросъ о связи внѣшней кристаллической формы съ внутреннимъ строеніемъ матеріи. Что такое кристаллы? Почему различныя тѣла обладаютъ различной кристаллической формой? Отчего зависитъ геометрическая правильность кристалла? Не находится ли она въ связи съ строеніемъ частицъ тѣла? Нельзя ли, изучая внѣшнія формы, проникнуть внутрь, разгадать элементарную структуру матеріи?

Такимъ образомъ мы видимъ, что молодой Луи, вступая на путь научнаго изслѣдованія, сразу, что называется „взявъ быка за рога“,— сразу сосредоточилъ свое вниманіе на труднѣйшихъ вопросахъ науки,— вопросахъ, которые многимъ ученымъ того времени казались неразрѣшимыми и которые, будучи рѣшены молодымъ ученымъ, сразу заложили фундаментъ новой отрасли научнаго знанія. Упорный студентъ Нормальной Школы съ энтузіазмомъ взялся за изученіе фактовъ этого рода, при чемъ его вниманіе очень быстро сосредоточилось на одномъ фактѣ, почти только что обнаруженномъ нѣмецкимъ ученымъ Митчерлихомъ. Митчерлихъ останавливается на двухъ кислотахъ—виннокаменной и виноградной, которыя обѣ получаются изъ такъ называемаго виннаго камня. Эти два вещества, которыя всегда кристаллизуются въ одинаковыхъ формахъ и химическій составъ которыхъ, насколько показываетъ химическій анализъ, одинаковъ, совершенно различно относятся къ поляризованному свѣту, а именно, говоря словами самаго Митчерлиха, „растворъ виннокаменной кислоты измѣняетъ направленіе поляризованнаго свѣтового луча, а растворъ виноградной кислоты остается къ лучу индифферентнымъ“. Для того, чтобы расшифровать это замѣчательное наблюденіе и перевести выше приведенное сообщеніе съ языка научнаго на языкъ, общепонятный для неспеціалистовъ, намъ придется сдѣлать небольшое отступленіе.

И такъ прежде всего, что такое поляризованный свѣтъ? По одной изъ наиболѣе распространенныхъ физическихъ гипотезъ свѣтъ представляетъ собой колебательное движеніе эѳира. Нѣкоторые факты даютъ основаніе думать, что это движеніе эѳира въ лучѣ ли солнца, звѣзды или какого-нибудь горящаго тѣла—происходитъ въ плоскости перпендикулярной къ линіи распространенія луча, но во всѣхъ направленіяхъ, которыя можно провести по этой плоскости. Однако, это беспорядочное движеніе мірового эѳира въ свѣтовомъ лучѣ при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ быть въ значительной степени упорядочено. Такъ, пропуская свѣтъ черезъ нѣкоторыя прозрачныя вещества или заставляя его отражаться отъ нѣкоторыхъ хорошо полированныхъ поверхностей, мы можемъ добиться того, что движеніе въ такомъ лучѣ свѣта будетъ происходить не во всѣхъ направленіяхъ въ плоскости, перпендикулярной къ линіи распространения луча, а въ одномъ какомъ-нибудь направленіи (какъ позволяють утверждать спеціально подобранные опыты). Такой-то свѣтъ съ „упорядоченнымъ“ движеніемъ и называется „поляризованнымъ“. Вотъ одинъ изъ важнѣйшихъ опытовъ, положенныхъ въ основу теоріи поляризації свѣта. Берутъ прозрачный кристаллъ исландскаго шпата и вытачиваютъ изъ него призму. Если посмотрѣть черезъ такую призму на какую-ни-

будь точку, линію, рисунокъ, то каждое изъ этихъ изображеній покажется двойнымъ: двѣ линіи, два рисунка. Что это значитъ? Это значитъ, что въ кристаллѣ исландскаго шпата входитъ одинъ лучъ, а тамъ онъ разлагается на два луча, которые, переходя въ воздушную среду, преломляются не съ одинаковой силой. Нельзя ли, воспользовавшись неодинаковой ихъ преломляемостью, устроить такъ, чтобы совсѣмъ раздѣлить эти лучи. Оказывается,—можно. Для этого такую призму изъ исландскаго шпата распиливаютъ по діагональной плоскости, затѣмъ снова склеиваютъ при помощи канадскаго бальзама. Получается такъ называемая „Николева призма“. Черезъ такую призму проходитъ только одинъ изъ лучей, а другой отражается канадскимъ бальзамомъ. Нетрудно показать, что этотъ лучъ, проходящій черезъ Николеву призму, поляризованъ. Въ самомъ дѣлѣ, поставимъ на пути луча, вышедшаго изъ Николевой призмы, вторую Николеву призму такъ, чтобы діагональная плоскости, по которымъ была произведена склейка канадскимъ бальзамомъ, были параллельны другъ другу. Тогда лучъ, вышедшій изъ первой призмы, свободно пройдетъ и черезъ вторую. Но начните вторую призму вращать вокругъ оси, мысленно проведенной черезъ обѣ призмы. Параллельность указанныхъ діагональныхъ плоскостей нарушится и уголъ между ними начнетъ возрастать. По мѣрѣ того, какъ уголъ этотъ будетъ увеличиваться, лучъ свѣта, выходящій изъ первой призмы (обѣ онѣ, конечно, помѣщены въ трубѣ, не допускающей посторонняго свѣта) начнетъ проходить все въ меньшей и меньшей степени, а когда вторая призма будетъ повернута на 90° по отношенію къ первой, то поляризованный лучъ и совсѣмъ не будетъ проходить черезъ эту вторую призму. Какъ можно объяснить это явленіе? Мы уже сказали, что въ поляризованномъ лучѣ колебательное движеніе ээира, какъ предполагаютъ, совершаются только въ одномъ направленіи, т. е. колеблющіяся точки описываютъ одну плоскость. Представимъ себѣ, что въ тѣлѣ кристалла молекулы располагаются правильными рядами; тогда мы до извѣстной степени можемъ объяснить только что описанное явленіе. Если ряды этихъ молекулъ расположены въ плоскостяхъ, параллельныхъ плоскости, въ которой совершаются движенія поляризованнаго луча (или поляризованныхъ лучей), то такой поляризованный свѣтъ будетъ свободно проходить черезъ такой кристаллъ. Подобное положеніе вещей мы найдемъ въ первомъ вышеописанномъ опытѣ съ парой николевыхъ призмъ. Если же молекулы будутъ расположены поперекъ движенію ээира въ поляризованномъ лучѣ, то такой поляризованный лучъ не пройдетъ черезъ вторую призму, что мы имѣемъ при скрещенныхъ „николяхъ“. Но на этомъ удивительные опыты съ поляризованнымъ свѣтомъ не кончаются. Возьмемъ два скрещенныхъ николя. Мы знаемъ теперь, что свѣтъ черезъ второй николь не пройдетъ, но помѣстимъ между обоими скрещенными николями растворъ винной кислоты или сахара. Мы увидимъ тогда, что часть свѣта прошла черезъ второй „николь“. Значитъ, плоскость колебанія въ поляризованныхъ лучахъ свѣта при прохожденіи черезъ винную кислоту или сахаръ, измѣнило свое положеніе въ пространствѣ. Для выясненія этого сложнаго, но въ высшей степени важнаго явленія приводимъ сравненіе, сдѣланное знаменитымъ Дюкло. Представимъ себѣ, что передъ нами одинъ лучъ свѣта. Положимъ передъ собой часы. Пусть прямая, по которой распространяется свѣтъ, расположена перпендикулярно къ циферблату часовъ, и конецъ луча проходить черезъ центръ циферблата, гдѣ сходятся обѣ стрѣлки. Расположимъ эти

стрѣлки на шести часахъ. Тогда онѣ образуютъ одну прямую линію. Пусть именно по этой линіи и совершаются колебанія ээира во взятомъ нами поляризованномъ лучѣ свѣта. Если теперь направленіе молекулъ во второмъ николѣ соотвѣтствуетъ тому направленію стрѣлокъ, которое онѣ примутъ, когда часы будутъ показывать приблизительно безъ четверти три, то „николи“, какъ говорится будутъ скрещены на 90° , и второй николь не будетъ пропускать луча свѣта, поляризованнаго въ первомъ „николѣ“. Помѣстимъ теперь между скрещенными николями трубку съ винной кислотой. Какъ мы знаемъ часть свѣта будетъ теперь проходить черезъ второй николь. Это значитъ, что плоскость поляризаціи свѣта измѣнила свое положеніе. Она уже не соотвѣтствуетъ положенію нашихъ стрѣлокъ при 6 часовъ, а нѣкоторому иному, напр., тому, которое стрѣлки имѣютъ при „безъ 5 мин. пять часовъ, или при „безъ 10 мин. 4 часа“, или при „5 мин. восьмого“ и т. д. Физики описываютъ это явленіе выраженіемъ: растворъ винной кислоты вращаетъ плоскость поляризаціи свѣта“. Если вы продѣлаете со своими часами все, что выше сказано, вы убѣдитесь, что это выраженіе физиковъ, какъ нельзя больше соотвѣтствуетъ взятымъ нами здѣсь фактамъ. Итакъ, винная кислота вращаетъ плоскость поляризаціи, но на какой уголъ? Опредѣлить это нетрудно. Для этого у насъ имѣется второй „николь“. Когда второй николь былъ поставленъ на 90° къ плоскости поляризаціи луча, то онъ не пропускалъ свѣтъ. Будемъ поворачивать нашъ николь до тѣхъ поръ, пока онъ снова не будетъ пропускать луча свѣта, прошедшаго черезъ трубочку съ винной кислотой. Въ томъ положеніи, когда онъ снова перестанетъ пропускать свѣтъ, опять будетъ найдена плоскость, перпендикулярная къ плоскости поляризаціи нашего луча. Замѣчая, насколько градусовъ мы повернули второй „николь“, мы можемъ опредѣлить, насколько повернулась и плоскость поляризаціи луча. Измѣняя толщину слоя раствора винной кислоты, мы будемъ измѣнять и уголъ вращенія плоскости поляризаціи; такимъ образомъ установлено было, что величина вращенія для cadaго вещества (конечно, способнаго производить это явленіе, — вѣдь, воздухъ, напр., не производитъ этихъ явленій) пропорціональна толщѣ, черезъ которую проходитъ лучъ свѣта. Но этого мало. Если мы рассмотримъ хорошенько нашъ примѣръ съ часами, то увидимъ, что плоскость можетъ вращаться или налѣво (отъ положенія 6 ч. къ „безъ 5 м. пять“) или направо (отъ положенія 6 часовъ къ „пять мин. восьмого“). Было точно установлено, что одни вещества всегда и неизмѣнно вращаютъ плоскость поляризаціи только направо, а другія только налѣво. Повернута ли плоскость поляризаціи направо или налѣво, опять-таки выясняется при помощи второго николя, какъ это теперь уже нетрудно понять. Всѣ вышеописанные факты были точно установлены еще до Пастера, но всѣ попытки къ объясненію этихъ явленій оставались безплодными. Никто не могъ высказать хоть сколько-нибудь достаточно обоснованныхъ предположеній относительно того, почему одни вещества вращаютъ плоскость поляризаціи направо, другія — налѣво и съ какими особенностями ихъ строенія связаны эти удивительныя явленія. Вотъ за рѣшеніе этой-то задачи, совершенно запутавшейся къ моменту выступленія Пастера, и взялся этотъ молодой ученый, къ тому времени еще не покинувшій скамьи Нормальной Школы.

Мысль молодого студента упорно работала надъ поставленными вопросами, но временно пришлось взять себя въ руки, отложить научныя изслѣдованія и съ ожесточеніемъ приняться за подготовку къ экзаменамъ,

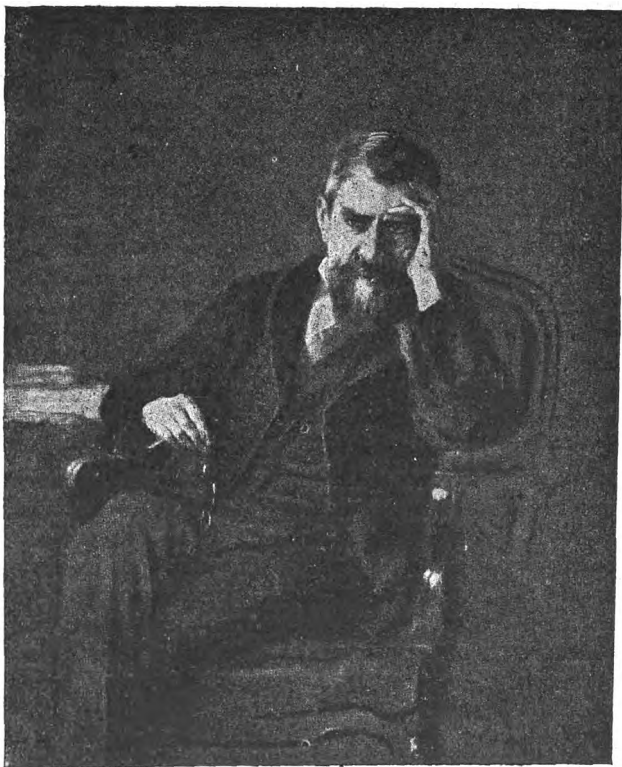
тѣмъ болѣе, что попытки соединить курсовыя занятія съ научными изслѣдованіями потерпѣли фіаско, такъ какъ просиженные надъ книгами ночи начали тяжело отражаться на здоровьѣ молодого человѣка. Пастеръ такъ много работалъ, что иногда задерживалъ свои письма къ роднымъ. „Твои сестры“, — писалъ ему отецъ, — „считаютъ дни: „вотъ уже 18 дней, — говорятъ онѣ, — прошло со дня полученія твоего послѣдняго письма; никогда Луи такъ не запаздывалъ, не боленъ ли онъ“... А переписка молодого студента представляла большой интересъ не только для его семьи, но и для характеристики всей его мѣстности. Мы остановимся на ней поэтому нѣсколько подробнѣе.

„Писалъ молодой Пастеръ къ семьѣ“, — рассказываетъ г-жа Орлова, — „всегда очень подробно, на листахъ большого формата; въ письмахъ онъ, конечно, не распространялся о виннокаменной и иныхъ кислотахъ, но зато всегда сообщалъ о тѣхъ химическихъ средствахъ и новыхъ приѣмахъ въ кожевенномъ производствѣ, которые могли хотя бы нѣсколько облегчить тяжелый промыселъ отца; по этимъ же письмамъ можно прослѣдить по временамъ и беспокойство его по поводу требуемой университетской степени и жадное стремленіе достичь научной цѣли. Отецъ старался умѣрять его пылъ: „Прежде, чѣмъ думать о чинѣ капитана, надо получить погоны прапорщика“, писалъ старый солдатъ; затѣмъ онъ разспрашивалъ, могутъ ли новые способы производства, позволяющіе держать кожи меньшее времени въ дубильныхъ ямахъ, сохранить у кожи прежнюю доброкачественность? Можно ли будетъ ему ручаться за прочность товара передъ своими скромными покупателями: башмачниками, шорниками, привыкшими до сихъ поръ относиться съ довѣріемъ къ продуктамъ его кожевни? Когда читаешь эти письма, то какъ будто живешь среди этихъ лицъ, такъ сильно привязанныхъ другъ къ другу. Тамъ, въ Арбуа, всѣ помыслы провинціальной семьи сосредоточивались на сынѣ, на его работахъ и успѣхахъ; а въ Парижѣ ни жизнь большого города, ни увлекательныя научныя занятія не отвлекали молодого студента отъ вниманія и любви къ семьѣ. Такъ, вѣроятно, послѣ полученія изъ Парижа годовичныхъ подарковъ, отецъ писалъ ему 1-го января 1848 г. „Только что мы получили вещи, которыя ты прислалъ. Сестры тебя благодарятъ сами. Что же касается до меня, то я въ тысячу разъ больше хотѣлъ бы, чтобы ты истратилъ эти деньги въ какомъ-нибудь ресторанѣ, въ хорошей компаніи, гдѣ тебѣ было бы весело; но я тобою доволенъ больше, чѣмъ могу выразить“...

Въ этихъ письмахъ горячая любовь Луи Пастера къ своей семьѣ нашла себѣ еще и другое выраженіе. Самъ увлекаясь наукой, приобрѣтая съ каждымъ днемъ все большія и большія научныя цѣнности, Луи всѣми силами души стремился поднять интеллектуальный уровень своихъ родныхъ. Онъ сдѣлался, такъ сказать, заглазнымъ учителемъ своей семьи, своего отца, своихъ сестеръ. Онъ посылаетъ имъ для рѣшенія задачи, излагаетъ различныя научныя теоріи, терпѣливо даетъ разъясненія того, что ими не понято, подбадриваетъ ихъ въ случаѣ неудачи, всячески подстрекаетъ ихъ научное любопытство. И не разъ старому кожевнику приходилось „чесать затылокъ“, ломая свою упрямую голову надъ задачами, присланными его неугомоннымъ сыномъ. „Я, — пишетъ онъ разъ, — цѣлыхъ два дня не могъ понять задачи, которая потомъ оказалась очень простой. Не такъ-то легко учиться, когда собираешься передать усвоенное другому“.

Въ три года былъ оконченъ, — хотя съ отмітками, которыхъ опять-таки нельзя было назвать слишкомъ блестящими, — курсъ Нормальной

Школы. Луи Пастеръ съ жадностью набрасывается на изслѣдованіе вопросовъ, которые онъ намѣтилъ себѣ еще на студенческой скамьѣ. Онъ снова обращается къ своимъ виннымъ кислотамъ. Эти химическіе препараты въ то время были изучены еще мало. Сравнительно незадолго до выступленія Пастера виннокаменная кислота была получена впервые въ чистомъ видѣ шведскимъ химикомъ Шееле (1770 г.) изъ виннаго камня, получающагося въ чанахъ при броженіи винограднаго сока. Еще позже (въ 1820 г.) случайно изъ того же виннаго камня было получено новое вещество, изслѣдованное шведскимъ же химикомъ Берцелиусомъ и названное имъ виноградной кислотой. Мы знаемъ теперь изъ работы Митчерлиха, что виннокаменная и виноградныя кислоты различно относятся къ поляризованному свѣту, хотя химическій составъ ихъ, какъ по-

Эмиль Дюкло, любимый ученикъ Пастера. Былъ первымъ директоромъ Пастеровскаго Института.

казалъ тотъ же Берцелиусъ, совершенно одинаковъ. Слѣдовательно, отношеніе этихъ веществъ къ поляризованному лучу опредѣляется исключительно только порядкомъ размѣщенія молекулъ этихъ веществъ въ пространствѣ. Но въ этой области наука, какъ уже нами было сказано, не могла предложить никакихъ объясненій. Ученые того времени, — говорить Дюкло, — были знакомы съ молекулами только съ химической точки зрѣнія. Они знали, что молекулы образуются группировкой атомовъ (обыкновенно достаточно устойчивой), число которыхъ, молекулярный вѣсъ и природу въ боль-

шинствѣ случаевъ можно было опредѣлить весьма обстоятельно. Они установили, напр., что молекула поваренной соли состоитъ изъ атома хлора и атома натрія, что въ молекулѣ углекислой извести мы находимъ одинъ атомъ кальція, одинъ атомъ углерода и три атома кислорода. Имъ было извѣстно, что различныя сложныя молекулы отличаются другъ отъ друга обыкновенно по числу и природѣ атомовъ ихъ составляющихъ; наконецъ, имъ было извѣстно, что есть молекулы, которыя составлены изъ одинаковаго числа одинаковыхъ атомовъ, но которыя, тѣмъ не менѣе, отличаются другъ отъ друга по своимъ свойствамъ. Въ чемъ же тутъ дѣло?

Очевидно — въ различномъ расположеніи этихъ атомовъ внутри этихъ молекулъ. Но въ чемъ же заключаются различія этого рода? Какъ располагаются атомы внутри молекулы относительно другъ друга? Какая форма молекулы опредѣлялась въ каждомъ случаѣ расположеніемъ атомовъ? На всѣ эти вопросы никто ничего опредѣленнаго въ то время сказать не могъ“.

Для логическаго и точнаго ума Пастера было ясно, что различное отношеніе къ свѣту растворовъ веществъ, заключающихъ по одинаковому числу одинаковыхъ атомовъ, должно опредѣляться различнымъ строеніемъ молекулъ и что если это строеніе молекулъ нельзя сдѣлать замѣтнымъ на глазъ въ растворѣ этихъ веществъ, то оно можетъ отчетливо проявиться въ томъ случаѣ, когда это вещество будетъ передъ нами въ твердомъ видѣ, а именно въ видѣ кристалла. Такъ былъ нащупанъ прочный методъ. Началась мелкая, кропотливая работа надъ изученіемъ кристалловъ веществъ вращающихъ плоскость поляризации вправо и влѣво или относящихся къ лучу свѣта безразлично.

Но прежде, чѣмъ продолжать изложеніе знаменитаго изслѣдованія молодого ученаго, намъ снова необходимо сдѣлать небольшое отступленіе для того, чтобы дать читателю необходимыя представленія о кристаллахъ и его свойствахъ. „Если въ какомъ-нибудь тѣлѣ свойства неодинаковы по разнымъ направленіямъ, то такое тѣло называютъ кристалломъ. Это различіе свойствъ сказывается въ томъ, что кристаллы имѣютъ видъ многогранниковъ, грани которыхъ наклонены другъ къ другу подъ опредѣленными углами, напр., кристаллы каменной соли имѣютъ форму куба, горнаго хрустала — шестигранной призмы съ пирамидкой наверху и т. д. Далѣе, кристаллъ легче раскалывается въ одномъ направленіи, чѣмъ въ другомъ: примѣръ — слюда, которую очень легко расщеплять на тонкія пластинки, но трудно разломить. Кристаллы могутъ имѣть различный цвѣтъ, смотря по тому, въ какомъ направленіи черезъ нихъ проходитъ свѣтъ: кристаллъ бѣлаго топаза, разсматриваемый на свѣтъ, черезъ однѣ грани является голубоватымъ, черезъ другія — желтоватымъ. Лучъ свѣта, проходя черезъ кристаллы известняковаго шпата, черезъ однѣ грани раздваивается и даетъ поэтому двойное изображеніе; проходя черезъ другія — одиночное и т. д. Это различіе свойствъ по разнымъ направленіямъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что мельчайшія частицы, изъ которыхъ состоитъ кристаллъ, располагаются въ немъ опредѣленнымъ образомъ. Когда изъ парообразнаго или жидкаго состоянія тѣло переходитъ въ твердое состояніе, частички его располагаются такъ, какъ имъ это свойственно по природѣ, и получается кристаллъ; при этомъ внутреннее строеніе и внѣшній видъ его зависятъ не только отъ состава тѣла, но и отъ внѣшнихъ условій (давленія, температуры), при которыхъ происходила кристаллизациа“.

Но свойства кристалловъ распредѣляются обыкновенно симметрично относительно оси, поэтому и по внѣшнему виду кристаллы также представляются симметричными. Однако, оказалось, что такъ бываетъ не всегда. Тщательно разбираясь въ кристаллахъ, Пастеръ замѣтилъ на первый взглядъ мелкую подробность, ускользавшую отъ вниманія прежнихъ изслѣдователей. Именно, на кристаллахъ амміачнонатріевой соли виноградной кислоты онъ нашелъ маленькія площадки, которыя появлялись лишь на одной сторонѣ реберъ кристалла и такимъ образомъ нарушали до извѣстной степени симметричный видъ кристалла. Но, вѣдь, вращеніе плоскости поляризации вправо или влѣво есть не что иное, какъ резуль-

татъ нарушенія внутренней симметріи, — думалъ Пастеръ. Нѣтъ ли связи между двумя этими явленіями, повидимому, столь различными по природѣ? Тщательныя изслѣдованія показали Пастеру, что нарушение симметріи кристалловъ этой двойной соли виноградной кислоты бываетъ двоякимъ: у однихъ добавочныя (асимметрическія или геміэдрическія) площадки появляются на правомъ боку, у другихъ — на лѣвомъ. И кристаллы, асимметричныя съ правой стороны, вращаютъ поляризованный лучъ направо, а асимметричныя съ лѣвой стороны вращаютъ его налѣво. Такъ было сдѣлано замѣчательное открытіе. Удивительно глубокая мысль нашла себѣ безспорное подтвержденіе. Но молодой ученый на этомъ не остановился. Что же будетъ — поставилъ онъ вопросъ, — если мы смѣшаемъ одинаковое по вѣсу количество той и другой виноградной кислоты, которыя имѣютъ одинаковую химическую формулу, но различнымъ образомъ располагаютъ атомы внутри своихъ молекулъ? Пастеру было извѣстно, что уголъ вращенія плоскости поляризованнаго луча увеличивается пропорціонально толщѣ раствора, черезъ который проходитъ поляризованный лучъ. Слѣдовательно, это явленіе зависить не только отъ внутреннихъ свойствъ даннаго вещества, но и отъ массы, которая взята для опыта. Вотъ почему онъ взялъ эти право- и лѣво-вращающія кислоты въ одинаковомъ вѣсовомъ количествѣ. При такихъ условіяхъ, — думалъ онъ, — асимметрическія, прямо противоположныя свойства ихъ должны другъ друга нейтрализовать, и мы получимъ растворъ той винно-каменной кислоты, которая безразлично относится къ поляризованному лучу, т. е. не вращаетъ его ни вправо, ни влѣво. Все такъ и произошло, какъ предполагалъ Пастеръ: равныя вѣсовыя количества право- и лѣво-вращающихъ кислотъ дали нейтральную кислоту, — загадка Митчерлиха была блистательнымъ образомъ раскрыта. Когда Пастеръ установилъ въ послѣдній разъ свои приборы и убѣдился въ справедливости своихъ догадокъ, онъ понялъ, что имъ произведено великое открытіе. Страшное волненіе охватило его. Онъ не могъ спокойно оставаться на мѣстѣ и бросился вонъ изъ лабораторіи. Встрѣтивъ въ коридорѣ препаратора лабораторіи Бертрана, онъ объялъ его со словами: „Милый Бертранъ! я сдѣлалъ великое открытіе. Не могу больше работать, идемъ въ Люксембургъ, я вамъ расскажу, въ чемъ дѣло“.

Нечего и говорить, что открытіемъ Пастера заинтересовался весь ученый міръ и прежде всего французскіе изслѣдователи. Рѣшающимъ моментомъ въ проверкѣ этихъ изслѣдованій было, конечно, заключеніе Біо, извѣстнаго французскаго ученаго, одного изъ лучшихъ знатоковъ вопроса. Біо, узнавъ объ открытіи Пастера, сказалъ ему: „Я охотно проверю съ вами ваши выводы, если вы ихъ точно формулируете и желаете съ полнымъ довѣріемъ подѣлиться ими со мной. Прощу васъ вѣрить, что я съ полнымъ сочувствіемъ отношусь ко всѣмъ молодымъ людямъ, работающимъ добросовѣстно и настойчиво“. Въ назначенный день Пастеръ явился къ нему. Это свиданіе залегло въ памяти Пастера со всѣми мельчайшими подробностями. Біо отправился за виноградной кислотой. „Я тщательно изучилъ ее“, — сказалъ онъ, между прочимъ, — „она совершенно безразлична по отношенію къ поляризованному свѣту: я вамъ самъ принесу все, что надо“, продолжалъ старикъ, отправляясь за ѣдкимъ натромъ и амміакомъ. Онъ хотѣлъ, чтобы двойная соль была приготовлена въ его присутствіи, — такъ рассказываетъ объ этомъ событіи зять Пастера Валлери-Радо. Вливши въ кристаллизаторъ полученную жидкость, Біо унесъ ее и помѣстилъ ее въ своей квартирѣ для того.

чтобы можно было съ увѣренностью сказать, что никто не прикасался къ этой жидкости. „Я сообщу вамъ заблаговременно, когда вы снова должны будете прийти ко мнѣ“, сказалъ онъ, раскланиваясь съ Пастеромъ. Черезъ сорокъ восемь часовъ кристаллы, сначала очень маленькихъ размѣровъ, начали образовываться. Когда они появились въ достаточномъ количествѣ, Пастеръ былъ снова приглашенъ къ Біо. Неизмѣнно на глазахъ у Біо, Пастеръ извлекъ лучшіе изъ кристалловъ, оберъ ихъ осторожно отъ прилипшихъ къ нимъ капелекъ раствора, изъ котораго они выдѣлились, показалъ Біо ихъ геміэдрическія особенности и раздѣлилъ ихъ на двѣ группы: кристаллы правые и кристаллы лѣвые. „Вы утверждаете“, — сказалъ Біо, — „что правые кристаллы отклоняютъ поляризованный свѣтъ вправо, а лѣвые — влѣво“. — „Да“ — подтвердилъ Пастеръ. — „Прекрасно, остальнымъ займусь я самъ“. Біо приготовилъ растворы и снова пригласилъ Пастера. Сначала Біо помѣстилъ въ аппаратъ растворъ, который долженъ былъ отклонять поляризованный свѣтъ влѣво. Когда Біо увидѣлъ, что отклоненіе, дѣйствительно, произошло, онъ схватилъ руку Пастера и сказалъ фразу, которая неоднократно была цитирована въ литературѣ и которая достойна того, чтобы стать знаменитой: „Дитя мое, я такъ всю жизнь любилъ науку, что настоящій опытъ заставляетъ ускоренно забыть мое сердце“. Эта повѣрка открытія Пастера, произведенная опытной и авторитетной рукой знаменитаго французскаго ученаго, поставила это открытіе внѣ всякихъ сомнѣній, и съ этого момента имя Пастера оказывается прочно занесеннымъ въ лѣтописи науки.

Все великое значеніе открытія Пастера станетъ понятнымъ, если мы скажемъ, что этимъ открытіемъ была заложена новая въ высшей степени плодотворная область химіи — стереохимія, „химія въ пространствѣ“, развернувшая ученіе о группировкѣ атомовъ въ частицѣ и законахъ, управляющихъ этой группировкой, и освѣтившая огромное количество темныхъ и запутанныхъ химическихъ явленій.

„Но то, что мы изложили въ нѣсколькихъ строчкахъ“, — говоритъ г. М. А. Энгельгардтъ, — „потребовало нѣсколькихъ лѣтъ. Ученіе о „молекулярной диссиметріи“, о связѣ между группировкой атомовъ въ частицѣ, оптическими свойствами и кристаллической формой, Пастеръ изложилъ въ цѣломъ рядѣ работъ (болѣе 20-ти) отъ 1848 г. до 1854 г., устраняя противорѣчія — результатъ неточныхъ изслѣдованій, — разъясняя темныя детали, повидимому, невязавшіяся съ основнымъ принципомъ, распространяя и подтверждая свой основной выводъ на различныхъ соляхъ винной и другихъ кислотъ.

„Онъ пришелъ, между прочимъ, къ важному выводу: органическія соединенія, продукты жизненныхъ силъ, диссиметричны (вращаютъ плоскость поляризації); неорганическія, продукты мертвой природы, а равно и органическія, полученные искусственно, въ лабораторіи, симметричны (не вращаютъ плоскости поляризації). Иными словами, распредѣленіе и перераспредѣленіе атомовъ въ живомъ веществѣ — результатъ иной комбинаціи силъ, чѣмъ въ процессахъ мертвой природы. Тамъ и здѣсь однѣ и тѣ же силы, но ихъ дѣйствіе неодинаково, потому что неодинаково ихъ сочетаніе и взаимоотношеніе. Изучить законы дѣйствія молекулярныхъ силъ — значитъ овладѣть этими силами, что открываетъ самыя широкія перспективы: возможность искусственнаго воспроизведенія органическихъ тѣлъ, органическихъ превращеній... Пастеръ не проводилъ въ этомъ отношеніи никакой демаркаціонной линіи, никакой искусственной границы, которую наука будто бы никогда не перешагнетъ.

„Но онъ придавалъ слишкомъ абсолютное значеніе установленному имъ различію между продуктами жизни — органическими соединеніями и неорганическими или искусственно получаемыми веществами. Онъ думалъ, что искусственнымъ путемъ, въ лабораторіи, не удастся получить оптически дѣятельныхъ веществъ, — однако это удалось еще при его жизни. Химикъ получаетъ теперь органическія соединенія (между прочимъ, и обѣ винныя кислоты со всѣми ихъ свойствами, впервые полученные искусственно Юнгфлейшемъ) изъ неорганическихъ въ лабораторіи, дѣйствуя совершенно инымъ путемъ, чѣмъ работаютъ силы организма: примѣняя высокія температуры, сильно дѣйствующія кислоты и т. п. Синтезъ (созданіе сложныхъ веществъ изъ болѣе простыхъ) въ лабораторіи химика и синтезъ внутри организма совершаются различно, но продукты получаютъ одни и тѣ же“.

Но возвратимся къ личной жизни Пастера. По окончаніи Нормальной Школы, онъ, какъ мы видѣли, продолжалъ свои химическія изысканія въ Парижѣ. Однако, счастье его въ этомъ отношеніи было прервано министерскимъ приказомъ отправиться на службу учителемъ въ Дижонскій лицей, что онъ былъ обязанъ сдѣлать, какъ бывшій воспитанникъ Нормальной Школы. Тяжело было Пастеру бросать свои наладившіяся изысканія и такъ блестяще открывшуюся ученую карьеру, но дѣлать было нечего, и вотъ Пастерь — учителемъ Дижонскаго лицея. Свои новыя функціи (преподавателя физики) Пастерь исполнялъ съ величайшей тщательностью и употреблялъ массу времени на подготовку къ урокамъ. Вообще 1848 г. оказался для Пастера неудачнымъ: въ этомъ году умерла его мать. Помимо того, вѣдь это былъ годъ революціи, къ которой Пастерь отнесся съ большимъ энтузіазмомъ и ему во время его пребыванія въ Парижѣ, — неоднократно приходилось нести въ очередь службу въ качествѣ „національнаго гвардейца“.

Въ Дижонѣ, однако, Пастеру пришлось пробыть недолго. Его открытіе, изложенное въ докладѣ: „Исслѣдованіе возможныхъ соотношеній между формой, химическимъ составомъ и дѣйствіемъ на поляризованный лучъ въ кристаллахъ“, было слишкомъ крупнымъ явленіемъ въ наукѣ для того, чтобы даже бюрократія не обратила вниманія на эту работу и продолжала бы держать ея автора вдали отъ университетской жизни. Начались усердныя хлопоты ученыхъ о переводѣ Пастера въ какой-нибудь университетскій городъ. Старикъ Біо, съ досадой говорилъ по поводу министерскихъ проволочекъ: „они даже не догадываются, что такія работы должны быть поставлены на первое мѣсто передъ всѣмъ остальнымъ“. Хлопоты, наконецъ, увѣнчались успѣхомъ, и въ слѣдующемъ же 1849 году Пастерь былъ переведенъ въ Страсбургскій университетъ. Нетрудно понять радость молодого ученаго, для котораго снова открылся доступъ въ химическую лабораторію, хотя и столь плохо оборудованную, каковой была лабораторія Страсбургскаго университета. Онъ снова съ жаждою набрасывается на наблюденія надъ кристаллами и вступаетъ въ дѣятельную переписку съ Біо, сильно заинтересованнымъ въ работахъ молодого ученаго. Для того, чтобы облегчить Біо возможность слѣдить за ходомъ работъ, Пастерь самъ искусно вырѣзаетъ изъ пробки формы соответствующихъ кристалловъ, и эти модели вмѣстѣ съ растворами посылаетъ Біо, который въ то время страдалъ уже слабостью зрѣнія и которому безъ этихъ моделей было бы трудно разбираться въ мелкихъ кристаллахъ, получающихся обыкновенно изъ растворовъ.

Переѣздъ въ Страсбургъ сыгралъ рѣшительную роль не только въ ученой карьерѣ Пастера, но и въ его личной жизни. Въ первое же по-

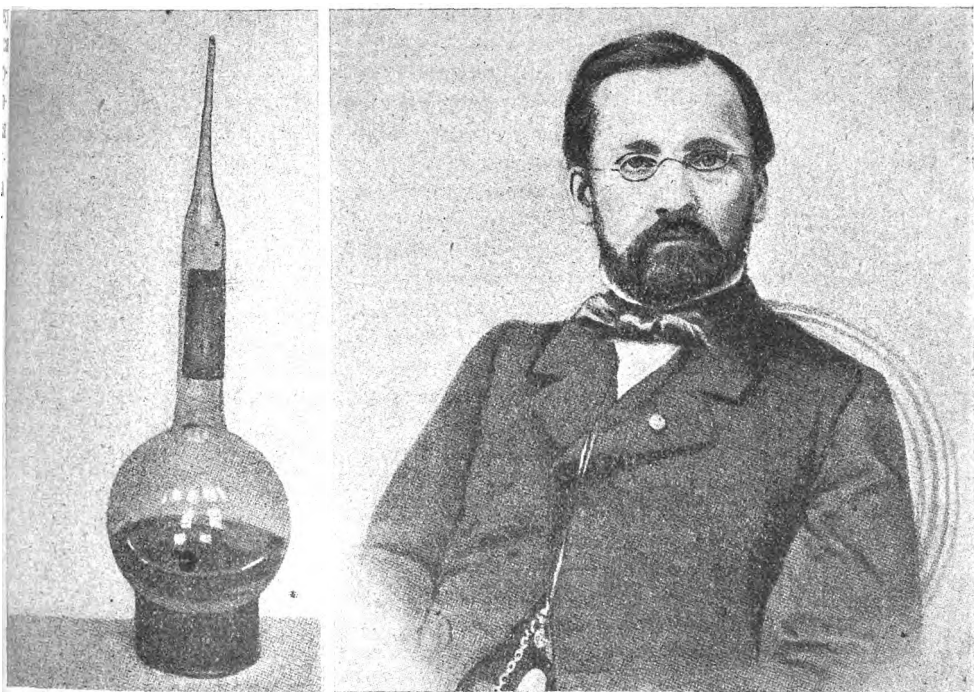
сѣщеніе Лорана, ректора Страсбургскаго университета, онъ влюбился въ его дочь Марію и черезъ двѣ недѣли сдѣлалъ ей предложеніе. Предложеніе было принято. Этотъ бракъ оказался на рѣдкость счастливымъ, такъ какъ жена Пастера быстро вошла въ научные интересы своего мужа, поняла ту цѣнность, какую представляютъ его работы не только для Франціи, но и для всего человѣчества, и приложила всѣ свои усилія для того, чтобы время и силы ея мужа были сосредоточены на его изслѣдованіяхъ.

Вотъ тѣ благопріятныя условія, при которыхъ Пастеръ сталъ продолжать разработку началъ стереохиміи. „Главные пути моихъ занятій“, пишетъ онъ своему другу Шапюи, „на этотъ годъ уже намѣчены, и я надѣюсь, что они разовьются самымъ успѣшнымъ образомъ; я тебѣ уже писалъ, что я уже подошелъ къ задачамъ, которыя съ каждымъ днемъ дѣлаются все яснѣй и яснѣй, — оттого-то ночи мнѣ кажутся чересчуръ долгими! Однако мнѣ нельзя жаловаться: на подготовку своихъ лекцій я трачу не очень много труда, и у меня остаются для лабораторіи цѣлыхъ пять дней въ недѣлю. Порой, правда, жена жалуется, но я ей въ утѣшеніе говорю, что доставлю ей своими работами безсмертіе“. Изъ тѣхъ же писемъ видно, какъ быстро подвигались ученые успѣхи Пастера: „Я представилъ въ прошлый понедѣльникъ докладъ Академіи. Я сперва прочелъ изъ него обширный рефератъ, послѣ котораго меня попросили сдѣлать разъясненія и дополненія на словахъ, что не въ обычаѣ на этихъ засѣданіяхъ; я говорилъ съ тѣмъ увлеченіемъ, которое всегда меня охватываетъ, когда я касаюсь этого предмета, и меня слушали съ большимъ вниманіемъ. Къ моему удовольствію присутствовали всѣ болѣе вліятельные члены. Дюма сидѣлъ какъ разъ напротивъ и наклоненіемъ головы далъ мнѣ понять свое одобреніе. На другой день я былъ у него по его приглашенію, и онъ былъ очень любезенъ; онъ говорилъ, что я доказалъ, что и во Франціи умѣютъ заниматься кристаллографіей и что, продолжая работать въ томъ же направленіи, я положу основаніе новому методу. Біо, такъ хорошо относящійся ко мнѣ, подошелъ ко мнѣ послѣ засѣданія и сказалъ: „лучше нельзя“. 14-го октября онъ представилъ докладъ о моихъ работахъ; — по его словамъ я напалъ на Калифорнію; однако же изъ-за этого не преувеличивай значенія моихъ работъ нынѣшняго года; онъ только результатъ предшествующихъ“... Личныя отношенія Біо къ Пастеру зафиксированы въ письмѣ къ отцу молодого ученаго, написанномъ по поводу визита, который старый кожевникъ сдѣлалъ Біо по пріѣздѣ въ Парижъ, и по поводу фруктовъ, присланныхъ Біо изъ сада Пастеровъ. „Жена моя и я“, — пишетъ Біо, — „мы очень тронуты вашимъ любезнымъ письмомъ. Мы привѣтствовали васъ искренне отъ всей души, такъ какъ намъ обомъ было отрадно видѣть за своей скромной трапезой добраго, почтеннаго отца и столь выдающагося сына. Я высоко цѣню рѣдкія достоинства вашего сына и полюбилъ его за его хорошія чувства. Въ мои преклонные годы я бываю больше всего счастливъ, когда вижу молодыхъ людей, достигшихъ успѣха въ научной карьерѣ, благодаря солиднымъ и неустаннымъ трудамъ, а не путемъ низкаго прислуживанья. Вотъ почему я привязался къ вашему сыну, и его дружеское отношеніе ко мнѣ меня очень трогаетъ, такъ что мы квиты: „уравнено все, чѣмъ мы другъ другу обязаны“. Благодарю васъ какъ за посылку фруктовъ изъ вашего сада, такъ и за то, что вы надумали прислать ихъ мнѣ“...

Въ 1852 г. Пастеръ былъ представленъ, во время своего лѣтняго прїѣзда въ Парижъ, знаменитому Митчерлиху, работы котораго натолкнули его на славный путь его изслѣдованій. Пастеръ былъ въ восторгѣ отъ этой встрѣчи тѣмъ болѣе, что Митчерлихъ далъ ему нѣкоторые указанія относительно производства винной кислоты въ Германіи, и Пастеръ немедленно рѣшился отправиться на мѣсто добыванія этого, какъ онъ называлъ, страннаго тѣла“. По письмамъ Пастера мы можемъ прослѣдить эту интересную и съ бюграфической, и съ научной точки зрѣнія поѣздку. „Я не останавливался въ Лейпцигѣ“, — пишетъ онъ въ своемъ сентябрьскомъ письмѣ женѣ, — „а поѣхалъ прямо въ Цвикау, а оттуда къ г. Фикенчеру; ушелъ отъ него только къ ночи и слѣдующій день, все воскресенье, опять съ утра провелъ у него. Г. Фикенчеръ очень образованный человѣкъ, онъ мнѣ показалъ свою фабрику всю, безъ малѣйшей утайки... Фабрика процвѣтаетъ... Что касается „вопроса“, вотъ для тебя нѣсколько подробностей. Г. Фикенчеръ впервые добылъ виноградную кислоту 22 года тому назадъ и тогда въ порядочномъ количествѣ. Съ тѣхъ поръ этой кислоты стало выдѣляться такъ мало, что пересталъ собирать ее. Когда онъ работалъ надъ виннокаменными солями, полученными изъ Триеста, виноградная кислота появлялась въ большомъ количествѣ. Эти указанія согласуются въ нѣкоторой степени, но не вполне съ тѣмъ, что говорилъ мнѣ Митчерлихъ. Что бы то ни было, вотъ каковы мои намѣренія: такъ какъ я не могу имѣть лабораторіи въ Цвикау, я вернулся сюда, въ Лейпцигъ, съ образцами виннокаменныхъ солей (тартратовъ) изъ Австріи и изъ Италіи, которые разрабатываются сейчасъ на фабрикѣ. Г. Фикенчеръ посоветовалъ мнѣ обратиться къ профессорамъ здѣшняго университета, которымъ будто бы я не безызвѣстенъ. Съ завтрашняго дня пойду въ университетъ, гдѣ надѣюсь устроиться въ какой-либо лабораторіи. Думаю, что на анализъ этихъ виннокаменныхъ солей уйдетъ дней пять. Затѣмъ двинусь въ Вѣну дня на три и спѣшно изслѣдую венгерскія виннокаменные соли. Потомъ доберусь до Триеста, гдѣ найду виннокаменные соли, особенно привезенныя съ востока, а также и мѣстныя. Здѣсь у г. Фикенчера я убѣдился въ очень досадномъ фактѣ. Дѣло въ томъ, что виннокаменные соли, употребляемыя на его фабрикѣ, уже претерпѣли нѣкоторую обработку на мѣстѣ ихъ полученія, и эта обработка лишила ихъ почти всей виноградной кислоты, по крайней мѣрѣ, я такъ думаю. Необходимо поэтому добраться до мѣста ихъ полученія. Если бы были у меня средства, я бы поѣхалъ и въ Италію, но это невозможно. Поѣду въ другой разъ. Я готовъ положить на это хоть десять лѣтъ; но навѣрное не потребуется столько времени, и уже въ будущемъ письмѣ я надѣюсь сказать тебѣ, что добился хорошихъ результатовъ. Во-первыхъ, я почти увѣренъ, что нашелъ скорый способъ изслѣдовать виннокаменную соль на виноградную кислоту. Это пунктъ первѣйшей важности для моей работы. Необходимо спѣшить съ анализомъ всѣхъ сортовъ виннокаменныхъ солей. Г. Фикенчеръ съ меня ничего не беретъ за свои продукты, зато и я могъ дать ему нѣсколько совѣтовъ и привилъ ему значительную долю предпримчивости. Онъ рѣшилъ изготовлять для продажи лѣвую виноградную кислоту, и я далъ ему всѣ нужныя кристаллографическія указанія: я увѣренъ, что дѣло у него пойдетъ.

„Лейпцигъ, 15 сентября 1852 г. Дорогая Мари, пишу, не дожидаясь окончательнаго результата моихъ работъ, но писать больше не о

чемъ, такъ какъ всѣ три дня не выходилъ изъ лабораторіи и въ Лейпцигѣ знаю только улицу, ведущую изъ гостиницы „Баварія“ въ университетъ. Возвращаясь къ ночи, обѣдаю и ложусь спать. Только въ кабинетѣ д-ра Эрмана посѣтилъ меня здѣшній профессоръ физики Ганкель, который перевелъ всѣ мои научные доклады для нѣмецкаго журнала, выходящаго подъ редакціей д-ра Эрмана. Ганкель тоже работалъ надъ кристаллами (асимметрическими) и мнѣ было очень пріятно бесѣдовать съ нимъ. На-дняхъ я еще увижу проф. Наумана — минералога. Только завтра достигну перваго результата относительно виноградной кислоты. Остаюсь здѣсь еще дней десять; это дольше, чѣмъ я предполагалъ, но причина тому довольно пріятная. Г. Фикенчеръ направилъ

Пастеръ въ возрастѣ 30 лѣтъ. (Слѣва находится колба, которая служила для знаменитыхъ опытовъ Пастера надъ произвольнымъ зарожденіемъ).

меня здѣсь къ торговой фирмѣ, отъ которой, вѣроятно, получу завтра виннокаменные соли, совершенно не подвергавшіяся никакой обработкѣ и одинаковаго происхожденія съ тѣми, которыя поступаютъ на его г. Фикенчера фабрику. Этотъ торговый домъ указалъ мнѣ фабрику въ Венеціи и далъ рекомендательное письмо въ Триестъ. Такимъ образомъ буду въ Венеціи не для одного только развлечения. Напишу Біо, какъ только достигну первыхъ серьезныхъ результатовъ.

„Лейпцигъ, 18 сентября. Дорогая Мари! Вопросъ, который меня здѣсь удерживаетъ, очень сложенъ. Я хорошо изучилъ виннокаменные соли, полученные изъ Неаполя и уже разъ очищенные. Въ нихъ есть слѣды виноградной кислоты, но въ такомъ незначительномъ количествѣ, что ихъ можно обнаружить, только прибѣгая къ очень тонкому анализу.

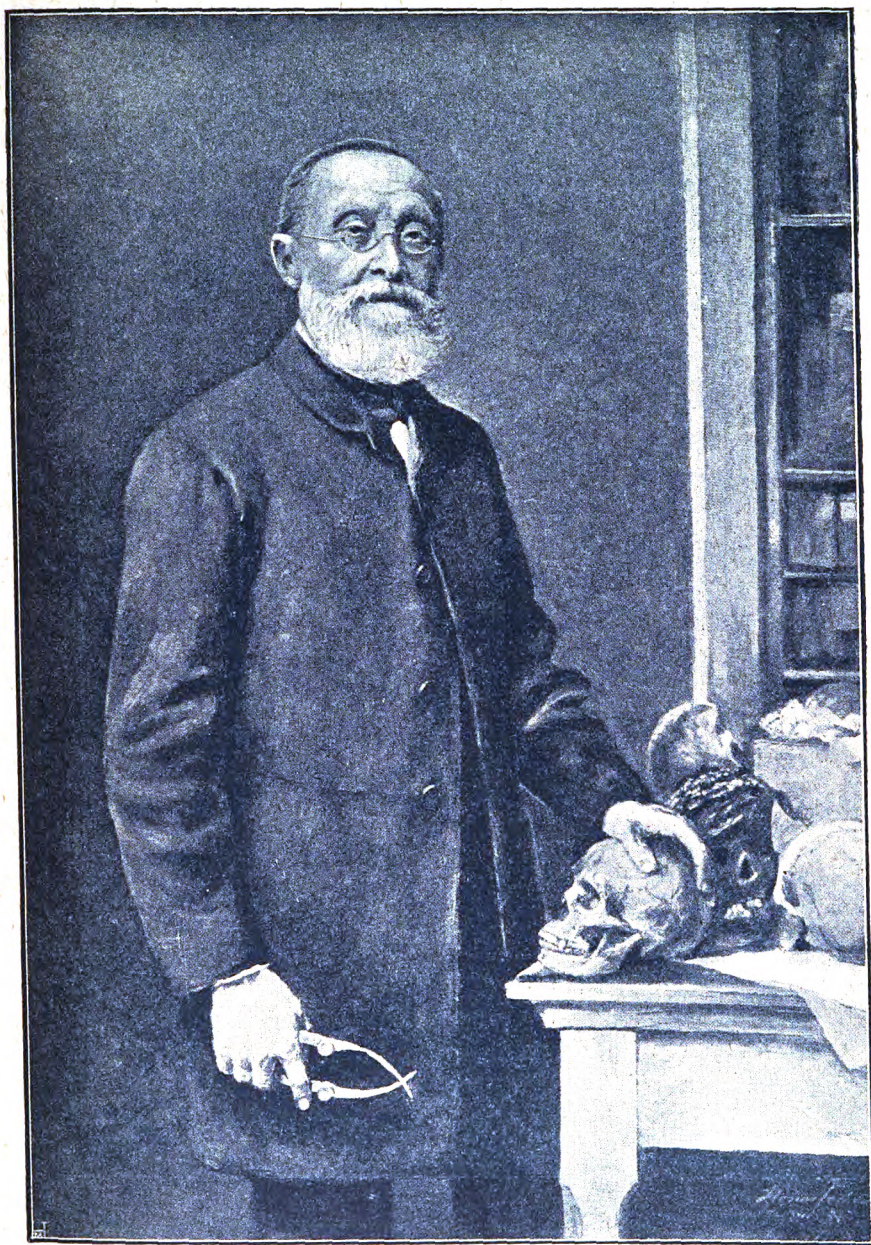
Потребовалось бы поставить производство на широкую ногу, чтобы добыть эту кислоту въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ. Но, вѣроятно, эти виннокаменные соли такъ бѣдны виноградной кислотой вследствие первоначальной обработки. Къ счастью, г. Фикенчеръ—просвѣщенный человѣкъ; онъ хорошо понималъ значеніе этой кислоты и готовъ слѣдовать моимъ указаніямъ, чтобы добывать этотъ странный продуктъ въ количествѣ, достаточномъ для коммерческихъ цѣлей. Я, кажется, выяснилъ себѣ исторію этого тѣла: въ 1820 году г. Кестнеръ обрабатывалъ винный камень неаполитанскій, какъ онъ и говорилъ, но получалъ его въ совершенно нетронутомъ видѣ...

„Фрейбергъ, 23 сентября. 21-го вечеромъ я былъ въ Дрезденѣ и на другой день лишь въ 11 час. получить паспортъ, такъ что могъ выѣхать изъ города лишь въ 7 час. вечера. Это дало мнѣ время осмотрѣть городъ, музей... Я провелъ 4 часа въ его галлерей, забавляясь тѣмъ, что отмѣчалъ въ каталогѣ тѣ картины, которыя мнѣ больше понравились. Тѣ, которыя привлекли мое вниманіе, отмѣчалъ я крестомъ, потомъ ставилъ два креста, три креста—смотря по степени моего восхищенія; доходилъ я до 4-хъ крестовъ“...

„Вѣна, 27-го сентября 1852 г. Вчера утромъ я отправился съ разными визитами. Къ несчастью, я узнаю, что г. Шротеръ находится сейчасъ въ Висбаденѣ на научномъ конгрессѣ, какъ и г. Зейбель, фабрикующій виннокаменную кислоту. Г. Миллеръ, фабрикантъ, къ которому у меня было письмо, просилъ для меня у помощника г. Зейбеля разрѣшенія посѣтить фабрику, но получилъ отказъ въ виду отсутствія владѣльца.

„Отыскиваю имена и адреса различныхъ вѣнскихъ профессоровъ, и къ счастью попадаетея мнѣ очень извѣстное имя въ наукѣ; это г. Редтенбахеръ, который оказался по отношенію ко мнѣ очень предупредительнымъ. Онъ былъ сегодня у меня въ 6 часовъ утра, а въ 7 часовъ мы сѣли на повѣздъ, чтобы ѣхать на фабрику Зейбеля, которая недалеко отъ Вѣны. Насъ встрѣтилъ химикъ фабрики, который безъ затрудненій ввелъ насъ въ святилище, и послѣ многихъ разспросовъ мы убѣдились, что они въ прошлую зиму находили виноградную кислоту и проч... Опускаю много подробностей, полныхъ для меня интереса, такъ какъ здѣсь обрабатываютъ уже нѣсколько лѣтъ виннокаменные соли и къ тому же еще не подвергавшіяся никакой обработкѣ. Выхожу я оттуда предовольный. Въ Вѣнѣ находится еще другая фабрика виннокаменной кислоты. Отправляемся туда. Повторяю, при помощи г. Редтенбахера, всю ту же серію вопросовъ. Ничего не знаютъ и не видали. Прошу разрѣшенія осмотрѣть ихъ производство, нападаю на бочку кристаллической виннокаменной кислоты, и мнѣ кажется, что на поверхность я различаю пресловутый продуктъ, котораго всюду ищу. Первый анализъ, произведенный тутъ же на фабрикѣ, съ плохими загрязненными стеклами, убѣждаетъ меня въ этомъ еще болѣе. Въ лабораторіи г. Редтенбахера послѣднія сомнѣнія разсѣялись... Возвращаемся на фабрику, и тутъ вышелъ случай прямо чудесный: какъ разъ въ ту минуту на фабрикѣ были озадачены неизвѣстнымъ продуктомъ, который принимали за сѣрно-кислый кали и который не что иное, какъ виноградная кислота! Мнѣ бы хотѣлось войти въ большія подробности всѣхъ приключеній этого дня!

„Я долженъ былъ уѣхать изъ Вѣны сегодня вечеромъ, но ты понимаешь, что послѣ неожиданностей сегодняшняго дня я остаюсь, чтобы

Рудолфъ Вирховъ. — Съ портрета Ганса Фехнера.

лучше разъяснить себѣ всѣ эти обстоятельства. Въ лабораторіи у меня уже три различныхъ образца съ той самой фабрики, и дня черезъ два я разберу точно, въ чемъ дѣло“.

Изъ остальной переписки, относящейся къ этой поѣздкѣ, мы приведемъ лишь отрывокъ изъ письма, посланнаго Пастеромъ изъ Праги.

„Прага, 1-го октября. Вотъ уже новость! Приѣзжаю въ Прагу, останавливаюсь въ гостинницѣ „Англія“, завтракаю, ѣду къ г. Рохледеру, профессору химіи, чтобы съ его рекомендательнымъ письмомъ идти къ фабриканту. Направляюсь къ химику фабрики, д-ру Расману, съ письмомъ, въ которомъ изложены всѣ вопросы, которые я обычно предлагаю фабрикантамъ виннокаменной кислоты. Прочтя письмо и понявъ въ чемъ дѣло, д-ръ Расманъ говоритъ: „Я давно произвожу виноградную кислоту“.

„Прага.—Г-нъ Расманъ ошибается... онъ никогда не получалъ виноградной кислоты изъ виннокаменной. Онъ дѣлаетъ то же, что дѣлаетъ г. Фикенчеръ и всѣ вѣнскіе фабриканты съ незначительными измѣненіями, которыя въ общемъ подтверждаютъ мой взглядъ, изложенный мною на-дняхъ въ письмѣ къ Дюма“.

Наконецъ, измученный постоянными переездами и напряженной работой, Пастеръ возвращается домой, глубоко довольный тѣми результатами, которые ему удалось добыть. У него уже составилъ планъ, какимъ образомъ можно организовать добычу искусственнымъ путемъ виноградной кислоты, что до того момента не удавалось ни одному химику и что должно было сыграть огромную роль во многихъ производствахъ того времени. Насколько подобный замыселъ представлялъ собою смѣлое новшество въ тогдашней химіи, можно видѣть изъ письма знаменитаго химика Сенармона, очень дружественно относившагося къ молодому ученому и боявшагося, чтобы вслѣдствіе горячности, свойственной молодости, Пастеръ не испортилъ необдуманнѣйшимъ шагомъ своей все возроставшей славы. „Я совѣтую вамъ“,—писалъ онъ Пастеру,—„распространяться объ этомъ только тогда, когда вамъ удастся доказать, что вы добываете искусственную виноградную кислоту изъ виннокаменныхъ солей, чистоту которыхъ вы сами провѣрили: 1) что искусственная кислота дѣлится, какъ и натуральная, въ равныхъ доляхъ на виннокаменную кислоту правую и кислоту лѣвую, и 2) что кристаллы искусственной виноградной кислоты обладаютъ формой, оптическими свойствами кристалловъ натуральной виноградной кислоты. Не думайте, что я къ вамъ попусту придираюсь, я бы требовалъ такой же точности отъ себя самого. Когда дѣло идетъ о подобномъ фактѣ, надобно быть въ немъ трижды увѣреннымъ“. Но Пастеръ и самъ отличался изумительной изслѣдовательской осторожностью, и если онъ высказывалъ предположеніе о возможности какого-нибудь открытія, то можно было съ увѣренностью сказать, что, по крайней мѣрѣ, путь, ведущій къ этому открытію для него ясенъ, и весь вопросъ заключается лишь въ практическомъ выполненіи уже намѣтившагося плана, основаннаго на строго реальныхъ основаніяхъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. И, дѣйствительно, прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ упорной работы все въ одномъ и томъ же направленіи и практическія трудности были побѣждены. Въ іюнѣ 1853 г. Пастеръ уже писалъ своему отцу: „Дорогой отецъ, я только что отправилъ Біо телеграмму слѣдующаго содержанія: „Превращаю виннокаменную кислоту въ виноградную, прошу васъ сообщите Сенармону и Дюма“. Итакъ,

виноградныя кислоты, за которыми я гнался до Вѣны, могутъ быть добыты искусственнымъ путемъ изъ виннокаменной кислоты; я долго думалъ, что это невозможно; этотъ успѣхъ повлечетъ неисчислимые результаты“.

Возясь все съ той же своей виноградной кислотой, Пастеръ напнулся на любопытный фактъ, который далъ сильнѣйшій толчокъ къ тому, чтобы этотъ ученый направилъ свою мысль и дѣятельность въ новую область, въ которой онъ достигъ величайшихъ успѣховъ и величайшей славы, какія только когда-либо выпадали на долю человѣка. Фактъ этотъ въ изложеніи самого Пастера представляется въ слѣдующемъ видѣ. „Я заставляю бродить растворъ виноградной кислоты“,—говоритъ онъ,—„прибавляя въ него одну изъ солей этой кислоты, напр., виноградно-аммонійную соль; при этомъ я заставляю бродить лишь правую виннокаменную кислоту; лѣвая же вся безъ измѣненія сохранится въ растворѣ. Прибавлю, что этотъ приемъ представляетъ самый простой способъ добыванія лѣвой виннокаменной кислоты. По какой же причинѣ распадается одна правая кислота? Потому, что зародыши (бродильные грибки) такого броженія питаются не лѣвыми, а предпочтительно правыми молекулами раствора“...

На этомъ мы покончимъ характеристику перваго періода научной дѣятельности Пастера. Подведемъ нѣкоторые итоги. Въ этотъ періодъ Пастеръ рельефно выявился, какъ ученый. Необычайная трудоспособность, добросовѣстность и настойчивость — съ одной стороны, рѣдкая смѣлость браться за самые запутанные и темные вопросы того времени и умѣнье точными, остроумными, можно сказать, гениально-задуманными опытами освѣщать самыя, казалось бы, безнадежныя положенія, — съ другой — таковы были его свойства, какъ ученаго. Въ этомъ отношеніи глубоко былъ правъ старикъ Біо, когда говорилъ о Пастерѣ: „У насъ тутъ есть молодой человѣкъ, по имени Пастеръ. У него хорошія мысли. Онъ освѣщаетъ все, къ чему прикоснется“, и глубоко заблуждался слишкомъ осторожный Эм. Вердѣ въ своемъ приговорѣ о молодомъ ученомъ: „О, Пастеръ! Пастеръ никогда не сдѣлаетъ ничего путнаго, при всѣхъ своихъ дарованіяхъ. Онъ берется за неразрѣшимые вопросы!“

Но эта смѣлость браться за вопросы, представлявшіеся другимъ неразрѣшаемыми, и выработала изъ Пастера несравнимаго экспериментатора, умѣвшаго необычайно строго относиться къ своимъ научнымъ выступленіямъ. То, что онъ говорилъ въ послѣдствіи своимъ ученикамъ, онъ выработалъ въ качествѣ руководства для себя, можно сказать съ первыхъ шаговъ своей ученой карьеры.

„Не высказывайте ничего“,—говорилъ онъ,—„что не можетъ быть доказано простыми и рѣшительными опытами.“

„Чтите духъ критики. Самъ по себѣ онъ не пробуждаетъ новыхъ идей, не толкаетъ къ великимъ дѣламъ. Но безъ него все шатко. За нимъ всегда послѣднее слово. То, чего я требую отъ васъ, и чего вы въ свою очередь потребуете отъ вашихъ учениковъ, — самое трудное для изслѣдователя.“

„Думать, что открылъ важный научный фактъ, томиться лихорадочной жаждой возвѣстить о немъ—и сдерживать себя днями, недѣлями, годами, бороться съ самимъ собой, стараться разрушить собственные опыты, и не объявлять о своемъ открытіи, пока не исчерпалъ всѣхъ противоположныхъ гипотезъ,—да, это тяжелая задача!“

„Но когда, послѣ столькихъ усилій, достигнешь увѣренности, то испытываешь величайшую радость, какая только доступна душѣ человѣческой“...

И все это Пастеръ говорилъ по собственному опыту. Вѣдь и онъ зналъ шипы научнаго изслѣдованія. Въ то самое время, когда онъ производилъ свои знаменитые опыты съ виноградной кислотой, принесшіе ему не только глубокое удовлетвореніе, доставляемое достиженіемъ трудной цѣли, но и славу ученаго и орденъ почетнаго легіона и премію въ 1500 франковъ (половину которой онъ затратилъ на оборудованіе своей жалкой страсбургской лабораторіи), онъ велъ еще рядъ трудныхъ опытовъ, которые, несмотря на массу времени и силъ, не привели ни къ чему. Объ этомъ эпизодѣ изъ ученой жизни Пастера г-жа Орлова рассказываетъ слѣдующее. „Онъ въ эту зиму много времени и терпѣнія положилъ на наблюденіе вліянія на растеніе отраженныхъ солнечныхъ лучей, которые направлялись на растеніе отъ зеркала, двигающагося при помощи гелиостата (прибора, дающаго возможность направлять солнечные лучи по одному направленію въ теченіе всего дня); въ то же время другое растеніе онъ приводилъ помощью часового механизма въ непрерывное вращательное движеніе, попеременно въ противоположныхъ направленіяхъ. Ему, повидимому, хотѣлось найти связь между характеромъ освѣщенія и тѣмъ обстоятельствомъ, что оптически дѣятельныя вещества вращаютъ поляризованный лучъ почти всегда вправо. Эти опыты не привели ни къ какимъ результатамъ, и жена его писала своему свекру: „Луи продолжаетъ слишкомъ увлекаться опытами,—вы вѣдь знаете, что новыя наблюденія, которыми онъ занятъ въ этомъ году, должны дать намъ, если удадутся, новаго Ньютона или Галилея“... *).

И Луи Пастеръ дѣйствительно сталъ для человѣчества новымъ Ньютономъ и новымъ Галилеемъ, но только на другомъ пути, нащупанномъ имъ въ ту же эпоху изслѣдованія виноградной кислоты.

И самый характеръ работъ и даже до извѣстной степени самыя темы будущихъ великихъ открытій опредѣлились въ этотъ первый ученый періодъ жизни Пастера. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что съ первыхъ же шаговъ вниманіе молодого ученаго было сосредоточено на явленіяхъ, въ которыхъ главную роль пришлось отвести безконечно малымъ, опредѣляющимъ цѣлый рядъ отношеній микроскопическихъ, доступныхъ невооруженному глазу. Въ этой же области безконечно-малыхъ—на этотъ разъ микроорганизмовъ—и продолжается работа великаго ученаго въ теченіе всей его трудовой и славной жизни. И важность міра микроорганизмовъ въ нѣкоторыхъ процессахъ повседневной жизни выяснилась, какъ было показано выше, для Пастера въ этотъ же періодъ его жизни (работа плѣсневатаго грибка въ дѣлѣ созданія лѣвой кислоты). Наконецъ, и идея о необходимости искать начала жизни въ области соотношеній безконечно-малыхъ зародилась у Пастера опять-таки въ этотъ періодъ его дѣятельности. Въ этомъ отношеніи огромную роль сыграли процессы „зарубцеванія“, „заживленія“ кристалловъ. Пастеръ показалъ, что если въ достаточно густой растворъ соли опустить надломленный кристаллъ этой соли, то форма кристалла восстанавливается. Слѣдовательно,—думалъ Пастеръ,—въ этихъ отношеніяхъ другъ къ другу безконечно-малыхъ и слѣдуетъ искать начало возникновенія жизненныхъ явленій. Плодотворная мысль Пастера, правда, въ этомъ вопросѣ по-

*) Биографія см. II-й томъ „Вел. Людей“.

шла по другому, — біологическому, — пути, но, тѣмъ не менѣе, важность изысканій для рѣшенія задачъ этого рода въ области микроорганизмовъ и важность значенія микроорганизмовъ для жизненныхъ процессовъ осталась для Пастера очевидной во время всѣхъ его послѣдовавшихъ работъ.

Въ общемъ очеркѣ мы съ достаточной обстоятельностью выяснили значеніе и сущность работъ Пастера, посвященныхъ дѣятельности микроорганизмовъ въ процессахъ, играющихъ огромную роль въ нашей повседневной жизни. Намъ остается поэтому очертить только чисто біографическія условія, въ которыхъ были произведены эти великія открытія.

Осенью 1854 года Пастеръ былъ назначенъ профессоромъ и деканомъ университета въ только что открытомъ тогда университетѣ Лилля. Какъ профессоръ и руководитель новаго факультета, Пастеръ сочеталъ двѣ идеи, которыя бываетъ особенно трудно правильно скомбинировать въ педагогической практикѣ. Съ одной стороны, онъ настойчиво старался возможно шире поставить лабораторныя работы студентовъ, которые должны были повторять опыты, произведенные передъ ними профессорами. „Найдется ли“, — говорилъ онъ, — „такой молодой человѣкъ, у котораго не пробудятся любознательность и интересъ къ дѣлу, когда, взявъ картофелину, онъ изъ нея получитъ сперва сахаръ, потомъ изъ сахара алкоголь, изъ алкоголя эфиръ и уксусъ. Едва ли найдется такой юноша, который не расскажетъ съ увлеченіемъ своей семьѣ, какъ онъ телеграфировалъ при помощи электрическаго аппарата *). И повѣрьте, милостивые государи, такія занятія и знанія, пріобрѣтенныя такимъ путемъ, не забываются. Они вспоминаются, какъ мѣстность, которую самъ исходилъ, а не прочелъ лишь ея описаніе. И сыновья ваши не забудутъ, изъ чего состоитъ воздухъ, которымъ мы дышимъ, когда на ихъ глазахъ, подъ ихъ руками появится рядъ чудесныхъ свойствъ его составныхъ частей“. Но горе, если учащій или учащійся настолько увлечется „практицизмомъ“, что позабудетъ все великое значеніе теоріи! „Безъ теоріи“, — говорилъ онъ, — „практика превращается въ рутину, называемую привычкой“.

Только теорія можетъ зародить и развитъ изобрѣтательность ума. Вамъ особенно слѣдуетъ остерегаться того узкаго взгляда, который пренебрежительно относится ко всему тому въ наукѣ, что не имѣетъ практическаго употребленія. Я напому вамъ прекрасныя слова Франклина. При демонстраціи чисто научнаго опыта, услыхавъ отъ одного изъ присутствующихъ вопросъ: „да что же изъ этого будетъ?“ Франклинъ отвѣтилъ другимъ вопросомъ: „а что будетъ изъ новорожденнаго ребенка?“ Однако же въ ребенкѣ есть невидимые зародыши тѣхъ качествъ, которыя всѣмъ присущи; въ новорожденномъ, жизнь котораго такъ хрупка, можетъ заключаться будущій судья, ученый, герой... Точно также теоретическое открытіе дорого однимъ своимъ появленіемъ. Оно родитъ надежду, оно — задатокъ дальнѣйшаго развитія; обработайте его, и оно преобразится...

„Знаете ли вы, какъ былъ открытъ телеграфъ? Это было въ 1822 году: Эрштедъ, датскій ученый, держалъ въ рукахъ мѣдную проволоку, концы которой соединены были съ полюсами Вольтова столба. На его столѣ была магнитная стрѣлка, и Эрштедъ увидалъ, — случайно, скажете вы, но помните, что лишь подготовленный умъ замѣчаетъ случайное и

*) Который былъ изобрѣтенъ Морзомъ (см. III т. „В. Л.“) въ 1837 году.

воспользуется имъ, — итакъ, Эрштедъ увидалъ, что стрѣлка внезапно сдвинулась на своемъ стержнѣ и стала въ положеніи, не отвѣчающемъ дѣйствию земного магнетизма. Оказалось, что электрическій токъ, проходя по проволоцѣ, измѣняетъ положеніе магнитной стрѣлки. Вотъ, милостивые государи, зародышъ нынѣшняго телеграфа, а какъ, при видѣ движущейся въ неожиданномъ направленіи стрѣлки, не спросить, какъ у Франклина, — что же изъ этого? Не прошло и 20 лѣтъ послѣ наблюденія Эрштеда, какъ его открытіе, примѣненное къ электрическому телеграфу, привело къ кажущимся почти сверхестественными результатамъ. Эти идеи Пастеръ и положилъ въ основу своей педагогической дѣятельности. Реализуя ихъ умѣлой рукой, онъ быстро доставилъ Лилльскому университету крупную извѣстность. На его курсахъ присутствовало отъ 250 до 300 человекъ; въ его лабораторіи записался 21 практикантъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ и ученая дѣятельность Пастера въ Лиллѣ была поставлена въ болѣе благоприятныя условія, чѣмъ въ Страсбургѣ. „У меня“, — пишетъ онъ, — „наконецъ есть то, чего я всегда желалъ — лабораторія, доступная мнѣ во всякое время: она подъ моей квартирой; иногда всю ночь въ ней горитъ газъ, и опыты не прерываются. Такимъ образомъ я стараюсь наверстать нѣсколько часовъ изъ того времени, которое поглощается многочисленными дѣлами по службѣ. Прибавъ къ тому, что я членъ двухъ обществъ, довольно дѣятельныхъ, и что мнѣ поручили, по предложенію городского совѣта, изслѣдовать удобренія, годныя для нашего края. Это трудъ довольно значительный въ нашей земледѣльческой странѣ, но я охотно взялся за него ради увеличенія популярности нашего новорожденнаго университета и съ цѣлью пропагандировать его значеніе. Не бойся, что все это отвлекаетъ меня отъ дорогихъ мнѣ научныхъ занятій. Я ихъ не могу забросить и надѣюсь, что уже достигнутое можетъ развиваться безъ моей помощи, благодаря лишь времени: оно вырабатываетъ все способное приносить плодъ. „Будемъ всѣ работать, только работа даетъ радость“ — это слова Біо, и ему, конечно, можно вѣрить.

Съ 1856 г., когда мѣстный сахарозаводчикъ обратился къ нему съ просьбой разобрать какой-то темный случай въ техническихъ процессахъ, исполняемыхъ на его заводѣ, Пастеръ, какъ и раньше, съ огромной охотой ухватился за практическую работу такого рода. Мы знаемъ (см. Об. оч.), что наблюденія надъ измѣненіями, происходившими въ сокѣ свекловицы, стали исходнымъ пунктомъ для Пастера при изученіи алкогольнаго броженія. Эти же послѣднія изслѣдованія очень быстро привели къ выясненію роли микроорганизмовъ въ процессахъ гніенія, броженія, разложенія и заболѣваній. Но въ Лиллѣ было заложено лишь самое начало знаменитыхъ работъ Пастера, которыя затѣмъ были очень быстро перенесены въ Парижъ. Ему было предложено мѣсто одного изъ помощниковъ директора Нормальной Школы. Такимъ образомъ Пастеръ долженъ былъ принять на себя огромное количество обязанностей чисто административныхъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ наукѣ. Силы знаменитаго ученаго расточались на чуждое ему дѣло. Біо съ величайшимъ негодованіемъ говорилъ о подобномъ отношеніи къ Пастеру. Къ тому же Пастеръ вовсе не имѣлъ при Нормальной Школѣ лабораторіи. Хлопоты Пастера въ этомъ отношеніи увѣнчались лишь тѣмъ, что ему отвели для его опытовъ двѣ жалкія коморки на чердакѣ. О тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ Пастеру здѣсь пришлось вести свои ученые изслѣдованія, можетъ дать представленіе слѣдующій отрывокъ изъ его письма къ Шапюи:

„Я нашелъ, что алкогольное броженіе всегда сопровождается образованіемъ нѣкотораго количества глицерина. Это очень любопытно. Такимъ образомъ въ литрѣ вина находится нѣсколько граммъ глицерина, присутствіе котораго до сихъ поръ не подозрѣвали. Я бы продолжалъ эти изысканія, если бы не жара въ 36°, которая меня выгоняетъ изъ пекла моей лабораторіи на чердакъ. Съ грустью гляжу, какъ проходить попусту для моей работы самые длинные дни года. Однако же я такъ сжился со своимъ чердакомъ, что мнѣ будетъ жаль его покинуть, даже надѣюсь его увеличить во время ближайшихъ каникулъ. Тебѣ не меньше моего приходится бороться для своей работы съ матеріальными затрудненіями, но, милый мой, не только не надо отъ этого падать духомъ, а, напротивъ, надо изъ этихъ условий сумѣть выработать избытокъ энергіи“... Къ этимъ неудобствамъ надо прибавить то огорченіе, которое принесла Пастеру смерть его старшей дочери (отъ тифа). Онъ писалъ по этому поводу отцу: „Не могу въ настоящую минуту не вспомнить мою бѣдную дѣвочку, такую добренькую, здоровую, жизнерадостную. Еще немного, и она стала бы для матери, для меня, для всѣхъ насъ другомъ... Прости меня, дорогой папа, что я вновь огорчаю тебя этими воспоминаніями: она блаженна — будемъ думать о тѣхъ, которые остались, и постараемся устранить отъ нихъ, по мѣрѣ нашихъ силъ, горечь жизни“.

Эти неудобства и огорченія не заставили Пастера опустить руки. Въ 1860 г. онъ представилъ Академіи докладъ о самозарожденіи. Около этого же времени Пастеру удалось, наконецъ, добиться и болѣе сносной

Дж. Листеръ.

лабораторіи въ помѣщеніи Нормальной Школы. Зная по собственному опыту, какое огромное значеніе имѣетъ для молодыхъ лучей, окончившихъ высшую школу, возможность самостоятельныхъ изслѣдованій, Пастеръ добился учрежденія при Нормальной Школѣ пяти лаборантскихъ мѣстъ для молодыхъ людей, окончившихъ Школу съ отличіемъ. Конечно, такое количество изслѣдователей невозможно было помѣстить въ чердачной лабораторіи Пастера тѣмъ болѣе, что для болѣе правильной и цѣлесообразной постановки занятій съ этими лаборантами пришлось въ помощь Пастеру назначить еще преподавателя. Новая лабораторія Нормальной Школы была устроена въ маленькомъ павильонѣ противъ помѣщенія

привратника. — Это были четыре небольшія комнатки, расположенныя въ двухъ этажахъ. Подъ лѣстницей нашлось мѣсто даже для инкубатора, но лазать туда приходилось на четверенькахъ. Здѣсь-то и была начата серія опытовъ надъ распространеніемъ микроорганизмовъ въ воздухъ, — опытовъ, открывшихъ новую эру въ наукѣ. Отъ опытовъ съ воздухомъ Пастеръ перешелъ къ опытамъ надъ броженіемъ вина, приведшимъ къ знаменитой „пастеризаціи“. Эти не менѣе замѣчательные опыты были также произведены въ удивительно убогой обстановкѣ. Муниципальный совѣтъ городка Арбуа, въ которомъ жилъ отецъ Пастера, гдѣ прошли его собственное юношество и дѣтство и куда онъ такъ часто при-

взжалъ на лѣтнія каникулы для продолженія своихъ научныхъ изысканій, предложилъ выстроить для знаменитаго ученаго, преславившаго родной городъ, специальную лабораторію, но Пастеръ отклонилъ это предложеніе, находя его слишкомъ обременительнымъ для маленькаго городка, и самъ нанялъ для своей лабораторіи помѣщеніе крошечнаго заброшеннаго рестораника на окраинѣ города.

„Пастеризація“, т. е. охраненіе вина отъ паразитныхъ микроорганизмовъ путемъ нагрѣванія до 50—60°, произвела огромное впечатлѣніе въ винодѣльческой Франціи. Императоръ Наполеонъ III, любившій выставлять себя покровителемъ наукъ и искусствъ, пригласилъ Пастера къ себѣ въ Колтъень, гдѣ Пастеру пришлось прочесть дѣльную лекцію о пастеризаціи вина и демонстрировать свои положенія при помощи микроскопа передъ „самымъ избраннымъ“ обществомъ. Императоръ и императрица высказали удивленіе, почему Пастеръ не хочетъ взять привилегіи на свое изобрѣтеніе и такимъ образомъ извлечь изъ своихъ трудовъ законныхъ выгодъ. „Пастеръ“, говоритъ г-жа Орлова, „отвѣтилъ, что во Франціи человѣкъ науки почувствовалъ бы, дѣйствуя такъ, униженіе своего нравственнаго достоинства. Онъ говорилъ, что эксплуатируя свою научную работу, тѣмъ самымъ осложнилъ бы ее; кромѣ того, мысль можетъ уклониться отъ научнаго направленія и рискуетъ парализовать въ себѣ стремленіе къ новымъ научнымъ изслѣдованіямъ“.

Это свиданіе съ Наполеономъ принесло Пастеру огромную пользу въ томъ отношеніи, что ускорило рядъ повѣрочныхъ опытовъ, доставившихъ окончательное торжество новымъ идеямъ Пастера, встрѣчавшимъ сильнѣйшее сопротивленіе въ рутинѣ. Это именно были опыты съ виномъ, запасы котораго дѣлаются ежегодно для флота.

Въ августѣ того же года Пастеръ писалъ своему молодому талантливому ассистенту Раулину (преждевременно скончавшемуся): „Выѣду изъ Парижа 16-го числа съ женой и дѣтьми и поѣду сперва недѣли на три къ океану... Къ концу мѣсяца или лучше въ первыхъ числахъ сентября мнѣ очень хотѣлось бы, если вы свободны, чтобы вы согласились поѣхать со мной въ Тулонъ, гдѣ будутъ производиться опыты по распоряженію морского министра. Собираются послать въ Габонъ и Кохинхину большія партіи подогрѣтаго и неподгрѣтаго вина для провѣрки этого приѣма. Матросы пьютъ постоянно укусъ (скишеее вино)“... Въ сентябрѣ 1868 г. Пастеръ опять писалъ своему другу Шалюи: „Я очень доволенъ пробными результатами въ Тулонѣ и вообще тѣмъ, что получилъ возможность дѣлать опыты съ виномъ во флотѣ. Въ два дня мы нагрѣли 650 гектолитровъ (130 бочекъ). Быстрота этого приѣма позволяетъ прибѣгать къ нему для самыхъ крупныхъ запасовъ и для спѣшныхъ заготовленій. Эти 650 гектолитровъ плывутъ къ западному африканскому берегу, съ ними контрольныхъ 50 гектолитровъ несогрѣтаго вина. Если окажется успѣхъ, т. е. если 650 гектолитровъ выдержатъ безъ измѣненія плаваніе и стоянку, а 50 гектолитровъ контрольныхъ испортятся, въ чемъ я на основаніи собранныхъ наблюденій увѣренъ, вопросъ будетъ рѣшенъ окончательно, и въ будущемъ все вино для снабженія флота будетъ гарантировано отъ порчи предварительнымъ нагрѣваніемъ. Расходъ не превышаетъ 5 сантимовъ (около 2 к.) на гектолитръ. Результаты этихъ испытаній существенно повліяютъ на торговлю, которая всегда и по праву недовѣрчиво относится къ нововведеніямъ. Впрочемъ, уже видно, что согрѣваніе приѣмляется въ большихъ размѣрахъ, напр., въ Нарбоннѣ; нѣсколько тамошнихъ торговцевъ писали мнѣ объ этомъ способѣ съ большою похвалою.“

Однимъ словомъ, широкое примѣненіе приѣма теперь налажено, и я вполне увѣренъ, что онъ будетъ постепенно распространяться. Вывозъ нашихъ винъ за границу чрезвычайно возрастетъ, — вѣдь наши вина нельзя было доставлять и въ Англію и вообще перевозить моремъ безъ значительной примѣси спирта, что отзывается и на цѣнѣ и на гигиеническихъ ихъ качествахъ“.

За работами по пастеризаціи вина послѣдовали не менѣ блестящія работы о „пегринь“, болѣзни шелковичнаго червя, сущность которыхъ изложена намъ въ общемъ очеркѣ. На приглашеніе сенатора Дюма заняться этимъ важнымъ вопросомъ, Пастеръ отвѣчалъ: „Ваше предложеніе меня повергаетъ въ глубокое недоумѣніе. Оно для меня лестно, и вами, конечно, руководитъ состраданіе; прошу васъ, однако вспомнить, что я никогда не занимался шелковичными червями. Если бы я обладалъ хотя частью познаній по этому предмету, я не колебался бы; конечно, въ этомъ вопросѣ есть нѣкоторыя точки соприкосновенія съ моими теперешними работами, и воспоминанія о вашей добротѣ ко мнѣ всегда стояли бы передо мной укоромъ, если бы я рѣшился отвѣтить отказомъ на ваше предложеніе. Располагайте мной“...

Перечитавъ весь печатный матеріалъ, который имѣлъ отношеніе къ данному вопросу и разспросивъ всѣхъ, кого только могъ найти въ Парижѣ, о болѣзни шелкопряда, Пастеръ отправился въ Але, центръ французскаго шелководства. Съ увлеченіемъ и сознаніемъ огромной отвѣтственности взялся Пастеръ за свои новыя изслѣдованія. Даже смерть горячо любимаго имъ отца отвлекла его отъ работъ только на самое короткое время... „До свиданія, дорогая Мари, до свиданія, дѣти“ — писалъ онъ по поводу похоронъ своего отца, — будемъ вспоминать бѣднаго дѣдушку; какъ я радъ, что онъ всѣхъ васъ недавно видѣлъ и обнималъ и что онъ успѣлъ увидать нашу маленькую Камиллу. Мнѣ ужасно хочется быть съ вами и обнять васъ, но нужно вернуться въ Але. Всѣ мои наблюденія отерочатся на годъ, если я не буду тамъ сейчасъ. У меня возникаютъ нѣкоторыя идеи относительно этой болѣзни, этого страшнаго бича всего нашего юга. Одинъ районъ Але, — говорилъ мнѣ супрефектъ, — потерялъ за послѣднія 15 лѣтъ 120 милліоновъ. Дюма вполне правъ, — необходимо этимъ заняться, и я ѣду продолжать свои наблюденія“...

Сдѣлавъ первую серію необходимыхъ наблюденій, Пастеръ вернулся въ Парижъ, гдѣ его ожидало новое личное горе, — тяжело захворала его маленькая дочурка Камилла. Началась тяжелая полоса жизни, полная трагической борьбы между общественнымъ долгомъ и личнымъ чувствомъ. Весь день съ ранняго утра Пастеръ проводилъ въ лабораторіи за своими изслѣдованіями, а ночи просиживалъ у постели больного ребенка. Но жизнь требовала все новыхъ и новыхъ трудовъ; Дюма, подготавливая полное изданіе сочиненій великаго французскаго химика Лавуазье, обратился къ Пастеру съ просьбой написать очеркъ жизни и трудовъ Лавуазье. Пастеръ отвѣчалъ на это предложеніе: „Въ виду дружественнаго довѣрія, выраженнаго вами, рѣшаюсь послать вамъ набросокъ статьи, но прошу васъ уничтожить его, если онъ васъ не удовлетворитъ. Прошу еще объ одномъ: дайте мнѣ больше срока; чувствую, что мнѣ понадобится много времени, оттого ли что я не опытенъ въ такой работѣ или потому, что слишкомъ усталъ умственно и физически со времени болѣзни моей бѣдной дѣвочки, положеніе которой, какъ кажется, ухудшается съ каждымъ днемъ“. Отвѣтъ Дюма на это письмо также представляетъ интересъ въ

виду той характеристики, которую онъ даетъ въ немъ самому Пастеру. „Дорогой коллега и другъ“, — пишетъ онъ, — „благодарю васъ за любезное согласіе. Я никого не знаю въ настоящее время, кто ближе васъ подходилъ бы къ складу ума Лавуазье и его методу, при которомъ наблюденіе въ высшей степени подчиняется разсужденію. Искусство наблюдать стоитъ особнякомъ отъ искусства ставить опыты. Въ первомъ случаѣ безразлично, откуда и какъ получается наблюдаемый фактъ, — благодаря ли логикѣ или благопріятнымъ условіямъ, лишь была бы у наблюдателя способность видѣть безъ предубѣжденія и нѣкоторая проницательность. Искусство ставить опыты, проводя ихъ отъ перваго звена цѣпи до конца безъ недочетовъ и безъ колебаній, умѣнье задавать себѣ постепенно вопросъ за вопросомъ, разрѣшать ихъ опытомъ и такимъ путемъ доходить отъ едва занимающейся зари до полного разсвѣта, — это искусство Лавуазье обратилъ въ методъ, которымъ вы обладаете въ высокой степени. Слѣдять за этимъ доставляетъ мнѣ наслажденіе. Не стѣсняйтесь временемъ“...

Работа надъ очеркомъ жизни и дѣятельности Лавуазье, заняла много времени у Пастера, но онъ ее исполнилъ, не смотря на рядъ изслѣдованій, надъ которыми онъ трудился, и не смотря на новое личное горе, которое ему причинила смерть малютки Камиллы.

Въ концѣ того же года Пастеръ выбираетъ для своихъ изслѣдованій, — новую въ высшей степени важную тему — изученіе холеры, которая сначала была занесена въ Марсель, а затѣмъ перенесена въ Парижъ. Эти свои работы совмѣстно съ Клодомъ Бернаромъ и Девилемъ Пастеръ производилъ въ мансардѣ, помѣщавшейся надъ палатою холерныхъ больныхъ. Имъ постоянно приходилось имѣть дѣло съ воздухомъ, кровью, изверженіями больныхъ, и имъ ежеминутно грозила опасность самимъ заразиться этой ужасной болѣзью. На замѣчаніе, брошенное какъ-то вскользь Девилемъ объ этой опасности, Пастеръ спокойно отвѣчалъ: „а долгъ?“ „Тонъ его при этомъ“, — прибавляетъ Девилю, — „стоялъ цѣлой проповѣди“.

Изслѣдованіямъ надъ холерой на этотъ разъ не удалось прійти къ какому-нибудь опредѣленному выводу. Эпидемія заканчивалась, и наступило время для Пастера снова возвратиться въ Але, чтобы продолжать свои изслѣдованія относительно болѣзни шелковичнаго червя, и онъ уѣхалъ туда вмѣстѣ со своими тремя молодыми помощниками. Снова началась неутраченная работа въ самой скромной обстановкѣ. Цѣлыми недѣлями Пастеръ не отрывался отъ микроскопа на чердакѣ, снятомъ для вывода червей и лабораторіи, неподалеку отъ той гостинницы, въ которой они поселились. Время для Пастера было такъ дорого, что даже ежедневные переходы отъ гостинницы до лабораторіи, представлялись ему недопустимой потерей, и онъ переѣхалъ въ подгородную дачу въ Понъ-Жиске. Здѣсь было уже достаточно просторно и для лабораторіи и для помѣщенія всѣхъ участниковъ экспедиціи. Пастеръ даже выписалъ сюда свою семью. Нечего и говорить, что въ новомъ мѣстѣ работа продолжалась съ прежней энергіей, но и съ большей продуктивностью.

Но судьба упорно преслѣдовала великаго ученаго. Отправляясь въ Але къ мужу, г-жа Пастеръ заѣхала въ Шамбери къ матери, и здѣсь внезапно заболѣла тифомъ одна изъ ея дочерей. Болѣзнь быстро приняла тревожный характеръ, но г-жа Пастеръ не хотѣла тревожить мужа, зная, какъ онъ поглощенъ своими трудами и освѣдомляя его только въ письмахъ о ходѣ болѣзни. Наконецъ, Пастеръ не выдержалъ и пріѣхалъ

на нѣсколько дней въ Шамбери. Его прїѣздъ совпалъ съ рѣзкимъ улучшеніемъ въ ходѣ болѣзни, и онъ возвратился къ своимъ работамъ въ значительной степени успокоеннымъ. Но въ ходѣ болѣзни вдругъ наступило ухудшеніе, и въ концѣ мая дѣвочка скончалась. Горе Пастера было безпредѣльнымъ... Но эти личныя бѣды не только не озлобляли сердца Пастера, но дѣлали его все болѣе и болѣе отзывчивымъ на чужое горе, и онъ все глубже и глубже уходилъ въ работы, которыя должны были вывести дѣльный край изъ состоянія всеобщаго разоренія.

Между тѣмъ, работы все больше и больше осложнялись и затягивались, а нетерпѣливая публика начала проявлять недовѣріе, подъ вліяніемъ котораго складывались невѣроятные слухи и насмѣшливые выпады печати. Такъ, отецъ г-жи Пастеръ писалъ изъ Ліона, этого центра шелковой промышленности: „Вообрази, какой распространился здѣсь слухъ: будто бы населеніе Але до того возмутилось ни къ чему не ведущими занятіями Пастера и полной неудачей съ выводкой шелколичныхъ червей по его указаніямъ и приѣмамъ, что въ него бросали камнями и заставили поспѣшно покинуть городъ“. А въ печати то и дѣло появлялись плоскія шуточки по поводу „шелкопрядаго вопроса“. Но Пастеръ продолжалъ упорно работать, не обращая вниманія ни на какія насмѣшки и не вступая ни въ какую полемику. Въ этомъ послѣднемъ всѣми силами поддерживалъ его и Дюма. „Будьте увѣрены“, — писалъ онъ, — „что для успѣха вашего дѣла и ради вашего достоинства не слѣдуетъ отвлекаться отъ спокойнаго преслѣдованія научной цѣли; не обращайтесь вниманія на тѣхъ, кто васъ вызываетъ на споръ. Успѣхъ, въ которомъ вы увѣрены, и вѣчная признательность, которую вы заслужите, должны успокоить васъ и внушить вамъ и по отношенію къ людямъ то спокойствіе и терпѣніе, запасъ которыхъ у васъ такъ великъ, когда вы стоите передъ лицомъ природы. Простите, если я иду наперекоръ вашему желанію; причина этому — моя дружба и мое уваженіе къ вамъ, а главное — ревнивое попеченіе о вашемъ будущемъ“. И мы знаемъ, что эти надежды, которыя Дюма возлагалъ на Пастера, оправдались самымъ блестящимъ образомъ. Здѣсь мы дадимъ нѣсколько строкъ самому Пастеру, формулировавшему въ письмѣ къ министру Дюрюи результаты и ходъ работъ, когда онъ уже приблизились къ своей цѣли.

„Я опять принялся за работу — единственное отвлекающее средство въ моемъ глубокомъ горѣ (смерть Сессиль). Благодаря поддержкѣ съ вашей стороны, я могъ собрать безчисленное количество наблюденій, и я, кажется, понялъ многія стороны эпизоотіи, разоряющей нашъ югъ вотъ уже 15 или 20 лѣтъ. Я буду въ состояніи по возвращеніи предложить коммиссіи шелководовъ практическіе приемы борьбы, которые должны привести черезъ немногія лѣтъ къ совершенному уничтоженію эпизоотіи. Прихожу къ убѣжденію, что въ настоящее время какой-нибудь особенной эпидемической болѣзни шелкопряда нѣтъ, а имѣется явленіе, которое всегда существовало, но которое теперь разрослось въ чрезмѣрной степени. Мнѣ кажется, что нетрудно будетъ вернуться къ прежней нормѣ заболѣваемости и даже понизить ее. Искали до сихъ поръ начало болѣзни и старались слѣдить за ея ходомъ въ гренѣ и червячкахъ. Это правильно, но мои наблюденія указываютъ, что болѣзнь проявляется замѣтнѣе у бабочки и еще въ коконѣ, когда бабочка готова его покинуть, т. е. наканунѣ самой кладки яицъ. Въ микроскопъ въ эту пору ясно видны признаки болѣзни, хотя они скрыты были въ червячкѣ и въ гренѣ. Выводъ отсюда слѣдующій: у васъ есть коконы, вамъ нужно знать, можно ли ихъ сохранить

для воспроизведенія потомства или слѣдуетъ заморить и размотать изъ нихъ шелкъ. При помощи нѣсколько повышенной температуры надобно вызвать изъ сотни - другой коконовъ преждевременный выходъ бабочекъ. Изслѣдуя ихъ подъ микроскопомъ, вы увидите, какъ поступить. Проверка эта такъ легка, что женщина, даже ребенокъ, могутъ ее произвести, или пусть просто крестьянинъ наловитъ бабочекъ послѣ кладки яицъ въ бутылку, наполовину наполненную спиртомъ, и отнесетъ ихъ для изслѣдованія въ ближайшее проверочное бюро или къ опытному лицу; такимъ образомъ, имѣется цѣлый ходъ, чтобы распознавать качество грены, прежде чѣмъ весной пускать ее на выводку. Однако же, спѣшу оговориться: я нѣсколько забѣгаю впередъ. Мои наблюденія, конечно, довели меня до эгихъ практическихъ заключеній; но когда для ученаго начинается уже кое-что дѣлаться яснымъ, онъ большею частью еще не собралъ воедино доказательствъ, а только эти доказательства и могутъ заставить другихъ раздѣлить его убѣжденія; нѣкоторая доля интуиціи всегда присуща ученому въ началѣ его изысканій; и въ настоящемъ случаѣ въ особенности надо помнить, что имѣешь дѣло съ вопросомъ сельскаго хозяйства. Первичный матеріалъ чрезвычайно измѣнчивъ: что было замѣчено и изучено сегодня, завтра вы не можете больше проверить. Большею частью приходится для проверки своего предположенія ждать цѣлый годъ. Такимъ образомъ, я принужденъ отложить до будущаго года накопленіе опытныхъ доказательствъ, чтобы окончательно подтвердить вѣрность моего взгляда "... Мы видимъ, какой несправедливостью было нетерпѣніе, которое широкіе круги населенія проявляли по отношенію къ работамъ Пастера. Надо было имѣть ту незлобивость сердца, которой обладалъ этотъ замѣчательный ученый, ту вѣру въ силу научнаго изслѣдованія, которой проникнута вся его научная дѣятельность, то желаніе приносить пользу своимъ ближнимъ, которое было такъ характерно для всей его жизни, чтобы онъ могъ идти своей дорогой ни на одинъ шагъ не измѣняя принятому курсу. А путь, по которому Пастеръ неуклонно стремился все впередъ и впередъ былъ труднымъ до послѣдней степени. Напряженная умственная работа постоянно въ жарко натопленныхъ черводвояхъ, въ атмосферѣ, насыщенной испареніями червей и ихъ испражнений, не могли пройти даромъ для здоровья Пастера. Онъ страшно похудѣлъ; нездоровый цвѣтъ лица показывалъ, что недугъ глубоко захватилъ его организмъ. Одинъ изъ близкихъ къ ему людей, врачъ по профессіи, былъ пораженъ тѣмъ видомъ, который имѣлъ Пастеръ, подводя свои работы къ концу. „Знаете ли, — сказалъ онъ, — вѣдь вамъ грозитъ параличъ, и близкій“. — „Знаю! — отвѣтилъ Пастеръ, — но не могу бросить начатой работы. „Вопросъ о долгѣ передъ обществомъ, передъ человѣчествомъ, былъ для него выше, важнѣе вопроса о личной судьбѣ. Начатая работа, которая должна была спасти сотни тысячъ разоряющихся крестьянъ, имѣла для него больше значенія, чѣмъ его собственное здоровье и даже жизнь. Къ несчастью, на этотъ разъ предсказанія врача оправдались.

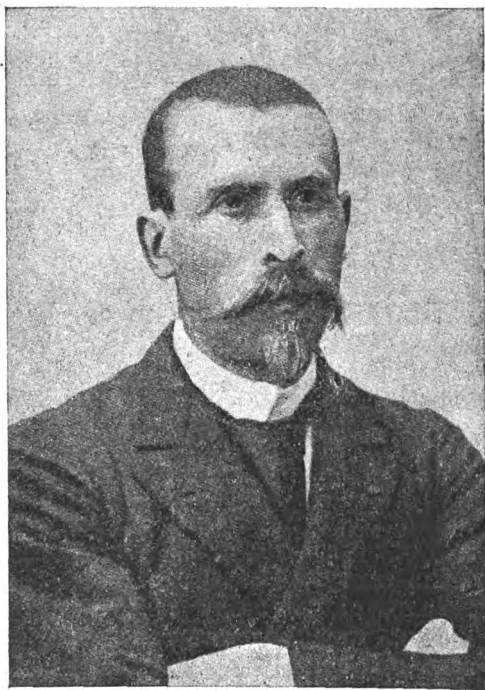
„Осенью этого года (1868),“ — рассказываетъ г-жа Орлова, — Пастера поразили апоплексическій ударъ, но онъ смогъ, какъ бы силою воли, сохранить сознаніе. Въ письмѣ его родственника читаемъ: „Параличъ всегда внезапенъ, а у Пастера онъ проявился повторными приступами. Ихъ было отъ 20 до 30 въ продолженіе сутокъ, что совершенно смутило окружающихъ его докторовъ и замедлило примѣненіе извѣстныхъ средствъ. Этотъ случай, какъ говорятъ, наблюдаемый впервые, сбиль

съ толку всѣхъ профессоровъ. Мысль, сознаніе торжествовали надъ разбитымъ организмомъ. Видно было, какъ мучили больного опасенія, что онъ не достигнетъ полнаго уясненія послѣднихъ своихъ работъ; иногда ему мерещилось, что онъ еще въ Але; онъ пробовалъ диктовать жёнѣ. За нимъ съ любовью усердно ухаживали и семья, и ученики, и друзья.

„Наконецъ, въ декабрѣ настало значительное улучшение, и Пастеръ полулежа въ креслѣ, могъ съ радостью придвинуться къ окну, изъ котораго старался наблюдать, какъ подвигалась постройка общанной лаборатории (правительство послѣ настойчивыхъ и сначала безплодныхъ ходатайствъ его пообѣщало выстроить для его работъ специальную лабораторію). Тутъ онъ замѣтилъ, что работы, хотя на видъ и не прекращались, но на самомъ дѣлѣ не велись: два-три землекопа, нѣсколько каменщиковъ для вида безцѣльно бродили съ тачками песку и мусора. Пастеръ скоро нашелъ этому объясненіе: на выздоровленіе его не рассчитывали, а лабораторія была ему обѣщана не изъ признанія ея пользы для науки, а для его личнаго удовлетворенія. Вторичное вмѣшательство министра Дюрюи поправило дѣло и вернуло спокойствіе духа больному. Съ выздоровленіемъ явилась у Пастера и настойчивость. Онъ рѣшилъ не пропускать наступающаго года, чтобы окончательно подвести итоги своимъ наблюденіямъ надъ шелкопрядами. На всѣ просьбы и увѣщанія семьи и друзей повременить еще съ этими занятіями, онъ возражалъ, — „не безразсудно ли, не безсовѣстно ли изъ-за здоровья одного человѣка допустить столькихъ бѣдныхъ людей работать на свое собственное разореніе еще лишній годъ“. Пришлось уступить. 18-го января — ровно три мѣсяца послѣ поразившаго его удара, онъ, еще лежа въ вагонѣ, поѣхалъ въ Але. Тамъ онъ нашелъ помѣщеніе крайне неудобное и къ тому же безъ печей: на югѣ ихъ рѣдко устраиваютъ, особенно въ то время. Спустя нѣсколько дней молодые ученые опять собрались вокругъ него и устроили тутъ же лабораторію. Пастеръ еще не покидалъ постели, но часто съ постели или со своего кресла совѣтовалъ, дѣлалъ указанія и направлялъ наблюденія. Ассистенты работали съ микроскопомъ, шагъ за шагомъ наблюдая подтвержденіе его предсказаній. Пастера считали болѣе, чѣмъ безразсуднымъ, но онъ думалъ просто, что жизнь только тѣмъ и цѣнна, что приноситъ пользу другимъ. Здоровье между тѣмъ возвращалось, больной пробовалъ ходить; къ сожалѣнію, онъ поскользнулся на каменномъ полу и упалъ: его домъ былъ лишенъ самыхъ незатѣйливыхъ удобствъ и потому, вѣроятно, отдавался внаймы, что въ маленькомъ городѣ случается рѣдко. Вскорѣ явилась возможность снова занять дачу въ Понъ-Жиске близъ Але, съ маленькой тепличкой для лабораторіи, гдѣ, какъ вспоминалъ Пастеръ, такъ хорошо работалось; къ тому же съ наступленіемъ весны и силы для желаннаго труда возрастали ежедневно. Чѣмъ болѣе приближалось время шелководной кампаніи, тѣмъ энергичнѣе собиралъ Пастеръ доказательства безошибочности своего приѣма для благополучной выводки червей; многіе еще недовѣрчиво относились къ этимъ приѣмамъ, между прочимъ, и члены комиссіи шелководовъ въ Ліонѣ, имѣвшіе собственныя показательныя червоводни“... Мы знаемъ, что полубольной Пастеръ вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы, и своими трудами поставилъ шелководство всего міра на новыя, единственно правильныя, основанія.

Новыя испытанія ожидали Пастера, — на этотъ разъ общественнаго характера. Пастеръ былъ большой патріотъ въ хорошемъ смыслѣ этого слова. „Служите человѣчеству“, — говорилъ онъ, — „но не забывайте того

уголка земки, который представляет вашу родину. Будьте людьми, но будьте французами". Что же долженъ былъ чувствовать еще не оправившійся Пастеръ, когда нѣмецкая лавина неудержимо устремилась на французскую территорію. Друзьямъ съ трудомъ удалось уговорить его уѣхать на время изъ Парижа. Онъ отправился въ свой родной городъ, живя изо дня въ день тревожной жизнью, наполненной горемъ и отчаяніемъ за свою разбитую и униженную родину. И тѣмъ не менѣе, даже въ этихъ невозможныхъ условіяхъ и въ домашней обстановкѣ, нисколько не приспособленной къ научной работѣ, мысль Пастера продолжала упорно работать и искать новыхъ путей. Онъ изучалъ тутъ формы броженія дубовой коры и размышлялъ о процессахъ, происходившихъ въ тѣстѣ, когда оно поднимается. Между тѣмъ наступила осада Парижа. Пруссаки, подъ руководствомъ тако-го глубоко безпринципнаго и жестокаго человѣка, какимъ былъ Бисмаркъ, повели дѣло осады съ циничной грубостью и ненужной жестокостью. Они бомбардировали музей естественныхъ наукъ, они обстрѣливали картечью и Пантеонъ, и церкви, и военную больницу, не обращая ни малѣйшаго вниманія на флагъ Краснаго Креста. Война вообще отвратительное дѣло, но еще отвратительнѣе она становится, когда ведется подобными средствами. Не трудно понять то возмущеніе, которымъ было охвачено сердце Пастера, и это чувство толкнуло его на рѣзкую выходку по отношенію къ германскому официальному міру.

Докторъ Ру, директоръ Пастеровскаго Института.

Въ числѣ разнообразныхъ знаковъ уваженія, которыя оказывали ученые Пастеру, у него хранился дипломъ почетнаго доктора отъ Боннскаго (нѣмецкаго) университета. Пастеръ въ силу разнообразныхъ причинъ очень дорожилъ имъ, но теперь онъ рѣшился разстаться съ нимъ и отослалъ его назадъ съ письмомъ, изъ котораго приводимъ слѣдующія выдержки.

"Изъ всѣхъ отличій... не было ни одного, которое бы доставило мнѣ столько радости... Я украсилъ имъ свою рабочую комнату. Теперь же видъ этого диплома мнѣ ненавистенъ, мнѣ оскорбительно видѣть мое имя съ эпитетомъ *Virum clarissimum*, которымъ вы его украсили, подъ покровительствомъ имени, отнынѣ преданнаго проклятію моей родиной, — имени *Rex Guilelmus* (короля Вильгельма).

"Заявляя о своемъ глубокомъ почтеніи къ вамъ и всѣмъ знаменитымъ профессорамъ, подписавшимся подъ рѣшеніемъ вашего совѣта, я повинуюсь голосу моей совѣсти, обращаясь къ вамъ съ просьбой вычер-

кнуть мою фамилію изъ архивовъ вашего факультета и возвращаю этотъ дипломъ въ знакъ негодованія, которое внушаютъ французскому ученому варварство и лицемеріе того, кто ради удовлетворенія преступной гордости упорствуетъ въ рѣзнь двухъ великихъ народовъ.

„Со времени свиданія въ Ферьерѣ Франція бьется за человѣческое достоинство, а Пруссія — ради торжества отвратительнѣйшей лжи: будто Германія можетъ обезпечить себѣ миръ только расчлененіемъ Франціи, хотя для всякаго здравомыслящаго человѣка ясно, что завоеваніе Эльзаса и Лотарингіи — залогъ безконечной войны. Горе народамъ Германіи, если, стоя ближе, чѣмъ мы, ко временамъ феодальнаго рабства, они не понимаютъ, что Франція, обладательница Эльзаса и Лотарингіи, не властна надъ совѣстью ихъ обитателей. Савойя оставалась бы и понынѣ Пьемонтской землей, если бы ея обитатели не согласились, свободнымъ голосованіемъ, сдѣлаться французами. Таково современное право цивилизованныхъ націй, которое топчетъ вашъ король и на защиту котораго ополчается Франція. И можетъ быть ни въ одну эпоху своей исторіи она не заслуживала болѣе, чѣмъ теперь, названія великой націи, свѣта народовъ, руководительницы прогресса“...

Нѣмцы, конечно, не поняли горя великаго ученаго и отвѣчали наглымъ до послѣдней степени письмомъ. Но и эти страданія за поруганную родину усиливались еще и чисто личными мотивами. Его сынъ былъ въ дѣйствующей арміи, и отъ него не получалось никакихъ извѣстій. Къ тому же и Арбуа, какъ одинъ изъ пограничныхъ сѣверо-восточныхъ департаментовъ, все больше и больше чувствовалъ всѣ ужасы надвигающагося театра военныхъ дѣйствій.

„Всюду тянулись жалкіе остатки разбитыхъ войскъ, — описываетъ г-жа Орлова. — „Солдаты, бредущіе по дорогамъ, были безъ хлѣба, безъ обуви, не знали, гдѣ найти свои полки. Военный министръ отдалъ приказъ генералу Бурбаки стянуть полки къ Доль или къ Неверу, гдѣ по его предположеніямъ уже собрано было 20.000 человѣкъ свѣжихъ силъ. Бурбаки выбралъ сборнымъ пунктомъ Понтарлье; это было недалеко отъ Арбуа, и Пастерь, желая узнать, наконецъ, живъ ли его сынъ, рѣшился ѣхать самъ въ Понтарлье. Семья не отпускала его одного; большихъ хлопотъ стоило найти какой-либо экипажъ и лошадей, — но, наконецъ, Пастерь смогъ выѣхать изъ Арбуа, и первую ночь провелъ въ маленькомъ придорожномъ постояломъ дворѣ. Зима 1871 года была необыкновенно суровая для того края; снѣгъ глубоко покрывалъ землю. На другой день путь лежалъ черезъ еловый боръ, и съ липчатыхъ вѣтвей деревьевъ срывались глыбы снѣга, которыя, шурша при паденіи, однѣ нарушали безмолвіе природы. Лошади были такъ плохи, что пришлось еще два раза ночевать на пути, пока добрались до Понтарлье. Городъ кишѣлъ людьми, и всѣ передавали другъ другу грустное извѣстіе: наканунѣ застрѣлился генералъ Бурбаки“... „Пастерь пока не могъ ничего предпринять и только разспрашивалъ о сынѣ встрѣчающихся ему людей; первый, встрѣтившійся ему, былъ офицеръ, который ничего не зналъ о стрѣлковомъ батальонѣ молодого Пастера; затѣмъ какой-то солдатъ сообщилъ, что отъ этого батальона осталось въ живыхъ только 12 человѣкъ; другой солдатъ увѣрилъ, что стрѣлокъ Пастерь живъ, хотя раненъ: „вы его найдете по направленію къ Шафуа“. Путешественники только-что тамъ ночевали; возвращаясь въ Шафуа, они встрѣтили телѣгу, на которой сидѣлъ, свѣсивъ ноги, укутанный солдатъ; вглядываясь въ проѣзжающую коляску, солдатъ вздрогнулъ и прыгнулъ на землю, — это былъ молодой Пастерь.

Отец и сынъ направили свой путь въ Женеву; оттуда сынъ, оправившись, вернулся на службу“.

Когда былъ заключенъ миръ, Пастеръ не могъ сразу возвратиться въ Парижъ, такъ какъ Нормальная Школа все еще не была приспособлена для продолженія научной и педагогической дѣятельности. „Вотъ вамъ точное описаніе положенія Школы“, — писалъ Пастеру директоръ Бертенъ: „южный флигель разрушенъ; ждутъ рабочихъ, чтобы приступить къ разборкѣ, а затѣмъ и къ постройкѣ. Одинъ дортуаръ еще служить больничной палатой, въ другихъ устроенъ амбулаторный приемъ. Въ аудиторияхъ размѣщены артиллеристы, въ вашей лабораторіи до сорока человѣкъ національной гвардіи, спасшихся изъ Исси... „Не торопитесь пріѣзжать“... Это письмо застало Пастера въ Ліонѣ, гдѣ онъ гостилъ у родственниковъ своей жены. Въ этомъ городѣ онъ и задержался еще на нѣсколько времени. Здѣсь онъ написалъ чисто публицистическую статью, чрезвычайно характерную для его общественныхъ воззрѣній. Статья эта носила названіе: „Почему во Франціи не нашлось выдающихся людей въ минуту опасности“. Характеризуя эту публицистическую работу знаменитаго естествоиспытателя, М. А. Энгельгардтъ говоритъ о Пастерѣ: „Онъ усматривалъ причину этого въ пренебреженіи къ чисто отвлеченной наукѣ, цѣль которой — истина; въ коротенькомъ взглядѣ и лавочномъ направленіи французскихъ правителей, признававшихъ только „полезительное“, технику, прикладныя науки, рецептуру... Но прикладныхъ наукъ нѣтъ: „есть только наука и приложенія науки, связанныя съ нею, какъ плоды съ деревомъ“. Наука ищетъ истины, результатомъ которой является польза, и благо той націи, въ которой живетъ безкорыстное стремленіе къ истинѣ! „На той ступени, которой достигла современная цивилизація, культура наукъ, въ ихъ наиболѣе возвышенной формѣ, быть можетъ еще болѣе необходима для моральнаго состоянія націи, чѣмъ для ея матеріальнаго преуспѣянія“. Она свидѣтельствуетъ о нравственной силѣ, о духовной мощи, объ искрѣ Божіей, не угашенной политической суматохой и заботами о желудкѣ, объ энтузіазмѣ, который въ тяжкую для націи минуту разгорается и творитъ чудеса.

Вспрыскиваніе антидифтеритной сыворотки больному ребенку.

„Въ концѣ прошлаго, въ началѣ нынѣшняго столѣтія Франція шла впереди всѣхъ современныхъ націй. „Страшный политическій и соціальныя переломъ, которымъ закончилось прошлое столѣтіе, грозилъ надолго остановить развитіе науки въ нашей странѣ“. Но этого не случилось; правители тогдашней Франціи дѣлали все для процвѣтанія науки, создали такія учрежденія, какъ Музеумъ и Нормальная Школа, долго не имѣвшія соперниковъ въ Европѣ, доставлявшія людямъ, посвятившимъ

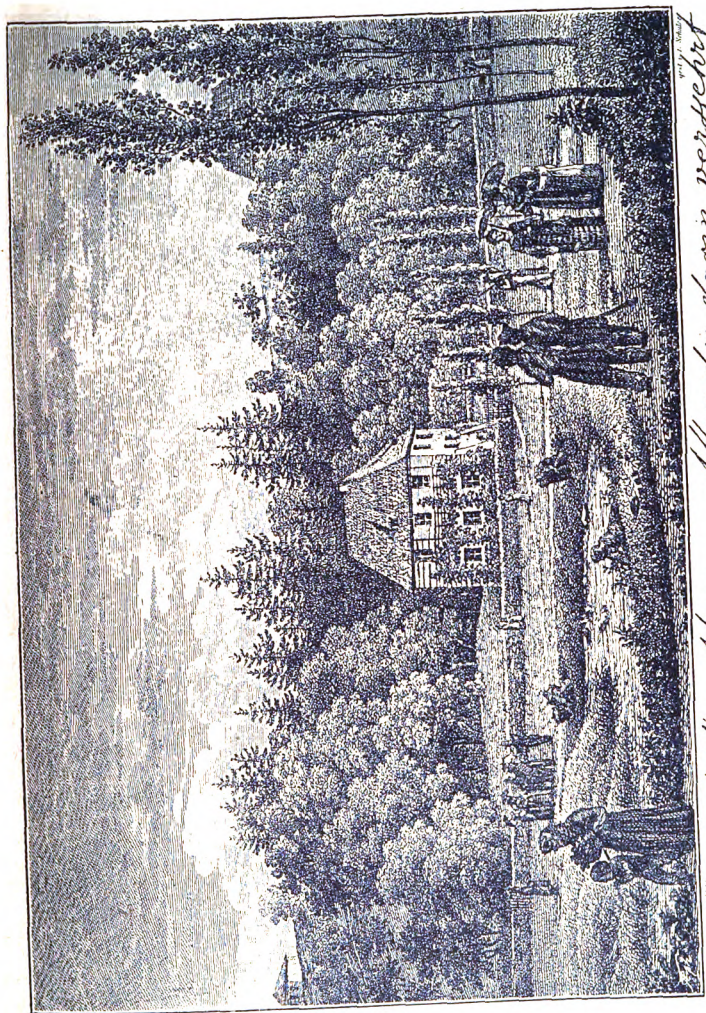
свои силы разъясненію тайнъ природы, полную возможность работать. И науки не только не угасли, „но засіяли новымъ блескомъ“. Въ Музеумъ Жофруа Сентъ-Илеръ, Кювье, Гаюи, Броньяръ обновили естествознаніе. На призывъ основателей Нормальной Школы — Лагранжей, Лапласовъ, Монжей, Бертолле, Лежандровъ — отделились ихъ избранные ученики, соперники своихъ учителей, возродившіе науки физическія и математическія. Довольно вспомнить знаменитыя имена Прони, Малюса, Біо, Фурье, Гэй-Люссака, Арто, Пуассона, Дюлонга, Френеля. Всѣ иноземныя націи признавали наше превосходство, хотя всѣ могли съ гордостью назвать славныя имена: Швеція — Берцеліуса, Англія — Дэви, Италія — Вольты... но нигдѣ не являлись въ такомъ изобиліи, какъ во Франціи, эти высшіе умы, память которыхъ хранится въ потомствѣ“.

Вотъ чему обязана Франція своимъ величіемъ. Эта вѣра въ науку такимъ образомъ лежала краеугольнымъ камнемъ всего міросозерцанія Пастера. Этимъ объясняется его самоотверженная научная работа. Съ этой же точки зрѣнія Пастеръ объясняетъ и паденіе Франціи, свидѣтелемъ чего онъ былъ на склонѣ своей жизни.

„О моя родина!“ — восклицаетъ онъ. — „Ты столько времени державшая въ своихъ рукахъ скипетръ мысли, — зачѣмъ ты утратила интересъ къ ея благороднѣйшимъ продуктамъ? Въ нихъ пламя, освѣщающее міръ, въ нихъ источникъ возвышенныхъ чувствъ, противовѣсъ матеріальнымъ наслажденіямъ. Врожденное варварство и свирѣпая гордость твоихъ враговъ превратили ихъ въ орудіе ненависти, опустошенія, рѣзни. Въ твоихъ рукахъ они были бы свѣтомъ для человѣчества, а въ минуту опасности ихъ вліяніе породило бы организаторовъ такихъ же, какъ Карно, полководцевъ болѣе искусныхъ, чѣмъ маршалы Бонапарта“.

Этотъ энтузіазмъ, съ которымъ написана данная статья, то обращеніе, полное горечи, которымъ сопровождалъ великій ученый возвратъ своего диплома Боннскому университету, показываетъ, какая пламенная натура скрывалась подъ холодной наружностью изслѣдователя, вѣчно врацавшагося въ области естествознанія и прикладныхъ наукъ. Только въ рѣдкіе моменты этотъ энтузіазмъ проявлялся наружу яркимъ пламенемъ, открыто всему міру. Свою бурную натуру онъ, конечно, носилъ всегда съ собою, и люди, близкіе Пастеру, рассказываютъ буквально о припадкахъ бѣшенства, до которыхъ его доводили возраженія его противниковъ. Но этого бѣшенства онъ никогда и ни при какихъ условіяхъ не проявлялъ въ своей полемикѣ, которую неизмѣнно велъ въ самомъ сдержанномъ и „корректномъ“ духѣ. „Чего ему стоила эта кажущаяся невозмутимость!“ — замѣчаетъ г. М. А. Энгельгардтъ. — „Но зная, что истину не добудешь крикомъ и азартомъ, онъ наложилъ на себя суровый обѣтъ и исполнялъ его въ отношеніи другихъ, а пуще всего въ отношеніи самого себя, подвергая безпощадной критикѣ свои догадки“...

Но только что разсмотрѣнная выше статья типична для Пастера еще и въ другомъ отношеніи. Геніальный въ своихъ естественноисторическихъ изслѣдованіяхъ, онъ былъ простодушнымъ ребенкомъ въ политическихъ и социальныхъ вопросахъ. Мы видѣли, что въ вопросахъ самозарожденія онъ занялъ особую блестящую позицію, которая показала, насколько неправы его противники. Но изслѣдованія Пастера только дальше отодвинули возможность самозарожденія органическихъ существъ, но не нанесли смертельнаго удара этой теоріи. Къ сожалѣнію, споръ не остался въ данной плоскости. Открытіе Пастера попытались использовать различныя клерикально-реакціонныя теченія. Для нихъ вопросъ о самозарожденіи связы-

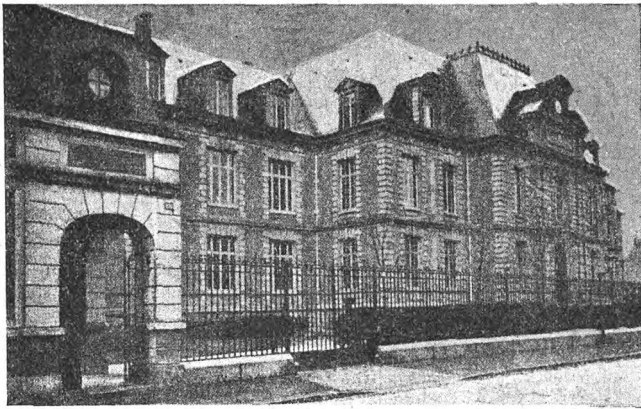
*Übermuthig sieht's nicht aus
 Dieses stille Gartenhaus
 Offen die darin verkehrt
 Ward ein guter Muth beschert
 Goethe 1828*

Загородный домъ и садъ Гете въ Веймарѣ. — Подъ рисункомъ автографъ поэта.

вался съ различными метафизическими вопросами библейской космогоніи. У Пастера не хватило чувства такта отдѣлиться отъ этой теплой и темной компаніи; въ результатъ споръ принялъ остроту и направленіе, совершенно не свойственное природѣ изучаемыхъ явленій.

То же самое приходится сказать и по поводу разбираемой нами книги. Въ ней слышится вопль души придавленного событіями человѣка. Но кто же нанесъ себѣ, эту рану, какъ не самъ Пастеръ? Пастеръ никогда не былъ реакціонеромъ въ прямомъ смыслѣ этого слова. Но просто-душный въ вопросахъ политическаго характера, онъ просто-на-просто не разбирался въ персонажахъ, наполнившихъ въ то время историческую сцену, и передъ нами прошла печальная картина того, какъ великій ученый находилъ возможность являться при дворѣ Наполеона III и разыгрывать свои научные перлы передъ придворной челядью. Только позоръ родины раскрылъ нѣсколько глаза Пастеру. Но и тутъ онъ остался все

тѣмъ же наивнымъ политикомъ, какимъ онъ появлялся во дворцѣ послѣдней имперіи. Онъ не нашелъ иного истолкованія событіямъ, какъ равнодушіе Франціи къ интересамъ отвлеченной науки. Конечно, подобное объясненіе очень типично для самого Пастера, но какъ оно бѣдно вслѣдствіе своей односторонности! Конечно, это равнодушіе къ наукамъ было про-

Институтъ Пастера въ Парижѣ. (Видъ правого крыла).

явленіемъ лишь общей безыдейности и безпринципности, которой отличались, „герои общественнаго пирога“, завладѣвшіе при второй имперіи ходомъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ во Франціи. Но главная бѣда была въ этой общей безпринципности правящихъ классовъ, а не въ томъ частномъ проявленіи, на которомъ Пастеръ сосредоточилъ свое вниманіе для объясненія бѣдствій, выпавшихъ на долю его отечества. И Пастеръ уже самымъ фактомъ появленія указанной статьи показывалъ, что онъ, хотя бы инстинктивно, почувствовалъ, что часть вины за совершившееся падаетъ и на тѣхъ, кто пассивно и безсознательно, своимъ молчаніемъ, своимъ общеніемъ поддерживалъ позорный режимъ послѣдней имперіи.

Приблизительно въ то самое время, когда Пастеръ выпускалъ въ свѣтъ свою публицистическую статью, онъ получилъ обратно возвращенный имъ дипломъ Боннскаго университета съ грубой припиской, гдѣ обращеніе Пастера названо „гнуснымъ“. На эту позорную выходку нѣмецкихъ ученыхъ Пастеръ отвѣчалъ съ большимъ достоинствомъ. „Не смотря на все вышенаписанное“, — говорилъ онъ въ новомъ письмѣ, — „у меня сердце разрывается, когда я вижу, что люди, которые, какъ вы и я, всю жизнь служили правдѣ и прогрессу человѣческаго ума, обмѣни-

ваются подобными словами, обусловленными — съ моей стороны извѣстными дѣйствіями и характеромъ войны, веденной вашимъ государемъ. Вы, г. ректоръ, употребляете слово пятно, — да, пятно будетъ лежать вѣчно на памяти тѣхъ, которые начали бомбардированіе Парижа, когда капитуляція въ силу голода была и такъ уже неизбежна, и продолжали это варварское дѣло, когда всѣмъ было извѣстно, что этимъ не ускорится ни на часъ сдача геройскаго города“...

Насколько искренней была привязанность Пастера къ родинѣ, видно изъ слѣдующаго факта. Научная парижская жизнь все еще не могла наладиться, какъ слѣдуетъ; оставаться въ Арбуа не было ни малѣйшей возможности для Пастера, такъ какъ городъ этотъ все еще былъ занятъ прусскими войсками, и тамъ время отъ времени производилась жестокая расправа надъ жителями, захваченными съ оружіемъ въ рукахъ. Именно въ это время итальянское правительство предложило Пастеру сначала лабораторію съ черводней въ Миланѣ, а затѣмъ катедру химіи въ

Прививка противъ бѣшенства. (Въ Институтѣ Пастера).

Пизанскомъ университетѣ. Но Пастеръ отказался и отъ того и отъ другого, заявляя, что онъ не можетъ покинуть родину въ годину бѣдствія. Онъ поселился поэтому на югѣ Франціи въ Ройа, гдѣ снова занялся изслѣдованіемъ шелкопряда, а на сосѣднемъ пивоваренномъ заводѣ продолжалъ изучать условія броженія. Онъ мечталъ теперь добиться того, чтобы французское пиво превзошло знаменитое нѣмецкое пиво. Вообще невольный перерывъ въ занятіяхъ благотѣльно отзывался на умственной дѣятельности Пастера. „У меня голова полна замысловъ и прекрасныхъ работъ“ — писалъ онъ. — „За время войны умъ мой отдыхалъ, какъ паровое поле; онъ теперь готовъ для новаго посѣва. Увы! — можетъ быть это иллюзія, но я попробую“. Но эти надежды Пастера быть снова полезнымъ для науки, не оказались иллюзіей, и новыя пробы его принесли человѣчеству новыя открытія величайшей важности.

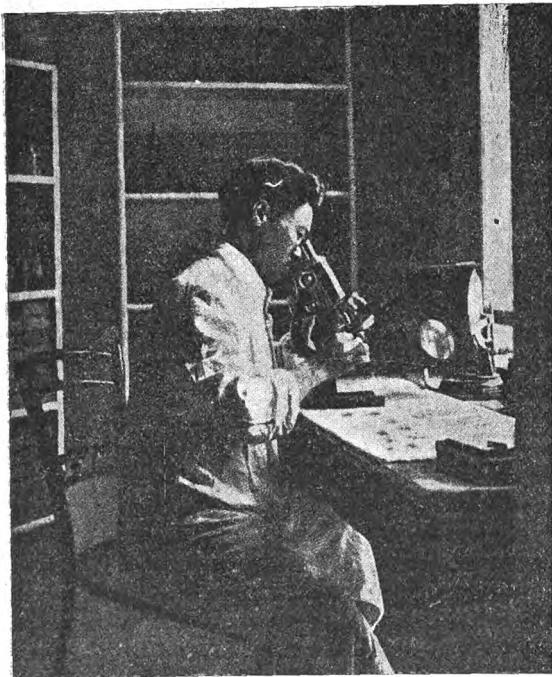
Занятія его пивовареніемъ въ Ройа были сравнительно непродолжительными. Для изслѣдованій этого рода онъ переехалъ въ Лондонъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ большимъ почетомъ и гдѣ ему было оказано всяческое содѣйствіе въ его работахъ. Изъ Лондона онъ вернулся въ Парижъ, гдѣ снова поселился въ Нормальной Школѣ. Его изслѣдованія „болѣзней“ вина и пива все больше и больше приводили его къ убѣжденію, что тѣ же самыя причины — микроорганизмы, — которыя производятъ эти болѣзненные процессы въ винѣ и пивѣ, могутъ являться и причинами многихъ болѣзней въ организмѣ человека и животныхъ. Такова была новая задача, которую поставилъ передъ собой этотъ неутомимый умъ. Для болѣе правильнаго рѣшенія этой задачи, Пастеръ нашелъ необходимымъ возможно ближе ознакомиться съ состояніемъ современной ему медицины. Съ этою цѣлью въ 1873 году онъ принялъ предложеніе баллотироваться на освободившуюся вакансію Медицинской Академіи. При выборахъ онъ прошелъ большинствомъ только одного голоса. Для того, чтобы понять, какой огромной благодарностью являлась такого рода баллотировка, надо припомнить, что хотя Пастеръ самъ только впервые приступалъ къ медицинскимъ изслѣдованіямъ, но заслуги его передъ этой наукой были уже очень значительными. Его блестящія работы о самозарожденіи дали поводъ английскому хирургу Листеру ввести методъ обеззараживающихъ повязокъ, оказавшійся огромнымъ благодѣяніемъ для хирургіи.

„Попавъ въ члены Медицинской Академіи“, — говоритъ г-жа Орлова, — „Пастеръ далъ себѣ слово быть самымъ усерднымъ посѣтителемъ засѣданій Медицинской Академіи, и когда впервые увидали, какъ онъ своею все еще невѣрной послѣ паралича походкой направлялся къ своему мѣсту, недалеко отъ бюро, никто изъ среды его коллегъ не могъ думать, что этотъ новый членъ, съ почти застѣнчивыми манерами, окажется самымъ крупнымъ реформаторомъ въ медицинѣ“. Но этихъ результатовъ Пастеръ добился снова лишь упорнымъ и удивительнымъ по своему напряженію трудомъ. „Интенсивность этого труда“, — замѣчаетъ та же г-жа Орлова, — „дѣйствительно изумляетъ, въ особенности, если вспомнить, что организмъ Пастера вынесъ апоплексическій ударъ. Однако же надо сказать, что если достигалось нѣкоторое равновѣсіе между его силами и ихъ расходомъ, то только благодаря неустаннымъ заботамъ его жены: она умѣла быть отзывчивымъ повѣреннымъ всѣхъ его плановъ и работъ, умѣла беречь его время, удаляя изъ ежедневнаго обихода всякое несущественное осложненіе. Часы досуга шли исключительно на отдыхъ; театра Пастеры совсѣмъ не посѣщали. Свѣтскія обязанности, отнимавшія у другихъ его коллегъ столько времени, никогда не ложились на него даже легкимъ бременемъ. Послѣ обѣда Пастеръ прохаживался по коридору и передней своей квартиры, обдумывая и комбинируя новыя наблюденія, а въ десять часовъ уже ложился, и на другое утро, какъ бы онъ ни провелъ ночь, спокойно или тревожно, Пастеръ въ 8 часовъ входилъ въ свою лабораторію“.

Примѣняя свой методъ, Пастеръ пришелъ къ общему выводу, что множество болѣзней происходитъ отъ введенія въ организмъ особыхъ микробовъ. Теперь поле изслѣдованія Пастера расширилось, онъ не могъ уже ограничиться работами только въ своей лабораторіи; явилась необходимость посѣщать больницы, и тамъ ставить свои наблюденія и опыты. Это было тяжело для Пастера, не привыкшаго къ больничной атмосферѣ и къ виду страданій больныхъ. Но то, что Пастеръ считалъ полезнымъ для своихъ работъ, было обязательнымъ для него, какихъ бы это ни по требовало отъ него жертвъ. „Тамберланъ и я“, — рассказываетъ Ру, —

„состояли его ассистентами при этихъ наблюденіяхъ. Чаще всего мы отправлялись въ больницы Кошенъ и Матернитэ и несли съ собой въ палаты или анатомическій театръ стерилизованныя пипетки и баллоны съ разводками культуръ. Нельзя себѣ представить, чего стоило Пастеру преодолѣть то отвращеніе, которое онъ испытывалъ при осмотрѣ больныхъ и при вскрытіи труповъ. Его впечатлительность была прямо необычайна, и онъ самъ страдалъ и физически и нравственно при видѣ чужихъ страданій; онъ вздрагивалъ, глядя на разрѣзъ ланцетомъ, точно отъ укола, нанесенному въ его собственное тѣло; видъ вскрытія трупа физически на него дѣйствовалъ, — сколько разъ видѣли мы, какъ изъ-за наступившей тошноты ему приходилось удалиться изъ анатомическаго театра. Но его преданность наукѣ, его жажда знанія брали верхъ, — на другой день онъ опять являлся въ больницу“.

Или вотъ еще нѣсколько отрывковъ изъ его писемъ къ женѣ въ то время, когда онъ рѣшился приступить къ изученію одной изъ самыхъ

тяжелыхъ и прилипчивыхъ заразныхъ болѣзней—желтой лихорадки... „Мы подплыли къ большому кораблю, который стоялъ на якорѣ въ Полякѣ. Мы могли съ нашей лодки разговаривать съ экипажемъ; люди здоровы, но они потеряли семь человекъ въ Сентъ Луи—двухъ пассажировъ и пять матросовъ. Капитанъ и старшій механикъ — европейцы, остальная команда — все сенегальскіе негры. Болѣе всѣхъ потерпѣла команда на кораблѣ „Конде“, который теперь отбываетъ карантинъ въ Полякѣ и къ которому намъ не пришлось подойти—на немъ умерло 18 человекъ“... „Ждутъ“, — пишетъ онъ въ слѣдующемъ письмѣ, — „парохода „Ришелье“; прибытіе его можетъ состояться между 25-мъ и 28-мъ — надо полагать,

что и на немъ будутъ больные; они будутъ высажены въ лазаретъ. Жду потому прихода этого парохода съ надеждой — да проститъ Богъ—ученаго, что мнѣ удастся сдѣлать нѣсколько наблюденій въ лазаретѣ въ Полякѣ, и въ виду этого я кое-что приготавливаю. Будь увѣрена, что я принимаю всѣ надлежащія мѣры предосторожности... а пока что дѣлать въ Бордо? Я познакомился съ молодымъ библіотекаремъ городской библіотеки, которая въ двухъ шагахъ отъ гостинницы... получилъ право входа въ би-

библиотеку во всякое время, и въ настоящую минуту я сижу, удобно обставившись книгами — все сочиненія Литре; ихъ больше, чѣмъ я могу одолѣть“.

Изъ общаго очерка мы знаемъ, насколько плодотворными оказались труды Пастера въ новой облюбованной имъ области: изслѣдованія куриной холеры, сибирской язвы, родильной горячки, наконецъ, разработка методовъ лѣченія путемъ прививокъ и приложеніе этого метода къ одному изъ ужаснѣйшихъ заболѣваній, какимъ человѣкъ можетъ только подвергаться — къ бѣшенству. Заканчивая обзоръ этой удивительно плодотворной научной дѣятельности, мы остановимся теперь только съ нѣкоторой подробностью на исторіи открытій въ области лѣченія отъ бѣшенства.

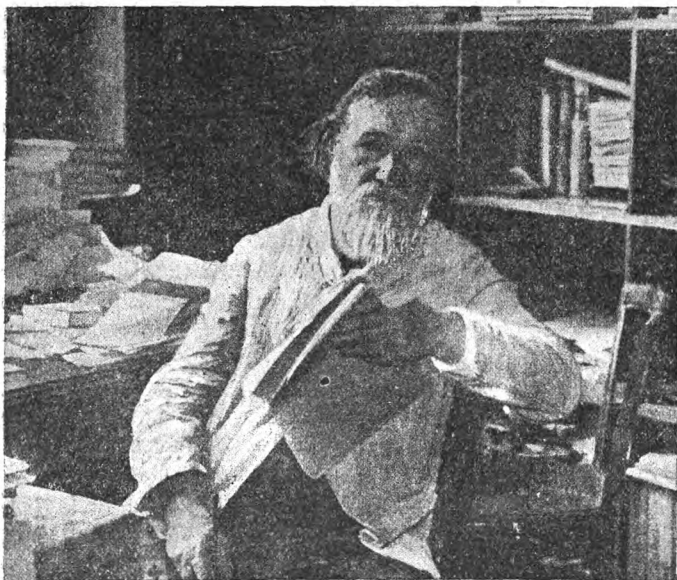
Къ изученію бѣшенства Пастерь приступилъ въ 1880 г. „Къ этому времени“, рассказываетъ г. М. А. Энгельгардтъ, — его лабораторія въ улицѣ Ульмъ превратилась въ настоящій звѣринецъ. Посѣтитель, входя въ комнаты нижняго этажа, испытывалъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Повсюду въ клѣткахъ виднѣются животныя, — почти всѣ корчатся въ мукахъ. Кролики издыхаютъ отъ сибирской язвы или гнилокровія; куры сонныя, вялыя, какъ осеннія мухи, изнемогаютъ отъ холеры; раздается вой — ужасный, зловѣщій, полный невыразимой тоски, злобы, отчаянія, — вой, котораго не забудетъ тотъ, кто разъ услышалъ его, — это собака, зараженная бѣшенствомъ, неистовствуетъ за желѣзной рѣшеткой. Все это жертвы, осужденныя на закланіе ради человѣчества. Что дѣлать: въ нашемъ мудро устроенномъ мірѣ никакое благо не дается даромъ, — кто-нибудь да поплатится, — хорошо еще, если только собаки да морскія свинки!

„Каждый день трупы относятся наверхъ, для изслѣдованія, — среди нихъ на столѣ, можно увидѣть иной разъ и живую собаку со связанными лапами, съ обезумѣвшими отъ страха глазами, дрожащую въ ожиданіи чего-то сквернаго... Ей предстоитъ вивисекція, вскрытіе за-живо; — но слѣдуетъ замѣтить: Пастерь никогда не производилъ вивисекцій, не заклороформировалъ животное. Больше ничего не могъ онъ сдѣлать — развѣ отказаться отъ опытовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ отъ надежды избавить людей отъ ужасныхъ бѣдствій“.

Вотъ въ этихъ-то ужасныхъ условіяхъ, представлявшихъ подѣ часть невыносимую пытку для вѣчно добраго и жалостливаго Пастера, и было выработано средство для борьбы съ бѣшенствомъ, вызываемымъ укусомъ сбѣсившагося животнаго и сопровождаемымъ ужасными страданіями. Работа была въ высшей степени нервная и трудная. „Вашъ отецъ“, — писала г-жа Пастерь дѣтямъ, — „очень озабоченъ, молчитъ, мало спитъ, встаетъ съ зарей, однимъ словомъ, ведетъ тотъ образъ жизни, который я начала съ нимъ дѣлать ровно 35 лѣтъ тому назадъ“. Путемъ прививки сначала слюны бѣшеннаго собакъ, затѣмъ ихъ крови, и, наконецъ, ихъ мозга, Пастерь установилъ, что самымъ вѣрнымъ и сильнымъ ядомъ бѣшенства является высушенный мозгъ животнаго, погибшаго отъ бѣшенства. Работы съ этимъ ядомъ и привели, въ концѣ концовъ, Пастера къ методу прививокъ, явившихся самымъ вѣрнымъ средствомъ борьбы съ этой ужасной болѣзью. Наконецъ, наступилъ моментъ испробовать теорію прививокъ впервые надъ живымъ человѣкомъ, — моментъ высокой отвѣтственности передъ тѣмъ, къ кому примѣняется это новое средство. Приводимъ разсказъ объ этомъ огромномъ событіи въ жизни ученаго со словъ г-жи Орловой.

„Утромъ 6-го іюля 1885 года въ лабораторію Пастера привели девятилѣтняго мальчика Іосифа Мейстера. Мальчикъ этотъ, эльзасецъ, шель-

4-го іюля по тропинкѣ изъ своей деревни въ село Мейсенготъ, какъ вдругъ на него накинулась собака, повалила его и искусила; къ счастью, онъ успѣлъ закрыть лицо руками. Проходящій случайно каменщикъ,

Проф. И. И. Мечниковъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ въ Институтѣ Пастера.

увидавъ поваленнаго мальчика, бросился къ нему на помощь и отбилъ его желѣзнымъ прутомъ, который былъ у него въ рукахъ. Собака вернулась назадъ въ Мейсенготъ къ своему хозяину, лавочнику Фоню. Она схватила его зубами за руку, но Фонь тотчасъ застрѣлилъ ее. При вскрытіи собаки нашли, что желудокъ ея былъ напол-

ненъ соломой, стружками, сѣномъ, что обычно бываетъ у бѣшеныхъ собакъ.

„Родители Мейстера, узнавъ о случившемся, испугались и повезли мальчика въ тотъ же вечеръ въ ближайшій городъ къ д-ру Веберу. Докторъ обмылъ раны карболовымъ растворомъ и посоветовалъ матери тотчасъ же везти мальчика въ Парижъ. Она тамъ должна подробно рассказать обо всемъ случившемся одному ученому, хотя и не доктору, но который лучше всякаго доктора можетъ сказать, къ какому лѣкарству слѣдуетъ прибѣгнуть въ такомъ серьезномъ случаѣ. Лавочникъ Фонь присоеди-

И. И. Мечниковъ во время производства опытовъ. нился къ Мейстерамъ, и они все пріѣхали къ Пастеру. Пастеръ тотчасъ отпустилъ Фоня, у котораго не было слѣдовъ укуса на рукѣ, а только разорванъ рукавъ, но съ мальчикомъ дѣло обстояло иначе: отъ боли онъ ходилъ съ трудомъ, и у него

Пастеръ насчиталъ до 14-ти пораненій. Что тутъ было дѣлать? Неужели рѣшиться прибѣгнуть къ прививкамъ, которыя такъ удавались на собакахъ? Волненіе Пастера при этой мысли доходило до страданія. Сперва онъ постарался пристроить и обезпечить ребенка съ матерью, которыя чувствовали себя совсѣмъ затерянными въ большомъ незнакомомъ Парижѣ. Затѣмъ Пастеръ отправился въ Медицинскую Академію, такъ какъ ему необходимо было прежде, чѣмъ придти къ какому-нибудь рѣшенію, посоветоваться съ врачами. Вульпіанъ и Гранше въ тотъ же вечеръ вмѣстѣ съ Пастеромъ осматривали мальчика и, при видѣ всѣхъ его ранъ, особенно искусанной руки, рѣшили немедленно приступить къ первой прививкѣ. Начали съ самой ослабленной прививки, изъ высушеннаго въ продолженіе двухъ недѣль мозга, затѣмъ постепенно переходили къ прививкамъ все болѣе и болѣе ядовитымъ, дѣлая ихъ каждый день. Мать и ребенокъ были помѣщены въ зданіе коллежа Роленъ. Ребенокъ проводилъ день на дворѣ, чувствуя себя маленькимъ царькомъ надъ курами, морским свинками и кроликами лабораторіи. Онъ скоро освоился со всѣмъ окружающимъ, былъ веселъ, и раны его мало-по-малу заживали. „Пока все благополучно“, — писалъ Пастеръ своему зятю отъ 11 іюля, — „ребенокъ хорошо спитъ, ѣстъ съ аппетитомъ, и прививки всасываются за сутки, не оставляя никакихъ слѣдовъ. Правда, я еще не дошелъ до провѣрочныхъ прививокъ, которыя будутъ сдѣланы во вторникъ, въ среду и въ четвергъ. Если въ послѣдующія три недѣли ребенокъ будетъ здоровъ, мнѣ кажется, что успѣхъ будетъ несомнѣнный. Во всякомъ случаѣ, я отправлю ребенка съ матерью домой 1 августа, но установлю за нимъ, при содѣйствіи его родителей, строгое наблюденіе. Изъ этого вы можете заключить, что я не могу представить никакого доклада въ Академію до возобновленія занятій. Однако же тревога охватывала Пастера все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ усиливалась интенсивность прививокъ. „Дорогія дѣти, еще одна безсонная ночь у вашего отца“, писала г-жа Пастеръ, „онъ совсѣмъ не можетъ привыкнуть къ мысли, что въ послѣдней стадіи леченія надо будетъ привить этому ребенку совершенно свѣжій ядъ; однако же ему необходимо теперь пересилить свой страхъ и довести дѣло до конца. Ребенокъ пока вполне здоровъ“. Опасенія и тревога волновали и мучили Пастера; онъ пересталъ работать, по ночамъ у него были приступы лихорадки, хотя, казалось бы, его опытность при наблюденіяхъ могла внушить ему увѣренность въ счастливомъ исходѣ лѣченія. Лѣченіе длилось 10 дней. Наконецъ, мальчику сдѣлали прививку изъ мозга кролика, погибшаго въ тотъ же день отъ бѣшенства.

Тогда, передавъ доктору Гранше наблюденія за ребенкомъ, который продолжалъ чувствовать себя вполне хорошо, Пастеръ рѣшился уѣхать изъ Парижа, чтобы нѣсколько отдохнуть отъ пережитыхъ волненій. Прежде, чѣмъ попасть въ Арбуа, онъ заѣхалъ къ дочери. Но какъ ни спокойно и хорошо было ему въ деревенской тиши, онъ не могъ еще отвлечь своихъ мыслей отъ маленькаго больного. Онъ постоянно ждалъ писемъ, ему чудились телеграммы съ грозными и мрачными извѣстіями, хотя онъ ежедневно получалъ отъ доктора Гранше бюллетени о прекрасномъ состояніи здоровья мальчика. Наконецъ, мы читаемъ въ его письмѣ къ сыну отъ 3-го августа: „Вчера получилъ очень хорошія извѣстія о маленькомъ Мейстерѣ. Поэтому я теперь могу надѣяться на благопріятный исходъ“.

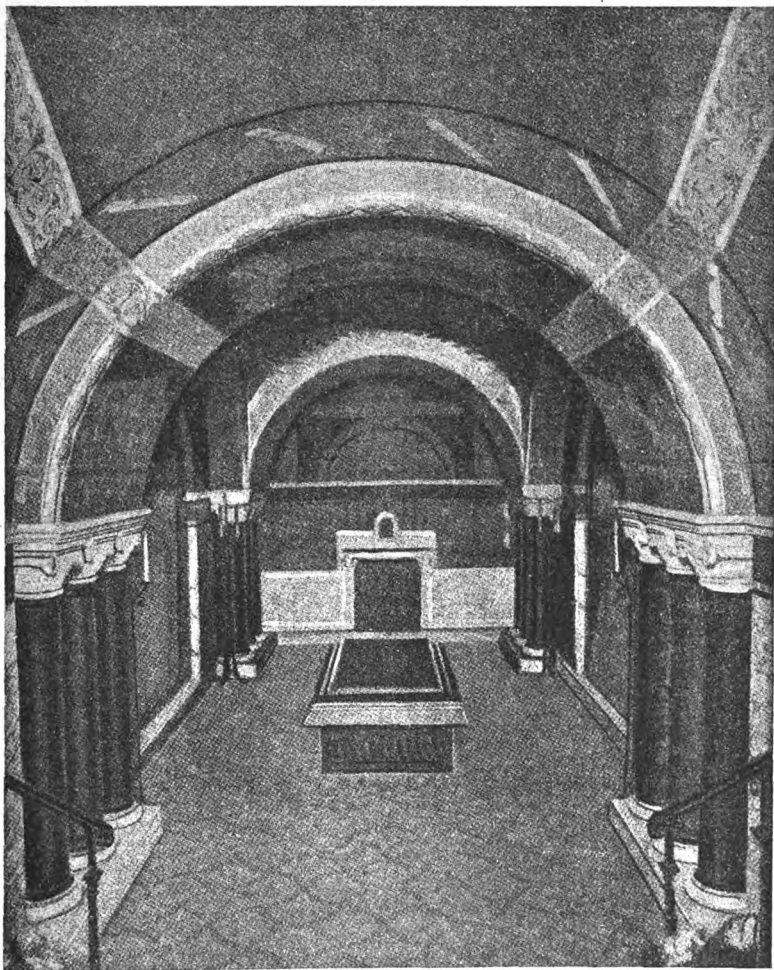
Ожиданія эти оправдались, какъ нельзя лучше. Великій методъ проложилъ себѣ широкій путь въ медицину. Великое дѣло Пастера на-

шло себѣ завершенье еще при жизни великаго изслѣдователя. Чѣмъ шире развивалось дѣло лѣченія водобоязни, тѣмъ очевиднѣе становилась потребность въ отдѣльной больницѣ, предназначенной исключительно для прививокъ противъ бѣшенства. Но Пастеру не улыбалось идти въ этомъ отношеніи по проторенной дорожкѣ черезъ Государственное Казначейство; онъ хотѣлъ, чтобы его больница была построена на добровольно собранныя деньги, на общемирсую лепту. Понявъ и оцѣнивъ это желаніе великаго ученаго, Медицинская Академія открыла всеобщую подписку на лѣчебницу Пастера. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Жертвовали не только во Франціи, но и въ Германіи, и въ Италіи, и въ Россіи. Кульминаціоннымъ пунктомъ этого предпріятія было устройство концерта въ пользу лѣчебницы въ Трокадеро, колоссальномъ парижскомъ амфитеатрѣ. Въ этомъ концертѣ приняли участіе всѣ выдающіяся силы французскаго музыкальнаго міра. Чрезвычайно характернымъ для Пастера является письмо, въ которомъ онъ высказывалъ благодарность всѣмъ участникамъ, этого артистическаго предпріятія за вниманіе къ его лѣчебницѣ. „Мнѣ трудно“, — писалъ онъ, — „выразить все то, что я переживалъ за нынѣшній день; я не смѣю признаться, что васъ почти всѣхъ (пѣвцовъ, артистовъ) я слышалъ впервые; думаю, что за всю жизнь я не былъ болѣе десяти разъ въ театрѣ. Но мнѣ теперь нечего жалѣть объ этомъ: вы мнѣ дали за нѣсколько часовъ, въ какомъ-то чудесномъ сочетаніи, всѣ тѣ впечатлѣнія, которыя другимъ даются мѣсяцами и даже годами“.

Преклонные годы и неутомимые труды стали теперь все чаще и чаще отзываться на здоровьѣ великаго ученаго. Поѣздка на Ривьеру оказалась неудачной въ томъ отношеніи, что мѣстность, въ которой поселились Пастеры, подверглась сильнѣйшему землетрясенію, разрушившему большую часть построекъ въ окрестностяхъ и желѣзнодорожный путь на значительномъ протяженіи. „Чтобы не подвергаться опасности проводить ночь подъ открытымъ небомъ, такъ какъ всѣ гостиницы пострадали такъ же, какъ и наша вила, мы рѣшились уѣхать отсюда совсѣмъ; ѣдемъ въ Арбуа; тамъ отецъ лучше, чѣмъ гдѣ-либо, отдохнетъ отъ волненій, которыя испытало его сердце“. Не смотря на это происшествіе здоровье Пастера въ это лѣто нѣсколько окрѣпло, но не надолго. Въ концѣ октября 1888 г. почти передъ самымъ открытіемъ Пастеровскаго института, Пастера поразилъ новый апоплексическій ударъ: онъ лишился языка, и хотя здоровье его нѣсколько возстановилось, но рѣчь на открытіи его дѣтища, — Пастеровскаго института, — состоявшемся 14 ноября того же года, была прочитана его сыномъ. „Когда, предчувствуя будущее развитіе противинфекціонныхъ прививокъ, я обратился непосредственно къ нашей родинѣ, надѣясь, что энергія частной инициативы дастъ намъ средства воздвигнуть нужныя лабораторіи, въ которыхъ выработывалась бы не только профилактика водобоязни, но и другихъ инфекціонныхъ, заразныхъ болѣзней, то Франція дала мнѣ средство щедрой рукой... и вотъ зданіе, домъ труда, готово; можно сказать, что въ немъ каждый камень свидѣтельствуетъ о чувствѣ милосердія, о благородной, человѣколюбивой мысли; увы, мнѣ приходится войти сюда съ грустнымъ чувствомъ человѣка конченнаго“...

Эти грустные слова далеко не выражали всей правды. Еще въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ Пастеръ оставался во главѣ своихъ знаменитыхъ учрежденій. Ему выпало счастье дожить до новаго торжества своихъ идей. Незадолго до его смерти Ру, одинъ изъ его ближайшихъ

учениковъ открылъ противудифтеритную сыворотку. Это было однимъ изъ величайшихъ благодѣяній, которыя медицина доставила человѣчеству. Снова была объявлена подписка на расширение лабораторіи Пастеровскаго института, и эта подписка дала свыше милліона франковъ. Этотъ успѣхъ снова поднялъ духъ Пастера, но болѣзнь продолжала дѣлать свое дѣло. Къ обычнымъ глубокимъ страданіямъ нервной системы присоединилась болѣзнь почекъ, которая окончательно приковала страдальца къ его постели.

Могила Пастера, находящаяся подъ главнымъ входомъ Пастеровскаго Института.

Вторая половина жизни Пастера была полна всякаго рода почестями и отличіями, заслуженными имъ въ большей степени, чѣмъ кѣмъ бы то ни было изъ среды ученыхъ и общественныхъ дѣятелей. Еще въ 1874 г. Національное собраніе назначило Пастеру ежегодную пенсію въ 12000 фр. съ тѣмъ, чтобы по смерти его вдова его получала ежегодно половину этой суммы. Въ 1878 г. онъ получилъ очень высокое отличіе

„grandofficier“ Почетнаго Легіона, въ 1882 г. — онъ былъ избранъ въ число „безсмертныхъ“, т. е. въ дѣйствительные члены Французской Академіи. Въ 1883 г. ему была назначена высшая степень ордена Почетнаго Легіона — „большой крестъ“. Въ этомъ же году пенсія его на прежнихъ условіяхъ была увеличена до 25000 франковъ. Въ 1892 г. торжественно былъ отпразднованъ день его семидесятилѣтія. Въ 1895 г. торжественное празднованіе столѣтія со дня основанія Нормальной Школы въ значительной степени обратилось въ торжественное чествованіе самого Пастера, имя котораго такъ тѣсно связано съ наиболѣе блестящими страницами названнаго учрежденія. „Ученики Нормальной Школы, настоящіе и окончившіе, прибили памятную доску въ маленькой лабораторіи Нормальной Школы, гдѣ Пастерь работалъ столько лѣтъ, и отправились въ новый Институтъ. Пастерь сидѣлъ у себя въ гостинной и пожелалъ взглянуть на нихъ; молодые люди продефилировали передъ нимъ, направляясь осматривать новую лабораторію. Д-ръ Ру ради этого торжественнаго дня выставилъ въ ней первые баллончики, которыми пользовался Пастерь при наблюденіяхъ надъ качествомъ воздуха и надъ населяющими его микрорганизмами; пробирки, сохранившіяся отъ его работъ надъ виннымъ броженіемъ; образцы различныхъ культуръ микробовъ и бациллъ всѣхъ видовъ, кончая вновь открытыми бактеріями дифтерита и чумы. Эту выставку увидалъ и Пастерь, который велѣлъ перенести себя въ лабораторію, гдѣ Ру показалъ ему подъ микроскопомъ бациллу чумы. Глядя на эту коллекцію, свидѣльницу его прежнихъ работъ, Пастерь пожалъ руку Ру и слабымъ голосомъ проговорилъ: „Сколько еще осталось работы!“

Эту работу, подхваченную его талантливыми учениками, Пастеру уже не пришлось увидать собственными глазами. Онъ скончался 28 сентября того же 1895 года.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

тома V „Великихъ людей“.

(Цифры при фамиліяхъ обозначаютъ страницы, на которыхъ упоминается данное лицо, жирныя цифры указываютъ страницы, на которыхъ помѣщены соответствующіе портреты и рисунки).

- Абель, 116.
 Августъ (принцъ Ганноверскій), 49.
 Авицена, 284.
 Аврелій, Маркъ, 283.
 Адольфъ-Фридрихъ, 198.
 Аквапенденте, 167.
 Александръ Македонскій, 283.
 Алоиза, 90, 92, 93.
 Ангербauerъ, 92.
 Араго, 138, 139.
 Аристотель, 101, 103, 116, 166, 272, 291, 314, 317, 319.
 Арко (графъ), 93.
 Арне (музыкантъ), 66.
 Арондоль, графъ, 315.
 Арто, 384.
 Архимедъ, 102, 104.
 Аэцій (полководецъ), 284.
 Базенъ, 345.
 Бакеръ, д-ръ, 292, 350.
 Бакуинъ, М., 21.
 Баларъ, 355, 356.
 Барбе (содержатель пансіоната, въ которомъ жилъ Луи Пастеръ), 353, 354, 355.
 Барецъ, 334.
 Барроу, 111.
 Барруаль (лаборантъ химика Дюма), 355.
 Бартелисъ, 143.
 Ватурсетъ, Джорджъ, 316.
 Ваусинъ, 203.
 Вахъ, Себастіанъ, 77, 87.
 Вахъ, Эмануилъ, 77, 87.
 Веецъ, Іоанна Розина (мать Рихарда Вагнера), 3.
 Вейль, 202.
 Веллови, 24.
 Вельтрами, 116.
 Берингъ, 307.
 Берліозъ, 69.
 Бернаръ, Клодъ, 377.
 Вернулли, Даниилъ, 119.
 Вернулли, Иванъ, 112, 119.
 Вернулли, Николай, 119.
 Вернулли, Яковъ, 112, 119.
 Бертенъ (директоръ Нормальной школы), 383.
 Бертолле, 384.
 Бертоль, 138.
 Бертранъ, 362.
 Берцелиусъ (химикъ), 289, 360, 384.
 Беръ, Поль, 154, 301, 302.
 Бегховенъ, 6, 7, 9, 10, 41, 53, 64, 82.
 Бисмаркъ, 344, 381.
 Біо, 135, 362, 363, 364, 365, 367, 369, 370, 373, 384.
 Бокль, 334.
 Больдани, 147.
 Бомарше, 98.
 Бонапартъ, 209, 384.
 Воэргавъ, 195.
 Браманте, 49.
 Бриггсъ, 107.
 Броннеръ, 144.
 Броньяръ, Ал., 207, 384.
 Броувъ, Ланчелотъ, 312.
 Брунетти, 92, 93.
 Бруно, Джордано, 103.
 Бульверъ (романистъ), 12.
 Бурбаки (генералъ), 382.
 Бурманъ, 195.
 Бухаръ (учитель Вирхова), 330.
 Бэконъ, 319.
 Баръ, фонъ, Карлъ Эрнстъ Максимовичъ, 165, 168, 169, 175, 181, 182, 183, 184, 186, 187, 188, 189, 217, 217—229, 317, 319.
 Бѣлелюбскій, профессоръ, 264.
 Бюловъ, Козима, 31.
 Бюрчи, 107.
 Еюффонъ, 201.
 Вагнеръ, Адольфъ (дядя Рихарда Вагнера), 4.
 Вагнеръ, Карлъ Фрицъ Вильгельмъ (отецъ Вагнера), 3.
 Вагнеръ, Минна (жена Р. Вагнера), 23, 24, 25, 28, 31.
 Вагнеръ, Рихардъ, 3, 3—40, 6 (рис.), 12 (рис.), 15 (рис.), 22 (рис.), 25 (рис.), 29 (рис.), 31, 33 (рис.), 37, 39 (рис.), 40 (рис.), 41, 64, 68, 69, 149, 150, 168.
 Вадаксъенъ, 177.
 Валлери-Радо (зять Пастера), 362.
 Вальянъ, 174.
 Ванновскій (министръ), 235.
 Веберъ д-ръ, 390.
 Веберъ (композиторъ), 5, 9, 14, 21, 90, 93, 94.
 Веберъ, Діонисъ, 8.
 Веберъ, К. М. (директоръ капеллы), 4.
 Веберъ, Копстанція, 94 (рис.), 97, 98.

- Везалій, 167, 270, 271, 272, 312.
 Везендонкъ, 24, 25.
 Везендонкъ, Матильда, 24, 28, 39.
 Вейерштрассъ, 116, 158, 161, 162.
 Вейнлигъ, Теодоръ, 7, 8.
 Вердз, Эм., 370.
 Веслингъ, Іоаннъ (ботаникъ), 274.
 Вецель (пасторъ), 5.
 Вибель (учитель Вирхова), 330.
 Викъ д'Азиръ, 167.
 Виллисъ, 318.
 Вильгельмъ (король), 381.
 Вильгельмъ - Фридрихъ, 330.
 Вильгельмъ III, 284.
 Виноградовъ, професс., 234.
 Вирховъ, Рудольфъ, 158, 266, 267, 275, 276, 277, 277 (рис.), 278, 282, 292, 313, 329, 329—349.
 Виттадини, 298.
 Виетъ, 106.
 Вольта, 372, 384.
 Вольтеръ, 62 (рис.), 63, 128, 132.
 Вольфъ, Каспаръ Фридрихъ, 182.
 Вольдогенъ, фонъ, Гансъ, 40.
 Вортлей-Монтено, 286.
 Вудвилль, 324.
 Вульпіанъ, 391.
- Гагаринъ, князь, 258.
 Гайднъ, Іосифъ, 73, 73—83, 95, 98.
 Галенъ, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 314, 319.
 Галлеръ, 274.
 Галилей, 109 (рис.), 141, 371.
 Гандинъ, 250.
 Ганкель, 367.
 Гарвей, Вильямъ, 228, 266, 267, 272, 273, 274, 277, 278, 311, 311—319.
 Гарвей, Эліабъ (братъ В. Гарвея), 316.
 Гарднеръ (другъ Дженнера), 322, 327.
 Гартманъ, 207.
 Гатт, проф., 286.
 Гауссъ, 112 (рис.), 113, 116, 138.
 Гаюи, 356, 384.
 Геберденъ, 287.
 Гейеръ (актеръ), 4, 5.
 Гейне, 13.
 Гейнцъ, Георгъ, А., 37.
- Геккель, Эрнстъ, 165, 184, 317.
 Гельмгольцъ, фонъ-, Германъ, 59, 113, 116, 155, 158, 292, 331.
 Гельмонъ, ванъ-, 291.
 Гендель, Георгъ Фридрихъ, 41, 41—55, 54 (рис.), 61, 66, 87, 98.
 Гендель, Доротея (мать Г. Фр. Генделя), 41.
 Гентеръ, 167.
 Георгъ I (король Англіи), 51, 286.
 Георгъ III, 87.
 Гериси (графъ), 202.
 Геродотъ, 167.
 Гидейо-Ногущи, профес., д-ръ (японскій ученый), 388.
 Гильдебрантъ, 220.
 Гиппархъ, 132.
 Гиппократъ, 267.
 Гиртль, 233.
 Главштремъ (учитель К. Бара), 218.
 Глюкъ, Христофъ, 64, 64—72, 67 (рис.), 71 (рис.), 78, 90, 91, 98.
 Гоббсъ, 319.
 Голицынъ (князь), 92.
 Гольдвагъ, Берта, 29.
 Гольцендорфъ (профессоръ-юристъ), 347.
 Гомеръ, 5, 226.
 Гоппе (натуралистъ), 220.
 Гофманъ, 7, 8.
 Гофманъ, Каспаръ (анатомъ), 274.
 Гоци, 9.
 Гошъ (сэръ), 327.
 Гранше, 391.
 Григорій XIII (папа), 104.
 Гриммъ (начальн. Берлинскаго медико-хирургическаго института), 331.
 Грубе, проф., 221, 222, 225.
 Груберъ, проф., 231, 233, 235, 241.
 Гудонъ (скульпторъ), 71.
 Гумбольдтъ, 224.
 Гунтеръ, проф., 321, 327.
 Густавъ III, 198, 199.
 Гэй-Люссакъ, 384.
 Гэникъ, 345.
 Гюй-Патенъ, 274.
 Гюйгенсъ, 111, 116.
- Давыдова, 96.
 Давэнь, 300, 301.
 Даламберъ, 117, 124 (рис.), 124—133, 135.
 Данкуръ, Мими, 62.
- Дарамбергъ, 317.
 Даранберъ, 272.
 Дарвинъ, Чарльзъ, 158, 165, 189, 282.
 Даргомыжскій, 231.
 Даціаро, 147.
 Девиль, 377.
 Декартъ, 106 (рис.), 109, 111, 120, 141.
 Декруз, 58.
 Делафосъ, проф., 356.
 Деллингерь, 220.
 Делюкъ, 203.
 Демокритъ, 316.
 Денуартеръ, Густавъ, 65, 67.
 Детушъ, 125.
 Дженнеръ, Эдуардъ, 266, 267, 285, 287, 288, 305, 320, 320—328.
 Дидро, 126.
 Дионисій Галикарнаскій, 283.
 Диофинтъ, 102.
 Добавтонъ, 167.
 Долбня, 252.
 Долгоруковъ, князь, 284.
 Достоевскій, 155, 156.
 Дрозъ, Жозефъ, 354.
 Дурново, П. Н., 248.
 Дэви, 384.
 Дюбуа-Реймонъ, 158, 164, 346.
 Дюверна, 167.
 Дюкло, Эмиль, 357, 360, 360.
 Дюлонгъ, 384.
 Дюма (сенаторъ), 376.
 Дюма (химикъ), 355, 356, 366, 369, 378.
 Дюрюи (министръ), 378.
 Евсевій, 268.
 Екатерина I, 119.
 Екатерина II, 121, 122, 131, 286.
 Елизавета (дочь ландграфа), 18.
 Жальяръ, 301, 302.
 Желтухинъ, 146.
 Жобло, 292.
 Жоли, 291.
 Жоффруа, 205, 206, 216.
 Жуковский, 155.
 Жюссье, 203.
- Захау (учитель Генделя), 43, 50.
 Зейбель, 368.
 Зигесбекъ, 196.
 Имшенецкій, проф., 264.
 Іозефа (принцесса), 87.
 Іосифъ (императ.), 86, 97.
 Іосифъ I, 284.
 Іосифъ II, 284.

- Кавальери, 109.
 Кальметтъ, д-ръ, 307.
 Камперъ, 167.
 Кантъ, 113.
 Каптъ, Ю. (биографъ Р. Вагнера), 9, 12, 13, 14, 19, 25, 26, 27, 33, 36, 37.
 Кардано, Джеронимо, 104, 105.
 Карелинъ, 225.
 Карлъ, герцогъ, 201.
 Каръ, Теодоръ, 92.
 Карлъ I, 313, 315, 319.
 Карлъ X, 213.
 Карлъ, XII, 285.
 Каронъ, 126.
 Каудьбахъ, Г., 17 (рис.).
 Кауницъ (принцъ), 64.
 Кауль, 169.
 К-йзеръ (директоръ Гамбургскаго театра), 46.
 Келлеръ, 79.
 Келлеръ, Марія Анна, 79.
 Келликеръ, проф., 344.
 Келлеръ, Юаннъ, 108 (рис.).
 Кестнеръ, 368.
 Киселевъ (министръ), 224.
 Китагато, 307.
 Клебъ, 343.
 Клеро, 127.
 Клиффордъ, Георгъ, 195.
 Клодъ-Бернаръ, 154, 155.
 Ковалевская, С. В., 116, (рис.), 117, 151, 151—164.
 Ковалевскій, Владиміръ Онуфріевичъ, 157, 165, 317.
 Ковалевскій, Максимъ, проф., 256.
 Колларъ-Ройе, 211.
 Коле, 306.
 Коллеръ, Марія, 73.
 Коломбо, Реальдо, 271, 272, 312.
 Коланъ, д-ръ, 304.
 Кондорсъ, 131.
 Констангинъ Африканскій, 284.
 Контъ, 109, 110.
 Коперникъ, 272.
 Корвинъ-Круковскій, 151, 154, 155, 156, 157.
 Корналіа, 298.
 Корреджіо, 219.
 Кортецъ, 284.
 Кохъ, Робертъ, д-ръ, 266, 303 (рис.), 348.
 Коцебу, 4.
 Коши, 113, 116.
 Криницынъ, 149.
 Крювелье, 278.
 Ксеофанъ, Колофонскій, 167.
 Кукъ (путешественникъ), 321.
 Курцъ, 78.
 Кювье, Жоржъ - Леопольдъ-Кретьенъ-Фредерикъ-Дагоберъ, 165, 167, 169 (рис.), 175, 176, 177, 179, 180, 181, 186, 189, 200 (рис.), 200—216, 384.
 Кювье, Клементина (дочь Жоржа Кювье), 216.
 Лавуазье, 141, 203, 376, 377.
 Лагранжъ, 112, 113, 139, 141, 164, 384.
 Ламартинъ, 354.
 Лапласть, Пьеръ, 117, 123, 134 (рис.), 134—141, 384.
 Латуръ, Каньяръ, 289, 290.
 Лебонъ, Н. Д., 3 (рис.).
 Лебъ, Джэкъ, 278, 279, 280, 281, 282.
 Левенгукъ, 166, 291.
 Лежандръ, 384.
 Лейбницъ, 110, 112.
 Леонардо-да-Винчи, 47, 168.
 Лепла, 301, 302.
 Лермонтовъ, 155.
 Лесгафтъ, Петръ Францевичъ, 165, 189, 230, 230—261, 232 (рис.), 238 (рис.), 242 (рис.), 251 (рис.), 260 (рис.).
 Леспинасъ, 128, 129, 131, 132, 133.
 Леубутеръ, 339.
 Леубушеръ, 333.
 Ли (мистрисъ), 207, 216.
 Либихъ, Юстусъ, 288, 289, 290, 294, 295, 296.
 Линнъ, Карлъ, 165, 166, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 186, 190 (рис.), 190—199, 205, 206, 227.
 Листеръ, Джозефъ, 298, 299, 374, 387.
 Листъ, Францъ, 16, 19, 20, 21, 24, 31.
 Литвинова, 123, 157, 158.
 Литре, 389.
 Литровъ, 144.
 Лобачевскій, Н. И., 113, 115, 116, 117, 142, 142—150.
 Лобковичъ (принцъ), 65.
 Ломброзо, 104.
 Лоранъ (ректоръ Страсбургскаго университета), 365.
 Лоранъ, Марія, 365.
 Лоренцъ, 101, 102, 105, 109, 113.
 Лориляръ, 207.
 Луи-Филиппъ, 213.
 Людовикъ II (король баварскій), 29, 33.
 Людовикъ XV, 130, 284.
 Людовикъ XVIII, 213.
 Магнассій, 274.
 Магницкій, 145, 146.
 Магометъ, 284.
 Маперъ, Карлъ (гинекологъ), 341.
 Макдональдъ (полковонецъ Наполеона), 219.
 Маленичъ, 153, 154.
 Малисъ, 331, 334, 342, 343, 344, 345, 349.
 Мальпинги, 166, 274.
 Малюсъ, 384.
 Манцуоли, 87.
 Маре, 57, 59.
 Марилаунъ, фонъ, Кернеръ, 283 (рис.).
 Марія Терезія (императрица), 284.
 Марпиусъ (натуралистъ), 220.
 Маршнеръ, 9.
 Маттесонъ (пѣвецъ), 44, 45.
 Мейерберъ, 11, 14.
 Мейстеръ, Юсифъ (мальчикъ, надъ которымъ производилъ опыты Пастеръ), 389, 390, 391.
 Меккель, 182.
 Мельни (графъ), 65.
 Мечниковъ, Илья Ильичъ, 307, 308, 308, 390, 390 (рис.).
 Мюль, 70.
 Миддендорфъ, 224.
 Микельанджелло, 47, 49.
 Миллеръ (фабрикантъ), 368.
 Мильтонъ, 82.
 Милютинъ (министръ), 235.
 Миттагъ-Леффлеръ, 163, 164.
 Митчерлихъ, 289, 290, 356, 360, 362, 366.
 Мозелей, д-ръ, 324.
 Монжъ, 384.
 Монтеверде, 328.
 Монтэно-Вортлей, 286.

- Мореусъ, 194.
 Морзе, 372.
 Морозовъ, Н. А., 254, 256, 257.
 Морцинъ, графъ, 78.
 Моцартъ, Вольфгангъ
 Амадей, 5, 8, 17, 53, 64,
 77, 80, 81, 84, 84—99, 86
 (рис.), 89 (рис.).
 Моцартъ, Леопольдъ, 85,
 89, 92.
 Муравьевъ, 252.
 Мусинъ-Пушкинъ, 146.
 Мюллеръ, Иоганнъ, 274,
 275, 331, 333, 334, 339.
 Мюссе, 291.

 Наполеонъ, 135, 209, 212,
 219, 351.
 Наполеонъ III, 375, 385.
 Нардини, 87.
 Некрасовъ, 155, 164.
 Неперъ, 107.
 Никасъ, Софія, 96.
 Ниссенъ, 98.
 Новорусскій, 255, 256,
 258.
 Ньютонъ, 63, 107, 111,
 116, 120, 127, 132, 141,
 371.

 Обрей, Джонъ, 312, 315.
 Окенъ, 168.
 Орлова, 292, 297, 304, 354,
 359, 371, 375, 379, 382,
 387, 389.

 Пакъе, 213.
 Палисси, Бернаръ, 168.
 Палласъ, 168, 225.
 Пандеръ, 182.
 Паппа, 102.
 Паризанусъ, 274.
 Парротъ, д-ръ, 219.
 Паскаль, 59, 109.
 Пастеръ, Камилла (дочь
 Луи Пастера), 376, 377.
 Пастеръ, Луи, 266, 267,
 278, 282, 288, 289, 290,
 291, 292, 293, 294, 295,
 296, 297, 298, 299, 300,
 301, 302, 304, 305, 306,
 307, 309, 320, 324, 328,
 350, 350—394, 352 (рис.),
 354 (рис.), 367, 385
 (рис.), 386 (рис.), 393
 (рис.).
 Пастеръ, Мари (сестра
 Луи Пастера), 351, 366,
 367, 376.
 Патентъ-Гюи, 274.
 Пеллегринъ (аббатъ), 62.
 Пеллико, Сильвіо, 354.
 Перлъ, Анна - Марія, 85.

 Петръ Великій, 225.
 Петръ II, 284.
 Пиду, д-ръ, 296.
 Пизаро, 284.
 Пирсонъ, д-ръ, 324.
 Пиеаторъ, 167.
 Планеръ, Минна, 10.
 Платонъ, 116.
 Плеве (министръ), 245,
 252.
 Плиний, 191.
 Познеръ, С., 239, 241, 243,
 244, 245, 246, 255, 259,
 262.
 Постель, Христианъ (по-
 этъ), 44.
 Примрозъ, 273.
 Прозоровъ, 147.
 Прони, 384.
 Птоломей, 272.
 Пуанкаре, Анри, 114
 (рис.), 116.
 Пуансо, 164.
 Пуассонъ, 138, 384.
 Пуше, 291, 292.
 Пушкинъ, 155.
 Пфафъ, 202, 203, 207.
 Пфейфферъ, 306.

 Радо-Валлери (зять Па-
 стера), 362.
 Разесъ, 284.
 Рамо, Жанъ-Филиппъ, 56
 (рис.), 56—63, 59 (рис.),
 62 (рис.), 64, 98.
 Рамусъ, Петръ, 103.
 Расманъ, д-ръ, 369.
 Раулинъ, 375.
 Рафаэль, 47.
 Регомонтанъ, 103.
 Реди, 291.
 Редтенбахеръ, 368.
 Рей, 169, 170, 172, 203.
 Рейнхардтъ, 333.
 Реннеръ, 143.
 Реуттеръ, Георгъ, 75.
 Риббертъ, 381, 282.
 Риманъ, 113, 115, 116.
 Риттеръ, 224.
 Ришелье, герцогъ, 211.
 Риоланъ, Жанъ, 274.
 Роберваль, 111.
 Робинзонъ, 5.
 Робинъ, 122.
 Рогбергъ, 192.
 Розенбергъ (антропо-
 логъ), 27.
 Розенъ, 194, 197.
 Ройе Колларъ, 211.
 Романъ, 149.
 Ромэнсъ, 282.
 Россини, 72.
 Ротманъ, 191.

 Рохледеръ, д-ръ химіи,
 369.
 Ру, д-ръ (директоръ Па-
 стеровскаго Институ-
 та), 381, 387, 392, 394.
 Рудбекъ, 192, 194, 197.
 Румовскій, 143, 144.
 Руссо, Жанъ-Жакъ, 125.
 Рэйе, 300.

 Санмартини, Джована,
 Баттиста (музыкантъ),
 65.
 Сваммердамъ, 166, 291.
 Святловскій, В. В., 269,
 272, 283, 285, 322, 323,
 327.
 Сенармонъ (химикъ),
 369.
 Сентъ - Илеръ, Жофруа,
 384.
 Серветъ, 271, 272.
 Сибиряковъ, Иннокентій
 Михайловичъ, 246, 247,
 249.
 Сиверсъ, 120.
 Сильвій, 270.
 Сицягинъ (министръ),
 252.
 Смитъ, 199.
 Смитъ, Марья Францов-
 на, 153.
 Снайдеръ, К., 279, 281,
 282, 309.
 Софусъ Ли, 116.
 Спалланцани, 292.
 Спанглеръ, 76.
 Спенсеръ, 158, 165.
 Стадлеръ, Антонъ, 95.
 Стефенъ (племянникъ
 Дженнера), 327.
 Стобеусъ, Киліанъ, 192.
 Столыпинъ, П. А., 248.
 Страбонъ, 225.
 Страннолюбскій, А. Н.,
 156.
 Сюаръ, 125.

 Тамберланъ, 387.
 Тансенъ, 125.
 Тарталья, Никколо, 103,
 104, 105.
 Тассо, 50.
 Тэзи (пѣвица), 49.
 Терезія - Марія (импера-
 трица), 284.
 Терсанъ-де, Ж., 62 (рис.).
 Тессинъ, 196.
 Тессье, 205.
 Тимони (врачъ), 285.
 Томсонъ, 83.
 Торре де-ла, Жанъ, 274.
 Туганъ - Барановскій,
 М. М., проф., 253.

Тунъ, 77.
 Турнефоръ, 174.
 Туссенъ, д-ръ, 306.
 Тыртовъ, 154.
 Тюрпентъ, 289.

д'Удинъ, Жанъ, 65, 67,
 70, 72.
 Уоллесъ, А., 165.

Фабрицій, 167, 271, 272,
 312, 317.

Фаллопій, 167, 312.
 Фаусекъ, 169, 171, 172,
 173, 174.

Ферма, 106, 111.

Феррари, 105.

Фигнеръ, Вѣра Николаев-
 на, 232, 234, 247, 248,
 253, 263, 264.

Фикенгеръ, 366, 367, 368,
 369.

Филиппъ-Луи, 213.

Филоновъ, 155.

Фипсъ, Джонъ, 322, 325.

Фиори, 103, 104.

Флурансъ, 181.

Фольбахъ, Фрицъ (био-
 графъ Генделя), 48, 49,
 51, 52.

Фонъ (лавочникъ), 390.

Франзолиусъ, 274.

Франклинъ, В., 373.

Франкъ, 74, 75.

Фреймюцъ, 5.

Френель, 384.

Фридрихъ Великій, 120,
 121, 122, 129, 130.

Фридрихъ - Вильгельмъ,
 330.

Фридрихъ II, 167.

Фроришъ, Робертъ, проф.,
 332.

Фурье, 100, 139, 141, 384.
 Фонъ - Фюрибергъ, Эд-
 леръ, 78.

Хавкинъ, 306.

Холодковский, проф., 166,
 168, 181, 182, 184, 185,
 187, 219, 223, 224, 226,
 229.

Цезальпинъ, 271, 272,
 314.

Цельзий, Олаусъ, 193, 194.
 Цивольки (лейтенантъ),
 223.

Цингеръ, 115.

Чекарелли, 92, 93.

Шабанонъ, 58.

Шапюи (другъ Пастера),
 365, 373, 375.

Шатель, 201.

Шахтнеръ, 85.

Шваннъ, Теодоръ, 275,
 276, 292.

Шварцъ, 159.

Шеее (химикъ), 360.

Шекспиръ, Вильямъ, 5,
 48, 51.

Шеллингъ, 168.

Шенлейнъ (клиницистъ),
 274, 331, 332.

Шиканедеръ, 95.

Шлейденъ, Маттіасъ-
 Яковъ, 275, 276.

Шопенгауеръ, 28, 228.

Шротеръ, 368.

Штейгрюберъ (воспита-
 тель К. Бэра), 218.

Штифель, Михайлъ, 103.

Щукинъ, проф., 265.

Эберляйнъ (скульпторъ),
 39.

Эвклидъ, 102, 104, 115.

Эгрмонтъ (лордъ), 324.

Эдельфельтъ, 291 (рис.).

Эйзенманнъ, Готфридъ,
 341.

Эйлеръ, Л., 112, 114, 117,
 118 (рис.), 118—123,
 164.

Эйлеръ, Павелъ (отецъ Л.
 Эйлера), 118, 119.

Эллиотъ, Джоржъ, 158.

Энгельгардтъ (организа-
 торъ экспедиции для
 нивелировки Каспій-
 ского моря), 219.

Энгельгардтъ, М. А., 176,
 181, 206, 213, 216, 299,
 314, 317, 355, 363, 383,
 384, 389.

Эно, 131.

Энтъ, 316, 317, 319.

Эразистратъ, 271.

Эрасси, 265.

Эрдманъ, д-ръ, 367.

Эрлихъ, 309, 310.

Эрштедъ, 372, 373.

Эстергази (князь), 79, 80,
 81.

Юнгфлейшъ, 364.

Юстиніанъ (императоръ),
 283, 284.

Якоби, 116.

Яковкинъ, 145.

Янъ, 93, 115.

Янышевскій, 146.

Юма, св., 7.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Беликіе музыканты II.

	стр.
Рихардъ Вагнеръ (1813—1883)	3
Георгъ Гендель (1685—1759)	41
Рамо (1683—1764)	56
Христофъ Глюкъ (1714—1787)	64
Юсифъ Гайднъ (1732—1809)	73
В. Моцартъ (1756—1791)	84

Беликіе математики I.

Одинъ изъ величайшихъ методовъ научнаго изслѣдованія. (Ученіе о бесконечно-малыхъ въ математикѣ)	100
Эйлеръ (1707—1783)	118
Даламберъ (1717—1783)	124
Лапласъ (1749—1827)	134
Н. М. Лобачевскій (1793—1856)	142
С. В. Ковалевская (1850—1891)	151

Беликіе естествоиспытатели III.

Знаменитые антидарвинисты	165
Карлъ Линней (1707—1778)	190
Жоржъ Кювье (1769—1832)	200
Карлъ Бэръ (1792—1876)	217
Петръ Францевичъ Лесгафтъ (1837—1909)	230

Беликіе медики I.

Глава изъ исторіи борьбы съ недугами человѣчества	266
Гарвей (1578—1657)	311
Эд. Дженнеръ (1749—1823)	320
Вирховъ (1821—1902)	329
Луи Пастеръ (1822—1895)	350
Именной Указатель	395

Типографія Кюгельгенъ, Гличъ и Ко., СПБ., Екатерингофскій пр. 87.

Г. Р. Державинъ.

Наканунъ русской литературы.

Знаменитый нашъ критикъ Бѣлинскій *) въ самомъ началѣ своей дѣятельности выступилъ съ парадоксальнымъ на первый взглядъ заявленіемъ, что русская литература въ настоящемъ смыслѣ этого слова начинается лишь съ Пушкина и Гоголя... А Державинъ, Крыловъ, Карамзинъ, Жуковскій, — скажутъ намъ. Развѣ это не русская литература?! — Для того, чтобы понять, въ какой степени и въ какомъ смыслѣ быть правъ нашъ великій критикъ, обратимся прежде всего къ фактамъ, т. е. къ краткимъ очеркамъ жизни и дѣятельности только что указанныхъ писателей.

*) Біогр. I томъ „Вел. Людей“.

Гавріиль Романовичъ Державинъ родился 3-го іюня 1743 г. въ мѣстечкѣ Кармачахъ или Сокурахъ (впрочемъ, ни то, ни другое окончательно не установлено) Лаишевскаго уѣзда Казанской губ. Родителями его были небогатые, мелкопомѣстные дворяне. Служба отца проходила въ различныхъ гарнизонныхъ полкахъ. И семья въ теченіе ряда лѣтъ, — во время ранняго дѣтства Гаврилы, — часто мѣняла мѣсто своего жительства. Обстоятельство это очень благотворно отразилось на здоровьѣ мальчика, который родился такимъ маленькимъ, слабымъ и тощимъ, что его, по мѣстному обычаю, нашли нужнымъ запекать въ хлѣбъ. Отъ своихъ родителей Гавріиль унаслѣдовалъ всѣ отрицательныя черты мелкопомѣстнаго дворянства: запальчивость, заносчивость, чрезмѣрныя притязанія, неразборчивость въ средствахъ дѣйствія, распутность и прочія прелести, которыя пышно распускались въ дворянской средѣ на гнилой почвѣ крѣпостного права. Отецъ славился своими „подвигами“ по пьяному дѣлу.

Первымъ учителемъ будущаго поэта была его мать, отъ которой на пятомъ году онъ научился читать. Затѣмъ онъ перешелъ въ руки типичныхъ педагоговъ того времени — Вральмановъ и Цыфиркиныхъ, закрѣпленныхъ въ знаменитой комедіи фонъ Визина. Державины, слѣдовательно, стремились дать своему Гавріильшѣ домашнее образованіе. Это обстоятельство было засвидѣтельствовано въ официальномъ документѣ, когда въ Ставрополѣ въ 1750 году оба брата Державиныхъ были „смотрѣны“ въ оренбургской губернской канцеляріи. Соответствующій протоколъ гласитъ: „Гаврила по седьмому, а Андрей по шестому году уже начали обучаться своимъ коштомъ словесной грамотѣ и писать, да и впредь же ихъ, ежели время и случай допуститъ, желаетъ оный отецъ ихъ своимъ же коштомъ обучать ариметикѣ и прочимъ указнымъ наукамъ до указныхъ лѣтъ“.

Образованіе Гаврилы затѣмъ продолжалось въ Оренбургѣ въ школѣ нѣмца, сосланнаго за уголовныя „художества“ въ каторжныя работы. По отзыву самого Державина это былъ человѣкъ развратный, жестокой и круглый невѣжда. Тѣмъ не менѣе за два три года своего пребыванія у этого оригинальнаго педагога, Гавріиль выучился читать, писать и говорить по-нѣмецки и усвоилъ твердый и красивый почеркъ, что въ свою очередь натолкнуло его на рисованье перомъ, въ чемъ онъ проявлялъ въ послѣдствіи незаурядный талантъ.

Въ 1754 г. умеръ отецъ Гаврилы, и скудость средствъ семьи Державиныхъ перешла въ бѣдность. Ко второму „смотру“ по ариметикѣ и геометріи Державинъ готовился у „гарнизоннаго школьника“ Лебедева и штыкъ-юнкера Полежаева. Эги горе-педагоги мало чему научили мальчика, и Державинъ на всю жизнь остался плохимъ математикомъ. На 15-мъ году Гавріиль Державинъ поступаетъ въ только что открывшуюся казанскую гимназію. Педагогическое дѣло поставлено было здѣсь едва ли многимъ лучше, чѣмъ въ школѣ нѣмца-каторжника. Это видно на тѣхъ итогахъ, которые самъ Державинъ подводитъ своему образованію. Въ 1811 г. въ „Бесѣдѣ“ въ не законченной статьѣ „Разсужденіе о достоинствѣ государственнаго человѣка“, онъ говоритъ: „Недостатокъ мой исповѣдую въ томъ, что я былъ воспитанъ въ то время и въ тѣхъ предѣлахъ имперіи, когда и куда не проникало еще въ полной мѣрѣ просвѣщеніе наукъ не только на умы народа, но и на то состояніе, къ которому я принадлежу. Насъ научили тогда: вѣрѣ — безъ катехизиса, языкамъ — безъ грамматики, числамъ и измѣренію — безъ доказательствъ, музыкѣ — безъ нотъ и т. п. Книгъ, кромѣ духовныхъ, почти никакихъ не читали, откуда бы можно почерпнуть глубокія и обширныя свѣдѣнія“.

Тѣмъ не менѣе, пребываніе въ гимназіи отразилось на Державинѣ до извѣстной степени благотворнымъ образомъ. Онъ расширилъ свои познанія въ нѣмецкомъ языкѣ и положилъ здѣсь начало своему знакомству съ нѣмецкой литературой. Онъ выдвинулся, какъ хорошій рисовальщикъ и чертежникъ, и, наконецъ, подъ руководствомъ директора Веревкина, человѣка для того времени очень образованнаго, онъ познакомился нѣсколько съ текущей русской литературой и наиболѣе выдающимися именами французскихъ писателей того времени. Наконецъ, онъ обратилъ на себя вниманіе своей общей талантливостью и расторопностью, и Веревкинъ началъ его брать съ собою при исполненіи различныхъ своихъ обязанностей. Изъ этихъ служебныхъ поѣздокъ особенно большое значеніе имѣла для Державина экспедиція для изслѣдованія развалинъ древней столицы Болгарскаго царства, снаряженная по инициативѣ извѣстнаго мецената графа Шувалова. На этихъ работахъ Державинъ пробылъ до глубокой осени и привезъ описаніе развалинъ, планъ бывшаго города, рисунки остатковъ нѣсколькихъ строеній, надписи гробницъ и коллекцію различныхъ старинныхъ вещей, вырытыхъ изъ земли.

Но судьба не дала Гавріилу Державину закончить даже своего гимназическаго образованія. Въ 1762 году онъ спѣшно былъ вызванъ въ Петербургъ для немедленнаго поступленія рядовымъ въ Преображенскій полкъ, такъ какъ новый императоръ Петръ III замышлялъ войну съ Даніей. Черезъ три же мѣсяца, послѣ пріѣзда въ полкъ, Державину, вмѣстѣ съ другими солдатами своего полка пришлось принять участіе въ государственномъ переворотѣ, въ результатъ котораго на престолъ взошла Екатерина II. Державинъ, по собственному своему признанію, былъ такъ мало развитъ въ политическомъ отношеніи, что совершенно не понималъ смысла событій, въ водоворотъ которыхъ онъ былъ втянутъ, и не зналъ, кому слѣдуетъ сочувствовать.

Не имѣя покровителей, Державинъ долженъ былъ дожидаться своихъ офицерскихъ погонъ въ цѣлыя десять лѣтъ. Значительную часть этого времени онъ тянулъ обычную солдатскую лямку: изнывалъ на шагистикѣ, отбывалъ продолжительные караулы, отправлялъ разныя черныя работы, чистилъ каналы, разгребалъ снѣгъ... Казарменная жизнь оказала на духовное развитіе Державина самое печальное вліяніе. Картежная игра, которая оканчивалась нерѣдко проигрышемъ чужихъ денегъ, пьянство при всякой возможности и дебоши, заканчившіеся иной разъ въ участкѣ, использование своего поэтическаго таланта для скабрёзныхъ, грубыхъ солдатскихъ пѣсенъ, — таково было главнѣйшее содержаніе жизни молодого Державина въ минуты, свободныя отъ постылой солдатской службы. Но „казарменная“ поэзія не исчерпываетъ всей „литературной“ дѣятельности Державина. Грамотный человѣкъ да еще съ бойкимъ перомъ былъ рѣдкою въ полкахъ того времени. Державинъ поэтому быстро становится, какъ популярный составитель писемъ, — „грамотокъ“ къ родителямъ и „зазнобушкамъ“, — сначала въ солдатской, а потомъ и въ офицерской средѣ. И онъ, дѣйствительно, умѣлъ потрафлять „на вкусъ, такъ какъ уже въ то время хорошо владѣлъ народнымъ языкомъ и умѣлъ къ мѣсту пустить народную прибаутку или пословицу. Кромѣ писемъ этого рода, Державинъ составлялъ дѣловыя бумаги. Все это невольно обращало вниманіе на расторопнаго и дѣловитаго солдатика, а портреты, которые онъ рукою опытнаго художника набрасывалъ съ такою легкостью, доставили ему знакомства и привязанность среди „честныхъ и почтенныхъ“ людей, которые и помогли ему добраться до офицерскаго чина. Двадцати восьми

лѣтъ онъ вступаетъ такимъ образомъ въ составъ гвардейскаго офицерства; радости Державина не было предѣловъ, хотя, благодаря отсутствію какихъ-либо средствъ, его положеніе въ гвардіи было не изъ завидныхъ. „Державинъ“, — рассказываетъ Бриліантъ, — „получилъ ссуду изъ полка, сукно, позументъ и проч. Продавъ сержантскій мундиръ и признавъ еще денегъ, онъ купилъ англійскіе сапоги и карету, старенькую правда, да еще послѣднюю въ долгъ, но зато это значило обзавестись всѣмъ нужнымъ! Жилъ онъ въ то время на Литейной, гдѣ помѣщались и казармы въ маленькихъ, деревянныхъ покойчикахъ, хотя бѣдно, однако порядочно, устраниаясь отъ всякаго развратнаго сообщества, „ибо — прибавляетъ онъ — и я имѣлъ любовную связь съ одною хорошихъ нравовъ и благороднаго поведенія дамою. Какъ былъ очень къ ней привязанъ, а она не допускала меня отъ себя уклоняться въ дурное знакомство, то и исправилъ я по малу свое поведеніе“. Любопытно и то, что, не оставляя картъ, онъ игралъ въ это время уже не по страсти, а благоразумно и умѣренно“.

Свою поэтическую карьеру Державинъ, какъ извѣстно, сдѣлалъ главнымъ образомъ на одахъ, и мы поэтому вынуждены остановиться нѣсколько на значеніи этого рода поэтическихъ произведеній. Какую роль играли оды въ самосознаніи общества того времени?.. А играть извѣстную и даже значительную роль они должны были уже по одному тому, что спросъ на нихъ былъ огромный въ теченіе чуть ли не цѣлаго столѣтія. Хорошо обоснованный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы имѣемъ въ одной изъ статей Елисеѣва, извѣстнаго публициста половины XIX столѣтія. „Ода“, — говоритъ онъ, — „съ нашей современной точки зрѣнія, самая пустая форма лирики, была въ то время едва ли не единственной формой, въ которой поэзія могла заговорить съ успѣхомъ передъ младенчествуящимъ русскимъ обществомъ. Общество это, до фанатизма ревнивое къ вѣрованіямъ, преданіямъ, обычаямъ своихъ отцовъ, было вмѣстѣ съ тѣмъ съ одной стороны въ высшей степени подозрительно: во всемъ новомъ, во всякой новой мысли и словѣ видѣло посягательство на свою святыню, на народную самостоятельность, честь и т. д., съ другой — было крайне невѣжественно, такъ что для него былъ вполне закрытъ міръ истинной науки и истиннаго искусства. Самое лучшее изъ поэтическихъ произведеній, которому не напли бы достойной цѣны современные знатоки поэзіи, тогда никѣмъ бы не было понято и осталось бы безъ всякаго вниманія. Ода обратила на себя общее вниманіе. Она заговорила о предметахъ, интересныхъ и доступныхъ для всякаго русскаго человека того времени, о дѣлахъ и событіяхъ, совершавшихся въ Россіи, и заговорила съ такимъ тактомъ, съ какимъ никто не умѣлъ говорить до нея. По поводу дѣлъ и событій, ода воспѣвала красу русской земли, ея несчетныя богатства, силу и величіе Россіи, могущество русскаго народа, его робѣды, его славное прошедшее, его великую будущность и т. п. Таковы были всѣ оды Ломоносова! Кто изъ русскихъ, къ какой бы партіи ни принадлежалъ, могъ безъ восторга слушать эти чудные звуки, въ первый разъ прогремѣвшіе въ Россіи о ея славѣ, о славѣ русскаго народа? — Правда, ода стояла на сторонѣ реформъ, за новую Россію, за Петра, котораго пѣлъ Ломоносовъ почти въ каждой своей одѣ и, ни мало не обинуясь, называлъ богомъ Россіи... Но ода умѣла и здѣсь принять примирающій характеръ. Она не оставляла ни для кого никакого сомнѣнія въ томъ, что она привязана къ этимъ реформамъ лишь настолько, насколько онѣ не касаются вѣрованій народа, насколько онѣ даютъ славу

и блескъ русскому имени передъ иностранцами. Ода сама пѣла и молитвы къ Богу и псалмы царя Давида, и величіе и красоту божественную въ природѣ, грозно вооружалась на иностранцевъ, какъ скоро подозрѣвала ихъ посягательство на вѣру русскую, на преимущества передъ русскими.... Если мы вспомнимъ, что главное обвиненіе противъ реформъ состояло въ томъ, что онѣ имѣютъ цѣлью ниспровергнуть вѣру отцовъ, затереть русскихъ и все русское, и дать ходъ иностранцамъ и ихъ обычаямъ, то для

Державинъ въ молодости.

насъ будетъ понятно, какъ примирительно и пріятно должны были дѣйствовать оды Ломоносова на современное ему русское общество. Не забудемъ при этомъ, что въ Ломоносовской одѣ русскій стихъ являлся въ первый разъ легкимъ, плавнымъ, звучнымъ, который очаровывалъ слухъ каждого и самъ просился на языкъ“.

Вотъ тотъ путь, который былъ подготовленъ уже ко времени Державина, — путь, на который онъ сознательно вступилъ, какъ только почувствовалъ себя настоящимъ литераторомъ, и который онъ прошелъ съ огромной для себя выгодой и не безъ пользы для русской поэзіи.

Только достигнувъ офицерскаго чина, Державинъ впервые появился въ печати съ довольно слабыми стихами, которые, какъ утверждаетъ онъ.

самъ, попали въ журналъ: „Старина и Новизна“ безъ его вѣдома. Въ томъ же году онъ напечаталъ въ типографіи Академіи Наукъ оду на бракосочетаніе великаго князя Павла. Еще раньше начались его попытки создать оду въ честь Екатерины, но попытки эти долгое время не увѣнчивались успѣхомъ. Однако, муза пока еще плохо обслуживала честолюбивые замыслы молодого Державина, и онъ рѣшился для выполнения своихъ затаенныхъ мечтаній двинуться другимъ болѣе непосредственнымъ путемъ, — выслужиться въ какомъ-нибудь шумномъ и важномъ дѣлѣ. Осенью 1773 года въ Петербургѣ заговорили о разрастающемся возстаніи на юго-востокахъ Россіи. Это была пугачевщина, которой народъ отвѣчалъ на гнусныя насилія крѣпостного права. Положеніе вскорѣ стало угрожающимъ. Во главѣ усмиренія былъ поставленъ Бибиковъ, человекъ сравнительно умѣренныхъ взглядовъ. Къ этому-то Бибикову и явился Державинъ съ предложеніемъ своихъ услугъ въ дѣлѣ усмиренія и получилъ назначеніе въ слѣдственную комиссію. Поведеніе Державина въ этомъ усмиреніи народа, обезумѣвшаго отъ всѣхъ позорныхъ издѣвательствъ и угнетеній, которымъ онъ подвергался со стороны дикаго барства, были съ общечеловѣческой точки зрѣнія, глубоко позорными. Въ жестокихъ казняхъ „для примѣра“ и въ повальномъ сѣченіи Державинъ принималъ самое дѣятельное участіе, благо, мѣры эти приписались по душѣ высшему начальству. И тѣмъ не менѣе рядъ, несомнѣнно, зазорныхъ дѣйствій, какъ оставленіе Саратова, при приближеніи Пугачева, когда храброму воителю не на бумагѣ можно было показать, а на дѣлѣ свое мужество, привело къ тому, что по подавленіи возстанія, Державинъ былъ обойденъ наградами, которыя щедро разсыпались Екатериной во всѣ стороны. Однако Державинъ былъ не таковъ, чтобы упустить „свое“. Онъ исписывалъ кипы бумагъ прошеніями, разъясненіями, доказательствами, самымъ безшабашнымъ образомъ добивался аудіенцій у власть имущихъ, и кончилъ, наконецъ, тѣмъ, что достигъ своего: онъ былъ пожалованъ въ коллежскіе совѣтники и получилъ 300 душъ въ Бѣлоруссіи, но на военной службѣ его не оставили, какъ бы свѣдѣтельству тѣмъ, что его объясненія далеко не заслуживаютъ полнаго довѣрія. Конечно, лъстивое перо Державина отвѣтило на эти награды дифирамбомъ въ честь Екатерины, но на этотъ разъ въ прозѣ.

Въ это же время Державину удалось втереться въ домъ и довѣріе важнаго сановника князя Вяземскаго: Черезъ него онъ не только получилъ мѣсто сенатскаго экзекутора, но чуть-чуть не получилъ и жены. Его, было, начали сватать за некрасивую княжну Урусову, любительницу литературы, но Державину удалось отшутиться отъ этого предложенія: „она пишетъ стихи“, — сказалъ онъ, — „да и я мараю; занесемся оба на Парнасъ, такъ некому будетъ и щи сварить“. Позднѣе онъ женился по любви и былъ очень счастливъ въ своей семейной жизни. Близость Державина къ Вяземскому обезпечила ему успѣхъ по службѣ. Въ одѣ „На счастье“ не безъ юмора и не безъ заносчивости онъ изображалъ свое положеніе:

„Судья, дьяки и прокуроры,
Въ передней про себя брюзжа,
Умильные мнѣ мещутъ взоры
И жаждаютъ слова моего.
А я всѣхъ мимо по паркету
Бѣгу, носъ задернувъ, къ кабинету,
И въ грошъ не ставлю никого“.

Однако, очень быстро Державинъ измѣняетъ своему старому покровителю и устраивается при Безбородко, черезъ котораго быстро добивается чина статскаго совѣтника. Вяземскаго онъ отблагодарилъ черной измѣной. Онъ могъ обойтись теперь безъ него, потому что сталъ непосредственно извѣстенъ императрицѣ, благодаря своей одѣ „Фелица“, въ которой тонко и умѣло польстилъ самолюбію Екатерины II и рельефно выставить ея добродѣтели на темномъ фонѣ придворной жизни. Ода была поднесена императрицѣ черезъ Дашкову. Ловкое и красиво реализованное пресмыкательство Державина попало прямо въ цѣль. Екатерина, избалованная лестью и ставившая себя необычайно высоко, была до слезъ растрогана тѣмъ искуснымъ фиміамомъ, гдѣ ложь такъ ловко переплеталась съ истиной. Она спросила Дашкову, кто писалъ оду, предусмотрительно прибавивъ: „не опасайтесь: я спрашиваю только, кто бы такъ коротко могъ знать меня и умѣлъ такъ пріятно описать, что я, видишь, какъ дура, плачу“. За эту оду Державинъ получилъ табакерку, осыпанную брилліантами, и съ 500 червонцами, вложенными въ нее. Наконецъ, онъ удостоился высочайшей аудіенціи. Все это очищало Державину путь къ высшимъ чинамъ, о которыхъ онъ такъ мечталъ. Оды на „Смерть князя Мещерскаго“ и „Богъ“, появившіяся около этого времени и проявляющія мѣстами неподдѣльный поэтический талантъ, окончательно укрѣпили литературную славу Державина.

Всѣми этими успѣхами Державинъ ловко пользовался для своего возвышенія по бюрократической лѣстницѣ. Въ 1784 г. онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Петрозаводскъ, гдѣ очень скоро, по своей неуживчивости, пошелъ въ рѣзкія столкновенія съ генералъ-губернаторомъ Тутолминымъ. „Тутъ онъ бранью, непристойною судей“, — рассказываетъ самъ Державинъ объ одномъ изъ столкновений съ Тутолминымъ, его непосредственнымъ начальникомъ, — „безвинно сдѣлавъ мнѣ много огорченія, но я и послѣ того вышелъ за нимъ въ сѣни, хотѣлъ провожать его по судамъ; но онъ надѣлъ съ неучтивостью и раздраженіемъ шапку, пошелъ въ карету и не пригласилъ меня; а какъ у меня кареты не было, то я возвратился въ Правленіе, за непристойное почтя бѣгать за нимъ пѣшкомъ, а паче быть свидѣтелемъ его ругательствъ судьямъ, на счетъ мой относящихся. Не взирая на сіе, ввечеру мы съ Екатериной Яковлевной (женой) поѣхали къ нему“...

Дѣло кончилось тѣмъ, что Державинъ выпросилъ себѣ переводъ губернаторомъ въ Тамбовъ. Но и тутъ цѣлый рядъ столкновений съ начальствомъ и самыя разнообразныя и откровенныя нарушенія закона привели, наконецъ, къ тому, что Державину было велѣно подать въ отставку. Для характеристики беззастѣнчивости и безпринципности Державина чрезвычайно типичны его выступленія въ защиту народныхъ массъ. Когда Тутолминъ докладывалъ высшимъ властямъ о предосудительныхъ свойствахъ обитателей страны, наклонности къ обидѣ, обманамъ и вѣроломству, Державинъ чрезвычайно резонно замѣчалъ своему начальнику, противъ котораго велъ свою линію: если бы жители Олонецкой губ., дѣйствительно, были бы таковы, „то не работали бы вѣчно у своихъ заимодавцевъ за долгъ, имѣя на своей сторонѣ законы, не упражнялись бы въ промыслахъ, требующихъ нерѣдко устояки и вѣрности уговору, не были бы послушны и терпѣливы въ случаѣ притѣсненій и грабительствъ, чинимыхъ имъ отъ старостъ и прочихъ начальствъ и судовъ, въ глухой сей и отдаленной сторонѣ безстрашно прежде на всякія наглости поступавшихъ“ и т. д. Что подобное выступленіе „за народъ“ было

простымъ служебнымъ ходомъ, который Державинъ считалъ полезнымъ лишь съ узко-эгоистической точки зрѣнія, — показать нетрудно. Въ самомъ дѣлѣ, Державинъ никогда во всю свою жизнь не замѣчалъ всѣхъ тѣхъ насилій, которые чинились дворянами надъ многочисленнымъ крѣпостнымъ населеніемъ. Онъ оставался всю свою жизнь убѣжденнымъ крѣпостникомъ и по мѣрѣ силъ и возможности мѣшалъ въ послѣдствіи освободительнымъ теченіямъ. Онъ даже свое поэтическое вдохновеніе старался использовать въ интересахъ крѣпостного права, идеализируя его въ своихъ стихахъ и рисуя бывалыя для крѣпостного права идиллическія картины.

Запасиися крестьянинъ хлѣбомъ,
Вѣтъ добрыѣщи и пиво пьеть,
Обогащенный щедрымъ небомъ,
Блаженство дней своихъ поеть“...

Но благодарная за „Фелицу“ Екатерина и на этотъ разъ спасла своего барда. Она освободила его отъ суда, подъ который онъ попалъ за превышеніе власти, она сложила съ него огромный штрафъ и удостоила милостивой аудіенціи, но... тѣмъ не менѣе, терпѣть его и далѣе на службѣ не рѣшилась. „Я ему сказала“, — замѣтила она послѣ аудіенціи, — „что чинъ чина почитаетъ. Въ третьемъ мѣстѣ не могъ ужиться; надобно искать причины въ себѣ самомъ. Онъ горячился и при мнѣ. Пусть пишетъ стихи. Онъ, кажется, не очень мною остался доволенъ“.

И Державинъ писалъ стихи, стремясь использовать свой талантъ въ интересахъ своей карьеры. Рядъ одъ, въ которыхъ онъ гнулъ спину передъ сильными міра сего и сатирическихъ выпадовъ противъ личныхъ своихъ враговъ, — таково главное содержаніе литературной дѣятельности Державина за тѣ два съ половиною года, когда онъ, по собственному выраженію, „шатался по площади, проживая въ Петербургѣ, безъ всякаго дѣла“. Исключеніе составляетъ лишь „Водопадъ“, въ которомъ мѣстами чувствуется дыханіе поэзии.

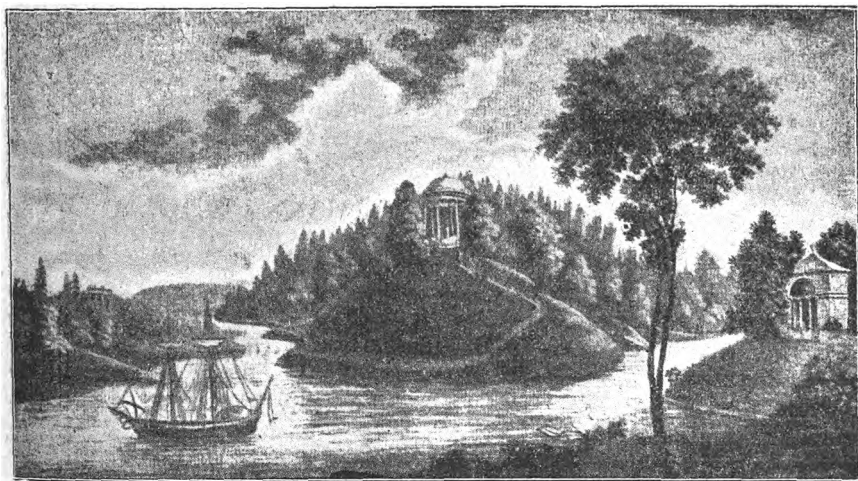
Наконецъ, Державину снова удалось попасть въ „случай“. Опять выручилъ стихотворный талантъ. Ко дню коронаціи Державинъ представилъ Зубову, новому фавориту императрицы, не вѣлѣвшему лакеямъ пускать поэта къ себѣ на глаза, — длиннѣйшее изъ своихъ лирическихъ произведеній „Изображеніе Фелицы“. Растроганная Екатерина приказала Зубову „пригласить автора къ нему ужинать и всегда принимать въ свою бесѣду“... Это былъ большой шагъ къ дальнѣйшимъ служебнымъ успѣхамъ Державина. Вскорѣ мы видимъ его въ числѣ личныхъ секретарей государыни. Впрочемъ, вздорный нравъ Державина давалъ себя чувствовать и здѣсь на каждомъ шагу. Но его терпѣли, потому что ждали отъ него новыхъ стихотворныхъ оиміамовъ. Къ чести музы Державина, надо сказать, что, не смотря на всѣ потуги, на все свое желаніе, онъ ничего не могъ выжать изъ себя въ этотъ моментъ реакціи. Тогда было рѣшено разстаться съ неблагодарнымъ поэтомъ. Державинъ былъ пожалованъ высокимъ орденомъ и произведенъ въ сенаторы.

Въ концѣ царствованія Екатерины онъ разразился рядомъ стихотворныхъ выступленій противъ французской революціи. Это шло въ интересахъ двора. Но когда онъ переложилъ стихами: „Властителямъ и Судьямъ“ одинъ изъ псалмовъ Давида, въ которомъ слишкомъ откровенно высвѣтляются укоры неправымъ властителямъ, то онъ едва-едва вывернулся изъ серьезной бѣды. Этотъ же періодъ его дѣятельности

ознаменованъ появленіемъ его „Памятника“, представляющаго передѣлку оды Горация.

Затѣмъ наступаетъ неприглядное, какое-то сумбурное царствованіе Павла, но Державинъ тутъ-какъ-тутъ со своей угодливой лирой: ода на 1797 годъ — хвалебная пѣснь на восшествіе Павла на престолъ. Какъ глубоко упалъ Державинъ, выступая съ прославленіемъ Павла, видно хотя бы изъ слѣдующаго замѣчанія Я. К. Грота: „Державинъ самъ почувствовалъ несообразность этой оды съ дальнѣйшимъ ходомъ дѣлъ: онъ не рѣшился включить ее въ московское изданіе своихъ сочиненій, и ода, хотя уже набранная въ концѣ тома, не появилась въ немъ“.

Затѣмъ послѣдовала трагическая развязка царствованія Павла: онъ былъ убитъ дворцовыми заговорщиками, какъ думаютъ, съ вѣдома наслѣдника престола, Александра. И этого происшествія не пропустилъ Дер-

Бесѣдка Фелицы, въ паркѣ, принадлежавшемъ къ дачѣ Александрово, владѣнію Великаго Князя Александра Павловича, близъ Павловска.

жавинъ: на новое восшествіе послѣдовала новая ода. Державинъ, прекрасно освѣдомленный, конечно, объ условіяхъ, при которыхъ новый императоръ оказался на престолѣ, заставляетъ тѣмъ не менѣе Екатерину II говорить въ своей одѣ:

„Се небо посылаетъ
Вамъ внука моего въ цари“.

Новое царствованіе — новыя почести для Державина, который, какъ-то въ серьезъ, воображалъ: „такъ вышней силой я держусь“. При Александрѣ I Державинъ, правда, на короткое время становится министромъ юстиціи и генераль-прокуроромъ сената.

Наконецъ, наступилъ закатъ жизни и отдыхъ отъ трудовъ. Державинъ получаетъ отставку и уходитъ въ частную сытую жизнь, не оставляя, впрочемъ, „придворной поэзіи“. Онъ пытается сдѣлаться центромъ литературнаго кружка. Въ его домѣ стали устраиваться вечера съ цѣлью будто-бы дать выдвинутся молодымъ талантамъ, а на самомъ дѣлѣ съ цѣлью немножко пощекотать ослабѣвшіе нервы взаимнымъ восхваленіемъ. Такъ возникла знаменитая „Бесѣда Любителей Русскаго Слова“.

Уже пожилымъ человѣкомъ Державинъ потерялъ свою первую жену и черезъ полгода женился вторично. Второй бракъ его былъ также очень удачнымъ.

Скончался Державинъ въ 1816 г. въ своемъ имѣніи „Званкѣ“, гдѣ весело проводилъ каждое лѣто.

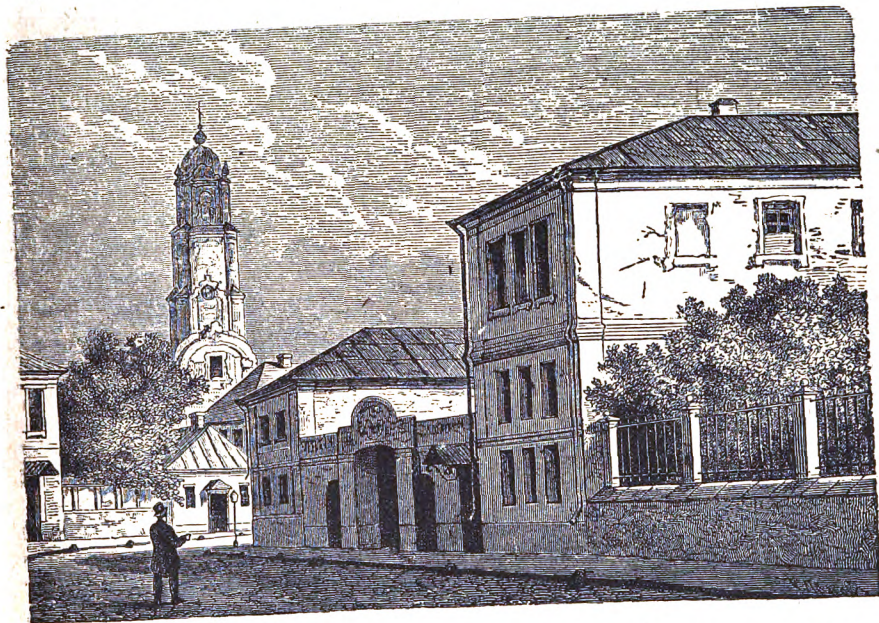
Николай Михайловичъ Карамзинъ родился 1-го декабря 1766 года и все свое дѣтство провелъ въ Симбирской губ., въ одномъ изъ помѣстій своего отца. Отецъ Н. М—ча, отставной капитанъ арміи, отличался мягкимъ характеромъ и стариннымъ дворянскимъ гостепріимствомъ. Родная мать Н. М—ча умерла въ то время, когда онъ былъ еще совсемъ маленькимъ ребенкомъ. Онъ выросъ такимъ образомъ при мачехѣ, которая однако не притѣсняла пасынка, и дѣтство Карамзина проходило на волѣ, среди природы, и въ полномъ довольствѣ.

Имѣніе отца Николая Михайловича лежало на берегу Волги, и картины Поволжья произвели на душу впечатлительнаго ребенка неизгладимое впечатлѣніе. Читать и писать онъ выучился дома на Часословѣ, а затѣмъ перешелъ уже къ гражданскому прифиту. Почти съ первыхъ же шаговъ своей грамоты Н. М—чъ пристрастился къ чтенію и читалъ запоемъ все, что ему подвергивалось подъ руку въ книжномъ шкафу его отца. Не смотря на то, что то были, по преимуществу, фантастическіе романы, довольно слабые съ художественной стороны, они оказали огромное вліяніе на маленькаго Колю. „Я, — писалъ онъ впоследствии, — увидѣлъ, какъ въ магическомъ фонарѣ, множество разнообразныхъ людей на сценѣ, множество чудныхъ дѣйствій, приключеній — игру судьбы, доголѣ мнѣ совсѣмъ неизвѣстную... Сіе чтеніе не только не повредило моей юной душѣ, но было еще весьма полезно для образованія внутренняго чувства. Въ „Даирѣ“, „Мирамондѣ“, въ „Селимѣ и Дамассинѣ“ (знаетъ ли ихъ читатель?), — однимъ словомъ, во всѣхъ романахъ... герои и героини, не смотря на многочисленныя искушенія рока, остаются добродѣтельными, всѣ злодѣи описываются самыми черными красками, первые, наконецъ, торжествуютъ, послѣдніе, какъ прахъ, исчезаютъ. Въ нѣжной моей душѣ непримѣтнымъ образомъ, но буквами неизгладимыми, начерталось слѣдствіе: и такъ, любезность и добродѣтель одно! и такъ, зло безобразно и гнусно! и такъ, добродѣтельный всегда побѣждаетъ, а злодѣй гибнетъ!“

Эти книги, эта тихая задумчивая великая русская рѣка и, наконецъ, ранняя склонность къ одиночеству (не смотря на то, что онъ имѣлъ нѣсколько братьевъ и при немъ находился нѣмецъ-гувернеръ) сильнѣйшимъ образомъ содѣйствовали развитію въ ребенкѣ воображенія. Уже на десятомъ году онъ могъ „часа по два играть воображеніемъ и строить замки на воздухѣ“. Конечно, эти грезы уносили его въ тотъ фантастическій міръ, въ которомъ вращались герои его излюбленныхъ романовъ. Онъ то „мысленно летѣлъ во мракѣ ночи на крикъ путешественника, умерщвленнаго разбойниками, то бралъ штурмомъ высокую башню, гдѣ страдалъ въ цѣпяхъ другъ его“...

Другимъ воспитательнымъ элементомъ въ жизни маленькаго Карамзина были наивныя бесѣды пріятелей его отца, которые охотно собирались въ просторномъ помѣщицкомъ домѣ Карамзиныхъ. „Провинціалы наши“, — вспоминалъ онъ впоследствии, — „не могли наговориться другъ съ другомъ; не знали, что за звѣрь политика и литература, а разсуждали.

спорили и шумѣли. Деревенское хозяйство, извѣстныя тяжбы въ губерніи, анекдоты старины служили богатымъ матеріаломъ для разсказовъ и примѣчаній... „Какъ теперь смотрю на тебя“, — продолжаетъ онъ, — „заслуженный маіоръ Ѳадей Громиловъ, въ черномъ большомъ парикѣ, зимою и лѣтомъ въ малиновомъ бархатномъ сапогахъ; слышу, слышу, какъ ты, не привыкнувъ ходить на цыпкахъ въ комнатахъ знатныхъ господъ, стучишь ногами еще за двѣ горницы и подаешь о себѣ вѣсть громкимъ своимъ голосомъ, которому нѣкогда рота ландмилиціи повиновалась и который въ яркихъ звукахъ своихъ нерѣдко ужасалъ дурныхъ воеводъ провинціи! Вижу и тебя, сѣдовласый ротмистръ Буриловъ, прострѣленный насквозь

Бывшій масонскій домъ въ Москвѣ въ переулкѣ близъ Меншиковской башни.

башкирскою стрѣлою въ степяхъ Уфимскихъ; слабый ногами, но твердый душою; ходившій на клюкахъ, но сильно махавшій ими, когда надлежало тебѣ представить живо или ударъ твоего эскадрона, или омерзѣніе свое къ безчестному дѣлу какого-нибудь недостойнаго дворянина нашего уѣзда. Гляжу и на важную осанку твою, бывшій воеводскій товарищъ Прямоуминъ, и на орлиный носъ твой, за который не могъ водить тебя секретарь провинціи, ибо совѣсть умнѣе крючкотворства; вижу, какъ ты, разсказывая о Биронѣ и тайной Канцеляріи, опираешься на длинную трость съ серебрянымъ набадашникомъ, которую подарилъ тебѣ фельдмаршалъ Минихъ“...

Вотъ та наивная среда, не замѣчавшая гнусности все разраставшагося крѣпостного права и блестящихъ выступленій вѣка Екатерины, — среда, въ которой проходили дѣтскіе годы Карамзина. Она, пожалуй, со своими разсказами о бывшихъ походахъ не въ меньшей степени содѣйствовали развитію фантазіи ребенка, чѣмъ нелѣпые романы, которыми были набиты шкафы отца, и русская природа, охватывавшая ребенка съ первыхъ

его сознательныхъ шаговъ. До 14 лѣтъ Карамзинъ оставался, главнымъ образомъ, среди домашней обстановки, такъ какъ посѣщеніе въ Симбирскѣ пансіона нѣмца Фавеля не могло внести сколько-нибудь значительныхъ перемѣнъ въ строй жизни маленькаго Карамзина. Но на 14-мъ годѣ въ его жизни произошли важныя перемѣны: онъ былъ отправленъ въ Москву и отданъ въ университетскій пансіонъ Шадена, дѣльнаго человѣка и хорошаго педагога. Здѣсь Карамзину посчастливилось основательно усвоить французскій и нѣмецкій языки и прочесть рядъ хорошихъ книгъ. Затѣмъ послѣдовало посѣщеніе университетскихъ классовъ, гдѣ, по свидѣтельству самого Карамзина, главнымъ предметомъ являлась русская грамота.

По окончаніи университета, Н. М. отправляется въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ, благодаря протекціи отца, записанъ подпрапорщикомъ въ Преображенскій гвардейскій полкъ. Здѣсь онъ познакомился и быстро сдружился съ молодымъ литераторомъ Дмитріевымъ, который натолкнулъ его на переводную работу, а слѣдовательно, и на первые шаги на литературномъ поприщѣ. Въ качествѣ переводчика, Карамзинъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ; однако литературная слава представляла для него пока нѣчто второстепенное и онъ стремился въ дѣйствующую армію „разить весь свѣтъ“, чтобы „прельстить женщинъ“. Однако воинственнымъ мечтамъ Карамзина не удалось реализоваться: у него просто-на-просто не хватило денегъ дать взятку полковому писарю, отъ котораго въ конечномъ счетѣ зависѣло зачисленіе въ дѣйствующую армію.

Потерпѣвъ неудачу въ своей погонѣ за военной славой, Карамзинъ подалъ въ отставку и уѣхалъ къ себѣ въ Симбирскъ. Здѣсь Дмитріевъ его встрѣтилъ „уже играющимъ роль надежнаго на себя свѣтскаго человѣка: рѣшительнымъ за вистовымъ столомъ, любезнымъ и занимательнымъ въ дамскомъ кругу и политикомъ передъ отцами семействъ, которые, хотя и не привыкли слушать молодежь, но его слушали. Такая жизнь не охладила однакожъ въ немъ прежней охоты къ словесности; при первомъ нашемъ свиданіи, съ глазу на глазъ, онъ спрашивалъ меня, занимаюсь ли попрежнему переводами, и сказалъ, что самъ занимается ими“.

Въ Симбирскѣ, однако, Карамзинъ не засидѣлся. Въ 1784 г. онъ уже былъ въ Москвѣ, гдѣ свелъ близкое знакомство съ извѣстнымъ дѣятелемъ по народному образованію и литераторомъ Новиковымъ. Въ этотъ кружокъ входили всѣ лучшія итelligentныя силы Москвы. Новиковъ предложилъ Карамзину переводы педагогическихъ сочиненій, на что этотъ послѣдній согласился съ радостью. Занятія педагогическими вопросами поставили Карамзина во главѣ журнала „Дѣтское Чтеніе“, которымъ онъ руководилъ совмѣстно со своимъ ближайшимъ другомъ Петровымъ, человѣкъ выдающихся литературныхъ талантовъ и обширныхъ познаній. Петровъ имѣлъ большое вліяніе на развитіе Карамзина. Онъ, повидимому, первый заинтересовалъ его Шекспиромъ, совѣтуя ему заняться переводами знаменитаго драматурга. Петровъ уже первый въ своихъ письмахъ далъ Карамзину образчикъ простого и вмѣстѣ съ тѣмъ картиннаго русскаго языка, освобожденнаго отъ высокопарныхъ церковно-славянскихъ выраженій.

Четыре года, проведенные Карамзинымъ въ Москвѣ, были отданы главнымъ образомъ литературному труду, — по преимуществу, переводамъ. Изъ оригинальныхъ его статей извѣстна только одна, — первая чувствительная повѣсть, написанная русскимъ авторомъ „Ромео и Юлія“. Изъ его переводовъ наибольшей извѣстностью пользовался переводъ трагедіи

Шекспира „Юлій Цезарь“. Въ предисловіи къ этому переводу онъ высказываетъ глубокой для своего времени взглядъ на творчество великаго англійскаго драматурга. „Время“, — говоритъ онъ, — „сей могущественный истребитель всего того, что подъ солнцемъ находится, не могло еще доселѣ затмить изящность и величіе Шекспировскихъ твореній. Каждая степень людей, каждый возрастъ, каждая страсть, каждый характеръ говорить у него собственнымъ своимъ языкомъ. Что Шекспиръ не держался правилъ театральныхъ — правда. Истинною причиною сему, думаю, было пылкое его воображеніе, не могшее покориться никакимъ предписаніямъ; духъ его парилъ яко орелъ и не могъ паренія своего измѣрить тою мѣрою, которой измѣряютъ полетъ свой воробьи“... За это же время своего пребыванія въ Москвѣ, онъ подъ вліяніемъ того же Новикова сошелся съ московскими масонами и вступилъ членомъ въ ихъ „Дружеское Общество“. Однако, кромѣ литературы, онъ ничѣмъ больше не интересовался, а передъ самымъ отъѣздомъ за границу и совсѣмъ порвалъ съ масонами. „Я — сообщалъ онъ позднѣе Гречу — былъ обстоятельствомъ вовлеченъ въ это общество въ молодости моей и не могъ не уважать въ немъ людей, искренно и безкорыстно искавшихъ истины и преданныхъ общепольному труду. Но я никакъ не могъ раздѣлить съ ними убѣжденія, будто для этого нужна какая-либо таинственность, — и не могли мнѣ нравиться ихъ обряды, которые всегда казались мнѣ нелѣпыми. Передъ моею поѣздкой за границу я откровенно заявилъ въ этомъ обществѣ, что, не переставая питать уваженія къ почтеннымъ членамъ его и признательность за ихъ постоянное доброе ко мнѣ расположеніе, я однакожь по собственному убѣжденію принимать далѣе участіе въ ихъ собраніяхъ не буду, и долженъ проститься. Отвѣтъ ихъ былъ благосклонный; сожалѣли, но не удерживали, и на прощанье дали мнѣ обѣдъ. Мы разстались дружелюбно“.

Въ маѣ 1789 года Карамзинъ выѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ 1½ г., посѣтивъ Германію, Францію, Швейцарію и Англію и посвятилъ вниманіе главнымъ образомъ Берлину, Лейпцигу, Женевѣ, Парижу и Лондону. Въ результатъ этого путешествія явились „Письма русскаго путешественника“, занявшія видное положеніе въ литературѣ того времени. По поводу этихъ писемъ извѣстный критикъ Е. Соловьевъ пишетъ: „Что же такъ сильно тянуло Карамзина за границу? Думалъ ли онъ изучать промышленность и торговлю, общественныя или политическія учрежденія, нравы и обычаи европейскихъ народовъ? — Ни то, ни другое, ни третье. Его манила неизвѣстность, всегда таинственная для молодого человѣка, манила чужая природа, горы Швейцаріи, синяя вода Женевского озера, шумъ великаго города, красиво раскинувшася на монтмартскихъ холмахъ, а главнымъ образомъ ему хотѣлось ознакомиться съ великими людьми, чьи произведенія онъ читалъ въ Россіи, кого привыкъ уважать и любить. Болѣе поверхностнаго наблюдателя, чѣмъ Карамзинъ, трудно даже найти; но вмѣстѣ съ тѣмъ трудно найти и болѣе интереснаго автора записокъ, особенно у насъ, въ Россіи. „Письма русскаго путешественника“ Карамзина и „Письма объ Испаніи“ Боткина несомнѣнно самыя изящныя произведенія нашихъ туристовъ. Объясняя цѣль своего путешествія, Карамзинъ говоритъ: „Пріятно и весело, друзья мои, переѣзжать изъ одной земли въ другую, видѣть новые предметы, съ которыми, кажется, самая душа наша обновляется и чувствовать неоцѣненную свободу человѣка, по которой онъ подлинно можетъ назваться царемъ земного творенія“. Пріятными и веселыми вышли и „Письма Русскаго Путешественника“.

Возвратившись въ Россію, молодой Карамзинъ и не подумалъ поступить на службу, какъ это дѣлали обыкновенно всѣ его сверстники. Онъ рѣшился издавать журналъ. И, дѣйствительно, вскорѣ появилось объявленіе „о выходѣ Московскаго Журнала“, который быстро завоевалъ значительный по тому времени успѣхъ: онъ имѣлъ до 300 подписчиковъ, — число, необычайное для того времени. По своей программѣ и по трактовкѣ вопросовъ „Московский Журналъ“ уже значительно подходилъ къ типу современныхъ журналовъ. Въ его отдѣлахъ мы находимъ: 1) „русскія сочиненія въ стихахъ и прозѣ“ (были помѣщены между прочимъ „Письма русскаго путешественника“ самого Карамзина), 2) „раз-

Бесѣдка Карамзина въ саду г-жи Селивановской подѣ Симоновымъ монастыремъ.

ныя небольшія иностранныя сочиненія, въ чистыхъ переводахъ“, 3) „критическія разсматриванія русскіхъ книгъ, вышедшихъ, и тѣхъ, которыя впередъ выходить будутъ, а особливо“ оригинальныхъ, 4) „извѣстія о театральныхъ пьесахъ, представляемыхъ на здѣшнихъ театрахъ съ замѣчаніями на игру актеровъ“, 5) „Описаніе разныхъ происшествій, по чему-либо достойныхъ примѣчанія, и разные анекдоты, а особливо изъ жизни славныхъ новыхъ писателей“. Сравнивая эту программу и ея исполненіе „Московского Журнала“ съ другими журнальными предпріятіями, современными ему и предшествовавшими, мы должны признать, что Карамзинымъ былъ сдѣланъ смѣлый и важный шагъ въ дѣлѣ развитія русскаго журналистики. По своимъ достоинствамъ съ „Московскимъ Журналомъ“, могъ сравниться только „Живописецъ“ Новикова.

„Московский Журналъ“ не только знакомилъ читателя, по мѣрѣ силъ и возможности, съ теченіями мысли въ Западной Европѣ и старался поднять интеллектуальный уровень тогдашняго русскаго обывателя, но затѣялъ важную реформу языка. При помощи своего журнала (и главнымъ образомъ подѣ влияніемъ Петрова) Карамзинъ стремился дать права гражданства въ литературѣ разговорному языку. Въ этомъ отношеніи Карамзинымъ былъ пущенъ въ оборотъ рядъ очень цѣнныхъ мыслей. Такъ, напр., по поводу перевода драмы „Графъ Ольсбахъ“ онъ говорилъ:

„Жаль, что переводчикъ употребляетъ слова сіе и оное, что на театрѣ всегда бываетъ противно слуху. Употребляемъ ли мы сіи слова въ разговорахъ? Если нѣтъ, то и въ комедіи, которая есть представленіе

общежитія, употреблять ихъ не должно. Чѣмъ слогъ театральной пьесы простѣе, тѣмъ лучше.

„Не употребляя во зло правъ издателя, я осмѣлюсь только замѣтить два главные порока нашихъ юныхъ Музъ: излишнюю высокопарность, громъ словъ не у мѣста, и часто притворную слезливость.

„Поэзія состоитъ не въ надутомъ описаніи ужасныхъ сценъ натуры, но въ живости мыслей и чувствъ. Если стихотворецъ пишетъ не о томъ, что подлинно занимаетъ его душу; если онъ не рабъ, а тиранъ своего воображенія, заставляя гоняться за чуждыми, отдаленными, несвойственными ему идеями; если онъ описываетъ не тѣ предметы, которые къ нему близки и собственно силою влекутъ къ нему воображеніе; если онъ принуждаетъ себя или только подражаетъ другому (что все одно), то въ произведеніяхъ его не будетъ никогда живости, истины, или той своеобразности въ частяхъ, которая составляетъ цѣлое...“

Подъ вліяніемъ этихъ идей, Карамзинъ выбросилъ изъ оборота русской литературной рѣчи множество церковно-славянскихъ оборотовъ и сдѣлалъ самый строй рѣчи болѣе легкимъ, приблизивъ его къ французскому; наконецъ, онъ ввелъ въ употребленіе рядъ новыхъ словъ, представлявшихъ обыкновенно удачный переводъ съ французскаго. Таково, напр., важное для современной рѣчи слово „развитіе“ (développement). „Молодое поколѣніе“,—замѣчаетъ Е. Соловьевъ,—„приняло сторону „Московского Журнала“, всѣ стали подражать языку и слогу Карамзина, даже его выраженіямъ. Впослѣдствіи для поддержанія карамзинской реформы былъ основанъ и знаменитый кружокъ „Арзамасъ“ съ В. Жуковскимъ и Пушкинымъ во главѣ“...

Кромѣ „Писемъ русскаго путешественника“, изъ крупныхъ произведеній Карамзина, перешедшихъ въ исторію русской словесности, онъ помѣстилъ въ „М. Ж.“ свою „Вѣдную Лизу“, въ которой русскій литературный сентиментализмъ достигъ апогея своего развитія и надъ которой современниками Карамзина было пролито столько слезъ.

„Московский Журналъ“, однако, просуществовалъ недолго: только два года. Повидимому, Карамзину просто на просто было приказано прекратить свое изданіе. Россія, съ переломомъ во взглядахъ Екатерины, вступила въ новую полосу реакціи, и Карамзинъ оказался подъ слѣдствіемъ за свой знакомства съ Новиковымъ, за связь съ „Дружескимъ Обществомъ“ и за свое заграничное путешествіе. Изъ этихъ обвиненій Карамзинъ, въ концѣ концовъ, выпутался довольно благополучно, хотя и остался на долгое время подъ подозрѣніемъ. Все время конца царствованія Екатерины и все царствованіе Павла было очень тяжелымъ періодомъ для Карамзина. Вся литературная и общественная дѣятельность Карамзина была ограничена изданіемъ нѣсколькихъ сборниковъ, при чемъ масса силъ и совершенно по напрасну тратилась на борьбу съ цензурой. „Умирая авторски“,—пишетъ онъ напр.—„восклицаю: да здравствуетъ Россійская литература!—Впрочемъ, цензоры крайне обязываютъ лѣтъ мою, которая въ ихъ строгости находить для себя оправданіе... Я перевелъ нѣсколько рѣчей изъ Демосеена, которые могли бы украсить „Пантеонъ“; но цензоры говорятъ, что Демосеенъ былъ республиканецъ и что такихъ авторовъ переводить не должно,—и Цицерона также, и Саллустія также... Grand Dieu! Что же выйдетъ изъ моего „Пантеона“? Планъ издателя рушился. Я хотѣлъ для образа перевести что-нибудь изъ каждаго древняго автора. Если бы экономическія обстоятельства не заставляли меня имѣть дѣло съ типографіей, то я, положивъ руку на алтарь Музъ и за-

плакавъ горько, поклялся бы не служить имъ болѣе ни сочиненіями, ни переводами. Странное дѣло! У насъ есть академія, а литература подь лавкою“...

Съ воцареніемъ Александра I обстоятельства нѣсколько измѣнились въ благопріятную сторону, но и самъ Карамзинъ значительно измѣнился: онъ все больше и больше отходить отъ своихъ прежнихъ воззрѣній и усваиваетъ консервативную точку зрѣнія. Въ это же время онъ начинаетъ все больше и больше приближаться ко двору. За свои оды на коронацію молодого императора онъ получаетъ отъ этого послѣдняго золотой перстень, за „Похвальное слово императрицѣ Екатеринѣ II“—табакерку, осыпанную брилліантами. Это движеніе ко двору и въ реакціонный лагерь нашло свое завершеніе въ званіи „придворнаго исторіографа“, которое ему обезпечило безбѣдное существованіе и возможность заниматься русской исторіей. Въ свое время „Исторія“ Карамзина сыграла свою роль, пробудивъ массовый интересъ, по крайней мѣрѣ, среди „чистой“ публики къ нашему прошлому. Не даромъ въ 25 дней, не смотря на высокую цѣну (45 руб. за экземпляръ), было раскуплено 3000 экземпляровъ „Исторіи“. Подобно тому, какъ публицистика обслуживалась такой примитивной литературной формой, какъ ода, такъ и историческая наука въ лицѣ Карамзина, сдѣлавшаго такъ много для ея популяризаціи, не столько занималась дѣйствительнымъ изслѣдованіемъ матеріаловъ, сколько риторическимъ описаніемъ фактовъ, хотя и недостаточно провѣренныхъ съ исторической точки зрѣнія, но льстившихъ нашему національному самолюбію. Нельзя сказать, чтобы среди общаго восторга, съ которыми встрѣчена „Исторія“ Карамзина, не нашлось трезвыхъ критиковъ, которые сразу вскрыли всѣ ея научные недостатки. Голосъ этихъ трезвыхъ критиковъ былъ даже слишкомъ суровъ и впадалъ, если хотите, въ другую крайность. Къ числу этихъ безошадныхъ критиковъ принадлежалъ, какъ извѣстно, и Пушкинъ, написавшій слѣдующую злую эпиграмму:

„Послушайте меня, я сказку вамъ скажу,
Про Игоря и про его жену,
Про Новгородъ и время золотое,
И наконецъ про Грознаго Царя.
И, бабушка, затѣяла пустое:
Докончи намъ Илью-Богатыря“.

Несомнѣнно, что критика этого рода также „перегибала палку“. Не смотря на огромное количество риторическаго вздора, которымъ наполнена „патріотическая“ исторія Карамзина, она не лишена мѣстами и научнаго значенія. Такъ, ему принадлежитъ честь открытія Лаврентьевскаго списка лѣтописи, онъ указалъ рядъ неточностей у своихъ предшественниковъ по историческому изслѣдованію: у Щербатова и Болтина. Наконецъ, и сама „Исторія“ Карамзина не представляетъ съ точки зрѣнія научной цѣнности чего-нибудь единого. Напротивъ, по мѣрѣ того, какъ работа подвигалась впередъ, Карамзинъ все больше и больше подпадаетъ влиянію нѣмецкой исторической школы въ лицѣ Шлецера, благодаря чему техническіе приемы его изслѣдованія къ концу работы значительно совершенствуются.

Историческая работа поставила Карамзина на самую верхушку бюрократической лѣстницы и дала ему хорошее обезпеченное положеніе. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ становится окончательно въ ряды самыхъ заядлыхъ реакціонеровъ-крѣпостниковъ, какъ свидѣтельствуешь объ этомъ поданная

имъ Государю „Записка о Старой и Новой Россіи“. По поводу этой эволюціи въ убѣжденіяхъ Карамзина считаемъ полезнымъ привести слѣдующую оговорку Е. Соловьева: „Онъ несомнѣнно былъ искреннимъ человекомъ; ни одной измѣны, предательства, заблганія не лежить у него на душѣ. Всегда, напротивъ того, держалъ онъ себя гордо, независимо и самостоятельно. Но нравственная закваска его была слаба, онъ не зналъ особеннаго уваженія къ человѣческому достоинству, но только стремился къ справедливости. Его легкій, блестящій умъ легко рѣшалъ самые трудные вопросы и бралъ поэтому ближайшее рѣшеніе. А на это ближайшее рѣшеніе всегда наталкивается простая формула: „мнѣ хорошо, слѣдовательно, хорошо и вообще“... Карамзинъ, однако, былъ далекъ отъ мракобѣсія. Надо отдать ему справедливость: онъ высказалъ Александру I-му много горькихъ истинъ. Говоря, что къ свободѣ надо приготовить чело-вѣка просвѣщеніемъ, онъ спрашивалъ: „а система нашихъ винныхъ откуповъ и страшные успѣхи пьянства — служить ли къ тому спасительнымъ приготовленіемъ?“ Это зло и мѣтко. Онъ также рекомендовалъ „обуздывать господъ жестокихъ“, хотя и совѣтывалъ дѣлать это безъ шума, „подъ рукой“. Онъ возставалъ противъ все возрастающей арміи чиновничества, говоря: „здѣсь три генерала берегутъ туфли Петра Великаго; тамъ одинъ чело-вѣкъ беретъ изъ 5-ти мѣстъ жалованье; всякому столовые деньги, множество пенсій излишнихъ, даютъ въ займы безъ отдачи. А кому? Богатѣйшимъ людямъ... И т. д. Не справедливость, а честность — вотъ знамя, которому онъ не измѣнялъ никогда... Хорошо и это“...

Умеръ Карамзинъ 22-го мая 1826 года.

Виньетка Александровскаго времени.

И. А. Крыловъ—сынъ бѣднаго армейскаго офицера, обратившаго на себя вниманіе геройской защитой Яицкаго Городка отъ Пугачева. Будущій знаменитый баснописецъ родился 2-го февраля 1768 года въ Москвѣ. Жизнь армейскаго офицера того времени проходила въ постоянныхъ передвиженіяхъ, лишеніяхъ и даже бѣдности. Все это и пришлось испытать маленькому Крылову въ свои дѣтскіе годы. Такія условія жизни, конечно, не благопріятствовали правильному образованію и воспитанію. Ивану Крылову шель седьмой годъ, когда отецъ его со всей семьей былъ запертъ Пугачевымъ въ Яицкомъ Городкѣ и былъ обреченъ, по заявленію раздраженнаго сопротивленіемъ Пугачева, на смерть со всѣми родными. Такимъ образомъ, жизнь будущаго знаменитаго нашего баснописца висѣла на волоскѣ.

Вскорѣ послѣ Пугачевского бунта Крыловъ-отецъ вышелъ въ отставку и получилъ мѣсто предсѣдателя губернскаго магистрата въ Твери. Однако, эта перемѣна службы мало отразилась и на экономическомъ положеніи семьи и на образованіи дѣтей. Жалованье, какъ провинціальный чиновникъ, отецъ-Крыловъ получалъ крайне незначительное, а взятокъ, какъ это было въ то время принято, не принималъ, будучи человекомъ глубоко честнымъ и справедливымъ. Что же касается образованія дѣтей, то оно попрежнему оставалось въ полномъ забросѣ, такъ какъ условія общественной жизни складывались въ крайней степени не благопріятно: народныя училища стали появляться значительно позднѣе (съ 1786 года и то главнымъ образомъ на бумагѣ), учителей не было, частныхъ пансіоновъ и городскихъ школъ не существовало; неудивительно, что при такихъ условіяхъ маленькій Крыловъ былъ лишенъ даже самаго скуднаго образованія. Если въ дѣтствѣ Крыловъ тѣмъ не менѣе получилъ обрывки кое-какихъ знаній, все-таки значительныхъ съ точки зрѣнія того темнаго времени, то этимъ онъ исключительно обязанъ любознательности своего отца. Въ самомъ дѣлѣ, отецъ и мать Крылова цѣнили уже образованіе и они обладали рѣдкимъ для того времени имуществомъ — цѣлымъ сундукомъ книгъ, изъ которыхъ маленький Крыловъ и почерпнулъ свое первое знакомство съ литературой.

Если Крыловы жили въ значительной бѣдности при жизни отца, то вся семья оказалась на краю нищенства, когда скончался (Ивану въ то время шель двѣнадцатый годъ) ихъ единственный кормилецъ. У отца Крыловъ научился все же русской грамотѣ и изъ бесѣдъ, которыя тотъ охотно велъ со своими дѣтьми, ухватилъ кое-какіе кусочки знаній. Теперь мать, задавленная нуждой, не могла и думать, чтобы продолжать воспитаніе дѣтей, хотя бы въ томъ скромномъ масштабѣ, въ какомъ велъ это дѣло ея мужъ: не было ни времени, ни знаній. Какъ человекъ религіозный, она только внушала своимъ двумъ сыновьямъ начала православной вѣры. Единственнымъ средствомъ расширенія образованія служили уроки французскаго языка, которые Крылову разрѣшено было посѣщать въ домѣ помѣщика Львова. Но безтактный гувернеръ слишкомъ давалъ чувствовать разницу между дѣтками богатаго помѣщика и ѣтими безплатнымъ ученикомъ изъ захудалой семьи. Иванъ поэтому учился неохотно; и просьбы, убѣжденія и наказанія его матери мало дѣйствовали на него въ этомъ отношеніи... „И, матушка“, — характеризовалъ онъ впоследствии свое дѣтство на вопросъ одной дамы о томъ, каковъ онъ былъ ребенкомъ, — „былъ дитя, какъ и всѣ: игралъ, рѣзвился, учился не отлично, иногда меня и сѣкали“.

Службу Крыловъ началъ, — конечно, первые годы только фор-

мально, — девяти лѣтъ, когда былъ записанъ подканцеляристомъ въ Казанскомъ магистратѣ. На дѣйствительную службу въ томъ же чинѣ онъ переводится по смерти отца въ Тверской магистратъ. Такимъ образомъ, чиновничью лямку Крыловъ начинаетъ тянуть съ одиннадцати лѣтъ и съ этого же времени становится опорой семьи, пополняя своими грошами скудный бюджетъ матери. Значительную часть своего отдыха И. А. употреблялъ теперь на чтеніе книгъ, страсть къ чему сохранилъ на всю свою жизнь. Изъ отцовскаго сундука были извлечены и „Свѣтъ зримый въ лицахъ“, и „Древняя Вивліоеика“, и „Дѣянія Петра Великаго“, и Жиль-Блазъ, и Шехеразада, и Телемакъ, которыми маленькій чиновникъ зачитывался до полного самозабвенія. Конечно, не безъ вліянія на развитие мальчика оказалось и его знакомство съ образованнымъ домомъ Львовыхъ. Здѣсь онъ, хотя бы поверхностно, могъ познакомиться съ Лафонтеномъ, французской сатирой и каррикатурой и сатирическими журналами Екатерининскаго времени. Все это, конечно, изощряло, утончало и углубляло природный юморъ и наблюдательность И. А-ча. Картины крѣпостнаго быта и подъяческаго кляузничества, которыми былъ окруженъ съ ранняго дѣтства Иванъ Андреевичъ, представляли благодарный матеріалъ для самостоятельныхъ литературныхъ выступленій въ сатирическомъ направленіи. Подоплека всѣхъ этихъ явленій открылась для него рано, благодаря той нищетѣ, въ которую поставила его судьба и которая принудила его съ первыхъ лѣтъ сознательной жизни окунуться съ головой въ кляузный міръ подъяческой жизни. „Маленькій чиновникъ“, — говоритъ г. Бриліантъ, — „зналъ многое, чего другому еще и не снилось въ его возрастѣ. Онъ любилъ, кромѣ того, толкаться среди простого народа. Его привлекали зрѣлища — пожары, кулачные бои; любилъ онъ также по цѣлымъ часамъ просиживать у портмоенъ, слушая рассказы простыхъ и крѣпостныхъ людей...“

И. А. Крыловъ. По наброску Брюллова.

Талантливая натура ребенка сумѣла использовать весь этотъ пестрый матеріалъ, который развертывала передъ нимъ помѣщичья и народная жизнь, и усвоить тѣ скудныя начала культуры, съ которыми сталкивала его текущая жизнь и помогла уже рано выступить въ качествѣ литератора. На пятнадцатомъ году онъ пишетъ свою первую комедію „Кофейницу“, правда, еще слабую и полную подражаній, но не лишенную проблесковъ истиннаго таланта: извѣстный критикъ Майковъ говорилъ, что въ ней чувствуется „свѣжесть созданія, которая всегда отличаетъ раннія, съ любовью отдѣланныя произведенія пробуждающихся сильныхъ дарованій“.

Около же этого времени въ судьбѣ Крылова произошелъ важный переломъ: его мать съ обоими сыновьями переехала въ Петербургъ, гдѣ И. А-чу довольно скоро удастся поступить на службу въ Казенную

Палату съ жалованіемъ 25 руб. въ годъ съ чиномъ канцеляриста. Въ Петербургѣ Крыловъ снесъ свою „Кофейницу“ издателю и книготорговцу Брейткопфу, который принялъ рукопись (хотя и не напечаталъ) и предложилъ молодому автору вмѣсто гонорара взять у него нѣсколько книгъ. Крыловъ выбралъ произведенія Расина, Мольера и Буало. Успѣхъ ободрилъ юношу, и онъ, недолго думая, засѣлъ за драму „Клеопатра“. Когда новое произведеніе было готово, Крыловъ снесъ его извѣстному актеру Дмитревскому. Глубоко убѣжденный, что такое произведеніе, какъ „Клеопатра“, не можетъ не заинтересовать всякаго истиннаго любителя сцены, Крыловъ сталъ ежедневно навѣщать Дмитревскаго, чтобы узнать его мнѣніе о своемъ произведеніи. Къ великому огорченію юноши, Дмитревскій не имѣлъ свободной минуты и, только видя смущеніе молодого автора, наконецъ, выбралъ время прочесть вмѣстѣ съ нимъ „великую“ трагедію. „Добродушно и охотно слушалъ умный, тактичный старикъ, разбиралъ содержаніе, дѣлалъ свои замѣчанія осторожно, но вѣско; хвалилъ, что можно было, поощряя къ труду, но, не пропустивъ безъ замѣчанія ни одного явленія, ни одного даже стиха, ясно показавъ, отчего дѣйствіе незанимательно, явленія скучны, языкъ разговора не соответствуетъ предметамъ, словомъ, что трагедія никуда не годится и легче написать новую, чѣмъ исправить старое“. Юноша понялъ, что старый актеръ отъ души желаетъ ему добра и, уничтоживъ свою „Клеопатру“, засѣлъ за новую трагедію „Филомелу“, содержаніе которой заимствовалъ изъ мифологическихъ преданій древней Греціи, впрочемъ, очень мало ему извѣстныхъ. Стоить ли говорить, что „Филомела“ вышла развѣ только немногимъ лучше „Клеопатры“. Эта новая неудача не заставила юнаго автора сложить литературное оружіе, но только отъ трагедіи онъ перешелъ теперь къ оперѣ и комедіи, все больше и больше такимъ образомъ нащупывая путь своего истиннаго призванія.

Двѣ комедіи, послѣдовавшія за „Филомелой“ („Бѣшеная семья“ и „Сочинитель въ прихожей“) дѣйствительно отличались уже большими литературными и театральными достоинствами. Директоръ русской труппы Саймоновъ обратилъ вниманіе на молодого драматурга, приказавъ выдать ему постоянный билетъ въ театръ (неосуществимая мечта для многихъ авторовъ того времени!) и заказавъ ему переводъ оперы „Инфанты“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Крыловъ получилъ и болѣе обезпеченное мѣсто въ Кабинетѣ Его Величества, перейдя подъ непосредственное начальство Саймонова. Благодаря этимъ литературнымъ выступленіямъ, хотя и не увиданнымъ свѣта, а также переводамъ; и особенно эпиграммамъ, которыя быстро расходились въ широкой публикѣ, Крыловъ довольно быстро получилъ литературную извѣстность. Г. Бриліантъ даетъ намъ такой силуэтъ Крылова того времени: „Насмѣшливый умъ и острый языкъ, наконецъ, самая внѣшность его обращали на себя вниманіе. Юноша 18, 19 лѣтъ, Крыловъ, говорятъ, былъ въ это время худощавъ, но высокаго роста, съ большою головою и спутанными прядями волосъ, падавшими на открытый, умный лобъ, выкупавшій некрасивыя, крупныя черты его лица. Подсмѣивался онъ надъ всѣмъ и надо всѣми, не исключая и самого себя. Страсть къ каррикатурѣ проникала его такъ, что онъ вездѣ умѣлъ подмѣтить какую-нибудь смѣшную, комичную черту. Изъ знакомствъ по службѣ въ Казенной Палатѣ сохранилъ онъ близкія отношенія съ Радищевымъ (біограф. см. т. I „Вел. Л.“) и Перепечинымъ, извѣстнымъ любителемъ театра, угадавшимъ талантъ знаменитаго нотомъ актера Яковлева, когда послѣдній былъ еще сидѣльцемъ въ лавкѣ гостинаго двора.

Теперь кругъ знакомствъ Крылова значительно расширился. Онъ сталъ бывать въ кругу литературномъ и у вельможъ-меценатовъ. Среди послѣднихъ были искренніе любители литературы, но были и такіе, что вѣшали портреты писателей на стѣнахъ, но съ неособеннымъ почтеніемъ относились къ живымъ... Впрочемъ, сознаніе собственного достоинства, сознаніе личности не было еще развито, и равенство отношеній между бѣднымъ сочинителемъ и вельможей было немыслимо. Крыловъ самъ въ послѣдствіи рассказывалъ анекдоты о бѣдномъ сочинителѣ, повадившемся ходить къ вельможѣ, у котораго за обѣденный столъ садилось отъ 30 до 40 человекъ „званныхъ и не званныхъ“. Сочинитель садился на концѣ стола и его часто обносили блюдами слуги. Однажды ему особенно не посчастливилось, онъ всталъ почти голодный. Случайно поствѣ стола вельможа проходилъ мимо него и ласково спросилъ: „доволенъ ли ты?“ — „Доволенъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ онъ: все видно было“. Кто знаетъ, не былъ ли этотъ сочинитель — „инкогнито“ самъ Крыловъ. Въ молодости ему часто приходилось не добѣдать и, при его аппетитѣ, это было возможно. Притомъ современникъ его, Вигель, познакомившійся съ нимъ позже въ имѣніи князя Голицына, рисуешь его въ этомъ отношеніи не слишкомъ щепетильнымъ. Онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ о занятіяхъ Крылова съ нимъ и сыновьями Голицына русскимъ языкомъ, но сохранилъ неприязнь къ Крылову за то, что послѣдній указывалъ ему разницу въ рожденіи его и сыновей князя, хотя въ то же самое время другимъ дѣтямъ указывалъ на преимущество общественнаго положенія самого Вигеля. Этому можно вѣрить. Крыловъ былъ самолюбивъ, но таковы были его собственное воспитаніе въ домѣ Львова и понятія общества. Но если Крыловъ мирился такимъ образомъ съ преимуществами „высшихъ“, то не могъ позволить равнымъ оскорблять его самолюбія. Въ подобныхъ случаяхъ онъ былъ мстителенъ и злопамятенъ...

Выйдя на литературную карьеру, Крыловъ проявилъ большую обидчивость и раздражительность по отношенію ко многимъ лицамъ, которыя, по его мнѣнію, не оказали достаточнаго уваженія его талантамъ. Онъ разсорился съ Княженинымъ и съ Саймоновымъ, къ которымъ обратился съ грубыми письмами, а перваго преслѣдовалъ и въ литературѣ, служа такимъ образомъ не общественнымъ интересамъ, а личнымъ. Во всѣхъ этихъ выступленіяхъ, говоря словами Майкова, отражается „низменный умственный и нравственный уровень той среды, гдѣ протекала обиденная жизнь автора“, — да и всего, — прибавимъ, — тогдашняго общества.

Мы не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за личной жизнью и за литературной дѣятельностью Крылова вплоть до того момента, когда онъ окончательно нащупалъ свое настоящее призваніе — призваніе баснописца: уже слишкомъ этотъ періодъ и въ томъ и въ другомъ отношеніи носить на себѣ клеймо и физической и нравственной неопрятности. Онъ по-прежнему охотно болтался у различныхъ вельможъ-меценатовъ и богатенькихъ помѣщиковъ, не брезгуя ихъ снисходительно-презрительнымъ отношеніемъ; шатался по ярмаркамъ, просиживая ночи за картами въ компаніи какихъ-нибудь забубенныхъ дворянчиковъ; валялся въ растерзанномъ видѣ полуодѣтый на диванѣ; раздѣлывался въ литературныхъ выступленіяхъ со своими личными врагами и т. д. И тѣмъ не менѣе, періодъ этотъ оказалъ огромное вліяніе въ дѣлѣ развитія духовныхъ силъ Крылова, — развитія, которымъ онъ обязанъ только своей достаточно сильной натурѣ. Подъ засаленнымъ покровомъ повседневной жизни Крылова, шла въ душѣ его усиленная внутренняя работа. Его участіе въ

журналахъ (сначала въ „Почтѣ Духовъ“, затѣмъ въ „Зритель“ и „С.-Петербургскомъ Меркуріи“), а также соприкосновеніе, благодаря этой работѣ, съ такими высоко культурными личностями, какимъ былъ, напр., Радищевъ, научили его глубже вдумываться и въ окружающія его общественныя явленія и отыскивать литературную форму, наиболѣе соответствующую его личному таланту. Такимъ-то путемъ онъ подошелъ къ баснѣ, какъ сатирѣ на общественныя нравы. Въ 1805 году Крыловъ впервые передалъ извѣстному баснописцу своего времени И. И. Дмитріеву

„Возбужденіе“. Изъ Слѣнинскаго иллюстрированнаго изд. басенъ Крылова.

нѣсколько своихъ басенъ, представлявшихъ переводы изъ Лафонтена. Дмитріевъ сразу сумѣлъ оцѣнить все значеніе того литературнаго явленія, съ которымъ такимъ образомъ столкнулъ его случай. „Это истинный вашъ родъ“, — сказалъ онъ Крылову, — „наконецъ, вы нашли его!“

Съ этихъ поръ извѣстность Крылова въ узкихъ литературныхъ кругахъ Петербурга и Москвы начинается постепенно перерождаться въ общерусскую славу. Крыловъ становится одной изъ самыхъ видныхъ фигуръ петербургскаго общества: онъ получаетъ достаточно хорошо оплачиваемое мѣсто въ Императорской Публичной Библіотекѣ, гдѣ въ теченіе десятковъ лѣтъ рѣшительно ничего не дѣлаетъ; онъ вступаетъ въ высшее общество, гдѣ, неизмѣнно придерживаясь консервативныхъ круговъ, объѣдается на пиршествахъ, уже не какъ едва терпимый паразитъ, а какъ почетный гость, за которымъ

всегда въ тепленькомъ мѣстечкѣ сохраняется свое собственное удобное кресло; онъ почетный членъ реакціонной „Бесѣды“, надъ которой въ душѣ издѣвается и которая ему не мѣшаетъ появляться и въ противномъ лагерѣ, у Жуковскаго; онъ жданный гость на всѣхъ вечерахъ, гдѣ съ изумительнымъ мастерствомъ читаетъ свои басни; онъ, наконецъ, принятъ при дворѣ, о его здоровьѣ освѣдомляются члены Императорскаго дома. Онъ — членъ Академіи и множества ученыхъ обществъ.

Насколько заслуженной является эта слава Крылова? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, возьмемъ оцѣнку, сдѣланную нашему баснописцу

Проф. ЭМЕРСОНЪ.

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ.

Цѣна 70 к., пер. 17 к.

Содержаніе:

Значеніе великихъ людей. Платонъ.
Сведенборгъ. Монтэнъ. Шекспиръ.
Наполеонъ. Гете.

Проф. А. Бернштейнъ.

КАКЪ МЫ НАУЧИЛИСЬ ЧИТАТЬ ДОИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМЕНА.

Популярная лекція съ 11 рис.
въ текстѣ.

Цѣна 10 коп.

Проф. І. Шерръ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАГАДКИ.

Цѣна 45 коп., пер. 13 коп.

Содержаніе:

Лжедмитрій, царь Московскій. —
Вопросъ о Лжедмитріѣ въ русской
литературѣ. — Загадка Тампли. —
Желѣзная маска. — Графъ Калиостро.

Проф. Л. Блохъ.

СОСЛОВНАЯ

== и ==

СОЦІАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

съ 20 рисунк. и карт.

Цѣнная книга, о которой печать
отозвалась, какъ о цѣнномъ вкладѣ
въ историческую науку. Авторъ
стоитъ на точкѣ зрѣнія материали-
стическаго пониманія исторіи.

Цѣна 70 коп., перес. 15 коп.

СОЦІАЛЬНЫЯ УТОПИИ.

Содержаніе: Ликургъ Плутарха. Платонъ. Утопія Томаса Мора. Новая
Атлантида Бэкона. Городъ Солнца Кампанеллы. Сень-Симонъ. Фурье.
Кабу. Оуэнтъ. „Все это уже было“. Голля. Цѣна 35 коп., пер. 10 коп.

Проф. Э. Геккель.

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ МЫСЛИ,

съ портр. автора и 3 рис.

Книжка знаменитаго натуралиста
дастъ живое описаніе побѣдоносной
борьбы идеи развитія со старыми,
огнѣвыми своей вѣкъ взглядами
на природу и человека.

Цѣна 35 коп., перес. 14 коп.

МУЛЬТАТУЛИ.

Почти всѣ произведенія этого зна-
менитаго голландскаго писателя
переведены на европейскіе языки.
Настоящій трудъ, бывшій долгое
время подъ цензурнымъ запретомъ,
написанъ крайне живо и увлека-
тельно.

Цѣна 50 коп., пер. 15 коп.

М. БУНЗЕНЪ.

РЕСКИНЪ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ, съ портретомъ.

Знакомство съ знаменитымъ англи-
скимъ философомъ и критикомъ
искусства для всякаго желающаго
себѣ составить понятіе въ этой
важной области знанія, является
необходимымъ.

Содержаніе: Юность. — Пробужде-
ніе. — Первые впечатлѣнія въ Испа-
ни. — Ученіе Рескина объ искусствѣ
и морали. — Понятія и законы иск-
Флорентійскія и проч. мастерства. —
Греческое искусство. — Венеція и
Тинторетто. — Романтизмъ. — Рес-
кинъ, какъ писатель природы. —
Мораль и житейская мудрость
Рескина.

Цѣна 40 коп., перес. 13 коп.

М. Нордау.

ГЕНІЙ И ТАЛАНТЪ.

Книга Нордау „Психофизиологія“
генія и таланта представляетъ бле-
стящій анализъ установившихся
понятій и безпощадную критику
кумировъ, по недоразумѣнію по-
ставленныхъ на высокіе пьедесталы.

Цѣна 45 коп., перес. 15 коп.

Б. Бразоленко.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА

ВЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРѣ,
съ 13 рисунками.

I. Женщина въ до-Петровской Руси.
II. Русская женщина въ XIX вѣкѣ.
III. Возраженія лектору Прохорова
и П. Алексѣева. IV. Народническая
литература.

Цѣна 50 коп., перес. 15 коп.

Ибсенъ.

Метерлинкъ.

Лаунтманъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ.

Въ этой книгѣ такими выдающи-
мися критиками, какъ Брандесъ,
Маршалъ, Гартманъ, даются вели-
копѣныя характеристики трехъ
столповъ современнаго символиз-
ма, гениально сочетающагося съ тре-
бованіемъ реальной правды.

Цѣна 45 коп., перес. 13 коп.

М. ПУЭНСО.

Основатели Соціальной школы въ литературѣ.

Книга написана умно и очень живо,
какъ вообще умѣютъ писать фран-
цузы. Она знакомитъ читателя съ
творчествомъ В. Гюго. Э. Золя,
П. Бурже и бр. Рони.

Цѣна 35 коп., перес. 15 коп.

проф. ЛЯУНГАРДЪ.

ЧУДЕСА ДРЕВНЯГО И НОВАГО МИРА.

Четыре популярныя лекціи
по исторіи культуры,
съ 42 рис. и 12 раскраш. карт.
для волшебнаго фонаря.

Цѣна 1 руб., пер. 17 коп.

В. В. БИТНЕРЪ.

НИЦШЕ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Содерж.: Великій индивидуализмъ. —
Черты изъ жизни Ницше. — Ницше-
философъ и пророкъ. — Сверхчело-
вѣкъ. — Переоцѣнка всѣхъ цѣнно-
стей. Эта книжка, написанная въ
періодъ самой строгой цензуры,
первоначально была ею запрещена.
Три главы въ ней принадлежатъ
Гронфеферу, а двѣ — В. В. Битнеру.

Цѣна 40 к., пер. 13 к.

Въ 1914 г. (на двѣнадцатомъ году изданія) иллюстр. литературно-научный журналъ, выходящій подъ общео редакціею В. В. БИТНЕРЪ,

Вѣстникъ Знанія

Соборенія идей, волнующихъ образов. мѣръ. Редакторы: отдѣловъ и главн. сотрудники: акад. Бехтеревъ, В. В. Битнеръ, проф. Бодуэнъ-де-Куртене, прив.-доц. Боровой, проф. В. А. Вагнеръ, проф. Васильевъ, проф. Вейнбергъ, прив.-доц. Генкель, В. Г. Голиковъ, проф. С. О. Грузенбергъ, проф. М. С. Грушевскій, проф. Довнаръ Запольскій, Н. П. Евстифѣевъ, уч. агр. Елагинъ, проф. Жаковъ, проф. Зѣлинскій, проф. Исаевъ, С. К. Исаковъ, прив.-доц. Кабановъ, проф. Каптеревъ, проф. М. Ковалевскій, проф. Кулябо, Е. Лазаревъ, проф. Лебединскій, прив.-доц. Модестовъ, Ник. Морозовъ, А. Николаевъ, проф. Озеровъ, акад. И. П. Павловъ, проф. Петражицкій, проф. де-Роберти, Н. Рубакинъ, проф. Ир. Скворцовъ, пр.-доц. Тимофеевъ, пр.-доц. Тотомианъ, проф. Туганъ-Барановскій, д-ръ В. Н. Цѣрбаумъ, д-ръ зоол. Чахотинъ и др. Въ 1914 г. „В. Зн.“ выходитъ въ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ: первое—большое (включающее всѣ статьи второго изданія и снимки съ картинъ—„Вѣчное въ искусствѣ“), второе—дешевое, для читателей съ начальнымъ образованіемъ.

Подписчики первого изд. 12 кн. ежемѣс. иллюстр. „Вѣстн. Зн.“ получаютъ: энцикл. журнала „Вѣстн. Знанія“.

52 № иллюстриров. Недѣля газетъ-журнала

отъ народа. („Недѣлю“ можно выписывать и отдѣльно: 3 р. въ г. 75 к. 1/4 г.). знаком. со всѣмъ совершающимся на свѣтѣ и освѣщающей народн. нужды, не скрывая правды жизни. 1) ИСТОРИЯ НАУКИ, 3 части: а) Борьба за научную систему мірознанія, б) Открытіе закона сохранения энергіи и матеріи, в) Ученіе о живомъ веществѣ; 2) ОБЩЕСТВО, Личность и государство, проф. Дюги; 3) СУЩНОСТЬ КОНСТИТУЦИИ, Ф. Лассалъ; 4) ЭВОЛЮЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ ИДЕЙ и ШКОЛЬНОГО ДѢЛА, проф. Каднера, съ дополн. проф. Каптерева; 5) ПОЛОВАЯ ГИГИЕНА ЮНОШЕСТВА, д-ровъ Шарлибъ и Сибли; 6) ЧУДЕСА СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЫ и ХИРУРГИИ, сборн. статей д-ровъ Апатовой, Ключенко и др.; 7) ВВЕДЕНИЕ въ ФИЛОСОФИЮ, С. Бржозовскаго; 8) МОЗГЪ и ДУША, проф. Фореля; 9) БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНІЕ и ОБЩЕСТВО. ДАРВИНИЗМЪ и СОЦІАЛИЗМЪ, проф. Л. Бочера; 10) ВЪ СУМЕРКАХЪ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ, Г. С. Новополина; 11) НА ВЕРШИНАХЪ МУЗЫКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА. Опера и музыкальная драма, ихъ содержаніе и вѣн. смыслъ, съ прилож. музык. иллюстр., портр. и рис., въ 2-хъ част.; 12) САМОВОСПИТАНІЕ и УМѢНЬЕ ЖИТЬ, Джона Леббона.

Сверхъ того подписчики въ зависимости отъ избраннаго ими абонемент. (при подп. указывать № абонемент.), получаютъ слѣд. капитальныя сочиненія:

1-й (Историко-биографическій) абонементъ: 12 вып. (3 т.) иллюстр. биографической библиотекы

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ,

жизнеописанія знамен. людей съ описаніями, написан. проф., съ отдѣльн. картин. и портр.

ДѢВЪ ИСПОВѢДИ (въ 5 вып.).

Л. Н. ТОЛСТОГО и Ж.-Ж. РУССО.

2-й (Литературный) абон.: въ 28 вып.

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

XVIII—XX стол., К. Буссе (8 вып.), со многими рисунк. и 32 отдѣльн. картин. и хромотипіями.

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

БѢЛИНСКАГО и ДОБРОВОЛОВА.

Оба эти собр. соч. въ 5 т. (20 вып.) выйдутъ подъ ред. и съ крит.-биографическ. статьями В. Г. Голикова, съ рис., портр., авторг. и пооч.

3-й (Естеств.) абон.: въ 16 вып.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТО-

РІЯ МІРОТВОРЕНІЯ,

пр. проф. Э. Геккеля, въ 2-хъ томахъ.

ЛЕГЕНДЫ ЗВѢЗДНАГО МІРА,

астрономич. картины на фонѣ исторіи челоуѣч. культуръ, а тронима Олькотта. Оба сочин. роскошно изданы со мног. рис. и 60 отдѣльн. картинками и хромотипіями.

4-й (Историч.) абон.: въ 16 вып.

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

въ АНГЛИИ, Бока, въ 2-хъ т., и

ИСТОРИЯ УМСТВЕННОЙ

ЭВОЛЮЦИИ ЕВРОПЫ,

Дрэнпера, въ 2-хъ томахъ. Оба эти знаменитыя произведенія будутъ впервые изданы со множествомъ рисунк. и 60 отдѣльными картинками.

5-й (Беллетристическій) абонементъ:

24 книги.

КЛАССИКИ МИРОВОЙ и РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Шекспиръ, Шаллеръ, Гете, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Жуковский, Грибоедовъ (въ отд. произв. съ иллюстр.).

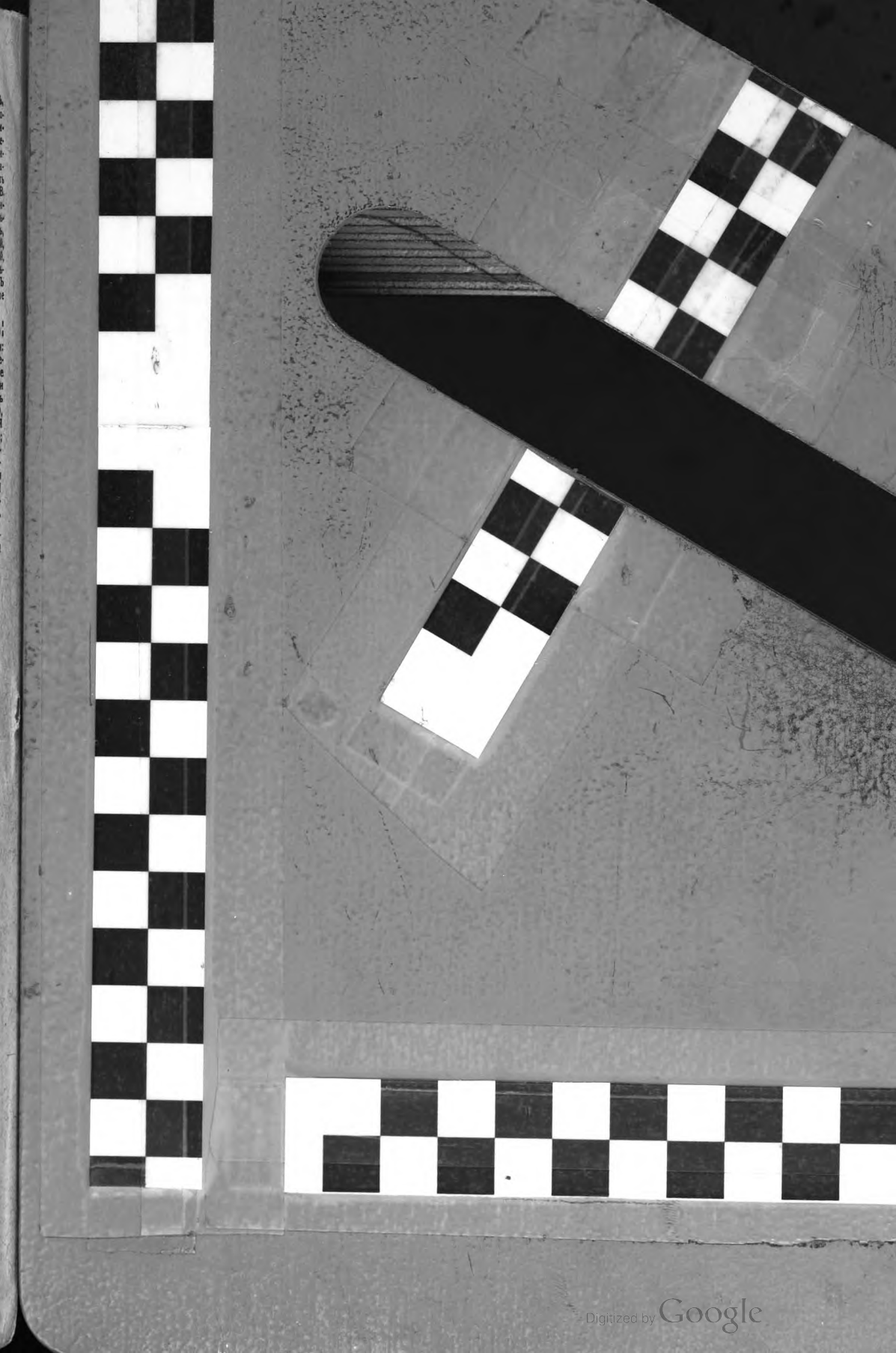
О ВѢЛУЧАХЪ БОДРОСТИ—

серія ром., пов. и разск.: „Менз... Текел...“, ром. въ 3 ч. Ив. Наживина, „Камо грядеши“ Г. Сенкевича, „Борьба за право“ Франкоза, „Робинзонъ Крузо“ въ 2-хъ ч. Де-Фо, „На водѣ“ и др. Мопассана, „Осада мельницы“ и др. Э. Золя, „Оводъ“ Войничъ и др.

Подписчики **ВТОРОГО** популярн. изд. „В. Зн.“ (ц. въ годъ 3 р. 60 к., съ пер. 4 р., за гран. 6 р.) получаютъ 12 кн. популярн. журн. „В. Зн.“, со статьями по литер., естеств. науч., исторіи, географіи, сельск. хоз., техникѣ, медицинѣ и проч. и отдѣльно „Помощь самообразованію“ подъ ред. Н. А. Рубакина. Въ иллюстр. прилож. ко втор. изд. будутъ даны: ИСТОРИЯ МУЧЕНИКОВЪ и ГЕРОЕВЪ прошлаго. КОЛЫБЕЛЬ РУСИ (о жизни нашихъ предковъ). ФИЗИКА ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ. ХИМИЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ. ПОПУЛЯРНАЯ АСТРОНОМІЯ. УСТРОЙСТВО ДОМАШНИХЪ и НАРОДНЫХЪ ТЕАТРОВЪ. ЛЕГКІЯ ПЬЕСЫ для домашнихъ спектаклей. СБОРНИКЪ для декламации. ВЪ СТРАНѢ ВѢЧНАГО ЛЬДА. ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА и др. КООПЕРАЦИИ, и какъ ихъ устраивать. ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗЕМЛЕДѢЛІЕ. ДОХОДНЫЙ ОГОРОДЪ. ДОМАШНІЙ ОБИХОДЪ ПОПУЛЯРНАЯ ЗООЛОГІЯ. Подписчики первого изд. „В. Зн.“ могутъ получить эти приложенія за 2 руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., 40, Контора „ВѢСТНИКА ЗНАНІЯ“.

Типографія Кюгельгенъ, Гличъ и Ко, Спб., Екатеринбургскій пр., 87.

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ

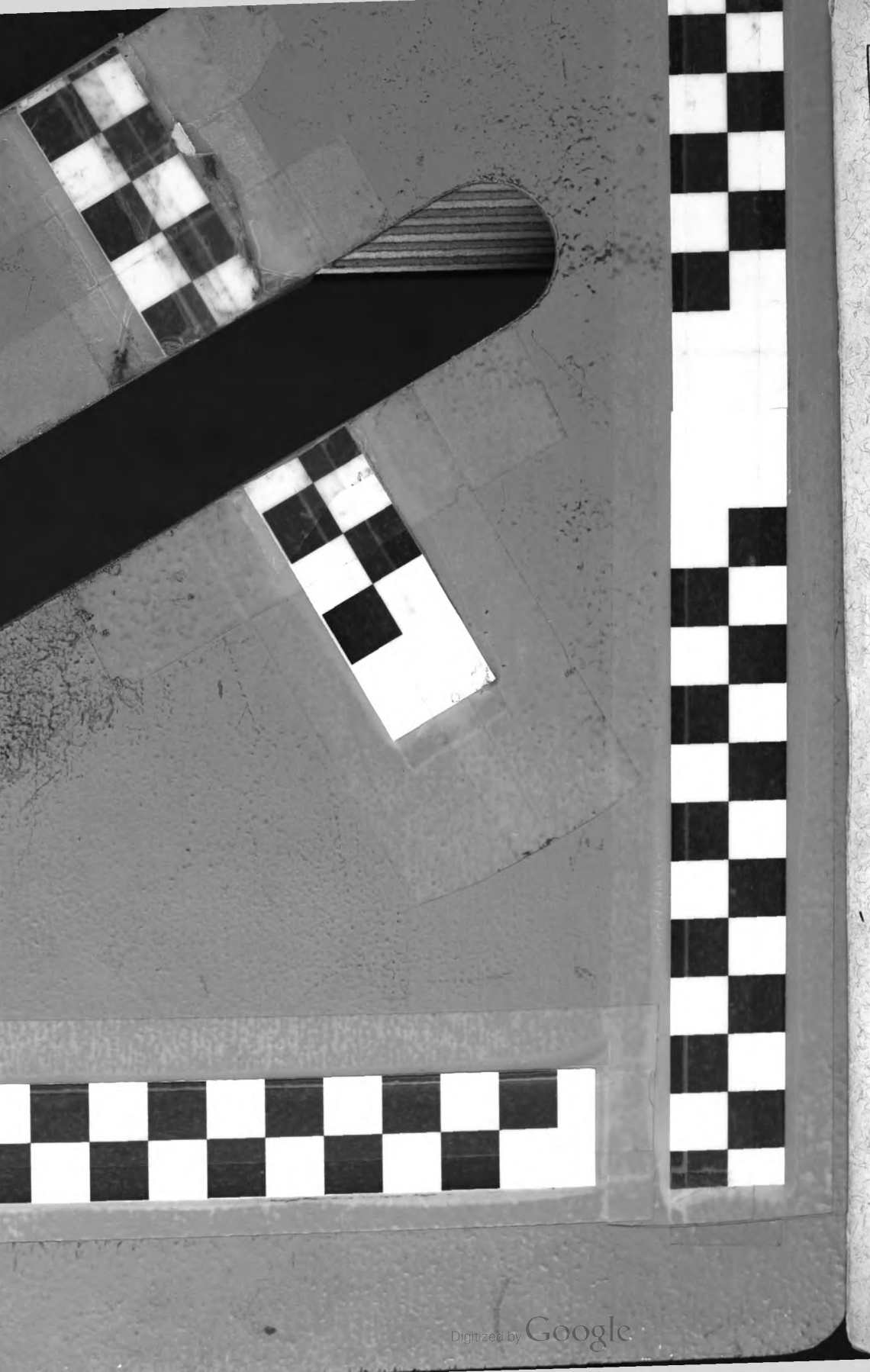
 БИОГРА-
ФИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
*Вестник
Знания*

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ — БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА. Вып. X.

[illegible]

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ

БЮГРА-
ФИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
*Вестника
Знания*

ВСѢ КНИГИ,

имѣющіяся въ продажѣ, можно выписывать черезъ книжный складъ „ВѢСТН. ЗНАНІЯ“, С.-Петербургъ, Невскій пр., 40. Подписчики „В. Зн.“ пользуются 25% о уступк. на книги, изд. „В. Зн.“

Ф. АЛЬБЕРЪ и А. БЕЙЭ.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПИСАТЕЛИ XVIII ВѢКА.

Роскошное изданіе на хорошей бумагѣ съ 12 отдѣльн. картинами и хромотипіями, 102 портр. и рис. въ текстѣ.

Чтобы дать понятіе объ этомъ сочиненіи, приведемъ содержаніе основныхъ главъ: Общій характеръ политической философіи XVIII вѣка. — Политическая философія до 1750 года. Монтезкье. — Политическая философія второй половины XVIII вѣка. Классификація доктринъ. Теоретики либеральнаго и просвѣщеннаго абсолютизма: Вольтеръ и энциклопедисты. — Демократы. — Мабли и Ж.-Ж. Руссо. Правовой абсолютизмъ. — Физиократы и Тюрго. — Наканунъ революціи. — Рейналь. Политическіе принципы и т. д. Далѣе идутъ характеристики (съ біографическими данными) выдающихся политическихъ писателей, причемъ читатели знакомятся непосредственно съ произведеніями этихъ писателей въ наиболѣе характерныхъ выдержкахъ изъ ихъ сочиненій, тракующихъ о правахъ человѣка и гражданина, о государствѣ и т. д.

Цѣна въ изящномъ тисненномъ золотомъ и красками переплетѣ 3 рубля, съ пересылкой 3 руб. 50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВѢСТНИКЪ
ЗНАНІЯ

Перев. съ послѣдняго изданія В. А. Поссе.

Содержаніе: Предисловіе переводчика. Предисловіе автора къ 25-ому изданію. Предисловіе автора къ 34-ому изданію. Введеніе. Женщина въ прошломъ. Женщина въ настоящемъ. Женщина, какъ половое существо. Бракъ. Стѣсненія и ограниченія брака. Дальнѣйшія препятствія и затрудненія при заключеніи брака. Численное отношеніе половъ; его причины и вліянія. Проституція, какъ необходимое соціальн. учрежденіе буржуазнаго общества. Заработокъ женщины. Ея умственныя способности. Дарвинизмъ и состояніе общества. Правовое положеніе женщины и ея отношеніе къ политикѣ. Государство и общество. Соціализація общества. Женщина въ будущемъ. Международность. Населеніе и перенаселеніе. Заключеніе.

Цѣна за обѣ части 1 р. 40 к. Пересылка въ Евр. Россіи — 25 к., Азіатской Россіи — 35 коп.

СОЦІАЛЬНЫЯ УТОПИИ. Содержаніе: Ликургъ Плутарха. Платонъ. Утопія Томаса Мора. Новая Атлантида Бэкона. Городъ Солнца Кампанеллы. Сень-Симонъ-Фурье. Кабэ. Оуэнъ. „Все это уже было“ Голя. Цѣна 35 к., пер. 10 к.

Н. БАРЗИХЪ. НАЛОГИ И НАРОДНОЕ РАЗОРЕНІЕ, съ 12 рисунками.

Популярная лекція, дающая понятіе о несоотвѣстствіи налогового бремени съ платежными силами населенія. Цѣна 10 коп., пер. 2 коп.

Проф. ЗОМБАРТЬ и КЕЛЛЕСЬ-КРАУЗЪ.

Соціологическіе этюды.

Книга даетъ читателю понятіе объ очень важныхъ вопросахъ изъ области общественныхъ наукъ.

Содержаніе: Почему интересуются вопросами народнаго хозяйства? Очеркъ исторіи соціологіи. Что такое экономическій матеріализмъ?

Ц. 35 к., пер. 10 к.

ПРОФ. А. ПРАЙСЪ.

АНГЛІЙСКІЕ..... ЭКОНОМИСТЫ,

съ 4 портретами.

Книжку можно рекомендовать всякому, желающему познакомиться съ ученіями Адама Смита, Рикардо Мальтуса и Милля. Кромѣ біографіи и критическаго разбора теорій великихъ политико-экономовъ, читатель найдетъ въ ней выдержки изъ ихъ трудовъ

Цѣна 60 к., пер. 17 к.

такимъ знатокомъ русской литературы, какъ А. Н. Пыпинъ („Исторія русской литературы“ т. IV, стр. 281). „Первые опыты басни“, — пишетъ онъ, — „дали еще Тредьяковский и Сумароковъ (если не считать Симеона Полоцкого), потомъ эту литературную форму усердно воздѣлывали Хемницеръ и Димитріевъ, такъ что Крыловъ работалъ уже на значительно подготовленной почвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ талантливѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ; притомъ не только значительно былъ разработанъ языкъ, но еще въ XVIII вѣкѣ завоевано въ литературѣ извѣстное мѣсто народному элементу, такъ что и съ этой стороны Крыловъ былъ въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ его предшественники; наконецъ, все довершилъ его собственный талантъ. Говоря о баснѣ Крылова, нѣтъ надобности восходить къ отдаленной исторіи этой литературной формы, къ баснямъ Локмана и Эзопа: если наши баснописцы знали греческую и латинскую басню, то всего больше черезъ французовъ, и особенно Лафонтена, котораго обыкновенно исчерпывали. Извѣстныя басенныя темы обошли всѣ европейскія литературы и, наконецъ, русскую. Это была необходимая принадлежность, которая не могла отсутствовать въ порядочной литературѣ. Форма басни съ древнѣйшихъ временъ сохранила художественное достоинство небольшого разсказа, сопровождаемаго серьезнымъ или шутивнымъ поученьемъ; заслуга новой обработки состояла бы вообще въ усвоеніи литературы этого общечеловѣческаго матеріала въ формахъ своей народности, и затѣмъ въ обогащеніи его новыми темами. Когда повторялись темы уже извѣстныя, писатель былъ, повидимому, облегченъ тѣмъ, что былъ освобожденъ отъ труда изобрѣтенія, но задача тѣмъ не менѣе была не легка; дѣло шло не о простомъ переводѣ, — нужно было сообщить чужому содержанію черты своего быта и языка, и Крыловъ рѣшалъ эту задачу не только гораздо лучше своихъ предшественниковъ, но не рѣдко съ такимъ искусствомъ, что его басни выдерживаютъ теперь въ популярномъ чтеніи вѣковое испытаніе, чему въ нашей литературѣ мало примѣровъ. Съ другой стороны, басни носятъ на себѣ отпечатокъ своего вѣка. Крыловъ сохраняетъ еще ложно-классическую манеру въ разсказѣ, какъ сохраняетъ еще нѣкоторые недолжества стараго книжнаго языка. Если представить себѣ, что басни предназначены для популярнаго чтенія, и дѣйствительно, читаются теперь въ каждой народной школѣ, — и даже независимо отъ этого, нѣсколько странно встрѣчать въ нихъ классическую миеологию не только тамъ, гдѣ можетъ по необходимости понадобится Зевсъ, но и тамъ, гдѣ изображается соловей, „любимецъ и пѣвецъ Авроры“; старую литературную школу напомнятъ и эпизоды идиллической сентиментальности, которая была нѣкогда въ литературныхъ нравахъ, но не въ нравахъ обыкновеннаго русскаго читателя. Но, затѣмъ, въ басняхъ Крылова разбросано множество подробностей, гдѣ съ большимъ искусствомъ схвачены черты русскаго быта и народнаго языка. Было бы повидимому неумѣстно говорить о „направленіи“ баснописца, когда значительная часть труда состояла въ переработкѣ темъ, считающихъ себѣ тысячелѣтія: — это давніе уроки мудрости на различные случаи и житейскія столкновенія людскихъ характеровъ и отношеній на подкладкѣ общечеловѣческой психологіи; но, кромѣ этихъ, были у Крылова и другія темы, принадлежавшія ему самому, имѣвшія въ виду извѣстныя лица и извѣстныя событія, какъ, напр., изъ двѣнадцатаго года, и гдѣ точка зрѣнія не ограничивалась обыкновенною моралью, — и въ этомъ случаѣ Крыловъ остался человѣкомъ своего времени. Онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія житейской мудрости не са-

мага возвышеннаго разбора; правда, есть нѣсколько басенъ, намекающихъ не общественную несправедливость и осуждающихъ ее, но рядомъ бываютъ другія, которыя ослабляютъ это впечатлѣніе; въ вопросѣ о просвѣщеніи, который издавна представлялъ величайшую важность и большое мѣсто русской жизни, онъ занялъ положеніе, которое давно и (какъ можно видѣть изъ самыхъ послѣднихъ толкованій къ его баснямъ) даже теперь служить предметомъ споровъ между его комментаторами: былъ ли онъ врагомъ или другомъ просвѣщенія? Изъ сличенія басенъ, имѣющихъ

„Огородникъ“. Изъ иллюстрированнаго изданія „Басенъ“ Крылова Слѣвина.

отношеніе къ этому предмету („Сочинитель и Разбойникъ“, „Водолазы“, „Огородникъ и философъ“, „Крестьянинъ и Лисица“, „Ларчикъ“, „Любопытный“, „Конь и Всадникъ“ и пр.), едва ли можно вывести другое заключеніе, кромѣ того, что баснописецъ желалъ въ просвѣщеніи умѣренной середины, относился недоувѣрчиво къ слишкомъ высокимъ притязаніямъ человѣческаго ума, предпочиталъ этому практическую выучку для какого-нибудь опредѣленнаго дѣла, и т. п.; иначе, онъ насмѣхался надъ философіей, которую отождествлялъ съ высокоуміемъ и суемудріемъ. Давно замѣчено было, что не только примѣры бывали имъ выбраны странно, но и цѣлая мораль едва ли была умѣстна въ обществѣ, какъ русское, гдѣ не только не было излишества въ наукахъ, но былъ, напротивъ, избытокъ круглаго невѣжества, такъ что въ результатѣ басня могла доставить опору не столько друзьямъ просвѣщенія, сколько обскурантамъ, которыми кишѣло

русское общество Александровскаго и позднѣйшихъ временъ... Въ подкладкѣ этого лежало, конечно, неясное представленіе Крылова и его современниковъ XVIII вѣка о самой наукѣ: онъ думалъ, что для нея можно полагать предѣлы; онъ не понималъ, что наука есть работа логической мысли, которая слѣдуетъ только своимъ законамъ, что только благодаря этой работѣ могли быть достигнуты великія открытія человѣческаго ума въ различныхъ областяхъ знанія, наконецъ, что самое процвѣтаніе народовъ находится въ тѣснѣйшей связи съ успѣхами просвѣщенія. Крыловъ не умѣлъ стать выше ходячаго понятія о вредѣ слишкомъ высокихъ наукъ, — въ этомъ съ нимъ вполне согласились бы обскуранты, наивные, какъ Шишковъ, или злостные, какъ

Магницкій. Изъ этого можно видѣть значеніе Крылова для дальнѣйшаго хода литературы: онъ пополнилъ ея содержаніе отдѣломъ басни, обогатилъ популярную ея литературу поученіемъ, хотя не всегда удачнымъ, и, наконецъ, имѣлъ несомнѣнную заслугу тонкаго наблюденія нравовъ и выработки народнаго стиля; затѣмъ его басня осталась какъ бы внѣ литературнаго движенія“...

Таковъ безпристрастный приговоръ потомства. Изъ него мы видимъ, что слава Крылова была значительно раздута его современниками, — ошибка, въ которую такъ легко впадаютъ современники всѣхъ эпохъ и всѣхъ вѣковъ.

Слава мало отразилась на характерѣ Крылова. Онъ только потерялъ свою запальчивость и претенціозность, въ которыхъ ему теперь, окруженному поклоненіемъ и еиміамомъ, не было ни малѣйшей надобности. Да сталъ лукавѣе... Онъ не хвалилъ, или тонко улыбался улыбкою, которую можно было истолковать въ какую угодно сторону. Въ остальномъ онъ оставался прежній распушенный, сытый, жирный Крыловъ. Чужой бѣдой расшевелить его нельзя было. Единственный человѣкъ, которому онъ охотно помогалъ, былъ его братъ, — необразованный армейскій офицеръ. До всего остального свѣта ему не было дѣла, а потому и ужасы крѣпостного права проходили мимо него, не задѣвая его. Распушеннымъ и неопрятнымъ во внѣшней жизни остался онъ до конца дней своихъ. „Онъ не заботился ни о чистотѣ, ни о порядкѣ“, — говоритъ одинъ изъ авторитетныхъ его биографовъ. — „Прислуга состояла изъ наемной женщины съ дѣвочкой, ея дочерью. Никому въ домѣ и на мысль не приходило сметать пыль съ мебели и другихъ вещей. Изъ трехъ чистыхъ комнатъ, выходившихъ окнами на улицу, средняя составляла залу, боковая, влѣво отъ нея, оставалась безъ употребленія, а послѣдняя — угольная, къ Невскому проспекту, служила обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ хозяину. Здѣсь, за перегородкой, стояла кровать его, а въ свѣтлой половинѣ онъ сиживалъ передъ столикомъ на диванѣ. У него не было ни кабинета, ни письменнаго стола. Приходившихъ къ нему онъ дружески просилъ всегда садиться, на что не безъ затрудненія можно было согласиться опрятно одѣтому гостю. Крыловъ безпрестанно курилъ сигары, съ мундштукомъ, предохраняя глаза отъ жару и дыма. При разговорѣ сигара ежеминутно гасла. Онъ звонилъ. Дѣвочка, проходя изъ кухни черезъ залу, иногда съ пѣсенкой, приносила тоненькую восковую свѣчу безъ подсвѣчника, накапывала воску на столъ и ставила огонь передъ неприхотливымъ своимъ господиномъ. Форточка въ залѣ почти всегда была открыта. Крыловъ, набрасывая зеренъ, привадила къ себѣ голубей съ Гостинаго двора, и они привыкли быть у него какъ на улицѣ. Столы, этажерки, вещи, на нихъ стоявшія, и все кругомъ носило на себѣ слѣды пребыванія этихъ ежедневныхъ гостей баснописца. Утромъ онъ вставалъ довольно поздно. Часто пріятели находили его въ постели въ часу десятомъ. Одинъ изъ нихъ, товарищъ его по Академіи, привезъ ему съ вечера въ подарокъ богато переплетенный экземпляръ Фенелонава Телемака. Это было еще въ 1812 году. Бдучи по утру къ должности, любопытствовалъ онъ спросить у Крылова, понравился ли ему переводъ, которымъ поэтъ нашъ и хотѣлъ было, ложась спать, позаняться, но такъ неосторожно держалъ передъ сномъ въ рукахъ книгу, что она сползла съ кровати подъ столикъ. Переводчикъ, заглянувъ за перегородку, гдѣ Крыловъ еще спалъ, и увидѣвъ, куда попала золотообрѣзанная книга его, тихонько убрался назадъ, чтобы Крыловъ и не узналъ о его посѣщеніи“.

Такова была домашняя обстановка жизни Крылова. Впрочемъ, онъ много времени проводилъ внѣ дома: то у Олениныхъ, къ которымъ горячо привязался и которые всячески баловали его, то въ аристократическомъ англійскомъ клубѣ, славившемся своими поварами. Желудокъ, какъ и вообще здоровье, Крыловъ сохранилъ богатырскими до преклоннаго возраста. Уже совершенное пожилымъ человѣкомъ, онъ продолжалъ ежедневно купаться до значительныхъ морозовъ, даже тогда, когда рѣка начинала затягиваться первымъ ледкомъ,

Крыловъ на всю жизнь остался холостякомъ. Въ ранней молодости онъ также пережилъ періодъ увлеченій, но не нашелъ взаимности и больше никогда не повторялъ этого рискованнаго опыта. Впрочемъ, не смотря на его безграничное равнодушіе почти ко всему, кромѣ своего желудка, иногда онъ испытывалъ чувство настоящаго отвращенія къ своей жизни, и тогда у него являлась фантазія (на короткое время) внести въ свое существованіе какія-нибудь перемѣны. Онъ вдругъ высказалъ какъ-то желаніе поѣхать посмотрѣть Европу, но для всякаго, кто зналъ Крылова, такая фантазія представлялась настолько бессмысленной, что ничего не стоило отговорить его отъ этого желанія. Въ другой разъ, ему вдругъ захотѣлось дать какое-нибудь примѣненіе своимъ деньгамъ, которыхъ теперь у него было не мало (не только благодаря жалованью, пенсіямъ, пособіямъ, высочайшимъ подаркамъ, но и благодаря выгодной продажѣ своихъ изданій). „Чувствуя потребность въ какой-нибудь перемѣнѣ наскучившей ему жизни“, — описываетъ этотъ эпизодъ одинъ изъ его біографовъ, — „онъ рѣшилъ измѣнить обстановку и издержать деньги на убранство комнатъ. Явилась мебель Гамбса и картины въ новыхъ золоченыхъ рамахъ; полы устланы англійскими коврами. На великолѣпной горкѣ краснаго дерева, лучшей, какая была въ магазинѣ, разставлены фарфоръ и другія бездѣлушки; Крыловъ завелъ нѣсколько дюжинъ полотнянаго и батиговаго бѣлья и богатый хрусталь. Онъ пригласилъ на обѣдъ Олениныхъ и друзей, но это былъ первый и послѣдній опытъ. Черезъ двѣ недѣли картина измѣнилась. Пыль и паутина снова покрывали мебель и картины, на коврѣ разсыпанъ овесъ, по старому пируютъ голуби — его пріатели и гости, а онъ съ сигарою на диванѣ лѣниво тѣшитъ ихъ аппетитомъ и воркованіемъ. При входѣ каждаго посѣтителя голуби быстро поднимались съ ковра и, разлетаясь по комнатѣ, садились на бронзу и картины, а хрусталь на красной горкѣ звенѣлъ, убавляясь съ каждымъ днемъ. Еще затѣмъ однажды Крыловъ устроилъ у себя садъ. Накупилъ до 30 кадокъ съ деревьями лавровыми, миртовыми, лимонными, апельсинными и украсилъ квартиру такъ, что съ трудомъ между ними проходилъ. Разумѣется, и этотъ его эдемъ скоро завялъ и засохъ“.

Но опять-таки подъ этой засаженной и неопрятной личной внѣшней жизнью какимъ-то удивительнымъ образомъ долгое время умѣлъ таиться источникъ живыхъ силъ и способность къ настойчивой духовной работѣ. „Измѣнился ли въ самомъ дѣлѣ Крыловъ“, — пишетъ г. Бриліантъ по поводу одного заявленія Крылова, — „насколько, что думалъ перестать писать, или, что вѣроятнѣе, хитрый и осторожный мудрецъ хотѣлъ избавиться отъ назойливыхъ льстецовъ, отъ приглашеній читать на вечерахъ, только къ изданію басенъ въ 1819 году онъ прибавилъ извѣщеніе, что этимъ изданіемъ хочетъ заключить свою дѣятельность. Только въ 1825 году сталъ появляться снова рядъ его басенъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ барона Дельвига, и эти „цвѣты“ оказались тогда въ самомъ дѣлѣ „неувядаемыми“. Казалось, И. А. погрузился совершенно въ бездѣйствіе; но насколько оно

было лишь видимое, доказываетъ то, что въ это именно время изучалъ онъ греческій языкъ — самостоятельно безъ посторонней помощи. Не останавливаясь даже передъ трудностью въ его лѣта читать стереотипныя изданія, онъ надѣвалъ для этого очки. Сохраняя тайну — подъ предлогомъ безпорядка въ комнатѣ — онъ не пускалъ къ себѣ даже сосѣда и ближайшаго пріятеля, Гнѣдича, который, впрочемъ, изъ-за двери хвалилъ пробудившуюся совѣсть И. А. относительно опрятности. Весь эпизодъ прекрасно переданъ Плетневымъ. Гнѣдичъ, страстный классикъ, готовъ былъ думать, что найдетъ себѣ въ Крыловѣ помощника по переводу Гомера, и уговорилъ И. А. заняться этимъ. Крыловъ перевелъ отрывокъ Одиссеи, но скоро сообразилъ, что гекзаметръ ему не дается. Зато часто его находили съ Эзопомъ въ рукахъ, и на вопросъ любопытнаго, что дѣлаетъ И. А., онъ отвѣчалъ: „учусь“. Послѣ того появляются въ его басняхъ темы, взятая у этого учителя, который, впрочемъ, самъ не отказался бы поучиться у нашего Крылова. Прошли года; Крыловъ забылъ грековъ и самого Эзопа. Одинъ отрывокъ Электры уцѣлѣлъ отъ разрушительной руки времени. Этотъ отрывокъ сохранилъ Лобановъ“...

Но если Крыловъ забросилъ свои занятія по греческому языку, то онъ не оставлялъ настойчивой и упорной работы надъ своими баснями. Обыкновенно онъ подолгу не выпускалъ басенъ изъ своей засаленной и замазанной комнаты. Каждую изъ нихъ онъ перечитывалъ множество разъ, подолгу обдумывая и часто передѣлывая каждое слово, каждое выраженіе. Этимъ въ значительной степени (конечно, помимо таланта) объясняется удивительная литературная красота многихъ изъ его басенъ.

Въ 1838 г. 2 февраля Крыловъ торжественно отпраздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своей литературной дѣятельности. Можно представить себѣ, какими восторженными рѣчами была оглашаема зала торжества со стороны неумѣренныхъ поклонниковъ дѣдушки Крылова. Впрочемъ, самъ Крыловъ сумѣлъ сохранить величайшую скромность и на этомъ торжествѣ. Онъ отправился на празднованіе съ слѣдующими словами, обращенными къ друзьямъ, пріѣхавшими за нимъ: „Я не умѣю сказать, какъ благодаренъ за все моимъ друзьямъ, и конечно мнѣ еще веселѣе ихъ быть сегодня вмѣстѣ съ ними. Боюсь только, не придумали бы вы чего лишняго: вѣдь я тоже, что иной морякъ, съ которымъ отъ того только и бѣда не случалась, что онъ не хаживалъ далеко въ море“.

Въ 1841 г. Крыловъ вышелъ въ отставку съ пенсіей въ 12.000 р. асс. и пересѣлился на Васильевскій Островъ, откуда онъ теперь рѣдко выѣзжалъ даже въ англійскій клубъ.

Скончался онъ 1844 г. 9 ноября на 77 году своей жизни. За нѣсколько лѣтъ до смерти его поразилъ первый апоплексическій ударъ.

Миніатюрное изданіе „Басенъ“ Крылова. — Печатано въ Эксп. загот. госуд. бум.

В. А. Жуковский родился 29 января 1783 г. Его мать была — крѣпостная (турчанка по происхожденію) помѣщика Аванасія Ив. Бунина, сыномъ котораго и былъ В. А. По законамъ того времени В. А. долженъ былъ бы быть также крѣпостнымъ, но судьба приготовила ему иное: онъ жилъ и воспитывался въ домѣ своего отца, какъ законный сынъ. Позднѣе онъ былъ усыновленъ кіевскимъ дворяниномъ Андреемъ Гр. Жуковскимъ, отъ котораго и получилъ свою фамилію и отчество.

„Первые литературные вкусы“, — пишетъ А. Н. Пыпинъ, — „поддержаны были въ Жуковскомъ уже его семейной обстановкой. Во второй половинѣ XVIII в. потребность образованія начинала сильно сказываться, не смотря на плохое состояніе школы; въ достаточныхъ дворянскихъ семьяхъ, нерѣдко въ ихъ деревенскихъ усадьбахъ, собирались значительныя по тому времени библіотеки, преимущественно изъ французскихъ книгъ; сыновей послѣ домашняго обученія или французскаго пансіона посылали въ нѣмецкіе университеты... Въ концѣ вѣка общество уже имѣло въ своей средѣ людей съ широкимъ образованіемъ, достигавшимъ почти до учености... Семья Буниныхъ, въ которой родился Жуковский, отличалась литературными вкусами и любознательностью. Позднѣе, изъ дочерей сестры Жуковского и его крестной матери (въ замужествѣ Юшковой) одна была извѣстная потомъ госпожа Зонтагъ, писательница для дѣтей, другая въ замужествѣ была сначала Кирѣвская, потомъ Елагина, мать извѣстныхъ писателей. Жуковский говорилъ

впоследствии: „въ семьѣ нашей заключается цѣлая династія хорошихъ писателей“, — онъ былъ первый въ этой династіи“.

Дѣтство Жуковского прошло въ деревнѣ, гдѣ онъ горячо полюбилъ природу, научился замѣчать ея красоты и радоваться имъ. Образованіе его шло сначала дома, гдѣ онъ основательно ознакомился съ французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, затѣмъ въ тульскомъ народномъ училищѣ и въ пансіонѣ. Юшкова, въ домѣ которой тогда жилъ Жуковский, часто устраивала литературные и музыкальные вечера, которые, конечно, не могли не отразиться благотворно на развитіи эстетическаго вкуса будущаго поэта. Свою литературную дѣятельность Жуковский началъ рано. Уже двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ написалъ одну трагедію изъ римской жизни, а другую — на извѣстный французскій рассказъ Бернарден де Санъ-Пьера „Павелъ и Виргинія“. Конечно, въ литературномъ (а не біографическомъ отношеніи) обѣ эти трагедіи не представляютъ никакого интереса. Чтобы покончить съ дѣтскими годами Жуковского, замѣтимъ еще, что женское общество, среди котораго, главнымъ образомъ, протекало дѣтство Жуковского, наложило на характеръ поэта особый отбѣнокъ какой-то женственной мягкости.

В. А. Жуковский.

лѣтнимъ мальчикомъ онъ написалъ одну трагедію изъ римской жизни, а другую — на извѣстный французскій рассказъ Бернарден де Санъ-Пьера „Павелъ и Виргинія“. Конечно, въ литературномъ (а не біографическомъ отношеніи) обѣ эти трагедіи не представляютъ никакого интереса. Чтобы покончить съ дѣтскими годами Жуковского, замѣтимъ еще, что женское общество, среди котораго, главнымъ образомъ, протекало дѣтство Жуковского, наложило на характеръ поэта особый отбѣнокъ какой-то женственной мягкости.

Тулскій пансіонъ Родѣ Жуковскій покинулъ для университетскаго Благороднаго пансіона, куда поступилъ въ январѣ 1797 г., т. е. почти 14-лѣтнимъ юношей. Здѣсь онъ столкнулся съ цѣлымъ рядомъ новыхъ литературныхъ и нравственныхъ вліяній. Университетскій благородный пансіонъ сыгралъ видную роль въ развитіи многихъ замѣчательныхъ людей того времени. Директоромъ Московскаго Университета, при которомъ находился указанный пансіонъ въ это время былъ И. П. Тургеневъ, другъ и сотрудникъ Новикова. Большинство учителей были проникнуты гуманными воззрѣніями масоновъ „Дружескаго Общества“. „Это Общество“, — замѣчаетъ А. Н. Пыпинъ, — „смѣнившая его Типографическая Компанія и вся дѣятельность Новиковскаго круга были незадолго передъ тѣмъ разрушены; но сберегся духъ, въ которомъ дѣйствовали люди этого круга, и университетскій пансіонъ по существу своего образовательнаго характера былъ продолженіемъ воспитательнаго дѣла, пачатаго Шварцемъ и Новиковымъ. Раньше много былъ обязанъ старому кругу Карамзинъ; теперь, видимъ подобное среди новаго поколѣнія. Изъ этого факта можно судить о нравственной силѣ, которая крылась въ томъ движеніи“...

Программа предметовъ, входившихъ въ кругъ преподаванія Благороднаго пансіона, была очень обширной: 36 предметовъ! Кромѣ обычныхъ наукъ, мы встрѣчаемъ здѣсь архитектуру, артиллерію, фортификацію; далѣе идутъ нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій и одно время даже греческій языкъ, а завершеніемъ всего являлись дворянскія науки—танцы, фехтованіе, верховая ѣзда, военныя движенія. Нечего, конечно, и говорить, что музыкѣ, рисованію и живописи было отведено также почетное мѣсто. „Въ дѣйствительности“, — продолжаетъ А. Н. Пыпинъ, — „нѣкоторые изъ этихъ предметовъ или бывали необязательны, или къ нимъ прилагались очень малыя требованія; питомцы не были отягощены занятіями, но въ то же время въ средѣ ихъ поддерживалось умственное возбужденіе, которое руководители направляли на нравственные вопросы, а въ особенности на литературу. На актахъ читались рѣчи и стихотворенія воспитанниковъ, и Жуковскій въ первый же годъ пребыванія въ пансіонѣ читалъ: „Оду на благоденствіе“; затѣмъ онъ упоминается въ числѣ первыхъ воспитанниковъ, управлявшихъ концертами и другими забавами, и, наконецъ, по обычаю тѣхъ временъ учреждено было „Собраніе воспитанниковъ университетскаго Благороднаго пансіона“ (1799 г.); первымъ предсѣдателемъ Собранія назначенъ былъ Жуковскій. „И это было вполне заслуженное со стороны Жуковскаго назначеніе, такъ какъ еще въ 1798 году онъ выступилъ съ первой напечатанной своей статьей „Мысли у могилы“, которая появилась въ журналѣ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“. Въ это же время онъ начинаетъ заниматься переводами по заказу книгопродавцевъ (драмы Коцебу, повѣсти Шписса). Такимъ образомъ Жуковскій уже на студенческой скамьѣ являлся признаннымъ литераторомъ, а „Собраніе воспитанниковъ“ преслѣдовало исключительно лишь литературныя цѣли. Эти акты пансіона и собранія его воспитанниковъ охотно посѣщались представителями интеллигенціи того времени. На нихъ бывали и Дмитріевъ, и Карамзинъ, которые тогда же правильно оцѣнили молодого поэта.

Начало настоящей литературной славы Жуковскаго положилъ переводъ, или, вѣрнѣе сказать, переработка „Сельскаго кладбища“ Грея. Эту элегію англійскаго поэта Жуковскій двадцатилѣтнимъ юношей напе-

читалъ въ „Вѣстникъ Европы“ въ 1802 году. „Въ концѣ элегіи“, — говоритъ г. Стоюнинъ, — „рисуя идеаль поэта, Жуковскій отступаетъ отъ англійскаго оригинала, изображая собственное настроеніе своей души или, лучше сказать, свой собственный портретъ. Какъ нельзя больше кстати пришлось это произведеніе и для общества, настроеннаго передъ этимъ на чувствительный ладъ Карамзинымъ. Не смотря на то, что литературный трудъ Жуковскаго былъ только переводъ, а не оригинальное произведеніе, всѣ признали за нимъ поэтическій талантъ, понявъ, что только поэтъ можетъ такъ глубоко проникнуться поэтической мыслью, хотя бы и чужою, и выразить ее съ такою задушевностью“. Таково было начало поэтической славы Жуковскаго.

Сельцо Мишенское (Бѣлевск. уѣзда, Тульск. губ., — родина Жуковскаго).

Покончивъ съ пансіономъ, Жуковскій не захотѣлъ поступить на службу, а жилъ то въ Москвѣ, то у родныхъ въ Бѣляевѣ и въ деревнѣ. Въ это же самое время онъ усердно работалъ надъ переводами иностранныхъ классиковъ (Лафонтена, Флоріана, Мильвуа, Бюргера, Шиллера, Драйдена). Переводы его были обыкновенно очень хороши и въ этомъ отношеніи заслуга его передъ русскимъ обществомъ очень значительна. Впрочемъ, нельзя и здѣсь не сдѣлать оговорки. Жуковскій, — какъ признаетъ это современная критика, — прекрасно знакомилъ насъ съ отдѣльными произведеніями авторовъ, но не давалъ намъ цѣльнаго представленія о тѣхъ авторахъ, изъ которыхъ онъ бралъ свой матеріалъ. Прежде всего онъ всегда и неизмѣнно бралъ только то, что соотвѣствовало его личному настроенію. А его настроеніе, какъ по наслѣдственнымъ вліяніямъ (до извѣстной степени, восточное происхожденіе), такъ и по условіямъ дѣтства (мать-крѣпостная), такъ, наконецъ, и по общественнымъ настроеніямъ того времени (слезливая сентиментальность Карамзина), было подернуто флеромъ печали и разочарованія въ жизни (обратите вниманіе на первыя темы, облюбованныя его музой!). Вотъ

Гнѣдичъ, Жуковскій, Пушкинъ и Крыловъ. — Снимокъ съ современной картины.

почему онъ съ особенной любовью останавливается въ европейской литературѣ только на томъ, что соответствуетъ этому настроенію. А такой матеріалъ въ обширныхъ размѣрахъ въ то время предъявлялся романтизмомъ. Вотъ почему мы обязаны Жуковскому лишь усиленнымъ насажденіемъ романтизма, выясненію котораго мы и посвятимъ нѣсколько ближайшихъ строчекъ.

„Словомъ романскій (римскій)“, — пишетъ г. В. Стоюнинъ, — „начала были названы новоевропейскіе языки, происшедшіе отъ латинскаго (французскій, итальянскій, испанскій), потомъ оно перешло и на средне-вѣковую литературу, развившуюся на народныхъ языкахъ.“

„Такъ какъ эта литература рѣзко отличалась отъ древней, классической, то и романскій или романтическій сталъ выражать противоположное классическому.“

„Взглядъ средне-вѣковаго человѣка на жизнь основывался на смѣшеніи понятій христіанскихъ съ понятіями дохристіанскими, перешедшими изъ міра римскаго, германскаго, гальскаго, нормандскаго. Стремленіе къ аскетизму поставило человѣка во враждебное отношеніе къ природѣ. Какъ древніе населяли природу различными божествами, такъ средне-вѣковый человѣкъ сталъ воображать среди нея темныя силы, которыя на каждомъ шагу искали случая совратить и погубить человѣка. Отсюда и идеальной красоты стали искать не въ природѣ, а въ духѣ. Вѣрованія въ разныя таинственныя силы развили вѣру въ чародѣйство, колдовство, въ связь живого человѣка съ умершими, въ возможность умершему являться изъ загробнаго міра по вызову живыхъ, въ возможность продавать свою душу темнымъ силамъ за мірскія блага и прочее. Все это сдѣлалось содержаніемъ средне-вѣковой поэзіи, которая стала развивать идеалы въ сферѣ рыцарской, ставя имъ въ главное достоинство душевныя качества и подвиги религіозные. Здѣсь, наряду съ идеальнымъ рыцаремъ и идеальнымъ монахомъ, ставится идеальная дама; чувство любви дѣлается однимъ изъ главныхъ интересовъ жизни; но съ нимъ тѣсно связывается идеальная чистота и непорочность. Борьба ведется съ силами темными, враждебными человѣку, гдѣ онъ или губитъ свою душу по недостатку лучшихъ душевныхъ качествъ, или спасаетъ ее по превосходству ихъ, хотя бы и съ потерей своего земного счастья. Въ этой-то поэзіи стали искать для себя образцовъ во второй половинѣ прошедшаго столѣтія нѣкоторые германскіе поэты и критики, имѣя въ виду противодѣйствовать ложно-французской поэзіи. Отсюда и является новый романтизмъ, тоже какъ противоположность новому классицизму.“

„Романтики утверждали, что въ средне-вѣковомъ романтизмѣ христіанство связывало въ одно и государство, и церковь, и народъ, и науку съ искусствомъ, и жизнь. Доказывали, что въ средніе вѣка всѣ интересы и направленія сходились въ высшемъ пунктѣ религіи, и поэзія, вытекавшая изъ религіи, вездѣ проникала разнообразную жизнь: что поэтому въ средніе вѣка, не смотря на рѣзкое разъ единеніесловій феодальнаго государства, всѣ явленія жизни нашли тѣсную связь съ народною жизнью, и такъ какъ эта народная жизнь есть единственный и непочерпаемый источникъ поэзіи, то съ возстановленіемъ средне-вѣковаго романтическаго міра въ церкви, въ государствахъ и въ народной жизни неминуемо должна обновиться также поэзія и наука.“

„Эта школа хотѣла утвердить единство поэзіи и жизни; хотѣла міръ дѣйствительности пропитать духомъ поэзіи, возвести общество въ такую сферу воспитанія и образованія, гдѣ бы жизнь и искусство встрѣ-

чались и сливались въ высшемъ единствѣ религіи. Такимъ образомъ, не удовлетворяясь настоящимъ, новые романтики стали обращаться къ прошедшему и къ будущему, выражая воспоминаніе объ одномъ и предчувствіе другого, стали развивать мечтательность, любовь къ таинственности, и отсюда туманность, неопредѣленность, представленіе идеала на недосигаемой высотѣ, какъ небожителя. Разказы, повторявшіе средневѣковыя вѣрованья, со всѣми чудесами, стали называться балладами, которыя на нѣкоторое время сдѣлались любимой формою у поэтовъ“.

Вотъ этотъ романтизмъ и началъ полными руками пересаживать къ намъ Жуковский. Мы уже указывали на тѣ общія и личныя причины, которыя неудержимо его толкали на этотъ путь. Со временемъ къ этимъ причинамъ прибавилась еще новая, — не менѣ важная съ біографической точки зрѣнія. Еще совѣтъ юнымъ онъ влюбился въ молодую дѣвушку — свою родственницу. Его любовь встрѣтила взаимность, но, по церковнымъ нашимъ законамъ, этотъ бракъ нашелъ непреодолимые препятствія, и міръ въ глазахъ Жуковского подернулся еще большимъ печальнымъ флеромъ, чѣмъ раньше, романтизмъ теперь сталъ находить въ его душѣ еще болѣе подготовленную почву. „Неудачная его любовь“, — говоритъ тотъ же г. Стоюнинъ про Жуковского, — „утѣшалась мыслью о сродствѣ душъ, которыя, не соединившись здѣсь, въ этомъ мірѣ, найдутъ сочетаніе тамъ. Отсюда у него является и романтическое отношеніе къ прошедшему, настоящему и будущему; отсюда такое же отношеніе и къ самому идеалу, который въ прошедшемъ свѣтился звѣздою счастья, погибъ для настоящаго и манитъ въ будущемъ за предѣлы жизни, къ небу, гдѣ и есть его настоящее жилище, какъ генія чистой красоты; отсюда онъ только на мигъ является къ человѣку, чтобы прельстить его и вызвать въ немъ стремленіе ко всему лучшему, прекрасному, чистому, свѣтлому...“

Такимъ образомъ мы видимъ, что романтизмъ развился въ Жуковскомъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ чисто личныхъ мотивовъ. Въ этомъ крылась огромная слабость нашего поэта. Онъ не былъ способенъ передать весь западно-европейскій романтизмъ во всей силѣ. Для него ускользала почти вся здоровая сторона этого западно-европейскаго теченія. „Жуковский“, — указываетъ А. Н. Пыпинъ, — „извлекалъ изъ нѣмецкихъ, англійскихъ писателей только одну, иногда далеко не существенную долю ихъ содержанія: принималось, напимѣръ, таинственное, мечтательное, фантастическое, но не встрѣчало сочувствія то, въ чемъ былъ общественный протестъ или запросы свободной мысли“. Конечно, тѣмъ не менѣ заслуги Жуковского въ дѣлѣ приобщенія русскаго общества къ западно-европейской культурѣ, не смотря на всю свою односторонность, остаются все же весьма значительными. Талантъ Жуковского очень быстро настолько сросся съ западно-европейскимъ романтизмомъ, что для нашего поэта онъ сдѣлался второй натурой, изъ которой, говоря словами пословицы, „не выйдешь“. Жуковский какъ будто бы и самъ чувствовалъ узость тѣхъ рамокъ, которыя онъ поставилъ или, вѣрнѣе сказать, которыя оказались въ силу разнообразныхъ причинъ поставлены его таланту. Иное содержаніе ему не давалось, не смотря на то, что онъ очень быстро овладѣлъ стихомъ, который подъ его перомъ пріобрѣтаетъ еще неслыханную до того времени гибкость и мягкость. Напрасно онъ изучаетъ древнюю русскую исторію съ тѣмъ, чтобы попробовать свои силы въ героической русской драмѣ. Напрасно онъ тщательно изучаетъ русскую народную поэзію и проситъ записывать для него пѣсни, — „русская народность“, — говоря словами А. Н. Пыпина, — „ему не дается“.

Напротивъ того, всякій возвратъ къ старымъ формамъ творчества является для Жуковского дѣломъ нетруднымъ. Онъ съ необычайной легкостью при случаѣ впадаетъ въ псевдо-классическій тонъ. Таковы были его патріотическія выступленія „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“, гдѣ „русскіе генералы изображаются въ классическихъ доспѣхахъ, а ихъ подвиги являются въ державинскихъ гиперболахъ“. Впрочемъ, надо сказать, что Жуковский и въ этомъ случаѣ оставался вѣренъ себѣ. Если „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“ чрезмѣрно переполненъ громкими словами и фразами, часто совершенно не соответствующими дѣйствительному содержанію историческихъ фактовъ, то виною этого преувеличенія былъ тотъ общій подъѣмъ въ 1812 г. патріотическаго чувства, который переживалъ и самъ Жуковский. Въ этомъ отношеніи онъ оставался вѣренъ „языку сердца“, на которомъ онъ первый заговорилъ настоящимъ манеромъ въ нашей литературѣ.

Сельское кладбище (Рис. Жуковского).

1812 г. былъ знаменательнымъ моментомъ въ жизни нашего поэта. „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“, поднесенный Димитріевымъ имп. Маріи Ѳеодоровнѣ, знаменуетъ начало придворной карьеры Жуковского. „Посланіе императору Александру“ (1814 г.) и „Пѣвецъ въ Кремлѣ“ (1814—1816 г.) также патріотически-шумливаго содержанія завершили эти успѣхи. Въ 1816 году имп. Александръ даритъ поэту пожизненную пенсію въ 4000 руб. асс., въ 1817 г. онъ назначается учителемъ русскаго языка при вел. кн. Александрѣ Ѳеодоровнѣ, а позднѣе становится и воспитателемъ наслѣдника престола. Придворная жизнь, конечно, въ концѣ концовъ наложила весьма опредѣленную печать на душу Жуковского. Мы видѣли, какъ чужда была Жуковскому текущая дѣйствительность. Мы поэтому, не удивимся, что онъ не понял и не сочувствовалъ „декабристамъ“, драма которыхъ разыгралась на его глазахъ. Но онъ отвѣчалъ на декабрьскій бунтъ не только обычнымъ своимъ равнодушіемъ, съ которымъ онъ относился ко всякимъ проявленіямъ обще-

ственной жизни. Нѣтъ, онъ на этомъ не удержался. По поводу декабристовъ съ его устъ срывается чуть не печатная брань... Декабристовъ онъ называетъ „сволочью“, „шайкой разбойниковъ“, „мелкой дрянью“, „бандитами“ (въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 16 дек. 1825 г.). Какъ это все не вяжется съ сладкопѣніемъ романтическаго г. Жуковского и какъ это все отзывается раздраженіемъ челядинца, разобидѣвшагося за своихъ господъ!..

Знатный, сытый Жуковский, впрочемъ, теперь уже недостаточно тонкій инструментъ для слишкомъ воздушнаго романтизма. Онъ это и самъ быстро замѣчаетъ за собой. Въ 1822 году онъ пишетъ про себя:

„Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній
И голосъ арфы замолчалъ,
Его желаннаго возврата
Дождаться-ль мнѣ когда опять,
Или на вѣкъ его утрата
И вѣчно арфѣ не звучать?“

Эту перемѣну тогда же отмѣтилъ и Пушкинъ. Указывая, что слогъ Жуковского какъ-то загрубѣлъ и утратилъ свою первоначальную прелесть, онъ замѣчаетъ: „ужъ онъ не напишетъ ни Свѣтланы, ни Людмилы, ни прелестныхъ элегій первой части Спящихъ Дѣвъ“. Знатокъ человѣческаго сердца былъ правъ, поэтическая „арфа“ Жуковского дѣйствительно требовала серьезной починки. Къ счастью, она не была испорчена окончательно, ее пришлось только перестроить на другой ладъ. „Изъ „мечтательнаго романтика“, какъ самъ онъ себя называлъ“, — пишетъ г. Александръ Веселовскій, — „Жуковский становится этикомъ“, „болтливымъ сказочникомъ“, перестаетъ служить риемъ, увлеченъ Одиссеей, переводъ которой онъ считалъ лучшей изъ своихъ „поэтическихъ дочекъ“. Эта перемѣна оказалась настолько коренной и глубокой, что даже такое событіе, какъ смерть любимой имъ дѣвушки, бракъ съ которой не состоялся въ силу внѣшнихъ условій и которая затѣмъ вышла замужъ за другого, лишь на сравнительно короткое время всколыхнуло его прежнія романтическія настроенія.

Этотъ поворотъ на другую поэтическую дорогу, не смотря ни на какія препятствія, которыя ставила ему жизнь, былъ спасеніемъ для таланта Жуковского. Романтизмъ все больше и больше выдыхался и моментами принималъ воистину отвратительный видъ. Извѣстно, какъ тѣсно въ сознаніи Жуковского романтизмъ переплетался съ религіозностью. И вотъ подъ конецъ своей жизни Жуковский подъ вліяніемъ своего романтизма дѣлаетъ прямо-таки неприличное, непозволительное выступленіе въ сферѣ религіозныхъ поученій. Таковъ его, употребляя выраженіе г. Иванова-Разумника, „омерзительно-филистерскій проэктъ“ „О смертной казни“ (1850 г.). Въ этомъ проектѣ Жуковский выставляетъ требованіе, чтобы смертная казнь „была не однимъ актомъ правосудія гражданскаго, но и актомъ лю б в и х р и с т і а н с к о й (!)“, чтобы она имѣла „образъ величественный, глубоко трогаящій и ужасающій душу“, чтобы при совершеніи казни „всякій глубоко понималъ, что здѣсь происходитъ нѣчто принадлежащее къ высшему разряду, а не варварскій убой человѣка“, чтобы казнь, „уничтожая преступника, врага гражданъ, возбуждала состраданіе къ его судьбѣ въ сердцахъ его братьевъ, чтобы его земная погибель была общимъ горемъ“... „На пути отъ церкви къ мѣсту казни онъ будетъ провожаемъ пѣніемъ, выражающимъ молитву о душѣ его“. При такой обстановкѣ смертная казнь будетъ

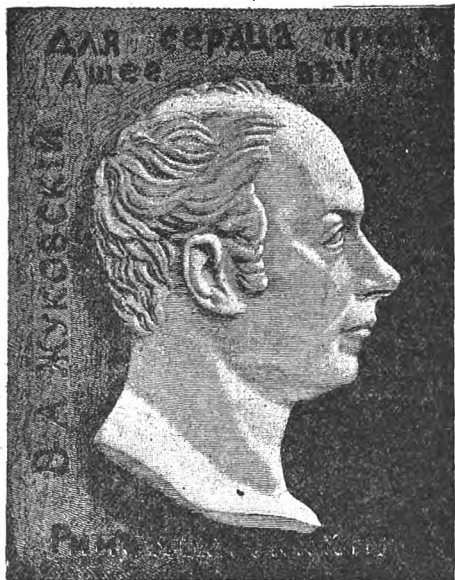
возбуждать „всѣ высокія чувства души человѣческой: вѣру, благоговѣніе передъ правдой, состраданіе, любовь христіанскую“... Воистину нашъ прекраснодушный романтикъ дошелъ здѣсь до послѣднихъ предѣловъ душевной мерзости и запустѣнія. Вотъ почему, повторяемъ, къ счастью для русской литературы, онъ перестроилъ свою поэтическую прозу съ романтическаго лада на этический, благодаря чему сумѣлъ дать цѣлый рядъ прекрасныхъ произведеній, не утерявшихъ своего значенія до настоящаго времени (Спящая царевна, Война мышей и лягушекъ, Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и сѣромъ волкѣ, Котъ въ сапогахъ, Наль и Дама-янти, переводъ Одиссеи, „Вѣчный Жидъ“ и др.). Но этотъ этический ладъ, на который теперь настроена поэтическая арфа Жуковскаго опять-таки представляетъ собой въ значительной степени отраженіе личныхъ переживаній поэта. Въ 1840 г. (57 лѣтъ отъ роду!) Жуковскій снова влюбился въ молодую дѣвицу Рейтернъ, съ которой въ 1841 г. и повѣнчался, найдя съ ней давно желанное семейное счастье. Надо знать отношеніе Жуковскаго къ семейной жизни для того, чтобы понять, что это событіе, дѣйствительно, должно было сыграть рѣшающую роль въ его настроеніяхъ. Жуковскій съ молодыхъ лѣтъ стремился къ семейной жизни, въ обстановкѣ которой только, по его мнѣнію, и можетъ создаться идеальный человѣкъ. Въ этихъ воззрѣніяхъ отразились два обстоятельства жизни поэта: его собственная семья, въ которой онъ провелъ свои годы дѣтства и опять-таки вліяніе Карамзина. „Ласковая его семья“, — говорить г. Стоюнинъ, — „такъ развила въ немъ любовь къ семейной жизни, такъ привязала къ себѣ всѣ мысли и чувства поэта, что онъ и идеаль человѣка поставилъ въ обстановку семейной жизни. Припомнимъ, что и Карамзинъ, еще въ „Письмахъ русскаго путешественника“, говоря о жизни англичанъ, восхищается ихъ расположеніемъ къ семейной жизни и прибавляетъ, что дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія должны болѣе привязать людей къ домашней жизни; припомнимъ, что впослѣдствіи онъ упрекалъ русское образованное общество за то, что въ немъ мало развита любовь къ жизни домашней, семейной, отчего страдаютъ многіе интересы жизни. Жуковскій остановился на этой идеѣ и какъ бы въ противовѣдствіе обществу сталъ представлять счастье только въ связи съ семейной жизнью. Семья приготовляетъ будущихъ гражданъ и общественныхъ дѣятелей, слѣдовательно, по его взгляду, только хорошій семьянинъ можетъ быть прекраснымъ человѣкомъ, истиннымъ гражданиномъ и даже полезнымъ писателемъ“...

Но женитьба была лишь завершеніемъ всѣхъ этихъ настроеній, которыя Жуковскій почувствовалъ собственно гораздо раньше. Находясь въ центрѣ литературнаго движенія и будучи человѣкомъ умнымъ и наблюдательнымъ, онъ уже въ 1815 г. (32 лѣтъ отъ роду) созналъ, что ему со своимъ романтизмомъ придется волей-неволей отступить передъ напоромъ свѣжихъ силъ и новыхъ теченій. Онъ не сталъ подобно Державину цѣпляться за всякую возможность остаться во что бы то ни стало во главѣ литературной жизни страны. Къ чести своей, онъ скромно и благородно, безъ борьбы уступилъ свое первое мѣсто тому, кому оно тогда должно было принадлежать по праву. Объ этомъ свидѣлствуетъ его портретъ, подаренный А. С. Пушкину съ надписью: „Побѣдителю ученику отъ побѣжденнаго учителя“... Однако, не надо думать, что Жуковскій во вторую половину своей дѣятельности, измѣнилъ своему романтическому настроенію. Нисколько. Онъ только ограничилъ его проявленія, чувствуя, что время для него уже въ значительной степени прошло.

И тѣмъ не менѣе, романтизмъ въ русской жизни сыгралъ очень значительную роль. „Митрофанушка Простаковъ“, — говоритъ Л. Вѣльскій, — „наконецъ, къ этому времени научился читать и вмѣстѣ съ бригадировскимъ Иванушкой прочли они стихотворенія Жуковского и увидали, что любовь не есть исканіе богатой невѣсты или модное ухаживанье, какъ они до тѣхъ поръ думали, а есть идеальное, чистое чувство. Узнали они, что есть въ человѣкѣ, неслышанная ими до тѣхъ поръ, честь, и увидали, что она есть величайшая человѣческая драгоценность, что ради нея не пожалеетъ человѣкъ единственного любимого сына, какъ у Жуковского не пожалѣлъ Матео Фальконе своего, даже по-ребячьи нарушившаго ея требованія. Митрофанушки и Иванушки не считали крестьянъ за людей, а Жуковский показалъ имъ „Сельское кладбище“ и училъ, что всѣ люди равны передъ Богомъ, что въ сельскихъ гробахъ могутъ покоиться таланты людей „достойныхъ быть въ вѣнцѣхъ или гениемъ парить“, такихъ людей, до которыхъ жалкимъ потомкамъ „бригадира“ и г-жи Простаковой очень далеко. Они презирали и отталкивали своихъ родителей, а у Жуковского прочли, какъ Эдвинъ предпочитаетъ скорѣе умереть, чѣмъ нарушить волю отца, и какъ величава была родительская любовь богатыря Рустема. Они ставили цѣлью жизни — объѣдаться, жуировать, удовлетворять грубымъ страстямъ, а Эхинъ у Жуковского имъ говорить: „И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ — лишь изнуряютъ сердце“, и тамъ же Теонъ ихъ учить, что неизмѣнное благо на свѣтѣ — „сладость возвышенныхъ мыслей“, и цѣлый рядъ героевъ хоромъ твердить, что жизнь — не сцена для земныхъ наслажденій, но „училище терпѣнія“. Какъ все это было для нихъ ново и какъ полезно! Если сами Митрофанушки и Иванушки, закоренѣвъ въ своихъ безнравственныхъ взглядахъ, не могли уже понять новыхъ идей, то ихъ дѣти волей-неволей должны были воспитаться на поэзіи Жуковского, должны были понять его и могли пойти по новому пути къ самосовершенствованію, стать людьми его времени“.

Къ этимъ общественнымъ заслугамъ мы должны прибавить еще и ту активную борьбу, которую Жуковский велъ за новыя формы литературы, за новыя красоты русскаго языка. Мы имѣемъ въ виду дѣятельное участіе его въ обществѣ „Арзамасъ“, поставившемъ своею цѣлью настойчивую борьбу съ „Бесѣдой Любителей Русскаго Слова“, явно преслѣдовавшей задачи реакціи въ литературномъ и политическомъ отношеніи. „Арзамасъ“, — говоритъ г-жа Анненкова, — „представляетъ собой партію молодыхъ людей, которые отстаивали право каждаго человѣка, сознающаго въ себѣ нравственныя силы, открывать для себя новыя дороги къ жизни и литературѣ. „Арзамасъ“ ставилъ ни во что напыщенность и торжественность выраженія, которыми многіе тогда удовлетворялись, и ненавидѣлъ пустую, трескучую фразу во всякомъ ея видѣ — либеральномъ или консервативномъ. Болѣе всего сопротивлялся онъ намѣренію водворить обязательныя правила для умственной и общественной дѣятельности своего времени, подозрѣвая тутъ замыселъ управлять нравственными стремленіями эпохи, не справляясь съ ней, и утвердить за нѣсколькими личностями право безапелляціоннаго суда надъ всѣми мнѣніями и начинаніями ея. Вотъ почему „Арзамасъ“ неукоснительно принималъ подъ свое покровительство все, что появлялось съ ясными задатками развитія, съ несомнѣнными способностями завоевать себѣ будущность. Онъ очень любилъ противопоставлять новыя имена и таланты старымъ извѣстностямъ; да не отступалъ и передъ разоблаченіемъ упро-

ченныхъ, но все-таки фальшивыхъ репутацій, обнаруживая при этомъ, сколько кумовства, дружескихъ подкуновъ и самохваленія издержано было для составленія ихъ... Къ этому падо прибавить, что орудіемъ борьбы служили для него острота, насмѣшка, ироническое восхваленіе въ стихахъ и прозѣ "... Правда, „Арзамасъ“ было обществомъ чисто литературнымъ. Когда послѣ 1812 года жизнь начала усиленно требовать политическаго дѣйствія, когда внутри самаго „Арзамаса“ начались раздаваться требованія этого рода, то главари его (въ томъ числѣ и Жуковскій) рѣшили лучше вовсе не собирать общества, чѣмъ измѣнить его традиціямъ. Но то, что имъ сдѣлано было въ сферѣ чисто литературныхъ отношеній, заслуживаетъ, конечно, благодарности, которая въ значительной своей долѣ въ данномъ случаѣ приходится на имя Жуковского.

Горельефное изображеніе Жуковскаго, исполненное въ Римѣ, въ 1833 г.

На этомъ мы и можемъ покончить съ Жуковскимъ (скончался 12 апр. 1852 г.), — этимъ непосредственнымъ учителемъ и предшественникомъ А. С. Пушкина и Гоголя.

Теперь, разсмотрѣвъ жизнь и дѣятельность главнѣйшихъ литераторовъ наканунѣ появленія Пушкина, мы можемъ уже на основаніи фактовъ судить о томъ, насколько былъ правъ Бѣлинскій, заявляя, что начало русской литературы надо вести отъ Пушкина и Гоголя. Мы видѣли, что то поколѣніе или вѣрнѣе, тѣ поколѣнія, въ ряды которыхъ входили такія имена, какъ Державинъ, Крыловъ, Карамзинъ, Жуковскій, совершили огромную подготовительную работу. Они обработали и очистили русскій литературный языкъ, сдѣлали его болѣе гибкимъ и выразительнымъ; они ввели въ обиходъ литературы цѣлый рядъ новыхъ формъ и настроеній: басню, сентиментальный разсказъ, романтизмъ; они привили тогдашнему обществу цѣлый рядъ новыхъ воззрѣній и понятій; они заставили обратить усиленное вниманіе на народное творчество и языкъ... Но, тѣмъ не менѣе, они не создали русской литературы, поскольку литература является отраженіемъ жизни, претвореніемъ въ образахъ тѣхъ процессовъ, которые дѣйствительно протекаютъ въ обществѣ того времени. Ни ода, ни сентиментальный разсказъ, ни басня, ни романтическая баллада не выполняли этой задачи. Всѣ они вели пропаганду идей, взглядовъ, воззрѣній, которыя были чужды современному имъ русскому обществу, всѣ они исполняли важную просвѣтительную миссію, но ни одна изъ нихъ не представляла элементовъ русской литературы, въ дѣйствительномъ значеніи этого слова.

А. С. Пушкинъ.

А. С. Пушкинъ.

(1799—1837).

Ко дню столѣтняго юбилея рожденія нашего великаго поэта было точно, наконецъ, установлено мѣсто его рожденія, а именно,—Москва около Лефортовскаго переулка, домъ бывшій Скворцова, нынѣ Ананьева. Дата рожденія А. С—ча—26 мая 1799 года.

По женской линіи происхожденіе нашего національнаго поэта является, можно сказать, необычайнымъ,—онъ происходилъ отъ арапа—негра, полученнаго Петромъ Великимъ изъ Абиссиніи. Дальними предками Пушкина заниматься здѣсь мы не будемъ. Замѣтимъ только, что необычайно важное положеніе, которое А. С—чь приписываетъ „Арапу Петра Вели-

каго“, не столько основывается на дѣйствительныхъ историческихъ данныхъ, сколько на вздорномъ желаніи поэта втиснуть своихъ предковъ въ ряды російской аристократіи. На самомъ же дѣлѣ „Арапу Петра Великаго“, приходилось столь же не сладко, какъ и прочей придворной челяди. Не смотря на то, что между А. С. Пушкинымъ и „Арапомъ Петра Великаго“ лежало нѣсколько обрусѣвшихъ поколѣній, у А. С. негрскій типъ, быть можетъ, въ силу наслѣдственного атавизма (возврата старинныхъ признаковъ рода), былъ выраженъ очень отчетливо, какъ показываетъ тщательное изслѣдованіе портретовъ и скульптурныхъ изображеній А. С.—ча, произведенное извѣстнымъ этнографомъ Д. Н. Анучинымъ въ работѣ: „Антропологическій эскизъ“.

Переходя къ ближайшимъ родичамъ нашего поэта,—его отцу и матери,—мы прежде всего должны сказать, что это была въ высшей степени безалаберная и духовно нечистоплотная дворянская семья. Мать его была своевольная, вспыльчивая, легкомысленная, упрямая, а нерѣдко прямо-таки и жестокая женщина. Она властвовала надъ мужемъ, но пользы отъ этого не было никому никакой. Домъ былъ постоянно полонъ гостями, среди которыхъ особенно видное мѣсто принадлежало французской аристократіи—эмигрантамъ, спасавшихся отъ революціи. Въ огромномъ большинствѣ это были ничтожные бездѣльники, которыхъ привлекалъ къ Пушкинымъ внѣшній лоскъ, хорошій поваръ, славившійся на всю Москву, и распушенность самихъ хозяевъ. Безпорядокъ въ домѣ Пушкиныхъ былъ классическій. Въ одной комнатѣ—богатая, старинная мебель, въ другой—соломенный стулъ, сиротливо торчащій среди пустыхъ стѣнъ. Въ столовой подчасъ цѣлый столъ гостей, а дворня мечется по знакомымъ, чтобы разыскать достаточное число приборовъ и стакановъ.

Немудрено, что при такихъ условіяхъ воспитаніе маленькаго Пушкина шло самымъ нелѣпымъ образомъ, насколько это возможно. Занятые пріемами и выѣздами, родители постарались взвалить все воспитаніе на гувернеровъ и на гувернантокъ. Постоянная же нужда въ деньгахъ приводила къ тому, что гувернеровъ подбирали подешевле—главнымъ образомъ, изъ той же бездѣльной среды французской аристократической эмиграціи. Благодаря этому, получались такіе курьезы, что одинъ гувернеръ былъ приглашенъ потому, что онъ занимался живописью и музыкой, а другой—потому, что писалъ стихи. Плохо оплачиваемые и нисколько не заинтересованные въ своемъ дѣлѣ, гувернеры быстро смѣняли одинъ другого. Это вносило въ обученіе и воспитаніе дѣтей Пушкиныхъ еще больше сумбура и сумятицы. Къ этому надо прибавить, что Александръ принадлежалъ къ числу нелюбимыхъ дѣтей,—чему, вѣроятно, въ значительной степени способствовали флегматичность и неповоротливость ребенка, котораго родители готовы были считать чуть ли не идиотомъ. „Заставить его бѣгать и играть со сверстниками“,—говоритъ г. Скабичевскій,—„можно было лишь насильно. Разъ на прогулкѣ онъ незамѣтно отсталъ отъ общества и преспокойно усѣлся посреди улицы. Сидѣлъ онъ такъ до тѣхъ поръ, пока не замѣтилъ, что изъ одного дома кто-то смотритъ на него и смѣется.“—„Ну нечего скалить зубы!“—сказалъ онъ съ досадою и отправился домой.

Однако подъ этой неповоротливой внѣшностью скрывался живой и дѣятельный умъ. Настоящей его воспитательницей была старушка—няня, которой онъ впослѣдствіи посвятилъ одно изъ самыхъ прочувствованныхъ своихъ стихотвореній.

„Подруга дней моих суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь, будто на часахъ,
И медлять поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытыя ворота
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствія, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь..

Нянюшка его была изумительная сказочница... Съ неподражаемымъ искусствомъ она передавала маленькому Пушкину перлы народного творчества: о мертвецахъ, о подвигахъ Бовы, о лихихъ Полканахъ и Добрыняхъ и т. д. Воображеніе мальчика ширилось и расцвѣчивалось; въ мозгу его слагались образы, съ которыми онъ не разставался въ теченіе всей своей жизни, въ душѣ появлялись симпатіи къ народнымъ массамъ, заставлявшія идти наперекоръ тому обществу, къ которому онъ принадлежалъ по своему рожденію и по своимъ связямъ. Второй воспитательницей маленькаго Пушкина была его бабушка, у которой онъ находилъ защиту и покровительство отъ неудовольствій и даже преслѣдованій со стороны его матери. Старушка также питала пытлиую мысль мальчика рассказами изъ русской дѣйствительности. Немаловажнымъ воспитательнымъ элементомъ въ жизни Пушкина была также русская природа и бытъ русскаго крестьянства, съ которымъ нашему поэту постоянно приходилось сталкиваться въ раннемъ своемъ дѣтствѣ. Прелестная березовая рощица въ имѣніи бабушки, народныя игры и пѣсни на деревенскихъ гуляньяхъ, куда такъ охотно водила его няня,—все это неизгладимыми чертами запало въ душу поэта. Наконецъ, прекрасная французская библіотека, совершенно не приспособленная къ дѣтскому пониманію, но заключавшая множество истинныхъ сокровищъ литературы, завершила самообразованіе маленькаго Пушкина, такъ какъ онъ съ раннихъ лѣтъ пристрастился къ чтенію.

Но все эти вліянія шли прямо вразрѣзъ со всеми тѣми впечатлѣніями, которые онъ получалъ отъ своей семьи, и такимъ образомъ уже рано намѣтились основные моменты той трагедіи, которую пришлось нести на своихъ плечахъ всю жизнь великому Пушкину.

„Трагическая жизнь и смерть и безсмертная слава по смерти“,—говоритъ г. Ив. Ивановъ („Личность Пушкина“ Сен. 1899 г. „Р. М.“),—„достались ему за то, что онъ былъ сыномъ природы, а не вѣка, поэтомъ простоты и свободы, а не школы и преданій, —человѣкъ самъ по себѣ, а не представитель современнаго общества и среды.

„Да, изъ этихъ столь простыхъ и, кажется, меньше всего преступныхъ источниковъ начался и развился тотъ „мрачный путь“, о какомъ Пушкинъ говорилъ незадолго до смерти.

„Онъ сталъ опредѣляться еще въ дѣтствѣ поэта.

„Ребенокъ оказался одинокимъ въ собственной семьѣ—неволью, стихійно. Семья русская, аристократическая, —слѣдовательно, вся построенная на противорѣчіяхъ природѣ, естественному чувству и даже здравому смыслу. Она родилась въ Россіи, но душой принадлежитъ Франціи; она носитъ русскія имена, но говоритъ чужимъ языкомъ; все ея благополучіе построено на трудѣ русскаго народа, но она не знаетъ этого народа и презираетъ его; она, наконецъ, зовется с е м ь е й—мужемъ,

женой, дѣтми, но семейную жизнь она считает смертной мукой и смѣшнымъ занятіемъ; она всецѣло и безраздѣльно принадлежитъ обществу, свѣту, и дѣтская въ ея домѣ занимаетъ самое послѣднее мѣсто послѣ передней, салона, буфета и залы для театральныхъ представлений.

„Это—противоестественно, и ребенку нѣтъ здѣсь мѣста. Онъ чувствуетъ инстинктивное отчужденіе къ гостинной, и если онъ появляется здѣсь, то забивается въ уголь, молчитъ и смотритъ, какъ наблюдатель посторонній и пока безсознательно враждебный ко всѣмъ этимъ каламбуристамъ, актерамъ-любителямъ на сцѣнѣ, и актерамъ-артистамъ въ жизни, галломанствующимъ стихоплетамъ, униженнымъ пріятелямъ французскихъ эмигрантовъ и тунеядныхъ эксплуататоровъ русской наивной земли.

„Бываютъ минуты, когда представленія въ салонѣ переходятъ всякіе предѣлы здравого смысла и ребенокъ раздражается тогда неудержимымъ хохотомъ и убѣгаетъ при общемъ негодованіи какого-нибудь куплетиста и его публики.

„Бѣжить онъ туда, гдѣ природа и простота царствуютъ невообразно, — къ бабушкѣ, с-старозавѣтной русской барынѣ, съ русской рѣчью и русскими деревенскими вкусами, — къ нянкѣ крестьянкѣ-старухѣ, съ пѣвучимъ, ярко-народнымъ говоромъ, съ неистощимыми пословицами и присказками, съ прирожденнымъ талантомъ рассказчицы. Чепецъ, старинное одѣяніе, глиняный ночникъ и добродушное морщинистое лицо—вотъ самыя свѣтлыя впечатлѣнія Пушкинскаго дѣтства.

„И они не случайны. Они не капризъ барскаго дитяти, они самый подлинный голосъ натуры—человѣка и поэта. Всѣ его инстинкты влекутъ его ко всему естественному и простому,—слѣдовательно, къ народу, его жизни, его творчеству, его психологіи. Сказками няни Пушкинъ воспользуется въ самый зрѣлый періодъ своей дѣятельности и тогда же онъ вполне осмыслить стихійныя влеченія и радости своего дѣтства.

„Надъ его умомъ и талантомъ пронесутся многообразныя вѣянія, но онъ непремѣнно вернется къ самому себѣ и заключить въ стройную идейную систему непосредственный голосъ своей природы. Эстетика и политика явятся у Пушкина не нарочито-придуманной теоріей, не болѣе

Автопортретъ А. С. Пушкина.

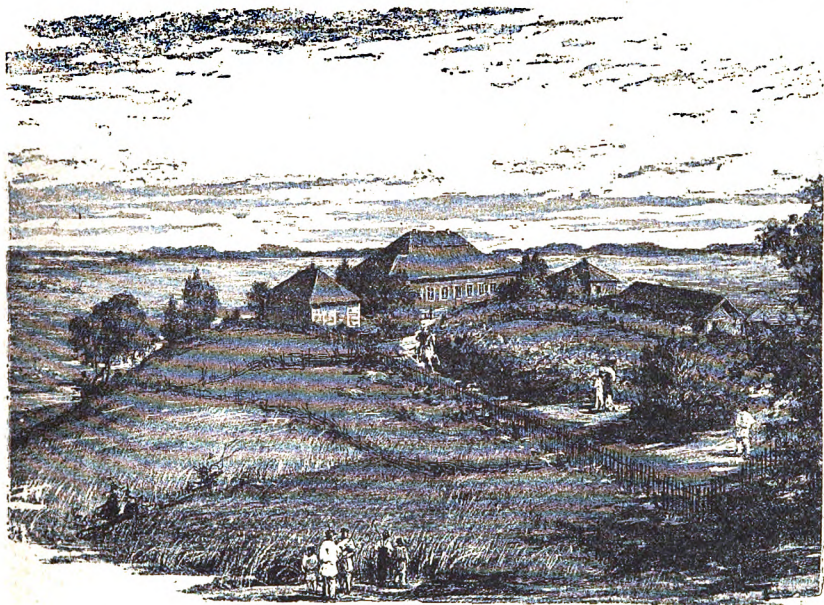
или менѣе удачнымъ спаемъ вычитанныхъ мыслей и фактовъ, а логическимъ самоопредѣленіемъ личности — простой и независимой.

„Народъ, русская національность — важнѣйшіе вопросы и главное содержаніе пушкинской поэзіи. И это не плодъ народническихъ и демократическихъ ученій, это — чувство, вкусъ, инстинктъ. Пушкинъ-ребенокъ сказки няни предпочитаетъ отцовскимъ французскимъ поэтамъ, Пушкинъ — великій поэтъ, даже при дворѣ будетъ страстно защищать умъ простого народа, доказывать, какъ многому можно научиться изъ разговоровъ съ мужиками-рабочими, какъ много полезныхъ людей нашель Петръ въ кузницахъ и на распутьяхъ и какой широкій путь развитія пройдетъ крестьянинъ, освобожденный отъ крѣпостного рабства. Этого мало. Въ противовѣсъ западно-европейской рыцарственности и феодальному благородству, Пушкинъ открываетъ исконно-народную русскую честь. „Да будетъ мнѣ стыдно!“ — гласить древне-русская присяга: развѣ это не равносильно обѣщанію англійскаго пѣра — судить „по чести“, можетъ быть, даже выше?“

Впрочемъ, было бы полной несправедливостью утверждать, что Пушкинъ ничего не получилъ отъ своего родного дома. Мы уже говорили, что онъ получилъ, во-первыхъ, благодаря библиотекѣ своего отца хорошее знакомство съ французской литературой; во 2-хъ, благодаря постоянной практикѣ съ гувернерами и домашними, онъ въ этотъ ранній періодъ дѣтства прекрасно овладѣлъ французскимъ языкомъ, на которомъ очень рано началъ писать свои первые произведенія; и, наконецъ, политическіе разговоры и каламбуры пестраго общества, которое бывало въ домѣ Пушкиныхъ и среди котораго не было недостатка въ неглупыхъ людяхъ, западали нерѣдко глубоко въ душу воспримчиваго ребенка. Тѣмъ не менѣе, все это были духовныя приобрѣтенія второстепеннаго характера, въ общемъ же душевная жизнь ребенка оставалась почти безъ всякаго ухода. Если кто и привязалъ маленькаго Пушкина къ дому, такъ это была старушка-няня и маленькая сестра, строгая цѣнительница его первыхъ произведеній. Вотъ почему Пушкинъ почти безъ сожалѣнія покинулъ родной домъ, когда въ 1811 г. осенью (двѣнадцати лѣтъ отъ роду) онъ былъ отправленъ въ Царскосельскій лицей, только что тогда открытый.

Что такое долженъ былъ представлять собой лицей, какъ учебное заведеніе, — этого, повидимому, очень долгое время не отдавали себѣ яснаго отчета даже и въ высшемъ обществѣ, изъ нѣдръ котораго вышла идея самого учрежденія. „Въ 1817 г.“, — рассказываетъ, напр., Пущинъ, — „когда послѣ выпуска, мы шестеро, назначенные въ гвардію, были въ лицейскихъ мундирахъ на парадѣ гвардейскаго корпуса, подъѣзжаетъ къ намъ гр. Милорадовичъ, тогдашній корпусный командиръ, съ вопросомъ: что мы за люди и какой это мундиръ? Услышавъ нашъ отвѣтъ, онъ нѣсколько задумался и потомъ очень важно сказалъ окружающимъ: „Да, это не то, что университетъ, не то, что кадетскій корпусъ, не гимназія, не семинарія — „это... лицей“. Поклонился, повернулъ лошадь и уехалъ“... Лицей, дѣйствительно, занималъ совершенно особое положеніе среди учебныхъ заведеній того времени. Онъ долженъ былъ изъ дѣтей, принадлежащихъ къ болѣе или менѣе аристократическимъ семействамъ, готовить дѣятелей для важной государственной службы. Но какъ этого достичь, организаторы лица, повидимому, и сами хорошенько не отдавали себѣ отчета. Въ программу лица было напихано безъ системы и безъ достаточнаго основанія множество самыхъ разнообразныхъ пред-

метовъ. Учредители лицея нисколько не соображались съ подготовкой своихъ будущихъ питомцевъ, а какова была эта подготовка, мы видѣли на Пушкинѣ, который въ этомъ отношеніи, очевидно, мало отличался отъ другихъ баричей, попавшихъ (въ количествѣ 30 душъ) въ лицей при первомъ его открытіи. Можно себѣ представить, что при такой подготовкѣ лицеисты могли усвоить изъ своей сложной и запутанной программы! Да еще при той неспособности къ усидчивому труду, которой съ испоконъ вѣковъ отличалось русское дворянство! Учредители лицея, повидимому, очень сильно разсчитывали на то, что со временемъ все „образуется“ и дальше само собою выяснится, что надо прибавить, что сократить, что расширить, а что и совсѣмъ отмѣнить. Однако, расчеты

Домъ Пушкина въ с. Михайловскомъ. По старой литографіи изъ альбома псковскихъ видовъ.

въ первые годы существованія лицея совершенно не оправдались. Наступилъ грозный 12-й годъ, а за нимъ ошеломляющіе походы русскихъ войскъ на Парижъ, и о лицей забыли настолько основательно, что по смерти перваго директора (1814 г.) лицей въ теченіе двухъ лѣтъ оставался въ періодъ полного безначалія. Впрочемъ, въ самой постановкѣ воспитательнаго дѣла были въ лицей и нѣкоторыя положительныя стороны. Такъ, лицеисты были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія, свирѣпствовавшего въ училищахъ того времени; каждому лицеисту отводилась особая комнатка, куда онъ могъ уходить послѣ вечернихъ занятій и т. д.

Такова была обстановка, въ которую Пушкинъ попадаетъ изъ-подъ безалабернаго крова родной семьи. Надо замѣтить, что съ Пушкинымъ, около десятилѣтняго возраста, произошла рѣзкая душевная перемѣна: изъ неповоротливаго и апатичнаго на видъ мальчика онъ превращается въ живого и подвижнаго непосѣду, тароватаго на всякія выдумки и не

задумывающагося надъ рѣзкимъ или язвительнымъ словомъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Именно такимъ онъ представляется намъ по записямъ его учителей, сохранившихся до настоящаго времени („Къ біографіи А. С. Пушкина, малоизвѣстныя и неизвѣстныя документальныя данныя“ Шляпкина).

„Александръ Пушкинъ“ — характеризуетъ его препод. Копанскій, — „больше имѣть понятливости, нежели памяти, болѣе имѣть вкуса, нежели прилежанія, почему малое затрудненіе можетъ остановить его, но не удержать, ибо онъ, побуждаемый соревнованіемъ и чувствомъ собственной пользы, желаетъ сравняться съ первыми питомцами. Успѣхи его въ латинскомъ хороши, въ русскомъ не столько тверды, сколько блистательны“. „Весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ“, — читаемъ мы въ характеристикѣ А. С. Пушкина, сдѣланной преподавателемъ Кунинцынымъ, — „но крайне не прилеженъ. Онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ малаго напряженія, а потому успѣхи его очень невелики, особливо по части логики“. Другіе преподаватели аттестуютъ своего взбалмошнаго ученика: „При маломъ прилежаніи оказываетъ очень хорошіе успѣхи, и сіе должно приписать однимъ только прекраснымъ его дарованіямъ; въ поведеніи рѣзвъ“, „лекомысленъ, вѣтренъ, неопрятенъ, нерадивъ; впрочемъ, добродушенъ, усерденъ, учтивъ, имѣть особенную страсть къ поэзіи“, мало постоянства и твердости въ его нравѣ, словоохотенъ, остроуменъ; примѣтно въ немъ и добродушіе, но вспыльчивъ съ гнѣвомъ, лекомысленъ“... Особенно любопытны безграмотныя донесенія надзирателя, желаніе котораго выслужиться передъ начальникомъ и обратить на себя вниманіе своею бдительностью и стараніемъ, заставляло его заносить въ свою записную книжечку всякія мелочи, быть можетъ, совершенно незначительныя съ педагогической точки зрѣнія, но весьма важныя съ точки зрѣнія біографической. „Пушкинъ“, — писалъ, напр., этотъ лицейскій Аргусъ, — „6-го числа въ сужденіи своемъ объ урокахъ сказалъ: признаюсь, что логики я право не понимаю, да и многіе даже лучшіе меня, оной не знаютъ, потому, что логическія селогизмъ (!) весьма для него невняты. 16-го числа весьма оскорбительно шутилъ съ Мясоѣдомъ (!) на щотъ 4 Департамента, зная, что его отецъ тамъ служилъ, произнося какіе-то стихи, коихъ мнѣ повторить не хотѣлъ, при увѣщеваніи же, сдѣлалъ слабое признаніе, а раскаянія не видно было. 18-го толкалъ Пушина и Мясоѣдова, повторялъ имъ слова: что если они будутъ жаловаться, то сами останутся виноватыми (!), ибо я, говоритъ, вывертѣтся умѣю. 20. Въ классѣ рисовальномъ называлъ Г. Горчакова вольной польскою дамою. 21. За обѣдомъ вдругъ началъ громко говорить, что Вольховскій Г. Инспектора боится, и видно оттого что боится потерять свое доброе имя, а мы говорить шалуны, его увѣщаніямъ смѣемся. Послѣ началъ изчислять съ присовокупившемся (!) къ сему Г. Карсаковымъ сдѣланныя Г. Инспект. родителямъ нѣкоторыхъ товарищей обиды, а послѣ обеда и другихъ къ составленію клеветы на Г. Инспектора подстрекнулъ. Вообще Г. Пушкинъ велъ себя всѣ слѣдующіе дни весьма смѣло и вѣтренно. 23-го когда я у Г. Дельвига въ классѣ Г. Профессора Гауеншильда, отнималъ бранное на Г. Инспектора сочиненіе, въ время Г. Пушкинъ (!) съ непристойною вспыльчивостью, говорилъ мнѣ громко: „какъ вы смѣетѣ брать наши бумаги, — стало быть и письма наши изъ ящика будетѣ брать“. Присутствіе Г. Профессора вѣроятно удержало его отъ худшаго поступка, ибо примѣтенъ былъ гнѣвъ его. 30-го числа къ вечеру Г. Ко-

шанскому изъяснялъ какіе-то дѣла С.-Петербургскихъ модныхъ французскихъ лавокъ, кои называются Маршандъ дю Модъ, я не слыхалъ самаго разговора, а только пришелъ въ то время, когда Г. Кюшанскій сказалъ ему: я повыше васъ и право не вздумаю такого вздора да и врядле кому оной прійдетъ въ голову. Спрашивалъ я другихъ воспитанниковъ, но никто не могъ мнѣ его разговоръ повторить по скромности какъ видно "... Во время моей отлучки на одни сутки "... продолжаетъ свои записи тотъ же надзиратель (уже въ 1814 г.), — „вышеупомянутые воспитанники (Малиновскій, Пуцинъ и Пушкинъ) уговорили одного изъ служителей принести имъ въ ихъ камеры: горячей воды, мелкаго сахару, сырыхъ яицъ и рому, и когда было все оное принесено, то отлучились безъ позволенія Дежурныхъ гувернеровъ изъ залы въ свои камеры, гдѣ изъ резвости и дѣтскаго любопытства составляли напитокъ подъ названіемъ гогель-могель (!), который уже начинали пробовать. Какъ въ самое то же время узнали, что я возвратился и пришелъ въ залъ, гдѣ и они уже находились; но я немедленно узналъ объ ихъ проступкѣ подробно и найдя ихъ виновными наказалъ въ теченіе двухъ дней во время молитвъ стояніемъ на колѣняхъ“...

Въ отрывкахъ этой лицейской лѣтописи, приведенной нами здѣсь со всею ея дѣйствиельной ореографіей, юнецъ Пушкинъ вѣтаетъ передъ нами во весь свой ростъ. Его непосѣдливому уму было до всего дѣло: и до страшнаго четвертаго департамента, и до сокровенныхъ тайнъ модной лавки и до запретнаго „гогель-могель“. Подвижный, какъ ртуть, онъ вездѣ поспѣвалъ. Смѣлый, онъ не останавливался ни передъ какими преградами, и никакія угрозы не могли удержать его высказать свою мысль до конца и придать ей и въ стихахъ, и въ прозѣ тотъ язвительный характеръ, который становится для него типичнымъ съ малыхъ лѣтъ. Таковымъ онъ являлся передъ лицомъ начальства, но онъ оставался вѣренъ себѣ и въ товарищеской средѣ. Его острый язычекъ быстро нажилъ ему многихъ враговъ, и товарищи его прозвали его за его блестящее остроуміе и прекрасное знаніе французскаго языка, обиднымъ въ то время прозвищемъ француза. Впрочемъ, ученическая среда быстро примирилась съ Пушкинымъ, увидя въ немъ хорошаго товарища тороватаго на всякія выдумки и шалости.

Было бы, однако, глубокой несправедливостью сказать, что умъ мальчика Пушкина вращался исключительно въ сферѣ лицейскихъ интересовъ. Мы уже указывали, что Пушкинъ еще до лицея пріобрѣлъ страсть къ чтенію и перечиталъ множество книгъ... „И въ лицѣ“, — пишетъ г. И. Ивановъ, — „на него находить раздумье, онъ запирается ото всѣхъ, проводитъ бессонныя ночи, думаетъ, читаетъ; по его словамъ, забываетъ съ восторгомъ цѣлый свѣтъ; его друзья — „мертвецы надъ простою полкой“: съ нимъ они живутъ. Это — длинный рядъ поэтовъ и критиковъ, русскихъ и иностранныхъ. Это — свой, пушкинскій лицей, и здѣсь не только усерденъ „студентъ“, но и чрезвычайно дѣятеленъ „профессоръ“. Пушкинъ рано привыкаетъ читать съ перомъ въ рукахъ, дѣлаетъ выписки, замѣтки. Читая книги, изучаетъ жизнь людей, самого себя. Въ лицѣ онъ начинаетъ записывать выдающіеся случаи изъ своего опыта; у него быстро развивается врожденная склонность отдавать себѣ отчетъ въ пережитомъ и наблюденномъ“...

Отъ модныхъ лавокъ, „гоголь-моголя“ и амурныхъ приключеній самаго шаблоннаго характера до высшихъ представителей человѣческой культуры съ ихъ сложными интересами, — все это какимъ-то удивитель

нымъ образомъ укладывалось въ широкую душу Пушкина: отвратительное и прекрасное, доброе и злое составляло тамъ какую-то пеструю замысловатую картину. Самъ Пушкинъ впоследствии такъ вспоминалъ объ этомъ періодѣ своей жизни.

Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій міръ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье...
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ,
За мной повсюду онъ леталъ
Мнѣ звуки дивныя шепталъ
И тяжкимъ пламеннымъ недугомъ,
Была полна моя глава.
Въ ней грезы чудныя рождались,
Въ размѣры стройныя стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риемой замыкались...

И эти разнообразные и сложные интересы молодого поэта вскармливались не только книгами, не только пестрыми впечатлѣніями, выведенными изъ родительскаго дома, но и тѣми теченіями, которыя просачивались черезъ лицейскія стѣны.

Не забудемъ прежде всего, что то былъ 1812 годъ! Вотъ что говорить одинъ изъ выдающихся лицейскихъ товарищей Пушкина, — „Вѣтренный мудрецъ“ Пущинъ, — о вліяніи на молодыхъ лицействоѣ политическихъ событій той эпохи. „Эти событія сильно отразились на нашемъ дѣтствѣ. Началось съ того, что мы провожали всѣ гвардейскіе полки, потому что они проходили мимо самого лицея; мы всегда были тутъ, при ихъ появленіи, выходили даже во время классовъ, напутствовали воиновъ сердечною молитвой, обнимались съ родными и знакомыми; уса-тые гренадеры изъ рядовъ благословляли насъ крестомъ. Не одна слеза тутъ пролита“... „Когда начались военныя дѣйствія“, — продолжаетъ тотъ же авторъ, — „всякое воскресенье кто-нибудь изъ родныхъ привозилъ реляціи; Кошанскій (педагогъ) читалъ ихъ намъ громкогласно въ залѣ. Газетная комната никогда не была пуста въ часы, свободные отъ классовъ; читались наперерывъ русскіе и иностранныя журналы, при неумолкаемыхъ толкахъ и преніяхъ; всему живо сочувствовалось у насъ: опасенія смѣнялись восторгомъ при малѣйшемъ проблескѣ къ лучшему. Профессора приходили къ намъ и научали насъ слѣдить за ходомъ дѣла и событій, объясняя иное, намъ недоступное“...

Но вліяла не только жизнь, вліяла и школа, несмотря на всю уродливостъ той обстановки и приѣмовъ, среди которой проходило воспитаніе и образованіе тогдашней молодежи. Злую, но яркую характеристику тогдашняго лицея даетъ г. И. Ивановъ.

„Здѣсь“, — говоритъ онъ, — „какъ и въ свѣтской гостинной царствуетъ свой этикетъ. Тамъ держать себя подъ руководствомъ танцмейстеровъ и гувернеровъ, здѣсь думаютъ и творятъ по указанію грамматиковъ, риторовъ и эстетиковъ, не говорятъ, а поютъ, воспроизводить не дѣйствительность, а украшенную природу, ставятъ талантъ во фронтъ и даютъ ему изъ фельдфебелей профессоровъ элоквенціи и піитическихъ хитростей. И все это гораздо нестерпимѣе и назойливѣе даже російскихъ вольтеріанцевъ и куплетистовъ. Профессоръ Кошанскій не разрѣшаетъ писать въ стихахъ слова — говорить, площадь, колодець, онъ настойчиво вымарываетъ ихъ и ставить — вѣщать, стогны, кладезь. Поэтъ

Фридрих Шиллеръ. — Съ портрета А. Граффа.

въ отчаяніи отъ строгаго проповѣдника и умоляетъ его не разстраиваться понапрасну, не тратить свой ученый гнѣвъ на лѣнливца молодого“. Все равно ничего не выйдетъ, — лѣннivecъ будетъ непремѣнно говорить обыкновеннымъ русскимъ языкомъ и простыя вещи называть простыми именами. Но на этомъ не кончается школьная ложь. Она несравненно значительнѣй въ области науки и мысли... Лицей собралъ десяти и двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, воспитанниковъ французскихъ аббатовъ и эмигрантовъ, и насулилъ имъ бездну премудрости не только ученой, но даже политической. Юнымъ питомцамъ торжественно въ присутствіи царя объявили, что они черезъ лѣтъ пять-шесть превратятся въ столповъ отечества и государственныхъ дѣятелей, изучать „шествіе нравственности, успѣхи разума и паденіе его въ разныхъ гражданскихъ постановленіяхъ“. Чрезвычайно заманчивая, но ровно настолько же живая перспектива. Въ главные спутники шествія попадаютъ не кто иной, какъ французскій архіепископъ Боссюэ — въ религіи фанатикъ ветхаго завѣта, въ политикѣ — умный и культурный Аракчеевъ, даже съ лестью преданный Людовику XIV и госпожѣ Ментенонъ. Естественно, „успѣхи разума“ подъ такимъ руководствомъ должны изучаться соотвѣтственно, и будущіе государственные мужи зубрить тетрадки слово въ слово, какъ самые жалкіе школьники, проникаются жестокимъ отвращеніемъ и къ наукамъ нравственнымъ, и къ политическимъ, и просто къ ученью, сдаютъ экзамены по заранѣе вытверженнымъ вопросамъ для каждаго лицеиста отдѣльно, съ вѣдома самихъ профессоровъ. Такъ откровенно лжетъ школа, нисколько не отставая отъ жизни, составляя съ ней круговую поруку“.

И тѣмъ не менѣе, не смотря на эту безобразную атмосферу взаимнаго обмана, лицей оставилъ въ душѣ поэта и здоровыя симпатіи, правда, немногочисленныя. Изъ всего преподавательскаго персонала въ воспоминаніяхъ Пушкина выступаютъ Куницынъ и Галичъ. Оба они быстро опустились въ ужасныхъ условіяхъ той эпохи, и тѣмъ не менѣе, временами вдохновенная рѣчь Куницына, его нѣсколько увлекательныхъ лекцій, язвѣдка его горячіе выпады противъ рабства (не согласовавшіеся, впрочемъ, съ его личной жизнью и дѣятельностью) и опять-таки лишь временами правдивые и вдумчивые рассказы почти спившагося Галича, которому Пушкинъ далъ лестный эпитетъ „другъ мудрости прямой, правдивъ и благороденъ“, наложили глубокіе штрихи въ воспримчивой душѣ молодого поэта.

Помимо двухъ этихъ замѣчательныхъ, но очень быстро опустившихся педагоговъ, по лицейскимъ дѣламъ Пушкину пришлось столкнуться съ еще однимъ выдающимся дѣятелемъ по части воспитанія юношества. Это былъ Ангельгардтъ, директоръ лицея во вторую половину лицейскихъ лѣтъ Пушкина. Онъ старался относиться къ лицеистамъ, какъ къ членамъ своей семьи. Педагогическія задачи онъ ставилъ выше своихъ карьерныхъ успѣховъ. Такъ, онъ упорно отказался ввести въ свое учебное заведеніе обученіе военному фронту, какъ обязательный предметъ. Онъ настойчиво отсовѣтывалъ государю втягивать лицейство въ придворную жизнь. Наконецъ, онъ много разъ въ послѣдствіи вступалъ за своихъ воспитанниковъ, когда имъ грозили какія-нибудь тяжелыя административныя кары. И тѣмъ не менѣе, вліяніе этого выдающагося педагога на нашего великаго поэта является совершенно ничтожнымъ. Вина въ этомъ въ значительной степени падаетъ на самого Ангельгардта, который сразу не сумѣлъ проникнуть въ сложную натуру молодого гения,

слишкомъ преувеличилъ отрицательныя стороны его характера и приуменьшилъ положительныя и, благодаря этому, съ первыхъ же шаговъ оттолкнулъ отъ себя самолюбиваго юношу.

„Кто былъ виноватъ въ разладѣ гениальнаго ученика съ лучшимъ воспитателемъ, какого только могъ встрѣтить Пушкинъ?“ — пишетъ г. Ивановъ. — „Къ Пушкину, по мнѣнію его друга Пущина, надо было съ самаго начала подойти съ полнымъ расположеніемъ, любовно взглянуть на его странности, помириться съ ними, и тогда только становилась понятной необыкновенно даровитая, благородная натура Пушкина. Странностей у будущаго поэта могло обнаружиться уже въ ранней молодости немало. Дома некому было взглянуть въ его сложные, глубокіе задатки. Никого не занималъ вопросъ, что читаетъ ребенокъ, о чемъ думаетъ, что означаетъ такая скороспѣлая наклонность къ сочинительству. Самый близкій человекъ — мать — усмотрѣла въ своемъ сынѣ только неуклюжесть и некрасивость и, пожалуй, еще умственную неповоротливость. Недаромъ двѣнадцатилѣтній Пушкинъ уѣзжалъ изъ родительскаго дома, будто изъ нелюдимой, тягостной пустыни. Значитъ, во многомъ было неудовлетворено и даже оскорблено дѣтское сердце и много грустнаго и враждебнаго успѣла накопить дѣтская память. Основное свойство художественной даровитости — глубокая инстинктивная наблюдательность и бессознательная психологическая проницательность, музыкальная чуткость къ человѣческимъ характерамъ и отношеніямъ. И будущій гениальный поэтъ обладалъ, разумѣется, этимъ свойствомъ въ высшей степени.“

„Пушкинъ явился въ лицей гораздо старше своего возраста. Товарищи его — дѣйствительно, дѣти. Школьныя проказы для нихъ истинное наслажденіе, забавные и смѣшные учителя — гораздо занимательнѣе, чѣмъ дѣльные и строгіе. Пушкинъ также шалунъ не изъ послѣднихъ. Но у него — многое, совершенно недоступное большинству товарищей, своя особая духовная жизнь. Онъ не важничаетъ своимъ развитіемъ и талантами передъ товарищами, но не всегда и не во всемъ можетъ чувствовать себя съ ними своимъ человекомъ. Изъ дому онъ привезъ невольное недоверіе къ людямъ: до сихъ поръ они такъ мало его понимали и еще меньше любили!“ А тутъ еще этотъ строгій приговоръ новаго директора, которому, къ несчастію, съ первыхъ шаговъ бросились отрицательныя стороны великаго въ будущемъ поэта: стремленіе блестятъ поэтическимъ талантомъ, кажущееся отвращеніе ко всякому серьезному труду, какъ будто бы поверхностный умъ и холодное сердце. Этотъ приговоръ, сдѣланный второпяхъ, Пушкинъ затаилъ въ своемъ сердцѣ, какъ тягчайшую обиду.

Насколько въ данномъ случаѣ обманулся Энгельгардтъ, можно судить уже на основаніи того, что было сказано выше. Мы видѣли, въ какой напряженной работѣ находился умъ Пушкина съ малыхъ лѣтъ. О его же сердцѣ можно судить по его отношеніямъ къ его друзьямъ. „Дружбѣ“, — пишетъ г. Евг. Ляцкій, о нѣсколько болѣе позднемъ періодѣ жизни поэта („А. С. Пушкинъ и его письма“), — „отдавался онъ весь и, наряду съ любовью, ей посвящены многія изъ лучшихъ стихотвореній поэта“... Но эта дружба, которой, говоря словами того же біографа, Пушкинъ „обязанъ и своей первой славой, и нравственной, а иногда и матеріальной поддержкой въ тяжелыя жизненныя минуты, и неліцебной критикой своихъ произведеній“, эта дружба своими корнями глубоко уходитъ въ лицейскіе годы нашего поэта. Вѣдь, къ этому времени от-

носятся его сближеніе не только съ упомянутымъ Пушцинымъ, но и съ Дельвигомъ и Кюхельбекеромъ, которые остались на всю жизнь его лучшими друзьями.

И еще нельзя обойти молчаніемъ одного вліянія, какъ благотельнаго, такъ и пагубнаго для Пушкина по своимъ послѣдствіямъ, — это вліяніе гвардейскаго офицерства, съ которымъ лицеисты имѣли возможность соприкасаться въ Царскомъ Селѣ. Конечно, въ этой средѣ окрѣпили многія дурныя стороны характера Пушкина: фатовство, страсть къ картамъ и кутежамъ и другимъ удовольствіямъ, къ которымъ подростку лучше было бы не прикасаться, но вмѣстѣ съ

А. С. Пушкинъ 12-ти лѣтъ.

тѣмъ въ той же средѣ въ то время таились и здоровыя силы, витали новыя мысли, слагались мужественные характеры. „Вліяніе на Пушкина этой среды“, — пишетъ г. Мясотинъ („Изъ пушкинской эпохи“), — „нерѣдко изображалось почти исключительно темными красками... Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что военные кружки той эпохи могли научить входившаго въ нихъ юношу не одному лишь разгулу. Офицерское общество данной поры было богато особенностями, въ такомъ размѣрѣ не свойственными ему ни раньше, ни позже. Патріотическій порывъ двѣнадцатаго года бросилъ въ ряды войска немалое количество дворянской образованной молодежи и приподнялъ настроеніе тѣхъ, которые уже раньше стояли въ этихъ рядахъ. Этотъ порывъ не могъ разрѣшиться однимъ шовинистическимъ увлеченіемъ громомъ отечественнаго оружія. Для этого обстоятельства были слишкомъ сложны, спена, на которой приходилось дѣйствовать слишкомъ громадна и полна противоположностей. Передъ глазами владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ, владѣльцевъ, болѣе или менѣе наивно увѣренныхъ въ полномъ безсмыслии и равно-

душіи массы, въ ея лицѣ внезапно выступалъ на историческую арену народъ, самостоятельно поднявшійся на защиту родины отъ нашествія врага, для возбужденія своего патріотизма не нуждавшійся ни въ синодскихъ увѣщаніяхъ, ни въ статьяхъ специально для этой цѣли выписаннаго изъ Германіи публициста Арндта, ни въ Растопчинскихъ афишкахъ. Когда затѣмъ народная война поглотила силы Наполеона и, гордые своимъ подвигомъ, русскія войска двинулись освобождать другія страны, въ Европѣ, гдѣ реакція едва только начинала приподнимать свою голову подъ шумъ оружія союзниковъ, „освободителямъ“ пришлось пережить рядъ очень сложныхъ впечатлѣній. Жизнь учить скорѣе книгъ и теоретическихъ размышленій. Неудивительно поэтому, что, благодаря впечатлѣніямъ, полученнымъ отъ непосредственнаго знакомства съ европейскою жизнью, идеи, еще недавно бывшія въ Россіи достояніемъ только единичныхъ личностей и робко высказывавшіяся немногими мечтателями въ литературѣ, были теперь усвоены цѣлыми кружками офицеровъ и вмѣстѣ съ послѣдними возвратились въ петербургскія и московскія казармы. На долю русскихъ войскъ въ Европѣ выпала крупная и блестящая роль, и самый этотъ блескъ невольно будилъ мысль и дѣлалъ ее особенно чуткой къ голосу совѣсти. „Пребываніе цѣлый годъ въ Германіи и потомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ не могло, — говоритъ одинъ изъ офицеровъ этой поры, — не измѣнить воззрѣнія хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи; при такой огромной обстановкѣ каждый изъ насъ хоть сколько-нибудь выросъ“. Участники мировыхъ событій, русскіе люди за границей отвыкли отъ тѣсныхъ рамокъ сѣрой родной дѣйствительности и съ трудомъ снова входили въ нихъ. Объ этомъ у насъ сохранились недвусмысленныя свидѣтельства и такихъ лицъ, которыхъ мудрено въ данномъ случаѣ заподозрить въ пристрастіи къ описываемымъ ими фактамъ. „Не только офицеры, — читаемъ мы въ запискахъ Греча, — но и нижніе чины гвардіи набрались заморскаго духа; они чувствовали и видѣли свое превосходство передъ иностранными войсками, видѣли, что тѣ войска, при меньшемъ образованіи, пользуются большими льготами, большимъ уваженіемъ, имѣютъ голосъ въ обществѣ. Это не могло не возбудить вначалѣ просто ихъ соревнованія и желанія стать наравнѣ съ побѣжденными“. Правильно передавая общій характеръ даннаго явленія, наблюдатель, слова котораго мы привели, уменьшаетъ, вѣроятно, безсознательно, его значеніе. Дѣло было, конечно, не въ одной противоположности между правами армій. Контрастъ, поражающій воображеніе познакомившейся съ заграничною жизнью молодежи, былъ болѣе глубокъ; это былъ контрастъ европейской роли Россіи съ внутреннимъ ея бытомъ, особенно хорошо уяснившимся изъ сравненія съ бытомъ только что освобожденной ею Европы, контрастъ великихъ силъ, обнаруженныхъ народомъ, съ тѣмъ жалкимъ положеніемъ, въ которомъ онъ находился. Сознаніе этого контраста нарастало постепенно, но съ особенною силой оно должно было проявиться при возвратѣ арміи на родину, когда ее вновь окружили забытыя было условія“... Вотъ тѣ причины, которыя заставляли лучшую часть гвардейскаго офицерства жить новою жизнью, питаться новыми идеями, стремиться къ новымъ идеаламъ, ободрять себя новыми надеждами. Критическая мысль работала усердно; но одной критикой, однимъ отрицаніемъ жить нельзя. Началось исканіе новыхъ путей. Оно привело, какъ извѣстно, къ декабрьскому возстанію 1825 года. Но это было уже значительно позже. Въ лицейскіе же годы Пушкина отношеніе къ вопросамъ, выдвинутымъ

жизнью, было чисто теоретическое. Къ этой-то новой работѣ общественной мысли и прикоснулся впечатлительный Пушкинъ черезъ гвардейскую среду Царскаго Села и своей воспріимчивой душой втянулъ въ себя идеи передовой части своего вѣка.

Таковы были разнообразныя вліянія, подѣ которыми формировался великолѣпный талантъ нашего поэта. Пушкинъ, какъ мы уже говорили, началъ свою литературную дѣятельность еще дома. Въ лицей онъ продолжалъ ее съ еще большей энергіей. Первые свои стихотворенія онъ писалъ на французскомъ языкѣ. Только лицей заставилъ его въ своемъ творествѣ перейти на русскій языкъ. Этому много содѣйствовалъ тотъ литературный кружокъ лицейстовъ, въ которомъ Пушкину вскорѣ суждено было играть выдающуюся роль. „Литературныя занятія кружка“, — рассказываетъ г. Скабичевскій, — „заключались, во-первыхъ, въ изданіи рукописныхъ журналовъ, въ которыхъ члены помѣщали свои произведенія, а во-вторыхъ — въ особенной литературной игрѣ. Составивъ одинъ общій кругъ, товарищи обязывали каждого рассказать повѣсть или, по крайней мѣрѣ, начать ее. Въ послѣднемъ случаѣ, слѣдующій за рассказчикомъ принималъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ она остановилась, и развивалъ далѣе; третій, въ свою очередь, продолжалъ ее и т. д., пока повѣсть не приходила къ окончанію. Дельвигъ первенствовалъ на этой гимнастикѣ воображенія; его никогда нельзя было застать врасплохъ: интриги, завязки и развязки были у него всегда готовы. Пушкинъ уступалъ ему въ способности придумывать наскоро происшествія и часто прибѣгалъ къ хитрости. Разъ онъ изложилъ восхищеннымъ слушателямъ исторію 12 спящихъ дѣвъ, умолчавъ объ источникѣ, откуда почерпнулъ ее. Тогда же, въ грубыхъ, конечно, чертахъ, онъ передалъ двѣ повѣсти, имъ самимъ придуманныя: „Метель“ и „Выстрѣлъ“, которыя впоследствии явились въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“.

Первыми его стихотворными произведеніями на русскомъ языкѣ были колкія и мѣткія эпиграммы, которыя быстро составили ему крупную извѣстность среди товарищей и нажили множество враговъ. Затѣмъ наступилъ періодъ такъ называемыхъ лицейскихъ стихотвореній, которыя быстро перенесли извѣстность поэта въ широкіе литературные круги, не смотря на то, что онъ пока проявлялъ еще мало самостоятельности и подражалъ или французскимъ поэтамъ, съ которыми ознакомился въ библіотекѣ своего отца, или тѣмъ русскимъ писателямъ, которыми онъ увлекался во время своего отрочества (главнымъ образомъ Карамзину, Жуковскому и Батюшкову). Однако, не смотря на то, что раннія произведенія нашего великаго поэта были всегда написаны подѣ вліяніемъ того или другого изъ своихъ предшественниковъ, они уже всѣ носятъ отпечатокъ оригинальности, отличаются необычайной красотой формы „Жизнь со своими заботами и тревогами“, — говоритъ А. Н. Пыпинъ про эти первые литературные успѣхи Пушкина, — „была еще впереди, и поэтъ „безмятежно“ предавался „праздности счастливой“, для которой поэзія была изящнымъ украшеніемъ. Его эпикурейская философія, такъ естественно отвѣчавшая порывамъ молодой жизни и иногда терявшая мѣру, имѣла однако свою исторически важную сторону. Въ его поэзіи уже не было мѣста ни натянутости стараго искусственнаго, не искренняго и потому безплоднаго стихотворчества псевдоклассиковъ, ни притворности столь же искусственнаго сентиментальнаго стихотворчества, ни туманности поэзіи мистическаго романтизма: въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Пушкинъ стоялъ на почвѣ искренняго чувства и вмѣстѣ на почвѣ реальной дѣйствительности, и здѣсь были уже задатки жизненнаго значенія его поэзіи“.

Вотъ эти-то особенности поэзіи Пушкина, столь много общавшія, рано обратили вниманіе корифеевъ тогдашней литературы на лицеиста-поэта, какъ на новую, свѣжую и еще не бывающую силу русскаго творчества. Вотъ какъ описываетъ Пушкинъ восторгъ Державина, которому въ январѣ 1815 г. пришлось выслушать одно изъ прекрасныхъ произведеній Пушкина, прочитанное имъ самимъ на торжественномъ публичномъ испытаніи въ лицей. „Державинъ“,—вспоминаетъ Пушкинъ,—„былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень утомилъ его: онъ сидѣлъ, поджавши голову рукою; лицо его было безсмысленно; глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его—гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ—очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ изъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблестали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостью необыкновенной. Наконецъ, вызвали меня. Я прочелъ мои „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина; голосъ мой отрочески зазвенѣлъ, а сердце забилося восторгомъ... Не помню, какъ кончилъ я свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ... Державинъ былъ въ восхищеніи, онъ меня требовалъ, хотѣлъ обнять... Меня искали, но не нашли“... Съ еще большимъ восторгомъ отнесся къ новому таланту Жуковский, стоявшій въ то время въ зенитѣ своей литературной славы. Онъ такъ глубоко увѣровалъ въ поэтическое чутье поэта-отрока, что читалъ свои новыя произведенія пятнадцатилѣтнему Пушкину, и если этотъ находилъ прочитанные ему стихи неудовлетворительными, то Жуковский или уничтожалъ ихъ или передѣлывалъ. Столь же радушно былъ принять Пушкинъ и у Карамзина, который охотно читалъ ему отрывки изъ своей „Исторіи Государства Россійскаго“.

Однако, эти слова не вскружили головы молодому поэту. Онъ, кажется, еще съ большей строгостью сталъ относиться къ своимъ произведеніямъ. За время своего пребыванія въ лицей Пушкинъ написалъ около 120 стихотвореній, изъ которыхъ онъ напечаталъ лишь очень немногія, а остальные призналъ не заслуживающими печатнаго станка и даже впослѣдствіи, выпуская въ 1826 году первое изданіе своихъ произведеній, Пушкинъ нашелъ возможнымъ помѣстить изъ всѣхъ лицейскихъ стихотвореній лишь 23.

Наконецъ, въ маѣ въ 1817 г. наступили выпускные экзамены, представлявшіе жалкую комедію, какъ и вся лицейская учеба. На экзамены была приглашена въ большомъ количествѣ посторонняя публика, но всѣ вопросы, на которые долженъ былъ отвѣчать каждый воспитанникъ, были заблаговременно извѣстны экзаменуемымъ. Несмотря на это, Пушкинъ оказался настолько безнадежно слабымъ, что въ его аттестатѣ не было выставлено отмѣтокъ по исторіи, географіи, статистикѣ, математикѣ и нѣмецкому языку. Пушкинъ былъ выпущенъ поэтомъ лишь по второму разряду, 19-мъ по списку съ чиномъ X класса и жалованіемъ въ 700 руб. въ годъ. Выпускныхъ лицейстовъ привѣтствовалъ самъ государь. Пушкинъ былъ назначенъ чиновникомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Государственная служба, на которую поступилъ А. С. Пушкинъ, представляла съ его точки зрѣнія лишь одно преимущество: она не отнимала у него нисколько времени и носила чисто формальный характеръ. Но положеніе чиновника не радовало воображенія поэта. Онъ всей душой рвался въ военную службу,—и не иначе, какъ въ гусарскій полкъ. Однако,

свиданіе съ отцомъ охладило военный пылъ молодого человѣка. Литературныя успѣхи сына примирили съ нимъ родителей, и они, конечно, охотно сдѣлали бы все, чтобы поддержать „честь“ своего рода и увидѣть хотя бы одного изъ своихъ сыновей въ шикарномъ гусарскомъ мундирѣ, на равной ногѣ съ самыми великородными хлыщами изъ среды золотой молодежи. Но средства и безалаберная жизнь самихъ Пушкиныхъ не позволили имъ доставить это удовольствіе ни себѣ, ни своему сыну. Самое большое, на что соглашался отецъ А. С.—ча—это на поступленіе его сына въ какой-нибудь гвардейскій пѣхотный полкъ. Но подобное положеніе было неприемлемо для блестящаго лицеиста. Надѣтъ пѣхотный мундиръ!—нѣтъ онъ никогда на это не согласится!

Первое время послѣ лица Пушкинъ провелъ въ деревнѣ своихъ родителей, въ с. Михайловскомъ Псковской губерніи, и не могъ нарадоваться на простую обстановку дальняго уѣзда захудалой губерніи. „Вышедши изъ лица“,—разсказываетъ онъ въ своихъ запискахъ,—„я тотчасъ почти уѣхалъ въ Псковскую деревню моей матери. Помню, какъ обрадовался я сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и пр., но все это нравилось мнѣ недолго. Я любилъ и до нынѣ люблю шумъ и толпу“... Чрезвычайно характерное признаніе! „Шумъ и толпа“ для Пушкина были только въ Петербургѣ, только въ блестящей обстановкѣ свѣтскихъ гостинныхъ. Эта дворянская закваска самымъ печальнымъ образомъ отражалась на жизни Пушкина и принижала его благородную личность. Нельзя безъ боли въ сердцѣ читать о томъ, какъ онъ старался всѣми средствами и силами втереться въ блестящій кругъ этихъ, по большей части, ничтожныхъ личностей. „Пушкинъ“,—вспоминаетъ одинъ изъ его друзей,—„часто сердилъ меня и вообще всѣхъ насъ тѣмъ, что любилъ, напимѣръ, вертѣться у оркестра, около знати, которая съ покровительственной улыбкой выслушивала его шутки, остроты. Случалось изъ креселъ сдѣлать ему знакъ, онъ тотчасъ прибѣжитъ. Говоришь, бывало: „что тебѣ за охота, любезный другъ, возиться съ этимъ народомъ—ни въ одномъ изъ нихъ ты не найдешь сочувствія“, онъ терпѣливо выслушаетъ, начнетъ шекотать, обнимать, что обыкновенно дѣлалъ, когда немного потеряется; потомъ, смотришь, Пушкинъ опять съ тогдашними львами“. Или вотъ жалобы, наивно увѣковѣченные собственною рукою поэта. „Мнѣ больно видѣть“,—писалъ онъ своему брату,—„равнодушіе отца моего къ моему состоянію. „Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ: когда больной, въ осеннюю грязь и трескучіе морозы, я бралъ извозчика отъ Аничкина моста, онъ вѣчно бранился за 80 копѣекъ, которыхъ, вѣрно бы, ни ты, ни я не пожалѣли бы для слуги“. И эти жалобы вызывались нерѣдко такими пустяками, какъ отказъ купить поэту бывшіе тогда въ модѣ бальные башмаки съ пряжками... Но „назвался груздемъ, полезай въ кузовъ“... и Пушкинъ старался съ головой залѣзть въ облюбованный имъ „кузовъ“. Онъ участвовалъ во всѣхъ кутежахъ и безобразіяхъ, которые устраивались этими „милыми“ молодыми людьми. Онъ былъ дѣятельнымъ членомъ „Зеленой лампы“, артистическаго общества, безстыднаго до послѣдней степени. Все это было не по карману и даже не по натурѣ Пушкину, такъ какъ за это время онъ нѣсколько разъ оказывался на краю могилы, куда его приводили всякаго рода излишества,—но молодой Пушкинъ мало задумывался надъ этимъ, и продолжалъ свою зазорную жизнь.

Свѣтская жизнь отвлекала Пушкина и отъ его литературныхъ работъ и отъ литературныхъ знакомствъ. Напротивъ, въ свѣтскомъ кругу

онъ старался представить себя лишь богатымъ безопаснымъ дворянчикомъ, которому „море по колено“ и которому даже зазорно считаться на одной линіи съ какими-то ничего не значущими писаками. Онъ даже прилагалъ всѣ усилія для того, чтобы въ этомъ кругу разъ навсегда позабыли, что онъ пишетъ стихи и имѣетъ активное отношеніе къ русской литературѣ. И тѣмъ не менѣе, здоровое нравственное чувство временами беретъ верхъ, и поэтъ съ отвращеніемъ относится къ своему свѣтскому образу жизни, къ своимъ свѣтскимъ связямъ

„Я содрагаюсь,—сердцу больно,
Мнѣ стыдно идиоловъ моихъ!“

воскликаетъ онъ въ одну изъ такихъ покаянныхъ минутъ и тогда онъ возвращается въ ту среду, въ которой онъ почерпалъ новые взгляды на жизнь, новое вдохновеніе для своихъ литературныхъ работъ. Именно въ одну изъ такихъ минутъ пришелъ онъ къ извѣстному въ то время своимъ образованіемъ и умомъ Катенину со словами: „Я пришелъ къ вамъ, какъ Діогенъ къ Антисфену: побей—но вычи!“—„Ученаго учить—портить!“ отвѣчалъ Катенинъ, и между ними съ этого дня завязались самыя дружескія отношенія. А Пушкинъ умѣлъ быть другомъ!

Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой.

Онъ умѣлъ оставаться другомъ на всю жизнь, навсегда, не смотря ни на какія обстоятельства. Объ этомъ свидѣлствуютъ его отношенія къ его лицейскимъ друзьямъ. Объ этомъ говорятъ его письма, въ которыхъ онъ свободно открывалъ свою душу друзьямъ.

Минуты хладной скуки,
Сердечной пустоты,
Уныніе разлуки,
Всегдашнія мечты,
Мои надежды, чувства
Безъ лести, безъ искусства
Бумаги передай...
Болтливостью небрежной
И вѣтренной и вѣжной
Ихъ сердце утѣшай...

Здѣсь-то въ кругу старыхъ и новыхъ друзей, принадлежавшихъ къ числу интеллигенціи не по платью или по диплому, а по самому своему духу, по своимъ стремленіямъ и надеждамъ, Пушкинъ и принадлежалъ къ источнику живой мысли, описывалъ всѣ передовыя идеи и закипалъ страшнымъ желаніемъ послужить дѣлу освобожденія родины. Вотъ что онъ, напр., писалъ въ своемъ первомъ посланіи къ Чаадаеву, гусару и глубокому философу въ одно и то же время.

„Подъ гнетомъ власти роковой
Нетерпѣливою душою
Отчизны внемлетъ призыванья!
Мы ждемъ съ томленьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ отчизнѣ посвятимъ
Души высокіе порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣвительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена“.

И это не были пустые слова. Дѣйствительно, несмотря на весь рискъ, которому онъ подвергалъ себя въ эти крутые времена, въ своихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ онъ отозвался почти на всѣ темы, которыя были затронуты такъ или иначе въ либеральныхъ кругахъ того времени. Какъ далеко рѣшался заходить онъ въ этомъ отношеніи, показываетъ его стихотвореніе „Деревня“, гдѣ онъ, между прочимъ, даетъ такую характеристику крѣпостному праву, считавшемуся однимъ изъ самыхъ незыблемыхъ основъ русской дѣйствительности.

Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемли стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственную лозу
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца;
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влечется по браздамъ
Неуголимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ,
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ!

Это былъ уже не вызовъ обществу, а прямой вызовъ самому государству. Это было, съ точки зрѣнія того времени, „государственное преступленіе“. Еще въ большей степени являлась таковымъ ода „Вольность“, гдѣ онъ, уже не обинуясь, прямо обращается къ государству:

„Увы, куда не брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы;
Вездѣ неправедная власть
Въ сгущенной мглѣ предрасужденій
Вездѣ неволи грозный гевей
И къ славѣ роковая страсть“...

Именно, какъ таковыя — какъ преступныя — разсматривала эти стихотворенія „благомыслящая“ часть общества. А. И. Тургеневъ не рѣшился отправить Вяземскому эти стихи по почтѣ. „Я боюсь“, — объяснялъ онъ, — „и за него, и за тебя посылать ихъ къ тебѣ“. „Стѣны могутъ имѣть глаза и даже уши“, благоразумно прибавлялъ онъ. Но въ широкомъ обществѣ стихотворенія эти пользовались огромной популярностью, что, конечно, не могло не быть зачтено лишнимъ минусомъ поэту. „Вездѣ“, — рассказывалъ Пушкинъ, — „ходили по рукамъ, переписывались и читались наизусть его „Деревня“, „Одна на вольность“, „Ура! въ Россію скачетъ“... и другія мелочи въ томъ же духѣ. „Не было живого чело-вѣка, который бы не зналъ его стиховъ“... Прибавьте къ этому еще его злые выходки и эпиграммы, въ которыхъ онъ не щадилъ самыхъ высокопоставленныхъ лицъ (таковы, напр., были его эпиграммы на царскаго любимца Аракчеева), — и вы увидите, какую колоссальную и отвѣтственную общественную работу несъ на себѣ молодой Пушкинъ. Уже за одно это благодарное потомство должно отпустить ему всѣ его вольныя и невольныя прегрѣшенія. А вѣдь, кромѣ того, именно въ эти годы Пуш-

кинъ отъ подражаній перешелъ къ самостоятельному творчеству, именно въ эти годы онъ создалъ такой перлъ русской литературы, какъ „Русланъ и Людмила“, именно въ эти годы онъ совершенно заслуженно получить отъ самолюбиваго Жуковского портретъ съ надписью: „ученику отъ побѣжденнаго учителя“.

Съ годами и даже съ мѣсяцами смѣлость, или, по правительственной терминологіи, „наглость“ Пушкина возрастала съ необычайной быстротой. Самъ Пушкинъ приводитъ этому слѣдующее объясненіе. „Мнѣ“, — рассказывалъ онъ въ позднѣйшей запискѣ, — „было 20 лѣтъ въ 1820 г. Нѣсколько необдуманнхъ словъ, нѣсколько сатирическихъ стиховъ обратили на меня вниманіе. Разнесся слухъ, что я былъ позванъ въ тайную

Н. Н. Пушкина (урожденная Гончарова). По акварельному портрету, принадлеж. старшему сыну поэта А. А. Пушкину.

канцелярію и высѣчень. Слухъ былъ давно общимъ, когда дошелъ до меня. Я почелъ себя опозореннымъ передъ свѣтомъ, я потерялся, дрался, — мнѣ было 20 лѣтъ! Я размышлялъ, не приступить ли мнѣ къ самоубійству или... Но въ первомъ случаѣ я самъ бы способствовалъ къ укрѣпленію слуха, который меня безчестилъ; я не смывалъ никакой обиды, потому что обиды не было; я только совершалъ преступленіе и приносилъ жертву общественному мнѣнію, которое презиралъ... Таковы были мои размышленія; я сообщалъ ихъ одному другу, который вполнѣ раздѣлялъ мой взглядъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ начать попытки оправданія

себя передъ правительствомъ; я понималъ, что это бесполезно. Тогда я рѣшился высказать столько наглости, столько хвастовства и буйства въ моихъ рѣчахъ и въ моихъ сочиненіяхъ, сколько нужно было для того, чтобы понудить правительство обращаться со мною, какъ съ преступникомъ. Я жаждалъ Сибири, какъ возстановленія чести“...

Усилія Пушкина не пропали „даромъ“. Онъ былъ, наконецъ, приглашенъ къ тогдашнему петербургскому генералъ-губернатору, гр. Милорадовичу. Разсказъ объ этомъ официальном визитѣ Пушкина сохранился въ воспоминаніяхъ Пушина. „Когда привезли Пушкина, гр. Милорадовичъ приказываетъ полицеймейстеру ѣхать на его квартиру и опечатать всѣ его бумаги. Пушкинъ, слыша это приказаніе, говоритъ ему: „Графъ! Вы напрасно это дѣлаете. Тамъ не найдете того, чего ищите. Лучше

велите мнѣ дать перо и бумаги, я здѣсь же все вамъ напишу“. Милорадовичъ, тронутый этой свободной откровенностью, торжественно воскликнулъ: „Ah! c'est chevaleresque“ („Это по рыцарски!“) и пожалъ ему руку. Пушкинъ сѣлъ, написалъ всѣ контрабандные стихи свои и попросилъ дежурнаго адъютанта отнести ихъ графу въ кабинетъ. Послѣ этого Пушкина отпустили домой и велѣли ждать дальнѣйшаго приказанія... Этотъ невольный визитъ не произвелъ на Пушкина никакого впечатлѣнія, и онъ упорно продолжалъ вести свою линію. О поведеніи Пушкина былъ сдѣланъ докладъ царю, который и обратился къ Ангельгардту, директору лицея, со слѣдующими словами: „Ангельгардтъ, Пушкина надо сослать въ Сибирь. Онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь наизусть ихъ читаетъ. Мнѣ нравится откровенный его поступокъ съ Милорадовичемъ, но это не исправляетъ дѣла“. „Воля вашего величества“, — отвѣчалъ Ангельгардтъ, — „но вы меня простите, если я позволю себѣ сказать слово за своего бывшаго воспитанника. Въ немъ развивается необыкновенный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ — теперь уже краса нашей современной литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка можетъ губительно подѣйствовать на пылкій нравъ молодого человѣка. Я думаю, что великодушіе ваше, государь, лучше вразумить его“...

Съ удивительной непослѣдовательностью, столь характерной для всей его жизни, Пушкинъ теперь, когда гроза, которую онъ призывалъ на свою голову, дѣйствительно, стала собираться надъ нимъ, бросился къ Карамзину и сталъ умолять его ходатайствовать о пощадѣ. Карамзинъ, конечно, прежде всего пустился въ цѣлый рядъ нравоученій, но кончилъ, тѣмъ не менѣе, предложеніемъ: „Можете ли вы, по крайней мѣрѣ, обѣщать мнѣ, что въ продолженіе года ничего не напишете противнаго правительству? Иначе я выйду лжецомъ, прося за васъ и говоря о вашемъ раскаяніи“. Пушкинъ согласился и на это. Въ концѣ концовъ, о Сибири уже не было рѣчи, и Пушкина перевели лишь на службу въ попечительный комитетъ о колонистахъ южной Россіи, находившейся въ то время въ Екатеринославѣ. 5-го мая 1820 г. Пушкинъ выѣхалъ на мѣсто своей новой службы.

Въ красной рубашкѣ съ опояскою, въ поярковой шляпѣ скакалъ Пушкинъ въ невѣдомый для него и тогда еще въ достаточной степени дикій край — съ письмомъ отъ стараго начальства къ новому. Въ этомъ письмѣ было, между прочимъ, сказано: „Нѣтъ той крайности, въ которую бы не впадалъ этотъ несчастный молодой человѣкъ; нѣтъ и того совершенства, котораго онъ не могъ бы достигнуть превосходствомъ своихъ дарованій“. Новый начальникъ Пушкина, генералъ Инзовъ былъ добрымъ человѣкомъ; онъ обратилъ вниманіе лишь на вторую часть этой рекомендаціи и сдѣлалъ все, что только могъ, для того, чтобы облегчить участь опальнаго поэта. Вскорѣ по прибытіи своемъ въ Екатеринославъ Пушкинъ, вслѣдствіе неосторожнаго купанья въ Днѣпрѣ, заболѣлъ тяжелой формой лихорадки. Проѣзжавшій въ то время черезъ Екатеринославъ важный генералъ, ветеранъ 12-го года Николай Николаевичъ Раевскій попросилъ Инзова отпустить Пушкина съ нимъ на Кавказъ. Отпускъ былъ данъ охотно, и вотъ больной еще Пушкинъ входитъ въ новую семью, какъ бы роднымъ ея членомъ. Въ Екатеринославѣ Пушкинъ всего пробылъ такимъ образомъ лишь двѣ недѣли, оставивъ воспоминаніемъ объ этомъ своемъ пребываніи поэму „Братья-разбойники“, въ основу которой было положено истинное происшествіе, имѣвшее мѣсто во время его пребыванія въ этомъ городѣ.

Поѣздка съ Раевскими сначала въ предгорья Кавказа, а затѣмъ мимо южныхъ береговъ Крыма въ Гурзуфъ и, наконецъ, въ Каменку, кievское имѣніе Раевскихъ, составляетъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ жизни нашего поэта. Вотъ отрывки изъ его писемъ, относящихся къ этому времени. „Счастливейшія минуты жизни“, — говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, — „провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевского. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу русскаго войска. Я въ немъ любилъ человека съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душой, снисходительнаго, почтительнаго друга, всегда милаго и ласковаго хозяина. Свидѣтель екатерининскаго вѣка, памятникъ Двѣнадцатаго года, человекъ безъ предрасудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества“... „Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ“, — сообщаетъ онъ въ другомъ письмѣ, написанномъ вскорѣ послѣ возвращенія изъ этой очаровательной поѣздки, — „воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрные горячія, впрочемъ, я купался въ теплыхъ сѣрнокислыхъ, въ желѣзныхъ и кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ кавказскихъ горъ. Жалко, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали на ясной зарѣ кажутся странными облаками разноцвѣтными, радужнымъ“... „Старшій сынъ его (Раевского) будетъ болѣе чѣмъ извѣстенъ. Всѣ его дочери — прелесть, старшая — женщина обыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу малаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не насладишься, счастливое полуденное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море“... „Въ Гурзуфѣ жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ. Я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ радушіемъ и безпечною неаполитанскаго Iazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, исполненнымъ дружбы“... Но не одна дружба къ кипарису и привязанность къ Раевскимъ наполняли сердце поэта. Онъ пережилъ здѣсь чувство горячей любви къ ней, о которой не говорилъ даже со своими друзьями и имя которой такъ и осталось неизвѣстнымъ потомству. Памятью объ этомъ увлеченіи осталось лишь прекрасное стихотвореніе:

„Я помню море предъ грозю:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Въгущимъ бурной чередой
Съ любовью лечь къ твоимъ ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!“

Эти новыя знакомства сыграли весьма важную роль и въ дальнѣйшемъ литературномъ развитіи Пушкина. Подъ влияніемъ Раевскихъ онъ принимается за изученіе англійскаго языка, причемъ настольной книгой избираетъ моднаго тогда „Байрона“. Увлеченіе „Байрономъ“ отмѣчаетъ въ поэтической дѣятельности Пушкина новую ступень „байронизма“, о значеніи котораго рѣчь у насъ будетъ дальше. Пока же возвратимся къ внѣшнимъ событіямъ жизни Пушкина на югѣ.

Пушкину такъ и не пришлось продолжить своей службы въ Екатеринославѣ. Пока онъ путешествовалъ съ Раевскими, его начальникъ

Иязовъ былъ переведенъ въ Кишиневъ, куда прѣхалъ Пушкинъ и гдѣ онъ поселился въ домѣ самого Иязова. Кишиневъ въ то время являлся необычайно пестрымъ, по населенію, городомъ: турки, французы, итальянцы, евреи, болгары, греки, молдаване постоянно встрѣчались на его улицахъ. Все это придавало живость и оригинальность этому городу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ городъ, благодаря подобному преобладанію восточныхъ элементовъ, поражалъ своей малой культурностью. „Вмѣшавшись въ эту пеструю толпу“, — рассказываетъ г. Скабичевскій о пребываніи Пушкина въ Кишиневѣ, — „Пушкинъ повелъ жизнь, полную развлеченій, шумныхъ пиршествъ, ухаживаній, ссоръ, дуэлей и всяческихъ приключеній. Не было многочисленнаго собранія или картежной игры, гдѣ бы не являлся Пушкинъ, нечесанный, небритый, въ молдавской фесѣ на головѣ, въ архаикѣ, въ бархатныхъ шароварахъ и съ желѣзной дубинкой въ рукахъ, вообще въ костюмѣ самомъ картинномъ, безпорядочностью своей приводившемъ въ ужасъ чопорныхъ кишиневскихъ чиновниковъ. Безпощадная насмѣшливость, готовность каждую минуту выйти изъ себя и подражаться, произвели то, что Пушкинъ нажилъ себѣ въ городѣ массу враговъ и недоброжелателей. Солидные и степенные люди смотрѣли на него съ негодованіемъ, какъ на дерзкаго отрипателя всего святого, какъ на какое-то чудовище. Распространилось даже среди общества шуточное прозвище, данное Пушкину какимъ-то острякомъ, — бѣсъ арабскій (каламбуръ — на слово бессарабскій). Послѣ двухъ дуэлей (съ З. изъ-за картъ и съ Старовымъ изъ-за того, что танцовать — вальсъ или мазурку) и дикаго скандала съ молдаваниномъ Бамшемъ, Пушкина положительно стали бояться въ городѣ, какъ бретера и скандалиста. Между тѣмъ, добрый и мягкій Иязовъ относился къ своему невозможному подчиненному чисто по-отечески. Онъ журилъ его послѣ каждой шалости, наказывалъ арестами, причемъ приставлялъ даже солдаты къ его квартирѣ, или же посылалъ въ командировки. Такъ, во второй половинѣ 1822 года, послѣ одной буйной карточной ссоры, во время которой Пушкинъ, снявши сапогъ, ударилъ противника каблукомъ въ лицо, онъ былъ посланъ въ Измаилъ и во время этой именно поѣздки Пушкинъ встрѣтилъ на дорогѣ цыганскій таборъ, присталъ къ нему и нѣсколько времени кочевалъ вмѣстѣ съ нимъ“.

Три года прожилъ Пушкинъ такую жизнью, прерывая часто свои „служебныя“ обязанности и городскіе скандалы поѣздками въ Кіевъ, въ Каменку, въ Одессу, въ степи. Наконецъ, ему удалось добиться перевода въ Одессу.

Съ великими надеждами на культурную жизнь выѣхалъ поэтъ въ этотъ большой и уже тогда достаточно культурный городъ. Но надеждамъ поэта не суждено было сбыться. Его новый начальникъ генералъ-губернаторъ графъ М. С. Воронцовъ былъ человекъ тупой и сухой. Онъ не хотѣлъ видѣть въ Пушкинѣ славу Россіи, онъ не хотѣлъ признать въ немъ никакой общественной цѣнности, онъ поставилъ своей задачей вымуштровывать изъ Пушкина хорошаго чиновника и на этомъ построилъ всѣ свои отношенія къ нему. Но такимъ путемъ съ Пушкинымъ еще нельзя было сладиться, хотя Пушкинъ и постарался нѣсколько приспособиться къ новой блестящей обстановкѣ: онъ обстригся, побрился, вообще почистился и завелся новымъ костюмомъ, который уже не выдѣлялъ его изъ общей толпы мелкихъ бюрократовъ. Но со своимъ нутромъ справиться онъ все-таки не могъ. Особенно его бѣсила та холодная вѣжливость и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно чувствовавшееся презрѣніе, съ которыми относилась

эта провинціальная аристократія (какъ, впрочемъ, и всякая другая аристократія) ко всему, что не укладывалось въ пошлыя и узкія рамки ея міровоззрѣнія. Пушкинъ немедленно же обратился къ своему обычному и могучему оружію — эпиграммѣ, полной яда сарказма, въ которой онъ не щадилъ и самого Воронцова. Взаимное непониманіе этихъ двухъ міровъ — міра бюрократическаго обезличенія и міра свободнаго творчества, — доходило до такихъ предѣловъ, что даже попытки поощренія со стороны начальства Пушкинъ серьезно истолковывалъ, какъ издѣвательство надъ его личностью. Именно такъ онъ понималъ свою командировку для изслѣдованія мѣстностей, пострадавшихъ отъ саранчи, — командировку, которая была назначена Воронцовымъ съ цѣлью помочь молодому человѣку выдвинуться на служебномъ поприщѣ. Но рапортъ Пушкина въ стихахъ

„Саранча летѣла, летѣла

И сѣла.

Сидѣла, сидѣла — все сѣла

И вновь улетѣла“

доказать, что начальство напрасно питало какія-либо надежды въ этомъ отношеніи. Эпиграммы Пушкина, конечно, были также доведены до графа Воронцова его услужливыми прихлебателями. Въ мартѣ 1824 г. Воронцовъ обращается къ управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ съ просьбой убрать отъ него Пушкина. „Главный недостатокъ Пушкина“, — писалъ онъ въ своемъ заявленіи, — „самолюбіе. Здѣсь проживаетъ множество людей, и количество ихъ еще увеличится во время сезона купаній. Они, будучи экзальтированными поклонниками его поэзіи, думаютъ ему выразить этимъ свою дружбу и оказываютъ услугу не-пріятеля, способствуя его самоувлеченію и убѣждая его, что онъ выдающійся писатель, между тѣмъ, какъ Пушкинъ, пока не болѣе, какъ слабый подражатель не особенно похвальнаго оригинала (лорда Байрона) и только путемъ труда и усидчиваго изученія истинно великихъ классическихкихъ поэтовъ могутъ принести плоды его счастливыя дарованія, въ которыхъ ему нельзя отказать, и сдѣлать его выдающимся писателемъ... Вотъ почему необходимо извлечь его изъ Одессы. Переводъ снова въ Кишиневъ къ генералу Инзову не пособилъ бы ничему — Пушкинъ все-таки остался бы въ Одессѣ, но уже безъ наблюденія, да и въ Кишиневѣ онъ нашелъ бы еще между молодыми греками и болгарамъ довольно много дурныхъ примѣровъ. Только въ какой-либо губерніи могъ бы онъ найти менѣе опасное общество и болѣе времени для усовершенствованія своего возникающаго таланта и избавиться отъ вредныхъ вліяній лести и заразительныхъ крайнихъ и опасныхъ идей“. Такимъ образомъ, подъ личиною доброжелательства, Воронцовъ подготовлялъ противъ Пушкина новый ударъ.

Этотъ доносъ попалъ, что называется, „ко времени“. Въ этотъ моментъ какъ разъ въ центральномъ правительствѣ накопились сообщенія о неспокойномъ состояніи войскъ на югѣ. Начались тайныя разслѣдованія. Заработали „черные кабинеты“, перехватывавшіе переписку частныхъ лицъ. Конечно, было усиленное вниманіе обращено и на Пушкина. Въ одномъ изъ перехваченныхъ писемъ поэта онъ говорилъ, между прочимъ: „Читаю библію, святой духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь узнать, что я дѣлаю? Пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго аэизма. Здѣсь англичанинъ — глухой философъ и единственно умный аэей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ написалъ листовъ тысячу, чтобы доказать, qu'il ne

peut exister d'être intelligent créateur et régulateur (что не может существовать разумнаго существа въ качествѣ творца и управителя), мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастью, болѣе чѣмъ правдоподобная". Этого было достаточно по тѣмъ временамъ, чтобы начать противъ Пушкина дѣло, которое окончилось слѣдующимъ сообщеніемъ, присланнымъ гр. Воронцову отъ гр. Нессельроде.

Рисунки и наброски Пушкина въ его черновыхъ тетрадяхъ.

„Графъ! я подавалъ на разсмотрѣніе императора письма, которыя В. Сіят. прислали мнѣ по поводу кол. секр. Пушкина. Его Величество вполне согласился съ вашимъ предложеніемъ объ удаленіи его изъ Одессы, послѣ разсмотрѣнія тѣхъ основательныхъ доводовъ, на которыхъ вы основываете ваши предположенія, и подкрѣпленныхъ въ это время другими свѣдѣніями, полученными Его Величествомъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Все доказываетъ, къ несчастью, что онъ слишкомъ проникся вредными началами, такъ пагубно выразившимися при первомъ вступленіи его на общественное поприще. Вы убѣдитесь въ этомъ изъ приложеннаго при семъ письма. Его Величество поручилъ мнѣ переслать его вамъ;

объ немъ узнала московская полиція, потому что оно ходило изъ рукъ въ руки и получило всеобщую извѣстность. Вслѣдствіе этого Его Величество, въ видахъ законнаго наказанія, приказалъ мнѣ исключить его изъ списковъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ за дурное поведеніе; впрочемъ, Его Величество не соглашается оставить его совершенно безъ надзора, на томъ основаніи, что, пользуясь своимъ независимымъ положеніемъ, онъ будетъ, безъ сомнѣнія, все болѣе и болѣе распространять тѣ вредныя идеи, которыхъ онъ держится, и вынудить начальство употребить противъ него самыя строгія мѣры. Чтобы отдалить, по возможности, такія послѣдствія, императоръ думаетъ, что въ этомъ случаѣ нельзя ограничиться только его отставкою, но находить необходимымъ удалить его въ имѣніе родителей, въ Псковскую губернію, подъ надзоръ мѣстнаго начальства. В. Сіят. не замедлитъ сообщить Пушкину это рѣшеніе, которое онъ долженъ выполнить въ точности, и отправить его безъ отлагательства въ Псковъ, снабдивъ прогонными деньгами“... Такъ окончилось пребываніе Пушкина на югѣ Россіи. Подведемъ итоги этого періода для Пушкина въ общественномъ и литературномъ отношеніи.

Самъ Пушкинъ довольно мрачно смотритъ на эти годы своей ссылки. Съ сарказмомъ онъ отвѣчаетъ на благодушіе литературныхъ и всякихъ другихъ обывателей, которые готовы были радоваться насильственному удаленію поэта изъ столицы въ надеждѣ, что на досугѣ поэтъ и подучится и поработаетъ.

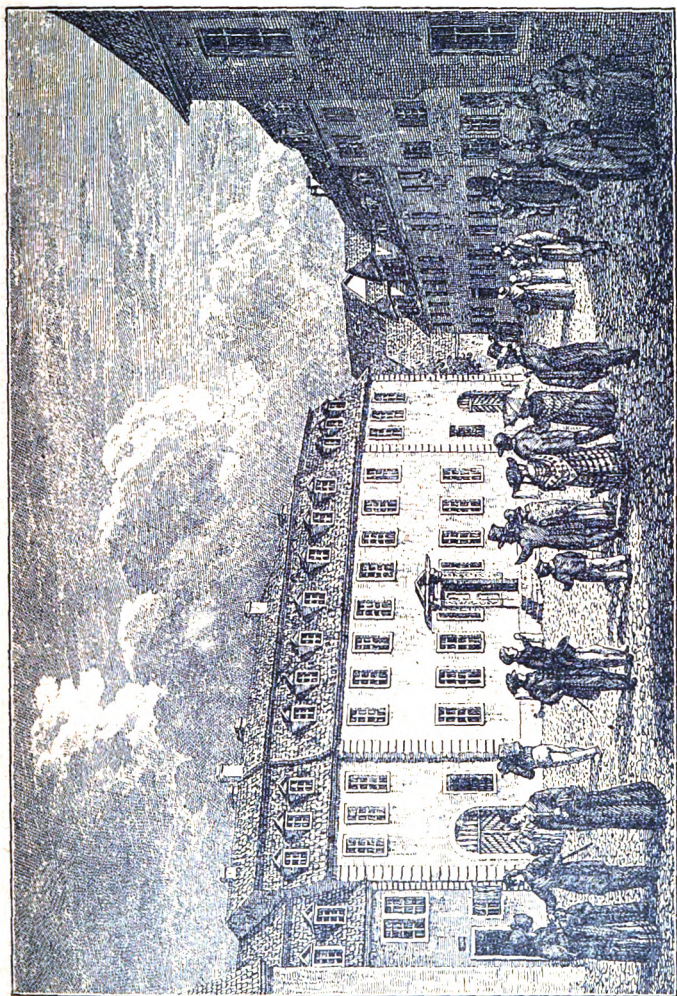
Постигнетъ ли пѣвца внезапное волненіе
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье,
„Тѣмъ лучше“, говорятъ любители искусствъ
„Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намъ ихъ передастъ“...

Эти обывательскія ожиданія, какъ мы видѣли, далеко не оправдались. Попадъ въ некультурную среду Кишинева, а затѣмъ подъ бюрократическій прессъ Одессы, Пушкинъ потерялъ массу времени и силъ на дѣла, не имѣющія ни малѣйшаго отношенія ни къ литературѣ, ни къ саморазвитію. Но тѣмъ не менѣе, обывательская философія не совсѣмъ и ошиблась. Пушкинъ и въ безобразной обстановкѣ Кишинева и Одессы продолжалъ оставаться Пушкинымъ, постоянно ощущалъ потребность творить, учиться и учить, какимъ-то удивительнымъ образомъ сочетая ее и со своими дебошами и со своей борьбой противъ чиновничьяго бездушія. Эту черту своего характера онъ подтвердилъ въ посланіи къ Чаадаеву (съ юга Россіи).

Для сердца новую вкушаю тишину
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій;
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
Богины мира, вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улынулись.

Расшифруемъ же на фактахъ содержаніе этого прекраснаго стихотворенія, искренняго, какъ и всѣ произведенія великаго поэта.

Прежде всего во время этой ссылки Пушкинъ закончилъ свою поэму „Русланъ и Людмила“. „Это было“, — пишетъ А. Н. Пыпинъ,—

Warum stehen sie da vor? Haben sie getroff herein
 Ist nicht Thüre da und Thor. Wunden wohl empfangen seyn
 Bethe 17828

Домъ Гете въ Веймарѣ. — Подъ рисункомъ автографъ поэта.

первое крупное произведение Пушкина и казалось также первымъ открытымъ заявленіемъ русскаго романтизма, — по крайней мѣрѣ, съ этихъ поръ усиленно заговорили о новой школѣ, которая должна была, наконецъ, свергнуть отжившій классицизмъ... Въ „Русланѣ“ была опять связь съ прежними начинаніями. Жуковский стремился создать нѣчто романтическое изъ русскаго народно-поэтическаго матеріала, но, кромѣ нѣсколькихъ стиховъ, въ его поэмѣ не было ничего русскаго; о подобной задачѣ думалъ Батюшковъ, но его попытки не имѣли результата. Поэма Пушкина казалась исполненіемъ этихъ давнихъ опытовъ и, повидимому, представляла всѣ условія романтическаго и національнаго произведенія. Въ обстоятельствахъ времени поэма имѣла всѣ данныя для успѣха: тема съ волшебными и героическими приключеніями казалась русской; живой рассказъ, изящный стихъ были увлекательны и новы даже послѣ Жуковского... Но представленіе о романтизмѣ у читателей и у самой критики было очень неопредѣленно... О поэтическомъ изображеніи русской народности и старины мечтали еще съ конца XVIII вѣка. Первые псевдоклассики думали удовлетворить этому трагедіями изъ древне-русской исторіи; писатели комедій и шуточныхъ поэмъ вводили сцены изъ простонароднаго быта — по старой теоріи народное было вульгарно и могло быть практиковано въ низшемъ комическомъ родѣ. Затѣмъ съ конца XVIII вѣка явилось представленіе, что богатый источникъ поэзій можетъ найтись въ безыскусственномъ народномъ преданіи — примѣромъ былъ прославившійся по всей Европѣ Оссианъ. Непосредственный интересъ къ своему народному вызвалъ собираніе пѣсенъ. У насъ мало знали о Гердерѣ, но узнали о нѣмецкомъ романтизмѣ, который создавалъ цѣлый культъ средневѣковаго преданія, полу-рыцарскаго, полу-народнаго, исполненнаго мистической таинственности и первобытной глубины и нѣжности чувства... Державинъ, Карамзинъ, Радищевъ пытались возсоздать сказочную старину, и въ новѣйшее время ее снова стали разыскивать Жуковский и Батюшковъ. Пушкинъ еще въ лицѣ началъ „Бову“... Народное и теперь еще смѣшивалось съ простонароднымъ — и не безъ основанія, потому что именно въ простомъ народѣ сохранялось множество первобытнаго преданія, богатаго поэзій, самый подлинный русскій языкъ, и въ усвоеніи этого преданія литературой могъ быть сдѣланъ первый шагъ къ тому, чтобы литература, искусственная по формѣ, содержанию и языку и ограниченная только высшими классами, стала хотя бы въ извѣстной мѣрѣ народной. Но именно только первый шагъ, потому что для дѣйствительной народности содержанія нужно было бы, чтобы литература не довольствовалась анекдотическимъ сказочнымъ сюжетомъ, но предприняла изображеніе народной жизни въ ея истинномъ видѣ съ ея поэзій и дѣйствительностью. На это послѣднее литература еще не отваживалась... Въ сюжетѣ „Руслана“, отдаленно народный, трудно было вложить серьезный интересъ, и понятно, что Пушкинъ развивалъ его въ томъ шутиломъ и даже нескромно шутиломъ тонѣ, по которому въ поэмѣ находили нѣчто близкое къ Аріосту и Лафонтену — и Богдановичу... Тѣмъ не менѣе, „Русланъ“ сталъ событіемъ, потому что общалъ для литературы новое направленіе — содержанія и формы“...

„Кавказскій плѣнникъ“, „Братья Разбойники“, „Бахчисарайскій фонтанъ“, „Цыганы“, — всѣ эти произведенія были написаны во время ссылки на югъ, подъ значительнымъ вліяніемъ Байрона, и всѣ они служили дѣлу углубленія и расширенія романтизма въ новыхъ формахъ, наиболѣе соответствующихъ русской дѣйствительности и исторіи. „Нашъ

романтизм“, — продолжаетъ А. Н. Пыпинъ, — „возникалъ не изъ собственнаго источника, а по зависимости отъ литературы западныхъ; но если водвореніе самого классицизма получило у насъ нѣкогда извѣстный смыслъ, какъ усвоеніе общей литературной почвы, то еще болѣе естественно было теперь усвоеніе романтизма. Это было опять обрѣтеніе общей почвы, но съ болѣе благоприятными данными, такъ какъ изъ основныхъ требованій новой литературной школы, почти во всѣхъ ея западныхъ отрасляхъ, было освобожденіе поэтическаго творчества отъ условныхъ ограниченій въ формѣ и содержаніи, а другимъ требованіемъ былъ элементъ національности: свободная дѣятельность творчества открывала для поэзіи новую обширную область внутренней жизни, которую романтики и стали изображать въ разнообразныхъ произведеніяхъ лирики, драмы, повѣсти и романа, а требованіе національнаго содержанія впервые узаконяло и вызывало тѣ требованія общественной и народной жизни, въ которыхъ широко развернулись литературныя силы и была, наконецъ, усмотрѣна истинная цѣль литературы — ея вліятельный характеръ, органическое служеніе своему народу, и съ этимъ ея нравственно-поэтическое достоинство“.

Такимъ образомъ, если въ ближайшіе годы послѣ лица, за время своего пребыванія въ Петербургѣ, Пушкинъ совершенно и окончательно сбросилъ ярмо подражательности, то въ періодъ своей ссылки онъ пробылъ и утвердилъ новую оригинальную дорогу не только уже для себя, но и для всей русской литературы. Заслуга, конечно, огромной важности. Но если въ романтизмъ онъ вкладывалъ новое еще небывалое содержаніе и такимъ образомъ развивалъ и совершенствовалъ свое поэтическое дарованіе, то такой же процессъ быстрого развитія можно наблюдать и на другихъ граняхъ его таланта. Таковъ былъ, напр., его байронизмъ. Въ „Кавказскомъ Пльнникѣ“, говоря его словами, онъ хотѣлъ только „изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которая сдѣлалась отличительными чертами молодежи XIX вѣка“. Такимъ образомъ, какихъ-либо заданій общественнаго характера онъ сюда не вносилъ. Другое дѣло въ болѣе позднихъ произведеніяхъ того же періода. Здѣсь байронизмъ все ярче и ярче и пріобрѣтаетъ характеръ протеста противъ условій общественной жизни. Постоянное развитіе этой темы недовольства, разочарованія, протестовъ противъ пустоты и ничтожества общественности, выдаетъ внутренній процессъ въ душѣ самого поэта, и въ образахъ его фантазіи скрывались также сомнѣнія тревоги его собственнаго чувства. Различныя черты одного образа развиваются отъ „Кавказскаго Пльнника“ и до „Евгенія Онѣгина“.

И эта растревоженность совѣсти Пушкина въ его отношеніяхъ къ общественнымъ вопросамъ снова становится понятнымъ съ біографической точки зрѣнія. Мы видѣли, какъ широкое общественное движеніе захватило Пушкина уже на лицейской скамьѣ и заставило его реагировать на всю пестроту общественныхъ запросовъ передовой мысли того времени. Это живое взаимодействіе между общественными запросами и творчествомъ Пушкина продолжалось и на югѣ. Въ Кишиневѣ Пушкинъ попалъ какъ разъ въ то время, когда подготовлялось греческое возстаніе. Этотъ напряженный моментъ отразился и на жизни соннаго Кишинева, какъ свидѣтельствуютъ показанія многихъ современниковъ. „На каждомъ шагѣ“, — рассказывалъ Вельтманъ, — „загорался разговоръ о дѣлахъ греческихъ: участіе было необыкновенное. Новости разносились, какъ

электрическая искра, по всему греческому міру Кишинева. Чалмы князей и кочулы бояръ развѣзжали въ вѣнскихъ коляскахъ изъ дома въ домъ, съ письмами, полученными изъ-за границы. Можно было выдумать какую угодно нелѣпость о побѣдахъ грековъ и пустить въ ходъ; всему вѣрили, все служило пищей для толковъ и преувеличеній“. „Эта новая общественная сфера“, — пишетъ другой очевидецъ, — „мнѣ казалось, побудила Пушкина; съ одной стороны, она представляла болѣе, такъ сказать, разгула его живому характеру, страшно преданному всевозможнымъ наслажденіямъ; съ другой, онъ встрѣчалъ въ нѣкоторыхъ фанариотахъ... людей съ глубокими и серьезными познаніями“.

Но это случайное и временное вліяніе было еще слабымъ по сравнению съ тѣмъ вліяніемъ, которое продолжали оказывать на Пушкина передовые слои русскаго общества, быстро подвигавшіеся къ декабрьской трагической развязкѣ. Цѣлый рядъ будущихъ декабристовъ находился въ войскахъ, расположенныхъ въ то время на югѣ Россіи. Среди этихъ первыхъ сознательныхъ революціонеровъ русской исторіи одно изъ первыхъ мѣстъ (какъ по его личнымъ достоинствамъ, такъ и по вліянію на Пушкина) должно быть отведено майору В. О. Раевскому. Какъ глубоко образованный человѣкъ, онъ умѣлъ затронуть множество интересныхъ темъ и такимъ образомъ расшевелить даже менѣе воспримчивый умъ, чѣмъ Пушкинъ. Липранди свидѣтельствуетъ, что Пушкинъ „неоднократно, на другой или на третій день, бралъ у меня книги, касавшіяся до предмета, о которомъ шла рѣчь. Пушкинъ, какъ вспыльчивъ ни былъ, но часто выслушивалъ отъ Раевского, подъ веселую руку обонхъ, довольно рѣзкія выраженія и далеко не обижался, а, напротивъ, казалось, искалъ выслушивать бойкую рѣчь Раевского...“ Правда, личное вліяніе Раевского продолжалось недолго. Благороднаго и умнаго офицера вскорѣ арестовали и хотя и не нашли за нимъ никакой вины, но за рѣзкіе отвѣты на судѣ лишили правъ и сослали въ Иркутскъ. Однако, вліяніе въ сторону активной общественности Пушкинъ отыскивалъ и отъ другихъ лицъ.

Насколько, въ силу чисто стихійнаго процесса, Пушкинъ оказался въ узлѣ назрѣвавшаго политическаго заговора и состоялъ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ выдающимися дѣятелями этого движенія, показываетъ одинъ изъ его пріѣздовъ въ Каменку, гдѣ встрѣтившее его общество состояло главнымъ образомъ изъ будущихъ декабристовъ. Пушкинъ своей чуткой душой сразу почувствовалъ атмосферу какой-то тайны. Но Пушкинъ считался неподходящимъ элементомъ для тайной организаціи, и члены ея для того, чтобы убить даже малѣйшія подозрѣнія относительно ихъ причастности къ какому-нибудь заговору, устроили диспутъ по вопросу о томъ, существуетъ ли и должно ли существовать какое-нибудь тайное политическое общество. Пушкинъ съ горячностью сталъ доказывать необходимость такого общества и выразилъ самымъ искреннимъ образомъ желаніе вступить въ ряды подобнаго общества, если таковое существуетъ. Однако, въ отвѣтъ онъ услышалъ, что весь этотъ диспутъ былъ простой шуткой. „Тогда“, — рассказываетъ Якушкинъ, бывшій свидѣтелемъ этой сцены, — „Пушкинъ всталъ, раскраснѣвшись, и сказалъ со слезкой на глазахъ: я никогда не былъ такъ несчастливъ, какъ теперь; я уже видѣлъ жизнь мою облагоустроенною и высокую цѣль передъ собой, и все это была только злая шутка“.

Конечно, это была жестокая выходка по отношенію къ Пушкину. Но чѣмъ же она была вызвана? На чемъ основалось такое упорное

недовѣріе лучшихъ людей того времени къ величайшему русскому поэту, такъ упорно стремившемуся войти въ ихъ кровное дѣло? Г. Мякотинъ тщательно изслѣдуетъ этотъ чрезвычайно важный фактъ въ жизни нашего поэта („Изъ Пушкинской эпохи“).

„Это удаленіе тайнаго общества отъ Пушкина, которое не могло быть ни случайнымъ, ни безсознательнымъ, находило себѣ различное истолкованіе въ нашей литературѣ. Высказывалось — въ формѣ то предположеній, то рѣшительнаго утвержденія — и такое мнѣніе, что члены тайнаго общества не желали подвергать Пушкина опасности, щадя въ немъ великій талантъ родной литературы. На это не безъ основанія возражали, что устроители и члены политическихъ обществъ обыкновенно не руководятся подобными соображеніями. Люди, такъ страстно преданные своимъ идеямъ, какъ это было съ большинствомъ членовъ „Союза Благоденствія“, не могли знать ничего выше служенія этимъ идеямъ и должны были стремиться завербовать въ свои ряды всякую выдающуюся

Рисунки и наброски Пушкина въ его черновыхъ тетрадяхъ (къ повѣсти „Гробовщикъ“).

силу, а Пушкинъ, несомнѣнно, уже представлялъ изъ себя такую силу, пренебрегать услугами которой безъ серьезныхъ мотивовъ было бы странно, тѣмъ болѣе, что и въ его поэтическомъ творчествѣ данной поры слышался энергическій отзвукъ тѣхъ самыхъ идей, какія вдохновляли дѣателей „Союза Благоденствія“. Записки

Пушина доставляютъ, кажется, возможность окончательно рѣшить этотъ вопросъ о мотивахъ, заставляющихъ участниковъ „Союза“ воздерживаться отъ принятія Пушкина въ свой составъ. Правда, Пушинъ говоритъ здѣсь только за себя, но тѣ побужденія, которыя были въ этомъ случаѣ у него, самаго близкаго пріятеля поэта, должны были и, быть можетъ, еще съ большею силою дѣйствовать и на другихъ товарищей по обществу.

„По разсказу Пушина, первую его мыслью по вступленіи въ общество было открыться Пушкину: „онъ всегда — поясняетъ разсказчикъ — согласно со мною мыслить о дѣлѣ общемъ, по своему проповѣдывалъ въ нашемъ смыслѣ — и изустно, и письменно, стихами и прозой“. Но въ этотъ моментъ Пушкина не было въ Петербургѣ: онъ по окончаніи курса отдыхалъ въ деревнѣ и, пока онъ вернулся оттуда, пріятель успѣлъ раздумать. Потомъ — говоритъ Пушинъ — „я уже не рѣшался ввѣрить ему тайну, не мнѣ одному принадлежавшую, гдѣ малѣйшая неосторожность могла быть пагубна всему дѣлу. Подвижность пылкаго его нрава, сближеніе съ людьми ненадежными пугали меня“. Однако, перемѣна,

происшедшая въ самомъ Пушкинѣ, обратила на себя вниманіе поэта, онъ заподозрилъ существованіе скрываемой отъ него тайны и неоднократно настойчиво пытался открыть ее. Его пріятелю, въ виду этихъ попытокъ, приходилось переживать минуты тяжелыхъ сомнѣній и снова спрашивать себя, не слѣдуетъ ли открыть Пушкину существованіе „Союза Благоденствія“ и предложить присоединиться къ нему. „Между тѣмъ, — продолжаетъ онъ, — тутъ же невольно являлся вопросъ: почему же, помимо меня, никто изъ близко знакомыхъ ему старшихъ нашихъ членовъ не думалъ о немъ? Значитъ, ихъ останавливало то же, что меня пугало: образъ его мыслей всѣмъ хорошо былъ извѣстенъ, но не было полного къ нему довѣрія“. Но мысль о томъ, чтобы охранять Пушкина отъ тайнаго общества, и въ голову не приходила восторженно настроенному юному другу его, совершенно напротивъ. „Я, — рассказываетъ онъ, — страдалъ за него и подчасъ мнѣ опять казалось, что, можетъ быть, тайное общество сокровеннымъ своимъ клеймомъ поможетъ ему повнимательнѣе и построже взглянуть на самого себя, сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ нормальномъ своемъ быту. Я зналъ, что онъ иногда скорбѣлъ о своихъ промахахъ, обличалъ ихъ въ близкихъ нашихъ откровенныхъ бесѣдахъ, но, видно, не пришла еще пора кипучей его природѣ уюмониться. Какъ ни вертѣлъ я все это въ умѣ и сердцѣ, кончилъ тѣмъ, что созналъ себя не въ правѣ дѣйствовать по личному шаткому воззрѣнію, безъ полного убѣжденія, въ дѣлѣ, отвѣтственномъ передъ цѣлью самаго союза“.

„Этотъ обстоятельный рассказъ“, — замѣчаетъ г. Мякотинъ, — „совершенно разъясняетъ дѣло и не оставляетъ мѣста дальнѣйшимъ сомнѣніямъ. Очевидно, участники „Союза Благоденствія“, скрывая свою тайну отъ Пушкина, не столько оберегали его отъ риска, сколько опасались неудобныхъ послѣдствій отъ такого вступленія для самаго общества. Кипучій, не установившійся еще окончательно характеръ поэта, его слишкомъ разнообразныя свѣтскія связи и знакомства, тѣсная дружба его съ дѣятелями Арзамаса, которые, если и не были представителями строгаго консерватизма, то въ большинствѣ все же неодобрительно смотрѣли на радикальную молодежь, — все это создавало почву для подобныхъ опасеній“.

Но все это, напомнимъ, не помѣшало Пушкину находиться подъ самымъ энергичнымъ вліяніемъ воззрѣній, исповѣдуемыхъ декабристами. Мы видѣли его близость къ Пушкину и къ Раевскому. Онъ встрѣчался также и съ Пестелемъ, который произвелъ на него сильнѣйшее впечатлѣніе. „Утро провелъ я съ Пестелемъ“, — пишетъ Пушкинъ въ своемъ кишиневскомъ дневникѣ. — „Умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова... Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и пр. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю...“ А вѣдь Пестель стоялъ во главѣ декабрьскаго заговора и погибъ затѣмъ на висѣлицѣ... Эти вліянія усиленно поддерживали интересъ Пушкина къ общественнымъ вопросамъ и направляли его въ сторону радикальнаго рѣшенія. Вотъ почему и въ это время мы встрѣчаемъ среди его произведеній порывы и призывы къ борьбѣ. Таковъ его „Кинжалъ“ съ его чисто террористическими тенденціями.

Свободы тайной стражъ, карающій кинжалъ,

Послѣдній судія позора и обиды!

Для рукъ безсмертной Немезиды

Лемносскій богъ тебя сковалъ.

Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ,

Нѣмое лезвие злодѣю въ очи блещетъ.

И, озираясь, онъ трепещетъ
 Среди своихъ пировъ.
 Вездѣ его найдетъ ударъ надежный твой:
 На сушѣ, на моряхъ, во храмѣ, подъ шатрами,
 За потаенными замками,
 На ложѣ сна, въ семьѣ родной...

И, обращаясь въ концѣ этого сильнаго произведенія къ Занду, убившему въ 1819 г. Августа Коцебу, писателя, считавшагося въ Германіи русскимъ шпиономъ, поэтъ восклицаетъ:

О, Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
 Но добродѣтели святой
 Остался гласъ въ казенномъ прахѣ.
 Въ твоей Германіи ты вѣчной тѣнью сталъ,
 Грозя бѣдой преступной силѣ —
 И на торжественной могилѣ
 Горить безъ надписи кинжалъ.

Это, конечно, было очень смѣло для того времени (1821 г.), да еще со стороны опального поэта. Но это стихотвореніе показываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, насколько сильны тогда были революціонныя вліянія на Пушкина...

И такъ судьба, точно играя Пушкинымъ, грубо перекинула его съ юга Россіи на сѣверъ, въ село Михайловское, куда онъ прибылъ 9 августа 1824 г. Это былъ тяжелый ударъ для Пушкина. „Злобно мною играетъ счастье“, съ тоскою пишетъ онъ, въ посланіи Языкову, помѣченномъ 20 сент. 1824 г.

Давно безъ крова я ношусь,
 Куда подуеъ самовластье;
 Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь;
 Всегда гонимъ, теперь въ изгнаньи,
 Влачу закованные дни...

И было отчего впасть въ тоску и въ отчаяніе. Судьба снова унесла его въ заброшенную деревню, въ цѣдра его семьи, съ которой онъ не имѣлъ ничего общаго. Это было похуже Сибири, о которой онъ когда-то мечталъ, какъ объ единственномъ выходѣ изъ невозможнаго положенія. Присмотримся же къ семейной обстановкѣ, въ которой приходилось владать теперь свою жизнь Пушкину. Мы видѣли, что семья Пушкина примирилась со своимъ блуднымъ сыномъ. Но мотивы этого примиренія были сшиты красными нитками. Къ этому примиренію влекли семью Пушкина литературные его успѣхи, надежда обрѣсти въ талантѣ своего великаго сына и брата ту сказочную курицу, которая безостановочно несетъ золотыя яйца. А тутъ вдругъ кара за карой! О какой карьерѣ можно было тутъ думать! Въ рабскихъ душенкахъ дворянской помѣщичьей семьи накопился испугъ за собственную шкуру. „Трусливому отцу Пушкина и легко воспламеняющейся его супругѣ“, — говоритъ г. Скабичевскій, — „сдѣлалось страшно и за самихъ себя и за остальныхъ членовъ семьи при мысли, что въ средѣ ихъ находится опальный человѣкъ, преслѣдуемый властями, къ тому же за атеизмъ. Съ ужасомъ смотрѣли они на дружбу поэта съ младшимъ братомъ и сестрою, опасаясь, что онъ и ихъ совратить въ безбожіе...“ Эта трусость „шестисотлѣтняго“ дворянина достигла такихъ предѣловъ, что онъ, отецъ Пушкина, согласился на позорное предложеніе опочечкаго предводителя дворянства принять на себя надзоръ за поступками своего сына, т. е. откровенно играть роль сыщика и тюремщика. Послѣ сказаннаго стануъ понятны нижеслѣдующіе отрывки изъ писемъ А. С. Пушкина.

„Милый, прибѣгаю къ тебѣ“, пишетъ онъ Жуковскому, неизмѣнному своему покровителю, 31-го октября 1825 г. — „Посуди о моемъ положеніи! Приѣхавъ сюда, былъ я всѣми встрѣченъ какъ нельзя лучше; но скоро все переизмѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкой, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь. Пешуровъ, назначенный за мною слѣдить, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче — быть моимъ шпиономъ. Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу, меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренне — болѣе ни слова... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться авес се monstre, se fils dénaturé (съ этимъ чудовищемъ, съ этимъ выродкомъ). Жуковский, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу: нахожу въ спальнѣ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ. Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, — выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ... Потомъ, что хотѣлъ бить!.. Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ отъ меня съ уголовнымъ обвиненіемъ? — Рудниковъ сибирскихъ, лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра. Еще разъ спаси меня. Постѣвши, обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться. Дойдетъ до правительства, посуди, что будетъ. А на меня и суда нѣтъ. Я „hors des lois“ (вне законовъ).“

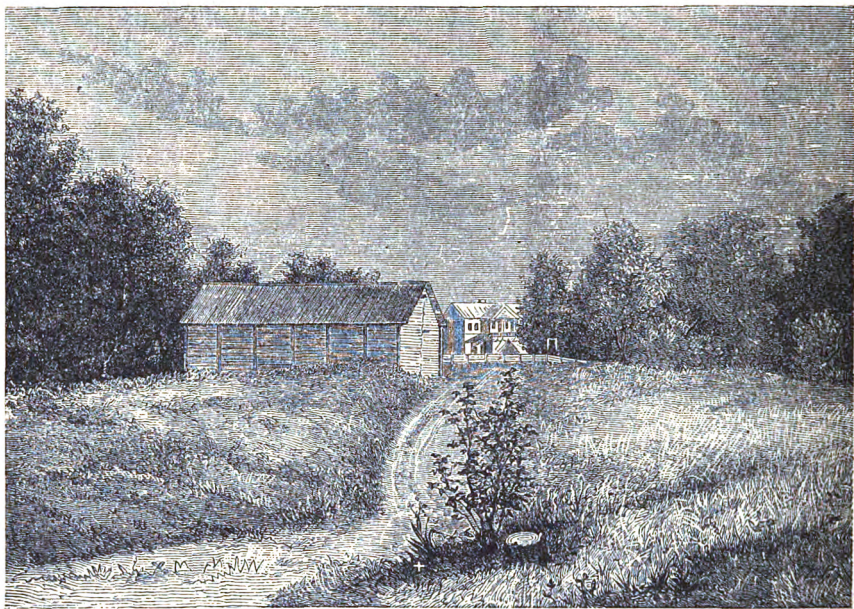
Почти одновременно съ этимъ письмомъ Пушкинъ отправляетъ псковскому губернатору заявленіе слѣдующаго рода: „Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей... Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нѣжной любви его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь для его спокойствія и своего собственнаго просить его имп. вел. да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего превосходительства“. Но этой оригинальной „милости“ Пушкину дожидаться не пришлось. Да и надобности въ ней въ скоромъ времени не оказалось. Отецъ махнулъ рукой на своего непокорнаго сына и уѣхалъ въ Петербургъ, изъ котораго и прислалъ отказъ отъ почетной должности шпиона. Пушкинъ вздохнулъ нѣсколько свободнѣе. Теперь онъ поставился устроить жизнь по собственному вкусу и наладилъ ее по тому образцу, который онъ далъ въ IV главѣ „Евгенія Онѣгина“:

Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ
И отправлялся налегкѣ
Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ;
Цѣвцу Гюльвары подражая,
Сей Гелеспонтъ переплывалъ,
Потомъ свой кофе выпивалъ,
Плохой журналъ перебирая
И одѣвался:

только врядъ
Носили вы такой нарядъ.

Прогулки, чтенье, сонъ глубокой,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжій поцѣлуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылки свѣтлаго вина,
Уединенье, тишина...

И въ самомъ дѣлѣ, Пушкинъ, — рассказываетъ г. Скабичевскій, вставалъ рано и тотчасъ-же отправлялся налегкѣ къ бѣгущей подъ горой рѣчкѣ и купался. Зимой онъ, какъ и Онѣгинъ, садился въ ванну со

Мѣсто дуэли Пушкина въ 1880 г. Рисунокъ съ натуры Рейнгадта.

льдомъ передъ завтракомъ. Утро посвящалъ онъ литературнымъ занятіямъ: созданію и приготовительнымъ трудамъ, чтенію, выпискамъ, планамъ. Осенью — въ эту всегдашнюю эпоху его сильной производительности — онъ принималъ чрезвычайныя мѣры противъ разсѣянности и вообще красныхъ дней: или не покидалъ постели, или не одѣвался вовсе до обѣда. По замѣчанію одного изъ его друзей, онъ и въ столицахъ оставлялъ до осенней деревенской жизни исполненіе всѣхъ творческихъ своихъ замысловъ и въ нѣсколько мѣсяцевъ строй погоды приводилъ ихъ къ окончанію. Пушкинъ былъ, между прочимъ, неутомимый ходокъ пѣшкомъ и много ѣздилъ верхомъ, но во всѣхъ его прогулкахъ поэзія неразлучно сопутствовала ему. Самъ онъ рассказывалъ, что, бродя надъ озеромъ, тѣшилсѣ тѣмъ, что пугалъ дикихъ утокъ сладкозвучными строфами своими. Если случалось оставаться ему дома безъ дѣла и гостей, онъ игралъ двумя шарами на билліардѣ самъ съ собой, а длинные зимніе вечера проводилъ въ бесѣдахъ съ няней, Ариной Родіоновной. Онъ посвящалъ почтенную старушку во всѣ тайны своего генія. Арина Родіоновна была посредницей въ его сношеніяхъ съ русскимъ сказочнымъ

міромъ, руководительницей его въ изученіи повѣрій, обычаевъ и самихъ пріемовъ народа, съ какими подходилъ онъ къ вымыслу и поэзіи. Пушкинъ отзывался о нянѣ, какъ о послѣднемъ своемъ наставникѣ, и говорилъ, что этому учителю онъ много обязанъ исправленіемъ недостатковъ своего первоначальнаго, французскаго воспитанія“.

Большимъ утѣшеніемъ для Пушкина служило село Тригорское, которое лежало всего въ двухъ верстахъ отъ Михайловскаго и съ хозяевами которыхъ Пушкинъ близко сошелся. Среди семьи Осиповой, владѣтельницы Тригорскаго, Пушкинъ чувствовалъ себя всегда легко и свободно, проводя тамъ иногда цѣлые дни. Двѣ молодыя дѣвушки, дочери Осиповой, также были искренне расположены къ великому поэту, и онъ, по видимому, съ нихъ зарисовывалъ нѣсколько яркихъ штриховъ, освѣтившихъ характеръ его бессмертныхъ Татьяны и Ольги. Кромѣ того въ домѣ Осиповыхъ часто собиралось много молодежи, общество которой поэту доставляло большую радость. И тѣмъ не менѣе онъ всячески и неудержимо рвался изъ своего деревенскаго заточенія, изъ того двойного надзора со стороны духовной и свѣтской власти, который былъ установленъ надъ нимъ и который впрочемъ не позволялъ себѣ никакихъ крайностей по отношенію къ подневольному жителю села Михайловскаго. Скудость умственныхъ интересовъ и слабая культурность до крайности тяготили поэта, и онъ былъ готовъ на самые рискованные шаги для того, чтобы освободиться изъ своей просторной тюрьмы (онъ долгое время носился даже съ проектомъ побѣга за-границу). Книги были чуть не единственнымъ утѣшеніемъ его. Письма его были полны воплями о книгахъ... „Братъ,—пишетъ А. С. въ 1824 г. изъ Михайловскаго,—ты мнѣ пришлешь нѣмецкую критику „Кавказскаго Плѣнника“ (спросить у Греча)? да книгъ, ради Бога, книгъ! Если гг. издатели не захотятъ удостоить меня присылкою своихъ альманаховъ, то скажи Сленину, чтобы онъ мнѣ ихъ препроводилъ... Еще коммиссія: пришли мнѣ мою рукописную книгу, да портретъ Чадаева, да перстень, мнѣ грустно безъ него... Стиховъ, стиховъ. стиховъ! *les conversations de Byron! Walter Scott!* это пища души“. И такими стопами полны его письма. Къ несчастью „храбрый капитанъ“, какъ называли въ кругу друзей Льва Пушкина, всѣми силами своей души старался оправдать ту добродушную эпиграмму, которой А. С. ярко очертилъ его духовный міръ.

„Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ
Не лишень разсудка,
Но съ шампанскимъ жирный пловъ
И съ груздями утка
Намъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка.“

Коммисіи на счетъ книгъ оставались поэтому подолгу неисполненными. Просьбы однихъ и тѣхъ же книгъ повторяются часто изъ письма въ письмо. „Господи помилуй, не допросишься!“ восклицаетъ онъ какъ-то съ искренней тоской. Впрочемъ, Левъ Сергѣевичъ былъ неисправнымъ коммиссіонеромъ не только по части книгъ. Пристрастіе къ шампанскому, жирному плову и уткѣ съ груздями безнадежно запутывали не только его личные денежные дѣла, но заставляли довольно свободно относиться и къ деньгамъ своего великаго брата, которыхъ попадали въ его руки и въ которыхъ тотъ самъ въ то время сильно нуждался. Такъ, напр., 17 марта 1825 г. А. С.—чѣ переслалъ брату рукопись съ 60 стихотвореніями съ

просьбой похлопотать объ изданіи ихъ, но до 28 іюля онъ не получилъ отъ своего „коммисіонера“ ни строчки объ участи, какъ этой, такъ и другихъ рукописей. „Если бы Плетневъ показалъ тебѣ мои письма“, — писалъ онъ въ указанный день Л. С—чу, — „такъ ты бы понялъ мое положеніе. Теперь пишу тебѣ изъ необходимости. Ты зналъ, что деньги мнѣ нужны. Я на тебя полагался, какъ на брата, между тѣмъ годъ прошелъ, а у меня ни полушки. Если бы я имѣлъ дѣло съ одними книгопродавцами, то имѣлъ бы тысячъ 15... Ты взялъ у Плетнева для выкупа моей рукописи 2.000 р.; заплатилъ 500; заплатилъ ли остальные 500? и осталось ли что-нибудь отъ остальной тысячи?... „Я думалъ“, писалъ онъ Вяземскому въ сентябрѣ 1825 г., — „ты давно получилъ отъ Льва Сергѣевича 600 р., украденные Савеловымъ. Узнаю, что Левъ ихъ промоталъ; извини его и жди оброка, что соберу на-дняхъ съ моего сельца С.-Петербурга“. Можно себѣ представить, какъ подобное положеніе вещей должно было огорчать и раздражать А. С—ча въ его михайловскомъ заточеніи. Положеніе это нѣсколько смягчали друзья своими письмами и хлопотами. Дружба вообще была виднымъ элементомъ въ жизни великаго поэта, и этой сторонѣ его отношеній слѣдуетъ посвятить нѣсколько лишнихъ строчекъ.

„Чтобы понять эту степень дружеской привязанности, которая въ наше время встрѣчается все рѣже и рѣже“, — пишетъ г. Евг. Ляцкій, — „недостаточно подняться на высоту евангельской любви человѣка къ человѣку, не знавшей неравенства и положительно роднившей между собой часто различныхъ по образу мысли и возрасту людей, — нужно взвѣсить и внѣшнія условія, при которыхъ крѣпло и развивалось это чувство. Прежняя школа не равняла юношей подъ одинъ строй мысли и не стирала этимъ путемъ индивидуальныхъ чертъ, присущихъ каждой личности отъ рожденія. Не будучи въ состояніи дать послѣдовательнаго и научно обоснованнаго воспитанія и образованія юношамъ, лицей, безсознательно, впрочемъ, не стѣснялъ ихъ досуга искусственными преградами свободному товарищескому общенію и открывалъ столь же свободный доступъ къ книгамъ. Предоставляя выборъ естественнымъ склонностямъ и критической самодѣятельности молодыхъ людей, начальство лицей еще не дошло до того общаго въ наше время правила лѣчить болѣзненное просвѣщеніе юношества аллопатіей учебниковъ и гомеопатіей книгъ, разрѣшенныхъ, одобренныхъ, а иногда и рекомендованныхъ для чтенія. Юношамъ приходилось учиться другъ у друга, высказывать во взаимныхъ столкновеніяхъ черты своего характера, узнавать человѣка всего, а не одну какую-нибудь сторону его личности. Въ подобной товарищеской средѣ юноши легко пріучались цѣнить достоинства и снисходительно относиться къ недостаткамъ ближняго, щадить больныя стороны его самолюбія и устанавливать ту степень дружеской близости, которая потомъ неизмѣнно сохранялась именно до гробовой доски. Романтическое „сродство“ душъ“ вовсе не было однимъ лишь поэтическимъ мотивомъ, благородной темой для нѣжныхъ и грустныхъ варіацій; оно было своего рода культомъ, составляло часть „святая святыхъ“ человѣка. Любовь и дружба, какъ двѣ сестры, являвшіяся рядомъ, порождали въ поэзіи настроенія идеально возвышенныя, проникнутыя обаяніемъ нравственно-просвѣтленнаго чувства“. Такова была психологическая основа дружбы Пушкина. Можно поэтому представить себѣ, какъ онъ бывалъ радъ каждой строчкѣ друзей и съ какимъ легкимъ сердцемъ онъ могъ принимать ихъ даже матеріальную помощь, которая въ это время неоднократно

поспѣвала какъ разъ во время. Какъ же онъ радовался всякой встрѣчѣ со своими друзьями особенно въ эту эпоху своего изгнанія. Къ такимъ радостнымъ событіямъ принадлежитъ его встрѣча съ Пущинымъ, пріѣхавшимъ навѣстить опальнаго поэта въ его Михайловскомъ.

... Поэта домъ опальный
О, Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ
Ты уладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его лица превратилъ.

Самъ Пущинъ вспоминаетъ объ этой встрѣчѣ въ слѣдующемъ разсказѣ... „Не было силы остановить лошадей у крыльца: протащили мимо и засѣли въ снѣгу нерасчищенного двора. Я оглядываюсь: вижу на крыльцѣ Пушкина, босикомъ, въ одной рубашкѣ, съ поднятыми вверхъ руками. Не нужно говорить, что тогда во мнѣ происходило. Всакиваю изъ саней, беру его въ охапку и тащу въ комнату. На дворѣ страшный холодъ, но въ инныя минуты человекъ не простуживается. Смотримъ другъ на друга, цѣлуемся, молчимъ. Онъ забылъ, что надобно прикрыть наготу, я не думалъ о заиндеѣвшей шубѣ и шалкѣ. Было около восьми часовъ утра. Не знаю, что дѣлалось. Прибѣжавшая старуха застала насъ въ объятіяхъ другъ въ друга томъ самомъ видѣ, какъ мы попали въ домъ: одинъ почти голый, другой весь забросанный снѣгомъ. Наконецъ, пробила слеза (она и теперь, черезъ 33 года, мѣшаетъ писать въ очкахъ), мы очнулись. Совѣстно стало передъ женщиной; впрочемъ, она все поняла. Не знаю, за кого приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчасъ догадался, что это добрая его няня, столь разъ имъ воспѣтая, и чуть не задушилъ ее въ объятіяхъ“.

Можно себѣ представить, какимъ ужаснымъ ударомъ было для Пушкина декабрьское возстаніе, окончившееся гибелью большей части его близкихъ друзей. Извѣстіе объ этомъ событіи застало Пушкина въ Тригорскомъ. Онъ страшно поблѣднѣлъ, услышавъ о новости, и едва досидѣлъ до вечера. Ночь онъ провелъ почти безъ сна. Утромъ онъ рѣшился поѣхать въ Петербургъ, чтобы такъ или иначе вмѣшаться въ ходъ событий. Однако, съ дороги онъ повернулъ назадъ: на пути встрѣтился рядъ неблагоприятныхъ предзнаменований — повстрѣчался попъ, три раза дорогу перебѣжалъ заяцъ. Въ этомъ ярко сказался весь неуравновѣшенный характеръ Пушкина. Это было своего рода предзнаменованіе, тоже неблагоприятное для Пушкина. Подъ вліяніемъ горячихъ и убѣжденныхъ рѣчей своихъ друзей, онъ былъ, какъ видѣли, готовъ самъ броситься въ пылъ событий и рисковать собой, въ какой угодно формѣ. Но теперь, когда говоря прекраснымъ некрасовскимъ стихомъ, „гдѣ были дубы до небесъ, тамъ нынче пни торчатъ“, когда онъ не чувствовалъ нравственной опоры, Пушкинъ запатался и пошелъ на цѣлый рядъ уступокъ, гибельно отразившихся, на его личной жизни.

И, дѣйствительно, еще первое время, покуда шелъ процессъ декабристовъ, покуда надежда на освобожденіе друзей еще ярко свѣтилась въ сердцѣ поэта, онъ выдерживалъ сравнительно благородную линію своего политическаго поведенія. Но затѣмъ онъ подалъ прошеніе, въ которомъ выказывалъ полное раскаяніе, обѣщаніе не противорѣчить своими мнѣніями „общепринятому порядку“ и заявленіе о томъ, что никогда ничего не зналъ ни объ одномъ тайномъ обществѣ. Такого рода прошеніе и хлопоты друзей увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ.

Въ началѣ сентября 1826 года въ Михайловское прискакалъ какой-то по описанію няни, не то офицеръ, не то солдатъ и такъ заторопилъ

Пушкина, что тотъ едва успѣлъ захватить шубу и деньги, и оба сломя голову помчались въ Москву, по вызову государя. „Фельдъегерь“, — рассказывалъ потомъ Пушкинъ, — „подхватилъ меня изъ моего насильственного уединенія и на почтовыхъ привезъ въ Москву, прямо въ Кремль, и, всего покрытаго грязью, меня ввели въ кабинетъ императора, который сказалъ мнѣ:

— „Здравствуй, Пушкинъ, доволенъ ли ты своимъ возвращеніемъ?“ — Я отвѣчалъ, какъ слѣдовало. Государь долго говорилъ со мною, потомъ спросилъ: „Пушкинъ, принялъ ли бы ты участіе въ 14-мъ декабря, если бѣ былъ въ Петербургѣ? — „Непремѣнно, государь: всѣ друзья мои были въ заговорѣ, и я не могъ бы не участвовать въ немъ. Одно лишь отсутствіе спасло меня, за что я благодарю Бога!“ Довольно ты надурался, возразилъ императоръ: — надѣюсь, теперь будешь разсудителенъ, и мы болѣе ссориться не будемъ. Ты будешь присылать ко мнѣ все, что сочинишь; отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ“.

Пушкинъ остался въ Москвѣ... Для него началась новая полоса жизни... Но прежде чѣмъ перейти къ ней, остановимся нѣсколько на оцѣнкѣ того, что было сдѣлано Пушкинымъ въ только что пережитую эпоху гоненій. О произведеніяхъ, написанныхъ имъ во время пребыванія на югѣ Россіи, мы уже говорили. Что же касается его жизни въ Михайловскомъ, то достаточно сказать, что здѣсь имъ былъ законченъ „Борисъ Годуновъ“, „Графъ Нулинъ“ и были написаны, помимо другихъ менѣе значительныхъ, такія прекрасныя стихотворенія, какъ „Андрей Шенье“, „Я помню чудное мгновеніе“, „Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ“... Наконецъ, за этотъ періодъ, благодаря усиленной умственной работѣ, окончательно сложились литературныя взгляды Пушкина, оказавшія огромное вліяніе не только на собственные произведенія Пушкина, но и на ходъ всей русской литературы. Безъ тщательнаго критическаго изученія и приговора (хотя бы только для самого себя) Пушкинъ не оставилъ ни одного авторитета того времени. Эти приговоры имѣли огромную цѣнность для всего литературнаго міра тогдашней Россіи. „Въ критическихъ замѣткахъ Пушкина“, — указываетъ А. Н. Пыпинъ; — „совершалось уже историческое опредѣленіе литературныхъ фактовъ: указывалась ихъ цѣна для своего времени, но указывалось и все устарѣлое, ложное, непригодное для настоящаго, устранялись не въ мѣру восхваленные кумиры и извлекалось то, въ чемъ могъ быть источникъ живого литературнаго дѣйствія... Эти взгляды Пушкина въ свое время только частію были высказаны въ печати, но и его неполныя и случайныя замѣтки свидѣтельствовали о новомъ, гораздо болѣе чѣмъ когда либо прежде, высокомъ уровнѣ исторической и художественной оцѣнки и открыта была дорога для систематической критики, а вмѣстѣ съ тѣмъ для новаго литературнаго стиля было уже обязательно устраненіе устарѣлыхъ остатковъ XVIII вѣка“.

Но поворотъ въ жизни Пушкина, который ему былъ принесенъ царской милостью, оказался во многихъ отношеніяхъ роковымъ для нашего великаго поэта. Впечатлительный и неустойчивый, онъ разразился по поводу своего освобожденія „Стансами“ (1826 г.) въ честь императора Николая I, гдѣ сравнилъ этого послѣдняго съ Петромъ Великимъ, это выступленіе поэта даже для того пришибленнаго времени показалось настолько неожиданнымъ, экспансивнымъ и неправдоподобнымъ, что Пушкину немедленно же пришлось выступить съ оправданіями въ новомъ стихотвореніи „Друзьямъ“. Но это стихотвореніе только показало, на-

сколько опрометчивымъ и неустойчивымъ является. Пушкинъ, такъ какъ единственный вѣскій мотивъ, который онъ былъ въ состояніи привести, былъ чисто личнаго характера.

Текла въ изгнаньѣ жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подаль — и съ вами снова я!
Во мнѣ почтилъ онъ вдохновецъ,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я — ль, въ сердечномъ умиленъ,
Ему хвалы не воспую?

Ясно, что Пушкинъ, который первымъ изъ всѣхъ русскихъ литераторовъ своего времени придалъ литературѣ общественное значеніе, стремился сдѣлать ее не удовольствіемъ, а служеніемъ общественнымъ интересамъ, отраженіемъ окружающей дѣйствительности, не имѣлъ права прикрываться мотивами этого рода. Уже слишкомъ по-державински выходило! И это въ то время, когда его друзья — декабристы страдали въ каторжныхъ казематахъ.

Къ сожалѣнію „Стансы“ — не единственное темное пятно на произведеніяхъ Пушкина, выявленное въ новую эпоху его жизни. Вскорѣ послѣ возвращенія изъ ссылки, онъ получилъ порученіе отъ графа Бенкендорфа, начальника политическаго сыска того времени, „заняться предметами о воспитаніи юношества“, въ результатъ чего появилась „Записка о народномъ воспитаніи“. „Въ ней“, — говоритъ г. Мякотинъ, — онъ постарался провести, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ дорогихъ ему взглядовъ: онъ отстаивалъ пользу и необходимость просвѣщенія, доказывалъ возможность преподавать исторію безъ искаженія характера событій, возставалъ противъ тѣлесныхъ наказаній въ школахъ. Но наряду съ этими свѣтлыми взглядами онъ принесъ и жертвы новому своему положенію, порою безусловно сознательныя (курсивъ нашъ). Онъ предлагалъ „увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства“, и „во что бы то ни стало, подавить воспитаніе частное“, запрещать заграничное воспитаніе онъ не совѣтовалъ, потому что „довольно будетъ опутать его одними невыгодами, сопряженными съ воспитаніемъ домашнимъ“. Далѣе, по его плану, для кадетскихъ корпусовъ „нужна полиція, составленная изъ лучшихъ воспитанниковъ“. „Должно обратить строгое вниманіе на рукописи, ходящія между воспитанниками. За найденную рукопись положить тягчайшее наказаніе, за возмутительную — исключеніе изъ училища, но безъ дальнѣйшаго гоненія по службѣ“. Не менѣе, пожалуй, неожиданнымъ со стороны бывшаго дѣятельнаго участника лицейскихъ журналовъ заявленіемъ было рѣшительное осужденіе того, что „во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературой, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ“.

Но всѣ эти уступки времени, все это желаніе „кому-то втереть очки“ остались безплодными и только оставили непріятный налетъ на добромъ имени Пушкина. „Записка“ никого не обманула и никого не удовлетворила. По поводу ея Бенкендорфъ писалъ Пушкину: Его Величество замѣтить изволилъ, что принятое вами правило, будто бы просвѣщеніе и гений служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, завлекшее васъ самихъ на край пропасти и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Нравственность, прилежное служеніе, усердіе предпочесть должно просвѣщенію

неопытному, безнравственному и бесполезному“. Такимъ образомъ то доброе, что хотѣлъ сдѣлать Пушкинъ для дѣла народнаго просвѣщенія было явно отвергнуто, а то, что развивалъ Пушкинъ, скрѣпя сердце, вопреки своимъ убѣжденіямъ, было, конечно, отмѣчено и могло послужить только лишней точкой опорой въ дѣлѣ угнетенія просвѣщенія. „Смотрите: вотъ и Пушкинъ съ нами!“ могли говорить мракобѣсы всякаго рода.

Точно также поторопился поэтъ и съ похвалой: „и освободилъ онъ мысль мою“. Не далѣе какъ въ ноябрѣ слѣдующаго года Пушкинъ получилъ отъ графа Бенкендорфа слѣдующій „документикъ“: „М. Г. А. С.! При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, не имѣя времени лично съ Вами переговорить, обратился я къ Вамъ письменно, съ объявленіемъ высочайшаго соизволенія, дабы Вы, въ случаѣ какихъ-либо новыхъ произведеній Вашихъ, до напечатанія и распространенія оныхъ въ рукописяхъ, представляли бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ, или черезъ посредство мое, или прямо его императорскому величеству. Не имѣя отъ Васъ извѣщенія о полученіи моего отзыва, я долженъ, однако же, заключить, что оный къ Вамъ дошелъ, ибо Вы сообщили о содержаніи онаго нѣкоторымъ особамъ. Нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что Вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами вновь трагедію. Это меня побуждаетъ Васъ покорнѣйше просить объ увѣдомленіи меня: справедливо ли такое извѣстіе или нѣтъ? Я увѣренъ, впрочемъ, что вы слишкомъ благомыслящи, чтобы не чувствовать въ полной мѣрѣ великодушнаго къ Вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго“...

Это было настоящимъ возмездіемъ для Пушкина за лстивую фразу: „во мнѣ почтилъ онъ вдохновеніе“... Пушкинъ былъ страшно перепуганъ, отписывался и оправдывался, какъ могъ, приостановилъ наборъ всѣхъ своихъ произведеній, которые сдать въ печать. Изъ отправленныхъ Пушкинымъ на высочайшій просмотръ нѣсколькихъ пьесъ: „Анчаръ“, „Стансы“, „3-ья глава Онегина“, „Фаустъ“, „Друзьямъ“ и „Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ“, послѣднія двѣ не были разрѣшены, а „Пѣсни“ въ концѣ концовъ оказались и совершенно затерянными для потомства. Заколело также и съ „Борисомъ Годуновымъ“. Царь требовалъ все новыхъ и новыхъ передѣлокъ, и драма въ полномъ видѣ появилась только въ 1831 г. Въ 1827 г. было возбуждено противъ Пушкина дѣло по поводу „Андрея Шенье“, въ которомъ хотѣли видѣть восхваленіе декабристовъ. Дѣло было совершенно вздорное, но оно затянулось на два года и восходило до сената, который далъ, въ концѣ концовъ, слѣдующій указъ: „Хотя Пушкина надлежало подвергнуть отвѣту передъ судомъ, но какъ преступленіе сдѣлано имъ до манифеста 22 августа 1826 г., то, избавя его отъ суда и слѣдствія, обязать подпискою впредь никакихъ своихъ стихотвореній безъ разсмотрѣнія цензуры не осмѣливаться выпускать въ свѣтъ, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія“. Государственный Совѣтъ въ этомъ отношеніи пошелъ еще дальше и присудилъ Пушкина къ секретному полицейскому надзору, яко бы за неприличные отвѣты, данные Пушкинымъ на слѣдствіи. Впрочемъ, это постановленіе никакъ не могло догнать Пушкина, въ это время часто перемѣнявшаго мѣсто жительства, и было вручено ему лишь въ началѣ 1831 года за нѣсколько дней до свободы. Конечно, всѣ эти происшествія отражаются самымъ сквернымъ образомъ на настроеніи нашего поэта. Онъ снова охваченъ страстью къ передвиженіямъ и въ 1829 году уѣзжаетъ даже на Кавказъ, гдѣ присоединяется къ отряду, расположившемуся лагеремъ подъ Эрзеру-

момъ и словно нарочно вертится подъ непріятельскими пулями. Эта поѣздка дала ему возможность написать статью: „Путешествіе въ Эрзерумъ во время похода 1829 года“.

Между тѣмъ Бенкендорфъ все усиливалъ и усиливалъ свое давленіе на Пушкина. Онъ воспользовался поѣздкой Пушкина на Кавказъ, на которую тотъ не испросилъ себѣ разрѣшенія, и его частыми переѣздами изъ Петербурга въ Москву, вызванными ухаживаніями за молоденькой красавицей Н. Н. Гончаровой, будущей супругой поэта, и задалъ ему новый нагоняй, въ которомъ между прочимъ былъ сдѣланъ весьма недвусмысленный намекъ: „всѣ непріятности, которымъ онъ можетъ подвергнуться за своевольные поступки,“ — говорилось тамъ, — „онъ долженъ будетъ отнести къ своему собственному поведенію.“ Пушкинъ до того перепугался, что въ своихъ извиненіяхъ и объясненіяхъ унижился до заявленія, что гр. Бенкендорфъ, позорную роль котораго не только по отношенію къ себѣ, но и вообще по отношенію ко всей русской жизни онъ хорошо понималъ, остается единственнымъ его защитникомъ.

Въ 1831 году Пушкинъ женился. Это былъ снова роковой шагъ въ его жизни.

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей

съ восторгомъ онъ характеризовалъ свою невѣсту... Но... уже тогда, еще наканунѣ свадьбы у него вырываются въ письмѣ къ Вяземскому слѣдующія строчки, относящіяся все къ той же Н. Н. Гончаровой: „Что у ней за сердце! Твердою дубовой корой, „тройнымъ булатомъ грудь вооружена“, какъ у Гораціева мореплавателя. Она мнѣ пишетъ очень милое, хотя безтемпераментное письмо“... Сердце, обросшее твердой дубовой корой! это было мѣтко; это была — вся правда о той, которая была кость отъ костей, плоть отъ плоти той сухой и бездарной аристократіи, къ которой, какъ думаютъ нѣкоторые критики онъ обратился съ гнѣвнымъ окрикомъ:

Подите прочь! Какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратъ каменѣйте смѣло, —
Не оживить васъ лиры гласъ!

Это было не въ бровь, а прямо въ глазъ по отношенію къ тѣмъ, кто взялъ въ свои руки все интимное существованіе великаго поэта. „Не оживить васъ лиры гласъ!“ Не оживилъ онъ и красавицу Н. Н. Гончарову — теперь т-ше Пушкину. Въ то время, какъ поэтъ изнывалъ въ тискахъ административнаго произвола и задыхался въ ядовитыхъ испареніяхъ придворной аристократіи, дома онъ не находилъ ни помощи, ни поддержки. Домашняя жизнь явилась для А. С. Пушкина новымъ тяжелымъ камнемъ на душѣ. „Спасибо, жена (за письма)“ — писалъ онъ. — „Спасибо и за то, что ложишься рано спать. Нехорошо только, что ты пускаешься въ разныя кокетства“... „Не страшай меня, женка, не говори, что искокетничалась; я приѣду къ тебѣ, ничего не успѣвъ написать, а безъ денегъ сядемъ на мель. Ты лучше ужъ оставь меня въ покоѣ, а я буду работать и спѣшить“... „Женка, женка! Я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу — для чего? — Для тебя, женка: чтобы ты была спокойна и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично

въ твои лѣта и съ твоей красотой. Побереги же и ты меня“... Вот отрывки, вскрывающіе истину семейной жизни А. С. Пушкина... Побереги, пощади! Это — постоянный вопль измученной души затравленного поэта... И эти страданія А. С.—ча были тѣмъ ужаснѣе, что онъ оказался дѣйствительно примѣрнымъ мужемъ и отцомъ... „Онъ женился“, пишетъ г. Ивановъ („Личность Пушкина“): — „этими актомъ покончено разъ навсегда со всѣми мгновеніями и идолами. Болѣе самоотверженного и почтеннаго супруга петербургскому свѣту не доводилось и видѣть. Пушкинъ всѣ силы свои полагаетъ на семью. Любитъ онъ ее со всею силой своего страстнаго организма, со всею глубиной своей мощной натуры. Онъ — нянька своихъ дѣтей, онъ преданный и терпѣливый руководитель и оберегатель своей жены. При дворѣ изумлены, какъ рано и ревностно Пушкинъ начинаетъ заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей, — и какъ серьезны и разносторонни эти заботы: ничего подобнаго не слыхивали въ салонахъ! Онъ — другъ и учитель своей жены. Какая вдумчивость во всякую мелочь ея жизни, какая отеческая заботливость объ ея отношеніяхъ въ обществѣ, ея знакомствахъ: она такъ молода и неосторожна, надо предусмотрѣть всякій шагъ, всякій визитъ, всякій разговоръ. И Пушкина хватаетъ на все это“...

Да, хватаетъ. Но какую цѣной! Мы это видѣли...

Но женитьба пагубно отразилась на судьбѣ Пушкина и въ другомъ отношеніи. Это была новая цѣпь, которая приковывала несчастнаго поэта къ аристократическому міру, сушившему его душу и мозгъ. М-ше Пушкина не могла не блистать въ свѣтѣ... Но ни у нея самой, ни у А. С.—ча достаточныхъ для этого средствъ не было. Правда, „дворянскія дрожжи“, на которыхъ въ значительной степени былъ заведенъ душевный міръ Пушкина, опредѣляли съ молодыхъ лѣтъ его склонность къ высшему свѣту. Г. Ляпкій старается („А. С. Пушкинъ и его письма“) всячески оправдать и облагородить это стремленіе Пушкина въ аристократическіе круги. По мнѣнію этого біографа, Пушкинъ потому искалъ великосвѣтскихъ знакомствъ и связей, что слишкомъ высоко ставилъ дѣятельность писателя и хотѣлъ возвысить его въ глазахъ всего общества. Но объясненіе это, по нашему, шито красными нитками. Извѣстно, что права свои на высшее общество Пушкинъ обосновывалъ не на томъ, что онъ написалъ такіа-то и такіа-то замѣчательныя произведенія, а на томъ, что онъ „шестисотлѣтній“ дворянинъ. Да, какъ вдумчивый поэтъ, онъ хорошо понималъ, что мотивами высшаго духовнаго качества здѣсь ничего не сдѣлаешь. Не даромъ же, относясь съ восторгомъ къ народу (по поводу его поэтическаго творчества), питаясь изъ его духовнаго источника, „перевоспитываясь“, по его собственному выраженію, на его произведеніяхъ, онъ съ глубокимъ презрѣніемъ восклицалъ по отношенію къ аристократіи по происхожденію, черни по духу уже цитированныя нами строфы: „Какое дѣло поэту мирному до васъ!“ Это влеченіе было почти полусознательное, опредѣлявшееся неустойчивостью поэта, бурностью его духовныхъ процессовъ, привычкой къ внѣшнему блеску, унаслѣдованной отъ предковъ и укрѣпленной аристократическимъ воспитаніемъ въ лицѣ. Это было несомнѣннымъ и огромнымъ, хотя, быть можетъ, и неизбѣжнымъ для того времени, зломъ. И ядовитость этого зла для Пушкина увеличилась съ его женитьбой.

Итакъ м-ше Пушкина не могла не блистать въ свѣтѣ. Началась погоня за деньгами. Для новаго притока денегъ нуженъ былъ новый притокъ милостей. Милости можно было гарантировать только соотвѣт-

Карамзинъ въ молодости.

ствующимъ поведеніемъ, во всякомъ случаѣ, послушаніемъ. Послушаніе обязывало къ необходимости обходить молчаніемъ многія чрезвычайно важныя темы текущей жизни. Приходилось обрѣзывать себя, насильно вталкивать свой талантъ въ узкія и искусственныя рамки творчества. Талантъ въ такихъ условіяхъ безусловно долженъ былъ переживать боѣзненные процессы... Но зато было послушаніе... зато были милости... зато были деньги... зато молодая красавица жена могла щеголять на придворныхъ балахъ. Правда, милости эти бывали порой какія-то странныя и походили не столько на милости, сколько на довольно беззащитчивое издѣвательство. Таково было его неожиданное пожалованіе въ камеръ-юнкеры, — званіе, приличное только безбородымъ юношамъ... Это назначеніе не столько возвысило Пушкина, сколько сдѣлало его смѣшнымъ. Этимъ и обуславливается его отвѣтъ великому князю, обратившемуся къ Пушкину съ поздравленіемъ по поводу его назначенія. „Покорнѣйше благодарю, ваше высочество“, — сказалъ нашъ поэтъ. — „До сихъ поръ всѣ надо мной смѣялись, вы первый меня поздравили“. Самое же выполненіе камеръ-юнкерскихъ функцій приносило Пушкину подчасъ самыя тяжелыя страданія. „Третьяго дня“, — пишетъ, онъ, напр., въ одномъ письмѣ, — „возвратился я изъ Царскаго въ 5 вечера, нашелъ на своемъ столѣ два билета на балъ 29-го апрѣля и приглашеніе явиться на другой день къ Литтѣ; я догадался, что онъ собирается мыть мнѣ голову за то, что я не былъ у обѣдни. Въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ же вечеръ узнаю отъ забѣжавшаго ко мнѣ Жуковского, что государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ и что онъ велѣлъ имъ это объявить. Я извинился письменно. Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно, какъ институтки. Вообрази, что мнѣ съ моей сѣдой бородкой придется выступать съ Безобразовымъ и Реймерсомъ — ни за какія благополучія!“... Пушкинъ испробовалъ даже подать въ отставку, но ему намекали, что подобная „неблагодарность“ можетъ быть сопряжена съ весьма значительными неприємностями для поэта. Пришлось смириться.

Впрочемъ, бывали, конечно, милости и доходнаго, такъ сказать, характера... Съ ноября 1831 года Пушкинъ зачисленъ былъ на службу (почти номинальную) въ вѣдомство Государственной Коллеги Иностранныхъ Дѣлъ съ жалованьемъ въ 5000 руб. ассигнаціями. Конечно, по сравненію съ тѣми расходами, которыхъ требовала придворная и свѣтская жизнь Пушкина, это было очень немного, но все же кое-что. Въ качествѣ особой милости ему былъ разрѣшенъ входъ въ Государственные архивы для собиранія матеріаловъ по исторіи Петра Великаго, которую онъ надумалъ писать. Это разрѣшеніе Пушкинъ использовалъ самымъ широкимъ образомъ и съ горячностью засѣлъ за работу. Къ осени 1833 г. у него были готовы матеріалы для „Пугачевского бунта“, вчернѣ написана „Капитанская Дочка“ и окончательно отдѣланы „Русалка“ и „Дубровский“. На изданіе „Исторіи Пугач. бунта“ ему было ассигновано изъ казенныхъ суммъ замѣтно 20000 руб. асс. и предоставлено право избрать для печатанія этой книги одну изъ казенныхъ типографій.

Вотъ тѣ рамки, въ которыхъ протекала жизнь нашего поэта. Теперь мы можемъ понять глубокія духовныя измѣненія, которымъ за это время подвергся неустойчивый хотя въ общемъ и благородный характеръ Пушкина. „Перемена общественнаго настроенія“, — читаемъ мы у г. Мякотина, — „условія личнаго положенія, наконецъ. сознательныя уступки духу времени ради сохраненія возможности высказывать хотя часть своихъ воззрѣній, — всѣ эти обстоятельства частью усилили въ общественныхъ взглядахъ Пуш-

кина стороны, и раньше въ нихъ бывшія, но не особенно выдававшіяся, частью внесли въ нихъ новыя черты. Дворянскіе предрасудки, равнѣ свойственные Пушкину въ формѣ родословной гордости передъ новою знатію, въ послѣдніе годы его жизни усилились и приняли мѣстѣ невинный видъ. Пушкинъ, еще въ началѣ 20-хъ годовъ такъ враждебно относившійся къ аристократическимъ притязаніямъ и къ феодализму, выражалъ теперь сожалѣніе объ уничтоженіи боярскихъ правъ и униженіи старыхъ родовъ. Въ связи съ этимъ ослабляется и прежнее благоговѣйное отношеніе поэта къ Петру Великому: въ „Мѣдномъ Всадникѣ“, по свидѣтельству П. П. Вяземскаго, въ уста героя поэмы былъ вложенъ энергическій монологъ противъ европейской цивилизаціи... Измѣнилось и отношеніе Пушкина къ „Исторіи“ Карамзина, слабыя стороны которой онъ раньше умѣлъ отмѣтить и оцѣнить... Охрана имени и славы Карамзина отъ всякихъ нападеній заводила подчасъ Пушкина въ это время очень далеко. Его пріятель, князь П. А. Вяземскій, съ его согласія и одобренія подаль министру народнаго просвѣщенія Уварову письмо о разнужданности цензуры, которая пропускаетъ въ печати излишне свободныя мысли и въ частности критику на „твореніе Карамзина, эту единственную въ Россіи книгу, истинно государственную и народную, и монархическую, и черезъ то самое поощряетъ черную шайку разрушителей или ломщиковъ, которые только того и добиваются, чтобы можно было провозгласить: у насъ нѣтъ исторіи“... „Пушкинъ“, — продолжаетъ г. Мякотинъ нѣсколько дальше, — „въ 30-хъ годахъ ушелъ въ сторону консерватизма и въ другомъ важномъ вопросѣ русской общественной жизни. Его нѣкогда напряженный и страстный интересъ къ вопросу освобожденія крестьянъ значительно ослабѣлъ за эти годы, и ему случалось даже обмолвливаться въ этомъ вопросѣ аргументами, которые могли быть обращены въ пользу существующаго порядка. „Судьба крестьянина“, — писалъ онъ въ 1834 г. въ неоконченной статьѣ своей, названной въ изданіяхъ его сочиненій „Мысли на дорогѣ“, — улучшается со дня на день, по мѣрѣ распространенія просвѣщенія. Избави меня Боже быть поборникомъ и проповѣдникомъ рабства; я говорю только, что благосостояніе крестьянъ тѣсно связано съ пользою помѣщиковъ“. Вся разработка исторіи крестьянства XIX в., до сихъ поръ произведенная, какъ нельзя очевидно опровергала оба эти положенія, несостоятельность которыхъ была, впрочемъ, ясна и въ свое время для людей, не желавшихъ закрывать глаза на жизнь. „Злоупотребленія встрѣчаются вездѣ“, — продолжаетъ Пушкинъ. — „Конечно должны произойти великія перемѣны; но не должно торопить времени, и безъ того уже довольно дѣятельнаго. Лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ одного улучшенія нравовъ, безъ насильственныхъ потрясеній политическихъ, страшныхъ для человѣчества“... Въ другомъ мѣстѣ той же статьи, доказывая необходимость рекрутскихъ наборовъ, онъ прибавляетъ: „власть помѣщиковъ въ томъ видѣ, какъ она существуетъ, необходима для рекрутскаго набора“. Этотъ сравнительно благодушный оптимизмъ, готовый признать „довольно дѣятельнымъ“ время, въ которомъ ничего не дѣлалось для рѣшенія крестьянскаго вопроса, возложить всю надежду въ дѣлѣ освобожденія на улучшеніе нравовъ и до поры, до времени почти помириться съ необходимостью крѣпостного права, былъ мало похожъ на тѣ горячіе призывы рѣшить крестьянское дѣло, съ какими обращался къ власти юный Пушкинъ“.

Мы не будемъ дальше слѣдить за анализомъ г. Мякотина. Приведеннаго достаточно для того, чтобы судить о томъ, насколько Пушкинъ

оторвался отъ лучшихъ стремленій своего времени. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отошелъ и отъ той демократической струи, которая такъ освѣжала его поэзію, придавала ей такую бодрость и силу, дѣлала ее особенно значительнымъ элементомъ того времени. Въ самомъ дѣлѣ, если „Черни“ не придавать того значенія, какое мы придали этому произведенію выше (точка зрѣнія, между прочимъ, г. Ляцкого), т. е. не видѣть здѣсь обращенія только къ аристократическимъ кругамъ, то она уже знаменуетъ начало новой художественной программы, которую ставилъ передъ собой Пушкинъ и которой онъ отгораживался отъ массовой жизни народа. И если, повторяемъ, „Чернь“ не можетъ служить показателемъ рѣзкой отчужденности отъ главнаго содержанія всякаго текущаго момента, то другія его произведенія даютъ право констатировать это нездоровое влеченіе въ душѣ поэта. Вотъ что пишетъ, напр., А. Н. Пыпинъ по поводу „Черни“: „Та же тема отчужденія — даже не отъ толпы, а отъ „Любви народной“, — повторяется опять въ знаменитомъ сонетѣ: „Поэту“ (1830). „Ты царь: живи одинъ“, — но и царю не слѣдуетъ жить одному, потому что ему долженъ быть близокъ народъ, за судьбу котораго онъ несетъ нравственную отвѣтственность, и награды ему должны быть не только въ немъ самомъ („онѣ“ — награды — „въ самомъ тебѣ, ты самъ твой высшій судъ“), но и въ народной любви, которая служить доказательствомъ свято исполненнаго долга. Другія черты изъ такого же опредѣленія поэта находимъ въ „Родословной моего героя“ (1833: въ вариантахъ) и въ „Египетскихъ ночахъ“ (1835), въ изображеніи поэта Чарскаго, которому, между прочимъ, приданы нѣкоторыя личныя черты самого Пушкина“...

Это былъ тяжелый надломъ, при чемъ обѣ половины, — ни старая, ни новая, — не въ состояніи были пересилить, и болѣзненный душевный разладъ давилъ и губилъ душу нашего поэта. Чтобы показать, насколько рѣзко давалъ себя чувствовать этотъ душевный разладъ въ области поэтического творчества, достаточно сопоставить слѣдующій отрывокъ изъ „Черни“ (1828 г.)

„Не для житейскаго волненія,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ“

съ отрывкомъ изъ „Памятника“ (1836)

„И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждать,
Что въ мой жестокий вѣкъ возславить я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ“...

Восемь лѣтъ разницы между этими двумя произведеніями ничего въ данномъ случаѣ не значатъ, такъ какъ въ томъ же 1836 г., когда имъ былъ написанъ „Памятникъ“, появилось стихотвореніе Пушкина „Изъ Пиндемонте“, въ которомъ онъ развиваетъ тѣ же мысли, что и въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ „Черни“, т. е. „защищаетъ свободу художественнаго наслажденія, хотя и цѣною общественнаго индифферентизма“ (Пыпинъ). Такимъ образомъ, въ такіе моменты, когда Пушкинъ увлекался модными теченіями или, быть можетъ, искалъ мотивовъ, при помощи которыхъ можно было бы хоть какъ-нибудь оправдать измѣну своимъ старымъ убѣжденіямъ, Пушкинъ говорилъ одно; когда же онъ глубоко уходилъ въ свою душу и подводилъ итоги своей жизни, онъ отдавался во власть прежнихъ идей и говорилъ другое.

Тяжесть этой душевной трагедіи увеличивалась, благодаря тому, что въ то же самое время талантъ Пушкина былъ въ полной силѣ, и онъ

давалъ одно прекрасное произведеніе за другимъ. Такъ, въ 1830 г. былъ законченъ „Евгеній Онегинъ“ и написаны „Повѣсти Бѣлкина“, „Домикъ въ Коломнѣ“, „Моя родословная“, „Скупой рыцарь“, „Мопартъ и Сальери“, „Исторія села Горохина“, „Каменный гость“, „Пиръ во время чумы“, „Герой“, въ 1831 г. — „Клеветникамъ Россіи“, „Бородинская годовщина“ и сказки; въ 1832 г. начата повѣсть „Дубровский“, оконченная въ слѣдующемъ году, когда появились „Пѣсни западныхъ славянъ“, приготовлены матеріалы для „Пугачевского бунта“, черновики, „Капитанской Дочки“ и „Русалка“; въ 1834 г. — „Мѣдный Всадникъ“, „Родословная моего героя“, стихотворенія „Мицкевичъ“, „Пиковая дама“, „Кирджали“ и работы по исторіи Петра Великаго, въ 1835 г. — „Сцены изъ рыцарскихъ временъ“, „Египетскія ночи“, „Полководецъ“, „Пиръ Петра Великаго“, „На выздоровленіе Лукулла“, въ 1836 г. — „Памятникъ“ и другія стихотворенія. Дѣятельность поистинѣ изумительная! А вѣдь она далеко не исчерпывалась поэтическимъ творчествомъ. „Нѣтъ, кажется, вопроса въ исторіи, въ литературѣ, не обдуманнаго Пушкинымъ“ говорить г. И. Ивановъ. „И какія задачи занимаютъ его умъ! Онѣ и до сихъ поръ остаются неразрѣшенными и подъ силу развѣ только первостепеннымъ ученымъ. Онъ, напримѣръ, желалъ бы прослѣдить связь между національными характерами различныхъ протестантовъ и оттѣнками ихъ вѣроисповѣданій. Онъ читаетъ Библію со вниманіемъ и тщательностью экзегета, обращаетъ вниманіе на мельчайшія, для другихъ едва замѣтныя, но для него краснорѣчивѣйшія черты, обдумываетъ каждое изреченіе, каждое дѣйствіе Христа, и приходитъ къ выводамъ, поражающимъ новизной и правдой—просвѣщеннѣйшихъ и образованнѣйшихъ слушателей“...

Тѣмъ хуже было для Пушкина съ точки зрѣнія его личной жизни, ибо тѣмъ острѣе онъ ощущалъ чувство невыносимой двойственности, позоръ личины, которую онъ надѣлъ на себя, безысходность положенія, въ которое онъ самъ себя поставилъ. Уже въ 1828 г. онъ писалъ:

„И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю“.

Вырваться изъ этихъ невыносимыхъ условій, уйти отъ лживой жизни — мотивъ, который рельефно выступаетъ передъ нимъ, когда онъ любовался однимъ кавказскимъ монастыремъ, скрывавшимся за облаками:

Туда-бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда-бъ въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога, скрыться мнѣ!

И это чувство глубокаго недовольства собой все сильнѣе и сильнѣе охватываетъ Пушкина. Жизнь оказалась разбитой, сердце—усталымъ.

На свѣтъ счастья нѣтъ...

воскликаетъ онъ въ 1836 г.

Покою сердце просить!

Поэтъ вдругъ почувствовалъ страшный упадокъ духовныхъ силъ. У него вдругъ исчезла вѣра въ свои творческія силы. „Вообрази, что до сихъ поръ не написалъ я ни строчки, — читаемъ мы въ его письмѣ 1835 г., — а все потому, что не спокоенъ. Въ Михайловскомъ нашелъ я все по старому, кромѣ того, что нѣтъ уже въ немъ няни моей, и что

около знакомыхъ старыхъ сосенъ поднялась, во время моего отсутствія, молодая сосновая семья, на которую досадно мнѣ смотрѣть, какъ иногда досадно мнѣ видѣть молодыхъ кавалергардовъ на балахъ, на которыхъ уже не пляшу. Но дѣлать нечего: все кругомъ меня говорить, что я старѣю... Конечно это заключеніе было неправильнымъ. Мы видѣли, какую изумительную производительность проявлялъ духъ Пушкина. До старости было далеко. Но духовный организмъ Пушкина былъ окончательно распатанъ.

Къ тому же и внѣшнія обстоятельства становились все болѣе и болѣе неблагоприятными. Въ какомъ ужасномъ душевномъ состояніи находился онъ, свидѣлствуютъ слѣдующіе отрывки изъ его писемъ: „я было написалъ тебѣ письмо на 4 страницахъ, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я тебѣ его не послалъ, а пишу другое. У меня рѣшительно сплинъ. Скучно жить безъ тебя и не смѣть даже писать тебѣ все, что придетъ на сердце... Не сердись, жена, и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Никогда я не думалъ упрекать тебя въ своей зависимости. Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя несчастливъ; но я не долженъ былъ вступать на службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Зависимость, которую мы налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шуткомъ ниже у Господа Бога. Но ты во всякомъ случаѣ не виновата, а виноватъ я изъ добродушія, коимъ преисполненъ до глупости, не смотря на опыты жизни.

„Я передъ тобою кругомъ виноватъ въ отношеніи денежномъ. Были деньги—я проигралъ ихъ. Но что дѣлать? я такъ былъ желченъ, что надобно было развлечься чѣмъ-нибудь. Все тотъ виноватъ; но Богъ съ нимъ; отпустилъ бы лишь меня восвояси“...

... „На дняхъ я чуть было бѣды не надѣлалъ: съ тѣмъ чуть было не поссорился—струхнулъ - то я, да и грустно стало. Съ этимъ ссорюсь, другого ненавижу. А долго на него сердиться не умѣю; хоть онъ и не правъ“...

... „Канкринъ шутилъ, а мнѣ не до шутокъ. Г. обѣщалъ мнѣ газету, а тотъ запретилъ, заставляетъ меня жить въ СПб. и не даетъ мнѣ способа жить своими трудами. Я теряю время и силы душевные, бросаю за окошко деньги трудовыя и не вижу ничего въ будущемъ. Отецъ мотааетъ имѣнье безъ удовольствія, какъ безъ расчета; твои теряютъ свое отъ глупости и безпечности покойника Ае. Ник. Что изъ этого будетъ, Господь вѣдаетъ“.

... „Какъ ты съ хозяйнымъ управилась? Что дѣти? Экое горе! Вижу, что непременно нужно имѣть мнѣ 80000 дохода. И буду ихъ имѣть. Не даромъ же пустился въ журнальную спекуляцію, а вѣдь это все равно, что золотарство, которое хотѣла взять на откупъ мать Безобразова: очищать русскую литературу, есть... чистить... и зависѣть отъ полиціи. Того и гляди, что... Чортъ ихъ побери! У меня кровь въ желчь обращается!“

Ну, а когда кровь у человѣка обращается въ желчь, тогда достаточно самого пустого повода для того, чтобы въ его жизни разыгралась трагедія. Случая ждать долго не пришлось. Въ 1835 г. появилась злая эпиграмма на министра народнаго просвѣщенія гр. Уварова, личность совершенно ничтожную и нравственно нечистоплотную. Всѣ приписывали эту эпиграмму Пушкину, и гр. Уваровъ, доставившій Пушкину

много тяжелыхъ минутъ, нашелъ въ себѣ наглость подойти какъ-то къ поэту и сдѣлать ему свысока выговоръ за это стихотвореніе. Пушкинъ вскипѣлъ и рѣзко оборвалъ глупаго министра: „Какое право имѣете вы дѣлать мнѣ выговоръ, когда не смѣете утверждать, что это мои стихи“. — „Но всѣ говорить, что ваши!“ — „Мало ли, что говорить! я вамъ воть что скажу: я на васъ напишу стихи и напечатаю ихъ съ моею подписью“... И Пушкинъ исполнилъ это обѣщаніе... Во 2-й сентябрьской книжкѣ „Московского Наблюдателя“ 1835 г. появилось его ѣдкое стихотвореніе „На выздоровленіе Лукулла“, въ которомъ всѣ легко узнали графа Уварова... Пушкинъ, конечно, немедленно былъ вызванъ къ графу Бенкендорфу для объясненій. Объ этомъ свиданіи самъ Пушкинъ рассказываетъ слѣдующее.

Пушкинъ въ гробу. По рисунку Бореля, гравировалъ Іерике.

„Вхожу. Графъ съ серьезной, даже съ строгой миной, впрочемъ, учтиво отвѣтивъ на мой поклонъ, пригласилъ меня сѣсть у стола *vis à vis*. Журналъ съ развернутой страницей моихъ стиховъ лежалъ передъ нимъ, и онъ сейчасъ же предъявилъ мнѣ его, сказавъ:—„Александръ Сергѣевичъ! Я обязанъ сообщить Вамъ непріятное и щекотливое дѣло по поводу воть этихъ вашихъ стиховъ. Хотя вы и назвали ихъ Лукулломъ и переводомъ съ латинскаго, но согласитесь, что мы, да и все русское общество въ наше время настолько просвѣщено, что умѣемъ читать между строкъ и понимать настоящій смыслъ, цѣль и намѣреніе сочинителя!“ — „Совершенно согласенъ и радуюсь за развитіе общества“... — „Но позвольте замѣтить (строго перебилъ онъ меня), что подобное произведеніе недостойно вашего таланта тѣмъ болѣе, что осмѣянная вами личность—особа значительная въ служебной іерархіи“. — Тутъ я перебилъ его:—„Но позвольте же узнать, кто эта жалкая особа, которую вы узнаете въ моей сатирѣ?“ — „Не я узналъ, а Уваровъ самъ себя узналъ, принесъ мнѣ жалобу и попросилъ обо всемъ доложить Государю! и даже то, какъ вы у Карамзиныхъ сказали ему, что напишете на него стихи и не отопретесь, то—есть подпишетесь подъ ними!“ — „Сказалъ и теперь не отпираюсь... только эти—

то именно стихи я написал совсѣмъ не на него". — „А на кого же?" — „На васъ!" — Бенкендорфъ, пораженный такимъ неожиданнымъ оборотомъ, опрокинулся на спинку кресла, такъ что оно откатилось отъ стола и, вытаращивъ на меня глаза, вскрикнуть: — „Что? на меня?" А я, заранѣе восхищаясь развязкой, вскочилъ съ мѣста и быстро дѣлая по четыре шага передъ столомъ или передъ его носомъ, три раза оборачиваясь къ нему лицомъ, повторялъ: „На васъ, на васъ, на васъ!" Тутъ уже Але-

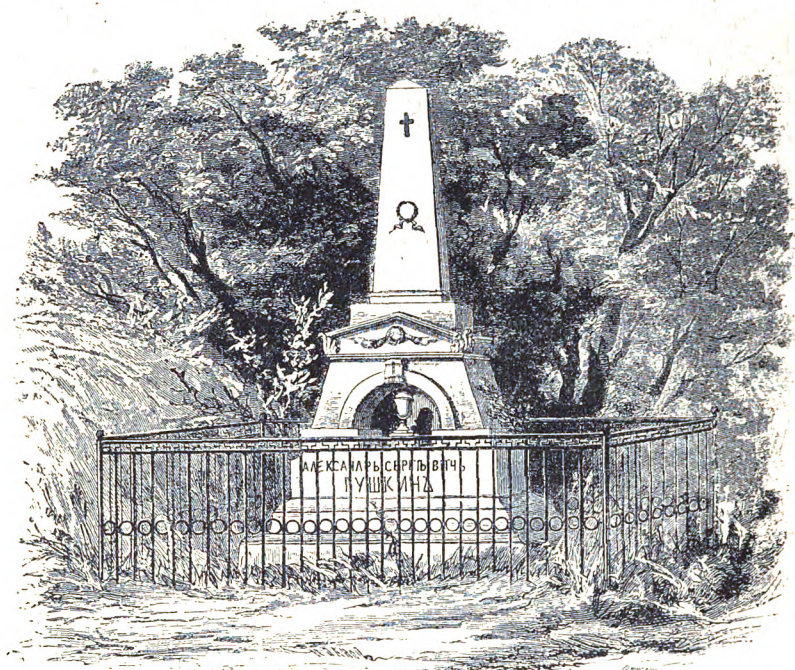

Рисунокъ Э. Жуковской съ маски Пушкина.

ксандръ Христофоровичъ, во всемъ величїи власти, громовержцемъ поднимаясь съ кресла, схватилъ журналъ и, подойдя ко мнѣ, дрожащей отъ злобы рукой тыкая на извѣстные мѣста стиховъ, сказалъ: — „Однако, послушайте, сочинитель! Что - же это такое! Какой - то пройдоха наслѣдникъ... (читаетъ) „Теперь ужъ у вельможъ не стану нянчить ребятшекъ"... Ну это ничего... (продолжаетъ читать): „Теперь мнѣ честность — тринь - трава, жену обманывать не буду!" — „Ну, и это ничего, вздоръ... но вотъ, вотъ ужасное, непозволительное мѣсто (читая): „И воровать уже забуду казенныя дрова!" — „А! что вы на это скажете?" — „Скажу только, что вы не узнаете себя въ этой колкости!" — „Да развѣ я воровалъ

казенныя дрова?“— „Такъ, стало быть, Уваровъ воровалъ, когда подобную улику принялъ на себя!“—Бенкендорфъ понялъ силлогизмъ, сердито улыбулся и промывчалъ: „Гмъ! да! самъ виноватъ!“— „Вы такъ и доложите государю. А за симъ честь имѣю кланяться вашему сіятельству“.

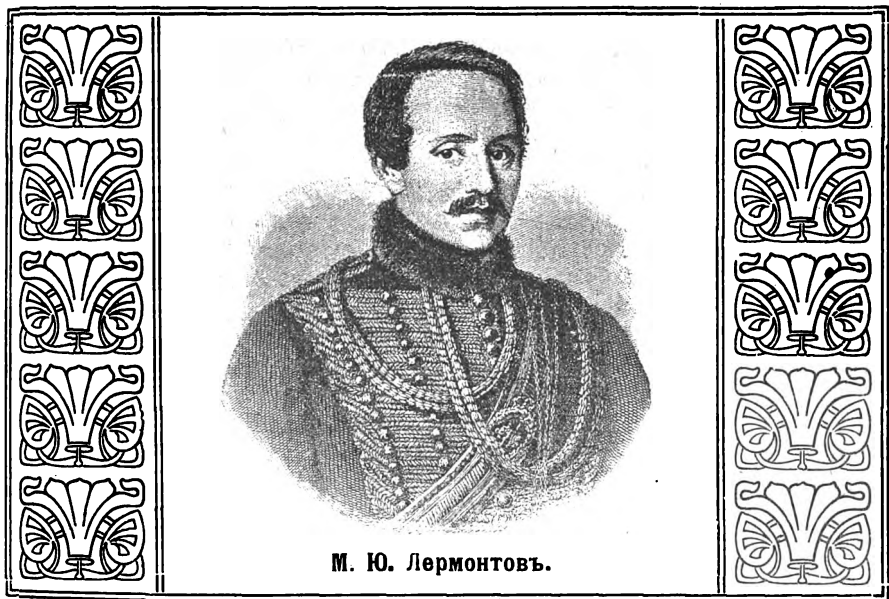
Административныхъ послѣдствій выступленіе это для Пушкина не имѣло, но оно вооружило противъ него высшій свѣтъ, — „эту гадкую лужу грязи“, какъ называлъ его поэтъ незадолго до своей смерти въ письмѣ къ Осиповой. Началась низкая интрига. Невинное ухаживаніе со стороны пустого, но красиваго фата, кавалергарда Дантеса за женой Пушкина дало поводъ къ грязной сплетнѣ. Пушкинъ былъ въ такомъ состояніи, что не могъ владѣть собой. Въ результатѣ дуэль и огромная духовная сила, краса русской литературы оказалась выброшенной изъ

Памятникъ на могилѣ Пушкина въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ (Псковской губ.).

жизни выстрѣломъ какого-то аристократическаго ничтожества. Пуля застѣла въ животѣ, и послѣ двухъ дней тяжелыхъ страданій великій поэтъ скончался (29 января 1837 г.)

Впечатлѣніе, произведенное на литературный міръ и на общество смертью Пушкина, было колоссальное. Общество, казалось, воспрянуло изъ своего сна. Правительство поторопилось принять мѣры. На отгѣваньи 1-го февраля присутствовали только приглашенные по билетамъ, послѣ чего гробъ былъ запертъ въ подвалѣ церкви. Только черезъ 2 дня поздно ночью гробъ великаго поэта былъ отправленъ съ жандармами въ Святогорскій Успенскій Монастырь Опочецкаго уѣзда Псковской губерніи, гдѣ и былъ преданъ землѣ въ могилѣ, приготовленной поэтомъ еще за годъ до своей смерти. Наслѣдники получили щедрое казенное пособіе. Вдовѣ была назначена пенсія, а оба сына были зачислены въ пажескій корпусъ.

М. Ю. Лермонтовъ.

(1814—1841).

Есть у Лермонтова одно стихотвореніе, въ которомъ онъ воспоминаетъ своихъ далекихъ предковъ („Желаніе“ 1831 г.).

„На западъ, на западъ помчался бы я,
Гдѣ цвѣтутъ моихъ предковъ поля,
Гдѣ въ замкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ,
Ихъ забвенный покоится прахъ.
На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щить,
И заржавленный мечъ ихъ висить.
Я сталъ бы летать надъ мечомъ и щитомъ
И смахнулъ бы я пыль съ нихъ крыломъ.
И арфы шотландской струну бы задѣлъ —
И по сводамъ бы звукъ пролетѣлъ;
Внимаемъ однимъ, и однимъ пробужденъ,
Какъ раздался, такъ смолкнулъ бы онъ“.

Для этого стихотворенія Лермонтовъ использовалъ дѣйствительный фактъ: предки его были шотландцы, перешедшіе въ началѣ XVII вѣка на польскую службу, а затѣмъ черезъ нѣкоторое время и на русскую. Лермонтовъ считалъ свой родъ высоко аристократичнымъ. Быть можетъ, въ отдаленномъ прошломъ онъ и дѣйствительно былъ таковымъ, но затѣмъ, въ условіяхъ русской дѣйствительности, очень быстро захудалъ, и отецъ Михаила Юрьевича былъ всего-на-всего армейскимъ офицеромъ и мелкопомѣстнымъ дворяниномъ.

Но нашъ армейскій офицеръ былъ ловокъ, красивъ и вполне обладалъ наукой плѣнять женскія сердца. Онъ поэтому быстро сдѣлалъ себѣ „карьеру“. Онъ увлекъ молодую богатую барышню, сосѣдку по его

имѣнью (Тульской губ., Ефремовскаго уѣзда), Марью Михайловну Арсеньеву. Ея мать Елизавета Алексѣевна, богатая и знатная помѣщица, была крайне недовольна этимъ бракомъ, но ей пришлось смириться передъ настойчивымъ требованіемъ своей дочери. Для прожитія она уступила молодымъ село Тарханы съ деревнею Михайловскою (Пензенской губ.). Въ началѣ октября 1814 года въ Москвѣ у молодыхъ Лермонтовыхъ родился сынъ Михаилъ, будущая краса русской поэзіи.

Бракъ вышелъ неудачнымъ. Мать Лермонтова была женщина болѣзненная, а отецъ не желалъ отступать отъ своихъ привычекъ человѣка, умѣвшаго хорошо пожить. Повидимому, онъ продолжалъ увлекаться женщинами. Ревность его жены подливала только масло въ огонь и вызывала, какъ у человѣка крайне вспыльчиваго, хотя и добраго, отпоръ нерѣдко въ самой грубой формѣ. Всѣ эти измѣны и столкновенія отразились самымъ гибельнымъ образомъ на Марѣ Михайловнѣ. „Она стала хворать“, — рассказываетъ г. Висковатовъ: — „въ Тарханахъ долго помнили, какъ тихая; блѣдная барыня, сопровождаемая мальчикомъ-слугою, носившимъ за нею лѣкарственныя снадобья, переходила отъ одного крестьянскаго двора къ другому, съ утѣшеніемъ и помощью, — помнили, какъ возилась она съ болѣзненнымъ сыномъ. И любовь, и горе выпалакала она надъ его головою. Посадивъ ребенка себѣ на колѣни, она заигрывалась на фортепіано, а онъ, прильнувъ къ ней головкой, сидѣлъ неподвижно; звуки какъ бы потрясали его младенческую душу, и слезы катились по его личику“. Этотъ образъ печальной матери глубоко вѣзался въ душу поэта, хотя она умерла, когда ему не исполнилось еще и трехъ лѣтъ.

Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ,
Но мнилось, что въ розовый вечера часъ
Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.
За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,
Люблю я Кавказъ.

Но при томъ недовольствѣ, которое теща испытывала по поводу неудачнаго брака своей дочери, отцу Лермонтова нельзя было теперь надѣяться на милости своихъ богатыхъ родственниковъ, и ему, по смерти жены, пришлось покинуть Тарханы. Однако, отношенія между Лермонтовымъ и Елизаветой Алексѣевной окончательно не оборвались: связующимъ элементомъ служилъ маленькій Миша. Бабушка теперь всю свою любовь сосредоточила на маленькомъ, болѣзненномъ мальчикѣ и сумѣла добиться того, что это „ея сокровище“ осталось въ ея рукахъ. Въ домѣ бабушки, представлявшей собой типъ старой русской барыни, Миша сдѣлался предметомъ культа. „Она“, рассказываетъ г. Скабичевскій, „не разставалась съ нимъ ни днемъ, ни ночью, — онъ и спалъ въ ея комнатѣ; наблюдала за каждымъ шагомъ его. Малѣйшее его нездоровье приводило ее въ крайнюю тревогу и было такимъ событіемъ въ домѣ, что даже дворовыя дѣвушки освобождались отъ работъ и должны были молиться объ исцѣленіи молодого барина. А здоровье мальчика дѣйствительно могло внушать опасенія: очевидно, онъ отъ матери наслѣдовалъ крайнее худосочіе, былъ ребенокъ и золотушный, и рахитическій, вѣчно былъ покрытъ то сыпью, то мокрыми струпами, такъ что рубашка прилипала къ его тѣлу. Кривизна ногъ, составлявшая послѣдствіи истощенія и сокрушеній Лермонтова при его претензіи на роль женскаго сердца и приравнивавшая его нѣсколько въ этомъ отношеніи къ колченомому Байрону, была прямымъ слѣдствіемъ англійской болѣзни“.

Черты изъ ранняго дѣтства своего Лермонтовъ закрѣпилъ въ отрывкѣ одной изъ начатыхъ своихъ повѣстей, въ которой подъ именемъ Арбенина онъ несомнѣнно описываетъ самого себя. „Отъ барскаго дома“, — рассказываетъ онъ тамъ, — „по скату горы до самой рѣки (Волги) разстилался фруктовый садъ. Съ балкона видны были дымящіяся села луговой стороны, синѣющія степи и желтыя нивы. Весной во время разлива рѣка превращалась въ море, усыпанное лѣсистыми островами, по ней мелькали бѣлые паруса барокъ, и вечеромъ раздавались пѣсни бурлаковъ. Барскій домъ былъ похожъ на всѣ барскіе дома: деревянный, съ мезониномъ, покрашенный желтой краской, а дворъ обстроенъ былъ одноэтажными длинными флигелями, сараями, конюшнями и обведенъ валомъ, на которомъ качались и сохли жидкія ветлы; среди двора красовались качели; по воскресеньямъ дворня толпилась вокругъ нихъ, и порой двѣ горничныя садились на полусгнившую доску, висящую между двухъ сомнительныхъ веревокъ, и двое изъ самыхъ любезныхъ лакеевъ, взявшись каждый за конецъ толстаго каната, взбрасывали скромную чету подъ облака; мальчишки били въ ладони, когда пугливыя дѣвы начинали визжать — и всѣмъ было очень весело... Мужики Арбенина большею частью занимались рыбною ловлей. Во время бури жены и дочери рыбаковъ выбѣгали съ плачемъ на берегъ; въ жаркіе лѣтніе дни толпы крестьянскихъ дѣвокъ купались въ студеныхъ струяхъ Волги; ихъ русыя косы мелькали надъ пѣнистой влагой; ихъ громкій смѣхъ раздавался далеко. Зимой горничныя дѣвушки приходили шить и вязать въ дѣтскую, во-первыхъ, потому, что нянѣ Саши было поручено женское хозяйство, а во-вторыхъ, чтобы потѣшать маленькаго барченка. Сашѣ было съ ними очень весело. Онѣ его ласкали и цѣловали наперерывъ, рассказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными и понятіями противообщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ онъ уже заглядывался на закатъ, усыянный румяными облаками, и непонятно сладкое чувство ужъ волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку. Ему хотѣлось, чтобы кто-нибудь его приласкалъ, приголубилъ, но у старой няньки руки были такія жесткія!.. Саша былъ избалованный, пресвоевольный ребенокъ! Онъ семи лѣтъ умѣлъ уже прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ съ презрѣніемъ улыбнуться на низкую лестъ толстой ключницы. Между тѣмъ, природная всѣмъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то и дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу. Богъ знаетъ,

М. Ю. Лермонтовъ въ дѣтствѣ.

какое направленіе принялъ бы его характеръ, если бы не пришла на помощь корь — болязнь опасная въ его возрастѣ. Его спасли отъ смерти, но тяжелый недугъ оставилъ его въ совершенномъ разслабленіи: онъ не могъ ходить, не могъ приподнять ложки. Цѣлые три года оставался онъ въ самомъ жалкомъ положеніи, и если бы онъ не получилъ отъ природы желѣзнаго тѣлосложенія, то, вѣрно бы, отправился на тотъ свѣтъ. Болязнь эта имѣла важныя послѣдствія и странное вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой. Но увы! — никто не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а, между тѣмъ, онъ охватилъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіи мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданія тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури. Вѣроятно, что раннее развитіе умственныхъ способностей не мало помѣшало его выздоровленію...

Именно такими чертами приходится характеризовать и самого Михаила Юрьевича въ раннемъ его дѣтствѣ; крайнее развитіе воображенія, духовное одиночество, необузданное своеволие, увлеченіе „демоническими“ проявленіями отбросовъ жизни, чуткость къ красотамъ природы, раннее пробужденіе половыхъ стремленій, глубокое устремленіе внутрь своихъ душевныхъ процессовъ. Въ пользу мысли о томъ, что приведенный отрывокъ долженъ носить ярко выраженный автобіографическій характеръ, говоритъ и описаніе обстановки, въ которой росъ Саша Арбенинъ, и которая въ мелочахъ соотвѣтствовала тому, что окружало Михаила Юрьевича въ дѣтствѣ. Романтизмъ ребенка въ значительной степени питался не только разсказами няни о волжскихъ разбойникахъ, но и нѣмецкими сказками и легендами, которыхъ онъ заслушивался отъ Христины Осиповны, жившей въ домѣ бабушки. „Когда я былъ малъ“, — вспоминалъ онъ въ послѣдствіи, — „я любилъ смотрѣть на луну, на разнообразныя облака, которыя въ видѣ рыцарей со шлемами тѣснились вокругъ нея, будто рыцари, сопровождающіе Армиду въ ея замокъ, полные ревности и безпокойства“.

Эти процессы, совершавшіеся въ глубинѣ души даровитаго ребенка, были малопонятны и доступны наивному уму окружавшихъ его близкихъ. Ребенокъ со своими думами и мечтами какъ бы отгораживался отъ людей, съ которыми сталкивала его судьба. Задумчивость вела къ обособленности, обособленность — къ замкнутости, замкнутость — къ угрюмости. „Съ начала жизни я“, — говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ дѣтскихъ воспоминаній, —

„Любилъ угрюмое уединенье,
Гдѣ скрывался весь въ себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожалѣнье.“.]

Ребенокъ плохо поправлялся, и его рѣшили увезти для лѣченія на Кавказъ. Эта поездка сыграла огромную роль въ развитіи поэтическаго таланта Лермонтова: „Мой геній сплелъ себѣ вѣнокъ въ ущелинахъ кавказскихъ горъ“ — восклицалъ онъ. Дикая красота кавказскихъ горъ оставила неизгладимое впечатлѣніе на душѣ молодого Лермонтова. Яркія краски природы заблистали съ тѣхъ поръ на палитрѣ нашего великаго

поэта. Всѣ эти свѣтъ и тѣни, блескъ и горный шумъ жадно впитывалъ онъ въ самую глубину своего существа.

„Свѣтаетъ. Вьется дикой пеленой
Вокругъ лѣсистыхъ горъ туманъ ночной;
Еще у ногъ Кавказа тишина;
Молчить табунъ, рѣка журчитъ одна.
Вотъ на скалѣ новорожденный лучъ
Зардѣлся вдругъ, прорѣзавшись межъ тучъ,
И розовый по рѣчкѣ и шатрамъ
Разлился блескъ и свѣтитъ тамъ и тамъ.

Это стихотвореніе написано рукой шестнадцатилѣтняго юноши (1830 г.). Да и самая обстановка кровавой борьбы, которая въ то время велась въ глубинѣ Кавказа, какъ нельзя лучше, соотвѣтствовала романтическому настроенію юноши. О горахъ онъ писалъ въ томъ же 1830 г.: „Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ...“

Былъ и еще одинъ моментъ, который придалъ пребыванію Лермонтова на Кавказѣ особую прелесть и провелъ въ душѣ поэта глубокую борозду, не исчезнувшую до конца его жизни.

„Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ;
Пять лѣтъ пронеслось, все тоскую по васъ,
Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ —
И сердце лепечетъ, вспомянъ тотъ взоръ,
Люблю я Кавказъ!

Это была дикая, всепожирающая, хотя и необычайно ранняя любовь... О ней самъ Лермонтовъ вспоминалъ слѣдующимъ образомъ:

„Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду?—Мы были большимъ семействомъ на водахъ кавказскихъ: бабушка, тетушка, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкою лѣтъ девяти. Я ее видѣлъ тамъ. Я не помню, хороша собою была она или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей. Онъ мнѣ любезенъ, самъ не знаю почему. Одинъ разъ помню, я вбѣжалъ въ комнату. Она была тутъ и играла съ кузиною въ куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе, это была страсть сильная, хотя и ребяческая; это была истинная любовь; съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ. О, сія минута перваго безпокойства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ. И такъ рано!.. Надо мной смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ причины; желалъ ее видѣть; а когда она приходила, я не хотѣлъ или стыдился войти въ комнату, не хотѣлъ говорить объ ней и убѣгалъ, слыша ея названіе (теперь я за-былъ его), какъ бы страшась, чтобы біеніе сердца и дрожащій голосъ не объяснили другимъ тайну, не понятную для меня самого. Я не знаю,

М. Ю. Лермонтовъ въ 1840 г. (на Кавказѣ). Съ рисунка карандашемъ Д. П. Палена.

не объяснили другимъ тайну, не понятную для меня самого. Я не знаю,

кто была она, откуда? и понинѣ мнѣ неловко какъ-то спросить объ этомъ: можетъ быть, спросить и меня, какъ я помню, когда они позабыли; или тогда эти люди, внимая моему разсказу, подумаютъ, что я брежу, не повѣрятъ ея существованію, это было бы мнѣ больно!.. Бѣлокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность — нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видѣлъ, или это мнѣ кажется, потому, что я никогда не любилъ, какъ въ этотъ разъ. — Горы кавказскія для меня священны... И такъ рано! Съ 10 лѣтъ. Эта загадка, этотъ потерянный рай — до могилы будутъ терзать мой умъ! Иногда мнѣ странно — и я готовъ смѣяться надъ этой страстью, но — чаще плакать. — Говорятъ (Байронъ), что ранняя страсть означаетъ душу, которая будетъ любить священные искусства. Я думаю, что въ такой душѣ много музыки...”

И, дѣйствительно, память объ этой встрѣчѣ ярко остается въ душѣ поэта до самой могилы, неразрывными золотыми нитями переплетаясь съ воспоминаніями о раннемъ незабвенномъ дѣтствѣ, о первомъ трепетѣ пробудившагося и окрѣпнувшаго сознанія. Этой своей дѣтской любви незадолго до своей смерти Лермонтовъ посвятилъ одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній (1-е января 1840 г.).

Какъ часто, пестрою толпою окружень,
Когда передо мной, какъ будто бы сквозь сонъ,
При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шепотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькаютъ образы бездушные людей —
Приличьемъ стянутыя маски;
Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ,
Съ небрежной смѣлостью, красавицъ городскихъ
Давно — безтрепетныя руки —
Наружно погружась въ ихъ блескъ и суету,
Ласкаю я въ душѣ старинную мечту,
Погибшихъ лѣтъ святые звуки.
И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться — памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится — и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листья
Шумятъ подъ робкими шагами.
И странная тоска тѣснить ужъ грудь мою:
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
Съ глазами полными лазурнаго огня
Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
За рощей первое сіянье.
Такъ царства дивнаго всесильный господинъ —
Я долгіе часы просиживалъ одинъ,
И память ихъ жива понинѣ
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ.

Между тѣмъ подвигалось впередъ и образованіе молодого Лермонтова. Бабушка въ этомъ отношеніи не жалѣла денегъ и тратила на его образованіе до пяти тысячъ рублей въ годъ. Именно подобная широкая

и щедрая постановка дѣла и заставляла отца-Лермонтова смириться передъ необходимостью оставить своего сына въ рукахъ бабушки. Главное вниманіе, какъ и во всѣхъ дворянскихъ семьяхъ того времени, было обращено и здѣсь на усвоеніе новыхъ языковъ. Французъ, нѣмецъ, опять французъ и, наконецъ, англичанинъ — дали молодому Лермонтову достаточно основательное знаніе своихъ языковъ. Въ то же самое время было обращено самое усиленное вниманіе и на эстетическое образованіе мальчика: онъ учился играть на фортепіано и скрипкѣ, прекрасно рисовать, недурно лѣпилъ изъ воску и увлекался театромъ маріонетокъ, для котораго самъ сочинялъ шессы.

Въ 1828 году бабушка увезла Михаила въ Петербургъ для того, чтобы подготовить его для поступленія въ благородный университетскій пансіонъ, куда онъ и поступилъ въ 4-й или 5-й классъ полупансіонеромъ, т. е. съ правомъ ночевать дома. Успѣхи Лермонтова на школьной стязѣ были весьма значительными. „Какъ теперь смотрю на своего милого питомца“, — вспоминалъ впоследствии Зиновьевъ, одинъ изъ воспитателей, близко стоявшихъ къ Лермонтову, — „отличившагося на пансіонномъ актѣ, кажется 1829 года. Среди блестящаго собранія онъ прекрасно произнесъ стихи Жуковского „Къ морю“ и заслужилъ громкія рукоплесканія. Тутъ же Лермонтовъ удачно исполнилъ пьесу на скрипкѣ и вообще на этомъ экзаменѣ обратилъ на себя вниманіе, получивъ первый призъ въ особенности за сочиненіе на русскомъ языкѣ“. Увлеченіе русской поэзіей, которое сказывалось въ его стихотворныхъ переводахъ Шиллера и собственныхъ своихъ стихотвореніяхъ, находило горячую поддержку со стороны пансіонскихъ преподавателей (особенно Мерзлякова, извѣстнаго поэта своего времени). Конечно, этотъ періодъ Лермонтовскаго творчества былъ, по преимуществу, подражательнымъ. „Тутъ“, — рассказываетъ товарищъ дѣтства М. Ю. — ча Шанъ-Гирей, — „я въ первый разъ увидѣлъ русскіе стихи у Мишеля, — Ломоносова, Державина, Дмитріева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковского, Козлова и Пушкина; тогда же Мишель прочелъ мнѣ своего сочиненія стансы. Къ * * * (три звѣздочки) меня ужасно интриговало, что значить слово стансы и затѣмъ три звѣздочки? Однако жъ, я промолчалъ, какъ будто понимаю. Вскорѣ была написана первая поэма „Индіанка“ и началъ издаваться рукописный журналъ „Утренняя Заря“, на манеръ „Наблюдателя“ или „Телеграфа“, какъ слѣдуетъ съ стихотвореніями и изящною словесностью; журнала этого вышло нѣсколько номеровъ... Истинными учителями Лермонтова въ это время были Жуковский и Пушкинъ; особенно сильно было вліяніе этого послѣдняго. Затѣмъ наступилъ періодъ сильнѣйшаго увлеченія драмами. „Это увлеченіе“, — замѣчаетъ г. Скабичевскій, — „было такъ сильно, что затѣмъ все, что ни замышлялъ Лермонтовъ подъ впечатлѣніемъ различнаго чтенія, принимало драматическую форму. Прочитывалъ онъ „Аталу“ Шатобриана, и въ тетрадахъ является замѣтка: „Сюжетъ трагедіи. — Въ Америкѣ. — Дикіе, угнетаемые испанцами. — Изъ романа французскаго Атала“. Знакомился ли онъ съ русской исторіей, сейчасъ же являлся драматическій сюжетъ, — „Мстиславъ черный“. Читалъ жизнеописаніе Марія, Плутарха, — задумывалъ „трагедію Марій“, оканчивающуюся смертью Марія и самоубійствомъ его сына, и затѣмъ въ той же тетради говорить о желаніи написать трагедію „Неронъ“. — Конечно, всѣ эти замыслы были не подъ силу 15-лѣтнему юношѣ, не знакомому ни съ бытомъ, ни съ нравами, ни съ исторіей облюбованныхъ имъ эпохъ и народовъ. Тѣмъ не менѣе, около этого времени онъ напи-

саль двѣ драмы: „Люди и страсти“ и „Странный человѣкъ“, имѣющія большое автобіографическое значеніе.

Въ концѣ — и въ средѣ моихъ не счастливѣй!
 Разбитые и сломанные даки (наконецъ) въ
 стиски мои (наконецъ) вступилъ (наконецъ),
 Моей, вѣдь, вѣдь, но вѣдь (наконецъ) вѣдь?

Въ средѣ моихъ не счастливѣй!
 Разбитые и сломанные даки (наконецъ) въ
 стиски мои (наконецъ) вступилъ (наконецъ),
 Моей, вѣдь, вѣдь, но вѣдь (наконецъ) вѣдь?

Автографъ Лермонтова: „Посвященіе къ Демону“. Листокъ хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской
 Публичной Библиотеки.

Борьба изъ-за М. Ю — ча между бабушкой и отцомъ быстро теперь
 подвигалась къ развязкѣ: отецъ „уступилъ“ сына бабушкѣ лишь до того

момента, когда его сыну исполнится 16 лѣтъ. Эти „роковыя“ шестнадцать лѣтъ были теперь уже не за горами. Бабушка боялась потерять юношу, на которомъ сосредоточилась вся ея привязанность, на какую только было способно ея сердце. Отцу хотѣлось провести хотя бы послѣдніе дни своей жизни подъ однимъ кровомъ съ сыномъ. Сердце юноши разрывалось между этими двумя борящимися сторонами, къ которымъ онъ чувствовалъ одинаково горячую привязанность. Въ концѣ концовъ, побѣдительницей осталась бабушка. М. Ю.—чъ оказался не въ силахъ покинуть въ рѣшительный моментъ старушку, которая такъ много для него сдѣлала. Отецъ уѣхалъ и вскорѣ умеръ. Эта смерть еще больше углубила душевную рану, которую носилъ въ себѣ даровитый

Домъ, въ которомъ жилъ Лермонтовъ въ Пятигорскѣ.

юноша. Неслучайно, повидимому, то, что обѣ вышеупомянутыя драмы оканчиваются самоубійствомъ героевъ, и обѣ онѣ посвящены темъ о семейныхъ раздорахъ. Но чувство этой горечи, глубоко залегши въ душѣ поэта, отразилось позднѣе на его поэтическомъ творчествѣ, а пока жизнь вошла быстро въ обычное свое русло. Къ этому времени относятся воспоминанія Екат. Алекс. Хвостовой, которая вмѣстѣ съ Катей Сумковой и Сашенькой Верещагиной были ближайшими знакомыми дома бабушки.

„У Сашеньки“, — рассказываетъ г-жа Хвостова въ своихъ „Запискахъ“, — „встрѣчала я въ это время ея двоюроднаго брата, неуклюжаго, косолапаго мальчика лѣтъ шестнадцати-семнадцати, съ красными, но умными, выразительными глазами, со вздернутымъ носомъ и язвительно-насмѣшливой улыбкой. Онъ учился въ университетскомъ пансіонѣ, но учебныя его занятія не мѣшали ему быть почти каждый вечеръ нашимъ кавалеромъ на гуляньѣ и на вечерахъ; всѣ его называли просто Мишель, и я также, какъ и всѣ, не заботясь ни мало о его фамиліи. Я прозвала

его своимъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ и отдавала ему на сбереженіе мою шляпу, мой зонтикъ, мои перчатки, но перчатки онъ часто затеривалъ, и я грозила отрѣшнить его отъ вѣренной ему должности.

„Сашенька и я, мы обращались съ Лермонтовымъ, какъ съ мальчикомъ, хотя и отдавали полную справедливость его уму, такое обращеніе бѣсило его до крайности, онъ домогался попасть въ юноши въ нашихъ глазахъ, декламировалъ намъ Пушкина, Ламартина и былъ неразлученъ съ огромнымъ Байрономъ. Бродить, бывало, по тѣнистымъ аллеямъ и притворяется углубленнымъ въ размышленія, хотя ни малѣйшее наше движеніе не ускользало отъ его зоркаго взгляда. Какъ любилъ онъ подъ вечерокъ пускаться съ нами въ самыя сантиментальныя сужденія! а мы, чтобы подразнить его, въ отвѣтъ подадимъ ему воланъ или веревочку, увѣряя, что по его лѣтамъ ему свойственнѣе прыгать и скакать, чѣмъ прикидываться непонятымъ и неопѣненнымъ снимкомъ съ первѣйшихъ поэтовъ.

„Еще очень посмѣивались мы надъ нимъ въ томъ, что онъ не только былъ неразборчивъ въ пищѣ, но никогда не зналъ, что ѣлъ телятину или свинину, дичь или барашка; мы говорили, что пожалуй онъ со временемъ, какъ сатурнъ, будетъ глотать булыжники. Наши насмѣшки выводили его изъ терпѣнія, онъ спорилъ съ нами почти до слезъ, стараясь убѣдить насъ въ утонченности своего гастрономическаго вкуса; мы побились объ закладъ, что уличимъ его въ противномъ на дѣлѣ. И въ тотъ же самый день, послѣ долгой прогулки верхомъ, велѣли мы напечъ къ чаю булочекъ съ опилками! И что-же? Мы вернулись домой утомленные, разгоряченные, голодные, съ жадностью принялись за чай, и нашъ то гастрономъ Мишель, не поморщась проглотилъ одну булочку, принялся за другую и уже придвинулъ къ себѣ третью, но Сашенька и я, мы остановили его за руку, показывая въ то же время на неудобоваримую для желудка начинку. Тутъ не на шутку взбѣсился онъ, убѣждалъ отъ насъ, и не только не говорилъ съ нами ни слова, но даже не показывался нѣсколько дней, притворившись больнымъ“...

Вотъ та пошлая и пустая обстановка, среди которой протекала жизнь молодого Лермонтова. Можно только удивляться, какъ всѣ эти „булочки съ опилками“ не задушили благородныхъ сторонъ поэтической музы Лермонтова. Впрочемъ, позднѣе ему пришлось залѣзть, что называется, по самую маковку въ самую свинскую грязь жизни, — „гусарщину“, но и тамъ какъ-то сумѣлъ онъ сохранить свою душу отъ окончательнаго загрязненія... Тѣмъ не менѣе, глубоко несимпатичныя черты рѣзкими штрихами были наложены на душу Лермонтова этими связями со свѣтомъ, къ которому онъ позднѣе испытывалъ чувство глубочайшаго презрѣнія и къ которымъ теперь такъ настойчиво льнулъ. Молодой Лермонтовъ рано созналъ все величіе своей гениальности, но это ему не мѣшало наполнять свое время великосвѣтскими вечерами, балами и кутежами съ золотой молодежью. Все, что не примыкало къ этому „блестящему“ кругу, казалось Лермонтову недостойнымъ его общества; это настроеніе молодого поэта особенно рѣзко выразилось въ отношеніяхъ къ его товарищамъ по Московскому университету, куда онъ былъ принятъ своекоштнымъ студентомъ въ 1830 г. сначала на нравственно-политической, а затѣмъ на словесный факультетъ. Воспоминанія о студентѣ Лермонтовѣ сохранилось въ разсказѣ г. Вистенгофа, бывшаго въ то время также студентомъ Московскаго университета.

„Мы стали замѣчать“,—разсказываетъ онъ,—„что въ средѣ нашей аудиторіи, между всѣми нами, одинъ только человѣкъ какъ-то рельефно отличался отъ другихъ; онъ заставилъ насъ обратить на себя особенное вниманіе. Этотъ человѣкъ, казалось, никѣмъ не интересовался, избѣгалъ всякаго сближенія съ товарищами, ни съ кѣмъ не говорилъ, держалъ себя совершенно замкнуто и въ сторонѣ отъ насъ, даже и садился онъ постоянно на одномъ мѣстѣ, всегда отдѣльно, въ углу аудиторіи, у окна; обыкновенно, подпершись локтемъ, онъ читалъ съ напряженнымъ, сосредоточеннымъ вниманіемъ, не слушая преподаванія профессора. Даже

Гротъ Лермонтова (близъ Пятигорска).

шумъ, происходившій при перемѣнѣ часовъ, не производилъ на него никакого впечатлѣнія. Онъ былъ небольшого роста, некрасиво сложенъ, смугль лицомъ, имѣлъ темные, приглаженные на головѣ и вискахъ волосы и пронизательные темно-каріе (скорѣе сѣрые) большіе глаза, презрительно глядѣвшіе на все окружающее. Вся фигура этого человѣка возбуждала интересъ и вниманіе, привлекала и отталкивала. Мы знали только, что фамилія его—Лермонтовъ. Прошло около двухъ мѣсяцевъ, а онъ неизмѣнно оставался съ нами въ тѣхъ же непреступныхъ отношеніяхъ. Студенты не выдержали. Такое обособленное, исключительное положеніе одного изъ среды нашей возбуждало толки. Однихъ подстрекало любопытство, или даже сердило, нѣкоторыхъ обижало. Каждому хотѣлось ближе узнать этого человѣка, снять маску, скрывавшую затаенныя его мысли, и заставить высказаться.

„Однажды студенты, близко ко мнѣ стоявшіе, считали меня за болѣе смѣлаго, обратились ко мнѣ съ предложеніемъ отыскать какой-нибудь предлогъ для начатія разговора съ Лермонтовымъ и тѣмъ вызвать его на какое-нибудь сообщеніе. „Вы подойдите, Вистенгофъ, къ Лермонтову и спросите его, какую это онъ читаетъ книгу съ такимъ постояннымъ на-

пряженнымъ вниманіемъ. Это предлогъ для разговора самый основательный“, — сказалъ мнѣ студентъ Красовъ, кивая головой въ тотъ уголъ, гдѣ сидѣлъ Лермонтовъ. Умные и серьезные студенты, Ефремовъ и Станкевичъ, одобрили совѣтъ этотъ. Недолго думая, я отправился. „Позвольте спросить васъ, Лермонтовъ, какую это книгу вы читаете? Безъ сомнѣнія, очень интересную, судя по тому, какъ углубились вы въ нее. Нельзя ли ея подѣлиться и съ нами?“ — обратился я къ нему, не безъ нѣкотораго волненія, подойдя къ его одинокой скамейкѣ. Мелькомъ взглянувъ въ книгу, я успѣлъ только распознать, что она была англійская. Онъ мгновенно оторвался отъ чтенія. Какъ ударъ молніи сверкнули его глаза; трудно было выдержать этотъ насквозь пронизывающій, непривѣтливый взглядъ. „Для чего это вамъ хочется знать? Будетъ бесполезно, если удовлетворю вашему любопытству. Содержаніе этой книги васъ нисколько не можетъ интересовать, потому что вы не поймете тутъ ничего, если я даже и сообщу вамъ содержаніе ея“, — отвѣтилъ онъ мнѣ рѣзко, принявъ прежнюю свою позу и продолжая опять читать. Какъ бы ужаленный, бросился я отъ него...

„Видимо было, что Лермонтовъ имѣлъ грубый дерзкій, заносчивый характеръ, сморгнулъ съ пренебреженіемъ на окружающихъ его, считалъ ихъ всѣхъ ниже себя. Хотя и всѣ отъ него отшатнулись, а, между прочимъ — странное дѣло — какое то непонятное, таинственное настроеніе влекло къ нему и невольно заставляло вести себя сдержанно въ отношеніи къ нему, въ то же время и завидуя стойкости его угрюмаго нрава. Иногда въ аудиторіи нашей, въ свободные отъ лекцій часы, студенты громко вели между собой оживленные бесѣды о современныхъ животрепещущихъ вопросахъ. Нѣкоторые увлекались, возвышая голосъ; Лермонтовъ бывало оторвется отъ своего чтенія и только взглянетъ на ораторствующихъ, — но какъ взглянетъ!.. Говорящій невольно, будто струсивъ, или умалить свой экстазъ, или совсѣмъ замолчить. Доза яда во взглядѣ Лермонтова была поразительна. Сколько презрѣнія, насмѣшки и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣнія изображалось тогда на его строгомъ лицѣ.“

„Внѣ стѣнъ университета Лермонтовъ точно также чуждался насъ. Онъ посѣщалъ великолѣпные балы тогдашняго московскаго благороднаго собранія, являлся на нихъ изысканно одѣтымъ, въ обществѣ прекрасныхъ свѣтскихъ барышень, къ коимъ относился такъ же фамиллярно, какъ къ почтеннымъ вліятельнымъ лицамъ, во фракахъ со звѣздами и ключами назади, прохаживавшимися съ нимъ по заламъ. При встрѣчѣ съ нами онъ дѣлалъ видъ, будто не знаетъ насъ; не похоже было, что мы съ нимъ были въ одномъ университетѣ, факультетѣ и на одномъ и томъ же курсѣ. Наконецъ, мы совершенно отвернулись отъ Лермонтова и перестали имъ заниматься“.

Впрочемъ, Лермонтовъ былъ одинаковъ, какъ по отношенію къ товарищамъ, такъ и по отношенію къ профессорамъ. Онъ, между прочимъ, никогда не уклонялся отъ участія въ протестахъ противъ профессуры, которая въ то время далеко не стояла на должной высотѣ. Таково было его участіе въ Маловской исторіи, — скандалѣ, направленномъ противъ тупого и невѣжественнаго профессора Малова. Такова его была выходка по отношенію къ профессору-экзаменатору, о которой тотъ же Вистенгофъ рассказываетъ слѣдующее:

„Передъ рождественскими праздниками (на второй годъ пребыванія Л. въ университетѣ) профессора дѣлали репетиціи, т. е. повѣряли знанія своихъ слушателей за пройденное полугодіе; и, согласно отвѣтамъ, ста-

вили баллы, которые брались въ соображеніе на публичныхъ переходныхъ экзаменахъ. Профессоръ Побѣдоносцевъ, читавшій изящную словесность, задалъ какой-то вопросъ Лермонтову; на этотъ вопросъ Лермонтовъ началъ отвѣчать бойко и съ увѣренностью. Профессоръ сначала слушалъ его, а потомъ остановилъ и сказалъ:

— Я вамъ этого не читалъ. Я-бы желалъ, чтобы вы мнѣ отвѣчали именно то, что я проходилъ. Откуда могли вы почерпнуть эти знанія?

— Это правда, господинъ профессоръ, — отвѣтилъ Лермонтовъ, — вы намъ этого, что я сейчасъ говорилъ, не читали, и не могли читать, потому что это слишкомъ ново и до васъ еще не дошло. Я пользуюсь научными пособіями изъ своей собственной библіотеки, содержащей все вновь выходящее на иностранныхъ языкахъ.

„Мы переглянулись. Отвѣтъ въ этомъ родѣ былъ данъ уже и прежде профессору Гостену, читавшему геральдику и нумизматику“.

Эти выходки сыграли плохую роль въ жизни Лермонтова. На публичныхъ экзаменахъ профессора припомнили ихъ Лермонтову и сѣзали ему, хотя есть основанія думать, что усердно читавшій юноша, долженъ былъ знать предметы, хотя и не такъ, какъ ихъ излагали профессора. Въ петербургскомъ университетѣ, куда рѣшился перевестись Лермонтовъ, ему предлагали поступить на первый курсъ, причемъ распространились слухи, что курсъ университета будетъ продолженъ еще на одинъ годъ, т. е. ему предстояло бы пробыть на студенческой скамьѣ 4 года. Это мало улыбалось Лермонтову, и онъ, подчиняясь воззрѣніямъ той велико-свѣтской среды, которую глубоко презиралъ въ душѣ, рѣшился поступить въ школу гвардейскихъ юнкеровъ. Начались годы, которые самъ Лермонтовъ впоследствии называлъ „злополучными“.

По поводу этого легкомысленнаго шага, къ которому и бабушка, и многіе другіе родственники отнеслись съ крайнимъ осужденіемъ, г. Скабичевскій пишетъ: „Свободолюбивый и избалованный юноша, привыкшій, чтобы каждая прихоть его безпрекословно исполнялась, не знавшій удерживать своимъ романтическимъ порывамъ, которому даже и университетскіе порядки казались цѣпами, попалъ вдругъ въ обстановку, сдавливавшую всякую индивидуальную свободу. Суровая военная дисциплина школы была тѣмъ чувствительнѣе, что, какъ разъ передъ поступленіемъ Лермонтова въ школу, начальство, съ цѣлью подтянуть воспитанниковъ, начало примѣнять ее съ особенной строгостью, придираясь ко всякимъ мелочамъ. Лермонтовъ сразу долженъ былъ почувствовать себя связаннымъ по рукамъ и по ногамъ, и, сверхъ того, его гордой душѣ на каждомъ шагу пришлось терпѣть самыя унижительныя оскорбленія. Но отступать было поздно“... Лермонтовъ сдѣлалъ, видимо, страшное усиліе, надломилъ себя и... слился съ той достаточно неоправданной въ нравственномъ отношеніи средой, которую представляло собой гвардейское юнкерство того времени. Гордый студентъ, не желавшій сливаться съ товарищеской средой Московскаго университета, которая въ то время насчитывала такія выдающіяся имена, какъ Бѣлинскій ¹⁾, Герценъ ²⁾, Станкевичъ, — сталъ въ одинъ уровень съ низменными интересами своихъ новыхъ товарищей. Онъ отказался отъ чтенія книгъ, которое являлось въ школѣ запретнымъ плодомъ; онъ запятналъ свой талантъ множествомъ грубыхъ цинично-грязныхъ стихотвореній, которыя должны были угодить вкусу теперешнихъ его друзей; онъ ста-

¹⁾ и ²⁾ Биографіи см. въ I т. „Вет. Л.“.

рался не уклоняться ни отъ какого ухарства и молодечества, что ему стоило, между прочимъ, тяжелой болѣзни, полученной благодаря удару копытомъ невыѣзжанной лошади; онъ былъ участникомъ невозможныхъ попойекъ и скандаловъ, какой бы глупый характеръ порой они ни принимали... И все это онъ старается оправдать даже какъ будто передъ самимъ собой. „Я не писалъ къ вамъ съ тѣхъ поръ, какъ мы перешли въ лагерь“, — читаемъ мы въ его письмѣ отъ 4 авг. 1833 г., — „да и не могъ рѣшительно при всемъ желаніи. Представьте себѣ нашу палатку, по 3 аршина въ длину и ширину, и въ 2½ аршина вышины; въ ней живуть трое, и тутъ же вся поклажа и доспѣхи, какъ-то: сабли, карабины, кивера и проч., и проч. Погода была ужасная; подъ безконечнымъ дождемъ намъ случалось иногда сутокъ по-двое оставаться въ мокромъ платьѣ. Тѣмъ не менѣе, эта жизнь до нѣкоторой степени нравилась мнѣ. Вы знаете, милый другъ, что во мнѣ всегда было явное влеченіе къ дождю и грязи, — и тутъ, по милости Божьей, я наслаждался ими вдоволь. — Мы возвратились въ городъ, и скоро опять начнутся наши занятія. Одно меня утѣшаетъ — мысль, что черезъ годъ я офицеръ! И тогда, тогда... Боже мой! Если бы вы знали, какую жизнь я намѣренъ повести! О, это будетъ чудесно! Во-первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ. Я знаю, что вы возопіете: но -- увы! — пора моихъ мечтаній миновала; нѣтъ больше вѣры; мнѣ нужны матеріальныя наслажденія, счастье осязательное, такое счастье, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его въ карманѣ, какъ табакерку, чтобы оно только обольщало мои чувства, оставляя въ покоѣ и бездѣйствіи мою душу“...

Производство въ офицера (22 ноября 1834 г.) и выпускъ въ лейбъ-гусары, конечно, нисколько не измѣнили дѣла. Лермонтовъ съ успѣхомъ началъ выполнять программу, которую начерталъ въ вышеприведенномъ письмѣ. Это было не трудно, потому что отъ бабушки онъ получалъ огромную сумму денегъ для своего содержанія. „Насмѣшливый, ѣдкій, ловкій“, — пишетъ гр. Ростопчина въ своихъ воспоминаніяхъ о Лермонтовѣ, — „вмѣстѣ съ тѣмъ полный ума самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ сдѣлался душой общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ, словомъ, всего того, что составляло жизнь въ эти годы“, — конечно, прибавимъ отъ себя, „жизнь“ въ томъ высшемъ свѣтѣ, который былъ названъ Пушкинымъ просто-на-просто „грязной лужей“... Насколько это постоянное купанье въ грязной лужѣ разѣдало душу Лермонтова, можно судить по его приключеніямъ съ m-lle Сушковой, въ которую онъ когда-то въ дѣтствѣ былъ безнадежно влюбленъ. Но пусть Лермонтовъ расскажетъ самъ объ этомъ происшествіи, какъ это онъ сдѣлалъ въ письмѣ къ своей кузинѣ г-жѣ Верещагиной (1835 г.). „Если я началъ за нею ухаживать“, писалъ онъ о m-lle Сушковой, — „то это не было отблескомъ прошлаго. Вначалѣ это было просто поводомъ проводить время, а затѣмъ, когда мы поняли другъ друга, стало расчетомъ. Вотъ какимъ образомъ. Вступая въ свѣтъ, я увидѣлъ, что у каждого былъ какой-нибудь пьедесталъ: хорошее состояніе, имя, титулъ, покровительство... Я увидѣлъ, что, если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другія незамѣтно тоже займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества. Отсюда — отношенія къ Сушковой. Я понималъ, что, желая словить меня, она легко себя скомпрометируетъ. Вотъ я ее и скомпрометировалъ, насколько было возможно, не скомпромети-

ровавъ самаго себя. Я публично обращался съ нею, какъ съ личностью весьма мнѣ близкою, давалъ ей чувствовать, что только такимъ образомъ она можетъ надо мною властвовать. Когда я замѣтилъ, что мнѣ это удалось и что еще одинъ дальнѣйшій шагъ погубить меня, я прибѣгнулъ къ маневру. Прежде всего въ глазахъ свѣта я сталъ обращаться съ нею холодно, чтобы показать, что я ее болѣе не люблю, а что она меня обожаетъ (что, въ сущности, не имѣло мѣста). Когда она стала замѣчать это и пыталась сбросить ярмо, я первый публично ее покинулъ. Я въ глазахъ свѣта сталъ съ нею холоденъ и дерзокъ, насмѣшливъ и жестокъ. Я сталъ ухаживать за другими и подъ секретомъ рассказывать имъ тѣ стороны нашихъ отношеній, которыя представлялись въ мою пользу. Она такъ была поражена этимъ неожиданнымъ моимъ обращеніемъ, что сначала не знала, что дѣлать, и смирилась, что заставило говорить другихъ и придавало мнѣ видъ человѣка, одержавшаго полную побѣду; затѣмъ она очнулась и стала вездѣ бранить меня, но я ее предупредилъ, и ненависть ея казалась и друзьямъ, и недругамъ уязвленною любовью. Далѣе она попыталась вновь завлечь меня напускною печалью, рассказывая всѣмъ близкимъ моимъ знакомымъ, что любить меня, а я искусно всѣмъ этимъ пользовался... Не могу сказать вамъ, какъ все это послужило мнѣ; это было бы очень скучно и касается людей, которыхъ вы не знаете. Но вотъ веселая сторона исторіи. Когда я созналъ, что въ глазахъ свѣта надо порвать съ ней, а съ глазу на глазъ все еще казаться преданнымъ, я быстро нашелъ прелестное средство — я написалъ анонимное письмо: *Mademoiselle*, я человѣкъ, знающій васъ, но вамъ неизвѣстный и т. д.; я васъ предвараю, — берегитесь этого молодого человѣка: М. Лермонтова. Онъ васъ погубитъ и т. д. Вотъ доказательство... (разный вздоръ) и т. д. Письмо на четырехъ страницахъ... Я искусно направилъ это письмо такъ, что оно попало въ руки тетки. Въ домѣ — громъ и молнія... На другой день ѣду туда, рано утромъ, чтобы во всякомъ случаѣ не быть принятымъ. Вечеромъ на балу я выражаю свое удивленіе Екатеринѣ Александровнѣ. Она сообщаетъ мнѣ страшную и непонятную новость, и мы дѣлаемъ разныя предположенія; я все отношу къ тайнымъ врагамъ, которыхъ нѣтъ; наконецъ, она говоритъ мнѣ, что родные запрещаютъ ей говорить и танцовать со мной; я въ отчаяніи, но остерегаюсь нарушить запрещеніе дядюшекъ и тетюшекъ“...

Что за пошлая исторія! Что за недостойное примѣненіе такихъ богатыхъ духовныхъ силъ!

И тѣмъ не менѣе, подъ этой грязью, которой Лермонтовъ облѣпился въ угоду высшему свѣту, шла глубокая духовная работа, и, отдавая дань всѣмъ гадостямъ свѣта, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не побороть глубочайшаго презрѣнія къ этому же самому свѣту, къ которому должно быть отнесено слѣдующее его стихотвореніе, ибо съ другой средой онъ въ это время почти не соприкасался.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!

Но грядущее — иль пусто иль темно;

Межъ тѣмъ подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,

Въ бездѣйствіи состарится оно.

Богаты мы, едва изъ колыбели,

Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,

И жизнь ужъ насъ томить, какъ ровный путь безъ цѣли,

Какъ пиръ на праздникъ чужомъ.

Къ добру и злу постыдно равнодушны,

Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
Передъ опасностью позорно-малодушны
И передъ властію презрѣнные рабы“...

Оцѣнка, — поскольку она касается высшаго свѣта, — убійственно вѣрная. Она вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, какая здоровая, но совершенно неурегулированная и неосвѣщенная струя общественности таилась въ душѣ поэта. Временами она прорывается наружу съ неудержимой силой. Таково было его знаменитое стихотвореніе (28 янв. 1837 г.) на смерть Пушкина, оканчивающееся рѣзкими строфами по отношенію къ знати:

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастья обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда — все молчи!
Но есть и Божій судъ, наперсники разврата,
Есть грозный судія, Онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли, и дѣла Онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь.

Стихотвореніе это пустилъ въ оборотъ офицеръ Раевскій, жившій вмѣстѣ съ Лермонтовымъ въ одной квартирѣ. „Наперсники разврата“, конечно, зашевелились, какъ только прочли эти бичующія ихъ строфы. Одинъ анонимъ, — повидимому, дама аристократическаго происхожденія, — отправила эти стихи государю съ надписью „Воззваніе къ революціи“. Въ то же время „доброжелатели“ изъ высшаго свѣта начали хлопоты о возмездіи и передъ жандармскими властями. Въ результатѣ всего этого Лермонтовъ и Раевскій были арестованы. Во время допроса Лермонтовъ сдѣлалъ промахъ, который тяжелымъ гнетомъ лежалъ впослѣдствіи на его душѣ. Повѣривъ обѣщанію графа Клейнмихеля, что, если онъ назоветъ виновника распространенія этихъ стиховъ, то избѣжитъ разжалованья въ солдаты и не подвергнетъ никакому риску виновнаго, Лермонтовъ призналъ, что стихи были распространены Раевскимъ, который, впрочемъ, и самъ этого не скрывалъ, стремясь всѣми силами выгородить поэта изъ непріятности. Конечно, обѣщаніе это не было исполнено, и Раевскій, въ концѣ концовъ, заплатилъ даже сильнѣе, чѣмъ Лермонтовъ.

Лермонтовъ былъ отправленъ въ наказаніе на службу на Кавказъ въ томъ же самомъ офицерскомъ чинѣ. Это происшествіе произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на литературные круги того времени. Несмотря на свою безобразную въ общемъ жизнь, онъ успѣвалъ немало работать надъ своими поэтическими произведеніями и обратить на себя общее вниманіе. „Сверхъ массы мелкихъ стихотвореній“, — говоритъ г. Скабичевскій, — „ко времени его первой ссылки онъ успѣлъ окончить „Демона“, написать поэму „Бояринъ Орша“, повѣсть „Казначейша“ и драму „Маскарадъ“. Подобно Пушкину, онъ скрывалъ отъ своихъ свѣтскихъ друзей и знакомыхъ свои литературныя занятія, выставлялъ себя лишь паркетнымъ маркуномъ, шалуномъ-гусаромъ, бонвиваномъ и донъ-жуаномъ, и обнаруживалъ свой поэтическій даръ лишь убійственными эпи-

Проф. ЭМЕРСОНЪ.

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ.

Цѣна 70 к., пер. 17 и.

Содержаніе:

Значеніе великихъ людей. Платонъ.
Сведенборгъ. Монтанъ. Шекспиръ.
Наполеонъ. Гете.

Проф. А. Бернштейнъ.

КАКЪ МЫ НАУЧИЛИСЬ ЧИТАТЬ ДОИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМЕНА.

Популярная лекція съ 11 рис.
въ текстъ.

— Цѣна 10 коп.

Проф. І. Шерръ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАГАДКИ.

Цѣна 45 коп., пер. 13 коп.

Содержаніе:

Лжедмитрій, царь Московскій. —
Вопросъ о Лжедмитріи въ русской
литературѣ. — Загадка Тампля. —
Железная маска. — Графъ Калиостро.

Проф. Л. Блохъ.

СОСЛОВНАЯ И СОЦІАЛЬНАЯ ИСТОРІЯ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, съ 20 рисунк. и карт.

Цѣнная книга, о которой печать
отозвалась, какъ о цѣнномъ вкладѣ
въ историческую науку. Авторъ
стоитъ на точкѣ зрѣнія матеріали-
стическаго пониманія исторіи.

Цѣна 70 коп., перес. 15 коп.

СОЦІАЛЬНЫЯ УТОПІИ.

Содержаніе: Ликургъ Плутарха. Платонъ. Утопія Томаса Мора. Новая
Атлантида Бэкона. Городъ Солнца Кампанеллы. Сень-Симонъ. Фурье.
Кабо. Оуэнъ. „Все это уже было“. Голя. Цѣна 35 коп., пер. 10 коп.

Проф. Э. Геккель.

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ, МЫСЛИ,

съ портр. автора и 3 рис.

Книжка знаменитаго натуралиста
даетъ живое описаніе побѣдоносной
борьбы идеи развитія со старыми,
огнившими свой вѣкъ взглядами
на природу и человѣка.

Цѣна 35 коп., перес. 14 коп.

МУЛЬТАТУДИ.

Почти всѣ произведенія этого зна-
менитаго голландскаго писателя
переведены на европейскіе языки.
Настоящій трудъ, бывшій долгое
время подъ цензурнымъ запретомъ,
написанъ крайне живо и увлека-
тельно.

Цѣна 50 коп., пер. 15 коп.

М. БУНЗЕНЪ.

РЕСКИНЪ, ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ, съ портретомъ.

Знакомство съ знаменитымъ англій-
скимъ философомъ и критикомъ
искусства для всякаго желающаго
себѣ составить понятіе въ этой
важной области знанія, является
необходимымъ.

Содержаніе: Юность. — Пробужде-
ніе. — Первые впечатлѣнія въ Испа-
ніи. — Ученіе Рескина объ искусствѣ
и морали. — Понятія и законы иск-
— Флорентійскія и проч. мастерства. —
Греческое искусство. — Венеція и
Тинторетто. — Романтизмъ. — Рес-
кинъ, какъ писатель природы. —
Мораль и житейская мудрость
Рескина.

Цѣна 40 коп., перес. 13 коп.

М. Нордау.

ГЕНІЙ И ТАЛАНТЪ.

Книжка Нордау „Психофизиологія“
генія и таланта представляетъ бле-
стящій анализъ установившихся
понятій и безпощадную критику
кумировъ, по недоразумѣнію по-
ставленныхъ на высокіе пьедесталы.

Цѣна 45 коп., перес. 15 коп.

Б. Бразоленко.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА

ВЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРѣ,
съ 13 рисунками.

І. Женщина въ до-Петровской Руси.
ІІ. Русская женщина въ XIX вѣкѣ.
ІІІ. Возраженія лектору Прохорова
и П. Алексѣева. IV. Народническая
литература.

Цѣна 50 коп., перес. 15 коп.

Ибсенъ.

Метерлинь.

Лаунтманъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ.

Въ этой книгѣ такими выдающи-
мися критиками, какъ Брандесъ,
Маршалъ, Гартманъ, даются вели-
кодушныя характеристики трехъ
столповъ современнаго символиз-
ма, гениально сочетающагося съ тре-
бованіемъ реальной правды.

Цѣна 45 коп., перес. 13 коп.

М. ПУЭНСО.

Основатели Соціальной школы въ литературѣ.

Книга написана умно и очень живо,
какъ вообще умѣютъ писать фран-
цузы. Она знакомитъ читателя съ
творчествомъ В. Гюго, Э. Золя,
П. Буржэ и бр. Рони.

Цѣна 35 коп., перес. 15 коп.

Проф. ЛАУНГАРДЪ.

ЧУДЕСА ДРЕВНЯГО И НОВАГО МІРА.

Четыре популярныя лекціи
по исторіи культуры,
съ 42 рис. и 12 раскраш. карт.
для волшебнаго фонаря.

Цѣна 1 руб., пер. 17 коп.

В. В. БИТНЕРЪ.

НИЦШЕ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Содерж.: Великій индивидуализмъ. —
Черты изъ жизни Ницше. — Нище-
философъ и пророкъ. — Сверхчело-
вѣкъ. — Переоценка всѣхъ цѣнно-
стей. Эта книжка, написанная въ
періодъ самой строгой цензуры,
первоначально была ею запрещена.
Три главы въ ней принадлежатъ
Гронсфелю, а двѣ — В. В. Битнеру.

Цѣна 40 к., пер. 13 к.

Въ 1914 г. (на двѣнадцатомъ году изданія) иллюстр. литературно-научный журналъ, выходящій подъ общео редакціею В. В. БИТНЕРЪ, вступающій въ новый фазисъ своего развитія: всѣ статьи и приложенія редактируются учеными специалистами, гарантирующими научную цѣнность статей и книгъ и своевременность

Вѣстникъ Знанія

сообщения идей, волнующихъ образов. міръ. Редакторы отдѣловъ и главн. сотрудники: акад. Бехтеревъ, В. В. Битнеръ, проф. Бодуэнъ-де-Куртенъ, прив.-доц. Боровой, проф. В. А. Вагнеръ, проф. Васильевъ, проф. Вейнбергъ, прив.-доц. Генсаль, В. Г. Голиковъ, проф. С. О. Грузенбергъ, проф. М. С. Грушевскій, проф. Довнар-Запольскій, Н. П. Евстифьевъ, уч. агр. Елагинъ, проф. Жаковъ, проф. Зѣлинскій, проф. Исаевъ, С. К. Исаковъ, прив.-доц. Кабановъ, проф. Каптеревъ, проф. М. Ковалевскій, проф. Кулябко, Е. Лазаревъ, проф. Лебединскій, пр.-доц. Модестовъ, Ник. Морозовъ, А. Николаевъ, проф. Озеровъ, акад. И. П. Павловъ, проф. Петражицкій, проф. де-Роберти, Н. Рубакинъ, проф. Ир. Скворцовъ, пр.-доц. Тимофеевъ, пр.-доц. Тотоміанъ, проф. Туганъ-Барановскій, д-ръ В. Н. Цедербаумъ, д-ръ зоол. Чахотинъ и др. Въ 1914 г. „В. Зн.“ выходитъ въ ДВУХЪ ИЗДАНИЯХЪ: первое—большое (включающее всѣ статьи второго изданія и снимки съ картинъ—„Вѣчное въ искусствѣ“), второе—дешевое, для читателей съ начальнымъ образованіемъ.

Подписчики первого изд. 12 кн. ежемѣс. иллюстр. „Вѣстн. Зн.“ получаютъ:

52 №№ еженедѣльной иллюстриров. газетъ-журнала

отъ народа. („Недѣлю“ можно выписывать и отдѣльно: 3 р. въ г., 75 к. 1/4 г.). знаком. со всѣмъ современнымъ на свѣтѣ и освѣщающей народн. нужды, не скрывающей правды. 1) ИСТОРИЯ НАУКИ, 3 части: а) Борьба за научную систему мірозданія, б) Открытіе закона сохранения энергіи и матеріи, в) Ученіе о живомъ веществѣ; 2) ОБЩЕСТВО, Личность и государство, проф. Дюги; 3) СУЩНОСТЬ КОНСТИТУЦИИ, Ф. Лассалъ; 4) ЭВОЛЮЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ ИДЕЙ и ШКОЛЬНОГО ДѢЛЪ, проф. Каднера, съ дополн. проф. Каптерева; 5) ПОЛОВАЯ ГИГИЕНА ЮНОШЕСТВА, д-ровъ Шарлибъ и Сибли; 6) ЧУДЕСА СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЫ и ХИРУРГИИ, сборн. статей д-ровъ Апатовой, Ключенко и др.; 7) ВВЕДЕНІЕ въ ФИЛОСОФІЮ, С. Бржозовскаго; 8) МОЗГЪ и ДУША, проф. Фореля; 9) БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНІЕ и СОЦІАЛИЗМЪ, проф. Л. Бюхнера; 10) ВЪ СУМЕРКАХЪ ЛИТЕРАТУРЫ ОБЩЕСТВО. ДАРВИНИЗМЪ и СОЦІАЛИЗМЪ, проф. Л. Бюхнера; 11) НА ВЕРШИНѢХЪ МУЗЫКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА. Опера и музык. жизнь, Г. С. Новопольна; 12) НА ВЕРШИНѢХЪ МУЗЫКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА. Опера и музык. жизнь, Г. С. Новопольна; 13) САМОВОСПИТАНІЕ и УМѢНІЕ ЖИТЬ, Джона Леббока.

Сверхъ того подписчики въ зависимости отъ избраннаго ими абонемент. (при подп. указывать № абонемент.), получаютъ слѣд. капитальныя сочиненія:

1-й (Историко-биографическій) абонементъ: 12 вып. (3 т.) иллюстрир. биографической библиотекки.

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ,

жизнеописанія знамен. людей съ обзоромъ, написан. проф., съ отдѣлн. картин. и портр.

ДВѢ ИСПОВѢДИ (въ 5 вып.): Л. Н. ТОЛСТОГО и Ж.-Ж. РУССО.

2-й (Литературный) абон.: въ 28 вып.

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

XVIII—XX стол., К. Буссе (8 вып.), со многими рисунк. и 32 отдѣлн. картин. и хромотипіями.

СБОРНИКЪ СОЧИНЕНІЙ БЪЛИНСКАГО и ДОБРОЛЮБОВА.

Оба эти собр. соч. въ 5 т. (20 вып.) выйдутъ подъ ред. и съ крит.-биографическ. статьями В. Г. Голикова, съ рис., портр., авторг. и проч.

3-й (Естеств.) абон.: въ 16 вып.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ МИРОТВОРЕНІЯ,

проф. Э. Геккеля, въ 2-хъ томахъ.

ЛЕГЕНДЫ ЗВѢЗДНАГО МІРА,

астрономич. картины на фонѣ исторіи челоуѣч. культуры, астронома Олькотта. Оба сочин. роскошно изданы со мног. рис. и 60 отдѣлн. картинами и хромотипіями.

4-й (Историч.) абон.: въ 16 вып.

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

въ АНГЛИИ, БОЛИИ, въ 2-хъ т., и

ИСТОРИЯ УМСТВЕННОЙ

ЭВОЛЮЦИИ ЕВРОПЫ,

Дрѣпера, въ 2-хъ томахъ. Оба эти знаменитыя произведенія будутъ впервые изданы со множествомъ рисунк. и 60 отдѣлными картинами.

5-й (Беллетристическій) абонементъ: 24 книги.

КЛАССИКИ МИРОВОЙ и РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Шекспиръ, Шаллеръ, Гете, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Жуковский, Грибоедовъ

ДВѢ ПУЧАХЪ БОДРОСТИ

(въ отд. произв. съ иллюстр.): серия ром. пов. и разск.: „Меню... Текел... Фарес...“, ром. въ 3 ч. Ив. Навинова; „Камо грядеши“ Г. Сенкевича, „Борьба за право“ Францоza, „Робинзонъ Крузо“, въ 2-хъ ч. Де-Фо, „На водѣ“ и др. Мопассана, „Осада мельницы“ и др. Э. Золя, „Оводъ“ Войничъ и др.

Подпис- **ВТОРОГО** популярн. изд. „В. Зн.“ (ц. въ годъ 3 р. 60 к., съ пер. 4 р., за грам. 6 р.) получаютъ 12 кн. популярн. журн. „В. Зн.“, со статьями по литер., естеств. наук., исторіи, географіи, сельск. хоз., техники, медицинѣ и проч. и отдѣльно „Помощь самообразованію“ подъ ред. Н. А. Рубакина. Въ иллюстр. прилож. ко втор. изд. будутъ даны: ИСТОРИЯ МУЧЕНИКОВЪ и ГЕРОЕВЪ прошлаго. КОЛЫБЕЛЬ РУСИ (о жизни нашихъ предковъ). ФИЗИКА ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ. НАХИМИЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ. ПОПУЛЯРНАЯ АСТРОНОМІЯ. УСТРОЙСТВО ДОМАШНИХЪ и НАХОДНЫХЪ ТЕАТРОВЪ. ЛЕГКІЯ ПЬЕСЫ для домашнихъ спектаклей. СБОРНИКЪ для ДЕКЛАМАЦИИ. СТРАНЪ ВЪЧНАГО ЛЬДА. ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА и др. КООПЕРАЦИИ, и какъ ихъ устраивать. ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗЕМЛЕДѢЛІЕ. ДОХОДНЫЙ ОГОРОДЪ. ДОМАШНІЙ ОБИХОДЪ. ПОПУЛЯРНАЯ ЗООЛОГІЯ. Подписчики первого изд. „В. Зн.“ могутъ получить эти приложенія за 2 руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., 40, Контора „ВѢСТНИКА ЗНАНІЯ“.

Типографія Юргальскаго, Гличъ и Ко, Сиб., Екатеринбургскій пр., 87.

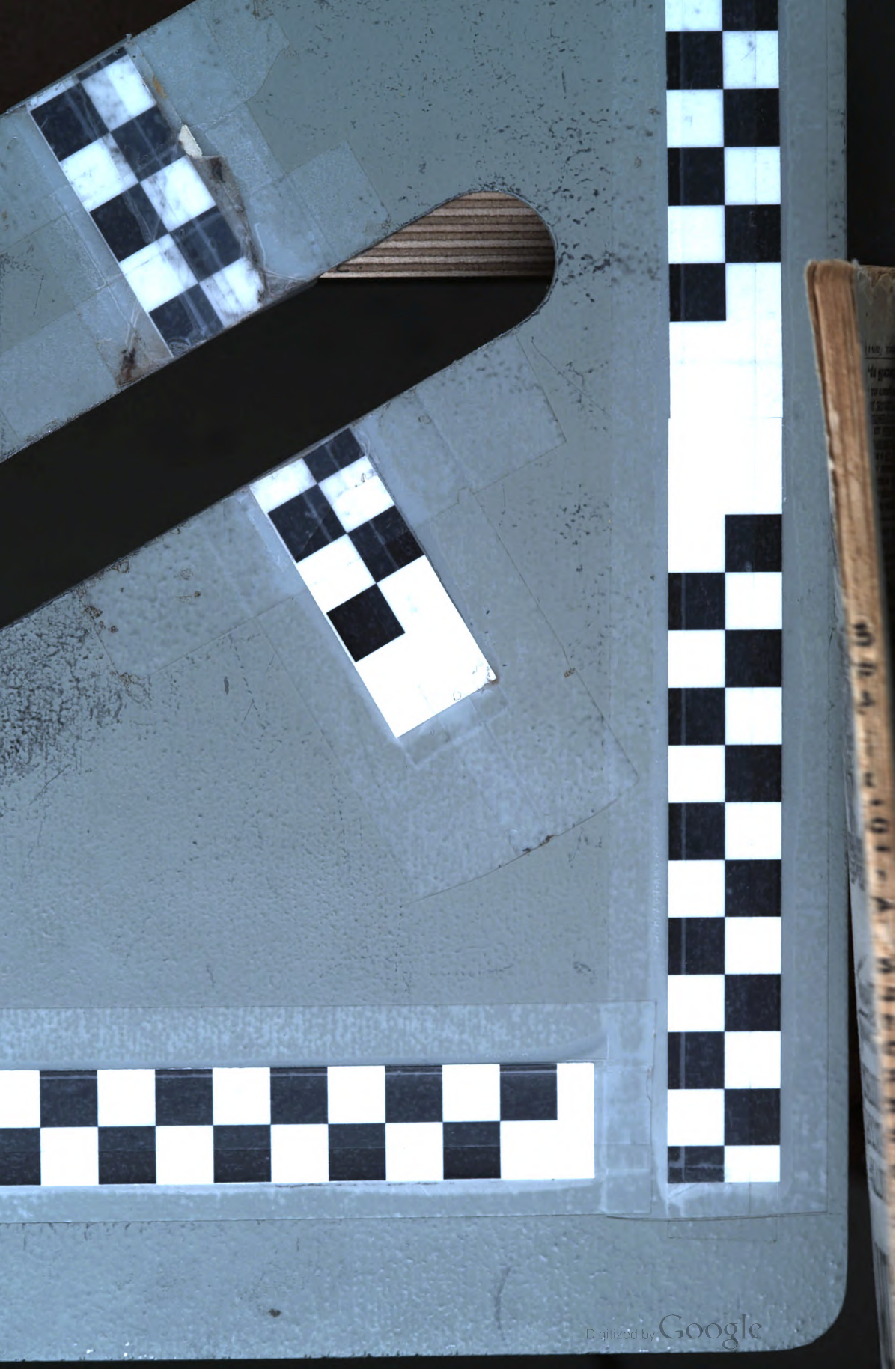
ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ

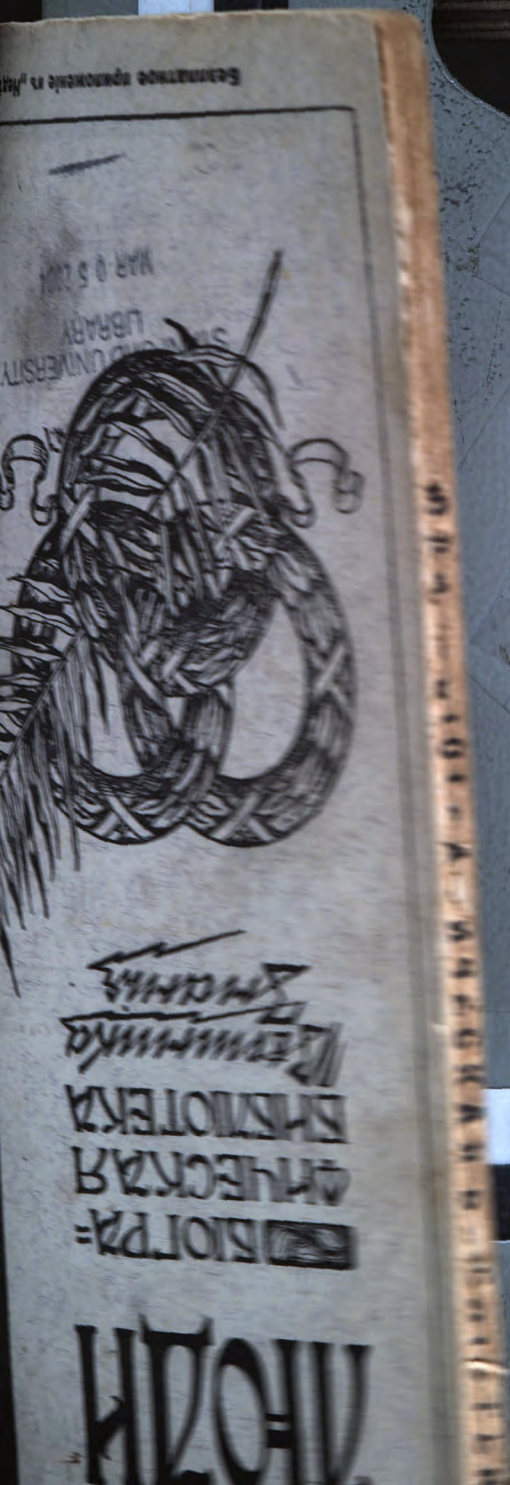
БЮГРА-
ФИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
*Великие
Люди*

М. А. — БЮГРА-ФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА — М. А.

[illegible]

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ

БЮГРА-
ФИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
*Вестника
Знания*

ВСѢ КНИГИ,

имѣющіяся въ продажѣ, можно выписывать черезъ книжный складъ „ВѢСТН. ЗНАНІЯ“, С.-Петербургъ, Невскій пр., 40. Подписчики „В. Зн.“ пользуются 25% уступк. на книги, изд. „В. Зн.“

Проф. Ротъ.

ИСТОРИЯ ВИЗАНТІИ.

Цѣна 40 к.,
перес. 15 к.

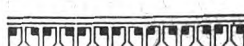
Ц. 80 к.,
пер. 19 к.

Проф. Ротъ.

ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ БАЛКАНСКАГО ПОЛУОСТРОВА.

Цѣна 40 к.
перес. 17 к.

Проф. Ш. Сеньобосъ и проф. А. Метэнь.

НОВѢЙШАЯ ИСТОРИЯ съ 1815 года,

съ 139 рисунками, картами и портретами. — Классическій трудъ, не нуждающійся въ особой рекомендаціи.

Цѣна въ изящномъ коленкоромъ переплетѣ 3 руб. 50 коп., перес. 41 коп.

Проф. Ш. Сеньобосъ и М. Уоллесь.

ИСТОРИЯ РОССІИ XIX и XX столѣтій,

съ 35 рисунками и портретами.

До 1905 года объ изданіи этой книги не могло быть и рѣчи.

Цѣна 60 коп., перес. 19 коп.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ,

съ 288 рис., портр. и картами.

Цѣна 2 руб. 50 коп., перес. 45 коп.

Изложеніе очень живое.

Кратк. содерж.: Древнѣйшая культура (Египетъ, Месопотамія, Мидія и т. д.). — Древне-греческій міръ. — Римская культура. — Средніе вѣка. — Новое время.

Въ прил.: проф. А. Г. Тимофеевъ (ред.): „Очерки исторіи русокой культуры“.

В. Бельше.

ПЕРВОБЫТНЫЙ ≡ ЧЕЛОВѢКЪ, ≡

съ 44 рис.

Книга трактуетъ вопросъ, который, несмотря на его кажущуюся избитость, продолжаетъ оставаться вѣчно новымъ и привлекать вниманіе всѣхъ образованныхъ людей.

Цѣна 45 коп., перес. 15 коп.

граммами-экспромтами, которыми пугалъ, злилъ и вооружалъ противъ себя въ большомъ свѣтѣ всѣхъ, кто попадался ему на зубокъ. Но въ то же время онъ не упускалъ случая завязывать различные литературныя знакомства. Такъ мы видѣли, что его родственникъ Юрьевъ строилъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ его „Хаджи-Абрека“. Другой родственникъ С. А. Раевскій познакомилъ Лермонтова съ А. А. Краевскимъ, издававшимъ тогда „Прибавленія къ Русскому Инвалиду“. Впослѣдствіи Лермонтовъ имѣлъ довольно обширныя знакомства въ кругу писателей, особенно вліятельныхъ и великосвѣтскихъ; онъ былъ знакомъ съ Жуковскимъ, кн. Одоевскимъ, Плетневымъ, А. Н. Муравьевымъ (авторомъ „Путешествія по святымъ мѣстамъ“)“.

Лермонтовъ недолго оставался на Кавказѣ. Свѣтскія связи бабушки быстро исправили дѣло. Въ концѣ того же самаго 1837 года Лермонтовъ былъ переведенъ въ Гродненскій гусарскій полкъ, стоявшій въ то время въ Новгородѣ. О своемъ пребываніи на Кавказѣ Лермонтовъ писалъ Раевскому:

„Съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ Россіи, повѣришь-ли, я находилъ до сихъ поръ въ безпрерывномъ странствованіи, то на перекладной, то верхомъ; изъѣздивъ линію всю вдоль отъ Кизляра до Тамани, переѣхалъ горы, былъ въ Шушѣ, въ Кубѣ, въ Камакѣ, въ Кахетіи, одѣтый по-черкесски, съ ружьемъ за плечами; ночевалъ въ чистомъ полѣ, засыпалъ подъ крикъ шакаловъ, ѣлъ чурекъ, пилъ кахетинское даже...

„Простудившись дорогой, я пробѣжалъ на воды весь въ ревматизмахъ; меня на рукахъ вынесли люди изъ повозки, я не могъ ходить — въ мѣсяцъ меня воды совсѣмъ поправили; я никогда не былъ такъ здоровъ, зато веду жизнь примѣрную, пью вино только когда гдѣ-нибудь въ горахъ ночью прозябну, но, пріѣхавъ на мѣсто, грѣюсь... Здѣсь, кромѣ войны, службы нѣтъ; я пріѣхалъ въ отрядъ слишкомъ поздно; ибо Государь нынче не велѣлъ дѣлать вторую экспедицію, и я слышалъ только два-три выстрѣла; зато два раза въ моихъ путешествіяхъ отстрѣливался; разъ ночью мы ѣхали втроемъ изъ Кубы, — я, одинъ офицеръ нашего полка и черкесъ (мирный разумеется), — и чуть не попались въ плѣнъ лезгинъ. Хорошихъ ребятъ здѣсь много, особенно въ Тифлисѣ есть люди очень порядочные, а что здѣсь истинное наслажденіе, такъ это татарскія бани! Я снялъ на скорую руку виды всѣхъ примѣчательныхъ мѣстъ, которыя посѣщалъ, и везу съ собой порядочную коллекцію; однимъ словомъ, я вояжировалъ. Какъ перевалился черезъ хребетъ въ Грузію, такъ бросилъ телѣжку и сталъ ѣздить верхомъ: лазилъ на снѣговую гору (Крестовая) на самый верхъ, что не совсѣмъ легко; оттуда видна половина Грузіи, какъ на блюдечкѣ, и право я не берусь объяснить или описать этого удивительнаго чувства; для меня горный воздухъ — бальзамъ, хандра къ черту, сердце бьется, грудь высоко дышетъ — ничего не надо въ эту минуту; такъ сидѣлъ бы да смотрѣлъ цѣлую жизнь.

„Началъ учиться по-татарски, языкъ который здѣсь и вообще въ Азіи необходимъ, какъ французскій въ Европѣ. Да, жаль, теперь не доучусь, а впослѣдствіи могло бы пригодиться. Я уже составлялъ планы ѣхать въ Мекку, въ Персію и проч., теперь остается только проситься въ экспедицію въ Хиву съ Перовскимъ.

„Ты видишь изъ этого, что я сдѣлался ужаснымъ бродягой, а право я расположенъ къ этого рода жизни...”

Мы видимъ, что поѣздка на Кавказъ (и вообще все происшествіе: во время ареста въ Петербургѣ имъ былъ написанъ рядъ стихотвореній,

среди которыхъ были такіе перлы, какъ „Когда волнуется желтѣющая нива“ и „Я, Матерь Божія“) благотѣтельно отразилась на Лермонтовѣ: она какъ-то его очеловѣчила, вернула къ болѣе здоровой жизни, чѣмъ свѣтское времяпрепровожденіе, и это немедленно отразилось и на его талантѣ. Онъ наткнулся здѣсь, на Кавказѣ, на пѣлый рядъ темъ („Тамань“, „Бѣла“, „Фаталистъ“), которыя впили немало вѣтвей въ вѣнокъ его славы. Здѣсь подъ впечатлѣніемъ могучей природы у него зародилась мысль перенести дѣйствіе „Демона“, надъ которымъ онъ работалъ уже въ теченіе ряда лѣтъ, вглубь Кавказскихъ горъ, отчего поэма чрезвычайно выиграла.

Лермонтовъ не сразу поѣхалъ въ Новгородъ, въ полкъ. Четыре мѣсяца онъ провелъ въ пути и побывалъ за это время и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, гдѣ благосклонно былъ принятъ начальствомъ. Въ Петербургѣ его встрѣтили очень радушно. „Лермонтовъ“, — рассказываетъ Муравьевъ, — „возвращенный съ Кавказа и преисполненный его вдохновеніями, принятъ былъ съ большимъ участіемъ въ столицѣ, какъ бы преемникъ славы Пушкина, которому принесъ себя въ жертву... Пѣсни и поэмы Лермонтова гремѣли повсюду“. Поощренный общимъ вниманіемъ, Лермонтовъ усердно занялся литературными работами. Въ печати появился рядъ прекрасныхъ лирическихъ произведеній; кромѣ того, были напечатаны „Бородино“, „Казначейша“ и нѣсколько раньше „Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ“, присланныя еще съ Кавказа и разрѣшенныя цензурой къ печатанью безъ подписи автора (въ виду опальнаго положенія этого послѣдняго).

Уже съ апрѣля 1838 г. Лермонтовъ былъ переведенъ въ прежній л.-гв. гусарскій полкъ. Поэтъ за это время сильно выросъ духовно, и условія военной службы становились для него буквально невыносимы. Это сильнѣйшимъ образомъ отражалось на настроеніи Лермонтова, и онъ становился еще болѣе злымъ и язвительнымъ. (Къ этому именно времени и относится его „Дума“, цитаты изъ которой были приведены выше). Въ этотъ періодъ его пришлось случайно наблюдать И. С. Тургеневу. „Лермонтова“, — рассказываетъ онъ, — „я видѣлъ всего два раза: въ домѣ одной знатной петербургской дамы, княгини Ш-ой, и нѣсколько дней спустя на маскарадѣ въ Благородномъ собраніи подѣ новый 1840 г. У княгини Ш-ой я, весьма рѣдкій, непривычный посѣтитель свѣтскихъ вечеровъ, лишь издали, изъ уголка, куда я забился, наблюдалъ за быстро вошедшимъ во славу поэтомъ. Онъ помѣстился на низкомъ табуретѣ передъ диваномъ, на которомъ, одѣтая вся въ черное платье, сидѣла одна изъ тогдашнихъ столичныхъ красавицъ — бѣлокурая графиня М. П. — рано погибшее, дѣйствительно, прелестное созданіе. На Лермонтовѣ былъ мундиръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка; онъ не снялъ ни сабли, ни перчатокъ — и, сгорбившись и насупившись, угрюмо поглядывалъ на графиню. Она мало съ нимъ разговаривала и чаще обращалась къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ графу Ш-у, то же гусару. Въ наружности Лермонтова было что-то зловѣщее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью вѣяло отъ его смутлаго лица, отъ его большихъ и неподвижно-темныхъ глазъ. Ихъ тяжелый взоръ странно не согласовался съ выраженіемъ почти дѣтскихъ, нѣжныхъ и выдававшихся губъ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, съ большой головой на сутулыхъ, широкихъ плечахъ, возбуждала ощущеніе неприятное; но присущую мощь точно такъ сознавалъ всякій. Извѣстно, что онъ до нѣкоторой степени изобразилъ самого себя въ Пе-

чоринѣ. Слова: „Глаза его не смѣялись, когда онъ смѣялся“ и т. д. дѣйствительно примѣнялись къ нему. Помнится, графъ Ш. и его собесѣдница внезапно засмѣялись чему-то и смѣялись долго; Лермонтовъ также засмѣялся, но въ то же время съ какимъ-то обиднымъ удивленіемъ оглядывалъ ихъ обоихъ. Несмотря на это, мнѣ все-таки казалось, что и графа Ш. онъ любилъ какъ товарища — и къ графинѣ питалъ чувство дружелюбное. Не было сомнѣнія, что онъ, слѣдуя тогдашней модѣ, напустилъ на себя извѣстнаго рода байроновскій жанръ, съ примѣсью другихъ, еще худшихъ капризовъ и чудачествъ. И дорого же онъ поплатился за нихъ! Внутренно Лермонтовъ вѣроятно скучалъ глубоко, онъ задыхался въ тѣсной сферѣ, куда его втокнула судьба.

„На балу Дворянскаго Собранія ему не давали покоя; безпрестанно приставали къ нему, брали его за руки: одна маска смѣнялась другою, а онъ почти не сходилъ съ мѣста и молча слушалъ ихъ пискъ, поочередно обращая на нихъ свои сумрачные глаза. Мнѣ тогда же почудилось, что я уловилъ на лицѣ его прекрасное выраженіе поэтическаго творчества. Быть можетъ, ему приходили въ голову тѣ стихи:

„Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ
Съ небрежной смѣлостью красавицъ городскихъ
Дивно безтрепетныя руки... и т. д.“

И роль, которую добровольно избралъ для себя Лермонтовъ, и среда, въ которой протекала его жизнь, становились ему все ненавистнѣе. Онъ всячески пытался сбросить офицерскій мундиръ. Онъ хотѣлъ выйти въ отставку, — ему многозначительно посовѣтывали этого не дѣлать, онъ просился въ годовой отпускъ, — ему отказали; онъ хотѣлъ снова перевестись на Кавказъ, — не позволили. Зная характеръ Лермонтова, можно было ожидать при такихъ условіяхъ всякихъ рѣзкихъ выходовъ, которыя и не заставили долго ждать и привели къ новымъ осложненіямъ въ судьбѣ поэта. На этотъ разъ все дѣло загорѣлось изъ-за столкновенія съ сыномъ французскаго посланника де-Баранта. Молодые люди ухаживали за одной и той же дамой. Лермонтову явно оказывалось предпочтеніе. Это раздражало его соперника и вызвало съ его стороны неосторожное замѣчаніе, на что Лермонтовъ отвѣчалъ:

— „Я ни совѣтовъ, ни выговоровъ не принимаю и нахожу поведеніе ваше смѣшнымъ и дерзкимъ“.

— „Если-бы я былъ въ своемъ отечествѣ“, — замѣтилъ де-Барантъ, — „то зналъ бы, какъ кончить дѣло!“

— „Повѣрьте, что въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести такъ же строго, какъ и вездѣ, и что мы русскіе не меньше другихъ позволяемъ оскорблять себя безнаказанно“, отвѣчалъ снова Лермонтовъ...

Послѣдовалъ вызовъ со стороны де-Баранта, а за нимъ дуэль. Лермонтовъ былъ легко раненъ. Вѣсть о дуэли быстро распространилась въ обществѣ, и Лермонтовъ былъ арестованъ. Своимъ поведеніемъ во время ареста онъ усугубилъ недовольство начальства и былъ въ наказаніе переведенъ тѣмъ же чиномъ на Кавказъ въ пѣхотный Тенгинскій полкъ. Во время ареста онъ написалъ двѣ прекрасныя вещи: „Сосѣдка“ и „Журналистъ, читатель и писатель“. Здѣсь же, въ его камерѣ, посѣтилъ его и Бѣлинскій, передъ которымъ Лермонтовъ впервые предсталъ въ своемъ настоящемъ видѣ, безъ напускной свѣтской пустоты и ничтожества. Бѣлинскій былъ въ восторгѣ отъ такого Лермонтова. „Я попалъ очень удачно“, — рассказывалъ онъ потомъ Панаеву, — „у него никого не

было. Ну, батюшка, въ первый разъ я видѣлъ этого человѣка — настоящимъ человѣкомъ! Вы знаете мою свѣтскость и ловкость: я вошелъ къ нему и сконфузился по обыкновенію, думаю себѣ: ну, зачѣмъ меня принесла къ нему нелегкая! Мы едва знакомы, общихъ интересовъ никакихъ, я буду его женить, онъ меня... Что еще связываетъ насъ немного, такъ это любовь къ искусству, но онъ не поддается на серьезные разговоры... я, признаюсь, досадовалъ на себя и рѣшился пробыть у него не болѣе четверти часа... Первые минуты мнѣ было неловко, но потомъ у насъ завязался какъ-то разговоръ объ англійской литературѣ и Вальтеръ-Скоттъ... — „Я не люблю Вальтеръ-Скотта“, сказалъ мнѣ Лермонтовъ, „въ немъ мало поэзіи. Онъ сухъ“, — и началъ развивать эту мысль, постепенно воодушевляясь. Я смотрѣлъ на него — и не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Лицо его приняло натуральное выраженіе, онъ былъ въ эту минуту самымъ собой... Въ словахъ его было столько истины, глубины и простоты! Я въ первый разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ я всегда желалъ его видѣть. Онъ перешелъ отъ Вальтеръ-Скотта къ Куперу и говорилъ о Куперѣ съ жаромъ, доказывалъ, что въ немъ несравненно болѣе поэзіи, чѣмъ въ Вальтеръ-Скоттѣ, и доказывалъ это съ тонкостью, съ умомъ — и, что удивило меня, даже съ увлеченіемъ... Боже мой! Сколько эстетическаго чутія въ этомъ человѣкѣ! Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа въ немъ!.. Не даромъ же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ, наконецъ, удалось-таки его видѣть въ настоящемъ свѣтѣ. А вѣдь чудакъ! Онъ, я думаю, рассказываетъ, что допустилъ себя хоть на минуту быть самимъ собою, — я увѣренъ въ этомъ“... И въ письмѣ къ Боткину Бѣлинскій проявляетъ все тотъ же восторгъ по отношенію къ Лермонтову: „Недавно я былъ у Лермонтова въ заточеніи, въ первый разъ поразговорился съ нимъ отъ души. Глубокій и могучій духъ! Какой глубокий и чисто непосредственный вкусъ изящнаго. О это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго! Чудная натура!“

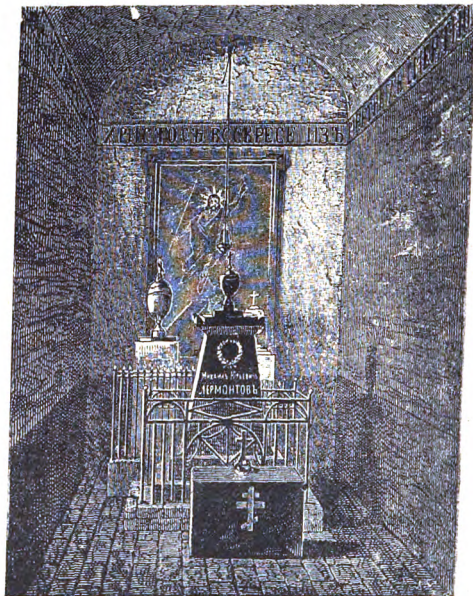
Въ іюнѣ 1840 года Лермонтовъ былъ уже въ дѣйствующей арміи на Кавказѣ. Все время своего пребыванія въ отрядѣ Лермонтовъ проявлялъ безумную, часто совершенно ненужную удалъ и храбрость. Онъ точно нарочно лѣзъ подъ пули и на кинжалъ горцевъ. Но тамъ, гдѣ на его совѣсти лежала участь другихъ, онъ, кромѣ мужества, проявлялъ рѣдкую выдержанность и вдумчивость. Именно такимъ онъ явился въ кровавомъ дѣлѣ на берегу небольшой горной рѣчки Валерикъ. Въ свободные промежутки отъ военныхъ выступленій онъ, то съ разрѣшенія начальства, а то и безъ всякаго разрѣшенія совершалъ поѣздки въ различныя мѣстности Кавказа и Крыма. Въ началѣ 1841 года ему разрѣшено было пріѣхать на короткое время въ Петербургъ. Онъ явился сюда съ широкими литературными планами и со свѣтлыми надеждами выпуститься изъ опостылѣвшей ему военной службы. Онъ носился съ мечтами о новомъ журналѣ, посвященномъ исключительно русской жизни, наполненномъ только оригинальными русскими произведеніями. „Мы въ своемъ журналѣ“, — мечталъ онъ, — „не будемъ предлагать обществу ничего переводнаго, а свое собственное. Я берусь въ каждой книжкѣ доставлять что-либо оригинальное, не такъ какъ Жуковскій, который все кормитъ переводами, да еще не говоритъ, откуда беретъ ихъ“... Но судьба готовила ему иное. Онъ сумѣлъ и на этотъ разъ возбудить недовольство начальства, явившись на балъ, гдѣ были члены Императорской фамилии (вѣдь онъ былъ опальный!) Въ результатъ неожиданный приказъ возвра-

тяться къ полку. Лермонтовъ уѣзжалъ на этотъ разъ съ тяжелыми предчувствіями.

На пути къ полку Лермонтовъ самовольно заѣхалъ въ Пятигорскъ и сумѣлъ выхлопотать себѣ разрѣшеніе остаться для лѣченія. Здѣсь, среди чудной природы, Лермонтовъ съ увлеченіемъ отдался литературнымъ занятіямъ. Однако своимъ работамъ онъ отдавалъ только утро. Вторую половину дня онъ проводилъ въ веселой компаніи молодежи. Мальчишества и дурачества всякаго рода были главнымъ времяпрепровожденіемъ этой „Лермонтовской банды“. Степенные и знатные обыватели и пріѣзжіе сторонились отъ этой шумной компаніи. Лермонтовъ отвѣчалъ на это злыми эпиграммами, наживавшими ему смертельныхъ враговъ. Несомнѣнно, что среди этихъ послѣднихъ нашлось не мало гнусныхъ людей, которые съ наслажденіемъ мечтали о томъ, какъ этотъ злой языкъ, въ концѣ концовъ, замолчитъ подъ ударомъ, нанесеннымъ чужой рукой. Надо было только подобрать подходящее орудіе. Такимъ орудіемъ оказалась тупой и самолюбивый офицеръ Мартыновъ, товарищъ Лермонтова. Это ничтожество было такъ искусно взвинчено противъ Лермонтова, что невинная шутка послужила поводомъ для дуэли. 15-го іюля 1841 года противники дрались у подножія Машука. Мартыновъ тщательно цѣлился... Лермонтовъ съ презрѣніемъ глядѣлъ на него, поднимая свой пистолетъ дуломъ къверху. Раздался выстрѣлъ, и Лермонтовъ упалъ, какъ подкошенный... „Мы подбѣжали“, — рассказываетъ одинъ изъ секундантовъ. — „Въ правомъ боку дымилась рана, въ лѣвомъ сочилась кровь... Неразряженный пистолетъ оставался въ рукѣ... Черная туча, медленно поднимавшаяся на горизонтѣ, разразилась страшной грозой, и перекаты грома вѣли вѣчную память новопреставленному рабу Михаилу“...

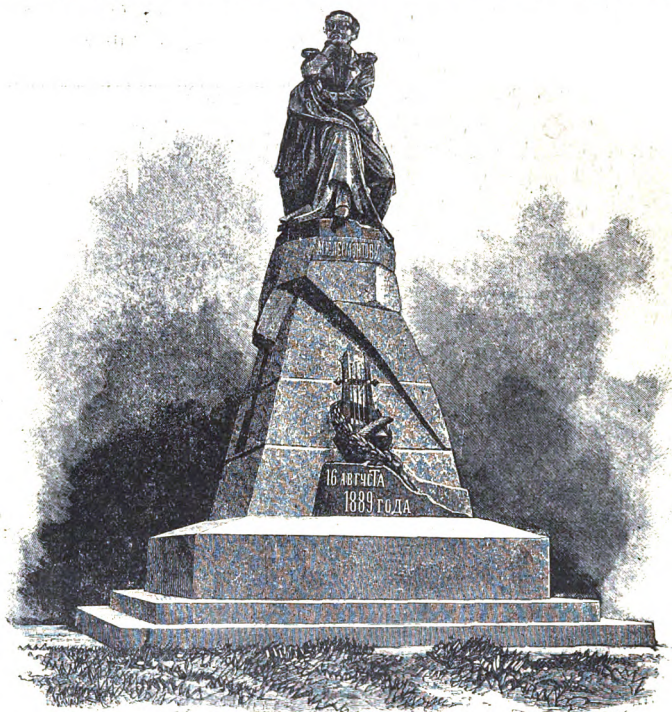
Какія громадныя силы, какія колоссальныя возможности унесъ этотъ роковой выстрѣлъ самолюбиваго ничтожества, показываетъ хотя бы тотъ фактъ, что въ этомъ самомъ 1841 г. Лермонтовымъ было закончено такое великолѣпное произведеніе, какъ „Герой нашего времени“.

Лучшимъ заключеніемъ ко всякой біографіи Лермонтова будутъ слѣдующія строки изъ „Исторіи русской литературы“ А. Пыпина (т. IV, стр. 551): „Поэзія Лермонтова, какъ и его личность, до сихъ поръ заключаютъ много загадочнаго: въ чемъ былъ истинный смыслъ его титаническихъ стремленій, непримиримаго отрицанія, къ которому съ другой стороны присоединялась задушевная молитва, нѣжное, тонко выраженное чувство; откуда этотъ мрачный и безграничный пессимизмъ и какая нравственная основа лежала въ этой бурной дѣятельности его духа и

Могила Лермонтова (въ часовнѣ),
въ с. Тарханахъ.

его поэзіи? Нѣтъ сомнѣнія, что въ лицѣ Лермонтова прошла въ русской поэзіи личность феноменальная, не менѣе оригинальная и самобытная, чѣмъ даже Пушкинъ; и Лермонтова менѣе всего можно объяснить предшествующимъ развитіемъ и современными условіями. Онъ поражаетъ неожиданностями и противорѣчіями; онъ какъ будто ничѣмъ не былъ обязанъ ни воспитанію, ни особенно школѣ; въ европейской литературѣ, онъ самъ отыскалъ немногихъ писателей, отвѣчавшихъ его мысли и поэзіи, — во главѣ ихъ стоялъ Байронъ. Затѣмъ, черезъ всю его поэзію проходитъ въ разныхъ оттѣнкахъ изображеніе одного типа,

Памятникъ М. Ю. Лермонтову въ Пятигорскѣ, открытый 16-го августа 1889 года.

въ которомъ онъ символически и реально изображалъ внутреннюю борьбу, совершавшуюся въ немъ самомъ, борьбу сильной личности или властнаго духа съ условіями ограниченной жизни или, въ частности, съ условіями общества... Идеалистическія требованія отъ жизни, въ соединеніи съ сознаніемъ своего превосходства, которое чувствовалось имъ, какъ избранничество, создали отчужденіе отъ общества... Но рядомъ съ отталкивающимъ себялюбіемъ... шло иное настроеніе — строгій анализъ самого себя, усилія опредѣлить свое отношеніе къ обществу, сознаніе нравственнаго долга, лежащаго на поэтѣ, которому недаромъ дано избранничество. Въ концѣ концовъ, поэтъ не остался чуждъ этому обществу и его стремленіямъ "... Къ тому же „все это сложное содержаніе одѣто было въ гениальную поэзію“...

Портретъ Гоголя съ его автографомъ (хранится въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки).

Н. В. Гоголь.

(1809—1852).

Родители Гоголя принадлежали къ числу малороссійскихъ помѣщиковъ средней руки. Они носили двойную фамилію: Гоголь-Яновскіе, чѣмъ и объясняется запись, сохранившаяся въ одной изъ Сорочинскихъ церквей и гласящая подъ датой 20 марта 1809 г. слѣдующее: „у помѣщика Яновскаго родился сынъ Николай и окрещенъ. Молитвовалъ и крестилъ священнонамѣстникъ Іоаннъ Бѣлопольскій; крещенъ 22 марта“. Позднѣе Н. В. Гоголь подъ вліяніемъ чрезмѣрно усилившагося въ немъ украинскаго націонализма отбросилъ вторую часть своей фамиліи, увѣряя, что ее выдумали поляки.

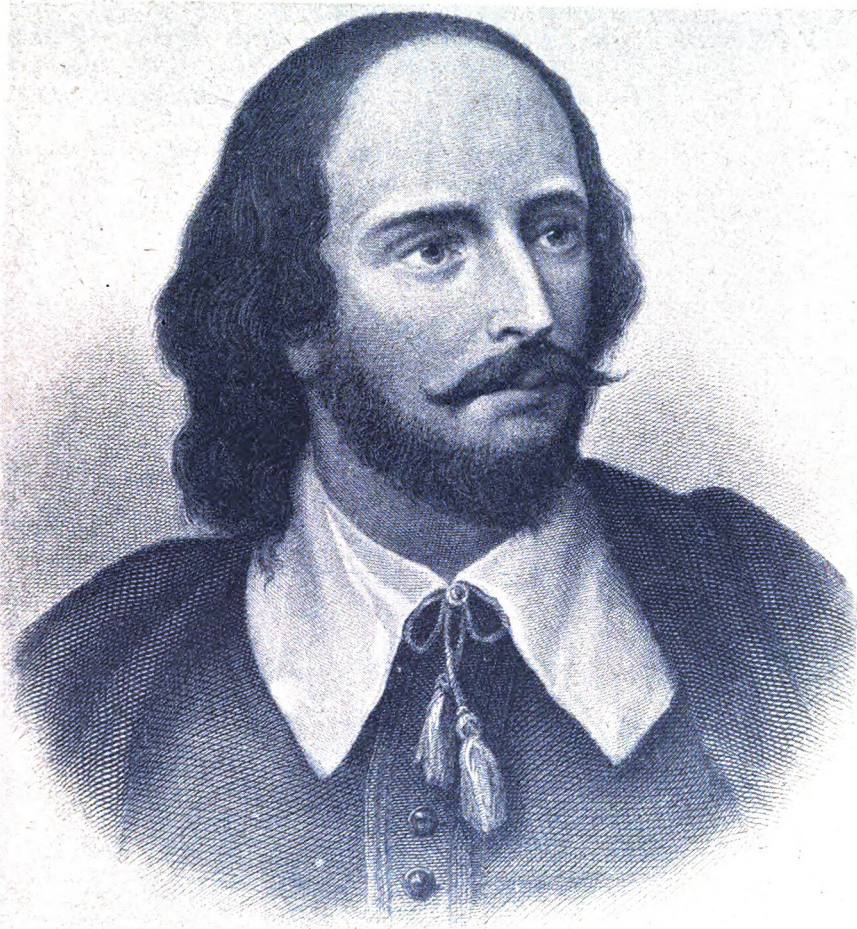
Родился Н. В. въ Сорочинцахъ случайно, потому что его молодая мать (она вышла замужъ на пятнадцатомъ году) боялась во время пер-

выхъ родовъ остаться безъ всякой медицинской помощи и пріѣхала въ городъ, гдѣ жилъ извѣстный врачъ. Обыкновенно же Гоголи жили въ своемъ имѣніи, расположенномъ въ захолустѣ, — въ родовомъ селѣ отца Васильевкѣ (Яновщинѣ тожъ) на границѣ Миргородскаго и Полтавскаго уѣздовъ, въ 30 верстахъ отъ Сорочинца. Но это захолустье представляло рѣдкую по красотѣ мѣстность, запечатлѣвшуюся яркими образами въ талантливой душѣ ребенка. Вся усадьба съ низенькимъ и ветхимъ домикомъ оригинальной мѣстной архитектуры, раскинулась на небольшомъ склонѣ къ балкѣ. Огромный тѣнистый садъ набѣгалъ къ обширному пруду и мѣстами обрывался надъ нимъ. За садомъ на холмѣ скромная бѣлая церковка, у ногъ которой прилѣпилось небольшое село со своими маленькими домиками и купами деревь. Съ вершины холма во всѣ стороны свободно развѣртывалась степная ширь. Это степное плато располагалось между чрезвычайно живописными рѣчными долинами, склоны которыхъ были покрыты лѣсомъ. „Это—не бездушная, жалкая, сѣренькая природа нашего сѣвера“, — замѣчаетъ г. Яковенко. — „Она днемъ и ночью представляетъ чудныя картины; на воспримчивую душу будущаго поэта она вѣяла тихой лаской и пылкимъ восторгомъ, отразившимся впоследствии въ его описаніяхъ украинской природы, описаніяхъ, ставшихъ классическими по своей силѣ и красотѣ“...

Въ характерѣ Гоголя ярко сказались наслѣдственные черты, пріобрѣтенныя имъ отъ родителей и наложившія оригинальныя особенности на его огромный талантъ. Его мать рисуется передъ нами скромной, недалекой, но симпатичной женщиной. Отличительной чертой ея душевнаго склада была глубокая религіозность, граничившая съ мистицизмомъ, который передался и нашему великому писателю, конечно, подъ вліяніемъ бесѣды съ матерью. О вліяніи матери Николай Васильевичъ впоследствии писалъ. „Я очень хорошо помню, какъ меня воспитывали. Дѣтство мое до нынѣ часто представляется мнѣ. Вы (письмо обращено къ матери) употребляли все усиліе воспитать меня какъ можно лучше. Но, къ несчастію, родители рѣдко бываютъ хорошими воспитателями дѣтей своихъ. Вы были тогда еще молоды, въ первый разъ имѣли дѣтей, въ первый разъ имѣли съ ними обращеніе, и такъ могли ли вы знать, какъ именно должно приступить, что именно нужно? Я помню: я ничего сильно не чувствовалъ, я глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ. Никого особенно не любилъ, исключая только васъ, и то только потому, что сама натура вдохнуло это чувство. На все я глядѣлъ безстрастными глазами: я ходилъ въ церковь, потому что мнѣ приказывали, или носили меня; но, стоя въ ней, я ничего не видѣлъ, кромѣ ризъ, попа и противнаго ревѣнія дьячковъ. Я крестился, потому что видѣлъ, что всѣ крестятся. Но одинъ разъ, я живо какъ теперь помню этотъ случай, я просилъ васъ рассказать мнѣ о страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно рассказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за благодѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшныхъ, что это потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность, заронило и произвело во мнѣ самыя высокія мысли“...

Еще большее вліяніе имѣлъ на Н. В. его отецъ. Три года послѣ того, какъ Н. В. потерялъ своего отца (онъ умеръ, когда Н. В.—чу было 15 лѣтъ) онъ такъ характеризовалъ своего отца въ одномъ изъ писемъ, обращенныхъ къ матери: „Это чистое, высокое существо, которое одушевляетъ меня въ моемъ трудномъ пути, живить, даетъ чувствовать са-“

ала в
ли в
ѣ отпа
вскаго
едста-
ззамь
кимъ
ломъ
ому
тая
ми
о-
о-
и

Уильямъ Шекспиръ.

мого себя и часто, въ минуты горя, небеснымъ пламенемъ входить въ меня, разсвѣтляетъ сгустившіяся думы. Въ сіе время сладостно мнѣ быть съ нимъ, я заглядываю въ него, т. е. въ себя, какъ въ сердце друга, — испытываю свои силы для поднятія труда, важнаго, благороднаго, на пользу отечества, для счастья гражданъ, для блага жизни подобныхъ и, дотоле нерѣшительный, неизвѣстный (и справедливо) въ себѣ, я вспыхиваю огнемъ гордаго самосознанія“... И, дѣйствительно, духовная связь между сыномъ и отцомъ была очень значительной. Онъ обращается къ отцу во всѣхъ интересовавшихъ его вопросахъ за помощью и объясненіями. Несомнѣнно, что онъ унаслѣдовалъ отъ него свой тонкій юморъ и литературный талантъ, такъ какъ отецъ его также выступалъ въ качествѣ автора нѣсколькихъ недурныхъ комедій. Конечно, между талантомъ отца и сына, въ концѣ концовъ, все же колоссальная разница.

Свой комическій талантъ Гоголь-отецъ приложилъ къ сценѣ домашнего театра Троцинскаго, ихъ родственника, вельможи и очень богатаго человека. Кибинцы, имѣніе Троцинскаго, сыграло видную роль и въ развитіи Николая Васильевича, а потому, какъ самому Троцинскому, такъ и Кибинцамъ, здѣсь необходимо посвятить нѣсколько строчекъ. „Кто зналъ Кибинцы“, — говоритъ Шеврокъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся біографовъ Гоголя, — „въ дни ихъ величія и славы, тѣ не могутъ и теперь безъ увлеченія вспомнить объ этомъ сказочномъ міркѣ. Все

здѣсь говорило, что хозяинъ былъ человекъ просвѣщенный, съ тонкимъ вкусомъ и большой разносторонней любознательностью. Много было приманокъ, привлекавшихъ сюда всѣхъ, кто имѣлъ возможность проникнуть въ кибинскіе чертоги. Здѣсь былъ вѣчный пиръ въ праздникъ и въ будни. Кто бы и когда бы ни подъѣзжалъ къ господскому дому въ Кибинцахъ, уже издалика начиналъ различать звуки домашнего деревенскаго оркестра. Передъ путниками выросталъ величавый домъ Троцинскаго съ примыкавшими къ нему безчисленными флигелями и службами. Домъ этотъ подходилъ больше на обширный клубъ и гостиницу, чѣмъ на обыкновенный домашній очагъ... Гостей въ Кибинцахъ круглый годъ бывало

Гоголь въ послѣдній годъ жизни.
(По наброску Э. Мамонтова).

такъ много, что исчезновеніе однихъ и появленіе другихъ было почти незамѣтно въ этомъ волнующемся морѣ. Большинство изъ нихъ пользовались особыми помѣщеніями и всевозможнымъ комфортомъ... Съ гостями онъ (Троцинскій) вообще бесѣдовалъ мало и любилъ при нихъ раскладывать гранпасьянсъ. Передъ обѣдомъ гости, располагаясь въ

разныхъ концахъ столовой, обыкновенно напряженно ожидали хозяина. Наконецъ появлялся Дмитрій Прокофьевичъ, всегда въ полномъ парадѣ, во всѣхъ орденахъ и лентахъ, задумчивый, суровый, съ выраженіемъ скуки и утомленія на умномъ старческомъ лицѣ. Увоенная во время придворной жизни величавость, первенствующая роль хозяина и оказываемые наперерывъ со всѣхъ сторонъ знаки подобострастія давали ему видъ козырнаго короля среди этой массы людей... Здѣсь въ Кишинѣхъ отецъ-Гоголь, какъ сказано, нашелъ приложеніе своимъ драматическимъ талантамъ, принимая горячее участіе въ организациі домашняго театра Трошинскаго и написавъ для этого театра нѣсколько пьесъ. Здѣсь и маленькій тогда Николай Гоголь впервые вошелъ въ соприкосновеніе со сценой и всей душой на всю свою жизнь полюбилъ этотъ родъ искусства. Несомнѣнно, что въ значительной степени, благодаря домашнему театру Трошинскаго, Николай Васильевичъ проявлялъ впослѣдствіи обширное и разностороннее знаніе сценическаго дѣла,—такъ что къ его совѣтамъ считали необходимымъ прислушиваться хорошіе драматурги и артисты.

Таковы были главнѣйшіе элементы жизни Гоголя, оказывавшіе благотворное вліяніе на развитіе огромнаго таланта Николая Васильевича. Нѣкоторые изъ біографовъ его полагаютъ, что уже въ раннемъ дѣтствѣ Николай Васильевичъ, такъ сказать, втянулся въ бытъ малорусскаго народа, но г. Яковенко, какъ намъ кажется, вполне справедливо опровергаетъ это предположеніе. „А быть простого народа съ его пѣснями о бурномъ прошломъ и съ его жалкимъ настоящимъ?“ спрашиваетъ онъ.—„Едва ли его можно причислить къ элементамъ, вліявшимъ непосредственно на Гоголя съ самаго дѣтства. Народный бытъ въ эту пору заслонялся отъ него нравами двора и дѣвичьей, съ которыми онъ приходилъ въ непосредственное соприкосновеніе и отъ которыхъ остались у него весьма тяжелыя воспоминанія; объ этомъ можно судить по той настойчивости, съ какой проситъ онъ мать удалить отъ дѣвичьей свою самую меньшую сестру, Ольгу. Только позже, когда въ Гоголѣ стала просыпаться его горячая любовь къ родинѣ, къ ея прошлому,—и быть народа съ его пѣснями, быть прошедшій и настоящій, могъ войти въ его душу и вліять образовательнымъ образомъ на нее“.

Книжное обученіе Николая Васильевича началось для того времени довольно рано: восьми лѣтъ онъ учился грамотѣ у учителя-семинариста, а въ слѣдующемъ году поступилъ въ частный пансіонъ въ Полтавѣ для того, чтобы подготовиться къ экзамену въ гимназію. Въ пансіонѣ онъ пробылъ недолго. Во время ближайшихъ лѣтънихъ каникулъ умеръ его братъ, съ которымъ онъ жилъ въ пансіонѣ. Никола затосковалъ, и родители не рѣшились отпустить его въ такомъ состояніи одного въ чужой городъ. Вскорѣ послѣ того въ Нѣжинѣ открылась „Гимназія Высшихъ Наукъ“ князя Безбородко, ставившая своей задачей предоставить малороссійскимъ дворянамъ „удобность при воспитаніи ихъ дѣтей въ благочестивыхъ правилахъ, приобрѣсть свѣдѣнія въ языкахъ и общихъ наукахъ“. Благодаря хлопотамъ Трошинскаго, Николаю Васильевичу удалось поступить туда бесплатно. Здѣсь онъ пробылъ около семи лѣтъ (1821—1828). Болѣзненнымъ, худосочнымъ и слабымъ мальчикомъ пріѣхалъ Гоголь въ Нѣжинскій институтъ. Первое время онъ сильно дичился своихъ товарищей, которые жестоко относились къ этому застѣнчивому мальчику. Но вскорѣ маленький Гоголь развернулся и далъ волю своему злему язычку. Товарищи почувствовали въ немъ новую силу и стали относиться къ нему съ большою осторожностью и даже уваженіемъ. Зато

педагогическій персонал не замѣтилъ въ своемъ даровитомъ ученикѣ рѣшительно ничего особеннаго. „Это былъ талантъ, неузнанный школой и, ежели правду сказать, не хотѣвшій или не умѣвшій признаться школѣ“, замѣчаетъ г. Кульжинскій, бывшій преподаватель Нѣжинской гимназіи. Школа, дѣйствительно, ничего не дала для развитія таланта Гоголя. Программа ея была необычайно обширна, но исполнители ея—педагоги, въ большинствѣ случаевъ, были ниже всякой критики. Благодаря этому, знанія преподносились учащимся въ самой неинтересной формѣ неспособной хоть сколько-нибудь увлечь умъ дѣтей. И Гоголь изъ всѣхъ предметовъ проявлялъ нѣкоторый интересъ только къ словесности. Но, къ несчастью, и тутъ Гоголю не повезло. Преподавателемъ словесности былъ какое-то невѣроятное чудо невѣжества и безвкусицы. Его идеалами были Херасковъ и Сумароковъ; Батюшковъ и Жуковский были у него подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: они казались ему недостаточно классическими; Пушкина же онъ вовсе не читалъ, считая его слишкомъ пошлымъ, равно какъ не читалъ и европейскихъ классиковъ. Въ результатѣ Гоголь почти буквально ничего не дѣлалъ въ теченіе года. Да за уроками онъ обыкновенно не слушалъ преподаванія, а читалъ что-нибудь изъ-подъ парты. Благодаря хорошей памяти, онъ въ короткій срокъ догонялъ пропущенное, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы „втереть очки“ своимъ педагогамъ. Этой послѣдней задачѣ много способствовалъ его наблюдательный, острый умъ, который позволялъ ему быстро схватывать всѣ слабыя стороны чловѣка для того, чтобы въ большей или меньшей степени овладѣть имъ. Возьмемъ для примѣра хотя бы слѣдующую сценку. „Гоголь“, — рассказываетъ г-жа Анненская, — „часто во время урока выходилъ изъ класса и спокойно прохаживался по корридорамъ. Завидя издали директора (И. С. Орлая), который очень не любилъ подобныя проступки, онъ не прятался, какъ другіе воспитанники, а употреблялъ иного рода уловку. Онъ прямо подходитъ къ И. С. Орлаю и говоритъ ему: „Ваше превосходительство! я сейчасъ получилъ отъ матушки письмо. Она поручила засвидѣтельствовать вашему превосходительству усерднѣйшій поклонъ и донести, что по вашему имѣнію все идетъ хорошо.“ — „Душевно благодарю“, — отвѣчалъ обыкновенно директоръ, — „будете писать матушкѣ, не забудьте ей поклониться отъ меня и поблагодарите ее“. Разыгрывалъ Гоголь со своими учителями комедіи и потрудились той, которая у насъ была только что описана. Разъ ему предстояло поплатиться наказаніемъ за какую-то шалость. Чтобы избѣжать этой непріятности, Гоголь прикинулся просто на просто сумасшедшимъ, да съ такимъ искусствомъ, что перепугалъ весь лицей.

Гоголь незадолго до кончины. (По современному наброску).

При такихъ условіяхъ мы вполне можемъ согласиться съ Гоголемъ, что школа ему ровно ничего не дала, и всему онъ обязанъ былъ своей самостоятельности. Онъ могъ проявлять эту самостоятельность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ не только потому, что школа не придавливала воспитанниковъ своими требованіями, но и потому, что съ точки зрѣнія гигиеническихъ требованій она ставила жизнь своихъ питомцевъ въ до-

вольно приличныя условія: обширныя, свѣтлыя спальни и классныя комнаты, большой тѣнистый садъ, незначительное количество учениковъ. Каковы же были тѣ источники, изъ которыхъ Гоголь-юноша черпалъ свои знанія и которыми онъ пользовался для развитія своего таланта. На первомъ мѣстѣ мы должны здѣсь поставить прежде всего книги. Страсть къ чтенію у него отличалась съ юношескихъ лѣтъ истинной ненасытностью. Вотъ что, напр., мы находимъ въ его письмѣ къ матери отъ 6 апрѣля 1827 года. „Я отказываю себѣ даже въ самыхъ крайнихъ нуждахъ, съ тѣмъ, чтобы имѣть хотя малѣйшую возможность поддержать себя въ такомъ состояніи, въ какомъ нахожусь, чтобы имѣть возможность удовлетворить жаждѣ видѣть и чувствовать прекрасное. Для него-то я съ трудомъ величайшимъ собираю все годовое свое жалованье, откладывая малую часть на нужнѣйшія издержки. За Шиллера, котораго я написалъ изъ Лемберга, далъ я 40 руб.; деньги, весьма немаловажныя по моему состоянію; но я награжденъ съ излишкомъ, и теперь нѣсколько часовъ въ день провожу съ величайшей пріятностью. Не забываю также и русскихъ и выписываю, что только выходитъ самаго отличнаго. Разумѣется, что я ограничиваюсь однимъ только чѣмъ-либо: въ цѣлые полгода не приобрѣтено болѣе одной книжки, и это меня крушитъ чрезвычайно. Удивительно, какъ сильно можетъ быть влеченіе къ хорошему! Иногда читаю объявленіе о выходѣ въ свѣтъ творенія прекраснаго; сильно бьется сердце, — и съ тяжкимъ вздохомъ роняю изъ рукъ газетный листокъ, вспомявъ невозможность имѣть его. Мечтаніе достать его смущаетъ сонъ мой, и въ это время полученію денегъ я радуюсь больше самаго жаркаго корыстолюбца. Не знаю, что было бы со мною, ежели бы я еще не могъ чувствовать отъ этого радости: я бы умеръ отъ тоски и скуки“.

Конечно, при скудныхъ средствахъ, которыми могъ располагать Гоголь въ своей юности, бібліотека его не могла быть сколько-нибудь значительной (да еще при тогдашнихъ цѣнахъ на книги!). Этотъ недостатокъ онъ старался пополнить всевозможными способами. Доставалъ книги и у отца, и у учителей, и у Тропинскаго, и у другихъ знакомыхъ. Наконецъ, нѣкоторое количество книгъ юные лицеисты выписывали въ складчину, и хранителемъ этого общаго книжнаго имущества, по справедливости, былъ избранъ Гоголь. И товарищи не ошиблись въ своемъ избраніи. Болѣе строгаго Аргуса своихъ книгъ они не могли бы найти. Для пользованія этими общими книгами у Гоголя были установлены крайне строгія правила. Получали книги, конечно, по очереди, и очередь всегда сохранялась крайне строго; каждый, получивши общественную книгу, долженъ былъ отказаться отъ какихъ бы то ни было развлеченій, а уѣхать на опредѣленное мѣсто и не сходить съ него, пока не возвратитъ книги обратно. Не довѣряя опрятности рукъ своихъ читателей, Гоголь, при выдачѣ книгъ, завертывалъ каждому кліенту въ бумажку большой и указательный палецъ.

Другимъ источникомъ развитія Гоголя-юноши былъ театръ, который сначала воспитанники устроили только для себя и которымъ впоследствии стала пользоваться и интеллигентная публика города Нѣжина. „Ему“, — говоритъ г. Шенрокъ про Гоголя этого періода, — „безспорно принадлежала инициатива дѣла, съ которымъ изъ его товарищей врядъ ли кто и былъ знакомъ. Театръ, какъ видно, поглощалъ все вниманіе Гоголя“... Это послѣднее подтверждается многочисленными отрывками изъ его писемъ.

„Прошу васъ покорнѣйше прислать мнѣ комедіи, какъ-то: „Бѣдность и благородство души“, „Ненависть къ людямъ и раскаянія“, „Богдановъ, или провинціалъ въ столицѣ“, и ежели какихъ можно прислать другихъ, за что я вамъ очень буду благодаренъ и возвращу въ цѣлости. Также, ежели можете, то пришлите мнѣ полотно и другихъ пособій для театра. Первая пьеса у насъ будетъ представлена „Эдипъ въ Аѳинахъ“, трагедія Озерова. Я думаю, дражайшій папенька, вы не откажете мнѣ въ удовольствіи семъ и прислать нужныя пособія, такъ если можно прислать и сдѣлать нѣсколько костюмовъ, сколько можно, даже хоть одинъ, получше ежели бы побольше; также хоть немного денегъ. Сдѣлайте только милость, не откажите мнѣ въ этой просьбѣ. Когда же я сыграю свою роль, о томъ я васъ извѣщу“... Гоголь вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Кукольниковъ, впоследствии также подвизавшимся на литературномъ поприщѣ, вскорѣ выдвинулся, какъ выдающійся актеръ. Особенно имъ удавались роли Простаковой (Гоголь) и Митрофана (Кукольникъ) въ знаменитой комедіи Фонвизина „Недоросль“. „Въ этихъ роляхъ“, — свидѣтельствуєтъ А. С. Данилевскій, — „оба, по единодушному признанію всѣхъ, кто ихъ видѣлъ на сценѣ, были неподражаемы“.

Наконецъ, огромную роль въ развитіи таланта Гоголя сыграли юношескія его литературныя произведенія. Гоголь началъ писать очень рано. Сначала это были стихотворенія. Такъ, еще въ одномъ изъ младшихъ классовъ онъ читалъ своему товарищу Прокоповичу балладу „Двѣ рыбки“, въ которой изображалъ себя и своего покойнаго брата. Но затѣмъ онъ быстро перешелъ къ драмѣ: таковы были трагедія „Разбойники“, и сатира „Нѣчто о Нѣжинѣ, или дуракамъ законъ не писанъ“; своему же природному юмору онъ давалъ широкій размахъ въ своихъ сатирическихъ произведеніяхъ. Онъ былъ также однимъ изъ самыхъ горячихъ соиздателей и сотрудниковъ ученическаго журнала „Звѣзда“, въ которомъ помѣстилъ обширную повѣсть „Братья Твердиславичи“, написанную подъ вліяніемъ Марлинскаго. Къ сожалѣнію, ни одно изъ юношескихъ произведеній Гоголя, имѣющихъ такое огромное біографическое значеніе, не сохранилось до нашего времени. Можно только съ увѣренностью сказать, что молодой Гоголь не умѣлъ еще, какъ слѣдуетъ, оцѣнить своего таланта и призванія, и литература отнюдь еще не казалась ему задачей, достойной его жизни. Онъ рвался послужить на пользу своего отечества, но для этого, какъ ему казалось, имѣются иные пути, болѣе дѣйствительные, чѣмъ писательство. Вотъ что онъ, напр., писалъ въ октябрѣ 1827 г. своему дядѣ. „Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія я пламенѣлъ неутихаемою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ желаніемъ принести хоть малѣйшую пользу. Тревожныя мысли, что я не буду мочь, что мнѣ преграждать дорогу, что не дадутъ возможности принести ему малѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ при мысли, что, можетъ быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ имени своего ни однимъ прекраснымъ дѣломъ — быть въ мірѣ и не означить своего существованія — это было для меня ужасно. Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія, всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ — на юстиціи; я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только я могу быть благодаренъ, здѣсь только буду истинно полезенъ для челоувѣчества. Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего

разрывало мое сердце. Я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утратить, не сдѣлавъ блага“...

Итакъ, государственная, по возможности, вліятельная служба — вотъ та задача, которую Гоголь считалъ достойной своихъ силъ. Для этого былъ единственный по тому времени путь — окончить Нѣжинскій институтъ и отправиться въ Петербургъ подыскивать себѣ соотвѣтствующее мѣсто. Но мы знаемъ, какъ были запущены учебныя дѣла Гоголя. „По математикѣ“, — замѣчаетъ г-жа Анненская, — „онъ былъ очень слабъ; изъ иностранныхъ языковъ могъ съ грѣхомъ пополамъ понимать только легкія французскія книги, по-латыни въ три года выучился переводить только первый параграфъ хрестоматіи Копанскаго; изъ нѣмецкаго пробовалъ съ помощью словаря читать Шиллера, но этотъ трудъ оказался ему не подъ силу; даже по-русски онъ писалъ далеко неправильно и въ орфографическомъ, и въ стилистическомъ отношеніи“. Но юноша-Гоголь не падалъ духомъ и незадолго до экзаменовъ энергично принялся за учебники. „Цѣлый день съ утра до вечера ни одна праздная минута не прерываетъ моихъ глубокихъ занятій“, — пишетъ онъ матери въ 1827 году. — „О потерянномъ времени жалѣть нечего; нужно стараться вознаграждать его; и въ короткіе эти полгода я хочу произвести и произведу вдвое больше, нежели во все время моего здѣсь пребыванія“. Въ результатъ этихъ усиленныхъ занятій былъ завоеванъ долго жданный дипломъ. Теперь всѣ помыслы Гоголя устремляются къ Петербургу.

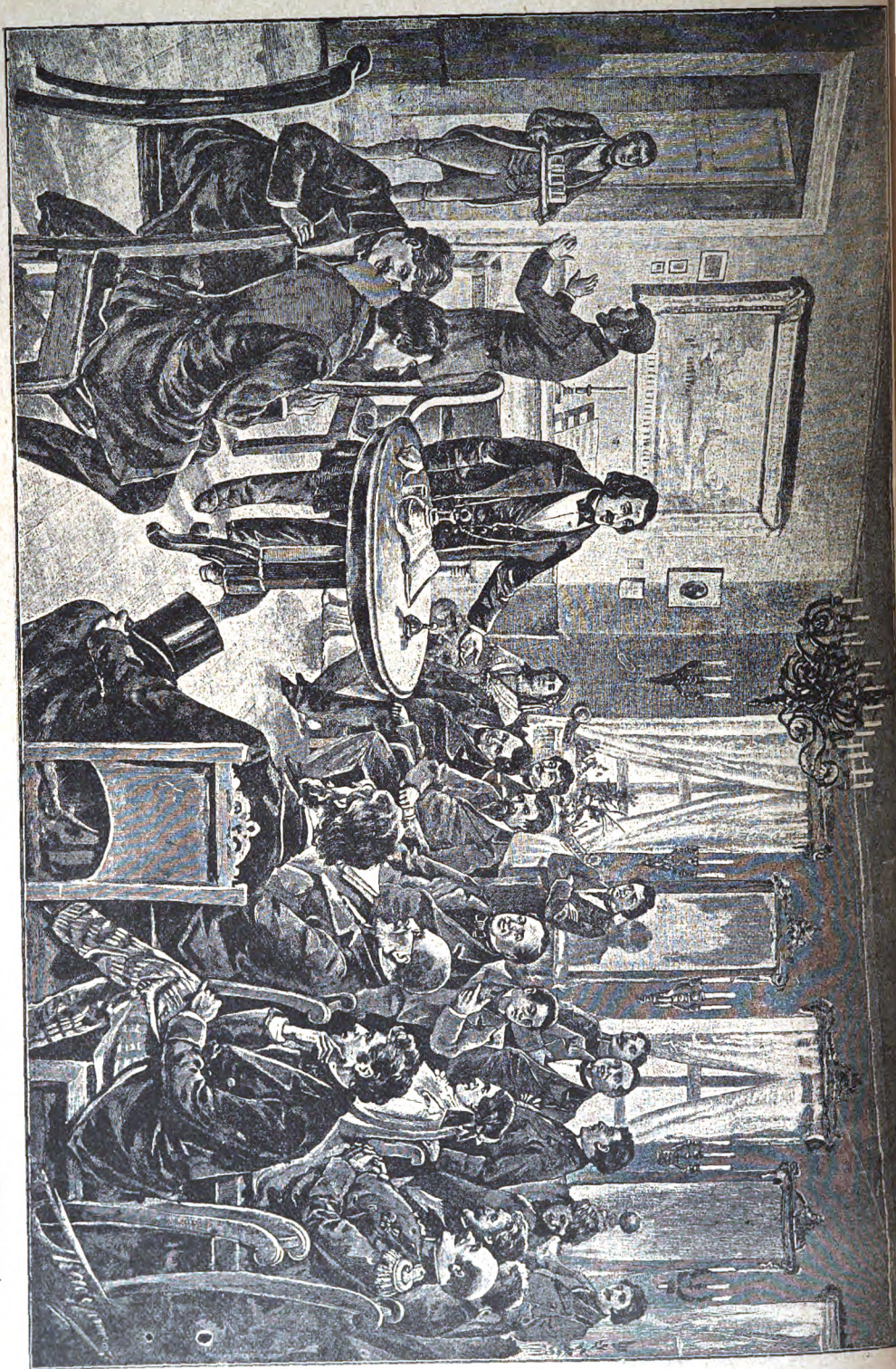
И вотъ Гоголь въ Петербургѣ... Думаете ли вы, что онъ энергично принялся за подысканіе себѣ службы?.. Повидимому, нѣтъ... Во всякомъ случаѣ, если онъ и дѣлалъ попытки въ этомъ отношеніи, то безъ особой настойчивости. Первое же его соприкосновеніе съ чиновничьимъ міромъ сильнѣйшимъ образомъ должно было охладить служебный пылъ молодого человѣка, если онъ былъ когда-либо у него въ дѣйствительности. Съ одной стороны, сухое и высокомерное отношеніе начальства, къ которому приходилось обращаться съ рекомендательными письмами, полученными въ провинціи; съ другой — безобразныя условія службы того времени. „Но за цѣну ли“, — съ тоской онъ спрашиваетъ, — „едва ли могущую выкупить годовой наемъ квартиры и стола, мнѣ должно продать свое здоровье и драгоцѣнное время? и на совершенные пустяки, — на что это похоже? въ день имѣть свободнаго времени не болѣе, какъ два часа, а прочее все время не отходить отъ стола и переписывать старыя бредни и глупости господъ столоначальниковъ“... Когда же Гоголь скрытничалъ? тогда ли, когда онъ писалъ о своемъ страстномъ желаніи служить, или теперь, когда выражаетъ свое глубочайшее отвращеніе къ службѣ? Или, дѣйствительно, его взгляды такимъ кореннымъ образомъ измѣнились при первомъ соприкосновеніи съ служебнымъ міромъ Петербурга? Г. Яковенко думаетъ, что Гоголь хитрилъ въ то время, когда обезпечивалъ себѣ поѣздку въ Петербургъ, увѣряя, что онъ рвется поступить на службу, на самомъ же дѣлѣ тайлъ уже тогда надежду на литературныя выступленія и литературную славу, — надежды, въ которыхъ не хотѣлъ признаться даже самымъ близкимъ людямъ. Трудно, конечно, сказать, какими мотивами въ дѣйствительности руководился Гоголь: чужая душа всегда потемки, а особенно душа такого скрытнаго человѣка, какимъ былъ Гоголь. Но съ точки зрѣнія г. Яковенко довольно хорошо объясняются ближайшіе факты петербургской жизни Гоголя. Именно, съ этой точки зрѣнія для насъ

становится понятнымъ, почему Гоголь такъ долго не можетъ выбрать себѣ никакой службы по душѣ, почему онъ съ увлеченіемъ занимается литературой, почему онъ посылаетъ свои первыя произведенія подъ псевдонимомъ и почему, потерпѣвъ неудачу со своей поэмой „Гансъ Кюхельгартенъ“, онъ неожиданно уѣхалъ за границу. Но, заслушаемъ самого г. Яковенко. „Въ іюнѣ 1829 года“, — рассказываетъ онъ, — „Гоголь выпускаетъ отдѣльной книгой „Ганца Кюхельгартена, идиллію въ картинахъ подъ псевдонимомъ В. Алова“. Въ маленькомъ предисловіи къ нему было сказано: „предлагаемое сочиненіе никогда бы не увидѣло свѣта, если бы обстоятельства, важныя для одного только автора, не побудили бы его къ тому“. Какія же это важныя обстоятельства могли побудить Гоголя, еще почти юношу, пріѣхавшаго въ Петербургъ устраивать свою жизнь, матеріально не обезпеченнаго, печатать свое произведение? Конечно, важныя обстоятельства вынуждали его къ тому: ему необходимо было убѣдиться въ своихъ силахъ, въ своихъ способностяхъ пойти по тернистому пути писателя. Онъ не довѣряетъ своей мечтѣ даже ближайшимъ друзьямъ и товарищамъ по школьной скамьѣ, и, прикрывшись чужимъ именемъ, отдаетъ свое произведение на судъ публики и критики...

„Ганцъ Кюхельгартенъ“ оказался, однако, идилліею очень слабой; стихъ не звучный, частью вымученный и неправильный, картины неестественны, выдуманы, содержаніе бѣдно, въ романтическомъ вкусѣ: парочка любящихъ, изъ которыхъ она — одна любовь, онъ — тоже былъ бы одна любовь, если бы его не волновали безотчетныя, неясныя мысли о высшемъ назначеніи человѣка. Юношу неудержимо влекутъ къ себѣ „земли роскошныя края“, гдѣ міръ прекрасный, „просвѣтитъ юношу готовый и въ наслажденіяхъ вѣчно новый“, отворить передъ нимъ свои дивныя врата, и онъ увидитъ чудеса искусства. И Ганцъ уходитъ отъ своей милой въ дальнюю страну, посѣщаетъ Аѳины; его душу возмущаютъ печальныя руины, онъ разочарованъ, и вотъ „одинокъ, дорогой почтовой, бредетъ съ котомкой за спиной печальный путникъ изъ чужбины“. Произведеніе это, лишенное собственныхъ достоинствъ, имѣетъ значеніе въ томъ отношеніи, что въ немъ отразилось внутреннее состояніе автора. Оно заключаетъ въ себѣ біографическій матеріалъ“...

„Идиллія, — продолжаетъ г. Яковенко, — была очень слаба; критика замѣтила это... Это такъ опечалило Гоголя, что онъ, взявши съ собою своего слугу Якима, обошелъ всѣ книжныя магазины, въ которые была сдана книга для продажи, отобралъ ее и сжегъ. Все это совершилось, какъ устанавливаетъ проф. Тихонравовъ, послѣ 20 іюля, а 24 іюля онъ въ длинномъ письмѣ съ разными недомолвками и натяжками извѣщаетъ мать, что уѣзжаетъ за границу. „Безумный! пишетъ онъ, я хотѣлъ было противиться этимъ вѣчно неумолкаемымъ желаніямъ души, которыя одинъ Богъ вдвинулъ въ меня, претворявъ меня въ жажду, ненасытимую бездѣйственной разсѣянностью свѣта. Онъ указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ воспитать вѣѣ страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда бы былъ въ состояніи разсѣивать благо и работать на пользу міра. И я осмѣлился откинуть эти божественныя помыслы и пресмыкаться въ столицѣ здѣшней, между сими служащими, издерживающими жизнь такъ безплодно“. Вотъ какъ Гоголь въ дѣйствительности относился къ службѣ, къ которой, якобы, пламенѣлъ. Но онъ, говорится дальше въ письмѣ, оста-

Гоголь читает „Ревизора“ перед артистами Московского театра и приглашенными лицами (съ рис. Табурина).

вался въ Петербургѣ и больше въ угоду матери искалъ службы во что бы то ни стало и Богъ наказалъ его... „Я увидѣлъ, что мнѣ нужно бѣжать отъ самого себя, если я хотѣлъ сохранить жизнь“.

Сбивчивыя объясненія, которымъ онъ затѣмъ оправдываетъ свое бѣгство, — по мнѣнію г. Яковенко, — показываютъ, что истинной причиной этого бѣгства, потребовавшаго отъ него даже растраты денегъ, ввѣренныхъ ему его матерью, была не любовь, на которую онъ ссылался, и не различныя болѣзни, которыя онъ постоянно путаетъ въ своихъ письмахъ, а неудача съ первымъ крупнымъ литературнымъ его дѣтищемъ... Молодое самолюбіе было такъ глубоко уязвлено этой неудачей, что Гоголь въ припадкѣ отчаянія хотѣлъ совсѣмъ отказаться отъ родного языка. „Сочиненіе мое, если когда выйдетъ, будетъ на иностранномъ языкѣ“, — заявляетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ.

Къ счастью, все это разочарованіе и отчаяніе продолжалось недолго. Пробывъ два мѣсяца за границей, Гоголь вернулся назадъ, въ Петербургъ, и съ прежнимъ рвеніемъ принялся за литературныя занятія. Кружокъ близкихъ товарищей-малороссовъ, къ которому онъ примкнулъ, поддерживалъ его хорошее настроеніе и помогалъ ему сосредоточивать свои мысли на горячо любимомъ имъ Малороссіи.

Наконецъ, счастье улыбнулось ему. Въ 1830 г. въ „Отечественныхъ Запискахъ“ появилась его повѣсть „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“, затѣмъ рядъ малозначительныхъ статей и, наконецъ, къ маю 31-го года у него были готовы повѣсти, вошедшія въ первый томъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“. Гоголь нашелъ такимъ образомъ настоящее свое призваніе, и это выступленіе его въ качествѣ бытописателя Малороссіи представляетъ собой крупнѣйшее событіе не только въ литературѣ, но если угодно, и въ русской исторіи. „Гоголь“, — пишетъ А. Н. Пынинъ, — „не принадлежалъ къ тому кругу, въ которомъ по преимуществу воспитались писатели начала вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, у него не было никакой связи съ традиціей „Дружескаго Общества“, какая развивалась у Жуковского и Батюшкова и отдаленный отголосокъ которой можно было открыть у самого Пушкина. Напротивъ, у Гоголя сказывалось совсѣмъ другое преданіе, даже иной элементъ русской національной жизни, который до тѣхъ поръ не возымѣлъ дѣйствія въ нашей литературѣ — элементъ малорусскій... Правда, южныя и западно-русскія силы еще съ половины XVII вѣка дѣятельно вмѣшивались въ образованіе новой русской литературы; такова была роль Симеона Полоцкаго, Стефана Яворскаго, Теофана и иныхъ ученыхъ кіевлянъ, но это вмѣшательство было ограничено церковно-школьной областью; ихъ ученость была отвлеченная, вліяніе въ литературѣ — почти только схоластическое, и въ немъ не было тѣни, или одна только тѣнь южно-русскихъ народныхъ элементовъ. Позднѣе, въ рядахъ русскихъ писателей являются настоящіе малоруссы, но Богдановичъ, Капнистъ, потомъ Гнѣдичъ и пр. — шли по обычной колеѣ нашего псевдоклассицизма и не выносили ничего изъ своей племенной особенности, изъ оригинальнаго южно русскаго характера и историческаго быта. И однако эта особенность была унаслѣдована отъ тѣхъ многихъ фактовъ исторіи, отдѣльной отъ исторіи сѣвернаго русскаго народа. Каковы бы ни были источники и обстоятельства племеннаго раздвоенія, исторія снова связала сѣверъ и югъ въ политическомъ, а затѣмъ и въ образовательномъ единствѣ, и если литература должна была служить выраженіемъ духовной жизни народа, то, очевидно, въ этомъ выраженіи цѣлаго

должны были найти свою долю богатых оригинальностью черты характера, быта, поэзии, исторического преданія, какія отличали Русь южную. Если этого не было раньше, въ теченіе XVIII-го вѣка — вслѣдствіе схоластическаго, а потомъ и псевдо-классическаго стиля литературы, которые долго не давали раскрыться элементамъ самой русской жизни, — то было однако, предчувствіе, безсознательный интересъ къ тому, что отличало жизнь малорусскую... Такимъ образомъ въ обществѣ и литературѣ были извѣстныя данныя, которые указывали возможность болѣе широкаго интереса, и въ области малорусскихъ отношеній къ русской жизни было бы естественно ожидать, что историческая связь двухъ племенныхъ элементовъ, наконецъ, найдетъ себѣ органическое выраженіе. Такимъ выраженіемъ явилась дѣятельность Гоголя (курсивъ нашъ). Вслѣдъ за великимъ писателемъ, положившимъ основу самобытной русской поэзіи, явился великій писатель изъ чисто малорусской среды, который писалъ по-русски, но внесъ въ литературу такіе элементы, которыхъ мы напрасно искали бы у русскихъ современниковъ. По природѣ малорусъ до мозга костей, Гоголь носилъ въ самомъ талантѣ своемъ черты специально малорусской веселости и юмора, какъ въ своемъ духовномъ складѣ отдался особенностямъ малорусскаго ума и вкуса съ ихъ достоинствами и недостатками, напр., съ упрямымъ самолюбіемъ и лукавствомъ. Гоголь вступилъ въ русскую литературу прямо съ тѣмъ запасомъ содержанія и приемовъ, какой усвоилъ на родинѣ. Его первыя произведенія (послѣ уничтоженной имъ „Идиліи“) сполна посвящены бытовымъ картинамъ и поэтическимъ преданіямъ его родины, и несмотря на эту этнографическую исключительность, онѣ были привѣтствованы съ великимъ сочувствіемъ въ русскомъ литературномъ кругу и въ обществѣ: признанъ былъ талантъ, но было признано и нравственное единеніе двухъ отраслей русской національности. Чѣмъ далѣе, тѣмъ многозначительнѣе становились произведенія новаго писателя: его проникательное наблюденіе все расширяло свой горизонтъ, и едва ли сомнительно, что въ основѣ этого была не безразличная сила таланта, но именно проявленіе племенной стихіи — глубокой поэтической вдумчивости“...

Въ томъ же 1830 г. Гоголь получилъ скромное мѣсто помощника столоначальника въ департаментѣ удѣловъ. Но теперь, когда налаживалась литературная работа, когда онъ быстро начиналъ пріобрѣтать извѣстность, служба сдѣлалась для него окончательно ненавистной. Онъ сталъ манкировать ею, отдавая всѣ силы литературному творчеству. „Вотъ, — рассказываетъ г. Пашковъ, — послѣ двухъ-трехъ дней пропуска является онъ въ департаментъ, и секретарь или начальникъ отдѣленія дѣлаетъ ему замѣчаніе: „Такъ служить нельзя, Николай Васильевичъ; службой надо заниматься серьезно“. Гоголь вынимаетъ изъ кармана загодя приготовленное на Высочайшее имя прошеніе объ увольненіи отъ службы и подаетъ“... Прошеніе, конечно, было немедленно удовлетворено. Но теперь остаться за стѣнами канцеляріи для Гоголя было не страшно.

Его литературныя выступленія, встрѣченныя съ восторгомъ такими цѣнителями искусства, какъ Бѣлинскій, доставили ему широкія знакомства въ литературномъ мірѣ и въ томъ числѣ съ такимъ вліятельнымъ человѣкомъ, какъ Жуковский. О своемъ первомъ свиданіи съ нимъ Гоголь сохранилъ на всю жизнь самое теплое воспоминаніе. „Вотъ уже скоро двадцать лѣтъ“, — писалъ онъ, — „съ тѣхъ поръ, какъ я, едва всту-

павшій въ свѣтъ юноша, пришелъ въ первый разъ къ тебѣ, уже совершившему полдороги на этомъ поприщѣ. Это было въ Шепелевскомъ дворцѣ. Комнаты этой уже нѣтъ, но я ее вижу, какъ теперь, всю, до малѣйшей мебели и вещицы. Ты подалъ мнѣ руку и такъ исполнился желаніемъ помочь будущему сподвижнику! Какъ былъ благосклонно-любовень твой взоръ!..” Съ помощью Жуковского Гоголь получилъ хорошо оплачиваемые уроки русскаго языка, а затѣмъ и должность адъюнкта по кафедрѣ всеобщей исторіи при Петербургскомъ университетѣ. Нельзя не признать этотъ послѣдній шагъ не только опрометчивымъ, но прямо предосудительнымъ. Гоголь не обладалъ никакой ученой степенью и никогда не готовился къ ученой дѣятельности. Единственнымъ основаніемъ для занятія кафедрой по исторіи—у него была сильная протекція. Естественно, что подобное положеніе вещей сильно возстановило противъ Гоголя всю профессуру. Къ тому же лекціи Гоголя, дѣйствительно, оказались въ высшей степени убогими. Творческій, чисто поэтическій темпераментъ у Гоголя былъ настолько силенъ, что занятіе наукой плохо подвигалось впередъ. „Примусь за исторію“, — пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ того времени, — „передо мною движется сцена, шумятъ апллодисменты; рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и исторія къ черту!“ Единственнымъ благимъ результатомъ изъ всего этого увлеченія ученой карьерой было основательное знакомство съ украинскими древностями, позволившее Гоголю развернуть такую величественную историческую картину въ его „Тарасъ Бульба“.

Съ 1831 по 1836 г. Гоголь почти безвыѣздно пробылъ въ Петербургѣ, вращаясь въ избранномъ литературномъ кругу. Педагогическія обязанности не помѣшали Гоголю проявить чрезвычайную плодовитость на литературномъ поприщѣ. Помимо дѣлаго ряда журнальныхъ статей, не имѣющихъ сколько нибудь литературной цѣнности, и нѣсколькихъ не оконченныхъ статей, Гоголь создалъ за это время такіе перлы, какъ 2-ая часть „Вечеровъ на хуторѣ“, „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Тарасъ Бульба“, „Вій“, „Портретъ“, „Женитьба“, „Ревизоръ“, первые главы „Мертвыхъ Душъ“. Къ несчастью для Гоголя и для всей нашей литературы, общество, въ которомъ теперь вращался Гоголь, оказывало самое неблагоприятное вліяніе на развитіе его общественныхъ взглядовъ и усиленно подготовляло ту душевную трагедію, зачатки которой Гоголь вмѣстѣ съ мистицизмомъ принесъ изъ юношескихъ своихъ лѣтъ и которая совершенно обезплодила и загубила его огромный талантъ. И, въ самомъ дѣлѣ, и Пушкинъ, и Жуковскій, съ которыми такъ близко теперь сошелся молодой писатель, были въ томъ періодъ своей жизни, когда они весь свой умъ, весь свой талантъ приносили на служеніе и оправданіе той политической системы, которая въ крайнемъ своемъ развитіи расшатывала организмъ русскаго государства. Про остальныхъ персонажей, окружавшихъ Гоголя, и говорить не приходится. Изъ этихъ знакомствъ особенно принижющее значеніе для таланта Гоголя было знакомство, — перешедшее, повидимому, въ горячую любовь, — съ фрейленой Смирновой.

Правда, на первое время это знакомство оказало, какъ для Гоголя, такъ и для всей русской литературы крупнѣйшую услугу. Черезъ Смирнову Гоголь сблизился съ высшимъ кругомъ общества и сдѣлался лично извѣстенъ государю Николаю Павловичу. Все это пригодилось Гоголю, когда онъ выпустилъ своего „Ревизора“. Въ своего „Ревизора“

Гоголь вложилъ массу силъ. Этимъ произведеніемъ онъ очень дорожилъ и придавалъ ему огромное значеніе. Хлестакова, какъ типъ, онъ характеризовалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Это лицо должно быть типомъ, многого разбросаннаго въ разныхъ русскихъ характерахъ, но которое здѣсь случайно соединилось въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадаетъ и въ натурѣ. Всякій, хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но натурально въ этомъ не хочетъ только признаться“.

„Въ „Ревизорѣ“ я рѣшилъ собрать въ кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и посмѣяться надо всѣмъ“. Гоголь не только самымъ тщательнымъ образомъ обрабатывалъ свое новое литературное дѣтище, но усерднѣйшимъ образомъ слѣдилъ за постановкой пьесы, входя въ игру актеровъ, въ ихъ костюмы, бутафорскія принадлежности, декорации. Какимъ же тяжелымъ ударомъ для Гоголя было, когда избранная публика, явившаяся на первое представленіе „Ревизора“ вынесла новой пьесѣ самый жестокий приговоръ! „Это—невозможно, это—клевета, это—фарсъ!“ слышалось со всѣхъ сторонъ. Начались разговоры о революціонности пьесы, о необходимости ее запретить. И, дѣйствительно, отъ запрета пьесу спасло только вмѣшательство Имп. Николая Павловича, отнесшагося благосклонно къ новому дѣтищу русской литературы. Этотъ злобный шумъ, поднявшійся вокругъ новаго произведенія Гоголя, произвелъ на него тяжелое, можно сказать, потрясающее впечатлѣніе. Когда подавленный послѣ перваго представленія Гоголь возвратился домой и близкій его товарищъ Прокоповичъ поднесъ ему отпечатанный экземпляръ „Ревизора“, Гоголь съ ненавистью швырнулъ книгу на полъ и съ грустью проговорилъ: „Господи Боже! Ну если бы одинъ, два ру-

„Я не сержусь на толки, какъ ты пишешь“,—читаемъ мы въ его письмѣ къ Погодину, отправленномъ вскорѣ послѣ перваго представленія „Ревизора“,—„не сержусь, что сердятся и отворачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собственные черты и бранятъ меня; не сержусь, что бранятъ меня непріатели литературные, простые таланты. Но грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицы; грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же оплеваннаго и опозореннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водить за носъ. Грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него, и нѣтъ никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. „Онъ зажигатель! Онъ бунтовщикъ!“ И кто же это говорить? Это говорятъ люди государственные, люди выслужившіеся, опытные, люди, которые должны имѣть настолько ума, чтобы понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными и которыхъ свѣтъ,—по крайней мѣрѣ, русскій свѣтъ—называетъ образованными. Выведены на сцену плуты, и всѣ въ ожесточеніи: „зачѣмъ выводить на сцену плутовъ?“ Пусть сердятся плуты, но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ. Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признаковъ глупого, упорнаго невѣжества, разлитого на наши классы. Столица щеколиво оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ; что же бы сказала столица, если бы выведены были, хотя бы слегка, ея собственные нравы? Я огорченъ не нынѣшнимъ

ожесточеніемъ противъ моей пьесы, меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны. Но жизнь петербургская ясна передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая ея черта—и какъ тогда заговаривать мои соотечественники? И то, что бы приняли люди просвѣщенные съ громкимъ смѣхомъ и участіемъ—то самое возмущаетъ желчь невѣжества; а это невѣжество всеобщее. Сказать о плутѣ, что онъ плутъ—считается у нихъ подрывомъ государственной машины; сказать какую-нибудь живую и вѣрную черту—значитъ въ переводѣ позорить все сословіе и вооружить противъ него другихъ или его подчиненныхъ. Разсмотри положеніе бѣднаго автора, любящаго между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ же соотечественниковъ, и скажи ему, что есть небольшой кругъ, понимающій его, глядящій на него другими глазами—утѣшить ли это его?..” Настоящимъ стономъ, наконецъ, звучать слѣдующія строчки изъ письма Гоголя къ Пушкину: „Я усталъ и душою и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій... Богъ же съ ними со всѣми! Мнѣ опротивѣла моя пьеса!..”

Всѣ эти тяжелыя переживанія тѣмъ тяжелѣе отразились на нашемъ знаменитомъ писателѣ, что ему незадолго до того пришлось еще перенести крайне тяжелый ударъ для его самолюбія. Мы видѣли, какимъ опрометчивымъ шагомъ со стороны Гоголя было занятіе кафедръ всеобщей исторіи при Петербургскомъ Университетѣ. Выступая съ ничтожными по содержанію лекціями, Гоголь не замѣчалъ своего жалкаго положенія и приписывалъ свою непопулярность въ качествѣ профессора не самому себѣ, а неразвитости студентовъ. „Знаешь ли“,—писалъ онъ Погодину въ 1834 г.—„что значить не встрѣтить сочувствія, что значить не встрѣтить отзыва. Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ въ здѣшнемъ университетѣ. Никто меня не слушаетъ, ни на одномъ ни разу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я рѣшительно бросаю теперь всякую художественную отдѣлку, а тѣмъ болѣе желаніе будить сонныхъ слушателей. Я выражаюсь отрывками и только смотрю въ даль и вижу ее въ той системѣ, въ какой она явится у меня вылитую черезъ годъ. Хоть бы одно студенческое существо понимало меня! Это народъ безцвѣтный, какъ Петербургъ!” Но правда то все-таки заключалась въ томъ, что Гоголь взялся не за свое дѣло и не хотѣлъ въ этомъ сознаться ни передъ другими, ни передъ собой. Все это окончилось для Гоголя скандаломъ. Сначала онъ получилъ отъ попечителя замѣчаніе, въ которомъ лекціи его признавались неудовлетворительными, а затѣмъ въ слѣдующемъ учебномъ году, при введеніи новаго университетскаго устава, онъ просто-на-просто былъ оставленъ за штатомъ, какъ лицо, не обладающее ученой степенью и не способное получить таковую. Почти въ то же самое время онъ былъ, за непригодностью, отстраненъ отъ преподаванія въ Патріотическомъ Институтѣ. Можно представить себѣ, какъ подобные удары дѣйствовали на самолюбиваго Гоголя, а тутъ еще вся эта неразбериха съ „Ревизоромъ“! Петербургское общество, вся петербургская жизнь, наконецъ, самъ весь Петербургъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вся русская земля стали для него невыносимыми. Не видать, не слышать всего этого! Уѣхать куда-нибудь подальше, подальше... „Я хотѣлъ бы убѣжать теперь Богъ знаетъ куда“, пишетъ онъ Пушкину въ маѣ 1836 г.—„и предстоящее мнѣ путешествіе—пароходъ, море и другія далекія небеса—могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего!..” „Бду за-

границу“, — писалъ онъ тогда же Погодину, — „тамъ размышляю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подалѣе быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ меня уже рѣшительно возстали всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ; но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ ложно, въ какомъ невѣрномъ видѣ ими все принимается... Я не оттого ѣду за границу, чтобы не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься и потомъ, избравши нѣсколько постоянное пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе. Пора уже мнѣ творить съ бѣльшимъ размышленіемъ“... И всѣ эти огорченія, надломившія душевную организацію Гоголя, и эта мысль, выдѣленная нами курсивомъ и все больше и больше захватывающая душу великаго писателя, вскорѣ окончательно опредѣлили тотъ новый путь въ творчествѣ Гоголя, который заставилъ отвернуться отъ великаго писателя всю передовую часть тогдашняго образованнаго общества и вызвалъ горячую отповѣдь со стороны Бѣлинскаго.

Во вторую половину 1836 г. Гоголь былъ уже въ Германіи. Проѣхавъ затѣмъ по Рейну, онъ перебрался въ Швейцарію. Альпы произвели на Гоголя огромное впечатлѣніе и освѣжили его. Къ нему снова вернулась бодрость. Его мрачное настроеніе нѣсколько разсѣялось; у него зарождаются въ душѣ новыя смѣлыя надежды. „Клянусь“, — писалъ онъ тогда Жуковскому, — „что я сдѣлаю то, чего не сдѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. Львиную силу чувствую въ душѣ своей и замѣтно слышу переходъ свой изъ дѣтства, проведеннаго въ школьныхъ занятіяхъ, въ юношескій возрастъ“... Этою же осенью, проживая на берегу Женевскаго озера, онъ усердно занялся продолженіемъ „Мертвыхъ Душъ“ и работалъ надъ этимъ произведеніемъ съ величайшимъ одушевленіемъ и свѣтлыми надеждами. „Какой огромный, какой оригинальный сюжетъ!“ — говоритъ онъ. — „Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ, это будетъ первая моя порядочная вещь, которая вынесетъ мое имя!“

Зима 1836 года была проведена въ Парижѣ. И здѣсь, въ міровомъ городѣ, Гоголь интересовался исключительно только произведеніями искусства. Общественная жизнь чужого народа нисколько не привлекала его вниманія. Здѣсь онъ еще ближе сошелся со свѣтской красавицей Александрой Осиповной Смирновой, въ гостиной которой проводилъ большую часть своихъ вечеровъ. Здѣсь, въ Парижѣ, застала и снова глубоко поразила его душу вѣсть о смерти Пушкина. „Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собой. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое — вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ предвкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу... Боже, нынѣшній трудъ мой, внушенный имъ, его созданіе (тему для „Мертвыхъ Душъ“ Гоголь почерпнулъ изъ одного разсказа Пушкина)... я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался за перо — и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!“

Изъ Парижа весной слѣдующаго года Гоголь перебрался въ Римъ, который очаровалъ его и красотой природы и великими произведеніями искусства. „Все прекрасно подъ этимъ небомъ“,—восклицаетъ онъ.— „Что ни развалина, то и картина, на человѣкъ какой-то сверкающій колоритъ; строеніе, дерево, дѣло природы, дѣло искусства—все, кажется, дышеть и говоритъ подъ этимъ небомъ“... Съ этого времени Римъ становится любимымъ мѣстопребываніемъ Гоголя. Онъ изучилъ его до самыхъ мельчайшихъ подробностей и съ величайшей любовью показывалъ его своимъ соотечественникамъ, которые заѣзжали въ „вѣчный“ городъ. Здѣсь онъ сошелся близко съ русскимъ знаменитымъ художникомъ А. И. Ивановымъ, граверомъ Иорданомъ и аристократомъ Вѣльгорскимъ, молодымъ, но болѣзненнымъ человѣкомъ, богато одареннымъ природой. Насколько благотворное вліяніе оказалъ Римъ на здоровье Гоголя, можно судить по тому впечатлѣнію, которое онъ произвелъ на своихъ друзей во время своего пріѣзда въ Москву и въ Петербургъ осенью 1839 г. Всѣ нашли его поздоровѣвшимъ, похорошѣвшимъ и бодрымъ. Въ этотъ пріѣздъ онъ былъ очень озабоченъ устройствомъ своихъ денежныхъ дѣлъ. Родовое имѣніе Гоголей, сравнительно не малыхъ размѣровъ (около 1000 десятинъ земли и 200 душъ крѣпостныхъ) въ рукахъ матери не давало сколько-нибудь достаточныхъ доходовъ. А между тѣмъ бюджетъ старушки все больше и больше обременялся новыми рубриками расходовъ, благодаря тому, что ея дочери подрастали и становились невѣстами. Большую услугу еще въ 1837 г. оказалъ Гоголю Жуковский, который выхлопоталъ ему отъ Государя пособіе въ 5.000 руб. Но на эти деньги Гоголь жилъ за границей и помогъ экипироваться своимъ сестрамъ, которыя кончали институтское образованіе. Гоголю неудобно было такъ быстро снова обращаться за новымъ пособіемъ къ Государю. Не рѣшался онъ сдѣлать этого и по отношенію къ своимъ друзьямъ, которые неоднократно уже выручали его изъ матеріальныхъ затрудненій. Но на этотъ разъ его выручилъ С. Т. Аксаковъ, который предложилъ ему займы 2.000 руб., хотя самъ не располагалъ лишними средствами.

Устроивъ свои денежные дѣла, Гоголь снова отправился за-границу. Пробывъ нѣкоторое время для лѣченія въ Вѣнѣ, онъ возвратился въ Римъ, къ которому относился съ прежнимъ восторгомъ и въ которомъ снова со страстью принялся за свои литературныя работы. Но всѣ эти порывы носили только временный характеръ. Послѣ подъема силъ неизмѣнно наступалъ новый упадокъ. На этотъ разъ разрушительное дѣйствіе на организмъ Гоголя произвела тяжелая форма лихорадки, которая одно время угрожала ему даже смертельнымъ исходомъ. Эта болѣзнь всколыхнула и какъ бы усилила тѣ тяжелые душевные недуги, которыми Гоголь страдалъ уже съ давнихъ поръ. Онъ всегда отличался мнительностью, эта мнительность теперь въ значительной мѣрѣ увеличилась. Повидимому, отъ отца къ нему перешелъ „страхъ смерти“, и этотъ страхъ смерти особенно остро давалъ себя чувствовать теперь. Уже предыдущія неудачи заставляли его задумываться о томъ, насколько правильнымъ можно считать тотъ путь творчества, который онъ избралъ себѣ; теперь увѣренность въ ошибочности и неправильности всего дѣла своей жизни все сильнѣе и сильнѣе овладѣвала его мыслью. Всѣ эти болѣзненные духовные процессы получали чрезмѣрную остроту подъ вліяніемъ ожившаго у него мистицизма, который такъ усиленно культивировался въ молодые годы подъ вліяніемъ матери. Уже въ началѣ

1841 года Гоголь становится явно ненормальнымъ человѣкомъ въ психическомъ отношеніи. Уже въ это время окончательно созрѣла увѣренность въ его душѣ, что онъ является какимъ-то особеннымъ сосудомъ, избраннымъ Провидѣніемъ для какихъ-то великихъ цѣлей. „Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей“,—писалъ онъ,—„и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; никогда не выдумать ему такого сюжета“... Впрочемъ, творческія силы не оставляли еще Гоголя. Послѣ „Ревизора“ за время своего пребыванія за-границей Гоголь написалъ рядъ великолѣпныхъ драматическихъ произведеній: „Игроки“, „Утро дѣловитаго человѣка“, „Тяжба“, „Лакейская“, „Отрывокъ“. Все это были части огромной комедіи „Владиміръ третьей степени“, и все это показываетъ, какую колоссальную творческую работу исполнялъ Гоголь въ своей душѣ. Однако, неудача съ „Ревизоромъ“ мѣшала ему, очевидно, довести свой широкій замыселъ до конца, и онъ размѣнялъ свое огромное предпріятіе на отдѣльныя мелкія сцены, съ другой стороны, въ это же время была докончена первая часть „Мертвыхъ Душъ“.

Но, этотъ томъ „Мертвыхъ Душъ“ былъ тѣмъ послѣднимъ капиталомъ наблюденій, которыя Гоголь вывезъ изъ Россіи. Отдѣленный отъ родины тысячами верстъ и отгородившійся отъ живой дѣйствительности тогдашняго Запада, Гоголь обезсиливался не только подъ вліяніемъ психическихъ и физическихъ своихъ недуговъ, но и подъ вліяніемъ творческаго худосочія, вызваннаго отсутствіемъ живого общенія съ тою средой, которую онъ хотѣлъ изображать въ своихъ произведеніяхъ. Этотъ недостатокъ не могъ быть исправленъ за короткій пріѣздъ въ Россію въ 1841—42 годахъ,—пріѣздъ занятый хлопотами и непріятностями по поводу изданія перваго тома „Мертвыхъ Душъ“. А непріятностей этихъ было много. Такъ, московская цензура не разрѣшила печатанія великаго произведенія только на томъ основаніи, что душа безсмертна, а потому „мертвыхъ душъ“ не можетъ быть. Въ концѣ концовъ, всѣ эти безсмысленныя заѣмки были устранены, но пришлось пустить въ дѣло всѣ пружины вплоть до подачи прошенія на Высочайшее имя черезъ Смирнову. Но когда все это было улажено, то оказалось, что долгое время нельзя было разыскать рукописи, затерявшейся въ пучинахъ канцелярской волокиты. Всѣ эти волненія крайне губительно отражались на Гоголѣ уже въ силу одного того, что онъ все больше и больше уходилъ во власть какого-то очень тяжелаго физическаго недуга. „Лѣлова моя“,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—„страдаетъ всячески: если въ комнатѣ холодно, мои мозговые нервы ноютъ и стынутъ, и вы не можете себѣ представить, какую муку чувствую я всякій разъ, когда стараюсь въ то время пересилить себя, взять власть надъ собой и заставить голову работать. Если же комната натоплена, тогда этотъ искусственный жаръ меня душитъ совершенно, малѣйшее напряженіе производитъ въ головѣ такое странное сгущеніе всего, какъ будто она хочетъ треснуть“... Временами Гоголь впадалъ въ какое-то обморочное состояніе. Припадки эти приходили иногда столь неожиданно, что Гоголь остался разъ безъ всякой помощи въ своей комнатѣ. Ко всему этому и отношенія со старыми друзьями сильно испортились. Это послѣднее обстоятельство значительно ускорило новый отъѣздъ Гоголя за-границу. Однажды онъ къ удивленію Аксаковыхъ явился къ нимъ съ образомъ Спасителя въ рукахъ и, весь сіяя отъ радости, объявилъ: „Я все ждалъ.

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ,

1831.

Титульный листъ къ одному изъ позднѣйшихъ изданій сочиненій Державина,
съ рисункомъ А. Брюллова.

что кто-нибудь благословить меня образомъ; но никто не сдѣлалъ этого. Наконецъ, Иннокентій благословилъ меня, и теперь я могу объявить, куда я ѣду: я ѣду ко гробу Господню“...

И, дѣйствительно, несмотря на плохія денежные обстоятельства, несмотря на всѣ уговоры друзей, Гоголь снова отправляется за-границу, весь охваченный мыслью поклониться гробу Господню и тамъ получить силу и крѣпость для совершенія того духовнаго подвига, къ которому онъ считалъ себя призваннымъ. Правда, поѣздку въ Палестину пришлось отсрочить, но подъ вліяніемъ Смирновой, съ которой онъ снова встрѣтился за-границей, и ея кружка, увлекавшагося католицизмомъ, болѣзненное мистическое настроеніе продолжало развиваться. Онъ считалъ, что его талантъ—достаточно большое средство для того, чтобы послужить теперь же божественной волѣ. Для этого надо только строже относиться къ своему творчеству. „Чѣмъ болѣе торопимся, тѣмъ менѣе подвигаемъ дѣло“, говорилъ онъ. Онъ началъ все сильнѣе и сильнѣе тренировать себя въ духовномъ „совершенствованіи“.

Въ Ниццѣ,—разсказываетъ г-жа Анненская,—въ это время была цѣлая колонія русскихъ аристократовъ. Александра Осиповна (Смирнова) не пренебрегала своими свѣтскими обязанностями, посѣщала общество, была однимъ изъ украшеній гостиной Великой Княгини Маріи Николаевны; Гоголь писалъ, гулялъ на берегу моря, читалъ небольшому кружку знакомыхъ „Тараса Бульбу“, часто оживлялъ общество веселыми, остроумными разговорами, но все это была только внѣшняя сторона ихъ жизни, главная же суть ея состояла въ другомъ. Оставаясь наединѣ, они читали сочиненія св. отцовъ церкви, вели безконечные разговоры о разныхъ душевно-нравственныхъ вопросахъ, взаимно поддерживали другъ въ другѣ религиозное настроеніе. На Смирнову часто находили минуты безотчетной тоски, мучительнаго недовольства жизнью. Чтобы успокоить ее, Гоголь совѣтывалъ ей заучивать наизусть псалмы и внимательно слѣдилъ за исполненіемъ этого совѣта. Каждое послѣ-обѣда должна была она отвѣчать ему заданный имъ отрывокъ одного изъ псалмовъ, и если она запинаясь на какомъ-нибудь словѣ, онъ говорилъ: „не твердо“, и отсрочивалъ урокъ до слѣдующаго дня. Свидѣтельницами и до нѣкоторой степени участницами этой интимной жизни Гоголя и Смирновой были Вѣльгорскія, проводившія эту зиму также въ Ниццѣ. По смерти Іосифа Вѣльгорскаго вся его семья относилась къ Гоголю самымъ дружелюбнымъ образомъ. Отецъ его, гофмейстеръ графъ Михаилъ Юрьевичъ, принималъ дѣятельное участіе въ судьбѣ Гоголя и не разъ оказывалъ ему услуги своимъ вліяніемъ при дворѣ; мать и сестры смотрѣли на него, какъ на родного. Семейство Вѣльгорскихъ всегда отличалось набожностью и стремленіемъ къ мистицизму. Михаилъ Юрьевичъ былъ въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра Павловича однимъ изъ извѣстныхъ масоновъ, а жена его ревностная католичка. Луиза Карловна и ея двѣ дочери, изъ которыхъ старшая была замужемъ за извѣстнымъ писателемъ гр. Сологубомъ, окружали Гоголя атмосферой искренней дружбы и довѣрія. Благодаря своей способности наблюдать тайныя движенія души, „угадывать“ людей, онъ скоро сталъ повѣреннымъ и матери и дочерей. Онѣ говорили съ нимъ о всѣхъ непріятностяхъ, совѣтывались о всѣхъ домашнихъ дѣлахъ. Одна изъ дочерей повѣряла ему невзгоды своей супружеской жизни, другую онъ руководилъ въ выборѣ книгъ для чтенія и въ распредѣленіи занятій. Среди всѣхъ этихъ женщинъ Гоголь игралъ роль друга, совѣтника, проповѣдника“...

Естественно, что въ этой истерической обстановкѣ душевный недугъ Гоголя началъ быстро прогрессировать. Онъ окончательно пришелъ къ убѣжденію въ своемъ призваніи обновить, усовершенствовать міръ. Онъ велъ строгій образъ жизни. Пересталъ интересоваться своими денежными дѣлами. Назначеніе пособия со стороны Государя въ 1000 руб. сер. въ годъ (на три года) нѣсколько вывело его изъ затрудненія, но не надолго. Онъ постоянно носился съ благотворительными проектами, которые были ему не по средствамъ. Несмотря на выдающіеся успѣхъ „Мертвыхъ душъ“, сочиненія его шли туго, и онъ, вѣпиваясь въ коммерческіе расчеты, окончательно запутывалъ ихъ. Все это только ускоряло и обостряло болѣзненный процессъ въ душѣ Гоголя, и отъ письма, отправленнаго имъ Языкову, — письма, въ которомъ онъ совѣтуетъ поэту молитвой добиваться у Бога своего вдохновенія, на насъ вѣетъ уже настоящимъ безуміемъ. Душевное и физическое равновѣсіе было окончательно потеряно великимъ писателемъ. Съ одной стороны, обострились физическія страданія, съ другой — онъ былъ охваченъ снова страхомъ смерти и раскаяніемъ за неправильно взятый въ жизни путь. Ожидая ежеминутно смерти, онъ торопился исправить свои ошибки и предать сожженію почти готовый уже второй томъ „Мертвыхъ Душъ“.

Исторія со вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“ поучительна не только для Гоголя, но и вообще для литературнаго творчества. Мы знаемъ, что Гоголь все больше и больше начиналъ разсматривать себя въ качествѣ особаго сосуда для благодати Божіей, въ качествѣ особаго посланника, предназначеннаго для возвѣщенія новыхъ божественныхъ истинъ Человѣчеству. Съ этими заданіями онъ подходилъ теперь къ своимъ произведеніямъ. Онъ хотѣлъ, чтобы второй томъ „Мертвыхъ Душъ“ далъ образцы, достойные подражанія, выводилъ идеальныя типы. Къ сожалѣнію, русская жизнь того времени не выдвигала людей такого рода. Напрасно онъ вымаливалъ у Бога соответственнаго вдохновенія и соответственныхъ образовъ: они не приходили, потому что они не укладывались въ рамки изображаемой среды. Чутьемъ своего огромнаго таланта Гоголь прекрасно вскрывалъ ту общественную ложь, которую онъ вкладывалъ въ добродѣтельнаго крѣпостника-помѣщика или въ народнаго благодѣтеля — генераль-губернатора. Эта неизбежная ложь, вызванная желаніемъ во что бы то ни стало навязать русской дѣйствительности типы, которые были ей чужды, уродовали всю работу великаго художника. Онъ это чувствовалъ, страдалъ и уничтожалъ написанное. Когда онъ въ первый разъ сжегъ свою рукопись, онъ смотрѣлъ на свой поступокъ, какъ на жертву, совершенную во имя Бога. Неудивительно, что одновременно съ этимъ онъ переживалъ приступы настоящаго религіознаго экстаза. Когда въ пламени исчезли послѣдніе листы рукописи, то новое содержаніе ея вдругъ развернулось передъ его умственнымъ взоромъ, — „въ очищенномъ, свѣтломъ видѣ, подобно фениксу изъ костра“.

Но надежда эта оказалась тщетной. Художественная работа все-таки не спорилась, а между тѣмъ болѣзненное желаніе сыграть роль пророка, предвѣстника новыхъ истинъ не давало покоя больному воображенію писателя. Если въ роли учителя ему не удавалось выступить на литературномъ поприщѣ, то такую роль, какъ мы видѣли, онъ съ успѣхомъ и настойчивостью выполнялъ не только въ частной жизни, но и въ частной перепискѣ. Такъ, еще въ 1841 году онъ писалъ, на-примѣръ, Данилевскому: „Но слушай: теперь ты долженъ слушать

моего слова, ибо вдвойнѣ властно надъ тобой мое слово, и горе кому бы то ни было не слушающему моего слова!.. О, вѣрь словамъ моимъ! Властью вышею облечено теперь мое слово. Все можетъ разочаровать, обмануть, измѣнить тебѣ, но не измѣнить мое слово“... Придавая такое значеніе своимъ поученіямъ, съ которыми онъ обращался къ своимъ друзьямъ больной душой и умою, Гоголь не могъ не думать, что всѣ эти истины должны будутъ сыграть важную роль въ жизни общества, или они будутъ отобраны и выпущены отдѣльнымъ изданіемъ. Отсюда несчастная мысль объ изданіи „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ (книга была выпущена въ 1847 году, а письма, использованные для этой книги, были написаны большей частью въ 1845 и 46 гг.). Правильность этого объясненія должна быть поставлена внѣ сомнѣній, если мы обратимся къ собственнымъ письмамъ Гоголя. Вотъ что, напр., онъ писалъ Языкову отъ 22 апрѣля 1846 г. „Я, какъ разсмотрѣлъ все, что писалъ разнымъ лицамъ въ послѣднее время, особенно нуждающимся и требовавшимъ отъ меня душевной помощи, вижу, что изъ этого можетъ составиться книга, полезная людямъ, страдающимъ на разныхъ поприщахъ. Страданія, которыми страдалъ я самъ, прилились мнѣ въ пользу, и съ помощью ихъ мнѣ удалось помочь другимъ. Богъ вѣсть, можетъ, это будетъ полезно и тѣмъ, которые находились и не въ такихъ обстоятельствахъ, и даже мало заботятся о страданіяхъ другихъ. Я попробую издать, прибавивъ кое-что вообще о литературѣ... Двигаетъ мною теперь единственно польза, а не доставленіе какого-либо наслажденія“. И чѣмъ дальше онъ занимался своей несчастной мыслью объ изданіи этихъ больныхъ своихъ писемъ, тѣмъ больше онъ вѣрилъ въ огромное значеніе предполагаемаго изданія. Наконецъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что это и будетъ то великое общественное дѣло, къ которому онъ стремился со времени своего отрочества, что оно вмѣстѣ съ тѣмъ принесетъ ему примиреніе съ обществомъ, отчужденіе котораго для него становилось все болѣе и болѣе ощутительнымъ. Вотъ почему онъ весь уходилъ въ изданіе этихъ „выбранныхъ мѣстъ“, тщательно обдумываетъ вопросъ о бумагѣ, о шрифтѣ, о цензурныхъ затрудненіяхъ, о цѣнѣ. Что касается послѣдняго вопроса, то, имѣя въ виду „огромное“ общественное значеніе своего предпріятія, онъ полагаетъ, что цѣна можетъ быть поставлена повыше, такъ какъ-де книгу эту „будутъ покупать люди богатые и достаточные, а бѣдные получать даромъ отъ ихъ великодушныхъ раздачъ“... Настоящій бредъ!.. Этимъ же бредомъ отличаются и всѣ его письма даннаго періода. „Всѣ свои дѣла въ сторону“,—пишетъ онъ Плетневу,—„и займись печатаніемъ этой книги, подъ названіемъ: Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. Она нужна, слишкомъ нужна всѣмъ... Печатай два завода и готовь бумагу для втораго изданія, которое, по моему соображенію, воспослѣдуетъ немедленно: эта книга разойдется болѣе, чѣмъ всѣ мои прежнія сочиненія, потому что это до сихъ поръ моя единственная дѣльная книга“.

Наконецъ, съ цензурными сокращеніями, принесшими Гоголю величайшія огорченія, книга появилась въ свѣтъ. Она заключала 32 статьи, написанныя по поводу различныхъ литературныхъ, религіозныхъ, нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ. Великій художникъ былъ слабымъ мыслителемъ, какъ это было видно изъ эпизода съ его профессорской дѣятельностью. А тутъ еще его мысль запуталась въ цѣломъ лабиринтѣ всякихъ мистическихъ, узко-сектантскихъ и реакціонныхъ

изгибовъ. Получилось нѣчто нелѣпое, совершенно непримиримое съ тѣмъ Гоголемъ, котораго общество и литература знали, какъ замѣчательнаго художника и смѣлаго обличителя разлагавшагося крѣпостническаго общества. Сильнѣйшій взрывъ негодованія встрѣтилъ новую книгу Гоголя, никакъ не ожидавшаго подобнаго приѣма. Самымъ лучшимъ отвѣтомъ на это литературное выступленіе Гоголя послужило письмо почти умиравшаго Бѣлинскаго, даващаго еще до этого письма рѣзкую критическую статью въ „Современникѣ“.

„Вы только отчасти правы“, — говорится въ этомъ письмѣ, — „увидѣвъ въ моей статьѣ разсерженнаго человѣка; этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги. Но вы совсѣмъ не правы, приписавъ это вашимъ дѣйствительно не совсѣмъ лестнымъ отзывамъ о почитателяхъ вашего таланта. Тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, если бы все дѣло заключалось въ немъ, но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истинны, человѣческаго достоинства. Нельзя промолчать, когда проповѣдываютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель. Да, я любилъ васъ со всею страстью, какъ человѣкъ, кровью связанный со своею страной, можетъ любить ея надежду, честь и славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія, прогресса. И вы имѣли основательную причину хоть на минуту выйти изъ спокойнаго состоянія вашего духа, потерявъ право на такую любовь.“

„Я думаю, что вы глубоко знаете Россію только какъ художникъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, роль котораго вы такъ неудачно приняли на себя въ своей фантастической книгѣ; но это не потому, чтобы вы не были мыслящимъ человѣкомъ, а потому, что вы столько уже лѣтъ смотрѣли на Россію изъ вашего прекраснаго далека. — Поэтому вы не замѣтили, что Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ пѣтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности, въ пробужденіи въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и навозѣ. Ей нужны права и законы, сообразные со здоровымъ смысломъ и справедливостью, и строгое по возможности выполненіе ихъ.“

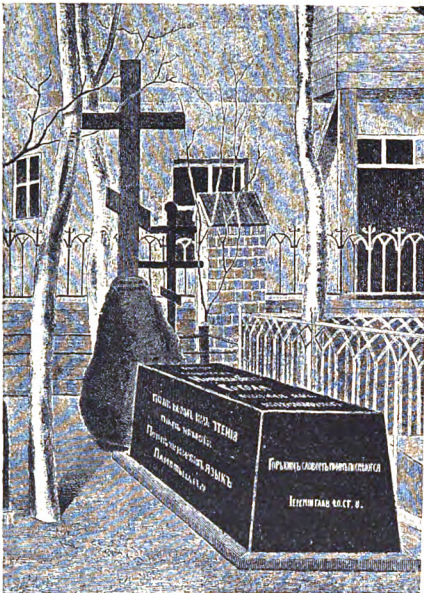
„Самые живые и современные національные вопросы Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостнаго права и отмѣна тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія тѣхъ законовъ, которые уже есть. Вотъ вопросы, которыми тревожно занята Россія въ своемъ апатическомъ полуснѣ. И въ это время великій писатель, который давно художественными и глубокомысленными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на себя самое, явился съ книгою, которою учить варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ побольше денегъ, ругая ихъ „неумытыми рылами“. — Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки. Нѣтъ, если бы вы дѣйствительно прониклись духомъ Христова ученія, совѣмъ не то писали бы къ вашему адепту изъ помѣщиковъ: вы бы писали ему, что „такъ какъ крестьяне его братья по Христу, и такъ какъ братъ его не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ долженъ дать имъ свободу или, по крайней мѣрѣ, пользоваться ихъ трудами какъ можно льготнѣе для нихъ, сознаваясь въ глубинѣ своей совѣсти въ должномъ къ нимъ“

положеніи... И такая-то книга можетъ быть результатомъ труднаго внутренняго прогресса, высокаго духовнаго просвѣщенія? Не можетъ быть!.. Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ правъ, что вы дѣлаете? Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь, вы стоите надъ бездною... Вотъ мое послѣднее заключительное слово: если вы имѣли несчастье съ гордымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно-великихъ произведеній, то теперь вы должны съ искреннимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги и тяжелый грѣхъ ея издавна искупить новыми твореніями, которыя бы напомнили ваши прежнія“...

Не менѣе рѣзкое (хотя и менѣе талантливое) письмо отправилъ Гоголю и одинъ изъ его горячихъ поклонниковъ и друзей — С. Т. Аксаковъ. „Если вы желали произвести шумъ“, — писалъ онъ ему, — „желали, чтобы высказались и хвалители и порицатели ваши, которые теперь отчасти переимѣнились мѣстами, то вы вполнѣ достигли своей цѣли. Если это была съ вашей стороны шутка, то успѣхъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія: все одурачено! Противники и защитники представляютъ безконечно разнообразный рядъ комическихъ явленій... Но, увы! нельзя миѣ обмануть себя: вы искренне подумали, что призваніе ваше состоитъ въ возвѣщеніи людямъ высокихъ нравственныхъ истинъ въ формѣ разсужденій и поученій, которыхъ образчикъ содержится въ вашей книгѣ... Вы грубо и жалко ошиблись. Вы совершенно сбились, запутались, противорѣчите сами себѣ безпрестанно и, думая служить небу и человѣчеству, оскорбляете и Бога, и человѣка. Если бы эту книгу написалъ обыкновенный писатель — Богъ бы съ нимъ! Но книга написана вами; въ ней блещетъ мѣстами прежній, могучій талантъ вашъ, и потому книга ваша вредна: она распространяетъ ложь вашихъ умствованій и заблужденій. О, недобрый былъ тотъ день и часъ, когда вы вздумали ѣхать въ чужіе края, въ этотъ Римъ, губитель русскихъ умовъ и дарованій! Дадутъ Богу отвѣтъ эти друзья ваши, слѣпые фанатики и знаменитые Маниловы, которые не только допустили, но и сами помогли вамъ запутаться въ сѣти собственнаго ума вашего, дьявольской гордости, которую вы принимаете за христіанское смиреніе. Горько убѣждаюсь я, что никогда не проходитъ безнаказанно бѣгство изъ отечества: ибо продолжительное отсутствіе есть уже бѣгство — измѣна ему“...

Эти два письма, вышедшія изъ двухъ противоположныхъ лагерей тогдашней интеллигенціи (западниковъ и славянофиловъ), ярко характеризуютъ то негодованіе, которымъ была охвачена лучшая наиболѣе чуткая, наиболѣе мыслящая и наиболѣе честная часть русскаго общества. Гоголь былъ ошеломленъ подобной встрѣчей книги, на которую онъ возлагалъ такія огромныя надежды. Онъ переживалъ теперь мучительныя тяжелыя минуты. „Ради самого Христа“, — пишетъ онъ Аксакову въ іюлѣ 1847 г., — „прошу васъ теперь не изъ дружбы, но изъ милосердія, которое должно быть свойственно всякой доброй и сострадающей душѣ, изъ милосердія прошу васъ взойти въ мое положеніе, потому что душа моя изныла, какъ ни крѣплюсь и ни стараюсь быть хладнокровнымъ. Отношенія мои стали слишкомъ тяжелы со всѣми тѣми друзьями, которые поторопились подружиться со мной, не узнавши меня. Какъ у меня еще совѣтъ не закружилась голова, какъ я не сошелъ еще съ ума отъ всей этой безтолковщины! Этого я и самъ не могу понять. Знаю только, что сердце мое разбито и дѣятельность моя отнялась. Можно вести брань съ самыми ожесточенными врагами, но храни Богъ всякаго отъ этой

страшной битвы съ друзьями. Тутъ все изнемогаетъ, что ни есть въ тебѣ“... Эти тяжелыя страданія нѣсколько образумили Гоголя, сбросили его съ высоты той проповѣднической каѳедры, на которую онъ взобрался безъ всякихъ данныхъ для того со своей стороны. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ къ Жуковскому у него звучитъ неподдѣльное раскаяніе. „Появленіе книги моей“, — говоритъ онъ тамъ, — „разразилось точно въ видѣ какой оплеухи: оплеуха публикѣ, оплеуха друзьямъ моимъ и, наконецъ, сильнѣйшая оплеуха мнѣ самому. Послѣ нея я очнулся, точно какъ

Могила Гоголя на кладбищѣ Данилова монастыря въ Москвѣ.

будто послѣ какого-то сна, чувствуя, какъ провинившійся школьникъ, что напроказилъ больше того, чѣмъ имѣлъ намѣреніе. Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю души заглянуть въ нее“.

Гоголя теперь снова потянуло къ творчеству, но эти порывы были теперь тщетны: глубокой физической и духовной недугъ продолжалъ разрушать его разумъ. Для того, чтобы снова приступить, какъ слѣдуетъ, къ своей творческой дѣятельности, Гоголь снова считалъ необходимымъ подняться на достаточную высоту религіознаго экстаза. „Ханжи и религіозные маниаки, составлявшіе теперь почти исключительно его общество, поддерживали его въ этомъ настроеніи. Особенно губительнымъ для Гоголя становится теперь вліяніе изступленнаго священника Матвѣя Константиновскаго. „Послѣдній“, — рассказываетъ г. Яковенко, — „все болѣе и болѣе завладѣваетъ помыслами больного писателя. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ

не напечатаны письма его къ Гоголю; но по отвѣтамъ послѣдняго можно судить, что внушалъ и чего требовалъ отъ Гоголя Матвѣй Константиновскій, — пользуясь болѣзненно-религіознымъ настроеніемъ его. Еще въ 1847 году Гоголь въ письмахъ къ нему вынужденъ защищать дѣятельность писателя вообще и свою въ частности; но защищаетъ слабо и прибавляетъ: „если бъ я зналъ, что на какомъ-нибудь другомъ поприщѣ могу дѣйствовать лучше, во спасеніе души моей и во исполненіе всего того, что должно мнѣ исполнить, чѣмъ на этомъ, я бы перешелъ на то поприще. Если бы я узналъ, что я могу въ монастырѣ уйти отъ міра, я бы пошелъ въ монастырь“. Не рѣшаясь пока на такой шагъ, онъ, по полученіи письма отъ Матвѣя Константиновскаго, „положилъ себѣ удвоить ежедневныя молитвы, отдать больше времени на чтеніе книгъ духовнаго содержанія (по указанію того же священника), а тамъ, что Богъ дастъ“. „Нельзя, чтобы сердце мое, говоритъ онъ, послѣ такого чтенія и такого распредѣленія времени, не настроилось лучше и не сказало мнѣ яснѣе путь мой“. Въ другомъ письмѣ онъ защищаетъ театръ отъ нападокъ того же священника и пытается, опять-таки довольно принижено, выяснить его значеніе. Въ каждомъ письмѣ къ нему онъ пи-

петь, какъ онъ много молится и какъ онъ все-таки не удовлетворяется своею молитвой. Какое значеніе Гоголь придавалъ письмамъ этого своего духовника, видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ строкъ: „Вашихъ два послѣднихъ письма держу при себѣ неотлучно. Всякій разъ, когда ихъ въ тишинѣ перечитываю, вижу новое въ нихъ, прежде незамѣченное указаніе и напутствіе, и всякій разъ благодарю Бога, помогшаго вамъ написать ихъ“...

Теперь ясно, что Гоголь къ тому времени былъ человѣкъ поконченный; всѣ его попытки снова писать не приводили ни къ чему, тогда онъ рѣшается выполнить давно мучившую его мечту — посѣтить святыя мѣста и поклониться Гробу Господню. И въ началѣ 1848 г. онъ дѣйствительно предпринялъ это трудное (по тогдашнему состоянію его здоровья) путешествіе. Однако, оно не принесло ему ни того душевнаго удовлетворенія, ни того душевнаго подъема, на которые онъ рассчитывалъ такъ давно. „Еще никогда не былъ я такъ мало доволенъ состояніемъ сердца своего, какъ въ Іерусалимѣ и послѣ Іерусалима“, — писалъ онъ. — „У гроба Господня я былъ какъ будто затѣмъ, чтобы тамъ, на мѣстѣ, почувствовать, какъ много во мнѣ склада сердечнаго, какъ много себя-любія и самолюбія!.. — „Мое путешествіе въ Палестину точно было совершено мною затѣмъ, чтобы узнать лично и какъ бы узрѣть собственными глазами, какъ велика черствость моего сердца... Я удостоился провести ночь у гроба Спасителя, я удостоился причаститься и отъ св. тайнъ, стоявшихъ на самомъ гробѣ вмѣсто алтаря, и при всемъ томъ я не сталъ лучшимъ“...

Изъ Іерусалима Гоголь проѣхалъ прямо въ Малороссію, гдѣ и провѣлъ лѣто съ матерью и сестрами въ своемъ родовомъ имѣніи. Лѣто ему дало мало успокоенія. Въ Россіи свирѣпствовала холера; за границей бушевала революція, отзывавшаяся нажимомъ со стороны правительства и у насъ; личное хозяйство и имѣнье явнымъ образомъ шло къ разрушенію. Тѣмъ не менѣе, Гоголь снова приступилъ къ 2-му тому „Мертвыхъ Душъ“, и дѣло опять стало какъ бы налаживаться. Къ началу 1849 г. черновой набросокъ всего произведенія былъ законченъ. Лѣтомъ этого года онъ читалъ Смирновой уже нѣсколько окончательно обработанныхъ главъ. Осенью онъ читалъ опять-таки часть тѣхъ же отрывковъ Аксаковымъ и произвелъ сильное впечатлѣніе „Съ первыхъ страницъ“, — замѣчаетъ С. Т. Аксаковъ по поводу этого чтенія, — „я увидѣлъ, что талантъ Гоголя не погибъ“... Гоголь, повидимому, съ величайшей любовью относился къ новому своему дѣтищу, какъ это видно изъ рассказа кн. Оболенскаго, сдѣлавшаго вмѣстѣ съ Гоголемъ путь изъ Калуги въ Москву. „Къ утру“, — говоритъ онъ, — „мы остановились на станціи пить чай. Выходя изъ кареты, Гоголь вытащилъ портфель и понесъ его съ собою; это дѣлалъ онъ всякій разъ какъ мы останавливались“... Но это были послѣднія вспышки и таланта, и физическихъ силъ, и работоспособности. Уже въ концѣ 1849 г. Гоголь писалъ: „Я весь изстрадался. Я такъ боленъ и душой, и тѣломъ, такъ расколебался весь“... Жалобы этого же рода продолжаются и въ теченіе всего слѣдующаго года: „Самъ боленъ, изнемогаю духомъ, самъ требую молитвъ и утѣшеній и не нахожу нигдѣ... Съ болѣзнью моею соединилось такое нервическое волненіе, что ни минуты не посидить мысль моя на одномъ мѣстѣ и мечется, бѣдная, безпокойнѣе самого больного“... „Я нахожусь въ какомъ-то нравственномъ безсиліи... ничего не могу написать начисто, ошибаюсь безпрестанно, пропускаю, не дописываю, приписываю,

надписываю сверху, испорчу дестъ бумаги и ничего не сдѣлаю“. Въ то же самое время религіозная манія все сильнѣе и сильнѣе охватывала душу больного. При такихъ условіяхъ естественнымъ является тотъ эпизодъ, которымъ закончилъ Гоголь свое литературное поприще. Однажды онъ долго и горячо молился ночью. Его охватилъ вдругъ обычный страхъ, что онъ употребилъ свои силы не такъ, какъ слѣдуетъ. Тогда онъ снова рѣшилъ покончить со своимъ „соблазномъ“. Въ три часа ночи онъ разбудилъ своего слугу, велѣлъ ему открыть трубу, и сжегъ значи-

Памятникъ Гоголю въ Москвѣ.

то трудно сказать, найдется ли не только въ русской, но и во всемірной литературѣ писатель, личная судьба котораго была бы такъ безпредѣльно несчастна. Въ ужасномъ увиданіи Гоголя въ послѣднее десятилѣтіе его жизни, по нашему мнѣнію, нисколько не менѣе трагизма, нежели въ его эффектномъ, сильно дѣйствующемъ на воображеніе истребленіи трудовъ многихъ лѣтъ въ порывѣ отчаянія, охватившаго его въ предсмертный часъ“...

Тѣмъ болѣе изумительна та колоссальная работа, которая была исполнена Гоголемъ въ такое короткое время и при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Не забудемъ, что Гоголь вмѣстѣ съ Пушкинымъ были основателями современной русской литературы.

тельно уже отдѣланную рукопись второго тома „Мертвыхъ Душъ“... Когда пламя уничтожало послѣдніе листы его творенія, онъ горько плакалъ надъ нимъ.

Съ этого времени мрачное настроеніе не оставляло несчастнаго писателя. Онъ весь ушелъ теперь въ посты и молитвы. Тяжелыя физическія страданія не покидали его. Совѣту врачей онъ не желалъ слѣдовать. Среди страшныхъ страданій онъ скончался 21-го февраля 1852 г. И эта страдальческая смерть невольно приводитъ на память тѣ слова оправданія, которыя нашлись по поводу несчастнаго писателя у лучшаго изъ его біографовъ — Шенрока. „Если вспомнить всю горечь неудачно сложившейся жизни и эти тоскливыя сумерки преждевременнаго его угасанія; если вспомнить болѣе, чѣмъ десятилѣтнюю упорную борьбу съ безпощаднымъ процессомъ разрушенія и временами сознаваемое роковое несоотвѣтствіе между взятой на себя колоссальной задачей и невозможностью исполнить ее.

ВЕЛИКІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ. II.

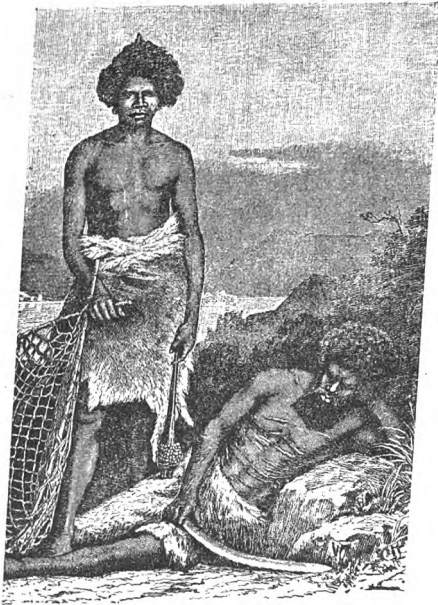

„Океанія“ и ея обитатели.

Позже другихъ частей свѣта въ кругъ европейскаго вліянія была втянута „Океанія“ — т. е. общая совокупность острововъ, разбросанныхъ на огромной поверхности Тихаго и Индійскаго океановъ. Вся эта масса острововъ самой разнообразной величины можетъ быть разбита на двѣ значительныя группы. „Западная группа“, — говоритъ г. Деникеръ („Человѣческія расы“ стр. 565), — „или такъ называемый Азіатскій архипелагъ, состоящій преимущественно изъ большихъ острововъ, населенъ главнымъ образомъ индонезійцами и помѣсью съ другими элементами. Что касается до восточной группы, то она распадается на два района. Къ одному изъ нихъ принадлежитъ Новая Гвинея (самый боль-

шой изъ острововъ земного шара послѣ Гренландіи) съ сосѣдними архипелагами, населенная меланезійской расой, а къ другому — несмѣтное множество острововъ, островковъ, скалъ и атоловъ, лежащихъ далѣе на Востокъ и занятыхъ полнезійской расой. Почти одинаковую участь съ Океаніей съ точки зрѣнія европейскаго вліянія испытала и Австралія съ огромнымъ двойнымъ островомъ Новой Зеландіей, — съ тою только разницею, что европейская культура пустила здѣсь болѣе глубокіе корни и дала къ нашему времени оригинальныя формы обществѣ.

Слухи о томъ, что въ южной части Великаго Океана находится какая-то огромная страна, уже съ давнихъ поръ держались среди европейцевъ. Впервые европейцы подошли къ берегамъ Австраліи со стороны Азіи. Иначе и быть не могло. Въ то время, какъ отъ Америки

Австраліицы.

она отдѣляется многими тысячами верстъ прихотливой водной стихіи, съ юго-восточнымъ краемъ Азіи она соединяется почти сплошною цѣпью крупныхъ острововъ. Европейскіе торговцы уже давно проложили путь въ Индію и въ Индо-Китай, граничащіе при посредствѣ полуострова Малакка съ вышеупомянутыми островами. Среди торговцевъ, явившихся сюда за разными пріятными товарами, преобладали португальцы, которые мало-по-малу добрались до острововъ Молуккскихъ. Португальцы, первые изъ европейцевъ, узнали отъ жителей этихъ острововъ, отважныхъ мореплавателей, что далеко на югъ въ океанъ также простираются огромныя острова. Изъ разспросовъ португальцы убѣдились, что та невѣдомая земля отличалась пустынною и дикостію и не обѣщала большихъ доходовъ, а потому португальскіе купцы и оставили ее безъ всякаго вниманія.

Однако, случай все-таки загналъ португальскихъ купцовъ въ этотъ негостепріимный край. Въ 1526 году буря занесла одинъ португальскій корабль къ берегамъ Новой Гвиней. Прибрежныя скалы, камни, мѣли, бѣшенныя буруны у пустыннаго берега — все это подтвердило португальцамъ тѣ рассказы, которые слышали они отъ дикарей Молуккскихъ острововъ...

Больше интереса къ этой землѣ проявили голландцы, появившіеся у береговъ юго-восточной Азіи почти столѣтіе послѣ рассказанныхъ событий. Какъ только они узнали о существованіи этой земли, они не стали дожидаться, когда ихъ заброситъ туда случай, а отправили корабль изслѣдовать невѣдомые берега. Корабль сталъ объѣзжать берега Новой Гвиней и попалъ въ проливъ, отдѣляющій этотъ островъ отъ материка. Къ этому послѣднему и присталъ голландскій корабль. Ничего хорошаго на берегу этомъ голландцы не нашли; ручьи и тѣ были соленые. Дикари, встрѣтившіе европейцевъ крайне враждебно, не позволили имъ

отойти на сколько-нибудь значительное разстояніе вглубь материка. Невеселые рассказы о новой землѣ привезли голландцы своимъ родичамъ изъ этой поѣздки. Тѣмъ не менѣе европейцы все чаще и чаще, — то случайно, то по доброй волѣ, — стали попадать къ берегамъ Австраліи и Новой Гвинее. Голландцы, французы и англичане принимали участіе въ этихъ поѣздкахъ, и къ концу XVIII столѣтія размѣры и очертанія Австраліи и Новой Гвинее были въ достаточной степени установлены. Эта работа получила особенное значеніе, благодаря тому, что одновременно быстро подвигалось впередъ и изученіе Океаніи, особенно восточной ея части, широко раскинувшейся безчисленными островами и островками по необозримоу Великому океану. Именно къ концу XVIII вѣка относятся между прочимъ и знаменитыя путешествія Джемса Кука, изобродившаго въ нѣсколько пріемовъ Великій океанъ буквально во всѣхъ направленіяхъ.

Когда европейцы познакомились поближе съ Океаніей и Австраліей, они убѣдились, что не только острова Океаніи со своимъ тропическимъ климатомъ (тяжелые жары, котораго умѣряются здѣсь огромной водной поверхностью), съ роскошными кокосовыми пальмами, хлѣбными деревьями, сахарнымъ тростникомъ, представляютъ собой благословенные уголки земного шара, но и сама Австралія, показавшаяся сначала такой непривѣтливой, является во многихъ своихъ частяхъ богатой страной. Здѣсь встрѣчаются прекрасныя гавани, великолѣпные лѣса, плодородныя поля и пастбища, богатые залежи рудъ. Правда, большая часть такихъ благодѣльныхъ мѣстностей сосредоточивается въ юго-восточномъ углу этого материка. Внутреннее волнообразное плоскогорье, мѣстами пересекаемое невысокими горами, страдаетъ отъ недостатка воды, а западная часть материка является и совсѣмъ пустыней съ солончаковой почвой и солеными источниками. Немногочисленныя прѣсныя рѣки и озера въ жаркую часть года здѣсь и совсѣмъ пересыхаютъ. Особая порода кустарника, оживающаго и покрывающагося листьями и цвѣтами лишь на короткое время послѣ дождей, дѣлаетъ эту негостепріимную мѣстность совершенно непроходимой во многихъ ея частяхъ. Этой своей половиной Австралія представляетъ полный контрастъ съ прелестными и щедро одаренными природой островками Океаніи.

Эти пустыни Австраліи до сихъ поръ ставятъ для европейцевъ чашто непреодолимыя затрудненія, а потому внутреннія части материка до сихъ поръ остаются еще мало изученными. Съ какимъ трудомъ Австралія открываетъ человѣку тайны своихъ пустынь, показываетъ судьба двухъ знаменитыхъ ея изслѣдователей, — нѣмца Лейхгардта и англичанина Стюарта. Въ сороковыхъ годахъ нѣмецъ Лейхгардтъ рѣшилъ во что бы то ни стало проникнуть вглубь этого материка. Онъ долгое время готовился къ этому путешествію и соответствующимъ образомъ тренировалъ себя. Такъ, прежде, чѣмъ пуститься въ путь, онъ поселился въ одной изъ

Папуасъ изъ Новой Зеландіи.

окраинныхъ австралійскихъ пустынь и старался приучить себя къ тому образу жизни, который тамъ ведутъ дикари. Даже жильемъ своимъ онъ избралъ, по образцу дикарей, дуплистое дерево, въ которомъ едва не погибъ, когда въ него ударила молнія. Онъ питался исключительно только тѣмъ, что ему давала охота въ пустынь. На этой охотѣ ему не разъ приходилось подвергать себя большимъ опасностямъ. Такъ, однажды огромный свирѣпый быкъ поднялъ его на рога, и онъ спасся прямо какимъ-то чудомъ. Другой разъ онъ заблудился въ пустынь и почти полтора сутокъ оставался безъ пищи. Такую жизнь онъ велъ въ теченіе трехъ лѣтъ и, наконецъ, призналъ себя способнымъ къ дальнему путешествію внутрь Австраліи. Своей задачей онъ поставилъ перерѣзать Австралію отъ восточнаго берега къ сѣверному, и въ 1844 году приступилъ къ выполненію своего замысла. Въ составъ экспедиціи вошло нѣсколько человѣкъ. Сѣстные припасы навьючили на лошадей, взяли съ собой и воловъ. Лейхгардтъ думалъ, что этихъ припасовъ, если ихъ пополнять охотой и сборомъ съѣдобныхъ растений, хватитъ больше, чѣмъ на полгода. Но когда они вступили въ пустыню, расчеты эти оказались ошибочными. Дичи встрѣчалось очень мало, растительность была ничтожной. Начали убивать воловъ. Для того, чтобы мясо сохранялось подольше, его сушили на солнцѣ, благодаря чему оно становилось жесткимъ и малопитательнымъ. Но особенно страдать приходилось отъ недостатка воды. Къ тому же ночью на нихъ однажды напали дикари. Завязалась схватка, въ которой одинъ спутникъ Лейхгардта былъ убитъ, а двое ранены. Несмотря на всѣ эти затрудненія, Лейхгардтъ выполнилъ поставленную себя задачу и добрался до сѣвернаго берега Австраліи.

Закончивъ это путешествіе, Лейхгардтъ не успокоился. Онъ задумалъ еще болѣе трудное и рискованное предпріятіе—перерѣзать всю Австралію по направленію съ востока на западъ. Онъ рассчитывалъ, что этотъ невѣроятно трудный путь онъ исполнить въ два года. На этотъ разъ онъ постарался возможно лучше обезпечить себя провіантомъ: въ его караванъ было взято 15 лошадей, 40 быковъ и множество козъ и овецъ. Но путь оказался гораздо болѣе труднымъ, чѣмъ рассчитывалъ Лейхгардтъ. Особенно мучительно было пробивать себя дорого среди густыхъ зарослей колючихъ травъ. Каждый шагъ здѣсь приходилось отвоевывать при помощи топора. Затѣмъ, на протяженіи сотенъ километровъ ихъ осаждали тучи мухъ, которыхъ было такъ много, что нельзя было открыть рта безъ того, чтобы не проглотить нѣсколькихъ изъ нихъ. Немало досаждали и дикари. Но Лейхгардтъ упрямо двигался впередъ. Но когда путешественники вошли въ полосу соленыхъ болотъ, среди нихъ начали развиваться тяжелыя заболѣванія болотной лихорадкой. Былъ такой періодъ, когда всѣ члены экспедиціи лежали больными. Тогда Лейхгардтъ увидалъ себя побѣжденнымъ природой и воротился назадъ.

Но вернулся онъ однако, съ твердой рѣшимостью еще разъ повторить свой опытъ и въ третій разъ проникнуть въ самую глубь австралійскихъ дебрей, и въ 1848 году онъ снова пустился въ путь. Но путешествіе на этотъ разъ оказалось для Лейхгардта роковымъ. Онъ не вернулся изъ него. Напрасно англійское правительство пыталось нѣсколько разъ разыскать его. Попытки эти не превели ни къ чему. И до сихъ поръ никто не знаетъ, что случилось съ этимъ отважнымъ и упорнымъ путешественникомъ.

Съ такимъ же упорствомъ и съ такими же лишеніями совершалъ свои путешествія по австралійскимъ пустынямъ англичанинъ Стюартъ. Въ

концѣ концовъ, онъ добился своего и пересѣкъ австралійскій материкъ по направленію съ сѣвера на югъ. И даже мало того, онъ и обратно прошелъ опять-таки поперекъ Австраліи. Какъ трудно было это путешествіе можно судить по тому, что отправляясь въ обратное путешествіе, путники, оказавшіеся на незаселенномъ сѣверномъ берегу Австраліи, выбрали огромный эвкалиптъ (австралійское дерево), вырѣзали на его корѣ имя Стюарта, а у его подножія закопали пустую бутылку, въ которую было вложено описаніе всего путешествія. И дѣйствительно, обратную дорогу Стюартъ едва одинъ сдѣлалъ. Онъ такъ расхворался цынгой, что его пришлось уложить на носилки, укрѣпленные на спинахъ двухъ лошадей, которые сами едва-едва тащили ноги. Путники добились своего и вышли въ концѣ концовъ снова къ южному берегу Австраліи. Но въ этомъ ужасномъ путешествіи Стюартъ окончательно потерялъ свое здоровье. По возвращеніи, не смотря на тщательный уходъ и лѣчение, онъ прожилъ недѣлю.

За Лейхгардтомъ и Стюартомъ въ Австраліи, какъ за Кукомъ въ Океаніи, послѣдовалъ рядъ новыхъ путешественниковъ уже по проложеннымъ и испытаннымъ путямъ. Въ настоящее время, какъ Океанія, такъ и Австралія оказываются значительно изученными. Особенно оригинальнымъ и любопытнымъ представился европейцамъ растительный и животный міръ Австраліи. Эвкалиптъ, со своими узловатыми вѣтвями, съ которыхъ свѣшиваются длинныя полосы отжившей коры и которыя своими голубовато-сѣрыми или темно-зелеными тусклыми листьями, наводитъ тоскливое чувство, безчисленныя сумчатая (отъ крошечныхъ мышей, живущихъ на деревьяхъ до гигантскихъ кенгуру), невѣроятные утконосы и муравьѣды, страусообразные эму, удивительные по своимъ нравамъ и виду пеликаны, громадныя муравьи, размѣрами въ добрую четверть вершка, лѣса, лишеныя тѣни, благодаря своимъ листьямъ, повороченнымъ къ солнцу ребромъ, а не пластинками, — все это были поразительныя диковинки для европейца.

Не менѣе удивительнымъ представился передъ европейцемъ-наблюдателемъ и коренной обитатель Австраліи и Океаніи, остававшійся почти до нашего времени въ каменномъ вѣкѣ. Остановимся нѣсколько на туземцахъ этихъ странъ. Всѣ обитатели австралійскаго материка и безчисленныхъ острововъ Океаніи раздѣлены современными этнографами и этнологами на четыре группы: австралійцевъ, жителей Малайскаго архипелага, меланезійцевъ и полинезійцевъ.

Австралійцы, жители материка, „представляютъ, по замѣчанію г. Деникера, замѣчательное единство типа, что въ значительной степени объясняется значительной однородностью почвы, рельефа, климата, флоры и фауны Австраліи. Въ настоящее время эти когда-то хозяева материка оттѣснены европейцами въ нездоровыя, бесплодныя и пустынные мѣстности, гдѣ они обречены на вымирание. Лучше всего племена австралійцевъ сохранились въ центральной Австраліи и на сѣверномъ ея берегу, гдѣ они были тщательно изучены цѣлымъ рядомъ выдающихся ученыхъ (Стирлингомъ,

Маори изъ Новой Зеландіи.

Б. Спенсеромъ, Джилленомъ и В. Ротомъ). Въ настоящее время число ихъ едва ли превышаетъ 50 тысячъ душъ.

Съ вѣшной стороны австралійцы выдѣляются слѣдующими признаками: темная шоколадно-бураго цвѣта кожа, кудрявые или волнистые волосы, удлиненная голова, выдающіяся надбровныя дуги, приплюснутый носъ, толстыя губы, значительный ростъ; значительно развитая волосатость по всему тѣлу и, наконецъ, значительная вмѣстимость шаровой коробки. Это очень выносливая, ловкая и воздержанная раса. Что касается ихъ умственныхъ способностей, то большинство путешественниковъ склонно считать ихъ незначительными. Однако, замѣчаетъ г. Деникеръ, — они обладаютъ „довольно сложными общественными порядками, обширнымъ запасомъ народныхъ былинъ, пословицъ и басенъ. Дѣти австралійцевъ, обучающіяся въ школахъ у миссіонеровъ вмѣстѣ съ европейскими дѣтьми, усваиваютъ быстрѣе ихъ грамотность, въ смыслѣ ознакомленія съ чтеніемъ и письмомъ, но, повидимому, оказываются неспособными усвоить себѣ четыре правила ариметики. Слѣдуетъ замѣтить, что въ

Безволосый австраліецъ (по Миклуха-Маклаю).

австралійскихъ нарѣчіяхъ имѣются особыя выраженія только для чиселъ „одинъ“ и „два“. Немногія лишь племена обладаютъ подобными же особыми терминами для „трехъ“ и „четырехъ“. Обыкновенно вмѣсто „трехъ“ говорятъ — „два и одинъ“, а вмѣсто четырехъ — „два и два“ и т. д. Австралійскіе дикари очень похожи другъ на друга и принадлежать къ одному и тому же семейству, не состоящему въ родствѣ ни съ какой изъ извѣстныхъ въ настоящее время лингвистическихъ группъ“. У нихъ развитъ сильно и языкъ жестовъ. При помощи мимики съ большимъ успѣхомъ у нихъ ведутся переговоры между различными племенами.

По образу жизни всѣ австралійцы — охотники. Изъ мета-

тельныхъ оружій ихъ бумерангъ, который ловкимъ охотникомъ можетъ быть кинутъ такъ, что онъ тотчасъ же возвратится къ ногамъ хозяина, получилъ всеобщую извѣстность. Они также съ чрезвычайнымъ искусствомъ пользуются своими палицами для отраженія пущенныхъ въ нихъ стрѣлъ или копій, щиты ихъ представляютъ собой не что иное, какъ слегка видоизмѣненные палицы. Единственнымъ на половину прирученнымъ животнымъ является у нихъ собака динго; слѣдовательно, со скотоводствомъ они совсѣмъ не знакомы. Землю они также не умѣютъ воздѣлывать, но ихъ женщины занимаются сборомъ лѣсныхъ плодовъ и выкапываніемъ съѣдобныхъ корней. Жилищемъ ихъ служатъ маленькіе шалаши, сложенные изъ древесныхъ вѣтвей съ листвою. Да и эти жилища они строятъ неохотно, когда у нихъ имѣется возможность какъ-нибудь защитить себя отъ холода (напр., завернуться въ шерстяное одѣяло, полученное

отъ бѣлыхъ). Австралийцы очень чувствительны къ украшеніямъ. Они охотно, напр., татуируютъ свое тѣло путемъ надрѣзовъ кожи, или вырываютъ у юноши часть зубовъ. Что же касается ихъ общественныхъ отношеній, то большой интересъ представляетъ практикуемая у нихъ форма брака, названная Говиттомъ и Физеномъ, тщательно изучавшими эти народы, „бракомъ по группамъ“. Въ простѣйшемъ своемъ видѣ онъ является у вотиобаллукъ, племени, занимающаго сѣверо-западную часть Викторіи.

„Племя это дѣлится на два клана, или класса, гамучъ и крокичъ. Мужчины клана гамучъ считаются законными мужьями всѣхъ женщинъ клана крокичъ, и обратно. Право это оказывается лишь теоретическимъ. Въ дѣйствительности на большихъ празднествахъ посвященія, старики со всего племени на общемъ совѣтѣ распредѣляютъ между холостяками одного изъ клановъ „незанятыхъ“ дѣвицъ другого клана. Такой бракъ даетъ мужчине, напр., изъ клана гамучъ право вступить въ брачный союзъ съ предназначенной ему женщиной изъ клана крокичъ, если представится къ этому благопріятный случай. Онъ можетъ взять себѣ также одну, или нѣсколько такихъ дѣвушекъ, и поселить ее, или ихъ, вмѣстѣ съ женою изъ чужого племени, съ которой состоитъ въ индивидуальномъ бракѣ.

Австралийскій кенгуру.

Одна и та же женщина, или дѣвушка, можетъ быть присуждена на нѣсколькихъ послѣдовательныхъ празднествахъ различнымъ мужчинамъ... Нетрудно видѣть, что эта форма брака является однимъ изъ первыхъ шаговъ къ устраненію браковъ между близкими родственниками, — браковъ, оказывающихъ вредное вліяніе на потомство. Объ обрядѣ посвященія, о которомъ мы упоминали выше, г. Деникеръ говоритъ слѣдующее. „Это нѣчто въ родѣ національнаго высшеобразовательнаго курса, съ соответственными испытаніями, за которыми слѣдуетъ церемоніаль провозглашенія юношей полноправными мужчинами... Юношей даннаго племени уводятъ въ укромное мѣстечко, гдѣ колдуны, истолкователи воли фетиша, или, просто, — просто, старики обучаютъ ихъ, въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени, всему, что надлежитъ, по ихъ мнѣнію, знать взрослому мужчине... Кандидатовъ подвергаютъ также испытаніямъ, иногда очень жестокимъ,

дабы убѣдиться въ ихъ способности выносить жажду, голодь и физическую боль. Юноши, побѣдоносно выдержавшіе эти испытанія, приводятся съ торжествомъ обратно въ селенія, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ дней устраиваются въ ихъ честь празднества“. Соотвѣтственно оригинальной формѣ брака и родство у австралійцевъ слагается по другому типу, чѣмъ у насъ.

Искусство нашло наибольшее свое развитіе у австралійцевъ въ пляскѣ. Хореографическое искусство такимъ образомъ достигло здѣсь высокой степени совершенства. Плясовые движенія ихъ въ большинствѣ случаевъ состоятъ изъ ряда прыжковъ, при помощи которыхъ мужчины (они—главные плясуны) энергично устремляются впередъ для того, чтобы затѣмъ отступать назадъ съ угрожающими или нѣжными жестами, смотря по тому, имѣетъ ли пляска характеръ любовный или воинственный. Наивысшей своей выразительности австралійская пляска достигаетъ на корробори, большихъ ночныхъ празднествахъ, устраиваемыхъ по случаю какихъ-нибудь важныхъ событій и состоящихъ изъ цѣлаго ряда различныхъ плясокъ. „Каждая изъ нихъ тщательно опредѣлена во всѣхъ своихъ подробностяхъ установленнымъ церемоналомъ и выполняется юношами, которыхъ задолго передъ тѣмъ подготовляли къ такимъ хореографическимъ упражненіямъ старожилы племени. Въ этихъ пляскахъ, какъ и во всѣхъ вообще серьезныхъ дѣлахъ, участвуютъ одни мужчины. Что касается до женщинъ, то онѣ присутствуютъ лишь въ качествѣ зрительницъ и музыкантъ. Общая радость по поводу счастливаго событія, относящагося до всего племени, выражается у некультурныхъ народностей именно пляской. Необходимо замѣтить также, что пляска выполняется собраніемъ отдѣльныхъ личностей, доказавшихъ свою солидарность съ обществомъ тѣмъ, что, жертвуя до извѣстной степени своей свободой, подчинялись указаніямъ старожилловъ, дабы доставить удовольствіе всему племени. Удовольствіе это является, сверхъ того, въ данномъ случаѣ, взаимнымъ, такъ какъ исполнители „чувствуютъ“ пляску, не видя ея со стороны, а зрители видятъ ее, не ощущая непосредственнаго воздѣйствія ея движеній. Въ первобытныхъ обществахъ пляска называется, поэтому, великою школою солидарности. Она, болѣе, чѣмъ что-либо другое, выставляетъ на видъ преимущества общественности“. (Деникеръ). Конечно, такіа празднества, какъ корробори, являются переходной формою къ обрядовымъ пляскамъ, играющимъ огромную роль во всѣхъ религіяхъ.

Въ тѣсной связи съ развитіемъ пляски стоятъ у австралійцевъ и вообще некультурныхъ народовъ развитіе музыки. Пляска требуетъ темпа; этотъ темпъ дается музыкой. Подобный аккомпаниментъ лучше всего удастся, конечно, на барабанахъ, и танецъ корробори именно и ведется при помощи приспособленій, являющихся, какъ бы прообразомъ барабана. Такой первобытный барабанъ устраивается при помощи юбки, сдѣланной изъ опоссумовой кожи. Музыкантъ усаживается, поджавъ ноги, при чемъ юбка натягивается между бедеръ и по этой-то натянутой кожѣ она выбиваетъ палкой соотвѣтствующій тактъ.

Наука и религія у австралійцевъ стоятъ еще на самой низкой ступени развитія.

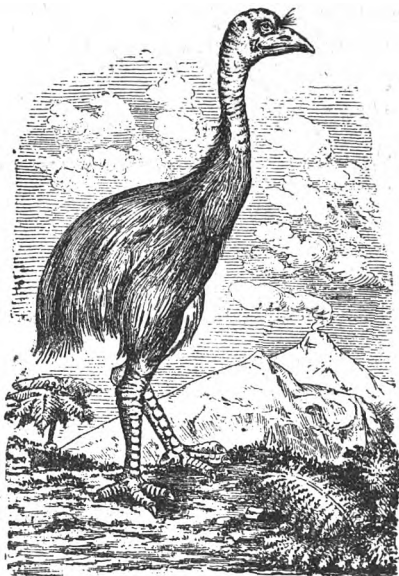
На расахъ Азіатскаго или Малайскаго архипелага мы здѣсь останавливаться не будемъ, такъ какъ онѣ въ громадномъ своемъ большинствѣ относятся къ народамъ азіатскаго материка. Мы переходимъ поэтому къ меланезійцамъ. Расса эта распадается на двѣ большія группы:

Гете, въ годъ его прибытія въ Веймаръ. — Гипсовый медальонъ
І. П. Мельхиора.

папуасскую, распространенную главнымъ образомъ въ Новой Гвинее и собственно меланезійскую, занявшую огромное количество острововъ, въ западной части Великаго океана (острова Адмиралтейства, Ново-Британскіе, Соломоновы, Св. Креста, Банка, Ново-Гебридскіе, Лойялти, Новая Каледонія и архипелагъ Фиджи).

Папуасы, рѣзко выдѣляющіеся своимъ продолговатымъ лицомъ и крючковатымъ носомъ, заключаютъ въ своемъ составѣ приблизительно около милліона душъ и распадаются на множество отдѣльных племенъ, изъ которыхъ лишь очень немногіе (напр., амбербаки и кароны) занимаются людоедствомъ и по настоящее время. Всѣ эти племена говорятъ на различныхъ языкахъ, иногда настолько несхожихъ, что даже ближайшіе по территории сосѣди часто не понимаютъ другъ друга. Большинство папуасовъ занимается земледѣліемъ (главнымъ образомъ, воздѣлываніемъ саговой пальмы, маиса и табаку), но нѣкоторые племена питаются исключительно отъ охоты, при чемъ выказываютъ замѣчательное искусство въ устройствѣ западней и ловушекъ и другихъ хитростей, при помощи которыхъ они овладѣваютъ дикими животными. Оружіемъ ихъ по преимуществу являются лукъ и стрѣлы съ кремневыми наконечниками. Они умѣютъ хорошо строить суда, на которыхъ, впрочемъ, не отваживаются пускаться въ открытое море. Они довольно искусные рисовальщики и охотно покрываютъ свое оружіе и домашнія вещи орнаментами, основныя идеи которыхъ оказываются всегда заимствованными изъ окружающей природы. Ходятъ они всегда почти совершенно обнаженными, такъ какъ едва ли возможно считать за одежду поясъ изъ древесной коры у мужчинъ и передникъ изъ сухой травы у женщинъ. Папуасы отличаются крайнимъ суевѣріемъ, но настоящей религіи они не имѣютъ. Общественная дѣла ихъ ведутся въ большомъ хаосѣ. Вождей въ настоящемъ смыслѣ этого слова они не имѣютъ. Общественныя дѣла рѣшаются на народныхъ сходбищахъ, при чемъ отдѣльныя личности, благодаря ли своимъ качествамъ или случайнымъ обстоятельствамъ пріобрѣтаютъ болѣе или менѣе значительное вліяніе. У папуасовъ широко распространены обычай вендеты, т. е. обиженный долженъ мстить самъ за себя, а за убитого вступаютъ его ближайшіе родственники. Широко распространена у нихъ и охота за черепами. Со своими покойниками они поступаютъ различно: одни хоронятъ ихъ въ землю, другіе выставляютъ на деревьяхъ, третьи бальзамируютъ. Но всѣ они съ большимъ почтеніемъ относятся къ душамъ умершихъ. У папуаса нѣрѣдко можно встрѣтить корваръ, т. е. деревянный истуканъ, изображающій или самого

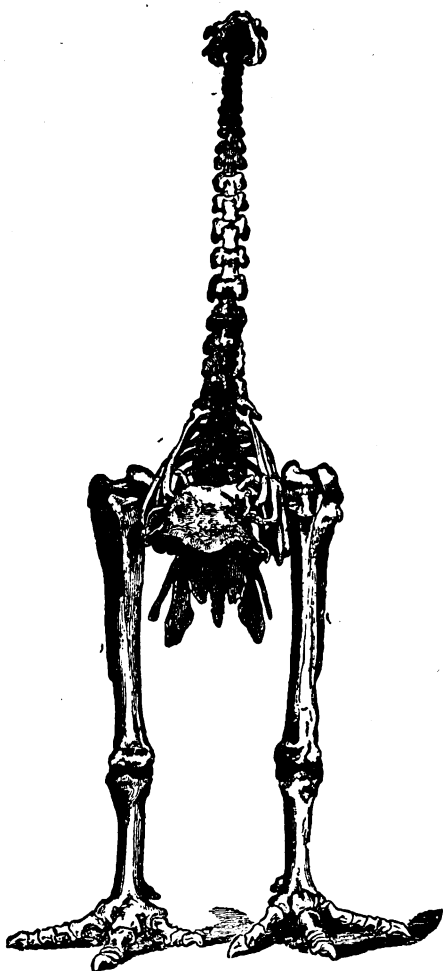
Предполагаемый видъ вымершей новозеландской птицы моа (Palapteryx), возстановляемый по сохранившимся скелетамъ. Послѣ истребленія этой птицы племенемъ маори наступилъ недостатокъ въ пищѣ, вызвавшій людоедство.

покойника, или его духъ. Этотъ корваръ хранится обыкновенно съ большою тщательностью.

Папуасы, какъ и всѣ жители Океаніи, были не знакомы съ употребленіемъ металловъ до самаго послѣдняго времени. Всѣ ихъ орудія дѣлались изъ дерева, камня и костей. Домашнія вещи выдѣлывались изъ глины или изъ дерева, ножи—изъ кости кенгуру. Для выдѣлки рѣзущихъ орудій служили не только кремни, но и мелкія раковины. Папуасы, до прибытія европейцевъ, хотя и были знакомы съ употребленіемъ огня,

но добывать его не умѣли. Поэтому они постоянно поддерживали огонь у себя въ деревняхъ. Отправляясь же въ далекое путешествіе, захватывали съ собой горящіе угли.

„Собственно меланезійцы“ имѣютъ широкое лицо съ прямымъ или вздернутымъ носомъ. Ростъ у нихъ крупнѣе, чѣмъ у папуасовъ. Главное занятіе ихъ—земледѣліе. Охота и рыбная ловля являются подсобными промыслами. Изъ домашнихъ животныхъ у нихъ водится одна только свинья. Орудія и оружія во многомъ напоминаютъ описанныя у австралійцевъ и папуасовъ. Можно только замѣтить, что наконецники стрѣлы они охотно выдѣлываютъ также изъ человѣческихъ костей, изрѣзывая ихъ зазубринами и обмазывая ихъ различными ядами. Они также раздѣляются на множество племенъ, говорящихъ на совершенно различныхъ языкахъ. Людоѣдство было замѣчено у нихъ только на Соломоновыхъ островахъ, а также мѣстами въ Новой Британіи и на Ново-Гибридскихъ островахъ. Въ большей степени распространенъ обычай охоты за головами, при чемъ добытые подобнымъ образомъ черепа хранятся возлѣ хижинъ вмѣстѣ съ черепами покойныхъ родственниковъ. Во многихъ мѣстахъ меланезійцы, какъ мужчины, такъ и женщины ходятъ совершенно обнаженными. Правила брака напоминаютъ то, что мы нахо-

Скелетъ моа (видъ спереди).

димъ у австралійцевъ. Религіозныя воззрѣнія — также въ самомъ зачаточномъ состояніи.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о полинезійцахъ. Можно было бы думать, что вслѣдствіе разселенности этой расы на огромной площади восточной половины Великаго океана они должны были бы распадаться на большое число племенъ, мало сходныхъ другъ съ другомъ. Однако, въ дѣйствительности, этого не оказалось. „Полинезійская раса“,—говоритъ г. Деникеръ, — „обладаетъ почти тождественными признаками по-

всюду, начиная съ Гавайскихъ острововъ и до Новой Зеландіи. Такая однородность типа обусловлена непрестанными переселеніями съ одного острова на другой и дѣятельными сношеніями между полинезійцами. Различія, которые могли бы возникнуть вслѣдствіе обособленности остров-

Животныя Австраліи. Сумчатые (Marsupialia). Древесный кенгуру. Сумчатая крыса. Исполинскій кенгуру. Вомбать *Hypsirhymnodon moschatus*.

ного положенія, изглаживаются путемъ взаимнаго смѣшенія между жителями различныхъ острововъ“.

Это люди высокаго роста. Окраска кожи — яркожелтая или буроватая. По типу черепа они принадлежать къ коротковатоголовымъ. Во-

лосы бываютъ, какъ волнистыя, такъ и прямыя. Прямой носъ, довольно значительно выдающіеся скулы и слабо выраженные надбровныя дуги являются характерными чертами лица полинезійцевъ. Такимъ образомъ по многимъ своимъ чертамъ полинезійцы представляютъ рѣзкую противоположность съ меланезійцами. Къ тому же „полинезійцы болѣе склонены къ дородности, чѣмъ меланезійцы. Онѣ смышленнѣе меланезійца, обладаетъ болѣе мощнымъ воображеніемъ и большею живостью характера, но зато и сравнительно большей нравственной распушенностью“. Та часть полинезійцевъ, которая занимала низкіе коралловые острова, питалась плодами кокосоваго орѣха и хлѣбнаго дерева. На высокихъ вулканическихъ островахъ они усердно и съ большимъ успѣхомъ занимались земледѣліемъ. Оросительныя работы на Таити, въ Новой Зеландіи и другихъ мѣстахъ показываютъ, что они были дѣйствительно искусными земледѣльцами. Всѣ они также хорошіе рыболовы. Выдѣлывать посуду они не умѣли вплоть до прибытія европейцевъ, а пищу свою варили или пекли слѣдующимъ образомъ. Вырывалась яма, на дно ея укладывались горячіе камни, поверхъ камней шелъ слой сухихъ листьевъ, а затѣмъ уже помѣщались плоды хлѣбнаго дерева, прикрывавшіеся снова слоемъ сухихъ листьевъ, а поверхъ всего новый слой раскаленныхъ камней, прикрытыхъ слоемъ земли. Если камни были хорошо прокалены, то достаточно полчасъ, чтобы плоды, какъ слѣдуетъ, испеклись и были готовы въ пищу. Невольно приходится удивляться, почему полинезійцы не додумались до гончарнаго дѣла, хотя они являются прекрасными ремесленниками въ другихъ отношеніяхъ. Приготовленіе, напр., тканей изъ коры такъ называемой бумажной шелковицы, достигло повсюду въ Океаніи высокаго совершенства. Таитянская тапа и гавайская капе не уступаютъ ни по красотѣ, ни по прочности матеріамъ, сработаннымъ на ткацкомъ станкѣ. Полинезійцы—великолѣпные мореплаватели и на своихъ легкихъ пирогахъ, снабженныхъ каждая однимъ треугольнымъ парусомъ изъ цыновки, смѣло носились по всему простору океана. Полинезійцы не употребляютъ ни лука, ни стрѣлы; вооруженіе ихъ состоитъ изъ дротиковъ, деревянныхъ копей и праща. Щитовъ они также не употребляютъ. Татуировка сильно распространена и достигла мѣстами, напр., въ Новой Зеландіи, высокой степени совершенства. Обычай табу, сильно распространенный не только въ Полинезіи, но и въ Австраліи и Меланезіи, получилъ свое начало, повидимому, именно здѣсь. Онъ заключается въ томъ, что по постановленію старожилонъ, жрецовъ или вождей, нѣкоторые предметы, одушевленные или неодушевленные, могутъ быть объявлены неприкосновенными. Нетрудно прослѣдить, что табу преслѣдуетъ обыкновенно цѣли, полезныя для всего общества. Такъ, напр., если угрожаетъ голодовка какому-нибудь племени, то въ немъ накладывается табу на куръ, бананы и ямсъ. Ясно, что подобнымъ путемъ является стремленіе сохранить запасы пищи до болѣе важнаго момента времени. Средство это оказывается весьма дѣйствительнымъ, такъ какъ нарушителямъ табу угрожаютъ строгія наказанія, вплоть до смертной казни.

Полинезійцы очень талантливый народъ. Они быстро усвоили тѣ блага культуры, съ которыми ознакомились черезъ европейцевъ. Достаточно сказать, что на многихъ островахъ—Сандвичевыхъ, Новой Зеландіи и Самоа,—они быстро освоились съ парламентскимъ режимомъ, который былъ введенъ въ управленіе ихъ страной. Впрочемъ, европейская цивилизація внесла въ ихъ жизнь не мало и глубоко отрицательныхъ элементовъ. Подъ вліяніемъ цивилизаціи они сдѣлались менѣе предприимчивыми

и менѣе трудоспособными. Европейцы приучили ихъ къ кутежамъ и распутству и надѣлили ихъ цѣлымъ рядомъ заразныхъ болѣзней. Благодаря главнымъ образомъ этимъ причинамъ, приростъ полинезійскаго населенія во многихъ мѣстахъ прекратился, а во многихъ мѣстахъ численность населенія стала даже быстро убывать.

Характеристику жителей Океаніи и Австраліи мы закончимъ слѣдующей цитатой изъ прекрасной работы г. Деникера, къ которой мы прибѣгали здѣсь уже неоднократно.

„Заселеніе безчисленныхъ острововъ Тихаго и Индійскаго океановъ тремя различными расами, языки которыхъ находятся въ извѣстномъ сродствѣ съ малайскими нарѣчіями, представляетъ одну изъ самыхъ ин-

Кучи для выводки яицъ австралійскаго большеного (*Talegalla Zathami*).
(По рис. Геринга).

тересныхъ задачъ для этнологіи. Мѣстность, служившая центромъ, откуда разошлись эти расы, до сихъ поръ еще не выяснена, хотя вопросъ о ней служилъ предметомъ изслѣдованія для многихъ ученыхъ. Большинство полагаетъ, что народности, разбросанныя теперь на громадномъ протяженіи отъ Мадагаскара до острова Пасхи, жили передъ тѣмъ на юго-востоку Азіи, въ Индо-Китаѣ. Разселенію ихъ содѣйствовали, съ одной стороны, муссоны Индійскаго, а съ другой — муссоны Тихаго Океана, которые, въ извѣстный періодъ времени, дуютъ въ направленіи противоположномъ преобладающимъ вѣтрамъ. Заселеніе Меланезіи и Полинезій съ запада на востокъ становится очень правдоподобнымъ, если принять во вниманіе, какъ справедливо замѣтилъ Бернаръ, распредѣленіе земель и острововъ, а именно все большее измельчаніе суши, усматриваемое по мѣрѣ движенія съ запада на востокъ. И въ самомъ дѣлѣ, очевидно, что

переселенія должны были совершаться сравнительно легче по скученнымъ группамъ большихъ острововъ, какіе мы видимъ въ Индійскомъ Океанѣ и въ западной части Тихаго Океана, даже въ направленіи противоположномъ воздушнымъ и морскимъ теченіямъ. Въ свою очередь, мелкіе и очень отдаленные другъ отъ друга острова, какіе находятся, напр., въ западной части Тихаго Океана, не могутъ служить этапными пунктами для переселенческаго движенія, даже на пути, совпадающемъ съ направленіями воздушныхъ и морскихъ теченій. Вынужденныя переселенія морскимъ путемъ вызываются циклонами, или бурами, уносящими ладьи далеко отъ мѣста ихъ назначенія. Такіе циклоны и бури являются нарушениемъ обычнаго порядка нормальныхъ вѣтровъ, а потому подобныя переселенія должны были происходить въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Добровольныя переселенія совершаются тоже большею частью въ направленіи, противоположномъ преобладающимъ вѣтрамъ. Первобытные мореплаватели, желая обезпечить себѣ возвращеніе восвояси, рассчитываютъ воспользоваться для него благопріятными вѣтрами и теченіями, а для отплытія пользуются случайными попутными вѣтрами. Преданія и легенды, сохранившіяся у островитянъ, не могутъ принести большой пользы для разрѣшенія вопроса о подробностяхъ такихъ переселеній и, за исключеніемъ сравнительно немногихъ случаевъ, подтвержденныхъ историческими фактами, очень трудно опредѣлить: откуда именно прибыло первоначальное населеніе на тотъ или другой изъ океаническихъ острововъ“...

Такимъ образомъ и съ точки зрѣнія природы, и съ точки зрѣнія народонаселенія и, наконецъ, съ точки зрѣнія процессовъ расселенія этотъ огромный край, извѣстный подъ именемъ „Океанія“, представляетъ для науки огромный интересъ. Множество ученыхъ работало на островахъ „Океанія“, по крайней мѣрѣ, западной ея части. Напомнимъ хотя бы Уоллеса¹⁾ и Геккеля²⁾. Но никто такъ много не сдѣлалъ для изученія географіи этого края, какъ Джемсъ Кукъ, и для изученія души и мѣстнаго дикаря, какъ нашъ великій соотечественникъ Миклуха-Маклай. Біографіямъ этихъ двухъ великихъ людей и посвящены слѣдующія страницы настоящаго выпуска.

1) Біографія см. т. I „Вел. Людей“.

2) Біографія см. т. I „Вел. Людей“.

ДЖЕМСЪ КУКЪ.

Джемсъ Кукъ.

(1728—1779).

Знаменитый мореплаватель Джемсъ Кукъ былъ сыномъ бѣднаго англійскаго батрака. Онъ родился 28 октября 1728 года. Семья у старика Кука была обширная (девять человѣкъ однихъ дѣтей, изъ которыхъ Джемсъ былъ четвертымъ), а заработокъ батрака — не великъ. Благодаря этому, Джемсу въ дѣтствѣ нерѣдко приходилось довольно-таки туго. Старикъ-Кукъ былъ человѣкъ благороднаго характера и рѣзко выдѣлялся изъ той бѣдности, среди которой проходила его жизнь и жизнь его семьи. Самъ онъ почти до гробовой доски оставался безграмотнымъ. Почти 80 лѣтъ отъ роду онъ принялся за азбуку и выучился читать, чтобы ознакомиться съ описаніями путешествій своего знаменитаго сына. Но если самъ онъ такъ поздно подошелъ къ школьной наукѣ, то своимъ дѣтямъ онъ старался дать образованіе возможно раньше. Джемсъ въ дѣтствѣ посѣщалъ школу, въ которой обучался чтенію письму и счету. Правда, у самого старика Кука не было достаточныхъ средствъ для содержанія своего сына, но ему на помощь въ этомъ отношеніи пришелъ его хозяинъ. Покончивъ со своимъ школьнымъ обученіемъ,

Джемсъ поступилъ на службу къ мелочному торговцу. Но служба эта не удовлетворяла юношу. Фантазія его неустанно звала его въ море, къ борьбѣ съ бурями, къ невѣдомымъ странамъ съ ихъ невиданными обитателями, животными и растеніями, къ безконечнымъ приключеніямъ, къ смѣлымъ отважнымъ дѣйствіямъ, къ побѣдѣ надъ трудно преодолимыми препятствіями. И вотъ, пылкій юноша бросаетъ свой мирный прилавокъ и поступаетъ юнгой на корабль, занимавшійся перевозкой каменнаго угля — изъ Ньюкастеля въ Лондонъ. Но молодой Джемсъ обладалъ не только неукротимой фантазіей, но и непоколебимой силой воли и сильными природнымъ умомъ. Онъ увидалъ, что съ тѣми крошечными знаніями, которыя давала народная школа того времени, далеко не уйдешь, да и безпокойная мысль молодого человѣка ставила передъ нимъ одинъ вопросъ за другимъ, на которые получить отвѣты было не откуда. И вотъ молодой юнга берется за книги и принимается работать надъ ними самоучкой. Особенно тщательно онъ занялся математикой и астрономіей, — науками, имѣющими ближайшее отношеніе къ излюбленному имъ мореплаванію. Благодаря своимъ выдающимся способностямъ, онъ вскорѣ овладѣлъ всѣми науками, которыя нужны хорошему моряку, несмотря на то, что заниматься ему приходилось урывками среди тѣхъ тяжелыхъ работъ, изъ которыхъ состоитъ служба на кораблѣ. Усилія молодого человѣка не пропали даромъ: его трудолюбіе, способности и выдающіяся знанія были замѣчены, и онъ получилъ назначеніе старшимъ боцманомъ на военный корабль. Это было въ 1752 году, а уже въ 1755 году мы находимъ его добровольцемъ на англійскомъ линейномъ кораблѣ во флотѣ, принявшемъ участіе въ сѣверо-американской войнѣ, вспыхнувшей въ то время между Франціей и Англіей. Здѣсь онъ нашелъ сразу обширнѣйшее поле для примѣненія своихъ морскихъ талантовъ. Оставаясь прежде всего образованнымъ и интеллигентнымъ морякомъ, онъ быстро выдѣлялся глубоко продуманной, талантливой работой во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требовалась сметка, точное наблюденіе, краткое и ясное выраженіе увидѣннаго, услышаннаго, замѣченнаго. И дѣйствительно, карты его были выдающимися по своей точности и красотѣ, его измѣренія глубинъ обращали на себя вниманіе остроуміемъ приѣмовъ и т. д. Благодаря этимъ работамъ, къ концу войны онъ выдвинулся среди офицеровъ англійскаго флота, и имя лейтенанта Кука сдѣлалось извѣстнымъ въ высшихъ руководящихъ кругахъ Англіи. Надо замѣтить, что это время Джемсъ Кукъ не потерялъ и для своего дальнѣйшаго образованія. Онъ не только продолжалъ изученіе математики и астрономіи, но и усовершенствовался во всѣхъ отрасляхъ естествознанія. Немудрено, что на Джемса Кука вскорѣ было возложено порученіе, имѣвшее огромное научное значеніе.

Во второй половинѣ шестидесятихъ годовъ XVIII столѣтія, ученый міръ Европы съ величайшимъ напряженіемъ готовился къ изученію одного небеснаго явленія, чрезвычайно важнаго съ точки зрѣнія успѣховъ астрономіи. Дѣло заключалось въ томъ, что 3-го іюня 1769 года должно было произойти прохожденіе Венеры мимо солпечнаго диска. Это рѣдкое явленіе давало возможность установить впервые вполнѣ точно удаленіе земли и всѣхъ планетъ отъ солнца. Но для этихъ въ высшей степени важныхъ астрономическихъ данныхъ нуженъ былъ не только хорошій знатокъ астрономіи, но и опытный мореплаватель. Явленіе это было хорошо доступно наблюденію лишь съ нѣкоторыхъ пунктовъ земнаго шара. Королевское англійское общество остановилось въ своемъ

выборъ съ этой цѣлью на Калифорніи, которая въ то время принадлежала католической Испаніи. Но официальные переговоры съ испанскимъ правительствомъ не привели ни къ чему. Испанія боялась, что англійская экспедиція можетъ у береговъ испанскихъ колоній сдѣлать предварительныя развѣдки, которыми впослѣдствіи англійскій флотъ можетъ воспользоваться для нападенія. Къ тому же въ глазахъ католической церкви англичане были еретики, и испанскимъ изувѣрамъ достаточно было этого одного, чтобы не допустить англійскій флотъ къ своимъ берегамъ, хотя бы и ради научныхъ цѣлей. Но англійское правительство твердо рѣшило использовать прохожденіе Венеры въ интересахъ науки и начало разыскивать другія мѣстности, съ которыхъ также можно было бы хорошо наблюдать прохожденіе Венеры передъ солнечнымъ дискомъ. Въ это время какъ разъ возвратился изъ кругосвѣтнаго путешествія знаменитый англійскій капитанъ Валлисъ. Онъ нашелъ возможнымъ предложить англійскому правительству для такихъ наблюденій гавань Портъ-Рояль на островахъ Таити въ Великомъ океанѣ. На предложеніе это тотчасъ же было обращено вниманіе, такъ какъ цѣлый рядъ путешественниковъ того времени только что ознакомилъ европейское образованное общество и ученый міръ съ чудесами Океаніи. Правительству англійскому улыбнулась мысль однимъ ударомъ убить двухъ зайцевъ: произвести замѣчательное астрономическое наблюденіе и углубить свои познанія относительно „Океаніи“. Въ концѣ концовъ, рѣшено было снарядить научную экспедицію къ далекимъ берегамъ Таити. Но кто же могъ въ большей степени подходить къ роли руководителя такой отдаленной научной экспедиціи, какъ не Кукъ, широко образованный человѣкъ и выдающійся морякъ. Куку были поручены два корабля. Съ нимъ выѣзжали для научныхъ изслѣдованій астрономъ Чарльзъ Гринъ и д-ръ Соландеръ, шведскій ботаникъ, ученикъ Линнея*). Наконецъ, къ экспедиціи на свой счетъ присоединился Джозефъ Банксъ, впослѣдствіи предсѣдатель Королевскаго Общества. Это былъ очень богатый человѣкъ, который въ этомъ путешествіи преслѣдовалъ исключительно только самообразовательныя цѣли и имѣлъ при себѣ рисовальщика, секретаря и четырехъ слугъ.

26 августа 1768 г. покинулъ Кукъ Плимутскій рейдъ. Для своего перваго самостоятельнаго путешествія Кукъ выбралъ самый трудный и малозвѣстный путь. Въмѣсто того, чтобы, перерѣзавъ найсое Атлантическій Океанъ, обойти южную Америку черезъ Магеллановъ проливъ, онъ обошелъ ее южнѣе и сталъ объѣзжать мысъ Горнъ, т. е. выбралъ тотъ путь, по которому тогдашніе мореплаватели особенно боялись пускать свои корабли. Однако рѣшеніе это обуславливалось не какимъ-либо молодечествомъ Кука, желаніемъ блеснуть передъ всѣмъ міромъ своей отвагой, а важными географическими соображеніями. Дѣло заключалось въ томъ, что помимо пятой части свѣта — Австраліи, извѣстной въ то время подъ именемъ Новой Голландіи, — тогда подозрѣвалась еще шестая часть свѣта, простиравшаяся по направленію къ южному полюсу, и Кукъ не хотѣлъ упускать ни малѣйшаго случая, чтобы провѣрить этотъ слухъ. Вотъ почему онъ рѣшился уже при первомъ объѣздѣ Южной Америки забраться возможно дальше къ югу. Земли онъ здѣсь никакой не встрѣтилъ и снова поворотилъ по направленію къ экватору, къ островамъ Таити, гдѣ, какъ мы знаемъ, ему предстояло въ извѣстный моментъ про-

*) Биографія см. V т. „Вел. Людей“.

известіи важныя астрономическія наблюденія. Къ Таити Кукъ прибылъ въ время. Жители острова, — добродушные и симпатичные дикари, — встрѣтили европейцевъ очень радушно. Ученые члены экспедиціи немедленно приступили къ изученію острововъ въ естественно-историческомъ отношеніи, а Кукъ, не теряя времени, началъ объѣздъ острововъ для того, чтобы впервые точнымъ образомъ нанести ихъ на карту. Дѣло это очень сложное и кропотливое, но Кукъ былъ большимъ любителемъ и знатокомъ его. Закончивъ свои работы, экспедиція Кука двинулась въ южныя области Великаго океана опять-таки все съ тою же цѣлью —

Жозефъ Банксъ, сподвижникъ Кука въ его первомъ путешествіи.

ислѣдовать, не имѣется ли здѣсь большого материка, о которомъ настойчиво рассказывали нѣкоторые изъ легковѣрныхъ или недобросовѣстныхъ путешественниковъ. Долго бороздилъ Кукъ со своими кораблями поверхность громаднаго океана, не встрѣчая не только материка, но и небольшихъ острововъ. Въ своихъ поискахъ онъ заходилъ на югъ настолько далеко, насколько это позволяли его корабли, не приспособленные къ арктическимъ поѣздкамъ. Но сколько онъ ни ѣздилъ здѣсь, новаго материка онъ не открылъ, просто потому, что такого материка и въ дѣйствительности не имѣлось. Отсутствіе материка въ южной половинѣ Вели-

каго океана вплоть до того мѣста, гдѣ его воды сливаются съ водами Антарктическаго океана, было точно установлено Кукомъ и является важнымъ географическимъ фактомъ. Убѣдившись въ этомъ фактѣ, Кукъ направился на западъ и прибылъ вскорѣ къ какому-то большому острову. Это былъ двойной островъ, получившій впоследствии имя Новой Зеландіи. Въ то время о Новой Зеландіи европейцы почти ничего не знали. Только разъ, задолго до перваго путешествія Кука, снова пріѣхалъ извѣстный голландскій мореплаватель Тасманъ (это было въ 1642 г.). Онъ ограничился только тѣмъ, что констатировалъ нахожденіе какой-то земли подъ этими широтами и долготами. Онъ даже былъ склоненъ считать эту землю за берегъ того шестого материка, о которомъ тогда такъ много говорили. Но Кукъ не хотѣлъ удовлетвориться только подобнымъ же констатированіемъ неизвѣстнаго берега (онъ подѣхалъ къ Новой Зеландіи съ востока въ то время, какъ Тасманъ былъ у ея западныхъ береговъ).

Прежде всего онъ рѣшился высадиться на незнакомый берегъ. Но туземцы этой страны оказались воинственными людьми (маори) и встрѣтили пришельцевъ недружелюбно. Въ первое же посѣщеніе Кука этой новой земли разыгралась кровавая драма. Едва Кукъ съ двумя своими товарищами-учеными отошелъ на нѣсколько шаговъ отъ лодки, на которой они прѣхали, какъ изъ хижины выскочили четыре дикаря, вооруженныхъ длинными копьями, съ явнымъ намѣреніемъ завладѣть лодкою европейцевъ. Одинъ изъ матросовъ Кука открылъ стрѣльбу и убилъ одного изъ дикарей. Не дожидаясь дальнѣйшей развязки, Кукъ сѣлъ въ лодку и уѣхалъ на корабль. Ночью съ берега до европейцевъ долетали грозные крики. Это собрались толпы дикарей, выражавшихъ свое недовольство по поводу смерти своего товарища. Отношенія, такимъ образомъ, обострились съ первыхъ шаговъ. Это, однако, не помѣшало Куку на слѣдующій же день снова отправиться на островъ. У него, на кораблѣ былъ дикарь, который немного говорилъ на англійскомъ и немного былъ знакомъ съ туземнымъ языкомъ. Кукъ взялъ его съ собой въ качествѣ переводчика. Онъ сильно рассчитывалъ на то, что черезъ этого переводчика ему удастся убѣдить дикарей въ своихъ мирныхъ желаніяхъ. Неизвѣстно, поняли ли дикари, какъ слѣдуетъ переводчика Кука. Но событія опять повернулись противъ Кука. Толпа вдругъ угрожающе стала наступать на европейцевъ. Тѣ стали отстрѣливаться сначала дробью. Но эти выстрѣлы не разогнали толпы дикарей, вооруженныхъ топорами изъ какого-то блестящаго камня. Кукъ рѣшился тогда на рискованное средство. Онъ велѣлъ захватить нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ для того, чтобы привезти ихъ на корабль, гдѣ съ ними должны обращаться ласково, а затѣмъ отпустить ихъ домой. Кукъ думалъ, что эти плѣнные тогда будутъ рассказывать только хорошее своимъ единоплеменникамъ и между ними и европейцами само собою сложатся хорошія отношенія. Къ несчастію матросы, исполняя приказаніе Кука, убили четырехъ туземцевъ. Трое плѣнныхъ дикарей, взятыхъ въ этой борьбѣ и обласканныхъ на кораблѣ европейцевъ, конечно, не могли поправить дѣла, такъ какъ между туземцами и европейцами снова легло четыре трупъ. Военныя дѣйствія между дикарями и европейцами продолжались. Временами дикари выѣзжали на своихъ легкихъ лодкахъ-пирогахъ и кружили вокругъ кораблей Кука. Если они приближались слишкомъ близко къ кораблямъ, то въ нихъ приходилось стрѣлять изъ пушекъ для того, чтобы обезопасить суда отъ внезапнаго нападенія. Но Кука подобныя обстоятельства не могли испугать, и онъ рѣшилъ довести до конца то дѣло, ради котораго онъ былъ посланъ въ Великій океанъ. Онъ началъ объѣздъ этой новой земли, постоянно останавливаясь для измѣренія глубинъ и для съемки очертаній береговъ на карту. Шесть мѣсяцевъ продолжалась эта упорная работа, въ результатъ которой европейцы впервые получили правильное географическое представленіе объ этихъ двухъ большихъ островахъ, раскинувшихся на разстояніи 900 верстъ отъ Австраліи. Работы товарищей Кука дополняли его изслѣдованія: онъ выяснили климатъ, животныхъ и растенія этихъ благодатныхъ острововъ и показали, что эти далекія страны въ высшей степени пригодны для европейской колонизаціи. Не надо думать, что нападенія дикарей были единственной опасностью, съ которой приходилось считаться экспедиціи Кука. Тайныя скалы и мели этихъ совершенно неизвѣстныхъ морей были не меньшей угрозой; буря однажды въ теченіе трехъ недѣль трепала его корабль, а бурное теченіе другой разъ съ неудержимой силой повлекло его корабль на скалы, на которыхъ

онъ былъ бы разбить въ щепки. Спаслись, прямо, чудомъ. Брошенный якорь все шель и шель вглубь, не зацѣпляясь ни за какое препятствіе. Наконецъ, уже на огромной глубинѣ, для которой едва хватило канатовъ, онъ зацѣпился за дно и остановилъ все ускорявшееся движеніе корабля къ смертоноснымъ скаламъ. Недаромъ далась Куку та слава, которая ввела его въ храмъ безсмертія.

Исслѣдованіе Новой Зеландіи пришлось, однако, заканчивать. Наступалъ апрѣль и приносилъ съ собой бурную зиму южнаго полушарія. Остаться дольше здѣсь, гдѣ не было ни одной приспособленной для долгой стоянки гавани, становилось невозможнымъ, и Кукъ, послѣ долгихъ размышленій и колебаній относительно того, какой путь слѣдуетъ выбрать для дальнѣйшаго плаванія, рѣшилъ отправиться къ берегамъ Австраліи, тогдашней Новой Голландіи, которая въ то время оставалась почти такой же неизслѣдованной страной, какъ и острова Новой Зеландіи. Исслѣдованіе береговъ Австраліи для тогдашнихъ парусныхъ судовъ представляло также огромныя опасности. Во многихъ мѣстахъ вдоль береговъ поднимаются здѣсь барьеры, возведенные коралловыми полипами. Корабль, плывшій къ этимъ подводнымъ стѣнамъ, подъ которыми обыкновенно съ такою злостью бушуетъ море, лишь съ трудомъ можетъ вырваться изъ этой западни. И Кукъ, дѣйствительно, не разъ подвергался здѣсь смертельной опасности со всѣми своими товарищами и со всѣми научными богатствами, которыя онъ съ необычайной тщательностью собиралъ для своей горячо любимой родины. Такъ, разъ корабль наткнулся со страшной силой на подводную скалу. Получилась большая брешь, и судно неизбежно пошло бы ко дну, но спасъ случай. Въ отверстіи, пробитомъ въ стѣнкѣ судна, застрялъ огромный кусокъ предательской скалы. Эта пробка не дала водѣ ворваться съ такой силой и въ такомъ количествѣ, которыя неизбежно погубили бы судно. Кукъ воспользовался этимъ счастливымъ обстоятельствомъ: Часть матросовъ онъ поставилъ къ насосамъ, а другой приказалъ выбрасывать изъ корабля всякія тяжести, не исключая и пушекъ: въ то же самое время нѣсколько матросовъ подвели подъ пробойну просмоленный брезентъ. Корабль быстро поднялся высоко своимъ пораненнымъ мѣстомъ надъ уровнемъ воды. Погода стояла тихая, и судно благополучно достигло спокойной и удобной стоянки, гдѣ бѣда была немедленно исправлена. Въ другой разъ корабль попалъ въ сильное теченіе, которое готово было его бросить на рифъ. Кукъ немедленно высажилъ своихъ матросовъ на лодки, связанные съ кораблемъ буксирными канатами. Передъ лицомъ страшной опасности матросы напрягли свои послѣднія силы и, если не могли вывести корабль изъ струи потока, то не давали ему и удариться о барьеръ. Вскорѣ Кукъ замѣтилъ впереди узкій проходъ, онъ приказалъ лодкамъ направлять корабль къ этому мѣсту. Но теченіе было такъ сильно, что корабль не попалъ въ узкій проходъ и снова понесся вдоль коралловой стѣны, истощая послѣднія силы матросовъ. Но вотъ впереди новый проходъ!.. На этотъ разъ кораблю удалось проскочить черезъ него благополучно, хотя онъ едва-едва не ударился о край стѣны; за барьеромъ море было спокойно и матросы могли отдохнуть въволю. Но всѣ эти опасности исполнѣ окупались той богатой научной жатвой, которую собрали здѣсь Кукъ и его товарищи. Въ этомъ смыслѣ, можно сказать, Австралія была впервые открыта Кукомъ. На значительномъ протяженіи ея береговъ онъ снялъ ее на карту, примѣчая всѣ удобныя стоянки, всѣ мели и рифы. Благодаря этимъ кар-

тамъ плаваніе около береговъ Австраліи сдѣлалось доступнымъ для любого корабля. Мы не можемъ распространяться объ изслѣдованіяхъ экспедиціи Кука въ другихъ областяхъ австралійской жизни и природы. Достаточно будетъ сказать, что въ одной бухтѣ, названной Ботанической, было собрано около 400 новыхъ видовъ растительнаго царства. Въ теченіи пяти мѣсяцевъ продолжалась эта кипучая работа на пользу человечества. Наконецъ, Кукъ рѣшился со своей богатой научной добычей возвратиться домой. Онъ направился къ берегамъ Африки, обогнулъ ее около Мыса Доброй Надежды, проѣхалъ мимо острова св. Елены и 10 Іюля 1771 года прибылъ къ берегамъ Англіи. Заслуги этого кругосвѣтнаго путешествія Кука надо признать огромными, и весь ученый міръ выразилъ Куку величайшую благодарность за его неутомимую и самоотверженную работу на пользу науки, а англійское правительство радовалось тѣмъ земельнымъ приобрѣтеніямъ, которые были сдѣланы Кукомъ, объявившимъ всѣ новыя земли принадлежностью англійской короны.

Результаты экспедиціи Кука такъ заинтересовали правительство и ученый міръ, что уже въ слѣдующемъ 1772 году Куку было предложено встать во главѣ новой экспедиціи. Кукъ съ радостью согласился на это новое предложеніе. Задачей новой экспедиціи было пробиться возможно дальше въ глубь льдовъ Антарктическаго океа-

Форстеры — отецъ (Іоганнъ Рейнхольдъ) и сынъ (Георгъ).

на, а оставшееся время посвятить дальнѣйшему изученію острововъ Великаго океана. На этотъ разъ Куку были даны два хорошихъ корабля, а сопровождать экспедицію взялись два нѣмецкихъ натуралиста Форстеры — отецъ (Рейнхольдъ) и сынъ (Георгъ). Первый ѣхалъ, какъ физикъ, зоологъ и специалистъ во многихъ областяхъ естествознанія, а второй, несмотря на свои 17 лѣтъ, какъ опытный ботаникъ. Оба они еще раньше выдвинулись, какъ выдающіеся путешественники, когда за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ ѣздили по приглашенію русскаго правительства для изслѣдованій русскихъ степей.

13 іюня 1772 года корабли Кука отправились въ путь. Это было первое кругосвѣтное путешествіе, которое началось не въ направленіи съ востока на западъ, а съ запада на востокъ. Проѣхали мимо Іспаніи, посѣтили островъ Мадейру, побывали на Канарскихъ и другихъ островахъ и въ концѣ октября добрались благополучно до Мыса Доброй Надежды. Уже на этомъ небольшомъ сравнительно протяженіи стар-

шій изъ Форстеровъ сдѣлалъ цѣлый рядъ интересныхъ наблюдений. Такъ, онъ указалъ, что на удаленныхъ отъ материка островахъ млекопитающіе, амфибіи и насѣкомыя попадаютъ лишь въ незначительномъ количествѣ; онъ указалъ далѣе, что птицы, застигнутыя въ морѣ бурей, не пытаются бороться съ вѣтромъ, а несутся въ направленіи его движенія, а потому наличность тѣхъ или другихъ породъ птицъ въ открытомъ морѣ не можетъ считаться и признакомъ близости берега, и т. д.

Запасшись свѣжимъ провіантомъ на Мысѣ Доброй Надежды (экипажъ состоялъ изъ 200 отборныхъ матросовъ), наши путники пустились по направленію къ южному полярному кругу, и 22 ноября вышли въ открытый океанъ. Уже черезъ 17 дней корабли Кука были среди антарктическихъ льдовъ. Не надо забывать, что это было собственно первое полярное путешествіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова. О тѣхъ приспособленіяхъ, которыми въ настоящее время снабжается всякій корабль, отправляющійся въ такое опасное путешествіе, въ то время не только не было рѣчи, но не было и представленія. И вотъ, когда корабли Кука очутились среди воды, льда и звѣздъ, очень быстро начались тяжелыя страданія. Путешественниковъ донимала низкая температура, которая здѣсь рѣдко поднималась выше 0°; донимали снѣжныя бури; грозили постоянной опасностью ледяныя горы, которыя свободно носились на океанскомъ просторѣ, а во время штиля придавливали безпросвѣтные туманы. Насколько ужасными бывали эти туманы, свидѣтельствуетъ хотя бы слѣдующій случай. Однажды отецъ Форстеръ выѣхалъ въ шлюпкѣ для измѣренія температуры воды. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ на море опустился густой туманъ, и корабль, отъ котораго шлюпка боялась отойти на сколько-нибудь значительное разстояніе, моментально исчезъ изъ вида смѣлаго изслѣдователя. Напрасно бороздилъ онъ поверхность океана въ различныхъ направленіяхъ, корабль оставался для него невидимкой. Наконецъ, онъ рѣшился отдаться на волю судьбы. Онъ сложилъ весла и сталъ спокойно на одномъ мѣстѣ. Вдругъ удары колокола пронизали безпросвѣтный туманъ, висѣвшій надъ моремъ. Это звонили на кораблѣ для того, чтобы показать Форстеру путь возврата, путь спасенія. Быстро заработали весла, и черезъ нѣсколько минутъ Форстеръ былъ уже на палубѣ своего родного корабля. Форстеръ за время пребыванія корабля среди льдовъ сдѣлалъ массу наблюдений надъ жизнью полярныхъ странъ. Несмотря на всѣ эти затрудненія, Кукъ продолжалъ упорно двигаться впередъ по направленію къ югу и вскорѣ перебрался за южный полярный кругъ. Около четырехъ мѣсяцевъ оставался Кукъ въ этихъ суровыхъ странахъ, и только недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и цынга, которая начала развиваться среди матросовъ, заставили его снова повернуть въ теплыя области Великаго океана.

26 марта матросы съ величайшимъ ликоваіемъ привѣтствовали появленіе дикихъ береговъ Новой Зеландіи. Съ рвеніемъ принялись матросы за работы: заготовляли топливо и съѣстные припасы, чистили корабль и чинили одежду и паруса. Свѣжія овощи и рыба, хорошая прѣсная вода быстро возстановили падавшія силы экипажа. Самъ Кукъ и его товарищи по наукѣ энергично продолжали изученіе страны въ географическомъ и естественно-историческомъ отношеніи, Годжесъ, извѣстный художникъ, рисовалъ ландшафты, Георгъ Фостеръ набрасывалъ изображенія растеній и животныхъ. Въ это же время Кукъ сдѣлалъ первые шаги для акклиматизаціи важнѣйшихъ европейскихъ животныхъ

и растений, дальновидно подготавливая такимъ образомъ край къ колонизаціи европейцами.

На островъ онъ выпустилъ гусей, свиней, козъ, которыхъ онъ привезъ съ собой на корабль; онъ воздѣлалъ рядъ участковъ, которые засадилъ горохомъ, бобами, картофелемъ, хлѣбными растеніями; онъ снабдилъ туземцевъ желѣзными топорами и длинными желѣзными гвоздями. Было сдѣлано все возможное для ближайшаго изученія жителей этой дикой страны. Отдохнувъ въ достаточной степени, Кукъ двинулся дальше къ сѣверу вдоль береговъ Новой Зеландіи и 18 мая встрѣтился со вторымъ своимъ судномъ, которое онъ потерялъ еще въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ. Встрѣча эта принесла много радости какъ тѣмъ, такъ и другимъ. 7 июня корабли Кука направили свой путь къ гостепріимнымъ островамъ Таити. Эта поѣздка по знакомой уже глади Великаго океана, въ теплѣ и при полномъ обезпеченіи жизненными припасами, представлялась простой прогулкой по сравненію съ тѣмъ, что экспедиціи пришлось перенести среди льдовъ Южнаго Ледовитаго океана. По дорогѣ къ Таити Кукъ посѣтилъ острова Дружбы и Товарищества, названные такъ за ласковый пріемъ оказанный путешественникамъ туземцами. 7 октября 1773 года оставилъ Кукъ островъ Тонга Табу (изъ архипелага Дружбы) для того, чтобы снова направить свой путь къ Новой Зеландіи, а оттуда опять въ Антарктический океанъ. Снова наши путешественники во второй разъ пересѣкли южный полярный кругъ и изъ тропическихъ странъ перебрались въ царство холода, льда и тумана. Снова съ чисто англійскимъ упорствомъ начинается Кукъ искать материкъ, о которомъ слухи держались въ человѣчествѣ въ теченіе добрыхъ двухъ тысячелѣтій. Онъ старается проникнуть въ южное царство холода такъ глубоко, какъ это позволяетъ его корабль. Но затертый льдами, онъ, въ концѣ концовъ, снова вынужденъ былъ отступить. Это путешествіе было менѣе удачно, чѣмъ первое, такъ какъ самому Куку пришлось перенести тяжелую болѣзнь, силы экипажа снова были исчерпаны (103 дня они не видали земли и не принимали свѣжей пищи) и снова было рѣшено возвратиться для подкрѣпленія на острова Таити. Но теперь Кукъ возвращался на эти острова уже съ однимъ кораблемъ. Его спутникъ, капитанъ Фурно, снова потерялся въ туманахъ и льдахъ южнаго полярнаго моря, и Кукъ ничего не зналъ о немъ. Въ дѣйствительности же тотъ, въ концѣ концовъ, выбрался изъ негостепріимнаго моря, долго искалъ Кука по островамъ Великаго океана и, не найдя его, рѣшилъ возвратиться домой, въ Англію, что и выполнилъ съ полнымъ успѣхомъ.

Посѣтивъ еще разъ острова Товарищества и Дружбы, Кукъ двинулся дальше на западъ и вскорѣ открылъ архипелагъ, неизвѣстный до того времени европейцамъ. Это были Ново-Гебридскіе острова. Форстеръ съ увлеченіемъ принялся за изученіе жителей этихъ острововъ, стоявшихъ, какъ и всѣ дикари Океаніи, сравнительно на низкой ступени развитія. Къ сожалѣнію, дикари эти отличались крайней недоверчивостью по отношенію къ европейцамъ. На этой почвѣ возникали раздоры и съ обѣихъ сторонъ пускали въ дѣло оружіе. Подобныя кровавыя столкновенія глубоко огорчали Форстера, который, подобно Миклухъ-Маклаю, считалъ лучшимъ способомъ обращенія съ дикарями доброе и довѣрчивое отношеніе. Нечего говорить, что естествоиспытатели экспедиціи собирали и на этихъ новыхъ островахъ обильную жатву въ видѣ новыхъ птицъ, рыбъ и растений и произвели тщательныя изслѣдованія вулкана и горячихъ источниковъ Танна.

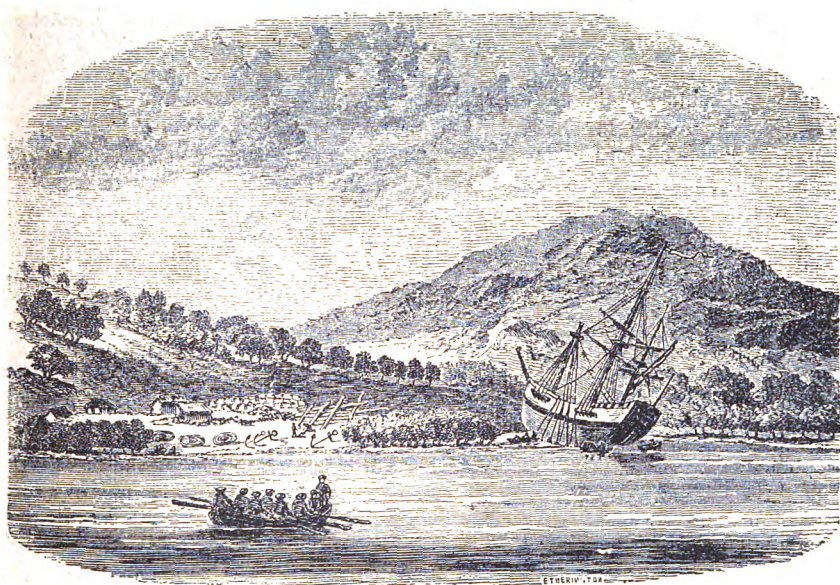
Дальнѣйшее движеніе Кука на западъ принесло новое открытіе: длинный, узкій островъ, расположенный въ 1200 верстахъ отъ Австраліи и названный Новой Каледоніей. Это былъ островъ со скудной почвой, бѣдной флорой и фауной, но съ добродушными дикарями-жителями. У Новой Каледоніи Кукъ пробылъ только недѣлю, къ великому огорченію Форстера, для котораго такой срокъ показался слишкомъ короткимъ тѣмъ болѣе, что часть этого времени онъ пролежалъ больной, такъ какъ отравился какой-то рыбой. Отъ Новой Каледоніи Кукъ снова направился къ берегамъ Новой Зеландіи, гдѣ незадолго до того со вторымъ кораблемъ экспедиціи Кука, не дождавшимся возвращенія этого послѣдняго, произошло большое несчастье. Цѣлый отрядъ матросовъ съ этого корабля былъ окруженъ большой толпой дикарей и отчасти разбитъ, а отчасти взятъ въ плѣнъ. Всѣ попавшіе въ плѣнъ были затѣмъ съѣдены дикарями. Кука также ждало здѣсь огорченіе. Посаженные имъ культурныя растенія одичали, выродились и стали непригодными для пищи, а его огородики заросли сорной травой. Изъ Новой Зеландіи корабль Кука отправился теперь къ Огненной Землѣ, южной оконечности южной Америки. Во время этой обратной поѣздки Кукомъ было сдѣлано еще нѣсколько географическихъ открытій и онъ еще разъ спускался далеко къ югу для того, чтобы провѣрить одно свѣдѣніе о мѣстонахожденіи материка среди полярныхъ льдовъ. Наконецъ, якорь былъ снова брошенъ у береговъ Англіи. Это было 30 іюля 1775 г. Такимъ образомъ, болѣе трехъ лѣтъ Кукъ употребилъ на свое второе путешествіе. Болѣе 20 мѣсяцевъ изъ этого періода было проведено Кукомъ среди невѣдомыхъ еще міру людей. За все свое путешествіе онъ почти не соприкасался съ европейскими поселеніями и не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о томъ, какія событія происходили тогда въ цивилизованныхъ странахъ. Онъ три раза спускался за широту полярнаго круга, и первый принесъ ученому міру свѣдѣнія объ этихъ суровыхъ краяхъ. Заслуги, оказанныя Кукомъ человечеству въ области мореплаванія и географіи за время этого путешествія, воистину безчисленны; не менѣе велики были научныя богатства, доставленные учеными сотоварищами Кука, среди которыхъ на первое мѣсто, конечно, мы должны поставить отца Форстера. Но, заканчивая разсказъ объ этомъ удивительномъ путешествіи, мы не можемъ не упомянуть еще объ одной его въ высшей степени интересной подробности. Уѣзжая изъ Англіи, Кукъ имѣлъ на кораблѣ, находившемся въ его личномъ распоряженіи, 119 лицъ. Несмотря на то, что это трехлѣтнее плаваніе было сопряжено съ величайшими затрудненіями и испытаніями, изъ всѣхъ 119 человекъ за все это время погибло только четверо: трое вслѣдствіе несчастнаго случая и одинъ отъ болѣзни. Такой благоприятный ходъ дѣла едва ли можетъ быть объясненъ чѣмъ-нибудь инымъ, какъ удивительной распорядительностью и умомъ самого капитана Кука.

Успѣхи двухъ путешествій Кука обратили на него всеобщее вниманіе и всеобщія надежды. Англія, какъ торговая страна, была очень заинтересована въ томъ, чтобы найти болѣе близкій путь къ Индіи и Китаю, чѣмъ тотъ, которымъ пользовались въ то время и который шелъ мимо мыса Доброй Надежды вокругъ всей Африки. О Суэзскомъ каналѣ въ то время и разговоръ не было. Надѣялись найти болѣе короткий путь, по крайней мѣрѣ, до Китая въ объѣздъ вокругъ сѣверной Европы и Азіи по Сѣверному Ледовитому океану. Для этого надо было установить прежде всего, какіе и насколько удобные проливы имѣются между Азіей и Сѣверной Америкой. Капитанъ Берингъ, находившійся на службѣ

И. А. Крыловъ. — По рисунку художника Тимма.

русскаго правительства, еще до того времени установилъ, что таковой проливъ, дѣйствительно, имѣется, но прилегающія области и самый проливъ не были изслѣдованы сколько-нибудь въ достаточной степени. Ознакомившись съ этимъ проливомъ и путями по Сѣверному Ледовитому океану и было предложено Куку, который, конечно, съ величайшей охотой согласился на это предложеніе. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, Кукъ въ слѣдующемъ же 1776 году готовится къ новому дальнему путешествію. Въ срединѣ только что названнаго года Кукъ, дѣйствительно, пускается въ плаваніе съ двумя кораблями. Онъ снова огибаетъ южную оконечность Африки и входитъ въ Великій океанъ. Направляя путь къ обычной базѣ своихъ всѣхъ дальнихъ экскурсій, — къ островамъ Таити, —

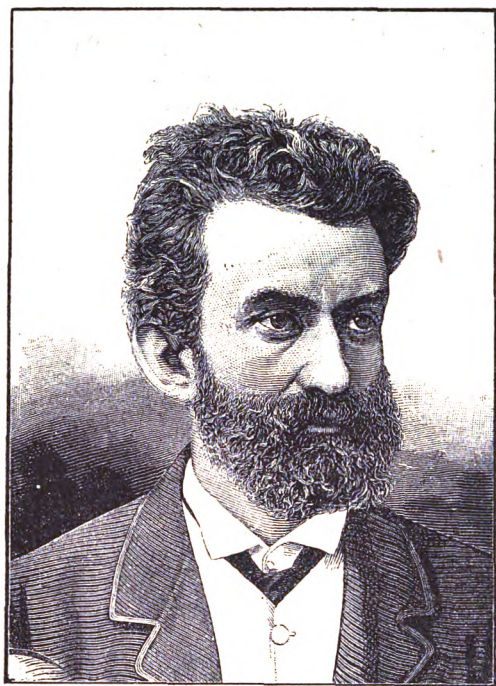

Починка Корабля Кука „Эндивоуръ“ („Стараніе“) въ бухтѣ Эндивоуръ.

Кукъ открываетъ нѣсколько новыхъ острововъ. Новыя изслѣдованія излюбленнаго имъ архипелага, къ которому принадлежатъ острова Товарищества и Дружбы, и подготовка къ опасной сѣверной экспедиціи заняли у Кука весь 1777 годъ. Въ самомъ началѣ слѣдующаго года онъ двинулся къ сѣверному проливу, отдѣляющему Азію отъ Сѣверной Америки. На пути Куку посчастливилось открыть еще новую группу острововъ. Это были Сандвичевы острова. Пополнивъ запасы свѣжей воды, Кукъ отъ Сандвичевыхъ острововъ взялъ курсъ къ Калифорніи и, слѣдуя своему обычному правилу, онъ теперь пошелъ медленно, самымъ точнымъ образомъ заноса на свои карты всякую сколько-нибудь значительную извилину берега, всякій мысокъ, всякій встрѣчный островокъ. Все это сильно задерживало движеніе Кука впередъ и когда онъ прибылъ къ проливу, ведущему изъ Великаго океана въ Сѣверно-Ледовитой и названному имъ въ честь капитана, впервые обследовавшаго его воды, Беринговымъ проливомъ, наступила уже осень. Ледовитый океанъ оказался переполненнымъ льдами, которые не позволили Куку продвинуться сколько-нибудь дальше въ глубь этого суроваго края. Однако, Кукъ не

потерялъ времени. Онъ тщательно изслѣдовалъ съ географической точки зрѣнія всѣ берега, мимо которыхъ онъ проходилъ, и исправилъ множество ошибокъ и недоразумѣній, которыя вошли въ обиходъ географическихъ представлений, благодаря нелѣпымъ рассказамъ невѣжественныхъ купцовъ, изрѣдка посѣщавшихъ эти берега ради торговли съ мѣстными дикарями. Въ эту поѣздку Кукъ впервые установилъ число и размѣры Американскихъ острововъ. Холода и льды прогнали Кука изъ сѣверныхъ морей. Онъ вернулся въ Великій океанъ для того, чтобы за осеннее и зимнее время тщательно изучить вновь открытые имъ Сандвичевы (или Гавайскіе) острова. Число ихъ оказалось настолько значительнымъ, что пришлось употребить семь недѣль на то, чтобы объѣхать ихъ и занести ихъ всѣ на карту.

Туземцы встрѣтили нашихъ путешественниковъ очень добродѣтельно и между европейцами и ими завелась мѣновая торговля. Экипажъ Кука отдохнулъ на свѣжей и здоровой пищѣ. Отыскавъ подходящую бухту, англичане бросили якоря. Огромные корабли, необычайныя приспособленія, огнестрѣльное оружіе, бѣлый цвѣтъ кожи и ловкость европейцевъ первое время производили на дикарей подавляющее впечатлѣніе. Они, повидимому, считали Кука за бога и оказывали ему божескія почести. Встрѣчаясь, напр., съ нимъ они падали ницъ, а жрецы, желая всячески задобрить его, совали ему въ ротъ нажеванную ими самими свинину. Самъ король пожелалъ оказать путешественнику высшую милость и устроилъ пышную церемонію обмѣна именъ, такъ что Кукъ получилъ имя Тарпи-Опу, а Тарпи-Опу сталъ называться Кукомъ. Простоявъ нѣкоторое время въ облюбованной бухтѣ, Кукъ рѣшилъ двинуться дальше. Но едва онъ отошелъ отъ берега, какъ поднялся страшный штормъ, который сильно повредилъ корабль Кука. Пришлось вернуться въ старую бухту и заняться починкой попорченного судна. Власти и жрецы приняли Кука, повидимому, радушно, оказывали ему всяческое содѣйствіе. Но въ народныхъ массахъ настроеніе рѣзко измѣнилось. Трудно сказать, что было причиной этого: то ли, что дикари стали подозревать, что европейцы вернулись съ какими-то дурными цѣлями, то ли, что буря, повредившая судно Кука, открыла имъ глаза и убѣдила ихъ, что о божественности бѣлыхъ людей не можетъ быть и рѣчи, — только недовѣріе быстро дало себя почувствовать. Начались оскорбленія и покражи. Англичане отвѣчали ударами и выстрѣлами. Тогда Куку пришла несчастная мысль захватить короля къ себѣ, на корабль, и держать его тамъ въ качествѣ заложника. Сказано, сдѣлано. Кукъ отправился съ конвоемъ въ палатку короля, засталъ его спящимъ, разбудилъ его и повелъ къ берегу. Вскорѣ европейцы были окружены толпой возбужденныхъ дикарей. Начались попытки освобожденія короля. Матросы сопротивлялись. Завязалась свалка, въ которой Кукъ и былъ убитъ дикарями. Это случилось 14 февраля 1779 года.

Н. Н. Миклуха-Маклай.

Н. Н. Миклуха-Маклай.

(1846 — 1888).

О ранних годах жизни знаменитого русского путешественника известно лишь очень немного. Родился онъ въ 1846 г. въ селѣ Рождественскомъ, Новгородской губ., Боровическаго уѣзда. Онъ принадлежалъ къ дворянской семьѣ и вѣлъ свое происхожденіе отъ запорожскихъ казаковъ. „Быть можетъ“,—замѣчаетъ г. Прессъ,—„неукротимый духъ странствованій унаслѣдованъ имъ отъ какого-нибудь предка, служившаго въ знаменитой вольницѣ“. Дворянство этого казацкаго рода восходитъ ко временамъ Екатерины II, когда одинъ изъ предковъ Николая Николаевича, служившій въ русскомъ войскѣ, отличился при взятіи штурмомъ одной крѣпости.

Но если духомъ Николай Николаевичъ былъ неугомонный и отважный казакъ-запорожець, то тѣломъ онъ далеко не вышелъ въ своихъ предковъ. Это былъ болѣзненный, худой мальчикъ, которому недуги не

дали возможности окончить даже гимназію. Свое гимназическое образованіе Н. Н. получилъ въ Петербургѣ, куда семья его переселилась по смерти отца, скончавшагося, когда Н. Н.—чу было всего одиннадцать лѣтъ. Выйдя изъ гимназіи, Н. Н.—чъ поступилъ вольнослушателемъ въ Петербургскій университетъ. Но скоро и отсюда онъ долженъ былъ выйти и уѣхать продолжать свое образованіе за границу. Въ 1863 г. мы застаемъ его въ Гейдельбергѣ; затѣмъ онъ перебирается въ Лейпцигъ и Іену. Уже въ Петербургѣ Н. Н.—чъ проявилъ большую разносторонность умственныхъ интересовъ. Онъ изучаетъ и юридическія, и естественныя, и медицинскія науки, особенно увлекаясь изученіемъ низшихъ органовъ, физиологіей и сравнительной анатоміей. Ту же разносторонность интересовъ онъ переноситъ и въ Германію, гдѣ сначала посѣщаетъ лекціи философскаго факультета, а затѣмъ медицинскаго и, наконецъ, цѣлкомъ отдался изученію естественныхъ наукъ. Работаетъ онъ съ увлеченіемъ и съ такимъ успѣхомъ, что обращаетъ на себя вниманіе профессоровъ. Его все больше и больше начинаютъ привлекать вопросы эмбриологическаго характера и важнѣйшія биологическія проблемы, оставшіяся къ тому времени только еще намѣченными. Его пытливый умъ всегда направлялся вглубь вопросовъ; онъ стремился восходить въ своихъ изслѣдованіяхъ къ самымъ основнымъ фактамъ, къ низшимъ ступенямъ развитія природы, чтобы отъ нихъ уже подняться къ рѣшенію болѣе сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ. „Въ области зоологіи“, — говоритъ г. Прессъ, — „онъ посвятилъ себя изученію полиповъ, губокъ и т. п. существъ, представляющихъ первую грань между растительнымъ и животнымъ міромъ. Въ сравнительной анатоміи онъ настойчиво работалъ надъ микроскопическимъ строеніемъ мозга животныхъ. „При этомъ его всегда увлекало стремленіе выяснить возможно полнѣе, возможно разностороннѣе фактическую сторону cadaго явленія. „Десятки томовъ книгъ“, — говоритъ онъ, — „не могутъ дать того, что дастъ взглядъ, брошенный на предметъ“... Вотъ почему ему надо было самому собственными руками перепробовать все, собственными глазами пересмотрѣть все. Лабораторныя и музейныя занятія при такихъ условіяхъ не могли удовлетворить его. Мысль о необходимости поставить самому рядъ работъ надъ животными, интересовавшими его, все сильнѣе и сильнѣе захватывала его. Лекціи такихъ ученыхъ, какъ Бунзенъ, Гельмогольцъ ¹⁾, Целлеръ, Миттермайеръ, Рошеръ, Веберъ, Геккель ²⁾, которыхъ онъ усердно посѣщалъ заграницей, еще больше убѣждали его въ необходимости подобной научной самостоятельности. Вотъ почему двадцатилѣтній Миклуха-Маклай съ величайшей радостью согласился отправиться для работъ по сравнительной анатоміи на Канарскіе острова, въ Марокко и на островъ Мадеру совместно съ Геккелемъ, Греефомъ и Фолемъ. Послѣ этой поѣздки Н. Н.—чъ посѣтилъ многіе изъ европейскихъ музеевъ, въ которыхъ изучалъ различные зоологическіе и анатомическіе препараты. Затѣмъ онъ провелъ нѣкоторое время на Средиземномъ морѣ, надѣясь найти тамъ интересовавшихъ его животныхъ. Но поѣздка эта оказалась неудачной: ему не удалось получить того, чего онъ искалъ. Тогда онъ рѣшается отправиться, не смотря на крайне незначительные размѣры своихъ личныхъ средствъ, въ Малую Азію и на берега Краснаго моря, „Научныя экскурсіи по Красному морю“, — говоритъ одинъ изъ біографовъ, — „происходили при условіяхъ очень неблагоприятныхъ

¹⁾ Біографія см. II т. „Вѣст. Люди“.

²⁾ Біографія см. I т. „Вѣст. Люди“.

для Миклуха-Маклая. Объ этомъ можно судить уже по тому, что ему приходилось дѣлать наблюденія надъ жизнью моря на коралловыхъ рифахъ, подъ палящими лучами тропическаго солнца. Температура стояла почти ежедневно до 35°, такъ что едва возможно было брать въ руки микроскопъ. Кроме того, лихорадка и другія болѣзни также въ немалой степени мѣшали успѣшной работѣ. Къ довершенію же всего, молодому ученому приходилось испытывать на себѣ всѣ послѣдствія необыкновенной нетерпимости магометанъ къ христіанамъ. (Извѣстно, что Коранъ, сборникъ пророческихъ изрѣченій Магомета, требуетъ отъ магометанъ распространенія своей религіи мечемъ). Миклуха-Маклай всячески пытался приспособиться къ окружавшимъ его полудикимъ арабамъ и предупредить возможные непріятныя столкновенія съ ними. Онъ брилъ себѣ голову, носилъ арабскій костюмъ и старался вести разговоръ на арабскомъ языкѣ "... Во время этого путешествія Миклуха-Маклай выбрался изъ денежныхъ затрудненій только благодаря помощи нѣкоторыхъ европейскихъ консуловъ, которые доставляли ему небольшія суммы и дали возможность переправить его коллекціи въ Европу. Въ 1869 г. Миклуха-Маклай вернулся въ Петербургъ. Приблизительно около этого же времени появилось нѣсколько его научныхъ работъ (въ томъ числѣ „О мозгѣ позвоночныхъ животныхъ“ и „Исслѣдованіе надъ морскими губками и надъ прѣсноводной губкой Байкала“).

Солидныя знанія, удивительная энергія, умѣнье дѣлать цѣнныя наблюденія обратили вниманіе многихъ ученыхъ на молодого изслѣдователя, хотя онъ тогда не обладалъ не только какой-нибудь ученой степенью, но не имѣлъ даже и гимназическаго диплома. Вотъ почему, когда въ октябрѣ 1870 года онъ представилъ географическому обществу планъ путешествія по Великому океану, общество рѣшило оказать молодому ученому посильное содѣйствіе. Оно предоставило въ распоряженіе Миклухи-Маклая небольшую сумму денегъ (всего 1350 руб.!) и выхлопотало ему право проѣзда на военномъ корветѣ „Витязѣ“, направлявшемся въ то время какъ разъ въ Великій океанъ.

Въ мартѣ 1871 года Миклуха-Маклай былъ уже въ Рио-де-Жанейро, при чемъ во время переѣзда изъ Европы въ Америку, несмотря на бурную погоду, сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ измѣреній глубинъ Атлантическаго океана. Удалось также Миклухѣ-Маклаю сдѣлать нѣсколько экскурсій по Патогоніи. Наконецъ, корабль вступилъ въ воды Великаго океана и сталъ приближаться къ Новой Гвинее, которую Н. Н.—тъ выбралъ для своего многолѣтняго пребыванія. Но почему выборъ Н. Н.—ча упалъ на эту дикую страну? Мотивы этого выбора Н. Н.—тъ изложилъ самъ.

„Выбирая въ 1868 году ту часть земного шара, которой я предполагалъ посвятить мои изслѣдованія“, — писалъ онъ, — „я остановился на островахъ Тихаго океана и преимущественно на Новой Гвинее, какъ островѣ, наименѣе извѣстномъ. Я постарался предварительно познакомиться со всей литературой объ этомъ островѣ, имѣя въ виду найти мѣстность, которая до тѣхъ поръ, т. е. до 1868 г., еще не была посѣщена бѣлыми. Такой мѣстностью былъ сѣверо-восточный берегъ Новой Гвиней, около бухты Астролябіи. Дампиръ, именемъ котораго названъ островъ Каръ-Каръ, прошелъ вдали отъ берега, не останавливаясь на немъ. Дюмонъ-Дюрвиль, который далъ заливу названіе Астролябіи, потерявъ у Раротонги оба якоря, также не могъ остановиться и прошелъ восточнѣе Кара-Кара, опредѣливъ только два крайніе мыса: Дюперре и Риньи...“

Но зачѣмъ Миклухъ-Маклаю надо было, во что бы то ни стало, отыскать также берега, на которыхъ никогда не ступала нога бѣлаго человѣка? Для этого были двѣ причины. Оставаясь вѣрнымъ складу своего ума, онъ и въ антропологии, которой рѣшилъ посвятить теперь свою молодую жизнь, искалъ первичныхъ фактовъ, простѣйшихъ элементовъ, отъ которыхъ можно было бы исходить уже къ болѣе сложнымъ продуктамъ жизни. А такими простѣйшими фактами, конечно, могли быть только низшіе дикари, никогда не соприкасавшіеся съ европейской жизнью. „Я полагалъ“, — поясняетъ самъ Миклуха-Маклай, — „что мнѣ слѣдуетъ главнымъ образомъ заняться изученіемъ туземцевъ и образа ихъ жизни. Я засталъ ихъ на самой низкой ступени развитія: они не умѣли даже добывать огня. Эта ступень развитія туземцевъ — переходная и должна была измѣниться уже вслѣдствіе одного моего пребыванія между ними. Въ непродолжительномъ, быть можетъ, времени вслѣдствіе развитія торговли въ Тихомъ океанѣ, жители войдутъ въ сношенія съ другими народами, и тогда ихъ примитивность совершенно исчезнетъ“... „Тѣ же райскія птицы и бабочки“, — писалъ онъ позднѣе, — „будутъ летать въ Новой Гвинее даже въ далекомъ будущемъ, и собираніе ихъ будетъ восхищать зоолога, между тѣмъ почти навѣрное не только нравы и обычаи теперешнихъ папуасовъ измѣнятся и забудутся, но можетъ случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровнаго папуаса въ горахъ Новой Гвинее, какъ я искалъ оранг-сакай и оранг-симангъ въ лѣсахъ Малайскаго полуострова. Время, я увѣренъ, докажетъ, что при выборѣ моей главной задачи я былъ правъ“. И время доказало это.

Другой причиной, заставлявшей Миклуху-Маклая выбирать мѣстность, на которой никогда не бывали бѣлые, — это въ высшей степени жестокое и несправедливое отношеніе бѣлыхъ другъ къ другу и къ дикарямъ, — отношеніе, которое немедленно же вооружало этихъ послѣднихъ. Примѣромъ подобнаго поведенія бѣлыхъ можетъ послужить хотя бы слѣдующій разсказъ, помѣщенный въ донесеніи Назимова, начальника корвета „Витязь“, на которомъ ѣхалъ Миклуха-Маклай.

„16 августа“, — писалъ онъ — „корветъ подошелъ къ острову Ротума. Къ намъ навстрѣчу выѣхала лодка, въ которой находился одинъ изъ начальниковъ мѣстныхъ жителей. Онъ просилъ насъ остановиться здѣсь хотя на короткое время, чтобы защитить католическихъ миссіонеровъ отъ нападеній протестантовъ. На этомъ островѣ находятся миссіонеры католики и протестанты; поэтому и жители раздѣлились между двумя религіозными общинами; каждая изъ нихъ имѣла свой храмъ и своихъ пастырей. Въ началѣ августа туземцы-протестанты напали на одно селеніе, въ которомъ жили католики, разорили ихъ храмъ, выгнали изъ селенія жителей-католиковъ, завладѣли ихъ землей и запретили имъ возвращаться обратно. Католики въ продолженіе десяти дней защищались отъ нападенія протестантовъ съ оружіемъ въ рукахъ. Большинство дравшихся не понимало причинъ нападенія и послѣ десятидневнаго утомленія разошлось по домамъ на отдыхъ. Мы, — пишетъ Назимовъ, — застали перемиріе, но все-таки протестанты не переставали угрожать католикамъ тѣмъ, что ихъ духовенство они перебьютъ, а имущество разграбятъ. Эти-то угрозы и заставили католиковъ просить защиты у русскихъ“.

Если подобные нравы прививались дикимъ во имя великихъ истинъ христіанской религіи, то нетрудно себѣ представить, какіе нравы устанавливались здѣсь тѣми, кто являлся сюда во имя Мамоны. Въ этомъ

на пути къ Гвинее пришлось Миклухо-Маклаю самому убѣдиться не разъ. Вотъ, напр., какую бытовую картинку засталъ онъ на островѣ Рапа-Нуи, гдѣ онъ сумѣлъ собрать интереснѣйшія коллекціи по искусству и первоначальнымъ формамъ письменности дикарей. Рапа-Нуи—островъ, обитанный природою. Главную пищу туземцевъ составляли бататы (тропическое растеніе). Когда у дикарей являлось желаніе разнообразить свой столъ мясомъ, то приходилось обращаться къ мясу крысъ, кроликовъ и собакъ, а раньше для того же служило нѣрѣдко и человѣческое мясо. На бѣдный этотъ островъ позарился нѣкій французъ Борнье, капитанъ купеческаго судна. Ему показалось, что если бы съ этого острова согнать дикарей, то тутъ привольно было бы стадамъ овецъ, отъ которыхъ можно будетъ получить хорошій барышъ. Мысль Борнье понравилась еще двумъ такимъ же бандитамъ: американцу и нѣмцу. Всѣ они трое составили компанію и приступили къ дѣлу. Борнье высадился съ вооруженной шайкой своихъ наемниковъ на островъ, захватилъ церкви и дома миссіонеровъ, отнялъ у этихъ послѣднихъ принадлежавшихъ имъ 300 овецъ и въ занятыхъ помѣщеніяхъ устроилъ склады шерсти. На сторону Борнье стало нѣсколько мѣстныхъ жителей, которыхъ онъ подкупилъ подарками. Другая же большая часть населенія возсталла противъ Борнье, который рѣшилъ „успокоить возставшихъ“ силой оружія. Онъ какъ-то отдалъ приказъ своимъ людямъ внезапно открыть огонь по толпѣ недовольныхъ дикарей. Въ результатѣ одинъ человѣкъ оказался убитымъ и нѣсколько — ранеными. Затѣмъ онъ отправился съ шайкой своихъ негодяевъ въ селенія дикарей, сжегъ ихъ хижины и велѣлъ пощипать всѣ всходы бататовъ. Туземцамъ ничего не оставалось сдѣлать, какъ покинуть свой несчастный островъ. Больше половины жителей его, дѣйствительно, въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ были вывезены съ своей родины для того, чтобы тамъ вольготнѣе жилось баранамъ европейцевъ. Какія чувства должны были питать дикари къ бѣлымъ! Миклуха-Маклай не хотѣлъ, чтобы дикари смѣшивали его съ этими разбойниками. Разсказанные здѣсь случаи еще больше убѣждали его въ необходимости высадиться на такомъ берегу, куда бы никогда не ступала нога бѣлаго хищника. Только при такихъ условіяхъ, — думалъ онъ, — ему удастся проникнуть въ тайны первобытной культуры.

Такимъ дѣвственнымъ мѣстомъ, по расчетамъ Миклухи-Маклая, долженъ былъ быть сѣверо-восточный берегъ Новой Гвинее. Туда-то Миклуха-Маклай и предложилъ себя высадить, чтобы начать съ двумя вольнонаемными слугами свою жизнь среди папуасовъ на пустынномъ берегу у бухты Астролябія. Въ какія условія ставилъ Миклухо-Маклай свою жизнь здѣсь, видно хотя бы изъ слѣдующаго сообщенія, сдѣланнаго капитаномъ „Витязя“. „Мѣстность эта неудобная“, — писалъ онъ, — „въ случаѣ крайности Миклухѣ-Маклаю отрѣзаны всѣ пути для отступленія; кромѣ того, эта мѣстность имѣетъ всѣ данныя для развитія лихорадки. Уже черезъ пять дней по уходѣ корвета въ командѣ начала развиваться лихорадка, вынесенная, очевидно, отсюда. Кромѣ этихъ губительныхъ условій, Миклуха-Маклай не можетъ увидѣть изъ своего жилья ни одного проходящаго корабля, и также ни одинъ корабль, проходя мимо, не будетъ въ состояніи замѣтить пребываніе европейца и флага, который Миклухѣ-Маклаю устроили на мачтѣ.

Самъ же молодой отшельникъ (ему въ то время было всего 24 года), совершенно отрѣзавшій себя отъ всего культурнаго міра, такъ описываетъ начало своего подвига.

„Мѣстность берега. Маклая (такъ впоследствии былъ названъ этотъ берегъ) вся покрыта густымъ лѣсомъ и очень гориста... Когда подъѣзжаешь на кораблѣ къ бухтѣ Астролябіи, то не видно ни малѣйшихъ признаковъ человѣческаго жилья; только изрѣдка подымается столбомъ дымъ, который указываетъ на близость человѣка... Весь берегъ сплошь покрытъ густымъ лѣсомъ. Разсматривая его внимательно въ зрительную трубу, видишь отдѣльныя группы кокосовыхъ пальмъ и спрятанные въ кустарникахъ челноки папуасовъ. Тропинка, идущая съ морского берега въ лѣсъ, приводитъ въ пальмовую рощу, среди которой, на открытомъ мѣстѣ, въ тѣни кокосовыхъ пальмъ стоятъ хижины дикарей“...

„Высадившись на берегъ, я избралъ для постройки хижины мысокъ, довольно отдаленный отъ соседнихъ деревень; мѣстность эта не принадлежала никому, не была занята до моего поселенія никѣмъ: такимъ образомъ, поселившись въ деревень, я не навязывалъ жителямъ моего постоянного присутствія. Это обстоятельство оказалось въ высшей степени удачнымъ шагомъ для моего дальнѣйшаго сближенія съ дикими.

„Жители Астролябіи беа (берега) оказались подозрительными и имъ не нравились мои визиты къ нимъ, хотя сами они приходили ко мнѣ за табакомъ или за разными бездѣлками, которыя я имъ дарилъ или вымѣнивалъ за плоды и овощи. Они слѣдили за каждымъ моимъ шагомъ, въ особенности когда я подходилъ къ ихъ деревнямъ.

„Я сталъ понемногу изучать ихъ языкъ, но изученіе шло медленно, папуасы неохотно и лѣнливо отвѣчали на мои вопросы...

„Нездоровая мѣстность скоро дала себя знать“, — продолжалъ онъ нѣсколько дальше свое описаніе. — „Одинъ изъ моихъ слугъ захворалъ и слегъ, его примѣру послѣдовалъ и другой. Мнѣ пришлось готовить пищу для троихъ, лѣчить больныхъ, ухаживать за ними, носить воду, рубить дрова, принимать визиты папуасовъ, дѣлать метеорологическія и другія наблюденія. Скоро слугу Уольсона (шведа) я поставилъ на ноги, и онъ могъ мнѣ помогать.

„Исслѣдованія и наблюденія надъ жизнью животныхъ приходилось производить на коралловыхъ рифахъ, но для этого я долженъ былъ бродить по поясу или по колѣно въ водѣ. Въ началѣ ноября 1871 года и я почувствовалъ первые пароксизмы лихорадки, которая не покидала меня во все время пребыванія на Новой Гвинее и возвращалась каждыя 2 недѣли. По неволѣ отъ исслѣдованій приходилось отказываться. Приступы лихорадки сопровождались бредомъ и сильной опухолью лица, шеи, рукъ. Однако самъ я, когда болѣлъ, тщательно скрывалъ это отъ туземцевъ... Наконецъ, слуга-полинезецъ, который не хотѣлъ принимать никакого лѣкарства, хотя страдалъ сильно, умеръ. Папуасы, видя, что насъ только двое, предполагая большія сокровища въ моей хижинѣ, дѣлались все нахальнѣе и требовательнѣе и стали угрожать убить меня и Уольсона.

„Я принималъ ихъ угрозы шутками и, не обращая на нихъ вниманія, попрежнему ходилъ по лѣсу и посѣщалъ ихъ деревни. При моемъ появленіи въ деревняхъ поднималась страшная суматоха. Женщины и дѣти съ визгомъ бросались въ хижины и въ лѣсъ, мужчины съ оружіемъ, съ крикомъ и съ особеннымъ воинственнымъ рычаніемъ сбѣгались и окружали меня. Не разъ потѣшались они, пуская стрѣлы такъ, что стрѣлы очень близко пролетали около моего лица и груди, приставляли свои тяжелыя копыя вокругъ моей головы и шеи и даже подчасъ безцеремонно совали острыя копыя мнѣ въ ротъ и разжимали ими зубы...

Но, исключая двухъ или трехъ царепинъ, никто не рѣшался нанести мнѣ рану.

„Замѣтивъ, что мой приходъ въ деревню нарушалъ обычное теченіе жизни туземцевъ, что при моемъ появленіи всѣ женщины съ дѣтьми стремглавъ бросались въ кусты, а мужчины брались за оружіе, окружали меня и угрожали убить, я постарался найти средство, чтобы не беспокоить ихъ внезапнымъ появленіемъ. Видя, что неожиданность моего прихода сильно ихъ беспокоитъ и такъ имъ надобѣдаетъ, я, обыкновенно, подходя къ деревнѣ, останавливался и рѣзкимъ свистомъ давалъ знать о моемъ приближеніи для того, чтобы дать женщинамъ время убраться въ кусты и спрятаться тамъ. Я скоро замѣтилъ, что вслѣдствіе этого туземцы, зная, что я не приду неожиданнымъ гостемъ, стали совершенно иначе относиться къ моимъ визитамъ и гораздо рѣже брались за оружіе.

Группа патагонцевъ. (Южная Америка).

„Я отправлялся всюду не вооруженнымъ, и покойное молчаніе и полное равнодушіе къ окружающему было отвѣтомъ на всѣ эти любезности папуасовъ. Дикихъ ставило втупикъ мое неизмѣнное равнодушіе, я же понималъ сразу, въ чемъ моя сила, и не измѣнилъ своего обращенія съ ними. Я рѣшилъ, что когда-нибудь папуасы привыкнутъ къ моимъ посѣщеніямъ и спокойно спать въ папуасской деревнѣ, несмотря на копья и стрѣлы туземцевъ“...

Не только неустрашимость Миклухи-Маклая производила на дикарей огромное впечатлѣніе, но и его находчивость, и его удивительно ровное, ласковое и доброжелательное отношеніе, и, наконецъ, неизмѣнная и благородная вѣрность своему слову. Миклухо-Маклай никогда не говорилъ какой-нибудь неправды дикарямъ и свято исполнялъ данное обѣщаніе. „Баланъ Маклай хуки“ — „слово Маклая одно“, говорили про него дикари, желая выразить этимъ силу и неизмѣнность слова молодого путешественника. Миклухо Маклай никогда не лгалъ, но ему приходилось не разъ съ крайней осторожностью пользоваться своимъ

словомъ и не вступать въ подробное объясненіе сказаннаго. Неустрашимость Маклая внушила дикарямъ мысль о томъ, что онъ — не простой человѣкъ, а божество. Однажды, когда Маклай уже достаточно сблизился съ дикарями и ознакомился съ ихъ языкомъ, онъ вошелъ въ огромный общій домъ, гдѣ туземцы хранили оружіе и куда мужчины собирались проводить свободные часы. По лицамъ присутствовавшихъ Миклухо-Маклай сразу замѣтилъ, что рѣчь шла о немъ. И дѣйствительно, старикъ папуасъ Саулъ подошелъ къ нему и спросилъ: „Маклай, скажи, можешь ты умереть, быть мертвымъ какъ люди Бонгу, Погатимъ, Били-били?“ Маклай на минуту задумался. Сказать, что онъ такой же смертный, какъ и всѣ, онъ не хотѣлъ, такъ какъ это значило бы вводить папуасовъ въ искушеніе проверитъ это его заявленіе на опытѣ, да и не хотѣлось ему собственными своими руками подрывать въ наивныхъ душахъ дикарей свой престижъ, который онъ установилъ лишь съ такимъ трудомъ и такой безупречной дѣятельностью. Но и сказать, что онъ принадлежитъ къ числу бессмертныхъ Миклухо-Маклай также не хотѣлъ:

Жители Огненной Земли въ челнокѣ. (Южн. Ам.).

это значило бы обмануть дикарей, а онъ разъ навсегда поставилъ своей задачей никогда не говорить имъ неправды. Всѣ эти мысли, вѣроятно, вихремъ пронеслись въ головѣ отважнаго путешественника. Но его колебанія продолжались всего моментъ, затѣмъ онъ рѣшился... Онъ снялъ шапку для того, чтобы всѣ видѣли, что онъ говоритъ спокойно и серьезно, и отвѣтилъ: „Попробуй, посмотри, могу ли я умереть“. Этотъ отвѣтъ произвелъ на Саула такое потрясающее впечатлѣніе, что тотъ даже не замасхнулся копьемъ, которое передъ этимъ самъ Миклухо-Маклай снялъ со стѣны и подаль ему. Впрочемъ, если бы Саулъ вздумалъ произвести свой рискованный опытъ, то едва ли бы ему удалось это выполнить, такъ какъ нѣсколько его товарищей бросились между нимъ и Миклухо-Маклаемъ для того, чтобы своими тѣлами защитить этого послѣдняго.

Другой разъ Миклухо-Маклай хотѣлъ отправиться въ горныя деревни внутри острова въ то время, когда еще папуасы относились къ нему съ крайнимъ недружелюбіемъ. Не обращая на это вниманія, Миклухо-Маклай пошелъ въ ближайшую прибрежную деревню и обратился къ одному изъ вліятельныхъ людей съ просьбой доставить ему проводниковъ и носильщиковъ для переноски вещей. Толпа стала совѣщаться; въ результатъ — отказъ, мотивированный тѣмъ, что дороги тамъ плохія.

ручьи — глубокие, горные люди — злые и т. д. Миклухо-Маклай видѣлъ, что въ дѣйствительности они просто-на-просто не хотятъ почему-то, чтобы онъ проникалъ вглубь страны. Тогда онъ спокойно вынулъ изъ кармана компасъ, указалъ на его стрѣлку и сказалъ: „эта движущаяся стрѣлка покажетъ мнѣ дорогу, а если что со мной случится, вѣдьмъ вамъ будетъ плохо“... Сказалъ ли опять-таки Миклухо-Маклай неправду? Конечно, нѣтъ, такъ какъ его смерть могла бы навлечь на папуасовъ преслѣдованія со стороны европейцевъ. Но тѣмъ не менѣе и отъ этой подвижной стрѣлки, способной указывать путь, и отъ этой неопредѣленной угрозы вѣяло какой-то таинственностью, какимъ-то волшебствомъ, которыя самъ Миклухо-Маклай не торопился разсѣять. Но кто же рѣшится упрекнуть въ этомъ знаменитаго путешественника, поставившаго всю свою жизнь на карту ради изученія одной изъ древнѣйшихъ культуръ и позволя-

Жители Новой Гвинее.

вшихъ себя лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ кое-какія недомолвки, которыя спасали ему жизнь и позволяли продолжать ответственную работу.

Вѣра дикарей въ чудодѣйственныя силы Миклухи-Маклая увеличилась еще подъ влияніемъ одного случайнаго факта. Однажды вечеромъ Миклухо-Маклай, разыскивая какую-то вещь, зажегъ подвернувшуюся ему подъ руку трубочку съ голубымъ бенгальскимъ огнемъ. Присутствовавшіе при этомъ папуасы были поражены сходствомъ этого пламени съ луннымъ свѣтомъ. Они рѣшили, что Миклухо-Маклай не больше не меньше, какъ самъ человѣкъ съ луны. И въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ они могли бы объяснить себѣ возможность подобнаго свѣта въ рукахъ человѣка? Такъ онъ и остался у нихъ извѣстїемъ подъ именемъ Каорамъ-тао, т. е. человѣкъ съ луны.

Миклухо-Маклай пользовался всякимъ случаемъ быть полезнымъ дикарямъ. Одинъ случай особенно помогъ Миклухо-Маклаю сблизиться съ папуасами. Мы знаемъ, что въ университетѣ онъ интересовался

циной. Кое-какія медицинскія познанія и пріемы сохранились у него и послѣ того, какъ онъ покинулъ студенческую скамью. Эти познанія нашли себѣ примѣненіе здѣсь, на дикомъ островѣ. Папуасы, подозрѣвая въ Миклухо-Маклаѣ, если не божество, то во всякомъ случаѣ колдуна, прежде всего стали обращаться къ нему со всякими болѣзнями. Лѣченіе Миклухо-Маклая неоднократно оказывалось удачнымъ. Его стали приглашать и въ серьезныхъ случаяхъ. Однажды его пригласили къ папуасу, которому падающимъ деревомъ въ лѣсу проломило голову. Миклухо-Маклай началъ ходить въ деревню на перевязку каждый день. Его регулярное появленіе въ деревнѣ и его внимательное, любовное отношеніе къ больному окончательно примирило папуасовъ съ бѣлымъ, и онъ мало-по-малу становится у нихъ своимъ человѣкомъ, и человѣкомъ даже влія-

Папуасы въ лодкѣ.

тельнымъ. Какъ-то сосѣдямъ Миклухо-Маклая была объявлена одна изъ тѣхъ безконечныхъ междоусобныхъ войнъ, которыми постоянно бывали обременены папуасы. Сосѣди Миклухо-Маклая на этотъ разъ чувствовали себя слабыми. Сами они не выступали въ походъ, но ежечасно ждали нападенія своихъ враговъ. Находясь въ такомъ тяжеломъ положеніи, они обратились къ Миклухо-Маклаю съ просьбой взять подъ свое покровительство ихъ женъ и дѣтей. Миклухо-Маклай согласился, и этого было достаточно, чтобы нападеніе не состоялось: страшно было идти противъ людей, которые находились подъ покровительствомъ „человѣка съ луны“.

Но все это пришло позже. Первые же пять мѣсяцевъ было настолько трудно, что подъ вліяніемъ непріязненныхъ отношеній со стороны папуасовъ, Миклухо-Маклай подумывалъ уже уѣхать на какой-нибудь другой берегъ. Плану этому помѣшало лишь то обстоятельство, что лодка, оставленная ему военнымъ русскимъ судномъ, оказалась проѣденной червями. Позднѣе Миклухо-Маклай объ этомъ не жалѣлъ, такъ какъ

установившіяся между нимъ и дикарями дружба и довѣріе дали ему возможность такъ глубоко проникнуть въ культуру и психологию дикаго человека, какъ это не удавалось никому до него. Особенно дѣло изслѣдованія стало подвигаться впередъ быстрыми шагами съ тѣхъ поръ, какъ онъ освоился съ папуасскимъ языкомъ, о которомъ до него европейцы не

Вожди племени маори. (Новая Зеландія).

имѣли ни малѣйшаго понятія. „Неимовѣрнаго труда стоило ему научиться языку папуасовъ“, — говоритъ г. Прессъ. — „Онъ бралъ, напримеръ, листь какого-нибудь растенія и показывалъ одному изъ окружающихъ. Тотъ произноситъ слово. Маклай записывалъ это слово русскими буквами, думая, что оно означаетъ имя этого растенія. Тогда онъ показывалъ листь другому папуасу, чтобы провѣрить слово первого. Къ

крайнему его удивленію, второй, посмотрѣвъ на листъ, произносилъ другое слово. Съ третьимъ, четвертымъ, даже десятымъ повторялось то же самое. Въ результатъ записано десять словъ, и никакъ нельзя разобрать, которое изъ нихъ правильное. Когда впослѣдствіи онъ освоился съ языкомъ и главнымъ образомъ случайно узналъ, какъ по-папуасски

Женщины изъ племени маори. (Новая Зеландія).

будетъ выраженіе: „какъ называется?“ — недоразумѣніе разсѣялось. Оказалось, что каждый изъ папуасовъ, глядя на показанный листъ, говорилъ что-либо свое: одинъ сказалъ — „листъ“, другой — „зеленый“, третій — „грязный“, четвертый — „негодный“ и т. д. Нужны были необычайныя способности Миклухо-Маклая, чтобы при такихъ условіяхъ изучить чуждый ему языкъ...

лись дикари - папуасы. Мясной пищи почти не было и Миклухо-Маклай начиналъ уже чувствовать, что силы его упадаютъ, особенно при частыхъ приступахъ

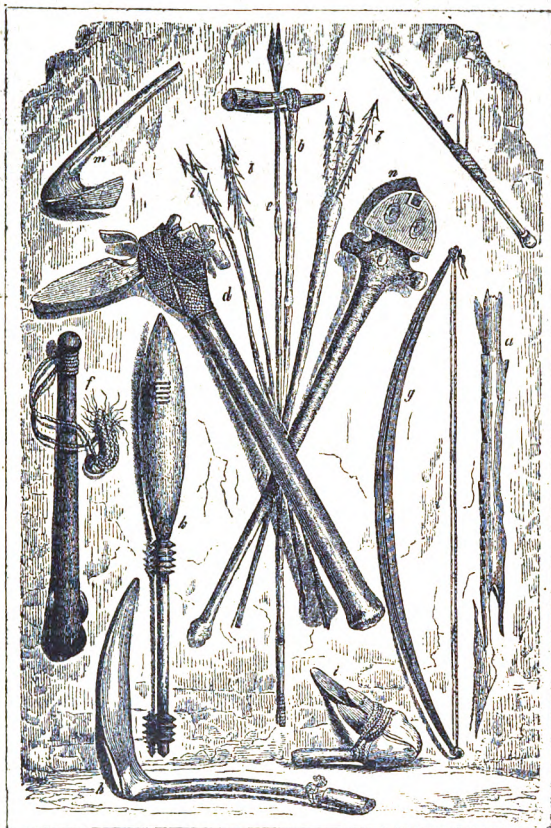
A black and white woodcut-style illustration of a Black man with a beard and curly hair, wearing a robe and looking directly at the viewer. The man has a serious expression and is shown from the chest up. The background is plain white, and the illustration is composed of fine lines and cross-hatching for shading.

Житель Новыхъ Гебридъ.

Digitized by Google

мачты судна. Появившееся судно было клиперъ „Изумрудъ“, который былъ снаряженъ въ поиски за Миклухо-Маклаемъ“.

Пріѣздъ „Изумруда“ оказался, какъ нельзя, кстати. Совершенно больнымъ уѣхалъ Миклухо-Маклай изъ Новой Гвинеи. Папуасы съ сожалѣніемъ провожали „своего“ Маклая. Они даже обѣщали ему по-

Оружіе и орудія изъ Новой Каледоніи и Соломоновыхъ острововъ:

а — остріе копья съ о-ва Изабель (Соломоновы о-ва); б — молотокъ; с — игла; d — сѣкира; е — копье; f — дубина; g — лукъ; h — мотыга изъ Новой Каледоніи; i — мотыга; k — весло; l — метательные дротики съ острововъ Лойальти; m — мотыга; n — дубина.

писать онъ самъ, — „представлялось необходимымъ: 1) познакомиться съ папуасами другихъ частей Новой Гвинеи для сравненія; 2) сравнить папуасовъ Новой Гвинеи съ обитателями другихъ острововъ Меланезіи и 3) выяснить отношеніе папуасовъ къ негритосамъ Филиппинскихъ острововъ, доказать присутствіе или отсутствіе курчаво-волосой расы на Малайскомъ полуостровѣ и, въ случаѣ ея присутствія, сравнить ее съ остальными меланезійцами“. Все — задачи, еще совершенно не тронутыя этнографіей того времени. Впрочемъ, за это первое свое пребываніе на Новой Гвинее Миклухо-Маклаю удалось только

построить по хижинѣ въ каждой деревнѣ, если онъ только согласится остаться тамъ. Когда Миклухо-Маклай не согласился и на это предложеніе, они двое сутокъ (ночью съ факелами) водили его по деревнямъ для прощанья. Миклухо-Маклай съ несказаннымъ удовольствіемъ встрѣтилъ своихъ соотечественниковъ. Русскіе также очень были рады видѣть его живымъ. Въ Европѣ распространился слухъ о томъ, что Миклухо-Маклай погибъ, и „Изумрудъ“ ѣхалъ не столько за самимъ знаменитымъ путешественникомъ, котораго уже не рассчитывалъ встрѣтить, сколько за его записками. Когда „Витязь“ высаживалъ на берегахъ „Новой Гвинеи“ Миклухо-Маклая, то онъ точно указалъ мѣсто, куда онъ будетъ закапывать свои записки для того, чтобы труды его даромъ не пропали для челоѣчества, если ему самому не суждено будетъ вернуться къ культурной жизни. А размахъ этихъ трудовъ предполагался очень большимъ. „Мнѣ“, —

изучить мѣстныхъ папуасовъ. За всѣ шестнадцать мѣсяцевъ онъ къ изслѣдованію своихъ папуасовъ могъ прибавить только небольшой архипелагъ, состоящій изъ мелкихъ острововъ, расположенныхъ по близости отъ Новой Гвинеи. „Въ августѣ 1872 года“, — рассказываетъ его биографъ про эту поѣздку, — „онъ собрался посѣтить эту часть берега, починилъ не безъ труда лодку и отправился. Здѣсь находитъ онъ группу слишкомъ въ тридцать острововъ. Всѣ они расположены отчасти въ небольшой бухтѣ, отчасти тянутся вдоль берега. Жители этихъ острововъ уже давно слышали о пребываніи Миклухо-Маклая на берегу Новой Гвинеи; они хорошо знали его имя и приняли очень дружелюбно. Нашлись между ними такіе, которые уже не одинъ разъ посѣтили Миклухо-Маклая въ его хижинѣ. Они приходили посмотриѣть на бѣлаго чловека, а познакомившись, даже упрасивали путешественника пріѣхать къ нимъ. На этихъ островахъ до Миклухо-Маклая не бывалъ ни одинъ европеецъ; они еще совсѣмъ были неизвѣстны ученымъ людямъ. Жители воздѣлываютъ многія корнеплодные растенія, разводятъ куръ и свиней. Характеръ имѣютъ они мирный, ихъ отношенія между собой и обращеніе съ женщинами и дѣтьми очень мягкія. На Миклухо-Маклая это произвело большое впечатлѣніе. Онъ рѣшилъ, что эти люди вполне довольны своей судьбой, и назвалъ открытую имъ группу острововъ „Архипелагомъ довольныхъ людей“.

24-го декабря 1872 г. клиперъ „Изумрудъ“ отошелъ отъ береговъ Новой Гвинеи, увозя съ собою смѣлаго путешественника. Корабль держалъ свой путь по направленію къ Явѣ, и Миклухо-Маклай пользуется всякимъ случаемъ, чтобы побывать съ научными цѣлями на островахъ, у которыхъ останавливался „Изумрудъ“. Въ маѣ 1873 года „Изумрудъ“ прибылъ къ Явѣ, гдѣ Миклухо-Маклай поселился у генералъ-губернатора Голандской Индіи Лаудона въ Бюнтенторгъ и занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ записокъ. За это время имъ были написаны рядъ цѣнныхъ работъ: 1) „Антропологическія наблюденія надъ папуасами берега Маклая въ Новой Гвинее“; 2) „О брахיוцефаліи папуасовъ Новой Гвинеи“; 3) „Этнологическія наблюденія надъ папуасами берега Маклая въ Новой Гвинее“; 4) „Метеорологическія наблюденія о берегѣ Маклая въ Новой Гвинее“; 5) „О зачаткахъ искусства у папуасовъ“; 6) „О языкѣ папуасовъ“.

На Явѣ Миклухо-Маклай пробылъ только до августа 1873 года. Къ этому времени большая часть его записокъ оказалась обработанной и здоровье его возстановилось. Теперь, послѣ трехмѣсячнаго пребыванія у голландцевъ, онъ отправился на пароходѣ на Молуккскіе острова, причемъ посѣтилъ и нѣсколько соседнихъ острововъ. Въ концѣ 1874 года онъ снова сѣлъ на палубную лодку и снова направился на Новую Гвинею. На этотъ разъ онъ облюбовалъ себѣ юго-западный берегъ Новой Гвинеи, населенный разбойничьими и кочевыми племенами Папуа-Ковіай. Эти папуасскія племена нерѣдко дѣлали нападенія на торговые суда, пристававшія къ ихъ берегамъ. Вотъ почему европейцы, жадность которыхъ къ тому же не привлекалась какими-либо особенно доступными богатствами страны, неохотно останавливались у этихъ береговъ, и мѣстные папуасы не испытывали сколько-нибудь значительнаго вліянія со стороны бѣлыхъ. Такимъ образомъ Папуа-Ковіай представляли, хотя и опасный, но благодарный матеріалъ для изслѣдованій Миклухо-Маклая. На этотъ разъ Миклухо-Маклай имѣлъ при себѣ семнадцать служителей (изъ папуасовъ и индѣйцевъ). Высадившись въ живописной мѣстности

Айва, Миклухо-Маклай выстроилъ себѣ хижину и принялся за свою обычную работу.

„Папуасы“, — пишетъ онъ, — „были очень изумлены моимъ намѣреніемъ жить между ними, но относились ко мнѣ дружелюбно и даже очень почтительно. Такъ какъ береговые папуасы Ковіай ведутъ жизнь кочевую, то моя хижина скоро стала центромъ сбора; около нея постоянно толпились жители: Ихъ начальники ежедневно посѣщали меня, увѣряя въ преданности и дружбѣ“. Жители этого берега произвели на нашего путешественника менѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ тѣ, съ которыми онъ ознакомился въ прежній свой пріездъ. „Папуасы берега Маклая“, — говоритъ онъ, — „хотя не имѣютъ сношенія съ другими, хотя не были знакомы до моего посѣщенія ни съ однимъ металломъ, однако строили и строятъ своими каменными топорами большія селенія съ очень удобными, часто большими хижинами; обрабатываютъ тщательно свои плантаціи, которыя круглый годъ снабжаютъ ихъ пищей; имѣютъ домашнихъ животныхъ: свиней, собакъ и куръ. Вслѣдствіе осѣдлаго образа жизни и союза многихъ деревень между собой, войны у нихъ сравнительно гораздо рѣже, чѣмъ между туземцами Папуа-Ковіай“. — Эти послѣдніе, если не грабятъ кого-нибудь, если не готовятся на кого-нибудь войной, то бродятъ по лѣсамъ и полямъ съ единственной цѣлью отыскать „что поѣсть“.

Но беспокойные сосѣди не могли измѣнить плановъ настойчиваго Миклухо-Маклая. Ознакомившись въ достаточной степени съ мѣстностью, гдѣ была расположена его хижина, онъ рѣшилъ предпринять путешествіе вглубь страны. Оставивъ нѣсколько служителей у своей хижины, съ остальными онъ отправился на палубной лодкѣ въ мѣстность, известную подъ именемъ Варика. Здѣсь, вѣрный своимъ принципамъ, онъ оставилъ своихъ служителей въ лодкѣ, а самъ — одинъ и безъ всякаго оружія предпринялъ — путешествіе въ горы. Это путешествіе доставило ему много счастливыхъ минутъ. „Во время этой своей экскурсіи въ горы“, — рассказывалъ онъ, — „я имѣлъ случай видѣть одну изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей Ост-Индскаго архипелага. Море съ многочисленными заливами и проливами, отвѣсныя скалы, высокіе хребты горъ съ разнообразными очертаніями, богатая растительность въ Папуа-Ковіай производятъ самое сильное впечатлѣніе, и часто картину мѣстности не довольно было назвать красивой, но надо было назвать величественной... На протяженіи всего берега“, — пишетъ онъ дальше, — „встрѣчаются“ только три или четыре постройки, которыя можно назвать хижинами; всѣ остальные (а такихъ очень мало) едва заслуживаютъ названія шалашей. Между ними часто встрѣчаются такія, въ которыхъ можетъ помѣститься одинъ человѣкъ и то въ лежачемъ положеніи. Во всѣхъ этихъ жилищахъ папуасы живутъ временно. Все населеніе скитается по заливамъ и бухтамъ въ своихъ пирогахъ. Въ этихъ крытыхъ лодкахъ живутъ ихъ жены и дѣти и помѣщается все ихъ имущество. Только на ночь или въ свѣжую погоду они пристають на песчаный берегъ, который имъ служитъ станціей. Причина тому, главнымъ образомъ, постоянныя войны между населеніемъ, нападеніе на берегъ Ковіай враждебныхъ племенъ съ цѣлью грабежа и убійства. Постоянная опасность заставила жителей измѣнить образъ жизни, бросить свои жилища, плантаціи на берегу и обратиться въ водяныхъ номадовъ-кочевниковъ“.

Трудно было ожидать, чтобы эти хищники оставили Миклухо-Маклая въ покоѣ. И, дѣйствительно, какія-то подготовительныя враждебныя дѣй-

ствія со стороны ихъ противъ нашего путешественника начались довольно рано. Едва Миклухо-Маклай вернулся изъ своей горной экскурсіи, какъ ему сообщили, что возлѣ ихъ остановки вертится нѣсколько лодокъ съ большимъ количествомъ папуасовъ. Опытные въ мѣстныхъ дѣлахъ спутники Миклухо-Маклая утверждали, что это лазутчики, которые подготавливаютъ ночное нападеніе. Миклухо Маклай послушался своихъ совѣтниковъ и пробылъ эту ночь не на берегу, а на морѣ, въ лодкѣ. Но если Миклухо-Маклаю удалось такимъ образомъ избѣжать разгрома здѣсь, то его резиденція въ Айвѣ все-таки была разграблена однимъ изъ кочевыхъ папуасскихъ племенъ, при чемъ были унесены запасы одежды и многіе цѣнные инструменты. Миклухо-Маклай послѣ этого немедленно вернулся въ Айву, снялъ пальмовые листья, покрывавшіе стѣны и крышу, а

Супружеская чета изъ Новой Каледоніи.

остатки хижины сжегъ. Изъ пальмовыхъ этихъ листьевъ на одномъ изъ сосѣднихъ острововъ онъ устроилъ хижину и поселился тамъ одинъ, такъ какъ ни одинъ изъ его спутниковъ, ожидая новаго нападенія, не рѣшался оставаться на берегу, и всѣ спали въ лодкѣ, которую укрѣпляли на якорѣ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ суши. Новости, дѣйствительно, приносились съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тревожныя. „Но мнѣ не пришлось болѣе жить спокойно“, — рассказывалъ Миклухо-Маклай. — „Обстоятельства съ каждымъ днемъ усложнялись. Горные и береговые папуасы дѣйствительно приходили еще разъ въ Айву. Также я узналъ, что жители Наматоте хотятъ напасть и на мою новую резиденцію. Каждый день являлись новости: то тѣ, то другіе замыслили недоброе противъ меня. То здѣсь видѣли подозрительныхъ лицъ, то тамъ замѣчали свѣжіе слѣды неизвѣстныхъ людей, бродившихъ около моей хижины и даже проводившихъ ночь вблизи нея. Приходилось быть на сторожѣ. Что мнѣ особенно надоѣло, — это постоянное безпокойство окружающихъ меня людей и ихъ страхъ нападенія, убійства, грабежа“. Однако, Миклухо

Маклай ради того самого дѣла, для котораго онъ обрекъ себя въ свои молодые годы на такія лишенія и пустынножителство, считалъ невозможнымъ оставить безъ наказанія нападеніе дикарей на его жилище. Онъ выяснилъ племя, которое совершило это нападеніе и сталъ ждать удобнаго случая. Къ нему неоднократно приводили людей, которые щеголяли въ похищенномъ у него платьѣ, но онъ съ миромъ отпускалъ ихъ домой. Виновнымъ онъ считалъ только вождя этого племени, такъ какъ тотъ руководилъ грабежомъ. Но какъ достать виновнаго? Обращаться къ дружественнымъ ему папуасамъ онъ ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ, такъ какъ подобное вмѣшательство со стороны какой-нибудь деревни явилось бы, конечно, причиной войны. Миклухо-Маклай хотѣлъ, чтобы вся отвѣтственность за предпріятыя имъ шаги падала бы только на него самого. Онъ поэтому терпѣливо выжидалъ соотвѣтствующаго случая. Однажды ему сказали, что глава шайки, ограбившей его домъ, пріѣхалъ на тотъ островъ, на которомъ поселился Миклухо-Маклай. Не говоря ни слова, Миклухо-Маклай, положивъ револьверъ въ карманъ и захвативъ одного изъ служителей, который ему скорѣе мѣшалъ, чѣмъ помогалъ, такъ какъ все время чувствовалъ себя перепуганнымъ до послѣдней степени, явился въ стонку дикарей. Не теряя ни минуты времени, онъ бросился съ револьверомъ въ рукахъ на грабителя, схватилъ его за горло и приказалъ его же соплеменникамъ связать ему руки. Дикари были такъ перепуганы этой отвагой и неожиданнымъ поворотомъ дѣла, что безпрекословно повиновались приказанію бѣлаго. Черезъ полтора часа послѣ того, какъ все это произошло палубная лодка Миклухо-Маклая со связаннымъ плѣнникомъ выходила въ открытое море. Индѣецъ былъ переданъ голландскимъ властямъ. Его судили и приговорили къ тюремному заключенію.

Въ общемъ, на юго-западномъ берегу Новой Гвинеи Миклухо-Маклай пробылъ два мѣсяца. На обратномъ пути на Яву онъ опять-таки посѣтилъ съ научными цѣлями цѣлый рядъ острововъ.

На Явѣ Миклухо-Маклай отдыхалъ не долго. Да и отдыхъ-то этотъ былъ совершенно особаго рода, такъ какъ все время, проведенное здѣсь, онъ съ рѣдкой энергіей употреблялъ на обработку матеріаловъ, добытыхъ во время путешествій, въ результатъ чего снова появился рядъ цѣнныхъ статей. Но спокойную жизнь на Явѣ онъ вскорѣ промѣнялъ опять на новое тяжелое и рискованное путешествіе. Онъ рѣшилъ обследовать полуостровъ Малакку. Свое новое путешествіе онъ дѣлалъ или въ лодкѣ или пѣшкомъ. Особенно тяжелы были пѣшіе переходы по 10—11 часовъ въ сутки. Очень часто ему часами приходилось идти по поясу въ водѣ. Во многихъ мѣстахъ тропинки можно было пробивать только при помощи топора. Мошки и комары ни на минуту не оставляли путешественниковъ своими мучительными преслѣдованіями. Черезъ болота, а также быстрые ручьи и рѣчки можно было перебираться часто только по легкимъ набросаннымъ мосткамъ. Но всѣ эти страданія окупались сторицей тѣми открытіями, которыя удалось тамъ сдѣлать Миклухо-Маклаю, который напелъ въ глубинѣ Малакки самое дикое изъ человѣческихъ племенъ, какое только нашли до сихъ поръ.

Нельзя обойти молчаніемъ еще одинъ фактъ, чрезвычайно характерный для Миклухо-Маклая, какъ изслѣдователя. Мы уже говорили, какое огромное значеніе онъ приписывалъ непосредственному знакомству съ различными сторонами жизни, ставя малый опытъ всегда выше книжнаго обученія. Находясь въ 1875 г. въ Гонконгѣ, Миклухо-Маклай

задумалъ ознакомиться съ дѣйствиємъ опиума на человѣческій организмъ. Для этого онъ нашелъ самымъ подходящимъ дѣломъ опытъ надъ самимъ собой. Онъ одѣлся въ китайское платье, отправился въ Китайскій клубъ, потребовалъ себѣ аппаратъ для куренья и приступилъ къ опыту, попросивъ своего знакомаго врача вести возможно обстоятельный протоколъ этого опыта. Вотъ что мы читаемъ въ этомъ протоколѣ.

„Г-нъ von-Macklay — 27 лѣтъ отъ роду, ростъ 1 метръ 67 сант., худощавый и блѣдный на видъ, крѣпкаго сложенія, но за послѣдніе годы ослабленъ лихорадкой.

1 ч. 45 м. — Чувствуетъ себя совсѣмъ нормально, голоденъ. Пульсъ 72, дыханіе 24, температура 37,5. Выкурилъ первую трубку въ 2 минуты.

2 ч. 11 м. — 6-я трубка. Пульсъ 68. Сонливость

2 ч. 15 м. — 7-я трубка. Пульсъ 70, дыханіе 28.

2 ч. 20 м. — 8-я трубка. Сонливость сильнѣе, но самъ посмотрилъ на часы.

2 ч. 25 м. — 9-я трубка. Рѣчь невнятна, языкъ заплетается. 10-я трубка. Горечь во рту и головокруженіе. Отвѣты правильны.

2 ч. 33. м. — 11-я трубка. Пробуетъ ходить — походка неуверенна.

2 ч. 37 м. — 12-я трубка. Курить очень медленно, чувствуетъ себя пріятно, хотѣлъ бы пить или слушать музыку. 13-ю трубку курить охотно, смѣется.

2 ч. 45 м. — 15-я трубка. Хотѣлъ бы послушать Манфреда Шумана,

2 ч. 48 м. — 16-я трубка. Требуется новую трубку; вѣки тяжелы, слышать музыку вдали.

Въ 3 ч. 29 м. Маклай лежалъ уже съ закрытыми глазами и не могъ двигаться. Послѣ 22-й трубки почувствовалъ безконечный покой, чувство, какъ онъ въ послѣдствіи выразился, больше пріятное, чѣмъ физическая любовь къ красивой женщинѣ.

Въ 3 ч. 37 м. Маклай сказалъ: „я ничего не хочу, у меня нѣтъ никакихъ желаній“.

Послѣ 26-й трубки онъ, казалось, заснулъ. Пульсъ 72, дыханіе 26. Рѣчь неразборчива. На вопросъ, хочетъ ли курить, кивнулъ утвердительно головой. Руки покрылись потомъ.

Послѣ 27-й трубки (4 часа) онъ сказалъ: „я плохо слышу — я очень усталъ“.

Въ 4 ч. 10 м. — Пересталъ курить. Пульсъ 68, дыханіе 24, температура 37, 2, кожа холодная.

Въ 4 ч. 40 м. — На вопросъ: „Какъ вы поживаете?“ — отвѣтилъ: „Хорошо!“ Потомъ прибавилъ: „Я совсѣмъ оглушенъ, я хочу еще курить: гдѣ человѣкъ съ трубкой?“

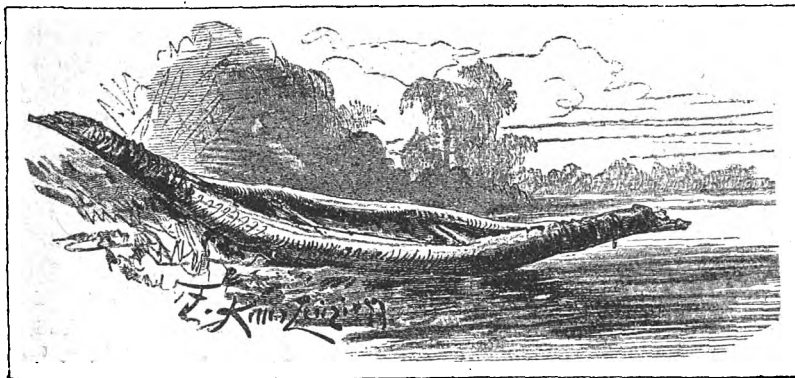
„Въ 4 ч. 55 м. Маклая замертво вынесли въ паланкинѣ изъ Китайскаго клуба и доставили въ домъ одного его друга, гдѣ раздѣли и положили на кровать. Онъ проснулся на слѣдующій день въ три часа и закурилъ, такъ какъ не ѣлъ 33 часа. Затѣмъ снова заснулъ. Въ 7 часовъ утра его разбудилъ слуга, но онъ опять повалился на подушку и всталъ съ трудомъ только въ 1 часъ дня съ чувствомъ крайней усталости во всемъ тѣлѣ и пустотой въ головѣ. Весь вечеръ и весь пятый день онъ испытывалъ боль въ головѣ и головокруженіе“, — такъ рассказываетъ конецъ этого опыта г. Прессъ.

Дорого обошелся этотъ опытъ Миклухо-Маклаю, но онъ никогда не считался съ собой, когда ему хотѣлось достигнуть какого-нибудь результата для науки. Еще раньше онъ подобнымъ же образомъ напился сильно одурманивающаго папуаскаго напитка „кэу“, опять-таки исключительно изъ научнаго интереса.

Въ 1876 г. Маклай на небольшой англійской лодкѣ объѣзжаетъ съ научной цѣлью острова Целебесъ, Геби, Вуапъ, Пелау, Адмиралтейства, Лубъ, Ниниги и въ третій разъ возвращается на Новую Гвинею, на свои Маклаевъ берегъ. Теперь онъ здѣсь устраивается уже со сравнительнымъ удобствомъ. Онъ пріѣхалъ сюда съ двумя деревянными домами, выстроенными ему на Явѣ и съ сотней ящиковъ. Трое слугъ сопровождали его. Папуасы встрѣтили его съ большой радостью и всячески выражали ему свое вниманіе. „Мое вліяніе на туземцевъ“, — писалъ онъ, — „оказалось настолько сильно, что мнѣ удалось совершенно прекратить во все время моего пребыванія междоусобныя войны. Войны страшно вредили всему населенію, такъ что туземцы боялись отходить на нѣсколько часовъ отъ своихъ селеній. Вслѣдствіе моего положенія и уваженія, какимъ я пользовался, какъ, „человѣкъ съ луны“, я имѣлъ возможность положительно запретить войны. Вскорѣ я увидѣлъ и хорошіе результаты этого запрещенія“... „Одной изъ главныхъ причинъ междоусобія было повѣрье, что смерть происходитъ отъ заговореннаго съ какой-нибудь цѣлью предмета. Этотъ предметъ будто бы приготавливаютъ враги умершаго или враги деревни, въ которой онъ жилъ. При смерти туземца родственники и друзья его собираются и обсуждаютъ, въ какой деревнѣ и кѣмъ былъ приготовленъ заговоренный предметъ. Долго они перебираютъ всѣхъ недруговъ покойнаго. Наконецъ, деревня, гдѣ живетъ недругъ покойнаго, открыта, виновникъ смерти или болѣзни найденъ. Составляется планъ похода, поднимаются союзники, — и война объявлена“... Разъ Миклухо-Маклаю пришлось зайти въ деревню, которая хотѣла объявить своимъ сосѣдямъ войну за предполагаемое колдовство, погубившее двухъ молодыхъ людей. Маклай рѣшился попробовать запретить эту войну. „Я обдумалъ планъ“, — рассказываетъ Миклухо-Маклай, — „который долженъ былъ произвести впечатлѣніе. Придя въ обычный часъ (передъ заходомъ солнца) въ деревню, я замѣтилъ, что дикари интересуются моимъ мнѣніемъ. Я сказалъ: „хотя очень жалъ отца, потерявшаго двухъ сыновей, но что войны все-таки не должно быть“. Вѣсть, что Маклай говорилъ: „Войны не должно быть“ облетѣла мигомъ всю деревню. Набралась большая толпа, и почти всѣ старики обступили хижину, гдѣ я находился. Старики убѣждали, что война положительно необходима. Разубѣждать ихъ было бы большой ошибкой. Я выслушалъ ихъ и, собираясь уходить, повторилъ тѣмъ же обыкновеннымъ голосомъ: „Войны не должно быть, если жъ вы отправитесь въ походъ, въ горы, съ вами случится несчастье“. Наступило молчаніе, затѣмъ послышались вопросы: „Что случится? Что будетъ? Что Маклай сдѣлаетъ?“ Я сказалъ: „Сами увидите, если пойдете“. Каждый изъ нихъ старался разгадать бѣду. Не успѣлъ я дойти до воротъ моей хижины, какъ одинъ старикъ нагналъ меня и, запыхавшись отъ ходьбы, проговорилъ: „Если люди отправятся въ горы, не случится ли землетрясеніе?“ Этотъ вопросъ показалъ мнѣ, что слова мои оказали вліяніе на папуасовъ. „Нѣтъ, этого Маклай не говорилъ, — сказалъ я, — но сказалъ, что случится тогда большая бѣда“. Тогда старикъ пустился въ обратный путь. Черезъ недѣлю двѣ пришелъ ко мнѣ житель той деревни,

старый мой пріятель, и сказалъ, что они рѣшили покинуть деревню. Они рѣшили выселиться, такъ какъ всё перемрутъ, если они останутся въ этой деревнѣ... Старикъ говорилъ: „мы хотимъ побить враговъ, да нельзя — Маклай не хочетъ“. Скоро мнѣ пришлось уѣхать, и я не могу сказать, выселились ли изъ своей деревни жители или нѣтъ... Жители считали меня „человѣкомъ съ луны“ и думали, что я пришелъ съ неба. Поэтому такъ они и смотрѣли на каждый мой поступокъ, на каждое мое слово. Я не старался разубѣдить ихъ, что они ошибаются. Это меня предохраняло отъ многихъ опасностей, и я совсѣмъ не носилъ оружія. Уже третій годъ ни одинъ папуасъ не перешагнулъ еще порога моего дома. Незначительнаго знака бываетъ достаточно, чтобы они не подошли ближе. По мнѣнію папуасовъ, мой пристальный взглядъ наноситъ вредъ здоровымъ и исцѣляетъ больныхъ“...

Но нездоровая мѣстность снова подорвала силы Миклухо-Маклая. Онъ это предвидѣлъ еще передъ началомъ своего третьяго путешествія въ Новую Гвинею и просилъ Русское Географическое Общество позаботиться, чтобы туда за нимъ зашло какое-нибудь судно, которое бы от-

Челнокъ изъ коры у австралійскихъ негровъ.

везло его въ Россію и на этомъ обратномъ пути дало бы ему возможность посѣтить западные берега Африки для того, чтобы произвести тамъ антропологическія наблюденія. Но, перебравъ тщательно тѣ работы, которыя онъ выполнилъ за все время своихъ путешествій, онъ нашелъ, что онѣ являются въ значительной степени незаконченными и необходимо проработать надъ этими матеріалами еще рядъ лѣтъ прежде, чѣмъ совсѣмъ покинуть эти мѣста. Иначе, — думалъ Миклухо-Маклай, — избранный въ члены Русскаго Географическаго Общества, — онъ будетъ недостойнъ этой высокой чести.

Покинувъ берегъ Маклая и заѣхавъ на короткое время въ Сингапуръ, Маклай устроился на нѣсколько лѣтъ въ Австраліи, именно въ Сидней. За время своего пребыванія здѣсь онъ написалъ рядъ въ высшей степени цѣнныхъ работъ. Для того, чтобы поставить свои работы въ возможно болѣе благопріятныя условія, онъ началъ хлопотать передъ мѣстнымъ правительствомъ и мѣстными учеными организаціями объ устройствѣ специальной научной зоологической станціи около Сиднея. Хлопоты Миклухо-Маклая не пропали даромъ, и такая станція была дѣйствительно открыта въ бухтѣ Ватсонъ-Бай, при чемъ Миклухо-Маклай былъ избранъ почетнымъ директоромъ.

29-го марта 1879 г. Миклухо-Маклай отправляется въ новое путешествіе, которое затянулось на 13 мѣсяцевъ (до апрѣля 1880 г.). Объ этой поѣздкѣ и о послѣднихъ годахъ жизни знаменитаго путешественника г. Н. А. Янчукъ рассказываетъ слѣдующее (опускаемъ всѣ его библиографическія указанія на работы Миклухо Маклая, появившіяся (работы) въ въ огромномъ количествѣ за этотъ періодъ). „Отправившись на частной коммерческой американской трехмачтовой шкунѣ „Саді ф. Каллеръ“, Миклухо-Маклай посѣтилъ Новую Каледонію, острова Ново-Гѣбридскіе, Соломоновы, Адмиралтейства, Лубъ, Ниниго, Луизіады, о-ва Торресова пролива, Вайбанъ и много мелкихъ островковъ, затѣмъ юго-восточный берегъ Новой Гвинеи, Сомерсетъ и другія мѣста въ сѣверной Австраліи, намѣревался обследовать восточный берегъ Австраліи, вернуться въ Сидней и тогда готовиться къ отъѣзду въ Россію черезъ Японію.

„Одну изъ задачъ этого путешествія составляло, между прочимъ, желаніе поближе ознакомиться съ условіями экономическаго быта островитянъ и отношеніемъ къ нимъ бѣлыхъ предпринимателей и эксплуататоръ-тредеровъ различныхъ частныхъ компаній, которыя своими жестокостями приводили цѣлыя племена къ вырожденію и къ вымиранію и захватывали цѣлые острова для своего овцеводства, плантацій и т. д., поработая или изгоняя дикарей. Еще раньше въ 1874 г. или 1875 г. Миклухо-Маклай въ полуофіціальныхъ письмахъ обращалъ вниманіе органовъ голландскаго правительства на торговлю рабами, запрещенную офиціально, и въ ноябрѣ 1878 г., будучи въ Сидней, получилъ извѣщеніе изъ Голландіи, что правительствомъ приняты самыя энергичныя мѣры къ искорененію возмутительной торговли людьми. Но зло это не скоро могло быть искоренено; въ немъ повинны были не одни голландцы. Въ виду ожидавшагося занятія юго-восточной половины Новой Гвинеи англичанами, Миклухо-Маклай выражаетъ свое возмущеніе противъ бѣлыхъ колонизаторовъ въ письмѣ къ губернатору острововъ Фиджи по пути между Сиднеемъ и Новой Каледоніей, 3-го апрѣля 1879 г. Отдѣльные случаи возмутительныхъ насилій приводились имъ и раньше въ описаніяхъ его предыдущихъ путешествій по островамъ Меланезіи; теперь же эти наблюденія вошли въ программу путешествія, хотя на первомъ планѣ стояли все-таки вопросы зоологіи и антропологіи, какъ показывають его печатныя работы, появившіяся непосредственно вслѣдъ за этимъ путешествіемъ, тѣмъ болѣе, что экспедиція была предпринята совмѣстно съ австралійскими учеными, а по словамъ Вирхова Миклухо-Маклай даже стоялъ во главѣ этой ученой экспедиціи... Кромѣ антропологическихъ и сравнительно анатомическихъ работъ, во время пребыванія на берегахъ Австраліи Миклухо-Маклай производилъ также палеонтологическія изслѣдованія путемъ раскопокъ, при которыхъ имъ были найдены остатки костей исчезнувшихъ животныхъ. Наконецъ, здѣсь же въ Австраліи онъ изслѣдовалъ температуру почвы на большихъ глубинахъ.

„По окончаніи этого путешествія, продолжавшагося болѣе 13 мѣсяцевъ, въ ноябрѣ 1880 г. Миклухо-Маклай составилъ обзоръ всего маршрута съ изложеніемъ нѣкоторыхъ достигнутыхъ результатовъ въ статьѣ: „Путешествіе на острова Меланезіи и четвертое посѣщеніе острова Новой Гвинеи“. Здѣсь помимо научныхъ вопросовъ нашъ ученый выдвигаетъ опять на видъ вопросъ объ эксплуатаціи бѣлыхъ и ихъ злоупотребленіяхъ по отношенію къ туземцамъ острововъ Тихаго океана и вызываетъ объ облегченіи жалкой участи послѣднихъ...

„Путешествіе затянулось дольше, чѣмъ онъ предполагалъ. 10-го

декабря 1879 г. онъ писалъ съ Соломоновыхъ острововъ русскому консулу Паули въ Сидней о своемъ намѣреніи посвятить еще около двухъ мѣсяцевъ на изученіе острововъ Луизіады и въ январѣ 1880 г. вернуться въ Сидней; на самомъ же дѣлѣ путешествіе закончилось уже весной 1880 г.“...

Средства для этихъ путешествій Миклухо-Маклай получалъ отъ Географическаго Общества, и отчасти отъ мѣстныхъ торговыхъ фирмъ, которыя пользовались его свѣдѣніями, какъ человѣка, хорошо изучившаго этотъ огромный край. По возвращеніи изъ этого путешествія Миклухо-Маклай провелъ еще два года за своими работами въ Сидней, куда перевезъ и всѣ свои коллекціи. Лишь въ 1882 году возвратился Миклухо-Маклай въ Россію. Здѣсь онъ немедленно же принялся за чтеніе докладовъ, знакомившихъ ученыхъ міръ и образованное общество съ глав-

Танецъ дикарей о-ва Солоръ (юго-восточная Азія).

нѣйшими результатами его путешествій (Московское Общество Любителей Естествознанія присудило ему за его труды золотую медаль). Въ Россіи онъ оставался, однако, на этотъ разъ недолго: въ декабрѣ того же года онъ уже читалъ докладъ въ Берлинскомъ Антропологическомъ Обществѣ. Результатами этой поѣздки въ Россію было то, что Императоръ Александръ III, по ходатайству Географическаго Общества, принялъ все изданіе трудовъ Миклухо-Маклая на собственный счетъ. Это побудило Миклухо-Маклая окончательно вернуться въ Россію. Но надо было еще разъ съѣздить въ Австралію, чтобы переправить свою семью (у него тогда было уже два сына) и свои богатѣйшія коллекціи. По дорогѣ онъ еще разъ заѣхалъ на берегъ Маклая въ Новой Гвинее для того, чтобы передать туземцамъ экземпляры домашнего скота.

Затѣмъ послѣдовалъ снова трудный переѣздъ въ Россію. Однако, ему недолго пришлось пользоваться гостепріимствомъ родины. Своими неутомимыми трудами въ крайне негигіенической обстановкѣ онъ окончательно подорвалъ свое здоровье. Большую часть времени, проведеннаго теперь въ Россіи, онъ прохворалъ, и 2-го апрѣля 1888 скончался, оста-

вивъ огромные матеріалы, не дождавшіеся, къ стыду русскаго ученаго міра, обработки и до настоящаго времени. А между тѣмъ въ Миклухо-Маклаѣ мы имѣемъ не только выдающагося ученаго, но и замѣчательнаго человѣка, который, благодаря своимъ необычайнымъ нравственнымъ качествамъ, только и могъ достигнуть удивительныхъ результатовъ въ своихъ изслѣдованіяхъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ мы приведемъ слѣдующіе отзывы, принадлежащіе тремъ выдающимся людямъ.

„Туземцы“, — пишетъ знаменитый географъ Элизе Реклю, — „съ полнымъ основаніемъ не довѣряютъ бѣлымъ, держащимъ въ одной рукѣ револьверъ, а въ другой бутылку водки. Для ненасильственнаго же изученія быта дикарей нужны были такіе люди, какъ Миклухо-Маклай, который принялъ за правило быть всегда мягкимъ, терпѣливымъ, справедливымъ къ туземцамъ и который сумѣлъ среди величайшихъ опасностей остаться вѣрнымъ своимъ началамъ. Но подобные герои рѣдки“.

„Миклухо-Маклай“, — пишетъ другой знаменитый географъ и путешественникъ А. Кропоткинъ ¹⁾, — „принадлежалъ къ той категоріи людей, которые могли бы сказать гораздо больше, чѣмъ высказали въ печати... Этотъ замѣчательный человѣкъ напечаталъ лишь самую незначительную часть своихъ, поистинѣ, драгоценныхъ наблюденій“.

И, наконецъ, вотъ что писалъ Н. Н. Миклухо-Маклаю Л. Н. Толстой:

„Многоуважаемый Николай Николаевичъ! Очень благодаренъ за присылку вашихъ брошюръ. Я съ радостью ихъ прочелъ и нашелъ въ нихъ кое-что изъ того, что меня интересуетъ. Интересуетъ — не интересуетъ, а умиляетъ и приводитъ въ восхищеніе въ вашей дѣятельности то, что, сколько мнѣ извѣстно, вы первый несомнѣннымъ опытомъ доказали, что человѣкъ вездѣ человѣкъ, т. е. доброе, общительное существо, въ общеніе съ которымъ можно и должно входить только добромъ и истиной, а не пушками и водкой. И вы доказали это подвигомъ истиннаго мужества, которое такъ рѣдко встрѣчается въ нашемъ обществѣ, что люди нашего общества даже его и не понимаютъ“.

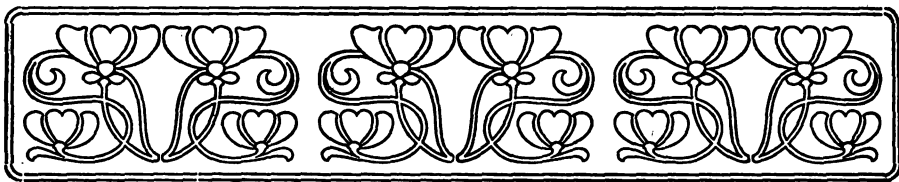
„Мнѣ ваше дѣло представляется такъ: люди жили такъ долго подъ обманами насилія, что наивно убѣдились въ томъ, и насилующіе и насилуемые, что это-то уродливое отношеніе людей, не только между людьми, но и между христианами, и есть самое нормальное. И вдругъ одинъ человѣкъ, подъ предлогомъ научныхъ изслѣдованій (пожалуйста, простите меня за откровенное выраженіе моихъ убѣжденій), является одинъ среди самыхъ страшныхъ дикихъ, вооруженный вмѣсто пуль и штыковъ однимъ разумомъ, и доказываетъ, что все то безобразное насиліе, которымъ живетъ нашъ міръ, есть только старый отжившій humbug (обманъ), отъ котораго давно пора освободиться людямъ, хотящимъ жить разумно. Вотъ это-то меня въ вашей дѣятельности трогаетъ и восхищаетъ, и поэтому-то я особенно желаю васъ видѣть и войти въ общеніе съ вами.“

„Мнѣ хочется вамъ сказать слѣдующее: если ваши коллекціи очень важны, важнѣе всего, что собрано до сихъ поръ во всемъ мірѣ, то и въ этомъ случаѣ всѣ коллекціи ваши и всѣ наблюденія ничто въ сравненіи съ тѣмъ наблюденіемъ о свойствахъ человѣка, которое вы сдѣлали, поселившись среди дикихъ и войдя въ общеніе съ ними и воздѣйствуя на нихъ однимъ разумомъ; и поэтому ради всего святаго изложите съ

1) Біографія т. I „Вел. Людей“.

величайшей подробностью и съ свойственной вамъ строгой правдивостью всѣ ваши отношенія человѣка съ человѣкомъ, въ которыя вы вступали тамъ съ людьми. Не знаю, какой вкладъ въ науку ту, которой вы служите, составить ваши коллекціи и открытія, но вашъ опытъ общенія съ дикими составитъ эпоху въ той наукѣ, которой я служу, — въ наукѣ о томъ, какъ жить людямъ другъ съ другомъ. Напишите эту исторію, и вы сослужите большую и хорошую службу человѣчеству. На вашемъ мѣстѣ я бы описалъ подробно всѣ свои походы, отстранивъ все, кромѣ отношеній съ людьми.

„Не взыщите за нескладность письма. Я боленъ и пишу лежа и съ не перестающей болью. Пишите мнѣ и не возражайте на мои нападки на научныя наблюденія, — я беру эти слова назадъ, — а отвѣчайте на существенное. А если заѣдете, хорошо бы было. Уважающій васъ Л. Толстой.

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ. — V. СОЦІАЛЬНЫЕ РЕФОРМАТОРЫ.

Проф. М. И. Туганъ-Барановскій.

Проповѣдники земельной реформы.

Первымъ провозвѣстникомъ современнаго движенія въ пользу націонализаціи земли обыкновенно считаютъ Томаса Спенса, бывшаго въ молодости учителемъ въ Ньюкастлѣ (въ Англіи), а затѣмъ посвятившаго жизнь агитаціи въ пользу этой идеи. Агитація его приняла болѣе энергичный характеръ и обратила на себя вниманіе англійскаго общества и правительства въ тревожное время начала XIX вѣка, хотя Спенсъ, по его собственному показанію, впервые высказалъ свою мысль еще въ 1775 г., въ докладѣ, напечатанномъ въ 1796 г., подъ заглавіемъ „The meridian Sun of Liberty“ („Полуденное солнце свободы“).

Въ этомъ докладѣ Спенсъ доказываетъ, что всѣ жители данной страны имѣютъ равное право на землю этой страны, какового права они не могутъ быть лишены людьми, раньше ихъ жившими тамъ же. Поэтому земля естественно должна принадлежать всему обществу; захватъ земли частными собственниками въ свою пользу равносильно нарушенію естественныхъ правъ общества. Общество должно поэтому возстановить свое нарушенное право и вернуть себѣ землю. При этомъ земля должна перейти во владѣніе не всего государства въ его цѣломъ, но отдѣльныхъ приходоѡ, изъ которыхъ состоитъ страна. Каждый приходъ долженъ образовать собой особую общину, участія въ которой можетъ требовать каждый постоянный житель данной мѣстности. Земля общины не должна, однако, обрабатываться ея членами, а должна отдаваться въ аренду отдѣльными участками на опредѣленные сроки съ торговъ всѣмъ желающимъ. Получаемыя общиной суммы должны служить для покрытія всѣхъ издержекъ, какъ государства, такъ и самой общины. Такимъ образомъ, всѣ существующіе налоги замѣняются, по плану Спенса, арендной платой съ общинной земли.

Суммы, остающіяся за покрытіемъ расходовъ государства и общины, должны ежегодно распределяться поровну между всѣми членами общины. По мнѣнію Спенса, землевладельцы не имѣютъ никакого права на вознагражденіе со стороны общины за отчуждаемую у нихъ землю, такъ какъ тѣ лица, которыя впервые присвоили себѣ землю, совершили насильственное похищеніе чужой собственности, а тѣ, кто получилъ землю по наслѣдству, дару или покупкѣ отъ этихъ первыхъ похитителей, являются укрывателями чужого, не принадлежащаго имъ имущества.

Идеи Спенса приобрѣли извѣстную популярность въ народныхъ массахъ Англіи въ первые десятилѣтія закончившагося вѣка; правительство утверждало даже, что въ 1817 г. сторонники Спенса подготовили возстаніе съ цѣлью насильственнымъ путемъ осуществить предполагавшуюся земельную реформу. Но, повидимому, все это возстаніе было только выдумкой правительства для оправданія разнаго рода стѣснительныхъ мѣръ, принимавшихся имъ въ это время крайней политической реакціи.

Черезъ нѣкоторое время, однако, движеніе въ пользу земельной реформы приобрѣло въ Англіи большое общественное значеніе. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ въ этой странѣ развивается до сихъ поръ еще мало изслѣдованное и понятое могущественное народное движеніе чартизма. Чартизмъ быстро достигъ такой силы, что угрожалъ, по мнѣнію очень многихъ, опрокинуть весь политическій и социальный строй государства, но затѣмъ также быстро пламя чартизма погасло. Соціальной почвой чартизма было крайнее ухудшеніе экономическаго положенія массы англійскаго населенія, вызванное развитіемъ капитализма и тяжелыми промышленными кризисами 30-хъ и 40-хъ годовъ, сопровождавшимися безработицей промышленныхъ рабочихъ, небывалой по своей продолжительности и огромному распространенію. Эта безработица особенно обострилась въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ и именно въ это время движеніе чартизма достигло своей наибольшей силы.

По своей политической программѣ чартизмъ былъ движеніемъ въ пользу реформы англійскаго парламента на демократическихъ началахъ (всеобщее, равное и тайное голосованіе, отмена имущественнаго ценза для депутатовъ, однолѣтній парламентъ и жалованье депутатамъ—таковы были пункты „хартіи“); по своему же экономическому содержанію чартизмъ былъ протестомъ англійскаго рабочаго противъ новыхъ условій жизни, въ которыя онъ былъ поставленъ промышленной революціей и быстрымъ ростомъ фабричной промышленности. Общей экономической программы чартизмъ не имѣлъ, такъ какъ различныя группы чартистовъ выставляли и различныя требованія экономическаго характера. Среди этихъ требованій огромной популярностью пользовалось и требованіе націонализаціи земли.

Оно было выдвинуто самой выдающейся головой движенія—огненнымъ и страстнымъ защитникомъ интересовъ угнетеннаго народа, ирландцемъ Бронтерромъ О'Бріеномъ. Среди всѣхъ чартистскихъ вождей О'Бріень былъ единственнымъ, ясно сознававшимъ, какія экономическія цѣли могутъ быть поставлены движенію, если будетъ достигнута политическая реформа. Еще до начала чартистскаго движенія О'Бріень, бывшій неутомимымъ агитаторомъ и журналистомъ, издавалъ весьма вліятельный радикальный рабочій органъ съ ясно выраженной соціалистической окраской, „The Poor Man's Guardian“ („Стражъ бѣдняка“). Центральнымъ пунктомъ

экономической программы О'Бріена было, какъ сказано, требованіе коренной земельной реформы.

Земельная рента чрезвычайно повысилась въ Англіи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. Въ то же время, благодаря отмѣнѣ въ 1834 г. старинныхъ законовъ о бѣдныхъ, значительно сократились ложившіеся на землевладѣльцевъ расходы по содержанію бѣдныхъ; бѣдные, получавшіе содержаніе отъ прихода, должны были, согласно новому закону, жить въ рабочемъ домѣ, представлявшемъ собой настоящую тюрьму. Нежелавшіе соглашаться на это лишались помощи, которую они привыкли разматривать, какъ свое право.

Развитіе промышленности и торговли повело къ быстрому росту народнаго богатства въ Англіи; но англійскій народъ не только не получалъ отъ этого никакихъ выгодъ, но глубже погружался въ нищету. Естественно было спросить, чѣмъ же вызывается эта бѣдность, увеличивающаяся среди богатства?

Прежде всего, частной собственностью на землю, отвѣчаетъ О'Бріенъ. „Допустите только, — говоритъ онъ въ своей книгѣ „The Rise and Progress of Human Slavery“ („Ростъ и развитіе человѣческаго рабства“), — чтобы территория извѣстной страны, созданная Господомъ для всѣхъ на ней живущихъ и ихъ потомковъ, была куплена отдѣльными лицами или монополизирована другимъ способомъ, и ваше общество распадется на тирановъ и рабовъ, плутовъ, не желающихъ работать, и вычуженныхъ животныхъ, готовыхъ исполнять всякую работу. Никакіе позднѣйшіе законы, никакія самыя искусныя мѣры помощи не улучшатъ этой системы, въ основѣ которой лежить возмутительная несправедливость“.

Другой причиной социальнаго неравенства и народной нужды является, по мнѣнію О'Бріена, денежное ростовщичество — процентъ на капиталъ. „Нашъ рабочій классъ, — говоритъ онъ, — какъ земледѣльцы, такъ и промышленные рабочіе уже доведены жадностью хозяевъ до такого низкаго состоянія, какое только возможно безъ совершенной гибели народа; но денежное чудовище еще не насытилось. Какъ послѣдній ресурсъ, это чудовище создало новый законъ о бѣдныхъ, чтобы низвести рабочихъ до самаго низкаго уровня жизни. Этотъ законъ обращается съ жертвами бѣдности такъ, какъ въ другихъ странахъ обращаются съ осужденными преступниками; этотъ законъ даетъ одежду преступника, содержаніе преступника и тюрьму преступника изнемогающему человѣку, трудъ котораго обогатилъ чудовище и вина котораго заключается только въ томъ, что онъ не задушилъ чудовище столѣтіе тому назадъ... Таковы послѣдніе ресурсы промышленной Англіи... Да, мои друзья, новый законъ о бѣдныхъ есть послѣдняя кровавая попытка денежнаго чудовища поддержать разваливающееся строеніе этой безчеловѣчной системы — безпощадной и безжалостной системы, дѣлающей васъ бѣдняками среди произведеннаго вами самими богатства“.

Во главу угла социальной реформы О'Бріенъ ставитъ возвращеніе всему обществу земли, насильственно захваченной землевладѣльцами. Однако, въ противность Спенсу, О'Бріенъ не считаетъ возможнымъ отобрать землю у землевладѣльцевъ безъ всякаго вознагражденія. Правда, землевладѣльцы не имѣютъ на это вознагражденіе никакого нравственнаго права, такъ какъ у нихъ отбирается нѣчто, не созданное ими самими. Но все же по соображеніямъ цѣлесообразности, чтобы не вызывать слишкомъ энергичнаго сопротивленія, слѣдуетъ вознаградить землевладѣльцевъ за отчуждаемую землю.

Землевладельцамъ могло бы быть предоставлено, по ихъ усмотрѣнiю, сохранять до своей смерти свою землю въ своихъ же рукахъ или же немедленно продать ее государству. Послѣ смерти владельца его земля поступать въ собственность государства, выплачивающаго наследникамъ ее полную цѣнность.

Но при этомъ государство отнюдь не должно уплачивать покупную сумму земли немедленно въ полномъ размѣрѣ. Столь же мало обязано государство уплачивать проценты землевладельцамъ на эту сумму, ибо процентъ на капиталъ основанъ на такой же эксплуатаціи трудящихся, какъ и землевладельческій доходъ. Государство вполне исполнить свои обязательства по отношенію къ землевладельцамъ, если оно за извѣстный рядъ лѣтъ, — напр., за 30 лѣтъ, — погаситъ цѣликомъ, но безъ всякихъ процентовъ, покупную сумму земли. Въ теченіе этихъ 30 лѣтъ государство будетъ передавать землевладельцамъ или ихъ наследникамъ получаемую ими ренту съ отчужденныхъ участковъ, а затѣмъ всѣ обязательства государства по отношенію къ прежнимъ землевладельцамъ будутъ признаны ликвидированными.

Земля, поступающая въ распоряженіе государства, не должна обрабатываться имъ за свой счетъ, но отдаваться, какъ это предлагать и Спенсъ, въ аренду съ торговъ желающимъ. Никто, однако, не долженъ имѣть права арендовать землю въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ онъ можетъ ее обработать собственными средствами; передача арендуемыхъ участковъ должна быть устроена.

Несмотря на обязательства, принимаемыя на себя государствомъ по отношенію къ землевладельцамъ, переходъ земли въ распоряженіе государства и отдача ея мелкими участками въ аренду должны, по мнѣнію О'Бріена, до такой степени повысить государственные доходы, что возможно будетъ уничтоженіе всѣхъ налоговъ — всѣ государственные расходы будутъ покрываться арендной платой съ государственной земли.

Хотя О'Бріенъ велъ неутомимую агитацію за свой планъ націонализаціи земли, имѣвшій среди чартистовъ много сторонниковъ, какъ о томъ свидѣлствуютъ многочисленныя резолюціи чартистскихъ митинговъ въ его пользу, планъ этотъ не входилъ въ officialную программу партіи до 1852 г., когда чартистское движеніе уже было въ упадкѣ и ему остались вѣрны лишь немногіе, наиболѣе крайніе элементы партіи. Вліятельнѣйшій вождь чартистовъ, Фергусъ О'Конноръ, противопоставилъ плану націонализаціи земли свой собственный планъ аграрной реформы, подъ знаменемъ котораго и боролись чартисты во второй половинѣ 40-хъ годовъ.

О'Конноръ, какъ и О'Бріенъ, видѣлъ въ аграрномъ вопросѣ центръ соціального вопроса. Вообще, чартизмъ былъ, какъ сказано, протестомъ англійскихъ рабочихъ массъ противъ ужасовъ фабричной системы. Неудивительно, что провозглашенный О'Конноромъ кличъ: „Назадъ на землю!“ („Back to the land“) встрѣтилъ такое сочувствіе англійскаго рабочаго, видѣвшаго въ фабрикѣ своего главнаго врага. Противопоставленіе голодающей рабочей массы богатымъ фабрикантамъ было обычной темой чартистскихъ ораторовъ. Горячая ненависть къ фабричной системѣ, указаніе на губительное вліяніе машинъ, на ошибочность торговой политики, стремящейся къ развитію вывоза, вмѣсто расширенія внутренняго рынка, — всѣмъ этимъ были полны столбцы главнаго органа чартистовъ „The Northern Star“ („Сѣверная звѣзда“). Газета эта вела упорную кампанію противъ „партіи расширенія торговли“ и доказывала, что внутрен-

ній рынокъ важнѣе влѣшняго и что именно развитіе внѣшней торговли и вызвало нищету англійскихъ рабочихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, О'Конноръ и большинство чартистскихъ вождей были горячими поклонниками земледѣлія и крестьянскаго хозяйства. Обезземеленіе англійской рабочей массы дѣлало невозможнымъ, по мнѣнію О'Коннора, улучшеніе положенія англійскаго рабочаго, такъ какъ скопленіе массы рабочихъ въ городахъ вызываетъ при каждомъ сокращеніи торговли массовую безработицу, благодаря чему заработная плата и занятыхъ рабочихъ падаетъ до самаго низкаго уровня. Пока рабочій рынокъ въ городахъ не будетъ освобожденъ отъ постоянного наплыва рабочихъ изъ деревни, до тѣхъ поръ промышленный рабочій не будетъ къ силамъ отстоять себѣ сноснаго существованія на фабрикахъ.

Исходя изъ этихъ соображеній, О'Конноръ утверждалъ, что интересы всей массы англійскихъ рабочихъ требуютъ широкаго развитія въ деревнѣ мелкаго крестьянскаго хозяйства. По его мнѣнію, правительство должно было бы заключить заемъ въ 100 мил. ф. ст. (1 миллиардъ рублей) и на эту сумму выкупить у крупныхъ землевладѣльцевъ землю, достаточную для образованія 1 милліона крестьянскихъ хозяйствъ. Такимъ образомъ значительная часть англійскаго населенія вернулась бы къ земледѣлію, къ выгодѣ, какъ своей собственной, такъ и тѣхъ, кто останется въ городѣ.

Но такъ какъ англійское правительство не обнаруживало никакой наклонности совершить операцію, предлагавшуюся О'Конноромъ, а вождю чартистовъ нужно было дать своимъ послѣдователямъ нѣчто осуществимое въ ближайшемъ же будущемъ, то онъ скоро отказался отъ своего первоначальнаго проекта и выступилъ въ началѣ 40-хъ годовъ съ новымъ „земельнымъ планомъ“, быстро пріобрѣтшимъ широкую популярность и принятымъ на конференціи чартистскихъ делегатовъ въ Бирмингамѣ въ 1843 г.

Для пропаганды своего аграрнаго плана О'Конноръ сталъ издавать особый органъ „The Labourer“ („Работникъ“). Въ этомъ органѣ онъ заявлялъ себя рѣшительнымъ врагомъ коммунизма, но другомъ кооперации. Онъ врагъ мелкихъ фермъ, сдаваемыхъ въ аренду, но другъ мелкой крестьянской собственности. Мелкая собственность должна, по его мнѣнію, чрезвычайно повысить производительность земледѣльческаго труда, примѣромъ чего можетъ служить бельгійское крестьянское хозяйство. Съ земледѣліемъ должна соединяться и обрабатывающая промышленность. „Жилище каждаго поселенца, во время длинныхъ зимнихъ вечеровъ, должно стать мѣстомъ оживленной домашней промышленности. Портной или сапожникъ не утратитъ своего искусства оттого, что они научатся обращаться съ лопатой. Они будутъ выдѣлывать, во время, свободное отъ полевыхъ работъ, разные издѣлія для продажи“. Вообще же земледѣліе, а не промышленность, должно стать основаніемъ общенациональнаго хозяйства и давать занятіе большей части населенія.

Самый „земельный планъ“ О'Коннора заключался въ слѣдующемъ. Рабочіе должны образовать общество для покупки земли. Достаточно собрать по подпискѣ 2 тысячи ф. (20.000 р.), чтобы общество начало свои операціи. Оно покупаетъ землю, разбиваетъ ее на мелкіе участки, строитъ на каждомъ участкѣ дома и сельскохозяйственные постройки, снабжаетъ участки инвентаремъ, необходимымъ для сельскаго хозяйства. Жребій рѣшаетъ, кому изъ членовъ общества достаются эти участки. Владѣльцы участковъ уплачиваютъ обществу 5% съ цѣнности своихъ

участковъ, построекъ и инвентаря. Общество закладываетъ приобретенную землю, покупаетъ на вырученную сумму новую землю, которую опять распределяетъ по жребію между участниками, снова закладываетъ и т. д.

Рабочіе горячо отзывались на призывъ О'Коннора. Подписчики являлись тысячами. 14-го марта 1846 г. земельная ассоціація приобрѣла первое имѣніе для разбивки его на мелкіе участки. За первый годъ существованія ассоціаціи ей удалось собрать съ рабочихъ для покупки земли 11.678 ф. с. (около 111 тысячъ р.).

Успѣхъ подписки побудилъ О'Коннора нѣсколько измѣнить свой планъ. А имѣнно, вмѣсто закладыванія приобретаемыхъ имѣній, было рѣшено основать свой собственный земельный банкъ, который долженъ былъ привлекать отъ публики деньги подъ залогъ земельной собственности ассоціаціи.

Если вспомнить, что весь этотъ планъ насажденія крестьянскаго хозяйства на собственные средства рабочихъ безъ всякой помощи отъ государства предлагался полуничимъ англійскимъ фабричнымъ рабочимъ сороковыхъ годовъ, то можно оцѣнить всю его непрактичность. Но чрезвычайно характерно, что столь фантастичный планъ имѣлъ нѣкоторое время крупный успѣхъ. Изстрадавшійся фабричный рабочий устремился за обманчивымъ призракомъ воскрешенія исчезнувшаго въ Англій крестьянскаго хозяйства. За три года, къ началу 1848 г., О'Коннору удалось собрать съ рабочихъ по грошамъ крупную сумму въ 94.184 ф. с. при чемъ число подписчиковъ превзошло 100 т. чел. Нѣсколько имѣній было куплено и разбито на мелкіе участки.

Неизбѣжное крушеніе этого предпріятія было ускорено правительствомъ. Присужденіе земельныхъ участковъ путемъ жребія было признано незаконной лоттереей. Рабочіе потеряли свои деньги, а вмѣстѣ съ „земельнымъ планомъ“ О'Коннора рухнулъ и чартизмъ. Чартистскіе вожди попытались тогда выставить другой лозунгъ — націонализаціи земли, — но время чартизма уже миновало, и движеніе быстро угасло подъ вліяніемъ наступившаго въ 50-хъ годахъ общаго улучшенія экономическаго положенія англійскаго рабочаго класса.

Чартизмъ не вызвалъ никакой аграрной реформы, однако идея ея отнюдь не умерла.

Наиболѣе выдающимся проповѣдникомъ земельной реформы въ новѣйшее время безспорно является американецъ Генри Джорджъ.

Ни одно экономическое сочиненіе не имѣло такого поразительнаго успѣха въ публикѣ, какъ книга Джорджа „Прогрессъ и бѣдность“. Въ нѣсколько лѣтъ книга эта разошлась въ Америкѣ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, быстро появилась въ дешевыхъ народныхъ изданіяхъ и была переведена почти на всѣ европейскіе языки (въ прошломъ году она вышла и у насъ сразу въ двухъ переводахъ). Только Looking Backward Беллами получило еще большее распространеніе, но Беллами написалъ социальный романъ, въ живой и увлекательной формѣ рисующій будущій строй человѣчества, а не ученое сочиненіе. Книга Джорджа, хотя также написанная блестяще и увлекательно, по своему содержанію имѣетъ совершенно иной характеръ. Она посвящена, главнымъ образомъ, теоретическому изслѣдованію основныхъ проблемъ политической экономіи — заработной платы, прибыли, ренты, народонаселенія, промышленныхъ кризисовъ и пр. Книги такого рода имѣютъ свою немногочисленную публику, но масса читателей интересуется ими обыкновенно мало. Для зауряднаго англійскаго или американскаго читателя политическая экономія

является синонимомъ скучной и запутанной теоріи, не имѣющей практическаго значенія. Англіійскіе экономисты нерѣдко жалуются на равнодушнѣе читающей публики къ экономическимъ разсужденіямъ; то же самое констатируется и относительно Америки. И, не смотря на это, книга Джорджа нашла больше читателей среди самыхъ различныхъ классовъ американскаго общества, чѣмъ любой модный романъ.

Для этого должны быть особыя причины. Не въ одной блестящей формѣ тутъ дѣло; правда, многія страницы этой книги полны глубокаго пафоса и лиризма. Авторъ покоряетъ читателя искренностью своего чувства—негодованія противъ несправедливостей современной цивилизаціи и состраданія къ ея жертвамъ; онъ умѣетъ воодушевлять читателя и рисовать яркими красками заманчивыя картины будущаго. Все это, безъ сомнѣнія, содѣйствовало успѣху книги, но не въ ея литературныхъ достоинствахъ кроется тайна ея успѣха.

Исходя изъ чисто-теоретическаго разсмотрѣнія современныхъ экономическихъ отношеній, Джорджъ приходитъ къ признанію необходимости коренной реформы нашего экономическаго строя и предлагаетъ свое собственное рѣшеніе соціального вопроса. Какъ бы мы ни оцѣнивали это рѣшеніе, во всякомъ случаѣ, ясно, что успѣхъ книги нашего реформатора основывается прежде всего на интересѣ публики именно къ этому рѣшенію. А такъ какъ даже самые фантастическіе планы общественнаго переустройства не могутъ не отражать на себѣ особенностей того общественнаго строя, при которомъ они возникли, и такъ какъ, далѣе, степень вліянія этихъ плановъ всегда строго соотвѣтствуетъ важности представляемыхъ ими общественныхъ интересовъ, то литературный успѣхъ Джорджа доказываетъ, что предложенный имъ планъ экономической реформы долженъ имѣть за собой извѣстное фактическое основаніе, соотвѣтствующаго дѣйствительнымъ или кажущимся нуждамъ и интересамъ тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ. Общество не непогрѣшимо и можетъ заблуждаться насчетъ своихъ интересовъ; но только такія предложенія привлекаютъ его вниманіе, которыя затрогиваютъ его важные интересы. Чѣмъ вліятельнѣе книга, тѣмъ очевиднѣе ея связь съ соціальной средой. И потому для пониманія книги Джорджа нужно прежде всего понять ту соціальную среду, изъ которой она возникла, экономическія и общественныя отношенія Соединенныхъ Штатовъ.

Еще очень недавно Соединенные Штаты не знали соціального вопроса. Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ Америка была излюбленной страной для соціальныхъ экспериментовъ европейскихъ утопистовъ—Овена, Фурье, Кабе и др. При полной политической и общественной свободѣ, обиліи земли и легкости заработка, коммунистическія общины легко возникали въ Америкѣ, нерѣдко достигали на нѣкоторое время процвѣтанія, но затѣмъ обыкновенно распадались.

По словамъ американскаго экономиста Эли, около 200 коммунистическихъ общинъ было основано въ разное время въ Соединенныхъ Штатахъ, изъ которыхъ отъ 60—70, главнымъ образомъ, религіозныхъ обществъ, сохранилось до настоящаго времени. Тѣмъ не менѣе, вплоть до конца 60-хъ годовъ, въ Америкѣ не существовало рабочаго движенія, и американцы могли думать, что соціальный вопросъ, антагонизмъ труда и капитала, имущихъ и неимущихъ классовъ, является порожденіемъ политическихъ и экономическихъ порядковъ Европы и совершенно несвойствененъ свободному строю американской жизни. Президентъ Линкольнъ выразилъ этотъ взглядъ въ своемъ посланіи конгрессу въ де-

кабрѣ 1861 г.: „Въ нашей странѣ повсюду существуетъ,—сказалъ онъ,—множество независимыхъ людей, которые раньше были наемными рабочими. Бѣдный, но предприимчивый человѣкъ работаетъ нѣкоторое время по найму и скопляетъ себѣ небольшую сумму денегъ, съ помощью которой покупаетъ себѣ собственные инструменты или участокъ земли, работаетъ затѣмъ нѣкоторое время за свой собственный счетъ своими руками, а затѣмъ нанимаетъ рабочихъ, помогая имъ такимъ же образомъ достигнуть своей независимости. Въ этомъ заключается справедливая, великодушная и практичная система, открывающая дорогу всѣмъ, общающаяся и дающая силу всѣмъ улучшать свое положеніе въ жизни“.

И дѣйствительно, въ это время рабочіе не были въ Америкѣ особымъ общественнымъ классомъ, какъ въ Европѣ, ибо всякій искусный рабочій, при удачѣ, легко переходилъ въ ряды мелкихъ, а изрѣдка и крупныхъ предпринимателей. Основнымъ отличіемъ экономического строя Америки отъ европейскаго было существованіе свободной, незанятой земли, принадлежавшей государству. Всякій здоровый рабочій легко могъ сдѣлаться самостоятельнымъ фермеромъ, отправившись на дальній западъ, а такъ какъ до 60-хъ годовъ Соединенные Штаты оставались почти исключительно земледѣльческой страной (въ 1840 г. изъ 4.796.407 лицъ, занятыхъ въ разныхъ профессіяхъ, 3.717.756, т.-е. почти $\frac{4}{5}$ занимались земледѣліемъ), то понятно, что свободный доступъ къ землѣ давалъ тонъ всей экономической и общественной жизни страны. Въ земледѣліи рѣшительно преобладало мелкое самостоятельное крестьянское хозяйство; что же касается до обрабатывающей промышленности, то въ ней также господствовало мелкое производство. Заработная плата была повсемѣстно высока, въ особенности же въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя только начинали заселяться, и, что въ особенности важно, рабочій, какъ сельскій, такъ и городскій, не чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, каждую минуту рискующаго потерять работу и очутиться на улицѣ. Весь строй промышленности былъ таковъ, что масса населенія мало или почти не страдала отъ промышленныхъ кризисовъ, составляющихъ для рабочихъ такое тяжелое бѣдствіе въ странахъ съ развитымъ капиталистическимъ хозяйствомъ. Товарный обмѣнъ не могъ совершаться съ большей энергіей, благодаря рѣдкости населенія и затруднительности сухопутнаго транспорта.

Понятно, что при такихъ условіяхъ въ Америкѣ не было почвы для социальнаго вопроса, и президентъ Линкольнъ имѣлъ полное право противопоставлять въ этомъ отношеніи Америку Европѣ. Несмотря на вышеуказанные социалистическіе эксперименты разныхъ утопистовъ и релігіозныхъ дѣятелей, рабочій классъ оставался совершенно равнодушнымъ къ социалистическимъ ученіямъ. Всякій разсчитывалъ добиться самостоятельности и богатства собственной энергіей и предприимчивостью; противоположность интересовъ труда и капитала маскировалась необыкновенной легкостью устройства новыхъ предпріятій и высокимъ доходомъ, получавшимся какъ капиталистомъ, такъ и рабочимъ. Въ это время Америка была страной радикальной, свободомыслящей, но въ то же время крайне индивидуалистически настроенной мелкой буржуазіи.

Но такому положенію долженъ былъ прійти конецъ. Чѣмъ благоприятнѣе были естественныя условія Америки, тѣмъ быстрѣе должна была развиваться въ ней капиталистическая промышленность. Измѣненіе условій транспорта, благодаря сооруженію колоссальной сѣти желѣзныхъ дорогъ, въ нѣсколько десятилѣтій покрывшей своими петлями всю огромную

страну отъ Атлантическаго до Тихаго океана, повело къ преобразованію всего хозяйственнаго строя Америки. Приливъ эмигрантовъ въ западные штаты повелъ къ сокращенію фонда свободныхъ государственныхъ земель, которые раньше были предохранительнымъ клапаномъ для избыточныхъ рабочихъ силъ страны; тому же самому результату въ еще большей степени содѣйствовали и спекулятивныя покупки земли капиталистами богатыхъ восточныхъ штатовъ и расхищеніе государственной земли желѣзнодорожными компаніями, получавшими даромъ земельные участки отъ казны при проведеніи линий. Благодаря послѣднему обстоятельству, земельный фондъ Соединенныхъ Штатовъ истощился гораздо быстрее, чѣмъ это могло бы быть, если бы земля занималась только новыми поселенцами. Уже въ 70-хъ годахъ поселенцы начинаютъ жаловаться на трудность пріискать свободный участокъ земли, несмотря на то, что огромныя пространства земли остаются необработанными. Спекулянты и желѣзнодорожныя компаніи не пускаютъ въ обработку свои земли и держатъ ихъ въ надеждѣ на повышеніе земельныхъ цѣнъ; земля пропадаетъ даромъ,—а рабочій не можетъ найти мѣста для приложенія своей силы.

Въ то же самое время въ Соединенныхъ Штатахъ съ поразительной быстротой развилась крупная, капиталистическая промышленность. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ открыло для обрабатывающей промышленности страны колоссальный внутренній рынокъ, а строгій покровительственный тарифъ, введенный послѣ окончанія междоусобной войны сѣверныхъ и южныхъ штатовъ, предоставилъ этотъ рынокъ почти исключительно въ пользованіе туземной промышленности. Вообще эта война имѣла очень крупное значеніе въ экономической эволюціи Америки. По справедливому замѣчанію Сарториуса фонъ-Вальтерсгаузена „война между сѣверомъ и югомъ была та же, которую пережила и Европа въ 1789, 1830 и 1848 г.—война либеральной буржуазіи съ земельной аристократіей, поднимающагося могущества капитала съ землевладѣніемъ“. Пораженіе рабовладѣльческаго юга, побѣда буржуазіи повели къ быстрому преобразованію прежней мелкой промышленности Америки въ крупное капиталистическое производство. Прежняя земледѣльческая, крестьянская страна превратилась въ капиталистическое промышленное государство. Въ 40-хъ годахъ почти $\frac{4}{5}$ населенія Соединенныхъ Штатовъ было занято въ земледѣліи; въ 1880 г. уже только 7.670.493 чел., изъ 17.392.099, т.-е. значительно менѣе половины продолжало получать доходъ отъ земледѣлія. Промышленность и торговля выдвинулись на первый планъ и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился самый характеръ промышленности. Прежняя мелкая буржуазія была вытѣснена крупными финансовыми и промышленными баронами, экономическое могущество которыхъ дѣлало ихъ и политическими повелителями страны. Концентрація капитала достигла размѣровъ, невиданныхъ въ Европѣ. Благодаря новымъ формамъ ассоціаціи капиталовъ, трѣстамъ, стали возникать чудовищныя капиталистическія предпріятія, объединяющія десятки и сотни фабрикъ и заводовъ въ одну огромную компанію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ страна стала подвергаться періодическимъ приступамъ специфической болѣзни капиталистическаго строя—промышленныхъ кризисовъ. Правда, промышленные кризисы Америка испытывала и раньше; но въ прежнее время отъ нихъ страдала сравнительно небольшая часть населенія—преимущественно денежные и торговые классы; теперь же промышленные кризисы приобрѣли характеръ настоящаго народнаго бѣдствія, тяжело поражаващаго, главнымъ образомъ, массу рабо-

чаго люда. Хотя, благодаря быстрому росту промышленности, рабочая плата въ Соединенныхъ Штатахъ, со времени 60-хъ годовъ и не понижалась, тѣмъ не менѣе въ положеніи американскихъ рабочихъ произошла глубокая перемѣна. Прежній американскій рабочій работорговецъ по найму только для того, чтобы сколотить достаточный капиталъ для начала маленькаго самостоятельнаго дѣла; теперь заурядный рабочій не можетъ думать о самостоятельномъ предпріятіи, такъ какъ производство стало крупнымъ. Прежній рабочій не составлялъ особаго общественнаго класса и сливался съ мелкой буржуазіей; новый рабочій сталъ пролетаріемъ, и въ Америкѣ такъ же, какъ и въ Европѣ, возникъ особый рабочій классъ — производителей, лишенныхъ средствъ производства.

Я сказалъ, что развитіе крупнаго капиталистическаго производства не понизило заработной платы въ Америкѣ. Дѣйствительно, по вычислениямъ извѣстнаго американскаго статистика Аткинсона, не только денежная, но и реальная заработная плата въ Америкѣ, въ мѣстностяхъ давно заселенныхъ замѣтно повысилась въ періодъ 1860—1885 г. Тѣмъ не менѣе, положеніе рабочаго существенно ухудшилось въ томъ отношеніи, что раньше заработокъ рабочаго былъ гораздо устойчивѣе, чѣмъ теперь; раньше рабочій былъ увѣренъ, что онъ всегда найдетъ себѣ работу; теперь же эта увѣренность, благодаря періодическому возвращенію промышленныхъ кризисовъ, пропала. Далѣе, раньше рабочій могъ рассчитывать на улучшеніе своего экономическаго положенія, благодаря переходу въ ряды самостоятельныхъ хозяевъ, теперь эта надежда исчезла. Наконецъ, если заработная плата и не понизилась, то несомнѣнно разстояніе, отдѣляющее богатыхъ отъ бѣдныхъ, увеличилось; контрастъ между богатствомъ и бѣдностью чрезвычайно возросъ. Рабочіе стали жить немного лучше, чѣмъ прежде, но богатство имущихъ классовъ возросло въ лучшемъ, чѣмъ прежде, и потому рабочій сталъ чувствовать себя сравненно сильнѣйшей степени, и потому рабочій сталъ чувствовать себя въ положеніи обдѣленнаго, не пользующагося на жизненномъ пиру тѣмъ, на что онъ имѣетъ законное право.

Такимъ образомъ и въ Америкѣ, какъ и въ старой Европѣ, возникъ социальный вопросъ. Первое яркое проявленіе широко распространеннаго недовольства среди американскаго рабочаго класса относится къ концу 70-хъ годовъ. Промышленное оживленіе начала 70-хъ годовъ смѣнилось застоємъ промышленности; предприниматели сокращали производство, увольняли рабочихъ и понижали заработную плату; рабочіе сопротивлялись, и послѣдовалъ рядъ упорныхъ стачекъ. Лѣтомъ 1877 г. произошли почти повсемѣстныя стачки рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ, причемъ дѣло дошло до вооруженныхъ столкновеній забастовавшихъ рабочихъ съ полиціей и войсками штатовъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ стачки приняли характеръ настоящихъ народныхъ возстаній. Въ Питтсбургѣ желѣзнодорожные рабочіе вмѣстѣ съ городскимъ пролетаріатомъ захватили городъ, похитили свою власть, сожгли все имущество желѣзнодорожной компаніи, построили, соорудили, уничтожили болѣе полутора тысячи вагоновъ и болѣе сотни локомотивовъ, разграбили нѣсколько товарныхъ поѣздовъ. Только послѣ кровавыхъ столкновеній центральной власти удалось смитить рабочихъ. Подобныя же сцены разыгрались и въ другихъ городахъ.

Стачки 1877 г. сдѣлали для всѣхъ очевиднымъ, что социальный вопросъ приобрѣлъ такой же жгучій характеръ въ молодой Америкѣ, какъ и въ старой Европѣ. Рабочій классъ страдалъ отъ непостоянства заработка; мелкая буржуазія, игравшая раньше господствующую роль, терпѣла отъ конкуренціи крупнаго производства. Даже въ области земледѣлія

въ 80-хъ годахъ крупное производство стало рѣшительно преобладать надъ мелкимъ: въ 1880 г. изъ 4.008.907 (всего числа фермъ въ Соединенныхъ Штатахъ) 1.175.463 фермы были размѣромъ менѣе 50 акровъ, 1.032.810 фермъ — размѣромъ отъ 50—100 акр. и 1.800.534 фермъ болѣе 100 акр. При этомъ мелкія фермы были гораздо болѣе, чѣмъ крупныя, обременены ипотеками.

Въ промышленности преобладаніе крупнаго производства было гораздо значительнѣе. Америка перестала быть страной мелкой буржуазіи и превратилась въ страну крупной промышленной и земледѣльческой буржуазіи, съ одной стороны, и пролетаріата—съ другой.

Сходство экономическихъ условій неизбѣжно приводитъ и къ сходству господствующихъ въ обществѣ мнѣній, взглядовъ и теорій. Въ 40-хъ годахъ европейскимъ социалистамъ не только не удалось распространить свои взгляды въ американскомъ обществѣ, но даже и обратить на себя вниманіе рабочаго люда. Послѣ великихъ стачекъ 70-хъ годовъ вопросъ о социальной реформѣ сдѣлался однимъ изъ обычныхъ предметовъ обсуждения въ американской прессѣ, а рабочий классъ сталъ быстро усваивать начала европейскаго коллективизма. Американское общественное мнѣніе не могло не признать, что свободныя политическія учрежденія, обиліе плодородной дѣйственной почвы, высокая степень цивилизаціи и производительности труда еще отнюдь не гарантируютъ страну отъ возникновенія рабочаго вопроса, конфликта капитала и труда въ тѣхъ самыхъ формахъ, которыя наблюдаются въ старой Европѣ, не гарантируютъ отъ увеличенія въ странѣ числа безработныхъ, бѣдности, растущей параллельно богатству. Прежній поверхностный оптимизмъ, характеризовавшій общественную философію американцевъ, долженъ былъ смѣниться совершенно инымъ отношеніемъ къ дѣйствительности.

Книга Джорджа является первымъ самостоятельнымъ и оригинальнымъ американскимъ отвѣтомъ на старый вопросъ, волнующій современный цивилизованный міръ — какъ уничтожить бѣдность и перенести въ область экономическихъ отношеній свободу, равенство и братство, провозглашенныя французской революціей основаніемъ современнаго социального строя. Печать американизма на этой книгѣ такъ сильна, что для незнакомаго съ социальными отношеніями Америки взгляды Джорджа покажутся рѣшительной загадкой. Джорджъ хочетъ „отыскать законъ, который связываетъ бѣдность съ прогрессомъ и увеличиваетъ нужду съ ростомъ богатства... найти объясненіе повторяющихся періодовъ промышленнаго и торговаго застоя“ и, исходя изъ этого закона, открыть средство исцѣленія общественнаго организма отъ угнетающаго его социального недуга. Въ чемъ же заключается этотъ законъ и каково это средство?

Европейскіе экономисты учатъ, что заработная плата берется изъ капитала. Капиталъ страны образуетъ фондъ, за счетъ котораго содержатся рабочіе. Прибыль капиталиста, по мнѣнію этихъ экономистовъ, находится въ обратномъ отношеніи къ высотѣ заработной платы. Высокая заработная плата обуславливаетъ низкую прибыль и обратно.

Все это,—говоритъ Джорджъ, совершенно невѣрно: невѣрно ученіе о фондѣ заработной платы и невѣрно, что повышеніе заработной платы понижаетъ процентъ прибыли. Гдѣ больше капитала — въ старыхъ цивилизованныхъ странахъ Европы, или въ Америкѣ? Если брать только Америку,—то какіе штаты богаче капиталами — промышленные и торговые штаты востока или едва начинающіе заселяться штаты запада? Такъ

какъ капиталъ течетъ изъ Европы въ Америку и изъ восточныхъ въ западные штаты, то, очевидно, въ первыхъ странахъ замѣчается избытокъ капитала, во вторыхъ — недостатокъ его. Но гдѣ заработная плата выше — въ Европѣ или Америкѣ? Въ восточныхъ или западныхъ штатахъ? Потокъ эмиграціи движется въ томъ же направленіи, какъ и потокъ капитала: эмигранты направляются изъ Европы въ Америку, и въ Америкѣ съ востока на дальній западъ. Очевидно, спросъ на трудъ и заработная плата всего выше именно тамъ, гдѣ и въ капиталѣ чувствуется наибольшій спросъ, гдѣ капитала всего меньше.

Цѣлымъ рядомъ аргументовъ Джорджъ старается опрокинуть теорію фонда заработной платы (въ настоящее время совершенно оставленную наукой) и доказать, что „заработная плата берется не изъ капитала, а изъ продукта того труда, за который она выплачивается“. Ниспроверженіе теоріи фонда заработной платы необходимо Джорджу для того, чтобы доказать возможность параллельнаго измѣненія заработной платы и процента. Если повышеніе заработной платы всегда понижаетъ прибыль, какъ думаютъ европейскіе ученые, то, значить, между капиталомъ и трудомъ существуетъ непримиримый антагонизмъ, коренящійся въ самомъ существѣ ихъ взаимныхъ отношеній. Джорджъ категорически отрицаетъ существованіе такого антагонизма; мы увидимъ впослѣдствіи, какое значеніе имѣетъ это отрицаніе въ его социальныхъ воззрѣніяхъ. По его мнѣнію, и заработная плата, и процентъ измѣняются въ одномъ направленіи: гдѣ высока заработная плата, тамъ высокъ и процентъ.

Итакъ, прежде всего, чѣмъ опредѣляется высота заработной платы? Не отношеніемъ капитала, предназначеннаго на покупку рабочей силы, къ числу рабочихъ, какъ думаетъ школа Рикардо; „заработная плата рабочимъ зависитъ отъ предѣла производства или отъ того продукта, который трудъ можетъ получить въ наивысшемъ пунктѣ естественной производительности, открытомъ для него безъ платежа ренты“. Если только въ странѣ имѣется свободная земля, которую каждый желающій можетъ обрабатывать безъ платежа ренты, то плата, за которую рабочий согласится работать на другое лицо, капиталиста, не можетъ быть ниже продукта, добываемаго рабочимъ съ земли, къ которой онъ свободно можетъ прилагать свой трудъ. Это кажется Джорджу вполне очевиднымъ. Но если свободной земли, не находящейся въ частномъ владѣніи въ странѣ нѣтъ, то и заработная плата „можетъ быть доведена конкуренціей между рабочими до минимума, при которомъ только рабочіе будутъ согласны на воспроизведеніе“. Основной причиной низкаго уровня заработной платы въ послѣднемъ случаѣ будетъ не недостатокъ въ капиталѣ, а закрытіе рабочему свободнаго доступа къ землѣ — иначе говоря, не что иное, какъ институтъ частной собственности на землю.

Перейдемъ теперь къ прибыли. Отъ чего зависитъ высота процента на капиталъ? „Процентъ не грабежъ промышленности“, — говоритъ Джорджъ, и высота его не находится въ обратномъ отношеніи къ высотѣ заработной платы, какъ учить школа Рикардо. Процентъ обуславливается естественной способностью къ приросту, которой обладаютъ нѣкоторые роды капитала. Дѣло въ томъ, что живыя существа обладаютъ способностью къ размноженію — если у меня есть стадо свиней, то черезъ годъ свиней будетъ больше. „Предположите, что я въ пригодно для этого мѣстѣ держу пчелъ; къ концу года у меня будетъ больше роевъ и меду, который онѣ соберутъ“. Въ этой естественной способно-

сти къ приросту и лежитъ основная причина прибыли на капиталъ. Хотя и не всѣ формы капитала обладаютъ этой способностью, но благодаря обмѣну прибыль начисляется на всякій капиталъ, такъ какъ всякій капиталъ можетъ быть обмѣненъ на тѣ формы капитала, которыя естественно возрастаютъ въ своей цѣнности.

Я не буду останавливаться надъ совершенно фантастической теоріей прибыли Джорджа. Слабость ея вполне очевидна, такъ какъ, если исходить изъ трудовой теоріи цѣнности, принимаемой Джорджемъ, то приростъ создаетъ новую цѣнность лишь постольку, поскольку къ предмету прилагается трудъ. Въмѣсто одного зерна, брошеннаго въ землю, я получаю нѣсколько зеренъ, но цѣнность этихъ новыхъ зеренъ какъ разъ равняется труду, потраченному на обработку земли, посѣвъ, уборку, хлѣба и прочія операціи, необходимыя для полученія зерна. Поэтому, если только рабочій получаетъ эквивалентъ созданной имъ цѣнности, то никакого избытка въ пользу капиталиста не остается, несмотря на „приростъ“ хлѣбныхъ злаковъ. Во-вторыхъ, вполне очевидно, что мнѣніе Джорджа объ особой способности самовозрожденія капитала въ случаѣ біологическаго процесса не выдерживаетъ критики. Всякое производство заключается въ преобразованіи вещества, и нѣтъ никакого основанія приписывать біологическому процессу особую способность создавать цѣнности, отрицая эту способность за физико-химическими процессами. Если Джорджъ признаетъ, что рубка дровъ, пряденье волоконъ, окраска ткани не ведетъ къ возрастанію цѣнности, превышающему трудовую затрату, то то же слѣдуетъ заключить и относительно производствъ, основанныхъ на утилизованіи біологическихъ силъ. Повидимому, самъ Джорджъ не придаетъ большаго значенія этой теоріи и выставляетъ ее только для того, чтобы какъ-нибудь согласовать отдѣльныя части своей теоріи распредѣленія, краеугольнымъ камнемъ которой является отрицаніе антагонизма труда и капитала.

Итакъ, по Джорджу процентъ создается естественнымъ приростомъ цѣнности капитала. Высота процента, какъ и заработной платы, определяется „доходомъ на капиталъ на самой лучшей землѣ, доступной для капитала безъ платежа ренты“. Гдѣ вся земля монополизирована, тамъ высота процента равна естественной производительности капитала минусъ рента. Въ странахъ съ высокой рентой какъ заработная плата, такъ и процентъ бываютъ низки. Рента является вычетомъ какъ изъ доходовъ рабочаго, такъ и капиталиста.

Отсюда ясно, въ чемъ видитъ Джорджъ основную причину роста бѣдности въ богатѣющихъ странахъ, въ чемъ онъ находитъ корень зла. Не капиталъ угнетаетъ рабочаго, а земельная собственность; интересы капиталиста и рабочаго вполне солидарны, и оба они одинаково страдаютъ отъ общаго врага — землевладѣльца. Промышленные кризисы, отъ которыхъ страдаютъ какъ рабочіе, такъ и предприниматели, также вызваны частной собственностью на землю. Я не буду излагать теоріи кризисовъ Джорджа, отсылая читателя къ соответствующимъ главамъ его книги. Скажу только, что по этой теоріи причины кризисовъ заключаются въ земельныхъ спекуляціяхъ, вызываемыхъ расчетомъ собственниковъ земли выиграть на будущемъ повышеніи земельныхъ цѣнъ.

Такимъ образомъ, корень соціального вопроса заключается въ присвоеніи собственникомъ земли, въ видѣ ренты, всего избыточнаго продукта, создаваемаго успѣхами техники производства, ростомъ цивилизаціи и культуры. Какъ быстро бы ни шель ростъ народнаго богатства, рабо-

Вниманію подписчиковъ 1-го абонемена.

Лица, подписавшіяся въ 1913 г. на 1-й абонементъ, могутъ получить изъ конторы „Вѣстн. Зн.“ первые 3 тома (12 выпусковъ)

Иллюстрированной біографической
библіотеки

ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ,

данныхъ въ качествѣ приложения къ журн. „Вѣстн. Зн.“ въ 1912 г. и составляющихъ самостоятельное цѣлое. Изданіе иллюстрировано

многими рисунками въ текстѣ, картами, чертежами и 48 отд. портретами и картинами, печатанными цвѣтными красками.

Краткое содержаніе 3 томовъ:

ВЕЛИКІЕ ЭКОНОМИСТЫ. I. Утописты (со вступительнымъ очеркомъ проф. М. И. Туганъ-Барановскаго „Утопическій социализмъ“): Р. Оуэнъ, Сень-Симонъ, Ш. Фурье. II. Классики (съ очеркомъ проф. М. И. Туганъ-Барановскаго „Классическая школа“): А. Смитъ, Т. Мальтусъ, Д. Рикардо. III. Соціалисты (съ очеркомъ проф. М. И. Туганъ-Барановскаго „Критическій социализмъ“): Прудонъ, Родбертусъ, Ф. Лассаль, К. Марксъ, Ф. Энгельсъ, П. Лафаргъ. IV. Кооператоры: Шульце-Деличъ, Голюкъ, Райффейзенъ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ: Русскіе публицисты (съ очеркомъ „Русская публицистика“): Радищевъ В. Г. Бѣлинскій, А. И. Герценъ, Н. Г. Чернышевскій, Н. А. Добролюбовъ. II. Русскіе педагоги (съ очеркомъ „Изъ исторіи просвѣщенія“): В. Н. Каразинъ, Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій, Н. А. Корфъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ (съ очерками „Объединеніе Италіи“ и „Объединеніе Германіи“): Гарибальди, Маццини, Кавуръ, Бисмаркъ, Мольтке, Гладстонъ и др.

ГУМАНИСТЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ (со вступительнымъ очеркомъ): Ульрихъ, Ф.-Гуттенъ, Рейхлинъ, Эразмъ Роттердамскій, Джордано Бруно.

РЕЛИГИОЗНЫЕ РЕФОРМАТОРЫ (со вступительнымъ очеркомъ): Янъ Гусъ, М. Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ.

ВЕЛИКІЕ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛИ. I. Эволюціонисты (съ очеркомъ „Какъ строилась и развивалась теорія эволюціи“): Ч. Дарвинъ, А. Уоллесъ, Э. Геккель, А. О. Ковалевскій, Г. Спенсеръ. II. Физики и химики (съ очеркомъ „Физика и химія въ XIX столѣтіи“): Галилей, Гюйгенсъ, Ньютонъ, М. В. Ломоносовъ, Фарадей, Либихъ, Р. Майеръ, Гельмгольцъ, Д. И. Менделѣвъ.

ВЕЛИКІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И ГЕОГРАФЫ (съ очерк. „Какъ развивались наши познанія о землѣ“): Д. Ливингстонъ, Н. М. Пржевальскій, Г. Стэнли, П. А. Кропоткинъ.

ВЕЛИКІЕ ИЗОБРѢТАТЕЛИ (съ очеркомъ „Исторія путей и средствъ сообщенія въ XIX столѣтіи“): Уаттъ, Стеффенсонъ, Фултонъ, Морзе, Эдисонъ, Цеппелинъ.

ВЕЛИКІЕ ХУДОЖНИКИ (съ краткимъ очеркомъ „Исторія искусства до эпохи Возрожденія“): Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело, Рембрандтъ, Рубенсъ, Ванъ-Дейкъ.

Цѣна за 3 тома 6 р. Для подписчиковъ „В. Зн.“ и „Недѣли“ цѣна понижена до 3 р. 75 к. Въ изящныхъ, тисненыхъ золотомъ и краскою переплетахъ на 1 р. 30 к. дорожее: 7 р. 30 к.; для подписчиковъ 5 р. За пересылку прибавляется 50 к. (въ Сибирь и др. отдаленныя мѣстности соотвѣтственно дорожее). Крышки для переплетовъ высылаются и отдѣльно. Цѣна за 3 крышки 80 к.; пересылка ихъ 25 к.

В. В. БИТНЕР,

поощрения идей, волнующих образов, мир. Редакторы отодвинули и главн. сотрудники: акад. Бехтерев, В. В. Битнер, проф. Бозуль-де-Куртен, прив.-доц. Боровой, проф. В. А. Вагнер, проф. Васильев, проф. Вейсберг, прив.-доц. Генкель, В. Г. Голиков, проф. С. О. Грузенберг, проф. М. С. Грушевский, проф. Домина-Запольский, Н. П. Евстифьев, уч. агр. Елагин, проф. Жаков, проф. Зайнский, проф. Исаев, С. К. Исаков, прив.-доц. Кабанов, проф. Каптерев, проф. Н. М. Ковалевский, проф. Куляков, Е. Лазарев, проф. Лебединский, пр.-доц. Модестов, Ник. Морозов, А. Николаев, проф. Озеров, акад. И. П. Павлов, проф. Петражицкий, проф. де-Роберти, Н. Рубанский, проф. Ир. Скворцов, пр.-доц. Тимофеев, пр.-доц. Тотоминский, проф. Туган-Барановский, д-р В. Н. Цедербаум, д-р зоол. Чахоткин и др. В 1914 г. «В. Зн.» выходит в ДВУХ ИЗДАНИЯХ: первое — большое (включающее все статьи второго издания и снимки с картин — «Вечное искусство»), второе — дешевое, для читателей с начальным образованием.

52 №№ еженедельной
иллюстриров.
газеты-журнала

знаком со всемъ совершающимся на свѣтѣ и освѣщающей народи. нужды, не скрывая правды

а) Борьба за научную систему мироздания, б) Открытие закона сохранения энергии и материи, в) Учение о живом веществе; 2) ОБЩЕСТВО, ЦИ. Ф. Лассалья; 4) ЭВОЛЮЦИЯ, сь дополни. проф. Каптерева; ЧУДЕСА СОВРЕМЕННОЙ МЕД- цы; 7) ВВЕДЕНИЕ в ФИЛО- СОФИЮ ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ и в СУМЕРКАХ ЛИТЕРАТУРЫ ТВОРЧЕСТВА. Опера и музы- клость, портр. и рис., в 2-х томах Лебкова.

1-й (Историко-біографический) абонемент: 12 вып. (3 т.) иллюстр. біографической бібліотеки

2-й (Литературный) абон.: в 28 вып.
МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВЕЛИКІ ЛЮДИ,

XVIII—XX стол., К. Буссе (8 вып.), со многими
рисунк. и 32 отдѣльн. картин, и хромотипіями.

жизнеописанія знамен. людей съ обзорами, написанн. проф., съ отдѣльн. картин. и портр.

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
БѢЛИНСКАГО И ДОБРОЛЮБОВА.

ДВЕ ИСПОВЕДИ (в 3 вып.):
Л. Н. ТОЛСТОГО И Ж.-Ж. РУССО.

Оба эти собр. соч. в 5 т. (20 вып.) выйдутъ
подъ ред. и съ крит.-биографическ. статьями
В. Г. Голикова, съ рис., портр., автогр. и проч.

3-й (Естеств.) абон.: въ 16 вып.
БОГООТРЕЧЕНАЯ МОЛО

4-й (Историч.) абон.: въ 16 вып.
ИСТОРИЯ ЦИРИЛИЗАЦИИ

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТО-
РИЯ МИРОТВОРЕНИЯ,

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЪ АНГЛИИ, БОКЛЯ, ВЪ 2-ХЪ Т., И
ИСТОРИЯ УМСТВЕННОЙ

проф. Э. Геккеля, въ 2-хъ томахъ.

ИСТОРИЯ УМСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЕВРОПЫ

астрономич. картины на фонѣ исторіи человѣч. культуры, астронома

Дрэпера, въ 2-хъ томахъ. Оба эти

Олькотта. Оба сочин. роскошно
изданы со мног. рис. и 60 отдѣльн.
картинами и хромотипіями.

знаменитых произведения будут
впервые изданы со множеством
рисунк. и 60 отдельными картинами.

5-й (Беллетристический) абонемент:
КЛАССИКИ МИРОВОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

24 КНИГИ.
РАТУРЫ

Шекспиръ, Шиллеръ, Гете, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Жуковский, Грибоѣдовъ
(всѣ эти произв. въ духахъ божвостн)

серія ром., пов. и разск.: „Менэ... Текэл... Фарес...“, ром. в 3 ч. Ив. Наживина. „Камо глядеш“ Г. Сенкевича. „Борьба за право“ Францоza

"Робинзонъ Крузо", въ 2-хъ ч. Де-Фо, "На водѣ" и др. Мопассана, "Осада мельницы" и др. Э. Золя, "Оводъ" Войничъ и др.

**КАРТИНУ И. Е. РЪПИНА
17 ОКТЯБРЯ.**

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на первое изд. "Б. Зн." съ г-зетого "Неделя" и всёмо приложено 8 р., съ перес. 9 р. (при подпискѣ на два и болѣе абонемента приплачивается по 4 р. 50 к. за каждый лишний абонементъ), разсрочка отъ 3 р., за границу 12 р. Цѣна Второго и 3-го 60 к., съ перес. 4 р., разсрочка отъ 1 р. **ВЪЗМЕШЕ ВЫСЛА БЕЗПЛАТНО.**

Подписчики **ВТОРОГО** популярн. изд. „В. Зн.“ (цель годъ 3 р. 60 к., съ пер. 4 р., за грав. 6 р.) получаютъ 12 н. популярн. журн. „В. Зн.“, со статьями по литер., естеств. наук., историн, географин, сельск. хоз., техникѣ, медицинѣ и проч. и отдѣломъ „Помощь самообразованно“ подъ ред. Н. А. Рубанина. Въ иллюстр. прилож. ко втор. изд. будутъ даны: **ИСТОРИЯ МУЧЕНИКОВЪ** и **ГЕРОЕВЪ** прошлаго. **КОЛЫБЕЛЬ РУСИ** (о жизни нашихъ предковъ). **ФИЗИКА ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ**. **ХИМИЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ**. **ПОПУЛЯРНАЯ АСТРОНОМИЯ**. **УСТРОЙСТВО ДОМАШНИХЪ** и **НАРОДНЫХЪ ТЕАТРОВЪ**. **ЛЕГКІЕ ПЪСНИ** для домашн. свѣтлѣй. **СБОРНИКЪ** для **ДЕТЯНИХЪ** въ странѣ **ВЪСТРЕЧЕ** сѣм. **ОТРЕБЛЕНЫИ** ОБЩЕСТВ. **ДОМОУСТРОЙСТВА**. **КООПЕРАТИВЪ** и какъ имъ устраивать **ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗЕМЛЕДѢЛІЕ**, **ДОХОДНЫЙ ОГОРОДЪ**, **ДОМАШНИИ ОБХОДЪ**, **ПОПУЛЯРНУЮ ЗООЛОГІЮ**. Подписчики перваго изд. „В. Зн.“ могутъ получить эти приложенія за 2 руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., 40, Контора „ВѢСТНИКА ЗНАНІЯ“.
Типографія Кюгельгенъ, Гличъ и Ко., Спб., Екатеринбургскій пр., 87.